

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ.
ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ
ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ ТОМОВЪ ВЪ ДЕСЯТИ КНИГАХЪ.

КНИГА ШЕСТАЯ

Томъ 10 и 11.

ПЕРЕВОДЪ СДЪЛАНЪ со 2-го исправленнаго и дополненнаго изданія

подъ редакціей С. П. Зыкова,
дѣйствительнаго члена Императорскаго географическаго общества.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“ И К°
Большая Подъяческая, № 39.
1899.

Рисунки дозволены цензурою.

Оглавлениe шестой книги.

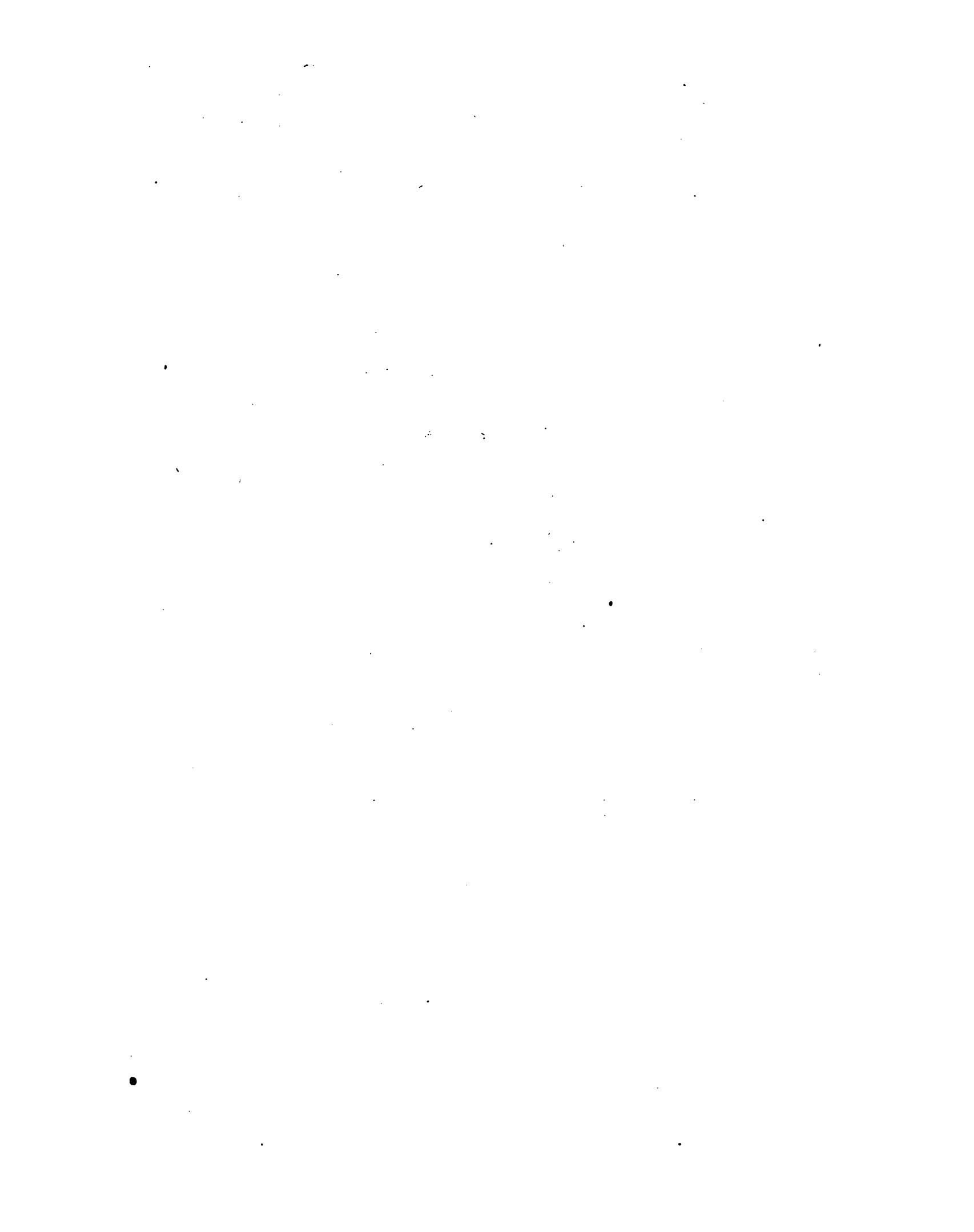
Томъ X.

СЪВЕРНЯ АФРИКА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СЪВЕРНЯ АФРИКА.—БАССЕЙНЪ НИЛА.

ГЛАВА I.		стр.	
Общий взглядъ.....	1		
ГЛАВА II.			
Бассейнъ Нила:.....	41	4) Бассейны рекъ Собать и Джаль.....	164
1) Рѣка.....	41	5) Эфиопія.....	175
2) Область большихъ озеръ.....	101	6) Собственно Абиссинія	182
3) Страна рекъ	132	7) Шоа, земля данакиловъ; съверный госу-	
		дарства галласовъ.....	267
		8) Верхняя Нубія	317
		9) Кордофантъ.....	375
		10) Дарфуръ.....	394
		11) Нубія.....	408
		12) Египетъ.....	443

Т О М Ъ X I.

СЪВЕРНАЯ АФРИКА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СЪВЕРНАЯ АФРИКА.—ТУНИСЬ.—АЛЖИРИЯ.—МАРОККО.—САХАРА.

ГЛАВА I.	стр.	ГЛАВА IV.	стр.
Триполитанія	1	Марокко	599
1) Барка.....	1	2) Социальное и экономическое состояние	
2) Оазись Ауджиль.....	31	Марокко	700
3) Оазись Куфра.....	37		
4) Берега большого Сирта и Триполи.....	44		
5) Фецданъ.....	87		
6) Гадамесъ.....	109		
7) Ратъ	121		
8) Правительство и администрация регентства Триполи	125		
		ГЛАВА V.	
ГЛАВА II.		Сахара	713
Тунисъ	127	1) Великая пустыня	713
		2) Тибести и Борку.....	728
ГЛАВА III.		3) Дорога изъ Фецдана на озеро Цаде. Оазисы Каварь	744
Алжирія	265	4) Джебель Ахаггар и окружающая плоскогорья, съверные туареги	750
		5) Туатъ	774
		6) Аиръ и плоскогорье Ауэллимиденъ	787
		7) Западная Сахара	796
		Географический гlosсарий Съверной Африки.	807

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

Элизе Реклю.

Томъ X.

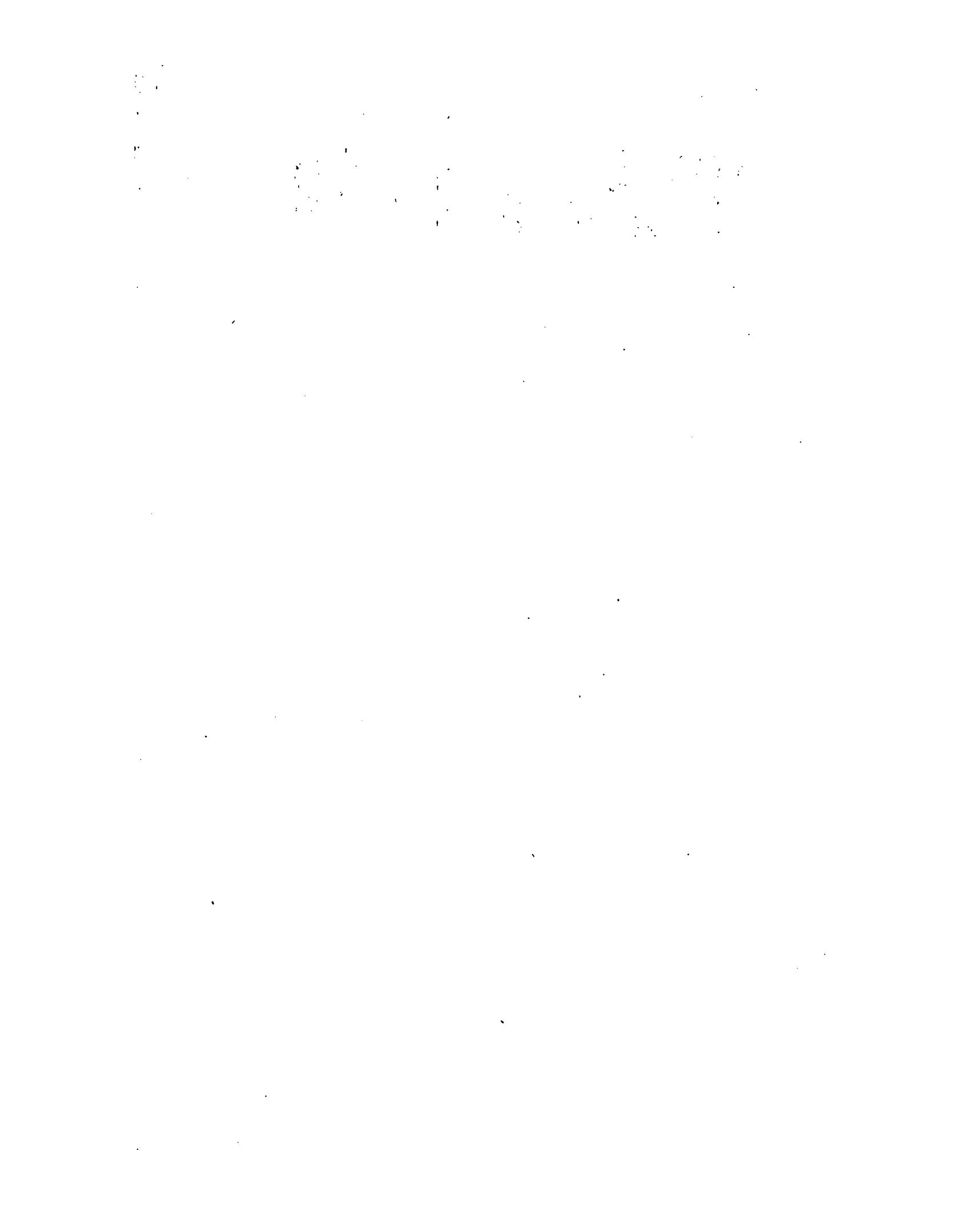
Съверная Африка.—Бассейнъ Нила.

Переводъ подъ редакціей С. И. Зыкова,
дѣйствительнаго члена Императорскаго географическаго общества

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Товарищества «Общественная Польза» и К°. Большая Подъяческая, 39.

СЪВЕРНАЯ АФРИКА.

Глава I Общій взглядъ.

Самое имя Африки показываетъ, что еще въ недавнюю эпоху этотъ материкъ не принадлежалъ къ извѣстному свѣту. Для грековъ эта земля была Ливией (название, произведенное отъ семитического слова, по-еврейски *Лубъ*, во множественномъ *Лубимъ*), съ невѣдомыми границами, простиравшаяся далеко къ странамъ юга и запада; они давали ей также, между многими другими наименованиями, не-предѣленный названія Эсхатія, или «Конецъ міра», и Гесперія, или «Страна запада»¹), которое служило также для обозначенія Италии, затѣмъ Испаніи, и, подъ арабской формой Магребъ, сдѣлалось именемъ Мавританіи. Что касается слова «Африка», прилагаемаго теперь ко всей совокупности континента, то происхожденіе его неизвѣстно. Есть ли это название древняго Карthagена, въ смыслѣ «Отдѣлившагося» или «Колоніи», и напоминаетъ ли оно такимъ образомъ о сюзеренной власти Тира финикийскаго (семитический корень *фарака* значитъ *отдѣлять, раздѣлять*)²? Слѣдуетъ ли видѣть въ немъ общее наименование берберовъ³, или наименование одного только народа⁴, авриговъ или афариковъ, имѣвшаго свой періодъ преобладанія? Какъ бы то ни было, Африка, названная такъ Энніемъ до второй Пуніческой войны, была сначала для римлянъ просто ливийской страною, соѣднею съ Ита-

ліей, тунисскимъ Теллемъ, именуемымъ еще и нынѣ Фригой⁵), и лишь мало-по-малу это имя сдѣлалось названіемъ всего континента, подобно тому, какъ Азія Кайстра постепенно разрослась до того, что включила въ себя Индію, Сибирь и Китай, или какъ въ Европѣ область Иль-де-Франсъ сообщила свое наименованіе всей Галліи. Быть-можетъ, сходство имени Африка съ именемъ одного миѳического героя, сына Геркулеса, «Чернаго» или «Дикаго», способствовало въ извѣстной степени тому, что этимъ именемъ стали обозначать «страну Чудовищъ», область столь долго неизвѣстную и грозную.

Отынѣ обслѣдованная на всей ея окружности, Африка, часть Старого Свѣта, имѣющая наиболѣе точныя границы, можетъ быть рассматриваема, какъ огромный островъ; только узкая полоса суши, шириной около 150 километровъ, соединяетъ Египетъ, землю африканскую, съ Аравіей и Палестиной, территоріями азиатскими. Да и самыи этотъ перешеекъ есть не что иное, какъ бывшее дно рѣчное и морское. На сѣверѣ земли его состоять изъ наводнений Средиземного моря; на югѣ онѣ были отложены Краснымъ моремъ, тогда какъ между двумя поясами морской почвы простираются остатки древней дельты Нила, который, быть-можетъ, сообщался съ Горданомъ, какъ отъ него можно заключить по сродству фаунъ. Суэзскій перешеекъ не существовалъ въ третичную эпоху, но другіе континентальные рукава соединили Египетъ съ Кипромъ и съ Сиріей, ибо

¹) D'Arzeac, *Esquisse g  n  rale de l'Afrique*.

²), Suidas;—D'Arzeac, цитированное сочиненіе;—Duteyrier, рукописная замѣтка.

³) Barth, *Reisen*, vol. I;—Egli, *Etymologisch-Geographisches Lexicon*.

⁴) Gaffarel, *L'Alg  rie*, p. 332.

Географія Реклю, т. X.

⁵) Duteyrier, рукописная замѣтка.

нигдѣ на поверхности земного шара не встрѣтишь двухъ близкихъ заливовъ, которые бы такъ рѣзко отличались другъ отъ друга животнымъ царствомъ, какъ заливы Суэскій и Газа¹⁾). Но если воды Индійскаго океана оставались совершенно отдѣленными отъ Средиземнаго моря со временемъ эоценового периода—развѣ что, можетъ-быть, соединялись мелководнымъ проливомъ въ потретичную эпоху,—то отнынѣ трудъ человѣка привель ихъ въ сообщеніе; благодаря его искусству, два потока смыываются во внутреннемъ портѣ озера Тимсахъ, и теперь самые бодыши корабли могутъ совершать плаваніе вокругъ всей Африки. Въ сравненіи съ южнымъ материкомъ, столь опредѣленно ограниченнымъ, двѣ другія части Старого Свѣта кажутся сливающимися въ одну: впадина, идущая вдоль восточного основанія Уральскихъ горъ, отъ Обской тубы до Каспійскаго моря, и Манычскій перешеекъ, между Каспіемъ и Понтомъ Эвксинскимъ, представляютъ географическія черты, не имѣющія, какъ раздѣльные поясы, той отчетливости очертаній, какою отличается морская борозда, проведенная изъ Суэза въ Портъ-Саидъ.

Однако, какъ ни точно ограниченъ нынѣ материкъ Африки, онъ не настолько отличается отъ Европы и Азіи, какъ это можно было бы думать, судя по очертанію его береговъ; даже некоторые изъ его странъ соединялись непосредственно съ землями, лежащими по другую сторону Средиземнаго моря. Было время, когда Гибралтарскій проливъ не существовалъ, и когда Атласъ соединялся расположеннымъ въ видѣ уступовъ цѣпями съ параллельными горами Сіерры-Невады: еще въ концѣ плюценового периода Тунисъ примыкалъ къ Сицилии и къ Италии широкимъ поясомъ земель, слабый обломокъ которыхъ составляютъ два малитійскіе острова; Греція была соединена обширными равнинами, орошамыми большими рѣками, куда приходили пять слоновъ и пырятъ гиппопотамы. Хотя отдѣленная отъ Испаніи и Италіи, съверо-западная Африка является еще по своей геологіи, равно какъ по своей естественной исторіи и своему климату, землей существенно средиземноморской, и составляетъ, вмѣстѣ съ противолежащимъ побережьемъ Европы, особую область,—по обѣ стороны Средиземнаго моря одни и тѣ же ископаемыя встрѣчаются въ древнихъ горныхъ породахъ; сходныя флора и фауна овладѣли нынѣ почвой. Страны мавританскаго прибрежья гораздо больше отличаются отъ Нигриціи, отъ которой онъ отдѣлены пустыней, нежели отъ Прованса, лежащаго по другую сторону большихъ водъ, какъ это говорилъ уже Саллюстій, что Африка, принимаемая въ узкомъ смыслѣ

Мавританіи, есть часть Европы. На востокѣ, європейскіе берега Краснаго моря также принадлежатъ къ тѣмъ же формациямъ, какъ и противоположные берега. Климатъ, произведенія, народы—все сходствуетъ по ту и другую сторону Бабъ-ель-Мандебскаго пролива, въ Європѣ и въ Іеменѣ.

Отличаясь массивностью контуровъ, Африка походить на два другіе материка юга, Южную Америку и Австралію, общимъ очертаніемъ своихъ береговъ. Она даже менѣе изрѣзана, чѣмъ соотвѣтственная половина Нового Свѣта, и не дополняется, какъ Австралія, цѣлой плѣядой большихъ и малыхъ острововъ, которыми усыпаны моря на сѣверѣ и востокѣ материка Новой Голландіи. Громадность размѣровъ способствуетъ тому, что африканскій континентъ имѣеть тяжеловѣсный видъ. Занимаемая имъ поверхность исчисляется въ 29.909.444 кв. километровъ, изъ которыхъ на материкъ приходится 29.283.390 кв. килом., а на острова 626.054 кв. килом., то-есть слишкомъ въ три раза превосходить пространство Европы, въ четыре раза пространство Новой Голландіи. А между тѣмъ протяженіе африканской береговой линіи значительно меньше, чѣмъ протяженіе европейской. Въ то время, какъ наша часть свѣта имѣеть не менѣе 31.900 километровъ морскихъ береговъ, не считая многочисленныхъ малыхъ изѣченій, гаковы, напримѣръ, фьорды Скандинавіи и подобные имъ заливы (*firths*) Шотландіи, въ Африкѣ длина береговой линіи составляетъ всего только 27.638 километровъ, и на этомъ протяженіи сколько пространствъ, гдѣ берегъ не вдается въ материкъ даже настолько, чтобы образовать своимъ изгибомъ простую бухточку! Въ цѣломъ ливійскій континентъ имѣеть форму эллипсоида, ориентированного по направлению съ сѣвера на югъ, и на которомъ приставлена на западѣ, отъ мыса Бона до Гвинейскаго залива, полуэллиптическая масса, съ контурами еще менѣе изѣченными. Двѣ черты всего болѣе видоизмѣняютъ массивную правильность контуровъ африканскаго материка: на западѣ—входящая дуга побережья, позволяющая водамъ Атлантическаго океана удвоить ширину ихъ бассейна, и на востокѣ—заостренный полуостровъ, оканчивающійся мысомъ Гвардафуй и затѣмъ снова появляющійся среди моря въ видѣ острова Сокотра или Сокотора. Этотъ выступающій берегъ восточной Африки, отдѣленный Аденскимъ проливомъ отъ песчаныхъ береговъ Гадрамаута, имѣеть точно такое же направление, какъ и юго-восточная оконечность Аравіи. Этой чертой своей конфигураціи, равно какъ своимъ климатомъ, этотъ полуостровъ Азіи кажется принадлежащимъ къ Африкѣ; это переходная земля, составляющая въ одно и то же время часть двухъ міровъ.

Правильность формы африканскаго материка

¹⁾ Neumayr, „Zur Geschichte des östlichen Mittelmeerbeckens“.

даетъ поводъ думать, что онъ представляетъ въ цѣломъ болѣшую простоту плана, что онъ отличается единствомъ своей архитектуры. Но на дѣлѣ этого нѣтъ. Европа, несмотря на разнообразіе своихъ безчисленныхъ изсѣченій, можетъ быть уподоблена организованному тѣлу, снабженному спиннымъ хребтомъ и членами; громадная Азія уравновѣшиваетъ свои равнины и полуострова вокругъ высшаго горба материка, «Крыши міра»; Сѣверная и Южная Америка имѣютъ на западѣ длинную цѣль Кордильеровъ, а на востокѣ обширныя рѣчные равнины, едва отдѣленыя одна отъ другой невысокими водораздѣльными порогами. Африка, въ сравненіи съ другими континентальными массами, является землей почти безформенной, землей, такъ сказать, зачаточной организаціи, безъ центральнаго массива и безъ правильныхъ покатостей. Однако, береговая горы, поднимающіяся въ восточной Африкѣ, параллельно побережью Индійскаго океана, могутъ быть, въ иѣкоторыхъ отношеніяхъ, рассматриваемы какъ составляющія, если не становой хребетъ, то по крайней мѣрѣ краевую цѣль континентальнаго хребта. Несмотря на широкіе проломы, где проходятъ рѣки Лимпопо, Замбези, Джуба, можно признать остатокъ горного вала въ совокупности цѣпи, начинаящейся на Мысѣ Доброй Надежды и продолжающейся на сѣверъ до Экіопскаго массива. Въ этомъ поясѣ краевыхъ горъ находятся высочайшия пики Африки, потухшіе вулканы Килиманджаро и Кенія, быть-можеть, тѣ самыя вершины, которымъ древніе давали название «Лунныхъ горъ». Къ западу отъ этихъ пиковъ тянется на плоскогорьѣ параллельный рядъ другихъ вулкановъ, изъ которыхъ иные, какъ говорятъ, понынѣ еще дымятся, а по другую сторону озера Ніанца третья цѣпь, доминируемая остроконечными вершинами, Мфумбира и Гамбарагара, образуетъ западный краевой хребетъ, водораздѣльную возвышенность между верхнимъ Ниломъ и притоками Конго. Въ этой области верхнее, представляющее какъ бы конецъ крыши, плоскогорье имѣетъ около 900 километровъ въ ширину. Оно оканчивается на сѣверѣ группой абиссинскихъ горъ, каменной твердыней, цоколь которой превосходитъ мощностью всѣ другія орографическія системы континента. Возвышенности Экіопіи лежатъ напротивъ возвышенностей Іемена и составляютъ, подобно этимъ послѣднимъ, часть бордюра, который опоясываетъ Индійское море и Великій Океантъ, отъ Мыса Доброй Надежды до мыса Горнъ, въ видѣ огромнаго полукруга, длиной около 40.000 километровъ, равнаго окружности земнаго шара.

Хотя Африка еще не вся изслѣдована, однако мы достаточно знаемъ ее, чтобы представить себѣ ея рельефъ въ главныхъ его чертахъ. Болѣе массивный, менѣе изрѣзанный въ своихъ

контурахъ, чѣмъ другія части свѣта, «черный материкъ» также менѣе изборожденъ внутри процессомъ размывающаго дѣйствія водъ: среднєе возвышеніе его земель превосходитъ среднєе возвышеніе Европы и Азіи, хотя онъ почти не имѣть горъ, равныхъ большимъ Альпамъ и Кавказу, ни одной горы, которая могла бы равняться съ Гималаемъ. Высота континента, рассматриваемаго какъ тѣло съ вертикальными боковыми плоскостями и съ горизонтальной поверхностью, исчисляется Шаванномъ по меньшей мѣрѣ въ 580 метровъ¹), по большей мѣрѣ въ 660 метровъ²), и, слѣдовательно, превосходитъ среднюю высоту Азіи. Линія, проведенная наискосокъ отъ береговъ Лоанды, па Атлантическомъ океанѣ, къ берегу Краснаго моря, между Суакимомъ и Массової, ограничиваетъ область, представляющую въ цѣломъ почти сплошную плоскую возвышенность, горные массивы которой стоять на доколяхъ, высотой отъ 1.000 до 1.500 метровъ. Бассейны Конго и Нила, соединяющіеся иѣкоторыми изъ своихъ притоковъ, промежуточные пороги которыхъ не определены, ограничиваются съ сѣвера и съ запада эту область плоскогорій, занимающую около трети материка. По другую сторону срединной впадины снова начинаются высокія земли, но съ менѣе выпуклымъ рельефомъ и гораздо болѣе раздѣленыя, чѣмъ возвышенности южной и восточной Африки. Одна изъ этихъ группъ возвышеній рельефа поднимается между Конго и Нигеромъ, другая между Ниломъ и озеромъ Цадѣ или Чадъ; среди Сахары высятся два острововидные массива Тибести и Ахаггаръ; на западѣ, закраина плоскогорій и горъ тянется параллельно побережью сѣверной Гвинеи и Сенегамбіи; наконецъ, горы Мавританіи, этотъ Атласъ, который древнія басни изображали богомъ, поддерживающимъ на своихъ плечахъ небесный сводъ, составляютъ въ Африкѣ особую систему, иѣкогда примыкающую къ цѣпямъ южной Европы. Къ югу отъ горныхъ цѣпей, лежащихъ противъ горъ Испаніи, ливійскій материки, взятый въ цѣломъ, можетъ быть сравненъ съ плоскостью, наклоненной по направленію къ сѣверо-западу.

Зачаточная форма, характеризующая совокупность континента, проявляется также въ его гидрографическомъ развѣтвленіи. Главныя рѣки Африки, врѣзывающіяся значительной своей частью въ толщу плоскогорья, имѣютъ по большей части теченіе неправильное и какъ бы недоконченное: онѣ перерѣзаны порогами и водопадами; долины ихъ узки и часто сводятся къ простымъ ущельямъ. Даже самыя многоводныя изъ нихъ сравнительно менѣе доступны судамъ, чѣмъ рѣки другихъ континен-

¹⁾ „Afrika im Lichte unserer Tage“.

²⁾ „Mittheilungen der geographischen Gesellschaft in Wien“, 1881.

твъ: въ этомъ отношении контрастъ полный между двумя частями свѣта, которая всего чаще сравниваютъ одну съ другой, между Африкой и Южной Америкой, ибо въ этой половинѣ Нового Свѣта рѣчныя устья имѣютъ видъ заливовъ, и впадающіе въ нихъ могутъ потоки широко открыты до самой подошвы Андовъ. Небольшая относительная длина судоходныхъ рѣкъ есть, безъ сомнѣнія, одна изъ причинъ, которыхъ, вмѣстѣ съ рѣдкостью береговыхъ острововъ, недостаткомъ гаваней и громадностью пустынь, способствовали тому, что Африка осталась въ сторонѣ отъ общаго движения торговыхъ націй. Три главныхъ, по длине течения рѣки: Конго, Джолиба или Нигеръ и Ниль, перерѣзаны порогами и водопадами, заграждающими доступъ въ многолюдныя страны, рѣчное развѣтвленіе которыхъ простирается на сотни миллионовъ гектаровъ. Конго и Ниль, зарождаясь въ области высокихъ плато, где скать еще не опредѣлился, проходятъ въ верхней своей части черезъ большія озера, которые смутное преданіе представляло прежде какъ внутреннее море, имѣющее огромную поверхность. Въ шестнадцатомъ столѣтіи португальские изслѣдователи имѣли нѣкоторое понятіе объ этой гидрографической системѣ; они рисовали въ центрѣ Африки болѣе озерныхъ бассейновъ¹); но, чертя контуры этихъ озеръ, опирались ли они на положительный свѣдѣнія, какъ это думаютъ многіе писатели, или, что, кажется, болѣеѣоятно, просто ограничивались копированіемъ древнихъ картъ²)? Какъ бы то ни было, португальцы, быть можетъ, подъ влияніемъ тѣхъ мистическихъ идей объ общемъ началѣ большихъ рѣкъ, которая преобладали въ Китаѣ, въ Индіи, въ Халдѣ, вѣрили въ существованіе одного истока или переплетающихся истоковъ для Нила, Конго и даже Замбези; но при этомъ допускали также, что воды проходятъ обширныя пространства подъ землей. Одна итальянская карта, гравированная въ половинѣ пятнадцатаго столѣтія, представляетъ треглавый Ниль, отдѣленный болѣшимъ пространствомъ отъ истоковъ первоначального ключа³). Впрочемъ, тотъ же самый Ниль перерѣзываетъ континентъ съ сѣвера на югъ: малой дельтѣ Египта соответствуетъ гораздо болѣе значительная дельта южной Африки.

Новѣйшие изслѣдователи, путешествуя въ самой странѣ, тоже подпадали подъ вліяніе этихъ традиціонныхъ идей; такъ, Спикъ начертія теченіе четырехъ рѣкъ, выходящихъ, будто-бы, изъ различныхъ частей озера Ніанца и по соединеніи между собой образующихъ Ниль, а Стэнли принималъ озеро Танганика за нача-

ло двухъ истоковъ; одного—спускающагося на съверъ къ Нилу, другаго—текущаго на западъ къ Конго. Впрочемъ, если великай рѣка, спускающаяся къ Средиземному морю, и рѣка, катящая свои воды къ Атлантическому океану, не изливаются черезъ одиа и тотъ же басейнъ, то по крайней мѣрѣ большая часть раздѣльного порога представляетъ лишь незначительное возвышеніе между двумя покатостями, и легкихъ колебаній почвы было бы достаточно, чтобы измѣнить направлениѳ того или другаго притока. Быть-можетъ, даже существуютъ на водораздѣльной линіи иѣкоторыхъ бассейновъ озера или болота съ двойнымъ истечениемъ.

Неоконченная форма рѣкъ центральной Африки, водопады, прерывающіе ихъ теченіе, озерные резервуары, разсѣянныя на плоскогорьяхъ, придаютъ центральнымъ областямъ ливійскаго континента нѣкоторое сходство съ сѣверными землями, какова, напримѣръ, Скандинавія. Но, понятно, въ странахъ крайняго сѣвера, которая еще въ недавнюю геологическую эпоху были покрыты льдомъ, двойная работа размыванія и сплочиванія почвы, производимая рѣками, едва только началась. Въ серединѣ Африки климатическая явленія, конечно, совершенно иная, чѣмъ на Скандинавскомъ полуостровѣ, и хотя нѣкоторые признаки позволяютъ предположить существованіе древнаго ледяного периода даже въ тропическомъ поясѣ¹), но длинные вѣка, протекшіе съ той отдаленной эпохи, должны были изгладить почти всѣ слѣды глетчеровъ и моренъ. Быть-можетъ, зачаточная форма рѣчныхъ бассейновъ зависитъ отъ совершенно другой причины: возможно, что климатъ, прежде гораздо болѣе сырой въ Сахарѣ, былъ несравненно суше въ восточныхъ областяхъ, на плато озера Нянца; дожди, падавшіе тамъ рѣдко, какъ теперь въ пустыняхъ Сахары и Калагари, не бороздили скаль рѣтвины и оврагами, не расширяли узкихъ долинъ, и впадины, занимаемыя нынѣ озерами, не могли быть заполнены постепенно отлагающимися наносами. Въ теченіе цикловъ нашей земли климатические поясы не-престанно перемѣщаются. Если въ нѣкоторыхъ странахъ дожди теперь обильнѣе, чѣмъ были прежде, то въ другихъ, напротивъ, они стали рѣже: такъ, бассейнъ Игаргара, въ сѣверо-западной Африкѣ, принадлежитъ къ одной изъ этихъ высохшихъ областей.

Къ востоку отъ Нила и страны большихъ озеръ, скать плоскихъ возвышенностей и горъ слишкомъ узокъ, чтобы рѣки могли тамъ развиться въ потоки значительной длины: Красное море получаетъ съ Египетскихъ горъ лишь уади съ временнымъ теченiemъ, а Индійскій океанъ

¹⁾ Luciano Gordeiro, „L'Hydrographie africaine au seizième siècle“.

²⁾ Lelewel, "Géographie du moyen-âge".

²⁾ Elia Lombardini, „Essai sur l'Hydrologie du Nil“.

¹⁾ Albrecht Penck, „Einfluss des Klima auf die Gestalt der Erdoberfläche“.

до южной части Мозамбикского берега, на пространствѣ около 4.000 километровъ, не имѣть иныхъ притоковъ, кроме рѣчекъ, тѣхъ лодки съ трудомъ плаваютъ между сѣвшими на мель стволами деревъ: таковы Джуба, Тана, Луфиджи, Ровума. Но къ югу отъ большихъ центральныхъ плоскогорій, устьянныхъ озерными бассейнами, рѣка Замбези, первая воды которой берутъ начало въ сосѣдствѣ западнаго берега, несеть морю избытокъ влаги съ очень обширной территоії, поверхность которой исчисляется въ 1.430.000 кв. километровъ, т. е. почти въ три раза больше Франціи. По количеству протекающей воды, Замбези занимаетъ третье мѣсто между африканскими рѣками, по длини же русла только четвертое. Южне, Лимпопо тоже катить значительную массу воды, тогда какъ Оранжевая рѣка, бассейнъ которой обнимаетъ площадь въ миллионъ слишкомъ квадр. километровъ, приноситъ южной Атлантике лишь незначительный остатокъ воды, выпавшей, въ видѣ дождя, въ овраги его верхняго бассейна. Болѣе обильныя рѣки, Кунеме и Коанца, слѣдующія одна за другой по направлению съ юга на сѣверъ, представляютъ относительно лишь незначительные потоки по размѣрамъ ихъ территоії истеченія; то же самое можно сказать о рѣкѣ Огове, которая беретъ начало на полуостровѣ, образуемомъ большими протокомъ Конго, на востокѣ Экваторіальной Гвинеи.

Вмѣстѣ съ Ниломъ, Замбези и Конго, Нигеръ или «Ниль Черныхъ» (т. е. чернокожихъ) есть одна изъ четырехъ главныхъ рѣкъ Африки. Еще въ началѣ пынѣшняго столѣтія Дюро-де-ла-Малль перечисляетъ причины, заставляющія его вѣрить въ соединеніе Нигера и Нила черезъ континентъ¹⁾). На многихъ старинныхъ картахъ «Ниль Черныхъ» представленъ вытекающимъ изъ того же озера, откуда выходитъ восточный Ниль, тогда какъ въ дѣйствительности главный истокъ Нигера находится совсѣмъ не въ центрѣ Африки, а въ сѣдствѣ западнаго берега, на горѣ Лома, на скатѣ Гвинейскихъ горъ. Истоки этихъ двухъ рѣкъ отстоятъ другъ отъ друга по малой мѣрѣ на 4.500 километровъ; разстояніе между ихъ ближайшими притоками опредѣляютъ въ 1.200 километровъ. Нигеръ не имѣть никакой связи съ гидрографической системой Нила: онъ принадлежитъ къ другой области, совершенно отличной отъ восточной Африки по формѣ и расположению ея плоскихъ возвышеностей. По другую сторону горъ, гдѣ берутъ начало Нигеръ и первые его западные притоки, нѣсколько рѣкъ: Понго, Ріо-Гранде и Гамбія изливаются въ лиманы прибрежья и, далѣе на сѣверѣ, Сенегаль, зарождающійся на той же покатости, какъ и Нигеръ, огибаетъ горы, чтобы достиг-

нуть Атлантическаго океана, переходя черезъ скалистые пороги водопадами. Это—послѣдняя многоводная рѣка африканскаго побережья въ сѣверномъ направлении. Отъ бара Сенъ-Луи до бара Розетты, на пространствѣ около 8.000 километровъ, встрѣчаются только уади, какъ Драа, къ югу отъ Марокко, или мелководная рѣчки, какъ Малуя, Шелифъ, Меджерда, въ Мавританіи. Такимъ образомъ распределеніе водъ на окружности африканскаго материка совершаются весьма неравномѣрно. Конго одинъ катить, вѣроятно, столько же воды, сколько всѣ другія рѣки Африки, взятыхъ вмѣстѣ, и въ тотъ же океанъ, съ другой стороны Гвинейскаго залива, изливается самый значительный послѣ него потокъ, Нигеръ. По объему протекающей воды Нилъ занимаетъ лишь четвертое мѣсто между двумя рѣками Африки.

Нѣкоторыя области континента представляютъ собою постоянно или временно замкнутые бассейны, въ которыхъ теряются воды, не находя себѣ выхода къ морю. Двѣ главныя впадины этого рода—впадина озера Чадъ на сѣверѣ и впадина озеръ Макаракари и Нгами на югѣ—лежать почти на равномъ разстояніи отъ нижнаго Конго, представляя такимъ образомъ симметричное расположеніе по обѣ стороны экватора. Самый обширный замкнутый бассейнъ, бассейнъ озера Чадъ или Цадъ, находится также въ сѣверной части Африки, болѣе обширной, чѣмъ южная: площадь двухъ пространствъ безъ истеченія соразмѣрна поверхности окружающей области съ океаническими покатостями. Эти два бассейна различаются, однако, своей исторіей, если правда, что впадина, заключающая озеро Чадъ, всегда была замкнутой¹⁾; въ предшествующую геологическую эпоху озерные резервуары Макаракари и Нгами соединялись съ рѣками Лимпопо и Замбези. Кроме центральной котловины каждая половина Африки имѣть свои пустыни, устьянныя второстепенными бассейнами, оазисами, воды которыхъ теряются въ пескѣ, перерѣзанныя временными потоками, или уади почти всегда пересохшими. Совокупность африканскихъ земель, не посылающихъ морю никакого избытка атмосферныхъ осадковъ, исчисляется Шаваниномъ почти въ 7 съ половиной миллионовъ квадр. километровъ, изъ которыхъ 1.400.000, то-есть около пятой части, лежать на югѣ отъ экватора.

Замкнутые гидрографические бассейны африканского материка:

Сѣверная Африка. Бассейнъ озера Чадъ, включая сюда Феде—1.820.000 кв. килом.; Игаргара—816.500; другіе бассейны и безводныя пустыни—3.362.600 кв. килом.

Южная Африка: Бассейнъ о. Нгами—785.000

¹⁾ *Géographie physique de la mer Noire, de l'intérieur de l'Afrique et de la Méditerranée*.

¹⁾ Henri Duveyrier, рукописные замѣтки.

кв. килом.; другіе бассейны и безводныя пустыни—642.400 кв. килом.

Межу пространствами безъ истечениі Сѣверная Африка заключаетъ нѣсколько котловинъ, уровень которыхъ теперь ниже уровня моря: это, вѣроятно, остатки заливовъ и проливовъ, принадлежавшихъ къ морямъ Средиземному и Красному, въ предшествовавшую геологическую эпоху. Самыи большія впадины этого рода—тѣ, которыя, кажется, составляютъ продолженіе малаго тунисскаго Сирта на югъ Алжира, и въ которыхъ прежде изливалась рѣка Игаргаръ, теперь высохшая, длиной теченія (1.300 километр.) превосходящая Лимопо. Другія котловины, лежащиа ниже морской поверхности, слѣдуютъ одна за другой между Ниломъ и Большими Сиртомъ, на югъ отъ плато Киренаки. У основанія горъ Эс-Сиртъ, на берегахъ Краснаго моря также видны глубокія водовмѣстилицы, поверхностная вода которыхъ испарилась до уровня гораздо болѣе низкаго, чѣмъ уровень сосѣднихъ заливовъ. Въ южной части континента нѣть такихъ прибрежныхъ бассейновъ испаренія.

Очень бѣдныи выступами и вырѣзками на береговой линіи, африканскій материкъ не имѣеть также почти на всей своей окружности островныхъ прилатковъ. По подводному рельефу, острова Средиземного моря принадлежать гораздо болѣе къ Европѣ, чѣмъ къ Африкѣ: Критъ связанъ съ Малой Азіей и съ Греціей; Сицилія, Корсика, Сардинія прилегаютъ къ Апеннинскому полуострову; Балеарскіе острова соединены съ берегомъ Валенсіи подводнымъ порогомъ; только островъ Джерба и иѣкоторые островки Малаго Сирта и мавританскихъ водъ отдѣлились вдоль африканскаго берега. На западѣ, на берегу съ двойкой кривизной, омываемомъ водами Атлантики, континентъ не имѣеть другихъ островныхъ отрывковъ, кроме скаль, банокъ и отмелей, каковъ, напримѣръ, архипелагъ острововъ Биссагосъ или Бихлао, которые небольшой слой иапосовъ или незначительное поднятіе почвы соединили бы съ твердой землей. Острова, лежащіе въ открытомъ морѣ: Мадера и Порто-Санто, Канарскіе, архипелагъ Зеленаго Мыса, отдѣленные отъ материка пучинами слишкомъ въ 1.000 метровъ глубины, представляютъ собою группы вулканическаго происхожденія, груды лавы и пепла, выдвинувшіяся надъ глубокими трещинами, на краю подводного цоколя, несущаго на себѣ все континентальное зданіе. Въ Гвианскомъ морѣ острова Аннобонъ, св. Фомы, Принципе, Фернандо-По и полуостровъ Камарапность также не что иное, какъ массивы изверженія, стоящіе на трещинахъ морскаго дна и сосѣднаго берега. Эта цѣль вулкановъ, расположенная по слегка вогнутой линіи, какъ другіе ряды огнедышащихъ горъ, въ Антильскихъ островахъ, на Зондскомъ архипелагѣ, въ

Алеутскомъ морѣ, есть продуктъ второстепенныхъ явлений, имѣвшихъ мѣсто послѣ образования Африки. На восточной сторонѣ континента тоже очень бѣденъ прибрежными островами. Маленькие архипелаги у береговъ Египта и Эс-Сиртъ въ Красномъ морѣ не что иное, какъ бахрома изъ коралловыхъ построекъ, доминируемая тамъ и сямъ вулканическими конусами. Единственные истинно-африканскіе острова Индійскаго океана—это земля Сокотра или Сокотра, составляющая какъ бы копье разорванного полуострова, оканчивающагося нынѣ притупленной стрѣлкой мыса Гвардафуй. Пемба, Занзибаръ и Мафія продолжаются параллельно побережью, какъ прежній берегъ, разломанный ударами волнъ. Коморскіе острова—вулканическаго происхожденія. Что касается большой островной массы—Мадагаскара, то она слишкомъ удалена отъ Мозамбика, чтобы ее можно было признать за африканскую землю: ближайшій къ материку мысъ этого острова отстоитъ отъ противоположнаго берега на 300 километровъ, а быстрое теченіе, идущее черезъ проливъ, еще весьма значительно удлиняетъ это разстояніе, такъ какъ невозможно переплыть проливъ, не будучи отнесенными силой течения къ югу: для обыкновенного судоходства Мадагаскаръ, такъ сказать, отодвинутъ вдвое далѣ въ Индійскій океанъ, чѣмъ было бы въ томъ случаѣ, если бы онъ отдѣлялся отъ Африки тихими водами. При томъ флора и фауна этого большаго острова доказываютъ, что онъ составляетъ часть особой области въ естественной исторіи. Жоффруа-Сентъ-Илеръ видѣлъ въ немъ независимую часть свѣта; послѣ него большинство зоологовъ смотрятъ на Мадагаскаръ, какъ на отрывокъ древней континентальной земли «Лемурія», которая заключала въ себѣ также гранитный архипелагъ Сесельскихъ острововъ, островъ Родригесъ, тоже кристаллическій, можетъ-быть также Цейлонъ и Малдивскіе острова, и которая простиралась до Целебеса, въ Австралию¹⁾.

Изъ всѣхъ частей свѣта, въ Африкѣ явленія климата представляются, въ среднемъ выводѣ, наиболѣе правильности: причину этого слѣдуетъ искать въ массивной формѣ континента и въ его положеніи на экваторіальномъ поясѣ. Въ области, ближайшей къ линіи равноденствій, на сѣверѣ и на югѣ, дожди падаютъ во всякое время года, благодаря встрѣчѣ пассатныхъ вѣтровъ, которые, нейтрализуя другъ друга, часто поддерживаютъ штиль въ атмосферѣ и позволяютъ мѣстнымъ парамъ сгущаться дома, не пускаясь въ дальнія странствія. На сѣверѣ отъ экватора, въ сѣверномъ полушаріи, до 15 градуса широты, простирается поясъ съ двойнымъ періодомъ дождей; лѣтомъ дожди льютъ

¹⁾ Alfred R. Wallace, „The Malay Archipelago“;—Oscar Peschel, „Neue Probleme der vergleichenden Erdkunde“.

тамъ очень обильно, когда юго-западные пас-
сатные вѣтры приносятъ, въ видѣ огромной
скатерти, тяжелыя тучи съ океана; черезъ
шесть мѣсяцевъ, когда сѣверныя земли погру-
зились въ зимній періодъ, а южныя вступили
въ періодъ лѣта, сѣверо-западные пассаты,
вторгаясь, въ свою очередь, на южное полуща-
ре, увлекаютъ туда также, въ видѣ воздуш-
наго моря, дождевыя облака. Но по обѣ сто-
роны тропического пояса, обнимающаго около
семи десятыхъ поверхности африканскаго ма-
терика, различе въ порядкѣ движенія вѣтровъ
имѣть слѣдствіемъ соотвѣтственный контрастъ
въ выпаденіи атмосферныхъ осадковъ. Тамъ
пассатные вѣтры держатся постоянно или лишь
съ слабыми временными варіаціями въ своемъ
нормальномъ направленіи; дуя съ сѣверо-
востока въ сѣверномъ полушаріи, съ юго-
востока въ южномъ, они увлекаютъ къ эква-
тору весь водяной паръ, примѣшивающійся къ
ихъ теченію; небо остается чистымъ, а земля
изсушенній. Такимъ образомъ, Африка имѣть
два пояса камней, гравія, мергелей, глинъ и
 песковъ, почти совершенно безплодныхъ: на
сѣверѣ — Сахару и Ливійскую пустыню, на
югѣ — Калагари и другія пустыни. Симметрія
климатовъ дополняется правильнымъ чередова-
ніемъ вѣтровъ и дождей, въ мавританской
зонѣ и въ зонѣ Мыса Доброй Надежды, кото-
рыя обѣ принадлежать къ области субтропи-
ческихъ дождей, падающихъ во время соотвѣт-
ственной зимы каждого полушарія¹⁾). Такимъ
образомъ, Африка разрѣзана, по направленію
съ сѣвера на югъ, на полосы поперемѣнно сѣ-
рыя и болѣе или менѣе густаго зеленаго цвѣта,
которыя, быть-можетъ, представляютъ обита-
телямъ другихъ планетъ видъ, подобный тому,
какой намъ являются параллельные поясы во
округъ Юпитера. Эти различные зоны влаж-
ности, предѣлы которыхъ совпадаютъ во многихъ
мѣстахъ съ изотермами, тинутся черезъ
континентъ настолько правильно, что Шаваннъ
могъ начертить ихъ карту. Африка точ-
нѣе раздѣлена на особыя области пустынями,
чѣмъ была бы раздѣлена широкими рукавами
моря или проливами, и распределеніе наро-
довъ совершилось тамъ почти единственно по
климатическимъ условіямъ, соразмѣрно обилію
дождей и зелени.

По своему животному и растительному цар-
ствамъ, такъ же, какъ съ точки зрѣнія геоло-
гіи и климата, сѣверная полоса Африки при-
надлежитъ къ переходному поясу съ Европой
и Азіей: кажущееся единство, придаваемое
этому материку его массивной формой, не про-
является въ совокупности явлений жизни. Кир-
енапка и все мавританско поморье на пока-
тости Атласа составляютъ часть средиземно-
морской области растительности, которая обни-

маеть также Испанію, Провансъ, Италію, Бал-
канскій полуостровъ и берега Малой Азіи и
Сиріи. Поясъ Сахары, простирающійся подъ
тропикомъ Рака черезъ весь континентъ, про-
должается въ Аравіи до Персидскаго залива,
и даже берега Белуджистана, Таръ, Райнъ,
полуостровъ Каттіаваръ въ Индіи, примыкаютъ
своими рѣдкими видами къ той же раститель-
ной области. Наконецъ, флора Іемена и Гадра-
маута походитъ на флору Нигриції: узкое Ара-
війское море было легко перейдено африкан-
скими сѣменами.

Характеристическимъ поясомъ раститель-
ности для Ливійскаго континента можно счи-
тать поясъ Судана и экваторіальныхъ областей,
который простирается отъ моря до моря и отъ
пустыни до пустыни, между Атлантикой и
Індійскимъ океаномъ, между Сахарой и Кала-
гари. Въ цѣломъ эта зона гораздо менѣе богата
растительными видами, чѣмъ другія страны
жаркаго пояса — Индія, Зондскіе острова, и
даже менѣе, чѣмъ разныя субтропическія об-
ласти, какъ, напримѣръ, Малая Азія. Однако,
нѣкоторыя центральныя области материка от-
личаются замѣчательнымъ разнообразіемъ ра-
стеній: такова земля, орошеная рѣкой Діуръ,
недалеко отъ водораздѣльной возвышенно-
сти между Ниломъ и Конго; въ продолженіе
пяти мѣсяціевъ ботаникъ Швейнфуртъ
собралъ тамъ около семисотъ видовъ явнообра-
зныхъ, чего невозможно было бы сдѣлать въ
богатѣйшемъ округѣ Европы. Наибольшая часть
тропической области Африки лежить въ полосѣ
періодическихъ дождей, и растенія выносятъ
тамъ длинный періодъ засухи. Вслѣдствіе этого,
древесная растительность нигдѣ не представ-
ляетъ столько мощи, какъ въ Южной Америкѣ,
развѣ только въ равнинахъ между Ниломъ и
Конго, на берегу нѣкоторыхъ рѣкъ, исчезаю-
щихъ подъ галлерейми изъ зелени, и въ со-
сѣдствѣ Бенинскаго залива, гдѣ атмосфера го-
раздо влажнѣе, чѣмъ внутри материка. Саванны
занимаютъ большое протяженіе пояса Судана;
правда, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ злаки и
другія травы растутъ массами, дотого густыми,
что животныя отказываются проникать въ эту
травяную чащу: въ нильскихъ болотахъ нѣкото-
рые виды нардовыхъ имѣютъ стебли, не дре-
ревинистые, достигающіе высоты въ 6 слиш-
комъ метровъ¹⁾; жирафы могутъ, съ поднятой
головой, находить убѣжище въ этой исполин-
ской травѣ и скрываться изъ глазъ охотника.
Различные злаки центральной Африки не пе-
ремѣшиваются, какъ травы европейскихъ лу-
говъ: на пространствахъ въ нѣсколько сотъ
квадр. километровъ почва сплошь занята од-
нимъ какимъ-нибудь видомъ. Съ нѣкотораго
расстоянія кажется, что видишь передъ собой

¹⁾ Josef Chavanne, „Afrikas Ströme und Flüsse“.

¹⁾ Werne, „Expedition zur Entdeckung des Weissen
Nils“.

поля, засеянныя какимъ-то хлѣбомъ съ гигантскими стеблями; ботаникъ издалека узнаетъ растительныя формы по цвету и волнообразнымъ движеніямъ массы, колеблемой вѣтромъ^{1).}

Колючія растенія пропорціонально очень многочисленны въ лѣсахъ суданской зоны, и говорить, что послѣ расчистокъ лѣса не возобновляются такъ же легко, какъ въ Южной Америкѣ; поля, заброшенныя неграми, долго не покрываются новой лѣсной порослью. Виды пальмъ болѣе рѣдки въ африканской флорѣ, чѣмъ во флорѣ другихъ тропическихъ странъ: Америка, Азія каждая имѣеть ихъ вдесѧтеро больши; но зато въ Африкѣ область распространенія господствующихъ породъ обширна, и число видовъ сравнительно значительне. Въ другихъ частяхъ свѣта экваторіальная области почти не имѣютъ лѣсовъ кокосовой пальмы, развѣ только на берегахъ Малабара, на островѣ Цейлонѣ, на берегахъ Караibского моря, тогда какъ въ Нигриціи пальмы *dumosa* (*hyphaens thebaica*), съ раздвоеннымъ стволомъ, и *delebii* (*bogassus fiabelliformis*), со стволомъ, утолщеннымъ къ серединѣ, встрѣчаются цѣлыми обществами или лѣсами, также какъ финиковая пальма (*phoenix dactylifera*) въ оазисахъ съверной Сахары; въ различныхъ областяхъ онѣ занимаютъ одной сплошной полосой пространства въ нѣсколько сотъ квадр. километровъ. Сравнительно съ числомъ своихъ видовъ, флора Нигриціи заключаетъ много деревьевъ, отличающихся ненормальнымъ развитіемъ ствола, листьевъ или плодовъ. Баобабъ замѣчательнъ громадностью своего ствола, который раздувается въ формѣ тыквы; иные бивоніи, напримѣръ *kiatelia*, имѣютъ плоды въ два фута длиной²⁾; одинъ видъ банановыхъ, *enseete* (*Musa ensete*), разстилаетъ огромные листья, самые большие, какіе только существуютъ въ растительномъ мірѣ. Въ восточной Африкѣ, на берегахъ Нила, не встрѣтишь дерева, которое не было бы поражено солнечнымъ ударомъ, и у котораго та или другая часть не была бы изсохшей: то бокъ коры, то вѣтвь или листва^{3).}.

Флора Калагари, къ югу отъ области тропической растительности, походить на флору Сахары; но южная пустыня не имѣетъ оазисовъ, и встрѣчающіяся тамъ кое-гдѣ орошаемыя мыста не осѣнены пальмами. Флора эта характеризуется колючими акаціями, мимозами, и, подобно флорѣ съверной Нигриціи, очень богата видами злаковъ; на съверѣ ея границъ встрѣчается въ нѣкоторыхъ, рѣдко увлажненныхъ дождями мыстностяхъ странное дерево *eseliochcia*, мимо котораго многіе путешествен-

ники проходили, не замѣтивъ его—такъ мало поднимается оно надъ почвой: закопавшись въ землю въ формѣ опрокинутаго конуса, оно выставляетъ на свѣтъ Божій только шероховатую площадку, шириной въ метръ слишкомъ, разстилая направо и налево двѣ съманодоли, похожія на изодраные кожанные передники и достигающія иногда болѣе пяти метровъ въ длину, послѣ столѣтнаго периода роста.

На восточномъ берегу Африки, переходъ отъ одной области растительности къ другой совершается съ большей постепенностью, чѣмъ на западномъ, гдѣ область пустыни Калагари рѣзко ограничиваетъ тропическую полосу; на востокѣ переходъ дѣлается нечувствительно на съверъ и на югъ, черезъ бассейнъ Лимпопо и Наталь; на берегу Индійскаго океана, омываемомъ теплымъ теченіемъ Мозамбикскаго пролива, южный предѣлъ пальмы проходитъ на 16 градусовъ вѣнѣ, чѣмъ на берегахъ Атлантики^{4).} Но въ цѣломъ растительность южной Африки, къ югу отъ Оранжевой рѣки, ясно отличается отъ формъ всякой другой области. Хотя страна не получаетъ дождей въ большомъ изобилии, и хотя геологическая формациія представляютъ тамъ мало разнообразія, однако флора Мыса Доброй Надежды, состоящая главнымъ образомъ изъ травъ, кустовъ, кустарника, есть единственная въ свѣтѣ по многочисленности перемѣшанныхъ видовъ: въ этомъ отношеніи съ ней не могутъ быть сравниваемы даже богатѣйшія страны Европы; нигдѣ горы не представляютъ на своихъ скатахъ больше растительныхъ формъ, расположенныхъ поясами, точно разграниченными линіями высоты. Невольно возникаетъ вопросъ: не есть ли флоральная область Капской земли остатокъ гораздо болѣе обширныхъ земель, поглощенныхъ моремъ, но растенія которыхъ могли почти всѣ найти себѣ убѣжище на относительно тѣсномъ пространствѣ, ограниченномъ на съверѣ бассейномъ Оранжевой рѣки? Такъ, островъ Мадагаскаръ сохранилъ въ большей части флору древнаго «лемурійскаго» континента; онъ заключаетъ болѣе сорока растительныхъ семействъ, исключительно ему свойственныхъ. «Открытие» Африки, затѣмъ вторженіе туда европейцевъ и семитовъ сопровождались введеніемъ множества новыхъ видовъ, которые во многихъ мѣстахъ оттеснили или даже истребили туземныя формы; но есть также растенія, область произрастанія которыхъ, повидимому, измѣнилась безъ вмѣшательства человѣка. Такъ, папирусъ былъ три тысячи лѣтъ тому назадъ однимъ изъ характеристическихъ растеній египетскаго Нила; въ настоящее же время его находить, по свидѣтельству Швейнфурта, только на верховьяхъ рѣки, въ сопѣдствїи экватора. Розовый лотосъ (*nelumbium speciosum*), распу-

¹⁾ *Parmi*; — *Hartmann*, „Reise durch Nordost-Afrika“.

²⁾ *Schweinfurt*, „Au cour de l’Afrique“.

³⁾ *Grisebach*, „Végétation du Globe“, trad. par *Tchihatcheff*.

⁴⁾ „Petermann’s Mittheilungen“, 1858, карта № 7.

етившийся цветокъ котораго былъ символомъ оживляющей рѣки, распространяющаго плодородіе солнца, благословляющаго божества, не цвететъ болѣе на водахъ Египта. На муміяхъ

всѣ эти растенія были экзотическіе виды, культивируемые въ садахъ: они, очевидно, жили на почвѣ, которая нынѣ не питаетъ ихъ¹⁾.

Что касается фауны, то Африка не имѣетъ

Видъ Нила со стороны острова Филэ.

въ некрополяхъ Верхняго Египта находять тирянды изъ цветовъ, гдѣ есть много видовъ, какъ, напримѣръ, дикий макъ и золототысячникъ *depressa*, недостающихъ въ наши дни вѣтной самородной флорѣ. Невѣроятно, чтобы

областей, столь же точно ограниченныхъ, какъ области флоры: переходя съ мѣста на мѣсто

¹⁾ Schweinfurth, „Nature“, jan. 31, 1884; — Fr. Lenormant, „Histoire ancienne de l’Orient“, t. II.

стъ большей легкостью, чѣмъ растенія, животные перешли во многихъ случаяхъ предѣль, начертанный растительности климатическими условіями. Правда, средиземноморская площадь растительныхъ видовъ совпадаетъ въ пло- щадью животныхъ формъ; Сахара тоже составляеть особую область какъ въ отношеніи животнаго, такъ и въ отношеніи растительного царства; но одни и тѣ же типы животныхъ господствуютъ во всей Нигриціи и на сѣверѣ колоніи Мыса Доброй Надежды: многіе виды млекопитающихъ и птицъ встрѣчаются отъ южной оконечности континента до береговъ Сенегала; нигдѣ горы и плоскогорья не достигаютъ такой высоты, чтобы могли препятствовать переходамъ животныхъ. Въ Африкѣ не горные хребты, а только широкія пустынныя пространства раздѣляютъ специальную фауны. Маскаренскіе острова и особенно Мадагаскаръ имѣютъ виды, исключительно имъ свойственные: это—независимые центры жизни; большой островъ Ова и Сакалава заключаютъ больше сотни животныхъ, не встрѣчающихся въ другихъ мѣстахъ. Но переселеній и завоеваній арабовъ и европейцевъ имѣютъ слѣдствіемъ прибавленіе новыхъ видовъ къ африканской фаунѣ, взамѣнъ тѣхъ, истребленію которыхъ они способствуютъ. Верблюдъ—животное, безъ кото- раго немыслимы караваны, переходящіе Сахару, безводную и бесплодную пустыню, какой она является въ наши дни,—былъ, однако, введенъ въ этой части свѣта уже въ историче- скую эпоху, ибо изображеніе его не встрѣчается на древнихъ памятникахъ Египта, ни на «писаныхъ камняхъ» прежнихъ берберовъ; это потому также, что Сахара не всегда была пустыней: драгоценныя эпиграфы, подтверждающіе текстъ Геродота, доказываютъ, что быкъ изъ бы- ли первыми выночными животными гарантами въ на- дорожъ изъ Фецаана въ отчество племени гау- са¹). Въ наши дни человѣкъ приходитъ въ со- провожденіи своихъ обычныхъ товарищъ и спутниковъ, каковы собака и лошадь, по крайней мѣрѣ въ тѣ областяхъ Африки, где онѣ мо- гутъ приспособиться къ климату. Когда американецъ Шалье-Лонгъ появился на конѣ при дворѣ короля Уганды, на плато верхняго Ни- ла, негры впали въ ту же самую иллюзію, какую испытали древніе мѣхиканцы при видѣ испан- скихъ всадниковъ: они вообразили, что видѣть передъ собой центавра, и когда чужеземецъ слѣзъ съ лошади, разбѣжалась въ стра- хѣ, полагая, что животное раздѣлилось на два различныя существа²). Наибольшее препятствіе заселенію Африки происходитъ отъ простой муки, цеце или *glossina morsitans*, ужаленіе которой убиваетъ лошадей, быковъ, верблю- довъ и собакъ, тогда какъ оно безвредно для

человѣка, для теленка, козы и дикихъ живот- ныхъ: предполагали, вѣроно или нѣтъ, что это смертоносное насѣкомое передаетъ чумный па- рывъ животнымъ, которыхъ оно жалитъ. Очень обыкновенная въ нѣкоторыхъ округахъ южной и центральной Африки, муха цеце не переходи- ть на сѣверѣ за Бахръ-эль-Газаль¹) и Сен- нааръ²); она неизвѣстна въ сѣверо-западной части континента. Другое двукрылое насѣко- мое, *donderobo*, наблюдаемое на югъ отъ горы Килиманджаро, не трогаетъ быковъ, но нападаетъ на ословъ, козъ и барановъ³).

Самый массивный изъ всѣхъ материковъ, Африка есть вмѣстѣ съ тѣмъ та часть свѣта, где живутъ самые большие звѣри, огромныя травоядныя млекопитающія, слоны, носороги разныхъ породъ, бегемоты, жирафы и другія животныя, питающіяся злаками и листьями. Тогда какъ Южная Америка отличается въ особенности своей растительностью, Африка превосходитъ всѣ другія части свѣта большими числомъ животныхъ видовъ, изъ которыхъ многіе еще не приручены и имѣютъ большие размѣры, чѣмъ подобныя же существа другихъ континентовъ. Однако, африканскій слонъ, отличающійся отъ индійского выпуклостью лба, шириной ушей и другими физическими при- знаками, меньше ростомъ и слабосильнѣе свое- го азіатскаго родича; но онъ рѣдко даетъ се- бя приручить. Попытки Гордона сдѣлать это животное домашнимъ и употреблять его для войсковой службы не увѣличались успѣхомъ. Въ этомъ отношеніи европейцамъ нужно еще открыть секреты, которыми обладаютъ пидусы и которые были извѣстны уже древнимъ, даже африканскимъ племенамъ южной части Маври- таніи, можетъ быть, говорить Дюверье, вакорамъ въ западной Сахарѣ. Атласскій левъ свирѣпѣе вавилонскаго; горилла—самая силь- ная и самая страшная изъ обезьянъ, зебръ—самый дикий изъ всѣхъ однокопытныхъ; ни американскій кайманъ или аллигаторъ, ни ин- дустанскій гавіаль не равняются размѣрами съ африканскимъ крокодиломъ, и изъ всѣхъ бѣ- гающихъ птицъ африканскій страусъ—самая большая и самая сильная. Въ отношеніи же животнаго царства Африка превосходитъ всѣ другія части свѣта не только числомъ и вели- чиной, но также многочисленностью видовъ: такъ, въ центральныхъ ея областяхъ путешественникамъ случалось видѣть обширныя равнинныя, покрытые на необозримое пространство стадами жвачныхъ, а Ливингстоонъ раз- сказываетъ, что онъ долженъ былъ отстранять рукой антилопъ, чтобы открыть себѣ проходъ черезъ несмѣтное стадо. Но истребительныя

¹⁾ Wilson and Felkin, „Uganda and the Egyptian Sou- dan“.

²⁾ Hartmann, „Naturgeschichtlich-medicinische Skizze der Nilander“.

³⁾ H. Duveyrier, рукописныя замѣтки.

охоты сдѣлали уже много пробѣловъ въ животныхъ населеніяхъ Африки, на берегахъ Нила и въ южныхъ областяхъ; высчитано, что для того, чтобы получить семьсотъ тысячъ килограммовъ слоновой кости, ежегодно ввозимыхъ въ Англію, нужно убить пятьдесятъ тысячъ слоновъ¹⁾). Многимъ видамъ этого огромнаго континента грозить опасность исчезнуть, какъ исчезли уже малый мавританскій слонъ и нѣкоторыя животныя формы на Маскаренскихъ островахъ въ Индійскомъ океанѣ. Площадь распространенія носорога обнимала прежде также юго-западную часть Марокко²⁾.

Въ первой половинѣ этого столѣтія европейскіе географы, зная на ливійскомъ материкѣ почти только пустынныя или малонаселенные мѣстности морскаго прибрежья, легко впадали въ преувеличенія относительно протяженія пустынь и охотно принимали за пустыни всѣ пространства, оставленныя на картахъ бѣльми. Думали, что общее число жителей доходитъ только до пятидесяти или шестидесяти миллионовъ, много-много что до ста миллионовъ. Съ этой эпохи были сдѣланы точныя статистики въ нѣкоторыхъ колоніяхъ или европейскихъ владѣніяхъ морскаго побережья; основанные на собранныхъ данныхъ исчисленія опредѣлили приблизительно населеніе нѣкоторыхъ мѣстностей, мало удаленныхъ отъ приморскихъ портовъ, и путешественники—число которыхъ увеличивается съ каждымъ десятилетіемъ—проходившіе внутреннія страны, вынесли оттуда по крайней мѣрѣ общія впечатленія, достаточныя для того, чтобы можно было причислить эти страны къ густо или слабо населенными. Есть области, где жители скучены столь же плотными массами, какъ въ Бельгіи. Въ нѣкоторыхъ плодородныхъ округахъ деревни слѣдуютъ одна за другой, въ видѣ непрерывнаго пояса жилищъ, который тянется на пространствѣ иѣсколькоихъ миль. Бассейны озера Чадъ и реки Джолиба, или Нигера, и почти вся территорія Нигриціи, къ югу отъ пустыннаго пояса Сахары, очень густо населены; точно такъ же часть области большихъ озеръ, дельта, берега Нила въ землѣ шилуковъ и страны, по которымъ протекаетъ Конго и его главные притоки. Общее населеніе африканскаго континента нужно считать приблизительно въ двѣсти миллионовъ человекъ. Около ста лѣтъ тому назадъ Пингертонъ и Вольней опредѣлили его въ тридцать миллионовъ; позднѣе Бальби остановился на цифре шестидесяти миллионовъ, которая долго была принимаема, какъ наиболѣе вѣроятная. Малопомалу изслѣдованія путешественниковъ по-

зволяютъ уменьшать долю гадательнаго въ этихъ приблизительныхъ цифрахъ. Но послѣднимъ свѣдѣніемъ, населеніе Африки простирается до 178.706.000 душъ.

Африку часто называютъ «чернымъ материкомъ», какъ будто всѣ ея жители—негры въ собственномъ смыслѣ, представляющіе типъ, подобный типу прибрежныхъ жителей экваторіальной Атлантики, такъ что наименование Беледъ-эсъ-Суданъ или Нигриція оказывается распространеннымъ на всю совокупность континентальной массы. Но настоящіе негры, хотя, можетъ быть, составляющіе большинство жителей Африки, не занимаютъ даже половины территории: другія области, на сѣверѣ, на югѣ, на востокѣ, принадлежать націямъ и племенамъ, отличнымъ отъ негровъ по физическому виду и группирующімъ въ особы расы и подрасы. Утверждали, что всѣ народы Африки, всѣ «потомки Хама», отъ берберовъ до готтентотовъ, происходить отъ одного первоначального корня, и что ихъ отклоненія отъ общаго типа или разновидности, представляющія постепенные переходы, составляютъ продуктъ приспособленія къ различнымъ средамъ¹⁾). Но это не болѣе, какъ гипотеза, которая не можетъ быть доказана, и наблюдателя особенно поражаютъ этическіе контрасты, первоначальные или производные, которые представляютъ, по направленію съ сѣвера на югъ, различные африканскія населенія. Между разными группами чернокожихъ—если возьмемъ только эту породу людей—различія костяного остава, мускулатуры, физиономіи, окраски кожи, также какъ разнообразія языковъ, составляютъ противоположности столь же рѣзкія, какътѣ, которыя отличаютъ бѣлолицыхъ европейцевъ желтоложихъ жителей восточной Азіи²⁾). Однако, классификація, предложенная этнографами, на основанії физического сходства и языковъ, имѣетъ еще лишь условное и временное значеніе. Есть очень много народцевъ, известныхъ почти только по имени, и которыхъ помѣщаются то въ одну группу, то въ другую: иногда приходится идти, такъ сказать, ощупью въ хаосѣ названий народцевъ, племенъ и родовъ, собранныхъ путешественниками въ разныхъ частяхъ Африки; въ одномъ случаѣ одно и то же имя приписывается двумъ различнымъ націямъ, въ другомъ различная наименованія, нанесенные на карты, какъ принадлежащія отдельнымъ населеніямъ, прилагаются къ одной и той же группѣ.

Средиземноморская область ливійскаго континента разнится отъ остальной Африки своимъ жителями, также какъ своей геологической исторіей, формой своего рельефа, флорой и фауной. Основу мавританскаго населенія

¹⁾ „Afrique dÃ©couverte et civilisÃ©e“. № 1, juillet 1879.

²⁾ H. Duveyrier, „Sculptures antiques de la province marrakech de Sods“; „Bulletin de la SociÃ©tÃ© de GÃ©ographie de Paris“, aoÃ»t 1876.

¹⁾ Antoine d'Abbadie;—Robert Hartmann, „Les peuples de l'Afrique“.

²⁾ H. Duveyrier, рукописная замѣтка.

составляютъ берберы (имазигены, имохаги), которые гораздо болѣе походятъ на европейцевъ, чѣмъ другіе африканцы: между ними есть много племенъ, гдѣ голубые глаза и блокуры или сѣверорусые волосы вовсе не рѣдкость, такъ что многіе склонны были видѣть въ нихъ—хотя это не вѣрно—потомковъ европейскихъ поселенцевъ. Вѣроятнѣе, что эти берберскія населенія—единоплеменники первобытныхъ египтянъ: возможно даже, что въ доисторическія времена одинъ и тотъ же этническій корень населялъ южную Европу и побережье Берберіи съ двухъ сторонъ Средиземного моря; подобно растительнымъ или животнымъ видамъ, населенія, можетъ-быть, имѣютъ отчасти общее происхожденіе. На югъ отъ Мавританіи берберы населяютъ также оазисы и долины горъ среди пустыни, и нѣкоторыя изъ ихъ племенъ, обозначаемыя подъ именемъ «мавровъ», обитаютъ даже къ югу отъ Сахары, на правомъ берегу Сенегала. Между берберами, различныхъ народцами,—какъ-то имохаги или туареги Ахагара и Азджера и имазиги или кабилы, то-есть «племена», преимущественно племена Марокко,—повидимому, чистой расы, но въ равнинахъ и особенно въ городахъ скрещиванія до безконечности видоизмѣнили типъ на тысячу ладовъ и породили помѣси, извѣстныя подъ разнообразнѣшими именами. Какъ въ Европѣ «маврская» кровь течетъ еще въ жилахъ андалузцевъ, жителей Мурсіи, Валенсіи и Алгарвій, такъ точно и въ Африкѣ финикияне, римляне, вандалы, испанцы, провансальцы, итальянцы, греки и французы оставили нѣкоторыя слѣды своего прохода или пребыванія, либо въ качествѣ завоевателей, либо въ качествѣ невольниковъ. Съ другой стороны, коренные чернокожіе Сахары и негры, привезенные съ юга во всѣ страны Берберии, разнообразно скрещивались съ берберскими племенами, въ то время какъ пришедшіе съ Востока завоеватели, называемыя «арабами» и смѣшанные съ сирійцами и восточными людьми всякаго происхожденія, прибавили новые элементы къ расѣ, уже столь смѣшанной. Дошло до того, что «арабами» стали называть большую часть мавританского населенія, которое на самомъ дѣлѣ заслуживаетъ это имя только по языку, традиціи завоеванія, религіи, да по нѣкоторымъ сомнительнымъ родословнымъ.

Въ бассейнѣ Нила раса тоже очень смѣшанная; но европейскіе элементы имѣли, черезъ турокъ, лишь весьма малую долю въ этихъ скрещиваніяхъ, тогда какъ семиты, арабы и другіе играли преобладающую роль въ образованіи многихъ населеній сѣверо-восточной Африки. Многіе историки дѣлали безусловное различіе, въ отношеніи первоначального происхожденія, между египтянами и прибрежными жителями Нила выше пороговъ: имъ каза-

лось, что обитатели трехъ египетскихъ провинцій, столь замѣчательныхъ по исторіи цивилизациіи, должны быть либо причислены къ семитамъ или арабамъ, либо рассматриваемы, какъ особая раса; они старались пріурочить ретовъ или ротовъ, т. е. древнія населенія нижняго Нила, къ корню прото-семитовъ, отъ котораго, будто-бы, произошли арабы¹⁾. Хотя аргументы, почерпнутые изъ гlosсологии, не имѣютъ абсолютной цѣны, однако, по общепринятому мнѣнію, «хамитическая» семья языковъ, заключающая въ себѣ языки древнѣ-египетскій, галла, берберскій²⁾, представляетъ, по своему строю, отдаленное средство съ идіомами семитовъ; но самое несомнѣнное родство древній египетской и происшедшій отъ него современной коптской языки имѣютъ, по мнѣнію ученыхъ, съ берберскими діалектами³⁾. Что касается типа ретовъ (рету или роту), воспроизведимаго типомъ нынѣшихъ феллаховъ, несмотря на скрещиванія и видоизмѣненія всякаго рода, принесенные временемъ, то онъ вовсе не семитический. Онъ не приымкаетъ также къ типу негровъ внутренней Африки. Безъ сомнѣнія, какъ это замѣтилъ уже Шамполонъ младшій, многіе египтяне походятъ на нубийскихъ барабровъ, которые, въ свою очередь, едва отличаются отъ беджасовъ⁴⁾. Путешественники, поднимающіеся вверхъ по Нилу, констатируютъ, что типъ сѣверныхъ феллаховъ приближается нѣчувствительными градациями къ типу южныхъ народцевъ, во это явленіе есть необходимое слѣдствіе смѣшанія расъ. Скрещиванія, переселенія, завоеванія, привозъ невольниковъ, пища, соціальная условія видоизмѣнили на тысячу ладовъ первоначальный типъ, то образуя смѣшанныя породы, то вводя между сосѣдними народцами разнообразнѣшіе контрасты въ отношеніи роста, цвѣта кожи, нравовъ, языковъ и политическихъ учрежденій.

Въ области большихъ озеръ и верхнихъ притоковъ Нила, различная группы народцевъ, какъ-то фунджи, шиллухи, бари, денка, являются представителями «негрскихъ» націй въ собственномъ смыслѣ. Негры далеко не представляютъ въ большинствѣ тѣхъ характеристическихъ признаковъ—черная, лоснящаяся кожа, толстые губы, выдавшіяся впередъ челюсти, плоское лицо, приплюснутый носъ съ широкими ноздрями, курчавые волосы,—которые, какъ обыкновенно думаютъ, составляютъ достоиніе всѣхъ африканцевъ. Даже нація монбутту, обитающая къ югу отъ ніамъ-ніа-

¹⁾ De-Rouge;—Ebers;—Maspero.

²⁾ Fred. M ller;—Fr. Lenormant, „Histoire ancienne des peuples d'Orient“;—R. N. Cust, „Sketch of the modern languages of Africa“.

³⁾ Ernest Renan, „Histoire des langues s mitiques“;—H. Duveyrier, рукописныя замѣтки.

⁴⁾ Hartmann, цитированное сочиненіе.

мовъ, между бассейномъ верхняго Нила и бассейномъ Конго, отличается почти свѣтлымъ цвѣтомъ лица, довольно густой бородой, прямымъ или орлинымъ носомъ, и между ними часто встречаются индивидуумы съ волосами непельного цвѣта: по исчислению Швейнфурта, эти негры-блондины составляютъ болѣе одной двадцатой всего племени монбутту. Быть-можеть, плотоядный образъ жизни, заключающій даже человѣческое мясо, способствуетъ до извѣстной степени сообщенію этимъ туземцамъ относительно свѣтлого цвѣта кожи; ибо наблюденія Антуана д'Аббади надъ эзопскими племенами, подтвержденныя многими другими путешественниками, установили тотъ фактъ, что масоидная населенія, даже населенія жаркихъ равнинъ, имѣютъ гораздо болѣе свѣтлый цвѣтъ лица, чѣмъ зерноядныя, даже когда послѣднія живутъ на большей высотѣ, на плоскогорьяхъ или склонахъ горъ. Негры, которые всего болѣе подходятъ къ традиціонному типу, популяризованному на сценѣ,—это прибрежные жители Атлантическаго океана: нигдѣ торговля невольниками не сдѣлала столько опустошеній, какъ между ихъ племенами, и ненависть господина, то-есть бѣлага, къ своему рабу испупляризовала типъ безобразія, въ большей части мнимый, который приписываютъ всѣмъ порабощеннымъ.

По словамъ физіологовъ, кровь чернокожихъ гуще, менѣе красна, чѣмъ кровь бѣлыхъ; она свертывается скорѣе и бѣется медленнѣе. У чернокожаго африканца, такъ же, какъ у желтокожаго азіата, чувствительность болѣе притуплена, чѣмъ у европейца: онъ менѣе страдаетъ отъ хирургическихъ операций и не подвергается въ такой же мѣрѣ опасности травматическихъ лихорадокъ; его нервная жизнь менѣе напряжена: онъ не волнуется, какъ бѣлый. Многія изъ болѣзней, опустошающихъ Европу, неизвѣстны или по крайней мѣрѣ рѣдки на африканскомъ континентѣ: ракъ, каменная болѣзнь, крупъ, зубная kostобода, лихорадки болотныхъ и тифоидныхъ—не негрскія болѣзни; но негры подвержены желчнымъ и кожнымъ болѣзнямъ: столбнякъ очень страшенъ для нихъ, и матѣйшая перемѣна климата подвергаетъ ихъ легочнымъ болѣзнямъ. Тамъ, где бѣлые и черные живутъ бокъ-о-бокъ, бичи дѣлить между собой смертность: желтая лихорадка уносить въ могилу бѣлыхъ, холера убиваетъ африканцевъ. Тоска по родинѣ также одна изъ самыхъ габельныхъ для расы болѣзней¹⁾). Сколько невольниковъ, умирающихъ съ глазами, обращенными къ родимой сторонѣ, гдѣ мать качала ихъ въ колыбели!

Часть Африки, лежащая въ южномъ полушиаріи, занята главнымъ образомъ племенемъ банту, различные народы котораго имѣютъ

сходный типъ и говорять нарѣчіями, происшедшими отъ одного общаго корня, какъ это указалъ Лихтенштейнъ уже въ началѣ настоящаго столѣтія. Кафры Наталя и колоніи Мыса Доброй Надежды принадлежать къ красивѣшимъ представителямъ этой великолѣпной расы банту, которая не уступаетъ приильскимъ барабрамъ въ отношеніи горделивости осанки и изящества движений. Но непосредственно въ сосѣдствѣ съ этими величавыми африканцами живутъ другіе туземцы, представляющіе совершенно иной и гораздо менѣе благородный типъ: это койкойны или готтентоты, малорослые, съ желтоватымъ, грушевиднымъ лицомъ, съ мало развитыми мускулами. Быть-можеть, эти народы, такъ же рѣзко отличающіеся отъ банту, какъ китайцы отъ аравійцевъ, представляютъ побѣженную расу, оттѣсненную мало-по-малу завоевателями въ южную часть континента; но гипотеза этого рода, кажется, гораздо вѣрнѣе въ отношеніи народцевъ «пигмеевъ», разсѣянныхъ на африканскомъ материкѣ. Таковы саны, извѣстные у голландцевъ подъ именемъ Boschjesmappen, т. е. «кустарниковые» или «лѣсные люди», а у англичанъ подъ именемъ бушменовъ (bushmen—значеніе то же самое), въ южной Африкѣ, доко въ Каффе, акка или тики-тики на берегахъ Узле, обояго въ области Огове. Говоря объ этихъ населеніяхъ маленькихъ людей и особенно о бушменахъ, антропологи высказали замѣчаніе, что если Африка страна большихъ человѣкоподобныхъ обезьянъ, гориллы и шимпанзе, то она также страна наиболѣе обезьяноподобныхъ людей: въ этой части свѣта, говорятъ они, переходъ между двумя формами первобытныхъ породъ наименѣе значителенъ. Въ этихъ маленькихъ людяхъ склонны видѣть слабый остатокъ первобытныхъ населеній (aborigenovъ), у которыхъ другая, болѣе сильная раса исторгла господство надъ территоріей¹⁾). Что касается жителей Мадагаскара, то изъ нихъ только часть можетъ быть причислена къ африканцамъ. Тамошнее населеніе гова—малайского происхожденія; оно прибыло, по всей вѣроятности, съ Суматры въ первые вѣка христіанства и такъ же, какъ растенія и животныя, свидѣтельствуетъ о географической независимости этого острова. Но на Коморскихъ островахъ языкъ африканскій.

Расовая гордость, отъ которой не свободны и историки, породила тотъ очень распространенный предразсудокъ, что будто африканцы не принимали никакого участія въ общемъ дѣлѣ цивилизаціи. Первый примѣръ, который обыкновенно приходитъ на умъ,—это примѣръ дагомейского короля, празднующаго «великій обычай» закланіемъ массы людей и наполненіемъ цѣлаго озера человѣческой кровью; или

¹⁾ Bordier, „Géographie médicale“.

¹⁾ O. Lenz, „Skizzen aus West-Afrika“;—Hartmann, „Völker Afrikas“.

въ воображениі рисуется образъ вооруженныхъ ордъ племени монбутту, которые бросаются въ битву, скрежеща зубами и оглашая воздухъ дикими криками: «мяса! мяса!» Но эти ужа-саящія картины не резюмируютъ исторіи Африки. Напротивъ, изученіе нашего собствен-наго прогресса не приводить ли насъ необ-ходимо къ бассейну Нила, на африканскую землю? Устремляя взоръ въ длинную перспек-тиву прошлаго, далеко за героической періодъ Греціи, гдѣ родилась наша культура специаль-но-европейская, мы восходимъ изъ вѣка въ вѣкъ до той эпохи, когда были воздвигнуты пирамиды, до той сѣйдѣ старины, когда первая соха распахала тучныя земли, оставленныя разливомъ Нила. Въ Египтѣ мы находимъ древнѣйшіе письменные памятники точной исторіи: права прибрежныхъ жителей великой рѣки на первенство, какъ цивилизаторовъ, были такъ прочно установлены, что сами элли-ны смотрѣли на нильскую страну какъ на об-щую колыбель человѣчества. Какова бы ни была доля участія элементовъ, образовавшихъ народъ, къ которому мы относимъ начало на-шего интеллектуального развитія, не подле-житъ сомнѣнію, что его цивилизація—афри-канского происхожденія; она возникла въ уз-кой плодоносной долинѣ Нила, между безплод-ной скалой и еще болѣе безплоднымъ пескомъ. Черезъ эту рѣку, выходящую изъ глубины континента, установились торговыя сношенія и взаимная вліянія, обмѣнъ произведеній и идей между различными частями Старого Свѣ-та. На западѣ другія страны съверной Африки должны были оставаться почти бесполезными въ смыслѣ посредниковъ, особенно до введенія верблюда на континентъ, такъ какъ онѣ были отдалены отъ населенныхъ областей Судана громаднымъ пространствомъ пустыни.

Со временемъ глубокой древности африканцы, даже вѣкъ Египта, принимали участіе въ побѣ-дахъ человѣчества надъ природой, какъ ското-воды или воздѣльватели почвы: мы обязаны имъ многими драгоценными культурными ра-стеніями, многими домашними животными. Съ африканского материка мы получили ту разно-видность сорго, которая, подъ именемъ дурры, сбѣтается на всемъ пространствѣ отъ береговъ Нила до береговъ Южнаго моря, и которая соперничаетъ съ пшеницей и рисомъ своей экономической важностью, какъ пищевой про-дуктъ. Африка же дала намъ другой видъ хлѣ-ба—финики: вѣроятно, суданцы или берберы первые изучили образъ жизни этой пальмы, растущей въ ихъ лѣсахъ въ дикомъ состояніи, и научились оплодотворять это дерево. По сло-вамъ Швейнfurta, дикая форма єёпскаго ба-нана, известная у ботаниковъ подъ именемъ *musa ensete*, была родоначальникомъ сотни разновидностей садового банана, плодъ кото-рого служить хлѣбомъ также во многихъ стра-

нахъ Америки. Къ этимъ тремъ растительнымъ видамъ, имѣющимъ первостепенную важность для питанія человѣка, ливійскій континентъ прибавилъ четвертый—кофейное дерево (на-звание отъ области Каффа), бобы которого треть человѣческаго рода считаетъ плодомъ по пре-имуществу и высоко цѣнить приготовляемый изъ нихъ напитокъ за его чудный ароматъ и свойство оживлять энергию. Цивилизованный міръ обязанъ африканцамъ также многими по-лезными домашними животными. Нѣкоторыя породы собакъ, кошка, сеннаарская свинья, хорекъ (африканскій) были приручены ими и сдѣлались товарищами человѣка; неграмъ же, можетъ-быть, мы обязаны козой, овцой, коро-вой; осель, этотъ терпѣливый и неутомимый слуга,—несомнѣнно африканского происхожде-нія. Еще недавно Африка вторично подарила португальцамъ цесарку, которую она еще въ древности дала грекамъ и римлянамъ, но по-рода которой впослѣдствіи вывелаась въ Евро-пѣ, снова впавшей почти въ состояніе варвар-ства въ періодъ среднихъ вѣковъ.

Даже по части искусствъ и промышленности Африка внесла свой вкладъ въ общее достояніе человѣчества. Грандіозные памятники Еги-пта, его дороги, обширныя сооруженія по ка-нализациѣ и устройству плотинъ, его богатыя ткани, мебель и домашняя утварь, драгоценныя украшенія, рѣзныя работы изъ дерева и ме-талловъ, тысячи вещей, находимыя въ его не-крополяхъ, были дѣломъ рукъ не однихъ толь-ко ретовъ, этихъ цивилизованныхъ африкан-цевъ, сосѣдей семитовъ: въ произведеніяхъ античной египетской индустріи часто узнаешь формы, встрѣчающіяся въ Нубіи, въ Абисси-ніи и даже въ Суданѣ¹). Полезнѣйшее метал-лургическое открытие—искусство плавленія и ковки желѣза возникло у жителей Нигриї²), такъ же, какъ и у халибовъ Малой Азіи, и нѣ-которыя дикія племена, именно бонго въ стра-нѣ Рѣкъ, очень остроумно устраиваютъ пла-вильныя печи. Правда, плавильщики и кузнецы должны довольствоваться самыми примитив-ными снарядами, но они пользуются ими съ удивительнымъ искусствомъ. Фаны въ области Огове выдѣлываютъ желѣзо такого отличного качества, что даже европейскіе заводы не съумѣли бы произвести подобнаго³). У боль-шинства африканскихъ племенъ кузнецы со-ставляютъ особую касту, и ихъ очень боятся, какъ колдуновъ, знающихъ искусство магіи. Въ Эоопіи, въ Сеннаарѣ, ихъ обвиняютъ въ томъ, что будто они по ночамъ оборачиваются въ гіенъ и другихъ хищныхъ звѣрей, чтобы

¹⁾ Hartmann, „Die Völker Afrikas“.

²⁾ De Mortillet, „Origine du fer“; — Hamy, „Congrès du Havre“, 1 sept. 1877.

³⁾ A. Wormann, „Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Hamburg“, 1880—1881.

бродить вокругъ селений и откапывать мертвыхъ тѣла.

Такимъ образомъ, посредствомъ земледѣлія и промышленности африканцы имѣли свою долю въ исторіи цивилизаціи; но ихъ прямое вліяніе во всемирной торговлѣ было ощущительно только въ Египтѣ и въ Мавританіи, на побережьяхъ Средиземного моря. Движеніе торгового обмѣна распространялось, правда, съ одного конца континента на другой, но распространялось медленно и черезъ тысячу посредниковъ: вмѣсто того, чтобы установиться въ видѣ правильнаго теченія, торговля подвигалась шагъ за шагомъ частными струями, подобно тому, какъ въ водной площиади частицы перемѣшиваются мало-по-малу, при чемъ движение жидкой массы остается незамѣтнымъ. Произведенія центральной Африки приходили въ Европу, но потребители ничего не знали о мѣстѣ ихъ происхожденія; на берегахъ Нигера туземныя населенія покупали манчестерскія нитки и бирмингамскіе гвозди, не зная, что ихъ рѣка впадаетъ въ море, и что существуютъ другія части свѣта за предѣлами ихъ материика¹⁾). Но не подлежитъ сомнѣнію, что уже тысячи лѣтъ во внутренней Африкѣ ведется очень дѣятельная торговля. До недавнаго времени караваны считались священными, неприкосновенными и безопасно проходили между двумя враждебными арміями, собирающимися сразиться на полѣ битвы²⁾. Коммерческий духъ такъ же сильно развитъ у многочисленныхъ племенъ Мавританіи, верхняго Нила и Судана, какъ у евреевъ и армянъ, и ихъ торговцы всѣ отличаются хитростью, стойкостью, неистощимой любезностью и умѣніемъ угодить покупателю, составляющими главныя качества торговой касты. Съ незапамятныхъ временъ раковинки каури (сургей монета) съ Малдивскихъ острововъ, замѣнившія другіе мелкіе предметы, какъ зерна дурры и разныя сѣмена, проникли, какъ мѣновой денежный знакъ, до западной Африки: ихъ привозятъ черезъ Калькутту и Лондонъ или черезъ Занзибаръ на берега Бенинского залива, откуда онѣ отправляются на главный рынокъ озера Чадъ³⁾). Но уже большинство африканскихъ народовъ употребляютъ ихъ только въ видѣ украшенія. Испанскіе шаастры и талеры Маріи Терезіи опережаютъ европейскихъ путешественниковъ въ большинствѣ неизвѣстныхъ областей внутренней Африки; даже одинъ народецъ, именно бонго, знай и самъ чеканилъ монету⁴⁾; куски желѣза въ дециметрѣ длиной, обмѣниваемые племенемъ фанъ въ Огове на

товары, тоже играютъ роль ходячей монеты. Но въ морской торговлѣ доля африканцевъ почти ничтожна. Если не принимать во вниманіе Александрию, которая по своему положенію на дорогѣ изъ Индіи въ Европу является существенно между-континентальнымъ портомъ, единственнымъ городомъ африканского материка, Кареагенъ, сдѣлавшійся цвѣтующимъ и могущественнымъ черезъ торговлю, былъ финикийская колонія, расположенная на мысѣ, протянутомъ, словно рука, по направленію къ Европѣ. Населенія изъ мореходовъ составляютъ рѣдкость на африканскихъ берегахъ: указываютъ только сомаловъ на восточномъ мысу материка и на краи круменовъ на атлантическомъ побережьяхъ. Но первые не переходятъ за черту Аденскаго пролива, гонимые отъ одного побережья къ другому по-перемѣннымъ дувовеніемъ пассатныхъ вѣтровъ; а крумены плаваютъ лишь въ сосѣствѣ береговыхъ лагунъ и лимановъ, никогда не пускаясь въ открытое море.

Со временемъ паденія Кареагена и упадка египетской цивилизаціи, важнѣйшимъ событиемъ африканской исторіи было нашествіе ислама. Ревностная пропаганда магометанскихъ миссионеровъ всего болѣе навербовала вѣрующіхъ на черномъ континентѣ. Простота мусульманского вѣроученія, ограничивающагося провозглашеніемъ догмата единаго, всемогущаго и вселагаго Бога, ясность правилъ, предписывающихъ прежде всего молитву и опрятность тѣла, символъ чистоты души, рвение проповѣдниковъ, обаяніе побѣдъ — все это соблазняло египтянъ, бишари, берберовъ и негровъ; изъ вѣка въ вѣкъ мусульманская территорія разрасталась все шире и шире, и теперь она обнимаетъ почти половину континента, отъ Суэзскаго перешейка до истоковъ Нигера и даже до береговъ Бенинского залива. Въ первые вѣка своихъ триумфовъ исламъ, принося въ то же время знанія, переданныя византійскимъ міромъ, воскресиль, такъ сказать, Египтѣ и Мавританію, далъ имъ новый періодъ цивилизаціи, и черезъ караваны Марокко, ставшаго складочнымъ мѣстомъ мусульманской Испаніи, сдѣлалъ городъ Тимбукту на Нигерѣ центромъ торгового и умственнаго движенія. Въ Нигриціи распространеніе магометанства тоже совпадаетъ съ важными политическими и соціальными перемѣнами. Образовались большия государства въ терраторіяхъ, которыхъ до того времени были раздѣлены между сотнями племенъ, жившихъ въ постоянной войнѣ другъ съ другомъ; нравы смягчились; чувство солидарности развивается между расами, прежде враждовавшими. Магометанство имѣть болѣе материальной связи на ливійскомъ континентѣ, нежели въ Европѣ и Азіи, где правовѣрные раздѣлены пустынями и морскими проливами: въ Африкѣ исламу принадлежитъ пространство

¹⁾ Winwood Reade, „The Martyrdom of Man“.

²⁾ Antoine d'Abbadie; — R. Thomassy, „Bulletin de la Géographie de Paris“, 1843.

³⁾ John E. Hertz, „Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Hamburg“, 1880—1881.

⁴⁾ Georg Schweinfurth, „Au coeur de l'Afrique“.

въ одномъ кускѣ, столь же обширное, какъ Европа, отъ береговъ Краснаго моря до береговъ Атлантическаго океана, и религія помогаетъ распространенію идей, нравовъ, обычаявъ и языка арабовъ. Теперь христіанство пытается оспаривать народы Африки у магометанской пропаганды; протестантскіе миссіонеры достигли нѣкотораго успѣха, особенно въ южной части материка. Но, въ сравненіи съ вѣстниками ислама, они имѣютъ ту невыгоду, что могутъ лишь мистически называть себя братьями прозелитовъ: проповѣдникъ «благой вѣсти» не выдастъ своей дочери замужъ за туземца, хотя бы даже обращенного въ христіанскую вѣру, и не вступить съ его дочерью въ законный бракъ; какъ бѣлый, онъ не хочетъ осквернять себя примѣсь черной крови. Онъ остается человѣкомъ другой расы и другой касты¹⁾.

Съ тѣхъ поръ, какъ Африка сдѣлалась чрезъ торжество ислама страной вѣры, въ ней не разъ появлялись пророки достаточно сильные, чтобы провозглашать священную войну. Во время вторженія войскъ первой французской республики въ Египетъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, одинъ *махди*, то-есть «вождь», возвышенный древними пророчествами, призывалъ своихъ единовѣрцевъ къ истребленію чужеземцевъ. Въ послѣднее время другіе маходи поднимали племена на западѣ противъ французовъ въ сенегаль, на востокѣ противъ турокъ и англичанъ въ Египтѣ, и фанатики въ сѣверныхъ странахъ, въ Алжирѣ, въ Триполи, сенуси, подготавляютъ эмиссаровъ, чтобы послыть ихъ на хожденіе изъ мечети въ мечеть съ цѣлью поддерживать ненависть къ невѣрнымъ²⁾. Въ Меккѣ самые ревностные пилигримы, тѣ, которые всего чаще впадаютъ въ религиозный экстазъ,—такруры или такариры, имя, подъ которымъ понимаютъ вообще негровъ западной Африки, хотя оно прилагается специально къ нигрицкимъ племенамъ, отъ Уада до Бури³⁾, и къ жителямъ страны Метамме, на сѣверо-западѣ Эхопіи: несмотря на трудности путешествія, тысячи такруровъ каждый годъ предпринимаютъ хожденіе къ святымъ мѣстамъ магометанства. Процессіи ислама въ западной Африкѣ являются не арабы, хотя языкъ, который они употребляютъ, и который въ Африкѣ служить главнымъ проводникомъ цивилизациі, есть языкъ пророка. Миссію эту выполняютъ нигрицкіе разныхъ племенъ: въ качествѣ торговцевъ или промышленниковъ, они обходятъ племена, обитающія на берегахъ Гамбіи, появляются даже въ странѣ ашантіевъ и въ Дагомеѣ, на Золотомъ бе-

регу и у Бенинскаго залива. Въ восточной Африкѣ, на берегахъ Индійскаго океана, пропаганда тоже очень дѣятельна, хотя большинство арабскихъ купцовъ, еще вчера бывшихъ негроторговцами, ни мало не заботятся объ обращеніи въ свою вѣру несчастныхъ, которыхъ они эксплоатируютъ. На противъ—они рады, если тѣ остаются язычниками, потому что это даетъ имъ право не навидѣть и обкрадывать ихъ, какъ язычниковъ; если бы они обращали невольниковъ въ свою вѣру, на нихъ лежала бы обязанность обходитьсь съ ними, какъ съ братьями. Но если купцы подвергнутъ попавшихъ въ ихъ руки туземцевъ обрѣзанію, хотя бы только затѣмъ, чтобы не пришлось Ѣсть мяса животныхъ, залоговыхъ не «чистыми» руками, то этого вѣнчанаго знака уже достаточно, чтобы прибавить такого якобы-мусульмана къ соинму вѣрюющимъ и такимъ образомъ увеличить силы ислама. Впрочемъ, нѣть недостатка и въ искреннихъ магометанахъ, которые, принимая близкость сердцу заповѣди корана, трудятся надъ освобождениемъ невольниковъ. Фелькинъ встрѣтился въ провинціи Бахръ-эль-Газаль одного купеческаго сына, который, сдѣлавшись, посль смерти отца, владѣльцемъ нѣсколькоихъ сотъ негровъ, немедленно отпустилъ всѣхъ ихъ на волю,

Но арабскіе негоціанты такъ же, какъ европейскіе купцы, еще недавно смотрѣли на чернокожаго, какъ на главную статью торговли, гораздо болѣе важную, чѣмъ зубы слона, хлопокъ, страусовая перья или пальмовое масло. Негры, къ несчастію для нихъ, самые покорные и самые преданные изъ слугъ. Антропологи не разъ указывали на то, что въ сравненіи съ бѣлыми негры представляютъ типъ существенно женскій. Послѣдніе имѣютъ вообще голое мягкое, бороду мало обросшую, суставы тонкіе, пальцы длинные, ногти розовые, кожу бархатную, мускулы округленные⁴⁾; по своей походкѣ и манерамъ, какова бы, впрочемъ, ни была ихъ физическая сила, они приближаются къ общему типу женщины. Они робки и любопытны, кокетливы и ревнивы, болтливы, большиe любители сообщать секреты, скоры на любовь и ссору, сопровождаемую примиренiemъ. У нихъ, какъ и у многихъ женщинъ, есть тотъ большой недостатокъ, что они находятъ удовольствіе въ повиновѣніи во что бы то ни стало и готовы жертвовать собой за тѣхъ, кто ихъ угнетаетъ и презираетъ. Какъ бы то было, фактъ тотъ, что со временемъ глубокой древности чернокожіе были наиболѣе цѣнныe изъ невольниковъ, и что между дарами или подарками, послыаемыми европейскимъ и азиатскимъ государямъ, всего благосклоннѣе были принимаемы тѣ, которые сопровождались африканскими плѣнниками. На черномъ континентѣ иѣть народа, который бы не имѣлъ своихъ

¹⁾ W. Blunt, „Fortnightly Review“, 1881.

²⁾ Henri Duveyrier, „La Confrérie musulmane de Sidi Mohamet ben'Ali es-Senoussi“.

³⁾ Cheykh Mohammed Evn-Omar El Tounsy, „Voyage au Darfour“.

⁴⁾ G. d'Eichthal;—Winwood Reade.

невольниковъ, а у многихъ племенъ половина населения состоитъ въ рабствѣ у другой половины. Военнооплѣнныя, на которыхъ смотрять какъ на товаръ, вымѣниваются на другія вещи или продаются съ публичнаго торга, чтобы идти работать въ полѣ господина; или чтобы увеличить собой число тунеядцевъ, окружающихъ могущественнаго начальника племени; или, какъ это, водится въ иѣкоторыхъ странахъ, чтобы быть заколотыми для жертвоприношенія въ честь фетишевъ или предковъ; или, наконецъ, какъ это въ обычаѣ у племени монбутту, чтобы быть изжаренными и съѣденными за торжественной трапезой. Однако, положеніе невольника обыкновенно не имѣть въ себѣ ничего жестокаго; часто онъ самъ отдается въ рабство, чтобы избѣгнуть голода, и если владѣлецъ нехорошо обращается съ нимъ, обычай позволяетъ ему перемѣнить господина: отрекаешься отъ своей свободы, рабъ вступаетъ въ новую семью, и дѣти его, рожденныя отъ свободной женщины, съ которой онъ сошелся бракомъ, становятся свободными, какъ и ихъ мать.

Нельзя скрыть факта, что влияніе европейской «цивилизациі» всего болѣе отягчило положеніе африканскаго невольника. Уже задолго до того времени, когда берега Гвинеи были открыты кораблями бѣлыхъ, и когда европейскія націи основали колоніи въ Новомъ Свѣтѣ, торговля невольниками открыто производилась въ Севильѣ и въ Лиссабонѣ. Впослѣдствіи, когда Португалія сдѣлалась обладательницей береговъ «черной» страны, этой обширной невольничьей лабораторіи, когда завоевателямъ двухъ Америкъ, испанцамъ, португальцамъ, англичанамъ, французамъ, голландцамъ, понадобились въ ихъ владѣніяхъ сильные работники, которые могли бы замѣнить собой истребленныхъ туземцевъ, тогда большая часть Африки была превращена въ громадный паркъ для охоты на человѣка, и имя «бѣлый» сдѣлалось синонимомъ людоїда, каковое значеніе оно и до сихъ поръ еще имѣть въ языкахъ галла¹⁾. На окружности континента существовалъ рядъ станцій, служившихъ складочнымъ мѣстами живаго товара. Португальцы отправляли въ Бразилію негровъ, изловленныхъ въ Анголѣ; Ямайка, Барбадосъ, Виргинія получали своихъ рабовъ съ Кель-Коста, Луизіана и французскіе Антильскіе острова вербовали своихъ каторжниковъ въ Сенегалѣ и на Невольничемъ берегу; Мина была главной кантонорой голландскихъ негроторговцевъ изъ Нового Амстердама; словомъ, каждої американской плантациі соотвѣтствовало невольничье депо въ Гвинеѣ. Высадившись на берегъ африканскаго материка, негроторговцы передавали сосѣднимъ начальникамъ племенъ свои заказы на поставку такого-то количества рабовъ; облавы устраивались въ окрестностяхъ; скоро требуемые способные къ работѣ люди, съ цѣпями на рукахъ и съ арканомъ на шеѣ, дефирировали передъ прѣжнимъ купцомъ, и уплата за этотъ живой товаръ производилась тканями, ружьями, порохомъ, мелкими стеклянными издѣліями. Извѣстны ужасы перевозки негровъ въ этихъ невольничихъ корабляхъ, гдѣ, ради сбереженія пространства, работогородцы натискивали живыя тѣла, какъ гробы въ склепѣ, и гдѣ тифъ, невыносимая жара и духота, жажда, иногда добровольная смерть дѣлали въ немногихъ дней такие широкіе пробѣлы. Нѣть возможности вычислить хотя бы приблизительно тѣ массы человѣческихъ существъ, которая погубила торговля невольниками, черезъ войны, которыя она породила на всей окружности Африки, эпидеміи, которыя она распространяла, возмущенія и поголовныя избѣженія, которыя были ея естественнымъ слѣдствіемъ. Милліонами и милліонами перевозились африканцы въ Новый Свѣтъ, а между тѣмъ цвѣтное населеніе, состоящее почти исключительно изъ мужчинъ, возрастало очень медленно; только въ этомъ столѣтіи установилось, наконецъ, равновѣсіе половъ въ ссыльной расѣ. Въ настоящее время число американцевъ чистой или смѣшанной породы, насчитывающихъ негровъ между своими предками, превышаетъ 25 милліоновъ, и въ этомъ числѣ есть еще полтора милліона неосвобожденныхъ. Но послѣ кровопролитной гражданской войны, которая окончилась въ Соединенныхъ Штатахъ освобожденіемъ чернокожихъ, эта старая форма рабства осуждена окончательно, и съ каждымъ днемъ послѣдніе ея оплоты, Бразилія и Куба, видѣть у себя постепенное уменьшеніе числа порабощенныхъ¹⁾. Въ самой Африкѣ это гнусное учрежденіе поражено на-смерть закрытіемъ заграниценныхъ рынковъ сбыта, и что бы ни говорили, число барокъ, арабскихъ или другихъ, которымъ удается, на берегахъ Индійскаго океана, форсировать блокаду, чтобы провезти невольниковъ, весьма незначительно.

Невольничіи суда, захваченные и осужденные на восточномъ берегу Африки:

Въ 1876—77 гг.—27 судовъ, съ 438 невольниками; въ 1877—78 гг.—15 судовъ, съ 60 невольниками.

Но есть еще много этого рода судовъ, которая успѣваютъ переплывать Красное море, преиѣбрагая англичанами Аденомъ, французами Обо-ка и итальянцами Ассаба, и еще десятками тысяч охота на человѣка считаетъ свои ежегодныя жертвы во внутренней Африкѣ. Во времена цвѣтущаго состоянія этой торговли, барыши негроторговцевъ стоили каждый годъ жизни

¹⁾ Léon des Avanchers, „Annales de la Propagation de la Foi“, 1858.

²⁾ на о. Кубѣ рабство отмѣнено въ 1880 г., а въ Бразиліи—въ 1888 г.

по меньшей мѣрѣ полмилліону людей. Въ сравненіи съ этой эпохой, уже отдаленной отъ нась, нынѣшній періодъ можно смѣло назвать вѣкомъ прогресса: невольничіи склады на африканскомъ побережїѣ не наполняются болѣе жертвами, и, какъ это было въ Новомъ Свѣтѣ, войны, поднятые работогорговцами, приводятъ къ упадку ихъ безчеловѣчнаго промысла.

Питаемая нынѣ другими товарами, помимо навольниковъ, торговля Африки имѣть болѣе легкія средства доставить своимъ агентамъ доступъ во внутреннія области страны и связать этотъ материикъ съ остальнымъ міромъ; при томъ и ресурсы, которыми теперь располагаютъ изслѣдователи, гораздо болѣе значительны, чѣмъ тѣ, которыми пользовались ихъ предшественники. Цѣлая армія путешественниковъ, избирая себѣ пункты атаки на окружности континента, идетъ на изслѣдованіе мѣстностей малоизвѣстныхъ или еще неоткрытыхъ, и въ числѣ этихъ отважныхъ волонтеровъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ въ Африкѣ съ начала настоящаго столѣтія, есть сотни такихъ, которые пускались въ путь, не имѣя иной цѣли, кромѣ успѣховъ науки и напередъ принося для нея въ жертву свою жизнь. Нашъ вѣкъ по справедливости можетъ гордиться тѣмъ, что произвелъ столько героеvъ, частю прославившихся, частю оставшихся безвѣстными, которые добровольно обрекли себя на всякаго рода лишенія и опасности, чтобы прибавить нѣсколько новыхъ чертѣ къ рисункамъ нашихъ картъ, нѣсколько новыхъ названий горъ, рѣкъ и народовъ къ номенклатурѣ нашихъ географій. Сколько этихъ смѣльчаковъ нашли смерть при исполненіи принятой на себя задачи! Г. Анри Дюверье, самъ принадлежащий къ числу этихъ отважныхъ изслѣдователей, наиболѣе прибавившихъ къ нашему запасу географическихъ знаній, составилъ «некрологическую» карту Африки¹⁾, где нанесены имена главныхъ путешественниковъ, которые въ періодъ времени съ 1800 по 1874 годъ были убиты фанатиками мусульманами, или погибли жертвой собственной неосторожности, или, наконецъ, не перенесли трудностей путешествія или вреднаго дѣйствія климата. Съ этой эпохи списокъ еще значительно увеличился; имена: Флаттерса и его спутниковъ, Шувера, Саккони и многихъ другихъ прибавились къ длинному мартирологу науки.

Въ исторіи африканскихъ открытій, также какъ въ исторіи всѣхъ другихъ завоеваній человѣка, прогрессъ не совершился непрерывнымъ образомъ: напротивъ, дѣло изслѣдованія подвигалось впередъ послѣдовательными скачками, иногда сопровождавшимися времененнымъ регрессомъ. Между первымъ путешествіемъ вокругъ Африки, о которомъ повѣствуетъ Ге-

¹⁾ „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, dico. 1874.

родотъ, какъ о событии, имѣвшемъ мѣсто въ царствованіе фараона Нехао¹), и подобнымъ же путешествіемъ, выполненнымъ португальцемъ Васко-де-Гама, протекло двадцать-одно столѣтіе, и въ этотъ длинный промежутокъ времени многія уже сдѣланыя открытія пришли въ забвеніе: географы пятнадцатаго вѣка были знакомы съ результатами древнихъ изслѣдованій во внутренней Ливіи лишь по неточнымъ таблицамъ Птоломея, который съ течениемъ времени, благодаря ошибкамъ переписчиковъ и воображенію комментаторовъ, сдѣлалъ еще болѣе неточными; пришлося снова открывать морскіе берега, уже извѣстные финикиянамъ, ибо Ганиокъ за тысячу девятьсотъ лѣтъ до португальцевъ доѣзжалъ до мѣстъ, лежащихъ южнѣ Сенегала, около Сіерра-Леоне²). Даже послѣ периода (плаванія вокругъ всего континента) Васко-де-Гамы и овладѣнія португальцами большей частю морскаго побережья, знакомство съ мѣстностями уже посѣщенными не разъ затѣмнялось, особенно благодаря зависи завоевательныхъ націй, которыхъ хотѣли сохранить для себя секретъ своихъ путешествій въ дальня и невѣдомыя страны. Теперь ученые разныхъ націй изъ патріотизма стараются утвердить каждый за своимъ отчетомъ право на первенство изслѣдованія африканскихъ земель, забытыхъ съ той поры. Кажется, можно принять за достовѣрное, что задолго до португальцевъ итальянскіе мореплаватели обслѣдовали наибольшую часть береговъ сѣверо-западной Африки и даже острова, сгруппированные въ архипелаги и лежащіе въ открытомъ морѣ. Портулантъ 1367 года, составленный венецианцемъ Марко Пиццигані и хранящійся въ пармской публичной библіотекѣ, даетъ всему африканскому побережью до мыса Бахадоръ общее очертаніе, согласное съ тѣмъ, которое найдено точными съемками новѣйшихъ моряковъ³). Съ своей стороны, діешвицы (во Франції) утверждаютъ, что ихъ предкамъ принадлежитъ слава основанія въ 1364 году «Малаго Діеппа», на Гвинейскомъ берегу⁴), и колонизаціи Канарскихъ острововъ въ 1402 году, подъ предводительствомъ французскаго морехода Жана де Бетанкуръ. Что касается португальцевъ, мореплавателей, которые первые проникли въ «Непроникаемое море» и озарили свѣтомъ «Темный Океанъ», то они тоже приписываются своимъ міссіонерамъ шестнадцатаго вѣка первенство главныхъ открытій, сдѣланныхъ въ это послѣднее время во

¹⁾ Геродотъ, книга IV, 42;—D’Avezac, „Esquisse g n rale de l’Afrique“

²⁾ Vivien de Saint-Martin, „Histoire de la G ographie“.

³⁾ Federico Bonola, „Soci t  de G ographie du Caire“, s ances du 20 mars et du 26 mai 1876.

⁴⁾ Estancelin, „Recherches sur les voyages des navigateurs normands en Afrique au del  de la Sierra Leone“;—D’Avezac, „Esquisse g n rale de l’Afrique“.

внутренней Африкѣ. Однако, долго спустя послѣ этихъ миссіонеровъ можно было читать на картахъ Африки имена народовъ «безъязы-

Въ наши дни географические архивы содержатся настолько въ порядкѣ и точности, что не допускаютъ никакихъ сомнѣній относитель-

Типы и костюмы нубийскихъ женщинъ.

кихъ» и «безносыхъ», ошищодактиловъ, то-есть «людей съ вывернутыми наружу пальцами», и «пигмеевъ, оспаривающихъ свою пищу у жур-равлей»!

но дорогъ, пролагаемыхъ путешественниками на черномъ континентѣ, и можно начертить, по крайней мѣрѣ приблизительно, съть пройденныхъ путей, которые увеличили сумму нашихъ.

знаний. Въ послѣднія сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ въ Англіи основалось въ 1788 году общество для изслѣдованія Африки, члены котораго нѣмец Гоннеманъ и шотландецъ Мунго-Паркъ были «первыми героями и первыми жертвами»¹⁾, этотъ материкъ былъ много разъ пройденъ на всемъ его протяженіи отъ моря до моря. Ливингстонъ, Камеронъ, Стэнли, Серпа-Пинто, Массари, Висманъ и Буонфачти совершили этотъ подвигъ, и десятками нужно считать путешественниковъ менѣе счастливыхъ, которые, однако, проникали внутрь страны на тысячи верстъ отъ порта высадки. Впрочемъ, не длиной пути измѣряется важность изыскавій, и многія путешествія, незначительныя по пройденному разстоянію, тѣмъ не менѣе отмѣчены въ географической исторіи континента. Уже можно было составить точныя и подробныя карты для нѣкоторыхъ областей морского прибрежья, каковы Мысъ Доброй Надежды, дельта Нила, Тунисъ, Алжиръ, отнынѣ соединенный съ Европой сигналами, блестающими отъ горы до горы черезъ Альмерійскій проливъ, и списокъ мѣсть, опредѣленныхъ астрономически, который обнимаетъ уже многія тысячи имёнъ, увеличивается съ каждымъ днемъ²⁾. Не проходитъ недѣли, которая бы не принесла намъ вѣсти о какомъ-нибудь новомъ географическомъ завоеваніи. Пройденные изслѣдователями пути пересекаются на картѣ такъ, что не оставляютъ многое пробѣловъ большого протяженія, и даже тамъ, гдѣ простираются еще неизвѣстныя области, мы знаемъ по крайней мѣрѣ участки долинъ, рѣкъ или горныхъ хребтовъ, которые облегчатъ изысканія будущимъ экспедиціямъ. Въ настоящее время самое большое пространство «невѣдомой земли», которое остается еще открыть въ Африкѣ,—то, которое тянется параллельно экватору на сѣверъ отъ Огове и Конго, между Серра де-Кристаль и горами Мумбира и Гамбарагара между Ниломъ и Конго: это площадь по малой мѣрѣ въ миллионъ квадр. километровъ, слѣдовательно, въ полтора раза превосходящая Францію и составляющая тридцатую часть континента. Но въ настоящую минуту эти невѣдомыя области уже атакуются путешественниками на многихъ точкахъ ихъ окружностей, и еще не такъ давно, въ декабрѣ 1883 года, черезъ путь по Конго сомкнулось послѣднее звено цѣпи гостепріимныхъ станцій, противупотъ отъ атлантическаго берега до береговъ Индійскаго океана. Такимъ образомъ дорога изслѣдованія перерѣзываетъ континентъ во всю его ширину.

Африка, конечно, была бы уже открыта на всемъ ея протяженіи, если бы все бѣлые, проникавшіе въ страну, умѣли быть справедливыми

¹⁾ Emile Banuing, „L'Afrique et la conférence géographique de Bruxelles“.

²⁾ H. Duveyrier, „Liste des positions géographiques en Afrique (continents et îles)“.

ми къ туземцамъ и тѣмъ самыми пролагать дорогу своимъ преемникамъ. Люди, которые проходятъ, дѣлая добро, какъ Бартъ, Спикъ, Ливингстонъ, Піаджія, Джессія, Швейнфуртъ, Эминъ-бей, уже самыми своими поступками оказываютъ покровительство всѣмъ тѣмъ, которые будутъ слѣдовать за ними: человѣкъ же буйный, грозящій или убивающій, дѣлаетъ то, что приходящіе послѣ него подвергаются опасности поплатиться головой за его дурное обращеніе. Но какъ бы ни было велико безкорыстіе людей, устремляющихся на научное завоеваніе неизвѣстныхъ странъ, туземцы, относящіеся къ недовѣріемъ къ иностранцамъ, видя въ нихъ какъ-бы авангардъ воинственныхъ экспедицій, не обманываются въ своихъ опасеніяхъ; совершенно вѣрно, что европеецъ, даже такой, который любить туземцевъ и умѣеть заставить ихъ полюбить его, есть въ извѣстномъ смыслѣ ихъ врагъ; онъ прокладываетъ дорогу преемникамъ менѣе безкорыстными, чѣмъ онъ самъ. Какъ часто честный изслѣдователь, пользуясь гостепріимствомъ въ краѣ, долженъ думать съ нѣкотораго рода угрызеніемъ совѣсти о той будущности, которую онъ приготовляетъ своимъ радушнымъ хозяевамъ: даже самъ того не желая, онъ приводитъ за собой купцовъ и солдатъ; онъ наперѣдъ предаетъ тѣхъ, которые оказываются ему такой дружелюбный приемъ. Чтобы извинить себя сколько-нибудь въ собственныхъ глазахъ, онъ долженъ говорить себѣ, что завоевательные войны и насилиственные присоединенія составляютъ лишь предварительные явленія сознательного и мирнаго союза между народами.

Наибольшая часть африканскаго побережья уже присоединена, какъ завоеванная территорія, къ европейскимъ государствамъ, и каждое новое изслѣдованіе во внутренней части материка позволяетъ солдатамъ, чиновникамъ и сборщикамъ податей проникать все далѣе впередъ. Торговля возрастає съ каждымъ годомъ; теперь одна только страна, Египетъ, производить болѣе обширные годовые торговые обороты, чѣмъ производилъ весь континентъ въ эпоху предшествовавшаго поколѣнія. Вѣшняя торговля Африки въ 1860 году простиралась до 943.025.000 франк.¹⁾). Въ 1895 года торговля одного Египта опредѣлилась по ввозу въ 218.140.000 франковъ, по вывозу въ 328.432.000 франковъ. Строятся дороги отъ береговъ моря къ внутреннимъ нагорьямъ; чтобы облегчить путь будущимъ экспедиціямъ, и даже желѣзодорожнымъ линіямъ, соединяясь съ нѣкоторыми приморскими портами, извиваются по оврагамъ, взираются на кручи горы и направляются къ центру материка, гдѣ онѣ и сойдутся современемъ. Къ этимъ первымъ

¹⁾ Ravenstein, „Introduction to Travels and Researches by Lewis Kropf“.

участкамъ, выходящимъ съ египетскихъ береговъ изъ Тувиса и Алжира, изъ Сенегала, съ Мыса Доброй Надежды и изъ Наталя, прибываются скоро другіе, на подобіе траншей, выкачиваемыхъ осаждающими вокругъ укрѣпленного мѣста. Въ самомъ дѣлѣ, Африку можно сравнить съ большой осажденной крѣпостью, и двѣsti миллионовъ людей, которые составляютъ ея гарнизонъ, раздѣленный на безчисленное множество ничтѣмъ не связанныхъ между собой и даже неизвѣстныхъ другъ другу группъ, заранѣе обречены на необходимость отворить ворота, т. е. впустить европейцевъ въ качествѣ завоевателей или въ качествѣ покровителей. Обладаніе внутренней частью континента должно неизбѣжно выпасть на долю тѣхъ, кто господствуетъ надъ моремъ и побережьемъ. Если бы даже по счастливому обороту фортуны, то или другое изъ государствъ центральной

Африки отвоевало на нѣкоторое время области на морскомъ берегу, то, въ качествѣ владѣтельной державы, оно было бы вынуждено тотчасъ же вступить, для защиты своего прибрежья, въ соглашеніе съ которой-нибудь изъ европейскихъ морскихъ націй, и самъ этотъ союзъ облегчилъ бы входъ на его территорію. Хотя еще не вполнѣ открытая, Африка, тѣмъ не менѣе, есть уже, съ политической точки зрѣнія, простая провинція Европы: открыть Суэзскій каналъ и дополнить такимъ образомъ блокаду Африки, эту часть свѣта вдвойнѣ отѣли отъ Азіи. Теперь на европейцахъ лежитъ обязанность привить африканскимъ народамъ новую цивилизацію, возвратить чернокожамъ, подъ другой формой, ту культуру, которую сами они получили отъ прибрежныхъ жителей Нила.

Глава II

Бассейнъ Нила.

Рѣка.

Спускаясь съ юга на сѣверъ и проходя въ нижнемъ своемъ течениѣ черезъ широко открытые равнины, Ниль, такъ сказать, наклоняетъ всю сѣверо-восточную Африку къ бассейну Средиземного моря. Дельта его соотвѣтствуетъ, несмотря на разницу формъ, другому устью, въ одно и то же время морскому и рѣчному, устью Дарданелль и Босфора, черезъ которое страны, орошамыя рѣками восточной Европы, тоже наклоняются къ Средиземному морю. Такимъ образомъ, какъ внутренній кругъ, вписаный въ другомъ, болѣе обширномъ кругѣ, развертывается въ центрѣ Старого Свѣта поясь прибрежныхъ земель, образующій какъ бы отдѣльный макрокосмъ и насчитывающій въ числѣ городовъ, блистающихъ въ исторіи, такие, какъ Мемфисъ, Александрия, Иерусалимъ, Тиръ, Антиохія, Эфесъ, Мильтъ, Смирна, Асіны, Константинополь.

По длине теченія Ниль—одна изъ величайшихъ рѣкъ земного шара, и между племенами, обитающими на его берегахъ, многія вѣрятъ, что міръ раздѣленъ на двоє этой рѣкой, мненческимъ амѣемъ, обвившимся вокругъ свѣта и кусающимъ свой хвостъ. Онь несомнѣнно пре- восходитъ всѣ другіе большие потоки восточной

группы материковъ, даже Янцзянъ и три главныя сибирскія рѣки; по протяженію онъ стоитъ выше даже Амазонской рѣки и уступаетъ, вѣроятно, только одной Миссouri-Миссисипи. Вотъ для сравненія длина самыхъ большихъ рѣкъ земного шара: Миссouri-Миссисипи—7.052 килом.; Ниль, съ верхнимъ притокомъ о. Ніанца—7.000 килом.; Амазонка съ Агуриамакомъ—6.000 килом.; Иртышъ-Обь—5.685 килом.; Селенга-Ангара-Енисей—5.500 килом.; Витимъ-Лена—5.465 килом.; Янцзянъ—4.650 килом.

Впрочемъ, намъ еще не извѣстна съ полной достовѣрностью главная рѣка, впадающая въ большое озеро Ніанца и образующая верхнее теченіе Нила; быть можетъ, эта рѣка болѣе значительна, чѣмъ обыкновенно думаютъ, и извилины ея теченія даютъ совокупности рѣчного ложа, отъ истоковъ, находящихся въ южной Африкѣ, до береговъ Средиземного моря, длину еще большую, чѣмъ длина американской рѣки. Протяженіе Нила, измѣряемое только отъ озера Ніанца, 6.270 километровъ; по прямой линіи, слѣдя по меридіану, вправо и влѣво отъ котораго извивается долина Нила, разстояніе отъ озера до моря составляетъ 31 съ половиной градусовъ, то-есть около 3.500 километровъ; но, можетъ быть, нужно спуститься еще на 5 слишкомъ градусовъ къ югу отъ экватора и на 2 градуса къ востоку отъ

истока озера, чтобы найти первыя воды Нильского бассейна. Извилины русла удлиняютъ рѣчное течеиіе болѣе, чѣмъ на три четверти¹⁾. Въ отношеніи поверхности бассейна Нилъ стоитъ ниже двухъ американскихъ рѣкъ, Амазонской и Миссюри-Миссисипи; по приближительному начертанію нашихъ картъ Африки, онъ почти равенъ Конго по протяженію площаи истечения; за исключеніемъ средней части его течеиія, между землей племени макрака и Эвіопіей, боковыя его покатости имѣютъ небольшую ширину.

Приблизительная площаи рѣчныхъ бассейновъ:

	Кв. килом.
Амазонка	7.000.000
Миссисипи	3.496.000
Нилъ	3.350.000
Конго	3.200.000

Наконецъ, сухость климата въ большей части странъ, черезъ которыхъ протекаетъ Нилъ, не позволяетъ ему сравниться, въ отношеніи объема жидкой массы, съ другими главными рѣчными артеріями земного шара. По таблицѣ, показывающей приблизительную количества несомой рѣчными течеиіями воды, Нилъ занимаетъ, вѣроятно, двадцать седьмое мѣсто между главными рѣками Старого и Нового Свѣта. По исчислениіямъ инженеровъ, Атрато, впадающій въ Карибское море, близъ Панамскаго перешейка, и составляющій какъ бы противовѣсъ великой африканской рѣкѣ, катить болѣе значительную массу воды, хотя бассейнъ его почти въ сто разъ менѣе.

Общий скатъ почвы, отъ плоскогорій центральной Африки до береговъ Средиземного моря, совпадаетъ съ долиной Нила; однако, области, проходимыя этой рѣкой, единствено ей обязаны своимъ географическимъ единствомъ. Возвышенности внутренней Африки, устьянныя озерами; болотистыя пространства, гдѣ главные юго-западные притоки соединяются съ Бѣлымъ Ниломъ; цитадель горъ, занятая эвіопами; Кордофансъ, окруженный пустынами; пустыни Нубии; узкая и извилистая долина Верхняго Египта, наконецъ зеленѣющая равнина, гдѣ развѣтвляются рѣчные рукава прежде, чѣмъ соединиться съ Средиземнымъ моремъ,—всѣ эти страны представляютъ совершенно отдѣльныя, самостоятельныя географическія области, и исторія ихъ имѣла бы чисто мѣстный характеръ, если бы Нилъ и его притоки, извиваясь отъ одной страны къ другой, не связали ихъ своими серебристыми нитями. Только благодаря рѣкѣ, берега нижняго Нила заселились колонистами нубійскаго происхожденія, и древняя цивилизациѣ Египта распространилась иѣ-когда вверхъ по течеиію до Мероа и даже далѣе; точно также частыя войны свирѣпствовали

между землями и обитателями равнинъ именно изъ-за обладанія притоками Нила, и въ теченіе этого столѣтія каирскіе вице-короли и хедивы дѣлали постоянныя усиленія, чтобы присоединить къ своимъ владѣніямъ весь бассейнъ верхняго Нила вплоть до большихъ озеръ и водораздельной возвышенности. Естественныя дѣленія между прибрежными народами отмѣчены на этой длинной водной артеріи съверо-восточной Африки порогами водопадовъ и сліяніями рѣкъ. Поэтому нужно прежде всего изучить рѣку, которая создала исторію этихъ странъ.

Древніе говорили, что Нилъ беретъ начало въ «Лунныхъ горахъ», и дѣйствительно, въ У-Ніамуэзи, или «Странѣ Луны». англичанинъ Спикъ видѣлъ самые южные притоки озерной системы, откуда выходитъ Нилъ. Но между этими притоками есть ли такой, который бы можно было по длини его течеиія, если не по обилию его воды, признать за главную вѣтвь великой африканской рѣки? Поиски этой «головы Нила» и теперь еще продолжаются; какъ во времена Лукана, и въ наши дни никто еще не можетъ похвалиться, что видѣлъ зародышъ Нила, по крайней мѣрѣ тѣ, которые живутъ на сего берегахъ, не знаютъ его исторической роли. Судя по картамъ, которая были составлены на основаніи путевыхъ журналовъ Стенли, Пирсона, Смита и французскихъ миссионеровъ, казалось, что Мвару (Ливумба, Лувамбе), бѣрущій начало къ югу отъ пятаго градуса съверной широты и текущій на съверъ, затѣмъ на съверо-западъ къ озеру Ніанца, и есть истинный Нилъ «Луны», по крайней мѣрѣ по отношенію длины русла; но если барометрическія высоты, сообщаемыя изслѣдователемъ Пирсономъ, точны, то невозможно, чтобы эта рѣка впадала въ озерный бассейнъ, такъ какъ она, течетъ на менѣшей высотѣ. Съ другой стороны, она не могла бы направляться на западъ, къ озеру Танганика, такъ какъ она отдѣлена отъ послѣдняго порогами около 150 метровъ высоты¹⁾, и многочисленные путешественники должны бы были переходить ее; значитъ, она, вѣроятно, теряется въ какомъ-нибудь испаряющемся бассейнѣ. Туземцы говорили Спику, что эта область, заключающаяся между большимъ озеромъ и высокими горами прибрежья, усыпаны озерами и солончаками, подобными тѣмъ, которые арабскіе развѣдчики Денгардта, Эргарда, Уѣкфальда открыли съвернѣе. Недавно можно было думать также, что обильныя рѣки спускаются съ западнаго склона африканской горы-великаны Килиманджаро, который вздымаетъ свои двѣ снѣговыя остроконечныя вершины въ 400 километрахъ къ востоку отъ озера Ніанца; но воды, вытекающія изъ овраговъ огромнаго вулкана, принимаютъ преимущест-

¹⁾ E. G. Ravenstein, „Map of Eastern Equatorial Africa“.

ствено направление къ востоку и къ югу, чтобы валиться въ Индийский океанъ; маловодные ручьи западнаго ската теряются въ углубленияхъ плоскогорья. Потоки, изслѣдованные Стэнли и другими путешественниками на восточномъ берегу озера Ніанца, нельзя назвать значительными рѣками, да при томъ они берутъ начало еще далеко отъ горы Килиманджаро. Водораздѣль между покатостью Индийского океана и покатостью верхняго Нила не имѣеть такой высоты, какъ восточные вершины, и походитъ скорѣе на высокій берегъ или яръ, круто обрывающійся на востокъ и полого спускающійся съ западной стороны. На этомъ крутомъ берегу высятся, въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, вулканы, и, по словамъ арабовъ, разсказъ которыхъ недавно былъ подтвержденъ свидѣтельствомъ путешественника Фишера, многія изъ этихъ горъ обнаруживаютъ еще признаки дѣятельности; говорять, бывали даже изверженія. Одинъ изъ конусовъ называется Дунье-Нгай или «Небесная гора»; двѣ вершины носятъ имя Дунье-Мбуло или «Гора дыма», и горячія воды текутъ въ изобиліи изъ ихъ трещинъ. У основанія кругаго восточнаго склона террасы, возвышающейся почти на 1.300 метровъ, на которой стоять Небесная гора и другіе краевые вулканы, простирается термальное озеро, продолжаемое болотами, гдѣ отлагается натръ. Въ этомъ мѣстѣ почва образуетъ глубокую впадину между цѣпью вулкановъ и Килиманджаро; высота озера всего только 640 метровъ¹⁾.

Притокъ большаго озера, который, несомнѣнно, имѣеть всего болѣе право на признаніе его главной рѣкой бассейна, по крайней мѣрѣ въ отношеніи объема жидкой массы, есть Тангуре, Кагера или рѣка Кетангуге, изливающаяся въ западную часть внутренняго моря, почти около середины прибрежья: первые ея изслѣдователи дали ей имя «Ниль Александры». Она береть начало въ гористой области, въ сотни километровъ къ югу отъ экватора и почти въ 3.900 километрахъ по прямой линіи отъ Средиземного моря; затѣмъ, соединившись съ ручьями, спускающимися съ массива Мфумбири, она течеть въ нормальномъ направлениі къ сѣверо-востоку. Стэнли проникъ въ долину этого верхняго Нила ниже его слиянія съ истокомъ озера Аканіару, названного также, прежде посѣщенія его, «озеромъ Александры». Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Стэнли изслѣдовалъ рѣку, послѣдняя проходить черезъ нѣсколько озеръ и принимаетъ въ себя притоки изъ другихъ озерныхъ бассейновъ, разсыпанныхъ въ котловинахъ; средняя глубина ея 15 метровъ, и папирусы окаймляютъ оба ея берега въ видѣ высокой стѣны, совершенно скрывающей горизонтъ.

¹⁾ Fischer, „Hamburger Correspondent“. 21 дек. 1881 г.; — „Proceedings of the Geographical Society“, febr. 1894.

Спикъ и Грантъ, которые первые видѣли верхній Ниль, переправились черезъ него гораздо ниже, за водопадомъ Моронго, на разстояніи одного или двухъ-дневнаго перехода отъ вступленія рѣки въ озеро. Тангуре — могучая рѣка, разливающаяся на нѣсколько verstъ въ ширину въ сезонъ дождей; она напомнила путешественнику Гранту р. Хугли между Чандернагоромъ и Калькуттой. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Спикъ перешелъ рѣку Тангуре, въ январѣ 1862 года, т.-е. въ періодъ мелководія, ширина ея была всего только 75 метровъ, но она походила на каналъ, открытый между двухъ стѣнъ тростника; вода была такъ глубока, что лодочки не могли обойтись при помощи багровъ и должны были прибѣгнуть къ весламъ. Теченіе Нила Александры очень быстрое, по менышей мѣрѣ 6 километровъ въ часъ: лодки лишь съ большимъ трудомъ могутъ плыть вверхъ по рѣкѣ. При устьѣ, открывающемся въ формѣ лимана, онъ имѣеть 130 метр. ширины, а глубина его измѣняется отъ 25 до 40 метр.; однако, скорость его водъ все еще значительна, и можно прослѣдить на разстояніи нѣсколькихъ verstъ демаркаціонную линію между потокомъ Нила, «темно-желѣзного цѣста», и голубыми водами озера²⁾. Туземцы питаются чувство благоговѣнія къ своей рѣкѣ, и Спiku пришлось долго спорить съ перевозчиками, которые хотѣли заставить его снять обувь, садясь въ лодку: они боялись, какъ бы непочтительное поведеніе чужеземца не повело къ катастрофѣ; они не позволяли также Гранту бросать лоть въ священную воду³⁾). Одно изъ именъ, даваемыхъ прибрежными жителями рѣкѣ, подтверждаетъ гипотезу, по которой эта рѣка должна быть признана за главную вѣтвь Нила: по словамъ Стэнли, они называютъ ее «матерью Каменного потока», обозначая этимъ послѣднимъ именемъ истокъ озера, въ землѣ У-Ганда³⁾. Въ сѣверо-западномъ углу озера изливается другая многоводная рѣка, Катонга, берущая начало на западѣ, въ сосѣдствѣ озера Мвутанъ-Нзиге; длина теченія ея не превышаетъ 200 километровъ, но достовѣрно известно, что по объему жидкой массы она уступаетъ рѣкѣ Тангуре.

«Ніанца» по преимуществу или озеро У-Кереве, принимающее въ себя эти притоки, и откуда вытекаетъ великий Ниль, есть самый обширный озерный бассейнъ африканскаго континента: по предварительной картѣ Стэнли, это озеро по величинѣ поверхности уступаетъ во всемъ свѣтѣ одному только Верхнему озеру британской Америки; Мичигавъ и Гуронъ менѣе обширны на нѣсколько тысячъ квадр. километровъ. Даже Аральское озеро, обыкновенно называемое «моремъ», какъ по причинѣ его

¹⁾ Stanley, „Through the dark continent“.

²⁾ „Journal of the Geographical Society“, 1876; — Speke, „Discovery of the Source of the Nile“.

³⁾ Бауманъ, въ 1893 г., достигъ истоковъ Кагери.

большихъ размѣровъ, такъ и за соленость его водъ, не покрываетъ столь значительного пространства, какъ Ніанца.

Площадь главныхъ озеръ земнаго шара:

	Квадр. килом.
Верхнее	83.000
Ніанца	66.500
Аравъское море	65.780
Гурий	61.340
Мичиганъ	59.072
Эри	28.400

И не только по пространству, занимаемому имъ на земной поверхности, но также по глубинѣ своихъ водъ, внутреннее море Африки можетъ сравняться съ главными озерными котловинами материковъ: уже въ непосредственномъ сосѣдствѣ восточнаго берега и вблизи острововъ и островковъ, лодъ досталь дно лишь на глубинѣ 177 метровъ. Вѣроятно, въ среднихъ частяхъ, вдали отъ всякихъ береговъ, глубина еще значительнѣе и если это такъ, то Ніанца, по объему жидкой массы, занимаетъ первое мѣсто между прѣсноводными морями. Высота положенія этой громадной водной площади относительно уровня океана была разно исчисляема изслѣдователями, согласно показаніямъ ихъ инструментовъ: цифра 1.200 метровъ пока привита какъ очень близкая къ истинѣ.

Абсолютная высота озера Ніанца, по измѣрѣніямъ разныхъ изслѣдователей:

по Спіку, въ 1858 г.—1.140 метровъ; по Спіку, въ 1862 г.—1.008 метровъ; по Стэнли, въ 1875 г.—1.237 метровъ; по Смиту, въ 1876 г.—1.138 метровъ; по Пирсону, въ 1879 г.—1.231 метръ; по Вильсону и Фелькину, въ 1881 г.—1.293 метра; по Маккою, въ 1883 г.—1.006 метровъ.

Спікъ, открывшій это внутреннее море Африки, окрестъ его, по английскому обычаю, именемъ своей государыни, назвавъ озеромъ Викторіи или Викторія-Ніанца. Каждый народецъ окрестныхъ мѣстностей обозначаетъ его особыннымъ наименованіемъ: у суагеловъ, обитающихъ на берегахъ Индійскаго океана, оно извѣстно подъ названіемъ Бахари, чѣмъ значитъ «Второе море»; кромѣ того, исторія упоминаетъ много другихъ названий, очевидно, относящихъ къ этому озерному бассейну плоскихъ возвышеностей. Названіе его Кереве происходитъ отъ самаго большаго острова у южныхъ береговъ У-Кереве, который отдѣленъ отъ твердой земли простымъ рвомъ въ нѣсколько метровъ шириной, такъ называемымъ проливомъ Ругеша, почти сплошь заросшимъ папирусами и другими водяными растеніями. Но, по Вильсону, общераспространенное названіе озера—Ніанца, т. е. «Внутреннее море» по преимущество. Къ югу отъ острова У-Кереве находится далеко вдающійся въ сушу заливъ, ко-

торый Стэнли назвалъ заливомъ Спіка, въ честь своего предшественника по изслѣдованию центральной Африки. Огромные крокодилы паселяются болотистыя воды, окаймляющія тамъ и сямъ окружность залива; тѣ изъ нихъ, которые во множествѣ укрываются въ тростникахъ близъ вѣтви Тангуре, считаются у туземцевъ чѣмъ-то въ родѣ полу-боговъ, олицетворяющіхъ себѣ генія реки¹⁾). Нѣкоторые острова составляютъ безспорное владѣніе воинственныхъ бегемотовъ, которые группируются по племенамъ и родамъ и не терпятъ присутствія большихъ животныхъ на ихъ террито-рии. Туземцы устроили особаго рода суда для ловли этихъ чудовищъ: нанося удары судну, массивный звѣрь попадаетъ головой въ дыру, сдѣланную въ деревянной обшивкѣ, чѣмъ и пользуются, чтобы пронзить его копытами; но такая охота всегда сопряжена съ опасностію²⁾.

На огромной окружности, длиной слишкомъ въ 1.200 километровъ, не считая тысячи небольшихъ изслѣдованій береговъ, видъ и характеръ мѣстности измѣняется до безконечности. Почти повсюду побережье каменисто,—гнейсъ, гранитъ или базальтъ; но въ то время, какъ во многихъ мѣстахъ береговой поясъ представляется ровно и безлѣсное пространство, въ другихъ—у самого края воды поднимаются высокіе холмы или даже настоящія горы, усыпанные лѣсками и группами деревьевъ, между которыми виднѣются селенія.

На пространствѣ отъ реки Катонга до Тангуре берегъ большей частью низменный, и рыбаки двигаютъ свои плоты баграми до разстоянія 5 километровъ отъ твердой земли. На югъ высятся голые утесы, которыми естественные узоры изъ лишаевъ, красныхъ или оранжевыхъ, придаютъ видъ огромныхъ глыбъ желѣза, и многія изъ этихъ скалъ дѣйствительно состоятъ изъ желѣзной руды³⁾). Самые живописные пейзажи развертываются на сѣверо-западѣ бассейна и въ У-Гандѣ, или землѣ Ганда: бухты, разрѣзывающія берегъ, кажутся разделенными на неравнныя водныя площади высокими лѣсистыми мысами; вездѣ, куда ни взглянешь, блестятъ серебристыя воды среди чащей зелени; изъ каждой долины, изъ каждого оврага выбѣгаютъ ручей, окаймленный высокой травой или кустарникомъ, надъ которыми рас простерты вѣтви большихъ деревьевъ. Нѣть, вѣроятно, страны въ центральной Африкѣ, которая бы имѣла почву болѣе плодородную и климатъ болѣе ровный, чѣмъ эта земля Ганда: растенія умѣреннаго пояса, введен-

¹⁾ Mackay, „Proceedings of the Geographical Society“, may, 1884.

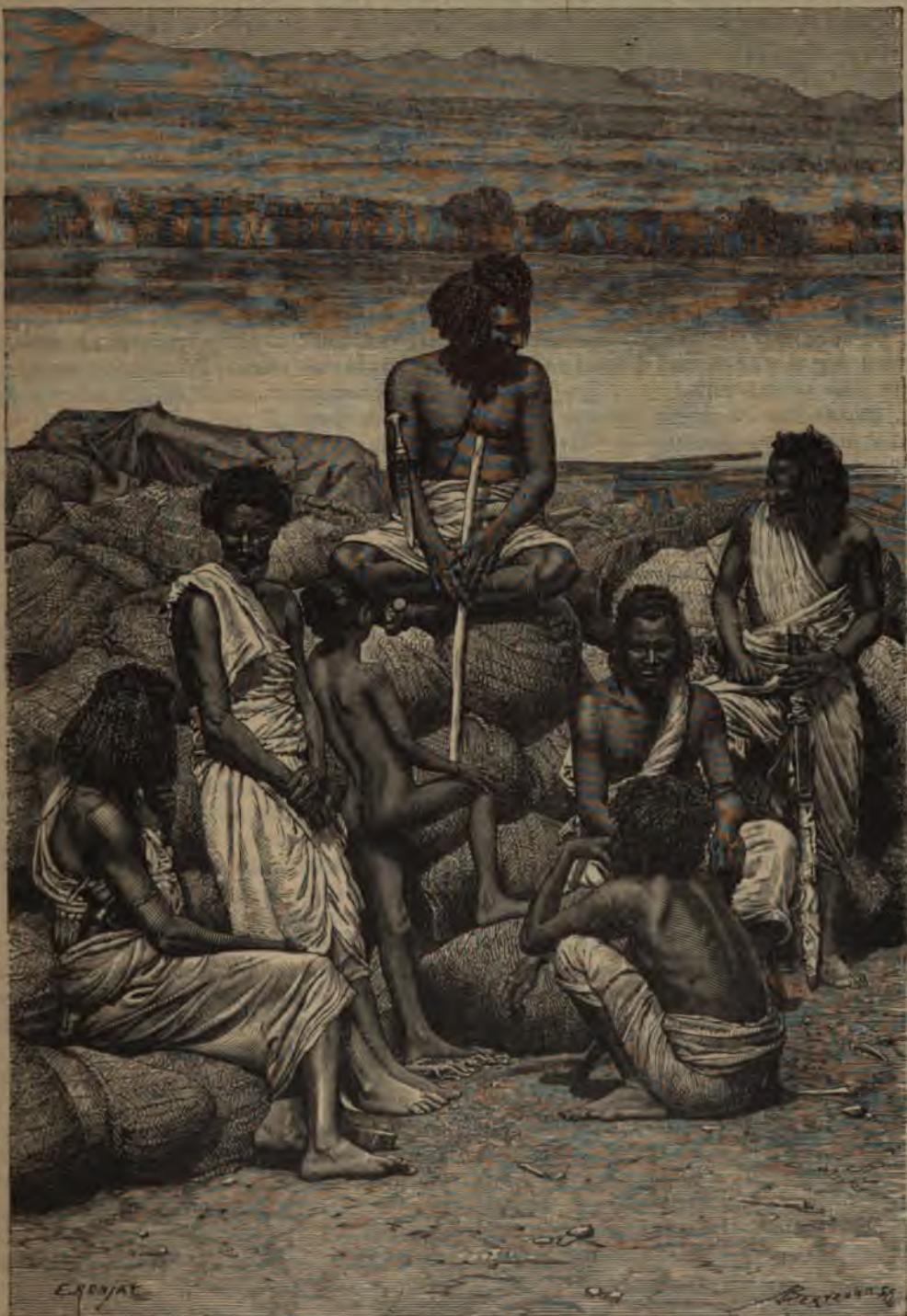
²⁾ Wilson and Felkin, „Uganda and the Egyptian Soudan“.

³⁾ Mackay, „Proceedings of the Geographical Society“*, may 1884.

ны тамъ европейцами, принялись вполнѣ успешно¹⁾.

Напротивъ побережья Ганда, между откры-

тырехсотъ острововъ, самая значительная группа котораго носить имя Сессе. Пейзажи этого островнаго міра еще болѣе разнообразны, чѣмъ

Типы и костюмы торговцевъ изъ Короско.

тымъ моремъ и береговыми заливами, протянулся непрерывной цѣпью архипелагъ изъ че-

¹⁾ Wilson, "Proceedings of the Geographical Society", June 1880.

ландшафты береговъ У-Ганда, и растительность тамъ еще богаче: великолѣпныя деревья покрываютъ склоны до самыхъ береговъ, которые обрамлены бордюромъ изъ папирусовъ.

На западъ базальтовый островъ Букебере, названный Стэнли «островомъ Алисы» (Alice-Island), вздымаетъ свои черноватыя стѣны на 100 слишкомъ километровъ надъ поверхностью озера. Изъ всѣхъ островныхъ скалъ, окаймляющихъ берегъ на окружности озера Ніанца, самая странная та, которую Стэнли называлъ «островомъ Моста». Эта скала, лежащая недалеко отъ сѣверо-восточного угла озера, состоитъ изъ двухъ базальтовыхъ столбовъ, соединенныхъ аркадой, пониженней метра на четыре отъ стрѣлки. Изъ расщелинъ камня выросли деревья: скала исчезла, видны только двѣ группы зелени, обвитыя гирляндами изъ ліанъ, которыя ниспадаютъ въ воду, проводя на ея поверхности маленькую борозду; сквозь аркаду, убранную фестонами изъ растений, показывается вдали подернутая фиолетовой дымкой цѣль береговыхъ горъ.

Суда, плывающія по озеру, иногда группируясь въ значительные флоты, еще болѣе увеличиваютъ красоту пейзажей Ніанца. Нѣкоторые прибрежные жители имѣютъ парусныя суда, купцы пустили большія лады, въ родѣ *dhay* занзибарскихъ арабовъ, а европейскіе миссіонеры смастерили шлюпки по англійскому образцу. Но большинство лодокъ—самой примитивной конструкціи: это просто широги, за кругленныя въ западной части и заостренныя спереди; передняя половина вся высовываетъ изъ воды и приподнята на манеръ гондолъ высокимъ носомъ, украшеннымъ двумя рогами антилопы и букетомъ изъ перьевъ: издали кажется, что плыветь какое-то огромное животное, выставившее шею изъ воды и высматривающее себѣ добычу. Эти лодки, экипажъ которыхъ состоитъ изъ десяти и до сорока-восьми гребцовъ, ходить только съ помощью весель; на нихъ нѣть ни мачты, ни паруса; сложенные кое-какъ изъ дурно отесанныхъ бревенъ, связанныхъ гибкими вѣтками, и законопаченныя корой, смѣшанной съ грязью, они плохо выдерживаютъ напоръ воды, и несчастные случаи съ ними нерѣдки; впрочемъ, гребцы и не пускаются далеко отъ берега. Еще недавно гандскіе флоты боялись подходить близко къ острову У-Вума: вооруженные простымъ ножемъ, островитяне подплывали къ берегамъ, ныряли съ нѣкотораго разстоянія, чтобы добраться до подводной части судна и перерѣзывали ея связи изъ прутьевъ; въ нѣсколько секундъ барка погружалась въ волны, а гребцамъ приходилось бороться со смертью¹⁾. Опасности плаванія на Викторіи обезпечиваются божествамъ озера большую почесть со стороны всѣхъ прибрежныхъ жителей. Эти боги, имѣющіе мѣстопребываніе на островахъ, удостоиваются вступать въ сношеніе съ смерт-

ными лишь черезъ посредство пословъ, съ которыми можно говорить не иначе, какъ имѣя полныя руки даровъ²⁾). Но уже недалеко то время, когда пароходы лишать этихъ озерныхъ боговъ ихъ престижа и заставлять ихъ снова вступить въ ряды простыхъ смертныхъ. Когда американецъ Шалье-Лонгъ хотѣлъ отправиться въ плаваніе по озеру, король страны У-Ганда приказалъ отрубить головы семи чаодѣямъ, которыхъ боготворили и въ то же время проклинили какъ злыя геніевъ озера: онъ надѣялся этимъ средствомъ обеспечить благополучное путешествіе своему гостю²⁾). Бури и смерчи составляютъ частое явленіе на озерахъ. Бильсонъ констатировалъ существованіе постояннаго теченія, которое ощущительно въ заливѣ Спика и направляется на западъ параллельно побережью. Теченіе это производить юго-восточный пассатъ, дующій здѣсь правильно почти круглый годъ.

Излишняя вода внутренняго моря вытекаетъ медленно черезъ широкій заливъ сѣвернаго берега, открывающійся на сѣверѣ отъ острова У-Вума; затѣмъ, постепенно суженная въ рѣку, она ускоряетъ свое теченіе: здѣсь-то и образуется Нилъ. Едва успѣлъ истокъ озера принять видъ рѣки, какъ онъ уже достигаетъ края порога, съ которого и ниспадаетъ каскадомъ: это—«Каменный потокъ». Группа скалъ, увенчанная нѣсколькими деревьями, вздымается по серединѣ водопада, имѣющаго около 400 метровъ въ ширину; другія каменные глыбы, менѣе высокія, дѣлятъ потокъ съ правой и съ лѣвой стороны, а ниже опять идутъ подводные камни, разсыпанные въ потокѣ, среди пѣнящейся и кружащейся массы воды: отсюда имя Джинджа или «Каменный», которымъ жители страны «У-Ганда» обозначаютъ водопадъ. Спикъ далъ ему название «водопадъ Рипона», Riponfalls, которое и показано на всѣхъ картахъ. Вертикальная высота водопада 4 метра, и, однако, рыбы, собирающіяся ватагой у основанія низвергающейся водной площади, подпрыгиваютъ сотнями за-разъ, чтобы попасть въ верхній потокъ. Въ небольшомъ разстояніи вверхъ до Джинджи черезъ рѣку, въ томъ мѣстѣ тихую, ходить паромъ. Видъ озера въ большей части заслоненъ лѣсистымъ мысомъ; маленькая пальмовая роща на низменномъ полуостровѣ указываетъ раздѣльную линію между водами залива и рѣчнымъ теченіемъ. Далѣе, зеленѣющіе острова кажутся продолженіемъ холмовъ твердой земли.

По Стэнли, Нилъ, называемый здѣсь Кивира, почти на треть значительнѣе, чѣмъ Тангуре, главный притокъ большаго озера. Имѣя въ среднемъ почти полверсты ширины, онъ течетъ сначала на сѣверо-западъ, образуя нѣ-

¹⁾ Ernest Linant de Bellefonds, „Bulletin de la Société de Géographie du Caire“, 1876.

²⁾ Speke, цитированное сочиненіе.

²⁾ „Petermann's Mittheilungen“, 1875, № XI.

сполко стреминъ или пороговъ; ниже онъ разливается направо и нальво обширными болотами, поросшими тростникомъ, но рѣка сохраняетъ свою нормальную глубину между стѣнами камышей, и далѣе, за этими болотами, двѣ покатости рѣчной долины развертываютъ передъ взорами путешественника свои лѣса, луга, боковые долины и овраги. Верстахъ въ ста отъ своихъ водопадовъ Ниль впадаетъ въ другое озеро, Гита-Нзиге, которому американецъ Шалье-Лонгъ, открывшій его въ 1875 году, далъ название озера Ибрагима. Это—водная площадь не очень обширная въ сравненіи съ прѣсноводными морями, которыми обладаетъ центральная Африка: она занимаетъ пространство около 500 кв. километровъ. Въ этой области Ниль получаетъ нѣсколько притоковъ, между прочимъ, рѣку Луаджерри, берущую начало въ холмахъ страны У-Ганда, недалеко отъ берега Ніанца, и которую Спикъ считалъ истокомъ этого громаднаго озера. Англійскій изслѣдователь начертілъ на картѣ третій истокъ Кафу, который, какъ онъ полагалъ, соединяется съ Большимъ Ниломъ, послѣ 200 километровъ теченія. Это было бы необычайное явленіе, если бы рѣки, вытекающія изъ одного и того же озера, впослѣдствіи опять соединились, пройдя черезъ первоначальный пересѣченный возвышеніями мѣстности, но дѣло въ томъ, что Кафу, какъ и Луаджерри, беретъ начало въ сопѣсть озера, не имѣя съ нимъ никакого соединенія.

Едва вступивъ снова въ узкое русло, по выходѣ изъ озера Ибрагимъ, Ниль опять, говорить Шалье-Лонгъ, разливается въ ширь, чтобы образовать огромное болото, имѣющее въ среднемъ не болѣе 3 или 4 метровъ глубины и покрытое растительностью: мѣстами деревьями, мѣстами щѣлыми лѣсами тростника. Это болото, называемое Кюджа или Капеки, открыто итальянцемъ Піаджія. Въ небольшомъ разстояніи ниже, на западной дугѣ длиной излучины, Ниль принимаетъ въ себя судоходную рѣку Кафу. Далѣе онъ описываетъ другую дугу къ востоку и къ сѣверу; затѣмъ, круто повернувъ на западъ, сохраняетъ то же направленіе до большаго озера Мвутанъ-Нзиге: въ этой части своего теченія онъ вообще обозначается на англійскихъ картахъ подъ названіемъ Сомерсетъ. Имѣя слишкомъ 400 метровъ средней ширины, рѣка была бы вполнѣ судоходна, если бы покатость ея не была такъ крута: по приблизительнымъ измѣреніямъ, сдѣланымъ разными путешественниками, общее паденіе Нила на этомъ пространствѣ, длиной около 150 километровъ, равно 695 метрамъ, чѣмъ составляетъ больше 4 съ половиной центиметровъ на 1 метръ теченія. Первый водошадъ въ этой части Нила, называемый Карума,—скорѣе стремина; вода, скользя между двухъ сѣнитовыхъ стѣнъ, скользитъ съ уступа, почти столь же пра-

вильного, какъ запруда, сдѣланная рукой человѣка, и бѣжитъ въ видѣ пѣнящихся площадей: между верхней и нижней частью стремнины разность уровня около 3 метровъ. Но за этой первой стреминой слѣдуютъ другія: Тада, Накони, Ассака, Кадія, Ваде, Кетуту; здѣсь и есть главный порогъ, черезъ который переходить Ниль, чтобы спуститься изъ области высокихъ плоскогорій. На пространствѣ 30 километровъ вода вырывается изъ шлюза въ шлюзъ, ударяясь о скалы, наполняя атмосферу брызгами, ниспадающими въ видѣ дожда на деревья, растущія на берегу; даже пироги туземцевъ не могутъ пускаться въ эти стремнины. Дѣйствіе потока, такъ сказать, выпилило скалу, понижая постепенно уровень рѣки: стѣна южного берега поднимается на 40 или 50 метровъ вертикальной высоты надъ клюкочущими водами¹).

Каскадное теченіе Нила заканчивается величественнымъ водопадомъ. На пространствѣ около двадцати километровъ вверхъ отъ этого водопада вода бѣжитъ по плоскости съ такимъ большимъ наклономъ, что одна стремнина смѣняется другой; скать рѣки составляетъ по меньшей мѣрѣ 10 метровъ на километръ²). Вдругъ потокъ, съузившійся до того, что ширина его не превышаетъ 50 метровъ, обрывается съ карниза между двумя черными утесами и падаетъ на глубину 35 метровъ въ бассейнъ кружящихся волнъ, обведенныхъ кольцомъ пѣны; радужный туманъ поднимается съ водопада, какъ столбъ дыма, изгибающійся отъ дуновенія бризы; на высотѣ 100 метровъ надъ постоянно волнующимся потокомъ качаются вѣра пальмъ. Бекеръ, первый европеецъ, посѣтившій этотъ водопадъ, далъ ему название «водопадъ Мурчисона», которое можно было замѣнить именемъ ближайшей деревни Шоамору. Почти тотчасъ же за нижнимъ водоворотомъ вода успокаивается: рѣка, имѣющая отъ 150 до 250 метровъ ширины, не проявляетъ ни малѣйшаго теченія: скорѣе можно подумать, что это отливъ озера Мвутанъ-Нзиге, чѣмъ продолженіе сейчасъ видѣнаго быстраго потока, бѣгущаго между скалами. Явленіе это объясняется, по мнѣнію Линантъ-де-Бельфона и другихъ путешественниковъ, существованіемъ бокового истока, который направляется на сѣверо-западъ, чтобы идти на соединеніе съ нижнимъ Ниломъ, не проходя черезъ озеро: этотъ истокъ, будто бы, и есть настоящая рѣка³).

Озеро, открытое Бекеромъ и названное имъ Альбертъ-Ніанца, известно у жителей его восточныхъ береговъ подъ наименованиемъ «Моря

¹) E. Linant de Bellefonds, „Bulletin de la Société de Géographie du Caire“, 1876.

²) C. G. Gordon, „Journal of the Geographical Society“, 1876.

³) Chippendal; — C. G. Gordon, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, nov. 1875; — „Bulletin de la Société de Géographie du Caire“, 1876.

Саранчи»—Мвутанъ-Нзиге. Другіе туземцы называютъ его «Большой Водой». Однако, размѣры его гораздо меньше размѣровъ Викторія-Ніанца: оно простирается съ юго-запада на сѣверо-востокъ на протяженіи около 150 километровъ; средняя ширина его превышаетъ 30 километровъ; по приблизительнымъ измѣреніямъ Мезона, оно занимаетъ пространство въ 4.650 кв. километр.; высота его положенія относительно уровня океана 700 метровъ. Слѣдовательно, отъ озера Викторія-Ніанца до этого нижняго бассейна Ниль спустился почти на половину покатости континента между плоскими возвышенностями Средней Африки и Средиземнымъ моремъ. Подобно Мертвому морю, озеро Мвутанъ-Нзиге, кажется, наполняетъ дно разеѣніи земной коры; съ правой и съ лѣвой стороны оно обстялено крутыми горами, тогда какъ на обѣихъ оконечностяхъ, сѣверной и южной, оно оканчивается бухтами съ пологимъ скатомъ, окаймленными низменными берегами. Высокіе утесы восточного берега, состоящіе изъ гранита, гнейса и краснаго порфира, составляютъ какъ бы первую ступень лѣстницы, поднимающейся къ плоскогорью У-Ніоро и У-Ганда. Рѣки, вытекающія изъ болотъ этихъ возвышеностей, не могли еще вырыть себѣ правильнаго русла черезъ вѣшнія стѣны нагорья, и, такъ же, какъ Ниль у водопадовъ Мурчисона, всѣ онѣ спускаются водопадами менѣе могучими, чѣмъ водопады великой рѣки, но имѣющими болѣе значительную высоту: высота столбовъ воды, низвергающихся въ темную ущелья съ высоты карнизовъ скаль, исчисляется приблизительно въ 300 метровъ.

Ливингстонъ и другіе изслѣдователи центральной Африки считали озеро Танганика принадлежащимъ къ бассейну Нила и полагали, что избытокъ его воды изливается на сѣверо-востокъ въ озеро Мвутанъ-Нзиге. Но недавнія открытія доказали, что эти два большія озера не имѣютъ между собой сообщенія. Во время своихъ путешествій вокругъ озера Альбертъ-Ніанца, Джесси, потомъ Мезонъ уѣдлились, что это озеро не получаетъ въ южной своей части ни одного притока, кромѣ мелководной, лѣнивой рѣчки, заросшей травой; въ этихъ болотистыхъ водахъ оно покрыто пловучимъ или на половину погруженнымъ въ воду лѣсомъ амбачей или амбаджей, деревьевъ изъ семейства бобовыхъ (*herminiera elaphroxylon*), которыхъ вздымаютъ на высоту 5 или 6 метровъ свои стволы, украшенные листьями въ видѣ звѣздъ и золотисто-желтыми цветками, въ родѣ цветковъ драка; амбачевое дерево, похожее на пробковое, самое легкое, какое только извѣстно до сихъ порь: одинъ человѣкъ легко несетъ плотъ изъ этого дерева, могущій сдержать восемь человѣкъ¹). Даже барки туземцевъ не мо-

гутъ проникать въ эту чащу, среди безконечной сѣти корней, переплетающихся въ тинистомъ днѣ. Съ высоты мачты Джесси могъ видѣть, что за лѣсами простирается обширная саванна, между двумя стѣнами горъ, составляющими продолженіе береговыхъ цѣпей. Если не считать южныхъ отмелей, гдѣ вода черноватая и мутная, и нѣсколькихъ пространствъ на восточномъ берегу, гдѣ бывать соляные ключи, утилизируемые жителями страны У-Ніоро, Альбертъ-Ніанца, жидкая масса котораго безпрестанно обновляется теченіемъ Нила, содержать вообще прѣсную и чистую воду. Теченій въ немъ не замѣтно, кромѣ зыби, поднимаемой вѣтромъ. Плаваніе по этому озеру очень опасно, по причинѣ внезапныхъ перемѣнъ воздушныхъ токовъ при поворотѣ мысовъ и у выхода изъ ущелей. Садясь на свои ненадежныя суда, туземцы каждый разъ бросаются въ воду какъ-нибудь драгоценныя вещицы въ даръ божествамъ «моря»: одинъ начальникъ племени, другъ Бекера, выпросилъ у него бусъ и другихъ стеклянныхъ издѣлій, чтобы принести ихъ въ даръ озеру и тѣмъ сдѣлать послѣднее милостивымъ къ чужеземцу. Но со временемъ этихъ первыхъ посѣщеній, Мвутанъ-Нзиге, который одно время былъ присоединенъ къ владѣніямъ вице-короля египетскаго, видаль и другія суда: два парохода обѣхали его во всѣхъ направленияхъ. Чтобы привести эти пароходы, которымъ пороги преграждали путь по теченію Нила, пришлось разобрать ихъ и отправить по частямъ волокомъ: 4.800 человѣкъ перенесли на себѣ пароходъ *Хедивъ* до верфи, гдѣ онъ былъ снова собранъ; шестьсотъ негровъ тащили паровикъ черезъ болото, чтарникъ и скалы. Откосы восточнаго берега гораздо выше, чѣмъ откосы западнаго; плывя вдоль постѣдняго, легко видишь другую сторону озера, тогда какъ изъ восточныхъ областей озеро кажется безбрежнымъ моремъ¹).

Относительно Нила, такъ же, какъ относительно всѣхъ другихъ рѣкъ, впадающихъ въ озеро и затѣмъ опять выходящихъ изъ него, говорятъ, что будто онъ проходитъ черезъ озеро Альбертъ-Ніанца, не смѣшиваясь съ окружающими водами. Но это невѣрно; смотря по разности температуръ въ двухъ жидкіхъ массахъ, рѣчная вода, болѣе теплая, разливается тонкимъ слоемъ по поверхности озера, и вѣтры производятъ смѣшеніе, или же, болѣе холода, она опускается въ глубины озерной котловины, чтобы занять мѣсто поднимающихся кверху болѣе легкихъ водъ. Хотя выходной заливъ находится всего только въ разстояніи двадцати километровъ отъ входнаго залива, однако Ниль, уѣзгая въ сѣверномъ направлении, не тотъ потокъ, который образовалъ

¹) „Petermann's Mittheilungen“, 1860, № 11; — Schweinfurth, тѣ же сборники 1888, № 1.

¹) Mason, „Bulletin de la Société de Géographie du Caire“, № 5, 1878.

водошадъ Мурчисона: этотъ потокъ потерялся въ «Большой Водѣ»; другая рѣка есть излишekъ водъ громаднаго резервуара. Между двумя рѣчными воронками глубина незначительна, и водное пространство передъ берегомъ усъяно цѣлымъ архипелагомъ островковъ и песчаныхъ мелей.

По выходѣзъ озера Альбертъ-Ніанца, Ниль, называемый также, въ этой части своего теченія, Киръ, Мери и Бахръ-эль-Джебель, или «Горная рѣка», и многими другими именами, смотря по нарѣчіямъ прибрежныхъ племенъ, течеть въ сѣверномъ и сѣверо-восточномъ направлениі. Рѣка идетъ тихимъ ходомъ и, имѣя въ ширину отъ 500 до 2.000 метровъ, извиивается длинными излучинами между двумя зеленѣющими берегами. Въ серединѣ фарватера вода глубока, отъ 5 до 12 метровъ, и большія суда могли бы во всякое время года совершать плаваніе между береговыми пристанями до разстоянія 200 километр. внизъ отъ озера. Вдоль береговъ разсыпьны лѣсистые острова и островки, возвышающіеся изъ воды словно рощицы папирусовъ: часто, особенно въ началѣ разливовъ, можно видѣть пловучие острова, спускающіеся внизъ по течению. Первоначальные материалы этихъ острововъ состоять изъ полосъ листьевъ и тростника, которыя задерживаются на чащахъ высокихъ водяныхъ травъ, крѣпко натягиваясь подъ напоромъ воды, какъ якорные канаты. Эти остатки растеній разлагаются и образуютъ первый слой пловучаго чернозема, который вскорѣ покрывается растительностью; корешки и корни переплетаются и въ концѣ концовъ сообщаютъ растительному ковру нѣкоторую прочность; въ теченіе пяти, шести лѣтъ флора обновляется въ этихъ пловучихъ садахъ, затѣмъ сплетеніе мочекъ разлагается, въ свою очередь, земли раздѣляются и спускаются внизъ по рѣкѣ веровыми кружками, вращаясь на водѣ¹). Но часто случается, что растительные обломки скопляются въ достаточно большомъ количествѣ для того, чтобы пловучія массы укоренились тамъ и сажь на днѣ рѣчного ложа, и въ бассейнѣ Нила иногда видѣли рѣки, совершенно покрытыя этими подвижными и эластичными мостками, по которымъ рѣшаются переходить даже караваны. Всѣдѣствіе быстрого образованія такихъ травяныхъ острововъ, Ниль не-рѣдко оказывался запруженнымъ въ этой части своего теченія и принужденъ былъ вырывать себѣ новыя русла. Въ равнинахъ, простирающихся на западъ отъ нынѣшняго Нила, видны во многихъ мѣстахъ остатки прежнихъ теченій, «должныхъ рѣкъ», бывшихъ нѣкогда Ниломъ. Невысокая горная цѣль, ограничивающая эту равнину на западѣ и составляющая водораздѣль между бассейномъ Нила и бассейномъ Конго, могла бы быть обозначаема именемъ

¹⁾ Romolo Gessi, „Esploratore“, 1877.

«цѣпи изслѣдователей»: вершины, слѣдующія одна за другой съ юга на сѣверъ, получили, въ честь известныхъ путешественниковъ, названія: Швейнафуртъ, Юнкеръ, Чиппендалъ, Спикъ, Эминъ-бей, Бекеръ, Гордонъ и Джесси.

Большая дуга, которую Ниль описываетъ внизъ отъ поста Дуфиле, на высотѣ около 600 метровъ, отмѣщаетъ мѣсто очень важное въ гидрографіи бассейна. Нѣсколько многоводныхъ рѣкъ соединяются здѣсь съ главнымъ потокомъ, между прочимъ, Асуа или Аша; нѣкоторые географы представляютъ эту рѣку выходящей изъ озера Мбаринго или Баринго (Бахръ-Инго), которое Спикъ считалъ прежде сѣверо-восточнымъ заливомъ Викторіи-Ніанца, и самое существованіе котораго впослѣдствіи стали оспаривать послѣ того, какъ Баринго было признано отдельнымъ бассейномъ. Быть-можеть, это имя Бахръ или «Море» есть не что иное, какъ невольный каламбуръ, происходящій отъ наименования племени Ба-Ринго или «народъ леопарда», названный такъ потому, что они на войнѣ носятъ леопардовы шкуры²). Путешественникъ Томсонъ, недавно посѣтившій эти страны, но рассказы котораго еще не изданы въ свѣтѣ, безъ сомнѣнія, разрѣшилъ этотъ спорный «вопросъ» о Баринго. Какъ бы то ни было, можно, кажется, считать вѣроятнымъ предположеніе, что рѣка Асуа не выходитъ изъ озера, а спускается изъ гористой области, на востокѣ отъ Нила-Сомерсетъ. Что касается истока озера Мбаринго, то онъ, по-видимому, изливается непосредственно въ озеро Ніанца; это, вѣроятно, рѣка Ягама, впадающая въ сѣверо-западный заливъ большаго озера. Въ мѣстѣ ихъ соединенія эти двѣ рѣки, Ниль и Асуа, обставленая справа и слѣва горами, загромождены скалами и подводными камнями, затрудняющими судоходство; выше сліянія, наклонная плоскость, по которой теченіе Нила скользитъ пѣнящимися скатертями, какъ по откосу насыпи, совершенно непроходима²): это порогъ Фола, названный Вильсономъ «восьмымъ» водопадомъ. Всѣ суда на верхнемъ Нилѣ должны останавливаться ниже этого водопада и перегружать свои товары: эта вынужденная задержка судоходства и была одной изъ причинъ, заставившихъ покинуть путь Нила выше пороговъ. Начиная отъ большаго изгиба, образуемаго Ниломъ у Дуфиле, караваны, направляющіеся къ берегамъ Викторіи-Ніанца, продолжаютъ свой путь на юго-востокѣ и достигаютъ Нила-Сомерсетъ у Фовейры или Фаузейры, выше Карумскихъ пороговъ. Эта дорога по прямой линіи, служившая также военнымъ путемъ новѣйшимъ египетскимъ завоевателямъ, вдвое короче извилистой дороги по рѣчной долинѣ.

¹⁾ Mackay, „Afrique explorée et civilisée“, mai 1884.

²⁾ Gordon, „Journal of the R. Geographical Society“, 1876.

Ниже сліянія съ Асуа Ниль еще кое-гдѣ усаженъ скалами и камнями, затрудняющими проходъ: въ Іербора, частные потоки пробираются между каменными глыбами; въ Македо они образуютъ два водопада, имѣющіе около двухъ метровъ высоты по отвѣсу, затѣмъ низвергаются еще стремнинами въ Теремо-Гарбо и въ Дженколи-Гарбо¹⁾; но пороги эти вездѣ бываютъ переходимы въ періодъ разливовъ. До этого мѣста добрался Арно во время своей памятной экспедиціи, въ 1841 году. Пароходы свободно поднимаются въ теченіе девяти мѣсяцевъ въ году до Рагата и до излучины Бедденъ, ниже этихъ водопадовъ, образующихъ «седьмой водопадъ»; въ мелководье они могутъ ходить только до знаменитаго поста Измаїля, или Гондокоро, который долго былъ главнымъ городомъ верхнихъ провинцій египетскаго Судана. Песчаниковый (хотя по виду вулканическій) холмъ Реджафъ, который вѣдьмается на 100 слишкомъ метровъ надъ уровнемъ окружающей мѣстности свою коническую массу, совершенно правильную и оканчивающуюся на вершинѣ скалой въ формѣ богаты, служить какъ-бы пограничнымъ столбомъ, указывающимъ издали судовщикамъ предѣлъ большаго судоходства. Эта горка известна у туземцевъ племени бари подъ именемъ Логвекъ или «Дрожащая», потому что почва часто колеблется въ этой мѣстности; по Фелькину, площадь сотрясенія, начинающаяся въ Реджафѣ, простирается далеко на юго-западъ и обнимаетъ всю страну большихъ озеръ²⁾.

Въ начальномъ пунктѣ навигаціи по среднему теченію, въ Реджафѣ или Гондокоро, нормальное количество протекающей въ рѣкѣ воды, вычисленное Ломбардини, на основаніи исчислений Довіака и Пене, составляетъ отъ 550 до 560 кубич. метровъ въ секунду; воды, регулируемыя большими озерными резервуарами Викторія-Ніанца и Альбертъ-Ніанца, измѣняютъ свой объемъ отъ 300 (въ періодъ мелководья) до 900 (въ періодъ разлива) кубич. метровъ въ секунду³⁾. Потокъ дождевыхъ водъ, соединяющейся въ одно общее теченіе у Гондокоро и у Ладо или Лардо, новой столицы экваторіальной провинціи, представляетъ внушительное зрѣлище; но, протекая по равнинѣ съ очень малымъ скатомъ, онъ развѣтвляется на многочисленныя побочныя рѣки: справа и слѣва Бахръ-эль-Джебеля и Кира—какъ называютъ туземцы племени денка эту часть Нила—извиваются другіе второстепенные потоки, перемѣжающіеся съ болотами. Наконецъ, главная рѣка совершенно раздвоится: въ то время,

¹⁾ Alf Peney, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, 1863.

²⁾ „Essai sur l'Hydrologie du Nil“

³⁾ Marno, „Petermann's Mittheilungen“, 1873, № 4; — „Reisen im Egyptischen Sudan“.

какъ собственно Нилъ сохраняетъ сначала свое направление къ сѣверо-западу, другой рукавъ, Бахръ-эль-Зарафъ, или «Рѣка жирафовъ», течеть на сѣверъ, чтобы опять соединиться съ главной рѣкой послѣ блуждающаго теченія на пространствѣ около 300 километровъ черезъ саванны и болота: это не рѣка, говорить Марно а только *хоргъ*, или боковая вѣтвь, плаваніе по которой къ тому же съ каждымъ годомъ становится все труднѣе; суда могутъ пускаться по «Жирафовой рѣкѣ» лишь въ періодъ высокихъ разливовъ, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ или даже только нѣсколькихъ недѣль¹⁾. Очевидно, все низменное пространство, гдѣ извиваются Бахръ-эль-Джебель, Бахръ-эль-Зарафъ, ихъ безчисленные истоки и рѣки, впадающія въ нихъ, было нѣкогда обширнымъ озеромъ, которое рѣчные наносы постепенно заполнили; нѣсколько каменистыхъ острововъ, покоящихся на цоколѣ изъ окрыпшихъ земель, съ хорошо ограниченными берегами, возвышаются среди этихъ равнинъ, находящихся еще въ періодѣ образованія. Мѣсто, гдѣ начинается сѣверный высокій берегъ этого бывшаго внутренняго моря, указано крутой перемѣнной теченія Нила при сліяніи его съ Бахръ-эль-Газаль или «Рѣкой газелей». У этого поворота, называемаго «ярмо рѣкъ», вся система водъ, главная рѣка и побочныя потоки, должна изгибаться къ востоку, чтобы продолжать свое теченіе вдоль возвышенныхъ равнинъ Кордофана. Остатокъ озера, называемый Но, Ну или Биркетъ-эль-Газаль, наполняетъ еще одну впадину бывшей котловины; но отъ дѣйствія теченій, разливовъ, наносовъ, эта водная площадь, болотистая на берегахъ, безпрестанно меняетъ свою форму; она перемѣщается, дѣлится на части, снова соединяется въ одно цѣлое, чтобы затѣмъ опять дробиться на отдельныя водовѣстилицы. На всѣхъ оригиналныхъ картахъ контуры ея показаны различно; теперь она, кажется, уменьшается вслѣдствіе постояннаго отложенія землистыхъ частицъ, приносимыхъ главной рѣкой и второстепенными потоками; въ 1840 году, когда Арно составилъ ея карту, это былъ весьма значительный бассейнъ.

«Ярмо рѣкъ» есть та часть Нила, гдѣ растительные обломки всего чаще преграждаютъ проходъ: пловучіе острова, приносимые потоками и боковыми рукавами, останавливаются на крутыхъ поворотахъ и образуютъ во всю ширину рѣки, отъ одного берега до другого, подвижной плотъ; встрѣтивъ препятствіе, рѣка бросается въ сторону, но другія *седды*, или скопленія травы, задерживаемыя чащами амбачеваго дерева, заграждаютъ новое русло; во многихъ мѣстахъ эти естественные запруды

¹⁾ „Société de Géographie du Paris“, Séances du 3 d c. 1880 et du 28 juin 1884.

или плотины изъ травы, тростника и вѣтвей тянутся верстъ на двадцать въ ширину. Новообразующаяся земля, слой обломковъ, мало-помаду скрѣпляется, покрывается папирусами, даже древесной растительностью, и цѣлые лѣса растутъ надъ скрытой рѣкой, которая продолжаетъ медленно свое теченіе въ глубинахъ. Многочисленныя семьи племени нузровъ располагаютъ свои становища на коврѣ изъ плодовитой травы, питаясь единственno рыбой, которую они ловятъ, пробивая насквозь почву, и сѣменами различныхъ видовъ кувшинковыхъ¹). На высокихъ берегахъ рѣки и болотъ виднѣются въ иѣкоторыхъ мѣстахъ мириады земляныхъ горокъ, воздвигнутыхъ терmitами и настолько высокихъ, что верхняя ихъ часть всегда остается выше уровня наводненій. Смотря по высотѣ разливовъ, муравьи поднимаются или спускаются изъ этажа въ этажъ въ своихъ жилищахъ²). Одинъ изъ интереснѣйшихъ обитателей этихъ затопляемыхъ пространствъ—птица, называемая арабами «отцомъ башмака», по причинѣ формы ея клюва: это *belaniceps rex* натуралистовъ. Когда примѣтишь издали, на верхушкѣ муравейника, это странное животное на длинныхъ ногахъ, въ сѣроватомъ опереніи, съ огромной головой, долго оставшись въ недоумѣніи, что это за существо—птица или рыбакъ-нуэръ, вымазавший себѣ тѣло золой³).

Извѣстно, что эти естественные запруды Нила часто преграждали путь изслѣдователямъ, начиная съ той эпохи, когда развѣдчики, посланные Нерономъ на поиски истоковъ великой африканской рѣки, должны были остановиться передъ моремъ травы. Большинство путешественниковъ, плывшихъ по Верхнему Нилу въ послѣднюю половину настоящаго столѣтія, должны были силой открывать себѣ проходъ черезъ переплетающіяся травы; одинъ изъ побочнѣихъ потоковъ, гдѣ прошелъ пароходъ дѣвицы Тинне, сохранилъ, въ память ея, имя Майя Синьюра. Въ теченіе семи лѣтъ, съ 1870 по 1877 годъ, рѣка была совершенно запруженна, и всѣ плававши по ней принуждены были пытать проходъ черезъ Бахръ-эль-Зарафъ⁴). Многимъ изъ нихъ пришлось провести цѣлый недѣль или даже мѣсяцы на этихъ распростраňающихся заразу водахъ, съ которыхъ поднимаются несметные тучи москитовъ. Въ этихъ обширныхъ камышахъ Джесси очугился, въ 1880 году, запертъ со всѣхъ сторонъ, точно въ блокадѣ, съ пятьюстами солдатъ и множествомъ освобожденныхъ невольниковъ; пароходъ его и другія суда не могли пробить себѣ дорогу ни възда, ни впередъ; три безконечныхъ мѣсяца прошло, прежде чѣмъ прибывшая на

помощь египетская флотилія, подъ начальствомъ австрійца Марно, успѣла вновь открыть рѣку, работая снизу надъ разрушеніемъ преграды. Пожираемыя насѣкомыми и лихорадкой, не имѣя другой пищи, кроме травы и мяса несчастныхъ товарищѣй, падавшихъ жертвой голода и болѣзней, большинство узниковъ нашли могилу среди этихъ страшныхъ болотъ; да и тѣ, которые избѣгли смерти, умерли почти всѣ отъ истощенія иѣсколько времени спустя; самъ Джесси пережилъ только иѣсколько мѣсяцами свое плѣненіе въ травахъ Нила. Болотамъ же слѣдуетъ приписать происхожденіе тѣхъ «зеленыхъ водъ», которыхъ появляются въ Каирѣ въ первой половинѣ юна и иногда продолжаются до двадцати или даже тридцати дней. Вода рѣки, наполненная растительными клѣточками, принимаетъ тогда болотный вкусъ и дѣлается нездороюю, такъ что прибрежные жители въ это время не пьютъ ее и довольствуются водой, запасенной до наступленія періода прохода муты и тины. Первые разливы потоковъ Эёопіи потопляютъ всѣ эти растительные частицы или отбрасываютъ ихъ въ каналы, возвращая такимъ образомъ нильской водѣ ея столь прославленныя качества¹).

«Рѣка Газелей», соединяющаяся съ главнымъ потокомъ въ бассейнѣ озера Но, есть «бахръ», то-есть значительная рѣка, «море», текущее перпендикулярно Верхнему Нилу, въ направлѣніи отъ запада къ востоку, то-есть въ томъ же направлѣніи, какое имѣютъ соединенныя воды ниже сланія. Бахръ-эль-Газаль приносить потокъ разлива, разрушающей временные бары и расчищающей проходы: онъ, такъ сказать, сметаетъ преграды, образуемыя Ниломъ. Въ этомъ общемъ теченіи Бахръ-эль-Газала соединились сотни другихъ рѣкъ, составляющихъ поразительный контрастъ своей многочисленностью и многоводностью съ бѣдностью или полнымъ недостаткомъ текучихъ водъ, каждой представлять далѣе на сѣверѣ гидрографической бассейнѣ великой рѣки. Въ цѣломъ развиленіе притоковъ Нила распредѣляется весьма неравномѣрно, дѣлая, такъ сказать, видимой противоположность климатовъ. Въ области истоковъ, на плоскогорьяхъ, озера Викторія-Ніанца и Ниль Сомерсетъ получаютъ притоки съ востока и съ запада; дожди выпадаютъ во всей этой области въ количествахъ настолько значительныхъ, что заставляютъ рѣки и рѣчки со всѣхъ сторонъ сходить, какъ къ общему центру, къ озерному резервуару. Но на сѣверѣ озера Альбертъ-Ніанца притоки расположены поперемѣнно то на одномъ, то на другомъ берегу Нила. Въ той части рѣчнаго теченія, которая оканчивается болотами озера Но, притоки приходятъ съ запада; сѣвер-

¹⁾ Wilson and Felkin, цитированное сочиненіе.

²⁾ Samuel Baker, „Alber Nyanza“.

³⁾ Marne;—Schweinfurth, „Au coeur de l'Afrique“.

⁴⁾ Marne, цитированное сочиненіе.

¹⁾ Schnepp, „Bulletin de l'Institut Egyptien“, 1861-1862;—Lombardini, цитированное сочиненіе.

и ѿ, они спускаются съ зеюпскихъ горъ, лежащихъ на востокъ отъ рѣки: далѣе, на пространствѣ 2.500 километровъ, Ниль не получаетъ болѣе ни одного притока ни съ правой, ни съ лѣвой стороны; овраги, впадающіе въ его долину, даютъ во время рѣдкихъ ливней лишь временные ручьи, скоро пересыхающіе. Великая рѣка жаркаго пояса походитъ на обгорѣлое дерево, сохранившее лишь два пучка вѣтвей. Единственный между большими потоками земной поверхности, Ниль является въ наибольшей части своего протяженія рѣкой безъ бассейна, дающаго притоки. На западномъ его берегу нужно подняться вверхъ по рѣкѣ на 3.700 километровъ отъ устья, прежде чѣмъ встрѣтишь притокъ, существующій дольше периода проливныхъ дождей; но начиная съ этого пункта контрастъ полный и внезапный: вслѣдствіе перемѣн климата, отражающейся на почвѣ, полоса равнинъ и бесплодныхъ скалъ вдругъ смыкается областю, гдѣ воды текутъ въ изобилии.

Вся страна треугольной формы, заключающаяся между течениемъ Бахръ-эль-Джебель, водораздѣльной линіей между Ниломъ и Конго и возвышеностями области Форъ, перерѣзана рѣками, которая почти все сходятся въ направлениіи бывшаго озера, засыпаннаго остатками растеній. Вмѣстѣ со своими притоками и подпритоками, эти рѣки образуютъ обширный лабиринтъ, въ которомъ изслѣдователямъ очень трудно ориентироваться, особенно по причинѣ множества названий, такъ какъ каждый потокъ имѣеть, какъ и самъ Ниль, столько наименований, сколько есть разныхъ племенъ въ его долинѣ или въ сосѣдствѣ. Назовемъ здѣсь лишь главные изъ этихъ притоковъ: Ией, теряющійся въ прибрежныхъ болотахъ Нила; Роль, впадающій въ Бахръ-эль-Газаль; Роя, соединяющейся съ Тонджей, чтобы образовать рѣку Ашабу; Діуръ, сливающейся съ Бахръ-эль-Газалемъ близъ Мешра-эрь Рекъ (то-есть «Рекскій Амбаркадеръ») и дающей «Рѣкѣ Газелей» больше воды, чѣмъ всѣ другіе притоки; Панго, притокъ Діура; наконецъ Фамикамъ, болѣе известный подъ именемъ Бахръ-эль-Арабъ, «Рѣка арабъ»: эта рѣка, ограничивающая на сѣверѣ всю область истеченія и продолжаящаяся Бахръ-эль-Газалемъ, увлекаетъ Ниль въ восточномъ направлениіи. Общий скатъ болышиства этихъ рѣкъ весьма незначителенъ; самая быстрая изъ нихъ берутъ начало въ горахъ, соединяясь съ озеромъ Мвутанъ-Нзиге; но есть между ними такія, теченіе которыхъ, отъ начальной до конечной его точки, находится въ области равнинъ, такъ что, переходя ихъ истоки и вступая въ бассейнъ Конго, не замѣчаешь промежуточного порога. Въ нижней части своего теченія Роль, Діуръ и другіе притоки Нила, не будучи въ состояніи изливаться довольно скоро въ главную рѣку, запруженную травой, вы-

ступаютъ, подобно Нилу, изъ береговъ, и въ періодъ наводненія вся страна, на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ квадр. километровъ, превращается въ одно непроходимое болото. Большая доля атмосферной воды, выпадающей въ этой области нильскаго бассейна, испаряется, не достигая теченія рѣки; въ одной этой части рѣчного бассейна годовые дожди представляютъ массу воды, болѣе значительную, чѣмъ сколько катить Ниль передъ Каиромъ.

У поворота, который дѣлаетъ Ниль ниже области камышей и травъ, чтобы снова принять свое нормальное направленіе къ сѣверу, онъ принимаетъ въ себя съ восточной стороны притокъ Собать, обозначаемый тоже множествомъ различныхъ наименованій. Приводимъ здѣсь названія Верхняго Нила и его притоковъ:

Ниль: Кивира, Сомерсетъ (между двумя большими озерами); Мери, у племени мади; Карре, у племени бари; Киръ, у племени денка; Іеръ, у нуэръ; Бахръ-эль-Джебель, у арабовъ между озерами Мвутанъ-Нзиге и Но; Бахръ-эль-Абіадъ, внизъ отъ Собата.

Іей: Ай, Догургур, Джемидъ, Роди, Бахръ-Лау.

Роль: Намъ-Роль, Феріаль, Велли, Іабо, Намъ-Гель.

Роя: Меридди, Бахръ-Джау.

Тонджъ: Лесси, Доггору, Куанъ.

Діуръ: Горе, Ньенамъ, Бахръ-Бау, Угуль, Реляба.

Панго: Джи, Диши, Онгакеаръ, Бахръ-эль-Хомръ.

Фаникамъ или Бахръ-эль-Арабъ: Ліалуй, Лоль, Лолло, Комбомъ.

Собать: Бахръ-эль-Мокате арабовъ; Вайкъ, Тельфіу, Вахъ или Тахъ, у шилуковъ; Пиньянъ или Тильфи, у нуэръ; Біель, Кіети, Киди или Кираидиль, у племени денка.

Рѣка Собать, бассейнъ которой очень обширенъ, и которую Руссегеръ считалъ истиннымъ Ниломъ, есть первый притокъ, получающій часть своей жидкой массы съ зеюпскихъ горъ, въ самомъ дѣлѣ, этотъ притокъ часто катить большее количество воды, чѣмъ Бахръ-эль-Джебель; когда онъ въполномъ разливѣ, воды главной рѣки останавливаются передъ его теченіемъ и отливаютъ назадъ, вмѣстѣ съ принесенными ими массами травы ¹). Если судить по цвѣту его бѣловатаго потока, въ которомъ теряется темная вода Нила, Собать имѣеть больше правъ на название Бахръ-эль-Абіадъ или «Бѣлая Рѣка» ²). Нѣкоторые притоки Собата зарождаются въ низменностяхъ, простирающихся на востокъ отъ Нила; но самый важный изъ нихъ беретъ начало гораздо восточнѣе, въ высокихъ длинахъ горъ Геша, обра-

¹; Sammel Baker, „Ismailia“.

²) Russegger;—Hansal;—Beke, „Sources of the Nile“.

зующихъ водораздѣльную возвышенность между покатостями Средиземного моря и Индійского океана. Эта рѣка Баро, означаемая, кромѣ того, какъ и всѣ другія рѣки бассейна, десяткомъ различныхъ наименованій, проходитъ, привступленіи въ равнину, черезъ болотистое озеро Бехайръ (по-арабски), которое голландецъ Шуверь, въ память своей родины, назвалъ «Гарлемскимъ моремъ». Баро приносить Собату, въ періодъ дождей, большое количество воды. Въ 120 километрахъ оть слиянія съ Ниломъ путешественникъ Пруйсенеръ измѣрилъ протокъ этой рѣки 15 июня 1862 года: она катаила тогда слишкомъ 1.200 кубич. метровъ воды въ секунду. Поэтому въ эпоху разливовъ

веществъ мутны, блѣдоваты; воды Голубой Рѣки, спускающейся изъ каменистой страны, вообще болѣе чисты и прозрачны. Но главный контрастъ между двумя потоками-соперниками происходитъ отъ разности ихъ стока или количества протекающей воды, смотря по времени года. Западный Ниль—самый значительный по длини теченія, такъ какъ отъ Хартума до его истока, еще не найденного, разстояніе больше, чѣмъ отъ того же города до Средиземнаго моря—отличается въ то же время большей правильностью содержанія: его жидкая масса, регулируемая большими озерами и болотами, окружающими озеро Но, сохраняетъ большую равномѣрность въ продолженіе цѣлаго

Ниль у Хартума.

судоходство можетъ производиться безпрепятственно во всей нижней части Собата; но если пловцы не удалятся вѣ-время, то они сильно рискуютъ застрянутъ на песчаной мели, какъ это случилось съ купцомъ Андреа Дебоне, который, въ продолженіе одиннадцати мѣсяцевъ, былъ плѣнникомъ рѣки.

Ниже впаденія Собата Ниль принимаетъ, наконецъ, въ обыкновенной рѣчи, то арабское название Бахръ-эль-Абіадъ или «Бѣлая Рѣка», которымъ онъ вообще обозначается европейцами вверхъ отъ Хартума, гдѣ другой Ниль, Бахръ-эль-Азракъ, «Голубая Рѣка», приходитъ ему на встрѣчу. Эти два потока, въ самомъ дѣлѣ, рѣзко различаются цветомъ своихъ водъ: воды Бѣлой Рѣки отъ примѣси органическихъ

года: уровень ея не такъ низокъ въ періодъ мелководія и не такъ высокъ въ эпоху разливовъ, какъ въ восточномъ. Порывистый Бахръ-эль-Азракъ обнаруживаетъ свойства горныхъ ручьевъ; едва только большия ливни выпадутъ на плоскогорьяхъ Эїопіи, какъ уже волны наводненія бурнымъ потокомъ несутся по рѣчному ложу; тогда стокъ Голубой Рѣки превышаетъ стокъ Бѣлой, и, заключая по этой импонирующій массѣ воды, путешественники долгое время, по примѣру Брюса, ставили на первое мѣсто Ниль восточный. Но со временеми открытій Спика, Гранта и Бекера на эту рѣку нельзя смотрѣть иначе, какъ на простой притокъ Бахръ-эль-Абіада; среднее количество несомой ею воды менѣе значительно, и барки не могутъ

плавать по ней въ мелководье. Какъ было сказано, Бѣлый Нилъ поддерживаетъ теченіе рѣки до самаго моря, но Голубой Нилъ приноситъ благодѣтельное наводненіе: безъ первого потока не было бы Египта; безъ втораго эта страна не имѣла бы того баснословнаго плодородія, какимъ она прославилась со временемъ глубокой древности¹⁾). Рѣки Эйопіи не только изливаются въ равнину нильской дельты плодотворную воду, онѣ приносятъ ей также землю, постоянно обновляющую почву, обеспечивая навсегда непрерывную сѣнью жатвъ. Это въ эйопскихъ горахъ нужно искать объясненія тайны египетской рѣки, которая каждый годъ переполняется и выступаетъ изъ береговъ, затѣмъ снова входить въ свое русло, совершивъ дѣло оплодотворенія земли. Нельзя не пожалѣть, что количество протекающей воды не было измѣreno правильнымъ образомъ въ обоихъ Нилахъ; Хартумскій нилометръ служить лишь для вычисленія стока Голубаго Нила²⁾.

Бахръ-эль-Абіадъ: Половодье — 5.005 куб. метр. (Линантъ); мелководіе — 277 куб. метр. (Линантъ).

Бахръ-эль-Азреиъ: Половодье — 6.104 куб. метр. (Линантъ); мелководіе — 150 куб. метр.

При сліяніи двухъ Ниловъ мы находимся уже въ странѣ, известной създревле. Бахръ-эль-Азрекъ — это *Astarus* Птоломея; возможно даже, что римляне знали мѣсто происхожденія этой рѣки, ибо они изображаютъ ее на картахъ вытекающею изъ озера *Coloe Parus*, но помѣщая это озеро на 12 градусовъ къ югу отъ настоящаго его положенія. Тана или Цана разсматривается какъ тотъ озерный резервуаръ, откуда вытекаетъ Абай, хотя рѣка Бешто, берущая начало въ 250 километрахъ восточнѣе, должна бы быть признана за главную вѣтвь, если бы принимать во вниманіе только длину теченія³⁾). Истокъ Таны имѣетъ преимущество, что онъ гораздо болѣе постояненъ въ своемъ содержаніи, благодаря озеру, которое регулируетъ расходъ воды, поднимаясь медленно въ сезонъ разлива, понижаясь также съ нечувствительной постепенностю въ періодъ засухи: годовая разность между крайними уровнями озера не превышаетъ одного метра. Абай, самая многоводная изъ рѣкъ, изливающихся въ этотъ бассейнъ, береть начало въ Гишъ-Абаѣ, близъ сѣверо-восточнаго основанія пѣши Денгуйя⁴⁾, въ сотни километровъ отъ озера. Нѣть сомнѣнія, что португальцы, поселившіеся колоніей въ этой области въ концѣ шестнадцатаго столѣтія, поѣтили истоки Абая; но первое описание этихъ исто-

ковъ было дано іезуитомъ Педро Паэзъ. По его словамъ, воды этой рѣки, просачиваясь изъ болотистаго луга, образуютъ маленькое прозрачное озеро, которое туземцы называютъ «бездоннымъ», потому что не могутъ достать его дна своими копьями. Изъ озера выходитъ ручей, теченіе котораго можно примѣтить лишь по колеблющемуся подъ ногами травянистому ковру прикрывающей его трясинѣ; затѣмъ, въ 2 километрахъ ниже, вода появляется на поверхности: это и есть рѣка, которую португальцы и Брюсъ называли Ниломъ⁵⁾). Воспаменяющаяся испаренія газовъ, безъ сомнѣнія, блуждающіе огоньки, видимые надъ истоками Абая, сдѣлали этотъ потокъ предметомъ поклоненія у окрестныхъ туземцевъ, которые и теперь еще приносятъ животныхъ въ жертву геніямъ рѣки⁶⁾). Имѣя около 10 метровъ въ ширину, Абай изливается въ юго-западный заливъ озера Тана; воды его, часто мутныя, отложили въ озерномъ бассейнѣ длинный аллювиальный полуостровъ, дельту, изрѣзанную блуждающими устьями. Но потокъ, выходящій изъ озера, и который также называются Абаемъ — чисто голубаго цвѣта и вполнѣ заслуживаетъ данное ему арабами название Бахръ-эль-Азрекъ или Азракъ, то-есть «Голубая Рѣка». Такъ же, какъ относительно всѣхъ другихъ озерныхъ бассейновъ, гдѣ главный притокъносить то же название, какъ и истокъ, туземцы и путешественники наперевѣръ другъ передъ другомъ повторяютъ, что Абай или Голубой Нилъ проходитъ черезъ озеро Тана, не смѣшиваясь съ окружающими водами. Но это, очевидно, дѣло невозможное: въ силу различія температуръ, вода Верхняго Абая должна разливаться далеко по поверхности озера или погружаться въ глубины; но, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что существуетъ чувствительное теченіе, направляющееся отъ входного устья къ выходному, и это теченіе, образуемое водами самого озера, часто отличается издали отсѣчиваніемъ поверхности⁷⁾.

Озеро Тана не можетъ быть сравниваемо по пространству съ большими озерами Средней Африки: по измѣреніямъ Штеккера, площадь его 2.980 квадр. километровъ (по картѣ Антуана д'Аббади, 3.940 квадр. килом.), следовательно, менѣе одной двадцатой площади озера Ніанца; прежде оно имѣло болѣе значительные размѣры, какъ о томъ свидѣтельствуютъ, преимущественно на сѣверѣ, нѣсколько аллювиальныхъ равнинъ. Общая форма его напоминаетъ кратеръ вулкана, за исключеніемъ южной части, гдѣ оно продолжается, въ видѣ залива, къ выходному лиману. Многіе писатели высказали

¹⁾ Samuel Baker, „The Nile tributaries of Abyssinia“;— Winwood Reade, „Martyrdom of Man“.

²⁾ Mason, „Bulletin de la Société de Géographie du Caire“, 1882.

³⁾ Th. von Heuglin, „Reise nach Abessinien“.

⁴⁾ Antoine d'Abbadie, „Géodésie d'Abyssinie“, карта № 5.

⁵⁾ Desborough Cooley, „Notice sur le P. Pedro Paez“; „Bulletin de la Société de Géographie“, 1872.

⁶⁾ Beke, „Journal of the Geographical Society“, 1844.

⁷⁾ Stecker, „Mittheilungen des Afrikanischen Gesellschaft in Deutschland“, 1881.

предположение, что это озеро въ самомъ дѣль представляетъ огромную вулканическую воронку; но проще было бы видѣть въ немъ бассейнъ, образовавшійся вслѣдствіе провала,—

а круглые острова, выступающіе изъ его воды, были, повидимому, конусы изверженія. Вѣроятно, въ центральной части бассейна глубина весьма значительна; Роше-д'Эрикуръ нашелъ

Видъ берега Нянца въ У-Гандѣ.

бассейнъ, какихъ не мало встрѣчается въ различныхъ странахъ, скрывающихъ въ своихъ вѣдрахъ подземные очаги. Базальтовые холмы, поднимающіеся въ иѣсколькихъ сотняхъ метровъ, высится въ видѣ мысовъ вокругъ озера,

197 метровъ глубины недалеко отъ острова Метераха или Матраха, близъ восточного берега; но промѣры, сдѣланные впослѣдствіи въ тѣхъ же водахъ, кажется, указываютъ ошибку въ его измѣреніяхъ: наибольшая тол-

иѣ, они спускаются съ зеюпскихъ горъ, лежащихъ на востокѣ отъ рѣки: далѣе, на пространствѣ 2.500 километровъ, Ниль не получаетъ болѣе ни одного притока ни съ правой, ни съ лѣвой стороны; овраги, впадающіе въ его долину, даютъ во время рѣдкихъ ливней лишь временные ручьи, скоро пересыхающіе. Великая рѣка жаркаго пояса походитъ за обгорѣлое дерево, сохранившее лишь два пучка вѣтвей. Единственный между большими потоками земной поверхности, Ниль является въ наибольшей части своего протяженія рѣкой безъ бассейна, дающаго притоки. На западномъ его берегу нужно подняться вверхъ по рѣкѣ на 3.700 километровъ отъ устья, прежде чѣмъ встрѣтишь притокъ, существующій дольше периода проливныхъ дождей; но начиная съ этого пункта контрастъ полный и внезапный: вслѣдствіе перемѣнъ климата, отражающейся на почвѣ, полоса равнинъ и бесплодныхъ скалъ вдругъ сменяется областью, где воды текутъ въ изобилии.

Вся страна треугольной формы, заключающаяся между теченіемъ Бахръ-эль-Джебель, водораздѣльной линіей между Ниломъ и Конго и возвышеностями области Форъ, перерѣзана рѣками, которая почти всѣ сходятся въ направлении бывшаго озера, засыпанного остатками растеній. Вмѣстѣ со своими притоками и подпритоками, эти рѣки образуютъ обширный лабиринтъ, въ которомъ изслѣдователямъ очень трудно ориентироваться, особенно по причинѣ множества названій, такъ какъ каждый потокъ имѣеть, какъ и самъ Ниль, столько наименованій, сколько есть разныхъ племенъ въ его долинѣ или въ сопѣствѣ. Назовемъ здѣсь лишь главные изъ этихъ притоковъ: Ией, теряющійся въ прибрежныхъ болотахъ Нила; Роль, впадающей въ Бахръ-эль-Газаль; Роя, соединяющейся съ Тонджеемъ, чтобы образовать рѣку Ашабу; Діуръ, сливающейся съ Бахръ-эль-Газалемъ близъ Мешра-эрь Рекъ (то-есть «Рекскій Амбаркадеръ») и дающей «Рѣкѣ Газелей» больше воды, чѣмъ всѣ другіе притоки; Панго, притокъ Діура; паконецъ Фамикамъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Бахръ-эль-Арабъ, «Рѣка арабъ»: эта рѣка, ограничивающая на сѣверѣ всю область истечения и продолжающаяся Бахръ-эль-Газалемъ, увлекаетъ Ниль въ восточномъ направлении. Общий скатъ большинства этихъ рѣкъ весьма незначителенъ; самая быстрая изъ нихъ берутъ начало въ горахъ, сопѣднихъ съ озеромъ Мвутанъ-Нзиге; но есть между ними такія, теченіе которыхъ, отъ начальной до конечной его точки, находится въ области равнинъ, такъ что, переходя ихъ истоки и вступая въ бассейнъ Конго, не замѣчаешь промежуточнаго порога. Въ нижней части своего теченія Роль, Діуръ и другіе притоки Нила, не будучи въ состояніи изливаться довольно скоро въ главную рѣку, запруженную травой, вы-

ступаютъ, подобно Нилу, изъ береговъ, и въ періодъ наводненія вся страна, на пространствѣ несколькихъ тысячъ квадр. километровъ, преиращается въ одно непроходимое болото. Большая доля атмосферной воды, выпадающей въ этой области нильскаго бассейна, испаряется, не достигая теченія рѣки; въ одной этой части рѣчного бассейна годовые дожди представляютъ массу воды, болѣе значительную, чѣмъ сколько катить Ниль передъ Каиромъ.

У поворота, который дѣлаетъ Ниль ниже области камышей и травъ, чтобы снова принять свое нормальное направленіе къ сѣверу, онъ принимаетъ въ себя съ восточной стороны притокъ Собать, обозначаемый тоже множествомъ различныхъ наименованій. Приводимъ адѣль названія Верхняго Нила и его притоковъ:

Ниль: Кивира, Сомерсеть (между двумя большими озерами); Мери, у племени мади; Карре, у племени бари; Киръ, у племени денка; Іеръ, у нуэръ; Бахръ-эль-Джебель, у арабовъ между озерами Мвутанъ-Нзиге и Но; Бахръ-эль-Абіадъ, внизъ отъ Собата.

Іей: Айи, Догургуро, Джемидъ, Роди, Бахръ-Лау.

Роль: Намъ-Роль, Феріаль, Велли, Габо, Намъ-Гель.

Роя: Меридди, Бахръ-Джау.

Тондже: Лесси, Доггору, Куанъ.

Діуръ: Горе, Ньянамъ, Бахръ-Бау, Угуль, Реляба.

Панго: Джи, Диши, Онгакеаръ, Бахръ-эль-Хомръ.

Фаникамъ или Бахръ-эль-Арабъ: Ліалуй, Лоль, Лолло, Комкомъ.

Собать: Бахръ-эль-Мокате арабовъ; Вайкъ, Тельфіу, Вахъ или Тахъ, у шилуковъ; Пиньянъ или Тильфи, у нуэръ; Біель, Кіети, Киди или Кираидиль, у племени денка.

Рѣка Собать, бассейнъ которой очень обширенъ, и которую Руссегеръ считалъ истиннымъ Ниломъ, есть первый притокъ, получающей часть своей жидкой массы съ зеюпскихъ горъ; въ самомъ дѣлѣ, этотъ притокъ часто катитъ большее количество воды, чѣмъ Бахръ-эль-Джебель; когда онъ въполномъ разливѣ, воды главной рѣки остаиваются передъ его теченіемъ и отливаютъ назадъ, вмѣстѣ съ принесенными ими массами травы ¹). Если судить по цвѣту его бѣловатаго потока, въ которомъ теряется темная вода Нила, Собать имѣеть больше правъ на название Бахръ-эль-Абіадъ или «Бѣлая Рѣка» ²). Нѣкоторые притоки Собата зарождаются въ низменностяхъ, простирающихся на востокѣ отъ Нила; но самый важный изъ нихъ беретъ начало гораздо восточнѣе, въ высокихъ долинахъ горъ Геша, обра-

¹) Sammel Baker, „Ismailia“.

²) Russegger;—Hansal;—Beke, „Sources of the Nile“.

зующихъ водораздѣльную возвышенность между плакатостями Средиземного моря и Индийского океана. Эта рѣка Баро, означаемая, кромѣ того, какъ и всѣ другія рѣки бассейна, десяткомъ различныхъ наименованій, проходитъ, при вступлении въ равнину, черезъ болотистое озеро Бехайръ (по-арабски), которое голландецъ Шуверь, въ память своей родины, назвалъ «Гарлемскимъ моремъ». Баро приносить Собату, въ периодъ дождей, большое количество воды. Въ 120 километрахъ отъ слиянія съ Ниломъ путешественникъ Пруисенеръ измѣрялъ протокъ этой рѣки 15 июня 1862 года: она катаила тогда слишкомъ 1.200 кубич. метровъ воды въ секунду. Поэтому въ эпоху разливовъ

веществъ мутны, блѣдоваты; воды Голубой Рѣки, спускающейся изъ каменистой страны, вообще болѣе чисты и прозрачны. Но главный контрастъ между двумя потоками-соперниками происходитъ отъ разности ихъ стока или количества протекающей воды, смотря по времени года. Западный Ниль—самый значительный по длини теченія, такъ какъ отъ Хартума до его истока, еще не найденного, разстояніе больше, чѣмъ отъ того же города до Средиземного моря—отличается въ то же время большей правильностью содержанія: его жидкая масса, регулируемая большими озерами и болотами, окружающими озеро Но, сохраняетъ большую равномѣрность въ продолженіе цѣлаго

Ниль у Хартума.

судоходство можетъ производиться безпрепятственно во всей нижней части Собата; но если пловцы не удалятся вѣ-время, то они сильно рискуютъ застрять на песчаной мели, какъ это случилось съ купцомъ Андреа Дебони, который, въ продолженіе одиннадцати мѣсяцевъ, былъ пленникомъ рѣки.

Ниже впаденія Собата Ниль принимаетъ, наконецъ, въ обыкновенной рѣчи, то арабское название Бахръ-эль-Абіадъ или «Бѣлая Рѣка», которымъ онъ вообще обозначается европейцами вверхъ отъ Хартума, где другой Ниль, Бахръ-эль-Азракъ, «Голубая Рѣка», приходить ему на встрѣчу. Эти два потока, въ самомъ дѣлѣ, рѣзко различаются цветомъ своихъ водъ: воды Бѣлой Рѣки отъ примѣси органическихъ

года: уровень ея не такъ визокъ въ періодъ мелководія и не такъ высокъ въ эпоху разливовъ, какъ въ восточномъ. Порывистый Бахръ-эль-Азракъ обнаруживаетъ свойства горныхъ ручьевъ; едва только большие ливни выпадутъ на плоскогорьяхъ Эїопіи, какъ уже волны наводненія бурнымъ потокомъ несутся по рѣчному ложу; тогда стокъ Голубой Рѣки превышаетъ стокъ Бѣлой, и, заключая по этой импонирующій массѣ воды, путешественники долгое время, по примѣру Брюса, ставили на первое место Ниль восточный. Но со временеми открытій Спика, Гранта и Бекера на эту рѣку нельзя смотрѣть иначе, какъ на простой притокъ Бахръ-эль-Абіада; среднее количество несомой ею воды менѣе значительно, и барки не могутъ

вѣ, они спускаются съ эюопскихъ горъ, лежащихъ на востокъ отъ рѣки: далѣе, на пространствѣ 2.500 километровъ, Ниль не получаетъ болѣе ни одного притока ни съ правой, ни съ лѣвой стороны; овраги, впадающіе въ его долину, даютъ во время рѣдкихъ ливней лишь временные ручьи, скоро пересыхающіе. Великая рѣка жаркаго пояса походитъ на обгорѣлое дерево, сохранившее лишь два пучка вѣтвей. Единственный между большими потоками земной поверхности, Ниль является въ наибольшей части своего протяженія рѣкой безъ бассейна, дающаго притоки. На западномъ его берегу нужно подняться вверхъ по рѣкѣ на 3.700 километровъ отъ устья, прежде чѣмъ встрѣтишь притокъ, существующій дольше периода проливныхъ дождей; но начиная съ этого пункта контрастъ полный и внезапный: вслѣдствіе перемѣнъ климата, отражающейся на почвѣ, полоса равнинъ и бесплодныхъ скалъ вдругъ смыняется областью, гдѣ воды текутъ въ изобилии.

Вся страна треугольной формы, заключающаяся между теченіемъ Бахръ-эль-Джебель, водораздѣльной ливией между Ниломъ и Конго и возвышеностями области Форъ, перерѣзана рѣками, которая почти всѣ сходятся въ направлениіи бывшаго озера, засыпанаго остатками растеній. Вмѣстѣ со своими притоками и подпритоками, эти рѣки образуютъ обширный лабиринтъ, въ которомъ изслѣдователямъ очень трудно ориентироваться, особенно по причинѣ множества названій, такъ какъ каждый потокъ имѣеть, какъ и самъ Ниль, столько наименованій, сколько есть разныхъ племенъ въ его долинѣ или въ сосѣдствѣ. Назовемъ здѣсь лишь главные изъ этихъ притоковъ: Ией, теряющійся въ прибрежныхъ болотахъ Нила; Роль, впадающій въ Бахръ-эль-Газаль; Роя, соединяющійся съ Тонджей, чтобы образовать рѣку Анабу; Діуръ, сливающійся съ Бахръ-эль-Газалемъ близъ Мешра-эрь Рекъ (то-есть «Рекскій Амбаркадеръ») и дающій «Рѣкѣ Газелей» больше воды, чѣмъ всѣ другіе притоки; Панго, притокъ Діура; наконецъ Фамикамъ, болѣе известный подъ именемъ Бахръ-эль-Арабъ, «Рѣка арабовъ»: эта рѣка, ограничивающа на сѣверѣ всю область истечения и продолжающаяся Бахръ-эль-Газалемъ, увлекаетъ Ниль въ восточномъ направленіи. Общий скатъ большинства этихъ рѣкъ весьма незначителенъ; самая быстрая изъ нихъ берутъ начало въ горахъ, сосѣднихъ съ озеромъ Мвутань-Нзиге; но есть между ними такія, теченіе которыхъ, отъ начальной до конечной его точки, находится въ области равнинъ, такъ что, переходя ихъ истоки и вступая въ бассейнъ Конго, не замѣчаешь промежуточного порога. Въ нижней части своего теченія Роль, Діуръ и другіе притоки Нила, не будучи въ состояніи изливаться довольно скоро въ главную рѣку, запруженную травой, вы-

ступаютъ, подобно Нилу, изъ береговъ, и въ періодъ наводненія вся страна, на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ квадр. километровъ, превращается въ одно непроходимое болото. Большая доля атмосферной воды, выпадающей въ этой области нильскаго бассейна, испаряется, не достигая течеяія рѣки; въ одной этой части рѣчного бассейна годовые дожди представляютъ массу воды, болѣе значительную, чѣмъ сколько катить Ниль передъ Каиромъ.

У поворота, который дѣлаетъ Ниль ниже области камышей и травъ, чтобы снова принять свое нормальное направление къ сѣверу, онъ принимаетъ въ себя съ восточной стороны притокъ Собатъ, обозначаемый тоже множествомъ различныхъ наименованій. Приводимъ здѣсь названія Верхняго Нила и его притоковъ:

Ниль: Кивира, Сомерсеть (между двумя большими озерами); Мери, у племени мади; Карре, у племени бари; Киръ, у племени денка; Герь, у нуэротовъ; Бахръ-эль-Джебель, у арабовъ между озерами Мвутань-Нзиге и Но; Бахръ-эль-Абіадъ, внизъ отъ Собата.

Ией: Айи, Догургуру, Джемидъ, Роди, Бахръ-Лау.

Роль: Намъ-Роль, Феріаль, Велли, Іабо, Намъ-Гель.

Роя: Меридди, Бахръ-Джау.

Тонджъ: Лесси, Доггору, Куанъ.

Діуръ: Горе, Ньянамъ, Бахръ-Бау, Угуль, Реляба.

Панго: Джи, Диши, Онгакеаръ, Бахръ-эль-Хомръ.

Фаникамъ или Бахръ-эль-Арабъ: Ліалуй, Лоль, Лолло, Комбомъ.

Собатъ: Бахръ-эль-Мокате арабовъ; Вайкъ, Тельфіу, Вахъ или Тахъ, у шилуковъ; Пиньянъ или Тильфи, у нуэротовъ; Біель, Кіети, Киди или Кирадидъ, у племени денка.

Рѣка Собатъ, бассейнъ которой очень обширенъ, и которую Руссегеръ считалъ истиннымъ Ниломъ, есть первый притокъ, получающей часть своей жидкой массы съ эюопскихъ горъ; въ самомъ дѣлѣ, этотъ притокъ часто катить большее количество воды, чѣмъ Бахръ-эль-Джебель; когда онъ въполномъ разливѣ, воды главной рѣки останавливаются передъ его теченіемъ и отливаютъ назадъ, вмѣстѣ съ привнесенными ими массами травы ¹). Если судить по цвѣту его бѣловатаго потока, въ которомъ теряется темная вода Нила, Собатъ имѣеть больше правъ на название Бахръ-эль-Абіадъ или «Бѣлая Рѣка» ²). Нѣкоторые притоки Собата зарождаются въ визиенностяхъ, простирающихся на востокъ отъ Нила; но самый важный изъ нихъ беретъ начало гораздо восточнѣе, въ высокихъ долинахъ горъ Геша, обра-

¹) Sammel Baker, „Ismailia“.

²) Russegger;—Hansal;—Beke, „Sources of the Nile“.

зующихъ водораздѣльную возвышенность между покатостями Средиземного моря и Индійского океана. Эта рѣка Баро, означаемая, кроме того, какъ и всѣ другія рѣки бассейна, десяткомъ различныхъ наименованій, проходитъ, при вступлении въ равнину, черезъ болотистое озеро Бехайръ (по-арабски), которое голландецъ Шуверъ, въ память своей родины, назвалъ «Гарлемскимъ моремъ». Баро приносить Собату, въ периодъ дождей, большое количество воды. Въ 120 километрахъ отъ слиянія съ Ниломъ путешественникъ Пруисенеръ измѣрялъ протокъ этой рѣки 15 июня 1862 года: она катаила тогда слишкомъ 1.200 кубич. метровъ воды въ секунду. Поэтому въ эпоху разливовъ

веществъ мутны, бловаты; воды Голубой Рѣки, спускающейся изъ каменистой страны, вообще болѣе чисты и прозрачны. Но главный контрастъ между двумя потоками-соперниками происходитъ отъ разности ихъ стока или количества протекающей воды, смотря по времени года. Западный Ниль—самый значительный по длини теченія, такъ какъ отъ Хартума до его истока, еще не найденного, разстояніе больше, чѣмъ отъ того же города до Средиземнаго моря—отличается въ то же время большей правильностью содержанія: его жидкая масса, регулируемая большими озерами и болотами, окружающими озеро Но, сохраняетъ большую равномѣрность въ продолженіе цѣлаго

Ниль у Хартума.

судоходство можетъ производиться безпрепятственно во всей нижней части Собата; но если пловцы не удалятся вѣ-время, то они сильно рискуютъ застрять на песчаной мели, какъ это случилось съ купцомъ Андреа Дебово, который, въ продолженіе одиннадцати мѣсяцевъ, былъ пленникомъ рѣки.

Ниже впаденія Собата Ниль принимаетъ, наконецъ, въ обыкновенной рѣчи, то арабское название Бахръ-аль-Абіадъ или «Бѣлая Рѣка», которымъ онъ вообще обозначается европейцами виерхъ отъ Хартума, где другой Ниль, Бахръ-аль-Азракъ, «Голубая Рѣка», приходитъ ему на встрѣчу. Эти два потока, въ самомъ дѣлѣ, рѣзко различаются цветомъ своихъ водъ: воды Бѣлой Рѣки отъ примѣси органическихъ

года: уровень ея не такъ виокъ въ періодъ мелководія и не такъ высокъ въ эпоху разливовъ, какъ въ восточномъ. Порывистый Бахръ-аль-Азракъ обнаруживаетъ свойства горныхъ ручьевъ; едва только большие ливни выпадутъ на плоскогорьяхъ Эїопіи, какъ уже волны наводненія бурнымъ потокомъ несутся по рѣчному ложу; тогда стокъ Голубой Рѣки превышаетъ стокъ Бѣлой, и, заключая по этой импонирующій массѣ воды, путешественники долгое время, по примѣру Брюса, ставили на первое мѣсто Ниль восточный. Но со временеми открытій Спика, Гранта и Бекера на эту рѣку нельзя смотрѣть иначе, какъ на простой притокъ Бахръ-аль-Абіада; среднее количество несомой ею воды менѣе значительно, и барки не могутъ

иже, они спускаются съ зеюпскихъ горъ, лежащихъ на востокѣ отъ рѣки: далѣе, на пространствѣ 2.500 километровъ, Нилъ не получаетъ болѣе ни одного притока ни съ правой, ни съ лѣвой стороны; овраги, впадающіе въ его долину, даютъ во время рѣдкихъ ливней лишь временные ручьи, скоро пересыхающіе. Великая рѣка жаркаго пояса походитъ на обгорѣлое дерево, сохранившее лишь два пучка вѣтвей. Единственный между большими потоками земной поверхности, Нилъ является въ наибольшей части своего протяженія рѣкой безъ бассейна, дающаго притоки. На западномъ его берегу нужно подняться вверхъ по рѣкѣ на 3.700 километровъ отъ устья, прежде чѣмъ встрѣтишь притокъ, существующій дольше периода проливныхъ дождей; но начиная съ этого пункта контрастъ полный и внезапный: вслѣдствіе перемѣнъ климата, отражающейся на почвѣ, полоса равнинъ и бесплодныхъ скалъ вдругъ сменяется областью, гдѣ воды текутъ въ изобилии.

Вся страна треугольной формы, заключающаяся между течениемъ Бахръ-эль-Джебель, водораздѣльной линіей между Ниломъ и Конго и возвышеностями области Форъ, перерѣзана рѣками, которая почти всѣ сходятся въ направлениіи бывшаго озера, засыпанаго остатками растеній. Вмѣстѣ со своими притоками и подпритоками, эти рѣки образуютъ обширный лабиринтъ, въ которомъ изслѣдователямъ очень трудно ориентироваться, особенно по причинѣ множества названий, такъ какъ каждый потокъ имѣеть, какъ и самъ Нилъ, столько наименованій, сколько есть разныхъ племенъ въ его долинѣ или въ сосѣдствѣ. Назовемъ здѣсь лишь главные изъ этихъ притоковъ: Ией, теряющійся въ прибрежныхъ болотахъ Нила; Роль, впадающій въ Бахръ-эль-Газаль; Роя, соединяющійся съ Тонджеемъ, чтобы образовать рѣку Арапбу; Діуръ, сливающійся съ Бахръ-эль-Газалемъ близъ Мешра-эръ Рекъ (то-есть «Рекскій Амбаркадеръ») и дающій «Рѣкѣ Газелей» больше воды, чѣмъ всѣ другіе притоки; Панго, притокъ Діура; наконецъ Фамикамъ, болѣе известный подъ именемъ Бахръ-эль-Арабъ, «Рѣка арабовъ»: эта рѣка, ограничивающая на сѣверѣ всю область истечения и продолжающаяся Бахръ-эль-Газалемъ, увлекаетъ Нилъ въ восточномъ направлениіи. Общий скатъ большинства этихъ рѣкъ весьма незначителенъ; самая быстрая изъ нихъ беруть начало въ горахъ, сопѣднихъ съ озеромъ Мвутанъ-Нзиге; но есть между ними такія, теченіе которыхъ, отъ начальной до конечной его точки, находится въ области равнинъ, такъ что, переходя ихъ истоки и вступая въ бассейнъ Конго, не замѣчаешь промежуточного порога. Въ нижней части своего теченія Роль, Діуръ и другіе притоки Нила, не будучи въ состояніи изливаться довольно скоро въ главную рѣку, запруженную травой, вы-

ступаютъ, подобно Нилу, изъ береговъ, и въ періодъ наводненія вся страна, на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ квадр. километровъ превращается въ одно непроходимое болото. Большая доля атмосферной воды, выпадающей въ этой области нильскаго бассейна, испаряется, не достигая теченія рѣки; въ одной этой части рѣчного бассейна годовые дожди представляютъ массу воды, болѣе значительную чѣмъ сколько катить Нилъ передъ Каиромъ.

У поворота, который дѣлаетъ Нилъ виже области камышей и травъ, чтобы снова принять свое нормальное направление къ сѣверу онъ принимаетъ въ себя съ восточной стороны притокъ Собать, обозначаемый тоже множествомъ различныхъ наименованій. Приводимъ здѣсь названія Верхняго Нила и его притоковъ:

Ниль: Кивира, Сомерсеть (между двумя большими озерами); Мери, у племени мади; Карре у племени бари; Киръ, у племени денка; Іеръ у нуэротовъ; Бахръ-эръ Джебель, у арабовъ между озерами Мвутанъ-Нзиге и Но; Бахръ-эръ Абайдъ, внизъ отъ Собата.

Іей: Айи, Догургур, Джемидъ, Роди, Бахръ Лау.

Роль: Намъ-Роль, Феріаль, Велли, Іабо, Намъ Гель.

Роя: Меридди, Бахръ-Джау.

Тондже: Лесси, Доггору, Куантъ.

Діуръ: Горе, Ньянамъ, Бахръ-Бау, Угуль Релаба.

Панго: Джи, Диши, Онгакеаръ, Бахръ-эръ Хомръ.

Фаникамъ или Бахръ-эръ-Арабъ: Ліалуб Лоль, Лолло, Комкомъ.

Собать: Бахръ-эръ-Мокате арабовъ; Вайкъ Тельфиу, Вахъ или Тахъ, у шиллуковъ; Пиньнат или Тильфи, у нуэротовъ; Біель, Кіети, Киди или Кирадидъ, у племени денка.

Рѣка Собать, бассейнъ которой очень обширенъ, и которую Руссегеръ считалъ истиннымъ Ниломъ, есть первый притокъ, получающій часть своей жидкой массы съ зеюпскихъ горъ въ самомъ дѣлѣ, этотъ притокъ часто катитъ большее количество воды, чѣмъ Бахръ-эръ-Джебель; когда онъ въполномъ разливѣ, воды главной рѣки останавливаются передъ его теченіемъ и отливаютъ назадъ, вмѣстѣ съ привнесенными ими массами травы¹). Если судить по цвѣту его бѣловатаго потока, въ которомъ теряется темная вода Нила, Собать имѣеть большее правъ на название Бахръ-эръ-Абайдъ или «Бѣлая Рѣка»²). Нѣкоторые притоки Собата зарождаются въ низменностяхъ, простирающихся на востокѣ отъ Нила, но самый важный изъ нихъ береть начало гораздо восточнѣе, въ высокихъ долинахъ горъ Геша, обра-

¹) Sammel Baker, „Ismailia“.

²) Russegger;—Hausal;—Beke, „Sources of the Nile“.

зующихъ водораздѣльную возвышенность между покатостями Средиземного моря и Индійскаго океана. Эта рѣка Баро, означаемая, кромѣ того, какъ и всѣ другія рѣки бассейна, десяткомъ различныхъ наименованій, проходитъ, при вступлении въ равнину, черезъ болотистое озеро Бехайръ (по-арабски), которое голландецъ Шуверь, въ память своей родины, назвалъ «Гарлемскимъ моремъ». Баро приносить Собату, въ періодъ дождей, большое количество воды. Въ 120 километрахъ оть слиянія съ Ниломъ путешественникъ Пруйсенеръ измѣрилъ протокъ этой рѣки 15 июня 1862 года: она катаила тогда слишкомъ 1.200 кубич. метровъ воды въ секунду. Поэтому въ эпоху разливовъ

веществъ мутны, бловаты; воды Голубой Рѣки, спускающейся изъ каменистой страны, вообще болѣе чисты и прозрачны. Но главный контрастъ между двумя потоками-соперниками происходитъ отъ разности ихъ стока или количества протекающей воды, смотря по времени года. Западный Ниль—самый значительный по длини теченія, такъ какъ отъ Хартума до его истока, еще не найденного, разстояніе больше, чѣмъ отъ того же города до Средиземнаго моря—отличается въ то же время большей правильностью содержанія: его жидкая масса, регулируемая большими озерами и болотами, окружающими озеро Но, сохраняетъ большую равномѣрность въ продолженіе цѣлаго

Ниль у Хартума.

судоходство можетъ производиться безпрепятственно во всей нижней части Собата; но если пловцы не удалятся въ-время, то они сильно рискуютъ застрянутъ на песчаной мели, какъ это случилось съ купцомъ Андреа Дебони, который, въ продолженіе одиннадцати мѣсяцевъ, былъ пленникомъ рѣки.

Ниже впаденія Собата Ниль принимаетъ, наконецъ, въ обыкновенной рѣчи, то арабское название Бахръ-эль-Абіадъ или «Бѣлая Рѣка», которымъ онъ вообще обозначается европейцами вверхъ отъ Хартума, гдѣ другой Ниль, Бахръ-эль-Азракъ, «Голубая Рѣка», приходитъ ему на встречу. Эти два потока, въ самомъ дѣлѣ, рѣзко различаются цветомъ своихъ водъ: воды Бѣлой Рѣки отъ примеси органическихъ

года: уровень ея не такъ низокъ въ періодъ мелководія и не такъ высокъ въ эпоху разливовъ, какъ въ восточномъ. Порывистый Бахръ-эль-Азракъ обнаруживаетъ свойства горныхъ ручьевъ; едва только большие ливни выпадутъ на плоскогорьяхъ Эфіопіи, какъ уже волны наводненія бурнымъ потокомъ несутся по рѣчному ложу; тогда стокъ Голубой Рѣки превышаетъ стокъ Бѣлой, и, заключая по этой импонирующей массѣ воды, путешественники долгое время, по примѣру Брюса, ставили на первое мѣсто Нилъ восточный. Но со временемъ открытій Спика, Гранта и Бекера на эту рѣку нельзя смотрѣть иначе, какъ на простой притокъ Бахръ-эль-Абіада; среднее количество песомой ею воды менѣе значительно, и барки не могутъ

плавать по ней въ мелководье. Какъ было сказано, Бѣлый Нилъ поддерживаетъ теченіе рѣки до самаго моря, но Голубой Нилъ приноситъ благодѣтельное наводненіе: безъ первого потока не было бы Египта; безъ втораго эта страна не имѣла бы того баснословнаго плодородія, какимъ она прославилась со временемъ глубокой древности ¹⁾). Рѣки Эйопіи не только изливаютъ въ равнину нильской дельты плодотворную воду, онѣ приносятъ ей также землю, постоянно обновляющую почву, обеспечивая навсегда непрерывную смѣну жатвъ. Это въ эйопскихъ горахъ нужно искать объясненія тайны египетской рѣки, которая каждый годъ переполняется и выступаетъ изъ береговъ, затѣмъ снова входитъ въ свое русло, совершивъ дѣло оплодотворенія земли. Нельзя не пожалѣть, что количество протекающей воды не было измѣreno правильнымъ образомъ въ обоихъ Нилахъ; Хартумскій километръ служить лишь для вычисленія стока Голубаго Нила ²⁾.

Бахръ-эль-Абайдъ: Половодье — 5.005 куб. метр. (Линантъ); мелководіе — 277 куб. метр. (Линантъ).

Бахръ-эль-Азрекъ: Половодье — 6.104 куб. метр. (Линантъ); мелководіе — 150 куб. метр.

При сліяніи двухъ Ниловъ мы находимся уже въ странѣ, извѣстной създревле. Бахръ-эль-Азрекъ — это *Astarus* Птоломея; возможно даже, что римляне знали мѣсто происхожденія этой рѣки, ибо они изображаютъ ее на картахъ вытекающею изъ озера *Coloe Parus*, но помѣщая это озеро на 12 градусовъ къ югу отъ настоящаго его положенія. Тана или Цана разсматривается какъ тотъ озерный резервуаръ, откуда вытекаетъ Абай, хотя рѣка Бешто, берущая начало въ 250 километрахъ восточнѣе, должна бы быть признана за главную вѣтвь, если бы принимать во вниманіе только длину теченія ³⁾). Истокъ Таны имѣетъ то преимущество, что онъ гораздо болѣе постояненъ въ своемъ содержаніи, благодаря озеру, которое регулируетъ расходъ воды, поднимаясь медленно въ сезонъ разлива, понижаясь также съ нечувствительной постепенностю въ періодъ засухи: годовая разность между крайними уровнями озера не превышаетъ одного метра. Абай, самая многоводная изъ рѣкъ, изливающихся въ этотъ бассейнъ, береть начало въ Гишъ-Абаѣ, близъ сѣверо-восточнаго основанія цѣли Денгуйя ⁴⁾), въ сотнѣ километровъ отъ озера. Нѣть сомнѣнія, что португальцы, поселившіеся колоніей въ этой области въ концѣ шестнадцатаго столѣтія, постили истоки Абая; но первое описание этихъ исто-

ковъ было дано іезуитомъ Педро Паэзомъ. По его словамъ, воды этой рѣки, просачиваясь изъ болотистаго луга, образуютъ маленькое прозрачное озеро, которое туземцы называютъ «бездоннымъ», потому что не могутъ достать его дна своими коньями. Изъ озера выходитъ ручей, теченіе котораго можно примѣтить лишь по колеблющемуся подъ ногами травянистому ковру прикрывающей его трясины; затѣмъ, въ 2 километрахъ ниже, вода появляется на поверхности: это и есть рѣка, которую португальцы и Брюсъ называли Ниломъ ⁵⁾). Воспаменяющія испаренія газовъ, безъ сомнѣнія, блуждающіе огоньки, видимые надъ истоками Абая, сдѣлали этотъ потокъ предметомъ поклоненія у окрестныхъ туземцевъ, которые и теперь еще приносятъ животныхъ въ жертву геніямъ рѣки ⁶⁾). Имѣя около 10 метровъ въ ширину, Абай изливается въ юго-западный заливъ озера Тана; воды его, часто мутные, отложили въ озерномъ бассейнѣ длинный аллювіальный полуостровъ, дельту, изрѣзанную блуждающими устьями. Но потокъ, выходящій изъ озера, и который также называютъ Абаемъ — чисто голубаго цвѣта и вполнѣ заслуживаетъ данное ему арабами название Бахръ-эль-Азрекъ или Азракъ, то-есть «Голубая Рѣка». Такъ же, какъ относительно всѣхъ другихъ озерныхъ бассейновъ, гдѣ главный притокъноситъ то же название, какъ и истокъ, туземцы и путешественники наперерывъ другъ передъ другомъ повторяютъ, что Абай или Голубой Нилъ проходитъ черезъ озеро Тана, не смѣшиваясь съ окружающими водами. Но это, очевидно, дѣло невозможное: въ силу различія температуръ, вода Верхняго Абая должна разливаться далеко по поверхности озера или погружаться въ глубины; но, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что существуетъ чувствительное теченіе, направляющееся отъ входного устья къ выходному, и это теченіе, образуемое водами самого озера, часто отличается издали отсвѣчиваніемъ поверхности ⁷⁾.

Озеро Тана не можетъ быть сравниваемо по пространству съ большими озерами Средней Африки: по измѣреніямъ Штеккера, площадь его 2.980 квадр. километровъ (по картѣ Автуана д'Аббади, 3.940 квадр. килом.), слѣдовательно, менѣе одной двадцатой площади озера Ніанца; прежде оно имѣло болѣе значительные размѣры, какъ о томъ свидѣтельствуютъ, преимущественно на сѣверѣ, нѣсколько аллювіальныхъ равнинъ. Общая форма его напоминаетъ кратеръ вулкана, за исключеніемъ южной части, гдѣ оно продолжается, въ видѣ залива, къ выходному лиману. Многіе писатели высказали

¹⁾ Samuel Baker, „The Nile tributaries of Abyssinia“;—Winwood Reade, „Martyrdom of Man“.

²⁾ Mason, „Bulletin de la Société de Géographie du Caire“, 1882.

³⁾ Th. von Heuglin, „Reise nach Abessinien“.

⁴⁾ Antoine d'Abbadie, „Géodésie d'Afrique“, карта № 5.

⁵⁾ Desborough Cooley, „Notice sur le P. Pedro Paez“; „Bulletin de la Société de Géographie“, 1872.

⁶⁾ Beke, „Journal of the Geographical Society“, 1844.

⁷⁾ Stecker, „Mittheilungen des Afrikanischen Gesellschaft in Deutschland“, 1881.

предположение, что это озеро въ самомъ дѣль представляетъ огромную вулканическую воронку; но проще было бы видѣть въ немъ бассейнъ, образовавшійся вслѣдствіе провала,—

а круглые острова, выступающіе изъ его водъ, были, повидимому, конусы изверженія. Вѣроятно, въ центральной части бассейна глубина весьма значительна; Роше-д'Эрикуръ нашелъ

Видъ берега Нянциа въ У-Гандѣ.

бассейнъ, какихъ не мало встрѣчается въ различныхъ странахъ, скрывающихъ въ своихъ вѣдрахъ подземные очаги. Базальтовые холмы, поднимающіеся въ нѣсколькихъ сотняхъ метровъ, высятся въ видѣ мысовъ вокругъ озера,

197 метровъ глубины недалеко отъ острова Метераха или Матраха, близъ восточного берега; но промѣры, сдѣленные впослѣдствіи въ тѣхъ же водахъ, кажется, указываютъ ошибку въ его измѣреніяхъ: наибольшая тол-

щина слоя воды, найденная Штеккеромъ, всего только 72 метра; впрочемъ, нужно замѣтить, что онъ бросалъ лотъ въ южномъ заливѣ озера, далеко отъ безостровныхъ пространствъ сѣверной части. Вода въ озерѣ Тана замѣчательно чистая и столь же пріятная на вкусъ, какъ и вода Нила; побережье его окаймлено камышами только въ юго-западной части, гдѣ прибрежные жители дѣлаютъ изъ этого длиннаго и легкаго тростника средиземноморскаго вида (*arundo donax*), связывая его въ пучки, лодки или плоты на двухъ или четырехъ гребцовъ, при чемъ въ центрѣ плота помѣщаются высокія скамейки, для того, чтобы товары не заливались водой. Но торговое движение между противоположными берегами незначительно. Сквозь вѣти деревьевъ, образующихъ зеленый поясъ вокругъ живописнаго озера и переплетающихся свою листву съ разнообразно окрашенными листьями ползучихъ растеній, видны только отдаленные горы и островные конусы, окруженные сверкающей или голубой водой. Часто на поверхности водъ появляются гиппопотамы цѣлыми стадами, оставляя за собой длинную борозду; но крокодиловъ нѣтъ въ этомъ озерѣ, хотя они водятся въ Абай, ниже водопадовъ. Между обитателями эзопскаго внутренняго моря, говорить, находится также маленькая морская корова, называемая туземцами *aila*¹⁾; однако, ни одинъ европейскій путешественникъ не видѣлъ ея. Воды чрезвычайно богаты рыбой, принадлежащей по большей части къ роду карповъ и составляющей особую фауну, отличную отъ фауны Нила; двусторчатыя раковины, напоминающія устрицы видомъ, и мясо которыхъ имѣеть такой же вкусъ, какъ мясо устрицъ, живутъ на отмеляхъ прибрежья. Но рыболовы, занимающіеся эксплоатацией этихъ пищевыхъ богатствъ, немногочисленны.

Выхода изъ озера на высотѣ 1.860 метровъ (по измѣрѣніямъ Антуана д'Аббади), Абай или Бахръ-эль-Азрекъ спускается сначала на юго-востокъ ровнымъ потокомъ; затѣмъ, недалеко отъ Вореба, въ 8 километрахъ отъ озера, онъ образуетъ первый водопадъ. Ниже рѣка, имѣющая около 200 метровъ въ ширину, извивается среди луговъ, подъ тѣнью деревьевъ, затѣмъ вдругъ низвергается съ выступа скаль водопадомъ въ 25 метровъ высоты: это—водопадъ Тиссъ-Эсатъ или «Дымящійся», называемый обыкновенно водошадомъ Алата, по имени сѣднаго ручья. Сквозь паръ, поднимающійся клубами надъ пропастью, видѣется посерединѣ каскада скала въ формѣ пирамиды, и на вершинѣ ея дерево, всегда качающее обратнымъ движениемъ воздуха. Вдругъ съуженный ниже воронки, гдѣ кружатся воды, Абай проникаетъ въ извилистое ущелье, имѣющее не болѣе двухъ или трехъ метровъ ширины въ самой узкой

частіи. Въ этомъ мѣстѣ перекинутъ мостъ португальской конструкціи, простая аркада, продолжаемая другими аркадами на западномъ берегу¹). Верстахъ въ пятидесяти ниже по течению черезъ рѣку построена другой мостъ, но средняя арка сломалась, и обломки ея образуютъ подводную скалу среди шумящихъ водъ. Пространство между двумя мостами представляютъ рядъ слѣдующихъ одинъ за другимъ водопадовъ и пороговъ, имѣющихъ вмѣстѣ покатость по меньшей мѣрѣ около 600 метровъ. Альпы высятся справа и слѣва надъ долиной, которая кажется безвыходной; но, описавъ полный полуокругъ около Эзопскаго плоскогорья, Абай вступаетъ въ равнину, слѣдя въ сѣверо-западномъ направлѣніи. Общее его паденіе въ этомъ обширномъ полуокругѣ превышаетъ тысячу двѣсти метровъ, тогда какъ въ нижней части теченія, оканчивающейся у Хартума при слияніи съ Бахръ-эль-Абіадомъ, покатость его едва замѣтна: онъ извивается длинными излучинами между берегами аллювіального образованія, которые подъ напоромъ потока иногда внезапно обваливаются вертикальными призмами. Въ мелководье воды Бахръ-эль-Азрека уменьшаются въ объемѣ отъ верховья къ низовью; тогда можно переходить Ниль во многихъ мѣстахъ, не встрѣчая глубины, гдѣ бы вода была выше груди. Ябусъ и Туматъ, главные южные притоки, по виду представляютъ безводныя песчаныя русла въ продолженіе большей половины года, но вода течетъ въ нихъ невидимо. Одинъ изъ большихъ восточныхъ притоковъ, Рахадъ или Абу-Ахразъ, берущій начало на западномъ склонѣ краевой эзопской цѣпи, совершенно пересыхаетъ передъ наступлениемъ періода разлива, на большое разстояніе вверхъ отъ слиянія; но съ юна до половины сентября, когда дожди падаютъ ливнями на скаты горъ, обширное рѣчное ложе наполняется до краевъ, и прибрежныя поля получаютъ въ изобилии необходимую влагу. Дендеръ—другая рѣка эзопскаго происхожденія, лучше слабжаемая, чѣмъ Рахадъ,—говорить, сохраняетъ воду круглый годъ²). Во всемъ свѣтѣ нѣтъ рѣкъ, гдѣ было бы полезнѣе и легче устроить задерживающіе бассейны или водохранилища, чтобы собирать излишнѣй разливъ и возвращать его рѣкѣ въ сухое время года³). Абсолютная высота мѣста слиянія двухъ Ниловъ у Хартума опредѣляется различно, отъ 378 до 433 метровъ.

Такъ же, какъ южная область Эзопскаго нагорья, сѣверная часть его принадлежитъ къ бассейну Нила, и притоки главной рѣки рождаются тамъ не на западномъ склонѣ горъ,

¹⁾ Antoine d'Abbadie, „Géodésie d'Ethiopie“, карта № 5;—Achille Raffray, „Abyssinie“;—Ch. Beke, „Sources of the Nile“.

²⁾ P. Trémaux, „Le Soudan“.

³⁾ Samuel Baker, „The Nile tributaries of Abyssinia“.

а въ самомъ сердцѣ возвышеностей, въ не-
посредственномъ сосѣдствѣ цѣпи, господствую-
щей надъ покатостью Краснаго моря. Таккацѣ,
главная вѣтвь всей гидрографической системы
рѣки Атбара, береть начало на высотѣ слиш-
комъ 2.000 метровъ и течетъ сначала на западъ,
какъ бы для того, чтобы излиться въ
озера Тава; но ущелье, въ которомъ она спус-
кается между двумя стѣнами изъ кристаллическихъ
сланцевъ, вдругъ понижается до уров-
ня гораздо меньшаго, чѣмъ уровень эѳиопскихъ
плоскогорій: въ томъ мѣстѣ, где рѣка повора-
чиваетъ къ сѣверу, она находится уже на вы-
сотѣ 1.300 метровъ, и на берегахъ ея начи-
нается показываться тропическая раститель-
ность; когда спустишься съ окружающихъ горъ,
открытыхъ холоднымъ вѣтрамъ, испытываешь
то же ощущеніе, какое бываетъ при входѣ въ
теплицу¹⁾. По выходѣ изъ области плоского-
грий, Таккаце снова принимаетъ западное на-
правление, и, переходя изъ ущелья въ ущелье,
вступаетъ, наконѣцъ, въ равнину; тамъ онъ
принимаетъ название Сетить и получаетъ при-
токъ, рѣку Атбару, гораздо менѣе обильную,
чѣмъ онъ самъ, и вдвое меньшую по длине
теченія; но среднее направление его долины,
начинающейся непосредственно къ западу отъ
озера Тана, то же самое, какъ и направление
соединенныхъ водъ: онъ-то и даетъ называ-
емъ всей гидрографической системѣ, какъ
американскій Миссисипи, когда онъ соединяетъ
съ желтыми и кружасимися водами могу-
чаго Миссури. Одинъ изъ притоковъ Таккаце,
Гоангъ, береть начало на сѣверѣ, въ котло-
винѣ озера Тана, отъ которого онъ отдѣленъ
лишь порогомъ въ 50 метровъ высоты²⁾. Ни-
же сліянія, Атбара, сохранившая до сихъ поръ
своё древнее название *Astaboras*, данное Птоломеемъ,
уменьшается мало-по-малу, такъ же,
какъ его бывшій притокъ Маребъ, описываю-
щий въ своемъ верхнемъ теченіи одну изъ тѣхъ
большихъ кривыхъ въ формѣ полукруга, кото-
рая характеризуютъ эѳиопскія рѣки. Можно
сказать, въ самомъ дѣлѣ, что Маребъ, или
«Западная рѣка», названный такъ эѳиопами
благодари его направлению, пересталъ быть
притокомъ Атбара. Называемый Сона въ
своемъ среднемъ теченіи и Гашъ въ нижнемъ,
гдѣ онъ имѣть уже только периодическое теченіе,
Маребъ течетъ на сѣверъ параллельно Ат-
барѣ и наконѣцъ истощается въ аллювиальныхъ
земляхъ, не достигая своего древняго устья,
называемаго Гангъ-да или «устье Гаша» кочев-
никами гадендоа. Когда Мунцингеръ посѣтилъ
страну въ 1862 году, русло сліянія не напол-
нялось водой ни разу въ продолженіе двадцати
лѣтъ. Причина этой перемѣны въ мѣстной ги-
дрографии—ирригационныя работы, исполнен-
ные

ныя на лѣвомъ берегу Гаша: обведенная съ
этой стороны плотиной, рѣка устремляется
вправо, подтачивая свой восточный берегъ,
болѣе высокій; теченіе его, прежде перпенди-
кулярное къ Атбарѣ, становится ей параллель-
нымъ; но, продолжясь къ сѣверу, она, наконѣцъ
истощается¹⁾). Въ 1840 году одинъ египет-
скій завоеватель, Ахмедъ-паша, хотѣль было
отвести Гашъ прямо на западъ въ Атбару, по
построенная имъ плотина была пробита при-
брежными жителями нижней равнины²⁾. Прежде рѣка Барка или Барака, теряющаяся
въ прибрежныхъ болотахъ Краснаго моря, недалеко отъ Суакима, тоже была разсмотривае-
ма какъ принадлежащая къ нильскому бас-
сейну чрезъ одну вѣтвь Мареба, блуждающу-
щую рѣку: это преданіе мало разнится отъ
сообщаемаго Страбономъ преданія, по кото-
рому одинъ боковой потокъ или рукавъ рѣки
Астаборы, будто бы, впадаетъ въ Эритре-
ское море. Можетъ-быть, эта традиція основана
на отчасти не смѣшениіи именъ, ибо равнина,
простирающаяся на востокъ отъ Мареба къ
Атбарѣ, называется Барка или Барака, какъ и
Хоръ, текущій въ восточномъ направлении.
Какъ бы то ни было, эѳиопы-аксумиты и послѣ
нихъ абиссинцы, долго считавшіе свой Так-
каце истиннымъ Ниломъ, цѣлые вѣка вообра-
жали, что легко было бы отвести ихъ рѣку въ
море и такимъ образомъ лишить Египетъ благо-
дѣтельной воды, обусловливающей его не-
обычайное плодородіе. Впрочемъ, эта иллюзія
раздѣлялась также иностранцами, доказатель-
ствомъ чего служитъ тотъ фактъ, что Аріосто
говорить о ней въ своемъ «Неистовомъ Роландѣ». Повторяя угрозу Альбукерка, просивша-
го короля португальскаго прислать ему рабо-
чихъ съ острова Мадеры, чтобы выкопать Нилу
новое русло до Краснаго моря, абиссинскій
негусъ, «царь царей» Феодоръ, утверждалъ, что
онъ отбросить Маребъ въ Барку, чтобы морить
голодомъ Египетъ и принудить каирскаго хе-
дива просить пощады³⁾.

Въ сухое время года Атбара не достигаетъ
даже, какъ Голубой Ниль, главной рѣки. Ло-
же ея, шириной около 400 метровъ, совер-
шенно пересыхаетъ: «пустыня среди пустыни»,
это ложе представляетъ тогда песчаную равни-
ну, которая издали, отъ дѣйствія миража, кажет-
ся блестящей, какъ поверхность воды. Однако,
кое-гдѣ остаются лужи въ нижнемъ руслѣ Ат-
бари; на поворотахъ, тамъ, где воды, ударяясь
съ силой о высокіе берега, вырыли почву на
несколько метровъ ниже обыкновенного дна,
сохраняются пруды, осѣненные деревьями, ко-
торыхъ нѣсколько предохраняютъ ихъ отъ испа-

¹⁾ *Ost-Afrikanische Studien*.

²⁾ Ferdinand Werne, „Feldzug von Sennar nach Ta-
ka, Bassa und Beni-Amer“.

³⁾ Beke, „Sources of the Nile“;—De Malzac;—Vayssier,
etc.

¹⁾ G. Kohlfs, цитированное сочиненіе.

²⁾ Th. von Heuglin;—G. Lejean.

ренія. Въ этихъ лужахъ, изъ которыхъ иныя тянутся на цѣлую версту и больше, а другія имѣютъ поверхность всего въ нѣсколько квадратныхъ метровъ, толняться, въ состѣствѣ слишкомъ близкомъ для ихъ удобствъ или безопасности, всѣ рѣчные животныя—рыбы, черепахи, крокодилы и даже бегемоты; дикіе звѣри приходятъ на водопой къ этимъ прудамъ, буквально кишащимъ жизнью, и каждая пальма, каждый кустъ на берегу служитъ убѣжищемъ цѣлой колоніи пернатыхъ. Въ большей части рѣкъ равнины, вода, приносимая дождливымъ временемъ года, спускается медленно въ каналы: предшествуемая воздушнымъ токомъ, который сообщаетъ листвѣ растущихъ на берегу деревьевъ веселый шелестъ, она движется съ легкимъ шумомъ, напоминающимъ шуршаніе матеріи. Первая водная площадь представляетъ лишь массу желтоватой пѣни, содержащей различные обломки; за этой смѣсью воды и грязи слѣдуетъ вторая волна, въ которой можно уже признать рѣчную струю; затѣмъ появляется нормальный потокъ, къ которому и бросаются животныя, чтобы утолить жажду¹⁾). Но могучая водная масса Атбары несется стремительно, словно снѣжная лавина. Когда рѣка снова наполняетъ свое русло, она наполняетъ его не медленнымъ и постепеннымъ приливомъ воды: напротивъ, разливъ появляется внезапно. Если путешественнику въ это время случится заснуть на песчаномъ ложѣ, онъ вдругъ просыпается, разбуженный сотрясениемъ почвы и шумомъ, похожимъ на раскаты быстро приближающагося грома: «Эль-бахръ! эль-бахръ!» (рѣка! рѣка!) вскрикиваютъ арабы, и едва путники успѣютъ взбѣжать на высокий берегъ, какъ уже налетаетъ грозный потокъ, гонящій передъ собой волны грязи, увлекающей на своихъ первыхъ пѣняющихся валахъ множество камышей, бамбуковъ и всякаго рода обломковъ, оторванныхъ отъ береговъ. Скоро рѣка является во всемъ объемѣ, разливаясь на полверсты въ ширину, достигая отъ 5 до 6 метровъ глубины, и тихо катить свои воды, какъ будто теченіе ея никогда не прерывалось. Такъ же, какъ Голубой Ниль, Атбара, называемая арабами Бахръ-эль-Асвадъ или «Черной рѣкой», прибавляетъ свой потокъ къ потоку Большаго Нила, и, спускаясь вмѣстѣ съ нимъ съ водопада на водопадъ, приносить берегамъ нижней рѣки тѣ питиистыя воды, которыя обновляютъ плодородіе почвы²⁾.

Ниже соединенія двухъ Ниловъ, на сѣверъ отъ Хартума, рѣка не имѣть болѣе видимыхъ притоковъ въ сухое время года, такъ какъ

¹⁾ Beltrame, „Il Sennaar e lo Sciangallah“; — J. M. Schuve, „Ergänzungsheft zu Petermann's Mittheilungen“, № 72.

²⁾ Samuel Baker, „The Nile tributaries of Abyssinia“; — Ch. Beke, „The Sources of the Nile“.

нижнее русло Атбары совершенно пересыхаетъ, но, вѣроятно, она получаетъ воду въ видѣ ключей, бьющихъ со dna ложа, ибо испареніе, боковая просачиванія и расходъ жидкости на орошеніе прибрежныхъ равнинъ уменьшаютъ объемъ рѣчной воды только на одну седьмую по Ломбардини, на одну пятую по Готбергу, на семь протяженіи 2.700 километровъ между Хартумомъ и Каиромъ. Рѣка медленно уменьшается въ огромной дугѣ, которую она описываетъ черезъ Нубію; но на взглядъ путешественника она кажется немѣняющеюся въ объемѣ на этомъ длинномъ пространствѣ, проходимомъ ею по земной окружности. Ката количество воды, въ четыре раза превосходящее стокъ Луары или въ семь разъ стокъ Сены, Ниль содержалъ бы, въ среднемъ, объемъ воды, достаточный, чтобы носить безъ затрудненія суда отъ моря до центра континента, если бы рѣчное теченіе не прерывалось въ разныхъ мѣстахъ порогами изъ скалъ и камней. Шесть естественныхъ запрудъ раздѣляютъ такимъ образомъ нубійскій Ниль на семь судоходныхъ бассейновъ, но суда могутъ проходить изъ одного бассейна въ другой только во время половодія; въ остальное же время года это возможно лишь при помощи сотенъ людей, которые тянутъ или сдерживаютъ судно. Если бы запруды водопадовъ не задерживали водъ, и жидкая масса могла бы утекать свободно въ сухое время года, оставалось ли бы ея достаточно для цѣлаго года? Образовалась ли бы дельта? Существовалъ ли бы Египетъ?¹⁾.

Самый южный, такъ называемый, «шестой» водопадъ (между Хартумомъ и устьемъ Атбары), которому предшествуютъ двѣ сильныя стремнины (между Таманіатомъ и Джебель-Мелехатомъ) и ущелье, доминирующее двумя базальтовыми колоннадами²⁾), не заслуживалъ бы этого названія на сѣверныхъ рѣкахъ, каковы, напримѣръ, рѣки Канады или Скандинавіи,—страны, где долины, еще молодыя, сохранили обрывистые уступы, несмотря на неизменное размываніе ихъ дна бѣгущими потоками. Этотъ водопадъ Гарри представляетъ собою скорѣе стремнину, образуемую служениемъ Нила между гранитными скалами; но онъ достаточенъ для того, чтобы останавливать судоходство въ продолженіе большей части года. Когда со временемъ желѣзная дорога, существующая сдѣлаться выходомъ всего бассейна Верхняго Нила, соединить съ побережьемъ Краснаго моря слияніе Атбары и Нила, этотъ новый путь долженъ быть продолженъ до водопада Гарри, для того, чтобы движение торговаго обмѣна могло совершаться безъ перерыва. «Пятый» водопадъ, за которымъ слѣ-

¹⁾ E. de Gottberg, „Des Cataractes du Nil“.

²⁾ Samuel Baker, „The Albert Nyanze“.

дуют пороги: Герашебскій, Могратскій и другие, между Берберомъ и Абу-Гамедомъ, составляютъ препятствіе только въ періодъ мелководія; но ниже идутъ естественныя запруды, болѣе высокія. Большинство путешественниковъ, проходящихъ черезъ Нубію между Суданомъ и Египтомъ, предпочитаютъ ѿхать сухимъ путемъ изъ Абу-Гамеда въ Короско, не только по причинѣ большаго изгиба, который дѣлаетъ Ниль въ этой части своего теченія, описывая обширный полукругъ къ западу, но также потому, что три ряда водопадовъ прерываютъ его русло. Одна изъ этихъ группъ пороговъ, известная подъ названіемъ «четвертаго» водопада, довольно длинна и дѣлится на нѣсколько уступовъ, какъ шлюзы, расположенный ярусами. Сначала высокая скала, островъ Дульга, на которомъ сохранились развалины крѣпости, раздѣляетъ потокъ; затѣмъ другія глыбы гранита выставляютъ свои верхушки надъ водой, не препятствуя, впрочемъ, судоходству; за этой первой запрудой слѣдуютъ острова, песчаный мели; далѣе идутъ другія скалы, раздѣляющія рѣку на наклонные каналы, и дефилей оканчивается, близъ Герендида, своего рода порталомъ, образуемымъ утесами, каждый съ остатками старинной крѣпости. Въ этомъ мѣстѣ нѣть ни одного дерева, какъ на пятомъ водопадѣ или на третьемъ, лежащемъ ниже Донголы Девятой; на берегахъ нигдѣ нѣть пояса зелени, которая бы смягчала нѣсколько суровость пейзажа: видишь только воду, камень, песокъ и небо. Вдали, внизъ по теченію, виднѣется столовая гора Баркаль.

«Третій» водопадъ заключаетъ, какъ и другие пороги, нѣсколько частныхъ водопадовъ, ниже бывшаго озера, устьянаго большими островами, въ которомъ широко разливаются воды рѣки, имѣющей въ этомъ мѣстѣ около десяти верстъ отъ берега до берега. На первой гранитной запрудѣ, называемой Ганиекъ, по имени одного нубійскаго замка на лѣвомъ берегу, вода потока, раздѣленная на тысячу пѣняющихся каналовъ, представляетъ довольно сильную денивелляцію: тамъ черноватыя скалы, состоящія изъ роговой обманки и полеваго шпата, поднимаются на 7 или на 8 метровъ надъ уровнемъ низкихъ водъ; суда не отваживаются пускаться между брешами этой неравной стѣны, заграждающей рѣку; только подъ восточного берега открывается болѣе широкій каналъ, гдѣ могли бы разойтись двѣ барки. При входѣ въ водопадъ, нѣсколько деревьевъ, украшенныхъ фестонами изъ ползучихъ растеній, осѣняютъ, въ видѣ густыхъ сводовъ, подводные камни, старательно избѣгаемые людьми, по причинѣ обитающихъ тамъ ядовитыхъ змѣй. Ниже, среди рѣки, разсыпаны другіе острова, составляющіе своей зеленою яркій контрастъ съ терными, высунувшимися изъ воды, скала-

ми¹). Общая длина Ганиекскихъ пороговъ 6.470 метровъ, а разность уровней между двумя крайними пунктами 5., метровъ въ мелководье, 3.2 метра въ періодъ наводненія. Изъ этого видно, что паденіе относительно очень не велико, всего около пятнадцати сотыхъ; въ большей части другихъ водопадовъ скать не больше этого. Ниже Ганиека, Ниль вдругъ поворачиваетъ на востокъ, чтобы затѣмъ, такъ же внезапно, опять броситься на сѣверъ, къ Кайбарскому или Каджбарскому порогу, который во время мелководія совершенно запираетъ рѣку своей блестящей массой, словно искусственная плотина, которая, вслѣдствіе контраста темной скалы и сѣрыхъ водъ, кажется поднимающейся на большую высоту. Нужно подойти къ самому порогу, чтобы примѣтить извилистые перекулки, черезъ которые пробираются пѣнящіяся струйки Нила и гдѣ русло такъ узко, что не можетъ пройти никакая барка. Во время наводненія Кайбарскіе пороги исчезаютъ совершенно подъ водой: не видно ни одного выступа скаль, никакихъ стремнинъ и водоворотовъ. Рѣка величественно катитъ свои воды между обступившихъ ее съ обѣихъ сторонъ береговыхыхъ утесовъ.

«Второй» водопадъ, называемый также Уади-Хальфа, замѣчателенъ, между прочимъ, какъ рубежъ, у котораго останавливается большинство европейскихъ и американскихъ путешественниковъ, совершающихъ «поѣздку по Нилу»: скала Абу Сиръ, господствующая надъ шумящими водами, и съ которой открывается обширный видъ къ южному горизонту, вся испещрена именами, которыхъ написали путешественники, горды тѣмъ, что проникли такъ далеко по таинственной рѣкѣ²). Водопадъ продолжается на пространствѣ слишкомъ 25 километровъ, но онъ составляетъ лишь нижнюю часть цѣлаго ряда пороговъ, называемаго Батнъ-эль-Хагаръ или «Каменное брюхо», общая длина котораго 130 километровъ³). На этомъ длиномъ протяженіи рѣка повсюду представляеть одинъ и тотъ же видъ: широкое ложе устьяно скалами, по большей части округленными, какъ «кудрявые» камни, отшлифованные ледниками; другія раздѣлены вертикально, какъ базальтовыя колоннады, или разрѣзаны на неравные гребни, усаженные остроконечными шпицами и иглами. Между этими глыбами камни бѣгутъ извилистые потоки, имѣющіе каждый по маленькому каскаду; въ иныхъ мѣстахъ открываются водоемы, гдѣ кружашаяся вода кажется навсегда запертоей безвыходно; далѣе слѣдуютъ новые пороги, новые каскады, новые водовороты: словомъ, катаракты распа-

¹) Frédéric Cailliard, „Voyage à Meroë, au Fleuve Blanc“ etc.; — E. de Gottberg, „Des Cataractes du Nil“.

²) J. J. Ampère, „Voyage en Egypte et en Nubie“.

³) E. de Gottberg, цитированное сочиненіе.

дается на тысячи частныхъ водопадовъ. Но въ періодъ мелководія едва видны эти безчисленные струйки, теряющіяся въ безконечномъ лабиринтѣ пороговъ. Архипелагъ состоитъ изъ 353 острововъ и островковъ, не считая подводныхъ камней, и всѣ они имѣютъ свое нубійское имя; болѣе пятидесяти изъ нихъ обитаемы и воздѣланы¹⁾. На сѣверѣ, вдоль праваго берега тянется хаосъ потухшихъ вулкановъ, смѣняющій лабиринтъ водопадныхъ скалъ. Конусы съ кратерами, выступы раздѣтыхъ скалъ, бугры отвердѣвшаго вулканическаго пепла, горки изъ шлаковъ обрисовываются въ видѣ длинной зубчатой стѣны на горизонты Ливійской пустыни²⁾.

«Первый» водопадъ, Ассуанскій, не такъ длиненъ, не такъ однообразенъ и не представляеть такого дикаго, безотраднаго вида, какъ водопадъ Уади-Хальфа; но онъ не болѣе предыдущаго заслуживаетъ то название, которое намъ завѣщано древними: это также рядъ стремнинъ или водопадовъ, разѣвѣляющихся до безконечности между гранитными скалами разныхъ формъ и цвѣтовъ, почти всѣ безъ растительности, но также представляющихъ тамъ и сямъ картины грандіозныя или очаровательныя безпорядочнымъ нагроможденіемъ каменныхъ глыбъ, окруженнныхъ пѣной или живописной группировкой пальмъ, тамарисковъ или кустовъ, обвитыхъ гирляндами ліанъ. Сверху островъ Филе, въ одно и то же время храмъ и садъ, снизу Элефантина, островъ «Цвѣтовъ», охраняютъ подходы водопада и бросаютъ въ воды Нила отблескъ своей красоты; историческая воспоминанія, отголосокъ того, что говорили древніе, еще болѣе усиливаютъ интересъ, возбуждаемый зрѣлищемъ пороговъ, и, вмѣстѣ съ грандіозностью самого явленія, дѣлаютъ это зрѣлище одною изъ тѣхъ картинъ природы, которыя неизгладимо запечатлѣваются въ памяти. Здѣсь «ворота» Египта; здѣсь, съ начала писаной исторіи, проводять какъ-бы видимую границу между двумя мірами. Замѣтально, что эта граница почти совпадаетъ съ тропической линіей, ибо именно въ этомъ мѣстѣ, близъ Ассуана, астрономы увидѣли въ первый разъ, въ день лѣтнаго солнцестоянія, гномоны, не-отбрасывающіе тѣни, и колодцы, освѣщенные до самаго дна отвѣсно падающими лучами солнца. За этой умственно проводимой линіей для нихъ начиналась другая, совершенно особенная область: имъ казалось, что въ жаркомъ поясѣ все должно составлять рѣзкій контрастъ съ явленіями умѣреннаго пояса. И теперь еще легко увлекаются въ этомъ отношеніи, сильно преувеличивая всѣ мѣстныя различія между странами, простирающимися по обѣ стороны водопада, и между населяющими ихъ народами.

¹⁾ Rifaat, „Tableau de l'Egypte, de la Nubie“.

²⁾ Amelia Edwards, „A Thousand Miles up the Nile“

Въ періодъ разлива навигація не прерывается на той части теченія, которую называютъ водопадомъ: суда безопасно спускаются и поднимаются по рѣкѣ надъ подводными камнями. Но когда воды низки, переходъ, при спускѣ или подъемѣ, по тысячѣ рукавовъ громадной «лѣстницы Нептуна» можетъ быть совершаєтъ только съ помощью *шемлаговъ* или водопадныхъ прислужниковъ, напоминающихъ волжскихъ бурлаковъ, которые ташатъ или сдерживаютъ судно посредствомъ канатовъ; около пятидесяти большихъ *дхахабіе* или ладей, называемыхъ посѣтителями Нила, переходятъ такимъ образомъ опасное мѣсто, и, благодаря опытности кормчихъ, несчастные случаи рѣдки. Искусство судовщикovъ при спускѣ по водопаду состоять въ томъ, чтобы удерживать барку на центральной выпуклости, образуемой теченіемъ и поднимающейся иногда на 2 метра, и даже болѣе, выше уровня воды, текущей вдоль скалъ: съ высоты этого движущагося холма кормчій обозрѣваетъ шумный водопадъ. Какъ только ладья соскользнетъ вправо или влево съ этого хребта волнъ, опасность начинается; если лодочники не смогутъ, при помощи весель или руля, снова привести ее въ стержень теченія, она неминуемо увлекается въ водоворотъ того или другаго края, и скалы, которыя арабы сравниваютъ съ чудовищами, «кусаютъ» ее во время прохода.

При видѣ пороговъ невольно задаешь себѣ вопросъ, принимая, конечно, во вниманіе поэтическое преувеличеніе, котораго не чужды древнія описанія: не были ли скалы этой естественной запруды выше двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, и не образовали ли воды Нила въ ту эпоху настоящій водопадъ? Въ самомъ дѣлѣ, можно допустить, съ извѣстной степенью вѣроятности, что рѣка низвергалась въ то время водопадомъ съ высоты гранитнаго уступа. Къ востоку отъ пороговъ, въ пустынѣ, открыли старый рукавъ рѣки на уровнѣ нѣсколькихъ метровъ надъ нынѣшней высотой разливовъ. Даже путешественникъ, не привыкшій къ наблюденію природы, не можетъ не замѣтить, что онъ идетъ по старому рѣчному ложу, покинутому водами: онъ видѣтъ еще извилины рѣки между скалами, покрытыми ёроглифическими надписями; тамъ и сямъ встрѣчаются высокие берега и мели, кое-гдѣ показываются рѣчные напоны подъ буграми песку, нанесенными вѣтромъ пустыни. Ёгипетскіе разбираемые археологами на утесахъ, повѣствуютъ о проходѣ завоевателей, отъ Тутмеса и Рамзеса до генерала Дезе (Desaix), по этому старому рѣчному руслу; но очень вѣроятно, что въ первыя времена египетской исторіи это ущелье, такъ давно уже высохшее, было занято рукавомъ Нила. Наблюденія, сдѣланныя Лепсіусомъ въ Семнѣ, выше втораго водопада, подтверждаютъ эту гипотезу: замѣтки, вырѣзанные

въ этомъ мѣстѣ на камѣ 4.700 лѣтъ тому назадъ, въ царствованіе Аменемхі III, доказываютъ, что уровень разливовъ превышалъ тогда на нѣсколько метровъ высоту наводненій въ наши дни: для самаго высокаго разлива это превышеніе составляло 8 метровъ, и даже самыи низкіи разливъ поднимался на 4 смижкомъ метра выше уровня самыхъ большихъ нынѣшнихъ наводненій¹⁾). Точно такъ же на правомъ берегу Ганнекскаго водопада путешественникъ Готбергъ нашелъ слои нильскаго ила на высотѣ $3\frac{1}{2}$ метровъ надъ поверхностью самыхъ высокихъ современныхъ разливовъ. Не пороги ли водопадовъ задерживали такимъ образомъ воды рѣки и заставляли ее бросаться въ побочную долину, нынѣ высохшую, которая служитъ большой дорогой между Египтомъ и Нубіей²⁾? Выше «Каменнаго брюха» есть много пространствъ, которыхъ нѣкогда были обработаны, а теперь лежать совершенно бесплодными пустырями, потому что воды разлива уже не доходятъ до нихъ. Такъ же, какъ всѣ рѣчныи долины, русло которыхъ регулируется дѣйствіемъ водъ, долина Нила уравниваетъ свой скатъ, понижаясь въ Нубіи и повышаясь въ Нижнемъ Египтѣ. Готбергъ объясняетъ пониженіе водной плоскости въ Нубіи исчезновеніемъ водопадовъ, существовавшихъ прежде между Уади-Хальфа и Ассуаномъ, и отъ которыхъ еще остались кое-какіе слѣды. Скалы, образовавшія порогъ въ этомъ мѣстѣ, состояли изъ сланцевъ, которые не устояли, какъ кристаллические подводные камни, противъ разрушительной силы потока. Гранитныи массы тоже разрушаются отъ дѣйствія водъ, но очень медленно. Камни, принесенные течениемъ въ углубленіе скалы, кружатся въ водоворотѣ, вырывая мало-по-малу яму въ стѣнѣ, и въ концѣ-концовъ образуютъ такъ называемые «котлы великановъ», по большей части вертикальные, но иногда также наклонные или даже горизонтальные. Когда скала такимъ образомъ просверлена нѣсколькими цилиндрами, она обрушивается и каналъ перемѣняетъ мѣсто. Нубійцы, живущіе въ сосѣдствѣ водопадовъ, утилизируютъ обломки этихъ «котловъ», дѣля въ нихъ ступы для толченія зерна и другую хозяйственную утварь³⁾.

Ниже гранитнаго порога, съ котораго скользятъ воды первого водопада, утесы, господствующіе надъ рѣкой, состоять изъ пластовъ песчаника, за которыми слѣдуютъ известковые массивы. Историческій Египетъ начинается у подножія этого барьера изъ кристаллическихъ горныхъ породъ, прикрытыхъ съ двухъ сто-

ронъ третичными слоями¹⁾). Къ сѣверу отъ Ассуана противуположные утесы въ началѣ раздѣлены небольшимъ пространствомъ, отъ 3 до 4 километровъ шириной: поля и деревья, стѣсненныи между откосами и берегомъ, представляютъ съ той и другой стороны лишь узкую ленту зелени, которая вѣтается у подошвы сѣрой или желтой скалы, блестающей на солнцѣ, какъ золото или огонь. Поясь воздѣланныхъ земель продолжается въ особенности на западѣ, вдоль берега, называемаго «Ливійскимъ», выставленнаго восточнымъ лучамъ. Подобно большинству другихъ рѣкъ сѣвернаго полушарія, Ниль направляется преимущественно къ правому берегу, и теченіе слѣдуетъ вдоль основанія скалъ или откоса обваловъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отвѣсный утесъ «аравійскаго» берега вздымается прямо надъ потокомъ. Города построены большей частію на лѣвомъ берегу, но многіе изъ нихъ, покинутые далеко среди земель, принуждены были перемѣщаться, по мѣрѣ того, какъ нагорный берегъ отодвигался отъ нихъ, и вновь отстраиваться въ томъ мѣстѣ, где находилась ихъ пристань²⁾). Въ тѣснинѣ Сильсилѣ, то-есть «Цѣпи»,—гдѣ долина, съуживающаяся до того, что разстояніе между стѣнами противоположныхъ береговъ не болѣе 1.200 метровъ, была, говорятъ, въ самомъ дѣлѣ, нѣкогда запираема желѣзной цѣпью,—набережная пристани прилегаютъ къ древнимъ каменоломнямъ, гдѣ высѣкали глыбы камня и статуи для дворцовъ фараоновъ, и гдѣ до сихъ поръ видна еще голова сфинкса, вырѣзанная въ скалѣ. За этимъ ущельемъ горы раздвигаются немного, и рѣка течеть извилинами въ равнинѣ около 15 километровъ шириной,—первая равнина ниже водопада, гдѣ есть достаточно мѣста для большаго города: здѣсь-то и стояли нѣкогда створатнія Оивы. Далѣе долина еще расширяется, и отъ горы до горы разстояніе измѣняется отъ 20 до 25 километровъ; но въ этой части своего теченія, такъ же, какъ и выше Оивъ, рѣка напираеть преимущественно на правый берегъ, подтачивая основаніе скалъ Аравійской цѣпи. На краю лѣваго берега единственная горка—это песчаныи дюны, измѣняющія форму и немного передвигающіяся при каждой новой бурѣ: даже среди воздѣланныхъ пространствъ является ливійская пустыня, которую можно созерцать во всей ея мрачной безпредѣльности, поднявшись на высокіе мысы западной цѣпи.

Верстахъ въ шестидесяти ниже Оивъ, близъ города Кенехъ, Ниль описываетъ излучину, подходя въ этомъ мѣстѣ всего ближе къ Аравійскому заливу: по прямой линіи разстояніе между рѣкой и моремъ всего только около

¹⁾ Richard Lepsius, „Briefe aus Egypten, Ethiopien und der Halbinsel des Sinai“.

²⁾ J. J. Ampere;—Amelius Edwards, „A Thousand miles up the Nile“.

³⁾ E. de Gattberg, цитированное сочиненіе

¹⁾ Girard „Observations sur la vallée d’Egypte“, tome XX.

²⁾ S. Schweinfurth, „Petermann’s Mittheilungen“, 1865, № IV.

сотни километровъ. Именно въ этомъ направлении восточная цѣль прерывается однимъ изъ самыхъ глубокихъ поперечныхъ ущелій, перерѣзывающихъ ее отъ востока къ западу, и невольно рождается вопросъ: не направлялся ли Ниль, въ предшествующую геологическую эпоху, черезъ эту брешь къ Красному морю? Въ этомъ ущельѣ, какъ на покатости Нила, такъ и на покатости моря, видны плоскіе берега, покрытые галькой и валунами, которые могли быть отложены только текучими водами, и вѣроятно, эти-то слѣды бывшаго потока и породили въ живомъ воображеніи арабовъ мысль, что легко было бы отвести Ниль въ его прежнее русло,—предполагая, что этотъ оврагъ дѣйствительно нѣкогда принималъ въ себя рѣчные воды. По крайней мѣрѣ, если нельзѧ отвести теченіе Нила въ это боковое ущелье, то не трудно будетъ построить тамъ желѣзную дорогу, которая сдѣлаетъ портъ Косейръ главнымъ мѣстомъ сбыта для произведеній всего Верхняго Египта. Уже болѣе полвѣка тому назадъ англичане выкопали тамъ, на вѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого, колодцы, въ видахъ утилизированія этой дороги какъ пути въ Индию.

Пройдя вѣкоторое разстояніе къ западу, ниже Кенехской луки, Ниль принимаетъ сѣверо-западное, затѣмъ сѣверное направлениe; но въ этой части своего теченія онъ раздвоется. Отъ него отдѣляется вѣтвь, сопровождающая главный потокъ съ западной стороны на разстояніи, среднимъ числомъ, около двѣнадцати километровъ: это Бахръ-Юзефъ, или «Іосифова рѣка», названная такъ въ память Іосифа, проданного братьями и сдѣлавшагося главнымъ начальникомъ Египта, или, что вѣроятнѣе, въ честь нѣкоего Юзефа, ministra fatimитовъ въ двѣнадцатомъ столѣтіи¹⁾). Но эта вѣтвь Нила, кажется, не была вырыта рукой человѣка, хотя она много разъ была задерживаема плотиной, отклоняема въ сторону, отводима въ боковые рвы, какъ всѣ текущія воды этой долины: еще недавно отводъ воды изъ нея былъ перемѣщенъ, и каналъ, окрещенный именемъ Ибрагиміе, былъ отведенъ на возвышенности праваго берега, чтобы легче можно было регулировать истеченіе водъ разлива. Въ той части своего теченія, гдѣ онъ не регулированъ, Бахръ-Юзефъ, лѣвый берегъ котораго окаймленъ дюнами, нанесенными вѣтромъ пустыни, является такой же извилистой рѣкой, какъ и Ниль, имѣющей, подобно ему, свои острова и песчаныя мели, свои нагорные берега, подгачиваемые водами, свою сѣть побочныхъ потоковъ и ложныхъ рѣкъ. Средняя ширина его около 100 метровъ, но по количеству катимой воды онъ представляетъ лишь весьма незначительную часть Нила. Притоки

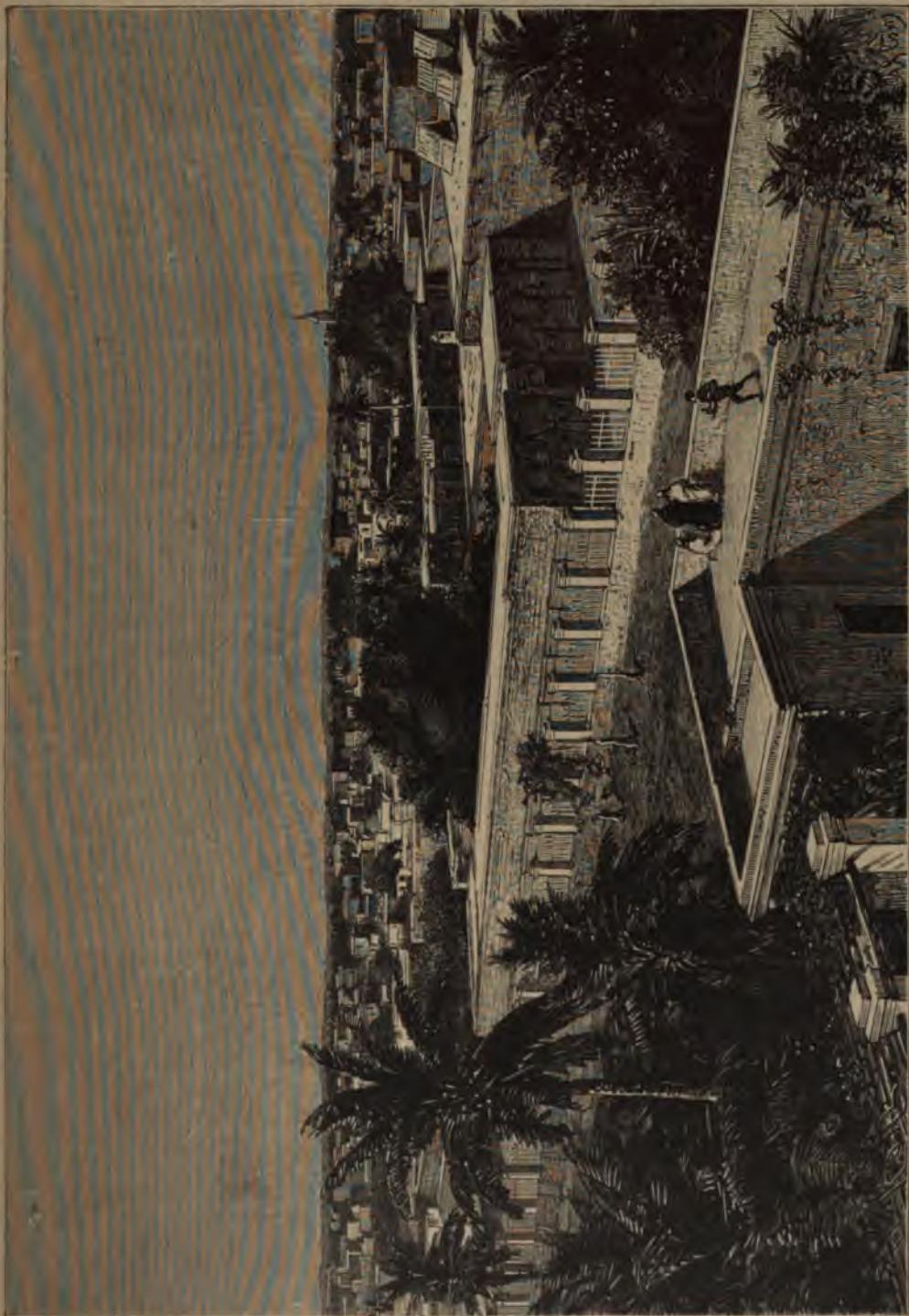
главной рѣки, пересѣкая промежуточную равнину, питаются мѣстами Іосифову рѣку, пополнившися такимъ образомъ убыль, происходящую отъ испаренія. Это явленіе двухъ параллельныхъ потоковъ, бѣгушихъ въ одной и той же долинѣ,—главнаго, несущаго почти всю жидющую массу, и побочнаго, сравнительно незначительнаго, извивающагося въ старомъ рѣчномъ руслѣ,—можетъ наблюдать почти во всѣхъ долинахъ, гидрографический порядокъ которыхъ еще не былъ совершенно измѣненъ сооруженіемъ плотинъ и дренажными работами. Даже многія рѣки, обведенныя по берегамъ земляными насыпями, также имѣютъ, подобно Нилу, свои Бахръ-Юзефи: такова, напримѣръ, во Франціи Луара, которую сопровождаетъ Сисса, медленно текущія воды, вышедшия изъ Шера, Индры и Виенны, затѣмъ рѣка Отонъ и выходящіе изъ нея ручьи.

Приблизительно въ 500 километрахъ отъ мѣста развѣтвленія, Бахръ-Юзефъ проникаетъ въ боковую долину, гдѣ онъ дѣлится, въ свою очередь, на два потока. Восточная вѣтвь, составляющая продолженіе собственно рѣки, идетъ на сѣверо-востокъ черезъ скалистую брешь, открывающуюся при основаніи Ливийской цѣпи, и соединяется съ Ниломъ выше дельты; но послѣ разлива вода нижней рѣки течеть обратно съ сѣвера на югъ въ этомъ каналѣ, гонимая наводненіемъ Нила. Западная вѣтвь круто поворачиваетъ къ сѣверо-западу и вступаетъ въ каменистое ущелье, но теченіе ея регулируется при самомъ входѣ въ дефилей мостомъ о трехъ аркахъ, построеннымъ въ тринадцатомъ вѣкѣ и снабженнымъ затворами, при помощи которыхъ можно пропускать воду или отбрасывать ее назадъ въ долину Нила. За этой запрудой каналъ извивается въ ущельѣ, перерѣзывающемъ Ливийскую цѣль на протяженіи около десяти верстъ, и затѣмъ вдругъ выходитъ въ долину въ формѣ амфитеатра, имѣющую около 180 километровъ въ окружности: это—Файюмъ. Воды канала, развѣтвляясь на ручьи и ручейки, окаймленные ивами и тамарисками, представляютъ видъ системы жилья и жилокъ въживомъ организмѣ; на картѣ Файюмъ походить на рисунокъ изъ анатоміи. Въ цѣломъ все пространство, окруженнное кольцомъ горъ, образуетъ котловину съ очень мало наклоненными скатами, но представляющую, тѣмъ не менѣе, чувствительную отлогость на всей своей окружности, на югѣ, на западѣ, на сѣверѣ. Въ низкой части почва Файюма лежитъ, по разнымъ измѣненіямъ, отъ 29 до 35 метровъ ниже уровня Средиземнаго моря. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ впадаетъ каналъ, отведенный изъ Бахръ-Юзефа, воды увлекаются силой тяжести на всей окружности Файюма и даютъ его полямъ плодородіе, не уступающее плодородію нильской долины. Излишняя влага образуетъ на югѣ небольшое озеро Гараа, то-есть

¹⁾ Ernest Desjardins, рукописный замѣткъ.

«Владина», вода котораго такъ же прѣсна, какъ вода питающихъ его каналовъ, а въ прежнее время она проникала далеко въ Уади-Рейанъ. На западѣ водостоки кругообразной рав-

всю западную котловину долины, и животныя охотно ходятъ туда на водопой¹⁾; но когда испареніе сильно уменьшитъ объемъ жидкой массы, она дѣлается соленою, и берега ея по-

Видъ Хартума.

ини собираются въ одно большое озеро, имѣющее, отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, около 50 километровъ въ длину. Этотъ резервуаръ, называемый Биркетъ-аль-Керунъ, содержитъ чутъ солоноватую воду, когда онъ заполнится

крываются кристаллическимъ налетомъ, похожимъ на сѣль; тинистыя пространства дна, прикрытыя тонкимъ слоемъ соли, какъ себѣ

¹⁾ Martin, „Description de l’Egypte“, томе XVI.

въ Алжирѣ, образуютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предательскія топи, гдѣ люди и скотъ не могутъ ходить, не подвергаясь опасности увязнуть въ болотѣ ¹⁾). Прежде полагали, что узкая поперечная долина, открывающаяся на югъ въ стѣнахъ Файумской долины, уносить избытокъ воды въ котловину Бахръ-Белама, то-есть «рѣка или море безъ воды»; но изслѣдованія геологовъ не подтвердили этой гипотезы. Во множественномъ числѣ название этихъ долинъ—ибо есть нѣсколько отдельныхъ бассейновъ—Бахаръ-бела-ма или «Бездонныя озера». Тамъ нигдѣ не нашли слоевъ нильского ила, которые должны бы были существовать, если бы рѣка когда-нибудь проходила въ этомъ мѣстѣ; предполагаемыя линіи уровня, открытые путешественниками, оказались слоями гравия, а корабельные мачты и реи, о которыхъ рассказываютъ арабы, не что иное, какъ окаменѣлые стволы деревъ, какіе встречаются въ разныхъ частяхъ пустыни. Нѣкоторыя котловины «Бездонныхъ озеръ» имѣютъ нѣсколько миль въ длину ²⁾.

Файюмъ, Арсеноитида древнихъ, есть одна изъ мѣстностей, гдѣ производились замѣчательнѣйшія гидравлическія работы египетскихъ инженеровъ. До вмѣшательства труда человѣка вся обширная котловина, въ которую тогда свободно изливались воды Іосифовой рѣки, была внутреннимъ моремъ: преданіе единогласно въ этомъ отношеніи, и при томъ непрерывный приливъ нильскихъ водъ въ замкнутую низменность Файюма долженъ быть имѣть результатомъ наполненіе впадины до уровня, достаточнаго для того, чтобы убыль черезъ испареніе вознаграждалась водой, приносимой рѣкой. Самое имя Файюмъ или, вѣраѣ, Пюмъ, Файомъ, на древне-египетскомъ языкѣ означало, говорятъ, «затопленную землю»; по-арабски слово *Файюмъ* имѣеть смыслъ очень подходящій къ свойству мѣстности: оно значитъ «производитель колосьевъ» ³⁾). Съ тѣхъ поръ, какъ западная вѣтвь Бахръ-Юзефа была запружена при входѣ ся въ ущелье, это море, теряя мало-по-малу часть своей жидкой массы, уменьшилось до того, что превратилось, наконецъ, въ простое болото полукруглой формы; оно высохло бы совершенно, если бы открываемые, по мѣрѣ надобности, затворы запруды не пропускали въ Файюмъ воды, необходимыя для орошенія земель, образовавшихся изъ высохшаго дна. Это было уже немаловажное дѣло приобрѣсти для земледѣлія обширное пространство, гдѣ насчитывали, говорить, до ста

пятидесяти деревень. Но по гипотезѣ весьма вероятной, основанной на внимательномъ изученіи страны—гипотезѣ, состоятельность которой старался доказать инженеръ Линантъ-д-Бельфонъ ⁴⁾—самая высокая часть земель, отвоеванныхъ у внутренняго моря, была утилизирована для созданія знаменитаго Мерида озера, которое считалось однимъ изъ чудесъ свѣта, и на которое и теперь еще, спустя многие вѣка послѣ его исчезновенія, должно смотрѣть какъ на одно изъ удивительнѣйшихъ произведеній человѣческаго искусства. Что придаетъ гипотезѣ Линанта наибольшую вѣроятность—это то, что еще въ наши дни въ этой египетской землѣ, гдѣ преданія такъ крѣпко держатся, водохранилища, служащія для собранія излишка разливовъ, который затѣмъ, въ сухое время, идетъ на орошеніе жаждущихъ влаги полей, устраиваются точно такимъ же образомъ, какъ былъ устроенъ Меридовъ резервуаръ, судя по виду мѣстности. Въ восточной части Файюма сохранились остатки плотинъ, имѣющіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 9 метровъ высоты и 60 метровъ въ основаніи: это были, безъ сомнѣнія, вѣнчанія земляныхъ насыпи громаднаго бассейна, въ который изливались, во время разлива, воды Іосифовой рѣки, по объему равныя приблизительно отъ двадцать четвертой до двадцать восьмой части Нила. Пирамиды, стоявшія по угламъ этой запруды, и остатки которыхъ отысканы путешественниками, повѣствовали о славѣ фараона Аменемхѣ III, въ царствованіе котораго, за сорокъ семь вѣковъ до прорытія Суэзскаго канала, былъ устроенъ великолѣпный резервуаръ Мерида. Геродотъ, видѣвшій, можетъ-быть, этотъ бассейнъ, но не измѣрявшій его, даетъ ему огромную окружность, гораздо большую, чѣмъ окружность всего Файюма; съ другой стороны, многіе древніе географы приписываютъ ему размѣры, меньшіе его настоящей величины. По Линанту, онъ занималъ площадь около 300 квадр. километровъ въ восточной части Файюма, и замкнутая въ немъ жидкая масса должна была достигать, къ концу наводненія, громадной цифры 2.915 миллионовъ кубич. метровъ. Незначительная часть этой воды могла служить для орошенія западнаго Файюма; но почти весь избытокъ, взятый у Нила въ періодъ его полноводія, возвращался принильскимъ равнинамъ въ періодъ засухи: этотъ запасъ воды былъ достаточно для орошенія 180.000 гектаровъ. Между нынѣшними искусственными водохранилищами нѣть ни одного, которое могло бы сравниться размѣрами съ этимъ исполинскимъ резервуаромъ нашихъ цивилизаторовъ египтянъ; нѣть ни одного, которое было бы такъ разумно

¹⁾ Paul Lucas, „Troisième Voyage“;—Jomard, „Description de l’Egypte“, tome VI.

²⁾ Olivier, „Voyage dans l’Empire Ottomann“;—Ascher-son, „Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Hamburg“, 1876—77;—Gerhard Rohlfs, „Petermann’s Mittheilungen“, 1879, I.

³⁾ H. Duveyrier, рукописная захѣтка.

⁴⁾ Mémoire sur le lac Moeris“;—„Mémoires sur les principaux travaux publics exécutés en Egypte“.

устроено, какъ Меридово озеро, въ главной долинѣ, подвергающейся непосредственному дѣйствію потоковъ и водъ разлива. Задерживательные бассейны, сооружаемые инженерами, это не что иное, какъ искусственныя озера, въ которыхъ устремляется вся масса рѣчныхъ водъ, и откуда выливается излишокъ, чтобы направиться въ нижнее русло; рѣка же, съ ея водоворотами, подтачивая и размывая сдерживающія ее преграды, неизрѣвно и неустанно трудится надъ разрушениемъ своего резервуара, и мы знаемъ изъ тысячи примѣровъ, что она часто достигаетъ своей цѣли. «Резервуаръ, перейденный рѣкой, есть резервуаръ разрушенный», говорить одинъ современный гидравликъ. Въ настоящее время трудно было бы поправить бассейнъ Меридова озера, ибо, по причинѣ возвышенія аллювиальныхъ земель при входѣ въ Файюмъ, инженерамъ пришлось бы поднять на нѣсколько метровъ гребень плотинъ¹⁾.

Бахръ-Юзефъ продолжается, подъ разными именами, до самой дельты, и въ нижней своей части онъ уже несетъ весьма незначительное количество воды: одно русло, русло Большаго Нила, собрало въ себѣ почти всѣ рѣчные воды; потокъ соединяется въ одинъ стволъ прежде, чѣмъ раздѣлиться на тысячу каналовъ въ равнинахъ Нижняго Египта. Хотя уменьшенный въ объемѣ, Ниль представляетъ и здесь такой же видъ, какъ въ Нубіи, или еще выше, въ мѣстѣ слиянія при Хартумѣ: замедленіе теченія, имѣющее слѣдствіемъ расширение рѣчного ложа, дѣлаетъ то, что Ниль даже кажется болѣе могучей рѣкой въ своихъ низовьяхъ. Воды его текутъ медленно и правильно между высокими берегами, отражая въ своей поверхности деревья, селенія или группы хижинъ изъ сѣрой глины, нѣсколько бѣлыхъ зданий. Ничего рѣзкаго, поражающего въ необыкновенномъ пейзажѣ, извилины рѣки развертываются длинными кривыми, около 5 километровъ среднимъ числомъ, и на подвижной скатерти водъ, простирающейся отъ одного горизонта до другаго, отражается изображеніе неба, всегда чистаго, съ оттенками, нечувствительно переходящими одинъ въ другой, безъ рѣзкихъ противоположностей; только нѣсколько барокъ, *дхахабіе* или «позолоченные», всѣ одинаковой формы и съ одинаковыми парусами, нарушаютъ однообразіе картины. Съ каждой стороны узкой равнины, горные склоны, овраги, террасы продолжаются одинъ за другимъ, нисколько не менѣя своего вида; въ этой странѣ съ такими простыми линіями почти не удивляешься, увидѣ правильныя массы пирамидъ, разставленныя на краю западнаго плоскогорья,—утромъ розовые, подернутые дымкой, конусы, точно горящіе факелы при бле-

скѣ дня, вечеромъ темные треугольники, выдѣляющіеся на пылающемъ небѣ.

Ниже Каира, два ряда высотъ, между которыми течеть Ниль, какъ во рѣѣ, раздвигаются, понижаясь, и рѣка раздѣляетъ свои воды на расходящіеся вѣти, чтобы излиться въ Средиземное море. Извѣстно, что треугольная форма аллювиальной равнины, которую Ниль «подарила» Египту, какъ выразился Геродотъ, подала поводъ дать имя дельты всей области устьевъ этой рѣки, и, по аналогіи, также всѣмъ странамъ такого же образованія, каковы бы, впрочемъ, ни были неправильности ихъ контура; но, несмотря на всѣ перемѣны, происшедшия въ мѣстной географіи въ послѣднія двадцать пять столѣтій, египетская дельта осталась образцомъ изящества по ритму ея расходящихся вѣтвей и выразкамъ ея береговъ.

Въ первыя времена исторіи вершина дельты была южнѣе, чѣмъ теперь. Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ мѣсто развѣтвленія находилось въ 7 километрахъ ниже нынѣшняго пригорода Булакъ; но такъ какъ промежуточная стрѣлка не была защищена плотинами, то теченіе неустанно подтачивало и размывало ее, изъ года въ годъ, изъ вѣка въ вѣкъ, и заставляло отступать къ низовью: вся дельта въ цѣломъ передвигается съ юга на сѣверъ по мѣрѣ отложения рѣчныхъ наносовъ за чертой устьевъ и по мѣрѣ возвышенія dna русла. Въ настоящее время мѣсто развѣтвленія или вершина дельты, называемая Батнъ-эль-Бакара, или «Брюхо коровы», находится въ 21 километрѣ отъ Каира, считая по извилинамъ рѣки, усыпанный островами; перемѣщеніе, стѣдовательно, составляло около 7 метровъ въ годъ. Во всей остальной дельѣ произошли подобныя же перемѣны: излучины врѣзывались то вправо, то влево въ неплотную, легкоподвижную почву рѣчныхъ наносовъ; простые рѣки превратились въ широкія русла, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ могучія рѣки высохли; каждый клочокъ земли былъ поочередно захватываемъ и побидаeмъ потоками. Подъ влияніемъ мистическихъ идей о значеніи чиселъ, писатели древняго міра единогласно насчитывали семь главныхъ вѣтвей въ дельѣ; другіе рукава рѣки были въ ихъ глазахъ не болѣе, какъ «ложныя устья»: меныше обилие водъ, часто останавливаемыхъ баромъ при входѣ въ Средиземное море, позволяло смотрѣть на эти второстепенные рукава какъ на маловажные побочные потоки. Впрочемъ, постоянная работы по расчисткѣ русль, устройству плотинъ и канализаціи поддерживали въ періоды мира нормальное направление рѣкъ, необходимое для хорошаго содержанія полей. Невозможно было бы начертать на картѣ теченіе семи древнихъ вѣтвей дельты, такъ какъ, предоставленныя самимъ себѣ, они снова начали блуждать по равнинѣ, меныше мѣсто при каждомъ новомъ разливѣ; но

¹⁾ Duponchel, „Théorie des alluvions artificielles“.

географы приблизительно согласны между собой относительно общаго направлениі этихъ нильскихъ рѣкъ, и тотъ или другой покинутый каналъ, куда рѣка возвращается лишь во время наводненій, та или другая впадина въ днѣ лагунъ морскаго прибрежья могутъ быть разсмотриваемы какъ слѣды старыхъ русль. Изысканія, сдѣланныя въ области дельты учеными, состоявшими при египетской экспедиціи Наполеона I, пролили свѣтъ на многіе сомнительные пункты гидрологіи Нила во времена Геродота и Страбона¹⁾.

Въ наши дни считаются всего только двѣ главныя вѣтви, указываемыя, впрочемъ, на вышуклой дугѣ побережья друмія плоскими мысами, которые образовались изъ аллювіальныхъ косъ, далеко выдвинувшихся въ море. Эти двѣ вѣтви суть: рѣка Рашидъ или Розетская, отожествляемая съ Больбитиной древнихъ, и рѣка Даміетская, носившая нѣкогда название Фатнатійской и Буколійской. Первая вѣтвь, т. е. Розетская, которая на 23 километра короче второй и, слѣдовательно, немного ниже уровня отъ 80 центиметровъ до 1.₂₀ метра, уносить наибольшее количество воды; Даміетская вѣтвь, вмѣстѣ съ промежуточными каналами райя Менуфіе, проходящими черезъ запруду, уносить только четыре девятыхъ вильского потока. Несмотря на то, Даміетскимъ рукавомъ гораздо большие пользуются для орошенія, по причинѣ большаго возвышенія его уровня.

Количество протекающей въ Нилѣ воды, на запрудѣ во время мелководія 1873 года, по Али-пашѣ Мубареку:

Розетская вѣтвь—181., куб. метр.; Даміетская—245 куб. метр.; райя Менуфіе—19,₄ куб. метр. Вмѣстѣ—445,₉ куб. метр. Среднее количество за годъ—4.750 куб. метр.

Какъ два радиуса круга, двѣ главныя вѣтви Нила изливаются въ море, одна на сѣверо-западѣ, другая на сѣверо-востокѣ, выдвигая свои устья километровъ на двѣнадцать за черту морскаго берега. Но та и другая, такъ же, какъ всѣ рѣки, впадающія въ Средиземное море, на половину заперты при входѣ барами изъ илу и песку, черезъ которые не могутъ переходить большія суда. Зададный рукавъ, Розетский, имѣеть два прохода, глубиной одинъ въ 2, другой—2.₂₀ метра; Даміетский рукавъ, менѣе открытый, имѣеть только 1.₆₀ метра глубины въ устьѣ. Высота этихъ пороговъ, зависящая отъ дѣйствія морскихъ водъ, поднимающіхъ песокъ на продолженіи побережья, очень мало измѣняется отъ большаго или меньшаго обилія рѣчныхъ водъ. Въ эпоху большаго разлива, когда устья рѣки изливаютъ въ море жидкую массу около 13.400 куб. метровъ въ секунду, баръ лежитъ всего только на одинъ или два дециметра глубже, чѣмъ въ мелководье,

когда количество несомой воды падаетъ до 330 куб. метровъ. Но если глубина остается почти одинаковой, то мѣстоположеніе бара, указывающее точку равновѣсія между двумя сталкивающимися водными массами, измѣняется на нѣсколько километровъ. Въ періодъ разлива теченіе Нила ощущительно въ морѣ зерстъ на пять отъ берега, и иногда достаточно для того, чтобы чувствительно разбивать силу волнъ. Суда могутъ находить тамъ безопасное убѣжище, какъ въ рейдѣ¹⁾.

Фронтъ дельты постепенно выдвигается въ море, но гораздо медленнѣе, чѣмъ можно было бы ожидать, судя по обилію нильскихъ водъ и значительному содержанію въ нихъ твердыхъ землистыхъ частицъ. Изъ сравненія всѣхъ замѣтокъ, найденныхъ въ древнихъ и средневѣковыхъ письменныхъ памятникахъ, геологъ Эли-де-Бомонъ опредѣлилъ въ 4 метра среднее годовое приращеніе египетскаго побережья, во, вѣроятно, эта цифра, относительно незначительная, если сравнить ее съ размѣромъ поступательного движенія другихъ меньшихъ дельтъ, напримѣръ, дельты Роны или По, сама по себѣ еще слишкомъ высока. Первая морская карта Розетского рукава, снятая въ 1687 году инженеромъ Рazo (Razaud), даетъ первый элементъ для положительныхъ сравненій. Двѣ послѣдующія карты, вполнѣ сравнимыя между собой—карта, составленная моряками французской экспедиціи, въ концѣ прошлаго столѣтія, и карта, начертанная Ларуссомъ въ 1860 году, во время предварительныхъ работъ по прорытию Сuezскаго канала—показываютъ для Розетского устья годовое наращеніе въ 40 метровъ, а для Даміетскаго въ 11.₆₀ метровъ въ тотъ же промежутокъ времени. Но это перемѣны мѣстныя, и когда рѣчныя устья перемѣщаются, постепенно отложенные ими аллювіальные полуострова скоро смываются волнами, и песокъ, изъ котораго они состояли, разносится вдоль побережья; во многихъ мѣстахъ констатированы эти разрушительные возвраты моря. Береговое теченіе, очень замѣтное, идетъ вдоль египетскаго берега, направляясь отъ запада къ востоку, отъ Александрии къ Портъ-Саиду, но образуя тамъ и симъ малыя мѣстныя возвратныя теченія, какъ воловоротъ, происходящій между Розетскимъ устьемъ и Абукирскимъ мысомъ. Непрестанное усиленіе берегового теченія направлено къ тому, чтобы срѣзать мысы и засыпать заливы, возстановляя красиую параболическую кривую берега: повсюду, где это теченіе встрѣчаетъ препятствіе, оказывающее сопротивленіе, оно соединяетъ его съ твердой землей песчанымъ берегомъ въ формѣ полукруга. Такъ оно склоняетъ пески противъ западнаго жете Портъ-

¹⁾ Vagois, рукописная замѣтка.

¹⁾ Larousse, „Annales hydrographiques“, 2 semestre 1871.

Санда, чтобы засыпать входъ въ него; но эти напосы не настолько значительны, чтобы поставить въ опасность бассейны нового порта, и человѣкъ легко можетъ спрятаться съ ними при помощи землечерпательныхъ машинъ. Въ цѣломъ нельзя считать больше 2 съ половиной метровъ ежегодное приращеніе дельты со стороны моря, такъ что, слѣдовательно, выигрышъ материка не превышаетъ 6 километровъ со временемъ Геродота.

Можетъ-быть, когда-нибудь существовало даже равновѣсіе между наносами рѣки на вѣнчайшій берегъ и размывающимъ дѣйствиемъ водъ, либо геологическій видъ морскаго берега представляеть видъ бывшаго береговаго кордона или вала, составлявшаго продолженіе небольшой Александрійской известняковой цѣпіи, которая теперь оканчивается на Абукирскомъ мысѣ. Въ неглубокихъ водахъ волны пользуются такимъ образомъ каменистыми точками, островами или мысами, чтобы опереть на нихъ свои песчаныя насыпи, которыя отдѣляютъ отъ моря бухты неправильной формы и постепенно превращаются ихъ въ береговыя озера или лагуны. Прежде чѣмъ приступить къ работѣ завоеванія дна Средиземного моря, Нилъ долженъ быть засыпать пруды, отдѣляемыя отъ моря песчаной косой, и это дѣло осушенія прибрежныхъ водныхъ площадей еще не окончено. Впрочемъ, некоторые признаки позволяютъ думать, что трудъ засыпки лагунъ замедляется общимъ осѣданіемъ страны, подобно тому, какое констатировано во многихъ аллювіальныхъ странахъ: въ Голландіи, на берегахъ Сѣверной Германіи, при устьяхъ По, на берегахъ заливообразнаго устья рѣки Амазонской. Такъ, искусственные гроты, вырытые нѣкогда близъ Александрии на вѣкоторой высотѣ надъ моремъ, теперь находятся подъ водой: это могильные скелеты, извѣстныя подъ именемъ «Клеопатриныхъ купалень»¹⁾. Общее пониженіе уровня почвы, если оно дѣйствительно существуетъ, объясняетъ также образование новыхъ лагунъ, которыя, пробывъ долгое время высохшими, снова открываютъ свои протоки или болазы, чтобы наполнить частю свои старыя русла.

Какъ бы то ни было, озерныя бассейны дельты содржать уже незначительное количество воды, и дѣло засыпки ихъ легко могло бы быть приведено къ успѣшному концу. Уже восточная оконечность озера Мензалехъ, отдѣленная отъ области Нила насыпями Суэзскаго канала, превращена въ твердую землю, одновременно съ засыпкой старого русла пелузійской мѣты. Само озеро Мензалехъ уменьшилось со временемъ изслѣдованія Андреосси, въ концѣ прошлаго столѣтія, и теперь тамъ уже не находятъ глубины 5 метровъ, какую онъ показалъ на своей картѣ въ сосѣдствѣ богазовъ или про-

токовъ. Въ наши дни средняя глубина этого бассейна не превышаетъ одного метра, но занимаемое имъ пространство достигаетъ 1.200 квад. километровъ во время разливовъ Нила; тогда онъ принимаетъ въ себя временные каналы и рѣки, которые отлагаются содержащіяся въ нихъ землистая частицы по ту и другую сторону своего теченія, и сообщается съ моремъ двумя протоками, куда заходятъ морскія свиньи. Въ періодъ мелководія песчаныя мели и островки выступаютъ на поверхность въ такомъ множествѣ, что судоходство дѣлается невозможнымъ въ значительной части пруда, но и пѣшеходы не могутъ пускаться безопасно черезъ эту водную площадь, по причинѣ болотистыхъ рововъ, раздѣляющихъ выступившія изъ-подъ воды земли.

Озеро Бурлосъ, лежащее къ востоку отъ Розетской вѣтви, въ сѣверной части дельты, почти такъ же обширно, какъ и Мензалехъ, и, подобно послѣднему, увеличивается или уменьшается съ измѣненіемъ высоты рѣчныхъ водъ, являясь поперемѣнно то прѣноводнымъ бассейномъ, когда оно сообщается съ Ниломъ, то резервуаромъ, наполненнымъ солоноватымъ остаткомъ, когда поверхностный слой жидкой массы испарится. Съ моремъ оно сообщается только однимъ постояннымъ проливомъ. Озера Эдку и Абукирское почти не заслуживаютъ этого имени и должны быть скорѣе названы прудами. Что касается лагуны Маріутъ (Мареотида древнихъ), то она имѣеть по меньшей мѣрѣ около сотни верстъ въ окружности, и нѣкоторые изъ ея береговъ на западѣ и на югѣ круто обрываются въ бассейнъ, чтѣ придаетъ ему видъ настоящаго озера. Однако, Маріутъ была совершенно высохшимъ въ 1799 году, когда англичане прорвали, на югѣ отъ Александрии, плотину, отдѣлявшую его отъ моря; но, снова наполнившись водой, онъ опять сталъ уменьшаться въ объемѣ съ тѣхъ поръ, какъ брешь была задѣлана. Потому ли, что древніе египтяне тоже осушали это озеро, совершенно разобщая его съ моремъ, или потому, что общий уровень материка былъ тогда выше, но не подлежитъ сомнѣнію, что котловина Мареотиды была сухой вся или частю въ продолженіе извѣстнаго періода древней эры, ибо тамъ нашли остатки храмовъ и статуй.

Если захваты нильскихъ наносовъ на морѣ и на озерахъ дельты трудно вычислить, то тоже самое можно сказать о постепенномъ возвышеніи прибрежныхъ земель Нила во всей области, орошаемой разливами, тѣмъ болѣе, что нужно было въ то же время принимать въ разсчетъ песчаныя частицы, приносимыя вѣтромъ и смѣшивающіяся съ наносами²⁾). На основаніи сравнительныхъ наблюдений, сдѣланныхъ во время изслѣдованія Египта, Жи-

¹⁾ Lyell, „Antiquity of Man“.

²⁾ H. Daveyrier, рукописные замѣтки.

рарь пришелъ къ тому выводу, что аллювіаль-
ные слои, отлагаемые ежегодно Ниломъ, про-
изводятъ среднее повышение уровня почвы на
126 миллиметровъ въ столѣтіе: следовательно,
въ продолженіе послѣдніхъ пяти тысячъ лѣтъ,
то-есть съ той эпохи, когда египтяне предпринимали уже самыя обширныя работы по канализації, уровень нильскихъ равнинъ долженъ бы быть повышенъ слишкомъ на 6 метровъ¹⁾, хотя дельта за этотъ промежутокъ времени очень мал овыдвинулась въ море. Правда, большинство памятниковъ, построенныхъ въ сосѣдствѣ рѣки, теперь зарыты въ землю до вѣкотой высоты: каменные плиты, которыми вымощены большія аллеи сфинксовъ передъ Карнакомъ, скрыты подъ отложеніями Нила; точно также у колоссальныхъ статуй Мемнона, стоящихъ верстахъ въ двухъ отъ рѣки, почти весь пьедесталъ закопанъ въ толщинѣ аллювія, такъ что нужно было въ самой почвѣ искать греческую надпись, которая, безъ сомнѣнія, была вырѣзана на высотѣ роста человѣка. Но это еще не доказательства возвышенія почвы, потому что тяжелыя массы зданій и особенно громадныя глыбы камня, какъ колоссы Мемнона, должны постепенно осѣдать, углубляться въ аллювіальную почву прибрежныхъ равнинъ Нила: зала съ колоннами въ Оивахъ, которая, очевидно, была построена выше уровня разливовъ, теперь затапливается каждый годъ, и въ ней прогуливаются на лодкѣ²⁾. То же самое мы видимъ въ другихъ мѣстахъ: такъ, ерратическіе камни Швейцаріи и колоннады римскихъ храмовъ все глубже входятъ въ рыхлую землю, которая ихъ поддерживаетъ. Нилометръ, открытый Жираромъ на островѣ Элефантинѣ, есть, можетъ быть, одинъ изъ тѣхъ памятниковъ, фундаментъ которыхъ осѣлъ: изъ того, что уровень разливовъ въ наши дни превышаетъ 2 съ половиной метра древнія измѣренія, нельзя еще заключить, что высота рѣчного ложа и береговъ настолько же увеличилась. Это явленіе было бы въ явномъ противорѣчіи съ фактами осушки старой долины къ востоку отъ Ассуана, нынѣ покинутой теченіемъ.

Ежегодный разливъ Нила, возрождающій всю природу и наступленіе которого древніе египтяне праздновали, какъ воскресеніе бога, есть явленіе очень правильное въ отношеніи времени появленія, представляющее лишь весьма мѣнзимальныя уклоненія въ своемъ пѣрiodическомъ чередованіи; возвратъ водъ разлива древніе сравнивали съ возвратомъ небесныхъ свѣтиль. Какъ было прибрежнымъ народамъ не бояться въ благодѣтельную рѣку, «творца пшеницы, производителя ячменя», рѣку, безъ которой «боги упали бы ницъ и погибли бы люди»? «Привѣтъ тебѣ, Ниль, даю-

щій жизнь Египту!»—такъ прославляли его нѣкогда египетскіе жрецы¹⁾). Съ порядкомъ его теченія все сообразовалось, да и теперь еще сообразуется: сельскія и городскія работы, религіозные и гражданскіе праздники; но въ наши дни легче приготовиться къ пришествію могучаго потока, возвѣщающему изъ Хартума за тридцать или сорокъ дней напередъ. Почти всегда 10 июня рѣка начинаетъ рости, катя «зеленыя» и нездоровыя воды, происходящія изъ большихъ болотъ Верхняго Нила; но въ началѣ повышенія уровня идетъ почти незамѣтно. Около половины июля разливъ быстро увеличивается, вслѣдствіе внезапнаго притока «красныхъ» водъ, приносимыхъ потоками Еюппіи; часто кривая, графически изображающая ходъ наводненія, представляетъ маленький «рогъ» или изгибъ, образуемый понижениемъ и слѣдующимъ затѣмъ новымъ повышениемъ уровня: это явленіе происходитъ отъ несовпаденія разливовъ между Голубымъ Ниломъ и Атбарой. Къ концу августа Ниль бываетъ уже почти въ полноводье; однако, наводненіе и послѣ того еще понемногу увеличивается до 7 октября,—средній день, когда воды достигаютъ своей кульминаціонной точки. Съ этого момента начинается спадъ водъ, происходящій постепенно, почти безъ всякихъ второстепенныхъ изгибовъ въ его нормальной кривой и продолжающейся до того времени, когда опять наступаетъ повышение уровня. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ высокаго стоянія водъ жидкая масса, катимая Ниломъ въ море, представляеть три четверти общаго годового количества, именно 90 миллиардовъ кубич. метровъ изъ 120 миллиардовъ²⁾. Само собой разумѣется, высота наводненія уменьшается отъ верховья къ низовью. Передъ Ассуаномъ она составляетъ 16 или 17 метровъ; въ Каирѣ горизонтъ воды на 10 метровъ ниже; во время большаго разлива 1880 года высота достигала 7,961 метра, тогда какъ въ 1799-мъ, который былъ годомъ низкихъ водъ, она не превышала 6,857 метровъ. Опираясь на нѣкоторыя древніе тексты, между прочимъ, на одно мѣсто у Геродота, возбудившее много споровъ, утверждали, что будто высота разливовъ значительно измѣнилась съ первыхъ вѣковъ египетской исторіи; но нѣть достаточныхъ данныхъ, чтобы съ достовѣрностью решить этотъ вопросъ. Во всякомъ случаѣ, среднѣе возвышеніе водъ разлива неизмѣнилось съ конца восьмаго столѣтія послѣ Р. Х., ибо точныя измѣренія, сдѣланныя въ эту эпоху, сохранились до нашего времени, и констатировано, что они сходятся съ измѣреніями, опубликованными учеными французской экспедиціи, и съ непрерывнымъ рядомъ новѣй-

¹⁾ *Description de l'Egypte*, томъ VI.

²⁾ Ernest Desjardins, рукописная замѣтка.

¹⁾ Maspero, „Catalogue du Musée de Boulaq“.

²⁾ Barois, рукописная замѣтка.

шихъ наблюдений¹). Впрочемъ, разливы бываютъ то больше, то меньше, колебляясь вокругъ средней равновѣсія; иногда вода не поднимается довольно высоко, чтобы наполнить всѣ каналы; въ другіе годы, напротивъ, наводненіе бываетъ слишкомъ велико, и поля не обсыхаютъ довольно скоро, чтобы посѣвы могли дать хороший урожай. Нужно сказать, что вообще размѣръ налоговъ, падающихъ на землю, измѣняется сообразно высотѣ и содержанію рѣкъ; оттого публичный глашатай, возвѣщающій всенародно уровни разлива, часто давалъ ложныя показанія, по внушению фиска, имѣющаго въ виду болѣе значительное поступленіе налоговъ. День, когда Ниль поднимается вровень съ берегами, и когда приготовляются прорвать плотины, отдѣляющія его отъ каналовъ внутренней канализаціи, есть день всеобщей радости для прибрежныхъ жителей, такъ какъ эта прибывающая вода представляетъ для нихъ хлѣбъ, который вырастаетъ въ бороздѣ; но вода не успѣла еще смочить ихъ полей, какъ уже является сборщикъ податей требовать долю, и больше, чѣмъ долю, слѣдующую казнь. Извѣстно, что въ старицу приносили на рѣку съ болыпой торжественностью молодую девушку и бросали ее покирающимъ водамъ, чтобы богъ послалъ хороший урожай; теперь въ потокъ ввергаютъ уже не живаго человѣка, а только куклу, но до сихъ порь все еще поручаютъ палачу приносить этотъ даръ Нилу, напоминающій человѣческія жертвоприношенія минувшихъ временъ.

Два пояса аллювіальныхъ земель, идущихъ вдоль Нила, пересекаются ирригационными каналами, которые всюду разносятъ плодотворную воду. Ниль такъ же, какъ и всѣ другія рѣки, текущія въ аллювіальной равнинѣ, имѣетъ берега болѣе высокіе, чѣмъ часть равнинъ, удаленная отъ русла. Поперечный разрѣзъ, перпендикулярный къ направленію долины, показалъ бы, что отъ утеса до утеса равнина имѣеть въ цѣломъ выпуклую форму: стержень теченія, въ періодъ разлива, занимаетъ самую высокую часть всего промежуточного пространства между боковыми холмами. Отъ этого средняго выступа поверхность воды наклонена вправо и влѣво, и покатость продолжается съ одной стороны и другой стороны въ прибрежныхъ равнинахъ. Наибольшая высота равнины въ сосѣдствѣ рѣки объясняется тѣмъ, что на этой полосѣ воды разлива отлагаются наибольшую часть содержащихся въ нихъ землистыхъ частицъ: потокъ, разливающійся поверхъ высокихъ береговъ, стремится спускаться наискосъ, увлекаемый по двойному скату: съ одной стороны — въ общемъ направлениі долины, съ другой — въ направленіи перпендикуляромъ къ ли-

нію теченія. Если бы вода не встрѣчала никакого препятствія въ оросительныхъ каналахъ, отведенныхъ изъ Нила, она тотчасъ же устремилась бы къ низкой части прибрежныхъ равнинъ, то-есть вдоль откосовъ пустыни, и превратила бы эту котловину въ огромное озеро: нужно задерживать потокъ разлива въ высшей части канала при помощи поперечной плотины, которую открываютъ только тогда, когда верхняя часть была достаточно затоплена. Затѣмъ вода пребываетъ извѣстное время во второй части канала, тоже ограниченной запрудой, и такимъ образомъ каналы, расположенные уступами, послѣдовательно разносятъ плодотворную влагу во всѣ части равнинѣ¹). Однако, встрѣча теченій въ боковыхъ каналахъ и мѣстное отложение рѣчныхъ наносовъ измѣнили во многихъ мѣстахъ нормальную покачисть почвы; съ другой стороны, пески, приносимые вѣтромъ съ сосѣднихъ высотъ, подняли тамъ и сямъ земли равнинъ до одинакового или даже болѣе высокаго уровня, чѣмъ уровень береговъ Нила. Вслѣдствіе этого, земледѣльцы принуждены измѣнять всю систему своихъ каналовъ. Въ прежнія времена, когда Ниль давалъ пріютъ въ своихъ водахъ пяти видамъ крокодила, маленький безвредный крокодиль, называемый *сукъ*, путешествовалъ впереди воды; появленіе его всегда предшествовало наступленію разлива, это былъ глашатай великой вѣсти. Оттого поселяне встрѣчали празднествами этихъ крокодиловъ, радостныхъ вѣстниковъ, и даже въ городахъ, отдаленныхъ отъ Нила, имъ воздавали торжественный культь: имъ воздвигали храмы, гдѣ въ святилищѣ жили эти животныя, украшенія браслетами и подѣлками и кормимыя мясомъ жертвъ²). Теперь нѣть болѣе крокодиловъ въ египетскомъ Нилѣ. Большая ящерица, которую видали еще въ началѣ этого столѣтія въ каналахъ, перерѣзывающихъ Каиръ, не встрѣчается уже даже въ Оивахъ: первые крокодилы найдены были недавно въ Омбосѣ, между тѣсниной Пѣней и Ассуаномъ³); въ области водопадовъ водится также электрическая рыбы⁴). Бегемоты, или «нильскія лошади», удалились еще выше по рѣкѣ, къ сланю Атбара.

Когда уровень начинаетъ понижаться въ руслѣ Нила, жидкая масса, наполняющая верхнюю часть каналовъ, тотчасъ ушла бы въ рѣку, если бы не запирали входъ рва: этимъ способомъ земледѣльцы запасаютъ себѣ на весну и лѣто воду, необходимую для орошенія полей и садовъ. Когда рѣка идетъ на убыль, уровень наводненія поддерживается въ прибрежныхъ рав-

¹) Girard, „Description de l'Egypte“, tome XX.

²) Geoffroy Saint Hilaire, „Revue Encyclopédique“, tome XXXVIII, mai 1828.

³) Ernest Desjardins, рукописные замѣтки; — Prokesch-Osten, „Nilfahrt“.

⁴) Gottberg, цитированная статья.

нивахъ на 5 или 6 метровъ выше уровня течения въ рѣчномъ ложѣ. Кромѣ того, земледѣльцы пользуются водами Нила, которая просачивается по бокамъ въ почву на разстояніи нѣсколькихъ километровъ отъ береговъ, но просачиваются такъ медленно, что дѣйствіе разливовъ дѣлается тамъ замѣтнымъ только спустя нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ послѣ нормального периода наводненія: въ 100 метрахъ отъ рѣки нужно ждать отъ восьми до десяти дней прежде, чѣмъ увидишь подъемъ воды въ колодцахъ; въ разстояніи около версты она начинаетъ подниматься только тогда, когда вода въ рѣкѣ уже спала. Слѣдствіемъ этого бываетъ то странное явленіе, что во время мелководія Нила вода въ колодцахъ, удаленныхъ отъ береговъ, достигаетъ уровня, на 3 или 4 метра превышающаго уровень самой рѣки. Пользуясь этимъ, земледѣльцы продолжаютъ орошеніе, которое безъ подземнаго притока было бы невозможнo.

Каналы, поперечныя плотины, утилизируемые какъ пути сообщенія между деревнями, придаютъ всей странѣ видъ обширной шахматной доски воздѣланныхъ земель, раздѣльныхъ линій которыхъ представляютъ то выступы, то впадины; живительная вода циркулируетъ по-всюду, какъ кровь въ артеріяхъ животнаго. Но содержаніе въ порядкѣ всего этого организма требуетъ величайшей заботливости, и малѣйшей неисправности въ этихъ почти совершенно плоскихъ равнинахъ, немыющихъ опредѣленной покатости, достаточно, чтобы произвести трещины и завалы, чтобы превратить каналы въ болота. Изнуренные неустаннымъ трудомъ, обезкураженные алчностю фиска, феллахи не всегда обладаютъ свободой духа, нужной для того, чтобы содержать въ исправномъ состояніи сѣть каналовъ, которая, между тѣмъ, необходима имъ для питанія ихъ первобытныхъ оросительныхъ снарядовъ. Въ большихъ имѣніяхъ воду поднимаютъ при помощи *сакіе* или «колесъ съ бадьями», подобныхъ тѣмъ, какія употребляются въ Сиріи, и приводимыхъ въ движение волами или ослами, въ Нубіи—верблюдами. Но большинство крестьянъ употребляютъ *шадуфы*, сосуды или кадки, которые два человѣка, дѣйствуя на одно плечо рычага, поперемѣнно опускаютъ въ воду и поднимаютъ наверхъ. Достигнувъ верхней точки описываемой ю дуги, кадка опораживается въ канавку, затѣмъ снова спускается и опять поднимается. Шадуфъ поднимаетъ такимъ образомъ воду на высоту 2 или 3 метровъ; если поля, которая нужно орошать, лежатъ на болѣе высокомъ уровне, прилагается второй снарядъ, дѣйствующій надъ первымъ: иногда на уступахъ берега видишь три этажа поставленныхъ одинъ надъ другимъ шадуфовъ. Но эти примитивные способы берутъ у Нила лишь весьма незначительную часть воды, которая могла бы быть утилизирована для оро-

шенія. Извъ 120 миллиардовъ кубич. метровъ, катимыхъ Ниломъ въ продолженіе года, только 5 миллиардовъ употребляются прибрежными жителями для цѣлей земледѣлія; оттого обработанные земли составляютъ только половину, можетъ быть, даже треть почвы, которую можно было бы утилизировать¹⁾). Теперь въ бассейнѣ Нила живутъ много-много что сорокъ миллиарновъ людей, а между тѣмъ эта вода-кормилица могла бы производить хлѣба еще для многихъ десятковъ миллионовъ.

Нильскій иль, бураго или черноватаго цвѣта, составляетъ единственное удобреніе полей въ Египтѣ. Отъ дѣйствія солнечной теплоты онъ скрѣпляется и можетъ быть обдѣлыванъ въ кирпичи и въ сосуды. Подъ ногами онъ дѣлается твердымъ, какъ камень, и скимается, образуя глубокія трещины. Древніе песчаные и известковые грунты, смѣшанные у основанія холмовъ съ галькой и валунами, которые были принесены наводненіями, предшествовавшими современной геологической эпохѣ, прикрыты слоемъ, толщиной отъ 10 до 12 метровъ²⁾, составляющимъ необычайно богатую пахатную почву, которая, будучи разложена на другія равнинны, была бы достаточна, чтобы сдѣлать плодороднымъ пространство, въ сто разъ болѣе значительное. По химическому составу этотъ иль Нила, создавшій Египетъ, отличается отъ ила всѣхъ европейскихъ рѣкъ³⁾; анализы его, даваемые учеными, много разнятся, смотря по времени отложенія и мѣсту происхожденія, въ сосѣдствѣ или въ иѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки. Но всякий нильскій иль содержитъ значительную долю углекислой извести и магнезіи, окиси желѣза и углерода, происходящаго изъ разлагающихся органическихъ веществъ; каждый миллиметръ этого ила заключаетъ въ себѣ также кремнистыя палочки діатомей. Анализъ египетскаго ила, сдѣланный Реньо:

Воды	11	частей на 100
Углерода	9	" "
Окиси желѣза	6	" "
Кремаизема	4	" "
Углекислой магнезіи	4	" "
извести 10	"	"
Глиноzemа	48	" "

Въ этой столь прѣсной водѣ Нила находятся всѣхъ рода твердыя частицы, приносимыя изъ всѣхъ провинцій огромнаго бассейна, животные остатки, окаменѣвшіе въ лужахъ Бахръ-эль-Азрека, болотные мхи и тростники Кира и рѣки Газелей. Между песками, глинами, угрумыми скалами двухъ пустынь пролегаетъ узкій поясъ зелени, образуемый смѣшанными земли-

¹⁾ Stephan, „Das heutige Egypten“; — Raoul Pictet, Societ  de G ographie de Gen ve, s  ance du 23 janvier 1874.

²⁾ Girard, цитированное сочиненіе.

³⁾ Oscar Fraas, „Aus dem Orient“.

стыми частицами, которыя воды приносят съ половины африканского континента.

II. Область большихъ озеръ.

Бассейнъ озера Викторія-Ніанца и бассейнъ Верхняго Нила до прохода рѣки черезъ озеро Альбертъ-Ніанца, или Мвутанъ-Нзиге, обнимаютъ значительное пространство, которое можно исчислять въ 430.000 квадр. километровъ, не претендуя, однако, на очень большую точность: пока не будутъ известны определенно линіи раздѣла между покатостями, можно дѣлать лишь грубые вычисления, по площадямъ, ограничивающимъ линіи сѣти долготъ и широтъ. Эта обширная область, средняя высота которой слишкомъ 1.200 метровъ, составляетъ часть континентального горба: по своимъ водамъ, текущимъ въ египетскую рѣку, она принадлежитъ къ бассейну Средиземного моря; но она лежитъ гораздо ближе къ берегамъ Атлантическаго океана, а южная ея оконечность отстоитъ менѣе, чѣмъ на 400 километровъ отъ Индійскаго океана. По удобству сообщенія съ вѣтнимъ міромъ, берега Большаго Ніанца находятся въ кругѣ притяженія Занзибара. Даже когда путь по Нилу открытъ, и война не опустошаетъ его береговъ, европейскимъ путешественникамъ, отправляющимся въ эту часть Африки, все-таки выгоднѣе избрать путь Индійскаго океана и подниматься къ плоскогорьямъ дорогами, по которымъ слѣдуютъ арабские купцы.

Хотя область Ніанца составляетъ раздѣльную возвышенность между склономъ Средиземного моря и покатостями Атлантическаго и Индійскаго океановъ, она, однако, гораздо ниже другихъ частей континента. Если исключить мѣстность около истоковъ Тангуре, где высится Мфумбиро, поднимающійся, можетъ-быть, на 3.000 метровъ, и далѣе на сѣверѣ, мѣстность, где тянется, параллельно меридиану, массивъ Гамбарагара, еще болѣе высокий,—плоскогорье не представляетъ большихъ горъ; выпуклости рельефа возвышаются всего только на нѣсколько сотъ метровъ надъ окружающими равнинами; нигдѣ природа не противопоставляетъ непройдимыхъ препятствій изслѣдованію страны. Между территоріями верхняго нильскаго бассейна есть такія, которые по справедливости могутъ считаться привилегированными странами, въ Африкѣ и во всемъ свѣтѣ, по разнообразью и живописности пейзажей, обилию водь, богатству растительности, плодородію почвы; таковы именно прибрежныя области озера Ніанца, на западѣ и на сѣверѣ. На югѣ этого резервуара, въ землѣ У-Ніамези, жители менѣе благополучествованы природой: долины тамъ чередуются съ холмами и плоскогорьями; но въ дождливое время года онѣ почти вездѣ затоп-

ляются и превращаются въ болота. Вследствіе этого, всѣ селенія и всѣ пашни расположены тамъ по скатамъ высоты: промежуточные долины утилизируются только, какъ пастища въ сухое время года; холмы состоять изъ гранитныхъ массъ, прикрытыхъ тамъ и сямъ тонкимъ слоемъ чернозема, гдѣ растетъ мелкій кустарникъ. Къ востоку отъ внутренняго моря Африки, почва, не такъ обильно орошаемая, усыана котловинами, гдѣ разстилаются солоноватыя или соляныя болота, тогда какъ на сѣверѣ, между двумя озерами Викторія и Альбертъ-Ніанца, прѣноводныя болота, чащи ненуфара, медленно текущія рѣки, съ широкими извилистыми руслами, занимаютъ обширное пространство.

Хотя Ніанца пересекается равноденственной линіей, но значительное возвышеніе страны надъ уровнемъ моря, свободный проходъ, представляемый ею всѣмъ атмосфернымъ теченіемъ, а также древесная растительность, поддерживаемая обильными дождями, умѣряютъ среднюю температуру, и здѣсь никогда не бываетъ такихъ чрезмѣрныхъ жаровъ, какъ въ Нубіи, въ 20 градусахъ къ сѣверу отъ экватора. Правильныя метеорологическія наблюденія, производившіяся въ Рубагѣ, главномъ городѣ земли У-Ганда, въ нѣсколькихъ минутахъ къ сѣверу отъ равноденственной линіи, показываютъ, что климатъ этихъ странъ нельзя называть жаркимъ. Самая высокая температура, которую тамъ пришлось выносить европейцамъ, была всего только 34,8° Ц., а самая низкая точка, до которой опускалась ртуть термометра, была 10,7° Ц.: между этими двумя крайностями средняя температура каждого мѣсяца колеблется между 20 и 22 градусами; для цѣлаго года она составляетъ 21,4 градусовъ стоградуснаго термометра¹⁾: это температура Кантона, Туниса, Нового Орлеана; Каиръ, Багдадъ, Гавана, Rio-Жанейро имѣютъ болѣе высокую среднюю температуру, не говоря уже о такихъ «пеклахъ», какъ Буширъ, Маскатъ, Караби, Бискра, Мурзукъ. Господствующіе вѣтры въ этой области—южный и юго-восточный, привлекаемые тепловымъ фокусомъ Сахары; когда разражается гроза, что почти всегда бываетъ въ одинъ и тотъ же часъ по полудни, то это вообще происходитъ вслѣдствіе встрѣчи этихъ южныхъ воздушныхъ теченій съ другими теченіями, идущими съ сѣвера и сѣверо-запада. Ни одинъ мѣсяцъ не бываетъ безъ дождей; въ этой области, соотвѣтствующей «западнѣ» Атлантическаго океана, дождевые облака образуются во всякое время года; однако, іюль мѣсяцъ относительно сухой: самые обильные дожди выпадаютъ въ періодъ съ сентября до ноября; апрель представляетъ второй максимумъ выпаденія

¹⁾ E. Ravenstein, "Appendice to Wilson and Felkin's Uganda"; —Hann, "Petermann's Mittheilungen", 1878, p. 64; 1880, p. 143.

атмосферныхъ осадковъ. Впрочемъ, годовой слой дождевой воды въ Угандѣ составляетъ, по Вильсону, всего только 1,25 метра, что объясняется недостаткомъ высокихъ горъ, задерживающихъ облака во время прохода ихъ надъ страной. Мѣсяцы не отличаются одинъ отъ другаго увеличенiemъ или уменьшениемъ тепла; и такъ какъ единственная замѣчательная явленія солнечнаго года—два дождливыхъ сезона: одинъ весенній, другой осенний, то жители Уганды принали за естественное дѣленіе времени эпоху дождей, совпадающую для нихъ съ періодомъ полевыхъ работъ: ихъ годы, слѣдовательно, составляютъ лишь половину нашихъ; каждый годъ состоить изъ шести мѣсяцевъ, изъ которыхъ первый называютъ «мѣсяцемъ, когда сѣютъ», а остальные пять—«мѣсяцами, когда ёдятъ»¹⁾.

Благодаря обилию дождей, флора очень богата въ плодоносныхъ областяхъ, окружающихъ большое озеро Ніанца, почва которыхъ состоять изъ растительной земли, залегающей на красной глини, смѣшанной съ пескомъ и имѣющей не менѣе десятка метровъ толщины. Въ У-Гандѣ, около экваториальной линіи, нигдѣ не увидишь перерыва въ поясѣ зелени, покрывающей страну: гдѣ прекращаются массивы банановъ и другій культуры, обширные сады, въ которыхъ исчезаютъ селенія, тамъ тотчасъ же начинаются лѣса большихъ деревъ, несущихъ на своихъ вѣтвяхъ цѣлую колонію чужеядныхъ растений и соединяющихся съ деревцами подлѣсья фестонами ліанъ; болѣе пятидесяти различныхъ видовъ папоротниковъ растутъ въ этихъ лѣсныхъ чащахъ. Ручьи, извивающіеся на днѣ овраговъ, текутъ какъ бы въ подземныхъ галлереяхъ, куда проникаетъ лишь слабый свѣтъ; издали присутствіе ихъ можно узнать только по пышно разросшимся деревьямъ, переплетающимъ свои раскидистыя вѣтви надъ потокомъ. Но какъ ни прекрасна флора плоскогорій Верхняго Нила, она, повидимому, не отличается большимъ разнообразіемъ: изъ 750 видовъ, которые Грантъ привезъ изъ своего путешествія по Африкѣ, отъ Занзибара до Нижняго Нила, только 80, самое большое сотня, были еще неизвѣстны ботаникамъ. Флора Мыса Доброй Надежды, флора Абиссиніи, флора Нила смѣшиваются на этихъ высотахъ; встрѣчаются даже нѣкоторые виды, свойственные Индустану²⁾, а теперь, кромѣ того, привились многія европейскія растенія, нашедшиа тамъ вполнѣ подходящій климатъ³⁾. Грантъ полагаетъ, что эта область, особенно Карагузъ, была бы какъ нельзя болѣе благопріятна для куль-

туры чайного дерева⁴⁾. Самое большое дерево этой страны—мпаффу; изъ ствола его, имѣющаго до 7 и 8 метровъ (почти до 4 сажень) въ окружности, течетъ благовонная камедь.

Подобно флорѣ, фауна плоскихъ возвышеностей отличается отъ животнаго царства окружающихъ областей лишь небольшимъ числомъ видовъ. Озеро населено бегемотами и крокодилами, какъ Нилъ и Нигеръ, и птицы-рыболовы гнѣздаются массами въ тростникахъ или сидѣть на вѣтвяхъ деревъ, растущихъ на берегу. Въ земледѣльческой странѣ, откуда присутствіе человѣка удалило почти всѣхъ дикихъ звѣрей, остались, однако, въ лѣсныхъ чащахъ леопарды, которыхъ поселяне очень боятся; гиены тоже бродятъ вокругъ хижинъ; лисицы пугаютъ путника своимъ зловѣщимъ тявканьемъ; дикия кошки и другія животныя изъ породы африканскихъ хорьковъ преслѣдуютъ мелкую дичь; бѣлки перепрыгиваютъ съ вѣтки на вѣтку; большие сѣрые попугай слетаются съ верхушкѣ деревъ, испуская рѣзкій крикъ; тогда какъ внизу, между цветами, порхаетъ цѣлый міръ маленькихъ птичекъ и бабочекъ, блестящихъ яркими красками. Вдали отъ воздѣланныхъ мѣстностей, именно въ землѣ У-Суй, на границахъ области Карагузъ и въ сѣверной части У-Ганды, гдѣ лѣсныя деревья замѣнены дикими пальмами и папоротниками—злаками, антилопы многочисленныхъ видовъ, носороги, слоны, зебры рыскаютъ по странѣ; буйволы населяютъ окраины болотъ, а дикие вепри скрываются въ кустарникѣ. Въ лѣсахъ Плоскогоры обитаютъ многія породы обезьянъ, между прочимъ, видъ *colobus guereza*, съ пышной бѣлой и черной шевелюрой; даже чимпанзе, говорятъ, принадлежать къ фаунѣ тѣхъ краевъ⁵⁾. Левъ очень рѣдко встрѣчается на плоскихъ возвышеностяхъ экваториальной Африки; однако, его могучій голосъ и тамъ раздается иногда, наводя страхъ на другихъ животныхъ. Страусы живутъ въ открытыхъ равнинахъ, з безчисленными семицесарокъ ютятся подъ кустами. Коршуны особой мелкой породы очищаютъ страну отъ труповъ, остающихся послѣ казней и битвъ.

Нѣкоторыя части области Верхняго Нила принадлежать къ числу самыхъ многолюдныхъ странъ Африки. Описанія Спика и Гранта, Стэнли, Шалье-Лонга, Линана и Джесси, частныя исчисленія миссіонеровъ сходятся между собой въ этомъ отношеніи. На основаніи этихъ согласныхъ свидѣтельствъ относительно У-Ганды и многихъ смежныхъ государствъ, можно съ вѣроятностью заключить, что населеніе въ части покатости Средиземного моря, лежащей вокругъ озеръ Викторія-Ніанца и Альбертъ-

¹⁾ Wilson and Felkin, „Uganda and the Egyptian Soudan“.
²⁾ Speke, „Journal of the Discovery of the Source of the Nile“.

³⁾ Wilson, „Proceedings of the R. Geographical Society“, juin 1880.

⁴⁾ „A. Walk across Africa“.

⁵⁾ Emin-bey, „Petermann's Mittheilungen“, 1881.

Ніанца, простирается до 10 или 12 миллионовъ чловѣкъ.

По языку и, вѣроятно, также по расѣ, племена и націи Плоскогорья примыкаютъ къ оби-

«людей», замѣчательныхъ своими гармоническими и гибкими нарѣчіями, отличающимися необычайнымъ богатствомъ и пластичностью. Только къ востоку отъ Ніанца живутъ, можетъ-

Ниль у вторыхъ пороговъ.

затезамъ южной Африки: этнографическая область захватываетъ въ этомъ мѣстѣ часть сѣверной покатости на протяженіи около тысячи километровъ. Прибрежные жители бассейна Ніанца принадлежать къ семье банту, то-есть

быть, племена, говорящія идіомами того же происхожденія, какъ діалектъ племени нуба, въ Кордофанѣ; во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что по близости озера есть селенія масаевъ и ва-квафи, языки которыхъ не

одинакового происхождения съ языкомъ бантусъ¹⁾). Между прибрежными племенами есть такія, которые еще не были въ сношеніяхъ съ европейскими путешественниками: пока ихъ причислили къ бантусамъ, въ ожиданіи положительныхъ свидѣтельствъ, которыхъ, конечно, не заставлять себя долго ждать, такъ какъ миссіонеры разныхъ вѣроисповѣданій начинаютъ появляться въ большомъ числѣ на берегахъ озера Ніанца.

Часть группы племенъ, известныхъ подъ именемъ ніамези (у-ніамези), поселилась въ холмистой области, простирающейся къ югу отъ залива Спика, самаго обширного въ бассейнѣ Ніанца. Въ этой странѣ, орошаемой рѣкой Симейу и другими притоками залива, населеніе, обозначаемое въ совокупности именемъ сукума, дѣлится на множество маленькихъ народцевъ бантусского происхождения, но сильно измѣнившихъ вслѣдствіе скрещиваній съ невольниками всякаго происхождения и часто перемѣняющихъ мѣсто жительства, чтобы избѣгнуть нападеній разбойниковъ или *руга-руги*. Большинство племенъ области У-Сукума, хотя соединенные въ общій союзъ или конфедерацию, отличаются одно отъ другого чертами татуировки и способомъ заостренія зубовъ; главное украшеніе ихъ состоить изъ желѣзной проволоки, которую они обвиваютъ вокругъ рукъ, ногъ, шеи и которая очень затрудняетъ быстрыя движения; кроме того, мужчины и женщины привязываютъ себѣ къ ногамъ колокольчики, чтобы сопровождать свою рѣчь серебристымъ звономъ²⁾). Начальники племени въ принципіѣ располагаютъ лишь весьма ограниченной властью; во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ они должны спрашивать совѣта у стариковъ, хранителей обычая; тѣмъ не менѣе, налоги, взимаемые царьками и дѣлающіе ихъ крупными собственниками страны, позволяютъ имъ часто дѣйствовать съ полнымъ производомъ, въ качествѣ безотвѣтственныхъ деспотовъ. Варять ли поселяне себѣ пиво или *помбе*, король угощаетъ себя этимъ пивомъ до тѣхъ поръ, пока не напьется до пьяна; убыть ли охотники слона, король получаетъ на свою долю лучшіе куски и завладѣваетъ бивнями; все шкуры львиныя, леопардовыя или зебровыя принадлежать ему заранѣе; проѣзжий торговецъ долженъ показать свои товары королю, который взимаетъ проѣздную пошлину, какую ему заблагоразумится назначить; наконецъ, когда какой-нибудь несчастный сожженъ на костре или пронзенъ кошьми за колдовство, все его наслѣдство достается начальнику племени³⁾). Хотя женщины вообще очень мало уважаются въ странѣ, однако одно многолю-

ное селеніе управляетъ королевой¹⁾). Волшебники пользуются большой властью, и тѣ изъ нихъ, предсказанія которыхъ исполнились и которымъ молва приписываетъ какія-нибудь чудеса, располагаютъ безграничнымъ могуществомъ, присвоеннымъ непогрѣшимости. Орудіемъ волшебства у нихъ служитъ рогъ коровы или антилопы, который они наполняютъ чудодѣйственнымъ порошкомъ и который, будучи водруженъ въ землю у входа въ селеніе, имѣеть силу отгонять непріятеля. Однако, часто приходится прибѣгать въ болѣе энергическимъ чаромъ. Когда приготовляются къ битвѣ, чародѣй сдираетъ кожу съ ребенка, затѣмъ кладетъ его, всего окровавленного, посреди «дороги войны», и бойцы проходить по этому обезображеному тѣлу, чтобы шествовать къ побѣдѣ. Прибытие европейскихъ миссіонеровъ нанесло сильный ударъ могуществу чародѣевъ, такъ какъ миссіонеры тоже слышутъ «лькарями», и ихъ лѣкарственные «снадобья» считаются болѣе действительными, чѣмъ зелья черныхъ знахарей. Дождемѣръ, поставленный миссіонерами близъ одной станціи на берегахъ Ніанца, пришлось убрать по требованію туземцевъ, чтобы не повредить заклинаніямъ, которыя дѣлали мѣстные чародѣи въ видахъ привлечения дождя.

Страна Сукума представляетъ нѣкоторую важность въ торговомъ отношеніи, благодаря своему положенію на дорогѣ арабскихъ купцовъ между У-Ніамези и У-Ганда; со времени Спика и Гранта многие европейцы посѣтили ее. Самый многолюдный округъ—Урима²⁾), пра развѣтвляющимся лиманѣ, который Спикъ называлъ Jordans' Nullah (рѣка Йорданъ), по имени его загородного дома. На лѣвомъ берегу озера наиболѣе посѣщаемая пристань—деревня Каїр, где были спущены первыя шлюшки английской конструкціи: *Lady Alice* Стэнли, затѣмъ *Daisy*, *Eleonor*. Видъ озера закрытъ горами острова У-Кереве, имя которого часто дается всему внутреннему морю. Почти сплошь покрытый лѣсами, этотъ островъ составляетъ отдельное государство, столица которого, Букиндо, расположена близъ сѣверной оконечности, на берегу бухточки, хорошо защищенной отъ вѣтровъ островками. Въ центрѣ города обширный дворъ, обнесенный заборомъ изъ цѣльныхъ стволовъ деревъ, заключаетъ внутри большую королевскую хижину, хижины Гинекея, житницы, сарай, где хранятся военные барабаны. Внѣ этой первой ограды находится судное мѣсто, где король, возсѣдая на тронѣ, украшенномъ звѣринными зубами, когтями и рогами, разбираетъ споры своихъ подданныхъ; вдоль кривыхъ улицъ тянутся ряды хижинъ мелкаго люда, каждая съ садомъ, где садить

¹⁾ R. N. Cust, „The Modern Languages of Africa“.

²⁾ Missionnaires d'Alger, „A l'assaut des pays nègres“.

³⁾ Speke, цитированное сочиненіе.

¹⁾ Wilson and Felkin, цитированное сочиненіе.

²⁾ Mackay, „Proceedings of the R. Geographical Society“, may 1884.

табакъ, съють хлѣбныя растенія и разныя овоющи, привозимыя съ морскаго берега арабами. Второй частоколь, менѣе солидный, чѣмъ палисада королевскаго дворца, окружаетъ все селеніе.

Къ западу отъ рѣки Изанги, которая соединяется съ узкимъ фьордомъ, вдающимся верстъ на пятьдесятъ внутрь материка, страна Зинджа или У-Зинджа (Зинза, У-Зинза) окаймляетъ юго-восточную часть озера Ніанца. Это область мало изслѣдованная, которую европейскіе путешественники посѣтили еще только въ довольно большомъ разстояніи отъ Ніанца и на южномъ склонѣ возвышенности, отдѣляющей этотъ озерный бассейнъ отъ бассейна Танганика. Ва-Зинджа или жители Зинджи, такъ же, какъ сукулазы, дѣлятся на вѣсколько народцевъ, управляемыхъ начальниками племени и чародѣями и живущихъ въ постоянномъ страхѣ; въ нѣкоторыхъ округахъ жители едва осмѣливаются выходить изъ своихъ деревень, опасаясь, какъ бы вдругъ не нагрянули разбойники племени ва-туга, о которыхъ говорятъ, что это бантусы южной Африки, можетъ-быть, зулусы, пришедшие съ береговъ озера Ніасса черезъ бассейнъ Танганика, грабя и убивая, какъ стая дикихъ звѣрей. Народы племени зинджа, обитающіе въ области песчаниковыхъ холмовъ, на сѣверѣ страны, и которымъ менѣе угрожаютъ вражеские набѣги, состоятъ изъ болѣе сильныхъ физически и болѣе смѣлыхъ людей, чѣмъ ихъ соплеменники, живущіе въ равнинѣ. Горные зинджасы одѣваются въ юбку изъ дубленой бычачьей кожи, носятъ на шеѣ украшенія и амулетки и натираютъ себѣ тѣло прогорклымъ коровьимъ масломъ. На нижней части ноги у нихъ надѣты расположенные одинъ надъ другимъ мѣдные браслеты или свернутыя латунныя полоски. Племена области У-суй самые могущественные въ землѣ У-Зинджа.

Въ этихъ странахъ власть принадлежитъ родамъ хума (ва-хума), пастушеской расѣ, имѣющей своихъ представителей на всѣхъ высокихъ плато, вокругъ озера Ніанца; по Спіку и Гранту, это—галласы, пришедшіе въ качествѣ завоевателей съ горъ Эфиопіи. Въ области У-Ніамези и до седьмого градуса къ югу отъ экватора живутъ племена того же происхожденія, извѣстны подъ именемъ ва-туси и не отличающіяся отъ хумасовъ ни нравами, ни языкомъ. Отъ своихъ осѣдлыхъ сосѣдей они отличаются болѣе высокимъ ростомъ и болѣе правильными чертами лица: овалъ лица у нихъ довольно красивый, носъ прямой и хорошо очерченный, губы никогда не имѣютъ той толстоты, которая прежде считалась однимъ изъ характеристическихъ признаковъ всѣхъ чернокожихъ народностей. Особенно хумская женщины имѣютъ красивый эфиопскій типъ, и начальники другихъ расъ охотно покупаютъ ихъ себѣ въ жены. Но

въ то время, какъ другіе народы края постепенно видоизмѣняютъ свой типъ этими скрещиваніями, ва-хума сохраняютъ его въ первоначальной чистотѣ, воздерживаясь отъ всякаго смѣщенія съ мѣстными жителями. Почти всѣ они пастухи и живутъ вѣсёлѣ, такъ что путешественникамъ рѣдко случается встрѣтить этихъ номадовъ. Хотя они дали королей большинству племенъ, населяющихъ Плоскогорье, тѣмъ не менѣе негры-земледѣльцы смотрятъ на нихъ какъ на варваровъ, подобно тому, какъ въ Срединномъ царствѣ манчжуры, раса побѣдителей, презираются китайцами, потомками побѣженныхъ. Но среди всѣхъ этихъ населеній, гордящихся своими культурами и искусствами, хумасы имѣютъ по крайней мѣрѣ то превосходство, что они ведутъ вольную и независимую жизнь: они не терпятъ никакихъ господъ между собой; на тѣхъ, которые не съумѣли охранить своей свободы, они перестаютъ смотрѣть какъ на принадлежащихъ къ ихъ націи. Спікъ разсказываетъ даже, что хумская женщины, захваченные въ пленъ и обращенные въ рабство, сжигаются своими соотечественниками, если снова попадутся въ ихъ руки. Языкъ ва-хума неизвѣстенъ: говорятъ ли они галласскимъ идіомомъ, смѣшаннымъ съ бантускими словами, или бантускимъ діалектомъ, сохранившимъ часть галласскаго слова? Путешественникамъ еще не приводилось жить съ ними достаточно долго, чтобы этотъ вопросъ могъ быть решенъ въ томъ или другомъ смыслѣ¹⁾.

Королевство Карагуз занимаетъ, на западѣ озера Ніанца, пространство около 15.000 квадр. километровъ, ограниченное съ юга территоріей У-Зинджа, съ запада и съ сѣвера рѣкой Тангуре, которую за обилие ея воды называютъ Верхнимъ Ниломъ: полоса пустынной земли, «мархія», пересѣкаемая рѣкой Лохугати, притокомъ Ніанцы, отдѣляетъ Карагуз отъ области У-Суй. Карагуз—одна изъ прекраснѣйшихъ странъ Центральной Африки; холмы и долины ея покрыты богатой растительностью; въ каждой долинѣ, въ каждомъ оврагѣ журчатъ текучія воды; вся страна, похожая на паркъ, могла бы быть превращена въ одинъ обширный садъ. Западная область королевства довольно высока; хребты плоскогорья достигаютъ высоты 1.500, даже 1.800 метровъ, и когда погода ясная, вдали, за долинами, гдѣ берутъ начало притоки рѣки Тангуре, видныются синеватыя вершины Мфумбира и другихъ остроконечныхъ пиковъ, которые Спікъ обозначалъ подъ названіемъ Лунныхъ горъ. На высотахъ земли Карагуз вѣтъ довольно сѣжъ, такъ что негры съ Занзибарскаго берега, когда имъ случится быть на этихъ высотахъ, воображаютъ себя въ сосѣдствѣ съ Англіей,—един-

¹⁾ R. N. Cust, „The Modern Languages of Africa“.

ственная холодная страна, которую они знают по наслышке. Въ лощинахъ образовалось нѣсколько озеръ; одно изъ нихъ, Раверу (на высотѣ 1.295 метровъ), излишекъ водъ котораго изливается черезъ короткій истокъ въ рѣку Тангуре, показалось англійскимъ путешественникамъ Спику и Гранту столь же прекраснымъ, какъ озерный бассейнъ Уиндермиръ, въ ихъ отечествѣ, и они дали ему то же название; но хотя оно окружено со всѣхъ сторонъ живописными зеленѣющими склонами, поднимающимися отъ четырехсотъ до пятисотъ метровъ надъ его поверхностью, это все-таки не альпійское озеро: въ самомъ впадомъ мѣстѣ глубина его не достигаетъ даже 14 метровъ¹⁾). Другое озеро, Уриги, лежащее близъ южной границы королевства, можно назвать скорѣе большимъ прудомъ, бродячая вода котораго спускается на сѣверъ къ Тангуре. По рассказамъ туземцевъ, еще въ недавнюю эпоху вся эта долина была покрыта водой, суда могли подниматься изъ Ніанца до озера Уриги, и маленькия горки въ формѣ купола, разсѣянныя по равнинѣ, были тогда островками. Холмы эти состоять изъ глинистаго песчаника, ярко-краснаго цвѣта, чередующагося съ блѣдыми плитками кварца; разложеніе пластовъ песчаника, господствующей горной породы всей страны, даетъ красную землю, очень плодородную, которая сторицей "возвращаетъ земледѣльцу вѣремъ ей сѣмена. Въ сѣверо-западной области Карагуэ, на днѣ одной тѣнистой долины, спускающейся въ Тангуре и впадающей въ долину этой рѣки близъ водопадовъ Моронго, бывать изъ земли шесть горячихъ ключей Мтагата, температура которыхъ 54 градуса по Цельсію; вегры стекаются къ этимъ источникамъ изъ всѣхъ мѣстностей Плоскогорья искать исцѣленія отъ болѣзней.

Населеніе въ королевствѣ Карагуэ довольно рѣдкое; только нѣкоторые округа, между прочимъ, округъ столицы, недалеко отъ Уиндермірского озера, густо населены. Главная масса націи состоитъ изъ племени ва-ніамбо, говорящаго діалектомъ Зонгора, нарѣчіемъ бантускаго языка; но у нихъ, такъ же, какъ у ихъ сосѣдей, власть принадлежитъ хумасамъ, которые не позволяютъ своимъ дочерямъ вступать въ бракъ съ неграми низшей касты. Жизнь хумасовъ считается священной и неприкосновенной; смертная казнь никогда не примѣняется къ нимъ ни за смертоубийство, ни за какую бы то ни было другую вину; совершенные ими преступленія и проступки наказываются только пениеми. Извѣстно, что во многихъ частяхъ Африки жены начальниковъ племени систематически откармливаются до того, что онѣ не могутъ даже подняться съ мѣста; тучность су-

пруги считается тамъ высшей заслугой, безъ сомнѣнія, потому, что она доказываетъ богатство личностей, которая могутъ такъ откармливать своихъ женъ, освобождая ихъ отъ всякаго труда. Изъ подобныхъ же побужденій очень многіе начальники племени, въ Карагуэ, отпускаютъ себѣ длинныя ногти, какъ аннамскіе мандарины, чтобы показать съ гордостю, что имъ нѣтъ надобности употреблять свои руки для какого-нибудь труда, и что невольники пашутъ и собираютъ для нихъ. Можетъ быть, ни въ одной африканской странѣ не заботятся такъ много, какъ въ Карагуэ, о приданіи принцессамъ тѣхъ колосальныхъ формъ, какія требуются обычаемъ; въ конусообразныхъ хижинахъ начальниковъ племени на поперечныхъ перекладинахъ повѣшены ряды молочныхъ горшковъ; женщины, сидящіе на деревьевыхъ скамьяхъ, стоятъ только протянувъ руку, чтобы схватить чашу питательного напитка. Что касается молодыхъ девушки, которая еще не понимаютъ своихъ обязанностей и не всегда охотно даютъ себя закармливать, то отецъ вынужденъ бываетъ иной разъ прибѣгнуть къ розгѣ, чтобы образумить непослушныхъ. Есть обстоятельства, когда обычай требуетъ отъ этихъ девѣй еще большей жертвы—требуетъ ихъ жизни. Когда умираетъ король, народъ строитъ надъ его тѣломъ погребальный дворецъ, куда ввергаютъ пять молодыхъ девушки и пятьдесятъ коровъ, которая должны умереть голодной смертью, чтобы сопровождать покойнаго властелина въ его великому странствію въ обитель духовъ.

Столица королевства Карагуэ, Варакандже, занимаетъ великолѣпное мѣстоположеніе. Она расположена на высотѣ слишкомъ 1.300 метровъ, на луговой террасѣ, откуда открывается обширный видъ: внизу подъ ногами разстиляется скатерть водъ небольшаго озера Рверу (Уиндермірское), надъ которымъ господствуетъ крутой холмъ, служацій мѣстомъ погребенія королей; далѣе виднѣется долина Нила-Тангуре, обширный лѣсъ папирусовъ, гдѣ блестятъ тамъ и сямъ серебристыя водныя площади; еще далѣе слѣдуютъ одна за другой параллельныя цѣпи, надъ которыми поднимаются на крайнемъ горизонте три фіолетовыхъ конуса горы Мфумбира. Земля Карагуэ лежитъ въ кругѣ притяженія Занзибара. Недалеко отъ Варакандже, у южнаго основанія промежуточнаго хребта, арабскіе купцы основали складочное мѣсто Куфро (Кафуро), гдѣ ткани, соль и товары европейскаго происхожденія обмѣниваются на слоновую кость, кофе и другія произведения края. Слоны, на которыхъ охотятся для торговцевъ, стали уже рѣдки; но носороги еще очень многочисленны; Спикъ въ одинъ день убилъ ихъ нѣсколько штукъ на берегахъ Уиндермірского озера. Нѣкоторыя изъ этихъ огромныхъ млекопитающихъ составляютъ бѣ-

¹⁾ Stanley, „Through the Dark Continent“.

лую или сѣроватую разновидность¹⁾). На западъ и на сѣверъ королевства Карагуз, большія животныя африканской фауны еще не были потревожены въ своихъ логовищахъ ни арабами, ни европейцами, такъ какъ до сихъ порь эти страны оставались вѣдь маршрутами путешественниковъ: защищенные горными массивами, которые въ этомъ мѣстѣ образуютъ какъ бы крѣпость, населенія края сохранили даже свою независимость, почти республиканскую.

Руанда, простирающаяся отъ Тангуре на западъ и проникающая далеко до сѣверной оконечности озера Танганика, есть, вѣроятно, самое могущественное государство этой еще неизслѣдованной области²⁾: по рассказамъ арабовъ, которые тщетно пытались водвориться тамъ и были скоро изгнаны, «потому что приводили за собой засуху и голодъ», въ этомъ государствѣ есть очень большія селенія, и край изобилуетъ минералами и горячими источниками; на югѣ горы Мфумбира, всѣ склоны, будто бы, покрыты обширными лѣсами, состоящими изъ драгоценныхъ породъ деревъ. На сѣверѣ, земли Мипороро и У-Сагара, иначе называемыя Анкори и Нколе, тоже слывутъ странами, богатыми цѣнными произведеніями. Про этотъ таинственный край рассказываютъ самыя странныя вещи, и во всѣхъ этихъ разсказахъ главную роль играютъ злые карлики, болѣе страшные, чѣмъ великаны: вѣроятно, въ высокихъ долинахъ массива Мфумбира и горъ, которыхъ тянутся въ сѣверномъ направлѣніи къ горѣ Киаванга и Гамбарагара, живутъ малорослые люди, въ родѣ аккасовъ, обитающихъ въ лѣсахъ области Уззле, и обонгосовъ, жителей береговъ рѣки Огове. По словамъ Стэнли, угандинскій король послалъ экспедицію противъ этихъ карликовъ, но холодъ, будто бы, помышдалъ его воинамъ проникнуть въ нагорныя долины. Кажется, что власть и тамъ принадлежитъ хумасамъ; если это такъ, то, значитъ, эти завоеватели, пришедшие съ Востока, достигли водораздѣльной возвышенности между бассейномъ Нила и бассейномъ Конго. Безъ всякаго сомнѣнія, эта страна, нынѣ неизвѣстная, получить раво или поздно въ исторіи континента первостепенную важность, подобную той, какую она и теперь уже имѣть въ отношеніи географического рельефа; по своему климату и произведеніямъ она можетъ сдѣлаться новой Европой въ самомъ центрѣ Африки, подъ экваториальнымъ поясомъ; тамъ будетъ главная сантарная станція низменныхъ областей Нила и Конго.

Королевство У-Ганда (У-Ганда) значитъ «земля Ганда»; м'инда — «гандинскій человѣкъ»; си-ганди — «гандинскіе люди»; ки-ганди — «ган-

скій языкъ»), наиболѣе извѣстное изъ государствъ Плоскогорья въ вильскомъ бассейнѣ, въ то же время, какъ кажется, и самое населенное; во всякомъ случаѣ оно считается у окружающихъ народовъ самымъ могущественнымъ. Очертаніе его имѣть форму полумѣсяца, развертывающагося на западъ и на сѣверъ озера Ніанца; оно обнимаетъ Коки, У-Ду (Удду) и другія владѣнія до устья Нила-Тангуре; на востокѣ же переходитъ даже за Ниль-Кивира, присоединяя къ себѣ мало-по-малу территорію У-Сога; кромѣ того оно владѣеть большимъ архипелагомъ Сессе и вѣсколькими другими островами; внутри земель его неопределенные границы теряются въ необитаемыхъ джунгляхъ, и въ это послѣднее время оно еще присвоило себѣ суверенитетъ надъ странами Карагуз и У-Суй¹⁾). Можно считать все пространство страны Ганда въ 50.000 квадр. километровъ; но вмѣстѣ съ зависимыми отъ нея землями она обнимаетъ около 175.000 квадр. километровъ. Ичисленія Стэнли, основанныя на числѣ вооруженныхъ людей, опредѣляютъ совокупность націи въ 2.775.000 человѣкъ; но если правда, какъ это полагаютъ англійскіе миссіонеры, что число жителей Ганды простирается до 5 миллионовъ душъ, то плотность населенія составляетъ около сотни лицъ на одинъ квадратный километръ, то-есть почти на четверть превышаетъ плотность населенія во Франціи. Впрочемъ, позволительно сомнѣваться относительно цѣны этой гадательной статистики, тѣмъ болѣе, что другое утвержденіе Вильсона и Фелькина кажется еще болѣе страннымъ: по ихъ словамъ, численное отношеніе женщинъ въ три съ половиной раза больше отношенія мужчинъ²⁾), — явленіе безпрѣдиное въ демографіи. До сихъ порь не правильно составляемыя статистики показывали, что два пола находятся почти въ численномъ равновѣсіи, либо съ небольшимъ излишкомъ для числа женщинъ, какъ во всѣхъ странахъ Европы и Нового Свѣта, либо съ маленькимъ превышениемъ для числа мужчинъ, какъ въ Японіи. По мнѣнію англійскихъ путешественниковъ, причины этой необыкновенной несоразмѣрности въ численномъ отношеніи половъ въ одно и то же время естественная и политическая. Дѣвочки рождаются въ семьяхъ въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ мальчики, какъ въ этомъ легко убѣдиться, видя группы дѣтей, играющихъ передъ хижинами, а война дѣлаетъ остальное, уменьшая число мужчинъ опасностями битвы и избѣженіемъ плѣнниковъ. Въ случаѣ успѣшной экспедиціи воины ва-ганда, такъ же, какъ ихъ сосѣди, убиваютъ, въ непріятельскомъ лагерѣ, мужчинъ и захватываютъ въ плѣнъ всѣхъ женщинъ, которыхъ затѣмъ дѣлятся между побѣдителями.

¹⁾ Speke, цитированіе сочиненія.

²⁾ J. A. Grant, „A Walk across Africa“.

¹⁾ Missionnaires d'Alger, „A Passant des pays nègres“.

²⁾ Wilson and Felkin, „Uganda and the Egyptian Sudan“.

Въ странѣ Ганда, какъ и въ большинствѣ другихъ государствъ нагорья, власть принадлежитъ націи ва-хума, но большинство жителей состоитъ изъ людей, давшихъ свое имя королевству, изъ ва-ганда. Это настоящіе «негры», съ кожей почти черной и волосами короткими и курчавыми; ростъ ихъ выше средняго, тѣло-сложеніе очень крѣпкое; женщины отличаются сравнительно маленькими руками и ногами. Ваніамбо, приходящіе изъ Карагузъ и сосѣднихъ провинцій и по большей части избирающіе ремесло пастуховъ, выглядятъ болѣе худощавыми, чѣмъ туземцы; что касается ва-сога, переселенцевъ изъ странъ, лежащихъ къ востоку отъ Нила-Кивира, то они не уступаютъ ва-ганда ростомъ и силой; кожа у нихъ еще болѣе темнаго цвѣта. Среди этихъ различныхъ націй альбиносы довольно многочисленны; впрочемъ, ихъ показываютъ, какъ рѣдкость, въ хижинахъ важныхъ особъ. Общераспространенный между африканскими племенами обычай татуировать лицо, или вытягивать мочки уха, или подшиливать и заострять зубы, никогда не практикуется въ этой странѣ: всякое добровольное уродование тѣла запрещено подъ страхомъ смерти. Ва-ганда, жители возвышеностей, не натираютъ себѣ тѣла жиромъ, какъ большинство другихъ африканцевъ. Они, впрочемъ, очень опрятны и часто моются. Самая страшная болѣзнь въ У-Гандѣ—оспа, заносимая, вѣроятно, съ восточного берега; она рѣдко излечима, когда является въ эпидемической формѣ. Иногда бываютъ тамъ и симъ отдѣльные случаи проказы, и часто можно встрѣтить людей, у которыхъ черная кожа усѣяна бѣлыми пятнами, какъ у мексиканскихъ интадосовъ.

Главную пищу жителей У-Ганды составляетъ бананъ, котораго у нихъ есть несолько разновидностей, между прочимъ, збонскій райскій бананъ (*тиза ензете*), который они приготовляютъ на разные лады, даже дѣлаютъ изъ него муку и хмѣльной напитокъ. Сладкій картофель (пататы), бобы, различные виды тыквъ и пасленовыхъ, маисъ, просо, папайя, рисъ и овощи, введенныя арабами, также принадлежатъ къ числу ихъ пищевыхъ растений; кофейное дерево тоже культивируется, но оно даетъ очень мелкие плоды, изъ которыхъ ва-ганда не дѣлаютъ отвара, а употребляютъ ихъ только для жеванья. Мясо они ёдятъ рѣдко, потому что скотъ, состоящій изъ тонкихъ коровъ, мало дающихъ молока, изъ козь и овецъ съ курдюками, принадлежитъ пастухамъ хума, которые его не продаютъ. На берегахъ озера и на островахъ населеніе въ изобилии находитъ пищу, благодаря множеству рыбы, живущей въ этомъ внутреннемъ морѣ. Впрочемъ, мало найдется звѣроковъ, которыми бы брезговали обитатели Уганды; они лакомятся термитами и саранчей, даже охотятся на рои мошекъ, которыхъ ловятъ при помощи сѣти, быстро водимой по воздуху.

Такъ какъ на этихъ плоскогорьяхъ Центральной Африки свѣжестъ воздуха иногда бываетъ чувствительна, то ва-ганда строятъ себѣ дома съ большей заботливостью, чѣмъ большинство другихъ народовъ континента, и жилища ихъ настолько велики, что всѣ домашнія работы могутъ исполняться внутри хижинъ. Типъ этихъ хижинъ почти всегда такой же, какъ типъ улья. Онъ состоять изъ двойного полушарія или купола изъ вѣтвей, поддерживаемаго столбами и покрытаго толстыми слоями соломы, которую доставляетъ одинъ злакъ, «тигровая трава», длиной отъ пяти до шести метровъ; между двумя крышами воздухъ циркулируетъ свободно, освобождая хижину отъ всякаго дурнаго запаха¹⁾). Вокругъ всей хижинѣ сдѣланы широкая деревянная скамья или завалина, отлогая кнаружи, для того, чтобы стекала вода въ сезонъ дождей. Во многихъ домахъ есть низенькая дверь, черезъ которую входятъ ползкомъ; въ этомъ, такъ же, какъ въ привычкѣ преклоняться передъ высшими, вѣроятно, и заключается причина складокъ, образующихся у большинства туземцевъ на кожѣ колѣнъ и принимающихъ иногда форму настоящихъ кармановъ²⁾). Внутри хижинѣ полъ устланъ пучками мелкой травы, расположеннымъ въ формѣ геометрическихъ фигур; общій видъ внутренности жилья довольно приглѣдный, пока стѣны не покраѣли вслѣдствіе недостатка отверстій. Въ послѣднее время арабы и европейцы стали строить другаго типа дома, съ фронтонами и окнами; но король У-Ганды не позволилъ возводить каменныхъ зданій, на томъ основаніи, что никто не имѣеть права обитать въ жилищѣ болѣе пышномъ, чѣмъ палаты государя. Национальный костюмъ тоже измѣняется подъ влияніемъ иностраннѣхъ модъ. Между племенами Центральной Африки одно только ва-ганда, да еще ва-ниро, одѣваются съ головы до ногъ; тамъ даже грозить смертная казнь всякому мужчинѣ и всякой женщинѣ, которыхъ бы встрѣтили вѣтъ ихъ дома недостаточно прикрывшими свою наготу. До недавняго времени национальный костюмъ состоялъ изъ *мбуцу*, одежды изъ коры одного вида фигового дерева (*ficus ludia*), которую предварительно долго разбиваютъ, чтобы сообщить ей достаточную мягкость. Поверхъ мбугу начальники племени носили кожаное платье, состоявшее либо изъ воловьей шкуры, либо изъ двадцати или тридцати сшитыхъ вмѣстѣ шкурокъ маленькой антилопы италаганія, которая величиной не больше зайца, и коричневый мѣхъ которой замѣчательно красивъ. Но арабскія одѣянія постепенно одерживають верхъ. Теперь даже бѣдные туземцы покупаютъ себѣ хайнкъ, рубашку, поясъ, кафтансъ; начальники украшаютъ

¹⁾ J. A. Grant, "A walk across Africa".

²⁾ Peney, "Bulletin de la Societ  de Paris", juillet 1863;—Felkin, цитированное сочиненіе.

свои головы богатыми чалмами или носить египетскую феску; чулки и бабуши (туфли) замыкают грубые сандалии изъ буйволовой кожи. То же самое и съ оружиемъ: Занзибаръ присыпаетъ ружья, и гандскіе воины складываютъ дротики и луки, какъ вещи ненужный болѣе, въ какой-нибудь дальний уголъ хижины. Тщетно египетское правительство запретило вывозъ военного оружія къ области озера Ніанца: оно ввозится туда изъ другихъ мѣстъ.

Обычай многоженства гораздо болѣе распространень у народа ва-ганда, чѣмъ у магометанъ Европы и Азіи: начальники племени не знаютъ предѣла для числа своихъ женъ, которая въ то же время исполняютъ должность служанокъ. Король Мтеза имѣеть, говорять, не менѣе семи тысячъ супругъ, купленныхъ въ обмѣнъ на какое-нибудь животное, на поддюжину иголокъ или коробку капсюль. Начальники въ этомъ отношеніи подражаютъ своему государю: каждый изъ нихъ обзаводится цѣлой арміей женъ, самый мелкій вассаль имѣеть свой гаремъ; саванники королевства присвоиваютъ себѣ такую значительную долю женского населенія, что, несмотря на большое численное превосходство девоочекъ надъ мальчиками, невѣсть не хватаетъ для всѣхъ гандскихъ мужчинъ; тамъ часто встречаешь крестьянъ, которые изъ скучныхъ сборовъ полевыхъ плодовъ не могли скопить суммы, достаточной для покупки себѣ жены. Въ У-Гандѣ нѣть закона, воспрещающаго браки въ близкой степени родства; тамъ даже скончи ведется такъ, что по смерти отца старшій сынъ наслѣдуетъ всѣхъ его женъ, за исключениемъ своей матери; иногда онъ дѣлить это живое наслѣдство съ другими членами семьи мужского пола. Въ періодъ кормленія грудью, продолжающейся два года, жены живутъ вдали отъ мужа; король и начальники племени имѣютъ для этихъ кормилицъ отдельные загородные дома, разсыпанные по всему пространству государства.

Почти всѣ домашнія работы взвалены на женщинъ и работъ; свободный человѣкъ не можетъ позволить себѣ другого труда, кроме постройки своего жилища: прирожденный воинъ, онъ долженъ беречь свои руки для владѣнія оружиемъ. Само собой разумѣется, гандасамъ свойственны всѣ пороки, порождаемые подобнымъ порядкомъ вещей: они лѣнивы, лгуны и трусы; тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ женъ и невольниковъ, чтобы заставить работать вмѣсто себя, проводятъ все время въ игрѣ и попойкахъ. Что всего болѣе поражаетъ иностранца въ гандскомъ народѣ—это то, что у него слишкомъ мало цѣнится человѣческая жизнь. Убить человѣка—это такая бездѣлица, о которой не стонть и говорить, которая никого не волнуетъ и не возмущаетъ. Одинъ придворный пажъ требуетъ ружье: онъ цѣлится въ первого встрѣчнаго и послѣ удач-

наго выстрѣла возвращается въ восхищеніи отъ вѣрности своего глаза и мѣткости своего оружія. Другой пажъ пожалуется королю на свою горькую долю, заставляющую его служить, тогда какъ ему хотѣлось бы самому быть начальникомъ. «Такъ убей твоего отца!» совѣтуетъ ему король, и сынъ спѣшитъ привести въ исполненіе эту счастливую мысль, чтобы получить въ наслѣдство отцовскихъ женъ и невольниковъ, которые дадутъ ему возможность, въ свою очередь, сидѣть сложа руки¹⁾). А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы ва-ганда были злы, скорѣе ихъ можно назвать добродушными и доброжелательными. Со своими невольниками они обращаются вообще очень кротко, чужеземцу оказываю хорошій приемъ. У-Ганда, говорять, единственная страна въ Африкѣ, где жизнь гостя всегда свято уважалась и оберегалась. Когда вспыхнетъ война, всѣ иностранцы водворяются въ какое-нибудь одно селеніе и отдаются подъ надзоръ начальника, отвѣтствующаго за ихъ безопасность и обязаннаго доставлять имъ кровь и пропитаніе; но если они самовольно отлучатся изъ мѣста, назначенаго имъ для жительства, то начальникъ не отвѣтаетъ болѣе за нихъ, что бы съ ними ни случилось.

Очень смыслилъ и понятливъ, располагающіе удивительно гибкимъ, звучнымъ и логически правильнымъ языкомъ, ва-ганда, вѣроятно, болѣе другихъ народовъ Африки подвинулись въ своемъ внутреннемъ развитіи тѣхъ порь, какъ Спикъ, первый европейскій посѣтитель, проникъ въ страну, въ 1862 году; уже въ 1880 году посланцы изъ Уганды прѣѣзжали въ Европу. Введены были новые растенія, равно какъ новые способы культуры; промышленность тоже обновляется. Очень искусные въ ковкѣ желѣза, ва-ганда въ совершенствѣ подражаютъ европейскимъ издѣліямъ и даже умѣютъ передѣлывать кремневыя ружья въ ударные. Они охотно учатся иностраннымъ языкамъ, и въ столицѣ и торговыхъ мѣстахъ уже бѣгло говорятъ «приморскимъ» діалектомъ савагили, самымъ полезнымъ въ восточной Африкѣ; многіе начальники племени даже говорятъ и пишутъ по-арабски. Дѣти и взрослые въ нѣсколько дней одолѣваютъ всѣ трудности латинскаго алфавита, который англійскіе миссіонеры сдѣлали болѣе легкимъ, чѣмъ арабскій, где звукъ такъ рѣдко соотвѣтствуетъ письменному знаку; гандская азбука состоитъ изъ латинскихъ буквъ, исключая *x* и *q*, замѣненныхъ другими знаками.

До сихъ порь иностранныя религіи не находили доступа въ край. Исламъ, сдѣлавшій такіе большие успѣхи на сѣверѣ и на югѣ плоскихъ возвышеностей Африки, казалось, долженъ былъ одержать верхъ и въ У-Гандѣ; но

¹⁾) Wilson and Felkin, цитированное сочиненіе.

обычай обрѣзанія, безъ котораго теперь почти нѣть мусульманъ, развѣ въ Сенарѣ и выше, на Голубомъ Нилѣ¹), встрѣтилъ препятствіе въ формальномъ законѣ страны, который, дозволяя смертоубийство, запрещаетъ всякое уродованіе тѣла. Около сотни молодыхъ людей, давшихъ совершилъ надъ собой обрядъ обрѣзанія, были сожжены по приказанію короля; однако, чужеземные мусульмане²) получили разрѣшеніе построить себѣ мечеть. Христіанскіе миссіонеры, католическіе и протестантскіе, пріобрѣли лишь весьма незначительное число прозелитовъ, хотя тѣ и другіе надѣялись сразу достигнуть большаго успѣха, обративъ въ свою вѣру короля, окрещеннаго заранѣ «чернымъ Константиномъ». Впрочемъ, у ва-ганда нѣть идоловъ или боговъ-фетишей въ собственномъ смыслѣ они вѣруютъ во всеобщаго творца, называемаго Катондой, но не боготворятъ его, считая его слишкомъ высоко стоящимъ для того, чтобы онъ удостоилъ выслушивать ихъ молитвы; они ограничиваются тѣмъ, что вызываютъ къ *лубари*, милостивымъ геніямъ или страшнымъ демонамъ, обитающимъ въ озерѣ, въ рѣкахъ, на деревьяхъ, на скалахъ горъ. Мукуса, богъ Ніанцы, воплощается иногда въ волшебника или волшебницу, устами которыхъ онъ возвѣщаетъ засуху или дождь, войну или миръ, бѣдствія или торжества. Другой грозный богъ, ниспосылающій бичъ оспы, есть, кажется, духъ одного короля, и мѣстомъ пребыванія его служитъ вершина горы Гамбарагара, поднимающаяся за облака. Всѣ короли послѣ смерти получаютъ апофеозъ и, сдѣлавшись полубогами, продолжаютъ управлять своимъ народомъ, казнить и миловать, какъ дѣлали при жизни. Богъ-громоверженецъ есть одинъ изъ наиболѣе чтимыхъ, и мѣсто, куда ударила молнія, считается священнымъ: на этомъ мѣстѣ воздвигаютъ аркаду, подъ которой не имѣть права проходить ни одинъ иностранецъ; или строятъ тамъ хижину, на которую смотрять какъ на нечто въ родѣ храма; но не дозволяется починять ее, когда она приходитъ въ разрушение. Противъ всѣхъ окружающихъ его опасностей, происходящихъ отъ злыхъ геніевъ и воздушныхъ силъ, гандскій человѣкъ оберегаетъ себя амулетками изъ дерева, рога или камня, и лоскутками матеріи, которые ему фабрикуютъ *манды* или *захари*. Кажется, впрочемъ, что эти чародѣи имѣютъ извѣстную долю законнаго влиянія, которою они обязаны своей наукѣ леченія болѣзней травами и корнями. По словамъ Спика, одинъ духовный ленъ, надъ которымъ угандскій король имѣть лишь косвенную власть, занимаетъ большое пространство на лѣвомъ берегу Нила.

Въ У-Гандѣ единственная имѣющая вѣкото-

ную важность торговля всецѣло находится въ рукахъ арабовъ и метисовъ изъ Занзибара: Ниль-Кивира и рядъ пороговъ, отъ Карумы до водопада Мурчисона, составляютъ предѣль ихъ рынковъ въ сѣверномъ направлении; если они проникаютъ на западъ къ озеру Альберт-Ніанца, то устраиваютъ свои складочные пункты въ странѣ Ганда. Арабскіе купцы привозятъ ружья, боевые припасы, разныя ткани, стеклянныя издѣлія, нѣкоторые предметы европейской фабрикаціи, и берутъ въ обмѣнъ слоновую кость и главную статью средне-африканской торговли — невольниковъ; по менышей мѣрѣ тысяча чернокожихъ продаются такимъ образомъ каждый годъ арабамъ. Такъ какъ слоны, преслѣдуемые охотниками, все болѣе и болѣе уходятъ въ джунгли, удаленные отъ всякаго человѣческаго жилья, то ва-ганда не имѣютъ другаго средства платить за покупаемыя товары, какъ отдавая каждый годъ все большее и большее число невольниковъ торговцамъ человѣческимъ мясомъ: констатировано уже, что невольничье населеніе въ краѣ уменьшается. Слоновая кость получается главнымъ образомъ изъ земли У-Сога, а соль привозится черезъ область У-Ніоро съ береговъ озера Мвутань-Нзиге; до недавняго времени производилась также небольшая торговля съ египетскими владѣніями Судана, которыми У-Ганда поставляла кофе, табакъ, скотъ, въ обмѣнъ на бумажныя ткани, желѣзныя издѣлія и ба-буши. Въ торговыхъ сдѣлкахъ еще рѣдко употребляется монета; представительнымъ знакомъ мѣны служитъ *доти*, то-есть, «восемь локтей» миткаля; съ этой денежной единицей, равнѣнной тысяче раковинокъ каури, сравнивается всякая цѣна товаровъ. Но нѣть сомнѣнія, мѣновой торги скоро уступятъ мѣсто куплѣ и продажѣ, ибо удобства торгового обмѣна увеличиваются, благодаря многочисленнымъ караванамъ, которые ходятъ между моремъ и озеромъ по легкодоступнымъ дорогамъ страны Масаи; плаваніе по озеру Ніанца стало менѣе опаснымъ съ тѣхъ поръ, какъ арабы пустили на его воды свои ладьи — дхау; въ самой У-Гандѣ настоящія дороги постепенно замѣняютъ прежнія болотныя тропинки. Дорога, соединяющая столицу съ ея пристанью на озерѣ Ніанца, сдѣлала бы честь даже европейцамъ: она проходитъ черезъ болото по плотной настилѣ изъ стволовъ дикихъ пальмъ¹).

Египетскія завоеванія, въ эпоху ихъ наибольшаго распространенія, не достигали границъ У-Ганды; офицеры хедива проникали въ эту страну только въ качествѣ посланниковъ. Королевство ничего не измѣнило въ своемъ старомъ феодальномъ порядкѣ съ тѣхъ поръ, какъ оно находится въ торговыхъ сношеніяхъ

¹⁾ Beltrame, „Il Sennar et le Sciangalla“.

²⁾ „Annales de la Propagation de la Foi“.

^{*)} Wilson and Felkin, цитированное сочиненіе.

съ арабами и европейцами. Въ принципѣ король есть неограниченный властитель земли и живущихъ на ней людей, и въ маловажныхъ дѣлахъ, какова жизнь его женъ или *вакопи*,

палачей, у которыхъ голова перепоясана ве-ревками, всегда готова къ его услугамъ; онъ викуда не ходить иначе, какъ въ сопровожде-нии этой страшной свиты. Но по отношенію къ

Статуя Мемнона.

подданныхъ земледѣльческаго класса, онъ во-льетъ дѣйствовать по своему произволу. Король или Мтеса, то-есть, по одному изъ толкованій этого слова, «приводящій въ трепетъ», вполнѣ заслуживаетъ этого имени: маленькая армія

государственнымъ дѣламъ онъ не полновласт-ный господинъ: три *вакуау*, наследственные вассалы, контролируютъ его власть. Главный сановникъ, *катекиро*, иѣчто въ родѣ палатнаго мэра и вмѣсть съ тѣмъ губернаторъ области

У-Ду, назначается королемъ и можетъ быть выбранъ даже изъ крестьянъ. Онъ засѣдаеть вмѣстѣ съ государемъ и тремя вакунгами въ тайномъ совѣтѣ, и предсѣдательствуетъ, въ отсутствіе короля, въ правительствующемъ собраніи или *лучико*, состоящемъ изъ всѣхъ высокопоставленныхъ лицъ страны, вассаловъ и подвассаловъ, вакунгу и ватонголи; главный королевскій поваръ и другіе придворные сановники также имѣютъ голосъ въ этомъ государственномъ совѣтѣ. Когда король умираетъ, право назначенія ему преемника принадлежитъ тремъ вакунгамъ, которые выбираютъ одного изъ сыновей скончавшагося повелителя; братъевъ же избраннаго держать въ заключеніи во все время ихъ малолѣтства; затѣмъ, по достижениіи совершеннолѣтія, сжигаютъ ихъ, за исключениемъ двухъ или трехъ, которые оставляются для продолженія рода, въ случаѣ, если бы новый король умеръ бездѣтнымъ. Если три главныхъ начальника не придутъ къ соглашенію относительно выбора государя, споръ разыщается войной, и побѣдитель возводится на престоль своего кандидата. Для войны у вакунговъ вѣтъ недостатка въ солдатахъ: всѣ способные къ работѣ мужчины, то-есть отъ пятисотъ до шестисотъ тысячъ человѣкъ, упражняются въ употреблении оружія и должны явиться по первому призыву своихъ начальниковъ. Королевская гвардія состоить частію изъ уроженцевъ восточнаго Судана и Донголы, дезертировъ египетской арміи. Нѣсколько сотенъ лодокъ составляютъ флотъ У-Ганды.

Столица мѣняется по прихоти короля. Въ 1862 году, во время посѣщенія страны Спикомъ и Грантомъ, резиденціей была Банда. Въ государствѣ съ обширной торговлей это мѣсто пользовалось бы выгодами своего географическаго положенія, такъ какъ оно находится на порогѣ волока между большой бухтой Мвару-Луаджерри, называемой англичанами *Murchison bay*, и рѣкой Катавана - Луаджерри, впадающей въ Ниль у озера Ибрагимъ. Теперь отъ резиденціи Банда остались только деревушки, разсыпаныя среди развалинъ, которыя всеразрушающее время скоро сравняетъ съ землей. Важнѣйшая изъ нынѣшихъ столицъ, Рубага, лежитъ километрахъ въ двѣнадцати къ сѣверо-западу, на холмѣ, окруженному ручьями, изъ сланція которыхъ образуется рѣка Мверанго, притокъ Нила чрезъ Кафу. Большая королевская хижина, указываемая издали ея высокой конусообразной крышей и мачтой съ развивающимся флагомъ, стоитъ на вершинѣ холма, окруженнаго садами, надѣй которыми возвышаются коническая кровли хижинъ, занимаемыхъ супругами короля и сановниками. Къ сѣверу оттуда, на другомъ холмѣ, расположена вторая королевская резиденція и деревня Набудагала (по Стэнли—Улагалла): это складочный пунктъ арабскихъ куп-

цовъ, откуда идетъ караванная дорога къ Мрули, главному рынку на Нилѣ-Кивира. Изъ гаїдскихъ пристаней на большомъ озерѣ замѣчательны, какъ наиболѣе посѣщаемыя, дѣй: У-Савара, на берегу Мурчисоновой бухты, и Нтеббія, на берегу залива, ограничивающаго на югѣ архипелагъ Сессе.

На востокѣ отъ бассейна Ніанца самое могущественное государство—Кавирондо, имѣющее, говорятъ, родъ верховной ленной власти надъ всѣми населеніями прибрежья, между островомъ У-Кереве, на юго-востокѣ, и страной У-Ганда, на сѣверо-востокѣ отъ большого озера¹⁾: такимъ образомъ два королевства, Ганда и Кавирондо, раздѣляются только пограничной полосой земли или мархіей, обитающей племенемъ ва-сога. Собственно Кавирондо, лежащее почти по серединѣ западнаго берега, по картѣ Равенштейна, или на сѣверо-востокѣ отъ озера, по рассказамъ Томсона, новѣйшаго изслѣдователя, представляетъ травяную равнину, среди которой возвышается нѣсколько уединенныхъ холмовъ; на сѣверѣ поднимается высокій массивъ Нанда. Несмотря на обилие дождей, страна очень бѣдна лѣсомъ, и рѣдко гдѣ увидишь рощицу или группу деревьевъ, вслѣдствіе чего жители привыкли, какъ въ сирійскихъ степяхъ и въ Египтѣ, подбирать и хранить, какъ драгоценность, коровій каль для топки очага. Многочисленныя рѣки извиваются по равнинѣ, и одна изъ нихъ, Мори, выходящая изъ озера, будто бы, теряется, испаряясь до послѣдней капли, въ низменности, лежащей ниже уровня бассейна Ніанца; но этотъ замѣчательный фактъ пока еще не имѣется за себя другаго свидѣтельства, кроме разсказа одного арабскаго торговца, описавшаго пройденный имъ путь по возвращеніи изъ путешествія²⁾. На этой рѣѣ, такъ странно текущей, будто бы, есть висячій мостъ передъ городомъ Камреле. Недалеко отъ этого рѣчного бассейна, на островѣ У-Кава, живеть, по словамъ англійскихъ путешественниковъ Фелькина и Вильсона, раса маленькихъ людей, средній ростъ которыхъ не достигаетъ даже 1_½ метра.

Жители этой страны, ва-кавирондо, имѣютъ негритянскій типъ. Это рослые и сильные люди; кожа у нихъ почти черная, носъ приплюснутый, губы толстые; судя по языку, а также и по чертамъ лица, они привадлежать къ тому же корню, какъ шилуки, обитающіе на Среднемъ Нилѣ; чертами лица и языккомъ они ясно отличаются отъ другихъ прибрежныхъ жителей бантусскаго происхожденія. Женщины татуируютъ себѣ грудь и спину, тогда какъ мужчины рѣдко прибѣгаютъ къ этого рода украшениямъ; но, подобно многимъ другимъ афри-

¹⁾ Denhardt, „Petermann's Mittheilungen“, 1881.

²⁾ Farler, „Proceedings of the R. Geographical Society, des. 1882.

канекимъ народцамъ, они не оставляютъ своихъ зубовъ въ ихъ естественномъ состояніи и вырываютъ два среднихъ рѣзца въ нижней челюсти. Ходять они совершенно голые или прикрываютъ свою наготу однимъ передникомъ; только женщины прибавляютъ къ этому хвостъ изъ древесной коры, подробность туалета, объясняющая—какъ у другихъ народцевъ хвости изъ заплетенныхъ кожаныхъ ремней—происхожденіе басенъ, такъ долго державшихся у арабовъ, объ африканскихъ населеніяхъ, составляющихъ нечто среднее между обезьяной и человѣкомъ. За исключениемъ этого хвоста, кавирондскія женщины не носятъ никакихъ другихъ украшений, но онъ намазываютъ себѣ тѣло жиромъ, смѣшаннымъ съ коровьей мочей, ингредиентомъ, который употребляется ими также для чистки посуды, приготовленія лекарствъ и даже кушанья¹⁾; моча и зола богатыхъ поташемъ травъ замѣняютъ соль, не встречающуюся въ ихъ странѣ. Ва-кавирондо не считаютъ трудъ позорнымъ, какъ ва-ганда; они не изваливаютъ на однѣхъ женщинъ обработку земли, но наравнѣ съ ними пашутъ, сѣять, жнуть и собираютъ плоды; кромѣ того, они занимаются охотой, рыбной ловлей, птицеводствомъ, въ которомъ очень искусны, и пускаютъ по озеру Ніаваца парусные барки, болѣе солидныя, чѣмъ лодки, употребляемыя племенемъ ва-ганда. Очень трудолюбивы, ва-кавирондо въ то же время очень миролюбивы; однако они мужественно защищаются отъ нападений, и кочевники изъ внутреннихъ частей края остерегаются близко подходить къ оградамъ, которыми окружены ихъ жилища. У кавирондо есть король, но онъ не полновластный господинъ, распоряжающійся по произволу жизнью своихъ подданныхъ; эта страна спорѣ конфедерацией республиканскихъ деревень, чѣмъ феодальное королевство, какъ У-Ганда. Ва-кури и ва-кара, живущіе южнѣе, въ той области прибрежья, которая граничитъ съ заливомъ Спика, походята на ва-кавирондо разомъ и нравами, съ той лишь разницей, что ва-кара носятъ одежду изъ древесной коры и татуируютъ себѣ грудь и окрашиваютъ тѣло въ красный и белый цвета при помощи глины, разжиженной въ деревянномъ маслѣ²⁾. Но между многочисленными народцами этой южной покатости озера Ніанца нѣкоторые составляютъ этнографические островки, отличающиеся отъ окружающихъ группъ нравами и, можетъ-быть, также происхожденіемъ. Таковы ва-ганда, населяющіе долины горъ того же имени, на сѣверѣ Кавирондо. Эти туземцы, говорить, чрезвычайно свирѣпы: всѣ иностраные торговцы остерегаются проходить въ селѣстѣ ихъ логовищъ. Про нихъ разсказы-

ваютъ, что «одежда ихъ сдѣлана изъ ножей», которые они носятъ на всемъ тѣлѣ—на рукахъ, на бедрахъ, на груди и за поясомъ¹⁾.

Мѣстечки кавирондовъ настолько многолюдны, что заслуживаютъ названія городовъ. Самое большое изъ нихъ—Кабондо, лежащее на восточной границѣ страны, недалеко отъ территоріи, занимаемой племенемъ масаевъ. Въ четырехъ часахъ ходьбы къ сѣверо-западу, въ Ніавѣ, находится резиденція короля; затѣмъ, почти въ такомъ же разстояніи и въ томъ же направлениі, въ виду горъ Нанда, который высятся на сѣверѣ, лежитъ городъ Сендеге, складочный пунктъ мусульманскихъ купцовъ изъ Занзибара. Караваны, которые ходятъ очень медленно, дѣлая не болѣе двѣнадцати или пятнадцати километровъ въ день, употребляютъ цѣлыхъ два мѣсяца на весь путь. Больѣ счастливые, чѣмъ въ У-Гандѣ, миссионеры исла-ма предъявляютъ права на Кавирондо, какъ на свое завоеваніе: по крайней мѣрѣ большинство жителей этого края подвергается обрѣзанію.

На сѣверѣ отъ У-Ганды наибольшая часть полуостровной территоріи, заключающейся между озеромъ Альбертъ-Ніанца (Мвутанъ-Наге) и Ниломъ-Кивира, принадлежитъ націи ваніоро. Нѣкогда вся страна, простирающаяся между двумя нильскими озерами, составляла обширное королевство Китвара, управляемое династіей хумскихъ завоевателей. Впослѣдствіи это обширное царство раздѣлилось на иѣсколько государствъ, изъ которыхъ У-Ганда самое могущественное; но государь земли Ніоро, говорятъ, еще сохраняетъ надъ своими сосѣдями родь виртуального сюзеренитета или верховной ленной власти, и все еще носить официально титулъ короля Китвары²⁾. Однако, страна У-Ніоро не можетъ сравниться съ королевствомъ У-Ганда ни по пространству воздѣльываемой территоріи, ни по числу жителей, ни по политической сплоченности частей. Несмотря на точность естественныхъ границъ, указываемыхъ берегами Нила и озера, предѣлы его сдѣлались неопредѣленными, вслѣдствіе набѣговъ враждебныхъ племенъ. Необитаемыя марши отдѣляютъ У-Ніоро отъ У-Ганды, но тамъ находится весьма важная въ торговомъ отношеніи область, принадлежащая въ одно и то же время обоимъ королевствамъ, какъ мѣсто перехода, и черезъ которую караваны должны проходить подъ сильной защитой, избирая обыкновенно ночь для розыходовъ: эта спорная область есть поясъ земли, заключающейся между болотами Эргугу и крутымъ изгибомъ Нила у Мрули; ва-ганда должны неизменно проходить этой территоріей, отправ-

¹⁾ Deshayes, цитированная статья.

²⁾ Wakefield, "Proceedings of the R. Geographical Society", dec. 1882.

¹⁾ Farler, цитированная статья.

²⁾ Samuel Baker, "Albert-Nyanza".

вляясь изъ Рубаги въ Суданъ, также и ванюро не могутъ избирать другого пути, чтобы посѣтить свои селенія, лежащія къ востоку отъ Нила. Война никогда не прекращается въ У-Ніоро и дѣлить страну на множество владѣній, имѣющихъ каждое своего вождя и увеличивающихся или уменьшающихся въ протяженіи, смотря по исходу битвъ. У ванюро вошло въ обычай, что послѣ смерти государя его ближайшіе родственники оспариваютъ другъ у друга право престолонаслѣдія: тѣло скончавшагося короля не предается погребенію до тѣхъ поръ, пока не одержитъ верхъ одинъ изъ претендентовъ; но побѣдитель слишкомъ часто спѣшить отпраздновать свое торжество, и война продолжается цѣлымъ поколѣніемъ между братьями и близкими родственниками. Въ настоящее время страна У-Ніоро дѣлится на нѣсколько враждебныхъ государствъ, кромѣ того, египетскіе гарнизоны, отрѣзанные отъ центра администраціи, до недавняго времени занимали линію Нила между Фовейскимъ изгибомъ и озеромъ Альбертъ-Ніанца, и многочисленныя племена остаются независимыми, особенно въ юго-западной гористой области, между двумя озерами Нигре.

Въ цѣломъ У-Ніоро представляетъ плоскогорье, покатое къ сѣверо-востоку, параллельно озеру Мвутанъ-Нигре. Дожди очень обильны въ этой области, и многія впадины почвы заняты болотами, переходить черезъ которыхъ нужно очень осторожно, по причинѣ множества ямъ, оставляемыхъ тяжелыми ногами слоновъ; посреди лужъ разсыпаны большие камни гранита и гнейса, присутствіе которыхъ на этихъ аллювиальныхъ земляхъ трудно объяснить. Растительность въ У-Ніоро, кажется, вообще менѣе пышна, чѣмъ въ У-Ганда, исключая мѣстностей, лежащихъ въ сосѣдствѣ съ Ниломъ: растенія изъ семейства бобовыхъ представлены тамъ въ большомъ числѣ; кромѣ того, тамъ встрѣчаются лѣса акацій, нѣжная листва которыхъ издали кажется легкимъ туманомъ, плавающимъ вокругъ вѣтвей. Антилопы водятся во множествѣ въ этихъ областяхъ, даже въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ дорогой, которую следовали почти всѣ путешественники, вдоль хора Эргугу, между Рубага и Мрули.

Ванюро ростомъ менѣе своихъ сосѣдей ван-ганда и уступаютъ имъ въ физической силѣ и въ умственныхъ способностяхъ, но не въ промышленности, какъ кузнецы и гончары. Они принадлежать къ той же расѣ, какъ жители У-Ганды, и говорятъ языккомъ бantu того же происхожденія, но они не такъ черны: обыкновенный цвѣтъ ихъ кожи темнокрасный, и волоса у нихъ курчавые ¹⁾). Вообще очень опрятные, они всегда моютъ руки до и послѣ

ѣды; однако, хиживы ихъ имѣютъ непріглядный видъ: всѣ онѣ построены изъ вѣтвей, воткнутыхъ въ землю вокругъ большаго кола и загнутыхъ къ верхушкѣ, такъ что все строеніе образуетъ правильный конусъ. Что касается домашнихъ животныхъ, то у этихъ туземцевъ есть только коровы, козы и мелкая птица; когда какая-нибудь скотина заболѣваетъ, они обыкновенно лечатъ ее кровопусканіемъ и боятся употреблять въ пищу кровь, выпущенную изъ больного животнаго. Ванюро носить одежду и на этомъ основаніи считаютъ себя гораздо выше занильскихъ голыхъ народовъ ¹⁾; впрочемъ, молодые люди у нихъ облекаются въ одѣяніе изъ древесной коры или изъ кожи не ранѣе, какъ по достижениѣ возмужалости; съ этого времени съ ними уже обращаются какъ съ полноправными членами племени, и въ удостовѣреніе ихъ новаго достоинства, имъ вырываютъ четыре нижнихъ рѣзца; двѣ линіи, накалываемыя съ каждой стороны лба, служатъ знакомъ, отличающимъ ихъ отъ сосѣднихъ племенъ. Множенство составляетъ общее правило; даже самые бѣдныя изъ ванюро имѣютъ по двѣ и по три жены, покупаемыя, правда, между самыми уродливыми, ибо красивая супруга стоить по меньшей мѣрѣ четырехъ коровъ. Такъ же, какъ въ У-Гандѣ, братья могутъ жениться на сестрахъ; даже отцы берутъ себѣ въ жены своихъ дочерей, а сынъ наследуетъ весь отцовскій гаремъ, за исключеніемъ своей матери. Король имѣть монополію на всѣхъ незамужнѣхъ женщинъ, и ему достается львиная доля дохода, получаемаго путемъ проституціи, которою онѣ занимаются по его приказу. Разбогатѣть отъ своего ремесла, эти женщины поселяются въ сосѣдствѣ королевскаго дворца, и царекъ выбираетъ имъ мужа между своими придворными. Дѣти ихъ мужскаго пола зачисляются въ королевскую свиту, а дочери продолжаютъ материнскую профессію ²⁾). Жены короля и начальниковъ племени, какъ и въ Карагузѣ, считаются всякой трудъ по зорнымъ и полагаютъ свою честь и славу въ томъ, чтобы вѣсить вдвое больше пролетаріевъ. Въ У-Ніоро рѣдко можно встрѣтить женщинъ, имѣющихъ болѣе двухъ или трехъ дѣтей.

Исламъ уже проникъ въ У-Ніоро. По при мѣру египтянъ, которые держали гарнизонъ на берегахъ Нила, очень многіе начальники племени обратились въ магометанскую вѣру; но большинство націи приняло изъ религіи побѣдителей лишь предписанія относительно нечистаго мяса и попрежнему придерживается религіозныхъ обрядовъ, основанныхъ на волшебствѣ и совершаемыхъ подъ руководствомъ знахарей. Амулетки, особыя тѣлодвиженія, колдов-

¹⁾ Emin-bey (Schnitzler), „Petermann's Mittheilungen“, 1878, № 10.

²⁾ Samuel Baker, „Albert-Nyanza“; — Grant, цитированное сочиненіе.

²⁾ Richard Buchta, „Petermann's Mittheilungen“, 1881, № 3.

ство и пляски — вотъ тѣ средства, при помощи которыхъ ва-ніорцы стараются умилостивить «великаго волшебника» и міръ духовъ. Ворожеи, принадлежащие къ бродячей касть, которую Эминъ-бей сравниваетъ съ европейскими цыганами, имѣютъ обширную практику. Пуще всего уніорцы боятся дурнаго глаза, особенно когда гибельный взглядъ исходить отъ старой женщины, такъ какъ этотъ взглядъ, будто бы, имѣть свойства отравлять мясо и питье. Всякій больной считаетъ себя околованнымъ и, чтобы исцѣлиться отъ недуга, плюетъ трижды въ лицо каждой встрѣчной женщинѣ: выздоровленіе наступаетъ тогда, когда ему, наконецъ, удастся напасть на виновницу своей болѣзни. всякая встрѣча съ дикимъ звѣремъ, всякое движение листьевъ, всякое явленіе въ окружающей природѣ имѣть свой смыслъ, благопріятный или зловѣщий. Уніорецъ всегда насторожѣ, вопросая травы, птицъ, состояніе неба. Онъ ни за какія деньги не пойдетъ назадъ той же дорогой, если ему нужно вернуться, онъ пойдетъ другой тропинкой, параллельной первой, или даже проложитъ себѣ новую черезъ джунгль¹⁾). Кузнецъ, ударяя молотомъ по раскаленному желѣзу, поетъ пѣсню для того, чтобы слова его вошли въ металлъ и сообщили ему крѣпость. Когда два пріятеля клянутся другъ другу въ вѣчной дружбѣ, они смѣшиваютъ свою кровь и обмакиваютъ въ нее кофейное зерно, для того, чтобы такимъ образомъ питаться добродѣтелями друга; между двумя братьями по крови существуетъ полное и никогда необманываемое взаимное довѣріе: оттого король выбираетъ себѣ самыхъ преданныхъ слугъ между людьми, соединенными съ нимъ братствомъ по крови. Говорять, что ночныя пляски, справляемыя при колеблющемся свѣтѣ факеловъ и пылающихъ костровъ, представлять чрезвычайно оригинальное, никогда незабываемое зрѣлище; наряженные въ шутовскіе костюмы чародѣи, съ раскрашенными лицами, заклинающіе демоновъ прыжками, кривляньями и криками, то являющіеся въполномъ свѣтѣ, то скрывающіеся въ тѣни, кажутся и сами какими-то фантастическими существами, ночныхъ привидѣніями. У ва-ніора есть также военная пляска, напоминающая пляску южноафриканскихъ зулусовъ: та и другая нація принадлежатъ къ одной и той же расѣ и ведутъ войну одинаковымъ способомъ и одинаковымъ оружиемъ.

Самыя могущественные племена, которыхъ, не составляя части ніорской націи, занимаютъ ея земли, это лангосы или лонго, живущіе на обоихъ берегахъ Нила, между Фовейрой и Магунго. Народы эти, можетъ быть, соплеменники хумовъ, такие же завоеватели, пришедши съ востока; но лангосы по крайней мѣрѣ сохрани-

или свой галласскій dialectъ: они не приняли, какъ ва-хума, бантускій языкъ побѣжденныхъ народовъ. Лангосы живутъ на полной волѣ, группами независимыхъ семействъ, и признаютъ власть выборныхъ начальниковъ только во время военныхъ экспедицій¹⁾). Между этими африканскими націями, надъ которыми кокетство и щегольство имѣютъ такъ много власти, мало найдется племенъ, которая бы проводили больше времени въ уходѣ за своей прическою и больше заботились о томъ, чтобы придать ей возможно болѣе изящный или величественный видъ; большинство лангосовъ дѣлаютъ изъ своей куафюры родъ каски, где каждая косичка переплетена разноцвѣтной шерстью, и которая оканчивается ореоломъ изъ перьевъ, гирляндами раковинъ и стеклянныхъ украшеній, тыквами, загнутыми на подобіе буйволовыхъ роговъ: цѣлые годы употребляются на сооруженіе зданія шевелюры²⁾). Женщины этого племени (ланго) — самыя красивыя и стройныя во всей области плоскогорья; одежды онѣ не носятъ, но украшаютъ себя ожерельями, поясами, браслетами и кольцами. Хотя пастушескій народъ, лангосы однако употребляютъ не исключительно растительную пищу, какъ ва-ганды и ва-ніоро. На югъ отъ Нила живутъ народы ва-чопи или шефалу, составляющіе, подобно лангосамъ, этнографический островокъ; по языку и наружному виду, ихъ можно причислить къ шилукской націи, главная масса которой обитаетъ почти на тысячу километровъ сѣвернѣе, за рѣкой Газелей. Сами шефалу говорятъ, что они происходить отъ завоевателей, пришедшихъ съ сѣвера³⁾.

Городъ Мазивди, стоящій на берегахъ одного притока озера Мвутанъ, былъ во времена посѣщенія страны Спикомъ, Грантомъ, Бекеромъ, резиденціей короля уніорскаго; въ 1877 г. онъ былъ замѣненъ, какъ столица, Ніамогой, которая тоже занимаетъ выгодное географическое положеніе въ центрѣ страны, ограниченной озеромъ Мвутанъ и большой дугой, описываемой Ниломъ ниже Мрули. Этотъ послѣдний городъ, занимающій важное стратегическое и торговое положеніе на западной оконечности крутаго изгиба Нила, въ томъ мѣстѣ, где рѣка принимаетъ въ себя болотистыя воды рѣки Кафу, и где оканчивается дорога, которую слѣдуютъ караваны изъ У-Ганды, — пересталъ быть передовой цитаделью египтянъ. Уже до возстанія форскихъ мусульманъ войска хедива покинули этотъ постъ, какъ слишкомъ удаленный отъ Хартума, такъ же, какъ постъ Кирота, лежащій къ сѣверо-западу въ лѣсной прогалинѣ, и выбрали политической

¹⁾ Ernest Linant de Bellefonds, *Bulletin de la Société de Géographie du Caire*, tome I, 1876.

²⁾ Ernest Linant de Bellefonds; — Felkin; — Richard Buchta, etc.

³⁾ Emin-bey, *Petermann's Mittheilungen*, 1881, №1.

¹⁾ Richard Buchta, цитированный жемуаръ.

Географія Рекъ, т. X.

границей течеи Нила въ области водопадовъ. На западъ оборонительнымъ пунктомъ служить городъ Фовейра (Фауэра, Фаувера), который египтяне перенесли на яръ восточного берега Нила, близъ устья рѣки Кубули, спускающейся изъ земли Ланго, и недалеко отъ излучины, которою Нилъ принимаетъ западное направление къ озеру Мвутанъ-Нзиге. Другая крѣпость находится къ сѣверу отъ рѣки, близъ Карумскихъ юртоговъ и на сѣверѣ Паніатоли, резиденции одного изъ главныхъ уніорскихъ начальниковъ. Третій укрѣпленный пунктъ египтянъ въ землѣ племени ва-ніоро—Магунго, лежащій на правомъ берегу Нила, въ томъ мѣстѣ, где эта рѣка вступаетъ въ озеро, безъ замѣтнаго теченія. Свачала онъ былъ построенъ на лѣвомъ берегу; но такъ какъ этотъ берегъ, подтачиваемый водой, грозилъ обваломъ, и мѣстность оказалась нездоровій вслѣдствіе вредныхъ испареній, поднимавшихся съ сосѣднихъ стойчихъ водъ, то пришлось перенести форту далѣе на востокъ. Это укрѣпленіе, окруженнное глубокимъ рвомъ, необходимо для плоховооруженныхъ и недисциплинированныхъ войскъ, каковы войска лангосовъ или ніоросовъ. Къ востоку отъ Магунго пароходы поднимаются по рѣкѣ до лѣсистаго ущелья, на днѣ которого находится водопадъ Мурчисона, где вода низвергается съ уступа скаль въ видѣ бѣлаго столба, окруженнаго парами.

На западномъ берегу озера Мвутанъ-Нзиге, подъ покровомъ высокаго мыса, защищающаго отъ сѣверныхъ вѣтровъ, египтяне построили другой укрѣпленный лагерь, Махаги. Вся эта область озераго прибрежья известна подъ именемъ Луръ, населеніе ея, болѣе многочисленное, кажется, одного происхожденія съ негритянскими племенами, обитающими на Нилѣ до р. Бахръ-эль-Газаль, и говорить языкъ, мало отличнымъ отъ нарѣчія шулеевъ, живущихъ на востокѣ отъ Нила. Нравами луры походить на ва-ніоро, съ которыми они прежде имѣли частыя торговыя сношенія, и отъ которыхъ они и теперь еще состоять въ некотораго рода вассальной зависимости, хотя и не платятъ имъ никакой дани. Къ юго-западу отъ египетскаго военного поста находятся, близъ берега рѣки, горячіе ключи, сѣриные, какъ всѣ минеральные источники, открытые до сихъ поръ въ области Верхняго Нила¹⁾. Между западнымъ и восточнымъ берегами озера существуетъ довольно оживленное судоходство, направляющееся преимущественно къ портамъ Мбаковія и Кибера, где добывается много соли, извлекаемой изъ глины посредствомъ выщелачивания.

¹⁾ Эмиль-бей (Шинцлеръ), „Petermann's Mitteilungen“.
1879, № V.

III. Страна рѣкъ.

Область нильскаго бассейна, заключающаяся между озеромъ Мвутанъ-Нзиге и мѣстомъ слиянія Бахръ-эль-Газала съ Ниломъ, совершенно отличается отъ сосѣднихъ странъ обилиемъ водъ, соединеніемъ нѣсколькихъ, сходящихся здѣсь рѣкъ, значительнымъ протяженіемъ болотъ, общимъ однообразіемъ покатости. Теченія Нила и Асуа на востокѣ и юго-востокѣ, теченія Бахръ-эль-Газала на сѣверѣ составляютъ естественные границы этой географической области. Въ историческомъ движениі континента жители этой области тоже играли особую роль: здѣсь находится главное мѣсто перехода изъ бассейна Нила въ бассейнъ Конго. Такъ какъ водораздѣлъ не обозначенъ никакой замѣтной возвышенностью, то переселенія съ одной покатости на другую дѣлаются безъ всякаго затрудненія; раздѣльная гидрографическая линія не составляетъ естественной границы между расами, и различныя націи, между прочимъ, нація ніамъ-ніамовъ, занимаютъ поясъ двойнымъ скатомъ, распространяясь все далѣе и далѣе къ сѣверу. Черезъ эту раздѣльную область, безъ сомнѣнія, пройдетъ въ будущемъ главный путь сообщенія съ востока на западъ континента, между Краснымъ моремъ и Бенинскимъ заливомъ; уже путешественники Пене и Лежантъ, Питерикъ, братья Понсе, Піаджія, Швейнфуртъ, Потагостъ, Юнкеръ, Бондорфъ проложили дорогу, и по ихъ слѣдамъ идутъ другие изслѣдователи. Къ сѣверу отъ Области Рѣкъ находится истинная естественная граница, но не обозначенная какой-либо раздѣльной возвышенностью: пограничную линію проводить здѣсь климатъ, слѣдствіемъ чего и является тотъ контрастъ, который представляютъ, по обѣ стороны этой линіи, видъ мѣстности, растительность, фауна и самыя населенія. Параллельная экватору впадина или долина, въ которой извивается Бахръ-эль-Арабъ, въ общемъ совпадаетъ съ этой климатической границей. На югѣ, дождевые воды довольно обильны, чтобы образовать ручьи и рѣчки, текущіе постоянно, круглый годъ, или по крайней мѣрѣ въ продолженіе половины года; на сѣверѣ, овраги, спускающіеся къ рѣкѣ Арабевъ, не что иное, какъ уади, въ которыхъ бѣгутъ воды только послѣ сильныхъ дождей. Къ сѣверу и къ югу отъ пояса Бахръ-эль-Араба, лѣса, состоящіе изъ различныхъ породъ, имѣютъ не одинаковую физіономію: съ одной стороны, по направленію къ странѣ Форъ, господствуетъ баобабъ, съ громаднымъ раздутымъ стволомъ; съ другой, по направленію къ области Фертитъ, преобладаютъ лѣса дулу или «масляного дерева», покрываю ѿими переплетающимися вѣтвями пространства

въ несколько сотъ километровъ. Большая обезьяны не переходятъ границы страны Рекъ и не встречаются въ Кордофани; точно также слонъ не заходитъ на съверь далѣе Бахръ-эль-Газали, и страшная муха цеце не распространяетъ своихъ опустошеній на стада съверныхъ равнинъ. Область Рекъ есть страна негровъ и рогатаго скота, тогда какъ противоположная покатость есть область арабовъ и лошадей.

Страна, заключенная между рѣками Бахръ-эль-Джебель и Бахръ-эль-Арабъ, такъ хорошо характеризуемая разѣтленіемъ пересѣкающихъ ее потоковъ, не имѣть общаго названія, и известна только по именамъ племенъ, которыхъ въ ней обитаютъ: политически, западная часть края обозначается какъ провинція Бахръ-эль-Газаль, которая должна бы принадлежать только къ бассейну этого притока Нила. Всю область въ совокупности можно бы назвать именемъ «Страны Рекъ», такъ какъ въ предѣлахъ ея находятся всѣ западные притоки Нила, къ съверу отъ озера Мвутанъ-Нзиге: общее пространство этой обильно орошающей территории около 350.000 квадр. километровъ, по предварительнымъ картамъ, составленнымъ новѣйшими путешественниками, а средняя высота ея 800 метровъ.

Почва страны, состоящая изъ разложившагося гранита, смѣшанного съ рѣчными аллювиемъ и перегноемъ, необыкновенно плодородна. Обширныя пространства покрыты красноземомъ, залегающимъ на рудѣ болотнаго жељзника: эти обломки, въ соединеніи съ иломъ рѣкъ и съ остатками растительности, тоже отличаются большимъ плодородіемъ; но тамъ, гдѣ слой жељзной руды лежить очень близко къ поверхности, корни растений съ трудомъ проникаютъ въ твердую почву, которая даже послѣ дождей покрывается лишь скучной травой. Тамъ и сямъ лужи стоячей воды, исчезающія подъ ковромъ зелени, разсыпанными во впадинахъ скалы, и глыбы камня украшены розовыми цветками діантеры,—растенія, соотвѣтствующаго клейкой смолянкѣ европейской флоры¹⁾. Веадѣ, гдѣ почва не состоить изъ металлической настилки, она производить обильные урожаи, и ея дикорастущая флора содержитъ большое число видовъ, продукты которыхъ, до недавняго времени неизвестные европейцамъ, могли бы давать очень полезный материалъ для обрабатывающей промышленности. Въ этой области Нигрицій произрастаетъ, между прочимъ, румъ, родъ большаго хлоцчатника (*eriodesdron anfractuosum*), изъ которого можно было бы выѣзвывать ткани; дерево лулу (*butyrospergium Parkii*), образующее цѣльные лѣса, даетъ въ своихъ плодахъ масло; другія породы деревъ доставляютъ въ изобилии различные сорты каучука. Кое-гдѣ встречается хиг-

ликъ (*balanites aegyptiaca*) или «слоновое дерево», подъ которымъ часто выкапываются большия ямы, прикрываемыя вѣтвями, для ловли великана лѣсовъ, который любить лакомиться листьями этого дерева. Эти огромные представители африканской фауны очень обыкновенны въ Рѣчной области. Хотя ихъ ежегодно убиваютъ отъ пяти до шести тысячъ головъ, однако еще незамѣтно, говоритъ Лептонъ, уменьшенія ихъ стадъ; но это утвержденіе опровергается другими путешественниками. Мѣстный губернаторъ насчитываетъ до сотни (?) разныхъ видовъ антилопъ, бродящихъ по странѣ¹⁾. Большая обезьяны — по мнѣнію Фелькина, чимпанзе — внушаютъ страхъ туземцамъ. Однажды сотня этихъ двурукихъ напала на контору Габа-Шамбе, на Нилѣ, и разнесла многие дома, послѣдствіемъ чего былъ пожаръ, истребившій товарные склады. Что касается домашнихъ животныхъ, то они немногочисленны. Лошади, такъ же, какъ мулы, ослы, верблюды и вьючные волы, приводимые багарцами, не выживаютъ больше года въ лѣсныхъ странахъ, граничащихъ на югѣ съ Форомъ и Кордофаниемъ. Эминъ-бей приписываетъ вымирание всѣхъ этихъ животныхъ, привозимыхъ изъ другихъ мѣстъ, самонпроизвольному развитію у нихъ огромнаго множества глистовъ. До третьаго градуса къ съверу отъ экватора туземцы много страдаютъ отъ подкожной глисты, известной подъ именемъ «медицинскаго черва или струнца».

Пятьдесятъ миллионовъ людей могли бы жить въ довольствѣ въ этой богатой странѣ. Въ пѣ-которыхъ округахъ, защищенныхъ болотами или другими естественными препятствіями отъ нападенія завоевателей, деревни слѣдуютъ одна за другой непрерывнымъ рядомъ, и джунгли давно исчезли, замѣненные садами; но почти повсюду видны слѣды грабительскихъ набѣговъ, и многія мѣстности, недавно бывшія въ культурномъ состояніи, теперь совершиенно обезлюдѣли и обратились въ пустыню. Нигдѣ въ восточной Африкѣ торговля неграми не причинила столько бѣдъ, какъ въ этихъ густо населенныхъ равнинахъ. Сдѣлавшись господами края подъ титуломъ египетскихъ офицеровъ и чиновниковъ, негроторговцы въ теченіе многихъ лѣтъ открыто производили свой гнусный торгъ человѣческимъ тѣломъ. Имѣя порученіе снабжать рынки Хартума и Казира молодыми девушкиами и евнухами и вербовать солдатъ для арміи, чиновники могли безбоязненно совершать то, что официальные рапорты величайше называли ихъ «цивилизаторской миссіей»: деревни пустѣли, и изъ каждой зернибы арабскихъ купцовъ или изъ Донголы регулярно отправлялись къ берегамъ Нила партии несчаст-

¹⁾ Schweinfurth, „Im Herzen Afrikas“.

¹⁾ „Proceedings of the Royal Geographical Society“, 1884.

стныхъ, связанныхъ по-парно при помощи развилинъ и колецъ, надѣтыхъ на шею невольника и привязанныхъ къ верховому животному господина. Еще въ наши дни дороги, которыми следовали эти невольниччи караваны, легко узнать по человѣческимъ костямъ, разбросаннымъ вдоль тропинокъ. Даже когда торговля невольниками была официально воспрещена въ провинции Бахръ-эль-Газаль, египетскимъ чиновникамъ не трудно было обходить приказы, данные имъ не письменно, а устно. Посредствомъ такихъ обходовъ, тѣмъ болѣе жестокихъ, что они порождали большие разбоянничихъ набѣговъ и рѣзни, торговцы невольниками и составляли свой *маль* или человѣческий капиталъ. Сами они не нападали на селенія, но направляли племена одно на другое. Подстрекаемый къ грабежу, тотъ или иной туземный народецъ вторгался неожиданно въ предѣлысосѣдней земли, убивалъ мужчинъ, захватывалъ въ плѣнъ женщинъ и дѣтей. Не было ли тогда какущимся дѣломъ человѣколюбія со стороны негропромышленниковъ, если они являлись на выручку плѣнниковъ, чтобы облагодѣтельствовать ихъ менѣе тажкой неволей въ своей зерѣбѣ или въ сѣверныхъ городахъ? Но побѣжденное племя рано или поздно отплачивало побѣдителю той же монетой, и негроторговцы опять вступались за плѣнниковъ, чтобы освободить ихъ въ свою пользу. И если война продолжалась безъ пощады, охватывала всю провинцію, не слѣдовало ли вмѣшаться между враждующими племенами и положить конецъ безпорядку, взявъ заложниковъ у той и другой стороны? Таковъ былъ порядокъ вещей, введенныи «эрой прогресса», и благодаря этому порядку, не только край обезлюдили, но, что еще хуже, оставшееся населеніе подверглось нравственной порѣ, усвоивъ себѣ пороки, порожденные насилиемъ: мирныя племена обратились въ шайки разбойниковъ¹). Одинъ изъ европейскихъ путешественниковъ имѣлъ цѣлый арсеналъ карабиновъ, приклады которыхъ былиувѣшаны чепками убитыхъ ими негровъ²).

Когда европейскій губернаторъ, известный Гордонъ, вознамѣрился положить конецъ этимъ ужасамъ, вспыхнулъ бунтъ, и въ то время, какъ официально власть поощряла своихъ представителей къ сопротивленію, мятежникамъ посыпались боевые припасы: торговцы невольниками пользовались сообщничествомъ, явнымъ или замаскированнымъ, почти всѣхъ египетскихъ чиновниковъ, и общее мнѣніе было то, что области Бахръ-эль-Газаль и Форъ скоро образуютъ, подъ управлениемъ негроторговца Сулеймана, отдѣльное отъ Египта королевство, поставляющее ему невольниковъ и избавленное отъ всякаго европейскаго контроля. Но эти расчеты

были разстроены, благодаря геройской настойчивости и военному гению итальянца Джесси, который не только заставилъ снять осаду крѣпости, где онъ былъ запертъ, но еще восторжествовалъ въ концѣ концовъ надъ привычнымъ къ войнѣ непрѣятелемъ, далеко превосходившимъ его численностю, и совершилъ умиротворилъ край, организовавъ свою стражу изъ *базенеровъ*, то-есть освобожденныхъ имъ невольниковъ. Однако, ему не простили этой побѣды; вскорѣ послѣ того онъ былъ отзванъ, такъ же, какъ и Гордонъ, генераль-губернаторъ всего египетскаго Судана. Тѣмъ не менѣе, старый порядокъ крайнаго угнетенія, кажется, не былъ восстановленъ. Власть хедива, официально реставрированная, существуетъ еще, по крайней мѣрѣ по имени, такъ какъ въ началѣ 1884 года возмутившіеся мусульмане не перешли рѣки Бахръ-эль-Газаль; силы Лентонъ-бэя, уменьшенныи на двѣ трети ихъ численнаго состава частыми стычками, побѣдоносно отразили въ набѣги баггарабовъ, съ помощью нуазровъ и денкасовъ; онъ разсчитывалъ на поддержку піамъ-піамовъ, чтобы восторжествовать надъ арабами, но сообщенія Страны Рѣкъ съ сѣверомъ были отрѣзаны. Прежде, когда Ниль былъ запертъ естественными преградами въ видѣ травяныхъ острововъ, путешественники могли по крайней мѣрѣ проходить эту страну, дѣлая кругъ черезъ Форъ и Кордофантъ; теперь же египетскіе чиновники могли бы пытаться вернуться въ Каиръ не иначе, какъ спускаясь на югъ къ Занзибару или на западъ къ Конго. Управляемая ими провинція силой обстоятельствъ сдѣлалась на время автономнымъ королевствомъ; но, несмотря на обѣщанія Англіи, нужно опасаться, что далеко еще то время, когда «Суданъ» дѣйствительно будетъ привадлежать «суданцамъ». Въ Африкѣ нѣть страны, которая бы обѣщала сдѣлаться болѣе богатой, когда охота на человѣка будетъ замѣнена эксплоатацией почвы и когда населеніе, исчисляемое въ три миллиона душъ, займется вывозомъ, кроме слоновой кости, также другихъ мѣстныхъ произведеній, изъ которыхъ важнѣйшія — каучукъ, разныя смолы, стручки тамариндовъ, воскъ, растильное масло, фрукты, сѣмена и овощи всякаго рода, хлопокъ, выдѣланныя кожи и металлы. Европейцы могутъ жить въ странѣ подъ условиемъ, если будутъ вести очень дѣятельный образъ жизни; тѣмъ не менѣе эта область, по причинѣ обширныхъ болотъ, находящихся въ нижней ея части, все-таки опасна для эмигрантовъ, пока не будутъ основаны въ южныхъ горахъ санитарные станціи, подобныя тѣмъ, какія существуютъ въ Индіи.

Войны и облавы негроторговцевъ имѣли слѣдствіемъ во многихъ мѣстахъ смѣщеніе племенъ; старые границы сдѣлались неопределеными;

¹) Hartmann; Schweinfurth; Lejean; Gessi; Marno; Felkin.
²) G. Lejan, „Tour du Monde“, 1863.

территорія перемѣнили жителей; въ періодъ густо населена; тамъ можно путешествовать по жизни послѣдняго поколѣнія населеніе сохранилось неизмѣнно въ наслѣдственныхъ владѣ- цѣльмъ днамъ, не встрѣчая мѣстности, которая бы не была измѣнена земледѣльческой культу-

Берегъ Нила.

иныхъ только на обоихъ берегахъ Нила, между Magungo и Dufile, куда не проникали торговцы невольниками, или гдѣ они по крайней мѣрѣ не долго пробыли. Оттого эта часть страны

рой, гдѣ существовалъ бы еще остатокъ джунгли или дѣственнаго лѣса. Въ этихъ округахъ, миръ которыхъ не былъ нарушенъ въ теченіе многихъ поколѣній, нравы кротки; тамъ никогда

не услышишь о преступленихъ; путешественникъ можетъ объѣхать страну во всѣхъ направленияхъ, не имѣя другаго оружія, кромѣ палки. Великъ контрастъ между этими мирными населеніями и тѣми, вадъ которыми негроторговцы практиковали свой чудовищный промыселъ! А между тѣмъ, почти всѣ эти народы одного происхожденія, и въ прежнее время всѣ они имѣли одинаковые права, одинаковое политическое и соціальное устройство. По примѣру большей части негритянской расы, они говорятъ языками, совершенно отличными отъ бантусскихъ идіомовъ, употребляемыхъ прибрежными племенами бассейна Ніанца. Между этими говорами области Бахръ-эль-Газала только два или три были возведены миссионерами на степень письменныхъ діалектовъ; нарѣчія бари, денка, шилукъ были частію закрѣплены вокабуларіями и переводами книгъ духовнаго содержанія. Изъ всѣхъ гlosсологическихъ группъ африканского континента эта группа наиболѣе извѣстна въ ея совокупности, хотя страна была посыпана гораздо большимъ числомъ европейскихъ путешественниковъ, тѣмъ другія обсти Африки¹⁾.

Шули—первые племена, черезъ земли которыхъ проходитъ Ниль, по выходѣ изъ озера Мвутанъ-Нзиге. На западной покатости рѣки, где они владѣютъ лишь узкой полосой, ограниченной съ запада горнымъ хребтомъ, ихъ называютъ луръ или лури; по крайней мѣрѣ оба народа, очевидно, принадлежать къ одному корню. Совокупность территоріи племенъ луръ и шули обнимаетъ лѣвый берегъ озера Мвутанъ-Нзиге и, на правомъ берегу Нила, обширную территорію въ формѣ полумѣсяца, которая изгибается къ сѣверо-востоку и къ сѣверу до теченія рѣки Асуа, захватывая полосу земли даже за этой рѣкой. Наружность у шули была бы довольно пріятна, если бы они не усвоили, чтобы отличаться отъ другихъ народцевъ, привычки прокалывать себѣ нижнюю губу и продѣвать сквозь нее кусокъ кристалла, палочку или какое-нибудь другое украшеніе (длиной отъ 7 до 10 центиметровъ), которое болтается, когда они говорятъ; кромѣ того, они вырываютъ себѣ четыре верхніе рѣзца, отчего рѣчь ихъ непонятна. Красятся они въ красный цветъ съ помощью окиси желѣза, но это раскрашиваніе не подчинено никакимъ правиламъ и всецѣло предоставлено личному вкусу и фантазіи. У однихъ лицо красное, а тѣло черное, у другихъ есть только пятна или полосы на лицахъ, наведенные охрой, тогда какъ туловище или ноги имѣютъ кровавый цветъ, какъ у гипопореевъ, о которыхъ разсказываетъ Пліній; иные испещряютъ себѣ тѣло сѣрыми лиззами: издали кажется, что видишь солдатъ разнаго рода оружія, одѣтыхъ каждый въ особенный

мундиръ. Какъ вообще у большинства дикихъ племенъ, щегольство и кокетство составляютъ принадлежность мужскаго пола. Подобно сѣвернымъ сосѣдямъ, мади, и южнымъ, ланго, шули проводятъ большую часть жизни въ размалевываніи и украшаніи своего тѣла: пышныя зданія ихъ причесокъ, воздвигаемыя каждымъ по своему вкусу, разнятся по формѣ и объему, но всѣ содержатся съ величайшей заботливостью; есть шевелюры въ нѣсколько этажей, убранныя всякаго рода украшаніями—клочьями шерсти, гирляндами изъ травы, кольцами, фестонами изъ бусъ, и носитель этого архитектурного памятника, когда идетъ, едва смѣеть подшевелить головой. Богатые щеголи накидываютъ себѣ на плечи шкуру антилопы, бѣдные носятъ по крайней мѣрѣ козью шкуру, а руки, ноги и шея обвиты желѣзными ожерельями. Подъ этой массой металла, сдавливающей мускулы и вены, трудно двигаться; чтобы посмотреть въ бокъ, родовитый шули долженъ повернуться всѣмъ корпусомъ. Красные и бѣлые бусы, шелковый амулетки, корни, зубы и рога дополняютъ костюмъ. Въ сравненіи съ мужчинами, женщины одѣваются очень просто: передникъ, длинный хвостъ, какъ у піамъ-намовъ, нѣсколько стеклянныхъ украшений и узоровъ—вотъ и весь костюмъ замужнихъ женщинъ; молодыя дѣвушки ходятъ безъ всякой одежды. Шули, лури, мади отличаются отъ сосѣднихъ племенъ уваженіемъ, которое они оказываютъ женщинамъ въ общественной жизни. Совершеннолѣтнія дѣвушки, живущія отдельно въ отведенныхъ имъ хижинахъ, имѣютъ право выбрать себѣ мужа, прежде чѣмъ быть купленными у родителей. Жена никогда не подвергается побоямъ, и обыкновенно мужъ не принимаетъ никакого рѣшенія, не посовѣтовавшись съ подругой жизни, не получаетъ никакого подарка, не подѣлившись съ ней. Полевые работы не взвалены на женщинъ, какъ у племенъ ва-ганда и ва-ніоро: здѣсь женщины знаютъ только домашнее хозяйство.

Такъ какъ имя шули нѣсколько напоминаетъ имя шилукъ, данное могущественнымъ племенамъ, живущимъ далѣе на сѣверѣ, на берегахъ Бѣлаго Нила, то нѣкоторые писатели высказали мнѣніе, что шули, вѣроятно, потомки шилукскихъ эмигрантовъ, переселившихся въ давнія времена¹⁾). Какъ бы то ни было, нарѣчія этихъ двухъ націй представляютъ большое сходство: солдаты изъ шилуковъ, приводимые въ край египетскими офицерами, сразу понимаютъ мѣстный говоръ. Но эти потомки древнихъ завоевателей, преобразившіеся въ мирныхъ жителей, занимаются преимущественно земледѣліемъ; прекрасный видъ ихъ полей свидѣтельствуетъ объ ихъ трудолюбіи. Они воз-

¹⁾ R. N. Cust. „The modern Languages of Africa“.

¹⁾ R. N. Cust, цитированное сочиненіе: —Emin-bey, „Esploratore“, gennaio 1881.

дѣлываютъ отличный табакъ и разнаго рода овощи, изъ которыхъ иныя только недавно введены въ краѣ арабами и европейцами; вокругъ большихъ деревень тянутся на необоримое пространство поля, засѣянныя хлѣбомъ и кунжутомъ. Посреди фруктовыхъ деревьевъ стоять тамъ и сямъ деревья-фетиши, вѣтви которыхъ увѣшаны рогами, зубами и черепами животныхъ, приносимыми охотниками. Шули, такъ же, какъ прибрежныя племена озера Нянца, строятъ маленькия хижины, посвященные духамъ земли, и не пускаются ни въ какое предпріятіе, не спросивъ совета у чародѣевъ. Очень гостепримные, они радушно принимаютъ путешественника и, въ знакъ любви и дружбы,

Египетскіе папи основали на шулійской территоїи нѣсколько военныхъ постовъ, расположенныхъ на разстояніи двухъ или трехъ дней ходьбы одинъ отъ другаго, такъ чтобы можно было господствовать надъ страной посредствомъ сѣти стратегическихъ путей. Одна такая крѣпость, Ваделай, стоитъ на лѣвомъ берегу Нила, при впаденіи въ него одной рѣчки; но самое важное населенное мѣсто, Фатико, находится верстахъ въ ста къ востоку отъ Нила, между двумя притоками рѣки Асуа, на красноземной почвѣ, необыкновенно плодородной, надъ которой господствуютъ гранитныя кручи; къ сѣверу отъ мѣстечка, одна изъ этихъ скаль возвышается на сотню метровъ надъ

Музыканты племени шули.

плюютъ ему на руку, или по крайней мѣрѣ дѣлаютъ соотвѣтственный жестъ. Когда чужеземецъ отправляется въ дальнѣйшій путь, хозяинъ закалываетъ козу на тропинкѣ, для того, чтобы отвратить всякую опасность худой встрѣчи. Три дня пѣдли считаются благопріятными, три другіе—несчастливыми, седьмой же безразличенъ—ни хорошъ, ни дуренъ. Путешественнику, который не принимаетъ въ разсчетъ этихъ мѣстныхъ суевѣрій, часто приходится раскаиваться, ибо его спутники, проворные, донѣрчивые и смѣлые, когда отправляются въ путь при счастливыхъ предзнаменованіяхъ, отказываются отъ работы и дрожать при маѣтѣшемъ шумѣ, когда природа кажется имъ враждебной¹⁾.

¹⁾ Wilson and Feikin, „Uganda and the Egyptian Soudan“.

равнинами, и съ вершины ея открывается обширный видъ, простирающійся до самаго Нила; на сѣверо-востокѣ, остроконечная гора Шона (одна стѣна которой, почти отвѣсная, поднимается на 250 метровъ) указываетъ путешественникамъ направление, котораго нужно держаться при проходѣ черезъ лѣса и степи. Мѣстечко Фатико, лежащее на высотѣ около 1.200 метровъ, занимаетъ какъ разъ верхушку области племенъ шули: съ этой высшей точки можно спуститься на сѣверъ, на западъ, на югъ рядомъ террасъ съ крутыми уступами. Находясь на полдорогѣ отъ станціи Фовейра, на Нилѣ-Кивира, и отъ Дуфиле, на «Горномъ» Нилѣ, Фатико занимаетъ великолѣпное торговое положеніе, въ равнинѣ, окруженнѣй круглыми холмами и прозванной раемъ ботаниковъ; онъ отправляетъ много хлѣба и воска. Другія

многолюдные селения страны Шули, къ востоку и къ сѣверу отъ рѣки Асуга, суть: Фаджело или Фаджули, Фадибекъ, Фараджакъ и Оббо. Туземцы племени мади, живущіе на сѣверѣ, преимущественно на правомъ берегу рѣки, имѣютъ такую же наружность, какъ шули, такъ же кокетливо убираютъ свою шевелюру, такъ же имѣютъ привычку раскрашивать себѣ тѣло; и не только походить на нихъ видимостью, обычаями и модами, но дѣлать съ ними также рѣдкую привилегію уважать свободу женщинъ и допускать ихъ въ свои совѣты. Можно подумать, что мади и шули одноплеменники, а между тѣмъ языки первыхъ совершенно отличаются отъ языка луровъ, шулевъ, шилуковъ, и приближается, напротивъ, къ нарѣчу ніамьнамовъ: онъ изобилуетъ односложными словами, выговоръ отрывистый и съ повышенiemъ голоса¹⁾. Безъ сомнѣнія, это различие языковъ и сходство нравовъ объясняется совмѣстнымъ существованiemъ двухъ народовъ, теперь слившимся въ одинъ; покоренные племена, болѣе многочисленны, постепенно ассимилировали себѣ завоевателей, но эти послѣдніе сохранили и сдѣлали господствующимъ свой языкъ. Эти завоеватели пришли, вѣроятно, съ юго-запада: съ этой стороны мади занимаютъ два склона водораздѣльной возвышенности и граничатъ, въ бассейнѣ Конго, съ населениемъ того же языка и того же происхожденія, именно съ каликами.

Въ територіи племени мади главная станція египтянъ—Дуфиле, мѣстечко, лежащее на западномъ берегу рѣки, недалеко отъ большой излучины, которую описываетъ Малый Нилъ, прежде чѣмъ соединиться съ р. Асуга. Дуфиле занимаетъ вершину треугольника, образуемаго этими двумя потоками и Ниломъ-Кивира, между Фсвейрой и Магунго; кромѣ того, противъ Дуфиле въ Нилъ впадаетъ рѣка, судоходная на протяженіи около двадцати километровъ. Это весьма важная позиція въ стратегическомъ отношеніи, и, нѣть сомнѣнія, въ будущемъ городокъ сдѣлается центромъ оживленной торговой дѣятельности; здѣсь находится пароходная пристань Верхняго Нила, запертаго ниже порогами Фола. Палисада Дифуле окружена пальмами, за которыми виднѣются вдали крутые склоны горы Куку. На сѣверѣ, цѣль, поднимаясь мѣстами метровъ на 200 надъ уровнемъ рѣки, продолжается въ близкому разстояніи отъ берега. Два укрѣпленныхъ поста Лаборе, на половину скрытый въ зелени деревьевъ, и Муги, близъ пороговъ Гербора,—имѣть лишь узкую полосу воздѣланыхъ земель между Ниломъ и скалами. Съ южной стороны Дуфиле соединяется съ постомъ Фатико многолюднымъ мѣстечкомъ Фалоро, которое считается одной изъ житницъ египетскаго Судана. Сѣверные

солдаты, обогатившіе мѣстную флору и фауну многими новыми видами, занесли, къ несчастію, мириады клоповъ; но это насѣкомое не переходитъ за Фалоро²⁾). Поля мадіевъ обработаны очень тщательно; женщины и дѣти сѣютъ каждое зерно отдельно.

Бари, слѣдующіе за маді на обоихъ берегахъ рѣки, составляютъ, между негритянскими племенами, одну изъ замѣчательнѣйшихъ группъ по красотѣ тѣла и благородству осанки. Путешественникъ можетъ безъ труда изучать ихъ великолѣпныя формы, такъ какъ они ходятъ совсѣмъ голые. Они думаютъ, что достоинство мужчины не позволяетъ прикрывать наготу. Пеней разсказываетъ, что они даже «боятся одѣжды»; чтобы найти хороший приемъ у туземцевъ, этотъ путешественникъ принужденъ былъ снять съ себя все платье²⁾. Обычай разрѣшаетъ женщинамъ одѣваться; но большинство ихъ прикрываются только *ракадомъ* или передникомъ изъ желѣзныхъ цѣпочекъ или изъ кожаныхъ ремней, и звѣриной шкурой, накинутой на плечи; волоса у нихъ всегда острижены на-голо, тогда какъ мужчины оставляютъ маленький пучокъ на макушкѣ, осѣненный стразовыми перьями у главныхъ начальниковъ. Бари не обѣщаются украшеніями и амулетами, какъ шули, но вѣкоторые изъ нихъ тоже раскрашиваютъ себѣ тѣло, особенно для военныхъ плюсокъ, и татуируются разноцвѣтными арабесками или геометрическими фигурами; но эти операции, производимыя въ эпоху возмужалости, очень опасны и часто оканчиваются смертью пациента. Бари, между которыми до недавняго времени оспа похипала много жертвъ, прибегаютъ, по словамъ Фелькива, къ изобрѣтенному ими самими способу оспопрививанія, и этотъ профилактическій методъ лечения, кажется, увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Воины этого племени считаются самыми храбрыми изъ прибрежныхъ жителей Нила, и между ними не рѣдкость встрѣтить удальцовъ, носящихъ въ рукахъ браслетъ изъ слоновой кости: это охотники, которымъ удалось одолѣть слона въ борьбѣ одинъ-на-одинъ. Между этимъ же племенемъ торговцы невольниками обыкновенно вербовали свои шайки охотниковъ на негровъ, и имя этихъ бандитовъ наводило страхъ на мирныхъ жителей даже въ сосѣдствѣ большихъ озеръ. Впрочемъ, племена бари и сами много страдали отъ набѣговъ негроторговцевъ: вѣкоторыя части ихъ територіи были совершенно опустошены и обезлюдѣли. Зная, что главное богатство баріевъ — рогатый скотъ и что они гордятся своими прекрасными животными, весело позванивающими привѣщенными на шеѣ колокольцемъ, негропромышленники захватывали прежде всего стада, и чтобы ихъ выку-

¹⁾ *Emil-bey, Petermann's Mittheilungen*, 1880, VI.

²⁾ *Bulletin de la Societ  de G ographie de Paris*, juillet 1863.

пить, бари приводили собственныхъ женъ или дѣтей, если имъ не удавалось совершить счастливой экспедиціи и забрать въ плѣнъ семьи соѣдніхъ племенъ¹⁾). Корова—животное почти священное для этихъ принильскихъ народцевъ, и даже каль ея считается обладающимъ чудодѣйственной силой: онъ входить, какъ главный ингредіентъ, въ мазь, употребляемую для залечиванія ранъ. Около хижинъ баріевъ, впрочемъ содержимыхъ въ замѣчательной чистотѣ, земля изъ битой глины и золы всегда смѣшана съ коровьимъ каломъ, какъ прежде полъ на гумѣ французскихъ крестьянъ. Вмѣсто того, чтобы присѣдать на корточки, какъ

старались усадить покойника въ могилѣ какъ можно удобнѣе. Прежде, говорятъ они, на чебо можно было всходить по веревкѣ, привязанной къ звѣздамъ, но эта веревка порвалась²⁾). Отъ церкви, бывшей центромъ миссій на Верхнемъ Нилѣ, не сохранилось даже развалинъ, и только красивая аллея лимонныхъ деревьевъ указываетъ еще мѣсто, гдѣ стоялъ «городъ» Гондокоро; кирпичи отъ дома австрійскихъ миссіонеровъ были всѣ растащены туземцами, которые приготовляли изъ нихъ, съ примѣсью жира, краску для раскрашиванія себѣ тѣла. Шаша Самуилъ Бекеръ сдѣлалъ Гондокоро главнымъ административнымъ пунктомъ своей гу-

Кузнецы племени бари.

большинство другихъ негровъ, или скрещивать ноги, какъ арабы, бари имѣютъ привычку садиться на табуреты, обыкновенно выкрашеные красной краской.

Католические миссионеры много трудились среди племени бари, но почти безъ всякаго успѣха, потому что поведеніе христіанъ неготорговцевъ было не таково, чтобы могло сдѣлать пропагандѣ духовныхъ лицъ. Бари по-прежнему остались при своей вѣрѣ въ волшебство, при старомъ анимистическомъ культе, при боготвореніи змѣй, которую они называютъ «бабушкой», при почитаніи умершихъ, которыхъ они хоронятъ въ сидячемъ положеніи,

берніи, подъ именемъ Измаиліи; но перемѣщеніе рѣки, образованіе болотъ и песчаныхъ мелей вынудили Гордона покинуть этотъ постъ: онъ основалъ губернаторскую резиденцію километрахъ въ двадцати ниже по теченію, въ Ладо или Лардо, на яру западнаго берега. Этотъ городъ, съ кирпичными, крытыми жѣлѣзомъ, зданіями, представляетъ довольно красивый видъ, въ сравненіи съ окружающими селеніями; вокругъ города идетъ бульваръ; эвкалиптовое дерево, посаженное Эмиль-беемъ, уже высоко поднимается надъ массой домовъ; до недавняго времени вдоль набережной всегда стоялъ рядъ судовъ. Другія станціи въ странѣ Бари, выше Гондокоро,—Кирри и Бедденъ; въ

¹⁾ Wilson and Nelkin, „Uganda and the Egyptian Soudan“.

²⁾ Kaufmann, „Das Gebiet des Weissen Flusses“.

послѣдней есть паромъ черезъ рѣку. Къ юго-востоку отъ Гондокоро находятся селенія Биллигонгъ и Беленіанъ, славящіяся желѣзными рудниками и мастерскими для фабрикаціи дротиковъ и копий. Въ сосѣднихъ горахъ, называемыхъ Локойя, живутъ самые отважные туземцы изъ племени бари, нерѣдко безпокоившіе своими набѣгами бѣлыхъ, поселившихся въ Гондокоро. Сѣвернѣе, берри, барь или бехръ, обитающіе въ степяхъ къ сѣверо-востоку отъ Гондокоро, составляютъ группу племенъ, отличную отъ бари, и говорятъ языками почти тожественнымъ съ нарѣчіемъ шулевъ, на которыхъ они походятъ также чертами лица и нравами. Другой родственный народецъ—ширы, селенія которыхъ расположены на обоихъ берегахъ Нила, ниже Ладо. Не имѣя желѣза, эти чернокожіе дѣлаютъ наконечники стрѣль изъ чернаго дерева¹⁾.

Къ востоку отъ бари, одна территорія, хорошо орошаюшая херанами, спускающимися къ Нилю, съ юго-востока на сѣверо-западъ, занята племенемъ латука, нисколько не похожимъ на сосѣднихъ негровъ. Почти всѣ путешественники причисляютъ это племя къ галласскому корню²⁾: латукскій языкъ, говорять, принадлежитъ къ той же семье, какъ и языкъ племени ильмъ-орма (по Равенштейну, они близко подходить къ языку масаевъ³⁾). Отличительные признаки латуковъ—высокое чело, прямой и твердый носъ, большие глаза, толстые, но не вздутыя губы—не позволяютъ сомнѣваться относительно ихъ происхожденія. Средній ростъ этихъ туzemцевъ отъ 1,70 до 1,75 метровъ. Другие народы, живущіе восточнѣе въ направлениі Собата, именно племя арборе, принадлежать къ той же семье; но племена аккара и иреига говорятъ другими языками. Характеромъ латуки много разнится отъ сосѣднихъ негровъ: они веселѣе, откровеннѣе, очень храбры, такъ что негроторговцамъ никогда не удавалось захватывать невольниковъ между вими. Если бы латуки соединились, вмѣсто того, чтобы безпрестанно воевать между собой, племя съ племенемъ, они, несомнѣнно, были бы одной изъ могущественныхъ націй Африки. Хотя первоначальный языкъ, физическая черты и характеръ этихъ галласскихъ эмигрантовъ въ большей части сохранились до сихъ поръ, однако, вслѣдствіе смѣшанія черезъ браки, латуки приблизились къ негритянскимъ народцамъ, обитающимъ по Нилю: подобно шилукамъ и бари, они стыдятся носить одежду, но полагаютъ свою славу въ томъ, чтобы шевелюра ихъ имѣла изящную, по ихъ понятіямъ, форму, именно форму баски. Нужно отъ

¹⁾ Zuchinetti, „Bulletin de la Société de Géographie du Caire“, février 1881.

²⁾ Peney;—Baker;—Emin-bey.

³⁾ „Proceedings of the Royal Geograph. Society“, may 1884.

восьми до десяти лѣтъ терпѣливаго труда, чтобы вполнѣ придать куафюръ надлежащій видъ: волосы, заплетаемые съ волокнами коры, превращаются въ родъ войлока, который упизанъ бусами и фарфоровыми шариками: спереди, надъ челомъ блеститъ мѣдная бляха, а на макушкѣ развѣиваются хохолки, пучки перьевъ¹⁾. Что касается женщинъ, которыхъ вообще менѣе красивы, чѣмъ мужчины, и отличаются только необыкновенно крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, то они не имѣютъ права на равное съ мужчинами количество украшеній и ограничиваются небольшой татуировкой; кромѣ того, носятъ хвостъ, похожій на конскій, и, подобно большинству другихъ женщинъ этой области, вырываютъ себѣ четыре нижнихъ рѣзца. Хижини у латуковъ похожи на жилища сосѣднихъ туземцевъ: они имѣютъ форму колокола, безъ всякихъ отверстій, кромѣ низенькой двери, черезъ которую нужно проходить ползкомъ. Около каждого селенія имѣется кладбище, куда переносятъ кости, когда трупъ, погребаемый сначала подъ хижиной, совершенно разложится; вокругъ умершихъ по цѣлымъ недѣлямъ спрашиваютъ похоронныя пляски. Поля латуковъ очень производительны; тамошній табакъ въ большомъ спросѣ у окрестныхъ племенъ, хотя онъ почти всегда съ примѣсью коровьяго кала. Изъ дикихъ звѣрей въ краѣ считается опаснымъ только леопардъ, часто нападающій даже на человѣка; льва же здѣсь не боятся. Эминъ-бей разсказываетъ, что когда одинъ изъ этихъ царей лѣсовъ попадалъ въ яму, устроенную для леопардовъ, то населеніе тотчасъ же вытащило его оттуда²⁾.

Территорія племени латука, ограниченная на востокѣ горной цѣпью Лофитъ или Лафитъ, поднимающейся на тысячу метровъ надъ равнинами, ограничена на югѣ другими, еще болѣе высокими горами: въ цѣломъ этотъ край представляетъ длинную плодоносную долину, усыпанную деревьями; между ними часто попадается хагликъ, сладкіе плоды которого такъ богаты поташемъ, что ихъ употребляютъ вместо мыла. Селенія довольно многочисленны, и нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ даже имени городовъ. Тарранголе, главный городъ, лежащий въ серединѣ страны Латука, на берегу хора Кохсъ, говорятъ, заключаетъ въ своихъ стѣнахъ не менѣе трехъ тысячъ хижинъ, не считая сараевъ или наїсовъ, подъ которыми помѣщается отъ десяти до двѣнадцати тысячъ головъ скота. Городъ обнесенъ крѣпкимъ палисадомъ, и, кромѣ того, каждый домъ защищенъ еще частоколомъ; въ разныхъ пунктахъ города возвышаются трехъэтажныя сторожевые башенки, на которыхъ по ночамъ стоять часовые, обозрѣвающіе окрестности и готовые

¹⁾ Samuel Baker, „Albert Nyanza“.

²⁾ „Petermann's Mittheilungen“, 1882, № VII.

абить тревогу при малѣйшемъ признакѣ опасности. Въ Тарранголе только одна широкаялица, проходящая черезъ весь городъ; другіе проходы не что иное, какъ кривыя аллеи, гдѣ коровы могутъ входить лишь по одиночкѣ, для того, чтобы ихъ легче было считать и чтобы непріятель не могъ неожиданнымъ нападеніемъ

если только не считать ланго, на Верхнемъ Нилѣ, и хума, на плоскогорьяхъ, тоже представителями этой расы; но на самомъ Бахръ-эль-Джебелѣ и къ западу отъ этой реки не увидишь уже никакихъ другихъ народовъ, кромѣ негровъ. На западъ отъ племени бари, туземцы ніамбара или ніамъ-бари, занимающіе гористую

У-Ганда.—Резиденція Мтезы.

овладѣть большими стадами. Въ сѣверной области края двѣ деревни, Ваккала или Оккела и Лороніо (называемая иначе Латоме, по имени начальника), тоже насчитываютъ значительное число жителей. По словамъ Эминь-бей, женское населеніе тамъ, какъ и въ У-Гандѣ, гораздо многочисленнѣе мужскаго.

Латуки — наидѣлѣ выдвинутое въ восточномъ направлѣніи изъ всѣхъ галласскихъ племенъ,

территорію, которая образуетъ водораздѣльный массивъ между Ниломъ и его притокомъ, Уей,—одноплеменники съ баріями; впрочемъ, идомъ ихъ отличается болѣшимъ разнообразіемъ интонацій, чѣмъ языки соудѣнныхъ племенъ, а также свистящими согласными. Рослые и сильные, какъ и племя бари, ніамбара ходятъ, подобно имъ, пагишомъ; но они увѣшиваютъ себя побрякушками, кольцами и дру-

гими желѣзными украшениями. Нѣкоторые обѣгаются въ «латы»; кромѣ того, женщины всегда носятъ кинжалъ за поясомъ. Въ то время, какъ серги неизвѣстны у большинства принильскихъ народцевъ, ніамбary протыкаютъ себѣ мочки ушей по всей окружности и продѣваютъ въ отверстія серги и стеклянныя колечки: какъ орегонцы Южной Америки, они дѣлаютъ себѣ такимъ образомъ съ каждой стороны лица широкіе пологи, придающіе имъ странную физіономію. Женщины прокалываютъ себѣ также обѣ губы и продѣваютъ въ нихъ кусокъ кварца или, за недостаткомъ таковаго, деревянный цилиндрикъ или обломокъ тротстника; они не носятъ передника, а только кусокъ кожи, листья, иногда гремушку. Въ половинѣ этого столѣтія, до прибытія въ край торговцевъ слововой костью, бивни слона имѣли такъ мало цѣны, что ихъ употребляли только на изгороди для загонокъ скота. Ніамбary охотятся на этого великаны лѣсовъ не такъ, какъ другія племена: охотникъ, спрятавшись въ листвѣ дерева, ждѣтъ, пока загонщики пригонятъ животное подъ тѣтъ сукъ, на которомъ онъ сидитъ съ копьемъ въ руки; вскорѣ же лѣзізный наконечникъ, длиной отъ 60 до 70 центиметровъ, вонзается по самое древко въ спину слона, производя глубокую рану, почти всегда смертельную¹⁾). Ніамбary не только искусные охотники: они, кромѣ того, очень хорошо обрабатываютъ свои поля и сады, и разводятъ ульи вокругъ своихъ хижинъ; какъ кузнецы, они не уступаютъ белевіанскимъ барі. Одно изъ ихъ главныхъ селеній носятъ имя племени (Ніамбара); оно лежитъ на высотѣ 620 метровъ, въ котловинѣ, окруженнѣй высокими холмами, которые соединяются боковымъ развиленіемъ съ щѣпью горъ, господствующихъ надъ Ниломъ, отъ Муги до Дуфиле; пики Кугу, похожіе видомъ на пирамиды, поднимаются надъ ніамбарскими равнинами, погруженными основаніями въ море зелени. Во многихъ мѣстахъ страны есть горячіе источники, которыми пользуются какъ туземцы, такъ и арабскіе купцы.

Изъ всѣхъ народовъ, живущихъ на берегу реки Бахръ-аль-Джебель, денка или динка, называемые также дженгъ или джанге, занимаютъ обширную область; территорія ихъ исчисляется въ сотню тысячъ квадратныхъ километровъ, и племена ихъ или независимые роды насчитываются десятками: наиболѣе извѣстны изъ нихъ тѣ, съ которыми торговцы приходятъ въ соприкосновеніе, какъ-то: тучъ, боръ, киджъ или кичъ, эліабъ, прибрежные жители Нила, и ваджъ, рекъ, афоджъ, обитающіе западнѣе, на берегахъ притоковъ Бахръ-аль-Газала («Рѣка Газелей»); другіе народы племени денка тоже живутъ на правомъ берегу Бахръ-аль-Абіада, ниже

слиянія его съ Собатомъ. Но, несмотря на то, что черезъ земли этого народа пролегаетъ дорога, которую необходимо должны слѣдовать всѣ путешественники, поднимающіеся по Верхнему Нилу или отправляющіеся на покатость Конго, денкасы ни въ чёмъ не измѣнили своего образа жизни, подъ влияніемъ иностранной цивилизациі: они остались по-прежнему вольными людьми въ своихъ саваннахъ или болотахъ и не покупаютъ почти ничего у арабскихъ купцовъ; удой стадъ, плоды сада, зерна и овощи поля достаточны для ихъ пропитанія. Боръ, въ правомъ берегу Нила, въ землѣ племени того же имени,—крѣпостца, построенная египетскимъ правительствомъ для наблюденія за денкасами. Къ послѣднимъ, также какъ и къ племени бари, пріѣзжали католическіе миссионеры изъ Италии и Австріи и основали свое мѣстоѣребованіе ниже Бора, въ Панамѣ или Фаутентумѣ, въ землѣ киджей, на лѣвомъ берегу Нила; но это поселеніе, названное колоніей св. Креста (Santa-Croce, Heiligen Kreuz), пріилось вскорѣ покинуть, по причинѣ болѣзней, опустошившихъ миссію. При томъ же усилии обратить туземцевъ въ христіанскую вѣру были безуспѣшны: единственный результатъ пребыванія патеровъ—собраніе воказуляріевъ и переводовъ, привезенное ими изъ денкскаго края. Проповѣдники ислама также не имѣли успѣха у этихъ принильскихъ племенъ, оставшихся анимистами, какъ большинство другихъ народовъ центральной Африки.

Подобно племени бари, съ которымъ они родственны по языку, денкасы считаютъ за стыдъ носять одежду; они ходятъ голые, предоставляя женщинамъ привязывать звѣриньи шкуры къ поясу; но не гнушаются украшеній, носятъ желѣзныя кольца на рукахъ, на лодыжкахъ, въ ушахъ, украшаютъ голову страусовыми перьями, татуируютъ себѣ лицо для отличія отъ другихъ народцевъ и вырываютъ рѣзцы на нижней челюсти; большинство бреютъ волоса на головѣ, но щеголи разрисовываютъ свою шевелюру такъ, чтобы она походила на прическу европейца, и сообщаютъ ей рыжеватый оттенокъ, смачивая волоса коровьей уриной. Кожа ихъ, въ ея естественной окраскѣ, имѣеть прекрасный блескъ бронзы; но изъ опасенія, чтобы она не попортилась, они почти всегда натираютъ ее маслянистыми веществами¹⁾ и затѣмъ посыпаютъ золой, отчего она получаетъ синеватый цветъ. Такъ какъ они имѣютъ обыкновеніе зажигать по вечерамъ большие костры, вокругъ которыхъ все населеніе проводить целую ночь, вмѣстѣ со своими стадами, чтобы защитить скотъ отъ москитовъ, то деревни усеяны большими кучами золы, въ которыхъ обитатели катаются съ наслажденiemъ. Денкасы восточной области принадле-

¹⁾ Peney, *Bulletin de la Société de Géographie de Paris*, juillet 1864.

²⁾ G. Schweinfurth, цитированное сочиненіе.

лежать къ самымъ великорослымъ изъ африканцевъ; между ними не рѣдкость встрѣтить молодцовъ въ 1,80 метра (немного болѣе двухъ съ половиной аршинъ); особенно идки отличаются высокимъ ростомъ (отъ 1,70 до 1,85 метра¹); но на западѣ, въ бассейнѣ рѣки Бахръ-эль-Газаль, денкасы немногимъ выше средняго роста посѣтившихъ ихъ европейцевъ. Вообще эти туземцы отличаются большой физической силой, хотя они ъѣдятъ обыкновенно только разъ въ день, около заката солнца²). Ноги у нихъ длинныя и тонкія, а походка, какъ у пурпуръ и шилуковъ, обитающихъ также въ болотистыхъ мѣстностяхъ, напоминаетъ походку голенастыхъ птицъ. Когда увидишь денкаса, медленно шагающаго черезъ камыши, поднимаящаго колѣно и осторожно выдвигающаго свои широкія плоскія ступни, невольно приходить на умъ сравненіе съ аистомъ. Подобно золотымъ птицамъ, они усвоили себѣ привычку держаться неподвижно на одной ногѣ, согнувшись другую; они могутъ стоять такимъ образомъ въ продолженіе цѣлаго часа³).

Хотя денкасы живутъ въ періодѣ полваго развитія желѣзного вѣка, какъ о томъ свидѣтельствуетъ предпочтеніе, оказываемое ими орудіямъ изъ этого металла, у нихъ нѣть кузнецовой, по той причинѣ, что аллювіальная почва ихъ страны не содержитъ желѣзной руды; но зато они очень искусные мастера въ разныхъ другихъ ремеслахъ. Любимое ихъ оружіе — панка, за что соѣди въ насыпь проозвали ихъ «палочниками». Они выдѣлываютъ очень ловкіе, гибкіе луки и вырѣзаютъ курьезныя трости съ ручкой изъ раковины, назначение которой состоять въ томъ, чтобы защищать руку, отбивая удары противника; дома они строятъ больше, чѣмъ у соѣднихъ племенъ, а по части кулинарного искусства обладаютъ исключительнымъ талантомъ: въ этомъ отношеніи они, говорять, не имѣютъ себѣ равныхъ во всей Африкѣ. Въ то же время денкасы страстные скотоводы и держать огромныхъ стада; когда скотина заболѣтъ, они отѣдываютъ ее отъ другихъ и лечатъ въ особомъ помѣщеніи, содержимомъ въ образцовой чистотѣ; никогда не убивая крупнаго скота, но иногда подвергая его кровопусканію, чтобы пить кровь, смѣшанную съ молокомъ⁴), они ъѣдятъ только мясо животныхъ, умершихъ отъ болѣзни или случайно. Кажется, что, несмотря на такой заботливый уходъ, коровы вырождаются въ край, можетъ-быть, по причинѣ неблагопріятныхъ климатическихъ условій, или, какъ полагаетъ Швейнфуртъ, вслѣдствіе недостатка

скрещиванія между расами и совершиеннаго отсутствія соли въ кормѣ, даваемомъ скоту. Изъ сотняживотныхъ едва ли найдется одно, у котораго хватить силы перейти изъ одного мураха (огороженное мѣсто для скота) въ другой и перенести выюкъ, какіе носятъ баггараискіе волы. Впрочемъ, денкасскія коровы — очень красивыя животныя, съ тонкими рогами, хорошо очерченной головой, такъ что ихъ почти можно принять за антидопъ. Тамошніе бараны замѣчательны гравой, покрывающей плечи, шею и грудь, тогда какъ на тѣлѣ и на хвостѣ шерсть очень короткая; они походятъ на меленькихъ бизоновъ. Денкасы держать также козъ: это единственное животное, которое они убиваютъ на мясо. Народъ пастушескій, живущій небольшими группами среди степей, денкасы не имѣютъ культа публичнаго или частнаго; впрочемъ, помнѣнію некоторыхъ путешественниковъ, многие мѣстные обычай заставляютъ предполагать существованіе у этого народа религіи, имѣющей сходство съ религіей арійцевъ Семирѣчевской области. Почитаніе коровы, простирающееся до того, что каль и моча ся старательно собираются для всякаго домашнаго употребленія и даже для приготовленія приправы къ кушаньямъ, составляеть, какъ полагаютъ, остатокъ древнаго культа. Подобно шилукамъ и бари, денкасы питаются также особенное уваженіе къ змѣямъ, которыхъ они называютъ «братьями». Убить это пересмыкающееся имъ кажется преступленіемъ. Швейнфунта увѣрили, что въ каждомъ жилищѣ домашнія змѣи извѣстны индивидуально главамъ семьи и знать свою кличку, подползая къ тому, кто назоветъ ихъ по имени.

Большая рѣка Уей, которая береть начало въ «Голубыхъ горахъ», на незначительномъ разстояніи отъ Верхняго Нила и земли Мади, и описавъ большую дугу къ западу черезъ болотистыя долины, соединяется съ Ниломъ ниже станціи Габа-Шамбе и развѣтвленія Бахръ-эль-Зарафа (Жирафовой рѣки), пересѣкаетъ въ своеемъ теченіи страны, населенія которыхъ, какуаки, фаджеллу, кедеру, принадлежать по большей части къ той же группѣ народовъ, какъ бари и денка. Но между племенами этого бассейна есть по крайней мѣрѣ одно, именно племя идю или макрака, которое отличается отъ соѣднихъ народцевъ какъ языкомъ, такъ наружностю и нравами. Эти туземцы принадлежать къ довольно многочисленной націи а-занде или ніамъ-ніамъ, область которой простирается главнымъ образомъ на юго-западѣ, въ бассейнѣ Конго. Макраки (макараки), то есть «людоѣды», въ самомъ дѣлѣ заслуживаютъ такого названія, какъ это удостовѣreno свидѣтельствомъ Швейнфурта, подтверждающимъ разсказы купцовъ; но, взятые въ массѣ, они несомнѣнно стоять выше окружающихъ негровъ. Цвѣтъ кожи у нихъ черный съ красно-

¹) R. Bechta, „Petermann's Mittheilungen“, 1881 № II.

²) Beltame, „Il fiume Bianco e i Deoka“.

³) Th. von Heuglin, „Ergänzungsheft zu Petermann's Mittheilungen“, № 15.

⁴) Wilson and Felkin, цитированное сочиненіе.

ватымъ отливомъ; носъ менѣе сплюснутъ, скулы менѣе выдаются, лицевой уголъ болѣе развитъ, чѣмъ у ихъ сосѣдей, растительность на тѣлѣ менѣе рѣдкая, чѣмъ у большинства обитателей Нигрии; волоса у нихъ длинные и почти шелковистые: при помощи зерентъ и разныхъ ингредиентовъ, извлекаемыхъ изъ деревьевъ, они придаютъ своей шевелюрѣ самыя причудливыя формы; въ этомъ отношеніи они не уступаютъ племени мади въ изобрѣтательности и кокетливости. У нихъ нѣть обычай вырывать себѣ рѣзы, какъ это дѣлаютъ соцѣднія негритянскія племена; но эти туземцы, единственныя между не-мусульманскими жителями страны, практикуютъ обрѣзаніе: оттого ихъ считаютъ въ нѣкоторомъ родѣ магометанами, хотя они вовсе не исповѣдуютъ ислама, и это религиозное полу-братство было одной изъ причинъ, почему египетскіе губернаторы избирали ихъ для вербовки своихъ войскъ; главная же причина этого выбора—страхъ, который макраки внушаютъ населенію своей храбростью, и который, до недавняго времени, поддерживался ихъ репутацией людоѣдовъ. Купцы, разѣзжавши по странѣ, часто должны были вступать въ вооруженную борьбу съ макраками, при чемъ имъ недостаточно было побѣдить мужчинъ, но еще нужно было одолѣть и женщинъ, также находившихся въ числѣ сражающихся. Этотъ наименѣйшій народецъ отлично воздѣлываетъ землю и обладаетъ значительнымъ развообразіемъ культурныхъ растеній. Хотя территорія его не обширна, но матеріальное благосостояніе, которымъ онъ пользуется, поставило его на первое мѣсто между племенами края, и одна изъ *мудирій* (губерній), учрежденныхъ египетскимъ правительствомъ, названа по имени этого народа, хотя она заключаетъ въ своихъ предѣлахъ, кроме макараковъ, много другихъ группъ населенія.

Самую обширную территорію въ бассейнѣ рѣки Уей, выше земли племени денка, занимаетъ нація мору, одинъ народецъ которой, хорошо изученный путешественникомъ Фелькиномъ¹⁾, носитъ имя мади, какъ большое племя, обитающее на берегахъ рѣки Бахръ-эль-Джебель. Мало отличающаяся нравами отъ бари и денка, мору тоже ходятъ голые и не носятъ никакихъ украшеній, кроме желѣзныхъ колецъ; отличительнымъ признакомъ ихъ расы служатъ десять чертъ, накалываемыхъ на лбу; камни, складываемые на ихъ могилахъ, имѣютъ такую же форму, какъ долмыны, находимыес въ Бретани. Очень сильные, мору употребляются въ качествѣ носильщиковъ на всѣхъ станціяхъ Страны Рѣкъ; какъ земледѣльцы и садовники, они тоже очень искусны, и около каждой хижини есть огородъ, гдѣ грядки дѣлаются очень

узкія и высокія (аршина въ полтора вышины), для того, чтобы можно было сажать овощи, полоть и поливать, не нагибая спины. Старый порядокъ общаго владѣнія и пользованія не исчезъ окончательно у этого народа и не во всѣхъ случаяхъ замѣненъ частной собственностю. Такъ, напримѣръ, пиво, которое варятъ женщины, принадлежитъ всѣмъ: оно ставится въ общественное зданіе, и всякий жаждущій, все равно, мѣстный житель или прохожій, можетъ пить его въ волю, но никто не беретъ пива на выносъ, никто не злоупотребляетъ даровыми напиткомъ: пьянство тамъ неизвѣстно. Въ хорошую погоду всѣ обитатели деревни, мужчины и женщины, обѣдаютъ вмѣстѣ, при чемъ дѣти прислуживаютъ за столомъ. Вѣжливость составляетъ одну изъ добродѣтелей, особенно заботливо соблюдаемыхъ морусами. Женщины пользуются у нихъ почетомъ, особенно тѣ изъ нихъ, которая занимаются лечениемъ (впрочемъ, говорять, гораздо болѣе толково и успѣшно, чѣмъ мужчины); лекарка всегда провожается до самой двери ея жилища главою той семьи, которую она почила своимъ посѣщеніемъ. На воспитаніе дѣтей смотрѣтъ какъ на главный долгъ племени: мальчики и девочки пріучены оказывать почтеніе старшимъ и молчать передъ ними; они обучаются пляскамъ, пантомимамъ, упражняются въ играхъ, развивающихъ силу и ловкость, учатся владѣть оружиемъ, и, выбирая отца за мишень, пускаютъ въ него изъ лука стрѣлы съ тупымъ концомъ. Дѣти водятъ въ лѣсъ и нарочно даютъ имъ заблудиться, затѣмъ издали наблюдаютъ за ними, чтобы видѣть, какъ они станутъ отыскивать дорогу въ деревню. Воспитаніе завершается путешествіями. Въ десятилѣтнемъ возрастѣ дѣти покидаютъ родительскій домъ, чтобы посѣтить дальнихъ друзей изъ той же націи или у другихъ народцевъ, и такимъ образомъ совершаютъ свое «кругосвѣтное путешествіе», знакомясь съ нравами и обычаями другихъ племенъ и народовъ. Въ случаѣ, если молодая дѣвушка утомится отъ продолжительного пути, братья отводятъ ихъ домой, а сами продолжаютъ свою одиссею. Жеиъ они ищутъ также на чужбинѣ, особенно у наимбаровъ, такъ какъ экзагамія составляетъ общее правило у морусской націи, тогда какъ у барievъ она неизвѣстна. Когда молодой морусъ выглядитъ себѣ подходящую дѣвушку, онъ подходитъ къ ней и обвиваетъ ей руку гирляндой листьевъ; если она приметъ этотъ подарокъ, парень можетъ надѣяться, и между родителями начинаются переговоры о бракѣ²⁾.

Главное населенное мѣсто территоріи Мору—деревня Мади (Амади), лежащая на лѣвомъ берегу р. Уей и на караванной дорогѣ

¹⁾ "Proceedings of the R. Society of Edinburg", session 1883—84.

²⁾ Emin-bey, "Petermann's Mittheilungen", 1883, № VII.

между Ладо и Демъ-Сулейманъ, посреди просовыхъ и кунжутныхъ полей, простирающихся на необозимое пространство. Это одинъ изъ торговыхъ центровъ между долиной Нила и землей племени монбутту: официальные отчёты подробно говорятъ о числѣ центнеровъ слоновой кости, покупаемой тамъ чиновниками египетского правительства, но умалчиваютъ о другой, болѣе важной статьѣ торговли, о невольникахъ, захватываемыхъ между мирнымъ населеніемъ страны. До недавняго времени мѣстечко Мади посыпало также большое число евнуховъ въ города на Нижнемъ Нилѣ и въ Аравію. Разсказываютъ, что торговцы невольниками старались особенно захватывать въ цѣль и кастрировать начальниковъ племени, которые не потворствовали ихъ торговлѣ человѣческимъ мясомъ. Неудивительно, что одинъ видъ «турка» наводитъ страхъ на чернокожихъ этихъ мѣстностей; примѣтить незнакомца, дѣти разбѣгаются съ криками ужаса.

Рѣка Роль, текущая, подъ разными названіями, параллельно р. Уей и теряющаяся, наконецъ, въ нильскихъ болотахъ, выше травяныхъ преградъ, проходитъ черезъ территорию многочисленныхъ племенъ, неимѣющихъ между собой никакой политической связи, какъ-то азукайя, лори, леси, белли, джири. Въ землѣ агаровъ, принадлежащихъ къ большой націи денка, на правозѣ берегу рѣки есть настоящій городъ, обнесенный палисадомъ и окопанный рвомъ,—Аякъ или Дуфалла; хижины, построенные на высокихъ помостахъ, тѣсно скучены внутри ограды, и цѣлый поясь пригородныхъ деревень окружаетъ эту зерибу. Къ сѣверо-западу отъ Аяка, далеко отъ рѣки, въ холмистой равнинѣ, покрытой воздѣлаными полями, находилась другая зериба, основанная арабскими купцами: это городъ Румбекъ, называемый иначе Роль, какъ же, какъ рѣка и главное прибрежное племя; онъ служитъ администрацинымъ центромъ египетского округа. По Фелькину, въ городѣ около трехъ тысячъ жителей, а населеніе ближайшихъ деревень простирается до тридцати тысячъ душъ. Въ городѣ Роль ношеніе одежды считается привилегіей религії; за исключеніемъ женщинъ, вышедшихъ замужъ за арабовъ, ни одна не имѣетъ права показываться на улицѣ одѣтой.

На западѣ, большая нація бонго, называемая иначе дорь или деравъ, населяетъ, къ сѣверу отъ ніамъ-ніамовъ, холмистыя равнины, орошаемыя рѣками Джау, Тонджъ, Діуръ, Бонго и ихъ многочисленными притоками. Швейнбургъ, прожившій два года среди племени бонго, разсказываетъ, что до прибытія торговцевъ невольниками численность этихъ туземцевъ должна была доходить до трехсотъ тысячъ душъ, теперь же населеніе убавилось до двоихъ трети. Раздѣленныя иѣкогда на безчисленные маленькия независимыя общины, жив-

шія въ мирѣ одна съ другой, бонгосы не научились соединяться, чтобы общими силами отражать нападенія враговъ; когда явились непроторговцы со своими шайками, вооруженными винтовками, они легко овладѣли населенными мѣстами равнины, учредили свои зерибы на стратегическихъ пунктахъ, и вскорѣ весь край былъ въ ихъ власти: можно было думать, что черезъ иѣсколько лѣтъ исчезнетъ вся нація бонго, — такъ быстро рабство и угнетеніе обезлюдили страну; мѣстная цивилизація стала приходить въ упадокъ, иѣкоторые роды про мышленности были покинуты. Швейнбургъ задавалъ себѣ вопросъ: не прекратить ли эта оригинальная раса, представляющая такъ много любопытнаго и въ физическихъ чертахъ, и въ нравахъ, своего существованія въ тотъ самый моментъ, когда она только-что была впервые открыта для науки? Кажется, однако, что въ это послѣднее время край сталъ оправляться и приходить въ прежнее цвѣтущее состояніе, благодаря иѣсколькимъ годамъ мира; къ сожалѣнію, ему снова грозятъ набѣги арабовъ и союзныхъ съ ними племенъ. Семьи бонгосовъ довольно многочисленны, можетъ-быть, благодаря относительно позднимъ бракамъ: молодые люди у этихъ народцевъ вступаютъ въ бракъ не ранѣе пятнадцати-семнадцатилѣтняго возраста ¹), тогда какъ у ихъ сосѣдей брачные союзы обыкновенно заключаются въ тринацдцать или четырнадцать лѣтъ.

Бонгосы составляютъ совершенный контрастъ со своими сѣверными сосѣдями, денкасами, хотя языки тѣхъ и другихъ какъ будто указываютъ на иѣкоторое сродство. Они далеко не такъ черны, какъ послѣдніе, то-есть денкасы; кожа у нихъ краснобурая, почти такого же цвѣта, какъ желѣзистая почва террасъ этой страны, понижающейся уступами въ сѣверномъ направлениі ²). Менѣе рослые, чѣмъ денкасы, они сильнѣе ихъ, болѣе коренасты; ноги у нихъ не такія длинныя и поджарыя, какъ у обитателей болотъ, напоминающихъ въ этомъ отношеніи голенастыхъ птицъ: напротивъ, они отличаются сильно развитой мускулатурой ляшечъ и икръ; особенно у женщинъ огромныя бедра, и походка ихъ напоминаетъ походку животнаго; хвостъ, которымъ они любятъ украшать себя и который болтается при каждомъ шагѣ, еще болѣе увеличиваетъ сходство съ животнымъ. Тогда какъ у денкасовъ голова узкая и длинная, бонгосы всѣ брахицефалы: черепъ у нихъ почти круглый; по утвержденію Швейнбурга, ни одинъ народъ не имѣеть болѣе высокаго головнаго показателя; кажется, впрочемъ, что въ иѣкоторыхъ округахъ матери искусственно, посредствомъ сдавливанія головы, придаютъ желаемую форму черепамъ сво-

¹) Felkin, "Uganda and the Egyptian Soudan".

²) Schweinfurth, — Lupton, "Proceedings of the R. Geographical Society", March 1884.

ихъ дѣтей. Мужчины не ходятъ совсѣмъ нагіе, какъ многіе другіе обитатели Рѣчной области; они прикрываются какимъ-нибудь лоскуткомъ, а желѣзныя кольца, надѣваемыя ими на руку, такъ плотно прилегаютъ одно къ другому, что образуютъ настоящія наручи. Женщины не носятъ передника, онѣ только привязываютъ себѣ къ поясу вѣтку съ листьями или пучки травы; для нихъ самое главное украшеніе—гвозди или металлическія пластинки, продѣваемыя сквозь нижнюю губу; часто встрѣчаешь бонгосовъ, у которыхъ, какъ у бразильскихъ ботокудовъ, губа снабжена такимъ болѣшимъ кружкомъ, что онъ можетъ служить блюдомъ для кушанья; кроме того, франтихи вводятъ себѣ маленькие болты въ спайки губъ, въ ноздри, на всѣхъ выступахъ и складкахъ тѣла; есть такія, что прокалываютъ себя такимъ образомъ въ сотнѣ разныхъ мѣстъ.

По добротѣ, кротости, трудолюбію, бонгосы, можетъ-быть, занимаютъ первое мѣсто между народами Африки. У нихъ есть исключительной страсти къ скоту, какъ у баріевъ и денкасовъ; они занимаются главнымъ образомъ земледѣлемъ, и мужчины, такъ же, какъ и женщины, прилагаютъ всѣ труды и заботы къ возможно лучшей обработкѣ почвы и содержанию пашенъ. Плодородный красноземъ даетъ имъ обильные урожаи табаку, кунжуту, дурры и пищевыхъ растеній. Но, несмотря на это разнообразіе растительныхъ продуктовъ, къ которымъ нужно еще прибавить подземные клубни дикорастущихъ видовъ и грибы, всѣ съѣдобные, бонгосы не брезгуютъ никакимъ мясомъ, свѣжимъ или гнилымъ, исключая собачьяго; они отгоняютъ коршуна, чтобы поживиться добычей—остатками падали, лакомятся внутренностными червями, собираемыми въ брюхѣ быка, ёдять скорпионовъ, личинки термита, все, что ползаетъ и копошится на землѣ; у нихъ, такъ же, какъ у соѣднихъ племенъ, очень распространена привычка ёсть землю. Какъ кузнецы, бонгосы не имѣютъ себѣ равныхъ между африканцами; это они поставляютъ денкасамъ оружіе и разныя украшенія изъ желѣза. Они очень остроумно устраиваютъ плавильныя печи и фабрикуютъ, съ помощью самыхъ простыхъ инструментовъ, издѣлія, не уступающія по чистотѣ работы произведеніямъ европейской промышленности. Какъ нѣкогда жители области Логоне въ бассейнѣ озера Чадъ ¹⁾, они пришли къ мысли употреблять кружки изъ желѣза въ видѣ монеты; со свертками этихъ кружковъ, называемыхъ *кулукъ*, молодой парень является къ родителямъ своей невѣсты, чтобы заплатить условленный калымъ. Очень искусные строители и рѣзчики на деревѣ, бонгосы строятъ себѣ прочные дома, окружая ихъ широкой завалиной, служащей тер-

расой или балкономъ. Вокругъ могилъ начальниковъ племени они втыкаютъ колья, придавая имъ, посредствомъ рѣзца, форму человѣческихъ изображеній, очень похожихъ на божества островитянъ Океаніи; но эти статуэтки бонгосовъ не идолы; онѣ изображаютъ собою мертвыхъ, выходящихъ изъ могилы: это—символы воскресенія. Бонгосы вѣрятъ также въ переселеніе душъ: по ихъ вѣрованію, души старухъ переходятъ въ тѣло генѣ; оттого тамъ никогда не убиваютъ этихъ звѣрей: каждый думаетъ, что, можетъ-быть, встрѣченная имъ генѣа принадлежитъ къ его семье ¹⁾.

Діуры, то-есть «лѣсные люди», «дикари», получили это унизительное прозвище отъ денкасовъ, которые смотрѣть какъ на низшія существа на всѣхъ, кто не богатъ скотомъ; настоящее же ихъ имя луо или льво; это—шилукскіе эмигранты, такъ же, какъ беланда,—племя, переселившееся далеко на югъ, въ территорію ніамъ-ніамовъ; они говорятъ еще шилукскимъ языкомъ, почти никакъ неизмѣнившимся, и вѣкоторые старики имѣютъ традиціонную татуировку. Діуры живутъ на посѣднѣхъ желѣзистыхъ террасахъ нагорья, между территоріями Бонго и Денка; черезъ ихъ страну протекаетъ нѣсколько рѣкъ, изъ которыхъ важнѣйшая носить название племени. По Швейнфурту, общее число діуровъ не превышаетъ двадцати тысячъ душъ; но оно быстро возрастаетъ въ мирное время, такъ какъ семьи, замѣчательныя трогательной взаимной привязанностью всѣхъ членовъ, вообще многочисленны. Діуры, гораздо лучше сложенные, чѣмъ денкасы, принадлежать къ числу голыхъ народовъ, которыхъ первые путешественники причисляли къ «хвостатымъ людямъ»; они обыкновенно носятъ два хвоста, привязываемыя къ поясу. Искусные кузнецы, подобнобонгосамъ, они сами выдѣлываютъ кольца для украшенія рукъ и бедръ, но не слѣдуютъ болѣе шилукской модѣ относительно оружія сложной шевелюры: мужчины и женщины почти всѣ носятъ короткіе волосы. Старые нравы мало-по-малу исчезаютъ: такъ, діуры уже не плюютъ другъ на друга, чтобы заставить лѣстовать взаимное почтеніе ¹⁾). Точно также теперь уже не красуется, какъ было прежде, при входѣ въ каждую деревню, «дерево смерти», увѣшанное головами убитыхъ непрѣятельскихъ воиновъ.

Главная зерига страны, Діурь-Гаттасъ, занимаетъ очень выгодное положеніе въ мѣстѣ соприкосновенія трехъ націй: бонго, діурь, денка, и въ переходномъ поясѣ между болотистыми саваннами и областю холмистыхъ террасъ, гдѣ лѣса чередуются съ лугами. Не дальше какъ въ сотнѣ верстъ къ сѣверо-востоку находятся, при слияніи рѣкъ Діуръ и Момуль,

¹⁾ H. Daveyugier, рукописные замѣтки.

¹⁾ Werne;—Peney;—G. Schweinfurth, etc.

въ лабиринтѣ каналовъ и къ востоку отъ обширныхъ лѣсовъ, селеніе и группа складочныхъ пунктовъ, называемые Мешра-эръ-Рекъ или «Рекская пристань»: здѣсь начинается судоходство по «Рѣкѣ Газелей» и составляются всѣ караваны, проникающіе на югъ, на юго-западъ и на западъ въ «Страну Рѣкъ»; до войны, раздѣлившей области Верхняго Нила и Хартумъ, вверхъ по Бахръ-эръ-Газалю периодически ходилъ пароходъ до пристани Мешра-эръ-Рекъ. Къ сѣверо-западу отъ Діуръ-Гаттасъ слѣдуютъ, одна за другой, другія зербы въ земль Діуръ, изъ которыхъ замѣчательны Кучукъ-Али, гдѣ Джесси одержаль рѣшительную побѣду надъ торговцемъ невольниками Сулейманомъ, и гдѣ находятся прекрасные сады баianовыхъ, лимонныхъ и апельсиновыхъ деревьевъ, посаженныхъ Швейнфуртомъ, и городъ Бау, окруженный большими лѣсами, доставившими Джесси строевой лѣсъ для его флотиліи, спускавшейся внизъ по Діурѣ до пристани на р. Бахръ-эръ-Газаль. На главной дорогѣ, соединяющей Діуръ-Гаттасъ съ Демъ-Сулейманомъ, Джесси установилъ паромы на всѣхъ рѣкахъ.

Къ западу отъ бонгосовъ живутъ племена сере и голо, территоріи которыхъ имѣютъ общую границей рѣку Джи или Панго. Серены, которые граничатъ съ ніамъ-ніамами и долгое время были подвластны имъ, очень походятъ на эту націю западной покатости Африки. Это люди сильные, хорошо сложенные, очень опрятные и очень трудолюбивые: въ ихъ хижинахъ всѣ предметы разставлены въ величайшемъ порядке. Характеръ у нихъ самый счастливый: они никогда не жалуются ни на усталость, ни на голодъ и жажду, и когда имъ нечего есть, они забавляются дѣтскими играми, чтобы заглушить требованія желудка. Изъ всѣхъ невгронъ они самые бѣдные домашними животными (вокругъ ихъ жилищъ увидишь только курь), потому ли, что предки ихъ не приручили животныхъ, или потому, что племя переселенцевъ, пришедшее въ долину рѣки Панго, не привело съ собой скота. Наружнымъ видомъ и произнѣмъ голосы походятъ на бонгосовъ, но говорятъ совершенно другимъ языкомъ. Круглые хижины ихъ покрыты плоской кровлей съ очень широкими краями, которые подпираются рядомъ столбовъ, такъ что кругомъ всего здѣшняго идетъ веранда; стѣны домовъ вымазаны изломъ гієнъ. Житницы уолосовъ очень красивы: онѣ имѣютъ форму вазы, стоящей на широкой скамьѣ, и подвижная крыша ихъ оканчивается султаномъ. Къ западу отъ племени голо живутъ креди или крэджи, по отцову Швейнфурта самые уродливые и наименѣе смѣшливые изъ видѣнныхъ имъ невгровъ: такъ бѣглецы, они бродятъ среди лѣсовъ ма-лочисленными группами. Впрочемъ, эта область, воды которой текутъ на сѣверо-востокъ

въ Бахръ-эръ-Арабъ черезъ Бири и другіе потоки, есть одна изъ тѣхъ, гдѣ расы всего болѣе смѣшивались, не чрезъ добровольныя скрещивания, но чрезъ насильнаго переселенія, прохожденіе солдатъ и торговцевъ невольниками. Даръ-Фертитъ, какъ арабы называютъ эту часть Страны Рѣкъ, до недавняго времени былъ на всемъ его протяженіи однимъ непрерывнымъ станомъ негропромышленниковъ. Названіе Демъ или Дуэмъ, то-есть «городъ», прибавляемое ко многимъ наименованіямъ мѣстъ, указываетъ зерибы или укрѣпленныя станціи торговцевъ невольниками. Одна изъ этихъ станцій, Демъ-Идрисъ, главное мѣсто земли голосовъ, есть одинъ изъ важнѣйшихъ складочныхъ пунктовъ слоновой кости: въ концѣ 1883 года, когда Бондорфу, спутнику Юнкера, удалось ускользнуть на сѣверъ, тамъ скопилось большое количество слоновыхъ бивней. Губернаторъ Лептонъ исчислялъ, что онъ могъ бы отправить въ Хартумъ 125.000 килограммовъ слоновой кости и 15.000 килограммовъ каучука, если бы сообщенія по рѣкѣ не были прерваны восстаніемъ.

Главный городъ «дзэмовъ», Демъ-Зиберъ или Демъ-Сулейманъ, названный такъ по имени двухъ торговцевъ невольниками, отца и сына, могуществѣ которыхъ было ниспровержнуто Джесси въ 1878 году, есть самое большое городское поселеніе въ нильскомъ бассейнѣ выше Хартума; египтяне сдѣлали его столицей провинціи Бахръ-эръ-Газаль; посланники угандинского короля, прибывъ въ этотъ «большой городъ», подумали, что попали въ богатую Англію, про которую имъ рассказывали столько чудесъ. Магазины Демъ-Сулеймана снабжены въ изобиліи европейскими произведеніями, также какъ и мѣстными продуктами, экзотическими плодами и овощами, акклиматизированными въ садахъ окрестностей. Въ этомъ городѣ имѣются даже ювелиры, а тамошніе скульпторы вырѣзываютъ изъ слоновой кости браслеты, рукоятки для сабель и кинжаловъ и разныя другія украшенія, и всѣ изделия ихъ отличаются большимъ вкусомъ; этотъ материалъ подвергается обработкѣ для того, чтобы онъ не подпадалъ подъ дѣйствіе закона, объявляющаго бивни слона собственностью хедива. Демъ-Сулейманъ — единственный городъ въ рѣчной области, гдѣ существуетъ мечеть.

Къ сѣверу отъ Фертита, Джесси избралъ мѣстомъ стоянки гарнизона, на арабской границѣ, городъ Гиффи, лежащий въ сосѣдствѣ большихъ лѣсовъ, около истоковъ ручьевъ, спускающихся къ Бахръ-эръ-Арабу, но вътомъ совершенно пересыхающихъ. Одно изъ сосѣднихъ племенъ, тогой — дикое, безобразное и нравственно испорченное, тогда какъ другіе народы, индери и ширъ, имѣютъ правильныя, по словамъ Фелькина, «почти европейскія»

черты лица и отличаются хорошими нравственными качествами. Деревня Гонду, километрахъ въ сорока къ сѣверу отъ Гиффи—главная твердьня племени ширъ, построенная на вершинѣ холма, возвышающагося метровъ на сто надъ равниной; крутая тропинка извиается по склону горки; но арабскіе завоеватели тщетно пытались взобраться по ней, чтобы овладѣть деревней. Ширы, вооруженные только стрѣлами да камвями, каждый разъ съ успѣхомъ отражали приступы нападающихъ. Оставаясь независимыми и сохранивши гордый, чуждый всякаго раболѣпства, характеръ, эти туземцы не утратили и своей природной добродетели и привѣтливости; завидѣвъ иностранца, входящаго въ ихъ селеніе, они бросаютъ работу и бѣгутъ къ нему на встрѣчу, радостно привѣтствуютъ и угощаютъ яствами и прохладительными напитками. Типъ шировъ нисколько не похожъ на типъ негра; губы у нихъ тонкія, носъ хорошо сформированъ; они патираютъ себѣ тѣло красной охрой, смѣшанной съ деревяннымъ масломъ, чтобъ придаетъ имъ сходство съ одноименнымъ народцемъ, обитающимъ на берегахъ Нила. Подобно мади и другимъ племенамъ верхне-нильской области, они проводятъ значительную часть жизни въ уходѣ за своей шевелюрой¹⁾: ихъ любимая прическа имѣеть форму ореола, состоящаго изъ отдѣльныхъ пучковъ. Къ сѣверу отъ племени ширъ, мандара или мандала составляютъ, со стороны арабовъ баггара, авантуръ негритянскихъ населеній: по словамъ Джесси, это—переселенцы, пришедшие изъ Багирми, близъ озера Чадъ. Убѣгая отъ торговцевъ вевольниками, они избрали себѣ мѣстомъ убѣжища одну изъ странъ, которая, однако, наиболѣе страдали отъ набѣговъ негропромышленниковъ. Это былъ своего рода охотничій паркъ, куда форскій султанъ йзжалъ въ былое время устраивавъ облаву на людей, чтобы захваченной добычей уплатить свои долги²⁾. Мандарасы почти всѣ магометане, какъ и ихъ сосѣди, живущіе на берегахъ р. Бахръ-эль-Арабъ; они не разъ соединялись съ баггаранами и нуэрами, чтобы общими силами дѣлать нападенія на египетскіе гарнизоны Рѣчной области: многія изъ ихъ атакъ были отражены губернаторомъ Лентономъ въ сосѣдствѣ мѣстечка Майнендумъ. Въ землѣ Фертитѣ проходитъ этнографическая граница между народами голыми и народами одѣтыми. Этотъ контрастъ, въ соединеніи съ контрастами природы, поражаетъ путешественниковъ: имъ кажется, что они вступаютъ въ другой міръ.

Въ нижнемъ своемъ теченіи «рѣка арабовъ» извивается по негритянской территории до

¹⁾ Wilson and Felkin, „Uganda and the Egyptian Sudan“.

²⁾ Mohammed el Tounsy, „Voyage au Darfour“, trad. par Perron.

сліянія съ Бахръ-эль-Газалемъ и Ниломъ, въ болотистыя равнини ея береговъ заняты племенами деака, затѣмъ народцами, принадлежащими къ большой и воинственной націи нуэротовъ. Изъ всѣхъ африканцевъ нуэры наиболѣе заслуживаютъ название голенастыхъ, даваемаго жителямъ часто затопляемыхъ земель. Какъ деакасы, и даже въ еще большей степени, они отличаются длинными ногами съ плоскими ступнями, которыя они осторожно ставятъ на тонкую почву и поднимаютъ надъ высокой травой. Ходятъ они нагишомъ, какъ большинство негровъ Рѣчной области; впрочемъ, одѣжда сильно стѣсняла бы ихъ на этой почти всегда сырой почвѣ; но они очень заботятся о красотѣ своей шевелюры, которой они придаютъ красновато-бурый оттѣнокъ, намазывая волосы смѣстью золы съ коровьимъ каломъ; у кого волосы короткіе, тѣ носятъ парикъ изъ ваты, окрашенной въ красный цветъ; они также дѣлаютъ себѣ парѣзки на лбу, а молодые женщины, кроме того, продѣваютъ себѣ сквозь верхнюю губу палочку, на которую нанизаны бусы¹⁾. Нуэры, луга которыхъ выше среднаго уровня наводненій, владѣютъ, какъ и деакасы, большими стадами крупнаго рогатаго скота, которымъ пасутъ очень заботливо; самая торжественная клятва у этого народа—поклясться передъ своимъ быкомъ²⁾. Есть также нуэрская республика, живущая среди болотъ, на островахъ изъ травы и тростника, приносимыхъ рѣкой во время разлива. Подобно водянымъ птицамъ, нуэры питаются рыбой; они ёдятъ также корни, сѣмена нелюмбо; тѣмъ не менѣе всѣ путешественники удивляются, какъ могли эти существа, на половину земноводные, приспособиться къ этой средѣ грязи и гніющихъ веществъ, воспитывать въ ней дѣтей, сдѣлать ее своей родиной. Существовать имъ, должно быть, очень трудно; они вообще довольно угрумы, и чужеземцы рѣдко хвалятся ихъ прѣемомъ.

IV. Бассейны Рѣкъ Собать и Джаль.

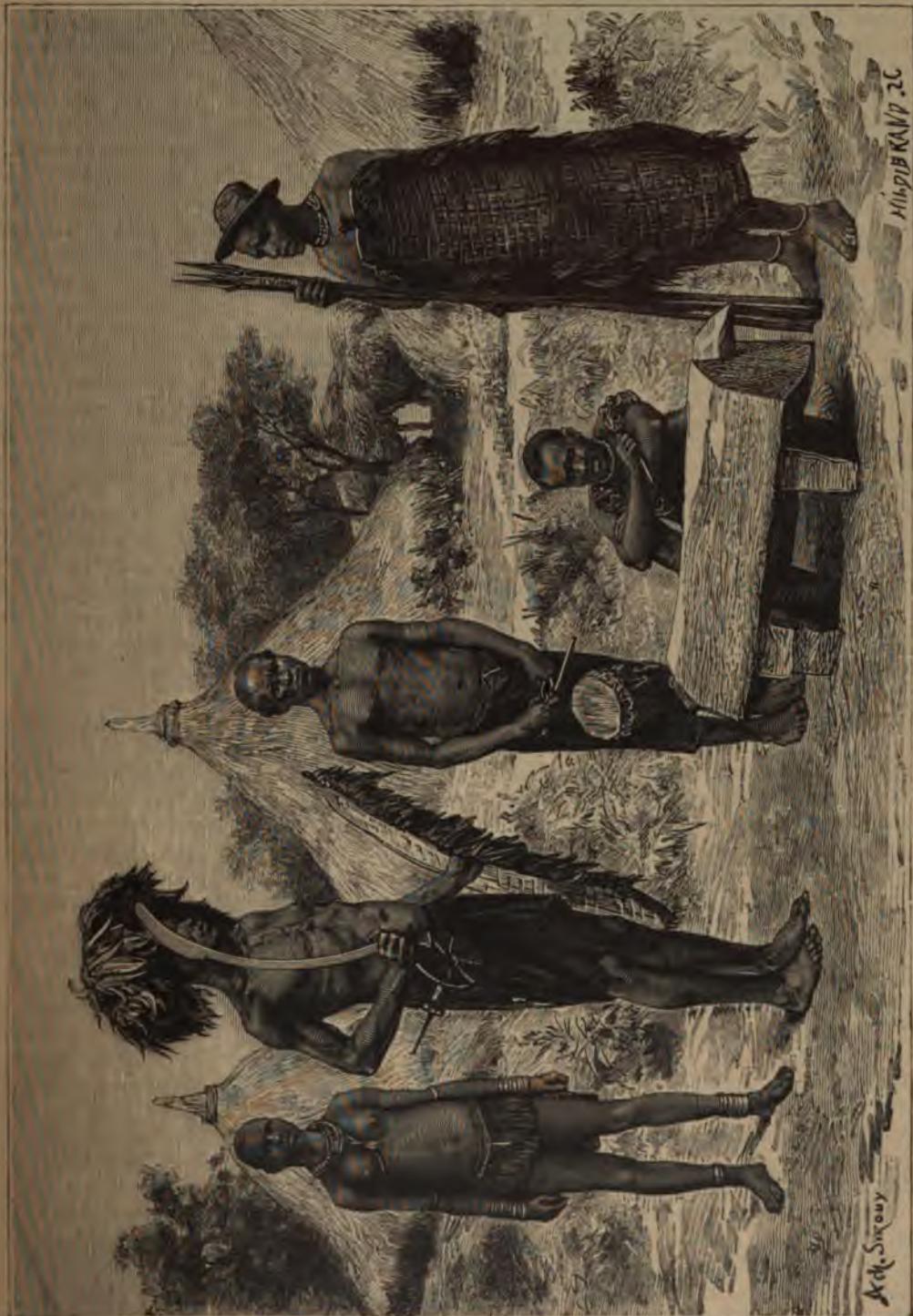
Рѣка Собать, которую многие изслѣдователи принимали за главную вѣтвь Нила, за истинный Бахръ-эль-Абіадъ, и которая, въ самомъ дѣлѣ, катить иногда болѣе значительную массу воды, чѣмъ главная рѣка, получаетъ избытокъ воды весьма обширного бассейна, площадь котораго, по приблизительному исчислению, достигаетъ 150.000 квадр. километровъ,—огромное пространство, которое на картахъ остается еще бѣлымъ или заключаетъ только имена народовъ, поставленные немножко наугадъ, по

¹⁾ A. Kaufmann, „Das Gebiet des Weissen Flusses und dessen Bewohner“.

²⁾ Andrea Debono, „Tour du Monde“, 2-е semestre 1860.

указаниемъ туземцевъ и разсказамъ европейцевъ, прошкавшихъ болѣе или менѣе далеко вънутрь страны. Путешественникъ Дебоне поднимался на баркѣ по этой рѣкѣ на 300 слиш-

ои распространяли арабскихъ купцовъ и туземцевъ и передаютъ ихъ разсказы въ описаніи своихъ путешествій. Джаль или Яль, за рождающейся въ горахъ Амамъ и Берта, подъ

Типы племени макрака.

съ километровъ; одинъ пароходъ доходилъ до пункта, отстоящаго на 230 километровъ отъ юга сѣянія; Антуанъ д'Аббади, Беко и Шуверъ прошли нѣкоторыя побочныя долины, на югѣ склонъ горъ Эзопіи; кромѣ того,

именами Явашъ или Кишаръ—то есть Большая рѣка—еще менѣе извѣстенъ, чѣмъ Собать, въ среднемъ и нижнемъ его теченіи: арабскіе торговцы называютъ его «Собать», тѣмъ же именемъ, какое носитъ гораздо болѣе значи-

тельная рѣка, текущая южнѣе; въ устьѣ онъ бываетъ запертъ песками и только исключительно сухіе годы ¹⁾, каковъ былъ, напримѣръ, 1861-й. Между Джадемъ и Голубымъ Ниломъ, на пространствѣ болѣе пяти градусовъ по широтѣ, Бѣлая Рѣка не получаетъ ни одного притока, текущаго весь годъ. По берегамъ Нила и двухъ его притоковъ растутъ пальмы дедебъ, тамаринды, рощи черного дерева и большие лѣса акацій, которые можно бы утилизировать ради ихъ смолы, но которые употребляются только какъ дерево. Изъ разныхъ породъ этихъ акацій особенно замѣчательна *soffbarz* или акація-флейта (*acacia fistula*), съ бѣлыми, какъ слоновая кость, вѣточками, усаженными чернильными орѣшками, на которыхъ насѣкомое, прокалывая ихъ, оставляетъ дырочки; вѣтеръ, качая деревья, проникаетъ въ эти отверстія, которыя издааютъ пріятный звукъ, напоминающій звуки флейты ²⁾. Около устья Джада лѣса акацій прекращаются, не видно болѣе и огромныхъ баобабовъ; по обѣ стороны рѣки простирается голая степь, гдѣ иногда вдали виднѣется столбъ дыма, поднимающейся изъ арабскаго становища ³⁾.

Огромное большинство населенія въ бассейнѣ Собать принадлежитъ къ негритянской расѣ; галласы встрѣчаются тамъ лишь относительно необширными островами или черезеполосицами. Въ первыхъ равнинахъ, по которымъ протекаютъ верхніе притоки Баро и Гарре, по выходѣ изъ зеюпскихъ горъ, живутъ народцы денка и другіе, искавшиѣ у по-дошвы горъ убѣжища отъ нижнесобатскихъ негропромышленниковъ: подвергаясь смѣшанію вслѣдствіе бѣгства, эти племена образуютъ новыя группы, мало отличающіяся отъ коренного населенія. На югѣ, среди равнинъ, по которымъ протекаетъ рѣка Бако, бродятъ ямбо или гамбо, которыхъ А. д'Аббади, судя по ихъ языку, причисляетъ къ шилукской націи, тогда какъ Шуверь считаетъ ихъ соплеменниками денкасовъ. Еще далѣе, гдѣ почва, постепенно поднимаясь, образуетъ плоскогорье, живутъ другіе народцы, какъ говорятъ, негритянского корня,—киримъ, мала, ишингъ, мапе-малея. Одно изъ этихъ племенъ состоитъ, будто бы, изъ малорослыхъ людей, средній ростъ которыхъ не превышаетъ 1,4 метра.

До недавняго времени на опушкѣ громаднаго лѣса Валлега, который тянется вдоль западнаго основания горъ Эеюоніи, подъ той же широтой, какъ сlijаніе Нила съ Собатомъ, жила группа воинственныхъ народцевъ, называемыхъ общимъ именемъ гамбиль. Главная рѣка, протекающая черезъ ихъ территорію и впадающая въ Собать, носила у нихъ название Команджи или «Коровьей», потому что въ сухое

время года стада ихъ, не находя въ другихъ мѣстахъ травы, скучивались на берегахъ этой рѣки. Чтобы вызвать дождевыя облака, гамбили бросали въ потокъ ободранную корову; чѣмъ далѣе расходилась кровь по поверхности воды, тѣмъ обильнѣе обѣщали быть дожди. Раса этихъ пегровъ была одна изъ самыхъ замѣчательныхъ во всей Нильской области по своей тѣлесной силѣ. Отличительными знаками ихъ племени были два рога газели или козы, привязываемые ко лбу; у нихъ было также обычай вырывать себѣ два переднихъ зуба на нижней челюсти. Но отъ этого народа остались лишь слабые отпрыски. Истребительные войны, внесенные въ страну египетскими «цивилизаторами», распространялись до равнинъ Команджи. Потерявъ скотъ, перешедший въ руки арабскихъ торговцевъ, принильские денкасы бросились на своихъ соудѣй гамбилий, чтобы на ихъ счетъ пополнить свои стада: между двумя націями возгорѣлась неумолимая грабительская война, въ которой гамбили были побѣждены. Нѣкоторые изъ нихъ, углубляясь на востокъ, въ верхнія долины Эеюоніи, пошли просить убѣжища у галласскаго народа лега, но ихъ приняли лишь затѣмъ, чтобы обратить въ рабство; другіе бѣжали въ южныя области, и только немногіе брали еще въ родимыхъ равнинахъ. Главный городъ ихъ, Команджокъ, лежитъ въ развалинахъ, также какъ бывшій ихъ рынокъ Кепель, куда легасы привозили металлы и стеклянныя издѣлія.

Лучше защищенные своими горами, комасы, живущіе къ сѣверо-востоку отъ бывшей территоріи гамбилий, на югъ отъ верхніхъ притокъ Джада, составляютъ значительную націю. Арабы пока еще не пробрались къ нимъ, въ качествѣ купцовъ, и «турокъ» неизвѣстенъ достаточно даже по имени, чтобы можно было опасаться его нападеній. Впрочемъ, комасы—народъ мирный, съ давнаго времени не имѣвшій никакихъ войнъ съ соудѣями. Они плохіе стрѣлки, безъ сомнѣнія, по той причинѣ, что имъ нѣть надобности заботиться о защите отечества, какъ, съ другой стороны, у нихъ нѣть обычая предпринимать экспедиціи для ловли невольниковъ у окрестныхъ племенъ. Но если комасы неискусны въ ратномъ дѣлѣ, то они отличные земледѣльцы, и получаемые ими сборы превосходнаго ямса и зерновыхъ хлѣбовъ не только вполнѣ достаточны для собственнаго продовольствія, но еще даютъ значительный излишекъ; единственный продуктъ, спрашиваемый у нихъ въ обмѣнъ за желѣзо, соль и другие покупаемые ими товары,—дикій медъ, вывозимый доставляемый тамошними лѣсами. Горы Кома, среднія высота которыхъ около 2.000 метровъ, составляютъ одну изъ пріятнѣйшихъ областей Африки по ровному климату, довольно прохладному, чтобы не страдать отъ жары, и довольно теплому, чтобы обходиться

¹⁾ A. Kaefmann, цитированное сочиненіе.

²⁾ G. Schweinfurth, цитированное сочиненіе.

³⁾ Brun Rollot, „Le Nil Blanc et le Soudan“.

безъ одежды и мѣховъ; почва, достаточно покатая, чтобы воды не могли задерживаться, какъ нельзя болѣе благопріятна въ санитарномъ отношеніи; со всѣхъ сторонъ живописные холмы, зеленѣющія долинки, весело журчащіе свѣтлые ручьи представляютъ прелестные пейзажи. Хижины разсѣяны среди деревьевъ—доказательство общей безопасности: ни враги, ни хищные зѣфиры не бродятъ вокругъ жилищъ. Во времена своихъ одиннадцати путешествій по бѣлому свѣту Шуверь нигдѣ не встрѣчалъ людей, которые бы болѣе гармонировали съ окружающей природой своей тихой жизнью, простыми радостями, взаимнымъ доброжелательствомъ. Республикаансія общины комасовъ никогда не воюютъ одна съ другой, и никакая ревнивая власть не мѣшаетъ отдельнымъ семьямъ жить и поступать по своей волѣ: общественное мнѣніе и, въ важныхъ дѣлахъ, рѣшенія народного собранія служатъ правилами для гражданъ. Комасы вырываютъ себѣ верхніе рѣзы; мужчины ходятъ нагіе, какъ большинство ихъ сосѣдей, но нѣкоторые имѣютъ галстуки, ожерелье изъ зубовъ и бусы; женщины одѣваются съ ранняго возраста въ покровы изъ древесной коры и изъ тканей, невѣсты и замужнія женщины носятъ по большей части передникъ, вышитый бисеромъ и кружками изъ скорлупы струсаовыхъ яицъ. Кромѣ того, женщины прицепляютъ себѣ хвосты изъ конской гривы или изъ растительныхъ волоконъ, окрашенныхъ въ красный цвѣтъ; этими хвостами онѣ стегаютъ саміхъ себя, когда го-лосять по покойникамъ. Почти каждое утро, даже до первыхъ пѣтуховъ, слышны ихъ жалобные воспли и причитанія. Тѣла умершихъ, мужчины и женщины, сохраняются въ продолженіе отъ семи до десяти лѣтъ въ особыхъ хижинахъ, устроенныхъ такъ, что туда не могутъ проникать термиты, и время отъ времени родные и друзья покойника приносятъ ему подарки, состоящіе изъ бусъ или соли; когда же кости предадутъ погребенію, всѣ эти вещи продаются съ публичнаго торга, и вырученная сумма идетъ на покрытие издержекъ по устройству общественнаго пиршества¹⁾). Къ сѣверу отъ племени кома верхнія долины рѣки Джаль принадлежать амамамъ, которыхъ Матеуччи называетъ, но несправедливо, «африканскими патагонцами»: росту они, правда, большаго, уступая, однако, въ этомъ отношеніи нуэрамъ и киджамъ, но они такъ успѣшио отражали нападенія египтянъ, что послѣдніе описывали ихъ великанами и прославили людоѣдами. На са-момъ же дѣлѣ эти туземцы походяты нравами на комасовъ.

Сурсы, кочующіе на югъ отъ территории Гамбии, въ сосѣдствѣ Каффы, считаются даже

¹⁾ J. M. Schauer, „Reisen im oberen Nilgebiet, Ergänzungsbefest zu Petermann's Mittheilungen“. № 72.

даниками этого послѣдняго государства: они находятся уже въ кругѣ политического влиянія Эгіопіи; какъ всѣ племена, служащиа дичью абиссинцамъ, они извѣсты у нагорныхъ населеній подъ названіемъ «шангала», но это про-звище вовсе не указываетъ на родство съ сѣверными шангаласами, каковы, напримѣръ, базены. Несмотря на частый приходъ арабскихъ купцовъ, сурсы остаются еще дикими пастухами какъ шилуки. Они ходятъ нагишомъ, за исключеніемъ женщинъ, носящихъ узкій передникъ: только начальникъ племени облекается въ одежду, замѣняющую ему знаки власти. Подобно различнымъ негритянскимъ племенамъ въ бассейнѣ Нила, сурсы выбиваютъ себѣ два зуба на нижней челюсти и втыкаютъ деревянный кружокъ въ нижнюю губу; они прокалываютъ себѣ также хрящъ уха по всей его окружности, чтобы втыкать въ дырочки стебли травы. Такъ же, какъ ихъ цивилизованные сосѣди, жители плоскогорья, они не їѣтъ никакого другаго мяса, кромѣ коровьяго¹⁾.

На Нижнемъ Собатѣ, прибрежные жители, носящіе различные племенные названія,—всѣ нуэры или шилуки; грозные джиббасы²⁾, бонджаки, ниваки, суть группы, отдѣлившіяся отъ этой послѣдней націи; балоки, поселившіеся западнѣе, ндѣкены, живущіе ниже,—нуэры; наконецъ, обитатели нижней долины, близъ сліянія, также шилуки, отдѣленные отъ главной массы націи только теченіемъ Нила. Египетское правительство учредило-было постъ Нассеръ на Собатѣ, въ 200 километрахъ выше сліянія; но такъ какъ расходы по содержанію его вознаграждались только незначительной торговлей, и владѣніе той мѣстностью имѣло лишь фиктивную цѣну, то эта военная станція была покинута въ 1876 году. Въ настоящее время ни Эгіопія, ни Египетъ не предъявляютъ правъ на этотъ обширный неизслѣдованный бассейнъ, который въ политическомъ отношеніи находится еще въ состояніи раздробленности и неустойчивости, происходящихъ отъ беспрестаннаго передвиженія племенъ, вслѣдствіе ихъ переселеній и завоеваній. Но эти нынѣ неизвѣстныи области, черезъ которыхъ протекаютъ Верхній Собатъ и его притоки, безъ сомнѣнія, будуть современемъ въ числѣ наиболѣе посѣщаемыхъ мѣстностей Африки, такъ какъ тамъ именно водораздѣльная возвышенность между Бахръ-эль-Абіадомъ и Индійскимъ океаномъ переходима всего легче; между горами Каффы и вулканическими массивами земли Масай краевая цѣпь мѣстами прерывается, и широкія бреши, занятыя нынѣ сильнымъ населеніемъ галла, служатъ дорогой отъ одного склона къ другому.

¹⁾ Beke, „Journal of the R. Geographical Society“. 1843.

²⁾ Peherick, „Egypt, the Sudan and Central Africa“.

Шилуки, населяющие лѣвый берегъ Нила, ниже «Ярма рѣкъ» и Собата, до острова Абба, на протяженіи слишкомъ 600 километровъ,—по численности одна изъ большихъ націй Африки и единственная, на берегахъ Нила, которая признаетъ *бандо* или короля, властившаго надъ совокупностью племенъ и продающаго въ рабство тѣхъ, кого поражаетъ его правосудие или гаѣвъ. Прибрежный поясъ, обитаемый шилуками, не широкъ, отъ 15 до 20 километровъ, такъ какъ внутреннія равнины заняты бoggарами (баггара или бакара), или «коровниками», то-есть арабами чистокровными или помѣсями, которымъ дали это прозвище по причинѣ ихъ многочисленныхъ стадъ рогатаго скота; но нрава они далеко не такого смиренаго, какъ ихъ животныя: это, напротивъ, грубые и смѣлые наездники, наводящіе страхъ на шилуковъ, которыхъ они тѣснятъ къ берегу рѣки. Судя по результатамъ суммарной переписи, произведенной по распоряженію египетскаго правительства въ 1871 году, послѣ завоеванія края, шилукское населеніе, сравнительно съ плошадью воздѣланной земли,—одно изъ самыхъ плотныхъ въ свѣтѣ: оно распределено въ трехъ тысячахъ деревень, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ отъ 45 до 200 семействъ, такъ что вся нація состоитъ по меньшей мѣрѣ изъ 1.200.000 человѣкъ. Въ Европѣ только окрестности большихъ городовъ, да промышленныя мѣстности имѣютъ такія скученные массы жителей. Это объясняется тѣмъ, что мало странъ, гдѣ бы природа давала въ такомъ изобилии все нужное человѣку. По берегу рѣки мѣстечки слѣдуютъ одно за другимъ въ видѣ одного длиннаго города; самые большия промежутки между селеніями не достигаютъ даже километра: издали съ середины рѣки эти скопленія хижинъ, совершенно похожихъ одна на другую, походятъ на ряды шампиньоновъ: блѣдоватый цилиндръ зданія, круглая сѣрая кровля, которую онъ покрыть, точно шапкой, усиливаютъ иллюзію. По серединѣ каждой деревни оставлено свободное круглое пространство, иѣчто въ родѣ площади, гдѣ обыватели собираются по вечерамъ: лежа на рогожахъ или на воловыхъ шкурахъ, они покуриваютъ табакъ мѣстнаго производства изъ глиняныхъ трубокъ съ длинными чубуками, вдыхая въ себя испаренія дымящихъ навозныхъ кучъ, разжигаемыхъ для удаленія москитовъ. На деревѣ, стоящемъ посреди площади, повѣшены барабаны съ тою цѣллю, чтобы публичные глашатаи могли, въ случаѣ тревоги, тотчасъ же извѣстить жителей сосѣднихъ мѣстечекъ о грозящей опасности¹⁾.

Гартманъ и большинство путешественниковъ, проникавшихъ въ эту принильскую страну, смотрѣть на шилуковъ какъ на типическихъ представителей той группы негритянскихъ

націй, область которой ограничена съ юга бантусами, съ востока галласами и другими населеніями эзопской расы, съ сѣвера нубійцами и обѣрабившимися племенами, съ юго-востока ніамъ-ніамами. Впрочемъ, шилуки много преисходитъ числомъсосѣднія племена, и ихъ нація высылала наибольшее количество роевъ въ разныя части страны. Самыи они пришли, будто бы, съ юго-востока, изъ равнинъ, орошаемыхъ притоками Собата; съ тѣхъ поръ колонисты ихъ расы, луо или діуры, заняли часть юго-западной территории, между бонгосами и денкасами; другіе даже перешли Ниль-Кивира и поселились, подъ именемъ шефalu, въ землѣ племени ва-ніюро; теперь они колонизируютъ на правомъ берегу Нила, ниже впаденія Собата, пространства, опустѣвшія въ странѣ Денка послѣ прохода негропромышленниковъ. На обоихъ берегахъ населеніе было «несмѣтное», непостижимо густое¹⁾, правый берегъ былъ, правда, сравнительно менѣе многолюденъ, но и тамъ слѣдовали одна за другой непрерывнымъ рядомъ сотни денкасскихъ деревень. Всѣ эти селенія были преданы пламени; въ 1862 году одинъ предводитель авантюристовъ, Могамедъ-Герь, соединился съ арабскимъ племенемъ абу-рофъ, населяющимъ, къ западу отъ Сенаара, большую часть междурѣчья двухъ Ниловъ, и страна была совершенно опустошена. Абу-рофы, выстроившись эшелонами у подошвы горъ на огромной линіи, отбивали денкасовъ на Ниль и Собать, гдѣ ихъ сторожили барки негроторговцевъ. Облава увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: ни одинъ чернокожій не избѣгъ плѣна²⁾; цѣлый край въ нѣсколько десятковъ тысячъ квадратныхъ километровъ обратился въ безлюдную пустыню. Послѣ этого понятны угрозенія союсти, которыя часто испытывали такъ трагически кончившій жизнь Гордонъ по поводу того, что онъ содѣствовалъ распространенію въ тѣхъ странахъ «благодѣйній цивилизаціи». «Не хотимъ мы вашіхъ бусть, не хотимъ вашей дружбы. Не нужно намъ вашего покровительства; обѣ одномъ просимъ васъ—уходите поскорѣй!». Такъ говорили ему делегаты одного племени, которое онъ присоединилъ къ Египту.

Несмотря на продолжительное соприкосновеніе съ арабами-мусульманами, шилуки сохранили свои нравы и религію. Подобно племенамъ бари и денка, они отказались отъ одежды, которую имъ предлагали пріѣзжіе купцы изъ Хартума, и покупаютъ только украшения изъ стекла или металла; однѣ женщины носятъ тельячу шкуру, привязываемую къ поясу. У бѣдняковъ одежду замѣняетъ слой золы, которую они намазываютъ себѣ тѣло, такъ что ихъ издали можно узнать по сѣрому цвету; богатые покрываютъ себѣ тѣло коровьимъ каломъ. Какъ

¹⁾ F. Werne, „Expedition zur Entdeckung der Quellen des Weissen Nil“.

²⁾ Guillaume Lejean, „Les deux Nils“.

всѣ другія прибрежныя населенія Бѣлой рѣки, шилуки придаютъ своей шевелюрѣ, изукрашенной травой и цветами, самыя причудливыя формы — пѣтушаго гребня, опахала, ореола, каски, даже пляпы съ широкими полями; увида Швейнфурта, прѣѣхавшаго въ широкополой кастрюльной шляпѣ *à la Bolivar*, туземцы привѣтили его сначала за одного изъ своихъ и разинули рты отъ удивленія, когда онъ снялъ шляпу. Форма волоснаго зданія всего чаще зависитъ отъ материнской фантазіи; матери еще во время кормленія грудью обдѣлываютъ ребенка волоса съ помощью глины, смолы, ко-

дить, не тронувъ мнимаго мертвѣца. Шилуки вѣрять въ сверхъестественное, но мало имъ занимаются: они чтутъ предка, считая его въ то же время за бога и творца всего сущаго, вызывають къ рѣкѣ и омываются въ ея святой водѣ; говорить не иначе, какъ съ трепетомъ о духахъ умершихъ, летающихъ въ воздухѣ, забирающихся въ стволы деревъ, въ тѣла животныхъ¹). Порядокъ престолонаслѣдія у нихъ довольно своеобразный; власть переходитъ не отъ отца къ сыну, а къ сыну сестры или какому-нибудь другому родственному по женской линіи; пока новый король не провозглашенъ,

Типъ шилукскаго племени.

ровьяго кала, золы; затѣмъ мальчику или девочкѣ остается только поддерживать шевелюру въ томъ видѣ, какой ей приданъ заботливой родительской рукой. Хорошіе звѣроловы, шилуки, подобно баггарамамъ, охотятся на страусовъ; они умѣютъ даже воспитывать эту птицу, и молодые страусы клюютъ зерна вокругъ ихъ гнезда, какъ цыплята¹). Изъ животныхъ эти туземцы всего больше боятся буйвола; когда нельзя избѣгнуть встречи съ разыреннымъ зверемъ, они ложатся лицомъ къ землѣ и притворяются мертвыми; буйволъ вѣсколько мигомъ обнюхиваетъ лежачее тѣло, затѣмъ ухо-

тѣло скончавшаго государя остается запертымъ въ его токуль: дочери его не имѣютъ права вступать въ бракъ: имъ отводится особая деревня, съ воспрещеніемъ отлучки изъ мѣста жительства.

Въ шилукской территории египетское правительство основало, въ 1867 году, столицу своей провинціи Бахръ-эль-Абiadъ, городъ Фашоду. Хотя резиденція короля шилуковъ, въ то время это была просто кучка соломенныхъ хижинъ, деревня Деиабъ; теперь это — четырехугольная крѣпость довольно внушительного вида, окруженнная соломенными постройками, мага-

¹⁾ Gessi, „Esploratore“, aprile 1884.

¹⁾ Gessi, „Esploratore“, aprile 1884.

зинами и загородами; но въ началѣ 1884 года городъ совершенно опустѣлъ: вспыхнувшая война выгнала изъ него всѣхъ жителей. Въ это мѣсто египетское правительство посыпало тѣхъ, кто былъ обреченъ на вѣчную ссылку. Фашода лежитъ на лѣвомъ берегу Нила, въ хорошей стратегической позиції, на излучинѣ, которую описываетъ эта рѣка, чтобы спуститься къ сѣверу, послѣ соединенія съ Бахръ-эзъ-Зарафомъ и съ Собатомъ. Мѣсто сліянія послѣдняго съ Ниломъ защищается на востокѣ постомъ Тауфікія, названнымъ такъ въ честь хедива, на западѣ—деревней Собать, официа́льно основанной въ видахъ наблюденія за негроторговцами. Кака, до недавнаго времени главный невольничій рынокъ на Верхнемъ Нилѣ, есть важайшій геллетъ или городокъ цилукскаго края; онъ лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки, около сѣверной оконечности террито́рии, занимаемой этой націей.

V. Э є і о п і я.

Название Э є і о п і я, подобно многимъ другимъ географическимъ выраженіямъ, не разъ мѣняло значение въ теченіе вѣковъ. Такъ же, какъ терминъ «Ливія», название это служило нѣкогда для обозначенія всего африканскаго континента; оно имѣло даже болѣе обширный смыслъ, такъ какъ примѣнялось ко всѣмъ вообще южнымъ странамъ, со включеніемъ Индіи, ко всѣмъ землямъ «жаркаго» пояса, гдѣ обитаютъ «люди, покернѣвшіе отъ солнца»: таково точное значение слова, которымъ они обозначаются. «Населенія Э є і о п і, самыя отдаленные въ свѣтѣ,—говорить Гомеръ—живутъ одни къ восходу, другіе къ закату солнца». «Мудрые», обитающіе въ области Верхняго Нила, и считающіе въ своей средѣ макробѣйцевъ или «долговѣчныхъ», люди наиболѣе приближающіеся къ золотому вѣку нравами и учрежденіями, тѣ «добрѣтельныя существа, празднства и пиршества которыхъ удостоивались посѣщать самъ Зевсъ»,—люди эти называются у Геродота э є іопами; но отецъ исторіи называлъ тѣмъ же именемъ и западныхъ негровъ, которые по степени цивилизациіи едва возвышались надъ животными. Однако, но мѣрѣ того, какъ увеличивалось знакомство съ Африкой, терминъ «Э є і о п і» принималъ болѣе определенный смыслъ и прилагался къ менѣе обширному пространству. Въ наши дни онъ примѣняется только къ гористымъ странамъ, образующимъ водораздѣлъ между Краснымъ моремъ, Аденскимъ заливомъ и Среднимъ Ниломъ. Это та область, которую арабы называютъ Хабешъ, — слово, передѣланное европейцами въ Абиссинію; но это наименование, которому приписываютъ уничижительное происхожденіе, такъ какъ оно означаетъ «сбродъ», «массу или

толпу», съ неудовольствіемъ принимается туземцами, знающими арабскій языкъ. «Итіоша-віанъ», то-есть э є іопецъ или э є іопъ,—такъ имѣютъ себѣ, въ гордомъ сознаніи славнаго прошлаго своего отечества, обитатель плоскихъ возвышеностей, откуда спускаются Голубая рѣка и другіе большия притоки Нила. Тѣмъ не менѣе, название Абиссинія, какъ название Германія и многія другія географическія наименованія, отличныя отъ тѣхъ, которыхъ сами жители даютъ своей странѣ, получило у иностранцевъ силу обычая, которую нужно принимать въ разсчетъ, чтобы быть понятымъ.

Перемѣны границъ, происходящія вслѣдствіе превратностей войнъ и завоеваній, долго мѣшали и теперь еще мѣшаютъ тому, чтобы названія Абиссинія и Хабешъ представляли точно определенную политическую индивидуальность. Эти наименованія то примѣняются только къ высокой твердынѣ горъ, центральная впадина которой занята озеромъ Тана, то обнимаютъ всѣ окружающія страны, съ одной стороны до Нильскихъ равнинъ, съ другой—до береговъ Краснаго моря: въ обыкновенной рѣчи название Абиссиніи употребляется специально въ политическомъ смыслѣ, и предѣлы ея отмѣчаются арміями «царя царей». Слово «Э є і о п і» имѣетъ болѣе обширное значеніе. Съ географической точки зрѣнія, естественные границы этой страны начертаны ливіями высоты, которая въ то же время служить раздѣльными линіями между областями разныхъ флоръ, фаунъ и населеній. Можно сказать вообще, что вся страна треугольной формы, поднимающаяся между Краснымъ моремъ и Ниломъ, надъ цоколемъ въ тысячу метровъ высоты, составляетъ истинную Э є іопію. Со всѣхъ сторонъ вѣнчущіе откосы плоскогорья указываютъ переходный поясъ между э є іопскими землями и окружающими странами. На сѣверѣ, отроги горнаго массива выдвинулись почти до самаго Краснаго моря, оставивъ при основаніи лишь узкую полосу прибрежныхъ равнинъ; на востокѣ, крутые склоны Алыгъ, Тигре, Ласта, Шоа рѣзко ограничены волнообразными равнинами, продолжающимися до самаго моря, которая, кажется, нѣкогда были частію дномъ морскимъ; вдоль подошвы горъ тянутся уади, болота, въ родѣ длинныхъ прудовъ, огибающихъ основаніе недавно выступившихъ изъ-подъ воды скаль. На западѣ отлогости представляютъ болѣе постепенное паденіе: горы, разрѣзанныя на маленькия цѣпи и мысы, понижаются послѣдовательными уступами, сливаясь послѣдними отрогами съ волнообразной поверхностью равнинъ и снова поднимаясь тамъ и сямъ въ видѣ отдельныхъ массивовъ и острововъ горъ сквозь слои аллювіальной формациіи. На югѣ естественные предѣлы Э є іопіи менѣе точны, такъ какъ плоскогорье продолжается въ этомъ направлениі къ возвышеностямъ земли маса-

свь; тѣмъ не менѣе извѣстно, что въ этой области существуютъ невысокіе пороги, позволяющіе легко переходить изъ долинъ, притоковъ Нила, чрезъ р. Собатъ въ долины, воды ко-

возможно опредѣлить съ нѣкоторой точностью протяженіе эгипетскихъ областей. Можно сказать только, что въ ихъ нынѣшнихъ политическихъ предѣлахъ Абиссинія и Шоа заклю-

Водопадъ Мурчисона.

торыхъ текутъ, чрезъ р. Джубу, къ Индійскому океану.

До тѣхъ поръ, пока эти едва извѣстныя страны не будутъ пройдены путешественниками-исследователями во всѣхъ направленіяхъ, не-

чаютъ пространство около 240.000 квадр. километровъ, то-есть пространство, равное половинѣ Франціи. Къ этимъ странамъ слѣдуетъ прибавить, какъ связанныя съ ними географическимъ единствомъ, землю Каффа и часть

Плоскогорья, населенную галласами и другими племенами до раздѣльного порога между реками Собатъ и Джуба.

Пространство и населеніе эоіопскихъ областей (по приблизительному исчислению):

	Квадр. км.	Жителей на 1 квадр. километръ.	
Абиссинія (Тигре, Амрага, Годжамъ и пр.)	200.000	2.000.000	10
Шоа	40.000	1.500.000	37
Земли богословъ, мепсаневъ, бени-амеровъ и др.	70.000	100.000	1
Массова и земля шогосовъ	25.000	50.000	2
Земли афаровъ обоковъ и ассабовъ	100.000	200.000	2
Земли иссанновъ и др.	15.000	60.000	4
Гарраръ и сопѣднія земли	20.000	1.200.000	60
Галласскія государства южной Эоіопіи ¹⁾	160.000	3.500.000	22
	630.000	8.610.000	14

Что касается измѣнностей, прежде зависѣвшихъ политически отъ Эоіопскаго королевства, который простираются на востокъ отъ абиссинскихъ горъ къ Красному морю и Аденскому заливу, то онѣ занимаютъ пространство почти равное пространству собственной Абиссиніи. Вся область, заключающаяся между Ниломъ, степями Така, морскимъ прибрежьемъ, отъ Суакима до Зейлы, и извилистой линіей, образуемой водораздѣльной возвышеністю между бассейнами Ауаша, Голубаго Нила, Собата и притоковъ Индійскаго океана, представляетъ площадь, превышающую 600.000 квадр. километровъ. Обитающее на этомъ пространствѣ населеніе можетъ быть исчислено приблизительно въ девять миллионовъ душъ.

Отличаясь отъ окружающихъ странъ рельефомъ своихъ горъ и плоскогорий, Эоіопія отличается отъ нихъ также климатомъ, растительностью, фауной, населеніемъ, а слѣдовательно и исторіей. Въ этой необъятной Африкѣ, где народы перемѣшиваются точно волны моря, высится, на подобіе острова, высокая крѣпость горъ, составляющая особый міръ. Абиссинцы имѣютъ собственную эволюцію, отличную отъ эволюціи націй, сталкивающихся у основанія ихъ скалъ; войны, обширные перевороты развертывались подъ ними, не достигая ихъ, словно волны, слѣдующія одна за другой у подножія высокаго мыса. Но если Эоіопія, повидимому, живетъ независимой жизнью и медленно воспринимаетъ вліяніе окружающихъ странъ, за то она представляетъ въ своемъ внутреннемъ развитіи замѣчательную аналогію съ умѣренною Европой. Не есть ли это одно изъ любопытѣйшихъ явлений, что жители Эоіопіи один на африканскомъ континентѣ приняли и сохранили ту самую религію, которая, подъ мало отличными формами, господствуетъ у европейскихъ на-

¹⁾ По исчислению швейцарца Ильга, министра Менелика, полѣ пространство Абиссиніи 2.500.000 кв. кил., а населеніе 15 милл.

ци? И не только религіозные догматы, но также политическія учрежденія и нравы свидѣтельствуютъ о нѣкоторомъ сходствѣ между нынѣшнимъ развитіемъ эоіоповъ и средневѣковой исторіей народовъ, живущихъ по другую сторону Средиземнаго моря. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Хабешъ—это африканская Европа.

Но въ теченіе вѣковъ сношенія между Эоіопіей и сѣверными вѣтъ-африканскими странами были рѣдки и мимолетны. Греки впервые встрѣтились съ жителями абиссинскихъ плоскогорій только при Птоломеяхъ; порты, открытые на сосѣдніемъ побережье, служили для обмѣна произведеній, и въ то же время способствовали распространенію греческой культуры, какъ о томъ свидѣтельствуютъ надписи, найденные путешественниками въ различныхъ странахъ Эоіопіи; этимъ же путемъ проникло въ край христіанство, какъ до него іудейство. Многочисленныя преданія сохранились отъ той давнинувшей эпохи, когда господствовало греческое вліяніе, и нынѣшніе эоіопы, несмотря на свидѣтельство путешественниковъ и отдаленное эхо европейской исторіи, склонны еще думать, что греки, смутно смысливаемые имиъ исповѣдниками православной вѣры, — самая могущественная нація въ Европѣ¹⁾). Но вскорѣ послѣ обращенія абиссинцевъ въ христіанство прекратились всякия сношенія между ними и византійцами, и только доходившая чрезъ посредство арабовъ смутная молва напоминала о существованіи этихъ африканскихъ единовѣрцевъ; во времена крестовыхъ походовъ часто ходилъ слухъ, что будто эоіопскій царь собирается идти на помошь своимъ христіанскимъ братьямъ. Однако, разсказы объ этихъ африканскихъ христіанахъ походили скорѣе на легенду, чѣмъ на исторію, и Эоіопія, какъ монгольская нагорья, имѣла свое царство «священника Иоанна», где воображали счастливое населеніе, живущее въ новомъ золотомъ вѣкѣ. Въ продолженіе почти тысячи лѣтъ непосредственныя сообщенія между Европой и Эоіопіей оставались прерванными; они возобновились лишь около 1450 года, благодаря торговлѣ итальянцевъ съ Индіей. Если вѣрить Брюсу, венецианецъ Бранкалоне вѣль богословскіе диспуты съ абиссинскими духовными лицами въ половинѣ пятнадцатаго столѣтія; впослѣдствіи португалецъ Педро Ко-вильяо, выѣхавшій изъ Сантарема въ 1487 году, успѣлъ, въ сопровожденіи другаго Бранкалоне, добраться до двора эоіопскаго царя; но ему не было позволено вернуться въ свое отчество. Въ то же время одинъ эоіопскій богомолецъ, по имени Маркосъ, єздилъ изъ Іерусалима въ Лиссабонъ. Въ слѣдующемъ столѣтіи португальцы проникли на плоскогорье, основали тамъ духовныя и военные заведенія и изслѣдовали

¹⁾ Gerhard Rehfs, „Meine Mission nach Abessinien“.

страну во всѣхъ направленихъ. Однако, отношенія съ Европой не были завязаны окончательнымъ образомъ: португальские патеры, обвиненные въ стремлении къ политическому господству, были прогнаны изъ страны. Правда, вскорѣ послѣ нихъ туда пріѣжалъ, по приглашенію абиссинскаго царя, одинъ французскій врачъ, иѣкто Поясе, но затѣмъ прошло цѣлыхъ семьдесятъ лѣтъ между его короткимъ посѣщеніемъ и путешествіемъ шотландца Брюса, начинающимъ собой эру новѣйшихъ изслѣдований. Съ этой эпохи множество европейцевъ, ученыхъ, купцовъ, авантюристовъ, солдатъ и миссионеровъ, объѣхали страну въ разныx направленихъ; даже военная европейская экспедиція проникла въ самое сердце Абиссиніи. Торговый сношенія все болѣе учащаются, и уже многіе округа плоскогорья наимѣнены изслѣдователями, какъ удобныя мѣста для будущаго переселенія европейцевъ. Но союзъ между расами можетъ ли установиться полюбовно? Или и онъ будетъ предшествуемъ, какъ многія другія смѣщенія, враждебными столкновеніями и истребительными войнами?

Нѣкоторыя части Эфиопіи уже лучше извѣстны географически, чѣмъ всякая другая страна Африки, лежащая виѣ колоній и областей морскаго прибрежья, гдѣ господствуетъ европейское влияніе. Со времени изслѣдованія Брюса многіе путешественники, какъ-то: Сальть, Рюшель, Роше, Ферре и Галинье, Беке, Сането, Крапфъ, Комбъ и Тамизье, Лежантъ, Мунцингеръ, Раффрей, Рольфъ, Гейглинъ, изучали страну и вывезли оттуда наблюденія всякаго рода, профили и карты. Болѣе того— г. Антуанъ д'Аббади воспользовался своимъ двѣнадцатилѣтнимъ путешествіемъ по Эфиопіи, чтобы снять ея геодезический планъ быстрыми, но вѣрными и точными способами, уступающими въ строгости только методамъ триангуляціи, употребляемымъ на досугѣ европейскими геодезистами. На картѣ г. д'Аббади берега Краснаго моря соединены съ горами плоской возвышенности непрерывными цѣпями треугольниковъ, и опредѣлено положеніе по широтѣ и долготѣ около девятисотъ пунктовъ; густая сѣть геодезическихъ линій и маршруты путешественниковъ покрываютъ карту Эфиопіи, и названія различныхъ мѣстностей навесены въ клѣтки этой сѣти безъ большихъ погрешностей¹⁾. Ни одна изъ странъ, гдѣ еще не работали партии топографовъ, не обладаетъ картой, которая могла бы сравниться по точности съ картой, составленной упомянутымъ французскимъ ученымъ. Кромѣ того, детальная съемка были сделаны англійскими офицерами во всей области, по которой прошли британская армія въ 1868 году, отъ бухты Адулисъ до «горы-крепости» Магдалы.

VI. Собственно Абиссинія.

Большинство европейскихъ путешественниковъ, посѣтившихъ возвышенности Абиссиніи, совершили восхожденіе съ восточной стороны, т. е. съ той, откуда эта громада горъ представляеть наиболѣе поразительное зрѣлище. Надъ головой равниной (*самхаръ* или *мудунъ*), отдѣляющей морское прибрежье отъ первыхъ откосовъ плоскогорья, вздымаются одинъ надъ другимъ, въ видѣ куполовъ и пирамидъ, наружные уступы эѳиопской платформы, спаленныя скалы или зеленѣющіе склоны, вершины которыхъ, съ контурами, почти всегда дрожащими въ фиолетовой дымкѣ, сливаются въ одинъ неровный гребень. У выхода овраговъ, разсыпающихся скалистыя массы своими параллельными бороздами, глина равнины смѣняется валунами, обвалившимися камнями, и тамъ въ сямъ показываются одиноко стоящее дерево, чащи кустарника, клочки луговой земли въ низинахъ, гдѣ скапливается дождевая влага, гдѣ проходитъ иногда внезапно появляющаяся и съ шумомъ бѣгущая вода временныхъ потоковъ. Выше вздымаются склоны каменистые или поросшіе лѣсомъ, крутыя стѣны, огибаемыя опасными тропинками. Когда путешественникъ достигнетъ, наконецъ, вершины горы, онъ очутится не на гребнѣ, какъ ожидалъ, а на пастибищахъ почти ровныхъ и устьянныхъ большими деревьями можжевельника. На высотѣ отъ 2.200 до 2.700 метровъ обрисовывается въ профилѣ за краина этого плато, откуда видишь, съ одной стороны, сѣрую и голую равнину, съ другой — странную шахматную доску внутренней Эфиопіи съ ея неравными террасами, установленными неправильными массивами и перерѣзанными глубокими ущельями.

Въ цѣломъ Эфиопское нагорье состоить изъ множества отдельныхъ плато, которыя можно сравнить съ многогранными призмами, образующимися на глинистыхъ поляхъ вслѣдствіе растрескиванія почвы отъ дѣйствія солнечнаго жара. Эти столбообразныя горы, перерѣзанные пронастями и установленные башнями, имѣютъ различную величину: иные образуютъ цѣлые территории, заключающія города и многочисленное населеніе; другія, называемыя *амблами*, суть не что иное, какъ глыбы камня, четыреугольные столбы въ пѣськоѣ сотъ метровъ высоты, въ родѣ *друговъ*, или «неприступныхъ», южной Индіи, или въ родѣ уединенныхъ «камней» Саксонской Швейцаріи. Въ восточной Эфиопіи происхожденіе этихъ амблъ нужно искать въ дезагрегаціи толстаго слоя краснаго или сѣроватаго песчаника, который дѣлится на вертикальныя массы и обнаруживаетъ тамъ и сямъ напластованіе нижнихъ

¹⁾ „Геодезія д'яної части de la haute Ethiopie“.

слоистыхъ породъ и кристаллическое ядро¹⁾. Во внутренней Эфиопіи, и особенно на западѣ, гдѣ преобладаютъ вулканическія формациі, большинство естественныхъ башенъ состоять не изъ песчаника, какъ на восточномъ плато, въ Саксоніи и въ Индіи, но изъ лавы, и оканчиваются на верху базальтовыми столбами, изъ которыхъ иные расположены сходящимися пучками, какъ стволы срубленныхъ деревъ, сложенные въ костеръ, а другіе высятся въ видѣ колоннадъ, какъ храмы акрополя. Призмы, у которыхъ верхняя терраса достаточно обширна, чтобы представлять пахотныя поля и давать начало источникамъ, по большей части служили крѣпостями, и часто случалось, что какое-нибудь племя, какая-нибудь шайка осажденныхъ разбойниковъ оставались цѣлые годы на одномъ изъ такихъ камней, совершенно разобщенные съ остальнымъ міромъ. Другія амбы были выбраны иноками для основания монастырей, и, какъ мѣста священные, служатъ убѣжищемъ преслѣдуемымъ. Наконецъ, самые узкие столбы часто назначаются царемъ, какъ мѣсто заключенія вельможей, влавшихъ въ немилость.

Въ восточной Эфиопіи общая поверхность плоскогорья болѣе изломана, разрѣзана на большее число второстепенныхъ плато и призмъ, чѣмъ въ западной. Большинство частныхъ массивовъ обращены главнымъ откосомъ къ востоку, на западъ же наклоняются болѣе пологими скатами. Это, въ малыхъ размѣрахъ, та же форма, которую представляетъ въ цѣломъ вся страна, круто обрывающаяся на сторонѣ, обращенной къ Красному морю, и повижающаяся длинными скатами къ принильскимъ равнинамъ²⁾). Впрочемъ, только точные инструменты могутъ обнаружить эту общую покатость страны, такъ какъ видъ плоскогорья и возвышающихся надъ нимъ горъ слишкомъ неровенъ, чтобы можно было распознать первоначальный планъ. Амбы, имѣющія разную высоту, обрисовываются на голубомъ фонѣ неба въ видѣ стѣнъ и башенъ; подъ ними, зеленѣющій цоколь плоскогорья мѣстами разрѣзанъ пропастями, крутыя стѣны которыхъ показываютъ издали правильные четыреугольники, образуемые линіями наслойенія и вертикальными трещинами; на эти стѣны опираются откосы обваловъ, въ иныхъ мѣстахъ исполосованные лавинами камней, въ другихъ одѣтые зеленою; террасы, на которыхъ осипались эти обломки, сами, въ свою очередь, ограничены новыми утесами, и гора понижается такимъ образомъ съ уступа на уступъ до зеленѣющей долины, гдѣ извивается ручей. Пейзажи Абиссиніи напоминаютъ пейзажи Скалистыхъ горъ Сѣверной Америки своими, расположенными

¹⁾ H. Saint-Clair Wilkins, „Reconnoitring in Abyssinia“.

²⁾ Antoine d'Abbadie, цитированное сочиненіе.

одна надъ другой, террасами и огромными утесами монументальнаго вида. Недалеко отъ Магдалы восточный край плоскогорья Таланта, говорить, оканчивается вертикальной стѣной изъ базальтовыхъ колоннъ, поднимающейся на 1.000 слишкомъ метровъ¹⁾.

Высота эѳиопскихъ плоскогорій различна; между крайними массивами: на сѣверѣ массивомъ Сименъ, на юго-востокѣ и юго-западѣ массивами Ласта и Годжамъ, среднее возвышение ихъ около 2.400 метровъ. Всѣ мѣстности, достигающія или превосходящія эту высоту, обозначаются именемъ *dега*, аналогичнымъ персидскому *сархадъ* и арабскому *неджедъ*. Ниже 1.800 метровъ, открывающіяся между плато-промежуточными долинами и ущельями, вырытыя горными потоками на различныхъ глубинахъ, называются *куалла*, *колла* или *кулла*, полосы «жаркихъ земель», какъ герсиры въ Персии и техамы въ Аравіи: между этими двумя поясами простирается область или *война-дега*. Во многихъ мѣстахъ крутизна склоновъ производить рѣзкий, почти непосредственный контрастъ между дегами и куаллами, и къ разницѣ рельефовъ присоединяется различіе климата, растительности, санитарныхъ условій мѣстности; водопады, какъ напримѣръ, водопадъ Давезута, близъ Дебра-Таборъ, ниспадающій потокомъ или рядомъ пороговъ изъ одного пояса въ другой. Впрочемъ, названія, употребляемыя для различныхъ областей, имѣютъ лишь относительное значеніе, какъ термины плато и долина: иная сравнительно низкая страна называется дегой сосѣдними жителями, обитающими въ болѣе глубокой куалль; иная дега, напротивъ, считается куаллой въ отношеніи выше лежащихъ деревень²⁾.

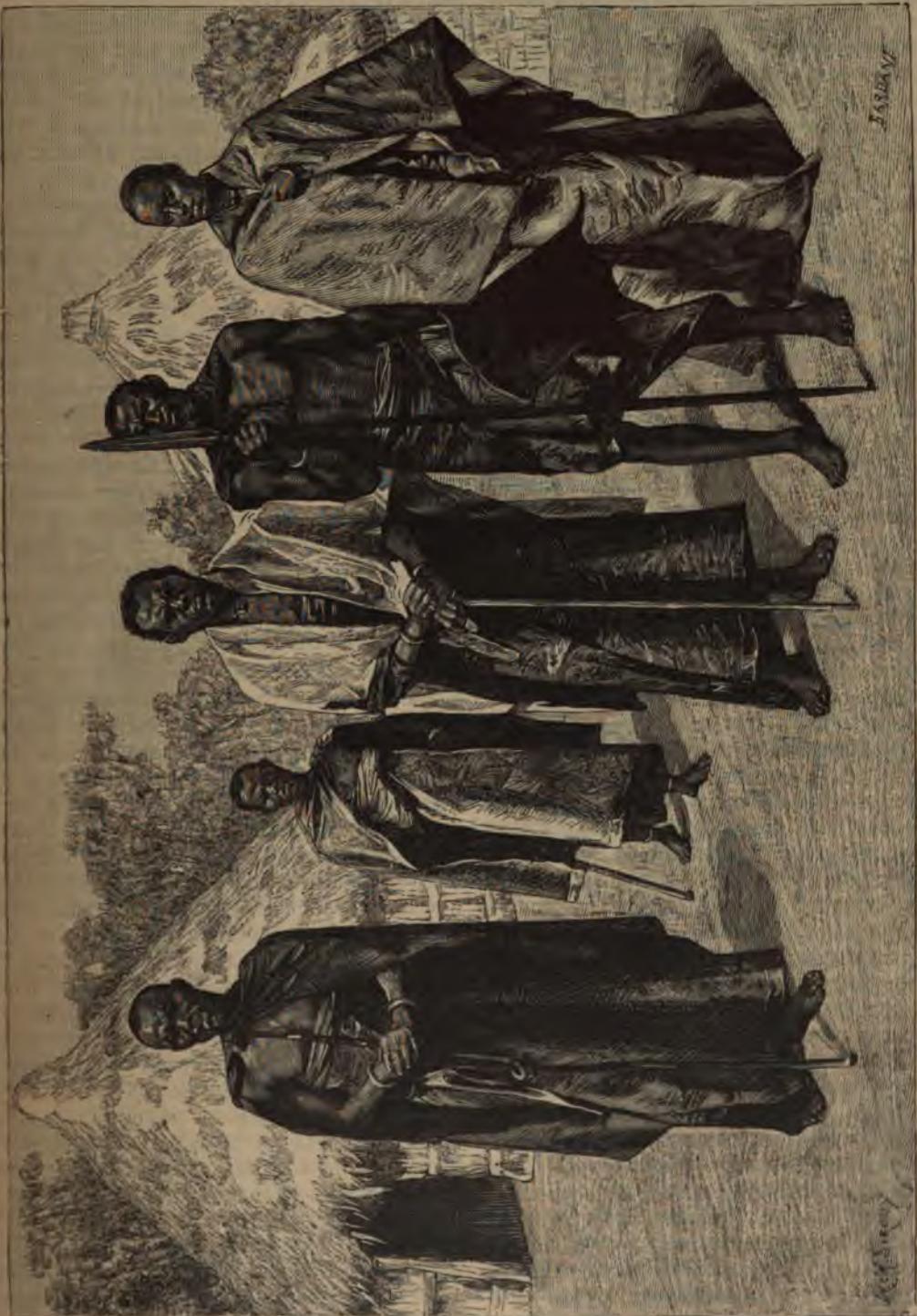
У большинства частныхъ отрывковъ плоскогорья, гранитовъ или базальтовъ, виѣшнія стѣны состоять изъ лежащихъ одинъ надъ другимъ утесовъ и откосовъ, которые придаютъ горамъ видъ пирамидъ со ступеньками; но иѣ-которая изъ куалль не что иное, какъ разѣлины, узкія поперечные долины или ущелья, въ родѣ сѣверо-американскихъ каньоновъ. Отъ одного края ущелья до другого разстояніе кажется такое маленькое, что можно перебросить камень; но чтобы попасть на другую сторону, нужно спуститься въ проштась, идти цѣлые часы по краю головокружительныхъ обрывовъ, перейти черезъ текущую на днѣ рѣку, иногда съ опасностію жизни, затѣмъ подняться зигзагами на противоположную, столь же крутыя, стѣны. Камни, приносимые ручьями, запираютъ иногда ущелье, скопляясь съ той и другой стороны у выступовъ скаль, и эти преграды, случалось, задерживали на цѣлые часы караваны или вооруженные банды. Самыя замѣча-

¹⁾ „Petermann's Mittheilungen“ 1869, № V.

²⁾ Arnaud d'Abbadie, „Douze ans dans la haute Ethiopie“.

тельныи ущелья Эёопіи находятся на восточній закраинѣ плоскогорья, гдѣ общій разрѣзъ превышаетъ 2.000 метровъ, отъ высоты деги до уровня моря. Нигдѣ нельзя лучше убѣдиться въ

ставлять выемку твердыхъ каменистыхъ породъ, объемомъ по меньшей мѣрѣ въ 300 миллионовъ кубич. метровъ¹). Тѣмъ не менѣе воды совершенно урегулировали покатость дна, ко-

Типы и костюмы унiorцевъ.

стронной силѣ размыванія, проявляемой текущими водами. Иное ущелье, противоположная стѣна которого поднимаются почти вертикально на разстояніи нѣсколькихъ метровъ одна отъ другой и на сотни метровъ высоты, пред-

торая въ среднемъ составляетъ всего только одинъ метръ на сорокъ. Это очень легкій подъ-

¹) Blanford, „Observations on Geology and Zoology of Abyssinia“; — Saint-Clair Wilkins, „Reconnoitring in Abyssinia“.

тѣмъ уменьшается и относительная высота горъ.

Высшій массивъ съверной Эвіопіи отдѣленъ отъ стравы Тигре на съверѣ и на востокѣ куаллой, вырытой въ сланцевыхъ породахъ, на днѣ которой развертывается въ видѣ полукруга теченіе Таккаце; на югѣ и на западѣ гриотки этой большой рѣки, врѣзываясь въ массу плоскогорья, отдѣляютъ Симентъ (Саменъ, Семень, Семенъ или Семене), то-есть «Съверъ» или «Холодную страну». Средняя высота ея краевъ превышаетъ 3.000 метровъ, тогда какъ окружающая долины, на югѣ долина р. Балагасъ, на съверѣ долина р. Таккаце, лежать соответственно на 1.500 и 2.000 метровъ ниже: оттого воды, спускающіяся съ снѣговыхъ высотъ Симена, имѣютъ очень быстрое теченіе, прерываемое во многихъ мѣстахъ водопадами. Гейглинъ описываетъ одинъ изъ этихъ водопадовъ, низвергающейся съ высоты 400 метровъ въ пропасть, бывшую, повидимому, кратеромъ, который частію разрушенъ процессомъ размыванія. Симентъ, какъ большинство другихъ отрывковъ собственно Эвіопскаго ча- горья, состоить сплошь изъ эруптивныхъ (вулканическихъ) породъ: трахитовъ, базальтовъ, фонолитовъ, пемзы; но горы, вздѣмающія свои покрытые полосами снѣга склоны на плато «Холодной страны», не имѣютъ кратеровъ. До недавняго времени самой высокой вершиной Симена считали Расъ-Дажанъ, высота которого, вѣроятно, превышаетъ 4.620 метровъ; но первое мѣсто принадлежитъ, можетъ быть, Буагиту или Абба-Яреду. Вотъ высота главныхъ вершинъ Симена, по измѣрѣніямъ разныхъ путешественниковъ:

Абба-Яредъ: 4.578 метр. (Рюшель); 4.483 метр. (А. д'Аббади); 4.602 метр. (Штеккеръ).
Буагитъ: 4.510 метр. (А. д'Аббади); 4.529 метр. (Штеккеръ); 4.917 метр. (Абаргуэст-де-Состенъ). Расъ-Дажанъ: 4.685 метр. (Ант. д'Аббади), 4.620 метр. (Лиферь); 4.430 метр. (Шимперъ); 4.631 метр. (Абаргуэст-де-Состенъ).

Верхніе куполы или главы двухъ первыхъ горъ, Абба-Яреда и Буагита, соперничающихъ по высотѣ съ европейскими Монъ-Розой или Монъ-Бланомъ, часто бывають покрыты полосами снѣга, и, по свидѣтельству туземцевъ, фирновыя поля держатся тамъ круглый годъ. Изъ двухъ путешественниковъ, которые недавно въходили на Буагитъ, спустя слишкомъ тридцать лѣтъ послѣ первого восхожденія, совершионного Автуаномъ-д'Аббади, одинъ, именно испанскій изслѣдователь Абаргуэст-де-Состенъ, видѣть на этой горѣ фирновыя пространства, усыпанныя обломками камней¹⁾), тогда какъ другой, Штеккеръ, тщетно искалъ ихъ; но по-

следний нашелъ на горѣ Абба-Яредѣ пространства кристаллической воды, которая, по его мнѣнію, вовсе не фирны, а поля градинъ, сохраняющихся въ твердомъ состояніи по причинѣ низкой температуры окружающаго воздуха²⁾; какъ и Брюсь³⁾, онъ отрицаѣтъ существованіе въ Абиссиніи этого снѣга, который, однако, многіе другіе путешественники видѣли собственными глазами и трогали собственными руками. Впрочемъ, на Сименѣ мало мѣстъ, гдѣ бы горы имѣли величественный видъ большихъ Альпъ, такъ какъ ихъ относительная высота не болѣе 500—800 метровъ надъ по-колемъ плоскогорій. Но съ краевъ террасъ, отдѣленныхъ отъ нихъ глубокими пропастями куалль, эти горы, фантастически разрѣзанныя на множество башенъ и пирамидъ и представляющія послѣдовательные переходы всѣхъ климатовъ на своихъ склонахъ, являются во всемъ своемъ величию. Изъ прохода Ламальмонъ на Гондарской дорогѣ, чудная картина открывается вдругъ при поворотѣ одной скалы, и путешественники не могутъ удержать крикъ удивленія при видѣ этихъ снѣговыхъ горъ, гордо вздымающихъ свои остроконечныя гла-вы подъ облака. Не слыхать, чтобы туземцы или путешественники, взбиравшіеся по кру-чамъ Симена, когда-нибудь жаловались на «горную болѣзнь»; но холодъ ежегодно похищаетъ тамъ не малое число жертвъ³⁾: такъ, въ 1848 году триста человѣкъ погибли въ снѣгахъ горы Буагитъ. Автуанъ-д'Аббади передаетъ легенду объ одной знатной дамѣ, присѣвшей на минутку отдохнуть на перевалѣ. Она окоченѣла на мѣстѣ, и въ продолженіе восьми дней прохожіе съ ужасомъ видѣли ее подъ тропинки сидящую точно богиня морозовъ, облеченнай въ драгоценныя одежды.

Къ востоку отъ Тигре, цѣпь, образующая восточную закрану Эвіопіи, продолжается правильно съ сѣвера на югъ, иззубренная брешами въ 2.500 до 3.000 метровъ высоты, которая позволили бы спускаться въ прибрежные равнинны, если бы страна не была занята страшнымъ племенемъ афаръ. Высота краевой цѣпи сохраняется на пространствѣ около 300 километровъ; но въ некоторыхъ мѣстахъ выступы, почти совершенно притупленные, сливаются въ одну неправильную нагорную равнину, понижения которой наполнены озераами, какъ-то: Ашанги, Гаикъ, Ардібо. На востокѣ одно предгорье выдвигается далеко въ территорію Сомали: это терраса Зебуля, поднимающаяся на тысячу метровъ и домини-руемая вершинами болѣе высокими на 300—600 метровъ. Въ сравненіи съ большими горами Эвіопіи, остроконечныя вершины Зебуля имѣютъ скромный видъ; однако, подъемъ на

¹⁾ „Asociacion espaola para la exploracion del Africa“. Madrid, 5 дес. 1883.

²⁾ Gerhard Rohlfs, „Ausland“, 30 juin 1884.

³⁾ „Travels to discover the Source of the Nile“.

³⁾ Eduard Ruppel, „Reise in Abyssinien“.

нихъ труденъ, не потому, чтобы склоны раздѣльной возвышенности около истоковъ были слишкомъ круты, а потому, что Таккаце и Бешило, Бекенна или Беркона, ихъ покрываетъ густая растительность, гдѣ притокъ Ауаша, отдѣляетъ краевую пѣнь отъ

Водопадъ Давезу въ Абиссинії.

сѣти ліанъ переплетаются съ колючими вѣтвями¹⁾). Одна изъ рѣкъ, спускающихся съ водо-

бокового²⁾ массива Аргобба, далеко выдвинутаго въ равину. Это, на юго-востокѣ, послѣднее предгорье собственно Абиссиніи.

¹⁾ Abargues de Sosten, цитированный мемуаръ.

Географія Рекъ. т. X.

Линія поперечныхъ понижений, указывае-

емъ; однако, есть много такихъ дефилеевъ, куда нельзя пробраться по цѣлымъ мѣсяцамъ, по причинѣ воды, наполняющей ихъ дно и кружащейся въ водоемахъ; тропинки приходится каждый годъ вновь прокладывать черезъ нанесенные водами груды обломковъ. Есть даже тропы совершенно заброшенныя: такъ, напримѣръ, дорога изъ Кумайли, которую избрала англійская армія, чтобы достигнуть плоскогорій Абиссиніи, не была употребляема для передвиженія военной силы, можетъ быть, со временемъ грековъ. Эоіопія оказывается такимъ образомъ раздѣленною ущеліями на множество обособленныхъ областей; вмѣсто того, чтобы облегчать сообщенія, какъ въ равнинныхъ странахъ, рѣки Абассиніи представляютъ своего рода рвы, трудно переходимые, и часто даже совершенно раздѣляютъ двѣ смежныя провинціи въ продолженіе недѣль и мѣсяцевъ. Единственная по своей изолированности среди народовъ, осаждающихъ основаніе ея горы, Эоіопія очень раздроблена внутри разрѣзами ея плоскогорья, чѣмъ и объясняются независимость ея въ отношеніи другихъ народовъ и ея беспрестанныя гражданскія войны: географія согласуется съ общими чертами исторіи.

Съ геологической точки зреінія существуетъ большое сходство между эоіопскими массивами и противолежащими массивами Аравії. Формаціи и тутъ, и тамъ тѣ же самыя, вслѣдствіе чего горы имѣютъ почти одинаковые контуры, одинаковый общій видъ, почти одинаковую растительность, и тѣ изъ жителей этихъ двухъ плоскихъ возвышеностей, которые имѣли общее происхожденіе, развивались въ средѣ почти тождественной. Хребетъ всего эоіопскаго плоскогорья, еще означаемый на нѣкоторыхъ старыхъ картахъ подъ названіемъ *Spina Mundi* (хребетъ міра), образуетъ восточная закраина горы, которыхъ господствуютъ надъ низменностями, прилегающими къ Красному морю. На протяженіи около 1.000 километровъ эта закраина,—гора по одному изъ своихъ склоновъ, слегка покатая равнина по другому склону,—продолжается съ сѣвера на югъ, едва отклоняясь отъ направлениія меридiana. Къ западу отъ этого хребта, составляющаго въ то же время линію водораздѣла, совокупность плоскогорій постепенно понижается къ Нилу, слѣдя по скату, обозначаемому гораздо болѣе точнымъ образомъ куаллами, въ которыхъ изливаются воды Мареба, Таккаце, Бешило, Абая, Джеммы и ихъ притоковъ. На восточной покатости, склоны горъ перерѣзаны въ разныхъ мѣстахъ глубокими долинами уади, спускающими съ плоскогорья и открывающими доступъ къ внутренней части Эоіопіи; но одна рѣка, Ауашъ, береть начало въ большомъ разстояніи къ западу отъ горной цѣпи: долина этого потока описываетъ правильный полукругъ на югъ отъ горъ Шоа, составляя естественную

границу между Абиссиніей и страной южныхъ галласовъ.

Въ сѣверной своей части горная ось имѣть небольшую ширину, всего какихъ-нибудь сто километровъ, вмѣстѣ съ предгорьями и боковыми отрогами. Первые ея возвышенности господствуютъ на югѣ надъ равниной Токарь, гдѣ рѣка Барка теряется въ болотистой дельтѣ; поднимаясь обрывистыми уступами, она образуетъ крутой массивъ, господствующій надъ морскимъ берегомъ, въ иныхъ мѣстахъ изрѣзанный бухтами, въ другихъ усаженный полуостровами; крутые вершины оставляютъ при основаніи лишь узкій проходъ, загроможденный скалами, прерываемый руслами уади, усыпанныхъ болотами: это были бы эоіопскія Фермоили для арміи, которая пыталась бы проникнуть съ этой стороны въ область горъ. Южнѣе, горы отодвигаются отъ моря, и вдоль основанія крутыхъ склоновъ, состоящихъ изъ гнейса, гранита и сланцевъ, тянется полоса низменныхъ земель, шириной около 20 километровъ, извѣстная, какъ въ Алжирѣ, подъ именемъ Сахель; нѣсколько конусовъ изверженія разсыпаны у подошвы горъ и на берегу моря, и потоки лавы чередуются съ песками, глинами, конгломератами пустынного прибрежнаго пояса. Надъ Сахелемъ хребетъ горъ возвышается на 1.000—1.650 метровъ. Параллельныя цѣпи, называемыя въ этой области *порами*, расширяются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ, что образуютъ плато, которыя, при обилии дождей и плодородія почвы, могли бы быть превращены въ одинъ обширный садъ, если бы тамъ поселилось земледѣльческое населеніе. Такъ, рора Азгеде, направлениe которой параллельно направлению морскаго берега, соединяется второстепенными хребтами съ ророю Цаллимъ или «Черной горой», ближе лежащей къ морю, и ограничиваетъ вмѣстѣ съ ней возвышенную равнину Нафка (средняя высота около 1.500 метровъ), которая изливаетъ свои воды въ ручей, впадающій въ Красное море: въ настоящее время пустынная область, имѣющая только пастища, Нафка, по отзыву одного путешественника, «самая пріятная мѣстность Абиссиніи», была бы пригодна для всякихъ культуръ—кофейного дерева, хлопчатника, шелковицы, винограда и табаку¹). Нѣсколько горныхъ массивовъ выдвинулись въ видѣ высокихъ мысовъ къ западу отъ Рора-Азгеде: та-кова, напримѣръ, группа Хагаръ,—или Хагаръ-Абей-Неджранъ, то-есть столица Неджрана,—на которой прежде находился знаменитый монастырь, посѣщаемый богомольцами, отправлявшимися изъ Аксума въ Иерусалимъ: эта гора, гдѣ теперь видны только развалины, превышаетъ 2.400 метровъ. Южнѣе, другой

¹) Werner Munzinger „Petermann's Mittheilungen“, 1872, № VI.

массивъ, почти уединенный, господствуетъ съ востока надъ долиной р. Аисебы: это Дебрь-Аби или «Большая гора», называемая иначе Тембелле. Мунцингеръ, первый описавшій эти горы, голыя, крутыя, даже неприступныя для скота, дали свое имя одной изъ главныхъ вершинъ, высоту которой онъ опредѣляетъ приблизительно въ 2.700 метровъ.

Ограниченній съ запада долиной Барки, горный хребетъ, составляющій южное продолженіе Роры-Азгеде, перерѣзанъ многочисленными ручьями и рѣчками, усиливающими течение этой рѣки. Главные изъ этихъ притоковъ, именно Аисеба и сама Барка, беруть начало къ западу отъ Массауа или Массовы, на плато въ 1.400 метровъ высоты, составляющемъ съ-веро-восточный уголъ собственно Эсіопіи. На этомъ цоколѣ стоять, поднимаясь на 500 метровъ выше, горы, которымъ ихъ уединенное положеніе, крутыя стѣны, гранитные зубцы придаютъ величественный видъ. Такова знаменитая вершина Дебра-Сина или «Гора Сивай», возвышающаяся къ востоку отъ Керена, главного города земли племени богословъ. Верхушка этой горы представляетъ хаотическую массу камней всякой величины, какъ будто выброшеныхъ какимъ-то изверженіемъ, но которые обязаны нынѣшней своей формой только медленному дѣйствію метеоровъ. Покоясь косвенно одинъ на другихъ, эти каменные глыбы служатъ сводами многочисленнымъ пещерамъ, которыя трудъ человѣка урегулировалъ во многихъ мѣстахъ и соединилъ въ галлереи: въ одной изъ нихъ высеченъ монастырь и церковь, куда ежегодно стекаются со всѣхъ концовъ Эсіопіи тысячи богомольцевъ, находящихъ себѣ пріютъ подъ скалами. Къ югу отъ Керена высится другая гора, прославившаяся въ религіозной истории страны: это Цадъ-Амба или «Бѣлая Крѣпость». Стѣна этой горы вздымается почти вертикально на высоту 1.200 метровъ надъ долиной Барки, и остроконечная вершина ея представляетъ такое узкое пространство, что монахи едва могли построить тамъ стѣны своей обители; плоды нѣсколькихъ дикихъ смоковницъ, да молоко козъ, которыхъ щиплютъ рѣдкую траву между скалами — вотъ и вся пища иноховъ, если не считать доброхотныхъ подаяній, приносимыхъ братьями-сборщиками. Монастырь Бѣлой Крѣпости соединенъ съ плоскогорьемъ только каменнымъ гребнемъ, длиною около тысячи шаговъ, кривая которого имѣеть такой же видъ, какъ кривая веревки, протянутой между двумя берегами рѣки; около середины этого гребня держится въ равновѣсіи большая уединенная глыба камня, служащая пристанищемъ коршунамъ. Когда и некоторые послушники, почувствовавъ головокруженіе, отказались идти по опасной троинкѣ, ихъ ввели въ монастырь по тайной дорогой на западномъ склонѣ, взявшись

съ нихъ предварительно клятвенное обѣданіе никогда никому не открывать точнаго мѣста этого входа¹⁾.

Въ собственной Эсіопіи, которая начинается плоскогорьемъ Гамазенъ, цоколь возвышеностей шире и выше, чѣмъ въ землѣ богословъ или биленовъ; средняя высота этой провинціи превышаетъ 2 000 метровъ. Плато Гамазенъ, такъ же, какъ большая часть эсіопскихъ массивовъ, покрыто лавами базальтовыми или трахитовыми, поверхъ которыхъ лежитъ слой красной или желтоватой земли, содержащей большое количество желѣза, такъ что во многихъ мѣстахъ прямо собираются эту поверхностную руду и, подвергнувъ ее обжиганію, получаютъ нечистый металль, изъ которого выѣзываютъ оружіе и разныя желѣзныя вещи. Не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ охряной слой, покрывающій однобразной скатертью плоскогорья Абиссиніи, образовался изъ разливающейся лавы, какъ тѣ мощные пласти латерита, которые простираются по Декану и почти по всей южной Индіи. Во многихъ мѣстахъ встрѣчаются базальтовыя колоннады, частію преобразованныя въ массы красноватой глины. Вообще нормальный цветъ эсіопскихъ горныхъ породъ красный; даже жилы кварца часто имѣютъ розовый оттенокъ, происходящій отъ присутствія окиси желѣза. По словамъ Гейглина, по крайней мѣрѣ одна изъ огнедышащихъ горъ, откуда изливались нѣкогда лавы Гамазена, вполнѣ сохранилась, почти на половинѣ дороги между Кереномъ и Аду, столицей Тигре. Кратеръ, поднимающійся метровъ на 120 надъ правильной поверхностию плоскогорья, все еще, будто бы, имѣть ковческое жерло и центральную пирамиду изъ шлаковъ, словно она только недавно потухъ; но, следуя по тому же маршруту, Рольфъ тщетно искалъ этотъ вулканъ. На югѣ и на восточной закраинѣ плоскогорья, составляющей родъ раздѣльной линіи, высятся тамъ и сямъ правильные конусы другихъ уединенныхъ вулкановъ. Нѣкоторыя изъ вершинъ южного Тигре — настоящія горы, не только по общей или абсолютной высотѣ, но даже и по относительной высотѣ надъ уровнемъ окружающихъ равнинъ. Такъ, къ востоку отъ города Аду, гора Семайята, которую легко узнатъ по трещинѣ на вершинѣ, поднимается на 3.092 метра, то-есть на 1.000 слишкомъ метровъ выше города, пріютившаго у ея подножія въ пониженіи плоскогорья; на востокѣ, около вѣнчшей закраину плоскихъ возвышеностей, выступаютъ вершины, соперничающія по высотѣ съ Семайятой, а одна изъ нихъ, конусообразная гора Алекса, даже превосходитъ ее, достигая высоты 3.375 метровъ. На западѣ, между рѣками Маребъ и Таккаце, плоскогорье постепенно понижается, а вмѣстѣ съ

¹⁾ Th. von Heuglin, „Reise nach Abessinien“.

емъ; однако, есть много такихъ дефилюевъ, куда нельзя пробраться по цѣлымъ мѣсяцамъ, по причинѣ воды, наполняющей ихъ дно и кружащейся въ водоемахъ; тропинки приходится каждый годъ вновь прокладывать черезъ нанесенные водами груды обломковъ. Есть даже тропы совершенно заброшенныя: такъ, напримѣръ, дорога изъ Кумайли, которую избрала англійская армія, чтобы достигнуть плоскогорій Абиссиніи, не была употребляема для передвиженія военой силы, можетъ быть, со временемъ грековъ. Эюопія оказывается такимъ образомъ раздѣленною ущеліями на множество обособленныхъ областей; вмѣсто того, чтобы облегчать сообщенія, какъ въ равнинныхъ странахъ, рѣки Абиссиніи представляютъ своего рода рвы, трудно переходимые, и часто даже совершенно раздѣляютъ двѣ смежныя провинціи въ продолженіе недѣль и мѣсяцевъ. Единственная по своей изолированности среди народовъ, осаждающихъ основаніе ея горъ, Эюопія очень раздроблена внутри разрѣзами ея плоскогорья, чѣмъ и объясняются независимость ея въ отношении другихъ народовъ и ея безпрестанный гражданскій войны; географія согласуется съ общими чертами исторіи.

Съ геологической точки зренія существуетъ большое сходство между эюопскими массивами и противолежащими массивами Аравіи. Формациіи тутъ, и тамъ тѣ же самыя, вслѣдствіе чего горы имѣютъ почти одинаковые контуры, одинаковый общій видъ, почти одинаковую растительность, и тѣ изъ жителей этихъ двухъ плоскихъ возвышеностей, которые имѣли общее происхожденіе, развивались въ средѣ почти тождественной. Хребетъ всего эюопскаго плоскогорья, еще означаемый на нѣкоторыхъ старыхъ картахъ подъ названіемъ *Spina Mundi* (хребетъ мира), образуетъ восточная закраина горъ, которыя господствуютъ надъ низменностями, прилегающими къ Красному морю. На протяженіи около 1.000 километровъ эта закраина,—гора по одному изъ своихъ склоновъ, слегка покатая равнина по другому склону,—продолжается съ сѣвера на югъ, едва отклоняясь отъ направлениія меридіана. Къ западу отъ этого хребта, составляющаго въ то же время линію водораздѣла, совокупность плоскогорій постепенно понижается къ Нилу, слѣдя по скату, обозначаемому гораздо болѣе точнымъ образомъ куаллами, въ которыхъ изливаются воды Мареба, Таккаце, Бешило, Абай, Джеммы и ихъ притоковъ. На восточной покатости, склоны горъ перерѣзаны въ разныхъ мѣстахъ глубокими долинами уади, спускающими съ плоскогорья и открывавшими доступъ къ внутренней части Эюопіи; но одна рѣка, Ауашъ, береть начало въ большомъ разстояніи къ западу отъ горной цѣпи: долина этого потока описываетъ правильный полукругъ на югъ отъ горъ Шоа, составляя естественную

границу между Абиссиніей и страной южныхъ галласовъ.

Въ сѣверной своей части горная ось имѣеть небольшую ширину, всего какихъ-нибудь сто километровъ, вмѣстѣ съ предгорьями и боковыми отрогами. Первая ея возвышенности господствуютъ на югѣ надъ равниной Токаръ, гдѣ рѣка Барка теряется въ болотистой дельтѣ; поднимаясь обрывистыми уступами, она образуетъ крутой массивъ, господствующій надъ морскимъ берегомъ, въ иныхъ мѣстахъ изрѣзанный бухтами, въ другихъ усаженный полуостровами; крутые вершины оставляютъ при основаніи лишь узкій проходъ, загроможденный скалами, прерываемый руслами уади, усыпанными тонкими болотами: это были бы эюопскія Фермопилы для арміи, которая пыталась бы проникнуть съ этой стороны въ область горъ. Южнѣе, горы отодвигаются отъ моря, и вдоль основанія крутыхъ склоновъ, состоящихъ изъ гнейса, гранита и сланцевъ, тянется полоса низменныхъ земель, шириной около 20 километровъ, известная, какъ въ Алжирѣ, подъ именемъ Сахель; нѣсколько конусовъ изверженія разсыпаны у подошвы горъ и на берегу моря, и потоки лавы чередуются съ песками, глинами, конгломератами пустынного прибрежнаго пояса. Надъ Сахелемъ хребетъ горъ возвышается на 1.000—1.650 метровъ. Параллельная цѣпи, называемая въ этой области *рорами*, расширяются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ, что образуютъ плато, которымъ, при обилии дождей и плодородіи почвы, могли бы быть превращены въ одинъ обширный садъ, если бы тамъ поселилось земледѣльческое населеніе. Такъ, рора Азгеде, направлѣніе которой параллельно направлѣнію морскаго берега, соединяется въростестенными хребтами съ ророю Паллимъ или «Черной горой», ближе лежащей къ морю, и ограничиваетъ вмѣстѣ съ ней возвышенную равнину Нафка (средняя высота около 1.500 метровъ), которая изливаетъ свои воды въ ручей, впадающій въ Красное море: въ настоящее время пустынная область, имѣющая только пастбища, Нафка, по отзыву одного путешественника, «самая пріятная мѣстность Абиссиніи», была бы пригодна для всякихъ культуръ—кофейного дерева, хлопчатника, шелковицы, винограда и табаку¹). Нѣсколько горныхъ массивовъ выдвинулись въ видѣ высокихъ мысовъ къ западу отъ Рора-Азгеде: такова, напримѣръ, группа Хагаръ,—или Хагаръ-Абей-Неджранъ, то-есть столица Неджрана,—на которой прежде находился знаменитый монастырь, посѣщаемый богомольцами, отправлявшимися изъ Аксума въ Іерусалимъ; эта гора, гдѣ теперь видны только развалины, превышаетъ 2.400 метровъ. Южнѣе, другой

¹) Werner Munzinger „Petermann's Mittheilungen“, 1872, № VI.

массивъ, почти уединенный, господствуетъ съ востока надъ долиной р. Аисебы: это Дебръ-Лби или «Большая гора», называемая иначе Тембелле. Мунцингеръ, первый описавшій эти горы, голыя, круты, даже неприступны для скота, дали свое имя одной изъ главныхъ вершинъ, высоту которой онъ опредѣляетъ приблизительно въ 2.700 метровъ.

Ограниченній съ запада долиной Барки, горный хребетъ, составляющій южное продолженіе Роры-Азгеде, перерѣзанъ многочисленными ручьями и рѣчками, усиливающими теченіе этой рѣки, Главные изъ этихъ притоковъ, именно Аисеба и сама Барка, берутъ начало къ западу отъ Массауа или Массовы, на плато въ 1.400 метровъ высоты, составляющемъ съ-веро-восточный уголъ собственно Эсіопіи. На этомъ цоколѣ стоять, поднимаясь на 500 метровъ выше, горы, которымъ ихъ уединенное положеніе, круты стѣны, гранитные зубцы придаютъ величественный видъ. Такова знаменитая вершина Дебра-Сина или «Гора Синай», возвышающаяся къ востоку отъ Керена, главнаго города земли племени богословъ. Верхушка этой горы представляетъ хаотическую массу камней всякой величины, какъ будто выброшенныхъ какимъ-то изверженіемъ, но которые обязаны нынѣшней своей формой только медленному дѣйствію метеоровъ. Поясъ косвенно одинъ на другихъ, эти каменные глыбы служатъ сводами многочисленныхъ пещеръ, которыя трудъ человѣка урегулировалъ во многихъ мѣстахъ и соединилъ въ галлереи: въ одной изъ нихъ высечены монастырь и церковь, куда ежегодно стекаются со всѣхъ концовъ Эсіопіи тысячи богомольцевъ, находящихъ себѣ пріютъ подъ скалами. Къ югу отъ Керена высится другая гора, прославившаяся въ религіозной истории страны: это Цадъ-Амба или «Бѣлая Крѣпость». Стѣна этой горы вздымается почти вертикально на высоту 1.200 метровъ надъ долиной Барки, и остроконечная вершина ея представляетъ такое узкое пространство, что монахи едва могли построить тамъ стѣны своей обители; плоды несколькиихъ дикихъ смоковницъ, да молоко козъ, которыя щиплютъ рѣдкую траву между скалами — вотъ и вся пища иноховъ, если не считать доброхотныхъ подаяній, приносимыхъ братями-сборщиками. Монастырь Бѣлой Крѣпости соединенъ съ плоскогоремъ только каменнымъ гребнемъ, длиною около тысячи шаговъ, кривая которого имѣеть такой же видъ, какъ кривая веревки, протянутой между двумя берегами рѣки; около середины этого гребня держится въ равновѣсіи большая уединенная глыба камня, служащая пристанищемъ коршунамъ. Когда иѣкоторые послушники, почувствовавъ головокруженіе, отказались идти по опасной тропинкѣ, ихъ ввели въ монастырь потайной дорогой на западномъ склонѣ, взявъ

съ нихъ предварительно клятвенное обѣщаніе никогда никому не открывать точнаго мѣста этого входа¹⁾.

Въ собственной Эсіопіи, которая начинается плоскогоремъ Гамазенъ, цоколь возвышеностей шире и выше, чѣмъ въ земль богословъ или биленовъ: средняя высота этой провинціи превышаетъ 2.000 метровъ. Плато Гамазенъ, такъ же, какъ большая часть эсіопскихъ массивовъ, покрыто лавами базальтовыми или трахитовыми, поверхъ которыхъ лежитъ слой красной или желтоватой земли, содержащей большое количество желѣза, такъ что во многихъ мѣстахъ прямо собираются эту поверхностную руду и, подвергнувъ ее обжиганію, получаютъ нечистый металль, изъ которого выдѣлываются оружіе и разныя желѣзныя вещи. Не подлежитъ сомнѣнію, чтоэто охранный слой, покрывающій однобразной скатертью плоскогорья Абиссиніи, образовался изъ разливающейся лавы, какъ тѣ мощные пласты латерита, которые простираются по Декану и почти по всей южной Индіи. Во многихъ мѣстахъ встрѣчаются базальтовыя колоннады, частію преобразованныя въ массы красноватой глины. Вообще нормальный цветъ эсіопскихъ горныхъ породъ красный; даже жилы кварца часто имѣютъ розовый оттенокъ, происходящій отъ присутствія окиси желѣза. По словамъ Гейглина, по крайней мѣрѣ одна изъ огнедышащихъ горъ, откуда изливались иѣкогда лавы Гамазена, вполнѣ сохранилась, почти на половинѣ дороги между Кереномъ и Аду, столицей Тигре. Кратеръ, поднимающійся метровъ на 120 надъ правильной поверхностию плоскогорья, все еще, будто бы, имѣть конечное жерло и центральную пирамиду изъ шлаковъ, словно онъ только недавно потухъ; но, слѣдя по тому же маршруту, Рольфъ тщетно искалъ этотъ вулканъ. На югѣ и на восточной закраинѣ плоскогорья, составляющей родъ раздѣльной линіи, высятся тамъ и сямъ правильные конусы другихъ уединенныхъ вулкановъ. Иѣкоторая изъ вершинъ южнаго Тигре—настоящія горы, не только по общей или абсолютной высотѣ, но даже и по относительной высотѣ надъ уровнемъ окружающихъ равнинъ. Такъ, къ востоку отъ города Аду, гора Семайята, которую легко узнать по трещинѣ на вершинѣ, поднимается на 3.092 метра, то-есть на 1.000 слишкомъ метровъ выше города, простиравшагося у ея подножія въ пониженіи плоскогорья; на востокѣ, около вѣнчаной закраинѣ плоскихъ возвышеностей, выступаютъ вершины, соперничающія по высотѣ съ Семайятой, а одна изъ нихъ, конусообразная гора Алеква, даже превосходитъ ее, достигая высоты 3.375 метровъ. На западѣ, между рѣками Маребъ и Таккаце, плоскогорье постепенно понижается, а вмѣстѣ съ

¹⁾ Th. von Heuglin, „Reise nach Abessinien“.

емъ; однако, есть много такихъ дефилюеевъ, куда нельзя пробраться по цѣлымъ мѣсяцамъ, по причинѣ воды, наполняющей ихъ дно и кружащейся въ водоемахъ; тропинки приходится каждый годъ вновь прокладывать черезъ напесенные водами груды обломковъ. Есть даже тропы совершенно заброшенныя: такъ, напримѣръ, дорога изъ Кумайли, которую избрала англійская армія, чтобы достигнуть плоскогорій Абиссиніи, не была употребляема для передвиженія военой силы, можетъ быть, со временемъ грековъ. Эюпія оказывается такимъ образомъ раздѣленною ущеліями на множество обособленныхъ областей; вмѣсто того, чтобы облегчать сообщенія, какъ въ равнинныхъ странахъ, рѣки Абиссиніи представляютъ своего рода рвы, трудно переходимые, и часто даже совершенно раздѣляютъ двѣ смежныя провинціи въ продолженіе недѣль и мѣсяцевъ. Единственная по своей изолированности среди народовъ, осаждающихъ основаніе ея горъ, Эюпія очень раздроблена внутри разрѣзами ея плоскогорья, чѣмъ и объясняются независимость ея въ отношении другихъ народовъ и ея безпрестанныя гражданскія войны: географія согласуется съ общими чертами исторіи.

Съ геологической точки зреіїа существуетъ большое сходство между эюпскими массивами и противолежащими массивами Аравіи. Формациіи тутъ, и тамъ тѣ же самыя, вслѣдствіе чего горы имѣютъ почти одинаковые контуры, одинаковый общий видъ, почти одинаковую растительность, и тѣ изъ жителей этихъ двухъ плоскихъ возвышеностей, которые имѣли общее происхожденіе, развивались въ средѣ почти тождественной. Хребетъ всего эюпского плоскогорья, еще означаемый на нѣкоторыхъ старыхъ картахъ подъ названіемъ *Spina Mundi* (хребетъ міра), образуетъ восточная закраина горъ, которая господствуетъ надъ низменностями, прилегающими къ Красному морю. На протяженіи около 1.000 километровъ эта закраина,—гора по одному изъ своихъ склоновъ, слегка покатая равнина по другому склону,—продолжается съ сѣвера на югъ, едва отклоняясь отъ направлениія меридіана. Къ западу отъ этого хребта, составляющаго въ то же время линію водораздѣла, совокупность плоскогорій постепенно понижается къ Нилю, слѣдя по скату, обозначаемому гораздо болѣе точнымъ образомъ куаллами, въ которыхъ изливаются воды Мареба, Таккаце, Бешило, Абая, Джеммы и ихъ притоковъ. На восточной покатости, склоны горъ перерѣзаны въ разныхъ мѣстахъ глубокими долинами уади, спускающими сѣа съ плоскогорья и открывающими доступъ къ внутренней части Эюпіи; но одна рѣка, Ауашъ, береть начало въ большомъ разстояніи къ западу отъ горной цѣпи: долина этого потока описываетъ правильный полуокругъ на югъ отъ горъ Шоа, составляя естественную

границу между Абиссиніей и страной южныхъ галласовъ.

Въ сѣверной своей части горная ось имѣеть небольшую ширину, всего какихъ-нибудь сто километровъ, вмѣстѣ съ предгорьями и боковыми отрогами. Первые ея возвышенности господствуютъ на югѣ надъ равниной Токарь, гдѣ рѣка Барка теряется въ болотистой дельтѣ; поднимаясь обрывистыми уступами, она образуетъ крутой массивъ, господствующій надъ морскимъ берегомъ, въ иныхъ мѣстахъ изрѣзанный бухтами, въ другихъ усаженный полуостровами; крутые вершины оставляютъ при основаніи лишь узкій проходъ, загроможденный скалами, прерываемый руслами уади, усыпанный топкими болотами: это были бы эюпскія Фермопили для арміи, которая пыталась бы проникнуть съ этой стороны въ область горъ. Южнѣе, горы отодвигаются отъ моря, и вдоль основанія крутыхъ склоновъ, состоящихъ изъ гнейса, гранита и сланцевъ, тянется полоса низменныхъ земель, шириной около 20 километровъ, извѣстная, какъ въ Алжирѣ, подъ именемъ Сахель; нѣсколько конусовъ изверженія разбросаны у подошвы горъ и на берегу моря, и потоки лавы чередуются съ песками, глинами, конгломератами пустынного прибрежнаго пояса. Надъ Сахелемъ хребетъ горъ возвышается на 1.000—1.650 метровъ. Параллельная цѣпи, называемая въ этой области *рорами*, расширяются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ, что образуютъ плато, которымъ, при обилии дождей и плодородіи почвы, могли бы быть превращены въ одинъ обширный садъ, если бы тамъ поселилось земледѣльческое населеніе. Такъ, рора Азгеде, направление которой параллельно направленію морскаго берега, соединяется второстепенными хребтами съ ророй Цаллимъ или «Черной горой», ближе лежащей къ морю, и ограничиваетъ вмѣстѣ съ ней возвышенную равнину Нафка (средняя высота около 1.500 метровъ), которая изливаетъ свои воды въ ручей, впадающій въ Красное море: въ настоящее время пустынная область, имѣющая только пастибища, Нафка, по отзыву одного путешественника, «самая пріятная мѣстность Абиссиніи», была бы пригодна для всякихъ культуръ—кофейного дерева, хлопчатника, шелковицы, винограда и табаку¹). Нѣсколько горныхъ массивовъ выдвинулись въ видѣ высокихъ мысовъ къ западу отъ Рора-Азгеде: такова, напримѣръ, группа Хагаръ,—или Хагаръ-Абей-Неджранъ, то-есть столица Неджрана,—на которой прежде находился знаменитый монастырь, посѣщаемый богомольцами, отправлявшимися изъ Аксума въ Іерусалимъ; эта гора, гдѣ теперь видны только развалины, превышаетъ 2.400 метровъ. Южнѣе, другой

¹) Werner Munzinger „Petermann's Mittheilungen“, 1872, № VI.

массивъ, почти уединенный, господствуетъ съ востока надъ долиной р. Аисебы: это Дебрь Аби или «Большая гора», называемая иначе Тембелле. Мунцингеръ, первый описавшій эти горы, голыя, крутыя, даже неприступныя для скота, далъ свое имя одной изъ главныхъ вершинъ, высоту которой онъ опредѣляетъ приблизительно въ 2.700 метровъ.

Ограниченніе запада долиной Барки, горный хребетъ, составляющій южное продолженіе Роры-Азгеде, перерѣзанъ многочисленными ручьями и рѣчками, усиливающими теченіе этой рѣки. Главные изъ этихъ притоковъ, именно Аисеба и сама Барка, берутъ начало къ западу отъ Массауа или Массовы, на плато въ 1.400 метровъ высоты, составляющемъ съ-восточный уголъ собственно Эсіопіи. На этомъ цоколѣ стоять, поднимаясь на 500 метровъ выше, горы, которымъ ихъ уединенное положеніе, крутыя стѣны, гранитные зубцы придаютъ величественный видъ. Такова знаменитая вершина Дебра-Сина или «Гора Синай», возвышающаяся къ востоку отъ Керена, главного города земли племени богословъ. Верхушка этой горы представляетъ хаотическую массу камней всякой величины, какъ будто выброшенныхъ какимъ-то изверженіемъ, но которые обязаны нынѣшней своей формой только медленному дѣйствію метеоровъ. Покосясь косвенно одинъ на другихъ, эти каменные глыбы служать сводами многочисленнымъ пещерамъ, которая трудъ человѣка урегулировалъ во многихъ мѣстахъ и соединилъ въ галлеренъ: въ одной изъ нихъ высѣченъ монастырь и церковь, куда ежегодно стекаются со всѣхъ концовъ Эсіопіи тысячи богомольцевъ, находящихъ себѣ пріютъ подъ скалами. Къ югу отъ Керена высится другая гора, прославившаяся въ религіозной исторіи страны: это Цадъ-Амба или «Бѣлая Крѣпость». Стѣна этой горы вздымается почти вертикально на высоту 1.200 метровъ надъ долиной Барки, и остроконечная вершина ея представляетъ такое узкое пространство, что монахи едва могли построить тамъ стѣны своей обители; плоды несколькиихъ дикихъ смоковницъ, да молоко козъ, которыхъ щиплютъ рѣдкую траву между скалами — вотъ и вся пища иноковъ, если не считать доброхотныхъ подаяній, приносимыхъ братьями-сборщиками. Монастырь Бѣлой Крѣпости соединенъ съ плоскогоремъ только каменнымъ гребнемъ, длиною около тысячи шаговъ, привая которого имѣеть такой же видъ, какъ кривая веревки, протянутой между двумя берегами рѣки; около середины этого гребня держится въ равновѣсіи большая уединенная глыба камня, служащая пристанищемъ коршунамъ. Когда нѣкоторые послушники, почувствовавъ головокруженіе, отказались идти по опасной тропинкѣ, ихъ ввели въ монастырь постѣнной дорогой на западномъ склонѣ, взявъ

съ нихъ предварительно клятвенное обѣданіе никогда никому не открывать точнаго мѣста этого входа¹⁾.

Въ собственной Эсіопіи, которая начинается плоскогоремъ Гамазенъ, цоколь возвышеностей шире и выше, чѣмъ въ землѣ богословъ или биленоевъ: средняя высота этой провинціи превышаетъ 2.000 метровъ. Плато Гамазень, такъ же, какъ большая часть эсіопскихъ массивовъ, покрыто лавами базальтовыми или трахитовыми, поверхъ которыхъ лежитъ слой красной или желтоватой земли, содержащей большое количество желѣза, такъ что во многихъ мѣстахъ прямо собираютъ эту поверхностную руду и, подвергнувъ ее обжиганію, получаютъ нечистый металль, изъ которого выдѣлываются оружіе и разныя желѣзныя вещи. Не подлежитъ сомнѣнію, чтоэто охринающейся, покрывающей однобразной скатертью плоскогорья Абиссиніи, образовался изъ разливающейся лавы, какъ тѣ мощные пласти латерита, которые простираются по Декану и почти по всей южной Индіи. Во многихъ мѣстахъ встрѣчаются базальтовыя колоннады, частію преобразованныя въ массы красноватой глины. Вообще нормальный цветъ эсіопскихъ горныхъ породъ красный; даже жилы кварца часто имѣютъ розовый оттенокъ, происходящій отъ присутствія окиси желѣза. По словамъ Гейглина, по крайней мѣрѣ одна изъ огнедышащихъ горъ, откуда изливались нѣкогда лавы Гамазена, вполнѣ сохранилась, почти на половинѣ дороги между Кереномъ и Аду, столицей Тигре. Кратеръ, поднимающійся метровъ на 120 надъ правильной поверхностию плоскогорья, все еще, будто бы, имѣеть конечное жерло и центральную пирамиду изъ шлаковъ, словно онъ только недавно потухъ; но, слѣдя по тому же маршруту, Рольфъ тщетно искалъ этотъ вулканъ. На югѣ и на восточной окраинѣ плоскогорья, составляющей родъ раздѣльной линіи, высятся тамъ и сямъ правильные ковысы другихъ уединенныхъ вулкановъ. Нѣкоторыя изъ вершинъ южного Тигре—настоящія горы, не только по общей или абсолютной высотѣ, но даже и по относительной высотѣ надъ уровнемъ окружающихъ равнинъ. Такъ, къ востоку отъ города Аду, гора Семайта, которую легко узнать по трещинѣ на вершинѣ, поднимается на 3.092 метра, то-есть на 1.000 слишкомъ метровъ выше города, пріотившагося у ея подножія въ пониженіи плоскогорья; на востокѣ, около вѣнчной закраины плоскихъ возвышеностей, выступаютъ вершины, соперничающія по высотѣ съ Семайтой, а одна изъ нихъ, конусообразная гора Алеква, даже превосходитъ ее, достигая высоты 3.375 метровъ. На западѣ, между рѣками Маребъ и Таккаце, плоскогорье постепенно понижается, а вмѣстѣ съ

¹⁾ Th. von Heuglin, „Reise nach Abessinien“.

емъ; однако, есть много такихъ дефилеевъ, куда нельзя пробраться по цѣлымъ мѣсяцамъ, по причинѣ воды, наполняющей ихъ дно и кружащейся въ водоемахъ; тропинки приходится каждый годъ вновь прокладывать черезъ нанесенные водами груды обломковъ. Есть даже тропы совершенно заброшенныя: такъ, напримѣръ, дорога изъ Кумайли, которую избрала англійская армія, чтобы достигнуть плоскогорій Абиссиніи, не была употребляема для передвиженія военой силы, можетъ быть, со временемъ грековъ. Эюпія оказывается такимъ образомъ раздѣленною ущеліями на множество обособленныхъ областей; вмѣсто того, чтобы облегчать сообщенія, какъ въ равнинныхъ странахъ, рѣки Абиссиніи представляютъ своего рода рвы, трудно переходимые, и часто даже совершенно раздѣляютъ двѣ смежныя провинціи въ продолженіе недѣль и мѣсяцевъ. Единственная по своей изолированности среди народовъ, осаждающихъ основаніе ея горъ, Эюпія очень раздроблена внутри разрѣзами ея плоскогорья, чѣмъ и объясняются независимость ея въ отношеніи другихъ народовъ и ея беспрестанныя гражданскія войны: географія согласуется съ общими чертами исторіи.

Съ геологической точки зреінія существуетъ большое сходство между эюпскими массивами и противолежащими массивами Аравіи. Формации и тутъ, и тамъ тѣ же самыя, вслѣдствіе чего горы имѣютъ почти одинаковые контуры, одинаковый общий видъ, почти одинаковую растительность, и тѣ изъ жителей этихъ двухъ плоскихъ возвышеностей, которые имѣли общее происхожденіе, развивались въ средѣ почти тождественной. Хребетъ всего зеюнского плоскогорья, еще означаемый на нѣкоторыхъ старыхъ картахъ подъ названіемъ *Spina Mundi* (хребетъ мира), образуетъ восточная закраина горъ, которые господствуютъ надъ низменностями, прилегающими къ Красному морю. На протяженіи около 1.000 километровъ эта закраина,—гора по одному изъ своихъ склоновъ, слегка покатая равнина по другому склону,—продолжается съ сѣвера на югъ, едва отклонившись отъ направлениія меридiana. Къ западу отъ этого хребта, составляющаго въ то же время линію водораздѣла, совокупность плоскогорій постепенно понижается къ Нилю, слѣдя по скату, обозначаемому гораздо болѣе точнымъ образомъ куаллами, въ которыхъ изливаются воды Мареба, Таккаце, Бешило, Абая, Джеммы и ихъ притоковъ. На восточной покатости, склоны горъ перерѣзаны въ разныхъ мѣстахъ глубокими долинами уади, спускающими съ плоскогорья и открывющими доступъ къ внутренней части Эюпіи; но одна рѣка, Ауашъ, береть начало въ большомъ разстояніи къ западу отъ горной цѣпи: долина этого потока описываетъ правильный полукругъ на югъ отъ горъ Шоа, составляя естественную

границу между Абиссиніей и страной южныхъ галласовъ.

Въ сѣверной своей части горная ось имѣеть небольшую ширину, всего какихъ-нибудь сто километровъ, вмѣстѣ съ предгорьями и боковыми отрогами. Первые ея возвышенности господствуютъ на югѣ надъ равниной Токарь, гдѣ рѣка Барка теряется въ болотистой дельтѣ; поднимаясь обрывистыми уступами, она образуетъ крутой массивъ, господствующій надъ морскимъ берегомъ, въ иныхъ мѣстахъ изрѣзанный бухтами, въ другихъ усаженный полуостровами; крутыя вершины оставляютъ при основаніи лишь узкій проходъ, загроможденный скалами, прерываемый руслами уади, усыпанный топкими болотами: это были бы эюпскія Фермоили для арміи, которая пыталась бы проникнуть съ этой стороны въ область горъ. Южнѣе, горы отодвигаются отъ моря, и вдоль основанія крутыхъ склоновъ, состоящихъ изъ гнейса, гранита и сланцевъ, тянется полоса низменныхъ земель, шириной около 20 километровъ, известная, какъ въ Алжирѣ, подъ именемъ Сахель; иѣсколько конусовъ изверженія разбросаны у подошвы горъ и на берегу моря, и потоки лавы чередуются съ песками, глинами, конгломератами пустынного прибрежнаго пояса. Надъ Сахелемъ хребетъ горъ возвышается на 1.000—1.650 метровъ. Параллельные цѣпи, называемыя въ этой области *порами*, расширяются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ, что образуютъ плато, которыя, при обилии дождей и плодородіи почвы, могли бы быть превращены въ одинъ обширный садъ, если бы тамъ поселилось земледѣльческое населеніе. Такъ, пора Азгеде, направленіе которой параллельно направленію морскаго берега, соединяется второстепенными хребтами съ порой Цаллимъ или «Черной горой», ближе лежащей къ морю, и ограничиваетъ вмѣстѣ съ ней возвышенную равнину Нафка (средняя высота около 1.500 метровъ), которая изливаетъ свои воды въ ручей, впадающій въ Красное море: въ настоящее время пустынная область, имѣющая только пастбища, Нафка, по отзыву одного путешественника, «самая пріятная мѣстность Абиссиніи», была бы пригодна для всякихъ культуры—кофейного дерева, хлопчатника, шелковицы, винограда и табаку¹⁾). Нѣсколько горныхъ массивовъ выдвинулись въ видѣ высокихъ мысовъ къ западу отъ Пора-Азгеде: такова, напримѣръ, груша Хагарь,—или Хагарь-Абей-Неджранъ, то-есть столица Неджрана,—на которой прежде находился знаменитый монастырь, посѣщаемый богомольцами, отправлявшимися изъ Аксума въ Иерусалимъ; эта гора, гдѣ теперь видны только развалины, превышаетъ 2.400 метровъ. Южнѣе, другой

¹⁾ Werner Manzinger, „Petermann's Mittheilungen“, 1872, № VI.

массивъ, почти уединенный, господствуетъ съ востока надъ долиной р. Аисебы: это Дебръ-Аби или «Большая гора», называемая иначе Тембелле. Мунцингеръ, первый описавшій эти горы, голыя, крутыя, даже неприступныя для скота, далъ свое имя одной изъ главныхъ вершинъ, высоту которой онъ опредѣляетъ приблизительно въ 2.700 метровъ.

Ограниченный съ запада долиной Барки, горный хребетъ, составляющій южное продолженіе Роры-Азгеде, перерѣзанъ многочисленными ручьями и рѣчками, усиливающими течение этой рѣки. Главные изъ этихъ притоковъ, именно Аисеба и сама Барка, беруть начало къ западу отъ Массауа или Массовы, на плато въ 1.400 метровъ высоты, составляющемъ съ-веро-восточный уголъ собственно Эсіопіи. На этомъ цоколѣ стоять, поднимаясь на 500 метровъ выше, горы, которымъ ихъ уединенное положеніе, крутыя стѣны, гранитные зубцы придаютъ величественный видъ. Такова знаменитая вершина Дебра-Сина или «Гора Синай», возвышающаяся къ востоку отъ Керена, главного города земли племени богословъ. Верхушка этой горы представляетъ хаотическую массу камней всякой величины, какъ будто выброшенныхъ какимъ-то изверженiemъ, но которые обязаны нынѣшней своей формой только медленному дѣйствію метеоровъ. Поясъ косвенно одинъ на другихъ, эти каменные глыбы служатъ сводами многочисленнымъ пещерамъ, которая трудъ человѣка урегулировалъ во многихъ мѣстахъ и соединилъ въ галлереи: въ одной изъ нихъ высеченъ монастырь и церковь, куда ежегодно стекаются со всѣхъ концовъ Эсіопіи тысячи богомольцевъ, находящихъ себѣ пріютъ подъ скалами. Къ югу отъ Керена высится другая гора, прославившаяся въ религіозной исторіи страны: это Цадъ-Амба или «Бѣлая Крѣпость». Стѣна этой горы вздымается почти вертикально на высоту 1.200 метровъ надъ долиной Барки, и остроконечная вершина ея представляетъ такое узкое пространство, что монахи едва могли построить тамъ стѣны своей обители; плоды всесколькихъ дикихъ смоковницъ, да молоко козъ, которая щиплютъ рѣдкую траву между скалами — вотъ и вся пища иноковъ, если не считать доброхотныхъ подаяній, приносимыхъ братьями-сборщиками. Монастырь Бѣлой Крѣпости соединенъ съ плоскогоремъ только каменнымъ гребнемъ, длиною около тысячи шаговъ, кривая которого имѣеть такой же видъ, какъ кривая веревки, протянутой между двумя берегами рѣки; около середины этого гребня держится въ равновѣсіи большая уединенная глыба камня, служащая пристанищемъ коршунамъ. Когда некоторые послушники, почувствовавъ головокруженіе, отказались идти по опасной тропинкѣ, ихъ ввели въ монастырь потайной дорогой на западномъ склонѣ, взявъ

съ нихъ предварительно клятвенное обѣданіе никогда никому не открывать точного мѣста этого входа¹⁾.

Въ собственной Эсіопіи, которая начинается плоскогоремъ Гамазенъ, цоколь возвышеностей шире и выше, чѣмъ въ землѣ богословъ или биленовъ: средняя высота этой провинціи превышаетъ 2 000 метровъ. Плато Гамазенъ, такъ же, какъ большая часть эсіопскихъ массивовъ, покрыто лавами базальтовыми или трахитовыми, поверхъ которыхъ лежитъ слой красной или желтоватой земли, содержащей большое количество желѣза, такъ что во многихъ мѣстахъ прямо собираютъ эту поверхностную руду и, подвергнувъ ее обжиганію, получаютъ нечистый металль, изъ которого выдѣлываютъ оружіе и разныя желѣзныя вещи. Не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ охряной слой, покрывающей однобразной скатертью плоскогорья Абиссиніи, образовался изъ разливающейся лавы, какъ тѣ мощные пласти латерита, которые простираются по Декану и почти по всей южной Индіи. Во многихъ мѣстахъ встречаются базальтовые колоннады, частію преобразованныя въ массы красноватой глины. Вообще нормальный цветъ эсіопскихъ горныхъ породъ красный; даже жилы кварца часто имѣютъ розовый оттѣнокъ, происходящій отъ присутствія окиси желѣза. По словамъ Гейглина, по крайней мѣрѣ одна изъ огнедышащихъ горъ, откуда изливались нѣкогда лавы Гамазена, вполнѣ сохранилась, почти на половинѣ дороги между Кереномъ и Аду, столицей Тигре. Кратеръ, поднимающійся метровъ на 120 надъ правильной поверхностию плоскогорья, все еще, будто бы, имѣеть конечное жерло и центральную пирамиду изъ шлаковъ, словно онъ только недавно потухъ; но, слѣдя по тому же маршруту, Рольфъ тщетно искалъ этотъ вулканъ. На югѣ и въ восточной окраинѣ плоскогорья, составляющей родъ раздѣльной линіи, высятся тамъ и сямъ правильные конусы другихъ уединенныхъ вулкановъ. Нѣкоторыя изъ вершинъ южного Тигре — настоящія горы, не только по общей или абсолютной высотѣ, но даже и по относительной высотѣ надъ уровнемъ окружающихъ равнинъ. Такъ, къ востоку отъ города Аду, гора Семайята, которую легко узнать по трещинѣ на вершинѣ, поднимается на 3.092 метра, то-есть на 1.000 слишкомъ метровъ выше города, пріютившагося у ея подножія въ пониженіи плоскогорья; на востокѣ, около виѣшней окраины плоскихъ возвышеностей, выступаютъ вершины, соперничающія по высотѣ съ Семайятой, а одна изъ нихъ, конусообразная гора Алекса, даже превосходитъ ее, достигая высоты 3.375 метровъ. На западѣ, между рѣками Маребъ и Таккаце, плоскогорье постепенно понижается, а вмѣстѣ съ

¹⁾ Th. von Henglin, „Reise nach Abessinien“.

тъмь уменьшается и относительная высота горъ.

Высший массивъ съверной Эфиопіи отдѣленъ отъ стравы Тигре на съверѣ и на востокѣ куаллой, вырытой въ сланцевыхъ породахъ, на дѣвъ которой развертывается въ видѣ полукруга теченіе Таккаце; на югѣ и на западѣ притоки этой большой рѣки, врѣзываясь въ массу плоскогорья, отдѣляютъ Сименъ (Саменъ, Семенъ, Семенъ или Семене), то-есть «Съверъ» или «Холодную страну». Средняя высота ея краевъ превышаетъ 3.000 метровъ, тогда какъ окружающая долина, на югѣ долина р. Балагасъ, на съверѣ долина р. Таккаце, лежать соотвѣтственно на 1.500 и 2.000 метровъ ниже: оттого воды, спускающіяся съ снѣговыхъ высотъ Симена, имѣютъ очень быстрое теченіе, прерываемое во многихъ мѣстахъ водопадами. Гейгинъ описываетъ одинъ изъ этихъ водопадовъ, низвергающейся съ высоты 400 метровъ въ пропасть, бывшую, повидимому, кратеромъ, который частію разрушенъ процессомъ размыванія. Сименъ, какъ большинство другихъ отрывковъ собственно Эфиопскаго нагорья, состоить сплошь изъ эруптивныхъ (вулканическихъ) породъ: трахитовъ, базальтовъ, фонолитовъ, пемзы; но горы, вздымавшія свои покрытые полосами снѣга склоны на плато «Холодной страны», не имѣютъ кратеровъ. До недавняго времени самой высокой вершиной Симена считали Расъ-Дажанъ, высота которого, вѣроятно, превышаетъ 4.620 метровъ; но первое мѣсто принадлежитъ, можетъ быть, Буагиту или Абба-Яреду. Вотъ высота главныхъ вершинъ Симена, по измѣрѣніямъ разныхъ путешественниковъ:

Абба-Яредъ: 4.578 метр. (Рюппель); 4.483 метр. (А. д'Аббади); 4.602 метр. (Штеккеръ). Буагитъ: 4.510 метр. (А. д'Аббади); 4.529 метр. (Штеккеръ); 4.917 метр. (Абаргуэзъ-де-Состенъ). Расъ-Дажанъ: 4.685 метр. (Ант. д'Аббади), 4.620 метр. (Лиферь); 4.430 метр. (Шимперъ); 4.631 метр. (Абаргуэзъ-де-Состенъ).

Верхніе куполы или главы двухъ первыхъ горъ, Абба-Яреда и Буагита, соперничающихъ по высотѣ съ европейскими Монъ-Розой или Монъ-Бланомъ, часто бывають покрыты полосами снѣга, и, по свидѣтельству туземцевъ, фирновыя поля держатся тамъ круглый годъ. Изъ двухъ путешественниковъ, которые недавно всходили на Буагитъ, спустя слишкомъ тридцать лѣтъ послѣ первого восхожденія, совершионного Антуаномъ-д'Аббади, одинъ, именно испанскій изслѣдователь Абаргуэзъ-де-Состенъ, видѣлъ на этой горѣ фирновая пространства, усыпанныя обломками камней¹⁾), тогда какъ другой, Штеккеръ, тщетно искалъ ихъ; но по-

следній нашелъ на горѣ Абба-Яредѣ пространства кристаллической воды, которая, по его мнѣнію, вовсе не фирны, а поля градинъ, сохраняющихся въ твердомъ состояніи по причинѣ низкой температуры окружающаго воздуха²⁾; какъ и Брюстъ³⁾, онъ отрицаѣтъ существованіе въ Абиссиніи этого снѣга, который, однако, многіе другіе путешественники видѣли собственными глазами и трогали собственными руками. Впрочемъ, на Сименѣ мало мѣсть, гдѣ бы горы имѣли величественный видъ большихъ Альпъ, такъ какъ ихъ относительная высота не болѣе 500—800 метровъ надъ цоколемъ плоскогорій. Но съ краевъ террасъ, отдѣленныхъ отъ нихъ глубокими пропастями куалль, эти горы, фантастически разрѣзанныя во множествѣ башенъ и пирамидъ и представляющія послѣдовательные переходы всѣхъ климатовъ на своихъ склонахъ, являются во всемъ своемъ величию. Изъ прохода Ламальмонъ на Гондарской дорогѣ, чудная картина открывается вдругъ при поворотѣ одной скалы, и путешественники не могутъ удержать крикъ удивленія при видѣ этихъ снѣговыхъ горъ, гордо вздымающихъ свои остроконечныя гла-вы подъ облака. Не слыхать, чтобы туземцы или путешественники, взбиравшіеся по кру-чамъ Симена, когда-нибудь жаловались на «горную болѣзнь»; но холодъ ежегодно похищаетъ тамъ не малое число жертвъ⁴⁾: такъ, въ 1848 году триста человѣкъ погибли въ снѣгахъ горы Буагитъ. Аятуанъ-д'Аббади передаетъ легенду объ одной знатной дамѣ, пріѣхавшей на минутку отдохнуть на перевалѣ. Она окоченѣла на мѣстѣ, и въ продолженіе восьми дней прохожіе съ ужасомъ видѣли ее подъ тропинки сидящую точно богиня морозовъ, облеченнай въ драгоценныя одежды.

Къ востоку отъ Тигре, цѣпи, образующая восточную закранну Эфиопіи, продолжается правильно съ съвера на югъ, иззубренная брешами въ 2.500 до 3.000 метровъ высоты, которая позволяла бы спускаться въ прибрежные равнины, если бы страна не была занята страшнымъ племенемъ афаръ. Высота краевой цѣпи сохраняется на пространствѣ около 300 километровъ; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выступы, почти совершенно притупленные, сливаются въ одну неправильную нагорную равнину, пониженія которой наполнены озераами, какъ-то: Ашанги, Гаикъ, Ардибо. На востокѣ одно предгорье выдвигается далеко въ территорію Сомали: это терраса Зебулы, поднимающаяся на тысячу метровъ и домини-руемая вершинами болѣе высокими на 300—600 метровъ. Въ сравненіи съ большими горами Эфиопіи, остроконечныя вершины Зебулы имѣютъ скромный видъ; однако, подъемъ на

¹⁾ „Asociacion espaola para la exploracion del Africa“. Madrid, 5 dec 1883.

²⁾ Gerhard Rohlfs, „Ausland“, 30 juil 1884.

³⁾ „Travels to discover the Source of the Nile“.

⁴⁾ Eduard Ruppel, „Reise in Abyssinien“.

нихъ труденъ, не потому, чтобы склоны раздѣльной возвышенности около истоковъ были слишкомъ круты, а потому, что Таккаце и Бешило, Бекенна или Беркона, ихъ покрываетъ густая растительность, гдѣ притокъ Ауаша, отдѣляетъ краевую цѣпь отъ

Водопадъ Давезу въ Абиссиніи.

сѣти ліанъ переплетаются съ колючими вѣтвями¹⁾). Одна изъ рѣкъ, спускающихся съ водо-

бокового²⁾ массива Аргобба, далеко выдвинутаго въ равинны. Это, на юго-востокѣ, послѣднее предгорье собственно Абиссиніи.

¹⁾ Abargues de Sosten, цитированный мемуаръ.

Географія Рекъ. т. X.

Линія поперечныхъ понижений, указывае-

мая на морскомъ берегу заливомъ Таджура, а во внутренней Эфиопіи впадиной, которую наполняетъ озеро Тана, ясно обозначена въ краевой террасѣ узломъ расходящихся долинъ. Тутъ главный центръ, откуда расходятся въ разныя стороны эфиопскія рѣки; недалеко отъ теплого источника, признаваемаго за начало могучаго Таккаце, зарождаются другія рѣки, усиливающія этотъ потокъ; главные притоки рѣки Бешило или Бешло, соперницы Абай въ образованіи Голубаго Нила, тоже вытекаютъ изъ этихъ горъ, тогда какъ на восточной покатости бывать изъ земли первыя воды Гвалимы или Голимы, которая теряется въ равнинахъ Данакиль, и воды многихъ притоковъ Ауаша. Въ сопѣствѣ озера Хаикъ, къ востоку отъ крѣпости Магдалы, одна брешь гребня поднимается немного выше 2 000 метровъ: это, кажется, самый низкій порогъ краевой цѣпи на восточномъ фронтѣ Эфиопіи. Но по сю сторону, въ областяхъ, ужѣ разрѣзанныхъ на отдѣльные отрывки глубокими куаллами рѣкъ, многія горы достигаютъ значительной высоты, уступая въ этомъ отношеніи только вершинамъ Симена и Годжама: къ востоку отъ озера Ашанги, въ островномъ почти массивѣ Ласта, ограниченномъ кривой верхняго Таккаце и рѣкой Целлари, горы Бяла и Гавзигивла превышаютъ 3.800 метровъ. Горы Абуна-Іозефъ и Имарага, недалеко отъ истоковъ Таккаце, имѣютъ больше 4.000 метровъ высоты. Къ югу отъ народающейся рѣки тянется въ западномъ направлении разрѣзанное плато, оканчивающееся огромнымъ массивомъ Гуна, одной изъ самыхъ высокихъ вершинъ Абиссиніи (4.231 метръ); его западное предгорье, наклоненное къ озеру Тана, есть знаменитая Дебра-Таборъ, или «гора Фаворъ», гдѣ находится военная столица нынѣшней Эфиопіи. На сѣверѣ высится горы Бегемедера, затѣмъ горы Белеса, еще очень мало известныя, которыя соединяются съ горами Вагары и Куаллы-Вагары, слѣдующими одна за другой, какъ ступени пирамиды, по направлению къ принильскимъ равнинамъ.

Къ западу отъ плоскогорья Галла-Волло, какъ полагаютъ, обширного поля лавы, склоны постепенно понижаются къ Бѣлому Нилу, прерываемые, однако, второстепенными цѣпями. Переображенное на югѣ глубокимъ водопадомъ въ формѣ полукруга, гдѣ проходятъ воды Абай или Голубаго Нила, плоскогорье снова начинается западнѣе и поднимается террасами до горъ Годжама, которыхъ, вмѣстѣ съ горами Симена и Ласты, составляютъ высшія точки Абиссиніи. Главная цѣпь этой гористой провинціи развертывается въ видѣ полукруга, концентрическаго съ полукругомъ, описываемымъ Голубымъ Ниломъ. Высшій гребень, извѣстный подъ названіемъ Тальба-Вага, вѣроятно, превышаетъ 3.600 метровъ; но хотя одна изъ

вершинъ называется, какъ гора при Адуѣ, Семайтой, то-есть «Цѣлующей небо», однако хребеть этотъ, кажется, никогда не бываетъ покрытъ снѣгомъ: повидимому, въ этой области, между 10 и 11 градусами широты, горныя вершины не достигаютъ линіи вѣчныхъ снѣговъ¹⁾.

Горы Тальба-Вага понижаются крутыми откосами на западъ и на сѣверъ, какъ большинство другихъ цѣпей Эфиопіи, тогда какъ на западѣ онѣ спускаются пологимъ скатомъ къ землѣ племенъ гуму и берта. На сѣверѣ и на сѣверо-западѣ остатки плоскогорья, разрѣзанный рѣками на безчисленное множество отрывковъ, образуетъ рядъ уступовъ, доминируемыхъ нѣсколькими, относительно невысокими пирамидами: вершины Вальдебба, на сѣверо-западномъ углу озера Тана, достигаютъ 2.340 метровъ. Вся эта область Эфиопіи вулканическаго происхожденія и оканчивается со стороны равнины обрывистыми массами, имѣющими до 30 метровъ вертикальной высоты и несущими базальтовыя колоннады на вершинѣ. За мысомъ, называемымъ Раш-эль-Филь или «Слоновымъ» и ограниченнымъ на юго-западѣ теченіемъ рѣки Раҳадъ, гладкая поверхность степи усажена зубцами и шпицами разной величины, придающими странѣ чрезвычайно странный видъ. Гранитная, совершенно уединенная, гора Гана или Джебель-Арангъ есть передовая каменная масса этой своеобразной формациі; большія деревья, въ томъ числѣ баобабы, достигающіе въ этомъ мѣстѣ сѣвернаго предѣла своей области распространенія, растутъ на склонахъ Ганы и вѣнчаютъ ея вершину, на высотѣ около 600 метровъ²⁾.

Виѣ эфиопскихъ плоскогорій, нѣсколько массивовъ и уединенныхъ горъ высится въ сопѣствѣ Краснаго моря. Таковъ Гадамъ или Гедемъ, который нѣкогда былъ островной скалой, а теперь выдвигается въ видѣ высокаго мыса между заливомъ Массова и бухтою Адулисъ, оканчиваючись съ восточной стороны крутыми стѣнами. Имѣя красивую правильную форму вулкана, Гадамъ представляетъ собою, однако, гранитную массу, черезъ трещины которой вылились расплавленныя вещества, изъ поверхности, усаженной выступами и мѣстами почти недоступную. Хотя Гадамъ весь, отъ основанія до вершины, виденъ изъ Массовы, измѣренія его высоты не всегда отличались достаточной точностью: показанія путешественниковъ разнятся отъ 811 до 1.029 метровъ³⁾; геодезическимъ способомъ Антуанъ д'Аббади нашелъ 995 метровъ для самой высокой вершины. Полуостровъ Бури, ограничивающій въостокѣ бухту Адулисъ, также оканчивается конической горой грандіознаго вида: это вул-

¹⁾ Beke, „Journal of the R. Geographical Society“, 1844.

²⁾ Th. von Heuglin, „Reisen in Nordost-Afrika“.

³⁾ Англійскія морскія карты, — Rohlfss; — Stecker, etc.

кань, лавы которого расходятся по всемъ направлениямъ длинными потоками, выдигаясь далеко въ море въ видѣ дамбъ съ шероховой поверхностью, которая были разорваны волнами въ разныхъ мѣстахъ, такъ что образовались островки и подводные камни. Вулканъ Бури или гора Ауэнъ (на англійскихъ картахъ Hurtow-peak), повидимому, отдыхаетъ, но въ скалахъ его кое-гдѣ открываются фумароллы, иногда дѣйствующія и выдѣляющія сѣрные пары, столбы которыхъ, по словамъ афаровъ, видны съ далекаго разстоянія. Кроме того, на окружности горы въ разныхъ мѣстахъ бываютъ обильные ключи, нагрѣваемые подземнымъ очагомъ расплавленной лавы; среди подводныхъ камней морскаго берега вытекаютъ изъ земли тысячи струекъ горячей воды (температура 67 градусовъ Цельзія), черезъ которыхъ туземцы проходятъ бѣгомъ, чтобы не обжечь себѣ ногъ¹⁾.

Къ югу отъ полуострова Бури, другіе холмы, обрѣзанные по большей части въ видѣ террасъ и утесовъ бывшими берегами моря, тоже состоятъ изъ вулканическихъ породъ, совершенно отдѣленныхъ отъ горъ собственно Абиссиніи. Но одна вершина, еще дымящаяся, висится на окончности террасы эзіопскаго плоскогорья къ юго-западу отъ бухты Ганфилъ или Гамфале. Этотъ дѣйствующій вулканъ, свидѣтельство внутренней, подземной работы, пріемырь которой въ настоящее время такъ рѣдки на африканскомъ континентѣ, извѣстенъ у афаровъ подъ названіемъ Артали или Ортоале, то есть «Горы дыма». Гильдебрандтъ, единственный путешественникъ, восходившій на эту гору почти до самаго кратера, описываетъ ее какъ конусъ черноватой лавы, перерѣзанный трещинами и выдѣляющій густые клубы бѣловатаго пара. Въ сосѣдствѣ другая гора, теперь пребывающая въ состояніи покоя, заключаетъ въ своихъ нѣдрахъ залежи сѣры, откуда и самое имя ея Кабреале или «Сѣрная гора». Сѣвернѣе, въ солончаковой равнинѣ находятся уединенные сольфатары Делоль или Даллоль, гдѣ абиссинцы съ плоскогорья добываютъ сѣру, необходимую для фабрикаціи пороха. Наконецъ, на востокѣ, близъ маленькаго порта Эдда, раскинулся на большомъ пространствѣ цѣлый хаосъ сольфатаръ и горъ съ кратерами, придающій странѣ видъ взъведенія моря. Моряки говорятъ обѣ изверженіяхъ лавы, которые, будто бы, имѣли мѣсто на разстояніи «одного дня ходьбы» отъ Эдда, именно въ 1861 году; но неизвѣстно, гдѣ находится сама огнедышащая гора; можетъ быть, это тотъ же вулканъ Ортоале, лежащий, правда, дальше, чѣмъ на разстояніи дневнаго перехода, верстахъ въ ста внутри материка. Горы съ кратерами очень

пугаютъ туземцевъ, которые считаютъ ихъ мѣстопребываніемъ злыхъ духовъ; подъ предводительствомъ своихъ чародѣевъ, они отводятъ туда корову для жертвоприношенія, но какъ только животное поставлено на пылающей костеръ, всѣ участники церемоніи убѣгаютъ безъ оглядки, потому что ихъ ожидала бы большая бѣда, если бы они увидѣли, какъ духи будутъ пожирать свою добычу.

Если вулканъ Ортоале стоитъ не на берегу моря, то онъ по крайней мѣрѣ вздымаеть свой дымящійся конусъ надъ озерной равниной, которая нѣкогда была морской бухтой. Эта низменность Рахадъ, которую Мунцингеръ называетъ также Ансалійской, по имени уединенного холма, лежащаго посреди пустыни, занимаетъ пространство около 2.500 квадр. километровъ, и средній ея уровень метровъ на шестьдесятъ ниже поверхности Краснаго моря: это «горъ» въ миниатюрѣ, подобный той впадинѣ, въ которой течетъ Горданъ и залегаетъ Асфальтовое озеро. Почти по всей окружности этой котловины тянется извилистый гипсовый утесь или валь, прерываемый въ разныхъ мѣстахъ руслами уади, и изъ этихъ скаль вытекаютъ источники, осѣненные пальмами думъ; такимъ образомъ поясъ зелени окружаетъ пустынное, голое пространство, гдѣ увидаишь только акаціи, кое-какой кустарникъ, да солянковыя растенія. Центральная часть, покрытая глинистой почвой, окружена полосой песковъ. Уже въ небольшомъ разстояніи отъ береговъ появляется соляной налѣтъ, слой котораго мало-по-малу утолщается къ серединѣ равнины и превращается въ плиту въ полметра толщины, представляющую мѣстами видъ сѣроватаго паркета, пазы котораго наполнены кристаллами ослѣпительной бѣлизны. Въ самой глубокой части низменности, между холмомъ Ансали и вулканомъ Ортоале, скопляются воды озера Алальбедь или Аллолебодъ, размѣры котораго измѣняются, смотря по количеству воды, приносимой ручьями; въ среднемъ, оно имѣть не болѣе метра глубины. Осушение бывшей бухты Ансали объясняють повышеніемъ морскаго прибрежья, которое постепенно поднималось на западной сторонѣ Краснаго моря, такъ же, какъ на восточномъ берегу, въ Аравіи: коралловыя мели, раковины иныѣ живущихъ видовъ, находимыя на сѣверѣ равнины, свидѣтельствуютъ о пребываніи морскихъ водъ на выступившемъ теперь порогѣ, между Рахадской равниной и бухтой Аувакиль¹⁾). Рѣки, спускающіяся съ эзіопской цѣпи, даже Рагуали или Рагуле, получающая нѣсколько притоковъ и постоянное теченіе которой поддерживается на ея берегахъ богатую растительность, недостаточно обильны, чтобы вознаграждать убыль во-

¹⁾ J. M. Hildebrandt, „Zeitschrift der Gesellschaft fr Erdkunde“, 1875.

¹⁾ W. Munzinger, „Journal of the R. Geographical Society“, 1871.

ды отъ испаренія, и, вслѣдствіе этого, бывшее озеро, нѣкогда очень обширное, постепенно сократилось до размѣровъ неглубокаго болота. Талталы, обитающіе въ окрестныхъ мѣстностяхъ, рассказываютъ абиссинцамъ, вѣроятно, съ той цѣлью, чтобы напугать ихъ и избавиться отъ ихъ посѣщенія, что иногда озеро вдругъ «выступаетъ въ походъ», покидая старое ложе и перебираясь на новыя мѣста. Бѣда караванамъ, если ихъ застигнетъ внезапное наводненіе! Впрочемъ, даже вдали отъ озера они рисковали бы увязнуть въ обманчивой почвѣ топей, и цѣлые отряды, будто бы, исчезали такимъ образомъ, люди и животныя¹⁾). Тѣмъ не менѣе мели, окружающая озеро, эксплоатируются безопасно сотнями талталовъ, которые извлекаютъ оттуда почти всю потребляемую абиссинцами соль, а также раковинки (кегля или конусъ), которая употребляются въ южной Эсопіи, какъ мелкая размѣйная монета. По словамъ Мунцингера, со дна озера Алальбедь ежегодно добывается этихъ раковинъ около тридцати миллионовъ штукъ, представляющихъ въ Антало, на плоскогорїѣ, сумму въ восемь миллионовъ франковъ.

Острова сосѣдняго побережья, между прочимъ, большой островъ Далакъ, самый обширный на Красномъ морѣ, прикрывающей съ восточной стороны Массовскую бухту, — частію коралловаго происхожденія; но тамъ есть также вулканическіе конусы, и застывшіе потоки лавы образовали на краю материка рядъ мысовъ. Во многихъ мѣстахъ почва перерѣзана глубокими трещинами, произшедшиими, повидимому, вслѣдствіе подземныхъ сотрясений. Дѣгубы этихъ пропастей не всегда сохранились на одинаковой высотѣ послѣ разрыва почвы, и разность высоты противоположныхъ краевъ доходить до пятнадцати метровъ для нѣкоторыхъ трещинъ. Въ періодъ дождей тамъ скопляется вода; затѣмъ, когда она испарится, сырья почва покрывается лугами, составляющими пріятный контрастъ съ голыми скалами окрестной мѣстности²⁾). Землетрясенія, производимыя, говорять туземцы, тѣлодвиженіями быка, «на которомъ стоитъ свѣтъ», довольно часты на островѣ Далакѣ. Во внутренней части острова бывать изъ земли ключи горячей воды, температура которой превышаетъ 60 градусовъ по Цельзію, чѣмъ не мѣшаеть рыбъ размножаться въ этихъ источникахъ³⁾.

Эсопія, вершины которой поднимаются въ область вѣчныхъ снѣговъ, тогда какъ основаніе ея скаль лежитъ въ жаркомъ поясе, а выступы его или мысы погружены въ воды Краснаго моря, имѣеть, понятно, цѣлый рядъ климатовъ,

¹⁾ Lefebvre, „Voyage en Abyssinie“.

²⁾ Ruppell, „Reise in Abyssinien“; — Raffray, „Abyssenie“.

³⁾ Léon des Avanchers, „Annales de la Propagation de la Foi“, nov. 1851.

измѣняющихся, смотря по высотѣ и положенію мѣстности: на скатахъ плоскогорій и горъ времена года идутъ, такъ сказать, ярусами, расположеннымъ одинъ надъ другимъ, перекрещивая до безконечности цѣпь своихъ изотермическихъ линій, представляющихъ такой правильный изгибъ на картахъ, которыя изображаютъ континентъ безъ рельефа, приведенный къ однобразному уровню морскихъ береговъ. Сколько разъ путешественники, идя подъ холоднымъ, пронизывающимъ до костей вѣтромъ высокихъ плато, должны были бороться со смертью, или даже засыпали на дорогѣ тѣмъ страшнымъ сномъ, отъ которого нѣтъ пробужденія! Во время военныхъ экспедицій цѣлые батальоны замерзали при переходѣ черезъ снѣговые хребты; одна хроника, приводимая въ путешествіи Антуна д'Аббади, разсказываетъ даже, что однажды отъ холода погибла вся армія въ Ластѣ. Напротивъ, на днѣ узкихъ куалль часто рискуешь погибнуть отъ жара. Лѣтомъ, въ тѣ часы, когда солнце особенно сильно печеть, почва этихъ раскаленныхъ печей, на которую отражаются жгучие лучи отъ блестящей поверхности стѣнь, нагревается иногда до 70, даже до 75 градусовъ¹⁾). Воздухъ обыкновенно спокоенъ въ этихъ ущельяхъ безъ видимаго выхода; но какъ только равновѣсіе воздушныхъ массъ нарушилось, поднимается страшный вѣтеръ и яростно несется вверхъ по долинѣ, сгибая, какъ тонкіе прутики, попадающіяся на пути деревья; затѣмъ такъ же внезапно наступаетъ тишина, и воздухъ снова дѣлается нѣдвижимъ. Недостатокъ правильныхъ атмосферныхъ теченій, очищающихъ воздухъ, дѣлаетъ дно куалль очень опаснымъ для перехода. До или послѣ сезона дождей нужно поспѣшно перейти долы ущелей, быстро подниматься по склонамъ, чтобы какъ можно скорѣе достигнуть области, простирающейся надъ поясомъ лихорадокъ. Почти такъ же знойныя, прибрежныя равнинны Чернаго моря представляютъ мѣстность гораздо болѣе здоровую; климатъ тамъ опасенъ только въ тѣ годы, когда количество дождей превышаетъ среднюю цифру: тогда въ краѣ господствуютъ лихорадки.

Крайности климатовъ, стужа верхнихъ плато и жара глубокихъ ущелей неизвѣстны въ средней Эсопіи, гдѣ сгруппировалось почти все населеніе, сосредоточилось всѣ города, за исключеніемъ тѣхъ, которые возникли вокругъ какой-нибудь крѣпости или привлекающей богоильцовъ церкви, пріютившихъ на вершинѣ горы. Поясь заселенія въ Эсопіи заключается между 1.800 и 2.500 метрами: это *война-дса* или область винограда, между дегой и куаллой. На этихъ высотахъ средняя температура соответствуетъ средней температурѣ береговъ Средиземнаго моря, съ тою разницей, что перемѣ-

¹⁾ Ferret et Galinier; — Antoine d'Abbadie.

на временъ года, съ зимы на лѣто, тамъ гораздо менѣе чувствительна. Такъ какъ плоскогорье Эфиопіи лежитъ въ тропическомъ поясѣ, то лучи солнца имѣютъ тамъ всегда почти равную силу, и разница между зимой и лѣтомъ

наименьшая, въ августѣ, $13^{\circ},_{43}$ Ц. Такъ же, какъ на Антильскихъ островахъ и въ странахъ, гдѣ чередуются муссоны, эфиопскій годъ дѣлится на два времени, опредѣляемыхъ появлениемъ и исчезновенiemъ дождей.

Общий видъ селенія Сулейманъ.

незначительна; колебанія температуры зависятъ главнымъ образомъ отъ чистоты неба и густоты облаковъ. По Брюсу, наибольшая температура въ Гоидарѣ, въ апрѣлѣ, $22^{\circ},_{17}$ Ц.,

Сравнительныя температуры плоскогорья Эфиопіи и береговъ Краснаго моря ¹⁾:

¹⁾ Ruppell;—Ferret;—Galinier;—Steudner;—Rehlf;—Hann, „Handbuch der Klimatologie“.

		Широта.	Высота.	Средняя годовая температ.	Средняя самаго холоднаго мѣсяца.	Средняя самаго теплого мѣсяца.
Побережье.	Массова.	15°36' с.	0 метр.	31°,4 Ц.	Январь. 25°,5	Июнь. 36°,9
Плоскогорье	Гондарь.	12°36' "	2.270	19°,4 "	Декабрь. 17°,6	Апрель 22°,7
	Анкобарь	9°34' "	2.500	13°,0 "	Декабрь. 11°,0	Июнь. 16°,7

Періодъ дождей въ отношеніи времени наступленія и продолжительности менѣется, смотря по широтѣ, высотѣ, положенію различныхъ эѳиопскихъ странъ; некоторые мѣстности имѣютъ даже два дождливыхъ сезона, какъ переходная территорія, принадлежащая въ одно и то же время къ двумъ метеорологическимъ областямъ. На возвышеностяхъ южной Эѳиопіи бываютъ двѣ зимы: одна начинается въ юль, когда солнечные лучи падаютъ почти вертикально на землю, и оканчивается въ сентябрѣ; другая, менѣе продолжительная, падаетъ на январь или на февраль и мартъ, когда полоса облаковъ, образующаяся въ поясѣ столкновенія между континентальными и полярными вѣтрами, отодвигается къ югу. Въ центральной области Эѳиопіи зимнее время или азмара начинается обыкновенно въ апрель и продолжается, съ некоторыми перерывами, до конца сентября; но у сѣверо-западного основания горъ, въ провинціяхъ Бого, Галабать, Гедарефъ и Сенааръ, этотъ дождливый сезонъ распадается на два, изъ которыхъ одинъ наступаетъ въ апрель или въ началѣ мая, а другой, періодъ большихъ ливней, обнимаетъ мѣсяцы юль, августъ и сентябрь¹⁾). Дожди, приносимые вѣтрами, дующими съ Краснаго моря или Индійскаго океана, падаютъ почти всегда послѣ полуночи и сопровождаются грозами; послѣ ливня небо опять проясняется и остается безоблачнымъ всю ночь и все слѣдующее утро до нового дождя. На восточной покатости Эѳиопскихъ горъ порядокъ временъ года обратный: тамъ дожди, приносимые сѣвернымъ вѣтромъ, падаютъ зимой, то есть съ ноября по мартъ; африканскіе берега Краснаго моря находятся въ области зимнихъ дождей Средиземнаго моря, тогда какъ аравийскіе берега, внутренняя часть Египта и верхняя Эѳиопія принадлежатъ къ другому климатическому поясу²⁾). Иная гора, лежащая на рубежѣ двухъ поясовъ, получаетъ поочерѣдно и лѣтніе, и зимніе дожди, такъ что абиссинскимъ пастухамъ стоять только вертѣться кругомъ горы, чтобы находить, смотря по времени года, траву, необходимую для стадъ, или землю, пригодную для культуры³⁾). Въ эту пору года воздухъ, надъ низменными равнинами эѳиопской территоріи, отличается необыкновенной влажностью: гигрометръ никогда не показываетъ менѣе 60 процентовъ.

¹⁾ G. Schweinfurth, „Petermann's Mittheilungen“, 1868, V.

²⁾ G. Rohlfs, „In Abessinien“.

³⁾ Werner Munzinger, „Ostafrikanische Studien“; Ach. Raffray, „Abyssinie“.

На плоскогорьяхъ, напротивъ, воздухъ вообще сухъ.

Въ тѣхъ областяхъ Абиссиніи, гдѣ годовое количество дождя было измѣряено, оно колеблется между 7 и 8 дециметрами; но это количество должно быть гораздо больше въ некоторыхъ высокихъ долинахъ, гдѣ грозовые облака сдавливаются вѣтрами; число градусовъ тамъ весьма значительно. Извѣстно, что водяные лавины имѣютъ очень грозный характеръ въ долинахъ, доминируемыхъ крутыми и лишенными растительности склонами; на восточной покатости краевыхъ горъ Эѳиопіи, гдѣ ложе ручьевъ такъ сильно наклонено, эти внесанные потопы болѣе опасны, чѣмъ гдѣ-либо: какъ только послышался отдаленный гулъ потока, нужно поскорѣй взбираться на склоны горы; еще вѣсЬко миутъ—и внизу, по двумъ долинамъ, уже несется огромная масса воды, грязи и мелкихъ камней. Въ дождливое время года сообщенія совершенно прерываются между плато, раздѣляющими глубокія куаллы. Въ равнинахъ Самхара, среди песковъ, солончаковыхъ глинъ и лавъ, караваны задерживаются иногда нестерпимой жарой, которую отражаютъ почва или скалы, или песчаными вихрями харифа,—красные движущіеся столбы, прогуливающіеся по пустынѣ.

Флора Эѳиопіи очень разнообразна, благодаря различію климатовъ. Главныхъ поясовъ растительности, разумѣется, два: поясъ высокихъ плато и поясъ низкихъ долинъ; но есть очень много видовъ, которые успѣшино произрастаютъ и въ той, и въ другой зонѣ: каждое растеніе имѣетъ свою особенную область, отличающуюся протяженіемъ и вертикальной высотой вдоль склоновъ. Берега Краснаго моря имѣютъ свою специальную флору, главными представителями которой являются кассиопея (*cassipourea africana*) и шора (*avicennia tomentosa*),—деревья, растущія въ зонѣ побережья, поочерѣдно покрываемой и оставляемой водами; на берегахъ бухты Гауакиль эти деревья почти такой же величины, какъ европейскій букъ, и походить на него видомъ⁴⁾). У подошвы горъ Эѳиопской цѣпи зона степи Сахель, которую часто называютъ пустыней, но совершенно несправедливо, заключаетъ почти только кустарникъ, исключая мѣста, лежащія въ сосѣдствѣ источниковъ. Флора куалль отличается особенно тѣмъ, что она очень богата деревьями, которыхъ теряютъ листву въ сухое время года. Тамъ растутъ сикоморы и смо-

⁴⁾ Henglin, „Reise nach Abessinien“.

ковиници; тамариски тѣсятся по берегамъ ручьевъ, акаціи переплетаютъ свои колючія нѣти на каменистыхъ пространствахъ; тамъ и самъ огромный баобабъ, «слонъ растительного міра», — этотъ представитель семейства мальвовыхъ, который, будучи самымъ большимъ деревомъ, имѣеть однако во многихъ отношеніяхъ видъ травы, — высоко поднимаетъ свой пузатый стволъ, часто полый внутри и наполненный водой, и свои короткія толстыя вѣтви, оканчивающіяся розетками листьевъ; когда бура повалитъ этого великанна растительного царства, его громадный стволъ, имѣющій отъ 20 до 25 метровъ (до 12 сажень) въ окружности, утилизируется пастухами, которые укрываютъ въ немъ, вмѣстѣ со стадами, отъ жары и непогоды. Пальмы не проникаютъ въ куаллы, онѣ не удаляются отъ береговъ Краснаго моря; финики привозятся въ Эсіопію изъ Аравіи. Растенія, доставляющія абиссинцамъ хлѣбные злаки особенныхъ видовъ или разновидности, совершенно отличныя отъ европейскихъ растеній этого рода, — особенно успѣшно произрастающія въ поясѣ средней высоты, гдѣ сгруппированы почти всѣ города Эсіопіи. Земледѣльцы Шоа и Амгары, говорятъ, имѣютъ въ своемъ распоряженіи 28 сортовъ проса, 24 сорта пшеницы, 16 разновидностей ячменя ¹⁾, разные виды ржи и кукурузы; самое обыкновенное хлѣбное растеніе — элевизина, по мѣстному дакусса, изъ которой варятъ пиво, и которая въ прежнее время доставляла исключительно хлѣбъ для царскаго стола; абиссинская поа, по мѣстному тефъ или тіефъ, тоже въ большомъ употребленіи: маленькия зерна ея даютъ муку, изъ которой приготавляется хлѣбъ. Картофель, ввезенный изъ Европы Шимпремомъ, иѣкоторое время хорошо родился, но затѣмъ, когда на немъ появилась болѣзнь, эсіопскіе крестьяне совершенно перестали сѣять его. Видъ банана, *musa ensete*, растущій въ куалахъ, рѣдко приносить плоды, можетъ-быть, потому, что онъ родомъ изъ равнинъ галласской земли; въ Эсіопіи пользуются только листьями, идущими въ кормъ скоту, и корнями, которые отъ варки пріобрѣтаютъ вкусъ картофеля, и изъ которыхъ приготавливаютъ тѣсто, очень цѣнное въ землѣ Ильмъ-Орма. Что касается европейскихъ фруктовыхъ деревъ или соотвѣтственныхъ видовъ, то они даютъ по большей части превосходные плоды; но виноградъ, который былъ, безъ сомнѣнія, введенъ изъ Европы, какъ о томъ свидѣтельствуетъ его почти греческое название *война* (ойность) и который прежде былъ очень распространенъ, судя по тому, что вся промежуточная полоса Эсіопіи называлась «страной виноградниковъ», то теперь едва существуетъ еще иѣсколько футовъ этого растенія: онъ погибъ отъ болѣзни, назы-

ваемой црѣлью ¹⁾; иѣкоторые путешественники въ исчезновеніи винограда винятъ также царя Феодора, приказавшаго вырвать всѣ лозы, подъ предлогомъ, что вино должно быть предоставлено существамъ, стоящимъ выше человѣка ²⁾). Наконецъ, кофейное дерево, божественное растеніе страны Каффа, кажется, не мѣстнаго происхожденія въ собственной Эсіопіи: его культивируютъ только въ Годжамѣ, въ окрестностяхъ Гиндара, на южныхъ берегахъ озера Тана и въ иѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ плоскогорья.

Одно изъ самыхъ характеристичныхъ дикихъ растеній Эсіопіи, одно изъ тѣхъ, которые наиболѣе способствуютъ сообщенію пейзажамъ страны ихъ специальной физіономіи, — колкуаль, молочай-канделябръ, похожій на гигантскіе молочай Капарскихъ и Азорскихъ острововъ; эти растенія такъ плотно переплетаютъ свои мясистыя вѣтви, что изъ нихъ дѣлаютъ живыя изгороди вокругъ полей и деревень для защиты отъ непредвидѣннаго нападенія; у иѣкоторыхъ экземпляровъ развѣтвляющейся стебель достигаетъ около 6 саженъ высоты; молочный сокъ колкуала — страшный ядъ, находящій обширное примѣненіе въ эсіопской фармакопѣѣ, а древесина его идетъ на приготовленіе пороху. Другое растеніе, видомъ и размѣрами похожее на пальму, украшаютъ склоны горъ до высоты 3.300 метровъ: это джібара (*rhynchopetalum montanum*), оканчивающаяся наверху пучкомъ мечевидныхъ листьевъ, изъ котораго поднимается цвѣточный стебель, отъ 3 до 5 метровъ (до 7 аршинъ), опоясаный красивыми лиловыми цвѣтками, открывающимися послѣдовательно снизу вверхъ; но растеніе умираетъ, когда отцвѣтъ. Другое характеристическое растеніе эсіопскихъ возвышеностей — рапейникъ гигантскій (*echinops giganteus*), стволъ котораго похожъ на стволъ дерева, а цвѣты величиной съ человѣческую голову. Еще больше впечатлѣніе, достигающій высоты 8 метровъ. На террасахъ же дѣгъ растетъ величественный куско (*brayera anthelmintica*), густая листва котораго увѣшана безчисленными гроздьями розовыхъ цвѣтовъ, употребляемыхъ въ видѣ настоя противъ солитера, не только въ Эсіопіи, но также въ Европѣ съ тѣхъ поръ, какъ медикъ Брайеръ рекомендовалъ это средство. Одинъ видъ фиғового дерева, *ficus daro*, походитъ на индійскую смоковницу своими воздушными корнями, образующими новые стволы, начинающіяся лѣсь, подъ которыми сотни людей могли бы найти тѣны: легенды, относящіяся, очевидно, къ даро, говорятъ о цѣлыхъ арміяхъ, стоявшихъ лагеремъ подъ вѣтвями одного абиссинского дерева. Ванце (*cordia*

¹⁾ Harris, „The Highlands of Ethiopia“.

²⁾ Th. von Heuglin, „Reise nach Abyssinien“.

²⁾ Ach. Raffray, „Abyssinie“.

abyssinica)—густое дерево, которое обыкновенно садить вокругъ домовъ. Семейство хвойныхъ представлено на высокихъ плоскогорьяхъ Эсюпіи тисомъ и особенно можжевельникомъ, исполинскій стволъ котораго достигаетъ высоты 30 и 40, а въ Шоа даже 50 метровъ высоты. Этимъ деревомъ обсажены кладбища, и вѣтки его бросаются изъ могилы. Можжевельникъ, раскалываемый на длинныя щепы,— ибо туземцы даже не даютъ себѣ труда распиливать его на доски,— есть главный строевой лѣсъ въ Абиссиніи; кромѣ того, его употребляютъ какъ топливо.

Нѣкоторыя эзіопскія области, именно предгорья Зебуля, къ востоку отъ краевой цѣпи, покрыты громадными лѣсами можжевельника, гдѣ топоръ пока еще сдѣлалъ очень мало проѣкъ. Лѣса эти представляютъ единственное въ своемъ родѣ зѣльице, такъ какъ ни въ какой другой части свѣта не увидишь хвойныхъ деревьевъ, какъ деревья сѣвернаго пояса, соединенныхъ одно съ другимъ сѣтью ліанъ, такъ густо переплетающихся, какъ ліаны тропическихъ лѣсовъ¹⁾). Но въ цѣломъ Эсюпія страна безлѣсная; общераспространенный въ Африкѣ обычай выжигать сухую траву на пастбищахъ объясняетъ истребленіе почти всѣхъ лѣсовъ на высотахъ. Во многихъ мѣстахъ не увидишь, съ высоты горъ, другихъ зеленыхъ пятенъ, кромѣ тѣхъ, которыми кажутся пашни вокругъ селеній и священные рощи при церквиахъ. Впрочемъ, древесныя породы, принадлежащи абиссинской флорѣ, немногочисленны: до сихъ поръ известно не болѣе 235 различныхъ породъ, изъ которыхъ только 30 свойственны области война-дега и 10 области дега²⁾). Но, благодаря разнообразію климатовъ и растительныхъ видовъ, измѣняющихся послѣдовательно съ увеличеніемъ высоты на горныхъ склонахъ и террасахъ, Эсюпія могла бы сдѣлаться современемъ обширнымъ ботаническимъ садомъ для культуры всѣхъ европейскихъ деревьевъ, всѣхъ пищевыхъ и промышленныхъ растеній. Еѣдна минералами, такъ какъ имѣть только желѣзо, соль и сѣрь въ вулканическихъ мѣстностяхъ, да немного золотаго песку въ Годжамѣ и Дамотѣ³⁾), эта страна располагаетъ зато безконечными ресурсами, которые даетъ ей универсальность ея флоры, европейской на вершинахъ, индійской у основаній горъ; но эти естественные богатства будутъ оставаться почти непроизводительными до тѣхъ поръ, пока удобные пути сообщенія не поставятъ эзіопскія плоскогорья въ торговыя сношенія съ вѣнѣшимъ міромъ. Въ самую благоприятную пору года, когда дожди не превра-

¹⁾ Abargues de Sosten, "Asociacion espanola para la exploracion de Africa".

²⁾ G. Schweinfurth, "Petermann's Mittheilungen", 1868, № V.

³⁾ Ильгъ, недавно обѣихавшій Каффу, нашелъ эту область очень богатой минералами. Ред.

щакъ трошки въ непроходимыя топи, а ручьи въ бурные потоки, путешественнику нужны обыкновенно цѣлые мѣсяцы, чтобы пройти Абиссинію, отъ береговъ Краснаго моря до равнинъ, спускающихся къ Нилю. Мѣста остановокъ, условія продовольствія опредѣляются верховной властью, и многимъ путешественникамъ приходилось ждать по недѣлямъ и мѣсяцамъ разреѣнія продолжать путь.

Разнообразіе климатовъ и флоръ имѣеть слѣдствіемъ разнообразіе животныхъ видовъ, дикихъ и домашнихъ: какъ растенія слѣдуютъ одно за другимъ на бокахъ горъ въ порядкѣ, соответствующемъ порядку поясовъ на поверхности земного шара, такъ точно и фауна расположена ярусами по горнымъ склонамъ. Внизу абиссинская фауна имѣеть арабскій или сахарскій характеръ; на предгорьяхъ она соответствуетъ фаунѣ Сенегала; средиземноморская на плоскогорьяхъ, она почти европейская на вершинахъ горъ⁴⁾). Въ низкихъ равнинахъ водятся жирафы, зебры, дикие ослы, одна форма которыхъ была новинкой для натуралистовъ. Страусы тоже живутъ въ низменностяхъ. Изъ многочисленныхъ видовъ антилопъ, обитающихъ въ Эсюпіи, нѣкоторые поднимаются по откосамъ плоскогорья лишь на небольшую высоту, тогда какъ на высочайшихъ вершинахъ Симена, на высотѣ болѣе 4.000 метровъ, встрѣчается каменный барантъ. Разныя породы обезьянъ, между прочимъ, *solibus guereza*, съ великолѣпной черной и бѣлой шерстью, не покидаютъ лѣсовъ низменныхъ областей Шоа, Годжамы, Куалла-Воггара; но на высотѣ 2.000 метровъ живутъ вѣкоторые виды собачьеголовыхъ (павіановъ). Что касается носорога, то его видали въ горахъ Абиссиніи до высоты 2.500 метровъ, среди скалъ, на которыхъ онъ взирается бѣгомъ. Слонъ тоже горное животное, хотя онъ и предпочитаетъ лѣсныя чащи низкихъ равнинъ, гдѣ дѣлаетъ большія опустошенія, пожирая листья, ломая вѣтви, вырывая съ корнемъ деревья. Но когда рѣки изсыпаютъ, недостатокъ воды гонитъ его изъ низменныхъ мѣстностей: тщетно тяжелы животные ложатся въ высохшее русло потоковъ, въ надеждѣ, что хоть немножко влаги наскочитъ во владину, выдавленную ихъ грузнымъ тѣломъ; покидая теплую землю, чтобы забраться въ высокія долины, гдѣ еще текутъ кое-какіе ручьи, они бродятъ въ горахъ области Бого, господствующихъ надъ теченіемъ Таккаце и надъ берегами озера Тана. Впрочемъ, эти толстокожія становятся рѣдки, потому что охотники преслѣдуютъ ихъ съ ожесточеніемъ, не только ради ихъ драгоценныхъ бивней, но также потому, чтобы отомстить за вредъ, наносимый ими полямъ. Арабы, жители равнинъ, рассказываютъ, что слоны отлично

⁴⁾ Ach. Raffray, "Bulletin de la Société de Géographie de Paris", 1884.

знаютъ, когда нужно ожидать прохода обозовъ съ дуррой, отправляемой въ горы: подкарауливая караванъ изъ засады, они вдругъ появляются посреди дороги; испуганные верблюды становятся на дѣбы и убѣгаютъ, сбросивъ съ себя кожаные мѣшки, наполненные хлѣбомъ, и догадливые грабители овладѣваютъ большими запасами зерна¹). Недостатокъ же воды въ равнинахъ заставляетъ бегемотовъ пробираться во внутреннюю Эфиопію, до подошвы водопадовъ: они купаются въ водоемахъ верхняго Таксаке и не боятся всходить по скатамъ горъ изъ болыое разстояніе отъ потока; эти толстожилы водятся также во множествѣ въ водахъ озера Тана, но не достигаютъ тамъ такихъ розыщихъ размѣровъ, какъ въ африканскихъ бѣкахъ. Крокодилы поднимаются по рѣкамъ Абиссиніи почти до самыхъ истоковъ; но тѣ изъ нихъ, которые не могутъ уйти, поднимаясь по текучимъ водамъ, и которыхъ отступленіе озеръ или временныхъ лужъ въ высохшихъ рѣкахъ оставляетъ въ тивѣ, погружаются въ озячу изъ все времія, пока продолжается засуха; новый разливъ пробуждаетъ ихъ изъ оцепенія.

Левъ рѣдко заходитъ въ мѣста, лежащія выше низменныхъ пространствъ, и по направлению къ сѣверу не переходитъ за территорію племени бені-амерь; отъ своихъ родичей центральной Африки онъ отличается темнымъ цѣломъ гривы, а одна разновидность, живущая на берегахъ Таксаке, имѣть даже совершенно черную шерсть. Убить льва считается славнымъ подвигомъ для воина: победитель съ торжествомъ приносить шкуру сраженнаго звѣри своему королю, который жалуетъ ему отъ нея не сколько обрѣзковъ, прибиваемыхъ въ видѣ украшения. Леопардъ опаснѣе льва, потому что онъ смѣлѣе и рыскаетъ по странѣ до высоты 3.300 метровъ; отвѣдавъ разъ человѣчья мясо, онъ уже предпочитаетъ его всякому другому: Эфиопія, какъ и Индія, имѣть своихъ «людоѣдовъ» между дикими животными. Другой хищный звѣрь, еще болѣе страшный,—*wobo* или *асамбо*, котораго Левенрѣй считалъ волкомъ²), но который, говорятъ, имѣть свойства льва и леопарда: во всѣхъ мѣстностяхъ Эфиопіи туземцы увѣряютъ, что видѣли его желтую или сѣроватую, съ черными полосами, шубу; къ югу отъ Абая, одинъ изъ нихъ звѣрей напалъ на хижину Чекки и разорвалъ ребенка³). Пятнистая гіена очень быкова. Буйволъ, встрѣчающійся особенно въ куаллахъ, близъ рѣкъ и ручьевъ, изъ личьихъ звѣрей всего чаще нападаетъ на человека; пѣтъ врага, котораго бы онъ испугался; никакія преграды не въ состояніи останов-

ить его—ни болота, ни скалы, ни чащи колючаго кустарника. Когда убиваются старыхъ буйволовъ, всегда находять у нихъ на тѣлѣ глубокіе знаки битвъ; часто они ломаютъ свои исполинскіе рога, достигающіе иногда 60 центиметровъ въ окружности основанія; рога эти служатъ любимымъ кубкомъ у эзопскихъ гастрономовъ. Дикая фауна заключаетъ въ себѣ также кабановъ, мясо которыхъ эзопскіе христіане иногда єдятъ, чтобы подразнить магометанъ; но обыкновенно это животное считается нечистымъ. Абиссинцы не прикасаются также къ черепашнему мясу; но изъ всѣхъ живыхъ существъ заяцъ наиболѣе противенъ имъ, и они ни за что не рѣшатся отвѣдать мяса этого грызуна, въ отношеніи котораго ими еще строго соблюдается законъ Моисея. Обыкновенно повторяютъ, что въ Африкѣ неѣтъ пѣвчихъ птицъ, но никогда нельзя лучше, чѣмъ въ Эфиопіи, убѣдиться въ неосновательности этого общепринятаго мнѣнія: пѣвчія птицы представлены въ этой странѣ большимъ числомъ видовъ, при томъ почти всѣ они отличаются яркимъ оперениемъ⁴). Священный ибисъ (*geronticus aethiopicus*), котораго не видно больше на берегахъ египетскаго Нила, все еще живеть въ высокихъ абиссинскихъ долинахъ. На вѣтвяхъ деревьевъ, наклоненныхъ надъ ручьями и стоячими водами, висятъ безчисленныя гнѣзда ткачика (*textor alecto* или *ploceus aegaeus*), птички изъ семейства воробынныхъ; Штеккеръ насчиталъ 872 этихъ корзиночекъ, висѣвшихъ на одной акадії⁵).

Смотря по высотѣ обитаемой ими области, абиссинцы имѣютъ различныхъ домашнихъ животныхъ. Верблюдовъ они держать только въ низменныхъ частяхъ страны, и выше 1.500 метровъ уже не встрѣтишь этого животнаго. Что касается абиссинской лошади, очевидно, арабскаго происхожденія, то она распространилась во всѣхъ населенныхъ мѣстностяхъ Эфиопіи, но видоизмѣняясь мало-по-малу: она менѣе, коренастѣе арабской, отличается собачьей вѣрностію и не уступаетъ мулу выносливостію и ловкостію при восхожденіи по горнымъ тропинкамъ. Осель тоже былъ введенъ на плоскогорьяхъ, но тамъ это животное почти безсильное и мало пригодное для перевозки; онъ не имѣетъ ни одного изъ качествъ, такъ выгодно характеризующихъ его египетскихъ родичей. Эфиопія, съ ея обширными пастбищами, покрытыми густой, сочной травой,—страна особенно благопріятная для скотоводства, и нѣкоторыя изъ расъ, отличающихся ростомъ и формой, длиной роговъ и цѣвѣтомъ шерсти, могли бы соперничать съ лучшими европейскими породами. Два вида овцы, одна съ тонкимъ, другая съ толстымъ хвостомъ, такъ

¹⁾ Th. von Heuglin, „Reise nach Abyssinien“.

²⁾ „Voyage en Abyssinie“, 4 partie, „Histoire naturelle, Zoologie“.

³⁾ Th. von Heuglin; — Antinori; — „Esploratori“, dic. 1882.

⁴⁾ Rohlf, „Meine Mission in Abessinien“.

⁵⁾ „Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft in Deutschland“, vol. III, 1881, № 1.

же, какъ промежуточный видъ, встрѣчаются въ различныхъ частяхъ плоскогорья. Абиссинцы разводятъ также козъ, кожа которыхъ даетъ пергаментъ, употребляемый главнымъ образомъ для переписки книгъ духовнаго содержания; но у нихъ нѣтъ ни свиней, ни голубей, ни утокъ, ни гусей; курь можно встрѣтить въ каждой деревнѣ, а при нѣкоторыхъ церквахъ держать пѣтуховъ, которые своимъ пѣніемъ возвѣщаютъ часъ утренней молитвы. Домашнія собаки всѣ мелкой породы, безъ замѣчательныхъ качествъ, за исключеніемъ пастушихъ собакъ, отличающихся крупнымъ ростомъ и большой храбростю. Въ нѣкоторыхъ округахъ Эїопіи занимаются также пчеловодствомъ; но замѣчено, что медъ имѣеть ядовитыя свойства вездѣ, гдѣ пчелы сосутъ цветки молочая-кандалибра,—явление, подобное тому, которое наблюдали со временемъ глубокой древности въ горахъ Кавказа и Понта.

Въ населеніи Эїопіи слились весьма разнообразные элементы. Переселенцы съ полуострова Аравійскаго, съ береговъ Нила, съ окружающихъ высокихъ и низменныхъ равнинахъ неоднократно смышивались тамъ съ аборигенами или первоначальными жителями страны. Аборигенами считаются агау или «вольные люди»¹⁾, которые еще составляютъ основу эїопской націи и живутъ главнымъ образомъ въ провинціяхъ Ласты, на Верхнемъ Таккаце, и въ Агаумедерѣ, къ западу отъ озера Тана. По мнѣнію египтологовъ, агау—потомки нубійскаго народа уауа, о которомъ говорятъ древніе египетскіе памятники, и который былъ постепенно оттесненъ къ Верхнему Нилу и въ горы. Различные обряды указываютъ, будто бы, на продолжающееся вліяніе древне-египетской религіи. На берегахъ Голубаго Нила, такъ же, какъ на Таккаце, агау справляютъ праздники въ честь божественной воды. Они почитаютъ также змѣю, которая играла такую важную роль въ первоначальной мифологии египтянъ, и которую и теперь еще боготворятъ многіе народы Старого и Нового Свѣта²⁾. Агау говорятъ особыеннымъ нарѣчіемъ, хамтенга или хамва, которое, впрочемъ, принадлежитъ къ тому же корню, какъ и амхаринъ, обычный языкъ абиссинцевъ.

Фелаші, эїопскіе евреи, число которыхъ опредѣляютъ различно, отъ 10.000 до четверти миллиона, по всей вѣроятности, братья агау по происхожденію: они встрѣчаются во всѣхъ частяхъ плоскогорья и даже въ Шоа и Кураге, разделенные на три религіозныя группы, имѣющія каждая своего первосвященника: въ южной Эїопіи ихъ называютъ фенджами; теперь ихъ уже нѣтъ въ горахъ Симена, гдѣ они еще

въ концѣ шестнадцатаго столѣтія составляли большинство населенія¹⁾). Имя ихъ «фелаша» значитъ «изгнанные», и они действительно называютъ себя потомками изгнанниковъ Святой Земли. Съ другой стороны, они любятъ также ссылаться на легенду, производящую ихъ отъ Менелика, сына Соломона и царицы Сабейской. Изъ путешественниковъ, посѣтившихъ фелашей, многіе находить, что типъ ихъ очень напоминаетъ восточныхъ евреевъ; но большинство изслѣдователей не замѣтили поразительной разницы въ чертахъ лица между этими туземцами и ихъ сосѣдями, развѣ только ту, что глаза у первыхъ немного скосены, какъ и у агуа²⁾). Равнымъ образомъ и языки фелашей, куара, хуара или хуараца, который, впрочемъ, кажется, близокъ къ исчезновенію, походитъ на идіомъ агуа, чтѣ придаетъ еще большую вѣроятность гипотезѣ относительно общности происхожденія этихъ двухъ группъ населенія. Но религіозное рвеніе «изгнанниковъ» такъ сильно связываетъ ихъ съ евреями, что нѣтъ ничего удивительнаго, если другіе сыны Израїля смотрѣть на нихъ какъ на единоплеменниковъ³⁾). Во всякомъ случаѣ, было время, когда религіозная связь между различными іудейскими общинами, отъ Палестины до Эїопіи, была полная: отъ іерусалимской горы Морія до многочисленныхъ «Синаевъ» африканскихъ плоскогорій сообщенія были непрерывныя, благодаря могущественнымъ еврейскимъ республикамъ, занимавшимъ большую часть Аравійского полуострова, и изъ которыхъ одна существовала еще въ Гимаритской странѣ за пятьдесятъ лѣтъ до рожденія Магомета. Съ востока религія распространилась черезъ Красное море, и когда наступилъ періодъ упадка, «избранный народъ» всего лучше сохранился на западѣ. Фелаші не имѣютъ уже, какъ прежде, религіознаго преобладанія въ Эїопіи, и династіи ихъ оставили по себѣ одно только воспоминаніе; однако, они и не составляютъ, какъ евреи въ Аравіи, всѣми презираемой и гонимой касты.

Во всѣхъ почти провинціяхъ фелаші держатся особнякомъ отъ другихъ абиссинцевъ, живя въ отдельныхъ селеніяхъ или въ особыхъ кварталахъ въ городахъ: ихъ «мечети», раздѣленыя на три отдѣленія неравной святости, какъ скініи первыхъ израильянъ, можно узнати издали по глиняному горшку, поставленному на конькѣ кровли. Очень заботящіеся о сохраненіи въ чистотѣ своей расы, эти эїопскіе евреи никогда не женятся на иновѣркахъ; имъ даже запрещено входить въ жилища христіанъ, и когда имъ случится осквернить себя подобнымъ посѣщеніемъ, они обязаны очи-

¹⁾ Sapeto, „Esplorazione“, vol. I, 1877—78.

²⁾ Hartmann, „Abyssinien und die ubrigen Gebiete der Ostküste Afrikas“.

³⁾ Ed. Käppel, „Reise in Abyssinien“.

²⁾ Arnaud d'Abbadie, „Douze ans dans la haute Ethiopie“;—Hartmann, цитированное сочинение.

³⁾ Joseph Halévy, „Frères des Falachas“.

ститься, прежде чѣмъ снова переступить порогъ своего дома. Многоженство не въ обычай, и бракъ уважается у нихъ гораздо больше, чѣмъ у другихъ абиссинцевъ, хотя женщины пользуются большой свободой; въ противоположность христіанскимъ семействамъ, ранніе брачныя рѣдкіи: брачные союзы обыкновенно заключаются въ возрастѣ отъ двадцати до тридцати лѣтъ для мужчинъ и отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ для женщинъ¹⁾). Подобно магометанамъ, они вообще стоять по нравственности гораздо выше христіанъ, своихъ господъ. Въ противоположность другимъ евреямъ, абиссинскіе юдеи не имѣютъ никакой охоты къ торговлѣ; они по большей части ремесленники—кузнецы, каменщики, плотники, гончары, ткачи; есть между ними и такие, которые занимаются землемѣромъ или скотоводствомъ, но юдеи они единогласно осуждаютъ профессію гуцица, какъ несогласную съ закономъ Моисея. Изъ этого видно, что толкованіе священныхъ книгъ у нихъ иное, чѣмъ у раввиновъ Европы и Азіи; впрочемъ, каково бы ни было ихъ сердце въ исполненіи предписаній «закона», тѣ обряды ихъ примѣшано не мало церемоний, заимствованныхъ отъ мѣстныхъ христіанъ. Главная ихъ забота—строго соблюдать день субботній, приносить жертвы на священномъ ѿсанѣ храма и, согласно традиціоннымъ формамъ, держать себя въ чистотѣ посредствомъ частыхъ омовеній и удаленія лицъ, оскверненныхъ болѣанью: каждая семья имѣеть въ деревни хижину, куда должны быть переносимы больные на опредѣленное число дней, и тамъ же всего чаще кончаютъ свою жизнь старики, лишенные неумолимымъ закономъ счастія имѣть подлѣ себя сына. Но, вѣроятно, въ очень недолгомъ времени религіозные обычай фелашей перейдутъ въ область воспоминаній, такъ какъ эфиопское правительство держится того принципа, что подданный долженъ исповѣдывать иѣру своего повелителя.

Каста камантовъ, которые встречаются въ небольшомъ числѣ въ горахъ окрестностей Гондара и въ куаллахъ сѣверо-западной покатости Эфиопіи, а также въ Шоа, говорить языкомъ фелашей и не отличается отъ нихъ типомъ лица, почему и этихъ туземцевъ причисляютъ къ агаусской расѣ. Своими преданіями они связаны съ фелашами и, подобно послѣднимъ, называютъ себя послѣдователями пророка Моисея; если они не празднуютъ субботы, то по крайней мѣрѣ отдыхаютъ въ этотъ день отъ трудовъ; нѣкоторые, говорять, воздерживаются отъ работы въ христіанскіе праздники. Однако, и христіане, и евреи смотрѣтъ на нихъ какъ на язычниковъ; говорятъ, что они ходятъ исполнить нѣкоторые обряды у подошвы скаль.

¹⁾ Henri A. Stern, „Wanderings among the Falashas in Abyssinia“.

Въ началѣ своего царствованія Феодоръ хотѣлъ было обратить ихъ насильно въ христіанскую вѣру; но ему замѣтили, что не годится третировать какъ равныхъ передъ Богомъ людей презираемаго сословія, служащихъ водопасами и дровосѣками у гондарской буржуазіи. Каманты очень трудолюбивы, и въ этомъ отношеніи могли бы служить примѣромъ абиссинцамъ, считающимъ себя выше ихъ: это благодаря имъ, Гондаръ и другіе сѣдніе города получаютъ каждое утро необходимое продовольствие²⁾). Какъ оregonцы Нового Свѣта, какъ вакуафи, живущіе въ сосѣдствѣ Килиманджаро, и различныя бантускія племена, камантскія женщины прокалываютъ себѣ мочки ушей при помощи деревянныхъ кружковъ, такъ чтобы наружный хрящъ свѣшивался на плечи. Обитающіе на берегахъ озера Тана войтосы, охотники на бегемотовъ и рыболовы, которые еще недавно говорили агаусскимъ языккомъ, также принадлежать къ первоначальному, коренному населенію: они не подвергаютъ своихъ дѣтей обрѣзанію и пытаются безразлично мясою чистыхъ и нечистыхъ животныхъ. Целланы, въ той же области, суть кочующіе пастухи.

Племена менса и бого или биленъ, живущія на сѣверной покатости Эфиопскихъ горъ, въ Сенгитѣ, Сеннагейтѣ или «Прекрасной странѣ», отдѣляющей Сахель отъ Барки, тоже, будто бы, агаускаго происхожденія, тогда какъ, по мнѣнію Антуана д'Аббади, они происходять отъ блеммисовъ. Богосы, или вѣрнѣе боасгоры, то-есть сыны Боаса, производить свой родъ отъ одного агауса изъ Ласты, который, будто бы, покинулъ родину около половины шестнадцатаго вѣка, чтобы избѣгнуть грозившей ему вендетты (родовой мести). Живя на военной границѣ между магометанами равнинныи и христіанами плоскогорья, богосы были почти истреблены тѣми и другими; въ 1858 году общее число ихъ не превышало 8.400 душъ; однако, этотъ слабый обломокъ націи сохранилъ свой языкъ, биленъ, и кое-какіе остатки христіанскихъ вѣрованій и обрядовъ. Хотя низведенный въ своей численности до нѣсколькихъ группъ семействъ, этотъ маленький африканскій народъ есть, однако, одинъ изъ тѣхъ народовъ, которые сдѣлались предметомъ глубокаго и всесторонняго изученія, такъ какъ ихъ обычай взяты за типъ обычаевъ, наблюдавшихъ у всѣхъ населеній сѣверной Эфиопіи³⁾). Общество дѣлится на два рѣзко разграниченныхъ класса—классъ «старшихъ», или *шумалье*, и классъ «клиентовъ», или «тигре», изъ чего можно заключить, что эти шлембы—побѣженные абиссинцы или иммигранты,

¹⁾ Stern, цитированное сочиненіе.

²⁾ Werner Munzinger, „Ueber die Sitten und das Recht der Bogos“;—G. Lejean, „Revue des Deux Mondes“, 1-er juin 1865;—Antoine d'Abbadie, „Bulletin de la Société de Paris“, 1866.

принятые въ качествѣ просившихъ убѣжища пришельцевъ. Тигреецъ—крепостной «старшаго» или шумалье; но послѣдній не имѣть права продать его: онъ можетъ только уступить его вмѣстѣ съ землей другому помѣщику; онъ даже обязанъ оказывать ему покровительство и защиту, мстить за нанесенные ему обиды; кровь тигрейца отъивается въ другую плебейскую кровь или въ 93 коровы, тогда какъ кровь шумалье должна быть оплачена другой благородной кровью или 158 головами скота. Старшій сынъ дворянина получаетъ въ наслѣдство его обоюдоустрой мечъ, бѣлыхъ коровъ, земли и крѣпостныхъ, но домъ отеческій достается самому младшему изъ сыновей. Дочери, почти всегда выдаваемыя замужъ въ очень раннемъ возрастѣ, не наслѣдуютъ послѣ родителей. Добрѣтель женщинъ цѣнится очень высоко, посѣгнувшій на нее приравнивается убийцѣ; но женщина, не пользующаясяуваженіемъ какъ человѣкъ, цѣнится только какъ вещь, какъ собственность: лично она существо безправное, безотвѣтственное, даже не имѣющее никакихъ обязанностей; ее уподобляютъ генѣ, животному, наиболѣе презираемому въ Эвіопіи. У богословъ мужъ никогда не видитъ лица своей тещи и даже никогда не произноситъ ея имени. Съ своей стороны, жена не могла бы, не совершивъ преступленія, назвать имена своего мужа и свекра. По преданію, великолѣпная страна, обитаемая нынѣ богословами, была отечествомъ рому, которые до сихъ поръ еще прославляются въ пѣсняхъ, какъ храбрые воины, «такіе смѣлые, что бросали копья въ небо». Надъ kostями ихъ воздвигнуты каменные памятники, и въ народѣ есть повѣры, что злые духи стерегутъ сокровища, зарытыи въ этихъ древнихъ могилахъ. Кто были эти рому? Можетъ-быть, колонисты византійской цивилизаци, хвалившіеся именемъ римлянъ; можетъ-быть, адультанцы, загнанные внутрь страны мусульманскими нашествіемъ¹⁾.

Къ сѣверу отъ богословъ, и тоже на передовыхъ террасахъ Эвіопскихъ горъ, живетъ племя такуа, также агаусского происхожденія, говорящее биленскимъ нарѣчіемъ, почему этихъ туземцевъ, какъ и богословъ, называютъ иногда биленами. Подобно большинству своихъ соудѣй, такуа съ гордостью называютъ себя—вѣроятно, не безъ основанія—націей побѣдителей; но они уроженцы Африки, по крайней мѣрѣ съ незапамятныхъ временъ, и въ Гамасенѣ еще показываютъ поля, принадлежащія ихъ родамъ. Дамбеласы, на западѣ, тоже абиссинцы, тогда какъ менса, на восточныхъ плато, и мареа, въ гористой области, ограниченной съ сѣвера теченіемъ Ансебы, приписываютъ себѣ арабское происхожденіе и даже производить свой родъ отъ дяди пророка Магомета; они

полу-номады, хотя и земледѣльцы, и живутъ въ шатрахъ. Впрочемъ, оба эти племени, менса и мареа, были христіанами, такъ же, какъ такуа и богосы, и только въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія началось дѣло обращенія ихъ въ магометанскую вѣру, прежде всего бѣдняковъ и порабощенныхъ; начальники же приняли новую религию только послѣ обращенія главной массы націи; въ большихъ бѣдахъ они иногда взываютъ о помощи къ старому богу Эгзіаберу, замѣнившему Аллахомъ въ обычныхъ молитвахъ. Со времени своего вступленія въ лоно ислама, мареа не дѣлаютъ болѣе земляныхъ насыпей надъ могилами покойниковъ, какъ богосы. Въ числѣ около 16.000 душъ, они дѣлятся на два племени—на «черныхъ» и «красныхъ»; но, по странному контрасту, «красные», составляющіе южный отдѣль, воздѣлываютъ черноватыя земли, тогда какъ мореа, «черные», живутъ на почвѣ краснаго цвѣта. Что касается ихъ языка, то они говорятъ на рѣчиемъ побѣдленного народа тигрейцевъ, жалкихъ и лотовъ, безправныхъ существъ, которыхъ считаются рабами каждого мареа въ отдѣльности и цѣлой націи, вопреки правиламъ ислама, дающимъ имъ братерьевъ всѣмъ вѣрующимъ безъ различія. Когда умираетъ кто либо изъ благороднаго сословія, то-есть изъ мареа, каждый домохозяинъ тигреецъ обязанъ привести корову наслѣдникамъ усошаго. Во всемъ свѣтѣ нѣтъ расы аристократовъ, которая бы равнялась мареусу по гордости. Оттого «смерть безъ фразъ» есть единственная кара, какая можетъ быть на него наложена; онъ никогда не явится ни передъ какимъ судилищемъ, никогда не унизится до того, чтобы извиниться или оправдываться. Когда кровь расы осквернена рождениемъ виѣ брака, отецъ, мать, ребенокъ предаются смерти всѣ вмѣстѣ: такъ исчезаютъ слѣды преступленія противъ чистоты породы¹⁾.

Хабабы или азъ-гиббесы, пастухи, кочующіе къ сѣверу отъ племенъ менса и мареа, на гористыхъ плато, ограниченныхъ съ востока прилегающе къ Красному морю равниной Сахель, съ запада долиной Барки, тоже связаны съ эвіопскими населеніями своимъ языккомъ, происходящимъ отъ языка гезъ, какъ и тигрейскій, и предавіями, ибо они были христіане, по крайней мѣрѣ по имени, до половины девятнадцатаго столѣтія; сдѣлавшись изъ земледѣльцевъnomадами, они приняли религию другихъ кочевыхъ племенъ, которыми они окружены. Раздѣленные на маленькия пастушескія республики, все богатство которыхъ заключается въ скотѣ, хабабы перекочевываютъ съ горъ на предгорья и въ равнину, отыскивая мѣста, где есть вода и пастбища. На зиму великолѣпное плато Нафка, которое можетъ быть разсмотрѣваемо какъ центръ области хабабовъ, совер-

¹⁾ G. Lejean, цитированное сочиненіе.

¹⁾ W. Munzinger, „Ostafrikanische Studien“.

шенно пустыть и отдаётся въ полное владѣніе дикимъ звѣрямъ; между тѣмъ остатки построекъ, могилы, расположенные тремя или четырьмя круговыми уступами¹⁾), доказываютъ, что прежде эта страна была обитаема осѣдлымъ образомъ: развалины эти приписываются бѣтъ-малы или «людямъ богатаго дома»²⁾, маленькому племени, какъ полагаютъ, принадлежащему къ первобытнымъ жителямъ. Слонъ въ землѣ хабабовъ такой же кочевникъ, какъ и люди. Пока продолжаются зимніе дожди, онъ бродитъ цѣлыми группами по восточнымъ скатамъ плоскогорья, на окраинѣ равнины Сахель; затѣмъ, лѣтомъ, поднимается къ высотамъ плато Нафка, чтобы спуститься послѣ на западъ и пробраться въ долину Барки и на склоны абиссинскихъ горъ³⁾.

Къ западу, къ сѣверу и къ востоку отъ хабабовъ, въ низменностяхъ, тянется полукругомъ смѣшанный поясъ, занимаемый бени-амерами, которые произошли, кажется, отъ смѣшанія абиссинцевъ и беджасовъ, и у которыхъ «бедуніскій» идіомъ беджасовъ борется за преобладаніе съ тигранскимъ діалектомъ, извѣстнымъ въ краѣ подъ именемъ гасса. Сахельские вѣтхабы, всѣ благородные и признаваемые за таковыхъ сосѣдями, тоже раздѣлены между двумя гlosсологическими зонами. Эюопскій элементъ тѣмъ сильнѣе представленъ, чѣмъ ближе племена бени-амеровъ къ большому плоскогорью: племена, живущія въ сосѣдствѣ менсанъ, въ равнинахъ Самхара, говорять почти исключительно тигранскимъ нарѣчіемъ⁴⁾; кровные союзы дѣлаются черезъ дочерей богословъ и другихъ горныхъ народцевъ, которыхъ, т. е. дочерей, бени-амеры берутъ себѣ въ жены; сами же они слишкомъ горды, чтобы отдавать своихъ дочерей въ замужество къ абиссинскимъ племенамъ. Въ этихъ промежуточныхъ областяхъ, какъ на невольничихъ рынкахъ, окружающихъ область плоскогорій, можно встрѣтить самые разнообразные типы, отъ типа агау, съ широкимъ лицомъ и выдающимися скулами, до типа арабовъ или арабизованныхъ, каковы гадендоа или шайкіехи, съ высокимъ лбомъ, съ щеками щеками, съ тонкимъ носомъ, съ динами, почти свирѣпымъ взглядомъ.

Что касается сахо или шохо, которые занимаютъ къ западу отъ Массовы, покатость плоскогорья Гамасень, и которые къ рессурсамъ, называемымъ скотоводствомъ, прибавляютъ зарубки, доставляемые имъ ремесломъ проводниковъ между приморскимъ портомъ и горами, то они признаются нѣкоторыми писателями за народъ абиссинцевъ, тогда какъ большинство путешественниковъ причисляютъ ихъ къ афа-

рамъ или даже къ галласамъ⁵⁾; нарѣчія ихъ, афарского происхожденія, походятъ на диалекты, которыми говорятъ во всей южной области до реки Ауашъ. Хотя очень умѣренные въ пищѣ, они довольно полные изъ себя, и цвѣтъ лица у нихъ удивительно свѣжий. Господствующая религія у племени шохо, какъ и у всѣхъ народностей поморья,—магометанская; однако, въ сосѣдствѣ плоскогорья встречаются туземцы этого племени, у которыхъ къ мусульманской вѣрѣ примѣщано не мало христіанскихъ воспоминаний, и нѣкоторыя селенія, гдѣ имѣютъ пребываніе миссионеры, обратились въ католицизмъ. Шохо, хотя номинально подвластны «царю царей», въ дѣйствительности независимы, и начальники ихъ не имѣютъ другаго авторитета, кромѣ имени: всѣ члены племени соѣджаются, какъ равные, въ собраніяхъ, и тотъ изъ нихъ, кто попытался бы продиктовать свою волю, былъ бы исключенъ или преданъ смерти. Соблюденіе наслѣдственныхъ обычаевъ, уваженіе общественнаго мнѣнія—вотъ узы, соединяющія шохо въ сложенную націю. Законъ крови соблюдается съ крайней строгостью. Убийца долженъ умереть или заплатить цѣну, опредѣленную за человѣческую жизнь. Когда скрывшійся убийца не имѣетъ родныхъ, которые могли бы отвѣтить за него, племя должно заступить ихъ мѣсто, и тогда бросаютъ жребій, чтобы узнать, кто будетъ должникомъ крови. Впрочемъ, иногда бываетъ, что семья убийцы соглашается на его казнь, и въ этомъ случаѣ родные и друзья приходятъ, каждый по очереди, взять свою долю отвѣтственности за смерть, потянувъ веревку, привязанную къ ногамъ казнімаго⁶⁾.

Къ западу отъ эюопскихъ плоскогорій, на предгорьяхъ, обращенныхъ къ Атбарѣ, Рахаду, Дендеру, Голубой рекѣ и ея притоку Тумату, скрещенія абиссинской расы происходили не съ арабами или афарами, но съ другими этническими элементами, съ негритинскими народностями. Общее имя, даваемое этимъ туземцамъ, населяющимъ западный склонъ горъ Эюопі, — шангала или шанкала: подъ этимъ наименованіемъ соединяютъ множество племенъ, различныхъ по наружному виду, языку и происхожденію. Они схожи между собою только цвѣтомъ кожи, почти чернымъ, да состояніемъ относительного варварства, въ которомъ ихъ поддерживаютъ постоянныя войны и безпрерывная охота на человѣка. Съ незапамятныхъ временъ и понынѣ эюопскіе «бароны», живущіе въ сосѣдствѣ шангальскихъ племенъ, считаютъ однимъ изъ драгоценнѣйшихъ своихъ правъ право спускаться въ лѣса предгорій со своей шайкой загонщиковъ и стрѣлковъ, убивать несчастныхъ, осмѣливающихся защищать

¹⁾ Th. von Henglin, „Reise in Nordost-Afrika“.

²⁾ Henri Daveyrier, рукописная замѣтка.

³⁾ Th. von Heuglin, „Bulletin de la Société de Géographie du Caire“, 1876.

⁴⁾ Werner Manzinger, „Ostafrikanische Studien“.

⁵⁾ Ed. Ruppel, „Reise in Abyssinien“.

⁶⁾ Ach. Raffray, „Abyssinie“.

свои деревни, и уводить партию пленниковъ, чтобы презентовать ихъ своему государю или продать торговцамъ невольниками. Въ сосѣдствѣ равнинъ, шавгальласамъ угрожаетъ другой врагъ,—арабы, которые тоже обратили въ рабство значительную часть чернокожаго населенія. Наконецъ, на югѣ нашествія галласовъ или ильмъ-орма часто сопровождались обезлюдненіемъ страны; правда, галласы, опустошивъ некоторые округи, сами поселились въ нихъ на жительство: таковы, къ западу отъ Абая, галласы провинціи Мече, сдѣлавшіеся постоянными жителями на абиссинской территорії; у этихъ галласовъ нѣтъ болѣе ярыхъ враговъ, чѣмъ ихъ прежніе соотечественники: патріотизмъ измѣнился вмѣстѣ съ почвой¹⁾.

Цивилизованные зеіопы плоскогорій составляютъ двѣ главныя группы, различающіяся языкомъ и преданіями: жители Тигре, то-есть сѣверо-восточныхъ возвышеностей, и жители Амгары и Шоа, западныхъ и южныхъ областей. Тигрецы, давшіе свое имя занимаемой ими провинціи, имѣютъ, можетъ-быть, немного болѣе рѣзкія черты лица, чѣмъ другіе абиссинцы, отъ которыхъ ихъ, впрочемъ, трудно отличить; но они говорять особымъ языкомъ, тигринья, происшедшімъ отъ геза, классического языка, на которомъ написаны религіозныя книги, и на которомъ священнослужители совершаютъ богослуженіе въ церквяхъ, какъ-бы для того, чтобы придать больше святости своимъ молитвамъ и славословіямъ, произнося слова, неизвѣстныя народу. Семитические корни геза встрѣчаются, болѣе или менѣе смѣшанные со словами языка аборигеновъ и со словами галласского происхожденія, въ діалектѣ тигринья, такъ же, какъ въ родственномъ нарѣчіи тигрѣ (тигре, тиграй), употребляемомъ населеніями сѣверного склона горъ, въ высокихъ долинахъ притоковъ Барки. «Бедуинскій» языкъ хабабовъ есть гезъ, сохранившійся почти безъ измѣненій, и часто бывали примѣры, что абиссинские теологи нарочно отправлялись въ сѣверные горы и подолгу жили среди этимъ смиренныхъ пастуховъ, чтобы изучить въ живой рѣчи начала своего священнаго языка²⁾. Другое нарѣчіе того же происхожденія, гасса, мало отличающееся отъ тигра, сохранилось у бени-амеровъ, въ равнинахъ Самхара, прилегающихъ къ Красному морю; но у этого народа, гдѣ арабскій элементъ борется съ элементомъ зеіопскимъ, первый постепенно одерживаетъ верхъ; съ этой стороны, глоссологіческій поясъ Абиссиніи мало-по-малу съживается въ пользу арабскаго языка, подобно тому, какъ до недавняго времени христіанская религія была оттеснена исламомъ.

Изъ двухъ главныхъ зеіопскихъ языковъ,

тигринья и амхаринья, послѣдній, также происшедший отъ геза, болѣе распространенъ, благодаря превосходству цивилизациіи, принадлежащему жителямъ Амхары, и ихъ политическому преобладанію. Амхаринья—языкъ торговли и дипломатіи; онъ въ то же время и языкъ литературный, имѣющій свою особенную азбуку, состоящую изъ 33 буквъ, каждая съ 7 различными формами, слѣдовательно, всего изъ 251 знака, которые пишутся отъ лѣвой руки къ правой, какъ въ нашихъ европейскихъ языкахъ, и числомъ сочиненій, написанныхъ на этомъ языке, уже настолько значительно, что они составляютъ цѣлую библіотеку. Важайшія изъ этихъ библіотекъ находятся въ Европѣ, и первое мѣсто между ними занимаетъ абиссинская библіотека Британскаго музея, которая заключаетъ 348 сочиненій, взятыхъ большей частію изъ коллекцій царя Феодора. Большинство амхаринскихъ книгъ духовнаго содержанія и составлены для назиданія вѣрующихъ, но магія, исторія, грамматика тоже представлены въ собраніяхъ зеіопскихъ сочиненій, напримѣръ, въ библіотекѣ д'Аббади, состоящей изъ 234 рукописей¹⁾). Наука обладаетъ уже тремя словарями языка амхаринья; новый изъ нихъ, составляющій филологический трудъ капитальной цѣнности, есть тотъ, надъ которымъ д'Аббади работалъ больше четверти столѣтія. Что касается нарѣчій тигринья, то они не имѣютъ никакой литературы.

Абиссинцы различныхъ провинцій, Тигре и Амхары, представляютъ значительные контрасты, смотря по мѣсту жительства, роду занятій, пищѣ, расовымъ смѣшаніямъ; но если не брать въ разсчетъ крайностей, измѣняющихся отъ негритянскаго типа до типа бѣлыхъ европейцевъ, то можно сказать, что въ цѣломъ зеіопы отличаются красивымъ, пропорциональнымъ тѣлосложеніемъ и правильностью чертъ лица. Большинство средняго роста (1,60 метра; отъ 1,56 до 1,65 метр.)²⁾, широкоплечи, немного худощавы, но удивительно изящны въ жестахъ и манерѣ держать себя; одѣты въ свою шуму, похожую на римскую тогу, они располагаютъ съ большой граціей складки костюма, сообразно подвижнымъ впечатлѣніямъ своего ума. Лобъ у нихъ вообще высокій, носъ прямой или даже орлиный, губы толстые, ротъ болѣе выдвинутый, чѣмъ у европейца, подбородокъ заостренный. Голова, продолговатая, покрыта волосами слегка вьющимися, почти курчавыми, часто расположеными въ видѣ маленькихъ пучковъ, извѣстныхъ у мусульманъ, торговцевъ невольниками, подъ именемъ фильфиль или «зеренъ перца». Борода у абиссинцевъ, какъ и у большинства африканцевъ, рѣдкая; точно такъ же, подобно другимъ афри-

¹⁾ Arnaud d'Abbadie, „Douze ans dans la haute Ethiopie“.

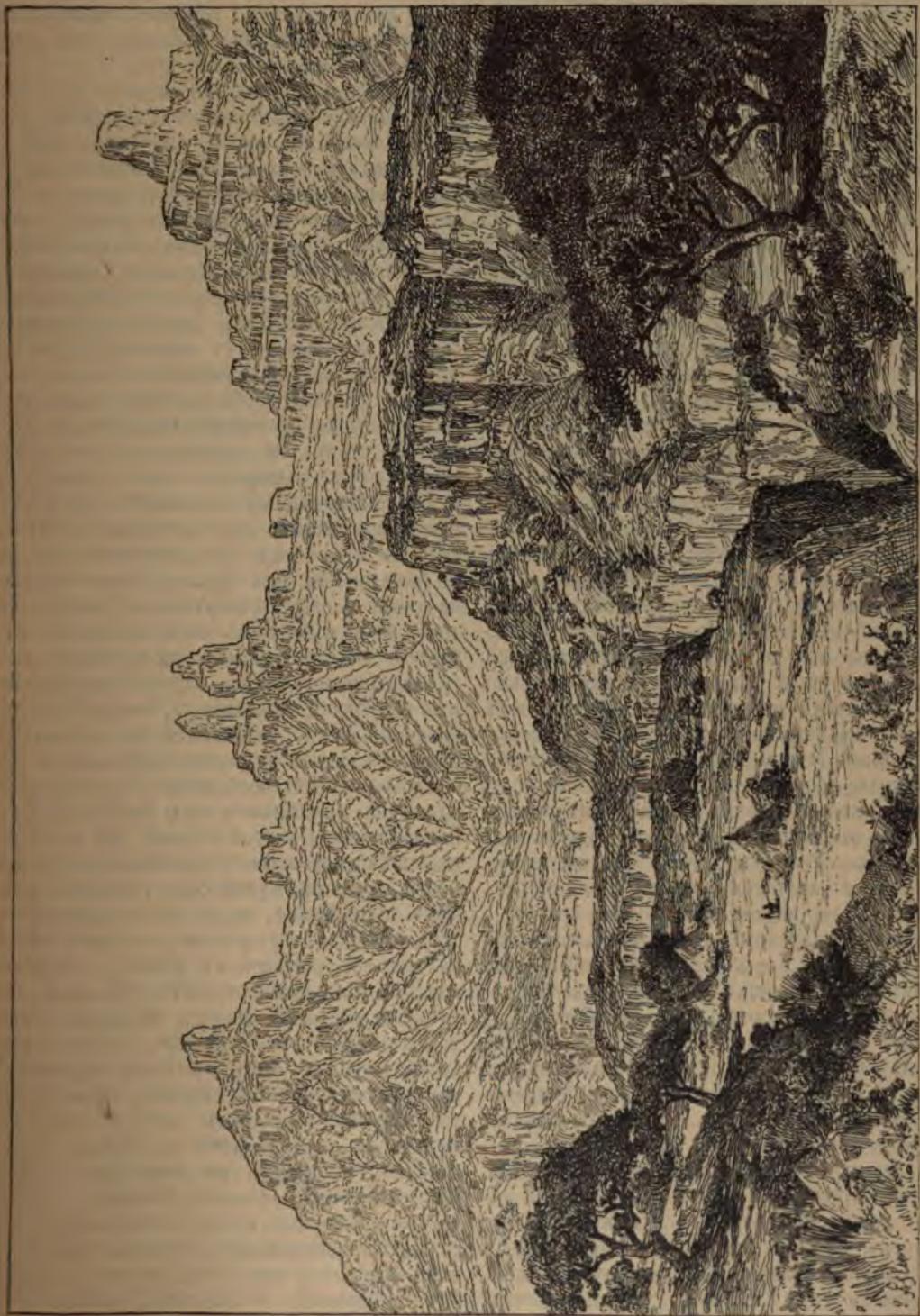
²⁾ Werner Munzinger, „Ostafrikanische Studien“.

¹⁾ Ant. d'Abbadie, „Catalogue raisonné de manuscrits éthiopiens“.

²⁾ Hartmann, „Abyssinien“.

санцамъ, они имъютъ привычку, моргая, щурить свои большие глаза, чтò часто придаетъ имъ физиономіи нѣсколько фальшивое и вѣроятное выраженіе. Что касается цвѣта кожи,

темно-желтый, иногда впадающій въ кирпично-красный; у абиссинки цвѣть лица обыкновенно довольно свѣтлый, такъ что можно замѣтить внезапно выступившую краску. Въ молодости

Горы Сименъ.

то въ Эфиопіи увидишь всѣ оттенки, отъ совершенно черного цвѣта негра до смуглого цвѣта смуглого европейца, прибрежнаго жителя Средиземнаго моря; но господствующій цвѣтъ —

большинство женщинъ очень грациозны, но периодъ красоты продолжается недолго; ростъ ихъ пропорционально меньше, чѣмъ ростъ мужчинъ; по Гартману, онъ равняется, въ сред-

немъ, отъ 1,45 до 1,48 метра, и лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ превосходить эту высоту.

Эюопы, мужчины и женщины, всѣ имѣютъ внутреннихъ нахлѣбниковъ въ видѣ солитеровъ. Теперь не подлежитъ сомнѣнію, что причина этого паразитизма — употребленіе въ пищу сырого мяса, общераспространенное у абиссинцевъ, за исключеніемъ жителей сѣверной провинціи Серауа, употребляющихъ исключительно растительную пищу¹⁾). Въ прошломъ столѣтіи разсказы Брюса объ абиссинскихъ ширахъ, гдѣ главное блюдо составляетъ брондо, то-есть еще трепещущее мясо только-что убитаго быка, приправленное перцемъ и пиментомъ, были встрѣчены общимъ недовѣріемъ и дали поводъ къ обвиненію шотландскаго изслѣдователя въ недобросовѣстности; но всѣ путешественники, постигшия послѣ него эюопскія плоскогорья, только подтвердили его слова. Чтобы избавиться отъ своего докучливаго гостя, абиссинцы прибѣгаютъ къ декокту изъ листьевъ кусса, къ горькой корѣ и къ другимъ растительнымъ лекарствамъ; но обыкновенно они предпочитаютъ лучше подвергнуться опасности заболѣванія глистами, чѣмъ отказаться отъ лакомаго брондо. Между различными недугами, которыхъ должны опасаться жители нагорья, нужно упомянуть на первомъ мѣстѣ проказу, довольно обыкновенную въ куаллахъ и особенно въ селеніяхъ, обитаемыхъ фелашами²⁾; высокія долины въ Эюопіи такъ же, какъ въ Европѣ и Южной Америкѣ, имѣютъ много заботъ между своими обитателями, особенно между женщинами³⁾. По словамъ англичанина Бланка, медика, бывшаго долгое время лѣтчикомъ царя Феодора, смертность поражаетъ въ особенности женщинъ въ родахъ, тогда какъ въ сосѣднихъ странахъ роды вообще очень легки. Раны медленно заживаютъ въ Абиссиніи, и малѣйшая контузія часто влечетъ за собой трудно-излечимыя болѣзни костей; а между тѣмъ ампутаціи рукъ и ногъ, такъ же, какъ кастрациіи, столь частыя въ этой странѣ пыточниковъ и старыхъ солдатъ, дѣлаются почти всегда безъ смертельныхъ послѣдствій, и исцѣленіе вообще идетъ быстро⁴⁾. Жители высокихъ плато боятся лихорадочнаго воздуха куалль не менѣе европейцевъ и не спускаются ниже 1.000 метровъ высоты въ дождливое время года. Опасность, которой подвергаются горцы подъ убѣдительнымъ вліяніемъ влажной жары, есть лучшая гарантія для населеній равнинъ противъ всякихъ нападеній со стороны абиссинцевъ: когда «царь царей» хочетъ наказать какой-нибудь народецъ жаркихъ земель, онъ посыпаетъ туда предпочті-

тельно галласскихъ воиновъ, на половину акклиматизированныхъ своимъ пребываніемъ въ лѣсахъ Южной Эюопіи. Впрочемъ, охотники на слоновъ и негропромышленники, спускающіеся въ низменныя области въ погонѣ за своей дичью, могутъ, говорять, безнаказанно пренебрегать міазмами равнинъ; они каждый день окуриваютъ себя сѣрой⁵⁾.

Европейцы, путешествовавшіе по Абиссиніи, различно изображаютъ характеръ эюопскихъ населеній, смотря по тому, имѣли ли они поводъ жаловаться на туземцевъ, или остались довольны оказаннымъ имъ приемомъ. Тѣмъ не менѣе, изъ ихъ описаний можно сдѣлать тотъ общій выводъ, что амхаринцы и тигрецы отличаются живымъ умомъ, большимъ запасомъ природной веселости и привѣтливостію. Не учившись искусству хорошо говорить, они, однако, выражаются съ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ, поддерживаемъмъ благородствомъ позы и пристойностью жестовъ. Даже тѣ изъ нихъ, которые посѣщали школу, гдѣ, за исключеніемъ чтенія, не научились почти ничему, кроме пустыхъ формулъ (число грамотныхъ между амхаринцами составляетъ одну пятую, между тигрецами одну двѣнадцатую)⁶⁾, вносятъ въ свою бесѣду, всегда блестящую, только банальности или софизмъ; они съ грацией касаются слегка, поверхности всѣхъ сложетовъ, не углубляясь въ нихъ, мысль ихъ всегда перебѣгаетъ съ предмета на предметъ, не со-редоточиваясь ни на одномъ. Преисполненные самолюбія, тщеславные, иногда щепетильные, они легко увлекаются въ смѣлья предпріятія: никакая будущность не кажется слишкомъ славной ихъ честолюбію; но въ случаѣ неудачи они принимаютъ злую судьбу съ полной покорностию. Въ этой странѣ, гдѣ междоусобные войны порождаютъ такія быстрыя превратности въ жизни, нужно быть готовымъ ко всяkimъ перемѣнамъ, ждать безъ волненія перехода отъ бѣдности къ богатству, безъ страха — паденія изъ роскоши въ нищету: среди абиссинцевъ нѣть сумасшедшихъ. Печальное политическое состояніе Эюопіи объясняется происхожденіемъ многихъ пороковъ, свойственныхъ ея обитателямъ. Безпрестанныя войны отвращаютъ населеніе отъ мирныхъ занятій; солдаты, живущіе грабежемъ, монахи, питающіеся подаяніемъ, заставляютъ презирать трудъ, и вся работа падаетъ на женшинъ и рабовъ. Какъ смиренные феллахи Египта, абиссинцы часто столь гордые, не считаютъ для себя унизительнымъ выпрашивать подачки: «Богъ далъ намъ языкъ для того, чтобы просить», говорятъ они цинически. У шогосовъ любовь къ бакшишу доходитъ до того, что многіе начальни-

¹⁾ Werner Munzinger, „Ostafrikanische Studien“.

²⁾ Lefebvre, „Voyage en Abyssinie“.

³⁾ G. Rohlfs, „Meine Mission in Abessinien“.

⁴⁾ Dr. Petit, Notes au „Voyage en Abyssinie“ par Le Febvre.

⁵⁾ Antoine d'Abbadie, „Séance de la Société de Géographie de Paris“, 14 avril 1882.

⁶⁾ Gobat, „Journal of a three years residence in Abyssinia“.

и племени велять хоронить себя съ рукой, протянутой изъ земли, какъ бы для того, чтобы просить еще изъ глубины могилы¹⁾). Другой обыкновенный порокъ у абиссинскаго народа— недостатокъ правдивости. Истина не можетъ быть уважаема въ этой странѣ споровъ и тонкостей теологическихъ, гдѣ каждое толкованіе опирается на священный текстъ. Произнеся прѣтву, которую онъ не имѣлъ намѣренія сдержать, одинъ царь страны Шоа, разсказываетъ Вазенциа, каждый разъ скрѣбъ языкъ между зубами и плеваль кругомъ себя, призываю своимъ царедворцамъ въ свидѣтели, что онъ чистъ себѣ ротъ: данная клятва уничтожалась этой церемоніей. «Ложь придаетъ рѣчи «соль», которой всегда недостаетъ чистой правды», говорилъ одинъ абиссинецъ французскому изслѣдователю Антуану д'Аббади.

Хотя эйопы причисляются къ «цивилизованнымъ» народамъ, земледѣліе ихъ пребываетъ еще въ первобытномъ состояніи: сохи у нихъ зачастую имѣютъ, вместо лемеха, просто засѣренный колъ или наконечникъ копья, раздирающій только почву, не переворачивающе; послѣ сѣва, никакого ухода, никакой заботы не прилагается къ землѣ до момента жатвы; некоторые растенія, очень полезныя по своимъ плодамъ или промышленнымъ продуктамъ, оставляются въ дикомъ состояніи. Даже сборъ дикорастущихъ плодовъ или продуктовъ дѣлается небрежно; такъ, напримѣръ, камедь, производимая въ изобилии акаціями въ равнинѣ Сахель, въ Самхарѣ и на покатостяхъ Эйопской цѣни, собирается только въ непосредственномъ соображеніи торговыхъ тропинокъ между Массовой и плоскогорьями. Однако, не подлежитъ сомнѣнію, что многіе растительные виды были введены въ странѣ—между прочимъ, виноградъ—въ эпоху торговыхъ сношений съ Византіей; въ этомъ столѣтіи Шимперъ распространилъ культуру картофеля, вѣмецкіе миссіонеры принесли съ собой красную капусту, паша Мунцингеръ (австріецъ) надѣлилъ область богословія многими новыми растѣніями. Если бы годныя къ воздѣльванію земли Абиссиніи утилизировались такъ же, какъ утилизируются земли наиболѣе производительныхъ европейскихъ колоній, Эйопская плоскогорья могли бы снабжать кофе и хиной всесширные рынки, а долины предгорій соперничали бы съ Соединенными Штатами по культурѣ хлопчатника.

Обрабатывющая промышленность находится въ такомъ же забросѣ, какъ и земледѣліе, эта эйопы несомнѣнно имѣютъ достаточно смылености и довольно искусныя руки, чтобы быть въ состояніи самимъ утилизировать свое сырье, вместо того, чтобы отправлять его

за границу и получать обратно въ переработанномъ видѣ: беспрестанные войны, во время которыхъ, случалось, все способное къ работѣ населеніе было призываемо подъ знамена, презрѣніе къ труду и къ трудящимся, выказываемое во всѣхъ странахъ съ феодальнымъ и рабовладѣльческимъ строемъ, не позволили абиссинцамъ развивать свое искусство и природную склонность къ промышленности. Занятіе плотничимъ, столярнымъ, каменщицкимъ ремесломъ предоставлено евреямъ фелашамъ. Тѣ же фелаши фабрикуютъ всякаго рода орудія, инструменты и оружіе, рискуя, взамѣнъ этихъ услугъ, быть ненавидимыми и преслѣдуемыми, какъ буды, то-есті оборотни или по крайней мѣрѣ какъ колдуны. Нѣсколько семействъ, происходящихъ отъ индусовъ, и натурализованные армяне украшаютъ филиграновой работой щиты, мечи и сѣда, выдѣлываютъ драгоценности и галантѣйныя вещи, оправляютъ камни для женскихъ ожерельевъ и браслетовъ; европейскіе мастера, живущіе при дворѣ, тоже способствуютъ въ известной мѣрѣ промышленному производству Эйопіи. Тонкія бумажныя ткани, употребляемыя для шумъ и другихъ принадлежностей одежды, фабрикуются въ краѣ, но бахрома красная и синяя, которой обшиваютъ края, получается вообще изъ за границы. Подобно соображеніемъ магометанскимъ народамъ, абиссинцы очень искусны въ приготовленіи кожъ всякаго рода, изъ которыхъ они выдѣлываютъ множество разнообразныхъ вещей: щиты, сѣда, амулетки. Большинство жителей сами шьютъ себѣ одежду и сами же моютъ ее съ помощью сѣянья растенія эндотъ, замѣняющихъ мыло: въ праздничные дни они считаются за честь показываться въ одеждѣ ослѣпительной блѣзны. Что касается искусства въ собственномъ смыслѣ, то обыкновенно полагаютъ, хотя и ошибочно, что оно неизвѣстно абиссинцамъ. Большинство европейскихъ путешественниковъ съ насмѣшкой отзываются о произведеніяхъ туземныхъ художниковъ, и некоторые варварскія фрески дѣйствительно таковы, что вполнѣ оправдываютъ эти нелестные отзывы. Однако, эйопская школа, происшедшая отъ церковной живописи византійцевъ, произвела нѣсколько картинъ, отличающихся по крайней мѣрѣ вдохновенiemъ и энергией: въ руинахъ Коскоамскаго дворца, близъ Гондара, можно видѣть рядомъ португальскія фрески и абиссинскую живопись, и нельзя сказать, чтобы чужеземные художники, съ ихъ безжизненными, лишенными всякаго выраженія, лицами святыхъ, выигрывали при сравненіи. Впрочемъ, въ Абиссиніи нѣть недостатка въ живописцахъ-новаторахъ, которые смѣлостью своей кисти протестуютъ противъ неподвижности традиціонныхъ правиль и рутинныхъ приемовъ²⁾. Они пускаются даже въ

¹⁾ Lefebvre, цитированное сочиненіе.

Географія Реккю т. X.

²⁾ Guillaume Lejean, „Voyage en Abyssinie“.

госовъ и менсаевъ. Въ небольшомъ разстояніи къ востоку находится резиденція шума, претендующаго на титулъ «морскаго царя»: это деревня Асмары, лежащая на самомъ краю Эзоопскаго нагорья, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога, достигнувъ покатости Краснаго мора, спускается зигзагами въ равнину. Нѣкоторыя другія группы жилищъ раздѣляютъ съ Асмарой выгоду быть мѣстомъ роздыха для каравановъ по прибытии ихъ на хребетъ тигрейскаго плоскогорья. Казенъ, къ сѣверо-западу отъ Асмары, на конечномъ выступѣ Гамасена, тоже командуется одною изъ дорогъ, спускающихся къ Массовѣ, видимой иногда въ 75 километрахъ по прямой линіи, между сѣрою линіей горизонта и сѣрою поверхности моря. Изъ Казена другая караванная дорога спускается къ сѣверо-востоку, направляясь къ Сентиту и столицѣ земли богосовъ, Керену, лежащему уже въ куаллѣ, на высотѣ 1.452 метровъ, среди масличныхъ рощъ; возлѣ города египтянами была построена крѣпость, называемая Сенгитомъ, каѣтъ и самый край, но въ силу трактата, заключенного съ англичанами, она должна быть эвакуирована и передана эзоопскому царю. Керенъ былъ центромъ католическихъ миссій въ сѣверной Абиссиніи, и изъ его большой семинаріи вышли многочисленные туземные священники для церквей, разсѣянныхъ въ разныхъ провинціяхъ имперіи. Почти все населеніе страны богосовъ и менсаевъ покинуло магометанскія обрядности, чтобы вернуться въ лоно христіанства, но подъ новой формой, проповѣдуемой миссіонерами лазаристами.

Спускаясь отъ Асмары къ Красному морю, дорога огибаетъ на сѣверѣ массивъ передовыхъ горъ, на одной изъ которыхъ находится знаменитый монастырь Биджанъ или Бизанъ, основанный въ четвертомъ столѣтіи и часто упоминаемый у португальскихъ писателей подъ именемъ монастыря Видѣнія: богомольцы, и въ числѣ ихъ путешественникъ Понсе, въ 1700 году, видѣли тамъ золотое облако, плавающее въ воздухѣ. Около тысячи монаховъ живутъ въ этой обители и въ принадлежащихъ къ ней общинахъ. У подошвы горъ, деревня Айлетъ, отдѣленная отъ приморской равнины цѣлью холмовъ, занимаетъ дно прекрасной долины, которая могла бы сдѣлаться одною изъ богатѣйшихъ земледѣльческихъ мѣстностей, а въ сосѣдствѣ, въ 5 километрахъ къ югу, бывать изъ земли горячіе ключи (59° Цельсія), довольно обильные, чтобы образовать ручей; окружающая почва, до 50 метровъ вокругъ отверстія, изъ котораго выходятъ эти воды, настолько горяча, что по ней нельзя ходить босыми ногами. Спускаясь съ плоскогорья, абиссинцы имѣютъ обыкновеніе окунуться въ Айлетскій источникъ и иногда даже купаютъ въ немъ своихъ барабановъ; въ той части этого горячаго ручья, гдѣ вода уже охладилась до 48 граду-

совъ¹), живетъ жестокрылое насѣкомое, укушеніе котораго ядовито. На сѣверѣ, въ Самхарѣ, видны многочисленные остатки древности, между прочимъ, могилы, изъ которыхъ иныя походятъ на мегалитовые памятники Франціи²). Древній городъ, теперь пустынныій, покрываетъ пространство, имѣющее нѣсколько километровъ въ окружности.

Въ равнинѣ нѣсколько станцій слѣдуютъ одна за другой до Массовскаго берега, какъ-то: Сати, или «Лужи», получившая это название отъ скопленій стоячей воды, которая тамъ обыкновенно встрѣчаются въ сухое время года изъ высохшихъ ложахъ потоковъ; Мкулу, которую проживающіе въ Массовѣ европейцы выбрали мѣстомъ лѣтнаго пребыванія, и которую они обсадили груушами тамариндовъ и другихъ деревьевъ; Готумлу, резиденція шведскихъ миссіонеровъ и мѣстопребываніе ихъ школъ. На югѣ, деревня Аркико, дома которой проглядываютъ между мимозами, есть нѣчто въ родѣ столицы: тамъ имѣеться пребываніе наѣбъ, происходящій отъ династіи начальниковъ, которые съ конца шестнадцатаго столѣтія служатъ посредниками для торговли между Эзоопіей и Массовою; жители этого края состоять подъ двойной зависимостью отъ купцовъ сосѣднаго порта и отъ абиссинцевъ плоскогорья, которыхъ право собственности на землю существуетъ изъ вѣка въ вѣкъ и которые каждый годъ подновляютъ это право зимними посѣвами³). Турки, овладѣвъ островомъ и поморьемъ въ 1557 году, попробовали сначала управлять непосредственно прибрежными населеніями; но, убѣдившись въ своемъ безсиліи противъ неуловимыхъ враговъ, кочевниковъ, передали свою власть начальнику белаусовъ, племени народа хабабъ, кочевавшему въ окружающихъ равнинахъ; даже гарнизонъ Массовы, состоявшій главнымъ образомъ изъ босняковъ, слился мало-по-малу съ хабабами посредствомъ смѣшанныхъ браковъ⁴). Сдѣлавшись наѣбомъ или «намѣстникомъ» вице-королей Геджаса, вождь белаусовъ сталъ получать опредѣленную субсидію отъ турецкаго правительства, но съ обязательствомъ защищать турецкіе или абиссинскіе караваны отъ всякихъ нападеній со сторонысосѣднихъ народовъ, представлять сюзерену части пошлинь, платимыхъ купцами, и снабжать островъ необходимою для продовольствія водой. Послѣ того нерѣдко возникали несогласія между наѣбомъ и массовскими островитянами; водопроводы часто бывали перерѣзаны; нерѣдко и самъ наѣбъ, прогнанный изъ Аркико, долженъ былъ спасаться бѣгствомъ внутрь страны. Случалось также, что государи Эзоопіи, которымъ необходимо, чтобы во-

¹) G. Lejean, „Voyage en Abyssinie“.

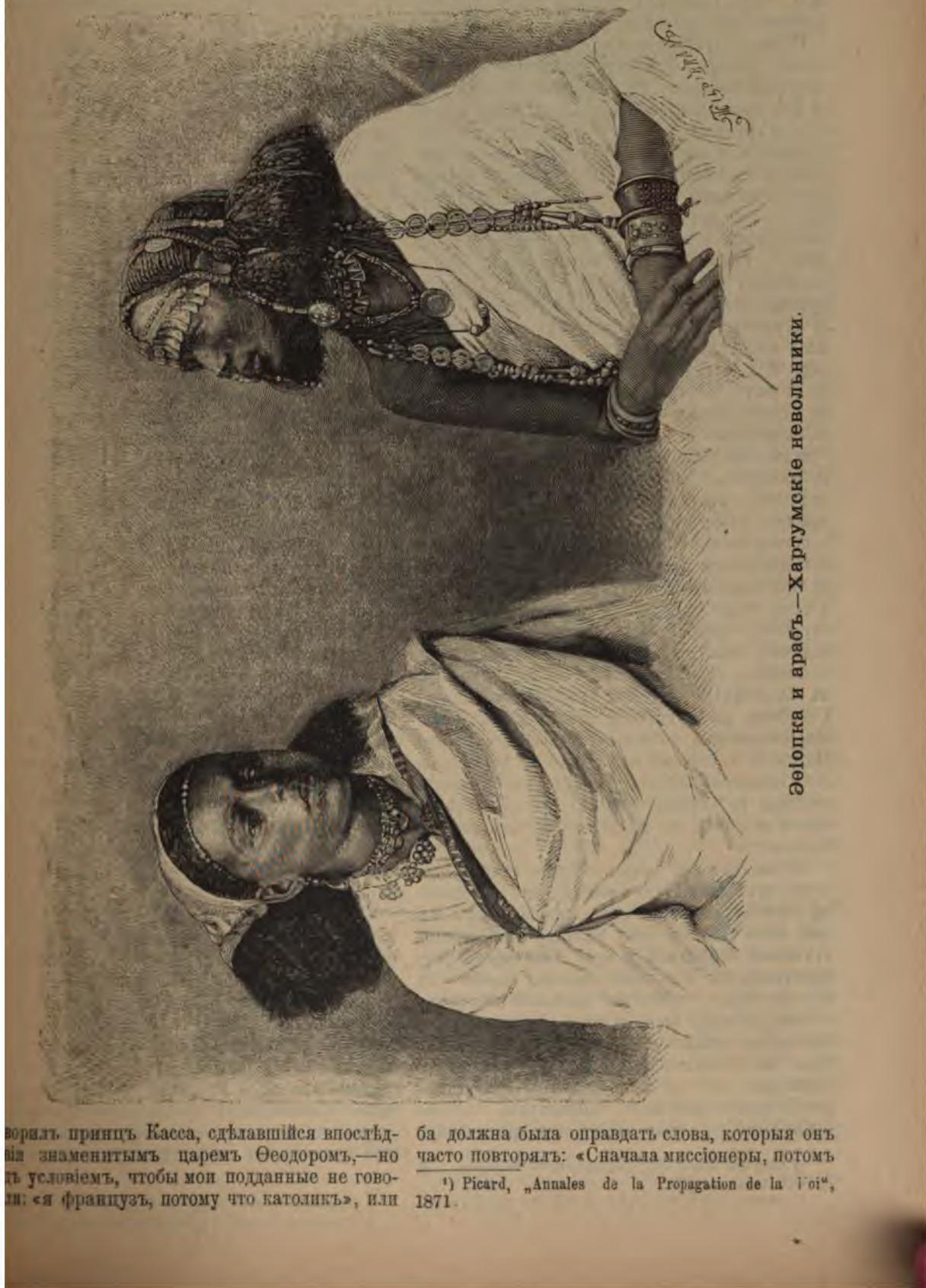
²) G. Rohlfs, „Meine Mission in Abyssinien“.

³) Munzinger;—Rohlfs, etc.

⁴) Werner Munzinger, „Ostafrikanische Studien“.

домъ съ ихъ храмами; но они боятся, чтобы
ращеніе въ иноземную вѣру не было прелю-
бъ завоеванія. «Миссіонеры будуть пользо-
ваться свободой дѣйствія въ моемъ царствѣ—

«я англичанинъ, потому что протестантъ!»¹⁾).
Позднѣе онъ даже запретилъ иностранцамъ
всякую проповѣдь и теригѣль ихъ только въ ка-
чествѣ ремесленниковъ. Собственная его судь-

ворилъ принцъ Касса, сдѣлавшійся впослѣд-
шій знаменитымъ царемъ Феодоромъ,—но
дъ условіемъ, чтобы мои подданные не гово-
рили: «я французъ, потому что католикъ», или

ба должна была оправдать слова, которыя онъ
часто повторялъ: «Сначала миссіонеры, потомъ

¹⁾ Picard, „Annales de la Propagation de la Voi“, 1871.

ковныя ограды служить кладбищами, и деревья, сажаемыя на могилахъ абиссинцевъ, считались бы и на Западѣ деревьями печали; это представители семейства хвойныхъ: кедры, тисы, можжевельники.

Королевская власть неограничена въ принципѣ, но *de facto* она сдерживается силою обычая и особенно могуществомъ тысячи беспокойныхъ вассаловъ и общинъ, населенныхъ ленниками, людьми со щитомъ или съ дротикомъ, крестьянами-дворянами, которыхъ малѣйшее измѣненіе политического равновѣсія можетъ соединить противъ царя. Можно предсказать съ большой вѣроятностію, что пока удобные пути сообщенія, проложенные по горнымъ хребтамъ и черезъ ущелья, не соединять плоскогорья одно съ другимъ и не дадутъ странѣ недостающей ей нынѣ политической и экономической связи, до тѣхъ поръ Эїопія будетъ обречена на феодальный порядокъ. Каждый массивъ, усыпанный деревнями или поселками, но точно ограниченный глубокими оврагами, составляетъ естественный ленъ, надъ которымъ господствуетъ амба или «столовая гора», такъ сказать, напередъ указанная условіями мѣстности, какъ мѣстопребываніе владѣтеля: съ высоты своей нагорной площади онъ обозрѣваетъ окрестности, вычисливая заранѣе на разстилающихся внизу поляхъ долю сбора плодовъ, которую дасть ему барышна, и подстерегая чужеземцевъ, которые заплатятъ ему проходную пошлину. Конечно, сюзеренъ старается жаловать большия церковные или военные лены только членамъ царской фамиліи или преданнымъ слугамъ; кроме того, онъ окружаетъ себя постоянной арміей *воттоаддеровъ* или наемныхъ воиновъ, теперь хорошо вооруженныхъ скорострѣльными ружьями, «одѣтыхъ въ огонь», какъ европейскіе солдаты, чтѣ избавляетъ его отъ необходимости прибѣгать къ поддержкѣ беспокойныхъ феодаловъ или добровольцевъ; равнымъ образомъ онъ старается удерживать при дворѣ тѣхъ изъ вассаловъ, которымъ особенно недобѣгаетъ, по его честолюбію сталкивается съ другими честолюбіями, его хитрость должна бороться съ другими хитростями, и счастіе не всегда улыбается одному и тому же человѣку. Новая исторія Эїопіи показываетъ, съ какой быстротой власть переходитъ изъ одиѣхъ рукъ въ другія, отъ сюзера къ вассалу; хотя всѣ *негусъ-негести*, «цари царей», «государи Израія», стараются снискать свою генеалогію съ Соломономъ и царей Савской, матерью Менеліка, первого эїопскаго царя, и носить на своихъ штандартахъ «льва колѣна Гудина», но имъ недостаетъ давности, чтобы убѣдить своихъ подданныхъ: царское достоинство не было прочно узаконено многочисленнымъ рядомъ слѣдовавшихъ одинъ за другимъ монарховъ. Въ дѣйствительности, императоръ абиссинскій властуєтъ

только надъ той почвой, на которой расположено станомъ его войско, и надъ широко открытыми городами, гдѣ его наѣздники могутъ появиться при малѣйшей тревогѣ.

Какъ въ принципѣ эїопскіе короли неограниченные повелители, такъ точно губернаторы провинцій, владѣльцы леновъ, *шумы* или «начальники» каждого города, мѣстечка или селенія, имѣютъ право все дѣлать, безъ всякой ответственности, кроме какъ передъ высшимъ начальствомъ. Существуетъ, впрочемъ, сводъ законовъ, «руководитель государей», составленіе котораго приписывается Константину Великому, и который, безъ сомнѣнія, восходить къ той эпохѣ, когда византійское вліяніе было преобладающимъ въ восточномъ мірѣ. Въ силу этого кодекса, который заключаетъ многія изъ предписаній Пяти книжія и различныя заимствованія изъ законовъ Юстиніана¹⁾, отецъ имѣетъ право жизни и смерти надъ своими дѣтьми, такъ же, какъ царь надъ своими подданными; возмущеніе сына противъ отца, вассала противъ его господина наказывается осѣщеніемъ или смертью, богохулецъ и лжецъ, призвавшій веце имя Божіе и царское, подлежитъ урѣзанію языка; воръ теряетъ правую руку, убийца выдается съ головой семьѣ жертвы и убивается такимъ же образомъ, какъ онъ самъ убилъ; однако, если убійство было невольное, потерпѣвшее семейство должно принять цѣну крови. Отрезанные или отрубленные члены осужденныхъ всегда поджигаются передъ глазами жертвъ и затѣмъ отдаются имъ, обмокнутые въ масло, дабы они могли сохранить ихъ и предать погребенію вмѣстѣ съ остальнымъ тѣломъ, такъ чтобы виновный всталъ цѣлымъ въ день общаго суда²⁾. Курить запрещено, «потому что табакъ выросъ на могилѣ Ария», и некоторые фанатическіе цари приказывали отрывать губы виновнымъ въ куреніи бѣсовскаго зелья³⁾. Рѣдко случается, чтобы начальникъ приговаривалъ къ тюремному заключенію: цѣль съ крѣпкими кольцами на концахъ прикрѣпляется однимъ концомъ къ правой руцѣ узника, другимъ къ лѣвой руцѣ его сторожа, который такимъ образомъ самъ становится пѣдварникомъ; оттого онъ старается поскорѣе избавиться отъ своего стѣснительнаго товарища посредствомъ какого-нибудь компромисса или посредствомъ окончательного суда⁴⁾. Челобитчикъ является съ камнемъ на шеѣ передъ грозными очи разгѣваннаго начальника. Когда абиссинецъ хочетъ жаловаться на другаго, онъ привязываетъ свою тогу къ тогѣ противника, и послѣдний не можетъ отвязаться, не признавъ себя *ipso facto*

¹⁾ Ed. Ruppel, „Reise in Abyssinien“.

²⁾ Lefebvre, „Voyage en Abyssinie“.

³⁾ Stern; — Tagliabue, „Esploratore“, giugno 1882; — Gabr. Ferrand, „Le Comal“.

⁴⁾ Attaud d'Abbadie, цитированное сочиненіе.

виновнымъ; онъ долженъ слѣдовать за обвинителемъ къ судѣ, и обѣ стороны, обнаживъ плечи и спину, какъ бы въ ожиданіи ударовъ, имѣющихъ постигнуть того и другаго, просятъ представителя правосудія о разборѣ ихъ дѣла. На судѣ каждый лично ведетъ свою защиту; было бы постыдно поручать веденіе своего дѣла третьему лицу: титулъ адвоката считается позорнымъ, и называть кого нибудь этимъ именемъ значитъ нанести ему обиду. Часто абиссинцы обращаются къ какому-нибудь ребенку, чтобы онъ разсудилъ ихъ; невинное сано, дитя считается лучшимъ судьей для решенія вопроса: кто правъ, кто виноватъ; выслушавъ съ важнымъ видомъ тяжущихся и свидѣтелей, маленький Соломонъ произносить свой приговоръ, который всѣ принимаютъ съ величайшимъ уваженіемъ, и который иногда бываетъ окончательнымъ решеніемъ возникшаго спора.

Рабство существуетъ въ Абиссиніи, но только по отношенію къ чернокожимъ, которые составляютъ весьма незначительную часть народонаселенія. Господинъ не имѣеть права жизни и смерти надъ личностю невольника, и даже подлежалъ бы уголовной карѣ, если бы продалъ его; вообще послѣ нѣсколькихъ лѣтъ рабства, онъ отпускаетъ его на волю, снабжая при этомъ земледѣльческими орудіями, инструментами или деньгами, необходимыми для его содержанія: сдѣлавшись клиентомъ, вольно-отпущеній увеличиваетъ значеніе своего бывшаго господина¹⁾). До принудительного обращенія мусульманъ въ христіанскую вѣру, вся торговля человѣческимъ мясомъ производилась черезъ ихъ посредство. Какъ американскиеabolitionисты, но съ совершенно противоположной цѣлью, негроторговцы установили-было «подземную дорогу», то-есть рядъ потайныхъ невольничихъ депо подъ землей или подъ лѣсами, расположенныхъ непрерывной линіей между Гондаромъ и Метамхомъ; партии невольниковъ были тщательно запираемы на день и переходили отъ одного депо до другаго только по ночамъ²⁾.

Естественный центръ Эоопіи, бывшій также въ разныя эпохи средоточіемъ имперіи, составляетъ плодоносный бассейнъ, срединная впадина которого занята водами озера Тана. Средняя высота этой благодатной области немнго больше 2.000 метровъ; это поясъ война-дега, соответствующій умѣренной зонѣ Европы, но представляющій болѣе равномѣрную температуру и болѣе богатую растительность; въ этомъ счастливомъ климатѣ поля даютъ самые обильные и самые разнообразные урожаи сравнительно съ другими частями Эоопіи; тамъ же

находятся самые многолюдные города, вообще очень рѣдкіе въ этой феодальной странѣ, гдѣ дворянскіе роды являются крѣпко организованной силой. Другая важная выгода рассматриваемой области—это ея относительная доступность. Изъ Хартума къ озеру Тана прямая дорога поднимается постепенно, не встрѣчая крутыхъ хребтовъ, кромѣ перевала Вали-дабба, лежащаго къ сѣверо-западу отъ большаго озера; но трудно было бы слѣдовать путемъ, начертаннымъ ущельями Голубаго Нила, огромнымъ полукругомъ, описываемымъ этой рѣкой въ Абиссиніи, въ земляхъ племенъ ильмъ-орма и берта.

Между городами центрального бассейна Эоопіи первое мѣсто занимаетъ Гондаръ, или точнѣ Гуэндаръ, которому прежде давали имя столицы государства, хотя онъ только духовная метрополія. Гондаръ не можетъ похвальиться древностью происхожденія: основаніе его относится къ первымъ годамъ семиадцатаго столѣтія, но онъ уже заключаетъ въ своихъ стѣнахъ больше разрушеныхъ зданій, чѣмъ домовъ въ хорошемъ состояніи. Большинство церквей были въ одинъ прекрасный день разрушены Феодоромъ въ припадкѣ гнѣва. На округленомъ холмѣ, господствующемъ надъ городомъ съ сѣверной стороны, виднѣются развалины *имна* или «крѣпкаго замка», который, несмотря на свое полуразрушенное состояніе, все еще представляетъ собою самое величественное зданіе въ Эоопіи. Его массивныя стѣны изъ розового песчаника, съ базальтовыми наугольниками, его круглая башня, его четыреугольная сторожевая башня, его высокіе порталы въ португальскомъ стилѣ придаютъ ему грандиозный видъ; но деревья и кустарники мало-по-малу завладѣваютъ дворцомъ, и, кромѣ того, цѣлые части его были систематически разрушены. «Если намъ нельзя строить памятниковъ— говорила одна царица въ половинѣ этого столѣтія—то зачѣмъ же мы будемъ оставлять въ пѣнистости памятники другихъ?»¹⁾). Издали Гондаръ, раскинувшись у подножія живописныхъ руинъ, доминируемый высокими куполами церквей и усѣянный группами деревьевъ, имѣть видъ европейскаго города, и, конечно, онъ былъ бы въ числѣ красивѣйшихъ, благодаря его амфитеатру горъ, серебристымъ ручьямъ, извивающимся въ лугахъ Дембей, синей поверхности озера, блестящей въ отдаленіи.

Гондаръ, лежащий на высотѣ около 2.000 метровъ (отъ 1.904—2.050 по различнымъ исчисленіямъ), занимаетъ южные и западные скаты пологаго холма. Дома его не сгруппированы такъ, чтобы образовать городъ въ собственномъ смыслѣ: онъ состоитъ изъ отдѣльныхъ квартиръ или мѣстечекъ, раздѣленныхъ пустопорожними пространствами и грудами развалинъ,

¹⁾ Th. Lefebvre, „Voyage en Abyssinie“.

²⁾ Guillaume Lejean, „Voyage en Abyssinie“.

¹⁾ Guillaume Lejean, „Voyage en Abyssinie“.

гдѣ иногда по ночамъ бродятъ леопарды и гиены; путешественнику Рюшелью пришлось однажды вступить въ бой съ тремя леопардами, забравшимися въ курятникъ его дома. Обширное пространство, на которомъ раскинулся Гондаръ, было вполне достаточно для десяти тысячъ семействъ, жившихъ въ этомъ городѣ во времена Брюса; но въ наши дни населеніе его исчисляется только въ пять тысячъ человѣкъ, христіанъ и евреевъ, сгруппированныхъ по отдѣльнымъ кварталамъ, смотря по религії: теперь кварталъ мусульманъ или джигерти самый пустынны¹); напротивъ, кварталъ національнаго епископа, или эчаге, гдѣ право убѣжища вообще уважается,—самый многолюдный. Дома богатыхъ жителей Гондара по большей части имѣютъ форму круглой одноэтажной башни, нижний или подвальный этажъ которой занятъ только помѣщеніями для скота и кладовыми для орудій и сѣстныхъ припасовъ; крыша изъ тростника, покрытаго травой, возвышается въ видѣ конуса надъ башней. Городъ поповъ и монаховъ, Гондаръ не имѣть торговли и промышленности, кромѣ той, какая необходима для его мѣстнаго потребленія; большинство ремесленниковъ—кузнецовъ, каменщиковъ и плотниковъ—каманты и евреи; немногочисленные сапожники работаютъ исключительно только для духовныхъ лицъ, потому что абиссинцы мѣряне ходятъ босые или обутые только въ сандалии. Въ продолженіе пяти мѣсяцевъ въ году Гондаръ былъ бы лишенъ всякаго сообщенія съ южными провинціями, если бы португальцы не построили на Магечѣ, главной рѣкѣ Дембейской равнинѣ, солиднаго моста, который до сихъ поръ устоялъ противъ всѣхъ наводненій, и на который путешественники указываютъ какъ на одну изъ архитектурныхъ достопримѣчательностей Эвіопіи, гдѣ вообще такъ мало замѣчательныхъ памятниковъ строительного искусства. Къ западу отъ Гондара, разрушенный дворецъ Коскоамъ и другія развалины замковъ и церквей тоже принадлежать къ числу достопримѣчательностей страны. На югѣ мѣстечки Фенджа и Джenda окружены пахатными полями; вообще эта плодородная равнинѣ, если бы она была вся обработана, могла бы прокормить сто тысячъ жителей.

Около сѣверо-западнаго угла Дембейской равнинѣ разсыпны деревни, составляющія вмѣсть городъ Чельгу, менѣе знаменитый, чѣмъ Гондаръ, но болѣе важный по своей значительной торговлѣ. Онъ лежитъ близъ водораздѣльного порога, между бассейномъ Голубаго Нила, черезъ озеро Тана и рѣку Абай, и показистю Атбары, черезъ Гоагь. Въ этомъ городѣ встречаются абиссинскіе купцы съ торговцами изъ Галабата и Гедарефа, прѣезжаю-

щими черезъ Вони, первый постъ эвіопской границы; въ Чельгѣ же оплачиваются привозные товары таможенной пошлиной. Въ верхней долинѣ Гоага находятся залежи превосходнаго каменнаго угля, расположенные слоями толщиной отъ 30 центиметровъ до полутора метра, и очень удобныя для разработки¹). Съ плато, струящагося безчисленными ручьями и ручейками, которое поднимается на западѣ отъ города, и высота котораго 2.340 метровъ, можно созерцать обширный кругъ долинъ и горъ, и озеро Тана или Цана, какъ его называютъ тигрейцы, показывается почти во всемъ своемъ протяженіи. У поднѣзвы базальтоваго мыса Горгора, вздымающагося въ видѣ островнаго массива близъ сѣверо-западнаго берега озера, виднѣется большое село Чангарь, имѣющее пристань, которая служитъ портомъ Гондару, Чельгѣ и другимъ городкамъ этой провинціи. На одномъ изъ холмовъ мыса, близъ бывшей королевской резиденціи, стоитъ церковь португальской постройки.

Дембейская равнинѣ сообщается съ прибрежными мѣстностями на востокѣ озера только черезъ ущелье, гдѣ находится таможенный постъ Ферка-беръ, пугающій путешественниковъ. За этимъ постомъ, города и мѣстечки, принадлежащіе къ бассейну озерной области, удалены отъ береговъ и находятся на значительной высотѣ надъ уровнемъ водъ. Амба-Маріамъ, или «Крѣпость Маріи», замѣчательна своей знаменитой церковью, построенной на ровной и безлѣсной вершинѣ высокаго мыса, у поднѣзвы котораго деревни округа Эмфрасть прячутся среди густой растительности. Ифагъ или Эйлагъ есть гирлянда деревень, окружающая основаніе голой вулканической скалы, высотою около 500 метровъ, надъ которой господствуетъ на сѣверѣ обрывистый валъ плюскогорья Бегемедерь, «страны барановъ». Другія песчаниковыя скалы, поднимающіеся единѣнно, какъ неприступныя башни, среди равнинъ изъ лавы, покрытой слоемъ чернозема, служатъ жилищемъ несметному множеству коршуновъ, которые стаями кружатся около отвѣсныхъ стѣнъ. Помѣщенный у сѣверной оконечности богатой равнинѣ, по которой протекаютъ многоводныя рѣки Ребѣ и южная Гумара, и при входѣ въ узкіе проходы, огибающіе вдоль основанія горъ сѣверо-восточный уголь озера, городъ Ифагъ сдѣлался складочнѣмъ мѣстомъ, и рынокъ его является средоточiemъ очень дѣятельной торговли: правительство воспользовалось этимъ и учредило тамъ также таможенную станцію; караваны останавливаются и вновь составляются нѣсколько восточнѣе, близъ мѣстечка Дарита. Поля Фогары, простирающіеся къ югу отъ Ифага,

¹) Gerhard Rohlfs, „Meine Mission in Abessinien“.

¹) Th. von Heuglin, „Reisen in Nordost-Afrika“; — „Petermann's Mittheilungen“, 1862, № X.

производить, говорять, лучший въ Эфиопіи табакъ, а на лугахъ пасутся тучные стада, часто совершенно скрытыя въ высокой травѣ. Прежде Ифагъ, такъ же, какъ лежащій южнѣе Коарата, славился во всей Абиссиніи своимъ превосходнымъ виномъ, получаемымъ съ растений, разведенныхъ въ краѣ португальцами; но виноградныя лозы, которыхъ по большей части были колоссальныхъ размѣровъ, погибли почти всѣ отъ цвѣли, въ 1855 году, именно въ то самое время, когда и европейскіе виноградники были опустошены этимъ гибельнымъ грибкомъ¹⁾.

Къ югу отъ равнины Фогара тянется хребеть, покатый съ востока къ западу и доминируемый на востокѣ конусомъ горы Гуна, почти всегда окутанной облаками. Этотъ широкій хребеть, покрытый толстымъ слоемъ чернозема и изборожденный ручьями, которые спускаются съ постоянно сырыхъ боковъ Гуны, есть плато Дебра-Таборъ или «гора Фаворъ», названное такъ по имени церкви, куда ходятъ на богомолье, и сдѣлавшееся въ царствование Феодора главной резиденціей эфиопскихъ царей. Съ стратегической точки зрѣнія, позиція выбрана какъ нельзя болѣе удачно. На западѣ простираются прибрежныя равнины озера Тана, самыя плодородныя во всемъ государствѣ; съ вершины, гдѣ стоитъ его дворецъ, на высотѣ слишкомъ 2.600 метровъ, негусъ можетъ окинуть взоромъ поля, которыхъ доставлять его арміи необходимо продовольствіе; онъ можетъ направиться отсюда либо на востокъ въ верхнюю долину рѣки Таккаце, черезъ которую легко переправиться въ этомъ мѣстѣ, чтобы попасть на высокія плоскогорья области Тигре, либо на югъ въ долину Абая и на дороги королевства Шоа: ни одна столица страны, находящейся въ безпрерывной войнѣ, не имѣетъ болѣе счастливаго положенія. Но мѣсто расположения королевскаго стана часто менялось на плоскогорье Дебра-Таборъ, и та или другая деревня, гдѣ тѣснились толпы чиновниковъ, поставщиковъ и женщинъ во время пребыванія арміи, остается почти покинутой, безлюдной, когда войско отправлялось въ какую-нибудь отдаленную экспедицію. Село на Дебра-Таборѣ, гдѣ часто имѣетъ резиденцію «царь царей» въ дождливое время года, носитъ имя Самары; въ нѣсколькоихъ километрахъ къ сѣверо-западу находится деревня Гафатъ, населенная прежде кузнецами «колдуналами». Феодоръ назначилъ ее мѣстомъ жительства многочисленной колоніи протестантскихъ миссионеровъ, употребляемой не для проповѣдыванія евангелия жителямъ, но для фабрикаціи сбруи, оружія и боевыхъ припасовъ: Гафатъ въ то время былъ арсеналомъ Абиссиніи. Ручьи, вытекающіе съ плоскогорья Дебра-Таборъ, изли-

ваются въ озеро Тана черезъ рѣку Ребъ, которая недалеко отъ Гафата образуетъ величественный водопадъ высотой въ 20 слишкомъ метровъ: широкій водяной столбъ низвергается въ озеро, развертывая свою прозрачную занавѣсъ впереди куполообразнаго грота, открывающагося въ фонолитовой скалѣ¹⁾). Къ западу отъ Дебра-Табора, на нижнемъ выступѣ плоскогорья, видны развалины замка Аренго, «Версали негусовъ», построенаго въ тѣни большихъ деревьевъ на краю пропасти, откуда спускается потокъ, исчезающій далѣе въ дѣственномъ лѣсу. Горячіе ключи (отъ 37 до 42 градусовъ Цельсія) бываютъ въ изобиліи въ этой области; наиболѣе посещаемые изъ нихъ источники Ванциге, въ долинѣ южной Гумары; съѣдная деревня есть единственное мѣсто въ Эфиопіи, гдѣ существуютъ гостиницы; на близлежащемъ холмѣ находится королевская вилла²⁾).

Бассейнъ Гумары, какъ и бассейнъ Реба, заключаетъ въ себѣ городъ, прославившійся въ лѣтописяхъ Эфиопіи: это Махдера-Маріамъ, или «Отдыхъ Маріи», который расположенъ между двумя притоками Гумары, на огромной базальтовой скалѣ, «группируя свои дома, опоясанные садами, вокругъ чащей можжевельника, указывающихъ присутствіе церквей»; съ трехъ сторонъ городъ окружаетъ пропастями; только узкій перешеекъ, который легко было бы укрѣпить, соединяетъ его съ сосѣднимъ плато. Махдера-Маріамъ пересталъ быть королевской резиденціей, но дѣй его церкви, храмъ «Матери» и храмъ «Сына», все еще привлекаютъ массы богомольцевъ; купцы тоже съѣзжаются въ большомъ числѣ на тамошнюю ярмарку. Два отдельныхъ квартала были до недавняго времени населены мусульманами, отличавшимися отъ другихъ абиссинцевъ только мирными нравами, да торговыми повадками; впрочемъ, эти послѣдователи ислама не знаютъ ни слова по-арабски, кромѣ обычныхъ привѣтствій, дѣлаемыхъ во имя Аллаха. Въ Махдера-Маріамъ также есть горячіе источники, которыми пользуются врачи священники.

На восточномъ берегу озера Тана, важнейший по торговлѣ городъ—Коарата, лежащий верстахъ въ десяти отъ того мѣста, гдѣ Абай выходитъ изъ озернаго бассейна, и въ сосѣдствѣ устьевъ Реба и Гумары: въ странѣ съ хорошо устроеннымъ путями сообщенія этотъ городъ былъ бы пунктомъ пересѣченія дорогъ нѣсколькоихъ долинъ. Базальтовый холмъ съ закругленнымъ хребтомъ поднимается среди равнины, выдвинувъ свою западную оконечность въ синія воды озера; холмъ этотъ окруженъ лугами и фруктовыми садами, а по равнинѣ извивается живописная рѣка Изури. Го-

¹⁾ Th. von Heuglin; — G. Lejean, цитированные сочиненія.

²⁾ Steeker, „Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft in Deutschland“, III Bd.

родъ раскинулся на значительномъ пространствѣ; каждое жилище богатаго или зажиточнаго семейства стоитъ посреди большаго сада; улицы—широкія тѣнистые дороги, откуда видишь только коническая крыши домовъ, выступающія изъ чащи кедровъ, сикоморъ и плодовыхъ деревьевъ. Коарата, «самый красивый городъ Абиссиніи»¹⁾, до недавнаго времени былъ также и самый многолюдный: когда Антуанъ д'Аббади посѣтилъ его, онъ имѣлъ около 12.000 жителей; въ 1864 году ихъ осталось только 2.000 по Раффрею, отъ 800 до 1000 по Штеккеру; въ 1881 г. всѣ жившіе въ немъ мусульмане должны были отправиться въ изгнаніе. Въ настоящее время значится 1.200 ч. жителей. Тѣмъ не менѣе, онъ все еще остается центромъ значительной торговли, и многочисленныя танкуа, вытащенные изъ воды для просушки и лежащія длинными рядами на берегу, свидѣтельствуютъ о дѣятельномъ судоходствѣ между Коаратой и прибрежными мѣстечками озера. Своей важностию, какъ средоточіе торгового обмѣна, этотъ городъ обязанъ свяности одной церкви, которая въ прежнее время была мѣстомъ убѣжища, уважаемымъ государями; на дорогахъ, сходящихся къ священному холму, большія деревья указываютъ предѣлы неприкосновенного круга, за черту котораго только епископъ и императоръ могутъ переступать на лошади. Въ сосѣдствѣ Коараты разрабатываются ломки краснаго песчаника, откуда и были извлекаемы камни, употребленные на постройку дворцовъ и церквей Гондара. Коаратскій кофе отличного качества и далеко превосходитъ тотъ же продуктъ, получаемый съ полуострова Зиге, который виденъ на другой сторонѣ озера, верстахъ въ десяти къ юго-западу, и высокій холмъ котораго представляетъ одну обширную кофейную плантацию; городъ того же названія былъ сравненъ съ землей по приказанію Феодора. Рядомъ съ кофейными деревьями на полуостровѣ растутъ, въ садахъ, бананы, которые, однако, трудно сохранять, такъ какъ свиньи особой породы, называемыя *ассами* (*potamachœrus penicillatus*), питаются исключительно корнями этого растенія²⁾.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ озеро съуживается, чтобы изливаться быстрымъ потокомъ Абая, стоять, одно противъ другаго, два мѣстечка. На востокѣ Дебра-Маріамъ, или «Гора Маріи», занимаетъ островъ, который во всѣ времена состоялъ во владѣніи абуны; на западѣ, Бардаръ группируетъ свои хижини въ треугольной долинѣ между двухъ холмовъ. На южномъ берегу озера слѣдуютъ одна за другой нѣсколько деревень, содержащихъ болѣе опрятно, чѣмъ селенія внутреннихъ областей. Островъ Декъ,

пространствомъ около 40 квадр. километровъ, есть невысокая вулканическая скала, покрытая густой растительностью; конусообразныя горки окружаютъ его, «какъ жемчужины короны»¹⁾. Немногіе путешественники получили разрѣшеніе посѣтить этотъ островъ, гдѣ хранятся сокровища коаратскаго духовенства; что касается островка Дега, посвященнаго св. Стефану, то это священная земля, куда не можетъ ступить нога профана. Другой священный островъ озера Тана, Матраха, лежитъ очень близко къ сѣверо-восточному берегу и представляетъ восхитительную картину, видимую сквозь вѣты деревьевъ, на которыхъ качаются гнѣзда ткачика (*textor alecto*). Но святость острова не остановила Феодора: онъ заперъ всѣхъ его жителей въ монастырь, затѣмъ предалъ зданіе пламени. Къ юго-западу отъ озера Тана, на одномъ изъ его притоковъ, Исмала, главный городъ провинціи Ачаферъ, имѣетъ горячіе и минеральные источники, привлекающіе большое число посѣтителей²⁾.

Виѣ бассейна озера Тана, зѣопскіе города, принадлежащіе къ покатостямъ Абая или Голубаго Нила, по большей части лежать на плоскогорьяхъ или въ широкихъ равнинахъ съ травяными террасами, окаймляющими правый берегъ рѣки, и на которыхъ пасутся стада крупнаго рогатаго скота и табуны лошадей. Мота, находящійся на высотѣ, на оконечности плоскогорій, окаймляющихъ сѣверное основаніе горъ Тальба-Вага, есть одинъ изъ самыхъ значительныхъ рыаковъ «королевства» Годжамъ; дома его, правильно построенные, окружены, какъ и дома въ Махдера-Маріамѣ, зелеными деревьями; вокругъ церкви разведенъ обширный паркъ, съ длинными симметрическими аллеями; внизу, подъ террасой, на которой расположень городъ, видны развалины моста черезъ Абай, близъ котораго французский путешественникъ Пти былъ пожранъ крокодиломъ; изъ девяти аркадъ моста средняя, проходившая надъ рѣкой, ширина которой въ этомъ мѣстѣ около 20 метровъ, была сломана; но купцы протягиваютъ веревки отъ одного устья къ другому и ухитряются переходить сами и перевозить товары по этимъ времененнымъ качелямъ³⁾. Южнѣе, деревня Каранео и нѣсколькососѣднихъ поселковъ населены франсисками или франками, то-есть потомками португальскихъ солдатъ, пришедшихъ въ шестнадцатомъ столѣтіи съ Христофоромъ де-Гамой. Одна церковь въ этой странѣ, называемая Мартола-Маріамъ, несомнѣнно португальской постройки, хотя мѣстные жители приписываютъ ей болѣе древнее происхожденіе: извянія внутри храма, по отзыву путеше-

¹⁾ Lejean, цитированное сочиненіе.

²⁾ Stecker, цитированная статья.

¹⁾ Henry Blanc, "Narrative of Captivity Abyssinia".

²⁾ Arnaud d'Abbadie, "Douze ans dans la haute Ethiopie".

³⁾ Beke, "Journal of the R. Geographical Society", 1844.

ственника Бека, превосходной работы. Противъ восточной дуги, описываемой течеиемъ Абая, стѣдуютъ одинъ за другимъ два религіозныхъ города, Дебра-Веркъ и Дима, приобрѣвшіе славу—первый своей духовной семинаріей, а второй своей церковью св. Георгія Побѣдоносца, съ любопытной живописью. Дебра-Веркъ построенъ въ видѣ амфитеатра на скатахъ холма, и изъ всѣхъ городовъ Эёюпіи дома его имѣютъ самый большой видъ по способу постройки и по высотѣ. Бишана, въ нѣсколькихъ километрахъ къ югу отъ Димы, имѣеть некоторое значеніе, какъ рынокъ, посѣщаемый галласами. Весь этотъ округъ есть самая богатая и наилучше обработанная часть Годжама, населеніе которой, смѣшанное съ галлами, представляеть замѣчательнѣйшия типы женской красоты¹⁾.

Къ югу отъ горы Раба, высшей вершинѣ Тальба-Вага, городъ Дамбадша посѣщается многочисленными магометанскими караванами и имѣеть знаменитую святыню, подобную святынѣ города Димы. Недалеко оттуда, изъ юго-востока находится Монкорерь, укрѣпленная резиденція годжамскаго «короля»; далѣе, изъ сѣверо-запада, стѣдуютъ одинъ за другимъ города Манкуса, Бури, Гудара, построенный на пригоркѣ изъ вулканическихъ скалъ, близъ временнаго озера и истоковъ Абая. Ашфа, лежащій къ западу отъ Гудары, въ очаровательной чистотѣ, среди долинъ, пастбищъ, рощей, есть главный городъ провинціи Агаумедеръ, населеніемъ агуасами, эмигрировавшими изъ Ласты. Эти населенія, еще на половину языческія—хотя въ каждой деревнѣ есть церковь, показывающая свою коническую кровлю сквозь листву деревень,—самыя гордыя во всей Абиссиніи, единственныя, которая сумѣли избѣгнуть облавъ, устраивавшихся по приказанію свирѣпаго Феодора; ни въ одной области Эёюпіи жители не отличаются въ большей степени мужественными добродѣтелями храбрости и честности²⁾. Къ югу отъ Годжама, въ сосѣдствѣ галласовъ племени либенъ, два сосѣднихъ города, Еджиббе и Бассо, лежащіе въ двухъ боковыхъ долинахъ Абая, недалеко отъ южной щукости этой рѣки, слывутъ «большими торговыми городами», какъ мѣста, где встрѣчаются эёопы и ильмъ-орма для обмѣна произведеній своего края. Купцы изъ Дамота и Каффы привозятъ въ Бассо немного золотаго песку: оттого страна, где видѣнъ драгоценный металлъ, сдѣлалась страной чудесъ въ глазахъ ея жадныхъ сосѣдей. Архиепископъ Бернудецъ, бывшій католическимъ абуной Эёюпіи, разсказываетъ, что дамотское Эльдорадо есть въ то же время страна единороговъ и грифовъ, то амазонки воюютъ тамъ съ чудовищами, и

что фениксъ возрождается тамъ изъ своего пепла¹⁾; пчелы живутъ тамъ въ скалахъ, которые «дистиллируютъ медъ». Въ концѣ 1883 на Абаѣ, между Годжамомъ и Гудру, строится мостъ, подъ руководствомъ итальянскаго инженера²⁾.

Къ востоку отъ Абая, крѣпость, стоящая на мысѣ надъ верхней долиной рѣки Бешило, есть знаменитая Магдала, которая была, какъ и Дебра-Таборъ, одной изъ резиденцій Феодора, той резиденціей, где онъ хотѣлъ умереть отъ собственной руки, еще свободный и бравировавшій осаждавшихъ его англичанъ. Амба Магдала, поднимающаяся на 2.760 метровъ абсолютной высоты, то-есть на тысячу метровъ надъ уровнемъ рѣки Бешило, походить на скалу Махдера-Маріамъ, но она выше, имѣеть болѣе грандиозный видъ, и доступъ къ ней труднѣе. Этотъ съ виду неприступный базальтовый утес оканчивается на западѣ почти отвесной стѣной, развертывающейся въ формѣ полумѣсяца и поникающейся къ сѣверо-западу, чтобы затѣмъ снова подняться уединенной пирамидой. Отрывокъ плато, составляющій крѣпость, соединяется съ южнымъ плоскогорьемъ, где живутъ галласы племени волло, только узкимъ перешейкомъ: укрѣпленія заграждаютъ подступы къ Магдалѣ у прохода всѣхъ тропинокъ. Верхняя площадка, пространствомъ около 4 квадр. километровъ, занята многочисленными строеніями: арсеналами, казармами, тюрьмами, хлѣбными магазинами, складами разныхъ другихъ продуктовъ, домами-прѣютами для царскихъ женъ и дѣтей; цистерны и колодцы, вырытые въ почвѣ, содержать достаточно воды, а плодородныя долины окрестностей доставляютъ въ изобилии предметы продовольствія. Здѣсь-то, въ этой горной твердынѣ, жестокій Феодоръ держалъ въ продолженіе двухъ лѣтъ европейскихъ плѣнниковъ, для освобожденія которыхъ была послана, въ 1868 году, англо-индійская армія. Крѣпость Магдала, разрушенная англичанами, затѣмъ завоеванная королемъ государства Шоа у независимаго царька или раса и возвращенная имъ своему сузерену, абиссинскому императору, была послѣ того реставрирована, въ виду ея стратегической важности, какъ передового укрѣпленія въ землѣ галласовъ, черезъ которую проходитъ кратчайшая дорога въ королевство Шоа. У восточного основанія магдалскихъ скалъ, въ ущельѣ, надъ которымъ господствуютъ на востокѣ другія базальтовыя стѣны, пріютилась деревня Таита или Тента, населенная купцами, которые снабжали цитадель предметами продовольствія.

Эёопскіе города въ бассейнѣ Голубаго Нила:

¹⁾ Veyssiére — Lacroze, „Histoire du christianisme d'Ethiopie et d'Arménie“.

²⁾ Bianchi, „Esploratore“, dic. 1883; sett. 1884.

¹⁾ Combès et Tamisier, „Voyage en Abissinie“; — Lefebvre, „Voyage en Abissinie“.

²⁾ H. Blane, „Journal of the R. Geograph. Society“, 1869.

Гондарь—5.000 жит.; Фенджа, менѣе—1.000 жит.; Дженда, менѣе—1.000 жит.; Чельга, менѣе—1.000 жит.; Амба-Маріамъ—4.000 жит., по Лежану; Ифаль и Дарита,—4.000 ж., по Лежану; Самара (Дебра-Таборъ),—2.000 жит., Коарата—1.000 жит.; по Штеккеру; Дебра-Маріамъ—1.000 жит.; Бардарь, менѣе—1.000 жит.; Исмала, менѣе—1.000 жит.; Махдера-Маріамъ—4.000 жит., по Лежану; Еджиббе, менѣе—1.000 жит.; Бассо, менѣе—1.000 жит.; Дебра-Веркъ,—3.000 жит., по Левевру; Дима—2.500 жит., по Комбу и Тамизье; Мота—1.000 жит.; Дамбача, менѣе—1.000 ж.; Гудара—800 жит.; Манкуса, менѣе—1.000 жит.; Бури, менѣе—1.000 жит.; Ашфа, менѣе—1.000 жит.; Магдала—750 жит.

Абиссинскіе города, лежащіе на плоскогорьяхъ, перерѣзанныхъ ущельями рѣки Таккаце и ея притоковъ, имѣютъ по большей части, какъ и города покатостей Голубаго Нила, военное или религіозное происхожденіе. Впрочемъ, города эти очень рѣдки, и вѣкоторые изъ нихъ, пройдя черезъ періодъ процвѣтанія, были покинуты, и теперь въ нихъ видно больше развалинъ, чѣмъ обитаемыхъ домовъ. Наименѣе населенная область этой покатости та, воды которой текутъ на востокъ въ Таккаце между массивомъ Бегемедера и массивами Симена. Немногіе путешественники проходили эту провинцію Абиссініи, Белессу, по причинѣ недостатка продовольствія и нездоровости куаллы, которую нужно переходить между различными отрывками плоскогорья. Но въ Сименѣ главные города этой гористой провинціи, Инчаткабъ, столица, Фарасть-Саберъ и Добарикъ, лежащіе въ сосѣдствѣ горнаго прохода Ламальмонъ, были часто посѣщаемы, благодаря тому, что они находятся на дорогѣ изъ Гондара въ Массову черезъ Тигре. Добарикъ—это то мѣсто, гдѣ свирѣпый царь Щеодоръ хладнокровно велѣлъ перерѣзать 2.000 человѣкъ, чтобы отмстить за смерть двухъ своихъ фаворитовъ, англичанъ Белля и Плоудена. Къ сѣверу отъ Симена разсѣяны деревни провинціи Вальдебба, составляющей личную собственность національного первосвященника эчаге и населенной по большей части монахами. Вальдебба—одна изъ святыхъ земель Эїопіи.

Къ востоку отъ Таккаце, недалеко отъ «глазъ» или истоковъ этой рѣки, находится другая священная мѣстность—городъ Лалибала съ его окрестностями. Городъ стоитъ на высокой базальтовой террасѣ, контфорсѣ горы Аштенъ, которая вздымаеться на юго-востокъ свои лѣсистые склоны; семь возышеній почвы позволяютъ лалибальскому духовенству говорить, что ихъ городъ, подобно Риму и Константинополю, построенъ на семи холмахъ, какъ Иерусалимъ, онъ имѣть свою Масличную или Элеонскую гору, и въ немъ есть деревья съ огромными стволами, выросшія изъ

вѣтокъ или молодыхъ деревецъ, которыхъ были привезены изъ Святой земли нѣсколько столѣтій тому назадъ. Городъ и церкви окружены садами и рощами, и обиліе зелени, вмѣстѣ съ вѣчной весной, царствующей въ этой умѣренной области, дѣлаютъ этотъ чудный уголокъ однимъ изъ пріятѣйшихъ мѣстопребываній. А между тѣмъ Лалибала очень слабо населена; старыя строенія сливаются со скалами, и подземная галлерей засорились вслѣдствіе обваловъ и осипей; населеніе состоитъ почти исключительно изъ поповъ, монаховъ и ихъ служителей. Церкви Лалибалы самыя замѣтныя въ Эїопіи: всѣ онѣ высѣчены въ базальтовыхъ скалахъ, съ алтарями, изваяніями и колоннадами; къ несчастію, время обглодало камень во многихъ мѣстахъ, и отъ перистиля-монолита одного изъ красивѣйшихъ храмовъ теперь осталось только четыре столба. Очевидно, постройки Лалибалы принадлежать различнымъ эпохамъ; но, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что большинство этихъ памятниковъ должны быть приписаны царю, имя котораго сохранилось въ названіи города, «святому Людовику» Эїопіи, царствовавшему въ начальѣ тринадцатаго столѣтія¹). Рабочіе, высѣкшіе въ скалѣ эти любопытные подземные храмы, были, какъ гласить легенда, христіане, бѣжавшіе изъ Египта²). Къ востоку отъ Лалибалы есть нѣсколько горныхъ проходовъ, ведущихъ черезъ краевую цѣпь Эїопіи въ страны Анготь и Зебуль, содержащія въ своихъ водовмѣстликахъ очаровательныя озера: Ардіббо, Хайнъ, Ашанги. Въ этой области, гдѣ лѣса чередуются съ пастбищами, находится нѣсколько большихъ деревень, гдѣ абиссинскіе государи часто имѣли свою резиденцію. Одинъ монастырь, прежде богатѣйший въ Абиссініи, стоитъ на тѣнистомъ островѣ «Грома», омываемомъ водами озера Хайнъ; на противолежащемъ берегу твердой земли пріотиласъ деревня Дебра-Маріамъ, обитаемая преимущественно женами священниковъ, неимѣющими права посѣщать своихъ мужей въ монастырѣ³). Во времена проѣзда черезъ эту страну Левевра, въ водахъ озера жилъ только одинъ бегемотъ; туземцы берегли этого единственного представителя толстокожихъ и просили путешественниковъ не убивать его. Ниже, на покатости Краснаго моря, большія торговые мѣстечки Коббо, Гура, Вальдія, посѣщаемы абиссинцами и галласами, обозначены Левевромъ какъ вактоящіе города.

Сокота, главный городъ провинціи Вагъ, лежитъ на высотѣ 2.250 метровъ, къ сѣверу отъ

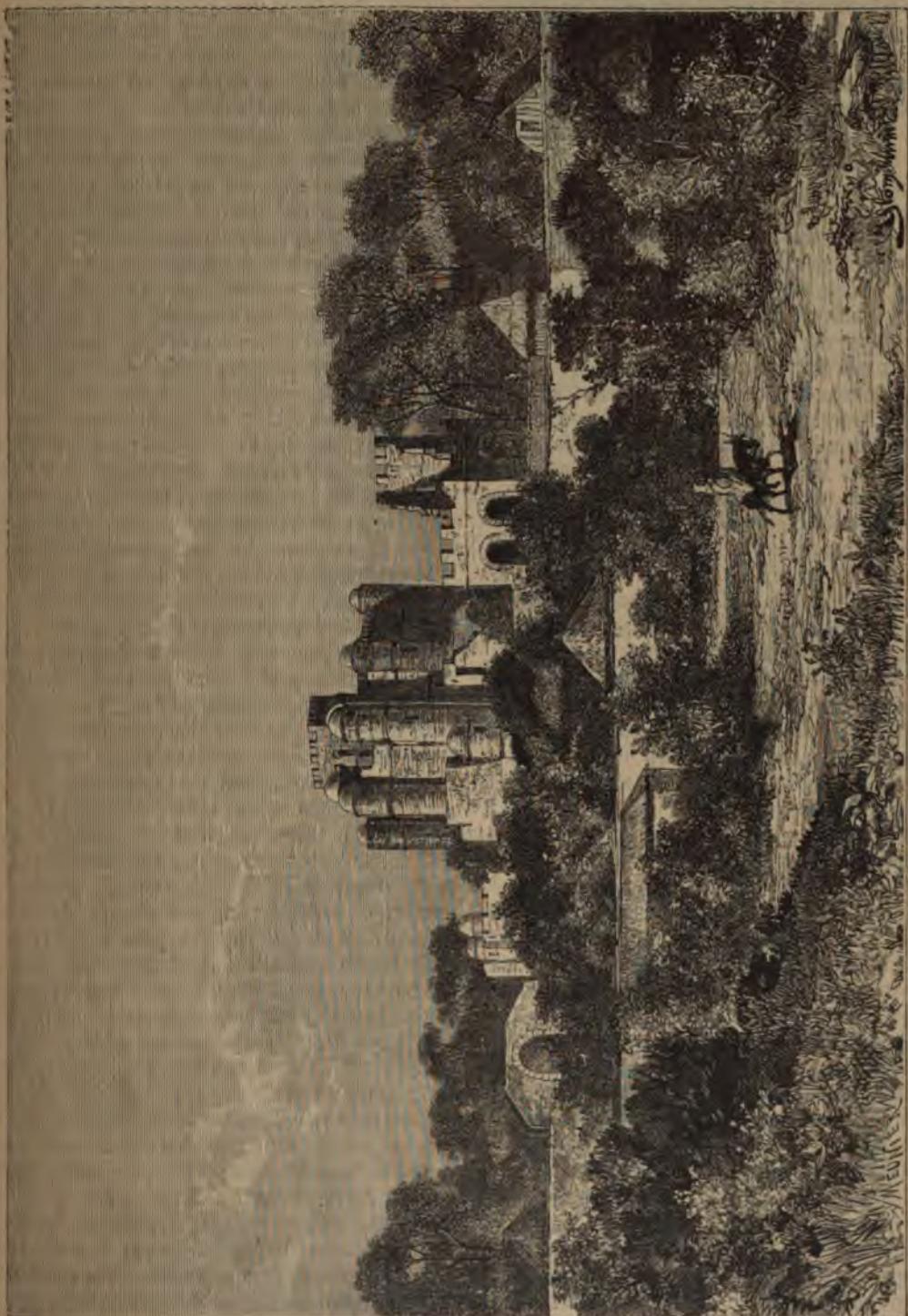
¹⁾ Rohlf's, „Petermann's Mittheilungen“, 1869, та-
ме IX.

²⁾ Lejean, „Voyage en Abyssinie“.

³⁾ Lefebvre, „Voyage en Abyssinie“;—Isenberg et Krapf, „Journal of the Church Missions to Abyssinia and Egypt“.

большихъ горъ Ласты, на обоихъ берегахъ рѣки Бальбисъ, подпритока Таккаце черезъ Целлари. Сокота — городъ торговый, какъ о томъ свидѣтельствовала до недавняго времени

щіяся въ сопѣствѣ залежи каменнаго угла. Рынокъ Сокоты, продолжающійся два или три дня въ недѣлю, посещается преимущественно солеторговцами, товаръ которыхъ служить

Гондарскій замокъ — Римбъ.

его колонія магометанъ, посредниковъ въ дѣлѣ торговаго обмѣна: агаусы, составляющіе основу мѣстнаго населенія, слишкомъ бѣдны инициативой и непредпріимчивы, чтобы заниматься торговлей или разрабатывать находя-

главной размѣнной монетой въ южной Эфиопіи; въ сѣверномъ Тигре для этой цѣли употребляются больше куски полотна ¹⁾). Амоле или

¹⁾ Ach. Raffray, „Abyssinia“.

монеты изъ соли, отесанныя въ формѣ брусковъ, получаются съ солянаго озера Алальбедь: каждый брускъ вѣситъ, среднимъ числомъ, полкилограмма, и цѣнность его, естественно, возрастаетъ внутри края пропорціонально увеличенію разстоянія. Въ то время какъ даакильские солепромышленники племени талталовъ даютъ за одинъ талеръ Маріи Терезіи болѣе сотни амоле, на западныхъ берегахъ озера Танаихъ продаютъ иногда по франку за штуку; въ Сокотѣ они стоили около 25 сантимовъ во время проѣзда Сарзека и Раффра, въ 1873 году; восемь лѣтъ спустя, когда Рольфъ посѣтилъ страну, цѣнность ихъ уменьшилась уже на три четверти; когда же средства сообщенія сдѣлаются болѣе легкими, амоле, безъ сомнѣнія, совершенно потеряютъ свою условную цѣну, какъ мѣновые знаки, и будуть имѣть стоимость только какъ предметъ потребленія; абиссинская пословица: «онъ ѡсть соль», употребляемая нынѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда хотятъ дать понятіе о расточительности какого-нибудь человѣка, не будетъ болѣе имѣть причины къ существованію. Тамошніе чумаки принимаютъ всевозможныя предосторожности, чтобы предохранить свои соляные бруски отъ сырости: они укладываютъ ихъ параллельно на полосахъ кожи въ формѣ патронташей, которые навьючиваются на спину мула положенными одинъ на другой слоями, и тщательно закрываютъ сверху парусинными чехлами. Недавно Сокота очень обѣднѣла; опустошенный эпидемическими лихорадками, онъ потерялъ три четверти своего населенія: въ 1868 году въ немъ насчитывалось отъ четырехъ до пяти тысячъ жителей, а въ 1881 году, во время втораго проѣзда Рольфса, число ихъ уже не превышало полутора тысячъ. Въ сосѣствѣ Сокоты одна церковь монолитъ, какъ храмы Лалибалы, высѣчена въ гранитѣ; склепъ ея заключаетъ муміи нѣсколькоихъ государей страны¹⁾). По сторонамъ дорогъ встрѣчаются долмени, похожіе на тѣ, которые находить въ Бретаніи²⁾). Одно изъ агаусскихъ племенъ, живущихъ въ окрестностяхъ Сокоты, носитъ название камъ или гамъ; по имени этого племени Антуанъ д'Аббади называетъ «гамитскими» тѣ группы населения, идіомы которыхъ походять на языкъ гамовъ или гамтага³⁾.

Отъ Сокоты до переднихъ горъ страны богословъ другая караванная дорога, проходящая километрахъ въ ста къ западу отъ закраины эйопской цѣни, идетъ черезъ Абби-Адди, главный городъ провинціи Тембіенъ, затѣмъ черезъ Аду, столицу Тигре и самый большой рынокъ Абиссиніи послѣ Гондара и Бассо. Этотъ городъ находится почти посерединѣ области пло-

скогорій, раздѣляющей двѣ большія дуги, описываемыя рѣками Таккаце и Верхнімъ Маребомъ: ручей, извишающійся въ головѣ, но плодородной Адуанской равнинѣ, Ассамъ, есть притокъ Таккаце; онъ убѣгааетъ въ южномъ направлении, тогда какъ къ сѣверу отъ холма, на скатѣ котораго построенъ городъ (1.950 метровъ), высиится крутая уединенная масса горы Шелота или Шолода (2.725 метровъ); на востокѣ, изъ-за другихъ вершинъ, показывается еще болѣе высокая верхушка Семайаты (3.090 метровъ). Аду не имѣеть вида столичнаго города; ея кривыя, поднимающіяся въ гору, улицы обставлена каменными домиками, съ соломенными крышами и аспидными террасами; тамъ и сямъ встрѣчаются маленькия церкви, окруженные рощами; на вершинѣ холма стоитъ каѳедральный соборъ, громадное зданіе съ конической кровлей, такой же формы, какъ многія частныя жилища, недавно построенный по плану одного итальянскаго архитектора: въ садахъ растутъ многочисленныя экзотическія растенія, ввезенные изъ Египта и Сиріи. Въ небольшомъ разстояніи отъ Аду виднѣются развалины Фремоны, семинаріи іезуитовъ, изгнанныхъ изъ Абиссиніи въ семнадцатомъ столѣтіи: окрестные поселенія боятся подходить къ руинамъ монастыря, которымъ они считаютъ жилищемъ злыхъ духовъ. Близъ этого города принцъ Кассай выигралъ битву, которая сдѣлала его императоромъ Эїопіи.

Аду есть наслѣдница города, который былъ столицей обширнаго Эїопскаго царства, простиравшагося отъ береговъ Нила до мыса Гвардафуй. Развѣянчанный и пришедший въ упадокъ, Аксумъ сохраняетъ по крайней мѣрѣ свой рангъ, какъ священный городъ и мѣсто коронования императоровъ, и бѣглецы находить тамъ убѣжище болѣе уважаемое, чѣмъ большинство монастырей, восемьсотъ священниковъ и сотни дѣтей, который сдѣлаются въ свою очередь священниками, живутъ въ монастыряхъ. Аксумъ—Аксеме, какъ его называютъ абиссинцы,—лежатъ верстахъ въ двадцати отъ Аду и на 300 метровъ выше, представляютъ собраніе садовъ и рощъ, разведенныхъ при каждомъ домикѣ, при каждой церкви, и сплошь покрывающихъ своей густой зеленою склонъ холма; виднѣющіяся на заднемъ планѣ темныя базальтовыя стѣны служатъ рамкой этой прелестной картинѣ. По эїопскому преданію, Аксумъ основанъ Авраамомъ; имѣющій въ этомъ городѣ пребываніе высшій сановникъ церкви, едва уступающій въ достоинствѣ двумъ первосвятителямъ, абуниѣ и эчаге, утверждаетъ, что у него хранятся «скрижали закона» и священный кивотъ завѣта, принесенные, будто-бы, изъ Иерусалима Менелікомъ, сыномъ Соломона и царицы Савской. Но Аксумъ имѣеть и дѣйствительныя древности, которыя жители берегутъ съ ревнивой заботливостью.

¹⁾ Ach. Raffray, „Abissinie“.

²⁾ G. Rohlf, „Meine Mission in Abessinien“.

³⁾ Vivien de Saint-Martin, „Année Géographique“, 1872.

Одинъ древній памятникъ въ видѣ столба но-
сить греческую надпись ¹⁾, теперь почти стер-
шуюся и неудобочитаемую, которая прославля-
ла жертвы иѣкою царя Айзанаса, «сына не-
побѣдимаго Аресса». Кто былъ этотъ Айзанасъ?
Есть ли это лицо, тожественное съ христіан-
скимъ царемъ Ла-Сантъ, жившимъ въ полови-
и четвертаго столѣтія нашего лѣтосчислѣнія ²⁾,
или, какъ можно предполагать, судя по его
притязанію на титулъ сына Марса, Айзанасъ
принадлежалъ къ какой-либо предшествовав-
шей языческой династіи ³⁾? Какъ бы то ни
было, эта драгоценная надпись, воспроизведен-
ная въ первый разъ путешественникомъ Саль-
томъ, свидѣтельствуетъ о давнихъ сощеніяхъ
Эвіопіи съ древне-эллинскимъ міромъ. На дру-
гомъ подобномъ же памятнике, открытомъ пу-
тешественниками Ферре и Галинѣ, выбѣзана
надпись гиміаритскими знаками, впрочемъ,
почти совершенно изглаженными всесокрушаю-
щими временемъ; по чтенію Антуана д'Абба-
ди, надпись эта прославляетъ «добрѣстнаго Га-
лена, царя аксумскаго и гамерскаго», то-есть
царя страны гиміаритовъ: юго-западная Ара-
вія и Эвіопія составляли иѣкогда одно цар-
ство ⁴⁾. На Аксумскомъ плато, подлѣ исполин-
ской сикоморы, стволъ которой имѣеть 15
метровъ (7 саженъ) въ окружности, стоитъ
другой любопытный памятникъ, въ которомъ
думали видѣть доказательство существованія
въ Абиссинії древней египетской цивилизациі:
это обелискъ-монолитъ, высотой около 25 ме-
тровъ, но совершенно другаго стиля, чѣмъ еги-
петскіе обелиски: по своей орнаментациі, онъ
изображаетъ девятиэтажную башню съ окнами,
уѣчанную маленькой пирамидой, съ выем-
чатымъ основаніемъ и съ сферическими гра-
нями. Около полусотни другихъ обелисковъ
разбросаны на соѣднѣй площади: одни опроки-
нутые, другіе—наклоненные на стволы деревъ;
посреди этихъ руинъ стоять тамъ и сямъ древ-
ніе алтари: недалеко оттуда видны еще на по-
ловину отесанные камни въ ломкѣ трахита,
откуда строители извлекли обелиски. Между
зданіями Аксума замѣчательна еще находя-
щаяся въ самой оградѣ его гедема или «мѣсто
убѣжища»—португальская церковь, большое
строеніе съ зубчатой башней; въ городѣ есть
водопроводъ, выѣченный въ скалѣ; изъ окре-
стностяхъ бокъ одной горы изрѣзанъ подземелья-
ми, которыя были, говорять, могилами
царей, и «гдѣ скрывается великий змѣй, древ-
ній государь Эвіопіи» ⁵⁾.

Антalo, бывший иѣкогда столицей Тигре,
лежитъ на высотѣ около 2.400 метровъ, на

амбѣ, окруженной глубокими ущельями, гдѣ
берутъ начало притоки Таккаце; верхнее пла-
то, уѣчанное другой естественной крѣпостью,
амбѣ Арадомъ, выится на западѣ, тогда какъ
на югѣ и на востокѣ простирается обширная
и плодоносная равнина, гдѣ англичане уста-
новили свой главный лагерь во время абис-
синскаго похода 1868 года. Антало, переставъ
быть резиденціей, потерялъ почти все свое на-
селеніе, и теперь три квартала его, раздѣлены
глубокими оврагами, представляютъ однѣ
развалины. Жители развѣнчанной столицы
переселились въ Чаликуть, лежащей киломе-
трахъ въ десяти къ сѣверо-востоку: это одинъ
изъ красивѣшихъ городовъ Эвіопіи, благода-
ря садамъ и шпалерамъ деревьевъ, окружаю-
щимъ его дома и церкви. Расположенные на
краевой цѣпи восточной Абиссинії, на самомъ
краю первыхъ уступовъ, которыми дорога спус-
кается въ Данакильскую равнину, города Ан-
тало и Чаликуть имѣютъ довольно важное тор-
говое значеніе, какъ складочные пункты для
солеторговцевъ, отправляющихся со своимъ
товаромъ изъ земли племени талталъ въ Со-
коту. Между этимъ послѣднимъ городомъ и
Чаликутомъ главные этапы: Самре, лежащей
близъ большой, иѣкогда озерной, равнины
Самра, затѣмъ Атеби или Атебидера, и Фишо,
находящіеся уже въ низменностяхъ. Новый
городъ Макале, основанный негусомъ Іоан-
номъ, стоитъ на самомъ гребнѣ Эвіопской цѣ-
пи и служить иногда временной столицей го-
сударства, какъ Дебра-Таборъ, Адуа или Маг-
дала; одинъ итальянскій инженеръ построилъ
тамъ царскій дворецъ «на европейскій ма-
неръ» ¹⁾. Съ этой высокой обсерваторіи не-
гусъ Іоанъ видѣль у своихъ ногъ большую
часть еще непокоренной области данакиловъ.
Впрочемъ, онъ успѣль сдѣлать иѣсколько за-
воеваній въ этой низменной области, и на од-
ной изъ четырехъ террасъ, спускающихся къ
равнинѣ въ видѣ гигантскихъ ступеней, осно-
валъ рынокъ Секеть, много посѣщаемый по-
купщиками соли ²⁾.

Къ сѣверу отъ Антало и Чаликута иѣсколь-
ко торговыхъ селеній слѣдуютъ одно за дру-
гимъ черезъ длинныя промежутки, параллельно
краевому хребту Эвіопіи, на главной доро-
гѣ, соединяющей возвышенности съ морскими
портами Зуллой и Массової. Иѣкоторыя изъ
этихъ жалкихъ группъ хижинъ приобрѣли из-
вѣстность въ исторіи изслѣдованій Абиссинії,
какъ мѣста стоянки и наблюдений для европе-
скихъ путешественниковъ. Одна изъ самыхъ
многолюдныхъ деревень—Гауссенъ, на плато,
перерѣзанномъ глубокими оврагами; далѣе слѣ-
дуетъ Адди-гратъ (Аддѣ-Игратъ) или Аттегра,
лежащей на высотѣ 2.400 метровъ, въ плодо-

¹⁾ G. Rohlf, „Meine Mission nach Abyssinien“.

²⁾ Ed. Ruppel, „Reise in Abyssinien“.

³⁾ Th. von Heuglin, „Reise nach Abyssinien“.

⁴⁾ „Académie des inscriptions“, s ance du 19 janvier 1877.

⁵⁾ Nathaniel Pearce, „Life and Adventures“.

¹⁾ „Esploratore“, dicembre 1882.

²⁾ Bianchi, „Esploratore“, settembre, ottobre 1834.

родной долинѣ, надъ которой съ запада и юго-запада господствуютъ вершины, поднимающіяся на 1.000 метровъ выше; къ западу, на одной песчаниковой амбѣ, увѣнчанной крутымъ утесомъ въ 30 метровъ высоты, на который можно взобраться только при помощи веревокъ, пріютился монастырь Дебра-Дамо, одинъ изъ знаменитѣйшихъ въ Эфиопіи: при малѣйшемъ признакѣ войны жители окрестныхъ мѣстностей спѣшать снести туда свои богатства. Вершина скалы, покрытая слоемъ растительной земли и снабженная ста пятьюдесятью цистернами, тщательно обрабатывается, но собираемыхъ съ этого клоука плодовъ недостаточно для прокормленія монастырскаго населенія; иноки должны разсчитывать на великодушіе живущихъ внизу вѣрующихъ¹⁾). Въ прежнее время на этой амбѣ водворяли на жительство младшихъ членовъ царствующей фамиліи. Деревня Сенафе, лежащая съвернѣе, пріютилась у подножія крутыхъ скалъ. Какъ первая горная станція на дорогѣ, по которой слѣдовала англійская армія, посланная для освобожденія пѣдѣнниковъ Феодора, лагерь при Сенафе имѣлъ во время кампаніи 1868 года первостепенную стратегическую важность; по всей вѣроятности, эта деревня сдѣлается цѣлѣустничимъ городомъ, когда будетъ поправлена построенная англичанами колесная дорога, поднимающаяся отъ бухты Адулись въ Сенафе черезъ ущелья Кумайли. На западѣ, Галай или «Подсѣмъ», до недавнаго времени населенный сплошь католиками, и Дигса (Дигсанъ), первая мѣстечко плоскогорья, которая встрѣчаешь, поднимаясь по той или другой вѣтви овраговъ Гадаса, тоже получили известность въ исторіи путешествій.

Отъ столицы Тигре къ берегамъ Краснаго моря ведутъ двѣ дороги: кратчайшая направляется на съверо-востокъ къ Сенафе, другая идетъ на съверъ, и, перейда Маребъ на высотѣ около 1.200 метровъ, поднимается по долинѣ этой рѣки высотами западной покатости. Къ съверу отъ того мѣста, где находится непрѣправа черезъ рѣку, крутые откосы плоскогорья разрываются на базальтовыя колоннады, мысы,obelиски и пирамиды причудливыхъ формъ, и на этихъ огромныхъ каменныхъ глыбахъ разсыпны селевія, принадлежащія къ Гундескому округу, сдѣлавшемуся знаменитымъ въ исторіи Африки: тамъ начался рядъ военныхъ неудачъ, которыхъ, вмѣстѣ съ финансовыми займами и ростовщичествомъ, со-крушили могущество Египта, низведя эту страну на степень ставки въ игрѣ, которую съ той поры ведутъ между собой европейскіе банкиры и дипломаты. Въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, именно въ 1875 году, каирскій хедивъ

былъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ государей въ свѣтѣ по обширности своихъ владѣній; намѣстники его поднялись было вверхъ по Нилю до озера Мвутанъ-Нзаге и проникли на покатость рѣки Конго; египетскіе гарнизоны занимали порты западнаго берега, на Красномъ морѣ, и даже на югѣ они прочно утвердились въ Харрарѣ и въ странѣ сомаліевъ. Завоеватели уже обходили Эфиопію на югѣ; они думали, что настала минута овладѣть плоскогорьемъ. Но битва въ Гулда-Гудди или Гундесѣ кончилась полнымъ пораженіемъ египтянъ. Почти всѣ вторгшіеся иностранцы погибли, вмѣстѣ съ двумя своими вождями, Аракельбеемъ и датчаниномъ Арендрупомъ. Нашествіе, должноствовавшее навсегда подчинить Эфиопію иностранному владычеству, доставило ей, напротивъ, политическое единство, отъ Гамасена до Шоа, и вернуло въ лоно христіанства всю область возвышеностей, которая, казалось, была обречена сдѣлаться достояніемъ ислама. Кости павшихъ въ битвѣ египтянъ бѣлѣются тысячами на поляхъ Гудда-Гудди, на половину прикрытыя листвой кустарника, высокой травой и гирляндами вѣнчущими растеній. Въ 1876 году, вторая армія, подъ начальствомъ Гассана, сына хедива, снова взошла на Гамасенское плоскогорье и укрѣпилась въ хорошей стратегической позиції, въ Гурѣ, къ востоку отъ Верхняго Мареба. Окруженные непрѣятелемъ въ нижней части ихъ расположения, египетскія войска были почти совершенно истреблены: они оставили пушки и ружья на полѣ сраженія, и принцъ Гассанъ былъ освобожденъ изъ пленя только за большой выкупъ; по легенду, которая сложилась тотчасъ же послѣ битвы, но которая, вѣроятно, не согласуется съ истиной¹⁾), Гассанъ и всѣ другіе пощаженные пѣдѣнники были зататуированы на руки знакомъ креста, побѣдившаго мѣсяцъ.

На дорогѣ изъ Адуа въ Массову черезъ западную покатость Верхняго Мареба, самое многолюдное и самое важное въ торговомъ отношеніи мѣстечко — Кодо-Фелассі (Годо-Феласье), главный городъ провинціи Серауз. Это мѣстечко замѣнило собой, какъ этапъ на упомянутой дорогѣ, городъ Дебароа, лежащій съвернѣе и нынѣ пришедший въ упадокъ, но прежде бывшій резиденціей бахранагашей или «царей моря», какъ обыкновенно называли губернаторовъ приморскихъ провинцій. Дома въ Дебароа не похожи на круглые каменные, крытые соломой, домики центральной Абиссиніи: это жилища частію подземныя, въ родѣ саклей, какія встрѣчаются во многихъ округахъ Кавказа и Курдистана. На скатѣ горы высѣкаютъ ступени, и полученное такимъ образомъ четыреугольное пространство пре-

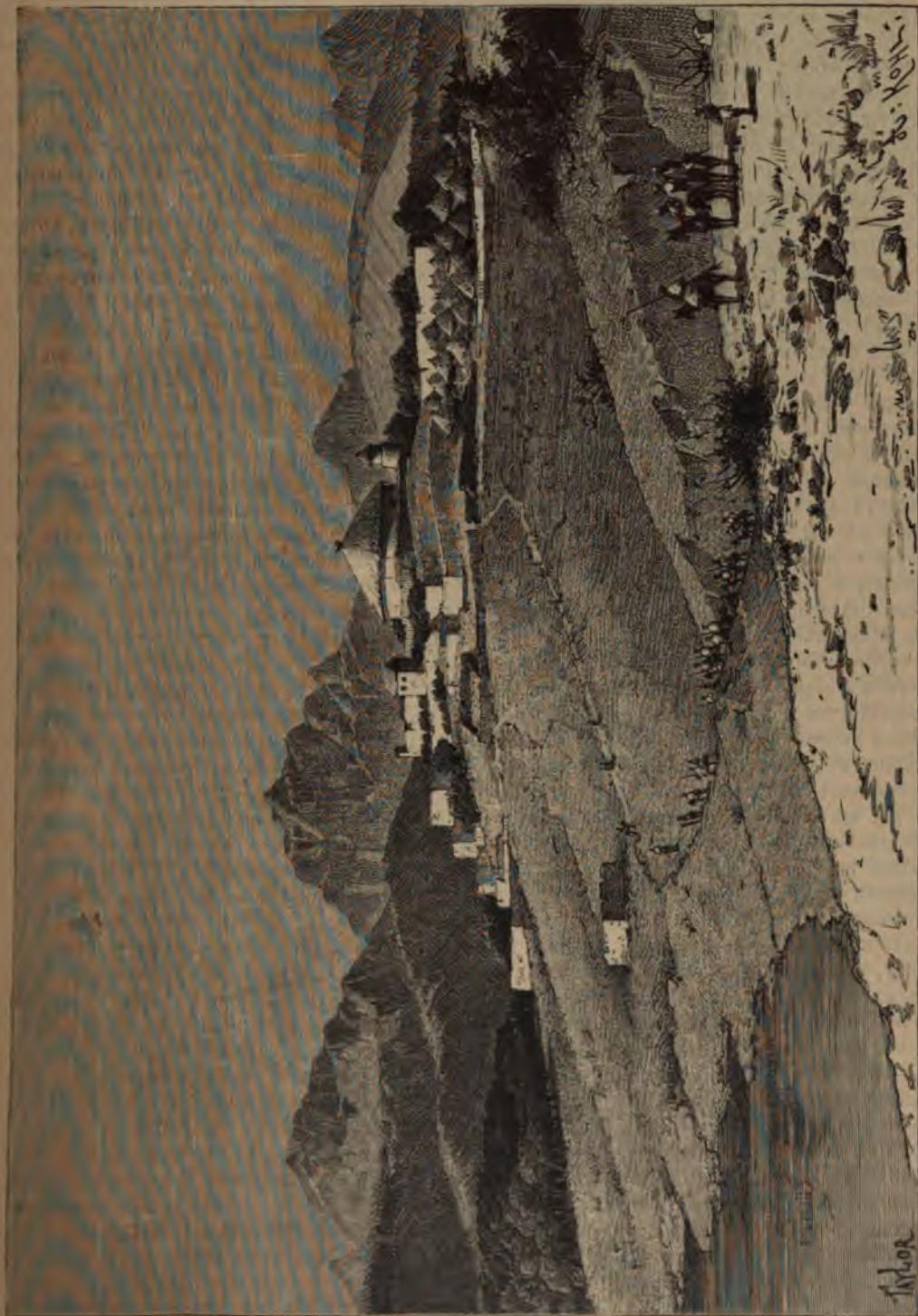
¹⁾ Combes et Tamisier, цитированное сочиненіе;—Jacobis, „Annales de la Propagation de la Foi“, 1849.

¹⁾ Gerhard Rohlfs, „Meine Mission in Abyssinien“.

вращается въ домъ приставкой глиняной крыши, которая сзади упирается въ почву, а спереди подперта столбами: сверху не видишь членія, а только поросшіе травой уступы,

воздуха и свѣта, обращается въ вонючую пещеру¹⁾.

Лагерь *раса*, управляющаго страной Тигре, расположены въ Азагѣ (2.838 метровъ высо-

Столица королевства Тигре.

закъ площадки заброшенной лѣстницы. Такъ же способъ постройки деревень въ Гамасей. Дымъ уходитъ черезъ дыру, оставленную въ крыше: когда идетъ дождь, отверстіе закупоривается, и подземное убѣжище, лишенное

ты), въ мѣстѣ соединенія дорогъ, поднимающихся изъ Массовы, изъ области племенъ бо-

¹⁾ Salt, "Views of India"; — Ruppel, "Reise in Abyssinien"; — Lejean, "Voyage en Abyssinie".

госовъ и менсаевъ. Въ небольшомъ разстояніи къ востоку находится резиденція шума, претендующаго на титулъ «морскаго царя»: это деревня Асмары, лежащая на самомъ краю Эфиопскаго нагорья, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога, достигнувъ покатости Краснаго моря, спускается зигзагами въ равнину. Нѣкоторыя другія группы жилищъ раздѣляютъ съ Асмарой выгоду быть мѣстомъ роздыха для каравановъ по прибытіи ихъ на хребеть тигрейскаго плоскогорья. Казень, къ сѣверо-западу отъ Асмары, на конечномъ выступѣ Гамасена, тоже командуется одною изъ дорогъ, спускающихся къ Массовѣ, видимой иногда въ 75 километрахъ по прямой линіи, между сѣрою линіей горизонта и сѣрою поверхности моря. Изъ Казена другая караванная дорога спускается къ сѣверо-востоку, направляясь къ Сенгиту и столицѣ земли богосовъ, Керену, лежашему уже въ куаллѣ, на высотѣ 1.452 метровъ, среди масличныхъ рощъ; возлѣ города египтянами была построена крѣпость, называемая Сенгитомъ, какъ и самыи край, но въ силу трактата, заключеннаго съ англичанами, она должна быть эвакуирована и передана эфиопскому царю. Керенъ былъ центромъ католическихъ миссій въ сѣверной Абиссиніи, и изъ его большой семинаріи вышли многочисленные туземные священники для церквей, разсѣянныхъ въ разныхъ провинціяхъ имперіи. Почти все населеніе страны богосовъ и менсаевъ покинуло магометанскія обрядности, чтобы вернуться въ лено христианства, но подъ новой формой, проповѣдуемой миссіонерами лазаристами.

Спускаясь отъ Асмары къ Красному морю, дорога огибаетъ на сѣверѣ массивъ передовыхъ горъ, на одной изъ которыхъ находится знаменитый монастырь Биджанъ или Бизанъ, основанный въ четвертомъ столѣтіи и часто упоминаемый у португальскихъ писателей подъ именемъ монастыря Видѣнія: богомольцы, и въ числѣ ихъ путешественникъ Понсе, въ 1700 году, видѣли тамъ золотое облако, плавающее въ воздухѣ. Около тысячи монаховъ живутъ въ этой обители и въ принадлежащихъ къ ней общинахъ. У подошвы горъ, деревня Айлетъ, отдаленная отъ приморской равнины цѣлью холмовъ, занимаетъ дно прекрасной долины, которая могла бы сдѣлаться одною изъ богатѣйшихъ землемѣрческихъ мѣстностей, а въ сосѣдствѣ, въ 5 километрахъ къ югу, бываютъ изъ земли горячіе ключи (59° Цельсія), довольно обильные, чтобы образовать ручей; окружающая почва, до 50 метровъ вокругъ отверстія, изъ котораго выходятъ эти воды, настолько горяча, что по ней нельзѧ ходить босыми ногами. Спускаясь съ плоскогорья, абиссинцы имѣютъ обыкновеніе окунуться въ Айлетскій источникъ и иногда даже купаютъ въ немъ своихъ барановъ; въ той части этого горячаго ручья, гдѣ вода уже охладилась до 48 граду-

совъ¹), живеть жестокрылое насѣкомое, укушеніе котораго ядовито. На сѣверѣ, въ Самхарѣ, видны многочисленные остатки древности, между прочимъ, могилы, изъ которыхъ иныя походить на мегалитовые памятники Франціи²). Древній городъ, теперь пустынныій, покрываетъ пространство, имѣющее нѣсколько километровъ въ окружности.

Въ равнинѣ нѣсколько станцій слѣдуютъ одна за другой до Массовскаго берега, какъ-то: Сати, или «Лужи», получившая это название отъ скопленій стоячей воды, которая тамъ обыкновенно встрѣчаются въ сухое время года въ высохшихъ ложахъ потоковъ; Мкулу, которую проживающіе въ Массовѣ европейцы выбрали мѣстомъ лѣтнаго пребыванія, и которую они обсадили группами тамариндовъ и другихъ деревьевъ; Готумлу, резиденція шведскихъ миссіонеровъ и мѣстопребываніе ихъ школъ. На югѣ, деревня Аркіко, дома которой проглядываютъ между мимозами, есть нѣчто въ родѣ столицы: тамъ имѣеть пребываніе наибъ, происходящій отъ династіи начальниковъ, которые съ конца шестнадцатаго столѣтія служать посредниками для торговли между Эфиопіей и Массовою; жители этого края состоять подъ двойной зависимостью отъ купцовъ сосѣднаго порта и отъ абиссинцевъ плоскогорья, которыхъ право собственности на землю существуетъ изъ вѣка въ вѣкъ и которые каждый годъ подновляютъ это право зимними посѣвами³). Турки, овладѣвъ островомъ и поморѣмъ въ 1557 году, попробовали сначала управлять непосредственно прибрежными населеніями, но, убѣдившись въ своемъ безсиліи противъ неуловимыхъ враговъ, кочевниковъ, передали свою власть начальнику белаусовъ, племени народа хабабъ, кочевавшему въ окружающихъ равнинахъ; даже гарнизонъ Массовы, состоявшій главнымъ образомъ изъ босняковъ, слился мало-по-малу съ хабабами посредствомъ смѣшанныхъ браковъ⁴). Сдѣлавшись наибомъ или «намѣстникомъ» вице-королей Геджаса, вождь белаусовъ сталъ получать опредѣленную субсидію отъ турецкаго правительства, но съ обязательствомъ защищать турецкіе или абиссинскіе караваны отъ всякихъ нападеній со сторонысосѣднихъ народцевъ, представлять сюзерену часть пошлинъ, платимыхъ купцами, и снабжать островъ необходимою для продовольствія водой. Послѣ того нерѣдко возникали несогласія между наибомъ и массовскими островитянами; водопроводы часто бывали перерѣзаны; нерѣдко и самъ наибъ, прогнанный изъ Аркіко, долженъ былъ спасаться бѣгствомъ внутрь страны. Случалось также, что государи Эфиопіи, которымъ необходимо, чтобы во-

¹) G. Lejean, „Voyage en Abyssinie“.

²) G. Rohlfs, „Meine Mission in Abyssinien“.

³) Munzinger—Rohlfs, etc.

⁴) Werner Munzinger, „Ostafrikanische Studien“.

рата, представляемыя Массовою, были открыты во внутренний мир, опустошили страну, чтобы отомстить береговым грабителям или торговцам невольниками. Въ силу трактатовъ, заключенныхъ въ 1884 г. адмираломъ Геветть отъ имени англійскаго правительства и Мазонъ-Бей со стороны Египта, доступъ въ Массовъ сдѣлался совершенно свободенъ для абиссинской торговли. Съ тѣхъ порь, какъ Италия (27 февраля 1885 г.) утвердила въ Массовъ, она также примкнула къ договору Геветта; такимъ образомъ, если не съ политической точки зрѣнія, то по крайней мѣрѣ въ торговомъ отношеніи портъ Краснаго моря является болѣе, чѣмъ когда-либо, естественною принадлежностью Эвіопіи, и важность его, уже и теперь значительная, должна быстро возрастать, если миръ сохранится на плоскогорьяхъ. Отдаленные форты командаются подходами къ городу и ограничиваютъ укрѣпленный лагерь, гдѣ египетское правительство содержало трехтысячный отрядъ войска.

Городъ Массова или Массауа (Медсауа или Муссауа по-арабски. Мутонъ по-абиссински) занимаетъ коралловый островъ, длина котораго, отъ востока къ западу, около 1.000 метровъ; съ сѣвера на югъ онъ имѣть всего только 300 метровъ въ ширину. Каменные дома, арабскаго стиля, и хижины изъ древесныхъ вѣтвей тѣсно скучены на этой скалѣ, которая соединена плотиной съ еще меньшимъ островомъ Таудудъ, связаннымъ въ свою очередь съ материкомъ посредствомъ жете длиной около 1.500 метровъ, содержащаго драгоценный водопроводъ, по которому вода изъ Мкулу идетъ въ цистерны Массовы. Но водопроводъ и жете, такъ же, какъ казармы и укрѣпленія и всѣ зданія, построенные лѣтъ двадцать тому назадъ, подъ руководствомъ паши Муавингера, за недостаткомъ надлежащаго ремонта, пришли въ большую ветхость: какъ и въ собственномъ отечествѣ, египтяне умѣютъ строить, но не даютъ себѣ труда поправлять разъ построенное. Въ городѣ сохранилась еще старинная эвіопская церковь, построенная, какъ говорили вѣрующіе, Фрументіемъ, абиссинскимъ апостоломъ, и теперь преобразованная въ мечеть. Мѣстомъ якорной стоянки, которое въ древности называлось Сабайтиконъ, служитъ глубокій каналъ, простирающійся между сѣвернымъ берегомъ острова и материка; другіе островки защищаютъ этотъ каналъ на сѣверо-востокѣ отъ вѣтровъ, дующихъ съ открытаго моря. Торговля Абиссинии съ иностранными купцами — греками, банданами и другими, имѣющими свои конторы въ Массовъ — ведется черезъ посредство каравановъ. Послѣдніе, то-есть караваны, грузы которыхъ состоятъ главнымъ образомъ изъ драгоценныхъ произведеній галласской земли — кофе, золота, бѣлаго воска, — выступаютъ съ мѣста обыкновенно въ концѣ зимы, такъ чтобы

успѣть переправиться черезъ Таккаце до весеннаго разлива, и употребляютъ два или три мѣсяца на весь путь; домой они возвращаются въ концѣ осени, чтобы слѣдующей весной снова начать свое ежегодное странствіе. Въ 1861 г., цѣнность торгового обмѣна Абиссинии (считая въ томъ числѣ и живой товаръ, невольниковъ) черезъ массовскій портъ исчислялась въ миллионъ франковъ; двадцать лѣтъ спустя, въ 1881 году, она простирилась до 7 миллионовъ, а въ 1892 г. она достигла 10.903.000. Продаваемые товары, по порядку важности — кожи, коровье масло, отправляемые въ Аравію, и перламутръ. Вывозъ слоновой кости много уменьшился за послѣднее время. Плантаторы Майотты и Маскаренскихъ острововъ покупаютъ здесь муловъ абиссинского происхожденія.

Лежаще къ востоку отъ Массовскаго залива большие коралловые острова, называемые Да-лакскими, изъ которыхъ главные Да-лакъ и Нора, утратили почти совершенно важное торговое значеніе, какое они имѣли до турецкаго господства; въ тѣ времена они были обитаемы христіанскимъ населеніемъ, отъ котораго сохранились еще кое-гдѣ часовни; обычный языкъ на этихъ островахъ и теперь еще тигрейскій, хотя и сильно испорченный ¹⁾). Въ наши дни жители Да-лакского архипелага — всѣ мусульманской религіи и, въ числѣ не болѣе тысячи пятисотъ душъ, не имѣютъ другихъ источниковъ пропитанія, кромѣ продукта морскаго промысла, именно ловли жемчужныхъ раковинъ, если не считать молока и мяса, доставляемыхъ козами: каждый годъ иноземные купцы, банданские и персидские, прѣѣжаютъ сюда покупать перламутръ и жемчугъ, собираемые въ окружающихъ бухтахъ; рынокъ находится на восточномъ берегу большаго острова, въ деревнѣ Демеле. Подобно барейскимъ ловцамъ жемчужныхъ раковинъ, да-лакскіе островитяне спускаются на дно моря всегда послѣ сильныхъ дождей, такъ какъ жемчужный наростъ, говорятъ они, образуется только благодаря смѣшанію соленой и прѣѣской воды ²⁾). Туземцы ловятъ также черепаху, но они не собираютъ губокъ, которыя, однако, развиваются въ большомъ количествѣ на днѣ морскомъ ³⁾). Жители Да-лака и окружающего архипелага держать въ большомъ числѣ козъ, верблюдовъ и ословъ, которыхъ они оставляютъ бродить по острову въ дикомъ состояніи или запираютъ на пустынныя островки. На одномъ изъ этихъ острововъ есть даже нѣсколько коровъ.

Длинная и узкая бухта, врѣзывающаяся, съ сѣвера на югъ, верстъ на пятьдесятъ въ твердую землю, и которую жители острова Лиссе называютъ «Бархатнымъ заливомъ», можетъ

¹⁾ Bianchi, „Esploratore“, agosto 1882.

²⁾ Edoard Ruppel, „Reise in Abyssinien“.

³⁾ Werner Munzinger, „Petermann's Mittheilungen“, 1864, № IX.

быть, по причинѣ спокойствія ея водъ, хорошо защищенныхъ отъ вѣтровъ¹⁾), лежить еще ближе, чѣмъ Массова, отъ высокихъ эеюпскихъ плоскогорій, и движеніе торгового обмѣна много разъ принимало это направлениe. Эта вырѣзка морскаго побережья, называемая англичанами Аинеслей-бай, чаще обозначается подъ именемъ бухты Адулисъ, какъ дѣй тысячи лѣтъ тому назадъ, когда тамъ стояли на якорѣ флоты преемниковъ Александра Македонскаго. Одна греческая надпись, скопированная въ шестомъ столѣтіи египетскимъ монахомъ Космой Индикоплевстомъ, прославляетъ «великаго царя Птоломея, сына Птоломея и Арсинои»; другая, поѣтствующая о славныхъ походахъ эеюпскаго царя Эбъ-Агуды, представляетъ первостепенный географическій интересъ, такъ какъ она содержитъ рядъ двадцати трехъ абиссинскихъ названий мѣсть²⁾), первые элементы сравнительной географіи страны. Мариеттъ доказалъ, совершеннымъ сходствомъ многихъ имёнъ, вырѣзанныхъ на карнакскихъ пилонахъ, съ именами, упоминаемыми въ адулиской надписи, что сношения Египта съ Эеюпіей несомнѣнно восходили ко временамъ фараона Тутмеса III, царствовавшаго въ девятнадцатомъ столѣтіи до Рождества Христова³⁾. Отъ зданій древняго города отыскали только небольшое число капителей, высѣченныхъ въ лавѣ, и мраморъ, изваянныхъ византійскими скульпторами; остатки эти находятся теперь въ бѣлискомъ километрахъ внутри материка, можетъ-быть, вслѣдствіе поднятія берега, можетъ-быть, также просто по причинѣ постепеннаго нарастанія аллювіального слоя. Древнее наименованіе существуетъ еще подъ формой Зулла. Южнѣе, на высотахъ, видны остатки какого-то города, бывшаго, вѣроятно, санаторіемъ Адулиса⁴⁾. Во второй половинѣ настоящаго столѣтія имя Адулиса было часто произносимо, какъ имъ будущей французской колоніи, потому что полоса земли, вдоль бухты, и островъ Диссе были уступлены Франції, въ 1840 году, государемъ Тигре; но эта уступка на бумагѣ не была закрѣплена никакимъ актомъ фактической оккупациіи, и съ 1888 года Италия владѣеть этимъ клочкомъ эеюпской территории, послѣ того какъ пѣкоторое время тамъ господствовала Англія подъ египетскимъ флагомъ. Впрочемъ, вѣтъ страны, гдѣ бы Великобританія дала болѣе поразительный примѣръ своего могущества, какъ на этомъ звонкомъ берегу Чёрнаго моря. Въ бухтѣ Адулисъ, гдѣ едва увидишь какую-нибудь жалкую барку, и гдѣ рыболовные плоты

состоять изъ трехъ кусковъ дерева, почти совершенно погруженныхъ въ воду, которыми управляютъ при помощи гребка, безъ боязни многочисленныхъ акулъ,—въ этой самой бухтѣ плавали въ 1867 и въ 1868 годахъ сотни кораблей; высадочный моль, отъ которого остались кое-какіе слѣды, выдвигался въ море на пѣную версту, желѣзная дорога проникала на югъ до самого основанія кручь, и громадные резервуары воды, вырытые у подножія горъ, поили индійскихъ слоновъ и 40.000 животныхъ. Въ Зуллѣ высадилась британская армія, въ Зуллѣ же она сѣла на корабли и поплыла въ обратный путь, приведя къ благополучному концу экспедицію, безпримѣрную въ исторіи Англіи и во всемирной исторіи новаго времени, какъ по справедливости дѣла, такъ по математической точности движеній, по полнотѣ успѣха, достигнутаго почти безъ пролитія крови, и по безкорыстію въ побѣдѣ. Эта военная прогулка европейской арміи на плоскогорья Эеюпіи кончилась безъ завоеванія, и слѣды англійскихъ шаговъ скоро изгладились на звонкомъ песку Зуллы, а между тѣмъ это кратковременное появленіе грознаго иноземца начинаетъ новую эру въ исторіи Абиссинскаго государства.

Эеюпскіе города бассейна Таккаце и покатости Краснаго моря, съ цифрою населенія, показанной путешественниками.

Инчатбакъ. Добарекъ. Фарасть-Саберь—2.000 жит., по Феррету и Галинѣ. Лалибала—1.200 жит., по Рольфсу. Сокота—1.500 ж., по Рольфсу. Автало—1.000 жит., по Рольфсу. Чаликут—2.000 ж., по Рольфсу. Макале. Самре. Гауссенъ—1.200 ж., по Леферу. Аддиградъ—2.000 жит. Сенафе. Галай—2.000 жит., по Росселю. Дигсанъ—2.000 ж., по Леферу. Абби-Адди—2.000 ж., по Рольфсу. Адуа,—3.000 жит., по Рольфсу. Аксумъ—5.000 жит., по Рольфсу. Кодо-Феласси—1.200 жителей, по Рольфсу. Атсега—1.800 жит., по Гейглину. Керенъ—1.800 жит. Аркико—1.500 жит., по Рольфсу. Массова, съ предметомъ,—8.000 жит. Афъ-Абадъ—6.000 ж., по Сапето. Долка—5.000 жит., по Сапето. Зулла—1.000 жит.

Берегъ Краснаго моря, продолжающійся къ юго-востоку, изгибается тамъ и сямъ въ видѣ бухтъ и бухточекъ, гдѣ можно бы было устроить порты, если бы, къ несчастію, караваны не должны были проходить черезъ звонныя и небезопасныя земли данакиловъ, прежде чѣмъ достигнуть долинъ эеюпской покатости. Гавакильская бухта, изслѣдованная англичанами во время ихъ экспедиціи въ Абиссинію, загромождена вулканическими конусами, окружена скалами и лавами, переходъ по которымъ представляеть большія трудности. Ганфила, гдѣ, какъ полагаютъ, находился древній портъ Антифиль, можетъ быть полезна только для эксплоатациі

¹⁾ Antoine d'Abbadie, „L'Abyssinie et le roi Théodore“.

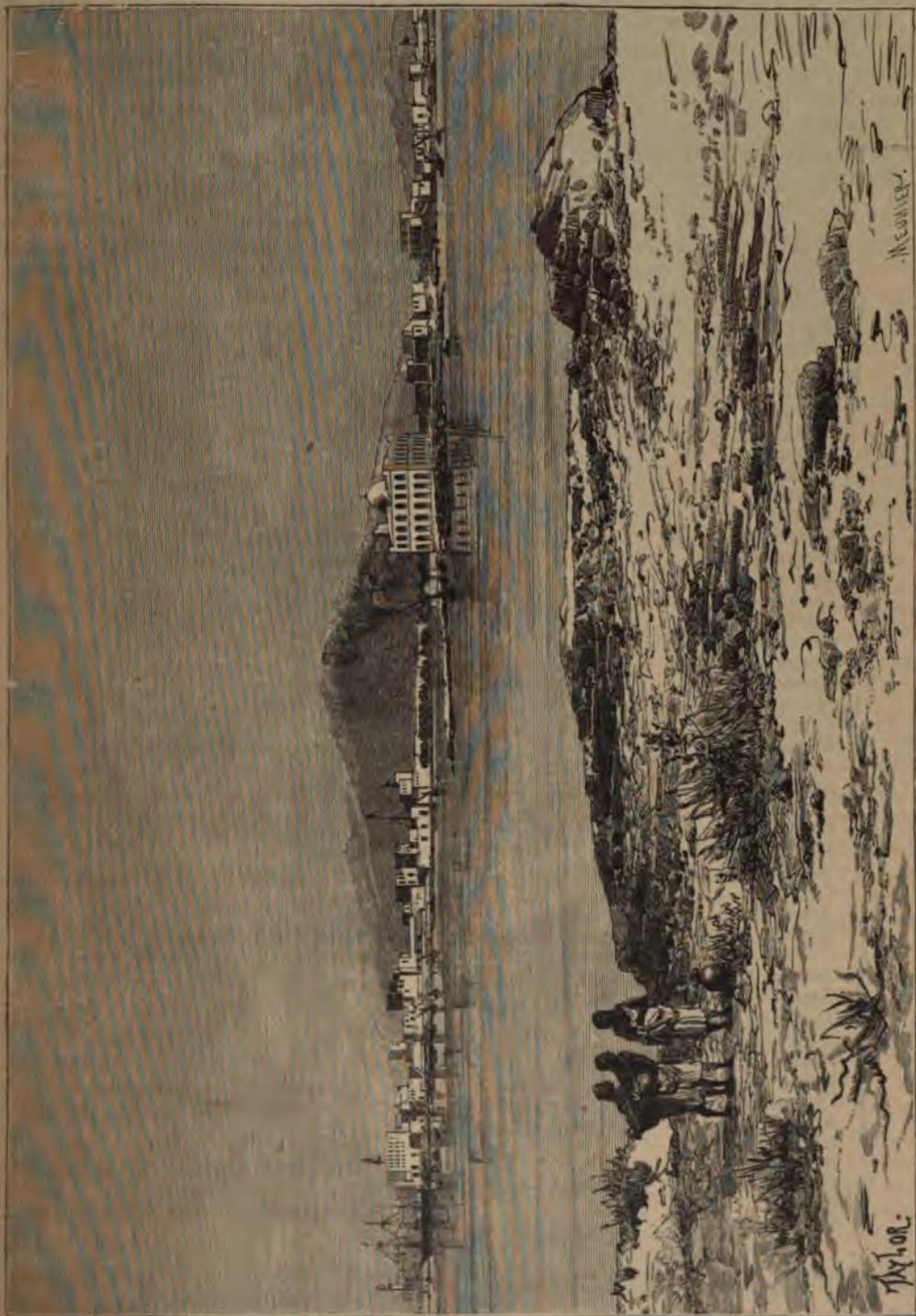
²⁾ Vivien de Saint-Martin, „Éclaircissements géographiques et historiques sur l'inscription d'Adulis“;—Guillaume Lejean, „Voyage en Abyssinie“, etc.

³⁾ Ernest Desjardins, рукописная замѣтка; — „Société de Géographie de Paris“, 19 avril 1874.

⁴⁾ Russel, „Abyssinie“.

солинаго озера Алеальбедь и для ловли жемчу-
га и перламутра. Что касается маленькой га-
ванни Эддъ, лежащей въ 200 километрахъ отъ
Эфиопской цѣпи, то она, какъ и Гавакильская

невозможности извлекать какую-либо пользу изъ
этого приобрѣтенія, она предложила этого фран-
цузскому правительству, которое, однако, отка-
залось отъ этого слишкомъ дорого стоящаго

Видъ Массовы.

бухта, окружена потухшими вулканами и за-
стывшими потоками лавы съ шероховатой по-
верхностью, которые дѣлаютъ край почти не-
доступнымъ. Одна нантская компания приобрѣла
было его въ собственность но, убѣдившись въ

подарка; въ концѣ концовъ компания уступила
свои права египетскому вице-королю.

Административныя и политическія дѣленія
Абиссиніи мѣняются до безконечности, смотря

по степени власти ленниковъ и по прихоти государей: иной расъ начальствуетъ надъ нѣсколькими провинціями или даже носить титулъ царя, какъ, напримѣръ, расъ годжамскій, короновавшійся въ 1881 году; другой вассалъ, на-противъ, долженъ довольствоваться простымъ кантонономъ. Въ 1882 году большихъ леновъ было 24, изъ которыхъ 4 управляемыхъ расами первого ранга, 5 управляемыхъ второстепенными расами и 15 состоящихъ подъ управлениемъ начальниковъ, имѣющихъ титулъ шума. Но, несмотря на политическія перемѣны

и превратности, большинство абиссинскихъ округовъ, какъ *raug* древней Галліи, сохраняютъ свои имена и общіе контуры, указываемые на самой почвѣ рельефомъ и свойствомъ геологическихъ формаций. Въ настоящее время Эюопская имперія, безъ королевства Шоа, за-абайскихъ платящихъ дань государствъ, послѣднихъ присоединенныхъ территорій на сѣверѣ и окружовъ племени галла, заключаетъ слѣдующія провинціи, или, лучше сказать, естественные области, расположенные по климатическимъ поясамъ и по рѣчнымъ бассейнамъ:

Губернія.	Провинціи.	Рѣчные бассейны.	Климатическіе поясы.	Города.
	Дембеа.	Голубой Нилъ.	Дега, Война-дега.	Гондаръ.
	Чельга.	Голубой Нилъ, Атбара.	" "	Чельга.
	Янфантера.	Атбара.	" "	
	Лагосса.	Голубой Нилъ.	" "	
	Куарра.			
	Бегемедеръ.	Голубой Нилъ и Таккаце.	Дега, Война-Дега.	Сарама.
	Гуна.	Голубой Нилъ, Таккаце.	Дега.	
	Канинте.	Голубой Нилъ.	"	
	Саните.	" "	"	
	Давонть.			
	Вадда.	Голубой Нилъ, Таккаце.	"	
	Таланта.	Голубой Нилъ.		
	Воггара.	Таккаце, Атбара.	Война-дега, Дега.	
	Симень.	Таккаце.	Дега.	
	Целемть.		Война-дега, Куалла.	
	Эрмече.	Атбара.	Куалла.	
	Цагаде.	"	"	
	Колла-Вогара.			
	Вальдебба.	Таккаце.	"	
	Волкагитъ.			
	Ачеферъ.	Голубой Нилъ.	Война-дега.	
	Мача.	" "	Дега, Война-дега.	
	Годжамъ.	" "		Монкорерь.
	Дамотъ.	" "	Война-дега, Куалла.	
	Агаумедеръ.	" "	Дега, В.-дега, Куалла.	
	Даганахъ.	" "		
	Седебъ.	" "		
	Вагъ.	" "	Дега, Война-дега.	
	Воджератъ.	" "	Дега.	
	Эндерта.	" "	Дега, Война-дега.	
	Сака.	" "	" "	
	Авергалае.			
	Иджу.	Покатость Краснаго моря.	Война-дега, Куалла.	
	Зебуль Анготъ.		" "	Коббо.
	Слоа.	Таккаце.	" "	Самре.
	Тембіель.	"	" "	Аббі-Адди.
	Адettъ.	"	" "	
	Геральта.	"	" "	Гауссенъ.
	Вамбартъ.	"	" "	
	Гараматъ.		Дега, Война-дега.	
	Адуа.	Таккаце, Маребъ.	"	Чаликуть.
	Шире.	" "	Война-дега, Куалла.	
	Агаме.	" "	Дега, Война-дега.	
	Окуле-Кусай.	Маребъ.	"	Адуа.
	Сараузъ.	"	Война-дега, Куалла.	Аддигратъ.
	Гамасенъ.	Маребъ, Барка.	" "	Кодо-Феласси.

УП. Шоа, земля дакакиловъ; сѣверные государства галласовъ.

Шоа или Шава и гориы страны сѣверныхъ галласовъ составляютъ часть эюопскихъ плоскогорий; въ политическомъ отношеніи Шоа, бывъ долгое время независимымъ государствомъ, снова присоединилась къ Абиссинской

имперіи и платить ей опредѣленную дань: государь этой страны не иначе, какъ съ камнемъ на шеѣ, представляется «царю царей» ¹). Къ

¹) Послѣ смерти негуса Абиссиніи Иоанна (1889 г.) тогданий король Шоа, Менеликъ, сынъ Гайлѣ Мелекоты и внукъ Менелика I, устранилъ всѣхъ соперниковъ, претендентовъ на корону Абиссиніи, самъ короновался негусомъ и объединилъ Абиссинію и Шоа подъ свою власть.

югу отъ Абая, счастливыя экспедиціи покорили бойшинство племенъ, цивилизованныхъ или варварскихъ, подъ власть сѣверной Эсіопіи, и каждый годъ посольства отъ этихъ племенъ привозятъ въ Дебра-Таборъ или въ Макале слоновую кость или какія-либо драгоценныя произведенія. Съ этой стороны неопределенные измѣнчивыя границы заключаютъ уже всю южную Эсіопію вплоть до Каффы и даже далѣе: Шоа устроилась въ протяженіи, также и королевство Годжамъ увеличилось въ той же пропорціи, хотя рѣка Абай въ продолженіе семи или восьми мѣсяцевъ въ году отдѣляетъ Абиссинію отъ земель народа ильмъ-орна. Населенія этихъ странъ, по большей части различающіяся происхожденіемъ, языкомъ, религіей и нравами, должны быть изучаемы отдѣльно. Что касается жителей равнинъ, заключенныхъ между главной цѣпью Эсіопіи, берегами Краснаго моря, Аденскимъ заливомъ и водораздѣльной возвышенностью къ югу отъ бассейна Ауаша, то они составляютъ особую группу, опредѣлено отграниченную родомъ жизни, который обусловливается климатомъ и почвой; но, какъ посредници торговаго обмѣна между плоскогорьями и моремъ, эти обитатели равнинъ необходимы населеніямъ Шоа; какъ ни различны между собой эти двѣ страны, онѣ составляютъ часть одного и того же соціального организма.

Къ югу отъ Ангота и Зебуля, главный хребетъ Эсіопіи проникаетъ въ Шоа, затѣмъ немного уклоняется отъ меридіана, чтобы направиться къ юго-западу, параллельно теченію Ауаша. Эта часть краевой цѣпи носить название Шакка или Амба-Шакка; среднее возвышеніе ея, по Беке, отъ 2.400 до 2.700 метровъ, но многія вершины превосходятъ эту высоту. Самая высокая гора, по крайней мѣсѣ въ окрестностяхъ Анкобера—Метатите (3.278 метровъ), откуда видишь у себя подъ ногами наибольшую часть королевства Шоа и всѣ нижніе уступы или террасы, спускающіяся ступенями къ долинѣ Ауаша и къ притокамъ Абая. Ни одна область Эсіопіи не разрѣзана рѣками такъ отчетливо на призматическіе отрывки. Съ нѣкоторыхъ возвышенныхъ пунктовъ плоскогорья эта страна представляется вдали какъ обширная, почти совершенно гладкая равнина, гдѣ долины едва обозначены перерывомъ зелени; но когда подойдешь ближе къ разѣлинамъ, оказывается, что почва разверзается на огромныя глубины и образуетъ бездонныя пропасти: одно изъ ущелій, километрахъ въ шестидесяти съ сѣверо-западу отъ Анкобера, имѣеть слишкомъ 1.250 метровъ глубины между губами плоскогорья, отстоящими одна отъ другой всего только на шестьсотъ-семьсотъ метровъ. Нѣкоторыя глубокія пропасти открываютъ въ скалахъ: такова, близъ старой столицы Шоа, Тегулетъ-Ватъ или «Тегулетская бездна», разрѣзъ длиной около 180 метровъ, при ширинѣ

менѣ однаго метра, куда, если бросишь камень, то звукъ паденія не доходитъ до поверхности. Рѣки, берущія начало на восточной покатости горъ Амба-Шакка, и которымъ нужно спуститься на протяженіи около 2.000 метровъ до Голубаго Нила, низвергаются въ ущелья слѣдующими одинъ за другимъ водопадами или порогами грандіознаго вида ¹⁾.

Къ востоку отъ главной цѣпи, нѣсколько массивовъ холмовъ, съ округленными формами, подшипаютъ основаніе Амба-Шакки, и въ небольшомъ разстояніи тянутся параллельныя цѣпи, какъ, напримѣръ, Аргобба; но за ихъ вершинами виднѣется волнообразная равнина, простирающаяся далеко къ Аденскому заливу и усаженная тамъ и сямъ вулканическими конусами, откуда вылились обширныя поля лавы. Одинъ изъ отдыхающихъ кратеровъ, близъ праваго берега Ауаша, къ сѣверо-востоку отъ Анкобера, представляетъ пропасть, имѣющую нѣсколько километровъ въ окружности. Другой кратеръ, гораздо менѣе предыдущаго и открывающейся на вершинѣ пригорка, постоянно выдѣляетъ изъ себя пары: это Дофане, лежащій на лѣвомъ берегу Ауаша, километрахъ въ шестидесяти къ сѣверо-востоку отъ Анкобера. Его состояніе дѣятельности почти такое же, какъ состояніе горы Вулкано, на одномъ изъ Липарскихъ острововъ; на стѣнкахъ дымящагося кратера отлагаются пластинки сѣры, представляющей всевозможные оттенки цвѣтова, отъ свѣтлого до красно-бураго ²⁾. На югѣ, въ области Фатигарь, находится другая группа вулкановъ, называемая Минчаръ, въ кратерахъ которой тоже сублимируется сѣра. Одно изъ этихъ огнедышащихъ жерлъ, кратеръ Винцегуръ, представляетъ огромный котель, имѣющій, по Гаррису, около 10 километровъ въ окружности и стѣнки высотой отъ 200 до 300 метровъ: черезъ двѣ бреши, открывающіяся въ этихъ стѣнкахъ, вылилась расплавленная лава, образовавшая рѣку черныхъ шлаковъ, которая извивается среди деревьевъ. Въ сопѣствѣ лужа Бургчата наполняетъ циркъ изъ черныхъ и желтыхъ лавъ, окруженный отвесными утесами; въ скалѣ открываются сотнями пещеры, на половину скрытыя подъ листвой растеній, прилепившихся къ стѣнкамъ; одно отверстіе кратера даетъ проходъ слонамъ и носорогамъ, приходящимъ ночью пить на озеро ³⁾. Къ западу оттуда, въ области Демби, итальянскій путешественникъ Антинори описываетъ другую группу вулкановъ, между которыми образовались лагуны, гдѣ до сихъ поръ не найдено никакой рыбы, изъ чего нужно заключить, безъ сомнѣнія, что

¹⁾ Isenberg and Krapf, „Journal of the Church Missions to Abyssinia and Egypt“.

²⁾ Rochet d'Hericourt, „Deuxi me voyage au royaume Choa“.

³⁾ Harris „Highlands of Ethiopia“.

эти водные площи недавнаго происхождения; но надъ водой кружается мириады водяныхъ птицъ¹). Далѣе, на юго-западѣ, уединенная вершина огнедышащей горы Зикуалы (около 3.000 метровъ высотой), упоминаемой уже монахомъ Фра-Мауро въ его знаменитой картѣ, заключаетъ озеро въ своемъ конечномъ кратерѣ; на берегу этого озера стоять монастыры, основанный однимъ «укротителемъ бѣсовъ». Въ этихъ вулканическихъ мѣстностяхъ королевства Шоа встрѣчается множество горячихъ источниковъ, изъ которыхъ три, въ землѣ галласскаго племени финфини, недалеко отъ высокой уединенной горы Энотто (2.987 метровъ), бываютъ изъ почвы фонтаномъ въ видѣ гейзера, и температура ихъ 100 градусовъ по Цельзию. Можетъ-быть, дѣйствию этихъ минеральныхъ водъ и слѣдуетъ приписать превращеніе въ искошаемое состояніе окаменѣлыхъ деревьевъ, находимыхъ во многихъ мѣстахъ плоскогорья между Ластой и Шоа; подобно «окаменѣлымъ лѣсамъ» Каира, ископаемые лѣса Эсопии состоятъ изъ деревъ, принадлежащихъ къ порядку навозниковыхъ (*Sterculiaceae*)²).

Перешеекъ изъ возвышеностей, отдѣляющій Абай отъ истоковъ Ауаша и изгибающійся къ юго-западу, составляетъ естественную границу между собственной Эсопией и землей галласовъ: это область почти ровная, безъ всякихъ возвышений рельефа, кромѣ береговыхъ утесовъ по обѣ стороны потоковъ. Но къ югу отъ этого перешейка горы снова появляются въ видѣ правильной цѣпи: скорѣе ихъ слѣдуетъ разматривать какъ общую выпуклость почвы, разрѣзанную на отдѣльныя массы и остроконечныя вершины рѣками, которая спускаются на сѣверъ къ Голубому Нилю, на югъ къ многоименной большой рѣкѣ, называемой Гугса, Ума, Абула. Вслѣдствіе размывающаго дѣйствія воды, источившей плоскогорье и сообщившей ему его нынѣшнюю виѣшнюю форму, ось горныхъ вершинъ направляется съ сѣверо-запада къ юго-востоку: въ этомъ направлѣніи слѣдуютъ, одна за другой, Горо-Ченъ, Бельбелла, Тулу Амара, Чиллимо, Дирико, Кало, Рогге—все горы, имѣющія болѣе, чѣмъ 3.000 метровъ высоты. Самой значительной вершиной этого хребта, у восточной его оконечности, считается Гамдо, поднимающіяся на 3.456 метровъ надъ уровнемъ моря. Въ томъ же направлѣніи, но въ видѣ уединенного массива, окруженнаго со всѣхъ сторонъ глубокими долинами, высится, въ землѣ Гураге, вершина Вариро, которой путешественникъ Киярини даетъ 3.898 метровъ высоты.

Горные массивы, ограниченные на сѣверѣ теченіемъ верхней Гугсы, не вадымаются на столъ значительную высоту: въ среднемъ, они

имѣютъ только отъ 2.200 до 2.500 метровъ. Тѣмъ не менѣе, въ области Инариа, одна цѣпь, ось которой слѣдуетъ въ направлѣніи съ сѣверо-востока на юго-западъ, имѣетъ вершины высотой около 3.000 метровъ, а самая высокая ея вершина, Эганъ, достигаетъ 3.090 метровъ. Въ землѣ Каффа другая цѣпь, ограниченная съ сѣвера теченіемъ Годжеба, соперничаетъ по высотѣ съ горами области Гураге, и гора Хотта, около восточной оконечности этой цѣпи, имѣетъ 3.685 метровъ высоты. Но исполномъ территоріи Ильмъ-Орма считается гора Вошо, лежащая къ западу отъ рѣки Умы, въ землѣ племени варатта, которая до сихъ поръ еще не была посѣщена ни однимъ путешественникомъ. По приблизительной оцѣнкѣ Антуана д'Аббади, видѣвшаго вершину Вошо съ разстоянія около 200 километровъ, черезъ долину, въ которой течеть Ума, эта гора должна имѣть болѣе 5.000 метровъ высоты.

Къ востоку отъ краевой цѣпи Эсопии, земля афаровъ, которую обыкновенно обозначаютъ равниной, въ противоположность плоскогорьямъ Абиссиніи, есть, однако, страна съ поверхностью холмистой и даже гористой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Низменность Алельбеда ограничена, какъ извѣстно, вулканической цѣпью, въ которой часто раздаются удары «Чортова барабана», говорятъ талталы. Тамъ высится гора Ортоале, описанная Мунцингеромъ, а также другая «Дымящаяся гора», видѣнная издали путешественникомъ Бланки во время его безуспѣшной попытки достигнуть Ассаба, спускаясь изъ Макале¹). Къ юго-западу отъ Ассабской бухты, другая крутая гора, вулканъ Муссалы, возвышается слишкомъ на 2.000 метровъ (определѣнія ея высоты у итальянскихъ путешественниковъ разнятся отъ 1.600 до 2.063 метровъ)²; наконецъ, одна краевая цѣпь тянется на сѣверѣ вдоль бухты Таджурахъ, доминируемой конусами, откуда вылились лавы. Одинъ изъ этихъ потухшихъ вулкановъ, Джуда, вершина которого лежить на высотѣ 914 метровъ надъ уровнемъ моря, подпertia съ южной стороны массивомъ, который своими шейрами (застывшими потоками лавы) почти раздѣлилъ на двое оконечность залива: дно бухты представляетъ скорѣе внутреннее озеро, чѣмъ часть Индійскаго океана. На западѣ другіе потоки лавы сплошь покрыли пространство, бывшее нѣкогда дномъ морскимъ, и такимъ образомъ ограничили отрывокъ бухты, сдѣлавшійся озеромъ Ассаль, которое арабы въ шутку называютъ «Медовымъ», несмотря на соленость его водъ. Возможно также, что поднятіе почвы способствовало въ извѣстной мѣрѣ изолированію этой водной пло-

¹) Antinori, „Bollettino della Societ  Geografica Italiana“, 1880.

²) Stecker,—R. Hartmann, „Abyssinia“.

¹) „Esplorazione“, settembre 1884.

²) Guido Cora, „Cesmos“, 1882, выпускъ V и VI.

шади, такъ какъ берега океана, въ окрестностяхъ Таджураха, состоять болѣею частію изъ известковыхъ глинъ, содержащихъ, до высоты отъ 40 до 50 метровъ, раковины, совершенно сходныя съ видами, нынѣ живущими въ африканскихъ моряхъ. Озеро Ассаль, теперь отдѣленное отъ Таджурахской бухты порогомъ, длиной около двадцати километровъ, подверглось преобразованіямъ, подобнымъ тѣмъ, какъ испытала озеро Алальбедь. Оно тоже превратилось въ солончакъ, и соляная кора, окружающая отмели, такъ толста, что навьюченные верблюды могутъ проходить по ней до разстоянія версты и болѣе отъ берега. Ассальская соль, какъ и алальбедская, составляетъ богатство сосѣднихъ племенъ; всѣ афарскіе и сомальскіе народы страны приходятъ туда за солью, какъ для себя, такъ и для южной Эфиопіи, которая даетъ имъ въ обмѣнъ слоновую кость, кофе, цибетовый мускусъ и невольниковъ¹). Такъ же, какъ Алальбедь, озеро Ассаль постепенно понизилось уровнемъ, такъ какъ приносимое временными ручьями или удали количество воды далеко не вознаграждаетъ убыли, происходящей вслѣдствіе испаренія: метрахъ въ пятнадцати надъ нынѣшней поверхности озера бѣловатый слѣдъ, оставленный на скалахъ, указываетъ высоту, до которой прежде доходили воды. Въ 1834 году, во время первого путешествія Роше въ Шоа, уровень озера Ассаль былъ на 185 метровъ ниже Таджурахской бухты; съ тѣхъ поръ эта разность уровней была показываема разными путешественниками различно, отъ 173 до 231 метра. Средняя глубина этого озера около сорока метровъ²). По Біанки³), многія другія владины земли афаровъ лежать на 200 метровъ ниже уровня моря.

Къ юго-западу отъ озера Ассаль, въ области, тоже усыпанной вулканами и покрытой застывшими потоками лавы, находятся другія озера; но эти озера рѣчного происхожденія и принадлежать къ бассейну Ауаша или Аваси. Эта рѣка восточной покатости Эфиопіи не течетъ, какъ другія рѣки страны, на днѣ узкихъ ущелій. Въ то время, какъ другіе рѣчные потоки, такъ сказать, «дренируютъ» свое ложе и отнимаютъ у него плодородную почву, чтобы унести ее въ другое мѣсто⁴), Ауашъ орошаетъ свою долину, какъ египетскій Нилъ, но онъ не можетъ достигнуть моря; подобно Рагуле и другимъ рѣкамъ земли афаровъ, онъ спускается въ дорогѣ, хотя въ среднемъ своемъ теченіи катитъ значительную массу воды. Ауашъ зарождается на юго-западной сторонѣ Алыгъ Шоа, въ округѣ Финфини, отдѣленномъ горамъ потокомъ отъ нильского бассейна;

истоки его образуютъ нѣсколько лужъ, которые сообщаются между собою посредствомъ извилистыхъ каналовъ, заросшихъ травой. Уже довольно широкой и глубокой, этотъ ручей огибаетъ горы королевства Шоа, посылающія ему часть своихъ водъ; затѣмъ течеть въ направлении съ юга на съверъ, слѣдуя вдоль основанія главной эфиопской цѣпи: въ этой части своего теченія рѣка является наиболѣе обильной; въ періодъ мелководья она вездѣ имѣть болѣе 50 метровъ въ ширину, болѣе метра глубины, и теченіе ея очень быстрое; во времія же наводненій Ауашъ разливается на нѣсколько километровъ въ ту и другую сторону отъ своего русла, и уровень его поднимается до 12—14, даже до 18 метровъ¹), такъ что можно было бы утилизировать рѣку для пароходства въ этой части ея теченія. Удаляясь отъ горъ, чтобы течь на съверо-востокъ по направлению къ Таджурахской бухтѣ, рѣка сначала усиливается водами, приносимыми ея притокомъ Гермама или Казамъ, затѣмъ уменьшается мало-по-малу и верстахъ въ ста отъ моря, послѣ теченія, общую длину котораго можно считать въ 800 километровъ, теряется въ болотистомъ озерѣ Бада или Аусса, называемомъ также Абгельбадъ нѣкоторыми авторами: эта водная площадь, лежащая, вѣроятно, ниже уровня моря, представляетъ поперемѣнное повышеніе и пониженіе уровня, сообразно чередованіямъ дождливаго и сухаго времени года²). Воды этого озера прѣсныя и отлагаютъ плодотворный иль, который возвращается сторицей зерно, посѣянное аусскимъ данакилами; запруда, построенная на съверѣ, задерживаетъ въ лѣтнее время воду, необходимую для орошенія полей; но когда земли достаточно увлажнены, тогда открываютъ шлюзы, и излишекъ водъ выливается въ водосточный бассейнъ, называемый «Натровымъ озеромъ» по причинѣ химическихъ веществъ, кристаллизующихся на его берегахъ³). Другія, находящіяся въ той же области, озера принадлежать къ системѣ Ауаша и принимаютъ въ себя его воды разлива: таково озеро Леадо, надъ которымъ господствуютъ вулканъ Дофане и Джебель-Кабретъ или «Сѣрная гора», недалеко отъ эфиопскихъ Алыгъ. Озеро Цвай, иначе Джиладу, Лаки или Дамбаль, въ землѣ Гураге, тоже, вѣроятно, составляетъ часть того же гидрографического бассейна, и излишекъ его водъ изливается въ рѣку Ауашъ; впрочемъ, туземцы говорили итальянскимъ путешественникамъ Антонелли и Чекки, что этотъ бассейнъ не имѣть источника, почему и получилъ название Цвай, означающее на языкѣ гезз «Неподвижный». Къ юго-западу отъ озера Цвай простирается другая

¹) Rochet d'Héricourt, „Voyage dans le Choa“.

²) Rochet d'Héricourt;—Beké;—Christopher;—H. Saint-Guir Wilkins, „Reconnoitring in Abyssinia“.

³) „Esploratore“, sett. 1884.

“Intéâne d'Abbadie;—Arnaud d'Abbadie, etc.

¹) Antonelli, „Esploratore“, dic. 1883;—Brémond, „Exploration“, janvier 1884.

²) Th. von Heuglin, „Reise in Nordost-Afrika“.

³) Rochet d'Héricourt, цитированное сочиненіе.

водная площадь, почти такой же величины, которую Чекки явственно видѣлъ съ вершины горы Цикуала.

Климат южной Эфиопіи походить на климат Абиссинії, съ той разницей, что воздухъ въ первой болѣе влаженъ. Болѣе близакія къ экватору, возвышенности Шоа и земли галласовъ находятся также въ большей мѣрѣ подъ влияніемъ дождливаго пояса, который образуется между областями двухъ пассатовъ, и который передвигается поперемѣнно къ сѣверу и къ югу отъ равноденственной линіи. Тогда какъ среднее годовое количество атмосферныхъ осадковъ, выпадающихъ на абиссинскія плоскогорья, можетъ быть исчисляемо въ 75 сантиметровъ¹⁾, на югѣ отъ рѣкъ Абая и Ауаша оно составляетъ цѣлый метръ. Вслѣдствіе этого, растительность гораздо обильнѣе и гуще въ южныхъ областяхъ Эфиопіи, чѣмъ въ сѣверныхъ. Въ то время, какъ въ Абиссинії лѣса вездѣ, за исключеніемъ только куалль, рѣдки, они, напротивъ, очень обширны въ горахъ Шоа, такъ же, какъ и въ горахъ земель, платящихъ дань этому королевству; почти всѣ путешественники, посѣтившіе тѣ края, говорятъ о большихъ лѣсахъ хвойныхъ, дикихъ маслинъ или другихъ деревьевъ, подъ которыми идешь по цѣлымъ часамъ, подъ шатромъ переплетающихся вѣтвей, покачивающихъ своими густыми шевелюрами изъ сѣраго мха. Число ботаниковъ, изучившихъ растительные виды тѣхъ странъ, пока еще не велико; но известно достовѣрно, что всѣ абиссинскія растенія находять тамъ для себя благопріятный климатъ, и что тамъ произрастаютъ многіе другие виды, полезные своими стеблями, смолами или семенами. Отечество кофейного дерева могло бы еще доставить земледѣльцамъ всего свѣта много другихъ драгоценныхъ растений; оно и теперь даетъ торговль одинъ плодъ, оджик или корарима, высоко цѣненный за его нѣжный и сильный ароматъ.

Подобно флорѣ, и фауна описываемыхъ странъ отличается отъ абиссинской болѣшимъ разнообразіемъ формъ; но въ цѣломъ типы здѣсь тѣ же самые, чѣмъ и въ Абиссинії. Шоа, кажется, можно считать истиннымъ отечествомъ *coldibus dneggego*, обезьянъ съ великолѣпной черной и бѣлой шевелюрой, на которыхъ суетѣрные жители края смотрѣть почти какъ на монаховъ, по причинѣ цвѣтовъ ихъ платья и ихъ единенной жизни²⁾; тамъ же, въ бассейнѣ Ауаша, живутъ замѣчательнѣйшіе быки, отличающіеся огромными размѣрами своихъ роговъ, которые достигаютъ 2 метровъ длины, при 15 сантиметрахъ толщины у основанія³⁾. По высокимъ саваннамъ Шоа разгуливаетъ

зебръ особой породы, *equus Grevyi*, очень любопытный своимъ мѣхомъ, испещреннымъ полосами темно-пурпурнаго цвѣта. Галласская лошадь, которая не переносить перемѣны климата и скоро умираетъ вдали отъ родимыхъ горъ, походитъ на чистокровную русскую своими сухими ногами, тонкой головой, полнымъ, округленнымъ крупомъ, пылкостью и упорствомъ⁴⁾. Съ экономической точки зрѣнія наиболѣе цѣнное животное въ областяхъ южной Эфиопіи—цибетъ (*civetta viverrina*), мускусъ котораго моноополизированъ различными властителями страны, исключая Каффы. Драгоценное пахучее вещество доставляютъ только самцы: ихъ держать стадами въ сотню и до трехсотъ головъ, при чемъ каждое животное заперто въ продолговатую клѣтку, гдѣ ему нельзя повернуться; цибетовые парки нагреваются топкой до постоянной температуры, чтобы ускорить выдѣленіе мускуса, составляющее отъ 80 до 100 граммовъ въ каждые четыре дня; этимъ звѣркамъ даютъ исключительно животную пищу, состоящую изъ отборныхъ кусковъ, приготовленныхъ на коровьемъ маслѣ. Изъ боязни дурнаго глаза, иностранцевъ никогда непускаютъ въ цибетовые парки⁵⁾.

Цивилизованные и христіанскіе жители Шоа—амхаринцы въ большинствѣ, какъ и жители Гондара, но они отдѣлены отъ главной массы націи высокими хребтами: тогда какъ большинство абиссинцевъ живутъ на скатахъ, наклоненныхъ къ Голубому Нилу, обитатели Шоа населяютъ въ особенности покатость Ауаша, притока Краснаго моря; кромѣ того, большая часть плоскогорья, ограничивающаго Шоа съ сѣвера, занята населеніями галласскаго происхожденія. Слѣдовательно, съ этнографической точки зрѣнія Шоа составляетъ родъ островного массива: собственно эоопы окружены тамъ народомъ ильмъ-орма, гораздо болѣе многочисленнымъ, но раздѣленнымъ на множество племенъ, союзы которыхъ составляются и растворяются сообразно интересамъ минуты и прихотямъ начальниковъ. Иравы жителей Шоа тѣ же, что и у амхаринцевъ, съ тою только разницей, что первые болѣе покорно повинуются своему королю: въ Шоа весь народъ подобощентъ государю; невольники въ собственномъ смыслѣ немногочисленны, и продажа неволовъ воспрещена христіанамъ, но всѣ они въ сущности тѣ же рабы, которыхъ властелинъ можетъ лишить имущества и даже жизни. Нѣсколько общинъ фалашей или фенджей разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ королевства, и обыкновенно къ этимъ абиссинскимъ евреямъ причисляютъ секту талибановъ, которые имѣютъ монастыри въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Анкоберомъ, среди лѣсовъ Эмамрета; оказыва-

¹⁾ Lefebvre, „Voyage en Abyssinie“.

²⁾ Harris, „Highlands of Ethiopia“.

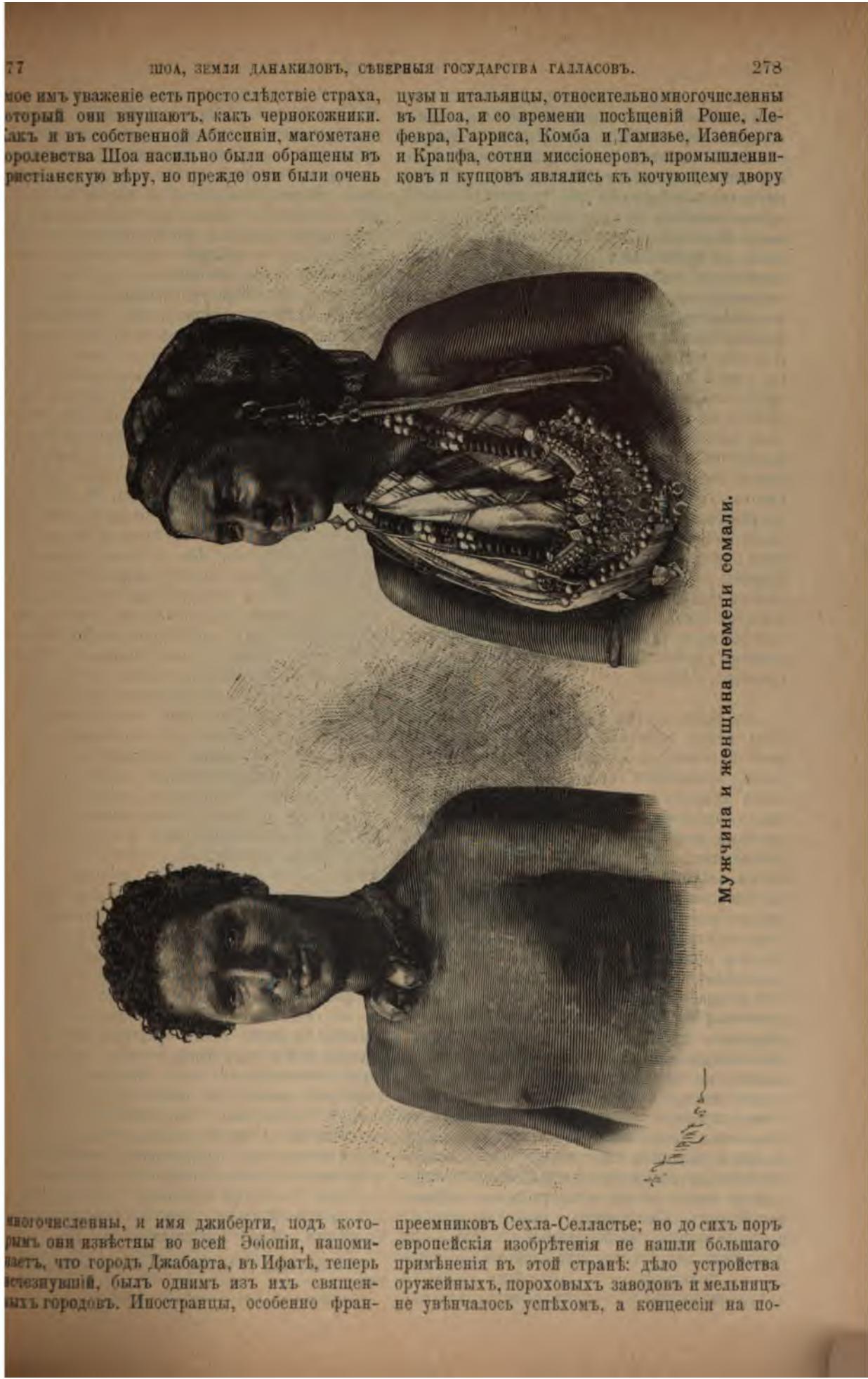
³⁾ Th. Lefebvre, „Voyage en Abyssinie“.

⁴⁾ Agnoit;—Louis Lande, „Rivue des Deux Mondes“, 1879.

⁵⁾ Bianchi, „Esploratore“, agosto 1883.

мое имъ уваженіе есть просто слѣдствіе страха, оторый они внушаютъ, какъ чернокожники. Такъ и въ собственной Абиссиніи, магометане оролевства Шоа насильно были обращены въ исламскую вѣру, во прежде они были очень

гузы и итальянцы, относительно многочисленны въ Шоа, и со времени посѣщеній Роше, Левада, Гарриса, Комба и Тамизье, Изенберга и Крапфа, сотни миссионеровъ, промышленниковъ и купцовъ являлись къ кочующему двору

Мужчина и женщина племени сомали.

многочисленны, и имя джиберти, подъ которымъ они известны во всей Эфиопіи, напоминаетъ, что городъ Джабарта, въ Ифатѣ, теперь итезнувшій, былъ однимъ изъ ихъ священныхъ городовъ. Иностранцы, особенно фран-

цузские преемникъ Сехла-Селластѣя; во до сихъ поръ европейскія изобрѣтенія не нашли большаго примѣненія въ этой странѣ: дѣло устройства оружейныхъ, пороховыхъ заводовъ и мельницъ не увенчалось успѣхомъ, а концессіи на по-

стройку желѣзныхъ дорогъ, выданныя прѣжимъ европеицамъ, свидѣтельствовали лишь о желаніи короля Шоа вступить въ непосредственный сношенія съ могущественными заморскими союзниками. Путешествія съ цѣлью научнаго изслѣдованія въ галласкую землю, прекратившіяся со временемъ экспедиціи миссіонера Фернандеца, въ началѣ семиадцатаго столѣтія, до путешествія Антуана д'Аббади, тоже становятся болѣе частыми, благодаря распространенію эвіопской власти въ этихъ странахъ; но опасности, ожидающія тамъ путешественниковъ, еще велики, и изъ двухъ итальянцевъ, Кіарини и Чекки, которые проникли до Бонги, одинъ не вынесъ трудностей пути, другой былъ спасенъ съ большимъ трудомъ выѣшательствомъ годжамскаго раса. Задача, приведшая Антуана д'Аббади въ эти страны, именно полное обслѣдованіе теченія главной рѣки южной Эвіопіи, еще не разрѣшена; относительно потока, составляющаго продолженіе Гугсы и усиливаемаго водами Годжеба, еще неизвѣстно, какое направленіе онъ принимаетъ послѣ того, какъ описалъ большую дугу на востокъ отъ Каффы: возвращается ли онъ на западъ, чтобы течь къ Нилу, или направляется наискось къ Индійскому океану; вѣроятнѣе всего, что онъ спускается на востокъ, чтобы образовать Джубу; во всякомъ случаѣ, это не Ниль, какъ ошибочно полагалъ д'Аббади.

Въ треугольномъ пространствѣ, заключенномъ между эвіопской цѣнью, Краснымъ моремъ и теченіемъ Ауаша, главную массу жителей, кочующихъ и осѣдлыхъ, составляетъ нація афаровъ или аферовъ, то-есть «бродячихъ», чаше обозначаемыхъ европейцами подъ именемъ данакиловъ; въ сосѣдствѣ Ауаша ихъ обыкновенно называютъ адель или адайлъ, по имени племени адъ-али, одного изъ самыхъ могущественныхъ; но отъ одного племени до другаго различія нравовъ, обычаевъ, нарѣчій незначительны и объясняются проходомъ, болѣе или менѣе частымъ, иностранцевъ по караваннымъ дорогамъ. Сами данакилы называютъ себя арабами, какъ многие другіе народы восточной Африки, и это притязаніе можно объяснить мѣстными скрециваніями, равно какъ номинальнымъ обращеніемъ афаровъ въ исламъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что вся нація, взятая въ совокупности, имѣть родственную связь съ западными галласами, съ сѣверными шогосами, съ южными сомалиями; афары и данакилы тоже говорять языками гамитскаго происхожденія и представляютъ сходный съ только-что названными народами физический типъ. Большинство ихъ еще грубые идолопоклонники; въ безплодной области озера Алальбедь они боготворятъ одиноко растущее дерево, цезальпинію съ красивыми розовыми цветками; въ другихъ мѣстахъ они приносятъ

жертвы сикоморѣ. Афары, вообще говоря, рослые, стройные люди, съ очень гибкими членами, и во время своихъ пласокъ выказываютъ замѣчательное изящество движений. Данакильскія женщины, которая всегда ходятъ съ открытымъ лицомъ, отличаются во время своей короткой молодости удивительно красивыми формами; но ихъ тяжелая, трудовая жизнь въ этой странѣ лавъ и песковъ, подъ самымъ зноннымъ климатомъ, какой только существуетъ на земномъ шарѣ, скоро уничтожаетъ ихъ красоту. Одѣты болѣе сокращенно, чѣмъ абиссинцы и галласы, данакилы носятъ только передникъ изъ разноцвѣтной матеріи и тогу или шамму, часто замѣняемую шкурой какого-нибудь животнаго, небрежно накинутой на плечи; мужчины вытигаютъ иглы дикобраза въ свою искусно заплетенную шевелюру; подобно галласамъ, они очень гордятся, когда могутъ украсить голову страусовымъ перомъ, которое служить доказательствомъ убийства врага. Въ сѣверной области хижины афаровъ убраны съ большимъ вкусомъ: поль устланъ желтыми цыновками, расширенными красными и фioletовыми узорами¹⁾.

Афары — народъ независимый. Они дѣлятся на двѣ главныхъ группы: асахіанъ, или асаймары, и адохіанъ, или адоймара, и на множество племенъ или кабилетовъ (*кабайль*) — въ числѣ ста пятидесяти или больше, — которые соединяются въ союзы или дѣйствуютъ каждое порознь, сообразно требованіямъ своихъ интересовъ. Афары признаютъ наслѣдственныхъ начальниковъ, называемыхъ султанами или *расами*, смотря по важности племени; но эти начальники не имѣютъ никакой власти: это просто исполнители воли всѣхъ, выражаемой по большинству голосовъ въ народныхъ собранияхъ. Въ виду виѣшняго врага всѣ соединяются, какъ одинъ человѣкъ, и дерутся съ бѣшенствомъ за сохраненіе своей свободы. Самый могущественный изъ афарскихъ народцевъ — моданты, владѣющіе всей областью нижняго Ауаша, озеромъ Аусса и пастбищами, лежащими внутри страны между Эддомъ и Рахейтой. Ни одинъ европеецъ не проходилъ черезъ ихъ территорию безъ того, чтобы они не честовали его въ качествѣ гостя, или не просили его заключить съ ними союзъ братства крови: два новыхъ брата зарѣзываютъ быка, кровью котораго обмазываютъ себѣ лобъ, а изъ кожи вырѣзаютъ ремни для ожерельевъ и браслетовъ²⁾. Около 1840 года, арабы изъ Зейлы, подкѣпляемые переселенцами изъ Іемена и персидскими или белуджскими наемниками, вторглись въ землю данакиловъ и проникли до сосѣдней съ Ауссой мѣстности, но ни одинъ изъ нападавшихъ не вернулся цѣлымъ и невредимымъ изъ этой экспедиціи. Въ 1875 году

¹⁾ Hildebrandt, „Zeitschrift fǖr Erdkunde zu Berlin“, 1875.

²⁾ Antonelli, „Esploratore“, dic. 1883.

другой противникъ, болѣе страшный, чѣмъ прибрежные арабы, тоже пытался форсировать проходъ: во главѣ 350 египтянъ, вооруженныхъ усовершенствованными ружьями и имѣвшихъ нѣсколько пушекъ, паша Мунцингеръ хотѣлъ открыть себѣ путь къ Шоа, быть-можетъ, съ намѣренiemъ завоевать это королевство для вице-короля египетскаго, но то же самое племя ходактовъ, которое истребило людей первой экспедиціи, ринулось на вторую съ такимъ же успѣхомъ. Мунцингеръ погибъ съ большою частью своего отряда подъ ударами данакильскихъ копій. «Ружья, говорятъ эти африканцы,

установленную обычаемъ; но зато онъ имѣеть право на защиту со стороны племени, и благодаря даваемымъ ему проводникамъ и охраннымъ грамотамъ, можетъ безопасно совершать свой путь между моремъ и горами. Часто абиссинскіе государи хотѣли-было запереть торговль ту или другую дорогу черезъ пустыню, чтобы открыть другіе, болѣе для нихъ выгодные пути; но власть ихъ останавливается у предѣловъ равнины, и тамъ уже одни данакилы показываютъ остріемъ своего копья дорогу, которую должны слѣдоватъ купеческіе караваны. Въ съверной части пустыни племя талталовъ,

Дѣвушка племени сомали.

годы только къ тому, чтобы пугать боязливыхъ»¹⁾.

Такъ какъ текущія сть горъ воды теряются въ пескахъ и лавахъ, прежде чѣмъ достигнутъ моря, то данакилы не могутъ заниматься земледѣлемъ, кромѣ какъ на берегахъ Ауаша, где видныются тамъ и сямъ сады, далеко недостаточные, однако, чтобы доставлять жителямъ необходимое продовольствие. Только выгоды торговли позволяютъ данакиламъ добывать себѣ въ портахъ морскаго прибрежья и въ городахъ королевства Шоа пищевые продукты. При проходѣ каждый караванъ уплачиваетъ въ стано-
вахъ данакиловъ таможенную пошлину,

которые, по словамъ Рюппеля, очень походятъ на абиссинцевъ чертами лица, занимается специально эксплоатацией соляного озера Алальбель и продаетъ эюопамъ, жителямъ плоскогорья, таблички, высѣченныя въ соляныхъ плитахъ. Таоры и саорты, живущіе къ югу отъ бухты Адулись и на полуостровѣ Бури,—тѣ же афары, только измѣнившіеся подъ вліяніемъ скрепленій съ абиссинцами; говорятъ они тигрейскимъ нарѣчіемъ, съ большой примѣсью арабскихъ словъ²⁾; по Рольфсу, женщины этихъ двухъ племенъ, сравнительно съ мужчинами, отличаются чрезвычайно малымъ ростомъ. У съверныхъ данакиловъ роль началь-

¹⁾ Antonelli, „Bollettino della Societ  Geografica Italiana“, 1883.

²⁾ G. Rohlfs, „Meine Mission in Abessinien“

никовъ, или *реданто*, играютъ чародѣи, которые, якобы, имѣютъ сношенія съ міромъ духовъ и знаютъ звѣзды покровительницу баждаго человѣка. Достоинство реданта наслѣдственное, но подъ условіемъ, чтобы сынъ былъ безъ всякаго порока физического или нравственнаго: онъ не могъ бы бесѣдоватъ съ духами, если бы не былъ здоровъ тѣломъ и умомъ¹). На берегахъ Краснаго моря нѣсколько афарскихъ семей живутъ рыбной ловлей и пускаются далеко въ море на ладьяхъ, загнутыхъ кверху и заостренныхъ съ обоихъ концовъ, на носу и на кормѣ, и снабженныхъ большими четыреугольными парусомъ, сшитыми изъ циновокъ. Въ прежнее время эти барки наводили страхъ на черноморскихъ мореплавателей: данакилы, столь же отважные на водѣ, какъ и на суши, часто нападали на большія купеческія суда; но они должны были оставить это ремесло пиратовъ съ тѣхъ поръ, какъ паровые канонерки могутъ преслѣдоватъ ихъ въ маленькихъ бухточкахъ прибрежья и среди лабиринта коралловыхъ острововъ. Сыны прежнихъ корсаровъ не знаютъ нынѣ иного промысла, кроме рыболовства; это единственныя моряки на Красномъ морѣ, которые еще охотятся на дюгонга или морскую корову²); изъ костей этого животнаго они вытачиваютъ бусы съ волнистымъ лоскомъ, употребляемыя для приготовленія четокъ.

Раса сомали, родственныхъ афарамъ по чертамъ лица, языку и происхожденію, представлена въ бассейнѣ Ауаша, между Таджурахской бухтой и королевствомъ Гарраръ. Могущественное племя иссасовъ, кочующее въ этой области, переходитъ даже разъ въ годь за рѣку Ауашъ, чтобы вступить въ предѣлы Данакильской равнинны. Причина этихъ временныхъ перекочевокъ — неравенство климатовъ: дожди выпадаютъ не въ одну и ту же пору года на берегахъ Краснаго моря и Аденскаго пролива. Тотчасъ послѣ дождей, когда пажити покрываются густой, сочной травой, иссасы приходять просить гостепріимства у данакиловъ, а эти, въ свою очередь, перекочевываютъ въ страну Сомали, когда ихъ собственныхъ пастбища засохнутъ, и когда дожди орошаютъ южныя земли. Эта взаимная зависимость поддерживаетъ согласіе между двумя большими воинственными націями³). Номинально иссасы считались данниками египетскаго правительства; но въ дѣйствительности было наоборотъ. Египетъ долженъ былъ платить субсидію начальнику племени за то, чтобы онъ оказывалъ защиту караванамъ между горами Гарраръ и портомъ Зейлой. Иссанскіе погонщики верблюдовъ за-

нимаются почти исключительно перевозкой товаровъ до горъ, гдѣ передаютъ свою кладь другимъ перевозчикамъ. Жены ихъ сопровождаются своихъ мужей повсюду; въ караванахъ они ведутъ верблюдовъ, несутъ на спинѣ дрова и кухонную посуду, а когда сдѣлаются материами, то и новорожденнаго. У иссасовъ есть наслѣдственные враги — другіе сомали, гадибурсы, смѣлые наездники-грабители, которые иногда захватываютъ стада даже въ сосѣдствѣ Зейллы⁴).

Раса галласовъ, по числу людей и пространству занимаемой территории, — одна изъ самыхъ значительныхъ въ Африкѣ. Уже нѣкоторые изъ народцевъ этой расы живутъ на окраинахъ Тигре, на восточной покатости Эфиопской цѣпи; почти до самаго экватора, на протяженіи слишкомъ тысячи километровъ съ сѣвера на югъ, разсѣяны или сгруппированы другія племена той же расы; по направлению отъ востока къ западу галласы встречаются во всей области, простирающейся отъ Верхняго Нила до Сомальскаго берега. Но еще неизвѣстно, гдѣ национальный типъ всего лучше представленъ, или какой народецъ самый могущественный, такъ какъ страна южныхъ галласовъ одна изъ наименѣе изслѣдованныхъ путешественниками; въ этой области Африки пространство, болѣе обширное, чѣмъ Франція, составляетъ еще неизвѣдомую землю, и все заставляетъ думать, что эта область, простирающаяся на югъ отъ Каффы, будетъ послѣдняя изъ африканскомъ континентѣ, ожидающая еще путешественниковъ. Единственные, хорошо извѣстные галласы — это обитатели сѣверной области, которые, съ половины шестнадцатаго столѣтія⁵), живутъ въ эфиопскихъ королевствахъ и на ихъ границахъ, а потому естественно перейти къ изученію этой расы вслѣдъ за расами Эфиопіи.

Путешественникъ Беке сообщаетъ, будто галласы называются такъ сосѣдними народами по имени одной рѣки въ Гураге, близъ которой они выдержали большую битву; но обыкновенно это наименование истолковывается въ смыслѣ «искателей отечества», что свидѣтельствуетъ объ ихъ бродячей жизни и завоеваніяхъ. Сами себя они называютъ оромо, то-есть «люди», или ильмъ-орма, то-есть «сыны людей», можетъ-быть, «храбрые люди»⁶); по словамъ Арно д'Аббади⁷), имя это есть синонимъ «благородныхъ», какъ испанское *caballero*. Преданія различныхъ племенъ этой націи разнятся между собой; однако, большинство галласовъ указываютъ на южный горизонтъ, какъ на страну, откуда, будто-бы, пришли ихъ предки; первоначальная родина ихъ, по преданію, находится далеко, около высокихъ горъ юга, и въ наши дни еще племена, живущія въ

¹) Leo Reinisch;—Fr. von Hellwald, „Naturgeschichte des Menschen“.

²) Eduard Ruppel, „Reise in Abyssinien“.

³) Rochet d'Hericourt, „Premier voyage dans le royaume de Choa“.

⁴) Gabriel Ferrand, „Le Comal“.

⁵) Combes et Tamisier, „Voyage en Abyssinie“.

⁶) Hartmann, „Abyssinien“.

⁷) „Douze annes dans la Haute Ethiopie“.

съсѣдствѣ съ Кеніей, ходить на богомолье къ этой горѣ, какъ къ своей матери, и приносить ей дары. Кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что около половины пятиадцатаго столѣтія совершилось великое переселеніе народовъ во всей восточной Африкѣ, и что это движеніе продолжалось и въ слѣдующіе вѣка; оно сохранилось даже до нашихъ дней въ направлѣніи съ юга на съверъ и съ востока на западъ; галласы абиссинскіе, ва-хума прибрежныхъ государствъ озера Ніанца, были на съверѣ и на западѣ передовымъ отрядомъ этого переселенія.

и другое говорить нарѣчіями одной и той же семьи, классифицируемой пока, впрѣдь до болѣе основательного изученія, подъ именемъ «гамитской». По Крапфу, всѣ галласы, какъ живущіе въ съсѣдствѣ экватора, такъ и оромо, обитающіе въ Эфиопіи, говорятъ нарѣчіями, настолько близкими между собой, что безъ труда могутъ понимать другъ друга. Различные языки галласовъ могутъ быть сведены къ пяти главнымъ, которые всѣ представляютъ отдаленное сходство съ семитическими говорами, не вокабуляріемъ, а строениемъ фразъ, указывающимъ

Дѣвушка племени галласовъ.

желѣ народовъ оromo, вызваннаго, быть-можетъ, какъ предполагаютъ Бартъ и Гартманъ, какимъ-нибудь, большими изверженіемъ горы Кесія и другихъ вулкановъ экваторіальной Африки.

Какъ бы то ни было, «сыны людей», которыхъ некоторые писатели ошибочно считали семитами, даже «арійцами», на самомъ дѣлѣ негры, связанные нечувствительными переходами съ народностями центральной Африки: они походятъ во многихъ отношеніяхъ на своихъ сосѣдей: съверныхъ и восточныхъ — агаусовъ и восточныхъ — сомаліевъ, которые въ то же время ихъ непримиримые враги. Тѣ

на одинаковый складъ ума. Альтуанъ д'Аббади замѣтилъ совпаденіе очень большаго числа корней и грамматическихъ формъ между языками галласскимъ и басскимъ¹). Въ языкахъ галласовъ, будто-бы, есть *clics* или звуки, похожіе на удары бича; но это наблюденіе Блика не подтверждено путешественниками. Незнакомые съ искусствомъ письма, оromo не имѣютъ книгъ, за исключеніемъ библіи, привезенной миссіонерами и составляющей, вмѣстѣ съ нѣсколькими сборниками словъ и грамматикой

¹) Vivien de Saint-Martin, „Année géographique“, 1872;—Cust, „Modern Languages of Africa“.

Тучека, всю галласскую литературу. Въ землѣ ильмъ-ормасовъ живутъ также народы другаго происхожденія, говорящіе отличнымъ отъ галласскаго языкомъ, еще не собраннымъ миссіонерами; это, очевидно, остатки покоренныхъ населеній, составляющіе въ массѣ побѣдителей, то-есть галласской націи, какъ бы этнологические островки. Среди оромской страны удержались также нѣсколько группъ амхаринцевъ, сохранившихъ эюопскій языкъ.

Галласы вообще средняго роста, именно около 160 сантиметровъ; но между ними встрѣчаются также люди великорослые, не уступающіе въ этомъ отношеніи скандинавамъ. Они широкоплечи, тонки въ талии; у молодыхъ людей грудь имѣеть скользкую форму; ноги пропорционально сложены, ступни маленькия и всегда съ красивымъ изгибомъ. Сильные, гибкие, стройные, галласы походятъ на абиссинцевъ, особенно на агаусовъ, которымъ они, вѣроятно, родственны по происхожденію, но обыкновенно физіономія у нихъ болѣе привѣтливая и взглядъ болѣе откровенный. Очень долгоголовые, галласы имѣютъ лобъ высокій и хорошо округленный, носъ плоскій, губы полныя, но рѣдко вздутыя, бороду рѣдкую, волоса волнистые, дѣлящіеся мелкими прядями; самые красивые между ними—лиммусы и гудрусы, живущіе на берегахъ Абая: эти племена, по отзыву нѣкоторыхъ писателей, можно бы было принять за типы націи¹). Такъ же, какъ большинство туземцевъ области Верхняго Нила, «сыны людей» очень искусны въ сооруженіи своей шевелюры, которой они придаютъ видъ гребня, ореола или руна; но не всѣ имѣютъ право украшать себѣ голову: во многихъ племенахъ для этого нужно прежде убить хоть одного врага; не пріобрѣвшій же такого права подвергается бритью головы черезъ каждые три мѣсяца²). Цвѣтъ кожи разны: темно-смуглый или красно-бурый у мужчинъ, онъ вообще довольно свѣтлый у женщинъ, которыхъ, впрочемъ, почти всѣ слывутъ въ молодости за хорошенъкіхъ, даже въ глазахъ европейцевъ; по словамъ Беке, у галласовъ, живущихъ на берегахъ Абая или Голубаго Нила, цвѣтъ лица не темнѣе, чѣмъ у андалузскихъ крестьянъ³); эта относительная бѣлизна кожи народа ильмъ-орма и подала іезуитамъ поводъ производить обыкновенное его имя «галласы» отъ греческаго слова «гала», молоко⁴). Мужчины и женщины драшируются съ большімъ изяществомъ въ абиссинскую тогу, и герой, прославившій себя какимъ-нибудь подвигомъ, съ гордостію втыкаетъ въ свою шевелюру страусовое перо. Копье, обойдуострый ножъ,

щитъ изъ буйволовой или носороговой кожи—вотъ оружіе галласовъ. Жилища ихъ, похожія на жилища эюоповъ, состоятъ изъ сложенныхъ въ видѣ круга дикихъ камней, на которые поставлена конусообразная крыша изъ травы или изъ тростника; почти всѣ они построены въ тѣни большихъ деревьевъ: путешественникъ проѣзжаетъ черезъ деревни, почти не замѣчая домовъ, которые едва виднѣются сквозь густую листву лѣса.

Сѣверные галласы, какъ и ихъ сосѣди, жители Эюопіи, одарены живымъ, воспріимчивымъ умомъ; въ этомъ отношеніи они превосходятъ, въ среднемъ, даже европейцевъ, особенно той удивительной легкостію, съ какой они выучиваются иностраннымъ языкамъ⁵). Они въ извѣстной мѣрѣ причастны эюопской цивилизациі: занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ, сѣютъ разнаго рода хлѣбныя растенія, воспитываютъ отличныхъ лошадей, лучшихъ во всей центральной Африкѣ моловъ, быковъ, принадлежащихъ къ двумъ видамъ, зебу и санка съ длинными рогами, при чемъ часто, ради забавы, обдѣлываютъ посредствомъ сдавливанія рога у телятъ и телушекъ, чтобы придать имъ красивую форму лиры; во многихъ мѣстахъ каждая деревня имѣеть свои ули пчель. Но не всѣ галласы обладаютъ мирными добродѣтелями земледѣльца; часто у нихъ пробуждаются воинственные инстинкты; безпрестанный непріятельскій дѣйствія опустошаютъ страну, и въ нѣкоторыхъ племенахъ осталась только третъ способныхъ къ работѣ мужчинъ. Даже между отдельными семьями свирѣпствуютъ нескончаемыя войны вендетты, когда цѣна крови не была заплачена. Очень храбрые, галласы въ то же время и жестоки; подобно древнимъ израильтянамъ, они практикуютъ чудовищный обычай холостить павшихъ враговъ, живыхъ или мертвыхъ, и приносить домой отвратительные трофеи. Ихъ вмѣшательство въ абиссинскія войны, въ качествѣ союзниковъ, наемниковъ или непріятелей, поддерживаетъ этотъ ужасный обычай во всей Эюопіи; но по крайней мѣрѣ въ Амхарѣ и въ Тигре искалѣченные находятъ прють и уходить у своихъ друзей, тогда какъ въ галласской землѣ они считаются существами нечистыми; даже сынъ не можетъ помочь своему отцу въ долженъ отказать ему въ почестяхъ погребенія⁶). Но если галласы по справедливости внушаютъ страхъ большинству своихъ сосѣдей, то и сами они нерѣдко бывають угрожаемы въ своей независимости, на сѣвер—абиссинцами Годжама и Шоа, на восток—сомалиями; часто охотники на людей дѣлаютъ прѣски въ ихъ лѣсахъ, чтобы уводить оттуда партии невольниковъ, особенно дѣти должны

¹⁾ Hartmann, „Abyssinien“.

²⁾ Rochet d'Hericourt, „Deuxi me voyage dans le Choa“.

³⁾ „Journal of the R. Geographical Society“, 1884.

⁴⁾ Beke, „On the origin of the Gallas“.

⁵⁾ Massya, „Annales de la Propagation de la Foi“, 1845.

⁶⁾ New;—Hartmann, „Abyssinien“.

бояться чужестранныхъ купцовъ. Такъ сильна любовь къ свободѣ у галласовъ, что нерѣдко видали плѣнниковъ, предпочитавшихъ скорѣе уморить себя голодомъ, чѣмъ работать на гос-

взимають налогъ дѣтьми въ семьяхъ; другие налагаютъ пени, которыхъ выплачиваются живымъ человѣческимъ мясомъ¹).

Нѣкоторыя галласскія племена образуютъ

Видъ Анкобера.

подинъ; но дѣти въ нѣсколько недѣль привыкаютъ къ рабству. Почти во всѣхъ монархическихъ государствахъ галласовъ торговля малодѣтными производится за счетъ самихъ начальниковъ племени: нѣкоторые изъ нихъ прямо

республиканскія федeraціи; но большинство племенъ, безпрестанно увлекаемыхъ на пути войны, поставили надъ собой вождей или *чайу*,

Географія Реккю. т. X.

¹) Rochet d'Hericourt;—Lejean;—Berlioux.

которые одни между галласами практикуютъ обычай многоженства; у южныхъ ильмъ-орма эти начальники всегда выбираются въ нѣсколькихъ благородныхъ семействахъ и остаются у власти лишь въ продолженіе определенного числа лѣтъ. Лишенныи власти семейства обязаны, въ силу обычая, выставлять своихъ новорожденныхъ дѣтей въ лѣсъ на съданіе хищнымъ звѣрамъ; но, кажется, въ этихъ случаихъ обыкновенно подсылаются друзья, чтобы спасти малютокъ и воспитать ихъ, какъ собственныхъ дѣтей; сдѣлавшись чужими своимъ роднымъ, эти подкидыши соперничествующихъ расъ не винуваются болѣе подозрѣнія господствующей фамиліи ¹⁾). У сѣверныхъ галласовъ установилась династическая королевская власть, по образцу эюопской имперіи. Большинство народа ильмъ-орма было обращено въ абиссинское христіанство до нашествія «Лѣши» Могаммеда Гранье, ниспровергнувшаго могущество старыхъ эюопскихъ царей, и отъ этой эпохи они сохранили нѣкоторыя имена святыхъ, празднованіе воскресенія или «великой субботы» и другихъ праздниковъ христіанского происхожденія. Въ наши дни постоянно усиливающееся влияніе абиссинскихъ государей заставило вернуться, добровольно или противъ воли, многія галласскія племена въ лоно монофизитской церкви; кромѣ того, миссионеры католическіе и протестантскіе обратили нѣсколькихъ туземцевъ въ свою вѣру. Что касается галласскихъ священниковъ, невольниковъ, которыхъ отцы капуцины купили отроками у родителей или у торговцевъ живымъ товаромъ, чтобы дать имъ воспитаніе во французскихъ духовныхъ семинаріяхъ ²⁾), то пропаганда ихъ, кажется, не имѣла большаго успѣха между ихъ соотечественниками. Магометанскіе проповѣдники были болѣе счастливы, и цѣлый насленій съ жаромъ приняли вѣру ислама. Обратившіеся въ магометанство туземцы племени волло, которые имѣли возможность приобрѣсти экземпляры корана или какой-либо части мусульманскаго священнаго писанія, берегутъ ихъ съ величайшей заботливостью: они заключаютъ драгоценную книгу въ кожаный футляръ, который и носятъ съ собой на перевязи во всѣхъ путешествіяхъ ³⁾).

У южныхъ галласовъ существуетъ преданіе, что будто они тоже имѣли коранъ, но однажды корова проглотила его: и теперь еще, когда эти туземцы убиваютъ корову, они вскрываютъ ей внутренности, въ надеждѣ найти тамъ листокъ священной книги ⁴⁾.

Но главная масса націи осталась вѣрила на-

¹⁾ Antoine d'Abbadie;—Massaya, „Annales de la Propagation de la Foi“, 1858.

²⁾ Bruno, „Annales de la Propagation de la Foi“, 1869.

³⁾ Combes et Tamisier, „Voyage en Abyssinie“.

⁴⁾ G. Ferrand, „Le Comal“.

тураллистическимъ вѣрованіямъ и обрядностямъ. Галласы вѣрють, однако, въ верховнаго Бога, котораго они смишиваются съ небомъ. Вакъ, Вака или Вакайо, и къ которому они возносить свои молитвы, прося его о ниспосланіи дождя во время засухи и о дарованіи победы надъ врагами. Подъ этимъ высочайшимъ божествомъ возсѣдаютъ другіе бессмертные, изъ которыхъ одинъ, по крайней мѣрѣ, судя по его имени, иностранного происхожденія: это Сайтанъ, духъ зла; остальные божества—слѣдующія: Бовентича, гений-покровитель расы, Огли—богъ рожденія, Атетіе—богиня плодородія. Въ началѣ дождливаго времени года галласы приносятъ жертву богу мужскаго пола; въ концѣ зимы, когда наступаетъ пора сбора плодовъ, они справляютъ праздникъ богини. Кромѣ того, они чутъ все, чтѣ живеть, все, чтѣ поражаетъ ихъ въ природѣ или винуваеть страхъ—лѣса, горы, рѣки, громъ и вѣтеръ; каждая семья имѣть свое дерево-покровителя (часто маслину), которому даютъ имя Пресвятой Дѣвы, Михаила архангела или какого-либо святаго, и которое кроплять кровью приносимыхъ въ жертву животныхъ, откармливаемыхъ коровьимъ масломъ, медомъ и пивомъ; у большинства племенъ цыплята предназначены богаты: ихъ убиваютъ для жертвоприношенія, но никогда не ѣдятъ ⁵⁾). Между животными всего болѣе чтимъ змѣй, «отецъ міра», и многія хижины имѣютъ своего домашняго ужа. У сѣверныхъ галласовъ есть жрецы и колдуны, винувающіе страхъ своими чарами. Эти колдуны, называемые калича, утверждаютъ, что въ ихъ рукахъ будущее, которымъ они могутъ распоряжаться по своему произволу; они даютъ жизнь и смерть; они призываютъ и заклинаютъ злого духа. Но еще страшнѣе буда или оборотни, которые преображаются въ лютыхъ звѣрей и убиваютъ людей одной силой взгляда: всякий, кто изобличенъ въ способности быть оборотнемъ, немедленно предается смерти; какъ бывало въ средневѣковой Европѣ, подозрѣніе въ колдовствѣ падаетъ вообще на ста-рухъ, которыхъ обвиняютъ въ томъ, что будто онѣ упитьваются, по ночамъ, человѣческими жертвами. Что касается простыхъ «бѣсноватыхъ», то ихъ пробуютъ лѣчить, изгоняя злого духа или зара заклинаніями и безпрестаннымъ барабаниемъ боемъ ⁶⁾). Воровъ здѣсь розыскиваютъ посредствомъ придворнаго волшебника, называемаго ліеба-шай и принадлежащаго къ числу высшихъ сановниковъ двора ⁷⁾; по свидѣтельству путешественника Антиори, этотъ чародѣй, которому много помогаетъ ужасъ, винуваляемый его проницательностью, рѣдко ошибается въ своихъ указаніяхъ.

⁵⁾ isenberg, „Abyssinien und die evangelische Mission“.

⁶⁾ Ach. Raffray, „Abyssinie“.

⁷⁾ Chiarini, „Bollettino della Societ  Geografica Italiana“, 1880.

Галласы рѣдко практикуютъ многоженчество: обыкновенно они имѣютъ только одну жену, слишкомъ часто невольницу, на которую взвалены всѣ домашнія работы, но которая, однако, считается недостойной воздѣлывать землю, водить скотъ на водоной и доить коровъ. Формы брака многочисленны. Умыканіе невѣстъ еще въ большой модѣ у нѣкоторыхъ племенъ; но дѣло похищенія суженой беруть на себя друзья искателя ея руки. Тотъ, которому удалось овладѣть молодой дѣвушкой и увезти ее, несмотря на ея крики, становится тѣмъ самымъ ея братомъ и покровителемъ; онъ доставляетъ ее въ домъ жениха, гдѣ тотчасъ же убиваютъ корову, чтобы окропить невѣсту кровью жертвъ и дать ей выпить этой крови, наливъ ей въ сколько капель въ руку: съ этого момента брачный союзъ считается ненарушимымъ, ибо ильмъ-орма, очень отличные въ этомъ отношеніи отъ сомаліевъ, «націи измѣнниковъ и клинопреступниковъ», никогда не нарушаютъ данаго слова. Но часто умыканіе является простой комедіей, и родители сами приводятъ къ хижинѣ жертвенную корову. Иногда сама молодая дѣвушка беретъ на себя починъ: она уѣгасть изъ родительского дома, неся пригоршню свѣжей травы, которой вѣнчаетъ голову возлюбленного; затѣмъ становится на колѣни и ударяетъ землю направо и налево, какъ бы въ знакъ того, что вступаетъ во владѣніе домомъ избраннаго супруга. Случается даже, что дѣвушка некрасивая или немощная, которой ни одинъ молодой человѣкъ не захотѣлъ бы бросить ожерелье—обычная форма сватовства,—перелѣзаетъ ночью, съ помошью своихъ родителей или родныхъ, черезъ ограду дома желаемаго мужа и дежурить у его двери до утра. Если хозяевамъ не удастся прогнать ее оскорблѣніями, то она завоевала себѣ вождѣній домъ, и женихъ волей-неволей приступаетъ къ жертвоприношенію коровы: «такъ велѣть законы предковъ»¹⁾. Когда галласъ тѣжко заболѣетъ и неѣтъ надежды спасти его,—ему наполняютъ ротъ кислымъ молокомъ и заставляютъ холстиной: такимъ образомъ больнаго удушаютъ, чтобы избавить его отъ агоніи. Въ нѣкоторыхъ племенахъ дѣти и близкіе родственники убиваютъ также достигшихъ преклоннаго возраста родителей и родныхъ, даже не больныхъ. Церемоніи погребенія опредѣлены обычаемъ. На могилѣ воздигаютъ трофеи изъ вѣтокъ, гдѣ посвященные умѣютъ прочесть, каковы были богатства, соціальное положеніе, вся исторія усопшаго; женские волосы, развязывающіеся надъ ямой, куда положенъ покойникъ, выражаютъ печаль и отгоняютъ злыkhъ духовъ. Вдова и сыновья переходятъ по наслѣдству къ старшему брату умершаго; но если бы послѣд-

ний не оставилъ послѣ себя дѣтей, то его братья или родители должны добыть, путемъ усыновленія или просто посредствомъ купли, наследника, который принялъ бы имя покойнаго и поддержалъ, вмѣсто него, существованіе рода. Усыновленіе чужихъ дѣтей составляетъ довольно частое явленіе въ галласской землѣ. Жена подставляетъ грудь пріемышу, мужъ даетъ ему пососать свой большой палецъ, и съ этого момента узы родства считаются неразрушимыми¹⁾.

Можно бы было насчитать цѣлыхъ сотни группъ галласовъ, племенъ или частей племенъ, которыхъ носятъ каждое свое особенное имя и вообще разнятся между собой болѣе или менѣе, смотря по мѣстности, въ какой обитаютъ—на плоскогорѣ, въ равнинѣ или долинѣ, и по политическимъ условіямъ, въ какихъ находятся. Нѣкоторые изъ этихъ народцевъ слились съ абиссинцами透过 браки и образъ жизни: таковы, главнымъ образомъ, мечасы въ Годжамѣ, джаггада въ Бегемедерѣ, всѣ христіане по имени; далѣе, воллосы магометане, на большомъ плоскогорѣ, между Анкоберомъ и Магдалой, и наконецъ идолопоклонники борена, въ куаллѣ Абая. Въ проломахъ Эсіопской цѣпи на восточныхъ покатостяхъ разныя племена, какъ-то: грозные ассебо, рапа, эджу, даури, сохранили по большей части свои первобытные нравы. То же самое нужно сказать объ ильмъ-орма (галласахъ), независимыхъ или данникахъ, которые живутъ на западѣ Шоа, около истоковъ Ауаша и на водораздѣльной возвышенности между Абаемъ и Гугсой: таковы джилли, соддо, гада, фифини, метта, нонно, либенъ, гудру, лимму, горро, джимма и другіе народцы области, известной нѣкогда подъ именемъ «Большаго Дамота». Племена итту и аруssi, на югѣ и на юго-востокѣ королевства Шоа, около области Гаррарь, занимаютъ очень обширную территорию. Наконецъ сидамы, населяющіе Иннарію (Энарею) и Каффу въ юго-западной области Эсіопіи, рассматриваются какъ особая вѣтвь націи галласовъ: между ними христіанство имѣло нѣкогда наибольшее число послѣдователей, и влияние эсіопской цивилизаціи было весьма значительно. Цѣль кожи у сидамовъ по большей части свѣтлѣе, чѣмъ у другихъ галласовъ; арабы сравниваютъ цвѣтъ лица сидамскихъ дѣвушекъ съ цвѣтомъ корицы. На сѣверѣ, нѣкоторое число сидамовъ говорятъ нарѣчіемъ гонга, которое близко подходитъ къ языку агуа, и которое употребляютъ также абиссинцы Дамота, къ сѣверу отъ Голубой рѣки.

Политический центръ государства Шоа занимаетъ область раздѣльного хребта, на обоихъ

¹⁾ G. Chiarini et A. Cecchi, „Bollettino della Societ  Geografica Italiana“, 1879.

²⁾ Arnaud d'Abbadie, „Douze ans dans la haute Ethiopie“.

склонахъ Эфиопской цѣли, на востокъ—къ бассейну Ауаша, на западъ—къ бассейну Голубаго Нила. Въ этой-то странѣ, съ умѣреннымъ климатомъ, гдѣ земля, лучше воздѣланная, чѣмъ во всякой другой области Эфиопіи, доставляетъ въ изобиліи хлѣбъ и плоды, сгруппировались цивилизованные населенія абиссинского происхожденія, и возникли города, избираемые послѣдовательно въ столицы королевства Шоа. Такъ какъ дворцы здѣсь тѣ же хижини, только большихъ размѣровъ, то перемѣщеніе главныхъ городовъ не представляетъ никакихъ затрудненій, и резиденція государя много разъ менѣла мѣсто въ теченіе этого столѣтія, смотря по стратегическимъ выгодамъ или по царской прихоти.

Послѣдняя столица, Личе, основанная королемъ Менеликомъ, вынѣшнимъ негусомъ Абиссиніи, расположена на террасѣ у западнаго основанія горы, вѣнчаемыхъ вершиной Метатите, между двухъ овраговъ, гдѣ текутъ притоки Голубаго Нила черезъ Джемму. Возвышившись на степень главнаго города королевства, Личе вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлался важнѣйшимъ рынкомъ страны. Восточнѣе, на уединенной скалѣ, болѣе близкой къ гребню, и въ сосѣдствѣ съ «Пропастью», или Вать, находятся развалины Тегудета, то-есть «Города волковъ», который былъ, послѣ Аксума, столицей и резиденціей Эфиопіи, и имя которого долгое время служило для обозначенія всего королевства Шоа. Крѣпость Тегудеть, командовавшая страной, была взята приступомъ и разрушена въ 1528 году Могаммедомъ Гранье (Лѣвшой), захватчикомъ Эфиопіи. Въ нѣсколькоихъ километрахъ къ югу, на другой террасѣ, откуда льются, величественными каскадами, золотопосные ручьи, находится Добра-Берхамъ или «Свѣтъ-гора», бывшая королевской резиденціей до начала восемнадцатаго столѣтія. На юго-западъ, въ томъ же рѣчномъ бассейнѣ Джеммы, на двухъ небольшихъ горкахъ, окруженнѣхъ грозными ущельями, разбросаны, на высотѣ 2.800 метровъ, жилища другой покинутой столицы, Анголады, основанной въ 1830 году королемъ Сагелы-Саласси. Наконецъ существуетъ пятая столица, исторически болѣе знаменитая, чѣмъ другія, какъ мѣстопребываніе многочисленныхъ европейскихъ путешественниковъ и пункты отхода или прихода красноморскихъ каравановъ. Самое название этого города, Анкоберъ или «Лѣсная таможня», напоминаетъ, что уже со временъ глубокой древности въ этомъ мѣстѣ были взимаемы попшлины съ иностраннѣхъ товаровъ¹). Здѣсь же имѣютъ пребываніе члены высшаго духовенства. Лабиринтъ извилистыхъ тропинокъ между хижинами изъ битой глины, Анкоберъ занимаетъ восхитительное мѣстоположеніе, на хребтѣ горы въ видѣ

сфинкса, которая выступаетъ къ востоку изъ главной цѣпи, господствуя надъ долиной, откуда воды изливаются на югъ въ рѣку Ауашъ. Въ сосѣдствѣ, къ сѣверу, находится станція Леть-Марефіа, которую итальянскіе путешественники Чекки, Кіарини, Антонелли избрали для своихъ астрономическихъ наблюдений и другихъ изслѣдований. Леть-Марефіа расположена на днѣ бывшаго кратера, изъ которого лавы вылились на юго-востокъ; амфитеатръ горы окружаетъ прежнія вулканическія жерла и прилегающія террасы. Дѣль изъ этихъ горъ, или, вѣрнѣе сказать, два отрывка Эфиопскаго плоскогорья, связанные съ возвышенными равнинами узкими крижами, окаймленными съ боковъ пропастями, носятъ на себѣ укрѣпленія, слышущія у абиссинцевъ неодолимыми: это дѣль амбы—Эманбретъ, или Эмемретъ, и Фекере-Гембъ, покрытыя при основаніи великолѣпными лѣсами. Послѣднее укрѣпленіе заключаетъ въ своей конечной оградѣ сокровища царя Менеліка и запасы продовольствія для его арміи¹). На сѣверѣ, въ долинахъ предгорій, слѣдуютъ одинъ за другимъ, до самой страны народа эджугалла, нѣсколько городовъ, какъ-то: Арамба, Кокъ-Фара, Дауз, Маджеттіе.

Въ будущемъ, быть-можеть, отдаленномъ, когда явится возможность серьезно заняться дѣломъ соединенія южной Эфиопіи съ берегами Краснаго моря посредствомъ быстрыхъ путей сообщенія, не преминуть, конечно, изслѣдовать три естественные дороги, указываемыя текучими водами: на сѣверѣ — дорога, спускающаяся съ плоскогорій южнаго Ласта долиной рѣки Голимы и теряющаяся въ низменности, занятой соляными водами; южнѣе—подъ широтой Магдалы, дорога, слѣдующая по течению Мелле или Аддифуаха до ихъ сліянія, затѣмъ до Ауаша и до озера Аусса, гдѣ она соединяется эль Караванной дорогой, направляющейся къ Таджурахской бухтѣ; третья дорога спускается отъ Аргоббы къ Ауашу черезъ рynки Дауз и Маджеттіе; но ни одинъ европеецъ еще не слѣдовалъ этимъ путемъ. Испанскій путешественникъ Абаргуэст-де-Состенъ говоритъ, что прошелъ дѣль сѣверныхъ дороги въ верхней ихъ части²), несмотря на страшное сосѣдство племени даури. Г. Біанки пытался пройти другою, болѣе сѣверной дорогой, изъ Макале въ портъ Ассабъ черезъ землю талталовъ, но тоже долженъ былъ вернуться вспять, не достигнувъ цѣли³). Присутствіе свирѣпыхъ народцевъ на предгорьяхъ отталкиваетъ купцовъ отъ этой области эфиопской показости; караваны, пришедши съ береговъ Краснаго моря или Таджурахской бухты, должны уклоняться въ сторону отъ этихъ относительно

¹⁾ G. Chiarini et A. Cecchi, „Bollettino della Societ  Geografica Italiana“, anno XIII, vol. XVI.

²⁾ „Notas del Viaje por Etiopia“.

³⁾ „Esploratore“, settembre 1884.

короткихъ путей, чтобы пройти окольнымъ въ провинціи королевства Шоа: изъ Таджураха до города Анакобера обыкновенная караванная дорога около 600 километровъ, слѣдовательно, за 200 или 250 километровъ длине, чѣмъ прямая дорога къ плоскимъ возвышенностямъ.

Въ настоящее время наиболѣе посѣщаемый путь между Анкоберомъ и берегами Индійскаго океана тогдь, который оканчивается въ портѣ Зейла, проходя черезъ княжество Харраръ. Съ высоты Шоа путь этотъ спускается сначала къ мѣстечку Алі-Амба, населенному, такъ же какъ сосѣднья деревня Абдерасуль, купцами, негроторговцами и другими, содѣжателями постоянныхъ дворовъ и харчевень, погонщиками муловъ, всякой расы и всякаго изыка, но почти сплошь ревностными мусульманами ^{1).}). Уплативъ таможенные пошлины, купцы проходятъ черезъ Фарре или Фарри, послѣднєе селеніе провинціи Эфатъ, построенное на высотѣ 1.372 метровъ на передовой террасѣ; затѣмъ, продолжая свой путь вокругъ кратеровъ и полей лавы, они достигаютъ Ауаша, черезъ который и переправляются, чтобы вступить въ большую равнину Муллу. Даѣе, караوانы должны перейти холмы водораздѣльной возвышенности, принадлежащей къ землѣ племени итту, чтобы затѣмъ спуститься въ равнину Харрарскую. Километрахъ въ сорока къ западу отъ города Харрара нужно проходить чимо маленькаго озера Гарамойа, близъ котораго былъ измѣнически умерщвленъ, въ 1881 г., французскій путешественникъ Люсеро.

Городъ Гаррарь или Харрарь, называемый также Харрапре абиссинцами, Адаръ или Ада-ри сомалиами, Геррерь египтянами, лежить, по оцѣнкѣ путешественниковъ, какъ разъ на половинѣ дороги изъ Анкобера и изъ Зейлы, именно въ разстояніи 280 километровъ отъ того и другаго; средняя высота его 1.700 метровъ. Пользуясь климатомъ относительно умѣреннымъ (средняя температура отъ 12 до 15 градусовъ по Цельзію), онъ имѣть плодородная пола, лѣски и рощи разнообразныхъ породъ деревъ, текучія воды между цвѣтующихъ береговъ. Очаровательный оазисъ среди безплодныхъ мѣстностей, Гаррарь могъ бы собственными средствами удовлетворять всѣ свои потребности, если бы даже не имѣть никакихъ торговыхъ сношеній съсосѣдними странами; но онъ, сверхъ того, является еще значительнымъ складочнымъ мѣстомъ земледѣльческихъ произведеній и товаровъ, и черезъ свои два приморскихъ порта, Зейлу и Берберу, на Сомальскомъ берегу, ведеть обширную мѣновую торговлю съ Египтомъ и Аравіей; 1883 году въ немъ существовала европейская колонія, состоявшая изъ пяти человѣкъ²). Гаррарь,

основанный, говорять, около трехсот лѣтъ тому назадъ, есть самый многолюдный городъ всей Эфиопской области и даже одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ на всѣмъ африканскомъ континентѣ: отъ Каира до Занзибара, на пространствѣ 4.000 километровъ, онъ не имѣть другаго соперника, кромѣ Хартума. Оттого египетское правительство овладѣло имъ, въ 1875 г., чтобы обезопасить драгоценный рынокъ отъ нападеній сомалиевъ и галласовъ разныхъ племенъ, окружающихъ городъ; но болѣе опасный, чѣмъ окрестные кочевники, гарнизонъ изъ четырехъ или пяти тысячъ человѣкъ, который оно тамъ содержало, истощилъ край угнетенiemъ и грабежомъ.

Гаррарь, форма которого может быть срав-
нена съ формой груши, раскинулся на гра-
нице холмъ, который тянется отъ восто-
ка къ западу, постепенно съуживаясь; на
югѣ высится гора Хакимъ, господствующая
надъ городомъ (высота ея около 200 метровъ)
и дающая начало нѣсколькимъ ручьямъ, кото-
рые орошаютъ сады Гарара и теряются въ
болотахъ, не достигая течения Ваби, притока
Индійского океана; многочисленные гроты
этой горы населены рыжими обезьянами съ
длиннымъ хвостомъ и густой гривой. Городъ,
занимающій всего только 48 гектаровъ, соста-
вляетъ въ этомъ отношеніи рѣзкій контрастъ
съ большинствомъ єюпскихъ городовъ, лачу-
ги которыхъ разбросаны въ безпорядкѣ на
значительномъ пространствѣ; его 9.500 домовъ
съ террасами, построенные изъ туфа, напол-
ненного окаменѣлыми растеніями, тѣсно скру-
чены и заперты въ оградѣ изъ каменныхъ
стѣнъ съ зубчатыми башнями по бокамъ. Жи-
лица имѣютъ мало отверстій на улицы, узкія,
извилистыя и поднимающіяся въ гору; площа-
ди, немногочисленныя и неправильной формы,
находятся по большей части подъ мечетей;
самое обширное свободное пространство, на-
зывающее Мейдамъ, занимаетъ вершину холма.
Физіономія Гарара напоминаетъ обычную
физіономію арабскихъ городовъ. Жители го-
рода, харрари, почти все купцы — фанатики
мусульмане, но шітской секты, какъ персіане
и различныя племена южной Аравіи: изъ этихъ
странъ, вѣроятно, и пришли миссионеры, обратившіе въ свою вѣру сомаліевъ и галласовъ,
потомство которыхъ составляетъ нынѣ населе-
ніе города. Когда гаррарцы собираются пожев-
вать листьевъ ката (*celastrus edulis*), не менѣе
цѣннаго ими, какъ возбуждающее средство,
чѣмъ жителями Іемена, они открываютъ и за-
крываютъ это вечернее собраніе чтеніемъ ко-
рана и благодарственныхъ молитвъ, «потому что
это растеніе святыхъ позволяетъ дольше бодр-
ствовать ночью, чтобы воздавать поклоненіе
Господу».

^{*)} Chiarini et Cecchi, цитированное сочинение.

*) Теперь эта колония разрослась до того, что составляет значительную часть города, который съ каждымъ

годомъ принимаетъ все болѣе и болѣе европейскій характеръ.

Гаррарское общество отличается отъ всего остального мусульманского міра уваженiemъ, которымъ тамъ пользуется женщина. До прибытия египтянъ въ край только одинъ изъ жителей Гаррара, эмиръ, имѣлъ больше одной жены ¹⁾). Разводы, столь обыкновенные въ другихъ странахъ ислама, очень рѣдки въ этомъ городѣ. Женщины здѣсь ходятъ съ открытымъ лицомъ; онъ даже сидятъ на базарѣ и продаютъ произведенія своихъ садовъ; мужчины бѣрутъ на себя всѣ болѣе тяжелыя работы. Гарраръ блестаетъ также между мусульманскими городами образованностю своихъ гражданъ. По свидѣтельству Могамеда-Мухтара, тамъ всѣ дѣти умѣютъ читать и писать по-арабски, хотя этотъ языкъ для нихъ чужой, совершенно отличный отъ ихъ собственного языка, принадлежащаго къ галласскому корню, или, какъ полагаютъ Бертонъ и Макъсъ Мюллеръ, имѣющаго семитическое происхожденіе; на письмѣ они, располагаютъ буквы вертикальными столбцами. У нихъ есть даже кое-какая литература, и писатели ихъ не ограничиваются комментированiemъ корана; переплетное мастерство составляетъ одну изъ отраслей мѣстной промышленности. Главная дѣятельность Гаррара — торговля (по даннымъ таможни, торговое движение въ 1879 году простиравалось до 3.750.000 франк.); промышленныхъ же заведений тамъ почти нѣть, кромѣ мастерскихъ для тканья полотенъ, употребляемыхъ для приготовленія тогъ, а также черныхъ платьевъ и мантий, носимыхъ замужними женщинами, и красныхъ платьевъ, предназначенныхъ для молодыхъ девушекъ; тонкія гончарные издѣлія Гаррара тоже очень цѣнятся въ торговлѣ. Большая часть другихъ мануфактурныхъ произведеній привозится изъ Аравіи; точно также выходцы изъ Гадрамаута вытасчиваютъ чотки, употребляемыя гаррарскими жителями. Съ тѣхъ поръ, какъ гаррарцы промѣнили свою независимость на египетское управление, они въ значительной степени утратили свое прежнее благосостояніе, населеніе уменьшилось въ числѣ, и вокругъ города теперь бродятъ гіены ²⁾). Главную отрасль земледѣлія въ этой области, то-есть въ окрестностяхъ Гаррара и въ равнинахъ, обрабатываютъ галласами, составляетъ культура кофейного дерева, бобъ котораго, превосходнаго качества, вывозится изъ Ходейда и изъ Адена подъ именемъ «моккскаго». Такъ же, какъ юеменскіе арабы, гаррарцы не варятъ кофе: они пьютъ отваръ изъ коры и даже изъ сухихъ листьевъ. Табакъ, макъ, дающій опіумъ, бананы, апельсины, виноградъ тоже принадлежать къ числу произведеній Гаррарскаго округа; не очень давно тамъ введена также культура картофе-

ля ³⁾); всѣ овощи, привезенные изъ Европы, произрастаютъ тамъ съ полнымъ успѣхомъ. Въ лѣсахъ этого края Джюліетти нашелъ спящую акацию, соффаръ, то же самое дерево, которое Швейнфуртъ видѣлъ на берегахъ Нила, при сліяніи Собата ⁴⁾).

Дѣ дороги, часто отрѣзываемыя набѣгами грабителей, ведутъ изъ Гаррара въ Зейлу: одна, которая переходитъ раздѣльный хребетъ на сѣверѣ отъ города, чтобы спуститься въ бассейнъ Ауаша черезъ проходъ и долину Гальдесса, и затѣмъ направиться къ морю территоріей племени исса, которую пересѣкаетъ небольшая цѣпь трахитовыхъ породъ, ориентированная съ сѣвера на югъ; другая, болѣе прямая и болѣе крутая, которая поднимается на сѣверо-востокѣ къ проходу Дарми и перерѣзываетъ земли народца гадибурсы или гудабирсы. Городъ Зейла, какъ бы осаждаемый съ юга гадибурсами, лежитъ на остроконечномъ выступѣ или мысѣ побережья, къ югу отъ маленькаго архипелага островковъ и подводныхъ камней; онъ имѣеть два порта: одинъ, посѣщаемый барками, но гдѣ не могутъ бросать якорь большія суда, другой, находящійся въ небольшомъ разстояніи къ югу отъ города, гдѣ суда находяться, при глубинѣ отъ 8 до 10 метровъ, совершенно безопасное пристанище; но, къ сожалѣнію, эта послѣдняя гавань довольно тѣсна: по Роше д'Эрикуру, она можетъ вмѣщать только восемь или девять купеческихъ кораблей, поднимающихъ отъ трехсотъ до четырехсотъ тоннъ груза. Въ окрестностяхъ города простирается обширная салина, гдѣ иссасы нагружаютъ на верблюдовъ соль, которую потомъ продаютъ по дорогѣ цѣнѣ жителямъ Гаррара. Зейла терпитъ недостатокъ въ ключевой водѣ; каждое утро длинная вереница верблюдовъ отправляется на уади Такоша за водой, необходимой для продовольствія жителей. Три четверти населенія состоятъ изъ иссасовъ, и городъ каждый вечеръ отглашается ихъ военными или походными пѣснями ⁵⁾). Маленький англійскій гарнизонъ, пришедший изъ Адена, занимаетъ теперь городъ; можно надѣяться, что онъ уничтожить, какъ и въ Аденѣ, торговлю невольниками, которой Зейла до недавняго времени была однимъ изъ главныхъ центровъ. Иногда до шести тысячъ невольниковъ бывало собрано одновременно въ становищахъ вокругъ этого города ⁶⁾).

Дорога изъ Шеа къ Таджурахскому заливу не имѣеть на половинѣ пути, какъ дорога изъ Зейлы, этанаго пункта, который могъ бы сравниться съ городомъ Гарраръ; однако, главное мѣстечко Аусскаго округа, лежащее близъ южнаго берега прѣсноводнаго озера, въ кото-

¹⁾ Mohammed-Moukhtar, цитированное сочиненіе.

²⁾ „Exploratore“, gennaio 1882.

³⁾ Gabriel Ferrand, „Le Somal“.

⁴⁾ Arneux Louis Lande, „Revue des Deux Mondes“, janvier 1879.

⁵⁾ Sacconi, „Exploratore“, 1883.

ромъ теряется Ауашъ, можетъ быть разсматриваемо какъ настоящій городъ: это скопленіе слишкомъ тысячи соломенныхъ хижинъ, гдѣ собрались купцы и извозчики (погонщики верблюдовъ) данкальского племени модантовъ; Аусса была столицей мусульманскаго государства Адель. Отъ Ауссы до берега Таджурахскаго залива слѣдуютъ одна за другой нѣсколько другихъ группъ хижинъ, принадлежащихъ разнымъ образомъ племенамъ народа афаръ; затѣмъ поселки и деревни, довольно отдаленные одна отъ другой, разсѣяны по сѣверному берегу залива. Одно изъ этихъ селеній, Сагало, до недавняго времени служившее мѣстомъ посадки на суда галласскихъ невольниковъ, перевозимыхъ въ Аравію, было приобрѣтено, въ 1882 году, французскимъ путешественникомъ Полемъ Солелье. Далѣ, къ востоку, деревушка Амбабо раскинулась на плоскомъ берегу, гдѣ тоже часто сажали на суда невольниковъ, не взирая на англійскихъ или французскихъ крейсеровъ, наблюдающихъ за берегами Индійскаго океана. За Амбабо, на томъ же берегу лежитъ мѣстечко Таджурахъ, по имени которого была названа большая бухта, врѣзывающаяся километровъ на шестьдесятъ внутрь материка: такъ же, какъ Сагало, эта деревня была уступлена Франціи начальникомъ кабиета адѣ-али, но взятие во владѣніе обѣихъ этихъ группъ хижинъ произошло только въ 1884 году. Впрочемъ, Таджурахскій берегъ едва образуетъ выгибъ, гавань плохо запищена отъ вѣтровъ и безъ достаточной глубины, даже для судовъ средней вмѣстимости. Единственный пунктъ на этомъ берегу, гдѣ французы основали серьезное поселеніе, когда вспомнили черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ о существованіи акта уступки территоріи, подписанного въ 1862 году,—это восточный полуостровъ земли данакиловъ, между Таджурахскимъ заливомъ и входомъ въ Красное море. Поселокъ Обокъ, лежащий въ сосѣдствѣ этого мыса, далъ свое имя всей присоединенной территоріи; съ 1881 года первая контора была открыта тамъ негоціантомъ Ариу, который впослѣдствіи былъ измѣннически убитъ изъ родовой мести.

Обокъ представляетъ большія выгоды, какъ пароходная пристань. Будучи расположены близъ Бабъ-эль-Мандебскаго пролива, онъ командуется этимъ морскимъ проходомъ съ болѣе близкаго разстоянія, чѣмъ городъ Аденъ, и транспортныя суда могли бы тамъ запасаться углемъ, не имѣя надобности сворачивать съ дороги въ сторону. Портъ не можетъ сравниться съ адѣнскимъ, однако онъ представляетъ хорошую акорную стоянку, и небольшихъ работъ достаточно было бы, чтобы сдѣлать его совершенно безопаснымъ пристанищемъ; онъ отдѣляется отъ открытаго моря коралловыми банками, гдѣ открываются каналы или проливы,

удобопроходимые для большихъ судовъ; съверные и съверо-восточные вѣтры, самые опасные для мореплавателей, отклоняются отъ гавани «мысъ Колодца», Расть-эль-Биръ, выдвинувшимся въ море съвернѣе Обока. Надъ долиной въ формѣ полумѣсяца, гдѣ постройки нарождающейся деревни начинаютъ замѣнять чащи акаций и другихъ деревьевъ, господствуетъ мадрепоровый береговой утесъ около двадцати метровъ высотой, перерѣзанный нѣсколькоими оврагами, куда стекается излишняя вода во время слишкомъ рѣдкихъ дождей. Верхняя терраса и сама отдѣлена отъ Данакильской равнинѣ вторымъ утесомъ, немного пониже первого¹). Хотя поселеніе Обокъ страдаетъ вообще отъ засухи, однако нельзя сказать, чтобы тамъ невозможны были попытки введенія какой-либо культуры, и нѣкоторые путешественники, сравнивая растительность Обока съ голыми, спаленными солнцемъ, скалами Адена, описываютъ эту французскую станцію, какъ оазисъ; копая почву долины, нѣдѣль находить воду на глубинѣ одного или полутора метра, немного солоноватую въ сосѣдствѣ морскаго берега, но совершенно прѣсную въ нѣкоторомъ разстояніи внутри материка. Одному французскому путешественнику выдана негусомъ Менеликомъ концессія на постройку узкоколейной желѣзной дороги изъ Анкобера до Обока. Многіе караваны, шедшіе изъ Шоа, уже выгрузили свои товары на Обокскомъ берегу. Съ 1896 г. официальное название этой колоніи: «Франц. Сомалійскій берегъ», пространство ея—19.800 кв. км., населеніе (1896 г.)—22.400 ж., главный пунктъ съ 1896 г. Джибути, вмѣсто Обока.

Торговое соперничество между европейскими націями, сдѣлавшее изъ Зейлы англійскій городъ и возвѣгающее теперь французскій городъ Обокъ, вызвало къ жизни также итальянскую колонію Эритрею на берегу Краснаго моря, въ 1870 году; такимъ образомъ южная Эфиопія, до недавняго времени почти совершен но отдѣленная отъ остального міра, будетъ имѣть, для отправки за границу своихъ произведеній, три приморскихъ порта, принадлежащихъ различнымъ націямъ. Серьезныя попытки колонизаціи были сдѣланы для Ассаба только въ 1882 году. Новый городъ, имѣющій уже нѣсколько строеній европейскаго стиля, лежитъ въ 120 километрахъ по прямой линіи къ сѣверу отъ Обока и въ 60 километрахъ отъ Бабъ-эль-Мандебскаго пролива, на сѣверной сторонѣ длиной вырѣзки морскаго берега; многочисленныя острова, разсѣянныя у входа въ рейдъ, закрываютъ видъ открытаго моря, развѣ только къ сѣверо-востоку, и продолжаются рифами, которые, вслѣдствіе наносовъ иллю и песку, наростанія водорослей и

¹) Denis de Rivore, „Obock, Mascate, Bouchir, Bassorah“;—Paul Soleillet;—Rivoil.

коралловыхъ построекъ, постепенно расширяются и дѣлаютъ захваты на поверхности залива; безъ сомнѣнія, рано или поздно эти острова соединятся, въ видѣ полуострова, съ континентомъ. Портъ, хорошо защищенный отъ вѣтровъ, находится передъ плоскимъ берегомъ Буйя, въ разстояніи около километра югу отъ Ассаба; самая большія суда могутъ стоять тамъ на якорѣ не далѣе 150 метровъ отъ берега. Подвижная дюна или твердая скала, Ассабская территорія почти лишена растительности; значительная деревня Маргабле имѣеть нѣсколько лужъ стоячей воды, окаймленныхъ травой; только тамъ и сямъ нѣсколько группъ пальмъ осязжаютъ хижины афаровъ, да по берегу временныхъ рѣчекъ сѣть ланъ связываетъ мелкій кустарникъ въ густыя массы листьевъ и шиповъ. Самъ по себѣ городъ Ассабъ, не имѣющій чистой воды, кромѣ той, которая добывается искусственно при помощи дистиллирующихъ машинъ, лишенный пахатныхъ и вообще годныхъ для какой-либо культуры земель, не можетъ разсчитывать на великую торговую будущность; онъ имѣеть въ своемъ распоряженіи только нѣсколько салинъ, которыхъ, впрочемъ, не можетъ разрабатывать вполнѣ безопасно; но поселившіеся въ Ассабѣ¹⁾ итальянцы, въ числѣ двадцати пяти человѣкъ, вокругъ которыхъ сгруппировалось около пятисотъ арабовъ, афаровъ и сомалиевъ, дѣлаютъ большія усилия, чтобы установить постоянныя сношенія между ихъ станціей и городами Шоа. Хотя очень удаленный отъ внутреннихъ богатыхъ странъ—такъ какъ нужно по меншей мѣры 22, а среднимъ числомъ 35 дней ходьбы до Анкобера²⁾—Ассабъ получилъ, однако, кое-какіе товары: кофе, сырья кожи и другіе продукты, благодаря стараніямъ гг. Антонелли, Біанки и другихъ путешественниковъ. Но и эта скромная торговля можетъ быть производима не иначе, какъ подъ предводительствомъ и покровительствомъ туземцевъ; изслѣдователь Джюльетти, съ нѣсколькими спутниками, полагавшіе, что можно обойтись безъ пропуска соѣдніхъ племенъ, были измѣннически умерщвлены въ семи или восьми дняхъ ходьбы внутри страны. Почти вся торговля производится съ портами арабскаго берега, Аденомъ и Годейдахомъ, при помощи мелкихъ судовъ, поднимающихъ отъ 7 до 10 тоннъ груза; годовое движение ассабскаго порта выражается приблизительно цифрой 400 приходящихъ и уходящихъ судовъ.

Пространство итальянской территоріи³⁾:

Эритрейская колонія—247.300 кв. килом. Общее населеніе территоріи—219.600 чел. Главный городъ—Массауа (Массова), съ 16.000 ж.

¹⁾ Rho, „Esploratore“, ottobre 1884.

²⁾ „Esploratore“, agosto 1882.

³⁾ Guido Cora, „Cosmos“, 1882, N. 2.

Мѣстечко Рагайта (Рахента), лежащее южнѣе Ассаба, служить резиденціей одному султану, который въ то же время богатый купецъ, торгующій перламутромъ, стразовыми перьями, ладонью, миррой и другими произведеніями морскаго побережья. На сѣверѣ, на морскомъ берегу лежитъ деревня Байбуль, резиденція другаго султана, состоящаго подъ покровительствомъ итальянского правительства.

Города восточного Шоа и восточныхъ земель, съ ихъ предполагаемымъ населеніемъ:

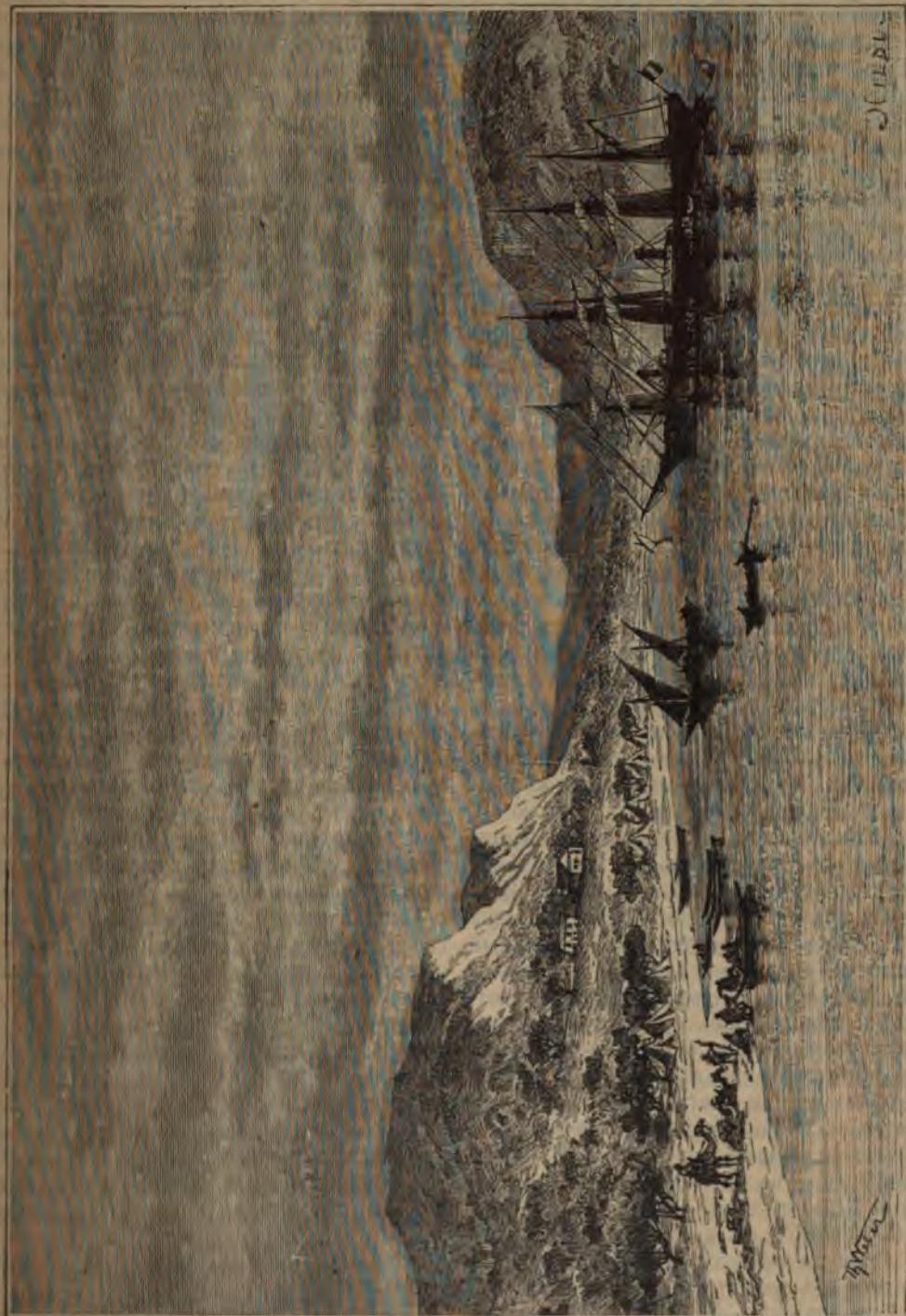
Шоа. Анкоберъ—7.000 жит.; Алу-Амба—4.000; Личе—3.000; Анголала—4.000; Дебра-Берхамъ—2.500; Аусса—5.000; Рагайта—3.000; Харрарь—35.000; Таджурахъ—4.500; Зейла—8.000; Ассабъ—5.000 жит.

Въ западной части королевства Шоа важнейшая группа жилищъ—торговый городъ Фиче, построенный на углу плоскогорья, между глубокими куаллами. Недалеко оттуда находится знаменитый монастырь Дебра-Либаность или «Горы Ливанъ», построенный на трахитовой террасѣ, съ которой течетъ струйка воды, слывущая святою у христіанъ, мусульманъ и язычниковъ: со всѣхъ сторонъ стекаются пилигримы искать исцѣленія отъ недуговъ въ этихъ чудодѣйственныхъ водахъ, выходящихъ изъ земли по слову Текла-Гайманата, легендарного святаго эзоповъ; во время путешествія Комба и Тамизье монастырь былъ обитаемъ 3.000 иноковъ, изъ которыхъ двѣ трети были отставные солдаты, искателѣчненіе въ экспедиціяхъ въ галласскую страну. Никакое мѣсто убѣжища не пользуется болѣшимъ уваженіемъ, чѣмъ Дебра-Либаность; прежде, чѣмъ начать восхожденіе на крутые склоны священной горы, богомольцы должны смыть съ себя грѣхи въ рѣкѣ Зига-Водіамъ, или рѣкѣ «Плоти и Крови», текущей въ глубокомъ ущельѣ⁴⁾. На одной изъ соѣдніхъ вершинъ, откуда ясно видны, черезъ долину Абая, горы Годжама и Дамота, стоитъ древняя крѣпость, въ которой нашелъ убѣжище одинъ изъ предковъ Менелика въ эпоху завоеванія страны Могамедомъ «Лѣвшимъ». Другой монастырь, Зена-Макось, лежащий къ сѣверо-западу отъ города Личе, на плато, окруженному оврагами, почти такъ же богатъ и такъ же много привлекаетъ богомольцевъ, какъ и Дебра-Либаность. На сѣверѣ, плоскогорья заняты вплоть до самой Магдалы и до мѣстности, соѣднѣй съ истоками Таккаце, воллосами или другими галласскими народцами. Воллосы, которые дѣлятся на семь племенъ,—выходцы съ юга, пришедшіе въ шестнадцатомъ столѣтіи, во время нашествія «Лѣвші». Но, овладѣвъ землей, они усвоили по большей части обычай покоренныхъ ими амхаринцевъ. Отказавшись отъ кочевой жизни, они сдѣлались землевладѣльцами и облеклись въ тогу, но со-

⁴⁾ Krapf, „Journal of the Church Missions Abyssinia and Egypt“.

хранили мусульманскую религию. По словамъ Бланка, въ нѣкоторыхъ захолустьяхъ до сихъ поръ еще существуетъ обычай, въ силу кото-
рого туземцы ссужаютъ своихъ женъ прохожимъ

части страны Волло, на скаль, очень хорошо защищенной самой природой, король Шоа основалъ укрѣпленный городъ Ворейллу, близъ гра-
ницъ собственной Абиссиніи: здесь-то сюзе-

Видъ Обонка.

гостями, воллю, отправляющійся въ дальнее путешествіе, уступаетъ свою подругу брату на все время своего отсутствія¹). Въ съверной

ренъ-негусь Иоаннъ обыкновенно давалъ аудіен-
цію своему вассалу. Ворейллу сдѣлался важ-
нымъ мѣновымъ рынкомъ между другими госу-
дарствами.

¹) H. Blance, „A Narrative of Captivity in Abyssinia“.

На юго-западъ и на западъ отъ королев-

ства Шоа вся территорія принадлежить равнымъ образомъ галласамъ или ильмъ-орма; но тамъ есть нѣсколько большихъ поселеній, за-служивающихъ почти имеви городовъ. На од-номъ изъ притоковъ верхняго Ауаша большая мусульманская деревня Роге или Рогье усѣла своими хижинами сѣверные лѣсистые склоны горы Гіереръ или Джеррерь. Расположенное въ территоріи галласскаго племени галенъ, на границахъ области Кураге, въ мѣстности, без-престанно опустошаемой военными экспедиціа-ми, село Роге производить обширную торговлю кофеемъ и еще и въ наши дни является глав-нымъ невольничимъ рынкомъ въ южной Эюо-піи. Официально торговля живымъ товаромъ воспрещена во владѣніяхъ негуса Менелика, и плѣнники уже не выставляются на продажу публично; но гнусный торгъ ведется теперь тайкомъ, и невольники, проданные въ тѣни хижинъ, направляются по-прежнему къ морскимъ портамъ, откуда ихъ отсылаютъ въ Аравію и въ Египетъ: въ 1878 году путешественники Кларини и Чекки отмѣтили «прайсъ-курантъ» галласскихъ невольниковъ: цѣны варьировали отъ 30 или 40 ефимковъ Маріи-Терезіи за молодую и красивую девушку до 4 ефимковъ за старуху. Всѣ жители мѣстечка Роге, въ числѣ около десяти тысячъ душъ, называютъ себя тигрейцами и производятъ свой родъ отъ двухъ магометанъ, переселившихся сюда нѣсколько столѣтій тому назадъ. На западѣ, близъ исто-ковъ Ауаша, равнина Финифини, при выходѣ страшного ущелья, часто избирается государя-ми Шоа, какъ сборный пунктъ для войскъ во время экспедицій въ страну галласовъ; въ рав-нинахъ бываютъ горячіе ключи, куда ходить на во-допой домашній скотъ, а сосѣднія горы доставляютъ желѣзную руду, служащую для выдѣлки почти всѣхъ орудій, употребляемыхъ въ Шоа. Окрестныя скалы изобилуютъ гротами: одна изъ этихъ пещеръ заключаетъ кораблеобразныя пространства (нефы), въ видѣ поникающихъ сводовъ, раздѣленныхъ четыреугольными стол-бами, съуживающимися къ серединѣ. Эти произ-веденія искусства позволяютъ измѣрить упадокъ цивилизациіи въ этой странѣ, гдѣ теперь встрѣ-чаешь только жалкія лачужки галласовъ пле-мени катело¹⁾). Уединенная гора Эндотто, ко-торая высится къ западу отъ военного стана Финифини, носила на себѣ нѣкогда столицу ко-ролевства Шоа, и тамъ видны еще могилы древнихъ королей; въ настоящее время она служить резиденціей одного раса. Въ этой об-ласти, одной изъ самыхъ плодоносныхъ во всей Эюопіи, французский путешественникъ Арну добился у негуса Менелика уступки пространства земли въ сто тысячъ гектаровъ, на кото-ромъ онъ хотѣть основать колонію европей-

цевъ²⁾); безъ всякаго сомнѣнія, эта страна сдѣ-ляется со временемъ одною изъ самыхъ про-изводительныхъ въ Африкѣ, когда хорошие пу-ти сообщенія соединять ее съ Таджурахскимъ заливомъ черезъ долину Ауаша; уже теперь слѣдовало бы заняться разведеніемъ, посред-ствомъ прививки, дикихъ маслинъ и плантацій хинного дерева, которыхъ подготовили бы буду-щее богатство этой мѣстности³⁾). Деревня Ди-ллила, лежащая къ западу отъ равнины Финифи-ни, служила прежде резиденціей королю Шоа, благодаря ей выгодному стратегическому полу-женію, какъ позиції, откуда удобно наблюдать за галласскими населеніями⁴⁾.

По ту сторону Ауша простираются республи-канскія конфедерациіи и маленькая монархиче-ская государства галласовъ, съ неопределеными границами, и почти вездѣ отдѣлены одно-отъ другого пустынными мархіями или украи-нами. Одно изъ этихъ государствъ, на верхнихъ притокахъ рекъ Вайса и Ваби, есть Гураге, область возвышеностей, отдѣляемая землей народца соддо отъ Ауаша и отъ королевства Шоа. Эта провинція Гураге священна въ гла-захъ абиссинцевъ, такъ какъ, по словамъ ле-генды, пять островковъ, находящихся на озерѣ Цвай, суть единственныя уголки христіанской почвы, которые не были завоеваны Могамме-домъ Гранье, страшнымъ «Лѣвомъ»; его сол-даты не осмѣлились пуститься на плотахъ къ этому маленькому архипелагу⁵⁾). На островкахъ пріотились монастыри, гдѣ, говорятъ, хранят-ся древнія рукописи. Все населеніе государства Гураге до сихъ поръ еще называетъ себя христіанскимъ, хотя у него нѣть ни церквей, ни священниковъ, ни религіозныхъ догматовъ: ему достаточно повторять имена нѣкоторыхъ святыхъ и проклинять язычниковъ и магоме-танъ. Вновь впавшіе въ варварство, жители области Гураге, тѣмъ не менѣе, сохранили отъ своей прежней цивилизациіи искусство строить жилища гораздо болѣе красивыя, чѣмъ жилища всѣхъ зеопонъ, за исключеніемъ обитателей Гондара⁶⁾). Чтобы защищаться противъ соддо-и другихъ галласовъ, живущихъ торговлей не-вольниками, жители Гураге выкопали въ раз-ныхъ мѣстахъ ямы, въ которыя и прячутся, когда замѣтятъ приближеніе непріятеля; они наблюдаютъ за нимъ во время его прохода и часто нападаютъ на него неожиданно; иногда они отрѣзываютъ ему отступленіе, когда чув-

¹⁾ Louis Lande, „Revue des Deux Mondes“, 15 d間embre 1878.

²⁾ Brémond;—Soleillet, „Exploration“, 4 janvier 1884.

³⁾ Въ настоящее время столицю негуса Абиссинскаго Менелика II служить Аддис-Абеба, гдѣ только что окон-ченъ постройкою великолѣпный дворецъ, сооруженный въ европейскомъ вкусѣ.

⁴⁾ Taurin-Cahagne;—Antoine d'Abbadie, „Société de Géo-graphie de Paris“, s閙ance du 7 mars 1884.

⁵⁾ Isenberg and Krapf;—Bianchi, „Esploratore“, giugno 1881.

ствуютъ себя достаточно сильными. Гориено — столица края, Гебиссо — его главный рынокъ; но еще важнѣе торговый пунктъ Могаръ, лежащій западнѣе, въ землѣ племени кабена. Племена гураге и кабена, часто причисляемыя къ одной и той же политической группѣ, совершенно разнятся нравами, религіей и языкомъ; послѣднѣе, то-есть кабена — фанатики — мусульмане, и когда властитель Шоа не возстановляетъ порядка своимъ вмѣшательствомъ, они постоянно воюютъ съ своими союзниками, именующими себя христіанами: это главные поставщики невольниковъ для рынковъ Роге и Абдерасула. Земля племени кабена производить лучший въ южной Эвропѣ табакъ.

Область галласовъ, гдѣ вытекаютъ первыя воды Ауаша, и которая раздѣляетъ двѣ большия дуги Абая или Голубаго Нила и Гугсы, населена главнымъ образомъ народцами націи либентъ. Да же на западѣ долины, надъ которыми господствуютъ большия Альпы, называемыя Джимма-Лагамара, обитаемы республиканскими племенами, такъ же, какъ равнина Гурду, притоковъ Голубаго Нила. За этими племенами слѣдуютъ одно за другимъ, по направленію къ области бертановъ, другія оромскія народности: алату, вобо, ванши, ваза, о которыхъ путешественники пока еще собрали только противорѣчивыя свѣдѣнія; до сихъ поръ одному только изслѣдователю, итальянцу Чекки, удалось перейти, въ этомъ направлѣніи, большую рѣку Гибе, съверный притокъ Гугсы; черезъ этотъ живучій потокъ, разливающійся послѣ дождей на 1.200 метровъ въ ширину, переправляются въ узкихъ широгахъ, выдолбленаыхъ изъ цѣльнаго ствола дерева. Огромныя лѣса занимаютъ часть области, простирающейся на западъ отъ горъ Джимма-Лагамара къ истокамъ Джабуса.

На югѣ, два королевства Гума и Лимму лежать еще большей частью своего протяженія въ бассейнѣ Оргеса или Дидеса, одной изъ самыхъ полноводныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наименѣе извѣстныхъ рѣкъ системы Голубаго Нила. Городъ Чора, столица Гумы, стоитъ на одномъ изъ притоковъ этой рѣки, тогда какъ Сака, главный рынокъ королевства Лимму, принадлежитъ по своему ручью уже къ покатости Индійскаго океана. То же самое нужно сказать о городахъ Иннари и Эннаре и всѣхъ другихъ южныхъ галласскихъ государствъ, какъ-то: Джимма-Какаили «королевство Абба-Джифаръ», Гера, Янгаро, Сидама, Кулло, Гимира и большое государство Каффа, самая значительная изъ странъ съ галласскимъ населеніемъ, которая платой даніи признаютъ надъ собою верховную ленную власть (сюзеренитетъ) Эвропы. Всѣ эти государства, какъ и провинціи собственной Абиссиніи, распределены различно между поясами дега, война-дега и кузала; но въ цѣломъ перевѣсъ имѣеть про-

межуточная зона, гдѣ и сосредоточены главные города и торговыя мѣста. Въ Джиммѣ и Гумѣ земли принадлежать въ особенности къ полосѣ высокихъ плоскогорій, такъ какъ тамъ сѣютъ всего больше ячмень; низменности занимаютъ болѣе значительное пространство въ Иннари, Лимму и Каффѣ ¹⁾.

Название Иннари примѣнялось нѣкогда къ странѣ, несравненно болѣе обширной, чѣмъ та, которая сохранила нынѣ это наименование. Это было христіанскоѣ государство, какъ Эвропія, и въ теченіе вѣковъ населявшій его народъ сидама успѣшио оказывать сопротивленіе напору окружавшихъ его язычниковъ и магометанъ. Кончилось, однако, тѣмъ, что сидама пали въ этой борьбѣ: галласы изъ Лимму, живущіе въ верхнемъ бассейнѣ рѣки Оргеса, овладѣли страной, и когда сами обратились въ исламъ, то навязали свою религію и побѣждѣнныи. Жители Иннари, которыми въ настоящее время управляетъ королева ²⁾, всѣ мусульмане; только имя сидама, теперь уже не имѣющіе вполнѣ опредѣленнаго значенія, присвоивается еще вообще христіанамъ эвропейскихъ странъ, ограниченныхъ на съверѣ теченіемъ Голубаго Нила. Иннари въ собственномъ смыслѣ теперь обнимаетъ уже только верхнюю долину Гугсы, тамъ, гдѣ эта рѣка течетъ еще въ направлѣніи съ юга на съверъ. Дно и скаты этой долины могутъ считаться по преимуществу страной кофейного дерева, которое лучше произрастаетъ тамъ, чѣмъ даже въ Каффѣ, отъ которой оно получило свое название: говорятъ, что въ иннарійскихъ лѣсахъ встрѣчаются экземпляры кофейного дерева, имѣющіе отъ 2 до 3 метровъ въ обхватѣ. Кофе составляетъ монополію государя, и его невольники одни имѣютъ право собирать этотъ продуктъ въ лѣсахъ и продавать его, за счетъ своего господина, на рынкѣ въ Сака. Что касается золотаго порошка, составлявшаго прежде богатство Иннари, то онъ уже не имѣть нынѣ достаточной относительной цѣнности для вывоза. Хотя иннарійцы утратили свою древнюю цивилизацию, однако они и теперь еще могутъ считаться самыми цивилизованными жителями южной Абиссиніи, и даже какъ ремесленники они много превосходятъ абиссинцевъ; гондарскій рынокъ не представляетъ ничего, что могло бы сравниться съ ихъ вышивками или съ ихъ оружиемъ съ рѣзными рукоятками и серебряными инкрустациими; они выдѣлываютъ разные желѣзныя инструменты, которые находятъ обширный сбытъ и покупаются даже племенами, обитающими въ бассейнѣ Собата ³⁾. Укрѣпленный таможенный постъ защищаетъ

¹⁾ Beke, "Journal of the R. Geographical Society", 1843.

²⁾ G. Rohlfs, "Bulletin de la Société de Géographie d'Anvers", tome VII fasc. V.

³⁾ J. M. Schuyler, "Reisen im oberen Nilgebiet", Ergänzungsheft zu Petermann's Mittheil., № 72.

на съверъ подходы страны Лимму на абиссинской дорогѣ. Многія государства плоскогорья даже обнесены на большей части своей окружности двойнымъ рядомъ стѣнь, обведены рвами и засѣками; кромѣ того, широкая пограничная полоса, гдѣ никто не имѣть права селиться, опоясываетъ всю страну на подобіе раздѣльной зоны, окружающей укрѣпленное мѣсто: каждое королевство есть какъ бы осаждаемая крѣость ¹⁾). Понятно, какія огромныя трудности представляютъ сообщенія въ этой странѣ: пѣшеходъ могъ бы пройти въ четыре дня пространство въ 233 километра, раздѣляющее два большихъ рынка—Бассо, въ Годжамѣ, и Сака, въ Иннари, между тѣмъ купеческіе караваны употребляли до двухъ лѣтъ, чтобы совершить это маленькое путешествіе ²⁾.

Королевство Янгаро (Джанджеро, Зинджеро) занимаетъ, къ юго-востоку отъ Иннари и къ востоку отъ Джимма-Кака, часть горной цокости, наклоненной къ теченію рѣки Гугсы. Нѣть страны, гдѣ бы «права» царствующаго дома были ограждены болѣшимъ количествомъ легальныхъ гарантій. За исключеніемъ короля, его дѣтей, и людей низшихъ касть, слишкомъ презираемыхъ для того, чтобы они могли винуть какія-либо опасенія въ политическомъ отношеніи, всѣ жители Янгаро мужскаго пола подвергаются частному изуродованію, дабы вѣщественный знакъ свидѣтельствовалъ обѣ ихъ способности къ занятію престола: таково единогласное показаніе всѣхъ, къ кому обращался съ разспросами Беке ³⁾). Одна изъ тысячи привилегій короля состоить въ исключительномъ употреблении извѣстныхъ цѣлебныхъ средствъ, запрещенныхыхъ его народу: жители страны, не имѣя другой животной пищи, кроме сырого мяса, всѣ страдаютъ солитеромъ, какъ съверные абиссинцы; но одинъ только государь можетъ изгонять паразита посредствомъ отвара куско, тогда какъ обыкновенные смертные не смѣютъ употреблять «царскаго лѣкарства»; они должны довольствоваться горькими травами. Между другими странными вещами, сообщаемыми обѣ этой таинственной странѣ Янгаро, миссіонеры Изенбергъ, Крапфъ ⁴⁾, Массай разсказываютъ, что человѣческія жертвоприношенія очень обыкновенны въ томъ краю: часто первенецъ приносится въ жертву божеству. У всѣхъ новорожденныхъ мужскаго пола, тотчасъ послѣ появленія на свѣтъ, обрѣзываютъ сосцы, дабы будущіе воины не имѣли сходства съ «трусливымъ поломъ». Когда торговцы невольниками уводятъ пѣниницъ изъ

¹⁾ Cecchi, „Bollettino della Societ  geografica italiana“, 1882.

²⁾ Arnand d'Abbadie, „Douze ann es dans la haute Ethiopie“.

³⁾ „Journal of the R. Geographical Society“, 1843.

⁴⁾ „Highlands of Ethiopia“:—„Journal of the Church Missions to Abyssinia and Egypt“.

этой страны, они каждый разъ бросаютъ самую красивую въ озеро, чтобы сдѣлать судьбу благопріятной ихъ путешествію. Но рѣдко случается, чтобы они тащили за собой невольниковъ мужскаго пола^{*}, такъ какъ мужчины, захваченные во время облавъ, обыкновенно предпочитаютъ самоубійство рабству. Часто имя Янгаро смышивали иронически съ именемъ Зинджеро ¹⁾, означающимъ «обезьяну» на амхаринскомъ языке, и народная молва, всегда жадная къ чудесамъ, распространяла въ Африкѣ разсказы о порабощенныхыхъ четырерукихъ. Джимма-Кака, или королевство Абба-Джифаръ, есть одна изъ областей, доставляющихъ наибольшее количество невольниковъ торговцамъ живаго товара или джибберти; по словамъ Беке, почти всѣ евнухи, уводимые изъ галласской территории въ съверномъ и восточномъ направлениі, выходятъ изъ невольничихъ депо, учрежденныхыхъ въ городѣ Фолла.

Страна Каффа есть одна изъ тѣхъ, жители которыхъ еще называютъ себя христіанами, хотя ихъ религіозныя вѣрованія и обрядности представляютъ значительная отличія отъ вѣрованій и обрядовъ абиссинцевъ. Во всемъ этомъ государствѣ, говорятъ, существуетъ всего только шесть или восемь церквей, составляющихъ центры очень обширныхъ приходовъ и мѣста убѣжища для преступниковъ и вообще всѣхъ преслѣдуемыхыхъ; подъ поломъ одного изъ этихъ храмовъ хоронятъ умершихъ монарховъ. По словамъ миссіонера Массайя, «христіане» Каффы не знаютъ даже имени Иисуса Христа; они почитаютъ трехъ святыхъ: Георгія, Михаила и Гавриила ²⁾). Очень строгіе и добросовѣстные исполнители традиціонныхъ обычаевъ, особенно тѣхъ, которые опредѣляютъ родъ пищи, жители Каффы не ёдятъ никакихъ зеренъ, и самое слово «зерноядный» считаютъ большой обидой для себя: единственная ихъ растительная пища—стебель банана (*musa ensete*), растенія, которое культивируется вокругъ каждого селенія. Обыкновенные зерновые хлѣбо:шеница, ячмень, бобы употребляются только въ кормъ скоту и для приготовленія пива. Относительно мяса обитатели Каффы не менѣе исклучительны: изъ четвероногихъ имъ позволено только употреблять мясо быка; но мужчинамъ, пользующимся въ этомъ отношеніи болѣшими льготами сравнительно съ представителями ихъ пола въ Янгаро и въ другихъ сосѣднихъ государствахъ, разрѣшается, сверхъ того, ёсть птичье мясо. Въ силу обычая, женщины, привыкшіе участіе въ употребленіи этой послѣдней пищи, тѣмъ самымъ теряютъ свою свободу и немедленно продаются въ рабство, такъ какъ торговля человѣческимъ мясомъ не воспрещена каффскимъ

¹⁾ Beke, „Geographical distribution of the Languages of Abyssinia and neighbouring countries“.

²⁾ „Annales de la Propagation de la Foi“, 1865:—Крапф, цитированное сочиненіе.

христіанамъ, какъ она запрещена христіанамъ въ сѣверной Эвіопії. Костюмъ жителей Кафы тоже строго опредѣленъ уставомъ. Употребление кожъ дубленыхъ или недубленыхъ запре-

тамъ едва знали деньги даже въ половиѣ настоящаго столѣтія¹); единственными мѣновыми знаками служили мелкія стеклянныя издѣлія и брускочки соли, привозимые изъ Сокотры;

Дѣственныій лѣсъ въ Фоцокѣ

щено: одежда шьется изъ бумажныхъ тканей или изъ грубыхъ матерій, сотканныхъ изъ волосовъ банана. Хотя столица Кафы, Бонга — «самый большой городъ, какой существуетъ въ Эвіопії», и очень дѣятельный рынокъ, но

на юго-западѣ, въ землѣ Шека или Сіека, тузыцы собираютъ золотой порошокъ въ пескахъ ручьевъ. Государи Кафы налагаютъ на сво-

¹) Th. von Heuglin, „Reisen in Nordost-Afrika“.

ихъ подданныхъ церемоніаль этикета, почти столь же строгій, какъ церемоніаль, установленный янгарскими королами. По словамъ путешественника Солейле, которому недавно удалось проникнуть въ эту страну, министры и высшіе сановники государства могутъ бесѣдовать съ своимъ повелителемъ не иначе, какъ одѣтые въ рубища, точно невольники, да и то еще занавѣсь отдѣляетъ ихъ отъ августейшаго присутствія. Чтобы не быть узнаннымъ, его величество и самъ выходитъ изъ дворца не иначе, какъ плохо одѣтымъ, и садится верхомъ на жалкую клячу; но его легко примѣтить издали по окружающимъ его гайдукамъ, и всѣ прячутся, чтобы избѣгнуть злонолучной встрѣчи. Въ этой странѣ строгаго этикета обычна формула привѣтствія слѣдующая: «скрываюсь подъ землею». Когда христіанскіе священники жили еще въ странѣ, вѣроящіе обязаны были не допускать ихъ касаться ногами почвы между священническимъ домомъ и церковью; сильные мужчины несли ихъ на своихъ плечахъ. Рассказываютъ, что эти священники, не имѣя возможности отправиться въ Гондаръ, къ абуни, чтобы получить отъ него рукоположеніе, поручали купцамъ, ходящимъ съ караванами, привозить имъ изъ метрополіи драгоценную коробку, которую святой отецъ наполнялъ своимъ дыханіемъ.

Города западнаго Шоа и сѣверныхъ галласкихъ государствъ: Фиче, Ворейллу, Роге, по Кларини, 10.000 жит.; Диландла; Горіено, Гебиско, Могаръ, Чора, Сака, по Крапфу, 12.000 ж.; Бонга.

Къ югу отъ Каффи, на покатости Индійскаго океана, простираются обширные лѣса,

гдѣ живетъ таинственный народъ доко, то-есть по-галласки «невѣжды», «дикари»; по Крапфу, Изенбергу и другимъ путешественникамъ, додо — карлики, въ родѣ аккасовъ области Уэлле, тогда какъ по Антуану д'Аббади, эти туземцы ничѣмъ не отличаются отъ своихъ соѣдей, саваги.

Королевство Шоа долгое время находилось подъ деспотическою властью короля Менелика, который, несмотря на свое вассальное положеніе по отношенію къ негусу Абиссинскому, успѣлъ сдѣлаться фактически почти независимымъ правителемъ Шоа (1879 г.). Завѣтною его мечтою было покорить своей власти всю Абиссию, но, чувствуя себя несостоительнымъ для борьбы съ могущественнымъ въ то время негусомъ Иоанномъ, онъ долженъ былъ на время смириться и признать себя его вассаломъ. За то тотчасъ же послѣ смерти негуса Иоанна, въ 1889 г., Менеликъ выступилъ претендентомъ на корону Абиссии и, заключивъ союзъ съ Италиею, призналъ за нею протекторатъ надъ Абиссию, самъ же короновался негусомъ негусти. Но когда власть его окрыла, Менеликъ пересталъ соблюдать условія договора съ Италией и обострилъ отношенія съ нею до войны (1895—1896 гг.), въ которой одержалъ нѣсколько блестящихъ побѣдъ, въ результатѣ ослабившихъ власть Италии въ предѣловъ Эритреїской колоніи и укрѣшившихъ за негусомъ Менеликомъ положеніе могущественнаго «царя царей».

Нижеслѣдующая таблица даетъ списокъ государствъ и провинцій южной Экіопіи, распределенныхъ по рѣчнымъ бассейнамъ и естественнымъ областямъ:

Государства.	Провинціи.	Рѣчные бассейны.	Климатические пояса.	Города.
Шоа . . .	Эфатъ.	Ауашъ и Ниль.	Дега, Война-дега.	Аукоберъ.
	Аргобба.	Ауашъ.	Война-дега, Куалла.	Фарре.
	Гедемъ.			Кокъ-Фара.
	Эфрата.	Ауашъ, Ниль.	Дега, Войва-дега.	
	Мансъ.	Ниль.	" " "	
	Тегулетъ.	"	" " "	Личе.
	Марабете.	"		
	Шоа-Мѣда.	"	Войва-дега.	
	Тулома.	"		
	Фатигаръ.	Ауашъ.	Война-дега, Куалла.	
	Булгаръ.	"	" "	
	Демби.	"	" "	
	Этжу.	"	" "	
	Даури.			Роге.
Земли вассальныхъ галласовъ.	Волло.	Ниль.	Дега, Война-дега.	Ворейллу.
	Борена.		Война-дега, Куалла.	
	Соддо.	Ауашъ.	" " "	Толе.
	Гураге.	Ауашъ, Ваби, Гугса.	" " "	Горіено.
	Кабена.	Гугса.	" " "	Могаръ.
	Либенъ.	Ниль, Гугса.	Дега, Война-дега.	Лагамара.
	Гудру.	Ниль.	Война-дега, Куалла.	
	Джимма-Лагамара.	Ниль, Гугса.	Дега, Война-дега.	
	Нонно.	Гугса.	" " "	
	Лимму.	Гугса, Ниль.	" " "	Сака.

Государства.	Провинции.	Речные бассейны.	Климатические пояса.	Города.
	Яагаро.	Гугса.	Война-дега, Куалла-	
	Каффа.	"	"	Бонга.
	Гимира.			
	Модайто.	Ауашъ.	Равнины и пустыни.	Аусса.
Земли афаровъ . .	Сѣверная племена.		"	
	Исса.		"	
Земли сомалиевъ . .	Гадибурсы.		"	
	Ассабъ.		"	Ассабъ.
Иностран. владѣнія . .	Обокъ и Таджу- рахъ.		"	Обокъ.
	Зейла.		"	Зейла.
	Харрарь.	Веби.	Долины и равнины.	Харрарь.

VIII. Верхняя Нубія.

Извѣстно, что вся западная и сѣверная часть Эйюпіи, за исключеніемъ бассейна, орошаемаго Баркай, принадлежить, по своей гидрографіи, къ Нильской системѣ. Область, по которой протекаютъ Голубой Нилъ, Атбару и ихъ притоки, по выходѣ изъ горныхъ ущелій, географически хорошо ограничена, на западѣ—теченіемъ Бахръ-эль-Абіада или Большаго Нила, на востокѣ—передовыми выступами или мысами абиссинского плоскогорья. На югѣ, водораздѣльная линія между Туматомъ, притокомъ Голубаго Нила, и Собатомъ, одной изъ главныхъ вѣтвей Бѣлого Нила, состоитъ частію изъ горъ или высокихъ холмовъ, которые до сихъ поръ еще не были перейдены европейскими путешественниками. Неизвѣстная земля, на пространствѣ столь же большомъ, какъ Бельгія и Нидерланды вмѣстѣ взятыхъ, простирается за этими предѣлами, и своими дикими населеніями, воинственными или бѣглыми, составляетъ границу болѣе трудную для перехода, чѣмъ если бы она была охраняема рядомъ таможенъ и крѣпостей. Что касается раздѣльного пояса между возвышенной и низменной Нубіей, то его составляетъ область, относительно не широкая, которая раздѣляетъ Нилъ, при слияніи его съ Атбарой, и воды Краснаго моря; здесь пропадаютъ, сливаясь съ равниной, передовыя дѣци эйюпскаго побережья, сопровождаемыя на западной сторонѣ теченіемъ Барки. Въ указаныхъ предѣлахъ совокупность равнинъ между Ниломъ и Эйюпіей составляетъ область Нубіи, вообще обозначаемую именемъ «восточнаго Судана», хотя назаніе Беледъ-эсъ-Суданъ или «Земля Черныхъ» должно быть присвоено исключительно пространствамъ, населеннымъ неграми. Общая поверхность этой области можетъ быть исчислена приблизительно въ 560.000 квадр. километровъ; на всей территории, народонаселеніе, довольно густое въ бассейнахъ Тумата и Лжабуса, достигаетъ, быть-можеть, трехъ миллионъ душъ.

Образуетъ особую область, которой общая по-

катость почвы придаетъ нѣкоторое географическое единство, восточный Суданъ состоять изъ отдельныхъ бассейновъ, которые нѣсколько сходятся къ сѣверо-западу Голубымъ Ниломъ и Атбарой, и расходятся на сѣверѣ Маребомъ и Баркой. Уединенные массивы въ равнинахъ, цѣни высотъ, пустынныя пространства раздѣляютъ восточный Суданъ на естественные провинціи, изъ которыхъ постоянно воюющія между собой племена сдѣлали столько же маленькихъ государствъ съ неопределеными границами, безпрестанно меняющимися, смотря по превратностямъ битвъ и взаимному напору кочевыхъ народовъ. Чѣмъ рѣже населеніе, тѣмъ болѣе оно должно дробиться на независимыя одна отъ другой группы, имѣющія между собой сношенія лишь чрезъ посредство рѣдко наѣзжающихъ купцовъ. Тѣмъ не менѣе, однако, въ этой области образовались туземные государства, достигшія значительной степени могущества земледѣлемъ и торговлей и далеко распространившія кругъ своего владычества надъ окружающими народами. Такъ основалось нѣкогда, подъ влияниемъ египетской цивилизациі, царство Мероз, обнимавшее не только «островъ» этого имени, ограниченный рѣками Асталапусь и Астаборасъ, но также и сѣдѣнія страны. Послѣ появленія ислама возникло королевство Сенааръ, которое тоже перешло за предѣлы своего «острова» или полуострова, между рѣками Бѣлой и Голубой. Но положеніе верхней Нубіи между плоскогорьями Эйюпіи и берегами Нила, принадлежащими Египту, сдѣлало изъ нея естественное огороженіе поле для государей этихъ двухъ странъ. Уже болѣе полстолѣтія, какъ египтяне вторглись въ промежуточный поясъ, и, несмотря на ихъ гибельные столкновенія съ абиссинцами, можно было думать, что они окончательно завоевали Суданъ. Широко распространившееся восстание, вызванное ихъ притесненіями, оставило имъ лишь небольшое число мѣстъ въ этой странѣ, не очень давно присоединенной къ ихъ обширнымъ владѣніямъ, и теперь англичане замѣняютъ ихъ и занимаютъ пункты морскаго побережья, откуда могутъ современемъ, посредствомъ постройки дорогъ, приступить къ мирному заво-

ванію території. Въ силу офиційнихъ прокламацій, адресованихъ ко всѣмъ жите-
лямъ страны покойнимъ генералъ-губернато-
ромъ Гордономъ, «отъ имени свѣтлѣйшаго хе-
дива и всемогущей Великобританіи», Суданъ
долженъ «отынѣ пользоваться полной незави-
симостію и самъ управлять своими дѣлами, безъ
всякаго вмѣшательства иностранного прави-
тельства».

Въ настоящее время стратегическая сила му-
сульманскихъ государствъ, образовавшихъ въ
этой области восточного Судана, заключается
всецѣло въ недостаткѣ путей сообщенія, откры-
вающихъ доступъ въ эти государства. Правда,
на первый взглядъ кажется, что эта страна
совершенно открыта зеюпамъ, населяющимъ
плоскогорья: повидимому, имъ стоитъ лишь идти
внизъ по долинамъ рѣкъ, спускающихся съ ихъ
горъ; но дѣло въ томъ, что климатъ низменно-
стей для нихъ болѣе страшный врагъ, чѣмъ
живущіе тамъ туземцы: они, то-есть горные
абиссинцы, не могутъ долго дышать мефити-
ческимъ воздухомъ низменностей; если имъ
удастся сдѣлать тамъ завоеванія, то эти завое-
ванія не могутъ быть прочны и самой силой
вещей скоро отнимаются у нихъ. Съ другой
стороны, если абиссинцамъ, такъ сказать, за-
прещено природой покорять своей власти ле-
жащія внизу территории, то и сами они были
бы большой помѣхой для завоевателей изъ
верхней Нубіи, которые захотѣли бы восполь-
зоваться дорогой плодородныхъ предгорій, че-
резъ Массову и земли народовъ менса и бого:
египтяне горькимъ опытомъ убѣдились, какъ
неблагоразумно пускаться по этой дорогѣ, гдѣ
войско постоянно подвергается опасности
быть атакованнымъ съ фланга зеюпскими
воинами. Съвериѣ, отъ Суакима до Нила, во-
ды колодцевъ едва достаточно для бродячихъ
племенъ, и еще недавно англійскіе полки от-
казались идти въ глубь этихъ каменистыхъ
степей, гдѣ копье бишариновъ навѣрно прон-
зило бы всѣхъ отставшихъ, томимыхъ жаж-
дой, британскихъ солдатъ. Такимъ образомъ,
пока не будетъ построена обыкновенная или
желѣзная дорога, остаются по-прежнему, для
вторженія въ равнину Голубой рѣки и Атба-
ры, только три традиціонныхъ съверныхъ пути:
во-первыхъ, путь, идущій вверхъ по теченію
Нила отъ водопада къ водопаду, черезъ всѣ
изгибы и повороты рѣки, и затѣмъ два пути,
обходящіе большія дуги Нила, на западѣ че-
резъ пустыню Байуда, между Деббехомъ и
Хартумомъ, на востокѣ черезъ Нубійскую пу-
стынью, между Короско и Абу-Гамедомъ. Эти
три дороги, какъ извѣстно, были заперты
египтянамъ магометанскимъ возстаніемъ, и
англичане должны вновь открывать ихъ пу-
шечными выстрѣлами.

Внѣ зеюпскихъ плоскогорій, провинціи вос-

точного Судана тоже имѣютъ свои горы, уединенные или въ видѣ массивовъ, образующія среди равнинъ настоящіе архипелаги. Многія изъ этихъ высокихъ выступостей рельефа, ри-
суемыя на картахъ, какъ составная части оро-
графической системы Абиссиніи, на самомъ дѣлѣ
отдѣлены отъ этой системы широкими проме-
жуточными равнинами: таковы, напримѣръ,
горы Гумусовъ, господствующія на востокѣ надъ
долиной, которую Абай или Голубой Ниль завер-
шаетъ полукругъ своего теченія и окончательно
вступаетъ въ равнину ¹). Нѣсколько предгорій,
близко подходящихъ къ рѣкѣ, и на встрѣчу ко-
торыхъ выдвигаются мысы противоположной по-
катости, образуютъ послѣднюю тѣснину на зеюп-
скомъ Нилѣ. Выше по рѣкѣ, высокая уединен-
ная скала, называемая арабами Абу-Данабъ,
галласами Тулу-Согида, поднимается близъ сліян-
нія Абая и Джабуса: это «Соляная гора», обиль-
ные источники которой еще не были анализиро-
ваны европейцами. Даѣ, по направленію къ
юго-западу, Туматъ и Джабусъ, большиe притоки
Голубаго Нила, текутъ вдоль восточного осно-
ванія другихъ горъ или бывшаго плоскогорья,
которое текучія воды разрѣзали во всѣхъ на-
правленіяхъ: это горы Берта, прославившіяся
своими золотыми пріисками, которые и были
побудительной причиной египетскаго завое-
ванія.

Горы Берта, затѣмъ горы Лега (называемыя
такъ по имени населяющихъ ихъ племенъ)—
высочайшія вершины которыхъ, или *тулу*,
превышаютъ 3.000 метровъ, тогда какъ сред-
няя высота ихъ только около 1.500 метровъ,—
продолжаются на югъ къ истокамъ притоковъ
Собата, и промежуточными небольшими цѣпями,
еще не изслѣдованными европейскими пу-
тешественниками, соединяются съ плоскогорь-
ями Каффи. Но на съверѣ выступы рельефа
постепенно поникаются; промежуточные рав-
нинны расширяются, затѣмъ соединяются, и
горны цѣпи обозначены тамъ уже только уединенными скалами, появляющимися, на подобіе
острововъ, на поверхности низменностей, сна-
чала довольно многочисленными, затѣмъ все
менѣ и менѣ высокими и все болѣе и болѣе
удаленными одна отъ другой. На западѣ страны
Фазогль, одинъ изъ этихъ уединенныхъ масси-
вовъ, могучій Джебель-Таби, частію покрытый
лѣсами, вздымаєтъ свои гребни болѣе, чѣмъ на
1.300 метровъ. Даѣ, конусъ краснаго грани-
та, Джебель-Гулѣ, то-есть «поросшая лѣсомъ
гора», или, по Марно, «гора вѣдьмъ», изъ ко-
торую туземцы племени фугиъ или фунджъ
указываютъ какъ на свою колыбель, дости-
гаетъ 846 метровъ; еще далѣе на западѣ вид-
нѣются нѣсколько небольшихъ горъ, слѣдую-
щихъ одна за другой среди степей, окаймляю-

¹) J. M. Schuver, „Reisen im oberen Nilgebiet“, Petermann's Mittheilungen, Ergänzungsheft, № 72.

шихъ правый берегъ Бѣлаго Нила; самая высокая изъ этихъ горъ—Дефафангъ, до недавнаго времени служившая этнической границей между землей негровъ племени денка и землей арабовъ племени абу-рофы. Два береговыхъ пояса на Бѣломъ и на Голубомъ Нилѣ, по обѣ стороны Сенаарской Месопотаміи, отличаются большими плодородіемъ, благодаря тучному илу, приносимому рѣками, и влажности, просачивающейся сквозь почву; но промежуточная область, образующая цоколь разсыпанныхъ скаль, представляетъ во многихъ мѣстахъ видъ степи: почва покрыта высокой травой, среди которой тамъ и сямъ показываются мимозы съ тонкой и изѣжной листовой. Населеніе только по берегамъ рѣки осѣдлое, остальное же ведетъ кочевую жизнь въ травяныхъ равнинахъ, окружающихъ горы полуострова.

Равнины, простирающіяся къ востоку отъ нижней долины Голубаго Нила, представляютъ подобный же характеръ: лѣсистыя и плодородныя по берегу рѣкъ, онѣ становятся бесплодными вдали отъ текучихъ водъ, у основанія горъ, которая высятся тамъ и сямъ. Въ области Гедарефа, между Рахадомъ и Атбарой, рѣдко гдѣ увидишь дерево: равнина гладкая, какъ занда. Между уединенными массивами, разсыпанными въ степяхъ къ востоку отъ Голубаго Нила, самый замѣчательный Абу-Рамлехъ, или «Отецъ песковъ», имѣющій всего только 500 метровъ высоты, но величественно обставленный по бокамъ гранитными башнями, нагроможденными одна на другую въ видѣ колоссальныхъ ступеней: въ проблахъ, остающихся между каменными бастіонами, растутъ исполинскіе баобабы, покачивающіе свои могучія вѣтви надъ зияющей бездной; тамъ и сямъ какая-нибудь хижина, издали похожая на улей пчель, прютилась между глыбами камня у подножія гигантскаго ствола¹). Въ сѣверной степи, наиболѣе выдвинутая впередъ гора, Джебель-Анангъ, поднимающаяся всего только на 600 метровъ абсолютной высоты, недалеко отъ праваго берега нижняго Рагада, въ большей части покрыта лѣсами, и между растущими на ней деревьями находятся даже баобабы, которые въ этомъ мѣстѣ достигаютъ сѣверного предѣла своего пояса произрастанія. За Джебель-Анангомъ слѣдуетъ, въ восточномъ направлении, Джебель-Абашъ, затѣмъ на югъ равнина усыана другими вершинами въ видѣ отдаленныхъ конусовъ или въ видѣ массивовъ, некоторые изъ гранита, но почти всѣ вулканическаго происхожденія: иные изъ нихъ даже увѣличаны колончатыми базальтами, являющимися въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: перистилей, костровъ или расходящихся пучковъ и т. д. Эти высоты, стоящія среди степей, получаютъ болѣе значительную долю дож-

девой воды, чѣмъ равнина, и вода, быстро стекающая по склонамъ, теряется въ пескѣ или гравіи, окружающихъ каменистые откосы. Чтобы имѣть воду въ сухое время года, туземцы копаютъ почву у выхода овраговъ²); эти лужи, по большей части окружены деревьями, обозначаются именемъ *хариф*, какъ и дождливый сезонъ, который наполняетъ ихъ водой. Въ высокихъ ложахъ рѣкъ и рѣчекъ лежать въ оцищеніи крокодилы; вѣкоторыя рыбы, между прочимъ, сомовидный *sinodontus*, засыпаютъ въ глубокой тинѣ, чтобы снова возродиться съ наступлениемъ дождливаго времени года³).

Водораздѣльная линія между бассейномъ Нила и покатостью Краснаго моря состоить изъ неправильныхъ массивовъ различной высоты, но не менѣе, однако, 1.000 метровъ: первозданныя горы породы, вулканическія формациіи чередуются въ этой гористой области, представляющей во многихъ мѣстахъ видъ изрытаго оврагами плоскогорья. У выхода долинъ, спускающихся съ эзопскихъ возвышеностей, особенно на сѣверномъ склонѣ горъ Накфа, видны груды каменныхъ обломковъ, которая путешественникъ Гейглинъ готовъ принять за морены древнихъ ледниковъ⁴), соотвѣтствующихъ глетчерамъ, слѣды которыхъ Фраасъ призналъ на Синайскомъ полуостровѣ. Съ обѣихъ сторонъ Краснаго моря гранитныя скалы, совершияно лишенныя растительности и отсѣщающія своимъ разноцвѣтными кристаллическими полосами, походятъ другъ на друга рѣзкостѣю формъ и блескомъ колорита. Одинъ изъ самыхъ величественныхъ массивовъ западнаго берега—это гора Шаба, высящаяся уединенно надъ болотистой низменностью, въ которой теряются воды рѣки Барки. Обширный полуостровъ изъ аллювіальныхъ земель, выдвинувшійся въ этомъ мѣстѣ въ бассейнъ Краснаго моря, доказываетъ, что рѣка прежде была гораздо обильнѣе, нежели въ наши дни.

Климатъ возвышенной Нубіи составляетъ переходъ между климатомъ влажнаго пояса экваторіальныхъ областей и климатомъ пояса рѣдкихъ дождей, гдѣ простираются Нубійскія пустыни. Однако, нѣть ни одной части страны, которая не имѣла бы своего сезона дождей, болѣе или менѣе обильныхъ. Въ Хартумѣ, лежащемъ подъ срединной широтой возвышенной Нубіи, харифъ начинается иногда въ маѣ, чаще въ іюнѣ или въ іюлѣ и оканчивается въ сентябрѣ: влажность приносить всегда восточные или юго-восточные вѣтры, то-есть вѣтры южныхъ пассатовъ Индійскаго океана; но послѣ дождей сухіе сѣверные вѣтры беруть перевѣс и дуютъ постоянно вплоть до марта, эпохи весеннаго равноденствія: они понижаютъ тем-

¹⁾ Th. von Heuglin, „Reisen in Nordost-Afrika“.

²⁾ E. Marno, „Petermann's Mittheilungen“, 1872, № VI.

³⁾ „Reisen in Nordost-Afrika“.

^{*) Schuver}, цитированное сочиненіе.

цературу иногда до 10 градусовъ Цельсія, и въ это время года было бы неблагоразумно выходить безъ плаща утромъ или вечеромъ; суточная разность температуры составляетъ около 16 градусовъ.

Средняя температура въ Хартумѣ: за цѣлый годъ, $28,5^{\circ}$ П. ¹⁾.

Январь $19,7^{\circ}$; февраль $25,2^{\circ}$; мартъ $28,6^{\circ}$; апрѣль $30,2^{\circ}$; май $33,2^{\circ}$; юнь $33,1^{\circ}$; юль $33,1^{\circ}$; августъ $29,8^{\circ}$; сентябрь $29,3^{\circ}$; октябрь $29,2^{\circ}$; ноябрь $27,5^{\circ}$; декабрь $23,6^{\circ}$.

Во время харифа (дождливаго времени года) пребываніе на берегу рѣкъ, часто разливающихся и затопляющихъ прибрежныя мѣстности, опасно по причинѣ свирѣпствующихъ тамъ болотныхъ лихорадокъ, и многія племена удаляются тогда во внутренняя возвышенныя области ²⁾. Ибисы, бѣлые и черные, очень обыкновенные въ долинѣ Голубаго Нила въ сухое время года, тоже исчезаютъ до наступленія дождей, «изъ боязни маларіи», говорятъ туземцы.

Возвышенная Нубія естественно дѣлится на земледѣльческую область и область пастищъ, смотря по обилию дождей и текучихъ водъ, свойству и высотѣ почвы. Въ странѣ Фазогль и на берегахъ верхняго Джабуса дре-весная растительность почти та же густа, какъ въ самыхъ зеленѣющихъ долинахъ, окружающихъ большія озера. Виѣ пояса лѣсовъ, окружающихъ почти на всемъ протяженіи твердыню эгіопскихъ плоскогорій и продолжающихся по берегамъ рѣкъ, устья долинъ и скаты горъ и холмовъ—самая удобная мѣста для земледѣльческой культуры; благодаря своей плодородной аллювиальной почвѣ и превосходному климату, эти мѣстности могли бы сдѣлаться современемъ одною изъ богатѣйшихъ странъ земного шара по производству хлопка и табака. Степь или хала, въ которой течетъ воды, можетъ быть утилизируема почти только для пастьбы скота; однако, и тамъ встрѣчаются обширныя пространства, покрытые баобабами, пальмами думъ, тамарисками и камеденоносными мимозами, продукты которыхъ, извѣстные подъ именемъ талька, далеко уступаютъ качествомъ кордофанскимъ смоламъ. Въ Сенаарѣ, такъ же, какъ въ Кордофанѣ и Форѣ, на границахъ областей, гдѣ воды рѣдки, полые внутри стволы баобабовъ, изъ которыхъ иные имѣютъ до двадцати шести метр. (слишкомъ 12 саженъ) въ окружности, часто утилизируются какъ естественные цистерны ³⁾. Во время сезона дождей дупла этихъ растительныхъ колоссовъ наполняются водой; нѣкоторые

стволы получаютъ такимъ образомъ для периода засухъ водный запасъ отъ 80 до 90 кубич. метровъ; влѣзая на дерево до начала вѣтвей, туземцы черпаютъ кожаными ведрами воду, содержащуюся въ ихъ баобабѣ. Въ сѣверной части Судана нѣкоторыя пространства заслуживаютъ названія пустынь, а дюны правильно развертываются тамъ свои волны, подтачивая основаніе скаль; на дорогѣ изъ Бербера въ Суакимъ уединенная глыба гранита, Абу-Одфа, была такимъ образомъ подточена дюнами на всей окружности ея основанія, и рано или поздно эта тяжелая каменная масса, сломавъ свою тонкую пижку, рухнетъ въ песокъ ⁴⁾. Всѣ камни и стѣны скаль въ этой пустынной области возвышенной Нубіи однообразно покрыты чѣмъ-то въ родѣ черноватаго лаку, происхожденіе котораго еще не объяснено ⁵⁾; эти черные блестящія стѣны придаютъ всему пейзажу нѣчто грандіозное и страшное, чего не имѣютъ другія мѣстности, гдѣ горы выше и склоны ихъ круче.

Въ лѣсахъ предгорій, также какъ среди высокихъ травъ саванны, поднимающихся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, послѣ периода дождей, изъ 4 или 5 метровъ (7 аршинъ) надъ уровнемъ почвы, живутъ большія животныя: обезьяны, львы, леопарды, жирафы, буйволы, носороги, слоны; кочевники по большей части, огромныя толстокожія проходятъ отъ одного времени года до другаго обширныя пространства въ нѣсколько сотъ квадр. километровъ во всѣхъ направленихъ. Охотники изъ племени гарманъ, въ области Така, равно какъ сомали племени гадибурси по другую сторону эгіопскихъ горъ, нападаютъ на этихъ громадныхъ звѣрей съ удивительной смѣлостью. Сидя верхомъ на быстроногихъ коняхъ, они скачутъ передъ слономъ, не давая настичь себя, затѣмъ вдругъ дѣлаютъ кругой поворотъ назадъ и, бросаясь на землю позади звѣря, быстрымъ ударомъ ножа перерѣзываютъ ему поджилки. Слонъ тонется на мѣстѣ, и его противникъ можетъ выбратьъ удобный моментъ, чтобы нанести второй ударъ, часто смертельный ⁶⁾. Съ 1859 года многіе охотники, по большей части итальянцы и нѣмцы, регулярно посѣщаютъ область Така и сопредѣльныя провинціи, не только затѣмъ, чтобы добыть слоновой кости, состоящей обыкновенно изъ бивней гораздо меньшихъ, чѣмъ бивни слоновъ центральной Африки (вѣсъ самыхъ большихъ, извѣстныхъ до сихъ поръ бивней: 80 килограммовъ или безъ малаго 5 пудовъ; средній вѣсъ: 17 килограм.; вѣсъ маленькихъ бивней: 12 килограм.), но также затѣмъ, чтобы наловить живѣемъ дикихъ звѣрей, кото-

¹⁾ Hann, „Zeitschrift der österreichischen Gesellschaft für Meteorologie“, vol. X.

²⁾ Frédéric Cailliard, „Voyage à Méroë“.

³⁾ Cailliard; — Trémaux; — d'Escayrac de Lauture; — Matteucci; — Massari; — Beltrame; — Wilson and Felkin; — Marzo.

⁴⁾ Colborne, „Cornhill Magazine“, may 1884.

⁵⁾ R. Hartmann und Barnim, „Reise durch Nordost-Africa“

⁶⁾ Samuel Baker, „The Nile Tributaries“; — Gabrie Ferrand, „Le Comal“.

рыхъ' они потомъ продаютъ содержателямъ звѣрицевъ. Одинъ изъ этихъ охотниковъ при-
везъ въ гамбургскій портъ партію, состоявшую

Кассалъ, парки дикихъ звѣрей составляли одинъ изъ главныхъ источниковъ его продовольствія. Беджасы и абиссинцы тоже охотятся на круп-

Хартумскій кади и шейхъ изъ Хадендоа.

изъ 33 жирафовъ, 10 слоновъ, 8 носороговъ, 4 львовъ и многихъ другихъ менѣе цѣнныхъ животныхъ. Во время продолжительной осады, которую египетский гарнизонъ выдержалъ въ

ныхъ звѣрей въ промежуточной нейтральной полосѣ, раздѣляющей ихъ территории; но если имъ случится встрѣтиться, они мѣняютъ цѣль охоты и яростно нападаютъ другъ на друга,

какъ наследственные враги. Ядовитая муха, называемая добоанъ или суррета, кружится роями въ долинѣ Мареба, но дикия животная нисколько не страдаютъ отъ ея ужаленій, тогда какъ все домашнія животныя—верблюды, лошади, ослы, быки—погибаютъ въ нѣсколько недѣль: это обстоятельство сильно затрудняетъ охоту въ такихъ, опустошаемыхъ ядовитымъ насѣкомымъ, пастбищахъ, такъ какъ люди должны пѣшкомъ пробираться въ лѣсной чащѣ или въ высокой травѣ. Чѣмъ это за муха? Есть ли это средне-африканскія цепе, можетъ-быть, *иапалія*, о которой упоминаетъ Брюсь, какъ о «самомъ страшномъ изъ животныхъ»? Есть ли это то насѣкомое, о которомъ разсказываютъ уже древніе, говоря—впрочемъ, невѣрно,—что будто оно обращаетъ въ бѣгство даже льва¹⁾? Къ востоку отъ Голубаго Нила, въ странѣ Куба, одна маленькая муха, отличная отъ добоана, гибельна своими уколами только ослямъ, лошадямъ, собакамъ и верблюдамъ²⁾. Но, можетъ-быть, смертность животныхъ слѣдуетъ приписать не ужаленію одного насѣкомаго, а тысячамъ ранъ, наносимыхъ ежедневно щѣлыми роями слѣпней или оводовъ, которые не оставляютъ ни на одну минуту въ по-коѣ несчастную скотину, доводимую ими до изстѣпленія³⁾. Животныхъ, которымъ грозить смерть отъ насѣкомыхъ, можно спасти не иначе, какъ держа ихъ днемъ въ хлѣвахъ или конюшняхъ, гдѣ курятся душистые травы, и выпуская ихъ только по ночамъ. Но существуютъ свободныя пространства, куда не проникаютъ фатальная мухи, и гдѣ поэтому земледѣльческое населеніе скучено компактными группами: таковъ, напримѣръ, массивъ Абу-Рамлехъ, къ юго-востоку отъ Розереса.

Между горами Эсопіи и холмистыми равнинами, наклоненными къ Нилу, контрастъ замѣчается не только въ рельефѣ поверхности, въ климатѣ, въ культурахъ; онъ оказывается также и въ самыхъ населеніяхъ: расы, языки, нравы и религіи различствуютъ, разграниченные полосой земли неравной высоты, огибающей бока горъ; во многихъ мѣстахъ между областями проходитъ маркия пустынная или населенная дикарями, постоянно живущими насторожѣ, въ страхѣ, потому что за ними охотятся какъ за дикими звѣрями. Всѣ эти племена, какъ известно, обозначаются общимъ именемъ шангала—именемъ, не имѣющимъ опредѣленнаго этническаго значенія: всѣ темнокожіе, если они не арабы или не абиссинцы, суть шангалы на языкѣ жителей плоскогорій.

Въ верхніхъ долинахъ Джабуса и на го-

рахъ, надъ которыми господствуетъ двуглавая вершина Тулу-Баллель (3.200 метровъ), обращенная къ бассейну Собата своей южной стороной, живутъ племена легасовъ, галласская нація, наидѣль выдвинутая въ западномъ направлениѣ, если только не считать латуковъ и ва-хума принадлежащими еще къ той же расѣ, отъ которой они отдѣлены теперь столь различными населеніями. Легасы представляютъ типъ очень чистый и совершенно отличный отъ типа негровъ, хотя эти послѣдніе окружаютъ ихъ съ юга, запада и сѣвера. Цѣѣ лица у нихъ свѣтлый, свѣтлѣ даже, чѣмъ у европейцевъ, загорѣвшихъ отъ тропического солнца. Рослые и вообще худощавые, они имѣютъ «руки и ноги, какъ у янки», шею длинную и тонкую, лицо узкое, сухое, безъ щекъ, но съ энергическими чертами и выразительнымъ взглядомъ, маленькимъ черепомъ, высокимъ, узкимъ и коническимъ лбомъ. Женщины, пропорционально, ростомъ много ниже мужчинъ и вообще представляютъ съ ними гораздо большій физическій контрастъ, чѣмъ какой обыкновенно наблюдается между двумя половами; они столько же полны, сколько тѣ худощавы и сухопары; руки и ноги у нихъ чрезвычайно маленькия. Королевская фамилія и фамиліи легасскихъ начальниковъ племени гораздо менѣе чистой породы, чѣмъ главная масса націи; они получили значительную примѣсь негритянской крови, и если цѣѣ кожи у нихъ болѣе черенъ, то черты лица вообще красивѣе и тѣло мясистѣе, характеръ у нихъ тоже болѣе веселый: эти мулаты не имѣютъ меланхолического вида другихъ легасовъ, которые обыкновенно стоять, опираясь на копье и склонивъ голову на правое плечо: Шуверъ сравниваетъ ихъ съ журавлями. По измѣреніямъ этого путешественника, средній ростъ мужчинъ отъ 1,60 до 1,75 метр.; средній ростъ женщинъ отъ 1,50 до 1,60 метр. Легасы—одна изъ самыхъ многочисленныхъ націй плоскогорья, заключающая по меньшей мѣрѣ до ста тысячъ человѣкъ; король ихъ можетъ выставить въ поле двадцать тысячъ воиновъ, не считая негритянскихъ войскъ его вассаловъ; но онъ не злоупотребляетъ своимъ могуществомъ, чтобы дѣлать завоеванія. Народъ миролюбивый и добродушный, легасы предоставляютъ женщинамъ большую свободу въ образѣ жизни и позволяютъ невольникамъ работать по-своему. Самыи они трудолюбивые земледѣльцы; они съ любовью обрабатываютъ красноземъ своихъ великолѣпныхъ долинъ, а вечеромъ отдыхаютъ передъ своими хижинами, покуривая нархиле, въ которыхъ шаромъ служить выдолблена тыква, или пожевывая кофейные бобы, поджаренные съ солью, съ коровьимъ масломъ и съ лукомъ. Они не платятъ никакой подати, никакого налога своему королю, но племена принимаютъ на себя обязанность поочередно воз-

¹⁾ Grisebach, „Petermann's Mittheilungen“, 1885, № VII.

²⁾ J. M. Schuver, цитированій хемуаръ.

³⁾ Ernst Marbo, „Reisen im Gebiete des Blauen und Weissen Nil“.

дѣлывать и жать поля, долженствующія пропармливать его и его семейство; король опредѣляет пени, когда его подданные не предпочтитаютъ рѣшать свои споры по закону возмездія. Нація признаетъ также верховнаго жреца, совершающаго священныя таинства въ *киниссе*—мѣстное названіе, происшедшее, кажется, отъ слова «клисса», то-есть церковь, употребляемаго христіанскими населеніями восточнаго плоскогорья. Во время жертвоприношений этотъ жрецъ, закалывая животное, всегда обливаетъ себѣ лобъ кровью жертвы и оставляетъ текущую по лицу кровь засыхать на щекахъ въ видѣ черноватой коры. Но старая религія, повидимому, уже приходитъ въ упадокъ, и ревностные миссіонеры, проповѣдующіе вѣру Магомета, пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе возрастающее вліяніе; вѣроятно, черезъ немногого лѣтъ легасы вступятъ въ лоно ислама. Среди легасовъ живутъ нѣсколько тысячи денкасовъ, пришедшихъ въ край просить убѣжища и теперь работающихъ въ качествѣ невольниковъ. Не имѣя никакой возможности укрываться отъ негропромышленниковъ въ открытыхъ равнинахъ по теченію рѣкъ Собата и Яла, гдѣ они прежде обитали, эти бѣглецы принуждены были удалиться въ горы, предлагая туземцамъ свои услуги въ качествѣ юношищиковъ и наемныхъ воиновъ. Эти денкасы отличаются отъ другихъ племенъ двумя или тремя горизонтальными чертами, которыя они себѣ намѣтили на лбу, держа въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль стебли хлѣбныхъ злаковъ, тую обвязанные вокругъ головы. Они не вступаютъ въ бракъ съ туземками, и недостатокъ женщинъ своего племени вынуждаетъ ихъ придерживаться поліандрии (многомужія), которая сдѣлалась у нихъ законнымъ учрежденіемъ, обставленнымъ извѣстными церемоніями. Столица легасскаго государства—мѣстечко Гумбали, лежащее на высотѣ 1.980 метровъ, на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Джабуса. Резиденція главнаго жреца, деревня Гобо, находится южнѣе, на высотѣ 2.260 метровъ¹⁾.

Къ западу отъ горныхъ цѣпей Дамота, передовыя массивы заняты многочисленными шанталасскими народами; но самая могущественная нація та, которая населяетъ двѣ долины Джабуса и Тумата, притоковъ Голубаго Нила, и водораздѣльный горы между двумя пополостями Бахръ-аль-Азрака и Бахръ-эль-Абіада. Эти негры, бергасы, которыхъ насчитываются около 80.000 душъ, и которые обозначаются у арабовъ именемъ джебалайнъ или «горцы»—именемъ, примѣняемымъ, впрочемъ, и къ другимъ народамъ,—имѣютъ курчавые волосы, оттопыренныя губы, плоское лицо, впрочемъ, менѣе плоское, чѣмъ у ихъ соплеменниковъ въ Западной Африкѣ;

¹⁾ J. M. Schuster, цитированное сочиненіе.

но они хорошо сложены, стройны, имѣютъ гибкіе и сильные члены: бертанскій воинъ, вооруженный копьемъ и щитомъ, имѣть молодецкій видъ. Женщины украшаютъ себѣ лицо при помощи серебрянаго или мѣднаго кольца, проходящаго сквозь верхнюю часть лѣваго уха; молодые люди привязываютъ себѣ къ вискамъ и на шею клыки кабала; въ торжественныхъ случаяхъ мужчины и женщины раскрашиваютъ себѣ тѣло въ красный цветъ, какъ барійскіе воины; въ нѣкоторыхъ племенахъ женщины татуируютъ себѣ лицо такимъ образомъ, что производить порядочное количество пузырей, похожихъ на осеняные²⁾). У другихъ народцевъ воины имѣютъ довольно красивую татуировку, состоящую въ обнаженіи верхней кожицы такъ, чтобы порѣзы образовали изящныя арабески; но привилегія подобной татуировки присвоена обычаю только побѣдителямъ, отсѣкшимъ одну или нѣсколько враждѣхъ головъ³⁾). Бергасы, также какъ всѣ другіе негритянскіе народы, живущіе по Голубому Нилу, состоять исключительно изъ земледѣльцевъ: такова главная причина ихъ контраста съ неграми, обитающими на Бѣломъ Нилѣ, которые всѣ скотоводы. Языкъ бергасовъ принадлежитъ къ той же семье, какъ и языкъ шилуковъ, нуэръ и денкасовъ, но арабскій діалектъ сдѣлался у нихъ цивилизованнымъ языкомъ съ тѣхъ поръ, какъ страна, сначала египетскимъ завоеваніемъ, затѣмъ всеобщимъ восстаніемъ принильскихъ населеній, была вовлечена въ кругъ притяженія ислама: вездѣ арабы управляютъ деревнями и выбираютъ начальника племени; въ каждой независимой деревнѣ поселился какой-нибудь арабскій купецъ, исполняющій обязанности консула по защищѣ своихъ соотечественниковъ; благодаря ему, неизнакомецъ находитъ такой же радушный приемъ, какъ родной братъ. По случаю его прихода закалываются барана или козу, кровь которыхъ собирается въ тыквенную чашу; всѣ присутствующіе обмакиваютъ руку въ этотъ сосудъ и затѣмъ пожимаютъ другъ другу руки, сочавшіяся кровью; съ этого момента острій копій, окропленныхъ кровью зарѣзанного животнаго, уже не могутъ быть обращены противъ гостя. Бергасы—большіе говоруны и часто устраиваютъ большія собранія, гдѣ каждый по очереди говорить рѣчь, вспомоществуемый одобрителемъ, который все время сидитъ рядомъ съ нимъ; но оратору нечего бояться, что его перебьютъ: болѣе благовоспитанные, чѣмъ западные люди, бергасы всегда ждутъ конца рѣчи, прежде чѣмъ отвѣтить на нее⁴⁾. За исключениемъ сѣверныхъ округовъ, гдѣ всѣ туземцы причисляютъ себя къ послѣдователямъ

¹⁾ Frédéric Cailliard, „Voyage à Méroë“.

²⁾ Ковалевскій, „Annales des voyages“, 1850, № XI.

³⁾ Hartmann, „Die Völker Afrika's“.

ислама, религия бертасовъ еще въ большей части анимистическая: во время новолуния они пляшутъ при свѣтѣ звѣздъ и завершаютъ свои празднества оргіями; вмѣсто амулетокъ они употребляютъ корни иѣкоторыхъ растеній, цветки и жука, вѣроятно, особый видъ навознаго (*ateuchus aegyptorum*): по прошествіи двухъ тысячъ лѣтъ египетское влияніе еще проявляется у этихъ темныхъ, безъѣстныхъ народовъ Нильскаго бассейна¹). Подобно бурунамъ и другимъ арабизированнымъ племенамъ²), они употребляютъ *тарамбини*—дубинки, загнутыя крючкомъ, форма которыхъ мало разнится отъ формы бумеранга; по словамъ иѣкоторыхъ авторовъ, они не метаютъ эту палку на манеръ австралийцевъ, а просто держать ее въ рукѣ и при восхожденіяхъ на горы цѣпляются ея крючкомъ за вѣтки кустарника или за выступы скаль; но изслѣдователь Марно, прошедший эти страны, утверждаетъ въ своихъ рассказахъ, что онъ видѣлъ, какъ туземцы пускали тарамбини, равно какъ кульдебу, еще болѣе страшное желѣзное орудіе, загнутое въ видѣ серпа³). Шувертъ подтверждаетъ эти наблюденія, но, по его отзыву, бертасы не умѣютъ метать оружіе такъ, чтобы оно вернулось на то самое мѣсто, откуда былопущено. Городовъ въ собственномъ смыслѣ слова нѣть въ землѣ бертасовъ. Важнѣйшее селеніе ихъ, Киринь, лежащее на западной отлогости горъ, въ бассейнѣ рѣки Явашъ или Яль, состоить изъ большихъ хижинъ, разсѣянныхъ между огромными гранитными глыбами горнаго обвала. Народныя собранія, происходящія въ этой столицѣ, представляютъ необыкновенно живописное зрѣлище, каждая скала имѣть свою группу людей, расположившихся въ самыхъ разнообразныхъ позахъ: кто стоитъ, кто лежитъ, кто сидитъ на корточкахъ, иные упѣлились за выступы скалы. Многія бертанскія племена имѣютъ начальниковъ, которые носятъ титулъ королей, но власть которыхъ очень непрочна. Какъ только этотъ царекъ или меѣкъ пересталъ нравиться своимъ подданнымъ, мужчины и женщины собираются на вѣче и объявляютъ повелителю, что всѣ его ненавидятъ, рѣшительно всѣ, даже скотъ и куры, и что пора ему умирать, поѣтъ чего несчастнаго царька вѣшаютъ на ближайшемъ деревѣ. Если болѣзнь мѣшаетъ королю производить каждый день судь, то подданные рѣшаютъ, что его влияніе становится злополучнымъ, вмѣсто того, чтобы быть благопріятнымъ, и вѣслица избавляетъ отъ него народъ⁴). Невѣрность жены всегда наказывается смертью.

¹⁾ Hartmann, „Die Völker Afrika's“.

²⁾ Frédéric Cailliard, цитированное сочиненіе.

³⁾ Ernest Marno;—Hartmann und Barnim, цитированное сочиненіе.

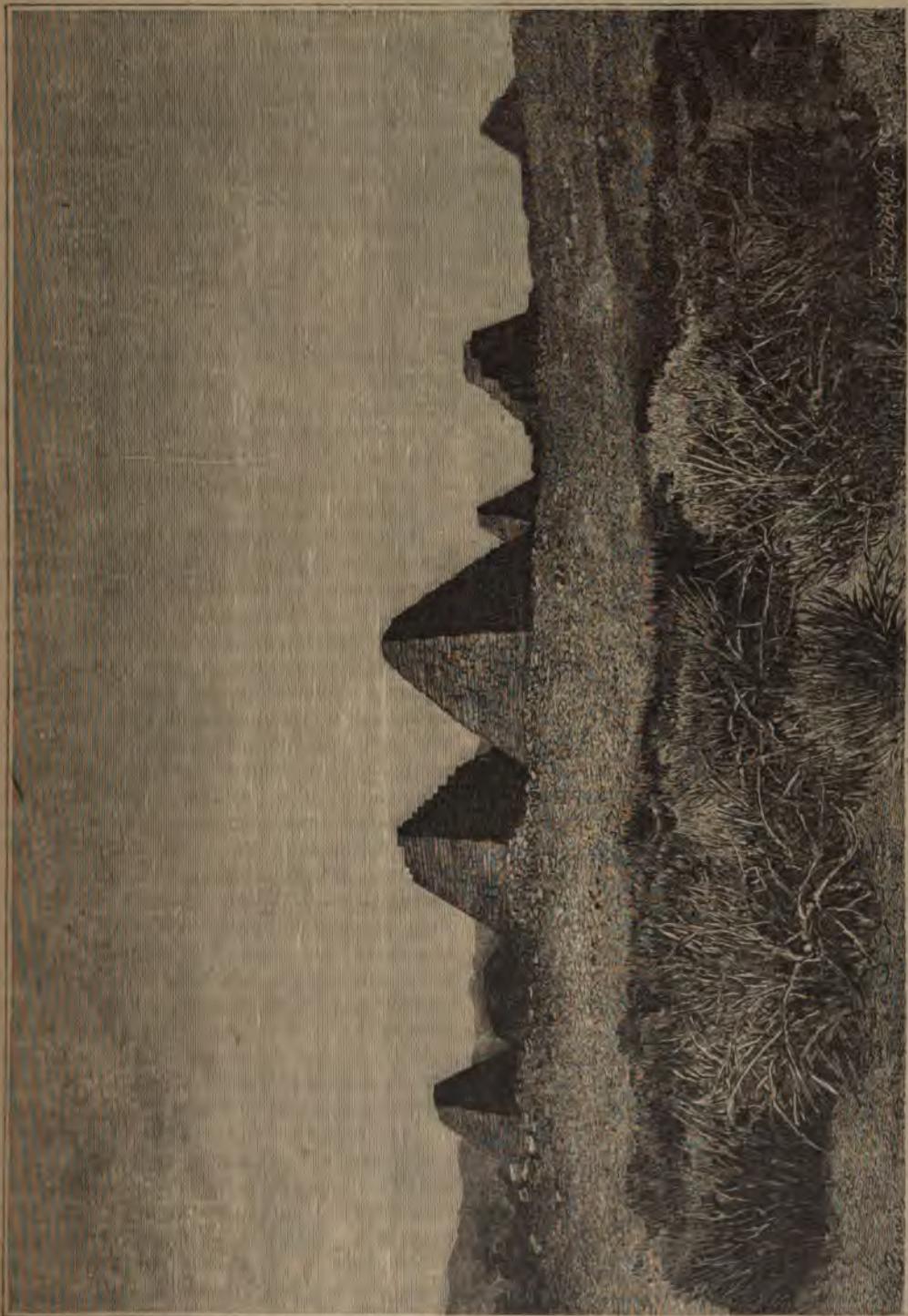
⁴⁾ Rich. Lepsius, „Briefe aus Aegypten, Aethiopien und der Halbinsel der Sinaï“;—E. Marno;—Hartmann und Barnim, цитированное сочиненіе.

Къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ бертасовъ, «никому не подвластная мархія», отдѣляющая Голубой Нилъ отъ эзопскихъ плоскогорій Агаумедера, занята многочисленными племенами различныхъ происхожденій: тамъ говорятъ пятью языками, не считая арабскаго и эзопскаго. Шейхъ, имѣющій резиденцію въ Кубѣ или Монкуисѣ, деревнѣ, пріютившейся на верху горы, обладаетъ, по крайней мѣрѣ по виду, верховной властью; но жители Кубы, гумусы, сіенетжо, кадало и бертасы, переселившіеся въ край, пользуются самоуправлениемъ и часто ведутъ войну между собой. Нѣкоторые гумусы живутъ въ совершенной независимости; каждое семейство имѣеть отдѣльную хижину, стоящую особнякомъ, въ верстѣ или въ двухъ отъ ближайшаго дома; почти всѣ носятъ въ торжественныхъ случаяхъ почетные зонтики, имѣющіе форму и размѣры маленькаго дамскаго зонтика отъ солнца; этотъ знакъ отличія свидѣтельствуетъ въ ихъ глазахъ о степени цивилизациіи, которой они достигли. Кадалосы, селенія которыхъ построены на неприступныхъ скалахъ, украшенныхъ пучками вѣтокъ въ честь духа вѣтровъ, хвастваются, что будто они настоящіе аборигены; по описанію Шувера, они походятъ на негровъ Бѣлаго Нила гораздо больше, чѣмъ гумусы и бертасы: глаза у нихъ большие, что особенно отличаетъ ихъ отъ гумусовъ, у которыхъ глазки маленькие, «какъ у свиней». Что касается сіенетжо, которые выдаютъ себя за остатокъ народа, нѣкогда, будто бы, владѣвшаго страной и затѣмъ почти совершенно истребленного неграми, то это, вѣроятно, единоплеменники другихъ туземцевъ того же имени, живущихъ восточнѣе между населеніями Дамота и Годжама⁵). Сіенетже не черные, кожа у нихъ желтая; цѣть ся замѣтно сѣтливѣе, чѣмъ у европейцевъ, подвергающихся влиянию климата, лицо ихъ почти четыреугольное, лобъ очень широкий, черепъ правильный. Очень заботливые о чистотѣ своей расы, они никогда не позволяютъ своимъ дочерямъ выходить замужъ за негровъ или арабовъ. Опасаясь, совершенно основательно, чужеземцевъ, они живутъ на неприступныхъ скалахъ, естественныхъ крѣпостяхъ, на которыхъ женщины выбираются ежедневно, чтобы снабдить деревню сѣбѣстными припасами; но тропинка, ведущая на скалу, старательно скрывается отъ иносплеменниковъ, доступъ которымъ строго воспрещенъ. Эти туземцы—единственные ткачи въ странѣ, въ то же время они единственныя кузнецы, и только благодаря этимъ двумъ промысламъ имъ удалось до сихъ поръ сохранить независимое существование среди окружающихъ ихъ со всѣхъ сторонъ враговъ. Они также искусные ювелиры и дѣлаютъ кра-

⁵⁾ Agnaud d'Abbadie, „Douze ans dans la haute Etiopie“.

тивные украшения изъ мѣди, во не продаютъ; эти украшения предназначаются исключительно для ихъ женщинъ, которая очень любить наряды; на шеѣ у нихъ висятъ въ нѣсколько рядовъ ожерелья изъ бусъ.

Эти выходцы прибываютъ въ край одиночными семьями и селятся въ лѣсныхъ прогалинахъ, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ одна семья отъ другой, не опасаясь какихъ-либо враждебныхъ дѣйствій со стороны туземцевъ¹⁾:

Южная группа пирамидъ Мерое.

Къ востоку отъ гумусовъ, равнины, усыпаны небольшими холмами, которые продолжаются къ предгорьямъ Дамота и Агаумедера, начиная заселяться иммигрантами агаусами.

они знаютъ, что защитой имъ служить простижъ великой военной имперіи, Эгипта; если

¹⁾ J. M. Schuyler, цитированное сочиненіе.

бы имъ учинили какую-нибудь обиду, то эта обида, конечно, была бы въ скоромъ времени отомщена истребительной войной. Такимъ образомъ предѣлы Абиссиніи расширяются годъ отъ году иммиграціей новыхъ колонистовъ; изъ независимыхъ туземцевъ гумусы мало-по-малу превращаются въ данниковъ. Гинжары или гинджары, занимающіе далѣе на сѣверѣ область предгорій вплоть до границъ Галабата, тоже должны платить дань, часто даже невольниками: это чернокожіе, смѣшанные съ арабами и беджасами, вѣроятно, бѣглыми. Они называютъ себя магометанами и говорятъ испорченнымъ арабскимъ языкомъ; вся роскошь ихъ заключается въ ихъ шевелюре, заплетенной, какъ прическа європовъ, и жирно намазанной коровьимъ масломъ¹⁾.

Горы междуурѣчья двухъ Ниловъ заняты племенами, болѣе или менѣе смѣшанными, старой націи фундж или фугъ, которая господствовала вѣкогда надъ всей страной Сеннааръ. Фунджи почти всѣ утратили свой языкъ въ то время, когда обращались въ магометанскую вѣру²⁾; однако, вѣкоторая племена имѣютъ собственные нарѣчія, впрочемъ, содержащія большую примѣсь арабскихъ словъ и принадлежащиа къ группѣ языковъ нуба³⁾. Магометанство также не вполнѣ вытеснило древній культь. На Джебель-Гуле, которую фунджи чтутъ какъ свою священную гору, путешественникъ Прюиссенеръ видѣлъ еще, какъ туземцы совершили фаллическія церемоніи вокругъ глинянаго алтаря и воздвигали деревянную статую, изображающую ихъ божка⁴⁾. По словамъ Бельтрама, обращеніе фунджей въ исламъ такъ не серьезно, что большинство изъ нихъ даже не обрѣзаны⁵⁾. Гартманъ, повторяя гипотезу Брюса, полагаетъ, что фунджи родственны шилукамъ, и что вся область, заключающаяся между ихъ территоріей и территоріей бертасовъ, населена народами той же расы. Гаммеджи, теперь въ сильной степени смѣшанные съ арабами; буруны, о которыхъ путешественникъ Марно разсказываетъ, что они еще людоѣды⁶⁾; гордые ингассаны, обитающіе въ долинахъ горы Таби и храбро отразившіе нападеніе «турокъ»—всѣ эти туземцы, какъ полагаютъ, принадлежать къ расѣ фунджей⁷⁾. Самое это имя, означающее «городанъ или мѣщанъ», указываетъ, будто-бы, что фунджи смотрѣли на себя, какъ на цивилизованныхъ по преимуществу, въ сравненіи съ своими единоплеменниками, пребывающими еще въ со-

стояніи варварства. Какъ бы то ни было, фунджи были въ относительно недавнее время однѣмъ изъ могущественныхъ народовъ Африки: въ началѣ шестнадцатаго столѣтія они разрушили королевство Алоа, средоточіе котораго находилось въ сосѣдствѣ слиянія двухъ Ниловъ, и основали другое государство, Сеннааръ, которое существовало до начала настоящаго столѣтія, пользуясь гегемоніей надъ сосѣдними населеніями Судана, Нубіи, даже Кордофана, и успѣшио отражая нападенія єзопскихъ армій, которые пытались иногда спускаться со своихъ плоскогорій. Но арабскіе визири мало-по-малу захватили въ свои руки власть, оставляя фунджскимъ государямъ только ея пустой виѣшний блескъ; соперничество этихъ визиерей и частные бунты привели въ разстройство государство, и когда войска Мегемета-Али, въ 1821 году, проникли въ Сеннааръ, они безъ труда покорили страну, благодаря своей дисциплинѣ и усовершенствованному оружію. Фунджи познакомились, какъ жертвы, съ систематической охотой за невольниками, съ разстрѣливаніями, съ сажаніемъ на коль и съ прочими «благами цивилизации», принесенными египтянами.

Въ настоящее время фунджи, специально обозначаемые этимъ именемъ, немногочисленны, и даже вокругъ священной горы Джебель-Гуле очень мало встрѣтишь такихъ, которыхъ можно было считать типическими представителями расы. Многократныя и разнообразныя скрещиванія, произведенныя войной и невольничествомъ, до такой степени смѣшили эту расу, что очень трудно распознать въ народонаселеніи преобладающіе элементы. Арабы и обрабатывшіе люди всякаго племени, особенно баггаранскіе иммигранты, варварійцы, ремесленники, пришедши въ край попытать счастья, нубійцы изъ Кордофана, поселившіеся въ качествеъ военныхъ колонистовъ вокругъ городовъ,—всѣ эти пришлые иноплеменники способствовали этническому видоизмѣненію населеній нильской Месопотаміи. Одни только египтяне, мусульманскіе солдаты или коптскіе писаря, мало имѣли вліянія на расу, такъ какъ почти всѣ они быстро погибли отъ вреднаго дѣйствія непривычнаго климата. Разнообразіе происхожденія и физического вида такъ велико, что жители Сеннаара въ просторѣчиі подраздѣляются на бѣлыхъ, красныхъ, желтыхъ, синихъ, зеленыхъ и черныхъ⁸⁾. Однако, этническую основу сеннаарскаго населенія构成ляетъ, повидимому, фунджское племя. По наблюденіямъ большинства путешественниковъ, фунджи представляютъ средній типъ между типами нубійцевъ, негровъ и галласовъ. Голова у нихъ продолговатая, лицо прямощекое, черты правильныя, скулы мало выдаю-

¹⁾ Beke, „Journal of the R. Geographical Society“, 1844;—G. Lejean, „Voyage aux deux Nils“.

²⁾ P. Trémaux, „Le Soudan“.

³⁾ R. N. Cust, „Modern Languages of Africa“.

⁴⁾ Hartmann, „Die Völker Afrikas“.

⁵⁾ „Il Sennar e lo Sciangâlah“.

⁶⁾ „Reisen im Aegyptischen Soudan“.

⁷⁾ Hartmann und Barnim, „Reise durch Nordost-Africa“.

⁸⁾ Frédéric Caillaud, „Voyage à Méroë“.

щися, тѣло стройное и гибкое; подобно большинству других африканскихъ туземцевъ, они очень заботятся о своей причесѣ. Нрава они смиренаго, веселаго, гостепріимны, и всѣ египтane, которымъ приходилось жить въ Сеннаарѣ, пребываніе въ фунджской землѣ, около горы Джебель-Гуле, предпочитали пребыванію во всякомъ другомъ округѣ. Немощные очень рѣдки среди фунджеj, и—что большая рѣдкость между африканскими населеніями—женщины этого племени долго сохраняютъ молодость чертъ лица и красоту формъ¹⁾). Операция, называемая *делька* и состоящая въ растираніи тѣла, окуриваніи его благовонными веществами и намазываніи жирными маслами, въ большомъ ходу у фунджеj и другихъ цивилизованныхъ обитателей верхней Нубии²⁾). Уроженцы Сеннаара—искусные хирурги, и многіе изъ нихъ разѣзываютъ по бассейну Нила, чтобы примѣнить на дѣлѣ свои таланты: они извѣсты даже въ Египтѣ, такъ что феллахи называютъ сеннаарцами всѣхъ операторовъ, снимающихъ болѣмо у слѣпыхъ, всѣхъ оспопрививателей и костоправовъ³⁾.

Къ сѣверу и къ сѣверо-востоку оть гинжаровъ поясь предгорій, отдѣляющей эюопскія плоскогорья отъ нубийскихъ степей, занять другими иммигрантами, такрурами или такарирасами, уроженцами Фора, Уадая и странъ западной Африки. Это по большей части хаджи, которые, возвращаясь изъ Мекки, предпочли оѣтаться навсегда въ лежащей на пути странѣ, где они нашли земли, удобныя для воздѣльванія и относительную независимость, чѣмъ возвращаться на родину, где ихъ навѣрно ожидало угнетеніе. Совершенно привыкшіе къ климату этихъ низменныхъ мѣстностей, где гибнутъ большинство абиссинцевъ и европейскихъ путешественниковъ, пришлие такруры занимаютъ теперь весь Галабать и многія изъ долинъ Эюопской Куарры. Сдѣлавшись автономными, они въ то же время пріобрѣли, какъ земледѣльцы и торговцы, большое благосостояніе; но эти поселенцы не всегда мирно пользовались своими завоеваніями, и часто гражданская война возгоралась между такрурами изъ Уадая, уроженцами Фора и потомками иммигрантовъ, съ давниго времени поселившихся въ странѣ⁴⁾). Недавно большое число джiberти, мусульманъ, изгнанныхъ изъ Абиссиніи за то, что они не согласились отречься отъ своей вѣры, увеличили населеніе такарирскихъ общинъ и арабовъ племени дабайна.

Кунамы, иначе базены или базасы, населяю-

щие, въ числѣ около 150.000 душъ, долины Мареба и Таккаце, а также промежуточныя плоскогорья, у выхода эюопскихъ каулль, суть «шангалласы», успѣвшіе довольно хорошо избѣгнуть смѣшанія съ арабами. Они еще не говорятъ языкомъ сѣверныхъ завоевателей и кромѣ какъ въ сосѣдствѣ мархій не приняли еще магометанской религіи. Но если имъ удалось до сихъ поръ сохранить свою национальную независимость, то это было достигнуто цѣнной беспрестанныхъ и неумолимыхъ войнъ: между ними и сѣверными кочевниками идетъ безпощадная борьба, и пограничные населенія должны всегда быть на-сторожѣ, чтобы избѣгнуть неожиданного нападенія и страшной рѣзни, которая была бы его роковымъ послѣдствиемъ. Въ то же время кунамы должны обороняться и со стороны юга, противъ горскихъ абиссинцевъ: такъ же, какъ ихъ сосѣди, бареа, вдесятеро менѣе многочисленные, которые живутъ въ гористой области водораздѣла между бассейнами рекъ Мареба и Барки, базены находятся въ постоянной опасности быть раздавленными врагомъ, нацирающимъ на нихъ съ двухъ сторонъ: здесь грозятъ арабы, поднимающіеся изъ равнины; тамъ—эюопы, спускающіеся со своихъ плоскогорій; Мунцингеръ сравниваетъ эти два племени, кунама и бареа, съ зерномъ, растираемымъ между двумя жерновами¹⁾). Между тѣмъ эти населенія, такъ сильно угрожаемыя, очень интересны своими нравами, чрезвычайно симпатичны своими прекрасными нравственными качествами, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вполнѣ достойны подражанія: между ихъ общинами всегда парствуетъ миръ, и трудъ у нихъ пользуется уважениемъ.

Несмотря на сходство политическихъ и соціальныхъ учрежденій, племена кунама и бареа не одного происхожденія и представляютъ не одинъ и тотъ же физический типъ. Кунамы, поселившіеся въ краѣ съ незапамятныхъ временъ, считаютъ себя эмигрантами эюопского происхожденія, и сами абиссинцы смотрятъ на нихъ какъ на потомковъ древнихъ аксумитовъ. Цвѣтъ лица у нихъ темный, и между ними не рѣдкость встрѣтить людей почти столь же черныхъ, какъ негры западной Африки. Пропорционально сложенные, сильные, широкоплечіе, кунамы принадлежать къ самимъ здоровымъ и самымъ крѣпкимъ физически народамъ африканского континента: между ними не увидишь немощныхъ, и постыдная болѣзнь, столь распространенная у эюоповъ плоскогорья и у арабовъ равнины, не осквернили ихъ расы; подобно нуэрамъ и денкасамъ, они часто отдыхаютъ, стоя на одной ногѣ²⁾). Они рѣдко страдаютъ лихорадками, столь опасными

¹⁾ Frédéric Cailliard;—P. Trémaux, цитированные сочиненія.

²⁾ P. Trémaux, „Le Soudan“;—Didier, „Cinq cents lieues dans le dÃ©sert“.

³⁾ Cuny, „Annales des Voyages“, mars 1858.

⁴⁾ Heuglin;—Lejean;—Hausmann, „Petermann's Mittheilungen“, 1856, № VII.

¹⁾ „Ostafrikanisch Studien“.

²⁾ James, „Wild Tribes of the Soudan“.

иностранцамъ, и очень многіе изъ нихъ достигаютъ глубокой старости; только они имѣютъ иѣкоторую наклонность къ тучности, составляя въ этомъ отношеніи совершеенную противоположность со своими сосѣдами бареасами и особенно арабами. Сами кунамы приписываютъ свое прекрасное здоровье шрамамъ, которыми они покрываютъ себѣ тѣло и лицо, и въ которыхъ они видятъ знаки красоты, въ то же время какъ и священные письмена, возвѣщающія ихъ происхожденіе. У бареасовъ цвѣтъ лица свѣтлѣе, чѣмъ у кунамовъ, и вообще первые менѣе красивы и менѣе сильны; въ ихъ племенахъ много слѣпыхъ, особенно около болотистыхъ низменностей по теченію Барки. Тогда какъ почти всѣ кунамы имѣютъ фамильное сходство, бареасы представляютъ большое разнообразіе типовъ и, за исключеніемъ женщинъ, рѣдко обладаютъ правильными чертами лица. Языки этихъ двухъ народовъ тоже различаются, хотя тотъ и другой причисляются пока, впрѣдь до болѣе основательного изученія, къ группѣ «гамитической»¹⁾; впрочемъ, въкоторыми сторонами они приближаются къ нубийскому идіому. Окончательно мѣсто ихъ можно будетъ опредѣлить только тогда, когда всѣ диалекты сѣверо-восточной Африки будутъ изучены такъ же тщательно, какъ были изучены нарѣчіе кунамовъ базенъ и нарѣчіе бареасовъ *негре-бена* Мунцингеромъ, Эдувдомъ, Галеви и Рейниншемъ. Кунамскій языкъ не имѣть ни ударенія, ни твердыхъ согласныхъ: ровный и мягкий, онъ вполнѣ соответствуетъ миролюбивому характеру націи. Между кунамами мало такихъ, которые говорили бы, кроме своего роднаго, еще какимъ - нибудь иностраннымъ языкомъ, тогда какъ бареасы почти всѣ знаютъ тигрейское нарѣчіе своихъ сосѣдей, жителей Эфиопіи. Богатое сокровище народныхъ пѣсень и мелодій кунамовъ еще не собрано европейскими учеными.

Кунамы и бареасы суть земледѣльцы по преимуществу, всѣ воздѣлываютъ почву, безъ различия пола, состоянія и имущественного положенія; во все продолженіе периода дождей соха никогда не отдохаетъ; вѣтъ дней, какъ у ихъ сосѣдей, которые были бы посвящены другому празднованію, кроме праздника труда. Всѣ домашнія животные служатъ на полевыхъ работахъ: верблюды, ослы, быки и коровы запрягаются въ плугъ; въ случаѣ же недостатка скота, мѣсто его занимаетъ мужчина или женщина. При томъ нѣть ни одного туземца, который бы не владѣлъ полями; даже домашніе служители и служанки имѣютъ свои участки земли и располагаютъ достаточнымъ числомъ дней для распашки, посѣва и уборки хлѣба. Общественная земля, находящаяся въ распоряженіи всѣхъ членовъ общины, настолько

ко обширна, что землепашецъ всегда можетъ выбратьъ новый участокъ и замѣнить такимъ образомъ пашни, истощенные продолжительной культурой; но перемѣна полей посредствомъ сѣвооборота дѣлается вообще довольно правильнымъ образомъ вокругъ разбросанныхъ, стоящихъ особнякомъ хижинъ, гдѣ живутъ отдельные семьи. Тамъ, гдѣ холмы имѣютъ крутой скатъ, косогоры воздѣлываются въ видѣ террасъ, подпираемыхъ сложенными изъ камня стѣнами: базенъ не отступаетъ ни передъ какимъ трудомъ. Миряне хлѣбопашцы, занимающіеся исключительно обработкой почвы, базены и бареасы не группируются въ деревни, имъ нѣть надобности заботиться о защитѣ общими силами своихъ очаговъ, развѣ только непосредственному сосѣдству зеоповъ или арабовъ. Но тамъ они часто принимаютъ наступательный образъ дѣйствія: соединяясь въ небольшій дружинѣ, они ходятъ разорять дальня селенія и исчезаютъ, прежде чѣмъ жители тѣхъ селеній успѣютъ извѣстить сосѣдей объ ихъ нападеніи, и прежде чѣмъ окрестныя племена могутъ приготовиться къ преслѣдованію непріятеля или къ отрѣзанію ему отступленія. Абиссинцы и беджасы съ ужасомъ говорятъ о базенахъ и бареасахъ, и обыкновенно отзываются о нихъ, какъ о разбойниччьихъ племенахъ²⁾. Эта дурная слава происходитъ отъ тактики, принятой этими двумя земледѣльческими народами: они нападаютъ, чтобы лучше защищаться. Однако, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что иѣкоторые горцы племени бареа дѣйствительно отличаются жестокими нравами. Въ иѣкоторыхъ округахъ молодой человѣкъ не можетъ жениться съ честію, если уже не отрубилъ головы мужчинъ или женщинъ, въ бою или нападеніемъ врасплохъ²⁾.

Какъ ни страшны эти два народа своимъ сосѣдямъ, они, однако, живутъ безъ всякаго правительства; они дѣлятся на столько независимыхъ группъ, сколько страна представляетъ естественныхъ дѣленій. Та изумительная сила сопротивленія, которая охраняла ихъ въ теченіе столькихъ вѣковъ, происходитъ отъ присущаго имъ духа солидарности: какъ въ каждой отдельной общинѣ, такъ и члены разныхъ общинъ всѣ смотрятъ другъ на друга, какъ на братьевъ. Но у нихъ нѣть никакого начальства. Особенно у базеновъ, которые менѣе, чѣмъ бареасы, подвергались вмѣшательству чужеземцевъ, чувство равенства составляетъ господствующую черту; въ этомъ отношеніи они, быть-можетъ, не превзойдены никакой другой націей во всемъ свѣтѣ. Имя бареа, которое абиссинцы дали двумъ группамъ, нерѣдко и могоребамъ, означало первоначально «невольники», и, однако, это оскорбитель-

¹⁾ R. N. Cust, „Modern Languages of Africa“.

²⁾ Lejean;—Samuel Baker;—James.
Josef Menges, „Petermann's Mittheilungen“, 1844, № V.

бомъ и Баркой. Альгаденъ лежитъ на дорогѣ, которую такуры ходятъ въ Мекку на поклоненіе гробу Магомета; переходя изъ деревни въ деревню, эти странники платить за пріютъ и харчи проповѣдями, молитвами и амулетками¹⁾; они уже обратили въ исламъ альгаденское населеніе, въ большей части базенскаго происхожденія. Въ сосѣдней равнинѣ, жители Альгадена и Сабдерата одержали, около 1870 года, кровопролитную побѣду надъ арміей абиссинцевъ, которые оставили девять тысячъ своихъ на полѣ сѣчи²⁾. Къ юго-востоку отъ Альгадена, въ землѣ бареасовъ, между рѣками Гашъ и Баркой, египтяне недавно основали двѣ военные станціи, Куфитъ и Амидебъ. Первая была покинута въ 1875 году, но Амидебъ былъ еще оккупированъ въ эпоху всеобщаго восстанія племенъ; это одно изъ тѣхъ мѣсть, которыхъ Англія, по трактату, напередъ отдала абиссинцамъ. Далѣе, за этими военными постами, на скалѣ, высящейся къ востоку отъ долины рѣки Анесеба, пріютилось мѣстечко Долька, бывшее долго неодолимымъ для солдатъ хедива. Въ сосѣдствѣ видны развалины города и христіанскихъ церквей, носящія надписи египетской или гіміаритской³⁾. Главное мѣстечко въ землѣ племени габабъ, Афъ-Абадъ или Тамариамъ, лежитъ въ кругообразной равнинѣ, у подножія крутой горы, бока которой во многихъ мѣстахъ изрыты пещерами.

Ниже Кассалы, на р. Гашъ, и Гось-Реджеба, на р. Атбарѣ, есть только одинъ городъ въ этомъ бассейнѣ, Эдъ-Дамеръ, лежащий къ югу отъ сланія, на южномъ полуостровѣ, который образуютъ Ниль и устье Атбary: тамъ жило племя макаберабовъ, въ которыхъ Швейнфуртъ и Лежанъ предполагаютъ макробіевъ (долговѣчныхъ людей), почти легендарныхъ, древняго міра. Но этотъ городъ, бывшій прежде очень дѣятельнымъ рынкомъ, нынѣ утратилъ свою торговую важность, сдѣлавшись городомъ святыхъ и учителей ислама; онъ имѣть школы, нѣкогда знаменитые разсадники мусульманской пропаганды, но давно уже пересталъ быть сборнымъ мѣстомъ купеческихъ каравановъ: торговое сланіе Нила и его сѣверно-эпіопскихъ притоковъ находится въ километрахъ пятидесяти ниже Эдъ-Дамера, на томъ же берегу великой рѣки. Берберъ, недавно бывшій главнымъ городомъ египетской провинціи того же имени, есть самый значительный складочный пунктъ между Хартумомъ и границею собственнаго Египта. Названный такъ по имени обитающаго въ этой области Нубіи народа барабра, Берберъ официально носить наименование эль-Мехейръ, эль-Мухейрефъ или эль-Мешерифъ. До послѣдней войны, во время которой этотъ городъ былъ почти совершенно разрушенъ,

онъ тянулся по берегу рѣки на пространствѣ нѣсколькихъ километровъ, и его бѣлые дома съ террасами выглядывали изъ зелени и пальмъ. Нѣсколько садовъ окружаютъ Берберъ, но тотчасъ же за городской чертой начинаются невоздѣланныя, почти пустынныя пространства, посѣщаемыя только кочующими бишаринами. Изъ Бербера выходить наиболѣе посѣщаемая караванная дорога между Среднимъ Ниломъ и Краснымъ моремъ, на которой колодцы служатъ мѣстами раздыха: въ этомъ мѣстѣ разстояніе, раздѣляющее рѣку и море, составляетъ, по извилистой дорогѣ пустыни, всего только 420 километровъ. Съ достаточнымъ запасомъ провизіи и воды, путешественники легко могутъ пройти это пространство менѣе, чѣмъ въ недѣлю, хотя обыкновенно они употребляютъ двѣ недѣли; въ настоящее время для этого достаточно нѣсколькихъ дней, благодаря желѣзно-дорожной линіи, соединяющей Суакимъ съ маленькимъ портомъ Гандубъ, лежащимъ южнѣе, на токарской дорогѣ, и сдѣлавшей Берберъ экспедиціоннымъ портомъ для торговли всего Верхнаго Судана. Двѣ караванныя дороги, соединяющія Берберъ съ Суакимомъ, идутъ по обширнымъ песчанымъ пространствамъ, гдѣ не найдешь ничего, кроме колодцевъ солоноватой воды; затѣмъ онъ взираются на гранитныя и порфировыя высоты: горный проходъ Гаратри, служащий водораздѣльнымъ порогомъ между бассейномъ Нила и бассейномъ Краснаго моря⁴⁾, лежитъ на высотѣ почти 900 метровъ, между двухъ горъ, поднимающихся вдвое выше. До войны, ежегодно около 20.000 верблюдовъ, навьюченныхъ камедью, совершили переходъ черезъ пустыню между двумя названными городами⁵⁾.

Суакимъ или Савакинъ—самый безопасный портъ на всемъ Черномъ морѣ. По расположению мѣстности онъ походитъ на Массовскій портъ. Береговой поясъ коралловыхъ мелей прерывается извилистымъ каналомъ, который вдается на 4 километра внутрь твердой земли и оканчивается бассейномъ овальной формы, имѣющимъ около 2 километровъ протяженія съ сѣвера на югъ. На западной сторонѣ песчаныя отмели, съзывающія эту водяную площадь, продолжаются нижними берегами, поросшими лѣсами корнепусковъ. Два круглыхъ острова, окаймленные подводными камнями, выступаютъ на нѣсколько метровъ надъ поверхностью бассейна: одинъ изъ этихъ острововъ, называемый островомъ Шейха Абдаллы, не заключаетъ никакихъ строеній, кроме надгробныхъ памятниковъ на кладбищѣ; на другомъ, лежащемъ южнѣе, построено собственно городъ Суакимъ. Между этими двумя островами и находится главная гавань, но корабли

¹⁾ Munzinger, „Ostafrikanische Studien“.

²⁾ Josef Menges, „Petermann's Mittheilungen“, 1884, V.

³⁾ Sapeto, „Petermann's Mittheilungen“, 1861, VIII.

⁴⁾ Colborne, „Cornhill Magazine“, may 1884;—Mosconas, „Exploration“, 1 février 1884.

⁵⁾ A. Bernard, „Beyne moderne“, 1 octobre 1884.

этого достаточно, чтобы и сами народы, несмотря на свое туземное происхождение, называли себя арабами и часто считались за таковых другими. Впрочемъ, несомнѣнно существуютъ къ западу отъ Красного моря населенія, первоначальная родина которыхъ находится на востокѣ и которая, какъ достовѣрно известно, перешли это море въ историческую или недавнюю эпоху. Такъ, въ сосѣдствѣ Акика, магометанское племя гѣтемъ, хорошо снаженное ружьями и гонящее передъ собой туземцевъ, вооруженныхъ копьемъ и щитомъ¹⁾, есть чисто арабское, безъ всякаго смѣшанія съ другими расами; еще недавно, въ 1865 году, оно увеличилось новыми переселенцами, пришедшими съ береговъ Іемена²⁾: путешествія съ одного берега на другой не трудны, и если бы англійскіе военные корабли не наблюдали строго за всѣми портами, сношенія между Аравіей и Суданомъ были бы довольно часты, чтобы быстро видоизмѣнить политическое равновѣсіе этихъ странъ.

Между несомнѣнно арабскими племенами Судана миссионеръ Бельтрамъ упоминаетъ пастуховъ залабать, т. е. «горсть людей», или абуджеридъ, т. е. «отцы пальмъ», которые живутъ между Дендремъ и Голубой рѣкой выше Сеннаара. По всей вѣроятности, эти кочевники пришли изъ Іемена до обращенія ихъ одиночленниковъ въ исламъ, такъ какъ они не магометане, и культь ихъ не сохранилъ никакихъ слѣдовъ мусульманскихъ обрядовъ: они огнепоклонники, каковыми были, до Магомета, многочисленныя племена южной Аравіи, каковыми были также блеммисы, которые, по свидѣтельству Прокопія, приносили въ жертву солнцу людей. Цвѣтъ лица у залабатовъ свѣтлѣе, нежели у сосѣднихъ населеній, и впадаетъ въ красный; по словамъ Лежана, они имѣютъ голубые глаза и гладкіе блокурѣе волосы; камедь, выдѣляемая акаціями *сунтъ*, входить, какъ одна изъ значительныхъ составныхъ частей, въ ихъ повседневную пищу. Абуджериды съ ревнивой заботливостью охраняютъ чистоту своей расы: никогда, говорятъ они, никто изъ нихъ не женился на дѣвушкѣ чужаго племени; они не терпятъ невольничества, на томъ основаніи, что введеніе служителей и служанокъ въ кругъ семьи имѣло бы роковымъ слѣдствіемъ оскверненіе ихъ крови. «Раса избранная», они считаютъ священнѣйшей обязанностю поддерживать свою независимость и жить въ мирѣ: потому-то ихъ предки и удалились отъ сѣта, потому-то и сами они стараются жить особнякомъ, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ бы они были отдѣлены и защищены отъ грабительскихъ племенъ пустынными по-лосами земли. Они признаютъ существование

единаго Бога, обнаруживающагося звѣздами, солнцемъ и огнемъ: когда они молятся, то дѣлаютъ это не иначе, какъ устремляя взоры къ звѣздамъ или обращаясь лицомъ къ дневному свѣту при его восходѣ или закатѣ, или на конецъ разводя большой огонь и созерцая плавленные языки, изивающіеся и кружащіеся отъ дуновенія вѣтра. Въ ихъ глазахъ огонь—великий очиститель: похоронивъ умершаго, головой къ восходящему солнцу, они зажигаютъ костеръ на могилѣ, какъ бы для того, чтобы увлечь душу усопшаго въ огненное круговорашеніе. Они вѣрять также въ существованіе высшаго демона, бога мрака, и, чтобы умилостивить этого опаснаго врага, прибѣгаютъ къ жертвоприношеніямъ. Забалаты придерживаются единобрачія; только когда молодая дѣвушка не нашла себѣ мужа, или когда женщина остается вдовой послѣ короткаго замужества, у нихъ въ обычай, чтобы одинъ изъ близкихъ родственниковъ женился на ней; случается иногда, что братъ становится такимъ образомъ мужемъ своей сестры. Управляетъ этотъ народъ обычаемъ, примѣненіе котораго принадлежитъ старикамъ; старики же выбираютъ начальника племени, то въ одной семье, то въ другой, не будучи связаны въ отношеніи этого выбора никакимъ обязательствомъ, кромѣ того только, чтобы найти «лучшаго»¹⁾. Туземцы племени джалинъ или агалинъ, обитающіе въ области между рѣчью и по берегамъ Атбары, тоже считаются за арабовъ, и никто въ странѣ не подвергаетъ сомнѣнію этого благороднаго происхожденія; и дѣйствительно, арабскій языкъ, которымъ они говорятъ, гораздо болѣе чистъ, чѣмъ тотъ же дialectъ, употребляемый другими бродячими племенами Нубіи. Между всѣми жителями края джалины отличаются своей любознательностью, любовью къ ученію, коммерческими инстинктами и религіознымъ рвениемъ, но безъ фанатизма²⁾. Мужчины и женщины на берегахъ Нила носятъ, для предохраненія себя отъ палиящаго солнца, широкополыя шляпы изъ листьевъ. Многія сосѣднія населенія, именующія себя арабскими, не будучи, вѣроятно, таковыми, во многихъ отношеніяхъ дѣйствительно обарабизировались.

Беджасы, блеммисы древнихъ, можетъ-быть, бонка или бонга, имя которыхъ читается въ аксумскихъ надписяхъ³⁾, составляютъ одну изъ этническихъ группъ, представленныхъ чрезвычайно большимъ числомъ племенъ, на сѣверѣ и на западѣ отъ базеновъ, они занимаютъ почти всю область, заключающуюся между Голубымъ Ниломъ и передовыми горами сѣверной Эфиопіи; еще сѣвернѣе, главная масса расы, повидимому сохранившая эт-

¹⁾ Beltrame, „Il Sennar e lo Sciangallah“.

²⁾ Werner Munzinger, „Ostafrikanische Studien“.

³⁾ Vivien de Saint-Martin, „Nord de l'Afrique dans l'antiquit “.

ническое имя подъ формой бишаринъ, распространена далеко въ низменной Нубии, владѣя всѣмъ пространствомъ, лежащимъ между большой западной дугой Нила и берегами Крас-

жасы изъ Кассалы и окружающихъ племенъ. Южные народцы, живущіе на югъ отъ караванной дороги, между Берберомъ и Суакимомъ, не имѣютъ съ другими никакой национальной

Видъ Суакима.

наго моря; кромѣ того, многія беджасскія племена живутъ на западъ отъ большаго Нила, изъ Кордофанъ и даже въ Форѣ. «Нубійцы», которыхъ видѣли въ Парижѣ посѣтители акклиматизаціоннаго сада, были почти все бед-

вязи, и даже большинство ихъ постоянно враждуютъ между собой, прекращая раздоры только тогда, когда нужно соединиться противъ иностранного завоевателя: такъ, во времена турецкаго нашествія, всѣ племена соеди-

нились воедино, но ихъ конфедераций была непродолжительна, и при египетскомъ господствѣ раса снова распалась на множество народцевъ безъ общей воли. Беджасы, а не абиссинцы, были, вѣроятно, «эзопы» Геродота, цивилизованные народы, построившіе городъ Мероэ и его пирамиды. Въ средніе вѣка беджасы тоже составляли могущественное государство, столицей которого была Алоа, на Голубомъ Нилѣ, километрахъ въ двадцати выше Хартума. Въ эту эпоху беджасы были христианами, по крайней мѣрѣ въ сосѣдствѣ слѣянія¹). Когда городъ ихъ былъ разрушенъ фундаментами, и беджасы вернулись въ родныя степи, они приняли вмѣстѣ съ тѣмъ и религию кощущихъ пастуховъ. Всѣ беджасы магометане, но большинство ихъ, также какъ бедуины Сиріи и Аравійского полуострова, магометане только по имени, хотя они очень охотно стали въ ряды сторонниковъ мауди, подъ предводительствомъ которого они опять нашли нѣкоторое национальное единство.

Изъ всѣхъ беджасскихъ племенъ юга самое могущественное — гаденоасы, которые кочуютъ въ степяхъ при Така, между рѣками Ганѣ и Атбара на западѣ и Баркой на востокѣ, но въ своихъ путешествіяхъ со стадами въ горы во время лѣтнихъ жаровъ и въ своихъ грабительскихъ экспедиціяхъ часто переходятъ за эти предѣлы; по Мунцингеру, численность этого племени простирается до миллиона душъ. Другой многочисленный народецъ — шукуріехи или шукріехи, которые пасутъ свои стада между Ниломъ и Атбарой и воздѣлываютъ орошаемыя долины въ окрестностяхъ Кассалы. Галленгасы живутъ въ узкой полосѣ земли, заключающейся между Атбарой и Гашемъ; гамраны обитаютъ въ равнинахъ, где соединяются Атбара и Бахръ-Сеттить; далѣе на западѣ и на юго-западѣ, племена дабайна кочуютъ по степямъ, где извивается рѣка Раҳадъ. Въ между-рѣчье, то-есть пространствѣ, лежащемъ между двумя Нилами, почву оспариваютъ другъ у друга племена абу-рофѣ или руфа, джалинъ и гассаніе, то-есть «наездники», «конные люди». Наконецъ, къ востоку отъ племени гаденоаса, окружность передовыхъ плоскогорій Эзопіи, между рѣкой Баркой и Краснымъ моремъ, почти до воротъ Суакима, занята племенемъ бени-амеръ. По мнѣнію Гартмана, гамраны, которыхъ они называютъ гомранами, что значитъ «красные», родственны агаусамъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти населенія называютъ себя арабами и вообще признаются какъ таковые, по причинѣ религіи, которую они исповѣдуютъ, ихъ настущескихъ и воинственныхъ нравовъ и языка, который нынѣ преобладаетъ между ними. Впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнію, что арабскій элементъ сильно представленъ въ этихъ

кочевыхъ племенахъ беджасовъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ многочисленныя семейства, типъ которыхъ совершенно тождественъ съ типомъ арабовъ, уроженцевъ азіатскаго полуострова; по преданію, семьи эти происходятъ отъ племени уледъ-аббасъ, въ Геджасѣ. Въ наибольшей части мѣстностей, занятыхъ беджасами, природные диалекты уступаютъ передъ языкомъ Корана, но они еще существуютъ, по крайней мѣрѣ въ состояніи областныхъ нарѣчий, въ сосѣдствѣ эзопскихъ горъ. Альмѣвистъ, составившій общую грамматику беджасскихъ идіомовъ, различаетъ четыре главныхъ диалекта, не считая жаргоновъ, которыми любятъ говорить охотники¹), вѣроятно, подъ влияниемъ суевѣрія, обыкновенного во многихъ странахъ, что известныя слова имѣютъ силу очаровывать животныхъ. Родной языкъ племенъ гаденоаса, бишаринъ и половины племени бени-амеръ есть «бедуинскій», бедауди или беджави, идіомъ не арабскій, несмотря на название, но который во многихъ отношеніяхъ приближается къ семитическимъ говорамъ²).

Беджасы, взятые въ массѣ и не принимая во вниманіе многочисленныхъ мѣстныхъ различій, принадлежать къ числу африканцевъ, отличающихся красотой лица и стройностью формъ: большинство девѣт производить самое приятное впечатлѣніе своей миловидностью и живостью; между молодыми женщинами часто встречаешь замѣчательно красивыхъ и стройныхъ особъ, могущихъ служить совершенными образцами въ отношеніи правильности чертъ лица и благородства осанки. У бени-амеровъ, въ некоторыхъ семействахъ начальниковъ племени, где приготовляются невольницами болѣе изысканныя блюда, чѣмъ какими довольствуются обыкновенныеnomads, примѣры тучности первѣдки; цветъ кожи благородныхъ тоже по большей части гораздо свѣтлѣе, чѣмъ у простолюдиновъ. Почти всѣ беджасы очень легки на бѣгу, что они приписываютъ своей умѣренной и простой пищи, состоящей почти единственно изъ молока и муки; руки у нихъ очень длинныя сравнительно съ ростомъ. Путешественники, посѣтившиѣ тѣ страны, были поражены сходствомъ типа между беджасами, афарами, ильмъ-орма или галласами и даже бантусами южной Африки. Несмотря на ихъ претензіи на титулъ арабовъ, многія беджасскія племена сохранили моды истріянскихъ народностей относительно костюма и выѣзыванія на тѣлѣ узоровъ; воины ихъ еще не совсѣмъ отказались отъ употребленія кольчуги, и некоторые племена все еще ограничиваются первобытнымъ оружиемъ, между прочимъ, дубинкой, простой или окованной желѣзомъ. Боль-

¹⁾ Hartmann, „Die Völker Afrikas“;—Alfred von Kremer, „Ägypten“.

²⁾ Munzinger, „Ostafrikanische Studien“.

шинство беджасовъ носятъ очень густую шевелюру, чтобы защитить себя этимъ способомъ отъ солнца; на высотѣ глазъ они чертятъ на черепѣ круговую полосу, выше которой волосы поднимаются въ видѣ огромной щетки; по бокамъ и назади отдельными космы, образующія гриву, защищаютъ уши и затылокъ; скребокъ, обыкновенно игла дикобраза, втыкается поперечко въ это черное руно, часто намазанное коровьимъ масломъ.

Говорить, что большинство беджасовъ, отличаясь очень живымъ умомъ въ молодыхъ годахъ, много теряютъ въ этомъ отношеніи

прежде чѣмъ потерпѣвшіе успѣютъ собрать воиновъ, чтобы преслѣдоватъ дерзкихъ грабителей и сразиться съ ними. Различные беджасскія племена почитаютъ также за честь воспитывать коней для битвы, но во многихъ мѣстахъ имъ приходится довольствоваться маленькими выносливыми лошадками эсіонской породы; приводимые изъ Донголы кони, болѣе крупные и болѣе сильные, много страдаютъ отъ переменъ климата, и начальники племени должны постоянно обновлять свои конюшни. Нѣкоторые беджасскіе народцы занимаются земледѣліемъ, употребляя для об-

Беджа-шукуріехъ.

нослѣ возмужалости: они ограничены въ по-
нтияхъ, упрямы, хвастливы, грубы, неуважительны къ родителямъ, незаботливы объ удобствахъ и безопасностихъ своихъ гостей. Они занимаются почти исключительно скотоводствомъ и следуютъ за стадами съ пастибища на пастибище, хотя одно изъ становищъ, называемое цага, считается официальной ре-
зиденціей. Обычай запрещаетъ трогать это главное становище: грабители могутъ завладѣть стадами, но они уважаютъ палатки. Га-
ллоиды обладаютъ превосходной породой верблюдовъ, которая позволяетъ имъ по-
зволиться неожиданно на большомъ разстоя-
ніи отъ обычного ихъ мѣстопребыванія, и
быстро убѣгать съ награбленной добычей,

работки почвы самая первобытная орудія, какова, напримѣръ, палка съ обугленнымъ концомъ, исправляющая должность плуга. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сохранились также кое-какіе остатки искусствъ и ремеслъ, на-
слѣдіе древнихъ блеммисовъ, какъ-то: тканье матерій, обработка желѣза, плетеніе циновокъ, филиграновая издѣлія. Любимое оружіе беджасовъ, прямая обоюдоострая сабля,—вообще нѣмецкой фабрикаціи, но они и сами куютъ хорошее оружіе, мечи и кинжалы; ножны у нихъ деревянныя, обитыя кожей, и у богатыхъ украшенныя слоновыми ушами; употребляемые ими щиты всегда дѣлаются изъ кожи но-
сорога или другихъ большихъ животныхъ. Торговля ведется дѣятельно во всѣхъ племе-

зия въ тѣни, и воздухъ становится почти невозможнымъ для дыханія, когда къ нему примѣшиваются, въ видѣ пыли, раскаленный песокъ пустыни. Послѣ трехъ мѣсяцевъ *сифа* или сезона засухи, густыя облака, скопляющіяся на южномъ горизонтѣ, возвѣщаютъ наступленіе харифа, периода дождей. Около первыхъ чиселъ июня начинаются ливни, сильные, но вообще непродолжительные и часто раздѣленные промежутками ясной погоды. Дождливый сезонъ обыкновенно дебютируетъ большимъ беспорядкомъ въ воздушныхъ пространствахъ, круго-вращеніемъ вѣтровъ въ стенахъ; но скоро ходъ атмосферныхъ теченій регулируется, и юго-западный вѣтеръ, продолженіе юго-восточного пассата въ южномъ полушаріи, устанавливается въ этой части сѣвернаго полушарія, сообразно видимому движению солнца. Въ это время года температура, замѣчательно равномѣрная, держится въ предѣлахъ отъ 25 до 33 градусовъ; разность между крайними показаніями термометра составляетъ всего только 7 градусовъ стоградусной скалы. Казалось бы, такой климатъ долженъ быть очень пріятелъ; но пары, насыщающіе атмосферу, и къ которымъ прімѣшиваются міазмы низменныхъ мѣстностей, поперемѣнно то затопляемыхъ водой, то высыхающихъ, дѣлаютъ пребываніе въ Кордофаниѣ очень опаснымъ, и арабы, турки, европейцы не избѣгаютъ эпидемическихъ лихорадокъ, часто имѣющихъ смертельный исходъ. Къ концу сентября, послѣ трехъ или четырехъ мѣсяцевъ перемежающихся дождей, вѣтеръ менѣется; сѣверо-восточный пассатъ, перемѣщенный на югъ движениемъ солнца къ тропику Козерога, снова устанавливается, принося съ собой холода; по ночамъ температура иногда понижается до 15 градусовъ Цельзія.

Растительное царство Кордофана не очень богато: акаціи, тамарины, баобабы—вотъ деревья, которыя придаютъ сельскимъ мѣстностямъ ихъ характеристическую физіономію въ областяхъ небезплодныхъ или по крайней мѣрѣ не совершенно безплодныхъ. Акаціи, которыя даютъ камедь, составляющую предметъ торговли, принадлежать къ различнымъ видамъ. Дерево съ сѣрой корой, на которомъ собираютъ камедь лучшаго качества, усѣваетъ многочисленными рощами восточную часть Кордофана. Въ южной полосѣ страны акаціи съ красной корой, дающія менѣе цѣнныя продукты, тянутся обширными лѣсами, почти безполезными съ экономической точки зрѣнія; очень немногіе изъ поселянъ илиnomadovъ даютъ себѣ трудъ отдѣлять отъ дерева вытекающую изъ него прозрачную камедь. Важнѣйшее хлѣбное растеніе, общераспространенное почти во всемъ Кордофаниѣ,—дохнъ (*penicilaria tephroides*), жизнь котораго, отъ посѣва до жатвы, продолжается всего только четыре мѣсяца, обнимающіе періодъ харифа. Этотъ видъ проса

довольствуется такимъ малымъ количествомъ влаги, что онъ—даже лучше растетъ на песчаныхъ горкахъ, чѣмъ на низкихъ мѣстахъ; девять десятыхъ населенія питается дохномъ. Дурра, или египетское просо, сѣется только въ хорошо орошаемыхъ долинахъ горъ. Пшеница, кунжутъ, земляные фисташковые орѣхи, бобы, табакъ, хлопчатникъ культивируются въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ съ столицей округахъ; конопля сѣется ради волоконъ, которыхъ употребляются для переплета въ стѣнахъ хижинъ.

Въ отпукской торговлѣ растительными произведеніями Кордофана первое мѣсто, по количеству вывоза, занимаетъ естественный продуктъ—камедь; точно также звѣроловство въ гораздо большей мѣрѣ способствуетъ движению торговаго обмѣна, чѣмъ скотоводство; страусовая перья—самый драгоценный предметъ, который приходящіе съ сѣвера караваны спрашиваютъ у туземцевъ. Однако, послѣдніе почти совершенно извили страусовъ въ восточныхъ равнинахъ страны: теперь этого колосса пернатаго міра можно встрѣтить бандами только къ западу отъ горъ Каджа и на границахъ Дарфура. Степи Кордофана были бы какъ нельзя болѣе пригодны для разведенія страуса, а между тѣмъ въ настоящее время ни въ одномъ дворѣ не держать этой птицы въ домашнемъ состояніи; съ другой стороны, число неприрученныхъ, живущихъ въ степи, страусовъ, во множествѣ убиваемыхъ охотниками, годъ отъ года уменьшается.

Главный статьи вывоза изъ Кордофана и Дарфура въ Египетъ, до войны, по Прауту: страусовая перья — 2.150.000 франк.; камедь — 1.375.000 франк.; кожи и шкуры — 62.500 франк. Ибисы очень обыкновенны въ Кордофаниѣ; на одномъ и томъ же деревѣ найдешь до полсотни ихъ гнѣздъ; какъ и аистъ, эта птица считается священною, и жители края не позволяютъ иностранцамъ убивать ее¹⁾). У обитателей Кордофана есть нѣсколько породъ домашняго скота: лошади, ослы, козы и овцы; но выючныя животныя принадлежать преимущественно кочующимъ племенамъ. На югѣ баггарасы имѣютъ по меньшей мѣрѣ сотню тысячъ быковъ съ горбомъ, пріученныхъ носить на себѣ кладь; но для полевыхъ работъ этимъ животнымъ нигдѣ не пользуются; тамошнія коровы даютъ очень мало молока. Любопытно, что рѣдкость воды въ равнинахъ измѣнила привычки скота въ Кордофаниѣ: животныя тамъ ходятъ на водопой черезъ каждые два или три дня. Что касается верблюдовъ, то они успѣшио разведены только въ сѣверномъ Кордофаниѣ, у кочеваго народа кабабишт; къ югу же отъ тринацатаго градуса широты, они чахнутъ и вымираютъ, преслѣдуемые роями слѣпней и оводовъ.

¹⁾ Ign. Pallwe, „Beschreibung von Kordofan“.

лонія святихъ, живущихъ, подобно благороднымъ, на счетъ племени. Чтобы обезпечить свою власть надъ кочующими населеніями, египетскіе губернаторы позаботились заручиться

тівъ власти хедива, вспыхнувшее въ одномъ мѣстѣ, быстро распространилось по всему восточному Судану. Извѣстно, съ какимъ изумительнымъ мужествомъ, съ какимъ полнымъ пре-

Джебель-Аинъ.

поддержкой со стороны политическихъ и духовныхъ вождей народа, и чрезъ посредство тѣхъ и другихъ и собиралась дань съ племенъ; во тяжелые налоги, наконецъ, истощили терпѣние беджасскихъ пастуховъ, и восстаніе про-

зрѣніемъ смерти бени-амеры, гаденоасы, бишарини бросались на сокрушенія въ карре англійскія войска, прокладывая себѣ ударами копий кровавую дорогу до пушекъ. Такъ что трудно сказать, что именно помѣшало внослѣдствіи

британской армія пуститься по Нильской дороѓ, удалиясь отъ кораблей, стоящихъ на якорѣ въ Суакимской бухтѣ,—нестерпимая ли жара суданского климата, или, можетъ-быть, то, что англійскіе генералы не рѣшились снова поставить своихъ солдатъ лицомъ къ лицу съ неустранимыми сынами пустыни.

Верхняя Нубія была, подъ египетскомъ управлениемъ, раздѣлена на провинціи, отчасти совпадающія съ естественными дѣленіями страны. При выходѣ Эїонскихъ горъ прибрежный мѣстности по Голубой рѣкѣ составляли провинцію Фазогль; ниже, центральная часть бывшаго королевства Сennaаръ сохранила это имя; далѣе слѣдовали провинціи Хартумская и Берберская. На востокѣ провинція Така заключала холмы и равнину, ограниченные съ одной стороны рѣкою Атбарой, съ другой р. Баркой; области морскаго побережья были раздѣлены между провинціями Массовской и Суакимской. Кромѣ того, нѣсколько независимыхъ государствъ, республикъ или княжествъ, занимали территорию пограничной полосы между Эїошней и Суданомъ.

Городъ Фазогль, который далъ свое имя верхней провинціи Голубаго Нила и до египетскаго господства былъ резиденцией могущественнаго короля, теперь не болѣе, какъ незначительная деревушка. Онъ замѣненъ, какъ столица, мѣстечкомъ Фамака, гдѣ Могамедъ-Али, во время объѣзда своихъ южныхъ владѣній, въ 1839 году, велѣлъ построить себѣ «дворецъ», отъ которого теперь осталось только нѣсколько разбросанныхъ кирпичей. По своему выгодному мѣстоположенію Фамака могъ бы сдѣлаться торговымъ городомъ, если бы охота на человѣка не разогнала окрестныя населенія и не заставила ихъ удалиться въ горы: дома этого мѣстечка, построенные на гнейсовой мысѣ, тянутся вдоль праваго берега Голубаго Нила, близъ впаденія въ него хора и въ небольшомъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ рѣка Тумата соединяется съ Бахръ-аль-Азремъ. Напротивъ Фамаки, къ югу, высится гора Фазогль, первая большая вершина, которую встрѣчашь на берегахъ Нила, когда ёдешь изъ Хартума: оттого она кажется болѣе величественной, чѣмъ многія другія, болѣе высокія горы, и прекрасная растительность, покрывающая ея склоны, представляется роскошною путешественнику, проѣзжавшему передъ тѣмъ по пустыннымъ, голымъ пространствамъ щѣвера.

Долина Тумата не была уже египетской землей задолго до того времени, когда вспыхнуло обширное восстаніе суданскихъ населеній. А между тѣмъ Могамедъ-Али смотрѣлъ на эту провинцію какъ на будущую сокровищницу своего царства: онъ разсчитывалъ на золото, примѣщенное къ пескамъ Тумата и его притоковъ, какъ на средство платить жалованье своимъ арміямъ и избавиться отъ стѣснитель-

ной верховной власти своего сюзерена, константинопольскаго падишаха. Благодаря этимъ честолюбивымъ видамъ, верхній бассейнъ Тумата былъ изслѣдованъ европейцами: Кальо, Тремо, Ковалевскимъ, Русаггеромъ; но издержки по оккупации страны, войны, которыхъ пришлось постоянно вести противъ туземныхъ племенъ, обезлюдили страну, бывшее слѣдствиемъ охоты на человѣка, надзоръ за осужденными преступниками, занимавшимися промываніемъ золотоносныхъ песковъ,—все это потребовало отъ бюджета вице-короля расходовъ, далеко превышавшихъ доходы, которые получались отъ золотыхъ пріисковъ, и Сайдъ-паша отдалъ приказъ о прекращеніи дальнѣйшей разработки этихъ пріисковъ: крѣпости были срыты, и въ деревняхъ снова поселились ихъ прежніе обитатели. Однако, туземные золотоискатели находили выгоду тамъ, гдѣ казна терпѣла одни убытки: золотые блестки, называемыя *тибръ* и собираемыя обыкновенно въ трубочки изъ перьевъ коршуна, служатъ монетой, которую туземцы платятъ за товары, привозимые странствующими торговцами, или *джеллаби*. Главныя золотопромыслы находятся на западномъ склонѣ горъ, въ долинѣ, спускающейся къ Голубому Нилу, и по срединѣ которой высится пирамидальная гора, Джебель-Дуль, гдѣ всѣ овраги доставляютъ золото. Общая добыча золота исчисляется Шуверомъ въ 40.000 франковъ въ годъ, съ которыхъ гомашинскій шейхъ беретъ около четверти въ свою пользу, въ видѣ промысловаго налога. Собравшіеся вокругъ этого шейха солдаты—по большей части бывшіе негроторговцы, избѣгшіе катастрофы, которая постигла Сулеймана въ странѣ Рѣкъ⁴⁾. Галласы, приходящіе на рынки Тумата, предпочитаютъ золотому песку другой представительный знакъ цѣнности и продаютъ свои произведенія не иначе, какъ въ обмѣнѣ за плитки соли, привозимыя изъ восточной Эїопіи; по Шуверу, обитатели долины Тумата получаютъ ежегодно болѣе 30.000 килограммовъ соляной монеты.

Даже послѣ эвакуированія края египтяне заставляли прибрежныя племена Тумата платить имъ налогъ въ суммѣ около 150.000 франковъ въ годъ; но за округомъ Фадаси, находящимся въ другомъ рѣчномъ бассейнѣ, именуемомъ въ бассейнѣ Джабуса, власть ихъ прекратилась совершенно. Въ этомъ-то округѣ и должны были остановиться путешественники Марно въ 1850 году, Джесси и Маттеуччи въ 1878 году; имъ позволили только взойти на гору, которая возвышается къ югу отъ главнаго мѣстечка, называемаго Бимбаши, по имени «тысяченачальника», или египетскаго капитана, имѣвшаго пребываніе въ этомъ го-

⁴⁾ Schuyer, „Reisen im oberen Nilgebiet“, Ergänzungsheft zu Petermann's Mittheilungen, № 72.

родкъ. Шуверъ—единственный путешественникъ, переходившій за эту границу владѣній хедива въ 1881 году. Бимбashi, окруженній многочисленными деревнями, разбросанными по склонамъ горъ, господствуетъ съ высоты своей террасы надъ обширнымъ горизонтомъ; это—торговое мѣстечко, довольно оживленное, хотя, впрочемъ, менѣе посѣщаемое, чѣмъ Бени-Шонгуль, лежащій на полдорогѣ изъ Фамаки, въ сосѣдствѣ золотыхъ пріисковъ и развалинъ города Синдже, бывшей столицы страны. Сѣвериѣ, въ плодородной лощинѣ праваго берега Тумата, деревня Гезанъ тоже служить сборнымъ мѣстомъ каравановъ; исполинская сикомора, стоящая посреди базарной площади, укрываетъ въ своей тѣни, въ рыночные дни, пеструю толпу бергасовъ, нубийцевъ и арабовъ. Заброшенныя лимонныя рощи, окружающія деревню, напоминаютъ о пребываніи здѣсь египетскихъ гарнизоновъ.

Ниже Фамаки, мѣстечко Розересь или Розайресь, дома которого разсыпаны среди рощъ пальмы думъ, тоже лежитъ на правомъ берегу Бахръ-аль-Азрека; оно дало свое имя *дру*, или довольно обширной области, которую управляли начальники племени, принимавшіе титулъ королей. Ниже, деревня Каркоджъ, окруженная нѣсколькими большими деревьями, составляющими рѣзкий контрастъ съ голыми землями окрестностей, получила въ настоящее время нѣкоторую важность, какъ мѣсто торговли камедью и центръ соединенія нѣсколькихъ караванныхъ дорогъ, идущихъ изъ Гедрефа, Галабата и изъ Эїопіи; она унаслѣдовала часть торговли, которая производилась прежде въ городѣ Сеннаарѣ, лежащемъ въ сотнѣ километровъ ниже, на лѣвомъ берегу рѣки. Эта бывшая столица царства фунджей, построенная въ началѣ пятнадцатаго столѣтія, пришла въ упадокъ съ тѣхъ поръ, какъ мѣстопребываніе правительства было переведено въ Хартумъ: груды развалинъ, обширные пустыри раздѣляютъ теперь группы хижинъ; отъ бывшаго дворца уцѣлѣли только остатки стѣнъ, но въ Сеннаарѣ еще существуетъ мечеть. Въ этомъ городѣ былъ убитъ, въ 1705 году, Дюруль, французскій посолъ Людовика XIV, прежде чѣмъ достигъ владѣній государя, при которомъ былъ аккредитованъ; его подозрѣвали—такъ гласить арабское преданіе—въ намѣреніи помочь абиссинцамъ осуществить, наконецъ, часто повторяемую ими угрозу отвести воды Нила, чтобы отбросить ихъ на югъ далеко отъ Нубіи и Египта¹). Промышленности въ Сеннаарѣ нѣть почти никакой, кромѣ плетенія соломенныхъ циновокъ, отличающихся очень красивымъ рисункомъ. Дороги, которыми следуютъ караваны, направляются на юго-западъ къ Бѣлому Нилу, чтобы перейти его въ

одномъ изъ двухъ *мокадатовъ*, или бродовъ, образуемыхъ раковинными мелями²) и называемыхъ одинъ бродомъ Абу-Заида, а другой бродомъ Кельбъ или «Собачьимъ». По линіи, проходящей черезъ Сеннааръ, Месопотамскій полуостровъ, который арабы называютъ «Сеннаарскимъ островомъ», имѣетъ только около сотни километровъ въ ширину. По преданію, на бродѣ Абу-Заида арабы, предводительствуемые героемъ этого имени, въ первый разъ переправились черезъ Ниль, чтобы распространиться по всему Судану³).

Водъ-Медине или Вольдъ-Медине, сдѣлавшія послѣ Сеннаара столицей египетскихъ провинцій, тоже былъ многолюднымъ городомъ въ качествѣ мѣстопребыванія гарнизона и торгового центра. Положеніе его представляетъ большія выгоды, такъ какъ онъ находится почти при соединеніи сѣверо-западныхъ рѣкъ Эїопіи съ Бахръ-аль-Азрекомъ; въ небольшомъ разстояніи выше въ Голубой Ниль впадаетъ рѣка Дендеръ, усиливаемая передъ тѣмъ водами хора Магара и хора Эль-Ачанъ; еще ближе, со стороны низовья, находится мѣсто слиянія рѣки Рахадъ, судоходной, какъ и Дендеръ, въ продолженіе восьмидесяти дней въ году. Деревня, лежащая въ самомъ устьѣ, на «островѣ острова» (Джезирать-аль-Джезиреть), получила название Абу-Ахразъ, или «Отецъ акацій», которое часто даютъ также и самой рѣкѣ Рахадъ, извѣстной у абиссинцевъ подъ именемъ Шим-фахъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ главной рѣки, близъ развалинъ города Арбаджи, разрушенного фунджами, раскинулось, среди застѣнныхъ дуррой полей, многолюдное мѣстечко Мессаламіе, укрѣпленный пунктъ, который инсургенты отвоевали у египтянъ послѣ продолжительной и убийственной осады; до войны этотъ городокъ сдѣлся-было значительнымъ рынкомъ именно потому, что онъ лежитъ вдали отъ рѣки, и кочевники могли тамъ менѣе, чѣмъ въ прибрежныхъ городахъ Голубаго Нила, опасаться прохода армій³). Ниже Абу-Ахраза, на лѣвомъ берегу Голубой рѣки, кое-какія уцѣлѣвшія еще развалины указываютъ мѣстоположеніе города Камлина или Камнина, гдѣ европейскіе промышленники основали въ 1840 году, подъ покровительствомъ египетского правительства, обширныя фабричныя заведенія: мыловаренные, индиговые, сахароваренные, винокуренные заводы. Заведенія эти долго процвѣтали, благодаря дешевизнѣ топлива и рабочихъ рукъ, благодаря въ особенности монополіи, которую пользовались фабриканты, сбывая свои произведения въ войска, такъ какъ офицеры и солдаты обязательно должны были потреблять эти продукты покровительствуемой промышленности, оплачиваемые каз-

¹⁾ Kaufmann, „Das Gebiet des Weissen Flusses“.

²⁾ Beltrame,—D'Escayrac de Lautare, etc.

³⁾ G. Lejean, „Voyage aux Deux Nils“.

ной изъ ихъ жалованья¹⁾). Но лѣса опустошены, край обезлюдѣлъ, и монополія имѣла свои обычныя слѣдствія—обѣдиеніе и разореніе.

Какъ бы далеко ни углубляться въ исторію верхне-нильскихъ странъ, мы всегда видимъ значительный городъ въ сосѣдствѣ соединенія двухъ Ниловъ, Бѣлаго и Голубаго: географическое положеніе такой первостепенной важности не могло быть оставлено въ пренебреженіи, даже въ эпохи варварства; но превратности войнъ и народныхъ переселеній, можетъ-быть, также какія нибудь перемѣны въ самомъ теченіи двухъ сливающихся рекъ, заставляли этотъ городъ часто менять мѣсто. Извѣстно, что древній христіанскій городъ Алоа стоялъ въ 18 или 20 километрахъ выше «Хобота слона», на правомъ берегу Бахръ-эль-Азрека; тамъ найдено нѣсколько обломковъ колоннъ и изваяній, свидѣтельствующихъ о болѣе высокой цивилизациѣ государства, смѣнившаго беджасское царство Алоа. Въ настоящее время отъ этого города остались лишь безформенные развалины, заросшія кустарникомъ; послѣдніе остатки его зданій были утилизированы хартумскими строителями; вблизи этихъ руинъ раскинулась арабская деревня, «Старая Соба», а на противоположномъ берегу видныяются кирпичные и черепичные заводы «Новой Собы». Нѣкоторыя урочища указываются какъ мѣстоположеніе древнихъ церквей и носятъ название *киниссе*, очевидно происшедшее отъ слова *килисса*, которымъ обозначаются христіанскіе храмы въ турецкихъ земляхъ Европы и Азіи; даже въ окрестностяхъ Хартума, въ Бури, находится одна изъ этихъ кениссовъ. Недалеко отъ Водъ-Медине открыли склепы христіанского происхожденія: это наиболѣе удаленные, по направлению къ югу, слѣды древности, которые до сихъ поръ были найдены въ равнинахъ, пробѣгаемыхъ Голубымъ Ниломъ, по выходѣ его изъ Эгіопіи.

Послѣ разрушенія имперіи беджасовъ, городъ при слияніи Бѣлаго и Голубаго Ниловъ, включенный съ этого времени въ составъ царства фунджея, помѣстился нѣсколько сѣвернѣе, километрахъ въ двѣнадцати ниже теперешняго соединенія Бахръ-эль-Абіада и Бахръ-эль-Азрека: городъ этотъ, существующій донынѣ, хотя пришедший въ сильный упадокъ, есть Гальфайя, резиденція главнаго шейха племени джаланий. Одинъ рукавъ Нила, теперь высохшій или наполняющійся водой только въ періоды разлива, соединяется съ главнымъ русломъ къ западу отъ Гальфайи; городъ окруженнъ садомъ пальмъ, осѣняющихъ его хижины; напротивъ, недалеко отъ лѣваго берега, тянется небольшой массивъ холмовъ, долины котораго, приютившія тамъ и сімъ группы деревьевъ, даютъ начало, во времія дождей, ручьямъ или хера-

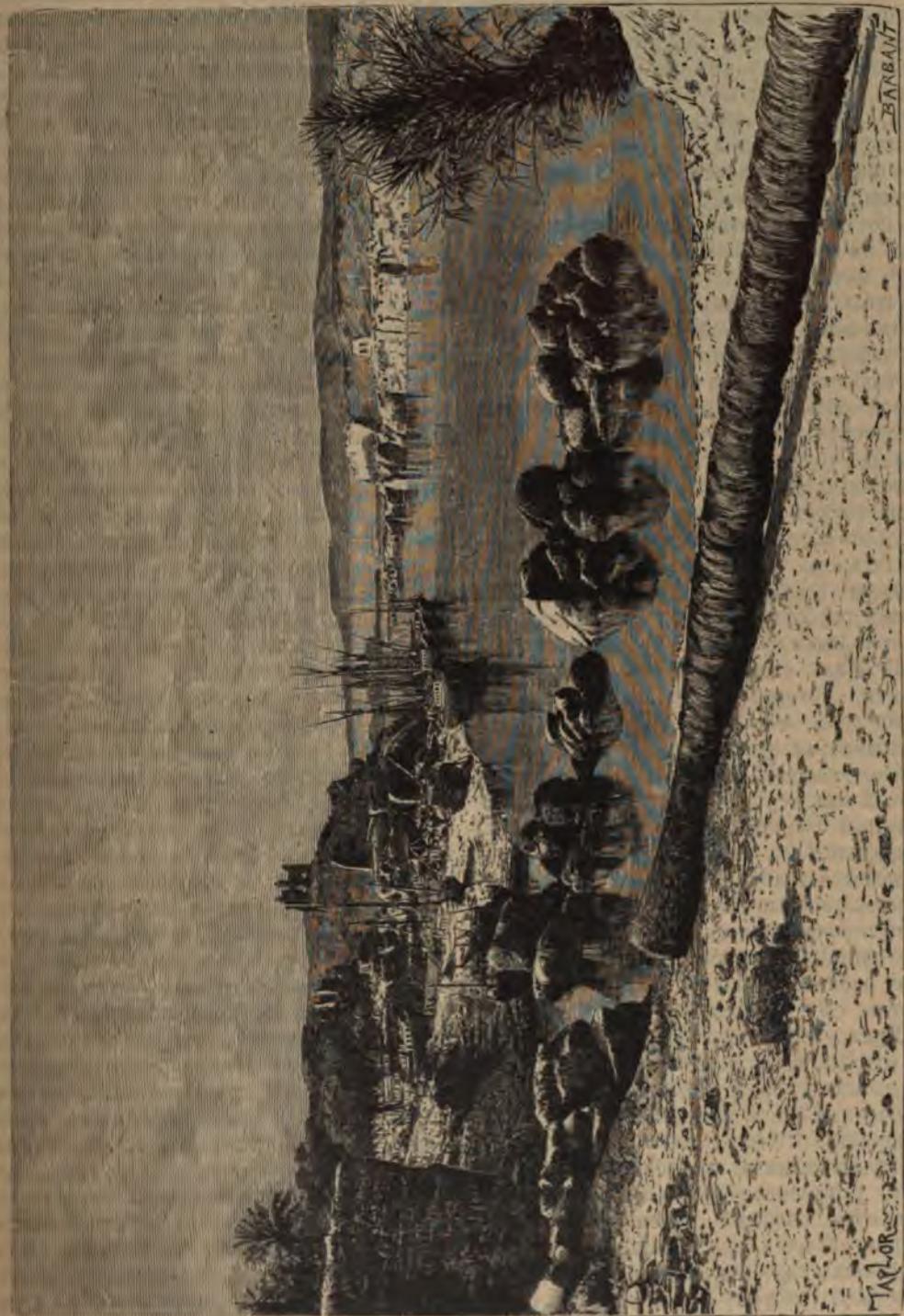
намъ, извижающимся въ равнинѣ. Взятый въ 1821 году египетскими войсками, городъ Гальфайя сохранилъ еще нѣсколько лѣтъ нѣкоторую важность, какъ стратегический стражъ и торговый складочный пунктъ сліянія; но самъ мысъ, образуемый двумя реками и называемый «Концомъ Хобота», или «Расъ-эль-Хартумъ», показался Могамету-Али болѣе удобнымъ мѣстоположеніемъ для будущей столицы его громадныхъ южныхъ владѣній, и онъ велѣлъ построить тамъ казармы и провіантскіе магазины; въ 1830 году стояла только одна хижина тамъ, гдѣ десять лѣтъ спустя красовался первый городъ Нильскаго бассейна, за предѣлами Египта. Хартумъ, защищенный съ сѣвера и запада широкими руслами двухъ рекъ, действительно очень хорошо помѣщенъ въ отношеніи обороны, а крѣпостныя стѣны, фланкируемыя бастионами и обведенныя рвомъ, охраняютъ его отъ неожиданного нападенія съ восточной и съ южной стороны; кромѣ того, укрѣпленный лагерь, расположенный на правомъ берегу Бахръ-эль-Абіада, близъ деревни Омдурманъ, облегчаетъ гарнизону переходъ черезъ реку къ западному берегу и командуется кордофанской дорогой; благодаря двумъ судоходнымъ рекамъ, пароходы, постоянно плавающіе взадъ и впередъ ниже Хартума, господствуютъ надъ всей страной, съ одной стороны до Рѣчной области, съ другой—до Бербера и Абу-Гамеда. События восьмидесятыхъ годовъ доказали, какъ велика стратегическая важность этой позиціи между двумя Нилами. Съ торговой точки зрѣнія, мѣстоположеніе Хартума будетъ менѣе выгодно до тѣхъ поръ, пока не построить моста на Бахръ-эль-Азрекѣ, для того, чтобы караваны, приходящіе изъ Эгіопіи, изъ Кассалы и съ береговъ Краснаго моря, могли доходить до самаго города. Однако, Хартумъ сдѣлался-было однимъ изъ большихъ городовъ африканскаго континента, и въ суетливомъ, занятомъ дѣлами населенія, которое толпалось до недавняго времени въ его кривыхъ, извилистыхъ улицахъ, европеецъ мѣшился съ турками, съ данагла или донгольцами, съ арабами, съ неграми всякаго племени и всевозможныхъ оттѣнковъ кожи; итальянскій діалектъ оспаривалъ у арабскаго привилегію быть общеупотребительнымъ языкомъ. Внѣшняя торговля почти всецѣло находилась въ рукахъ французовъ и грековъ; черезъ Хартумъ проходилъ весь торговый обмѣнъ Европы и Египта съ странами по Верхнему Нилу; черезъ этотъ же городъ производились всѣ экспедиціи, всѣ передвиженія войскъ; тамъ же снаряжались миссіи духовныя, коммерческія или научныя. Городъ солдатъ, купцовъ и невольниковъ, Хартумъ не имѣть замѣчательныхъ памятниковъ, и со всѣхъ сторонъ окруженнъ пространствами если не пустынными, то во всякомъ случаѣ безъ культуры или безъ древесной растительности.

¹⁾ Trémaux;—Lejean, цитированные сочиненія.

Въ эпоху беджасскаго господства берега обоихъ Ниловъ были, говорять, осѣнены непрерывнымъ лѣсомъ пальмъ, обвитыхъ гирляндами винограда. Хартумъ—городъ неиздоровый въ про-

здравіе въ Хартумѣ такъ же хорошо, какъ и во всякомъ городѣ Африки.

Нѣсколько деревень слѣдуютъ за Хартумомъ и за мѣстечкомъ Гальфайя на берегахъ Нила;

Сѣверный нубійскій портъ Ассуанъ

долженіе изибетной части года, когда дуютъ влажные вѣтры, поднимающіе уровень воды въ рѣкахъ: часто тифъ похищалъ болѣе чѣмъ десятаго изъ жителей, но зимой атмосфера очищается сѣверными вѣтрами, и общественное

но только на разстояніи слишкомъ 200 километровъ, въ землѣ джалинцевъ, мы встрѣчаемъ первый городъ, Шенди, собраніе домовъ въ формѣ наперстка, съ террасами слегка покатыми, которое занимаетъ, на берегу рѣки, про-

странство въ одинъ квадратный километръ. Шенди, лежащій ниже шестаго водопада, производить въ мирное время значительную торговлю съ городами предгорій Эїопії; напротивъ, на западномъ берегу Нила, расположился пригород Метамехъ, складочный пунктъ произведеній сѣвернаго Кордофана; въ сосѣдствѣ выщелачиваются песокъ пустыни, чтобы извлекать содержащуюся въ немъ поваренную соль. Въ этомъ самомъ Шенди Измаиль-паша, завоеватель Нубіи и береговъ Голубаго Нила до Фазогля, получилъ вполнѣ заслуженное наказаніе за избѣженія и пожары, произведенные по его приказанію: отправившись довѣрчиво на парадный объездъ, устроенный въ честь его начальникомъ края, онъ былъ сожженъ живымъ со всѣми своими офицерами. Но вскорѣ послѣ того зять Могамеда-Али, свирѣпый дефтердаръ, пролилъ цѣлые потоки крови, чтобы отмстить за эту смерть.

Въ этой области Нубіи мы находимся уже среди классической Эїопії, на почвѣ, гдѣ жили націи, увлеченные въ движение египетской цивилизациі. Многочисленныя развалины свидѣтельствуютъ о великолѣпіи древнихъ городовъ, и, по словамъ арабовъ, европейцы познакомились еще только съ небольшой частью памятниковъ старины, хранимыхъ пустыней. Въ одномъ днѣ ходьбы къ югу отъ Шенди, недалеко отъ Джебель-Ардана, въ мѣстности, называемой Нага, стоятъ два храма, покрытые изваяніями, которые представляютъ побѣды какого-то царя, носящаго атрибуты египетскаго фараона; къ одному изъ этихъ зданій ведеть аллея сфинксовъ. Путешественникъ Кальо, посѣтивший эти остатки древности, не замѣтилъ никакой надписи, по которой можно было опредѣлить съ точностью вѣкъ, къ которому относятся храмы въ Нага, но орнаменты греко-римского стиля дали ему основаніе заключить, что городъ существовалъ въ эпоху относительно новую. Впослѣдствіи Лепсіусъ открылъ римскую надпись и разныя изваянія, которые показались ему изображеніями Юпитера и Иисуса Христа¹). Километрахъ въ двадцати къ сѣверу отъ Нага, въ одной долинѣ пустыни, другой лабиринтъ разрушенныхъ строеній и грудъ обломковъ получилъ отъ арабовъ название Месауратъ. Центральное зданіе, лежащее теперь въ развалинахъ (желобчатыя колонны котораго, украшенныя рѣзьбой, но безъ іероглифовъ, суть, очевидно, произведенія эллинской архитектуры), представляетъ одно изъ обширнѣйшихъ строеній, какія намъ извѣстны: оно имѣетъ 870 метровъ въ окружности. Кальо полагаетъ, что это была коллегія жрецовъ; Госкинсъ, напротивъ, считаетъ это зданіе за городнымъ дворцомъ. Остатки города, въ ко-

торыхъ Кальо призналъ, въ 1821 году, древній Мероэ, «столицу Эїопії», находится километрахъ въ пятидесяти ниже Шенди, въ нѣсколькоихъ километрахъ отъ праваго берега Нила; посреди развалинъ разсыпано нѣсколько селеній, между прочимъ, деревня Эсъ-Суръ, по имени которой обыкновенно называютъ и сосѣдніи пирамиды или *тарифиль*²). Пилоны, храмы, колоннады, статуи, аллеи, обставлены фигурами животныхъ, существуютъ еще; но песчаникъ, служившій материаломъ для построекъ Мероэ и добываемый изъ сосѣднихъ каменоломенъ, менѣе проченъ, чѣмъ тотъ же камень, ломаемый въ Египтѣ. Пирамиды, въ числѣ около восьмидесяти, дѣлятся на три группы и стоять по большей части на холмахъ³): недостигаемые для воды во время разливовъ, эти памятники лучше противостояли разрушительному дѣйствію времени, чѣмъ строенія, воздвигнутыя въ равнинѣ. Тѣмъ не менѣе, ни одна изъ пирамидъ не сохранилась въ цѣлости: большинство ихъ были повреждены искателями кладовъ, и Лепсіусу, сопровождавшему военную экспедицію, лишь съ болѣшимъ трудомъ удалось помышлать систематическому истребленію всѣхъ памятниковъ древняго Мероэ. По своимъ размѣрамъ эїопскія пирамиды не могутъ сравниваться съ пирамидами Египта: самая большія имѣютъ менѣе 20 метровъ въ сторонѣ основанія; многія не выше 4 метровъ. Многочисленныя надписи, собранныя въ руинахъ Мероэ, позволили отыскать имена около тридцати государей, бывшихъ въ одно и то же время царями и главными жрецами; кромѣ того, установлено тожество наименованія самаго города, Меру или Меруа. Въ эпоху, когда строились эти зданія, іероглифы были уже устарѣлымъ письмомъ, точнаго смысла ихъ уже не понимали, а воспроизводили ихъ простымъ копированіемъ, невольно допуская при этомъ не мало ошибокъ, которая дѣлаютъ чтеніе надписей труднымъ и сомнительнымъ. Большинство надписей сдѣланы эїопскимъ демотическимъ письмомъ, происшедшими отъ такого же письма египтянъ, но заключающимъ не болѣе тридцати знаковъ; въ этихъ надписяхъ, еще не вполнѣ разобранныхъ, стараются отыскать древній языкъ блеммисовъ, предковъ беджасовъ. Напротивъ Мероэ, на западномъ берегу Нила, простиравлось, кажется, общественное кладбище большаго города: значительныя пространства усыпяны тамъ маленькими пирамидами, очевидно составлявшими подражанія въ миниатюрѣ пирамидамъ высокопоставленныхъ лицъ, похороненныхъ на правомъ берегу рѣки.

Въ бассейнѣ Атбары, ограничивающемъ съ восточной стороны полуостровъ, который

¹⁾ Richard Lepsius, „Briefe aus Aegypten, Aethiopien und der Halbinsel des Sinai“.

²⁾ Ch. Didier, „Cinq cents lieux sur le Nil“.

³⁾ Hoskins, „Travels in Ethiopia“.

древние называли «Островомъ Мероэ», города теперь немногочисленны, несмотря на плодородіе долинъ и здоровый климатъ, которымъ пользуется большая часть этой территории. Большинство ихъ не болѣе, какъ торговыя мѣстечки, торжки, кишащіе народомъ во время ярмарокъ и совершенно пустѣющіе на другой день послѣ рынка. Между этими «городами», нанесенными на карты Судана, есть и такие, которые въ дѣйствительности представляютъ простыя прогалины въ лѣсу или голыя пространства на плоскомъ берегу рѣкъ¹⁾; самые большие изъ нихъ—Горгуръ и Донгуръ, лежащіе къ западу отъ эзіопскихъ плоскогорій, въ землѣ арабовъ дабайна и негровъ «шангала».

Метаммехъ, столица территории Галабатъ, и часто обозначаемая именемъ своей провинціи, является въ сухое время года самымъ дѣятельнымъ центромъ торгового обмѣна между беджасскими равнинами и плоскогоріями Эзіопіи; на югѣ высятся горделивые кручи горъ Расть-эль-Филь, или «Голова Слона». Метаммехъ сминалъ, какъ большой рынокъ, другую деревню Канара, лежащую въ сосѣдствѣ. Въ сравненіи съ окрестными селеніями, представляющими кучки невзрачныхъ лачугъ, Метаммехъ почти имѣть видъ большого города; вмѣстѣ съ токулями, разсѣянными въ окрестностяхъ, среди полей, засѣянныхъ табакомъ или дуррой, и плантаций хлопчатника, онъ занимаетъ пространство около 100 квадр. километровъ. Разоренный ордами свирѣпаго Феодора, негуса абиссинскаго, Метаммехъ скоро оправился отъ разгрома и пріобрѣлъ всю свою прежнюю важность; косогоры вдоль рѣки Мешарехъ, притока Атбary, вновь покрылись хижинами и амбарами, гдѣ купцы устроили свои склады: арабы, фунджи и беджасы опять стали посѣщать метаммехскій рынокъ; вокругъ ярмарочного поля тянется рядъ кирпичныхъ домовъ, нижний этажъ которыхъ наполненъ товарами. Пять или шесть тысячъ торговыхъ людей, по большей части арабовъ, сходятся на ярмарки въ Метаммехъ; кромѣ того, болѣе тысячи абиссинцевъ—носильщиковъ, дровосѣковъ, продавцовъ меда (напитка)—спускаются съ своихъ горъ, чтобы подбирать крохи, падающія съ пиршественного стола. Многочисленные крокодилы играютъ въ водахъ Мешареха, не пугаясь движущейся на берегу шумной толпы, но и не нападая ни на кого: жизнь ихъ поставлена подъ защиту галабатскаго шейха²⁾. Большинство постоянныхъ жителей состоятъ изъ такруровъ, которые подаютъ окрестнымъ населеніямъ примѣръ трудолюбія и промышленной инициативы. Эти такруры не только привозятъ изъ Эзіопіи кожи, кофе, соль, слоновую кость, разныя ткани и животныхъ,

верховыхъ и выочныхъ, чтобы продавать всѣ эти предметы купцамъ, пріѣзжающимъ съ Нила, но также собираютъ заботливо произведенія своей собственной страны: медь, воскъ, табакъ, маисъ, камедь, ладанъ, красильный и фармацевтическія вещества¹⁾; они же продаютъ абиссинцамъ наибольшую часть хлопка, въ которомъ тѣ нуждаются для тканья своихъ тогъ. Изъ провинціи Судана такруры получаютъ въ особенности стеклянныя издѣлія, оружіе и талеры Маріи-Терезіи, которые служатъ исключительно монетой въ сѣверной Эзіопіи. Что касается торговли невольниками, до недавнаго времени болѣе дѣятельной, чѣмъ всѣ другія отрасли торговли, то известно, что она была нѣсколько разъ официально запрещаема, но каждый разъ возобновлялась, только этотъ торгъ живымъ товаромъ не производился болѣе публично, на базарной площади; въ 1879 году общая выручка за проданныхъ рабовъ простирилась до 500.000 франковъ слишкомъ²⁾. Во время египетскаго господства хартумскій губернаторъ содержалъ въ Галабатѣ гарнизонъ въ 2.000 человѣкъ. Въ настоящее же время Галабатъ составляетъ независимое княжество, не платящее болѣе даніи ни Египту, ни Эзіопіи.

Городъ Дока, на дорогѣ изъ Метаммеха въ Абу-Ахразъ, при слияни Рахада съ Голубымъ Ниломъ, есть, такъ сказать, торговый аванпостъ Галабата. Но главнымъ торговымъ центромъ, если не постояннымъ, то по крайней мѣрѣ времененнымъ, въ этой области равнинъ, является сукъ Абу-Синъ, или «рынокъ Отца Сина», называемый также Гедарефъ, по имени провинціи, въ которой онъ находится. Въ сезонъ дождей сукъ Абу-Синъ посѣщается только кочевниками изъ окрестныхъ мѣстностей; но по окончаніи харифа (дождливаго периода), когда Атбара и другія рѣки равнины опять дѣлаются переходимыи въ бродъ, и когда купцы не имѣютъ болѣе причины опасаться, для своихъ верблюдовъ и другихъ животныхъ, ужаленія ядовитой муки, караваны прибываютъ со всѣхъ сторонъ, и тогда на ярмарочномъ полѣ собирается до 15.000 человѣкъ. До войны главныя статьи торговли на абу-синскомъ рынке были камедь, воскъ, соль, хлѣбъ, скотъ, и къ толпѣ арабовъ и беджасовъ въ то время примѣшивались греческіе негоціанты. Мѣстечко Томатъ, при слияни Сеттита и Атбary, тоже производить кое-какую торговлю; Гость-Реджебъ, на лѣвомъ берегу Атбary, лежитъ на караванной дорогѣ между Шенди и портомъ Массова. Развалины, видѣнныя Бурхардтомъ, напоминаютъ, что караваны египетскихъ купцовъ проходили также и въ этомъ мѣстѣ, отправляясь изъ Мероэ на берега Адулиса.

¹⁾ Guillaume Lejean, „Voyage en Abyssinie“.

²⁾ Luigi Caprotti, „Esploratore“, maggio 1882.

¹⁾ Th. von Heuglin, „Reisen in Nordost-Afrika“.

²⁾ Gessi, „Esploratore“, 1879, № III.

Въ настоящее время важнѣйшій городъ страны — Кассала-эль-Лузъ, столица провинціи Така и съ 1840 года главная крѣпость всей области, заключающейся между Ниломъ и Краснымъ моремъ; туземцы называютъ его также Гашъ, по имени рѣки, на берегу которой онъ расположень. Этотъ городъ, бывшій плацдармъ египтянъ противъ Эюопіи, затѣмъ очищенный стоявшимъ въ немъ мусульманскимъ гарнизономъ, кажется, предназначенъ служить абиссинцамъ передовыемъ укрепленнымъ пунктомъ противъ магометанскихъ населеній равнинъ: смынивъ Египетъ, въ качествѣ суверенной державы Судана, Великобританія сдѣлала «царю царей» этотъ подарокъ, въ знакъ радостнаго вступленія во власть въ доброго сосѣдства. Расположенная на высотѣ 570 метровъ, у западнаго основанія «семиглаваго» массива гранитныхъ скалъ, возвышающагося на 300 слишкомъ метровъ надъ равниной и ея лѣсами пальмы думъ, Кассала представляетъ восхитительное зрѣлище, одно изъ живописнѣйшихъ, какія можно встрѣтить въ Африкѣ. Она, говорять, смынила еще болѣе значительный городъ, Факи-Эндоа, простиравшійся вдоль рѣки, въ разстояніи четырехъ или пяти верстъ отъ нынѣшняго. Доминирующий крѣпкимъ замкомъ, слѣды которого еще видны на одной изъ «главъ» сосѣдней скалы, этотъ городъ былъ столицей націи галленга, могущественной въ то время, но нынѣ очень малочисленной, состоящей изъ жалкихъ группъ пастуховъ и земледѣльцевъ. Гора изрыта гротами, гдѣ, говорять, простирается подземное озеро, и лабиринты которыхъ были нѣкогда обитаемы человѣкомъ; нѣсколько троглодатовъ живутъ, будто-бы, и теперь въ галлереяхъ скалъ. По своему положенію на нижнемъ теченіи рѣки Гашъ или Маребъ, Кассала командуетъ распределеніемъ водь въ прибрежныхъ равнинахъ; одинъ паша даже хотѣлъ-было сдѣлаться неограниченнымъ властителемъ существованія сосѣднихъ племенъ, задерживая теченіе рѣки передъ Кассалой, чтобы отбросить ее къ югу и тѣмъ заставить гаденоасовъ прійти съ покорной просьбой продать имъ струйку воды для орошенія ихъ полей. Подъ руководствомъ одного europейца, по имени Верне, не постыдившагося участвовать въ этомъ несправедливомъ дѣлѣ, была сооружена плотина длиной въ 1.613 метровъ, запрудившая теченіе Гаша и заставившая его течь въ западнія степи; но гаденоасы, понимая, что дѣло идетъ объ ихъ жизни, напали на запруду съ такимъ осторожнѣемъ, несмотря на защищавшихъ ее солдатъ, что скоро пробили брешь, и вода опять вступила въ свое обычное русло¹⁾. До возстанія племенъ, пови-

нущихся маҳди, Кассала имѣла весьма важное значеніе, какъ транзитное мѣсто для отправки хлопка; и теперь еще можно видѣть обширный заводъ для эгрированія, гдѣ занимались сотни рабочихъ, съ помощью паровой машины; кроме того, Кассала приготовляла кожу, выдѣлывала циновки и фабриковала мыло. Первая, относящаяся еще къ 1865 году, попытка египетскаго правительства установить сообщеніе Кассалы съ Берберомъ, Суакимомъ и Массовою посредствомъ телеграфныхъ линій не увенчалась успѣхомъ: потеряли болѣе 8.000 верблюдовъ въ этомъ предприятіи; въ 1871 году новый опытъ былъ болѣе удаченъ, и, наконецъ, построили цѣлую сѣть телеграфовъ, станціи которыхъ служили въ то же время каравансарами для путешественниковъ²⁾. Отъ Кассалы до Массовы считаются шестнадцать дней ходьбы по дорогѣ, вдоль которой былъ проведенъ, черезъ землю племени богосовъ, телеграфъ, теперь разрушенный. Колодцы были выкопаны подлѣ каждой станціи между Кассалой и Абу-Ахразомъ²⁾.

Въ сосѣдствѣ съ Кассалой находится нѣсколько деревень, обитаемыхъ осѣдлыми населеніями изъ племени галленга, гаденоаса или базенъ, а въ сухое время года кочевники располагаются времennymi становищами въ высохшемъ ложѣ Гаша. Километрахъ въ тридцати къ востоку оттуда, мѣстечко Сабдератъ, ремесленники которого ткуть матеріи, обдѣлываютъ кожу, шьютъ бабушки, напоминаетъ о чудовищныхъ жестокостяхъ свирѣпаго дефтердара, который перебилъ всѣхъ жителей и велѣлъ воздвигнуть въ этомъ мѣстѣ пирамиды изъ труповъ, чтобы заразить атмосферу и тѣмъ воспрепятствовать новому заселенію страны. На сѣверъ отъ Сабдерата слѣдуютъ одно за другимъ два большихъ гаденоасскихъ села, Миктинаѣбъ и Филикъ, имѣющія нѣкоторую важность, какъ торговыя мѣста. На юго-востокѣ, базенскіе земледѣльцы, на половину обращенные въ исламъ, населяютъ деревню Элить, построенную на высотѣ 400 метровъ надъ равниной, на неприступной почти террасѣ, на половинѣ гранитной горы, вершина которой какъ бы выдолблена и представляетъ четыреугольный бассейнъ, распахиваеый и засѣваемый хлѣбными растеніями; эта Элитская котловина есть, вѣроятно, не что иное, какъ провалъ почвы, какіе часто встречаются въ горныхъ породахъ, изрытыхъ внутри пещерами. Къ сѣверу отъ Элита, уже на покатости хора Барка, деревня Альгаденъ или Альгеденъ состоитъ изъ хижинъ, разсыпанныхъ между обвалившимися каменными глыбами, на скатахъ горы Даблотъ или Доблутъ, господствующей надъ обширнымъ горизонтомъ холмовъ и равнинъ между двумя рѣками, Маре-

¹⁾ Ferdinand Werne, „Feldzug von Sennar nach Taka, Basa, und Beni-Amir“.

²⁾ Rokeby, „Journal of the R. Geographical Society“, 1874.

³⁾ Penazzi, „Esploratore“, agosto 1882.

бомъ и Баркой. Альгаденъ лежитъ на дорогѣ, которую та��уры ходить въ Мекку на поклоненіе гробу Магомета; переходя изъ деревни въ деревню, эти странники платить за пріютъ и харчи проповѣдями, молитвами и амулетками¹⁾; они уже обратили въ исламъ альгаденское населеніе, въ большей части базенскаго происхожденія. Въ сосѣдней равнинѣ, жители Альгадена и Сабдерата одержали, около 1870 года, кровопролитную побѣду надъ арміей абиссинцевъ, которые оставили девять тысячъ своихъ на полѣ сѣчи²⁾. Къ юго-востоку отъ Альгадена, въ землѣ бареасовъ, между рѣками Гашъ и Баркой, египтяне недавно основали двѣ военные станціи, Куфить и Амидебъ. Первая была покинута въ 1875 году, но Амидебъ былъ еще оккупированъ въ эпоху всеобщаго возстанія племенъ; это одно изъ тѣхъ мѣсть, которая Англія, по трактату, напередь отдала абиссинцамъ. Далѣе, за этими военными постами, на скалѣ, высящейся къ востоку отъ долины рѣки Аисеба, пріютилось мѣстечко Долька, бывшее долго неодолимымъ для солдатъ хедиза. Въ сопѣствѣ видны развалины города и христианскихъ церквей, носящія надписи египетской или гимаритской³⁾. Главное мѣстечко въ землѣ племени габабъ, Афъ-Абадъ или Тамариамъ, лежитъ въ кругообразной равнинѣ, у подножія крутой горы, бока которой во многихъ мѣстахъ изрыты пещерами.

Ниже Кассалы, на р. Гашъ, и Гось-Реджеба, на р. Атбарѣ, есть только одинъ городъ въ этомъ бассейнѣ, Эдъ-Дамеръ, лежащий къ югу отъ сланія, на южномъ полуостровѣ, который образуютъ Нилъ и устье Атбары; тамъ жило племя макаберабовъ, въ которыхъ Швейнфуртъ и Лежантъ предполагаютъ макробіевъ (долговѣчныхъ людей), почти легендарныхъ, древнаго мира. Но этотъ городъ, бывшій прежде очень дѣятельнымъ рынкомъ, нынѣ утратилъ свою торговую важность, сдѣлавшись городомъ святыхъ и учителей ислама; онъ имѣть пирамиды, никогда знаменитые разсадники мусульманской пропаганды, но давно уже пересталъ быть сборнымъ мѣстомъ купеческихъ каравановъ: торговое сланіе Нила и его сѣверно-эзопскихъ притоковъ находится въ километрахъ пятидесяти ниже Эдъ-Дамера, на томъ же берегу великой рѣки. Берберъ, недавно бывшій главнымъ городомъ египетской провинціи того же имени, есть самый значительный складочный пунктъ между Хартумомъ и границею собственного Египта. Названный такъ по имени обитающей въ этой области Нубіи народу барабра, Берберъ официально носить наименование эль-Мехайръ, эль-Мухайрефъ или эль-Мешерифъ. До послѣдней войны, во время которой этотъ городъ былъ почти совершенно разрушенъ,

онъ тянулся по берегу рѣки на пространствѣ нѣсколькихъ километровъ, и его бѣлые дома съ террасами выглядывали изъ зелени и пальмъ. Нѣсколько садовъ окружаютъ Берберъ, но тотчасъ же за городской чертой начинаются невоздѣланныя, почти пустынныя пространства, посѣщаемыя только кочующими бишаринами. Изъ Бербера выходитъ наиболѣе посѣщаемая караванная дорога между Среднимъ Ниломъ и Краснымъ моремъ, на которой колодцы служатъ мѣстами роздыха: въ этомъ мѣстѣ разстояніе, раздѣляющее рѣку и море, составляетъ, по извилистой дорогѣ пустыни, всего только 420 километровъ. Съ достаточнымъ запасомъ провизіи и воды, путешественники легко могутъ пройти это пространство менѣе, чѣмъ въ недѣлю, хотя обыкновенно они употребляютъ двѣ недѣли; въ настоящее время для этого достаточно нѣсколькихъ дней, благодаря желѣзно-дорожной линіи, соединяющей Суакимъ съ маленькимъ портомъ Гандубъ, лежащимъ южнѣе, на токарской дорогѣ, и сдѣлавшей Берберъ экспедиціоннымъ портомъ для торговли всего Верхняго Судана. Двѣ караванныя дороги, соединяющія Берберъ съ Суакимомъ, идутъ по обширнымъ песчанымъ пространствамъ, гдѣ не найдешь ничего, кромѣ колодцевъ солоноватой воды; затѣмъ онѣ взираются на гранитныя и порфировыя высоты: горный проходъ Гаратри, служащий водораздѣльнымъ порогомъ между бассейномъ Нила и бассейномъ Краснаго моря¹⁾, лежитъ на высотѣ почти 900 метровъ, между двухъ горъ, поднимающихся вдвое выше. До войны, ежегодно около 20.000 верблюдовъ, навьюченныхъ камедью, совершили переходъ черезъ пустыню между двумя названными городами²⁾.

Суакимъ или Савакинъ—самый безопасный портъ на всемъ Черномъ морѣ. По расположению мѣстности онъ походить на Массовскій портъ. Береговой поясъ коралловыхъ мелей прерывается извилистымъ каналомъ, который вдается на 4 километра внутрь твердой земли и оканчивается бассейномъ овальной формы, имѣющимъ около 2 километровъ протяженія съ сѣвера на югъ. На западной сторонѣ песчаныя отмели, съуживающія эту водяную площадь, продолжаются низменными берегами, поросшими лѣсами и корнепусковъ. Два круглыхъ острова, окаймленные подводными камнями, выступаютъ на нѣсколько метровъ надъ поверхностью бассейна: одинъ изъ этихъ острововъ, называемый островомъ Шейха Абдаллы, не заключаетъ никакихъ строеній, кромѣ надгробныхъ памятниковъ на кладбищѣ; на другомъ, лежащемъ южнѣе, построены собственно городъ Суакимъ. Между этими двумя островами и находится главная гавань, по корабли

¹⁾ Manzinger, "Ostafrikanische Studien".

²⁾ Josef Menges, "Petermann's Mittheilungen", 1884. V.

³⁾ Sapeto, "Petermann's Mittheilungen", 1861. VIII.

¹⁾ Colborne, "Cornhill Magazine", may 1884;—Mosconas, "Exploration", 1 fevrier 1884.

²⁾ A. Bernard, "Bevues modernes", 1 octobre 1884.

самаго большаго водоизмѣщенія могутъ становиться на якорь также и на сѣверѣ отъ острова Шейха Абдаллы; въ этомъ бассейнѣ, представляющемъ родъ озера, почти со всѣхъ сторонъ окруженнаго твердой землей, суда совершенно защищены отъ вѣтровъ и волненій моря. Суакимскій портъ, открывающійся среди морскихъ водъ, очень опасныхъ своими многочисленными рифами, вполнѣ заслуживаетъ название «Гавани боговъ спасителей», которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, было дано ему во времена Птоломеевъ. До недавнихъ военныхъ событій, доставившихъ Суакиму громкое имя въ современной исторіи, портъ его ежегодно посыпало около дюжины пароходовъ и до трехсотъ арабскихъ барокъ, привозившихъ рисъ, финики, соль, раковинки каури и европейскіе товары, чтобы брать въ обмѣнъ невольниковъ, моловъ, краснаго звѣря и различныя произведенія области эйопскихъ предгорій, какъ-то: камедь, слоновую кость, страусовая перья, кожи, воскъ, мускусъ, зерновые хлѣба и кофе. По Амичи, въ 1880 году въ Суакимскій портъ приходило 758 судовъ, общая вмѣстимость которыхъ равнялась 171.681 тоннѣ. Цѣнность вывезенныхъ изъ этого порта товаровъ простиралась въ 1879 году до 6.414.025 франковъ. Въ Суакимѣ происходитъ посадка на суда пилигримовъ, отправляющихся въ Мекку, въ числѣ отъ шести до семи тысячъ ежегодно; переѣздъ черезъ Красное море, до порта Джедда составляетъ около 350 километровъ, включая сюда уклоненія отъ прямаго пути для обхода рифовъ. Торговцы невольниками, приѣзжающіе изъ внутренней части страны, являются въ качествѣ простыхъ путешестvenниковъ, но въ сопровожденіи женъ, наложницъ, прислуги. По возвращеніи же изъ Аравіи въ Суакимъ, они уже не имѣютъ при себѣ ни женъ, ни служителей¹); разводъ, бѣги, разныя непредвидѣнныя обстоятельства, какъ они рассказываютъ, избавили ихъ и отъ семьи, и отъ челяди.

Городъ состоитъ изъ каменныхъ домовъ, съ красивыми рѣзными балконами и мушарабіе, надъ массой которыхъ тамъ и сямъ возвышаются стройные минареты мечетей. Это городъ-космополитъ, гдѣ коммерческая инициатива принадлежитъ главнымъ образомъ арабамъ; турки, гедарме, или «уроженцы Гадрамаута», встречаются здѣсь съ греческими или малѣтійскими негоціантами и съ западными людьми. Туземное же населеніе, обитающее въ шалашахъ изъ древесныхъ вѣтвей, покрытыхъ циновками, живетъ на материкѣ, въ предмѣстьѣ Эль-Кефъ, гораздо болѣе обширномъ, чѣмъ самый городъ; оно соединено съ островомъ, гдѣ расположены Суакимъ, низкимъ мѣстомъ около сотни метровъ длиной, а съ 1884 года также желѣзодорож-

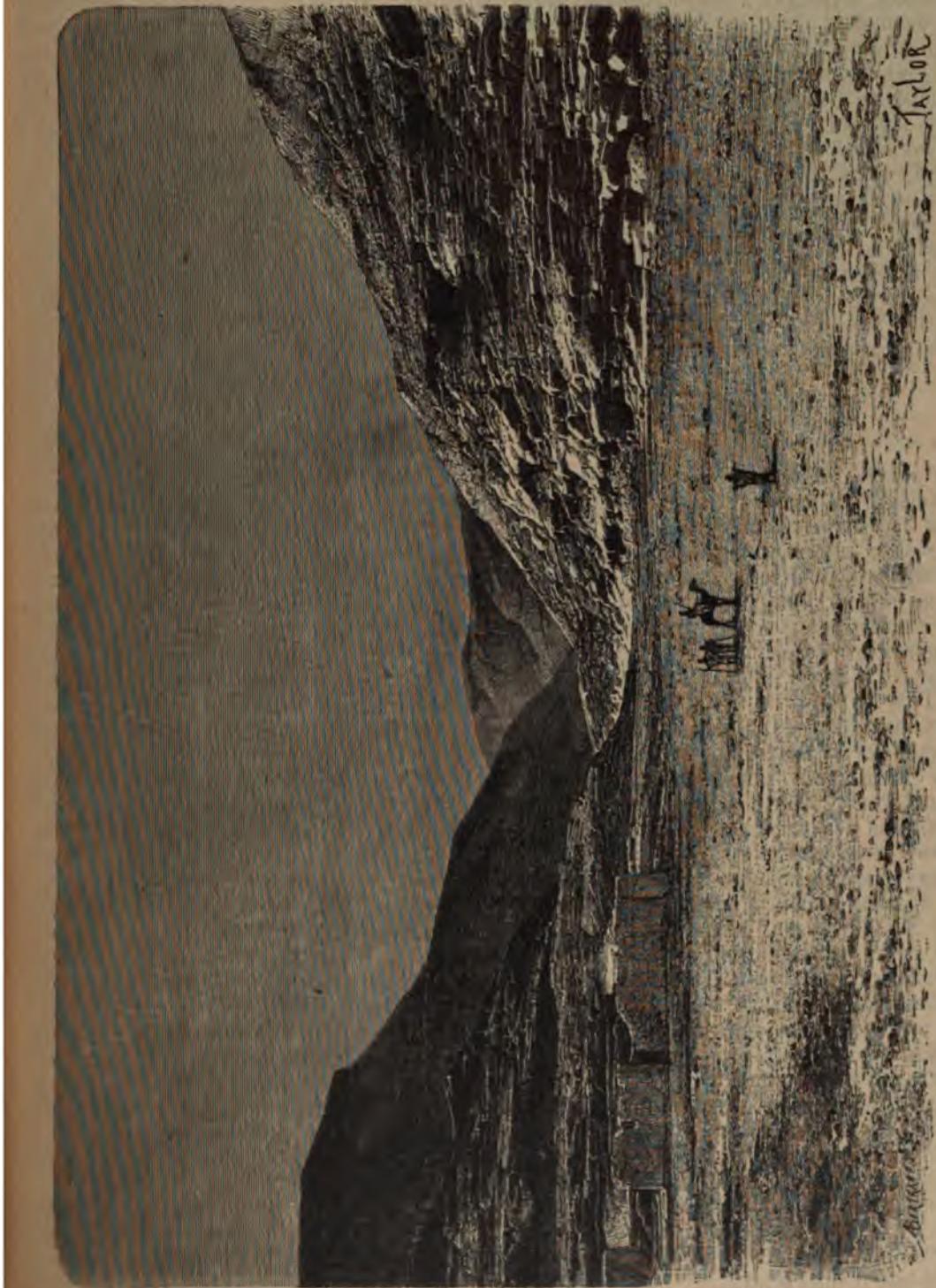
нымъ путеводомъ. Эль-Кефъ окаймляетъ своими хижинами южный плоскій берегъ бассейна, противъ Суакима, и продолжается по обѣ стороны берберской дороги. Гаденоасы, населяющіе этотъ пригородъ, занимаются перевозкой и нагрузкой товаровъ, снабженіемъ города предметами первой необходимости: топливомъ, говядиной, птицей, масломъ, плодами, овощами, годной для питья водой; въ зимнее время они вдвое многочисленнѣе, чѣмъ лѣтомъ, когда часть ихъ пасеть стада на сосѣднихъ высокихъ горахъ. Суакимъ, хорошо защищенный отъ набѣговъ грабителей своимъ островнымъ положеніемъ, безусловно зависитъ въ отношеніи своего продовольствія отъ материcovаго пригорода Эль-Кефъ, вслѣдствіе чего принуждены были окружить послѣдній поясомъ укрѣплений, чтобы отражать нападенія арабовъ и беджасовъ, возставшихъ противъ египетскаго правительства. Капитальная важность Суакима для торговли и политическаго могущества вполнѣ оцѣнена воюющими сторонами: кровопролитная дѣла, имѣвшія мѣсто въ его окрестностяхъ, на западѣ близъ Синкатскаго укрѣпленія лагеря и Таманіехскихъ колодцевъ, на юго-востокѣ передъ крѣпостью Токаръ и въ оазисѣ Эль-Тебъ, доказываютъ, что какъ важно было бы мусульманскому миру установить свободныя сообщенія между Меккой, духовной столицей ислама, и Африкой, самой обширной его провинціей, населенной самыми пылкими и ревностными его послѣдователями. Но Великобританія зорко стережетъ эту дверь африканскаго континента, и теперь она, отъ имени Египта, окончательно завладѣваетъ Суакимомъ, чтобы завоевать весь бассейнъ Верхняго Нила своей торговлѣ и своему вліянію. До сихъ поръ возставшіе беджасы могли имѣть лишь случайныя сношенія со своими единовѣрцами на противоположномъ берегу моря, при помощи барокъ, уходившихъ украдкой по ночамъ изъ маленькихъ портовъ побережья. До блокады Суакима возставшими арабами, нѣгоціантъ этого города проводили лѣтній сезонъ на дачахъ въ прелестной, живописной долинѣ Синкатъ, которая открывается, на высотѣ 262 метровъ, между потухшими вулканами и холмами изъ красноватаго мергеля, отличающагося замѣчательнымъ плодородiemъ; горные скаты, выровненные въ видѣ террасъ, засажены акаціями и фруктовыми деревьями. Токаръ, крѣпостца въ плодоносной равнинѣ, гдѣ воды Барки развѣтвляются тысячью ирригационныхъ каналовъ и канавъ, стояла посреди этой житницѣ провинціи; въ періодъ сѣва и въ періодъ жатвы и сбора плодовъ болѣе двадцати тысячъ работниковъ толпились на поляхъ вокругъ Токара.

Города Верхней Нубіи, съ приблизительной цифрой ихъ населенія, указываемой путешественниками:

Бимбashi (Фадаси)—1.000 жит.; Фамака (Фа-

¹) A. Bernard, „Revue moderne“, 1 novembre 1884.

зогль)—2.000; Розересь, по Бельтраму—8.000; Капротти—8.000; сукъ Абу-Синъ—3.000; Кас-
Каркоджъ—2.000; Сеннааръ—8.000; Водъ-Ме-
дине, по Марно—2.000; Мессаламіе, въ 1862
г. (Лежанъ)—18.000; Абу-Ахразъ, по Мог.
Мухтару—7.000; Дока—5.500; Хартумъ, въ
г.—11.000; Токаръ—4.000.

Путь изъ Короско въ Абу-Гаметъ.

1882 г.—70.000; Гальфайя, по свѣд. англ. ген. шт.—3.500; Шенди, по свѣд. англ. ген. шт.—2.500; Гость-Реджебъ, по Рокби—1.500; Филикъ, по Рокби—1.000; Метаммехъ (Галабатъ), по

Нѣкоторая изъ гаваней (*марса* или *мирса*)
сосѣднаго морскаго берега могутъ имѣть болѣе
или менѣе важное значеніе въ будущемъ, когда
горы и холмы внутренней части страны по-

кроются селеніями и воздѣланными полями. Одною изъ наиболѣе полезныхъ гаваней, какъ выходитъ изъ долины хора Барка, будетъ, безъ сомнѣнія, портъ Акикъ, обширный и глубокій бассейнъ, хорошо прикрытый, подобно бассейну Суакима, островами и полуостровами; этотъ портъ безспорно одинъ изъ лучшихъ во всемъ Красномъ морѣ. На главномъ островѣ рейда одно племя націи бени-амерь основало маленькую деревню Бадуръ, передъ которой даже большие корабли могутъ смѣло бросать якорь, такъ какъ глубина тамъ отъ 7 до 8 метровъ. Въ сосѣдствѣ Суакима и Атика морская вода буквально кишитъ животными: часто поверхность моря бываетъ покрыта на необозримое пространство маленькими волнами, которая можно принять за рябь, поднимаемую бризомъ; на самомъ же дѣлѣ это волненіе производить маленькия рыбки, изъ рода сардинокъ, миллиардами играющія въ верхнихъ слояхъ воды.

IX. Кордофандъ.

Эта страна, бывшая египетская провинція, сдѣлавшаяся въ началѣ 1883 года центромъ нового завоевательного государства, по всей видимости, недолговѣчнаго, составляетъ совершенно особую естественную область, хотя она и не имѣетъ точныхъ границъ. Въ цѣломъ она образуетъ большой четырехугольникъ, простиравшійся съ сѣвера на югъ, параллельно течению Нила между слѣяніемъ Собата и слѣяніемъ Голубой рѣки. На югѣ и на востокѣ Кордофандъ, или Кордофаль, имѣетъ естественными границами низину, орошаемыя водами Нила; на сѣверѣ и на западѣ онъ сливается съ степами, по которымъ бродятъ кочующія племена. Общая поверхность этого края, которую, впрочемъ, невозможно было бы измѣрить, не даетъ ему какихъ-либо чисто условныхъ границъ, можетъ быть исчисляема приблизительно въ 250.000 квадр. километровъ, слѣдовательно, почти равна половинѣ Франціи. Это пространство весьма рѣдко населено: въ 1875 году американецъ Праутъ, офицеръ египетской арміи, въ своемъ общемъ описаніи провинціи Кордофана, сообщилъ результаты народной переписи, по которой постоянные жители 854 городовъ и деревень этой провинціи оказались въ числѣ 164.740 человѣкъ. Въ это же время кочевыя племена заключали въ своею общемъ составѣ около 114.000 человѣкъ; но это число не полное, такъ какъ тогдашній египетскій губернаторъ не пытался пересчитывать бывшихъ южныхъ горцевъ¹⁾. Покамѣстъ, впередъ до собранія болѣе точныхъ статистическихъ данныхъ, совокупность народонаселенія Кордофана мож-

но приблизительно считать въ 300.000 человѣкъ; при этой цифре плотность населенія выражается такъ, что среднимъ числомъ на каждые пять квадр. километровъ приходится шесть жителей. Войны часто опустошили этотъ край, и полагаютъ, что число его жителей значительно уменьшилось со времени поголовныхъ избѣгній, произведенныхъ по приказанію Могамедъ-бея, страшнаго дефтердара, или «казнохранителя», который завоевалъ эти области для своего тестя, Могамеда-Али. Новые побоища обагрили кровью страну съ того времени, какъ «вождь», или мауди, сдѣлалъ Кордофандъ центромъ своей имперіи, и въ станахъ его воинства была провозглашена священная война.

По общему скату почвы Кордофандъ принадлежитъ къ Нильскому бассейну: если бы дожди были довольно обильны, хераны, нынѣ изсякающіе при выходѣ изъ горныхъ долинъ, спускались бы до Бѣлаго Нила; даже воды, стекающія по западной покатости страны, находятъ временами дорогу къ Нилу, съ одной стороны черезъ Кейлакъ и Бахръ-эль-Газаль, съ другой — черезъ Уади-Мелекъ. Впрочемъ, уровень почвы, средняя высота которой отъ 400 до 500 метровъ, мало измѣняется въ большей части края: во многихъ мѣстахъ воды истечения должны бы были блуждать безъ опредѣленія пути, прежде чѣмъ вырыть себѣ правильное русло по направлению къ Нилу. Почти на всемъ своемъ протяженіи Кордофандъ представляется слегка волнистую степь, по которой разсыпаны горки въ нѣсколько метровъ высотой, служащія караванамъ верстовыми столбами во время длинныхъ часовъ странствованія: тамъ легко было быѣздить на колесахъ и замѣнить перевозку на спинѣ верблюдовъ перевозкой въ экипажахъ²⁾. Среди равнинъ поднимаются тамъ и сямъ уединенные пики, величественные на видъ, благодаря общему однообразію пространствъ, надъ которыми они господствуютъ; одинъ изъ нихъ, Джебель-Кордофандъ (850 метровъ), давшій свое имя всей странѣ, высятся километрахъ въ двадцати къ востоку отъ главнаго города Эль-Обеній; недалеко отъ этого массива вѣдмается почти правильная пирамида горы Джебель-эль-Айнъ. Поверхностные слои почвы почти вездѣ состоять изъ гранитнаго песку, распавшихся обломковъ горъ; песокъ этотъ содержитъ въ изобилии частицы слюды и смѣшанъ съ нечистыми глинами; на глубинѣ отъ 20 до 50 метровъ находить пласти слюдяного сланца.

Въ 200 километрахъ (среднее разстояніе) къ западу отъ Нила средняя область Кордофана приподнята въ видѣ горныхъ массивовъ, вершины которыхъ возвышаются на нѣсколько сотъ метровъ надъ уровнемъ равнинъ. На

¹⁾ H. G. Prent, „General Report on the province of Kordofan“.

²⁾ Wilson and Felkin, „Uganda and Egyptian Soudan“; Sidney Ensor, „Journe through Nubia and Darfour“.

съверо-западѣ страны хребты Джебель-Катуль и Джебель-Каджа защищены со стороны равнинъ скалами довольно крутыми для того, чтобы нѣкоторыя независимыя племена могли найти тамъ безопасное убѣжище отъ нападеній своихъ сосѣдѣй; на съверѣ нѣсколько уединенныхъ массивовъ, какъ, напримѣръ, Джебель-Гараза, съ гранитными скалами, господствуя надъ извилистой дорогой, по которой ходятъ караваны между Эль-Обейдомъ и Донголой. Въ центрѣ Кордофана, массивъ Джебель-Дейръ, покрывающій пространство около 500 квадр. километровъ, вздымаеть свои вершины за 840 слишкомъ метровъ абсолютной высоты, то-есть на 300 метровъ надъ уровнемъ окружающихъ степей. Внѣшнія его стѣны образуютъ какъ бы ограду, кое-гдѣ пробитую брешами; но внутри, по словамъ туземцевъ, открывается глубокая долина, бассейнъ, струящійся водой, наполненный тѣнистыми деревьями, который окрестныеnomads описываютъ какъ рай земной. На югъ отъ этого массива степь не разстилается болѣе, какъ въ съверной части Кордофана, въ видѣ длинныхъ однообразныхъ повышеній и понижений почвы, словно волны, не имѣющихъ другой древесной растительности, кромѣ лѣсковъ маленькой акаціи, да исполинского баобаба, съ его угловатыми вѣтвями, тамъ и сямъ вырисовывающагося на горизонти; здѣсь, напротивъ, простирается плодоносная, богатая лѣсами, равнина, откуда видны вдали, опоясанные при основаніи зеленымъ кругомъ, синеватые конусы горъ Тагала, протянувшихся съ сѣвера на югъ, на пространство по меньшей мѣрѣ 50 километровъ, къ степямъ, по которымъ кочуютъ баггарасы. Даѣ же на западъ слѣдуютъ другіе горные массивы, состоящіе тоже изъ гранитныхъ породъ и обозначаемы общимъ названіемъ Джебель-Нуба или Даръ-Нуба, то-есть «страна пубасы», по имени населяющаго ихъ народа.

Горные массивы южного Кордофана получаютъ болѣе значительное количество дождевой воды, чѣмъ хребты съверной его части. Проливные дожди, выпадающіе въ массивъ Джебель-Нуба, достаточны, чтобы питать одинъ горъ, Абу-Габле, который течетъ сначала на юго-западъ, затѣмъ на съверо-западъ, на протяженіи слишкомъ 300 километровъ, прежде чѣмъ исчезнуть въ почвѣ; говорять даже, что въ пѣкторые дождливые годы небольшое количество воды Кордофана изливалось въ Нилъ черезъ это рѣчное русло. На пространствѣ течения хора Абу-Габле излишняя вода обращается въ разныхъ мѣстахъ въ періодъ харифа, то-есть съ июня по октябрь, временные водные площади, обыкновенно означаемы на картахъ какъ озера по преимуществу, напримѣръ, Эль-Биркетъ, Эль-Рахадъ. Рѣдко случается, чтобы вода держалась въ этихъ резервуарахъ до конца сухаго времени года; но ко-

пая песокъ дна до глубины 2 или 3 метровъ, собираютъ еще довольно жидкости, чтобы люди и животные могли утолить жажду. Большинство другихъ водохранилищъ, вообще обозначаемыхъ именемъ *фула*, содержать воду только въ періодъ дождей. Въ населенной области съвернаго Кордофана, пространство которой Праутъ опредѣляетъ въ 43.000 квадр. километровъ, нѣть ни рѣки, ни лужи, а есть только колодцы, вырытые въ формѣ воронокъ, глубиной въ 25 и даже въ 50 метровъ (70 аршинъ), до слоя слюдяного сланца, то-есть до непроницаемаго для жидкости пласти, по которому и скользятъ дождевые воды, профильированные легкимъ рыхлымъ слоемъ поверхности; ступеньки, изсѣченныя по окружности воронкообразнаго колодца, позволяютъ спускаться до самой воды. Научное изслѣдованіе страны обнаружило существованіе восьмисотъ колодцевъ, но по крайней мѣрѣ двѣстѣ изъ нихъ бывають совершенно сухими въ продолженіе цѣлой половины года, а многіе имѣютъ воду солоноватую или даже соленую. По свѣдѣніямъ, собраннымъ путешественниками д'Эскейракъ-де-Лотюр и Маттеуччи, общее осушеніе страны, или объединеніе влагой, въ періодъ времени, обнимающій нѣсколько послѣднихъ поколѣній, есть фактъ, не подлежащий сомнѣнію: множество колодцевъ, доставлявшихъ прежде воду въ изобилии, теперь заброшены¹⁾. Годовое количество дождей, составляющее среднимъ числомъ 35 сантиметровъ въ Эль-Обейдѣ, немного больше въ южныхъ горахъ, меньше въ съверныхъ—недостаточно для наполненія всѣхъ колодцевъ, копаемыхъ въ глубинахъ земли. Оттого цѣлые деревни покидаются жителями въ сухое время года: какъ только *дохнѣ*, единственный видъ проса, успѣшно произрастающій въ этомъ сухомъ климатѣ, сжать и убранъ съ поля, земледѣльцы спускаются на жительство къ колодцамъ, сохранившимъ хоть немного воды въ продолженіе цѣлаго года, и возвращаются къ своимъ полямъ только съ наступленіемъ приносящаго дожди харифа. Въ городахъ же и мѣстечкахъ вода составляетъ предметъ торговли, и къ концу сухаго времени года она стоитъ иногда въ Эль-Обейдѣ дороже, чѣмъ вино въ странахъ его производства: такъ, напримѣръ, въ 1873 году сосудъ, содержащій отъ шести до восьми литровъ (отъ 5 до 6 съ половиной кружекъ) воды, продавался по талеру Маріи-Терезіи²⁾.

Несмотря на возвышенное положеніе Кордофана, климатъ этой страны одинъ изъ самыхъ жаркихъ, какіе существуютъ на земномъ шарѣ. Періодъ большихъ жаровъ начинается въ марте: тогда термометрическій столбикъ ртути поднимается часто до 40 градусовъ Цель-

¹⁾ „Le Dѣsert et le Soudan“; — „Esploratore“.

²⁾ Praut, цитированное сочиненіе.

зія въ тѣни, и воздухъ становится почти невозможнымъ для дыханія, когда къ нему примѣшиваются, въ видѣ пыли, раскаленный песокъ пустыни. Послѣ трехъ мѣсяцевъ *себа* или сезона засухи, густыя облака, скопляющіяся на южномъ горизонти, возвѣщаютъ наступленіе харифа, периода дождей. Около первыхъ чиселъ июня начинаются ливни, сильные, но вообще непродолжительные и часто раздѣленные промежутками ясной погоды. Дождливый сезонъ обыкновенно дебютируетъ большими безпорядкомъ въ воздушныхъ пространствахъ, круго-вращеніемъ вѣтровъ въ степи; но скоро ходъ атмосферныхъ теченій регулируется, и юго-западный вѣтеръ, продолженіе юго-восточного пассата въ южномъ полушаріи, устанавливается въ этой части сѣвернаго полушарія, сообразно видимому движению солнца. Въ это время года температура, замѣчательно равномѣрная, держится въ предѣлахъ отъ 25 до 33 градусовъ; разность между крайними показаніями термометра составляетъ всего только 7 градусовъ стоградусной скалы. Казалось бы, такой климатъ долженъ быть очень пріятенъ; но пары, насыщающіе атмосферу, и къ которымъ пріимѣшиваются міазмы низменныхъ мѣстностей, поперемѣнно то затопляемыхъ водой, то высыхающихъ, дѣлаютъ пребываніе въ Кордофанѣ очень опаснымъ, и арабы, турки, европейцы не избѣгаютъ эпидемическихъ лихорадокъ, часто имѣющихъ смертельный исходъ. Къ концу сентября, послѣ трехъ или четырехъ мѣсяцевъ перемежающихся дождей, вѣтеръ мѣняется; сѣверо-восточный пассатъ, перемѣщенный на югъ движениемъ солнца къ тропику Козерога, снова устанавливается, принося съ собой холода; по ночамъ температура иногда понижается до 15 градусовъ Цельзія.

Растительное царство Кордофана не очень богато: акаціи, тамаринды, баобабы—вотъ деревья, которыя придаютъ сельскимъ мѣстностямъ ихъ характеристическую физіономію въ областяхъ небезплодныхъ или по крайней мѣрѣ не совершенно безплодныхъ. Акаціи, которыя даютъ камедь, составляющую предметъ торговли, принадлежать къ различнымъ видамъ. Дерево съ сѣрой корой, на которомъ собираютъ камедь лучшаго качества, усѣваетъ многочисленными роццами восточную часть Кордофана. Въ южной полосѣ страны акаціи съ красной корой, дающія менѣе цѣнныя продукты, тянутся обширными лѣсами, почти бесполезными съ экономической точки зрѣнія; очень немногіе изъ поселеній илиnomадовъ даютъ себѣ трудъ отдѣлять отъ дерева вытекающую изъ него прозрачную камедь. Важнѣйшее хлѣбное растеніе, общераспространенное почти во всемъ Кордофанѣ,—дохнъ (*penicilaria tiphoides*), жизнь котораго, отъ посѣва до жатвы, продолжается всего только четыре мѣсяца, обнимающіе періодъ харифа. Этотъ видъ проса

довольствуется такимъ малымъ количествомъ влаги, что онъ даже лучше растетъ на песчаныхъ горкахъ, чѣмъ на влажныхъ мѣстахъ; девять десятыхъ населенія питается дохномъ. Дурра, или египетское просо, сѣется только въ хорошо орошаемыхъ долинахъ горъ. Пшеница, кунжутъ, земляные фисташковые орѣхи, бобы, табакъ, хлоцчатникъ культивируются въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ съ столицей округахъ; конопля сѣется ради волоконъ, которыхъ употребляются для переплета въ стѣнахъ хижинъ.

Въ отпускной торговлѣ растительными произведеніями Кордофана первое мѣсто, по количеству вывоза, занимаетъ естественный продуктъ—камедь; точно также звѣроловство въ гораздо большей мѣрѣ способствуетъ движению торговаго обмѣна, чѣмъ скотоводство; страусовая перья—самый драгоцѣнныи предметъ, который приходящіе съ сѣвера караваны спрашиваютъ у туземцевъ. Однако, послѣдніе почти совершенно извели страусовъ въ восточныхъ равнинахъ страны: теперь этого колосса пернатаго міра можно встрѣтить бандами только къ западу отъ горъ Каджа и на границахъ Дарфура. Степи Кордофана были бы какъ нельзя болѣе пригодны для разведенія страуса, а между тѣмъ въ настоящее время ни въ одномъ дворѣ не держатъ этой птицы въ домашнемъ состояніи; съ другой стороны, число неприрученныхъ, живущихъ въ степи, страусовъ, во множествѣ убиваемыхъ охотниками, годъ отъ году уменьшается.

Главныи статьи вывоза изъ Кордофана и Дарфура въ Египетъ, до войны, по Прауту: страусовая перья — 2.150.000 франк.; камедь — 1.375.000 франк.; кожи и шкуры — 62.500 франк. Ибисы очень обыкновенны въ Кордофанѣ; на одномъ и томъ же деревѣ найдешь до полсотни ихъ гнѣздъ; какъ и аистъ, эта птица считается священна, и жители края не позволяютъ иностранцамъ убивать ее¹⁾). У обитателей Кордофана есть нѣсколько породъ домашнаго скота: лошади, ослы, козы и овцы; но выючныя животныя принадлежать преимущественно кочующимъ племенамъ. На югѣ баггарасы имѣютъ по меньшей мѣрѣ сотню тысячъ быковъ съ горбомъ, пріученныхъ носить на себѣ кладь; но для полевыхъ работъ этимъ животнымъ вигдѣ не пользуются; тамошнія коровы даютъ очень мало молока. Любопытно, что рѣдкость воды въ равнинахъ измѣнила привычки скота въ Кордофанѣ: животныя тамъ ходятъ на водопой черезъ каждые два или три дня. Что касается верблюдовъ, то они успѣшио разведены только въ сѣверномъ Кордофанѣ, у кочеваго народа кабабишъ; къ югу же отъ тринацатаго градуса широты, они чахнутъ и вымираютъ, преслѣдуемые роями слѣпней и оводовъ.

¹⁾ Ign. Pallme, „Beschreibung von Kordofan“.

Центральный Кордофанъ, въ сосѣдствѣ главнаго города Эль-Обеидъ, принадлежитъ къ числу странъ восточной Африки, имѣющихъ относительно густое населеніе; въ районѣ около ста километровъ вокругъ столицы селенія среднимъ числомъ отстоять одно отъ другаго не болѣе, какъ на 4 или 5 километровъ. Каждый токуль, или соломенная хижина съ круглой стѣной и конусообразной крышей, обнесенъ живой изгородью изъ колючихъ растеній, а иногда и все селеніе окружено оградой того же рода. Обитатели этихъ постоянныхъ группъ жилищъ—люди очень смѣшанной расы, такъ что вѣ легкѣ распознать первоначальный типъ. Основанные какъ станціи на дорогахъ отъ Нила въ страны центральной Африки, города Кордофана служатъ сборными пунктами для купцовъ, останавливающихся тамъ отдохнуть отъ труднаго пути черезъ окружающую пустыни. Солдаты, невольники всякаго происхожденія, сопровождающіе торговцевъ, способствуютъ смѣшанію расы и изглаженію отличительныхъ чертъ и признаковъ первоначальныхъ элементовъ: населеніе, происходящее изъ этихъ разнообразныхъ скрещиваний, отличается смѣшливостью, веселостію характера, болтливостію, «страстью къ пляскѣ и къ забавамъ»¹). Въ нѣкоторыхъ деревняхъ живутъ еще годіаты, гилледаты или говамехи, представляющіе, говорятъ, болѣе или мѣвѣ чистое потомство аборигеновъ. По мнѣнію Мунцингера, который обозначаетъ ихъ именемъ кадежать, они родственны фунджамъ. Эти годіаты или кадежаты обитаютъ на востокѣ и на югѣ отъ горнаго хребта Кордофана и Джебель-Айна, или «Горы Водъ», и несмотря на завоеванія и перемѣны политического режима, составляютъ еще автономную, самоуправляющуюся группу населенія. Они признаютъ одного изъ своихъ главою племени, или шейхомъ, и платятъ ему дань; но когда шейхъ своими дѣйствіями подастъ поводъ къ неудовольствію и жалобамъ на него, они просятъ факиха снять съ него чалму инвеституры и возложить ее на главу другого лица. Этого достаточно, чтобы совершилъ перемѣну власти².

Въ силу продолжительной оккупации, внуки завоевателей, пришедшихъ въ эпоху уже отдаленную, рассматриваются какъ имѣющіе болѣе другихъ право на имя кордофанцевъ. Таковы мусабаты, которые указываютъ на Дарфуръ, такъ на свою первоначальную родину³), и начальникъ которыхъ, имѣющій пребываніе въ Эль-Обеидѣ, еще титулуется султаномъ. Таковы же кунджары, тоже дарфурской расы, которые овладѣли Кордофаномъ въ концѣ восемнадцатаго столѣтія и господствовали до 1820 года, когда должны были уступить власть егип-

тянамъ, послѣ битвы при Барѣ. Въ настоящее время кунджары, въ числѣ около тысячи человѣкъ, живутъ еще особнякомъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ, въ окрестностяхъ Эль-Обеида, и старшина ихъ, подобно начальнику мусабатовъ, присваиваетъ себѣ титулъ султана. Еще лѣтъ двадцать тому назадъ нѣкоторые изъ кунджаровъ говорили своимъ дарфурскимъ языкамъ, но въ наши дни арабскій діалектъ сдѣлался общеупотребительнымъ у нихъ, какъ и у всѣхъ потомковъ дарфурскихъ завоевателей. Зогавасы, остатки націи, которая въ двѣнадцатомъ столѣтіи господствовала на всемъ пространствѣ, заключающемся между горами Дарфура и Ниломъ, встрѣчаются еще въ сѣверной части Кордофана. Другіе жители страны, происхожденіе которыхъ можетъ быть определено съ точностью, суть арабы племени джалинъ, сосредоточившіе въ своихъ рукахъ почти всю мѣстную торговлю, и уроженцы Донголы, данагеле или данагла, собиравшіе налоги, по порученію египетскаго правительства. Сирійцы, христіане и мусульмане, арнауты, греки составляютъ элементы не-африканского населенія, встрѣчающіеся въ Кордофанѣ и способствующіе смѣшанію расъ. Но обновленіе происходитъ главнымъ образомъ отъ туземцевъ сосѣднихъ племенъ, приводимыхъ торговцами, какъ-то нуба, денка, бонго; кроме того, таکруры, феллаты и другіе иммигранты съ запада, отправляющіеся по дорогѣ къ святымъ мѣстамъ ислаама, чтобы продавать разный мелкій товаръ и вмѣстѣ съ тѣмъ распространять ученіе Корана, поселяются въ край на постоянное жительство и, поженившись на арабскихъ девушкахъ, образуютъ новые роды и колѣна. Большое число таکруровъ приходятъ предлагать временно свои услуги, во время сѣва или уборки хлѣба, и остаются въ странѣ навсегда, если находятъ хороший приемъ. Острова Бѣлаго Нила, которые, впрочемъ, не считаются принадлежащими къ Кордофану, почти всѣ населены арабами: одинъ изъ нихъ, самый большой и одинъ изъ наиболѣе воздѣланныхъ, есть островъ Абба, на которомъ маҳди, Мохамедъ-Ахмедъ, открылъ свою миссію своимъ первымъ ученикамъ и одержалъ надъ египтянами, въ 1881 году, свою первую победу.

Нубасы, населяющіе хребетъ Джебель-Дейеръ, на югѣ Кордофана, и принадлежащіе къ націи, слабые остатки которой встрѣчаются также въ другихъ горныхъ массивахъ, говорятъ особымъ языкомъ, и вѣльзя сказать съ достовѣрностію, что они родственны нубійцамъ, отъ которыхъ они отдѣлены пустыней и другими народностями. Прогнанные съ равнинъ и оттесненные въ горы, нубасы ведутъ тревожную, скитальческую жизнь, потому что на нихъ смотрѣть какъ на дикихъ звѣрей, и преслѣдуютъ какъ таковыхъ; самое имя «нубови» есть синонимъ невольника въ Кордофанѣ, и дѣй-

¹) G. Lejean, „Voyage aux deux Nils“.

²) Münzinger, „Ostafrikanische Studien“.

³) Prout, цитированное сочиненіе.

Южная Нубія своеї дикої фауної нискелько ве отличается отъ Кордофана и покатости Эвіопскихъ горъ. Львы, леопарды, гісны, антилопы и газели, жирафы, страусы бродятъ по лѣсамъ мимозъ на берегу Черной рѣки и въ Байудской степи; обезьяны спускаются по Ни-лу до Бербера и даже немного дальше; но ни слонъ, ни носорогъ не переходятъ за область лѣсовъ на средней Атбарь; послѣдний бегемотъ, котораго видѣли къ сѣверу, былъ убитъ въ Ганнекскихъ порогахъ въ половинѣ настоящаго столѣтія; между тѣмъ древнія изображенія показываютъ, что онъ прежде водился ниже Сіены¹). Водяныя птицы миллионами гнѣз-дятся на островахъ и берегахъ Нила. Руссэгеръ наблюдалъ на сѣжемъ иль, отложенномъ водами великой рѣки, слѣды какого-то невѣдомаго животнаго, которые походили на отпечатки, оставляемые ногами четырерукихъ и направлялисъ отъ воды къ высокому берегу; но ему не удалось видѣть самаго звѣря, котораго нубійцы называютъ *амонитъ*, и о которомъ они рассказываютъ странныя вещи²). Термины, еще страшные въ Донголѣ, не встрѣчаются уже къ сѣверу отъ двадцатаго градуса широты. Что касается домашнихъ животныхъ, то у нубійцевъ есть только одна порода—лошади, великорослые и отличающіяся особынными качествами. Очевидно арабскаго происхождения, такъ же какъ лошади кабабишской расы, разводимыя въ съединыхъ оазисахъ, эти нубійские кони, съ продолговатой головой, съ суши-ми, бѣлыми до колѣнъ, ногами не походяще уже на своихъ предковъ красотой и стройно-стю формъ, но они обладаютъ удивительною ловкостю и пылкостю; кормить ихъ молокомъ и дуррой, иногда финиками. Галопъ—ихъ обычновенный аллюръ; они хорошо идутъ по вся-кому грунту, даже по вязкому илу Нила и по каменистымъ склонамъ горъ, но перемѣны климата не переносятъ и погибаютъ виѣ Нубіи; въ самой странѣ число ихъ сильно уменьшилось, вслѣдствіе реквизицій, производившихся египетскими офицерами³). Верблюды бишариновъ и абадеховъ скоростю бѣга славятся не менѣе донгольскихъ лошадей.

Часто поддавшая подъ власть иноземныхъ завоевателей и состоящая только изъ двойной прибрежной полосы по течению Нила, Нубія населена жителями очень смѣшаннаго происхожденія: хамитами, арабами, неграми и турками; тѣмъ не менѣе можно сказать, что основу нубійского населения составляютъ барабра, сами себя называющіе «народомъ почвы»⁴).

¹⁾ Ernest Desjardins, рукописны замѣтки.

²⁾ „Reisen in Europa, Asien und Afrika“;—Hartmann und Barnim, „Reise durch Nord-Ost Africa“.

³⁾ Georges Pouchet, цитированное сочиненіе;—Bethune English, „Expedition to Dongola and Sennar“.

⁴⁾ Ferd. Werne;—Hartmann und Barnim etc.

Въ этомъ имени барабра нѣкоторые писатели¹) усматривали синонимъ названія «бербери», примѣняемаго къ таурегамъ, къ кабиламъ Сахары и Мавританіи, родственнымъ по языку обитателямъ съ Египтомъ оазиса Сивахъ. Однако, различие цвета кожи, типа и характера такъ велико между этими народностями, что невозможно предполагать родства расъ, развѣ только восходя въ даль вѣковъ, предшествовавшихъ африканской истории: по общепринятому, но, вѣроятно, мало основательному мнѣнію, слово «беребри» или «барабра», превратившееся въ «берберійцевъ» или «варварійцевъ» въ языкѣ живущихъ въ Каирѣ франковъ, происходитъ, будто-бы, отъ греческаго и латинскаго слова «варвары», примѣнявшагося къ чернокожимъ народамъ, которые обитали выше нильскихъ пороговъ, за предѣлами культурнаго Египта²). Главныя негритянскія племена, упоминаемыя слишкомъ четыре тысячи лѣтъ тому назадъ на столбахъ храмовъ, какъ народы, обитавшиѣ тамъ, гдѣ въ наши дни живутъ барабра, обозначаются ими-немъ уауа, которое, повидимому, свидѣтельствуетъ о нѣкоторомъ презрѣніи: название это буквально значить «тиякающіе» и, слѣдовательно, мало разнится отъ выраженія «лепетуны», которое у эллиновъ составляло первоначальный смыслъ слова «варвары». Но съ тѣхъ поръ, какъ имя «бераберата» было отыскано на евангельскихъ спискахъ народовъ, нельзя сомнѣваться, что отъ него произошло и название «барабра»³). Какъ бы то ни было, негры уауа, такъ же какъ берабераты, были родоначальниками нынѣшніхъ барабра, при чёмъ, однако, не обошлось безъ многочисленныхъ смѣшаний съ разными иноплеменными народностями. Въ періодъ времени отъ двѣнадцатой до двадцатой династіи вся долина Нила, колонизованная египтянами, сдѣлалась рѣтской страной по языку и расѣ. Въ персидскую эпоху началось обратное движеніе, но въ продолженіе римскаго періода туземные элементы снова получили перевѣсъ. Въ царствованіе императора Диоклетіана блеммійскія племена, въ которыхъ учены признали нынѣшніхъ беджасовъ и особенно бишаринцевъ, захватили Нубійскую область и въдворились тамъ насильно: пришлось вывести оттуда римскіе гарнизоны и призвать, для замѣны ихъ, воинственные племена, извѣстныя подъ именемъ Nubotae и, по всей вѣроятности, родственныя кордофанскимъ нубасамъ. Эти-то племена и дали другимъ жителямъ края, неграмъ уауа блеммисамъ, диалектъ, господствующій донынѣ, но обогатившійся большой примѣсью арабскихъ словъ⁴).

Барабрасы принадлежать къ числу афри-

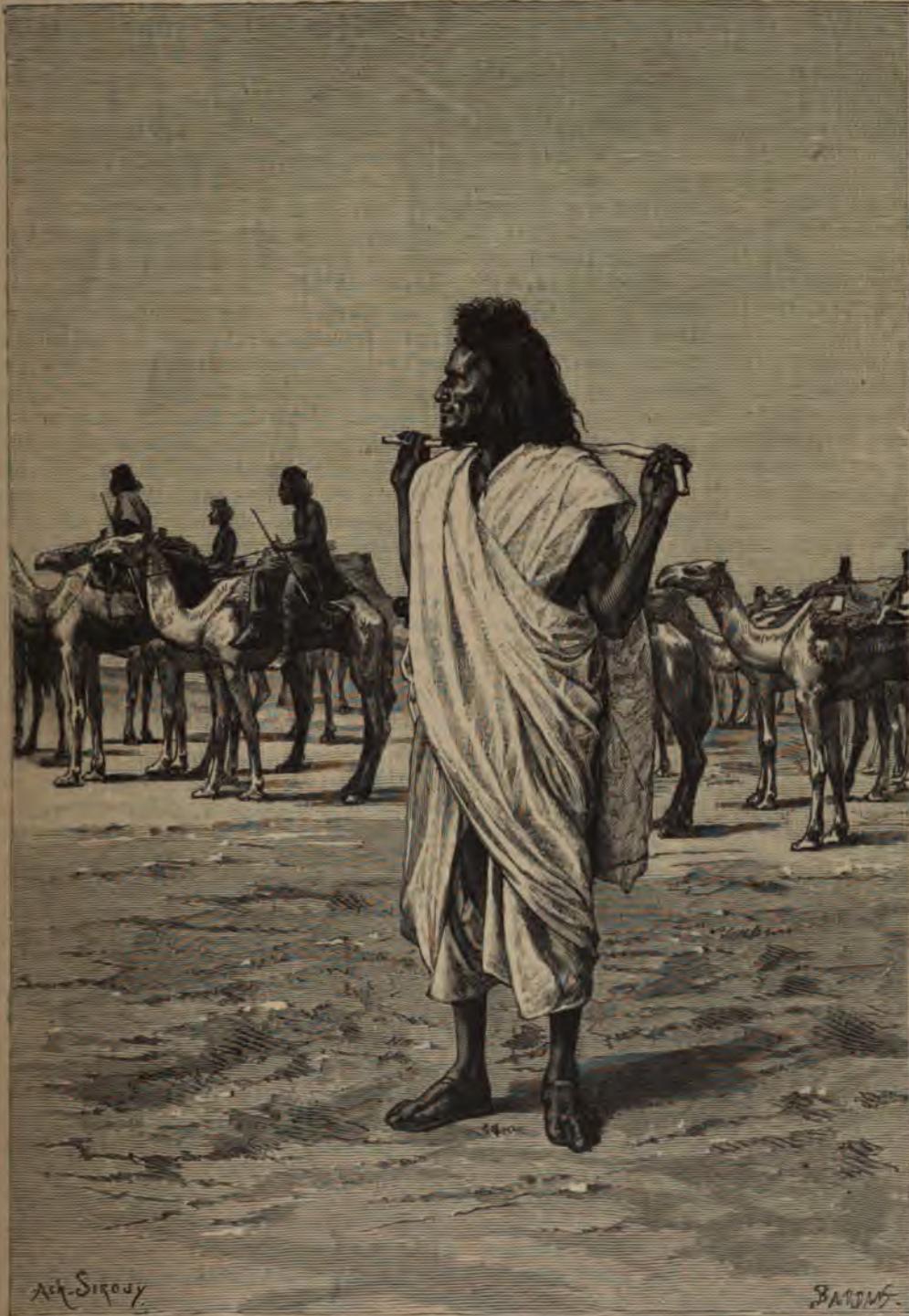
¹⁾ Hartmann, „Die Völker Afrikas“.

²⁾ D'Escayrac de Lautur, „Le Désert et le Soudan“.

³⁾ Brugsch, „Geographie des alten Aegyptens“.

⁴⁾ Rich. Lepsius;—Hartmann;—Cust.

и засыпанными уступами, какъ передовые холмы Альпъ, надъ Ломбардской равниной. Очень искусные кузнецы, тагалы покупаютъ привозное желѣзо и выдѣлываютъ изъ него оружіе, лотоносные пески страны нубасовъ. Кордофанско золото не такъ высоко цѣнится, какъ золото изъ области Фазогль, по причинѣ его вѣтра¹⁾.

Верблюдовожатый.

земледѣльческія орудія и разные инструменты; но мѣсторожденія мѣди, существующія въ ихъ горахъ, еще менѣе разрабатываются, чѣмъ зо-

Воздѣланныя пространства Кордофана со всѣхъ сторонъ окружены кочевыми населеніями²⁾

ми, известными подъ общимъ именемъ бедуиновъ и раздѣленными на двѣ главныхъ группы племенъ: на сѣверѣ—кабабиши, или «кошачасы», на югѣ—баггарасы, или «коровы пастухи». Эти имена, обозначающіе просто родъ занятія и образъ жизни племенъ, не заключаютъ въ себѣ никакого указанія на расовое различіе, такъ что, можетъ быть, кабабиши и баггарасы принадлежать къ одному и тому же этническому корню; по словамъ Брэнъ-Роллета, баггарасы сами себя называютъ гема¹⁾). Различія почвы и климата естественно должны были обусловливать различіе въ занятіяхъ и родѣ жизни: коза и верблюдъ могутъ быть съ успѣхомъ разводимы въ сѣверныхъ равнинахъ, почти всегда бѣдныхъ влагой; ротатый же скотъ находитъ воду въ достаточномъ количествѣ только въ южныхъ степяхъ. Всѣ эти кордофансіе «бедуины» приписываютъ себѣ арабское происхожденіе, и, дѣйствительно, всѣ они говорятъ языкомъ пророка Магомета; но, какъ замѣчаетъ Мувцингеръ, идіомъ имѣть лишь второстепенное значеніе въ этнології; всего важнѣе и характеристичнѣе здѣсь не самый языкъ, а то, какъ имъ говорять. Но изъ всѣхъ такъ-называемыхъ «арабовъ» Нильскихъ странъ баггарасы, а послѣ нихъ кабабиши, имѣютъ произношеніе, наиболѣе уклоняющееся отъ произношенія истыхъ арабовъ, уроженцевъ Аравійского полуострова: большое число звуковъ, употребляемыхъ въ классическомъ языкѣ, неизвестны имъ и замѣнены другими звуками, можетъ-быть, составляющими наслѣдие исчезнувшаго языка. Кабабиши, болѣе цивилизованные, благодаря своему географическому положенію, занимаются не единственno козеводствомъ и верблюдоводствомъ: они воздѣлываютъ также почву въ низменныхъ земляхъ, окаймляющихъ Ниль, и основываютъ тамъ постоянныя деревни; осторожные и опытные конвоиры, они соцровождаютъ караваны отъ Эль-Обенда до нильскихъ станцій. Нѣкоторыя племена кабабишей носятъ огромныя шляпы, похожія на головной уборъ тунисскихъ и алжирскихъ кабиловъ²⁾). Баггарасы не имѣютъ другихъ промысловъ или занятій, кроме пастьбы своего скота, да охоты на слона, буйвола и другихъ большихъ животныхъ, а иногда и на человѣка. Какъ только пастища не представляютъ болѣе достаточнаго корма ихъ стадамъ, или когда стѣпни или оводы начинаютъ мучить скотъ,nomады снимаютъ свой станъ или ферганъ, нагружаютъ на быковъ циновки, употребляемыя для устройства палатокъ, и въ сопровожденіи свирѣпой стаи своихъ маленькихъ собакъ перекочевываютъ на другое мѣсто степи. Итальянскій путешественникъ Карло Піаджіа встрѣтилъ одинъ изъ такихъ каравановъ пе-

рекочевывавшихъ баггарасовъ, который тѣ- нулся на пространствѣ 4 километровъ: считая людей и животныхъ, караванъ этотъ заключалъ по менѣшѣ мѣрѣ пятьдесятъ тысячъ не- дѣлимыхъ; птицы, какъ бы увлекаемыя столбомъ воздуха, который перемѣщался движущимся караваномъ, кружились мириадами надъ животными, избавляя ихъ отъ мучительныхъ паразитовъ¹⁾). У большинства баггарасовъ кожа мѣднокрасная, какъ у американскаго индійца²⁾), а въ отношеніи красоты тѣла, атлетической формы груди и плечъ, изящества рукъ и ногъ они имѣютъ мало соперниковъ между людьми. Костюмъ у нихъ такой же, какъ у сельскихъ жителей Кордофана: они тоже носятъ родъ бѣлой рубахи, съ красными полосами, которая оставляетъ правую руку открытою; любимыя украшенія ихъ—стеклянныя бусы, кольца, разныя побрякушки изъ слоновой кости и изъ рога. Женщины слѣдуютъ еще, въ отношеніи формы прически, древней египетской модѣ, представленной на памятникахъ, и ихъ волосы, ниспадающіе спереди косичками до половины лба и съ обѣихъ сторонъ длинными косами на плечи, намазаны масломъ и ароматическими помадами; золотое кольцо, которое многія женщины продѣваютъ себѣ въ ноздрю, часто привязывается къ цѣпи, висящей позади шевелюры: это украшеніе напоминаетъ узду, которую употребляютъ гонщики верблюдовъ, чтобы вести свое верховое животное. Мужчины носятъ копье, которымъ владѣютъ съ большою ловкостью; впрочемъ, и съ европейскимъ оружиемъ—стъ золингенскими шашками, съ лютихскими ружьями—они уже хорошо ознакомились; немногіе арабы столь же воинственны, какъ баггарасы, и съ такой же добросовѣстностью исполняютъ обязанности вендетты.

Баггарасы принадлежать къ числу ревностѣнѣшихъ послѣдователей религіи Магомета и съ жаромъ ринулись, подъ предводительствомъ мауди, въ священную войну; много разъ они переходили Бахръ-аль-Арабъ, чтобы сдѣлать нападеніе на негритянскія населенія Области Рѣкъ³⁾). Каковъ бы ни былъ окончательный исходъ этой священной борьбы, несомнѣнно то, что исламъ, хотя онъ и распространяется изъ Кордофана по окрестнымъ территоріямъ, еще далеко не окончилъ своего дѣла въ самой странѣ, и многіе изъ обычавъ или обрядовъ, воспрещенныхъ Пророкомъ, сохранились до сихъ поръ; въ понятіяхъ кордофанцевъ главная разница между язычествомъ и магометанствомъ та, что въ одномъ случаѣ амулетка представляетъ кусокъ рога или тряпку, а въ другомъ она состоить изъ мѣшечка, за-

¹⁾ „Bollettino della Societ  Geografica Italiana“, 1880.

²⁾ Prout, цитированное сочиненіе.

³⁾ Lupton-bey, „Proceedings of the R. Geographical Society“, may 1894.

¹⁾ „Le Nil Blanc et le Soudan“.

²⁾ Cusy, „Journal de Voyage de Siout à El-Obeid“.

ключающаго въ себѣ стихъ изъ Корана, или молитву, написанную рукой факиха.

Временный бракъ практикуется во всемъ Кордофанѣ: даже въ столицѣ его, Эль-Обейдѣ, обычай «четвертаго свободнаго дня», приписываемый специально гассаніехамъ, встрѣчается, говорить, въ очень многихъ семьяхъ другихъ племенъ. Поліандрия (многомужіе), регулируемая для каждого изъ мужей частной покупкой жены, составляетъ, будто-бы, одно изъ самыхъ обыкновенныхъ и общераспространенныхъ учрежденій. У сельскихъ жителей племени го-діать, у арабовъ племени джоама нѣ одна моло-дая дѣвушка не имѣть права выйти замужъ, пока не представить своему брату или дядѣ ребенка, сына неизвѣстнаго отца¹), который, т. е. сынь, когда вырастетъ, будетъ служить невольникомъ у главы семейства. Въ другихъ племенахъ женщина достается въ удѣль лишь болѣе сильному или болѣе выносливому изъ искателей ея руки. Въ назначенный день молодые люди, оспаривающіе другъ у друга обладаніе молодой дѣвушкой, собираются, вооруженные курбашемъ (бегемотовый хлыстъ), передъ старѣшинами и женщинами, и тотъ изъ нихъ, который перенесеть, не жалуясь, наибольшее количество ударовъ, признается достойнымъ получить призъ. Иной разъ два со-перника ложатся на землю, одинъ на правую, другой на лѣвую сторону дѣвушки, и невѣста, у которой локти вооружены острыми ножами, налагаетъ всей тяжестью своего тѣла на голыя бедра искателей ея руки. Тотъ изъ нихъ, ко-торый наиболѣе любезно выдержитъ прорѣзъ, дѣлается счастливымъ супругомъ, и первая за-бота новобрачной перевязать рану, которую она сама нанесла. Многие другие обычай тоже свидѣтельствуютъ о варварской энергіи этихъ такъ-называемыхъ «арабовъ» Кордофана и Дарфура. Часто, когда старики почвутствуетъ приближеніе смерти, онъ уходитъ далеко отъ селенія, даже не предупредивъ своихъ, совершає предписанная Кораномъ омовенія въ пескѣ пустыни, вырываетъ тамъ неглубокую яму и, завернувшись въ свой саванъ, ложится въ эту могилу, ногами къ Меккѣ. Онъ смотрѣтъ въ послѣдній разъ на солнце, затѣмъ закры-наетъ себѣ саваномъ лицо, ожидая, когда ве-черній вѣтеръ занесетъ его пескомъ; быть-можеть, гіены начнутъ грызть его прежде, чѣмъ онъ успѣеть испустить послѣднее дыханіе, но онъ умретъ безъ жалобъ: задача его существова-ванія была кончена².

Столица провинціи Кордофань и резиденція махди, Эль-Обейдѣ, называемая всѣми тузем-цами Лобейтъ, занимаетъ именно такое положеніе, гдѣ соединены всѣ условія, необходимыя для основанія города: разрушенная снова,

какъ это съ нею случилось уже въ 1821 году, во времія прибытія египтянъ или «турокъ», какъ ихъ называли туземцы, она, безъ всякаго сомнѣнія, опять возродилась бы на томъ же мѣстѣ или въ непосредственномъ сосѣдствѣ. Эль-Обейдѣ построено въ одной изъ тѣхъ частей Кордо-фана, гдѣ дожди выпадаютъ въ наиболѣшемъ обилии; жара тамъ тоже менѣе сильна, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, такъ какъ городъ лежитъ на высотѣ 579 метровъ, хотя и не нужно под-ниматься въ гору, чтобы достигнуть лопинзы, гдѣ онъ находится: въ этой области горы, стоящія уединенно или расположенные въ видѣ аллей, оставляютъ открытый проходъ во всѣхъ направлениихъ, и караванныя дороги сходятся туда, не встрѣчая препятствій. На западъ отъ Нила, Эль-Обейдѣ — первая станція для раздѣла и реорганизаціи каравановъ на доро-гѣ въ Дарфуръ, Вадай и западную Африку; главныя его сношения не съ Хартумомъ, а съ селеніями, лежащими у оконечности большой излучины, которую рѣка описываетъ выше Донголы. Такъ какъ пороги Нила много увеличиваютъ издержки перевозки, то караванамъ, идущимъ изъ Египта, выгоднѣе держать путь черезъ пустыню, на юго-востокъ къ Хартуму, на югъ къ Эль-Обейду: въ обоихъ этихъ городахъ до возстанія, охватившаго Кордофань, товары европейской фабрикaciй продавались почти по одинаковой цѣнѣ. Въ то время торговля Эль-Обеида была весьма значительна, особенно по продажѣ невольниковъ, которые, по словамъ Мунцингера, составляютъ три четверти на-родонаселенія Кордофана; почти всѣ страусовыя перья, привозимыя изъ Дарфура, шли черезъ Эль-Обейдѣ, такъ же, какъ европейскіе бумажные фабрикаты, отправляемые въ запад-ныя страны¹). Вывозъ камеди исчислялся въ 1880 г. въ сто тысячъ метрическихъ центнеровъ, представлявшихъ цѣнность болѣе двухъ мил-лионовъ²). Утративъ эту торговлю, которую единственно и обусловливалось важное значеніе Эль-Обеида, можетъ ли столица Кордофана разсчитывать на процвѣтаніе, въ слу-чаѣ, если бы она была избрана главнымъ го-родомъ нового царства? Впрочемъ, со време-ми уничтоженія египетской арміи, изолиро-ванное положеніе этого города не было столь полнымъ, какъ обыкновенно думаютъ: напро-тивъ, торговля сношения съ Триполи черезъ Вадай и Феццанъ были по-прежнему очень дѣятельны, только европейцы не имѣли въ этихъ сношенияхъ своей привычной доли, въ качествѣ посредниковъ торговли. По свѣдѣніямъ, собраннымъ упомянутымъ выше аме-риканцемъ Праутомъ, торговля Кордофана въ 1876 году выразилась слѣдующими цифрами: привозъ простирался до 1.250.000 франковъ,

¹) Trout; — Wilson and Felkin, цитированная сочине-нія; — Cuny, „Journal de Voyage de Siorat à El-Obeid“.

²) Wilson and Felkin, цитированное сочиненіе.

¹) „Esploratore“, giugno 1882.

²) Wilson and Felkin, цитированное сочиненіе.

вывозъ до 3.312.000 франк., такъ что общая сумма оборотовъ виѣшней торговли равнялась 4.562.000 франковъ.

Эль-Обеидъ не представляетъ вида сплошнаго города: это скорѣе совокупность деревень, среди которыхъ встречаются тамъ и сямъ кирпичные дома, построенные «на христіанскій манеръ». Вокругъ южнаго квартала, составляющаго собственно городъ, почти всѣ жилища—простые токулы, такія же, какъ и въ настоящихъ деревняхъ, землянки, размыаемыя сильными дождями¹⁾, хижины изъ циновокъ или древесныхъ вѣтвей, окруженныя живыми изгородями изъ колючихъ растеній для того, чтобы верблюды не могли пробираться въ самое жилье и грызть находящіяся тамъ ткани и веревки. Населеніе распредѣлилось по кварталамъ, сообразно племенному происходженію и національности: тутъ живутъ купцы племени джалинъ или данагла; тамъ поселились нубасы, далѣе такруры, иммигранты изъ Дарфура, варварійцы; до войны около четырехсотъ или пятисотъ грековъ имѣли свои лавки въ центрѣ южнаго квартала. Нѣсколько садовъ раскинулись по берегамъ херановъ или песчаныхъ ложъ, иногда сырыхъ, которые перерѣзываютъ городъ въ разныхъ направленіяхъ, но почти всѣ хижины окружены полями, засыпанными дохномъ. Во времена засухъ между хатами видишь лишь голыя пыльныя пространства, и городъ представляетъ невеселое зрѣлище; но къ концу харифа, дождливаго сезона, когда растительность развивается во всей своей красѣ, виѣшніе кварталы Эль-Обеида имѣютъ видъ обширныхъ луговъ, и конусообразныя крыши токулей едва видныя надъ волнующимся моремъ дохна съ красными колосьями. До войны населеніе Эль-Обеида, со включеніемъ подгородныхъ деревень, исчислялось въ 30.000 человѣкъ. Однѣ итальянскій путешественникъ говорить даже, что оно доходило до сотни тысячъ; но, вѣроятно, столица Кордофана почти совершенно опустѣла съ того времени, какъ мауди приказали, подъ страхомъ смерти, покинуть кирпичные дома и жить либо въ палаткѣ, либо въ хижинѣ изъ древесныхъ вѣтвей, дабы никакой виѣшній признакъ не свидѣтельствовалъ о неравенствѣ между мусульманами, которые всѣ должны быть равны, какъ «дѣти одного Отца»²⁾.

Къ юго-западу отъ Эль-Обеида, одна группа селеній имѣетъ нѣкоторую важность—это городъ Абу-Харазъ, лежащий въ широкой, поросшей лѣсомъ, долинѣ, среди садовъ, обнесенныхъ живыми изгородями. Другой городъ, Мельбейстъ, построенъ въ лощинѣ, близъ лужи, которую наполняютъ воды, текущія съ Кордо-

фанскихъ горъ. Неподалеку оттуда, на берегахъ хора Кашгиль, притока рѣки Абу-Габле, происходила въ 1883 году решительная битва, положившая конецъ египетскому господству истребленіемъ одиннадцати тысячи арміи. Въ то же время престижъ европейцевъ сильно упалъ въ глазахъ туземцевъ, потому что египетскими войсками командовалъ англичанинъ, генералъ Гиксъ, и большинство его офицеровъ состояли до того на службѣ въ британской арміи. Во всемъ бассейнѣ Нила стояла молва, быстро переходившая отъ племени къ племени, разглашала, что Англія была побѣждена грознымъ мауди. Пушки «невѣрныхъ» тщетно гремѣли противъ воиновъ, посланныхъ Богомъ.

Вдоль большихъ караванныхъ дорогъ въ Кордофанѣ до недавніго времени были протянуты проволоки электрическаго телеграфа, котораго сильно побаивались туземцы: многие изъ нихъ едва осмѣливались говорить вблизи этихъ чудодѣйственныхъ желѣзныхъ нитей, опасаясь, какъ бы ихъ голосъ не былъ услышанъ въ Хартумѣ или въ Египтѣ¹⁾. Къ сѣверу отъ Эль-Обеида, главный городъ, лежащий на караванной дорогѣ между Кордофаномъ и колѣномъ Нила у Даббе,—Бара, основанный донгольскими купцами. Подъ дарфурскимъ господствомъ, до нашествія египтянъ, это торговое мѣсто находилось въ самомъ цвѣтущемъ состояніи: въ то время, гласитъ преданіе, «всѣ барскія женщины, даже самыя бѣдныя, имѣли золотыя серьги, золотые или серебряные браслеты и цѣночки». Близъ Бары происходила, въ 1821 году, битва, доставившая египтянамъ обладаніе Кордофаномъ, и за которую отмстило, чрезъ два поколѣнія, еще болѣе кровопролитное сраженіе при Кашгильѣ. Однимъ изъ этаповъ на дорогѣ между Барой и Даббе служить Каймарскій или Каджмарскій оазисъ, гдѣ находится маленькое перемежающееся озеро, наполненное соленою водой; но колодцы въ окрестностяхъ этого озера даютъ прѣсную воду, почти столь же хорошую, какъ нильская. Недалеко оттуда, въ массивѣ Джебель-Гараза, на одной скалѣ вырѣзаны курьезные рисунки, видѣнныя французскимъ путешественникомъ Лежаномъ и представляющіе, вѣроятно, набѣгъ или облаву на людей; одно изъ дѣйствующихъ лицъ, гигантскаго роста, имѣеть бороду клиномъ и одѣто въ костюмъ, довольно похожій на костюмъ франковъ во времена первыхъ крестовыхъ походовъ. За этой горой, на дорогѣ въ Даббе, простирается оазисъ Эль-Сафи, одинъ изъ лучшихъ во всей Африкѣ по богатству и великолѣпию своей растительности. Хотя необитаемый постояннымъ образомъ, этотъ оазисъ можетъ быть разматриваемъ какъ центръ на-

¹⁾ G. Lejean, „Voyage aux deux Nils“.

²⁾ O-Kelly, „Spectator“, may 3, 1884.

¹⁾ Wilson and Felkin, „Uganda and the Egyptian Sudan“.

върно возникъ бы даже большой городъ, если бы съ обѣихъ сторонъ Нила не простиравась безпредѣльная пустыня. Здѣсь великая рѣка, текущая до того къ сѣверо-западу, вдругъ поворачиваеть на юго-западъ и въ этомъ направлениі описываеть большую дугу, оканчивающуюся въ 400 километрахъ сѣвернѣе. Чтобы избѣгнуть этого огромнаго обхода, купеческіе караваны должны покидать Ниль и слѣдоватъ въ продолженіе семи или восьми дней дорогой, пролегающей черезъ скалы и пески пустыни. Значительный островъ, Могратъ, расширяетъ долину Нила, на югъ отъ Абу-Гамеда, и даетъ этому рынку болѣе обширныя пространства пахатной земли, чѣмъ тѣ, какими располагаютъ почти всѣ другіе нубійскія поселенія. Тѣмъ не менѣе, эта рѣчная пристань, гдѣ садится на суда и высаживаются купцы изъ Короско, есть не болѣе, какъ кучка бѣдныхъ хижинъ, обитаемая погонщиками верблюдовъ и рыбаками. Правда, въ этой странѣ караванщики не имѣютъ надобности въ магазинахъ или амбарахъ для склада своихъ товаровъ: они сваливаютъ свои тюки прямо на песокъ, подъ покровительство домика или мавзолея, посвященнаго святому Абу-Гамеду, и когда вернутся, спустя мѣсяцы или годы, они найдутъ свою собственность нетронутою, лежащею въ томъ видѣ, какъ оставили ее подъ сѣнью всѣми чтимой гробницѣ святаго¹⁾.

Кое-какія развалины встрѣчаются на берегахъ Нила, между Абу-Гамедомъ и четвертымъ водопадомъ, но замѣтнѣйшіе остатки древности Верхней Нубіи, послѣ памятниковъ Мероэ, находятся ниже этихъ пороговъ. Деревня, лежащая нынѣ въ этомъ мѣстѣ долины, Марауи, носить название, повидимому, происшедшее отъ имени древней столицы; однако, археологи, основываясь на текстахъ древнихъ писателей, пришли къ тому уѣждѣнію, что Марауи есть Напата, упоминаемая Геродотомъ: все разобранныя до сихъ порь надписи единогласны въ этомъ отношеніи. Марауи, у подножія бѣлыхъ скалъ, занимаетъ важное географическое положеніе, тамъ, гдѣ снова начинается судоходство по Нилу, ниже четвертаго водопада и въ мѣстѣ соединенія двухъ дорогъ изъ Бербера и Шенди, черезъ степь Байуда; одна изъ плодородѣйшихъ и наименѣе пересыхающихъ долинъ, Уади-Абу-Думъ, соединяется съ Нильской долиной какъ разъ противъ Марауи. Высокія кучи мусора напоминаютъ разрушенные памятники, а немного выше по течению рѣки видны еще остатки большихъ зданій, у основанія величественной горы Баркала, громадной четыреугольной массы песчаника, поставленной среди равнины, словно пьедесталь, ожидающей статуи; іероглифиче-

ское имя Баркала было «Святая гора», и на вершинѣ ея стоялъ главный храмъ въ честь бога Аммонъ-Ра. Отъ храма уцѣлѣли кое-какіе остатки, достаточные для того, чтобы устранить всякое сомнѣніе относительно египетскаго происхожденія этого памятника, сооруженіе котораго приписываютъ Рамзесу Великому; однако, имя Аменемхі II тоже встрѣчается на баранахъ и на одномъ гранитномъ лѣвѣ, въ натуральную величину. Въ 1863 году, Мариѣтъ открылъ между памятниками Баркала пять четыреугольныхъ колоннъ, представляющихъ высокій научный интересъ, такъ какъ вырѣзанныя на нихъ надписи доказываютъ, что въ ряду египетскихъ династій должно быть отведено видное мѣсто Эюопіи: въ продолженіе периода, обнимающаго пятьдесятъ одинъ годъ, три эюопскихъ царя, имѣвшихъ резиденцію въ Нубіи, господствовали надъ большей частью Египта²⁾; одинъ изъ нихъ, Тахрака, вельвойны даже въ Азіи. Европейскіе музеи обладаютъ многими древностями съ горы Баркала.

Группы пирамидъ поднимаются въ состѣствѣ храма Аммонъ-Ра; но замѣтнѣйшія постройки этого рода, въ числѣ двадцати пяти, находятся на лѣвомъ берегу Нила, близъ деревни Нури. Эти посѣдѣнія, превосходя величиной пирамиды въ Мероэ, менѣе хорошо сохранились, по причинѣ меньшей твердости песчаника, и почти всѣ утратили уже свою наружную облицовку изъ шлифованныхъ камней; во внутренности видны своды, способъ подпоры, изобрѣтеніе котораго еще недавно приписывалось этрускамъ, но который теперь нашли также въ разныхъ странахъ Востока³⁾, между прочимъ въ Саггарахъ, въ гробницахъ шестой династіи⁴⁾). На югъ отъ Нури, въ долинѣ уади Абу-Думъ, видны руины красивой церкви и монастыря въ византійскомъ стилѣ; но нигдѣ, на лѣвомъ берегу рѣки, незамѣтно слѣдовъ важнаго города, какимъ должна была быть Напата, на сѣверномъ берегу. Вся эта страна нѣкогда была густо населена. Ниже группы построекъ, центръ которыхъ составляетъ селеніе Марауи, разсыпаны многочисленныя развалины, принадлежащи къ различнымъ историческимъ эпохамъ: пирамиды, относящіяся къ давно минувшимъ вѣкамъ египетской цивилизации, церкви и монастыри, напоминающіе византійское вліяніе; крѣпости, построенные въ періодъ, слѣдовавшій за торжествомъ ислама.

Вершина кривой, которую описываетъ Ниль, прежде чѣмъ снова принять сѣверное направлениѣ, не могла не сдѣлаться, такъ же какъ излучина при Абу-Гамедѣ, сборнымъ пунктомъ

¹⁾ Ernest Desjardins, „Revis des Deux Mondes“, 15 mars 1874.

²⁾ Caillaud, „Voyage à Meroë“;—Trémaux, „Voyage en Ethiopie“;—Hoskius, „Travels in Ethiopia“.

³⁾ Maspero, рукопись замѣтки.

⁴⁾ Cailliaud, „Voyage à Meroë“;—Trémaux, „Voyage en Ethiopie“.

England, вмѣсто «земля англовъ» или англичанъ), простирается къ западу отъ Кордофана, на дорогѣ къ Нигеру. Страна эта не вся принадлежитъ къ бассейну Нила: западная ея покатость, посѣщенная еще немногими путешественниками и потому мало изслѣдована, кажется, теряетъ свои воды въ пониженияхъ почвы, не имѣющихъ выхода; но если бы дожди были достаточно обильны, то хераны этой области, по всей вѣроятности, превратились бы въ постоянные потоки и достигали бы озера Цадь или Чадъ. Воды, текущія по нильской покатости, тоже теряются въ равнинѣ, по крайней мѣрѣ въ сухое время года, такъ какъ въ сезонъ харифа, ручьи, берущіе начало въ южной части горъ Марра, настолько многоводны, что доходятъ до Бахръ-аль-Араба. Уади-Мелекъ или Уэдъ-аль-Мекъ, то-есть «Царская долина» (называемый также Уади-Массуль), который направляется на сѣверо-востокъ отъ Дарфура къ большому изгибу Нила, тоже катить воду въ дождливые годы, можетъ-быть, въ продолженіе десяти или пятнадцати дней; но этотъ временный потокъ никогда не достигаетъ Нила, и устье его заграждено сыпучими песками. Это огромное рѣчное ложе, почти всегда сухое, могло бы вмѣщать жидкую массу, не менѣшую той, какую заключаетъ русло Рены или Рейна; его высокіе берега, песчаниковые или известковые, перерѣзываемые тамъ и сямъ потоками лавы, отстоять одинъ отъ другаго на 5 и до 50 километровъ; деревья тянутся въ низинахъ непрерывнымъ рядомъ въ видѣ ленты зелени¹⁾. Восточная половина Дарфура, принадлежащая къ бассейну Нила,— самая важная область съ политической точки зрѣнія, вѣроятно, по причинѣ торговаго притяженія, производимаго Нильскими городами, и само собой разумѣется, жители скучены въ наибольшемъ числѣ въ сосѣдствѣ горъ, гдѣ вода течеть всего обильнѣе. Въ этомъ отношеніи Дарфуръ воспроизводить Кордофанъ, только въ болѣе обширныхъ размѣрахъ: вокругъ центральной области, усыпанной постоянными деревнями, тянется поясъ травяныхъ степей или саваннъ, и пустыни. Такая страна, очевидно, не можетъ имѣть точныхъ границъ: какъ на уроцища, на мѣста перехода изъ одной страны въ другую, путешественнику указываютъ на какія-нибудь становища помадовъ, колодцы, рощицы акацій или кустарника, на лежащія среди степи kostи верблюдовъ и тому подобныя замѣтки. Поэтому въ настоящее время невозможно определить, насколько приближается къ истинѣ цифра 500.000 кв. километровъ, обыкновенно принимаемая за мѣроповерхность Дарфура и причисляемыхъ къ нему земель: на сѣверѣ пустыни, на востокѣ Кордофанъ, на югѣ теченіе

¹⁾ См., цитированное сочиненіе; — Sidney Ensor, „Journey through Nubia to Darfour“, — Colston, „Reconnaissance of Masson“.

Бахръ-аль-Араба, на западѣ территоріи Вадай ограничиваютъ это пространство, народонаселеніе котораго, по Нахтигалю, состоить по крайней мѣрѣ изъ 4 миллионовъ человѣкъ¹). Впрочемъ, Мазонъ, который тоже посѣтилъ этотъ край, не думаетъ, чтобы число жителей его превышало два миллиона душъ²).

Дарфуръ, главный городъ котораго отстоитъ болѣе чѣмъ на 600 километровъ отъ Нила по прямой линіи, слишкомъ удаленъ отъ этой большой дороги торгового движенія, чтобы быть часто посѣщаемымъ иностранными купцами или путешественниками. Онъ не былъ даже извѣстенъ, развѣ только по имени, въ концѣ прошлаго столѣтія, когда въ первый разъ вошелъ въ исторію географіи, благодаря путешествію англичанина Броуна, который оставался три года въ странѣ, впрочемъ, скорѣе въ качествѣ пѣнника, чѣмъ въ качествѣ свободнаго человѣка³). Одній арабъ, шейхъ Могамедъ-аль-Тунси, то-есть «Тунисский», дольше прожилъ въ Дарфурѣ и составилъ интересное описание этой страны, которое впослѣдствіи было переведено на французскій языкъ⁴) и до сихъ поръ не утратило цѣны, заключая въ себѣ очень много полезныхъ свѣдѣній объ исторіи, нравахъ и обычаяхъ дарфурцевъ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи французъ Кюні (въ 1858 году) явился къ эль-Фашерскому двору, но умеръ тамъ таинственной смертью черезъ нѣсколько дней по прїѣздѣ, при чѣмъ даже его путевой журналъ, веденный во время слѣдованія изъ Эль-Обеида въ Эль-Фашеръ, не сохранился; повелитель Дарфура, безъ сомнѣнія, хотѣлъ оправдать прозище, данное его государству: «Мышеловка для невѣрныхъ». «Гиуры, говорили дарфурцы, могутъ входить въ страну во всякое время, но оттуда они никогда не выходятъ». Только третьему европейскому посѣтителю, Нахтигалю, выпала честь описать, первому въ настоящемъ столѣтіи, внутренность такъ мало извѣстнаго края. Этотъ изслѣдователь былъ еще въ Дарфурѣ, какъ уже негроторговецъ Зиберъ началъ его завоеваніе, доконченное вскорѣ послѣ того отъ имени египетскаго правительства. Страна была открыта путешественникамъ, и европейскіе офицеры генерального штаба могли приступить къ составленію ея карты; но египетская оккупациѣ не продолжалась и десяти лѣтъ: губернаторъ, назначенный хедивомъ, былъ арестованъ возмутившимися мусульманами, и граница Дарфура снова сдѣлалась на время запретной для изслѣдователей.

Мало найдется земель, гдѣ бы можно было съ большимъ правомъ, чѣмъ въ Дарфурѣ, дать название остова или костяка горамъ страны:

¹⁾ „Petermann's Mittheilungen“, 1875, № VIII.

²⁾ Тотъ же сборникъ, 1880 г.

³⁾ W. G. Browne, „Travels in Africa“, 1799.

⁴⁾ Cheikh Mohammed ibn-Omar, el Tounsy, „Voyage au Darfour“, trad. par Perron.

вокругъ этихъ каменныхъ выступовъ рельефа, какъ вокругъ костей скелета, расположены и тѣсно съ ними связаны весь живой организмъ—ручьи, растенія, животныя, человѣкъ и его история. Безъ горъ Марра не было бы и Дарфура. Эта горная цѣпь, состоящая изъ лавъ и гранитовъ и представляющая въ цѣломъ форму полумѣсяца, начинается на сѣверѣ отъ четырнадцатаго градуса широты и тянется въ южномъ направлениі на пространствѣ 200 километровъ, послѣ чего поворачиваеть къ западу. Въ этомъ мѣстѣ, гдѣ Нахтигаль перешель ее, около сѣверной ея оконечности, она носить имя Керакери, которое значитъ «обвалъ» и дано по причинѣ каменныхъ глыбъ, обвалившихся тысячами на склонахъ. На самомъ высокомъ порогѣ, черезъ который переходитъ дорога изъ Вадая въ Эль-Фашерь, этотъ путешественникъ нашелъ приблизительную высоту 1.066 метровъ, которую сосѣдня вершины превышаютъ на 150—300 метровъ. Въ продолженіе кратковременной оккупации края офицеры египетской арміи, а именно Мазонъ, Порди, Меседалья, изслѣдовали частію внутренность массива, измѣривъ вѣкоторыя вершины, господствующія надъ совокупностію гранитныхъ хребтовъ: одна изъ нихъ, Тура, въ сѣверной части цѣпи, поднимается на 1.440 метровъ; по Мазону, высшая точка горъ Марра достигаетъ 1.830 метровъ, слѣдовательно, почти на 800 метровъ выше находится надъ равнинами нижняго Дарфура. Въ скалахъ этого массива открываются многочисленныя пещеры, изъ которыхъ многія служили прежде темницами: однѣ для княжескихъ сыновей, другія для визирей¹⁾.

На сѣверѣ, на югѣ, высится второстепенные цѣпи и уединенные массивы, подобные горамъ Кордофана; таковы, на сѣверо-западѣ, величественная гора Гургеръ и стоящій совсѣмъ отдельно среди равнины массивъ Джебель-Си, оканчивающейся громадной скалой въ формѣ трона; вокругъ крутыхъ склоновъ этой горы расположилась деревня, защищенная кругообразной оградой²⁾. Въ отдаленныхъ отъ центрального Дарфура мѣстностяхъ тоже есть нѣсколько независимыхъ массивовъ. Границы Вадая, около сѣверо-западнаго угла Дарфура, указываются издали массивомъ Джебель-Абу-Ахразъ, или «Горой Отца Акаций»; другой массивъ, лучше извѣстный, потому что онъ господствуетъ на западѣ надъ караванной дорогой изъ Кобе въ Сіутъ, разставилъ свои остроконечныя верушки, Джебель-Доръ, Джебель-Анка, на продолженіи оси горъ Марра; на сѣверо-востокѣ Дарфура массивъ Джебель-Медобъ вадымаеть на 1.100 метровъ свои песчаниковыя стѣны и гранитные куполы, пробитые тамъ и сямъ потоками лавы; далѣе тянется плато

massива Джебель-Айнъ, окаймленное «Королевскимъ» уади. На востокѣ, Джебель-эль-Гиллетъ, вокругъ котораго идетъ дорога изъ Эль-Фашера въ Эль-Обейдъ, и на югѣ, въ гидрографическомъ бассейнѣ Бахръ-эль-Араба, многочисленные массивы тоже стоять уединенно, не соединяясь никакимъ промежуточнымъ выступомъ рельефа съ системой горъ Марра. Одна изъ этихъ группъ холмовъ, Джебель-Хадидъ, очень богата желѣзными рудами. Километрахъ въ пятидесяти къ юго-западу отъ другаго массива, Джебель-Данго, въ мѣстности совершенно гладкой, находятся мѣдные рудники Гофра, славящіеся по всей центральной Африкѣ. Разрабатываемая нынѣ рудная жила залегаетъ на правомъ берегу Бахръ-эль-Фертита, притока Бахръ-эль-Араба. Здѣсь искателями руды вырыта огромная яма въ 150 метровъ длины, въ 15 метровъ ширины и въ 3 метра средней глубины; со всѣхъ сторонъ вокругъ этой ямы, на пространствѣ 500 километровъ, пробурены шахты, теперь заброшенныя¹⁾. Главнымъ образомъ въ виду завоеванія этихъ мѣдныхъ рудниковъ, хедивъ и велѣлъ оккупировать Дарфуръ²⁾. Вообще, немногія области породили больше войнъ между африканскими народами, чѣмъ эти рудныя мѣсторожденія, теперь не имѣющія никакой цѣны.

Дожди и воды уади регулируются порядкомъ движенія атмосферныхъ теченій, точно такъ же, какъ и въ Кордофанѣ; однако, болѣе значительная средняя высота и большее протяженіе высотъ Дарфура, кажется, имѣютъ то слѣдствіе, что здѣсь больше задерживаются на проходѣ дождливые вѣтры, чѣмъ обеспечивается въ странѣ болѣе обильное орошеніе. Около центра гористой области, въ замкнутомъ амфитеатрѣ, покоятся озеро, которое еще не было посѣщено ни однимъ европейскимъ путешественникомъ. Дожди болѣе обильны въ западной полосѣ Дарфура; кромѣ того, такъ какъ вогнутая сторона полумѣсяца горъ обращена къ западу, то потоки этого склона имѣютъ сходящееся направленіе, которое приносить главной водной артеріи, Уади-Азуму, относительно значительную жидкую массу; однако, ложе этой рѣки бываетъ сухимъ въ продолженіе извѣстной части года. На выпуклой отлогости горъ Марра потоки, расходясь въ разныя стороны отъ востока къ югу, не успѣваютъ всѣ соединить свои песчаныя русла въ одну общую гидрографическую систему и теряются одиноко въ пустынѣ; только на южной покатости, гдѣ дожди выпадаютъ чаще, рѣки имѣютъ болѣе длинное теченіе и составляютъ настоящіе рѣчные бассейны. Такъ, въ сезонъ дождей, Уади-Амуръ помогаетъ другому временному потоку, Уади-

¹⁾ Mohamed el Touissy, пиратское сочиненіе.
²⁾ Messadaglia, „Esploratore“ 1880, № 2.

¹⁾ Pardy, „Bulletin de la Société de Géographie du Caire“, mai 1880.

²⁾ Wilson and Felkin, „Uganda and the Egyptian Sudan“.

эль-Ко, наполнять рахадъ или озеро, довольно обширное, куда ходить на водопой скотъ багарасовъ племени ризегать. Далѣе на западѣ, другіе уади катить въ періодъ харифа (дождливаго времени) столько воды, что ихъ потокъ, замедляемый недостаткомъ ската, разстилается въ видѣ обширныхъ временныхъ озеръ, гдѣ песчаныя дюны, глинистые бугры являются въ видѣ острововъ. Есть даже степныя озера, напримѣръ, Таймо, гдѣ находить воду въ самое сухое время года; однако, Вильсонъ и Фелькинъ рассказываютъ, что въ Шекѣ, въ сухіе мѣсяцы года, жители употребляютъ, вмѣсто воды, сокъ арбузовъ для хозяйственныхъ надобностей, и даже скотъ пьетъ тѣмъ же сокомъ, за неимѣніемъ другой жидкости для питья. Верхній Бахръ-эль-Арабъ, получающій излишекъ воды всѣхъ уади южнаго Дарфура, течеть видимымъ образомъ круглый годъ, а въ ложѣ Бахръ-эль-Фертита, сѣвернаго притока Бахръ-эль-Араба, всегда находить воду на глубинѣ нѣсколькихъ сантиметровъ отъ поверхности дна; рыбы удаляются въ глубокія лужи, вырытыя потокомъ у подошвы высокихъ береговъ, линія которыхъ изгибается въ формѣ полумѣсяца; въ продолженіе харифа, эта река, говорятъ, судоходна. Южная область, часто затопляемая, поставлена, въ санитарномъ отношеніи, въ менѣе благопріятныя условія, тогда какъ сѣверная, болѣе сухая и въ то же время болѣе возвышенная, пользуется здоровымъ климатомъ.

Флора Дарфура точно такая же, какъ и флора Кордофана, по крайней мѣрѣ въ той части, которая не орошается притоками Бахръ-эль-Араба; дикія растенія и животныя, равно какъ культивируемые растительные виды и домашній скотъ, нисколько не разнятся въ этихъ двухъ областяхъ: одинаковыми климатическими поясами соотвѣтствуютъ одинаковыя живущія формы и одинаковыя произведенія; только западная часть Дарфура, гдѣ воды обильнѣе и слой растительной земли толще, гораздо болѣе богата органическими видами¹). Какъ въ той, такъ и въ другой странѣ, лѣса и рощи встрѣчаются только на берегахъ уади, а промежуточныя пространства имѣютъ характеръ степи или даже пустыни. Акаціи, тамаринды, сикоморы—самыя распространенные древесныя породы. Исполинскій баобабъ, дупломъ котораго и въ Дарфурѣ пользуются какъ цистерной, наполняемой водой про-запасъ на время засухи, имѣть свой сѣверный предѣлъ около середины страны. Въ горахъ молочай съ канделябромъ напоминаютъ флору зеопскихъ плоскогорій; тамъ же встрѣчаются еще кедры, лимонныя, апельсинныя, гранатныя деревья, напоминавшія итальянцу Месседалья его родину²). Плѣды тамаринда, приготовленные въ

формѣ маленькихъ хлѣбцевъ, вывозились до войны въ Нубію и Египетъ. Одно изъ наиболѣе цѣнныхъ деревьевъ—хигликъ или баланитъ (*balanites aegyptiaca*), плодъ котораго, пренебрегаемый въ странѣ Рѣкъ, употребляется дарфурцами въ пищу; изъ того же плода, превращеннаго въ тѣсто съ примѣсью толченыхъ корней, приготавливаютъ мыло; молодые листья и побѣги служатъ приправой къ кушаньямъ; изъ золы дѣлаютъ родъ разсола, тоже утилизируемаго въ хозяйствѣ; наконецъ лучины изъ этого дерева, горящаго безъ дыма, употребляются для освѣщенія. Вообще хигликъ для дарфурцевъ то же самое, что финиковая пальма для египтянъ¹). Пальмовая деревья здѣсь рѣдки; однако въ западныхъ округахъ растетъ во множествѣ винная пальма (*raphia vinifera*). Дарфуръ и Кордофанъ заключены между двумя поясами растительности: на сѣверѣ—поясъ финиковой пальмы, на югѣ—поясъ пальмы дельбъ²).

Равнымъ образомъ на югѣ отъ Дарфура проходитъ сѣверный предѣлъ лѣснаго пояса; но благодаря дождямъ, онъ вдается къ сѣверу въ бассейнъ Бахръ-эль-Араба. Тамъ простираются густые лѣса Эль-Халла, въ которыхъ бродятъ слоны, носороги, жирафы, буйволы, преслѣдуемые баггаранскими охотниками изъ племени камбаніе или габаніе. Антилопы разныхъ породъ, страусы тоже водятся во множествѣ въ окружающихъ степяхъ; однако, излюбленнымъ мѣстомъ жительства для этихъ бѣгающихъ птицъ служатъ равнины въ сѣверныхъ провинціяхъ, откуда и получаются самыя красивыя страусовыя перья. Въ обширныхъ степяхъ, раздѣляющихъ Кордофанъ и Дарфуръ, пастухи-номады, дважды въ годъ, передъ и послѣ дождливаго сезона, устраиваютъ генеральную облаву на дикаго звѣря. Всѣ домашнія животныя племени, какъ верховыя, такъ и вьючныя—верблюды, лошади и быки, требуются для участія въ этомъ дѣлѣ и идутъ вмѣстѣ съ людьми, въ избранныю для охоты мѣстность, гдѣ загонщики становятся на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, образуя кругъ, для того, чтобы гнать звѣра ко входу въ ближайшее ущелье, усыпанное желѣзными ловушками, и входы котораго хорошо охраняются. Конные охотники бросаются на попавшихся въ плѣнъ животныхъ и убиваютъ ихъ, прежде чѣмъ тѣ успѣютъ разломать предательскіе снаряды или высвободиться изъ нихъ: иногда на такой общей облавѣ въ одинъ день убивается до трехсотъ головъ крупнаго звѣря: антилопъ, гну, буйволъ, и племя можетъ уплатить подати, часто оставляя въ недоимкѣ³). Въ южной части Дар-

¹⁾ F. de Lesseps, „Nouvelles annales des Voyages“, 1857; —Wilson and Felkin, цитированіе сочиненія.

²⁾ G. Schweinfurth, „Petermann's Mittheilungen“, 1868.

³⁾ Kotschy; —Hartmann, „Die Nilander“.

¹⁾ Purdy; —Nachtigal, цитированные статьи.

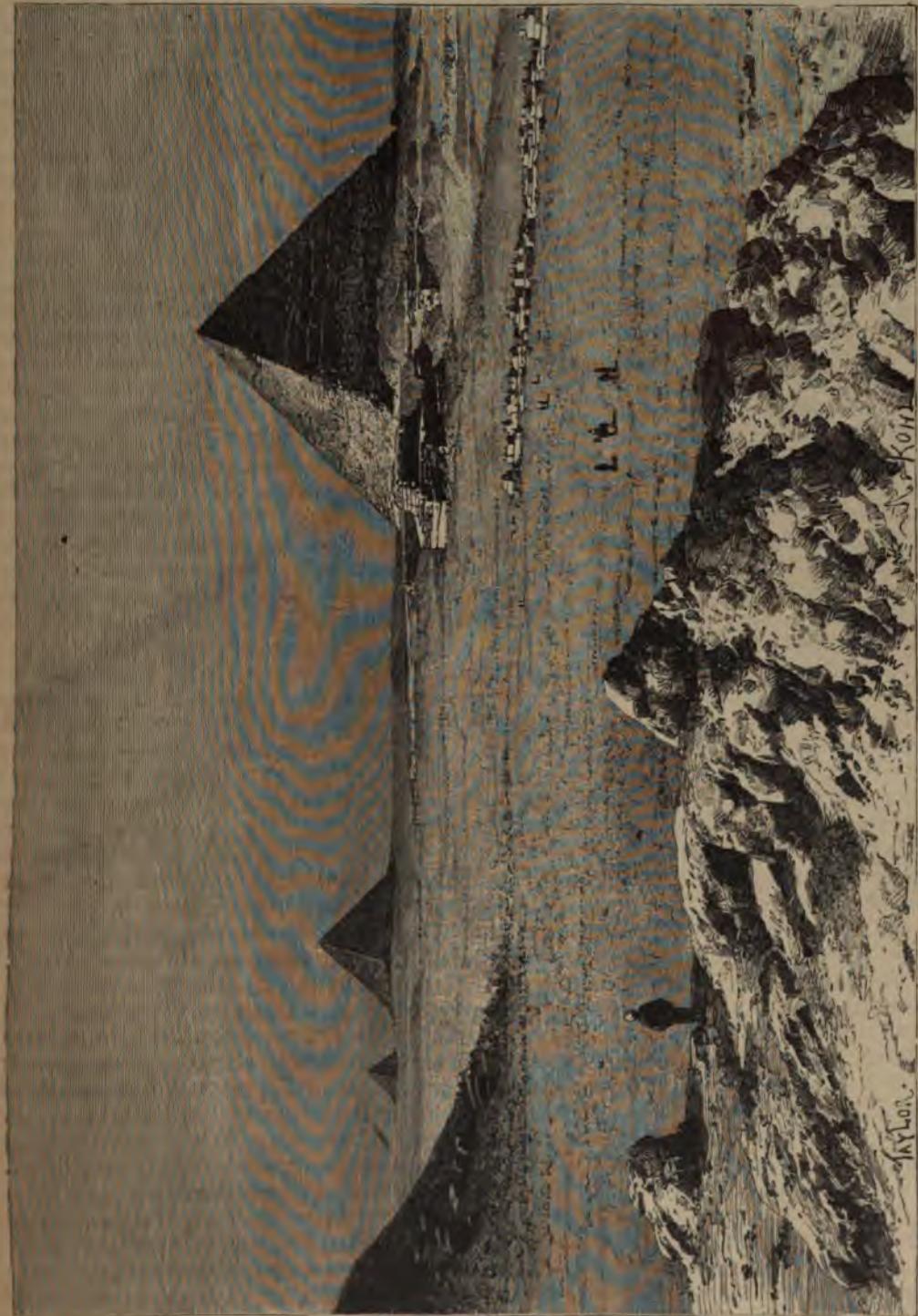
²⁾ „Esploratore“, 1880, № 2.

фура, бѣлые муравьи, или *ардха*, образуютъ такія многочисленныя колоніи, что цѣлые лѣса истребляются этими насѣкомыми¹⁾). Во время неурожая жители страны питаются термитами,

мидами «бѣлыхъ муравьевъ»; термиты массами сбѣгаются на свѣтъ, и туземцы наполняютъ ими цѣлые ящики, «какъ въ Греціи коринкой»¹⁾.

Раса «чистокровныхъ дарфурцевъ», какъ

Вторая, третья и четвертая пирамиды.

смѣшанными съ плодами тамаринда. Послѣ за-
зата солнца они зажигаютъ огни передъ пира-

мидъ называлъ упомянутый выше арабскій пу-
тешественникъ Могамедъ Тунисскій, населяетъ
гористую область въ центрѣ страны. Насколь-

¹⁾ Purdy, "Bulletin de la Société de Géographie du Caire", mai 1890.

¹⁾ Potagos, "Reisen im Gebiete des Nil und Uelle".

ко можно судить по рѣдкимъ представителямъ тѣхъ племенъ, которыхъ были изучаемы путешественниками, это—нигриціи чернобураго цвѣта, съ приплюснутымъ носомъ, съ низкимъ, подавшимся назадъ лбомъ; они дѣлятся на нѣсколько групъ, изъ которыхъ главная—кунджаціи, до недавняго времени господствовавшіе въ странѣ и управлявшіе Кордофаномъ, до прибытія египтіи. Называемые въ на-
смѣшку Насъ-аль-Белидъ, то-есть «глупыи народомъ», дарфурцы по крайней мѣрѣ тѣмъ выгодно отличаются отъ своихъ соѣдей, что имъ чужды характеризующія послѣднихъ жадность и жестокость: подъ ихъ управлениемъ, населеніе Кордофана возростало и пользовалось материальнымъ благосостояніемъ, тогда какъ со временіи ухода кунджаціевъ оно обѣднѣло и уменьшилось въ числѣ. Кунджаційский языкъ, самый распространенный, послѣ арабскаго, изъ языковъ, которыми говорятъ въ Дарфурѣ, принадлежитъ, можетъ-быть, къ нубийской группѣ; однако, Лепсіусъ констатировалъ существенныя различія между ідіомами нубійцевъ и кунджаціевъ¹). Номады племени мас-сабатъ, кочующіе въ равнинахъ между Дарфуромъ и Кордофаномъ, тоже, кажется, дарфурской расы, хотя они не знаютъ никакого диалекта, кроме арабскаго²). Кромѣ того, есть множество народцевъ, которыхъ не знаешь, какъ классифицировать, хотя сами они называютъ себя арабами, чтобы дать себѣ болѣе благородное происхожденіе; но большинство ихъ, вѣроятно, той же расы, что и дарфурцы. Могущественные племена массалитовъ, изъ которыхъ многія живутъ въ полной независимости на западныхъ границахъ Дарфура и въ Уадаѣ, принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыхъ считаютъ происходящими отъ аборигеновъ. До недавняго времени эти племена находились въ постоянной борьбѣ съ габаніехами, занимающими преимущественно южную область Дарфура, но теперь миръ между ними возстановленъ. По словамъ Нахтигала, нѣкоторые изъ этихъ народцевъ еще въ недавнюю эпоху предавались людѣству.

Сѣверная часть страны, на границахъ пустыни, между Кордофаномъ и Уадаѣмъ, населена эммигрантами барабра, зогавахами, бидейатами, нѣкоторыми другими племенами и даже бишаринами изъ восточной Нубіи³). Переселенцы изъ Уадая довольно многочисленны въ Дарфурѣ и такъ же, какъ другіе, поселившися въ этой странѣ уроженцы западныхъ странъ, извѣстны вообще подъ именемъ такруровъ или такариовъ. Фуласы, принадлежащіе къ той же расѣ, какъ и одноименные туземцы западной Африки, гомры, гамры или бени-гамраны, очень богатые верблюдами и указывающіе на

Марокко какъ на свою первоначальную родину, тоже колонизовали Дарфуръ; они живутъ преимущественно на сѣверо-востокѣ отъ горы Марра, въ оазисѣ Омѣ-Бедръ, и на западѣ, въ Уади-Барѣ, гдѣ занимаются колдовствомъ; нѣкоторые изъ ихъ родовъ пробрались даже въ Кордофанъ. По словамъ путешественника Энсора, гомры отличаются отъ другихъ обитателей Дарфура уваженіемъ, которое они оказываютъ своимъ женщинамъ. Огромное большинство чужеземцевъ состоитъ изъ арабовъ или обарившихъ инородцевъ, пришедшихъ съ сѣвера и съ востока. Уже многіе вѣка тому назадъ и, быть-можетъ, даже во времена, предшествовавшія геджрѣ, уроженцы Аравійскаго полуострова проникали въ Дарфуръ: тунджуры или тундзеры, нѣкогда господствовавшіе въ странѣ, и потомство которыхъ живетъ еще въ горахъ и въ равнинахъ, лежащихъ къ югу отъ города Эль-Фашеръ, называютъ себя арабами и считаются за таковыхъ, хотя они не магометане, и хотя въ этихъ краяхъ народы классифицируются обыкновенно по религіи; Лежантъ полагаетъ, что это тоббусы, пришедшіе съ запада⁴). Что касается кочующихъ въ равнинахъ «арабовъ»-мусульманъ, подраздѣляющихся на множество мелкихъ народцевъ, то они, очевидно, смѣшаннаго происхожденія, какъ и кордофансіе якобы-арабы, съ которыми они сходствуютъ нравами и языкомъ. Въ южномъ Дарфурѣ племена принадлежатъ къ большой семье баггарасовъ. По свидѣтельству Могамеда Тунисскаго, дѣти, рожденныя отъ родителей различныхъ расъ, дарфурцевъ и арабовъ, почти всѣ умираютъ въ раннемъ возрастѣ, тогда какъ дѣти, происходящіе отъ родителей одной и той же расы, вообще живучи и отличаются крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Чахотка — болѣзнь очень рѣдкая, почти неизвѣстная въ Дарфурѣ⁵).

Дарфурская цивилизациѣ имѣеть мусульманскій характеръ: воспитателями насељающей эту страну націи были, очевидно, арабы. Литература и наука—если можно употребить эти слова, говоря объ умственной жизни народа, едва вышедшаго изъ состоянія варварства—сводятся къ изученію Корана; нѣкоторые обряды ча-родѣства, вѣроятно, африканского происхожденія, перемѣшаны съ арабскими преданіями; еще въ настоящемъ столѣтіи совершались человѣческія жертвоприношенія при большихъ царскихъ церемоніяхъ. При восшествіи на престолъ новаго государя и въ нѣкоторыхъ другихъ торжественныхъ случаяхъ, два браты-юноши приносiliлись въ жертву съ большой помпой, и высшіе сановники государства, вмѣстѣ съ султаномъ, ёли ихъ мясо⁶). Земледѣліе, находящееся еще въ первобытномъ состояніи,

¹⁾ R. K. Cust, „Modern Languages of Africa“.

²⁾ Nachtigal, цитированная статья.

³⁾ Purdy, цитированный мемуаръ.

⁴⁾ Voyage aux deux Nilis“.

⁵⁾ Berdier, „Géographie médicale“.

⁶⁾ Werner Manzinger, „Ostafrikanische Studien“.

такъ какъ орудіемъ для распашки почвы тамъ служить еще родъ мотыки, которую пахарь тащить за собой, ходя по нивѣ¹⁾—земледѣліе пользуется, тѣмъ не менѣе, большімъ уваженіемъ: въ прежнее время султанъ дарфурскій, такъ же, какъ король фундженъ въ Сеннаарѣ, какъ императоръ китайскій и другіе государи, считали за честь быть первыми свѣтѣлемъ своего государства. Послѣ дождей онъ выходилъ съ большой торжественностью, въ сопровожденіи высшихъ сановниковъ государства и сотни молодыхъ и красивыхъ женщинъ, и разбрасывалъ сѣмена по заранѣе приготовленному полю: всѣ придворные и сановники слѣдовали его примѣру; затѣмъ народъ сѣялъ, въ свою очередь, каждый на своемъ полѣ, и когда наступала жатва, вознаграждавшая его трудъ, вѣрноподданный возносилъ свое чувство благодарности къ султану-пахарю. Почти вся облость горъ совершенно воздѣлана въ видѣ террасъ и производить разнаго рода хлѣбъ и хлопокъ; въ равнинѣ же, по словамъ Энсора, захлѣвывается никакъ не болѣе одной сотой части годныхъ къ обработкѣ земель. Промышленность въ Дарфурѣ мало развита, исключая разнѣе производства корзинъ и разныхъ издѣлій гончарного искусства; однако, бумажная матерія, выдѣлываемая въ палаткахъ номадовъ, отличаются замѣчательной прочностію и высокой цѣнностью: для носки ихъ всегда предпочитаютъ подобнымъ же матеріямъ европейской или американской фабрикаціи, привозимымъ купцами изъ Донголы; эти послѣднія ткани утилизируются главнымъ образомъ въ видѣ монетъ²⁾; пластинки соли тоже употребляются какъ мѣновой знакъ.

Со времени присоединенія Дарфура къ громадному протяженію египетскихъ владѣній, установились частыя торговыя сношенія съ Ниломъ; караваны стали часто ходить взадъ и впередъ между городомъ Эль-Фашеромъ и великой рекой черезъ рынки Кордофана, или иногда прямо къ Даббе, на большомъ изгибѣ реки. Въ 1875 году египетское правительство даже начало составить планъ будущей желѣзодорожной линіи, которая должна направиться по нормальной дорогѣ, то-есть по дорогѣ, представляемой ложемъ Уади-Мелека и вообще избѣгаемой караванами, по причинѣ опасности нападеній³⁾. До египетского завоеванія почти вся торговля Дарфура съ остальнымъ Мракомъ производилась посредствомъ «великаго каравана», который питали, какъ притоки главную реку, многочисленныя второстепенные кафилы, отправлявшіеся съ береговъ озера Цадъ и Нигера. Каждый годъ или только каждые два или три года, смотря пополитическому полож-

женію и по состоянію рынковъ, таkrурскіе пилигримы въ сѣверномъ Дарфурѣ организовали изъ себя кафилы, и къ нимъ присоединялись купцы, чтобы за-разъ сдѣлать и благочестивое дѣло, и прибыльную торговую мѣну. Великій караванъ заключалъ иногда тысячи людей и до пятнадцати тысячъ верблюдовъ. Эта движущаяся армія, къ которой, конечно, не осмѣливалось подступить ни одно изъ разбойничихъ степныхъ племенъ, не направлялась къ Хартуму, ни даже къ Нубійскому Нилу; держа свой путь по звѣздамъ и солнцу и слѣдуя по старымъ слѣдамъ, они шли отъ колодца къ колодцу въ сѣверномъ направлѣніи и достигали Нила лишь въ Сіутѣ. Подобно кордофанскому каравану, дарфурскій имѣлъ свою особую дорогу, свои колодцы и оазисы, не рискуя очутиться въ непріятномъ положеніи, когда пришлось бы оспаривать у другихъ обладаніе водой источникій, встрѣчающихся тамъ и сямъ въ пустынѣ. Впрочемъ, онъ и самъ дробился на нѣсколько отрядовъ, которые слѣдовали одинъ за другимъ черезъ промежутки въ нѣсколько дней, чтобы дать водѣ время скопиться на днѣ колодцевъ. Когда нужно было спѣшить, нѣкоторые караваны оканчивали весь путь въ сорокъ пять дней; но обыкновенно они останавливались на роадахъ въ этапныхъ мѣстахъ, въ оазисахъ, и приходили въ долину Нила лишь послѣ двухъ-или трехмѣсячнаго путешествія. Привозы драгоценныя произведенія центральной Африки: слоновую кость, страусовья перья, камедь, плоды тамаринда, звѣриниця шкуры, рога носорога—произведенія, къ которымъ прибавлялся и живой товаръ, невольники, евнухи и большинство верблюдовъ каравана, купцы оставались въ Египетѣ около шести мѣсяцевъ, чтобы выждать возвращенія пилигримовъ изъ Мекки; затѣмъ отправлялись обратно въ Дарфуръ, везя разныя матеріи, жемчугъ, бусы, чеканное оружіе, предметы легкаго вѣса, но большой цѣнности, для перевозки которыхъ не требовалось длинной вереницы вьючныхъ животныхъ¹⁾. Во время французской экспедиціи въ Египетъ, генераль Бонапартъ, желая завязать черезъ большой караванъ сношенія съ дарфурскимъ султаномъ, просилъ его прислатъ въ обмѣнъ за товары «двѣ тысячи черныхъ невольниковъ, не моложе шестнадцати лѣтъ, сильныхъ и бодрыхъ».

Дарфуръ естественно дѣлится на центральную провинцію, обнимающую гористую область, откуда спускаются воды, и гдѣ почти всегда имѣли пребываніе властители страны, и на окраинныя провинціи, заключающія область степей. Срединный *darz*, гдѣ находится округъ высокихъ горъ, извѣстенъ подъ именемъ Торра; другіе обозначаются по ихъ географическо-

¹⁾ Mengin, Langlès et Jourard, „Histoire de l'Egypte“.

²⁾ D'Escayrac de Lauture, „Le Désert et le Soudan“.

³⁾ Sidney Edder, „Incidents on a Journey through Nubia to Darfour“.

¹⁾ D'Escayrac de Lauture, цитированное сочиненіе.

знакъ истиннаго величія нації, государи Египта могли утилизировать для своихъ завоеваний импульсивную силу, которую давала ихъ арміямъ ранѣе приобрѣтенная цивилизација, и владычество ихъ распространилось далеко за естественные границы Нильскаго бассейна, проникнувъ даже въ Азію. По Мариетту и большинству египтологовъ, монархія фараоновъ, въ эпоху своего наибольшаго протяженія, обнимала все пространство, заключающееся между экваторіальными странами Верхняго Нила и берегами Каспійскаго моря, между берегами Индійскаго океана и Кавказскими горами. Но военные экспедиціи всегда являются предвестникомъ упадка; при завоевателѣ Рамзесѣ II націене идетъ быстрыми шагами, и въ послѣдніе годы царствованія этого фараона въ египетскомъ искусствѣ появляются уже варварскія произведения, «изваянія, поражающія странной грубостію стиля»¹⁾. Сила, происходящая отъ высшей цивилизациі, въ концѣ концовъ истощилась, и Египетъ былъ, въ свою очередь, завоеванъ: съ того времени, вотъ уже двѣ тысячи лѣтъ, онъ постоянно находился подъ владычествомъ иноземныхъ династій.

Политическая и соціальная судьба воздѣлывателей египетской почвы ясно опредѣляется средой, въ которой они живутъ. Ниль, общее достояніе нації, наводняетъ всѣ земли разомъ, и прежде чѣмъ землемѣры произвели разметку почвы, онъ долженъ быть сдѣлать также и земли общей собственностью; ирригационные каналы, сдѣлавшіеся необходимыми для земледѣлія съ тѣхъ поръ, какъ обработка почвы перешла за черту пояса періодически затопляемыхъ земель, не могутъ быть вырываемы и содержимы въ исправности иначе, какъ массами землекоповъ, работающихъ сообща. Слѣдовательно, земледѣльцамъ предоставляется на выборъ одно изъ двухъ: быть всѣмъ равноправными общинками и собственниками земли, или быть всѣмъ рабами господина, туземного или иностранного. Въ теченіе писанной исторіи осуществлялось послѣднее, каковы бы, впрочемъ, ни были, при фараонахъ, Птоломеяхъ и султанахъ, великолѣпіе городовъ и кажущееся благосостояніе страны. Барельефы памятниковъ показываютъ намъ египетскій народъ уже три тысячи лѣтъ тому назадъ согбеннымъ подъ плетью, какъ согбенъ онъ и въ наши дни, постоянно угнетаемый до крайности налогами: феллахъ не можетъ переходить съ мяста на място, какъ это дѣлаетъ бедуинъ-номадъ; въ необыкновенной однообразной равнинѣ дельты или въ узкой долинѣ рѣки вѣтъ ни одного уголка, где бы онъ могъ попытаться устроить себѣ безопасное убѣжище. Бѣдственное его положеніе безвыходно, будущее безнадежно, а между

тѣмъ онъ страстно любить свою родную землю. Вдали отъ береговъ любимой рѣки феллахъ постоянно грустить и наконецъ умираеть, снѣдаемый тоской по родинѣ: самые красивые пейзажи—это самые простые.

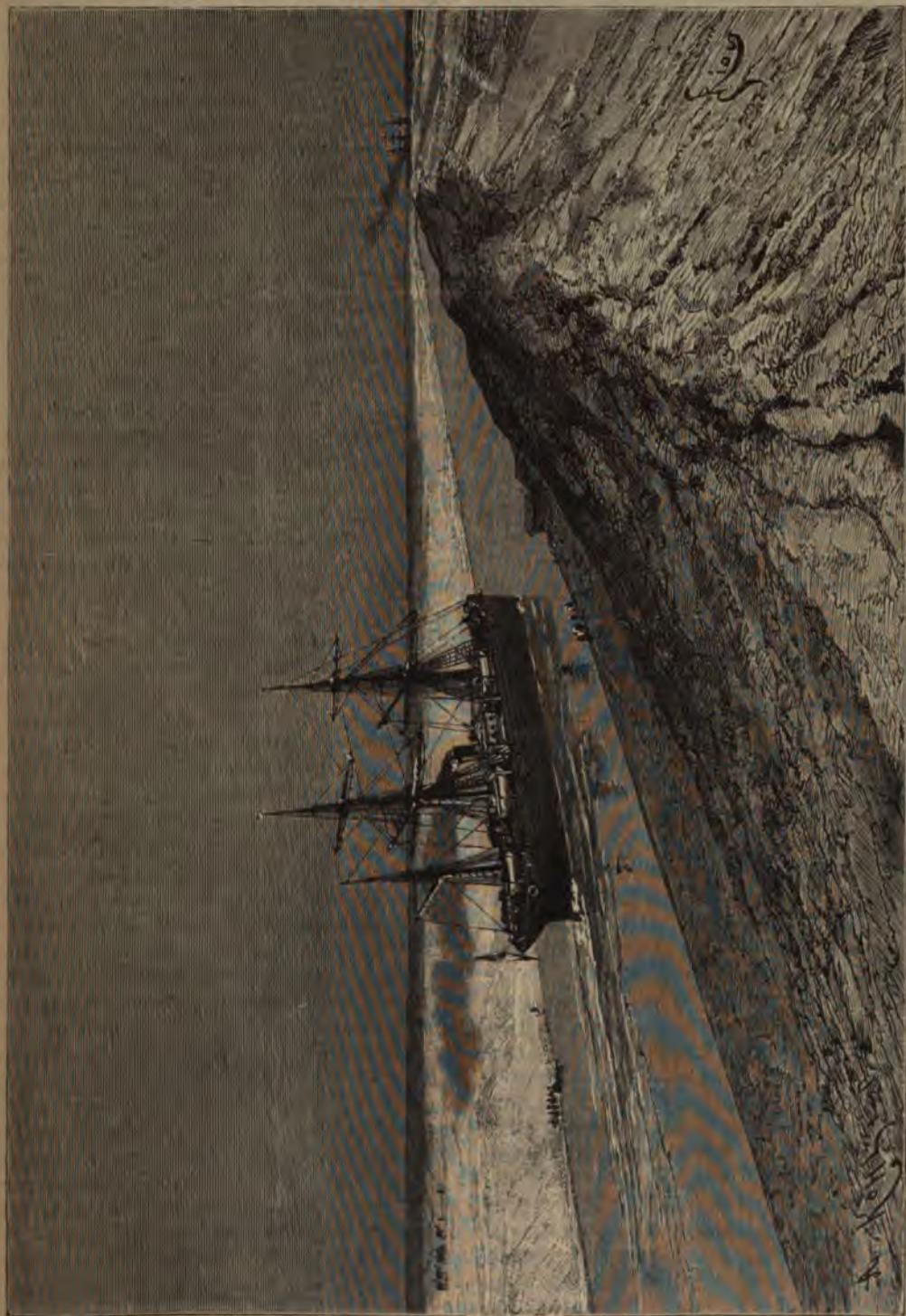
Вотъ ужъ скоро сто сто лѣтъ, какъ западно-европейскіе завоеватели оспариваютъ другъ у друга Египетъ, этотъ естественный центръ Стараго Свѣта и ключъ ко всѣмъ колоніальнымъ владѣніямъ на берегахъ Индійскаго океана, какъ объ этомъ писалъ уже Лейбницъ въ 1672 году. Капитальная важность этой господствующей позиціи не могла ускользнуть отъ вниманія государственныхъ людей: тамъ именно нужно было выиграть ту партію, ставка которой—полуостровъ по сю сторону Ганга. Если бы армія первой французской республики успѣла сохранить Египетъ, такъ быстро ими завоеванный, овѣ тѣмъ самымъ положили бы конецъ владычеству Англіи въ Индустанѣ: наслѣдие Великаго Могола ускользнуло бы изъ ея рукъ. Но послѣ уничтоженія французского флота въ водахъ Абукира, Великобританія, вернувшись себѣ неоспариваемое обладаніе морскими путями, снова сдѣлалась, въ свою очередь, владычицей Египта, при чемъ ей даже не нужно было трудиться завоевывать его, и французы должны были очистить страну фараоновъ послѣ двухлѣтней оккупации. За вооруженнымъ столкновеніемъ слѣдовали дипломатические маневры, борьба изъ-за вліянія между министрами въ Константинополѣ и въ Каирѣ. Со временемъ проѣздія Суазскаго канала, французскаго предпріятія, открывшаго пароходамъ прямой путь въ Индію, казалось, что Франція будетъ, наконецъ, пользоваться чѣмъ-то въ родѣ верховной ленной власти или сюзеренитета надъ Египтомъ; но Англія, сосредоточивая свои усиленія на приобрѣтеніе этой переходной страны, кончила тѣмъ, что завоевала Египетъ политически, заняла его своими войсками, такъ же какъ обеспечила себѣ торговое преобладаніе на каналѣ, соединяющемъ два моря. Официально Англія вмѣшивается только затѣмъ, чтобы давать советы и оказывать услуги государю; въ дѣйствительности же ея посланники очень близки къ тому, чтобы играть роль самодержавныхъ побѣдителей. Они редирируютъ трактаты, объявляютъ войну и заключаютъ миръ, раздаютъ мѣста и пенсіи, диктуютъ приговоры судебнѣмъ учрежденіямъ и стушевываются за египетскими чиновниками только тогда, когда дѣло идетъ о подписаніи списковъ налоговъ и о вскихъ другихъ правительственныйыхъ актахъ, за которые имъ нежелательно принимать на себя ответственность.

Можно сказать, что бассейнъ Нила, съ его сорокамилліоннымъ населеніемъ, сдѣлалась, если не формально, то фактически, на болѣе или менѣе продолжительное время, частью громадной Британской имперіи. Хотя англійскіе ге-

¹⁾ Fr. Lenormant, цитированное сочиненіе.

нералы не имѣютъ въ своемъ распоряженіи достаточнаго войска, но у нихъ не будетъ недостатка въ наемникахъ всякойрасы, чтобы докончить завоеваніе, начатое недавно, за

даже другія европейскія державы помогли Великобританіи окончательно утвердить ея власть въ Египтѣ, власть эта не опиралась бы, какъ въ большинствѣ другихъ англійскихъ колоній,

Каваль между Суецомъ и Сарапеумомъ

слѣть хедива и сultана, Мунцингерами, Бэкерами, Гордонами, Джесси, Стонами, Праутами. Однако, присоединеніе всей этой обширной страны къ британскимъ владѣніямъ встрѣчаетъ не одни только военные затрудненія. Если бы

на содѣйствіе населенія британскаго происхожденія. Тѣ изъ живущихъ въ краѣ иностранцевъ, которые располагаютъ финансовыми ресурсами, которые основываютъ промышленные заведенія, издаются журналы и газеты, у-

ководить общественнымъ мнѣніемъ,—все это по большей части европейцы съ континента: итальянцы, французы, греки, австрійцы, интересы и стремленія которыхъ не сходятся съ интересами и стремленіями англичанъ. Лучше принятые коренными жителями края, чѣмъ сѣверные завоеватели съ холоднымъ взоромъ, съ суровой рѣчью, завоеватели, которымъ самый климатъ всегда будетъ служить помѣхой къ образованію колоній въ собственномъ смыслѣ слова, эти не-англійскіе иммигранты изъ Европы составляютъ въ городахъ постоянно возрастающее общество, численность которого простирается уже до сотни тысячъ лицъ, и которое, конечно, не преминеть стѣснить проявленіе британской власти. Правда, новые властители страны имѣютъ вѣрное средство, если не заставить себя полюбить, то по крайней мѣрѣ приобрѣсти уваженіе мѣстного населенія: это отдать землю тѣмъ, кто ее обрабатываетъ, вырвать земледѣльца изъ рукъ разоряющихъ его ростовщиковъ, обеспечить ему безпристрастный судъ, предоставить все болѣе и болѣе «Египетъ египтянамъ». Но какое же правительство обладало когда-нибудь этимъ искусствомъ стушевываться мало-по-малу? Правительство Великобританіи покажетъ ли примѣръ въ этомъ отношеніи? Если вѣрить торжественнымъ и неоднократно повтореннымъ заявленіямъ государственныхъ людей, стоявшихъ и стоящихъ во главѣ англійского правительства, они имѣютъ въ данномъ случаѣ только одну цѣль, одно стремленіе: возстановить и обеспечить порядокъ въ финансахъ и администраціи Египта, затѣмъ, по исполненіи этого благотворительнаго дѣла, удалиться, оставивъ своимъ преемникамъ хорошій примѣръ для подражанія.

Привязанный къ кругу притяженія европейской политики, Египетъ есть, естественно, одна изъ наиболѣе изслѣдованныхъ странъ африканскаго континента. Во время французской экспедиціи конца прошлаго столѣтія, многочисленныя учены, сопровождавши Бонапарта, Дезе и Клебера, изучили край со всѣхъ точекъ зрѣнія и со всѣхъ сторонъ: изучили его геологію и минералогію, исторію почвы, гидрографію, лѣтописи, архитектуру, нравы и обычай, его соціальное устройство, и совокупность ихъ работъ и теперь еще составляетъ значительный научный памятникъ, какой только существуетъ о нижней долинѣ Нила. Генеральная карта, которую они составили въ масштабѣ одной стотысячной, тоже остается до сихъ поръ во многихъ отношеніяхъ самой полной, какою мы обладаемъ, особенно для Верхняго Египта или Саїда. Карта меньшихъ размѣровъ, составленная стараніями Линантъ-де-Бельфона, директора общественныхъ работъ въ Египтѣ, представляетъ другой драгоценный документъ; но, кромѣ главныхъ чертъ страны, отмѣчен-

ныхъ остовомъ возвышеностей и скалъ, ограничивающихъ зеленѣющія равнину, очертанія почвы мѣняются изъ года въ годъ, и та или другая мѣстная карта, снятая съ величайшей тщательностью въ періодъ жизни предшествующаго поколѣнія, подлежала бы почти полной передѣлкѣ: съ одной стороны высокіе или нагорные берега Нила были подточены течениемъ, съ другой—отложились наносы и образовались отмелы, которыя феллахи уже обвели плотинами и обратили въ пашни; засоренные иломъ каналы были замѣнены другими ирригационными рвами и канавами; дороги, деревни перенесены на другія мѣста и носятъ новые имена; специальная карта, сдѣланная для кадастра большихъ имѣній, придаютъ имъ послѣдовательную различную физіономію. Что касается пустынь «Аравійской» и «Ливійской», то онѣ пока еще извѣстны только по сѣти маршрутовъ нѣсколькихъ путешественниковъ, съ одной стороны между Ниломъ и портами Краснаго моря, съ другой—въ направлениі оазисовъ. Пора бы ужь позаботиться, чтобы страна, где Эратосѳенъ сдѣлалъ, слишкомъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, первое измѣреніе дуги земнаго меридiana, обладала, наконецъ, сѣтью геодезическихъ измѣреній, которыя могли бы служить надежными точками опоры для всѣхъ специальныхъ картъ.

Но большинство изслѣдователей Египта больше изучали древнюю исторію народа, чѣмъ его современную жизнь и специальную географію страны. Когда открытие Шамполіона приподняло завѣсу, которая облекала столь долго и столь ревностно отыскиваемую тайну єероглифовъ, и когда ученые получили, наконецъ, возможность разбирать надписи, тысячами покрывающія стѣны и колонны громадной архитектурной библіотеки Египта, они съ восторгомъ устремились въ этотъ античный міръ, до того времени остававшійся почти невѣдомымъ: къ сочиненіямъ Геродота и греческихъ географовъ теперь прибавились документы еще болѣе драгоценныя, «таблицы» и папирусы, писанные самими египтянами за сорокъ вѣковъ до нашей эпохи. Благодаря раскопкамъ Мариетта, продолжаемымъ нынѣ г. Масперо, благодаря надписямъ, прочитаннымъ Лепсіусомъ, Берчемъ, Шабасомъ, Эммануэлемъ де-Руже, Люмихеномъ и многими другими египтологами, исторія древней Нильской земли возстановляется мало-по-малу; мы все болѣе и болѣе знакомимся, въ его интимной жизни, въ его глубокой морали, въ его душѣ, такъ сказать, съ этимъ народомъ, которому мы обязаны такой большой долей полученного нами наслѣдія идей. Что бы ни говорили, произошли значительныя перемѣны со временемъ, представленныхъ на древнѣйшихъ памятникахъ. Правда, типъ лицъ и физіономіи могутъ встрѣтиться у многихъ потомковъ ретовъ, этихъ древнѣйшихъ,

известныхъ намъ обитателей береговъ Нила; даже моды той отдаленной эпохи сохранились, если не у египтянъ, то, по крайней мѣрѣ, у по-коренныхъ ими нубийцевъ; родъ культуры не измѣнился, по крайней мѣрѣ для поселянъ, и пынѣ, какъ и прежде, «температура Египта, всегда однообразная», дѣлаетъ тамъ, какъ выразился Боссюэть, «умы солидными и постоянными». Но события истории не могли совершиться безъ того, чтобы не отразиться на египетскомъ населеніи: иммигранты всякой расы совершенно видоизмѣнили городскую цивилизацию; бывши нѣкогда учителемъ сосѣднихъ націй, Египетъ долженъ быть впослѣдствіи сдѣлаться, въ свою очередь, ученикомъ; римляне, византійцы, арабы, наконецъ европейскіе народы были послѣдовательно его наставниками.

Возможно, что Египетъ въ настоящее время менѣе населенъ, чѣмъ былъ въ эпоху наибольшаго своего могущества; но мѣстечки и селенія всегда были многочисленны на берегахъ Нила; они тянутся непрерывнымъ рядомъ, одно за другимъ, вдоль береговъ, какъ во время Геродота. Сравнительно съ площадью, годной къ воздѣлыванію почвы, Египетъ есть одна изъ странъ земного шара, гдѣ населеніе достигаетъ наибольшей плотности. Въ самомъ дѣлѣ, истинный Египетъ состоить единственно изъ низменныхъ земель, которая могутъ быть подвергаемы дѣйствію воды: каменистая или песчаная пространства, простирающіяся вѣрхомъ рѣчной долины, составляютъ часть Ливіи или «Аравіи». Узкій бордюръ «золотой нити» и ея «бахрамы» въ дельтѣ—вотъ и вся страна феллаховъ; за этими предѣлами, нѣсколько оазисовъ на западѣ, да въ горахъ востока пастбища суть единственная удобная для обитанія жѣста: треугольникъ дельты и извилистая долина Нила, которую пѣшеходъ легко можетъ перейти въ нѣсколько часовъ, если только найти лодку, чтобы переправиться черезъ рѣку,—вотъ и вся страна; какъ писалъ арабскій полководецъ Арму калифу Омару: «Безплодная пустыня и великолѣпная равнина между двумя валами горъ—вотъ и весь Египетъ». Официально это государство имѣть будто-бы поверхность около миллиона квадр. километровъ, не считая азиатскихъ владѣній по ту сторону Суэскаго канала, но со включеніемъ всей Нильской области между Ассуаномъ и Уади-Хальфа. Для этого огромнаго пространства, народонаселеніе въ 9.755.300 душъ, по переписи 1897 года, было бы очень незначительно, меньше даже, чѣмъ народонаселеніе Скандинавскаго полуострова, пропорционально территории; но удобный для обитанія Египетъ, который въ отношеніи формы можно сравнить съ треугольнымъ бумажнымъ змѣемъ, снабженнымъ длиннымъ извилистымъ хвостомъ, не имѣть даже 30.000 квадр. километровъ; при

этихъ размѣрахъ плотность его населенія втрое больше, чѣмъ во Франціи, и превосходитъ даже плотность населенія Бельгіи и Саксоніи¹). Вотъ точные цифры, показывающія пространство и народонаселеніе Египта въ 1897 году:

Пространство, по официальнымъ даннымъ: 994.668 кв. килом.; населеніе: 9.755.295 душъ; среднимъ числомъ 9,8 жителей на 1 кв. километръ. Площадь долины и дельты, вмѣстѣ съ рѣкой, каналами и озерами, по Амичи: 33.239 квадр. килом. Площадь удобной для обитанія почвы въ Египтѣ: 29.400 кв. километр.; вѣроятное населеніе 6.900.000 жителей; километрическое населеніе 234 жителя. Площадь удобной для обитанія почвы въ Бельгіи: 29.455 кв. килом.; вѣроятное населеніе 5.600.000 жителей; километрическое населеніе: 190 жителей.

Египетъ—это Нилъ, и самое имя его есть то, которое носила нѣкогда эта великая рѣка. Древнійшее название страны, Кемъ или Кеми, то-есть «Черная», тоже происходитъ косвенно отъ Нила, такъ какъ оно дано по цвету темно-фиолетовыхъ наносовъ, отлагаемыхъ теченіемъ, которые составляютъ рѣзкий контрастъ съ «Краснымъ», то-есть съ песками и скалами пустыни: имя Камъ или Хамъ, присвоенное въ «Книгѣ Бытія» африканскимъ народамъ, есть, вѣроятно, не что иное, какъ самое наименование Египта²). Изъ этого чернозема, образовавшагося изъ рѣчного ила, рождаются питающія человѣка растенія, и самъ человѣкъ произошелъ изъ той же земли, повторяютъ древнія легенды. Всѣ города, всѣ селенія Египта расположены по берегамъ рѣки и ея каналовъ, всѣ они зависятъ въ отношеніи своего существованія отъ ея животворныхъ водъ. До недавняго времени сообщенія между Верхнимъ и Нижнимъ Египтомъ могли производиться не иначе, какъ по Нилу, который, впрочемъ, представляетъ очень удобный водный путь, такъ какъ барки поднимаются или спускаются по рѣкѣ съ одинаковой легкостью, либо гонимыя къ верховью съвернымъ вѣтромъ, господствующимъ почти въ продолженіе цѣлаго года, либо увлекаемыя къ низовью силой теченія. Крушения или продолжительные задержки судовъ могутъ случаться въ особенности при крутыхъ поворотахъ Нила и противъ выхода овраговъ, откуда дуютъ неправильныя вѣтры, наперѣрѣзъ направлению рѣки.

На пространствѣ отъ Ассуана до Каира, съ той и другой стороны, надъ берегами Нила господствуютъ либо склоны горъ, либо закраины плоскогорій, среднее возвышеніе которыхъ отъ 50 до 350 метровъ: съ этихъ высотъ видишь у себя подъ ногами цѣлый сегментъ Египта, отъ восточной границы до западной, съ его селеніями, каналами и обработанными

¹⁾ Brugsch, „Geographie des alten Aegypten“.

²⁾ Alb. Réville, „Revue des Deux Mondes“, 15 juin 1870.

землями; внизу желтоватыя стѣны скаль походятъ во многихъ мѣстахъ на каменоломни, дно которыхъ занято садомъ. Особенно на востокѣ утесы принимаютъ тамъ и сямъ грандіозный видъ, хотя нигдѣ они не вздымаются въ видъ настоящихъ горъ: нужно отойти на нѣкоторое разстояніе отъ Нила, въ мѣстности, сосѣднія съ Краснымъ моремъ, чтобы достичь гнѣтъ краевой цѣпи, впрочемъ недостаточно изслѣдований, которая продолжаетъ въ сѣверномъ направлѣніи горы Этбай; нѣкоторыя изъ ея вершинъ поднимаются, говорять, на 2.000 метровъ надъ уровнемъ моря. Эти высоты «Аравійской» пустыни, вообще обозначаемыя именемъ Эль-Джебель или «Гора», состоять изъ кристаллическихъ породъ: гранита, гнейса, слюдяного сланца, порфира и діорита; онѣ образуютъ нѣсколько отдѣльныхъ массивовъ, раздѣленныхъ одинъ отъ другого развѣтвленіями песчаныхъ уади. Одинъ изъ этихъ массивовъ, въ южномъ Египтѣ, даетъ начало по перечной цѣпи водопадовъ, которая ограничиваетъ собственно Нубію и соединяется съ Ливійской цѣпью у воротъ Ассуана: тамъ, въ сіенитовыхъ и гранитныхъ скалахъ, огибаемыхъ порогами рѣки, находятся знаменитыя, теперь заброшенныя, каменоломни, гдѣ во времена фараоновъ высѣкали громадные монолиты для обелисковъ и статуй. Съ восточной стороны, тотъ же массивъ, который даетъ начало цѣпи водопадовъ, выдвигаетъ въ Красное море треугольный полуостровъ, оканчивающійся мысомъ Расъ-Бенасъ и прикрывающій на югѣ заливъ Уммъ-эль-Котефъ, который въ древности носилъ название гавани Вереники.

На сѣверъ отъ нубійской границы, гдѣ кристаллическія породы занимаютъ всю вершину египетской территории, поясь гранитныхъ формаций постепенно съуживается, но сохранившися свои главныя вершины въ сосѣдствѣ моря. Эта область, гдѣ въ настоящее время кочуютъ только малочисленныеnomads, была нѣкогда эксплоатируема цѣлыми арміями рудокоповъ и каменотесовъ. Гора Джебель-Забара, Смарагдъ древнихъ, возвышающаяся на берегу Чернаго моря, подъ шириной Эдфу, заключаетъ въ своихъ горныхъ породахъ гранаты и другіе драгоценныя кристаллы, и путешественникъ Кальо открылъ тамъ, въ 1816 году, мѣсторожденія изумрудовъ, впрочемъ рѣдкихъ и плохаго качества, — мѣсторожденія, которыхъ эксплоатировались, по приказанію государей Египта, въ разныя эпохи до 1358 г.; на сѣверѣ и на югѣ этого массива видны остатки селеній, построенныхъ для рудокоповъ. Сѣвернѣ, въ долинѣ, соединяющей Нильскую извилину съ портомъ Коссеиръ, нашли остатки города, состоявшаго изъ двухъ тысячъ каменныхъ жилищъ, и обширныхъ ломки «античнаго змѣевика», «египетской брекчіи» и другихъ разновидностей діорита, которая употреблялись преимущественно для рѣзбы вазъ, саркофаговъ и статуй¹⁾.

Еще сѣвернѣе следуютъ одинъ за другимъ два массива древней «Клавдіевой горы», Джебель-Фатире и Джебель-Доханъ, первый гранитный, второй порфировый, изъ которыхъ монолиты, доставляемые на берегъ Краснаго моря, перевозились затѣмъ по Суэскому заливу или «Траяновой рѣкѣ» на Ниль, потомъ въ Александрию, а оттуда отправлялись на корабляхъ во всѣ средиземноморскіе города римскаго міра²⁾. Джебель-Доханъ, или «гора Дыма», — «Порфировая гора» древнихъ — представляла наилучше эксплоатируемую во всемъ Египтѣ группу каменоломенъ; сами же египтяне не разрабатывали этой твердой породы. Со временемъ царствованія императора Клавдія, Римъ и Византія вывозили великолѣпный красный порфиръ, служившій материаломъ для постройки ихъ храмовъ и дворцовъ: тамъ и теперь еще можно видѣть колонны въ восемнадцать метровъ длиной и въ семь съ половиной метровъ въ окружности, превосходящія размѣрами самый большой камень «Помпеевої колонны». Нашествіе арабовъ въ Египтѣ положило конецъ разработкѣ знаменитыхъ каменоломенъ, на которую указываютъ еще громадныя кучи обломковъ и остатки городовъ, нѣкогда существовавшихъ тамъ. Порфировый массивъ Джебель-Дохана поднимается среди гранитныхъ горъ, какъ подобные же порфиры среди гранитовъ Синайскаго полуострова: съ обѣихъ сторонъ Краснаго моря горы имѣли, повидимому, одинаковое происхожденіе³⁾.

Противъ Тора, на синайскомъ берегу, массивъ Джебель-Гарібъ вадымаетъ свои остраконечные шпицы на 1.885 метровъ высоты: это послѣдняя большая вершина краевой цѣпи, и, по Швейнфурту, самая высокая во всей Аравійской пустынѣ; она кажется неприступной, — такъ круты ея стѣны. Даѣе, за Джебель-Гарібомъ, показываются гора Тенасебъ, потомъ Джебель-Шеллалла, который Уади-эль-Тихомъ, или «Долиной заблужденія», отдѣленъ отъ Джебель-Аттака; каждый массивъ этихъ странъ дѣлится на множество пирамидальныхъ вершинъ, контрфорсы которыхъ или предгорья тоже разрѣзаны на пирамиды, правильно слѣдующія одна за другою со всѣхъ сторонъ вокругъ центральнаго конуса⁴⁾. Этотъ массивъ, высота которого не превышаетъ 300 метровъ, но который, благодаря своимъ обрывистымъ скатамъ, круто поднимающимся надъ Сузскимъ заливомъ, имѣть видъ высокой горы, — образуетъ сѣверную оконечность гранитной

¹⁾ Mitchell, „Bulletin de la Société de Géographie du Caire“, 1879, № 6.

²⁾ Letronne, „Recueil des inscriptions grecques et latines de l'Egypte“; — J. Russegger, „Reisen in Europa, Asien und Africa“.

³⁾ Schweinfurth und Gussfeldt, „Globus“, 1876, № 1.

⁴⁾ Schweinfurth, „La Terra incognita dell'Egitto propriamente detta“, „Esploratore“, 1878.

цѣпи. Далѣе на сѣверъ встрѣчаются только известковыя скалы или дюны. Оба склона цѣпи покрыты пластами менѣе древняго происхожденія. На востокѣ, мѣловые откосы опираются во многихъ мѣстахъ на гранитныя горы и образуютъ нѣсколько выступовъ, выдвинувшихся въ море въ видѣ мысовъ; въ этихъ возвышенностиахъ находять мѣсторожденія сѣры, равно какъ нефтяные источники и кучи горной смолы; въ Джебельѣ бывали когда-то базальтовыя изверженія: лавы эти встрѣчаются даже въ сосѣдствѣ Измаїліи. Грунтъ земли морскаго берега состоить изъ песчаниковъ и известняковъ современной формациіи, содержа-

ря. Въ цѣломъ западный берегъ здоровъ, менѣе загроможденъ коралловыми постройками, чѣмъ восточный; море глубже въ сосѣдствѣ послѣдняго, и хорошия гавани на этомъ берегу многочисленнѣе.

На западѣ отъ гранитовъ, сланцевъ и порфира краевой цѣпи обшивка кристаллическаго ядра состоить, какъ и на востокѣ, изъ песчаниковъ и известняковъ. Въ южной части поднимается островообразный песчаниковый массивъ, подобный массивамъ Нубіи, Кордофана, Сеннааара. Особенно въ массивѣ Джебель-Сильсиле, междуду Ассуаномъ и Энне, этотъ камень (песчаникъ), очень мелкаго зерна и дѣлящійся

Древнія каменоломни въ Ассуанѣ.

щахъ раковины и полиціяки: это обломки твердыхъ оболочекъ раковинъ, доставляющіе цементъ песчаныхъ частицъ; известняки и песчаники недавняго происхожденія сплошь состоять изъ этихъ перемѣшанныхъ частицъ песку и обломковъ черепа раковинъ. Прибрежные жители присутствуютъ при образованіи этихъ новыхъ горныхъ породъ, подобныхъ такъ называемому «тасонне-bon-Dieu» (довольно плотный песчаникъ, содержащій въ себѣ довольно значительное количество раковинъ и коралловъ) Антильскихъ острововъ, и такъ же какъ на побережье Аравійскаго полуострова, на египетскомъ поморѣ замѣчается постепенное выступленіе берега изъ водъ, происходящее либо вслѣдствіе вертикальнаго поднятія почвы, либо по причинѣ пониженія уровня мо-

правильными пластами, какъ это нужно для большихъ зданій, вырубленъ обширными ломками, откуда извлекли материалы для постройки тысячи храмовъ; выемки, сдѣланныя въ скалахъ праваго берега, имѣютъ нѣчто ужасающее по своимъ громаднымъ размѣрамъ: по словамъ Шарля Блана, по крайней мѣрѣ половина египетскихъ памятниковъ вышла изъ этихъ горъ. Каменоломни западнаго берега, менѣе обширныя, болѣе замѣчательны съ точки зрѣнія искусства, потому что онѣ заключаютъ въ себѣ много храмовъ, высѣченыхъ въ скалѣ, погребальные гроты, статуй: едва открытые для разработки, эти каменоломни были превращены въ могилы. Въ сѣверной частіи «аравійскихъ» горъ песчаники замѣнены изи вѣстняками разныхъ геологическихъ вѣковъ.

один изъ этихъ известниковъ принадлежать къ мѣловому периоду, другіе къ эоценовымъ ярусамъ: такъ, надъ правымъ берегомъ Нила высятся, въ видѣ утесовъ, преимущественно мѣловые скалы, представляя живописнѣйшія формы съ ихъ монументального вида цоколями, раздѣленными простыми разсѣяніями или темными оврагами и увѣнчанными пирамидами и башнями. На сѣверѣ, послѣднія скалы, оканчивающіяся въ самомъ Каирѣ Джебель-Мокаттамомъ, или «Писаными горами», почти сплошь состоять изъ нуммулитовъ, острей, церита и другихъ раковинъ, связанныхъ известковымъ цементомъ; по обилію своихъ ископаемыхъ и известковыхъ сростковъ эти горы сущее «Эльдорадо» для геологовъ. Нуммулитовые слои содержать въ вѣкоторыхъ мѣстахъ великолѣпнѣйшіе прозрачные алебастры; таковы, на западѣ отъ Бени-Суэфа, алебастры массива Джебель-Уракама, откуда были извлечены материалы, употребленные на постройку мечети Мухаммеда-Али, въ каирской цитадели; таковы же, южнѣе, алебастры, названные по имени города Алабастрона, который стоялъ въ недалекомъ разстояніи отъ того мѣста, где нынѣ находится городъ Миніе. Но важнѣе, чѣмъ эти каменоломни, служившія удовлетворенію роскоши, были ломки строительного камня, находящіяся на берегу Нила, именно Турахская и Мазаракская: по пирамидамъ, воздвигнутымъ на другой сторонѣ рѣки, можно судить о громадной вылomкѣ камня, произведенной въ теченіе шести тысячъ лѣтъ въ этихъ нуммулитовыхъ каменоломняхъ, которыхъ доставляли также материалы для построекъ Мемфиса и Каира.

Ливійскіе холмы ниже холмовъ «аравійскаго» берега. Въ цѣломъ рельефъ Египта представляетъ видъ наклонной плоскости, покатой по направленію отъ востока къ западу: отъ гребня, образуемаго краевой цѣпью, массивы и плато постепенно уменьшаются въ высотѣ до долины Чила; отъ западной окраины этой долины до оазисовъ почва тоже мало-помалу понижается и, наконецъ, достигаетъ уровня меньшаго, чѣмъ уровень моря. По обѣ стороны зеленѣющей и населенной равнины, черезъ которую протекаетъ Ниль, поясь скаль одинаково лишенъ постоянныхъ жилищъ; но Ливійская область, болѣе однообразная, безъ высокихъ выступовъ въ видѣ горъ, и покрытая пескомъ, кажется болѣе угрюмой, чѣмъ восточный поясъ: она составляетъ уже часть той громадной пустыни, которая простирается на западѣ до береговъ Атлантическаго океана. Съ вершинами пирамиды Хеопса это ливійское плоскогорье представляется безконечной равниной, усыпанной песчаными буграми; но это только оптическій обманъ зрѣнія, какъ о томъ могутъ засвидѣтельствовать рѣдкіе путешественники, проникающіе въ эти печальные, безводныя и

безплодныя пространства. Въ цѣломъ пустыня, заключающаяся между Ниломъ и долиной оазисовъ, представляетъ плоскогорье изъ нуммулитового известняка, достигающее высоты 250 метровъ надъ уровнемъ рѣки. Крутые скаты обозначаютъ границы этого плоскогорья, а поверхность его разрѣзана на отдѣльные массивы древними размывами моря. Горки одинаковой высоты, поднимающіяся тамъ и сямъ надъ плоскогорьемъ, указываютъ первоначальный уровень страны. Безъ всякаго сомнѣнія, Средиземное море въ эпоху, предшествовавшую четверичному периоду, омывало основаніе всѣхъ этихъ мысовъ и разбивало свои волны среди этихъ архипелаговъ скаль, где въ наши дни вода показывается лишь въ видѣ обманчивыхъ миражей.

Песокъ покрываетъ сплошь поверхность Ливійской пустыни: въ углубленіяхъ онъ скопляется толстыми слоями, навозвышеніяхъ почвы носится въ видѣ Ѣдкой пыли, но только въ немногихъ мѣстахъ скала является совершенно обнаженной: зерна кварца повсюду облегаютъ ее желтымъ или красноватымъ слоемъ. Эти кварцевые пески несомнѣнно иностранного происхожденія, такъ какъ плоскогорье пустыни представляетъ лишь известковыя скалы и глины; вѣты, и раньше морскія воды, принесли съ дальнихъ горъ эти обломки первичныхъ горныхъ породъ. Безпрестанно передвигаясь взадъ и впередъ по почвѣ, пески сообщили ей замѣчательную шлифовку: во многихъ мѣстахъ скала имѣеть блескъ отполированаго мрамора. Всѣ разсѣянные по пустынѣ камни словно покрыты лакомъ отъ дѣйствія песка, притупляющаго ихъ углы и сглаживающаго всѣ шероховатости: нѣкоторыя изъ этихъ каменныхъ глыбъ имѣютъ такой лоскъ, что многіе путешественники принимали ихъ за вулканическіе обсидіаны. Геологъ Циттель полагаетъ, что безпрестанное треніе песковъ имѣеть слѣдствіемъ химическое измѣненіе внутренняго строенія камней, такъ какъ встрѣчаются въ огромномъ множествѣ кремни, содержащіе въ центрѣ почку изъ нуммулитового известняка: слѣдовательно, камень преобразовался отъ виѣшней къ внутренней части, и какая же могла быть причина этого явленія, если не постоянное прохожденіе песчинокъ по поверхности камня? Между мириадами нуммулитовъ, покрывающихъ почву толстыми слоями, всѣ тѣ, которые лежать на поверхности, постоянно подвергаясь тренію о нихъ песчаныхъ частицъ, совершенно превращены въ кремень и приняли синеватый цвѣтъ и почти металлический блескъ, тогда какъ нуммулиты нижайшихъ слоевъ, неподверженные тренію, равно какъ и дѣйствію свѣта, остаются бѣлыми и сохраняютъ свою известковую формацию¹⁾.

¹⁾ „Briefe aus der libyschen Wѣste“.

Каковы бы ни были химические силы, которыми пуммилиты обязаны своим превращением в кремни, эти последние не остаются неизменными послѣ своего образования. Переизмены температуры, столь значительные отъ дня къ ночи подъ этимъ безоблачнымъ небомъ, заставляютъ раскалываться камни, и обширные пространства усыпаны ихъ осколками. Иногда изломъ кремней происходит такими образомъ, что они получаютъ совершенно правильную геометрическую форму: такъ, напримѣръ, въ одномъ уади аравийской цѣпи къ западу отъ Бени-Суэфа, встрѣчаются въ значительныхъ количествахъ обломки кремней, похожие на усѣченные конусы съ восемью равными боковыми гранями¹⁾. Этими же рѣзкими перемѣнами температуры хотѣли было объяснить происхожденіе расколотыхъ и даже отесанныхъ камней, которые были найдены въ разныхъ доисторическихъ мастерскихъ Египта; однако, работа человѣка представляетъ точные отличительные признаки, которые нельзя смѣшать съ произведеніями природы²⁾; упомянутый геологъ Циттель тщетно искалъ въ пустынѣ естественные осколки кремня, которые имѣли бы хотя лишь отдаленное сходство съ остріями копій и дротиковъ, какіе человѣкъ приготовлялъ себѣ въ продолженіе каменнааго вѣка, гдѣ бы то ни было: въ Египтѣ ли, въ Европѣ или въ Новомъ Свѣтѣ. Между камнями правильной формы, находимыми въ египетскихъ пустыняхъ, Кальо и Руссеггеръ указали сердолики, яшмы, агаты и другіе твердые камни, имѣющіе форму чечевицъ или дисковъ разной величины, окруженныхъ кругообразнымъ выступомъ въ видѣ кольца: внутренность этихъ кружковъ часто расположена концентрическими слоями. Эти слѣпки очень часто встречаются вмѣстѣ съ ископаемыми лѣсами

Извѣстно, что по странному контрасту скаменѣлые деревья встрѣчаются во многихъ мѣстахъ въ этой странѣ, гдѣ живыя деревья стоятъ такъ рѣдки. Въ небольшомъ разстояніи отъ Каира, на восточной сторонѣ массива Джебель-Мокаттамъ, можно видѣть, если не «окаменѣлый лѣсъ», какъ обыкновенно говорятъ, или «мачты сѣвшихъ на мель кораблей», источенные фоладами и покрытые морскими обломками, какъ утверждали путешественники³⁾, —то по крайней мѣрѣ вѣсколько древесныхъ стволовъ, превращенныхъ въ столбы кремнезема и халцедона. Но углубляясь въ пустыню, находишь гораздо болѣе значительные скопленія окаменѣлого дерева, дѣйстви-

тельно заслуживающія названія «лѣсовъ». Къ юго-востоку отъ Каира, въ одной лощинѣ «аравийскихъ» плоскогорій, окаменѣлые стволы деревьевъ, большие и маленькие, являются въ такомъ множествѣ, что кремнистые стержни или куски ископаемаго дерева покрываютъ сплошь нѣкоторыя части почвы, съ исключеніемъ всяаго другаго камня. Къ западу отъ пирамидъ, въ ливійской пустынѣ, тоже встрѣчаются «окаменѣлые лѣса», заключающіе въ себѣ древесные стволы болѣе 20 метровъ (28 аршинъ) длиной, съ вѣтвями и корнями, и частію покрытые корой⁴⁾. Наконецъ, путешественники находили эти скопленія ископаемаго дерева въ разныхъ частяхъ Нубійской пустыни, въ Сеннаарѣ и Кордофанѣ, даже на высокихъ плоскогорьяхъ Эгіопіи, и во всѣхъ случаяхъ эти растительные остатки, превращенные въ кремнеземъ, принадлежать къ порядку навозянковыхъ (*sterculiaceae*): въ Египтѣ это *nicholia nilotica*; въ одной изъ каирскихъ коллекцій находится также родъ бамбука, извлеченный изъ тѣхъ же залежей ископаемаго лѣса.

Откуда взялись эти стволы окаменѣлыхъ деревьевъ? Нѣкоторые геологи полагали, что они были принесены морскими волнами, когда Средиземное море простиралось далѣе къ югу, чѣмъ нынѣ; но въ такомъ случаѣ трудно было бы понять, какимъ образомъ эти ископаемыя деревья могли быть выброшены на берегъ такъ хорошо сохранившимися и безъ всякихъ слѣдовъ тѣхъ морскихъ организмовъ, растительныхъ или животныхъ, которые обыкновенно прицепляются къ пловучему лѣсу; кроме того, нужно было бы объяснить, какимъ образомъ могъ совершаться переносъ этихъ морскихъ выкидковъ черезъ горы и долы до возвышеностей Эгіопіи. Точно также нельзя приписать и рѣчнымъ теченіямъ, какъ, напримѣръ, теченію Нила, навость этихъ древесныхъ стволовъ, такъ какъ они не сопровождаются никакими аллювиальными образованіями. Очевидно, эти навозянковыя деревья находятся въ самомъ мѣстѣ или, по крайней мѣрѣ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ своего первоначального мѣста произрастанія. Наиболѣе вѣроятнымъ между геологами считается то мнѣніе, что растительные волокна постепенно превратились въ кремнеземъ подъ дѣйствиемъ горячихъ минеральныхъ водъ, какія вытекаютъ изъ земли въ разныхъ частяхъ Египта, особенно въ оазисахъ; насыщенные этими водами, поваленные древесные стволы мало-по-малу измѣняются въ камень, какъ они измѣняются въ торфъ въ болотахъ сырьихъ сѣверныхъ странъ. Правда, окаменѣнія травы и деревьевъ, происходящія на нашихъ глазахъ, вокругъ гейзеровъ Исландіи и Монтаны, отличаются отъ петрификацій египетскихъ пустынь какъ

¹⁾ Russegger, цитированное сочиненіе.

²⁾ Arcelin, *Matériaux pour l'histoire de l'Homme*, février 1869; — Fr. Lenormant, *Premières Civilisations*; — Richard Burton, *Stones and Bones from Egypt and Midian*.

³⁾ Sicard, *Nouveau mémoire des missions de la Compagnie de Jésus*. 1707.

⁴⁾ Calliaud; — Ehrenberg; — Figari-bey.

по наружному виду, такъ и по способу образования: тамъ дерево превращается не въ зерна кварца, а въ аморфный кремнеземъ. Но въ этомъ случаѣ, можетъ-быть, нужно принять въ разсчетъ различіе климатовъ и продолжительное дѣйствіе времени. Рядомъ съ «окаменѣлымъ лѣсомъ» въ окрестностяхъ Каира есть куполообразный песчаниковый холмъ, Джебель-эль-Ахмаръ или «Красная гора», гдѣ ломка камня производится внутри горы, благодаря легкости работы въ глубокихъ слояхъ. Этотъ песчаниковый холмъ, стоящій среди нуммулитовыхъ известняковъ, не былъ ли извергнутъ какимъ-нибудь древнимъ гейзеромъ, и деревья сосѣдней равнинны, покрытой лѣсомъ въ ту эпоху, не обязаны ли своимъ сохраненіемъ дѣйствію бывшихъ изъ земли горячихъ водъ¹⁾?

На западѣ Египта, такъ же какъ на западѣ Нубіи, тянется цѣпь оазисовъ, расположенныхъ по кривой, почти параллельной теченію Нила. Первый изъ этихъ оазисовъ, еще необитаемый, Куркуръ, находится километрахъ въ ста отъ Ассуана. Почти въ такомъ же разстояніи къ сѣверо-западу простирается Большой оазисъ древнихъ, нынѣ называемый Харге, какъ и главный его населенный пунктъ; онъ занимаетъ, по направленію съ сѣвера на югъ, включая сюда пальмовыя рощи Бериса, низменность длиной около 150 километровъ. Впрочемъ, это не сплошной оазисъ, но скорѣе архипелагъ маленькихъ оазисовъ, плеяда острововъ культуры, раздѣленныхъ пространствами безъ всякой растительности. Далѣе слѣдуетъ, въ западномъ направлениі, оазисъ Дахель или Да克莱, то-есть «Внутренній», называемый также Уаэль-Гарбіе или «Западнымъ оазисомъ»; известковая пустыня, частію покрытая сыпучими песками, отдѣляетъ его отъ оазиса Фарафре, лежащаго въ 200 километрахъ къ сѣверо-западу. Лабиринтъ скалъ, занимающій пространство между этими двумя оазисами, есть одна изъ самыхъ странныхъ формаций этого рода, какія существуютъ на земномъ шарѣ. Узкія разсыплины, извивающіяся и пересѣкающіяся подъ разными углами между оставшимися въ стоячемъ положеніи каменными массами, походятъ на улицы какого-то фантастического города, обставленныя по сторонамъ памятниками самыхъ причудливыхъ формъ: пирамидами, обелисками, трофеями, сфинксами и львами, даже статуями, имѣющими вѣкоторое подобіе человѣческой фигуры. На сѣверной сторонѣ этого каменнаго города безъ жителей открывающія входъ въ него естественные ворота получили отъ Рольфса имя Бабъ-эль-Ясмундъ, въ честь одного его соотечественника. Одинъ близкій порталъ, еще болѣе гигантскій, стоящій у выхода изъ лабиринта со стороны

оазиса Дахель, названъ Бабъ-эль-Кальо, въ память первого европейскаго путешественника, который въ новое время прошелъ эти негостепріимныя пространства.

Нѣсколько оазисовъ менышей величины разсыпаны вокругъ Уаэль-Фарафре, образуя архипелагъ, продолжающійся на сѣверо-востокѣ оазисомъ Бахаріе (вѣроятно, «Малый оазисъ» древнихъ), однимъ изъ ближайшихъ къ Нилю: онъ находится всего только въ 150 километрахъ отъ воздѣланныхъ равнинъ Миніе, въ рѣчной долинѣ. Но въ этомъ мѣстѣ рядъ котловинъ раздвоется, и въ то время, какъ одна вѣтвь продолжаетъ развертываться параллельно Нилю, другая направляется параллельно берегу Средиземнаго моря, на западъ отъ Александрии. Ось ея пересѣкаетъ впадины «Бездонныхъ озеръ», Бахръ-Бела-Ма, затѣмъ другія котловины, бывшия нѣкогда озерами, и доходитъ до оазиса Сивахъ, въ древности посвященнаго Юпитеру Аммону. На сѣверѣ отъ этой долины поднимаются, въ видѣ утеса, крутые склоны плоскогорья Киренаики, тогда какъ на югѣ высокія дюны окружаютъ уединенные скалы изъ грубаго известняка. Въ этой области, лежащей въ сосѣдствѣ моря и уже въ поясѣ зимнихъ дождевыхъ облаковъ, вода образуетъ обширныя озерныя площади, но всѣ насыщены солью. Большое озеро Ситра занимаетъ дно котловины, на половинѣ дороги между «Бездонными озерами» и оазисомъ Сивахъ; но этотъ «блестящій сапфиръ, оправленный въ золото», продолжается болотами. Другія впадины теперѣ не содержать воды: вырытыя въ формѣ колодцевъ, глубиной отъ 20 до 50 метровъ, онѣ сохранились на днѣ слой грязи, смѣшанной съ солью и гипсомъ; есть и такія, гдѣ бывать изъ земли ключъ, но кругомъ такого солянаго источника нѣть никакой растительности; въ водоемахъ бывшихъ озеръ попадается кое-гдѣ низкій кустарникъ, и то только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ песокъ, занесенный вѣтромъ, прикрываетъ толстымъ слоемъ соляной налѣтъ. Недалеко отъ озера Ситра простирается нынѣ покинутый оазисъ Эль-Араджъ, которымъ мало-по-малу завладѣваютъ пески: уже вѣнчай поясъ деревьевъ частію погребенъ подъ пескомъ; колодцы, на днѣ которыхъ можно найти лишь скучный запасъ воды, да и то соленой, тоже на половину засыпаны; растительность постепенно вымираетъ, и скоро въ этой равнинѣ не останется иного свидѣтельства о пребываніи человѣка, кроме гробницъ въ египетскомъ стилѣ, высѣченныхъ въ сосѣдней скалѣ.

Оазисъ Сивахъ, гдѣ вѣщаю оракулъ при храмѣ Юпитера Амона, котораго приходилъ вопрошать Александръ Македонскій, соперничаетъ въ красотѣ съ оазисомъ Дахель, хотя известковые холмы, образующіе его ограду, не могутъ сравниться съ живописными утесами

¹⁾ Georg Schweinfurth, „Zeitschrift der deutschen geologischen Gesellschaft“, oct., nov., dec. 1883.

порала Бабъ-аль-Калъо; но и эти холмы отличаются такой же причудливостью формъ: въ некоторыхъ мѣстахъ скалы Ливийского плоскогорья оканчиваются рядомъ ступеней, съ горизонтальными площадками и одинаковой высоты, точно подъѣздъ какого-нибудь дворца; цвѣтъ камня, составляющій рѣзкій контрастъ

ны зданіями, другія разрѣзаны въ формѣ башень и стѣнъ, имѣющихъ видъ крѣпостей. Лазурные озера, разсѣянныя среди зеленѣющей равнины, придаютъ оазису Юпитера Амона видъ восхитительнѣйшаго уголка, настоящаго земнаго рая; однако, соленый вкусъ водъ и міазмы, поднимающіеся съ тины, на окружно-

Развалины Фивъ. Сѣверные ворота.

съ бѣлымъ пескомъ, покрывающимъ ступеньки, еще болѣе увеличиваетъ странность зрѣлища¹⁾.

Въ низменности, ограниченной этими утесами въ формѣ лѣстницъ, крутыя горки поднимаются до высоты плоскогорій, часть которыхъ онѣ никогда составляли; онѣ высятся въ видѣ острововъ среди воздѣланныхъ земель и пальмовыхъ рощицъ, и одинъ изъ нихъувѣнчанъ

сти себѣ, скоро умѣряютъ восторгъ путешественника. Нѣсколько прѣноводныхъ источниковъ, термальныхъ по большей части, текутъ рядомъ съ солеными ключами²⁾; другія воды содержать сѣру; что касается родника, называемаго ключемъ «Солнца», вода которого была, будто-бы, поперемѣнно «холодная» среди дня и «теплая» ночью, то полагаютъ, что это тотъ самый источникъ, который находится въ

¹⁾ Hemprich und Ehrenberg, „Reisen in Aegypten, Libyen, Nubien und Dongola“.

²⁾ Hornemann;—Frédéric Cailliard, etc.

нѣкоторомъ разстояніи отъ храма Умъ-бейда, но температура его почти всегда одинакова, отъ 28 до 29 градусовъ Цельзія. Понятно, впрочемъ, что при отсутствіи точныхъ измѣреній, древніе могли ошибаться на счетъ дѣйствительной температуры источника, находить его прохладнымъ подъ жгучимъ зноемъ солнца и теплымъ во время холодныхъ ночей ¹⁾). Вмѣстѣ съ финиковыми пальмами, на этомъ оазисѣ растутъ маслива, абрикосовая и гранатовая деревья, виноградъ, слива; лѣсныя прогалины заняты полями, застланными лукомъ. Присоединенный къ Египту въ 1820 году, оазисъ Сивахъ составляетъ скорѣе естественную область Киренаики, такъ какъ онъ связанъ съ покатостю Сиртъ оазисомъ Фарегда и другими островками растительности, окруженными скалами и песками. На сѣверѣ, по дорогѣ изъ Александріи, другая котловина среди скалъ заключаетъ въ себѣ оазисъ Гара, все населеніе котораго состоитъ изъ четырехъ десятковъ жителей: по мѣстному преданію, это число сорокъ не можетъ быть превзойдено, и смерть неминуема и неумолимо возстановляетъ его каждый разъ, когда рождается излишокъ дѣтей или когда новые поселенцы придутъ въ слишкомъ большомъ числѣ ²⁾).

При видѣ цѣпи оазисовъ, которая удаляется отъ Нила и извивается въ пустынѣ, чтобы достигнуть моря рядомъ долинъ и тѣснинъ, совершенно естественно явилось предположеніе, что эти низменныя и плодородныя земли должны быть разсмотриваемы, какъ остатокъ старого рѣчного теченія, какъ рукавъ Нила, частію засыпанный песками. У туземцевъ существуютъ легенды, рассказывающія о высыханіи этой рѣки, теперь безводной, и до недавняго времени большинство путешественниковъ искали еще слѣды Нила въ оазисахъ Ливійской пустыни; даже на современныхъ картахъ теченіе Бахръ-Бела-Ма (бездонная рѣка) начерчено изъ долины въ долину, какъ будто бы это теченіе и вправду было обслѣдовано. Въ самомъ дѣлѣ, весьма вѣроятно, что въ какую-нибудь предшествующую геологическую эпоху рѣчные и морскія воды, вырывая долины и проливы, проходили въ область, занимаемую въ наши дни оазисами; но въ теченіе настоящаго періода ни рукавъ Нила, ни заливъ Средиземнаго моря не проникли въ эти низменности пустыни, такъ какъ тамъ до сихъ порь не нашли вида рѣчного происхожденія, ни морскихъ отложенийъ, содержащихъ современные раковины ³⁾). Однако, горячіе источники оазисовъ заключаютъ въ себѣ животные виды, принадлежащиye въ одно и то же

время къ фаунѣ Средиземнаго и къ фаунѣ Краснаго моря: таковы двѣ рыбки, называемыя *cyprinodon dispar* и *cyprinodon calaritanus* ⁴⁾). Но если оазисы независимы отъ нынѣшняго Нила по своему образованію, то весьма возможно, что они имѣютъ связь съ этой рѣкой посредствомъ водъ, которыхъ даютъ жизнь ихъ пальмамъ. Въ самомъ дѣлѣ, обильные источники, вытекающіе изъ земли въ оазисахъ Дахель и Фарафре, не могли бы образоваться въ самомъ краѣ, такъ какъ дожди тамъ составляютъ чрезвычайно рѣдкое явленіе. Мѣстные жители твердо уѣждены, что эти воды питаются Ниломъ, и утверждаютъ даже, что будто замѣчается нѣкоторое усиленіе въ истеченіи ихъ ключей въ эпоху разливовъ рѣки, чтобъ, впрочемъ, было бы очень удивительно, такъ какъ движеніе подземныхъ водъ должно быть чрезвычайно замедлено песками, чрезъ которые они должны проходить. Изслѣдователи Кальо и Русэггеръ допускали, подобно туземцамъ, что вода оазисовъ — нильскаго происхожденія; однако, въ виду того, что оазисъ Дахель лежитъ гораздо выше, чѣмъ рѣчное ложе подъ той же широтой, нужно было искать начало глубокихъ водъ въ верхнемъ теченіи Нила; вѣроятно, онъ выходитъ изъ южныхъ областей, гдѣ падаютъ тропическіе дожди. Какъ бы то ни было, высокая температура, которой она достигаетъ въ своемъ скрытомъ странствованіи, доказываетъ, что эта водная площадь течетъ на глубинѣ нѣсколькохъ сотъ метровъ ниже поверхности земли; всѣ источники имѣютъ среднюю температуру отъ 36 до 38 градусовъ Цельзія, и вода ихъ употребляется какъ для орошенія полей, такъ и для лечения болѣзней. Съ 1850 года количество этихъ бьющихъ изъ земли водъ значительно увеличилось въ оазисѣ Фарафре, благодаря одному смѣтливому человѣку, который, совершивъ путешествіе съ французскимъ инженеромъ Лефевромъ, вернулся къ себѣ на родину, чтобы копать тамъ колодцы и проводить оросительныя канавки; кромѣ того, тамъ стали заботливо прокапывать подземные галлерей, подобныя Иранскимъ *канатамъ* или *харизамъ*, чтобы воспрепятствовать испаренію воды. До сихъ порь не замѣчено, чтобы новые колодцы, арыки и подземные каналы сколько-нибудь уменьшили обиліе прежнихъ источниковъ: подземная площадь кажется неисчерпаемою. Въ оазисѣ Берисъ, къ югу отъ Харге, двѣсти колодцевъ засорены пескомъ; осталось всего только 25, въ которыхъ вода, горячая (отъ 25 до 30 градусовъ) и содержащая въ большомъ количествѣ желѣзо, встрѣчается лишь на глубинѣ, среднимъ числомъ, 60 метровъ ⁵⁾). По словамъ

¹⁾ Caillaud;—Bayle-St.-John;—Rohlfs;—Zittel;—G. Parthey, „Das Orakel und die Oase des Ammon“.

²⁾ Hamilton, „Une visite à l'Ammonium d'Alexandrie“ „Revue Moderne“, 1868.

³⁾ Rohlfs, „Petermann's Mittheilungen“, 1879, N VII.

⁴⁾ Zittel, „Die Sahara“.

⁵⁾ Russegger;—G. Schweinfurth;—Ascherson;—Zittel.

древнихъ писателей, вѣкоторые колодцы Большаго оазиса были вѣкогда выкопаны до глубины болѣе 200 метровъ (болѣе 93-хъ сажень). Стѣны колодца скрѣплены деревяннымъ срубомъ, по которому можно спускаться до самаго дна; при буреніи новыхъ колодцевъ или при расчисткѣ засыпанныхъ старыхъ работы небезопасна, когда приходится прокапывать послѣдній слой песку. Тамъ, где вода течетъ въ изобиліи, въ оазисѣ Дахель и еще болѣе въ оазисѣ Харгѣ, она разливается отравленными лужами.

Къ сѣверу отъ Бахръ-Бела-Ма и параллельно послѣдовательнымъ низменностямъ, извѣстнымъ подъ этимъ именемъ, тянется съ юго-востока къ сѣверо-западу болѣе правильная долина, по которой занимаютъ семь неглубокихъ лужъ: это такъ называемыя «натровыя озера». Хотя долина Эль-Натрунъ и отдѣлена отъ ближайшей извилины Нила каменистой пустыней, имѣющей около 40 километровъ въ ширину, тѣмъ не менѣе она, по всей вѣроятности, питается нильскою водою: въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, слѣдующихъ за осеннимъ равноденствіемъ, вода «темно - красного или кроваваго цвета», можетъ-быть, по причинѣ наполняющихъ ее инфузорий, просачивается изъ почвы на восточной сторонѣ долины и образуетъ ключи и ручейки, спускающіеся къ озерамъ. Воды въ бассейнахъ прибываютъ до конца декабря, когда достигаютъ отъ одного до полутора метра глубины; затѣмъ они идутъ на убыль, и вѣкоторая изъ лужъ совершенно пересыхаютъ. Составъ озерныхъ водъ разнится, смотря по бассейнамъ: въ однихъ преобладаетъ морская соль, въ другихъ углекислый натрь; сѣрнокислый натрь примѣшанъ къ жидкости въ различныхъ пропорціяхъ. Два изъ этихъ озеръ, окрашенныя въ красный цветъ, высыхаютъ, окаймляясь кругомъ красной или коричневой соли, которая распространяеть въ воздухъ пріятный запахъ розы: разложеніе Морской соли углекислой известью, содержащейся въ сырой почвѣ, производить кристаллы соды, которая отлагается сѣроватымъ слоемъ, и которую приходить собирать жители деревни Терране, лежащей на лѣвомъ берегу Розетскаго Нила. Нѣсколько струекъ прѣсной воды вытекаютъ изъ скаль въ сосѣдствѣ озеръ, поддерживая скудную растительность, состоящую изъ средиземноморскихъ видовъ и вѣсколовыхъ чахлыхъ пальмъ. Вотъ химический составъ натрона изъ озеръ Терране, по анализамъ Бертолле:

Хлористый натрій — 52 проц.; углекислый натрь — 23; сѣрнокислый натрь — 11; песокъ — 3; углекислая известь — 0,9; окись желѣза — 0,2; вода — 9,7 проц.

Единственные обитатели долины Эль-Натрунъ — монахи обителей деръ-Барамусъ, св. Макарія и другихъ монастырей, основанныхъ

въ четвертомъ столѣтіи послѣ Р. Х., когда тысячи иноковъ удалялись въ пещеры скаль и долины дюнь; какъ древніе кеновиты, нынѣшніе отшельники долины Эль-Натрунъ не могутъ прокармливаться продуктомъ своихъ садовъ: свою ежедневную пищу они попрежнему получаютъ изъ Египта. Впрочемъ, духъ отреченія отъ міра въ наши дни не играетъ болѣе никакой роли въ заселеніи этихъ монастырей пустыни; большинство монашествующей братіи состоитъ теперь изъ изгнаниковъ, обреченныхъ на медленную смерть. Не видно никакихъ развалинъ древнихъ памятниковъ въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ, кромѣ развѣ остатковъ стекляннаго завода, который можно узнать по обломкамъ кирпичныхъ печей, да покускамъ шлаковъ и остеклованному песку¹). До событій, отдавшихъ Египетъ во власть англичанъ, занимались нивеллировкой почвы къ западу отъ Нила, съ цѣлью узнать, можно ли отвести рукавъ этой реки или Бахръ-Юзефа въ низменности Бахръ-Бела-Ма и приобрѣсти такимъ образомъ около 200.000 гектаровъ для земледѣльческой культуры.

Уровень оазисовъ не представляетъ правильной покатости отъ границъ Нубіи до береговъ Средиземнаго моря. Уже барометрическія измѣренія Кальо установили тотъ фактъ, что почва впадинъ понижается отъ оазиса Дахель до оазиса Фарафре, послѣ чего опять поднимается по направлению къ оазису Бахаріе, затѣмъ опускается ниже уровня моря въ оазисъ Сивахъ. Измѣренія, сдѣланныя Горданомъ въ 1873 и 1874 годахъ, съ большей тщательностью и при помощи инструментовъ лучшей конструкціи, подтвердили результаты, полученные Кальо, по измѣнившимъ вѣсколько цифры, данныя французскимъ путешественникомъ. Теперь вѣ всікаго сомнѣнія, что пальмовая роща оазиса Сивахъ имѣетъ болѣе низкій уровень, чѣмъ поверхность Средиземнаго моря, а оазисъ Араджъ находится метровъ на пятьдесятъ еще ниже.

Высота оазисовъ по Кальо и Гордану:

Харгѣ — 104 метр. (Кальо), 68 метр. (Горданъ); Дахель — 55 метр. (Кальо), 100 метр. (Горданъ); Фарафре — 33 метр. (Кальо), 76 метр. (Горданъ); Бахаріе — 35 метр. (Кальо), 113 метр. (Горданъ); Араджъ — 60 метр. (Кальо), 80 метр. (Горданъ); Сивахъ — 33 метр. (Кальо), 36 метр. (Горданъ).

Далѣе, за Сивахомъ, цѣль оазисовъ, бывшая, можетъ-быть, проливомъ въ предшествующемъ геологическомъ періодѣ²), продолжается, на югъ отъ плоскогорья Киренаки, оазисами Фаредга, Джело, Ауджилла; кажется, что эта цѣль тоже, на всемъ своемъ протяженіи, лежитъ ниже уровня моря, и только барь изъ

¹) Andr  ossy, „Description de l’Egypte“, tome XII;— L. Hagonnet, „En Egypte“.

²) „Petermann’s Mittheilungen“, 1869, № VII.

одни изъ этихъ известняковъ принадлежать къ мѣловому періоду, другіе къ эоценовымъ ярусамъ: такъ, надъ правымъ берегомъ Нила высятся, въ видѣ утесовъ, преимущественно мѣловыя скалы, представляя живописнѣйшія формы съ ихъ монументального вида цоколими, раздѣленными простыми разсѣлинами или темными оврагами и увѣнчанными пирамидами и башнями. На сѣверѣ, посѣдѣй скалы, оканчивающіяся въ самомъ Каирѣ Джебель-Мокаттамомъ, или «Писанными горами», почти сплошь состоятъ изъ нуммулитовъ, острей, церита и другихъ раковинъ, связанныхъ известковымъ цементомъ; по обилію своихъ ископаемыхъ и известковыхъ сростковъ эти горы сущее «Эльдорадо» для геологовъ. Нуммулитовые слои содержать въ вѣкоторыхъ мѣстахъ великолѣпнѣйшіе прозрачные алебастры; таковы, на западѣ отъ Бени-Суэфа, алебастры массива Джебель-Уракама, откуда были извлечены материалы, употребленные на постройку мечети Мохаммеда-Али, въ каирской цитадели; таковы же, южнѣе, алебастры, названные по имени города Алабастрона, который стоялъ въ недалекомъ разстояніи отъ того мѣста, где нынѣ находится городъ Миніе. Но важнѣе, чѣмъ эти каменоломни, служившія удовлетворенію роскоши, были ломки строительного камня, находящіяся на берегу Нила, именно Турахская и Мазаражская: по пирамидамъ, воздвигнутымъ на другой сторонѣ рѣки, можно судить о громадной вылomкѣ камня, произведенной въ теченіе шести тысячъ лѣтъ въ этихъ нуммулитовыхъ каменоломняхъ, которая доставляла также материалы для построекъ Мемфиса и Каира.

Ливійскіе холмы ниже холмовъ «аравійскаго» берега. Въ цѣломъ рельефъ Египта представляетъ видъ наклонной плоскости, покатой по направленію отъ востока къ западу: отъ гребня, образуемаго краевой цѣпью, массивы и плато постепенно уменьшаются въ высотѣ до долины Чила; отъ западной окраины этой долины до оазисовъ почва тоже мало-по-малу понижается и, наконецъ, достигаетъ уровня меньшаго, чѣмъ уровень моря. По обѣ стороны зеленѣющей и населенной равнины, черезъ которую протекаетъ Ниль, поясъ скаль одинаково лишенъ постоянныхъ жилищъ; но Ливійская область, болѣе однообразная, безъ высокихъ выступовъ въ видѣ горъ, и покрытая пескомъ, кажется болѣе угрюмой, чѣмъ восточный поясъ: она составляетъ уже часть той громадной пустыни, которая простирается на западѣ до береговъ Атлантическаго океана. Съ вершинами пирамиды Хеопса это ливійское плоскогорье представляется безконечной равниной, усыпанной песчаными буграми; но это только оптический обманъ зренія, какъ о томъ могутъ засвидѣтельствовать рѣдкіе путешественники, проникающіе въ эти печальныя, безводныя и

безплодныя пространства. Въ цѣломъ пустыня, заключающаяся между Ниломъ и долиной оазисовъ, представляеть плоскогорье изъ нуммулитового известняка, достигающее высоты 250 метровъ надъ уровнемъ рѣки. Крутые скаты обозначаютъ границы этого плоскогорья, а поверхность его разрѣзана на отдѣльные массивы древними размывами моря. Горки одинаковой высоты, поднимающіяся тамъ и сямъ надъ плоскогорьемъ, указываютъ первоначальный уровень страны. Безъ всякаго сомнѣнія, Средиземное море въ эпоху, предшествовавшую четверичному періоду, омывало основаніе всѣхъ этихъ мысовъ и разбивало свои волны среди этихъ архипелаговъ скаль, где въ наши дни вода показывается лишь въ видѣ обманчивыхъ миражей.

Песокъ покрываетъ сплошь поверхность Ливійской пустыни: въ углубленіяхъ онъ скопляется толстыми слоями, на возвышеніяхъ почвы носится въ видѣ Ѣдкой пыли, но только въ немногихъ мѣстахъ скала является совершенно обнаженной: зерна кварца повсюду облегаютъ ее желтымъ или красноватымъ слоемъ. Эти кварцевые пески несомнѣнно иностранного происхожденія, такъ какъ плоскогорье пустыни представляетъ лишь известковыя скалы и глины; вѣтры, и раньше морскія воды, привнесли съ дальнихъ горъ эти обломки первичныхъ горныхъ породъ. Безпрестанно передвигаясь взадъ и впередъ по почвѣ, пески сообщили ей замѣчательную шлифовку: во многихъ мѣстахъ скала имѣетъ блескъ отполированного мрамора. Всѣ разсѣянные по пустынѣ камни словно покрыты лакомъ отъ дѣйствія песка, притупляющаго ихъ углы и гладжающаго всѣ шероховатости: нѣкоторыя изъ этихъ каменныхъ глыбъ имѣютъ такой лоскъ, что многіе путешественники принимали ихъ за вулканическіе обсидіаны. Геологъ Циттель полагаетъ, что безпрестанное треніе песковъ имѣетъ слѣдствіемъ химическое измѣненіе внутренняго строенія камней, такъ какъ встрѣчаются въ огромномъ множествѣ кремни, содержащіе въ центрѣ почку изъ нуммулитового известняка: слѣдовательно, камень преобразовался отъ виѣшней къ внутренней части, и какая же могла быть причина этого явленія, если не постоянное прохожденіе песчинокъ по поверхности камня? Между мириадами нуммулитовъ, покрывающихъ почву толстыми слоями, всѣ тѣ, которые лежать на поверхности, постоянно подвергаясь тренію о нихъ песчаныхъ частицъ, совершенно превращены въ кремень и привели синеватый цветъ и почти металлическій блескъ, тогда какъ нуммулиты нижнихъ слоевъ, неподверженные тренію, равно какъ и дѣйствию свѣта, остаются бѣлыми и сохраняютъ свою известковую формацию¹⁾.

¹⁾ „Briefe aus der libyschen Wüste“.

Въ 1874 году Рольфсъ, Циттель и другіе нѣмецкіе изслѣдователи тщетно пытались пройти эту пустыню по прямой линіи, чтобы добраться до Феццана. Въ предвидѣніи продолжительного

оазиса Дахель путешественники поняли, что верблюдамъ невозможно будетъ перейти послѣдовательная гряды дюнъ, преграждавшія имъ дорогу въ направлениіи Феццана, и потому

Оивскіе колоссы

путешествія, они отправились въ сопровождении цѣлаго каравана верблюдовъ, которые несли на себѣ большой запасъ воды, заключенной въ желѣзные, внутри обитые оловомъ, азики. Но на шестой день по выходѣ изъ

повернули на сѣверъ, чтобы искать убѣжища въ оазисѣ Сивахъ, куда и прибыли на двадцать третій день послѣ послѣдняго встрѣченаго ими источника прѣсной воды. Во все время своей экскурсіи они видѣли кругомъ себѣ то

по наружному виду, такъ и по способу образования: тамъ дерево превращается не въ зерна кварца, а въ аморфный кремнеземъ. Но въ этомъ случаѣ, можетъ-быть, нужно принять въ разсчетъ различіе климатовъ и продолжительное дѣйствіе времени. Рядомъ съ «окаменѣлымъ лѣсомъ» въ окрестностяхъ Каира есть куполообразный песчаниковый холмъ, Джебель-эль-Ахмаръ или «Красная гора», гдѣ ломка камня производится внутри горы, благодаря легкости работы въ глубокихъ слояхъ. Этотъ песчаниковый холмъ, стоящій среди нуммулитовыхъ известняковъ, не былъ ли извергнутъ какимъ-нибудь древнимъ гейзеромъ, и деревья сосѣдней равнины, покрытой лѣсомъ въ ту эпоху, не обязаны ли своимъ сохраненіемъ дѣйствію бывшихъ изъ земли горячихъ водъ¹⁾?

На западѣ Египта, такъ же какъ на западѣ Нубіи, тянется цѣпь оазисовъ, расположенныхъ по кривой, почти параллельной течению Нила. Первый изъ этихъ оазисовъ, еще необитаемый, Куркуръ, находится километрахъ въ ста отъ Ассуана. Почти въ такомъ же разстояніи къ сѣверо-западу простирается Большой оазисъ древнихъ, нынѣ называемый Харге, какъ и главный его населенный пунктъ; онъ занимаетъ, по направленію съ сѣвера на югъ, включая сюда пальмовая роща Бериса, низменность длиной около 150 километровъ. Впрочемъ, это не сплошной оазисъ, но скрѣпленіе архипелагъ маленькихъ оазисовъ, плеяда острововъ культуры, разбросанныхъ пространствами безъ всякой растительности. Даѣтъ слѣдуетъ, въ западномъ направлѣніи, оазисъ Дахель или Дакле, то-есть «Внутренний», называемый также Уа-эль-Гарбіе или «Западнымъ оазисомъ»; известковая пустыня, частію покрытая смычущими песками, отдѣляетъ его отъ оазиса Фарафре, лежащаго въ 200 километрахъ къ сѣверо-западу. Лабиринтъ скаль, занимающій пространство между этими двумя оазисами, есть одна изъ самыхъ странныхъ формаций этого рода, какія существуютъ на земномъ шарѣ. Узкія разсѣліны, извилающіяся и пересѣкающіяся подъ разными углами между оставшимися въ стоячемъ положеніи каменными массами, походятъ на улицы какого-то фантастического города, обставленная по сторонамъ памятниками самыхъ причудливыхъ формъ: пирамидами, обелисками, трофеями, сфинксами и львами, даже статуями, имѣющими вѣкоторое подобіе человѣческой фигуры. На сѣверной сторонѣ этого каменного города безъ жителей открывающія входъ въ него естественные ворота получили отъ Рольфса имя Бабъ-аль-Ясмундъ, въ честь одного его соотечественника. Одинъ близкій порталъ, еще болѣе гигантскій, стоящій у выхода изъ лабиринта со стороны

оазиса Дахель, названъ Бабъ-аль-Кальо, въ память первого европейскаго путешественника, который въ новое время прошелъ эти негостепріимныя пространства.

Нѣсколько оазисовъ менѣей величины разсѣяны вокругъ Уа-эль-Фарафре, образуя архипелагъ, продолжающійся на сѣверо-востокѣ оазисомъ Бахаріе (вѣроятно, «Малый оазисъ» древнихъ), однимъ изъ ближайшихъ къ Нилу: онъ находится всего только въ 150 километрахъ отъ воздѣланныхъ равнинъ Миніе, въ рѣчной долинѣ. Но въ этомъ мѣстѣ рядъ котловинъ раздвоется, и въ то время, какъ одна вѣтвь продолжаетъ развертываться параллельно Нилу, другая направляется параллельно берегу Средиземнаго моря, на западъ отъ Александрии. Ось ея пересѣкаетъ впадины «Бездонныхъ озеръ», Бахръ-Бела-Ма, затѣмъ другія котловины, бывшия нѣкогда озерами, и доходитъ до оазиса Сивахъ, въ древности посвященнаго Юпитеру Аммону. На сѣверѣ отъ этой долины поднимаются, въ видѣ утеса, круглые склоны плоскогорья Киренаики, тогда какъ на югѣ высокія дюны окружаютъ уединенный скалы изъ грубаго известняка. Въ этой области, лежащей въ сосѣдствѣ моря и уже въ поясѣ зимнихъ дождевыхъ облаковъ, вода образуетъ обширныя озерныя площади, но всѣ насыщены солью. Большое озеро Ситра занимаетъ дно котловины, на половинѣ дороги между «Бездонными озерами» и оазисомъ Сивахъ; но этотъ «блестящій сапфиръ, оправленный въ золото», продолжается болотами. Другія впадины теперь не содержать воды: вырытыя въ формѣ колодцевъ, глубиной отъ 20 до 50 метровъ, онѣ сохраняютъ на днѣ слой грязи, смѣшанной съ солью и гипсомъ; есть и таکія, гдѣ бывать изъ земли ключъ, но кругомъ такого соляного источника нѣть никакой растительности; въ водоемахъ бывшихъ озеръ попадается кое-гдѣ низкій кустарникъ, и то только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ песокъ, нанесенный вѣтромъ, прикрываетъ толстымъ слоемъ соляной налетъ. Недалеко отъ озера Ситра простирается нынѣ покинутый оазисъ Эль-Араджъ, которымъ мало-по-малу завладѣваютъ пески: уже виѣшій поясъ деревьевъ частію погребенъ подъ пескомъ; колодцы, на днѣ которыхъ можно найти лишь скучный запасъ воды, да и то соленой, тоже на половину засыпаны; растительность постепенно вымираетъ, и скоро въ этой равнинѣ не останется иного свидѣтельства о пребываніи человѣка, кроме гробницъ въ египетскомъ стилѣ, высѣченныхъ въ сосѣдней скалѣ.

Оазисъ Сивахъ, гдѣ вѣщаю оракуль при храмѣ Юпитера Амона, котораго приходилось вопрошать Александръ Македонскій, соперничаетъ въ красотѣ съ оазисомъ Дахель, хотя известковые холмы, образующіе его ограду, не могутъ сравниться съ живописными утесами

¹⁾ Georg Schweinfurth, „Zeitschrift der deutschen geologischen Gesellschaft“, oct., nov., dec. 1883.

господами атмосферы почти до самаго входа въ Аравійскій заливъ. Чтобы избѣгнуть этого противнаго воздушнаго теченія, мореплаватели, приходившіе изъ Индіи или съ берега Ароматовъ, имѣли прямой интересъ выгружать свои товары въ портъ, представляющемъ болѣе легкій доступъ, чѣмъ Суэзскій заливъ: этимъ и объясняется, почему гаваня Вереники и Миссъ-Гормосъ получили такое важное значеніе, и почему Птоломеи и Цезарі велѣли построить дороги, снабженныя цистернами, въ пустынѣ между Краснымъ моремъ и Ниломъ¹). Точно также въ Египтѣ, сѣверные теченія дуютъ правильно въ сезонъ жаровъ, привлекаемыя высокой температурой сопредѣльныхъ песковъ, и освѣжаютъ атмосферу. Зимой та же самая причина даетъ преобладаніе сѣвернымъ вѣтрамъ надъ южными; только съ конца марта до начала мая устанавливается борьба между противоположными теченіями, и часто въ эту пору года Египетъ бываетъ подверженъ вліянію «пятидесятидневнаго» вѣтра, который, впрочемъ, рѣдко дуетъ въ продолженіе такого длиннаго периода; при томъ онъ никогда не господствуетъ во время ночи. Горячее дыханіе хамсина имѣть изсушающее свойство и насыщено пылью; по изслѣдованіямъ Пикте, одинъ кубический метръ воздуха содержитъ до одного грамма пыли. Иногда этотъ вѣтеръ вполнѣ заслуживаетъ названія симуна или самума, означающаго «ядъ»: приводить множество примѣровъ, когда караваны и путешественники, даже въ Нижнемъ Египтѣ, теряли своихъ выночныхъ животныхъ, убитыхъ ядовитымъ дуновенiemъ удушливаго пыльнаго вѣтра²). Въ среднемъ, сѣверные вѣтры дуютъ въ Каирѣ въ шесть разъ чаще, чѣмъ южные. Но, по мѣрѣ того, какъ поднимаешься верхъ по Нилу и приближаешься къ экваторіальнымъ областямъ, все болѣе и болѣе восстановляется равновѣсіе между двумя противными воздушными теченіями: въ Нубіи мы видимъ уже почти полное равновѣсіе между сѣверными, или зимними, и южными, или лѣтними, вѣтрами.

Область египетской дельты принадлежит, въ отношеніи климата, къ средиземноморскому поясу. Лѣто и зима сменяются тамъ такъ же, какъ и въ южной Европѣ, съ тою только разницей, что промежуточныя времена года, весна и осень, въ этой области очень непродолжительны.

Средняя температура Египта: Александрия: $20^{\circ},8$ Ц.; Каиръ: $21^{\circ},3$ Ц.; Портъ-Саидъ: $21^{\circ},15$ Ц. Температура самого теплого мѣсяца (августъ): Александрия $26^{\circ},8$ Ц.; Каиръ $29^{\circ},6$ Ц. Температура самого холодного мѣсяца (январь): Александрия $14^{\circ},9$ Ц.; Каиръ 12° Ц. Темпе-

ратура самая высокая извѣстная: Александрія
44°,5 Ц.; Каиръ 47° Ц.

Египетское лѣто, во время которого разливается Ниль, наводняя прибрежныя земли, есть періодъ, когда погода стоять наиболѣе ясная и небо бываетъ совершенно безоблачно; тѣмъ не менѣе, влажность воздуха въ эту пору года значительна и часто очень близка къ точкѣ насыщенія: особенно на берегахъ Чёрнаго моря чувствуешь себя какъ въ паровой банѣ. Зима—сезонъ дождей, но приносимая юю влажность рѣдко бываетъ значительна, хотя въ нижней дельтѣ она часто затрудняетъ сообщенія: малый дождикъ превращаетъ берега каналовъ—единственный дороги въ тѣхъ мѣстахъ—въ предательскую и скользкую грязь. Даже въ Александріи, которую омываютъ дождевыя облака, питаемыя Средиземнымъ моремъ, средняя высота слоя дождевой воды, выпадающей въ продолженіе года, составляетъ только 175 миллиметровъ по Русскому, или 200 по выводамъ ногайшихъ изслѣдователей, то-есть только третья количества атмосферной влаги, получаемой Парижемъ, или одну пятую средняго количества, выведенного для всей Франціи. Въ Каирѣ, куда морскія облака приходятъ уже облегченныя отъ своей ноши водяного пара, годовой слой дождей еще гораздо меньше, всего только 34 миллиметра: это пятидесятая часть того, что выпадаетъ въ Черра-Понджи, въ англійской Индіи. Въ Александріи среднее годовое количество дождевой воды, въ періодъ съ 1886 по 1893 годъ, составляло 215 миллиметровъ. Древніе египтяне называли себя обитателями «Чистой Области»¹); однако, небо надъ Каиромъ бываетъ покрыто облаками въ сложности болѣе четверти года²), и иногда ливни бывали тамъ настолько сильны, что производили временные наводненія на улицахъ: въ 1824 и въ 1843 годахъ многие дома были повалены вторженiemъ потока дождевыхъ водъ³). Къ югу отъ дельты, въ обѣихъ пустыняхъ, Аравійской и Ливійской, дожди еще рѣже; однако, они тамъ не неизвѣстны, какъ это часто повторяли: Кальо въ оазисѣ Сивахъ, Рольфъ на западѣ отъ оазиса Дахель попали подъ сильные ливни. Въ «Аравійской» пустынѣ внезапные дожди снесли деревню Дезамъ, близъ города Атфіе, такъ что жители должны были перенести свое селеніе на новое мѣсто въ уади. Но бывали также случаи совершенного отсутствія дождей по вѣскому лѣтѣ: такъ, однажды въ мѣстности между Коссеиромъ и Кене шесть лѣтъ подрядъ не выпало ни одной капли дождя; всякий сѣль травы исчезъ въ долинахъ:

⁴⁾ Ernest Desjardins, „Mémoire sur l’Inscription de Coptos“.

⁷⁾ Reynier, „Considérations générales sur l'agriculture de l'Egypte“.

¹⁾ Elie Reclus, "Philosophie positive", mars-avril 1870.

²⁾ Mackenzie Wallace, "Egypt and the Egyptian Question".

³⁾ Въ Кайрѣ среднемъ числомъ 240 дней въ году совер-
шенно безоблачныхъ, 86-облачныхъ, 32 пасмурныхъ и 8
туманныхъ.

изъ деревьевъ одна только акація устояла, нечувствительная къ окружающей засухѣ¹⁾). А между тѣмъ цистерны, принимавшія въ себя дождевую воду, вдоль древней дороги изъ Коптоса къ порту Вереники, несомнѣнно доказываютъ, что прежде падали дожди въ этой области²⁾). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находять естественные цистерны, водохранилища, образовавшія вслѣдствіе подземныхъ обваловъ, въ нуммулитовыхъ скалахъ, и въ которыхъ вода скапливается на непроницаемомъ для нея днѣ изъ кремнистыхъ пластовъ³⁾). Эти мѣты, совершенно отличающіяся отъ поверхностныхъ источниковъ, обыкновенно называемыхъ эль-аинъ, почти всегда содержатъ превосходную воду, и окрестные арабы стараются скрывать ихъ существование отъ европейцевъ.

Какъ ни незначительна зимняя влажность, она обыкновенно достаточна, чтобы придать растительности, даже безъ помощи искусственного орошенія, видъ свѣжести и жизни, котораго ей недостаетъ въ лѣтнее время; въ этомъ отношеніи египетская зима составляетъ совершенную противоположность съ зимой умѣренной Европы. Впрочемъ, дожди представляютъ въ дельтѣ лишь часть осаждающейся изъ воздуха влажности; ночные росы довольно обильны, особенно при вѣтрахъ, дующихъ съ моря, чтобы смачивать регулярно крыши и балконы домовъ Александріи. Но по мѣрѣ удаленія отъ моря, обилие росы все болѣе и болѣе уменьшается, и въ нубійскихъ пустыняхъ она уже осаждается въ очень маломъ количествѣ только въ сосѣдствѣ рѣки. Среди египетскихъ пустынь тамъ, гдѣ скалы и бѣлые пески полученню въ теченіе дня теплоту теряютъ ночью лученіспусканіемъ въ поднебесное пространство, часто случается, что капли росы замерзаютъ подъ утро; поднимаясь изъ-за горизонта, солнце, которое немного часовъ спустя сообщитъ почвѣ температуру болѣе двадцати градусовъ, начинаетъ съ того, что растопляетъ тонкій слой гололедицы, покрывающей пустыню; даже въ воздѣланыхъ мѣстностяхъ растенія замерзаютъ иногда⁴⁾); путешественникъ Масперо поднялъ льдину на дорогѣ изъ Эдфу въ Эсве. Въ Верхнемъ Египтѣ крайности тепла и холода, менѣе рѣзкія, чѣмъ въ Нубіи, все еще очень велики: онѣ постепенно возрастаютъ съ сѣвера на югъ, отъ изотермической линіи 20 градусовъ до линіи 25 градусовъ.

Египетъ есть одна изъ странъ, климатъ которыхъ, какъ кажется, сильно измѣнился съ начала исторической эпохи. Судя по барельефамъ, украшающимъ стѣны Саккарахскаго некрополя, быть можетъ, самаго древняго въ

мире, образъ жизни тогдашнихъ египтянъ былъ вовсе не такой, какой долженъ бы быть свойственъ жителямъ, осаждаемымъ грозной пустыней. Имъ не было плавѣстей верблюдъ, домашнее животное, безъ котораго вынѣшний арабъ не могъ бы пускаться въ путь по знойнымъ, песчанымъ и каменистымъ равнинамъ; до прихода гиксовъ они не имѣли даже ни лошадей, ни овецъ: у нихъ былъ только рабочій волъ, помогавшій имъ пахать землю. Египтяне не были въ то время иорабощеннымъ народомъ, какимъ они изображаются на барельефахъ и картинахъ позднѣйшихъ вѣковъ; это были жизнерадостные земледѣльцы, любившіе поплясывать и попирать, незнакомые съ отвратительнымъ искусствомъ войны. Не подтверждаютъ ли эти признаки справедливость гипотезы, допускающей существованіе въ тѣ времена климата, отличного отъ нынѣшняго? Оскаръ Фраасъ идетъ даже такъ далеко въ этомъ предположеніи, что прямо говорить: «Пустыни въ то время не существовало»¹⁾). Такое категорическое утвержденіе, безъ всякихъ сомнѣній, преувеличено, но несомнѣнно, что воды были прежде болѣе обильны въ долинахъ горъ ливийскихъ и «аравійскихъ»; во многихъ мѣстахъ примѣтны еще на скалахъ слѣды древнихъ водопадовъ, которые текли непрерывнымъ потокомъ, тогда какъ въ настоящее время эти страны безводны²⁾). Тогда лѣса было достаточно для разработки рудниковъ, которые въ наши дни невозможно бы было утилизировать по недостатку топлива. Феллахи жгутъ для печенья хлѣба лепешки изъ кала животныхъ, смѣшанаго съ рѣчнымъ иломъ и высушенаго на солнцѣ.

Но если можно принять, какъ имѣющую большую степень вѣроятности, гипотезу значительного измѣненія египетского климата съ первыхъ временъ исторіи, то еще нельзя было бы допустить, какъ доказанныя, утвержденія многихъ путешественниковъ и метеорологовъ, относящіяся къ климатическимъ перемѣнамъ, которыя, будто-бы, произошли съ конца прошлаго столѣтія. Часто утверждаютъ, что насажденія шелковицы и другихъ деревъ, сдѣланнія Могамедомъ-Али, имѣли близкайшимъ слѣдствіемъ увеличеніе дождей; большие успѣхи, достигнутые земледѣльческой культурой въ періодъ жизни настоящаго поколѣнія, имѣли, будто-бы, тѣ же результаты; но эти утвержденія основаны на чисто личныхъ впечатлѣніяхъ, которая до сихъ поръ еще не были подкреплены систематическими наблюденіями. Точно также можно задать себѣ вопросъ: правда ли, что мѣстный климатъ Суэзскаго перешейка, какъ увѣряютъ нѣкоторые писатели, вѣроятно измѣнился со временемпостстройки

¹⁾ G. Schweinfurth;—Klunzinger.

²⁾ Ernest Desjardins, „Inscription de Coptos“.

³⁾ G. Schweinfurth, „La terra incognita dell-Egitto propriamente detto“. Esploratore, 1878.

⁴⁾ Ernest Desjardins, рукописные замѣтки.

¹⁾ Russegger, цитированное сочиненіе;—Oscar Fraas, „Aus dem Orient“.

²⁾ Wilkinson;—Chaix;—Russegger.

каналовъ прѣсной и соленой воды? Произведеніе это, безъ сомнѣнія, гигантское въ глазахъ человѣка, но ничтожное въ сравненіи съ поверхностью морей, могло ли оно, развѣ только нѣпосредственномъ сосѣдствѣ канала, умѣрить крайности тепла и холода, сдѣлать атмосферу болѣе влажною, увеличить число и продолжительность дождей?

Мало найдется въ свѣтѣ странъ, по сю сторону полярного круга, которыхъ бы были бы менѣе богаты, чѣмъ Египетъ, растительными видами. Однообразіе равнины, недостатокъ разнообразія въ химическомъ составѣ почвы, отсутствіе хорошо орошаемыхъ холмовъ и горъ, правильность культуры,—все способствуетъ ограниченнотиіи флоры. Уже за тысячи лѣтъ до нашего времени земледѣльцы истребили лѣса, если не считать таковыми пространства, усѣяннаго нильской акаціей (*acacia nilotica*), извѣстной у туземцевъ подъ именемъ сунть,—деревомъ, нѣкогда священнымъ, давшимъ материальную, изъ котораго евреи сдѣлали кивотъ заѣнта¹⁾). Дерево составляетъ такую драгоценность въ Египтѣ, что лодочники дѣлаютъ обшивку для своихъ ладей и барокъ изъ коровьаго кала, смѣшаннаго съ землей и рубленой соломой.

Въ цѣломъ египетская flora представляетъ смѣсь видовъ европейскихъ, азіатскихъ и африканскихъ; но преобладающая роль принадлежитъ послѣднимъ, по крайней мѣрѣ въ дельте. Физіономію египетскимъ пейзажамъ сообщаютъ главнымъ образомъ африканскія растительные формы: тарфа или тамарискъ (*tamaris nilotica*), финиковая пальма, сикомора или египетская смоковница, иначе Адамова фига (*ficus sycomorus*); пальма думъ, которая, впрочемъ, не растетъ въ Египтѣ въ дикомъ состояніи, встрѣчается въ садахъ только выше города Эсне. Файюмъ носилъ нѣкогда название «Страны Сикоморъ», и одно изъ древнихъ названий Египта было «Страна дерева бекъ», которое, вѣроятно, принадлежало къ роду пальмы²⁾). Нѣтъ деревни, которая не имѣла бы пальмовыхъ аллей вокругъ своихъ стѣнь и вдоль своихъ каналовъ, которая не обладала бы по крайней мѣрѣ сикоморой съ широкими развесистыми вѣтвями, подъ которыми жители собираются по вечерамъ. Въ прежнія времена сикомора, много отличающаяся отъ породы, которая извѣстна подъ этимъ именемъ въ Европѣ, была гораздо болѣе распространена въ Египтѣ: дерево ея, считавшееся «неглѣннымъ», употреблялось на выдѣлку дорогої мебели и особенно на приготовленіе гробовъ, которые ставились въ некрополяхъ: нѣкогда, по прошествію трехъ тысячъ лѣтъ, сико-

моровья доски, извлекаемыя на свѣтѣ божій изъ глубины погребальныхъ подземелій, оказываются сохранившими, благодаря сухости воздуха, всю крѣпость и тонкость своихъ волосковъ. Плодъ сикоморы цѣнился древними какъ одинъ изъ лучшихъ фруктовъ: «смертный, вкушившій этого плода, говоривали они, не можетъ преодолѣть желанія вернуться въ Египтѣ», оттого, при отѣбѣздѣ, было въ обычаѣ бывать эти смоквы, чтобы обезпечить себѣ возвращеніе въ равнину Нила. Какъ же случилось, что въ настоящее время плоды смоковницы египетской такъ безвкусны, что ихъ прозвали «фигами ословъ»? Измѣнился ли ихъ вкусъ, или, что болѣе вѣроятно, у самихъ египтянъ вкусъ ужъ не тотъ, какъ былъ у ихъ предковъ³⁾? Но если нѣкоторыя древнія породы измѣнились, то другія, какъ извѣстно, совершенно исчезли. Деревья, въ выдолбленные стволы которыхъ клали умершихъ въ эпоху одиннадцатой династіи, теперь растутъ только въ Суданѣ⁴⁾. Плоды пальмы думъ, нынѣ уже не переходящей за предѣлы Верхняго Египта, и пальмы аргунъ, теперь растущей уже только въ Нубіи, находятся въ изобилии въ египетскихъ некрополяхъ. Что стало съ папирусомъ, имя которого отождествляется болѣе, чѣмъ всякое другое, съ именемъ самой египетской цивилизаціи? Сальть, Дроветти, Ренье, Минутоли отыскали его въ окрестностяхъ Даміетты, но его не видно болѣе ни въ какой другой части Египта⁵⁾; прежнее отечество этого растенія не обладаетъ имъ больше, тогда какъ папирусъ существуетъ въ Сиріи, въ Сицилии, гдѣ онъ былъ введенъ изъ долины Нила. Куда дѣвались чащи розового лотоса, съ широкими распластанными листьями, подъ которыми плавали, во времена Страбона, жители Александрии, наслаждаясь прохладой водъ и благоуханіемъ цветовъ? Бѣлый лотосъ, нѣкогда распространенный по всему Египту, теперь встрѣчается уже только въ области дельты⁶⁾. Въ наши дни розовый кипрей (*epilobium*), вмѣстѣ съ тростникомъ—самый обыкновенный растенія на берегахъ озеръ и болотъ Нижняго Египта.

Флора оазисовъ, отдѣленная отъ растительности Нильской долины уже въ теченіе неизвѣстнаго периода вѣковъ, представляетъ замѣчательные особенности. Такъ, въ то время какъ египетскія растенія въ большинствѣ случаевъ уроженцы Африки, растенія оазисовъ, какъ культурные, такъ и дикорастущіе виды, по большей части европейскаго происхожденія.

¹⁾ Stephan, „Das heutige Aegypten“,—G. Maspero, рукописныя замѣтки.

²⁾ Mariette, „Académie des Inscriptions et Belles-Lettres“.

³⁾ H. von Minutoli, „Abhandlungen vermischten Inhalts“, zweiter Cyclus.

⁴⁾ Brugsch;—Ascherson.

¹⁾ Jacques de Roug , „Textes g ographiques du temple d'Amon“, „Recueil Arch ologique“, vol. XII.

²⁾ Alfred von Kremer, „Aegypten.“

подводныхъ скалъ и гряды дюнъ мѣшаютъ морскимъ водамъ проникнуть въ это понижение материка: средняя разность уровней со-ставляетъ около тридцати метровъ. Послѣ констатированія этого географического факта, заговорили о возможности превратить всю Киренаику въ одинъ большой островъ посредствомъ введенія водъ Средиземного моря въ ровъ, образуемый оазисами. Такимъ образомъ предлагали создать, по другую сторону Сиртъ, новое «внутреннее море».

Слово «оазисъ» вызываетъ въ умѣ представление о какомъ-то раѣ земномъ, оживляемомъ текущими водами и богатою растительностью: древніе называли египетскіе оазисы «острова-ми Блаженныхъ», какъ будто пребываніе въ этихъ пальмовыхъ рощахъ, осаждаемыхъ грозной пустыней, было милостью боговъ. Однако, государи Египта и позднѣе императоры Рима и Византіи узнали, что оазисы далеко не такія счастливыя мѣста, какими ихъ воспѣваютъ поэты, и ссылали туда своихъ враговъ, чтобы скѣть ихъ со свѣта, обрекая на невыносимую тоску и скучу: тысячи христіанъ, изгнанныхъ другими христіанами, расходящимися съ ними въ маѣніяхъ, пали жертвою ностальгіи въ этихъ обширныхъ тюрьмахъ. Нѣкоторые оазисы, между прочимъ, оазисъ Дахель, дѣйствительно кажутся очень живописными, благодаря величественной оградѣ изъ скалъ, горделиво вздымающихъ свои башни метровъ на двѣстѣ или на триста надъ крышами деревень и коронами пальмъ; но если путешественникъ восхищается красотой пейзажа, то это главнымъ образомъ подъ впечатлѣніемъ контраста, который представляетъ ихъ ласкающая взоръ зелень съ мрачными, безжизненными пространствами голыхъ камней и песковъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, не прійти въ восторгъ, когда только что странствовалъ по безводной пустынѣ, въ погонѣ за столь желаннымъ берегомъ, и когда, наконецъ, находишь настоящіе источники, весело журчащіе подъ тѣнью пальмъ! Только вслѣдствії тѣснаго оазиса кажется печальнымъ и чаводящимъ уныніе мѣстомъ, въ сравненіи съ открытыми зеленѣющими равнинами, продолжающими ся, безъ видимыхъ границъ, отъ одного горизонта до другого.

Пески пустыни развертываются въ видѣ дюнъ, какъ пески плоскихъ береговъ Атлантическаго океана и Средиземного моря. Между течениемъ Нила и цѣнью оазисовъ протянулось нѣсколько рядовъ этихъ дюнъ, и почти всѣ онѣ ориентированы съ юго-востока на сѣверо-западъ, параллельно направленію реки между Ассуаномъ и Миніе. Дюны эти не поднимаются до такой значительной высоты, какой достигаютъ дюны французскихъ ландъ, безъ сомнѣнія потому, что лабораторія, где перетираются пески, находится дальше, а также потому, что вѣтры здесь дуютъ съ меньшей силой. Обыкновенно,

опорной точкой при образованіи песчаныхъ горокъ служить какое-нибудь деревцо, чаще всего тамарискъ. Песокъ, задерживаемый этимъ препятствіемъ, образуетъ позади его маленькую дюну, въ видѣ полумѣсяца, выдвинувшаго впередъ свои рога: скоро растеніе охватывается со всѣхъ сторонъ, и въ короткое время было бы совершенно засыпано пескомъ, если бы не выростало мало-по-малу, не тянулось кверху, чтобы высвободить свои вѣтви. Такъ возникаютъ небольшіе песчаные бугры, средняя высота которыхъ всего только отъ трехъ до пяти метровъ, и изъ которыхъ высывается листва тамариска или какого-нибудь другого деревца: эти незначительные возвышенія почвы, формой и цвѣтомъ похожія на выгрызенные временемъ скалы, но которая всѣ имѣютъ на вершинѣ или на скатахъ кустъ или деревцо, придаютъ особенную физіономію Ливійской пустынѣ. Пески не переходятъ за скалы, превышающія средній уровень плоскогорья, они останавливаются также передъ пирамидами, на краю известковыхъ утесовъ, господствующихъ надъ долиной Нила: отсюда и явилось предположеніе, впрочемъ, лишенное всякаго здраваго смысла, что, будто-бы, колоссальная усыпальница фараоновъ были воздвигнуты именно съ цѣлью воспрепятствовать засыпанію Египта песками пустыни. Когда вѣтеръ дуетъ съ запада, тысячи маленькихъ водопадовъ краснаго или золотисто-желтаго песка ниспадаютъ съ каменистыхъ карнизовъ плоскогорья и образуютъ длинные откосы, захватывающіе тамъ и сямъ воздѣланные земли: такъ, теченіе Бахръ-Юзефа было постепенно отгнено къ востоку грядами дюнъ, окаймляющими лѣвый берегъ; но это поступательное движеніе песковъ весьма незначительно и, можетъ-быть, еще вознаграждается размываніемъ, происходящимъ отъ дѣятія теченія на утесы праваго берега Нила; при томъ же пески могутъ быть воздѣлываемы, какъ другія почвы, вездѣ, где они получаютъ оросительную воду, приносящія жирный рѣчной иль.

Къ западу отъ оазисовъ Ливійская пустыня еще не была пройдена изслѣдователями въ направлѣніи оазиса Куфра и Феццана; громадное пространство, по меньшей мѣрѣ въ миллионы квадратныхъ километровъ, негостепріимное, непроходимое даже для путешественника, снабженаго всѣми ресурсами, какіе можетъ дать современная индустрия, простирается въ этой части Африки, отдѣляя совершенно Египетъ и Киренаику отъ прибрежныхъ странъ озера Цадъ. Жители египетскихъ оазисовъ не могутъ ничего сообщить иностранцамъ объ этихъ таинственныхъ и страшныхъ пространствахъ, ограничивающихъ ихъ горизонтъ и въ которыя они боятся проникать; они рассказываютъ о нихъ только разныя странныя легенды, неимѣющія никакой исторической цѣли.

во внутренность озера; затѣмъ, въ заранѣе разсчитанный моментъ, ждуть на своихъ баркахъ, вооруженные баграми, тогда какъ на сбѣднихъ берегахъ женщины приготовляютъ пиршество. Вскорѣ на поверхности моря замѣчается какое-то сверканіе: несмѣтная стая рыбы, престольдаемая морскими свиньями и другими прожорливыми животными, приближается ко входу и сообщаетъ водамъ блескъ, какъ бы происходящій отъ множества молний; глухой шумъ, состоящий изъ безчисленныхъ всплесковъ и бурливаго волненія моря, постепенно усиливается и сливается съ криками рыбаковъ, съ визгомъ дѣтей и женщинъ. Вся живая масса визирнулась въ узкія ворота богаза (пролива) и вдругъ очутилась въ предательскихъ сѣяхъ. Теперь начинается чудовищная бойня, и въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ всѣ барки до краевъ наполнены добычей. Съ этого времени рыба можетъ безпрепятственно входить въ озеро въ теченіе всего сезона, и ловъ будетъ производиться свободно на всемъ пространствѣ бассейна. Самая обыкновенная рыба въ водахъ Нила, называемая арабами шабаль, вооружена на спинѣ тремя острыми и зубчатыми колючками, которыя наносятъ очень чувствительные уколы, когда до нихъ прикоснешься. Шабаль—одна изъ тѣхъ рѣдкихъ рыбъ, которая испускаютъ маленький крикъ, когда ихъ вынимаютъ изъ воды: можно подумать, что слышишь трещаніе кузнецчика, впрочемъ, звукъ немного слабѣе. Большое число рыбъ Нила и Краснаго моря были представлены на древнихъ памятникахъ, и съ такой яркостью, что Русэггеръ могъ безошибочно отожествить всѣ изображенія тамъ виды съ нынѣ живущими¹⁾). Извѣстно, что открытие Суэзскаго канала имѣло слѣдствіемъ смышеніе фаунъ Средиземнаго и Чернаго морей—фаунъ, до того времени столь отличныхъ одна отъ другой. Рыбы, моллюски, другія морскія формы перешли изъ одного бассейна въ другой; цѣлыя караваны различныхъ животныхъ видовъ остановились во время этого путешествія въ Горкихъ озерахъ. Многія причины замедляютъ переселеніе животныхъ изъ одного моря въ другое: исключительно песчаное свойство дна и береговъ, теченія у входа и выхода бассейновъ, слишкомъ большая соленость воды, беспрестанное движение судовъ по каналу. Плотоядные виды рыбъ не проникаютъ далеко въ каналъ, по причинѣ рѣдкости тамъ животныхъ, служащихъ имъ пицей; формы коралловъ, представленныя въ такомъ большомъ числѣ въ Красномъ морѣ, еще не образовали колоній въ Средиземномъ морѣ²⁾.

Одно египетское настѣкомое получило въ исторіи многое символическій смыслъ непре-

крашающагося творенія и постояннаго обновленія жизни: это *aleuchus sacer*, или священный жукъ. Образъ солнца и небесныхъ тѣлъ по своей шаровидной формѣ, этотъ жукъ также создаетъ особый міръ, глиняный микрокосмъ, въ который кладеть свои яички, и безъ малѣшаго отдыха катить этотъ шарикъ съ рѣчного берега на край пустыни, гдѣ и зарывается его въ песокъ. Самъ онъ умираетъ тотчасъ же, какъ только окончить свое дѣло; но, едва вылупившись изъ яйца, новые жуки, въ свою очередь, принимаются за ту же работу созиданія. Кажется, что это священное насѣкомое отступило къ югу, подобно многимъ другимъ растительнымъ и животнымъ видамъ Египта; очень обыкновенный въ Нубіи, этотъ жукъ уже рѣдко бываетъ видимъ ниже Ассуана; впрочемъ, г. Масперо видѣлъ нѣкоторое число этихъ насѣкомыхъ въ Саккарахъ. Причину этой рѣдкости священнаго жука въ Верхнемъ Египтѣ, быть-можетъ, слѣдуетъ искать въ слишкомъ большомъ пространствѣ воздѣланныхъ земель, раздѣляющемъ во многихъ мѣстахъ берега Нила и окраину пустыни; въ Нубіи, разстояніе, которое должны проходить жуки, катя свою драгоценную ношу, обыкновенно гораздо меныше¹⁾. Коптскія матери часто вѣшаютъ на шею своему больному ребенку трапку или орѣховую скорлупу, заключающую внутри живаго жука²⁾.

Нынѣшніе египтяне, потомки древнихъ ретовъ, очень походить на своихъ предковъ, хотя въ теченіе четырехъ тысячъ лѣтъ много чуждыхъ элементовъ примѣщалось къ кореннымъ жителямъ, по крайней мѣрѣ въ области дельты и въ Среднемъ Египтѣ: первоначальный типъ проявляется вездѣ, несмотря на смыщеніе расъ. Копты преимущественно передъ другими должны быть разсмотриваемы какъ относительно чистокровные: ихъ до сихъ поръ еще называютъ «Народомъ Фаруна», то-есть «фараона»³⁾. Правда, при правленіи Птоломеевъ, и позднѣе въ римскую эпоху, они, безъ всякаго сомнѣнія, разнообразно смышивались съ своими сосѣдями, прибрежными народами Средиземнаго моря; но съ того времени, какъ страна была покорена магометанами, слишкомъ тысячу двѣсти лѣтъ тому назадъ, религіозная ненависть держала этихъ христіанъ въ сторонѣ отъ ихъ поработителей, и специальный типъ у нихъ лучше сохранился, чѣмъ у другихъ египтянъ. Они гораздо многочисленнѣе, чѣмъ это думали до недавнаго времени: по словамъ патріарха александрийскаго, спрошенаго объ этомъ предметѣ Ванслебомъ въ 1671 году, въ ту эпоху было всего только десять или много-много что пятнадцать тысячъ коптовъ⁴⁾; въ семидеся-

¹⁾ „Reisen in Europa, Asien und Afrika“; — Gardner Wilkinson, цитированное сочиненіе; — Ernest Desjardins, рукочные замѣтки.

²⁾ Keller, „Nature“, Dec. 21, 1882.

³⁾ Amelia Edwards, „A thousand miles up the Nile“.

⁴⁾ Pruner, „Krankheiten des Orients“.

⁵⁾ Rudolph Klienpaul, „Die Dahabiye“.

⁶⁾ „Nouvelle relation d'un voyage fait en Egypte“.

тыхъ годахъ ихъ исчисляли въ 150.000 душъ, перепись же 1882 г. насчитала ихъ уже слишкомъ 400.000 душъ, чѣмъ составляетъ пятнадцатую часть всего народонаселенія. Копты болѣе, чѣмъ всѣ другіе этническіе элементы страны, имѣютъ право называть себя египтянами. Самое имя ихъ «копты» или «кубтъ», есть, повидимому, не что иное, какъ испорченное древнее название Мемфиса, Ха-ка-Птахъ, жилище «Птаха», изъ котораго греки сдѣлали слово Аигуптъ, примѣнявшееся одинаково къ рѣкѣ и къ странѣ¹). Впрочемъ, это наименование «копты» производятъ также отъ Гуфтъ или Коптосъ, имени города, гдѣ они и теперь еще очень многочисленны: времена разрушенія этого христіанскаго города императоромъ Діоклетіаномъ принято за исходную точку коптскаго лѣтосчислѣнія. Копты живутъ главнымъ образомъ въ Верхнемъ Египтѣ, вокругъ города Ассуита, называемаго «коптской столицей», и въ Файюмѣ, гдѣ они образуютъ цѣлыя деревни; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они избрали себѣ жилищами полуукрѣпленные монастыри, *деры* или *дейры*, которыхъ всѣ первые обитатели были люди, обрекавшіе себя на безбрачіе. Въ этихъ областяхъ, отдаленныхъ отъ столицы и частію лежащихъ въ сторонѣ отъ дороги завоевателей, копты могли сохранить свои нравы и монофизитскую вѣру, которую они получили изъ Византіи, какъ и зеопы. Къ югу отъ Ассуита, въ долинѣ Нила, коптовъ можно встрѣтить только въ городахъ, въ качествѣ ремесленниковъ, мѣняль и мелкихъ чиновниковъ или служащихъ; благодаря господствующей вѣротерпимости, они пользуются теперь правомъ селиться во всѣхъ частяхъ Египта; но никто изъ нихъ не игралъ никогда политической роли, какъ турки, армяне и даже евреи. До того времени, когда они были совершенно уравнены съ мусульманами въ отношеніи всѣхъ гражданскихъ правъ, исламъ постоянно дѣлалъ въ средѣ ихъ захваты, преимущественно чрезъ браки. Такъ какъ большинство коптовъ подвергаются обрѣзанію, согласно древнему египетскому обычью, существовавшему задолго до Магомета, то они зачисляются въ ряды мусульманъ, какъ только переступаютъ порогъ мечети. Въ настоящее время костюмъ ихъ уже не отличается отъ одежды другихъ египетскихъ туземцевъ: прежде цвѣть тюрбана у мужчинъ и цвѣть покрывала у женщинъ были признаками, отличающими копта отъ феллахамагометаніна, и нѣрѣдко коптъ наматывалъ себѣ на голову блѣду чалму и вообще носилъ такую же одежду, какъ другіе крестьяне, чтобы тѣмъ возвысить свое достоинство. Копты имѣютъ нынѣ около 120 церквей въ различныхъ провинціяхъ; но встречающіяся въ мно-

гихъ округахъ, гдѣ теперь уже не видно коптъ, развалины религіозныхъ зданій свидѣтельствуютъ, что населеніе тамъ было еще христіанское нѣсколько столѣтій тому назадъ. Въ настоящее время число этихъ туземцевъ правильно возрастаетъ изъ года въ годъ, вслѣдствіе превышенія рожденій надъ смертными случаями, ибо копты, которые вообще вступаютъ въ бракъ въ болѣе позднѣмъ возрастѣ, чѣмъ другіе египтяне, болѣе уважаютъ семейныя связи и болѣе заботятся о своихъ дѣтяхъ.

Но если религія Магомета не восторжествовала надъ религіей Христа, то языкъ арабовъ успѣлъ достигнуть преобладающаго значенія въ Египтѣ: тутъ коптскій ідіомъ, который далъ возможность ученымъ разобрать древніе іероглифы, возстановляя египетскій діалектъ эпохи фараоновъ, отъ котораго онъ очень мало различится, теперь не употребляется уже нигдѣ какъ устная рѣчь. Большинство коптовъ изучаютъ свой древній языкъ только для того, чтобы умѣть читать молитвы, смыслъ которыхъ они не всегда понимаютъ¹); даже книги духовнаго содержанія пишутся на арабскомъ языке. Коптскій языкъ имѣетъ также свою азбуку, составленную изъ греческихъ буквъ, къ которымъ были прибавлены нѣкоторые знаки, заимствованные отъ курсивныхъ формъ древнаго національнаго письма. Первый письменный памятникъ коптскаго языка относится къ половинѣ третьаго столѣтія христіанскаго лѣтосчислѣнія; въ десятомъ вѣкѣ этимъ языкомъ еще говорили обыкновенно всѣ египтяне, за исключеніемъ завоевателей²). Начиная съ семнадцатаго столѣтія арабскій языкъ становится господствующимъ и общеупотребительнымъ во всемъ Египтѣ; но большое число древне-египетскихъ словъ и теперь еще употребляются въ языкахъ страны. У коптовъ сохранились еще нѣкоторые древніе обычай или обряды, установившіеся, безъ сомнѣнія, задолго до вторженія иностраннаго религій. Такъ, они строятъ свои могилы въ формѣ домовъ, и каждое семейство собирается разъ въ годъ въ фамильномъ мавзолѣѣ, чтобы спрavitъ поминки съ заупокойной трапезой. Одно изъ самыхъ обыкновенныхъ имѣнь, даваемыхъ при крещеніи, — Менасъ, напоминающее Мену или Менеса, истиннаго или предполагаемаго основателя первой египетской династіи.

«Пахари», или феллахи, принадлежать, какъ и копты, къ туземной расѣ, болѣе или менѣе видоизмѣненной скрещеніями съ другими этническими элементами. Тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ большихъ городовъ, Каира и Александрии, называютъ себя Ауладъ-Масръ, то есть «дѣтьми Масра» или «египтянами». Подобно своимъ предкамъ, копты и феллахи

¹) Volney, „Voyage en Syrie et en Egypte“; — Brugsch, „Alte Geographie von Aegypten“.

²) Fr. Lenormant, „Histoire ancienne de l’Orient“.

²) Alfred von Krewer, „Aegypten“.

имѣютъ вообще ростъ средній (отъ 1,60 до 1,62 метра), тѣло гибкое, стройное, члены ловкие и сильные. Голова у нихъ представляеть красивый овалъ, лобъ широкий, носъ правильный, закругленный при оконечности, ноздри расширенныя, губы толстые, но красиво очерченныя, глаза большіе, черные и бархатные,

нахъ деревень¹⁾). Очень часто встречаешь типы истинной красоты, напоминающіе черты сфинксовъ, и большинство молодыхъ женщинъ отличаются миловидностю, стройностю, изяществомъ манеръ и горделивой поступью; иѣть картины болѣе привлекательной, какъ видъ молодой матери, несущей своего голаго ре-

Восхожденіе на большую пирамиду.

ѣли слегка приподняты кнаружи. Большинство дѣтей выглядятъ хилыми и угрюмыми; глаза у нихъ тусклые, кожа блѣдная, животъ вздутый; но тѣ изъ нихъ, которыхъ вынесутъ дѣтскую сухотку и другія болѣзни, дѣлаются красивыми и сильными: невольно удивляешься, какъ могли такие красавцы парни, такие красавицы дѣвушки вырости въ грязныхъ хижи-

бенка верхомъ на плечѣ. Въ деревнѣ женщины не закрываютъ себѣ лица такъ строго, какъ въ городахъ; почти всѣ они красятъ себѣ губы въ синій цвѣтъ и татуируютъ подбородокъ, накалывая на немъ изображеніе цвѣтка; иѣко- торыя украшаютъ себѣ такими же узорами

¹⁾ Lucy Duff Gordon, „Letters from Egypt“.

лобъ и другія части тѣла; кромѣ того, тѣ изъ нихъ, которыи не впали въ крайнюю бѣдность, носятъ діадемы и ожерелья изъ жемчуга, настоящаго или поддельнаго, цехины (золотыи монеты) или позолоченные кружки; все состояніе семьи употребляется на эти женскія украшенія. Феллахъ, такъ сказать, не имѣеть другой потребности, кромѣ этого излишка, который онъ презентуетъ своей супругѣ; жилище его — убогая землянка, куча комковъ земли, взятыхъ изъ бороздъ пашни; одежда его состоитъ изъ синей бумажной рубахи, такихъ же штановъ и тарбуша или войлочной шляпы; нѣсколько дурровыхъ лепешекъ, къ которымъ болѣе зажиточные прибавляютъ бобы, чечевицу, лукъ, арбузы, пару финиковъ, составляютъ обычную его пищу. Больше всего на свѣтѣ онъ любить миръ и тишину, и ни въ одной странѣ на всемъ земномъ шарѣ не видывали, при всеобщей воинской повинности или конскриціи, болѣе частыхъ примѣровъ членовредительства, примѣровъ добровольныхъ калѣкъ, кривыхъ, хромыхъ или безрукихъ. Вообще говоря, феллахъ добродушенъ, наивенъ, веселаго характера, услужливъ, гостепріименъ, насколько это позволяютъ его убогіе достатки; если онъ старается пустить въ ходъ противъ своихъ угнетателей оружіе слабаго, ложь и хитрость, то это въ большинствѣ случаевъ не удается ему: его маленькая машинація легко угадываются и часто навлекаютъ ему только сугубую жестокость со стороны его господъ. Контъ обыкновенно болѣе умѣло хитрить, чѣмъ простодушный феллахъ-мусульманинъ: это объясняется тѣмъ, что конту не только приходится терпѣть нищету, какъ и египтянину изъ магометанъ, но онъ еще долженъ, сверхъ того, казаться маленькимъ человѣкомъ, чтобы избѣгнуть преслѣдованія; изъ опасенія быть обобраннымъ до послѣдней нитки, онъ долженъ былъ скрывать свои маленькие достатки; ему нужно было подбирать въ грязи подачку, бросаемую съ презрѣніемъ, сберегать скряжнически все добываемое трудомъ, хитростю или вышествіемъ. Тѣ изъ контовъ, которые получали кое-какое воспитаніе, выказываютъ обыкновенно истинный талантъ по счетной части и коммерческой бухгалтеріи: это достойные сыны тѣхъ древнихъ ретовъ, отъ которыхъ дошли до насъ счетные книги и руководства къ ариеметикѣ, съ задачами на дроби, на правило товарищества, на уравненія первой степени¹⁾. Во времена владычества мамелюковъ управление финансами государства находилось всецѣло въ рукахъ контовъ; благодаря изобрѣтеннй ими совершенно особенной системѣ счетоводства, они сдѣлали свои бухгалтерскія книги никому непонятными, такъ

что эта профессія составляла ихъ неотъемлемую монополію. Но введеніе западныхъ методовъ счетоводства и особенно постоянно усиливавшаяся иммиграція сирійскихъ католиковъ, людей не менѣе ловкихъ и вкрадчивыхъ, не менѣе способныхъ къ интригѣ, чѣмъ конты, но болѣе образованныхъ и знакомыхъ съ арабскими классиками, мало-по-малу отняли у туземныхъ христіанъ высшіе административные посты. Низшія же должности счетчиковъ и писцовъ по-прежнему остались и до сихъ поръ остаются за контами; вообще персоналъ египетской бюрократіи заключаетъ въ себѣ гораздо больше христіанъ, чѣмъ мусульманъ²⁾.

Семитический элементъ сильно представленъ въ египетскомъ населеніи, даже со временемъ, предшествовавшимъ арабскому завоеванію. Такъ, по Мариетту, туземцы, живущіе на южныхъ берегахъ озера Мензалехъ, — можетъ-быть, прямые и очень мало смѣшанные потомки тѣхъ «людей неблагородной расы», гиксовъ, которые овладѣли Египтомъ сорокъ вѣковъ тому назадъ: типъ ихъ точь-въ-точь такой же, какъ типъ царскихъ статуй и головъ сфинксовъ, открытыхъ въ Саїѣ, древнемъ Танисѣ, среди аллювіальныхъ образованій озера³⁾. Эти потомки азіатовъ населяютъ мѣстечки Мензалехъ, Матаріехъ, Салкіехъ и сосѣднія деревушки. Ростые, съ сильно развитыми мускулами, они имѣютъ лицо очень широкое сравнительно съ ихъ закругленнымъ черепомъ, носъ крупный, скулы выдающіяся, лицевой уголъ очень открытый, лобъ высокій, взглядъ и улыбку осмысленные. По словамъ Баярда Тайлора, потомки гиксовъ очень многочисленны также въ области Файюмъ.

Наиболѣе значительную долю семитической крови внесли въ египетское населеніе арабскіе и сирійские мусульмане, пришедши вслѣдъ за Амру. Безъ сомнѣнія, эти арабы не сохранились въ чистомъ состояніи ни въ одномъ изъ городовъ Египта, но какъ они, такъ и послѣдующіе пришельцы того же племени, были довольно многочисленны, чтобы произвести глубоко захватывающее видоизмѣненіе туземной расы, особенно въ городахъ, гдѣ всѣ магометане, за исключеніемъ турокъ и черкесовъ, обозначаются теперь общимъ именемъ арабовъ. На берегахъ Краснаго моря, недавно переселившіяся арабскія племена, абы, ауасимы, иренаты, живутъ рыбной ловлей и каботажной торговлей⁴⁾. Въ сельскихъ мѣстностяхъ, на границахъ пустыни, многія племена бедуиновъ, ахръ-эль-вабары или «люди шатровъ», сохра-

¹⁾ Mackenzie Wallace, „Egypt and the Egyptian Question“.

²⁾ Mariette, „Revue Archéologique“, 1861; — Edouard Naville, „Journal de Genève“, 22 juin 1882; — Convidou, „Itinéraire du Canal de Suez“.

³⁾ Klunzinger, „Bilder aus Oberägypten, der Wüste und dem Rothem Meere“.

⁴⁾ „Papyrus Rhind“ изъ Британскомъ музеѣ; — A. Eisenlohr, „Ein mathematisches Handbuch der alten Aegypten“.

илились въ большой чистотѣ и съ гордостю выводить свою родословную отъ первыхъ за-воевателей. Иногда, правда, арабъ беретъ себѣ жену въ семье феллаха, но самъ онъ никогда не выдастъ за него свою дочь: полу-номадъ, раздѣляющій свою жизнь между воздѣланными полями и пустыней, онъ презираетъ несчастныхъ земледѣльцевъ, всегда согбенныхъ надъ своей пашней; хотя бы даже онъ самъ добровольно оставилъ бродячую жизнь, въ глазахъ бедуиновъ-кочевниковъ онъ уже будетъ не болѣе, какъ феллахъ, такой же, какъ другіе феллахи¹⁾; но обыкновенно онъ имѣтъ пребываніе въ деревнѣ, въ сосѣдствѣ полей, только въ теченіе извѣстной части года, и тотчасъ же возвращается въ пустыню, какъ только окончена жатва и уборка хлѣба: такъ что, слѣдовательно, населенія различаются здѣсь не столько по расѣ, сколько по образу жизни²⁾). Однако, даже поселившись въ деревняхъ и сдѣлавшись осѣдлыми земледѣльцами, сыны номадовъ пользуются большими привилегіями въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній: такъ, они освобождены отъ воинской и другихъ натуральныхъ повинностей. Впрочемъ, бедуиновъ, живущихъ въ предѣлахъ Египта, нельзя назвать независимыми: раздѣленные долиной Нила на двѣ особыя группы, бедуины «арабской» пустыни, какъ и бедуины ливійскихъ базисовъ, занимаютъ открытыя пространства, легко доступны нападенію со всѣхъ сторонъ, и находятся въ полной зависимости отъ своихъ сосѣдей въ отношеніи торговли и продовольствія. Кромѣ того, они дѣлятся на большое число (около пятидесяти) племенъ, изъ которыхъ многія живутъ между собой въ постоянной враждѣ: не бывало примѣра, чтобы всѣ бедуины пустыни соединились для защиты общей свободы. Одно изъ самыхъ многочисленныхъ племенъ «аравійскихъ» горъ—мазехи или «коzы паствуhi», которыхъ путешественникъ Масперо считаетъ древними ливійцами мазіу, обарабившимися въ сравнительно недавнюю эпоху. Это наслѣдственные враги арабовъ, народцевъ беджасскойрасы, живущихъ югу отъ Коссеира, въ долинахъ цѣли по-роговъ и въ Сѣверной Нубіи. На западѣ отъ дельты, въ Ливійской пустынѣ, господствующее племя — ауладъ-али. Гаварахи, живущіе въ Верхнемъ Египтѣ и доставляющіе арміи вице-короля почти всю его иррегулярную кавалерію,—народъ туарегского происхожденія³⁾). По переписи 1882 года, число бедуиновъ-кочевниковъ и полуосѣдлыхъ, которыхъ еще въ семидесятыхъ годахъ насчитывали только 70.000 или 100.000 душъ, простирается до

246.000 душъ, съ значительнымъ преобладаніемъ мужскаго пола; мужчины, будто-бы, превышаютъ женщинъ на 11 слишкомъ процентовъ,—пропорція, какой не представляетъ никакая другая группа жителей, относительно которой дѣлалась правильная перепись, исключая развѣ нѣкоторыхъ округовъ Японіи, и которая не встрѣчается въ другихъ населеніяхъ Египта (численное отношеніе половъ между осѣдлыми туземцами въ 1882 году: мужчинъ 3.401.498; женщинъ 3.415.767). Нужно думать, что арабы во многихъ случаяхъ давали невѣрныя свѣдѣнія агентамъ, производившимъ перепись.

Турки, официально властители страны со временемъ завоеванія ея султаномъ Селимомъ II, въ 1517 году, до сихъ поръ еще считаются иностранцами, и при томъ они всегда стояли въ населеніи, какъ солдаты или чиновники. Число ихъ не велико, отъ 12.000 до 20.000, по разнымъ исчислѣніямъ; но было бы ошибочно утверждать, какъ это часто дѣлали, что, будто-бы, дѣти этихъ чужеземцевъ обречены климатомъ на преждевременную кончину. Безъ сомнѣнія, смертность очень велика между дѣтьми семействъ, не вполнѣ акклиматизировавшихся; но потомство почти безъ исключенія слѣдуетъ национальности матери; оно становится египетскимъ по чертамъ лица, какъ и по языку: название иностранца само собой пропадаетъ. Точные статистическія давнія обнаружили, что бывшіе мамелюки имѣли очень мало дѣтей¹⁾; но доказательствомъ того, что не всѣ мамелюки, грузины, черкесы, арнауты, умерли безъ потомства, можетъ служить тотъ фактъ, что беспощадный истребитель этого воинства, Могамедъ-Али, самъ арнаутъ съ одного изъ острововъ Македоніи, имѣлъ многочисленную семью, нынѣ царствующую официально надъ Египтомъ. Точно также левантинцы, то-есть христіане родомъ изъ Сиріи, Греции, Италии или Испаніи, поселившіеся съ давнихъ поръ въ странѣ, конечно, сдѣлались родоначальниками на берегахъ Нила, какъ и ихъ конкуренты по торговлѣ, евреи или яхуды. Въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ ихъ роды или фамиліи вступаютъ въ браки только между собой, и, однако, они нисколько не утратили на чужой землѣ своей воспроизводительной силы. Европейцы, поселившіеся въ Каирѣ и въ другихъ большихъ городахъ Египта, съ успѣхомъ воспитываютъ своихъ дѣтей, если только заботливо соблюдаютъ правила гигіи. Даже смертность между новорожденными меньше у европейцевъ, нежели у туземцевъ, которые въ большинствѣ случаевъ не могутъ окружать своихъ дѣтей заботливымъ уходомъ, по причинѣ своей бѣдности (смертность дѣтей до десятилѣтняго

¹⁾ Du Bois-Aymé, „Mémoire sur les tribus arabes des dѣserts de l’Egypte“.—Jomard, „Description de l’Egypte“.

²⁾ Mackenzie Wallace, цитированное сочиненіе.

³⁾ Du Bois-Aymé, цитированное сочиненіе.—Alfr. von Kremer, „Aegypten“.

⁴⁾ Chabrol de Volvic, „Essai sur les mœurs des habitants modernes de l’Egypte“.

возраста составляла въ 1889 году: у европейцевъ 37,85, а туземцевъ 52,45 на сто¹⁾). Однако, иностранная колонія, гдѣ мужской полъ гораздо многочисленнѣе женскаго (по переписи 1882 года, между живущими въ Египтѣ европейцами насчитывалось 49.054 мужчинъ и 41.832 женщины), возрастаетъ только путемъ иммиграціи, а не вслѣдствіе избытка числа рожденій надъ числомъ смертныхъ случаевъ. Въ настоящее время европейскій элементъ представленъ въ Египтѣ, по крайней мѣрѣ въ Александрии и въ Каирѣ, колоніей гораздо болѣе многочисленной, чѣмъ колонія турокъ. Въ 1892 году численность европейской колоніи превышала 600.000; колонія эта сдѣлается, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе многочисленною теперь, когда страна находится подъ протекторатомъ западной державы. Теперь уже не турки, а европейцы истинные властители Египта, по умственному развитію, матеріальной силѣ и обладанію капиталами. Этой иммиграціи господъ, прибывающихъ съ сѣвера, соотвѣтствуетъ приливъ служащаго люда, барабарсовъ или варсарійцевъ, приходящихъ съ юга и играющихъ въ большихъ городахъ ту же роль, какую играютъ въ Парижѣ оверньиаты²⁾. Фигуры нубійцевъ, изваянныя на древнихъ памятникахъ земли фараоновъ, доказываютъ, что эта иммиграція съ юга продолжается уже многіе вѣка.

Народонаселеніе Египта по переписи 1897 г. (не считая 20.890 ж. оазиса Сивахъ, Синай и и. о. Фазозъ):

По образу жизни:

Остѣльныхъ — 9.047.905; кочевниковъ — 573.974; иностранцевъ — 112.526; всего — 9.734.405.

По вѣроисповѣданіямъ: магометанъ — 8.978.775; христіанъ: коштовъ — 608.446; католиковъ — 56.343; греко-восточного исповѣд. — 53.479; лютеранъ — 11.895; евреевъ — 25.200; другихъ вѣроисповѣданій — 268.

Наконецъ, тѣ индусскія племена, которымъ испанцы и англичане дали название *Gitanos* и *Gypsies*, то-есть «египтянъ», и которыхъ извѣстны у насть подъ именемъ цыганъ, встрѣчаются также и на берегахъ Нила, гдѣ ихъ называютъ гхагарами. У этихъ бродачихъ народцевъ мужчины промышляютъ въ качествѣ лошадиныхъ барышниковъ, лудильщиковъ, канатныхъ плюсуновъ, показывателей обезьянъ, кузнецовыхъ, гадальщиковъ; между ними же вербуются татуировщики и татуировщицы, исиллы или замѣзаклинатели, равно какъ кружашацеся дервиши, которыхъ обыкновенно считаютъ, но совершенно ошибочно, пылкими послѣдователями Магомета. Несмотря на свой азіатскій типъ и дикий, насквозь пронизывающій взглядъ, соста-

вляющіе отличительные признаки цыганъ, всѣ эти выходцы изъ Индіи выдаютъ себя за чистокровныхъ арабовъ и утверждаютъ, что будто бы предки ихъ первоначально эмигрировали въ Западную Африку, откуда впослѣдствіи вернулись и поселились на берегахъ Нила. Самое «благородное» племя гхагаровъ присвоиваетъ себѣ даже имя бармесидовъ: это народецъ, извѣстный всего болѣе подъ названіемъ гавази¹⁾, и среди котораго вербуются преимущественно альмея или *avalmi*, то-есть «ученые». Не въ этомъ ли имени гавази нужно искать происхожденіе слова *Gabachos* или *Gavaches*, которое примѣняютъ въ Испаніи и на югѣ Франціи къ хитанамъ (цыганамъ), равно какъ ко всѣмъ презираемымъ иммигрантамъ?

Многочисленное народонаселеніе Египта, почти уничтожившееся съ начала настоящего столѣтія (въ 1800 году, во время французской оккупации, число жителей, считая по 8 человѣкъ на каждый домъ, при 603.700 домахъ, равнялось 2.514.400 душъ²⁾), и возрастающее среднимъ числомъ на 50.000 душъ въ годъ, свидѣтельствуетъ въ пользу благопріятныхъ климатическихъ условій страны (средняя смертность сравнительно не велика: она составляетъ отъ 26 до 27 на 1.000). Особенно въ Верхнемъ Египтѣ, гдѣ воздухъ не наполненъ сырьими испареніями, климатъ очень здоровый, несмотря на сильные жары; въ пустынѣ онъ еще лучше, какъ это доказала медицинская статистика, правильно веденная во время работъ, столь тяжелыхъ и неблагопріятныхъ въ санитарномъ отношеніи, которая были предприняты для прорытія Суэзскаго канала. Египетъ даже посыщается зимой немалымъ числомъ европейцевъ, приѣзжающихъ туда для возстановленія разстроеннаго здоровья, преимущественно при грудныхъ болѣзняхъ. Но, кажется, нельзя сказать, чтобы пребываніе въ томъ или другомъ изъ большихъ городовъ, въ Александрии или Каирѣ, гдѣ на улицахъ постоянно кружатся столбы или смерчи пыли, было удачно выбрано для лечения этого рода недуговъ; напротивъ, чахотка свидѣтельствуетъ тамъ надъ пришельцами съ Верхнеаго Нила и каждый годъ похищаетъ большое число жертвъ даже между туземцами³⁾; въ Каирѣ одна седьмая смертности приходится на долю грудныхъ болѣзней; въ военныхъ госпиталяхъ бывали случаи, когда число умершихъ отъ бугорчатки составляло цѣлую треть общаго числа смертныхъ исходовъ, но нѣкоторыя болѣзни дыхательныхъ путей, какъ, напримѣръ, катарръ легкихъ, не имѣютъ случая зарождаться и развиваться у европейцевъ. Изъ болѣзней послѣдніе всего больше должны опасаться диссентеріи и, въ нѣкоторыхъ ча-

¹⁾ Bayle St.-John, „Village Life in Egypt“;—Alfr. von Kremer, цитированное сочиненіе.

²⁾ Félix Mengin, „Histoire de l’Egypte“.

³⁾ Wernich;—Schnepp;—Pruner-bey.

¹⁾ „Essai de statistique g  n  rale de l’Egypte“;—Bonola, *Exploratore*, 1889.

²⁾ Edmond About, „Ahmed le Fellah“.

стахъ дельты, болотныхъ лихорадокъ. Болѣзни, почти неизвѣстныя у магометанъ, ко-
торые воздерживаются отъ употребленія спирт-
ныхъ напитковъ, этой «специфической отра-
зы печени», очень обыкновенны у европейцевъ,
но причинъ ихъ образа жизни¹⁾.

Главныя болѣзни, господствующія среди ту-
земцевъ, это тѣ, которыя являются необходимы-
мъ слѣдствіемъ ихъ бѣдственнаго экономи-
ческаго положенія: чума, нѣкогда столь страш-
ная, и отъ которой въ 1834 и 1835 годахъ
погибло 45.000 человѣкъ въ Александрии и
75.000 въ Каирѣ, перестала свирѣпствовать
между египетскими населеніями; холера, пре-
вратившая Даміетту въ 1883 году въ одинъ
обширный госпиталь, производить периодиче-
ски свои опустошенія только въ незначитель-
ной части страны; но анемія, происходящая
отъ недостаточнаго питанія, свирѣпствуетъ по
всему Египту, поражая преимущественно дѣ-
тей. Во всемъ свѣтѣ нѣть страны, гдѣ бы сль-
ные и кривые были болѣе многочисленны, чѣмъ
въ Египтѣ; высадившись на Александрийскую
забережную, иностранецъ тотчасъ же замѣ-
чаетъ дѣйствія заразительной офтальміи въ
толкающейся вокругъ него толпѣ; и послѣдую-
щія его наблюденія, опирающіяся на статисти-
ку (процентъ лицъ, страдающихъ глазами, въ
египетскомъ населеніи, составляетъ, по Ами-
ти, 17 на сто), вполнѣ подтверждаютъ это пер-
вое впечатлѣніе. Малокровіе, ослѣпительное
отраженіе яркаго свѣта отъ бѣлыхъ стѣнъ и
отъ водъ рѣки, рѣзкія перемѣны температуры
и особенно Ѣдкая пыль, содержащая солянья
и селитринныя частицы, которая образуется путемъ разложенія нильскаго ила и которую вѣ-
теръ поднимаетъ столбами, кружасимися на
подобіе вихрей,— вотъ причины, которымъ долж-
но быть приписано происхожденіе этихъ опас-
ныхъ глазныхъ болѣзней; чѣмъ не менѣе, бѣ-
дны пустыни почти всѣ обладаютъ отличнымъ
вѣнѣемъ. Мухи, эта библейская «язва еги-
петская», конечно, способствуютъ поддержа-
нию и растревливанію офтальміи. Жалко
смотрѣть на маленькихъ дѣтей, около которыхъ
мухи кружатся роями: у бѣдныхъ малютокъ
даже вѣтъ силы отгонять назойливыхъ насѣ-
комыхъ, которые садятся имъ на больные
глаза, и печальные, неподвижные, они ждутъ,
когда соянъ прерѣтъ на время ихъ страданія.

Проказа, менѣе обыкновенная въ Египтѣ,
чѣмъ въ Сиріи, къ несчастію, еще не исчезла.
Родъ гастроической лихорадки, извѣстной на
Востокѣ подъ именемъ *деніе*, тоже довольно
распространенъ на берегахъ Нила. Слоновья
или бугорчатая проказа (*elephantiasis*) арабовъ
часто поражаетъ также туземцевъ, особенно въ
области дельты; другая болѣзнь кожи, такъ
называемый нильскій «бутонъ», аналогичный

багдадскому «финику» и алеппскому и би-
скранскому «бутону», имѣть въ Египтѣ эндемі-
ческій характеръ, и большинство мѣстныхъ
жителей и иностранцевъ должны вынести этотъ
нарывъ или вередѣ, одинъ разъ въ теченіе
своей жизни или своего пребыванія въ краѣ,
чаще всего подъ формой довольно доброкаче-
ственной.

Болѣе девяти десятыхъ населенія Египта со-
стоитъ изъ магометанъ; но въ этой странѣ, гдѣ
религії слѣдовали одна за другою, какъ слои
наносовъ Нила, нація не имѣла времени вы-
работать себѣ вѣру, соответствующую своему
официальному культу, и многіе наблюдатели
находили въ легендахъ и въ церемоніяхъ фел-
лаховъ слѣды религіи, которая нѣкогда соби-
рала толпу вѣрующихъ на папертихъ храмовъ
Онівъ и Мемфиса: тотъ или другой ночной празд-
никъ, гдѣ толпятся крестьяне, ожидая при-
шествія золотой коровы, въ руинахъ Дендерах-
скаго святилища, напоминаетъ торжественная
процессія, которая въ древности совершилась
въ честь телицы Гаторъ¹⁾). Египтяне только
по наружности магометане, и между ними очень
немногочислены, въ сравненіи съ толпой ин-
дифферентовъ, тѣ правовѣрные, которые усерд-
но и добросовѣстно исполняютъ всѣ предписа-
нія Магомета. Мечети мало посѣщаются; фел-
лахъ не всегда дѣлаетъ положенія омовенія
въ каналѣ, проходящемъ подъ его жилища, а
бедуинъ не останавливается въ пустынѣ, чтобы
бы потереть себя пескомъ, за неимѣніемъ во-
ды. Въ послѣдній пятьдесятъ лѣтъ духъ вѣро-
терпимости сдѣлалъ большиѳ успѣхи въ Египтѣ:
какъ бы ни была велика ревность самыхъ го-
рячихъ хаджи, никто изъ нихъ не являлся сра-
жаться противъ англичанъ до тѣхъ поръ, пока
не была провозглашена «священная война»,
и даже тогда между рѣдкими добровольцами,
вступившими въ ряды священнаго воинства,
не было ни одного уроженца Нижнаго Егип-
та²⁾). Какъ ни гордятся египетскіе мусульмане
честью принадлежать къ избранному народу,
они уже не имѣютъ права относиться съ пре-
зрѣніемъ или пренебреженіемъ къ иновѣрцамъ,
такъ какъ не смытъ вступать съ ними въ
открытый бой, и такъ какъ эти чужеземцы яв-
ляются передъ ними со всѣми признаками
умственного превосходства и со всѣми ресурса-
ми материальной силы. Однако, именно въ
пределахъ египетской территории находится
центръ пропаганды, враждебной христіанамъ.
Страшное мусульманское братство недавно
умершаго мауди или «вождя» Сиди-Могамѣдъ-
Бенъ-Али-эсъ-Сенуси имѣть свой главный монастырь въ Серхбубѣ или Джарабубѣ, въ оазисѣ
Фаредга³⁾; но самъ покойный мауди, состояв-

¹⁾ G. Чарпера, рукописныя замѣтки.

²⁾ Mackenzie Wallace, цитированное сочиненіе.

³⁾ H. Duveyrier, „Bulletin de la Société de Géogra-
phie“, 1885.

шій, говорить, въ союзъ съ вождемъ, поднявшимъ арабскія племена Кордофана и Верхняго Нила, былъ алжирецъ, и почти всѣ окружавшіе его вѣрующіе пришли изъ Мавританіи. Если онъ выбралъ именно это мѣсто своей резиденціей, то только потому, что оно представляетъ двѣ драгоцѣнныя выгоды: положеніе почти центральное для пропаганды въ мусульманскомъ мірѣ, и отдаленность Джарабуба отъ всякаго поста, военного и торгового, занятаго европейцами. Махди могъ вести тамъ почти въ тайнѣ свое дѣло въ теченіе двадцати лѣтъ, не опасаясь какого-либо посторонняго вмѣшательства, могущаго противодействовать его усиливамъ.

Получивъ религію отъ арабовъ, египтяне привязали также, несмотря на свое большое чисто-исламское превосходство, и языкъ побѣдителей, которымъ они, впрочемъ, говорятъ чисто; университетъ Эль-Азарь, въ Каирѣ, есть даже одно изъ мѣсть, где обсуждаются и решаются самые деликатные вопросы, касающіеся арабской грамматики и литературы. Употребленіе нѣсколькихъ арабскихъ и коптскихъ словъ и особенный способъ произношенія для нѣкоторыхъ буквъ—вотъ единственная отличія египетской рѣчи въ сравненіи съ языкомъ Геджаса. Арабы по религіи и языку, египтяне сдѣлались турками по политическому устройству, системѣ управления, отсутствію наследственной аристократіи. Въ отношеніи соціальныхъ учрежденій они также сообразовались съ примѣромъ, даннымъ ихъ завоевателями, арабскими и турецкими. Болѣе охотно, чѣмъ турки, они придерживаются многоженства, особенно въ правящихъ классахъ; но рѣдко можно встрѣтить крестьянъ, имѣющихъ больше одной жены. Разводъ практикуется чаще, чѣмъ во всякой другой землѣ: говорятъ, около половины браковъ сопровождаются рано или поздно разлученіемъ супруговъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ коптскихъ семействахъ и теперь еще существуетъ обычай заключать временные браки, даже на нѣсколько недѣль; священники благословляютъ эти союзы съ обычной торжественностью, какъ будто бы они заключались на всю жизнь. Правда, если супруги пожелаютъ, этотъ пробный бракъ можетъ обратиться въ окончательный. Двоюродные братья и сестры часто бываютъ обручаемы уже съ колыбели и вступаютъ въ бракъ, какъ только достигнутъ возраста возмужалости. Прелюбодѣяніе составляетъ рѣдкое событие въ семьяхъ.

Официальная продажа людей не дозволяется въ Египтѣ, такъ какъ торговля невольниками строго воспрещена во владѣніяхъ на Верхнемъ Нилѣ. Въ силу прежнихъ конвенцій, заключенныхъ съ Англіей, личное рабство должно было бы быть совершено отменено 4 августа 1884 года въ предѣлахъ египетского вице-королевства; но статьи трактата остались мертвой бук-

вой, и представители Великобританіи, сдѣлавшіеся всемогущими въ Египтѣ, ограничились посылкой циркуляра, напоминающаго о законѣ, предписанномъ хедиву¹⁾). Вѣроятно, они будутъ соблюдать въ этомъ отношеніи ту же осторожность, какую обнаружилъ покойный Гордонъ въ египетскомъ Суданѣ, и оставить господамъ въ полную собственность мужчинъ и женщинъ, приобрѣтенныхъ захватомъ или покупкой. Хотя невольничі базары закрыты, но сдѣлки по куплѣ-продажѣ живаго товара все еще практикуются тайкомъ, и знатны лица по-прежнему могутъ приобрѣтать евнуховъ для обереганія своихъ женъ. Причину существованія рабства въ Египтѣ составляетъ содержаніе гаремовъ, таинственный порядокъ которыхъ не удовлетворяется служителями,ющими по желанію уничтожить свой контрактъ о наймѣ. Однако, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, за исключеніемъ дворцовъ, принадлежащихъ мусульманскимъ вельможамъ, невольничія челядь мало-по-малу замѣняется вольнонаемной прислугой; всѣ чернокожіе, обращающіеся къ полицейской власти съ просьбой о выдачѣ имъ «вольной», тотчасъ получаютъ увольнительную грамоту и могутъ поселиться, где желаютъ, и заниматься какимъ угодно промысломъ или ремесломъ. Завоеватели подобно арабамъ и туркамъ, западные люди приносятъ съ собой новое общественное устройство.

Порядокъ землевладѣнія тоже видоизмѣняется, вслѣдствіе вмѣшательства европейцевъ въ управление дѣлами страны. По буквальному смыслу мусульманскаго закона, общество вѣрующихъ, представляемое государственною казной, *бештъ-эль-маль*, есть единственный владѣлецъ земли; частное лицо можетъ быть лишь временнымъ владѣльцемъ, пользующимся доходами, которому только обычай, но не право, даетъ наследственность. Однако, этотъ принципъ давно уже потерялъ свое безусловное значеніе, и начало личной собственности, подобно господствующему въ Европѣ, установилось уже для большей части территорій. Со временемъ этого переворота, позволяющаго свободную передачу и отчужденіе земель, плѣнность почвы значительно возросла; крестьяне-собственники, теперь уже не платящіе налога на землю, выиграли въ благосостояніи, но, съ другой стороны, образовался новый классъ общества, классъ сельского пролетариата, толпа несчастныхъ, которые не имѣютъ больше своей доли земли и потому принуждены заниматься въ работники, чтобы снискать себѣ пропитаніе (средняя плата земледѣльческому работнику отъ 37 до 68 сантимовъ, смотря по времени года)²⁾. Земли этихъ обездоленныхъ батраковъ-ферлаховъ, почти всѣ конфискованные за не-

¹⁾ F. Bonola, *рукописные замѣтки*

²⁾ Mac. Cook, „Egypt as it is“; „Statistique de l’Egypte“ за 1878 г.

платежъ податей, увеличили собою частныя владѣнія вице-короля, удѣлы членовъ его фамиліи и имѣнія разныхъ высокопоставленныхъ лицъ въ государствѣ; компанія Суэзскаго канала тоже является однимъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ страны. Совокупность земельной собственности, принадлежащей, подъ разными наименованіями, вице-королевской фамиліи, исчисляются въ четверть всей пахатной почвы Египта; между Ассіутомъ и Бедраштейномъ почти вся земля, составляетъ собственность хедива, и каждая станція желѣзной дороги построена рядомъ съ земледѣльческой фермой и заводомъ. Другая четверть почвы состоитъ изъ земель *ушури* или «десятинныхъ» (обложенныхъ десятиной), принадлежащихъ на правахъ полной собственности тѣмъ, которые ведутъ на нихъ хозяйство. Что касается земель бѣдного сельского люда, раздѣленныхъ на маленькие участки вокругъ деревень и составляющихъ, вмѣстѣ съ владѣніями сельскихъ обществъ, половину территории, то онѣ обложены перемѣннымъ налогомъ, называемымъ *хараджъ*, который можетъ быть увеличенъ, по усмотрѣнію правителей, но который въ среднемъ составляетъ одну пятую, какъ во времена Іосифа¹⁾). Платя этотъ налогъ, держатель участка все-таки остается въ полной зависимости отъ благоусмотрѣнія властей; онъ собственникъ лишь по снисходительности начальства, и наследники его признаются таковыми только по представлѣніи доказательства, что они въ состояніи обрабатывать уступленную землю и исправно уплачивать падающіе на нее налоги. Если они желаютъ преобразовать свои земли *хараджіе* въ земли, принадлежащи имъ на правахъ полной собственности, то могутъ достигнуть этого подъ условiemъ уплаты налога за шесть лѣтъ впередъ, въ одинъ разъ или нѣсколькими частными взносами; кромѣ права полнаго владѣнія землей, эти досрочные платежи даютъ имъ освобожденіе на будущее время отъ половины поземельного налога. Земли *вакуфъ* (вакуфы), принадлежащи мечетямъ или учебнымъ заведеніямъ, вѣроятно, перемѣнятъ владѣльцевъ, всѣ или частію; переходъ въ казну этихъ вакуфныхъ имѣній позволить британскому правительству уравновѣсить свой египетскій бюджетъ.

Официально наибольшую территоріальную собственность Египта составляютъ удѣльные имѣнія хедива; однако, эти владѣнія, дайра-саніе, сдѣлавшіяся обезпеченіемъ европейскихъ заемодавцевъ съ 1878 года, поставлены подъ вѣдѣніе специальнай комиссіи, дѣйствительное правленіе которой находится въ Европѣ, таъ что истинными владѣльцами являются западные банкиры. Значительная часть этихъ имѣній

сдается въ оброчное содѣржаніе барышникамъ, которые, въ свою очередь, отдаютъ землю мелкими участками въ аренду крестьянамъ; поля непосредственно уступаются рабочимъ за извѣстную плату, но обширное пространство дайры, которое, конечно, было бы распахано, если бы оно принадлежало феллахамъ, теперь остается невоздѣланымъ. Для непосредственной эксплоатации удѣльныхъ земель кредиторы хедива прибѣгаютъ либо къ наемнымъ, состоящимъ на жалованье, рабочимъ, либо къ агентамъ или подрядчикамъ, которые заключаютъ условіе съ сельскими старостами о поставкѣ извѣстнаго количества рабочихъ рукъ. Работа оплачивается правильными денежными выдачами или личными подарками, дѣлаемыми старшинамъ рабочихъ партій: отъ безвозмездной барщины до жалованья, опредѣленного по добровольному взаимному соглашенію между работникомъ и нанимателемъ, практикуются всевозможные способы вознагражденія за трудъ. Но столько посредниковъ должны получать свою долю барыша въ культурѣ вице-королевскихъ имѣній, столько заинтересованныхъ, якобы содѣйствовавшихъ, подъ разными титулами, «возрожденію Египта», требуютъ награды за свои добрыя услуги, что окончательный доходъ съ этихъ земель, славящихся своимъ необычайнымъ плодородіемъ, сводится къ сущей бездѣлицѣ: онъ не достигаетъ 60 франковъ съ гектара (0,92 десятины), и даже оказывается дефицитъ, если къ годовымъ расходамъ прибавить уплату процентовъ погашенія по прежде заключеннымъ займамъ.

Состояніе владѣній въ моментъ передачи ихъ въ вѣдѣніе кредиторовъ 31 октября 1878 года:

Площадь земель, воздѣлываемыхъ непосредственно—77.020 гектаровъ. Площадь земель, сдаваемыхъ въ аренду—53.719 гектаровъ; площадь полей, отдаваемыхъ рабочимъ—15.068 гектаровъ; площадь земель необработанныхъ—32.940 гектаровъ; всего—178.747 гектаровъ.

Различію порядка землевладѣнія между имѣніями высокопоставленныхъ лицъ и хараджевыми участками мелкихъ землевладѣльцевъ соответствуетъ во многихъ мѣстахъ различіе способовъ орошениія. Съ точки зрењія ирригациіи нужно строго различать земли *себи* и земли *нили*. Эти послѣднія, какъ показываетъ самое ихъ название, суть поля, которыя сплошь, на всемъ ихъ протяженіи, покрывались бы разливомъ рѣки, если бы его не сдерживали береговые плотины, и на которыя проникаютъ, путемъ просачиванія, глубокія воды, выходящія либо изъ самой рѣки, либо изъ каналовъ, естественныхъ или вырытыхъ на небольшой глубинѣ подъ поверхностью почвы. Самые глубокіе рвы имѣютъ уровень отведенной воды на 4 метра ниже воздѣланыхъ земель; они наполняются только въ періодъ наводненія и высыхаютъ въ періодъ низкихъ водъ. Въ прош-

¹⁾ Mackenzie Wallace, „Egypt and the Egyptian Question“.

ломъ столѣтіи весь Египетъ былъ орошаемъ исключительно при помощи послѣдовательныхъ бассейновъ, расположенныхъ уступами на обоихъ берегахъ рѣки и получающихъ воду че-резъ нильские каналы (нили)¹⁾; и теперь еще болѣе трехъ четвертей обработанныхъ равнинъ Верхняго Египта получаютъ орошеніе посредствомъ системы этого рода каналовъ. Что касается каналовъ сефи, то-есть «лѣтнихъ», которые всѣ новѣйшаго происхожденія, то они вырыты ниже средняго уровня меженіиныхъ водъ, отъ 8 до 9 метровъ ниже почвы, такъ что вода проникаетъ туда даже въ самое сухое время года; въ области Верхняго Египта ихъ проводятъ параллельно рѣкѣ, по очень пологому скату, такъ чтобы они скоро достигали уровня подлежащихъ орошенію земель. Въ Нижнемъ Египтѣ, гдѣ система ирригационныхъ каналовъ совершенно исчезла, лѣтніе каналы (сефи) повсюду остаются ниже уровня земель, такъ что ирригационную воду приходится поднимать на требуемую высоту посредствомъ паровыхъ насосовъ, сакіе или шадуфовъ. Одинъ изъ этихъ каналовъ сефи есть знаменитый каналъ Махмудіе, берущій воду изъ Нила, чтобы орошать краевыя поля пустыни до города Александрии, и служащій въ то же время большимъ судоходнымъ путемъ; но частію засоренный иломъ, онъ уже не имѣеть достаточной глубины, при которой могло бы установиться правильное теченіе, и наполненіе канала до надлежащаго уровня производится при помощи паровыхъ машинъ, установленныхъ въ Атфехѣ, на Розетской вѣтви Нила. Даміетская вѣтвь тоже питаетъ большое число лѣтнихъ каналовъ, благодаря своему относительному возвышенію надъ равнинами дельты.

Первые попытки культуры при помощи лѣтнихъ каналовъ сдѣланы были при Могамедѣ-Али, когда начали разводить плантации хлопчатника; и теперь еще на земляхъ сефи, орошаемыхъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ передъ наступленіемъ обыкновенного наводненія, получаются почти исключительно продукты большой цѣнности: кунжутъ, сахаръ, хлопокъ. Оттого мелкая земельная собственность не имѣеть никакого участія въ пользованіи этими пространствами, орошамыми во время низкихъ водъ въ рѣкѣ: высокопоставленыя лица государства, да богатые заимодавцы, которымъ Египетъ платить проценты по долгамъ, одни только и пользуются этими жатвами промышленныхъ растеній. А между тѣмъ, не одни они несутъ расходы по содержанію лѣтнихъ каналовъ, расходы громадные, ибо грязь, скоплиющаяся во рвахъ, мало-по-малу заполняетъ ихъ во многихъ мѣстахъ; одного года было бы достаточно, чтобы превратить каналъ сефи въ простой каналъ нили, если бы многочисленные

отряды феллаховъ не были употребляемы въ теченіе недѣль и мѣсяцевъ на работы по расчисткѣ каналовъ. Совокупность каналовъ сефи представляетъ массу вынутой земли, равную полутонной массѣ, вынутой при прорытіи Суэзскаго канала, и каждый годъ количество земли и ила, которое нужно снова перемѣщать для очистки лѣтнихъ каналовъ, доходить до трети первоначальныхъ выемокъ. Для этихъ громадныхъ работъ требуется содѣйствіе всего населенія; такъ какъ однодневнаго труда феллаха достаточно, въ среднемъ, только для перемѣщенія кубического полметра въ исключительно благопріятныхъ обстоятельствахъ, то число рабочихъ дней, потребное для исполненія всего дѣла, нужно считать десятками миллионовъ: въ 1872 году инженеръ Линанъ-де-Бельфонъ оцѣнивалъ въ 450.000 человѣкъ число рабочихъ, употребляемыхъ каждый годъ, въ продолженіе, среднимъ счетомъ, двухъ мѣсяцевъ, для очистки лѣтнихъ каналовъ¹⁾, и каждый феллахъ долженъ, сверхъ того, заниматься расчисткой нильскихъ каналовъ своей общины, такъ же какъ расчисткой частной канавы, привносящей воду на его собственное поле. Для одного только канала Махмудіе Могаммедъ-Али употреблялъ 313.000 человѣкъ изъ категоріи обязанныхъ нести натуральныя повинности²⁾.

Но это еще не все: исключительно большие разливы Нила могли бы быть страшнымъ бѣдствіемъ для страны, если бы охранительныя плотины не содержались съ надлежащей заботливостію и не были возвышаемы въ опасныхъ обстоятельствахъ. Въ 1874 году всѣмъ лѣтнимъ культурамъ, каковъ сахарный тростникъ, хлопчатникъ, дурра, маисъ, грозило совершенное истребленіе, и все богатство страны могло бы разомъ, если бы населеніе, движимое чувствомъ общей опасности, не защищилось тотчасъ же противъ все выше и выше поднимавшихся водъ рѣкѣ. Въ теченіе слишкомъ мѣсяца семьсотъ тысячъ человѣкъ трудились надъ укрѣпленіемъ и возвышениемъ земляныхъ насыпей, такъ чтобы постоянно давать отпоръ наступающей рѣкѣ. Часто цѣлая треть населенія была занята одновременно этой борьбой съ Ниломъ; въ нормальные годы правительство призываетъ 160.000 подлежащихъ исполненію натуральныя повинности феллаховъ, которые раздѣляются почти поровну между Верхнимъ и Нижнимъ Египтомъ³⁾. Непрестанная борьба для приспособленія почвы къ рѣчнымъ водамъ только въ рѣдкихъ случаяхъ имѣть характеръ добровольнаго труда, предпринимаемаго населеніемъ по собственному почину. Потребованные на эту барщинную работу и не получая отъ правительства никакого вознаграж-

¹⁾ „Mémoire sur les principaux travaux d'utilité publique exécutés en Egypte“.

²⁾ Félix Mengin, „Histoire de l'Egypte“.

³⁾ Rousseau, цитированное сочинение.

деня или подарка, кромъ выдаваемыхъ отъ казны лошады и корзины, сплетенной изъ пальмовыхъ листьевъ,—крестьяне сельскихъ общинъ отправляются въ согрое на верфь, предшествуемые своимъ шейхъ-эль-беледомъ, или старшиной, и часто въ сопровождениі женщинъ и дѣтей: импровизированные лагери разбиваются на краю плотины, и рабочие спускаются въ каналъ, чтобы копаться въ грязи и переносить на головы корзины земли на высоту десяти, двѣнадцати, даже шестнадцати метровъ, до обратной стороны береговой насыпи: женщины занимаются стряпней, то-есть пекутъ лепешки изъ дурры на очагѣ, который топится коровьимъ каломъ; дѣти играютъ въ пескѣ; вооруженные солдаты молча расхаживаютъ по плотинѣ. Вполнѣ естественно, чтобы почти всѣ жители выходили разомъ на работы по исправленію ирригационныхъ каналовъ: вѣдь изъ нильской грязи рождаются богатства Египта; въ этомъ отношеніи все населеніе солидарно; каналы, приносящіе плодовитую воду и безъ которыхъ прибрежные жители были бы обречены на голоданіе, представляютъ количество труда столь значительное, что содержаніе ихъ должно быть национальнымъ дѣломъ. Но нужно было, чтобы это дѣло, въ исполненіи кого-либо принимаютъ участіе всѣ труженики, было действительно дѣлаемо въ интересѣ всѣхъ; нужно, чтобы оно приносило пользу не только нѣсколькимъ крупнымъ имѣніямъ, но также и мелкимъ крестьянскимъ хозяйствамъ; справедливость требуетъ, чтобы оно не ложилось всей своей тяжестью на земледѣльцевъ, которые слишкомъ бѣдны, чтобы выкупить свой трудъ; следовало бы устроить такъ, чтобы несчастнымъ рождшимся въ грязи на днѣ каналовъ, не приходилось терпѣть голодъ, и чтобы эпидемія не производили опустошеній въ ихъ рядахъ: не турбантъ долженъ бы быть давать такъ рабо-тѣ! Памятники древняго Египта рассказываютъ намъ со временемъ глубокой древности, восходящей за шесть тысячъ лѣтъ, печальную исторію феллаха, согбенного подъ тяжестью корзины съ грузомъ, тогда какъ надъ головой его носится плеть надзирателя: хотя имена перемѣнились, но эта форма античнаго рабства существуетъ и до сихъ поръ. Какъ писалъ арабскій полководецъ Амру калифу Омару, египетскій народъ, «кажется, предназначенъ работать только для другихъ, не пользуясь самъ плодами своихъ трудовъ».

Мало найдется въ свѣтѣ странъ, гдѣ бы старинные обычай, трудно приспособляющіеся къ новымъ временамъ, представляли болѣе разительный контрастъ съ пріемами, примѣнявшими современной цивилизацией. Въ то время какъ античный способъ культуры остается до сихъ такимъ же, какимъ онъ былъ при фараонахъ, въ то время какъ крестьяне, сообразуя свою полевую работы съ разливомъ Нила, па-

шутъ, сѣять и жнуть по-прежнему въ тѣ же сроки, пользуются такими же первобытными орудіями, воздѣлываютъ тѣ же самые сорты хлѣбныхъ злаковъ, ёдить такой же хлѣбъ—новое земледѣліе черпаетъ воду прямо изъ реки паровыми машинами, культивируетъ экзотическія растенія Индіи или Нового Свѣта, употребляетъ усовершенствованные плуги, жнеи, молотилки и другія земледѣльческія машины. Для удобренія почвы крестьяне не имѣютъ ничего, кромъ птичьаго помета, который имъ доставляютъ миллионы голубей, кружащихся надъ хлѣбными полями; коровий калъ все еще утилизируется какъ топливо въ деревняхъ, смѣшиваемый нынѣ съ верблюжьимъ каломъ, между тѣмъ какъ агрономы выписываютъ изъ Европы и Америки фосфаты и гуано, химически приготовляемые для цѣлей удобренія. Желѣзныя дороги проходить подъ убогихъ землянокъ; стальные мосты самой смѣлой конструкціи перекинуты черезъ каналы и рукава Нила, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ феллахи должны переправляться черезъ эти воды вплавь, наматывая свою тунику въ формѣ чалмы вокругъ головы, или сидя на циновкѣ изъ пальмовыхъ листьевъ, поддерживаемой пустынными кувшинами или выдолбленными тыквами, обернутыми сѣтью, или на связанныхъ вмѣстѣ пучкахъ травы, которые онъ направляетъ, устроивъ парусъ изъ своей рубахи ¹⁾). Наконецъ, въ полной пустынѣ, среди песковъ и болотъ, маяки съ электрическими фонарями, эти «солнца христіанъ», какъ ихъ называютъ правовѣрные, освѣщаютъ между Средиземнымъ моремъ и Аравійскимъ заливомъ тотъ судоходный путь, который даже въ нашу эпоху гигантскихъ предприятій есть самое грандиозное созданіе человѣческой индустріи.

Извѣстно, что каналъ между двумя названными морями, существовавшій, можетъ-быть, въ видѣ естественнаго пролива въ теченіе короткаго периода четверичныхъ (постплющеновыхъ) вѣковъ, былъ восстановленъ косвенно фараонами девятнадцатой династіи, слишкомъ три тысячи триста лѣтъ тому назадъ. Одна легенда, передаваемая Страбономъ, приписываетъ прорытіе канала Сезострису. Геродотъ рассказываетъ намъ, что Некоѣ, сынъ Псамметиха, велѣлъ начать близъ Бубаста каналъ, который огибалъ горы каменоломень, то-есть Джебель-Мокаттамъ, и направлялся на востокъ, чтобы достигнуть Аравійскаго залива: уже сто двадцать тысячъ рабочихъ перемерли, трудясь надъ копаніемъ этого канала, отведенного изъ Нила, какъ вдругъ оракулъ остановилъ работы, «производимыя, сказалъ онъ, на пользу варвара». Въ самомъ дѣлѣ, это былъ чужеземецъ, персидскій царь Дарій, который установилъ сообщеніе между Ниломъ и заливомъ Ар-

¹⁾ Norden; — Ernest Desjardins, рукоюисная замѣтка.

синое, и, следовательно, между Средиземнымъ и Чернымъ морями, посредствомъ хорошо вырытаго канала, «достаточно широкаго, чтобы могли разойтись двѣ триремы», говорить Геродотъ. Больѣ того—Дарій, по свидѣтельству Діодора Сицилійскаго, имѣлъ мысль провести каналъ отъ моря до моря, между Пелузскимъ заливомъ и водами моря Эритреискаго; кажется даже, что работы по осуществленію этого плана были уже начаты, такъ какъ до сихъ поръ еще видны берега (высотой около 5 метровъ) рва, имѣвшаго отъ 50 до 60 метровъ ширины, которой направлялся отъ озера Тимсахъ къ Эль-Кантара черезъ Гирсь¹); но затѣмъ явилось опасеніе, какъ бы «воды Краснаго моря, поверхность котораго лежитъ выше уровня земель Египта», не затопили всей страны, и прорытіе канала было оставлено На берегахъ канала, у Суэца, были воздвигнуты памятники, носящіе надписи на четырехъ языкахъ: персидскомъ, лидійско-скиескомъ, ассирийскомъ и египетскомъ; надписи эти рассказываютъ о безплодныхъ попыткахъ Дарія осуществить грандиозное предпріятіе, доведенное въ наши дни до благополучнаго конца²). Опасеніе персидскаго царя, которое еще до половины девятнадцатаго столѣтія раздѣлялось большинствомъ европейскихъ инженеровъ, стать вполнѣ понятнымъ, если мы скажемъ, что средняя высота южныхъ водъ дѣйствительно превышаетъ высоту средиземноморскаго бассейна передъ Пелузумомъ: въ часы отлива равенство почти полное между обоими уровнями, но въ часы прилива Красное море поднимается выше, иногда даже на два съ половиной метра въ исключительныхъ случаяхъ. Во времена Дарія теченіе, производимое въ каналѣ съ юга на сѣверъ разностью уровней, было, безъ сомнѣнія, сильнѣе, чѣмъ въ наши дни, такъ какъ переехъ былъ тогда уже.

Осаждавшійся иль постепенно наполнялъ этотъ Нильскій каналъ, и пески засыпали ровъ, прокопанный черезъ порогъ перешейка; однако, память объ исполненныхъ работахъ не исчезла, и многие государи Египта стремились, какъ къ предпріятію славному по преимуществу, къ осуществленію проекта соединенія двухъ морей. Птоломей II, говорить, восстановилъ каналъ, и некоторые писатели полагали, на основаніи текстовъ—впрочемъ, недостаточно ясно выраженныхъ—Страбона и Діодора Сицилійскаго, что прорѣзъ былъ сдѣланъ прямо отъ залива до залива: искусно устроенные ворота съ шлюзами позволяли баркамъ проходить безъ того, чтобы вода затопляла низменныя земли. Однако, торговля между двумя морями была, вѣроятно, не настолько значительна, чтобы

стоило заботиться о содержаніи въ исправности проходовъ и шлюзовъ; утверждали, что въ царствованіе Клеопатры этотъ судоходный путь, должно быть, былъ уже снова заперть, такъ какъ, по словамъ Плутарха, эта царица пыталась перевезти свои корабли сухимъ путемъ въ Красное море, чтобы убѣжать отъ Октавія со всѣми своими сокровищами. Впрочемъ, возможно, что каналъ еще существовалъ временно въ теченіе периода нильскихъ разливовъ: когда царица хотѣла бѣжать, это былъ какъ разъ периодъ низкаго стоянія воды и каналъ былъ сухой¹). Послѣ Птоломеевъ пришла очередь римскихъ завоевателей мечтать о соединеніи двухъ морей. Траянъ, ознаменовавшій свое царствованіе многими великими предпріятіями, велѣлъ также приступить къ работамъ по устройству канала въ Египтѣ, и при императорѣ Адріанѣ суда уже плавали по «Траяновой рѣкѣ», вырытой, какъ и прежняя рѣка Некоса, между Ниломъ, озеромъ Тимсахъ и Горькими озерами, въ поясѣ пустыни, который тянется вдоль воздѣланныхъ земель. Какъ справедливо замѣчаетъ Летронъ, эксплоатацией обширныхъ порфировыхъ каменоломенъ въ Клавдіевой горѣ была бы непонятна, если бы не существовало канала отъ моря до рѣки, позволявшаго отправлять водой громадные монолиты, выдѣлываемые изъ горы; очевидно, невозможно было бы перевозить ихъ въ долину Нила черезъ горы и скалы «Аравійской» цѣпи. Каналъ Траяна строился такъ, чтобы быть долговѣчнымъ, какъ большинство римскихъ сооруженій, и дѣйствительно онъ сохранился въ теченіе многихъ столѣтій: Макризи разсказываетъ, что суда проходили имъ еще въ первыя времена исламизма. Когда полководецъ калифа Омара, Амру, овладѣлъ Египтомъ, этому арабскому завоевателю нужно было только велѣть вновь прокопать Траянову рѣку и отстроить на ней шлюзы. Но честолюбіе егошло дальше: онъ хотѣлъ открыть прямой каналъ изъ Чернаго моря въ Фараму, на берегахъ Пелузского залива, для чего можно было утилизировать прорѣзы, сдѣланнныя Даріемъ и Птоломеями; но Омаръ, опасаясь, говорятъ, чтобы греки не воспользовались этимъ средствомъ сообщенія для нападенія на пилигримовъ, отправляющихся въ Мекку, отказалъ въ просимомъ разрешеніи. Каналъ, реставрированный Амру, просуществовалъ недолго: спустя сто тридцать три года, онъ былъ закрытъ, по приказанію калифа Абу-Джафаръ-эль-Мансура, чтобы воспрепятствовать одному мятежнику получать этимъ путемъ продовольствие для своихъ военныхъ силъ. Съ этой эпохи и до новыхъ временъ, въ продолженіе около одиннадцати столѣтій, медленная работа природы постепенно уничтожала дѣла

¹) Linant de Bellefonds, цитированное сочиненіе;—Ferdinand de Lesseps, „Percement de l'Isthme de Suez“.

²) Mariette:—Oppert, „Mémoire sur les relations de l'Egypte et de l'Abyssinie“.

¹) Letronne, „Recueil d'inscriptions grecques et latines“;—Ferret et Galinier, „Voyage en Abyssinie“.

рукъ человѣческихъ: дома, шлюзы, запруды иѣкоторыхъ мѣстахъ, близъ Суэца, древнія исчезли; рвы были заполнены иломъ и пескомъ, плотины, построенные изъ такихъ массивныхъ тогда какъ на мѣстѣ высокихъ береговъ образо-

Улица въ старомъ городѣ Каира.

вались лужи стоячей воды; форма побережья измѣнилась на озерахъ и заливахъ, но остались еще многочисленные слѣды прежнихъ сооружений, египетскихъ, римскихъ и арабскихъ; въ

за натуральныя скалы, поднимаются до высоты 6 метровъ надъ уровнемъ окружающей равнины. Это, вѣроятно, запрудѣ, остатки которой видны еще до сихъ поръ, порогъ Гисра и обя-

занъ своимъ арабскимъ названіемъ, означающімъ «плотину».

Въ то время, какъ пески и грязи стирали съ лица земли сооруженія фараоновъ и Птоломеевъ, Траяна и Амру, константинопольскіе султаны, сдѣлавшіеся владѣтелями Египта, часто строили планы возобновленія работы своихъ предшественниковъ; но проектъ реставраціи канала изъ области предположеній перешелъ на практическую почву только со временемъ французской экспедиціи: тогда, какъ извѣстно, въ Египетъ высадилась плеяда людей, проникнутая страстнымъ желаніемъ совершиТЬ великія дѣла, и однимъ изъ самыхъ грандіозныхъ ей казался планъ соединенія двухъ морей. Леперъ и другіе ученые тотчасъ же принялись за работу, чтобы произвести нивелировку поверхности Суэзскаго перешейка и узнать точнымъ образомъ условія, въ которыхъ могло бы быть начато задуманное дѣло. Къ несчастію, результаты этого изслѣдованія были искажены досадной ошибкой, вкравшейся въ работы нивелированія. Леперъ, на основаніи своихъ измѣреній, пришелъ къ тому выводу, что уровень Краснаго моря превышаетъ на 9,908, или почти на 10 метровъ, уровень Средиземнаго, и подъ влияніемъ этой грубой погрѣшности присоединился къ ошибочному взгляду древнихъ, которые опасались для низменныхъ земель средиземного побережья разлитія водъ Чернаго моря черезъ путь, который былъ бы имъ открыть. Вслѣдствіе этого, онъ отказался предложить прорытіе непосредственнаго морскаго канала, хотя и признавалъ большія выгоды, какія получились бы для всемѣрной торговли отъ соединенія двухъ морей глубокимъ рвомъ, неподверженнымъ измѣненію уровня въ зависимости отъ поднятія и спада водъ въ Нилѣ¹⁾). Возвращаясь къ плану фараоновъ, онъ предлагалъ устройство канала, глубиной отъ 4 до 5 метровъ, направляющагося изъ Каира въ Суацъ четырьмя расположеннымъ на различной высотѣ, въ видѣ ступенекъ, и соединеннымъ между собой бассейнами, изъ которыхъ два будутъ наполнены пресной водой Нила, а два другіе—соленою водой Краснаго моря; кромѣ того, этотъ каналъ долженъ быть дополненъ судоходнымъ путемъ, прорытымъ отъ вершины дельты до Александрійскаго порта. Пригодный лишь для плаванія нильскихъ барокъ, каналъ, проектированный Леперомъ, могъ бы служить какъ средство сообщенія между двумя морями только во время высокаго стоянія воды въ рѣкѣ.

Пребываніе французовъ въ Египтѣ было слишкомъ непродолжительно, чтобы дѣло могло быть начато, но мысль о раздѣленіи Африки и Азіи новымъ Босфоромъ не была оставлена,

она даже сдѣлалась докладомъ новой религіи: сент-симонисты ввели ее въ свой символъ вѣры, какъ одну изъ задачъ своей апостольской дѣятельности. Съ 1825 года они обсуждали этотъ вопросъ въ своихъ газетахъ и журналахъ, и когда многие изъ нихъ принуждены были покинуть Францію, изученіе Суэзскаго канала было одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ, заставившихъ ихъ направиться на Востокъ. Впослѣдствіи, когда сент-симонистская религія перестала существовать, но когда большинство ея бывшихъ послѣдователей сдѣлалась людьми, сильными въ мірѣ промышленности, мысль о прорытіи Суэзскаго перешейка нашла между ними наиболѣе ревностныхъ поборниковъ. Наконецъ, общественное мнѣніе по этому вопросу сдѣлалось настолько настойчивымъ, что признали нужнымъ приступить къ новому нивелированію, контролирующему изслѣдованіе Лепера, результаты которого многіе ученые, между прочимъ, Лапласъ и Фурье, всегда считали ошибочными¹⁾). Въ 1847 году составилось европейское общество специалистовъ для производства изысканій на мѣстѣ, и подъ руководствомъ инженеровъ Линана, Талабота, Бурдалу, почва перешейка была пронивелирована на всемъ протяженіи отъ Суэза до Пелузума, на этотъ разъ уже окончательнымъ образомъ: съ этого времени былъ установленъ вѣтъ всякаго сомнѣнія тотъ фактъ, что за исключеніемъ неравенствъ, производимыхъ приливами и обуславливающихъ иѣкоторое преувеличеніе средняго уровня въ Суэзскомъ заливѣ, воды представляютъ лишь незначительную разность уровней въ обоихъ моряхъ, какъ показываютъ слѣдующія, найденные изслѣдователями числа:

Уровень Средиземнаго моря у Тине, на Пелузскомъ заливѣ: при низкомъ стояніи воды—0,0 метр., при высокомъ стояніи воды—0,38 метр.

Уровень Краснаго моря у Суэза: при низкомъ стояніи воды—0,7414 метр., при высокомъ стояніи воды—2,0886 метр.

Операциіи нивелировки, произведенной подъ руководствомъ Бурдалу, были затѣмъ провѣрены въ 1853, 1855 и 1856 годахъ, и результатъ каждый разъ получался почти тождественный.

Казалось бы, что послѣ доказательства этого столь важнаго факта физической географіи оставалось только приступить къ прорытію прямаго канала; однако, первый проектъ, представленный однимъ изъ сотрудниковъ въ предпріятіи нивелированія, Поленомъ Талаботомъ, предлагалъ постройку канала изъ Суэза въ Александрію черезъ Каиръ. Этотъ проектъ, недавно вновь выдвинутый иѣкоторыми англій-

¹⁾ Linant de Bellefonds, цитированная статья;—Ferdinand de Lesseps, „Percement de l'isthme de Suez“.

¹⁾ Ferd. de Lesseps, „Percement de l'isthme de Suez. Exposition et documents“, 2 серія. 1856.

скими инженерами, въ противоположность нынѣ существующему Суэзскому каналу¹⁾, предвидѣль устройство расположенныхъ уступами бассейновъ и шлюзовъ, чтобы подняться съ той и другой стороны до уровня Нила выше бифуркаціи: кромѣ того, пришлось бы устроить запоры, для сопротивленія рѣчнымъ наводненіямъ, и перекинуть бечевной мостъ на Ниль, между двумя половинами канала, для буксированія судовъ отъ одного берега до другаго. Съ точки зренія судоходства этотъ прѣноводный каналъ Нижняго Египта, очевидно, не можетъ сравниться съ морскимъ каналомъ перешейка, вырытымъ безъ шлюзовъ и почти втрое болѣе короткимъ; но главная польза предлагаемаго нового канала, существующаго имѣть около 100 километровъ длины, состояла бы въ орошениі дельты. Однако, въ виду того, что интересы судоходства и ирригациіи земель совершенно различны и даже противоположны, такъ какъ судовщики требуютъ низкаго уровня для своего канала, тогда какъ земледѣльцамъ выгодно провести русло своей искусственной рѣки на возможно большей высотѣ,—было бы неблагоразумно строить каналъ, существующій удовлетворить двумъ противорѣчашимъ одна другой цѣлямъ;ѣроятно, что если прибрежныя земли дельты когда-либо будутъ заперты кругообразнымъ рвомъ, то этотъ каналъ будеть утилизироемъ только для цѣлей орошениія и мѣстной торговли.

Наконецъ, сultанскій фирмансъ, разрѣшившій прорытіе прямаго канала отъ моря до моря, былъ подписанъ въ 1854 году. Государь, подписавшій актъ концессіи, не вѣрилъ въ возможность исполненія этого проекта, и даже между инженерами, работавшими въ великомъ дѣлѣ соединенія двухъ морей, многимъ недоставало убѣденія, которое должно бы было поддерживать ихъ въ задуманномъ предпріятіи. Но человѣкъ, въ пользу которого было подписано фирмансъ, Фердинандъ де-Лессепсъ, обладалъ непоколебимой вѣрой и настойчивой волей. Ничто не могло обезкуражить его—ни финансовые затрудненія, ни слабость друзей, ни противодѣйствіе, скрытое или явное, противниковъ. Правительство Великобританіи, недовольное тѣмъ, что открывается къ Индіи прямой путь, относительно котораго оно не было уѣрено, что будетъ обладать современемъ его ключемъ, тоже было въ числѣ враговъ смѣлага проекта Лессепса. Но и оно, въ свою очередь, должно было признать себя побѣжденнымъ, въ 17 ноября 1869 года цѣлая эскадра пароходовъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ въ видѣ праздничнаго кортежа, перевозила знатныхъ иностранцевъ, гостей хедива, изъ Портъ-Саїда на озеро Тимсахъ. Пятнадцати лѣтъ было до-

статочно, чтобы осуществить это гигантское предпріятіе; но чтобы привести его къ желанному концу, нужно было изобрѣтать новые пріемы производства работъ, новые снаряды и машины; израсходована была сумма въ 472 миллиона франковъ, около половины которой покрыто подпиской во Франціи, и, сверхъ того, египетское правительство содѣствовало осуществленію предпріятія многочисленными услугами: уступкой земель, постройкой маяковъ, выдачей денегъ въ займы безъ процентовъ, доставкой подлежащихъ барщинъ рабочихъ,—услугами, которыя въ общей сложности представляли капиталъ по меньшей мѣрѣ въ сотню миллионовъ. Въ среднемъ, число туземцевъ, употреблявшихся на работы по прорытію канала, простидалось до 20.000 человѣкъ.

Этотъ новый морской путь, настоящій проливъ, куда заходятъ китообразныя и акулы и где встрѣчаются эритреиские и средиземноморскіе виды флоры и фауны, имѣть размѣры, которые въ свое время казались огромными и которые теперь признаются уже недостаточными. Длина канала отъ моря до моря 164 километра, ширина между берегами отъ 60 до 100 метровъ, ширина на днѣ 22 метра, глубина нигдѣ не меньше 8 метровъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаетъ 8 съ половиной; землечерпательные суда постоянно заняты извлечениемъ песка и грязи, увлекаемыхъ на дно ударомъ волнъ о берега. Объемъ вынутой при прорытіи канала земли, не считая послѣдующихъ драгажей, которые составляютъ около 600.000 кубич. метровъ въ годъ, представляетъ массу въ 83 миллиона кубич. метровъ, или пирамиду, имѣющую километръ въ сторонѣ основанія и 250 метровъ въ высину. Изъ простаго болота Тимсахъ, или «озера Крокодиловъ», откуда эти животныя давно уже исчезли, превратилось во внутреннее море; бассейнъ Горькихъ озеръ получилъ изъ Краснаго моря водную массу, исчисляемую въ два слишкомъ миллиарда кубич. метровъ; громадныя соляныя банки, наполнявшія эти озера, постепенно растворяются отъ дѣйствія поперемѣнныхъ теченій канала. По истинѣ грандиозное зрѣлище представляетъ этотъ каналъ между двумя откосами дюнъ, въ Гисрѣ, поднимающихся съ той и другой стороны на высоту 15 метровъ надъ уровнемъ воды, и легко понять чувство удивленія, охватывающее наблюдателя, когда онъ, взойдя на верхушку маяка въ Портъ-Саїдѣ, видитъ у себя подъ ногами правильно построенный, въ родѣ шахматной доски, городъ, расположенный на пескѣ, обширный портъ съ его доками и боковыми бассейнами, кишащими садами, бѣлые жете, теряющіяся вдали въ синевѣ моря, а тамъ, внутри материка, среди дюнъ и болотъ, колоссальные пароходы, пловучіе дворцы, которые кажутся идущими по землѣ, движимые какою-то волшебной силой.

¹⁾ John Fowler and Benjamin Baker, „A sweet-water ship-channel through Egypt Nineteenth Century“, № 71, Jan. 1883.

Судоходство по Суэзскому каналу быстро разрослось до такихъ размѣровъ, какихъ и не ожидали его строители. Парусные суда не могли бы, безъ помоши баксирныхъ пароходовъ, ни спускаться, ни подниматься по Красному морю, противъ южныхъ или сѣверныхъ вѣтровъ, дующихъ прямо по направлению залива; но для сообщенія съ Индіей парусъ былъ замѣненъ паромъ; созданы были специальные флоты пакетботовъ для правильныхъ заокеанскихъ рейсовъ черезъ Суэзскій каналъ и Черное море, и средняя вмѣстимость судовъ, выражаемая количествомъ тоннъ, возрастаетъ изъ года въ годъ, какъ показываютъ слѣдующія цифры:

Движеніе судоходства по Суэзскому каналу:

Года.	Число судовъ.	Валовая вмѣстим.	Чистая вмѣстим.	Плата за проходъ.
		тоннъ.	тоннъ.	франк.
1870.	486	654.915	436.609	5.159.327
1875.	1.494	2.940.708	2.009.984	28.884.300
1880.	2.026	4.344.519	3.057.421	39.840.487
1883.	3.307	8.051.307	5.775.861	68.523.345

Средняя вмѣстимость судовъ: въ 1870 г., 1.343 тонны; въ 1877 г., 2.015 тоннъ.

Средняя проходная пошлина съ судна: 20.720 франк.

Число пассажировъ, перевезенныхъ въ 1883 г.: 119.177.

Въ 1883 году только одно парусное судно во весь годъ прошло каналомъ изъ моря въ море, тогда какъ каждый день, среднимъ числомъ, десять пароходовъ проходили этимъ путемъ.

Въ 1894 г. судоходство по Суэзскому каналу выразилось въ такихъ цифрахъ:

Число судовъ 3.541, вмѣстимостью въ 7.659.000 тоннъ, пассажировъ перевезено 189.809.

Доля флаговъ, участвовавшихъ въ судоходствѣ по Суэзскому каналу въ 1883 году:

Англійскія суда, вмѣстимостію—6.136.847 тоннъ; французскія суда, вмѣстимостію—782.133 тоннъ; нидерландскія суда, вмѣстимостію—309.583 тоннъ; нѣмецкія суда, вмѣстимостію—213.666 тоннъ; другихъ націй суда, вмѣстимостію—609.078 тоннъ.

Въ виду этого постоянного и быстраго возрастаія судоходства, оказывается необходимымъ увеличение судоходнаго пути: нужно срѣзать слишкомъ рѣзко выступающіе изгибы канала, какъ уже сгладили двойной поворотъ у Гисра, дать большую глубину фарватеру, докончить обшивку камнемъ береговъ, песокъ которыхъ, слишкомъ рыхлый, легко размываетъся и подгачивается течениемъ, вырыть порты въ прибрежныхъ озерахъ; особенно необходимо расширить путь, такъ чтобы не было необходимости въ побочныхъ разѣздныхъ путяхъ, устроенныхъ на нынѣшнемъ каналѣ, во избѣженіе встрѣчи судовъ, черезъ каждые десять километровъ: при сооруженіи канала предполагали, что годовое сообщеніе черезъ этотъ путь не превзойдетъ, по вмѣстимости судовъ, шести миллионовъ тоннъ, теперь же нужно предвидѣть

вдвое или даже вчетверо большее движеніе судоходства для недалекаго будущаго. Проектируютъ увеличить втрое нынѣшнюю ширину канала, такъ чтобы судамъ при встрѣчѣ не нужно было замедлять хода и чтобы остановка какого-нибудь судна посреди канала не сопровождалась загражденіемъ пути для другихъ судовъ. И именно Англія, такъ упорно противившаяся нѣкогда открытию этого нового морскаго пути, теперь настойчивѣе всѣхъ требуетъ увеличенія канала! Событія объясняютъ эту перемѣну политики. По флагу судовъ, пользующихся искусственнымъ проливомъ, этотъ послѣдній сдѣлался почти исключительно англійскимъ путемъ: около восьмой части всей виѣшней торговли Великобританіи, то-есть цѣнность свыше 2 миллиардовъ, проходитъ черезъ Суэзскій перешеекъ. Кроме того, британское правительство сдѣлалось однимъ изъ главныхъ акціонеровъ канала, а вступивъ во владѣніе Египтомъ, оно получило въ полное свое распоряженіе этотъ путь, который оно можетъ открывать или закрывать по своему усмотрѣнію, какъ это оно и сдѣлало уже передъ битвой при Тельль-аль-Кебирѣ, ни мало не заботясь о конвенціяхъ, гарантирующихъ нейтралитетъ прохода между двумя морями. Такимъ образомъ Великобританія, опасавшаяся, чтобы морская дорога въ Индію не попала въ руки ея противниковъ, успѣла обезпечить за собою обладаніе Суэзскимъ каналомъ. Но нужно надѣяться, что этого не случится съ трансконтинентальной желѣзной дорогой черезъ Малую Азію, Месопотамію, Персію,—дорогой, которая будетъ построена рано или поздно и которая превзойдетъ по важности извилистую дорогу судовъ. Этотъ будущій международный путь, по всей вѣроятности, не будетъ принадлежать Англіи.

Въ то время, какъ основываются новые города въ Египтѣ, его древніе города обращаются въ прахъ: большинство значительныхъ группъ населенія расположено въ близкомъ разстояніи отъ развалинъ, оставленныхъ бывшими столицами. Но эти уцѣлѣвшіе блоки сѣдой старины, болѣе интересные, чѣмъ большинство современныхъ городовъ, рассказываютъ намъ исторію египетскаго народа. Во многихъ местахъ убогія лачужки феллаховъ,—маленькие кубы, кирпичные или земляные, покрытые кровлей изъ тростника или террасой изъ битой глины,—едва примѣтны рядомъ съ величественными пилонами и перистилями античныхъ храмовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ началось научное изслѣдованіе страны фараоновъ, не мало прекрасныхъ памятниковъ было открыто изъ песковъ, въ которыхъ они были погребены; но много другихъ совсѣмъ исчезли съ лица земли: селитра, которую насыщены цѣски, и аллювіальная пыль разѣдають камни древ-

нихъ памятниковъ; искатели сокровищъ срываютъ стѣны; земледѣльцы, смѣшивающіе порошокъ отъ руинъ съ землей, приготвляя такимъ образомъ превосходный компостъ *себахъ*, еще болѣе разрушаютъ остатки древности. Печи для обжиганія известіи пожрали, камень за камнемъ, храмы, построенные изъ известняка; памятники изъ песчаника, материалъ которыхъ нельзя утилизировать для современныхъ построекъ, были всего болѣе пощажены. Египетскія деревни носятъ самыя разнообразныя названія, смотря по происхожденію жителей или по формѣ землевладѣнія: онѣ называются *нахіе*, *кафръ*, *эзбетъ*, *нахъ*, *абадіе* или *меншатъ*; селенія, основанныя арабами, изъ кочевниковъ превратившихся въ земледѣльцевъ, носятъ название *казлехъ*, то-есть «пристань» или колоніи. Деревни часто мѣняютъ мѣста, вслѣдствіе наводненій или нового начертанія каналовъ; нерѣдко онѣ мѣняютъ и самое название, съ переходомъ въ собственность другихъ владѣльцевъ¹⁾). Въ деревняхъ до сихъ поръ еще можно видѣть старый Египетъ: эта страна, по образному выраженію одного писателя, представляетъ своего рода «палимпсестъ, въ которомъ Библія написана поверхъ Геродота, а Коранъ поверхъ Библіи»; въ городахъ всего явственнѣе видеть Коранъ; внутри страны снова является Геродотъ²⁾.

Классическій Египетъ начинается у первого водопада, въ томъ мѣстѣ, гдѣ барки, приходящія изъ Нубіи, выгружаютъ камедь, слоновую кость и черное дерево на берегу Магатты, подъ тѣнью сикоморъ и пальмъ. Передъ этимъ мѣстечкомъ праваго берега рѣка еще имѣть ровную поверхность, какъ озеро; но вдали, по направленію къ сѣверу, уже виднѣются черныя скалы, между которыми извибаются пѣнящіяся струи водопадовъ. Прежде чѣмъ вступить въ лабиринтъ пороговъ, медленно текущія воды Нила омываютъ архипелагъ зеленѣющихъ острововъ, одинъ изъ которыхъ есть знаменитый Филе, или Филы (*Philae*), Илакъ египтянъ, священный островъ, куда была перенесена изъ Абидоса гробница Озириса: изъ всѣхъ клятвъ самою страшною считалась та, когда клялись «Озирисомъ, сущимъ въ Филахъ». Островъ этотъ очень маленький, менѣше километра въ окружности, но онъ развертывается въ видѣ красиваго овала, и во всемъ Египтѣ нѣть памятника болѣе изящнаго, чѣмъ кіоскъ (на восточномъ берегу острова), тонкія колонны котораго, съ капителями въ формѣ цвѣтовъ, соперничаятъ красотой съ стройными пальмами, которыми онъ окружентъ: это египетское зданіе времена Тиберія всего чаще воспроизводилось живописью; на немъ нѣть ни барельефовъ, ни надписей, но своей формой оно напоминаетъ

аенискій Эрехтеонъ, и мѣстность, среди которой оно стоитъ, по истинѣ очаровательна¹). Другие памятники этого острова, храмы Изиды, отстроенные послѣ завоеванія Египта Александромъ Македонскимъ, болѣе замѣчательны своими надписями, нежели архитектурой; на колоннахъ этихъ святилищъ видны еще картины, вполнѣ сохранившіяся. Островъ Филы пріобрѣлъ известность въ исторіи науки, благодаря открытому на немъ двумъ двуязычнымъ надписямъ, изъ которыхъ одна, воспроизведяшая надпись знаменитаго «Розеттскаго камня», прославляетъ, въ ёгиптическихъ и демотическихъ письменахъ, побѣды и величие Птоломея V, прозваннаго «Безсмертнѣмъ». Въ Филахъ же находился обелискъ, на которомъ Шамполіонъ, послѣ того какъ имъ была открыта тайна священныхъ письменъ, разобралъ имя царицы Клеопатры; этотъ драгоценный памятникъ, увезенный въ Европу Банксомъ и Бельцони, составляетъ теперь часть одной частной коллекціи въ Англіи²). Другая надпись въ Филахъ, относящаяся къ 8 вантозу VII года республиканскаго лѣтосчислѣнія, напоминаетъ о проходѣ первой дивизіи французской арміи, подъ начальствомъ генерала Дезе, преслѣдовавшей мамелюковъ за водопады Нила. Подземный туннель проходилъ подъ узкимъ проливомъ, отдѣляющимъ островъ Филы отъ острова Биггехъ, который въ древности тоже считался святой землей³).

Долина, черезъ которую нѣкогда изливались воды Нила, когда онѣ текли на высшемъ уровне, служить большой дорогой караванамъ, которые обходить пороги, чтобы перевезти товары сухимъ путемъ между Магаттой и Ассуаномъ: хедивъ Измаиль паша велѣлъ построить тамъ желѣзную дорогу длиной около 15 километровъ, для перевозки войскъ. О важности, которую во всѣ времена придавали этому торговому пути, существующему уже по меньшей мѣрѣ сорокъ семь вѣковъ, свидѣтельствуютъ многочисленныя надписи на разныхъ языкахъ, вырѣзанные на стѣнахъ скалъ; стратегическое значеніе его тоже было признано въ древности, какъ это доказываетъ остатокъ крѣпостной стѣны, защищавшей Сіену отъ нападеній блемміевъ. Городъ этотъ стоитъ ниже водопада на краю праваго берега рѣки и на скалистыхъ отлогостяхъ, гдѣ дома расположены амфитеатромъ. Суда, менѣе многочисленныя, однако, чѣмъ въ Магаттской гавани, тѣснятся въ Ассуанской бухточкѣ, и шеллали, или «люди катараракта», стремглавъ бросаются къ берегу, какъ только замѣтятъ, что какая-нибудь дахабіе снялась съ якоря, чтобы направиться къ порогамъ; базарь наполненъ товарами, привезен-

¹⁾ Joward, „Description de L'Egypte“; — Amici, „L'Egypte ancienne et moderne“.

²⁾ Lucy Duff Gordon, „Letters from Egypt“.

¹⁾ Ampère; — Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки.

²⁾ Amelia Edwards, „A Thousand Miles up the Nile“.

³⁾ Howard Vyse, „Operations carried on at the Pyramids of Ghizeh“.

ными изъ Нубії и съ Верхняго Нила — оружіемъ и разными украшениями, стразовыми перьями, шкурами дикихъ звѣрей, слоновой костью, деревомъ, драгоценными лѣкарственными снадобьями; рощи финиковыхъ пальмъ, въ окрестностяхъ города, доставляютъ въ изобиліи плоды, отправляемые на баркахъ въ Каиръ и въ дельту. Старое египетское название Суанъ, передѣланное арабами въ Асъ-Суанъ, сохранилось въ теченіе почти пяти тысячъ лѣтъ и подъ своей греческой формой Сіена сдѣлалось знаменитымъ въ классической древности; геологамъ это имя напоминаетъ обширный каменоломни гранита и «сіенита», которымъ изрѣзали скалы къ югу отъ города на пространство болѣе 6 километровъ, и гдѣ еще виденъ обелискъ, длиной въ 36 метровъ, на половину отдѣленный отъ каменной массы горы; астрономамъ оно говорить объ изслѣдованиихъ Эратосѳена, сдѣланыхъ слишкомъ двѣ тысячи сто лѣтъ тому назадъ. Допуская, что городъ водопадовъ находится какъ разъ подъ линіей тропика, чѣмъ не вполнѣ точно (широта Ассуана $24^{\circ}5'23''$), и констатируя тотъ фактъ, что въ Александрии тѣнь гномона равнялась одной пятидесятой въ день лѣтняго солнцестоянія, Эратосѳенъ вывелъ изъ этихъ данныхъ степень кривизны Земли и, следовательно, размѣры нашей планеты. Онъ не измѣрялъ непосредственно разстоянія, раздѣляющаго Сіену отъ Александрии, но вародъ, умѣвшій такъ же вѣрно, какъ и египтире, строить свои зданія главнымъ фасадомъ къ восходящему солнцу, долженъ быть знатъ не только разстоянія, но и точное направленіе относительно странъ горизонта, и народное исчислѣніе пространства между двумя названными городами, воспроизведенное Эратосѳеномъ, не могло значительно различиться отъ дѣйствительного. Если мѣра меридiana, взятая александрийскимъ астрономомъ, была выражена въ египетскихъ футахъ, что весьма вѣроятно, то онъ ошибся всего только на одну шестьдесятъ-пятую. Дѣйствительная длина дуги земного меридiana между Александрией и параллелью Сіены равна 787.760 метрамъ. Мѣра, найденная Эратосѳеномъ, была 810.000 метровъ¹⁾.

Островъ Элефантина, лежащий напротивъ Ассуана, по другую сторону рѣчного рукава шириной въ 150 метровъ, тоже заключалъ знаменитый городъ. Тамъ находился Абу, «городъ Слона»; можетъ-быть, впослѣдствіи, въ греческую и римскую эпохи, онъ былъ складочнымъ мѣстомъ слоновой кости, привозимой съ Верхняго Нила²⁾). Теперь на Элефантинѣ вѣтъ уже никакихъ памятниковъ древнихъ временъ: храмы ея были сломаны въ 1822 году и упо-

треблены какъ матеріалъ для построекъ; единственная еще оставшаяся древность — это нилюметръ, реставрированный въ 1870 году, да кучи античныхъ черепковъ, на которыхъ таможенные чины римской эпохи нацарапывали свои квитанціи въ полученіи пошлины; на развалинахъ выстроились двѣ барабасскія деревушки. Но зато Элефантина, которую арабы прозвали «Цвѣтущимъ» островомъ, можетъ похвастать своими великолѣпными группами финиковыхъ пальмъ и блескомъ своей зелени, составляющей яркій контрастъ съ черными скалами, стерегущими выходъ водопада.

Мѣсто, гдѣ стоялъ въ древности городъ Омбосъ, теперь указывается только однимъ селеніемъ, Комъ-Омбо, расположеннымъ на излучинѣ восточнаго берега, да руинами двухъ соединенныхъ между собой храмовъ, посвященныхъ двумъ противоположнымъ божествамъ: Горусу, богу свѣта, и Себеку, духу тьмы; воды рѣки, подтачивающей правый берегъ, скоро снесутъ камень за камнемъ и песчинку за песчинкой, эти святыни и опоясывающую ихъ дюну. Ниже деревни Комъ-Омбо, въ тѣснинѣ Сильсили или «Цѣпи», всего легче было бы устроить запруду, чтобы поднять рѣчной уровень и отбросить часть теченія въ ирригационные каналы: по этому проекту, главный ровъ долженъ сдѣлывать вдоль основанія Ливийской цѣпи, ороша всѣ земли, нынѣ безплодныя, которая простирается на западъ отъ Бахръ-Юзефа. Ущелье «Цѣпи», образуемое песчаниковыми скалами, есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ мѣсть Египта. На восточномъ берегу утесы были изсѣчены камнеломами въ видѣ аллей и цирковъ, гдѣ нельзя не подивиться искусству, съ которымъ они выбирали слои камня самого мелкаго и самого ровнаго зерна, и той тщательности, какую они прилагали къ ихъ разработкѣ. Въ этомъ отношеніи камнеломы Сильсили могутъ служить образцомъ: «кажется, говоритъ Мариеттъ, что гору расчили правильными кусками, какъ искусный плотникъ расчиливаетъ на доски стволъ драгаго дерева». На западномъ берегу утесы были менѣе тронуты ломкой, но они богаче изваяніями и надписями. Одинъ храмъ, изсѣченный въ скалѣ, заключаетъ между своими барельефами образъ богини Изиды, кормящей Горуса своимъ молокомъ: это одна изъ прелестнейшихъ картинъ, какая намъ оставила египетская древность³⁾.

Два гигантскихъ пилона издали возвѣщаютъ путешественнику близость города Эдфу, Тебѣ древнихъ, Apollonopolis magna грековъ и римлянъ. Между святынями античнаго Египта храмъ въ Эдфу наиболѣе сохранился во всѣхъ

¹⁾ Faye, "Journal officiel de la République Française", 29 avril 1881.

²⁾ Jacques de Rougé, "Textes géographiques du temple d'Edfou".

³⁾ Mariette, "Itinéraire de la Haute-Égypte"; — Charles Blanc, "Voyage de la Haute-Égypte"; — Elie Reclus, "Philosophie positive", mars, avril 1870.

своихъ частяхъ и деталяхъ, и хотя это зданіе было построено только въ эпоху Птоломеевъ, оно отличается такою чистотою линій, такою пропорціональностю и гармоніей частей, что его смѣло можно поставить на-ряду съ памятниками великихъ эпохъ египетского искусства; нигдѣ архитектурная традиція не была уважаема въ такой степени. Только благодаря песку пустыни, это чудо античного зодчества было пощажено всеразрушающимъ временемъ; когда Мариеттъ, послѣ сноса девяноста-двухъ лачужекъ, разсыпанныхъ на горкѣ храма, сгребъ песокъ, окружавшій и засыпавшій его на половину, зданіе явилось почти столь же совершеннымъ, какимъ оно было на другой день освященія и открытия; ничто въ немъ не повреждено, все сохранилось въ цѣлости, недостаетъ только нѣсколькихъ камней въ пилонахъ и кровлѣ; даже наружная ограда, скрывавшая святилище отъ взора профановъ, осталась совершенно цѣлою. Изъ входа во дворъ видишь передъ собой перспективу колоннадъ и заль, продолжающуюся почти на 130 метровъ, и во всемъ этомъ громадномъ пространствѣ нѣтъ ни одного уголка, назначение которого не объяснялось бы орнаментами, надписями и вообще всей вполнѣ сохранившейся первоначальной обстановкой; при томъ каждая зала носитъ свое особое название: одна изъ нихъ называется библіотекой, или «домомъ книгъ», и каталогъ этихъ документовъ выгравированъ на стѣнахъ залы. Впрочемъ, все зданіе само есть громадная библіотека, заключающая въ себѣ не только начертаніе молитвъ и гимновъ въ честь божественной троицы — Гаргута, Гатора и Гарпохрота, но также религиозныя сцены всякаго рода, астрономическія таблицы и рисунки, картины изъ сельского быта, изображенія осадъ и битвъ, словомъ, этотъ обширный храмъ представляетъ, такъ сказать, энциклопедію египетской исторіи и мифологіи. Но главный интересъ открытому въ Эдфу памятнику придаютъ начертанные на его стѣнахъ двадцать-семь географическихъ списковъ Египта и Нубіи, гдѣ перечислены всѣ номы или области, съ ихъ произведеніями, городами и покровительствующими божествами¹⁾: благодаря этимъ именно именемъ пополненнымъ пятнадцатью другими подобными же, болѣе или менѣе полными списками, найденными на различныхъ памятникахъ береговъ Нила, болѣе, чѣмъ на основавшіи однородныхъ свидѣтельствъ какого-либо другаго египетскаго храма, Бругшъ имѣлъ возможность возсоздать географію древн资料иго Египта²⁾). Взойда на вершину одного изъ пилоновъ, господствующихъ съ высоты 38 метровъ надъ входомъ въ храмъ, видишь у себя подъ ногами нынѣшній городокъ, шашечницу

маленькихъ кубиковъ изъ желтой земли, окружающую куполь мечети и минаретъ, зданія очень скромныхъ размѣровъ въ сравненіи съ величественнымъ храмомъ египетскихъ боговъ.

Ниже города Эдфу, открывается, на востокѣ, ущелье, которымъ спускались съ горъ грабители геруиса, предки нынѣшнихъ абабдеховъ. Для защиты отъ этихъ разбойничихъ набѣговъ, были построены поперегъ ущелья валы, и надъ входомъ его господствовала крѣость. Древня Эль-Кабъ смыла это укрѣпленіе, носившее у древнихъ египтянъ название Нехабъ, а у грековъ — Эйлетія. Между многочисленными погребальными гробами, вырытыми въ соѣдненныхъ скалахъ, особенно замѣчательны одинъ, гдѣ представлены побѣды Ахмеса или Амозиса надъ царями, пастухами и надъ племенами Эюпіи.

Ниже, долина Нила расширяется, и на лѣвомъ его берегу тянется, между полями и садами, городъ Эсне, Латополь грековъ, сохранившій еще свое первоначальное название Сни. Эсне, главный административный пунктъ провинціи и промышленный центръ, гдѣ фабрикуютъ синія бумажныя матеріи, шали, охладительные сосуды для воды и другія гончарныя издѣлія, есть одинъ изъ торговыхъ городовъ Верхняго Египта; плантациі сахарного тростника занимаютъ часть равнинъ; здѣсь показываются еще кое-гдѣ пальмы думъ; но ниже, вдоль рѣки, видишь уже только финиковая пальма. Населеніе Эсне очень смѣшанное: къ коптамъ-христіанамъ и феллахамъ-мусульманамъ здѣсь присоединяются жители пустынь, нубійцы, беджасы различныхъ племенъ; сюда же, въ Эсне, были высланы изъ Каира Могаммедомъ-Али альмеи (танцовщицы и пѣвицы), и въ этомъ городѣ онѣ и теперь еще болѣе многочисленны, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Египта. Древній храмъ въ Сни, посвященный Кнефу, «душѣ міра», былъ частію откопанъ въ 1842 г., изъ покрывавшихъ его грудъ обломковъ и песковъ, но онъ все еще больше походить на подземное святилище или катакомбу, чѣмъ на зданіе, построенное на поверхности почвы, въполномъ свѣтѣ; въ архитектурномъ и скульптурномъ отношеніи онъ далеко уступаетъ храму въ Эдфу.

Описавъ большую извилину ниже Эсне и пройдя живописную деревню Эрментъ, съ сахарными заводами, Ниль вступаетъ въ равнину, гдѣ показываются, на обоихъ берегахъ, многочисленные памятники, цѣлые или въ развалинахъ, знаменитой сиванской агломераціи, цѣлый міръ дворцовъ, колоннадъ, храмовъ и катакомбъ; нигдѣ нѣтъ такого множества религиозныхъ зданій, собранныхъ въ одномъ мѣстѣ и представляющихъ такой великолѣпный ансамбль. А между тѣмъ сохранилась только незначительная часть того огромнаго города, который носилъ название стоявшихъ Оивъ:

¹⁾ Jacques de Rougé, "Textes géographiques de temple d'Edfou", "Revue Archéologique", vol. XII.

²⁾ "Geographie des alten Aegypten".

четыре главные группы существующихъ еще руинъ ограничивають пространство, имѣющее не болѣе 12 квадратныхъ километровъ. Въ тѣ времена, когда Но, «Городъ» по преимуществу, болѣе извѣстный подъ названіемъ Паламенъ, «жилище Амона», былъ средоточіемъ торговли и могущества Египта, онъ простирался гораздо далѣе на сѣверъ, въ равнинѣ, окаймляющей правый берегъ рѣки. Во время разлива Нила группы памятниковъ возвышаются язъ видѣ островковъ среди широкой поверхности водъ.

Луксоръ (Эль-Аксорейнъ), или «два Дворца», самое многолюдное селеніе, построенное на мѣстѣ, гдѣ стояли древнія Оивы, занимаетъ лишь одну искусственную горку, груду обрушившихъ обломковъ; но въ этомъ холмѣ частію погребенъ прекрасный храмъ, который теперь откапываютъ: передъ этимъ памятникомъ стояли два обелиска, носящіе надписи въ честь Рамзеса II; теперь остался только одинъ; другой—тотъ самый, который стоитъ въ Парижѣ. Вокругъ храма видны только безформенные груды развалинъ, да воздѣланыя поля; но по направлению къ сѣверо-востоку продолжается широкая аллея, длиной около 2 километровъ, окаймленная по бокамъ пьедесталами и кое-гдѣ остатками сфинксовъ, съ туловищемъ льва, съ головой женщины, держащихъ между передними лапами изображеніе фараона Аменхотепа III. За этимъ проспектомъ слѣдуетъ аллея сфинксовъ съ головой овна, и мы находимся уже среди памятниковъ Карнака: пилоновъ, рѣзныхъ стѣнъ, нефовъ съ колоннами, обелисковъ, сфинксовъ, статуй. Въ теченіе трехъ тысячъ лѣтъ, отъ двѣнадцатой династіи фараоновъ до послѣднихъ Птоломеевъ, храмъ за храмомъ послѣдовательно воздигались на этой священной почвѣ. На каждомъ шагу встрѣчаешь здѣсь чудеса искусства и труда; но гордость и славу этого обширнаго архитектурнаго музея составляетъ знаменитая «зала съ Колоннами», построенная въ царствованіе фараона Сети I: это—величайшая зала въ Египтѣ, видъ ея производить потрясающее впечатлѣніе на зрителя, и воспоминаніе объ этомъ грандиозномъ остаткѣ сѣйдѣ старины всегда оживаетъ въ памяти, когда переносишь мысль на образцовые произведенія человѣческаго гenia. Плафонъ залы, которая имѣеть не менѣе 23 метровъ (около 11 сажень) высоты въ среднемъ пространствѣ или нефѣ, поконится на 134 колоннахъ, имѣющихъ до 10 метровъ (14 аршинъ) въ окружности, въ центральномъ ряду. Всѣ колонны покрыты рѣзьбой и ваяніемъ, такъ же какъ стѣны, и между барельефами, украшающими эту залу, нѣкоторые имѣютъ высокую историческую важность, представляя побѣды фараоновъ надъ арабами, сирійцами, гиттиами. Недалеко оттуда, въ «большомъ храмѣ» находится знаменитая «численная стѣна», стра-

ница лѣтописей, часть которой была доставлена въ Луврскій музей Шамполіономъ, и которая теперь извѣстна въ цѣломъ объемѣ, благодаря раскопкамъ Мариетта. Этому же изслѣдователю наука обязана открытиемъ географическаго списка, содержащаго 628 именъ народовъ и мѣстъ, вырѣзанныхъ на пилонахъ: между перечисляемыми въ этомъ спискѣ племенами ученые могли отождествить многія племена Финикии и Палестины, Ассирии и другихъ болѣе отдаленныхъ странъ Азии, Эгіопіи, области Благовоній, простирающейся на африканскомъ побережїѣ, къ югу Краснаго моря; тамъ разобрали также названія тѣхъ дальнихъ странъ большихъ озеръ, которыхъ въ наши дни Синкі, Гранты, Бакеры вновь открыли во второй или въ третій разъ. По словамъ Гартмана, типъ фунджея можно признать самымъ точнымъ образомъ между фигурами эгіопскихъ плѣnikówъ¹⁾.

Оивы лѣваго берега были болѣе городомъ мертвыхъ, чѣмъ городомъ живыхъ; однако, часть равнинъ, гдѣ почва начинаетъ постепенно подниматься по направленію къ Ливійскимъ утесамъ, тоже очень богата памятниками древности, которые, впрочемъ, имѣютъ погребальный характеръ. Повышеніе почвы, носящее арабское название Мединетъ-Абу, усыпано храмами, гдѣ находимъ историческія картины, частію нарисованные, частію изваянныя, представляющія съ изумительною точностью типы и костюмы побѣженныхъ народовъ: гиттиотовъ, аморреевъ, филистимянъ, тевкровъ, данайцевъ, этрусковъ, сардовъ, эгіоплянъ, аравитянъ, ливійцевъ, разъ откощанный и очищенный отъ песку и мусору, храмъ Мединетъ-Абу, «книга завоеваній и побѣдъ фараона Рамзеса III», этого «господина меча на землѣ», будетъ, безъ сомнѣнія, самымъ полнымъ, самымъ интереснымъ и самымъ драгоценнымъ изъ всѣхъ святыни древнаго Египта²⁾. Недалеко оттуда находится храмъ Дейръ-эль-Медине, почти греческой архитектуры, построенный Птоломеемъ Филопаторомъ, и Рамессеумъ, съ его триумфальнымъ портикомъ, украшеннымъ четырьмя обезглавленными колоссами: это то самое зданіе, которое описано у Діодора Сіцилійскаго подъ именемъ «гробницы Озиманда»; во дворѣ храма лежитъ разбитая статуя Рамзеса II, изъ розового гранита, вѣкогда монолитъ въ 17 метровъ высоты, вѣсившій слишкомъ тысячу тоннъ (около 61.000 пудовъ), слѣдовательно, болѣе, чѣмъ самый тяжелый камень Бальбекскихъ храмовъ, но на треть менѣе, чѣмъ эрратическая глыба, на которой поставлена конная статуя Петра Великаго, въ Петербургѣ. Между Рамессеумомъ и храмами Мединетъ-Абу высилось нѣсколько колос-

¹⁾ „Zeitschrift f. Ethnologie“, vol. I, 1869.

²⁾ Mariette, „Des nouvelles fouilles à faire en Egypte“.

совъ; изъ нихъ стоять теперь только два, тѣ самые, которые пользовались въ древнемъ мірѣ такой громкой извѣстностію подъ именемъ «колоссъ Мемнона», и которые въ дѣйствительности представляютъ фараона Аменхотепа II, сидящаго въ гератической позѣ, съ руками, протянутыми на колѣнихъ. Эти двѣ статуи имѣютъ около двадцати метровъ высоты, вмѣстѣ съ пьедесталами, впрочемъ, большей частію закопанными въ аллювіальную почву. Колоссъ, на который греки и римляне приходили толпами посмотреть и подивиться, и который они покрыли безчисленными надписями въ стихахъ и въ прозѣ,—тотъ, который стоитъ съвернѣе; это и есть та статуя, потрескавшіяся

На съверѣ и на западѣ отъ Рамессеума и отъ храма Сети, стоящаго на Курнахскомъ пригоркѣ, высятся скалы и отрываются овраги, сплошь усыпанные подземными храмами и катакомбами. Холмъ пирамидального вида, съ гигантскими параллельными ступенями, изсѣченными самой природой, высоко поднимается надъ равниной. По мнѣнію Нестора, эта характеристическая форма и послужила образцомъ для искусственныхъ пирамидъ, воздвигнутыхъ на могилахъ царей: такъ исполнились, въ Мемфисѣ, какъ и въ Оивахъ, слова ритуала, произносимыя богомъ ада: «я далъ тебѣ жилище въ горахъ Запада». Извилистое и развѣтвляющееся ущелье, идущее вокругъ

Входъ въ долину царскихъ гробницъ.

камень которой издавалъ звукъ, похожій на звукъ лопнувшей струны лиры, или даже, по сло-вамъ нѣкоторыхъ писателей, долго вибрировалъ, производя гармоническіе вздохи, въ моментъ, когда солнечные лучи обращали въ паръ утревнюю росу. Но съ тѣхъ поръ, какъ Септимій Северъ велѣлъ грубо починить или, лучше сказать, замазать известкой статую, въ надеждѣ сдѣлать ее болѣе звучною, колоссъ онѣмѣлъ. Теперь путешественникъ напрасно старался бы подслушать на разсвѣтѣ звукъ иѣкогда говорившей статуи; болѣе счастлива будетъ попытка этого рода въ Карнакскомъ храмѣ: тамъ глыбы гранита вибрируютъ переплетающимися звуками въ моментъ, когда ихъ освѣтятъ лучи восходящаго солнца.

скаль, носить название Бибанъ-эль-Молукъ, или «Врата царей»; его голые утесы, изрѣзанные вертикальными трещинами, придаютъ ему сурово-величавый видъ: съ той и другой стороны этихъ воротъ смерти открываются безчисленные царскія могилы. Почти у самой оконечности ущелья мы проникаемъ въ погребальный склепъ фараона Сети I, открытый изслѣдователемъ Бельцони, въ 1818 году; это одна изъ самыхъ любопытныхъ царскихъ усыпальницъ по украшающимъ ее барельефамъ, изъ которыхъ одинъ представляетъ «четыре расы міра»: рету, аму, нагесу и тамагу, то-есть египтянъ, азиатовъ, негровъ и ливійцевъ, шествующихъ въ процессіи на похоронахъ Сети. При входѣ въ ущелья, между Курнахскимъ и

Ассасифскимъ холмами, Мариеттъ открылъ, въ 1859 году, мумію царицы Аагготель, вѣроятно, матери цара Ахмеса или Амозиса, драгоценная украшенія которой, хранящіяся теперь въ Булакскомъ музеѣ, возбуждаютъ удивление необыкновеннымъ изяществомъ и тонкостю отѣлки; современные ювелиры объявили даже, что они не могли бы имитировать это чудо искусства¹⁾). Вѣроятно, что папирусъ Эберса, «герметическая» книга, содержащая египетскую фармакопею временъ Тутмеса, тоже извлечены на свѣтъ Божій изъ какой-нибудь могилы въ холмѣ Ассасифъ. Къ западу отъ главнаго холма, и недалеко отъ другой горки, Шейхъ-Абдъ-эль-Курнахъ, изрытой подземными галлереями, точно нора дикаго звѣря, погребальная капелла Деиръ-эль-Бахари, вѣроятно, служившая церковью христіанамъ, занимаетъ рядъ спускающихся уступами террасъ: на ея полуразрушенныхъ стѣнахъ Мариеттъ открылъ очень интересныя изваянія, представляющія разные историческіе сюжеты, между прочимъ, морскую экспедицію, посланную царицею-регентшей Гачопситу въ страну Пунтъ, то-есть въ южную Аравію или область сомалиевъ. Въ другой усыпальницѣ, гдѣ было похоронено тѣло Бехмары, также изображены этнографическія сцены, относящіяся къ странѣ Пунтъ. Одинъ сосѣдній гротъ недавно доставилъ гг. Масперо и Бругшу, которые давно искали эту катакомбу, цѣлу серію царскихъ мумій, въ томъ числѣ муміи Амозиса I, Тутмеса III, завоевателя Передней Азіи, Рамзеса II, легендарнаго Сезостриса грековъ, Сети Перваго, строителя знаменитой «залы Колоннъ»²⁾, о которой говорено выше. Цѣлыя коллекціи египетскихъ древностей, которыми обладаютъ различные музеи Европы, происходятъ изъ катакомбъ створчатыхъ Оивъ. Съ высоты горъ обломковъ взоръ обнимаетъ всю совокупность памятниковъ «изъ вѣчныхъ камней», воздвигнутыхъ Рамзесами и Сети.

Большая дуга, описываемая Ниломъ къ востоку ниже Оивъ, и широкіе проходы, открывающіяся съ этой стороны черезъ «Аравійскія» горы въ направлѣніи Краснаго моря, естественно должны были обеспечить этой части долины первостепенную торговую важность; но рынокъ, возникшій здѣсь уже въ раннюю эпоху, не оставался постепенно на одномъ и томъ же мѣстѣ: разоряемые войной или даже разрушающиеся до основанія завоевателями, города должны были возрождаться каждый разъ въ иѣкоторомъ разстояніи отъ предшествующаго мѣстоположенія. Въ этой области, Кубти, Коптось грековъ, обратившійся нынѣ въ бѣдную деревню Гуфтъ или Кофтъ, былъ первый торговый городъ, пять тысячъ лѣтъ тому назадъ,

при царяхъ двѣнадцатой династіи; онъ былъ даже соперникомъ Оивъ, какъ царская резиденція; до избѣнія христіанъ, имѣвшаго мѣсто въ царствованіе императора Діоклетіана, онъ оставался складочнымъ пунктомъ товаровъ, привозимыхъ въ Египетъ черезъ Красное море и портъ Вереники. Въ 1883 году Масперо открылъ въ селеніи Коптось, разыскивая храмъ Изиды, два четыреугольныхъ камня изъ чернаго базальта, носящіе отрывки очень любопытной надписи, относящейся къ сооруженію римскими легіонерами цистернъ на дорогахъ изъ Коптоса въ портъ Вереники и въ Міосъ-Гормосъ³⁾). Кусъ или Гусъ, Аполлонополь Малый (*Apollinopolis Parva*) древнихъ, лежащий тоже на правомъ берегу рѣки, въ 9 километрахъ выше Коптоса, былъ преемникомъ послѣдняго, какъ складочное мѣсто товаровъ, и сдѣлался самымъ богатымъ городомъ Верхняго Египта во времена калифовъ и мамелюкскихъ султановъ. Въ настоящее время Кенехъ, Каинополь или «Новый Городъ» грековъ, замѣнилъ Кусъ, какъ транзитный пунктъ для торговаго обмѣна между долиной Нила и Чернымъ моремъ; въ то же время это административный центръ провинціи. Изъ золы растенія альфа и сладкой глины, которую внезапныя воды уади Кенехъ приносятъ во время рѣдкихъ ливней, гончары этого рода фабрикуютъ водоохладительные сосуды, считающіеся лучшими въ Египтѣ; каждый годъ сотни барокъ спускаются къ Каиру, нагруженныя этими глиняными издѣліями.

Открытие Суэзскаго канала, имѣвшее слѣдствіемъ перемѣщеніе торговыхъ мѣстъ, въ сильной степени уменьшило значеніе Кенеха, какъ складочнаго мѣста товаровъ между Ниломъ и Аравійскимъ заливомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и приморскій портъ Коссеиръ, служацій связующимъ пунктомъ для этой торговли и пристанью, гдѣ садятся на суда пилигримы, отправляющіеся въ Мекку, потерялъ значительную долю своей торговой дѣятельности и своего населенія. Однако, караваны знаютъ еще дороги чрезъ пустыню между этими двумя городами, и все еще идутъ tolki о постройкѣ рельсоваго пути, длиною около 200 километровъ, который, имѣя исходнымъ пунктомъ Кенехъ, сдѣлался бы истиннымъ торговымъ устьемъ Нила: пароходы принимали бы грузы въ Коссеирѣ, и такимъ образомъ сберегались бы расходы по перевозкѣ товаровъ почти черезъ все протяженіе Египта до Александрии. Въ 1882 году англичане проектировали сооруженіе болѣе длинной желѣзной дороги, именно отъ города Кенеха до древнаго порта Вереники, которая, т. е. дорога, слѣдовала бы почти по направлѣнію римской дороги: благодаря этому желѣзно-

¹⁾ Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки.

²⁾ G. Maspero, „La Trouvaille de Deir el-Bahari“.

³⁾ Ernest Desjardins, „Académie des Inscriptions“, s閙ance du 29 juin 1883.

мъ пути, парусные суда были бы избавлены отъ трудного и опасного плаванія въ сѣверной части Аравійского залива ¹⁾.

Нынѣшнее мѣстечко Коссеиръ расположено на берегу съ едва замѣтнымъ изгибомъ въ сторону материка, вслѣдствіе чего суда, стоящія на якорѣ, выставлены дѣйствію вѣтровъ, дующихъ съ открытаго моря; барки арабовъ находятъ себѣ пристанище возлѣ самаго берега, гдѣ онѣ защищены отъ волненія съ сѣвера и съ сѣверо-востока коралловой мелью. Старый,

ности, и вдоль морскаго берега повсюду видны только пески, глины и кораллы, постепенно поднимающіеся надъ уровнемъ моря. Старый Коссеиръ, лежащий въ 6 километрахъ къ сѣверо-западу, теперь уже недоступенъ для судовъ: шебъ, или лабиринтъ коралловыхъ рифовъ и мелей, растущій передъ берегомъ, до такой степени съузилъ входъ въ портъ, что моряки боятся проникать туда. Неизвѣстно, гдѣ именно—въ Коссеирѣ или сѣвериѣ, на бухтѣ Абу-Сомеръ ¹⁾, находилось мѣстополо-

Барельефъ въ Абидосѣ.

полуразрушенный фортъ, господствующій надъ городомъ, былъ построенъ французами во время ихъ экспедиціи въ Египетъ. Коссеиръ очень бѣденъ источниками, а слѣдовательно и растительныйностію. Единственная истинно прѣсная вода та,— которая получается изъ Нила, во почти всѣ жители довольствуются жидкостью слегка сѣрнаго вкуса, за которой нужно отправляться въ пустыню, въ мѣста, отстоящія отъ города болѣе, чѣмъ на день ходьбы. Холмы и равнины въ окрестностяхъ Коссеира почти совершенно голыя, лишенныя всякой раститель-

женіе древняго Міось-Гормоса, одного изъ наиболѣе посѣщаемыхъ портовъ Краснаго моря во времена римскаго владычества. Могилы, надписи и другіе остатки сѣдой старины встречаются въ большомъ числѣ въ окрестностяхъ и въ сосѣдствѣ колодцевъ, на дорогахъ «Аравійской пустыни». На сѣверѣ, по близости мыса Расть-Эль-Гимсакъ лежащаго противъ мыса Расть-Магометъ, на Синайскомъ полуостровѣ, разрабатывали, еще недавно, пласты гипса, очень богатые залежами сѣры.

¹⁾ Ernest Desjardins, рукописная замѣтка.

¹⁾ Letronne, *Recueil des inscriptions grecques et latines de l'Egypte*.

Напротивъ Кенеха, на лѣвомъ берегу Нила, зеленѣющи равнины, окружающія Дендерахъ, Тентериду древнихъ грековъ, составляютъ яркій контрастъ съ желтоватыми горками мусора развалинъ и съ тройной оградой тройного святилища. Тентериты славились въ древности своимъ искусствомъ ловить и очаровывать крокодиловъ, которыхъ они употребляли въ качестве верховыхъ животныхъ; въ наши дни нѣть уже никакихъ крокодиловъ въ водахъ Дендераха. Обширный храмъ, построенный на фундаментахъ античныхъ памятниковъ зодчества, принадлежитъ эпохѣ относительно новой, какъ о томъ свидѣтельствуютъ медальоны Клеопатры и римскихъ императоровъ до Антонина Пія, но по своему архитектурному плану и по характеру украшений онъ воспроизводитъ собою болѣе древніе храмы, хотя подъ очевиднымъ вліяніемъ эллинского искусства; богиня Гаторъ, которой поклонялись въ Дендерахѣ, была понята платониками Александрийской школы совершенно иначе, чѣмъ ее понимали во времена фараоновъ. Очень хорошо сохранившійся, храмъ Гаторы есть одинъ изъ самыхъ богатыхъ важными религіозными документами, каковы: программы церемоній, географическая таблицы городовъ и областей, тексты молитвъ и заклинаній, календарь праздниковъ, медицинские рецепты, списки лѣкарственныхъ снадобій. Въ Дендерахѣ же находился драгоценный зодіакъ, перевезенный въ Национальную библиотеку въ Парижѣ. Мариеттъ посвятилъ большое сочиненіе описанію этого храма, «каменного Талмуда», который онъ помогъ дешифрировать и котораго онъ открылъ нѣсколько страницъ¹⁾; но эта литургическая поэма отличается гораздо болѣшимъ единствомъ, чѣмъ Талмудъ: въ совокупности египетскаго памятника развертывается во всѣхъ своихъ деталяхъ представление древняго ритуала, и зрителъ видитъ передъ собой послѣдовательно всѣ церемоніи, переходя изъ залы въ залу, до святая святыхъ, гдѣ царь, проникавший туда одинъ, встрѣчался лицомъ къ лицу съ самимъ богомъ.

Въ самой широкой части Нильской долины, ниже Дендераха, двѣ скромныя деревни Гарабатъ-аль-Мадфуне, то-есть «Гарабатъ Закопанный», и Эль-Харге, расположились на развалинахъ Абидоса. До недавняго времени полагали, что здесь находился древній Тисъ (Тинисъ), пользовавшійся нѣкогда болѣею славой, чѣмъ Фивы и Мемфисъ; однако, Мариеттъ предлагалъ искать остатки этого античнаго города ниже по рѣкѣ, не ближе какъ въ Гирге или по сосѣдству съ нимъ: теперь достовѣрно известно, что Тисъ и Абидосъ занимали различныя мѣста²⁾. Въ Тисѣ родился Мена или

Менесъ, называемый основателемъ египетской монархіи; въ этомъ же городѣ, по传说ю легенды, тѣло Озириса, перенесенное впослѣдствіи на островъ Филы, было похоронено за сотни тысячъ лѣтъ передъ тѣмъ; тамъ возникла египетская нація, и выработалась та самобытная цивилизація, отъ которой, черезъ посредство древней Эллады, произошла въ большей части и наша собственная культура. Храмъ, къ которому стекались пилигримы со всѣхъ концовъ страны, какъ въ наши дни паломники христіанскаго міра направляются къ Гробу Господню, не существуетъ болѣе; но въ пескѣ, пропитанномъ селитрой, отыскали большое число гробницъ и надгробныхъ памятниковъ, которые тамъ воздвигали себѣ знатныя особы Египта, желавшія покояться подъ своего бога: по словамъ Масперо, гораздо больше половины стелей (четыреугольныхъ колоннъ съ надписями), хранящихся въ музеяхъ, происходятъ изъ Абидоса. Нагроможденіе древнихъ могилъ, дотого высокое, что оно приняло видъ вулканической горы, известно подъ именемъ Комъ-аль-Султанъ или «Царская гора»: производимыя тамъ раскопки открываютъ все болѣе и болѣе древнія могилы, по мѣрѣ того какъ спускаешься далѣе въ глубь земли, такъ что самъ собой напрашивается вопросъ: не откроютъ ли рано или поздно входа въ катакомбу, которая вела въ усыпальницу бога¹⁾? За этимъ античнымъ святилищемъ слѣдоваль, на томъ же мѣстѣ, памятникъ, который, хотя онъ появился гораздо позднѣе храма Озириса, принадлежитъ, однако, къ числу древнѣшихъ памятниковъ Египта: это Мемнонъ, который велѣлъ построить фараонъ Сети I, чтобы напомнить грядущимъ поколѣніямъ о славѣ его царствованія, но который сынъ его, Рамзесъ II, заставилъ служить гораздо больше для сохраненія въ потомствѣ своей собственной славы. На нижнихъ стѣнахъ этого храма Сети были изваяны географические списки²⁾. Британскій музей обладаетъ такъ называемой «Абидосской таблицей», искаженнымъ спискомъ царей, взятымъ изъ храма Рамзеса II; но раскопки Мариетта извлекли на свѣтъ новую «Абидосскую таблицу», содержащую полный списокъ семидесяти шести фараоновъ, отъ Менеса до Сети.

Ниже Абидоса, по течению Нила, античные памятники исчезли по большей части; встречаются только города и мѣстечки, если и не новаго происхожденія, то по крайней мѣрѣ не имѣющіе уже сколько-нибудь интересныхъ обломковъ предыдущихъ вѣковъ. Первая значительная группа населенія въ этомъ направленіи—Гирге или Герга, главный городъ провинціи, стоящей на лѣвомъ берегу рѣки, который въ этомъ мѣстѣ постепенно размыается

¹⁾ „Denderah, description g  n  rale du grand temple de cette ville“;— Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки.

²⁾ G. Масперо, рукописныя замѣтки.

¹⁾ Mariette, „Itin  raire de la haute Egypte“.

²⁾ Jacques de Rougemont, „Textes g  ographiques du temple d'Edfou“.

напоромъ течения; воды Нила, прежде ударявшия о правый берегъ, вдругъ бросились влево и теперь подтачиваются высокій берегъ, на которомъ построенъ Гирге: цѣлая половина города исчезла уже вмѣстѣ съ мечетями и минаретами. Сохагъ и промышленный городъ Ахминъ, древній Хемно, Панополь грековъ, стоятъ другъ противъ друга, одинъ на правомъ, а другой на лѣвомъ берегу рѣки; затѣмъ слѣдуютъ одинъ за другимъ, въ западной равнинѣ, два города Тахта и Абутигъ, въ сосѣдствѣ которыхъ находится ущелье, посѣщаемое пилигримами, обожателями священнаго змѣя; это та область Египта, гдѣ коптскій языкъ всего дольше

и набережными пристани. Недалеко отъ Сиута есть деревня Зауэтъ-эль-Дейръ¹), гдѣ коптскіе монахи еще не такъ давно занимались, подъ покровомъ специальной привилегіи, гнуснымъ ремесломъ оскопленія мальчиковъ, для того, чтобы продавать ихъ впослѣдствіи въ качествѣ стражей гаремовъ. Могаммедъ-Али однажды сдѣлалъ этой братіи заказъ на поставку трехсотъ штукъ евнуховъ. Копты ткуть полотна и холсты, производство которыхъ составляетъ одну изъ специальностей промышленности Верхняго Египта.

Сиутъ болѣе, чѣмъ всякой другой египетской городъ, имѣеть непосредственный сношенія съ

Подземная улица въ Мехенди, въ Нубіи.

сохранился. Далѣе, въ сосѣдствѣ того же берега, но внутри материка, а во время наводненія между двухъ водныхъ пространствъ, обрисовывается живописный профиль большаго города, который еще сохраняетъ свое древнее имя Саутъ, слегка видоизмѣненное въ Сиутъ или Ассиутъ: это Ликополь грековъ или «Городъ Волковъ», названный такъ потому, что онъ былъ посвященъ Авibusу. Въ этомъ городѣ родился Плотинъ. Сиутъ, административный центръ всего Верхняго Египта,—торговый и промышленный городъ: тамъ фабрикуютъ любопытныя глиняныя издѣлія, черные и бѣлые, а его знаменитыя трубки находятъ сбытъ даже въ Египта; базарь его въ изобилии снабженъ произведеніями Дарфура и оазисовъ; портъ Гамзахъ дополняетъ городъ своими амбаркадерами

оазисами, цѣль которыхъ тянется въ видѣ обширнаго полумѣсяца, параллельно кривой, образуемой течениемъ Нила на югѣ, на западѣ и на сѣверо-западѣ. «Большой Оазисъ», называемый также Южнымъ или Харгекскимъ, не самый многолюдный, но онъ имѣетъ важное значеніе, какъ мѣсто прохода дарфурскихъ каравановъ. Въ главномъ его городѣ, Эль-Харге, который не мѣнилъ мѣста, по крайней мѣре въ историческихъ времена, сохранился храмъ Аммона, воздвигнутый въ царствованіе Дарія, «сына Изиды и Озириса»; широкая аллея пилоновъ предшествуетъ святилищу, барельефы котораго представляютъ чрезвычайное разнообразіе лицъ: въ этомъ отношеніи храмъ Дарія—единственный

¹) Galland, "Tableau de l'Egypte pendant le sÃ©jour de l'armÃ©e franÃ§aise".

въ своемъ родѣ¹⁾). Всѣ скалы въ окрестностяхъ этого храма изрыты подземными погребальными галлерейами, гдѣ христіанскія гробницы очень многочисленны; въ оазисѣ Берись, на югѣ, тоже сохранился египетскій храмъ римской эпохи²⁾). Кругомъ вынѣшняго оазиса находить много развалинъ—доказательство, что воздѣланныя земли занимали въ старину болѣе значительное протяженіе: всѣ эти пространства могли бы быть вновь завоеваны у пустыни, такъ какъ большинство колодцевъ засыпаны пескомъ, и воды, утилизируемые въ рисовыхъ поляхъ, образуютъ тамъ и сямъ болота, распространяющія вредный испаренія. Жители, немного чернеющіе египтянъ и, вѣроятно, смѣшанные съ нигрицами, имѣютъ по большей части цвѣты лица, какъ у мертвѣца; въ то же время они очень бѣдны, и во многихъ мѣстахъ приуждены уплачивать налоги корзинами, сплетенными изъ пальмовыхъ листьевъ³⁾). Внутри города Эль-Харге строенія опираются одно на другое, и лабиринтъ узенькихъ улицъ проходитъ внизу сводообразными галлерейами; въ рѣдкихъ мѣстахъ отверстіе, подобно отверстію колодца, пропускаетъ въ эти темныя подземелья снопъ осляпительного свѣта. Таковъ способъ постройки во всѣхъ городахъ Сиваха, такъ же какъ во многихъ другихъ мѣстечкахъ оазисовъ: этотъ родъ архитектуры встрѣчается даже въ Нубіи⁴⁾.

Оазисъ Дахель или Даҳлѣ, то-есть Внутренний, называемый также Западнымъ оазисомъ, Уахъ-аль-Габріехъ, гораздо болѣе населенъ, хотя онъ едва упоминается древними; подобно оазису Харге, онъ имѣеть свой храмъ Юпитера Амона, находящійся въ сосѣдствѣ его главнаго города, называемаго Эль-Касръ или «Замокъ»: это, вѣроятно, то самое святилище, которое хотѣлъ посѣтить Камбизъ во время своей неудачной экспедиціи⁵⁾). Населеніе, состоящее изъ феллаховъ, имѣющихъ такие же привычки, ведущихъ такой же образъ жизни, какъ и феллахъ Нильской долины, еще гуще скучено, чѣмъ на берегахъ великой рѣки; каждый комокъ годной къ культурѣ земли воздѣливается самымъ тщательнымъ образомъ; финиковыя пальмы, за которыми ухаживаются съ величайшей заботливостью, даютъ обильные и превосходные плоды. «Фрагментъ, оторванный отъ Египта», оазисъ Дахель отличается отъ него, однако, своей растительностью; онъ имѣеть прекрасныя плантации масличныхъ, лимонныхъ

¹⁾ Hoskins, „Visit to the Great Oasis of the Libyan Desert“.

²⁾ Hoskins, цитированное сочиненіе;—G. Schweinfurth, „Petermann's Mittheilungen“, 1875.

³⁾ Amici, „L'Egypte ancienne et moderne“.

⁴⁾ Frédéric Caillaud; — Bayle Saint-John; — Rohlfs; — Jordan; — Нéно, рукописная замѣтка.

⁵⁾ Vivien de Saint-Martin, „Le Nord de l'Afrique dans l'Antiquité“; — G. Rohlfs, „Drei Monate in der Lybischen Wüste“.

и апельсинныхъ деревьевъ, въ перемежку съ пальмовыми рощами, которая даютъ лучшіе въ оазисахъ плоды. Жители Даҳеля имѣютъ нѣсколькихъ лошадей, но верблюдовъ они не могли развести, причиной чему была ядовитая муха, составляющая бичъ страны въ лѣтнее время, и ужаленіе которой смертельно для животнаго. Недостатку верблюдовъ и приписываютъ главнымъ образомъ совершенное невѣдѣніе туземцевъ относительно пустыни, простирающейся на западъ. Берегъ песковъ для нихъ то же самое, что берегъ океана для народа, не имѣющаго кораблей.

Маленький оазисъ Фарафре, лежащий въ 300 километрахъ отъ Сіута по прямой линіи, находится въ точности подъ тою же широтой. Протяженіе его очень незначительно, и населеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, могло бы, въ случаѣ надобности, укрыться въ оградѣ касра, господствующаго надъ главнымъ мѣстечкомъ. Построенный только два раза европейскими изслѣдователями, въ 1819 году Фредерикомъ Кальо, и въ 1874 году Рольфсомъ и его спутниками, Фарафре не очень дружелюбно принимаетъ у себя «невѣриыхъ», особенно потому, что братство сенусіевъ пріобрѣло тамъ большое число приверженцевъ; эти мусульманскіе міссіонеры, пришедши чутъ не нищими, теперь самые крупные землевладѣльцы оазиса, и можно сказать, все населеніе находится у нихъ въ порабощеніи; взамѣнъ того, они учили своихъ крѣпостныхъ стихамъ изъ Корана; благодаря ихъ стараніямъ, всѣ дѣти выучились читать и писать⁶⁾. Оазисъ Бахаріе, болѣе близкій къ долинѣ Нила и болѣе богатый бьющими изъ земли водами, чѣмъ Фарафре, также и гораздо болѣе населенъ: это, вѣроятно, «Малый Оазисъ» древнихъ, и тамъ можно еще видѣть нѣсколько памятниковъ римскаго владычества: величественную триумфальную арку, подземные водопроводы, укрѣпленія.

Наиболѣе отдаленные отъ Нила оазисы, по своему положенію и естественнымъ условіямъ принадлежащиѣ скорѣе къ Киренаїкѣ, чѣмъ къ области великой рѣки, составляютъ группу Сивахъ, прославившуюся въ древности оракуломъ Амона, который, по сказанію Геродота, рождался «въ одно время съ оракуломъ Додоны». Два главныхъ города, Сивахъ и Агерми, построены изъ раковистаго известняка и изъ камней нечистой соли, каждый на скатахъ скалы; по расположению своихъ вѣнчаний стѣнь и своихъ террасъ, они представляютъ изъ себя какія-то странные крѣпости, впрочемъ, очень живописнаго вида. Крѣпость Сивахъ, въ оградѣ которой около пятнадцати воротъ, имѣеть всего только 380 метровъ въ окружности; она увѣнчана высокими башнями, круглыми и че-

⁶⁾ G. Rohlfs, цитированное сочиненіе.

тыреугольными, различающимися формой и размѣрами: это словно дома, поставленные одинъ на другой и скрывающіе внутри цѣлую сѣть подземныхъ галлерей; городъ растетъ въ вышину, прежде чѣмъ расширяться по поверхности земли. Храмъ Юпитера Амона, куда приходилъ Александръ Македонскій, чтобы высушивать изъ устья оракула о пред назначенной ему роли властителя міра, еще виденъ въ окрестностяхъ Агерми, а въ разстояніи километра оттуда находятся развалины другаго храма, окруженныя пальмами; иероглифы, вырѣзанные на этихъ руинахъ, еще не были разобраны. Одна изъ острововидныхъ скаль, возвышающихся въ низменности Сиваха, гора Джебель-эль-Мутахъ, изрыта во всѣхъ направленияхъ подземными галлереями древняго некрополя.

Главное богатство Сиваха составляютъ финики. Путешественникъ Горданъ пытался вычислить производительность финиковыхъ пальмъ оазиса по кубическому объему плодовъ, сложенныхыхъ въ кучи, для отправки въ мяста сбыта, на складочной площади, пространствомъ около 3 гектаровъ, расположенной близъ большаго каравансарая; по этому приблизительному исчислению, сто тысячъ пальмъ вокругъ города Сиваха доставляютъ около 3 миллиновъ килограммовъ финиковъ, и почти столько же пальмы другаго города, Агерми¹); кроме того, общественная пальмовая роща, небрежно содержимыя, даютъ плоды болѣе низкаго качества, которые идутъ въ кормъ скоту²). Сивахская соль высокаго достоинства, была ветарину предназначена для иѣкоторыхъ религіозныхъ культовъ, и ее вывозили даже въ Персію для царскаго стола. Большиe домосѣды, жители Сиваха сами не вывозятъ своихъ произведеній, а ждутъ, пока къ нимъ явятся скучники финиковъ и контрабандного табаку, привозимаго черезъ прибрежье Киренаки. Очень некрасивые лица и, вѣроятно, весьма смѣшанного происхожденія, они не походятъ на феллаховъ, но такъ же худощавы и истощены лихорадкой, какъ и жители Эль-Харге; языки ихъ берберскаго происхожденія³); однако, большинство изъ нихъ понимаютъ арабскій діалектъ и кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, говорятъ на немъ. Они въ высшей степени ревнивы; неженатые, молодые люди или вдовцы, должны жить виѣ города, составляющаго какъ бы общий гаремъ племени, имъ указано для жительства отдаленное поселеніе, иѣчто въ родѣ крѣпости, по наружному виду похожее на метрополію, и посѣщеніе города разрѣшается имъ только днемъ. Новобрачные тотчасъ же послѣ свадьбы устраиваютъ себѣ гнѣздо въ городѣ,

гдѣ старшіе члены патримоніальной семьи уступаютъ имъ верхній этажъ своихъ домовъ, построенныхыхъ въ формѣ пирамиды; различныя поколѣнія распределены въ этихъ жилищахъ по порядку возраста, отъ нижняго яруса къ верхнему¹). Деревня Гара, въ оазисѣ того же имени, имѣеть, какъ и Сивахъ, видъ феодальной крѣпости.

Населеніе оазисовъ въ 1894 году:

	Годичн. кѣ культурѣ земл. Квадр. кн. километровъ.	Населеніе.	Среднее чи- сл. жите- лей на 1 кн. километръ.
	челов.	челов.	
Харге.....	8,56 (по Швейн- фурту).	6.166	737
Дахель.....	60 (по Гордану).	15.293	255
Фарафре ...	25 "	446	178
Бахаріе....	8,42 (по Кальо).	6.176	734
Сивахъ....	15	4.147	278
Тара.....	?	40	?
Фаредга ...	?	2.006	?

Жители оазисовъ Сивахъ и Гара еще больше фанатики, не столь ярые, однако, какъ обитатели оазиса, лежащаго дальше, въ направлении къ заливамъ Сиртъ, и называемаго Фаредга. Тамъ, на отлогостяхъ плоскогорья, возвышающагося къ єверу отъ низменности, находится родительскій домъ секты сенусіевъ, Іеркубъ или Джарабубъ, основанный въ 1861 году, и резиденція главы или гроссмейстера ордена, Сиди-Мохамеда эль-Махди; при этомъ монастырѣ, населеніе котораго, въ 1883 году, состояло изъ 750 человѣкъ, уроженцевъ Алжира, Марокко и другихъ мусульманскихъ странъ, есть маленький арсеналъ и оружейная мастерская²). Готфридъ Ротъ отзываетъся о фаредгскомъ маҳди, какъ о «благодѣтель бедуиновъ», которые обязаны ему основаніемъ въ африканской пустынѣ болѣе пятидесяти станцій, гдѣ караваны находить воду и провизію.

Отъ Сута до Каира всѣ города, соединенные между собой желѣзной дорогой, следуютъ одинъ за другимъ на лѣвомъ берегу рѣки, единственнымъ, который окаймленъ широкимъ поясомъ воздѣланныхъ равнинъ. За городомъ Манфалутъ открывается каналъ Ибрагиміе, отведенный изъ Бахръ-Юзефа; поля перерѣзаны во всѣхъ направленияхъ ирригационными каналами и канавками. Эта плодородная область Египта иѣкогда была усѣяна значительными городами. У подошвы «Аравійской» цѣпи находится обширный некрополь Тель-эль-Амарна, гдѣ всѣ мертвые поставлены подъ покровительство семитскаго бога Атена (Адонъ или Адонай), «лучезарнаго Диска». Ашмунейа, близъ станціи Рода и большаго сахарнаго завода, занимаетъ мѣстоположеніе древняго Хмуну, который греки и римляне называли Больш

¹⁾ Jordan, „Physische Géographie und Meteorologie der Lykischen Wüste“.

²⁾ Amici, цитированное сочиненіе.

³⁾ Hornemann, „Voyage en Afrique“.

¹⁾ Bayle Saint-John, цитированное сочиненіе.

²⁾ H. Daveyrier, „La confrérie musulmane de Sidi M. hammed ben'Ali es-Senoussi“.

ды оросительныхъ каналовъ, постепенно насыщающіяся солью, виднѣются развалины храма, называемаго Касръ-Керунъ, или «Замокъ Роговъ»; полагаютъ, что это святилище занимаетъ мѣсто, гдѣ стояла деревня Діонисіада. На югъ отъ озера равнина простирается далеко къ Уади-Рейяну, нѣкоторыя части котораго, отдѣленный порогомъ «озера Роговъ», лежать на 83 метрахъ ниже входа Бахръ-Юзефа въ Эль-Лагунъ¹). Въ этой низменности Копъ-Уайтгоузъ ищетъ мѣсто нахожденія Меридова озера.

Почти непосредственно къ сѣверу отъ входа въ Файюмъ стоитъ Мейдумская пирамида, которая начинаетъ собою рядъ памятниковъ этого рода, оканчивающейся за Мемфисомъ: окруженнная могилами, пирамида вздымаеть среди холма изъ обломковъ развалинъ свою башню съ наклонными стѣнами, оканчивающіюся наверху двумя ступеньками; теперешняя высота ея 60 метровъ слишкомъ. Этотъ странный памятникъ, извѣстный у туземцевъ подъ именемъ «лжепирамиды», не имѣть за собой такой глубокой древности, какая ему приписывалась до недавняго времени; по мнѣнію Масперо, который открылъ его, онъ относится къ эпохѣ однинадцатой династіи. Даѣе, возлѣ нынѣшней деревни Матаніе, стоять двѣ пирамиды, изъ которыхъ одна имѣть классическую форму, тогда какъ другая, болѣе наклонная къ вершинѣ, чѣмъ въ нижней части, имѣть видъ гигантскаго кристалла. Затѣмъ, въ соѣствѣ Нила, высятся четыре пирамиды, извѣстныя подъ названіемъ Дашурскихъ, изъ которыхъ одна достигаетъ 99 метровъ: это третья по высотѣ между египетскими пирамидами и лучше всѣхъ сохранившая наружную облицовку изъ полированныхъ камней. Семнадцать другихъ пирамидъ, расположенныхъ правильнымъ рядомъ на краю ливійского горнаго берега, надъ деревней Саккара, всѣ превзойдены въ высотѣ знаменитой пирамидой съ пятью ступенями, которую большинство египтологовъ считаютъ древнѣйшею изъ пирамидъ; самая форма ея, воспроизводящая форму многочисленныхъ скаль Ливійской цѣпи, была, кажется, первоначальнымъ типомъ памятниковъ этого рода; сооруженіе ея Маріеттъ приписываетъ первой династіи фараоновъ, царствовавшей за шесть съ половиной тысячъ лѣтъ до нашей эпохи. Многія изъ Саккарахскихъ пирамидъ, недавно открытыя, были изслѣдованы вполнѣ; онѣ заключали въ себѣ гробницы государей шестой династіи. На краю ливійскихъ утесовъ высятся четыреугольные зданія, въ формѣ огромныхъ могильныхъ камней: это такъ называемыя маставы, воздвигнутыя надъ усыпальницами, высѣченными въ скалѣ. Самая большая изъ этихъ погребальныхъ построекъ, назы-

ваемая арабами Маства-аль-Фараунъ, была, какъ гласить легенда, престоломъ, съ высоты которого государи Египта возвѣщали народу свою волю; раскопки доказали, что это была гробница Унаса, принадлежащаго къ пятой династіи. Гробницы этого громаднаго некрополя раздѣлены правильными, пересѣкающимися подъ прямымъ угломъ, улицами, и Масперо полагаетъ, что пирамиды тоже были распределены по извѣстному порядку. Пирамиды первыхъ династій высятся на сѣверѣ; въ Файюмѣ мы видимъ пирамиды двѣнадцатой династіи; нужно ожидать, что между этими двумя группами временемъ будуть найдены царскія могилы промежуточныхъ династій, отъ шестой до двѣнадцатой, и тогда пополнится тотъ «большой пробѣлъ», на который указалъ Маріеттъ въ каменныхъ памятникахъ египетской исторіи.

У подножія откосовъ, на верху которыхъ высятся Саккарахскія пирамиды, неровности почвы обозначаютъ мѣстоположеніе и остатки знаменитаго Мемфиса; маленькая деревня Бедрешейнъ расположена на южной оконечности этой обширной области руинъ, а селеніе Митъ-Рахине занимаетъ ея центръ. Пальмовый лѣсъ простирается на болѣе части нѣкогда обитаемой площади. Городъ, основанный Менесомъ, покрывалъ огромное пространство, судя по остаткамъ плотинъ, окаймляющихъ рѣку, и по горкамъ обломковъ, которыми усыпана равнина; но не испытавъ никакого вражескаго нашествія и разгрома, онъ былъ основательнѣ разрушенъ дѣйствіемъ времени и самъ собою пришелъ въ упадокъ, вслѣдствіе неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ. Основаніе Александрии, затѣмъ возникновеніе Каира направомъ берегу рѣки, съ такими же географическими выгодами, какія представляло положеніе Мемфиса, сдѣлали безполезнымъ существованіе этого города; его мраморы и граниты были перевезены въ Александрию: менѣе цѣнныя матеріала пошли на постройку сосѣднихъ городовъ; онъ раздробился на множество феллахскихъ деревень. Отъ пышной столицы фараоновъ остались только имя, даваемое горкѣ Тель-Монфъ, и недалеко отъ этой горки двѣ колоссальные статуи Рамзеса II. Громадный Мемфисский некрополь, занимающій площадь въ нѣсколько сотъ квадратныхъ километровъ, принялъ въ себя миллионы мумій людей и животныхъ.

Песокъ, приносимый вѣтромъ изъ Ливійской пустыни, покрываетъ, безъ сомнѣнія, много памятниковъ древности. Въ 1850 году, Маріеттъ, примѣтивъ голову гранитнаго сфинкса, съ которой вихреобразный вѣтеръ сдулъ песокъ, пришелъ къ мысли, что тутъ, можетъ-быть, находилась аллея Серапеума, описанная Страбономъ, и тотчасъ же приступилъ къ раскопкамъ. Догадки его вполнѣ оправдались: посредствомъ зондированія почвы въ разныхъ мѣстахъ, черезъ

¹) Соре Whitehouse, „Athenaeum“, July 22, 1882.

равные промежутки, на протяжении 200 метровъ и продолжаемаго до глубины 20 метровъ, онъ действительно открылъ широкую аллею, гдѣ 141 сфинксъ стояли еще на мѣстѣ и которая оканчивалась полукругомъ статуй, представляющихъ великихъ людей Греции; затѣмъ онъ проникъ влѣво отъ аллеи въ египетскій храмъ, построенный фараономъ Нектанебомъ, и да-лѣ нашелъ вправо входъ въ обширный подземелья, составлявшія усыпальницу Аписа: такъ былъ несомнѣнно установленъ тотъ фактъ, уже ранѣе предвидѣнныи наукой, но еще не доказанный, что богъ Сераписъ или Озоръ-аписъ былъ быкъ Аписъ послѣ его смерти, то есть воплощеніе Озириса. Не безъ труда, не безъ опасности даже, было исполнено дѣло этого замѣчательного открытия, ибо даже въ пре-слѣдованіи высокихъ цѣлей науки нужно считаться съ завистливыми соперниками; но полу-ченные результаты были громадны. Раскопки Серауэма извлекли изъ нѣдѣ земли семь ты-сячъ давно засыпанныхъ пескомъ памятнико-въ, изъ которыхъ самые драгоцѣнныи помѣ-щены въ Луврѣ и въ Булакскомъ музѣѣ, въ Каирѣ, и дали цѣлый рядъ хронологическихъ издѣлій, при помощи которыхъ Мариеттъ могъ прослѣдить съ достовѣрностію исторію Египта до 980 года старой эры (до Р. Х.). Некрополи Саккараха также доставили Мариетту и раз-нымъ другимъ изслѣдователямъ много чрезвы-чайно цѣнныхъ предметовъ, между прочимъ, такъ называемую «Саккарахскую таблицу», содержащую списокъ царей, и статую писца столъ внимательнаго, съ глазомъ, сдѣланымъ изъ горнаго хрусталия, которая теперь хранит-ся въ Луврскомъ музѣѣ. Одинъ изъ надгроб-ныхъ памятниковъ, именно памятникъ надъ могилой Ти, который Руже называетъ «чудомъ Саккараха», изображаетъ восхитительную идил-лию въ рядѣ прелестныхъ картинъ, предста-вляющихъ сельскіе пейзажи, работы и удоволь-ствія. Подъ одною изъ сценъ подписаны слѣ-дующія слова, резюмирующія исторію Ти: «ког-да человѣкъ работаетъ, онъ полонъ благоду-шія, и я именно таковъ»¹⁾.

Пирамиды, которыми оканчивается этотъ рядъ царскихъ могилъ, получили название Ги-зѣскихъ пирамидъ, по имени деревни, распо-ложенной на лѣвомъ берегу Нила, напротивъ Старого Каира. Въ этихъ памятникахъ, такъ сказать, символизирована вся земля египет-ская: три громадныи массы, бодрствующія надъ зеленѣющими полями и надъ извилистой рекой,—таковъ образъ, который вызываетъ умѣ самое имя страны. Правда, что тре-угольные профили этихъ массъ, возвышающейся надъ Ливийскимъ плоскогорьемъ, видныются съ большаго разстоянія въ долинѣ Нила и въ

равнинахъ его дельты. Идешь цѣлые часы, не замѣчая, чтобы фигуры ихъ увеличивались или уменьшались на горизонте; кажется, какъ будто онѣ сопровождаютъ путешественника, проходя надъ селеніями, деревнями и пашня-ми. Разматриваемыи вблизи, онѣ занимаютъ всю сторону пространства, и зрителъ съ изум-леніемъ слѣдитъ взоромъ за высоко-вздымающими гранями этихъ исполинскихъ камен-ныхъ громадъ, рѣзко обрисовывающихся на свѣтломъ фонѣ своими неровными и поломан-ными ступенями: онѣ походить больше на горы, изображенныи въ видѣ каменоломенъ, чѣмъ на зданія, воздвигнутыя рукой человѣка; мы видимъ тутъ нѣчто переходное «между колос-сами искусства и колоссами природы»¹⁾. «Всѣвѣщи боятся времени, говорить арабская пословица, но время боится пирамидъ»²⁾. Безъ сомнѣнія, эти гигантскія груды камней не имѣютъ другой красоты, кромѣ красоты ихъ геометрически правильныхъ линій безъ всякихъ архитектурныхъ орнаментовъ; но онѣ импонируютъ своей массой и еще болѣе своей древностію, воспоминаніемъ о давно минув-шихъ временахъ, которые протекли у ихъ подножія, какъ воды Нила. Какъ они ни ста-ры, эти памятники рабства свидѣтельствуютъ о существованіи цѣлой грандиозной цивилизациі, предшествовавшей наукѣ и индустриї. Въ испо-линскомъ нагроможденіи камней геометрія на-ходитъ измѣренія, отличающіяся замѣчатель-ной точностію; все, говорить Шарль Бла-ть, соразмѣreno точными пропорціями въ этой ко-лоссальности. Совершенство измѣреній, пред-ставляемое этими громадными зданіями, пока-залось не одному изслѣдователю имѣющимъ глубокій символическій смыслъ и даже поро-дило нѣчто въ родѣ «религіи пирамидъ», имѣю-щей адептовъ въ Шотландіи и въ Новомъ Свѣ-тѣ. По огромности своихъ размѣровъ и пра-вильности фигуры, пирамиды являются собою ка-кѣи бы «каменные библіи».

Вычислено, что самая большая изъ трехъ пирамидъ, известная подъ именемъ пирамиды Хеопса или Хуфу, покрываетъ пространство въ слишкомъ гектаровъ земли, и что ея бо-ковая поверхность, то-есть сумма площадей всѣхъ четырехъ треугольныхъ сторонъ или граней, равна восьми съ половиной гектарамъ. Количество материаловъ, которые нужно было перевезти или перенести на значительное разстояніе отъ Нила, уложить на фундамен-тахъ скалы и вывести кладку до высоты слиш-комъ 150 метровъ, обтесывая камни и приго-ненія ихъ одинъ къ другому съ величайшей тщательностью,—представляло въ сложности не менѣе 2.560.000 куб. метровъ; это такая громадная масса камня, что изъ нея можно бы

¹⁾ V. Denon, „Voyage dans la basse et la haute Egypte“.

²⁾ L. Hugonnet, „En Egypte“.

было построить стѣну въ два метра вышины и въ полметра толщины, которая протянулась бы черезъ всю западную Европу, отъ Лиссабона до Варшавы. Базилика апостола Петра, въ Римѣ, исчезла бы вся цѣликомъ, со своими колоннадами и съ колоссальнымъ куполомъ, во внутренности этого чудовищнаго каменнаго многогранника. По свидѣтельству Геродота, одна надпись на большой пирамидѣ исчисляеть въ 1.600 талантовъ серебра, то-есть въ 10 миллионовъ франковъ, сумму израсходованную только на покупку луку, чесноку и петрушки для приправы въ пищу рабочихъ, трудившихся надъ сооруженiemъ этой каменной громады ¹⁾). Какія же огромныя издержки потребовались на инструменты, машины, на работы въ каменоломняхъ! Какъ много, въ особенности, нужно было принести въ жертву человѣческихъ жизней ради суетнаго тщеславія! По греческой легендѣ, которая, впрочемъ, по словамъ Масперо, не опирается ни на какой исторический документъ, народъ египетскій, будто-бы, питалъ ужасъ и отвращеніе къ этимъ памятникамъ его рабства и нищеты: онъ даже, будто-бы, избѣгалъ произносить имена царей, въ честь которыхъ были воздвигнуты эти каменные горы!

Превосходя массой всѣ другія зданія, какія существуютъ на земномъ шарѣ, пирамиды уступаютъ по высотѣ иѣкоторымъ изъ соборовъ Запада: Хеопсову пирамиду, уменьшившуюся на десятокъ метровъ вслѣдствіе потери наружной обшивки, а также вслѣдствіе осадки основанія, имѣть 137 метровъ высоты (точная высота, по Флайндерсу Петри, отъ цоколя до вершины, 146,7 метровъ); пирамида Хефрена или Хафры почти равна по высотѣ первой (всего только на 2 метра ниже ея), тогда какъ третья, пирамида Мицерина или Менкеры, не достигаетъ даже половины этихъ размѣровъ. Другія пирамиды плоскогорья, представляющія, такъ сказать, только «эмбріоны» пирамидъ, едва отличаются отъ грудъ мусора, разсыпанныхъ вокругъ основанія двухъ главныхъ каменныхъ горъ: послѣдняя царская могила, въ направлениі къ сѣверу, есть пирамида Абу-Роашъ. Что бы ни говорили, подъемъ на двѣ большія пирамиды совсѣмъ не труденъ, даже безъ помощи бедуиновъ, которые взяли на себя обязанность, за известный бакшишъ, заботиться о безопасности путешественниковъ, и, конечно, ничтожное усиленіе восхожденія съ избыткомъ вознаграждается чуднымъ видомъ, который открывается съ вершины на безпределльную желтую и красную пустыню, гдѣ пески развертываются на подобіе волнъ, и на зеленѣющую равнину, съ черноватыми пятнами, обозначающими селенія, и серебристыя площади озеръ наводненія, оставляемыхъ каналами и Ниломъ. Часто путеше-

ственники вѣбраются на Хеопсову пирамиду до разсвѣта, чтобы любоваться зрѣлицемъ восходящаго солнца, вдругъ освѣщающаго безконечное пространство. Большая пирамиды ориентированы по странамъ горизонта, и бедуины окрестныхъ мѣстностей отлично умѣютъ пользоваться этими древними памятниками, не только для опредѣленія временъ года, но даже для точнаго счета часовъ дня ²⁾). Въ день равноденствія, восходящее солнце, наблюдаемое такимъ образомъ, чтобы лучъ зрѣнія къ нему былъ направленъ вдоль сѣверной или южной стороны зданія, показываетъ почти въ точности только половину своего диска. Во время французской экспедиціи въ Египетъ, Кутель, измѣряя положеніе Хеопсовой пирамиды съ помощью буссоли, пришелъ къ тому выводу, что ориентировка зданія совершенно совпадаетъ съ положенiemъ странъ свѣта. Но впослѣдствіи Нуэ констатировалъ точными измѣрѣвіями, что это не совсѣмъ такъ ³⁾), и затѣмъ чрезвычайно тщательныя и крохотливыя работы Флайндерса Петри, производившіяся въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, установили несомнѣннымъ образомъ тотъ фактъ, что двѣ параллельныя стороны, восточная и западная, вмѣсто того, чтобы указывать въ точности на сѣверъ, отклонены къ западу на 3'40" ⁴⁾). Гдѣ искать причину этого уклоненія? Нужно ли видѣть въ немъ результатъ ошибки вычисленія? Или не вѣрнѣе ли будетъ заключить, что земная ось, считавшаяся прежде неподвижною, сама меняетъ положеніе, и что вслѣдствіе ея колебанія сѣверъ постепенно перемѣстился къ западу? ⁵⁾.

Камни, употребленные на постройку Гизехскихъ пирамидъ, были извлечены изъ нуммулитовыхъ горъ Торахъ и Масарахъ, возвышающихся надъ восточнымъ берегомъ Нила, гдѣ теперь берутъ матеріалы для увеличенія Каира, послѣ того какъ были взяты для этой цѣли матеріалы, изъ которыхъ былъ построенъ Мемфис: народная легенда гласить, что безчисленныя ископаемыя, находимыя въ камняхъ, образующихъ ступеньки пирамидъ, не что иное, какъ бобы чечевицы, которые были оставлены рабочими, строившими эти громады. Нѣкогда нуммулитовая глыба памятниковъ были обшиты снаружи гладкимъ известнякомъ, похожимъ на мраморъ; часть этой облицовки сохранилась даже до сихъ поръ на вершинѣ пирамиды Хефрена; но теперь уже не видно болѣе никакого слѣда іероглифовъ, украшавшихъ наружную сторону памятниковъ ⁶⁾). Внутренніе

¹⁾ Mariette;—Biot;—de Rougѣ etc.

²⁾ Nauet, „Rapport sur la situation g ographique des pyramides de Memphis“.

³⁾ Flinders Petrie, „The Pyramids and Temples of Gizeh“.

⁴⁾ Piazzi Smith, „Nature“, oct. 16, 1884;—Jules Cartet, „Le D placement polaire“.

⁵⁾ Ch. Lenormant, „Eclaircissements sur le cercueil de Mycerinus“.

коридоры, нарочно расположенные такимъ образомъ, что искатели непремѣнно заблудились бы въ безконечныхъ переходахъ и не могли бы добраться до входа въ погребальные склепы, выложены гранитомъ. Постѣ долгихъ поисковъ, археологамъ удалось наконецъ открыть саркофаги государей, въ память которыхъ были воздвигнуты эти гигантскія гробницы: саркофагъ Хеопса, или Хуфу, стоитъ еще на мѣстѣ въ комнатѣ со сводами; глыбы чернаго гранита, составляющія обшивку этой камеры, такъ хорошо отполированы, что посѣтиль видѣть, при свѣтѣ факеловъ, въ стѣнѣ свое изображеніе, какъ въ зеркалѣ. Усыпальница Менкеры или Мицерина находилась въ

только можетъ быть названо «чудеснымъ произведеніемъ боговъ», какъ гласить древняя надпись, прежде непонятная: это песчаниковая скала, которой игра природы придала неопределенные контуры сидящаго животнаго, и которую египетскіе зодчіе обшили каменной работой, предназначеннай восполнить и додѣлать неясно очерченныя формы. Значительныя впадины заполнены большими, грубо сложенными камнями, но вѣшняя оболочка состоять изъ маленькихъ правильныхъ камней, тщательно отесанныхъ и вырезанныхъ, такъ что вылѣплены даже мускулы животнаго, которое представляло бога Гаръ-эмъ-Ху, то-есть «Горуса въ Лучезарномъ Солнцѣ» или «Горуса Двухъ

Сфинксъ.

скалѣ, первоначальному ядрѣ, надъ которымъ была построена пирамида; саркофагъ, который она содержала, погибъ у береговъ Португалии, вѣстѣ съ кораблемъ, везшимъ его въ Англію.

Въ углу, образуемомъ на сѣверо-западѣ между двумя колоссальными гробницами Хеопса и Хефрена, неровное и горбатое плоскогорье изрыто во всѣхъ направленияхъ, какъ громадная нора, могилами и некрополями, гдѣ покоятся подданные фараоновъ. На югѣ, на востокѣ сохранились другіе остатки глубокой древности, стѣны и надгробные памятники, а на краю плато, окруженнаго дюнами, стоять сфинксъ, гигантскій стражъ пирамидъ. Чудовище, устремившее свой безстрастный взоръ на разстилающуюся внизу равнину, действи-

Горизонтовъ»: надпись, открытая Мариеттомъ, приписывается Хеопсу «реставрацію» этого памятника. Туземцы даютъ этому колоссу имена: «Отецъ страха» ¹⁾ и «Левъ ночи» ²⁾. Комнаты или залы, которыя Ванслебъ и другіе изслѣдователи, будто-бы, видѣли въ спинѣ сфинкса или позади животнаго, не были отысканы; но на юго-западѣ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ колосса, Мариеттъ откопалъ среди песковъ подземный храмъ съ огромными стѣнами изъ розового гранита и алебастра, обложенными самыми большими глыбами известняка, какія известны до сихъ порь; онъ не имѣеть никакихъ

¹⁾ Rudolf Kleinpaul, „Die Dahabiyé“.

²⁾ Elie Réclus, „Philosophie positive“, mars, avril 1870.

кихъ украшеній и, повидимому, принадлежить къ переходной эпохѣ между мегалитовыми памятниками и зданіями въ собственномъ смыслѣ¹). Статуя фараона Хефрена, найденная въ этомъ храмѣ, и которую теперь можно видѣть въ Булакскомъ музѣ, въ Каирѣ, есть, можетъ-быть, лучшее изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ произведений египетской скульптуры; въ эту эпоху искусства гіератическое правило еще не навязало ваятелямъ неизмѣнныхъ формъ. Статуя была запрятана, быть-можетъ, брошена въ колодезь, послѣ постройки зданія.

Преемникъ Мемфиса, Каиръ занимаетъ положеніе, подобное тому, какое занимала древняя столица, «Алмазная пуговица», застегивающая вѣрь дельты. Каиръ, какъ и Мемфисъ, лежитъ въ вершинѣ треугольника воздѣланыхъ земель, орошаемыхъ рукавами рѣки²), и, слѣдовательно, находится въ мѣстѣ естественнаго схожденія для всѣхъ дорогъ Нижняго Египта отъ Александрии до Эль-Ариша; подобно Мемфису, онъ расположень въ близкомъ сосѣдствѣ съ бифуркаціей Нила; но онъ перемѣстился къ сѣверу, какъ и самыя воды. Перенесенный на лѣвый берегъ рѣки, Каиръ былъ бы простымъ продолженіемъ Мемфиса. Казалось бы, въ самомъ дѣлѣ, болѣе нормальнымъ относительно совокупности страны, чтобы столица государства находилась, какъ почти всѣ города Средняго Египта, на западномъ берегу, который представляетъ плугу болѣе трехъ четвертей годнаго для культуры пояса земель, и который въ то же время ближе къ Александрии, главному порту, откуда вывозятся произведенія страны; но не нужно забывать, что Каиръ городъ не египетскаго основанія: онъ былъ построенъ завоевателями, пришедшими изъ Азіи, а этимъ завоевателямъ, конечно, неудобно было бы помѣстить свою крѣость въ мѣстности, отъ которой они были бы отѣлены Ниломъ. Положеніе Каира на правомъ берегу рѣки достаточно доказываетъ, что Египет—покоренная страна.

Название Эль-Кагира, «Побѣдоносная», даваемое въ офиціальномъ языкѣ столицѣ Египта,—не то, которое слышится изъ устъ самого народа: старинное название всей страны, Масръ, къ которому часто прибавляютъ эпитетъ «Мать міра», употребляется обыкновенно въ просторѣчіи для обозначенія ея нынѣшняго главнаго города. Въ 19 году магометанскаго лѣтосчисленія (геджры) тамъ находилась, немногого выше теперешняго города, только маленькая крѣость, носившая название Вавилона (Бабелувъ). Взятая арабскимъ полководцемъ Амру, она увеличилась на сѣверѣ новымъ кварталомъ «Шатровъ» (Эль Фостатъ), изъ котораго впослѣдствіи образовался «Старый Каиръ», по-

арабски Масръ-эль-Атика; затѣмъ осажденный и завоеванный снова слишкомъ три столѣтія спустя, онъ увеличился, опять таки съ сѣверной стороны, третьимъ кварталомъ, военнымъ станомъ «Побѣдоносной»: здѣсь-то и выстроился новый городъ, название котораго, Эль-Кагира, видоизмѣнилось у европейцевъ въ Каиръ. На сѣверо-западѣ большое промышленное предмѣстіе Булакъ, соединенное съ городомъ новою широкой аллеей, обставлена по сторонамъ строеніями, тянется вдоль праваго берега Нила, въ видѣ ряда трясущихся лачугъ; въ 1883 году, англичане, изъ боязни холеры, совершенно очистили отъ жителей это предмѣстіе; въ одну ночь все населеніе было переведено въ палатки, близъ Торахскихъ каменоломенъ, находящихся противъ пирамидъ. Городскія стѣны Каира были по большей части разломаны или перейдены постройками разроставшагося города; отрывки ихъ существуютъ еще только на востокѣ и на югѣ, гдѣ онъ опираются на груды мусора и обломковъ; утесы высотъ Джебель-Мокаттамъ, изсѣченные ломками камня, выдвигаются до юго-восточного угла города и на крайнемъ ихъ выступѣ или мысѣ расположена цитадель. Съ высоты этого пригорка, обведенного по бокамъ подпорными стѣнами, виденъ, какъ на ладони, весь городъ съ его минаретами и куполами, съ его разноцвѣтными зданіями, съ его садами и деревьями. Кругомъ этого окрашенного въ яркіе, веселые цвета города, откуда несетъ несмокгающій гулъ многотысячной толпы, разстилается на необримое пространство сѣрая и безмолвная равнина, за которой вдали наблюдаютъ гигантскія пирамиды.

Каиръ былъ построенъ на самомъ берегу Нила, но рѣка перемѣстилась съ десятаго столѣтія, и еще недавно городъ отдѣлялся отъ рѣчныхъ водъ поясомъ рощъ и садовъ, шириной отъ одного до двухъ километровъ; только узкій каналъ, Халигъ, пересыхающій въ течение извѣстной части года, перерѣзываетъ городъ по всей его длинѣ. Другой каналъ, Измайліе, широкій и вырытый на довольно большую глубину, чтобы имѣть воду во всякое время года, проходить на сѣверо-западной сторонѣ города, направляясь къ Суэцу черезъ Уади-Тумилатъ. Черезъ Ниль, имѣющій 400 метровъ ширину между боковыми плотинами, построенъ мостъ новѣйшей конструкціи о четырехъ желѣзныхъ пролетахъ, покоящейся на каменныхъ быкахъ и продолжающейся на западѣ длиннымъ путеводомъ, который перекинутъ черезъ рукавъ, наполняющейся во время наводненія: если бы не пальмы, окаймляющіе лѣвый берегъ рѣки, и не дахабіе и барки, стоящія на якорѣ вдоль набережныхъ, можно бы подумать, смотря на этотъ желѣзный мостъ, что находишься въ какомъ-нибудь городѣ западнаго міра. Весь новый городъ, выстроившійся между египет-

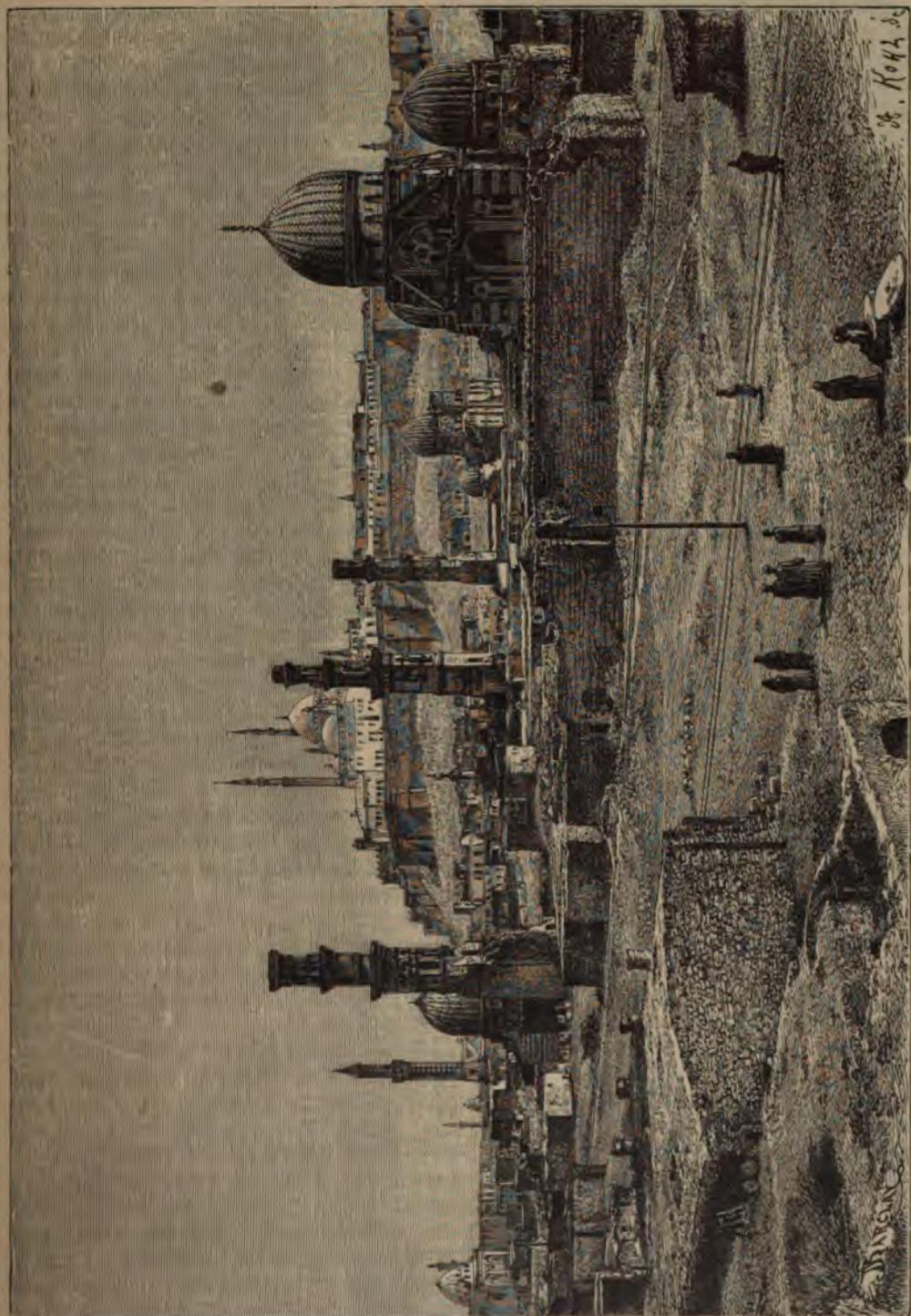
¹) *François Lenormant, "Premières Civilisations".*

²) Египетская пѣсня, приводимая Эдмундомъ Абу въ его романѣ, *"Ahmed le Fellah"*.

скими кварталами и Ниломъ: казармы, министерства, дворцы, отели, тоже представляютъ чисто-европейскій видъ; только растенія, видѣющіеся сквозь рѣшетки садовъ, и большія

кай контрастъ съ банальными постройками этого новаго квартала¹⁾.

Несколько широкихъ и прямыхъ проспектовъ, обставленныхъ домами вульгарной архи-

Каирская цитадель.

акаціи лебекъ, осѣняющія съ обѣихъ сторонъ широкія улицы, напоминаютъ путешественнику, что онъ въ странѣ фараоновъ. Изящныя зданія, окруженные зеленью, составляютъ рѣз-

тектуры, были недавно проложены черезъ старые кварталы, но почти всюду египетскій

¹⁾ G. Maspero, рукописная замѣтка.

городъ сохранилъ свою оригинальную физиономію. Въ этихъ неровныхъ проходахъ или дорогахъ, то улицахъ, то переулкахъ, съ крутыми поворотами, идущихъ между рядами домишекъ, изъ которыхъ каждый ориентировался по своему произволу, разнообразіе перспективъ безконечно: здѣсь являются неправильная площади, ограниченные стѣнами какой-нибудь мечети съ разрисованными аркадами; въ иномъ мѣстѣ двѣ половины дворца соединяются надъ улицей сводообразными проходами; справа, слѣва, открываются ворота лабиринтовъ, приводящихъ въ безвыходные закоулки или проходящихъ черезъ дворцы, окруженные балконами, откуда спускаются повышенные на перилахъ разноцвѣтные ковры; мраморныя колонны, разныя портики выступаютъ тамъ и сямъ на стѣнахъ изъ сѣраго или красноватаго кирпича. Мушарабіе (разныя решетки въ окнахъ) все отличаются узоромъ рѣзбы. Даже этажи одного и того же дома различаются архитектурой и выступомъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ весь верхъ дома поставленъ на нижнемъ этажѣ въ формѣ китайскихъ ширмъ и обраzuется многочисленные изгибы или углы,— способъ постройки, нарочно употребляемый для того, чтобы женщинамъ удобнѣ было разматривать прохожихъ; доски или бревна, положенные наискось черезъ улицу съ одного коняка кровли на другой, циновки, протянутыя на различныхъ высотахъ, обусловливаютъ чередование внизу, на улицѣ, прохлады и зноя; за темными, погруженными въ полумракъ, пространствами вдругъ слѣдуютъ полосы осеннепельного свѣта, гдѣ кружится носящаяся въ воздухѣ уличная пыль. Лужи, кучи сора, нечистотъ или мусора задерживаютъ пѣшехода чуть не на каждомъ шагу, и маленькия кружащіяся дюны отлагаются въ брешахъ стѣнъ.

Въ этихъ кварталахъ старого города населеніе представляетъ удивительное разнообразіе: египтяне и варвары, арабы и негры становятся въ узкихъ улицахъ и переулкахъ, торгаютъ въ лавкахъ, толпятъся вокругъ рассказчиковъ. Особенно въ Муски и въ другихъ сосѣднихъ съ базаромъ улицахъ, гдѣ происходятъ непосредственная торговля сдѣлки между туземцами и европейцами, бросается въ глаза эта пестрота толпы, это поразительное разнообразіе типовъ и костюмовъ; въ этой части города, лучше чѣмъ гдѣ-либо, можно наблюдать беспрестанно мѣняющейся картины и сцены каирской уличной жизни. Вдоль стѣнъ пробираются, скрѣпъ скользятъ, чѣмъ идутъ, плотно закутанныя покрывалами женщины, мусульманскія и коптскія: движущіяся кучи разныхъ матерій, онѣ не имѣютъ съ виду ничего живаго, кроме глазъ, выглядывающихъ изъ щелокъ фаты, прикрепленной позолоченной застежкой къ причесѣ. Деревенскія женщины, одѣтые въ простое платье съ длинными склад-

ками, свободно волнующееся соответственно движеніямъ тѣла, почти всѣ ходятъ съ открытымъ лицомъ, предлагая прохожимъ разные сельскіе продукты. Сиріянки, левантинки, еврейки, сразу узнаваемы по ихъ типу и поступи, по цвету и покрою одежды, по скромности или выставкѣ на показъ украшений, пробираются черезъ толпу или останавливаются передъ магазинами. Изящные варвары въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ, бедуины, гордо драпирующиеся въ свои рубища, негры всякаго рода и племени, носящіе на лицѣ отличительныя нарязы своей націи, мѣшаются въ этой пестрой многоязычной толпѣ съ египтянами, облаченными въ офиціальный стамбулинъ, съ тарбушемъ на головѣ, съ европейцами всякой національности, болѣе или менѣе вѣрными западному костюму, съ солдатами всякаго рода оружія, въ каскахъ, въ кепи, въ чалмахъ, въ куфюрахъ изъ повязокъ, какія можно видѣть на античныхъ статуяхъ. Сопровождаемые своими маленькими погонщиками, бѣгущими въ прыжку и постоянно покрикивающими, ослы и мулы, составляющіе славу и гордость Египта, бѣгутъ бодрой рысью, какъ бы ни былъ груженъ или длиненъ ихъ всадникъ; военные начальники или богатые иностранцы важно разъезжаютъ на кровныхъ арабскихъ коняхъ, съ широкимъ крупомъ, съ великолѣпной шеей; щегольскіе экипажи быстро перерѣзываютъ потокъ толпы, предшествуемые саисомъ или скороходомъ, въ албанскомъ костюмѣ, сплошь расшитомъ золотомъ и шелками, вооруженнымъ традиціоннымъ прутомъ, который въ былое время то и дѣло пускался въ ходъ, чтобы заставить посторониться слишкомъ неповоротливыхъ пѣшеходовъ. Иногда, высоко подымаясь надъ толпой, какъ магъ на картинахъ Рубенса, появляется какой-нибудь негритинскій начальникъ племени, пышно одѣтый въ бѣлый и красный шелкъ, съ поясомъ, блестящимъ дорогимъ дамасскимъ оружіемъ, важно возсѣдая на гигантскомъ верблюдѣ, увѣшанномъ узорчатыми коврами и бархатными чапраками съ золотою бахрамой.

Въ настоящее время почти не бываетъ примѣра, чтобы иностранцы, если они сами не подадутъ повода какой-нибудь грубой выходкой, подвергались оскорблѣніямъ со стороны фанатиковъ, даже въ сосѣдствѣ мечети Эль-Азхаръ, гдѣ обитаютъ самые пылкіе послѣдователи ислама. Теперь можно безбоязненно слѣдовать въ самыхъ глухихъ закоулкахъ за веселыми свадебными поѣздами или похоронными процессіями. Что касается большихъ религіозныхъ церемоній, на которыхъ прежде христіане могли смотрѣть лишь издали, или помѣщаясь въ сосѣдствѣ сановниковъ, подъ охраной жандармовъ и солдатъ, то онѣ утратили свою первоначальную торжественность, и нѣкоторыя части прежней программы подоб-

ныхъ церемоний нынѣ уже не исполняются. Извѣстно, что самый большой мѣстный праздникъ—день «спуска», когда благодѣтельный воды рѣки вступаютъ въ каналы города, и самыя важныя религіозныя торжества — тѣ, которыя спрвляются въ день отправленія богомольцевъ въ Мекку и въ день прибытія ихъ оттуда. Праздникъ отѣзда пилигримовъ, называемый туземцами «махмаль», извѣстенъ у европейцевъ подъ именемъ «ковра». Верблюдъ, украшенный богато расшитыми чапраками, султанами, блестящими металлическими бляхами и цѣпочками, несетъ на спинѣ роскошныя носилки, заключающія въ себѣ дары хедива меккскому храму Кааба; впереди идутъ музыканты, солдаты, а позади слѣдуетъ многочисленная толпа пилигримовъ всякойрасы и всякаго цвета. По возвращеніи святаго каравана, празднуется день рождения Пророка, и тогда дервиши, псиллы, факиры и скоморохи дѣлаются полными хозяевами города: никогда путешественникъ не имѣеть болѣе удобнаго случая для изученія разноцвѣтнаго населенія Каира; каждый лабиринтъ извилистыхъ переулковъ и закоулковъ, каждая лачужка или землянка извергаетъ въ этотъ день свое населеніе — арабовъ, негровъ, абиссинцевъ, беджасовъ, со-мальцевъ — на площади и на главное поле для народнаго гулянья, близъ Булака, гдѣ шейхъ дервишъ проѣзжаетъ на конѣ по настилѣ изъ человѣческихъ тѣлъ. Лошадь его сначала упирается, но два невольника держать ее за узду и, шагая сами по ковру изъ живаго мяса, заставляютъ животное слѣдоватъ за ними. Въ 1884 году, англійскія войска, созванныя на этотъ праздникъ, своимъ присутствіемъ напоминали мусульманамъ, что древній градъ Амру принадлежитъ отнынѣ невѣрнымъ.

Замѣчательнѣе памятники Каира — мечети и гробницы. Изъ четырехсотъ мѣстъ молитвы, разсѣянныхъ въ разныхъ частяхъ города, нѣкоторыя безспорно принадлежать къ прекраснѣйшимъ зданіямъ мусульманскаго міра. Мечеть Тулуна, составлявшая часть Старого Каира до постройки новаго города, «Эль-Кагира», приходитъ въ состояніе развалинъ, но она все еще сохранияетъ красоту, которую придаетъ ей благородная простота плана, большою открытый дворъ, окруженній съ трехъ сторонъ двойнымъ перистилемъ и выходящій изъ святилища о четырехъ нефахъ съ стрѣльчатыми аркадами изъ финикового дерева; галереи, украшенныя прелестными арабесками, были задѣланы кирпичемъ и превращены въ вульгарныя богадѣльни для немощныхъ и слабоумныхъ¹⁾. Мечеть султана Гассана, самая красивая въ Каирѣ, издалека бросающаяся въ глаза своимъ стройнымъ минaretомъ, высоко

поднимающимся надъ массой домовъ, тоже грозитъ разрушеніемъ, какъ и мечеть Тулуна: видя большія трещины, зияющія въ ея стѣнахъ, посѣтитель не безъ страха вступаетъ во дворъ, гдѣ журчатъ фонтаны, не безъ страха поднимается по ступенямъ главнаго храма и боковыхъ предѣловъ, подъ колоссальными портиками, гдѣ кружатся иернаты обитатели. Мечеть Эль-Азхаръ, то-есть «Цвѣтущая», тоже была нѣкогда простымъ дворомъ, окруженнымъ портиками, но впослѣдствіи къ первоначальному зданію были прибавлены многочисленныя постройки, такъ какъ Эль-Азхаръ есть въ одно и то же время университетъ, библиотека, страннопріимный домъ или гостиница для любопытственниковъ, богадѣльня для слѣпыхъ, пріютъ для бѣдныхъ. Шлафонъ святилища поддерживается 380 колоннами изъ мрамора, гранита и порфира, часть которыхъ украшала въ древности римскіе храмы. Расположенные вокругъ двора колоннады предназначены для студентовъ, которые группируются подъ столбами храма по национальностямъ или мѣстамъ происхожденія: отъ Марокко до Индустана, отъ Нигера до Аму-Дары, всѣ народы ислама представлены въ этомъ университѣтѣ, древнѣйшемъ во всемъ свѣтѣ; до 12.000 студентовъ, не считая вольнослушателей, изучающихъ здѣсь, подъ руководствомъ слишкомъ 200 профессоровъ, Коранъ, законовѣдѣніе, арабскій языкъ и математику; кроме того, въ группѣ строеній или *ривакъ*, окружающихъ собственно храмъ, находится не менѣе десятка приготовительныхъ школъ, имѣющихъ каждая отъ 30 до 40 воспитанниковъ, и специальнѣе училище для слѣпыхъ. Въ 1894 году въ Эль-Азхарѣ было внесенныхъ въ списки студентовъ 15.150; профессоровъ 250; по исповѣданіямъ они распредѣлялись такимъ образомъ:

Шафейтскаго исповѣданія: 7.800 студентовъ, 100 профессоровъ; малекитскаго — 5.600 студ.. 82 проф.; ганефитскаго — 1.700 студ., 66 проф.; гамбалитскаго — 50 студ., 2 проф.

Другая мечеть, сооруженная въ честь султана Калауна, почти вся занята теперь подъ госпиталь душевно-больныхъ. Что касается мечети Могаммеда-Али, въ цитадели, то она очень пышна, полы и колонны ея сдѣланы изъ великколѣпнаго прозрачнаго алебастра; но самое богатство ея только нагляднѣе выказываетъ дурной вкусъ строителя. Вблизи мечети находятся «Іосифовъ колодезъ», вырытый по приказанию Юсуфа-Сала-эдъ-дина, знаменитаго Саладина, и спускающійся до уровня Нила, на 88 метровъ; отъ поверхности почвы до половины глубины колодца устроена витая лѣстница съ перилами, по которой быки могутъ спускаться на нижнюю площадку, чтобы поднимать воду со дна посредствомъ пары ведеръ. На югъ отъ цитадели, въ направлениі Старого Каира, и на сѣверо-востокѣ, у подошвы

¹⁾ Elie R閍clus, „Voyage au Cairo, Philosophie positive“, page, avril 1870.

Джебель-Мокаттама, разсѣяны другія мечети, большія и малыя, вздымавшія свои стрѣльчатые куполы надъ царскими или княжескими гробницами: эти граціозныя маленькия зданія составляютъ рѣзкій контрастъ съ голой землей, усеянной обломками, и съ крутыми утесами каменоломенъ. Мечеть Каитъ-бей, къ сѣверу отъ массива холмовъ,— зданіе пятнадцатаго столѣтія, но недавно реставрированное, есть можетъ-быть, совершенѣйшій памятникъ арабской архитектуры въ Египтѣ по красотѣ рисунка его стѣнъ съ геометрически правильною провивкой; его высокій минаретъ съ выступающими галлереями—верхъ граціи и изящества. Страна, гдѣ воздвигнуты самыя массивныя постройки, какія существуютъ въ свѣтѣ, пирамиды и мастабы, есть въ то же время страна, обладающая самыми изящными минаретами, отличающимися удивительной легкостью стиля и тонкостію профиля¹⁾.

Первый городъ африканского континента по числу жителей, Каиръ является первымъ также по своимъ учебнымъ и ученымъ учрежденіямъ и по собраннымъ въ немъ сокровищамъ искусства. Не считая его религіознаго университета Эль-Азхаръ и сотенъ арабскихъ школъ, помѣщающихся подлѣ мечетей или въ верхнихъ этажахъ фонтановъ, городъ имѣетъ превосходныя европейскія училища, по большей части конфессіональнныя, католическія, коптскія, мелькитскія, протестантскія и еврейскія; онъ имѣетъ школу медицины и фармаціи, публичную библиотеку, залы курсовъ, астрономическую обсерваторію, драгоцѣнную коллекцію картъ и плановъ (къ сожалѣнію, порядкомъ опустошенную со времени прибытія англичанъ), географическое общество и другія ученыя общества. Но славу и гордость Каира составляетъ его музей древностей, помѣщающейся въ предмѣстіе Булакъ, на самой плотинѣ, идущей вдоль праваго берега Нила. Это драгоцѣнное собраніе замѣчательныхъ остатковъ старины, составленное Мариеттомъ, продолжаемое Масперо и уже слишкомъ богатое для зданія, служащаго ему хранилищемъ, представляетъ полный, великолѣпно kommentированный, курсъ исторіи фараоновъ и египетскаго искусства: кромѣ тысячи предметовъ, встрѣчающихся во всѣхъ музеяхъ, стелей (четыреугольныхъ колоннъ), статутокъ, мумий, амулетовъ, различныхъ украшеній, папирусовъ, булакская коллекція заключаетъ въ себѣ много капитальныхъ произведений античнаго искусства, каковы: діоритовая статуя, представляющая Хефрена, величаваго и кроткаго, деревянная статуя добродушной особы, которую арабы называли шейхъ-эль-беледомъ или «сельскимъ старшиной», сфинксы гиксовъ, воспроизводящіе съ такой пора-

зительной точностью типъ этихъ пастуховъ-за-воевателей. Во дворѣ музея стоитъ гробница Мариетта, саркофагъ изъ чернаго мрамора, откуда видишь у себя подъ ногами медленно текущія воды Нила. Булакъ—главный промышленный центръ столицы: правительство имѣетъ тамъ большую типографію и военные заводы и мастерскія, чугунно-литейный заводъ, оружейную фабрику. Рѣчная торговля, имѣвшая прежде свои верфи и склады въ Старомъ Каирѣ, сосредоточилась теперь передъ набережными Булака: рѣка тамъ сплошь покрыта лодками, барками, парусными судами и пароходами.

То, что осталось еще отъ Старого Каира или Эль-Фостата, отдѣленнаго пространствомъ около одного километра отъ юго-западнаго предмѣстія новаго города, расположено вдоль праваго берега небольшаго рукава Нила. Мечеть, окруженнага горками развалинъ, напоминаетъ о быломъ блескѣ и величинѣ древнаго города: это храмъ, построенный арабскими полководцемъ Амру въ 21 году геджры, на глазахъ сподвижниковъ Магомета; послѣ мечетей святыхъ городовъ, ни одна джама не пользуется у правовѣрныхъ такимъ благоговѣніемъ, какъ этотъ старый памятникъ, который, впрочемъ, неоднократно подвергался передѣлкамъ и реставраціямъ; иѣкоторая изъ 230 колоннъ, поддерживающихъ плафоны галлерей и святилища, вокругъ центральнаго двора, сломились подъ тяжестью массивныхъ сводовъ. Островъ, большую частью покрытый пашнями, который отдѣляетъ Старый Каиръ отъ главнаго рукава Нила, называется по-арабски Джезирѣтъ-эль-Раудахъ; здѣсь племянникъ Саладина основалъ школу багаритовъ или «рѣчныхъ», которые были первыми мамелюками Египта. Южная оконечность острова Раудахъ заключаетъ знаменитый мекіасъ или «нилометръ», который нѣкогда такъ тревожно наблюдалъ, чтобы слѣдить за прибылью воды во время разлива. Древній нилометръ, замѣненный раудахскимъ измѣрителемъ, находился выше, на правомъ берегу рѣки, противъ Мемфиса. За исключеніемъ классическаго Нила, ни одна рѣка не дала своего имени скаламъ, служащимъ для измѣренія колебаній уровня: не говорить о падометрѣ, ни о роданометрѣ, показывающихъ прибыль и убыль воды въ По и Ронѣ.

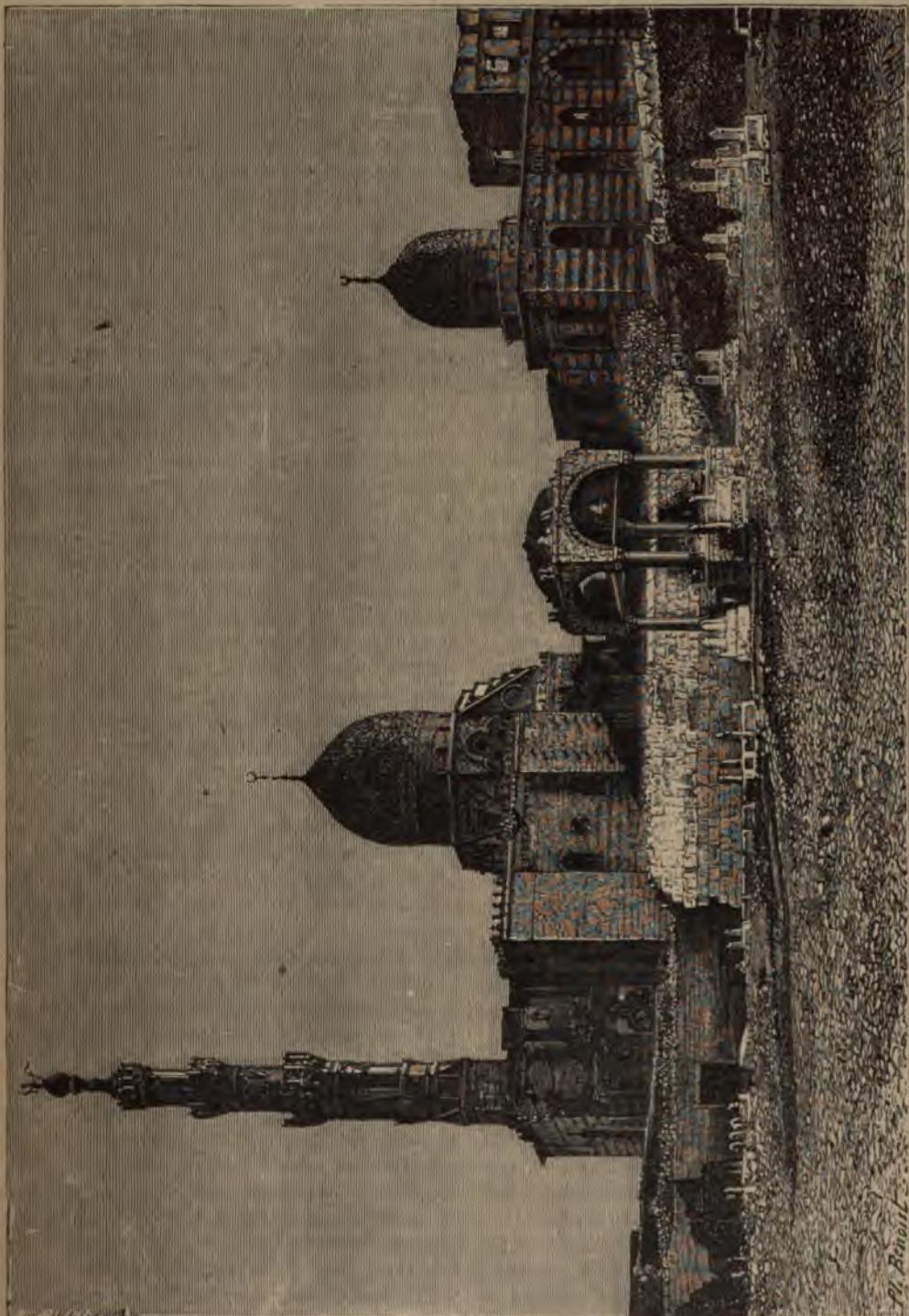
Столица Египта, Каиръ дополняется курортъ Гелуанъ, лежащимъ въ 24 километрахъ къ югу, по желѣзной дорогѣ, близъ праваго берега Нила; сѣрины воды его, слегка термальная (отъ 23° до 30° Цельсія), говорятъ, очень помогаютъ въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ. Многочисленные палаты разсѣяны вокругъ этого мѣстечка, среди садовъ и парковъ, изъ которыхъ иные занимаютъ пространство въ нѣсколько квадратныхъ километровъ. Дворцы въ Гизехѣ, въ Джезирѣ слѣдуютъ одинъ за другимъ

¹⁾ Mariette;—Ernest Desjardins, рукописная записка;—Ch. Blanc, „Voyage de la haute Egypte“.

по лѣвому берегу, напротивъ Каира; къ сѣверу отъ города стоитъ дворецъ Шубрахъ, соединенный съ желѣзнодорожной станціей великолѣпною аллеей сикоморъ, по обѣимъ сторо-

намъ которой тянется рядъ виллъ и дачъ; на сѣверо-востокѣ, на границахъ пустыни, показываются дворцы Эль-Куббе и Эль-Аббасіе, занимаемые нынѣ: одинъ политехническою школой, другой — военнымъ училищемъ. По-

Мечеть Кайтъ-бая въ Каирѣ.

намъ которой тянется рядъ виллъ и дачъ; на сѣверо-востокѣ, на границахъ пустыни, показываются дворцы Эль-Куббе и Эль-Аббасіе, занимаемые нынѣ: одинъ политехническою школой, другой — военнымъ училищемъ. По-

посвящаемы въ таинства своей науки. Отъ этого города храмовъ и школъ остались только основанія двухъ оградъ и обелискъ, вросшій въ землю метровъ на десять, который былъ воздвигнутъ фараономъ Усортесеномъ I, со-

рокъ шесть вѣковъ тому назадъ: изъ всѣхъ памятниковъ этого рода это—самый древній. Въ окрестныхъ болотахъ все еще можно видѣть хохлатую цаплю, называемую орнитологами *ard a galzetti* (чепура иѣжная), птицу, которая такъ прославилась въ исторіи символовъ, подъ именемъ феникса¹); каждая пятьсотъ лѣтъ, въ день лѣтняго солнцестоянія, эта священная птица, возвратившись изъ Аравіи или изъ Индіи, садилась на кровлю храма Солнца, и тамъ на кострѣ изъ розмаринового дерева, испускающаго запахъ еніміама, сжигала себя, чтобы тотчасъ же возродиться изъ пепла, такой же молодою, какъ въ первый день своей жизни. Деревня Матаріе, на правомъ берегу Нила, такъ же какъ деревня Эмбабе на лѣвомъ берегу, вызываютъ въ умѣ воспоминаніе о происходившихъ тутъ битвахъ во время египетской экспедиціи французовъ: передъ Эмбабе Бонапартъ одержалъ побѣду, известную въ исторіи подъ именемъ побѣды при «Пирамидахъ», а въ Матаріе и на развалинахъ Геліополя Клеберъ нанесъ пораженіе турецкой арміи. Въ одномъ прелестномъ саду, въ Матаріе, контские монахи показываютъ, «дерево Пресвятой Дѣви»,—сикомору, не насчитывающую еще и трехъ вѣковъ отъ роду, подъ которой, будто бы, отыхало Святое Семейство во время «бѣгства въ Египетъ». Въ томъ же мѣстечкѣ Матаріе находится единственная во всей Нильской дельтѣ ферма, гдѣ въ настоящее время занимаются страусоводствомъ.

Запруда Нила, зубчатыя башни которой издали кажутся крѣпостью, тоже принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ памятниковъ, которыми такъ богаты окрестности египетской столицы. Составленная изъ двухъ мостовъ, которые вмѣстѣ имѣютъ 134 арки и слишкомъ километръ длины (два километра вмѣстѣ съ дамбой), эта громадная плотина стоитъ поперекъ рѣки, верстахъ въ двадцати ниже Булакскаго предмѣстя, въ томъ мѣстѣ, гдѣ воды Нила дѣлятся на два потока; промежуточный ровъ, каналъ Менуфіе, разрѣзываетъ на-двоихъ большой островъ Шалагане, преобразованый набережными и каменными стѣнами въ окруженнное бастіонами укрѣпленіе: это крѣпость Саадіе, командинущая въ одно и то же время обѣими вѣтвями Нила и двумя главными желѣзными дорогами Нижняго Египта. Это гигантское сооруженіе, первый камень которого былъ положенъ Мохаммедомъ-Али въ 1847 году, должно было дать въ результатѣ, во-первыхъ, увеличеніе площади годныхъ для культуры земель на нѣсколько десятковъ тысячъ гектаровъ, и во-вторыхъ, возможность регулировать судоходство во всей области Нижняго Египта. Но вице-король не обнаруживалъ въ своихъ пред-

пріятіяхъ настойчивости, равной его горячности, и постройка нѣкоторыхъ частей запруды была оставлена въ небреженіи. Фундаменты подались, въ аркахъ образовались трещины, и изъ трехъ каваловъ, Шаркіе, Бехара и Менуфіе, которые предполагалось прорыть, только послѣдній былъ доведенъ до конца. Но даже и въ телерешнемъ своемъ состояніи Нильская запруда не есть, какъ это часто повторяютъ, сооруженіе совершенно бесполезное, достойный сожалѣнія памятникъ безцѣльной расточительности: ею пользуются каждый годъ для поднятія на два метра горизонта воды въ рѣкѣ¹). Если бы захотѣли возвысить уровень на 5 метровъ, согласно первоначальному плану, укрѣпить фундаменты и докончить канализационныя работы, то для этого достаточно было бы, по расчетамъ англійскаго инженера Фоулера, дополнительного расхода въ суммѣ около 25 миллионовъ франковъ²); но при этомъ нужно было бы также видоизмѣнить первоначальный планъ, чтобы избѣжать скопленія на дѣй осадковъ ила и песку, образующаго выше преграды³), или выкопать рядомъ съ Ниломъ судоходные каналы.

До открытия Суэзскаго канала, прямая желѣзная дорога, пересѣкающая пустыню по низменностямъ, которыми идетъ старая дорога пилигримовъ, соединяла Каиръ съ портомъ Краснаго моря. Нынѣшній городъ Суэцъ, лежащий близъ южной оконечности морскаго канала, смынилъ Клисуру древнихъ грековъ, Кольцимъ арабовъ, мѣсто нахожденія котораго пріоричиваются къ Телль-Кольцуму, лежащему въ 6 километрахъ сѣвериѣ, и станцію Арсиноэ, называвшуюся впослѣдствіи Клеопатриної, положеніе которой ищутъ восточиѣ, по близости нынѣшней деревни Агерутъ; вплоть до Горкихъ озеръ ясно видны слѣды давняго пребыванія въ этихъ мѣстахъ водъ Аравійскаго залива. Море отступило, и если бы городъ долженъ былъ слѣдовать за движениемъ воды, онъ перемѣстился бы еще, чтобы выстроиться въ 3 километрахъ южнѣе, у самаго входа въ каналъ, тамъ, гдѣ два расходящихся жете, длиной въ 2.310 метровъ, образуютъ портъ Тевфикъ, обставленный магазинами, принадлежащими компаніи Суэзскаго канала. На оконечности одного жете нѣсколько деревьевъ окружаютъ статую Вагхорна, одного изъ предшественниковъ Лессенса въ изысканіи быстрыхъ путей между Европой и Индіей. Суэцъ, потерявши водопроводы, построенные при Птолемеяхъ, снабжается чистою водой посредствомъ канала, отведеннаго изъ Нила и проходящаго черезъ Уади-Тумилатъ; такъ что городъ могъ бы свободно развиваться, не опа-

¹⁾ Barois, рукописные замѣтки.

²⁾ „Rapport officiel. Réparation des barrages du Nil“, 1875.

³⁾ Rousseau; — Ernest Desjardins, рукописные замѣтки.

сясь погибнуть отъ жажды, какъ это было въ ту эпоху, когда онъ долженъ быть довольствоваться солоноватой водой колодцевъ, вырытыхъ у подошвы массива Джебель-Аттака. Но послѣ быстраго роста, во время постройки морскаго канала, Суэцъ сталъ снова уменьшаться, такъ какъ большинство пароходовъ, вереницей слѣдующихъ одинъ за другимъ по каналу, проходитъ мимо этого порта, по предъявленій въ немъ, для визы, своихъ корабельныхъ бумагъ. Самые большие склады продовольствія для судовъ находятся на сѣверной оконечности канала, въ Портъ-Саидѣ, со стороны, обращенной къ Европѣ. Но все-таки число судовъ, отдаляющихся отъ проходящихъ по каналу флотомъ для захода въ южный портъ, настолько значительно, что Суэцъ занимаетъ въ ряду приморскихъ торговыхъ городовъ Египта третье мѣсто послѣ Александрии и Портъ-Саида.

Движеніе судоходства въ Суэзскомъ портѣ, въ 1894 году:

Въ приходѣ 654 судно, вмѣстимостію—781.420 тоннъ; въ отходѣ 623 судно, вмѣстимостію—729.846 тоннъ. Вмѣстѣ 1.277 судна, вмѣстимостію—1.511.266 тоннъ.

Въ настоящее время желѣзная дорога, соединяющая Каиръ съ его портомъ на Черномъ морѣ, огибаетъ на сѣверѣ передовые массивы «Аравийской» цѣни, чтобы достигнуть низменности канала черезъ брешь Уади-Тамилатъ, древнюю землю Гессемъ, которую обрабатывали «нечистые», то-есть евреи-невольники; арабы племени тумилатъ, давшіе свое имя этому уади, живутъ въ странѣ уже только въ сѣдловѣ состояніи и всѣ занимаются земледѣліемъ. Не доѣзжая того мѣста, гдѣ рельсовый путь вступаетъ въ Уади-Тамилатъ, поѣздъ проходитъ близъ станціи Шибинъ-эль-Канатеръ, мимо горки Телль-эль-Яхудъ или «Жидовскаго холма», напоминающаго о пребываніи евреевъ въ краѣ; въ этомъ мѣстѣ нашли слѣды зданія, воздвигнутаго Рамзесомъ III. Далѣе слѣдуютъ Бельбейсъ и Бордейль, въ безпредѣльной, хорошо орошающей равнинѣ. Всѣ селенія этой мѣстности окружены полями хлопчатника, и въ каждой деревнѣ надѣтъ массою хлопъ господствуетъ, поднимаясь среди широколистыхъ коронъ пальмъ, высокая труба паровой фабрики, гдѣ греческіе торговые агенты производятъ черезъ рабочихъ очистку волокна и прессованіе его въ кипы для отправки за границу. Главнымъ складочнымъ пунктомъ для хлопка и хлѣба этой области дельты служитъ многолюдный городъ Загазигъ, лежащий въ мѣстѣ соединенія нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ, противъ западнаго выхода долины Тамилатъ; населеніе его, обогащаемое культурою хлопка, уплатило съ 1860 года. Къ югу отъ садовъ Загазига, высокіе холмы, называемыя Телль-аль-Баста, носятъ еще название древняго

города Пабастъ (Бубастисъ греческихъ писателей), который былъ столицею Египта, отъ двухъ тысячъ восьмисотъ до двухъ тысячъ семисотъ лѣтъ тому назадъ, во времена двадцать-второй династіи фараоновъ, когда частыя войны съ Ассиріей заставили перенести къ востоку центръ тяжести государства. Фрагменты колоннъ, обѣданные рѣзцомъ вайтеля камни свидѣтельствуютъ о быломъ блескѣ и величинѣ этой царской резиденціи. На сѣверо-востокѣ, въ сосѣдствѣ границъ пустыни и на послѣднихъ каналахъ, отведенныхъ изъ Нила, расположена деревня Караймъ, окруженная пальмовыми рощами, которая производить лучшіе въ Египтѣ финики.

Входъ въ Уади-Тумилатъ охраняется на западѣ станціей Тель-эль-Кебиръ или «Большаго Холма», которую египтяне тщетно пытались въ 1882 году защитить отъ англійскихъ войскъ укрѣпленіями, впрочемъ, не особенно грозными и легко обходимыми. Дворецъ, стоящій въ сосѣдствѣ, есть центръ фермы «Уади», обширнаго имѣнія, занимающаго около 10.000 гектаровъ, которое въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ находилось въ пользованіи компаніи Суэзскаго канала. Близъ восточной оконечности Уади-Тумилата, другія горки, какъ напримѣръ «Большой пригородъ», холмы Телль-эль-Масхута, напоминаютъ о Питхомѣ, «городѣ скропищъ», построенному еврейскими плѣнниками для Рамзеса II; Навиль недавно производилъ раскопки въ этихъ развалинахъ, которая считаются остатками города Рамзеса, во которыя принадлежать другому одноименному городу, вѣроятно, сосѣднему, построенному въ ту же эпоху и тѣми же невольниками; во времена грековъ и римлянъ Питхомъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Геро и Героополя. Недалеко оттуда, Суэзская дорога и прѣсноводный каналъ направляются къ юго-востоку, тогда какъ одна вѣтвь идетъ на сѣверо-востокъ, на берега озера Тимсахъ, къ новому городу Измаилія, который во времена прорытія пороговъ имѣлъ важное значеніе, какъ центръ снабженія продольствиемъ тысячи людей, работавшихъ на каналѣ: теперь онъ слишкомъ обширенъ для своего многочисленнаго населенія; площади его пустыны, а улицы, осѣянныя деревьями, окаймлены садами, походяще больше на аллеи парка, чѣмъ на дороги, предназначенные для торговаго движенія. Однако, Измаилія могла бы снова сдѣлаться многолюднымъ городомъ, если бы вода, приносимая прѣсноводнымъ каналомъ, была болѣе щедро употребляема для орошенія земель оазиса, завоеванного у пустыни; каналъ не утилизируется также и для судоходства, хотя нормальная глубина его превышаетъ 3 метра, а ширина около 55 метровъ, — размѣры, достаточные для прохода судовъ, поднимающихся до 400 тоннъ груза. Въ портѣ всегда бываетъ по нѣскольку пароходовъ,

приходящихъ изъ Суэзского канала, а рейдъ обыкновенно усѣяны большими судами (движение пароходства въ портѣ Измаиліи въ 1882 году, безъ транзита: 271 пароходъ, вмѣстимостію 596.000 тоннъ). Отъ Измаиліи до Портъ-Саидъ по морскому каналу только одна станція заслуживаетъ имени деревни — Эль-Кантара или «Мостъ», получившая такое название отъ мостика, находившагося въ этомъ мѣстѣ на протокѣ между озеромъ Балла и озеромъ Мензалие. Расположенная на перешейкѣ, между затопляемыми пространствами, деревня Эль-Кантара была обязательнымъ мѣстомъ прохода каравановъ на пути изъ Африки въ Азію; да и теперь еще здѣсь проходитъ каждый годъ нѣсколько тысячъ верблюдовъ, которыхъ погибъ въ большихъ резервуарахъ, вырытыхъ компаніей близъ берега канала. Къ западу отъ этой деревни должны будутъ выкопать въ озерѣ Балла большой боковой бассейнъ или станцію для остановокъ при встрѣчѣ пароходовъ.

Портъ-Саидъ, городъ новый, какъ и Измаилія, но стоящій на пути процвѣтанія, благодаря постоянно возрастающему движению судоходства въ каналѣ, помѣщаются на узкомъ песчаномъ берегу или косѣ, отдѣляющей озеро Мензалиехъ отъ Средиземного моря. Созданіе этого города на голомъ морскомъ берегу, осаждаемомъ волнами, въ 40 километрахъ отъ всякаго прѣсноводного потока или ключа, отъ всякой культуры, отъ малѣйшей рощицы или купы деревьевъ, составляетъ одинъ изъ триумфовъ современной индустрии. Между большимъ рейдомъ и внутренними бассейнами порта городъ состоить изъ полсотни острововъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго широкими улицами, пересѣкающимися подъ прямымъ угломъ; дома, построенные изъ дерева, изъ кирпича, изъ жѣлѣза,—по большей части склады товаровъ и разнаго рода припасовъ, столь же богатые и такъ же хорошо снабженные, какъ склады торговыхъ городовъ Европы. Въ нѣсколькихъ стахъ метровъ къ западу отъ европейскаго города раскинулся городъ арабскій, гдѣ уже не мало домовъ, построенныхъ по образцу жилищъ гяуровъ, и который въ концѣ концовъ будетъ охваченъ разростающимся европейскимъ городомъ; впрочемъ, ложе озера Мензалиехъ, покрытое очень тонкимъ слоемъ воды, представляетъ строителямъ неограниченное пространство свободныхъ мѣстъ. Внѣшній рейдъ защищенъ двумя волноразбивателями, сложенными изъ глыбъ бетона въсомъ въ 20 тоннъ; одно изъ жете, западное, имѣть 2.500 метровъ длины, другое, восточное,—1.900 метровъ; оба вмѣстѣ они ограничиваютъ передовой постъ, образующій водную площадь около 2 квадратн. километровъ, где свободно могутъ дѣлать эволюціи самыя большія суда, и который развѣтвляется на нѣсколько бассейновъ, имѣющихъ около 50 гектаровъ пространства. Противъ

города, на азіатскомъ берегу, сложены груды каменного угля (ввозъ угля въ Портъ-Саидъ въ 1894 году: 683.085 тоннъ); на югѣ, на африканскомъ берегу, находятся мастерскія для постройки и починки барокъ и землечерпательныхъ машинъ; ялики, пароходы снуютъ взадъ и впередъ между берегами; большія торговые суда выстроились рядами вдоль набережныхъ, военные корабли стоять на якорѣ въ рейдѣ, у подножія маяка. Портъ-Саидъ, хотя лежащий на египетской территории, по своему населенію, торговлѣ, нравамъ и обычаямъ, городъ чисто-европейской, или, точнѣе сказать, французской. Господствующій языкъ здѣсь французский, на немъ же ведется преподаваніе въ двухъ соперничествующихъ учебныхъ заведеніяхъ, капуцинскомъ и франкмассонскомъ, насчитывающихъ до полуторы тысячи воспитанниковъ. Портъ-Саидъ—самый здоровый городъ во всемъ Нижнемъ Египтѣ; если чего не достаетъ ему, то это главнымъ образомъ пояса деревьевъ; воды, послыаемой ему каналомъ Измаиліе по чугуннымъ водопроводамъ, въ количествѣ около 1.000 кубич. метровъ въ сутки, едва хватаетъ для повседневнаго потребленія жителей, и она не можетъ быть употребляема на орошеніе садовъ. До конца 1884 года компания тщетно добивалась для Портъ-Саида концессіи на проведеніе прямаго канала изъ Даміетскаго рукава Нила; также тщетно предлагаетъ она дать торговое единство Египту, соединяя непосредственно ея портъ съ сѣтью египетскихъ желѣзныхъ дорогъ особой вѣтвью, построеною черезъ озеро Мензалиехъ. Опасаясь быть вытѣсненою со всемирнаго рынка Портъ-Саидомъ, Александрія употребляетъ все свое влияніе, чтобы замедлить успѣхи своего соперника, которому суждено, рано или поздно, одержать верхъ движеніемъ торговаго обмѣна, благодаря превосходству его порта и его положенію при каналѣ, соединяющемъ два моря.

Торговое движеніе Портъ-Саида, не считая мимо проходившихъ судовъ (транзита), въ 1894 году:

Въ приходѣ—1.727 судовъ, вмѣстимостію—1.097.755 тоннъ; въ отходѣ—1.780 судовъ, вмѣстимостію—1.102.303 тонны; вмѣстѣ—3.507 судовъ, вмѣстимостію—2.200.058 тоннъ.

Къ востоку отъ Портъ-Саида Египетъ владѣеть еще группой домовъ, имѣющихъ титулъ города и рангъ административнаго центра провинціи: это Эль-Аришъ, лежащий на возвышенности, у выхода уади, который обыкновенно обозначается какъ граница между Египтомъ и Палестиною, какъ разъ по серединѣ вогнутой кривой средиземноморскаго побережья. Но отъ древнихъ городовъ, находившихся въ сѣверо-восточной области Египта, не осталось даже никакихъ развалинъ; аллювиальная земли покрыли всѣ ихъ слѣды. Отъ Пелузы, «города грязей», теперь виднѣется только горка среди

болоть, недалеко отъ протока, бывшаго делузийской вѣтвию Нила. На западѣ, въ самомъ озерѣ Мензалехѣ, два острова, Теннехъ и Туннахъ, заключаютъ лишь безформенные кучи мусора. Санъ или Танистъ, бывшая столица «царей-пастуховъ», подъ именемъ Га-Уаръ или Аварисъ, и одинъ изъ большихъ египетскихъ городовъ, оставилъ послѣ себя болѣе значительныя развалины: холмъ, возвышающійся на южномъ берегу озера Мензалехѣ, носить на себѣ остатки трехъ храмовъ, среди которыхъ были найдены колонны, обелиски и любопытные сфинксы, представляющіе типъ гиксовъ, съ широкимъ лицомъ, съ крупнымъ носомъ, съ выдающимися скулами. Всѣ эти памятники были сдѣланы изъ гораздо болѣе цѣнныхъ материаловъ, чѣмъ памятники Верхнаго Египта; не съ песчаниковыхъ или нуммулитовыхъ массивовъ, близайшихъ къ дельтѣ, привозились камни для сооруженія храмовъ, воздвигнутыхъ Рамзесомъ II; это Ассуанъ доставлялъ ему глыбы розового гранита, обломки которыхъ виднѣются на холмѣ Сана. Но позднѣйшии строители—римляне, монахи, христіане или арабы—ничего не пощадили изъ этихъ величественныхъ построекъ; ни одинъ изъ четырнадцати обелисковъ, самыхъ большихъ, какіе существовали въ Египтѣ, не уцѣлѣлъ до нашего времени; колоссы были разломаны на мелкие куски, такъ сказать, раздроблены въ порошокъ¹⁾). Въ этихъ руинахъ, между прочимъ, нашли драгоценный «Санскій камень», стель съ надписью на трехъ языкахъ, которая могла бы открыть тайну іероглифовъ, если бы Шамполионъ не дешифрировалъ ее уже ранѣе въ «Розетскомъ камнѣ»²⁾). Невольно задаешь себѣ вопросъ: какъ могла выстроиться подобная столица среди этихъ, едва выступившихъ изъ-подъ воды земель, среди топей и болотъ, среди солончаковъ, окаймляющихъ озеро Мензалехѣ? Безъ сомнѣнія, страна измѣнила свой видъ съ древнихъ временъ, можетъ-быть, вслѣдствіе местнаго осѣданія почвы.

Даміеттскій Ниль, наименѣе обильная изъ двухъ рѣчныхъ вѣтвей, но гораздо лучше утилизируемая для орошенія, благодаря большей высотѣ ея уровня, имѣеть нѣсколько городовъ на своихъ берегахъ, и многочисленныя деревни образуютъ во многихъ мѣстахъ какъ бы одинъ длинный городъ. Бенха-л'Ассаль, или «Медовый городъ», который дѣйствительно посыаетъ жителямъ Каира много меда, вмѣстѣ съ произведеніями своихъ садовъ и огородовъ, имѣеть довольно важное значеніе, какъ мѣсто схожденія трехъ желѣзныхъ дорогъ: Александрийской, каирской и загазигской; черезъ рѣку построенъ путеводъ. Невдалекъ отъ станціи, холмъ или «телль» изъ безформенныхъ облом-

ковъ, лежащей, какъ и нынѣшній городъ, на правомъ берегу Даміеттскаго Нила, есть все, что осталось отъ древняго Атрибиса. Митъ-Гамръ и Зифтъ, стоящіе другъ противъ друга, на двухъ берегахъ рѣки, принадлежать къ числу многолюднѣйшихъ городовъ Нильской дельты. Ниже, на правомъ берегу, Самангудъ, Себеннитось грековъ, замѣчателенъ какъ мѣсто рожденія анналиста Манефона; въ окрестностяхъ города видны остатки древняго храма, Изеума Птоломея Филадельфа, храма, болѣе извѣстнаго въ наши дни подъ арабскимъ именемъ Бельбейтъ-эль-Хагаръ. Мансура или «Побѣдоносная», показывающаяся далѣе на правомъ берегу, не имѣеть за собою античныхъ воспоминаній, но это одинъ изъ важнѣйшихъ по торговлѣ и промышленности городовъ Египта и столица провинціи; здесь Людовикъ IX попалъ въ плѣнъ къ мусульманамъ; уже за двадцать девять лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1221 году, крестоносцы были побѣждены на томъ же мѣстѣ, и въ память ихъ пораженія и былъ основанъ самый городъ. Въ Мансурѣ изъ Нила выдѣляется рукавъ Бахръ-эс-Согеиръ, впадающій въ озеро Мензалехѣ, которое оно дѣлить на два бассейна аллювиальнымъ полуостровомъ, и близъ оконечности этого низменнаго полуострова, окруженаго болотами, слѣдуютъ одиаь за другимъ два города, Мензалехѣ и Матаріехѣ, населенные бѣдными рыбаками, типъ которыхъ, по словамъ Маріетта, доказываетъ, что они потомки гиксовъ. Почти вся прибыль отъ рыбной ловли поступаетъ въ пользу матаріехскихъ шайховъ: нѣкоторые изъ этихъ господъ—миллионеры¹⁾).

Даміетта или Думіатъ, давшая свое имя восточному рукаву Нила, до сихъ поръ остается самымъ большимъ городомъ его береговъ. Однако, она стоитъ не на томъ мѣстѣ, где была Тамаена древніхъ грековъ. Послѣдняя находилась подлѣ самого устья рѣки; но тотчасъ же послѣ безуспѣшной осады, предпринятой Людовикомъ IX, султанъ Бибарсъ велѣлъ срыть городъ и перевезъ жителей его верстъ за десять выше по Нилу, въ мѣсто менѣе доступное кораблямъ, близъ крутаго изгиба рѣки, легко защищимаго отъ непріятельской эскадры. Новая Даміетта фабрикуетъ различныя ткани и ведетъ довольно обширную торговлю рисомъ, солью, рыбой; сюда приходитъ много мелкихъ каботажныхъ судовъ изъ Сиріи, изъ Малой Азіи, изъ Эгейскаго моря за грузами жизненныхъ припасовъ, привозя въ обмѣнъ разныя товары; но входъ въ портъ небезопасенъ: иногда волны по цѣлымъ днямъ мѣшаютъ судамъ проникнуть въ устье рѣки.

Движеніе судоходства въ Даміетскомъ портѣ въ 1894 году:

Въ приходѣ—1.220 судовъ, вмѣстимостью—

¹⁾ Edouard Naville, „Journal de Genève“, 22 juin 1882.

²⁾ Flinders Petrie, „Times“, april 24, 1884.

¹⁾ Amici, „L'Egypte ancienne et moderne“.

84.615 тоннъ. Въ отходѣ—1.196 судовъ, вмѣстимостью—81.396 тоннъ. Вмѣстѣ—2.416 судовъ, вмѣстимостью—176.011 тоннъ.

Главная мечеть Даміетты, построенная полководцемъ Амру и замѣчательная богатствомъ и разнообразiemъ своихъ мраморовъ, обвязана той исключительной славой, которую она пользуется въ мусульманскомъ мірѣ, своей «чудесной» колоннѣ, покрытой запекшися кровью и засохшей слюной; по преданію, всякий больной, приходящій съ вѣрою лизать камень этой колонны до тѣхъ поръ, пока крови потечетъ съ его языка, можетъ быть увѣренъ въ своемъ исцѣленіи. Однако, недавняя исторія Даміетты достаточно доказываетъ, что для избѣжанія эпидеміи лучше было бы избавиться отъ нечистотъ, наполняющихъ улицы города. Къ юго-западу отъ Даміетты, въ часто затопляемой равнинѣ, простирающейся къ озеру Бурлость, находится другое «мѣсто чудесть», по совершаемыхъ христіанской святою, а не мусульманскими хаджи: это коптскій монастырь Сетти-Даміана или «Даміанскої Божіей Матери».

Въ той части дельты, которая заключается между двумя вѣтвями Нила, Даміетской и Розетской, есть нѣсколько торговыхъ городовъ, разбросанныхъ среди каналовъ и оросительныхъ рвовъ, какъ-то: Менуфъ, который далъ свое имя большому каналу или району Менуфіе, и гдѣ нашли обломки «трезызчного камня», то есть съ надписью на трехъ языкахъ; Шибинъ-аль-Комъ, лежащій на баэрѣ (рукавѣ), извилистыя воды котораго изливаются въ озеро Бурлость; Таатахъ, населенный торговымъ людомъ; Махаллетъ-аль-Кебиръ, или «Большой городъ», которому прежде принадлежала монополія фабрикаціи египетскихъ шелковыхъ матерій, и раскиданные кварталы котораго окружены полями хлопчатника. Таатахъ, главный городъ провинціи, изъ всѣхъ городовъ дельты занимаетъ наиболѣе центральное положеніе: онъ лежитъ какъ разъ на половинѣ дороги между Александріей и Каиромъ, такъ же, какъ между Розетской вѣтвью и Даміетской; каналы, обыкновенные дороги и желѣзные пути пересѣкаются въ этомъ городѣ: таковы причины, которыя, вмѣстѣ съ репутацией мечети Сеїда Эль-Радави, величайшаго мусульманского святаго Египта, объясняютъ значительную важность трехъ ярмарокъ Таатаха; въ глазахъ пилигримовъ, лужа, воспринимающая нечистоты этой мечети, соперничаетъ цѣлительной силой съ Даміетской колониою. Въ отношеніи численности населенія Таатахъ оспариваетъ у Даміетты третье мѣсто между городами Египта. Онъ имѣть высшую школу, Эль-Ахмади, которая послѣ университета Эль-Азхаръ, въ Каирѣ, занимаетъ первое мѣсто въ Египтѣ между арабскими учебными заведеніями; въ 1877 году въ ней насчитывали 4.885 воспитанниковъ¹⁾.

¹⁾ Fed. Bonala, рукописныя замѣтки.

Розетская вѣтвь Нила, сопровождаемая на половинѣ ея теченія желѣзной дорогою, которая опирается на первыя высоты Ливийской цѣпи, имѣть только одинъ важный городъ на своихъ берегахъ, тотъ, по имени котораго она и называется. Терранехъ, можетъ-быть, древній Теренуеисъ, служить складочнымъ мѣстомъ натрона, собираемаго въ соляныхъ озерахъ долины Уади-Натрунъ, близъ монастыря св. Макарія. Ниже по рѣкѣ, Тейриехъ, у выхода узкой полосы воздѣланныхъ земель, пролегающей между скалами и лѣвымъ берегомъ Нила, смѣнилъ тоже древній городъ, остатки котораго видны въ сосѣднемъ холмѣ, Телль-аль-Одамехъ, или «Курганъ костей». Кафръ-аль-Зайатъ, гдѣ желѣзная дорога изъ Александріи въ Каиръ переходитъ рѣку по большому желѣзному мосту о двѣнадцати пролетахъ, не имѣть въ окрестностяхъ развалинъ изъ эпохи фараоновъ, но верстахъ въ двадцати ниже, на томъ же восточномъ берегу Розетскаго Нила, находятся обширныя руины города Са, Саиса грековъ, называемыя нынѣ феллахами Са-аль-Хагартъ. Саисъ, бывшій столицею Египта во время нашествія персидскаго царя Камбиза, есть, можетъ-быть, одинъ изъ тѣхъ городовъ, къ которымъ человѣчество должно обращать взоры съ сыновней любовью, ибо оттуда вышли колонисты, которые основали Аѳіны, принесли съ собою образъ богини Нейеъ, сдѣлавшійся Аѳіною грековъ и Минервою римлянъ; оттуда пришли Дананды, усердно принявшиеся за неблагодарный трудъ земледѣлія на безплодныхъ земляхъ Аргоса, столь непохожихъ на благодатныя родныя равнины, оплодотворяемыя Ниломъ. Отъ древнихъ храмовъ Саиса остались только груды обломковъ, некрополи его тоже даютъ мало предметовъ, цѣнныхъ для археолога; но городскія стѣны, болѣе 2 километровъ въ окружности, все еще возбуждаютъ удивленіе своими колоссальными размѣрами: онъ имѣетъ 25 метровъ въ вышину и слишкомъ 16 метровъ толщину. Древнее священное озеро теперь имѣть видъ болота.

Ниже Дессука, гдѣ желѣзная дорога переходитъ рѣку, и ярмарки котораго по многолюдству и оживленію уступаютъ только Таатахскимъ, находимъ хорошенький городокъ Фуахъ, или «Марена», съ многочисленными минаретами, расположенный на правомъ берегу Нила, почти противъ входа въ большой судоходный каналъ Махмудіе, направляющійся къ Александріи. Фаухъ, бывшій соперникомъ Каира въ четырнадцатомъ столѣтіи, не имѣть уже плантаций, отъ которыхъ получилъ свое имя, но въ немъ есть кое-какая промышленность, главнымъ образомъ производство тарбушей. Въ настоящее время Фаухъ уступаетъ по важности Решиду или Розеттѣ, главному городу провинціи, лежащему на правомъ берегу рѣки, верстахъ въ пятнадцати выше устья. Решидъ

основанный арабами въ девятомъ вѣкѣ, имѣть, какъ и Фаухъ, періодъ процвѣтанія: въ прошломъ столѣтіи портъ его былъ наиболѣе посѣщаемымъ портомъ Египта, и изъ вѣхъ приморскихъ городовъ Леванта туда приходили каботажныя суда за грузами риса, который и теперь составляетъ главный предметъ отпускной торговли страны.

Торговое движение Розетты въ 1894 году:

Пришло—756 судовъ, вмѣстимостью—22.380 тоннъ. Вышло—738 судовъ, вмѣстимостью—21.940 тоннъ. Вмѣстѣ—1.494 судовъ, вмѣстимостью—44.320 тоннъ.

Городъ окружено великолѣпными садами, среди которыхъ часто находили обломки античныхъ строеній: почти каждый домъ въ Розеттѣ украшенъ какимъ-нибудь фрагментомъ колонны, древнимъ мраморомъ, порфиромъ или гранитомъ. Знаменитый «Розеттскій камень», сдѣлавшійся исходною точкою важнѣйшихъ открытій въ лингвистикѣ и въ исторіи, благодаря гениальной догадливости Шамполіона, былъ найденъ въ 1799 году инженеромъ Бушаромъ, состоявшимъ при французской экспедиціи въ Египетъ, въ нѣкоторомъ разстояніи къ сѣверу отъ города, тамъ, где стоитъ форть св. Юліана. Эта драгоценная надпись на трехъ языкахъ, въ честь «Сына Солнца, бессмертнаго Птоломея», была уступлена англичанамъ по капитуляціи и помѣщена въ Британскомъ музѣѣ. Когда воды рѣки стоятъ низко, иногда случается, что море вливается въ Розеттское устье, проникая выше города, и жители должны довольствоваться солоноватой водой, какую находятъ въ лужахъ.

На западъ отъ Розеттского Нила весь сѣверо-западный уголъ дельты орошаются водами, отведенными изъ этой вѣти рѣки: каналъ Маріутъ, каналъ Абу-Либабъ, ровъ Даманхурскій, каналъ Махмудіе и ихъ безчисленные развѣтвленія, канавы и канавки, перерѣзываютъ эту равнину во всѣхъ направлѣніяхъ и изливаются въ озера Маріутъ и Эдку. Даманхуръ, груща многочисленныхъ мѣстечекъ, есть столица этой гемледѣльской области, где высокія трубы заводовъ для очистки хлопка не менѣе многочисленны, чѣмъ минареты. Между Александріей и Даманхуромъ узкий перешеекъ соединяетъ окраины дельты съ береговымъ кордопомъ или косой, и колесная дорога, рельсовый путь и каналъ защищены съ той и другой стороны плотинами противъ водъ Абукирскаго озера и озера Маріутъ. Этотъ проходъ составляетъ ворота Египта съ западной стороны; оттого, во время возстанія арміи Араби-паша занять этотъ входъ въ дельту, перегородивъ дорогу отъ одного берега до другаго линіями Кафръ-дуаръ; но вмѣсто того, чтобы форсировать эту преграду, англійскій главнокомандующій предпочелъ внезапно посадить свою армію на корабли и внести ее черезъ противополож-

ную ворота, представляемыя долиной Уади-Тумилатъ (земля Гессемъ).

Къ сѣверу отъ перешейка Кафръ-дуаръ, другой поясъ узкихъ земель, осаждаемый водами съ двухъ сторонъ, и по которому тоже проведена желѣзная дорога, соединяетъ Розетту съ Александрійскимъ полуостровомъ, проходя черезъ маленький городъ Эдку (Эдко), окруженный дюнами. У выхода Абукирскаго озера Маадіе, то-есть «Бродъ» или «Проходъ», напоминаетъ теченіе древней Канопской вѣти Нила, крайняго западнаго изъ семи рукавовъ рѣки. Городъ Канопъ, давшій свое имя этому рѣчному устью, оставилъ послѣ себя лишь неопределенные развалины на почвѣ, часто измѣняемой дѣйствиемъ водъ. Во всей части берегового пояса, соѣднѣй съ Маадіе, находять засыпанные песками остатки древнихъ строеній; монгія деревни или мѣстечки, напримѣръ, Мандарахъ, Абукиръ, построены частію изъ этихъ материаловъ. Абукиръ, лежащий на берегу бухты того же имени, вѣроятно, въ томъ мѣстѣ, где въ древности находились Зефиріонъ и храмъ Арсиони Афродиты, есть маленький портъ довольно дѣятельный, но гораздо болѣе прославившійся связанными съ нимъ историческими воспоминаніями, чѣмъ своей торговлей. Передъ Абукиромъ Нельсонъ уничтожилъ въ 1798 году французскій флотъ и такимъ образомъ отрѣзалъ всякое сообщеніе между завоевателями Египта и ихъ отечествомъ. Годъ спустя, Бонапартъ истребилъ на Абукирскомъ полуостровѣ турецкую армію, только что высадившуюся съ кораблей.

Александрія, одинъ изъ главныхъ торговыхъ городовъ въ свѣтѣ и второй городъ Египта и всей Африки по числу жителей (320.000), есть также одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ по оригинальности своей формы, впрочемъ, сильно измѣнившейся съ той эпохи, когда македонскій завоеватель, двѣ тысячи двѣсти лѣтъ тому назадъ, далъ мѣстечку Ракотисъ славное имя, которое городъ носить съ тѣхъ поръ. Въ этомъ мѣстѣ морскаго побережья скалистый береговой поясъ, протянувшись съ юго-запада на сѣверо-востокъ, былъ разорванъ двумя брешами, такъ что образовался островъ, подъ прикрытиемъ котораго стояли на якорѣ приходившіе сюда корабли финикиянъ и грековъ: это былъ островъ Фаросъ, упоминаемый уже у Гомера. Когда Динократъ строилъ городъ Александра, онъ воздвигъ храмы и дворцы только на континентальномъ берегу, который выдвинулъся въ видѣ остроконечнаго мыса или стрѣлки въ направлѣніи къ острову, удаленному отъ него на 1.400 метровъ; но одинъ изъ первыхъ Лагидовъ, Птоломей Сотерь, соединилъ островъ съ твердою землей плотиной, называемою Гептастадіонъ (потому что имѣла въ длину семь стадій), черезъ которую проходили два канала, поддерживавшіе сообщеніе между

двумя половинами бухты, раздѣленной съ этого времени на два порта. Каналь съ теченіемъ времени засорился, и соединительная дамба расширилась, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе осажденія морскихъ наносовъ и особенно по причинѣ выбрасыванія балласта съ греческихъ и итальянскихъ кораблей, которые въ теченіе всего средневѣковаго периода приходили съ балластомъ изъ камней въ Александрійскій портъ¹⁾). Въ наши дни Гептастадіонъ преобразованъ въ полосу земли шириной около 1.200 метровъ, которая соединяетъ мѣстоположеніе античнаго города съ сѣверо-восточной частью древняго Фароса: тутъ расположенье теперь «турецкій городъ», лабиринтъ неровныхъ и кривыхъ улицъ и переулковъ, перерѣзываемый нѣсколькими широкими проспектами новаго вида. Островъ, превратившійся въ полуостровъ, и самъ покрытъ сплошь строеніями, частными домами, казармами, складами и дворцами. На юго-западной оконечности высится большая башня нынѣшняго маяка, который замѣнилъ собою одно изъ «чудесъ свѣта», знаменитый Фаросъ-Птоломея Филадельфа, памятникъ изъ бѣлого мрамора, въ формѣ пирамиды со ступенями, воздвигнутый нѣкогда на другомъ концѣ острова: Масуди, видѣвшій еще руины этого памятника, говоритъ, что онъ имѣлъ «четыреста локтей въ вышину»; по словамъ Махмудъ-бека, высота его равнялась 110 метрамъ. Теперь уже не видно никакихъ слѣдовъ этого гигантскаго сооруженія; самое мѣстоположеніе его давно изглажено волнами, и форть, носящій его имя, построенъ не изъ его материаловъ; осталось только название, примѣняемое нынѣ, въ языкахъ, заимствовавшихъ его изъ греческаго, ко всѣмъ свѣтильникамъ морскихъ береговъ.

Въ то время какъ песокъ, приносимый волнами, образовалъ перешеекъ Гептастадіона, повышенный впослѣдствіи слоемъ развалинъ города, много разъ разрушаляемаго и вновь отстраиваемаго, другія части берега, повидимому, опустились въ теченіе исторического периода: дороги, набережныя, древнія каменоломни, погребальные склепы, вырыты въ высокихъ берегахъ сосѣдняго побережья, такъ же какъ искусственные гроты, извѣстные подъ именемъ «Клеопатриныхъ купаленъ», постоянно заливаются волнами, даже когда вода въ морѣ стоитъ на самомъ низкомъ уровнѣ. Несмотря на обширныя работы, предпринятыя инженерами по порученію Мохаммеда-Али, не удалось осушить озеро Маріутъ или Мареотида, которое создали англичане въ 1801 году, открывъ три или четыре бреши въ среднемъ кордонѣ, ограничивавшемъ Абукирское озеро съ западной стороны: наполненіе этой котловины водою продолжалось 66 дней. Образовавшійся бас-

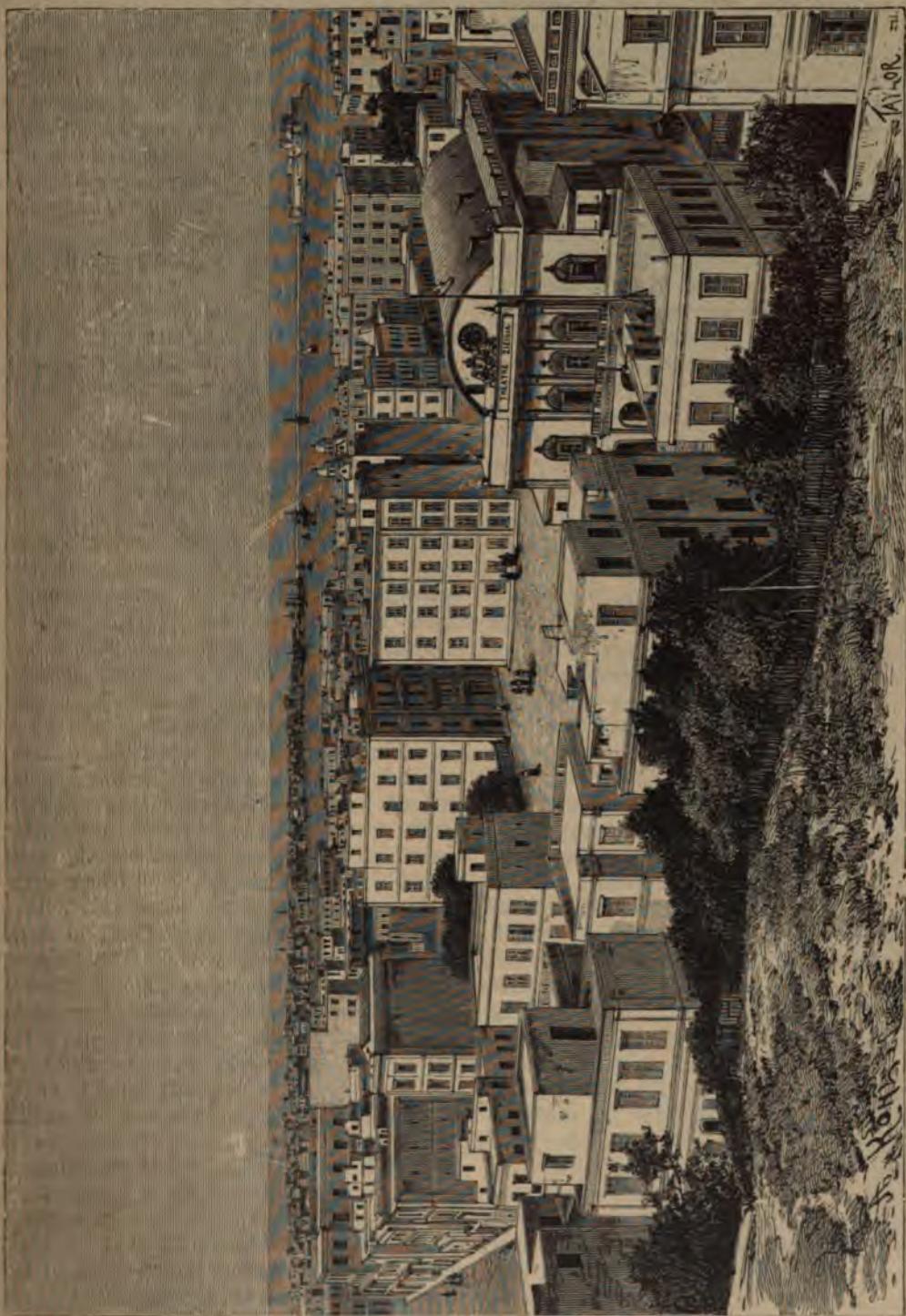
сейнъ представляетъ теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 2 метра 40 сантиметровъ глубины. Нелегкое дѣло будетъ вернуть для земледѣлія эту территорію въ 60.000 гектаровъ, озерную въ средней впадинѣ, болотистую по берегамъ, гдѣ находились, говорять, около полутораста деревень, когда вторженіе морскихъ водъ сдѣлало Александрію островнымъ городомъ; послѣ удаленія соленыхъ водъ, необходимо будетъ еще выщелочить почву, направляя послѣдовательно вѣтви канала Махмудіе на всѣ углубленія бассейна. Во времена Страбона вино изъ этой мѣстности (вокругъ озера Мареотида) считалось однимъ изъ лучшихъ винъ, производимыхъ прибрежными странами Средиземнаго моря. Въ этомъ озерѣ былъ вырытъ портъ для всѣхъ произведеній, привозимыхъ изъ внутреннихъ областей страны по Нилу и его каналамъ; въ наши дни этимъ бассейномъ уже не пользуются для торговыхъ цѣлей: вмѣсто того, чтобы проникать въ озеро, каналъ Махмудіе идетъ вдоль его берега между двухъ плотинъ.

Нынѣшній «европейскій городъ», расположенный на востокѣ и на югѣ отъ «турецкаго», занимаетъ почти то самое мѣсто, гдѣ стоялъ древній городъ, построенный Динократомъ и Птоломеями Лагидами. Прямые и широкія улицы образуютъ правильный ансамбль, продолжающійся на сѣверо-востокѣ новыми предмѣстьями, главный проспектъ которыхъ—Розетская дорога, древній Каноцкій путь. Но въ предѣлахъ современного города не видно болѣе никакихъ обломковъ античной Александріи. Все, что осталось отъ нея въ концѣ прошлаго столѣтія, когда самое большое какихъ-нибудь шесть тысячъ жителей группировалось среди развалинъ, было срыто строителями новыхъ кварталовъ; можно видѣть только нѣсколько фрагментовъ изваяній въ публичныхъ и частныхъ собрaniяхъ древностей. Теперь уже известно, гдѣ находилась Сома, пышная гробница Александра; археологи спорятъ о мѣстоположеніи знаменитой обсерваторіи, при которой жили величайшіе астрономы древности: Эратосеентъ, Гиппархъ, Птоломей; тщетно ищутъ камни отъ музея и библиотеки, гдѣ преподавали Эвклидъ и Эразистратъ, куда ходили обогащаться знаніями Феокритъ, Аратъ, Каллимахъ, Лукіанъ, и гдѣ было собрано до семисотъ тысячъ томовъ, сгорѣвшихъ во время войны, которую Юлій Цезарь внесъ въ Египтъ. Другое книгохранилище, пользовавшееся не меньшей славой, находилось въ нынѣшняго города, рядомъ съ храмомъ Сераписа: но известно, съ какимъ рвениемъ египетскіе монахи, въ концѣ четвертаго столѣтія христіанской эры, опираясь на эдиктъ, изданный императоромъ Феодосіемъ, привялись, въ Александріи и во всемъ Египтѣ, за разрушеніе языческихъ храмовъ, низверженіе античныхъ статуй, пре-

¹⁾ Mariette;—Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки.

дание огню всѣхъ папирусовъ, всѣхъ сокровищъ искусства, завѣщанныхъ древнимъ міромъ. Такъ погибла богатѣйшая библіотека, гдѣ были собраны, какъ драгоценность, всѣ про-

пеева колонна», хотя она была если не воздвигнута, то по крайней мѣрѣ реставрирована въ честь императора Діоклетіана; по всей вѣроятности, она составляла часть Серапеу-

Видъ Александрии.

изведенія эллинской науки и поэзіи. На холмѣ, гдѣ Серапеумъ оставилъ послѣ себя безформенные развалины, уединенный столбъ, высотой въ 30 метровъ, стоитъ какъ надгробный памятникъ: это такъ называемая «Пом-

ма¹⁾); капитель ея—полая внутри, потому ли, что изъ нея былъ вынутъ камень для постановки пьедестала какой-нибудь статуи, или по-

Географія Рекорд т. X.

¹⁾) Ampère, „Voyage en Égypte et en Nubie“.

тому, что въ христианскую эпоху тамъ была устроена комната, служившая убѣжищемъ какому-нибудь столпнику¹⁾). Къ сѣверо-востоку отъ города, близъ морского берега, обелискъ изъ розового гранита, называемый обыкновенно «Клеопатриной иглой», хотя онъ былъ перевезенъ изъ Геліополя и поставленъ въ Александрии въ царствование Августа,—тоже указывалъ на близость древнихъ руинъ. Обелискъ этотъ былъ отданъ городскому общественному управлению Нью-Йорка и помѣщенъ въ Центральномъ паркѣ: Новый Свѣтъ тоже хочетъ имѣть свою долю єгипетскихъ памятниковъ. Другая «игла», которая была на половину за-рыта въ пескѣ, перевезена въ Лондонъ, где теперь господствуетъ надъ новыми гранитными набережными, на лѣвомъ берегу Темзы.

Копия статуи Мохаммеда-Али, на длинной площади «Консуловъ», въ центрѣ «европейского» города, представляетъ бѣдное вознагражденіе за всѣ произведения античнаго искусства, истребленныя людской злобой. Да и этой статуѣ грозила въ 1882 году гибель отъ бомбъ англичанъ, которые громили городъ, разрушали фортъ Кафарелли, построенный на горкѣ въ центрѣ Александрии, зажигали повсюду пожаръ, который заботливо поддерживался грабителями во все продолженіе ночи, слѣдовавшей за бомбардированіемъ. Кварталы города, бывшиe въ когда самыми пышными, представляли еще два лода спустя послѣ катастрофы плачевное зрѣлище: камни песчаника, обломки разрушенныхъ домовъ лежали по обѣимъ сторонамъ улицъ огромными грудами, съ которыхъ поднималась столбами ёдкая известковая пыль; во многихъ мѣстахъ, где дѣло разрушения было полное, можно было подумать, что находишься не въ городѣ, а въ какой-нибудь каменоломнѣ. Состояніе тревожной неизвѣстности, въ которомъ живетъ торговое населеніе Александрии, и разореніе большинства домовладѣльцевъ, тщетно ожидающихъ обѣщанного возмѣщенія убытковъ, останавливали до сихъ поръ работы реставраціи разрушенныхъ бомбардированиемъ зданій. Плиты для тротуаровъ и мостовыхъ Александрии привозились изъ Европы.

Въ Александрии, а не въ Каирѣ, было основано главное ученое учрежденіе Нильской долины—єгипетскій институтъ для академія наукъ и словесности; кажется, что, избирая этотъ городъ, хотѣли тѣмъ самымъ возобновить традиціи прошлаго: припомнили, что Александрия нѣкогда была «мозгомъ человѣчества», и что тамъ возникла, съ Плотиномъ, Прокломъ, Порфиремъ, Ямблихіемъ, знаменитая Александрийская школа; благодаря этой школѣ, установилась между восточными и западными народами, между Индіей, Египтомъ и Греціей, та связь преданій и идей, изъ которой роди-

лись современная философія и религіи. Но єгипетскій городъ не вернулъ себѣ прежней славы, какъ центръ научнаго и литературнаго движения; онъ является нынѣ прежде всего торговымъ городомъ. Болѣе трети всего торгового обмѣна Египта съ остальнымъ міромъ производится черезъ Александрію; до открытія Суэзскаго канала она владѣла монополіей морскихъ сношений съ Западомъ; въ 1866 году, въ эпоху наибольшаго ея процвѣтанія, которому особенно способствовала междоусобная война въ Соединенныхъ Штатахъ, отпускная торговля поднялась, по цѣнности, до полмилліарда франковъ.

Движеніе судоходства въ александрийскомъ портѣ въ 1895 году:

Пришло 2.393 суд., вмѣстимостію—2.216.667 тоннъ; вышло 2.339 суд., вмѣстим.—2.194.964 тоннъ. Вмѣстѣ 4.732 суд., вмѣстим.—4.411.631 тонны, или 37 процентовъ всего судоходства єгипетскихъ портовъ.

Средняя цѣнность привоза—787.426.600 пластронъ; сред. цѣнность вывоза—1.116.354.300 пластронъ. Общая сумма обмѣна—1.903.780.900 пластронъ.

Сѣверо-восточная гавань, невѣрно называемая «Новымъ портомъ», хотя въ ней не были производимы работы по приспособленію къ удобной стоянкѣ судовъ, мелководна и посѣщается только барками; въ прошломъ столѣтіи суда, принадлежащія христіанамъ, обязаны были бросать якорь исключительно въ этой гавани. Юго-восточный портъ или «Старый портъ», Эвностость древнихъ, то-есть гавань «Благополучнаго возврата», служить пристанью для кораблей съ большой посадкой; къ сожалѣнію, входъ въ него затруднителенъ: проходы извилисты и окаймлены рифами, вслѣдствіе чего большія суда не могутъ пускаться туда безъ лоцмана; когда волненіе на морѣ значительно, мелкія суда рисуютъ даже быть брошенными на мель или на камни. Но внутри мола, продолжающаго на юго-западѣ береговой кордонъ полуострова Фароса, суда находять безопасное пристанище и очень просторную якорную стоянку; общая площадь водного пространства въ портѣ и въ передовомъ портѣ не менѣе 420 гектаровъ, съ нормальной глубиною отъ восьми съ половиной до десяти метровъ (14 аршинъ). Каналъ Махмудіе, впадающій въ портъ, долженъ бы быть служить и служить иногда средствомъ торгового сообщенія между Александрией и долиной Нила. Но вода этого канала, впрочемъ, нечистая, употребляется главнымъ образомъ для водоснабженія Александрии и для орошенія прибрежныхъ полей и садовъ; случалось, что каналъ совершенно пересыхалъ, оставляя суда сидящими въ тиѣ. Промышленность самого города участвуетъ лишь незначительной долей во внѣшней торговлѣ, доставляя ей цыновки, сплетенные изъ

¹⁾ Charles Blanc, „Voyage dans la haute Єgypte“.

камыши и пальмовыхъ листьевъ, эсценіи изъ цвѣтовъ и бумажныя и шелковыя ткани.

Александрия, подобно всѣмъ другимъ большиимъ городамъ, дополняется загородными садами, съ увеселительными заведеніями, и дачными предмѣстіями. На югѣ, вдоль канала и укрѣплений, широкія пальмовая аллеи, группы банановъ, мимозъ, священныхъ смоковницъ окружаютъ виллы и дачи; на сѣверо-востокѣ, Никополь, построенный Августомъ въ память битвы при Акцумѣ, превратился въ Рамлехъ, то-есть «Песокъ»; теперь это уже не подвижная дюна, какъ было въ прошломъ столѣтіи, но собраніе дворцовъ и виллъ, дачъ и гостиницъ, домовъ всякой формы и всевозможныхъ стилей, окрашенныхъ въ всевозможные цвѣта и разсѣянныхъ беспорядочно въ виду моря. Мѣстечко соединено съ Александріей желѣзною дорогою и служить любимою лѣтнею резиденціею вице-короля и александрийской знати. На югѣ, на береговомъ поясѣ земли, стоитъ замокъ Мексъ, господствующій въ одно и то же время надъ морскимъ берегомъ, надъ озеромъ Мариутъ и надъ Александріей; известковыя скалы этого берега доставили строительные материалы для большаго города и для портовыхъ жете. Даѣе къ юго-западу, за Мексомъ, встрѣчаются только группы хатъ, рыбачьи деревушки, да развалины древнихъ городовъ: пустыня начинается съ того мѣста, гдѣ перестаешь слышать гулъ, несущійся отъ многоязычного города.

Къ западу отъ болотъ и берегового кордона, гдѣ стоитъ замокъ Мексъ, находится деревня Абукиръ, напоминающая древній городъ Тапозирисъ. Даѣе, по берегу моря, слѣдуютъ на иѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой небольшія цѣпи холмовъ, отрывки, отдѣленные отъ плоскогорья, которое простирается на югъ къ оазису Сивахъ; два мыса, называвшіеся въ древности Катабаумъ, имѣютъ менѣе 250 метровъ высоты. Деревня Мударь—единственное населенное мѣсто на этомъ почти пустынномъ берегу, иѣкогда усыпанномъ городами, который продолжается на западъ къ Киренаикѣ: это главный этапный пунктъ каравановъ между Александріей и оазисомъ Сивахъ.

Города Египта, имѣющіе свыше 10.000 жителей, и иѣкоторые другіе съ меньшей цифрою населенія (для главнѣйшихъ городовъ—по переписи 1897 г., а для остальныхъ по переписи 1882 года):

Каиръ—576.000 жителей; Александрія—320.000; Даміетта—31.000; Тантахъ—57.000; Ассіутъ—42.000; Магаллеть-эль-Кебиръ—31.000; Мансура—36.000; Мединетъ-эль-Файюмъ—31.000; Дамангуръ—32.000; Загазигъ—35.000; Ахминъ—19.875; Розетта—19.666; Портъ-Саидъ—42.000; Менуфъ—16.280; Шибинъ-эль-Комъ—16.250; Миніе—24.000; Кенехъ—15.450; Сангарестъ—15.090; Гирге—

15.580; Тахтахъ—14.000; Манфалутъ—13.200; Саманудъ—10.550; Гизехъ—11.500; Митъ-Гамръ—11.225; Зифтахъ—11.200; Суецъ—12.020; Меллавехъ—11.000; Абутигъ—11.000; Бени-Суэфъ—10.085; Фуахъ—10.000; Эс-ненхъ—9.422; Сохагъ—15.000; Калубъ—9.000; Мензалехъ—8.550; Бенха-л'Ассаль—8.350; Десіукъ—7.600; Бельбейсъ—7.300; Рамлехъ—4.500; Харгехъ—3.700; Каэръ-Дахель—3.500; Измаїлія—3.300; Абукиръ—2.500; Эль-Аришъ—2.430 жителей.

Извѣстно, что экономическіе ресурсы Египта заключаются почти исключительно въ его земледѣліи, какъ въ библейскія времена, когда коровы тощія и коровы тучныя представляли символически бѣдность или богатство націи. Аллювіальная почва, образующая слой около 10 метровъ средней толщины, могла бы быть очень плодородна, но необходимо обновлять ея производительную силу искусственными удобреніями, и кромѣ того, во многихъ мѣстахъ она насыщается солью и селитрой, если не выщелачивается правильно присутствіемъ обильныхъ водъ¹). Въ цѣломъ, культура почвы находится еще въ самомъ первобытномъ состояніи: пшеница изъ Нильской долины, небрежно скатая, всегда смѣшана съ землей и до такой степени насыщена солью, что сохраненіе ея дѣлается затруднительнымъ; едва сложенная въ житницѣ, она становится добычей долгоносиковъ. Употребляемый для посѣва сѣмена льна содержитъ по меньшей мѣрѣ на одну пшеницу примѣсь постороннихъ зеренъ; индиго получается съ изгариної и тусклаго, землистаго цвѣта; маковая эсценія фальсифицируется прибавлениемъ къ ней сока латука; волокна хлопка изобилуютъ всякаго рода соромъ и грязью²). На поляхъ феллаховъ почти нѣть другой древесной растительности, кромѣ пальмъ; европейскія фруктовыя деревья обыкновенно даютъ продукты довольно посредственного качества; главнымъ плодовымъ деревомъ страны по-прежнему является финиковая пальма, приносящая въ среднемъ годового дохода около двадцати франковъ. Въ 1875 году во всемъ Египтѣ насчитывалось 5.000.000 финиковыхъ деревъ; ежегодный сборъ финиковъ простирался отъ 100.000 до 120.000 тоннъ. Земледѣльческія животныя не пользуются хорошимъ уходомъ, и египетскіе скотоводы могутъ похвалиться только своими прекрасными ослинными породами, особенно большими бѣлыми ослами, первоначально родиной которыхъ считаютъ Геменѣ. Пшеница, ячмень, дурра, чечевица, горохъ, бобы, лупинъ (волчій бобъ), шафранъ, клеверъ, конопля, макъ, дыни, разныя овощи растутъ по-прежнему на поляхъ феллаха; но, кромѣ этихъ, и иѣкоторыя другія растенія, неизвѣстные древнимъ египтянамъ, были введены въ

¹⁾ Russegger;— Mackenzie Wallace.

²⁾ John Ninet, "Revue des Deux Mondes", № 2, 1875.

годовые съвообороты, какъ-то: индиго, табакъ, кукуруза, рисъ, сахарный тростникъ, шелковица, хлопчатникъ. Прогрессъ обнаруживается особенно переворотомъ въ способъ культуры. Къ растеніямъ, воздѣлываемымъ въ прошлые вѣка, прибавились новые; съ другой стороны, естественное орошеніе дополняется теперь искусственной ирригацией, и паровая землемѣрческія машины замѣняютъ, по крайней мѣрѣ въ большихъ имѣніяхъ, работу примитивныхъ плуговъ, какіе изображены на барельефахъ подземныхъ склеповъ, или простыхъ заостренныхъ на концѣ палокъ, какія и теперь еще можно увидѣть въ рукахъ пахара въ Дар-Фурѣ и даже въ Египтѣ, въ сосѣдствѣ Комъ-Омбо¹). Въ урожайные годы сборъ зерновыхъ хлѣбовъ простирается отъ 14 до 15 миллионовъ гектолитровъ (два гектолитра приблизительно равны четверти), изъ которыхъ на долю пшеницы приходится отъ 5 до 6 миллионовъ, на долю ячменя 4 миллиона, на долю маниса 5 миллионовъ; вывозятся также рисъ и чечевица.

Сахарный тростникъ культивируется преимущественно въ Верхнемъ Египтѣ и въ Файюмѣ, на земляхъ большихъ княжескихъ имѣній или доменъ, такъ какъ огромными капиталами, необходимыми для устройства сахарныхъ заводовъ съ ихъ «дымящимися обелисками», могутъ располагать только хедивъ или могущественная компанія. Площадь земель, занятыхъ подъ культуру сахарного тростника, въ 1880 году равнялась 15.500 гектарамъ; производство составляло въ сложности 46.750 тоннъ; цѣнность собранного съ плантаций тростника исчислялась въ 23.375.000 франковъ. Хлопчатникъ занялъ видное мѣсто на поляхъ феллаховъ, благодаря посредничеству грековъ, которые скапаютъ у крестьянъ волокно и очищаютъ его въ своихъ маленькихъ деревенскихъ заводахъ; но между египетскими работниками не встрѣтишь ни одного иностранца: низкій размѣръ заработной платы всегда будетъ служить препятствіемъ къ основанию въ Египтѣ колоній европейскихъ землемѣльцевъ; иммигранты изъ Европы могутъ селиться только въ городахъ. Введенный въ Египтѣ въ царствование Мохаммеда-Али, главнымъ образомъ стараниями француза Жюмеля, хлопчатникъ получилъ постепенно, подъ именемъ *мако*, нѣкоторую важность въ торговлѣ этой страны. Но когда междуусобная война Соединенныхъ Штатовъ лишила промышленниковъ ихъ обычныхъ запасовъ американского хлопка, всѣ усилия египетскихъ землемѣльцевъ направились на производство драгоценнаго продукта, и отправляемые изъ александрийского порта грузы этого товара оплачивались въ сложности миллиардами. За періодомъ высшаго процвѣтанія торговли хлопкомъ слѣдовала эпоха застоя и упадка, сопровождавшаяся банкротствами: куль-

тура хлопчатника перестала захватывать пахатныя земли въ ущербъ зерновымъ хлѣбамъ, но она осталась первенствующею по рыночной цѣнности ея продуктовъ. Даже хлопковое сѣмя, прежде не находившее никакого употребленія, получило весьма значительную экономическую важность. Производство египетскаго хлопка: въ 1820 г. 2 тонны, въ 1831 г. 8.400 тоннъ, въ 1851 г. 17.300 тоннъ, въ 1865 г. 111.561 тонна, въ 1882 году 122.375 тоннъ, въ 1895 г. 224.425 тоннъ. Площадь земель подъ хлопчатникомъ 300.000 гектаровъ. Цѣнность волокна въ 1892 г. 228.905.000 франковъ. Цѣнность сѣмени въ 1892 г. 49.824.000 франковъ. Всего 278.729.000 франковъ. Цѣнность вывоза въ 1866 г. 402.000.000 франковъ. Цѣнность вывоза въ 1895 г. 466.575.000 франковъ.

Масло, вытекающее изъ хлопка, подъ давлениемъ прессовальныхъ машинъ, утилизируется не однімъ только феллахомъ, который приготавляетъ на немъ свою неприхотливую пищу; оно употребляется также какъ подмѣсь къ растительнымъ масламъ, потребляемымъ въ Европѣ: одни только дуврскіе заводы ввозятъ, для фабрикаціи этихъ съѣдобныхъ маслъ или для выдѣлки мыла, цѣлые грузы хлопковаго масла¹).

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, изслѣдователи, сопровождавшіе французскую экспедицію, исчисляли въ 24.000 квадр. километровъ площадь годныхъ къ культурѣ земель Египта. Въ настоящее время область пахатныхъ пространствъ увеличилась почти на одну пятую, благодаря расширению сѣти оросительныхъ каналовъ и канавъ; но еще остается завоевать для земледѣлія болѣе трети дельты путемъ осушенія болотъ и болѣе цѣлесообразнымъ употребленіемъ ирригационной воды. Почти весь поясъ морскаго побережья, отъ озера Мареотида до озера Мензалихъ, занятъ болотистыми и солоноватыми водами; между болотами высятся голыя дюны, а во всю длину озеръ, отъ Аравійской пустыни до Ливійской, тянется полоса земель, средней шириной отъ 30 до 35 километровъ, называемая Берари, почва которой, едва выступившая изъ-подъ воды, обращена въ культурную землю лишь въ видѣ рѣдкихъ островковъ. Нынѣшнее состояніе этой области дельты такое же, какъ состояніе французской Камарги, хотя развалины древнихъ городовъ, разбросанные на возвышенныхъ мѣстахъ, свидѣтельствуютъ о предшествовавшемъ періодѣ, когда эти земли, теперь пустынныя, прокармливали многочисленное землемѣльческое населеніе. На береговомъ поясѣ, среди песковъ, путешественникъ съ удивленіемъ встрѣчаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ деревни, окруженныя финиковыми пальмами, виноградниками и садами. Возможно, значитъ, воздѣлывать даже песокъ,

¹) *Maspero* рукописный замѣтки.

¹) *John Ninet*, цитированное сочиненіе.

болотъ, недалеко отъ протока, бывшаго пелузийской вѣтвью Нила. На западѣ, въ самомъ озерѣ Мензалехъ, два острова, Теннехъ и Туннахъ, заключаютъ лишь безформенные кучи мусора. Санъ или Танисъ, бывшая столица «царей-пастуховъ», подъ именемъ Га-Уаръ или Аваристъ, и одинъ изъ большихъ египетскихъ городовъ, оставилъ послѣ себя болѣе значительныя развалины: холмъ, возвышающійся на южномъ берегу озера Мензалехъ, носить на себѣ остатки трехъ храмовъ, среди которыхъ были найдены колонны, обелиски и любопытные сфинксы, представляющіе типъ гиксовъ, съ широкимъ лицомъ, съ крупнымъ носомъ, съ выдающимися скулами. Всѣ эти памятники были сдѣланы изъ гораздо болѣе цѣнныхъ материаловъ, чѣмъ памятники Верхняго Египта; не съ песчаниковыхъ или нуммулитовыхъ массивовъ, близкайшихъ къ дельтѣ, привозились камни для сооруженія храмовъ, воздвигнутыхъ Рамзесомъ II; это Ассуанъ доставлялъ ему глыбы розового гранита, обломки которыхъ виднѣются на холмѣ Саны. Но позднѣйшия строители—римляне, монахи, христіане или арабы—ничего не пощадили изъ этихъ величественныхъ построекъ; ни одинъ изъ четырнадцати обелисковъ, самыхъ большихъ, какіе существовали въ Египтѣ, не уцѣлѣлъ до нашего времени; колоссы были разломаны на мелкие куски, такъ сказать, раздроблены въ порошокъ¹⁾). Въ этихъ руинахъ, между прочимъ, нашли драгоценный «Санскій камень», стель съ надписью на трехъ языкахъ, которая могла бы открыть тайну іероглифовъ, если бы Шамполионъ не дешифрировалъ ее уже ранѣе въ «Розетскомъ камнѣ»²⁾). Невольно задаешь себѣ вопросъ: какъ могла выстроиться подобная столица среди этихъ, едва выступившихъ изъ-подъ воды земель, среди топей и болотъ, среди солончаковъ, окаймляющихъ озеро Мензалехъ? Безъ сомнѣнія, страна измѣнила свой видъ съ древнихъ временъ, можетъ-быть, вслѣдствіе мѣстнаго осѣданія почвы.

Даміеттский Ниль, наименѣе обильная изъ двухъ рѣчныхъ вѣтвей, но гораздо лучше утилизируемая для орошенія, благодаря большей высотѣ ея уровня, имѣеть нѣсколько городовъ на своихъ берегахъ, и многочисленныя деревни образуютъ во многихъ мѣстахъ какъ бы одинъ длинный городъ. Бенха-л'Ассаль, или «Медовый городъ», который дѣйствительно посыпаетъ жителямъ Каира много меда, вмѣстѣ съ произведеніями своихъ садовъ и огородовъ, имѣеть довольно важное значеніе, какъ мѣсто схожденія трехъ желѣзныхъ дорогъ: александрийской, кайрской и загазигской; черезъ рѣку построенъ путеводъ. Невдалекъ отъ станціи, холмъ или «тель» изъ безформенныхъ облом-

ковъ, лежащий, какъ и нынѣшній городъ, на правомъ берегу Даміеттского Нила, есть все, что осталось отъ древняго Атрибиса. Митъ-Гамръ и Зифта, стоящіе другъ противъ друга, на двухъ берегахъ рѣки, принадлежать къ числу многолюднѣйшихъ городовъ Нильской дельты. Ниже, на правомъ берегу, Самангудъ, Себенинтось грековъ, замѣчателенъ какъ мѣсто рожденія анналиста Манефона; въ окрестностяхъ города видны остатки древняго храма, Изуума Птоломея Филадельфа, храма, болѣе извѣстнаго въ наши дни подъ арабскимъ именемъ Бельбентъ-эль-Хагарь. Мансура или «Побѣдоносная», показывающаяся далѣе на правомъ берегу, не имѣеть за собою античныхъ воспоминаній, но это одинъ изъ важнѣйшихъ по торговлѣ и промышленности городовъ Египта и столица провинціи; здѣсь Людовикъ IX попалъ въ плѣнъ къ мусульманамъ; уже за двадцать девять лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1221 году, крестоносцы были побѣждены на томъ же мѣстѣ, и въ память ихъ пораженія и былъ основанъ самый городъ. Въ Мансурѣ изъ Нила выдѣляется рукавъ Бахръ-эс-Согеиръ, впадающій въ озеро Мензалехъ, которое онъ дѣлить на два бассейна аллювиальнымъ полуостровомъ, и близъ оконечности этого низменнаго полуострова, окруженнаго болотами, слѣдуютъ одинъ за другимъ два города, Мензалехъ и Матаріехъ, населенные бѣдными рыбаками, типъ которыхъ, по словамъ Мариетта, доказываетъ, что они потомки гиксовъ. Почти вся прибыль отъ рыбной ловли поступаетъ въ пользу матаріехскихъ шайховъ: нѣкоторые изъ этихъ господъ—миліонеры¹⁾).

Даміетта или Думіатъ, давшая свое имя восточному рукаву Нила, до сихъ поръ остается самымъ большимъ городомъ его береговъ. Однако, она стоитъ не на томъ мѣстѣ, где была Таміаенда древніхъ грековъ. Постѣдняя находилась подъ самаго устья рѣки; но тотчасъ же послѣ безуспѣшной осады, предпринятой Людовикомъ IX, султанъ Бибарсъ велѣлъ срыть городъ и перевезть жителей его верстъ за десять выше по Нилу, въ мѣсто менѣе доступное кораблямъ, близъ крутаго изгиба рѣки, легко-защитимаго отъ непріятельской эскадры. Новая Даміетта фабрикуетъ различныя ткани и вѣдеть довольно обширную торговлю рисомъ, солью, рыбой; сюда приходитъ много мелкихъ каботажныхъ судовъ изъ Сиріи, изъ Малой Азіи, изъ Эгейскаго моря за грузами жизненныхъ припасовъ, привозя въ обмѣнъ разные товары; но входъ въ портъ небезопасенъ: иногда волны по цѣлымъ днямъ мѣшаютъ судамъ проникнуть въ устье рѣки.

Движеніе судоходства въ Даміетскомъ портѣ въ 1894 году:

Въ приходѣ—1.220 судовъ, вмѣстимостью—

¹⁾ Edouard Naville, „Journal de Genève“, 22 juil 1882.

²⁾ Flinders Petrie, „Times“, april 24, 1884.

¹⁾ Amici, „L'Egypte ancienne et moderne“.

пустыни сношения эти ограничиваются еще не-
ріодической посылкою каравановъ, которые
возвращаются домой по прошествіи нѣсколь-
кихъ мѣсяцевъ или даже цѣлаго года, тогда
какъ на рѣкѣ ходятъ многочисленные паро-
ходы, а равнинны изрѣзаны во всѣхъ напра-
вленіяхъ желѣзными дорогами: теперь большинство пилигримовъ перевозятся въ портъ
Мекки уже силою пара. Египетскихъ парохо-
довъ на Нилѣ 40, на Красномъ и Средизем-
номъ моряхъ 16, весь же торговый флотъ со-
стоитъ изъ 1.500 судовъ. Нильскихъ барокъ
насчитываютъ до 10.300. Дельта Нила есть
одна изъ странъ, которая пропорціонально
своей поверхности, но не плотности народо-
населенія, имѣютъ наиболѣе развитую сѣть
желѣзныхъ путей; кромѣ того, болѣе тысячи
километровъ каналовъ, не считая двухъ боль-
шихъ вѣтвей Нила, открыты тамъ судоходству
въ продолженіе всего года; въ періодъ высо-
кихъ водъ сѣть судоходныхъ путей сообщенія
представляетъ по крайней мѣрѣ втрое боль-
шую длину. Отъ вершины дельты сѣть желѣз-
ныхъ дорогъ продолжается на правомъ берегу
Нила до Суита, и для перевозки своихъ войскъ
въ Нубію послѣдній вице-король велѣлъ по-
строить еще дальне другія линіи, которыхъ
англичане предполагаютъ продолжить; кромѣ
того, каждая плантация сахарного тростника
имѣеть свою сѣть узкоколейныхъ желѣзныхъ
дорогъ. Между проектами новыхъ рельсовыхъ
путей есть нѣсколько, предлагающихъ соеди-
нить долину Нила съ портами Краснаго моря.
Общая длина желѣзныхъ дорогъ Египта, въ
1897 году, равнялась 2.628 километрамъ, а
вмѣстѣ съ земледѣльческими путями, 3.000 ки-
лометрамъ; перевезено пассажировъ: въ 1879
году 2.172.668, въ 1880 году 3.093.840, въ
1892 году 7.043.300; товаровъ въ 1879 году
5.250.000 тоннъ, въ 1892 г. 1.161.900 тоннъ.

Телеграфъ предшествовалъ желѣзной дорогѣ
во всѣхъ направленіяхъ и проходилъ даже че-
резъ пустыню до экваторіальныхъ областей;
общая длина проводовъ телеграфныхъ линій въ
Египтѣ и въ египетскихъ владѣніяхъ въ 1878 го-
ду равнялась 7.841 километру, а въ 1896 году
14.650 километр. Но малое число частныхъ
депешъ, такъ же, какъ незначительная про-
порція писемъ, меньше одного на каждого жи-
теля, доказываютъ, что, за исключеніемъ чи-
новниковъ, иностранцы, проживающіе въ Егип-
тѣ, почти единственныя лица, принимающія
участіе въ посылкѣ корреспонденціи телеграф-
ной и почтовой.

Заграничная корреспонд.: писемъ, отпла-
вленныхъ въ 1895 г.—3.959.000; газетъ
и друг. произведеній печати—2.942.000;
заказныхъ писемъ и посылокъ—275.000;
внутренняя корреспонд.: писемъ—8.030.000;
газетъ, журналовъ и пр.—4.800.000; за-

казныхъ писемъ и посылокъ—440.000; всего—
20.446.000.

Взятая въ совокупности, торговля Египта,
пропорціонально пространству и населенію,
стоить выше, чѣмъ торговля многихъ изъ
европейскихъ странъ: по величинѣ доли, при-
ходящейся на каждого жителя, она предста-
вляетъ почти половину торговли Франціи, а
по относительному движенію судоходства въ
портахъ даже превосходитъ послѣднюю. Въ
1895 году виѣшняя торговля Египта вырази-
лась слѣдующими цифрами:

Привозъ—8.390.000 египетскихъ фунтовъ;
вывозъ—12.632.000 египетскихъ фунтовъ; об-
щая сумма—21.022.000 египетскихъ фунтовъ.

Движеніе въ 1892 году судоходства въ еги-
петскихъ портахъ, не считая Массовы, пор-
тъ Нубіи и Синайского полуострова:

Пришло 14.041 судно, общую вмѣстимостію
въ 15.842.286 тоннъ; вышло 14.041 судно,
общую вмѣстимостію въ 15.842.286 тоннъ.

Великобританія уже до овладѣнія Египтомъ
занимала первое мѣсто въ его морскихъ тор-
говыхъ сношеніяхъ; за ней слѣдуютъ, по по-
рядку важности, флаги австро-венгерской и
французской, предшествуя флагу египетскому.

Доля различныхъ націй въ торговлѣ Егип-
та въ 1895 году:

	Ввозъ. египетскихъ фунтовъ.	Вывозъ. египетскихъ фунтовъ.
Великобританія	3.266.000	7.413.000
Турція	1.673.000	344.000
Греція	58.000	9.000
Італія	303.000	438.000
Австро-Венгрия	635.000	528.000
Іспанія	1.000	250.000
Франція и Алжиръ	958.000	1.038.000
Бельгія	340.000	46.000
Германія	216.000	395.000
Россія	361.000	1.253.000
Америка	46.000	469.000
Другія націи	533.000	449.000

Народное образованіе сдѣлало успѣхи, хотя
большинство школъ все еще состоитъ изъ про-
стыхъ куттабовъ, учрежденныхъ при мечетяхъ
или фонтанахъ, и обученіе въ этихъ туземныхъ
школахъ ограничивается обученіемъ грамотѣ
и чтенію Корана.

Число воспитан. народныхъ школъ: въ
1820 г. 3.000; въ 1866 г. 60.000; въ 1873 г.
90.000; въ 1878 г. 137.550; въ 5.370 кут-
табахъ.

Кромѣ начальныхъ школъ, существуетъ нѣ-
сколько высшихъ училищъ, гдѣ проходятся
также курсы математики и юриспруденціи,
какъ въ университетѣ Эль-Азхаръ. Элементар-
ные школы по европейскому образцу стали
основываться со временемъ Мохаммеда-Али; но
большинство этихъ заведеній впослѣдствіи за-
крылись, и мѣсто ихъ заняли школы, откры-
тыя различными европейскими колоніями и

религиозными общинами. Въ 1880 году такихъ иностранныхъ школъ насчитывалось 152, съ 12.247 учащимися (7.622 мальчика и 4.625 девочекъ); изъ нихъ 6.419 египтянъ и 5.828 иностранцевъ. Египетское правительство, въ подражаніе европейскимъ государствамъ, основало также среднія, высшія и специальная учебныя заведенія; въ Каирѣ мы находимъ медицинскую академію, повивальный институтъ, политехническую школу, училище правовѣдія, школу искусствъ и ремеслъ, институтъ, иностранныхъ языковъ, землемѣрное училище, школу бухгалтеріи и другія; однако, большинство молодыхъ людей, желающихъ серьезно изучить тѣ или другія науки, отправляются, для продолженія своего образованія, въ высшія учебныя заведенія Европы. Изъ иностранныхъ языковъ въ Египтѣ наиболѣе извѣстенъ французскій (въ 1879 году periodическихъ изданій выходило 29, изъ нихъ 9 французскихъ, 7 арабскихъ, 5 итальянскихъ, 3 греческихъ); но новое правительство сократило бюджетъ народнаго просвѣщенія, поражая преимущественно французскихъ профессоровъ и преподавателей, въ тѣхъ видахъ, чтобы въ болѣе или менѣе отдаленный срокъ изгнать ихъ языкъ изъ употребленія въ военныхъ и гражданскихъ школахъ.

Египетъ—страна деспотизма: въ силу политической традиціи, народъ не пользуется тамъ никакими правами, кромѣ права платить налоги и повиноваться; но по странности существующаго порядка вещей, явившагося результатомъ хитросплетенія тысячи интригъ, египтяне не сумѣли бы сказать, кто ихъ настоящіе господа. Они могутъ довольствоваться повтореніемъ старой арабской пословицы, гласящей, что «народъ какъ кунжутное семя: его давить, пока не выжмутъ всего масла до послѣдней капли»¹⁾. Официально въ качествѣ государя Египта фигурируетъ принцъ изъ семьи Мохаммеда-Али, носацій титулъ хедива, рангомъ выше титула вице-короля, а сюзереномъ страны считается константинопольский султанъ, отъ имени котораго собираются налоги и чеканятся деньги. Падишахъ все еще получаетъ съ Египта дань въ количествѣ 18 миллионовъ франковъ, какъ будто вмѣшательство Великобританіи не уничтожило саму тѣлью его власти; въ казну его поступаетъ, кромѣ того, отъ 7 до 8 миллионовъ франковъ, вырученыхъ отъ монополіи, которую пользуется турецкій табакъ въ отношеніи ввоза въ Египетъ; однако, по крайней мѣрѣ три четверти потребляемаго въ этой странѣ табаку привозится контрабанднымъ путемъ, особенно черезъ границу пустыни. До недавняго времени

официальнымъ діалектомъ былъ турецкій, идомъ господствующаго класса, а не арабскій, языкъ почти всего египетскаго населенія.

Но дѣйствительная власть не принадлежитъ болѣе султану; она находится теперь въ рукахъ европейскихъ христіанъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, роль соправителей играли совмѣстно двѣ западныя державы—Франція и Англія; агенты ихъ контролировали государственный бюджетъ, даже составляли и передѣльвали его по своему усмотрѣнію и такимъ образомъ ставили свою власть на мѣсто власти хедива;透过 консульскіе суды, разбирательству которыхъ, въ силу такъ называемыхъ «капитуляцій», подлежали всѣ спорныя дѣла и тяжбы, касающіяся одновременно европейцевъ и туземцевъ,—европейскія націи были въ большей мѣрѣ господами Египта, чѣмъ вице-королевское правительство. Со временемъ возмущенія арміи, поднятаго при военномъ кличе: «Египтѣ египтянамъ!», но которое, въ случаѣ успѣха, имѣло бы только тотъ результатъ, что отдало бы страну въ руки новыхъ мамелюковъ туземной расы, не менѣе тиранническихъ и алчныхъ, чѣмъ мамелюки другихъ растъ—арабы, черкесы, армяне, суданцы, Великобританія одна распоряжается въ Египтѣ. Назначенные ю министры рѣшаютъ дѣла согласно ея приказаніямъ, не давая себѣ даже труда спрашивать совѣта у официального государя: послѣднему предоставлено только давать свою подпись взамѣнъ получаемаго имъ содержанія, и онъ не имѣть даже права положить конецъ, отреченіемъ отъ престола, своей мало почетной роли.

Политическое состояніе Египта тѣмъ менѣе опредѣленно, что англичане, удерживая въ своихъ рукахъ власть, не упускаютъ ни одного случая засвидѣтельствовать о своей твердой рѣшимости покинуть эту страну въ непроложительномъ времени и возвратить египтянамъ автономію, такъ давно ими утраченную. Дѣла, правда, расходятся со словами. Англичане, даже англо-индусы, христіане и магометане, прѣѣжаютъ сотнями, чтобы занимать мѣста, отнимаемыя у прежде служившихъ на нихъ лицъ, египтянъ, или иностранцевъ небританскаго происхожденія. Смѣтныя назначенія бюджета, употреблявшися, бывало, первымъ дѣломъ на удовлетвореніе кредиторовъ, ссужавшихъ египетскую казну деньгами за огромные проценты, теперь имѣютъ въ виду прежде всего платежъ жалованья новымъ чиновникамъ; они служить также, въ извѣстной мѣрѣ, къ оплатѣ издержекъ по содержанію оккупационной британской арміи; но для покрытия громадныхъ расходовъ по этой статьѣ пришлось, конечно, черпать средства изъ англійской казны: вычислено, что перевозка солдатъ королевы въ Суданъ, включая сюда продовольствіе и боевые припасы, обошлась по меньшей мѣрѣ въ 25.000

¹⁾ Heinrich Steptan, „Das heutige Aegypten“.

франковъ на каждого человѣка. Несмотря на официальные бюджеты, показывающіе въ началѣ каждого года превышеніе ожидаемыхъ доходовъ надъ исчисленными по сметѣ расходами, финансовое положеніе Египта таково, что, кажется, не предвидится другого возможнаго исхода, кромѣ государственного банкротства. Вотъ для примѣра роспись доходовъ и расходовъ въ 1895 году:

Доходы—10.260.000 египет. фунтовъ; расходы—9.630.000 египет. фунтовъ; государствен. долгъ, включая сюда долгъ дайры—104.499.160 фунтовъ стерл.; государствен. долгъ, вмѣстѣ съ внутр. долг.—105.650.000 фунтовъ стерл.

Наименьшій размѣръ процента по займамъ, сдѣланнымъ у европейскихъ банкировъ съ 1870 года,—12 съ половиной на сто, но многіе займы были заключены на вдвое болѣе тяжелыхъ условіяхъ¹⁾, и въ теченіе какого-нибудь десятка лѣтъ нація, всегда считавшая资料 своего повелителя богатѣйшимъ изъ людей, увидала себя обремененою долгомъ почти въ три миллиарда, что составитъ болѣе 2.000 франковъ на каждую семью.

Египетская армія, состоящая приблизительно изъ 3.000 человѣкъ, то-есть уменьшенная почти въ пять разъ противъ прежней ея численности, низведена до роли простой полицейской команда, и даже поговариваютъ о совершенномъ ея упраздненіи; конквиція, хотя официально не отмѣненная, вышла изъ употребленія. Вся военная служба справляется теперь англійскими солдатами, число которыхъ къ концу 1895 года превышало 14.000 человѣкъ; даже специальные констабли выписаны изъ Англіи. Официально военный флотъ въ 1895 г. состоялъ изъ одной колесной яхты, одного парохода, пяти крейсеровъ и одного фрегата, имѣющихъ около 2.000 человѣкъ экипажа и 54 орудія.

Что касается націи, то врядъ-ли она можетъ разсчитывать на обѣщанную автономію: хотя у нея тоже имѣется своя конституція, состоящая изъ сорока-девяти статей, но она не назначаетъ отъ себя депутатовъ, и совѣта ея не спрашиваются ни въ какой формѣ. Собрание представителей, созывавшееся ежегодно въ царствованіе Измаила-паша, для того, чтобы дать свое мнѣніе относительно распределенія отдѣльныхъ статей бюджета, перестало собираться. Тѣмъ не менѣе, однако, національное чувство постоянно растетъ и усиливается въ Египтѣ, хотя страна виѣшней силой включена въ составъ европейскаго міра и сдѣлалась его нераздѣльной частью; иноземные властители должны будуть все болѣе и болѣе считаться не только съ колоніей континентальныхъ европейцевъ, но также и съ туземнымъ населеніемъ, тоже увлеченнымъ въ движение современныхъ идей.

¹⁾ Mac Coan, „Egypt as it is“.

Высшій духовный сановникъ ислама для египетскихъ мусульманъ — константинопольскій шейхъ-эль-исламъ, и англійское правительство оказалось полное неуваженіе къ вѣковымъ преданіямъ магометанства, когда измѣнило законы страны, не спросивъ санкціи этого главы вѣрующихъ. Главный авторитетъ въ дѣлахъ религіи въ самомъ kraѣ принадлежитъ корпораціи ученыхъ въ университетѣ Эль-Азхарѣ. Коптская «яковитская» или національная церковь состоить подъ управлениемъ александрийского патріарха, который, несмотря на свое имя, всегда живеть въ Каирѣ. Онъ выбирается изъ монашествующихъ, какъ и другіе патріархи восточной церкви; что касается пресвитеровъ, то они получаютъ рукоположеніе въ священнический санъ не иначе, какъ будучи уже женатыми; но, овдовѣвъ, не могутъ вступать во вторичный бракъ; точно также и вдовамъ священническимъ запрещено вторично выходить въ замужество. Копты, присоединившіеся къ римско-католической церкви (уніаты), впрочемъ, очень малочисленные, не имѣютъ патріарха; они управляются епископомъ, посвящаемъ въ Римѣ.

Въ административномъ отношеніи Египетъ дѣлится на провинціи или *мудиріе*, управляемые губернаторомъ или *мудиромъ*, который называется *мохабезъ* или градоначальникъ, въ провинціяхъ, состоящихъ только изъ одного большаго города съ его окрестностями, образующими городской округъ. Мудиріе подраздѣляются, въ свою очередь, на *марказы* или *кисмы*, управляемые *назирами*, а кисмы — на округи третьаго порядка, известные подъ разными названіями. Мудиры управляютъ своей провинціей въ одно и то же время какъ губернаторы, какъ сборщики налоговъ и какъ воинские начальники. Всѣ другія должностныя лица провинціи непосредственно подчинены мудиру, но послѣдний обыкновенно возлагаетъ большую часть своихъ функций на *векиля*, или помощника, и на чиновниковъ, составляющихъ его диванъ; *кавасы* и полицейскіе чины, окружающіе начальника провинціи, имѣютъ обязанностію поддерживать порядокъ въ селеніи феллаховъ, что обыкновенно не трудно, такъ какъ жители Египта народъ очень смиренный и всегда безпрекословно повинуясь приказаніямъ властей; однако, въ послѣдніе годы войны и чужеземное нашествіе имѣли слѣдствіемъ появление шаекъ воровъ въ сельскихъ мѣстностяхъ дельты, и первый разъ на памяти ряда поколѣй стали известны случаи нападенія разбойниковъ на деревни и обложенія ихъ выкупомъ.

Число чиновниковъ на жалованье отъ правительства опредѣляютъ въ 21.000, между которыми, въ 1894 году, насчитывалось 4.500 европейцевъ всѣхъ національностей; но, кроме того, существуетъ множество сельскихъ

должностныхъ лицъ, которыхъ получаютъ плату непосредственно изъ суммъ, даваемыхъ сбромъ налоговъ. Крупные землевладѣльцы являются настоящими господами деревень, находящихся на ихъ земляхъ: такъ, одно лицо можетъ быть *омдехомъ* пѣлаго уѣзда, человѣкомъ, воля котораго — законъ въ отношении раскладки налоговъ и призыва подлежащихъ барщинѣ на работы. Точно также въ *тегфтишахъ*, принадлежащихъ къ владѣніямъ хедива и членамъ его фамиліи, которыхъ теперь называютъ агенты европейскихъ банкировъ, административное управление находится въ рукахъ представителей владѣльца имѣнія. Въ другихъ селеніяхъ обязанности старшины исполняются шейхъ-аль-беледами или «народными начальниками», изъ которыхъ каждый управляетъ группой семей или дворовъ: некоторые деревни имѣютъ только одного шейха,

въ другихъ ихъ бываетъ несолько, иногда до двадцати. Въ теоріи они выбираются народомъ, но на дѣлѣ обыкновенно власть ихъ передается отъ отца къ старшему сыну, или въ одномъ и томъ же родѣ по старшинству возраста, отъ отца къ брату, или отъ отца къ сыну или къ племяннику. Въ некоторыхъ захолустныхъ мѣстностяхъ, особенно въ округѣ дельты, называемомъ Берари, эти деревенскіе шейхи — неограниченные повелители, настоящіе царьки, решения которыхъ безапелляционны¹⁾.

Слѣдующая таблица даетъ списокъ провинций съ занимаемымъ каждой пространствомъ, включая сюда пустыню и оазисы, и ихъ народонаселеніе въ 1897 году:

¹⁾ Mackenzie Wallace, цитированное сочиненіе.

Области.	Провинціи.	Главные города.	Пространство въ квадратн. километр.	Населеніе.	Число жител. на 1 квадр. километръ.
Нижний Еги- зотъ.	Кайръ	Кайръ	20	576.400	—
	Александрия, Сивахъ.	Александрия	83.202	323.517	—
	Даміетта	Даміетта	904	43.477	—
	Розетта	Розетта	123	623.080	251
	Бегерахъ	Дамангуръ	10.780		
	Шаркіехъ	Загазигъ	4.368	747.315	318
	Дахаміехъ	Мансура	2.061	737.198	306
	Гарбіехъ	Тантахъ	3.092	1.297.853	214
	Каліубіехъ	Каліубъ	822	371.610	407
	Менуфіехъ	Менуфъ	1.583	864.141	522
Восточный.	Портъ - Саидъ, Изман-Ля	Портъ - Саидъ	6.238	61.105	—
	Суэцъ	Суэцъ			
Восточная.	Эль-Аришъ	Эль-Аришъ	86.086	16.992	—
Восточный Египетъ.	Ассіутъ	Ассіутъ	128.700	756.031	214
	Бени-Суэфъ	Бени-Суэфъ	50.430	313.780	257
	Файюмъ и оазисъ	Файюмъ			
	Гиргехъ	Гиргехъ	15.703	687.890	408
	Гизехъ	Гизехъ	24.716	398.888	417
	Кенехъ	Кенехъ			
	Коссеиръ	Коссеиръ	87.075	705.081	500
	Миніехъ	Миніехъ	110.911	542.858	271
	Эль-Хедудъ	Эль-Хедудъ	862	220.180	255

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

Элизе Реклю.

Томъ XI.

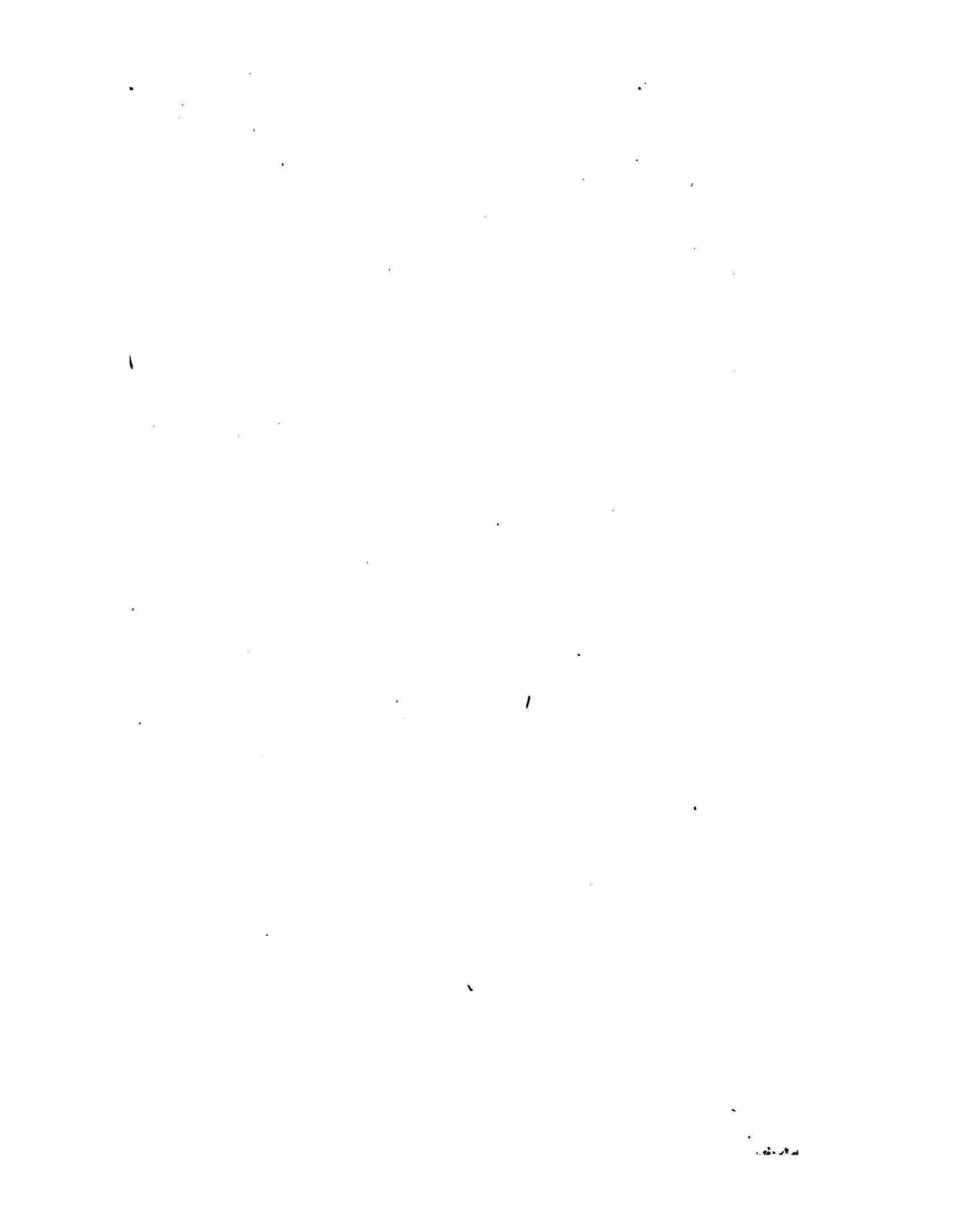
Съверная Африка.—Тунись.—Алжирія.—Марокко.—Сахара.

Переводъ подъ редакціей С. П. Зыкова,
дѣйствительнаго члена ИМПЕРАТОРСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОВѢЩЕСТВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Товарищества «Общественная Польза» и К°. Большая Подьяческая, 39.

СЪВЕРНАЯ АФРИКА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава I

Триполитанія.

Часть африканского континента, обозначаемая на картахъ подъ именемъ Триполитаніи или Триполи, представляетъ территорію безъ географического единства: эта обширная область въ миллионъ слишкомъ квадр. километровъ (по Бему и Вагнеру, пространство Триполитаніи, со включеніемъ Куфры, 1.213.400 квадр. километровъ; народонаселеніе 1.010.000 душъ, или среднимъ числомъ 0,8 жит. на квадр. километръ) состоитъ изъ отдѣльныхъ странъ, раздѣленныхъ пустынями необитаемыми или даже неудобными для жительства. Можно сказать, что если не пустыня въ собственномъ смыслѣ слова, то по крайней мѣрѣ предшествующія ей степи достигаютъ береговъ Большаго Сирта. Пространство, заключенное между Киренаикой на востокѣ и Гуріанскими горами въ сосѣдствѣ Триполи, составляетъ нераздѣльную землю между средиземной зоной и поясомъ Сахары; даже вся южная Триполитанія принадлежитъ къ пустынѣ; тамъ вѣдѣ только и видишь, что голые камни, глину или песокъ, за исключениемъ нѣсколькихъ ящницъ, гдѣ есть немного воды, поящей человѣка и его пальмы. Слѣдовательно, Триполитанія только въ силу политической фикціи, а никакъ не по естественнымъ ея условіямъ рассматривается какъ нѣчто цѣлое; да и то не все пространство, понимаемое обыкновенно подъ этимъ именемъ, подвластно правительству Близостатальной Порты. Такъ, оазисъ Куфра, хотя при-

числяемый къ турецкимъ владѣніямъ, остается совершенно независимымъ, и во многихъ оазисахъ, болѣе близкихъ къ морскому берегу, власть оттомановъ чисто nominalная.

I. Барка.

На западѣ отъ Египта и принадлежащихъ къ нему съверныхъ оазисовъ тянется плоскорѣ Барка, часто называемое также Киренаикой, по имени пышнаго города Кирены, который былъ тамъ построенъ эллинами. Въ политическомъ отношеніи это плоскогорье составляетъ часть регентства Триполи и, слѣдовательно, состоитъ, по крайней мѣрѣ по виду, подъ непосредственной властью константинопольскаго султана; но съ географической точки зрѣнія это страна, совершенно отдѣльная отъ остальной Триполитаніи, и современные события показываютъ намъ, какъ неустойчиво нынѣшнее политическое равновѣсіе. Очень вѣроятно, что въ близкомъ будущемъ раздѣлъ Африки, къ которому теперь приступаютъ европейскія державы, передастъ Киренаику и Триполитанію изъ рукъ Турціи въ руки другихъ владѣльцевъ, быть-можетъ, итальянцевъ. Впрочемъ, и теперь уже тамъ управляютъ не тѣ господа, которые получили изъ Стамбула официальный фирмантъ инвеституры: высшею властью во всей территоріи, заключающейся между египетской

границей и восточнымъ Сиртомъ, является духовный орденъ сенусіевъ, возникшій первоначально въ Алжиріи, и столица котораго въ Джарабубѣ, въ оазисѣ Фаредга; турецкіе чиновники терпимы въ краѣ лишь подъ условіемъ готовности сообразоваться съ указаніями, дающими имъ представителями главы ордена, и всѣ должностныя лица, облеченные судебною или муниципальной властью, принадлежать къ этой общинѣ; по зову джарабубскаго махди моментально поднялась бы цѣлая армія пѣшихъ и конныхъ воиновъ, организованная помимо турецкаго правительства¹⁾.

Область африканскаго поморья, лежащая между Египтомъ и Триполи въ собственномъ смыслѣ, есть въ настоящее время наименѣе посѣщаемая европейскими коммерсантами и наименѣе населенная страна во всемъ бассейнѣ Средиземнаго моря. На этомъ обширномъ пространствѣ, ограниченномъ съ одной стороны предѣлами Египта, съ другой—низменностью, направляющеюся отъ оазиса Фаредга къ заливу Большой Сиртъ, живеть никакъ не болѣе 300.000, можетъ быть даже не болѣе 250.000 человѣкъ (по Камперю, приблизительное пространство и населеніе Барки: 50.000 квадр. километр. и 246.000 жит., такъ что въ среднемъ приходится по 5 жителей на квадр. километръ). Пароходы, сноущіе въ Средиземномъ морѣ по всѣмъ направленіямъ, рѣдко заходятъ въ порты Барки; для международныхъ торговыхъ сношеній морской берегъ, длиною около 2.000 километровъ, простирающійся отъ Александрии до Триполи, какъ будто не существуетъ. Но присущая европейскому миру сила расширенія имѣетъ неизбѣжныя слѣдствія; нѣть сомнѣнія, что Киренаика снова сдѣлается европейской колоніей, куда опять направится, какъ это было двадцать пять вѣковъ тому назадъ, предпріимчивые переселенцы изъ Греціи и Италии. Выдвинувшееся прибрежье Барки отстоитъ менѣе чѣмъ на 400 километр. отъ мыса Матапанъ: въ этихъ водахъ, гдѣ проходитъ раздѣльная зона между восточнымъ и центральнымъ бассейнами Средиземнаго моря, Африка какъ будто идетъ на встрѣчу Европѣ, и нельзя не удивляться, что обратное движение западной цивилизациіи до сихъ поръ еще не распросранилось боковымъ потокомъ въ этой ближайшей части «чернаго» материка. Въ то время какъ европейское вліяніе, слѣдя вокругъ земного шара по великимъ морскимъ путямъ, сдѣлалось преобладающимъ даже въ областяхъ антиподовъ, оно почти не проникало въ эту страну Ливіи, которая въ теченіе слишкомъ тысячи лѣтъ принадлежала къ эллинскому миру, сре-доточію науки и искусства. Въ эпоху римлянъ Киренаика рассматривалась какъ часть Гре-

ції: она составляла одну провинцію съ островомъ Критомъ.

На сѣверномъ фронѣ Африки окружной массивъ плоскогорья Киренаики соответствуетъ берегамъ, ограничивающимъ на западѣ заливы Большой и Малый Сиртъ, и выдвинувшимъся къ Сициліи караагенскими мысомъ. Эти двѣ страны сходствуютъ географическимъ положениемъ, климатомъ и произведеніями; обѣ онѣ играли также роль въ исторіи древняго міра: одна своими греческими колоніями, другая—своей Тирской республикой. Нѣкоторые писатели, сравнивая Кирену и Кареагентъ, указывали выгоды первой и выражали удивленіе, что она не сравнялась, по степени торговаго процвѣтанія, со вторымъ¹⁾). Несомнѣнно, однако, что для международной торговли Кареагентъ занималъ несравненно болѣе выгодное положеніе, чѣмъ приморскіе города Киренаики. Не принадлежа къ греческому миру, онъ не достигъ той же высоты въ общей цивилизациіи и не оказывалъ такого же вліянія на развитіе наукъ и искусствъ, хотя и у него не было недостатка въ людяхъ великихъ мыслью; но зато онъ игралъ гораздо болѣе важную роль въ движениі международнаго торговаго обмѣна. Окруженное со всѣхъ сторонъ пустынами, Киренское плоскогорье могло получать изъ внутреннихъ мѣстностей лишь небольшое число произведеній труднымъ путемъ черезъ оазисы, и всѣ его естественные сношенія ограничивались эллинскими островами и полуостровами, лежащими напротивъ, по другую сторону Средиземнаго моря. Кареагентъ, поставленный въ болѣе благопріятныя условія, былъ портомъ обширной и многолюдной страны, простиравшейся далеко внутрь континента. Почти въ виду Сициліи, на берегу того большаго пролива Средиземнаго моря, гдѣ пересѣкаются главные судоходные пути изъ Греціи въ Испанію, онъ занималъ центральный постъ всего морскаго бассейна; кромѣ того, онъ имѣлъ надъ греческими городами то преимущество, что былъ ближе къ Геркулесовымъ столпамъ, и корабли его первые завоевали безпредѣльный океанъ.

Разоренные арабами, особенно во время втораго нашествія, въ половинѣ одиннадцатаго столѣтія, жители Барки потеряли свою торговлю и культуру; страна снова впала въ состояніе варварства, опустошенные города и некрополи сдѣлались убѣжищемъ дикихъ звѣрей. Миецъ о Геркулесѣ и Антѣй разсказываетъ намъ про борьбу греческихъ поселенцевъ съ аборигенами Киренаики, почерпавшими, послѣ каждого пораженія, новую силу въ любви къ родной землѣ; вопреки баснѣ, прославляющей победу Геркулеса, въ концѣ концовъ одерживаетъ верхъ Антей. Однако, нельзя сказать, чтобы

¹⁾ Louis Rinn, „Marabouts et Khouas“;—Henri Du-taugier, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, 1884.

¹⁾ James Hamilton, „Wanderings in North Africa“.

тиль древняго берберского населенія все еще являлся господствующимъ; разнообразно видоизмененная скрепизациями съ греками, не-граями и турками, берберская основа была замѣнена или почти совершенно преобразилась отъ смѣшанія съ арабами. Послѣдующая иммиграція дадутъ политическое преобладаніе европейцамъ, но старая раса, вѣроятно, всегда будетъ имѣть численный перевѣсъ, какъ и въ остальной части сѣверной Африки.

Будущее присоединеніе Киренаики къ цивилизованному миру уже достаточно подготовлено изслѣдованіями европейскихъ путешественниковъ. Въ началѣ XVIII столѣтія одинъ французскій путешественникъ, Лемерь, изучалъ развалины греческихъ городовъ. Поль Люкасъ, Шау, Брюстъ, Гранджеръ видѣли нѣкоторыя части побережья. Итальянцы Червелли и делла-Челла, проникшіе внутрь материка, въ 1811 и въ 1817 годахъ, первые привезли оттуда систематическая наблюденія относительно почвы, климата, произведеній и древностей страны. Затѣмъ слѣдуютъ братья Бичи, занимавшіеся въ особенности изученіемъ морскихъ береговъ, тогда какъ артистъ Пако посѣтилъ преимущественно лежащія въ развалинахъ города плоскогорья и описалъ ихъ памятники. Делапортъ, де-Бурвиль, Бартъ, Гамильтонъ, Бейерманъ, Гергардъ Рольфсъ, Мордокъ Смитъ и Порчеръ также объѣхали Киренаику, и въ эти послѣдніе годы большое число путешественниковъ — астрономовъ, географовъ, натуралистовъ — являлись одинъ за другимъ въ тѣхъ краяхъ, почти всѣ по порученію итальянскаго общества торгового изслѣдованія въ Африкѣ: это систематическое изученіе страны имѣть главною цѣлью подготовить Италии пути къ овладѣнію древними греческими колоніями.

Между Египтомъ и территоріей Барки нѣтъ естественныхъ границъ. Холмы и плато, возывающіеся на сѣверной сторонѣ оазиса Сивахъ, продолжаются на западъ, но поднимаются террасами, такъ что получили название Джебель по ту сторону залива Солумъ или Меллахъ, исходной точки демаркаціонной линіи, проводимой официально между Египтомъ и Триполи. Мысъ, доминирующей надъ заливомъ Солумъ, былъ даже для нѣкоторыхъ писателей древняго мира, наприм. Саллюстія, Помпонія Мела, краевольнымъ межевымъ столбомъ между Африкой и Азией, такъ какъ Египетъ они причисляли къ восточному материку¹⁾. Въ этомъ мѣстѣ высшія точки плоскогорья переходятъ за 300 метровъ, и дорога прибрежья должна взбираться на выступающей гребень тропинкою, высѣченной въ видѣ ступенекъ, отчего весь этотъ мысъ, до Расъ-эль-Мелахъ, или «Соляного мыса», получиль у грековъ

название Катабатмосъ Мегасъ или «Большой спускъ»; арабы, пришедши изъ Египта, даютъ ему теперь имя Акабетъ-эль-Кебиръ или «Большой подъемъ». У Эль-Эдризы, арабскаго писателя, онъ называется «Подъемомъ по ступенямъ», Акабахъ-эль-Солумъ, откуда произошло нынѣшнее имя сосѣдняго залива. Понятно, что эти обрывистыя высоты и глубокая вырѣзка побережья, образуемая заливомъ Солумъ, во всѣ времена считались у моряковъ и караванщиками естественною границей, хотя внутри страны плоскогорье продолжается съ той и другой стороны безъ большихъ разностей уровня.

Отъ залива Солумъ до большой дуги, западную оконечность которой занимаетъ городъ Бенгази, прибрежье разрѣзано на двѣ почти равныя части заливомъ Бомба, надъ которымъ господствуетъ на западѣ мысъ, называемый Расъ-эль-Тинъ, или «Мысъ смоковницъ». На восточной сторонѣ этой глубокой бухты, которую уже заранѣе намѣтили, какъ самое удобное мѣсто для основанія военнаго порта, подобнаго Спеціи, простирается берегъ древней Мармарики или Мармариды; на западной — изгибается, въ видѣ красивой дуги круга, берегъ Киренаики въ собственномъ смыслѣ. Небольшая рѣка, уади Теммимъ (длинаю около 100 километр.), ясно разграничиваетъ эти двѣ страны, если не своей водой, которой въ ней совсѣмъ не бываетъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году, то по крайней мѣрѣ песками своего ложа: это единственный потокъ Барки, про который нельзя сказать, что онъ простая промоина, высыхающая спустя нѣсколько часовъ послѣ дождя. Съ каждой стороны этой промежуточной впадины, высоты представляютъ различный характеръ. Міоценовое плато Мармарики, съ среднемъ, вдвое ниже плоскогорья Киренаики, и продольная углубленія первого, почти всѣ параллельныя берегу, можно назвать скорѣе складками каменистой поверхности, чѣмъ настоящими долинами. На западѣ, въ Киренаикѣ, холмы вѣдьмаются такъ wysoko, что образуютъ настоящій горный массивъ, Джебель-Ахдаръ или «Зеленая гора», главныя вершины котораго переходить за 1.000 метровъ²⁾; но въ специальнѣмъ его значеніи это имя примѣняется только въ западной части массива. Эта группа высотъ, отличающихся, впрочемъ, округленными формами, изъ всѣхъ африканскихъ горъ наиболѣе походитъ на Апенины. Деревья и растенія подѣлься здѣсь тѣ же, чтѣ на Апенинахъ; средняя температура на косогорахъ и въ долинахъ мало разнится отъ температуры Италии; воздухъ, проходящій надъ лугами, пропитанъ такимъ же благоуханіемъ, и такія же лазурные воды

¹⁾ H. Barth, „Wanderungen durch die Kustenländer des Mittelmeeres“.

²⁾ Ch. Tissot, „Géographie comparée de la Province romaine d'Afrique“.

блестяще у подножия береговыхъ утесовъ, какъ и въ Италии. Итальянцу, проѣзжающему по Баркѣ кажется, что онъ опять видитъ свою родину. Извѣстно также, чѣмъ была эта страна для эллиновъ, которые сдѣлали изъ нея африканскую Грецию. Въ своемъ энтузиазмѣ они помѣстили тамъ первый изъ тѣхъ «Гесперидскихъ садовъ», которыми ихъ мореплаватели, пускавшіеся все далѣе и далѣе въ своихъ отважныхъ экспедиціяхъ, усыпали, такъ сказать, все пространствѣ отъ Киренаики до областей крайняго Запада. Что касается арабовъ, то самое имя «Зеленая гора», данное ими высотамъ джебель Барка, свидѣтельствуетъ объ удивленіи, которое возбуждалъ въ нихъ этотъ благодатный край. Съ какой бы стороны они ни направлялись къ нему—съ юга, съ востока или съ запада,—имъ всегда нужно было проходить черезъ голыя и безводныя пустыни: контрастъ зелени и текучихъ водъ производилъ такое сильное впечатлѣніе, что покрытые растительностью холмы и долины представлялись имъ настоящими земными раемъ.

Красотой своего вида плато Киренаики обязано главнымъ образомъ изящному профилю своихъ горъ, закругляющихъ свои высочайшія вершины въ сосѣдствѣ морскаго побережья. Плоскій берегъ, мѣстами весь розовый отъ безчисленныхъ обломковъ коралловъ¹⁾, составляющихъ около трети массы, окаймленъ землями, которая постепенно поднимается до основанія отвѣтныхъ утесовъ или крутыхъ скаль, раздѣленныхъ узкими оврагами, гдѣ проложены тропинки, поднимающіяся косвенно по отлогостямъ. Надъ этимъ изрѣзаннымъ краемъ известковаго пьедестала показываются верхушки Джебель-Ахдара, за которыми начинается уже покатость пустыни; въ южномъ направлѣніи открываются ложа уади, лѣсистые холмы смыкаются серирами, обширными каменистыми пространствами, или равнинами, покрытыми скучной растительностью чернобыльника и альфы. Съ перемѣнною рельефа мѣняется и цвѣтъ почвы: горы Барки покрыты красноватой землей, которая подала арабамъ поводъ дать этой странѣ имя Барка-эль-Гамра, т. е. «Барка красная»; къ югу же сѣрый колоритъ и бѣлизна песковъ или голыхъ камней смыкаются мало-по-малу плодородную красную глину возвышенной Киренаики: мы вступаемъ въ «Барку бѣлую», Барка-эль-Бейда, какъ ее прозвали арабы. Еще южнѣе, тамъ, где безплодная почва не производить уже никакой растительности, разстилается настоящая пустыня, не имѣющая географическаго имени: это движущаяся дюна, голый камень или твердая глина, черезъ которые съ трудомъ пробираются караваны, находя лишь колодцы съ

солоноватой водой, да и тѣ встречаются на большихъ разстояніяхъ одинъ отъ другаго.

Сѣверная часть Барки, лежащая впереди серировъ и сыпучихъ песковъ «бѣлой» области, пользуется истинно «итальянскимъ» климатомъ. На уровнѣ моря нормальная температура года, смотря по широтѣ мѣста, 21 и 22 градуса по Цельсію, слѣдовательно, на нѣсколько градусовъ выше, чѣмъ въ южной Италии; но на высотахъ, омываемыхъ болѣе разрѣженнымъ воздухомъ, температура понижается и сравнивается съ температурой Сицилии и Неаполитанской области; кроме того, морскія бризы, дующія съ замѣчательной правильностью, освѣжаютъ атмосферу. На плоскогорѣ Киренаика, на высотѣ 500 метровъ, теплота дня, умѣряемая морскимъ вѣтромъ, колеблется отъ 12° Цельсія зимой²⁾ до 29 градусовъ лѣтомъ³⁾. Ночью лученіе спусканіе почвы при ясномъ, безоблачномъ небѣ чувствительно понижаетъ температуру, но и тогда термометръ очень рѣдко опускается до точки замерзанія; вообще немногіе климаты могутъ сравниться съ климатомъ Киренаики по мягкости и равномѣрности. Путешественнику здѣсь не приходится часто страдать отъ крайностей тепла или холода; при томъ же онъ легко можетъ переходить изъ одной зоны въ другую, такъ какъ и равнина, и плато, и горы одинаково покрыты тѣмъ богатымъ красноземомъ, гдѣ съ успѣхомъ произрастаютъ всѣ культуры умѣренного пояса. Какъ разсказываетъ Геродотъ, въ «Киренской территоріи три великолѣпныхъ временія года. Морскіе берега изобилуютъ плодами земли, которые первые достигаютъ зрѣлости: начинается жатва хлѣба и сборъ винограда; только что уберуть урожай съ полей и виноградниковъ, какъ уже поспѣли плоды на холмахъ, и нужно приниматься за новый сборъ. Затѣмъ приходитъ очередь вырыванія плодовъ въ высшей области, такъ что первая жатва уже выпита и сѣдна, когда наступаетъ послѣдняя: такъ киренѣцы цѣлые восемь мѣсяцевъ въ году только и дѣлаютъ, что собираютъ плоды земли»³⁾.

«Красная» Барка принадлежитъ къ средиземному поясу зимнихъ дождей, хотя нерѣдко ливни выпадаютъ тамъ и осенью: благодаря почти островному положенію Киренаики, всѣ вѣтры, за исключеніемъ южнаго и юго-восточнаго, приносятъ ей влажный воздухъ, и часто эта влажность, задерживаемая вершинами горъ, спускается на землю, въ видѣ обильныхъ дождей. Случалось, что потоки дождевой воды, хлынувшіе изъ овраговъ къ городамъ прибрежья, обращали въ грязь и уносили въ море многочисленныя мазанки, а въ домахъ, устро-

¹⁾ Pache, „Voyage dans la Marmarique et la Syrie“.

²⁾ Hamilton, „Wanderings in North Africa“.

³⁾ Книга IV, 199, франц. переводъ Гиге.

явшихъ противъ наводненія, проваливались террасы, такъ какъ ливень пробивалъ тонкій слой битой глины, покрытой циновками и морской травой ¹⁾). Однако, годовое количество дождя все-таки меньше, чѣмъ въ большей части европейскихъ странъ; по Фишеру ²⁾, оно составляетъ, въ среднемъ выводѣ, отъ 350 до 500 миллиметровъ, то-есть отъ половины до двухъ третей количества, выпадающаго во Франціи. Вообще, это годовое количество возрастаетъ отъ Александрии до Кирены въ западномъ направлениі ³⁾). При томъ значительная часть дождевой воды тотчасъ же исчезаетъ въ трещинахъ известковой почвы и такимъ образомъ пропадаетъ для области плоскихъ возвышеностей; она снова появляется лишь въ равнинахъ, въ видѣ обильныхъ ключей, бьющихъ изъ земли у основанія утесовъ; во многихъ мѣстахъ, особенно на западной сторонѣ Джебель-Ахдара, въ сосѣдствѣ города Бенгази, подземные воды уходили бы въ море скрытыми галлерейами, если бы древнимъ не удалось перехватить ихъ и опять вывести на поверхность ⁴⁾). Несмотря на дожди, изливающіеся на горы, Киренаика не имѣть ни одного постоянного ручья; что касается «Бѣлой» Барки, въ области песковъ и голыхъ скалъ, то тамъ встрѣчаются только безводныя уади, да на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго колодцы, на днѣ которыхъ сочится солоноватая жидкость.

Растительность измѣряется количествомъ дождевой воды, или получаемой прямо на почву, или дистиллируемой бьющими изъ земли ключами, и, слѣдовательно, богатство ея постепенно увеличивается въ направлениі отъ востока къ западу. Въ то время, какъ Швейнфуртъ, тщательно изслѣдуя окрестности порта Тобрукъ, въ Мармарикѣ, собралъ 220 видовъ растеній, Ашерсонъ насчитываетъ 493 вида для западной Киренаики ⁵⁾). Верхняя часть плоскогорья, съ которой дождевая вода быстро исчезаетъ, поглощаемая воронкообразными углубленіями почвы, представляетъ лишь сѣроватыя пространства, гдѣ рѣдкая трава выгораетъ лѣтомъ подъ знойными лучами солнца: только изрѣдка какая-нибудь малорослая акація, мастиковое или терпентинное деревцо прерывають однообразіе бесплоднаго камня. Но на всѣхъ скатахъ и во всѣхъ лощинахъ, гдѣ почва долго сохраняетъ дождевую влагу, земляничное дерево, самбукъ, шиповникъ, мастиковое дерево, лавръ и миртъ растутъ смѣшанно вокругъ зеленыхъ дубовъ, туи, большихъ кипарисовъ, болѣе стройныхъ, чѣмъ итальянскіе,

и достигающихъ 50 метровъ (болѣе 23 саженъ) въ вышину: въ этихъ чащахъ вѣчно зеленыхъ деревьевъ и кустарниковъ сразу находишь разгадку имени Джебель-Ахдаръ, данного самому высокому массиву Барки. Лѣса страны теперь доставляютъ только бревна для постройки домовъ въ приморскихъ городахъ и дрова; но въ давнія времена киренаикская туйя служила материаломъ для выѣлки тѣхъ драгоценныхъ столовъ съ «тигровыми» или «барсовыми» прожилками, которые имѣли такую высокую цену въ глазахъ римлянъ; не менѣе высоко цѣнился ароматический запахъ его древесины, посредствомъ котораго Цирцея, будто-бы, производила свои чары. На болѣе близкихъ къ морю склонахъ растеть цѣлыми лѣсами дикая маслина, ягоды которой составляютъ любимую пищу козъ и овецъ. Рожковое дерево, оставленное на свободѣ, пускаетъ изъ себя такое множество отпрѣсковъ, что они образуютъ обширный куполь зелени, подъ которымъ цѣлая бедуинская семья удобно можетъ устроить себѣ лѣтнюю резиденцію, совершенно скрытую отъ взора постороннихъ ⁶⁾). Какъ ручьи Греціи, уади Барки окаймлены по берегамъ розовыми лаврами. Маленькия пальмы разсѣяны кустами на берегу моря; хорошо орошаемые сады, окруженные такъ называемыми «варварскими смоковницами» (этими выходцами Нового Свѣта, которые теперь сдѣлались однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ видовъ въ средиземной флорѣ), наполнены фруктовыми деревьями итальянской зоны, надъ которыми тамъ и сямъ господствуютъ высокіе стволы и короны финиковъ пальмъ: иная плодоносная долина, выходящая къ морю, заключаетъ въ себѣ не менѣе древесныхъ породъ, переплетающихся своими густыми вѣтвями, чѣмъ древній «Садъ Гесперидъ», описанный въ «Периплѣ» Скилакса. Гдѣ находилось это чудное мѣсто? Близъ Вереники, по свидѣтельству Плинія, или, какъ говорить Скилаксъ, въ сосѣдствѣ Расъ-Семъ (*Phycus* древніхъ), самаго сѣвернаго мыса Барки ⁷⁾). По описанію греческаго автора, Гесперидскій садъ занималъ естественный оврагъ или бывшую каменолому, въ родѣ сиракузскихъ латомій; братья Бичи ⁸⁾ полагаютъ, что онъ былъ расположенъ въ пропастяхъ, нынѣ наполненныхъ водой, которая находится къ востоку отъ гор. Бенгази; но ни одна изъ этихъ пропастей не имѣетъ размѣровъ сада, описываемаго Скилаксомъ. Можно составить себѣ понятіе объ этомъ дивномъ садѣ, посѣтивъ, въ окрестностяхъ сицилійскаго города, покрытыхъ пышной растительностью пропасти, которыя неожиданно открываютъся среди каменистаго плато: лимонные, апельсинные, персикиевые деревья, ирга японская, стручковый

¹⁾ Hamilton, цитированное сочиненіе.

²⁾ „Das Klima der Mittelmeerländer“, „Ergänzungsheft zu Petermann's Mittheilungen“, № 58.

³⁾ Schweinfurth, „Esplorazione“, vol. VIII, 1883.

⁴⁾ G. Rohlfs, „Von Tripolis nach Alexandrien“.

⁵⁾ G. Rohlfs, „Kufra“.

⁶⁾ Hamilton, цитированное сочиненіе.

⁷⁾ Paolo della Cella, цитированное сочиненіе.

⁸⁾ Northern Coast of Africa.

багрянникъ, стремящіеся на вольный воздухъ и ясный свѣтъ, вытянулись на 15—20 метровъ въ вышину; стволы этихъ гигантовъ окружены густымъ кустарникомъ, а вѣти ихъ увѣшаны гирляндами ліанъ; аллеи усыпаны цветами и плодами; изъ густой листвы раздается веселое пѣніе птицъ; надъ этимъ элизіумомъ благоухающій и цветущій деревьевъ высится сѣрыя скалы, тамъ и сямъ обросшія плющемъ или увѣнчанныя кустомъ на каждомъ изъ выступовъ.

Растеніе, составлявшее нѣкогда богатство Киренаики, и название котораго вошло у древнихъ въ поговорку, въ смыслѣ драгоценныи-шаго сокровища, *silphium* или *laserpitium*, существуетъ теперь только въ дикомъ состояніи на косогорахъ, если, впрочемъ, это то самое. Нѣкоторые писатели древности говорятъ, что оно уже въ ихъ время исчезло, а изъ новыхъ—Шрофъ, Эрстедъ, Ашерсонъ и другіе высказали мнѣніе, что растеніе, такъ высоко цѣнимое греками и римлянами за его целебныя свойства, было не что иное, какъ одинъ изъ видовъ асса-фетиды; однако, большинство натуралистовъ не сомнѣваются въѣности гипотезы первого изслѣдователя страны, итальянца делла-Челта, по которой сильфій есть то же, что дриасъ или адриасъ туземцевъ, тапсія (*thapsia garganica*) ботаниковъ. Древнія киренейскія монеты даютъ намъ точное изображеніе этого зоятичнаго растенія, хотя форма его тамъ нѣсколько утолщена и плодъ представляеть съ контурами черезчуръ сердцевидными¹⁾. Какъ отвердѣвшій союзъ античнаго сильфія, цѣнившагося на вѣсъ серебра, и который хранился вмѣстѣ съ сокровищами государства, жидкость, извлекаемая изъ нынѣшняго дриаса, считается у туземцевъ панацеей противъ всѣхъ болѣзней и употребляется въ особенности для лѣченія ранъ животныхъ; въ Европѣ, изслѣдованія Гейнцмана тоже доказали, что это растеніе должно бы быть введено въ современную фармакопею за его кровоочистительные свойства. Не замѣчено никакой видимой разницы между алжирской и киренайской тапсіей, а между тѣмъ должна существовать какая-нибудь особенность, такъ какъ алжирскій видъ не обладаетъ целительной силой; съ другой стороны, верблюды могутъ щипать алжирскую тапсію совершенно безопасно, тогда какъ дриасъ, растущій въ Баркѣ, смертеленъ для нихъ, какъ быть нѣкогда смертеленъ сильфій²⁾.

Въ настоящее время территорія Барки лишь въ очень слабой степени способствуетъ своими культурами увеличенію богатствъ міра. Она не вывозить болѣе ни лѣкарственныхъ травъ, ни розовой эссенціи, ни бѣлыхъ трюфелей, составлявшихъ нѣкогда ея славу: ячмень, пшеница,

огурцы, кое-какія овощи, табакъ,—вотъ, вмѣстѣ съ плодами садовъ, единственныя продукты киренского земледѣлія. Горныя пчелы собираютъ превосходный медъ въ цветахъ кустовъ и травъ. Способъ культуры самый первобытный и сомнительно, чтобы баснословные урожаи, о которыхъ рассказываютъ древніе писатели, урожаи, когда хлѣбъ родился самъ-сто и даже самъ-триста, возобновлялись въ новыя времена; напротивъ, теперь иногда даже бываетъ оовъ плохой урожай; въ среднемъ, изъ пяти годчен одинъ неурожайный¹⁾). Склоны Джебель-Ахдары всего болѣе пригодны для культуры оливковаго дерева: масло, получаемое изъ нѣсколькихъ масличныхъ плантацій, содержитъ итальянцами, отличается превосходными качествами.

Столь богатая растеніями, «Зеленая гора» очень бѣдна животными видами. Изъ хищныхъ звѣрей тамъ водятся только геня и шакалъ; дикий кабанъ живеть въ лѣсныхъ чащахъ лощинъ и овраговъ; газели, зайцы, кролики разгуливаютъ по плоскогорью. Пресмыкающіяся, птицы, насѣкомыя принадлежать почти всѣкъ тѣмъ же формамъ, какъ и соответствующіе классы животныхъ въ Мавританіи. Саранча пожираетъ иногда молодые побѣги, а пчела складываетъ свой медъ въ трещинахъ скаль. Къ югу фауна, уже такъ бѣдно представлена въ области высотъ, все болѣе и болѣе уменьшается; наконецъ, по ту сторону оазисовъ, она исчезаетъ совершенно: перейдя уади Фарегъ, путешественникъ замѣчаетъ, что даже блоха не послѣдовала за нимъ²⁾; онъ не видитъ болѣе ни одной раковины на землѣ, ни одной птицы въ воздухѣ. Въ селеніяхъ и становищахъ Барки домашнія животныя тѣ же самыя, что и въ Мавританіи: мулы и ослы, козы и бараны, рогатый скотъ. Лошади уже не той удивительной породы, которую прославлялъ Пиндартъ, воспѣвавъ Киренайку, богатую «прекрасными конями»: теперешнія лошади—маленькия и неуклюжія, но онѣ крѣпки на ноги и очень выносливы, почти не знаютъ усталости.

Страна Барка сплошь населена арабами, болѣе или менѣе смѣшанными, но выдающими себя за чистокровныхъ и говорящими языками Пророка, по египетскимъ формамъ, съ мавританскимъ оттенкомъ. Въ наружности жителей незамѣтно ни одной черты, которая бы указывала на слѣды эллинского или римского происхожденія, а что касается берберскаго типа, то онъ въ этой области настолько близокъ къ арабскому, что трудно опредѣлить долю примѣси той и другой крови въ смѣшанномъ населеніи. Въ городахъ, какъ Дерна, Бенгази, гдѣ преобладаетъ вліяніе торговли, нравы и

¹⁾ Thriges,—Falbe,—Lindberg,—Muller,—„Numismatique de l'ancienne Afrique“.

²⁾ G. Rohlfs, „Von Tripolis nach Alexandrien“.

¹⁾ Mamoli, „L'Esploratore“, vol. V, 1881.

²⁾ G. Rohlfs, цитированное сочинение;—„Kufra“.

обычай мало разнятся от арабскихъ, и женщины показываются на улицѣ не иначе, какъ съ закрытымъ лицомъ; жители грушируются тамъ по ремесламъ и профессіямъ, а не по племенному происхожденію. Но вѣ городовъ, *айлеты*, какъ называются племена Киренанки, занимаютъ отдѣльныя мѣстности. Племя ауладъ-али, изъ египетской Ливии, распространилось на западъ до горъ Барки и владѣть тамъ обширными пастбищными землями; оно смѣнило древнихъ мармарійцевъ, которые дали свое имя странѣ въ эпоху Птоломеевъ и которые впослѣдствіи были увлечены общимъ движениемъ переселеній и завоеваній по направлению отъ востока къ западу¹⁾). Племя зуйя кочуетъ въ сосѣдніхъ съ горъ. Дерна частяхъ плоскогорья и спускается на югъ до Бѣлой Барки, къ югу отъ горъ. Бенгази; племя абейдатъ, болѣе многочисленное, населяетъ, бокъ-о-бокъ съ племенами бераса, гасса, дорса, области Джебель-Ахдара, лежащія къ востоку и къ западу отъ развалинъ Кирены; племя эштѣ живетъ въ западной части горной цѣпіи, надъ Бенгази, тогда какъ непосредственно къ сѣверу и къ югу расположены становища племени брагта и другихъ подраздѣленій ауагировъ, самаго могущественнаго изъ всѣхъ айлетовъ: 10.000 пѣхоты и 1.000 конницы,—такова, говорить, вооруженная сила, которую различные кланы этого айлета могли бы выставить въ поле въ военное время. Гараби, могарба и другія менѣе важныя племена обитаютъ на нижнихъ террасахъ, между горами Барки и пустыней. Всѣ эти ливійскіе арабы любятъ раскрашивать себѣ сурьмой грудь, руки и лицо; женщины, которая здѣсь никогда не ходятъ съ закрытымъ лицомъ, окрашиваютъ себѣ нижнюю губу въ черный цветъ и обводятъ глаза той же краской; мужчины и женщины завертываются въ *гаули*, родѣ тоги, известной у европейцевъ подъ именемъ «баракана». Киренанскія дѣвушки красивы въ молодости, но ростомъ онѣ гораздо ниже мужчинъ. Национальное блюдо—базина, родъ ячменной похлебки. Чума 1874 г. появилась между арабами Мерджа, древняго Барсе: говорятъ, что Киренанка есть, вмѣстѣ съ горами западной Персіи и горами Ассира въ Аравіи, одна изъ трехъ странъ, гдѣ зарождается бубонная чума²⁾.

Съ половины текущаго столѣтія, вслѣдствіе основанія ордена сенусіевъ въ этой части Триполитаніи, арабы Барки несомнѣнно выиграли въ материальной культурѣ и въ нравственной связи; и правы измѣнились³⁾, и теперь уже не практикуется болѣе обычай примитивнаго гостепримства, описываемый всѣми путешествен-

¹⁾ Tauxier, „Revue Africaine“, 1877.

²⁾ Mahé, рукописная замѣтка.

³⁾ H. Duveyrier, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, 1884.

никами, отъ Геродота до Барта⁴⁾, который обязывалъ супруга уступать свои права гостю. Но, съ другой стороны, туземцы утратили прежнее радушіе и добросердечіе; они сдѣлались суровыми и непривѣтливыми. Въ 1843 году алжирскій шейхъ Сенуси-эль-Меджагири, вынужденный покинуть Мекку, гдѣ его подвижничество и строгость правиль создали ему сильныхъ враговъ, пришелъ искать убежища въ Бенгази, затѣмъ основалъ въ Эль-Бейдѣ, къ западу отъ Кирены, первую заію, въ одно и то же время монастырь, мечеть, школу, больницу, крѣпость и культурный центръ. По слѣдамъ его стали стекаться и другіе бѣглецы, алжирцы по большей части, какъ и самъ святой, призывавшій ихъ на «путь спасенія», и тоже были хорошо приняты; возникли новые монастыри въ другихъ частяхъ страны, и вскорѣ пришельцы изъ гостей сдѣлались хозяевами; уже въ 1851 году путешественникъ Гамильтонъ долженъ былъ защищаться отъ этихъ фанатиковъ. Въ настоящее время главное лицо Барки, даже въ Бенгази, гдѣ развѣваются консульские флаги Европы,—не мутесарифъ, назначенный султаномъ, а прокуроръ, или *укиль*, шейха сенусіевъ, которому правительство уступило даже право отправлять правосудіе; въ округѣ глава ордена имѣеть въ своемъ распоряженіи слишкомъ 25.000 воиновъ, пѣшихъ и конныхъ, не считая *хуановъ*, или братьевъ, и ихъ служителей, живущихъ въ двадцати зуйяхъ⁵⁾; повсюду можно встрѣтить невольниковъ и животныхъ, заклейменныхъ именемъ Аллаха, съ печатью братства. А между тѣмъ, самъ шейхъ не живетъ болѣе въ странѣ; съ 1855 года онъ благоразумно удалился, чтобы быть подальше отъ зоркихъ глазъ Европы, въ оазисъ Фаредга, который, принадлежа официально къ Египту, находится въ дѣйствительности виѣ черты, до которой распространяется фактическая власть вице-королевскаго правительства, въ мархіи, окруженной пустынями, гдѣ не командуется ни султанъ, ни хедивъ. Первымъ его мѣстоизбраниемъ тамъ былъ некрополь, высѣченный въ скалѣ; теперь же шейхъ имѣеть въ Джарабубѣ, своей столицѣ, обширныя строенія, монастыри, казармы, арсеналы, склады, которые смотрятся въ соленые воды озера Фаредга. Это и есть центръ духовной имперіи, которая простирается, съ одной стороны, до Сенегала, съ другой—до Месопотаміи⁶⁾, заключая въ своихъ предѣлахъ по меньшей мѣрѣ 1.500.000 подданныхъ, которые всѣ «въ рукахъ своего шейха, какъ трупъ въ рукахъ обмывателя мертвѣцовъ». Сынъ основателя, наследовавшій

⁴⁾ „Wanderungen durch die Kstenlnder des Mittelmeeres“.

⁵⁾ Louis Rinn, „Marabouts et Khousan“.

⁶⁾ Henri Duveyrier, „Bulletin de la Soci t  de G ographie de Paris“. 1884.

своему отцу въ 1859 г., сдѣлался безспорнымъ и полновластнымъ повелителемъ всѣхъ хуановъ міра, которые видять въ немъ маҳди, «вождя», «руководителя», или върнѣе, «хорошо руководимаго»¹⁾, призванного возстановить могущество ислама. Правда, сенусіи по виду не преслѣдуютъ никакихъ политическихъ цѣлей; идеалъ ихъ—соединить всѣ правовѣрные ордена въ одно теократическое тѣло, независимое оть свѣтской власти; они осуждаютъ насилие и рекомендуютъ своимъ гонимымъ братьямъ не возмущеніе, но добровольную ссылку изъ странъ, подвластныхъ христіанамъ, въ независимые зауи. Осуждая политическую агитацию, сенусіи, тѣмъ не менѣе, стремятся къ независимости, и ихъ крѣпкая организація дѣлаетъ ихъ гораздо болѣе опасными врагами, чѣмъ многія беспокойныя, всегда готовыя къ возстанію племена. Мусульманская солидарность доставила имъ болѣе завоеваній, чѣмъ оружіе. Такъ, они овладѣли Уадаемъ, выкупивъ партію невольниковъ, которыхъ негроторговцы вели въ Египетъ, и отославъ ихъ обратно на родину, въ качествѣ миссіонеровъ общаго дѣла; теперь уадайскій султанъ только намѣстникъ джарабубскаго маҳди, и всѣ его подданные присоединены къ ордену²⁾. По всей вѣроятности, скоро настанутъ трудныя времена для этихъ ревностныхъ панисламистовъ, когда вліяніе Европы вмѣшается непосредственно, открытымъ или замаскированнымъ присоединеніемъ территоріи Барки. Видимая власть турокъ и скрытое правительство сенусіевъ подвергаются опасности быть ниспревернутыми въ одно и то же время. Говорить, будто въ эти послѣдніе годы правовѣрные, принадлежащіе къ ордену, особенно горожане въ Бенгази, стали не такъ строги въ соблюденіи правилъ орденскаго устава; теперь ужъ не рѣдкость встрѣтить между хуанами куриящихъ табакъ и носящихъ шелковую одежду, расшитую золотомъ и серебромъ³⁾.

Вниманіе европейскихъ державъ направлено главнымъ образомъ на порты страны, защищить которые не можетъ никакая туземная сила, и откуда имъ уже легко будетъ командиновать внутренними дорогами. На востокѣ, въ Мармарицѣ, гавань, или марса, Тобрукъ, называемая также Табаркой, кажется, изъ всѣхъ портовъ представляетъ наибольшія удобства для безопасности кораблей и для устройства товарныхъ складовъ. Въ этомъ мѣстѣ, полуостровной массивъ, параллельный морскому берегу, общее направление котораго отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, оканчивается на

восточной оконечности двумя острыми мысами, соединяясь съ другой стороны съ твердой землей невысокимъ перешейкомъ. Бухта, длиной около 3 километр., ограничена на сѣверѣ этимъ полуостровомъ, а на югѣ высокими берегами и утесами плато, изрѣзанного оврагами, гдѣ иногда можно видѣть блестящіе каскады въ 150 метр. высоты: суда, имѣющія болѣе 10 метр. водоизмещенія, могутъ съ полной безопасностью стоять на якорѣ въ этомъ большомъ естественномъ портѣ, защищеннымъ отъ всѣхъ вѣтровъ, кромѣ восточнаго и юго-восточнаго; волноразбиватель, загибающійся дугой при входѣ въ бухту, могъ бы задерживать вѣбы, набѣгающую съ востока, и такимъ образомъ превратить бы Тобрукъ въ одну изъ лучшихъ и обширѣшихъ пристаней Средиземнаго моря. Сохранившіяся еще развалины Антициргоса или какого-то другаго греческаго города, при основаніи полуострова, и остатки сарацинскаго замка на сѣверномъ берегу залива доказываютъ, что эта драгоценная гавань никогда не была теряна изъ виду, хотя прилегающія къ ней мѣстности почти пустыны. Вѣроятно, въ древности Тобрукъ служилъ пристанью пилигримамъ, отправлявшимся въ оазисъ Юпитера Амона¹⁾; корабли, плывшіе изъ Рима въ Александрию, останавливались въ этомъ портѣ. Въ настоящее время отсюда отправляются скотъ, проданный Александрийскимъ поставщикамъ сосѣдними пастушескими племенами (вывозъ скота изъ Киренаки въ Александрию въ 1882 году: 14.000 головъ); отсюда же снабжаются продовольствиемъ, путемъ контрабандной торговли, Джарабубъ и другие зауи хуановъ братства сенусіи²⁾. Швейцарія обнаружилъ изъ окрестности Тобруckой бухты слѣды мѣстнаго поднятія почвы: онъ нашелъ, до высоты 50 метр. и на разстояніи 700 метр. отъ берега, раковины сосѣднихъ морей, сохранившія еще свою натуральную окраску³⁾. Далѣе на западѣ, близъ Кирены и Бенгази, Гамильтонъ видѣлъ, какъ онъ полагаетъ, признаки противоположнаго явленія — осѣданія прибрежья⁴⁾.

Заливъ Бомба, болѣе посѣщаемый, чѣмъ Тобруckая бухта, мелкими каботажными судами, имѣть то преимущество, что находится непосредственно къ востоку отъ собственной Киренаки, въ сосѣдствѣ съ плодородной и относительно населенной страной; но онъ гораздо болѣе, чѣмъ Тобрукъ, открытъ вѣтрамъ съ моря, и большия корабли, заходящіе въ этотъ заливъ, должны останавливаться въ большомъ разстояніи отъ берега: только мелкія суда идутъ искать безопаснаго пристанища позади

¹⁾ James Darmestetter, „Revue politique et littéraire“, 1885.

²⁾ Louis Rien, цитированное сочиненіе;— Henri Daveyrier, цитированное сочиненіе.

³⁾ Pasqua, „Revue de Géographie“, avril 1880.

⁴⁾ H. Barth, „Wanderungen durch die Küstenländer des Mittelmeeres“.

²⁾ H. Barth, „Wanderungen durch die Küstenländer des Mittelmeeres“.

³⁾ Schweinfurth, „Esplorazione“, vol. VII, 1883.

⁴⁾ Hamilton, „Wanderings in North Africa“.

острововъ, лежащихъ у входа въ заливъ. Мѣсто якорной стоянки, называемое «гаванью Менелая», находится въ сѣверной части рейда; но

та побережья, гдѣ уади Теммимъ теряетъ свои воды, разливаясь воючими лужами, основалася, нѣе здесь европейской колоніи, часто предла-

Монастырь Зуайа—колыбель секты сенуситовъ.

на сосѣднемъ берегу разсѣяно лишь иѣсколько хижинъ. Эллинскіе города, существовавшіе нѣкогда въ этой сторонѣ, исчезли почти безслѣдно, и въ виду крайне нездороваго клима-

гающее въ итальянскихъ журналахъ и газетахъ, было бы дѣломъ очень опаснымъ. Въ этихъ водахъ моря береговое теченіе, направляющеющееся отъ запада къ востоку, когда идти против-

наго вѣтра, движется съ средней скоростью около $2\frac{1}{2}$ километр. въ часъ¹⁾.

Надо обогнуть на сѣверѣ красноватые утесы мыса Расть-эть-Тинь и плыть вдоль берега на сѣверо-западъ километровъ пятьдесятъ, прежде чѣмъ увидишь городъ—первый, который имѣеть терриорія Барка на восточномъ берегу. Городъ этотъ, Дерна (древняя Dernis), заселенный въ XVI вѣкѣ андалузскими маврами, состоитъ изъ пяти деревень или отдельныхъ кварталовъ, изъ которыхъ одинъ представляеть лишь груду развалинъ, и которые раздѣлены на двѣ группы ложемъ ручья. Каждый домъ въ Дернѣ окруженъ трельяжемъ, обвитымъ виноградными лозами, каждый имѣеть свою пальму, подъ которой и собираются обитатели послѣ дневныхъ трудовъ. Изъ всѣхъ садовъ Киренаки дерненскіе по ихъ тѣнистости и обилию плодовъ наиболѣе заслуживающіе названія «Гесперидскихъ»: орошаѣмые двумя ключами, бьющими изъ земли въ нѣсколькоихъ километрахъ отъ основанія горъ и развѣтвляющимися на тысячу канавъ и канавокъ, они составляютъ густыми чащами своихъ зеленѣющихъ деревьевъ яркій контрастъ съ голыми, сѣрыми скалами оврага. Сады эти производятъ финики, винные ягоды, виноградъ, апельсины и лимоны, а также превосходные бананы, которые, вмѣстѣ съ шерстью, пшеницей, воскомъ и медомъ, привозимыми съ плоскогорій, съ губками, вылавливаемыми на сосѣднихъ мелихъ, и съ кое-какими тканями, выдѣлываемыми въ краѣ, составляютъ главныя статьи маленькой отпускной торговли. Масличная роща, сохранившаяся въ окрестностяхъ со временемъ римской эпохи, не даютъ болѣе никакихъ продуктовъ; въ нихъ слѣдовало бы все деревья замѣнить новыми насажденіями²⁾. Дерненскіе коммерсанты имѣютъ сношенія съ Бенгази, Мальтой, Канеей, Александріей, и употребляютъ для этихъ сношеній суда, которые стоять на якорѣ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города, въ рейдѣ, открытомъ всѣмъ вѣтрамъ, кромѣ западнаго и южнаго; въ ненастное зимнее время суда укрываются въ заливѣ Бомба. Въ 1815 г., когда Соединенные Штаты отправили экспедицію противъ Триполи для обузданія морскаго разбойничества, отрядъ моряковъ овладѣлъ Дерной и воодвигъ тамъ батарею, остатки которой видны и теперь еще, къ западу отъ города; американцы начали также прорыть гавань у выхода оврага, но пребываніе ихъ на материкѣ было непролongительно, и съ тѣхъ поръ работы эти не возобновлялись. При томъ же городъ пришелъ въ упадокъ съ этой эпохи: въ 1821 г. чума уменьшила число жителей съ 7.000 на 500³⁾;

¹⁾ Schweinfurth, цитированный хемуаръ; — „Sailing Directions“.

²⁾ Mamoli, „Esplorazione“, vol. V, 1881.

³⁾ Paolo della Cella, цитированное сочиненіе.

большая часть Дерны была покинута, и теперь въ ней едва-ли насчитается двѣ трети того населенія, которое она имѣла въ началѣ этого столѣтія.

Къ западу отъ Дерны первый портъ, открывающійся на морскомъ берегу, сохранилъ, въ слегка измѣненной формѣ, имя «гавани спасительницы», которое даютъ ему нѣкоторые греческіе писатели: это Марса Суза, Аполлонія Птоломеевъ. Благодаря своей маленькой гавани, хорошо защищенной отъ волнъ цѣлью островковъ и подводныхъ камней, этотъ приморскій городъ сдѣлался довольно важнымъ, на что указываютъ обломки памятниковъ, которые еще видны внутри старыхъ стѣнъ и даже за городской чертой, на узкой цѣни скалъ, продолжающейся въ восточномъ направлении. Но портъ исчезъ въ большей части, быть-можетъ, вслѣдствіе пониженія почвы, видоизмѣнившаго очертанія береговъ, ибо древнія могилы и каменоломни находятся теперь ниже уровня Средиземного моря, какъ предполагаемыя «купальни Клеопатры» въ окрестностяхъ Александрии⁴⁾. Впрочемъ, Аполлонія не имѣла независимаго существованія: она была лишь морской пристанью гораздо болѣе значительнаго города—городѣ Кирены, которая стояла въ 16 километр. къ юго-западу, на самомъ краю плато, откуда открывается обширный видъ на разстилающійся внизу равнину и холмы побережья. Легко понять, почему дорянне изъ Феры, основавши «златотронную» Кирену двадцать пять вѣковъ тому назадъ, покинули свои колоніи на морскомъ берегу и выбрали себѣ эту возвышенную позицію, удаленную отъ моря, хотя имъ тогда нечего было бояться нападенія пиратовъ. Причина та, что они хотѣли господствовать надъ населеніемъ возвышенности, доставлявшимъ имъ свои произведенія, какъ жизненные припасы, такъ и товары для торговли, и что эта сильная стратегическая позиція представляла имъ лѣса, плодородную почву, а главное — великолѣпный источникъ, отъ которого самый городъ получилъ свое имя и который былъ посвященъ Аполлону, какъ морская пристань. Въ глазахъ мѣстныхъ арабовъ славу лежащаго въ развалинахъ города составляетъ также источникъ живой воды, бьющий изъ скалы. Имя Кирена мало употребительно: они обыкновенно называютъ Кирену Айнъ-эшъ-Шехадъ, то-есть «вѣчный» или «неизсякаемый фонтанъ⁵⁾», да и вся окрестная мѣстность обозначается тѣмъ же наименованіемъ⁶⁾. Однако, количество воды въ «неизсякаемомъ» источникѣ уменьшилось не только съ древнихъ временъ, но даже съ начала настояща-

⁴⁾ Beechey, „Northern Coast of Afrika“; — Hamilton, „Wanderings in North Afrika“.

⁵⁾ Falbe; — Müller; — H. Barth, цитирован. сочиненіе.

⁶⁾ Murdoch Smith and Porcher, „Recent discoveries at Cyrene“.

го столѣтія: черты, оставленные на скалѣ выше вынѣшняго уровня, не оставляют никакого сомнія въ этомъ отношеніи. Скала, изъ которой потокъ, разливающійся между куполами мастиковыхъ деревъ и ракитъ, высѣчена въ видѣ стѣны, и на этой бѣлой стѣнѣ видны обрисовывающіеся въ формѣ фронтона слѣды кровли храма, прикрывавшаго фонтанъ при выходѣ его изъ горы. Галлерей, откуда онъ льется, быда высѣчена рукой человѣка на протяженіи около 400 метр., но туземцы долго не пускали туда европейцевъ, увѣряя, что галлерей оканчивается у колеса, усаженнаго острыми ножами и непрерывно вертящагося передъ сокровищемъ¹). Кромѣ большаго фонтана, пріуроченнаго къ миу о Кирѣ, дочери лапитскаго царя, въ Киренѣ были и другіе источники, между прочимъ, ключъ, называемый нынѣ арабами Бу-Гадиръ или «Отецъ зелени» и текущій на сѣверо-западѣ по лѣсистой долинѣ. На плато была вырыта цистерна, одна изъ величайшихъ и наилучше построенныхъ, какія сохранились отъ древнихъ временъ. Къ юго-востоку отъ развалинъ, на еще болѣе высокой террасѣ, находится цистерна Сафсафъ, въ формѣ канала, имѣющая 265 метр. длины: она выложена огромными плитами, которыя покрываютъ ее по всей ширинѣ около 6 метровъ²).

Кирена, имя которой сдѣлалось именемъ всей страны, сохранила еще кое-какіе остатки памятниковъ, украшавшихъ ее въ эпоху ея славы, когда она отражала ливійцевъ, давала отпоръ Египту и распространяла далеко на африканскомъ континентѣ греческую цивилизацію: Аристотель написалъ ея исторію, не дожедшую до наст., и между ея сынами были люди, пріобрѣвшіе громкую славу, какъ философъ Аристиашъ, поэтъ Каллимахъ, астрономъ Эратосенъ. Со времени Пако, первого изъ европейскихъ путешественниковъ посѣтившаго эти руины, онѣ стали менѣе явственны, и многія изваянія уже растащены; но и теперь еще можно различить храмы, театры, стадій, колоннады и городскія стѣны, ограничивавшія часть плато, около 5 километровъ въ окружности; со стороны равнины мѣстоположеніе города оканчивается высокими мысами, раздѣленными обрывистыми и глубокими оврагами. Во многихъ мѣстахъ, скала была гладко выровнена, словно выстругана, чтобы приготовить болѣе удобную поверхность для постановки зданій; черезъ плоскогорье проложены дороги, на которыхъ еще сохранились колеи. Но что всего болѣе возбуждаетъ удивленіе путешественниковъ, это громадный городъ мертвыхъ, окружающей то, что было нѣкогда городомъ живыхъ

¹⁾ Augustin Cervelli, „Extrait du journal d'un Expediton de Tripoli à Derna“.

²⁾ H. Barth, „Wanderungen durch die KustenlÄder des Mittelmeeres“.

на западѣ, на востокѣ, на югѣ, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ; кажется, что вся Кирена была обширнымъ некрополемъ; въ этомъ отношеніи съ ней не могъ бы сравниться ни одинъ эллинскій городъ. Очевидно, сосѣдство, затѣмъ господство египтянъ оказalo вліяніе на киренскихъ грековъ: вместо сжиганія своихъ покойниковъ, они стали хоронить ихъ въ гrotахъ или подъ гробницами. Въ иномъ оврагѣ встрѣчаешь тысячами зіающія отверстія погребальныхъ пещеръ; иной мысъ оканчивается десятью, двѣнадцатью террасами въ видѣ ступеней, изъ которыхъ каждая несетъ рядъ надгробныхъ памятниковъ: одни массивные, въ стилѣ почти египетскому, другіе—украшенные изваяніями, окруженные колоннадами, какъ маленькие греческіе храмы; кое-гдѣ можно еще различить слѣды древняго разноцвѣтнаго украшенія. Большинство гробницъ стоять на склонахъ, высѣченныхъ въ известковой скалѣ; легкость работы въ этой пористой горной породѣ позволила вырыть такимъ образомъ цѣлый подземный городъ; теперь въ одномъ изъ большихъ мавзолеевъ Кирены расположился сенусіанскій монастырь. На дорогѣ, которая вела въ Аполлонію, у основанія киренскихъ мысовъ, большія кладовыя, служившія, быть-можетъ, и могилами, также были высѣчены въ скалѣ¹). Въ настоящее время видны только слѣды этого древне-греческаго пути. Смить и Порчеръ реставрировали его или, лучше сказать, открыли новый путь для перевозки драгоценныхъ статуй, собранныхъ ими для Британскаго музея; но туземцы очень косо смотрѣли на эту работу: они знаютъ, что проложенная дорога облегчаетъ входъ солдатамъ и сборщикамъ по-датей.

Въ сотнѣ километровъ къ юго-западу, на плоскогорье, одна котловина, длиной 30 и шириной отъ 10 до 12 километровъ, известна у арабовъ подъ именемъ Мерджъ: тамъ стоять теперь одно единственное дерево—пальма, служаща путеводителемъ путешественникамъ²). На этомъ бывшемъ даѣ озера былъ расположенъ древній эллинскій городъ Барке, соперникъ Кирены, потомъ первый, по степени важности, между «пятью городами», отъ которыхъ страна получила название Пентаполя (Пятиградіе); это крайній пунктъ континента, до котораго доходили персы, при Даріѣ, двадцать четыре вѣка тому назадъ. Греческая Барке превратилась впослѣдствіи у арабовъ въ Барку, и такъ же, какъ Кирена, дала свое имя всей территории, отъ египетскихъ границъ до Сиртскаго залива. Этотъ городъ не оставилъ по себѣ, какъ его соперникъ, импонирующихъ руинъ, восходящихъ ко временамъ эллиновъ,

¹⁾ Pacho;—Beechey;—Barth;—Hamilton;—Smith and Parcer.

²⁾ Camperio;—Mamoli;—Haimann, „Esploratore“;—Petermann's Mittheilungen“, 1881.

но онъ имѣлъ важное значеніе въ средніе вѣка, какъ главный этапъ для арабскихъ армій между Александрией и Тунисомъ; онъ былъ тогда центромъ торговли и продовольствія. Отъ этой эпохи процвѣтанія Барка сохранила только развалины замка, да обширныя цистерны (она не имѣла, какъ Кирена, неизысканныхъ источниковъ). При Птоломеяхъ она была замѣнена, какъ главный городъ, ея морской пристанью, Птолемаидой, имя которой мало измѣнилось въ арабской формѣ. Теперь Тольмита уже не городъ, но еще видны остатки ея древнихъ стѣнъ, имѣвшихъ не менѣе 7 километровъ въ окружности, и фундаменты многихъ зданій; эти развалины заняты племенемъ мараутовъ агаиль, которое, изъ зависи къ соперникамъ по ремеслу, долго противилось пропагандѣ се-
нусіевъ, но, наконецъ, должно было, въ свою очередь, обратиться въ ихъ вѣру¹). Гавань, хотя почти совершило засыпанная пескомъ, представляеть безопасное пристанище мелкимъ судамъ, до самаго Бенгази, который находится въ верстахъ въ ста къ юго-западу. Древняя Тейкера, другой приморскій городъ, бывшій въ числѣ «пяти городовъ», вмѣстѣ съ Киреной, Аполлоніей, Барке и Гесперидой, сохранила свое имя, какъ и Птолемаида: арабы называютъ ее Токра; тщетно давали ей офиціально наименование Арсінои, потомъ Клеопатриды. Токра не имѣть ни храма, ни порта, а только нѣсколько лачугъ да могилы, изъ которыхъ арабы сдѣлали себѣ лѣтнія жилища; но городскія стѣны ея принадлежать къ числу наилучше сохранившихся валовъ, какие завѣщаны намъ древнимъ міромъ. Хотя вновь отстроенная Юстиніаномъ, онъ покоятся на болѣе древнихъ фундаментахъ, и многіе фрагменты восходятъ къ македонской эпохѣ: двадцатьчетыре четыреугольныя башни flankируютъ эту великолѣпную ограду²).

Эугесперида, Гесперида или Гесперія, которой дали это имя, вѣроятно, потому, что она лежала къ западу отъ Киренейской области, и которая впослѣдствії была названа Вереникой, въ честь киренеянки, супруги Птоломея Эвергета, сдѣлалась въ наши дни городомъ Бенгази: нынѣшнимъ своимъ наименованіемъ городъ обязанъ одному святому, гробница которого находится по близости, на самомъ берегу моря. Столица терроріи Барки и всей восточной Триполитаніи, въ то же время самый многолюдный городъ страны, Бенгази занимаетъ мѣстоположеніе древней Геспериды, исключая части мыса (гдѣ теперь стоить замокъ), которая была размыта волнами, и своими обломками способствовала засоренію гавани. Городъ расположенъ на южной оконечности скалистаго мыса, омываемаго съ запада и юга

¹⁾ H. Daveyrier, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, 1884.

²⁾ H. Barth, цитированное сочиненіе.

моремъ; на восточной сторонѣ разстилается соленое озеро, составлявшее часть Средиземнаго моря даже въ историческую эпоху, и въ которое и теперь иногда, во время бурь, вторгаются морскія волны; лѣтомъ оно представляеть болотистую котловину, покрытую тонкимъ слоемъ соли. Посерединѣ перешейка, между озеромъ и моремъ возвышается горка, какъ полагаютъ, тотъ самый островъ, который, по описанію древнихъ авторовъ, лежалъ среди гавани, и на которомъ былъ воздвигнутъ храмъ Венерѣ, замѣненный теперь гробницей Марабута. Другія озера или, вѣриѣ, болота тянутся на сѣверѣ и на югѣ, отдѣленные отъ моря узкой береговой полосой. Однако, Бенгази имѣеть менѣе нездоровыій климатъ, чѣмъ большая часть другихъ городовъ этого побережья, благодаря бризѣ, уносящей вредныя испаренія этихъ болотистыхъ водовмѣстилицъ. Но въ жилищахъ кишать насѣкомыя: у туземцевъ вошло въ поговорку, что Бенгази—это настоящее «мушиное царство».

Такъ какъ столица Барки находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ оазисами пустыни посредствомъ каравановъ, которые еще недавно тащили за собой цѣлый партіи невольниковъ, то населеніе Бенгази очень смѣшанное: негритянскій элементъ сильно представленъ между всѣми потомками берберовъ и арабовъ. Евреи, замѣчательные своей красотой, тоже очень многочисленны между жителями Бенгази: они поселились въ краѣ въ эпоху, предшествовавшую ихъ собственнымъ преданіямъ, и происходить, вѣроятно, отъ тѣхъ израильтянъ, которые эмигрировали въ Веренику во времена Птоломеевъ, съ собственнымъ политическимъ устройствомъ и со своими архонтами, и которые сдѣлались довольно могущественны, чтобы подняться противъ грековъ и перебить ихъ. Эмигранты изъ Мавританіи тоже составляютъ значительную часть населенія Бенгази, съ тѣхъ поръ, какъ духовный орденъ сенусіевъ сдѣлаль нравственное завоеваніе страны и управляетъ ею черезъ посредство начальниковъ племени и турецкихъ чиновниковъ. Наконецъ, европейская колонія, представляемая главнымъ образомъ малтийцами, итальянцами и греками, съ каждымъ годомъ приобрѣтаетъ все большее значеніе, численность ея доходитъ до 1.000 человѣкъ на 15.000 жителей.

Бенгази уже не кучка убогихъ домишекъ изъбитой глины и рогожъ, какимъ его видѣли рѣдкіе путешественники въ началѣ столѣтія: теперь онъ имѣеть солидные каменные дома, въ одинъ и два этажа, маякъ, церкви, мечети и синагоги; но въ немъ нѣть болѣе ни одного шамптина его прошлаго; только нѣсколько камней указываютъ мѣсто нахожденія моловъ и набережныхъ. Однако, въ землѣ нашли драгоценныя изваянія, вазы, надписи, медали, и

добрая часть этихъ находокъ досталась Луврскому музею, благодаря раскопкамъ Ватье-де-Бурвиля. Недавно кое-что сдѣлано по улучшению порта; но въ сравненіи съ тѣмъ, что было двѣ тысячи лѣтъ назадъ, онъ много потерялъ въ протяженіи, глубинѣ и безопасности: суда, сидящія въ водѣ болѣе, чѣмъ два съ половиною метра, не могутъ входить въ гавань и должны бросать якорь въ открытомъ морѣ; зимой, воды Бенгази почти совсѣмъ не посѣщаются судами. Несмотря на эти неудобства, городъ ведеть значительную и постоянно возрастающую торговлю, особенно съ Франціей; онъ ввозить бумажныя ткани, сахаръ, вино, строевой лѣсъ; но уже не вывозить, какъ прежде, слоновой кости, золота и страусовыхъ перьевъ; въ настоящее время главные предметы отпуска—живой скотъ и зерновые хлѣба, отправляемые на островъ Мальту, шерсть, коровье масло, кожа, соль, собираемая въ окрестныхъ озерахъ, губки, вылавливаемыя у киренейскаго берега. Внѣшняя торговля Бенгази, по цѣнности, составляла въ 1862 г. 1.026.000, въ 1871 г.—2.500.000, въ 1879 г.—11.685.000, въ 1890 г.—11.076.450 франковъ. Въ 1890 г. въ портъ Бенгази пришло: 52 парохода въ 34.321 тонну и 252 парусныхъ судна въ 14.084 тонны. Теперь греческіе и итальянскіе моряки собираютъ наибольшую часть губокъ при помощи скафандровъ (пробочной фуфайки); немногіе ныряльщики бросаются голые въ воду. Стоимость годового улова губокъ опредѣляютъ въ 2.000.000 франковъ¹⁾.

Окрестная мѣстность вокругъ Бенгази очень плодородна въ значительной части своего протяженія, именно на сѣверныхъ берегахъ, изгибающихся къ Токрѣ; но почва еще слишкомъ обширна для земледѣлія, и каждый можетъ выбирать себѣ любое поле: кто посѣялъ, тому и принадлежитъ урожай. Цальмовый лѣсокъ, единственный на берегу Киренаки, къ западу отъ Дерны, занимаетъ часть полуострова на сѣверъ отъ города, и нѣсколько садовъ и огородовъ окаймляютъ озера, но ихъ нужно было культивировать особымъ образомъ, чтобы фрукты и овощи хорошо росли. Для этой цѣли снимаютъ поверхностный слой почвы и устилаютъ дно рогожами, послѣ чего канавы снова наполняютъ вырытой землей, смѣшанной съ удобрениемъ: говорятъ, что рогожи не позволяютъ солянымъ частицамъ подниматься въ растительную землю и задерживаютъ навозъ. На востокѣ, бывшая каменоломни и естественные впадины или котловины утилизируются садовниками, которые воздѣлываютъ ихъ дно; это тоже были «Гесперидскіе сады», подобные тому, о которомъ говорить Скилакъ, и садамъ, существующимъ въ окрестностяхъ Сиракузъ. Нѣкоторыя изъ этихъ пропастей

наполнены водой, или временемъ, послѣ дождей, или постоянно, вслѣдствіе инфильтраціи ключей. Въ 8 километрахъ къ востоку отъ города, въ глубокой галлерѣ течетъ подземный ручей: этотъ таинственный потокъ есть Лаенъ или Лета, «рѣка Забвенія», которая то покажется на мгновеніе, то опять исчезнетъ; впрочемъ, одна струя этихъ скрытыхъ водъ бѣть изъ трещины скалы и уходить въ озеро, омывающее городъ Бенгази съ восточной стороны¹). Этотъ болотистый бассейнъ и самъ прославился въ исторіи миѳовъ: по словамъ Пиндара, Страбона, Лукана и неизвѣстныхъ авторовъ «Таблицы Пейтингера»²), это—одно изъ Тритоновыхъ озеръ; другое находилось къ западу отъ Сиртскаго залива.

За Бенгази, морской берегъ сначала продолжаетъ направляться къ юго-западу, затѣмъ поворачиваетъ къ югу и юго-востоку, прежде чѣмъ описать большую кривую, въ видѣ полуокруга, образующую заливъ Большой Сиртъ. Ни одного города, только нѣсколько группъ лачугъ да становища бедуиновъ разсѣяны на громадной окружности этого обширнаго южнаго басейна Средиземнаго моря; городъ Аджабія, многолюдный и торговый въ средніе вѣка, какъ морская пристань оазисовъ, не оставилъ послѣ себя даже развалинъ. Крѣпостцы, довольно многочисленныя въ сосѣдствѣ Бенгази, болѣе рѣдкія въ южномъ направленіи, защищаютъ морской берегъ; одна изъ нихъ—простыя башни арабской постройки, другіи—антничные бастіоны, сложенные изъ циклоническихъ камней. Это четырехугольныя ограды, съ закругленными углами, внутри наполненные землей почти до верху, такъ что вершина стѣны образуетъ парapетъ для защитниковъ; вѣтъ стѣнъ глубокій ровъ, съ выступающимъ контэрскарпомъ, высѣченъ въ скалѣ³); несомнѣнно, эти укрѣпленія были воздвигнуты цивилизованнымъ населеніемъ, предшествовавшимъ арабамъ. Воздѣланныя поля, все рѣже и рѣже встрѣчающіяся, по мѣрѣ того, какъ удаляешься отъ столицы Барки, чередуются съ травяными степями или съ соляными прудами, имѣющими болотистые берега. Невысокіе холмы, изрѣзанные оврагами, гдѣ живутъ гіены и шакалы, выдѣгиваются мысами къ морю и подводныя скалы выступаютъ рядами изъ водъ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ тянутся плоскіе берега, окаймленные дюнами. Ни одна пальма не вздымаєтъ своей густолиственной короны надъ этимъ песчанымъ берегомъ, котораго такъ боятся моряки, и о который почти всегда удираются волны, нагоняемыя сѣвернымъ вѣтромъ. Въ этой части прибрежья существуетъ только одна гавань, образуемая цѣнью рифовъ: это—Брайга, куда приходитъ нѣсколько шлюпокъ за

¹⁾ G. Rohlfs, цитированное сочиненіе.

²⁾ Ernest Desjardins, рукописная замѣтка.

³⁾ Beechey,—Barth, цитированное сочиненіе.

трузами съры, собираемой въ некоторомъ разстояніи внутри страны, къ югу отъ крайней южной вогнутости залива, называемаго иногда, по причинѣ этихъ рудныхъ мѣсторожденій, «Сѣрымъ заливомъ»; недалеко оттуда находится соляное озеро, уровень которого, вслѣдствіе испаренія, сдѣлался ниже уровня Средиземного моря¹⁾.

Въ Мухтарѣ, тамъ, гдѣ дорога, ведущая къ копямъ, подходитъ къ морскому берегу, кучи камня обозначаютъ границу между территоріей Бенгази и Триполи въ собственномъ смыслѣ. Близъ этого мѣста, какъ полагаютъ комментаторы, произошла,—если только это не сказка древнихъ авторовъ,—памятная встреча молодыхъ скороходовъ изъ Кирены и Карѳагена, которые, выйдя въ одинъ день каждый изъ своей территории, должны были провести гравицу въ томъ пунктѣ, гдѣ сойдутся. Но два брата Филены, бѣжавшіе за Карѳагенъ, при помоши какого то-обмана, на много опередили своихъ противниковъ; когда имъ пришлось выбирать между смертью тутъ же на мѣстѣ и новымъ испытаніемъ, лучшее контролируемымъ, они предпочли дать себя похоронить подъ памятникомъ, который съ тѣхъ поръ и обозначалъ общую гравицу двухъ государствъ: алтарь Филеновъ былъ съ того времени святымъ мѣстомъ для карѳагенянъ.

II. Оазисъ Ауджилы.

Отъ гребня Джебель-Ахдара почва понижается въ южномъ направлениіи, но не постепеннымъ скатомъ, а скорѣе рядомъ террасъ и обширныхъ, лежащихъ одна надъ другой, равнинъ, изрѣзанныхъ многочисленными уади, ложа которыхъ были вырыты текучими водами въ ту эпоху, когда климатъ былъ болѣе влаженъ, чѣмъ въ наши дни. Впрочемъ, здѣсь видны не только слѣды древнихъ рѣкъ, но встречаются также слѣды морскаго залива, который можно рассматривать какъ естественную границу страны Барка въ направлениіи Ливийской пустыни. Къ западу отъ оазиса Сивахъ и его продолженія, оазиса Фаредга, устьяны «горкими озерами», которые прежде были морскими бухтами, долина, вѣроятно, лежитъ ниже уровня Средиземного моря; исконаемые раковины морскаго ежа, гребешка, остреи покрываютъ тамъ почву миллиардами: тамъ и сямъ острововидны горки, окруженныя пескомъ, указываютъ прежній уровень равнины, размытой водами. Высокія дюны Рарта прерываютъ эту визменность, известную у арабовъ подъ именемъ Жердоба; но—если предварительная измѣренія, сдѣланныя Рольфсомъ и его спутниками, точны—она снова на-

чинается на западѣ, подъ видомъ извилистаго уади, соединяющагося съ оазисами Джело и Ауджилы: уровень этихъ долинъ, по Рольфсу, отъ 30 до 51 метра ниже поверхности моря. Къ востоку отъ группы оазисовъ самая широкая долина, известная специально подъ именемъ «Уади», имѣеть общее направление съ юга на сѣверъ и сѣверо-западъ и, вѣроятно, сливается съ другимъ морскимъ ложемъ, Биръ-Рассамъ, которое, по измѣреніямъ Рольфса, оказалось лежащимъ отъ 100 до 107 метровъ ниже уровня Сиртскаго залива: стволы окаменѣлыхъ деревьевъ, особенно пальмъ и мастико-выхъ деревьевъ, разсыпаны тамъ по землѣ въ изобилии, образуя больши «окаменѣлые лѣса», подобные находимымъ въ Египтѣ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣмецкій путешественникъ перешелъ долину Биръ-Рассамъ, она направляется къ сѣверо-западу, чтобы соединиться, вѣроятно, близъ своего древняго устья, съ уади Фарегъ, другимъ покинутымъ водами ложемъ, которое, по разсказамъ арабовъ, имѣеть въ длину пять дней ходьбы: устье его, запертое дюнами, можетъ быть, каменистыми холмами¹⁾, находится въ мѣстѣ, называемомъ Айнъ-Кебрить, почти въ 200 километрѣ, къ югу отъ Бенгази. Уади Фарегъ обыкновенно считаются границей между обитаемой землей и пустыней: путешественники, восходящіе въ первый разъ на его южный высокій берегъ, обязаны угостить своихъ спутниковъ такъ называемымъ «обѣдомъ долины»; въ случаѣ неисполненія этого обычая, люди каравана подбираютъ лежащіе кругомъ камни, чтобы напередъ соорудить надгробный памятникъ скопумъ путешественнику; это—«анаоема», въ родѣ той, которую устраиваютъ греческие крестьяне сборщикамъ податей.

Такимъ образомъ известковое плоскогорье Киренайки и Мармарики, ограниченное на югѣ уади Фарегомъ, долиной Биръ-Рассамъ, временными ручьями оазисовъ Ауджилы, Жербодой и озерами Юпитера Амона, составляло, вѣроятно, большой островъ, едва связанный съ остальнымъ материкомъ. Нѣть никакого сомнѣнія, что воды моря нѣкогда наполняли эту низменность оазисовъ и уади. Отдѣленный отъ главнаго бассейна Средиземного моря образованіемъ узкихъ береговыхъ полостей земли или кордоновъ, впадины постепенно обсохли подъ палящими лучами африканскаго солнца; но морскія воды оставили ясные слѣды своего пребыванія, въ видѣ скопленій современныхъ раковинъ, слоевъ соли, гипса, селитры,магнезіи и многочисленныхъ «горкіхъ озеръ». Такимъ образомъ на той и другой оконечности Сиртскаго залива мы находимъ области, сходные между собой вѣнчаниемъ видомъ, рельефомъ почвы и явленіями, которыхъ они были театромъ; съ обѣихъ сторонъ тянутся далеко

¹⁾ Elie de Ja Primaude, „Littoral de la Tripolitaine“.

¹⁾ G. Rohlfs, „Esplorazione“, vol. IV, 1880.

внутрь материка низменныя пространства, лежащія частю ниже уровня моря и, какъ полагаютъ, бывшия дномъ морскимъ въ болѣе или менѣе отдаленную эпоху. Для того и другаго

ливийскіе оазисы, Рольфсъ полагалъ даже, что прорытіе берегового порога, на Сиртскомъ заливѣ, имѣло бы результатомъ затопленіе большей части материка до 22-го градуса широты

Видъ некрополя въ Киренакѣ.

бассейна одинаково предлагали или, по крайней мѣрѣ, выставляли возможнымъ образованіе «внутренняго моря», такъ, чтобы воды Средиземнаго моря проникли внутрь континента. Во время первого своего путешествія въ

къ югу отъ оазиса Куфра, и позволило бы «самымъ большимъ судамъ плавать до Феццана, можетъ-быть, до оазиса Ваджанга»¹⁾! Послѣ-

¹⁾ G. Rohlfs, „Von Tripolis nach Alexandria“, 2-e Band, S. 68; — „Land und Volk in Afrika“.

дующія изслѣдованія доказали, что географическая перемѣны, произведенные наводненіемъ, имѣли бы гораздо менѣе важное значеніе, и при томъ, прежде чѣмъ говорить о «внутреннемъ морѣ», нужно еще подождать точныхъ нивелировочныхъ работъ.

Въ части территоіи, лежащей на югъ отъ плоскогорій Барки, нѣть ни городовъ, ни постоянныхъ селеній, развѣ только въ группѣ оазисовъ, которые занимаютъ углубленія пустыни, находящіяся ниже уровня Средиземнаго моря: по прямой линіи будетъ не менѣе 220 километровъ между оазисомъ Ауджилы и побережьемъ Большаго Сирта, тамъ, гдѣ находилась Аджабія, прежняя морская пристань каравановъ; обыкновенно въ этомъ же мѣстѣ они и теперь подходятъ къ морскому берегу. Среднимъ числомъ, путешественники употребляютъ около десяти дней на прохожденіе разстоянія, отдѣляющаго Ауджилу отъ морскаго берега, и во время этого перехода имъ приходится проходить обширныя пустынныя пространства, гдѣ «даже блоха покидаетъ странника», и гдѣ послѣдний не находить другой воды, кромѣ вонючей и солоноватой жидкости, отъ которой часто отказывается даже верблюдъ; во многихъ мѣстахъ песокъ засыпалъ слѣды, оставленные предыдущими караванами, и направление пути узнаютъ лишь по *аллемамъ*, или кучамъ камней, сложенныхъ черезъ извѣстные промежутки. На востокѣ, на дорогѣ въ оазисъ Фаредга, пески хранять сорокъ высохшихъ труповъ путешественниковъ, которые умерли отъ жажды, покинутые проводникомъ¹⁾.

Восточный оазисъ Ауджилы, который во времена грековъ далъ свое имя всему архипелагу, не есть ни самый, большой, ни самый много-людный. При длинѣ около двадцати километровъ, онъ имѣеть въ ширину (въ среднемъ) не болѣе одного километра, и тянется въ формѣ полумѣсяца, обращенного вогнутой стороной къ востоку; одинъ только ключъ, какъ это зналъ уже старикъ Геродотъ, бѣть въ этой котловинѣ, окруженнѣй со всѣхъ сторонъ каменистыми террасами серировъ. Оазисъ Джalo, въ центрѣ группы, можетъ-быть, въ десять разъ обширнѣе Ауджилы: длина его такая же, а ширина во многихъ мѣстахъ отъ 10 до 12 километровъ, но онъ не имѣеть ни одного родника прѣсной воды: здѣсь можно найти только соленую жидкость, которая служитъ для орошенія пальмъ, за водой же для питья нужно ходить въ почти необитаемый оазисъ Уади, на востокѣ. Въ наибольшемъ числѣ населеніе скучено въ западной части группы оазисовъ: пропорционально своему протяженію, Ауджила одна изъ густо населенныхъ мѣстностей земного шара. Джalo заключаетъ внутри обширныя

пустынныя пространства, и пальмовая роща его мѣстами перерѣзаны рядами дюнъ; на юго-востокѣ, Батофль или Баттифаль, составляющій южную оконечность Уади, представляетъ собою впадину, съ скучными источниками, окаймленную тростникомъ, который щиплютъ верблюды, и усыпанную ѡстановищами; но далѣе къ востоку весь поясъ лощинъ покинутъ жителями, за исключеніемъ маленьаго оазиса Лешкерре, окруженнаго сыпучими песками. Овощи, производимыя садами оазисовъ, хлѣбныя растенія и финики составляютъ главную пищу жителей; впрочемъ, послѣдніе имѣютъ иѣсколько стадъ овецъ и козъ, а также курь и голубей. У нихъ нѣть ни ословъ, ни воловъ, и вся ихъ кавалерія состоитъ изъ трехъ или четырехъ лошадей. Собака—очень рѣдкое, но не совсѣмъ неизвѣстное въ странѣ животное.

Оазисы группы Ауджилы: Ауджила—20 (?) квадр. килом., 4.000 жит., 40.000 пальмъ. Джalo—200 (?) квадр. килом., 6.000 жит., 100.000 пальмъ. Уади—200 (?) квадр. килом., 1.080 жит., 40.000 (?) пальмъ. Лешкерре—10 (?) квадр. килом., 500 жит., 20.000 (?) пальмъ.

Племена, населяющія оазисы Ауджилы, не принадлежать къ одной и той же расѣ. Называющіе себя аборигенами уаджилы происходятъ, можетъ-быть, отъ назамоновъ, о которыхъ упоминаетъ Геродотъ; они говорятъ еще берберскимъ нарѣчіемъ, близко подходящимъ къ «тамасирту» туареговъ. Населяя западный оазисъ и часть оазиса Джalo, окружающую его столицу, Леббу, уаджилы занимаются главнымъ образомъ земледѣліемъ и садоводствомъ, а также разрабатываютъ окрестныя салины (въ этихъ мѣстахъ, бывшихъ нѣкогда дномъ моря, соль вездѣ соединена съ гипсомъ); наконецъ, они отдаютъ въ наймы караванамъ своихъ пре-восходныхъ верблюдовъ и служатъ имъ проводниками на всѣхъ дорогахъ пустыни до Бенгази, Мурзука, Сиваха и Куфры. Туземцы моджабра, тоже приписывающіе себѣ берберское происхожденіе, хотя они говорятъ арабскимъ языкомъ, обитаютъ въ восточной части оазисовъ, особенно около Эль-Арега, въ оазисѣ Джalo; они пренебрегаютъ земледѣліемъ, но зато это прирожденные торговцы, какъ жители Гадамеса, и, подобно этимъ послѣднимъ, они имѣютъ колоніи купцовъ во всѣхъ оазисахъ Ливии. Путешественники хвалятъ ихъ мужество, трезвость, безупречную честность: это имъ принадлежитъ, по словамъ Буркгартса, честь открытія дороги между побережьемъ и Уадаемъ черезъ Кафру и Ваджангу. Что касается оазиса Лешкерре, то онъ населенъ племенемъ зуйя (суайя), арабскаго происхожденія. Эти три племена—уаджилы, моджабра и зуйя,—при всемъ различіи ихъ языка и происхожденія, очень сходны между собою по физическимъ признакамъ, и цвѣтъ ихъ кожи, почти

¹⁾ G. Roblfs, цитированное сочиненіе.

черный, свидѣтельствуетъ о важной роли, которую игралъ негритянскій элементъ въ скрещиваніяхъ. Брачныя узы очень не крѣпки у обитателей оазисовъ Ауджилы; по словамъ Гамильтона, тамъ не рѣдкость встрѣтить мужчинъ, заключившихъ послѣдовательно отъ двадцати до тридцати браковъ, такъ какъ цѣна супруги колеблется между 30 и 40 франками; но поселеніе въ край суровыхъ сенусіевъ, безъ сомнѣнія, повліяетъ на измѣненіе нравовъ въ томъ смыслѣ, что разводы сдѣлаются болѣе рѣдкимъ явленіемъ, а съ другой стороны и потребленіе пальмового вина уменьшится¹⁾.

Торговля оазиса Ауджилы съ внутренними государствами, именно съ Уадаэмъ и Дарфуромъ, повидимому, принесла значительные размѣры съ тѣхъ поръ, какъ Нильскій путь былъ запертъ войной. Въ 1855 г. торговый сношенія на дорогѣ изъ Ауджилы въ Уадай совершенно прекратились на вѣсколько лѣтъ, вслѣдствіе нападенія малитійскихъ купцовъ, которые, какъ говорятъ, съ разрешеніемъ триполійскаго паша, атаковали близъ Ауджилы одинъ караванъ, убили вѣсколько человѣкъ и захватили десятка три плѣнныхъ. Чтобы отмстить за этотъ разбой, уадайскій султанъ велѣлъ отрубить голову Фогелю и поклялся предавать смерти всѣхъ христіанскихъ путешественниковъ, которые попадутся ему въ руки²⁾.

Во всѣхъ этихъ оазисахъ господствуетъ религиозный орденъ сенусіевъ, но официальнымъ представителямъ власти является мудиръ, имѣющій пребываніе въ оазисѣ Джalo и постановляющій рѣшенія именемъ губернатора Бенгасі. Деятельность его ограничивается взиманіемъ налоговъ, такъ какъ различные роды или кланы племенъ уаджили, моджабра и зуя, въ числѣ около двадцати, пользуются самонаправленіемъ во всѣхъ общинныхъ дѣлахъ. Когда Пако посѣтилъ оазисъ Джalo, власть принадлежала бывшему французскому барабанщику, бѣжалвшему изъ арміи во время египетской экспедиціи, который, послѣ ряда приключений, сдѣлался, совершенно невѣдомо для своихъ соотечественниковъ, правителемъ царства въ пустынѣ.

Ш. Оазисъ Куфра.

Архипелагъ зеленѣющихъ острововъ Куфра, затерянный среди песковъ и каменистыхъ пространствъ Ливийской пустыни, есть одна изъ самыхъ труднодоступныхъ мѣстностей африканского континента. Поэтому онъ оставался неизвѣстнымъ европейцамъ до конца прошлаго столѣтія, и нельзѧ утверждать съ уѣренностью, что онъ составлялъ часть извѣстнаго

древнімъ свѣта, хотя тамъ несомнѣнно жило относительно цивилизованное населеніе. Горнеманъ первый услыхалъ объ этихъ оазисахъ во время своего прохода черезъ Ауджилу; но ни Гамильтонъ, ни Бейерманъ, пытавшіеся пробраться въ эти таинственные края, не могли найти проводника, который бы согласился сопровождать ихъ, и когда Рольфъ, Циттель, Горданъ отправились, въ 1874 г., изъ оазиса Дахель, чтобы идти прямо въ Куфру, по указаніямъ компаса, они должны были отказаться отъ этого плана, послѣ шести дней ходьбы: хотя сопровождаемые цѣльмъ обозомъ верблюдовъ, навьюченныхъ желѣзными ящиками съ водой, они принуждены были свернуть на сѣверъ въ Сиваху, чтобы идти между рядовъ дюнъ по относительно удобной для ходьбы почвѣ, тогда какъ по направленію къ Куфрѣ имъ нужно бы было переходить послѣдовательно, на пространствѣ 400 километр., съпучие пески, вздымающіе свои острые гребни на высоту 100 и даже 150 метровъ. Въ 1879 г. Рольфъ, идя съ сѣвера, то-есть изъ оазиса Ауджилы, успѣлъ, наконецъ, добраться до Куфры, гдѣ, впрочемъ, онъ подвергался большой опасности быть убитымъ, вмѣстѣ со своими спутниками. Отъ послѣдняго становища оазиса Джalo, то-есть отъ колодцевъ Баттифала, до первого источника въ оазисѣ Куфра не менѣе 350 километр.; но слѣдь идти не по прямой линіи, и особенно ночью караваны часто уклоняются въ сторону отъ точного направленія: дорога, пройденная Рольфсомъ, исчисляется имъ въ 400 километр., и это пространство пустыни было пройдено въ 106 часовъ непрерывной ходьбы. Правда, почва плоскогорья, лежащаго между двумя группами оазисовъ, представляетъ лишь узкій поясъ дюнъ на южной своей оконечности, и около середины она перерѣзана долиной, лишенней зелени, баҳаръ-бела-ма или «бездводной рѣкой», впрочемъ, такъ мало отличающейся отъ окружающей мѣстности, что Рольфъ перепечелъ ее, не замѣтивъ, и упоминаетъ о ней только по разсказамъ туземцевъ. Почти все пройденное пространство состоить изъ серировъ, каменистыхъ плато, совершенно правильныхъ и покрытыхъ гравіемъ, дотого мелкимъ, что кажется, будто идешь по окаменѣлымъ чечевичкамъ: въ иѣкоторыхъ мѣстахъ камешки имѣютъ величину маленькаго орѣха. Въ пустынѣ иѣть ни одного колодца, и жители оазиса Куфра зорко слѣдятъ, чтобы не выкапывали колодцы: они хотятъ, чтобы ихъ край оставался разобщеннымъ съ остальнымъ міромъ, потому что число ихъ очень не велико, можетъ быть, менѣе тысячи душъ, и они давно бы утратили свою независимость, если бы турецкія войска могли легко добраться до Куфры, переходя съ этапа на этапъ. Но если оазисы Куфра ошибочно показываются на многихъ картахъ, какъ

¹⁾ Moritz von Beurmann, „Ergänzungsheft, № 8, zu Petermann's Mittheilungen“.

²⁾ G. Rehlf, цитированное сочиненіе.

входящие въ составъ Триполи, то они, тѣмъ не менѣе, уже завоеваны иностранной державой—братствомъ сенусіевъ¹⁾). Посредствомъ религіозной пропаганды алжирскіе хуаны сдѣлались истинными властителями архипелага оазисовъ, и если бы ихъ метрополія, Джараббу, лежащему еще слишкомъ близко къ прибрежью, грозилъ какой-нибудь завоеватель, христіанскій или магометанскій, они постарались бы перенести центръ своего могущества далѣе въ глубь пустыни, въ свою большую заюю аль-Истанъ. Во время своего путешествія Рольфсъ имѣлъ случай убѣдиться, насколько могущественны хуаны. Угрожаемый ими, онъ спасся отъ неминуемой гибели только бѣгствомъ; но какъ только личность его была защищена формальнымъ признакомъ фарегдскаго маҳди, всѣ стали оказывать ему почтеніе, и имущество его было строго уважаемо.

Оазисы Куфра лежатъ не ниже уровня моря, какъ это предполагали, когда былъ открытъ рядъ низменностей, простирающейся отъ египетскихъ оазисовъ до залива Большой Сиртъ. Начиная отъ оазиса Ауджилы, лежащаго ниже поверхности Средиземнаго моря, почва незамѣтно поднимается, и уже оазис Тейсербо, самый сѣверный въ архипелагѣ Куфра, достигаетъ высоты 250 метровъ. Южный оазисъ этой группы, Кабабо, лежитъ на высотѣ 400 метровъ, и весьма вѣроятно, что почва продолжаетъ повышаться въ южной пустынѣ до оазиса Ваджанга. Въ то время, какъ на востокѣ и на сѣверо-востокѣ песчаный океанъ развертываетъ свои высокія волны, въ землѣ Куфра дюнъ немного, развѣ только около центральной части, где онѣ окружаютъ оазисъ Бусейма, на западѣ и на югѣ онѣ исчезаютъ совершенно, и повсюду является гладкая плита или рыхлый песокъ, составляющій грунтъ оазисовъ. «Горы», круго поднимающіяся надъ пальмовыми рощами или надъ степями, состоять изъ пубійскаго песчаника и известняка, прикрытыхъ лавами. Отдѣленные одинъ отъ другаго, эти джебели, кажется, представляютъ остатки нѣкогда сплошнаго плоскогорья, которое годы или вѣты разрушили въ большей части, оставивъ лишь одиноко стоящихъ «свидѣтелей» прошлаго: всѣ они имѣютъ почти одинаковую высоту, только идеальная плоскость, соединяющая всѣ вершины и вѣроятно совпадающая съ бывшей поверхностью плоскогорья, постепенно повышается въ направленіи съ сѣвера на югъ. Рольфсъ нигдѣ не открылъ горныхъ породъ, содержащихъ ископаемые организмы; но песокъ заключаетъ въ себѣ множество остеклованныхъ трубокъ, произведенныхъ или громомъ, или органическими выдѣленіями²⁾). Тамъ и сямъ почва покрыта также песчаниковыми

¹⁾ Gerhard Rohlfs, „Kufra“;—Henri Duveyrier, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, 1884.

²⁾ Rohlfs, „Kufra“.

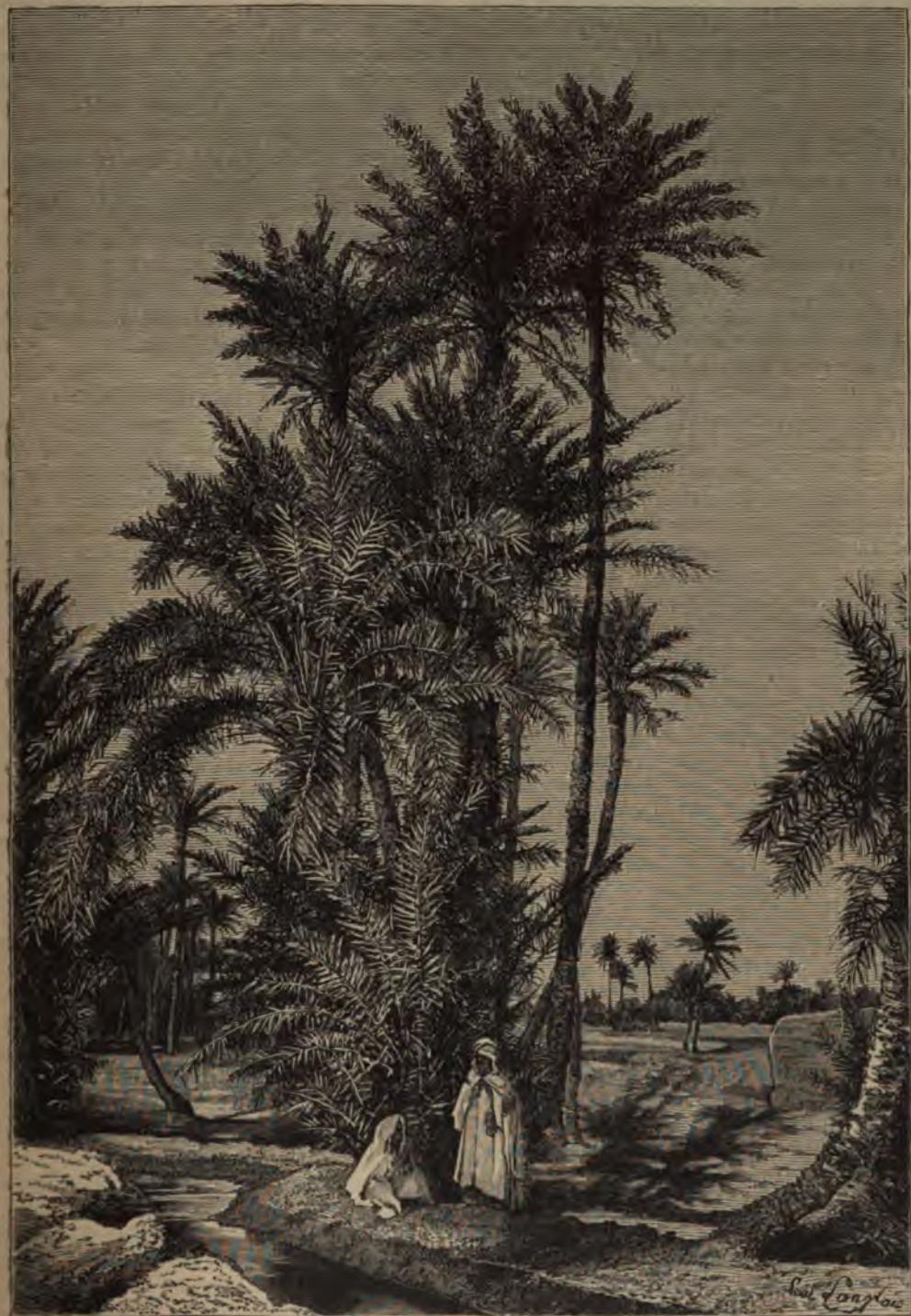
шарами, большими и малыми, которые придаютъ равнинѣ видъ двора арсенала, усыпанаго бомбами, ядрами и пулями. Между этими сростками одни пустыны внутри, другіе имѣютъ твердое ядро или наполнены пескомъ.

Вода есть въ изобилии въ оазисахъ Куфра, и достаточно выкопать яму глубиной отъ одного до трехъ метровъ, чтобы найти жидкій слой: въ этомъ отношеніи Куфра отличается отъ большинства ливійскихъ оазисовъ; здѣсь вездѣ можно безъ труда добыть себѣ хорошей воды. Это водяное богатство кажется удивительнымъ въ странѣ, где дожди бываютъ не каждый годъ; нужно допустить, что горы, лежащія къ югу отъ этой области плоскогорья, довольно высоки, чтобы задерживать дождевые облака, на проходѣ. Каждый изъ оазисовъ, за исключеніемъ, можетъ быть, оазиса Сиргенъ (Зигенъ), лежащаго на сѣверо-востокѣ архипелага, имѣеть въ центральной своей части либо озеро, либо, по крайней мѣрѣ, болотистую себуху, где скапливается излишекъ грунтовыхъ водъ. Озеро Бусейма, по серединѣ оазиса того же имени, представляетъ издали даже видъ горнаго озера. Доминирующее отвѣсными кручами утесовъ и омывающее своими синими водами уединенную скалу пирамидальной формы, это озеро тянется между рядами пальмъ на пространствѣ около 10 километровъ, и солнечная эффоресценція его береговъ, на которыхъ непрестанно выбираются и кружатся столбы нагрѣтаго воздуха, походить на пѣнящіеся гребни волнъ, разбивающихся на берегу. Подъ всяко солянаго озера и болота Куфры можно копать колодцы, которые даютъ прѣсную воду, и вездѣ почва покрывается растительностью, древесной и травяной, по крайней мѣрѣ достаточной для пастьбы верблюдовъ.

Хотя оазисы Куфры отличаются отъ большинства другихъ зеленѣющихъ острововъ пустыни богатствомъ своей растительности, они, однако, представляютъ лишь небольшое число формъ: одинъ и тотъ же видъ, напримѣръ, альфа, тамарискъ, акадія или тальха, занимаютъ необозримое пространство, обнимающее нѣсколько десятковъ квадратныхъ километровъ. Изслѣдованіе Рольфса, которое, впрочемъ, было слишкомъ круто прервано, чтобы могло дать всѣ результаты, какихъ можно было отъ него ожидать, констатировало только 39 видовъ, въ томъ числѣ 26 культивируемыхъ. Одну изъ характерическихъ чертъ флоры Куфры составляетъ многочисленность дикихъ смоковницъ, которая растутъ чащами, служащими убѣжищемъ безчисленному множеству змѣй. Змѣи эти, не ядовитыя, имѣютъ привычку обиваться вокругъ вѣтвей смоковницъ или вай финиковыхъ пальмъ и, поднявъ голову, поджидать маленькихъ птичекъ, которая сидутъ на близкомъ разстояніи. Но зато другія птицы, принадлежащія, повидимому, къ специальной фаунѣ Куф-

ры, занимаются неустанный охотой на этихъ змѣй. На болотахъ дикие гуси и утки плаваютъ мирiadами; аисты тоже показываются иногда въ сосѣдствѣ водь; кромѣ того, оазисы посѣ-

чаются во множествѣ мелкіе грызуны, а также нѣкоторые виды ящерицъ, пауковъ, муравьевъ. Улитокъ въ оазисахъ Куфры совсѣмъ нѣть, какъ и въ оазисахъ группы Ауджилы¹⁾.

Группа пальмъ въ оазисѣ Куфра.

щаются странствующими ласточками. Газели рѣдки, только въ оазисѣ Эрбена, на юго-западѣ архипелага, довольно обыкновенны; но встрѣ-

Имя Куфра, происшедшее отъ Кафиръ, означає часть «страну невѣрныхъ». Однако, архиеп-

¹⁾ Rohlfs,—Ascherson; —Peters, „Kufra“.

лагъ оазисовъ не заслуживаетъ болѣе этого названія съ первой половины XVIII столѣтія, когда язычники тиббу были прогнаны магометанами зуя, пришедшими по большей части изъ оазиса Лешкерре и поддерживающими еще сношенія со своими земляками въ группѣ Ауджилы. Тѣ тиббу, которыхъ нынѣ увидали въ краѣ, только терпимы тамъ, и можетъ-быть, уже не существуетъ, кромѣ какъ въ юномъ оазисѣ, ни одного поселка, гдѣ бы они жили отдѣльной группой. Однако, многочисленныя строенія напоминаютъ о пребываніи этихъ прежнихъ жителей, также какъ о пребываніи ихъ предковъ или предшественниковъ, гарантовъ. Находимые въ этой области Ливіи обдѣланные кремни свидѣтельствуютъ о доисторическомъ періодѣ, подобномъ тому, какой пережила Европа. На гребиѣ массива Джебель-Бусейма древнее селеніе такъ хорошо сохранилось, что достаточно было бы протянуть крышу изъ пальмовыхъ вѣтокъ надъ круглой стѣнной хижинѣ, чтобы сдѣлать ихъ снова жильми; потерны, оборонительная башни и вѣнчаній валь явлюются въ такомъ же видѣ, какъ были построены архитекторомъ. На верху скалы, высящейся по серединѣ озера Бусейма, стоитъ крѣпость того же рода, въ которой обитали прежніе владѣтели края. Остались также древнія кладбища, которыхъ магометане позволяютъ профанировать безъ всякаго протеста, на томъ основаніи, что находимые тамъ скелеты въ сидячемъ положеніи принадлежали проклятымъ кафирамъ. Арабы племени зуя, сдѣлавшіеся господами страны по праву завоеванія, причисляютъ себя къ самымъ вѣрнымъ ученикамъ Пророка, съ тѣхъ поръ какъ получаютъ поученія отъ членовъ братства сенуси. Ихъ шейхъ никогда не показывается передъ людьми своего племени иначе, какъ верхомъ на конѣ, подъ зонтикомъ, съ соколомъ, сидящимъ на маленькой подушкѣ у него за спиной, и въ сопровожденіи борзой собаки; онъ всегда вооруженъ длиннымъ кремневымъ ружьемъ съ заряженнымъ штыкомъ. Зуи предоставятъ презрѣннымъ тиббу южныхъ деревень употребленіе первобытнаго оружія, каковъ, напримѣръ, шангермангеръ, узкая желѣзная палица, тяжелая и заостренная, которая кружится въ воздухѣ прежде, чѣмъ достигнетъ цѣли.

Архипелагъ Куфра состоитъ изъ пяти главныхъ оазисовъ. На сѣверо-западѣ лежитъ оазисъ Тайсебро, прежняя столица котораго, Джрангеди, служившая резиденціей тиббускимъ султанамъ, до сихъ поръ еще доминируетъ остаткомъ замка, построенаго изъ глыбъ каменной соли. Имя Куфра, примѣняемое теперь ко всей группѣ оазисовъ, въ началѣ, кажется, принадлежало одному только Тайсебро, но политическое первенство этого оазиса побудило распространить его специальное название и на другіе острова архипелага, хотя, въ среднемъ,

они отстоятъ одинъ отъ другаго верстъ на сто-На сѣверо-востокѣ, оазисъ Сиргенъ почти не-обитаемъ, и зуи даже не насадили тамъ финиковыя пальмы, хотя безъ труда можно бы было-въ короткое время развести обширныя пальмо-выя плантации; тѣмъ не менѣе, этотъ оазисъ имѣеть весьма важное значеніе, какъ этанное мѣсто для каравановъ, благодаря прекрасной пастьѣ, которую находятъ тамъ верблюды. Оазисъ Бусейма, въ центрѣ архипелага, замѣ-чательенъ своимъ озеромъ и окружающими, на подобіе крѣпостнаго вала, горами: на сѣверѣ — Джебель-Бусейма, на сѣверо-востокѣ — Джебель-Сиргенъ, на югѣ — Джебель-Нари; послѣд-ній, въ видѣ разорваннаго хребта, тянется подъ разными именами, съ востока на западъ, на пространствѣ около 200 километровъ. На юго-западѣ, оазисъ Эрбехна имѣеть почти тѣ же размѣры, какъ оазисъ Бусейма, и предста-вляетъ такой же видъ: это поясъ пальмъ, окру-жающей озеро, надъ которымъ господствуютъ крутыя откосы горъ. Наконецъ, на юго-восто-кѣ, простирается самый значительный оазисъ архипелага Куфра — зеленѣющій полумѣсяцъ Кебабо, имѣющій не менѣе 200 километровъ отъ одной до другой оконечности. На этомъ оазисѣ сгруппировалось почти все населеніе Куфры: здѣсь, около середины оазиса, основа-лась деревня Джоффъ, или «Полая», теперь са-мое большое поселеніе въ этой части Африки; здѣсь же находится монастырь, гдѣ живутъ вла-дѣтели страны. Зауй эль Истатъ, или «оби-тель чистоты», походитъ скорѣе на крѣпость: изъ-за его высокихъ бѣлыхъ стѣнъ, которыхъ могли бы выдержать осаду, виднѣются только верхушки домовъ съ террасами. Но, не опасаясь болѣе нападеній непріятеля, братья сенусіи, живущіе въ оградѣ зауи въ числѣ около двух-сотъ пятидесяти человѣкъ и имѣющіе въ сво-емъ распоряженіи почти столько же невольни-ковъ, давно уже развели сады за стѣнами; въ непосредственномъ сосѣдствѣ монастыря рас-кинутъ обширный, занимающій нѣсколько гект-аровъ, садъ, гдѣ можно видѣть почти всѣ пло-довыя деревья, произрастающія въ оазисахъ Триполитаніи. Изъ миллиона пальмъ, находя-щихся на земляхъ Куфры, они получили около трети въ даръ монастырю отъ благочестивыхъ вѣрующихъ.

Пространство группы оазисовъ Куфра, по Бему: оазисъ Тайсебро — 6.343; оазисъ Сир-генъ — 2.054; оазисъ Бусейма — 320; оазисъ Эрбехна — 314; оазисъ Кебабо — 8.793 кв. ки-лометр.; всего — 17.824 кв. километр.

IV. Берега большаго Сирта и Триполи.

Область триполійскаго побережья, ограничи-ваемая на востокѣ крайней вогнутостью Большаго Сирта, на западѣ южными мысами тунис-

сих береговъ, составляетъ особую территорію въ административномъ отношеніи, и при томъ ясно очерченную рельефомъ почвы. Поясъ неравной ширины, уади котораго, съ ихъ безчисленными притоками, почти всегда сухими, наклонены къ Средиземному морю, обставлена на югъ и юго-западъ цѣпями скаль и горъ или изрытыми краями плоскогорья, которое, въ цѣломъ, тянется почти параллельно берегу Сиртова. Этотъ поясъ и есть Триполи въ собственномъ смыслѣ. Вилайетъ того же имени обнимаетъ, сверхъ того, часть плоскогорья, простирающуюся на юго-западъ черезъ Гадамесъ до алжирской границы, но то уже особая область, почва которой имѣеть скать въ западномъ направлениі, къ Сахарѣ. На югъ, разбросанные оазисы Фецдана, отдѣленные отъ средиземной покатости горами, плоскими возвышенностями, обширными пустынными пространствами, составляютъ другую естественную область. Не включая Киренаки, Фецдана, Гадамеса и Рата, но пренебрегая административными разграничениями и принимая во вниманіе только водораздѣльныя возвышенности между бассейнами, пространство Триполитаніи можно считать приблизительно въ 260.000 кв. километровъ, а общее число жителей этой обширной страны около 650.000, чѣдъ составить, въ среднемъ, отъ 2 до 3 человѣкъ на 1 квадр. километръ.

Болѣе удаленные отъ Европы, чѣмъ Мавританія, и имѣющіе въ сосѣдствѣ лишь небольшую полосу годныхъ къ культурѣ земель, берега Триполитаніи мало привлекали торговлю во все продолженіе исторического периода; корабли, огибавшиѣ выдвинутые мысы Нумидіи или Киренаки и пускавшиѣся въ южномъ направлениі, находили во многихъ мѣстахъ пустыню у самаго края морскихъ водъ; на пространствѣ нѣсколькихъ сотень верстъ тянутся низкие песчаные берега; другія части прибрежья усыпаны подводными камнями, а внутри материка разстилаются болота и лагуны, отдѣленныя отъ моря узкими береговыми поясами суши; даже подходи близко къ берегу, съ трудомъ отличаешь его отъ поверхности моря. Особенно боялись древніе мореплаватели залива Большаго и Малаго Сиртова, по причинѣ его буруновъ, бесплодія его береговъ, вредныхъ испареній его болотъ и дикости прибрежныхъ племенъ. Слабая населенность Триполитаніи, маловажность ея торговли въ совокупности обмѣна, происходящаго на Средиземномъ морѣ, скромная цифра доходовъ, получаемыхъ съ нея политическими ея владѣтелями, доказываютъ, что за послѣднія двѣ тысячи лѣтъ значеніе страны очень мало увеличилось; значеніе это несомнѣнно уменьшилось на побережье, гдѣ никогда стояли большие города, и въ областяхъ, черезъ которыхъ проходили морскіе пути. Теперь остается докончить изслѣдованіе — или,

пожалуй, можно сказать — открытие. Триполитанія. Хотя со времени путешествія Горнемана, въ прошломъ столѣтіи, она была посѣщена многими путешественниками-изслѣдователями, какъ Лайонъ и Ритчи, Денгамъ, Оудней и Клаппертонъ, Ленгъ, Ричардсонъ, Бартъ, Фогель, Бейерманъ, Дюверье, Мирчеръ и Ваттоне, Рольфсъ, Нахтигаль, фонъ Бари, Крафтъ, однако пройденные ими пути, исходя по большей части изъ г. Триполи, оставили въ сторонѣ многія любопытныя мѣстности внутренней части, и изученіе страны въ геологическомъ, метеорологическомъ, этнографическомъ и археологическомъ отношеніи ожидаетъ еще новыхъ изслѣдователей.

Въ наши дни земля сдѣлалась маленькою подъ сѣтью опоясывающихъ ее дорогъ, и нѣкоторыя географическія условія, которыми древніе, вынужденные слѣдовать морскими путями, вовсе не интересовались, получили совершенно новое значеніе. Именно эта глубокая вырѣзка береговъ, отдаляющая Европу отъ равнинъ Триполи, оказывается выгодной для сообщеній съ внутренностью материка. Гавани Триполитаніи, какъ онѣ ни маловажны, являются естественными исходными пунктами для каравановъ, отправляющихся въ западный Суданъ. Благодаря заливу Сиртова, образующему въ массѣ африканского континента вырѣзку, средняя ширина которой около 500 километровъ, путешествіе черезъ пустыню до внутреннихъ плодородныхъ областей сокращается на цѣлуу четверть; кромѣ того, дорога изъ Триполи къ озеру Цаде, находящемуся прямо на югъ отъ этого города, относительно легка, такъ какъ караваны время отъ времени встречаются на пути слѣдованія оазисы, фецанскіе и другіе; ни горы, ни дюны не представляютъ инженерамъ трудно-одолимыхъ препятствій, и рѣдкія населенія оазисовъ, съ давнихъ поръ посѣщаемыя иноземными изслѣдователями, конечно, не воспротивятся строительнымъ работамъ¹). «Кто овладеетъ Триполи, тому будетъ принадлежать и Суданъ!» восклицаетъ путешественникъ Рольфсъ, соѣдѣтуя Италии захватывать Триполитанію²). Желѣзную дорогу онъ предлагаетъ провести изъ порта Триполи или изъ глубины Большаго Сирта, именно изъ гавани Брайга, къ городу Кука, у западнаго берега озера Цаде. Можеть-быть даже, если бы рѣшились устроить достаточно глубокій портъ на западномъ берегу Большаго Сирта, напримѣръ, въ бухточкѣ Зафранъ (Марса-Зафранъ), можно бы еще укоротить этотъ рельсовый путь на 200 километровъ. И не только этотъ планъ самый короткий, какой можно начертать для дороги, долженствующей соединить бассейнъ Средиземнаго моря съ бассейномъ большаго

¹⁾ G. Rohlfs, „Petermann's Mittheilungen“, 1877, 11.

²⁾ „Esploratore“, 1865, fasc. I.

внутреннего озера Африки, но онъ въ то же время, кажется, былъ бы наиболѣе подходящимъ для трансконтинентального пути, который дойдетъ до крайней вогнутости Гвинейского залива, между Нигеромъ и Конго. Поэтому безспорно, что желѣзодорожная линія, которая направится изъ Триполи къ югу, будетъ рано или поздно однимъ изъ главныхъ путей для всемирной торговли; но едва-ли она можетъ превзойти въ важности болѣе западное направленіе, именно дорогу, которая, исходя изъ сѣти, уже дѣйствующей, алжирского по-морья, достигнетъ черезъ уездъ Мессаура, большою дуги, описываемой Нигеромъ ниже Томбукту. Съ этой стороны представляется громадная выгода въ обоихъ исходныхъ пунктахъ, какъ по многочисленности населенія, такъ по обилію произведеній и размѣрамъ торговой дѣятельности. При томъ же, въ случаѣ выбора болѣе западного направленія, нужно бы было только продолжить, на югъ Алжира, линіи уже открытые или концессионированные до болѣе южной широты, чѣмъ Триполи.

Горы Триполитанія начинаются на востокѣ, въ неизслѣдованный еще области пустыни, цѣпью вулканическаго происхожденія, среднее направленіе которой съ юго-востока на сѣверо-западъ: это Гаруджъ-аль-Асуадъ или «Гаруджъ Черный», названный такъ по причинѣ его лавъ. До сихъ поръ только одинъ путешественникъ, Горнеманъ, прошелъ эту цѣпь въ восточной ея части, и со времея его посѣщенія протекло около ста лѣтъ; позднѣйшіе изслѣдователи только видѣли эти горы издали или познакомились съ ними лишь по рассказамъ туземцевъ. Гаруджъ Черный, поверхность котораго покрыта также во многихъ мѣстахъ красноватыми шлаками, болѣе легкими, нежели черныя лавы, состоить изъ маленькихъ низкихъ цѣпей и уединенныхъ вершинъ съ крутыми откосами, изрѣзанныхъ глубокими разсыпями и трещинами: эти крутыя горы, около 200 метровъ средней высоты надъ плато, на которомъ онъ стоитъ, и которое само возвышается на 600 метровъ (въ среднемъ) надъ уровнемъ океана. Суть, можетъ-быть, вулканы, горѣвшіе нѣкогда на берегахъ Средиземного моря или озеръ, разстилающихся у ихъ основания; но песчаниковыя и известковыя формациі, которыхъ лавы пробили трепцинами изверженія, тоже составляютъ значительную часть этой горной системы¹⁾). На югъ отъ Гаруджа Чернаго продолжается далеко известковая гамада, плато, оканчивающееся на сѣверо-востокѣ Мурзукской низменности утесами и холмами, называемыми Гаруджъ-аль-Абіадъ, то-есть «Гаруджъ Бѣлый»; арабы говорятъ, что тамъ находять цѣлые скелеты большихъ морскихъ животныхъ²⁾.

¹⁾ G. Rohlfs, „Kufra“.

²⁾ H. Daveyrier, „Exploration du Sahara, les Touaregs du nord“.

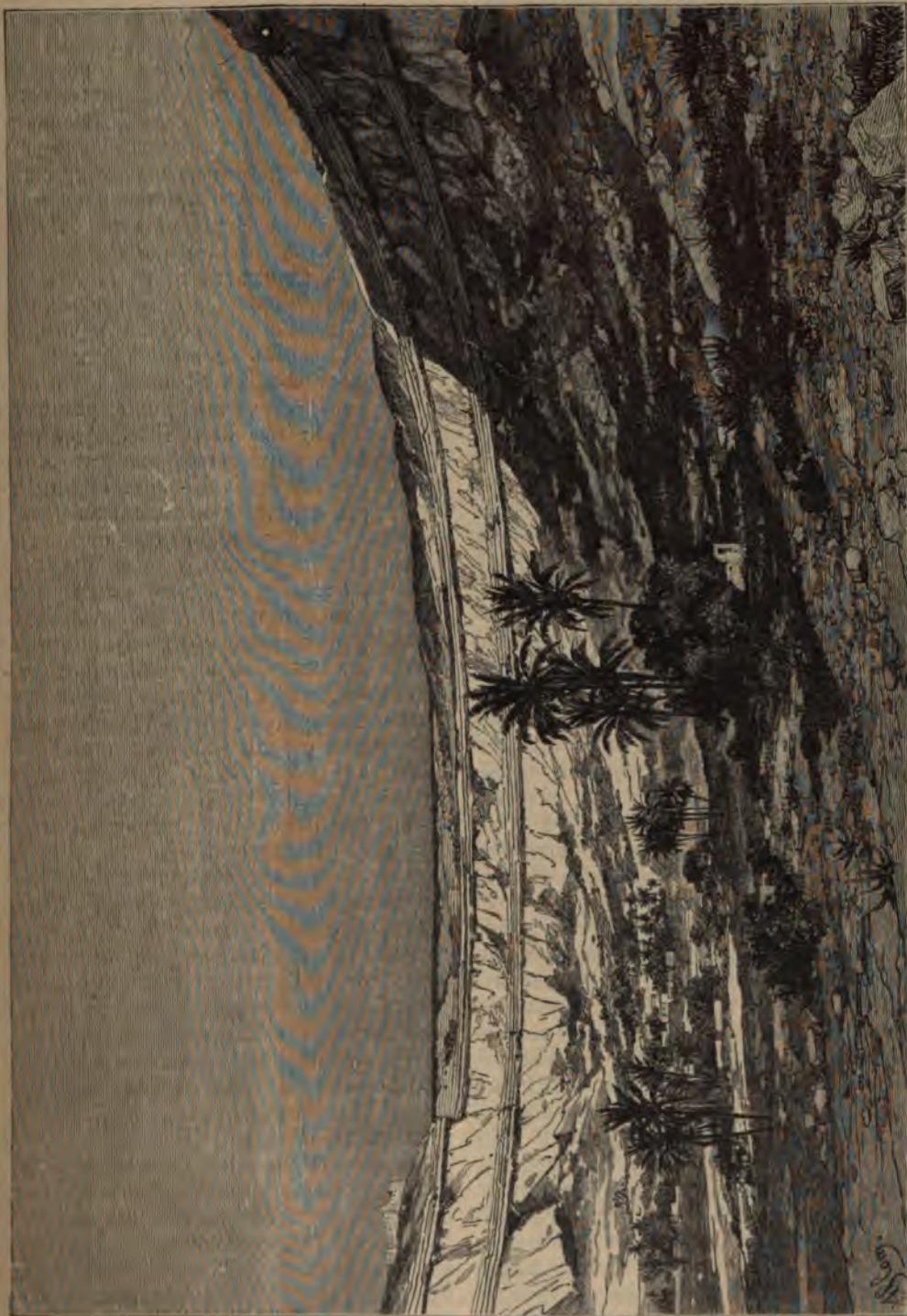
Западное продолженіе Гаруджа Чернаго за переваломъ, черезъ который можно пройти изъ оазиса Зелла, на сѣверномъ склонѣ, въ оазисъ Фога, на южномъ, составляетъ Джебель-эсъ-Сода или «Черная гора», упоминаемая уже Плиніемъ подъ именемъ Mons Ater. По объясненію римскаго энциклопедиста, это название, сохранившееся въ теченіе по крайней мѣрѣ двухъ тысячъ лѣтъ, происходитъ оттого, что горы кажутся почернѣлыми отъ дѣйствія огня, но, освѣщенныя лучами солнца, они имѣютъ видъ объятыхъ пламенемъ. Черная гора, самая высокая цѣпь южной Триполитаніи, развиваетъ свой гребень въ общемъ направленіи отъ востока къ западу, такъ что описываетъ дугу, слегка выпуклую къ сѣверу. Она дѣлится на двѣ части различного вида широкой брешью или вѣрнѣ, говорить Дюверье, «послѣдовательнымъ рядомъ овраговъ», гдѣ проходитъ дорога (на высотѣ 736 метр. по Дюверье, 750 метр. по Нахтигалю), которую следуютъ торговые караваны между Мурзукомъ и оазисомъ Джофра; самыя имена, данные каждой изъ половинъ цѣпи, Сода-Шеркіяхъ и Сода-Гарбіяхъ, указываютъ ихъ относительное положеніе на восточной и западной сторонѣ этой дороги. Сода-Шеркіяхъ, или «Восточная», образуетъ лишь небольшой выступъ надъ поверхностью плоскогорья, тогда какъ «Западная» Сода вздымается на значительную высоту; одна вершина, Кальбъ-Варкау, возвышается на 900 метр.¹⁾; на западной оконечности хребта, тамъ, гдѣ онъ примыкаетъ къ большой каменистой гамадѣ, называемой Гамада-эль-Гомра или «Красное плато», другая вершина, Наберъ-эль-Джругъ, достигаетъ, будто-бы, 1.300 метр.; по Рольфсу, который, впрочемъ, не дѣлалъ точныхъ измѣреній въ массивѣ Джебель-аль-Сода, есть также и въ восточной цѣпи вершины въ полтора километра. Какъ это было уже константирано Горнеманомъ и подтверждено Дюверье, Джебель-эсъ-Сода въ большей части вулканическаго происхожденія. Этотъ послѣдній путешественникъ привезъ оттуда куски базальтовой лавы, которая, какъ полагаетъ Деклуазо, произошла, по всей вѣроятности, путемъ подводнаго изверженія.

На сѣверѣ главная цѣпь выдѣляетъ изъ себя нѣсколько вѣтвей или отроговъ, которые теряются въ равнинахъ прибрежья. Многія предгорья являются также совершенно уединенными: таковы, напримѣръ, предгорья въ сосѣдствѣ оазиса Джорфа, поднимающіяся на 200 и 250 метровъ надъ уровнемъ уади, средняя высота котораго около 200 метр.; одна изъ этихъ уединенныхъ скалъ, Лохманъ, покрыта пальмами до половины ея высоты. На сѣверѣ оазиса возвышается, среди равнины,

¹⁾ Nachtigal, „Sahara und Soudan“.

горный массивъ, совершенно отдѣльный отъ цѣни Сода: это Джебель-Таръ, совокупность скалъ третичной формациіи, содержащихъ толстые слои ископаемыхъ. Высота этого масси-

оловей), изслѣдователя, такъ много сдѣлавшаго для изученія Сахары и Судана, Рольфъ далъ самой высокой вершинѣ Тара название Джебель-Бульбуль, или «Гора Соловья».

Касръ-эль-Джебель.

ва — всего только 400 метр. — недостаточна для того, чтобы облака задерживались на немъ и оставляли свою ишу влажности; оттого въ этихъ горахъ находять лишь горкіе ключи. Въ память своего друга Нахтигала (Nachtigal —

На западъ и съверо-западъ Черной Горы простирается безконечное «Красное плоскогорье», поверхность котораго исчисляется въ 100.000 квадр. километр.: съ съвера на югъ, тамъ, гдѣ его перешель Бартъ, въ 1850 году,

оть пустынного берега Триполи до Мурзука, протяженіе его слишкомъ 200 километр., а съ востока на западъ оно продолжается, плоскогорьемъ Тингертъ, почти на 700 километр., на югѣ оть оазиса Гадамесъ и области алжирскихъ дюнъ. Красная Гамада, между всѣми африканскими возвышеностями этого рода, есть «гамада» по преимуществу, «спаленая» область, самая опасная для каравановъ по причинѣ ея безводности; на краю утеса, по которому вступаютъ въ нее, каждый человѣкъ набожно кладеть камень на бусафарь («отецъ путешествія»), пирамиду «умилостиленія», возводимую изъ вѣка въ вѣкъ поколѣніями торговцевъ¹⁾). Трава, кустарникъ и звѣри рѣдки на этомъ безжизненномъ плато; даже птицы избѣгаютъ его, боясь перелетать его страшныя пустыни, какъ пустыни океана²⁾). Однако, верблюды находить себѣ тамъ и сямъ кое-какой кормъ; по сторонамъ тропы на гамадѣ кое-гдѣ попадаются впадины, покрытыя легкой зеленою; Бартъ видѣлъ даже въ одной лощинѣ малорослые пальмы; вода, приносимая рѣдкими дождями, скопляется въ этихъ низинахъ, но, быстро испаряясь, оставляетъ послѣ себя лишь тонкую соляную кору. Во многихъ мѣстахъ образовались овраги уади, но воды было недостаточно, чтобы вырыть въ скалѣ пѣлое рѣчное ложе, и за послѣднимъ циркомъ, прошедшемъ путемъ размыванія, долина снова замыкается. Въ цѣломъ, плоскогорье это представляетъ замѣчательно ровную поверхность, гдѣ нѣть ни камней, ни дюнъ; высота его очень мало измѣняется, именно отъ 450 до 500 метровъ; высшая точка дороги, которой слѣдовалъ Бартъ, лежитъ на высотѣ 511 метровъ, и указывается издали сложеною на ней кучей камней. На первый взглядъ можно подумать, что почва гамады образована изъ базальтовыхъ площадей,—дотого она кажется черной и обгорѣлой; но на самомъ дѣлѣ она состоитъ изъ пластовъ песчаника, прикрытыхъ глиной и гипсомъ, еще чаще мергелемъ, известнякомъ, кремнистыми слоями: тамъ собрано множество ископаемыхъ раковинъ. Съ южной стороны почва понижается рядомъ террасъ и утесами, изрѣзанными глубокими ущельями; обильный источникъ Гасси и другие ключи, бьющіе на высотѣ 230 метровъ ниже поверхности плоскогорья, обозначаютъ границу сѣверной пустыни; на югѣ начинается область оазисовъ, населенныхъ «зебопскими» расами. Невольно задаешь себѣ вопросъ: какъ могли римскіе легіоны, не имѣвшіе въ своемъ распоряженіи верблюдовъ, какъ нынѣшия караваны, переходить Красную гамаду, о чёмъ свидѣтельствуютъ древніе писатели и что доказываютъ богато изваянныя гробницы, стоящія черезъ извѣстные

промежутки вдоль дороги, особенно на вершинахъ или утесахъ, господствующихъ надъ обширнымъ пространствомъ? Нѣкоторые изъ этихъ надгробныхъ памятниковъ, называемыхъ арабами *санемъ*, представляютъ собою маленькая зданія необыкновенно изящнаго стиля, и показываютъ, что зодчие и ваятели этихъ отдаленныхъ захолустій не уступали въ искусствѣ художникамъ метрополіи. Изъ путешественниковъ новаго времени Бартъ, Овервегъ, Ричардсонъ первые изслѣдовали прямой переходъ черезъ гамаду; другіе европейскіе путешественники слѣдовали болѣе восточной дорогой, идущей черезъ цѣпь Черныхъ горъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что эта область обсохла въ теченіе послѣднихъ двадцати вѣковъ¹⁾): только этимъ и объясняется относительная доступность, въ древности, западной дороги, *praeter caput saxi*, черезъ вершину скалы²⁾.

На сѣверо-востокѣ Красное плато окаймлено баҳрамой узкихъ выступовъ, разрѣзанныхъ на второстепенные мысы. Нѣкоторые изъ этихъ фрагментовъ громаднаго каменнаго стола даже совершенно отдѣлились отъ гамады и образовали самостоятельный маленькая цѣпи, ограниченныя съ каждой стороны оврагами уади. Таковы Кафъ - Мужеладъ, Джебель - Хадамія, Джебель-Эргенінъ, средняя высота которыхъ почти та же, что и высота плоскогорья. Съ высоты перерѣзывающихъ ихъ проходовъ открывается видъ въ даль на сѣть широкихъ овраговъ, покатыхъ на востокъ и сѣверо-востокъ, къ Средиземному морю; каждый выступъ или мысъ этой горной страны увѣнчанъ, подобно вершинамъ гамады, руинами гробницъ и другихъ римскихъ зданій, украшенныхъ колоннами и изваяніями. Необходимо, говорить Рольфсъ, изслѣдовывать методически всю эту часть Триполитаніи, чтобы изучить находящіяся тамъ драгоценныя надписи и собрать лучшіе барельефы. Основаніе музея древностей въ Триполи могло бы сохранить любопытные памятники старины, которымъ иначе грозитъ опасность обратиться скоро въ груды камня, въ родѣ *аллюмоў* или кучъ, складываемыхъ арабами среди песковъ и служащихъ указателями пути.

На сѣверѣ Красной гамады слѣдуютъ одна за другой нѣсколько цѣпей или, вѣрѣе, выступовъ плоскогорья, имѣющихъ по большей части общее направление отъ востока къ западу, слѣдовательно, параллельное и къ окраинѣ гамады, и къ морскому побережью. Эти-то ряды высотъ, поднимающихся, въ среднемъ, выше главнаго песчаниковаго стола, и задерживающихся на проходѣ приносимыя вѣтрами дождевые облака, лишаютъ влаги обширную поверхность плоскогорья, простирающагося на югѣ. Въ цѣломъ, вся эта гористая область сѣвера, из-

¹⁾ H. Barth, "Reisen und Entdeckungen in Nord-und Central Africa".

²⁾ H. Duveyrier, цитированное сочиненіе.

¹⁾ Barth; — Duveyrier; — Rohlf, "Land und Volk in Afrika".

²⁾ Пліній, кн. V, га. 5.

вѣстная подъ общимъ именемъ «Джебель», *Cilus Mons* древнихъ, должна быть разсматриваема какъ терраса болѣе высокаго уровня, чѣмъ Гамада-аль-Гомра, но гораздо болѣе неровная и изрѣзанная по всей толщѣ глубокими уади. Средняя высота этой сѣверной террасы около 600 метровъ. Джебель-Гуріантъ, массивъ, образующій сѣверо-восточный бастіонъ этой горной страны, синяя главы котораго, поднимающіяся надъ коронами пальмъ, видны изъ Триполи, имѣть вершины въ 675 метровъ, а Бартъ упоминаетъ объ одной «очень высокой горѣ», по имени Бибель, не давая, однако, ея приблизительного возвышенія. Со стороны холмовъ и низменностей, покатыхъ къ морю и называемыхъ Эль-Джѣфара или «Низкими», терраса Гуріантъ во многихъ мѣстахъ круто обрывается утесами; овраги основания, наполненные зеленою фруктовыхъ деревьевъ, обставлена съ той и другой стороны голыми стѣнами, гдѣ изъ бѣлого известняка, гдѣ изъ чернаго базальта. На краю одной изъ этихъ пропастей, почти вертикальной, стоитъ крѣость Касръ-Гуріантъ, съ четырьмя круглыми башнями по угламъ. Изъ этого орлиного гнѣзда турецкій гарнизонъ можетъ обозрѣвать значительное пространство вѣренной его охраненію страны.

На западѣ Джебель-Гуріана край большой террасы, который Бартъ называетъ истиннымъ «континентальнымъ берегомъ», продолжается далѣе, представляя почти на всѣмъ своемъ протяженіи такой же крутой скатъ: на берегу Уади-Серта, въ Джебель-Іефренѣ, одинъ утесъ вздымаются вертикально на высоту 500 метр. Одна изъ вершинъ, стоящихъ на вѣнчаніи ребра террасы, пріютила на своей кульминационной точкѣ, на высотѣ 655 метр., цидатель, еще болѣе грозную, чѣмъ форть Гуріантъ, и которой по преимуществу даютъ имя Касръ-аль-Джебель, «Замокъ горы». Стѣны цирка, открывавшагося у подножія этой крѣости, представляютъ удивительную правильность наслѣдія: раалично окрашенные слои гипса и известняка, изъ которыхъ послѣдніе образуютъ выступающіе карнизы между мягкими пластами гипса, изгрызенными зубомъ времени, чередуются съ верху до низу утеса въ замѣчательномъ порядке, какъ будто по плану архитектора¹⁾. Высшая вершина этой области, примѣтная издалека по стоящей на ней руинѣ римскаго мавзолея, достигаетъ 850 метр. На западѣ Джебель-Іефrena следуютъ другіе джебели, еще очень мало известные²⁾, — Непуса, затѣмъ Дуиратъ, который тянется параллельно морскому берегу, на разстояніи около 100 километровъ, потомъ, приближаясь къ нему, сливаются съ равниной въ Тунисѣ, близъ залива Габесъ. Почти вездѣ передовыя горы

Триполи покрыты растительной землей, какъ высоты алжирской Кабиліи, и плодовыя деревья, культивируемые берберами той и другой страны съ одинаковой любовью, произрастаютъ тамъ тоже съ успѣхомъ: нѣтъ ни одной деревни, которая бы не имѣла своихъ рощъ финиковыхъ пальмъ, своихъ лѣсовъ маслины и другихъ фруктовыхъ деревъ: гранатового, абрикосового, смоковницы.

Впереди Джебеля въ собственномъ смыслѣ, то-есть изрѣзанной оврагами окраины плоскогорій, стоять уединенно нѣсколько потухшихъ вулкановъ; даже среди возвышеностей известковый породы мѣстами разорваны и представляютъ трещины, черезъ которые вылились потоки базальтовыхъ лавъ. Нѣкоторые изъ этихъ конусовъ выдвинулись наружу черезъ осадочные породы Джебель-Дуирата³⁾). На сѣверо-западѣ Джебель-Гуріана высится двуглавый вулканъ Мантерусъ; восточнѣе, гора Текутъ, можетъ-быть, самая высокая изъ горъ сѣверной Триполитаніи (853 метр.), наклоняясь въ южномъ направленіи свой кратеръ съ выбитымъ краемъ. На сѣверо-востокѣ отъ конечнаго бастіона, образуемаго Джебель-Гуріаномъ, простирается нижняя терраса, усыпанная шабами или шабатами, то-есть жерлами изверженія, окруженными потоками лавы, которые теперь покрыты пучками альфы. Далѣе, святая гора Джебель-Мсидъ, съ арабскимъ замкомъ XIII столѣтія на вершинѣ, вадымаеть свой зеленѣющій, покрытый дерномъ, куполь высоко надъ всѣми окружающими холмами. За этой горой, по направленію къ морю, простирается высокая равнина Тарь-Гона (300 метровъ), глинистая поверхность которой представляетъ тамъ и сямъ нѣсколько вулканическихъ пузырей, но которая вовсе не цѣль горъ, какъ ее обыкновенно изображаютъ на картахъ. На сѣверо-востокѣ, другой Джебель-Мсидъ, тоже почитаемый какъ священная гора и увѣличанный зашей, или магометанскимъ монастыремъ, граничитъ съ одной стороны съ равниной Тарь-Гона, съ другой — съ холмами Бондара и Месселлата, массивы которыхъ продолжаются до самаго берега Средиземнаго моря. Въ одной изъ этихъ передовыхъ высотъ, вершина которой дѣлится на три гребни, путешественникъ Бартъ призналъ гору Трехъ Грацій, о которой говорить Геродотъ; однако, греческій историкъ помѣщаетъ ее гораздо далѣе внутри материка.

Превосходя пространствомъ половину Франціи, Триполитанія въ собственномъ смыслѣ не имѣть ни одной постоянной рѣки; но въ сезонъ дождей внушительные водопады низвергаются съ высоты утесовъ Гуріана и Іефrena въ нижніе овраги, и часто грязныя воды пролагаютъ себѣ черезъ пески, скопившіеся въ ихъ ложѣ, дорогу къ морю. Бартъ разсказываетъ,

¹⁾ Barth; — Vattone, „Mission de Ghadames“.

²⁾ G. Rohrs, „Esplorazione“, 1883.

³⁾ Nachtigal, „Sahara und Sudan“.

со словъ туземцевъ, что въ 1806 г. Уади-эль-Газасъ, спустившися съ Джебель-Иефrena, соединился съ другими потоками долины въ мочущую рѣку, которая открыла себѣ устье чрезъ пальмовыя рощи Зензура, на западѣ отъ Триполи, и окрасила море своимъ наносами до острова Джерба, на разстояніи 200 километровъ. Большая часть уидановъ, или ложъ уади, очень широки и имѣютъ высокіе берега, чтѣ доказываетъ обилие временно протекающихъ водъ; тѣмъ не менѣе, путешественники почти всегда избираютъ извилистое дно этихъ ручьевъ, когда ихъ направлениѳ совпадаетъ съ направлениемъ долины, и, за исключеніемъ дождливаго времени года, не имѣютъ повода сожалѣть о разрушениѣ римскихъ мостовъ, которые встрѣчаются тамъ и сямъ на часто посѣщаемыхъ дорогахъ.

Еще полезнѣе, чѣмъ реставрація древнихъ мостовъ, было бы исправленіе запрудъ, задерживающихъ, при выходѣ изъ высокихъ долинъ, скоро преходящую воду ливней. У основанія Джебель-Гуріана Бартъ видѣлъ одинъ изъ этихъ резервуаровъ, арабской постройки, черезъ проломы котораго теперь пролегаетъ тропинка каравановъ. Единственная водохранилища, извѣстныя нынѣ триполитанцамъ—это каменные цистерны или *мѣсна*, ворота которыхъ тщательно запираются на замокъ, чтобы сберечь воду на время засухи. Во многихъ окружахъ страны умѣютъ также выкапывать *фонарьи*, то-есть подземный галлереи, въ которыхъ скопляются воды, и которыхъ сообщаются съ поверхностью земли посредствомъ колодцевъ, вырытыхъ черезъ извѣстные промежутки: это то же самое, что *канаты* Иранскаго плоскогорья¹⁾). Между «угасшими» рѣками, которыхъ нѣкогда катили значительныя массы воды, и въ которыхъ теперь, впродолженіи большей части года, надо раскапывать ложе, чтобы увидѣть сочашуюся по каплямъ жидкость, да и то часто солоноватую,—есть много такихъ уади, которые совершенно теряются, прежде чѣмъ достигнутъ морской покатости. Таковы ложа ручьевъ, которые берутъ начало въ западной области плоскогорій и змѣяются въ западномъ направлениі.

На средиземноморской покатости Триполітанія всѣ уади, каковъ бы ни былъ объемъ воды, протекающей въ ихъ руслѣ послѣ ливней или продолжительныхъ дождей, тянутся до самаго моря или, по крайней мѣрѣ, до прибрежныхъ себѣ, и нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ очень обширный бассейнъ, въ сравненіи съ которымъ бассейны итальянскихъ рѣкъ, текущихъ напротивъ, по другую сторону Средиземного моря, кажутся незначительными. Такъ, уади впадающій въ море у Мухтара, то-есть на границѣ территоріи Барки и собственно

Триполитанії, имѣеть, на сѣверныхъ скатахъ Гаруджа и Черныхъ горъ, цѣлое развѣтвленіе второстепенныхъ уади, собирающихъ воду съ пространства шириною около 200 километровъ; западнѣе, уади-эшъ-Шегга тоже получаетъ воды обширной территоріи, въ составъ которой входитъ и оазисъ Джофра; уади Умъ-эшъ-Шейль беретъ свое начало въ самомъ сердцѣ плоскогорій, между Черной горой и Красной гамадой, и впадаетъ въ западную бухту большаго Сирта; длина его теченія не менѣе 500 километръ. Уади-Земземъ, хотя короче предыдущаго, пользуется болѣй славой, какъ показываетъ уже его имя, заимствованное отъ священнаго фонтана въ храмѣ Каабы; вода, которую даютъ ямы, вырытыя въ его ложѣ, пѣнится такъ высоко, что ее сравниваютъ съ водой Меккскаго источника, впрочемъ, оказывающагося далеко ниже своей репутациіи. Суфаджинъ (Суфъ-эль-Джинъ), болѣе обильный, чѣмъ другое времененіе ручья, питается всѣми оврагами плоскогорья, заключающагося между массивами Джебель-Гуріанъ и Джебель-Хадамія: бассейнъ его—послѣдній, въ западномъ направлениі, бассейнъ Триполи, имѣющій значительную площадь (около 20.000 квадр. километровъ). Уади-эль-Каанъ, который переходитъ въ сосѣдствѣ Лептійскихъ рудниковъ, имѣеть только нѣсколько километровъ теченія; но это Цинисъ, пользовавшійся такой громкой славой въ древности благодаря плодородію орошаемой территоріи; его называютъ также Уади-эль-Мгаръ-эль-Гринъ, или «рѣкой съ пропастями». Вода его, нѣкогда очень хорошая (такъ что ею пользовались, при помощи водопровода, жители Лептиса), теперь испортилась, неизвѣстно по какой причинѣ, и путешественники остерегаются пить ее¹⁾). На западѣ отъ Триполи, единственныя, сколько-нибудь значительныя по длини, временные ручьи—Уади-Газра, Уади-эль-Этель, Байдха, Сегсао; всѣ они выходятъ изъ горъ «континентального берега».

Весьма значительная часть триполітскаго побережья, на востокѣ и западѣ отъ гористой области, оканчивающейся мысомъ Мисрата, раздѣльнымъ угломъ между Большімъ Сиртомъ и Хомскимъ берегомъ, занята себѣами, плоскодонными углубленіями почвы, въ которыхъ тянутся воды временныхъ ручьевъ; иногда и воды моря проникаютъ въ эти впадины черезъ береговой поясъ суши или по временнымъ каналамъ, открывающимся во время бурь; но большинство себѣ впродолженіи большей части года представляютъ собою только естественныя салины; тогда болотистые берега, гдѣ растутъ солянки, окружаютъ соляные площади, занимающія центръ котловины. Самая длинная изъ этихъ себѣ морскаго побережья начинается у

¹⁾ Nachtigal;—Rohlfis, цитированыя сочиненія.

¹⁾ Barth, „Wanderungen durch die Kstenlnder des Mittelmeeres“.

мыса Мисрата и продолжается на юго-востокъ и на востокъ параллельно берегу Сирта, отъ котораго она отдѣлена поясомъ дюнъ: это себаха Тауага, въ которую, въ сезонъ дождей, изливаются внутреннія уади. Озеро это, нѣкогда сообщавшееся съ моремъ, было судоходно, какъ о томъ свидѣтельствуютъ остатки канала, изѣстнаго подъ именемъ «Римскаго»¹⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, очертанія себих, также какъ и контуры воздѣланныхъ земель и оазисовъ, измѣняются вслѣдствіе вторженія береговыхъ песковъ, которые вѣтеръ съ моря гонитъ на нѣкоторое разстояніе внутрь материка и которые являются въ видѣ слѣдующихъ одинъ за другимъ рядовъ дюнъ; таковы пески, окружающіе пальмовый лѣсъ около Триполи, и о которыхъ путешественники часто говорятъ какъ о принадлежащихъ уже къ «большой пустынѣ», которая, однако, находится въ сотняхъ километрахъ оттуда, по ту сторону Джебель-Гурiana. Морскіе приливы очень незначительны на берегахъ Большаго Сирта и западнаго Триполи; многие путешественники — делла-Челла, Пизантъ, даже морякъ Бичи — отрицали ихъ существованіе; во времена штиля высота прилива около 60 сантиметровъ; но иногда вода, гонимая сильнымъ сѣвернымъ вѣтромъ, поднимается на полтора метра²⁾). Трудно составить себѣ понятіе объ изумительной силѣ, проявляющейся волнами на плоскихъ песчаныхъ берегахъ изгибающагося въ видѣ полумѣсяца залива Большой Сиртъ, который во всѣ времена внушалъ страхъ мореплавателямъ, такъ что они считали его оказывающимъ своего рода притяженіе на корабли, чтобы вести ихъ на вѣрную гибель. По Саллюстію, имя Сиртъ указываетъ именно на эту притягательную силу волнъ; можетъ-быть, даже страшная Ламія, это прожорливое чудовище, которое, по миѳологии древнихъ грековъ, обитало въ пещерѣ на берегахъ Сирта, была въ ихъ глазахъ не что иное, какъ духъ вихрей и бурь. Въ Зафранѣ, близъ древнаго Мединетъ-эс-Султанъ, побережье окаймлено громадными камнями, приподнятymi и сложенными дѣйствіемъ волнъ въ формѣ волноразбивателей. Въ самомъ дѣлѣ, при первомъ взглядѣ можно подумать, что это остатки гигантскихъ набережныхъ, но большое протяженіе этой колоссальной каменной стѣны скороубѣждаетъ, что тутъ имѣешь передъ глазами дѣло самой природы³⁾). Однако, этимъ естественнымъ путемъ жители воспользовались какъ точкой опоры для искусственного мола, защищающаго гавань Зафранъ⁴⁾). Триполійскій берегъ — одинъ изъ тѣхъ, гдѣ, какъ полагаютъ —

вѣрно или ошибочно,—наблюдали медленное пониженіе почвы или, можетъ-быть, повышеніе моря. У Триполи въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ это движеніе составляло, будто бы, около 1 сантиметра въ годъ. Такимъ образомъ, если эти наблюденія вѣрны, Средиземное море работаетъ надъ постепеннымъ обратнымъ завоеваніемъ своихъ бывшихъ заливовъ, когда-то высохшихъ и лежащихъ нынѣ ниже его уровня¹⁾.

Климатъ въ Триполи такой же, какъ и въ другихъ странахъ, занимающихъ сѣверную окраину Африки, съ той только разницей, что отступленіе морскаго берега въ южномъ направлѣніи сообщаетъ триполійскому климату болѣе высокую среднюю температуру и въ цѣломъ болѣе континентальный характеръ. Область побережья заключается между изотерами 20 и 22 градусовъ по Цельсію, тогда какъ внутри страны жаръ выше въ низменностяхъ, менѣе на высотахъ; на пескахъ, при яркомъ свѣтѣ солнца, онъ превосходитъ 50 и 60 градусовъ; собака Рольфса не могла слѣдовать за нимъ по раскаленному песку, такъ что онъ принужденъ былъ надѣть ей на лапы сандаліи. По словамъ того же путешественника, нормальная температура года въ оазисѣ Джофра, у подошвы Черной горы, достигаетъ почти 30 градусовъ; но надо сказать, что эти болѣе жары далеко не такъ трудно переносимы во внутреннихъ, сухихъ мѣстностяхъ, какъ были бы на берегу моря, гдѣ обильная влажность воздуха препятствуетъ транспираціи; ощущеніе, производимое жарами на побережью, можно сравнить съ тѣмъ, которое испытываешь въ турецкой банѣ. Между сильными жарами, превышающими 40 и 45 градусовъ Цельсія, и большими холодами, разность температуры громадная, такъ какъ на плоскогорьяхъ часто бываетъ морозъ; говорить даже, что выпадалъ снѣгъ въ оазисѣ Джофра, также какъ на сосѣднихъ горахъ.

На прибрежнѣй жаръ и сухость воздуха умѣряются днемъ, но крайней мѣрѣ, въ періодъ съ апрѣля до октября, морской бризой, дующей правильно съ сѣверо-востока, въ томъ же направлѣніи, какъ и нормальный вѣтеръ паскатовъ. Она поворачивается постепенно къ востоку, затѣмъ, послѣ періода затишья, появляется сухопутная бриза, продолжающаяся всю ночь и подъ утро немнога измѣняющая направлѣніе; она тогда кажется дующей съ запада. Иногда въ это время года бываютъ бури, но въ такихъ случаяхъ вѣтеръ есть та же морская бриза, только дующая съ удвоенной или утройной силой: въ такую ненастную погоду плаваніе опасно въ сосѣдствѣ береговъ, гдѣ волны разбиваются съ страшной силой. Впродолженіи зимнихъ мѣсяцевъ, составляющихъ вмѣстѣ съ тѣмъ сезонъ дождей, вѣтры дуютъ обыкно-

¹⁾ Ch. Tissot, „Géographie comparée de la province romaine d'Afrique“.

²⁾ Gerhard Rohlfs, „Land und Volk in Afrika“.

³⁾ F. W. и H. W. Beechey, „Northern Coast of Africa“.

⁴⁾ Ch. Tissot, „Géographie comparée de la province romaine d'Afrique“.

¹⁾ Gerhard Rohlfs, „Land und Volk in Afrika“.

венно съ запада, съверо-запада или съвера, приноситъ собой бури; но внезапные скачки вѣтра, происходящіе по направлению съверо-востока на юго-западъ и вообще сопровождаемые громомъ и дождемъ, гораздо болѣе опасны по причинѣ ихъ неожиданного появленія. Штили здѣсь часты, и тогда пары скапливаются въ воздухѣ въ такомъ обиліи, что затмеваются солнце; бѣлая завѣса скрываетъ все небо. На окружности Средиземнаго моря мало найдется странъ, гдѣ бы сѣрый цвѣтъ атмосферы былъ такимъ обыкновеннымъ явленіемъ: чтобы снова увидѣть синеву воздушныхъ пространствъ, надо проникнуть далеко внутрь материка. Тамъ пары, вместо того, чтобы разстилаться по небу однобразной завѣсой, сгущаются въ видѣ слоеvъ, свертковъ, мелкихъ облачковъ; однако, чистота небесной лазури никогда не можетъ сравниваться въ Триполи съ тою, которую мы восхищаемся въ умѣренныхъ странахъ Европы; пыль, поднимаемая вѣтромъ пустыни, имѣющій характеръ симуна или самума, носится въ воздухѣ цѣлыми недѣлями и мѣсяцами и всегда сообщаетъ небу слегка свинцовыи колоритъ¹). Часто на корабляхъ, стоящихъ на якорѣ въ гавани Триполи, палуба покрывается слоемъ песку; берегъ и городъ скрыты тогда какъ бы въ туманѣ, облакѣ, которое сушитъ, вместо того, чтобы мочить. Подъ дуновеніемъ пыльного вѣтра, называемаго обыкновенно гебли, или «южнымъ вѣтромъ», электричество освобождается въ изобиліи. Однажды, путешественникъ Штеккеръ, сидя въ палаткѣ, могъ написать свое имя огненными чертами на холщевой стѣнѣ.

Среднее годовое количество дождевой воды, выпадающее въ области Триполи, не достигаетъ даже 20 сантиметровъ, слѣдовательно, гораздо меньше, чѣмъ въ Мавританіи и Киренаїкѣ, т. е. двухъ странахъ, выдвинутыхъ къ съверу, съ той и другой стороны глубокой выемки материка, образуемой заливомъ Сиртова: по своимъ одометрическимъ условіямъ, т. е. по количеству дождей, Триполитанія принадлежитъ болѣе къ поясу пустыни, чѣмъ къ зонѣ морскаго прибрежья. Мѣстность, гдѣ дожди выпадаютъ всего чаще и въ наибольшемъ обиліи,—это съверные скаты Джебель-Гуріана и другихъ цѣпей, образующихъ окраину плоскогорья: оттого, по богатству растительности, эта область не уступитъ Кабилии, и сотни тысячъ жителей могли бы легко находить тамъ безбѣдное существование. Но въ оазисахъ равнинъ случается, что полевые работы приостанавливаются впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ по недостатку дождей. Сырые туманы тоже рѣдки; тѣмъ не менѣе, они образуются тамъ и сямъ на воздѣланныхъ плоскогорьяхъ, до восхода солнца, и иногда ихъ видѣли ползущими

по оазисамъ и протягивающими свои завѣсы надъ коронами пальмъ. Впрочемъ, какъ ни велика обыкновенно сухость воздуха, растенія всегда могутъ поглощать часть скрытой влажности, судя по тому, что они живутъ даже многіе годы, не получая дождевой воды. Такъ, одинъ изъ крестоцвѣтныхъ, гельгелантъ (*mathiola lida*), имѣетъ почти всегда утромъ вѣсколько капелекъ на кончикѣ своихъ листьевъ, хотя нигдѣ вокругъ него не замѣтно росы¹). Да и самые камни не притягиваютъ ли влажность изъ воздуха? Если бы этого не было, какъ могли бы постоянные источники, какъ, напримѣръ, неизыскаемый фонтанъ Гадамеса, всегда изливать свою прозрачную влагу въ оазисахъ, когда десять или даже двадцать лѣтъ проходять безъ того, чтобы дождь хоть разъ обмочилъ скалу, гдѣ сгущается бьющая изъ земли вода?

Хотя ботаническое изслѣдованіе Триполитаніи далеко еще не окончено, однако, можно утверждать, что флора ея относительно очень бѣдна, причины чего, конечно, слѣдуетъ искать въ незначительности рельефа страны и рѣдкости дождей. За исключеніемъ тринадцати новыхъ видовъ или разновидностей²), всѣ растенія береговъ залива Сиртъ и внутреннихъ областей вплоть до Фецдана принадлежать къ флорамъ Мавританіи, Египта или Сициліи; нѣкоторыя растительныя формы итальянской области, неизвѣстныя въ Тунисѣ, встрѣчаются въ Триполи, переходной странѣ между пустыней и бассейномъ Средиземнаго моря. Почти всѣ фруктовыя деревья умѣренной Европы произрастаютъ въ Триполи, но не всѣ даютъ тамъ хорошіе плоды. Миндалевое дерево прекрасно развивается въ этой части африканского побережья, и даже въ Гадамесѣ, на границахъ пустыни, образуетъ великолѣпные сады; квивоевое, гранатовое, фиговое деревья также отлично растутъ въ оазисахъ, виноградная лоза вездѣ приноситъ превосходный плодъ, который, впрочемъ, не утилизируется для приготовленія вина. Абрикосовая деревня достигаетъ величественныхъ размѣровъ, но даютъ лишь посредственные плоды въ южныхъ областяхъ; точно также персики, сливы, яблони, живущіе въ оазисахъ подъ благодѣтельной тѣнью финиковыхъ пальмъ, здѣсь не болѣе какъ декоративныя деревья; яблоки, собираемыя въ оазисахъ, величиной не больше греческаго орѣха и безъ всякаго вкуса. Въ этихъ жаркихъ широтахъ апельсинъ тоже одинъ изъ самыхъ посредственныхъ плодовъ, хотя понятіе «золотыхъ яблокъ» пріурочивается легендой къ понятію «Гесперидскихъ садовъ», изъ которыхъ многіе были помѣщены древними въ сосѣдствѣ собственнаго Триполи. Что касается лимоннаго дерева, то оно

¹⁾ Gerhard Rohlfs, „Kufr“.

²⁾ Gerhard Rohlfs, „Quer durch Afrika“.

³⁾ Cosson, note à la „Végétation du Globe“, par Grisebach, trad. de Tchihatcheff.

сь трудомъ акклиматизируется вдали отъ морскаго побережья; въ оазисѣ Гадамесѣ существуетъ только одно такое дерево ¹⁾.

Главныя плодовыя деревья Триполитаніи— маслина и финиковая пальма. По первому изъ этихъ деревъ, прибрежная равнина Большаго и Малаго Сирта принадлежать къ тому же поясу, какъ Сицилія и южная Италія, тогда какъ по финиковой пальмѣ онѣ составляютъ часть области оазисовъ. На морскомъ берегу, вокругъ многихъ селеній, пальмы и оливковыя деревья растутъ смѣшанно цѣльными лѣсками, которые представляютъ прелестнѣйшія картины по разнообразію группировки, безчисленныемъ деталямъ кустарниковъ и травъ подлѣсъя и живописному виду домиковъ или развалинъ, разбросанныхъ въ зелени. Но триполитанцы мало искусны въ извлечениі масла изъ своихъ оливокъ, и въ ихъ торговлѣ эти плоды играютъ весьма незначительную роль. Главное богатство жителей составляютъ финики; однако, нѣкоторые оазисы на югѣ Большаго Сирта имѣютъ лишь дикія финиковая пальмы, которые растутъ кустами вай и производить посредственные плоды, идущіе преимущественно въ кормъ скоту; въ этихъ областяхъ попадаются также финиковая пальмы съ раздвоеннымъ стволомъ, какъ у пальмы думъ ²⁾— дерево, которое тоже представлено въ флорѣ южной Триполитаніи. Лучшими финиками этой страны считаются финики, производимые пальмовыми плантациями Гаріа, въ возвышенной долинѣ Уади-Земземъ, но они уступаютъ достоинствомъ какъ финикамъ изъ Суфа въ Алжирѣ, такъ и финикамъ изъ Уади-Драа на югѣ Марокко. Общее число финиковыхъ пальмъ, культивируемыхъ въ Триполитаніи, можно считать приблизительно въ два миллиона деревъ.

Пальмовыя насажденія (по Гарту и Рольфсу):

Мешія въ Триполи около 1.000.000 деревъ; плантациі въ Зауйя—130.000; плантациі въ Зензурѣ—100.000; плантациі въ Таджурѣ—200.000; оазисъ Зелла—100.000; оазисъ Джофра—15.000; оазисъ Мисда и Гаріа—1.000; другія плантациі—100.000 (?) деревъ.

Какъ въ оазисахъ, прилегающихъ къ Черной горѣ или къ Красной Гамадѣ, такъ и въ степяхъ, окаймляющихъ побережья Средиземного моря, плантациі финиковыхъ пальмъ вездѣ состоять изъ деревъ, посаженныхъ близко одно отъ другаго и придающихъ цѣлому лѣсу видъ островка зелени: потребности орошенія, потребности оплодотворенія женскихъ пальмъ цѣ почтной пылью мужскихъ пальмъ, во многихъ мѣстахъ также необходимость защиты отъ бродячихъ племенъ заставили сгруппировать всѣ финиковые пальмы данного округа въ одну сплошную чашу; выйдя изъ такого паль-

мового лѣса, гдѣ скучена сотня тысячъ деревъ, не встрѣчаешь болѣе ни одного дерева во время перехода въ нѣсколько часовъ или даже дней. Во время путешествія братьевъ Бичи существовала одна единственная пальма на побережїи Большаго Сирта, недалеко отъ мыса Мисрата; когда Бартъ проходилъ тѣ же берега, пятнадцать лѣтъ спустя, дерево это было срублено.

Триполи имѣеть также, особенно въ долинахъ своихъ временныхъ ручьевъ, обширные лѣса тальхъ или аравійскихъ акацій, которые растутъ всегда очень рѣдко, но тѣмъ не менѣе представляютъ чрезвычайно приятное зрѣлище путешественникамъ, совершившимъ передъ тѣмъ переходъ черезъ голыя каменистыя гамады. Нѣкоторыя тальхи достигаютъ величины миндалевого дерева, но по опушкѣ лѣсовъ, и особенно въ мѣстахъ, обращенныхъ на сѣверъ, эти растенія стелются кустами. Тальха даетъ превосходную камедь, качествомъ по меньшей мѣрѣ равную сенегальской, но этотъ продуктъ не утилизируется въ краѣ. Содръ, или *zizyphus lotus*, — растеніе дотого обыкновенное, что отъ него получилось название Содріа цѣлый округъ западной Триполитаніи ¹⁾; мастиковое дерево, батумъ, или фисташковое дерево, и большая часть кустарниковъ, свойственныхъ лѣсамъ южной Италіи, принадлежать также къ самобытной флорѣ Триполи и покрываютъ чащами скаты холмовъ. Тамарискъ и ртемъ, или ретама, растутъ въ пизменностяхъ, имѣющихъ немного солончаковый характеръ; чернобыльникъ или *shi*, одно изъ любимыхъ верблюдами растеній, растетъ пучками въ каменистыхъ степяхъ; съѣдобный лишай, *lecanora desertorum*, покрываетъ тамъ и сямъ плоскогорья пустыни. На возвышенныхъ площахъ растительность состоить изъ бешны, вида, ничѣмъ не отличающагося отъ алжирской альфы, и который тоже начинаютъ употреблять на выдѣлку писчей бумаги. Туземцы вѣрятъ, что можно избавиться отъ всякихъ болѣзней, заставляя ихъ переходить въ стебель альфы: путешественникамъ не разъ случалось видѣть, какъ погонщики верблюдовъ нарочно слѣзали съ своего верховаго животнаго и, ставъ на колѣни передъ пучками альфы, начинали тщательно завязывать его, въ надеждѣ привязать къ нему свои недуги.

Фауна Триполи не отличается отъ фауны со-предѣльныхъ странъ, кромѣ того только, что она менѣе богата: животныя, дикія и домашнія, тамъ менѣе многочисленны, чѣмъ въ Мавританіи. Ни львы, ни пантеры не рыскаютъ въ тамошнихъ горахъ, недостатокъ постоянныхъ рѣкъ повелъ къ исчезновенію крокодила, такъ же, какъ внутри страны истребленіе лѣсовъ было фатальнымъ для слона. Степи предста-

¹⁾ H. Daveyrier, „Exploration du Sahara, les Touaregs du nord“.

²⁾ Gerhard Rohlfs, „Kufra“.

¹⁾ Gerhard Rohlfs, „Quer durch Afrika“.

вляли бы благоприятные условия для страусоводства, но нельзя сказать наверно, существует ли еще эта птица в стране, и если несколько особей сохранилось, то это, может быть, только в наименее доступных местностях Красной Гамады. Недавно несколько страусов были привезены из Бурну в Триполи, и проживающие там итальянцы занялись, но без большого успеха, разведенiem этой бегающей птицы, которое, конечно, нигде бы так хорошо не удалось, как в обширных Джефарских равнинах¹⁾. В некоторых округах, именно в оазисе Джофра и на берегах Большого Сирта, плотоядные не представлены ни геной, ни даже шакаломъ: единственные дикие звѣри этого класса—фенекъ (*canis cerdas, megalotis*) и лисица. Зайцы, грызуны, тушканчики, которые прыгаютъ вокруг норки, волоча по землѣ свой длинный хвостъ съ белымъ хохолкомъ, несколько видовъ газелей и антилопъ, наконецъ, африканский муфлонъ (дикій баранъ)—единственная дичь, которую встречаютъ охотники въ Триполитаніи; каменистая гамада пересекается по всѣмъ направлениямъ дорожками газелей, слѣдами гораздо болѣе узкими, чѣмъ тропинки, проложенные человѣкомъ, и совершенно освобожденными, благодаря безустанной ходьбѣ, отъ камней, которые могли бы поранить нѣжныя ноги этихъ грациозныхъ животныхъ²⁾. Нѣкоторые пресмыкающиеся довольно обыкновенны: тараки, напримѣръ, гекконы песковъ (ящерица), котораго туземцы безпощадно преслѣдуютъ, считая его не только ядовитымъ, но еще и одареннымъ волшебной силой. Гадюка рогатая (*vipera cegastes*) тоже заужаетъ страхъ жителей, хотя она никогда не бываетъ опасна зимой и вообще во все времена, когда солнце не въ полной своей силѣ: это очень пугливое животное, зарывающееся въ песокъ, на который оно походитъ цвѣтомъ, и впадающее въ оцепенѣніе при малѣйшемъ пониженіи температуры. Скорпионы прячутся подъ камнями. Птицъ рѣдко встрѣтишь въ лѣсахъ Триполи, за исключениемъ нѣсколькихъ дней весной и осенью, во время пролета странствующихъ стай.

Изъ домашнихъ животныхъ наиболѣе утилизируются выночные—верблюды и ослы. Быки и коровы здѣсь очень мелкой породы, да и тѣ очень рѣдки, такъ же, какъ и лошади; въ нѣкоторыхъ оазисахъ едва сыщется два или три коня, которыхъ начальники племени показываютъ съ гордостью. Эта рѣдкость лошадей происходитъ въ значительной мѣрѣ оттого, что турецкіе паша отобрали у непокорныхъ внутреннихъ племенъ всю ихъ конницу: это было вѣрнымъ средствомъ «обрѣзать имъ крылья» и

заставить ихъ смириться¹⁾. Собаки, какъ и лошади, немногочислены въ странѣ; если не считать приморскихъ городовъ, здѣсь не увидишь другихъ собакъ, кромѣ «слуги», арабскихъ борзыхъ. Овцы съ курдюкомъ, единственная порода, существующая въ Триполи, еще покрыты шерстью, несмотря на жаръ; они теряютъ шерсть только въ Феццанѣ, на югѣ Черной Горы. Козы, легко находящія себѣ кормъ въ мелкомъ кустарнике, гораздо болѣе обыкновенны, чѣмъ овцы: по словамъ туземцевъ, козы, щиплющи вѣточки ретамы, даютъ молоко опьяняющаго свойства.

Такъ же, какъ въ другихъ государствахъ или владѣніяхъ, называвшихся прежде «варварскими», населеніе Триполи состоитъ изъ берберовъ и арабовъ,—имя, подъ которымъ понимаютъ всѣхъ потомковъ завоевателей, поселившихся въ краѣ въ эпоху первого мусульманского нашествія и во время великой гиляйской иммиграціи, въ одиннадцатомъ столѣтіи. Берberы, по всей вѣроятности, составляютъ большинство, какъ потомки древнихъ жителей страны; но во многихъ округахъ они уже перестали говорить своимъ первоначальнымъ языкомъ и употребляютъ нынѣ идомъ своихъ побѣдителей: сдѣлавшись арабами по религіи, они «арабизуются» также по языку и нравамъ. Многія племена, первоначальная основа которыхъ несомнѣнно берберская, тѣмъ не менѣе считаются арабскими: уже Ибнъ-Халдунъ, въ XIV столѣтіи, указывалъ на этотъ постоянный процессъ ассимиляціи. При томъ, въ большей части оазисовъ и селеній, где берберы и арабы раздѣлены на группы, имѣющія каждая свое имя и свою особую организацію, тѣ и другіе до такой степени смѣшились透过婚姻, что нельзя замѣтить въ нихъ ни малѣйшей физической разницы: во всѣхъ племенахъ встрѣтишь людей съ лицомъ негритянского, семитического или кавказского типа, но почти у всѣхъ безъ исключенія цвѣтъ кожи желтоватый или бронзовый, волосы черные и курчавые, тѣло сухощавое, соченія очень тонкія. Какъ у всѣхъ народовъ сѣверной Африки, женщины, сравнительно съ мужчинами, отличаются очень малымъ ростомъ: въ этомъ отношеніи разница между двумя полами гораздо больше, чѣмъ въ Европѣ²⁾.

Изъ берберовъ собственнаго Триполи, кажется, всего лучше сохранили свой первоначальный характеръ жители горъ Гурланъ и Иефренъ; эти же туземцы храбрѣе другихъ защищали свою независимость. Всѣ восстанія начинаются въ Джебель-Иефренѣ; тамошние жители всегда съ гордостью говорятъ о геройскихъ дѣлахъ своихъ предковъ, особенно о

¹⁾ Eugenio Arrib., „Esplorazione“, 1881.

²⁾ Gerhard Rohlfs, цитированія сочиненія.

¹⁾ H. von Maltzan, „Reisen in den Regenschaften Tunis und Tripolis“.

²⁾ G. Fehlfs, „Kufra“; „Quer durch Afrika“.

подвигахъ ихъ послѣдняго героя, Румы, который цѣлые годы воевалъ съ турками. По военной энергіи, такъ же, какъ по трудолюбію, по старательности, съ которою они обработы-

западу отъ Джебель-Іефрена, другой массивъ, Джебель-Нефуса, тоже населенъ берберскими племенами, изъ которыхъ иныя говорятъ еще нарѣчіемъ, довольно близкимъ къ туарегскому;

Типы триполитанцевъ.

ваютъ свои поля и сады, по уму и природной живости характера, это триполійскіе «кабилы»: они составляютъ полный контрастъ съ анатичными обитателями равнины. Къ сѣверо-

но большинство жителей, вѣроятно, потомки тѣхъ луата или ліуата, древнихъ либу или либайцевъ¹⁾, которые господствовали въ краѣ до

¹⁾ Carette;—Tissot;—Rohlfs.

арабовъ, и которые, подобно этимъ последнимъ, пришли съ Востока, чтобы овладѣть въ теченіе многовѣковаго похода странами Запада¹⁾). У одного изъ племенъ, живущихъ въ горахъ Нефуса, существуетъ, какъ у племени ауладъ-найль въ Алжирѣ, обычай, по которому молодыя девушки уходятъ въ оазисы и окрестные города, чтобы заработать себѣ приданое проститутцей. Тарикъ, завоеватель Испаніи, былъ нефеси, берберъ съ Джебель-Нефусы, и, быть-можетъ, принадлежалъ къ одному изъ тѣхъ племенъ, которыхъ, смѣшившись съ христианскимъ населеніемъ, исповѣдовали іудейство: этимъ можно бы было объяснить милость, которую онъ оказывалъ евреямъ во время завоеванія²⁾). Въ наши дни жители Джебель-Нефусы, хотя обращенные въ магометанскую вѣру, принадлежатъ къ «пятой сектѣ»: они ибадиты, подобно племени бенимзабѣ въ Тунисѣ³⁾). Между берберскими горцами нѣкоторыя племена живутъ еще подземными деревнями, и, по словамъ Дюверье, жилищамъ этихъ троглодитовъ Джебель-Гаріанъ, или «гора Пещеръ»,—обыкновенно, но невѣро называемая Джебель-Гуріанъ,—и обиzanъ своимъ именемъ. Въ песчаной или известковой скалѣ вырывается четыреугольное пространство, глубиной отъ 8 до 10 метровъ, равной длины и ширины, и въ бокахъ этой шахты, служащей дворомъ, открываются комнаты со сводами, гдѣ и пребываютъ обитатели; колодезь, выкопанный по серединѣ двора, спускается до слоя воды, который вообще находять на глубинѣ всего лишь нѣсколькоихъ метровъ. Съ вѣшнимъ мѣромъ дворъ сообщается посредствомъ извилистаго коридора, запищеннаго на обоихъ концахъ солидной дверью, и каждый вечеръ люди, вмѣстѣ со скотомъ и домашней птицей, возвращаются въ свое подземное убѣжище⁴⁾.

Прежде чѣмъ обарабиться и обратиться въ магометанство, троглодиты воздвигали жертвенники языческимъ богамъ. Въ сосѣдствѣ горъ и преимущественно вокругъ Мсида, на возвышенныхъ равнинахъ Тарь-Гона, сохранились религіозные памятники, которые несомнѣнно восходять къ эпохѣ, предшествовавшей приходу арабовъ, и сооружение которыхъ приписываютъ предкамъ берберовъ. Это мегалиты, похожие на мегалиты Бретани, Андалузіи, южной Алжиріи; однако, они представляютъ нѣкоторыя особенности. Берберские памятники въ Триполи—это портики около 3 метр. средней высоты, состоящіе изъ двухъ четыреугольныхъ столбовъ, покоящихся на общемъ пьедесталѣ и поддерживающихъ четыреугольную каменную

глыбу, болѣе широкую, чѣмъ вертикальные камни: между этими последними отверстіе, говоритъ Бартъ, дотого узко, что человѣку, если онъ не отличается чрезвычайной худобой, невозможно пролѣзть. У западнаго основанія горной цѣпи Мсидъ-эсъ-Меселлата путешественники видѣли шесть такихъ кромлеховъ, частію еще стоящихъ, частію поваленныхъ подлѣ развалинъ храма; стиль этого зданія, почти римскій, позволяетъ предполагать, что строители мегалитовъ жили въ эпоху, когда страна находилась уже подъ властью итальянскихъ завоевателей, и на одномъ изъ портиковъ вырѣзано животное, напоминающее римскую волчицу¹⁾). Впрочемъ, нѣкоторые писатели не признаютъ въ триполійскихъ «билитахъ» и «трилитахъ» какихъ-либо религіозныхъ памятниковъ, а считаютъ ихъ просто оставомъ дверей, строившихся, по мѣстному обычаю, изъ материала гораздо болѣе прочнаго, чѣмъ стѣны домовъ. Въ то время, какъ битая глина жилищъ постепенно обваливалась и сравнивалась съ почвой, двери продолжали стоять и сохранились до настоящей минуты въ видѣ кромлеха²⁾.

Если берберский элементъ преобладаетъ въ горахъ и на плоскогорьяхъ, то арабы, болѣе или менѣе смѣшанной расы, получили перевѣсь въ равнинѣ. Какъ кочевники, они предпочитаютъ обширныя пространства, гдѣ бы можно было свободно гонять стада, мѣняя мѣстопребываніе по произволу, смотря по обилію травы и воды, здоровости почвы и удобству спопелей, съ сосѣдними мѣстностями. Арабъ не любить лѣса; онъ истребляетъ его огнемъ, для того, чтобы трава замѣнила деревья, и чтобы вѣтви не стѣсняли его кругозоръ: такимъ-то образомъ между горами Гуріанъ и холмами Меселлата плоскогорье Тарь-Гона было совершенно выпустошено, такъ что не осталось ни одного дерева. Какъ всѣ кочевые народы, которыхъ, благодаря именно своему разброду, кончаются тѣмъ, что распадаются на множество группъ, различающихся между собой преданіями, нравами, интересами, триполійскіе арабы дѣлятся на самостоятельный племена, хотя память о первоначальномъ родствѣ сохраняется в продолженіи многихъ поколѣній. Нѣкоторые изъ этихъ народцевъ выдѣляются числомъ, могуществомъ или благородствомъ происхожденія. На востокѣ, одно изъ значительнейшихъ племенъ—ауладъ-сліманъ, горячіе сенусіи, кочующіе въ степяхъ по берегамъ Большаго Сирта и доходившіе, въ своихъ воинственныхъ набѣгахъ, до бассейна озера Цаде, подобно назамонскимъ путешественникамъ, о которыхъ разсказываетъ Геродотъ. Южне,nomады ауладъ-христъ частію осѣли на земль, какъ владѣльцы оазиса Зелла,

¹⁾ Tauxier, „Revue Africaine“, 1887.

²⁾ Henri Fournel, „Etude sur la conquête de l'Afrique par les Arabes.“

³⁾ Henri Duveyrier, „La Tunisie“.

⁴⁾ Lyon, „A Narrative of travels in Northern Africa“;—Mircher, „Expédition de Ghadames“.

¹⁾ H. Barth, „Reisen und Entdeckungen in Nord-und Central-Afrika“.

²⁾ G. Rohlfs, „Kufra“;—von Bary, „Jahresbericht der Leipziger Geograph. Gesellschaft“, V.

а въ сосѣдствѣ овраги Чернаго Гаруджа пріютили разныя племена, которыя такимъ образомъ ускользнули отъ вымогателей поборовъ, послыаемыхъ пашей. Урфилы или орфели, обитающіе въ холмистыхъ мѣстностяхъ, лежащихъ у восточного основанія большаго плоскогорья,—самые воинственные и грозные изъ арабовъ Триполи; еще недавно ихъ даже обвиняли, будто они крадутъ дѣтей, чтобы ёсть ихъ мясо; они называютъ себя арабами и говорить по-арабски, но способъ постройки ихъ жилищъ, ихъ земледѣльческие приемы, имена подплеменъ и деревень доказываютъ, что первоначальная основа населенія—берберская¹⁾. На сѣверо-западѣ, по направленію къ столицѣ, слѣдуютъ одно за другимъ племена менѣе многочисленныя и болѣе мирныя: кедадифа, ауладъ-бу-сейфъ, сфрадна, ауладъ-юзефъ, гамадать, тарь-гона. Изъ всѣхъ этихъ родовыхъ группъ наиболѣе уважаемая—бу-сейфы, живущіе главнымъ образомъ въ долинахъ Уади-Суфеджина и его притоковъ. Въ видахъ охраненія чистоты своихъ нравовъ, бу-сейфы не позволяютъ чужеземцу останавливаться въ ихъ становищахъ, но отводятъ ему по сосѣдству отдѣльную палатку, гдѣ, впрочемъ, всегда оказываются ему самое радушное гостепріимство. Ауладъ-бу-сейфъ, племя «Отца меча», славится своими веролюдами, которые считаются лучшими во всемъ Триполи: въ каждомъ шатрѣ молодые верблюжата пользуются такимъ же заботливымъ уходомъ, какъ дѣти семьи.

На западѣ Триполи, около границъ съ Тунисомъ, главныя племена—уэршебана, бенъ-аджела и нуайль. Недавно въ пограничной полосѣ, раздѣляющей эти два государства, часто бывали столкновенія, и, смотря по исходу борьбы, племена, побѣдившія или обращенные въ бѣгство, переносили свои становища на другое мѣсто. Хотя искусство письма утратилось у триполійскихъ берберовъ, однако большинство народцевъ обозначены на пескѣ или на стѣнахъ скалъ чертами или сложными знаками, въ которыхъ надо видѣть либо сокращенныя имена, либо символическая мѣтки, въ родѣ *тотема пиджайцевъ Сѣверной Америки*²⁾.

Есть также цѣлые племена арабовъ, которыя пользуются всеобщимъ уваженіемъ не за чистоту нравовъ или какія-нибудь заслуги, а благодаря предполагаемой святости ихъ происхожденія. Племена эти состоятъ изъ «шорфа», то-есть потомковъ Пророка, но подлинность этой генеалогіи въ большинствѣ случаевъ довольно сомнительна: если женщина вступила въ бракъ съ шерифомъ, хотя бы даже она вскорѣ послѣ того была отослана своимъ мужемъ, то этого уже достаточно, чтобы каждый изъ ея сыновей и внуковъ считалъ себя въ пра-

въ принять и носить почетное имя¹⁾). «Марабутскіе» роды Триполи, такъ же, какъ и «шорфы», говорятъ про себя, что они пришли съ Запада. Дѣйствительно, весьма большое число арабскихъ племенъ проникли до береговъ Атлантическаго океана въ первыя времена завоеванія. Съ тѣхъ поръ произошло общее обратное движеніе, и теперь самыми благородными племенами считаются тѣ, которыя во время своихъ переселеній дважды совершили переходъ черезъ Мавританію, взадъ и впередъ: ихъ почитаютъ больше, чѣмъ если бы они пришли изъ святыхъ городовъ Аравіи. Впрочемъ, это обратное движеніе еще продолжается, и теперь оно даже болѣе дѣятельно, чѣмъ когда-либо. Алжирскіе шорфы тысячами эмигрировали въ Триполи съ женами, дѣтьми и скотомъ, чтобы не нести ига иеврѣйныхъ. Да и хуаны (братья) религіознаго ордена сенуси, которые такъ размножились въ оазисахъ Триполи,—не алжирскіе ли это эмигранты? Послѣ занятія Туниса французскими войсками, многія непокорныя племена пошли искать себѣ убѣжища въ Джифарскихъ равнинахъ, на западѣ Триполи.

Послѣ элементовъ берберскаго и арабскаго, наиболѣе значительная доля въ триполійскомъ населеніи приходится на негрскую расу. Между выдающими себя за арабовъ или даже за шорфовъ есть тысячи индивидовъ, которые, по цвету кожи и волосъ, настоящіе негры: только черты лица свидѣтельствуютъ о смѣшаніи съ бѣлыми семитами. Торговая сношенія между Триполи и внутренней Африкой такъ часты и такъ правильны, что присутствіе большаго числа негровъ на побережье не представляло бы ничего удивительнаго; однако, огромное большинство людей этой расы, живущихъ нынѣ въ Триполи, были приведены туда насилиемъ, какъ невольники. Прежде, бывало, не приходилъ ни одинъ караванъ изъ Судана, который бы не тащилъ за собой цѣлой партии пленныхъ: нужно считать сотнями тысячъ число черныхъ, которые были такимъ образомъ приведены въ Триполи и частію остались въ краѣ, частію отправлены далѣе въ Египетъ или въ Турцию. Въ наши дни торгъ невольниками уже не производится открыто въ столицѣ вилайета, но онъ не совсѣмъ прекратился: получивъ извѣстіе о прибытіи каравана въ южные оазисы, негроторговцы поручаютъ своимъ корреспондентамъ продать повыгоднѣе ихъ живой товаръ, и послѣдній всегда находитъ покупателя. Впрочемъ, негры и негритянки, по крайней мѣрѣ въ столицѣ, могутъ во всякое время потребовать себѣ увольнительную грамоту, и никогда не получаютъ отказа. Многіе изъ вольноотпущеныхъ остаются въ домахъ своихъ бывшихъ господъ, а тѣ, которые уходятъ, чтобы жить независимо, всегда смотрятъ на нихъ какъ на своихъ

¹⁾ Lyon, „Narrative of Travels in Northern Africa“.

²⁾ Братья Бачи, цитированное сочиненіе.

¹⁾ H. Duveytier, цитированное сочиненіе.

патроновъ и покровителей; въ праздники они приходятъ раздѣлить радость семьи.

Главная масса негрскаго населенія живеть не въ Триполи и вообще не въ городахъ. Вѣрные своимъ расовымъ инстинктамъ, они сгруппировались маленькими деревнями, представляющими собраніе шалашей изъ вѣтокъ, вай и тростника; ни дома цивилизованныхъ турокъ, ни шатерь араба-номада не приходятся имъ по вкусу: они живуть, какъ ихъ земляки на берегахъ Нигера или озера Цаде. Большинство, хотя понимаютъ по-арабски, говорять еще нарѣчіями своихъ предковъ: отъ земли нимѣній до земли фулаховъ, всѣ страны Центральной Африки представлены въ Триполи своими языками, но большинство чернокожихъ, около двухъ третей, употребляетъ «суданскій» языкъ жителей Гауссы; во многихъ мѣстахъ иностранецъ можетъ подумать, что это господствующій языкъ страны,—такъ рѣзко негры отличаются отъ арабовъ своей неустанной болтовней. Мало вѣроятія, однако, чтобы гауссскій диалектъ удержался въ Триполи впродолженіи не сколькихъ поколѣній, ибо, какъ ни чиста обыкновенно семейная жизнь триполійскихъ негровъ, какъ ни сильна ихъ любовь къ своимъ дѣтамъ, рѣдко случается, чтобы жены иммигрантовъ были плодовиты, и шансы смертности очень велики для новорожденныхъ. Негритянки, кажется, лучше выносятъ тамошній климатъ, чѣмъ ихъ мужья; многія даже достигаютъ преклоннаго возраста¹⁾.

Турки, которые съ 1835 года пользуются не только сюзеренной, но и дѣйствительной властью, составляютъ меньшинство населенія, даже въ столицѣ; однако, рѣчь ихъ одержала верхъ у большинства тарабулсіевъ: преобладающее влияніе администраціи доставило перевѣсъ официальному языку надъ арабскимъ. Тѣмъ не менѣе, турки все еще иностранцы и держатся особнякомъ отъ другихъ жителей: уже вѣроисповѣданіе отличаетъ ихъ немногого отъ туземцевъ, такъ какъ они малекиты, среди ганефитскаго населенія; кромѣ того, они во всемъ слѣдуютъ стамбульскимъ модамъ и, напуская на себя важный видъ, стараются отличаться отъ толпы, которой продаются правосудіе и защиту, какъ суды и администраторы; но при всемъ ихъ стараніи казаться благородными, они сильно унижаютъ себя, предаваясь пьянству: триполійскій турокъ рѣдко садится за столъ съ головой, неотуманенной парами раки. Болѣе достойными являются кулаги, то есть потомки турокъ и мавританокъ или другихъ женщинъ, черныхъ или бѣлыхъ, взятыхъ въ краѣ; они не платятъ никакого налога, но обязаны идти, по первому требованію, на службу, въ качествѣ создать иррегулярнаго войска.

¹⁾ H. von Maltzan, „Reisen in den Regentenchaften Tunis und Tripolis“.

Съ тѣхъ поръ, какъ многочисленныя алжирскія семейства, бѣжавшія отъ французскаго господства, поселились въ Триполи, турки обыкновенно выбираютъ себѣ женъ между дочерьми этихъ иммигрантовъ, которые вообще отличаются отъ другихъ жителей Триполи честностью, трезвостью, чистотой нравовъ. Кромѣ того, между молодыми алжирянками много красавицъ съ миловидными чертами лица: въ этомъ отношеніи онѣ составляютъ полный контрастъ съ тарабулсіянками и триполійскими мавританками, которая, впрочемъ, пользуются такой дурной репутацией, что бракъ съ одною изъ этихъ женщинъ считается почти что безчестіемъ. Но какъ ни уважаемы супруги турецкихъ чиновниковъ, сыновья ихъ рѣдко достигаютъ почетныхъ должностей; прослуживъ известное время въ жандармеріи или въ другихъ родахъ войска, большинство этихъ кулаги удаляются въ деревню, где-нибудь въ окрестностяхъ города, и тамъ постепенно смѣшиваются съ остальнымъ населеніемъ.

Въ Триполитаніи, какъ и въ другихъ «варварскихъ» земляхъ, евреи составляютъ самую презираемую расу. А между тѣмъ они принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ жителей страны, такъ какъ пришли сюда въ эпоху Птоломеевъ: въ первыя времена римскаго господства, они даже пользовались особымъ покровительствомъ императора Августа. Къ западу отъ Мухтара, на берегу Большаго Сирта, одно становище носить название Иегудія, или «иудейская колонія», въ память израильтянъ, населявшихъ эту мѣстность до арабскаго нашествія. Въ горахъ Джебель-Гуріанъ евреи занимаютъ, бокъ-о-бокъ съ берберами, подземныя деревни, гдѣ, по словамъ Лайона, жилища ихъ опрятнѣ и лучше высѣчены, чѣмъ жилища ихъ сосѣдей: эти евреи-троглодиты, единственные ремесленники въ краѣ, не подвергаются такому дурному обращенію со стороны остального населения, какъ ихъ единовѣрцы въ другихъ окрестахъ Триполитаніи. Въ столицѣ, гдѣ ихъ насчитывается около 8.000 душъ, они живутъ въ отдѣльномъ кварталѣ, которымъ управляетъ «политический раввинъ», мало свѣдущій въ Пятикнїзіи и въ Талмудѣ, но облеченный властью распредѣлять налоги, налагать пени и наказанія палочными ударами, даже изрекать запрещеніе на то или другое семейство. Дважды порабощенные, триполійскіе евреи стоять гораздо ниже мавританскихъ по образованію и стро же придерживаются древнихъ ортодоксальныхъ обрядностей и отеческихъ правовъ.

Нѣсколько коптскихъ семей, пришедшихъ съ арабами, сохранились отдѣльными группами въ Триполитаніи, но группы эти слишкомъ малочислены, чтобы могли имѣть какое-либо влияніе. Болѣе дѣятельны берberы джераба, переселенцы съ тунисскаго острова Джерба, хотя община ихъ тоже очень немногочисленна: имъ

принадлежать богатейшія лавки на базарѣ Триполи; по имъ приходится выдерживать конкуренцію нѣсколькихъ тысячъ малютійцевъ, которые тоже арабы, хотя христіане по вѣроисповѣданію, англичане по юрисдикціи, итальянцы по родному языку, въ большей части о franca-цуженные школой. Эта полу-европейская колонія ежегодно усиливается настоящими европейцами, по большей части итальянцами, гостями, надѣющимися вскорѣ быть завоевателями, и которые тоже дѣятельно основываютъ школы, въ видахъ распространенія своего языка. Въ 1884 году итальянцевъ насчитывалось 800 человѣкъ на 1.000 уроженцевъ континентальной Европы ¹⁾.

Къ западу отъ Мухтара, на триполійскихъ берегахъ Большаго Сирта, нѣть ни одного города, даже ни одного постояннаго селенія въ нѣсколько сотъ лачугъ: на пространствѣ 500 километровъ встрѣчаются лишь группы палатокъ, изрѣдка одинокія хижины, да безформенные развалины. Но нѣкогда на этомъ побережье находился по крайней мѣрѣ «большой городъ», тотъ, о которомъ упоминаетъ средневѣковой писатель Абу-Обейдѣ-Бекри, называя его Сортъ, и развалины которого известны нынѣ уарабовъ подъ именемъ Мединетъ-эль-Султанъ, или «городъ Султана». Сортъ, или Сиртъ, былъ исходнымъ пунктомъ каравановъ, отправлявшихся во внутреннюю Африку черезъ оазисы Уаданскій и Мурзукскій; но купцы, не будучи въ состояніи защищаться отъ нападеній кочевниковъ-бедуиновъ, принуждены были выбрать другую дорогу, именно ту, которая проходитъ, на востокѣ отъ плоскогорій, черезъ оазисы, населенные осѣдлыми земледѣльцами. Нѣкоторыя изъ развалинъ Сорта представляютъ остатки римскихъ строеній; водопроводы, резервуары еще вполнѣ сохранились ²⁾.

Все степное пространство, къ югу отъ Большаго Сирта, не имѣтъ, какъ и самый берегъ, городовъ, хотя колодцы и лощины уади, гдѣ вода скапливается въ наибольшемъ обиліи, служить естественными сборными пунктами для разсѣянныхъ по степи пастуховъ. Города въ собственномъ смыслѣ находятся только у основанія Гаруджа и Черной Горы, тамъ, гдѣ воды текутъ въ количествахъ довольно значительныхъ, чтобы питать пальмовыя плантациіи и покрывать потребности орошенія полей, засѣянныхъ хлѣбомъ. Даже естественные оазисы, стѣдующіе одинъ за другимъ отъ востока къ западу, подъ тою же широтой, какъ оазисы Ауджилы и Джalo, необитаемы. Джиббена на востокѣ, Мараде въ серединѣ, Абу-Наимъ на западѣ,— вотъ три главныя низменности, усѣ-

янныя зеленѣющими купами деревъ, которыхъ, казалось бы, должны были привлекать къ себѣ колоніи земледѣльцевъ. Эти впадины лежать выше уровня моря, но на незначительной высотѣ, не болѣе 50 метровъ; съ сѣверной стороны, по направлению къ Большому Сирту, также какъ на югѣ, по направлению къ предгорьямъ Гаруджа, высятся известковыя скалы, остатки существовавшаго нѣкогда плоскогорья, которое атмосферные дѣятели, можетъ-быть, также работа водъ, разрѣзали во всѣхъ направленияхъ на колонны и причудливыя зданія. Эти скалы наполнены ископаемыми организмами, составляющими во многихъ мѣстахъ всю массу камня; песокъ оазиса тоже усеянъ безчисленными раковинами и фораминиферами. На востокѣ, со стороны оазиса Ауджилы, поднимаются дюны, однѣ изъ самыхъ высокихъ во всей Сахарской области: нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ 160 метровъ высоты. Эти три оазиса очень богаты пальмами, но, за исключениемъ нѣсколькихъ тысячъ, всѣ эти деревья дикія или одичалыя, растущія въ видѣ кустарника и приносящія плоды посредственного качества и безъ косточекъ; въ оазисѣ Абу-Наимъ, вѣроятно, нѣть мужскихъ особей финиковой пальмы, и особи женского пола тамъ не оплодотворяются. Во всѣхъ трехъ оазисахъ встречаются дикия яблони, дающія плоды величиной съ греческій орѣхъ.

Сосѣднія племена или шайки грабителей, бродящіе въ степяхъ, приходятъ повременамъ собирать финики оазисовъ и пасти верблюдовъ въ поросшихъ травой лощинахъ. Джиббена и Мараде были еще населены въ половинѣ настоящаго столѣтія; въ 1862 году въ оазисѣ Мараде жилъ уже только одинъ человѣкъ, невольникъ, которому поручено было наблюдать за мародерами и указывать ихъ своимъ господамъ, во время ихъ годового визита. Основанію колоніи вокругъ источниковъ Абу-Наимъ мѣшаеть качество воды, очень сѣрнистое, содержащее много сѣрнокислой магнезіи. Безъ сомнѣнія, придется время, говорить Рольфсъ, когда посѣщеніе этихъ сѣрныхъ водъ восточнаго Триполи будетъ рекомендоваться европейскими докторами, какъ очень дѣйствительное средство. Залежи сѣры встрѣчаются во множествѣ въ этой области; недалеко отъ оазиса, на сѣверѣ, находятся разрабатываемыя коци, и добываемая на нихъ руда вывозится черезъ маленькую гавань Брайга.

Оазисъ Зелла или Залла, въ каменистомъ циркѣ, лежащемъ у сѣвернаго основанія Чернаго Гаруджа, есть одинъ изъ наиболѣе населенныхъ оазисовъ Триполи; въ 1879 г. тамъ насчитывалось около 1.200 жителей, принадлежащихъ по большей части къ арабскому племени ауладъ-хрисъ. Циркъ оазиса, образуемый разорванными скалами, имѣтъ 12 километровъ протяженія съ востока на западъ и 5 килом.

¹⁾ Paul Melon, s ance de l'Alliance fran aise, 17 janvier 1885.

²⁾ Barth, „Wanderungen durch die Kstenlnder des Mittelmeeres“.

съ съвера на югъ; вмѣстѣ съ оазисомъ Тирса, лежащимъ съвернѣе, онъ заключаетъ около сотни тысячъ приносящихъ плоды пальмъ. Въ 1862 году, во время путешествія Бейермана, оазисъ Тирса былъ еще обитаемъ; теперь онъ совершенно покинутъ, вѣроятно, по причинѣ опаснаго сосѣдства арабовъ орфелла¹⁾). Придя изъ Египта, тысячу лѣтъ тому назадъ, рассказываютъ арабы ауладъ-христъ, они прогнали христіанскія племена и служили конвоарами караванамъ Центральной Африки²⁾). Эдризі говоритъ, что ихъ городъ былъ главнымъ этапомъ между Сортомъ и оазисомъ Зилла, въ Феццанѣ. Но «Городъ Султана» уже не существуетъ, и главная торговая приморская пристань находится теперь гораздо западнѣе, въ портѣ Триполи. Жители оазиса Зелла принимаютъ участіе въ торговлѣ лишь окольными путями. Во время прохода Рольфса, въ 1879 году, они уже нѣсколько лѣтъ перестали ходить прямо въ Триполи, изъ опасенія вендетты орфеловъ, у которыхъ они убили около пятидесяти человѣкъ въ одной стычкѣ, и черезъ земли которыхъ должны бы были проходить. Зато они не боятся пускаться далеко въ южныя пустыни, и наука даже обязана имъ въ это послѣднее время настоящимъ географическимъ открытиемъ — открытиемъ необитаемаго оазиса Бау-эль-Намусъ, который еще не былъ посыщенъ ни однимъ европейцемъ. Жители Зеллы, изъ всѣхъ триполійскихъ арабовъ, самые богатые верблюдами. Они же одни занимаются еще страусоводствомъ; но со временемъ путешествія Гамильтона этотъ промыселъ сталъ приходить въ упадокъ. Въ 1879 году два страуса, которыхъ кормили физиками, давали своему владѣльцу чистаго дохода отъ 150 до 200 франк.

Оазисъ Джофра, болѣе обширный и болѣе населенный, чѣмъ оазисъ Зелла, далеко не такъ богатъ культивируемыми пальмами: изъ 2.000 квадр. километровъ, занимаемыхъ имъ, едва двадцатая часть приноситъ доходъ своими пальмовыми плантациями, полями или садами. Самое имя Джофра, происшедшее отъ Джофъ, «чрево», указываетъ форму оазиса: онъ занимаетъ циркъ, удлиненный по направлению отъ востока къ западу и доминируемый на всей своей окружности горами, которые поднимаются на 200 метровъ надъ равниной; только на югѣ выступаютъ, за предгорьями, высокія кручи массива Гаруджъ. Съ съвера на югъ, образуя, такъ сказать, малую ось цирка, тянется цѣпь холмовъ, мѣстами прерывающаяся и дѣлящая оазисъ на двѣ равныя части, изъ которыхъ каждая имѣть сады, пальмовые лѣса, степи, каменистый пространства и солянныя озера. Песчаные овраги, въ которыхъ вода рѣдко показывается на поверхности почвы, схо-

дятся на съверѣ двойного оазиса въ Уади-Миссиферъ, который, подъ другимъ именемъ, извѣвается по равнинѣ до Большаго Сирта. Несмотря на свое положеніе на покатости Средиземнаго моря, оазисъ Джофра, по управлению, принадлежитъ къ области Феццана. Жители его долгое время сохраняли независимость и не платили налоговъ ни Триполи, ни Мурзуку; они составляли тогда маленькую республику, довольно сильную, и изъ всѣхъ сосѣднихъ мѣстностей угнетаемые приходили просить у нихъ убѣжища; населеніе, исчисляемое нынѣ въ 6,000 человѣкъ, было въ то время гораздо многочисленнѣе¹⁾.

Въ нѣкоторыхъ изъ пальмовыхъ плантацій Джофры есть отличная вода; тѣмъ не менѣе, города основались возлѣ горыкіхъ источниковъ. Несмотря на эту невыгоду, оазисъ этотъ — одинъ изъ самыхъ здоровыхъ въ области пустыни; перемежающіяся лихорадки тамъ неизвѣстны; глазныя болѣзни рѣдки; другія болѣзни, обыкновенные въ оазисахъ Феццана, не проходятъ въ оазисъ Джофры; но, хотя здоровые и сильные, туземцы, берберы и арабы, имѣютъ болѣзненныи видъ, кожу желтую и сморщенную: рѣдко встрѣтишь между ними мужчину съ правильными чертами лица. Хотя арабы, въ качествѣ избранной расы и учениковъ Пророка, считаютъ себя выше берберовъ, они признаютъ однако за ними права первыхъ владѣльцевъ почвы. Право собственности на землю сохранено за берберами; арабы могутъ приобрѣтать только деревья: отсюда иногда столкновенія и битвы, влекущія за собой вмѣшательство турецкихъ гарнизоновъ Феццана. Расы, правда, очень смѣшались, и теперь трудно различать арабовъ и берберовъ, населяющихъ Джофру; однако, традиціонное соглашеніе позволяетъ охранять первоначальное право собственности: сынъ, каково бы ни было происхожденіе его матери, всегда считается принадлежащимъ къ націи отца. Сады, окружающіе города оазиса, превосходно содержатся и производятъ въ изобилии зерновые хлѣба, томаты, бадиджаны, лукъ, чеснокъ и другія овощи; во время сбора плодовъ, рукъ владѣльцевъ садовъ и ихъ невольниковъ бываетъ недостаточно, и въ извѣстныя эпохи эмигранты изъ Феццана приходятъ къ Джофру заниматься на нѣсколько недѣль. Обогащающее земледѣліемъ, жители оазиса не занимаются торговлей, какъ обитатели Мурзука, Гадамеса и Гата: посредниками въ ихъ торговыхъ сношеніяхъ служатъ арабы другихъ племенъ. Разведеніе страусовъ, практиковавшееся съ успѣхомъ въ началѣ настоящаго столѣтія, теперь оставлено.

Нынѣшняя столица оазиса, заключающая въ своихъ каменныхъ стѣнахъ около трети всего населенія, — городъ Сокна, имя которого

¹⁾ G. Kohlfs, „Kufra“.

²⁾ Von Beurmann, „Ergänzungsheft zu Petermann's Mittheilungen“, № 8.

¹⁾ Lyon, „Travels in Northern Africa“.

иногда дается всей странѣ. Жители почти всѣ принадлежатъ къ берберской расѣ и говорятъ древнимъ языкомъ, впрочемъ, съ примѣсью множества арабскихъ словъ. Гонъ, лежащий

Уаданъ, у основанія горъ того же имени, почитается «святымъ», благодаря пребыванію въ немъ шорфовъ, которые пользуются двойной привилегией благородства, какъ потомки Про-

Видъ города Триполи.

почти въ центрѣ Джофры, въ восточной половинѣ оазиса, раздѣленъ между берберами и арабами; это самый многолюдный городъ въ краѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ первый по количеству воздѣлываемыхъ земель. На востокѣ, городъ

роки и какъ члены родовъ, переселившихся изъ Марокко. Построенный амфитеатромъ на скалѣ, Уаданъ представляетъ очень живописный видъ: это городъ древній, упоминаемый уже арабскими географами среднихъ вѣковъ;

именемъ его прежде назывался весь оазисъ. По словамъ Рольфса, стѣны его покоятся на римскихъ фундаментахъ.

Слѣдуя дорогой, которая изъ оазиса Джоффра направляется къ Триполи, огибая восточное основаніе предгорій плоской возвышенности, караваны избрали главнымъ этапомъ деревню Бу-Нджеймъ, населенную нѣсколькими семействами арабовъ племени орфела, которыхъ живутъ торговлей съ прохожими купцами и пастухами. Колодцы этого селенія, находящіеся въ глубокой впадинѣ стѣни на незначительной высотѣ надъ уровнемъ моря, посыпаются верблюдами съ окрестныхъ пастбищъ, на сто верстъ кругомъ. Животные отлично знаютъ дорогу къ водою: каждый мѣсяцъ, а въ жаркое время года и чаще, они отправляются длинными веревицами къ Бу-Нджеймскимъ колодцамъ, и если никто не является вытянуть воды и наполнить ихъ, они терпѣливо ждутъ по цѣлымъ часамъ или даже днямъ прибытия пастуховъ. Всѣ другіе колодцы страны, до оазиса Бени-Улить, принадлежатъ тоже орфеламъ. Въ этомъ обширномъ оазисѣ разсѣяно, среди маслинъ и другихъ плодовыхъ деревьевъ, около пятидесяти деревень и поселковъ, обитаемыхъ постояннымъ образомъ. Обозрѣваемая съ высоты долина уади, заключенная между обрывистыхъ береговъ, высотой въ 130 до 150 метровъ, известковыхъ стѣнъ, покрытыхъ лавами, представляется въ видѣ зеленої рѣки, шириной около километра и продолжающейся отъ запада къ востоку до предѣловъ горизонта. Оливковый лѣсъ раздѣленъ на безчисленное множество загородей плотинами изъ большихъ камней, которыхъ останавливаютъ воды разлива и въ то же время задерживаютъ слой растительной земли. Колодцы въ Уади-Бени-Улидѣ выкопаны до глубины 40 слишкомъ метровъ¹⁾.

Нѣкоторыя группы мазанокъ, расположенные у подошвы гамады въ вырѣзкахъ каменистаго плато, заслуживаются названія городовъ. Таковы двѣ Гаріи: Гарія-эль-Шеркія, или «Восточная», и Гарія-эль-Гарбія, или «Западная», находящіяся на днѣ одного уади, притока Земзема. Эти два города, построенные верстахъ въ пятидесяти одинъ отъ другаго, были нѣкогда укрѣпленными мѣстами, какъ показываетъ ихъ имя, означающее «крепость». Въ западной Гаріи уцѣлѣли еще величественные римскія ворота эпохи Антониновъ, составляющія рѣзкій контрастъ съ убогими арабскими лачугами, прилепившимися къ античной стѣнѣ; восточная Гарія славится своими превосходными финиками, производимыми деревьями, которыхъ поливаются солоноватой водою, собираемой въ подземныхъ галереяхъ фогаратовъ. Сѣвериѣ, въ верхней долинѣ

Уади-Софеджинъ, городъ Мисда, хотя имѣющій не болѣе 500 жителей, важнѣе обѣихъ Гарій, благодаря частому проходу каравановъ. Въ этомъ мѣстѣ Триполийская дорога раздвоится: одна вѣтвь, направляющаяся на юго-западъ къ Гадамесу, поднимается на гамаду; другая, идущая на югъ къ Мурзуку, переходитъ послѣдовательно цѣпи высотъ, окаймляющихъ восточный край плоскогорья Красная Гамада. Населеніе Мисды—берберскаго происхожденія, но сильно обарабизовавшееся, хотя слѣды древняго языка еще сохранились,—принадлежитъ все безъ исключенія къ ордену сенусиевъ²⁾; во время путешествія Барта, въ 1850 году, все имущество монастыря состояло изъ двухъ голубей; теперь онъ владѣеть обширными имѣніями. Въ окрестностяхъ видны многочисленныя развалины гробницъ и другихъ римскихъ памятниковъ.

Относительно населеніе, Джебель-Гуріанъ и горы, составляющія его западное продолженіе, не имѣютъ городовъ въ собственномъ смыслѣ, если не считать городомъ подземныхъ галлерей Зентана. Въ этомъ мѣстѣ плоскогорье разрѣзано во всѣхъ направленіяхъ неглубокими оврагами, образующими своего рода улицы. По обѣимъ сторонамъ оврага жилища высѣчены рукой человѣка въ каменистой массѣ, где бѣлый известникъ чередуется съ желтымъ мергелемъ; наименѣе твердые части вынуты такимъ образомъ, что совокупность пещеръ напоминаетъ расположеніе мавританскаго дома, съ дворомъ и боковыми горницами, но различные комнаты этажа сообщаются черезъ наружный карнизъ, выступъ скалы, на который взираются либо по углубленіямъ камня, либо по лѣстницѣ изъ положенныхъ одна на другую плитъ. Такихъ подземныхъ жилищъ въ Зентанѣ отъ тысячи до тысячи двухсотъ, такъ что общее число обитателей этого крытаго города можно приблизительно опредѣлить въ 6.000 душъ. Кругомъ и надъ гротами растутъ оливковые деревья, которыхъ и составляютъ главный источникъ богатства пещерного населенія, такъ какъ пахатныя земли рѣдки въ этой части плоскогорья³⁾; деревья окружены стѣной, задерживающей плодородный мергель, который иначе могъ бы быть смытъ дождями. На все времена полевыхъ работъ и сбора плодовъ троглодиты покидаютъ свои пещеры и живутъ въ шатрахъ, чѣмъ нерѣдко излечиваются ихъ отъ болѣзней, приобрѣтенныхъ въ сыромъ подземельѣ. Посадъ Зентана важнѣйшія, по цифре жителей, населенія этихъ «горъ»—два мѣстечка, пріютившіяся у основанія турецкихъ замковъ Касръ-Гуріанъ и Касръ-эль-Джебель. Въ цѣломъ этотъ край относительно довольно многолюденъ: онъ

¹⁾ Henri Duveyrier, цитированъ изъ мемуаръ.

²⁾ Gerhard Rohlfs, „Kufra“.

³⁾ Micher, „Mission de Ghadames“.

заключаетъ въ себѣ не менѣе «ста одной» деревни¹⁾.

Нужно спуститься до самого берега, чтобы найти настоящій городъ—Триполи, единственныи, впрочемъ, на всемъ пространствѣ между Тунисомъ и Киренакой. Даже возвышенная равнина Тарь-гона, плодородная почва которыхъ прокармливала нѣкогда несчетное множество людей, имѣютъ нынѣ только рѣдкіе поселки да становища арабовъ, и главный пунктъ области побережья, Мисрата, лежащій близъ мыса, ограничивающаго на западѣ заливъ Большой Сиртъ, представляетъ собою лишь маленькое бѣдное мѣстечко, хотя и значится административнымъ центромъ сорока-четырехъ деревень. Одинъ каменный домъ, маякъ новой постройки, двѣ или три узкія, неровныя улицы, обставленныя мазанками, хижинами, разсѣянныя подъ маслинами и пальмами,—такова эта столица области, имѣющая, впрочемъ, довольно важное значение, какъ мѣновой пунктъ для окрестныхъ племенъ. Ковры, циновки, мѣшки изъ козьей и верблюжьей шерсти—очень цѣнныя произведенія мѣстной промышленности. Въ Мисратѣ находится колыбель знаменитаго ердена Сиди-эль-Мадани, основатель котораго эмигрировалъ изъ Медины въ 1833 году²⁾). Въ XVI столѣтіи Мисрата была богатымъ городомъ и вела торговлю съ Венецией; въ то же время она была исходнымъ пунктомъ для большинства каравановъ, отправлявшихся въ Феццанъ, и еще недавно кафилахи изъ Триполи слѣдовали вдоль берега моря до Мисраты, чтобы обойти Гуріанскія горы, обитатели которыхъ пользовались дурной славой³⁾.

Къ западу отъ Мисраты находится Слитенъ, мѣстечко или, вѣрѣ, группа деревень, затерянныхъ подъ пальмами и отчасти населенныхъ марабутами и евреями. Затѣмъ слѣдуетъ деревня Хомсъ, или Лебда, бѣдная наслѣдница античной Лептиды, которую прозвали «Великую» (*Leptis Magna*) за ея обширность и великолѣпіе. Первая Лептида, основанная бѣглыми сидонцами, была расположена на высокомъ мысѣ, который съ востока ограниченъ ручьемъ: полуостровной холмъ, защищенный со стороны твердой земли тремя рядами укрѣплений, былъ акрополемъ города. Волноразбиватели, защищающіе стрѣлку мыса отъ удара волнъ, построены изъ огромныхъ четыреугольныхъ камней, въ родѣ тѣхъ, какіе уцѣлѣли на островѣ Рюадъ, на Сирийскомъ берегу; вообще въ этой части Африки находятъ еще вполнѣ сохранившіеся остатки финикийской архитектуры. Внутри этихъ стѣнъ набережной открываются, черезъ извѣстные промежутки, редюиты, длиной около 30 метровъ, служившіе, по мнѣнію Барта,

саарами, куда ставились сидонскія барки. Къ югу отъ акрополя, на лѣвомъ берегу ручья, постепенно выросъ новый городъ Неаполь (*Neapolis*), сдѣлавшійся съ теченiemъ времени однѣмъ изъ значительнѣйшихъ центрловъ населенія Старого Свѣта; сотни тысячъ жителей группировались въ стѣнахъ этого африканскаго города, зданія котораго, построенные частю изъ мѣстныхъ мраморовъ, уступали богатствомъ и красотой только зданіямъ Рима. Пески засыпали его руины; памятники, нѣкогда украшавши улицы и площади многолюднаго города, погребены подъ дюнами вышиной въ 20 метровъ. Тріумfalная арка, на которой еще видна дата, была воздвигнута при Маркѣ Аврелии⁴⁾; но большинство строеній, отъ которыхъ еще уцѣлѣли кое-какіе остатки, базилика и мавзолеи, появились въ царствованіе Септимія Севера, который былъ уроженецъ Лептиды и даровалъ своему родному городу многочисленныя привилегіи. Нѣсколько античныхъ колоннъ лежитъ также на землѣ; но большая часть колоннъ, открытыхъ среди развалинъ, были увезены въ Англію или Францію: многія изъ нихъ находятся теперь въ церкви *Saint-Germain des Prés* въ Парижѣ. При раскопкахъ въ развалинахъ Лептиды нашли прекрасныя каменныя архитектурныя детали, а также надписи на трехъ языкахъ: пуническомъ, греческомъ и латинскомъ,—памятникъ, свидѣтельствующій о множествѣ иностранцевъ, толпившихся въ этомъ африканскомъ городѣ⁵⁾). На восточномъ берегу ручья тоже было раскинуто кварталъ Лептиды, а на низменной стрѣлкѣ, тянувшейся вдоль устья, стоять форты, часто отстраивавшіеся, съ высоты котораго можно окинуть взоромъ все поле развалинъ. Вдали, за этими обломками сѣдой старины, виднѣются купы пальмъ, масличныя рощи и циркъ холмовъ Меселлата, увѣнчанныхъ укрѣпленіями въ сосѣдствѣ моря; весь городъ въ совокупности занималъ пространство въ пять разъ больше, чѣмъ то, которое занимаетъ нынѣшній Триполи⁶⁾). Портъ Лептиды почти совершенно занесенъ пескомъ; однако, небольшая суда, почти исключительно англійскія, приходятъ туда въ лучшее время года за грузами альфы, собираемыми въ сосѣднихъ степяхъ⁷⁾). По словамъ туземцевъ, культура оливковаго дерева была введена въ краѣ египтянами: одна масличная роща въ округѣ Меселлата, состоящая изъ огромныхъ стволовъ, носить название «Фараонова лѣса»⁸⁾). Колесная дорога, соединяющая Триполи съ окружомъ Меселлата, проходитъ во многихъ мѣстахъ возлѣ древней дороги, которую можно узнать по колеямъ, оставленнымъ въ твердомъ камнѣ

¹⁾ Ernest Desjardins, рукописныя замѣтки.

²⁾ Fulgence Frenezel, „Journal Asiatique“, 1846.

³⁾ G. Rohlfs, „Petermann's Mittheilungen“, 1865.

⁴⁾ „Yacht-Reisen in den Syrten“, 1873.

⁵⁾ Gerhard Rohlfs, „Kufra“.

¹⁾ Richardson, „Narrative of a Mission to Central Africa“.

²⁾ Henri Duveyrier, „Tunisie“.

³⁾ Pezant, „Voyage en Afrique“.

колесницами кареагенянъ, грековъ и римлянъ. На этой дорогѣ самая многолюдная группа деревень—Таджурахъ, жители котораго—народъ промышленный, въ одно и то же время землевладѣльцы, ткачи и красильщики. Таджурахъ нѣкогда былъ воинственнымъ городомъ и постоянно велъ борьбу съ малтийскими рыцарями¹⁾.

Нынѣшняя столица Триполитаніи далеко не можетъ сравниться, по числу жителей и богатству, съ древней *Leptis Magna*. По степени важности Триполи занимаетъ лишь третье мѣсто между городами средиземного побережья, хотя въ эти послѣдніе годы населеніе его значительно увеличилось, и онъ принялъ болѣе красивый и болѣе оживленный видъ. Подобно Лептидѣ, Триполи—финикийского происхожденія: подъ именемъ Уайата, передѣланнаго по-латини въ Эа (Oea), онъ былъ посвященъ богу Мелькарту, высшему тирскому божеству, и сдѣлался значительнымъ городомъ; неизвѣстно, въ какую эпоху онъ принялъ имя Триполи, которое въ началѣ было именемъ цѣлой провинціи: изъ трехъ городовъ, Лептиды, Собратьи и Эи, послѣдняя, выбранная столицей, въ концѣ-концовъ получила общее наименование страны²⁾. Турки сохранили греческое слово Триполи подъ формой Тароболосъ, но для отличія отъ Сирійскаго Триполи они прибавляютъ къ названию африканскаго города слово эль-Гарбъ, то-есть «Западный». Кое-какіе остатки римской Эи еще существуютъ; глубокія цистерны, фундаменты городскихъ стѣнъ относятся къ этой эпохѣ; даже одно прекрасное зданіе вполнѣ сохранилось: это—триумфальная арка, сооруженная въ честь Марка Аврелия и Луція Аврелия Вера. Легко было бы освободить этотъ античный памятникъ отъ песка, засыпавшаго его до половины высоты, и отъ гнусныхъ строений, опирающихся на его столбы, составленные изъ огромныхъ глыбъ мрамора.

Съ моря Триполи имѣеть очень красивый видъ. Цѣпь подводныхъ камней, частію выступающая изъ голубыхъ водъ, тянется на 3 километра отъ берега, и при основаніи ея, со стороны твердой земли, высятся большая башня и укрѣпленія. На западѣ развернулся, въ видѣ полумѣсяца, самый городъ, отдѣленный отъ плоскаго берега линіей валовъ, надъ которой господствуетъ рядъ бѣлыхъ домовъ съ террасами, и которая замыкается, на восточной оконечности порта, массивнымъ дворцомъ генераль-губернатора, окруженнымъ садами и пальмами. Надъ мечетями и домами, прилегающими къ морскому берегу, возвышаются минареты, такие же стройные, какъ минареты мече-

тей въ Турціи, и длинныя мачты, на которыхъ развѣваются консульскіе флаги, а далѣе, въ глубинѣ картины, показываются, команда на надъ городамъ, цитадель и «французскій маякъ», открытый въ 1880 году. Левъ Африканецъ, писавшій въ началѣ шестнадцатаго столѣтія, сообщаетъ преданіе, по которому Триполи, будто бы, былъ нѣкогда построенъ съвернѣе, и въ его времія еще виднѣлись подъ водой фундаменты исчезнувшихъ зданій; но этотъ предполагаемый провалъ побережья сводится, безъ сомнѣнія, къ простому явленію мѣстнаго размыванія, такъ какъ нынѣшніе городскіе валы покоятся частію на основаніяхъ стѣнъ древней Эи³⁾.

Въ новомъ Триполи, который окружено потрескавшимися стѣнами, построенными во времена Карла Пятаго, перемѣшаны весьма различные архитектурные стили. Внутри города, въ лабиринтѣ узкихъ и кривыхъ улицъ, большинство домовъ, тамъ и сямъ соединенныхъ надъ дорогой пассажами со сводами, сохранили арабскую физіономію, съ ихъ бѣлыми, голыми стѣнами и дворами, окруженными галереями. Почти всѣ зданія, построенные правителствомъ—казармы, тюрьмы, госпитали, магазины,—напоминаютъ огромныя и неуклюжія турецкія постройки Стамбула, тогда какъ Мальтийский кварталъ походитъ на предметъ итальянскаго городка, а на Портовой улицѣ красуются пышные дома, неуступающіе домамъ большихъ торговыхъ городовъ Европы. Даже венгритянская архитектура съ береговъ Нигера представлена въ этомъ городѣ Средиземного моря. Во многихъ мѣстахъ среди развалинъ группируются хижинъ съ куполами изъ деревесныхъ вѣтвей, подобныя жилищамъ западнаго Судана: этому способу постройки триполійскіе бедуины научились отъ негровъ-невольниковъ. Хотя все еще очень грязный, поочередно болотный и пыльный, или то и другое вмѣстѣ, Триполи, однако, много украсился съ половины настоящаго столѣтія. Гора, то-есть еврейскій кварталъ, по-прежнему представляеть лабиринтъ грязныхъ закоулковъ, но черезъ весь старый городъ проведенъ центральный бульваръ; рынокъ, где царить негоціанты съ острововъ Мальты и Джербы, значительно расширился, нѣсколько новыхъ предметъ появилось среди садовъ. Выкопали даже артезіанскіе колодцы, чтобы восполнить недостатокъ годной для питья воды, такъ какъ содергимаго цистернъ обыкновенно хватаетъ только на шесть или на семь мѣсяцевъ въ году, но до сихъ поръ буренія давали лишь солоноватую жидкость. Городское населеніе значительно увеличилось и доходитъ теперь до 30.000 или 35.000 человѣкъ, между которыми насчиты-

¹⁾ Elie de la Primaude, „Le littoral de la Tripolitaine“.

²⁾ Vivien de Saint-Martin, „Les anciens sites de la Tripolitaine“;—Heinrich Kiepert, „Lehrbuch der alten Geographie“.

³⁾ H. von Maltzan, „Reise durch die Regentschaften Tunis und Tripolis“.

ваютъ отъ четырехъ до пяти тысячъ европейцевъ, почти исключительно итальянцевъ и мальтийцевъ. Туземцы, мужчины и женщины, носятъ почти одинаковый костюмъ, только драпируются въ свою тогу или *гаули* разнымъ mannerомъ. Женщины накидываютъ себѣ на плечи три гаули, одну на другую—газовую, шелковую и шерстяную¹⁾.

Поясъ пальмовыхъ плантацій, называемый Мешія, который тянется вокругъ Триполи, имѣя около пятнадцати километровъ средней ширины, представляетъ собою многолюдный пригородъ столицы; населеніе его, по Крафту, простирается до 30.000 человѣкъ: тутъ есть и негры изъ Борну и государства по Нигеру, которые, получивъ вольную, вернулись къ прежнему образу жизни, какой вели въ родныхъ поселкахъ; и прохожіе арабы, разбивающіе свои палатки подъ тѣнью пальмъ, вблизи святой куббы; и мальтийскіе *шесанті*, расположившіеся со своей мелочной лавочкой или харчевней на перекресткѣ дорогъ; и европейцы или турки, удалившіеся на отдыхъ въ хорошеній загородный домикъ, среди зеленѣющихъ и цвѣтущихъ массивовъ. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Мешія грозитъ нашествіе песковъ, которые море оставило нѣкогда въ высохшемъ заливѣ; многие сады покрыты дюной въ 30 или 40 метровъ высоты; тамъ и сямъ видны деревья, у которыхъ стволъ совершенно засыпанъ, а верхушка разметасть песокъ своими высокими вѣтвями. Жители Триполи обыкновенно, хотя не совсѣмъ правильно, даютъ этому поясу дюнь название «пустыни», считая себя, изъ какого-то странного тицеславія, близкими сосѣдями Сахары, отъ которой они отдѣлены еще всею областью степей и горами Джебель-Гуріанъ. Но, дѣйствительно, Триполи и его окрестности представляютъ во многихъ отношеніяхъ видъ оазиса, и тотчасъ же по выходѣ изъ тамошнихъ садовъ караваны должны уже измѣрять свой путь по колодцамъ. Въ самой Мешіи безчисленные колодцы спускаются до слоя воды, который ирригационные насосы никогда не исчерпывали, и который находять въ сосѣдствѣ моря на глубинѣ менѣе одного метра. Вода здѣсь сама собой бѣть ключемъ изъ песковъ, когда очень низкіе приливы имѣютъ слѣдствіемъ обнаженіе плоскихъ береговъ, почти всегда затопленныхъ.

Для торговли съ бассейнами озера Цаде и Нигера Триполи имѣеть надъ западными городами, Тунисомъ, Боной, Алжиромъ, Ораномъ, то преимущество, что онъ находится въ прямыхъ сношеніяхъ съ покатостью Гвинейскаго залива. Две главныя дороги, одна на Мурзукъ, другая на Гадамесъ, соединенные между собой промежуточными путями, служать средствомъ сообщенія Триполи съ городами Бурну

и Гауссы. До 1873 г. караванщики изъ Гадамеса пользовались монополіей торговли съ этими странами, но теперь европейскіе негоціанты въ Триполи организуютъ караваны у самыхъ дверей своихъ магазиновъ, заинтересовывая въ своихъ гешефтахъ, предоставленіемъ половины барыша, начальниковъ племени, которымъ вѣряется предводительство надъ кафилахомъ, и которые, впрочемъ, всегда отдаютъ вѣрный отчетъ въ своихъ коммерческихъ операціяхъ. Среднимъ числомъ, изъ Триполи ежегодно отправляется шесть или восемь большихъ каравановъ, имѣющихъ отъ одной до трехъ тысячъ верблюдовъ и всегда эскортируемыхъ сотнями вооруженныхъ арабовъ, которые безбоязненно пускаются во враждебную территорію. Путешествіе до первыхъ городовъ Судана продолжается, среднимъ числомъ, отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ. Обыкновенно нѣсколько негоціантовъ соединяются въ товарищество, внося каждый известную сумму на общее предприятіе; но они могутъ получить свои, пропорциональны вложенному капиталу, доли барыша не ранѣе двухъ лѣтъ, такъ какъ успѣшия операций по обмѣну бумажныхъ тканей, талеровъ Маріи-Терезіи и другихъ европейскихъ товаровъ на страусовыя перья, слоновую кость, золотой песокъ и невольниковъ—требуютъ много времени, и триполитанскимъ караванщикамъ часто приходится по нѣсколько разъ перевозить свои товары съ одного рынка на другой. На обратномъ пути они позылаютъ изъ Сокны или изъ Гадамеса впередъ конныхъ курьеровъ съ известіемъ о своемъ возвращеніи, и тогда завязываются новыя сдѣлки съ европейскими купцами, въ предвидѣніи скораго прибытія обоза; обыкновенно товары проходятъ съ публичнаго торга, по прибытіи каравана. Съ тѣхъ поръ, какъ Уадай добровольно заперъ свои рынки для египетской торговли, и особенно съ тѣхъ поръ, какъ провинціи по верхнему Нилу возстали противъ господства хедива, установилось новое торговое теченіе поперекъ сѣверо-восточной Африки, черезъ Дарфоръ и Уадай; въ настоящее время уже не Александрія, а Триполи служить ввозной гаванью для предметовъ продовольствія и боевыхъ припасовъ, покупаемыхъ Кордофаномъ. Однако, въ послѣдніе годы главной причиной благосостоянія для Триполи былъ вывозъ альфы.

Отпускъ альфы изъ порта Триполи:

Въ 1870 году—1.022 тонны, цѣнностью—40.000 франк.; въ 1875 году—33.590 тонны, цѣнностью—2.372.680 франк.

Триполи пользуется большой выгодой въ томъ отношеніи, что ему принадлежитъ монополія прямаго обмѣна съ внутренней частью континента; кромѣ того, онъ занимаетъ счастливое географическое положеніе, почти по серединѣ африканскаго берега Средиземнаго моря, ко

¹⁾ Kraft, „Tour du Monde“, 1861.

вблизи Мальты, Сицилии и Южной Италии. Однако, его торговые обороты, хотя они ныне въ шесть разъ превосходятъ обороты цѣлой Триполитаніи въ 1825 г.¹⁾, гораздо меньше, чѣмъ обороты Туниса и Алжира, городовъ, которые должны удовлетворять своей торговлей потребности болѣе многочисленнаго мѣстного населенія, и гдѣ число европейцевъ несравненно значительнѣе.

Выѣшняя специальная торговля порта Триполи въ 1893 году выразилась слѣдующими цифрами:

Привоз—11.125.000 франковъ, вывозъ—11.000.000 франковъ.

Великобританія, владѣтельница острова Мальты, съ которымъ Триполи находится въ постоянныхъ, почти ежедневныхъ сношеніяхъ, имѣетъ на свою долю болѣе половины обмѣна въ общей торговлѣ; она доставляетъ почти всѣ бумаги матеріи, называемыя «мальтийскими» (*maltese*), по имени островного склада, и беретъ въ уплату почти всю альфу, производимую этой страной. Итальянцы, представляющіе собою почти всю колонію европейскихъ иммигрантовъ въ этомъ городѣ, занимаютъ лишь второе мѣсто въ движениіи торгового обмѣна. Что касается Франціи, то она стояла даже позади Турции въ движениіи судоходства въ Триполи, но со времени завладѣнія регентствомъ Тунисъ, сопредѣльнымъ съ Триполитаніей, ея участіе въ торговыхъ сношеніяхъ съ этой послѣдней страной значительно увеличилось.

Движеніе судоходства въ портѣ Триполи въ 1892 г.: пришло—279 пароходовъ, въ 244.997 тоннъ, и 203 парусныхъ судна, въ 13.930 тоннъ.

Однако, важность Триполи, какъ большаго рынка, всегда останется непрочной, пока гавань его не будетъ углублена и защищена отъ опасныхъ вѣтровъ. Особенно въ январѣ мѣсяца моряки боятся близко подходить къ этому порту: въ эту пору года часто случалось, что корабли были выбрасываемы на берегъ бурнымъ сѣверо-западнымъ вѣтромъ. Необходимо было бы повысить естественное жете изъ подводныхъ камней, чтобы оно задерживало волны, и убрать подводные камни, заграждающие входъ. Фарватеръ имѣть всего только отъ 5 до 6 метровъ глубины при отливѣ, немногого болѣе 6 метр., при приливѣ, но судно, сидящее въ водѣ болѣе, чѣмъ на 4 метра, не можетъ безопасно пускаться черезъ баръ.

Къ западу отъ Триполи, на берегу Средиземнаго моря тянутся прекрасныя поля, гдѣ разсѣяны постоянныя селенія, тогда какъ во внутренней части равнинъ Джифары, отъ природы плодородныхъ и обильпо орошаемыхъ водами уади, живутъ только кочевыя племена;

¹⁾ „Voyages“ de Graberg de Hemso.

равнинъ эти, говорить Рольфъ, можно было превратить во вторую Метиджу, болѣе богатую, чѣмъ алжирская. Дорога, идущая вдоль побережья, проходитъ черезъ Зензуръ, затѣмъ черезъ Заюю, административный центръ восточнаго округа Триполитаніи, въскорѣ послѣ того показываются развалины древней Сабраты финикіянъ, то-есть «Рынка», одного изъ трехъ городовъ, принявшихъ коллективное имя *Tripolis*; ея упадокъ и окончательное паденіе относятся, вѣроятно, къ восьмому столѣтію христіанской эры¹⁾. Итальянскіе моряки дали руинамъ Сабраты и бѣдной деревушкѣ, приютившейся въ сосѣдствѣ съ остатками античныхъ стѣнъ, имя *Tripoli Vecchio* (Старый Триполи), которое не оправдываетъ исторіей и не имѣть соответственнаго названія въ арабскомъ языкѣ. Даѣе слѣдуетъ маленькая гавань Зоарахъ, пальмовымъ рощамъ которой, какъ и плантациямъ Триполи,грозитъ нашествіе песковъ; это послѣдній городъ Триполитаніи. Сосѣдня песчаная коса, Расъ-эль-Махбасъ, прославилась обширными салинами, которыя она защищаетъ со стороны моря. Въ тринадцатомъ вѣкѣ венецианцы получили отъ триполійскаго эмира исключительную привилегію разрабатывать себѣ Расть-эль-Махбаса, называемую также Зоарахской, и этой соляной промыселъ получилъ такое важное значеніе, что республика назначила специальныхъ должностныхъ лицъ для надзора за нимъ. Каждый годъ, въ определенное время, венецианскій флотъ бросалъ якорь въ бухтѣ Расть-эль-Махбасъ и нагружался солью для рынковъ всей сѣверной Италии, Швейцаріи, Тироля, Далмациі. Въ XVIII столѣтіи венецианцы были выгнаны генуэзцами, которые сняли въ аренду эти салины²⁾.

На югѣ и юго-западѣ простирается поясъ границы, который долгое время былъ чѣмъ-то въ родѣ мархій, предоставленной въ распоряженіе разбойничихъ племенъ. Когда французы овладѣли Тунисомъ, около 75.000 арабовъ южныхъ племенъ удалились въ эту пустынную область и, не находя себѣ пропитанія на невозможной почвѣ, стали дѣлать постоянно набѣги на окрестныя мѣстности. Теперь большинство этихъ бѣглыхъ вернулись на родину, и въ степи, недавно усыпленной палатками, остались только рѣдкія становища нуайлевъ и другихъ кочевыхъ племенъ.

V. ФЕЦДАНЪ.

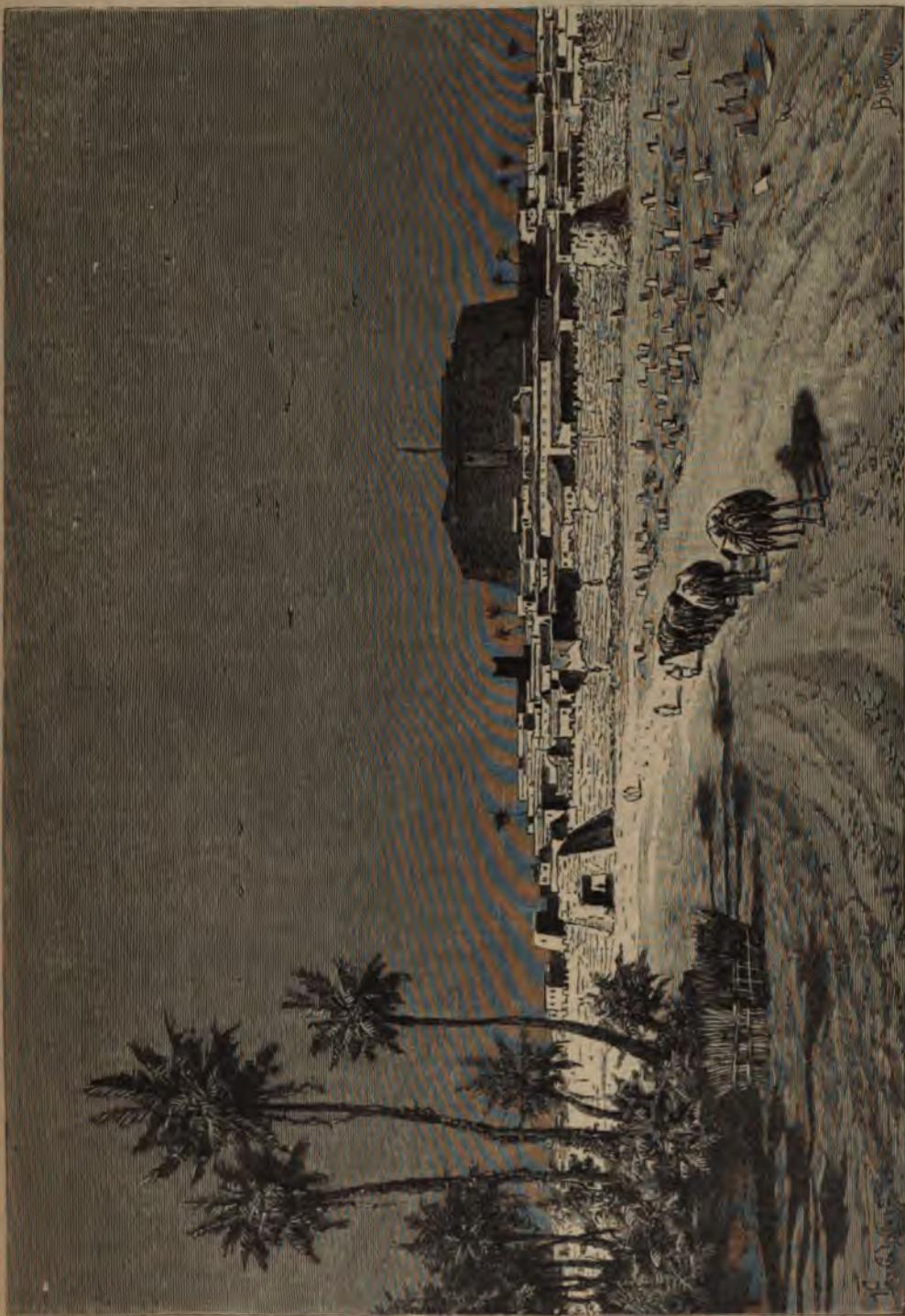
Въ политическомъ отношеніи Фецданъ принадлежитъ къ турецкой провинціи Триполи; по

¹⁾ Vivien de Saint-Martin, „Les anciens sites de la Tripolitaine“.

²⁾ Elie de la Primaudais, „Le Littoral de Tripolitaine“.

своему положению на югѣ Черныхъ горъ, такъ же по климату, онъ составляетъ часть Сахарскаго пояса; наконецъ, по его негритянскому населенію, онъ долженъ быть причисленъ

къ Сахарой. Въ древности римское завоеваніе присоединило страну «Фазанію» къ средиземноморскому миру; затѣмъ арабы проникли туда побѣдителями, въ первое полустолѣтіе

Городъ Мурзукъ.

скорѣе къ области Судана, чѣмъ къ сѣверной Африкѣ. Однако, относительно значительное протяженіе его базисовъ и ихъ доступность чрезъ дороги, идущія изъ Триполи, дѣлаютъ его промежуточной областью между побережь-

геджры, и наконецъ, турки, наследники Рима чрезъ Константинополь, окончательно установили тамъ свое владычество въ первые годы настоящаго столѣтія, послѣ длиннаго ряда войнъ, которыя происходили не отъ стремле-

нія жителей къ независимости, а отъ честолюбія соперничавшихъ родовъ, добивавшихся власти. Въ наши дни черезъ Феццанъ ввозится большая часть европейскихъ товаровъ въ самый центръ чернаго континента, и, следовательно, совершаются постепенная работа ассимиляціи между людьми. Впрочемъ, какъ ни велика историческая роль Феццана, служившаго входными воротами Центральной Африки, самъ онъ, какъ область малонаселенная, не представляетъ сколько-нибудь важнаго значенія; по детальной статистикѣ путешественника Нахтигали, все населеніе этой страны не превышаетъ 43.000 человѣкъ, даже 37.000, если исключить обитателей оазисовъ, лежащихъ на сѣверѣ раздѣльной цѣпи¹⁾). Но хотя бы населеніе простиралось до 200.000 человѣкъ, какъ полагаетъ Рольфсъ, и тогда не пришлось бы, среднимъ числомъ, даже по одному жителю на квадр. километръ, ибо въ естественныхъ своихъ предѣлахъ, между Черной горой на сѣверѣ, предгорьями Джебель-Ахаггаръ на западѣ, передовыми плато Тибести на югѣ, и ливийскими пустынями на востокѣ,—Феццанъ занимаетъ пространство по меньшей мѣрѣ въ 300.000 кв. километровъ. Административные предѣлы этой территории гораздо шире, такъ какъ они заключаютъ въ себѣ также, на сѣверѣ Черной горы, оазисы Зелла, Джофра и всю покатость Средиземного моря до Бу-Нджайма.

Въ послѣднія сто лѣтъ Феццанъ былъ посѣщенъ многими путешественниками. Въ 1798 г. Горнеманъ, одинъ изъ миссионеровъ, посланныхъ обществомъ изслѣдованія Африки, перешелъ оба Гаруджа, Черный и Бѣлый, путемъ, которымъ не ходилъ ни одинъ европеецъ послѣ него. Двадцать лѣтъ спустя, Лайонъ изучилъ главную торговую дорогу изъ Триполи въ Мурзукъ и опредѣлилъ астрономически нѣсколько пунктовъ, къ которымъ впослѣдствіи примкнули маршруты Уднея, Денгама и Клаппертона. Путешествие Барта, Овервега и Ричардсона, въ 1850 году, было совершено по прямой дорогѣ, идущей черезъ большую Красную Гамаду. Затѣмъ слѣдовали важныя изслѣдованія Фогеля, Дюверье, Бейермана, Рольфса, фонъ-Бари, Нахтигали, которые не только начертіли на картѣ сѣть пройденныхъ ими путей, но еще прибавили къ нимъ маршруты многочисленныхъ арабскихъ развѣдчиковъ: такъ, Рольфсъ сообщилъ въ Европѣ объ открытии одного изъ оазисовъ Бау арабомъ Могамедомъ-эль-Таргони, уроженцемъ оазиса Зелла.

Въ цѣломъ, Феццанъ расположены въ видѣ амфитеатра: онъ окруженъ съ трехъ сторонъ плоскогорьями, а дао его покато къ востоку. Средняя его высота надъ уровнемъ моря около 500 метр., и низшія точки оазисовъ, вѣроятно,

лежать не ниже 200 метровъ. По Барту, самая глубокая впадина находится около колодца Шараба, къ востоку отъ Мурзука; озеро держится по цѣлымъ мѣсяцамъ въ этой котловинѣ, куда стекаются воды обширнаго бассейна. Внутренность феццанскаго цирка довольно холмистая, и видъ рельефа, также какъ абсолютная высота страны, доказываютъ, что этотъ бассейнъ не былъ покрытъ морскими водами въ недавнюю геологическую эпоху, какъ предполагали многие географы не только относительно Феццана, но и относительно всей Сахары. Тѣмъ не менѣе, во многихъ мѣстахъ замѣчаются слѣды прежняго пребыванія соленой воды, и волны сыпучихъ песковъ, гоняющія одна за другой на западныхъ плоскогорьяхъ, равно какъ мозаичные полы изъ шлифованныхъ и разноцвѣтныхъ камешковъ, украшающіе поверхность восточныхъ серировъ, свидѣтельствуютъ въ пользу гипотезы, по которой эти пространства когда-то находились подъ водой²⁾). Между гористыми краями окружности, поверхность Феццана состоитъ изъ второстепенныхъ террасъ, большая ось которыхъ направлена отъ запада къ востоку, и которая отдѣлены одна отъ другой разсѣянными около 50 метр. средней глубины. Эти промежуточные пониженія почвы, узкія и извилистыя, тоже называются «уади», подобно ложамъ временныхъ ручьевъ сѣвернаго Триполи; но въ нихъ никогда не образуется правильнаго потока, такъ что вѣрѣть было бы дать имъ название *юбра*, или «рѣвъ», которое носятъ одинъ изъ этихъ овраговъ, Мурзукскій. Одни изъ уади— песчаныя или глинистыя долины безъ всякой растильности, другіе— зеленѣющія лощины, осѣненныя пальмами. Не образуя рѣчного развѣтвленія въ собственномъ смыслѣ, рвы эти сходятся, однако, одинъ къ другому, но не всѣ достигаютъ общаго русла въ восточной части страны: гдѣ пески, гдѣ скалы прерываютъ на востокѣ эти неразвившіяся долины.

Южный склонъ массивовъ Джебель-эль-Сода и Гаруджъ-Черный представляетъ очень пологій скатъ; онъ продолжается на югѣ предгорьями и террасами серира Бентъ-Афіенъ, невысокихъ плато, покрытыхъ мелкимъ камнемъ, который сильно затрудняетъ ходьбу. На югѣ хребта Сода нужно пройти пространство около 130 километр., прежде чѣмъ достигнешь утеса, у подошвы которого начинается собственно Феццанъ; на всемъ этомъ пространствѣ, почти совершенно пустынномъ, есть только одно зеленѣющее воронкообразное углубленіе—оазисъ Фога. Первый уади Феццана тянется вдоль самаго основанія Краснаго плоскогорья; это—уади Геранъ, гдѣ виднѣются тамъ и сямъ одиноко стоящія деревья около колодцевъ, въ сырьихъ ложбинахъ; за исключеніемъ этихъ лож-

¹⁾ „Sahara und Sudan“;—Behm und Wagner, „Bevölkerung der Erde“, VI.

²⁾ Gerhard Rohlfs, „Quer durch Afrika“.

бинъ, почти на всемъ своемъ протяженіи онъ представляетъ лишь сыпучіе пески, усыпанные глыбами песчаника, почернѣвшими отъ солнечного зноя. Но при сліяніи его съ другимъ, болѣе широкимъ, уади, надъ которымъ господствуютъ, съ сѣверной стороны, крутые откосы предгорій Черной Горы, видъ долины мѣняется: слой чернозема покрываетъ дно уади Эшъ-Шіати, и корни пальмъ встрѣчаютъ сырой песокъ за глубинѣ (средней) 3 метр. Измѣренія абсолютной высоты этого уади, сдѣланыя путешественниками, настолько разнятся между собою (отъ 350 до 500 метр.), что нельзя составить себѣ понятіе объ истинномъ скатѣ долины: полагаютъ, что она наклонена отъ запада къ востоку, подобно другимъ уади; возможно, однако, что она выше къ серединѣ, чѣмъ на оконечностяхъ¹⁾.

Къ югу отъ рва Эшъ-Шіати, теряющагося на востокѣ среди скалъ Гаруджа Бѣлаго, выдается терраса, имѣющая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ около сотни верстъ въ ширину, хотя тамъ и сямъ въ этой мощной массѣ открываются узкіе уади и маленькая зеленѣющая лощина, по большей части необитаемая. Одинъ изъ этихъ уади, Зелафъ, имѣющій видъ трещины почвы, наполненъ лѣсомъ финиковыхъ пальмъ, великолѣпные плоды которыхъ принадлежать прохожимъ; однако, обычай запрещаетъ имъ уносить съ собой запасы плодовъ: оставшіе послѣ прохода каравановъ финики собираются жителями Эшъ-Шіати. Плоскогорье, въ которомъ открывается зеленѣющей ровъ, уади Зелафъ, все занято на западѣ моремъ песковъ; *эдейены*, то-есть «песчаныя горы» на языкеъ темагакъ восточныхъ туареговъ, тянутся, по Дюверье, который переходилъ ихъ въ двухъ мѣстахъ, на пространствѣ 800 килом. въ длину, отъ запада къ востоку, при средней ширинѣ около 80 километр.; въ той части плоскогорья, гдѣ проходитъ главная караванская дорога между Триполи и Мурзукомъ, песчаная масса перестаетъ разстилаться въ видѣ сплошнаго моря и разлагается на отдѣльные архипелаги и горки. Гряды дюнъ не слѣдуютъ одна за другой въ правильномъ порядкѣ; нѣкоторыя изъ этихъ высотъ стоятъ даже въ видѣ совершенно уединенныхъ остроконечныхъ горъ. На сѣверѣ Джермы караванъ Барта встрѣтилъ извилистые валы песковъ, переходъ черезъ которые былъ дотого труденъ, что люди принуждены были разравнивать гребни руками для того, чтобы верблюдамъ было гдѣ поставить ногу. А между тѣмъ это были еще не самыя высокія дюны: восточнѣе, Фогель, измѣряя тригонометрически высоту одной песчаной горы, нашелъ, что она поднимается на 162 метра надъ уровнемъ маленькаго озера, наполняющаго впадину плоскогорья²⁾.

¹⁾ Nachtigal, „Sahara und Sudan“.

²⁾ „Petermann's Mittheilungen“, Sept. 1855.

Удивительно, что въ этой области, гдѣ дожди такъ рѣдки, сохраняются, среди дюнъ, озера, постоянныя или періодическія. Въ одной только группѣ, на сѣверѣ Мурзукской гамады, насчитываютъ съ десятокъ такихъ озеръ; впрочемъ, почти всѣ они трудно доступны, по причинѣ окружающихъ ихъ бугровъ мелкаго песку, въ которомъ глубоко вязнутъ ноги. Два изъ этихъ озеръ содержать въ своей водѣ хлористый натрій и углекислый натрій, какъ Натроновыя озера египетской пустыни: отсюда и название Бахръ-эль-Трунія, или «Натроновое море», подъ которымъ извѣстно одно изъ озеръ Феццана. Многія другія озера населены червями, которые очень цѣняются мѣстными лакомками. То изъ нихъ, которое особенно изобилуетъ этими червями, специально обозначается именемъ «Червиваго моря», Бахръ-эль-Дудъ, а прибрежныхъ рыбаковъ называютъ «червятниками», дувада. Этотъ бассейнъ, окаймленный пальмами, имѣетъ форму круга, около 1.000 метр. въ окружности, и наибольшая глубина его почти 8 метровъ, хотя туземцы считаютъ его «бездоннымъ», и его черные воды, густыя какъ сиропъ,— до такой степени онъ солены,—дѣйствительно выказываютъ его очень глубокимъ. Больные изъ Феццана толпами приходятъ туда купаться, послѣ чего они погружаются въ находящіеся рядомъ съ озеромъ резервуары прѣсной воды, чтобы смыть съ себя слой соли, покрывающей ихъ тѣло. «Червякъ», называемый натуралистами *artemia oudeyai*, есть не что иное, какъ личинка двукрылого насекомаго, движущаяся чрезвычайно быстро; ея извивающееся тѣльце, золотисто-краснаго цвета, какъ у китайскаго чебака, мелкаетъ огненной чертой среди окружающихъ маленькихъ животныхъ, покрывающихъ поверхность озера; длина ея около 8 миллиметровъ. При помоши сѣтей вылавливаются личинки «червя», смѣшанные съ другими личинками, преслѣдующими артемій, и съ водорослями, служащими имъ пищей; все это мѣсять, и получается родъ тѣста, вкусомъ напоминающее креветки «съ душкомъ». Употребляютъ его всего чаще въ видѣ приправы къ другимъ кушаньямъ¹⁾.

Плоскогорье дюнъ круто обрывается на югѣ и образуетъ долину уади Лажаль, общее направление которой отъ запада-юго-запада къ востоку-сѣверо-востоку. Въ цѣломъ, этотъ ровъ имѣетъ около 500 километр. длины, между пустынями, отдѣляющими Ратъ отъ Феццана, и пустынями, простирающимися къ Бѣлому Гаруджу, но оазисы занимаютъ дно долины только на пространствѣ около 200 килом., при средней ширинѣ въ 8 килом.; около западнаго своего начала уади Лажаль лежитъ на высотѣ 600 метр., а въ пустыняхъ, съ которыми онъ

¹⁾ Vogel, „Petermann's Mittheilungen“, Sept. 1855;—Henri Duveyrier, „Les Touaregs du Nord“.

сливается на востокѣ,—на высотѣ всего только 400 метр. Противоположные берега этого уади представляютъ рѣзкій контрастъ: на сѣверѣ они состоятъ изъ песчаныхъ бугровъ, съ округлыми контурами, тогда какъ на югѣ высятся крутые утесы, продолженіе цѣли Амсакъ (частію девонской формациі), которая господствуетъ надъ западнымъ входомъ долины. Около середины рва Лажаль, два выступа горъ, выдвинувшіеся на встрѣчу одинъ другому, дѣлятъ долину на двѣ половины, называемыя, по ихъ географическому положенію, одна—уади Эль-Гарби, или «Западный», другая—уади Эшъ-Шерки, или «Восточный». Послѣдній значительно больше; онъ соединяется на востокѣ съ пальмовыми рощами Себха, затѣмъ, прерываемый пустыней, снова появляется въ небольшихъ оазисахъ Теменгиртъ, Семну, Зигенъ, положеніе которыхъ, повидимому, указываетъ на существование въ прежнія времена сліянія между уади Лажаль и уади Эшъ-Шіати; теперь долину загромождаютъ пески.

Почва уади Лажаль, какъ и другихъ низменностей Феццана, состоитъ изъ *иши*, то-есть очень легкаго чернозема, насыщенаго солью и разрыхленаго совокупнымъ дѣйствіемъ глубокихъ водъ и жары; соляныя эфлоресценціи образуютъ во многихъ мѣстахъ средній поясъ, окаймленный съ той и другой стороны пашнями, разработанными у основанія дюнъ и утесовъ. Средняя глубина воды въ уади Лажаль 3_—4₀ метр., и потому тамъ нѣть надобности въ поливѣ пальмъ, которая сами втягиваютъ корнями потребную влагу; но для культуры овощей и хлѣбныхъ растеній ирригационную воду достаются изъ колодцевъ, погружая въ нихъ снаряды, сдѣланніе изъ дерева финиковой пальмы и напоминающіе издали подъемные краны приморскихъ городовъ. Что бы ни говорилъ путешественникъ Рольфсъ, въ Феццанѣ несомнѣнно существуютъ системы колодцевъ съ подземными галлерейами, или фогараты: Люверье видѣлъ такой фогаратъ на склонѣ южныхъ утесовъ этого уади, недалеко отъ Джермы.

Мурзукская гамада, отдѣляющая уади Лажаль отъ долины, специально обозначаемой именемъ Гофра, или «Ровъ», представляетъ почти вездѣ ровное плоскогорье; только часть ея сѣвернаго края образуетъ крутой выступъ, называемый цѣпью Амсакъ; кромѣ того, она изборождена разѣлинами, въ которыхъ мѣстами вырыты колодцы, и которые кое-гдѣ даже заняты оазисами: таковъ оазисъ Годва, черезъ который проходитъ большинство каравановъ, между Мурзукомъ и Триполи. Очень узкая на западѣ, гдѣ ее можно перейти въ одинъ день, эта гамада расширяется къ востоку и, наконецъ, сливается съ каменистыми серирами и неизслѣдованными пустынями, надъ которыми господствуютъ, на сѣверѣ, известковыя террасы Бѣлаго Гаруджа. Въ западной своей части Мур-

зукское плоскогорье ограничено съ юга очень узкой долиной, уади Аберджушъ, за которой снова начинаются каменистые плато, продолжающіяся безъ конца въ южномъ направлении до земли тибу, и углубленія которыхъ не имѣютъ никакой растительности, кромѣ изрѣдка встрѣчающихся камедныхъ деревьевъ. Но на востокѣ открывается, въ видѣ полукуруга, обширная долина Гофра, впадина Феццана, въ которой находится городъ Мурзукъ, нынѣшняя столица страны. Эта низменность раздѣлена безплодными каменистыми пространствами на двѣ, рѣзко отличающіяся одна отъ другой части: на западѣ—Мурзукскій оазисъ, на востокѣ—длинный и узкій рядъ оазисовъ, называемый общимъ именемъ Эшъ-Шеркія, «Восточный», который подраздѣляется на множество второстепенныхъ впадинъ, разгорожденныхъ песчаными буграми, и не представляетъ въ своемъ протяженіи никакого правильнаго ската. Высота различныхъ оазисовъ—отъ 300 до 500 метр. Послѣдній, съ восточной стороны, оазисъ, Темисса, окружены со всѣхъ сторонъ пустынями. Дно долины Гофра, также какъ дно другихъ впадинъ Феццана, состоитъ изъ гейши, съ тою разницей, что здѣсь почва содержитъ немного больше глины; но эта глина до такой степени насыщена солью, что выдѣляемые изъ нея кирпичи, изъ которыхъ построены всѣ тамошніе дома, расплываются отъ сильнаго дождя ¹⁾). Вода, доставаемая изъ нижнихъ слоевъ почвы при помощи особыхъ снарядовъ, имѣетъ солоноватый вкусъ, и чужеземцы съ трудомъ привыкаютъ къ ней; во многихъ мѣстахъ она достигаетъ поверхности земли и разливается въ видѣ болотъ или себѣ, окаймленныхъ поясомъ кристаллической соли.

Гофра, съ ея восточнымъ продолженіемъ Шеркія, есть послѣдній большой оазисъ Феццана въ южномъ направлении; на пути къ плато въ 700 метр. высоты, отдѣляющему Феццанѣ отъ страны Тибу, караваны встрѣчаются только колодцы, да два маленькихъ оазиса: Гатрунъ и Теджери. На востокѣ, по направлению къ Куфрѣ, пустыня имѣть еще болѣе дикий видъ, чѣмъ къ югу: сериры, дюны, солончаки слѣдуютъ одинъ за другими на пространствѣ 200 слишкомъ километровъ, прежде чѣмъ встрѣтишь первый оазисъ—Бау-эль-Кебиръ, или «Большой Бау» или Уау (не произошло ли это имя отъ египетского слова Ba, изъ которого греки сдѣлали «оазисъ»?), который не былъ извѣстенъ географамъ до путешествія Бейермана, въ 1862 году. Прежде этотъ оазисъ находился во владѣніи негровъ тибу, но въ 1841 году арабскіе грабители выгнали ихъ оттуда и сдѣлали оазисъ центромъ своихъ разбойничихъ набѣговъ. Туббусы тщетно пытались отвоевать похищенную у нихъ землю; но

¹⁾ H. Daveyier, цитированное сочиненіе.

племя завоевателей, въ свою очередь, уступило мѣсто новымъ пришельцамъ, и, во время путешествія Бейермана, Бау былъ уже занятъ хуанами братства сенусіа, которые всѣ соблюдаютъ обѣтъ безбрачія: ни одна женщина не имѣеть права пребыванія въ оазисѣ. Бейерманъ узналъ, что въ трехъ дниахъ ходьбы, къ западу, находится другой оазисъ, называемый Баузъ-Сериръ, «Малый Бау», или Вай-Намусъ, «Москитовый Бау»; но никто въ краѣ не могъ указать ему дорогу туда: единственный человѣкъ, знаяшій ее, умеръ незадолго передъ тѣмъ въ преклонныхъ лѣтахъ¹⁾). Этотъ потерянный оазисъ и есть тотъ самый, который былъ найденъ въ 1876 г. арабомъ Могамедомъ Таргони, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими изслѣдователями-добровольцами изъ оазиса Зелла. Малый Бау теперь необитаемъ, но многочисленные черепки глиняной посуды и пальмовые лѣсы вырубленными поддѣсьемъ свидѣтельствуютъ, что еще недавно онъ имѣлъ нѣкоторое населеніе, состоявшее, вѣроятно, изъ негровъ-тиббу. Флору «оазиса Москитовъ» составляютъ, кромѣ пальмъ, акаціи, тамариски и другія, менѣе высокія, деревца и кустарники²⁾); въ скалахъ находять «прекрасную желтую сѣру». Маленькое озеро, по серединѣ оазиса, объясняетъ обилие москитовъ, отъ которыхъ этотъ зеленѣющій островокъ пустыни и получилъ свое название; бывшиѣ жители селились обыкновенно на «очень высокой горѣ», надъ озеромъ и тучами москитовъ³⁾). По преданіямъ, на юго-востокѣ оттуда существуетъ другой оазисъ, Бау-Гариръ, долина, богатая растительностью и населенная большимъ числомъ животныхъ: дикихъ барановъ, газелей и антиlopeй, которая еще нисколько не боится человека; онъ довѣрчиво подпускаетъ его къ себѣ и даютъ провзть себя копытомъ. Верблюды, одичалые, тоже, говорятъ, живутъ тамъ подъ тѣнью пальмъ, на берегу «ручьевъ», текущихъ въ таинственномъ оазисѣ.

Фецанъ, лежащий подъ болѣе южной широтой, чѣмъ собственно Триполи, имѣетъ, конечно, и болѣе высокую среднюю температуру, именно отъ 27 до 28 градусовъ Цельсія; однако холода тамъ сильнѣе, отчасти по причинѣ большого удаленія отъ моря, которое всегда оказываетъ умѣряющее вліяніе на климатъ, отчасти вслѣдствіе большей чистоты воздуха, которая дѣлаетъ возможнымъ свободное лучеиспусканіе теплоты ночью. Впрочемъ, небо рѣдко бываетъ совершенно чисто; оно не блестить замѣтно чудной синевой умѣренныхъ поясовъ, а имѣетъ скорѣе молочно-блѣлый цвѣтъ, и появляющіяся на немъ облака—почти всегда барашки, полоски или мелкіе узоры, перистыя

облака (*cirrus*) высшихъ областей атмосферы. Въ декабрѣ и въ первой половинѣ января термометръ, наблюдаемый при восходѣ солнца, показываетъ не выше 5 или 6 градусовъ, и во многихъ мѣстахъ плоскогорья вода иногда замерзаетъ ночью¹⁾; видѣли даже снѣгъ на горахъ, окружающихъ страну. Что касается крайностей жары, то онѣ почти невыносимы для иностранцевъ. Если уже средняя лѣтняя температура въ Мурзукѣ, по Лайону, 32,95, то неудивительно, что Дюверье два раза въ юлѣ наблюдалъ тамъ температуру 44°,6 въ тѣни, а въ собственной пустынѣ термометрическій столбикъ часто поднимался выше 50 градусовъ Цельсія. На солнцѣ жары превышаютъ 60 градусовъ, достигаютъ даже 70. По климату Фецанъ принадлежитъ къ поясу Сахары, гдѣ скачки температуры такъ велики, что, по выражению Геродота²⁾, достаточны, чтобы истребить «самый грунтъ страны». Въ самомъ дѣлѣ, какія горныя породы устоять передъ силой расширѣнія и сжатія, производимыхъ крайностями тепла и холода, годовая разность которыхъ доходитъ до 70, можетъ-быть даже до 80 градусовъ³⁾.

Что касается дождей, то они тѣмъ рѣже, что Джебель-эсъ-Сода и Черный Гаруджъ задерживаютъ дождевые облака на проходѣ. Даже росы почти совсѣмъ не бываетъ, по причинѣ сухости воздуха. Впрочемъ, дождя и не желаютъ въ оазисахъ Фецана, не только потому, что онъ размываетъ хижини изъ битой глины, но также и потому, что онъ наносить вредъ деревьямъ, измѣня нормальный порядокъ ихъ питанія почвенными водами. «Вода дождей мертвая, вода почвы живая», говорятъ туземцы. Дожди выпадаютъ вообще зимой и весной, то есть съ декабря по апрѣль, когда сѣверные вѣты оспариваютъ преобладаніе у южныхъ.

Крайности тепла и холода имѣютъ слѣдствіе большую бѣдность флоры: растенія, невыносящія суровыхъ холодовъ, и растенія, боящіяся сильныхъ жаровъ, погибаютъ подъ этимъ неравномѣрнымъ климатомъ. Въ Фецанѣ почти нѣть самородной флоры: акаціи тальха съ рѣдкой листвой, чахлые тамариски, колючіе альхаги, составляющіе пищу верблюдовъ, колоквінты песковъ, альфа, нѣсколько кустарниковъ, одна солянка, два или три злака—вотъ и все, что производить пустыни въ своихъ защищенныхъ долинахъ⁴⁾). Культурные растенія, можетъ-быть, болѣе многочисленны, нежели дикия, хотя во многихъ оазисахъ сады очень бѣдны видами. Фецанъ имѣетъ, въ томъ или другомъ уади, пшеницу, ячмень и многие другие роды зерновыхъ хлѣбъ.

¹⁾ Vogel, „Petermann's Mittheilungen“, Sept. 1855.

²⁾ Книга IV, глава 184.—H. Duveyrier, „Les Tonaregs du Nord“.

³⁾ H. Duveyrier, цитированное сочиненіе.

⁴⁾ Nachtigal, „Sahara und Sudan“.

¹⁾ Moritz von Beurmann, „Ergänzungsheft, № 8, zu Petermann's Mittheilungen“.

²⁾ G. Rohlfs, „Kufra“.

³⁾ Beurmann, цитирован. мемуаръ.

бовъ, гомбо, слизистый плодъ которого очень любимъ арабами, десятка три овощей, перечисляемыхъ Нахтигальемъ, и въ томъ числѣ почти всѣ виды, воздѣлываемые въ нашихъ садахъ и огородахъ; смоковница, миндалевое дерево приносятъ превосходные плоды, но большинство другихъ фруктовыхъ деревьевъ, свойственныхъ умѣренному поясу, здѣсь рѣдки или даже представлены только нѣсколькими чахлыми растеніями; послѣднія маслины, на югѣ, встрѣчаются въ уади Отба къ западу отъ Мурзука¹). Табакъ, хлопчатникъ, индиговое дерево хорошо растутъ въ садахъ Феццана, но производство ихъ очень ограничено. Камедевое дерево, особенно въ уади Лажаль, вокругъ оазиса Убари, даетъ превосходную камедь, которую туземцы не брезгуютъ употреблять въ пищу, въ случаѣ недостатка обычныхъ съѣстныхъ припасовъ. Кормовые растенія: люцерна, клеверъ, донникъ различныхъ разновидностей, имѣютъ болѣе важное значеніе въ народномъ хозяйствѣ страны.

Феццанъ можно считать настоящей родиной финиковой пальмы; по словамъ туземцевъ, въ Гофрѣ, особенно въ томъ оазисѣ, середину которого занимаетъ городъ Трагенъ, находится центръ ея области произрастанія; нигдѣ это дерево не встрѣчается такими большими лѣсами, съ такими густыми пучками вай. Въ Феццанѣ насчитываются не менѣе трехсотъ разновидностей финиковой пальмы, болѣе тридцати въ однѣмъ только Мурзукскомъ оазисѣ; много лѣсовъ, выросшихъ изъ сѣмянъ, развиваются въ видѣ кустарника, плоды которого предоставлены газелямъ²). Въ оазисахъ пальмы скучены миллионами; въ Мурзукскомъ оазисѣ турецкое правительство уже присвоило себѣ цѣлый миллионъ, да и въ другихъ плантацияхъ оно не менѣе богато. Понятно, какую громадную пользу приноситъ это чудесное дерево въ краѣ, который такъ бѣденъ другими растеніями: плоды, стволъ, вѣтви, стебельки, волокна, сердцевина, сокъ—все утилизируется жителями. Финики, вмѣстѣ съ зерновыми хлѣбами, составляютъ главную пищу осѣдлыхъ феццанцевъ; дляnomadovъ же эти плоды да верблюжье молоко—единственная провизія; домашнія животныя, даже собаки, тоже ёдятъ финики, или какъ главный кормъ, или какъ замѣну обычныхъ порций. Замѣчено, что у жителей Феццана почти у всѣхъ испорченные зубы, что приписываютъ слишкомъ исключительному употребленію этихъ плодовъ, которые, впрочемъ, не такъ хороши, какъ египетскіе и алжирскіе (изъ Суфа), но далеко превосходятъ качествомъ финики триполійского побережья.

Недостатокъ пастбищъ препятствуетъ развитію скотоводства въ оазисахъ: домашнія жи-

вотныя здѣсь вообще очень мелки и сравнительно такъ же малочисленны, какъ и дикия, лишенныя травы и воды. «Левъ пустыни» не бродить въ пустынныхъ мѣстностяхъ Феццана; тамъ не встрѣтишь ни пантеръ, ни генѣ, даже шакаль не тявкаетъ вокругъ деревень и становищъ кочевниковъ; только хитрая лисица феннекъ, съ огромными, постоянно дрожащими, ушами, подкарауливаетъ добычу вблизи хижинъ и палатокъ; газели и антилопы, которыхъ Лайонъ описываетъ подъ именемъ «буиволовъ»¹), должно быть, довольно рѣдки, такъ какъ на рынкахъ нигдѣ не видать этой дичи. Ястребы, соколы и вороны, ласточки и воробы, вѣрные товарищи человѣка—вотъ и всѣ птицы Феццана, если не считать вяхирей и утокъ, прилетающихъ лѣтомъ изъ болѣе южныхъ странъ, гдѣ они проводили зиму²).

На заднихъ дворахъ увидишь только курь да голубей; овцы и козы вырождаются, а изъ сохранившихъся почти всѣ ширококостны, съ вытянутой шеей, маленькой головой и тонкой шерстью; быки и коровы, правезенные съ сѣвера, всѣ малорослы и трудно переносятъ здѣшній климатъ. Что касается лошадей, то ихъ можно встрѣтить только на конюшняхъ знатныхъ особъ; едва-ли наберется и полсотни коней во всей странѣ. Единственное четвероногое, серьезно пріобрѣщенное къ труду человѣка,—верблюдъ, принадлежащий къ арабской породѣ, мало отличающейся отъ туарегской. Самые рослые и сильные верблюды живутъ въ Черныхъ горахъ и на Гаруджѣ; зимой они обростаютъ густой шерстью, которую стригутъ каждый годъ для тканья ковровъ и грубой матеріи для шатровъ. Извѣстно, что, по свидѣтельству большинства историковъ, верблюдъ былъ введенъ изъ Египта въ болѣе западныя области Ливіи только въ первые вѣка христіанской эры: гареманты употребляли воловъ, лошадей и колесницы для ёзды и перевозки тяжестей черезъ песчаные бугры и каменистые сериры. Фактъ этотъ свидѣтельствуетъ о большомъ перемѣнѣ климата въ послѣднія два тысячелѣтія, ибо въ наши дни невозможно было бы перейти пустыню безъ помощи верблюда. Изваянія на скалахъ въ Телисарге, въ юго-западной части Феццана, представляютъ съ поразительной вѣрнотью быковъ, идущихъ на водопой; на тѣхъ же скалахъ замѣты черты, изображающія лошадь и осла³).

Жители Феццана принадлежать ко всѣмъ расамъ Сѣверной Африки и составляютъ совершенно смѣшанный народъ, первоначальными элементами котораго являются черные азиаты, древнѣйшие обитатели края, и бѣлые берберы. Въ послѣднее время арабы, особенно изъ племени ауладъ-слиманъ изъ Египта и

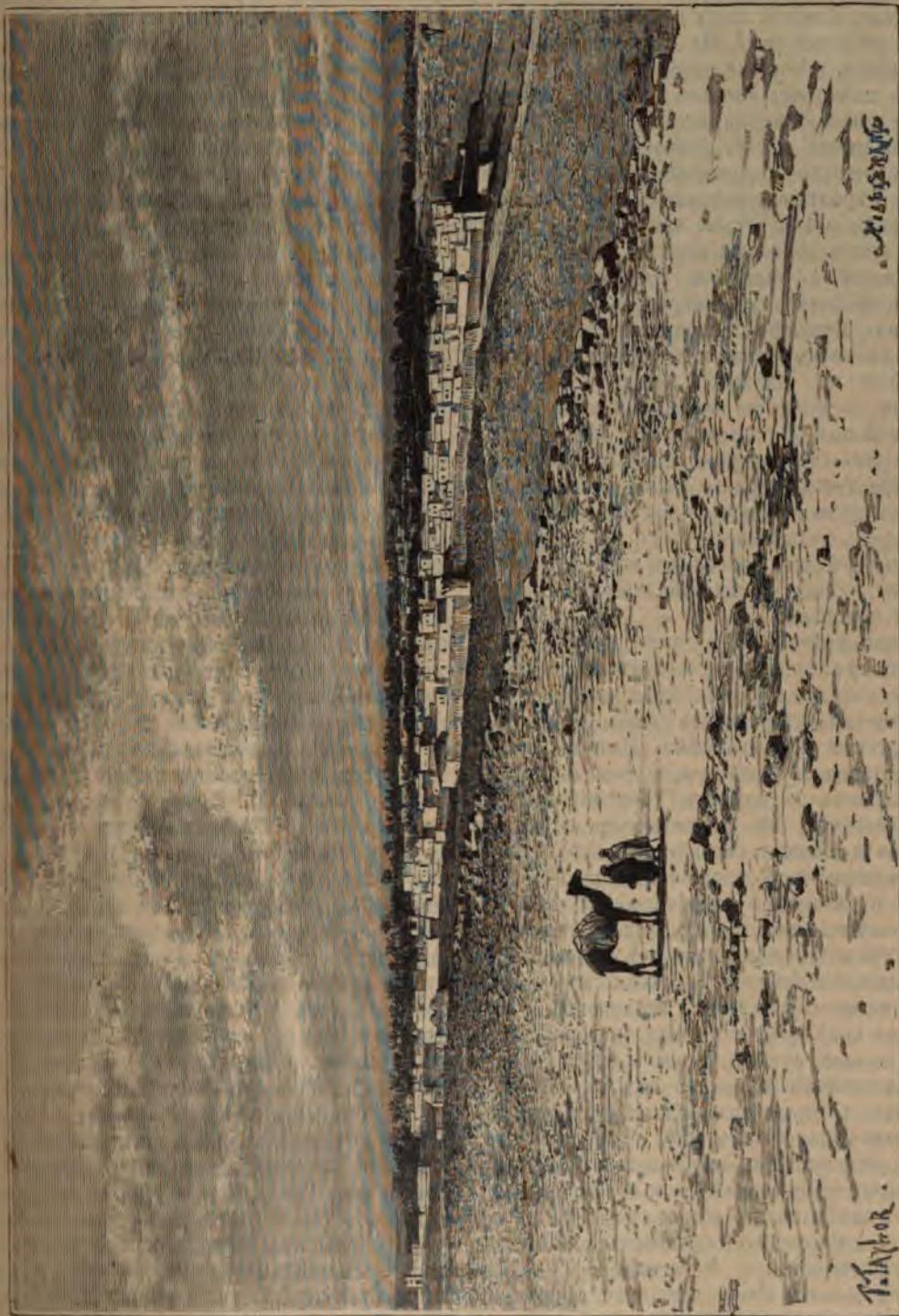
¹⁾ „Narrative of Travels in Northern Africa“.

²⁾ Gerhard Rohlfs, „Quer durch Afrika“.

³⁾ H. Barth, „Reisen und Skizzen“.

Киренаки, тоже способствовали въ значительной мѣрѣ обновленію мѣстнаго населенія, а прежде, когда варварійскіе пираты еще разбойничали на Средиземномъ морѣ, много итальян-

кожи, отъ чернаго, какъ смоль, до чисто-блѣлаго. Рольфъ разсказываетъ даже, что здѣсь довольно часто можно наблюдать явленіе, при мѣры котораго во множествѣ представляютъ

Общий видъ Гадамеса.

скихъ плѣнницъ поступало въ гаремы мурзукскихъ шейховъ, внося съ собой новый этническій элементъ, имѣвшій свою цѣну въ столь малоочисленномъ населеніи. Между туземцами Фецаана мы находимъ всевозможные оттенки

населенія испанской Америки, именно—встрѣчаются пѣгіе субъекты, люди съ пестрой кожей, т. е. съ блѣлыми пятнами или полосами на черномъ фонѣ, или паоборотъ—съ черными на блѣломъ фонѣ. Точно также въ Фецаанѣ нерѣд-

ко можно видѣть чернокожихъ съ длинной и гладкой шевелюрой, тогда какъ бѣлокожіе, на-противъ, бывають къ короткими и курчавыми волосами. Можно сказать, что въ среднемъ преобладающей цвѣтъ кожи—желтый, какъ у малайцевъ, а черты лица и шевелюра принадлежать негрской расѣ. Не менѣе многочисленны и языки, которыми говорять въ этой странѣ, гдѣ смѣшалось столько расъ. Самый употребительный—канури, идомъ страны Борну, и многія имена мѣсть, деревень и колодцевъ свидѣтельствуютъ о пребываніи негровъ языка канури, вѣроятныхъ потомковъ древнихъ гарантовъ¹⁾; всѣ взрослые понимаютъ арабскій языкъ, языкъ торговли; нарѣчія Гауссы и другихъ частей Африки тоже раздаются въ хи-живинахъ феццанскихъ негровъ. Живущіе въ предѣлахъ Феццана туареги, менѣе рослые и менѣе сильные, чѣмъ ихъ единоплеменники, обитающіе въ Джебель - Ахаггарѣ, на югѣ Алжиріи, кочуютъ по бельшей части въ юго-восточной полоѣ страны, между Мурзукомъ и Ратомъ: это—тицилькумы, вольные люди, презирающіе араба, подлаго «плательщика подати». Они принадлежать къ братству Могамеда-аль-Мадани, колыбель которого въ Мисратѣ²⁾, и вообще говорятъ арабскимъ языкамъ; по Ричардсону, общее число этихъ немадовъ около тысячи человѣкъ.

Рабство, которое такъ много способствовало племенному смѣшанію населенія края, не уменьшилось, хотя, для формы, были изданы турецкими властями въ Феццанѣ указы, воспрещающіе торговлю невольниками. Вывозъ живаго товара, правда, сократился, но невольники, не направляемые къ портамъ Триполитаніи или не посылаемые въ Египетъ черезъ оазисы Ауджилы и Сивахъ, остаются въ странѣ, увеличивая собою число порабощенныхъ. По Нахтигалю, въ половинѣ настоящаго столѣтія че-резъ Феццанѣ ежегодно проходило отъ пяти до восьми тысячъ невольниковъ; въ семидесятыхъ же годахъ численность проходящихъ партий уменьшилась на двѣ трети. Чернокожіе, остающіеся въ краѣ, рѣдко имѣютъ поводъ жаловаться на свою судьбу; на нихъ всѣ смотрѣтъ такъ на членовъ купившей ихъ семьи, и тѣ изъ нихъ, которые возвращаются на родину, вступаютъ туда обыкновенно не какъ бѣглые, а какъ уполномоченные представители торговыхъ интересовъ своихъ господъ. Иравы феццанцевъ замѣчательно мягкие, но очень распущенные, и много дѣтей погибаетъ покинутыхъ на порогѣ мечетей и монастырей. Тотъ, кто нагнется поднять новорожденного, становится приемнымъ отцомъ, и всегда обращается съ нимъ какъ съ другими своими дѣтьми.

Торговля невольниками не была замѣнена,

для жителей Феццана, какой-либо другой отраслью коммерческой дѣятельности. Единственный, сколько-нибудь значительный предметъ вывоза—сода, добываемая изъ «Натроновыхъ озеръ» и продаваемая въ количествѣ вѣсколькихъ сотъ тоннъ, на рынкѣ Триполи. Прошло то время, когда золотой песокъ, слоновая кость, страусовая перья способствовали, вмѣстѣ съ живымъ товаромъ, обогащенію феццанскихъ торговцевъ. Впрочемъ, послѣдніе никогда не могли выдерживать конкуренціи съ жителями Гадамеса, Джофры, Ауджилы, и хотя товары, пересылаемые между Суданомъ и морскими прибрежными, проходить, по ихъ террито-рии, феццанцы извлекаютъ изъ этого транзита лишь весьма незначительная выгода: почти вся торговля Мурзука находится въ рукахъ моджабровъ, уроженцевъ оазиса Джело. При громадности разстояній между оазисами, феццанцы могутъ разсчитывать лишь на мѣстные ресурсы. Нормальное движеніе торговаго обмѣна, происходящее въ Мавританіи между населеніемъ Телля и населеніемъ оазисовъ, изъ которыхъ первое покупаетъ шерсть и финики, давая въ обмѣнъ свои зерновые хлѣба, — едва существуетъ между племенами триполійскихъ оазисовъ и жителями Феццана; однако, вѣкоторыя пальмовые плантациіи уади Шіати, на югѣ Черной горы, принадлежать триполійскимъ арабамъ, которые каждый годъ переходятъ горы и плоскогорья, чтобы собрать финики на этихъ плантацияхъ¹⁾. Вообще земля довольно равномерно подѣлена между жителями, и каждый имѣеть свое поле, свою пальмовую рощу, но налоги слишкомъ тяжелы, чтобы населеніе могло жить въ довольствѣ. Не имѣя возможности обогащаться скотоводствомъ, по причинѣ сухости страны, и обладая самойrudimentарной промышленностью, едва достаточной для удовлетворенія первыхъ нуждъ, постоянные жители Феццана не располагаютъ средствами, чтобы покупать что бы то ни было за границей. Съ половины настоящаго столѣтія они даже обѣдѣли, такъ какъ болѣе энергические молодые люди эмигрировали въ большомъ числѣ въ Нигрицию, чтобы избѣгнуть воинской повинности, которая то не требуется ни отъ кого, то налагается безразлично на все годное къ службѣ мужское населеніе того или другого оазиса. По словамъ Ричардсона, мужчинъ въ Феццанѣ гораздо менѣе, чѣмъ женщинъ: на общую цифру населенія, исчисляемую имъ только въ 26.000 человѣкъ, насчитывается не болѣе 11.000 лицъ мужскаго пола. Причину этого явленія, вѣроятно, слѣдуетъ искать, съ одной стороны, въ торговлѣ невольниками, вводящей въ краѣ много суданокъ, съ другой—въ эмиграціи, которая увлекаетъ за границу молодыхъ фе-

¹⁾ H. Duveyrier, цитированное сочиненіе.

²⁾ H. Barth, цитированное сочиненіе.

¹⁾ Gerhard Rohlfs, „Четыре дюжи Африка“.

цацевъ, бѣгущихъ отъ непосильного бремени налоговъ или отъ военной службы, или уходящихъ искать счастья въ приморскихъ городахъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, посѣщенныхъ французскимъ путешественникомъ Дюворье, оставалось не болѣе десятка способныхъ къ работѣ мужчинъ на сотню жителей. И здѣсь, какъ въ другихъ мѣстахъ, господство чужеземца имѣло слѣдствіемъ опустѣніе страны и возвращеніе къ первобытному варварству.

Главный оазисъ сѣвернаго Фецдана имѣеть двѣ группы населенія, заслуживающія названія городовъ по административному рангу или стратегическому положенію: на востокѣ — Бракъ, мѣстопребываніе мудира, или губернатора; на западѣ — Эдери, обнесенный стѣной, на высокомъ бугрѣ, среди широкой долины уади; пещеры, вырытыя въ скалѣ, на которой стоитъ этотъ послѣдній городъ, теперь необитаемы. Къ югу отъ Брака, въ оазисѣ Себха, находится городъ Джебидъ, т. е. «Новый», хотя онъ существуетъ уже около трехъ столѣтій. Городъ этотъ окруженъ стѣнами съ башнями по угламъ и имѣеть нѣсколько мечетей, минареты которыхъ высоко поднимаются надъ домами, построеннымъ изъ камня или битой глины; жителей въ немъ, по Нахтигалю, немноголѣтъ тысячи. Прежде онъ былъ населенъ, какъ и сосѣдній городъ Карда, арабами, принадлежащими къ племени ауладъ-слиманъ, но послѣдніе были прогнаны турками и разсѣялись во всѣхъ сосѣднихъ странахъ, даже въ Уадаѣ: населеніе оазиса теперь слишкомъ малоочисленно, чтобы собирать всѣ финики съ пальмовыхъ плантаций, которыя заключаютъ въ себѣ многие миллионы деревъ. На сѣверо-востокѣ слѣдуютъ одинъ за другимъ, въ оазисахъ того же имени, три города: Теменгинъ, Семну, Зигентъ. Самый важный изъ нихъ — Семну: это лабиринтъ улицъ, довольно чистыхъ, но дото-го узкихъ, что навьюченные верблюды не могутъ проходить по нимъ; населеніе его состоитъ изъ людей разныхъ расъ, между которыми не мало семействъ, пользующихся репутацией святыхъ. Зигентъ, группа лачугъ, расположенныхъ вокругъ замка, сплошь населенъ изаработками, выходцами изъ оазиса Фога, лежащаго въ сосѣдствѣ цѣпи Гаруджъ.

Въ собственномъ уади Лажаль, къ юго-западу отъ Джедида, самая большая мѣстечки, Терертіба, Угразфе, Убари, и лучшая плантация находятся около западной оконечности долины. Тамъ же находится маленькая бѣдная деревушка Джерма, «Новая», расположенная вблизи развалинъ древнаго города Гарамы, столицы могущественнаго народа гарамантовъ, который за двѣ съ половиной тысячи лѣтъ до нашей эпохи господствовалъ въ оазисахъ Ливіи, до границъ страны, называемой нынѣ Марокко. Джерма Кадимъ, или «Старая Джерма», дав-

но уже обратилась въ пустыню, но отъ нея остались городскія стѣны, болѣе 4 километровъ въ окружности, съ широкими глиняными башнями по бокамъ. Недалеко отъ пальмовыхъ плантаций Джермы, въ заливѣ долины, обруженномъ утесами южнаго плоскогорья, видѣть хорошо сохранившійся античный памятникъ, самое дальнее римское сооруженіе внутри континента. До этого мѣста доходилъ, въ царствованіе Августа, Корнелій Бальбъ, завоеватель Цидама, или Гадамеса, и Гарамы, — фактъ, придающій высокій историческій интересъ этой четыреугольной гробницѣ, въ формѣ жертвеннника, украшенной по угламъ пиластрами съ кориннѣской капителью ¹⁾). Въ горныхъ породахъ, окружающихъ Джерму, теперь не находить «карбувкуловъ» (красная вениса), которыми славилась древняя Гарама, и которые, вѣроятно, привозились купцами изъ болѣе отдаленныхъ краевъ.

Мурзукъ, нынѣшняя столица Фецдана, занимаетъ выгодное положеніе въ самомъ обширномъ оазисѣ страны, въ южномъ «Рву», но совершенно непопитно, почему въ этихъ здоровыихъ мѣстностяхъ властители Фецдана выбрали для своей резиденціи именно эту болотистую равнину, испаренія которой лѣтомъ чрезвычайно опасны. Въ это время года, почти всѣ иностранцы, даже негры, страдаютъ малярией (болотной лихорадкой), и еще недавно бѣльемъ запрещено было пребываніе въ городѣ, за исключеніемъ трехъ зимнихъ мѣсяцевъ, не изъ заботливости объ ихъ здоровье, но подъ влияниемъ нелѣпаго повѣрья, что тѣло ихъ вырабатываетъ и дѣлаетъ болѣе гибельнымъ мазматический ядъ. На городскомъ кладбищѣ похороненъ одинъ европейскій путешественникъ, Ричи. Несмотря на нездоровыій климатъ и относительную бѣдность садовъ и плантаций, Мурзукъ благодаря своему политическому значенію, какъ столица страны, и счастливому положенію на главномъ караванномъ пути, у входа дорогъ, идущихъ черезъ южный плоскогорья къ Судану, — сдѣлался самымъ многолюднымъ городомъ Фецдана; по Нахтигалю, онъ имѣеть около 6.500 жителей внутри стѣнъ и въ окружающихъ пальмовыхъ плантацияхъ; Рольфъ даетъ ему даже болѣе значительную цифру населенія. Расположенный на высотѣ, которую путешественники опредѣляютъ различно, отъ 456 до 510 метровъ, Мурзукъ занимаетъ пространство около 3 квадр. километровъ, ограниченное глиняной стѣной съ башнями и бастионами. Вокругъ городской ограды тянется поясъ песковъ и солончаковъ, гдѣ бываютъ изъ земли нѣсколько струекъ прѣсной воды, а за этимъ поясомъ простираются сады и рѣдкія группы пальмъ. Въ самомъ городѣ улицы по большей части пересекаются подъ

¹⁾) H. Barth, цитированное сочиненіе.

прямымъ угломъ, и *дендалъ*, или широкій бульваръ, продолжающійся отъ однихъ воротъ до другихъ, дѣлить городъ на двѣ половины. На сѣверо-западѣ расположена цитадель (Касръ) съ высокими (25 метровъ) и толстыми стѣнами, постепенно съуживающимися къ вершинѣ, а въ серединѣ города правильные портики обра- зуютъ входъ на базаръ, гдѣ можно слышать всѣ языки сѣверной Африки. Средняя цѣнность оборотовъ на мурзукскомъ базарѣ исчисляется въ полмилліона франковъ.

Къ западу отъ столицы, на Ратской дорогѣ, оазисъ Отба, или Тессауа, бывшая колонія не- гровъ изъ Гауссы, есть единственный, имѣю- щій центръ населенія; далѣе встречаются толь- ко колодцы, между прочимъ, Шарабскій, под- лѣ котораго, въ 1869 г., была убита дѣвица Тинне, «королевна», какъ ее называли туареги и арабы, пораженные ея богатствами. Къ вос- току отъ Мурзука, въ центральномъ оазисѣ Гофры, называемомъ Трагенъ, расположенье пришедшій въ упадокъ городъ того же имени, окруженній стѣнами, заключающими теперь внутри только развалины, среди которыхъ пріютилось нѣсколько хижинъ; но внѣ этихъ гли- няныхъ оплотовъ шалаши изъ вѣтвей разсѣяны сотнями подъ сѣнью пальмъ. Въ теченіе вѣковъ Трагенъ былъ столицей Феццана, ре- зиденціей королей, пришедшихъ изъ Нигри- ціи, и до сихъ поръ еще показываютъ ихъ мо- тильные курганы въ окрестностяхъ города. Вслѣдствіе малочисленности населенія, ве- ликолѣпныя пальмовые плантации Трагена обратились въ обширный лѣсъ, почти не при- носящій никакой пользы: принадлежащія каз- нѣ финиковые пальмы однѣ могли бы давать правительству доходъ, далеко превосходящій всю сумму его феццанскаго бюджета, но большое число деревъ погибло за неимѣніемъ ир-rigації, а другими пользуются только для при- гото-вленія лакби, сладкаго напитка, произво- димаго броженіемъ сока. У самыхъ стѣнъ Тра- гена протекаетъ бьющей изъ земли ключъ, са- мый обильный во всемъ Феццанѣ; но во время междуусобной войны онъ былъ въ большой ча- сти теченія заваленъ, и теперь драгоценная влага теряется, просачиваясь по сторонамъ и образуя болотистую почву: это—источникъ Ган- дерма.

Зуила, управляемая шорфами, или потомка- ми Магомета, и Темисса, населенная берберами, говорящими еще своимъ роднымъ языкомъ¹⁾,— города «Восточного» оазиса, въ которыхъ, какъ и въ Трагенѣ, иногда составляются караваны, отправляющіеся на сѣверъ и сѣверо-востокъ къ оазисамъ Фога, Джофра, Зелла. Зуила была столицей всего Феццана, и негры тиббу до сихъ поръ еще называютъ ея именемъ всю страну

оазисовъ²⁾). Дюверье былъ очень дурно при- нять тамъ фанатическими жителями. На югѣ Феццана оазисъ, окружающей «святой» городъ Гатрунъ, тоже служить исходнымъ пунктомъ для каравановъ. Грамотные марабуты, чтецы Корана, управляющіе страной и монополизиро- вавшіе торговлю съ населеніемъ горъ Тибести, говорятъ, что предки ихъ пришли сюда изъ Марокко, триста или четыреста лѣтъ тому на- задъ; но ихъ никоимъ образомъ нельзя при- знать за чистокровныхъ «сыновъ Пророка», какъ они себя величаютъ; ихъ черты лица яс- но свидѣтельствуютъ о смѣшаніи расъ, проис- шедшемъ въ этой части Феццана: марабуты вообще берутъ себѣ женъ изъ Тибести, а негры племени тиббу живутъ въ окрестностяхъ, по- мѣщаясь въ хижинахъ изъ пальмовыхъ листьевъ. Городъ Гатрунъ лежитъ въ гаттіи, или сырой котловинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ дю- нами и скалами. Его огромный лѣсъ пальмъ, корни которыхъ проникаютъ въ почву до глубины отъ 3 до 5 метровъ, гдѣ находится слой воды, производить лучшіе финики во всѣмъ Феццанѣ. Гатрунскія женщины занимаются плете- ниемъ корзинъ, которая вывозится во всѣ окрестности оазисовъ, продолжающейся до Теджерри, послѣднаго феццанскаго города на границахъ пустыни: тамъ путеше- ственникъ видѣть послѣднія финиковые паль- мы³⁾ и первыя пальмы думъ въ направлѣніи Сахары. Туземцы не согласны въ своихъ по- казаніяхъ относительно покатости этого уади, и Рольфъ тоже не могъ въ точности опредѣлить ее: можетъ-быть, это просто впадина въ бывшемъ озерномъ днѣ.

Къ югу отъ Теджерри, гдѣ уже негрское на- селеніе, по численности, много превосходитъ собственно феццанцевъ, существуетъ только одинъ колодезь на караванной дорогѣ въ Су- данъ, да и этотъ колодезь, называемый Биръ-Мешру, часто былъ засыпаемъ пескомъ; во- кругъ него на землѣ разсѣяны скелеты людей и животныхъ, еще покрытые высохшимъ мя- сомъ. Исполосованный кнутомъ или палкой, изнуренный ходьбой черезъ каменистый плато, палимые знойнымъ и пыльнымъ воздухомъ чуждаго климата, столь отличного отъ влаж- ной атмосферы ихъ родины³⁾, негры падаютъ въ изнеможеніи посреди дороги; отлежавшись немнogo, они съ трудомъ поднимаются, чтобы кое-какъ дотащиться до ближайшаго колодца, но часто не могутъ продолжать путь; тогда ка- раванъ бросаетъ ихъ на произволъ судьбы, а жгучее солнце и голодъ доканчиваютъ несча- стныхъ.

¹⁾ Richardson, „Narrative of a Mission to Central Af- rica“.

²⁾ H. Duveyrier, цитированное сочиненіе.

³⁾ Lyon, цитированное сочиненіе.

Города Феццана, съ приблизительной цифрой населенія:

Въ оазисѣ Уади Шіати: Бракъ—1.000 жит.; Эдери—800; въ оазисѣ Уади Лажаль: Текертиба—1.000; Уграэфе—800; Убари—1.200; Джебидъ (по Нахтигалю)—1.500; Карда—1.000; Теменгитъ—800; Семну—1.500; Зигентъ (по Нахтигалю)—1.000; въ о. Гофра: Мурзукъ, съ окрестностями (по Нахтигалю) — 6.500; Трагенъ—1.500; Зуила—1.000; Темисса—600; въ другихъ оазисахъ: Фога—1.000; Гатрунъ (по Нахтигалю)—1.500; Теджерри—800 жит.

VI. Гадамесъ.

Хотя причисляемый въ политическомъ и административномъ отношеніи къ турецкой территории, этотъ городъ и окружающіе его оазисы составляютъ особую область по населенію, исторіи, правамъ и торговымъ сношеніямъ. Съ географической точки зрѣнія Гадамесъ также принадлежитъ къ области, совершенно отличной отъ собственной Триполитаніи. Въ то время, какъ послѣдняя составляетъ часть пояса прибрежья, и скаты ея наклонены къ Средиземному морю, Гадамесъ, съ его округомъ, находится на покатостяхъ пустыни, въ бассейнѣ, воды которого никогда не достигаютъ внутренняго моря. Временная рѣка, берущая начало на сѣверо-западѣ Красной Гамады, и послѣ теченія, подъ разными именами, на пространствѣ около 250 километровъ, достигающая, наконецъ, оазиса Гадамесъ,—не имѣть видимаго русла въ области дюнъ, которая тянется за эти мѣста оазисомъ до бассейна Игаргаръ. Точно также другіе параллельныя уади, которые текутъ сѣвернѣе, спускаясь изъ южныхъ овраговъ массива Джебель-Нефуса, теряются въ поясѣ песковъ, такъ что до сихъ поръ еще не могли опредѣлить, какое направление имѣло ихъ теченіе въ то время, когда они были настоящими рѣками. Вѣроятно, они соединялись тогда въ одинъ обширный рѣчной бассейнъ, напливавшій свои воды въ большія южныя себхи Туниса.

Въ этой области Сахарской покатости Гадамесъ не единственный оазисъ, и даже далеко не самый значительный по обилию питающей растительности воды и по протяженію пальмовыхъ плантаций. Но Гадамесъ обязанъ своимъ важнымъ значеніемъ не земледѣлію и промышленности, а коммерческой дѣятельности своихъ жителей, которые являются главными посредниками торговаго обмѣна между портами Средиземнаго моря и рынками Нигрии. Гадамесъ, древній Цидамъ (*Cydamus*) римлянъ, съ незапамятныхъ временъ служитъ мѣстомъ снаряженія для обозовъ, которые должны перейти песчаный океанъ, чтобы достигнуть береговъ озера Цаде и Нигера. Какая причина этого

первенствующаго торгового значения маленькаго оазиса? Мѣстные выгоды его не представляютъ ничего исключительнаго, но онъ лежитъ какъ разъ въ точкѣ схожденія дорогъ изъ Габеса и Триполи, на самой границѣ пустыни, между двухъ негостепріимныхъ и почти недоступныхъ областей, которыя не позволяютъ караванамъ уклоняться ни въ ту, ни въ другую сторону: съ запада тянутся движущіеся песчаные бугры, съ востока идутъ каменистыя террасы Красной Гамады. Этотъ передовой постъ, родъ дефилея, врѣзывающагося въ пустыню¹⁾, сдѣлался неизбѣжнымъ исходнымъ пунктомъ для каравановъ, отправляющихся изъ Триполитаніи къ странѣ туареговъ, къ оазисамъ Туата и Уэдъ-Драа, и благодаря промежуточному этапу Рать, на дорогѣ въ Нигрию, онъ могъ вступить въ конкуренцію съ Сокной и съ городами Феццана по торговымъ сношеніямъ съ центральной Африкой. Со временемъ завоеванія Алжира французыами наибольшая часть за-сахарской торговли, направлявшаяся къ Уарглѣ и другимъ оазисамъ алжирской Сахары, уклонилась отъ своего естественнаго пути, чтобы избѣгнуть территоріи румовъ; она избрала дорогу на Гадамесъ, лежащій всего только въ 25 километрахъ отъ идеальной границы, отдѣляющей владѣнія Франціи отъ владѣній Турціи: если маршрутъ измѣнился, то, по крайней мѣрѣ, обыкновенная рутина караванного дѣла и обычные приемы берберскихъ или арабскихъ посредниковъ не были нарушены, какъ это случилось бы на французскихъ постахъ. Возможная въ будущемъ новая перемѣна политическаго равновѣсія и въ особенности постройка желѣзныхъ путей несомнѣнно повлекутъ за собой новое перемѣщеніе торгового потока.

Гадамесъ отстоитъ отъ Триполи всего только на 500 километр., а до ближайшаго приморскаго пункта, около общей границы Триполитаніи и Туниса, разстояніе не превышаетъ 400 километр.: для обыкновенного каравана на это путешествіе требуется отъ 10 до 12 дней ходьбы. Притомъ дорога, очень часто посѣщаемая купцами, почти на всемъ своемъ протяженіи не затруднительна, и разбойничье племя ургамма изъ тунисской пограничной области не осмѣливается нападать на хорошо вооруженные караваны. Оттого многіе европейцы посѣтили городъ берберскихъ негоціантовъ по слѣдамъ Ленга, который первый проникъ туда въ 1826 г.; Ричардсонъ, Диксонъ, Бонменъ слѣдовали одинъ за другимъ около половины текущаго столѣтія; Дюверье прожилъ тамъ нѣкоторое время въ 1860 г., а два года спустя туда прибыла французская миссія, подъ начальствомъ Миршера, для изученія края, особенно въ геологическомъ и торговомъ отношеніяхъ. Во времена своего большаго путешествія въ централь-

¹⁾ Daveyrier, „Les Touaregs du Nord“.

ную Нигрию, въ 1865 г., Рольфъ заходилъ въ Гадамесъ, и послѣ того Ларжо и многие другие французские изслѣдователи переходили со сѣдиюю границу, чтобы изучить этотъ рынокъ пустыни. Скоро Гадамесъ будетъ на дорогѣ туристовъ: присоединеніе Туниса къ Франціи еще болѣе приблизило его къ европейскому миру.

Равнина, покрытая песчанымъ гипсомъ, въ которой находится Гадамесъ, на высотѣ 351 (по Дюверье) или 423 метровъ (по Ватону), имѣла бы самый печальный видъ, если бы шпалеры изъ пальмъ, маскирующія часть города, не представляли такого яркаго контраста своей зеленою съ однообразнымъ желтымъ пространствомъ, испещреннымъ сѣрыми или красноватыми полосами. Мучнистая почва, гдѣ вязнуть ноги верблюдовъ, усыана глыбами сѣрнокислой извести, образующими тамъ и сямъ полиэдрическія группы, смѣси гипса и кварцеваго песка, соединенныхъ въ различныхъ пропорціяхъ, почти поровну, въ среднемъ. Посреди равнины возвышаются уединенно *туры*, или *кефы*, бугры въ 40 или 50 метр. высоты, покрытые на вершинѣ плитой бѣлаго мѣла, остатки верхняго слоя плоскогорья, занимавшаго нѣкогда всю страну и постепенно разрушенаго физическими дѣятелями, внутренними или вѣшними. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ этого слоя остался только одинъ камень, похожій на могильную плиту; въ другихъ—груды камней представляютъ видъ крѣпкаго замка въ развалинахъ, или видна только одна башня, одинъ каменный кубъ; многие холмы, уже потерявшиѣ свой яйнецъ, початы въ нижнихъ пластахъ, которые менѣе выносятъ крайности тепла и холода; скоро горка совершенно развалится, и почва выровняется, какъ остальная поверхность гипсоваго плато. Здѣсь легко захватить, такъ сказать, на дѣлѣ работу разрушенія. Залегающія одна на другой группы песчаника, углекислой извести, гипса, мергеля, глины въ различной степени испытываютъ влияніе тепла и холода, разность которыхъ такъ велика въ этихъ пространствахъ пустыни; отъ этого происходитъ движенія расширѣнія и сжатія, сопровождающіяся перемѣщеніемъ слоевъ; кромѣ того, вода, проникающая въ поры почвы, дѣйствуетъ на нѣкоторыя горныя породы такимъ образомъ, что онѣ разбухаютъ и распадаются; подъ внутреннимъ давленіемъ верхнія плиты разламываются. Это явленіе замѣчается на всемъ плато Гадамеса: повсюду почва усыана маленькими конусами поднятія, произведенными напоромъ ниже лежащихъ горныхъ породъ; между этими неравными горками изъ беспорядочно нагроможденныхъ каменныхъ глыбъ видны еще правильно залегающіе одинъ на другомъ пласти; камень является здѣсь въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, отъ твердаго и плотнаго состоянія до совершенаго размельченія. Нѣкоторые холмы, еще сохранившіе верхній столь, и пла-

сты которыхъ слѣдуютъ одинъ за другимъ въ правильномъ порядкѣ, точно ступени пирамиды, открылись на одномъ изъ боковъ, и подобно прорвавшимся мѣшкамъ, откуда сыплется мука, изливаютъ на свои скаты потокъ песку, образующійся изъ горныхъ породъ, постепенно размельчаемыхъ дѣйствиемъ перемѣнной температуры¹⁾). Такимъ образомъ плоскогорье, сначала разрѣзанное на отдѣльные холмы, превращается мало-по-малу въ дюны, изъ которыхъ одинъ держатся цѣлые вѣка около твердаго ядра, тогда какъ другія, совершенно выѣтревшіяся, перемѣщаются всей своей массой подъ дуновеніемъ вѣтра, чтобы идти присоединиться къ грядамъ дюнъ, покрывающихъ своими длинными песчаными волнами нѣкоторыя части пустыни. Изъ различныхъ, встрѣчающихся здѣсь, горныхъ породъ наибольшее сопротивленіе разрушительному дѣйствию времени оказываютъ пласти желѣзистаго песчаника: во многихъ мѣстахъ почва, откуда известникъ и гипсъ исчезли, покрыта твердыми черноватыми глыбами камня, которая, когда идешь по нимъ, издаётъ металлическій звукъ: это остатки бывшей песчаниковой облицовки²⁾.

Стѣна, около 6 километр. въ окружности, идетъ вокругъ всего оазиса Гадамес; но этотъ древній оплотъ, воздвигнутый нѣкогда для защиты отъ нападеній наездниковъ пустыни, не имѣть болѣе никакой оборонительной цѣли; широкія бреши прерываютъ его слоибитой глины, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ окружности, особенно на западной сторонѣ, онъ служить точкою опоры грудамъ песку, съ которыхъ вѣтеръ сбиваетъ гребни, чтобы наполнять пылью улицы и сады. Городъ, раздѣленный на нѣсколько кварталовъ, расположенный въ юго-западной части оазиса, тамъ, где выкопаны колодцы, питающіе своей водой людей и ихъ пашни и сады. Главный ключъ, «творецъ оазиса», наполняетъ, по выходѣ изъ пѣдѣзѣмли, обширный бассейнъ римской постройки³⁾: обозначаемый обыкновенно, какъ вода по преимуществу, именами *аинъ* по-арабски и *титъ* по берберски, онъ называется специально Аинъ-аль-Ферсъ, или «Источникъ кобылы», и Аршешуфъ, что значитъ, на мѣстномъ нарѣчи тимакъ, «Источникъ крокодила». Вода этого источника, слегка термальная (отъ 29 до 30,15° Ц.), такъ какъ температура ея почти 7 градусами выше средней температуры Гадамеса, происходитъ изъ водной площади, которую сондъ, вѣроятно, нашелъ бы на глубинѣ 140-метровъ, либо многолѣтній опытъ инженеровъ, завѣдывающихъ буреніемъ артезіанскихъ колодцевъ, доказалъ, что въ Алжирѣ температура низкихъ слоевъ земли возрастаетъ, сред-

¹⁾ Vatoune, „Mission de Ghadames“.

²⁾ Victor Largeau, „Le Sahara, premier voyage d'exploration“.

³⁾ G. Rohlfs, „Reise durch Afrika“.

нимъ числомъ, на одинъ градусъ Ц. на каждые 20 метр. Хотя вода Крокодилова источника содержитъ около 3 граммовъ соли на литръ, она не имѣеть, однако, непріятнаго вкуса, если

артеziанскихъ колодцевъ, семь или восемь обыкновенныхъ колодцевъ, глубиной около 20 метровъ, даютъ воду, температура которой всего только 18° Ц., но вода эта до такой степени

Тунисскій пейзажъ.

ей дать простыть¹). Пиявки живутъ во множествѣ на берегахъ бассейна, среди водяныхъ растеній. Кроме главнаго источника и другихъ

насыщена солью, что ее нельзя пить. Жители оазиса пользуются также, для орошенія, большой лужей, которая наполняется путемъ инфильтраціи къ декабрю мѣсяцу и держится до мая; наконецъ, они вырыли также фогараты,

¹) Vatoune;—Hoffmann, цветированный сочиненія.

или подземный галлерей, чтобы собирать даже капли, просачивающиеся въ почвъ. Скупо отмѣриваемая, вода источника и колодцевъ едва достаточна для ирригации около 75 гектаровъ (почти 69 десятинъ), гдѣ скучены 63.000 пальмъ, и гдѣ, кромѣ того, воздѣлываются различные фруктовыя деревья и овощи, впрочемъ, довольно посредственные, за исключениемъ дынь и арбузовъ; человѣческое удобреніе, компосты тщательно примѣняются къ унавоживанию земель. Прежде оазисъ былъ обширнѣй: пространство, заключенное внутristѣнъ ограды, обнимаетъ 160 гектаровъ, и все это пространство было подъ культурой. Уменьшился ли въ теченіе вѣковъ запасъ животворной влаги, даваемой источникомъ, или жители Гадамеса, уставшіе бороться противъ песковъ, захватывающихъ ихъ сады и плантациі, ослабѣли въ своихъ усиленіяхъ? Мало найдется въ свѣтѣ странъ, где бы поземельная собственность была болѣе раздроблена, чѣмъ въ оазисѣ Гадамесъ: каждый владѣетъ садомъ, хотя бы имѣлъ одну единственную пальму или только квадратную сажень почвы, на которой растетъ это дерево, составляющее собственность другаго владѣльца; оттого могущая быть орошаемой земля продаётся по цѣнѣ, далеко превышающей ея производительную стоимость.

Городъ Гадамесь представляетъ тотъ же родъ постройки, какъ Сивахъ и старые берберскіе города, встрѣчающіеся до Нубіи. Улицы—это коридоры со сводами, куда свѣтъ проникаетъ лишь черезъ рѣдкія отверстія въ роѣ шахты, оставленная въ толщѣ домовъ: въ этихъ коридорахъ проходятъ только мужчины и невольницы, но темнота тамъ такъ велика, что нужно давать о себѣ знать, чтобы избѣжать столкновеній; мужчины ударяютъ ногой, а женщины испускаютъ родъ жалобнаго ворчанья¹⁾; люди зажиточные выходятъ не иначе, какъ съ фонаремъ. Дома, построенные изъ камня и кирпича, высунутаго на солнцѣ, состоять по большей части изъ подвального этажа, служащаго кладовой, и изъ бель-этажа, гдѣ центральная большая комната окружена рядомъ гореноекъ: общее расположіе такое же, какъ въ мавританскихъ домахъ, но вместо того, чтобы быть открытыми на вольный воздухъ, жилища Гадамеса получаютъ свѣтъ лишь черезъ дыру, сдѣланную въ потолкѣ. Всѣ террасы, хотя огорожены невысокими стѣнами, сообщаются между собой, такъ что женщины, которымъ опѣ предоставлено въ исключительное пользованіе, могутъ прогуливаться съ одного конца квартала на другой; проложены даже настоящія улицы между домами надъ туннелями, гдѣ ходятъ мужчины и невольницы. На террасахъ ежедневно бываетъ специальный рынокъ, гдѣ продаются матеріи и женскія украшенія, но ни

одинъ мужчина не имѣетъ права приносить туда свои товары. Взрослые дѣти проводятъ ночь въ родительскаго дома: молодые люди спятъ въ садахъ, на скамьяхъ перекрестковъ или въ незанятыхъ домахъ; дѣвушки идутъ на ночлегъ къ какой-нибудь родственницѣ или подругѣ, мужъ которой въ отсутствіи¹⁾.

Основу населенія Гадамеса составляютъ берберы, и общеупотребительный языкъ близко подходитъ къ нарѣчіямъ, которыми говорятъ туареги и жители оазисовъ Сивахъ, Ауджилы, Джофра. Однако, раса здѣсь очень смѣшанная, и черты лица, также какъ цветъ кожи, свидѣтельствуютъ о скрещеніяхъ съ арабами и неграми. Вообще гадамесцы, которые, подобно туарегамъ, виѣ дома ходятъ съ завѣшеннымъ или полузавѣшеннымъ лицомъ, отличаются правильными чертами, но не обладаютъ ни силой, ни гибкостью алжирскихъ туземцевъ; большинство ихъ лимфатичны или нервозны: путешественникъ пораженъ, встрѣчая такое множество людей съ лоснящейся кожей, съ пухлымъ и дряблымъ тѣломъ, съ глазами безъ блеска, съ толстыми губами, съ слабымъ голосомъ²⁾. Однако, женщины отличаются истинно благороднымъ типомъ лица, также какъ большими изяществомъ формъ, которое еще усиливается грациознымъ костюмомъ: платье ихъ состоитъ изъ куска красной или синей матеріи съ бѣлыми полосами, которая оставляетъ правую руку свободной и завязывается на лѣвомъ плечѣ; поясъ обрисовываетъ талию, а на плечи накинута бѣлая шерстяная мантилья; головнымъ уборомъ служить шелковый платокъ съ золотой бахромой, и на лбу всегда виситъ пунсовый помпонъ; башмаки, тоже красные, расшиты узорами, и драгоценности всякаго рода—кораллы, жемчугъ, монеты, золотыя и серебряные украшенія—блестятъ на шеѣ, на груди, на кистяхъ рукъ, на лодыжкахъ. Менѣе богатыя женщины, которая иногда вынуждены спускаться съ террасы за какимъ-нибудь дѣломъ по хозяйству, носить на головѣ родъ каски въ формѣ фригийского колпака, но у всѣхъ болтается на лбу красный помпонъ, знакъ свободы: невольницамъ запрещено ношеніе такой шапочки³⁾.

Такъ же какъ въ большой части берберскихъ городовъ, и какъ это было въ средневѣковыхъ итальянскихъ республикахъ, населеніе Гадамеса дѣлится на враждующія партии, антагонизмъ которыхъ, повидимому, лишь въ очень слабой степени происходит отъ различія расъ: бени-уазиты, распадающіеся, въ свою очередь, на четыре шуэръ, или второстепенные группы, занимаютъ южную и восточную части города; бени-улиды или теску, состоящіе изъ двухъ шуэръ, населяютъ сѣверный и сѣверо-

¹⁾ Mircher, "Mission de Chadamès".

²⁾ Hoffmann, "Mission de Ghadames".

³⁾ Largeau, цитированное сочиненіе.

западный кварталы. Последние, т.е. бени-улиды, занимаются преимущественно торговлей, тогда как бени-узиты владеют большими чи-сломъ домовъ и садовъ. До завоеванія Гадамеса турками, бени-узиты и бени-улиды часто воевали между собой; двѣ крѣпостцы, стоящія одна противъ другой на площади, защищали внутреннія сообщенія каждого изъ двухъ враждебныхъ бурговъ; теперь эти двѣ группы населенія живутъ въ мирѣ, но такова сила преданія, что они остаются канонированными каждая въ своей области и даже не ходятъ въ гости другъ къ другу изъ одной половины города въ другую; не было примѣра браковъ между ихъ дѣтьми. Единственное мѣсто, где встречаются бени-узиты и бени-улиды,—это рынокъ; они могутъ также сойтись въ города, въ зауяхъ или братскихъ монастыряхъ; но многимъ изъ жителей Гадамеса, принадлежащимъ къ двумъ враждебнымъ группамъ, случается познакомиться лишь за сотни и тысячи верстъ отъ своего отечества, въ Триполи, въ Кано, въ Томбукту, въ отдаленныхъ городахъ, куда ихъ приводятъ торговые дѣла: тамъ только они подаютъ другъ другу руку, какъ дѣти одной родины¹⁾.

Кромѣ цивилизованныхъ берберовъ, населеніе Гадамеса заключаетъ въ своихъ рядахъ арабовъ соудѣнныхъ племенъ, суафовъ, или выходцевъ изъ алжирского Суфа, негровъ изъ западнаго Судана, даже фуллаховъ съ верхняго Нигера. Потомство черныхъ невольниковъ составляетъ цѣлый классъ,—классъ ат-риевъ, между которыми очень употребительно нарѣчие гаусса; они не пользуются всѣми гражданскими правами. Туареги племени азджаръ въ большомъ числѣ стоятъ лагеремъ на соудѣнѣи плато, возвышающемся къ юго-западу за городскими стѣнами: это самые вѣрные союзники гадамесцевъ и охранители ихъ торговли; безъ ихъ поддержки прекратились бы всякие сношенія оазиса съ бассейнами озера Цаде и Нигера; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ городъ даже признаетъ себя составляющимъ часть конфедерации туареговъ. Туарегскій шейхъ, или начальникъ племени, впавший въ бѣдность, приглашается въ Гадамесъ и содержится на счетъ городского общества; всякий туарегъ, вольный или крѣпостной, пользуется гостепріимствомъ во все время его пребыванія²⁾). Но господствующее вліяніе между всѣми этими различными элементами принадлежитъ арабской цивилизациѣ, хотя народъ, говорящій языккомъ Магомета, очень слабо представленъ въ Гадамесѣ. Негоціанты этого города, всѣ полиглоты, всѣ мастера въ искусствѣ чтенія и письма, употребляютъ арабскій языкъ для своей корреспонденціи, и берберскій идомъ получаетъ сильную

примѣсь словъ и оборотовъ, заимствованныхъ изъ Корана. Въ краѣ не остались следовъ древняго берберскаго алфавита; однако, мѣстные торговцы имѣютъ особенную систему счисленія, пятеричную, которая позволяетъ имъ держать въ секрѣтѣ свои сдѣлки съ купцами другихъ городовъ¹⁾.

Продуктовъ садоводства едва хватило бы на содержаніе шести или семи тысячъ постоянныхъ жителей Гадамеса въ теченіе одного мѣсяца; мѣстная промышленность, состоящая въ выдѣлкѣ кожъ и въ фабрикаціи башлыковъ и военныхъ поясовъ, тоже въ очень небольшой мѣрѣ способствуетъ увеличенію доходовъ города. При такихъ условіяхъ гадамесцы, естественно, должны прибѣгать къ торговой дѣятельности для пополненія своихъ ресурсовъ. Благодаря своимъ сношеніямъ съ большей частью рынковъ западной Африки, ихъ ногоціанты приобрѣли не только довольство, но даже богатство, когда явилось турецкое правительство, чтобы брать себѣ долю прибылей и стѣснять мѣстную инициативу своими регламентами и предписаніями. Гадамесъ, такъ же какъ Мурзукъ и другіе промежуточные рынки Судана и Триполи, въ значительной степени утратилъ свою торговую важность съ тѣхъ поръ, какъ, съ одной стороны, уменьшился торгъ невольниками, а съ другой—триполіское правительство запретило прямыя торговыя сношенія съ Алжиріей и Тунисомъ, хотя древній Цидамъ, по своему географическому положенію, находится въ естественной связи интересовъ съ Нуридіей, провинціей, къ которой онъ принадлежалъ въ римскую эпоху. Тѣмъ не менѣе, торговля Гадамеса все еще весьма значительна, хотя рынки его довольно скучно снабжаются: тамошніе склады наполняются товаромъ для дальнаго вывоза, а не для мѣстнаго потребленія; товары, издѣлія или продукты, каково бы ни было ихъ происхожденіе или назначеніе, не обложены ни таможенной пошлиной, ни заставнымъ сборомъ; но купцы должны платить турецкому правительству годовой налогъ въ суммѣ около 250.000 франковъ.

Годовая цѣнность торговли Гадамеса съ Суданомъ, по Мишеру:

Съ Томбукту около 1.000.000 франк., съ Кано около 2.000.000 франк.

Торговцы Гадамеса пользуются высокой репутацией коммерческой честности: слова ихъ вѣрѣніе всякихъ актовъ, и не бывало примѣра, чтобы они не исполняли своихъ обязательствъ, хотя проходятъ многие годы, прежде чѣмъ операции, всегда начинаемыя въ кредитъ, приведутся къ концу. Когда караванъ теряетъ одного или нѣсколькихъ верблюдовъ, павшихъ отъ болѣзни или изнеможенія на од-

¹⁾ Mircher;—Largeau;—Rohlfss.

²⁾ H. Duveyrier, цитированное сочиненіе.

¹⁾ G. Rohlfss, цитированное сочиненіе.

ной изъ обычныхъ дорогъ, охраняемыхъ союзными племенами аджарцевъ, товары складываются тутъ же подлѣ тропы, и хотя бы лежали годъ или больше, ни одинъ изъ слѣдующихъ путешественниковъ не воспользуется чужимъ добромъ: владѣлецъ на обратномъ пути найдетъ свое имущество въ цѣлости на томъ же мѣстѣ, гдѣ его оставилъ¹⁾.

Но въ отношеніи гордости характера гадамесцы совсѣмъ не походятъ на своихъ соплеменниковъ, храбрыхъ туареговъ: они, напротивъ, славятся своей трусостью. Караваны ихъ всегда конвоируются наемниками, какъ караваны древнихъ кареагевянъ. Въ 1878 г., во время второго путешествія миссіонера Ларжо, достаточно было десяти турецкихъ солдатъ инвалидной команды, чтобы заставить уважать власть Блистательной Порты, хотя жители Гадамеса съ тщеславіемъ вспоминаютъ о бывшей независимости и ненавидятъ иноземное иго. Вынужденные во время своихъ путешествій имѣть дѣло съ людьми всевозможныхъ религій—съ мусульманами разныхъ сектъ, христіанами, іудеями и язычниками,—они вообще отличаются большой вѣротерпимостью, хотя сами строго исполняютъ предписанія малекитской обрядности; однако, они не терпятъ въ своей средѣ евреевъ, можетъ-быть, какъ соперниковъ по ремеслу. Братья далеко распространившагося духовнаго ордена эсъ-сенуси²⁾ основали монастырь въ ихъ городѣ, въ 1876 г. Случай многоженства рѣдки въ самомъ Гадамесѣ; но большинство негоціантовъ обзавелись женами въ различныхъ городахъ, гдѣ дѣла заставляютъ ихъ проживать подолгу. Свадьбы отличаются иѣкоторыми особынными обрядами: такъ, напримѣръ, въ первые семь дней брачнаго союза жена обречена на условное молчаніе³⁾.

Самый городъ не имѣть другихъ древностей, кромѣ бассейна фонтана, одного барельефа, въ которомъ Дюверье призналъ вліяніе египетскаго стиля, иѣсколькихъ колоннъ, отесанныхъ глыбъ камня; къ этому надо еще прибавить найденную въ развалинахъ одной башни надпись на двухъ языкахъ—греческомъ и какомъ-то неизвѣстномъ, «можетъ-быть, гарантскомъ»,—драгоценный деталь, свидѣтельствующий о торговыхъ сношеніяхъ, существовавшихъ, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ или больше, между Пидамомъ и эллинскимъ міромъ. За городомъ Дюверье открылъ римскую надпись временъ Александра Севера: это, безспорно, памятникъ большой исторической важности, такъ какъ на основаніи его можно заключить, вмѣстѣ съ Леономъ Ренье, что Пидамъ, въ то время соединенный, по управле-

нію, съ Ламбессой, оставался по крайней мѣрѣ два съ половиной столѣтія во власти римлянъ послѣ завоеванія его Корнеліемъ Бальбомъ, въ царствованіе Августа. На плато, возвышающемся къ юго-западу отъ Гадамеса, и гдѣ обыкновенно разбиваются свои палатки туареги-аджарцы, стоять безформенные столбы, извѣстные у туземцевъ подъ именемъ «идоловъ», Эль-Эснаменъ: по мнѣнію Дюверье, эти руины, предшествующія римской эпохѣ, суть обломки гарантскихъ памятниковъ, можетъ-быть, гробницъ, такъ какъ въ сосѣдствѣ раскинуто, на пространствѣ иѣсколькихъ квадр. километровъ, кладбище Гадамеса, расширяющееся изъ года въ годъ; къ древнимъ могиламъ гадамесцы всегда относились съ уваженіемъ, и потому возможно, что здѣсь откроются еще римскія надгробныя надписи. Тамъ и сямъ, въ окрестностяхъ, видны остатки башенъ и стѣнъ. На сѣверѣ развалины одной деревни, жители которой бѣжали въ Алжиръ, вслѣдствіе раздоровъ съ своими сосѣдями, вѣнчаютъ вершину Тукуть, доломитовый конусъ, совершенно уединенный.

Оазисъ Дерджъ, лежащий въ сотнѣ верстъ къ востоку отъ Гадамеса по прямой линіи, въ томъ же бассейнѣ истеченія, заслуживалъ бы быть торговымъ центромъ страны, если бы торговля измѣрялась обилиемъ воды и зелени. Дерджъ, т. е. «Ступень», называемый такъ потому, что оазисъ занимаетъ первый уступъ Красной Гамады, окружена садами, содержащими около 300.000 пальмъ и производящими финики, другіе фрукты и овощи въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ сколько нужно жителямъ для своего потребленія; оттого гадамесцы приходять въ Дерджъ за провизіей, но не въ качествѣ покупателей: они уже съ неzapамятныхъ временъ присвоили себѣ болѣе половины деревъ этого оазиса. Это не малое богатство, такъ какъ хорошая пальма, приносящая каждый годъ столько финиковъ, сколько нужно, чтобы навьючить одного верблюда, представляетъ цѣнность въ 500 франк.⁴⁾. Обитатели оазиса, сгруппированные въ четырехъ деревняхъ, называютъ себя одни берберами, другіе арабами, но они до такой степени смѣшаны скрещиваніями съ невольниками, чтоходить скорѣе на негровъ, чѣмъ на «кавказцевъ» или семитовъ. Въ каждомъ домѣ парадная зала украшена мѣдными вазами, представляющими покупную цѣнность, и супруга съ гордостью показываетъ гостямъ всю эту блестящую батарею.

Другой оазисъ, къ сѣверо-востоку отъ Гадамеса, расположенный на отлогости плоскогорья, обращенной къ пустынѣ: это пальмовая роща Синаунъ, подъ тѣнью которыхъ останавливаются караваны на дорогѣ изъ Гадамеса въ

¹⁾ Bou-Derba;—Bonnemain;—Duvetier.

²⁾ H. Duvetier, „La Confrérie musulmane de Sidi es-Senousi“.

³⁾ Largeau, цитированное сочиненіе.

⁴⁾ G. Rohlfs, „Quer durch Afrika“.

Триполи. Но этот островок зелени приходитъ въ полный упадокъ: его пальмовая пантація, осаждаемая песками, уменьшаются мало-по-малу, сады исчезаютъ, рвы засыпаются, и оборонительные стѣны, окружавшія нѣкогда двѣ деревни оазиса и ихъ воздѣланныхъ земли, обращаются въ развалины; здѣсь мы видимъ то же явленіе, что и въ Гадамесѣ, но какая его причина? Оскудѣніе ли животворныхъ источниковъ, или ослабленіе энергіи жителей, утомленныхъ непрестанной борьбой противъ скопій природы? Много переселенцевъ изъ Синауна живутъ въ Гадамесѣ: это уладъ-белльцы, населеніе благородное, очень гордящееся своимъ происхожденіемъ.

УП. Р А Т Ъ.

Ратъ (Гать), городъ торговый, какъ и Гадамесъ, тоже составляетъ, съ 1874 г., берберскую общину, официально подвластную Турции, и если бы какая-либо европейская держава овладѣла Триполитаніей, то она, безъ сомнѣнія, заявила бы притязаніе и на Ратской оазисъ, какъ на нераздѣльную часть своего новаго захвата. Гораздо болѣе удаленный отъ триполійского прибрежья, чѣмъ Гадамесъ (расстояніе отъ моря по прямой линіи слишкомъ 900 килом.), Ратъ, кроме того, отдѣленъ отъ береговой области Красной Гамадой, гамадой Тингерть, или «Известковаго Камня», и другими каменистыми плато, а также океаномъ большихъ дюнъ. Еще болѣе, чѣмъ природой, Ратъ былъ защищенъ отъ нескромнаго любопытства бѣлыхъ фанатиковъ и коммерческой ревностью жителей. Измайлъ Бу-Дерба, первый настоящій изслѣдователь, посѣтившій Ратской оазисъ, въ 1858 г., былъ избранъ для этой миссіи, какъ арабъ; но послѣ него Ричардсонъ, Овервегъ, Бартъ, Дюверье, фонъ-Бари, Шиллагъ видѣли, въ свою очередь, знаменитый африканский городъ, и два послѣднѣя тамъ и скончались. Въ 1869 г. т-ще Тинне была умерщвлена, прежде чѣмъ достигла этого города, а въ 1874 года путешественники Дурно-Дюперре и Жуберь погибли на дорогѣ изъ Гадамеса въ Ратъ, въ одиномъ или двухъ дніяхъ ходьбы къ сѣверу отъ колодца Энъ-Азарь: неизвѣстно, какая была побудительная причина этого убийства. Зарѣзаны ли они простыми разбойниками, или паемными убийцами, подосланными какими-нибудь фанатиками секты сиди-асъ-сенуси, или, какъ ходила молва, ахаггары и шамбы, убившие ихъ, хотѣли отомстить за смерть своихъ соотечественниковъ, перебитыхъ французами и спаги? Въ 1881 г. три католическихъ миссионера, Ришарь, Моратъ и Пупларъ, не могли даже настолько проникнуть въ глубь пустыни: туареги и шамба покончили съ ними въ разстояніи одного дня ходьбы отъ Гадамеса.

Ратъ, лежащий на высотѣ около 400 метровъ, находится, какъ и Гадамесъ, на покатости бассейна, по которому протекала нѣкогда рѣка Игаргарь; но долина, дно которой онъ занимаетъ, и которая извивается въ сѣверномъ направлѣніи, теперь заперта песками: воды, текущія иногда — впрочемъ, очень рѣдко — въ русль ея уади, теряются подъ дюнами. Подобно Гадамесу, этотъ городъ выпавшею ему на долю торговой ролью обязанъ своему географическому положенію. Его узкая долина представляетъ удобнѣйший путь между горами и плоскогорьями, которыхъ, въ этой части континента, составляютъ водораздѣлъ между океаномъ и Средиземнымъ моремъ. На западѣ высятся вулканические массивы Тасили, у подножія которыхъ извивается Агеладъ, т. е. «Проходъ», родъ корридора, по которому идетъ главная караванная дорога между Ратомъ и Гадамесомъ, и который продолжается на сѣверо-западѣ долиной Титерсинъ и долиной Игаргарена, притока Игаргара. На востокѣ вздымаются зубчатый горный валъ, Акакусъ, песчаники и сланцы которого почти неприступны: хорошо, если на пространствѣ одного поколѣнія выберется два или три туарега довольно ловкихъ, чтобы взобраться прямо на эту стѣну, цѣпляясь за выступы скалы¹⁾. Обычная тропа, ведущая въ Фецсанъ, обходитъ эту цѣпь у сѣверной ее оконечности, слѣдуя пустынной долиной Танецуфтъ, и достигаетъ Мурзукскаго плато черезъ проломъ Ралле и пустыню Таита, каменистую равнину безъ всякой растительности. Наконецъ, на югѣ долина Ратъ опять поднимается мало-по-малу къ горному проходу высотой около 1.000 метр., служащему воротами Суданской Сахары. Здѣсь-то, между глыбъ и столбовъ песчаника, въ виду гранитныхъ пирамидъ и куполовъ, оканчивается длинный корридоръ, въ которомъ кущи устроили свой главный складъ между Гадамесомъ и Суданомъ. Бартъ далъ этимъ горамъ название «Аджарскихъ возвышенностей»: это, по его мнѣнію, Джебель Тантана средневѣковыхъ арабскихъ писателей.

Ратъ построенъ на небольшомъ возвышеніи почвы, у сѣверо-западнаго основанія скалистаго холма. Защищенный оградой, онъ раздѣленъ почти геометрически правильно на шесть кварталовъ улицами, оканчивающимися шестью воротами. Дома его, построенные въ томъ же стилѣ, какъ жилища Гадамеса, но вообще меньшихъ размѣровъ, уступаютъ имъ также и числомъ. Внутри пространства, ограниченаго валомъ, поселилось не болѣе 4.000 жителей, но нѣсколько пригородныхъ деревень составляютъ часть той же группы населенія, и большой годовой рынокъ, которому Ратъ и обязанъ своимъ благосостояніемъ, собирается

¹⁾ N. Duveyrier, „Les Touaregs du Nord“.

въ центръ пространства, очерченного этими различными поселеніями. Тамъ и сямъ въ равнинѣ видныются купы пальмъ и другихъ деревьевъ; но этотъ оазисъ не представляетъ, какъ базисъ Гадамеса, сплошного массива земли. Однако, легко было бы расширить площадь воздѣланной земли, такъ какъ вода находится въ обиліи на небольшой глубинѣ; во многихъ мѣстахъ выкопаны артезіанскіе колодцы, откуда бѣть фонтаномъ вода, употребляемая для ирригациіи окружающихъ земель. Дюверье долженъ быть остановиться въ 800 метрахъ отъ стѣнъ Рата, такъ какъ жители грозили ему смертью, если бы онъ попытался проникнуть въ городъ; тѣмъ не менѣе, ему удалось слѣдовать набросокъ Рата, на основаніи собственныхъ наблюдений и свѣдѣній, данныхъ ему нѣкоторыми туземцами. Этотъ планъ, единственный, который былъ снятъ на мѣстѣ, еще не появился въ печати.

По преданію, Ратъ — городъ относительно новый: прошло, будто-бы, только двѣнадцать или пятнадцать поколѣній съ той поры, какъ берберы племени игаджененъ положили ему основаніе, вмѣстѣ съ другими сосѣдними племенами; но между этими народцами одинъ послѣ имя кельрафса, и Дюверье видѣть въ нихъ потомковъ тѣхъ, которые, въ римскую эпоху, населяли *oppidum Rapsa*: этотъ древний военный и торговый городъ, безъ сомнѣнія, стоялъ на томъ же самомъ мѣстѣ, у входа въ дефилей, черезъ который сообщаются двѣ сахарскія покатости. Какъ бы то ни было, игаджены и другие окрестные туареги долгое время оставались господами или по крайней мѣрѣ покровителями Рата; но этиnomады, трудно уживающіеся въ тѣсной городской оградѣ, были постепенно замѣнены потомками торговыхъ людей, переселившихся сюда изъ другихъ оазисовъ сѣверной Африки; однако, данный родъ считается принадлежащимъ къ древней расѣ до тѣхъ поръ, пока сохранилась, отъ матери къ матери, нисходящая линія игадженовъ, ибо эти послѣдніе суть бени-умміи, или «сыны матери», т. е. у нихъ власть и имущество переходятъ не отъ отца къ сыну, а отъ дяди къ племяннику, съ материнской стороны. Въ Ратѣ берберское право предоставляетъ женщивамъ, представительницамъ древнихъ владѣтелей почвы, управление родовымъ наслѣдіемъ: онѣ однѣ распоряжаются домами, источниками и садами, и по административному таланту, такъ же, какъ по коммерческой инициативѣ, онѣ, повидимому, нисколько не уступаютъ мужчинамъ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ семействахъ дѣти наследуютъ движимое имущество, но право командованія рабами и традиціонныя

пошлины, платимыя путешественниками, переходятъ къ старшему сыну сестры²⁾.

Большинство жителей не-туарегскаго происхожденія состоитъ изъ уроженцевъ Гадамеса и Туата и особенно изъ такъ называемыхъ гартенесовъ, дѣтей негритянокъ, покинутыхъ ихъ прохожими супругами; но населеніе всякаго племени и цѣла, толпящееся на рынкѣ Рата, и къ которому въ послѣднее время примѣшились турки, стоящіе гарнизономъ, настолько подчиняется еще вліянію мѣстныхъ преданій, что сохранило берберскій діалектъ. Костюмъ большинства жителей также туарегскій: блуза, панталоны, вуаль. Равнымъ образомъ неизмѣнились и торговыя традиціи: уже многое вѣка караваны слѣдуютъ однимъ и тѣмъ же маршрутомъ, установленнымъ обычаями и требованиями племенъ, которымъ купцы платить пошлину за проходъ и охрану: такъ, чтобы отправиться въ Томбукту, ратскіе торговцы до сихъ поръ еще принуждены дѣлать огромный крюкъ на оазисъ Туатъ³⁾; кромѣ того, прямые торговыя сношенія съ французскими владѣніями запрещены имъ турками, такъ же, какъ фанатизмомъ «братьевъ» сенусіа, пріобрѣвшихъ большую силу въ Ратѣ съ половины настоящаго столѣтія. Такимъ образомъ средства пропитанія для этого города ограничиваются барышами, приносимымы ему мѣновой торговлей съ отдаленными рынками страны, заключающейся между Нигеромъ и озеромъ Цаде: его земледѣліе и промышленность, еще менѣе развитыя, чѣмъ въ Гадамесѣ, даютъ ему лишь незначительную часть потребныхъ ресурсовъ. Окрестные сады содержать слишкомъ 3.000 пальмъ; между купами финиковыхъ пальмъ разсѣяны каменные или глиняные домики туареговъ, ихъ хижины изъ древесныхъ вѣтвей и кожаныя палатки.

Кромѣ Рата, въ этой долинѣ существуетъ еще только одинъ городъ, Эль-Баркать (Баркать, Иберке), населенный туарегами и лежащий верстахъ въ десяти къ югу отъ Рата: этотъ чистенький, хорошенький городокъ, лучше орошаемый и болѣе богатый зеленою, чѣмъ Ратъ, представляетъ путешественнику прелестную картину, какой онъ не увидеть болѣе на пространствѣ сотенъ или даже тысячи верстъ. Какой рѣзкий контрастъ между этимъ зеленѣющимъ оазисомъ и окружающими его дикими горами, черными, разорванными, во многихъ мѣстахъ неприступными! А между тѣмъ встречаются тамъ и сямъ развалины, свидѣтельствующія, что и въ этой дикой странѣ жили когда-то люди. Даже въ Джебель-Акаусѣ туземцы указываютъ мѣстоположеніе древняго города Тедерарта, гдѣ еще видны кусты миртовъ,

¹⁾ *Bou-Derba*, „Revue algérienne et coloniale“, déc. 1859.

²⁾ H. Barth, „Reisen und Entdeckungen in Nord-und Central-Afrika“.

введенныхъ, безъ сомнѣнія, земледѣльческимъ народомъ, и изваянія, высѣченныя на бокахъ скаль¹). Нѣсколько домашнихъ зебу въ оазисѣ Рать суть единственныя остатки этого животнаго вида, нѣкогда представленнаго во всей Триполитаніи, когда дожди были обильнѣе, и когда уади, нынѣ высохшіе, были настоящими рѣками²).

На сѣверѣ отъ Рата массивъ скаль, расположенный въ формѣ полумѣсяца и обращенный выпуклостью къ югу, вздымаетъ свой зубчатый гребень между узкимъ разрѣзомъ Агелада и долиной, идущей вдоль западнаго основанія Акакуса. Этотъ уединенный массивъ, называемый Идененъ, извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ Касръ-Дженунъ или «Замокъ Духовъ»; джинны собираются сюда, говорятъ, со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ за тысячи миль кругомъ, чтобы подготовлять здѣсь свои злокозненные замыслы³). Ричардсонъ, взбиравшися на эту гору, едва не погибъ; Бартъ, тоже предпринимавшій восхожденіе на нее, не могъ достигнуть вершины, и его неуспѣхъ, такъ же, какъ неудачная попытка Ричардсона, оправдывали въ глазахъ туземцевъ ужасъ, который они испытываютъ, приближаясь къ Чертовой горѣ: изнуренный усталостью, пожираемый лихорадкой, тважный путешественникъ свалился у подножія одного дерева и пролежалъ тамъ двадцать семь часовъ, пока спутники не отыскали его. Средняя высота хребта около 700 метровъ, а песчаниковая башни вздымаются еще на 50—100 метровъ выше, уединенная или сгруппированная въ цитадели.

VIII. Правительство и администрація регентства Триполи.

Часть Триполитаніи, присоединенная къ Туецкой имперіи, составляетъ отдельный вилайетъ, подобно оттоманскимъ провинціямъ Европы и Азіи. Высокая Порта не управляетъ здѣсь косвенно, чрезъ посредство вассального государя, какъ это было недавно въ Тунисѣ и такъ это имѣеть еще мѣсто, въ силу дипломатической фикціи, на берегахъ Нила. Вали, или генераль-губернаторъ, управляющій Триполійскимъ вилайетомъ, вообще выбирается изъ высшихъ офицеровъ арміи; обыкновенно онъ имѣеть рангъ мушира, или маршала, и ему вѣрено командованіе находящеюся въ краѣ арміей, которая иногда не превышала цифры 5.000 человѣкъ, но которая нынѣ представ-

ляетъ силу, втрое болѣе многочисленную. Подъ главнымъ начальствомъ папи, облеченнаго высшей военной и гражданской властью въ краѣ, мутасериѳы или каймаканы управляютъ второстепенными провинціями, а кантоны, или каза, подчинены мудирамъ, замѣнившимъ прежніхъ каидовъ. Но во главѣ каждого племени, каждой арабской общины стоять шейхъ, называемый шейхъ-эль-беледъ въ городахъ и деревняхъ. Эта должность, считающаяся безвозмездной, обходится, однако, всего дороже бѣдному народу, ибо шейхи отправляютъ и, по большей части, продаютъ правосудіе. Въ то время, какъ въ Константинополь чиновники министерства финансовъ исчисляютъ доходы триполійского вилайета въ три или четыре миллиона франковъ⁴), въ дѣйствительности деньги, уплачиваемыя населеніемъ въ видѣ налоговъ и штрафовъ, составляютъ, можетъ-быть, сумму, вдвадцатро превосходящую эту цифру. «Цѣна туфлей», которая носить чиновника, шествуя по стезѣ правосудія, достигаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ четверти обыкновенныхъ податей⁵).

Въ берберскихъ общинахъ, гдѣ демократический инстинктъ развитъ гораздо больше, чѣмъ у арабовъ, управление общими дѣлами принадлежитъ собранію или сходу, джемаа, на совѣщаніяхъ котораго свободно присутствуютъ всѣ члены общины. Сходъ этотъ распредѣляетъ подати, судить преступленія и проступки, назначаетъ пени и, въ важныхъ обстоятельствахъ, постановляетъ приговоръ объ удаленіи виновнаго изъ среды общества. Но въ значительныхъ городахъ, каковы Гадаместъ и Рать, правительство измѣнило въ свою пользу мѣстныя учрежденія. Оно поставило мудира, который почти не имѣеть другой миссіи, кроме взиманія обычного побора. При этомъ должностномъ лицѣ есть совѣтъ, или меджелестъ, состоящій изъ муфтія, шейха-эль-беледа и четырехъ имѣнитыхъ жителей, избираемыхъ ихъ согражданами и утверждаемыхъ въ должности пашей, по представлению мудира. Собрание это вѣдаетъ преимущественно торговыя дѣла, и рѣшенія его подлежатъ исполненію даже въ томъ случаѣ, когда только одинъ изъ его членовъ застѣдѣаетъ съ губернаторомъ. Дѣла специально общинныя обсуждаются собраніемъ джемаа, которое состоитъ изъ выборныхъ отъ жителей различныхъ кварталовъ. Кади, или точнѣе наибъ (намѣстникъ) триполійскаго кади, разбираетъ дѣла, касающіяся наслѣдства, брака и развода. Жандармы, или заптій, вооруженные палками, наблюдаютъ за порядкомъ на улицахъ, и нарушителей общественного спокойствія отводятъ въ полицію: сами они вообще люди, сосланные по приговорамъ константинопольскихъ судовъ. Впрочемъ, большинство вы-

¹⁾ H. Duveyrier, цитированное сочиненіе.

²⁾ Tissot, „Géographie comparée de l'ancienne province d'Afrique“.

³⁾ Richardson, „Narrative of a mission in Central-Africa“; — Bou-Derba, „Revue algérienne et coloniale“, t. 1859.

⁴⁾ Von Maltzar, „Reise in den Regentenchaften Tunis und Tripolis“.

⁵⁾ H. Duveyrier, „La Tunisie“.

нихъ чиновниковъ въ Триполи и въ провинціи обязаны не чему иному, какъ немилости сultана, своимъ переводомъ на африканскую землю.

Въ восточной Триполитаніи почти вездѣ на-селеніемъ управляютъ начальники религіоз-наго ордена сенусіа. Они командуютъ либо непосредственно, какъ въ оазисахъ Куфра, не-тронутыхъ турецкими солдатами, либо черезъ посредство официальныхъ чиновниковъ, кото-рые ограничиваются полученіемъ своей доли мѣстныхъ доходовъ.

Въ Фецданѣ высшіе чиновники всѣ турец-кой національности, такъ же, какъ офицеры гарнизона. Только шейхъ-аль-беледъ, уроже-нецъ края, всегда выбирается въ томъ же кланѣ. Туземная королевская фамилія, со-стоявшая изъ двухсотъ членовъ, была вся истреблена.

Слѣдующая таблица даетъ имена главныхъ дѣленій и подраздѣленій Триполитаніи, кото-рыя, впрочемъ, очень часто измѣнялись по

размѣрамъ пространства и степени админи-стративной важности:

	Провинціи.	Главныя дѣленія.	Главные города.
Барка....	Джебель-эль-Ака-бахъ.	Дерна.	
	Джебель-эль-Ах-даръ.	Бенгази.	
	Оазисъ Ауджила.	Ауджила.	
	„ Джало.	Лебба.	
	„ Лешкере.		
Триполи-танія.	Триполи.	Триполи.	
	Зауйя.	Зауйя.	
	Хомсъ.	Лебда.	
	Джебель.	Касръ-эль-Джебель	
	Гадамесь.	Гадамесь.	
	Бу-Нджеймъ.	Бу-Нджеймъ.	
	Джофра.	Сокна.	
	Зелла.	Зелла.	
	Уади-Шіати.	Бракъ.	
	Фога.	Фога.	
Фецданъ..	Уади - Лажаль (Себха).	Джедидъ.	
	Гофра.	Мурзукъ.	
Ратъ....		Ратъ.	

Глава II

Тунисъ.

I.

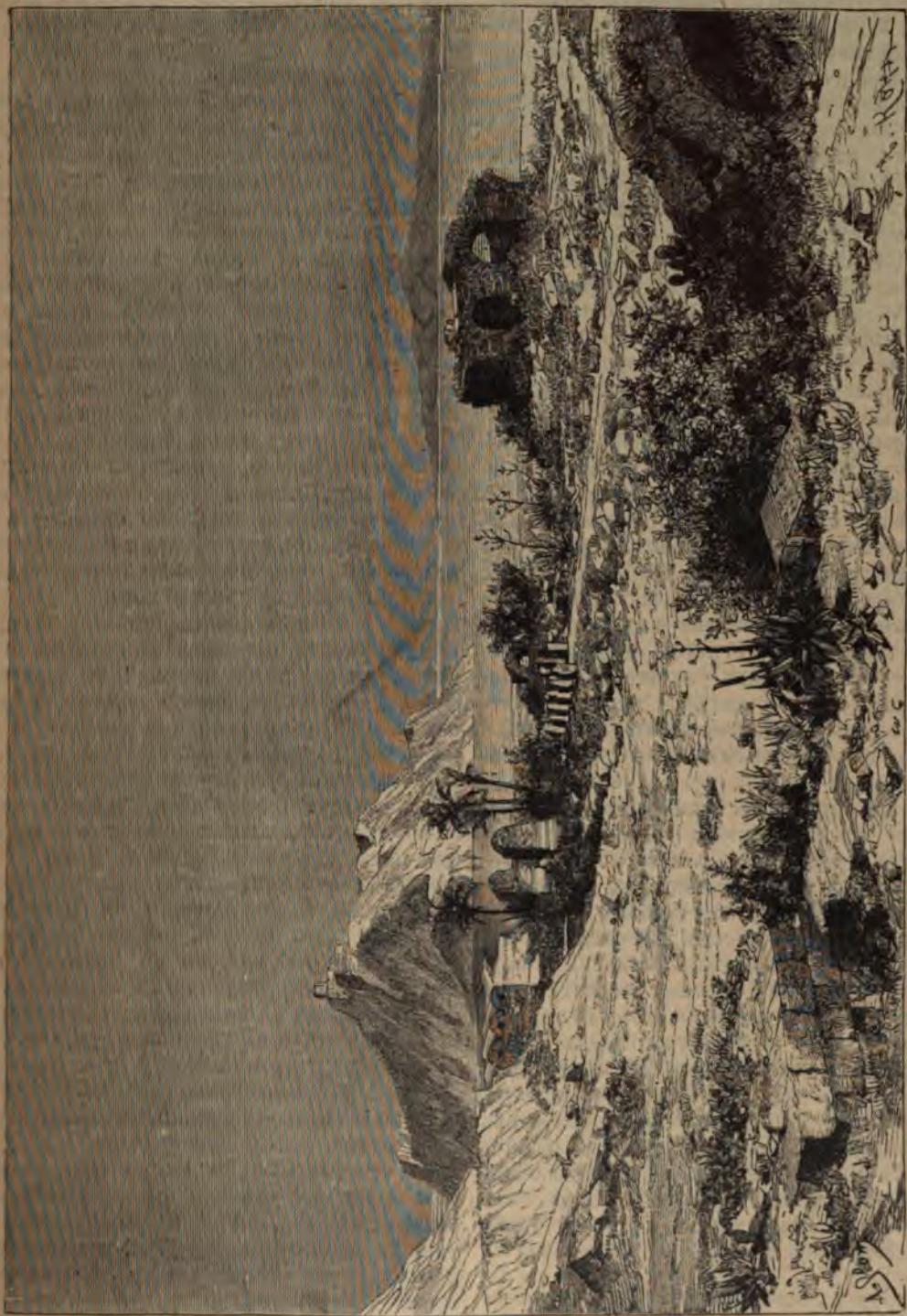
Въ нынѣшихъ своихъ предѣлахъ Тунисъ не составляетъ географического цѣлаго, отлич-наго отъ остальной Мавританіи: горы его при-надлежать къ той же системѣ, какъ и горы Алжиріи, главныя его рѣки беруть начало виѣ его границъ; впрочемъ, послѣднія часто пере-мѣщались, и переходъ террitorіи во владѣніе французовъ оставилъ за ними лишь чисто услов-ное значение. Поэтому нельзя изучать Тунисъ, не связывая его общими чертами съ совокуп-ностью областей Атласа. Онъ составляетъ лишь особую провинцію этихъ областей, имѣющую, впрочемъ, если не въ видѣ естественныхъ гра-ницъ, то по крайней мѣрѣ въ видѣ межевыхъ массивовъ, нѣсколько группъ дикихъ и почти ненаселенныхъ горъ. Во многихъ отношеніяхъ онъ отличается отъ Алжиріи: своей исторіей, и жители его находятся еще подъ дѣйствіемъ иного законодательства и управления.

Мавританія, разматриваемая въ самомъ об-щемъ смыслѣ, а не въ историческомъ ея зна-ченіи, обнимающемъ лишь часть террitorіи, составляетъ совершенно самостоятельное цѣлое, одну изъ естественныхъ областей, съ точ-но очерченными границами: это часть Сѣвер-

ной Африки, заключающая въ своихъ предѣлахъ Тунисъ, Алжирію, Марокко, и обозначае-мая арабами именами Гарбъ или Магребъ, какъ «Западъ» по преимуществу; они называли ее также «Западнымъ островомъ», Джезиратъ-аль Магребъ. Принадлежа къ средиземному про-странству, какъ страны южной Европы—Испа-нія, Лангедокъ, Провансъ, Италия,—она го-раздо болѣе сплочена, чѣмъ эти различныя террориторіи, расположенные полукругомъ око-ло Балеарскаго и Тирренскаго морей; она не изрѣзана заливами, не раздѣлена на полуостро-ва, но, напротивъ, отличается удивительной простотой контуровъ. Это почти правильный четыреугольникъ, ограниченный съ сѣвера Средиземнымъ моремъ, съ востока и запада заливомъ Габесъ и Атлантикой, съ юга дру-гими океаномъ, океаномъ песковъ, глинъ, кам-ней и скаль. Впрочемъ, большая часть этого пустыннаго пространства, можетъ-быть, цѣлый поясъ, протянувшійся черезъ всю ширину Сахары,—была морскимъ дномъ въ предше-ствовавшую геологическую эпоху, какъ это пы-тался доказать Бургинъ въ своихъ изслѣдо-ваніяхъ относительно малакологической фауны (фауны мягкотѣлыхъ) Мавританіи, и какъ это впослѣдствіи повторяли очень многие писатели.

Но это Сахарское море, давно уже высохшее, по крайней мѣрѣ съ первыхъ временъ міоценового периода¹), не оставило по себѣ ископаемыхъ, которые бы свидѣтельствовали о его

то «внутренняго моря», повели бы только къ образованію ряда озеръ, занимающихъ впадины шоттовъ, лежащихъ ниже уровня залива Габесъ. Какъ бы то ни было, Магребъ пред-

Островъ Табарка.

пребываній, и, какъ известно, проекты искусственного наводненія, для возстановленія это-

ставляется несомнѣнно островнымъ массивомъ съ географической точки зрѣнія; онъ не имѣть ни большой рѣки, ни большой торговой дороги, естественной или искусственной, которая соединяла бы его съ плодородными и населен-

¹ Pomet, "Bulletin de la Société de Géographie d'Oran", № 8, 1881.

ямыми странами Центральной Африки. Онъ останется простой провинцией средиземной Европы до тѣхъ поръ, пока не соединится съ бассейнами Сенегала и Нигера дорогами, какія умѣтъ создавать современная индустрия, до тѣхъ поръ, пока не будетъ устранено громадное препятствіе, явлюющееся въ видѣ безпредѣльной пустыни.

Атласскія горы, образующія остовъ Мавританіи и доставившія ей имя Атлантиды¹⁾, подъ которыми, вѣроятно, понимали Мароккскую область²⁾ на зарѣ писанной истории, принадлежать къ той же системѣ, которая захватываетъ все пространство отъ Атлантическаго океана до Сицилійскаго моря. Онѣ не составляютъ одной цѣпи, какъ ихъ изображали на прежнихъ картахъ, но поднимаются въ видѣ отдѣльныхъ выступовъ рельефа, хребтовъ или массивовъ, и во многихъ мѣстахъ замѣнены плоскогорьями съ слегка волнообразной поверхностью. Только западная часть системы, та, которой даютъ болѣе специальнѣе имя Атласа, составляетъ цѣль истинно альпійскую по высотѣ вершинъ, такъ какъ высшія точки ея достигаютъ, вѣроятно, 4.000 метровъ слишкомъ: оттого первые мореплаватели, финикияне и греки, видѣвшіе издали ея гребни, то бѣлые, то голубые, на сѣромъ или лазурномъ фонѣ небеснаго свода, описывали ихъ какъ высочайшія горы земли. Геродотъ говоритъ, что Атласъ — это «колонна, подпирающая небеса»—имя, которое было дано также горѣ Эгинѣ, и совершенно естественно, что древніе такъ называли высокія вершины, потому что облака и пары, то-есть то, что для нашихъ взоровъ и составляетъ настоящее небо, часто носится на половинѣ высоты склоновъ и скрываютъ главы горъ. Легенда только воспроизвѣдла разсказы путешественниковъ, но олицетворяя Атласъ и придавая словамъ иносказательный смыслъ. Эта гора дѣйствительно несетъ небо на своихъ сѣдыхъ, убѣленныхъ снѣгомъ плечахъ: оттого фантазія древняго грека заставила ее поддерживать міръ, и ваятели изображали ее въ видѣ могучаго гиганта, сгибающаго свой широкій торсъ подъ громадной массой земнаго шара. По мнѣнію большинства писателей, имя Атласъ есть смягченная форма слова Адраръ, которое по-берберски значить «гора»³⁾. Мароккскій Атласъ еще обозначается наименованіемъ Идраренъ, «горы», или чаше Деренъ: слѣдовательно, въ теченіе двухъ тысячелѣтій, то-есть со временемъ Страбона⁴⁾,

¹⁾ Ch. Tissot, „Géographie comparée de la province romaine d'Afrique“.

²⁾ Berlou, „La Terre habitable vers l'Équateur, par Polybe“.

³⁾ Carl Ritter, „Erdkunde“;—Castiglioni, „Recherches sur les Berbères atlantiques“;—Vivien de Saint Martin, „Nord de l'Afrique dans l'Antiquité“;—de Foucauld, „Voyage au Maroc“.

⁴⁾ Книга XVII, гл. III, § 2.

имя не перемѣнилось, безъ сомнѣнія, потому, что тѣ же берберскія населенія до сихъ поръ живутъ у подножія Атласа.

Горы Марокко, хотя отдѣленыны отъ Испаніи Гибралтарскимъ проливомъ, принадлежать, тѣмъ не менѣе, къ той же системѣ выступовъ рельефа, какъ Сіerra-Невада и другія сіерры Иберійскаго полуострова. Онѣ выше и вмѣстѣ съ южной цѣпью анти-Атласа, съ предгорьями, массивами и второстепенными цѣпями, занимаютъ болѣе значительное пространство, но онѣ состоять изъ тѣхъ же горныхъ породъ, расположенныхъ въ томъ же порядкѣ, и ихъ общее направление, отъ запада-юго-запада къ востоку-сѣверо-востоку, почти параллельно на томъ и другомъ континентѣ. Подобно сіеррамъ Испаніи, горныя цѣпи Мавританіи также продолжаются, въ части своего протяженія, высокими плоскогорьями. На востокѣ Марокко, на продолженіи Дерена, тянется, отъ одного конца Алжиріи до другаго и даже въ Тунисѣ, поясъ большихъ плоскогорій, средняя высота которыхъ слишкомъ тысяча метровъ. Алжирскія цѣпи по большей части суть лишь краевыя горы на сѣверной и южной сторонахъ плоскихъ возвышенностей. Горы прибрежья занимаютъ наибольшую ширину, около 80 километр., въ среднемъ; южная, покатыя къ Сахарѣ, имѣютъ не болѣе пятидесяти километровъ, отъ края плоскогорій до рубежа пустыни; но къ востоку, на границахъ Туниса, двѣ горныя зоны сходятся и образуютъ новыя цѣпи, сохранившися нормальное направление всей орографической системы; даже крайній полуостровъ, Дахла - эль - Магунть, раздѣляющій заливы Гаммаметъ и Тунісскій, тянется съ юго-запада на сѣверо-востокъ, какъ бы идя на соединеніе съ Сициліей. Между границей Марокко и центральной Алжиріей ни одна вершина не достигаетъ 2.000 метровъ, но къ западу отъ Алжира, высшіе пики переходятъ за 2.300 метровъ въ Джуржуръ и въ Джебель-Ауресь. Далѣе горы поникаются мало-по-малу: самыя высокія вершины Туниса поднимаются только на 1.500 метровъ. Отъ одного конца до другаго система Атласа имѣть не менѣе 2.300 километровъ въ длину.

Слѣдствіемъ параллельного расположенія горныхъ цѣпей, плоскогорій и равнинъ въ длину четыреугольникъ Мавританіи является раздѣленіе всей страны, отъ Атлантическаго океана до залива Габесъ, на узкія полосы, различныя по виду, климату, произведеніямъ и населенію. Въ плодородныхъ долинахъ прибрежья живутъ земледѣльцы, тогда какъ высокія степи населены пастухами-помадами и ихъ стадами; на югѣ, въ оазисахъ пустыни, главная масса населенія тоже состоитъ изъ воздѣлывателей почвы. Такъ тянутся параллельно одинъ другому отдѣльные полсы, обитатели которыхъ различаются образомъ жизни, харак-

теромъ, преданіями и часто также происходженіемъ. Отъ одной до другой покатости устанавливается торговый обмѣнъ необходимыми для жизни продуктами, но сношенія не всегда имѣютъ мирный характеръ, и часто различныя племена оспариваютъ другъ у друга сопредѣльные территории. Это естественное дѣленіе Мавританіи на длинныя полосы, различающіяся между собой этнографическими условіями, есть, безъ сомнѣнія, одна изъ главныхъ причинъ политической раздробленности страны. Береговой поясъ, простирающійся отъ мыса Бонъ до мыса Спартель, былъ слишкомъ длиненъ, сравнительно съ незначительной шириной, и потому раздѣлился на нѣсколько кусковъ. Здѣсь мы видимъ историческое явленіе, подобное тому, которое разбило единство Италии. Но теперь форма и контуры земель все менѣе и менѣе оказываются вліянія на судьбу націй: реагируя на природу своими изобрѣтеніями всякаго рода, искусство и трудъ человѣка постепенно сокращаютъ разстоянія, сглаживають противоположности ската и климата. Тунись теперь ближе къ Тангеру, чѣмъ былъ прежде отъ своихъ сосѣдей Боны или Габеса, отдѣленныхъ отъ залива опасными мысами.

По истечению водъ Тунись, Алжиръ и Марокко представляютъ сходныя условія. Сѣверный скатъ Атласа, обращенный къ Атлантическому океану и Средиземному морю, недостаточно широкъ, чтобы реки могли проходить длинный путь и соединяться въ обширные бассейны; только немногіе потоки, берущіе начало на высокихъ степныхъ плоскогорьяхъ или по крайней мѣрѣ питаемые притоками, выходящими изъ этой области, смогли открыть себѣ проходъ черезъ сѣверная краевая цѣпи и достигнуть развитія, приближающагося къ протяженію европейскихъ рекъ, впадающихъ въ западный бассейнъ Средиземного моря. Такъ, реки Малуя въ Марокко, Шелифъ въ Алжиріи, Меджерда въ Тунись, по длине русла, уступаютъ, въ томъ же бассейнѣ истечения, только Ронѣ и Эбро. На покатости Сахары, пространства, конечно, хватило бы текучимъ водамъ, чтобы вырыть себѣ длинныя долины къ Атлантику, Нигеру или заливу Сиртова; но облака не приносятъ достаточнаго количества дождей, и реки тамъ велики только размѣрами своихъ бассейновъ. За исключеніемъ реки Драз, берущей начало на южномъ склонѣ мароккскаго Атласа, и которая все-таки не достигаетъ Атлантического океана, противъ Канарскихъ острововъ, въ сахарской области нѣть ни одного потока, который бы бѣжалъ свободно на поверхности земли, развертывая свои излучины отъ горъ до моря. Но русла, вырытыя въ предшествующую эпоху, когда дожди выпадали обильнѣе, чѣмъ нынѣ, еще пріятны, несмотря на аллювиальныя образованія и дюны, и видно еще, что въ нихъ текли боль-

шія реки, площадь истечений которыхъ соперничала по размѣрамъ съ площадью Евфрата. Одна изъ этихъ древнихъ рекъ, вытекавшая съ Атласа, спускалась на югъ къ Нигеру; другая, Игаргарь, съ обширнымъ развѣтвленіемъ притоковъ, образующихъ въ Джебель-Ахагаръ и Джебель-Тасили, текла на сѣверъ, къ низменности алжирскихъ портовъ; но въ нынѣшнемъ геологическомъ періодѣ она уже не имѣла истока къ заливу Габесь. Поверхность ея бассейна, вѣроятно, превышающая 800.000 квадр. километровъ, не меныше площади Дунайскаго бассейна.

Такъ какъ среда, представляемая почвой, водами и воздухомъ, мало разнится отъ одной оконечности Мавританіи до другой, то флора и фауна тоже должны сходствовать отъ Туниса до Марокко, хотя многочисленныя препятствія дороги во многихъ мѣстахъ замедлили или даже остановили движение переселенія и тѣмъ вызвали постепенный видоизмѣненія въ совокупности видовъ. Подобное же явленіе замѣтается и относительно людей: отъ мыса Бонъ до мыса Нуи мы находимъ представителей тѣхъ же расъ, распределеніе которыхъ различается, сообразно безконечному разнообразію географическихъ чертъ и безпрестанному круговороту событий. Повсюду въ Мавританіи берберскій элементъ, первоначальное происхожденіе котораго, впрочемъ, неизвѣстно, составляетъ основу населенія: изъ десяти миллионовъ жителей, населяющихъ страну, между моремъ и пустыней, по крайней мѣрѣ три четверти, по Федербу¹⁾, принадлежать къ этой расѣ; но, несмотря на такой огромный численный перевѣсь, они были со всѣхъ сторонъ оттеснены съ равнинъ къ высотамъ: мирные земледѣльцы, слишкомъ лѣнивые, чтобы сплотиться въ сильное цѣло, они должны были отступать передъ арабами, соединенными въ воинственные племена. Эти послѣдніе, не составляющіе даже шестой части мавританскаго населенія, встрѣчаются осѣдлыми или кочевыми общинами по всей странѣ до береговъ Атлантическаго океана; однако, въ восточныхъ областяхъ они гораздо болѣе многочисленны; вообще они постепенно уменьшаются въ числѣ отъ востока къ западу, по мѣрѣ удаленія отъ азіатскаго полуострова. Чернокожіе, которые черезъ скрециванія тоже имѣли весьма значительную долю вліянія на другіе этническіе элементы, были введены, какъ невольники или какъ солдаты, во всѣ части страны, но они тѣмъ многочисленнѣе въ различныхъ областяхъ, чѣмъ чаще сношевія съ ихъ родиной: всего сильнѣе они представлены въ Марокко, находящемся въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ верхнимъ Нигромъ; даже императорская фамилія скорѣе негрской, чѣмъ арабской, крови, хотя она

¹⁾ „Instructions sur l'Anthropologie de l'Algérie.“

и претендуетъ на происхождение по прямой линии отъ пророка Магомета. Наконецъ, всѣ города страны въ большей части населены «маврами», т. е. людьми до бесконечности смѣшанной расы, гдѣ слилась кровь римлянъ и вандаловъ, арабовъ и берберовъ, итальянцевъ, испанцевъ, французовъ и средиземноморцевъ всякаго происхождения. Если мавры представляютъ аналогичный типъ отъ одной до другой оконечности обитаемой ими страны, то они обязаны этимъ не расѣ, такъ какъ различные элементы, образовавши эти народъ, конечно, смѣшивались между собою въ каждомъ городѣ въ различныхъ пропорціяхъ; сходство типа они приобрѣли благодаря своей общей исторіи цивилизованныхъ горожанъ, благодаря одинаковымъ, вѣками дѣйствующимъ, гигіеническимъ условіямъ и одинаковому образу жизни. Впрочемъ имя «мавры» — одно изъ тѣхъ неопределенныхъ выражений, которыя часто мыслили смыслъ. Можетъ-быть, согласно гипотезѣ Тиссо, слово «мавры» значитъ просто «западные люди». Можетъ-быть, какъ полагаетъ Сабатье, это название примѣнялось въ началѣ къ жителямъ горъ: «Мавританія», вѣроятно, значитъ «горная страна», какъ позволяетъ думать корень *maur*, встрѣчающійся еще во всѣхъ частяхъ страны. Испанцы, а вслѣдъ за ними и другіе христіане Европы, придали имени «мавры», или *Moros*, гораздо болѣе широкое значение: оно обнимало всѣхъ магометаевъ и даже, въ обыкновенномъ языкѣ, всѣхъ язычниковъ; даже въ Новомъ Свѣтѣ географическая номенклатура напоминаетъ намъ это презрительное прозвище, которымъ завоеватели награждали туземцевъ. Въ настоящее время название мавровъ оставлено за магометанами «варварийскихъ» городовъ; постоянное жительство и цивилизованные нравы отличаютъ ихъ отъ арабовъ деревни, чистыхъ или смѣшанныхъ. Всего многочисленнѣе мавры въ Тунисѣ, сравнительно съ другими жителями.

Хотя чужеземцы, составляющіе меньшинство въ землѣ берберовъ, арабы Мавританіи долго, однако, были господами страны, и они-то главнымъ образомъ и оспаривали у французовъ обладаніе Алжиріей. Замѣчательно, что этотъ этнический элементъ распространился довольно равномѣрно во всѣхъ открытыхъ равнинахъ, на всѣхъ ровныхъ плоскогорьяхъ. Причину этого явленія слѣдуетъ искать въ послѣдовательныхъ переселеніяхъ, при которыхъ одни племена мало-по-малу отѣсняли другія, вслѣдствіе чего происходило въ разныя эпохи общее перемѣщеніе отъ востока къ западу. Уже задолго до геджры различные народы, прішедши съ Аравійского полуострова, двинулись къ Мавританіи: таковы зуата или руадиты, поселившіеся въ Киренакѣ въ первые вѣка нашей эры, и, постепенно подвигаясь все дальше на западъ, заняли, наконецъ, подъ различ-

ными именами, восточная области Мавританіи¹⁾). Затѣмъ слѣдовалъ періодъ завоеванія и обращенія въ магометанскую вѣру, который тоже оставилъ въ странѣ нѣкоторое число арабскихъ племенъ, а четыре столѣтія спустя совершилось великое иммиграціонное движение, которое привело большую часть арабовъ, живущихъ теперь въ варварийскихъ странахъ. Это еще не все. Обратно этому приливу, устремлявшемуся въ западномъ направлѣніи, отливъ увлекалъ нѣкоторыя племена къ востоку. Какъ бы по закону паденія и отраженія, племена, достигшія крайнихъ предѣловъ Марокко, на берегахъ Атлантиki, возвращались по своимъ слѣдамъ, идя по направлѣнію къ своей первоначальной родинѣ; во всей Мавританіи, равно какъ въ Триполи и въ восточныхъ оазисахъ, племена, возводящія свою родословную наидѣлье въ глубь вѣковъ и претендующія на титулъ шорфовъ, или «потомковъ пророка», суть именно тѣ, которыя побывали въ Марокко, прежде чѣмъ вернувшись къ востоку²⁾. Другое возвратное движение привело въ Мавританію «арабовъ», нѣкогда овладѣвшихъ Иберийскимъ полуостровомъ, но эти испанскіе арабы несомнѣнно были въ большинствѣ бербери, которые во время своего долгаго пребыванія на европейскомъ полуостровѣ смѣшались со всѣми местными населеніями—лігурійскими, іберійскими, кельтскими или визиготскими; впрочемъ, большинство этихъ бѣглецовъ, извѣстныхъ въ Мавританіи подъ именемъ андалузцевъ, поселились въ городахъ, гдѣ и слились съ другими маврами, прибавивъ такимъ образомъ новые узлы къ запутанному сплетенію этническихъ происхожденій. Эти испанскіе мавры, кажется, всего сильнѣе представлены въ Тунисѣ.

Въ краѣ, такъ часто подвергавшемся иноzemному нашествію и населенному такими разнообразными элементами, еще не слившимися въ одну сплоченную націю, не можетъ быть патріотизма въ томъ смыслѣ, какъ въ европейскихъ странахъ, гдѣ продолжительная общность интересовъ и превратностей судьбы сообщила, въ концѣ концовъ, всей націи индивидуальность высшаго порядка. Берберъ, арабъ имѣютъ чувство солидарности лишь въ отношеніи рода или племени, но у нихъ вовсе неѣтъ сознанія, что они могли бы составлять часть народа. Арабъ Мавританіи только какъ мусульманинъ, а не какъ единоплеменникъ или соотечественникъ, соединился съ другими арабами, чтобы бороться противъ христіанина, и при томъ послѣдній всегда могъ разсчитывать на внутренніе раздоры и войны между племенами, какъ на выгодное для него обстоятельство, могущее ускорить дѣло завоеванія. Дѣло

¹⁾ Tautier, *Revue Africaine*.

²⁾ Gerhard Rohlfs, *Kufra*.

это, однако, потребовало много времени въ Алжиріи, не только по причинѣ ошибокъ, колебаний и противорѣчий, сопровождавшихъ первыя военные операции, но въ особенности потому, что страна долго оставалась открытою въздеженіямъ южныхъ племенъ. Разъ покоренная, область морскаго прибрежья была тѣмъ не менѣе угрожаема населеніями соседнихъ горъ; затѣмъ, когда и эти горы были заняты, нужно было опасаться набѣговъ со стороны жителей плоскогорья: до тѣхъ поръ, пока длинные параллельные пояса, составляющіе алжирскую территорію, не были всѣ защищены городами, земледѣльческими колоніями и укрепленными постами, новое завоеваніе, не имѣвшее на югѣ прочной границы, могло быть внезапно атаковано въ тысячѣ чувствительныхъ пунктовъ. Не то мы видимъ въ Тунисѣ. Омываемый съ двухъ сторонъ моремъ, прилегающій съ третьей стороны къ цѣпи укрепленныхъ постовъ, наконецъ, ограниченный на югѣ пустыней и лагунами, этотъ край былъ, такимъ образомъ, напередъ запертъ съ моря и съ суши, осаждаемый какъ крѣпость; кромѣ того, онъ былъ уже перерѣзанъ съ востока на западъ желѣзной дорогой; нигдѣ продолжительное сопротивленіе не было бы возможно, если бы даже разница вооруженія не была такъ значительна. Впрочемъ, пораженіе всегда неизбѣжно, когда оно предвидится долгіе годы, почти желается тѣми, которыхъ судьба призываетъ къ защитѣ отечества, но которые изъ поколѣнія въ поколѣніе привыкли къ рабству.

II.

Пространство тунисской земли, границы которой еще не фиксированы съ точностью ни со стороны Триполитаніи, ни даже со стороны Алжиріи, можетъ быть исчисляемо лишь приблизительно; по планиметрическимъ вычисленіямъ, сдѣланымъ различными географами въ послѣдніи десять лѣтъ, точная мѣра этой територіи заключается между 116.000 и 118.000 квадр. километровъ, включая сюда лагуны и себхи, занимающія большую часть центрального и южного Туниса. Скорѣ точная триангуляція, къ которой уже приступлено, значительно уменьшитъ разницу, существующую еще между крайними результатами приблизительного исчисlenія. Въ сравненіи съ цѣлой Мавританіей, Тунисъ представляется, слѣдовательно, только тринадцатую или четырнадцатую часть страны, но относительная густота его населенія придаетъ ему гораздо болѣе важное значение, чѣмъ какое онъ долженъ бы быть иметь соотвѣтственно своему протяженію. Правда, что на счетъ приблизительного числа жителей будетъ оставаться сомнѣніе до тѣхъ поръ, пока правильная народная перепись, суммарная или подробнай, не замѣнить общихъ исчислений точ-

ными цифрами. Еще недавно статистики народонаселенія разнѣлись на цѣлый миллионъ, опредѣляя цифру его то въ 1, то въ 2 миллиона; но со временемъ французской оккупациіи всѣ сходятся въ томъ, что цифра полтора миллиона должна быть принята, какъ наиболѣе вѣроятная. Но хотя бы даже наименьший изъ этихъ выводовъ, то-есть одинъ миллионъ, былъ ближе къ истинѣ, и въ такомъ случаѣ Тунисъ значительно превосходитъ Алжиръ и Марокко относительнымъ числомъ жителей. Пространство Туниса, по Бему и Вагнеру, 116.348 квадр. километр.; вѣроятное населеніе — 1.500.000 душъ, такъ что, среднимъ числомъ, приходится 13 жителей на 1 квадр. километръ.

Впрочемъ, нельзя не удивляться, что даже подъ деспотическимъ правлѣніемъ и несмотря на перемѣщеніе главнаго потока истории, край, занимающій такое счастливое географическое положеніе, какъ Тунисъ, сдѣлался такимъ незначительнымъ по относительной важности, и что его роль въ исторіи средиземноморскихъ странъ могла быть низведена почти къ нулю. Помѣщаясь въ самомъ центрѣ Средиземнаго моря, въ углу Мавританіи и напротивъ Сициліи, на порогѣ сообщенія между двумя половинами этого внутренняго моря, располагая очень длинной береговой линіей, гдѣ открываются лучшія гавани и заливы, болѣе удобные для судоходства, чѣмъ заливы Алжиріи и Марокко, обладая, кромѣ того, плодородными и здоровыми землями,—Тунисъ имѣть огромныя выгоды, которая нѣкогда доставили ему преобладающую роль въ исторіи. Форма рельефа во внутренней части страны не менѣе благопріятна, чѣмъ очертаніе вѣнчніхъ контуровъ. Продольные пояса, на которые дѣлится Мавританія съ сѣвера на югъ, и которые составляютъ какъ бы особыя области, утрачиваются свои рѣзкіе контрасты около восточной оконечности. Широкая выемка Тунисского залива позволяетъ обходить гористую зону побережья и проникать далеко внутрь пояса плоскихъ возвышеностей черезъ долины Меджерда и Меллегъ. Точно также восточный берегъ, къ югу отъ залива Гаммаметъ, открываетъ широкіе выходы изъ центральной области въ Алжирію, и большая дорога пустыни начинается у залива Габестъ. Черезъ эти бреши не разъ установлялось политическое единство сѣверной Африки, которой, повидимому, суждено было служить лишь мѣстомъ жительства для племенъ враждебныхъ или по крайней мѣрѣ чуждыхъ другъ другу. Восточные заливы и равнинны служили путемъ, по которому проходили финикиане, римляне, византійцы, арабы: вліяніе Азіи, какъ и вліяніе Европы, проникало черезъ эти восточные ворота Мавританіи¹⁾). На самомъ берегу Тунисского залива,

¹⁾) Ch. Tissot, цитированное сочиненіе.

господствуя въ одно и то же времѧ надъ центральнымъ проходомъ Средиземнаго моря и надъ естественнымъ входомъ Ливийскаго континента, стоялъ цвѣтущій Кареагенъ, поднявшись на степень главнаго торгового города Старого Свѣта и долго уравновѣшивавшій могущество Рима. Даже послѣ утраты своей независимости, африканскаго провинціи, обратившейся въ колонію Европы, заслуживала, по своей дѣятельности торговой, промышленной и научной, права дать свое имя всему континенту. Наконецъ, въ средніе вѣка Тунись тоже имѣлъ свой періодъ цивилизациіи и процвѣтанія. Близкому будущему предстоитъ возвратить ему ту роль и значеніе, которыя принадлежатъ ему естественно, благодаря его географическому положенію. Для торговли Средиземнаго моря онъ поставленъ въ болѣе благопріятныя условія, чѣмъ Алжиръ, чѣмъ Неаполь или Мессина, а для сношеній съ бассейномъ Нигера Малый Сиртъ представляетъ большія выгоды, нежели Большой, по своей относительной близости и менѣе опасному мореплаванію.

Средняя высота Туниса постепенно уменьшается въ направленіи отъ запада къ востоку; тѣмъ не менѣе, самые высокіе (массивы, достигающіе 1.200—1.500 метровъ, разбросанные въ разныхъ частяхъ страны. Одинъ изъ значительнейшихъ занимаетъ сѣверо-западный уголъ края, на границахъ Алжиріи. Этотъ разорванный массивъ, въ которомъ съ первого взгляда трудно определить порядокъ расположения частей, протинулъ свой хребетъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ: его можно назвать «Хумирскими горами», по имени знаменитой группы племенъ, обитающихъ на его полянахъ, где воздѣлываются ячмень, кукуруза, табакъ. На юго-западѣ, эти высоты продолжаются горами Уштетта, почти такими же высокими, и горами Бени-Салахъ, ограниченными на югѣ дикими ущельями, черезъ которыхъ проходитъ верхняя Меджерда, въ Константинскомъ департаментѣ. Вершины, называемыя общимъ именемъ *kefz* или «скала», по большей части имѣютъ видъ длинныхъ хребтовъ, но и некоторые оканчиваются пирамидальными массами или зубчатыми гребнями, пласты которыхъ, состоящіе изъ чернаго и краснаго песчаника, вздымаются въ причудливыхъ формахъ. Почти всѣ склоны покрыты сплошными лѣсами большихъ лиственныхъ деревьевъ, такъ что съ вершины горъ видишь во всѣмъ громадномъ кругѣ горизонта только безконечный океанъ зелени. Горная масса во всѣхъ направленіяхъ изрѣзана крутыми оврагами, узкими долинами, которыя, взаимно пересекаясь, образуютъ цѣлые лабиринты коридоровъ, и по дну которыхъ бѣгутъ ручьи, спускающіеся либо на югъ—къ Меджердѣ, либо на запад—къ уезду эль-Кебиръ, либо на сѣверъ—къ бухтамъ Средиземнаго моря. Высокіе выступы горъ далеко выдвину-

лись въ область водъ: таковъ мысъ Рыжий, обозначающій своими кручами и старинными укрѣпленіями (теперь въ развалинахъ) общую границу Туниса и Алжира. Далѣе, къ востоку, джебель Мермаль выдѣляется изъ себя другой мысъ, у подножія которого показывается островъ Табарка, еще увѣнчанный генуэзскими укрѣпленіями, и нѣкогда соединявшійся съ берегомъ дамбой, которую теперь замѣнилъ песчаный перешеекъ, лежащий въ уровень съ поверхностью воды.

Къ востоку отъ предгорій массива Хумиръ простирается область менѣе возвышенная, но все еще гористая, которую называютъ Могодѣ, и которая оканчивается, на сѣверо-западѣ и на сѣверѣ отъ Бизерты, нѣсколькою мысами, какъ-то: расъ Дуккара, расъ-эль-Керунъ, расъ-Энгела и расъ-эль-Абюдѣ, или мысъ Бланко (Бѣлый). Эти мысы, самые сѣверные выступы африканскаго материка, переходятъ минутъ на двадцать за 37-й градусъ съ. широты: они почти на 150 километровъ ближе къ полюсу, чѣмъ мысъ Сеута, южный столицъ Геркулесовыхъ воротъ. Вдоль морскаго берега разсѣяно нѣсколько тунисскихъ острововъ; таковы, напримѣръ, подводныя скалы «Братьевъ» или «Фрателли», которыя римляне называли «Жертвенниками Нептуна». Далѣе въ морѣ, на одной линіи съ островами «Сестеръ» или «Сорелле», поднимаются, на 300 и даже на 393 метра надъ поверхностью водъ, горы Галиты, африканской земли, еще болѣе сѣверной, чѣмъ расъ-эль-Абюдѣ (мысъ Бланко). Впрочемъ, относительно этого островнаго массива, окруженнаго нѣсколькою меньшими «Галитами» и подводными камнями, является вопросъ—связанъ ли онъ геологически съ сосѣднимъ материкомъ, такъ какъ онъ отдаленъ отъ твердой земли морскими пучинами въ 300 метровъ глубины и состоитъ изъ трахитовъ, имѣющихъ большое сходство съ андезитами Эквадора и синими порфирами Эстереля. Эти лавы вылились съ глубокаго dna моря, часто колеблемаго вулканическими сотрясеніями: въ этихъ водахъ случалось, что корабли вдругъ подвергались сильной качкѣ, какъ будто отъ удара о подводный камень. Галита составляетъ совершенно особый мірокъ; растительность ея состоитъ лишь изъ низкой травы, папоротника, мелкаго кустарника и смоковницы, единственнаго дерева на всѣмъ архипелагѣ¹⁾). Говорить, дикія козы прыгаютъ еще по скаламъ, и вырывающіеся у нихъ изъ-подъ ногъ камни, падая съ уступа на уступъ, спускаются до самаго моря. Сторожъ на маякѣ, два или три неаполитанскихъ колониста, пришедшихъ изъ порта Калле, стада овецъ, иногда нѣсколько итальянскихъ рыболововъ—вотъ единственные обитатели этого никому не подвластнаго острова;

¹⁾ O. Niel, „Tunisie“.

рыбачьи барки, нагружаемые морскими раками, качаются на воде у берега, изрытого пещерами, куда вливается волны. Плинт утверждал, что почва Галиты убивает скорпиона; моряки, посещающие этот остров, повторяют ту же басню в другой форме, говоря, что ни одно ядовитое животное не может жить на этих скалах из лавы ¹⁾). Это отсутствие гадов на Галите, если рассказы моряков верны, было бы новым доказательством того, что остров не фрагмент, оторванный от континентального берега. Однако, на вулканических скалах острова находят песчаные отложения, содержащие сухопутные раковины тех же видов, какие встречаются на твердой земле ²⁾.

На юг от реки Меджерды область алжирской границы не представляет обособленной орографической системы. Разбросанные на массивы узда Меллех и его притоками, горы и холмы следуют один за другим от юго-запада к северо-востоку, по направлению общей оси Атласа, оставляя между собой многочисленные бреши, где проходят дороги, почти всегда удобопроходимые, так что человеку нет надобности выравнивать или устилать почву мелким камнем. В действительности, этот пояс составляет восточное продолжение степного плоскогорья, разделяющего двум краевым цепи Алжир, из которых одна поката к прибрежью, а другая обращена к Сахаре. Продолжение массива Джебель-Аурест, область тунисских степей усыана уединенными высотами, которые оканчиваются на верхушках столообразными плато, остатками пластов, смытыми водами. Многие из этих площадок, окруженные обрывистыми утесами и таким образом хорошо защищенных самой природой, часто служили убежищем племенам, с их стадами ³⁾: такова, на северо-востоке от Тебессы, большая скала, называемая Калаа-эс-Сенам, «Замок идолов» (по Мак-Карти, «Замок Зубов») ⁴⁾, вероятно, по причине каких-нибудь построек или естественных башен, принятых арабскими завоевателями за кумири туземцев. Опасная тропинка ведет в деревню, где племя ганеши хранило свои запасы продовольствия и свои сокровища. Этот арабский акрополь, построенный на остатках более древней крепости, — самая высокая группа жилищ в Тунисе: он находится на высоте 1.452 метра. Другой «свидетель» древних, исчезнувших плато, поднимающейся теперь подъ понизившейся равниной, на востоке

от узда Меллех, есть холмъ, носящий специально имя Кефъ; это «Скала», по преимуществу, по причине города, занимающего ее вершину (735 метр.). Далее на востоке, почти в географическом центре Туниса, отрывки плоскогорья довольно обширны и более или менее одинаковой высоты, вследствие чего имелись названия «гамада», обыкновенно применимое к каменистым полям пустыни. В этой области тунисских гамад, наименование выетрившейся части плоскогорья, находятся самые высокие вершины всей страны: джебель Берберу (1.480 метр.), рась Си-Али-бу-Мусинъ (1.520 м.), джебель Галукъ (1.445 м.). Самая правильная из этих гамад, Кессерская, верхняя площадь которой состоит из громадной плиты в 25 квадратных километров, круто обрывающейся со всех сторон, иметь маленьку себуху в одной из своих впадин; откосы ее, продолжающиеся на большое расстояние, поросли лесомъ почти на всей их поверхности. Деревня Кессера, давшая свое имя этому плато, помешается на краю кручи, изрезанной оврагами, где журчат ручьи в период таяния снеговъ.

На северо-востоке от гамад центральной Туниса горные массивы следуют один за другим, образуя настоящую цепь. Джебель Джугаръ, изливающей свою чистую воду в тунисский водопроводъ, и величественный Загуанъ, давший странѣ, в римскую эпоху, имя Зевгитаніи, принадлежать к этому ряду горъ. Изъ всехъ горныхъ вершинъ Туниса ни одна не пользуется такой славой, какъ Загуанъ: не то, чтобы это была самая высокая гора страны (высота его 1.343 метра), но, наблюдаемый изъ Туниса, онъ доминирует горизонту своей синеватой пирамидой и кроме того онъ, вместе съ Джугаромъ, питаетъ Кареагенъ своими источниками, утилизируемыми ныне для новой столицы: это была «гора Господня». Высшая ея точка была, вероятно, посвящена Баалу Хамону, главному божеству пунического культа; на этой горѣ, двадцать два века тому назадъ, сцилланецъ Агаокъ зажегъ въ травѣ и кустарнике тотъ огромный пожаръ, который былъ виденъ одновременно изъ Кареагена и изъ Гадрумета (нынѣшняя Суза), и который настолько ужасъ на обѣ воевавшія арміи, — на осажденныхъ гадруметцевъ и на осаждавшихъ кареагенянъ ¹⁾. Джебель-Рессасъ, или «Свинцовава гора», на юго-востокѣ отъ Туниса, который отдаленъ отъ нея долиной узда Меланъ, тоже есть одна изъ болѣе известныхъ вершинъ Сѣверной Африки, благодаря ея сосѣству съ главнымъ городомъ страны и великому виду, который открывается съ конечной скалы (выс. 700 метровъ) на два залива, Тунисский и Гаммаметский, и на полуостровъ, продолжаю-

¹⁾ Ch. Tissot, „Géographie comparée de la province romaine d'Afrique“.

²⁾ Vélin, „Comptes rendus de l'Académie des Sciences“, 1879, vol. LXXXVIII, p. 70.

³⁾ E. Masqueray, „Revue Africaine“, 1878.

⁴⁾ O. Mac Carthy, рукописные заметки.

¹⁾ Pellisier, „Description de la régence de Tunis“.

щійся на съверо-востокѣ къ мысу Аддаръ. Другая крутая гора, Бу-Курнейнъ, или «Двугорій Отець», подымается близъ южнаго берега Тунисскаго залива: она примѣтна издалека по ея двуглавей вершинѣ, покоящейся на красноватомъ массивѣ скалъ.

Къ востоку отъ этихъ горъ, почва понижается и образуетъ широкую долину, по которой пролегаетъ большая дорога, и, можетъ быть, пройдетъ въ скоромъ времени соединительный желѣзный путь между берегами двухъ заливовъ, Тунисскаго и Гаммаметскаго. Далѣе, за этимъ понижениемъ рельефа, опять идутъ высоты: полуостровъ Дахедатъ-аль-Магунъ, настоящій островъ по орографическому строенію, вздымаеть нѣсколько вершинъ и утесы своихъ мысовъ до высоты слишкомъ въ 300 метровъ. Мысъ Фортасъ лежить противъ мыса Карагенскаго, на другой сторонѣ собственно Тунисской бухты, а на самой оконечности полуострова, различныя стрѣлки раса Аддаръ, или мыса Бонъ, ограничиваютъ своими зелѣнѣющими косогорами восточный входъ большаго залива. Западный входъ, въ 70 километрахъ отъ восточнаго, обозначенъ мысомъ Расъ-эль-Хайръ или «Добрымъ», болѣе известнымъ подъ именемъ расъ Сиди-Али-аль-Меккѣ; форма его, какъ и форма Гибралтарской скалы, напоминаетъ позу лежащаго льва. Два противолежащіе мыса, западный, посвященный въ древности Аполлону, и восточный, гдѣ стояла жертвенникъ Меркурія, окружены островами и подводными скалами. Западный мысъ продолжается въ морѣ островомъ Плане, или эль-Камада, въ сосѣдствѣ котораго лежитъ островокъ Пилавъ, названный такъ потому, что онъ напоминаетъ своей формой известное рисовое блюдо, одно изъ любимыхъ кушаний турокъ *).

На западѣ отъ мыса Аддаръ, на поверхности водъ высятся два острова, Зембра и Зембretta (иначе Симболо и Симболетто), по-арабски Джамуръ-эль-Кебиръ и Джамуръ-эль-Сериръ, «Эгимурскіе» острова древнихъ,—оба необитаемые. Крутые скалы Зембры, почти отвѣсно спускающіяся въ глубокую воду, вздымаютъ свои вершины на высоту слишкомъ 400 метровъ. Въ 40 километрахъ къ востоку отъ тунисскаго берега, находится другой гористый островъ, Пантелларія; но эта земля, вулканическаго образования, принадлежитъ уже къ Европѣ, судя по расположению долинъ на окружающемъ днѣ моря. Въ политическомъ отношеніи она зависитъ отъ Италии.

Къ югу отъ фрагментовъ разрушенныхъ плато, занимающихъ центръ Туниса, горные массивы менѣе высоки, отдѣлены одинъ отъ другаго болѣе широкими долинами и ограничены на востокѣ обширными равнинами, гдѣ

скопились солоноватыя воды себхъ. Но за этими пониженіями почвы, область Сахель или «Береговая», выдвинутая полукругомъ въ морѣ между заливами Гаммаметскимъ и Габесскимъ, продолжается холмистымъ плоскогорьемъ, оканчивающимся обширными равнинами и остроконечными мысами. Къ западу отъ себхъ, Южный Тунисъ сохраняетъ видъ гористой страны, и джебель слѣдуетъ тамъ за джебелемъ до большой низменности шоттовъ, составляющей естественную границу между мавританскимъ островомъ и пустыней. Почти всѣ эти небольшія цѣпи расположены правильно съ юго-запада на съверо-востокъ, въ томъ же направленіи, какъ часть берега Малаго Сирта, заключающаяся между Габесомъ и Сфаксомъ. Одинъ изъ замѣтнѣйшихъ массивовъ страны—джебель Бу-Гедма, господствующій надъ солянымъ озеромъ или себхой Манзуна (иначе себха энъ-Нуайлъ), на съверо-западѣ залива Габесь: гребни его, почти столь же высокіе, какъ и гребни центральныхъ горъ, достигаютъ 1.300 метровъ и имѣютъ тѣмъ болѣе величественный видъ, что у подошвы ихъ разстилаются широкія степи, напоминающія пустыню; въ стѣнахъ ущелій открываются галереи римскихъ рудниковъ, гдѣ горный инженеръ Фуксъ нашелъ золотую руду. Далѣе на западѣ, въ сосѣдствѣ Гафса, тянется почти такой же высокій хребетъ, джебель Арбетъ, съ вершинами котораго (1.100 метровъ) можно обозрѣвать безконечную панораму горъ, моря, оазисовъ и песковъ. На югѣ этотъ горный массивъ вдругъ прерывается брешью, гдѣ должна пройти со временемъ желѣзная дорога изъ Константины въ Габесь; но за этимъ перерывомъ плоскогорье опять появляется, представляя рядъ уступовъ, постепенно понижающихся къ себхѣ Фараунъ. Разноцвѣтные пласты мергелей и песчаниковъ перерѣзаны глубокими ущельями, черными разсыпившимися съ блестящими, ярко окрашенными скалами. Вечеромъ, когда солнце только-что закатилось подъ горизонтъ, высокіе утесы кажутся еще освѣщенными, тогда какъ однобразный сѣрий колоритъ сумерекъ уже разился по безпредѣльной равнинѣ *).

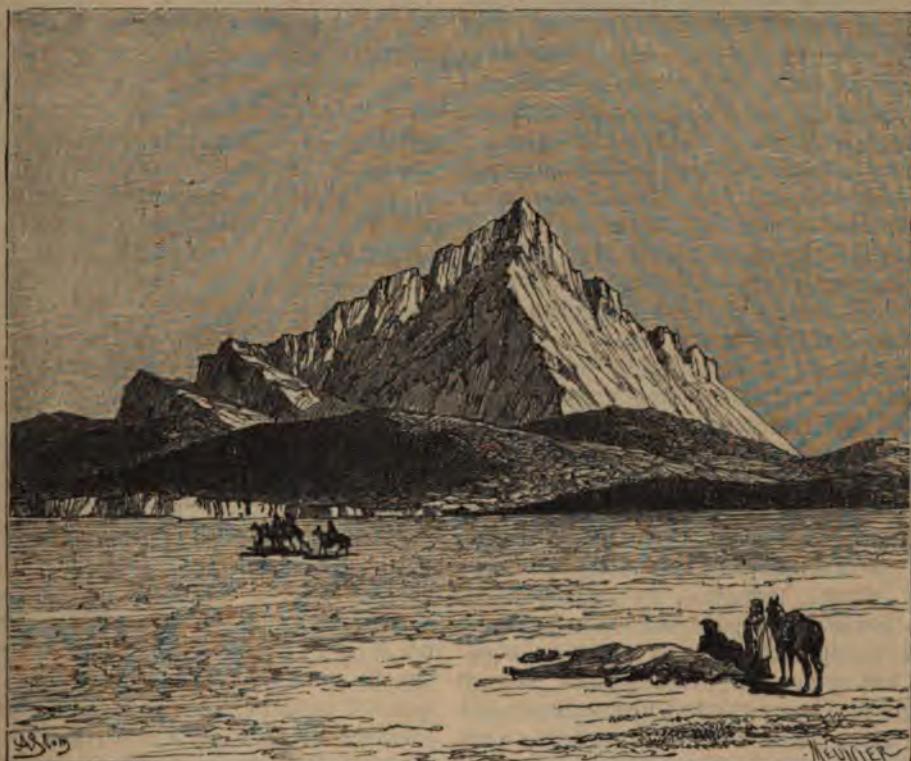
На югѣ большой низменности себхъ показываются нѣсколько холмовъ, первые выступы цѣпи, продолжающейся на юго-востокѣ хребтомъ Метмата и горами Ургамма къ массивамъ Джебель-Нефуз и Джебель-Иефревъ, составляющимъ островъ Триполитаніи. Гребень цѣпи Ургамма очень узокъ, и съ вершинами его видны разомъ два моря, песчаное и водяное. Эти высоты отдалены степями отъ дюнъ и скалистыхъ выступовъ побережья.

*) O. Mac. Carthy, рукописная замѣтка.

*) Ch. Tissot, „Géographie comparée de la province romaine d'Afrique“.

Гидрографія Туниса объясняется рельефомъ его почвы. На «желѣзномъ берегу», который тянется отъ мыса Рыжаго до мыса Бѣлаго, очевидно, могутъ существовать лишь короткіе ручьи, спускающіеся съ сосѣднихъ горъ, тогда какъ на восточномъ побережїи, несмотря на меньшее количество выпадающей тамъ дождевой воды, могли образоваться рѣки съ довольно длиннымъ течениемъ, благодаря широкимъ выходамъ, открывающимся съ этой стороны между цѣпями и на плоскогорьяхъ Мавританіи. Съверный скатъ Туниса, хотя онъ тоже имѣеть, близъ острова Табарки, свой уездъ эль Кебиръ, или «Большую рѣку», не заключаетъ ни одного потока, длина котораго превышала

моря ¹⁾). Во время большихъ разливовъ Эскель представляетъ водную площадь въ 200 слишкомъ квадр. километровъ, и его каналъ истечія, уѣдъ Этъ-Тинджа, или «рѣка Лагуны», катить значительное количество воды, усиливая, въ свою очередь, другой бассейнъ, Тинджа Бензертъ: это—Бизертское озеро, сообщающееся съ моремъ длиннымъ каналомъ. Этотъ послѣдній бассейнъ, разстилающійся на пространствѣ около 150 квадр. километровъ, гораздо глубже Эскеля; уже близъ береговъ толщина слоя воды въ немъ отъ 3 до 5 метровъ, по серединѣ же лотъ опускается до 12 и 13 метр. Бизертское озеро, если бы его соединить съ открытымъ моремъ большимъ судоходнымъ

Джебель Загуанъ.

бы 100 километровъ: самый обильный — уѣдъ Этъ-Тинъ, изливающійся въ гараа, или бассейнъ Эшкель или Эскель, названный такъ отъ крутой горы (выс. 520 метровъ), которая во время наводненій бываетъ со всѣхъ сторонъ окружена водами этого озера. Смотря по обилию дождей и дѣятельности испаренія, уровень и соленость этого бассейна значительно разнится: въ среднемъ, онъ имѣеть отъ 60 сантиметр. до 2 съ половиною метровъ глубины; подводные камни на восточномъ берегу, содержащіе во множествѣ ископаемыхъ *cardium edule*, доказываютъ, что это озеро нѣкогда было резервуаромъ солоноватой или соленої воды, вѣроятно, морскимъ заливомъ, который, вслѣдствіе поднятія берега, отдѣлился отъ Средиземного

каналомъ, прорытымъ прямо черезъ песчаную косу побережья, представляло бы удобную якорную стоянку для всѣхъ кораблей Средиземнаго моря. Тогда какъ въ озерѣ Эскель вода почти прѣсная въ сезонъ дождей, въ Бизертскомъ озерѣ она почти такъ же солена, какъ въ морѣ, и рыбы, которыхъ тамъ ловить въ большомъ количествѣ, принадлежать къ морской фаунѣ. Уже Плиній указываетъ по-перемѣнное движеніе теченія въ Бизертскомъ каналѣ: вода то направляется изъ озера къ морю, то течетъ обратно изъ моря въ бассейнъ. Причина этого явленія — нарушение равновѣсія жидкой массы, происходящее отъ дождей, те-

¹⁾ J. de Crozals, „Revue de Géographie“, octobre 1881.

ченій или вѣтровъ. Когда ручи приносятъ большое количество воды, каналъ превращается въ рѣку, уносящую въ море излишокъ воды озернаго бассейна; когда, напротивъ, убыль вслѣдствіе испаренія превышаетъ приходъ воды, недостатокъ жидкости въ резервуарѣ пополняется изъ моря. Обыкновенно западные вѣтры совпадаютъ съ притокомъ морской воды, восточные—съ выходомъ озернаго теченія.

Устье главной тунисской рѣки, Меджерды, отдѣлено отъ Бизертскаго озера только массивомъ высокихъ холмовъ, который оканчивается въ морѣ остроконечнымъ мысомъ Сиди-Али-эль-Мекки. Меджерда—Баграда римлянъ, Макаратъ кареагенянъ—беретъ начало въ Алжиріи, въ томъ же горномъ массивѣ, изъ котораго вытекаютъ воды Сейбузы; въ своихъ безчисленныхъ извилинахъ она принимаетъ среднее направление, параллельное тунисскому берегу. На югѣ плоскогорья Сукъ-Ахрасъ, Меджерда проникаетъ въ извилистое ущелье, по которому теперь идутъ двѣ дороги, желѣзная и обыкновенная, при чемъ послѣдняя двадцать семь разъ пересѣкаетъ ручей; но въ древности движение арміи по опасному дефилею было слишкомъ затруднительно, и потому стратегическія дороги римлянъ проходили въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ущелья, одна на сѣверѣ, другая на югѣ отъ рѣки Баграды¹⁾. У Гардимау, на тунисской территории, рѣка, усиленная многочисленными ручьями, вступаетъ въ равномѣрно покатый бассейнъ, бывшій нѣкогда озеромъ и замыкаемый на половину, верстахъ въ двадцати ниже, противолежащими выступами двухъ горныхъ массивовъ. Ущелье это, въ которомъ рѣка вырыла себѣ глубокое русло, выходитъ на аллювіальную равнину Дахла, пространствомъ по меньшей мѣрѣ 750 квадр. километровъ, которая образовалась изъ наносовъ, отложенныхъ водами Меджерды, Меллега и другихъ притоковъ на днѣ бывшаго озера. До высоты 22 метровъ надъ нынѣшимъ уровнемъ равнину находятъ озерные отложения, восходящія къ той эпохѣ, когда истокъ бассейна еще не успѣлъ размыть каменистаго порога, задерживавшаго воды. Въ этой равнинѣ Меджерда принимаетъ въ себя самый большой изъ своихъ притоковъ, уездъ Меллегъ, который длиниѣ главной рѣки по крайней мѣрѣ на сотню километровъ (во всей Мавританіѣ, вмѣсто *uadi*, множ. число *uadan*, употребляютъ форму *uad*, для обозначенія какъ почти всегда сухихъ руселъ, где по временемъ бываютъ ручи дождевой воды, такъ и постоянныхъ потоковъ). Уездъ Меллегъ, верхняя долина котораго гораздо болѣе доступна, чѣмъ долина Меджерды, беретъ свое начало также на алжирской территории, недалеко отъ

Тебессы, и сохраняетъ нормальное направление съ сѣверо-запада на юго-востокъ; часть его теченія испаряется въ пути: отсюда соленость его воды, отъ которой онъ, можетъ-быть, и получилъ свое название. По мнѣнію Тиссо, теченіе этихъ двухъ рѣкъ въ переходѣ черезъ равнину не измѣнилось чувствительно съ начала историческихъ временъ. Древняя римская дорога пересѣкаетъ Дахлу по прямому направленію, касаясь мѣстами излучинъ лѣваго берега.

При слияніи съ уѣдомъ Бежа, текущимъ съ сѣвера, начинается рядъ дефилеевъ, которыми главная рѣка пробила порогъ изъ раковистаго известняка, преграждавшій ея движеніе. Вода извивается короткими излучинами, и русло глубоко врѣзывается въ почву между высокихъ, крутыхъ береговъ. Въ одной части ущелья ясно видны, даже изъ окна быстро несущагося вагона желѣзной дороги, повороты старыхъ руселъ, покинутыхъ потокомъ, который на половину заполнилъ ихъ своими наносами; мертвые рѣки сопровождаютъ справа и слѣва живую. Но, при впаденіи уѣда Зерга, Меджерда ударяется о каменные породы, которыхъ она не могла пробить; въ этомъ мѣстѣ рѣка круто поворачиваетъ къ югу до встрѣчи съ уѣдомъ Силіана, гдѣ находитъ удобную брешь, позволяющую ей продолжать свое движение на сѣверо-востокъ. Она проходить черезъ свои послѣднія ворота изъ скалъ, затѣмъ, при вступлении въ равнину, черезъ Тебурбскую запруду, построенную, въ 1622 г., голландскими инженерами. Изъ двадцати-четырехъ отверстій плотины четыре теперь заперты, и ширина рѣки уменьшилась до 80 метровъ; но не трудно было бы возстановить это сооруженіе для цѣлей ирригации. По вычисленіямъ Калья, послѣдовательная наводненія, производимыя зимой, могли бы удесятерить урожай. Самый важный разливъ, которымъ слѣдовало бы пользоваться съ величайшей заботливостью,—тотъ, который бываетъ въ октябрѣ мѣсяцѣ: при помощи его можно было усилить ростъ маслинъ и подготовить пахотныя земли къ первому посѣву¹⁾). Количество протекающей воды въ Меджердѣ, у Тебурбской запруды, колеблется въ слѣдующихъ предѣлахъ: Наибольшій расходъ зимой, въ продолженіе 11 д. разлива,—987 куб. метр.; въ лѣтнее время—1.861 куб. метр. въ секунду.

Ниже запруды, Меджерда, оставивъ вправо джебель Ахморъ, вступаетъ въ аллювіальную равнину, которую она образовала постепеннымъ отложеніемъ ила, постоянно придающаго ея водѣ мутный, желтый цвѣтъ. Рѣка впадаетъ не прямо въ Средиземное море, а въ мелководную береговую лагуну, Эль-Багира или Гар-эль-Мелахъ, которая сообщается съ мо-

¹⁾ Ch. Tissot, цитиров. сочиненіе. — „Mémoires sur le Magrada“.

²⁾ Caillat, рукописныя замѣтки.

ремъ черезъ протокъ, куда заходятъ только барки рыболововъ. Заносимый постепенно рѣчными осадками, этотъ лиманъ, бывшій въ семнадцатомъ столѣтіи «лучшей гаванью Варварийскихъ земель», не перестаетъ мелѣть за послѣднія сто лѣтъ глубина его уменьшилась, говорить, на 10 метровъ; теперь человѣкъ средняго роста нигдѣ въ немъ не погрузился бы съ головой. Въ 1819 г. флотъ бея могъ еще укрыться въ этой гавани, расчистивъ предварительно часть бара; но скоро онъ долженъ былъ уйти обратно въ море, оставивъ на мѣстѣ одинъ фрегатъ, глубоко врѣзавшійся въ песокъ. По всей вѣроятности, это озеро скоро исчезнетъ, можетъ-быть, еще до конца настоящаго столѣтія, какъ исчезло раньше другое озеро дельты, древній Утическій заливъ, превратившійся уже шестнадцать вѣковъ тому назадъ въ болотистую впадину, гарата Мабтуха, въ которую, во время разливовъ, изливается излишекъ рѣчного теченія. Себхъ эръ-Руанъ и другія озера этой области изъ году въ годъ уменьшаются въ размѣрахъ, и кривая морскаго берега, между мысомъ Сили-Али-эль-Мекки и холмами Кареагена, все болѣе и болѣе выдвигается въ море. По Тиссо, пространство суши, образовавшееся на счетъ моря въ послѣднія 2.100 лѣтъ, можетъ быть исчисляемо въ 250 квадр. километровъ. Въ теченіе исторического периода рѣка нѣсколько разъ менѣяла русло, и на основаніи свидѣтельствъ древнихъ авторовъ, а также на основаніи изслѣдованія почвы, можно восстановить карту дельты въ разныя эпохи. Въ пуніческія времена Макаратъ, или Баграда, огибала на сѣверѣ джебель Ахморъ и, оставляя влѣво небольшую цѣль островныхъ скалъ, высшая точка которой не превышаетъ 50 метровъ, впадала въ часть залива, омывающую съ сѣверной стороны Кареагенскій мысъ; старое русло еще можно узнать по его гравю и песку, на которыхъ кое-гдѣ растутъ олеандры. Затѣмъ рѣка послѣдовательно вырыла себѣ два новыхъ русла сѣвернѣе, но и то, и другое брали свое начало въ ущельѣ, открывающемся у сѣвернаго основанія горы Джебель-Ахморъ. Нынѣшнее русло, напротивъ, поворачиваетъ прямо на сѣверъ и идетъ вдоль впадины древніго Утическаго озера, оканчиваясь непосредственно на югѣ отъ мыса, ограничивающаго Тунісскій заливъ¹⁾.

Къ югу отъ Меджерды нѣть постоянныхъ рѣкъ; по крайней мѣрѣ всѣ тамошнія рѣки въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году бываютъ заперты при устьяхъ песчаной мелью. Но тамъ есть еще лагуна, сообщающаяся съ моремъ: это — Тунісское озеро, другая Багира,

подобная той, въ которую впадаетъ Меджерда; она занимаетъ болѣе значительную площадь, и воды ея немножко глубже, достигая 1,70 метра въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ; ея «проливъ», лучше содержимый — каналъ, вырытый рукою человѣка и замѣнивший естественный протокъ, открывавшійся нѣкогда немногого югаѣ, — позволяетъ входить судамъ, имѣющимъ болѣе метра осадки; но вода ея, загрязняемая сточными канавами Туниса, очень мутная и омыаетъ зловонные берега. Это озеро, гдѣ нѣкогда сталкивались флоты римлянъ и караагенянъ, уменьшилось въ размѣрахъ, какъ и озера дельты Меджерды, и по всей его окружности тянется полоса выступившихъ изъ-подъ воды пространствъ дна, превратившихся въ топкія болота или въ плоскіе песчаные берега. Уэдъ Меланъ, имя котораго, можетъ-быть, имѣть смыслъ, нынѣ мало заслуженный, «Многоводной рѣки», спускается съ Загуанскихъ горъ, которая давали ему воду, собираемую теперь тунісскимъ водопроводомъ; рѣка эта не притокъ Багира: она огибаетъ на югѣ небольшое возвышеніе почвы, предѣлъ озерной впадины.

На восточномъ берегу Туниса многочисленныя себхи тянутся вдоль побережья, отдѣлены отъ Средиземнаго моря песчаными косами. Но есть также внутри материка, на довольно большомъ разстояніи отъ морскаго берега, впадины, въ которыхъ теряются ручьи, испаряя свои воды на глинистомъ днѣ, насыщенномъ солью: таковы себхи, слѣдующія одна за другой на западѣ, юго-западѣ и югѣ отъ Сузы и являющіяся поперемѣнно то обширными водными площадями, то солончаковыми равнинами. Случалось, что Кайруанъ зимой бывалъ отрѣзанъ этими болотистыми пространствами отъ остального Туниса. При первыхъ дождяхъ большая часть страны превращается въ сплошное болото, и тогда караваны могутъ ходить только по промежуточнымъ гребнямъ между котловинами. Самая обширная изъ этихъ лагуна — себха Сиди-эль-Гани, или Кайруанское озеро, поверхность котораго, во время наводненій, не менѣе 500 квадр. километровъ, и которое въ дождливые годы сохраниетъ немногіе воды въ своей центральной впадинѣ. Эта себха совершенно отдѣлена отъ береговой области цѣлями холмовъ Сахель, тогда какъ настоящее озеро, Кельбіа, менѣе обширное, но всегда наполненное водой и даже судоходное, изливаетъ иногда свой излишекъ въ низменности, черезъ порогъ высотой около 20 метровъ: истокъ его, называемый уэдъ Менфесь, достигаетъ, во время обильныхъ ливней, т. е., среднимъ числомъ, черезъ каждыя восемь лѣтъ, прибрежной лагуны, себхи Джериба, сообщающейся съ моремъ посредствомъ рѣчки Гальѣ-эль-Менгель. Въ этомъ мѣстѣ морскаго берега проходъ опасенъ, по причинѣ топей, и еще недавно, до постройки шоссе, не прохо-

¹⁾ Daux, „Etude sur Utique et ses environs (Comptes rendus l'Académie des Inscriptions), avril 1868; — Tissot, „Géographie comparée de la province romaine d'Afrique“; — Partsch, „Petermann's Mittheilungen“, 1883 № V.

дило зимы безъ того, чтобы караваны не теряли людей или животных¹).

По словамъ Кампу и Руира, озеро Кельбіа, поверхность котораго измѣняется отъ 8.000 до 13.000 гектаровъ (отъ 7.200 до 11.700 десятиав.), смотря по времени года, есть бассейнъ, принимающій воды рѣчной системы, столь же обширной и даже болѣе значительной, чѣмъ система рѣки Меджерды²); однако, уездъ Багла, изливающійся въ это озеро и принимающій въ себя Фекка, Маргелиль и другія рѣки, спускающіяся съ высотъ центрального Туниса, представляетъ на новѣйшихъ точныхъ картахъ площадь истеченія меньшую сравнительно съ областью сѣверной рѣки, а именно: площадь бассейна Меджерды—22.540; озера Кельбіа—21.130 кв. километр. Въ своихъ многочисленныхъ статьяхъ³) Руиръ пытался также доказать тожество уѣза Багла съ Тритоновой рѣкой древнихъ авторовъ; но гдѣ помѣстить съ увѣренностью рѣку, которая, по Плинію, есть не что иное, какъ начало Нила, и которая своими вѣтвями соединяется съ Нигромъ? Что касается озера того же имени (Тритонъ), которое Руиръ отожествляетъ съ озеромъ Кельбіа, то это, какъ известно, тотъ таинственный бассейнъ, который различные писатели древняго міра заставляли, такъ сказать, странствовать по всѣмъ южнымъ берегамъ Средиземного моря: Страбонъ помѣщалъ его въ Вереникѣ, къ востоку отъ Большаго Сирта, а Діодоръ искалъ его въ сосѣдствѣ «Океана, окружающаго землю». Конечно, бесполезно стараться согласовать все, что говорятъ древніе авторы о рѣкѣ и озерѣ Тритонъ, тѣмъ болѣе, что ни одно изъ ихъ описаний не сходится съ нынѣшней топографіей указываемыхъ мѣстностей: всѣ предложения о идентификациѣ противорѣчатъ тому или другому разсказу древнихъ писателей, такъ какъ, безъ всякаго сомнѣнія, произошли значительныя перемѣны въ физической географіи страны, изгладившія тотъ или иной топографический деталь, тщетно разыскиваемый комментаторами. Достаточно сказать, что, мало правдоподобная въ другихъ отношеніяхъ, гипотеза Руира о тожествѣ уѣза Багла и рѣки Тритонъ согласуется по крайней мѣрѣ въ томъ съ текстомъ Птоломея, что этотъ потокъ дѣйствительно береть начало въ оврагахъ горы Уссалетъ (Уссалетъ у александрийскаго географа). Кромѣ того, уѣздъ Багла—дѣйствительно единственный на всемъ восточномъ побережїи Туниса уѣдь, который, начинаясь на довольно большомъ разстояніи внутри страны, продолжается примѣтнымъ руломъ, если не до Малаго Сирта, то, по край-

ней мѣрѣ, по толкованію Руира, до «Маленькаго Сирта» (залива), и приносить ему иногда нѣкоторое количество воды. Что касается озера Кельбіа, то оно представляетъ почти съ точностью окружность въ тысячу стадій или 185 километровъ, которую Скилакъ давалъ озеру Тритонъ; впрочемъ, эта окружность озера можетъ показаться слишкомъ большой, если правда, какъ разсказываетъ Геродотъ, что ливійскій дѣвы, послѣ ратоборства въ честь богини Аенны, съ торжествомъ «водили самую храбрую вокругъ озера»⁴). Продолжительный крикъ, который испускали женщины на праздникахъ богини, походилъ на крики: *загрѣтъ!* *тулуль!* или *ю-ю!* которыми въ наши дни ливіянки всѣхъ племенъ оглашаютъ воздухъ, ударяя себя по губамъ, чтобы сдѣлать звукъ прерывистымъ, во время празднествъ, свадебныхъ пиршествъ, похоронныхъ процессій, военныхъ экспедицій⁵).

На юго-западѣ отъ Сфакса, другое углубленіе почвы содержитъ соляное озеро, называемое Мта эль-Грарра, а южнѣ, въ сосѣдствѣ правильной кривой, описываемой заливомъ Габесъ, виднѣется еще впадина, наполненная водой или соленою шылью, Манзуна или Себха-энъ-Нуайлъ. Но эти остатки озеръ очень не велики въ сравненіи съ равниной, частію затопленной, которая составляетъ естественную границу между островомъ Магребъ (Мавританія) и Сахарой: на пространствѣ слишкомъ 400 километровъ, отъ востока къ западу, тянется рядъ водныхъ площадей, солончаковъ, болотъ, глинистыхъ впадинъ, на югѣ Туниса и восточной Алжиріи. Вѣроятно, въ какой-нибудь части этой замѣчательной во всѣхъ отношеніяхъ котловины большинство древнихъ географовъ помѣщали священный бассейнъ, близъ котораго родились Минерва и Бахусъ. Шау, въ концѣ прошлаго столѣтія, первый высказалъ предположеніе о тожествѣ Тритонова озера съ одной изъ тунисскихъ себѣхъ⁶). Какъ раздѣльный поясъ между двумя естественными областями, между двумя фаунами и двумя разнами, и какъ гидрографическое цѣлое, поражающее воображеніе и величиной своихъ размѣровъ, и разнообразиемъ своихъ явлений, это пространство должно было несравненно болѣе интересовать географовъ, нежели маленькое озеро восточнаго берега, на сѣверѣ острововъ⁷). Обширный бассейнъ Игаргара, воды котораго изливались нѣкогда въ цѣль «Тритоновыхъ» озеръ, представляетъ площадь по меньшей мѣрѣ въ 800.000 квадр. километровъ, въ сорокъ

¹⁾ „Histoire d'Herodote“, traduction de Pierre Saliat, livre IV, 180.

²⁾ Tissot, цитированное сочиненіе,

³⁾ Shaw; — Virlet d'Aoust; — Desor; — Charles Martin; — Roudaire, etc.

⁴⁾ Ch. Tissot, „De Tritonide Lacu“; — Dupaty de Clain, „Comptes rendus de la Société de Géographie“, 1885.

⁵⁾ Rouire, „Revue de Géographie“, janvier 1884.

⁶⁾ „Comptes rendus de l'Académie des Sciences“, janvier 1884; рукописные замѣтки.

⁷⁾ „Nouvelle Revue“, 15 juillet 1883; — „Revue de Géographie“, septembre 1884.

разъ превосходящую площадь тунисскихъ уадовъ, питаящихъ озеро Кельбя. Правда, этотъ бассейнъ совершенно отдаленъ отъ Средиземного моря съ геологическихъ временъ, предшествовавшихъ исторіи. Судя по ископаемымъ раковинамъ, морской протокъ или рѣчное русло между Средиземнымъ моремъ и озернымъ бассейномъ Сахары окончательно закрылся въ постплюценовую эпоху ¹⁾; однако, прибрежные жители шоттовъ, пораженные видомъ высокихъ заливовъ, который представляютъ эти бассейны, повторяютъ съ увѣренностью, что нѣкогда существовало сообщеніе между моремъ и себхами, но что «Двурогій» Александъръ своими чарами заперъ эти ворота ²⁾.

Прежде, когда геологическое изслѣдованіе страны еще не было произведено, на Габесской перешеекъ, между себхами и моремъ, смотрѣли какъ на одинъ изъ тѣхъ песчаныхъ береговъ, какіе образуются вездѣ на побережью, передъ рѣками, теченіе которыхъ, вспомоществуемое морскимъ приливомъ и отливомъ, не имѣть силы прочищать проходъ. Полагали, что дюны постепенно возвысили порогъ, и что, можетъ-быть, послѣдній, кромѣ того, еще поднялся немного надъ уровнемъ моря, вслѣдствіе внутренняго давленія ³⁾. Фуксъ, измѣряя высоту порога съ помощью барометра, узналъ, наконецъ, каковы были его истинныя условія: оказалось, что небольшая цѣль холмовъ, средняя высота которой около 100 метровъ, имѣть въ двухъ мѣстахъ бреши высотой отъ 57 до 61 метра, и названный изслѣдователь описываетъ ея оставъ, какъ состоящій изъ зоеновыхъ известняковъ и песчаниковъ. Итальянская экспедиція, посѣтившая берега залива Габесъ въ 1875 году, подъ начальствомъ Антинори, тоже констатировала, что порогъ состоить отчасти изъ каменныхъ пластовъ, а не изъ однихъ только песковъ, нанесенныхъ вѣтромъ; самая низкая точка, которую она нашла на водораздѣлѣ между водами, спускающимися къ морю, и водами, текущими на западъ къ себхѣ, лежитъ на 53 метра выше морскаго уровня ⁴⁾. Послѣ того, офицеръ Рудеръ, составляя съ точностью детальную карту всей области, заключающейся между заливомъ Габесъ и шоттами Алжиріи, окончательно устранилъ всякое сомнѣніе. Габесский порогъ въ низшей своей точкѣ представляетъ еще выступъ высотой слишкомъ 47 метровъ; сами себхи, которыя онъ-отдѣляютъ отъ Средиземного моря, лежатъ на высотѣ отъ 15 до 26 метровъ надъ морскимъ уровнемъ и оканчиваются на западѣ другимъ порогомъ, возвышающимся на 91 метръ: только за этимъ порогомъ начинаются

впадины, вырытыя ниже уровня Средиземного моря; общая ширина земель, которая нужно пройти, чтобы соединить бассейнъ шоттовъ съ Средиземнымъ моремъ, составляетъ 173 километра ⁵⁾.

Если вся система шоттовъ и уади—или, употребляя арабскую форму множественнаго числа, штутъ и уиданъ,—которую можно назвать «тритонической» системой, согласно гипотезѣ большинства археологовъ, была нѣкогда, какъ это весьма вѣроятно, рѣчнымъ бассейномъ, начинавшимся у истоковъ Игаргара, то это гидрографическое цѣлое давно уже разорвано, рѣчное ложе во многихъ мѣстахъ загромождено дюнами, и пороги выступившихъ изъ-подъ воды скалъ отдѣли второстепенныя впадины. Особенно восточная впадина, самая обширная, вполнѣ ограничена гористыми порогами, примыкающими къ южнымъ цѣпямъ Туниса: отъ порога Габесь до порога Крицъ тянется, на сѣверѣ бассейна, рядъ круглыхъ утесовъ, называемыхъ «Губами» (Эшъ-Шербъ), какъ бы по сходству равнины бывшаго озера съ громаднымъ ртомъ. Узкая въ началѣ, эта себха, извѣстная въ восточной ея части подъ именемъ шотта Эль-Феджеджъ, постепенно расширяется въ западномъ направлѣніи; потомъ, за мысомъ южнаго берега, длинной скалой, продолжающейся дюнами, бассейнъ, называемый въ этомъ мѣстѣ штутъ Фараунъ, вдругъ дѣлается втрое шире и образуетъ штутъ Эль-Джерицъ, или «Пальмовый». На западной оконечности эта обширная озерная равнина носить другія названія. Она имѣть не менѣе 200 километровъ протяженія отъ востока къ западу, а ширина ея съ сѣвера на югъ, между двумя наиболѣе удаленными одинъ отъ другаго берегами, около 75 километровъ. Постоянная вода, по словамъ прибрежныхъ жителей, остается только въ центральной части шотта Эль-Джерицъ, да и тамъ ея не видно на поверхности: она прикрыта соляной корой, которая дала поводъ арабскимъ писателямъ сравнивать озеро съ серебрянымъ листомъ, съ хрустальнымъ стекломъ, съ камфорнымъ ложемъ ⁶⁾, и на которой шаги отдаются, какъ на каменномъ полу подъ сводомъ. Кромѣ глубокой воды собственно озера, скрытой подъ соляными плитами, поверхностные воды занимаютъ обыкновенно самыя низкия части озерной впадины и, смотря по направлѣнію вѣтра, перемѣщаются то въ ту, то въ другую сторону; иногда онъ бываютъ довольно глубоки, по грудь лошадямъ, переходящимъ себуху. Когда эти жидкія массы, гонимыя вѣтромъ, разольются по соляной корѣ надъ скрытыми водами, онъ частію растворяютъ промежуточный слой, и въ поверхности шотта происходить перемѣнныя уровни. Случается также,

¹⁾ Fuchs;—Antinori;—Pomel;—Cosson, etc.

²⁾ Ch. Tissot, „Expedition scientifique de la Tunisie“.

³⁾ „Bulletin de la Société de Géographie“, sept. 1877.

⁴⁾ „Bolettino della Società geographica italiana“, sept. 1875.

⁵⁾ Rondaire, „Archives des Missions scientifiques et littéraires“, tome VII, 1881.

⁶⁾ Ch. Tissot, цитированное сочиненіе.

что соляная плита, подъ напоромъ глубокой воды или выдѣляющихся изъ нея газовъ, вздувается въ формѣ конуса, какъ будто открылся подводный вулканъ. Такъ возникаютъ острова, которые издали, отъ дѣйствія миража, кажутся настоящими островами, какъ ихъ и называютъ прибрежные жители. Одинъ изъ самыхъ большихъ острововъ, известный подъ именемъ джебель эль-Мелахъ, «Соляная гора», имѣеть не болѣе двадцати шаговъ въ диаметрѣ и поднимается менѣе, чѣмъ на метръ надъ уровнемъ себхи; по серединѣ верхней площадки горы находится старый колодезь, теперь засыпанный, отъ которого этотъ островокъ получилъ другое название, Биръ-энъ-Неофъ, или «Срединный колодезь»¹). Подобные ключи бываютъ во многихъ мѣстахъ себхи изъ отвердѣвшаго грунта, и вода, которую они даютъ, не болѣе солоновата, чѣмъ вода источниковъ въ окружающихъ оазисахъ. Четыре островка, лежащіе близъ южнаго берега Фараонова шотта, носятъ общее имя Нхаль-Фараунъ, «Пальмы Фараона», въ силу легенды, рассказывающей о проходѣ египетской арміи по этому озерному дну, болѣе или менѣе смѣшившему въ мѣстныхъ преданіяхъ съ Чернымъ моремъ²). Финиковые пальмы, растущія на этихъ четырехъ островкахъ, были, будто-бы, посажены царемъ Фараономъ на мѣсто масличныхъ деревьевъ, покрывавшихъ равнину, нынѣ затопленную³): онъ не принадлежать ни къ одной изъ разновидностей, известныхъ въ Джеридѣ, и плоды ихъ никогда не достигаютъ полной зрѣлости.

Большая тунисская себха пересекается нѣсколькими караванными дорогами, соединяющими оазисы двухъ береговъ: Тиссо перечисляетъ девять такихъ переходовъ; кроме того, существуютъ другіе, менѣе посещаемые, особенно въ восточной части бассейна, которая такъ и называется шоттъ эль-Феджеджъ, или шоттъ «Проходовъ», по причинѣ пролегающихъ черезъ него дорогъ. Нѣкоторыя изъ этихъ тропъ вполне надежны, но другія очень опасны: идти по нимъ нужно съ величайшей осторожностью, чтобы избѣжать топей, въ которыхъ можно увязнуть, пропастей, где можно исчезнуть безслѣдно; при отправлении въ путь проводникъ всегда совѣтуетъ путешественникамъ слѣдовать за нимъ «шагъ въ шагъ». Болѣе неровная, чѣмъ Рани въ англійской Индіи (такъ какъ она представлять скатъ отъ десяти до одинадцати метровъ съ востока на западъ), тунисская себха въ то же время и гораздо болѣе опасна для перехода: облако пыли, миражи, скрывающіе вѣхи или искажающіе ихъ фигуру и положеніе, ошибки проводника,

внезапный испугъ животныхъ — могутъ повлечь за собой гибель каравана. Въ силу традиционныхъ соглашеній между племенами, дорога должна быть обозначена съ одной стороны камнями, съ другой стволами финиковыхъ пальмъ, помѣщенныхными на разстояніи нѣсколькихъ сотъ метровъ одинъ отъ другого; но это правило мало соблюдается: большая часть установленныхъ знаковъ, или *майровъ*, теперь уже не на своемъ мѣстѣ или замѣнены костями павшихъ верблюдовъ. Подлѣ дороги, соединяющей оазис Кризъ съ оазисами южнаго мыса, открываются прошали, наполненные зеленою водою, «болѣе горькой, чѣмъ вода Океана», и до того глубокія, что лотъ, сдѣланный изъ какогонибудь тяжелаго предмета, привязаннаго къ веревкамъ каравана, не достаетъ дна. Легенды и старые арабскіе разсказы говорятъ о внезапныхъ провалахъ, которые происходили подъ тяжестью людей и животныхъ: бездна, будто-бы, все поглощала, и ея чудовищная пасть тотчасъ же опять закрывалась надъ пожранными жертвами. На югъ отъ озера, въ сосѣдней области Нефзауа, где бываютъ многочисленные теплые ключи, также находится естественный колодезь невѣдомой глубины, называемый по-берберски Тауэрга: онъ каждый годъ требуетъ человѣческой жертвы, говорятъ окрестные жители. По мѣстному преданію, эта пропасть, нѣсколько вѣковъ тому назадъ, перемѣстилась, вслѣдствіе землетрясенія⁴).

На сѣверо-западѣ отъ большой тунисской себхи, утесы «Губъ» продолжаются неровной стѣной, которая въ одномъ мѣстѣ вздымается, чтобы образовать послѣдній холмъ, высотой въ 171 метръ, затѣмъ теряется въ пескахъ, въ видѣ едва примѣтныхъ волнообразныхъ повышеній и понижений почвы. Эта цѣпь, долины которой заключаютъ прелестные оазисы Джерида, составляетъ раздѣльный порогъ, отдѣляющій шоттъ эль-Джерида отъ шотта Гарса—бассейна, подобнаго восточной себхѣ, но гораздо меньшаго по размѣрамъ. Шоттъ Гарса, имѣющій форму полумѣсяца, обращеннаго выпуклой стороной на сѣверъ, лежитъ ниже эль-Джерида; онъ весь находится ниже уровня моря, и если бы когда-нибудь былъ прорытъ каналъ, установляющій сообщеніе этой впадины съ Средиземнымъ моремъ, берега ея были бы затоплены на пространствѣ 8 или 10 километровъ далѣе линіи нынѣшняго побережья. Западной своей оконечностью шоттъ Гарса врѣзывается въ алжирскую территорію и продолжается, въ видѣ широкаго рукава моря, передъ лабиринтомъ шоттовъ, гораздо болѣе обширныхъ, совокупность которыхъ известна подъ именемъ Мельтигъ (Мельриръ). Невысокіе пороги, промежуточныя впадины раздѣляютъ эти два бассейна. Этотъ-то шоттъ Мельриръ и предназна-

¹) Ch. Tissot, „Bulletin de la Société de Géographie“, juillet 1879.

²) H. von Maltzan, „Reise in den Regentschaften Tunis und Tripoli“.

³) Grenville Temple, „Algiers und Tunis“.

⁴) Ch. Tissot, цитированное сочиненіе и мемуаръ.

чался, по проекту, съ которымъ связано имя Рудера,—къ образованію, на югъ Алжиріи, того «внутрення моря», которое, въ воображеніи его творцовъ, должно измѣнить современемъ климатъ сосѣднихъ странъ, вызывая скопленіе облаковъ на горахъ Ауресъ, увеличивая количество дождей, наполняя постояннымъ образомъ русла ручьевъ, нынѣ высохшихъ, вновь изводя изъ почвы источники, болѣе не существующіе¹⁾). Но если трудно представить себѣ прорытіе судоходнаго пути, направляющагося отъ порога Габесь къ оазисамъ алжирской пустыни, то по крайней мѣрѣ можно понять, какъ полезно было бы реставрировать старую дорогу, которая шла вдоль южной стороны острова Магребъ, между Малымъ Сиртомъ и долиной Драа²⁾.

Побережье тунисской Сахары, какъ и восточный берегъ собственно Туниса, не имѣть постоянныхъ рѣкъ, а только уэды, почти всегда безводные; важнѣйшая изъ нихъ, не по длине теченія, а по объему жидкой массы,—уэды Акарітъ, Мелаҳъ и Габесь; послѣдній течетъ всего только около десяти километровъ, хотя каботажныі суда во время прилива могутъ подниматься по этому уэду до оазиса, гдѣ расположены городъ³⁾). Нѣкоторые полагаютъ, что который-нибудь изъ этихъ небольшихъ потоковъ, Акарітъ или Габесь, и есть «рѣка Тритонъ» древнихъ. Эта гипотеза не лишена вѣроятія, если принять въ соображеніе, что ливійцы, какъ о томъ свидѣтельствуетъ легендарная гидрографія Африки, охотно вѣрили въ подземное теченіе рѣкъ въ области песковъ⁴⁾. Несомнѣнно, впрочемъ, что пріемный бассейнъ уэдовъ Акарітъ и Габесь имѣть весьма значительные размѣры выше истоковъ, такъ какъ вода вытекаетъ изъ земли, въ видѣ обильныхъ ключей, и невольно является вопросъ: не даетъ ли какая-нибудь трещина скалы, черезъ искочки морской покатости, выхода глубокимъ водамъ, скрытымъ подъ соляной корой шотта эль-Феджеджъ?

Хотя горы, составляющія продолженіе триполійскаго «Джебеля», близко подступаютъ къ морскому берегу въ южномъ Тунисѣ, однако, остается еще довольно пространства для того, чтобы и тутъ могли образоваться береговыя лагуны: себѣа эль-Мелаҳъ, или «Соляная лагуна», Бу-Герара и Багиретъ-эль-Биантъ, или «озеро Воротъ». Этотъ послѣдній, совершенно такого же образованія, какъ пруды Лангедока, отдаленъ отъ моря узкой косой, называемой «Собачья Морда»; въ самой тонкой части этого

lido открываются два протока, изъ которыхъ одинъ настолько глубокъ, что лошади каравановъ могутъ переправиться черезъ него не иначе, какъ вплавь¹⁾). Островокъ береговаго пояса, лежащій между этими двумя каналами, занять крѣпостью Биантъ, или «крѣпостью Воротъ», получившей такое название отъ морскихъ проходовъ, которые она защищаетъ; кромѣ того онъ служитъ также воротами Туниса, на триполійской границѣ. Эта часть побережья, повидимому, подверглась большимъ перемѣнамъ съ начала историческихъ временъ. Эдризи упоминаетъ о лежавшемъ въ милѣ разстоянія отъ Биантскаго берега островѣ Зиру, который нынѣ уже не существуетъ, если только это не береговой поясъ озера, какъ полагаютъ многие писатели²⁾; но въ такомъ случаѣ нужно допустить, что первоначальная форма его сильно измѣнилась, и что онъ былъ постепенно изгрызенъ моремъ, ибо во времена Эдризи, въ двѣнадцатомъ столѣтіи, онъ былъ покрытъ деревнями, окружеными виноградниками и пальмовыми рощами. Во всякомъ случаѣ, этотъ островъ, простиравшійся на 40 миль въ длину, при ширинѣ не болѣе полукилометра, вѣроятно, былъ не что иное, какъ песчаная коса, соединенная съ берегомъ. Положеніе этой исчезнувшей земли, вѣроятно, указывается подводными камнями и песчаной мелью Зира; въ этомъ мѣстѣ еще въ шестнадцатомъ столѣтіи находилась подводная банка, выступавшая наружу во времена отлива³⁾; здѣсь имѣлъ свой сборный пунктъ флотъ герцога Медина-Чели, посланный противъ острова Джерба, въ 1560 году.

Острова южнаго Туниса не самостоятельнаго происхожденія, какъ вулканическій массивъ Пантеллярія, лежащей противъ мыса Боя; это простые отрывки материка, отдѣленные отъ сосѣднаго берега размывающимъ дѣйствиемъ воды или понижениемъ почвы. Особенно острова Керкенна, Сегсіна и Сегсінітіс Страбона, составляющіе, противъ Сфакса, съверный предѣлъ Малаго Сирта или залива Габесь, имѣютъ этотъ видъ обломка, постоянно подтачиваемаго волнами. Даже весьма вѣроятно, что этотъ маленький архипелагъ, состоящий изъ двухъ острововъ и прилежащихъ подводныхъ скалъ, въ историческія времена уменьшился въ размѣрахъ. Скилакъ говорить о существованіи только одного острова, отъ которого, можетъ быть, осталась лишь часть, въ видѣ нынѣшнихъ двухъ земель, и размѣры, приписываемые Геродотомъ и Плініемъ Церцинѣ (Сугауніс) и Церцинидѣ, не соответствуютъ нынѣшнимъ. Оба острова сдѣлались меньше; съверная сторона ихъ была частію разрушена волнами, но проливъ, раздѣляющій острова, не измѣнился

¹⁾) „Rapport sur la derni re expedi on des Chotts“ (Archives des Missions scientifiques et litt raires, tome VII, 1881).

²⁾) Berlioux, „La terre habitable vers l'Equateur, par Polybe“.

³⁾) Ch. Tissot, „G ographie compar e de la province romaine d'Afrique“.

⁴⁾) H. Barth, „K stenl nder des Mittelmeeres“.

¹⁾) H. Barth, цитированное сочинение; — Elie de la Primaudie, „Littoral de la Tripolitaine“.

²⁾) D'Avezac, „Univers illustr , Nos de l'Afrique“.

³⁾) Ch. Tissot, цитированное сочинение.

въ теченіе двухъ послѣднихъ тысячелѣтій. Еще видны быки моста, длиной около 1.000 метровъ, соединившаго противоположные берега: не трудно было бы отстроить это сооруженіе. На южной оконечности залива Габесъ, большой островъ Джерба, древній Менинксъ, «земля лотофаговъ», кажется, лучше сохранилъ контуры, которые онъ имѣлъ въ первыи времена исторической эпохи. Впрочемъ, онъ почти не отдаленъ отъ материка, такъ какъ прѣходъ можетъ безъ труда перейти проливъ въ бродъ. Островъ оканчивается на югѣ двумя струѣками, къ которымъ направляются два мыса большой земли, и съ той и съ другой стороны берегъ врѣзывается между этими мысами, такъ что образуется родъ озера, по виду мало отличающагося отъ двухъ соседнихъ озеръ, себѣ эль-Мелахъ и Багиретъ-эль-Биантъ; по мнѣнію Вуда, это морское озеро и есть тотъ Тритонъ, котораго такъ усердно ищутъ на соседнихъ берегахъ. Только западный рукавъ пролива, имѣющій около 2.500 метровъ въ ширину и доминируемый высокими берегами и утесами, удобенъ для прохода судовъ, такъ какъ глубина его фарватера, вырытаго теченіями прилива и отлива, отъ 3 до 17 метровъ. Восточный рукавъ, вообще болѣе широкій, частію загроможденъ островками, подводными камнями, песчаными мелями, и во время отлива даже въ самомъ глубокомъ мѣстѣ прохода остается слой воды толщиной не болѣе 60 сантиметровъ. Бродъ, гдѣ переходятъ караваны, носить название Трикъ-эшъ-Джемель, или «Дорога верблюдовъ»; онъ находится на западѣ отъ римскаго моста, упоминаемаго въ древніихъ маршрутахъ, и отъ котораго еще сохранились кое-какіе обломки. Два замка, Борджъ-эль Кантара, или «Замокъ моста», на островномъ берегу, и Борджъ-эль-Бабъ, или «Замокъ воротъ», въ самомъ центрѣ пролива, напоминаютъ древній путеводѣтъ, достойный быть поставленнымъ на ряду съ сооруженіями современныхъ инженеровъ, если не по смысли постройки, то по крайней мѣрѣ по длинѣ; другой островной замокъ защищаетъ «Дорогу верблюдовъ». Въ пучиническую эпоху восточный рукавъ пролива былъ судоходенъ, какъ показываетъ одинъ древній маршрутъ¹⁾. Издали островъ Джерба кажется продолженiemъ твердой земли, выдвинутымъ въ море въ видѣ длиннаго низкаго мыса, покрытаго пальмами и окаймленаго крѣпкими замками, которые были воздвигнуты нѣкогда противъ испанцевъ или малитѣскихъ рыцарей. Самыя высокія выпуклости почвы, въ центрѣ острова, поднимаются всего только на нѣсколько метровъ. На всемъ пространствѣ равнинъ Джебры нѣть ни одного ручейка, и туземцы не имѣютъ другой воды, кромѣ колодезной; однако, островъ представляетъ одинъ сплошной лѣсъ,

и маслины достигаютъ тамъ размѣровъ, неизвѣстныхъ даже въ Сахелѣ.

Заливъ Габесъ, разстилающійся полукругомъ между архипелагомъ Керкенна и островомъ Лотофаговъ, слылъ у древнихъ не менѣе опаснымъ, чѣмъ Большой Сиртъ. Пока караѳеняне пользовались монополіей торговли на берегахъ Малаго Сирта, они не упускали случая разсказывать на счетъ плаванія въ этихъ водахъ всевозможные ужасы, чтобы запугать мореходовъ другихъ націй, и, дѣйствительно, тѣ изъ иностранцевъ, которые первые отважились пуститься по невѣдомому заливу, могли на первыхъ порахъ думать, что ревнивый Караѳенъ не обманулъ ихъ, когда они были поражены сильными измѣненіями уровня воды во время прилива, которыми Малый Сиртъ рѣзко отличается отъ всѣхъ другихъ морей средиземного резервуара. Первый римскій флотъ, проникшій въ этотъ заливъ двадцать-одно столѣтіе тому назадъ, сѣлъ на мель при отливѣ, и когда слѣдовавшій затѣмъ приливъ снова поднялъ корабли, они уже успѣли облегчиться, выбросивъ за бортъ товары и съѣстные припасы; лишенный продовольствія, флотъ долженъ былъ немедленно вернуться къ берегамъ Сициліи¹⁾. Передъ устьемъ уезда Габесъ, въ краинѣ изгибѣ Малаго Сирта, вода поперемѣнно поднимается и опускается на 2 слишкомъ метра; у береговъ острова Джерба средняя амплитуда прилива не менѣе 3 метровъ. На другой оконечности залива, въ гавани Сфакесь, средняя разность уровней прилива и отлива составляетъ около полутора метра, но въ эпоху равноденствій эта разность достигаетъ 2,60 метровъ. Это явленіе значительныхъ приливовъ въ водахъ Габеса объясняется расположениемъ залива въ формѣ воронки и постепеннымъ поднятіемъ дна: масса воды, приходящая съ открытаго моря, легче скапливается въ Маломъ Сиртѣ, чѣмъ въ моряхъ почти замкнутыхъ, каково Адріатическое, или въ бухтахъ, слишкомъ широко открытыхъ, каковъ Большой Сиртъ. Но теперь, хорошо известны морякамъ, приливы Габеса утратили свой ужасъ, и для небольшихъ судовъ эти воды во-все не представляютъ тѣхъ опасностей, которыхъ такъ пугались древніе. Вооруженные лотомъ, каботажки, плавающей по заливу, идутъ осторожно, чтобы не потерпѣть крушенія, и держать якорь на-готовѣ, чтобы запустить его въ песокъ, какъ только окажется слишкомъ тонкій слой воды подъ килемъ. Варочемъ, даже въ случаѣ кораблекрушенія опасность не велика; до разстоянія 10 километр. отъ берега море такъ мелко, что человѣкъ можетъ идти по дну. Большихъ волнъ здѣсь тоже никогда не бываетъ. На обширныхъ меляхъ мягкаго

¹⁾ Ch. Tissot, цитированное сочиненіе.

¹⁾ Полібій, томъ I, стр. 39; —Ch. Tissot, цитированное сочиненіе.

ила, окружающихъ острова Керкенна, поверхность залива всегда гладкая, какъ бы ни была велика ярость вѣтра, вздывающаго горами воды открытаго моря; суда здѣсь въ полной безопасности, благодаря извѣстному явленію ослабленія волнъ, происходящаго отъ недостатка сопротивленія дна¹). Итальянскіе моряки называютъ Малый Сиртъ «мертвымъ моремъ», *mare morto*, въ противоположность глубокимъ водамъ «живаго моря», *mare vivo*²).

Большія перемѣны, произшедшия въ контурахъ острововъ и континентальныхъ береговъ Туниса, приписывались нѣкоторыми путешественниками мѣстнымъ колебаніемъ уровня почвы; они полагаютъ, что берега Джербы и группы Керкенна, подобно берегамъ Триполи, опустились и вслѣдствіе того уменьшились въ протяженіи. Гренвиль Темпль старается доказать, что въ историческую эпоху острова Курлатейнъ составляли часть берега между Монастиромъ и мысомъ Димасъ. Съ другой стороны, образованіе порога Габесъ было, по мнѣнію Рудера и геологовъ, участвовавшихъ въ его экспедиціи, результатомъ поднятія, которое въ то же время повысило шотть эль-Джеридъ надъ уровнемъ моря и перевернуло его скать въ направлѣніи отъ востока къ западу³). Дѣйствительно, берегъ Туниса представляетъ во многихъ мѣстахъ, высоко надъ уровнемъ моря, остатки старыхъ береговъ и береговыхъ поясовъ. Такъ на Габесскомъ порогѣ и на всѣхъ извилинахъ берега до Сфакеса, затѣмъ по другую сторону мысовъ, на побережїи Сузы, Фуксъ обслѣдовалъ, въ 1874 г., старый морской берегъ, лежащий теперь на постоянной высотѣ 12 до 15 метровъ, хотя онъ содержитъ виды, еще нынѣ живущіе въ Средиземномъ морѣ⁴). Но существованіе этихъ высокихъ береговъ, свидѣтельствуя объ измѣненіи относительной высоты суши и моря, еще не даетъ права заключить, что внутренняя подъемлющая сила продолжаетъ дѣйствовать, какъ это утверждали многіе путешественники⁵). Указывали на обмеленіе гаваней Махдіи, Кареагена, Утики, Порто-Фарина, какъ на доказательство поднятія побережья; но между этими примѣрами нѣтъ ни одного, который не могъ бы быть объясненъ отложеніемъ морскихъ песковъ или рѣчныхъ напосовъ. При томъ надо принять въ соображеніе и то обстоятельство, что та или другая гавань, куда проникали га-

леры древнихъ, благодаря своей незначительной осадкѣ (около 1,30 метра), была бы недоступна въ наше время обыкновеннымъ судамъ, если бы даже не обмелѣла⁶). Нигдѣ на тунискомъ берегу не найдено постройки, теперь удаленной отъ моря, которая носила бы на своихъ камняхъ слѣды прежняго соприкосновенія съ водой. Взамѣнъ того, многіе островки или подводные камни, указываемые древними писателями, греческими, римскими, арабскими, и теперь такъ же едва выступаютъ изъ-подъ воды, какъ и въ прошлые вѣка: гавани Кареагена, разчищенные изслѣдователемъ Беле до уровня просачивающихся морскихъ водъ, оказались на той же самой высотѣ, на которой онъ былъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ⁷).

Положеніе Туниса на восточномъ углу Мавританіи, между двумъ бассейновъ Средиземнаго моря и у воротъ Сахары, сообщаетъ климату этой страны особенный характеръ. Омынаваемая моремъ съ востока и юго-востока, также какъ съ сѣвера и сѣверо-запада, африканскія провинція древняго Рима естественно отличается болѣе ровнымъ климатомъ, чѣмъ климатъ Алжира; при томъ же, не имѣя такихъ высокихъ горъ, такихъ обширныхъ возвышеностей и оканчиваюсь, въ своихъ гористыхъ мѣстностяхъ, долинами, широко открытыми морской бризѣ, она пользуется далеко внутри температурой болѣе мягкой, чѣмъ центральная область Магреба. Точныхъ метеорологическихъ наблюдений еще не имѣется для частей Туниса, удаленныхъ отъ побережья; тѣмъ не менѣе, характеръ растительности позволяетъ опредѣлить общія черты климата и отмѣтить контрасты, которые онъ представляеть съ сопредѣльными странами. Такъ, восточные вѣтры, рѣзкие и сухіе въ алжирской Сахарѣ, приносятъ съ собой нѣкоторую долю влажности въ Сахару тунисскую и вызываютъ тамъ къ жизни растенія, которыхъ не увидишь въ западныхъ пустыняхъ⁸). Хотя средняя годовая температура въ древней африканской провинціи выше, чѣмъ въ Алжирѣ, климатъ первой влажнѣе и ровнѣе. Впрочемъ, сѣверная часть страны и побережье болѣе, чѣмъ алжирскій Телль, выставлены жгучимъ вѣтрамъ юга, и когда дуетъ симунъ, или самумъ, случается, что термометръ показываетъ 45, даже 48 градусовъ Ц. на улицахъ города Туниса. Съ другой стороны, зимой, при сѣверномъ вѣтре, который приносить холодный воздухъ съ Апеннинъ, въ этомъ городѣ иногда бываютъ холода, напоминающіе европейскую зиму: такъ, напримѣръ, въ февралѣ 1854 г., по словамъ Феррини, въ Тунисѣ однажды цѣлый день шель снѣгъ.

¹⁾ Le Gras;—Sevestre, „Annales hydrographiques“, 1874.

²⁾ H. von Maltzan, „Reise in den Regentschaften Tunis und Tripoli“.

³⁾ Dru, „Archives des Missions scientifiques et littéraires“, tome VII, 1881.

⁴⁾ „Comptes rendus de l'Académie des Sciences“, 1874 2-е семестр.

⁵⁾ E. Guérin, „Voyage archéologique dans la régence de Tunis“;—Fischer, „Beiträge zur physikalischen Geographie der Mittelmeerlande“.

⁶⁾ Beulé, „Fouilles à Carthage“.

⁷⁾ Putsch, „Petermann's Mittheilungen“, 1883, № V.

⁸⁾ H. Duveyrier, „La Tunisie“.

Средняя температура въ Тунисѣ 20,44° Ц.,
въ Сусѣ 24° Ц.

Времена года чередуются въ этой странѣ съ большой правильностью. Зима, совпадающая съ періодомъ дождей и называемая тѣмъ же именемъ, эшг-шта¹), начинается вообще въ январѣ и продолжается всего два мѣсяца. Затѣмъ слѣдуетъ пора «зелени», или весна, тоже очень короткая, тогда какъ лѣто продолжается шесть мѣсяцевъ, съ мая до октября. Наступленіе осени возвѣщается нормальнымъ возвратомъ дождей, хотя ни одно время года не обходится безъ ливней; въ среднемъ, насчитываются въ городѣ Тунисѣ 90 дождливыхъ дней въ году. Обыкновенно вѣтры дуютъ со стороны моря, то-есть съ сѣверо-востока и сѣверо-запада. Сѣверо-восточное воздушное теченіе, которое есть не что иное, какъ нормальный полярный вѣтеръ, господствуетъ вообще въ лѣтніе мѣсяцы, тогда какъ въ остальное время года преобладаетъ сѣверо-западный вѣтеръ, продолженіе благодѣтельного мистраля. Эти вѣтры съ моря, самые здоровые, приносить дожди, но они не отличаются такой правильностью, какъ пассаты, и рѣзкія перемѣны погоды здѣсь не рѣдки. Во время равноденствій воздухъ часто увлекается въ сильные круговороты; почти каждый годъ, около половины сентября, Тунисскій заливъ подвергается яростному штурму, который христіане первыхъ вѣковъ называли «Кипріановой бурей», потому что онъ часто разражался въ годовщину смерти епископа Кипріана. Обыкновенно столкновеніе вѣтровъ проявляется съ особенной силой около мыса Бонъ; у этого угла континента встрѣчаются различныя воздушныя теченія, и между ними происходитъ борьба изъ-за преобладанія: отсюда имя «Добрый» или «Прекрасный» мысъ, которое кароагеняне дали ему по антифразису, листа генію мыса, чтобы снискать благоволеніе; арабы часто называютъ его расъ-Гаддаръ, «Обманчивый мысъ», вмѣсто расъ-Аддаръ, «Добрый мысъ». Морскія теченія тоже сталкиваются вокругъ этого мыса, какъ и теченія атмосферныя: сила теченія, направляющагося изъ Западнаго моря въ заливы Большой и Малый Сиртъ, такъ велика и производить такое множество водоворотовъ, что парусныя суда, плывущія на западъ, не могутъ преодолѣть это препятствіе безъ помощи юго-восточныхъ вѣтровъ, которые обыкновенно дуютъ изъ Сиртовъ къ острову Мальтѣ, и помогаютъ имъ обогнуть страшный мысъ²). Въ ясную погоду, когда небо совершенно чисто отъ паровъ, съ вершинъ мыса можно различить берега Сициліи, и часто видали отсюда на дальнемъ горизонте зарево отъ изверже-

ній Этны³). Замѣчательно, что на берахъ Туниса грозы рѣдко сопровождаются молніей. Громъ разражается только на горахъ, и по утвержденію Ферріни, не бывало примѣра, чтобы онъ упалъ въ равнину; въ городѣ Тунисѣ и его окрестностяхъ до сихъ поръ не имѣли случая почувствовать пользу защищенія зданій отъ грозы съ помощью громоотводовъ. Нельзя сказать того же о Сфакесѣ, гдѣ, по словамъ Герена, одна городская башня была нѣсколько разъ поражена громомъ, въ 1882 году. Въ цѣломъ, климатъ Туниса—одинъ изъ лучшихъ на средиземноморскомъ побережїѣ. Военная статистика, веденная съ августа 1883 по мартъ 1884 года, показываетъ, что случаи поступленія солдатъ въ госпиталь были въ Тунисѣ рѣже, чѣмъ въ какой-либо изъ провинцій Алжиріи, рѣже даже, чѣмъ во Франціи⁴). Бертолони сравниваетъ тунисское прибрежье съ Австралией по его прекрасному климату; однако, въ тѣхъ изъ внутреннихъ долинъ, гдѣ воздухъ не обновляется сѣверными вѣтрами, существуютъ эпидемическія лихорадки.

Приналежа къ средиземному поясу по на-
турѣ своихъ горныхъ породъ и по климату,
Тунисъ лежитъ въ той же географической об-
ласти по своей флорѣ и фаунѣ. Подобно Алжиріи, Иберіскому побережью, нижнему Лант-
доку и Провансу, Италии и Греціи, Тунисъ со-
ставляетъ часть области маслины, «перваго
между деревьями», по выражению Колумеля.
По своимъ специальнымъ чертамъ, тунисская
флора почти тождественна съ алжирской, какъ
доказывали изслѣдованія ботаниковъ; однако,
различія, представляемыя рельефомъ почвы и
климатомъ, имѣли слѣдствіемъ гораздо большее
смѣшеніе видовъ въ восточной области сравни-
тельно съ западной. Тогда какъ въ Алжирѣ
флора побережья и флора горъ, плоскогорій и
Сахары точно разграничены, въ Тунисской
области они перепутаны безъ всякой правиль-
ности. Растительные виды Сахары, поднимаясь
по морскому берегу вдоль заливовъ Габесь и
Гаммаметъ, достигаютъ, наконецъ, дюнъ при-
брежья въ сосѣдствѣ Туниса и Бизерты; по-
всюду, гдѣ находятся пески, ботаникъ навѣрно
встрѣтить десять-двѣнадцать растеній, которыхъ
онъ видѣлъ въ сахарскихъ эриахъ⁵), между
прочими, дюнъ (*arthraerium pungens*). Съ дру-
гой стороны, нашли на югѣ отъ шотта аль-Дже-
ридъ, подъ той же широтой, какъ самый сѣ-
верный оазисъ Суфа, нѣсколько растеній, свой-
ственныхъ высокимъ плоскогорьямъ Сетифъ⁶).
Габесь есть точка встрѣчи самыхъ разнообраз-
ныхъ флоръ; здѣсь сходятся флоры морскихъ
песковъ и дюнъ пустыни, глинистыхъ ложъ
удовъ и ихъ аллювиальныхъ отложенийъ, гли-

¹⁾ Ch. Tissot, «Géographie comparée de la province romaine d'Afrique».

²⁾ H. Barth, «Wanderungen durch die Küstenländer des Mittelmeeres».

³⁾ Shaw;—O. Mac Carthy, etc.

⁴⁾ Bertolon, «Revue de Géographie», octobre 1884.

⁵⁾ Letourneau, рукописная замѣтка.

⁶⁾ Cosson; H. Daveyier, etc.

нисто-известковой равнины, простирающейся у подошвы горь и оазисовъ съ растительностью средиземноморской и почти европейской¹). Благодаря своему положению напротивъ Сицилії, Тунисъ имѣть также нѣсколько сицилійскихъ и итальянскихъ растительныхъ видовъ, которыхъ вѣтъ въ Алжирѣ; мысъ Бонъ, граница двухъ бассейновъ Средиземного моря, восточнаго и западнаго, раздѣляетъ двѣ области, имѣющія въ своей флорѣ нѣсколько отличную физіономію. Совокупность тунисской растительности, которую Дефонтенъ исчислялъ, въ прошломъ столѣтии, въ 300 видовъ, состоитъ, по Коссону, изъ 1.780 растеній, изъ которыхъ только нѣсколько видовъ свойственны исключительно этой странѣ: по направлению отъ запада къ востоку, отъ Марокко къ Тунису, чи-сло растеній, принадлежащихъ исключительно местной флорѣ, постепенно сокращается, по причинѣ уменьшения высоты почвы; на 563 вида, найденныхъ въ Габесѣ, насчитываются только 25 формъ, не встрѣчающихся въ алжирской Сахарѣ. Нѣкоторыя растенія такъ многочисленны, что придаютъ полямъ однообразную окраску на протяженіи нѣсколькихъ верстъ: пространства, сплошь покрыты голубыми цветами желтокорня или колокольчиковъ, кажется издали поверхностью обширнаго озера²).

Горы бассейна Меджерды и горы, господствующія надъ средиземноморской покатостью, между Бизертой и Ла-Калле, сохранили еще обширные лѣса; благодаря относительной влажности климата, дубъ (*quercus tigbeckii*) достигаетъ тамъ исполинскихъ размѣровъ; падубъ растетъ тамъ между мелкимъ кустарникомъ, черешня—между небольшими деревцами. Если рѣка Меджерда имѣть воду во всякое время года, то она обязана этимъ лѣсамъ, покрывающимъ ея скатъ. Но въ среднемъ Тунисъ и въ сосѣствѣ заливовъ Большой и Малый Сиртъ страна почти совершенно обезлѣсена: единственная деревья тамъ—маслины, да еще смоковницы, которыя растуть вокругъ городовъ, возвышаясь надъ живыми изгородями изъ кактусовъ; на плоскогорьяхъ, какъ и въ Алжирѣ, растительность состоитъ лишь изъ чернобыльника (*artemisia*) и изъ альфы, употребляемой на выѣлку писчей бумаги; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почва совершенно голая и не имѣть даже тонкаго слоя перегноя: когда идешь по ней, вездѣ подъ ногами звенить каменистый туфъ. А между тѣмъ въ этихъ оголенныхъ мѣстахъ, у южнаго основанія массива Бугедма, тинется обширный лѣсъ камедоносной акациі, занимающей пространство около 30 километровъ въ длину и километровъ 12 въ ширину. Въ Африкѣ это самая сѣверная область, гдѣ встрѣчается камедное дерево; но число

этихъ акаций, *acacia sayal*, не превышаетъ 40.000 во всемъ лѣсу,—такъ рѣдко растуть деревья: ими пользуются только для приготовленія кушаньевъ, камедь же пропадаетъ безъ употребленія, или служить пищей дикимъ животнымъ³). Смола, сощающаяся изъ нѣкоторыхъ разновидностей мастиковаго дерева, какъ на островѣ Хиосѣ, не утилизируется для выѣлки мастики и другихъ благовонныхъ жидкостей.

Большіе шотты, отдѣленные отъ Малаго Сирта лишь узкимъ перешейкомъ, имѣютъ на своихъ берегахъ великолѣпные «лѣски», какъ ихъ называютъ туземцы, Беледъ-эль-Джерида или «Финиковой земли», которые заключаются въ себѣ слишкомъ миллионъ деревъ, принадлежащихъ къ ста пятидесяти разновидностямъ. Вкусъ плодовъ удивительно измѣняется, смотря по климатическимъ условіямъ. Тогда какъ въ Сфакесѣ и на островѣ Джерба финиковыя пальмы служатъ почти только для украшенія пейзажа, и плоды ихъ идутъ большей частію въ кормъ скоту, въ Габесѣ финики уже довольно вкусны; въ оазисѣ Эль-Гамма они хороши, а въ Джерида и Суфѣ превосходны. Причина тому, по всейѣѣроятности, не въ различіи температуры, а въ различной пропорціи влажности. Между разновидностями финиковъ также замѣчается большая разница вкуса въ разныхъ оазисахъ: въ Джерида лучшимъ считается сортъ *deletz-nurz*, «финикъ-свѣтъ», названный такъ по причинѣ прозрачности его мякоти; въ Суфѣ есть сорта еще лучше на вкусъ⁴). Жители оазисовъ любятъ свои финиковые деревья, какъ домашнихъ товарищѣй: они рѣшаются «убить» пальму, т. е. срубить для приготовленія напитка лакби, *sagurtis* древнихъ⁵), только по поводу какого-нибудь важнаго события—рожденія ребенка, свадьбы, прибытія почетнаго гостя⁶).

Нѣкогда Джерба, античный Мениксъ, «островъ Лотофаговъ», славился однимъ растеніемъ, *lotus*, которое съ достовѣрностью еще не отыскано. Что это было за плодъ, столь пріятный на вкусъ, что чужеземцы, отвѣдавъ его, забывали о своей родинѣ? Этотъ разсказъ Гомера означаетъ ли какой-нибудь таинственный продуктъ, символизирующій миръ и благоденствіе, или онъ относится къ дѣйствительному плоду, который очень понравился эллинскимъ мореходамъ? Описаніе лотуса, данное древними авторами, повидимому, всего болѣе подходитъ къ одному виду ююбы (*zizyphus lotus*), *седеръ* или *синра*, которую находятъ еще на островѣ Джерба, а также на сосѣднемъ побережье и даже далеко внутри материка до

¹) Rabatet et Tirant, „Tour du Monde“, 1815, 1-е se mestre.

²) Letourneux, рукописная замѣтка.

³) E. Desjardins, рукописная замѣтка.

⁴) Tissot, цитированное сочиненіе.

⁵) Cesson et Kralik, „Sertulum tunetanum“.

⁶) Pellissier, „Description de la Régence de Tunis“.

земли туареговъ¹). Изъ этой ягоды пригото- вляютъ кисловатый напитокъ, очень пріятный на вкусъ; самый же плодъ, сладкій, но безвкусный, не цѣнится. Магометъ говорить о ююбѣ (*zizyphus lotus*), какъ о проклятомъ кустарникѣ, замѣнившемъ въ садахъ Савской земли деревья съ великколѣпными плодами. Можетъ-быть, первые эллинскіе мореплаватели, рассказывавшіе своимъ соотечественникамъ про чудеса дальнихъ странъ, отвѣдали, не ви- давъ самаго дерева, превосходные финики изъ Беледѣ эль-Джериды, и этотъ плодъ былъ при- писанъ ими ююбѣ, или, можетъ-быть, вкусы перемѣнились, какъ мы видимъ примѣръ тому въ Египтѣ относительно плода сикоморы. Эль-Бекри разсказываетъ, что яблони на островѣ Джерба не имѣли во всемъ свѣтѣ равныхъ себѣ по красотѣ и превосходному вкусу плодовъ; но плантациіи этого дерева были заброшены, по- тому что христіане брали яблоки, не возна- граждая жителей острова.

Фауна Туниса, подобно его флорѣ, отличает- ся отъ фауны Алжира и Триполи очень не- большими числомъ видовъ: немного болѣе бо- гатый животными формами, чѣмъ сосѣдня съ пустыней области, прилегающія къ Большому Сирту, Тунисъ нѣсколько бѣднѣе въ этомъ от- ношениі западной Мавританіи. Вообще замѣ- чается постепенное возрастаніе числа видовъ по направленію отъ востока къ западу. Но въ Тунисѣ, какъ и въ сопредѣльныхъ странахъ, большія перемѣны, происшедшія въ теченіе исторической эпохи,измѣнили и саму фауну. Истребленіе лѣсовъ повело къ тому, что нѣко- торые виды совершенно исчезли, или зона ихъ обитанія значительно съзилась; съ дру- гой стороны, люди ввели домашнихъ живот- ныхъ, можетъ-быть, также дикихъ звѣрей, какъ, напримѣръ, олень²), ибо, по свидѣтель- ству древнихъ писателей, олень не существова- валь въ Африканской провинціи, и караагеня- не, привезшіе съ собой это животное, держали его въ полудомашнемъ состояніи, чтобы при- носить его въ жертву Баалу-Гаммону³). Те- перь олень встрѣчается изрѣдка въ западныхъ горахъ страны, особенно на югѣ отъ Табарки, въ массивахъ Хумиръ и Уштетта. Медведь, который прежде былъ, какъ полагаютъ, однимъ изъ обыкновенныхъ представителей мѣстной фауны, судя по часто встрѣчающимся назна- ніямъ мѣстъ, гдѣ находится его имя, повиди- мому, исчезъ съ начала настоящаго столѣтія⁴).

¹⁾ Peuzonnell et Desfontaines, „Voyage dans la R gion de Tunis et d'Alger“; — H. Daveyrié, „Les Touaregs du nord“.

²⁾ Ch. Tissot, цитированное сочиненіе; — Judas, „Soci t  arch閍ologique de Constantine“, 1865.

³⁾ Clermont-Ganneau, „Comptes rendus de l'Acad mie des Sciences“, 1844.

⁴⁾ L. Playfair, „In the footsteps of Bruce“; — Tissot, цитированное сочиненіе.

Мартышку можно видѣть только въ ближай- шемъ къ южнымъ шоттамъ углу Туниса. Львы рыскаютъ еще въ нѣкоторыхъ массивахъ, со- сѣднихъ съ алжирской границей; особенно въ Хумирѣ, въ земляхъ племени уштетта, и въ горахъ Джебель-эль-Ганумъ ихъ осталось еще довольно много; но вообще теперь эти хищни- ки далеко не такъ многочисленны, какъ въ караагенскую эпоху, когда они подстерегали поселянъ и путешественниковъ вокругъ горо- довъ, и когда вдоль большихъ дорогъ стояли висѣлицы, на которыхъ распинали «царя звѣ- рей»¹). По преданію, территорія Бу-Ганемъ прокармливала еще тысячи этихъ звѣрей, нѣ- сколько вѣковъ тому назадъ, когда одинъ изъ туземныхъ государей уступилъ край одному пле- мени, подъ условіемъ, чтобы оно не употреб- ляло въ пищу никакого другаго мяса, кромѣ львинаго²). Что касается слоновъ, которые, какъ утверждаютъ многочисленныя свидѣтель- ства, существовали въ странѣ въ первые вѣка мѣстной исторіи, то они исчезли вмѣстѣ съ лѣ- сами, служившими имъ мѣстомъ обитанія: вѣ- роятно, послѣдний былъ убитъ въ эпоху рим- скаго владычества; уже во времена Плинія ихъ приводили изъ областей, лежащихъ «за пусты- нами, прилегающими къ заливамъ Сиртъ»³); впрочемъ, одинъ испанскій писатель сообщаетъ, по наслышкѣ, что въ концѣ шестнадцатаго сто- лѣтія эти великаны животнаго царства еще встрѣчались въ Тунисѣ. Буйволъ не былъ со- вершенно истребленъ, какъ слонъ: сохранилось еще нѣсколько стадъ этого животнаго вокругъ озера Бизертскаго и даже на островѣ Эшкель; но въ другихъ частяхъ страны его нигдѣ не видно. Нѣсколько представителей дикаго бара- на живутъ еще въ южныхъ горахъ Туниса, тогда какъ во всѣхъ другихъ массивахъ они уже вывелись. Но, какъ и въ остальной части западной Африки, домашняя фауна Туниса обогатилась пріобрѣтеніемъ драгоцѣннаго живот- наго — верблюда: по Тиссо, верблюдъ сдѣлался для западныхъ африканцевъ почти необходи- мымъ выручнымъ животнымъ, какимъ онъ являемся нынѣ, не далѣе, какъ за полторы ты- сячи лѣтъ до нашей эпохи.

Извѣстны разсказы древнихъ писателей о борьбѣ, которую войско Регула должно было выдержать на берегахъ Баграды противъ змѣя длиной около 35 метровъ: въ наши дни ни одинъ изъ тунисскихъ гадовъ не достигаетъ даже пя- той доли этихъ исполнительныхъ размѣровъ. Число видовъ змѣинаго рода тоже уменьшилось, хотя, можетъ-быть, еще не всѣ пынѣ живущіе извѣстны, и хотя, съ другой стороны, нужно причислить къ баснословнымъ животнымъ мно- гихъ пресмыкающихся, которыхъ древніе ав- торы описываютъ, какъ родившихся изъ крови

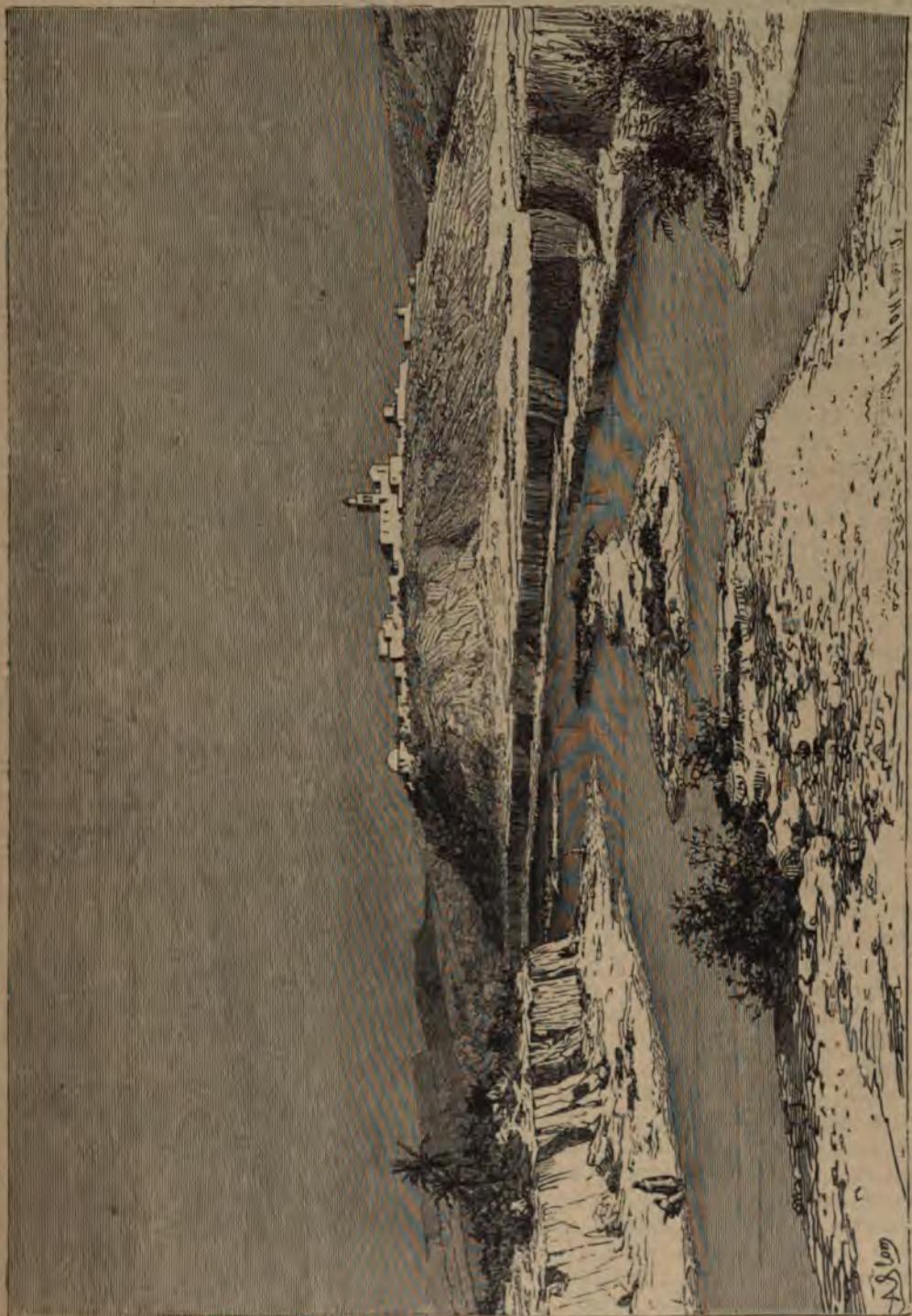
¹⁾ Полубѣй; — Пліній; — Гюставъ Флоберъ, „Саломбо“.

²⁾ Pelissier, цитированное сочиненіе.

³⁾ E. Desjardins, рукописный замѣтки.

Горгона. Одна изъ наиболѣе богатыхъ змѣями областей—горы, окаймляющія тунисскую Сахару: туземцы принуждены были даже совсѣмъ покинуть джебель Тельджу, на сѣверо-востокѣ

сѧ вокругъ вѣтвей тамариска, и оттуда однимъ прыжкомъ кидается на свою добычу: это, вѣроятно, *jacutus*, «крылатый змѣй» латинскихъ авторовъ¹⁾; новѣйшая экспедиція, подъ на-

М е д ж е р д а .

отъ шотта Эль-Гарса, по причинѣ великаго множества водящихся тамъ гадовъ вида *tamaris*. Восточнѣе, около Сфакеса,nomады степей особенно боятся змѣи *зуррейтъ* (*echis carinata*), которая, вблизи источниковъ, обвивает-

чальствомъ Думета-Адансона, также открыла одинъ видъ змѣи, *бу-фтира*, наꙗ натуралистовъ²⁾. Другой гадъ тунисской флоры, скор-

¹⁾ Ch. Tissot, цитированное сочиненіе.

²⁾ "Tunis Journal", № 26, 6 июня 1884 г.

ионъ, очень опасенъ, гораздо опаснѣе, чѣмъ алжирскій и мароккскій: ужаленіе его часто смертельно. У туземцевъ существуетъ повѣрье, что достаточно положить на порогъ двери камешекъ извѣстнаго рода раковистаго извѣстняка, чтобы прекратить входъ скорпионамъ; послѣдніе, будто-бы, никогда не проникаютъ въ древній амфитеатръ Эль-Джемъ, потому что онъ построенъ изъ этихъ камней. Саранча иногда прилетаетъ тучами въ тунисскій Телль и пожираетъ всѣ его посѣты; саранча, опустошившая Алжирію въ 1845 году, родилась, по словамъ Пелисье, въ сосѣдствѣ тунисскаго Джерида. Что касается бабочекъ различныхъ видовъ, то онъ рѣдки въ Тунисѣ; этой прелести нашихъ полей недостаетъ полямъ сѣверной Африки, за исключеніемъ, впрочемъ, цвѣтующихъ полинъ въ горахъ; рѣдкость чешуекрылыхъ объясняется большимъ числомъ птицъ, которыхъ истребляютъ гусеницы. Мѣстная фауна заключаетъ въ себѣ нѣсколько особенныхъ видовъ птицъ, изъ которыхъ особенно замѣтленъ джеридскій воробей, бу-хабиби или «отецъ дружбы», летающій среди пальмъ, съ жалобнымъ пѣніемъ, напоминающимъ пѣніе канарейки. На эту грациозную птичку, прославляемую въ народныхъ пѣсняхъ, смотрѣть какъ на доброго генія, и туземцы ревностно защищаютъ ее противъ иностранцевъ; попытки акклиматизаціи ея въ Тунисѣ не удались¹). На соляныхъ озерахъ многочисленны стаи голубыхъ и розовыхъ фламинго походятъ издали на солдатъ въ мундирахъ яркихъ цвѣтовъ; надъ полями кружатся туки скворцовъ, затмевая небо.

Моря, омывающія берега Туниса, очень богаты рыбой. Вокругъ острова Джерба и архипелага Керкенна, которые въ древнихъ текстахъ описываются уже какъ «окруженные сваями», вода, довольно мелкая, раздѣлена на неправильныя перегородки рядами пальмъ, которыя качаются по волнѣ волнъ и разграничаютъ коридоры и камеры, куда рыба заходитъ во время прилива, и откуда она не можетъ выйти во время отлива. Островитяне наловливаютъ такимъ образомъ большое количество рыбы, которую они солятъ для вывоза въ города сосѣднаго побережья и даже въ Италию; осьминоги, которыхъ ловятъ преимущественно на мели, лежащей между Сфаксомъ и островами, сушатся на солнцѣ и почти всѣ отправляются въ Грецию. Жители острововъ Джерба и Керкенна ловятъ также губокъ, либо зимней порой, при помощи длинныхъ шестовъ съ крючкомъ, которыми они водятъ по поверхности подводныхъ камней, либо лѣтомъ, проходя по мелямъ и раскапывая ихъ ногой²). Воды около мыса Бентъ, менѣе богаты живот-

ной жизнью, чѣмъ воды архипелага Керкенна, посыпаются стаями рыбы, отправляющейся изъ одного бассейна Средиземнаго моря въ другой; заколы (мадрага), установленные черезъ извѣстные промежутки вдоль берега, задерживаютъ тунцовъ, самую цѣнную изъ этихъ странствующихъ рыбъ. Бизертское озеро, которое, по словамъ легенды, сообщаемой арабскимъ писателемъ Эль-Эдризи, доставляетъ точно двѣнадцать разныхъ рыбыхъ породъ, по одной каждый мѣсяцъ,—тоже служитъ мѣстомъ обширнаго лова, преимущественно лова головлей, который производится слѣдующимъ остроумнымъ способомъ, унаслѣдованнымъ, можетъ-быть, отъ временъ пуническихъ: съ одного берега канала на другой протянута веревка, на которой скользить кольцо, удерживающее самбу, плавающую посреди водъ; самцы собираются вокругъ этой живой приманки и во множествѣ попадаютъ въ сѣти рыбаковъ³); ставятъ также поперегъ теченія загородки изъ колъевъ, снабженныхъ камерами, въ которыхъ проникаетъ рыба, и откуда она уже не можетъ выйти⁴). Наконецъ, на западномъ берегу Туниса, около мысовъ Серратъ и Негро, въ Табаркской бухтѣ, существуютъ коралловыя мели, теперь оскудѣвшія, которая продолжаются на западъ, и которыхъ еще не такъ давно привлекали сотни судовъ изъ Торредель-Греко. Ловля раковинъ, дававшихъ пурпурную краску, оставлена со временъ римскаго господства. На берегахъ острова Джерба, какъ и на берегахъ озера Бибанъ, огромныя кучи раковинъ *tirex* и *rigriga*, неуступающія размѣрамъ подобнымъ же кучамъ, сохранившимся на берегахъ Сидона, свидѣтельствуютъ о важнѣмъ значеніи, какое имѣла въ-когда пурпурная промышленность въ финикійскихъ колоніяхъ Африки⁵).

За областями Триполи, по большей части пустынными и представляющими, вдоль побережья, лишь небольшія гавани и узкую полосу воздѣланной земли или даже рѣдко разсѣянные оазисы, Тунисъ долженъ былъ казаться всѣмъ завоевателямъ, пришедшемъ сухимъ путемъ или высадившимъ съ моря, страной желанной по преимуществу. Его рѣчной бассейнъ, первый, встрѣченный нами въ Африкѣ къ западу отъ египетскаго Нила, отъ которого онъ отдаленъ такими обширными пространствами; его плодородныя равнинны; его озера и заливы, изобилующіе рыбой; его гавани, занимающія такое удобное положеніе, какъ для торговли, такъ и для военнаго господства въ бассейнѣ Средиземнаго моря,—всѣ эти выгоды, есте-

¹⁾ Ch. Tissot, цитированное сочиненіе

²⁾ J. de Crozals, „Revue de Géographie“, dÃ©cembre 1881.

³⁾ H. Barth, „Wanderungen durch die KÃ¼stenlÃ¤nder des Mittelmeeres“.

⁴⁾ Grenville Temple, „Algiers and Tunis“.

⁵⁾ „Tunis-Journal“, 13 mars 1884.

ственno, должны были привлекать къ этому краю завоевательные нации и сдѣлать его полемъ битвы между арміями. Станціи, гдѣ разсѣяны каменные орудія¹⁾, мегалиты, менгіри, дольмены, кромлехи, камни съ выдолбленнымъ круглымъ углубленіемъ, рѣдкіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Туниса, очень обыкновенные въ другихъ, напоминаютъ пребываніе населеній, имѣвшихъ либо то же происхожденіе, либо ту же религию, какъ жители Британіи, Бретаніи и Андалузіи. Въ началѣ писанной исторіи мы уже застаемъ фіникиянъ, поселившихся въ самомъ углу континента, откуда они могли наблюдать, съ одной стороны, за Тирренскимъ моремъ, съ другой—за водами, окружающими островъ Критъ. Затѣмъ римляне, когда достигли могущества, захотѣли, въ свою очередь, завоевать эту передовую землю Африки, безъ которой ни одно изъ ихъ владѣній на Средиземномъ морѣ—ни Сицилія, ни Сардинія, ни самая Италия—не было бы крѣпко въ ихъ рукахъ, и вотъ впродолженіи слишкомъ стаѣтъ известный тогда міръ былъ потрясенъ столкновеніемъ этихъ двухъ могучихъ соперниковъ; наконецъ, финикійскій городъ палъ, но чтобы возродиться городомъ римскімъ. Послѣ того вандалы, византійцы оспаривали другъ у друга эту страну, и нѣсколько послѣдовательныхъ нашествій арабовъ ввели ея жителей въ кругъ ислама. Что касается турокъ, то дѣло ихъ ограничивалось присылкой краю правителей, а вторженія европейскихъ христіанъ, при Людовикѣ IX и императорѣ Карлѣ V, были слишкомъ кратковременны, чтобы иметь сколько-нибудь замѣтное влияніе на тунисскую цивилизацию; правда, что морское разбойничество, часто вводя въ страну невольниковъ, должно было способствовать въ довольно значительной мѣрѣ смѣшенію населения въ городахъ.

Древніе владѣтели края, кареагеняне и римляне, царствовавшіе тамъ по вѣскольку столѣтій и покрывшіе страну городами, крѣпостями, памятниками, не оставили въ физіономіи ея обитателей слѣдовъ, которые можно было бы признать съ достовѣрностью, и нѣть никакихъ преданій, которая связывали бы то или другое племя съ этими давними господами. Точно также ничто, ни въ физическихъ чертахъ, ни въ языке и нравахъ, не напоминаетъ грековъ или вандаловъ. Единственные два этническихъ элемента, представленные въ краѣ, за исключеніемъ евреевъ и недавно переселившихся иностранцевъ,—это различныя группы, понимаемыя, правильно или неправильно, подъ общимъ именемъ берберовъ, и потомки арабскихъ пришельцевъ. Эти послѣдніе, судя по языку и нравственному превосходству, которое имъ даютъ традиціи завоеванія и ихъ роль

распространителей новой религіи, составляютъ по виду значительную часть націи; но, въ действительности, народы, которые, въ кареагенскую эпоху, составляли, подъ разными именами, основу населенія, и теперь еще являются самой многочисленной его частью, хотя они въ сильной степени смѣшаны съ другими элементами, которые скрещивались между собой и постепенно слились въ туземномъ типѣ. Древній языкъ не исчезъ совершенно. Жители острова Джербы говорятъ берберскимъ нарѣчіемъ и даже писали на немъ прежде; въ одной изъ деревень острова существуетъ книга, написанная по-берберски, вѣроятно, древними ливійскими знаками, ибо джерабинцы, какъ называются этихъ островитянъ, признаютъ буквы ихъ собственной азбуки въ ливійскихъ надписяхъ, которыхъ имъ показывали въ копіяхъ²⁾. Могущественное племя ургамма, кочующее въ мѣстностяхъ Туниса, прилегающихъ къ триполійской границѣ, также говоритъ берберскимъ діалектомъ, довольно близкимъ къ нарѣчію островитянъ; горцы Джебель-Дуирата и Джебель-Метматы, принадлежащіе къ той же «кабильской» группѣ, какъ и триполійские берberы Джебель-Іефрена, тоже употребляютъ этотъ идиомъ. Что же касается племени дридъ или деридъ, живущаго на сѣверѣ страны, по обѣ стороны рѣки Меджерды, относительно котораго прежде полагали, что оно сохранило берберскій говоръ,—то это предположеніе оказалось ошибочнымъ. Всѣ тунисскія племена сѣверной и центральной частей края, даже тѣ, которые вполне сохранили свои берберскія преданія и родословную, арабизировались по языку. Впрочемъ, эти два этническихъ элемента такъ тѣсно сблизились, въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ совмѣстного существованія, что иное племя, носящее одно общее имя, состоить изъ различныхъ фракцій, частію берберскаго, частію арабскаго происхожденія. Такъ, хумиры, которыхъ обыкновенно считаютъ составляющими одну однородную группу, дѣлятся на самомъ дѣлѣ на нѣсколько второстепенныхъ племенъ, изъ которыхъ одно чисто-берберскаго происхожденія, тогда какъ три другихъ причисляютъ себя къ арабамъ; но всѣ эти племенныя подраздѣленія говорятъ мавританскимъ діалектомъ. Однако, традиціонная філіація того или другаго племени не можетъ служить вѣрнымъ признакомъ чистоты его происхожденія, такъ какъ изъ поколѣнія въ поколѣніе браки могутъ значительно видоизмѣнить расу. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ сѣверномъ и среднемъ Тунисѣ скрещиванія почти смѣшили двѣ расы: арабы оберберились, а берберы обарабились. Небольшая, относительно, высота горныхъ массивовъ и ширина долинъ, развѣтвляющихся далеко внутрь страны, облегчали это этническое смѣ-

¹⁾ Dommel Adanson, „Tunis-Journal“, № 20, 6 июля 1884.

²⁾ Henri Duveytier, „La Tunisie“.

шение, и рѣзкіе контрасты, наблюдаемые въ Алжирѣ и въ Марокко между кабилами и арабами, какъ по наружности, такъ и по нравамъ, не повторяются въ Тунисѣ. Берберскій типъ въ чистомъ видѣ встрѣчается лишь у южныхъ горцевъ и на островѣ Джерба. Тамъ, какъ и въ алжирской области Джурджура, большинство аборигеновъ имѣютъ, сравнительно съ арабами, лицо болѣе широкое и болѣе короткое, черепъ и овалъ лица менѣе правильные, волосы менѣе черные, глаза болѣе живые, улыбку болѣе добродушную, и отличаются болѣе веселымъ, болѣе увлекающимъ и предприимчивымъ характеромъ^{1).}

Гораздо рѣзче, чѣмъ дѣленіе расъ, обозначено дѣленіе, происходящее отъ различія образа жизни. Горожане и кочевники, каково бы ни было ихъ происхожденіе, представляютъ полную противоположность другъ другу и обращаются взаимно такъ, какъ будто они принадлежать къ двумъ различнымъ народностямъ. По приблизительнымъ народнымъ переписямъ, населеніе Туниса дѣлится почти поровну между «людьми дома» и «людьми шатра». Въ сѣверныхъ областяхъ, кочевыя племена, окруженныя со всѣхъ сторонъ городами, деревнями и воздѣланными землями, располагаютъ лишь незначительнымъ пространствомъ для кочевокъ, тогда какъ на югѣ передъ ними открыты обширныя степи, гдѣ они могутъ на просторѣ выбирать любое мѣсто для своихъ становищъ. Впрочемъ, во всѣхъ частяхъ Туниса живутъ семьи полу-осѣдлыхъ, полу-кочевыхъ, то воздѣлывающія свое поле въ долинѣ, то слѣдующія за своими стадами на горныхъ пастбища. Головки, междуусобія, войны часто раздѣляютъ племена и раскидываютъ группы ихъ на сотни верстъ одну отъ другой. Не проходитъ поколѣнія безъ того, чтобы не случались эти «исходы», подобные тѣмъ, о которыхъ намъ рассказываютъ исторія и мѣстная преданія. Такъ, дриды или дериды, всюду сопровождавшіе «военного бея» въ качествѣ сборщиковъ податей, разсѣялись въ разныхъ частяхъ Туниса, по обѣ стороны рѣки Меджерды, а племя уладь-сиdi-абидъ, сосѣднее съ племенемъ беджа, на сѣверѣ, послало одинъ изъ своихъ роевъ въ оазисъ Нафта, близъ шотта эль-Джерида. Дедмаки или тадемаки, одно изъ племенъ группы хумировъ, суть, по Дюверье, братья кель-тадеккетовъ, вошедшихъ теперь въ составъ союза туареговъ аузилимиденъ, на берегахъ Нигера^{2).} И всѣ другіе хумиры, даже тѣ, которые называютъ себя арабами, пришли съ юга и съ запада, нѣсколько вѣковъ тому назадъ^{3).} Наконецъ, что такое земледѣльцы тарабельцы въ

окрестностяхъ Туниса, если не потомки выходцевъ изъ Триполи, какъ показываетъ ихъ имя? Съ другой стороны, по общераспространенному въ странѣ преданію, малтийцы, эти островные арабы, сдѣлавшіеся такими ревностными католиками, суть единоплеменники уладь-саидовъ, кочующихъ въ окрестностяхъ Сузы^{4).}

Еще въ недавнюю эпоху многоеnomадовъ жили войной и грабежомъ, или какъ солдаты бея, или какъ разбойники. Кочевники племени ургамма, на триполійской границѣ, въ числѣ 30.000 душъ, что представляетъ вооруженную силу по меньшей мѣрѣ отъ четырехъ до пяти тысячъ человѣкъ, были освобождены отъ всякой даніи по той простой причинѣ, что они не согласились бы платить ее; но имъ офиціально поручено было защищать пограничную область противъ иноземныхъ грабителей, и подъ предлогомъ исполненія этой обязанности, они врывались въ кочевья сопредѣльныхъ племенъ, убивали мужчинъ, захватывали женщинъ, дѣтей, животныхъ, сѣѣстные припасы. Ургамскіе воины, гордившіеся своими кровавыми подвигами, имѣли привычку дѣлать нарѣзку на дулѣ своего ружья для каждого убитаго ими непріятеля: показываютъ подобныя ружья, сплошь исчерченныя нарѣзками, отъ курка до отверстія дула^{2).} Туземцы племени ханенша въ Калаэсъ-Сенамъ, хорошо защищенные въ своей горной крѣпости, питали такую ненависть къ солдатамъ бея, что когда тѣ являлись требовать подати, то имъ бросали въ высоты скалъ дохлую собаку, съ насмѣшилыми криками: «вотъ дань бею!»^{3).} Номады племени гамамма, кочующіе по степямъ въ окрестностяхъ Гафсы, выдавали себя за вѣрныхъ подданныхъ бея, но только для того, чтобы грабить его именемъ. Каждаго ребенка мужескаго пола, въ самый день его рожденія, отецъ клалъ на осѣдланную лошадь и привѣтствовалъ новорожденаго двумя стихами: «Сѣдо и узда,—и жизнь по исламу!» Это означало, что ребенокъ не получить другаго наслѣдства, кроме коня и оружія; онъ самъ долженъ будеть добывать себѣ хлѣбъ наступній, обирая своихъ братьевъ-мусульманъ, населяющихъ обширный мѣрѣ ислама^{4).} Въ настоящее время сыновья бандитовъ, не имѣя болѣе возможности снискивать себѣ пропитаніе грабежомъ, эмигрируютъ въ города, преимущественно въ Бону и Тунисъ, гдѣ работаютъ въ качествѣ носильщиковъ. Путешественникъ, проѣзжая по землямъ племени ургамма, съ удивленіемъ встрѣчаетъ подъ шатрами номадовъ, говорящихъ по-французски: это разбогатѣвшіе эмигранты, вернувшіеся на родину.

¹⁾ P. Topinard, „Instructions sur l'Anthropologie de l'Algérie“.

²⁾ Henri Duveyrier, „La Tunisie“.

³⁾ Letourneau, рукописные замѣтки;—Playfair, „Travels in the footsteps of Bruce“.

⁴⁾ Pellissier, цитированное сочиненіе;—O. Mac Carthy, рукописные замѣтки.

²⁾ Henri Duveyrier, цитированное сочиненіе;—P. Zaccone, „Notes sur la Régence de Tunis“.

³⁾ O. Mac Carthy, рукописные замѣтки.

⁴⁾ Henri Duveyrier, цитированное сочиненіе.

До занятия Туниса французскими войсками, сильно изменившим состав партий, туземцы всей страны делились на два враждебныхъ софы, или союза, которые, впрочемъ, часто менялись, смотря по распределению налоговъ и вымогательствомъ кади¹⁾. Изъ этихъ двухъ большихъ партий, одна, асхиміи, называла себя партией бея; въ центральномъ Тунисѣ она была представлена главнымъ образомъ многочисленнымъ племенемъ гамамма, тогда какъ племя бени-зидъ стояло во главѣ партии башіевъ или независимыхъ арабовъ; послѣдніе приписываютъ себѣ происхожденіе отъ одного французского ренегата и на этомъ основаніи хорошо приняли путешественника Пелисье, величая его «кузиномъ». Племена уладь-айаръ изъ Кефа, злесь изъ Кайруана, нефеть изъ Бугедма, ургамма, аккара изъ пограничной съ Триполи области были въ союзѣ съ племенемъ гамамма, тогда какъ племена металитъ изъ Сфакса, суасъ изъ Сузы, маджеръ, фрашишъ съ алжирской границы, газемъ изъ Габеса принадлежали къ числу бедуиновъ, не признавшихъ надъ собой никакой власти. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, бени-зиды смѣлымъ нападеніемъ овладѣли касбой Сфакса и выпустили на волю всѣхъ арестантовъ своего софа, которыхъ правительство бея заключило въ эту крѣпость. Магадѣбы, живущіе на побережїи между Сфаксомъ и Малымъ Сиртомъ, пользуются, какъ марабутское племя, всеобщимъ уваженіемъ: бей освободилъ ихъ отъ податей, подъ условіемъ, чтобы они давали у себя пріютъ проходящимъ караванамъ. Что касается нефзауевъ, обитающихъ на полуостровѣ того же имени, между шоттами Эль-Джеридъ и Эль-Феджеджъ, то они раздѣлены между двумя софами. Племена, принадлежавшія къ независимому софу, пытались было оказать сопротивление французамъ, но послѣ нѣсколькихъ стычекъ, бѣжали на триполійскую территорію. Эти бѣглецы, въ числѣ около тридцати тысячъ человѣкъ, съ трудомъ находили себѣ пропитаніе у южныхъ племенъ, и большинство ихъ вернулось просить мира. Предводитель этого восстania былъ изъ племени нефетъ.

У арабовъ, жителей городовъ, которыхъ очень часто называютъ маврами, какъ и ихъ соплеменниковъ въ городахъ Алжирѣ и Марокко, образовавшихъ ихъ различные этнические элементы такъ тѣсно слились, что теперь невозможно ихъ распознать. Даже мавры, изгнанные изъ Испаніи, одни въ пятнадцатомъ, другие въ началѣ семнадцатаго столѣтія, и которымъ были указаны для жительства особые кварталы и отведены точно определенные участки пахотной земли въ окрестностяхъ городовъ, оставили по себѣ лишь въ немногихъ мѣстахъ

¹⁾ Rabat et Tirant, „Tour du Monde“, 1875, 1 semester; — P. Zaccone, цитированное сочинение.

потомство, которое можно отличить отъ другихъ горожанъ арабского происхожденія¹). Только нѣсколько благородныхъ фамилій, тщательно сохранившихъ свою генеалогію или даже хранящихъ ключи своего севильского или гренадского дома, продолжаютъ называться андалусами или андалосами, то-есть «андалузцами». Кроме того, указываютъ нѣсколько городовъ и деревень, где есть рабочіе родомъ изъ Испаніи, занимающіеся какимъ-либо специальнымъ промысломъ, и которымъ традиціи ремесла позволили сохранить память о происхожденіи: искусные садовники Тестура и Тебурбы, на нижней Меджердѣ, знаютъ, что отцы ихъ жили на берегахъ Хениля и Гвадалквири; въ Небель, на восточномъ берегу, гончары сохранили имя андалузцевъ и хранятъ, какъ святыню, передаваемые изъ рода въ родъ сосуды, привезенные изъ Малаги ихъ предками. Во время путешествія Пейсонеля, сто лѣтъ спустя послѣ ихъ изгнанія съ Иберійского полуострова, они еще говорили испанскимъ языкомъ и одѣвались по старинной андалузской модѣ. Въ составѣ «маврскаго» населенія Туниса входитъ также извѣстная доля ренегатовъ всякой національности, ввезенныхъ, въ видѣ живаго товара, въ эпоху торга невольниками.

Жители городовъ, особенно тунси или уладь-туне, то-есть «дѣти Туниса», имѣютъ цвѣтъ лица гораздо болѣе свѣтлый, чѣмъ кочевые племена; только у немногихъ лицо смуглѣе; оттенкомъ кожи они походятъ на испанцевъ и южныхъ итальянцевъ. Лицо у нихъ вообще овальное, носъ длинный, брови густыя, борода черная, какъ смоль, и довольно рѣдкая; роста они средняго, стройны, граціозны, отличаются благородствомъ движений; у нихъ не замѣтается той худобы икръ, которая бросается въ глаза у семитовъ Аравійского полуострова; также какъ у индусовъ, и между ними не встрѣчаются субъекты, которые бы походили дородностью на своихъ согражданъ, испанскихъ евреевъ. Большинство тунисцевъ религіозны, но безъ всякаго фанатизма; они вообще серьезны, степенны, доброжелательны, и какъ бы ни были испорчены торговществомъ, они все-таки, въ среднемъ, честнѣ своихъ соперниковъ изъ израильянъ и христіанъ; во времена морскаго разбойничества и невольничества тунисские рабовладѣльцы славились своимъ хорошимъ обращеніемъ съ плѣнными²⁾; вѣроятно, «плѣнныя дѣвы изъ Туниса и Бизерты», привѣщавшерѣ въ жилищахъ христіанскихъ пиратовъ, были менѣе счастливы, чѣмъ христіанская плѣнница, попавшая въ руки тунисцевъ³⁾. Между тунисцами, если исключить купцовъ, мало та-

¹⁾ H. von Maltzan, „Reise in den Regentenstaaten Tunis und Tripolis“.

²⁾ Peyssonnel et Desfontaines, „Voyages dans les r閑gences de Tunis et d'Alger“.

³⁾ Malherbe; — „Revue de Géographie“, janvier 1883.

кихъ, которые, съдѣй примѣру Магомета, имѣютъ болѣе одной супруги за разъ. По своему искусству въ ремеслахъ, хорошему вкусу, коммерческой смѣтливости, наконецъ по своей относительной образованности и начитанности, но не по нравственности, тунисцы считаются стоящими выше всѣхъ другихъ мавровъ. До турецкаго господства, когда южныя племена, расположившія свои становища на большихъ торговыхъ дорогахъ, не предавались разбойничеству,—Тунисъ былъ главнымъ вывознымъ рынкомъ для населенія Судана; негры на берегахъ Нигера и озера Цаде не находили никакой товаръ достойнымъ восхищенія, если онъ не былъ сфабрикованъ тунисцемъ. «Тунисъ изобрѣтаетъ, Алжиръ отдѣлываетъ, Оранъ портитъ», гласить арабская пословица, цитируемая Теофиломъ Готье; но по физической энергіи и увлечению въ работѣ упомянутыя народности располагаются въ обратномъ порядкѣ: триполийскіе африканцы—самые плохіе работники, тунисскіе получше, хотя не такъ хороши, какъ алжирцы, которые, въ свою очередь, уступаютъ марокканцамъ¹⁾.

Турецкій элементъ въ Тунисѣ, представленный нѣкогда беями и янычарами, давно уже пересталъ пополняться новобранцами, и теперь тамъ уже не увидишь настоящихъ турокъ: чрезъ браки османысы, въ томъ числѣ и бейская фамилія, всѣ сдѣлались кулуглисами и растворяются мало-по-малу въ господствующей расѣ арабскихъ «мавровъ»; малекитское вѣроисповѣданіе, къ которому они принадлежали, постепенно замѣняется ганѣфитской обрядностью, которой придерживается огромное большинство мавританскихъ мусульманъ. Расколь имѣеть, однако, многочисленныхъ послѣдователей въ тунисскихъ городахъ. Бени-мзабы, которые регулярно ходятъ въ Тунисъ на заработки, въ качествѣ продавцовъ угля и банныхъ истопниковъ, всѣ хареджиты или «диссиденты»; ихъ называютъ также «людьми пятой» (вѣры), въ томъ смыслѣ, что они не находятся въ лонѣ ни одной изъ четырехъ правовѣрныхъ сектъ. Джерабинцы—тоже «пятой» вѣры и ибадгитскаго исповѣданія, какъ бени-мзабы и берберы Джебель-Нефусы, съ которыми они сходствуютъ обычаями и повѣрьями: они носятъ шешію, шерстяную гандуру, вышитую, какъ коверь, узорами яркихъ цветовъ, считаютъ кошку поганой и боятся хамелеона. Правила культа обязываютъ ихъ снимать шаровары во время молитвы²⁾). Правовѣрныя религиозныя братства представлены въ Тунисѣ главнымъ образомъ тиджаніями, маданіями, аїссакауми, и во многихъ племенахъ есть почитаемыя семьи, состоящія изъ шорфовъ, или «сыновъ Пророка». Вообще въ городахъ больше фанатизма, чѣмъ въ де-

ревниахъ, у осѣдлыхъ жителей больше, чѣмъ у кочевниковъ. Причина тому, говорить Целисье, въ системѣ образованія, господствовавшей въ мусульманскомъ мірѣ: «самые большие грамотеи—самые глупые люди». При томъ, въ краѣ сохранились многія повѣрья, предшествующія введенію ислама. Туземцы до сихъ поръ еще вѣшаютъ лоскутки шерстяной матеріи на извѣстныя деревья, указываемыя преданіемъ; они очень боятся дурнаго глаза и защищаютъ свои жилища знакомъ пяти пальцевъ, такъ какъ число пять—символъ рыбы—считается особенно благопріятнымъ. Отецъ многочисленнаго семейства всегда скажетъ: «у меня пятеро дѣтей», хотя бы ихъ было гораздо больше; онъ боится произнести другое число, какъ могущее имѣть менѣе счастливое или даже пагубное вліяніе. Во время засухъ туземцы прибегаютъ къ заклинаніямъ и колдовству, чтобы открыть «ворота тучъ»; когда дождь слишкомъ долго не приходитъ, и посѣвамъ ихъ грозить серьезная опасность, они схватываются свой каидъ и, обмакнувъ его въ фонтанъ, спускаются съ конца киппіи воды себѣ на бороду: «это ихъ манера совершасть молебствіе», замѣчаетъ путешественникъ Беле.

Пропорціонально магометанскому населенію, евреи болѣе многочисленны въ Тунисскомъ регионѣ, чѣмъ въ Алжирѣ. Они образуютъ значительныя общины не только въ столицѣ страны, но также въ другихъ городахъ прибрежья и на островѣ Джерба. Между этими сынами Израиля многіе ведутъ свой родъ отъ евреевъ, поселившихся въ краѣ до арабскаго завоеванія, и даже, можетъ-быть, въ этихъ семействахъ, еще недавно такъ презираемыхъ, отыскались бы кое-какіе остатки древнихъ властителей страны, караогенія. Евреи, изгнанные изъ Испаніи и Португаліи, равно какъ вѣтъ, которые эмигрировали въ теченіе послѣдніхъ столѣтій, извѣстны вообще подъ именемъ «грана», то-есть ливорнцевъ, потому что Гурия, или Ливорно, былъ главнымъ рынкомъ іудеевъ, изгнанныхъ съ Иберійскаго полуострова¹⁾. Эти «ливорнцы», поставившіе себя подъ покровительство итальянскаго консула или другихъ представителей иностранныхъ державъ, рѣдко имѣли поводъ жаловаться на тунисцевъ, тогда какъ «старые евреи» были лишены всякой законной защиты противъ дѣлаемыхъ имъ притѣсненій или вымогательствъ. Очень большое число семействъ вынуждены были отречься отъ своей вѣры, чтобы избѣгнуть преслѣдованія, и хотя эти евреи-мусульмане охотно вступаютъ въ общеніе со своими бывшими единовѣрцами, они остались въ лонѣ ислама. Есть также евреи, культи которыхъ существенно измѣнился; таковы, напр., израильяне острова Джерба, ко-

¹⁾ Beule;—Barth;—Maltzan etc.

²⁾ Maltzan;—Bordier, рукописные замѣтки.

¹⁾ H. von Maltzan, цитированное сочиненіе; — Ernest Desjardins, рукописные замѣтки.

торые почитают святыхъ и мусульманскихъ мараутовъ. Еще въ 1868 году семнадцать че-ловѣкъ тунисскихъ евреевъ были умерщвлены безнаказанно, и никто не осмѣлился заикнуться о судебномъ преслѣдованіи убийцъ. Въ преж-нее время особый головной уборъ отличалъ безправныхъ евреевъ отъ тѣхъ, которыхъ не смѣли трогать безъ позволенія консуловъ. По странной превратности судьбы, большинство испанскихъ евреевъ Тунисского регентства, помня, что ихъ предки жили на Пиренейскомъ полуостровѣ, заявили свои права по происхож-

на арабскомъ языѣ, и при томъ, говоритъ Мальцанъ, воззваніе, всего чаще произносимое и единственное, которое повторяютъ женщины: эта древняя молитва просить Господа «распространить свой гнѣвъ на Испанію, равно какъ на Измаиль, на Кедаръ и на Эдомъ», — три имени, который въ фигуральномъ смыслѣ означаютъ арабовъ, магометанъ всякой расы и христіанъ. Несмотря на эти моленія, обращенные къ Богу Мстителю, тунисские евреи отличаются очень мирнымъ нравомъ; они, кажется, также не вполнѣ заслуживаютъ репута-

Тунисская еврейка.

денію, чтобы, въ качествѣ иностранныхъ под-данныхъ, поставить себя подъ покровительство страны своихъ бывшихъ преслѣдователей. Точно также, до присоединенія Туниса къ фран-цузскимъ владѣніямъ, многие эмигранты, поки-нувшіе Алжирію, чтобы не покориться нена-вищимъ завоевателямъ, называли себя алжир-цами, чтобы найти поддержку у французского консула противъ правительства бея.

Всѣ тунисские евреи, какъ уроженцы края, такъ и пришельцы извѣтѣ, придерживаются испанской обрядности: читаютъ Пятикнижіе и произносятъ свои молитвы на еврейскомъ язы-кѣ; но одно изъ воззваний къ Богу составлено

цию жадныхъ, которая имъ приписывается на-равнѣ со всѣми ихъ единонѣрцами, но они очень ловко пользуются всякимъ представляющимся случаемъ практиковать какой-нибудь новый промыселъ. Число ихъ быстро возрастаетъ вслѣдствіе перевѣса рождаемости надъ смерт-ностью; они давно уже перешли за черту тунисской «гары», или *гетто*, гдѣ были интер-нированы, и теперь распространяются во всѣхъ кварталахъ города; нѣкоторыя части базара были совершенно отвоеваны ими у арабовъ, лавка за лавкой. Въ настоящее время ихъ уже не всегда узнаешь по костюму, такъ какъ за-конъ, воспрещавшій имъ одѣваться по-мусуль-

мански, не существует больше, и многие изъ нихъ носятъ европейское платье; но ихъ легко отличить по физиономіи, по походкѣ и часто также по дородности, такъ какъ испанскіе евреи Туниса имѣютъ необыкновенную склонность толстѣть. Еще недавно молодыя дѣвушки были специально подвергаемы откармливанію; искусство помогало природѣ въ сообщеніи имъ тучности. Прежде, чѣмъ быть признанными обладающими достаточной полнотой, молодыя дѣвушки должны были имѣть ноги и руки довольно толстыя, чтобы удерживать кольца и браслеты, которые носили ихъ матери ¹⁾). Въ то время, какъ почти во всемъ свѣтѣ евреи выгодно отличаются отъ другихъ этническихъ элементовъ относительной чистотой нравовъ, тунисскіе потомки Израиля составляютъ контрастъ съ другими жителями нравственной распущенностью: мѣстная проституція пополняетъ свои ряды преимущественно еврейками.

Подобно евреямъ, тунисскіе европейцы дѣлятся на два класса: на купеческие роды, издавна поселившіеся въ краѣ, и на свѣжихъ иммигрантовъ, которые еще смотрятъ на себя какъ на иностранцевъ. Классъ «старыхъ тунисцевъ», къ которому принадлежитъ нѣсколько сотъ французскихъ и итальянскихъ семействъ, еще недавно составлялъ какъ бы отдѣльную націю въ государствѣ, подобно левантинамъ Константина Поля и Смирны. Ихъ національность давала имъ особыя привилегіи, которыми они гордились; сплоченные вокругъ своихъ консуловъ, они избѣгали притѣсненій и вымогательствъ, которымъ подвергались туземцы, и должны были, вслѣдствіе того, испытывать колективную гордость, привыкавшую ихъ къ родинѣ; но духомъ и нравами они значительно отличаются отъ своихъ заморскихъ соотечественниковъ. Подъ этими купеческими родами патриціевъ копошится толпа простыхъ пріешьцевъ, иммигрантовъ-пролетаріевъ, состоящихъ подъ покровительствомъ иностранныхъ державъ. Англійскій консулъ могъ бы собрать вокругъ себя такую массу этихъ протеже, что изъ нихъ сформировалась бы цѣлая армія, ибо малтійцы составляютъ самую многочисленную группу между европейцами, живущими въ Тунисскомъ регентствѣ, если только можно назвать европейцами арабовъ римско-католического вѣроисповѣданія. Сосѣдство архипелага, лежащаго всего въ двадцати часахъ отъ Тунисского порта, позволяетъ даже самымъ бѣднымъ уроженцамъ Мальты отправиться попытать счастья на африканскомъ континентѣ, гдѣ они водворяются въ качествѣ носильщиковъ, лодочниковъ, мелкихъ торговцевъ, харчевниковъ, садовниковъ; вѣдь некоторые улицы Туниса заняты исключительно малтійцами, и даже на самыхъ отдаленныхъ отъ столицы дорогахъ, на опас-

ныхъ горныхъ тропинкахъ можно встрѣтить тесканті малтійского происхожденія, странствующихъ пѣшкомъ съ женой и дѣтьми, въ сопровожденіи лошади, нагруженной разными матеріями и другими товарами. Сицилійцы, калабрійцы тоже составляютъ значительную группу населенія, къ которой нужно прибавить постоянно возрастающую колонію сѣверныхъ итальянцевъ.

Иностранная колонія въ Тунисѣ въ 1891 г. распредѣлилась, по національностямъ, слѣдующимъ образомъ:

Итальянцевъ—22.000, англо-малтійцевъ—9.000, французовъ—19.647, другихъ иностранцевъ (грековъ, швейцарцевъ, австрійцевъ и пр.)—2.000.

Присоединеніе Тунисскаго регентства къ Франції естественно имѣло слѣдствіемъ значительное возрастаніе числа французскихъ иммигрантовъ, которые селятся теперь уже не только въ Тунисѣ и другихъ приморскихъ городахъ: желѣзная дорога, перерѣзывающая всю страну съ востока на западъ, телеграфныя станціи, разсѣянныя по территории, лагери и крѣпости, занимающіе стратегическіе пункты, земли, покупаемыя для культуры винограда и маслины,—привлекаютъ во внутреннія мѣстности постоянно возрастающее число французовъ, чиновниковъ и служащихъ, купцовъ, спекуляторовъ или работниковъ всякаго рода, и «французы» же африканскаго происхожденія, то-есть кабилы, приходятъ на временный заработокъ, въ качествѣ косцовъ и жнецовъ. Французское населеніе регентства, по переписи 29 ноября 1896 г., состояло изъ 26.678 человѣкъ, въ томъ числѣ 10.144 военныхъ. Экономическое завоеваніе Тунисскаго регентства идетъ гораздо быстрѣе, чѣмъ шло подобное же завоеваніе Алжира: на нашихъ глазахъ, страна, такъ долго отдѣленная отъ Европы и связанныя своими историческими судьбами съ азиатскимъ мѣромъ, снова занимаетъ въ бассейнѣ Средиземного моря то мѣсто, которое ей указано природой и рельефомъ почвы, климатомъ и естественными произведеніями.

IV.

Эль-Бибанъ, пограничное мѣстечко, близъ триполійскаго берега, могло бы имѣть нѣкоторую важность, стратегическую или торговую, если бы два пролива, которыми оно командуетъ, у входа въ «озеро Воротъ», Багиретъ-эль-Бибанъ, позволяли большими судамъ проникать въ этотъ обширный бассейнъ; но по причинѣ недоступности проливовъ, теперь едва лишь нѣсколько рыбачихъ баркѣ бросаютъ якорь передъ фортомъ; торговое движеніе, впрочемъ, очень слабое, направилось на сѣверо-западъ къ рейду Зарзиса, или Джерджиса, города, состоящаго изъ пяти отдаленныхъ деревень, раз-

¹⁾ Maggill;—de Flaux, etc.

съянныхъ среди пальмовыхъ и масличныхъ рощъ и полей, засѣянныхъ пшеницей. Эта область нѣкогда была такъ плодородна, что, по мѣстной легендѣ, каналъ, вырытый въ окрестностяхъ Зіана, или Мединетъ-Зіана, внутренняго города, теперь лежащаго въ развалинахъ, приносилъ въ портъ Зарзисъ цѣлый потокъ оливковаго масла, которое туземцы собирали въ боченки, чтобы грузить на корабли, но эта масляная рѣка давно уже иссякла, благодаря окрестнымъ бедуинамъ-грабителямъ, племень акара и ургамма, вырубившимъ лѣса¹⁾.

ружнымъ видомъ походятъ на утесы, въ которыхъ овальная отверстія, сдѣланные на разныхъ высотахъ, изображаютъ входы гротовъ. При помощи наружныхъ лѣстницъ, грубо выскоченныхъ въ камнѣ, обитатели взбираются въ эти искусственные пещеры, имѣющія до пяти и даже до шести этажей. Въ соседнихъ горахъ, преимущественно въ горахъ Метмата, многочисленныя жилища, вырытыя въ пластахъ мягкаго известняка, напоминаютъ обиталища триполійскихъ троглодитовъ. Пещеры, служащи жильемъ для людей и хлѣвомъ для

Жилища въ Каэръ-эль-Муденинъ.

Недавно въ руинахъ Зіана найдены античныя статуи, римскія надписи¹⁾ и другіе драгоценныя предметы. По Барту, въ этой части морскаго берега, между Триполи и островомъ Джерба, нѣкогда жили въ большомъ числѣ коптскіе колонисты²⁾.

На западѣ, города Метамеръ и Каэръ-эль-Муденинъ, населенные отдѣлами племени ургамма, стоять посреди равнины, на укрѣпленныхъ горкахъ; до занятія Тунисскаго регентства французами касръ, или замокъ, Эль-Муденинъ выдержалъ осаду противъ арміи бея. Въ этихъ городахъ можно наблюдать переходъ отъ пещерной архитектуры къ архитектурѣ домовъ въ собственномъ смыслѣ. Постройки на-

животныхъ, вырыты по бокамъ на днѣ открытой шахты съ вертикальными стѣнками, но со двора къ поверхности виѣшней почвы поднимается полого коридоръ, запираемый снаружи дверью. Въ окрестныхъ равнинахъ тоже встречаются большія подземныя камеры, въ родѣ тѣхъ, какія выкапывали себѣ галлы, и какія до сихъ поръ еще въ употреблении въ землѣ сѣверныхъ галласовъ: туда, безъ сомнѣнія, туземцы прятались, чтобы не быть замѣченными непріятелемъ, проходившимъ по странѣ³⁾. Въ той же области Тунисскаго регентства найдены надгробные памятники въ формѣ усѣченныхъ пирамидъ, помѣщенные внутри ограды изъ колъевъ или круга изъ менгировъ или другихъ мегалитовъ.

Островъ Джерба, пространствомъ около

¹⁾ V. Guérin, „Voyage archéologique dans la r gence de Tanie“.

²⁾ „Wanderungen durch die K stenl nder des Mittelmeeres“.

³⁾ Ch. Tissot, цитированное сочиненіе.

64.000 гектаровъ (58.000 десятинъ),—самая населенная земля въ Тунисскомъ регентствѣ; пропорционально протяженію, онъ еще недавно былъ почти такъ же густо населенъ, какъ Франція, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ холера похитила много жертвъ. Его 40.000 жителей смотрятъ на свой островъ какъ на одинъ большой городъ, такъ какъ всѣ значительныя группы домовъ, защищенные фортами испанской конструкціи, обозначаются именемъ *хумтъ*, или «кварталь». Большинство джерабинцевъ живутъ небольшими поселками или отдѣльными дворами, огороженными заборомъ. Весь островъ воздѣланъ, и хотя вода для орошения получается только изъ колодцевъ и цистернъ, онъ необычайно плодороденъ, благодаря упорному труду неутомимыхъ берберовъ, обрабатывающихъ его почву. Тамошнія оливковыя плантаціи считаются лучшими во всей странѣ, и джербинское масло цѣнится гораздо выше производимаго на материкѣ. Другіе плоды фруктовыхъ садовъ, абрикосы, гранаты, винные ягоды, миндаль, тоже превосходны, а виноградъ, культивируемый преимущественно евреями, даетъ золотистое вино, которое сравниваютъ съ винами Самоса и Санторина. Купы пальмъ, разсѣянныя среди садовъ, усажены вѣтками финиковъ, которые, хотя лучше керкенскихъ, но много уступаютъ беледъ-эль-джеридскимъ: оттого эти деревья часто употребляются для производства пальмового вина, которое получается при помощи надрѣзовъ, дѣлаемыхъ на оконечности ствола. Земледѣліе, при всемъ трудолюбіи джерабинцевъ, недостаточно для прокормленія всего населения; прибрежные жители занимаются ловлей рыбы, осьминоговъ, губокъ; кроме того, гончары мастерятъ особаго рода посуду, сообща ей бѣлый тонъ посредствомъ погруженія въ морскую воду; многочисленные ткачи, работающіе у себя на дому, выдѣлываютъ одѣяла и разныя матеріи, шелковыя, шерстяныя и бумажныя, которыхъ высоко цѣнятся на тунисскомъ базарѣ и вывозятся далеко за предѣлы страны, даже на рынки королевства Борну⁴⁾. Молодые люди съ острова Джерба массами уходятъ на заработки въ большия города Тунисского и Триполійскаго регентствъ, подобно своимъ единовѣрцамъ—диссидентамъ, бени-мзабамъ; ихъ можно встрѣтить повсюду, даже на отдаленныхъ рынкахъ внутренней Африки, также какъ въ Константинополь и въ Египтѣ. Однако, малѣтіцы являются уже ихъ конкурентами на самомъ островѣ: въ 1860 г. насчитывалось до трехсотъ этихъ пришельцевъ въ главномъ мѣстечкѣ Джербы.

Древняя столица, носившая имя Менинксъ, какъ и весь островъ, была расположена на бе-

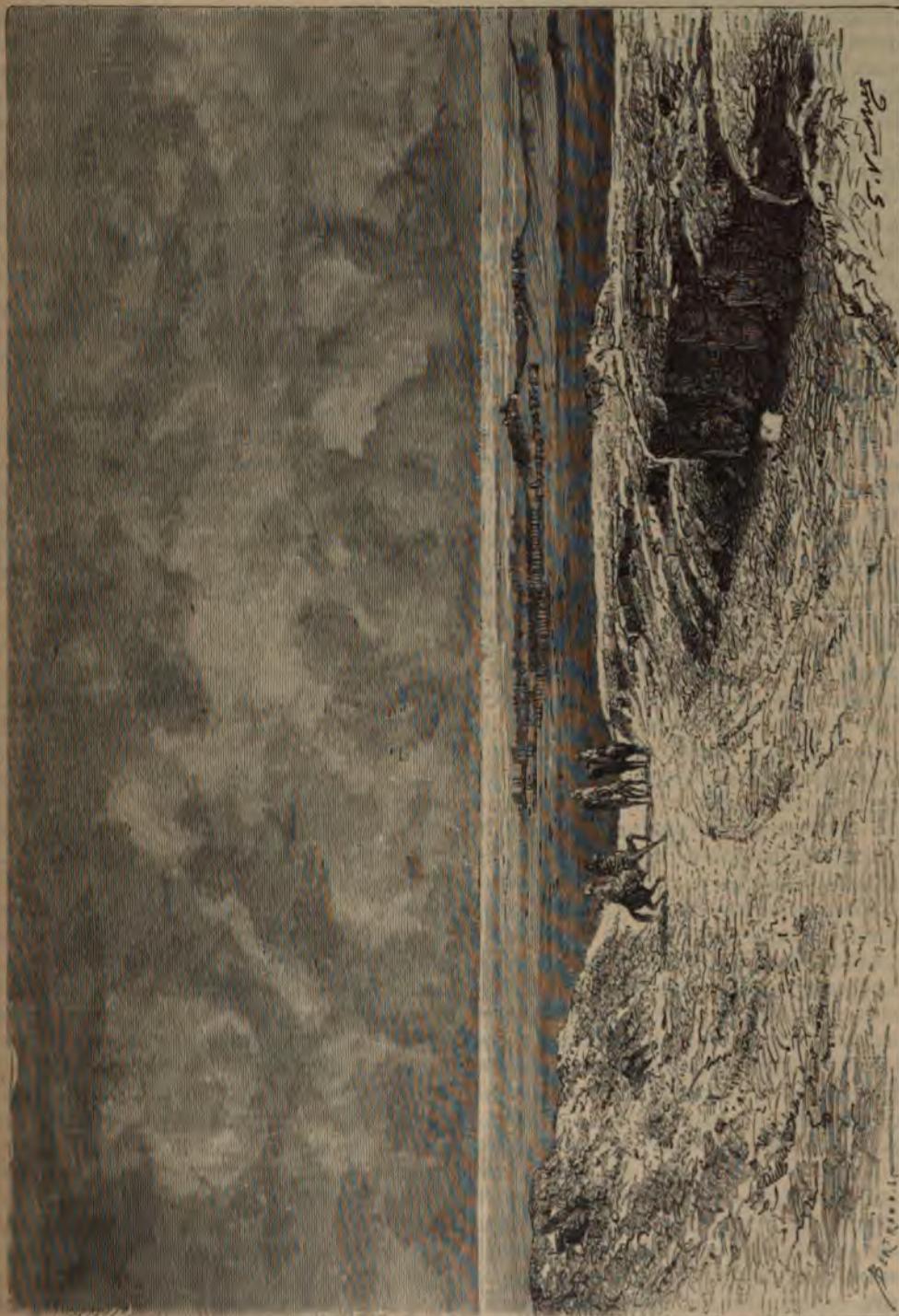
⁴⁾ G. Nachtigal, „Sahara und Sudan“; — Mohammed Abou Rasse Ahmed en-Naceur, „Description de Djerba“, trad. par Exiga.

регу восточного пролива, противъ твердой земли: оттуда начинался мостъ, соединяющій островъ съ континентомъ Африки. Стѣны этого большаго города, еще примѣтныя, имѣютъ пять километровъ въ окружности. Во всѣхъ частяхъ острова, который въ римскую эпоху былъ дачнымъ мѣстомъ для богатыхъ купцовъ Бизацены, находять и другія развалины городовъ и виллъ, но нигдѣ не сохранились остатки зданій, замѣчательныхъ своей архитектурой. На мѣстѣ древняго Менинкса теперь виднѣется лишь одинъ изъ тѣхъ «борджей», или старыхъ крѣпкихъ замковъ, какіе разсѣяны по всей окружности острова; единственный «хумтъ», на южномъ берегу, заслуживающій имени города,—Аджимъ, построенный недалеко отъ западнаго пролива, черезъ который проходить суда. Нынѣшняя столица Джербы лежитъ на сѣверномъ берегу, въ мѣстѣ мало благопріятномъ для торговли, такъ какъ большія суда не могутъ тамъ приставать и бросаютъ якорь въ нѣсколькихъ километрахъ отъ берега. Этотъ городъ, или вѣрѣе собраніе разбросанныхъ жилищъ, сборный пунктъ всѣхъ джербинскихъ купцовъ, не имѣть другаго имени, кромѣ имени «Рынокъ»; это хумтъ Сукъ, или Сукъ-эль Кебиръ. Евреи, очень многочисленные, единственныя жители, сгруппированные въ одинъ сплошной кварталъ, живутъ въ грязныхъ, вонючихъ лачугахъ, обвѣшанныхъ разнымъ тряпьемъ; они утверждаютъ, что предки ихъ пришли на этотъ островъ во времена вавилонскаго плененія. Въ центрѣ католическаго кладбища одна колонна напоминаетъ старинный борджъ Ріусъ, или «замокъ Головъ», пирамиду изъ человѣческихъ костей, которую турки воздвигли въ 1560 году, складывая въ кучу черепа павшихъ въ битвѣ испанцевъ. Въ пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія тунисское правительство вѣло убрать этотъ костникъ, въ знакъ международной вѣжливости.

На континентальномъ берегу Малаго Сирта самая значительная группа населенія—та, которой дали название Габесь. Это не городъ въ собственномъ смыслѣ, а совокупность мѣстечекъ и поселковъ, разсѣянныхъ среди пальмъ; съ моря оазисъ представляется островомъ зелени, гдѣ блестятъ тамъ и сямъ бѣлые стѣны; ручей, иногда пересыхающій въ своемъ главномъ руслѣ и почти всегда загражденный въ устьѣ песками во время отлива, вѣется между деревнями, развѣтвляясь по всѣмъ направлениямъ безчисленными ирригационными каналами. У входа этого уeda стоять борджъ Джедидъ, или «Новый фортъ», окруженный досчатыми хижинами мѣстечка, населенного торговымъ людомъ, *mercanti*, которое солдаты окестили именемъ «города плутовъ»: такъ начали свою карьеру многие города. Выше, на обоихъ берегахъ, группируются дома Джары, главнаго

населенного мѣста этого оазиса: по самому плану ирригационныхъ канавокъ, проведенныхъ ломаной линіей, какъ бы вокругъ крѣпости, можно догадаться, что тутъ стоялъ укрѣп-

формой Габесъ, Габсъ или Кабесь. Остатки римскихъ зданій были употреблены на постройку мѣстечка Джара и мѣстечка Мензель, лежащаго въ верстѣ отъ первого, на правомъ

Нафта и шоттъ Эль-Джеридъ.

ленный городъ. Это была, безъ сомнѣнія, цитадель древняго города, первоначально кара-генскаго, потомъ послѣдовательно римскаго, византійскаго, арабскаго, прежнее имя котораго Та-Капа продолжаетъ существовать подъ

берегу уада, въ центральномъ пункѣ оазиса, гдѣ происходить рынокъ. Далѣе, къ западу, разсѣяно, среди садовъ, нѣсколько другихъ деревень. Эти различныя группы жилищъ оазиса заключаютъ, вмѣстѣ, около 10.000 постоянныхъ

жителей, между которыми насчитывают нѣсколько сотенъ евреевъ. Къ малочисленной европейской колоніи прибавился небольшой французскій гарнизонъ, съ тѣхъ поръ, какъ Габесъ назначенъ главнымъ пунктомъ одного изъ военныхъ округовъ; недавно тамъ основана франко-арабская школа. До прибытія французовъ, между Джарой и Мензелемъ происходили постоянныя ссоры: отсюда, говорили въ шутку, и самое имя провинціи Арадъ, означающее «Раздоръ»¹).

Благодаря своимъ садамъ и полямъ, жители Габеса—одни изъ самыхъ счастливыхъ и зажиточныхъ между населеніемъ Туниса. Земля, оплодотворяемая водой ирригационныхъ каналовъ, дѣлится на безчисленное множество участковъ, раздѣленныхъ живыми изгородями изъ кактусовъ, глинистыми стѣнами, переплетенными пальмовыми вѣтвями; фиговые, миндальныя, померанцевыя и другія фруктовыя деревья растуть смѣшанно подъ правильными вѣрами, которые распустили высоко въ воздухѣ стройная финиковая пальмы; виноградъ обвиваетъ свои кисти вокругъ вѣтвей деревьевъ, и ячмень зрееть въ тѣни густой листвы. Но ни бананъ, ни сахарный тростникъ, составлявшіе богатство Габеса въ одиннадцатомъ столѣтіи, теперь тамъ уже не воздѣлываются, и отъ прежнихъ масличныхъ лѣсовъ едва осталось нѣсколько деревъ. Плодородіе окружающей почвы сдѣлало Габесъ важнѣйшей пристанью въ этой части морского побережья; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ служить вывознымъ портомъ для альфы, производимой центральными областями Туниса; кромѣ того, и стратегическое его значеніе немаловажно. Расположенный на восточной окраинѣ низменностіи, которая, черезъ шоттъ Эль-Джерида, врѣзывается далеко внутрь африканского континента, Габесъ позволяетъ экспедиціямъ огибать на югѣ, переходя изъ оазиса въ оазисъ, горы и плоскогорья Туниса и Алжира: тѣми именно мѣстами и ввозились, во время всѣхъ алжирскихъ возстаній, оружіе и боевые припасы; обширная контрабандная торговля, весьма опасная для прочности власти Франціи на ея сахарской границѣ, слѣдовала этимъ окольнымъ путемъ; такъ что, овладѣвъ Габесомъ, французы обеспечили за собой одни изъ воротъ Алжії. Къ несчастію, этотъ городъ не имѣетъ гавани. Существовавшая въ когда-то Такапъ бухточка, куда, впрочемъ, могли входить лишь мелкія суда, обмелѣла, а глубины, достаточные для большихъ судовъ, начинаются далеко отъ берега. Въ настоящее время изучаютъ планъ устройства искусственнаго порта съ помощью жете и драгажей; мѣсто выбрано противъ устья уезда Мелахъ, или «Соля-

наго оврага», въ который изливаются термальные воды Аинъ-Удрефа: артезианскій колодезь, недавно вырытый близъ уезда Мелахъ, на разстояніи километра отъ Средиземного моря, спускается на глубину 91 метра и даетъ обильную массу воды, которая быть фонтаномъ на высоту 4 метровъ надъ уровнемъ почвы. Проектъ искусственной гавани дополняется проектомъ желѣзной дороги, которая должна прокинуть къ алжирской сѣти черезъ Гафсу, Тебессу и Сукъ-Ахрасъ: Бона и Габесъ сдѣлаются тогда двумя соотвѣтственными портами, между которыми торговое сообщеніе будетъ производиться непосредственно сухимъ путемъ, и коммерсантамъ не нужно будетъ, какъ теперь, обходить на сѣверѣ тунисскіе мысы. Когда Габесъ, съ устройствомъ искусственного порта, въ состояніи будетъ принимать суда большаго водоизмѣщенія, ни одинъ городъ французскихъ владѣній не будетъ представлять болѣе выгодныхъ условій, чтобы сдѣлаться исходнымъ пунктомъ будущей транс-сахарской желѣзной дороги къ озеру Цаде: оттуда же, безъ сомнѣнія, будетъ начинаться продольный путь, направляющійся отъ моря къ морю на югѣ острова Магребъ, или Мавританіи. Торговля новаго города уже довольно значительна: вывозятся на пароходахъ альфа, финики, лавазонія.

Къ западу отъ Габеса и близъ южнаго берега шотта Эль-Феджеджъ, нѣсколько селеній, разсѣянныхъ, подобно деревнямъ Габеса, среди купъ деревьевъ, составляютъ одно цѣлое, известное подъ именемъ Эль-Гамма, или «Термъ»: это Акнае Тасаританае (Такапитанская вода) древнихъ. Четыре источника горячей воды, которые дали свое ими всему оазису, и температура которыхъ довольно высока, отъ 34 до 45 градусовъ Цельзія, еще утилизируются туземцами въ заведеніи, построенному на развалинахъ древнихъ термъ. За оазисами Эль-Гамма, которые окружены песками и степями, гдѣ кочуютъ берберы племени бени-зидъ, нужно идти между крутыми склонами джебель Тебаги и берегами большой себхи, прежде чѣмъ достигнешь, километрахъ въ шестидесяти, пальмовыхъ плантаций области Нефзауа. Въ числѣ около сорока, эти плантации занимаютъ, среди песковъ или въ циркахъ скаль, низменныя части треугольного полуострова, который выдвинулся къ сѣверо-западу между шоттомъ Эль-Феджеджъ и шоттомъ Эль-Джерида. Самая многочисленная изъ нихъ тянется одна за другой по южной сторонѣ цѣпи холмовъ и дюнъ, вдоль берега большаго шотта: во многихъ мѣстахъ онѣ образуютъ сплошной лѣсъ пальмъ, очень красивый на видъ, но иногда опасный для обитанія, по причинѣ вредныхъ испареній, поднимающихся съ прудовъ. Въ области Нефзауа нѣрѣдко можно видѣть отъ десяти до двѣнадцати стволовъ финиковой

¹) Pelissier, цитированное сочиненіе;—O. Mac Carthy, рукописный замѣткі.

пальмы, выросшихъ наклонно изъ одного корня, такъ что совокупность ихъ имѣть видъ громадной корзины, которая снаружи обложена кругомъ гарнитурой изъ опадающихъ съ вѣтвей фруктовъ.

Большинство деревень имѣютъ ограду изъ стѣнъ и рвовъ, которые могли бы защитить ихъ отъ нападенія бедуиновъ, но не устояли бы противъ организованныхъ военныхъ силъ. Кебилли, близъ сѣверо-восточной оконечности шотта Эль-Джеридъ, есть главное мѣстечко на полуостровѣ Нефзауа; въ одной изъ сосѣднихъ деревень къ западу, видны еще древнія надписи, позволяющія думать, что въ эпоху императора Адріана главное римское поселеніе находилось въ этомъ мѣстѣ. Осѣдлые жители оазиса Нефзауа, арабизованные по языку и религіи, принадлежать къ двумъ первоначальнымъ расамъ, нынѣ слившимся въ одно смѣшанное населеніе: къ чернѣрасѣ земледѣльцевъ и къ берберамъ племени нефзауа, вѣти большаго племени лутата, пришедшаго изъ Мармарида. Вокругъ этихъ постоянныхъ обитателей оазисовъ живутъ въ шатрахъ кочевыя арабскія племена, по большей части мирныя. Таковы меразиги, пасущіе свои стада на югѣ области Нефзауа и посѣщающіе рынокъ Дузъ; иногда, въ своихъ торговыхъ экспедиціяхъ, они доходятъ до Гадамеса. Далѣе на югѣ, въ рѣдкихъ оазисахъ и вокругъ колодцевъ, окаймляющихъ южную часть шотта Эль-Джеридъ, ко-чуаетъ могущественное племя горибовъ, родственное алжирскимъ народамъ, живущимъ по уду Суфтъ, отъ которыхъ оно отдѣлено областю дюнъ. Не такъ многочисленно, но очень опасно по своей разбойничьей повадкѣ племя уладъ-Якубы или «сыны Іакова», которое не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ племенемъ того же имени, кочующимъ въ горахъ, къ югу отъ рѣки Меджерды. Уладъ-якубы пустыни бродятъ на юго-востокѣ полуострова Нефзауа, по высокимъ степямъ, откуда они командуютъ дорогами между Тунискимъ генеративомъ и Гадамесомъ. Эти-тоnomads и прекратили, своими грабежами, прямое караванное сообщеніе между Тунисомъ и Нигрицией¹). Туземные жители оазисовъ, какъ осѣдлые, такъ и кочевые, носятъ, подобно туарегамъ, вуаль, или «лицамъ», скрывающій лицо до основанія носа. Тейсеренкъ де-Бортъ нашелъ въ области Нефзауа множество каменныхъ орудій.

Къ западу отъ полуострова Нефзауа, по другую сторону себхи Эль-Фараунъ, возвышаются холмы узкаго перешейка, которому специально дали название Беледъ-аль-Джеридъ, «страна пальмъ», или просто Джеридъ, «Пальмовый лѣсъ», распространяемое часто на всю область южныхъ оазисовъ. Въ самомъ дѣлѣ,

Джеридъ—по преимуществу страна финиковой пальмы. Окруженный шоттомъ и песками, защищенный отъ сѣверныхъ вѣтровъ горами, поднимающимися на сѣверо-востокѣ. Джеридъ дѣйствительно имѣть тотъ «огненный воздухъ», который всего болѣе соответствуетъ листвѣ пальмъ; въ то же время, онъ обладаетъ въ своихъ обильныхъ источникахъ водой, необходимой для корней, и эта вода, болѣе высокой температуры, чѣмъ воздухъ, образуетъ настоящія горячія рѣки, ускоряющія развитіе деревьевъ. Оазисы Джерида—это, по выражению Дюверье, «естественные теплицы», гдѣ можно бы было культивировать растенія тропическихъ странъ, растенія, свойственные Антильскимъ островамъ и Сондскому архипелагу; но ихъ великолѣпные финики, изъ которыхъ самые лучшіе прежде оставлялись для стола бея, апельсины, не менѣе высоко цѣнныя, фрукты всякаго рода, овощи и зерновые хлѣба вполнѣ достаточны для мѣстнаго населенія, и материальное благосостояніе было бы всеобщее, если бы не тяжелые налоги, которыми обременены жители этого благодатнаго уголка. Въ Джеридѣ насчитываются около миллиона финиковыхъ пальмъ, хотя общее пространство, занимаемое садами, не превышаетъ двухъ тысячъ гектаровъ (1.830 десятинъ); изъ этого числа (по Дюверье и Тейсеренку): въ оазисахъ Тозерь — 313.000, Нафта — 240.000, Эль-Удіанъ — 188.000, Эль-Гамма 80.000 пальмъ.

До двадцати тысячъ верблюдовъ приходятъ ежегодно за грузами этихъ плодовъ²). Кроме того, здѣшнія женщины занимаются ткацкимъ промысломъ и выдѣлываютъ бурнусы, хаики, одѣяла, очень цѣнныя во всей Мавританіи. Но жители Джерида не пользуются уже, какъ въ средніе вѣка, когда они были поставщиками невольниковъ на рынки Туниса, выгодами непосредственной торговли съ морскими портами и городами Сахары. Теперь эта торговля находится въ рукахъ посредниковъ, поселившихся въ ихъ краѣ, преимущественно евреевъ и мазабитовъ, которые и отправляютъ произведенія оазисовъ на отдаленные рынки. Оазисъ Нафта былъ прозванъ Марсатъ-эсъ-Сахара, или «Портомъ пустыни»: и теперь еще показываютъ мѣсто, откуда, будто-бы, отправлялись корабли и гдѣ, говорятъ, даже былъ найденъ остовъ судна²).

Арабскімъ городамъ во всей «странѣ финиковыхъ пальмъ» предшествовали города римскіе, остатки которыхъ видны до сихъ поръ, хотя большая часть материаловъ съ этихъ развалинъ была употреблена на постройку мечетей, монастырей, укрѣпленій: въ оазисѣ Тозерь распределеніе водъ и теперь еще регулируется римскими плотинами. Какъ въ боль-

¹⁾ Playfair, „Travels in the footsteps of Bruce“.

²⁾ Tissot, „Géographie comparée de la province romaine d'Afrique“.

шей части оазисовъ, въ Джеридѣ городскія на-
селенія не составляютъ сплоченныхъ городовъ,
а состоять изъ отдаленныхъ кварталовъ, раз-
сѣянныхъ среди садовъ. Нафта, западный
оазисъ, пользующійся иѣкотораго рода рели-
гіознымъ первенствомъ, во вниманіе къ тому,
что известное число его обитателей—«сыны
Пророка», заключаетъ въ себѣ девять отдален-
ныхъ деревень и четыре монастыря (заїю);
Тозерь, самый большой и самый населенный
изъ этихъ оазисовъ, служацій административ-
нымъ центромъ всего Джерида, дѣлится на
девять кварталовъ; въ Эль-Уданѣ, восточной
группѣ оазисовъ, населеніе распредѣляется
между иѣсколькими деревнями: Даши, Кризъ,
Седдада, довольно отдаленными одна отъ дру-
гой; наконецъ, оазисъ, называемый Эль-Гамма
или «оазисомъ Термъ», подобно оазису, нахо-
дящемуся въ сосѣдствѣ Габеса, пріотиль подъ
тѣнью своихъ пальмъ четыре группы домиковъ:
обильный горячій источникъ (36°), отъ кото-
рого онъ получилъ свое имя, и приемникомъ
которому служить бассейнъ римской постройки,
имѣть слегка сѣрую воду, и туземцы при-
писываютъ ему чудодѣйственную силу, которой
онъ обязантъ заслугамъ одного святаго, погре-
беннаго подъ сосѣднимъ куполомъ. Одна скала,
возвышающаяся къ сѣверу отъ селенія Кризъ,
въ оазисѣ Эль-Уданѣ, изрыта древними каме-
ниломиями и пещерой, известной подъ именемъ
«грота Семи спящихъ отроковъ». Съ вершины
этой горки, господствующей надъ самой узкой
частью перешейка, между шоттомъ Эль-Дже-
рида и шоттомъ Эль-Гарса, открывается чуд-
ный видъ на архипелагъ оазисовъ и на два
обширныхъ пространства, иѣкогда озерныя, ко-
торыя теряются за линіей горизонта на вос-
токѣ и западѣ. На сѣверѣ высится другія горы,
называемыя «Усами равнинъ», откуда лазут-
чики племени гамамма высматривали въ окру-
жающемъ пространствѣ караваны или одино-
кихъ путешественниковъ и сообщали о появ-
лении ихъ грабителямъ, спрятавшимся въ за-
садѣ подъ дороги. Недалеко отъ Криза, на
сѣверномъ берегу шотта Эль-Джеридъ, вид-
нѣется, начертанная на скалѣ, круглая фи-
гура съ полумѣсяцемъ наверху: Тиссо счи-
таетъ это изображеніе, представляющее луну,
памятникомъ древне-ливійского культа. Нравы
джерида иѣсколько отличаются отъ нравовъ
сосѣднихъ племенъ: эти послѣднія корятъ ихъ
тѣмъ, что будто они питаются собачьимъ мя-
сомъ.

Въ долинѣ уѣда, который подъ именемъ
Тарфауи, или «ручья Тамарисковъ», теряется
подъ конецъ въ пескахъ, на восточной оконеч-
ности шотта Гарса, слѣдуютъ одинъ за дру-
гимъ иѣсколько оазисовъ, разделенныхъ дикими
пустынями. Около начала уѣда, называемаго въ
этомъ мѣстѣ Бу-Гайя, находится первый оазисъ,
по имени Феріана, два поселка котораго обра-

зуютъ заїю, или монастырь: окрестные по-
мады, принадлежащіе къ племени уладъ-сиди-
абидъ, составляютъ родъ братства. Убогія по-
стройки Феріана кажутся такимъ ничтоже-
ствомъ въ сравненіи съ римскимъ городомъ,
вѣроятно, Телептомъ, который иѣкогда стоялъ
въ сосѣдствѣ. Руины, пройденныя Гереномъ,
занимаютъ пространство по меньшей мѣрѣ
пять километровъ въ окружности, и почти всѣ
камни, изъ которыхъ были построены публич-
ныя зданія, театръ, бани, а также и частные
дома, поражаютъ громадностью размѣровъ.
Гора, откуда извлекался этотъ строительный
материалъ, выломана на большую глубину:
исчезли цѣлые пласты ея массы; вершина этой
горы-каменоломни увѣнчана стариннымъ зам-
комъ. Кроме развалинъ Мединетъ-аль-Кади-
макъ, или «Старого города», на обоихъ бе-
регахъ уада, теперь необитаемыхъ, встрѣчаются
многочисленные остатки римской эпохи, пре-
имущественно могилы. На югѣ отъ оазиса Фе-
ріана виднѣется почернѣлая, словно обуглен-
ная, скала, известная подъ именемъ Хаджарь-
Сода, или «Чернаго камня»; въ Джеридѣ,
близъ оазиса Эль-Гамма, Геренъ открылъ дру-
гую каменную глыбу такого же вида. По мнѣнию
французскаго путешественника, эти «Черные
камни» не что иное, какъ аэролиты.

Оазисъ Гафса, причисляемый иногда къ
Джериду, хотя онъ отдѣленъ отъ Кризскаго
перешейка пустыннымъ и безводнымъ поя-
сомъ, шириной въ добрый день ходьбы, ле-
житъ на главномъ изгибѣ уада Бейапъ, со-
ставляющаго продолженіе Бу-Гайи и прини-
мающаго въ низовѣ имѧ Тарфауи. Городъ,
который изъ всѣхъ населенныхъ мѣстъ южнаго
Туниса имѣть наибольшее число жителей,
соединеныхъ въ одной сплошной группѣ до-
мовъ, стоять на террасѣ, окруженной, на раз-
стояніи иѣсколькихъ километровъ, циркомъ
скаль и горъ; одна изъ этихъ горъ изрыта
глубокими каменоломнями, развѣтвляющимися
въ цѣлый лабиринтъ подземныхъ галлерей.
Основанный Мелькартомъ, или Ливійскимъ
Геркулесомъ, этотъ древній городъ, Кафазъ-
финикия (то-есть «обнесенный стѣной»).
Капса римлянъ, имя котораго почти неизмѣни-
лось въ теченіе вѣковъ, есть, можетъ-быть,
какъ полагаетъ Маннертъ, тотъ самый Гека-
томпиль, гдѣ караагенскій полководецъ Ган-
лонъ одержалъ свою знаменитую победу во
время второй пуніческой войны. Во всѣ вре-
мена хорошо понимали стратегическую важ-
ность этого оазиса, лежащаго на крайнемъ
предѣлѣ воздѣлываемой области, при выходѣ
изъ области горъ, между песчаной равниной
Амра и воротами пустыни: здесь граничатъ
двѣ зоны, различающіяся видомъ и жителями.
Касба, вооруженная пушками, защищаетъ
этотъ пограничный городъ отъ набѣговъ пле-
мени гамамма; теперь тунискіе солдаты замѣ-

нены въ ней французами; Гафса сдѣлалась главнымъ пунктомъ военного отдела. Это городъ ученый, гдѣ говорять, какъ и въ Джеридѣ, гораздо болѣе чистымъ языкомъ, чѣмъ на по-

Капсу, и во многихъ новыхъ постройкахъ можно признать камни, вынутые изъ древнихъ зданій. Къ югу отъ города тянется обширный лѣсъ, заключающій болѣе ста тысячъ пальмъ,

ТИПЫ И КОСТЮМЫ КРУМИРОВЪ.

бережъ¹⁾). Сохранившіяся античныя колонны, надписи, стѣны напоминаютъ еще римскую

подъ тѣнью которыхъ растетъ второй лѣсъ фруктовыхъ деревьевъ. Финиковая пальма, еще болѣе высокія, чѣмъ въ Нафтѣ, даютъ не менѣе вкусные плоды. Вода, питающая паль-

¹⁾ Pelliſſier, „Description de la Régence de Tunis“.

мовый лѣсъ, всегда течетъ въ изобиліи, ороша корни своимъ теплымъ теченіемъ; жители оазиса не приходится спорить другъ у друга ея драгоценный потокъ. Три главныхъ источника (температура отъ 29 до 32 градусовъ Цельсія) наполняютъ бассейны римской постройки, известные до сихъ поръ подъ именемъ *термили*; арабы приходятъ туда купаться, пользуясь для этого кѣтками, устроенными въ стѣнахъ окружности. Въ этихъ теплыхъ водахъ живутъ во множествѣ рыбы изъ рода *chromis*, повидимому, приближающіяся, по своимъ отличительнымъ признакамъ, къ исключительно морскимъ формамъ¹⁾; рѣчные черепахи, черный змѣй нового вида *tropidonotus* тоже плаваютъ въ бассейнахъ и ручьяхъ Гафсы. Подобно другимъ оазисамъ южного Туниса, Гафса является также промышленнымъ центромъ, главнымъ образомъ по ткацкому производству, и его шерстяные и шелковые ханки, сбытомъ которыхъ занимаются местные евреи, высоко цѣняются на тунисскомъ рынке; стада племени хамамма доставляютъ жителямъ оазиса сырой матеріалъ для выдѣлки одѣялъ и бурнусовъ.

Древне-римская дорога, отысканная Ребателемъ и Тираномъ, соединяетъ Гафсу съ побережьемъ Малаго Сирта, проходя мимо фонтановъ и черезъ небольшой оазисъ Эль-Геттаръ, страну камедного дерева, затѣмъ мимо минеральныхъ источниковъ Бу-Гедма. Вдоль морского берега, на сѣверъ отъ Габеса, становища и селенія стѣнуютъ одно за другимъ, черезъ длинные промежутки, въ территории племени мегадеба, «мирныхъ потомковъ одного почтенного марабута»; важнѣйшее населенное мѣсто прибрежья—маленькая, нынѣ пропавшая въ упадокъ, гавань Маэрэзъ, имѣющая меаѣе тысячи жителей, которые занимаются по большей части производствомъ разнаго рода плетеныхъ издѣлій. Даѣе, деревня Богара расположилась среди развалинъ пунико-римского города Гетисъ²⁾.

Сфакесь (Сфаксь), лежащий на берегу пролива шириной около 50 километровъ, отдѣляющаго архипелаг Керкена отъ твердой земли, по числу жителей занимаетъ второе мѣсто между городами Туниса; населеніе его, не превышавшее въ 1848 году, по приблизительному исчисленію Пелисье, 8.000 душъ, увеличилось съ того времени въ пять разъ (нынѣ — около 42.000 чл.); жители тѣсно скучены въ высокихъ домахъ, окаймляющихъ узкія улицы города, и въ новомъ кварталѣ, который выстроился за юго-западнымъ валомъ вдоль берега. Издали видны только бѣлые стѣны четырехугольной городской ограды, да высокіе минареты мечетей; башни, зубчатыя стѣны, угловые

bastions придаютъ цѣлому средневѣковой видъ, какого не имѣютъ въ той же степени другіе укрепленные города Туниса; на юномъ углу ограды стоитъ цитадель, построенная, говорятъ, христіанскими невольниками. Занимая довольно возвышенное положеніе на покатой мѣстности, Сфаксь не имѣть постоянныхъ потоковъ, ни даже ключей или колодцевъ, и довольствуется водой изъ цистернъ, изъ которыхъ одинъ находится въ самомъ городѣ, другій за городской стѣной. Въ окрестностяхъ видны еще кое-какіе римскіе остатки, но до сихъ поръ не нашли ни одной надписи, по которой можно бы было установить тождество города съ той или другой станціей, упоминаемой древними авторами; вѣроятно, это была Тафрура Верстахъ въ двадцати къ юго-западу, на берегу залива, находятся развалины Тине, очевидно, остатки римской Тины (*Thinae*), крайняго пункта рва, который Сципіонъ Младшій велѣлъ выкопать на югѣ римской территории, чтобы отѣлить ее отъ Нумидіи.

Евреи и европейцы, малитѣцы, итальянцы и французы, въ числѣ около семи тысячъ (европейцевъ — 5.000, евреевъ — 2.000), живутъ почти всѣ въ нижнемъ городѣ, куда ихъ призываютъ торговыя дѣла, и который соединенъ недавно насаженнымъ бульваромъ съ лагеремъ, расположеннымъ на сѣверной сторонѣ города; мусульмане населяютъ верхній городъ, обнесенный стѣнами. Жители Сфакса, «сфаксики», отличаются отъ своихъ тунисскихъ единовѣрцевъ. Ихъ можно сразу узнать уже по нѣкоторой разницѣ одежды, такъ какъ они не хотятъ, чтобы ихъ смѣшивали съ тунисцами; но особенно характеромъ и нравственными качествами они выгодно отличаются отъ другихъ горожанъ: у нихъ больше инициативы, больше усердія въ работѣ, больше смѣлености и изобрѣтательности; они во всемъ болѣе дѣятельны и болѣе серьезны, чѣмъ ихъ сосѣди. Сфакесцы слывутъ ревностными мусульманами, даже дѣти исправно посѣщаютъ мечети, и женщины усердно читаютъ молитвы. Во время занятия Тунисского регентства французскими войсками въ 1881 году, жители Сфакса вполнѣ доказали свой патріотизмъ; они почти одинаково оказывали энергическое сопротивление иноземному нашествію и дрались отчаянно во время бомбардированія, котораго, впрочемъ, легко было бы избѣгнуть. Многія учрежденія Сфакса свидѣтельствуютъ о развитіи у жителей его духа общественности: не говоря уже о мечетяхъ и монастыряхъ (зауйя), они основали также госпиталь, прекрасно содержимый; находящійся за городской стѣной центральный бассейнъ, называемый «Помощью», обиzanъ своимъ происхожденіемъ щедрости одного гражданина; окружающія его «триста шестьдесятъ пять» цистернъ, расположенныхъ на подобіе склеповъ некрополя, тоже напоминаютъ о духѣ

¹⁾ Tristram; — Redatet et Tirant, „Tour du Monde“ 1875, 1-er semestre.

²⁾ Massonet, „Expédition du Jaguar en 1883“.

солидарности, которым проникнуты богатые жители въ отношении своихъ мусульманскихъ братій. Другіе большие резервуары построены въ окрестностяхъ города, а дома снабжены аппаратомъ, который позволяет прохожимъ утолять жажду, втягивая черезъ наружную трубку воду изъ скрытаго резервуара; теперь думаютъ устроить водопроводъ длиной около 60 километровъ, который доставлялъ бы въ городъ воды массива Бу-Гедма. О трудолюбіи сфакесцевъ свидѣтельствуютъ ихъ прекрасно воздѣланная земли, сады и плантациі, которые за песчаной полосой, опоясывающей городъ въ видѣ круговой дороги, тянутся на пространство отъ семи до двадцати верстъ въ ширину; въ послѣдніе годы насажено вокругъ Сфакса слишкомъ миллионъ оливковыхъ деревъ¹⁾; въ 1874 году общее производство масла (оливковаго) въ окрестностяхъ Сфакса исчислялось до 27 миллионовъ литровъ (около 220.000 ведеръ). Въ городскомъ округѣ насчитываются отъ восьми до десяти тысячъ огороженныхъ участковъ, раздѣленныхъ живыми изгородями изъ кактусовъ, засаженныхыхъ фруктовыми деревьями и доминируемыхъ бордемъ, чѣтыреугольной башней, въ которую владѣлецъ прячетъ свои рабочіе инструменты, и которая, въ случаѣ надобности, могла бы выдержать осаду противъ шайки грабителей. Равнина, уставленная тысячами этихъ маленькихъ крѣпостей, походитъ на воздѣланная поля Сѣверной Переи, приведенная въ оборонительное положеніе противъ нападеній туркменъ. Въ лѣтнюю пору почти всѣ жители, владѣющіе земельнымъ участкомъ, переселяются въ деревню; городъ совершенно пустѣеть. Сфаксъ лежитъ на естественной границѣ между областью маслинъ и областью пальмъ; эти два вида представлены тамъ въ меньшемъ числѣ, чѣмъ на сѣверѣ и югѣ этой полосы: въ послѣдней встрѣчается сравнительно больше другихъ фруктовыхъ деревъ—миндалевыхъ, абрикосовыхъ, фиговыхъ, персиковыхъ, фисташковыхъ и виноградной лозы; но въ эти послѣдніе годы культура масличного дерева получила большое развитіе. Поясь оливковыхъ рощъ каждый годъ увеличивается на нѣсколько сотъ метровъ; если это возрастаніе пойдетъ и далѣе въ той же пропорці, то сфакесцы скоро включатъ въ свои сады всѣ отдалѣнныя лѣски маслины,—называемые «маслинами бея», потому что они не имѣютъ признаковъ владѣльцевъ — и плантациі ихъ распространяются до Эль-Джема²⁾. Что касается пальмъ, то плоды ихъ, плохо вызревающіе по причинѣ частыхъ дождей, идутъ лишь въ кормъ скоту. Изъ овощей въ садахъ Сфакса всего больше разводятся огурцы, фракусъ, слово, отъ которого иные произ-

водятъ и самое имя города: по Шау, Сфакесъ или Сфаксъ означаетъ «городъ огурцовъ».

Кромѣ земледѣлія, сфакесцы занимаются также очень дѣятельно промышленностью и торговлей. Вообще они не пренебрегаютъ никакимъ родомъ труда, какъ мусульмане многихъ другихъ городовъ. Сфакесский рынокъ такъ же обильно снабжается товарами, какъ и тунисский. Этотъ городъ ввозитъ шерсть, кожи, европейскіе товары и продаетъ въ обмѣнъ оливковое масло,—больше для промышленныхъ надобностей, чѣмъ для употребленія въ пищу,—фрукты всякаго рода, виноградъ, винная ягода, миндаль, губки и сушеную рыбу, подвозимую рыболовами съ острововъ Керкенна; въ послѣднее время англійскія суда приходятъ сюда также за грузами альфы, которая собирается на западѣ въ равнинахъ и долинахъ, гдѣ кочуютъ мирныя арабскія племена металитъ и нефть. Къ сожалѣнію, Сфаксъ не имѣетъ гавани для принятія большихъ кораблей; суда, глубоко сидящія въ водѣ, должны бросать якорь въ 3 верстахъ отъ берега; сандалы, мистики и другія мелкія суда подholmать къ самому городу, благодаря приливу, но и тѣ стоять на илистомъ днѣ въ часы отлива; по крайней мѣрѣ рейдъ, защищенный съ востока мелями и архипелагомъ Керкенна, представляетъ совершенно безопасное мѣсто для стоянки судовъ. Эти рыбачіи острова не имѣютъ городовъ, а только деревни и поселки (по Шове здѣсь ежегодно ловится рыбы на сумму около 100.000 франковъ). Аннібалъ, Марій находили тамъ убѣжище; служившіе мѣстомъ изгнанія при господствѣ римлянъ, острова Керкенна были мѣстомъ ссылки еще недавно, при правлѣніи беевъ; туда интернировали женщины, изобличенныхъ въ прелюбодѣяніи. У жителей архипелага съ давнихъ временъ есть виноградники; эти островитяне не видятъ никакого грѣха въ употребленіи вина¹⁾.

Въ то время, какъ береговая дорога направляется на сѣверо-востокъ, чтобы обогнуть рѣст-Капудіа, самый восточный мысъ Туниса, дорога изъ Сфакса въ Сузу, построенная еще римлянами, слѣдуетъ въ сѣверномъ направлѣніи, проходя по землямъ племени металитъ. Около середины этой дороги въ древности стояли, въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, два важныхъ города, Багагис и Thysdrus, превратившіеся нынѣ въ генширъ, или «ферму», Руга и убогую деревушку Эль-Джемъ. Развалины Баара занимаютъ пространство около 5 километр. въ окружности и заключаютъ въ себѣ остатки театра, триумфальныхъ воротъ и другихъ зданій, тогда какъ въ Тисдрѣ существуетъ еще одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ Африки, амфитеатръ, сохранившійся лучше всѣхъ другихъ зданій этого рода,

¹⁾ Melon, "De Tunis à Palerme".

²⁾ Rouire, "Revue de Géographie", маі 1892.

¹⁾ Nachtigal, "Sahara - Sudan".

оставленныхъ намъ древнимъ міромъ, не исключая и амфитеатра Помпеи¹). Когда эта область Туниса, въ наши дни почти пустынная, прокармливала многочисленное населеніе, Тисдръ, благодаря своему центральному положенію, былъ наиболѣе подходящимъ мѣстомъ для празднествъ и общественныхъ увеселеній; со всѣхъ сторонъ стекался народъ въ его колоссальный амфитеатръ, который, какъ полагаютъ, былъ, если не построенъ, то по крайней мѣрѣ основанъ Гордіаномъ Старшимъ, въ знакъ признательности за провозглашеніе его императоромъ въ городѣ Тисдрѣ. Тамъ же, въ эль-Джемскомъ амфитеатрѣ, на собраніи старшинъ и депутатовъ южныхъ племенъ Туниса, въ 1881 году, было рѣшено поголовное восстание противъ французовъ²). Уже съ разстоянія 10 слишкомъ верстъ кругомъ ясно видна громадная масса, стоящая на широкомъ бугрѣ высотой около 185 метровъ: издали ее можно принять за каменную гору; но когда подойдешь ближе, эта громада скрывается за густымъ лѣсомъ гигантскихъ смоковницъ варварийскихъ, между которыми извивается ведущая къ амфитеатру тропинка. По измѣреніямъ Паскаля Коста, колизей древняго Тисдра, одинъ изъ обширнѣйшихъ во всемъ римскомъ мірѣ, имѣть 150 метровъ (70 сажень) длины по большой оси, 130 метровъ по малой оси, направленной почти точно съ сѣвера на югъ; вѣроятно, онъ былъ построенъ по образцу амфитеатра Флавіевъ въ Римѣ. Эллиптическій фасадъ, состоявшій въкогда изъ 68 аркадъ, поддерживавшихъ три этажа съ коринѣскими колоннадами, представлять замѣчательное единство стиля, но онъ уже не полный: въ 1710 году, вслѣдствіе возмущенія арабовъ, тунисскій бей Могамедъ велѣлъ взорвать на воздухъ пять аркадъ на восточномъ фасѣ, и съ того времени брешь была постоянно увеличиваема эль-джемскими металитами, которые пользуются материалами амфитеатра для постройки своихъ лачугъ и даже продаютъ ихъ окрестнымъ строителямъ. Внутри зданія большая часть расположенныхъ ярусами лавокъ исчезла, и обломки ихъ осыпались въ видѣ откоса: это разрушеніе приписываютъ преобразованію, которому знаменитая Кагина, или «Жрица», велѣла подвергнуть амфитеатръ, когда она защищалась тамъ противъ арабскихъ завоевателей, въ 689 году. Преданіе окружающихъ племенъ, прославляющее Кагину, хотя она была врагомъ арабовъ, разсказываетъ, что эта воинственная женщина, вѣроятно, еврейского происхожденія³), какъ большое число берберовъ въ ту эпоху, стала во главѣ своихъ соотечественниковъ и грековъ, ихъ союзниковъ. Вынужденная запе-

реться въ амфитеатръ, который съ того времени стали называть, по ея имени, Кастръ-аль-Кагина («крепость Кагины»), она выдержала тамъ трехлѣтнюю осаду; подземный ходъ, служившій несомнѣнно для снабженія навмахія продовольствиемъ, указывается арабами какъ остатокъ потайной дороги, посредствомъ которой гарнизонъ поддерживалъ сообщеніе съ морскимъ берегомъ и получалъ сѣстные припасы. Самый городъ мало оставилъ по себѣ развалинъ, но раскопки обнаружили тамъ колонны огромныхъ размѣровъ и глубокія цистерны. По словамъ Руира, номады этой области постепенно замѣщаются осѣдлымъ населеніемъ; каждая деревня, покинутая жителями, сейчасъ же занимается бродичими туземцами, которые основываютъ тамъ свой главный рынокъ и переносятъ туда гробницы своихъ святыхъ.

По мнѣнію металитовъ, песчаникъ, служившій материаломъ для постройки Эль-Джемскаго амфитеатра, былъ извлекаемъ изъ каменоломенья Бу-Джерида, находящихся на морскомъ берегу, въ небольшомъ разстояніи къ югу отъ Махдія (иначе Мехедія), «Города Махдія». Названная такъ по сану своего основателя или возстановителя, махди Обенде-Аллаха, въ 912 году, Махдія сразу сдѣлалась важнымъ городомъ, благодаря своему стратегическому положенію: христіанскіе мореплаватели Средиземного моря долго называли ее просто Африкой, видя въ ней главный укрѣпленный городъ всего чернаго континента¹). Оттого она часто подвергалась нападеніямъ. Въ 1147 году норманнъ Рожеръ Сицилійскій овладѣлъ Махдіей, но магометане взяли ее обратно тридцать лѣтъ спустя. Въ 1557 году императоръ Карль V, наконецъ, занялъ городъ своими войсками, послѣ кровопролитнаго штурма, и велѣлъ срыть укрѣпленія. Съ той эпохи стѣны не были поправляемы и проломы увеличились: форты, защищавшій узкій перешеекъ, которымъ полуостровъ города соединился съ материкомъ, лежитъ теперь въ развалинахъ; говорить, прежде существовалъ каналъ, соединявший два залива. Старый портъ, вырытый рукой человека, какъ гаванія Утики и Кареагена, засыпанъ обломками, и суда, приходящія грузиться оливковымъ масломъ, фруктами, губками, должны бросать якорь въ рейдѣ. Иностранный колонія, состоящая, какъ и во всѣхъ другихъ городахъ прибрежья, изъ малитѣцъ, итальянцевъ и французовъ, поселилась въ Махдіи для отпускной торговли и для ловли сардинокъ; вместо дюжины барокъ, какъ было прежде, теперь насчитываются въ портѣ болѣе двухъ сотенъ; съ мая по юль воды моря вѣтхъ мѣстахъ буквально кипятъ рыбой, такъ что каждая барка наливаетъ, среднимъ

¹⁾ Ernest Desjardins, рукописные замѣтки.

²⁾ G. Rouire, „Revue de Géographie“, mai 1882.

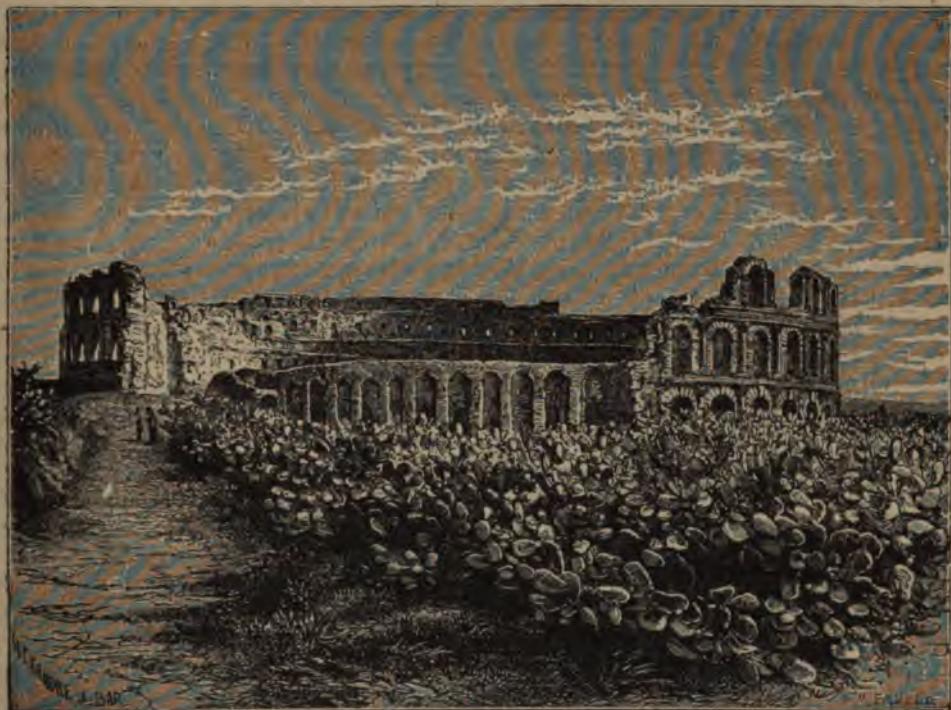
³⁾ H. Barth, „Wanderungen durch die Kustenländer des Mittelmeeres“.

¹⁾ V. Guérin, „Voyage archéologique dans la régence de Tunis“.

числомъ, отъ 200 до 300 килограм. (отъ 12 до 18 пудовъ) сардинокъ въ одну ночь. Для дневнаго лова тамошніе моряки разстилаютъ на водѣ альфовыя циновки, подъ тѣнью которыхъ и собирается рыба. Тогда рыбаки осторожно приближаются, окружая сѣтями все пространство, занимаемое циновкой и укрывшимися подъ нею рыбками¹). На юго-западѣ, въ удаленной отъ моря воздѣланной лощинѣ, находится мѣстечко Курт-эсъ-Сефъ, болѣе многолюдное, чѣмъ Махдія: оттуда-то и получаются почти всѣ мѣстныя произведенія, отправляемые купцами древней «Африки».

Въ нѣсколькихъ километрахъ къ западу отъ Махдія раскинулся, на пространствѣ многихъ квадр. километровъ, античный некрополь, мо-

литическая стѣна амфитеатра, аrena котораго теперь распахана, указываютъ, близъ Бокальты, мѣсто, гдѣ былъ расположенъ караагенскій городъ Тапсъ (*Thapsus*), прославившійся въ исторіи побѣдой, одержанной тамъ Юлемъ Цезаремъ надъ Сципиономъ и нумидійскимъ царемъ Юбой. Далѣе, на части побережья, лежащей противъ острововъ Куріатейнъ, мѣстечки Тебульба и Мокнинъ, окруженныя масличными рощами, также занимаютъ мѣстоположенія античныхъ городовъ. Затѣмъ береговая дорога идетъ на Лемту, деревню, смыннувшую собою *Leptis Minor*, или «Малую Лептиду», названную такъ по сравненію съ «Большой Лептидой» нынѣшняго Триполи. Несмотря на свое имя, «Малая Лептида» была зна-

Эль-Джемскій амфитеатръ.

гилы котораго, вырытыя въ скалѣ, Ренанъ уподобляетъ могиламъ Арада, въ Сиріи; не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ мѣстѣ стоялъ финикийскій городъ²). Вся окружающая мѣстность усыпана развалинами древнихъ городовъ. Верстахъ въ двадцати къ югу, нынѣшній «гентири» (ферма) Селекта занимаетъ мѣстоположеніе города *Syllectum*, а далѣе, близъ рассы-Капудіа, *Caput Vada* римлянъ, борджъ (башня) стоитъ на мѣстѣ византійскаго города Юстіанополя. На сѣверѣ, на остроконечномъ мысѣ рась Димасъ, гдѣ находится портъ, защищенный остаткомъ жете, загороди, сложенный изъ античныхъ камней цистерны, эл-

ичительнымъ городомъ: развалины ея раскинуты по берегу моря на пространствѣ около 4 километровъ, и между ними видны еще слѣды водопровода, амфитеатра, набережныхъ и жете. Древній портъ превратился въ уэдъ, носящий название уэдъ-эсъ-Сукъ или «Долина Рынка». Въ настоящее время самый многолюдный городъ этого округа—Джемаль, построенный внутри материка, къ юго-западу отъ Лемты.

Монастырь, или Мистири, напоминаетъ, можетъ-быть, своимъ именемъ, что онъ былъ когда-то христіанскимъ монастыремъ, но въ древности это былъ караагенскій и римскій городъ, вѣроятно, Рустина, то-есть «Голова Мыса»³). Подобно Сфаксу, онъ огороженъ зубча-

¹⁾ Cagnat et Saladin, „Tour du Monde“, 1885, premier semestre.

²⁾ Melon, цитированное сочиненіе.

Географія Реклъ т. XI.

³⁾ Ch. Tissot, „Géographie comparée de la province romaine d'Afrique“.

той стѣнѣ, съ башнями по бокамъ, изъ-за ко-
торой показываются куполы и ми нареты мно-
гочисленныхъ мечетей, и которая окружена
великолѣпнымъ масличнымъ лѣсомъ, широкимъ
поясомъ тѣни и прохлады. Еще недавно Мо-
настиръ былъ населенъ мусульманами-фанати-
ками, не терпѣвшими въ своемъ городѣ никакой другой вѣры, кромѣ магометанской; но со
времени установлѣнія правильнаго пароходнаго
сообщенія стала мало-по-малу возрастать
европейская колонія, и теперь это самый чи-
стенѣкій, наилучше содержимый городъ во всемъ
Тунисѣ. Недалеко отъ мыса, юго-восточный
уголъ котораго занимаетъ Монастиръ, находится
маленькая группа острововъ, изъ которыхъ
одинъ изрытъ множествомъ (около пятидесяти)
искусственныхъ гротовъ, вѣроятно, финикій-
скаго происхожденія; они служили недавно
пристанищемъ рыбакамъ, занимающимся ло-
влей тунца, а иногда ихъ употребляли какъ
мѣсто карантинна для матросовъ и путешествен-
никовъ. Даѣе на востокѣ, группа острововъ Куріатейнъ, соединяющаяся съ массивомъ мы-
са Димасъ перешейкомъ изъ подводныхъ скаль-
и мелей, есть, по мнѣнію Тиссо, остатокъ зна-
чительной земли, существовавшей въ пуниче-
скую эпоху; но документы, на которыхъ осно-
вывается эта гипотеза, недостаточно точны,
чтобы можно было придавать ей большую цѣну.

Суза, главный городъ тунисскаго Сахеля, считается вторымъ городомъ Тунисскаго ре-
гентства, если не по числу жителей,—такъ
какъ въ этомъ отношеніи онъ уступаетъ Сфак-
су,—то по крайней мѣрѣ по стратегической
важности. Большая часть окружающей терри-
торіи воздѣлана, и почти все населеніе живетъ
осѣдло. Суза—портъ Кайруана, главаго горо-
да и военнаго центра внутренняго Туниса. Основанная финикиянами, она тоже была сто-
лицей края. Подъ именемъ Гадрумета (*Hadrumetum*), она была въ римскую эпоху глав-
нымъ мѣстомъ провинціи Бизацены, и богат-
ства ея, также какъ важное стратегическое
положеніе, часто привлекали къ ней инозем-
ныхъ завоевателей: вандалы, арабы, испанцы
и французы поочередно осаждали и штурмова-
ли ее, разрушали или бомбардировали; раз-
валины различныхъ эпохъ нагромождены въ
видѣ горокъ; обломки съ античными изваяні-
ями и надписями употреблены какъ материалъ
для постройки вышнѣихъ домовъ, но отъ
большихъ зданій, о которыхъ говорятъ средне-
вѣковые арабскіе писатели, какъ, напримѣръ
амфитеатра, не сохранилось никакихъ слѣдовъ.
Древній храмъ представляеть теперь кучи му-
сора, Хаджаръ-Маклубахъ или «Опрокинутый
Камень» ¹⁾, а круглый караагенскій портъ,
или «котонъ», походившій на гавань Утики и

Караагена, можно признать только по двумъ
крайнимъ воротамъ шлюзовъ ¹⁾, каменнымъ
массамъ, которая издали легко принять за
скалы; наибольшая часть гавани была засыпана
и обращена въ эспланаду. Также какъ почти
во всѣхъ старинныхъ городахъ Туниса, ци-
стерны, болѣе драгоценныя, чѣмъ всякия другія
постройки, содержались или ремонтировались
при всѣхъ правительствахъ. Что касается не-
крополей различныхъ вѣковъ, то они образу-
ютъ почти полный кругъ около города: самые
древніе, въ которыхъ еще видны погребаль-
ные камеры, высѣченныя въ нѣжномъ извест-
никѣ, напоминаютъ внутреннимъ расположе-
ніемъ своихъ галлерей могильные склепы Фи-
никии и Палестины. Римская цистерна и теперь
еще снабжаетъ городъ водой.

Современная Суза, подобно другимъ горо-
дамъ восточнаго Туниса, окружена большимъ
четыреугольникомъ каменныхъ стѣнъ, съ баш-
нями по бокамъ и касбой, или замкомъ, на
одномъ изъ угловъ. Внѣ этой ограды, имѣющей
около трехъ километровъ въ окружности и за-
ключающей внутри лабиринтъ кривыхъ улицъ,
выстроился, въ сосьѣствѣ берега, новый, от-
крытый городъ, далеко не такой живописный,
какъ старый. Въ новомъ городѣ находятся
склады купцовъ, еврейскихъ и европейскихъ,
съ ихъ цистернами для оливковаго масла, со-
держимое которыхъ отправляется въ Марсель
для фабрикаціи мыла. Средній годовой вывозъ
масла изъ Сузанскаго порта составляетъ 40.000
гектолитровъ, на сумму около 4 миллионовъ
франк.; а общая цѣнность вѣнѣній торговли
Сузы простирается до 10 000.000 франк. Число
оливковыхъ деревьевъ въ Сузанскомъ сахельѣ
считаютъ миллионами, и плантациіи могли бы
быть еще расширены, хотя въ иныхъ мѣстахъ
позволяютъ пескамъ засыпать культурныя
земли. До недавнаго времени бочки съ масломъ,
отправляемыя сузанскими торговцами на ко-
рабли, стоящіе въ рейдѣ, спускались прямо на
воду и буксировались шаландами, которые тяну-
лись одна за другой длинными вереницами; на
обратномъ пути шаланды опорожненныя бочки
выбрасывались за бортъ и, подхваченные при-
боемъ, сами подплывали къ берегу, гдѣ вла-
дѣльцы распознавали свое добро; теперь иску-
ственная дамба принимаетъ пассажировъ и то-
вары, подвозимые къ берегу на шаландахъ
или баркахъ. Сицилійскія шлюпки приходятъ
ловить сардинокъ въ водахъ Сузы, не менѣе
богатыхъ рыбой, чѣмъ воды Махдівъ, и пойман-
ная ими добыча отправляется въ Грецию и въ
Далмацию ²⁾. Итальянцы и малтѣйцы, очень
многочисленны въ Сузѣ, до недавнаго времени
составляли почти все европейское населеніе
города; но большинство не-мусульманъ состояло

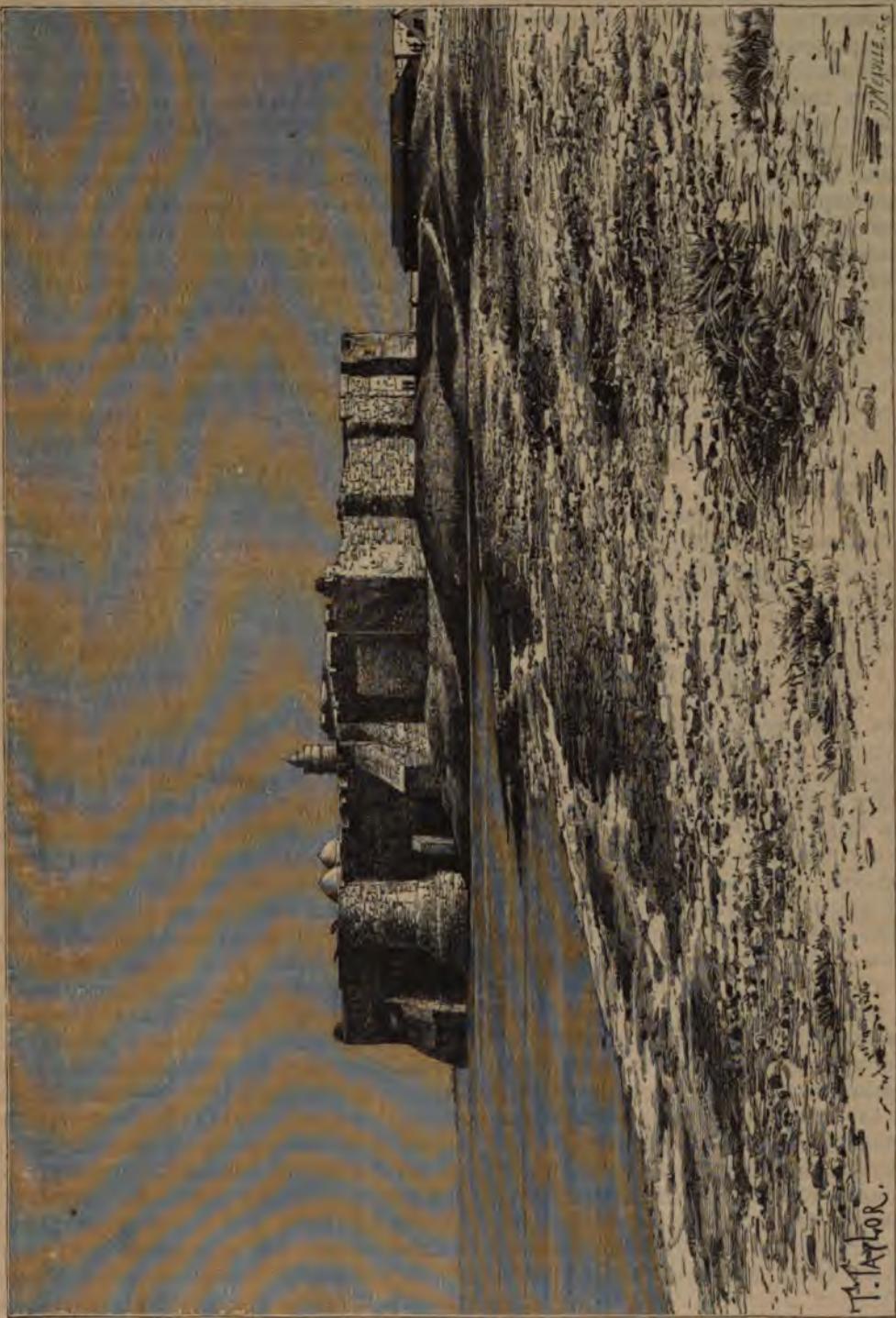
¹⁾ H. Barth, „Wanderungen durch die Küstenländer des Mittelmeeres“.

²⁾ Victor Guérin, цитированное сочинение; — *Deux Années géographique*, 1869.

²⁾ Paul Melon, „De Palerme à Tunis“.

изъ евреевъ; ихъ насчитывалось около двухъ тысяч душъ, и вся внутренняя торговля была сосредоточена въ ихъ рукахъ. Сотни негровъ, сыновья бывшихъ невольниковъ, занимаются

шей частю переводчиками и подмастерьями. Здѣшніе магометане, между которыми нерѣдки блондины съ голубыми глазами, энергически протестуютъ, когда ихъ называютъ арабами:

Островъ Джерба. Замокъ близъ Хумтеука.

ремесломъ каменщиковъ, землекоповъ, бѣльщицковъ домовъ, а со времени французской оккупации стали приходить изъ Алжира кабилы и арабы искать счастья въ Сузѣ: благодаря знанию французского языка, они служатъ боль-

«мы—сузанцы», говорятъ они съ гордостью¹⁾. Между окрестными мѣстечками нѣкоторые, по числу жителей, не уступаютъ самому городу.

¹⁾ Berthelon, „Revue de Géographie“, 1882.

Такова Келаа-Кебира, въ 13 километрахъ къ сѣверо-западу оть Сузы; другой пригородъ, Msакенъ, окруженный густымъ оливковымъ лѣсомъ, лежить въ 11 километр. къ юго-западу: это святое мѣсто мусульманъ, входъ въ которое до недавняго времени былъ запрещенъ евреямъ и христіанамъ.

Рельсовый путь, проложенный по неровной почвѣ, черезъ холмы, долины и себихъ, соединяетъ Сузанскій берегъ съ террасой, на которой стоитъ городъ Кайруанъ, духовная столица Туниса, господствующій своей бѣлой массой надъ обширными, слегка волнистыми, но безлѣсными пространствами. Основанный за воевателемъ Окбахомъ въ 671 году, въ эпоху первого арабскаго нашествія въ Мавританію, городъ «Двойной Побѣды» до сихъ поръ сохранилъ большой престижъ въ глазахъ мусульманъ, и паломничество къ предполагаемой могилѣ основателя считается богоугоднымъ дѣломъ, способствующимъ очищению души въ рующихъ: «Кайруанъ—одинъ изъ четырехъ вратъ рая»; «недѣля въ Кайруанѣ имѣеть ту же цѣну, что одинъ день въ Меккѣ», и даетъ право на титулъ хаджи¹⁾). Легенда разсказываетъ, что прежде, чѣмъ положить основаніе Кайруану, Сиди-аль-Окбахъ объявилъ всѣмъ полевымъ звѣрямъ, что на этомъ мѣстѣ будетъ воздвигнутъ святой градъ, и виродженіи трехъ днѣльвы, барсы, вепри и другія дикия животныя, большія и малыя, дефилировали массами, оставляя свободное мѣсто поклонникамъ Пророка. Люди нечистые тоже не могли, говорить легенда, жить въ святомъ градѣ: духи блаженныхъ истребили бы ихъ, если бы они осмѣлились подойти близко къ мечетямъ. Евреямъ запрещено было имѣть пребываніе въ городѣ; ихъ хара находилась въ двухъ верстахъ за городской стѣной. Что касается христіанъ, то некоторые изъ нихъ, именно путешественники, охраняемые грамотой бея, проникали въ Кайруанъ и были вѣжливо принимаемы шейхами, но въ религіозныя зданія ихъ не пускали. Тогда какъ всѣ города тунисскаго прибрежья были послѣдовательно посѣщены побѣдоносными иностранными арміями, Кайруанъ въ первый разъ увидалъ непріятеля передъ своими стѣнами только въ 1881 году, когда имъ овладѣли французы, и тогда только первый христіанинъ переступилъ порогъ его мечетей; впрочемъ, городъ отворилъ свои ворота безъ сопротивленія. Съ этого времени онъ сдѣлся главнымъ пунктомъ военнаго округа, и ограда его, доминируемая касбой, была дополнена новыми бастионами.

Кайруанъ, окруженный развалинами, голыми землями, солончаками, обиженъ природой, сравнительно съ другими тунисскими городами; онъ не имѣть ни текучихъ водъ, ни фонтановъ, и

долженъ довольствоваться исключительно водой пистернъ, изъ которыхъ иные наполняются, во время продолжительныхъ дождей, уадомъ Мергъ-эль-Лиль, очищающимъ свой потокъ при переходѣ изъ бассейна въ бассейнъ¹⁾). Въ городѣ вѣтъ еще тѣнистыхъ садовъ; кругомъ него больше кладищъ, нежели воздѣланныхъ земель. Съ первого взгляда Кайруанъ, благодаря своему центральному положенію, производить пріятное впечатлѣніе только своимъ величественнымъ видомъ: наблюдаемый издали, онъ господствуетъ надъ окружающимъ пространствомъ своими высокими стѣнами, многочисленными куполами своихъ мечетей, великолѣпнымъ трехъ-этажнымъ минаретомъ, который вздымается на сѣверо-восточной сторонѣ города, надъ мечетью Сиди-Окбаха. Даже Тунисъ далеко не можетъ равняться съ Кайруаномъ богатствомъ своихъ мечетей и зауйя: святой городъ имѣеть болѣе восьмидесяти этихъ религіозныхъ зданій, храмовъ или монастырей, и одинъ изъ нихъ, Джемаа-эль-Кебиръ, состоитъ изъ семнадцати двойныхъ параллельныхъ нефовъ, заключающихъ слишкомъ четыреста колоннъ изъ рѣдкихъ материаловъ: они-кса, порфира, мрамора. Еще большей славой, чѣмъ главная мечеть, пользуется мечеть «Товарища», названная такъ потому, что она заключаетъ, въ одной пишѣ, украшенной чудными арабесками, могилу товарища Пророка, его цирюльника, и еще болѣе драгоценныя реликвіи—три волоса изъ бороды Магомета. Самыя могущественные братства въ Кайруанѣ—айссая, тиджанія и гиланія. Подобно многимъ другимъ городамъ, Кайруанъ одинъ изъ самыхъ испорченныхъ нравственно, и классъ тунисскихъ танцовщицъ вербуется главнымъ образомъ въ этомъ городѣ мечетей и духовныхъ братствъ. Обитатели «святаго града» хваствуютъ, что они живутъ паразитами, на счетъ нѣрующихъ; оттого-то они такъ сильно выродились и по большей части страдаютъ худосочіемъ: ракъ, золотуха, недуги всякаго рода придаютъ населенію отталкивающую наружность; они безсильны для работы, такъ же какъ были безъ энергіи для сопротивленія виѣшиemu врагу. Впрочемъ, городъ имѣеть кое-какія промышленныя заведенія, занимающіяся производствомъ предметовъ роскоши, особенно фабрики вышитыхъ сѣдель, мѣдныхъ сосудовъ, розовой эссенціи; базары его—одни изъ богатѣйшихъ во всемъ Тунисѣ. Что касается жизненныхъ припасовъ, то они получаются изъ отдаленныхъ мѣстностей: такъ, овощи и зерновые хлѣба привозятся за сто верстъ, изъ Гальнатеа.

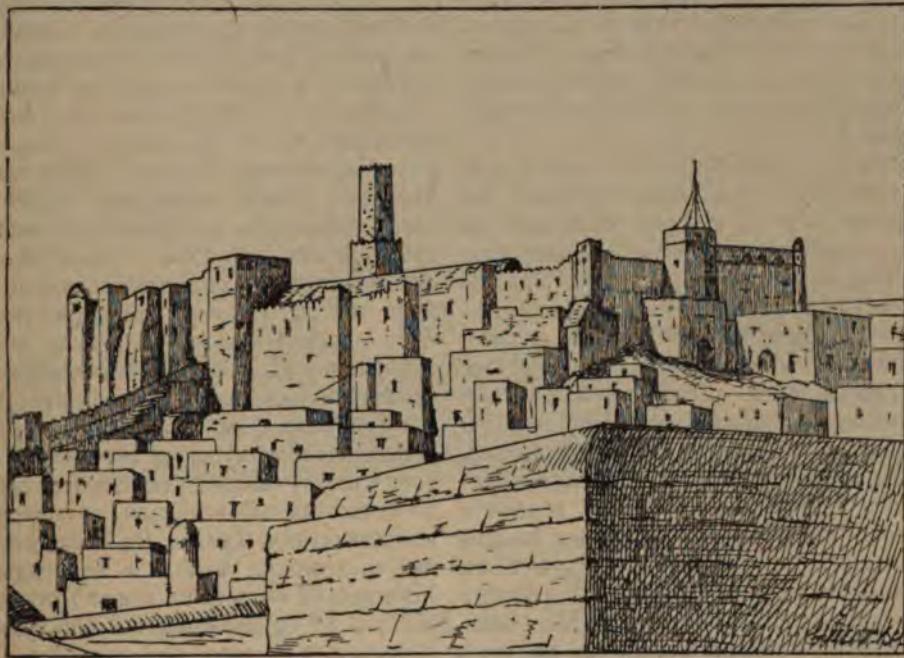
Въ Кайруанскомъ округѣ вѣтъ другихъ городовъ; античная Сабра, стоявшая въ верстѣ

¹⁾ Ed Rae, „The Country of the Moors“.

¹⁾ Guérin, цитированное сочиненіе—R. Cagnat et B. Saladin, „Tour du Monde“, ann e 1885, № 1272.

или двухъ южнѣе, оставила послѣ себя только двѣ розовыя колонны, изъ которыхъ, какъ гласить легенда, «струилась кровь» подъ пилой рабочихъ. Зрѣлище городской жизни вдругъ, безъ постепенного перехода, смыняется зрѣлищемъ жизни пастушеской¹⁾. Всѣ окрестныя населенія, арабы и берберы, вполнѣ или отчастиnomады. Самое могущественное племя, зласть, на югъ и на западъ отъ Кайруана, принадлежитъ къ расѣ аборигеновъ; численность его опредѣляютъ въ тридцать тысячъ душъ; оно населяетъ западное предмѣстіе Кайруана. Арабы племени суаза живутъ на востокѣ, вокругъ котловинъ, где скопились воды себихъ Сиди-эль-Гани, и умѣютъ извлекать изъ нихъ соль, которую складываютъ въ горки; на этихъ горкахъ они жгутъ хворость, для того чтобы

оставили послѣ себя руины, называемыя «генширь» во всей восточной Мавританіи, тѣмъ же именемъ, какъ и фермы или имѣнія. Кисринъ, древній Scyllium, покрывающій своими развалинами нѣсколько холмовъ, заключаетъ въ себѣ еще трехъэтажный мавзолей съ коринѣскими пилястрами, троумфальную арку и многочисленныя зданія, менѣе хорошо сохранившіяся. Недалеко оттуда, желѣзная дорога изъ Габеса въ Тебессу пройдетъ подъ двумя троумфальными арками²⁾). Къ востоку отъ Каира, генширь Сбейтла, надъ которымъ господствуетъ джебель того же имени, и черезъ который проходитъ уездъ Менассеръ, притокъ эль-Фокки, сохранилъ нѣкоторые грандиозные памятники римской эпохи; когда Геренъ посѣтилъ этотъ генширь, тамъ проживалъ только одинъ мара-

Цитадель Сузы.

отъ плавленія верхнихъ кристалловъ образовался твердый слой, препятствующій растворенію соли подъ дѣйствіемъ дождей²⁾). На съ-веро-востокѣ расположены становища племени уладъ-ягія, а на западѣ около истоковъ рѣчекъ, изливающихся въ озеро Кельбіа,—становища племени маджеръ.

Область, по которой кочуютъ эти арабизованные берберы, одна изъ тѣхъ, где двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ жило многочисленное осѣдлое населеніе. Верхній бассейнъ уѣза эль-Фокка, потока, мѣняющаго имя при каждомъ слияніи съ другимъ ручьемъ, особенно богатъ остатками римской старины. Обширные античные города и ихъ пышные памятники всюду

быть, и каково же было удивленіе путешественника, когда онъ открылъ, что этотъ мара—but—французъ! Нѣсколько горячихъ ключей, бьющихъ на днѣ высохшаго ложа близъ Сбейтлы, довольно обильны, чтобы образовать прозрачный ручей, такой же многоводный, какъ и Загуанскіе источники; воды его достаточно было для значительного населенія, и, дѣйствительно, все доказываетъ, что эта мѣстность, нынѣ почти пустынная и безлюдная, была густо населена двѣ и три тысячи лѣтъ тому назадъ²⁾). Древняя Суффетула, то-есть, для кара-багенія, «Городъ Суффетовъ», продолжала существовать, какъ важный городъ и какъ мѣстопребываніе главнаго управления провинціи,

¹⁾ Rouire, „Revue de Géographie“, 1882.

²⁾ Fellissier, „Description de la Régence de Tunis“.

¹⁾ Henri Duportal, рукописныя замѣтки.

²⁾ L. Playfair, „Travels in the footsteps of Bruce“.

до арабскихъ нашествий; сохранившіеся храмы, колоннады, триумфальные арки, городскія стѣны и башни, гробницы съ надписями позволили археологамъ востановить планъ города. Одинъ храмъ съ двумя выступающими флигелями, окруженный изящными колоннами, горделиво высится на вершинѣ холма: въ преддверіе этого тройного святилища вступали черезъ триумфальныя ворота, украшенныя, какъ и самыи храмъ, извяніями прекраснаго стиля, напоминающими орнаментировку храмовъ Бальбека. Всі эта область, усыпанная римскими развалинами, повидимому, была обширнымъ оливковымъ лѣсовъ: подъ каждой, даже самой маленькой руинѣ, находять слѣды снарядовъ для выдавливанія изъ оливокъ масла; близъ каждого зданія видны также цистерны и крѣпости, куда колонисты укрывались въ случаѣ тревоги¹⁾. Въ настоящее время эта страна маслинъ, гдѣ кочуетъ племя фрашишъ, не даетъ никакихъ продуктовъ, кроме шерсти своихъ стадъ, которая, впрочемъ, считается лучшей во всемъ Тунисѣ.

На сѣверѣ отъ Сузы, береговая дорога, сжатая между лагунами и моремъ, проходитъ чрезъ мѣстечко Хергла, которое сохранило отъ римскихъ вѣковъ только свое древнее имя, *Horgaea Caelia*, да груды безформенныхъ развалинъ; въ сосѣдней равнинѣ почва усыана долмениами на пространствѣ около 2 кв. километровъ. Далѣе, въ сосѣдствѣ остроконечной горы Такруна, на которой расположена деревня того же имени, находится ферма Даръ-эль-Бей или «Дворецъ бея», центръ обширной долины Энфида Уладъ-Сандъ, которую долго оспаривали другъ у друга иностранные компании спекулянтовъ, поддерживаемыя каждая своимъ правительствомъ: присоединеніе Туниса къ Франціи положило конецъ этой борьбѣ, рѣшивъ дѣло въ пользу одного марсельского общества, которому были уступлены также, на правахъ концессіонера, и другія государственные имущество. Громадное пространство, еще не смѣренное, но навѣрно обнимающее не менѣе 120.000 гектаровъ (около 110 т. десятинъ), заключаетъ въ себѣ земли разнаго качества, бесплодныя и плодородныя, совокупность которыхъ составляетъ одну изъ лучшихъ, по природнымъ условіямъ, областей Туниса: при римскомъ владычествѣ эта часть Бизацены имѣла не менѣе семнадцати городовъ, развалины которыхъ разсыпаны подъ кустарникомъ; теперь же адѣсь существуютъ только три деревни, построенные на холмахъ и населенные берберами-земледѣльцами, да еще малтийское поселеніе, основанное недавно въ 10 километрахъ къ сѣверу отъ Даръ-эль-Бея. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оливковыя плантации тянутся

на необозримое пространство; другія части, обильно орошаляемыя, могли бы быть употреблены для садоводства; равнины засѣиваются зерновыми хлѣбами; сосновые и туїевые лѣса обсыпаютъ склоны на предгорьяхъ хребта Загуанъ; прекрасныя пастбища какъ нельзя болѣе благопріятствуютъ развитію овцеводства. Къ этой-то специальной отрасли сельской промышленности, посредствомъ введенія алжирскихъ стадъ, да къ насажденію виноградниковъ и были направлены главнѣйшія усиленія новыхъ владѣльцевъ; но недостатки веденія хозяйства черезъ управляющихъ и за счетъ живущихъ за моремъ капиталистовъ не преминули обнаружиться въ этой тунисской доменѣ, какъ и во всѣхъ вообще латифундіяхъ. Проценты по займамъ, плата за комиссию, расходы на бесполезныхъ посредниковъ, дорожевизна рабочихъ рукъ, враждебность обиженныхъ туземцевъ всегда, въ концѣ концовъ, разоряютъ подобныя предприятия, или по крайней мѣрѣ мѣшаютъ тому, чтобы они приносили, пропорционально, такой же доходъ, какъ мелкие земельные участки, обрабатываемыя самимъ владельцемъ. Чтобы избѣгнуть полной неудачи своей спекуляціи, концессіонеры Энфида должны были отказаться отъ веденія хозяйства на собственный страхъ и рискъ: они ограничиваются теперь, подобно арабскимъ сюзеренамъ, сдачей своихъ земель въ аренду окрестнымъ хлѣбопашцамъ и пастухамъ; арендная плата немного больше двухъ франковъ съ гектара, за исключеніемъ земли, занятой кустарникомъ¹⁾. Подписывать контракты и получать арендовать къ чему свелось дѣло, которое торжественно провозгласили исходной точкой новой эры въ цивилизациіи Туниса. Въ Энфида есть обильные источники, горячіе и минеральные. Населеніе этой области въ концѣ 1882 года состояло изъ 40 европеицъ и 6.850 туземцевъ, а къ концу 1884 года оно возрасло до 12.000 душъ.

Маленький городокъ Гаммаметь, называемый «городомъ Голубей», по причинѣ безчисленнаго множества вяхирей (дикихъ голубей), гнѣздающихся въ скалахъ сосѣднихъ горъ, далъ свое имя широкому заливу, открывающемуся между полуостровомъ мыса Бонъ и мысомъ Монастырь. Этой честью онъ обязанъ не древности происхожденія, такъ какъ основанъ въ XV стол., и не богатству, потому что населеніе его очень немногочисленно и окрестности плохо обработаны; но онъ имѣетъ нѣкоторый видъ, благодаря своимъ бѣлымъ стѣнамъ, съ четыреугольными башнями по угламъ, и положеніе его какъ разъ на южной оконечности дороги, пересѣкающей сѣверо-восточный полуостровъ Туниса, сдѣлало его довольно важнымъ

¹⁾ R. Cagnat et H. Saladin, „Journal officiel“, 20 juillet 1883.

¹⁾ R. Cagnat et H. Saladin, „Voyage en Tunisie“, *Tour du Monde*, XLVII, 7 juin 1884.

стратегическимъ пунктомъ и въ то же время необходимымъ этапомъ: здѣсь путешественники, прибывшіе изъ города Туниса, достигаютъ восточного моря, и потому очень естественно, что они дали заливу имя того мѣста, гдѣ кончается дорога, ведущая изъ внутренней части страны. Но торговая и промышленная жизнь направилась далѣе на востокъ, въ городъ Набель, основанный ранѣе арабскаго нашествія, какъ о томъ свидѣтельствуетъ его греческое имя Неаполисъ, едва измѣнившееся въ нынѣшней формѣ. Несмотря на это название «Новаго Города», онъ существуетъ уже съ незапамятныхъ временъ: въ остаткахъ Набель-эль-Кедима, или «Старого Набеля», находять еще

фабрикуетъ также ткани, а цвѣты его садовъ идутъ на приготовленіе эссенцій. Въ эти послѣдніе годы Набель получилъ нѣкоторую известность, какъ «зимній городъ» для чахоточныхъ. Хорошо защищенный съвера холмами съверо-восточного полуострова, этотъ городъ обращенъ къ водамъ Гаммаметскаго залива, гдѣ море рѣдко волнуется и бушуетъ такъ, какъ на съверѣ; вътеръ не дуетъ яростной бурей въ его улицахъ, какъ на дорогахъ Туниса, вздымая и кружа столбы пыли. Къ съверу отъ Гаммамета короли вандаловъ имѣли свой «Парадисъ», то-есть загородный дворецъ; но тамъ, гдѣ находились эти волшебные сады, теперь едва увидишь одинокое деревцо. Песокъ

Кайруанъ.—Мечеть Сабель.

кое-какіе слѣды караагенскихъ построекъ; *Периплъ* Скилакса упоминаетъ уже объ этомъ африканскомъ Неаполѣ. Почва равнинъ, гдѣ возникли послѣдовательно «новые города», замѣняла старые, усыпана черепками, разбитыми сосудами, и въ наши дни еще вокругъ безчисленныхъ гончарныхъ заводовъ видны кучи бракованной посуды, подобной той, которую выбрасывали горшечники древняго Неаполиса, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ: мѣстная промышленность не измѣнилась съ той эпохи. Отсюда главнымъ образомъ получаются охладительные кувшины, кружки, цвѣточные горшки, курильницы, глиняныя лампы и другія гончарные издѣлія, продаваемыя на рынкахъ Туниса и даже въ Алжирѣ и въ Триполи. Набель

съ каждымъ днемъ все, больше захватываетъ сады и кладбища ¹⁾.

Дахелатъ-эль-Магуинъ, какъ называютъ полуостровъ, оканчивающійся мысомъ Аддаръ, есть одна изъ многолюдныхъ областей Туниса. Городки и большія деревни, окруженные фруктовыми садами и масличными рощами, слѣдуютъ другъ за другомъ на высокихъ берегахъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ восточного побережья. Береговая дорога проходитъ черезъ Бени-Хріаръ, Курбу, Куршинъ, Мензель-Темиръ, Келибію, наслѣдницу древней Клиши (*Clyraea*), по-гречески Аспись, названной такъ отъ холма въ формѣ «щита», на которомъ стоялъ ак-

¹⁾ R. Cagnat et H. Saladin, цитированное сочиненіе.

рополь. Расположенный близъ мыса, въ томъ мѣстѣ, гдѣ морской берегъ изгибается къ юго-западу, давая кораблямъ защиту противъ сѣверныхъ вѣтровъ, городъ «Щита» всегда имѣлъ иѣкоторую важность, какъ морская пристань, и хотя обѣ его гавани давно обмелѣли, но и теперь еще небольшія морскія суда, застигнутыя бурей, приходятъ сюда искать убѣжища. Сѣверный берегъ полуострова, омываемаго водами Тунисского залива, менѣе населенъ, чѣмъ противолежащее побережье, по причинѣ небольшой ширины годнаго къ культурѣ пояса земли, заключеннаго между холмами и моремъ. Самыя значительныя группы населенія, Солиманъ и Мензель, или этапъ, называемый Мензель-Бу-Зальфа, находятся въ сѣверной части равнины, черезъ которую берегъ Тунисского залива сообщается съ берегомъ залива Гаммаметскаго. Жители Солимана—андалузскаго происхожденія, какъ и обитатели многихъ другихъ мѣстечекъ Дахелать-эль-Магуина, и, по словамъ Гренвиля Темпла, многіе изъ потомковъ этихъ андалузскихъ выходцевъ носятъ еще испанская фамилія; чума 1819 года истребила болѣе двухъ третей населенія Солимана.

На морскомъ берегу семь горячихъ источниковъ Гаммамъ-Курбесь (Горбусъ), имѣющихъ, сравнительно съ другими теплыми водами Туниса, наиболѣе высокую температуру, отъ 25 до 59 градусовъ Цельсія, вытекаютъ изъ земли недалеко отъ мыса Расть-Фортасъ, какъ разъ противъ Кареагенскаго мыса; кромѣ того, штука двѣнадцать кипящихъ ключей, примѣтныхъ по кипящему надъ ними столбу пара, бываютъ со дна моря, въ небольшомъ разстояніи отъ берега¹⁾). На плоскомъ берегу, составляющемъ крайнюю вогнутость залива, у основанія откосъ Двурогой горы, текутъ другія теплые воды (40 градусовъ) Гаммамъ-Лифъ или Гаммамъ-эль-Энфъ, утилизируемые въ бывшемъ дворцѣ бея, который вскорѣ будетъ замѣненъ новымъ заведеніемъ, устроеннымъ съ большой роскошью и со всѣми удобствами; особенно осенью воды эти посѣщаются иностранцами, преимущественно евреями. Гаммамъ-Лифъ, или Гаммамъ-эль-Энфъ, составляетъ уже часть обширнаго городскаго округа Туниса и соединенъ съ столицей рельсовымъ путемъ, который впослѣдствіи предполагаютъ продолжить до Гаммамета; въ скоромъ времени тамъ будетъ устроена небольшая гавань. Двурогая гора заключаетъ въ своихъ нѣдрахъ залежи свинцововой руды, содержащей серебро, которыя, впрочемъ, не эксплуатируются; но въ Джебель-Рессасъ, или «Свинцовой горѣ», стоящей немного южнѣе, работаютъ уже сотни рудокоповъ, почти все итальянцы.

Бассейнъ уезда Меліанъ впадаетъ въ Тунис-

скій заливъ близъ Радеса, античной деревни, смотрящей на Кареагенъ съ высоты своего холма. Въ этомъ бассейнѣ существуетъ только одинъ городъ, Загуанъ, который тоже можно считать пригородомъ столицы регентства. Расположенный южнѣе Туниса, на высотѣ отъ 196 до 236 метровъ, Загуанъ служить дачнымъ мѣстомъ для тунисцевъ, благодаря своему чистому воздуху, обильнымъ текущимъ водамъ, прекраснымъ садамъ и лѣсамъ, гдѣ растуть, между прочимъ, и европейскія породы деревьевъ; онъ же снабжаетъ столицу водой. Въ близкомъ будущемъ Загуанъ сдѣлается аванпостомъ Туниса, съ точки зрѣнія стратегической и торговой, когда построится желѣзная дорога, которая будетъ командовать восточными и южными городами, Сузой, Кайруаномъ, Гафой. Уже обыкновенная, недавно открытая, дороги сдѣлали Загуанъ торговымъ и продовольственнымъ центромъ. Триумфальная арка, хорошо сохранившаяся, и древнія надписи свидѣтельствуютъ о томъ, что этотъ городъ нѣкогда былъ занятъ римлянами. Во время иммиграціи андалузскихъ мавровъ, одна колонія этихъ бѣглецовъ поселилась въ Загуанѣ, и потомки этихъ трудолюбивыхъ ремесленниковъ до сихъ поръ еще населяютъ городъ; они занимаются главнымъ образомъ садоводствомъ, крашеніемъ фесокъ, или шешіа, выдѣлкой кожи; загуанская вода, говорятъ, обладаетъ особынѣмъ свойствомъ уплотнить смачиваемыя ею ткани, вслѣдствіе чего она лучше принимаютъ краску; оттого тунискія шапки во всемъ Левантѣ предпочитаются издѣліямъ этого рода, привозимымъ изъ Франціи и другихъ странъ¹⁾. Съ вершинъ изрѣзанной оврагами горы, которая господствуетъ надъ Загуаномъ, открывается великолѣпный видъ на всю сѣверно-восточную часть страны, отъ береговъ Сузы до мысовъ Кареагена. На одномъ изъ предгорій этого массива путешественники Ребатель и Тиранъ открыли до-историческій некрополь, заключающій около трехсотъ долменовъ, которые всѣ расположены по направлению отъ востока къ западу. Въ одномъ изъ сестѣнъ съ Загуанской горой ущелій находится такъ называемый дефилей «Пилы», гдѣ были перебиты наемники, въ концѣ той же стокой войны, которая грозила самому существованію Кареагена.

Грандіозные или живописные виды слѣдуютъ одинъ за другимъ изъ всей окружности горнаго массива, но самый прелестный пейзажъ представляетъ мѣстность, окружающая нимфеумъ большаго источника, главнаго потока Кареагенскаго водопровода. Этотъ храмъ, стоящий на террасѣ, въ двухъ verstахъ къ югу отъ Загуана, и на половинѣ склона массива, построенъ на скалѣ и дополненъ перистилями, лѣстницами, бассейнами, бѣлизна которыхъ соста-

¹⁾ Lafitte, рукописныя замѣтки; —Guyon, „Eaux thermales de la Tunisie“.

¹⁾ Alphonse Devoulx, „Revue Africaine“, 1874.

иять яркій контрастъ съ зеленою деревьевъ съ разнообразными цветами обвалившихся дамней на склонѣ горы. Загуанскій водопро-

тянется на сѣверъ къ городу Тунису и Ла-Гулеттѣ, и общая длина котораго, вмѣстѣ съ развѣтвленіями, 131 километръ. Подземными уча-

СФАКСЪ.

водь примыкаетъ къ водопроводу съ джебеля Джугаръ, несущему меньшее количество воды, и эти два потока соединяются въ римскомъ водопроводѣ, теперь реставрированномъ, который

стками древняго водопровода въ большей части воспользовались для нового канала, но тамъ, гдѣ черезъ понижения почвы были перекинуты длинные ряды аркадъ, эти послѣднія замѣнены

теперь трубами, проложенными въ видѣ сифона въ землѣ. Къ югу отъ перехода черезъ уэдъ Меліанъ, одинъ участокъ древняго водопровода продолжается безъ перерыва на протяженіи болѣе 2 километр., при чёмъ нѣкоторыя изъ его аркадъ достигаютъ высоты 25 метровъ; но почти повсюду развалины водопровода представляютъ лишь короткіе отрывки, эксплуатируемые, какъ каменоломни, окрестными строителями, которые сдираютъ съ нихъ облицовку изъ шлифованныхъ камней. Даже инженеры, поправлявшіе водопроводъ, уничтожили прекраснѣшую руину, которая оставалась отъ этого памятника, воздвигнутаго императорами Адріаномъ и Септиміомъ Северомъ: они сломали мостъ черезъ уэдъ Меліанъ, чтобы поставить на его фундаментѣ свой современный путеводъ, который легко было бы провести въ другомъ мѣстѣ, безъ увеличенія расходовъ; обломки водопровода, также какъ развалины древне-римскаго города Удна (Удина), послужили матеріаломъ для постройки стѣнъ, домовъ и дворцовъ, нынѣ покинутыхъ, Могамедіи: огромные мегалиты разсыпаны вокругъ руинъ Удны, а цистерны обращены въ подземныя жилища и помѣщенія для скота. Среднее количество воды, даваемое утилизирующими источниками, въ 1885 году составляло 7.000 кубич. метровъ въ день; благодаря новымъ запрудамъ, оно въ скоромъ времени будетъ увеличено на половину¹⁾: надѣются, что наибольшее снабженіе достигнетъ 17.000 кубич. метровъ въ день, а среднее будетъ колебаться между 10.000 и 11.000 куб. метровъ.

Тунись, столица регентства и одинъ изъ многолюднѣшихъ городовъ континента, уступалъ въ началѣ настоящаго столѣтія только одному африканскому городу, Каиру, по числу жителей; теперь онъ превзойденъ Александріей и, можетъ-быть, также Алжиромъ, если считать все населеніе послѣдняго, внутри и вѣтъ городской ограды: хотя во многихъ отношеніяхъ Тунись поставленъ въ гораздо болѣе благопріятныя условія, чѣмъ алжирская столица, однако, послѣдняя, если не опередила, то, по крайней мѣрѣ, сравнялась съ нимъ, благодаря централизациі, политической, военной, административной и экономической, которую доставила ей слишкомъ полуѣковая французская оккупациі. Съ общей точки зрѣнія географическихъ условій, Тунись имѣеть за собой нѣкоторыя изъ тѣхъ первостепенныхъ выгодъ, какими пользовался древній Кареагенъ: онъ лежитъ въ сосѣдствѣ выступающаго угла Мавританіи, между двумя бассейнами Средиземнаго моря, и вмѣстѣ съ тѣмъ находится вблизи выхода главной долины рѣки Меджерды, которая своими многочисленными развиликами проникаетъ вглубь горъ и плоскихъ возвышенностей

Магреба; бромъ того, онъ пользуется здоровымъ климатомъ, благодаря свободной циркуляціи сѣверныхъ вѣтровъ. Три тысячи лѣтъ тому назадъ, или, можетъ-быть, въ еще болѣе отдаленную эпоху, когда основывалась Тунись, нѣкоторыя черты рельефа, представляющія удобства въ торговомъ отношеніи и обеспечивающія защиту отъ вѣнчнаго врага, должны были повліять рѣшительнымъ образомъ на выборъ строителей. Въ этомъ мѣстѣ цѣль невысокихъ известковыхъ холмовъ прерываетъ большую равнину, открытую на востокъ къ Меджердѣ, и эта стратегическая позиція является тѣмъ болѣе сильной, что по обѣ стороны каменистаго хребта разстилаются обширныя озерныя котловины: на юго-западѣ — себха Эль-Сельджумъ, размѣры которой увеличиваются и уменьшаются съ дождями и засухами, на сѣверо-востокѣ — Багира, или «Малое Море», уровень которого не мѣняется, благодаря узкому каналу (*la goulette*), черезъ который воды Средиземнаго моря свободно входятъ въ лагуну. Такимъ образомъ городъ, стоящій на тунисскомъ перешейкѣ, былъ почти недоступенъ нападенію на двухъ изъ своихъ сторонъ; онъ командовалъ дорогой, черезъ которую поддерживается сообщеніе между долинами Меджерды и Меліана. Кромѣ того, «Малое Море», хотя очень мелкое, было, однако, довольно глубоко, чтобы принимать небольшія суда; подъ защитой отъ бурь, они приходили выгружать свои товары на тунисскомъ берегу. Правда, въ теченіе вѣковъ то или другое географическое условіе, бывшее нѣкогда благопріятнымъ, сдѣлалось, въ концѣ-концовъ, гибельнымъ: такъ, мелководная лагуна Бахира, куда не могутъ проникать употребляемыя въ наши дни крупныя суда, обратилась въ громадный сточный бассейнъ, воды котораго распространяютъ въ воздухѣ нестерпимое зловоніе. При такихъ условіяхъ, Тунись лишь въ незначительной мѣрѣ пользуется выгодами, свойственными приморскому положенію: это скорѣе внутренній городъ, старающійся устройствомъ искусственнаго порта вернуть себѣ то преимущество, которое нѣкогда было дано ему природой.

Возникшій, вѣроятно, ранѣе Кареагена, Тунись, или Тунесъ, имѣлъ свои эпохи цвѣтущааго состоянія. Когда лѣтошии упоминаютъ о немъ въ первый разъ, онъ находился въ орбите своего могущественнаго сосѣда, Кареагена: послѣ паденія послѣдняго, Тунись сдѣлался самымъ многолюднымъ городомъ края, но не на долго; отстроенный римлянами, Кареагенъ снова занялъ первенствующее мѣсто, какъ столица страны. Въ концѣ седьмаго столѣтія нашей эры, Кареагенъ, вторично разрушенный, навсегда прекратилъ свое существованіе, и съ той эпохи Тунись, одинъ изъ центръ мусульманскаго могущества, оставался столицей, не-

¹⁾ Caillat, рукописная замѣтка.

смотря на междуусобія и виїшнія войны. Одинъ только разъ, въ продолженіе двѣнадцатиѣко-
ваго періода, онъ подпалъ подъ власть хри-
стіанъ; ибо осаждавшій его, въ 1270 году, Лю-
довикъ IX, король французскій, успѣлъ овла-
дѣть только Караагенскимъ замкомъ, «chastel»,
и умеръ на ложѣ изъ пепла, прежде чѣмъ ту-
нискій султанъ, Абу - Могаммедъ, доведенъ
былъ до необходимости просить мира. Только
въ 1535 г. императоръ Карлъ V, пользуясь
помощью двадцати тысячъ невольниковъ, воз-
мутившихся противъ Хейръ-эдъ-Дина, вступ-
илъ въ Тунисъ, отданный имъ одному вас-
сальному князю, и построилъ фортъ Гулетты,
чтобы командовать сообщеніями столицы съ
моремъ. Но не прошло и года, какъ городъ
былъ взятъ обратно Хейръ-эдъ-Диномъ, и съ
того времени онъ оставался подъ правленіемъ
беевъ, вассаловъ Турціи, до 1881 года, когда
официальная сузеренная власть, принадле-
жившая Портѣ, была присвоена Франціей. До
турецкаго господства Тунисъ, эта «бѣлая, бла-
гоухающая, цвѣтущая невѣста Запада», счи-
тался у мусульманъ городомъ, неимѣющимъ
себѣ равнаго во всемъ свѣтѣ. Онъ былъ сбо-
рнымъ пунктомъ путешественниковъ Востока
и Запада, которые находили тамъ всѣ удоб-
ства, какія только можетъ пожелать человѣкъ.
Какую бы прихоть ни придумало воображеніе,
ее всегда можно было исполнить въ Тунисѣ.
Его могущество и слава ставили его, какъ вла-
дыку, превыше всѣхъ его соперниковъ, глав-
ныхъ городовъ «Восхода и Заката солнца»...
Тунисъ въ правѣ былъ сказать про себя: «Я
гѣтница храма, по которой восходятъ дороги
на небеса!» ¹⁾). И теперь еще въ глазахъ му-
сульманъ Сѣверной Африки, за исключеніемъ
жителей Марокко и Египта, Тунисъ—городъ
хорошаго вкуса, средоточіе учености, законо-
датель моды, словомъ—нѣчто въ родѣ «Ливий-
скаго Парижа» ²⁾.

Занимая пространство слишкомъ въ 3 кв.
километр., съ каждымъ годомъ разрастающееся
(въ августѣ 1883 г. собственно городъ зани-
малъ 92, предмѣстія 173, новый городъ 40
гаектаровъ), Тунисъ расположено на обращен-
номъ къ востоку пологомъ скатѣ холмовъ, гос-
подствующимъ надъ западнымъ берегомъ «Ма-
лаго моря». Съ сѣвера на югъ, онъ тянется на
два съ половиной километра, тогда какъ съ
востока на западъ ширина его почти вездѣ
меньше километра. Центральный кварталь, на-
зывающийся еще жителями Мединой, «городомъ»
по преимуществу, образуетъ неправильный
овалъ, большая ось котораго тоже направлена
съ сѣвера на югъ, и который почти на всей
своей окружности сохранилъ еще старую стѣну,
примыкающую къ укрепленіямъ касбы. Сѣвер-

вое предмѣстіе, Бабъ-эсъ-Сука, и южное,
Бабъ-эль-Джезира, тоже окружены оградой,
состоящей изъ ломаной линіи валовъ, которая,
начинаясь отъ четыреугольника цитадели, стоя-
щей на холмѣ, тянется отъ бастіона къ бастіону;
но на востокѣ, со стороны озера Бахира,
стѣны исчезли, уступая, такъ сказать, напору
разливающагося населенія, и выросъ новый
городъ по обѣ стороны центральнаго бульвара,
называемаго Портовымъ, который ведеть къ
площади, окаймленной плотинами, гдѣ начи-
нается судоходный каналъ лагуны. Съ перв-
ыхъ годовъ настоящаго столѣтія береговой
поясъ Бахиры увеличился по менышей мѣрѣ
на 700 метровъ; онъ расширяется съ каждымъ
днемъ, вслѣдствіе отложенія грязи, наносимой
изъ стоковъ, и сваливанія земли, вынимаемой
при постройкахъ. По своему низменному по-
ложению, «Новый Тунисъ»—наименѣе здорово-
вая часть города; но это мѣсто, гдѣ находятся
двѣ желѣзодорожныя станціи (итальянская и
французская) и портъ, гдѣ выстроится совре-
менемъ городская дума, зданіе судебныхъ
установленій, театръ, биржа, имѣть ту вы-
году, что представляетъ строителямъ неогра-
ниченный просторъ, и уже теперь между бѣ-
лыми домами «французского квартала» откры-
ваются длинные прямолинейные проспекты,
пересѣкающіеся подъ прямымъ угломъ. Эти
проспекты, безъ сомнѣнія, продолжатся совре-
менемъ и черезъ лабиринтъ тысячи трехсотъ
улицъ стараго города. Въ сосѣдствѣ касбы,
широкія аллеи, проведенные между публичны-
ми памятниками, уже положили начало пре-
образованію и бульвару, устраиваемому теперь
кругомъ всей Медины, или собственно города,
послужить приманкой новымъ улицамъ, рас-
планированнымъ по-европейски. Какъ во многихъ
другихъ городахъ, эта перемѣна совер-
шится, конечно, въ грубой формѣ: немногого
останется старинныхъ мавританскихъ домовъ,
которымъ дадутъ больше воздуха, свѣта и ком-
форта, не разрушая аркадъ и арабесокъ,
чтобы превратить ихъ въ безобразные камен-
ные кубы! Между тѣмъ удивительное искусство
мавританскихъ архитектурныхъ украшеній
еще не утрачено, и было бы варварствомъ
дать ему погибнуть.

Улицы стараго Туниса имѣютъ надъ пра-
вильными проспектами французскаго города
преимущество живописности и неожиданности.
Между ними ни одной нѣть прямой: вездѣ
углы и выступы, кривыя разнаго радиуса. Надъ
улицей идуть своды неравной высоты, иные—
просто арки, соединяющія два противополож-
ныхъ дома, другіе несутъ одинъ или два эта-
жа на своихъ перекрестныхъ стрѣлкахъ. Нѣкто-
рые изъ этихъ сводовъ настолько длинны,
что образуютъ настоящія галлерей, подобныя
галлереймъ берберскихъ городовъ въ оазисахъ.
Мраморныя колонны, привезенныя изъ Кар-

¹⁾ Мокаррабъ, трактатъ о риторикѣ, цитируемый Огю-
стомъ Шербоно, въ *"Revue de Géographie,"* 1880.

²⁾ Н. Дютигріє, *"La Tunisie."*

загена, поддерживают основание аркады или обрамляют двери домовъ своими разноцвѣтными капителями. Дикая трава пробивается изъ каждой трещины сводовъ; въ углахъ на-клонно растутъ деревья, прикрывая своими вѣтвями какую-нибудь мелочную лавочку или скамью кофейни. Около верхней части города, подъ касбой и дворцомъ беевъ, Даръ-эль-Бей, развѣтвляется лабиринтъ *суковъ* (рынковъ), каждая улица которого населена людьми одной и той же корпораціи—сѣдельниками, продавцами матерій, котельниками, ювелирами, парфюмерами. Часто мастерская помѣщается рядомъ съ лавкой; ремесленники ткутъ полотно, мотаютъ шерсть, красятъ шешіи, куютъ мѣдь на глазахъ толпы покупателей и прохожихъ, тѣснящейся въ узкомъ переулкѣ; тамъ и сямъ черезъ полуутворенные ворота виднѣется почти пустой дворъ между аркадами: это духовная школа или мечеть, тихое убѣжище среди царящаго кругомъ городского шума. Животныхъ рѣдко увидишь въ этомъ торговомъ концѣ города; но зато въ предмѣстіяхъ, улицы, ведущія къ городскимъ воротамъ, запружены лошадьми, ослами, мулами, верблюдами, между которыми съ большимъ трудомъ пробираются повозки, подпрыгивающія на камняхъ и вязнущія въ лужахъ.

Въ разныхъ кварталахъ преобладаютъ типы различныхъ національностей. Въ верхней части города живутъ тунисцы въ собственномъ смыслѣ, къ которымъ, въ предмѣстіи Бабъ-эсъ-Сука, примѣшиваются потомки андалузскихъ мавровъ. Щеголеватые тунисцы, за которыми издавна утвердилась во всей Мавританіи репутація законодателей моды, отличаются большимъ вкусомъ въ выборѣ матерій для своей одежды, всегда свѣтлыхъ оттѣнковъ: мягкаго голубаго, нѣжно-розового, цвѣта персика или сливокъ; ханѣкъ всегда изящно драпируются на ихъ плечѣ. Но тунисинки, у которыхъ тучность въ слишкомъ большой чести, не могутъ похвалиться, какъ ихъ мужья, прелестью костюма: несмотря на красоту полосатыхъ шелковыхъ матерій, трудно не быть шокированнымъ при видѣ этихъ тушъ, которыхъ грубо переваливаются съ боку на бокъ въ своихъ широкихъ, но черезчурь короткихъ блузахъ, показывая узкія панталоны и спустившіеся чулки; по черному вуалю, въ которомъ оставлены только щелки для глазъ, издали этихъ женщинъ можно принять за негритянокъ; но послѣднія, по крайней мѣрѣ, имѣютъ за собой блескъ кожи и бѣлизну зубовъ. Рядомъ съ богато-наряженными маврами толпятся болѣе многочисленные бѣдняки мусульмане, одѣтые въ простой бурнусъ изъ сѣрої шерсти или въ грубый коричневый халатъ съ бѣлыми вышивками; только послѣ долгихъ наблюдений можно различить между всѣми этими типами джерабинцевъ, то-есть торговцевъ съ острова

Джерба, суафандцевъ, или выходцевъ изъ Суфа, мзабитовъ, сѣверныхъ алжирцевъ, мароканцевъ, появившихся въ большомъ числѣ со временемъ прибытія французовъ. Что касается евреевъ, которые сгруппированы преимущественно въ восточной части квартала Бабъ-эсъ-Сука, то они дѣлятся на два класса: итальянские евреи или грана,—то-есть уроженцы Гуруны или Ливорно,—носатъ европейскій костюмъ, тогда какъ другіе одѣваются почти такъ же, какъ мавры; но ихъ жены, не менѣе тучныя, чѣмъ мавританки, ходятъ съ открытымъ лицомъ, и головной ихъ уборъ состоить изъ остроконечной, расширенной золотомъ шапочки. Мальтийцы, давшіе свое имя одной изъ самыхъ бойкихъ улицъ торговой части, идущей вдоль восточной стѣны, составляютъ какъ по языку, такъ и по нравамъ, переходъ между арабами и сцилійцами, которые представляютъ большую часть итальянского пролетариата въ Тунисѣ. Тосканцы представлены только еврейскимъ элементомъ, хотя Ливорно нѣкогда оспаривало у Марсели первенство по торговлѣ съ Тунисомъ, и даже все Средиземное море извѣстно было у тунисцевъ подъ именемъ «Ливорнского»¹). Такъ, въ 1783 году, въ Тунисѣ было ввезено товаровъ изъ Марсели на сумму 1.326.559, а изъ Ливорно на сумму 907.524 ливра²). Французы, число которыхъ больше, чѣмъ утроилось послѣ событий 1881 года, живутъ почти исключительно въ Новомъ городѣ, около «Морскихъ воротъ», перекрестка, гдѣ непрерывно сталкиваются люди всякой національности и всякаго костюма, даже мусульмане въ цилиндрахъ и христіане въ чалмахъ, продукты соприкосновенія двухъ цивилизаций. Населеніе столицы регентства около 170.000 душъ, въ томъ числѣ около 50.000 европейцевъ и 40.000 евреевъ.

Преобразованіе Туниса въ европейскій городъ еще мало подвинулось впередъ въ отношеніи подземной канализаціи. Большинство улицъ не имѣютъ стоковъ, и нечистоты изъ домовъ скопляются въ канавахъ безъ выхода, откуда рабочіе должны убирать ихъ отъ времени до времени: до 1856 года эта отвратительная натуральная повинность лежала исключительно на евреяхъ, но, со временемъ эманципаціи послѣднихъ, вывозомъ нечистотъ занимаются иммигранты изъ Джерида, освобожденные отъ всякихъ налоговъ въ обмѣнъ за оказываемыи ими обществу услуги, и, сверхъ того, получающіе обычную плату за трудъ³). Часто случается, что улицы впродолженіи несколькихъ дней бывають загромождены кучами земли и песку, среди которыхъ выплыты жидкая нечистоты, чтобы дать имъ высокнуть и

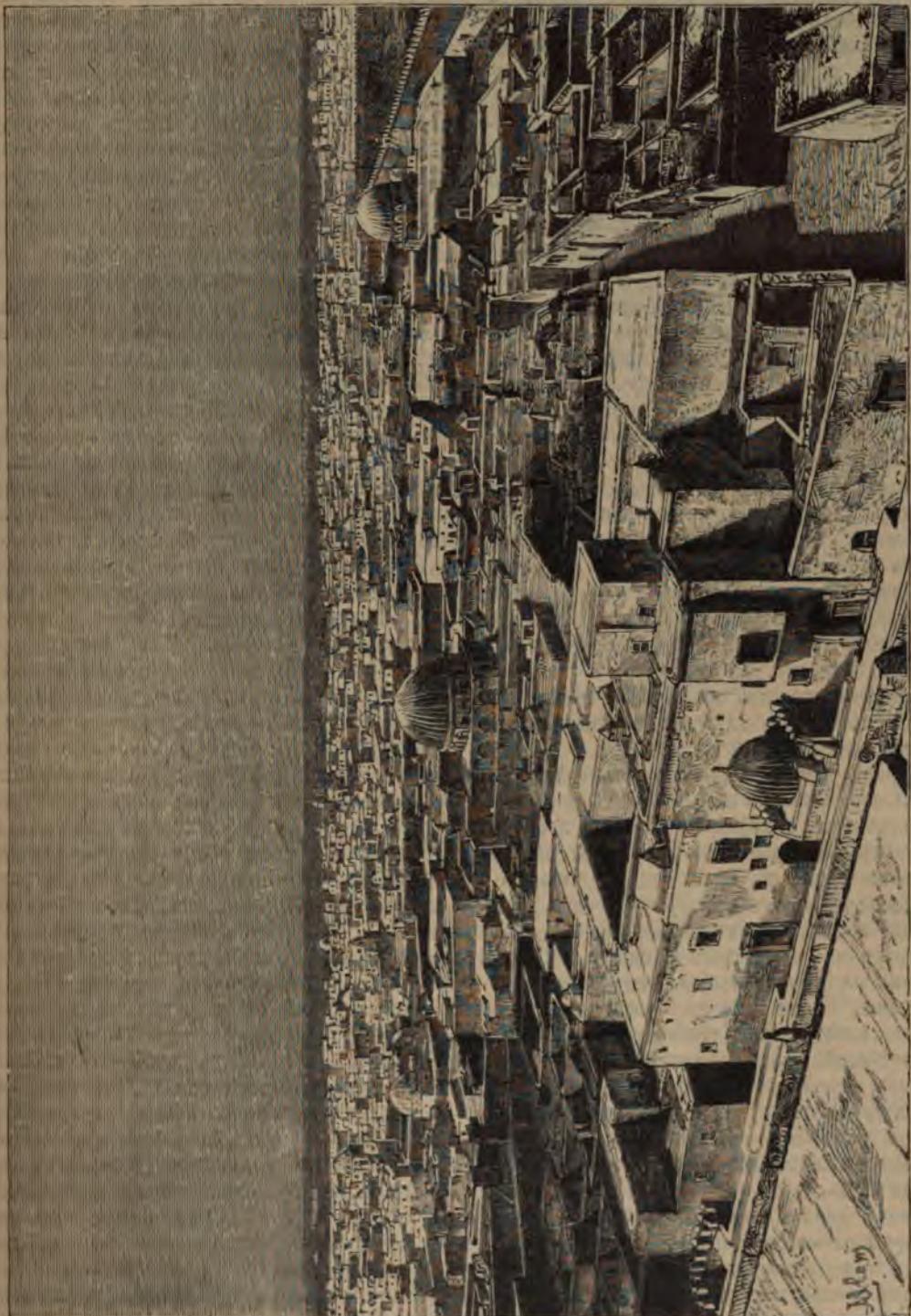
¹⁾ Ernest Desjardins, рукописная замѣтка.

²⁾ Peyssonnel et Desfontaines, «Voyages dans les Régences de Tunis et d'Alger».

³⁾ Caillat, рукописная замѣтка.

отвердѣть на открытомъ воздухѣ, въ видахъ болѣе удобной перевозки. Городскіе стоки, спускаясь къ Багирѣ по скату почвы, соединяются въ семь кандалковъ, или открытыхъ каналовъ,

климатъ Туниса, зависящій, вѣроятно, отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Между тѣмъ именно на земляхъ, орошаемыхъ этими вонючими водами, и будутъ строиться новые кварталы. Въ виду

Общий видъ Кайруана.

которые идутъ черезъ огородныя земли и впадаютъ въ озеро. Эти рвы, никогда не очищающиеся и превратившіеся въ извилистые ручьи, распространяютъ невыносимое зловоніе, которому туземцы прежде приписывали здоровый

это, является настоятельная необходимость какъ можно скорѣе приняться за работу канализаціи, направляя канавы въ коллекторъ, который уносилъ бы городскія нечистоты въ какое-нибудь отдаленное мѣсто въ окрестно-

стяхъ, гдѣ эти вещества должны быть подвергаемы химической переработкѣ. Хотя Тунисъ не получаетъ еще въ достаточномъ количествѣ воды, необходимой для содержанія въ чистотѣ домовъ и улицъ, но онъ все-таки имѣеть ея довольно, чтобы уничтожать эти убийственныя испаренія, который не менѣе, чѣмъ благоуханіе цвѣтовъ, оправдываютъ данный ему туземными риторами эпитетъ «душистый».

Вопросъ объ ассенизациіи Туниса, и особенно франкскаго квартала, тѣсно связанъ съ вопросомъ объ устройствѣ новаго порта, ибо бассейны или доки для большихъ судовъ предположено выкопать въ сосѣдствѣ нынѣшней «Морской пристани», гдѣ уже существуетъ необходимое приспособленіе для мелкой каботажной торговли, пользующейся водами лагуны Багира. Отъ решения, какое будетъ дано вопросу о приморскомъ Тунисѣ, зависитъ процвѣтаніе или упадокъ города. Въ настоящее время большія суда бросаютъ якорь противъ Голетты, на разстояніи слишкомъ километра отъ берега, такъ что пассажиры и товары пересаживаются и перегружаются въ паровыя шлюпки или шаланды, которыхъ проникаютъ въ узкій каналъ, чтобы сложить грузъ на набережныхъ Голетты, или продолжать плаваніе къ Тунису черезъ мели озера: смотря по свойству и цѣнности товаровъ, приходится платить отъ 3 до 60 франк. съ тонны за перевозку отъ Голетты до Туниса.

Движеніе судоходства въ рейдѣ Голетты въ 1892 году: пришло 1.332 судна, общей вмѣстимостію въ 547.758 тоннъ.

Въ дурную погоду, при сильномъ волненіи, короткая переправа съ корабля на берегъ далеко небезопасна, и грузы очень часто подвергаются аваріямъ: торчащія изъ воды мачты указываютъ мѣсто крушенія судовъ, затонувшіе корпусы которыхъ образуютъ своего рода подводные камни. Такимъ образомъ перевозка пассажировъ и товаровъ съ рейда въ Тунисъ сопряжена съ значительными издержками и опасностями. Съ тѣхъ поръ, какъ открылось прямое желѣзодорожное сообщеніе между Тунисомъ и Боной, и установился двойной торговый потокъ внутрь материка черезъ таможенную станцію Гардимау, торговое движеніе направилось главнымъ образомъ къ Алжирію: точка равновѣсія притягательныхъ силъ, дѣствующихъ изъ Туниса и Боны, находится не на половинѣ дороги; наибольшій поясъ притяженія принадлежитъ Бонѣ, благодаря тому, что этотъ городъ имѣеть хорошо защищенную гавань, гдѣ товары могутъ быть грузимы прямо съ набережной, даже изъ окрестностей Туниса грузы иногда отправляются въ Европу черезъ бонскій портъ.

Понятно, какъ важно для тунисцевъ установить естественное равновѣсіе устройствомъ искусственного порта, достаточно глу-

бокаго и хорошо обезопашеннаго отъ вѣтровъ. По проекту, предположено сдѣлать въ рейдѣ глубокій входъ при помощи жете и продолжить этотъ каналъ прорѣзомъ въ береговомъ поясѣ или косѣ Голетты, къ югу отъ города и узкаго прохода, которымъ теперь слѣдуютъ барки, и который самъ, вѣроятно, есть не что иное, какъ прорѣзъ, сдѣланный рукой человѣка и замѣнившій собой древній протокъ. Посреди озера Багира судоходный путь будетъ расчищенъ драгами въ мягкому иль и въ известковой скалѣ ложа до глубины шести съ половиной метровъ, вполнѣ достаточной для судовъ, посѣщающихъ Голетту; вся площадь будущаго бассейна исчислена въ десять гектаровъ¹⁾). Рыбная ловля довольно прибыльна въ Тунисскомъ озерѣ; сю занимается десятка три барокъ, добывающихъ около 1.500 тоннъ рыбы въ годъ²⁾). Нѣкоторые спекуляторы предлагали совершенно осушить это озеро, за исключеніемъ канала; по едва-ли это дѣло, впрочемъ, легко осуществимое, стоитъ труда, если принять въ соображеніе, что известковая почва дна не могла бы быть обращена на пользу земледѣлія безъ большихъ затратъ на удобреніе. Скорѣе нужно было бы осушить себѣ Сельджумъ, на юго-востокѣ отъ Туниса; простаго разрѣза достаточно было бы, чтобы дренировать это нездровое озеро или, вѣрѣ, болото, разливающееся на пространствѣ 2.500 гектаровъ, и уровень котораго почти на 6 метровъ выше уровня моря³⁾). Въ настоящее время изъ этой себѣ добывается небольшое количество соли.

Какъ «ученый городъ», Тунисъ не имѣеть никакого значенія; ему нужно еще все сдѣлать, прежде чѣмъ можно надѣяться снова заслужить ту лестную репутацію, какою онъ пользовался въ средніе вѣка, когда имя эль-тунси, «тунисецъ», было почти синонимомъ человѣка науки и литературы. Правда, онъ и теперь имѣеть не менѣе 113 начальныхъ, или «коранскихъ» школъ на 500, существующихъ во всемъ регентствѣ, а высшія его училища или медрессы, основанные при мечетяхъ, всегда переполнены студентами, которые читаютъ на память коранъ, изучаютъ «науку преданій» и повторяютъ, подобно воспитанникамъ кайрскаго университета эль-Ахазарь, правила грамматики, медицинскія формулы, астрологическіе рецепты, волшебныя заклинанія. Джемаа Зитуна, «мечеть маслинъ», красивѣйшее религіозное зданіе Туниса, посѣщается 600 воспитанниковъ, тунисскихъ или иногородныхъ уроженцевъ; молодые алжирцы представлены въ этой школѣ многочисленной колоніей. Прѣзжающіе

¹⁾ Теперь плавъ этотъ осуществляется, и съ 1893 г. открыть каналъ для большихъ торговыхъ судовъ, приведенный отъ Голетты до новой гавани Туниса. Ред.

²⁾ „Journal officiel de la Republique franâaise“, 28 nov. 1881.

³⁾ „Tunis-Journal“, 25 fevr. 1885.

изъ внутреннихъ мѣстъ регентства почти всѣ записываются въ студенты, чтобы избѣгнуть воинской повинности и избавиться отъ платежа подушной подати. Тунискіе студенты штудируютъ преимущественно право и грамматику, чтобы получить дипломъ, который даетъ имъ возможность занять мѣсто преподавателя или нотаріуса. Эта мечеть имѣетъ двѣ библіотеки, состоящія изъ сочиненій старыхъ арабскихъ комментаторовъ, сочиненій очень читимыхъ, которыми можно позаимствовать не иначе, какъ съ разрѣшеніемъ шейхъ-эль-ислама, главы университета¹⁾.

Но теперь толчокъ для обновленія науки долженъ прийти извнѣ. И онъ дѣйствительно приходитъ: кромѣ начальныхъ школъ, итальянскихъ и французскихъ, и учебныхъ заведений, основанныхъ духовенствомъ, каковы еврейскія школы и католическая коллегія св. Карла, посещаемая 240 воспитанниковъ, существуютъ институты, гдѣ мусульмане могутъ изучать французскій языкъ и первыя начала науки. Коллегія Садики, основанная въ царствованіе Садока, имѣетъ слишкомъ полтораста учениковъ, и уже многіе изъ ея воспитанниковъ могли перейти въ высшее учебное заведеніе, институтъ Алауи, недавно основанный, иѣтъ въ родѣ нормальной школы, гдѣ получаютъ образованіе учителя для будущихъ школъ регентства, и гдѣ молодые люди, мусульмане и европейцы, сидятъ рядомъ на одинѣхъ и тѣхъ же скамьяхъ. Въ 1885 году насчитывали до шести сотъ дѣтей магометанской религіи, получающихъ французское воспитаніе; даже студенты мечетей приходятъ на вечерніе курсы, открытые для взрослыхъ, пополнить свое образованіе, съ разрѣшеніемъ своихъ духовныхъ наставниковъ. Что касается франко-еврейскихъ школъ, основанныхъ обществомъ *Alliance israélique*, то онѣ обучаютъ французскому языку слишкомъ тысячу двѣсти дѣтей.

Въ концѣ 1894 г. существовало 93 публичныхъ учебныхъ заведений, изъ нихъ 22 женскихъ и 10 смѣшанныхъ, кромѣ того—8 частныхъ заведений. Общее число учащихся—13.970 (4.814 дѣвочекъ).

По ассимиляціи идей, которую даетъ изученіе вмѣстѣ однихъ и тѣхъ же предметовъ и на одномъ и томъ же языке, Тунисъ уже стоитъ выше своего соперника Алжира, несмотря на то, что послѣдній уже болѣе полвѣка находится подъ французскимъ владычествомъ²⁾. Но столица регентства до сихъ порь не обзавелась еще ни публичной библіотекой, ни музеемъ, хотя въ ней есть драгоцѣнныя частныя коллекціи; она не нашла другаго помѣщенія, кромѣ ящиковъ, для книгъ, которыхъ были прінесены ей въ даръ или отказаны по духовному

¹⁾ Machuel, „L'enseignement public en Tunisie“.

²⁾ Delmas, рукописный замѣтки.

занѣщанію. Арабскій историкъ Ибнъ-Халдунъ родился въ Тунисѣ.

Видъ укрѣпленій здесь не видно, какъ вокругъ французскихъ городовъ, предмѣстій, вытянувшихъ длинные ряды своихъ домовъ по обѣимъ сторонамъ дороги: пустыня начинается у самыхъ воротъ города; только на холмахъ цѣпи, отдѣляющей лагуну Бахира отъ озера Сельджумъ, есть нѣсколько фортовъ и два монастыря. Замокъ Бардо, въ равнинѣ, къ сѣверу отъ озера Сельджумъ,—не одинокое зданіе, а особый городъ, съ валами и угловыми башнями, предназначенный для помѣщенія не только бея, но также его двора, гарнизона и цѣлаго населенія придворныхъ поставщиковъ и мастеровъ: прежде, чѣмъ достигнешь собственно дворца, нужно пройти по кругообразной улицѣ, которая представляетъ настоящій базарь, въ родѣ тунискіхъ *sukovъ*, съ тою разницей, что здесь не увидишь ни красивыхъ тканей, ни драгоцѣнныхъ украшений, ни кожаныхъ издѣлій артистической работы. Самые апартаменты бея, испещренные орнаментами, арабесками, вышивками, нарисованными цѣвѣтками, уставленные мраморами и алебастромъ, увѣшанные золотыми нитями и бляхами, производятъ невеселое впечатлѣніе безпорядочной и безвкусной смѣсью формъ и цѣвѣтовъ, и весь этотъ мишурный блескъ и роскошь кажется тѣмъ уродливѣе, что разорванные обои, щели въ стѣнахъ, покривившіеся полы, поломанная мебель обнаруживаютъ бѣдность построекъ. Не имѣя пышныхъ претензій замка Бардо, нѣкоторые загородные дома, находящіеся западнѣе, въ масличныхъ рощахъ Манубы, или на сѣверѣ отъ Туниса, въ Аріанѣ и Бельведерѣ, такъ же, какъ на берегу моря, въ долинѣ Марсы, гораздо красивѣе этого замка, который они далеко превосходятъ архитектурнымъ стилемъ, изяществомъ украшений, обилиемъ цѣвѣтовъ, густотой тѣни. Обычная резиденція бея—въ Марсѣ, гдѣ вокругъ его дворца группируются отели французского министра-резиденты, англійского консула и другихъ сановниковъ. Лѣтомъ въ Марсу наѣждаютъ много тунисцевъ купаться въ морѣ.

Это дачное мѣсто, расположеннное въ долинѣ, которая раздѣляетъ массивъ Кареагенскихъ холмовъ и плато некрополей, Джебель-Хауи, оканчивающейся мысомъ Камратъ, соединено съ столицей и Голеттой желѣзной дорогой, «послѣдней закладной Италии на Тунись и Кареагенъ»: несмотря на разстояніе, городъ, дачное мѣсто и портъ тѣсно связаны въ одинъ организмъ. Но приморская часть этого цѣлага въ настоящее время не имѣть большаго значенія. Голетта, или Гулетта (*La Goulette*), Халькъ-аль-Уадъ, то-есть «Горло рѣки»,—это маленький городокъ, съ итальянской физіономіей, занимающій, вокругъ старой, полуразрушенной цитадели, западный берегъ канала,

которымъ суда входятъ въ Тунисское озеро; на восточномъ берегу казармы, мечеть, фабрика и ворота, дающія проходъ на дорогу въ Радесь,—единственные постройки Гулетты: новые дома, составляющіе уже цѣлый кварталъ, строятся въ самой узкой части песчаной косы, ligula древнихъ. Далѣе, у подошвы Кареагенскихъ холмовъ, военный госпиталь въ Крамѣ («Смоковницы») служить ядромъ нового поселенія кузнецовъ, харчевниковъ, садовниковъ. На высотахъ, Малка занимаетъ то самое мѣсто, гдѣ было расположено одноименное предмѣстіе древняго Кареагена, и домишки ея, какъ и лачуги въ Сиди-Даудъ и Дауръ-Эсь-Шотъ, построены изъ обломковъ античныхъ пистернъ, городскихъ стѣнъ, амфитеатра, цирка. Наконецъ, на высшей вершинѣ Кареагенского мыса показываются, среди масличныхъ деревьевъ, бѣлые дома деревни Сиди-Бу-Сайдъ, похожіе на глыбы мрамора: это было нѣкогда священное мѣсто, куда не допускались христіане. Теперь эта деревня, надъ которой господствуетъ высокій (около 130 метровъ) маякъ, освѣщающій рейдъ,—одно изъ любимыхъ дачныхъ мѣстъ тунисцевъ.

Первая финикійская колонія, вѣроятно, была построена на оконечности мыса, между моремъ и озеромъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находятся Крамъ и полузыпаные бассейны портовъ; но Комбе, Камби или Каккаби (?), городъ сидонскихъ переселенцевъ, древнѣйшая колонія на этомъ берегу, вмѣстѣ съ Гиппоной, повидимому, не достигъ цѣльщаго состоянія. Счастье пришло лишь съ тирской иммиграціей, когда былъ основанъ «новый городъ», Кираель-Хадешать или Картадаппъ,—откуда римское название Carthago (Кареагенъ)¹⁾. Плато, на которомъ первые тирскіе поселенцы хорошили своихъ покойниковъ за городомъ, и гдѣ они воздвигли впослѣдствіи крѣпость Бирсы, было отождествлено археологами несомнѣннымъ образомъ. Лежащее на югѣ, въ массивѣ кареагенскихъ холмовъ, это плоскогорье ниже мыса Сиди-Бу-Сайдъ, но оно удобнѣе въ томъ отношеніи, что представляеть для обширныхъ строеній болѣе правильное основаніе; впрочемъ, вѣроятно, человѣкъ дополнитъ въ этомъ мѣстѣ дѣло природы, не насыпкой земли, какъ полагалъ Бартъ²⁾, а наоборотъ—выравниваніемъ почвы, подобно тому, какъ асіянне сравняли поверхность подъ Акрополь³⁾. Центръ возвышенной площади былъ занятъ храмомъ Эшмуна, а во времена римскаго господства тамъ поклонялись Эскулапу, представляющему, подъ другимъ именемъ, ту же божественную силу; съ 1842 г. на этой землѣ, уступленной Франціи, стоять часовня, посвященная Луи-Филиппомъ Людо-

вику Святому. По мѣстной легенды, король Франціи передъ смертью перешелъ въ исламъ, и его-то арабы чтуть до сихъ поръ подъ именемъ «Отца-Господина», Бу-Сайдъ. Другая легенда, сложившаяся у христіанъ Туниса, утверждаетъ, что слой пепла, на которомъ умеръ св. Людовикъ, находился на плато Бирса, тамъ, гдѣ теперь стоитъ часовня, но это не подтверждается никакимъ историческимъ документомъ; предание это, по всей вѣроятности, создано естественнымъ желаніемъ связать съ священнымъ мѣстомъ то или другое памятное событие. Часовня окружена прекраснымъ садомъ, а стѣны ограды заключаютъ въ своей каменной работе тысячи древнихъ камней, надписи пуніческія, римскія и христіанскія, бюсты, барельефи, фрагменты изваяній, изображенія языческихъ боговъ и христіанскихъ святыхъ и мучениковъ, алтари и надгробные камни. Постройки семинаріи, занимающія одну изъ сторонъ четырехугольника Бирсы, содержать въ нижнемъ этажѣ драгоценнѣйшія надписи, коллекціи, урны, камни съ рѣзьбой, разныя вещи изъ стекла и металловъ. Что придаетъ еще больше цѣнности этому музею, составленному преимущественно изъ мѣстныхъ древностей, такъ это чудная панорама, развертывающаяся передъ глазами зрителя съ высоты террасы Бирсы: озеро и рейдъ, Гулетская коса, гора Бу-Курнейнъ, напоминающая Везувій, отдаленный пикъ Загуанъ, и, въ непосредственномъ сосѣдствѣ плоскогорья, блестящія извилистыя воды древнихъ гаваней Кареагена.

На самой крутой сторонѣ скалы Бирса, нынѣ покрытой слоемъ растительной земли, изслѣдователь Беле открылъ стѣны, имѣющія кое-гдѣ до 5 метровъ высоты и по роду постройки похожія на стѣны, известныя подъ именемъ циклопическихъ. Одно мѣсто, покрытое пепломъ и содержащее во множествѣ куски металла, обломки стекла, мелкие черепки глиняной посуды, есть, можетъ-быть, остатокъ пожара, предшествовавшаго сдачѣ Бирсы, во время осады ея солдатами Сципіона. Стѣна, обнаруженная раскопками, имѣеть не менѣе 10 метровъ (14 аршинъ) въ ширину, такъ что, слѣдовательно, пять или шесть колесницъ моглиѣхатъ въ рядъ на террасѣ вершины; въ толщѣ этого сооруженія были устроены обширныя комнаты, служившія, безъ сомнѣнія, магазинами и пріютомъ для гарнизона. Вся постройка отличается твердостью самыхъ крѣпкихъ скаль. Что касается римскихъ стѣнъ, построенныхъ на фундаментѣ пуніческихъ сооруженій, то они гораздо менѣе прочны, и порохъ безъ труда разламываетъ ихъ. Другіе памятники, даже прикрытые грудами послѣдующихъ развалинъ, тоже разрушены или обращены въ безформенные обломки. Въ самомъ дѣлѣ, «Тунисъ и его окрестности не имѣютъ другой каменоломни, кроме Кареагена; арабы не уступятъ крѣпамъ

¹⁾ Fr. Lenormant, „Histoire ancienne de l'Orient“.

²⁾ „Wanderungen durch die KustenlÃ¤nder des Mittelmeeres“.

³⁾ Tissot, цитированное сочиненіе.

въ искусствѣ минировать почву; они пробираются подземными траншеями и постепенно идутъ вдоль античныхъ стѣнъ, выламывая камень за камнемъ; они уносятъ обломки, не зная даже, что разрушаютъ». Еще недавно существовала особая корпорація «искателей камней». Въ средніе вѣка итальянскія республики систематически эксплоатировали руины Кареагена для постройки своихъ собственныхъ зданій; по преданію, городъ Пиза весь построенъ изъ мраморовъ пунического города¹⁾). Теперь Кареагенъ своимъ большимъ кирпичнымъ заводомъ, устроеннымъ у подошвы холма Бу-Сайдъ, доставляетъ строительный материалъ окружающимъ городамъ и деревнямъ.

Къ востоку отъ террасы Бирса, на пологомъ скатѣ холма, виднѣются древнія цистерны, сохранившіяся лучше всѣхъ, другихъ резервуаровъ, принимавшихъ воды изъ Адріанова водопровода. Къ сожалѣнію, на восточной оконечности, гдѣ былъ убранъ слой земли, защищавшій ихъ отъ непогоды, эти цистерны частію засыпаны обвалившимися обломками сводовъ, но западная сторона ихъ еще въ отличномъ состояніи: дождевые воды, просачивающіяся сквозь почву, сохраняются тамъ чистыми, и арабы пріѣзжаютъ къ этимъ античнымъ водохранилищамъ наполнять свои бочки съ помощью ведеръ; шумъ отъ наливаемой воды разносится далекимъ эхомъ по пещерамъ. Уже не разъ поднимался вопросъ о поправкѣ кареагенскихъ цистернъ для водоснабженія Гулетты и Марсы, и, безъ всякаго сомнѣнія, эта настоятельно необходимая работа будетъ исполнена въ близкомъ будущемъ. Общая вмѣстимость цистернъ въ Бирсѣ, исчисляемая въ 30.000 кубич. метровъ, превосходитъ вмѣстимость всѣхъ другихъ резервуаровъ, лежащихъ на пути Загуанского водопровода. Что касается цистернъ въ Малкѣ, то онѣ были обращены арабами-троглодитами въ жилища и погреба.

Древніе порты Кареагена, выкопанные въ томъ мѣстѣ, гдѣ основалась первая пуническая колонія, тоже вполнѣ сохранились, но входъ въ нихъ закрылся, и военная гавань не сообщается болѣе съ купеческими бассейнами или доками. Археологи отыскали въ ианосной землѣ стѣны и набережные, которая и служить опорной точкой для определенія первоначальнаго состоянія, и островъ, гдѣ имѣлъ пребываніе адмираль, все еще виденъ посреди сѣвернаго бассейна; остаются сомнѣнія только относительно нѣкоторыхъ деталей. Впрочемъ, всякия попытки реставраціи Кареагенскаго порта были бы бесполезны, въ виду того, что нынѣшнимъ судамъ нужны, для ихъ эволюцій и якорной стоянки, бассейны съ широкимъ входомъ и съ большой глубиной. Если бы Кар-

еагенъ былъ вновь отстроенъ, какъ это неоднократно предлагали, то новый портъ следовало бы устроить не внутри материка, а въ открытомъ морѣ. Можно бы было отъ послѣднаго основанія каменистыхъ холмовъ, при началѣ Гулетской стрѣлки, провести прямо на югъ, до глубины 10 метровъ, жете, которое отдало бы отъ моря обширное водное пространство, почти всегда тихое, даже безъ искусственнаго прикрытия, благодаря мысу Бу-Сайдъ, защищающему эту часть рейда отъ западныхъ и сѣверныхъ вѣтровъ. Во времена присоединенія Туниса къ Франціи, можетъ-быть, возможно было, смѣлымъ ударомъ, перенести столицу опять въ Кареагенъ; какъ показываетъ планъ римскаго города, улицы, пересѣкающіяся подъ прямымъ угломъ, всѣ уже проведены, такъ что фундаменты новыхъ домовъ могли бы опираться на погребенный подъ землей античныя постройки. По здоровости климата, красотѣ и живописности мѣстоположенія, торговымъ удобствамъ, не менѣе, чѣмъ по славѣ своего имени, этотъ новый Кареагенъ далеко превосходилъ бы Тунисъ; но, несмотря на все это, не рѣшились затронуть установившіяся права, ни измѣнить привычки торговли. При томъ же торговлѣ трудно было вновь приобрѣсти почву древнаго Кареагена, наибольшая часть которой сдѣлалась, какъ холмъ Бирса, церковнымъ имуществомъ. Весь периметръ ограды пунического города превышалъ 28 километровъ; онъ обнималъ на сѣверѣ холмъ Камартъ, или джебель Хауди, бывшій въ одно и то же время некрополемъ и каменоломней Кареагена: нѣжный известникъ этой горы изрытъ сотнями тысячъ могиль пуническихъ, римскихъ и христіанскихъ. У подножія холма разстилаются лагуны Сухара, бывшее мѣсто стоянки пунического флота; сухарскія салины, плохо разрабатываемыя, являются, однако, важнѣйшимъ, по количеству добычи, солянымъ промысломъ регентства.

Хотя нынѣшняя столица, Тунисъ, такъ же какъ древній Кареагенъ, лежитъ у географическаго выхода равнинъ и верхніхъ долинъ Меджерды, но собственно бассейнъ этой рѣки не заключаетъ въ себѣ городскихъ поселеній, которыхъ могли бы сравниться, по числу жителей, съ приморскими городами, каковы Сфаксь и Суза. На берегахъ притоковъ уѣза Меллегъ, который по длинѣ теченія можетъ считаться главной рѣкѣ этого бассейна, встрѣчаются лишь становища арабовъ среди развалинъ обширныхъ городовъ. Въ римскую эпоху эта область, которая теперь на первый взглядъ кажется совершенно пустынной, потому что жители ея обитателей почти не отличаются отъ почвы, была одной изъ многолюднѣйшихъ странъ цивилизованной Африки; подобно тому, какъ на верхніхъ притокахъ уѣза Гафса и рѣкѣ, впадающихъ въ озеро Кельбіа, пучше-

¹⁾ Beaulé, „Fouilles à Carthage“; — Tissot, цитированное сочинение.

ственникъ каждый день встречаетъ въ этой мѣстности величественные руины, господствующія надъ обширными пространствами обломковъ. Одинъ изъ этихъ древнихъ городовъ, лежащій близъ алжирской границы, верстахъ въ сорока къ сѣверо-востоку отъ Тебессы, по мнѣнию путешественниковъ Темпля, Пелисье, Герена, есть Аммедара Птоломея; у арабовъ онъ извѣстенъ подъ именемъ Хайдра. Эти развалины имѣютъ около шести километровъ въ окружности и заключаютъ въ себѣ цидатель, троумфальную арку, воздвигнутую во времена Септимія Севера, театръ, въ сколько христіанскихъ базиликъ. Въ 20 километрахъ къ сѣверо-востоку, тоже на берегу узда, подпритока Меллега, мѣстечко Тала, еще обитаемое, затеряно среди обширного поля развалинъ, которое, подъ тѣмъ же именемъ Тала, было нѣкогда богатымъ городомъ, куда Югурта, во время войны съ римлянами, пытался, но тщетно, помѣстить, какъ въ безопасное уѣзжаше, свое семейство и свои сокровища: послѣ сорокадневной осады и нѣсколькихъ приступовъ, городъ палъ, но защитники его, укрывшися въ царскомъ дворцѣ, сожгли себя, вмѣстѣ со всѣми драгоценностями, насытившись такимъ образомъ надъ яростью римлянъ и обманувъ ихъ алчность. Недалеко отъ Тала видны остатки другого города, термы которого еще посыпаются сосѣдними арабами, принадлежащими къ племени маджеръ. Эль-Гаммамъ, или «Горячая ванна»—такъ называютъ они всю эту группу построекъ, частію разрушенныхъ частью пощаженныхъ временемъ.

Эль-Кефъ, главный городъ всего бассейна узда Меллега и вмѣстѣ съ тѣмъ всего западнаго Туниса, тоже ведеть свое начало со временемъ глубокой древности. Уже въ финикийскую эпоху онъ пользовался громкой славой, которой обязанъ былъ главнымъ образомъ храму Астарты, куда приходили со всѣхъ сторонъ на поклоненіе богинѣ; подъ римскимъ господствомъ культь этотъ сохранился, и пилигримы продолжали въ теченіе вѣковъ стекаться къ храму Венеры, а мѣстные дѣвушки, жрицы Афродиты, по-прежнему соблюдали обычай отдаваться прохожимъ, чтобы скопить себѣ этимъ способомъ приданое. Название города, Sicca Veneria¹⁾, сохранялось долго подъ формами Шикка-Бенарія или Шакбанарія: арабы передѣлали его въ Шокъ-бенъ-Нахръ, или «Огненный хребетъ», чтѣ дало поводъ предполагать,—но совершенно ошибочно—существованіе вулкановъ въ странѣ²⁾; теперь городъ извѣстенъ только подъ именемъ Эль-Кефъ, или «Скала». Построенный амфитеатромъ на откосѣ и вершинѣ горы Джебель-Диръ, на средней высотѣ 800 метровъ, Эль-

Кефъ приобрѣлъ важное значеніе, благодаря своему стратегическому и торговому положенію, въ центрѣ соединенія почти всѣхъ большихъ дорогъ западнаго Туниса, расходящихся въ разные стороны на югъ отъ Меджерды; кромѣ того, онъ имѣетъ одну выгоду, чрезвычайно цѣнную въ этой области, где воды вообще скучны, это—обилие родниковыхъ водъ: одинъ изъ его фонтановъ выходитъ изъ пещеры съ римскими аркадами; сохранились также прекрасныя римскія цистерны. Французы выбрали Кефъ какъ удобную военную позицію, откуда можно командовать всей страной между Кайруаномъ, Тебессой и Сукъ-Ахрасомъ, и гарнизонъ, который они тамъ поставили, много способствовалъ увеличенію мѣстной торговли. Две колесныя дороги, впрочемъ, очень трудныя, а иногда и не безопасныя, соединяютъ Эль-Кефъ съ тунисской желѣзно-дорожной линіей: онъ проходить черезъ Неберь, маленький городокъ, окруженный садами и гранатовыми деревьями. Недавно въ Кефѣ основаны географическое и археологическое общества,—примѣръ, которому не мѣшало бы послѣдовать многимъ другимъ, болѣе важнымъ городамъ.

Въ долинѣ Меджерды военный и таможенный постъ—нарождающаяся деревня Гардимау; она занимаетъ выходъ ущелій, по дну которыхъ бѣжитъ извилистая рѣка, спускающаяся съ алжирскихъ плоскогорій, и отсюда начинаются великолѣпныя равнины центральнаго Туниса. Несмотря на естественную важность этой позиціи, защищаемой крѣпостной, Гардимау пока еще не болѣе, какъ кучка убогихъ домишекъ. Гораздо значительнѣе была римская колонія Симитту, развалины которой находятся на сѣверо-востокѣ отъ Гардимау, между двухъ каменистыхъ холмовъ, господствующихъ надъ равниной. Симутту, называемая нынѣ Шемту, была одна изъ главныхъ станцій на дорогѣ изъ Карлагена въ Гиппону; съ далекаго разстоянія видны руины ее амфитеатра и остатки моста черезъ Меджерду, по которому проходила дорога изъ Sicca Veneria къ порту Табарка. Скалы, возвышающіяся надъ Шемту, состоятъ изъ прекраснаго мрамора съ розовыми, желтыми, зелеными, пурпурными прожилками, который эксплоатировали уже въ римскую эпоху для постройки императорскихъ дворцовъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ возобновлена разработка этой древней каменоломни, и целая колонія итальянскихъ рабочихъ поселилась на развалинахъ Симитту: исчисляются въ 25 миллионовъ кубич. метровъ годный къ разработкѣ массивъ мраморовъ, выступающихъ надъ поверхностью почвы³⁾. Выламываемые глыбы мрамора доставляются по особой вѣти на желѣзную дорогу, идущую вдоль рѣки, и перевозятся въ тунисский портъ, въ

¹⁾ Victor Guérin, цитированное сочиненіе.

²⁾ Pellissier, „Description de Régence de Tunisie“.

³⁾ Rénier-Malberbe, „Tunis-Journal“, 4 juillet 1885.

кую эпоху ихъ отправляли прямо въ Тунисъ, черезъ горы Хумиріи. Иже Гардимау другая станція желѣзной и свидѣтельствуетъ о большомъ контрастѣ, ѿ современное состояніе представляеть ѿй области Туниса съ цивилизаціей прошлыхъ временъ. Сукъ-эль-Арба, или «Рынокъ ды», лежитъ на правомъ берегу Меджера, посреди большой равнины Дахла, необоймой плоскости, засѣянной хлѣбными растеніями, высокіе стебли которыхъ, колеблемые вѣтромъ, наклоняются и поднимаются въ видѣ нѣсколькихъ волнъ. Черноземъ, слой котораго доходитъ здѣсь нѣсколькихъ метровъ толщины, пасется рѣдкимъ плодородiemъ, и ни одинъ регентства не даетъ такихъ прекрасныхъ овъ, какъ садъ, недавно разведенныи въ желѣзно-дорожной станціи. Съ стратегической точки зрѣнія Сукъ-эль-Арба тоже имѣть вычайно важное значеніе: здѣсь проходитъ га, построенная инженерами между крѣпостями Эль-Кефъ и Айнъ-Драгамъ, въ Хумиріи недавно въ этомъ мѣстѣ, на самомъ бѣ.

Меджерды, устроенъ небольшой укрѣпленій лагерь, командующій надъ переправой черезъ рѣку, гдѣ еще вѣтъ моста; впрочемъ, арабы племени джендуба, владѣющіе иной, всегда были союзниками французы. Будущая цѣнность этой позиціи такъ шо понята, что компанія желѣзной дороги зала ее центральной станціей между Тунисомъ и Сукъ-Ахрасомъ; а между тѣмъ Сукъ-эль-Арба, земли котораго, принадлежащія одному бѣльцу, продаются по баснословно дорогимъ ценамъ, представляетъ еще только кучку нѣсколькихъ лачугъ. Правда, въ окрестностяхъ земли во множествѣ дуары (селенія арабовъ), закрытыя чащами варварской смоковни и рабейника, въ которыхъ исчезла бы съ всадникомъ. По средамъ несмѣтная а покупателей и продавцовъ тѣснится на гахъ, ведущихъ къ Сукъ-эль-Арба, а на ующій день торговое движение направляется на сѣверо-востокъ, къ другой станціи земли, Сукъ-эль-Хмисъ, или «Четверговый ярмарка». Римскій городъ, гдѣ сосредоточивалась торговля этой плодородной области Африки, находился къ сѣверо-западу отъ Сукъ-Арба, на западномъ мысѣ цѣпіи холмовъ, именуемой нынѣ джебель Ларбехъ. Этотъ мысъ, Булла-Регія, оставилъ послѣ себѣ только звалины укрѣпленій, триумфальной арки, моста ¹⁾). Термы его были питаемы водой очень обильного ручья, который недавно ли въ лагерь при Сукъ-эль-Арба.

Безѣда, самый значительный городъ въ части иса, ограниченной съ юга теченіемъ Меджерды, — тоже древняго происхожденія. Нынѣ

¹⁾ Tissot, „Le bassin de Bagrada et la voie romaine urtaghe à Hippone, par Bulla Regia“, m moire pr sent    l'Acad mie des Inscriptions, 1881.

нѣшнее его название происходитъ отъ имени Вакка, или Вага, которое онъ носилъ въ римскую эпоху; но въ самомъ городѣ не видно никакихъ обломковъ старины. Бежа построена амфитеатромъ на восточной отлогости холма, надъ зеленѣющей долиной, по дну которой извивается уездъ того же имени; со всѣхъ сторонъ къ городскимъ воротамъ сходятся широкія прекрасныя дороги, охватывающія тамъ и сямъ островки зелени и вездѣ исполосованыя черными колеями, которая отдѣлены одна отъ другой блестящими слѣдами, оставленными подковами лошадей. Окруженный старыми, иззубренными стѣнами, Бежа доминируетъ касбой краснаго и сѣраго цвета, которую теперь занимаетъ маленький французский гарнизонъ; нижняя часть города, видъ котораго еще не измѣненъ никакой постройкой европейской архитектуры, представляетъ террасами своихъ домовъ рядъ бѣлыхъ ступеней. Главная мечеть, посвященная Сиди-Аиссѣ, то-есть «Господу Иисусу», есть древняя базилика, какъ о томъ свидѣтельствуетъ надпись на стѣнѣ, открытая Гереномъ: по словамъ туземцевъ, это древній религиозный памятникъ во всемъ Тунисѣ. За исключеніемъ нѣсколькихъ десятковъ малѣтіевъ, на улицахъ Бежи не видать иностранцевъ, и европейцы рѣдко посещаютъ тамошній базаръ. Тѣмъ не менѣе, этотъ городъ связанаъ соединительной вѣтвью съ главной желѣзно-дорожной линіей регентства, благодаря важности его рынка для торговли хлѣбомъ и другими земледѣльческими продуктами; во время ярмарокъ купцы съѣзжаются со всѣхъ концовъ, и населеніе его почти удваивается. Окружающая мѣстность сохранила специальное имя «Фраскія», принадлежавшее нѣкогда всей римской провинціи ¹⁾: по странному контрасту, это имя «Африка», съ одной стороны, съузилось до того, что обозначаетъ одинъ маленький округъ, а съ другой—получило такой широкій смыслъ, что примѣняется ко всему континенту. Многочисленные рудники въ горахъ, къ сѣверу отъ Бежи, въ скоромъ времени будутъ имѣть къ своимъ услугамъ желѣзно-дорожную линію, которая направляется къ мысу Серратъ и къ Табаркѣ. Совершенно естественно, что торговля этой области должна направляться прямо къ ближайшему морскому берегу, вмѣсто того, чтобы дѣлать длинный обходъ черезъ Тунисъ и Гулетту.

Бассейнъ уѣзда Халладъ, впадающаго въ Меджерду, у входа ущелій, гдѣ извивается эта рѣка, есть одна изъ богатѣйшихъ мѣстностей регентства по обилию прекрасныхъ остатковъ караагенской и римской старины. Въ верхней долинѣ притока слѣдуютъ одинъ за другимъ Зенфуръ (древній Ассурасъ) и Местъ (древній

¹⁾ Pellissier, „Description de la R gence de Tunis“.

Мусти), съ ихъ развалинами храмовъ, театровъ, съ античными мавзолеями и триумфальными воротами. Въ нижней части долины, Дугга, древняя Тугга финикийская и римская, представляетъ еще больший интересъ для археолога: здѣсь можно видѣть почти всю серию публичныхъ памятниковъ, которыми во времена имперіи украшались большие города; но среди этихъ руинъ уже нѣтъ знаменитой двуязычной надписи, пунической и ливийской, драгоценнѣйшаго текста, завѣщаннаго регентствомъ современнымъ эпиграфистамъ: этотъ камень, открытый въ 1631 году французскимъ ренегатомъ Томасомъ д'Аркосъ¹⁾, и изученіе котораго послужило исходной точкой для изслѣдований, приведшихъ къ возстановленію берберскаго алфавита, былъ отданъ отъ величественнаго мавзолея, гдѣ онъ составлялъ одинъ изъ фасовъ, и перевезенъ въ Британскій музей въ Лондонъ. Къ несчастію, арабы, которыхъ Ридъ пыталъ для исполненія этой работы, разломали значительную часть зданія, и теперь входъ въ усыпальницы заваленъ грудаами обрушившихся камней. Верстахъ въ пяти къ сѣверу отъ Дугги, среди оливковыхъ плантаций, дающихъ лучшее масло этой области, новый городокъ Тебурсукъ лѣпится по крутымъ склонамъ горы, окруженнѣй бѣлой стѣной, съ четыреугольными башнями по бокамъ: тутъ тоже стоялъ финикийскій городъ, отстроенный впослѣдствіи римлянами, и до сихъ поръ сохранилось много античныхъ обломковъ, особенно вокругъ обильнаго фонтана, который видѣть рожденіе города Thiburs: cum Vige. На западъ отъ Тебурсука высятся кручи Джебель-Горры, какъ говорить, очень богатой жилами серебро-свинцовoy руды; однако, эти рудники, изрытые сотнями буровыхъ скважинъ, пробитыхъ карбонатами и римлянами, теперь заброшены, хотя не трудно было бы соединить ихъ вѣтвью съ главнымъ желѣзнымъ путемъ Туниса.

Другой рѣчной бассейнъ, бассейнъ уѣза Суллана, впадающаго въ долину Меджерды на сѣверо-востокѣ отъ Тебурсука, почти не менѣе предыдущаго богатъ остатками античныхъ городовъ: въ этомъ бассейнѣ, также какъ въ бассейнахъ Халлада и Мелага, археологи ищутъ мѣсто, которое нѣкогда занимала «Таинственная Зама»²⁾). Недалеко отъ плато Эль-Кессера, гдѣ найдено много дольменовъ, сохранились еще грандиозныя руины римскаго oppidum Mactaritanum, нынѣ Мактеръ. Лагерь Сукъ-аль-Джемаа, расположенный на сосѣднемъ плато, былъ выбранъ какъ промежуточный постъ между Кефомъ и Кайруаномъ: это стратегическій центръ всего Туниса къ югу отъ Меджерды.

Ниже сліянія уѣза Суллана съ главной рѣ-

¹⁾ Carette, „Etudes sur la Kabylie“; — Barth, пятнадцатое.

²⁾ Julien Poinsot, „Mission en Tunisie“.

кой, маленький городокъ Тестуръ, древняго происхожденія, построенъ на правомъ берегу Меджерды; благодаря трудолюбію «андалузскихъ» мавровъ, составляющихъ большинство его населенія, онъ окруженъ садами и полями, лучше содержимыми, чѣмъ въ другихъ городахъ внутренняго Туниса. Ниже, на томъ же берегу, стоитъ мѣстечко Слугіа, населенное торговцами и проводниками, которые указываютъ караванамъ броды въ рѣкѣ и облегчаютъ имъ переходъ. Еще ниже, Меджезъ-аль-Бабъ, тоже на правомъ берегу, охраняетъ входъ въ нижнюю долину Меджерды; свое название, означающее «Бродъ» или «Переходъ у воротъ», онъ получилъ отъ триумфальной арки, построенной нѣкогда на южной оконечности римскаго моста, но отъ которой теперь остались только отдаленно лежащіе камни, посреди старого русла. Современный мостъ перекинутъ черезъ новое русло, которое вырыла себѣ Меджерда. Маленькие города, которые мы встрѣчаемъ далѣе на берегахъ этой рѣки, Тебурба и Джедейда, принадлежать уже къ городскому округу Туниса, и жители ихъ, изъ которыхъ многие приписываютъ себѣ андалузское происхожденіе, снабжаютъ столицу овощами и плодами. Тотъ и другой имѣютъ мостъ черезъ рѣку, желѣзно-дорожную станцію и кое-какія мелкія промышленныя заведенія: въ Тебурбѣ дѣлаютъ шеши, въ Джедейдѣ существуетъ большая мукомольная мельница. Тебурба сохранила имя римскаго города *Tuburbo minus* (Тубурбо Малый), и въ окрестностяхъ ея видны еще кое-какія остатки амфитеатра, арена котораго заросла кустарникомъ; но городъ перемѣстился: римская колонія находилась западнѣе, на скатахъ холма.

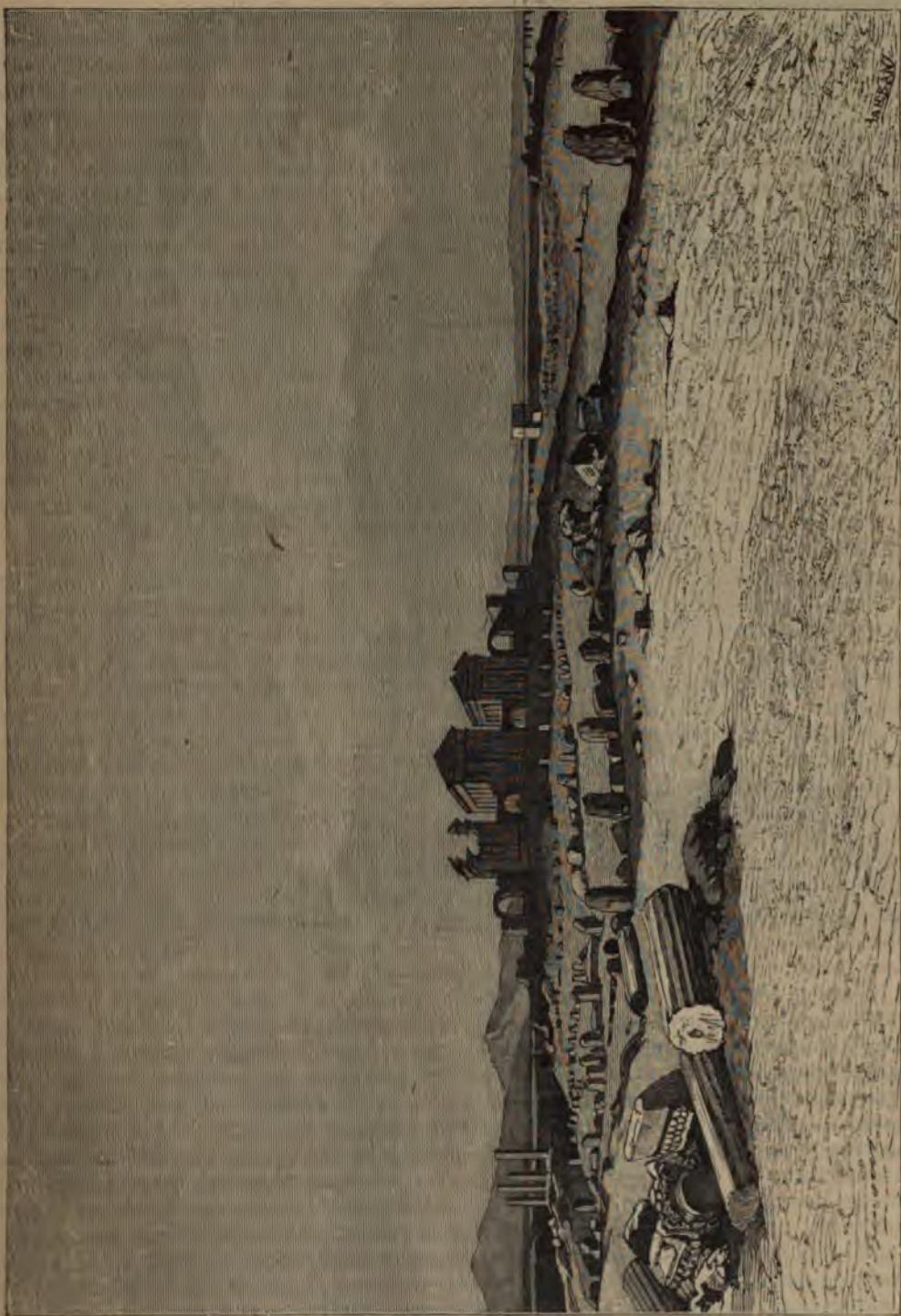
Къ сѣверу отъ Джедейды, Меджерда, протекающая по низменностямъ и болотамъ, не имѣть болѣе городовъ на своихъ берегахъ. Городъ, командовавшій ея устьемъ, Утика, старшая сестра Кареагена, исчезъ, и мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, указывается теперь только куббой, «марабутомъ» Бу-Шатеръ; можетъ-быть, это имя, которое значитъ «Отецъ ловкости», человѣкъ мудрый, напоминаетъ знаменитаго Катона Утическаго, прославившагося своими высокими доблестями и спокойствіемъ духа передъ смертью¹⁾). Изслѣдованіе почвы и раскопки позволили определить мѣстонахожденіе акрополя Утики, водопровода, цистернъ, амфитеатра и театра, термъ, набережныхъ «котона», или военного порта; археологи могли даже восоздать приблизительно планъ города, съ его стѣнами и зданіями, и въ грудахъ обломковъ открыли нѣсколько драгоценныхъ вещей²⁾.

¹⁾ Grenville Temple, „Excursions in the Mediterranean“; — Victor Guérin, „Voyage archéologique dans la Régence de Tunisie“; — Guyon, „Eaux thermales de la Tunisie“.

²⁾ Daux, „Tour du Monde“, № 590

но не осталось ни одного памятника, стѣны которого возвышались бы еще надъ поверхностью почвы. На окончности Утической скалы бѣть изъ земли горячій ключъ, воды которого

на которомъ Спіціонъ, во время своего похода противъ Карбагена, расположился съ войскомъ на зимнія квартиры: это Castra Cornelіа (Корнеліевы лагері). Городъ Раръ-эль-Мелахъ,

Развалины Сбейтла.—Древняя Суффетула.

необыкновенно богаты мышьяковыми солями. Къ востоку отъ этого мыса, по другую сторону равнины, по которой въ наши дни протекаетъ Меджерда, находится другой мысъ, тотъ самый,

который итальянцы называли Порто-Фарина, пересталъ быть портомъ съ тѣхъ поръ, какъ наносы Меджерды почти совершенно заперли протокъ, черезъ который его озеро сообщалось

сь открытымъ моремъ; гавань его, замыкавшаяся цѣпью, опустѣла; верфи, откуда выходили кашеры, заброшены.

Бизерта, или вѣриѣ Бензертъ, сохранившая, въ очень искаженной формѣ, имя древнаго финикийскаго города Гишпо-Зарите (*Nirpo Diarrhytus*), расположена болѣею частью на западномъ берегу неглубокаго канала, отъ которого городъ и получилъ название *Diarrhytus*, чѣдъ значитъ «Прорытый». Островокъ, раздѣляющій два рукава канала, занять домами европейскаго квартала; замокъ, стоящій на берегу, называется Борджъ-аль-Зензела или «Цѣпной», потому что отсюда протягивалась цѣпь, защищавшая проходъ. Бизерта не въ такомъ упадкѣ, какъ Порто-Фарина, и даже имѣть довольно впечатлительный видъ, благодаря своимъ каменнымъ стѣнамъ съ башнями по бокамъ и своей четырехугольной каебѣ, высѣющей у самаго входа въ каналъ; если ея честолюбивымъ видамъ суждено когда-нибудь осуществиться, она сдѣлается значительнымъ городомъ, какъ главный военный портъ французскихъ владѣній въ Африкѣ. Послѣ Мессинскаго пролива, ни одна гавань не представляла бы такихъ удобствъ, какъ ея озеро, для стоянки военныхъ флотовъ и для наблюденія за наиболѣе посѣщаемымъ торговымъ путемъ Средиземнаго моря; съ сосѣднихъ мысовъ часто можно видѣть цѣлыя вереницы проходящихъ кораблей. Теперь суда вмѣстимостью свыше двадцати тоннъ принуждены бросать якорь въ открытомъ морѣ противъ Бизерты. Ловля коралловъ, издавна уступленная французскому правительству, задолго до присоединенія Туниса, давала прежде занятіе десяткамъ двумъ сицилійскихъ барокъ, плававшихъ подъ французскимъ флагомъ; теперь этимъ промысломъ занимается не болѣе десятка судовъ¹⁾; но ловъ рыбы, именно голавля, и приготовленіе икры также даетъ работу большому числу моряковъ: одна марсельская компанія пользуется монополіей рыболовства, купленной за опредѣленную ежегодную ренту. Годовой уловъ рыбы въ Бизертскомъ озерѣ составляетъ около 350.000 килограм.²⁾. Андалузскіе мавры, населяющие отдѣльный кварталъ за городской стѣной, и малитійскіе иммигранты придаютъ городу довольно оживленный видъ своей промышленной дѣятельностью; при всемъ томъ дѣйствительное значеніе Бизерты слишкомъ маловажно, чтобы стоило торопиться постройкой желѣзодорожной линіи, концессія на которую выдана въ первый годъ завоеванія. Въ настоящее время могло бы принести пользу только прведеніе вѣти желѣзного пути отъ Туниса до города Матерь, лежащаго въ хлѣбородной и

богатой скотомъ мѣстности. Нѣкоторыя деревни въ окрестностяхъ Бизерты окружены прекрасными садами и плантациями: такова хорошенькая деревня Мензель-аль-Джемиль, живописно расположенная на крутомъ холмѣ, къ сѣверо-западу отъ озера.

На западѣ отъ Бизерты тунисскій берегъ Средиземнаго моря носить название «желѣзного», и суда обѣгаютъ его: въ сосѣдствѣ его, внутри материка, нѣть ни одного города, кроме Бежи; туземныя племена: могдѣ, амдумъ, нефза, были еще почти независимы нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а хумиры часто прогоняли отряды войскъ, приходившіе за сборомъ налога. Табарка, римская Табрака, въ нѣсколькихъ километрахъ отъ алжирской границы, служить пристанью для каботажныхъ судовъ и, по своему положенію на полпути между Боной и Бизертой, имѣть шансы сдѣлаться современемъ довольно оживленной гаванью, когда устроить у себя молы, доки, набережная и другія портовыя приспособленія, и когда на дорогахъ, ведущихъ внутрь материка, появятся города и селенія. Въ Табаркскомъ рейдѣ начались первыя операции французскаго флота во время вторженія въ Хумирію; планъ новаго города былъ начертанъ въ сосѣдствѣ морскаго берега, у юго-восточного основанія круглого холма, увѣнчаннаго «Новымъ Фортомъ», Борджъ-Джедидъ, и къ югу отъ островка, где стоитъ еще старинный замокъ генуэзцевъ. Ломелліни, который былъ занятъ ими впродолженіи почти двухъ столѣтій, съ 1540 до 1742 года; кое-какіе сохранившіеся еще остатки римскихъ построекъ напоминаютъ о важномъ значеніи, которое имѣлъ приморскій городъ Табрака, когда онъ былъ соединенъ широкими дорогами съ мраморными ломками въ Симитту и, вдоль берега, съ Гишпоной и Гишпо-Заритомъ. Теперь двѣ новыхъ дороги ведутъ внутрь материка: одна изъ Табарки въ Лакалле черезъ рудники Умъ-Тебуль, другая къ аинъ-драгамскому лагерю, въ самомъ центрѣ Хумиріи; въ скоромъ времени узкоколейная желѣзная дорога будетъ привозить на набережную Табарки дубильное вещество, пробки, лѣсной материалъ изъ сосѣднихъ лѣсовъ, различныя руды, желѣзо, свинецъ, цинкъ, серебро, добываемыя въ горахъ Нефза; другой рельсовый путь, выходящій изъ той же горнозаводской области, одной изъ богатѣйшихъ въ Старомъ Свѣтѣ, долженъ оканчиваться въ маленькой гавани, защищенной отъ западныхъ вѣтровъ скалами мыса Серратъ. Древнія шахты и кучи обломковъ, называемыя «Желѣзными буграми», «Стальными горками», доказываютъ, что многіе изъ этихъ рудниковъ разрабатывались, нѣроятно, въ римскую эпоху. Нѣкоторое число семействъ, изѣбѣгшихъ плѣна во время взятія Табарки тунисцами, въ 1742 году, поселились въ разныхъ мѣстахъ побережья, где они до

¹⁾ *Sombrum*, «Bulletin de la Soci  t   de G  ographie commerciale de Bordeaux».

²⁾ *Journal officiel de la R  publique fran  aise*, 28 nov. 1881.

сихъ поръ еще извѣстны подъ именемъ табарканцевъ, а сотенъ пять бѣглцовъ пробрались на островъ Санть-Пietro, близъ береговъ Сардиніи. Около девятисотъ человѣкъ были обращены въ рабство, и еще до недавняго време-ни производился торгъ табарканцами и табарканками¹⁾). Въ Тунисѣ эти эмигранты въ тече-ніе почти ста лѣтъ были лишены правъ, даро-ванныхъ европейцамъ; наконецъ, въ 1816 го-ду, сардинскій консулъ принялъ ихъ подъ свое покровительство.

На югѣ возвышаются лѣсистыя и богатыя металлами горы, произведенія которыхъ долж-ны со временемъ обогатить Табарку; но лѣса

Айнъ-Драгамъ, имя котораго означаетъ «Сереб-ряный Ключъ», считается городомъ только благодаря тому, что въ немъ стоитъ войско; онъ увеличивается или уменьшается пропор-ционально численности гарнизона. Впрочемъ, если бы даже всѣ солдаты были выведены оттуда, какъ бесполезные для надзора за стра-ной, Айнъ-Драгамъ, вѣроятно, продолжалъ бы существовать какъ мѣстечко на этомъ высокомъ хребтѣ джебеля Биръ, благодаря дорогамъ, которыя сходятся въ немъ и дѣлаютъ его тор-говыми центромъ: ни одно сѣверное мѣсто торга не представляетъ по своему положенію такихъ удобствъ для племенъ сѣверо-западна-

Пробковый дубъ на горѣ Фернанѣ.

уже истреблены на обширныхъ пространствахъ, и даже на югѣ Хумиріи почти ничего не осталось отъ прежнихъ лѣсныхъ богатствъ. На длинномъ хребтѣ горы Фернана, куда сходит-ся множество народа въ базарные дни, стоитъ великолѣпный пробковый дубъ, одинокій гигантъ, вѣтви которого имѣютъ около 100 метровъ въ окружности, и который издали указываетъ горнымъ племенамъ сборное мѣсто торга; это «фернанское дерево», подъ тѣнью котораго въ былое время собирались делегаты хумировъ (для совѣщаній о войнѣ и мире), являлся теперь послѣднимъ могиканомъ исчез-нувшаго лѣса²⁾). Главный пунктъ этой области,

то Туниса, какъ Айнъ-Драгамъ. Недалеко оттуда, на одномъ зеленѣющемъ холмѣ, ограниченномъ съ востока глубокой долиной, находитъся знаменитый «марабутъ» Сиди-Абдаллахъ-бенъ-Джемаль, куда со всѣхъ сторонъ стекаютъ хумирцы въ день праздника своего патро-на.

V.

Тунисъ находится въ остромъ переходномъ состояніи. Официально считаясь еще мусульманскимъ государствомъ, онъ въ дѣйствительности составляетъ провинцію французской колониальной имперіи, и тѣ, кто носить въ стра-нѣ титулъ господъ, низведены на степень слугъ, всего болѣе испытывающихъ на себѣ тягость

¹⁾ Playfair, „In the footsteps of Bruce“.

²⁾ Cosson, „Forêts de l'Algérie“.

подчиненного положения. Приказы все еще датируются годом геджры и содержать въ началѣ старинныи восточныи формулы; но новая эра началась, и теперь уже съ Запада приходитъ живая сила и воля. Все замѣтно мѣняется подъ вліяніемъ чужеземныхъ элементовъ: населеніе, видъ городовъ и даже деревень, пути сообщенія, промышленность, направление торговыхъ потоковъ.

Иммиграція, направляющаяся къ Тунису, состоить почти исключительно изъ средиземноморскихъ уроженцевъ, такъ какъ и французы, переселяющіеся въ регентство, принадлежать по большей части къ покатости великаго Внутренняго моря. До установленія французского протектората, итальянцы составляли огромное большинство проживающихъ въ регентствѣ иностранцевъ; съ того времени они сохранили за собой и даже увеличили численное превосходство, благодаря близости ихъ родины и выгодамъ, которая даетъ новоприбывшимъ хорошо знакомая торговая рутина; въ 1891 году ихъ насчитывалось около 22.000. Публичные работы, земледѣліе, мелкіе уличные промыслы непрерывно вербуютъ свою армію между итальянскими пролетаріями; французские же иммигранты ищутъ занятій, лучше оплачиваемыхъ, и потому самому рѣже встрѣчающихся. Что касается малтийцевъ, сравнительно очень многочисленныхъ въ Тунисскомъ регентствѣ, то они распадаются на двѣ совершенно отдѣльныи національности. Между ними почти всѣ бѣдняки—горячіе католики, усердно исполняющіе приказы французского прелата въ Тунисѣ, тогда какъ малтийцы, принадлежащіе къ классу буржуазіи, у которыхъ обычный языкъ итальянскій, естественно тяготѣютъ къ Италии, съ которой они связаны нравами и политическими симпатіями. Нельзя скрыть, что въ Тунисѣ господствуетъ настоящая вражда между двумя группами колонистовъ—французами и итальянцами. Послѣдніе не могутъ еще примириться съ совершившимся фактомъ; они смотрятъ на себя какъ на законныхъ наследниковъ, которыхъ насилиственнымъ захватомъ лишили имущества, принадлежавшаго имъ по праву, въ силу его географического положенія и тѣхъ интересовъ, которые они тамъ себѣ создали. Даже въ главномъ городѣ края, въ Тунисѣ, экономическая борьба между двумя иностранными колоніями приобрѣла характеръ національной вражды: двѣ желѣзныи дороги, итальянская линія Ла-Гулеттъ и французская — Бона-Гельма, останавливаются каждая въ особой половинѣ франкскаго квартала, не соединяясь даже къ пристани боковымъ путемъ; два предприятия, гарантированныхъ національнымъ бюджетомъ подлежащихъ государству, ревниво охраняютъ каждое свою область и не подпускаютъ къ ней своего соперника.

Присоединеніе Туниса, какъ дополненія

алжирской территоріи, измѣнило, однако, положеніе дѣлъ въ пользу французскаго элемента. Еще недавно господствующимъ европейскимъ языкомъ былъ итальянскій; даже во французскихъ семействахъ дѣти, привыкшіе болтать по-итальянски со своими товарищами, уроженцами Сициліи или Неаполя, переставали, наконецъ, употреблять, какъ обычный языкъ, родную рѣчу своей собственной семьи. Теперь наоборотъ — французскій діалектъ стремится завоевать себѣ преобладающую роль въ европейскомъ и малтийскомъ кругу. Въ школахъ въ собственномъ смыслѣ, свѣтскихъ и конгрегаціонистскихъ, также какъ въ великой школѣ улицы, евреи и мусульмане выучиваются французскому языку, сдѣлавшемуся, послѣ арабскаго, языкомъ страны. Основаны уже правильныи школы въ большей части значительныхъ городовъ регентства, а въ главныхъ городахъ, каковы: Тунисъ, Габесь, Сфаксъ, Монастиръ, Суза, Кайруанъ, Бизерта, Эль-Кефъ, существуютъ, кроме того, нормальная училища, или учительскія семинаріи, гдѣ получаютъ образованіе туземные наставники.

Въ 1894 г. по національностямъ учащіеся распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Евреевъ — 4.500; мусульманъ — 3.520; малтийцевъ — 1.447; итальянцевъ — 2.146; французовъ — 2.135.

Преобладаніе марсельской торговли также способствуетъ оправданію страны; наконецъ, гарнизоны и группы чиновниковъ и служащихъ всякаго рода, разсѣянныи по территоріи, распространяютъ все далѣе и далѣе употребленіе французскаго языка вокругъ центровъ военныхъ и административныхъ, каковы: Айя-Драгамъ, Эль-Кефъ, Кайруанъ, Суза, Габесь. Покупка земель производится почти исключительно за счетъ французскихъ спекулянтовъ: нѣть сомнѣнія, что со стороны плоскихъ возвышеностей Запада установится значительное иммиграціонное движеніе изъ Сукъ-Ахраса и изъ Тебессы, принося въ Тунисъ элементы совершенно оправданные, какъ элементы этой обласи алжирской территоріи.

Большія перемѣны совершаются также въ мусульманскомъ мірѣ регентства. Въ то время, какъ вѣкоторыя племена, привыкшія къ независимости, покинули край, чтобы не быть подъ властью независимаго руми, на смѣну имъ пришли во множествѣ алжирцы, почти всѣ въ надеждѣ утилизировать свою опытность въ свѣтѣ новыхъ господъ: ихъ можно встрѣтить во всѣхъ городахъ, въ качествѣ кучеровъ, извозчиковъ, носильщиковъ, служителей. Теперь въ страдную пору корабли привозятъ кабиловъ цѣлыми грузами въ нѣсколько сотъ человѣкъ, и эти-то пришлые алжирцы и научили тунисцевъ искусству косить луга. Марокканцы, гораздо болѣе сильные и неутомимые на работы, чѣмъ тунисские арабы, тоже явились въ боль-

шомъ числѣ, и вмѣстѣ съ сицилійцами расчи-
щають почву подъ пашни и садятъ виноградъ
въ имѣніяхъ, недавно пріобрѣтенныхъ фран-

деть въ началѣ возрастать численно подъ но-
вымъ режимомъ; но примѣръ городовъ Алжи-
рія, гдѣ, по неумолимому закону, смертность

Улица въ Тунисѣ.

цузами. Вѣроятно, мусульманское населеніе Ту-
ниса, отнынѣ избавленное отъ междуусобныхъ
войнъ, отъ набѣговъ разбойничихъ племенъ,
отъ неожиданныхъ и частыхъ поборовъ, бу-

рабовъ постоянно превышаетъ ихъ рождае-
мость, заставляетъ опасаться, какъ бы и въ
городахъ Туниса не оказался съ теченiemъ
времени тотъ же результатъ, вслѣдствіе бла-
гоприятствующихъ условій.

каго соприкосновенія европейцевъ съ маврами. То соціальное состояніе, такъ изобилующее пороками, которое мы называемъ цивилизацией, не дѣйствуетъ ли преимущественно своими дурными сторонами, принося слабыи элементы нравственной порчи и не давая путь то же время силы сопротивленія?

Около городовъ и станцій желѣзныхъ дорогъ земельная собственность постепенно переходитъ въ другія руки. Съ 1861 года многіе иностранцы покупаютъ земли у магометанъ, несмотря на неясность правъ владѣнія и рискъ процессовъ; ожидаютъ, что покупка земель приведетъ обширные размѣры съ того, вѣроютао, недалекаго времени, когда принятиемъ такъ называемаго «Торренсова акта», заимствованаго изъ законодательства австралійскихъ колоній, формальности будуть сокращены и ограничены простой записью состоявшейся сдѣлки въ особую, предназначенную для того, книгу. Дебюты французской оккупации въ Тунисѣ отличаются отъ дебютовъ завоеванія Алжира въ особенности быстротой, съ которой французы приобрѣтаютъ имѣнія: въ первомъ общая площадь земель, ежегодно переходящихъ въ руки французскихъ собственниковъ, даже превышаетъ совокупность приобрѣтеній, дѣлаемыхъ на алжирской территории, хотя послѣдняя въ три раза больше пространствомъ. Такъ, въ 1884 году, европейцами куплено земель въ Тунисѣ, въ общей сложности, около 40.000 гектаровъ. Эта разница между двумя смежными странами объясняется тѣмъ, что въ Тунисѣ приобрѣтатели прямо покупаютъ земли у туземныхъ владѣльцевъ, тогда какъ въ Алжирѣ земельные участки отводились колонистамъ по концессіямъ правительства, послѣ длинныхъ административныхъ формальностей. Но если французское землевладѣніе водворяется въ Тунисѣ гораздо скорѣе, чѣмъ водворялось въ Алжирѣ, то здесь оно въ сущности имѣть менѣе демократический характеръ. Въ Алжирѣ мы видимъ настоящихъ колонистовъ—земледѣльцевъ, то-есть людей, которые сами обрабатываютъ почву, которые воспитываютъ дѣтей своихъ на пашнѣ, которые сами стерегутъ свои поля и сады. Эти-то колонисты, больше, чѣмъ солдаты, и составляютъ истинную силу французского Алжира, потому что они переселились туда по доброй волѣ и смотрѣть на него какъ на свое второе отечество. Въ Тунисѣ же нѣть такихъ поселенцевъ, мелкихъ собственниковъ, которые, кладя краеугольный камень своего жилища, сами, такъ сказать, становятся твердой ногой на почву и пускаютъ въ ней корни: за исключеніемъ малтийскихъ садовниковъ и огородниковъ, промыселъ которыхъ, впрочемъ, быстро развивается (въ 1883 году изъ регентства было вывезено около 2.460.900 килограммъ плодовъ и овощей, изъ этого числа 2.250.400 килограммъ изъ портовъ тунисского и бизер-

скаго), приобрѣтателями земель являются представители европейскихъ финансовыхъ компаний, агенты живущихъ за моремъ капиталистовъ, или, въ лучшемъ случаѣ, предприниматели, которые только присматриваются за обширными пространствами земли, обрабатываемой для нихъ чужими руками. Дѣйствительная колонизация Туниса французскими работниками имѣеть нѣкоторые шансы на успѣхъ только на западныхъ плоскогорьяхъ, где сходство физическихъ условий, по обѣ стороны границы, стремится создать сходныя соціальные условия. Дѣло облѣсенія, столь важное для края, начато пока еще только въ дюнахъ Джерида и вдоль желѣзной дороги изъ Боны въ Гельму. Въ Джеридѣ имѣли въ виду главнымъ образомъ прикрепленіе сыпучихъ песковъ, тогда какъ желѣзодорожная компания занимается акклиматизацией новыхъ древесныхъ породъ; между 400.000 деревьевъ, которая она насадила вдоль дороги, наибольшая часть состоить изъ австралійскихъ акацій, дающихъ превосходное дубильное вещество, и изъ одного вида эквалинга, «синей акаціи». Новый оазисъ нарождается близъ уѣза Мелахъ, на Габесскомъ порогѣ, благодаря артезіанскому колодцу, плодотворныя воды которого извлекъ изъ земли путешественникъ-изслѣдователь Ландасъ. Но, съ другой стороны, обезлѣсеніе продолжается, и дѣло разрушенія навѣрно перевѣшиваетъ работу возстановленія. Цѣлые сосновые лѣса близъ гамады Эль-Кессера были истреблены единственно для продажи коры.

Контрастъ, существующій между двумя формами землевладѣнія, въ Тунисѣ и въ Алжирѣ, проявляется также и въ способѣ земледѣлія. Тогда какъ алжирскіе земледѣльцы въ первое время колонизации и до недавней эпохи придерживались той же системы хозяйства, какъ и французскіе крестьяне, стараясь получать со своей земли разнаго рода произведенія, необходимыя для прокормленія людей и скота—зерновой хлѣбъ, корни, плоды и сѣно, тунисскіе плантаторы не занимаются этими многообразными культурами; хотя ими введены нѣкоторые новые растенія, какъ, напримѣръ, земляные фисташки и рамія, но они спекулируютъ главнымъ образомъ на сборѣ одного продукта—винограда; земледѣліе измѣнило характеръ, чтобы сдѣлаться преимущественно промышленной эксплоатацией почвы. Такимъ образомъ эволюція, совершившаяся въ экономическомъ мірѣ вслѣдствіе сосредоточенія капиталовъ, проявляется въ Тунисѣ установлениемъ порядка землевладѣнія и способовъ сельского хозяйства, отличныхъ отъ тѣхъ, какие существовали въ Алжирѣ, въ первые годы французской оккупации. Рабство отмѣнено съ 1842 года, даже ранѣе, чѣмъ оно было официально уничтожено въ соседней Алжирѣ; но множество туземныхъ поденщиковъ,

хамисовъ или «пятинныхъ» пахарей, работающихъ въ имѣніяхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, въ сущности тѣ же невольники или крѣпостные, которыхъ хозяева держатъ въ постоянной кабалѣ посредствомъ ссудъ, выдаваемыхъ за ростовщицы проценты подъ стѣдуемую имъ долю урожая. Голодъ часто свирѣпствовалъ среди населенія Туниса, какъ ни велико естественное плодородіе страны; въ зиму 1867—68 гг. мечети и монастыри были переполнены голодающими, и каждое утро цѣлыми телѣгами увозили трупы погибшихъ голодной смертью¹⁾.

Промышленность въ собственномъ смыслѣ почти не измѣнилась въ способахъ производства съ того времени, какъ иностранная колонія приобрѣла такое важное значеніе въ странѣ: торговое присоединеніе Туниса имѣло слѣдствіемъ главнымъ образомъ уменьшеніе работы въ туземныхъ мастерскихъ въ пользу иностранной промышленности: хотя механические станки Жаккара введены и у тунисскихъ ткачей, но ліонскіе фабриканты стремятся вытѣснить мѣстная издѣлія съ рынковъ регентства. Точно также съ тѣхъ поръ, какъ большія пароходныя компаніи, и особенно общество, получающее правительственную субсидію, устроили правильное сообщеніе посредствомъ своихъ пакетботовъ, которые ходятъ отъ пристани до пристани, выгружая товары и забирая грузы мѣстныхъ произведеній, не осталось почти никакого заработка для мелкихъ парусныхъ судовъ, которыхъ прежде шлавали изъ гавани въ гавань, по волнѣ вѣтровъ, теченій и приливовъ.

Движеніе судоходства въ тунисскихъ портахъ въ 1896 г.: пришло — 8.389 судовъ, общей вмѣстимостью 1.805.814 тоннъ; изъ нихъ — 2.145 пароходовъ, въ 1.669.181 тонну. Въ общемъ числѣ пришедшихъ судовъ было 1.237 французскихъ, вмѣстим. 846.718 тоннъ.

Обороты вѣнѣній торговли регентства въ 1896 г.: привозъ — 46.444.548 франк., вывозъ — 34.507.532 франк.

Въ оборотахъ вѣнѣній торговли, быстро возрастающей, самая значительная доля принадлежитъ Франціи съ Алжиріей (около 27 миллионовъ франк. по ввозу, и около 26 миллион. по вывозу).

Желѣзныя дороги производить внутри страны переворотъ, подобный тому, который вызвала замѣна паруса паромъ; они выводить изъ употребленія старый способъ перевозки караванами и перемѣщаются торговые потоки. Уже рельсовый путь изъ города Туниса въ Бону и Гельму, проникая въ ущелья верхней Меджерды, обойденной римскими шоссе, отвлекъ къ Бонѣ часть торгового движенія, которое до того времени всегда направлялось къ

Тунису. Точно также желѣзная дорога, которая пройдетъ черезъ сѣверный Тунисъ на городъ Бежа, оканчиваясь въ портѣ Табарка, откроетъ торговлѣ новый, досѣль непрактиковавшійся путь. Другая, болѣе важная линія — изъ Сукъ-Ахраса въ Габест черезъ Тебессу — позволить обходить всю полуостровную область регентства и направлять товары и пассажировъ прямо изъ алжирскихъ портовъ въ Джеридъ и въ оазисы Триполитаніи. Въ 1895 г. общая длина находящихся въ эксплоатации желѣзныхъ дорогъ въ регентствѣ была 1.422 километр., въ томъ числѣ 1.397 километр. казенныхъ линій.

Уже задолго до приобрѣтенія сюзереной власти надъ Тунисомъ, именно съ 1847 года, французское правительство организовало тамъ почту; впослѣдствіи оно взяло на себя также передачу телеграммъ. Теперь между главными городами существуетъ правильное почтовое сообщеніе, а телеграфныя линіи пересѣкаютъ страну во всѣхъ направленіяхъ, соединяя алжирскую сѣть съ триполійской. Арабы уважаютъ, какъ святыню, телеграфные проволоки и столбы, которые служать имъ указателями дороги. Въ 1895 г. общая длина телеграфныхъ линій въ Тунисѣ составила 3.317 километр.

VI.

Правительство въ Тунисѣ, или «Тунисі» (название, впервые употребленное Макъ-Карти въ 1847 году), двуглавое — беевское и французское. Въ силу конвенціи, подписанной въ Бардо, царствуетъ бей, пользующійся даже неограниченной властью во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ; но Франція, сдѣлавшись протекторатомъ Туниса, беретъ на себя заботу защищать его вѣнѣнію безопасность и управлять его финансами чрезъ посредство «генерального резидента», то-есть одна распоряжается военными ресурсами и казной страны. Слѣдовательно, въ дѣйствительности французамъ и принадлежитъ власть, наружные атрибуты которой оставлены бею и его агентамъ. Можно сказать, однако, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Тунисъ остался особымъ государствомъ, чуждымъ Франціи: это политическая индивидуальность, имѣющая свое собственное законодательство и управление, свои собственные интересы, теперь противоположные интересамъ сосѣдней Алжиріи. Въ маленькихъ городахъ отношенія между французами и туземцами регулируются чрезъ посредство консуловъ и такъ называемыхъ «гражданскихъ контролеровъ», какъ между иностранными населеніями; не позволяютъ даже, чтобы, «подданные бея» натурализовались французами; таможня

¹⁾ Gustav Nachtigal, „Sahara und Sudan“.

осматриваетъ французскіе и алжирскіе товары, какъ будто бы они пришли изъ Италии или изъ Англіи, и заставляетъ оплачивать ихъ пошлиной въ размѣрѣ 8 процентовъ стоимости. Даже мѣры и вѣсы разные, и въ то время, какъ метрическая система, предложенная Франціей, прината полмилліардомъ людей въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, она еще не введена официально въ Тунисъ¹). Трибуналы 1-ой инстанціи въ Тунисѣ и Сузѣ и девять ми-ровыхъ судей — въ Тунисѣ, Бизерти, Сузѣ, Сфаксѣ, Эль-Кефѣ, Габесѣ, Громбаліи, Кайруанѣ и Сукъ-эль-Арбѣ—разбираютъ по французскимъ законамъ дѣла между европейцами и туземцами; съ 1885 года должностныя лица судебнаго вѣдомства даже получаютъ жалованье изъ тунисскаго бюджета, какъ чиновники беевскаго правительства, хотя они подчинены алжирскому апелляционному суду. Консульскіе трибуналы различныхъ націй упразднены; въ городовъ отправление правосудія вѣрено кандамъ, которымъ подвѣдомствены низшіе судебніе органы — халифы и шейхи, въ числѣ перемѣнномъ. Унизительное наказаніе палочными ударами, примѣнявшееся всегда руками презрѣнныхъ евреевъ, теперь уже вышло изъ употребленія. Пресса, состоявшая въ 1885 г. только изъ девяти периодическихъ изданій, подчинена обязательству внесенія залога.

Въ Тунисѣ не существуетъ никакой формы парламентарного представительства, которая олицетворила бы собой конституціонную фикцію. «Самодержавной» власти бея, теперь ограниченной строго опредѣленнымъ бюджетомъ, противопоставлена власть генерального резидента, которая, не будучи самодержавной въ принципѣ, тѣмъ не менѣе осуществляется декретами, составляющими верховный законъ для всѣхъ и для самого бея: этотъ генеральный резидентъ, «полномочный представитель республики въ регенствѣ», одинъ имѣтъ право сноситься съ французскимъ правительствомъ, чрезъ посредство министра иностраннѣхъ дѣлъ. Ему подчинены командиры сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ и всѣ высшіе чиновники административныхъ вѣдомствъ. Генеральность, командающій оккупационнымъ войскомъ и, слѣдовательно, располагающій материальной силой, является по этому самому однимъ изъ общепризнанныхъ начальниковъ княжества; архіепископъ, начальникъ маленькой арміи священнослужителей и монашествующей братіи и духовный вождь всей малтийской общины, пользуется неоспоримымъ вліяніемъ, хотя это вліяніе не опирается ни на какую офиціальную хартію. По наружности управление государственными дѣлами сосредоточено въ рукахъ тунисскаго министерства, которое подраздѣ-

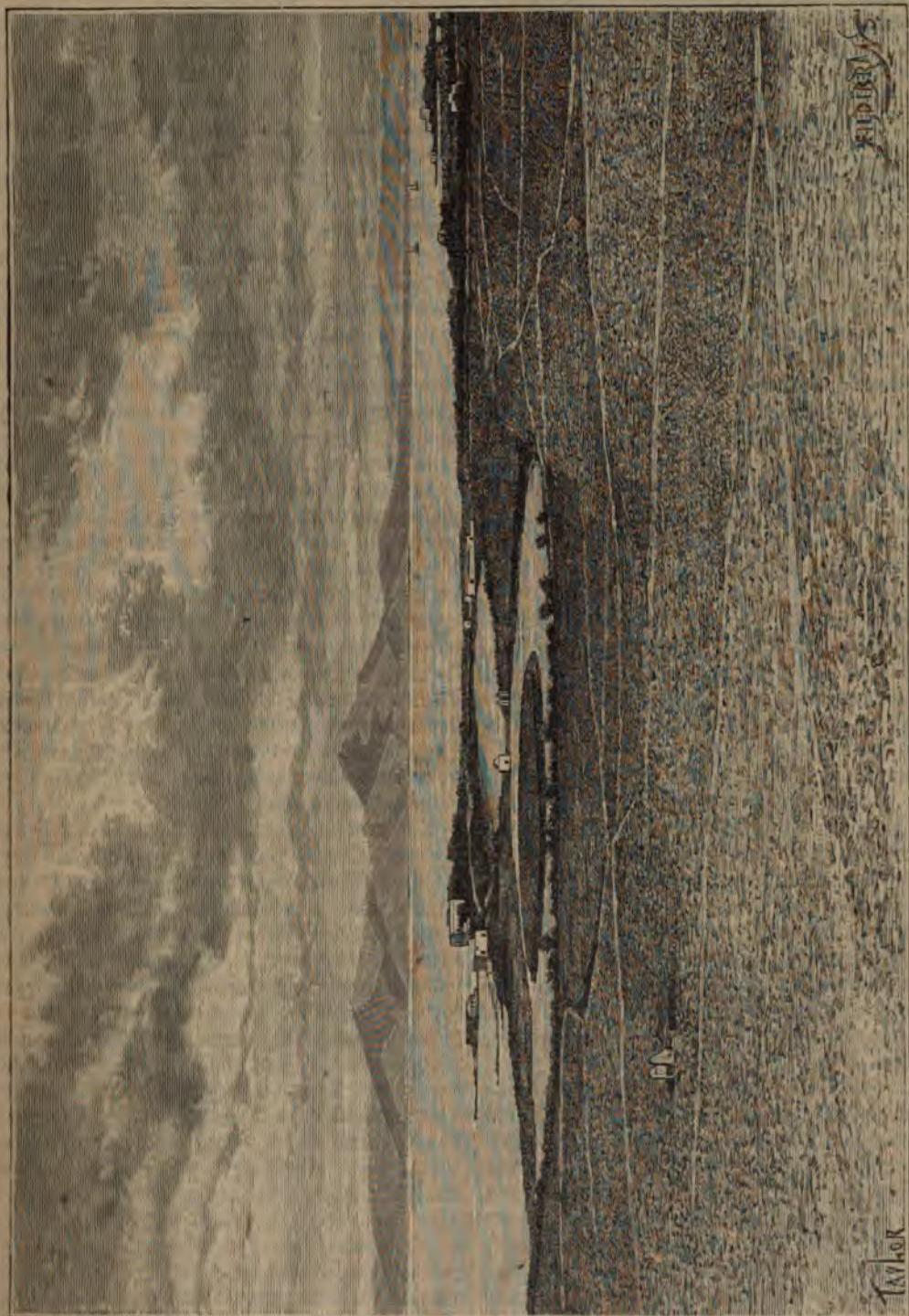
ляется на слѣдующіе отдѣлы: финансъ, «пара», юстиціи, общественныхъ работъ, военный и морской; иностранными же сношеніями завѣдуется французскій министръ-резидентъ, какъ представитель суверенной власти въ средѣ государственного совѣта. Согласно преданіямъ, власть бея переходитъ въ мужскомъ поколѣніи къ старшему въ родѣ, какова бы, впрочемъ, ни была степень родства. Нынѣшній наследникъ престола — братъ бея; офиціальный его титулъ — «полевой бей», и, дѣйствительно, до недавняго времени онъ командовалъ военными отрядами, посылавшимися изъ провинціи къ провинцію за сборомъ по датой.

Финансовые затрудненія повелителя Тунисского регентства были, какъ известно, однимъ изъ главныхъ поводовъ занятія страны французскими войсками. Долгъ бея, составлявший въ 1859 году 20 миллионовъ, возросъ въ 1869 г. до 275.000.000 франк. Заемодавцы, такъ охотно снабжавшіе бея — конечно, за большие проценты — деньгами подъ залогъ его имущества (доля французовъ въ этихъ заемахъ около трехъ пятыхъ), кончили тѣмъ, что забрали въ свои руки взиманіе налоговъ; но имъ нуженъ былъ болѣе вѣрный залогъ, — косвенное обладаніе политической властью, чтобы обеспечить свои доходы: отсюда интриги и борьба всякаго рода, которая въ концѣ концовъ, вмѣстѣ съ политическими комплікаціями, привели къ событиямъ 1881 года. Оттого одна изъ главныхъ статей трактата, положившаго конецъ независимости Туниса, поставила непремѣннымъ условіемъ финансовую реорганизацію регентства, которая «обезпечивала бы платежи по государственному долгу и гарантировала права кредиторовъ Туниса». Доходы страны были раздѣлены на двѣ части, изъ которыхъ одна предназначена на покрытие обыкновенныхъ расходовъ по управлению государствомъ, а другая, болѣе значительная, предоставлена кредиторамъ, въ видѣ обезпеченія; такимъ образомъ, по конвенціи, долгъ, въ суммѣ 137.500.000 франк., былъ гарантированъ бюджетомъ государства. Финансовая комиссія, назначенная для охраненія интересовъ кредиторовъ, получила тѣ доходы, которые всего легче собирать, и поступление которыхъ, слѣдовательно, наиболѣе обеспечено; въ случаѣ недостаточности этого источника, она могла пополнять дефицитъ посредствомъ предварительного отчисления потребной суммы изъ государственныхъ доходовъ, за бюджетомъ которыхъ она наблюдала: правительству даже запрещено было дѣлать какія бы то ни было преобразованія, вводить или измѣнять налоги, выпускать займы, устанавливать какую-либо общественную службу безъ согласія его финансовыхъ контролеровъ. Комиссія эта не существуетъ болѣе, но интересы кредиторовъ и те-

¹) Съ 1895 г. въ Тунисѣ введена метрическая система, кроме меръ поверхности и объемовъ. Ред.

перъ такъ же хорошо охраняются. Главные доходы, которые имъ предоставлены,—таможенные сборы, получаемые отъ взиманія пошлины съ привозныхъ и вывозныхъ товаровъ,

популярный налогъ, меджба или подушная подать, все еще взимается въ пользу государства: онъ состоитъ въ сборѣ 27 франк. съ души, къ которому прибавляются издержки взи-

Древний портъ Кереагна

арендана плата за сдаваемыя на откупъ монополіи табачную, рыболовную и соляную, рыночный и складочный сборъ въ большей части городовъ, налогъ на оливковыя деревья въ Сахель и въ другихъ округахъ. Самый не-

манія, тѣмъ болѣе значительныя, чѣмъ болѣе плательщикъ затрудняется взносомъ; при томъ же этотъ налогъ падаетъ почти только на бѣдняковъ, такъ какъ люди состоятельный нашли средство избавиться отъ него; всѣ жители

столицы изъяты отъ платежа подушныхъ. Другой крайне обременительный налогъ—*ка-нунъ*, взимаемый съ маслинъ, кромѣ десятины: въ неурожайные годы часто случалось, что земледѣльцы сами срубали свои деревья, чтобы сборщики не пришли къ нимъ требовать налога, которого они не въ состояніи заплатить¹⁾). Значительное возрастаніе торговли въ эти послѣдніе годы, обузданіе контрабанды, увольненіе четырехъ тысячъ чиновниковъ-паразитовъ и строгое примѣненіе правилъ о взиманіи таможенныхъ пошлинъ позволили ввести нѣкоторый порядокъ въ финансовый хаосъ; утверждаютъ даже, что теперь доходы превышаютъ расходы, какъ будто не нужно считать издержекъ по содержанію оккупационной арміи и другихъ расходовъ, покрываемыхъ изъ французского бюджета и представляющихъ въ совокупности почти всю сумму тунисской государственной росписи. Кредиты, вотированные съ 1881 по 1885 годъ для цѣлей оккупации Туниса, составляли въ сложности до 181.275.229 франк.²⁾.

Бюджетъ Тунисского регентства въ 1897 г.: Приход—23.676.100 франк.; расходы—23.675.257 франк.; государственный долгъ около 144 миллион. франк.

Габбусъ, то-есть не отчуждаемыя земли, приписанныя къ богоугоднымъ заведеніямъ, не вошли въ сѣмѣтная исчисленія. Имущество эти, говорять, занимаютъ треть тунисской территории, а платить въ казну не болѣе сотни тысячъ франковъ.

Французская оккупационная армія, значительно уменьшенная позаимствованіями для тонкинской экспедиціи, въ настоящее время состоитъ изъ 2 полковъ и 2 батальоновъ пѣхоты, 2 полковъ кавалеріи и 4 баттарей артиллеріи, распределенныхъ по стратегическимъ постамъ страны; въ первое же время завоеванія она достигала цифры 43.000 человѣкъ. Главные военные центры—города Тунисъ, Суза и Габестъ, а внутри страны существуютъ военно-окружныя управлениа въ Аинъ-Драгамъ, Эль-Кефѣ, Кайруанѣ, Гафсѣ, имѣющія свои отдѣлы, гдѣ стоять небольшие отряды. Смѣшанные роты, которые были первоначально организованы, постепенно преобразовались въ отряды спаги, или «алжирскихъ стрѣлковъ», на подобіе того же рода войска въ сѣйденіи колоніи; въ официальной номенклатурѣ они даже не получили названія «тунисскихъ», которое принадлежитъ имъ по праву, и которое даже слѣдовало имъ дать въ виду нѣкотораго национальнаго соперничества, суще-

ствующаго между двумя сосѣдними націями. Въ Тунисѣ дѣйствуетъ конскрипція, посредствомъ которой набирается маленькая беевская армія, организованная по образцу французской, но употребляемая главнымъ образомъ для парадовъ въ трехъ резиденціяхъ бея—Марсѣ, Бардо и Ла-Гулеттѣ, хотя, по закону о рекрутскомъ наборѣ, изданному въ 1860 году, она все еще величается «священнымъ воинствомъ, сражающимся на божественномъ пути въ сокнувшихъ, какъ стѣна, ридахъ». Солдатъ, поступившій по жребію, обязанъ служить восемь лѣтъ, если не замѣнить себя замѣстителемъ или не принадлежитъ къ классу имановъ, учителей или ученыхъ. Нынѣ эта почетная гвардія бея состоитъ изъ 1 батальона пѣхоты, 1 эскадрона кавалеріи и небольшаго отряда артиллеріи.

Отставныхъ офицеровъ, получающихъ пенсію, насчитывается больше, чѣмъ солдатъ на дѣйствительной службѣ. Но кромѣ регулярной арміи, существуютъ еще отряды *махзена*, состоящіе изъ спаги и хамба, и несущіе полицейскую службу. Въ 1884 году были распущены два полка иррегулярныхъ войскъ, кулаги или ханефія, турецкаго происхожденія, и зуавовъ, по большей части кабиловъ. Этотъ корпусъ, организованный въ XVI столѣт., постоянно пополнялся новыми иммигрантами изъ Алжиріи: зуавы образовали дивизію Мерь-Энджинъ, арабы же составляли особый полкъ. Въ числѣ около 4.000 человѣкъ, эти войска несли гарнизонную службу въ крѣпостяхъ. Послѣдній ихъ генераль принадлежалъ къ племени аинтъ-иратенъ, самому воинственному изъ кабильскихъ племенъ¹⁾.

Естественные дѣленія Тунисского регентства такъ ясно разграничены, что не трудно было намѣтить военные округи и центры ихъ управления. Вся нижняя долина Меджерды, бассейнъ уѣда Меліанъ и полуостровъ Дахелатъ-эль-Магунъ находятся въ военномъ районѣ города Туниса. Въ четыреугольникѣ горъ и холмовъ, ограниченномъ съ юга течениемъ Меджерды, главнымъ пунктомъ выбранъ городъ Бежа, а для наблюденія специально за массивомъ Хумирія учрежденъ въ центрѣ области укрѣпленный лагерь Аинъ-Драгамскій. Точно также въ гористыхъ округахъ, отдѣляющихъ рѣку Меджерду отъ притоковъ озера Кельбія, центральнымъ мѣстомъ служитъ городъ Эль-Кефъ, а надъ дикой областью гамадъ командуется укрѣпленный лагерь Сукъ-эль-Джемаа. Кайруанъ уже по самому своему положенію былъ, такъ сказать, наперѣдъ предназначенъ сдѣлаться главнымъ городомъ долинъ и равнинъ, покатыхъ къ озеру Кельбія, а Сахель раздѣленъ мысомъ Капудіа на двѣ половины, изъ которыхъ одна подчинена воен-

¹⁾) Antonin Dubost, *Documents parlementaires, Journal officiel de la RÃ©publique franÃ§aise*, aoÃ»t 1882, janvier 1884.

²⁾) *DÃ©bats parlementaires*, sÃ©ance du 12 juillet, 1885.

¹⁾) O. Mac-Carthy, рукописные заметки.

но-окружному управлению въ Сузѣ, а другая управлению въ Сфакеѣ. Что касается степей и уединенныхъ массивовъ южного Туниса до низменности шоттовъ, то ихъ естественный центръ—въ городѣ Гафсѣ, а вся южная область до триполійской границы и до пустыни составляетъ военный округъ Габесскій, самый важный въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, такъ какъ онъ командаeтъ входомъ въ сахарскія области и позволилъ бы непріятелю зайти въ тыль алжирской территории съ южной стороны горъ Джебель-Ауресь.

Въ административномъ отношеніи регентство раздѣлено на *утаны*, или области, различного протяженія, управляемыя каидами, при которыхъ состоять одинъ или нѣсколько халифовъ, или «намѣстниковъ», смотря по важности провинціи. Что касается городовъ, деревень, кочующихъ племенъ или родовъ (клановъ), то они управляются шейхами, которые берутъ вознагражденіе за исполненіе своихъ обязанностей непосредственно съ самихъ управляемыхъ: эти случайные доходы обозначаются эвфемическимъ выражениемъ «цѣна туфлей», потому что расходъ на обувь, изнашиваемую по дѣламъ просителей, оправдываетъ въ глазахъ чиновниковъ вымогательства, которымъ они себѣ позволяютъ¹⁾). Муниципальные комиссіи, существующія въ нѣкоторыхъ городахъ, имѣющихъ городское общественное управление, каковы: Голетта, Эль-Кефъ, Бизерта, Суза, Сфаксъ, состоять изъ европейскихъ резидентовъ, назначаемыхъ правительствомъ, и изъ мусульманъ, выбираемыхъ почетными жителями. Муниципальный советъ Туниса (столицы) былъ учрежденъ въ 1858

¹⁾ Henri Duveyrier, „Tunisie“.

году, по ходатайству французского консула Леона Роша; онъ состоялъ тогда только изъ туземныхъ нотаблей, по назначенію бея.

Число *утановъ* часто менѣялось. Въ эпоху присоединенія регентства къ Франціи ихъ было больше двадцати, не считая областей особыхъ племенъ, кочевыхъ или полуосѣдлыхъ, которыхъ имѣли отдельное управление.

Утана, или области.	Главные города.	Население.
Тунисъ	Тунисъ	170.000
Голетта	Голетта	3.500
Махоммедіа и Морнакъ		
Хамманъ Лиfъ		
Бизерта	Бизерта	5.000
Матерь	Матерь	2.500
Табарка	Табарка	
Бежа	Бежа	4.500
Эль-Кефъ	Эль-Кефъ	5.000
Тебурсукъ	Тебурсукъ	2.500
Тестуръ		
Меджесъ эль-Бабъ		
Тебурба	Тебурба	2.500
Загуанъ	Загуанъ	2.900
Солиманъ	Набель	4.800
	Келибіа	2.500
	Суза	8.000
Сахель и Суза	Масакенъ	10.000
	Келаа-Кебира	7.000
	Монастиръ	8.000
	Джемаль	6.000
Монастиръ	Моканинъ	6.000
	Бокальта	4.000
	Тебульба	3.000
Махдія	Махдія	6.000
Сфаксъ и Керкена	Сфаксъ	30.000
Кайруанъ	Кайруанъ	15.000
Гафса	Гафса	4.500
	Тозерь (оазисъ)	10.000
Джеридъ	Нафта	8.000
	Эль-Удіанъ (оазисъ)	3.800
Арадъ	Габесъ	12.600
Утана Гебли		
Джерба	Хумтъ-Сунъ	3.000

Г л а в а III

Алжирія.

I.

Центральная часть Мавританіи, этого «острова Запада», который по своему геологическому строенію, также какъ по климату и произведениямъ, принадлежалъ нѣкогда къ сѣверному континенту, была въ новѣйшее время политически завоевана обратно отъ Африки и присоединена къ противополежащимъ берегамъ

Средиземного моря. Впрочемъ, съ самаго начала историческихъ временъ наиболѣе дѣятельныя и частыя сношения этой страны, мирныя или воинственные, всегда имѣли мѣсто не съ африканскими землями, отъ которыхъ она отдѣлена пустынями Сахары, а съ заморскими областями, лежащими на сѣверѣ и на востокѣ. Археологи показываютъ намъ уже въ доисторическую эпоху строителей долменовъ, пробирающихся изъ Галліи черезъ Иберійскій полу-

островъ въ Мавританию; затѣмъ, на зарѣ вѣковъ, о которыхъ повѣствуютъ древнѣйшія лѣтописи, мы видимъ сидонянъ и тиранъ, основывающихъ свои рынки на побережїи Мавританіи. За вліяніемъ Финикиіи слѣдуютъ вліянія Рима и Византіи; даже въ періодѣ междуцарствія, произведенаго переселеніемъ народовъ между двумя имперіями, завоеватели съ береговъ Балтики, вандалы, забрели въ эти дальние южные края и пропали тамъ, не оставивъ по себѣ замѣтныхъ слѣдовъ въ пестрой смѣси африканскихъ націй. Потомъ арабы, смѣшанные съ сирійцами и египтянами, изливаются на Магребъ стремительными потоками, и наконецъ, являются турки, не затѣмъ, чтобы занять страну, а чтобы господствовать надъ ней и установить тамъ средоточіе своего морскаго могущества.

Но даже въ то время, когда Мавританія принимала своихъ иммигрантовъ изъ восточныхъ странъ, сношенія ея, мирныя или воинственные, устанавливались съ противоположными берегами средиземной Европы, и почти всегда въ этихъ сношеніяхъ преобладало состояніе войны. Въ теченіе слишкомъ десяти столѣтій южные пираты, извѣстные сначала подъ именемъ мавровъ или сарацинъ, впослѣдствіи—барбаресковъ или варвараціевъ, вели борьбу со всей торговой Европой и пускались даже въ океанъ, чтобы захватывать тамъ купеческие корабли. Для защиты отъ ихъ внезапныхъ нападеній, города и деревни средиземного побережья строились на холмахъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, и окружали себя стѣнами. Въ войнѣ, продолжавшейся изъ вѣка въ вѣкъ между мусульманами и христіанами, первые вначалѣ одерживали верхъ: они овладѣли Испаніей, Сициліей, даже занимали долгое время горы Мавровъ на французскомъ побережїѣ, а ихъ экспедиціи проникали въ долины Гаронны, Луары и Роны, вторгались вглубь Альпъ. Однако, въ средніе вѣка война была перенесена въ Африку, со временемъ крестового похода Людовика Святаго; она кончилась неудачно для христіанъ, но немногого времени спустя послѣ завоеванія Гранады кастильцами, послѣдніе, преслѣдуя выгоды одержанной победы на африканской землѣ, овладѣли Ораномъ, Буджей, Мостаганемомъ, Алжиромъ; даже Тлемсень, внутри страны, сталъ ихъ данникомъ, и можно было думать, что Испанія, нѣкогда поработенная арабами и берберами, теперь, въ свою очередь, поработить ихъ самихъ. Но эти успѣхи были лишь временные: несмотря на титулъ «Africanius» («Африканский»), принятый по примѣру римского полководца Сципиона, Карлъ V былъ менѣе счастливъ въ Мавританіи, чѣмъ его дѣдь Фердинандъ; испанскій флотъ былъ уничтоженъ бурей, и съ тѣхъ поръ эта «буря Карла Пятаго» всегда помогала пиратамъ разсѣивать своихъ враговъ.

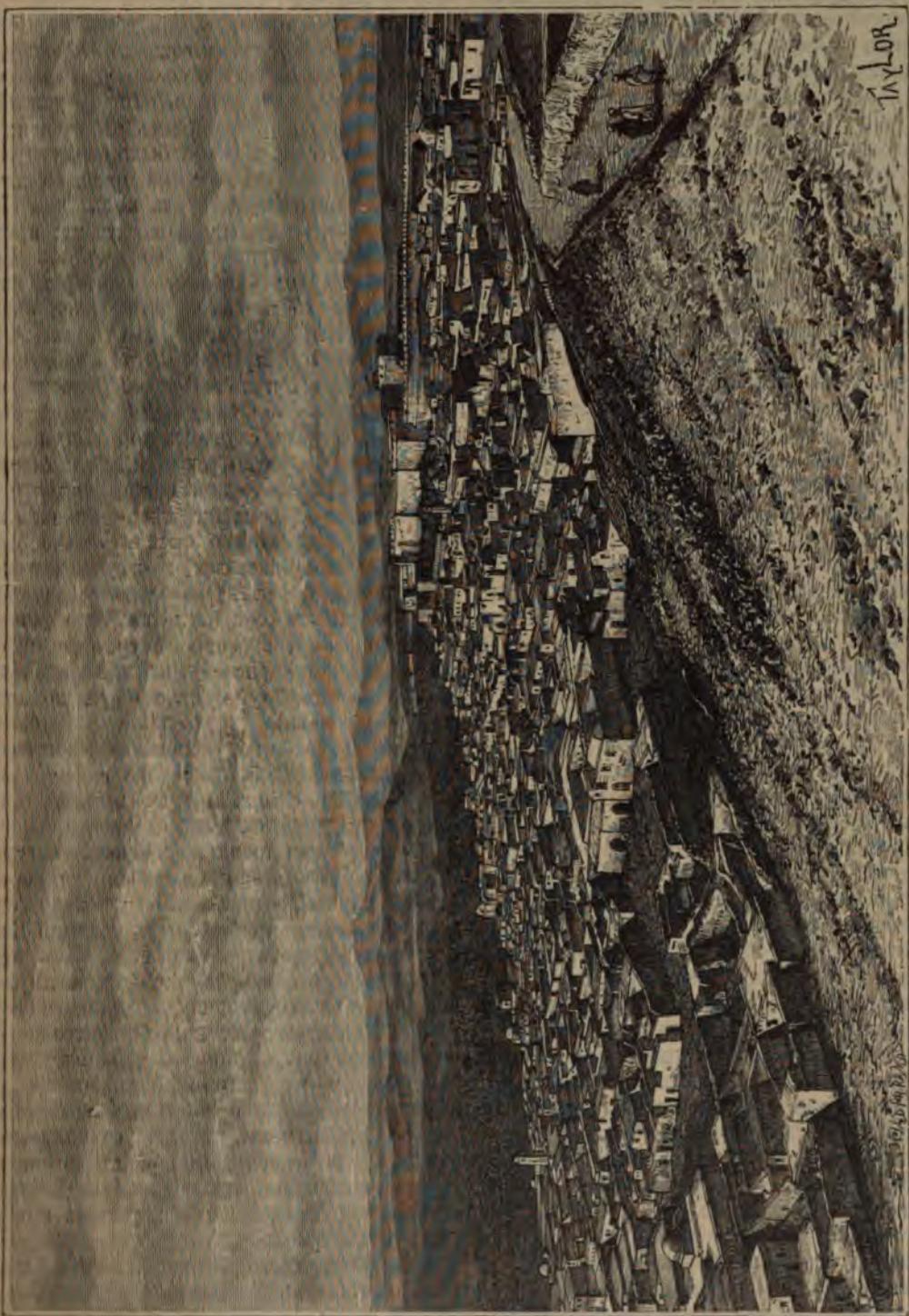
Большинство европейскихъ державъ платили налоги алжирскимъ туркамъ, чтобы обезопасить свою торговлю, а когда отказывались отъ платежа этой постыдной дани, то должны были вскорѣ прибѣгать къ блокадѣ и бомбардированию прибрежныхъ городовъ Алжиріи или выплачивать большие выкупы, чтобы освободить своихъ подданныхъ, захваченныхъ въ пленъ пиратами. Подъ различными формами война продолжалась безъ перерыва между Варварийскими владѣніями, Европой и ея передовыми постомъ—Мальтой. Нѣкоторая выгода осталась въ концѣ концовъ за европейскими государствами, такъ какъ турки не завоевали ни одной пяди земли на сѣверныхъ берегахъ, тогда какъ на берегахъ Африки нѣкоторыя кантони, какъ наприм. Табарка и Ла-Калле, были заарендованы сѣверными купцами, и многие островки и укрѣпленные полуострова, какъ наприм. *re-sidios* (крепости) на марокскомъ берегу, и даже городъ Оранъ, до 1791 года, были заняты испанскими гарнизонами.

Въ 1830 году былъ нанесенъ решительный ударъ: городъ Алжиръ, гдѣ были собраны сокровища, награбленные корсарами, взятъ французами; затѣмъ послѣдовательно были заняты другіе пункты прибрежья, и самой силой вещей, несмотря на отсутствіе опредѣленного плана, перемѣны политики, временнаго отступленія, завоеваніе внутренней части страны распространялось все далѣе и далѣе: послѣ области Телль, были покорены плоскія возвышенности, затѣмъ оазисы пустыни. Вся Алжирія, пространствомъ превосходящая Францію, была постепенно присоединена до границъ, начертанныхъ кочевками племенъ и ихъ стадъ и воздѣлаными землями осѣдлыхъ жителей. Тунисъ подвергся той же участіи, какъ и Алжирія, и если Марокко, отдаленный отъ Оранской провинціи недостаточно точною границей, еще не сдѣлалась европейской территоріей, то причина тому взаимное соперничество державъ, которыхъ не позволяютъ одна другой трогать эту спорную землю; однако, Испанія, послѣ долгаго перерыва снова перешедшая въ наступленіе, заставила уступить себѣ извѣстное пространство морскихъ береговъ на покатости Атлантическаго океана, а французская войска, съ своей стороны, неоднократно переходили въ Удждѣ (у шотта Тигри, въ оазисѣ Фиштѣ) условную линію марокской границы, чтобы окружить враждебныя племена. Марокко на первый можно считать присоединеннымъ политически къ Европѣ, и сами жители его первые признаютъ неизбѣжность предстоящей ихъ отечеству судьбы. Такимъ образомъ вся Африка, даже въ тропическихъ областяхъ, гдѣ бѣлый человѣкъ еще не акклиматизировался, постепенно захвачена европейцами на всей ея окружности.

Отнынѣ соединенная съ Европой, Сѣверная

Африка получила довольно важное значение въ современной исторіи. Особенно Алжирія уже участвует въ напряженной, кипучей жизни, волнующей нынѣ цивилизованныя об-

Доброй Надежды, Алжирія является самымъ большимъ центромъ европейскаго заселенія въ Африкѣ, и, несмотря на тридцатилѣтнюю, почти непрерывную войну, эта страна заселилась

Эль-Кефъ.

щества. Послѣ Египта, Алжирія была, между африканскими землями, вторымъ, по степени важности, театромъ событій, вліяніе которыхъ отразилось далеко за предѣлами чернаго континента: послѣ англійской колоніи на Мысѣ

даже, если принять во вниманіе непродолжительность периода колонизаціи, гораздо быстрѣе, чѣмъ англійскія владѣнія Южной Африки. Это не территорія промышленной или фискальной эксплоатации, не огромная доходная ферма,

какъ Ява или Британская Индія, часто называемыя ошибочно колоніями и слишкомъ часто приводимыя въ примѣръ военнымъ державамъ Европы; она сдѣлалась, какъ Канада, хотя подъ другими политическими формами, территоріей заселенія, продолженіемъ Франціи по другую сторону Средиземного моря. Рассматриваемое въ цѣломъ, дѣло завоевательной нації, представляюще смѣсь добра и зла и очень сложное въ своихъ слѣдствіяхъ, какъ вся человѣческія дѣла, не имѣло въ общемъ результатъ численнаго уменьшенія и приниженія туземцевъ. Находились, конечно, люди, требовавшіе, чтобы къ арабамъ былъ примѣненъ законъ исторического возмездія, и чтобы они были «оттѣснены» къ пустынѣ, подобно тому, какъ сами они нѣкогда оттѣснили берберовъ къ горамъ. Во многихъ мѣстахъ Телля и въ окрестностяхъ городовъ эта политика «оттѣсненія» была даже примѣняема на практикѣ, косвеннымъ образомъ и на законномъ основаніи, именно—«путемъ экспропраціи въ видахъ общественной пользы»; но большинство арабовъ по-прежнему владѣютъ своими землями, и оставшаяся имъ доля была бы вполнѣ достаточна для ихъ прокормленія, если бы она принадлежала самимъ земледѣльцамъ, а не шейхамъ, истиннымъ владѣльцамъ подъ именемъ племени. Несмотря на несправедливости и жестокости, которыми сопровождается всякое насильственное завладѣніе, положеніе арабовъ не ухудшилось; положеніе же кабиловъ, бисковъ, мзабитовъ даже улучшилось, благодаря расширенію, которое получили ихъ промыслы и торговля. Алжирія гораздо больше пріобрѣла отъ Франціи, чѣмъ сколько сама дала ей, и жители этой страны, хотя не уравненные въ правахъ съ французами, во многихъ отношеніяхъ выиграли въ свободѣ съ той эпохи, когда надъ ними командовалъ турокъ. Если европейскіе колонисты водворились на алжирской почвѣ рядомъ съ арабами и кабилами, то многие изъ нихъ трудомъ стараются завоевать себѣ право на оккупацию, и если есть трудовое существование, выполненное самоутверженія и мужества, то это, конечно, жизнь переселенца, употребляющаго всѣ свои силы на воздѣлываніе почвы, часто безплодной, въ неблагопріятномъ для него климатѣ, къ которому онъ долженъ постепенно приспособляться, среди населенія беспокойного, иногда враждебного, нерѣдко разжигаемаго проповѣдями фанатиковъ. Многие, нынѣ здоровые, города и деревни, гдѣ теперь видишь группы румяныхъ дѣтей, весело играющихъ на улицахъ, заключаютъ въ оградѣ своихъ кладбищъ два или три наслоенія безвременно погибшихъ колонистовъ, которые умерли на чужбинѣ отъ непосильного труда, расчистивъ и ассенизовавъ почву для своихъ преемниковъ. Часто земледѣльцы различныхъ национальностей пробовали свои силы одни за дру-

гими: швейцарцы, эльзасцы, испанцы, мальтийцы, провансальцы поочередно вносили свою долю труда въ исполненіе далеко нелегкой задачи. Земля была завоевана здѣсь гораздо больше плугомъ, чѣмъ мечемъ.

Въ этой части завоеванія, хотя мирной, но не менѣе трудной, чѣмъ военная сторона дѣла, колонисты не-французы составляли въ начальѣ большинство, да и теперь они не уступаютъ французскимъ переселенцамъ въ работахъ по распашкѣ земель. Поэтому было бы несправедливо не признавать за ними права на хлѣбъ, который они заработали въ потѣ лица. Безъ нихъ да безъ южныхъ французовъ, провансальцевъ и лангедокцевъ, вопросъ объ акклиматизаціи европейцевъ въ Берберіи, возбужвившій столько споровъ, не былъ бы решенъ на практикѣ. Иммигранты изъ Сѣверной Франціи и Средней Европы не такъ энергически сопротивляются причинамъ смертности, какъ уроженцы береговъ Средиземного моря: у нихъ число смертныхъ случаетъ довольно правильно превышаетъ число рожденій. Если бы колонисты набирались единственно между этими этническими элементами, дѣло заселенія пришлось бы безпрестанно начинать съ заснова, и можно бы было опасаться, что жгучая земля Африки пожретъ послѣдовательно всѣхъ сѣверныхъ людей, какъ она поглотила нѣкогда вандаловъ. Но, несмотря на перемѣну географической широты для колонистовъ, переселяющихся съ сѣвера на югъ внутренняго моря, по направленію меридіана, переселеніе каталонцевъ, провансальцевъ и генуэзцевъ совершается безъ особыхъ неудобствъ. Флора и фауна мало различаются на томъ и другомъ берегу; многіе этническіе элементы тоже сходны, и, какъ это было во времена древнихъ иберовъ и лигуровъ, въ западномъ бассейнѣ Средиземного моря селятся народы одинакового происхожденія. Акклиматизація прибрежныхъ жителей сѣвера на южныхъ берегахъ этого моря тѣмъ легче, что непосредственно къ югу отъ алжирскаго побережья возвышаются холмы и плоскогорья, такъ что градусы высоты приблизительно компенсируютъ градусы широты. Такимъ образомъ иммиграція колонистовъ средиземной расы обезпечиваетъ дѣло преобразованія: благодаря имъ въ особенности, будетъ сохраняться и расширяться эта новая Алжирія, съ ея городами, шутами сообщенія, тщательно воздѣланными садами и полями, промышленнымъ и торговымъ механизмомъ.

Нельзя сказать, чтобы присоединеніе Алжиріи къ Франціи и къ средиземной Европѣ совершилось по определенному плану и безъ осложненія разнаго рода злоупотребленіями. Въ дѣлѣ оккупации этой страны, какъ и въ политикѣ относительно колонистовъ и туземцевъ, замѣчается недостатокъ системы и послѣдовательности. Долго сомнѣвались даже, будуть ли

удержаны нарождающіяся колонії. Впрочемъ, эти колебанія покажутся менѣе удивительными, если припомнить, какое огромное разстояніе отдѣлало Францію отъ Алжиріи въ то время, когда парусные суда медленно совершали свой рейсъ отъ одного берега до другаго, плавая въ сопровожденіи конвоя или задерживаясь подолгу въ какомъ-нибудь рейдѣ Балеарскихъ острововъ. Каждое изъ слѣдовавшихъ одно за другимъ министерствъ во Франціи имѣло свой особый планъ, при чемъ алжирскіе губернаторы иногда отказывались приводить въ исполненіе эти планы, а съ другой стороны, образъ дѣйствія губернаторовъ часто не одобрялся центральнымъ правительстvомъ. Завоеванная африканская земля, можетъ-быть, была бы совсѣмъ эвакуирована, если бы на первыхъ же порахъ королевская власть, угрожаемая въ улицахъ Парижа республиканцами, не постаралась избавиться отъ беспокойныхъ элементовъ, отправляя ихъ въ Алжирію, въ качествѣ авангарда. Уже до юльской революціи «завоеваніе Алжира, повидимому, открыло поприще эмиграціи, необходимой для спокойствія Франціи, полезной для ея величія», и въ началѣ 1831 года полицейская префектура ухитрилась завербовать 4.500 парижанъ изъ самыхъ энергическихъ, выбранныхъ между тѣми, «которыхъ несчастіе нашего времени дѣлало постояннымъ орудіемъ въ рукахъ агитаторовъ», и послала ихъ въ Алжирію подъ именемъ «волонтеровъ»¹⁾). Такимъ образомъ новое завоеваніе было мѣстомъ ссылки, прежде чѣмъ сдѣлаться мѣстомъ колонизаціи. До половины текущаго столѣтія мысль объ эвакуаціи Алжира не выходила изъ головы у нѣкоторыхъ государственныхъ людей, слѣдствіемъ чего являлись постоянныя противорѣчія въ веденіи войны и въ колонизаціонныхъ предпріятіяхъ. То доказывали необходимость расширенія колоніальной территоpіи, то, наоборотъ—толковали обѣ уменьшениія ея предѣловъ; то предполагали сдѣлать изъ Алжиріи группу французскихъ департаментовъ, то думали создать изъ нея особое «арабское королевство», и часто эти противорѣчивые проекты одновременно приводились въ исполненіе въ разныхъ частяхъ страны. Многочисленные чиновники, не всегда выбираемые между лучшими, бѣхали продолжать въ Алжиріи бюрократическую рутину, къ которой они привыкли во Франціи, или старались видоизмѣнить ее сообразно политикѣ данной минуты. Такъ проходили годы, принося безпрестанно новыя колебанія и перемѣны.

И однако, несмотря на эту нерѣшительность высшихъ сферъ, колонизація совершилась движениемъ снизу. Но въ подобномъ вопросѣ, который имѣть связь съ общимъ равновѣсіемъ міра и съ будущностью человѣчества, необхо-

димо принимать въ разсчетъ также событія, происходившія въ самой метрополії. Присоединеніе обширной территории къ области западной цивилизаціи не могло совершиться безъ того, чтобы завоевавшая нація не почувствовала вліяніе этого факта въ своемъ собственномъ развитіи. Не только она должна была употреблять величайшія усилия, чтобы обеспечить за собой это заморское завоеваніе, столь трудное и столь продолжительное по причинѣ нерѣшительного образа дѣйствій и частичнаго примѣненія противорѣчавшихъ одинъ другому проектовъ; не только ей пришлось обременять свой бюджетъ ежегодными дополнительными расходами, общая сумма которыхъ простирается по меньшей мѣрѣ до шести миллиардовъ, и жертвовать сокровищемъ болѣе драгоценнымъ, чѣмъ деньги,—людьми, солдатами или колонистами, сотнями тысячъ; но къ этимъ фактамъ материального порядка, которые могутъ быть исчислены приблизительно въ цифрахъ, присоединились еще косвенные послѣдствія во внутренней жизни самой націи; событія въ Алжиріи неминуемо должны были отразиться на исторіи самой Франціи. Одинъ изъ естественныхъ результатовъ завоеванія Алжира былъ тотъ, что это событіе отвлекало взоры французовъ отъ восточныхъ границъ и направило ихъ на югъ, къ африканскимъ берегамъ, вслѣдствіе чего политика Англіи и сѣверныхъ державъ получила большую свободу дѣйствій въ спорныхъ вопросахъ чисто-европейскихъ. Съ 1830 года, то-есть со времени завоеванія, Алжирія становится между Парижемъ и Брюсселемъ, между Сеной и Рейномъ¹⁾). Содержаніе за-моремъ цѣлой арміи, которой приходилось вести постоянную борьбу, ослабляло военную силу сѣверныхъ областей, прежде такъ часто оспариваемыхъ на поляхъ битвы. Забывая сосѣднія страны, общественное вниманіе сосредоточивалось на отдаленной Алжиріи: туда были направлены усиленія, далеко за естественные предѣлы отечества, и соразмѣрно тому уменьшалась сила сопротивленія на противоположной сторонѣ. И въ то самое время, когда нарушение политического равновѣсія становилось неизбѣжнымъ, вслѣдствіе неравнаго возрастанія народонаселенія, увеличивающагося гораздо быстрѣе въ пѣмецкихъ земляхъ, чѣмъ во Франціи, завоеванная Алжирія притягивала къ себѣ центръ тяжести метрополіи и удаляла его отъ угрожаемыхъ пунктовъ. Совершившееся измѣненіе границы на сѣверо-востокѣ Франціи, можетъ-быть, зависѣло косвеннымъ образомъ отъ присоединенія обширной территории, сдѣланного на африканскомъ континентѣ на счетъ турокъ, арабовъ и кабиловъ. Эти общія движенія исторіи трудно раз-

¹⁾ Baude, „L'Algérie“, vol. III, p. 148 et suivantes.

¹⁾ Ламартинъ, „Засѣданіе палаты депутатовъ 10 юля 1846 г.“.

личить въ сутолокѣ тысячи мелкихъ повседневныхъ фактовъ и событий, въ своенеравнвыхъ колебаніяхъ текущей политики; однако, за ними можно слѣдить мыслью, изучая ихъ издали и въ ихъ совокупности, подобно тому, какъ съ высоты берегового утеса наблюдаешь поперемѣнныя течения прилива и отлива.

Алжирію часто называютъ «Новой Франціей» или «Африканской Франціей», и во многихъ отношеніяхъ это название справедливо. Дѣйствительно, французы очень прочно водворились на африканскомъ континентѣ, принеся туда свой языкъ и свои нравы. Города и деревни европейской постройки появились не только въ области прибрежья, но и во всѣхъ частяхъ территории; дороги проведены черезъ всю страну до самыхъ границъ пустыни. Дѣло, совершенное французами въ полстолѣтіе, сравнивали съ тѣмъ, которое было результатомъ семивѣковой римской оккупации. Если ихъ цивилизациѣ еще далеко не въ такой сильной степени ассимилировала туземное населеніе, если ихъ колоніи въ восточной области плоскогорій еще рѣдки въ сравненіи съ колоніями римлянъ, то въ другихъ отношеніяхъ французы сдѣлали больше. Наука дала имъ элементъ могущества, котораго недоставало древнимъ,—скорость. Посредствомъ желѣзной дороги, телеграфа, оптическихъ сигналовъ они вездѣсущи. Въ ихъ рукахъ край, такъ сказать, уменьшился въ протяженіи; они дальше римлянъ проникли вглубь пустыни, такъ какъ остатковъ римской старины не находить южнѣе Джельфы¹⁾, лежащей на 300 километрахъ къ сѣверу отъ эль-Голеа, послѣдняго французского оазиса; даже море, омывающее алжирскіе берега, съузилось подъ килемъ ихъ судовъ, и кораблекрушенія стали рѣже, благодаря моламъ и жете, защищающимъ нынѣ гавани; Алжиръ, отстоящій отъ Марселя менѣе, чѣмъ на тридцать часовъ, ближе къ Франціи, чѣмъ, напримѣръ, Тулонъ къ Бресту. Что бы ни говорили, политическое присоединеніе Алжиріи къ Европѣ можно считать совершившимся фактомъ, который уже сдѣлся достояніемъ исторіи. Возмущенія туземцевъ, раздѣленныхъ между собою разстояніемъ, происхожденіемъ, частными интересами, не могутъ одержать верхъ надъ европейскимъ населеніемъ, сравнительно очень малочисленнымъ, но крѣпко соединеннымъ для защиты и имѣющимъ въ своемъ распоряженіи города, арсеналы, стратегическіе пункты и всѣ ресурсы, предоставляемые современной индустрией.

Какъ бы то ни было, Алжиріи остается еще многое сдѣлать, прежде чѣмъ ее можно будетъ по всей справедливости сравнить съ метрополіей, какъ «Новую Францію». Нужно,

во-первыхъ, чтобы ся территорія, почти безлюдная въ большей части своего протяженія, заселилась или вновь населилась, и чтобы ея несмѣтныя богатства, рудныя, земледѣльческія, промышленныя, утилизировались какъ слѣдуетъ; надо также, чтобы край, теперь, такъ сказать, висящій на воздухѣ, потому что онъ граничитъ съ неизслѣдованными пространствами, былъ связанъ правильными маршрутами и научными изысканіями съ оазисами пустыни и съ многолюдными областями Сенегала и Нигера; необходимо въ особенности, чтобы различные этническіе элементы страны слились въ однородное населеніе.

Пространство и народонаселеніе Алжиріи, со включеніемъ алжирской Сахары (въ 1896 г.): 797.770 кв. килом.; 4.479.000 ж.; въ среднемъ, 6 жит. на 1 кв. километръ.

Алжирія еще далеко не достигла нравственного и политического единства: не только не совершилась ассимиляція между побѣдителями и побѣженными, но арабскій міръ, какъ мусульманскій, еще сохраняетъ свою закнутость, и кабильское общество только едва начало открывать нѣкоторый доступъ къ себѣ современнымъ идеямъ. Единеніе пока еще установляется только въ отдѣльныхъ случаяхъ, единичными личностями, а не большими массами. Съ той и другой стороны толпы еще проникнуты взаимной ненавистью, или по крайней мѣрѣ косо смотрять другъ на друга, потому что не понимаютъ другъ друга, а обида всегда вдвойной чувствуется, когда она исходитъ отъ чужеземца. Однако, примѣръ жителей Туниса и Джерида, или «Страны Пальмъ», такъ легко-принявшихъ французское господство, позволяетъ надѣяться, что подчиненіе, пассивное или добровольное, алжирскихъ туземцевъ европейскому режиму будетъ увеличиваться или уменьшаться соразмѣрно гарантіямъ справедливости, которая имъ будутъ обеспечены. При томъ же въ Алжиріи есть племена, какъ, наприм., дуэръ и смела въ окрестностяхъ Орана, который всегда, даже въ несчастіи, оставались вѣрными союзниками французовъ, вопреки той, якобы, непобѣдимой ненависти, которая, какъ это часто повторяли, должна на вѣки разъединить эти двѣ расы. Покореніе ксуротовъ Сахары, въ мѣстностяхъ почти недоступныхъ для людей сѣвера, было бы невозможно, если бы французамъ не помогали умы различныхъ племенъ. И развѣ не случалось часто такъ, что когда завоеватели проникали въ первый разъ внутрь страны, то бѣдняки, пахари, обязаны отдавать часть урожая владѣльцамъ земли, негры, угнетенные всякой расы и всякаго сословія, радостно встрѣчали чужеземца, тогда какъ главные начальники, въ сопровожденіи своихъ приверженцевъ, покидали родные мѣста или пытались продолжать борьбу? По арабской пословицѣ, народу нужны только

¹⁾ Ch. Féraud, „Algérie, archéologie, histoire“.

двѣ вещи — «дождь и правда». Первый даетъ хлѣбъ, вторая — обезпечиваетъ миръ, соціальный прогрессъ, постепенную ассимиляцію элементовъ, недавно находившихся въ борьбѣ, ассимиляцію не въ томъ смыслѣ, чтобы всѣ мыслили одинаково, говорили однимъ языкомъ, сообразовались съ нравами и обычаями столицы, а такую, которая основывалась бы на взаимномъ уваженіи и соблюденіи права въ отношеніи другъ друга. Но пусть не забываютъ, что между смѣшанными населеніями, раздѣленными происхожденіемъ, преданіями, нравами, соціальнымъ состояніемъ, нѣтъ другаго выбора, кромѣ постепенной ассимиляціи, порабощенія, или рѣзни.

Съ географической точки зреінія присоединеніе Алжиріи къ извѣстному свѣту уже далеко подвинулось. Сочиненія всякаго рода, относящіяся къ этой колоніи, считаются тысячами, и въ числѣ ихъ есть труды, имѣющіе высокую научную цѣнность, есть и произведения, составляющія вкладъ въ литературную сокровищницу Франціи. Давно подготовлявшейся детальными работами, маршрутами, планами городовъ, частными картами, большой топографической атласъ Алжиріи, выходящій теперь отдельными листами, можетъ быть поставленъ наряду съ трудами этого рода, издаваемыми въ разныхъ странахъ Европы, хотя остается еще воспользоваться многими драгоценными документами, даже весьма важными работами, продолжающимися долгіе годы; не мало цѣнныхъ изысканій лежать забытыя въ дѣлахъ военныхъ и гражданскихъ канцелярій. Тѣмъ не менѣе, географическое изслѣдованіе пополняется изо дня въ день основательнымъ изученіемъ почвы, и предварительныя геологическая карты скоро будутъ, въ свою очередь, замѣнены болѣе подробными листами, гдѣ исторія почвы будетъ изображена серіей ея горныхъ породъ. Въ то же время стараются возсоздать древнюю исторію края, изучая надписи и другіе памятники сѣй старины, еще не уничтоженные заступомъ; но надо торопиться, ибо въ послѣднее полстолѣтіе много груши мегалитовъ, много фрагментовъ античныхъ храмовъ разломано и расташено, много статуй превращено въ известку! Кое-гдѣ видны еще пробѣлы на картѣ Алжиріи, особенно въ окрестностяхъ Мзаба; но маршруты путешественниковъ начинаютъ уже пересѣкаться и въ этихъ малоизвѣстныхъ пространствахъ, и скоро явится возможность продолжать систематически дѣло дальніго изслѣдованія къ Судану, начатое трудами Дюверье, Солелье, Ларжо, Фляттера. Для географовъ это вопросъ чести — достигнуть горъ Ахазгаръ, перейти большія дюны и изслѣдоввать уэды, спускающіеся къ Нигеру; если бы сдѣлать кличъ, вѣроятно, не мало нашлось бы отважныхъ изслѣдователей, готовыхъ взять на себя исполненіе этой задачи.

II.

Рельефъ Алжиріи отличается замѣчательной простотой формъ: мало найдется странъ, гдѣ бы гармонія географическихъ чертъ болѣе приближалась къ геометрической правильности. Образуя массивный четырехугольникъ, стороны которого почти равны, алжирская территорія составляетъ контрастъ даже съ соседними странами, Марокко и Тунисомъ, правильнымъ, почти ритмическимъ движениемъ почвы, напоминающимъ рядъ волнъ, слѣдующихъ одна за другою на краю плоскаго берега. Въ Марокко большой центральный узелъ Дерена, гдѣ берегъ начало вся система Атласа, въ Тунисѣ понижение плоскогорья и краевыхъ цѣпей прерываютъ общую симметрію рельефа Мавританіи.

Нормальное направленіе морскаго берега между Немуромъ и Алжиромъ — съ юга-запада на сѣверо-востокъ, и въ томъ же направленіи протянулись горы, долины и плоскогорья на всемъ пространствѣ, шириной, въ среднемъ, около 300 километровъ, которое отдѣляется побережье водъ отъ побережья песковъ. На счи-тываются цѣлые сотни джебелей, образующихъ отдельные выступы поверхности и извѣстныхъ каждый подъ особымъ именемъ; смотря по работе разрушенія, которая совершилась въ теченіе вѣковъ, въ одномъ мѣстѣ пощадивъ горную цѣль, въ другомъ уничтоживъ ее цѣликомъ, земные волны слѣдуютъ одна за другою, болѣе или менѣе многочисленны, отъ морскаго берега къ внутренности материка; но въ цѣломъ, онъ грушируются въ отдельные поясы, ясно характеризованные. Въ первое время послѣ завоеванія Алжира, когда еще не имѣлось достовѣрныхъ данныхъ относительно рельефа страны, предполагали существованіе двухъ главныхъ параллельныхъ цѣпей между прибрежьемъ и пустыней: Малаго Атласа — на сѣверѣ и Большаго Атласа — на югѣ. Но эта двойная орографическая система въ дѣйствительности не существуетъ: изслѣдователи не замѣтили этого контраста высотъ между сѣверными и южными горами; при томъ же неровности почвы въ Алжиріи являются не въ видѣ сплошныхъ цѣпей, а въ видѣ параллельныхъ, тамъ и сямъ прерывающихся, выступовъ рельефа.

Въ западной части страны первый рядъ высотъ тянется въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ моремъ, прерываемый въ разныхъ мѣстахъ полукруглыми бухтами, которые были постепенно вырыты волнами. Но къ востоку размывающее дѣйствіе Средиземного моря было значительное, и морской берегъ, вместо того, чтобы продолжаться въ нормальномъ направленіи отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, параллельно гребнямъ горъ, тянется почти неуклонно

отъ запада къ востоку, такъ что параллельные валы горъ послѣдовательно подступаютъ къ морю, образуя мысы, выдвинувшіеся остроконечными стрѣлками къ сѣверо-востоку: нѣкоторые изъ нихъ, какъ наприм., мысъ Деллісъ, имѣютъ правильную форму наконечника коня. Благодаря этимъ выступамъ горныхъ цѣпей, промежуточные долины которыхъ были захвачены морскими водами, опасные берега Алжиріи представляютъ нѣсколько естественныхъ, защищенныхъ отъ сѣверного и сѣверо-западнаго вѣтра, гаваней, на берегу которыхъ могли основаться торговые города: Деллісъ, Бужи, Джиджелли, Колло, Стора, Бона. Такимъ образомъ совокупность горныхъ высотъ, косо спрѣзанныхъ размывами моря, съуживается постепенно отъ запада къ востоку; такъ, подъ меридіаномъ Константины, вся гористая выпуклость береговой области имѣеть не болѣе 225 километровъ по прямой линіи, съ сѣвера на югъ, тогда какъ подъ меридіаномъ Орана ширина ея достигаетъ 355 километр. Извѣстная прежде подъ общимъ именемъ Сахель, береговая горы западной Алжиріи, первоначальная архитектура которыхъ лучше сохранилась, отдѣлены отъ другихъ выступовъ рельефа широкой впадиной, параллельной морю. Начинаясь на югъ отъ Оранского массива бассейномъ, гдѣ отражаются соляные берега себхи, эта низменность продолжается къ югу отъ Арзенскихъ горъ равнинами Сига, затѣмъ къ югу отъ Дахры длинной долиной Шелифа, параллельной морю до основания холмовъ, гдѣ находится г. Милана; только узкий перешеекъ высотъ, называемый Гантасъ (300 метр. на самомъ низкомъ порогѣ), отдѣляетъ долину Шелифа отъ равнины Митиджи, которая тянется на югъ алжирскаго Сахеля. Въ небольшомъ разстояніи за Сахелемъ равнина изъ континентальной превращается въ морскую и оканчивается плоскимъ берегомъ у подножія мыса: послѣ системы береговыхъ горъ долина, тянущаяся вдоль ихъ южной стороны, тоже исчезаетъ, въ свою очередь. Вся эта низменность прежде обозначалась географическимъ терминомъ Эль-Ута, теперь забытымъ¹⁾.

Изъ горныхъ хребтовъ Алжиріи наибольшей правильностью отличаются краевые выступы плоскогорья, которые на западной сторонѣ слѣдуютъ одинъ за другимъ, въ видѣ параллельныхъ стѣнъ, къ югу отъ долинъ рѣкъ Сига, Шелифа, Митиджи, а на восточной— послѣдовательно придвигаются къ самому морю. Эти горы, раздѣленный узкими поперечными долинами, почти вѣкъ круто обрываются со стороны, обращенной на сѣверъ, тогда какъ южный скатъ у нихъ гораздо болѣе пологий. Многіе изъ этихъ параллельныхъ хребтовъ ограничены на югѣ, подобно береговой цѣпи,ши-

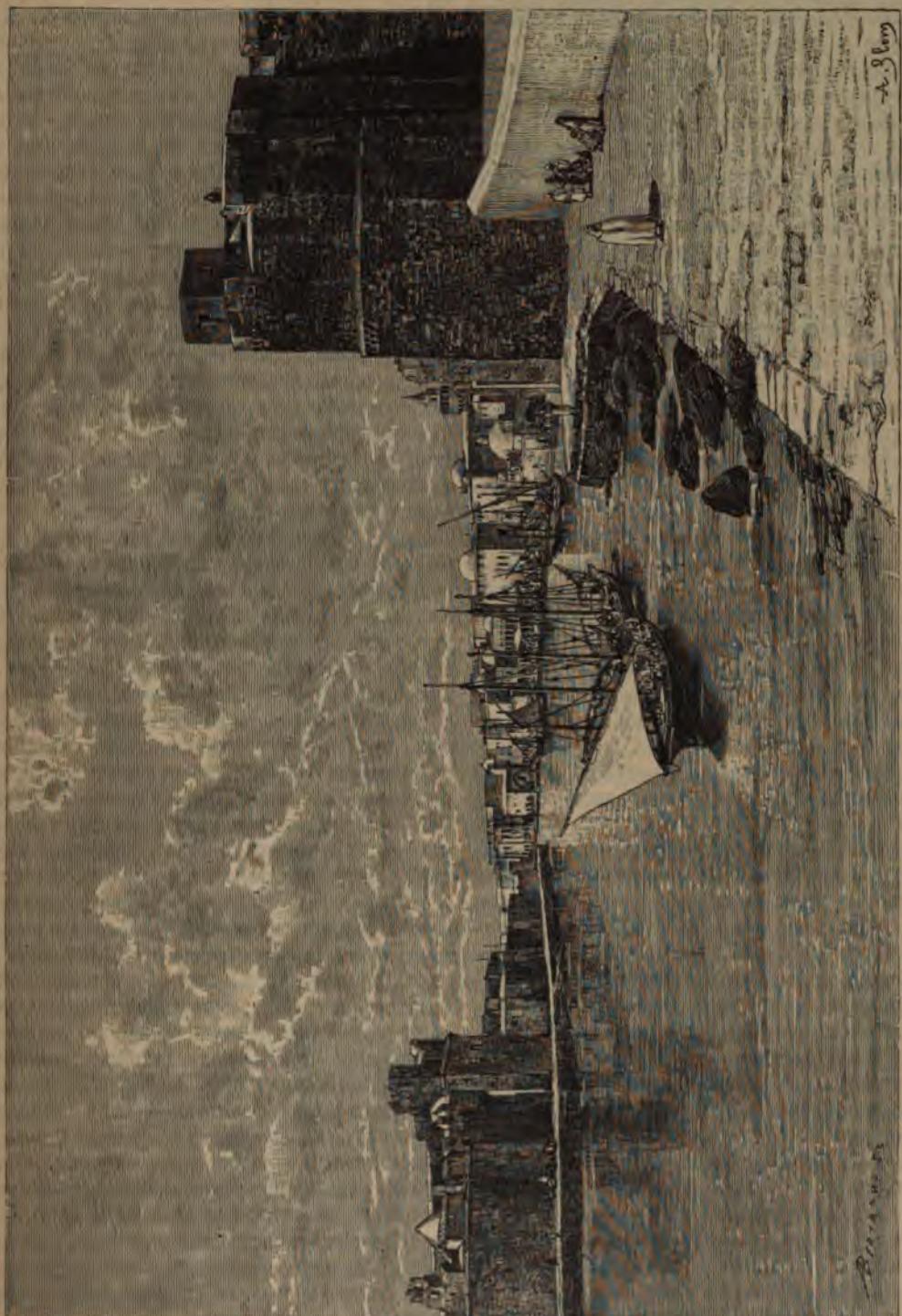
рокими равнинами, которые вѣкогда были озерами: таковы равнинны Эгришъ, къ югу отъ Маскары, Бени-Слимантъ, между Медеей и Омалемъ, равнина уэда Сахель, къ югу отъ Джурджуры; высота этихъ равнинъ увеличивается по мѣрѣ удаленія отъ моря, такъ что онѣ представляютъ какъ бы виѣшнія ступени плоскогорій центральной Алжиріи. «Джебель», то-есть совокупность краевыхъ цѣпей, высота которыхъ въ одномъ только массивѣ Джурджура переходитъ за 2.000 метровъ, составляетъ, вмѣстѣ съ береговой полосой, область Телль, то-есть «страну Холмовъ»; но въ этой гористой области находятся плодородныя долины и травяныя покатости: отсюда и странное сближеніе, которое сдѣлали между именемъ Телль и латинскимъ словомъ *tellus* (земля), какъ будто эта область является для жителей страны «Землей» по преимуществу. Въ Телль—главнымъ образомъ и селятся колонисты, обрабатыва поля для посѣва зерновыхъ хлѣбовъ или для насажденія винограда. Благодаря обилию дождей и плодородію почвы, пятнадцать миллионовъ гектаровъ (около 13 съ половиной миллионовъ десятинъ) Телля легко прокормили бы такое же число жителей.

Къ югу отъ параллельныхъ массивовъ Джебеля простирается ровная поверхность плоскогорья. На марокской границѣ, начертанной наугадъ, безъ всякаго соображенія съ физическими чертами страны, равнина, заключающаяся между сѣверными горами и горами, окаймляющими Сахару, имѣеть не менѣе 200 километр. въ ширину, а средняя высота ея около 1.100 метр. По виду совершенно горизонтальная, какъ поверхность озера, она, однако, представляетъ въ дѣйствительности котловину: по краямъ, у подошвы горъ, ея песчаныя, глинистые и каменистые пространства лежать на 1.150 метр. выше уровня моря, тогда какъ около середины высота не достигаетъ 1.000 метр. Въ этой низкой части плоскогорья скопляются дождевые и просачивающіеся воды, образуя иногда огромные потоки, развѣтвляющіеся въ видѣ заливовъ и проливовъ, но обыкновенно оставляющіе послѣ себя на почвѣ лишь солончаковые берега, надъ которыми дрожитъ сильно нагрѣваемый воздухъ, слагая и разлагая образы своихъ миражей. На этомъ безпредѣльномъ однообразномъ пространствѣ тамъ и сямъ показываются холмы и пригорки, одни—вытянутые въ прямую линію, какъ отрывки разрушенной стѣны, другіе—совершенно изолированные: это, очевидно, остатки, или, какъ ихъ обыкновенно называютъ, «свидѣтели» (*témoins*) прежняго, гораздо болѣе высокаго уровня почвы. Въ восточномъ направлении промежуточный поясъ высокихъ плато, постепенно съуживающійся, содержитъ значительно большее число этихъ выступовъ почвы, устоявшихъ противъ разрушительного дѣя-

¹⁾ A. Berbrugger,—Mac Carthy.

ствія стихій. Даже подъ меридіаномъ Алжира високая равнина раздѣлена на нѣсколько особыхъ бассейновъ средостѣніями, и въ восточній части Константинской провинціи она, на-

отъ моря до Сахары, если не считать яѣсколькихъ промежуточныхъ впадинъ, мы видимъ лишь рядъ горъ, которыя тянутся въ нормальному направлении, отъ юго-запада къ сѣверо-

Ви се ртъ.

конецъ, утрачиваетъ свой характеръ раздѣльного пояса между сѣверными и южными горами: пространство между тѣми и другими занято многочисленными параллельными цѣпями. Въ этой части Алжиріи поясы сближаются, и

востоку: понятно, что вся эта область была включена въ составъ Телля вплоть до песковъ пустыни.

Но на трехъ четвертяхъ своего протяженія, отъ мароккской границы до окрестностей

Баты, система краевыхъ цѣпей Юга остается совершенно обособленной, образуя выступъ рельефа между возвышеностями нагорья и низменностью Сахары. Этимъ-то горамъ Каббла, или «Стороны молитвы», — то-есть юго-восточной¹⁾ — и давали прежде название «Большаго Атласа»; впрочемъ, средняя высота ихъ не превышаетъ средней высоты сѣвернаго Джебеля, хотя одинъ изъ массивовъ, Джебель-Ауресъ, представляетъ одною изъ своихъ вершинъ высшую точку Алжиріи. Подверженныя дѣйствію тѣхъ же эрозивныхъ силъ, которыя выровняли плоскогорье, горы южныхъ краевыхъ цѣпей были сильно изрыты и разрушены, такъ что во многихъ мѣстахъ отъ нихъ остались лишь узкіе массивы, раздѣленные «устыями», которыя даютъ доступъ прямо съ возвышеностей въ низменность Сахары. Передъ фронтомъ горъ нѣсколько уединенныхъ пригорковъ среди песковъ или каменистыхъ площадей свидѣтельствуютъ о совершившейся работѣ разрушенія. Такимъ образомъ берегъ пустыни перемѣстился, подобно тому, какъ на сѣверѣ передвинулся берегъ моря: съ обѣихъ сторонъ гористая область, составляющая оставъ Магреба, съузилась. Совокупность различныхъ параллельныхъ поясовъ возвышенной Алжиріи, Сахель, Джебель, высокія равнинныя и горы Каббла занимаютъ пространство, почти равное алжирской Сахарѣ, съ ея дюнами, низменностями и плоскогорьями. Истинными предѣлами французской Алжиріи, какъ они указаны самой природой, должны бы быть самое побережье пустыни, или водораздѣлъ между бассейнами Игаргара и Нигера, или, наконецъ, берега этой послѣдней рѣки до Верхняго Сенегала. Если подъ Алжиріей въ собственномъ смыслѣ понимать только область четыреугольной, почти геометрически правильной, формы, заключающуюся между моремъ и пустыней, то пространство этой области составляетъ около 300.000 квадр. километр., немноже меньше половины той территории, на которую французы заявляютъ притязанія. Аванпости ихъ заходятъ далеко за естественную границу горъ и Сахары и разсѣянны неравномерно въ пустынѣ, останавливаясь или передъ непроходимой областью дюнъ, «страной Жажды», или передъ поясами кочевки туареговъ и шамбасовъ. Хотя сообщеніе черезъ пустыню до сихъ поръ еще гораздо труднѣе, чѣмъ черезъ Средиземное море, тѣмъ не менѣе, она находится въ сношеніяхъ съ Алжиріей по обмѣну финиковъ и зерновыхъ хлѣбовъ: долины и оазисы взаимно дополняются. Наибольшее пространство сахарскихъ земель присоединено къ собственной Алжиріи на востокѣ и въ центрѣ, въ бассейнахъ Игаргара и уезда Мія: эль-Голеа, платящая дань, лежитъ въ 700 километр. по

прямой линіи къ югу отъ Алжира, въ 400 килом. отъ ближайшихъ горъ Лагуатъ. На югѣ западной Алжиріи французскія экспедиціи часто посыпали ксурь Сахары, они проникали даже въ территорію Фигигъ, но не присоединили ее, уважая фиктивную сюзеренную власть мароккскаго императора. Между Алжиріей и западнымъ Магребомъ граница очень худо опредѣлена: тамъ не было выбрано никакой естественной демаркаціонной линіи, которая служила бы указаниемъ политическихъ границъ. Пуще было бы взять за границу течение рѣки Малуи, которая во всѣ времена считалась рубежомъ двухъ частей Мавританіи; но при заключеніи тангерскаго трактата, въ 1844 году, раздѣльная линія была проведена почти наугадъ и разрѣзала на-двоє горы, долины, щоты и земли многихъ племенъ.

Въ цѣломъ, параллельные полосы алжирской территоії отличаются большой простотой геологического строенія, меньшей, однако, чѣмъ простота рельефа. На западѣ, въ Оранской провинціи, центральный сводъ всей гористой области занятъ юрскими формациеми, которыя составляютъ главные пласты всего плоскогорья. Съ той и другой стороны, на сѣверѣ и на югѣ, мѣловые слои опираются на породы юрского периода, а въ восточной части Алжиріи, где работа эрозіи была не такъ значительна, они сплошь покрываютъ ихъ. На сѣверной покатости поверхъ мѣла залегаютъ міоценовые и пліоценовые пласты, затѣмъ тамъ и сямъ на морскомъ берегу показываются новыя отложенія. Аллювіальная образованія различныхъ вѣковъ, расположенные громадными слоями, занимаютъ рѣчныя долины, и на большей части плоскогорья прикрываютъ юрскіе и мѣловые пласты. Триасы, древніе сланцы представлены нѣсколькими массивами, а въ сосѣдствѣ морскаго берега гранитные холмы или горы господствуютъ надъ міоценовыми формациеми окрестностей; большой массивъ Джурджура, къ сѣверу отъ известковыхъ хребтовъ главной цѣпіи, состоять изъ гнейса въ сѣверной своей части. Тоже на побережїѣ, и выступая почти вездѣ въ видѣ мысовъ въ Средиземное море, высится эруптивныя породы, трахиты и базальты. Залежи металловъ, мраморъ, пласты гипса и каменной соли, горячіе ключи встрѣчаются въ многихъ мѣстахъ въ точкахъ соприкосновія различныхъ горныхъ породъ и составляютъ для Алжиріи весьма значительный запасъ минеральныхъ богатствъ. Такъ какъ глубокія воды почти вездѣ содержатъ морскую соль, то окружающая почва покрывается толстой корой, состоящей изъ известковыхъ частицъ, которыхъ хлористый настѣй увлекаетъ съ собой, поднимаясь мало-помалу къ поверхности земли¹⁾. Впрочемъ, бол-

¹⁾ Ricot—Lambert, рукописные замѣтки.

¹⁾ Pomel, „Congrѣs de l'Association fran莽aise pour l'avancement des Sciences“, 1885.

шая часть земель Телля покрыта каменистой корой различной толщины, очень твердой и съ прожилками разныхъ цветовъ, зависящихъ отъ присутствія глины и окисловъ желѣза. Вѣроятно, эта кора обизана своимъ происхожденіемъ дѣйствію водь, которая просачиваются въ почвѣ, насыщенная углекислой и сѣрнокислой известью¹⁾. Каменистыя отложения образуются также въ почвѣ кустарника, растущаго подъ чащами мастиковаго дерева, ююбы и приземистыхъ пальмъ; корни этихъ растеній подѣлья заключены какъ бы въ каменные чехлы: это образованіе, по своему происхожденію, сходно съ аллюсомъ (родъ желѣзняка) французскихъ ландъ, который цементируется дубильнымъ веществомъ вересковъ.

По Бурдону, побережье въ сосѣдствѣ съ устьемъ Шелифа представляетъ признаки поднятія почвы. Такъ, въ портѣ Мостаганемъ подводныя римскія сооруженія теперь выступили наружу, и море проникаетъ туда только во время бурь. Въ этомъ мѣстѣ берегъ поднялся, слѣдовательно, на метръ или полтора за послѣднія двѣ тысячи лѣтъ. Въ Куриномъ портѣ (Port-aux-Poules), около устья Макты, поднятіе происходило немного скорѣе. У деревни Каруба и въ другихъ пунктахъ побережья береговые утесы расположены ярусами, раздѣленными старыми плоскими берегами, которые усыпаны раковинами тѣхъ же видовъ, какъ нынѣ живущія въ сосѣднемъ морѣ, и сохранившими еще всю яркость окраски; очевидно, море отступило, или земля повысилась въ этой части берега, но до сихъ поръ не найдено никакихъ слѣдовъ человѣческаго труда, которые позволили бы измѣрить это вѣковое движение. Подобному же поднятію почвы, только производимому не однообразнымъ давленіемъ, а мѣстными точками изнутри, Бурдонъ приписываетъ небольшія возвышенія или выпуклости, встрѣчающіяся въ низменныхъ равнинахъ Шелифа и Мины, также какъ на высокихъ внутреннихъ плоскогорьяхъ: это какъ бы вздутия почвы, высотой отъ 3 до 12 метровъ, произшедшия отъ мѣстныхъ дѣйствій,— можетъ-быть, въ связи съ исчезаніемъ дождевыхъ водъ въ проницаемомъ грунте верхнихъ откосовъ²⁾. Извѣстно, что землетрясенія не рѣдки на побережье Алжиріи. Оранъ, Тенесь, Алжиръ и нѣкоторые другіе города часто испытывали вибраціи почвы. Въ 1724 году корабль «La Gazelle» почувствовалъ послѣдовательнотри сильныхъ подводныхъ толчка противъ мыса Себа-Русь (Семиглавый), между Джиджелли и Колло³⁾. Въ слѣдующемъ году внезапное по-

вышеніе уровня моря у береговъ тоже, повидимому, было слѣдствіемъ сотрясенія скалъ⁴⁾.

Въ цѣломъ, берегъ Алжиріи, какъ и берегъ всей Мавританіи, изрѣзанъ маленькими заливами и бухтами въ формѣ полукруга или квадранта, напоминающими изсѣченія береговъ Италии на Тирренскомъ морѣ. На обоихъ противолежащихъ побережьяхъ почва круто обрывается со стороны моря, и воды очень глубоки уже въ небольшомъ разстояніи отъ берега. Кроме того, и тутъ, и тамъ раздѣльные мысы между заливами состоятъ въ большой части изъ эруптивныхъ породъ. Вѣроятно, берегъ Магреба, также какъ берегъ Тосканы и Неаполитанской области, идетъ вдоль взброса земной поверхности⁵⁾. Но послѣ образованія разрыва, сторона его, обращенная къ морю, была источена дѣйствіемъ волнъ, которая постепенно размывали хрупкія породы, заключенные между болѣе твердыми массивами. Этотъ процессъ размыванія проявляется съ большой силой и въ наши дни въ нѣкоторыхъ частяхъ морскаго побережья, особенно на оранскомъ берегу, къ востоку отъ большой себхи: тамъ высокіе берега постоянно подтачиваются волнами, и обломки, постепенно размельчаемые въ песокъ, перекатываются взадъ и впередъ, вмѣстѣ съ движениемъ воды.

Мало найдется странъ, где бы слѣды размыванія были такъ явственны, какъ въ Алжиріи: благодаря рельефу почвы, можно, такъ сказать, прослѣдить на ходу большия потоки, которые изрыли горы, выровняли плоскогорья, нанесли слои гальки и площади аллювіальныхъ отложенийъ. Карта Алжиріи, составленная Титромъ, отчетливо показываетъ этотъ процессъ разрушенія и созиданія, совершающаго дѣйствіемъ водъ; кажется, что работа только-что закончена. Въ какую эпоху и какимъ образомъ воды такъ изваяли рельефъ алжирской почвы? По этому вопросу были высказаны различные гипотезы, между прочимъ, гипотеза общаго движения водъ, устремляющихся съ сѣвера на югъ, вслѣдствіе измѣненія равновѣсія на нашей планѣтѣ⁶⁾. Но, не прибѣгая къ подобнымъ обширнымъ геологическимъ переворотамъ для объясненія нынѣшняго физического вида Алжиріи, не можемъ ли мы приписать его дѣйствію льдовъ и снѣговъ, затѣмъ дѣйствію водъ, которая въ озерную эпоху слѣдовали за глетчернымъ периодомъ? Не подлежитъ сомнѣнію, что въ Алжиріи существовали ледники: слѣды ихъ видны еще на сѣверномъ склонѣ массива Джураджура, а мароккскій Деренъ, много преображеній высотой горы Кабили, долженъ быть изливать гораздо болѣе могучія ледяныя рѣки въ долины и на плоскогорья при его основаніи, особенно на возвышенности оран-

¹⁾ Ville;—Bourdon, «Bulletin de la Société de Géographie de Paris», janvier-février 1871.

²⁾ «Bulletin de la Société de Géographie de Paris», juin 1869.

³⁾ Shaw, «Travels in Barbary».

⁴⁾ Peyssonnel;—Dureau de la Malle.

⁵⁾ Ed. Suss, «Antlitz der Erde».

⁶⁾ Adh mar, «R volutions de la Mer».

Батны, система краевыхъ цѣпей Юга остается совершенно обособленной, образуя выступъ рельефа между возвышеностями нагорья и низменностью Сахары. Этимъ-то горамъ Кифли, или «Стороны молитвы», — то-есть юго-восточной¹⁾ — и давали прежде название «Большаго Атласа»; впрочемъ, средняя высота ихъ не превышаетъ средней высоты съвернаго Джебеля, хотя одинъ изъ массивовъ, Джебель-Ауресъ, представляетъ одною изъ своихъ вершинъ высшую точку Алжиріи. Подверженныя дѣйствію тѣхъ же эрозивныхъ силъ, которыя выровняли плоскогорье, горы южныхъ краевыхъ цѣпей были сильно изрыты и разрушены, такъ что во многихъ мѣстахъ отъ нихъ остались лишь узкіе массивы, разделенные «устыми», которыхъ даютъ доступъ прямо съ возвышеностей въ низменность Сахары. Передъ фронтомъ горъ нѣсколько уединенныхъ пригорковъ среди песковъ или каменистыхъ площадей свидѣтельствуютъ о совершившейся работе разрушенія. Такимъ образомъ берегъ пустыни перемѣстился, подобно тому, какъ на съверѣ передвинулся берегъ моря: съ обѣихъ сторонъ гористая область, составляющая остовъ Магреба, съузилась. Совокупность различныхъ параллельныхъ поясовъ возвышенной Алжиріи, Сахель, Джебель, высокія равнины и горы Кифли занимаютъ пространство, почти равное алжирской Сахарѣ, съ ея дюнами, низменностями и плоскогорьями. Истинными предѣлами французской Алжиріи, какъ они указаны самой природой, должны бы быть самое побережье пустыни, или водораздѣлъ между бассейнами Игаргара и Нигера, или, наконецъ, берега этой послѣдней рѣки до Верхняго Сенегала. Если подъ Алжиріей въ собственномъ смыслѣ понимать только область четыреугольной, почти геометрически правильной, формы, заключающуюся между моремъ и пустыней, то пространство этой области составляетъ около 300.000 квадр. километр., немноже меньше половины той территории, на которую французы заявляютъ притязанія. Аванпости ихъ заходятъ далеко за естественную границу горъ и Сахары и разсѣянны неравномерно въ пустынѣ, останавливаясь или передъ непроходимой областью дюнъ, «страной Жажды», или передъ поясами кочевки туареговъ и шамбасовъ. Хотя сообщеніе черезъ пустыню до сихъ поръ еще гораздо труднѣе, чѣмъ черезъ Средиземное море, тѣмъ не менѣе, она находится въ сношеніяхъ съ Алжиріей по обмѣну финиковъ и зерновыхъ хлѣбовъ: долины и оазисы взаимно дополняются. Наибольшее пространство сахарскихъ земель присоединено къ собственной Алжиріи на востокѣ и въ центрѣ, въ бассейнахъ Игаргара и уѣда Мія: эль-Голеа, платящая дань, лежитъ въ 700 километр. по

прямой линіи къ югу отъ Алжира, въ 400 килом. отъ ближайшихъ горъ Лагуатъ. На югѣ западной Алжиріи французская экспедиція часто посѣщали ксурь Сахары, онѣ проникали даже въ территорію Фигигъ, но не присоединили ее, уважая фиктивную сюзеренную власть мароккскаго императора. Между Алжиріей и западнымъ Магребомъ граница очень худо определена: тамъ не было выбрано никакой естественной демаркаціонной линіи, которая служила бы указаниемъ политическихъ границъ. Проще было бы взять за границу теченіе рѣки Малуи, которая во всѣ времена считалась рубежомъ двухъ частей Мавританіи; но при заключеніи тангерскаго трактата, въ 1844 году, раздѣльная линія была проведена почти наугадъ и разрѣзала на-двоє горы, долины, шотты и земли многихъ племенъ.

Въ цѣломъ, параллельныя полосы алжирской территоії отличаются большой простотой геологического строенія, меньшей, однако, чѣмъ простота рельефа. На западѣ, въ Оранской провинціи, центральный сводъ всей гористой области занятъ юрскими формациами, которыя составляютъ главные пласти всего плоскогорья. Съ той и другой стороны, на съверѣ и на югѣ, мѣловые слои опираются на породы юрского периода, а въ восточной части Алжиріи, гдѣ работа эрозіи была не такъ значительна, они сплошь покрываютъ ихъ. На съверной покатости поверхъ мѣла залегаютъ міоценовые и пліоценовые пласти, затѣмъ тамъ и сямъ на морскомъ берегу показываются новыя отложенія. Аллювіальные образованія различныхъ вѣковъ, расположенные громадными слоями, занимаютъ рѣчныя долины, и на большей части плоскогорья прикрываютъ юрскіе и мѣловые пласти. Триасы, древніе сланцы представлены нѣсколькими массивами, а въ сосѣствѣ морского берега гранитные холмы или горы господствуютъ надъ міоценовыми формациами окрестностей; большой массивъ Джурджура, къ съверу отъ известковыхъ хребтовъ главной цѣпи, состоить изъ гнейза въ съверной своей части. Тоже на побережїѣ, и выступая почти вездѣ въ видѣ мысовъ въ Средиземное море, высятся эруптивныя породы, трахиты и базальты. Залежи металловъ, мраморъ, пласти гипса и каменистой соли, горячіе ключи встрѣчаются въ многихъ мѣстахъ въ точкахъ соприкосновія различныхъ горныхъ породъ и составляютъ для Алжиріи весьма значительный запасъ минеральныхъ богатствъ. Такъ какъ глубокія воды почти вездѣ содержатъ морскую соль, то окружающая почва покрывается толстой корой, состоящей изъ известковыхъ частицъ, которая хлористый настѣртій увлекаетъ съ собой, поднимаясь мало-помалу къ поверхности земли¹⁾. Впрочемъ, боль-

¹⁾ Ricot,—Lambert, рукописная замѣтка.

¹⁾ Pomet, „Congr s de l'Association fran aise pour l'avancement des Sciences“, 1885.

Изучаемые отдельно, различные горные массивы Алжиріи ясно отличаются между собой строением и рельефомъ. На съверо-западѣ, первая группа высотъ, принадлежащая къ береговой системѣ, есть группа горъ Трара, ущелья которыхъ даютъ проходъ рѣкъ Тафи; средняя высота ихъ вершинъ меньше 500 метровъ, но одна уединенная гора, стоящая на берегу моря, къ востоку отъ г. Немура, вѣдьмаеть четыреугольный столъ своего усѣченного конуса на 864 метра: это «Ноева» гора, какъ называютъ ее моряки, по имени разоренного города Гонейнъ, построенного близъ сосѣдняго мыса. Внутри материка, самый высокий пикъ, Фильгаусенъ, на юго-востокѣ отъ Немура, достигаетъ 1.157 метровъ. Эта остроконечная известковая гора, господствующая надъ сланцевыми столами, гранитными хребтами, базальтовыми площадями, получила отныне извѣстность въ исторіи науки. Какъ это давно уже было замѣчено, все горы, заключающіяся между Оранскимъ массивомъ и мароккской границей, достаточно высоко поднимаются надъ стелющимися по поверхности земли туманомъ, чтобы съ вершины ихъ можно было, при благопріятныхъ атмосферныхъ условіяхъ, разглядѣть верхушки южныхъ сierръ Испаніи. Обыкновенно осенью, около времени заката солнца, всего яснѣе открывается этотъ чудный горизонтъ, въ разстояніи 270 километровъ. Это обстоятельство навело на мысль, что есть возможность, въ эту пору года, связать тріангуляціонныя сѣти Испаніи и Алжиріи непосредственно, минуя Марокко. Четыре точки, выбранные для соединительного четырехугольника, были: Мульхасенъ, въ сierрѣ Невадѣ, Тетика, въ сierрѣ Лость-Филабресь, на юго-восточномъ углу Пиренейского полуострова, Фильгаусенъ, въ горахъ Трара, и Мсабиха, въ небольшомъ массивѣ не далеко отъ Орана. Двадцать ночей подрядъ испанские и французские офицеры-геодезисты, расположившіеся на горныхъ вершинахъ, тщетно старались увидеть пучки электрическаго свѣта, направленного черезъ Средиземное море; но на двадцать-первую огненные звѣзды показались наконецъ—и двѣ сѣти тріангуляціи были связаны. Теперь цѣль треугольниковъ тянется отъ съверного острова Шетландскаго архипелага до 34 градуса широты въ Алжиріи; она продолжится скоро еще далѣе въ пустыню: это самая длинная дуга меридіана, какая до сихъ поръ была «измѣрена на землѣ и проектирована астрономически на небѣ»¹⁾.

Къ югу отъ большой себхи, разстилающейся у основания маленькаго берегового массива, Оранскаго, высятся длинный мѣловой валъ горы Тессалы, оканчивающейся джебелемъ

Тафараун (1.063 метра), который огибаетъ на съверѣ, востокѣ и югѣ желѣзная дорога изъ Орана въ Сиди-Бель-Аббесъ. Это одна изъ самыхъ грандіозныхъ по виду горъ Алжира, благодаря ея изолированности. Массивъ Арзевъ, обыкновенно называемый «Львиной горой», также обязанъ своимъ величественнымъ видомъ окружающему его поясу синихъ водъ и равнинъ, то зеленѣющихъ, то желтыхъ отъ пыли; самый высокий его пикъ едва превышаетъ 600 метр. Далѣе береговая цѣль, прерываемая общирнымъ заливомъ, развертывающимся въ формѣ полукруга между городами Арзевъ и Мостаганемъ, снова появляется въ видѣ сплошнаго плато только на востокѣ отъ устья Шелифа. Это гористое плоскогорье составляетъ Дахру, или «Страну, противоположную Кублѣ», то-есть съверо-восточную¹⁾; изъ долины Шелифа оно кажется правильнымъ валомъ почти однаковой высоты, отъ 500 до 600 метровъ; но, проникнувъ въ самый массивъ, мы увидимъ, что онъ разлагается на параллельные гребни, ориентированные соответственно профилю морского берега и перерѣзанные глубокими ущельями, надъ которыми господствуютъ стратегическія дороги, проведенные по высокимъ промежуточнымъ хребтамъ. Со стороны моря земли круто обрываются утесами въ 60 до 120 метр. высоты, но самые высокіе холмы находятся со стороны Шелифа: южный склонъ имѣеть крутой скатъ. Къ востоку, система Дахры, извѣстная подъ другими названіями, поднимается мало-по-малу, и именно на оконечности ея стоятъ самыя высокія ея вершины, двѣ горы Заккаръ (1.580 и 1.527 метр.), пирамидальной формы, поросшія мелкимъ кустарникомъ до самой верхушки. Далѣе массивъ быстро понижается къ равнинѣ Митиджи; но въ непосредственномъ сосѣдствѣ моря, цѣль прерывается только долиной ручья: къ востоку отъ высокаго мыса Шенуа (907 метр.) она продолжается узкимъ валомъ, въ родѣ земляной насыпи, пощаженной процессомъ размыванія, но которая въ самой тонкой и вмѣстѣ съ тѣмъ самой высокой (261 метръ) части имѣеть не болѣе 3 километр. въ ширину. На востокѣ, проломъ, гдѣ извиваются воды Мазафрана, отдѣляетъ этотъ валъ конечнаго массива отъ береговой цѣли алжирскаго Сахеля. Въ этомъ мѣстѣ гранитное ядро, прикрытое третичными формациами, образуетъ маленькую группу холмовъ, которой сбытія и сосѣдство большаго города доставили такую извѣстность, какою не пользуются многіе изъ самыхъ значительныхъ массивовъ. Высшая вершина Сахеля, называемая Бу-Зареахъ, то-есть «Отецъ хлѣба», по причинѣ плодородія ея высокихъ долинъ, имѣеть всего только 407 метр. высоты. Къ востоку отъ этой высшей вершины продолжается

¹⁾ Perier, „Comptes rendus de l'Académie des Sciences“, 1879.

¹⁾ Ricot; — Lambert, рукописный замѣтка.

скаго юга, которыя и теперь еще каждую зиму покрываются снѣгомъ. Дѣйствие этихъ ледниковъ впродолженіи цѣлаго цикла земной исторіи, переносъ моренъ и рѣчного ила, образованіе озеръ и глетчерныхъ ручьевъ, не были ли достаточны, чтобы измѣнить мало-по-малу поверхность Алжиріи и придать ей видъ диллювіального ложа, который она представляеть въ настоящее время?

Впрочемъ, процессъ размыванія непрерывно продолжается и теперь. Онъ идетъ очень быстро въ Дахрѣ, гдѣ холмы состоять изъ плотной массы бѣлой земли, очень глинистой, безъ всякихъ стѣдовъ наслоенія; въ иѣсколько лѣтъ, дороги, хотя проложенные по хребтамъ, наимѣнѣе подверженными дѣйствію водъ, вываютъ изрѣзаны рѣтвиами и оврагами. Смытыя массы глины часто соскальзываютъ въ долины и заполняютъ ихъ на подобіе лавы. Въ 1870 году одинъ изъ такихъ потоковъ, содержавшій отъ 3 до 4 миллионовъ кубич. метровъ глины, вылился вдругъ въ море, гдѣ онъ образовалъ мысъ длиной въ 100 слишкомъ метровъ, который вскорѣ былъ смытъ водами берегового теченія, направляющагося отъ запада къ востоку. Явленія размыванія очень дѣятельны также на югѣ долины Шелифа, въ краевыхъ горахъ плоскогорья, состоящихъ изъ глинъ и рыхлыхъ мергелей, легко обваливающихся въ овраги вездѣ, гдѣ скаты не защищены густой растительностью. Только на вершинахъ горы эти увѣличены слоями песчаника различной толщины, отъ 10 до 40 метровъ, которые долго противятся атмосфернымъ дѣятелямъ. Но, покоясь на менѣе прочныхъ пластахъ, они мало-по-малу обнажаются, выдвигаются въ видѣ нависшей скалы, затѣмъ обрушаются большиими глыбами на нижніе откосы и, постепенно разрушаляемы временемъ, соскальзываютъ въ долины. Такимъ образомъ сѣверный фронтъ горы постепенно отступаетъ къ югу: мысы и овраги годъ отъ году мнѣняютъ видъ, такъ сказать, сбрасываютъ свою поверхность; рано или поздно выступъ горы, пожираемый стихіями, исчезнетъ, и земли высокихъ плато будуть господствовать надъ промежуточной цѣпью. Въ верхніхъ песчаникахъ берутъ начало почти всѣ истоки рѣкъ; ниже, рыхлая почва поглащаетъ воды, которая исчезаютъ въ ней, прежде чѣмъ достигнутъ равнину¹⁾. Холмы высокихъ плоскогорий и массивы южныхъ краевыхъ цѣпей тоже состоять въ большей части изъ песчаниковыхъ скалъ, которыхъ легко вывѣтряются и обращаются въ песокъ отъ дѣйствія жаровъ и ходовъ, засухъ и дождей. Эти высоты такого же образования, какъ многія горныя группы Сиріи, Аравіи, египетскихъ пустынь, и точно также

¹⁾ Bourdon, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, juin 1869.

дають начало песчанымъ потокамъ, которые разливаются далеко, дѣлая бесплоднымъ все захватываемое ими пространство²⁾). Ручьи, зарождающіеся на плоскогорѣ и текущіе къ Сахарѣ черезъ широкія отверстія *фумовъ* («устыя»), увлекаютъ всѣ эти обломки, которые располагаются въ пустынѣ въ видѣ длинныхъ откосовъ изверженія³⁾.

На сѣверѣ Сахары, большой четыреугольникъ Алжиріи, почти сплошь состоящій изъ плоскогорій и горъ, не имѣть господствующаго массива въ своемъ обширномъ протяженіи. Четыре главныя группы—на сѣверѣ Уарсенисъ и Джурджура, на югѣ Амуръ и Ауресъ—расположены симметрично, и ни одна изъ нихъ не составляетъ горнаго центра, вокругъ котораго бы правильно развѣтвлялись воды и распредѣлялись населенія. Точно также не существуетъ бассейна, который бы по плодородію почвы, соединенію рѣкъ или счастливому торговому положенію рынковъ, сдѣлался собирательнымъ фокусомъ для всей страны. Раздѣленная на длинныя неравнныя полосы, жители которыхъ непосредственно обмѣниваются своими произведеніями, Алжирія не имѣть естественного средоточія; она распадается на столько особыхъ территорій, сколько въ ней отдельныхъ массивовъ, ясно ограниченныхъ ущельями или долинами, и сколько бассейновъ, обставлѣнныхъ кругомъ горъ. Это и есть причина, почему во всѣ времена окончательное завоеваніе страны было такъ трудно: самыя блестательныя побѣды подчиняли власти за-воевателя лишь одну какую-нибудь, болѣе или менѣе значительную, группу племенъ, и дѣло нужно было продолжать съ большими усилиями въ разныхъ областяхъ, между различными народцами; правда, что народцы эти, несмотря на препятствія мѣстности, были по большей части легко покоряемы, именно благодаря ихъ разрозненности, которая мѣшала имъ соединиться во-едино для общаго сопротивленія⁴⁾. Въ настоящее время центръ, котораго не дала природа, создается мало-по-малу, увеличивая изо дня въ день свою притягательную силу сосредоточеніемъ путей сообщенія и административнымъ преобладаніемъ. Центръ этотъ—городъ Алжиръ: искусственный портъ, шоссейные и желѣзныя дороги обеспечили за нимъ выгоды, которыми онъ прежде не обладалъ. Впрочемъ, онъ и раньше уже пользовался нѣ-которыми естественными преимуществами: опираясь на солидный массивъ холмовъ, онъ находится въ то же время у выхода одной изъ плодородиѣшихъ равнинъ края, соединяющейся, черезъ легкодоступный порогъ, съ долиной самой длинной алжирской рѣки.

¹⁾ Lartet;—Peron, „Annales des Sciences gÃ©ologiques“, 1883.

²⁾ Ch. Tissot, „Exploration scientifique de la Tunisie“.

³⁾ Niox, „Algérie, Géographie physique.“

Изучаемые отдельно, различные горные массивы Алжирії ясно отличаются между собой строениемъ и рельефомъ. На сѣверо-западѣ, первая группа высотъ, принадлежащая къ береговой системѣ, есть группа горъ Тара, ущелья которыхъ даютъ проходъ рѣкѣ Тафинѣ; средняя высота ихъ вершинъ меньше 500 метровъ, но одна уединенная гора, стоящая на берегу моря, къ востоку отъ г. Немура, вѣдьмаеть четырехугольный столъ своего усѣченного конуса на 864 метра: это «Ноева» гора, какъ называются ее моряки, по имени разоренного города Говейнѣ, построенного близъ сосѣдняго мыса. Внутри материка, самый высокий пикъ, Фильгаусенъ, на юго-востокѣ отъ Немура, достигаетъ 1.157 метровъ. Эта остроконечная известковая гора, господствующая надъ сланцевыми столами, гранитными хребтами, базальтовыми площадями, получила отныне известность въ исторіи науки. Какъ это давно уже было замѣчено, все горы, заключающіяся между Оранскимъ массивомъ и мароккской границей, достаточно высоко поднимаются надъ стелющимися по поверхности земли туманомъ, чтобы съ вершины ихъ можно было, при благопріятныхъ атмосферныхъ условияхъ, разглядѣть верхушки южныхъ сierръ Испаніи. Обыкновенно осенью, около времени заката солнца, всего яснѣе открывается этотъ чудный горизонтъ, въ разстояніи 270 километровъ. Это обстоятельство навело на мысль, что есть возможность, въ эту пору года, связать триангуляціонныя сѣти Испаніи и Алжиріи непосредственно, минуя Марокко. Четыре точки, выбранныя для соединительного четырехугольника, были: Мульхасенъ, въ сierрѣ Невадѣ, Тетика, въ сierрѣ Лось-Филабресь, на юго-восточномъ углу Пиренейского полуострова, Фильгаусенъ, въ горахъ Тара, и Мсабиха, въ небольшомъ массивѣ не далеко отъ Орана. Двадцать ночей подрядъ испанские и французские офицеры-геодезисты, расположившіеся на горныхъ вершинахъ, тщетно старались увидеть пучки электрическаго свѣта, направленного черезъ Средиземное море; но на двадцать-первую огненные звѣзды показались наконецъ—и двѣ сѣти триангуляціи были связаны. Теперь цѣлы треугольниковъ тянется отъ сѣверного острова Шетландскаго архипелага до 34 градуса широты въ Алжиріи; она продолжится скоро еще далѣе въ пустыню: это самая длинная дуга меридіана, какая до сихъ поръ была «измѣрена на землѣ и проектирована астрономически на небѣ»¹⁾.

Къ югу отъ большой себхи, разстилающейся у основания маленькаго берегового массива, Оранскаго, высятся длинный мѣловой валъ горы Тессалы, оканчивающейся джебелемъ

Тафарауи (1.063 метра), который огибаетъ на сѣверѣ, востокѣ и югѣ желѣзная дорога изъ Орана въ Сиди-Бель-Аббесъ. Это одна изъ самыхъ грандиозныхъ по виду горъ Алжира, благодаря ея изолированности. Массивъ Арзевъ, обыкновенно называемый «Львиной горой», также обязанъ своимъ величественнымъ видомъ окружающему его поясу синихъ водъ и равнинъ, то зеленѣющіхъ, то желтыхъ отъ пыли; самый высокий его пикъ едва превышаетъ 600 метр. Далѣе береговая цѣпь, прерываемая обширнымъ заливомъ, развертывающимся въ формѣ полукруга между городами Арзевъ и Мостаганемъ, снова появляется въ видѣ сплошнаго плато только на востокѣ отъ устья Шелифа. Это гористое плоскогорье составляетъ Дахру, или «Страну, противоположную Киблѣ», то-есть сѣверо-восточную¹⁾; изъ долины Шелифа оно кажется правильнымъ валомъ почти одинаковой высоты, отъ 500 до 600 метровъ; но, проникнувъ въ самыи массивы, мы увидимъ, что онъ разлагается на параллельные гребни, ориентированные соответственно профилю морскаго берега и перерѣзанные глубокими ущельями, надъ которыми господствуютъ стратегическія дороги, проведенные по высокимъ промежуточнымъ хребтамъ. Со стороны моря земли круто обрываются утесами въ 60 до 120 метр. высоты, но самые высокіе холмы находятся со стороны Шелифа: южный склонъ имѣеть крутой скатъ. Къ востоку, система Дахры, известная подъ другими названіями, поднимается мало-по-малу, и именно на окончности ея стоять самыи высокія ея вершины, двѣ горы Заккарь (1.580 и 1.527 метр.), пирамидальной формы, поросшія мелкимъ кустарникомъ до самой верхушки. Далѣе массивъ быстро понижается къ равнинѣ Митиджи; но въ непосредственномъ сосѣдствѣ моря, цѣпь прерывается только долиной ручья: къ востоку отъ высокаго мыса Шенуа (907 метр.) она продолжается узкимъ валомъ, въ родѣ земляной насыпи, пощаженной процессомъ размыванія, но которая въ самой тонкой и вмѣстѣ съ тѣмъ самой высокой (261 метр.) части имѣеть не болѣе 3 километр. въ ширину. На востокѣ, проломъ, гдѣ извиваются воды Мазафрана, отдѣляетъ этотъ валъ конечнаго массива отъ береговой цѣпи алжирскаго Сахеля. Въ этомъ мѣстѣ гранитное ядро, прикрытое третичными формацийми, образуетъ маленькую группу холмовъ, которой события и сосѣдство большаго города доставили такую известность, какою не пользуются многіе изъ самыхъ значительныхъ массивовъ. Высшая вершина Сахеля, называемая Бу-Зареахъ, то-есть «Отецъ хлѣба», по причинѣ плодородія ея высокихъ долинъ, имѣеть всего только 407 метр. высоты. Къ востоку отъ этой высшей вершины продолжается

¹⁾ Perier, „Comptes rendus de l'Académie des Sciences“, 1879.

¹⁾ Ricot;—Lambert, рукописный замѣтка.

цѣль высотъ, которая господствуетъ надъ го-
родомъ Алжиромъ, и затѣмъ, постепенно по-
нижаясь мягкими ондуляциями, пропадаютъ въ
долинѣ Гарраша.

Къ югу отъ береговой цѣпи, первый большой массивъ, на границѣ Марокко,— массивъ Тлемсенскихъ горъ. Онъ образуетъ одну изъ самыхъ правильныхъ орографическихъ системъ Алжиріи, и гребни его протянулись безъ всякихъ изгибовъ по направлению общей оси Атласа. Самая высокая гора, гдѣ беретъ начало рѣка Тафна, пробивающая послѣдовательно всѣ параллельные гряды, лежитъ въ южной цѣпи: это Тенушфи (1.842 метра); но и многія другія вершины переходятъ за 1.500 метровъ, и дорога изъ Тлемсена въ Себду, вы-
бравшая, однако, самый низкій порогъ, проходитъ на высотѣ 1.450 метровъ. Одна вершина (1.580 метр.) носитъ имя Надоръ, «Обсерваторія», довольно обыкновенное въ горахъ Алжиріи. Очень крутыя съ сѣверной стороны, Тлемсенскія горы представляютъ зрелице рѣдкое на востокѣ отъ мароккскаго Атласа — зрелице струящихся водъ и каскадовъ. На южномъ своемъ склонѣ горные хребты, наполовину врѣзывающіеся въ высокое плоскогорье, имѣютъ менѣе грандіозный видъ. Вдали къ югу, показываются холмы и маленькая цѣпь Эль-Ариша, надъ которыми господствуетъ известковая пирамидальная гора Мекайду (1.470 метр.).

Равнина рѣки Сигъ, къ востоку отъ низменности, въ которой находится Сиди-Бель-Аббесъ, ограничена съ юга горами Бени-Шугранъ, составляющими продолженіе тлемсенскаго Атласа. Эта цѣпь и южная параллельная гряды воспроизводятъ на болѣе обширномъ пространствѣ, но съ менѣе значительнымъ рельефомъ, черты горъ, продолженіе которыхъ онъ составляетъ. Онъ тоже обращены крутой стороной на сѣверъ, тоже перерѣзаны узкими долинами многихъ рѣкъ, и самая высокія вершины ихъ, Дайя (1.392 метр.) и Бегира (1.400 метр.), находятся въ южной части системы. Между этими параллельными цѣпями, обвалы и размывы изгладили или по крайней мѣрѣ уменьшили нѣкоторые изъ первоначальныхъ выступовъ: есть даже пространства, совершенно выровненные, — безъ сомнѣнія, продолжительнымъ пребываніемъ озерныхъ водъ. Такова, къ югу отъ Маскары, большая равнина Эгришъ, которая соединяется, на юго-западѣ, съ другою, менѣе значительною, равниною, называемою Трапіа.

Далѣе на востокѣ продолженіе цѣпей Бени-Шугранъ составляетъ массивъ Уарсенисъ (Уаншеришъ, Уаренсенисъ), одинъ изъ самыхъ величественныхъ во всей Алжиріи по высотѣ и формѣ вершинъ: отсюда его берберское имя, которое буквально значитъ «ничего нѣть выше»¹⁾). Главную вершину (1.985 метр.), окан-

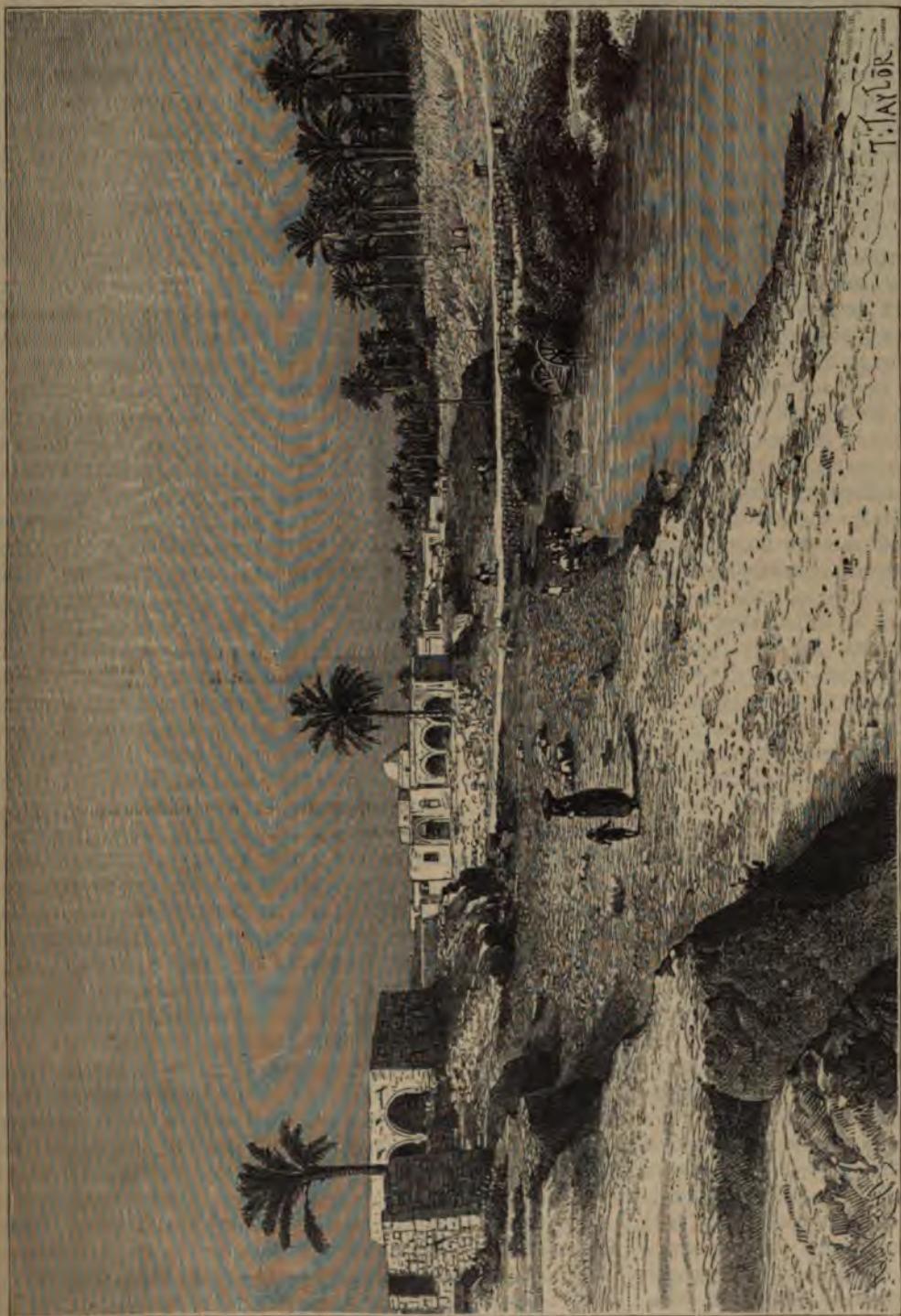
чивающуюся двойнымъ пикомъ, солдаты прозвали «Окомъ міра», по причинѣ необыкнаго горизонта, который открывается взорамъ наблюдателя съ высшей пирамиды: это фрагментъ юрскаго купола, окруженаго мѣловыми пластами. Въ цѣломъ этотъ массивъ, перерѣзанный нѣсколькими ручьями съ юга на сѣверъ и огибаемый на востокѣ глубокою долиною Шелифа, представляетъ менѣе симметрію въ своемъ рельефѣ, чѣмъ западная группа, и высокія вершины распределены въ немъ довольно не-правильно, хотя по большей части онъ находится въ средней полосѣ цѣпи, между пикомъ Уарсенисъ и мысомъ, гдѣ расположено городъ Богарь, на восточной оконечности главнаго гребня. Абдель-Кадеръ сдѣлалъ изъ этой гористой мѣстности свой главный плацдармъ; затѣмъ, когда онъ былъ побѣженъ, и всѣ его крѣпости срыты, французы, въ свою очередь, расположили тамъ свои укрѣпленные лагери и форты для наблюденія за высокими плато и за горными проходами, ведущими въ область Телль. На югѣ горъ Уарсенисъ, терраса, со всѣхъ сторонъ ограниченная оврагами и извѣстная подъ именемъ «плато Серсу», составляеть какъ бы ступень между горами и низменностью, нѣкогда озерной, заключающейся между двумя «Атласами»; но она отдѣлена отъ нихъ нѣсколькими небольшими, но очень крутыми хребтами, изъ которыхъ самый высокій— массивъ Фортасъ (1.530 метр.).

Всего менѣе единства представляютъ краевыя цѣпіи «Малаго Атласа» на югѣ Митиджа, подъ меридіаномъ Алжира: овраги, равнины, широкія поперечныя бреши раздѣляютъ ихъ на множество небольшихъ массивовъ, которые, впрочемъ, всѣ ориентированы совершенно правильно, по направлению оси Атласа. Ніокъ предложилъ дать всей этой орографической системѣ имя «горъ Титтери», на томъ основаніи, что вся эта область составила часть прежней провинціи, такъ называвшейся до французской оккупациіи. Особенно трудно доступны тѣ группы, которая вздымаютъ свои кручи на югѣ Митиджи, именно группы: Гонтасъ, Музайя, горы Бени-Сала и Бени-Муса, джебель-Зима, Бу-Зегза: военные дороги, проведенные черезъ эти горы, то проникаютъ въ узкія ущелья, какъ тѣснина Шиффи, то взираются зигзагами по крутымъ склонамъ на высокіе хребты; дорога изъ Алжира въ Омаль достигаетъ 1.000 метровъ въ высшей точкѣ горного прохода, въ землѣ племени бени-муса; знаменитый Теніа, или «перевалъ» по преимуществу, бывшій театромъ многочисленныхъ битвъ въ первыя времена завоеванія, пересѣкаетъ массивъ Музайя на высотѣ 1.043 метровъ. Расположенная на высокомъ фундаментѣ плоскогорій внутрення горы, несмотря на то, что высота ихъ болѣе значительна, легче доступны, чѣмъ сѣдня съ Митиджей цѣпь. Высший пикъ въ

¹⁾ Lambert, рукописныя заметки.

этихъ горахъ, джебель Дира (1.810 метр.), господствуетъ своимъ лѣсистымъ конусомъ надъ городкомъ Омаль. Подобно хребту Уарсенисъ, цѣпь Титтери ограничена на югѣ высокими

настоящую стѣну изъ мѣловыхъ скалъ, возвышающуюся изъ аллювиальныхъ образованій четвертичной эпохи. Брешь Гельть-эсъ-Стель, черезъ которую проходитъ дорога изъ Алжира

Г а б е с ъ.

равнинами, отличными отъ центрального плоскогорья въ собственномъ смыслѣ. Раздѣльный барьеръ между этими двумя областями, хребетъ Укеитъ (1.193 метра), представляетъ

въ Лагуать, отдѣляетъ хребетъ Укеитъ отъ восточнаго его продолженія, горы Себа-Русъ, или «Семиглавой». Триумле сравниваетъ эту небольшую, перерѣзанную оврагами, цѣль съ зу-

чатыми стѣнами города, «несущими на своихъ зубцахъ головы семи обезглавленныхъ великановъ»¹).

Одинъ изъ наиболѣе отчетливо ограниченныхъ массивовъ Алжиріи—Джурджура, возвышающейся на востокѣ и на сѣверо-востокѣ Титтери: это *mons Ferratus* римлянъ, названный такъ, безъ сомнѣнія, потому, что они не въ состояніи были завоевать его. Глубокая долина уѣда Сахель и долина уѣда Иссеръ окружаетъ, вмѣстѣ съ моремъ, пространство овальной формы, южная часть которого занята горами верхней Кабилии. Съ равнинъ, то зеленѣющихъ, то желтоватыхъ, по которымъ протекаетъ Сахель, эти горы и прилегающія къ нимъ террасы, изрѣзанныя оврагами, являются во всемъ своемъ величии, съ переходами цвѣтovъ, отъ зеленаго къ фиолетовому и лазурному, и съ безчисленными неровностями ихъ поверхности, здѣсь покрытой кустарникомъ или лѣсомъ, тамъ одѣтой пастбищами, во многихъ мѣстахъ убѣленной полосами или даже сплошной пеленой снѣга. Самая высокая вершина Джурджуры достигаетъ 2.308 метр., слѣдовательно, только насколькими метрами ниже вершины Шеліа въ джебель Ауресъ; но по относительной высотѣ надъ уровнемъ равнинъ,—это безспорно самая величественная гора Алжиріи. Крутые склоны ея разомъ вздымаются слишкомъ на 2.000 метровъ: ей дали имя Лалла-Хедриджа въ честь одной мусульманской святой, можетъ-быть, преемницы финикійской богини Таниты; но стоящая на вершинѣ кубба есть лишь пустыня, капелла же святой находится на другой, второстепенной горѣ²). Съ сѣвера главная цѣпь Джурджуры тоже представляетъ грандіозный видъ: здѣсь, вдоль ея основанія, по всей длине, простирается глубокая долина, покрытая лѣсами, лугами и воздѣланными землями, надъ которыми господствуетъ весь амфитеатръ горы. Съ этой стороны, обращенной къ сѣверу, снѣга обильнѣе, чѣмъ на противоположномъ склонѣ, и даже въ лощинахъ кучи камней и красноватой земли указываютъ мѣста, где обрушиваются снѣжныя лавины. Въ предшествующую геологическую эпоху со склонами пика, или «тамгута» Гайзеръ и пика Лалла-Хедриджа спускались ледяные рѣки: до сихъ поръ еще видна огромная конечная морена въ верхней долинѣ уѣда Айси; глыбы гранита, сланца, мрамора, изъ которыхъ иная такъ велики, что могли бы быть эксплуатируемы въ видѣ каменоломни, скучились тутъ, задержанныя выходящимъ угломъ скаль; это постепенное нисхожденіе арратическихъ камней и есть, можетъ-быть, скрытый смыслъ легенды, которая показываетъ намъ пророчицу Хедриджу спускаю-

щей съ горы верхомъ на скалѣ¹). Въ другихъ мѣстахъ также примѣтны, по высокимъ обрывамъ изъ обломковъ, окаймленнымъ поясомъ правильныхъ плоскихъ береговъ, древнія озера, которые образовались въ пониженіяхъ почвы, но вслѣдствіи были опорожнены вытекавшими изъ нихъ ручьями. Изъ всѣхъ алжирскихъ массивовъ горы цѣпь Джурджура, по обилію текучихъ водъ, богатству зелени, равномѣрной свѣжести долинъ, защищенныхъ какъ отъ знойныхъ, изсушающихъ вѣтровъ юга, такъ и отъ холодныхъ вѣтровъ сѣвера, всего болѣе походяте, если не на большія Альпы, то, по крайней мѣрѣ, на ихъ предгорья; кромѣ того, они имѣютъ элементы красоты, которыхъ не увидишь въ другомъ мѣстѣ: крутые склоны, покрытые оливковыми деревьями и культурами до самыхъ вершинъ, остроконечные пики, преобразованные рукою человѣка въ пирамиды со ступенями иувѣчанные деревнями.

Цѣпи верхней Кабилии расположены правильнымъ полукругомъ по окружности страны. Разрѣзанные и частію размыты ручьями въ средней ихъ части, эти горы сохранились на обѣихъ оконечностяхъ, восточной и западной, и слѣдуютъ одна за другой до самаго моря, оставляя лишь узкіе проходы между раздѣляющими ихъ параллельными долинами. Береговые массивы, базальтовый мысъ Дженетъ, известковая цѣпь Деллисъ, «тамгутъ» Азеффунъ дополняютъ эту громадную естественную крѣость, которая не имѣеть другихъ брешей, кромѣ трудно доступныхъ хребтовъ и прохода, открывающагося, на сѣверо-западѣ, между нижними долинами Иссера и Себау. Въ то время, какъ весь массивъ Большой Кабилии, отъ Бужи до Меневриля, опоясанъ большой дорогой, рядомъ съ которой скоро будетъ проложенъ рельсовый путь,—во внутрь этой области пока проведена еще только одна проѣзжая дорога; другія же, именно дорога на югъ черезъ перевалъ Тиурда и дороги на востокъ черезъ перевалы Шеллата и Акфаду, еще не окончены для движенія экипажей.

Къ востоку отъ долины Сахеля начинается длинная цѣпь Баборъ, составляющая продолженіе Джурджуры; посреди долины, уединенный конусъ, носившій прежде имя Акбу, присвоенное нынѣ сосѣдней деревни, указываетъ переходъ отъ одной цѣпи къ другой. Называемая другими именами на восточной ея оконечности, цѣпь Баборъ, частію вулканическая, тянется на пространствѣ слишкомъ 200 километровъ, и некоторые изъ ея хребтовъ, покрыты снѣгомъ до начала лѣта, соперничаятъ высотой съ второстепенными вершинами Джурджуры. Гора Табаборъ имѣеть 1.965 метр. высоты; Большой Баборъ, исходный пунктъ

¹) *Les Francais dans le d茅sert*.

²) C. Devaux, „Les Kebailles du Djerdjera“.

¹) Mercier, рукописная замѣтка;—C. Devaux, пятирошное сочиненіе.

параллельной цѣпи на югѣ, еще немного выше (1.970 метр.); съвериѣе, джебель Адраръ достигает въ высшей своей точкѣ 1.944 метр. Непосредственно на западѣ оть этой господствующей горы, воды уѣза Агріунъ вырыли глубокую и узкую поперечную долину, называемую шабетъ эль-Акра, то-есть «ущелье Вѣчности», въ смыслѣ «долины Ада». Съ той и другой стороны, надъ глубокой тѣсниной, на днѣ которой шумитъ горный потокъ, вздымаются крутая каменная стѣна на сотни метровъ высоты; вслѣдствіе рѣзкихъ извилинъ трещины, видъ ущелья безпрестанно мѣняется, и путешественнику кажется, что онъ заперть въ пропасти, не имѣющей выхода. Одна изъ двухъ дорогъ, проложенныхъ черезъ цѣпь Баборъ, пользуется этимъ ущельемъ, чтобы спуститься къ морю, но къ востоку оть этого прохода гребень еще не перейденъ инженерами окончательно: гористая область, простирающаяся на съверѣ къ Джиджели и Колло — одна изъ наименѣе доступныхъ мѣстностей Алжиріи.

Цѣпь Бибанъ, или «Воротъ», къ югу оть горъ Джурджура и Бабора, составляетъ продолженіе массива Джебель-Дира. Имя это она получила оть проломовъ, которые открываются въ ея толщѣ, давая въ дождливое время года проходъ водамъ, изливающимся на плоскогорье. Двое «воротъ», часто называемыя «Желѣзными», какъ многіе другіе горные проходы, прежде казавшіеся страшными, не имѣютъ теперь уже ничего, чѣмъ могло бы пугать путешественника, и съ 1839 года даже арміи не останавливаются болѣе передъ этимъ препятствіемъ, какъ останавливались нѣкогда римскіе легіоны, а въ новѣйшее время турки во все продолженіе своего господства: французскія оккупационныя войска, которыхъ въ началѣ не могли попасть изъ одной алжирской провинціи въ другую иначе, какъ по морю, установили впервые свои сообщенія внутри страны, пройдя Желѣзныя Ворота. Порогъ Большихъ Воротъ, то-есть западнаго пролома, перейденъ теперь шоссейной и желѣзной дорогой изъ Алжира въ Константину; черезъ Малыя Ворота, открывающіяся verstахъ въ четырехъ къ востоку оть Большихъ, тоже проведена удобная дорога, и геологъ можетъ совершенно безопасно изучать въ этихъ ущельяхъ приподнятые пласти чернаго известняка, которымъ размываніе промежуточныхъ песчаниковыхъ слоевъ придало причудливыя формы: въ одномъ мѣстѣ эти известняковые пласти имѣютъ видъ колоссальнаго органа, въ другомъ напоминаютъ контрфорсы громаднаго собора. Къ востоку оть Желѣзныхъ Воротъ цѣпь Бибанъ перерѣзана нѣсколькими брешами, защищаемыми военнымъ постомъ Такитунтъ, который расположено на высотѣ 1.051 метра, на уединенномъ

гребиѣ, между двумъ горныхъ валовъ. Одна изъ вершинъ Бабора, джебель Саттера — бывшій вулканъ, съ кратеромъ, края котораго покрыты шлаками и лемзой.

Въ то время, какъ въ цѣпяхъ Бибанъ и Баборъ воды пробили только бреши для прохода, горы, стоящія на югѣ, между равниной рѣки Меджаны и большими бассейномъ Годны, были разрѣзаны процессомъ размыванія на множество отдѣльныхъ массивовъ, окруженныхъ горизонтальными низменностями, точно острова посреди моря. Изъ всѣхъ этихъ горъ, обломковъ гораздо болѣе высокихъ выступовъ рельефа, самая значительная — джебель-Мадгидъ (1.840 метр.); далѣе на востокъ, по направлению къ Константинѣ, вершины постепенно поникаются, а раздѣляющія ихъ долины расширяются въ равнинѣ: тутъ мы находимся въ промежуточномъ поясѣ, составляющемъ переходъ отъ краевыхъ горъ къ центральному плоскогорью. Цѣпи въ собственномъ смыслѣ снова появляются въ сѣдловинѣ Константины, но только немногія изъ ихъ вершинъ достигаютъ высоты 1.000 метр. Горы этой области Алжиріи замѣчательны не высотой, а крутизной ихъ утесовъ, обнаженныхъ обвалами и размываніемъ. На съверо-востокѣ орографическая система съверныхъ краевыхъ цѣпей заканчивается могучей массой горы Эдугъ (1.008 метр.), на передовомъ основаніи которой расположена касба Боны. Мысъ Гардъ, ограничивающій рейдъ, имѣеть нормальное направленіе всѣхъ алжирскихъ мысовъ, именно съ юго-запада на съверо-востокъ, тогда какъ на западѣ массива, Желѣзный мысъ выдвинулся въ противоположномъ направленіи; но онъ, подобно горамъ Колло, состоить изъ вулканическихъ формаций, не принадлежащихъ къ общему остову страны.

Въ то время, какъ въ провинціи Константинѣ система съверныхъ краевыхъ цѣпей оканчивается у моря, гряды, ограничивающія на югѣ высокія плоскогорья, начинаются на мароккской границѣ въ 350 километрахъ отъ морскаго берега. Къ съверу отъ оазиса Фигигъ, гористый рельефъ, составляющій барьеръ между возвышенной пустыней плоскогорья и низменной пустыней Сахары, состоить изъ ряда небольшихъ массивовъ, которые въ съверо-восточномъ направленіи представляютъ постепенно уменьшающіяся выступы надъ цоколемъ возвышеностей. Всей этой системѣ дали имя цѣпи Ксуровъ, по причинѣ «укрѣпленныхъ замковъ», частію разрушенныхъ, которые занимаютъ ихъ проходы; но каждая группа горъ, называемая арабами *кинъ*, «форть» или *кела*, «замокъ», имѣеть свое особенное наименование. Раздѣленные уѣдами, которые спускаются съ съверныхъ плато, теряясь затѣмъ въ Сахарѣ, многіе изъ этихъ

массивовъ дѣйствительно имѣютъ форму крѣпости: они представляютъ на окружности родь вала, а внутри образуютъ котловину, вмѣсто того, чтобы подниматься въ видѣ пирамиды или округленного купола. По высотѣ главные массивы не уступаютъ господствующимъ группамъ Алжиріи: гора Маизъ, на сѣверо-западѣ отъ Фигига, имѣть 1.850 метр.; на сѣверѣ того же оазиса, массивъ Бени-Смиръ достигаетъ 2.000 метр.; джебель Мзи, къ югу отъ Айнъ-Стиссифа, еще на 200 метр. выше. Съ этихъ обсерваторій, окруженныхъ зеленющими и цвѣтущими весной долинами, взоръ теряется въ безконечности Сахары, въ ея безпредѣльныхъ пескахъ, глинахъ и каменистыхъ плато.

Къ сѣверу отъ цѣпи Ксуръ, нѣсколько хребтовъ, имѣющихъ, въ среднемъ, 1.500 метр. абсолютной и 500 метр. относительной высоты, джебель Аисса, Мергадъ, Геттаръ, доломитовый валъ Антара, Амрагъ, разсыпаны по поверхности плоскогорья, повсюду изрѣзанной оврагами, изрытой ямами, отчего вся эта область получила имя Меканемъ, что значить «страна засадъ»¹⁾. Къ востоку цѣпи Ксуръ не имѣть болѣе въ равнинѣ ни одного предгорья; горный хребеть служится, и проходы черезъ него легко доступны; но вскорѣ выпуклость рельефа снова расширяется, представляя нѣсколько параллельныхъ отроговъ, Бу-Дерга, Ксель, Тарфъ, которые можно бы было назвать массивомъ Жеривиль, по имени военного поста, которому поручено наблюдать за проходящими тамъ дорогами. Но эти отроги образуютъ лишь западную оконечность болѣе могучей орографической системы—Джебель-Амура, то-есть «Горы» по преимуществу, такъ какъ эти два соединенныхъ имени имѣютъ одно и то же значеніе, первое по-арабски, второе на древнеберберскомъ языкѣ. Въ цѣломъ Амуръ представляетъ плоскогорье, разрѣзанное горными потоками, которые изливаются съ одной стороны къ внутреннимъ шоттамъ, съ другой—къ шоттамъ Сахары. Вмѣсто того, чтобы быть перерѣзаннымъ черезъ всю ширину, подобно почти всѣмъ другимъ массивамъ краевыхъ цѣпей, Джебель-Амуръ образуетъ раадѣльную линію между водами; даже на восточной своей оконечности, гдѣ береть начало рѣка Шелифъ, онъ составляетъ водораздѣлъ между бассейномъ Средиземного моря и бассейномъ рѣкъ Джедди и Игаргара. Центральная область Амура занята такъ называемыми *гадами*, большими каменными площадями съ длинными откосами по бокамъ. Нѣкоторые изъ этихъ отрывковъ плоскогорья почти неприступны, и тѣ изъ нихъ, на которыхъ есть колодцы или источники, могли бы быть превращены въ горныя крѣпости. Вокругъ этихъ большихъ мѣловыхъ массъ, при-

крытыхъ на вершинѣ гладкою плитою, извиляются глубокія долины, сообщающіяся между собой черезъ вырѣзки плоскогорья. Ни одинъ выступъ массива не достигаетъ 2 километровъ высоты: высшая точка, Туила-Макна, соединяющая Амуръ съ горами Жеривиль, поднимается на 1.900 метр.; джебель Окбахъ и джебель Гуру, господствующіе съ юга надъ долиной нарождающагося Шелифа, имѣютъ соответственно 1.710 и 1.708 метр. высоты. Самый грандіозный по виду, если не самая высокая, вершина—тѣ, которая высятся на югѣ массива, на конечной стѣнѣ, называемой Кефь-Гебли, или «Скалой полудня»; разстилающаяся у ихъ подножія пустыня составляетъ рѣзкій контрастъ съ этою бѣловатою стѣною, круто поднимающейся къ синему небу. Черезъ извѣстные промежутки въ каменной массѣ открываются ворота, чтобы пропустить горные потоки: таковы ворота, дающія проходъ уаду Мелахъ (иначе уадъ-эль-Малехъ), или «Соляной рѣкѣ». Здѣсь скала состоитъ изъ соляныхъ массъ, окрашенныхъ въ фиолетовый, розовый и зеленый цвѣта химическими тѣлами, примѣшанными къ нимъ кристаллами. На всемъ полуденномъ фронѣ горъ, господствующемъ надъ Сахарой, видны соленосные слои, изрытые сверху атмосферными осадками, подточенные снизу ключевыми водами: это двойное разрушительное дѣйствіе воды имѣло слѣдствіемъ опрокидываніе пластовъ и провалы въ формѣ кратера, которые придаютъ цѣлому хаотический видъ.

Къ востоку отъ Джебель-Амура, цѣпи, прерываемыя очень широкими брешами, представляютъ незначительные выступы надъ поверхностью плоскогорья; большинство превышаютъ лежащія у ихъ основаній равнины не болѣе, какъ 100 или 200 метровъ; самая высокая, джебель Сенальба, господствующій на западѣ надъ дорогой изъ Джельфы въ Лагуатъ, рядомъ съ которой вскорѣ будетъ проведенъ рельсовый путь, достигаетъ 1.580 метр. Къ востоку, горный валъ еще болѣе понижается; въ то же время онъ постепенно стуживается, и на сѣверо-западѣ отъ Бискры является уже въ видѣ небольшаго узкаго кряжа, раздѣляющаго долины Годиа и Зибаиъ. Желѣзная дорога изъ Батны въ Бискру не имѣла даже надобности проходить черезъ горы туннелемъ; она слѣдуетъ ущельемъ уада Эль-Кантара и спускается съ высокихъ внутреннихъ плато къ «Устью Сахары», откуда видна простирающаяся на южномъ горизонти необытная пустыня.

Но если желѣзный путь легко переходитъ изъ одного пояса въ другой, то это потому, что онъ описываетъ большую дугу вокругъ западной оконечности самого высокаго массива Алжиріи, Джебель-Ауреса. Уже на сѣверѣ эта группа высокихъ горъ обозначена собраніемъ предгорій, которое по высотѣ соперничаетъ съ главными вершинами Алжиріи: это горы Батна,

¹⁾ Lambert, рукописные заметки.

возвышающіяся на сѣверо-западѣ вокругъ города того же имени, съ господствующею вершиною Тугеръ(2.100 метр.). Собственно Ауресъ, края котораго тянутся на востокъ отъ доли-

направленія: онъ постепенно отклоняется око-
ло восточной своей оконечности и, наконецъ,
принимаетъ направленіе отъ запада къ восто-
ку; къ югу отъ этого первого хребта, другія

Бухта Стора.

ны, гдѣ проходитъ уездъ Эль-Кантара, не пред-
ставляетъ въ своемъ образованіи такой пра-
вильности, какъ большинство другихъ массивовъ Алжиріи. Сѣверный хребетъ, самый вы-
сокій, не вполнѣ придерживается нормального

складки Джебель-Ауреса правильнѣе сохра-
няютъ направленіе, параллельное общей оси
алжирскихъ горъ, однако и онъ слегка изги-
баются къ югу, приближалась къ тунисской гра-
нице: въ цѣломъ, горы Ауреса имѣютъ форму

немного раскрытою въера. Въ съверной цѣни высится гигантъ всей Алжиріи, гора Шелія, высшій пикъ которой, называемый Кельтумъ (2.328 метр.), превышаетъ на нѣсколько метровъ вершину Лалла-Хедиджа, въ массивѣ Джурджура: съ верхушки его, подъемъ на которую не труденъ, наблюдатель обозрѣваетъ на съверъ безпредѣльную поверхность высокихъ плато и ихъ шотговъ, между Батной и Айнъ-Беной, тогда какъ на югъ, черезъ сѣроватыя очертанія нижнихъ горъ, виднѣется «синяя, прямая, бесконечная линія»—море Сахары ¹⁾. Надъ песчаными равнинами, впадина которыхъ занята шоттомъ, скалы, точно спаленныя жгучими лучами солнца, отражающимися отъ раскаленной почвы, такъ же лишены всякой растительности, какъ гранитныя и порфировыя горы, выдвинувшіяся, въ видѣ мысовъ, въ Красное море, и блестять не менѣе яркими цветами. Этому ослѣпительному сіянію вершинъ одна изъ южныхъ цѣпей Ауреса, возвышающаяся на 1.500 метр. надъ низменной равниной Бискры, обязана своимъ именемъ джебель Ахмаръ-Хадду, которое значить «Краснощекая гора» ²⁾.

Явленія размыванія и выѣтриванія, которыя такъ легко можно констатировать во всей Алжиріи, быть-можетъ, яснѣ замѣты въ горахъ Ауреса, чѣмъ во всякомъ другомъ массивѣ Съверной Африки: можно подумать, что скала, такъ сказать, растворилась, растаяла въ дилювіальномъ потокѣ, и громадныя груды обломковъ, извергнутыхъ изъ горныхъ ущелей въ сахарскую низменность, показываютъ намъ размельченныя скалы Ауреса, отложенные снова подъ видомъ мелкаго камня, песка и глины. Въ иныхъ мѣстахъ обрушились цѣлые каменные массы, какъ столбы, подкопанные при основаніи, и ихъ развалины нагромождены въ видѣ запруды поперегъ долинъ; въ другихъ—отъ цѣлыхъ горъ и цѣпей остался только «свидѣтель» древнихъ пластовъ, уединенный столь, болѣе или менѣе высокій, обыкновенно утилизируемый мѣстными племенами какъ крѣпость, благодаря удобствамъ обороны, которая представляютъ верхніе слои, обрѣзанные утесами, опоясанные обвалами, содержащіе въ своихъ впадинахъ немногой колодезной или ключевой воды. Къ востоку отъ Ауреса, джебель Шешаръ, или «Каменистая гора» ³⁾, и горы Немемша, равно какъ уединенные отроги плоскогорья Тебесса и кряжи на тунисской границѣ, тоже имѣютъ свои естественные крѣпкіе замки, обращенные туземцами въ мѣста убѣжища. Средняя высота этихъ юго-восточныхъ горъ Алжиріи—отъ 1.200 до 1.400 метр. Самая высокая

вершина Шешара, кефъ Али-энъ-Насъ, достигаетъ 1.878 метр.

На югъ отъ краевыхъ цѣпей алжирскаго плоскогорья высоты вдругъ прерываются обширными равнинами, покрытыми четвертичнымъ аллювиемъ и образующими родъ пролива между островомъ Магреѣ и сахарскими массивами; но почва постепенно поднимается къ югу почти незамѣтною отлогостью до длинныхъ хребтовъ цѣпи высотъ, которая тянется съ юго-запада на съверо-востокъ, параллельно системѣ Атласа. Эта цѣпь, называемая рѣсъ Шабъ, достигаетъ въ своей высшей точкѣ 850 метр., возвышаясь на сотню метровъ менѣе надъ оазисомъ Лагуатъ ⁴⁾. Далѣе начинается уже Сахара, которая въ этой области состоить главнымъ образомъ изъ земель плюценового вѣка, нѣкогда отложенныхъ проточными водами и, безъ сомнѣнія, разнесенныхъ вѣтромъ, какъ желтоземъ въ Китаѣ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти слои рыхлой земли имѣютъ, по Роллану, до 300 метр. толщины. Однако, тамъ и сямъ надъ этими сахарскими пространствами возвышаются мѣловыя скалы, въ видѣ островныхъ массивовъ, и нѣкоторые изъ этихъ острововъ занимаютъ значительную поверхность. Такова, къ западу отъ уѣза Гирь, цѣпь высотъ, ограничиваемая съ сѣвера долиной уѣза Джедди. Но самый обширный мѣловой островъ этой части Сахары—плато Мзабъ, названное такъ по имени уѣза, который тамъ береть начало, и населеній, группирующихся въ скалистыхъ циркахъ. Массивъ Мзабъ, хотя отдаленный отъ алжирскихъ горъ проливомъ изъ четвертичной аллювіальной формациі, можетъ быть рассматриваемъ какъ родъ перешейка, соединяющаго высоты Магреба съ девонскими плоскогорьями внутренней Сахары и съ кристаллическими горами Джебель-Ахаггара.

На съверъ отъ мѣловыхъ плато Мзаба переходъ не рѣзокъ: онъ замаскированъ известковыми образованіями; но чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ чаще встречаются островки бѣловатыхъ скалъ, пробившихъ бугорчатую кору: это выступы мѣловаго плоскогорья, которое, наконецъ, занимаетъ все пространство и образуетъ обширную гамаду безъ видимыхъ предѣловъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ каменистая поверхность совершенно ровная; она была стерта песками, и никакая травка, никакой лишай не можетъ прикрѣпиться къ голому камню; въ другихъ мѣстахъ попадаются впадины, содержащія немногой растительной земли. Съ западной стороны эта гамада достигаетъ наибольшей абсолютной высоты—725 метр.; но она круто обрывается утесомъ въ 100 или 208 метр. высоты ⁵⁾, у подошвы которого извивается безводное русло уѣза Луа и простираются на необо-

¹⁾ Valentin de Gorloff, "De Batna au djebel Cheliya";—Playfair, "Travels in the Footsteps of Bruce".

²⁾ E. Masqueray, "Bulletin de la Société de Géographie", nov. 1876.

³⁾ E. Masqueray, "Revue Africaine", 1878.

⁴⁾ G. Rolland, "Mission transsaharienne de Lagouat".

⁵⁾ H. Daveyrier, "Bulletin de la Société de Géographie", juin 1876.

зримое пространство четвертичных аллювиальных равнины, ограниченные на север горами оранского юга, на юг — спущими песками безбрежного моря дюнъ. Этот край плоскогорья обозначает водораздельную возвышенность между двумя покатостями Сахары, спускающимися одна — к океану через Нигеръ, другая — к Средиземному морю через Иагаргаръ и рядъ шоттовъ. Начиная от хребта гамада представляетъ правильный скатъ въ юго-восточномъ направлениі, но она изрѣзана во всѣ стороны оврагами, узкими и глубокими долинами, развѣтвляющимися въ формѣ трещинъ: этой трудно проходимой области, куда невозможно пускаться безъ опытныхъ проводковъ, дали название шебка или «сѣтка», вѣроятно, потому, что совокупность развѣтвляющихся долинъ образуетъ какъ бы громадную сѣть. Виѣ шебки Мзаба иѣсколько скалистыхъ перешейковъ, черезъ которые можно попасть въ низменности оазисовъ, получили имя *кантара*: это дѣйствительно «мосты», облегчающіе сообщеніе между центральнымъ массивомъ гамады и вѣшними землями; на востокѣ, по обѣ стороны уѣза Мія, высятся *гуры*, или скалы, отрѣзанные отъ плоскогорья, то совершенно изолированные, то расположенные въ видѣ цѣпь, но всѣ равно замѣчательные обвалами своихъ скатовъ и своими столообразными, мѣстами нависшими вершинами. Къ югу плоскогорье Мзабъ постепенно съуживается и, наконецъ, въ области Эль-Голеа даетъ проходъ песчанымъ потокамъ, рукавамъ обширного моря дюнъ, наполняющаго Сахару между Туатомъ и степями Уладъ-Сиди-Шейхъ. Эти маленькие песчаные проливы составляютъ южный предѣлъ плоскогорья ¹⁾.

III.

Алжирія не имѣеть большихъ рѣкъ; хотя она получаетъ изъ облаковъ количество дождевой воды, по меньшей мѣрѣ равное тому, которое уноситъ такой могучій потокъ, какъ Нилъ, въ ней неѣть ни одной судоходной рѣки: иѣсколько паромовъ, два или три ялика на Сейбузѣ — вотъ и весь флотъ внутренняго судоходства, какимъ обладаетъ эта страна. Общий рельфъ почвы не благопріятствовалъ развитію обширнаго рѣчнаго развѣтвленія. Береговой поясъ такъ узокъ, что Средиземное море могло бы получать изъ внутренней части материка развѣ только ничтожные ручьи, если бы краевые цѣпь не представляли мѣстами проломовъ, черезъ которые изливаются потоки, зарождающіеся на высокихъ плоскогорьяхъ. Но эти потоки въ наши дни не были бы въ состояніи открыть себѣ проходъ черезъ параллельныя цѣпь, ограничивающія на

сѣверѣ поясъ возвышенностей; при видѣ этихъ ущелей, мысль переносится къ тому «озерному» періоду, во время которого значительныя жид-кія массы занимали всѣ бассейны горъ: низкіе пункты, откуда изливался ихъ излишекъ воды, были постепенно вырыты и преобразованы въ рѣчные русла, слишкомъ широкія для нынѣ бѣгущаго въ нихъ потока. На югѣ плоскогорій наблюдается подобное же явленіе, какъ и на сѣверномъ склонѣ: большинство ручьевъ, спускающихся къ Сахарѣ, берутъ начало на внутренней сторонѣ краевыхъ горъ и достигаютъ области оазисовъ черезъ рядъ дефилеевъ.

Общая площасть средиземной покатости въ Алжиріи можетъ быть исчисляема приблизительно въ 200.000 кв. километр.; вся остальная часть страны раздѣлена на замкнутые бассейны, вода которыхъ испаряется, образуя соляные лагуны, или даже улетучивается, прежде чѣмъ достигнетъ центрального углубленія котловины. Впрочемъ, почти всѣ потоки Алжиріи пересыхаютъ на продолжительное время, и тогда ложе ихъ представляеть, въ возвышенныхъ мѣстностяхъ, голый камень, а въ низменныхъ — песчаная пространства, гдѣ вѣтеръ, какъ на большихъ дорогахъ, поднимаетъ стolбы пыли. Рѣчки, сохранившія небольшое теченіе въ лѣтнее время, бываютъ заперты при устьѣ крѣпкимъ песчанымъ баромъ, который служить дорогою пѣшеходамъ и всадникамъ. Тѣмъ не менѣе, уады не совершенно иссякаютъ, какъ это кажется на первый взглядъ: подъ высохшимъ поверхностнымъ ложемъ находится подземное русло; вода, просачиваясь透过 песокъ, проникаетъ въ нижніе слои, и тамъ, гдѣ какія-либо запруды, наприм. каменистые пороги, плотины, непроницаемыя формациі, задерживаютъ подземное теченіе воды, послѣднія поднимаются на поверхность, образуя маленькое озеро выше преграды. Въ нѣкоторыхъ рѣчныхъ бассейнахъ средній расходъ (количество протекающей воды) скрытаго потока составляетъ значительную часть общаго расхода, включая сюда и періоды разлива: до сихъ поръ еще не воспользовались этими подземными водами для цѣлей ирригации ²⁾. Даже на высокихъ плоскогорьяхъ овраги, спускающіеся къ шоттамъ и почти круглый годъ имѣющіе видъ безводныхъ дорогъ, скрываютъ потоки подъ своими песками и камнями. Эти инфильтраціонные воды, напитывающія почву, проникаютъ вѣкоторыя горныя породы и химически соединяются съ ними, такъ что измѣняютъ ихъ объемъ и тѣмъ производятъ движенія въ массѣ земель ²⁾.

На сѣверо-западной оконечности Алжиріи маленький уадъ Аджерудъ обозначаетъ марокк-

¹⁾ Baills, „Bulletin de la Société de Géographie de la province d'Oran“, n° 15, 1882.

²⁾ Bourdon, „Bulletin de la Société de Géographie“, janvier—fѣvrier 1874.

¹⁾ G. Rolland, „Bulletin de la Société géologique de France“, 1881.

скую границу; но первый потокъ, который дѣйствительно можно назвать рѣкой по длини теченія и по развѣтленію притоковъ, — это Тафна. Она получаетъ нѣсколько притоковъ съ марокской территоріи, именно съ большой равниной Ангадской, къ западу отъ Удуды; но главные ея истоки находятся въ предѣлахъ Алжиріи, самый высокій — на джебель Тенунифи, юго-западномъ пикѣ горъ Тлемсенъ. Несмотря на незначительную длину теченія — около 150 километровъ — Тафна одна изъ тѣхъ рѣкъ, которая Ригтеръ называетъ «геройскими» за смѣлость, съ какою онѣ переходятъ одну гору за другой. Тафна, рядомъ узкихъ поперечныхъ долинъ, перерѣзываетъ горы Тлемсенъ, затѣмъ другую передовую группу цѣши Тара. Иссеръ, ея главный притокъ, тоже беретъ свое начало на южной сторонѣ Тлемсенскихъ горъ, пробиваетъ ихъ извилистыми ущельями и сливается съ Тафной, описывая кривую, симметричную съ кривою главной рѣки.

Прежде вся низменность, ограниченная на сѣверѣ Оранскими береговыми горами, Львиной горой и западною оконечностью Дахры, была покрыта водою. Отъ этого древняго озера остались еще большая себха Миссергинская или Оранская, соленоводная площадь въ нѣсколько сантиметровъ толщины, нѣсколько другихъ меньшѣ обширныхъ соляныхъ водовѣстилицъ и болотистыя пространства, въ которыхъ изливались Сигъ и Габра при малѣйшемъ повышеніи ихъ уровня. Эти двѣ рѣки, послѣ соединенія, впадающія, подъ именемъ Макты, въ Арзевскій заливъ, берутъ начало на сѣверномъ краю средняго плоскогорья Алжиріи и спускаются крутыми поворотами въ поперечныхъ трещинахъ горъ. Благодаря проницаемости почвы въ бассейнѣ Габры и другихъ рѣкъ края, количество протекающей воды далеко не такъ непостоянно, какъ можно было бы ожидать въ странѣ, гдѣ сильные ливни смѣняются продолжительными засухами; но все-таки это количество очень не велико. Въ то время, какъ рѣка Ардешъ (во Франції) въ исключительно большихъ разливахъ несется отъ 5.000 до 10.000 кубич. метровъ, Габра, бассейнъ которой обширнѣе и получаетъ почти столь же значительную долю дождей, катить, во время самыхъ большихъ наводненій, только десятую часть теченія французской рѣки¹⁾). Въ западной Европѣ средній стокъ или расходъ рѣкъ заключается между четвертью и половиной объема дождей; въ Алжиріи же, на средиземной покатости, онъ составляетъ не болѣе одной двадцатой или одной тридцатой вышедшей изъ атмосферы влаги; вода рѣкъ, мутная отъ примѣси землистыхъ частицъ, почти всегда движется очень медленно, безъ замѣтнаго теченія. Коровы по цѣльмъ часамъ бродятъ въ грязномъ потокѣ.

Шелифъ, по длине теченія — главная рѣка Алжиріи; общее протяженіе его, не считая малыхъ извилинъ, по крайней мѣрѣ 700 километровъ. Онъ беретъ начало за поясомъ возвышеностей, въ Джебель-Амурѣ, и подъ именемъ уэда Намусъ, «ручья Москитовъ», течетъ сначала въ продольной долинѣ, параллельной оси этихъ горъ. Затѣмъ онъ пересѣкаетъ плоскогорье, постепенно уменьшаясь въ объемѣ вслѣдствіе испаренія и рискуя исчезнуть совершенно, какъ одинъ изъ его естественныхъ притоковъ, уэдъ Сусъ-Селлемъ, теряющійся въ почвѣ, прежде чѣмъ достигнуть главной долины. Дойдя до подошвы сѣверныхъ горъ, Шелифъ является уже дотого ослабленнымъ, что притокъ его Наэръ-Уассель, текущій изъ Тиарета вдоль основанія горъ, принимаютъ за настоящую рѣку, какъ показываетъ самое название «наэръ». Благодари этому увеличенію объема, Шелифъ получаетъ возможность перейти сѣверные краевые цѣпи Богарскимъ ущельемъ, послѣ чего ему остается только слѣдоватъ дальше длиннымъ понижениемъ почвы, отдѣляющимъ горы Уарсенисъ отъ горъ Дахра, и усиленный Мимой, проходящей передъ тѣмъ по южнымъ ущельямъ, смѣшиваетъ свои желтныя воды съ водами моря, немногого сѣвернѣе Мостаганема. Подобно Сигу и Габрѣ, Шелифъ и Мина протекаютъ по проницаемому грунту, чѣмъ и объясняется относительное постоянство ихъ теченія: тѣмъ не менѣе, большие разливы ихъ достигаютъ страшныхъ размѣровъ, тогда какъ въ меженное время эта главная алжирская рѣка, длиной теченія превосходящая Гаронну, бѣднѣ водой, чѣмъ многіе изъ ручьевъ Пиренейскихъ горъ.

Рѣчки Митиджи, уэдъ Мазарфантъ, принимающій въ себя, между прочимъ, знаменитую Шиффу, уэдъ Гарашъ, уэдъ Гамизъ — все незначительные потоки, обвязанные своей извѣстностью только сосѣдству Алжира, битвамъ, происходившимъ на ихъ берегахъ, да городамъ, деревнямъ, садамъ и нивамъ ихъ бассейновъ. Уэдъ Иссаръ, берущій начало въ горахъ къ юго-востоку отъ Медеи, и нижнее теченіе которого служитъ западною границею Большой Кабилии, — болѣе значительная рѣчка, а уэдъ Себау, питаемый снѣгами высокихъ массивовъ Джурджуры, представляетъ собою уже настоящую рѣку: всѣ стремительные ручьи, бѣгущіе съ сѣверного склона горъ, гдѣ климатъ гораздо влажнѣе, чѣмъ на противоположномъ скатѣ, соединяются посредствомъ развѣтленія многочисленныхъ долинъ съ главной долиной Себау, который течетъ параллельно морскому берегу, совершенно ориентированному въ этомъ мѣстѣ по градусамъ широты; чтобы достигнуть моря, рѣка изгибается къ сѣверо-западу и къ сѣверу черезъ широкую долину между горъ; большую половину года рѣчное теченіе соединяется съ морскими водами черезъ баръ. Мѣ-

¹⁾ Bourdon, цитир. сборникъ, за іюнь 1867.

иъе значителенъ уэдъ Сахель, или Сумманъ, главный потокъ, который направляется на сѣ-
который, хотя и длиннѣе, но течеть на югъ веро-востокъ, къ заливу Бужи, проходя между
горъ Джурджура, образуя какъ бы ровъ гро- цѣпями Джурджура и Баборъ, черезъ брешь

Шабель-экъ-акрская дорога.

мадной естественной крѣпости. На этой сторо-
нѣ горъ дожди и снѣга менѣе обильны, и
скудная струя впадающихъ ручьевъ, прѣно-
водныхъ или соляныхъ, очень мало усиливаетъ

Акбу. Выше этого пролома происходитъ слі-
яніе Сахеля и его главнаго притока, уэда Бу-
Селламъ, получающаго свои воды изъ Меджа-
ны и сѣ плоскогорья Сетифъ, то-есть изъ об-

ластей, куда двойная поперечная стена горъ Бибанъ и Бaborъ преграждаетъ доступъ обильнымъ дождямъ прибрежья.

Несмотря свое имя «Уэдъ-эль-Кебиръ», т. е. «Большая рѣка», потокъ, впадающій въ море между мысомъ Джиджели и массивомъ Колло, кажется значительнымъ только по сравненію съ маленькими береговыми ручьями: верхніе его притоки, Бу-Мерзугъ, Руммель, Эндижа, берутъ начало на сѣверной границѣ поиска плоскогорій и проходитъ послѣдовательно всѣ береговыя цѣпи дикими ущельями или трещинами скалъ, какъ тѣснина Руммеля между мысомъ Константина и плато Мансура. Выше этой бреши происходитъ соединеніе притоковъ Руммель и Бу-Мерзугъ, изъ которыхъ послѣдній въ древности назывался Ампсагасъ и во времена римского господства долго служилъ условной границей между Африканской провинціей и Мавританіей.

Къ востоку отъ Константинскаго уезда эль-Кебиръ текутъ двѣ другія «Большія рѣки»,—уездъ эль-Кебиръ, зарождающійся въ холмахъ Гельма и впадающій въ Средиземное море южнѣ Желѣзного мыса, и уездъ эль-Кебиръ, первые источники которого находятся въ тунисскихъ горахъ Хумиріи: это одинаковое название, примененное къ сосѣднимъ потокамъ, свидѣтельствуетъ объ отчужденности, въ которой жили различные племена; они, очевидно, не знали другъ друга, составляя каждое отдельный замкнутый мірокъ. Между этими двумя уездами эль-Кебиръ восточной Алжиріи, въ Бонскій заливъ изливается Сейбуза, послѣдний большой потокъ страны, который изъ всѣхъ ея проточныхъ водъ имѣеть наиболѣе постоянное течение, и часть которого, близкай къ морю, наиболѣе представляетъ видъ настоящей рѣки. Нижній ея бассейнъ имѣеть форму обширного цирка, расположенного такимъ образомъ, что онъ получаетъ изъ дождевыхъ облаковъ значительное количество воды. Между Эдугомъ и мысомъ Роза на морскомъ берегу простирается большая равнина, и горы, ограничивающей ее съ юга, слѣдуютъ одна за другой постепенно повышающимися уступами, изъ которыхъ каждый получаетъ свою долю дождей, не лишая атмосферной влаги болѣе отдаленную цѣль. Истоки уезда Шерфъ, главной вѣтви Сейбузы, переплетаются на плоскостяхъ Айнъ-Беда съ источниками тунисской Меджерды и ея притока, уезда Меллегъ, также принадлежащихъ къ бассейну Средиземнаго моря. Въ предшествующую геологическую эпоху равнина, пересѣкаемая нижнимъ теченіемъ Сейбузы, была покрыта морскими водами; отъ бывшаго залива до сихъ поръ осталось мелководное озеро или, вѣрнѣе, болото Фецара, которое еще не удалось вполнѣ осушить. Количество воды, протекающей въ секунду, предста-

вляетъ, для трехъ главныхъ рѣкъ Алжиріи, слѣдующія цифры:

	Площадь бассейна.	Расходъ во время разлива.	Въ мелководье.	Средний расходъ.
	кв. килом.	куб. метр.	куб. метр.	куб. метр.
Макта	10.700	800	2	10
Шелифъ	38.200	1.448	1,5	15
Сейбуза	10.000	1.000	0,15	20

Между моремъ и теченіемъ восточнаго уезда эль-Кебиръ, называемаго при устьѣ Мафрагъ, расположены три озера, образующія родъ пояса вокругъ города Ла-Кале; видъ этихъ озерныхъ бассейновъ представляетъ зрелище рѣдкое въ Алжиріи, гдѣ встрѣчаются только пруды и салины. Одно изъ озеръ, западное, Гера (Гара)-эль-Мелахъ, или «Соляная лагуна»,—дѣйствительно резервуаръ соленой воды, сообщающейся съ моремъ. Среднее озеро, Гера-эль-Убайра, вода въ которомъ прѣсная, представляеть, тѣмъ не менѣе, бассейнъ почти всегда замкнутый; но въ періодъ разливовъ, когда уровень поднимается на 3 метра выше ординара, излишekъ воды озера выливается на югъ, въ долину уезда Эль-Кебиръ. Наконецъ, третье озеро, называемое Гера-эль-Гутъ, или «Рыбная лагуна», соединяется съ моремъ посредствомъ лѣнивой рѣчки Месиды, заросшей камышами; пытались было ассенизировать, прорыть сточными каналами, плодородныя земли, окружающія это озеро, но лихорадки похищали такъ много рабочихъ, что пришлось отказаться отъ этого предпріятія.

Вся зона плоскихъ возвышеностей, за исключениемъ узкой песчаной полосы, по которой протекаетъ верхній Шелифъ, и площади истечения, гдѣ образуется Меджерда и уездъ Меллегъ, дѣлится на замкнутые бассейны. Вслѣдствіе сильнаго испаренія, быстро уносящаго приносимую дождями влагу, всѣ ручьи или принимающіе ихъ неглубокіе водоемы постепенно изсыхаютъ, и такимъ образомъ территорія дробится на безчисленное множество маленькихъ бассейновъ, нѣкогда соединявшихся въ одно цѣлое, и которые слились бы снова, если бы дожди были болѣе обильны или температура менѣе высока. Когда впадина довольно большаго протяженія, она получаетъ имя *шотта*; менѣе обширная и наполняющаяся прѣсной или солоноватой водой, которую всасываютъ корни нѣкоторыхъ кустарниковыхъ растеній, называется *дайя*; простая грязная лужа известна подъ названіемъ *идиръ*. Ровная на видъ по причинѣ сѣраго цвѣта почвы, сглаживающаго всѣ неровности рельефа, плоская возвышенность представляетъ рядъ длинныхъ повышеній и понижений, на подобіе правильныхъ морскихъ волнъ, образующихся отъ дѣйствія пассатныхъ вѣтровъ: цѣлая армія могла бы спрятаться въ *фидахъ* и *мадерахъ*, между двумя волнообразными возвышеніями почвы, такъ

что на разстояніи двухъ километровъ нельзя было бы догадаться о ея присутствії ¹⁾). Большинство шоттовъ имѣютъ на окружности настоящіе высокіе берега, какъ озера, а мѣстами даже крутые утесы, поднимающіеся на 15 или 20 метровъ; но вода не омываетъ болѣе основанія утесовъ, жидкую поверхность замѣнили солончаковыя пространства или полосы пыльного гипса, смѣшанного съ пескомъ; кое-гдѣ образовались даже дюны, развертывающія свои правильныя волны на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда волновались водныя пространства ²⁾). Таковъ видъ шотта Гарби, или «Западнаго», часть котораго, по условной линіи границы, причисляется къ Марокко; нѣсколько маленькихъ водныхъ площадей занимаютъ самая низкія его впадины. Шоттъ Шерги, или «Восточный», тянется въ средней части плоскогорья, имѣя около 200 километровъ длины, при различной ширинѣ, достигающей къ западу до тридцати километровъ. Онъ раздѣленъ на два бассейна перешейкомъ Хейдеръ, гдѣ стоитъ горка, изъ основанія которой вытекаетъ источникъ: это—то «водяной мостъ» между двумя солончаковыми низменностями и быть выбранъ для прокладки желѣзной дороги, направляющейся къ южнымъ военнымъ постамъ. Къ востоку отъ Хейдера низменность шотта Шерги имѣеть кольцеобразную форму; это—овальная, довольно узкая впадина, заключающая внутри островъ болѣе высокихъ земель.

На востокъ отъ Шелифа поясь плоскихъ возвышеностей, уже гораздо менѣе широкій, представляетъ лишь маленькие бассейны, гдѣ испаряются воды: таковы дайя Дахла, на сѣверѣ горъ Укантъ, и на югѣ этой цѣпи два бассейна Захрезъ «Западный» (Гарби) и «Восточный» (Шерги), содержащіе, по вычислѣніямъ Фурнеля и Виля, количество соли около 600 миллионовъ тоннъ (около 3.700 миллионовъ пудовъ). Къ сѣверо-востоку отъ Бу-Сада, циркъ, вдругъ прерывающій рядъ параллельныхъ горныхъ цѣпей, получаетъ довольно значительное количество воды, такъ что тамъ образуется обширный шоттъ Годна, который въ предшествующую геологическую эпоху несомнѣнно былъ алпійскимъ озеромъ: послѣ зимнихъ дождей часто случается, что центральная котловина сплошь занята водною площастью; со всѣхъ сторонъ громаднаго амфитеатра бѣгутъ горные потоки, которые можно было, посредствомъ гидравлическихъ работъ, отвести на окрестныя воздѣланыя пространства. За этимъ озернымъ бассейномъ, на плоскогорьяхъ Сетифъ и Айнъ-Бенда, разсѣяно нѣсколько маленькихъ себхъ (сбахъ): самая значительная изъ нихъ—себха Тарфъ, гдѣ теря-

ются нѣсколько ручьевъ, спускающихся съ Джебель-Ауреса; воды достигаютъ тамъ высшей возможной степени насыщенія, именно 27 процентовъ, не будучи въ состояніи растворить всю соль, содержащуюся въ бассейнѣ ⁴⁾.

Обращенная къ Сахарѣ покатость краевыхъ цѣпей плоскогорья изливаетъ свои ручьи въ пустыню, но большая часть этихъ потоковъ поглощается, при самомъ выходѣ изъ ущелій горъ, обработанными землями оазисовъ; вся влага, приносимая дождями, скопляется въ дайяхъ: на югъ отъ Лагуата видныются тамъ и сюмъ, сгруппированные въ архипелаги, лѣски и рощи, питаемые этими лужами. Впрочемъ, многіе изъ этихъ уэдовъ продолжаются изъ плантаціи въ плантацію на довольно большое разстояніе отъ возвышеностей, и даже тамъ, гдѣ теченіе ихъ совершенно изсякло, русло еще примѣтно и тянется правильными излучинами, какъ будто вода только недавно покинула ихъ. Направленіе уэдовъ обнаруживаетъ отчасти форму рельефа въ области пустыни. Съ западной стороны, въ Оранской провинціи, русла рѣкъ спускаются прямо на югъ, показывая, что уровень почвы постепенно понижается въ этомъ направлѣніи; восточнѣе, въ Алжирской провинціи, главный потокъ, вмѣсто того, чтобы направиться прямо на югъ, слѣдуетъ вдоль южнаго основанія горъ, параллельно общей оси Алжиріи: онъ течетъ въ бороздѣ между двухъ обступившихъ его возвышенностей; наконецъ, въ провинціи Константина, недалеко отъ тунисской границы, Игаргаръ, бывшій нѣкогда большой рѣкой, а теперь представляющій лишь широкую извилистую долину, спускается съ юга на сѣверъ къ низменности шотта Мельгигъ; высокіе массивы, стоящіе въ пустынѣ, далеко на югѣ собственной Алжиріи, даютъ всей промежуточной области скать, обращенный къ сѣверу, въ сторону противоположную покатости, которую представляетъ поверхность пустыни на югѣ отъ Оранской провинціи. Это одинъ изъ капитальныхъ фактovъ въ географіи пустыни; въ то время, какъ на востокѣ воды спускались нѣкогда либо къ «внутреннему морю», либо къ Габесскому заливу,—на западѣ они текли на югъ. Достигали ли ихъ соединенные вѣтви теченія Нигера, или, можетъ-быть, рѣчное русло, усиливаемое частными потоками, поворачивало на западъ, чтобы идти прямо къ Атлантическому океану? Эта проблема пока еще не разрѣшена изслѣдованіями европейскихъ путешественниковъ; но свѣдѣнія, принесенные туземными караванщиками, дѣлаютъ первую гипотезу очень вѣроятною. Юго-западный уголъ Алжиріи, повидимому, принадлежитъ къ бассейну Нигера нѣсколькоими уэдами области Ксуръ, текущими къ оазису Фигигъ.

¹⁾ Arnaud, „Revue africaine“, 1866; — Guy de Maupassant, „Au Soleil“.

²⁾ Marès, „Bulletin de la Société Géologique de France“, 15 nov. 1858.

⁴⁾ Ch. Feraud, „Revue Africaine“.

Въ нынѣшнихъ предѣлахъ алжирской терри-
торіи, другіе потоки, берущіе начало въ кра-
евыхъ цѣпяхъ высокихъ плато, теряются подъ
песками дюнъ, поясъ которыхъ тянется на югъ;
такъ исчезаютъ: уездъ Намусъ, или «Москито-
вый», вытекающій въ сосѣдствѣ Туга; уездъ
аль-Гарби; уездъ эсъ-Сеггеръ, выходящій изъ
Брезины, къ югу отъ Жеривиля; уездъ Зергунъ,
принимающій въ себя ручьи, бѣгущіе съ Джебель-Амура; уездъ Луа, ограничивающій на вос-
токѣ плато Мзабъ. Другіе потоки этого мас-
сива соединяются съ уѣдомъ Мзи, рѣкой Лагу-
ата: это главная вѣтвь уѣда Джедди, который
течетъ сначала на востокъ, затѣмъ на сѣверо-
востокъ, усиливаемый на пути, во время внес-
запныхъ дождей, всѣми ручьями, спускающи-
мыся съ горъ, вдоль основанія которыхъ на-
правляется его теченіе, до цѣпи Зибанъ близъ
Бискры. Джедди—это, можетъ-быть, Иджи
или «рѣка Песковъ»¹⁾; онъ въ самомъ дѣлѣ
образуетъ геологическую границу, совершен-
но явственную въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, между
основаніемъ мѣловыхъ плато и песками чет-
вертичной равнины: на лѣвой сторонѣ, земли
и скалы вдругъ прекращаются на высокихъ
берегахъ рѣки; направо—начинаются аллюві-
альный пространства²⁾. Этотъ геологическій
фактъ такъ поразителенъ, что всѣ прибрежные
жители замѣтили его, какъ о томъ свидѣтель-
ствуетъ постоянство имени уѣда почти на всемъ
его протяженіи. Тогда какъ большинство аф-
риканскихъ рѣкъ мѣняютъ название при каж-
домъ новомъ притокѣ, при каждомъ ущельѣ,
черезъ которое проходятъ, при каждомъ пле-
мени, территорію которого орошаютъ,—Джед-
ди, напротивъ, сохраняетъ свое имя отъ Лагуата
до самого устья³⁾. Впрочемъ, Джедди
только тѣмъ и похожъ на рѣку, что имѣть
широкое дно и высокіе берега, вода же встрѣ-
чается въ немъ только тамъ, где каменистые
пороги прерываютъ русло. На юго-востокъ отъ
Бискры, послѣ теченія на пространствѣ около
500 километровъ, берега его сравниваются съ
окружающею почвой, и русло сливаются съ
обширной низменностью шотта Мельгигъ.
Джедди и другія сахарскія рѣки, текущія по
каменистому или песчаному грунту, предста-
вляютъ гораздо чаще, чѣмъ рѣки Телля, теку-
щія въ проницаемыхъ ложахъ, примѣръ внес-
запныхъ и страшныхъ наводненій. Бывали
случаи, что Джедди, сухой наканунѣ, разли-
вался, при устьѣ уѣда Бискра, на 11 или 12
километровъ въ ширину. Въ Годиѣ уѣздѣ Msifъ,

случалось, внезапно превращался въ рѣку ши-
риной до 3 километр., и тогда дуары, цѣлия
стада, захваченные врасплохъ, уносились по-
топомъ. Въ землѣ Мзабъ, когда небо потем-
нѣеть въ сѣверной сторонѣ, на поворотахъ
рѣкъ разставляются конныхъ караульныхъ, и
какъ только послышится отдаленный гулъ,
возвѣщающій движеніе потока, ружейные вы-
стрѣлы этихъ развѣдчиковъ, слѣдующіе одинъ
за другимъ вдоль долинъ, даютъ знать при-
брежнымъ жителямъ о приближающемся на-
водненіи⁴⁾.

Другіе уѣды, выходящіе изъ ущелей Джебель-Ауреса и Джебель-Шешара, или берущіе
начало въ пустынѣ у подошвы скалистыхъ
откосовъ, направляются къ низменности шотта,
но не все ея достигаютъ. Самая большая рѣка
бассейна, по длини теченія и ширинѣ русла,
есть одинъ изъ тѣхъ угасшихъ потоковъ, отъ
которыхъ сохранились лишь болѣе или менѣе
замѣтные остатки: где болота, где колодцы,
где сырья низины, или просто вырытыя во-
дами русла, вѣнѣ совершенно сухія, съ вы-
сокими берегами и отмелами. Эта рѣка, нѣ-
когда могучая, которую теперь можно узнать
только по ея слѣдамъ, какъ змѣю, которая
убѣгаєтъ, оставляя извилистый отпечатокъ
своихъ колецъ на пескѣ,—Игаргарь. Въ ты-
сячѣ километровъ къ югу отъ бассейна, въ
который впадаетъ его высохшее русло, ручьи,
которыхъ еще не видѣли европейскіе изслѣдо-
ватели, бѣгутъ со склоновъ Джебель-Ахаггара;
но эти ручьи изсякаютъ въ пустынѣ, и разѣт-
вленіе рѣчныхъ ложъ становится все болѣе
неяснымъ; они соединяются въ одну обши-
рную дорогу, отъ 2 до 10 километровъ ширин-
ной, могущую вмѣстить такую рѣку, какъ Ниль
или Миссисипи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ русло
совершенно изгладилось, такъ что теперь
нельзя замѣтить даже общаго ската почвы;
дюны тянутся одна за другою, на подобіе
волиъ, поперегъ бывшаго ложа великой рѣки;
но прежній ходъ уѣда извѣстенъ по преданію,
и туземцы, которые поднимаются или спуска-
ются по теченію Игаргара, превратившагося
въ караванную дорогу, показываютъ мѣста,
гдѣ проходила рѣка, даже тамъ, гдѣ уже не
видно ни малѣйшаго слѣда разливанія. Бывшій
главный притокъ исчезнувшей рѣки, уездъ Mii,
или рѣка «съ сотней притоковъ»⁵⁾, проходитъ
на Игаргарь и, подобно ему, представляеть
рядъ водоемовъ, низменностей, небольшихъ
шоттовъ, прерываемыхъ песками, наносимыми
вѣтромъ. Но подземныя воды, текущія въ Miї,
подъ высохшимъ дномъ бывшаго видимаго
ложа, мало-по-малу увеличиваютъ свой скры-
тый потокъ; струйки просачивающейся жид-
кости спускаются изъ параллельныхъ рѣчекъ.

¹⁾ Carette, „Exploration scientifique de l'Algérie“, tome II.—Название уѣда аль-Джеди значитъ „рѣка Козленка“ (Lambert, рукописные замѣтки).

²⁾ Roland, „Bulletin de la Société Géologique de France“, 1881, Planche XIII.

³⁾ Carette, „Exploration scientifique de l'Algérie“;—Wolters, „Société de Géographie de Constantine“; 4-e bulletin. 1-e octobre 1883.

⁴⁾ Carette, „Exploration scientifique des vallées de l'Algérie“, tome II.

⁵⁾ Faidherbe;—Parmentier etc.

берущихъ начало въ разорванномъ плато мѣловыхъ скалъ, на югѣ Лагута и Мзаба; влажность почвы становится значительнѣе ниже этихъ подземныхъ притоковъ, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда соединялись Игаргарь и Мія, начинается ясно обозначенная долина, усыпанная шоттами, колодцами, прудами, источниками, которые образуютъ какъ бы остатокъ рѣки: долина эта извѣстна подъ именемъ уѣза Ригъ или Риръ. Самое сляниѣ отмѣчено себхами, всегда покрытыми водой, которыхъ окружены пальмовыми рощами Темасина. Эти воды, медленно текущія въ нѣдрахъ земли, должны представлять значительную жидкую массу, судя по числу пальмъ, растущихъ въ многочисленныхъ оазисахъ, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ

носить название шотта Меруантъ. Онъ соединенъ съ шоттомъ Мельгигъ въ собственномъ смыслѣ лишь узкимъ проливомъ и развѣтвляется къ востоку на второстепенные себхи, которые увеличиваются или уменьшаются въ протяженіи, смотря по обилию дождевыхъ водъ и дѣятельности испаренія. Шоттъ Мельгигъ, сѣверный бассейнъ низменности, оканчивается на востокѣ шоттомъ Селлемъ, за которымъ слѣдуютъ нѣсколько другихъ шоттовъ, расположенныхъ по направленію съ сѣвера на югъ и отдѣленныхъ перешейкомъ отъ тунисской водной площади шотта Гарса. Послѣдній, въ свою очередь, отдѣленъ отъ Джерида лишь обширными себхами, простирающимися на востокѣ до Габесского перешейка; на окружности

Долина Уэдъ-Мія.

по теченію Игаргара, Міи и Рига; но пока еще наибольшая часть подземной воды остается безъ употребленія и теряется путемъ испаренія въ лощинахъ. Въ оазисѣ Уаргла измѣрили количество влаги, которую поглощаютъ корни пальмъ въ невидимомъ русль Міи: оказалось, что стокъ скрытой рѣки составляетъ немного больше кубического метра въ секунду¹⁾. Часто случается, что внутреннее давление жидкой массы разрываетъ потолокъ изъ гравія, прикрывающій подземное русло, и выступившая наружу вода разливается въ видѣ лужъ, тамъ, гдѣ передъ тѣмъ видѣли только песокъ. Въ другихъ мѣстахъ слой гравія вдругъ проваливается, и образуется естественный колодезь, спускающейся до нижней поверхности водъ.

Пріемный бассейнъ бывшихъ южныхъ рѣкъ

шоттовъ, длинныя долины, называемыя *шара*, или «улицы», разрѣзываютъ на мысы песчаный грунтъ²⁾). На первый взглядъ въ этой цѣпи впадинъ, слѣдующихъ одна за другою отъ запада къ востоку, между подземной дельтой уѣза Ригъ и заливомъ Габесь, казалось бы, всего естественнѣе видѣть остатокъ бывшаго лимана, черезъ который изливались воды большой африканской рѣки, и эту мысль развивали большинство географовъ²⁾), пока истинная форма рельефа въ этой части сѣверной Африки не была обнаружена изслѣдователями. Теперь извѣстно, что ни въ историческія времена, ни даже въ настоящемъ геологическомъ періодѣ воды Игаргара не текли въ тунисскихъ шот-

¹⁾ H. Duveyrier, „Bulletin de la Société de Géographie“, mars 1875.

²⁾ Vivien de Saint-Martin, „L'Afrique du Nord dans l'Antiquité“.

тахъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго и отъ моря двумя каменистыми порогами, гдѣ не видно никакого слѣда прежняго дѣйствія водь. При томъ же общій скатѣ почвы имѣть направленіе какъ разъ обратное тому, которое было бы необходимо для истеченія рѣки: наклонъ земель идетъ отъ морскаго побережья къ внутреннимъ озерамъ, и для того, чтобы потокъ спускался отъ шотта Мельгигъ къ заливу Габесъ, нужно было бы, чтобы вся эта область качательнымъ движеніемъ, въ родѣ коромысла вѣсовъ, перемѣнила покатость. Соли шоттовъ имѣютъ весьма разнообразный составъ, отличающійся отъ растворовъ морской воды, въ некоторыхъ мѣстахъ встрѣчается больше сѣрнокислаго натра, чѣмъ морской соли¹⁾; но есть также бассейны, покрытые соляной корой: шоттъ Гарса особенно замѣителенъ своими красивыми плитами, которыя туземцы племени немемша ломаютъ какъ камень. Эти бассейны никогда были озерами, воды которыхъ частію испарились, и гдѣ сухой климатъ сконцентрировалъ соли; окружающія ихъ четвертичныя формациіи содержать только наземныя или свойственные солоноватымъ водамъ ископаемыя.

Поверхность главнаго алжирскаго шотта и другихъ, окружающихъ его, солончаковыхъ котловинъ, лежитъ ниже уровня моря, какъ это установилъ впервые Вирле д'У (Virlet d'Aoust), въ 1845 г., и какъ это подтвердили барометрическія наблюденія Дюбока, въ 1849 г.; въ этой части сѣверной Африки, также какъ въ Палестинѣ, въ Абиссиніи, въ Триполи и даже во Франціи, на провансальскомъ озерѣ Лестома, наблюдается явленіе сильнаго испаренія, которое понижаетъ водную площасть внутреннихъ бассейновъ до уровня, лежащаго ниже поверхности соѣдніхъ морей²⁾. Констатировавъ тотъ фактъ, что Мельгигъ и окружающія его низменныя равнины лежатъ ниже уровня Средиземнаго моря, изслѣдователи алжирской Сахары полагали даже, что эта впадина, которую можно наводнить прорытыемъ восточнаго перешейка, простирается на огромныя пространства въ пустынѣ: «стоить только пробить Габесский порогъ,—говорилъ Шарль Мартенъ,—и Сахара опять сдѣляется моремъ, Балтикой Средиземнаго моря». Барометрическія измѣренія, произведенныя въ разныя времена, дали различные результаты, и вопросъ о протяженіи низменной области оставался нерешеннымъ; наконецъ, Рудеръ опредѣлилъ точнымъ образомъ высоту Мельгига,—сначала связавъ этотъ прудъ съ Бискрай геодезическими нивеллированіемъ, затѣмъ проверивъ

эти измѣренія другимъ нивеллированіемъ, обнимавшимъ весь рядъ шоттовъ, начиная отъ залива Габесъ. Самая низкая точка впадины, около западной части шотта Мельгигъ, находится на глубинѣ немного болѣе 31 метра, а средній уровень дна—на глубинѣ 24 метровъ. Шоттъ Гарса лежитъ метровъ на десять ниже воображаемой плоскости, составляющей продолженіе поверхности моря, и отдѣленъ отъ шотта Мельгигъ небольшимъ порогомъ. Что касается общей площади этой области, лежащей ниже уровня Средиземнаго моря, въ двухъ此刻 nазванныхъ шоттахъ, то она составляетъ всего только 8.200 квадратныхъ километровъ, слѣдовательно, меныше, чѣмъ многіе французскіе департаменты. Вотъ какъ ничтожно это пространство въ сравненіи со всѣмъ протяженіемъ Сахары, которую надѣялись было снова превратить во внутреннее море.

Проектъ этотъ, въ свое время сильно интересовавшій общественное мнѣніе, былъ впервые¹⁾ формально изложенъ Жоржемъ Лавинъ, въ 1869 г., то-есть въ то время, когда недостатокъ точныхъ нивеллировокъ позволялъ вѣрить, что легко будетъ «затопить Сахару». Эта идея, хорошо принятая, нашла въ лицѣ Рудера горячаго поборника, и проектъ созданія «Внутренняго моря» скоро былъ представленъ какъ дѣло, неуступающее по важности прорыту Сuezскаго и Панамскаго перешейковъ. Указывали на огромныя выгоды, которыми будутъ пользоваться Тунисъ и восточный Алжиръ, обладая морскимъ берегомъ на своей границѣ съ пустыней; видѣли въ будущемъ цѣлые флоты купеческихъ кораблей, плавающихъ по озеру и каналу, и цвѣтущіе торговые города, разсѣянные по ихъ берегамъ; предсказывали даже, что наполненіе бывшихъ, нынѣ высохшихъ, озеръ будетъ имѣть слѣдствіемъ пониженіе средней температуры, и что годовое испареніе, исчисленное отъ 6 до 10 миллиардовъ кубич. метровъ, дастъ матеріаль для образованія облаковъ, которыя будутъ падать въ видѣ дождей на склоны Джебель-Ауреса, снова наполнять водою высохшіе ручьи и рѣчки, и вернуть плодородіе нынѣ безплодныя мѣстностямъ, простирающимся вокругъ оазисовъ. Но осуществленіе подобныхъ надеждъ представляется мало вѣроятнымъ, и еще вопросъ, были ли бы берега алжирскаго внутренняго моря поставлены относительно дождей въ болѣе благопріятныя условія, чѣмъ берега Краснаго моря, омываемые, однако, почти постоянно влажной атмосферой? Безъ сомнѣнія, всякая перемѣна въ распределеніи суши и воды должна повлечь за собою соотвѣтственное измѣненіе въ мѣстномъ климатѣ; но мы не знаемъ, насколько значительно было бы это

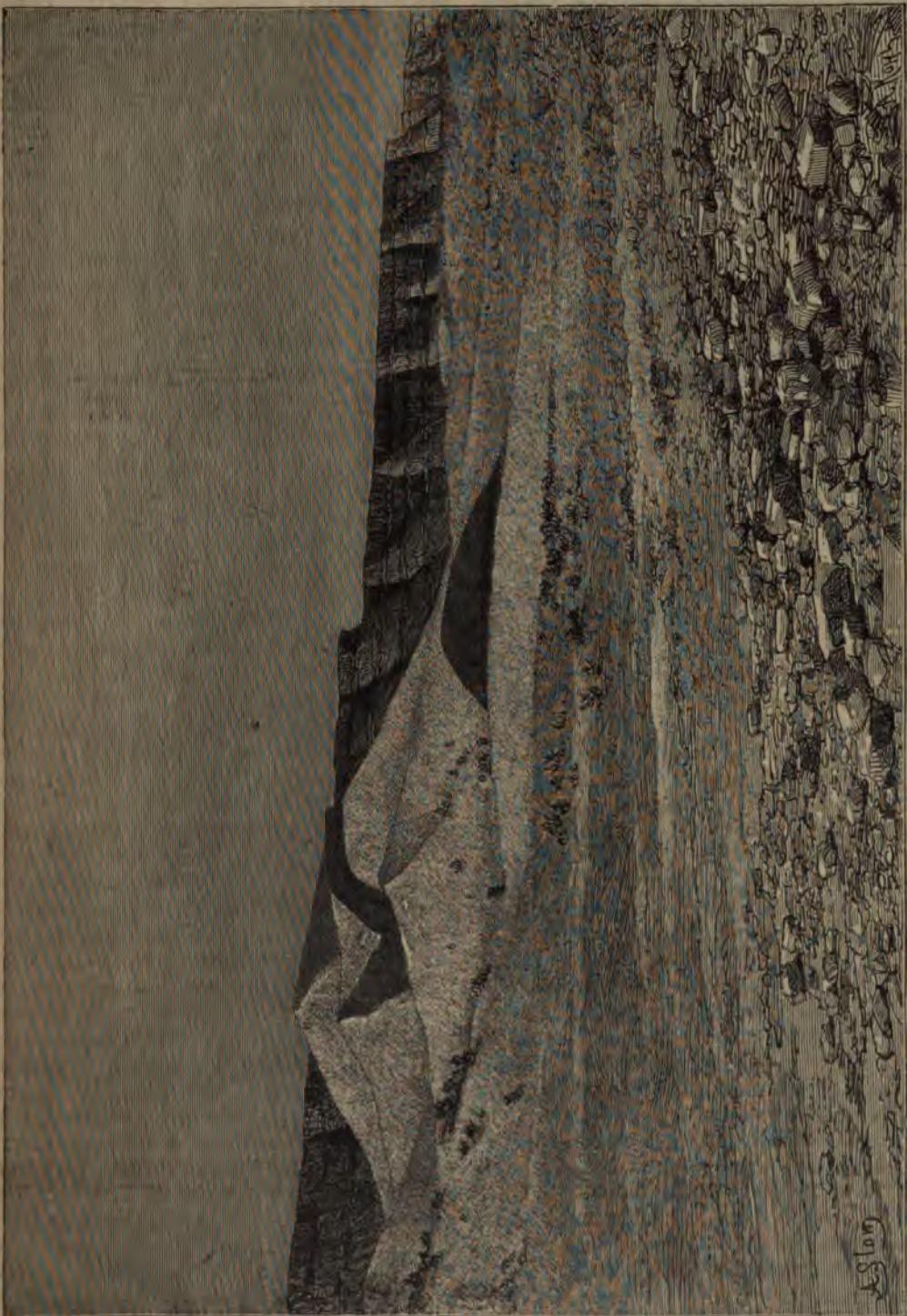
¹⁾ H. Le Chatelier, „La mer Saharienne“, „Revue Scientifique“, 1878.

²⁾ Pomet, „Le Sahara“;—Roland, „Comptes rendus de l'Académie des sciences“, 9 juin 1884.

¹⁾ „Percement de l'isthme de Gabès“, „Revue Moderne“ 25 novembre 1869.

измѣненіе, и не имѣло ли бы оно послѣдствій, невыгодныхъ для произрастанія пальмовыхъ плантаций и для здоровости воздуха¹⁾. Какъ бы то ни было, проектъ пришлось оставить въ

миссія, назначенная въ 1882 году для изслѣдованія этого предпріятія, исчислила въ миллиардъ слишкомъ франковъ сумму, необходимую для прорытія канала, проводящаго воды

Игаргароскія скалы

виду громадныхъ издержекъ, которыхъ потребовало бы его осуществленіе: специальная ко-

Средиземного моря, и никто, конечно, не рѣшился затратить такие капиталы на дѣло, польза котораго болѣе чѣмъ сомнительна. Для исполненія этой колоссальной работы нужно было вынуть нѣсколько сотъ миллионовъ

¹⁾ Cossin; — Doumet; — Adanson; — Rouire; — Rolland; — Letourneau, „Association fran莽aise pour l'avancement des sciences“, Congr莽s de Blois, 1884.

кубическихъ метровъ земли, копая черезъ пески, болота и скалы путь длиною 180 километровъ, глубиною 14 метровъ и шириной 30 метровъ наверху, приносящій въ теченіе десяти лѣтъ, чтобы наполнить шотты и компенсировать испареніе, слишкомъ 700 кубическихъ метровъ воды въ секунду, то-есть почти вдвое больше того количества, которое катитъ Сена при устьѣ. Отъ этихъ проектовъ осталась цѣлая геологическая литература и больше глубокое ознакомленіе съ одною изъ интересныхъ областей планеты.

Есть, по крайней мѣрѣ, одно средство преобразованія алжирской Сахары, относительно котораго согласны геологи, и которое съ давнихъ поръ практикуется съ большимъ успѣхомъ. Средство это состоитъ въ томъ, чтобы отыскивать въ почвѣ пропавшія воды, выводить ихъ на поверхность и утилизировать для расширенія существующихъ оазисовъ или сооружанія новыхъ. Съ незапамятныхъ временъ сахарцы поддерживаютъ свои источники съ величайшею заботливостью, и когда вода въ нихъ начинаетъ уменьшаться, они роютъ землю, чтобы перехватить струйку, такъ, чтобы не пропадала ни одна капля. Тѣмъ не менѣе, бываютъ случаи, что ключи изсякаютъ совершенно, и встрѣчается немаломѣстъ, носящихъ имя Айнъ-Мита, или «Мертвый ключъ», имя, которое напоминаетъ побѣду песковъ надъ плодовитою водою оазисовъ. Въ вѣчной борьбѣ стихій, непрерывно видоизменяющей поверхность земного шара, пустыни не переставали распространяться въ сахарской области; во многихъ мѣстахъ впадины, нѣкогда наполненные водою, какъ о томъ свидѣтельствуютъ старые берега, нынѣ лишены всякой видимой влаги; бьющіе ключи, которые племя бени-мзабъ находило въ своихъ скалистыхъ циркахъ, исчезли¹⁾; слѣды земледѣлія, остатки построекъ, каналы, занесенные пескомъ, встրѣчаются въ мѣстностяхъ, гдѣ теперь не растетъ ни одна былинка, и тѣ не существуетъ другихъ жилищъ, кроме палатокъ кочевниковъ²⁾; даже въ наши дни бывали примѣры, что исчезали «живые» пруды, и прибрежные жители должны были покидать свои пальмы, оставляя ихъ въ жертву дюнамъ, которая мало-по-малу погребаютъ деревья подъ своими желтоватыми волнами³⁾. Мѣстная фауна доказываетъ, что климатъ сталъ суще: подъ камнями натуралистъ находитъ остатки тѣхъ маленькихъ организмовъ, которые развиваются въ сырой землѣ. Съ постепеннымъ высыханіемъ почвы исчезли эти организмы⁴⁾.

Но сахарцы со временъ глубокой древности вступили въ борьбу съ климатомъ и трудятся

надъ тѣмъ, чтобы «воскресить землю», снова заставить цвѣсти безплодную почву. Гораздо раньше, чѣмъ начали бурить артезианскіе колодцы во французской провинціи Артуа, ихъ уже копали въ Сѣверной Африкѣ. Туземецъ приписываетъ созданіе бывающихъ фонтаномъ ключей миѳическому государю первыхъ вѣковъ, Ду'ль-Корнеину, «Двурогому» князю, котораго легенда часто смѣшиваетъ съ Александромъ Великимъ, называвшимъ себя сыномъ Юпитера Амона. Въ первые вѣка Ду'ль-Корнеинъ пробивалъ камень землянымъ буравомъ, чтобы извести изъ почвы новые ключи; ибо онъ знаетъ «источникъ жизни»; онъ бессмертенъ, «вѣчно зеленъ», какъ оазисъ, который вызванъ имъ къ жизни. Но онъ не является болѣе людямъ пустыни, и начатое имъ дѣло было продолжаемо лишь потомками его первыхъ учениковъ, составляющими особую корпорацію *гетасовъ*, или водолазовъ. При добровольномъ и безвозмездномъ содѣйствіи всего племени, эти копатели колодцевъ выбирали мѣсто, гдѣ, по ихъ соображеніямъ, должна быть подземная вода, и покуривъ немногого ладономъ въ честь духовъ нижняго моря, вырывали поверхностный водоемъ и цилиндрическую яму, гдѣ скопляются испорченныя воды подпочвы. Затѣмъ, обвязавъ себя веревками изъ пальмовыхъ волоконъ, они спускались на дно колодца, наполнили тамъ взятая съ собою корзины изъ пальмовыхъ листьевъ землей, пескомъ, каменными обломками, смотря по свойству земныхъ пластовъ, и укрѣпляли обваливающіяся стѣнки колодца срубомъ изъ пальмовыхъ досокъ; такимъ образомъ они постепенно спускались до глубины 50, 60 и даже иногда 75 метровъ, до послѣдняго слоя, обыкновенно состоящаго изъ твердаго камня. Если вода, теченіе которой они слышали подъ собой, пробивала каменную покрышку черезъ какую-нибудь боковую трещину, они рисковали быть поглощенными внезапно; но обыкновенно они предвидѣли опасность и во-время давали знакъ, чтобы ихъ подняли на веревкахъ, пробивъ предварительно камень послѣднимъ ударомъ заступа или тяжелой массой, брошенной сверху. Бербруггеръ увѣряетъ, что сахарскіе водолазы, какъ ему не разъ самому случалось видѣть, могутъ оставаться подъ водой болѣе пяти минутъ: два раза продолжительность вырытия доходила даже до 5 минутъ 55 секундъ. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи черные фонтанщики Сахары далеко превосходятъ барейнскихъ, цейлонскихъ и панамскихъ искателей жемчуга; впрочемъ, нужно принять въ разсчетъ разницу вѣса между соленою и прѣсною водою. Гетасы курятъ коноплю и тщательно нагреваютъ себѣ все тѣло, прежде чѣмъ предпринять свое писхожденіе въ недра земли, а уши затыкаютъ ватой, пропитанной козырьмъ жиромъ; по возвращеніи со дна колодца, ихъ

¹⁾ A. Coupe, „Revue Africaine“, 1879.

²⁾ E. Masqueray, „Revue Africaine“, 1879.

³⁾ A. Bergbragger, „Les puits artisaniens“; Largeau.

⁴⁾ Letourneau, рукописный замѣтки.

завертывают въ одѣяло, чтобы согрѣть: впрочемъ, они скоро умираютъ, по большей части въ чахоткѣ^{1).}

Артезианскіе колодцы, вырыты туземными водолазами, были не долговѣчны. Нѣкоторые изъяли лѣтъ черезъ пять; другіе продолжали существовать до восьмидесяти или даже до ста лѣтъ, но и тутъ приходилось приступать къ реставраціи или даже къ новому буренію, по причинѣ порчи крѣпленія или обшивки, обвали стѣнокъ, смышенія живой воды съ испорченной. Наука измѣнила пріемы, преподанные «двугоримъ» царемъ, и съ 1856 года пальмовая корзина ныряльщиковъ замѣнены бурами и другими европейскими машинами, за исключениемъ области, подвластной темасинскимъ марабутамъ, гдѣ гетасы все еще продолжаютъ работать за скромное вознагражденіе, но поддерживаемые надеждой пріобщиться къ радостямъ рая^{2).} Не спускаясь въ буровой колодезь, инженеръ Жюль достигъ, на глубинѣ 60 метровъ, Бахръ-Тахтани, или «Подземного моря», текущаго подъ высокими ложемъ уѣда Ригъ, и жители оазиса Тамерна (съ сѣверу отъ Тугурта) съ радостнымъ удивленіемъ увидѣли живой источникъ, бьющей съ кипѣніемъ изъ отверстія почвы и выбрасывающей около 67 литровъ воды въ секунду,—источникъ, который сейчасъ же вырылъ себѣ русло въ пескѣ и образовалъ рѣчку. Этотъ фонтанъ получилъ отъ марабутовъ название «Источника мира», въ память договора о дружбѣ, заключенной съ этого времени между сахарцами и французами, творцами живыхъ водъ; матери купали въ этихъ водахъ своихъ дѣтей, чтобы принести имъ счастье. Французы, говорили туземцы, отыскали «буравъ двугораго царя, ключъ къ подземнымъ водамъ, спрятанный волшебниками^{3).} Французскіе колодцы оказались долговѣчнѣе колодцевъ гатесовъ, но и они съ течениемъ времени заносятся пескомъ, такъ что инженеры должны были производить расчистку.

Со времени этого первого вызова подземныхъ водъ выкопано болѣе сотни артезианскихъ колодцевъ въ гидрологическомъ бассейнѣ Мельгига, и постоянно бурятъ новые; одинъ изъ нихъ, въ эль-Файдѣ (Зибанѣ), спускается на 156 метровъ отъ поверхности, но вода его не достигаетъ отверстія. Колодцы, вырыты въ періодъ времени съ 1856 по 1883 г., въ южной части провинціи Константины, представляютъ общую глубину 24.190 метровъ и даютъ вмѣстѣ 3.468 литровъ въ секунду, или около 110 миллионовъ кубическихъ литровъ въ годъ^{4).} Изъ всѣхъ артезиан-

скихъ колодцевъ, выкопанныхъ до 1884 года, наибольшее количество воды выбрасываетъ колодезь, пробуренный въ оазисѣ Сиди-Амранъ, въ уѣздѣ Ригъ, къ сѣверу отъ Тугурта: онъ даетъ цѣлый гектолитръ (слишкомъ 8 ведеръ) въ секунду. Въ среднемъ, глубина колодцевъ 70 метровъ, а температура выбрасываемой воды отъ 18 до 26 градусовъ Цельсія; она повышается на одинъ градусъ на каждые 20 метровъ буренія.

Уэдъ Ригъ въ 1856 и 1880 годахъ:

	1856 г.	1880 г.
Число оазисовъ . . .	31	38
колодцевъ . . .	282	434
Объемъ даваемой воды въ литрахъ, въ секунду	883	1.200 (?)
Число пальмъ	360.000	518.000
другихъ плодовыхъ деревьевъ . . .	40.000	90.000
Цѣнность культуры	1.660.000 фр.	5.550.500 фран.
Жителей	6.772	12.827 ^{1).}

Иногда бывали рѣзкія измѣненія въ количествѣ выбрасываемой воды, даже внезапныя остановки дѣйствія фонтановъ. Въ 1862 г., въ Годиѣ, подземное потрясеніе, происшедшее вслѣдствіе бури, прекратило истеченіе двухъ колодцевъ и уменьшило на половину истеченіе третьаго.

Благодаря увеличенію ирригационной воды, число пальмъ, расширявшихъ протяженіе оазисовъ, превзошло цифру 250.000; Роланъ однѣй насадилъ 40.000 пальмъ вокругъ живыхъ водъ, изведенныхъ имъ изъ нѣдра земли; число другихъ фруктовыхъ деревьевъ почти удвоилось; въ такой же пропорціи возрасли другія культуры оазисовъ; даже введены нѣкоторыя новыя растенія въ садахъ; выстроились новыя деревни подъ пальмами, и населеніе Нуара удвоилось; дуары кочевыхъ племенъ превратились въ постоянныя селенія, расположенные около источника въ новомъ оазисѣ^{2).} Недалеко отъ времени, когда сравнительное изученіе артезианскихъ колодцевъ позволить измѣрить общій расходъ рѣки, текущей въ нѣдрахъ земли, начертить точную ся карту со всѣми притоками и развѣтвленіями и вычислить ея производительную силу въ растительности и, следовательно, въ человѣческихъ жизняхъ^{3).} Пріемы буренія могутъ быть примѣнены также во многихъ мѣстахъ къ разысканію горячихъ и минеральныхъ водъ, и такимъ образомъ увеличить и безъ того уже значительное богатство Алжиріи въ источникахъ, употребляемыхъ успѣхомъ для лѣчевія болѣзней. Возможно даже, что подземная вода рано или поздно

¹⁾ Jus, „Les oasis de l'oued Rir en 1856 et en 1880“.

²⁾ Jules Duval, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, février 1867.

³⁾ Rolland, рукописная замѣтка;—Fau et Poureau, „Paris, Biskra-Tougourt“.

¹⁾ Ch. Laurent, „Mémoires de l'a Société des Ingénieurs civils“, 20 juin 1856.

²⁾ Lambert, рукописная замѣтка.

³⁾ Maite-Brun, „Annales des Voyages“, 1856, № XI.

⁴⁾ Jus, „Rapport sur les travaux de Sondage“.

будут служить для целей рыболовства, такъ какъ во многихъ колодцахъ водится множество маленькихъ рыбокъ, принадлежащихъ къ пяти видамъ родовъ *Chromis*, *Hemichromis* и *Cyprinodon*; колодцы въ Уранѣ, Мазерѣ и Сиди-Амранѣ выбрасывали, вмѣстѣ съ водою, рыбъ, раковъ, прѣноводныхъ моллюсковъ¹⁾. Подобное же явленіе было наблюдаемо Айномъ въ колодцахъ египетскихъ оазисовъ, также какъ во Франціи въ одномъ бьющемъ изъ земли ключѣ Эльбера²⁾.

На высокихъ плоскогорьяхъ и на средиземной покатости Алжиріи французы тоже бурили почву во многихъ мѣстахъ, разыскивая артезіанская водные площади. Такіе колодцы были вырыты близь Батны, въ низменностяхъ Годны, на высокихъ плато, особенно вдоль большой дороги между Алжиромъ и Лагутомъ; но количество дождей такъ ничтожно въ этихъ областяхъ, и протяженіе приемныхъ бассейновъ такъ мало, что экономические результаты этихъ буреній не могутъ имѣть большой важности. На средиземной покатости Телля выгоды, по всей вѣроятности, будутъ значительныѣ, въ виду обилия воды, составляющей подземную рѣку и текущихъ въ глубокихъ слояхъ ниже уровня Средиземного моря. Съ 1844 года начали копать первый артезіанский колодезь въ Оранской равнинѣ, но попытка оказалась безуспѣшною, хотя буреніе было доведено до глубины 593 метровъ³⁾; впослѣдствіи, однако, копатели были болѣе счастливы въ своихъ поискахъ: такъ, на покатости Телля удалось вывести на поверхность воды бассейна Гарраша, питавшія нынѣ городъ Алжиръ, и воды, которыхъ прежде пропадали безъ пользы въ заливѣ, гдѣ они были подводными ключами на глубинѣ 70 метровъ подъ поверхностью моря; эти послѣдніе воды орошаютъ теперь сады Гуссейнъ-дея. Бассейнъ Сейбузы, получающій, въ среднемъ, большее количество воды, чѣмъ сколько выпадаетъ во французской территоріи, былъ бы, по мнѣнію Тиссо, наиболѣе благопріятною областью для буренія артезіанскихъ колодцевъ.

Но одновременно съ этимъ дорого-стоющими разысканіемъ подземныхъ водъ, для орошения почвы, полезно было бы действовать съ тою же цѣлью и въ другомъ направлениі, именно—не давать пропадать поверхностнымъ водамъ, которыхъ теперь изливаются въ овраги и уэды и уходятъ въ пески и трещины почвы. Для успешнаго веденія гидравлическаго хозяйства страны, необходимо, чтобы дождевая вода была утилизируема по возможности немедлен-

но послѣ ся выпаденія, дабы атмосферная влага не возвращалась назадъ въ воздушное пространство путемъ испаренія, или не исчезала въ трещинахъ почвы. Для достижениія этой цѣли, нужно задерживать дождевую воду въ выложенныхъ камнемъ цистернахъ, по-всюду, гдѣ рельефъ мѣстности представляетъ подходящія условія для постройки такихъ резервуаровъ, и употреблять воду ключей непосредственно по выходѣ ея на поверхность земли и вдоль первоначальныхъ ручьевъ. Безчисленные остатки маленькихъ водоотводныхъ запрудъ, сохранившіяся на высокихъ плато востока и въ горахъ Джебель-Ауреса, доказываютъ, что римскіе колонисты тщательно утилизировали воды въ верхнихъ частяхъ каждого бассейна, не давая пропадать ни одной каплѣ драгоценной стихіи: почва покрывалась дерномъ и укрѣплялась, вода не вырывала овраговъ, края плоскогорій не обваливались. По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей⁴⁾, Алжирія и въ наше время получаетъ то же количество дождей, какое получала двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, климатъ ея не сдѣлался суще, и возрастающее безводіе происходитъ единственно отъ того, что позволяютъ водамъ убѣгать безполезно изъ мѣста паденія и застаиваться въ падахъ въ видѣ болотъ, въ то время, какъ между рѣчными бассейнами простираются обширныя пространства, справедливо прозванныя бледъ-эль-Аштенъ, или «страшной Жажды».

Эта гипотеза не оправдывается перемѣнами флоры и фауны въ Алжирской Сахарѣ: не подлежитъ сомнѣнію, что дожди дѣйствительно уменьшились въ Магребѣ, но если климатъ сталъ суще, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ заботиться о возможно лучшемъ употребленіи воды, чего нѣтъ въ дѣйствительности. Французскіе колонисты, пришедшие изъ страны, гдѣ рѣчные воды почти повсюду существуютъ въ изобилии, прежде всего принялись задерживать воды потоковъ, при помощи запрудъ; при томъ же они начали селиться въ нижней части долинъ и въ равнинахъ, какъ Митиджа, и предпринимаемыя ими работы по сбереженію водъ имѣли чисто мѣстный характеръ, производились безъ всякаго общаго плана. Съ 1851 года построили первую запруду въ ущельяхъ Мерада, выше Маренго, въ западной Митиджѣ; затѣмъ возвели въ бассейнѣ Макты огромныя задерживательныя плотины на рѣкахъ Сигъ и Габра. Уже много лѣтъ работаютъ надъ устройствомъ другой запруды, поперегъ рѣки Гамизъ, къ юго-востоку отъ Алжира. Подобныя же сооруженія возводятся въ бассейнѣ Шелифа, на его притокахъ и въ другихъ рѣкахъ Алжиріи. По проектамъ инже-

¹⁾ Jus;—Ville;—P. de Tchibatchef;—Rolland;—Lambert etc.

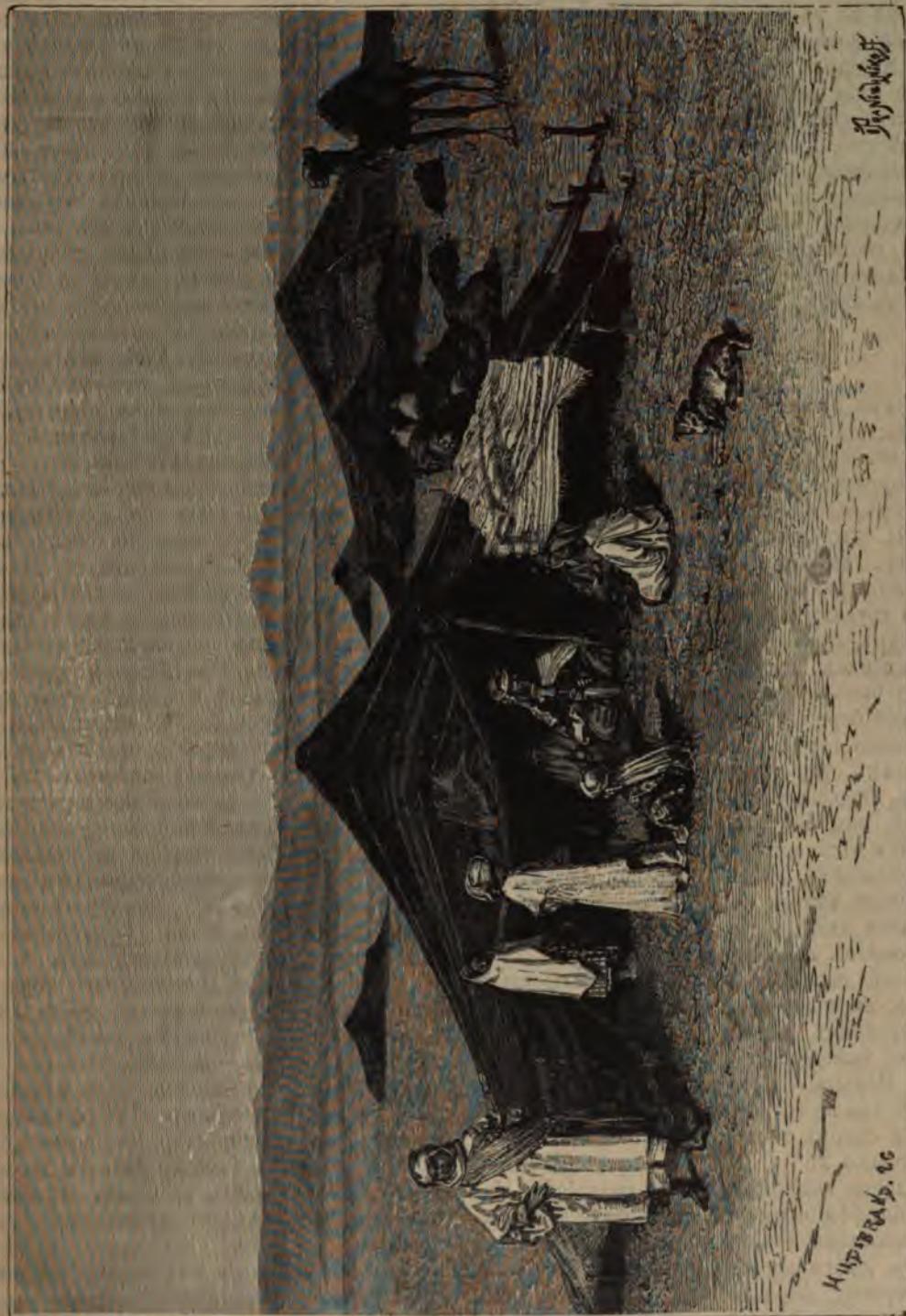
²⁾ A. Berbrugger, „Les puits artisens des oasis mѣridionales de l'Algérie“.

³⁾ Jules Duval, „Bulletin de la Societ  de G ographie de Paris“, f閅vr. 1876.

⁴⁾ Cosson, „Le projet de cr ation d'une mer dite int rieure. Congres de Biarritz“, 1884.

неровъ, настанет день, когда всѣ рѣки, берущія начало въ горахъ, будуть задерживаемы при выходѣ ихъ въ равнину, валомъ, который заставить воды течь по боковымъ каналамъ.

ливо пугается при видѣ этихъ колоссальныхъ плотинъ, длиной въ не сколько сотъ метровъ, высотой отъ 30 до 40 метровъ, за которыми жидкая масса въ 15, 20 или даже 30 миллио-

Кочевники въ сахарской степи.

Нѣкоторыя изъ воздвигнутыхъ уже стѣнь представляютъ собою достойные удивленія памятники человѣческаго искусства, какъ по своимъ размѣрамъ, такъ и по массѣ воды, которую они задерживаютъ; но зрителю спрашено-

новъ кубическихъ метровъ виситъ надъ полями и селеніями, грозя залить ихъ при малѣйшей трещинѣ, могущей образоваться въ каменной кладкѣ. И дѣйствительно, два главныхъ резервуара на Сигѣ и Габрѣ разъ уже уничто-

жили противопоставленную имъ преграду и страшнымъ потокомъ хлынули въ равнину, опустошая сады и посѣвы, сметая жилища. Катастрофа этого рода неминуемо должна разразиться рано или поздно, когда резервуаръ устроенъ не въ боковой долинѣ притока, а въ большой долинѣ, по которой течетъ главная рѣка; тогда невозможно вычислить съ точностью силу водь, которая на далекое пространство распространять свое разрушительное дѣйствие, разрывая пески, перемѣщая глины, подтачивая фундаменты домовъ. Вѣдьстія, причиняемыя разрывами плотинъ, отчасти вознаграждаются обновлениемъ аллювіальныхъ земель, составляющихъ верхній слой равнинъ. Рѣчные наводненія миллионами тоннъ отлагаются на своихъ берегахъ землистые наносы.

IV.

Различія климата соотвѣтствуютъ различіямъ рельефа, географической широты, положенія мѣста относительно странъ свѣта. Каждая полоса территоріи—морское прибрежье, краевая цѣнь горъ, плоская возвышенность, южная покатость, пустыня—имѣютъ свой особенный климатъ, гдѣ разнообразно переплетаются измѣнчивыя кривыя температуръ, влажности воздуха и другихъ метеорологическихъ явлений.

Алжиръ, лежацій около средины сѣверного берега страны, противъ побережья Прованса, можетъ быть рассматриваемъ какъ представитель всей береговой области; къ тому же климатъ этого города лучше изученъ, благодаря ресурсамъ существующихъ тамъ ученыхъ обществъ. Въ общемъ, это климатъ мягкой и умѣренной, подобно климату большинства приморскихъ мѣстностей, въ сравненіи съ внутренними областями, но онъ довольно измѣнчивъ, по причинѣ рѣзкой перемѣнѣ вѣтровъ, различающихся одинъ отъ другого температурой, содержаніемъ водяного пара, степенью электрической напряженности. По наблюденіямъ Бюлара, произведеннымъ на высотѣ 217 мѣтровъ надъ уровнемъ моря, средняя температура Алжира, выведенная за три года, оказалась $18^{\circ}27$ Цельсія. Въ самомъ холодномъ мѣсяцѣ, январѣ, она не спускается ниже $12^{\circ}20$, тогда какъ въ самомъ тепломъ, августѣ, она достигаетъ только $25^{\circ}54$: разница, слѣдовательно, составляетъ немного болѣе 13 градусовъ. Наблюденія офиціальной метеорологической службы, установленной въ сорока-четырехъ станціяхъ Алжира, даютъ цифры несолько отличныя, вычисленныя, впрочемъ, для другаго периода.

Обычное дѣленіе года на четыре времена не примѣнимо къ Алжиру: тамъ бываетъ только два рѣзко отличающихся периода: сырой и умѣренный сезонъ, начинающійся въ сентябрѣ, вообще между 12 и 20 числами, и оканчивающійся обыкновенно около конца мая, и жаркій

и сухой сезонъ, продолжающійся только отъ трехъ до четырехъ мѣсяцевъ, съ июня по сентябрь¹⁾. Въ юлѣ дожди такъ рѣдки, что ихъ можно считать явленіемъ совершенно аномальнымъ; средняя изъ двадцатилѣтнихъ наблюдений даетъ для этого мѣсяца всего только одинъ миллиметръ дождя; въ августѣ иногда случается, но и то очень рѣдко, что гроза прерываетъ ясную погоду, а около половины сентября опять начинаются правильные дожди, освѣжающіе почву. Тогда наступаетъ вторая «весна», или «нижняя», какъ ее обыкновенно называютъ колонисты, понимая это слово въ смыслѣ обновленія растительности: земля, изсушеннная лѣтними жарами, опять покрывается, съ наступленіемъ дождей, темною зеленою газономъ, вѣжными оттѣнками новыхъ побѣговъ, прелестными цветами поздняго времени года. Первая, или «верхняя», весна—это та пора года, которая слѣдуетъ за зимними, не очень суровыми, холодами, и которая убираетъ безчисленными цветами всѣ кустарники: боярышникъ, дрокъ, ладонникъ, вѣнчикъ²⁾.

Положеніе Алжира, на берегу, открытомъ вѣтрамъ съ моря, даетъ анемометрическому режиму капитальное влияніе въ распределеніи теплоты, влажности, атмосфернаго давленія; вѣтеръ здѣсь свободно дуетъ со всѣхъ сторонъ, даже со стороны материка, гдѣ массивъ Сахеля замедляетъ его движеніе, не измѣняя чувствительно направленія. Но дѣйствіе вѣтровъ ослабляется этой преградой, и сила ихъ рѣдко превышаетъ размѣры бури. Горячіе вѣтры юга, известные подъ именемъ широкко, освѣжаются сосѣствомъ моря и получаютъ значительную долю водяного пара; продолженіе восьми или девяти мѣсяцевъ сырого времени года средняя температура для южныхъ вѣтровъ не превышаетъ 23 градусовъ, а содержаніе пара или влажность воздуха составляетъ 50%. Съ другой стороны, вѣтры, дующіе съ сѣвера, сѣверо-запада, сѣверо-востока, нагреваются при проходѣ надъ обширной площадью Средиземнаго моря: температура ихъ, въ среднемъ, отъ 10 до 13 градусовъ; они тоже содержать большое количество водяного пара,—меньше, однако, чѣмъ западный вѣтеръ, приходящій съ Атлантическаго океана и проникающій въ средиземный бассейнъ черезъ Гибралтарскій проливъ³⁾. Во время грозъ часто слышны раскаты грома, по молнии рѣдко упадающіе на города прибрежья, словно вершины Атласа служатъ имъ громоотводомъ.

Алжирія вся лежитъ виѣ пояса правильныхъ вѣтровъ: на морскомъ берегу атмосферныя течения, почти всегда находящіяся въ состояніи неустойчиваго равновѣсія, повидимому, не подчинены никакому закону,—такъ измѣнчиво

¹⁾ Bolard, „Notice sur le climat d'Alger“.

²⁾ Paul Blanl, „Vie des colons en Algérie“.

³⁾ Bolard, питирован. земуаръ.

ихъ направлениe. Замѣчено, однако, что восточные и юго-восточные вѣтры относительно рѣдки и составляютъ лишь переходныя движения между воздушными потоками, принадлежащими къ нормальному порядку пассатовъ и контрапассатовъ. Что касается вѣтровъ, распространяющихся отъ запада къ востоку, то они дуютъ очень часто и происходятъ вслѣдствіе притяженія, оказываемаго относительно теплыми областями сѣверной Африки на болѣе свѣжій воздухъ атлантическихъ пространствъ. Но въ общемъ вѣтры довольно неопределены: то одинъ преобладаетъ, то другой, и при томъ непродолжительное время; часто устанавливается полное затишье въ атмосфѣрѣ¹⁾; явленіе вращенія вѣтровъ, въ направленіи отъ востока къ западу черезъ югъ и отъ запада къ востоку черезъ сѣверъ, совершается въ Алжирѣ съ гораздо большею правильностью, чѣмъ въ западной Европѣ²⁾. Обыкновенно воздушный ритмъ указывается не столько общими вѣтрами, сколько чередующимися бризами. Во все продолженіе лучшаго времени года и даже зимой, при безоблачномъ небѣ, легкая морская и не менѣе мягкая материковая бризы слѣдуютъ одна за другой въ правильномъ порядке; днемъ свѣжій воздухъ моря направляется къ твердой землѣ, палимой солнцемъ, ночью охлаждившися воздушные слои текутъ обратно къ морю; обыкновенно въ десять часовъ утра и въ одиннадцать часовъ вечера происходитъ перемѣна этихъ атмосферныхъ течений, впрочемъ, очень часто раздѣленныхъ періодами затишья. Эти солнечныя бризы не распространяются далеко внутрь материка, кромѣ тѣхъ мѣстъ, где долины открываются широко и съ однообразнымъ скатомъ въ южномъ направленіи. Но въ равнинахъ, параллельныхъ морю и отдѣленныхъ отъ него массивами холмовъ, воздухъ застаивается, не освѣжаемый ни морскою, ни материковою бризю. Указываютъ особенно на равнины по течению Шелифа, какъ на одну изъ такихъ мѣстностей, где атмосфера не обновляется и где лѣтомъ жара невыносимая. Въ Орлеансвиль температура доходитъ до 43° въ тѣни; въ нѣкоторыхъ внутреннихъ оврагахъ, между Ораномъ и Аинъ-Темушентомъ, войска никогда не проходили безъ того, чтобы не потерять нѣсколькихъ человѣкъ; словно въ жарко натопленную печь вступаешь въ эти ущелья безъ тѣни, где раскаленная атмосфера заставляетъ термометръ подниматься до 55 градусовъ³⁾.

Суточныя измѣненія температуры весьма значительны, вслѣдствіе лучеиспусканія. Тогда какъ днемъ термометръ на солнцѣ поднимаетъ свой столбикъ ртути до 56° Цельсія, онъ по-

¹⁾ Aimé, „Recherches de physique g  n  rale sur la M  diterran  e“;—Pauly, „Esquisses de climatologie compar  e“.

²⁾ Ch. Simon, „Revue Africaine“, mars 1861, № 26.

³⁾ A. Martin, „Manuel d’hygi  ne en Alg  rie“.

казываетъ не болѣе двадцати градусовъ въ самыя теплые ночи, такъ что разность наибольшей и наименьшей температуры въ періодъ 24 часовъ составляетъ отъ 30 до 36 градусовъ. Слѣдствіемъ этого является значительное стущеніе водяного пара: роса очень обильна на побережье и туманы часты, хотя иностранцы, привыкшіе поздно вставать, могутъ долго жить въ Алжирѣ, не зная о постоянномъ, почти ежедневномъ, появленіи этихъ ночныхъ тумановъ; обыкновенно между двумя и четырьмя часами утра пары стелются по землѣ густыми слоями, но въ восходѣ солнца они разрываются, ползутъ облаками вокругъ мысовъ и исчезаютъ въ нагрѣвшемся воздухѣ¹⁾). Дожди тоже болѣе обильны, чѣмъ можно бы было думать, судя по нѣкоторымъ описаніямъ: всѣ вѣтры, даже южные и восточные, приносятъ дожди; но хотя вѣтеръ, дующій съ запада, самый влажный, но онъ, однако, изливается на землю наиболѣе значительное количество воды, ибо онъ движется параллельно берегу, удираясь лишь о выступающіе мысы. Самые сильные ливни приносятся сѣверо-западнымъ вѣтромъ, который составляетъ продолженіе провансскаго мистраля и разбиваетъ свою силу о береговыя горы; самые страшныя бури тоже приходятъ съ сѣверо-запада и съ сѣвера: вѣтеръ, дующій съ Балеарскихъ острововъ, заслужилъ у алжирскихъ моряковъ прозвище «маоркскаго плотника», по причинѣ обломковъ разбитыхъ судовъ, которыми онъ усеиваетъ море. Общее количество дождя, выпадающее на восточные берега Алжирѣ, колеблется, смотря по годамъ, между 60 и 150 сантиметрами. На метеорологической обсерваторіи въ Алжирѣ годовая средняя за одиннадцать лѣтъ, съ 1862 по 1873 годъ, достигала 935 миллиметровъ,—пропорція влажности, далеко превосходящая количество атмосферныхъ осадковъ во Франціи, взятой въ цѣломъ; общая продолжительность дождя надъ городомъ Алжиромъ въ теченіе года всего только 310 часовъ, такъ что, слѣдовательно, каждый часъ паденія атмосферной влаги приносить 3 миллиметра, въ среднемъ²⁾). По направленію къ востоку влажность воздуха постепенно возрастаетъ до границы Туниса; въ Филиппиѣ, въ Бонѣ, въ Ла-Калле средняя годовая дождей больше, чѣмъ во Франціи, но они тамъ распределены гораздо болѣе неравномерно. Въ Оранской провинціи, омываемой слишкомъ узкимъ моремъ, где вѣтеръ, спустившійся съ безводныхъ горъ Картагены и Мурсіи, не успѣваетъ насытиться водянымъ паромъ, количество атмосферныхъ осадковъ меныше, а въ долинахъ, которые отдѣлены отъ Средиземнаго моря холмами, задерживающими облака на про-

¹⁾ Pauly, цитир. сочиненіе;—Villete, „Topographie m  diale de la Mitidj  “.

²⁾ Bulard, „Observations pluviom  triques“.

ходь, скать, удаленный от моря, почти со-
всемъ лишенъ воды; однако, замѣчено, что съ
половины текущаго столѣтія, какъ бы для воз-
становленія равновѣсія, дожди постепенно
увеличивались въ Оранской провинціи, тогда
какъ въ Алжирской они, наоборотъ, уменьша-
лись. Въ нижней долинѣ Шелифа, не получаю-
щей живительного воздуха морскихъ бризъ,
дожди тоже очень рѣдки; большия ливни бы-
ваютъ тамъ, среднимъ числомъ, лишь разъ въ
семь или восемь лѣтъ.

Средняя температуръ и дождей на алжир-
скомъ берегу:

	Самый холод- ный мѣсяцъ: январь.	Самый теплый мѣсяцъ: ав- густъ.	Годо- вые густы.	Дожди. миллім.
Оранъ.....	10°,9	23°,7	16°,6	306
Алжиръ....	14	23°,7	17°,8	697
Филиппвиль (14 лѣтъ).	—	—	17°,7	846
Ла-Калле..	13°,7	26°,5	18°,6	933

Для всего Телля, къ сѣверу отъ сахарской
зоны, средняя дождей составляетъ 550 милли-
метровъ ¹⁾.

Господствующа надъ городами прибрежья, холмы
и горы, возвышающіеся надъ поверхностью мор-
скихъ водъ, имѣютъ воздухъ болѣе свѣжий и
болѣе чистый, чѣмъ въ городахъ; каждая гора
имѣеть свой особенный климатъ, указываемый
разницей растительности. Безконечное разно-
образіе въ метеорологическихъ явленіяхъ,
благопріятныхъ или неблагопріятныхъ въ са-
нитарномъ отношеніи, дѣлаютъ изъ каждого
мѣста отдельный мірокъ, смотря по формѣ
рельефа, положенію склоновъ относительно
странъ горизонта, степени проницаемости гор-
ныхъ породъ для воды. Общий климатъ, подчи-
ненный правильнымъ законамъ, устанавливаетъ
ся опять на возвышенностяхъ внутри материка, гдѣ ровныя высоты сохраняются на
обширныхъ пространствахъ, гдѣ геологическая
природа почвы не представляетъ разнообразія.
На плоскогорьяхъ атмосферныя теченія рас-
пространяются такъ же свободно, какъ надъ
поверхностью моря, и, сообразно ихъ измѣненію,
чередуются холода и жары, періоды влажности
и засухи. На этихъ высокихъ равнинахъ раз-
ность между зимними и лѣтними температу-
рами гораздо значительна, чѣмъ на морскомъ
берегу. Тамъ нерѣдко бываютъ суровые холода,
которые кажутся тѣмъ чувствительнѣе, что они
сопровождаются сильными вѣтрами. Зимою
часто выпадаетъ снѣгъ, и бѣлая пелена зани-
маетъ иногда половину алжирской территории;
въ углубленіяхъ почвы сѣжные хлопья, на-
носимыя вѣтромъ, скапливаются огромными су-
гробами въ нѣсколько метровъ толщины; отря-
ды войска, когда имъ приходилось совершать
походъ черезъ снѣга, теряли больше, чѣмъ

одного изъ десятерыхъ отъ непривычной стужи.
Лѣтомъ жара, усиливаемая отраженіемъ солнечныхъ лучей отъ сѣйрой почвы, мѣстами отъ
крутыхъ обрывовъ и скалъ, очень велика, хотя
ее переносить довольно легко, благодаря су-
хости воздуха. Когда дуетъ широкко, этотъ
знойный вѣтеръ проникаетъ черезъ многочи-
сленные проломы южныхъ краевыхъ горъ и
распространяется по плоскогорью, не теряя
своей первоначальной силы. Но сѣверные дож-
девые вѣтры приходить туда уже утративъ
большую часть влажности, которую они несли,
такъ какъ склоны и вершины сѣверныхъ горъ
задерживаютъ дождевыя облака на проходѣ.
На побережье почти каждый день можно видѣть плавающія по небу облака, приносимыя
морскимъ вѣтромъ, но которыхъ постепенно
таютъ и разсѣиваются по мѣрѣ движенія къ
югу.

Средняя температуръ и дождей въ краевыхъ
горахъ и на плоскогорьяхъ Алжиріи:

	Темпера- тура ян- варя.	Темпера- тура ав- густа.	Средняя годовая дождь. миллім.
Горы: Тлем-			
сентъ.....	9°,2	26°	Ц. 16°,8 Ц. 524
Фортъ-Насио-			
наль.....	10°,1	27°	14°,2 982
Константина..	8°,5	26°,9	15°,2 408
Плоскогорья:			
Жеривиль...	7°,2	25°,3	14°,1 126
Джельфа.....	7°,2	27°,6	15°,2 176
Тебесса.....	8°,1	27°,7	15°,6 251

За краевыми горами, ограничивающими на
югѣ плоскія возвышенности, начинается Са-
хара, характеризуемая особыми климатиче-
скими явленіями. Тамъ обыкновенные вѣтры
тѣ, которые вращаются вмѣстѣ съ видимымъ
движеніемъ солнца, описывая каждый день
полный кругъ горизонта. Между этими малыми
мѣстными теченіями воздуха начинаетъ обра-
зовываться правильное движеніе сѣверо-восточ-
ныхъ пассатовъ; но за этимъ нормальнымъ по-
токомъ слѣдуетъ второстепенный противопо-
ложный потокъ, подобный водовороту рѣки,—
жгучій широкко, распространяющейся по пло-
скогорьямъ и до самого прибрежья ¹⁾). Такимъ
образомъ весь климатъ Алжиріи въ большей
части управляемъ явленіями вѣтровъ, которые
приходятъ изъ Сахары, принося сухой воздухъ.
Ночное охлажденіе, происходящее отъ лучепускания, весьма значительно; такъ, въ уади
Ригт случалось наблюдать температуру 3 градуса,
слѣдовавшую въ ночное время за днев-
ными жарами отъ 45 до 46 градусовъ. По раз-
сказамъ путешественниковъ, разность въ тем-
пературѣ Тугурта достигала 63 градусовъ,
отъ—7 до +56° Ц. Обильныя росы образу-
ются еще въ сѣверныхъ областяхъ Сахары

¹⁾ Reynard, „La Question forestière en Algérie“.

¹⁾ Griesbach, „Végétation du Globe“, trad. par Tchihatchef.

подъ вліяніемъ этого ночнаго холода; но дожди очень рѣдки: иногда они бываютъ представлены лишь крупными каплями, до такой степени насыщенными газомъ, что они разъѣдаются известковую скалу; термическая сжатія и расширение, дѣйствія вѣтровъ мало-по-малу обращаютъ въ пыль части скалы, на которыхъ ували дождевыя капли, и въ результатѣ получаются совершенно правильныя круглые отверстія, которыхъ прежде считали пробуренными рукою человѣка¹). Иногда проходитъ нѣсколько лѣтъ безъ того, чтобы выпалъ хоть одинъ порядочный дождь, о которомъ бы помнили туземцы; впрочемъ, наблюденія метеорологовъ позволяютъ исправить нѣсколько преувеличенныя показанія мѣстныхъ жителей: такъ, въ Бискрѣ, по наблюденіямъ Коломбо, средняя дождей за время съ 1878 по 1883 годъ составляла 77 миллиметровъ, а въ 1884 — годъ совершенно исключительный—общее выпаденіе атмосферныхъ осадковъ достигало 414 миллиметровъ, то есть почти въ шесть разъ превосходило нормальное количество (для опредѣленія климата Бискры, наблюденія того же изслѣдователя и за тотъ же періодъ времени, т. е. съ 1878 г., представляютъ слѣдующія данныя: крайній минимумъ температуры, въ декабрѣ 1879 г.: 4°,7; крайній максимумъ, въ августѣ 1879 г.: 42°,5; средняя годовая: 21°,9). Въ обыкновенные годы почти всегда ясно, и до самаго края горизонта предметы обрисовываются совершенно отчетливо: черныя пятна кустарника на отдаленныхъ дюнахъ, стада, группы шатровъ, арабы и верблюды, шагающіе въ пескахъ черныя точки, медленно движущіеся на сѣромъ фонѣ равнинъ,—все ясно представляется взорамъ въ безграницномъ пространствѣ пустыни. Даже прибрежная мѣстности Алжиріи, хотя въ меньшей степени, часто омываются этимъ свѣтлымъ, удивительно прозрачнымъ воздухомъ, который придаетъ столько прелести пейзажамъ, и о которомъ путешественникъ съ грустью вспоминаетъ, когда ёдетъ по туманнымъ странамъ сѣвера, съ ихъ узкими горизонтами. Сколько французовъ, покинувъ Алжиръ безъ мысли о возвратѣ, вернулись туда, однако, притягивае-ные этимъ чуднымъ мягкимъ свѣтомъ, который безъ ихъ вѣдома сдѣлся для нихъ потребностью!²)

V.

Алжирская флора, мало отличающаяся отъ флоры западнаго Туниса, между границею и мысомъ Бонъ представляетъ, однако, болѣе опредѣленныя дѣленія въ своихъ различныхъ областяхъ, по причинѣ преградъ, противопоставляемыхъ горами и плоскогорьями распро-

¹) Ch. Amat, „La Géologie du M'zab.“

²) Pauly, цитированное сочиненіе; — Fromentin, „Un Été dans le Sahara“; — Guy de Maupassant, „Au Soleil.“

страненію растеній. Въ прибрежной зонѣ и на сѣверной покатости краевыхъ горъ растительные виды, приносимые водами, вѣтрами, людьми, составляютъ самую многочисленную и самую богатую флору, благодаря разнообразію почвъ, положенія въ отношеніи странъ горизонта, мѣстныхъ климатовъ. Тамъ встрѣчаются еще лѣса, хотя пожары и варварская эксплоатациѣ сильно уменьшили ихъ протяженіе. Въ лощинахъ по берегамъ рекъ, осина, тополь, ясень, соединенные въ одинъ массивъ сѣтью ліанъ, образуютъ непроницаемыя чащи; на скатахъ горъ лѣса состоятъ преимущественно изъ алепской сосны (*pinus halepensis*), можжевельника и другихъ деревьевъ, принадлежащихъ къ семейству хвойныхъ. Различныя породы дуба — пробковый, *quercus mirbeckii* — также образуютъ большие лѣса, особенно въ восточныхъ частяхъ алжирскаго прибрежья. На вершинахъ растутъ кедры, простая разновидность ливанскааго, отъ котораго они отличаются только тѣмъ, что иглы у нихъ немного короче; впрочемъ, они еще больше похожи на кипрскій кедръ¹). Въ молодости или въ оврагахъ алжирскій кедръ часто принимаетъ пирамидальную форму, тогда какъ на скатахъ онъ широко раскидываетъ свои вѣтви въ видѣ короны; можно подумать, что это два разныхъ дерева²). Ботаники не указываютъ особыхъ древесныхъ породъ, свойственныхъ исключительно Алжиріи, но они встрѣчаются тамъ и съмъ заблудшихъ представителей отдаленныхъ флоръ. Такъ, въ сосѣднихъ съ Ла-Калле лѣсахъ сырая почва по берегамъ озера Эль-Гуть производить ольху, какую мы видимъ въ сырьихъ мѣстностяхъ Франціи; тамъ же встрѣчается крушина (*rhamnus frangula*), ничѣмъ не отличающаяся отъ растущей въ Бретаніи³). Въ сырьихъ и лѣсистыхъ горахъ Тлемсена ботаникъ Кремеръ открылъ одинъ древесный видъ, евфратскій тополь (*populus euphratica*), который встрѣчается только въ Марокко и въ Азіи, на берегахъ Йордана и Евфрата; такимъ образомъ двѣ половины области произрастанія этого дерева раздѣлены громаднымъ пространствомъ равнинъ, скаль и горъ, которое тянется черезъ все побережье Средиземного моря, отъ Суэзскаго залива до Оранской бухты⁴). Точно также дубъ съ листьями каштана (*quercus castaneaefolia*), который до сихъ поръ извѣстенъ былъ только на Кавказѣ, распространенъ между городами Ла-Калле и Бужи, въ горахъ Баборъ, где онъ образуетъ

¹) Joseph Hooker, „Journal of the Linnean Society“, vol XVII, 1880; — William Mathews, „The Flora of Algeria“.

²) Cosson, „Bulletin de la Société botanique de France“, s閑ance du 28 mars 1856; — Tissot, цитирован. сочиненіе.

³) Letourneux, рукописныя замѣтки.

⁴) Cosson, „R鑦e v鑒g茅tal en Alg鑦ie“ („Revue scientifique“, 21 juin 1879).

высокоственные лѣса, не уступающіе лучшимъ лѣсамъ Франціи¹⁾). Каштанъ встрѣчается въ дикомъ состояніи только на горѣ Эдугъ, близъ Бони. Вмѣшательство человѣка обогатило алжирскую флору многими другими древесными породами, происходящими изъ отдаленныхъ странъ: такъ, роши и шпалеры эвкалипта уже измѣнили видъ полей почти во всей сѣверной Алжиріи; къ сожалѣнію, не ограничились на-сажденіемъ этихъ деревъ въ сырыхъ земляхъ, требующихъ осушенія: ихъ разводятъ также во многихъ мѣстахъ на сухой почвѣ, которую они еще больше ухудшаютъ, лишая ее влаги, находящейся въ нижнихъ слояхъ.

Большинство алжирскихъ лѣсовъ усыпаны кустами, принимающими форму порослей, называемыхъ въ Корсикѣ *maki* (отъ итальянскаго *maccchia*, чащи деревцовъ, какъ лавръ, миртъ и пр.), чашей кустарника, характеризующихъ средиземную область растительности. Прежде это были настоящіе лѣса, какъ ихъ и теперь еще называютъ, и для того, чтобы они снова приняли свой лѣсной характеръ, достаточно было бы защитить ихъ отъ пожара и пастьбы скота. Лѣсъ повсюду обнаруживаетъ стремленіе разрастаться: вокругъ каждого кедра весною видны сотни молодыхъ побѣговъ; но проходящая корова разомъ уничтожаетъ нѣсколько будущихъ деревьевъ. Уже опустошенные римлянами, истребившими цѣлые лѣса въ поискахъ драгоценнаго *citrus*, жизненнаго дерева (*thuya articulata*), при которомъ такъ высоко цѣнились за ихъ красивые прожилки и волнистая полоски, лѣса Алжиріи, выросшие послѣ того на горахъ, теперь снова уничтожаются угольщиками и сидеральщиками коры: опустошители срубаютъ цѣлые деревья, чтобы вырѣзывать трости изъ ихъ вѣтвей. Въ настоящее время обширные «лѣса», простирающіеся на пространствѣ сотенъ квадр. километровъ, не содержать болѣе ни одного дерева: они представляютъ лишь низкій деревянинистый растенія и кустарники, высотою отъ одного до трехъ метровъ, каковы: мастиковое дерево, крушина, ююба, земляничное дерево, миртъ, верескъ; бобовыя, какъ, напримѣръ, шильникъ и испанскій дрокъ, тамъ такъ же многочисленны, какъ въ андалузскихъ чащахъ кустарника; встрѣчаются также пучки тансіи (*Thapsia garganica*), пользовавшейся нѣкогда такой славой въ Киренаїкѣ подъ именемъ сильфія (*silphium*), и очень цѣнной также алжирцами, которые называютъ ее *бунафа*, «отецъ полезнаго». Низкорослые пальмы, приводящія въ отчаяніе колонистовъ-распахивателей своими безконечно переплетающимися корнями, но волокна которыхъ употребляются въ иныхъ мѣстахъ для выѣлки корзинъ, веревокъ, ра-

стительного конскаго волоса, образуютъ почти одинъ обширный лѣсной чаци. Обыкновенно кустарникъ придаетъ горамъ Алжиріи печальный и монотонный видъ, онъ скрываетъ подъ своею курчавою растительностью чистый профиль холмовъ, подъ его однообразной пеленой исчезаютъ всѣ выступы, всѣ неровности рельефа почвы; но весною горы, покрытыя цвѣтующимъ дрокомъ, кажутся одѣтыми въ золотой плащъ. Степи тоже убраны цвѣтами, ослѣпительнымъ ковромъ, который скоро смѣняется сѣрымъ колоритомъ растеній, спаленныхъ солнцемъ: только очень немногіе изъ травянистыхъ видовъ выносятъ жару и сохраняютъ свою зелень въ продолженіе всего лѣта.

Изъ 2.964 видовъ, составляющихъ, по Коссону, алжирскую флору (2.993, по Мэттью), 1.537 специально средиземныхъ и 1.316 принадлежать къ испанской флорѣ; 896 схожи съ сицилійскими растеніями. Точные статистические данные позволяютъ констатировать аналогію растительности на алжирскомъ побережїи съ соответственными частями береговъ Европы. Такъ, средиземная область провинціи Константины своими растительными формами напоминаетъ въ особенности Сардинію, Сицилію, Италію и Мальту; флора Алжирской провинціи соответствуетъ фізіономіи растеній сѣверо-восточной Испаніи, Балеарскихъ острововъ, южной Франціи; флоры Орана и Мурсіи, разделенные лишь узкимъ рукавомъ моря, представляютъ большое сходство между собою. Въ алжирской флорѣ первое мѣсто занимаютъ сложноцвѣтныя, составляющія около восьмой части всей растительности; за ними следуютъ бобовые и злаки²⁾.

Выше береговой области и по ту сторону краевыхъ горъ растительность меняется, не столько по причинѣ измѣненія высоты надъ уровнемъ моря, сколько вслѣдствіе положенія мѣстности относительно странъ горизонта и содержанія въ воздухѣ водяного пара. Маслина, характеристическое плодовое дерево прибрежной области и горныхъ склоновъ, обращенныхъ къ Средиземному морю, не проникаетъ въ поясъ плоскихъ возвышенностей или, по крайней мѣрѣ, встречается тамъ лишь въ видѣ кустовъ; однако, она растетъ еще въ Джебель-Ауресѣ, на сахарской покатости этихъ горъ, и въ оазисахъ, лежащихъ у ихъ подошвы. Пробковый дубъ и алепская сосна исчезаютъ на той же высотѣ, какъ и оливковое дерево: дубъ *Quercus ilex* не показывается на склонахъ, омываемыхъ недостаточно влажнымъ воздухомъ; выше 1.600 метровъ не видно болѣе зеленыхъ дубовъ. Въ Джурджурѣ кедръ начинаетъ образовать цѣлые лѣса на различныхъ высотахъ, отъ 1.050 до 1.200 ме-

¹⁾ E. Cosson, «Itinéraire d'un voyage botanique en Algérie».

²⁾ Cosson, «Régne végétal en Algérie»; — Mathews, «Flora of Algeria».

тровъ, и поднимается по склонамъ выше, чѣмъ краевыхъ горъ растительность высотъ про-
другія древесныхъ породы; по мѣрѣ того, какъ поддается на плоскогорьяхъ авангардомъ съ-
поднимающающа въ гору, дубы постепенно исче- лыхъ деревьевъ: сосны, можжевельника и ясе-

Типы и костюмы: Ницій арабъ. Негритянка изъ Бискры. Женщина изъ Эль-Кантары.

заютъ на сѣверномъ склонѣ, а сосны—на юж-
номъ, уступая мѣсто кедрамъ¹⁾). Въ соѣдѣствѣ

иа; но ихъ приземистый, искривленный стволъ,
ихъ скудная растительность свидѣтельствуютъ
о трудности акклиматизаціи: они являются
какъ бы чужеземцами во враждебномъ имъ кли-

¹⁾ C. Devaux. „Les Kebaffles du Djerdjera“.

матѣ. Единственное дерево, встрѣчающееся на плоскогорьяхъ, вдали отъ горъ, и вполнѣ освоившееся съ этой средой сильныхъ вѣтровъ, сухаго воздуха и крайностей температуры, это—бетумъ, родъ терпентинного или фисташковаго дерева (*pistacia atlantica*), издали похожий на дубъ; онъ стоитъ одиноко и своею черною листвой прерываетъ однообразіе сѣроватой поверхности безконечной равнины. Нѣкоторые виды тамариска растутъ въ падахъ, на краю овраговъ, въ которыхъ бѣгутъ быстрыя воды послѣ таянья снѣговъ; по краямъ рѣдкихъ дагій, въ которыхъ сохраняется влажность впродолженіи вѣсколькихъ мѣсяцевъ, появляются различные растенія европейскаго типа. За исключеніемъ терпентинного дерева, тамариска, рѣдкихъ древесныхъ видовъ, живущихъ въ лощинахъ, и породъ, насажденныхъ колонистомъ вокругъ станцій военныхъ или гражданскихъ,—въ области высокихъ плато нѣтъ ни деревьевъ, ни кустарниковъ; большія зонтичныя, виднѣющіяся тамъ и сямъ на возвышеніяхъ почвы, словно вырѣзанныя на небѣ, кажутся деревьями гигантскихъ размѣровъ. Характеристическую растительность составляютъ жесткія травы. Высокія части плоскогорья, на пространствѣ около 4-хъ миллионовъ гектаровъ, покрыты большими злаками рода ковыль (*stipa*) и особенно видомъ, хорошо известнымъ въ промышленности подъ именемъ альфы (*stipa tenacissima*), но долины заключаютъ другое растеніе, *ши* (*agrostis herba alba*), тотъ видъ чернобыльника, сухіе листья котораго арабы курятъ, какъ табакъ, и который населяетъ обширныя пространства сѣверной Африки, отъ мароккскаго Атласа до принильскихъ пустынь. На всемъ оранскомъ югѣ, контрастъ между двумя площадями растительности, артемизіей и альфой, указываетъ въ то же время контрастъ высотъ въ общемъ рельефѣ страны¹⁾). На высокихъ восточныхъ плато, именно въ равнинахъ, по которымъ кочуютъ племена немемша и гаракта, господствующее растеніе — гетафъ (*triplex halimus*), очень любимый верблюдами; маленькие пучки его покрываютъ почву на необозримое пространство²⁾. Дисъ (*ampelodesmus tenax*), похожий на альфу,—тоже одно изъ самыхъ обыкновенныхъ растеній на плоскогорьяхъ; арабы кроютъ имъ свои хижини и вытѣ изъ него веревки. Между тайнобрачными бѣлый триофель, или *тербраас* (*tuber pinnatum*), такъ распространено на высокихъ оранскихъ плоскогорьяхъ и въ Годнѣ, что составляетъ значительную часть продовольствія жителей; вскорѣ послѣ дождей, этотъ клубень обнаруживается маленькимъ вздутиемъ почвы, и, чтобы собирать его, нужно только разрыть землю на не-

большую глубину. Кое-гдѣ на землѣ около пучковъ травы стелется лишай, называемый солдатами «таппе», а у ботаниковъ известный подъ именемъ *parmelia esculenta* (санога).

Сахарская область не есть страна, лишенная всякой растительности, какъ обыкновенно думаютъ; не говоря уже объ оазисахъ, гдѣ подлѣсье пальмъ состоитъ изъ плодовыхъ деревьевъ различныхъ породъ и многочисленныхъ травъ, сотни растеній развиваются на глинистыхъ, каменистыхъ, песчаныхъ или болотистыхъ пространствахъ пустыни; какъ и на высокихъ плато, бетумъ или фисташковый деревья съ широкимъ зонтикомъ, съ могучимъ стволомъ, откуда вытекаетъ смола, похожая на хюссую мастику, показываются тамъ и сямъ, покрываю сѣрую землю черною тѣнью, къ которой направляются стада; въ этой области дерево представляеть болѣе поражающей предметъ, чѣмъ гора. Но растенія съ европейскою физіономіею довольно рѣдки въ Алжирской Сахарѣ; сахарская флора не представляетъ почти никакого сходства съ итальянской; болѣе всего средства замѣчается съ флорами Египта, Палестины, Аравіи, южной Персіи. Коссонъ, излагая законъ послѣдовательности растительныхъ видовъ съ сѣвера на югъ Алжиріи, говоритъ, что по мѣрѣ удаленія отъ морскаго побережья по направлению меридiana, приближающійся менѣе къ тропическому поясу, чѣмъ въ зонѣ Востока. Въ цѣломъ сахарская флора, заключающая 560 видовъ, въ томъ числѣ около сотни особенныхъ, исключительно ей свойственныхъ, отличается однообразіемъ видовъ на большихъ пространствахъ. Большинство этихъ растеній многолѣтнія, тощія, усаженные иглами или узкими листьями, и живутъ особнякомъ, уединенными пучками. Тамарисъ и дрокъ—почти единственная деревья; но легко было бы увеличить ихъ число, и европейцы уже сдѣлали успѣшныя попытки насажденія разныхъ древесныхъ породъ въ сосѣдствѣ бывающихъ изъ земли ключей. Даже пески могутъ покрываться растительностью. Различные растенія, прозябающія въ дикомъ состояніи, рождаются на дюнахъ и способствуютъ укрѣплению, если не верхней части, которая движется, смотря по направлению вѣтра, то, по крайней мѣрѣ, нижнихъ ея скатовъ: постепенное прикрепленіе песчанаго бугра и преобразованіе его въ постоянный холмъ происходитъ отъ основанія къ вершинѣ. Разные виды дрока являются единственными представителями древесной растительности на дюнахъ и образуютъ въ промежуточныхъ узкихъ долинахъ или оврагахъ округлые и рѣдко разбросанные кусты. Травянистые растенія также встрѣчаются въ сыпучихъ пескахъ, которые они скрѣпляютъ своими корнями: таковъ злакъ, называемый дринъ (*agathatherum pungens*), сѣмена котораго замѣняютъ ячмень во время голода-

¹⁾ E. Cossen, „Itinéraire d'un voyage botanique en Algérie“.

²⁾ Lambert, рукописная замѣтка.

ки, для прокормленія людей и скота: въ среднемъ, три мѣры зеренъ дрина обмѣняются за одну мѣру ячменя¹).

Фауна Алжиріи, какъ и ея flora, составляетъ часть средиземной зоны, свидѣтельствуя о существовавшей въ прежнія времена непрерывности материковъ. Мавританскія животные принадлежать не къ континенту Африки, но къ Европѣ. Почти всѣ виды общі — или, по крайней мѣрѣ, прежде были общі—двуимъ странамъ, которыя въ настоящее время раздѣлены водами Внутренняго моря. Однако, по мѣрѣ того, какъ подвигаешься къ югу, удаляясь отъ морскаго побережья, аналогія уменьшается и, наконецъ, совсѣмъ исчезаетъ, сначала для млекопитающихъ, затѣмъ для птицъ; въ южной области замѣчается даже между алжирскими видами и видами Нубіи, Абиссиніи, Сеннаара все болѣе и болѣе разительная сходства²). Несмотря на существование пустыни, которая, впрочемъ, прежде была менѣе обширна и болѣе богата растительностью, многие животные виды могли переселиться изъ Центральной Африки въ Мавританію и такимъ образомъ придаватъ иѣкоторое сходство мѣстнымъ фаунамъ; но что касается раковинъ, которыхъ перемѣщаются медленно и могутъ переходить лишь узкія пространства, неблагопріятныя ихъ развитію, то нормальное распределеніе видовъ сохранилось до сихъ поръ; между малакологической фауной Алжиріи и Судана замѣчается полный контрастъ. Одинъ только видъ раковинъ, общераспространенный въ пустынѣ, *melanis tuberculata*, не принадлежитъ ни къ какому изъ центровъ европейской системы и происходитъ изъ собственно африканскаго центра; но этотъ видъ можно считать почти космополитомъ: его находить въ Египтѣ, въ Передней Азіи и даже въ Индіи и на Маскаренскихъ островахъ; онъ составляетъ единственное звено, связующее малакологическую фауну Сѣверной и Центральной Африки. Нельзя также дѣлать сближенія между раковинами Алжиріи и раковинами острововъ Атлантическаго океана, Канарскихъ и Мадеры: единственные виды, общіе этимъ двумъ областямъ,—это прибрежныя формы космополиты, встрѣчающіеся повсюду, гдѣ вліяніе Средиземного моря могло быть ощущительно въ какомъ-либо геологическомъ періодѣ³). Такимъ образомъ, по происхожденію своихъ животныхъ видовъ, Алжирія совершенно ограничена на югѣ и на западѣ; во внутренней своей части она также дѣлится на области, ясно обособленныя климатомъ: по Бургініи (Bourguignat), въ алжирской терри-

торіи съ сѣвера на югъ слѣдуютъ одна за другою шесть параллельныхъ фаунъ: прибрежная, горная, затѣмъ фауна плоскихъ возвышеностей, за которой слѣдуютъ вторая горная и вторая прибрежная, то-есть фауна исчезнувшаго моря; далѣе идетъ фауна пустыни. Изъ всѣхъ этихъ фаунъ горная обнимаетъ наибольшее число видовъ. Нѣкоторыя фауны занимаютъ площадь, точно обведенную течениемъ рекъ: такъ, одна ящерица водится только въ треугольномъ пространствѣ, ограниченномъ съ одной стороны Сигомъ, съ другой—Шелифомъ¹).

Для одиѣхъ и тѣхъ же формъ установился иѣкоторый контрастъ между Алжиріей и средиземнымъ побережьею Европы. Однородные виды разнятся величиной, именно алжирскіе вообще мельче, чѣмъ, безъ сомнѣнія, зависить отъ ихъ вынужденной большей умѣренности въ пищѣ: въ Алжиріи природа скуче на счетъ коры, но она даетъ имъ болѣе блестящее одѣяніе; болѣе яркій свѣтъ отражается даже въ шерсти звѣрей, исключая тѣ области, гдѣ животное, чтобы не отличаться окраской отъ окружающаго сѣроватаго пространства, приняло, въ силу миметизма, угрюмый колоритъ пустыни. Периоды воспроизведенія и линія наступающая у алжирскихъ млекопитающихъ и птицъ позднѣе, чѣмъ у ихъ европейскихъ родичей, хотя, казалось бы, должно быть наоборотъ: причина тому—опасности, которымъ иначе подвергались бы во время весеннихъ дождей новорожденые и животныя, лишенныя теплой зимней одежды²).

Съ тѣхъ поръ, какъ алжирская фауна отдѣлена отъ европейской морскими пространствами, та и другая измѣнились, не столько вслѣдствіе образованія новыхъ разновидностей, сколько по причинѣ исчезновенія многихъ старыхъ видовъ. Изъ двухъ половинъ средиземной области Европа, ранѣе заселенная и распаханная въ большей части своего протяженія, конечно, потеряла сравнительно больше видовъ изъ своей первоначальной фауны; но и въ Мавританіи число животныхъ породъ уменьшилось, даже въ историческія времена. Не подлежитъ сомнѣнію, что слонъ жилъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ въ лѣсахъ Нумидіи; охотники ловили его тамъ, чтобы везти въ Римъ, гдѣ онъ участвовалъ въ бояхъ цирка. Теперь неизвѣстно даже, чѣмъ какой равновидности принадлежалъ этотъ представитель большихъ толстокожихъ, но, по всей вѣроятности, онъ былъ той же породы, какъ слоны Мальты и Испаніи, кости которыхъ находятъ въ пещерахъ³): на скалѣ эль-Хенга, между Гельмой и Уэдъ-Зенати, изсѣчены грубые барельефы, изображающіе слоновъ и еще какое-то безформенное жи-

¹) E. Cosson, „Itinéraire d'un voyage botanique en Algérie“; — H. Duveyrier, „les Tomaregs du Nord“.

²) I. R. Bourguignat, „Malacologie de l'Algérie“.

³) Loche, цитированное сочиненіе.

¹) M. Wagner; — Ratzel, „Schöpfungsgeschichte“.

²) Loche, цитированное сочиненіе.

³) Winwood Reade, „The Martyrdom of Man“.

ручили¹). Дикий кабанъ тоже довольно рѣдокъ и встрѣчается почти только на крутыхъ горныхъ массивахъ, господствующихъ надъ высокимъ цоколемъ плоскогорья. Газели, принадлежащія къ тремъ различнымъ видамъ, стараются держаться подальше отъ человѣка и спускаются съ плоскогорій къ сахарскимъ пустынямъ; но иногда недостатокъ воды заставляетъ ихъ возвращаться на высоты. Недавно, когда еще охоты въ большихъ размѣрахъ не опустошили плоскихъ возвышеностей, можно было встрѣтить стада въ двѣsti или триста газелей, такъ тѣсно скученныхъ, что иной разъ онѣ мѣшали другъ другу бѣжать, и сталкивающіеся рога ихъ «производили шумъ, напоминавшій барабанную дробь». Тушканчики живутъ еще миріадами въ своихъ подземныхъ галереяхъ; на восточныхъ плато, въ окрестностяхъ Тебессы и Хеншель, встрѣчается грызунъ того же рода, очень похожій на степнаго зайца: это—гунди²).

Хотя высокія плато уже перестали быть главнымъ мѣстомъ охоты, однако, тамъ все еще сохраняются традиціи вышаго звѣроловнаго искусства. Феодальный фамиліи края держать ловчихъ соколовъ изъ породы бала-бана (*falco Ianiarius*), и имена славнѣйшихъ изъ этихъ «пернатыхъ охотниковъ» перѣходять изъ устъ въ уста на всемъ пространствѣ Алжиріи. Прекрасныя борзыя, или «слуги», тоже высоко цѣнятся, имѣютъ своихъ льстечковъ и исторіографовъ, тогда какъ другія собаки, презираемыя мужчинами, избиваемыя женщинами, остаются въ полуидиомѣ состоянія: какъ большинство кошекъ, онѣ привязываются къ мѣсту, а не къ хозяину³), и бродятъ во-кругъ шатровъ, наводя страхъ на путешественниковъ. Изъ всѣхъ товарищей алжирскаго охотника ни одинъ не пользуется такою любовью, какъ его конь, и, дѣйствительно, во всемъ сѣверѣ нѣть лошади, которая превосходила бы алжирскую статностью, ретивостью, кротостью, умѣренностью и неприхотливостью въ пищѣ, неутомимостью и выносливостью къ перемѣнамъ температуры.

Зоология, какъ и ботаника, ясно указываютъ на сродство южной Алжиріи съ Востокомъ въ отношеніи животнаго и растительного царствъ. Газели, встрѣчаемыя иногда на высокихъ плоскогорьяхъ, принадлежать къ тѣмъ же видамъ, какъ газели Аравіи; египетскій заяцъ, *lepus isabellinus*, водится также въ Сахарѣ; меха, нубійская антилопа *addax*, была найдена и въ алжирскихъ дюнахъ; тамъ можно видѣть также африканскаго буйвола, *uash*, называемаго «варварской коровой», у котораго глаза помѣщены по бокамъ и какъ бы назади его дли-

ной головы; феникѣ, *canis erytha*, подкрадывающійся къ хижинамъ оазисовъ въ уѣздѣ Ригъ, ничѣмъ не отличается отъ своихъ родичей, обитающихъ въ Нубіи и на скатахъ абиссинскихъ горъ. Гадюка рогатая (*vipera cerastes*) и многіе другіе виды пресмыкающихся общи Египту и алжирской Сахарѣ⁴). Огромная ящерица уаранъ, называемая также египетскимъ караульщикомъ (*monitor*), часто встрѣчается въ Сахарѣ и даже въ проходахъ, поднимающихся къ плоскогорьямъ; попадаются экземпляры, достигающіе метра въ длину и похожіе на маленькихъ крокодиловъ. Туземцы очень боятся этой ящерицы, которой они приписываютъ волшебную силу: сложилось повѣрье, что отъ удара ея хвоста женщина становится бесплодною, а мужчина импотентнымъ; оттого кто хочетъ овладѣть этимъ опаснымъ животнымъ, употребляетъ величайшія предосторожности, чтобы не подвергнуться фатальному удару. Разсказываютъ, что уаранъ сосетъ козьи и овѣцъ, обвивая свой хвостъ вокругъ ихъ заднихъ ногъ, и даже усиленные толчки жертвы не могутъ заставить его выпустить добычу. Подобно хамелеону, уаранъ, говорятъ, смертельный врагъ гадюки рогатой, и когда эти два гада встрѣчается, бой между ними оканчивается не иначе, какъ смертью одного изъ борцовъ⁵).

Другой замѣчательный видъ того же семейства—добѣ, или пальмовая ящерица, нѣжное мясо которой употребляется въ пищу жителями юга, а изъ кожи ея выдѣлываются сапи и коробки. По разсказамъ туземцевъ, въ знойной области, отдѣляющей оазисы и краевые горы отъ плоскогорья, водится несмѣтное множество змѣй. Одинъ изъ видовъ, описываемый арабами, но еще не видѣнныи натуралистами, походитъ на наию индусовъ или очковую змѣю, судя по тому, что разсказываютъ о раздуваніи ея шеи подъ влияніемъ гнѣва; арабы называютъ ее «тамой»⁶). Пионы тоже, говорятъ, очень многочисленны въ этой сахарской мархіи⁷). Что касается крокодила, котораго считали совершенно исчезнувшимъ изъ Мавританіи съ исторической эпохи, то онѣ еще существуютъ въ текучихъ и стоячихъ водахъ пустыни. Окапитэнъ первый открылъ этого звѣри въ руслѣ уѣза Джедди, а послѣ того его находили въ верхнѣхъ притокахъ Игаргара.

Насѣкомоядныя птицы, которыхъ охотники преслѣдуютъ только въ окрестностяхъ городовъ,rezvychайно многочисленны, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полеты ихъ, словно тучи, застилаютъ небо. Обилію этихъ птицъ и слѣдуетъ приписывать рѣдкость гусеницъ и

¹) Arnaud, „Revue Africaine“, janvier, mars 1863.

²) Lambert, рукоиціи замѣтки.

³) A. Berbiguer, „Voyage au camp d'Abd-el-Kader“;—Dauzat, „Les chevaux du Sahara“.

⁴) Cosson, „Revue Scientifique“, 21 juin 1879.

⁵) Arnaud, „Revue Africaine“, janvier, mars 1863.

⁶) Bertrand, „Comptes rendus des s閙ances de la Soci t  de G ographie“, 1884 № 1.

⁷) E. Masqueray, „Revue Africaine“, 1879.

бабочекъ¹). Саранча (*adipoda cruciata*), этотъ величайший бичъ Алжиріи, бывшій одною изъ главныхъ причинъ страшнаго голода 1867 года, кишитъ мириадами только въ исключительные годы; обыкновенно же размноженіе сдерживается аистами, этими «провидѣніями земледѣльца». На плоскогорьяхъ Сетифъ иногда видали тысячи аистовъ, выстроившихъ въ боевую линію и клювами пробивающихъ движущуюся стѣну саранчи.²).

VI.

Перемѣны, совершившіяся въ историческія времена въ человѣческомъ населеніи Алжиріи, еще гораздо значительнѣе, чѣмъ перемѣны флоры и фауны, да при томъ отъ вмѣшательства того же человѣка, какъ разрушителя и со-зидателя, произошли и главная видоизмѣненія въ окружающемъ мірѣ животныхъ и растеній. Исторія переселеній, войнъ, смѣны одного народа другимъ дополнялись исторіей видовъ вновь вводимыхъ или изгоняемыхъ, прирученныхъ или опять обращавшихъ въ дикое состояніе.

Первый вопросъ, который самъ собою представляется отвосительно жителей Алжиріи, есть слѣдующій: принадлежать ли они, подобно животнымъ и растительнымъ формамъ, къ общей области, обнимающей, на сѣверѣ и на югѣ, всѣ берега западнаго бассейна Средиземнаго моря? Тотъ характеръ единства, который является намъ органическая жизнь въ ея совокупности на всей окружности Западнаго моря, отъ Прованса до Магреба, повторяется ли также и въ людяхъ, если не для всѣхъ элементовъ населенія, то по крайней мѣрѣ для элементовъ, составляющихъ его основу? Пока еще нельзя отвѣтить положительно на эти вопросы; но нѣтъ сомнѣнія, что существовали большія переселенія и частыя сношенія отъ одного берега къ другому: навѣрно была эпоха, предшествовавшая исторіи, когда по обѣ стороны моря группы населенія жили общей цивилизаціей, каково бы ни было, впрочемъ, ихъ происхожденіе, одинаковое или различное. Во всей Мавританіи, и особенно въ провинціи Константинѣ, на туниской границѣ, встрѣчаются мегалитовые памятники, подобные тѣмъ, какіе мы видимъ въ западной Европѣ: ихъ насчитывали уже десятками тысячъ, но изслѣдователи все еще находятъ новые, несмотря на то, что эти остатки сѣдой старинны слишкомъ часто уничтожаются мѣстными жителями, которые употребляютъ ихъ какъ материалъ для постройки домовъ или мещенія дорогъ. Въ равнинѣ Меджаны, къ востоку отъ Сетифа, Пайенъ опредѣляетъ въ десять тысячъ

число менгировъ (длинные могильные камни), разсѣянныхъ по одиночкѣ или группами среди степи: можно подумать, что видишь передъ собою окаменѣлый народъ, тѣмъ болѣе, что средняя высота камней почти равна высотѣ малорослыхъ людей. Долмены (плита, въ формѣ стола, расположенная на двухъ, вертикально стоящихъ камняхъ) или *кубур-эль-джухала*, то-есть «языческія могилы», по большей части меньшѣ столовъ того же происхожденія, существующихъ еще въ Бретаніи и въ Вандеѣ, изъ чего заключили—одни, какъ Берtranъ, что мегалитовое искусство Алжиріи было еще въ зачаточномъ состоянії¹), другіе, какъ Федэрбъ, что оно, напротивъ, является намъ уже въ состояніи упадка²); однако, офицеры генерального штаба, занимающіеся тріангуляціей восточной Алжиріи, между городами Ла-Калле и Сукъ-Ахрасъ, находили могильныя плиты огромныхъ размѣровъ, почти не уступающія по величинѣ бретонскимъ долменамъ Гавр'инниса и Локмаріакера. Кроме столовъ и высокихъ камней, въ Алжиріи находятъ всевозможныя формы мегалитовыхъ построекъ—кромлехи, или ряды камней, симметрично расположенныхъ въ видѣ круга, груды большихъ камней, могилки, имѣющія на вершинѣ долменъ или на скатахъ концентрическія ограды, террасы, окруженныя перилами, подземныя камеры, изсѣченныя на скалѣ, камни съ выдолбленымъ углубленіемъ въ формѣ чашки, жертвеники, ряды «ганутовъ», или «лавокъ» въ склепахъ, «куши», или гробницы въ видѣ цилиндрическихъ печей, прикрытыхъ большой плитой, «базины», или горки, состоящія изъ концентрическихъ слоевъ въ видѣ пирамиды со ступеньками. Въ алжирской Сахарѣ, Тейсеренкѣ-де-Боръ, Фо и Фуро открыли также большие глиняные сосуды, приставленные плотно одинъ къ другому, которые служили гробами: голова и туловище покойника занимали одинъ сосудъ, ноги помѣщались въ другомъ.

Остатки смолистаго дерева, находимые возлѣ черепковъ глиняной посуды, и еще болѣе—слои отесанныхъ кремней, разсѣянные тамъ и сямъ, не только на высотахъ, но также на гамадахъ и даже въ пустынѣ, между Тугуртомъ и Гадамесомъ³), принадлежать къ числу фактovъ, на которые ссылаются геологи, какъ на доказательство перемѣнъ, произошедшихъ въ относительно недавнее время въ климатѣ Африки. Близъ Гамманъ-аль-Месхутина, могилы въ Рокніа, относящіяся частію къ бронзовому вѣку, заключаютъ въ себѣ тысячи моллюсковъ, расположенныхъ послѣдовательными слоями: по изслѣдованіямъ Бургинья, многіе виды раковинъ, жившихъ тогда въ этой странѣ, вымерли или, по крайней мѣрѣ, стали очень рѣд-

¹) *Séraziat, Séances de l'Académie d'Hippone*, 1884.

²) Guyon, питириванное сочиненіе.

³) „Revue Archéologique“, Paris, 1869.

²) *Instruction sur l'Anthropologie de l'Algérie*.

³) Clavé;—Rolland;—Tarry;—Teisserenc de Bort.

ки; не мене замечательнъ тотъ фактъ, что одинъ видъ постепенно измѣнился въ теченіе этого периода Рокнійскихъ могилъ: изъ вѣка въ вѣкъ онъ стремился привить все болѣе и болѣе плоскую форму. Съ этихъ эпохъ каменныхъ орудій и шлифованныхъ топоровъ, которые употреблялись населеніями, жившими даже въ болѣе сыромъ климатѣ, мегалитовое искусство продолжалось въ періоды писаной истории и даже до новѣйшихъ временъ. Во многихъ некрополяхъ находили грубые камни туземцевъ въ перемежку съ четыреугольными столбами римлянъ, съ колоннами, съ плитами, покрытыми надписями ливийскими или двуязычными. Берберскія племена еще недавно воздвигали камни на своихъ кладбищахъ. Въ началѣ XVII столѣтія нѣкоторыя кабильскія «джемаа» имѣли обыкновеніе ставить подъ мѣста ихъ сходовъ менгиръ, который долженъ быть напоминать будущимъ поколѣніямъ о рѣшеніяхъ, принятыхъ народнымъ собраниемъ¹⁾.

Подъ камнями долменовъ (гбуръ-эль-джухала) и «кушъ» открыли множество скелетовъ, почти всегда лежащихъ на лѣвомъ боку и съ согнутыми колѣнами: способъ погребенія вездѣ одинъ и тотъ же, каковы бы ни были предметы, положенные возлѣ покойника—грубые глиняные сосуды и каменные орудія, или кольца и браслеты изъ серебра, мѣди, бронзы и желѣза. Череповъ собрано, правда, немного, но и тѣхъ, которые были измѣрены и классифицированы, вполнѣ достаточно, чтобы доказать, что въ эту до-историческую эпоху, до пришествія римлянъ, вандаловъ, византійцевъ и арабовъ, существовали между коренными жителями, нынѣ смѣшиваемыми подъ общимъ именемъ аборигеновъ, два типа, явственно различавшихся формой черепа и, какъ полагаютъ, имѣвшихъ также различное происхожденіе. Тѣ и другіе были длинноголовые (долихокефалы), но у людей, принадлежащихъ къ рослому типу, макушка была откинута назадъ, вместо того, чтобы находиться, какъ у людей другой расы, прямо надъ слуховымъ проходомъ; діаметръ наибольшей ширины, измѣряющій головной указатель черепа, тоже былъ передвинутъ къ затылку; скелетные дуги были очень выдающіяся, также какъ выступы носа и лобныхъ костей. Такое же устройство черепа встрѣчается въ наши дни у большинства бискровъ иnomadovъ, которые кочуютъ около оазисовъ и часто порабощали ихъ обитателей; замѣчено, кромѣ того, что у этихъ индивидуумовъ волосы на головѣ расположены такъ, что образуютъ остроконечный пучокъ на серединѣ лба. Строениемъ скелета эти люди тоже отличаются отъ своихъ сосѣдей: прислонясь къ стѣнѣ, они не могутъ вытянуть руки, прикладывая ихъ плотно: позади плечевой кости

всегда остается значительный пустой промежутокъ. Это особенное образованіе рукъ объясняетъ, можетъ-быть, привычку туземцевъ помѣщать свою палку позади шеи и держать ее, сгибая руки съ той и другой стороны и опираясь на середину палки заднею, самою тяжелую частью своего черепа. Что касается втораго типа, находимаго въ древнихъ могилахъ, то онъ походитъ на типъ вынѣшнихъ обитателей оазисовъ. У этихъ послѣднихъ черепъ пропорціональный, лицо прямое, руки расположены какъ у европейцевъ, но они худощавы и малорослы; людей этого типа можно видѣть также въ самыхъ высокихъ частяхъ Джурджуры, въ сосѣдствѣ бѣглыхъ племенъ обезьянъ, какъ будто тѣ и другія принуждены были искать убѣжища на неприступныхъ горахъ²⁾.

Въ первыя времена французской оккупации всѣ туземцы Алжиріи были смѣшиваемы подъ общимъ именемъ арабовъ, да и теперь еще часто случается, что не дѣлаютъ никакого различія между арабами и берберами: вновь прибывающіе европейцы воображаютъ, что всѣ коренные жители края принадлежать къ одной и той же расѣ. Внослѣдствіи, замѣтившися большой контрастъ, существующій между потомками аборигеновъ и потомками арабскихъ завоевателей, они легко впадаютъ въ новую ошибку, полагая, что всѣ не-арабы, вообще обозначаемые именемъ берберовъ, составляютъ одну и ту же этническую группу: въ дѣйствительности эти туземцы тоже представляютъ различные типы, и, изучая ихъ, скоро приходишь къ убѣждѣнію, что многіе элементы, различного происхожденія, способствовали образованію племенъ, называемыхъ берберами, въ противоположность группамъ арабскаго происхожденія. Кромѣ контраста, который представляютъ между «берберами» люди, различающіеся ростомъ, расположениемъ членовъ, формой черепа, существуетъ еще другой, зависящій отъ цвѣта кожи и волосъ. Въ сѣверной Африкѣ встрѣчаются блондини и рыжие, хотя огромное большинство населения состоитъ изъ брюнетовъ. Во всѣхъ племенахъ можно встрѣтить людей со свѣтлыми волосами и даже съ голубыми глазами; со временемъ Шау всѣ путешественники говорять о блокурахъ африканцахъ, которыхъ они видѣли сами или о которыхъ слышали; а въ послѣднее время точные наблюденія позволили констатировать ихъ географическое распределеніе. Они многочисленны въ Джебель-Ауресѣ и особенно близъ Хеншеля и въ джебель Шешарѣ; въ провинціи Константина число ихъ доходить, по Федэрбу, до одной десятой всего населенія. Денхаджи, живущіе въ долинѣ притока Сафара, къ юго-востоку отъ Филиппвія, производятъ свой родъ отъ блокурахъ предковъ, хотя скре-

¹⁾ Letourneau;—Faidhebe et Topinard, «Instructions sur l'Anthropologie de l'Algérie».

²⁾ Camille Sabatier, рукописные замѣтки.

щиваниемъ съ соседними племенами сообщили большинству изъ нихъ темный цветъ глазъ и волосъ; сами себя они называют Уладъ-эль-Джухала, «Сыны язычниковъ», и еще недавно у нихъ существовалъ обычай воздвигать на могилахъ умершихъ массивные камни, вокруг которыхъ они совершали религиозныя церемоніи¹⁾. Этотъ фактъ даетъ некоторое основаніе гипотезѣ ученыхъ, приписывающихъ сооруженіе алжирскихъ мегалитовъ бѣлокурымъ народамъ, пришедшемъ съ сѣвера черезъ Иберійскій полуостровъ и Гибралтарскій проливъ; въ этихъ африканскихъ блондинахъ видѣли также потомковъ римскихъ наемниковъ, и именно галловъ, которымъ римлянами поручено было защищать южныя границы. По мнѣнію некоторыхъ писателей, вандалы, оттесненные Велизаремъ въ горы Ауресъ, въ 533 году, не исчезли совершенно: благодаря высотѣ долинъ, эти переселенцы съ дальняго сѣвера приспособились къ африканскому климату, и теперь этихъ единоплеменниковъ скандинавовъ причисляютъ къ берберамъ Алжиріи²⁾.

Римляне тоже не прошли безслѣдно. Извѣстно, какъ велико было ихъ влияніе въ теченіе вѣковъ. Сотнами считаются сохранившіеся еще остатки ихъ городовъ и военныхъ постовъ, десятками тысячи собранныя до сихъ порь ихъ надписи. Еще и въ наши дни, на плоскогорьяхъ провинціи Константины, присутствіе ихъ кажется болѣе замѣтнымъ по ихъ сооруженіямъ, чѣмъ присутствіе французскихъ колонистовъ. Тамъ руины древнихъ городовъ болѣе многочисленны и гораздо болѣе обширны, чѣмъ европейскіе города новѣйшей постройки. Даже съ этой стороны они заняли весь горный массивъ Ауреса (*Aurasius*) и проникли далеко въ глубь пустыни. На югѣ Алжирской провинціи тоже видны ихъ развалины на границахъ Сахары; въ западныхъ областяхъ они, по крайней мѣрѣ, воздвигли многочисленные города на средиземной покатости Телля. Ихъ колонисты, поселившіеся по большей части на высокихъ плато Нумидіи и Мавританіи сицилійской³⁾, то-есть въ областяхъ, где климатъ самый здоровый и наиболѣе подходящій для сохраненія ихъ расы, навѣрно оставили своихъ потомковъ въ Алжиріи. Такъ, римскій типъ очень хорошо сохранился у племени уланъ-эль-аскеръ, или «сыны воиновъ», въ восточной Кабиліи⁴⁾. Хотя добрые мусульмане, жители Тебессы называютъ себя «римлянами»: для нихъ имъ «руми» не смѣшиивается съ именемъ христианства, какъ у другихъ магометанъ Алжиріи.

¹⁾ Sergeant;—Henri Martin, „Bulletin de la Société d'Anthropologie“, 1870.

²⁾ Périer, „Mémoires de la Société d'Anthropologie“, 1873.

³⁾ O. Mac Carthy, „Les Antiquités algériennes“.

⁴⁾ Brunon, „Recueil de la Société Archéologique de Constantine“.

Въ 1842 году, когда французы овладѣли этимъ городомъ, между жителями его ходили еще римскія монеты¹⁾. Изъ десяти подраздѣленій племени амамра, обитающаго въ сѣверной части Джебель-Ауреса, два слывутъ за потомковъ римлянъ, три, говорятъ, берберскаго происхожденія, а остальные, основанные марабутами, образовались уже послѣ мусульманскаго нашествія²⁾.

Какова бы ни была, въ первоначальномъ населеніи Алжиріи, доля завоевателей или колонистовъ, пришедшихъ изъ Европы, преданія, также какъ различны историческая свидѣтельства, указываютъ на восточная области какъ на мѣсто происхожденія иммигрантовъ: это изъ Азіи прибывали послѣдовательно завоеватели или мирные переселенцы, употребляя иногда долгое вѣка на прохожденіе этаповъ, раздѣляющихъ долину Нила и островъ Магреба. Такъ пришли древніе либу, то-есть ливійцы, давшіе свое имя всему континенту, и представителей которыхъ мы видимъ въ луата или ліуата, одномъ изъ могущественныхъ племенъ Берберіи во времена арабскаго завоеванія³⁾. Магометанская полчища, покорившія населенія Мавританіи, затѣмъ гилялайскія племена, которыхъ осѣли въ открытыхъ равнинахъ, оттеснивъ прежніхъ жителей въ высокія долины горъ, только слѣдовали за общимъ эмиграционнымъ движениемъ, которое изъ вѣка въ вѣкъ направлялось на западъ. При томъ перемѣны почвы и климата, ионоплеменныя нашествія и вытѣсненія одного народа другимъ, естественно, сопровождались соотвѣтственнымъ измѣненіемъ въ нравахъ жителей, каково бы ни было происхожденіе послѣднихъ, и усиливало или сглаживало контрасты между ними. При вступлении въ страну, берберскіе покорители, по всейѣ вѣроятности, мало отличались отъ своихъ преемниковъ, арабскихъ завоевателей. Война, набѣги, грабежи развили у нихъ привычки, вполнѣ подходящія къ кочевому образу жизни; покореніе, обложение правильною данью заставили многія племена прикрѣпиться къ землѣ, промынѣть степную жизнь на быть земледѣльца. Родъ занятій не всегда служить вѣрнымъ указателемъ этническаго происхожденія. За много вѣковъ до прибытія арабовъ, нумиды или нумидійцы, отчасти предки населенія, называемаго берберскимъ, тоже были «номады», какъ, вѣроятно, показываетъ и самое ихъ имя. Пліній говорить, что они безпрестанно менѣяли пастища, унося съ собою колыа своихъ жилищъ; подобно нынѣшнему арабу, древній нумидіецъ быстро строилъ себѣ хижину, «гурби», рядомъ

¹⁾ V. Maltzan, „Drei Jahre im Nordwesten von Afrika“.

²⁾ Justin Pont;—Faidherbe, „Instructions sur l'Anthropologie de l'Algérie“.

³⁾ Ernest Mercier, „Histoire de l'établissement des Arabes dans l'Afrique Septentrionale“;—Carette;—Tissot;—Tauzin, etc.

съ мѣстомъ пастьбы своего скота. Въ насто-
ящее время дѣление между расами указывает-
ся, хотя не вполнѣ точно, образомъ жизни,
кочевымъ или осѣдлымъ. Бродячіе пастухи—
въ большинствѣ арабы; земледѣльцы съ посто-
яннымъ мѣстомъ жительства обозначаются
обыкновенно собирательнымъ именемъ бербе-
ровъ.

Одно только изъ племенъ Сѣверной Африки, обитающее въ долинахъ мароккскаго Атласа, носить специально это древнее этническое на-
званіе берберовъ, которымъ оно, впрочемъ, гордится¹⁾; но, примѣняемое къ совокупности населеній, многочисленное происхожденіе ко-
торыхъ ученые разыскиваютъ въ разныхъ мѣ-
стахъ: въ самой Мавританіи, въ западной Европѣ и въ азиатскихъ странахъ, соѣднныхъ съ Египтомъ,—это слово не имѣть точного значения, и между отдельными народцами, между шауїа и рифеномъ, кабиломъ и тарги, замѣчается большое различіе нравовъ и обы-
чаевъ, соотвѣтствующее, можетъ-быть, различію происхожденія амазигскаго, луатскаго, зенат-
скаго, гетульскаго или гештульскаго. Имя «бер-
беръ» имѣть общій смыслъ только съ точки зрењія гlosсолологической, такъ какъ оно примѣняется ко всѣмъ туземцамъ, которые го-
ворять, или говорили въ историческія времена однѣмъ изъ языковъ, принадлежащихъ къ ли-
війской семье. Эта группа нарѣчій, бывшихъ въ употребленіи у тамагутовъ, которые изо-
бражаются на египетскихъ картинахъ, сохра-
нилась черезъ тысячу лѣтъ подъ своимъ древ-
нимъ именемъ: у туареговъ и различныхъ на-
родцевъ Сахары ее и теперь еще называютъ тамагакъ, тамагугъ или тамашектъ; близкими къ языку тарги нарѣчіями говорить большое число другихъ народцевъ Африки, отъ запад-
ныхъ оазисовъ Египта до береговъ Атланти-
ческаго океана. Семья берберскихъ діалектовъ, повидимому, приближается къ семитическимъ языкамъ, не словаремъ, но гортанными зву-
ками, синтаксисомъ, грамматикой; хотя она со-
ставляетъ, вмѣстѣ съ коптскимъ нарѣчіемъ, группу хамитскихъ говоровъ²⁾, но носить на себѣ всѣ признаки восточного происхожденія, и, опираясь главнымъ образомъ на это сходство языковъ, некоторые писатели хотѣли, справед-
ливо или нѣтъ, установить сходство расъ.

Но хотя между берберами и ихъ сосѣдами арабами существуютъ всевозможные переход-
ные типы, замѣчаются, однако, большія раз-
личія между этими двумя главными группами алжирскаго населенія. Истые семиты, пред-
ставляемые арабами, рѣзко отличаются отъ различныхъ народцевъ, ранѣе ихъ поселившихся въ странѣ. У джурджурскихъ кабиловъ,

принимаемыхъ за типичныхъ представителей берберской расы, черепъ и обликъ менѣе оваль-
ные, чѣмъ у арабовъ, лицо болѣе широкое и болѣе полное, лобъ менѣе правильный и не такъ подавшійся назадъ, брови менѣе выгнутыя; носъ рѣдко орлиный, чаще широкій и короткій, подбородокъ энергическій, ротъ довольно большой, обрамленный толстыми губами. Ансамблъ физиономіи рѣдко отличается тою тонкостью черть, какую мы замѣчаемъ у арабовъ, но выраженіе лица болѣе простосердечное, глаза болѣе живые; мускулы очень крѣпки. Если тѣло не имѣть той-же гибкости, какъ тѣло араба, то оно превосходитъ послѣднее силой и, по наблюденіямъ Дюгуссе, крѣпче держится на ногахъ: сильно выгнутая ступня кабила оставляетъ въ сыромъ пескѣ болѣе глубокій отпечатокъ пятки и большаго пальца, чѣмъ обыкновенная ступня араба или европейца. Кабилы вообще менѣе смуглы, чѣмъ арабы, что объясняется ихъ болѣе осѣдлымъ образомъ жизни. Въ среднемъ, они мало отличаются отъ южныхъ европейцевъ, и между ними встрѣтишь тысячи индувидуумовъ, которыхъ, если бы они перемѣнили костюмъ, легко было бы смѣшать съ оверньями, кадюрками или лиму-
зинцами. Такъ называемые арабы въ окрест-
ностяхъ Саиды и Фрейды, почти чистокровные берberы, несмотря на ихъ родословную, напоминаютъ самую обыкновенную крестьян-
скую физиономію на французскомъ югѣ¹⁾.

Съ духовной или нравственной точки зрењія, контрастъ между арабами и людьми племенъ, называемыхъ берберскими, не менѣе значите-
ленъ, чѣмъ съ точки зрењія физической; впрочемъ, эти контрасты въ большей части объ-
ясняются различіемъ среды и образа жизни. Хотя между берберами есть народы кочевые по преимуществу, какъ, напримѣръ, туареги, однако, они охотно переходятъ къ осѣдлой жизни, когда это позволяютъ естественные условия мѣстности, или когда представится удобный случай. Горцы-земледѣльцы по большей части, они, понятно, не могутъ имѣть нравовъ и обычаяевъ, политическихъ и соціальныхъ учрежденій, подобныхъ тѣмъ, какіе мы находимъ у жителей равнинъ, пастуховъ и воиновъ. Кабилы отличаются трудолюбиемъ, предпримчивостью, большимъ практическимъ смысломъ: они любопытны, любятъ посмѣяться, большие спорщики, желаютъ отдать себѣ отчетъ во всемъ, чтобъ видѣть. Они умѣютъ удивляться и восхищаться, тогда какъ арабъ старается казаться безстрастнымъ и равнодушнымъ ко всему. Они не впадаютъ въ мистическое созер-
цаніе; суевѣрные, какъ всѣ невѣжественные люди, они не придаютъ большой цѣны религіи въ своей повседневной жизни и въ управлени-

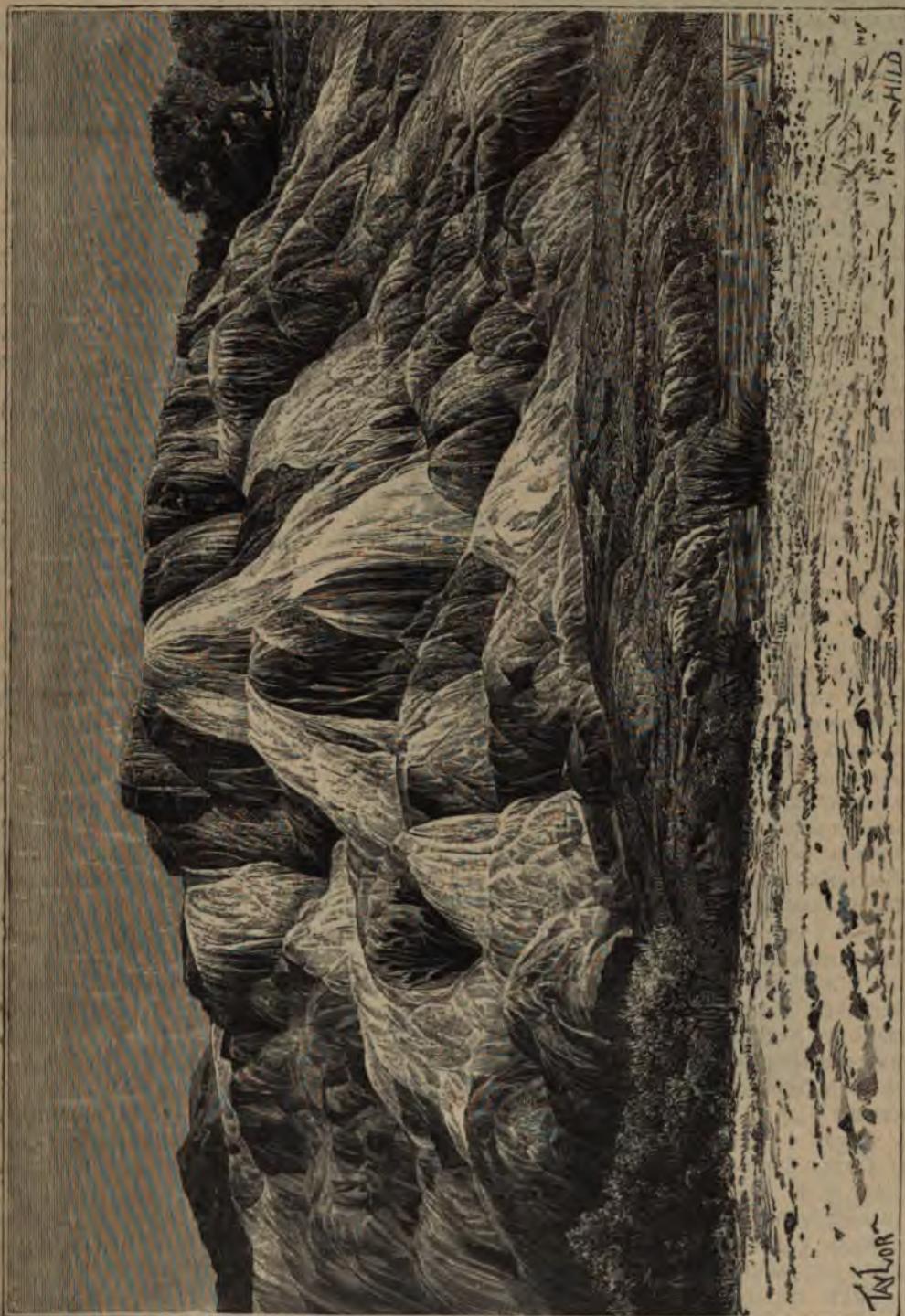
¹⁾ Garette, „Exploration de l'Algérie“;—de Foucauld, рукописная замѣтка.

²⁾ E. Renan, „Histoire gенерale et Système comparé des langues c  mitiques“.

¹⁾ R. de Blanchere, „Voyage d'etude dans une partie de la Mauritanie C  sarienne“.

ихъ обществомъ; они не обладаютъ образнымъ языкомъ семитовъ, и трубадуры ихъ не украшаютъ разсказъ изящными оборотами рѣчи, остроумными сравненіями, утонченными пре-

ють прежде всего, чтобы къ нимъ относились съ должною справедливостью; у тѣхъ изъ нихъ, которымъ французы оставили общинное самоуправление, существуетъ полная равноправ-

Гаммань-эль-Мескутинский окаменѣлый водопадъ.

лестями стиля, которые такъ любить арабскій поэтъ. Горды, какъ подобаетъ людямъ, имѣющими право на уваженіе за свою трудовую жизнь, они отличаются въ высокой степени чувствомъ собственного достоинства и требу-

ность между всѣми членами общины. Кабиль не обладаетъ въ такой же степени родовымъ духомъ, какъ арабъ, житель равнинъ, однако, индивидуальные и партійные интересы уравновѣшиваются въ его общинѣ съ такою точко-

стью, что политическая жизнь идет у него правильно и реже нарушаются резкими переворотами, чём у араба¹⁾.

Хотя, въ цѣломъ, алжирскіе берберы, какъ земледѣльцы, поднялись на болѣе высокую степень цивилизациіи, сравнительно съ арабомъ, и хотя они, вѣроятно, единоплеменники тѣхъ же испанскихъ мавровъ, которые, въ средніе вѣка, когда Европа снова погрузилась въ варварство, поддерживали безкорыстный культь науки, однако, они еще во многихъ отношеніяхъ подчиняются преобладающему вліянію арабовъ. Эти послѣдніе, какъ потомки завоевателей, сохранили еще частицу того престижа, который нѣкогда дала имъ побѣда; кроме того, это они принесли религию ислама, они поставляютъ марабутовъ и ученыхъ. Они—«люди Книги», и это, благодаря имъ, кабильскія дѣти умѣютъ читать и говорить наизусть стихи Корана. Несмотря на кочевую жизнь, арабы въ большей степени, чѣмъ отѣсненные въ горы берберы, пользуются выгодами, которыхъ доставляетъ относительная національная связь: въ самомъ дѣлѣ, обитая въ равнинахъ, они находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ между собою, черезъ посредство «братья» всякихъ орденовъ; къ ихъ же выгодѣ служитъ вліяніе цивилизованныхъ мавровъ на внутреннихъ рынкахъ и въ портахъ морскаго прибрежья. Берберы, хотя численно превосходящіе арабовъ, не составляютъ сплоченаго національнаго союза, который позволялъ бы имъ оказывать достаточное сопротивленіе напору окружающаго ихъ арабскаго міра, и во всѣхъ частяхъ Алжиріи указываютъ берберскія племена «арабизованные», утратившія свой первоначальный языкъ, часто даже преданія своей расы: иногда даже, какъ это замѣчалъ уже Ибнъ-Халдунъ ²), преобразованіе доходитъ до того, что выдумываютъ ложныя родословныя: насчитываютъ десятки кабильскихъ народцевъ, претендующихъ на арабское происхожденіе, тогда какъ извѣстно не болѣе двухъ группъ, первоначально арабскихъ, которыхъ, будучи поставлены въ особенные условія и разобщены со своими соплеменниками, по необходимости должны были берберизоваться. Даже племена, сохранившія родныя народнія, кабилы Джурджуры, шауїа Джебель-Ауреса, нѣкоторыя группы Дахры, берберы мароккской границы, ввели въ свой говоръ множество арабскихъ словъ и оборотовъ; они забыли древнее письмо *тегина*, надписи на которомъ встрѣчаются еще въ разныхъ мѣстахъ Алжиріи ³). Тѣ изъ нихъ, которые обучаются, получаютъ образованіе чрезъ посредство арабскаго языка,

который является въ одно и то же время языкомъ религіознымъ, гражданскимъ и литературнымъ, но въ которомъ они никогда не достигаютъ такого совершенства, чтобы выговаривать правильно всѣ звуки¹⁾.

Слово «аитъ»—«ида» въ южномъ Марокко—примѣняется только къ берберамъ. Точно-также большинство племенъ, передъ именемъ которыхъ стоитъ арабское слово «беня» (сыны или потомки)—берберской расы, тогда какъ слово «аулдъ»—или чаше уладъ, уледъ въ алжирскомъ говорѣ—прилагается почти всегда къ народамъ арабского происхожденія, безразлично—пришли ли они во время первого завоеванія, или при послѣдующихъ переселеніяхъ. Но и это не безусловное правило, и относительно многихъ группъ, носящихъ название «уладъ», является вопросъ: дѣйствительно ли они арабы, или только «арабизованные» берberы? Шлемъ уладъ-абди, въ Джебель-Ауресѣ,—несомнѣнно берberы²). Всѣдѣствие неопределенности классификаціи, различные писатели сильно расходятся между собою въ опредѣленіи численности расъ, населяющихъ Алжиріо. Въ то время, какъ Федэрбъ³), Варнен, Дюваль, Макъ-Карти насчитываютъ на алжирской территории слишкомъ два миллиона берберовъ, въ томъ числѣ около 900.000 говорящихъ еще ливійскимъ языкомъ,—Помель находитъ ихъ не больше одного миллиона⁴). Различия и контрасты, порожденные языками въ образомъ жизни, передвиженія, вольныя или невольныя, массовые ссылки или интернированія дѣлаютъ невозможнымъ всякое общее описание: приходится изучать отдельно въ каждомъ равнинномъ или горномъ округѣ этническія группы. Очень многія изъ тысячи или тысячи ста племенъ, насчитываемыхъ въ Алжиріи, состоять изъ элементовъ различной расы; есть даже второстепенная группировка или подраздѣленія, какъ-то «дуаре», «дашера», «ферка», «аршъ»: они могутъ разниться между собою этническимъ составомъ въ одной и той же кбайлѣ или союзѣ племенъ. Нѣкоторые народы представляютъ лишь смѣшанное собраніе семействъ всякаго цвета и всякаго происхожденія, сошедшихся изъ всѣхъ частей страны: по французскому выраженію, это—«Beni Ramassés» (арабскій сбродъ). Такія сборные племена можно видѣть въ предмѣстіяхъ каждого города.

Главная масса чистокровныхъ арабовъ населяетъ западныя области Алжиріи: городъ Маскара можно считать ихъ естественной станціей: Абдель-Кадерь, самъ одинъ изъ совершенѣйшихъ типовъ араба, выбралъ этотъ

*) Faidherbe; — Devaux; — Letourneau et Hanoteau; — Topinard; — C. Sabatier, etc.

²⁾ De Slane, "Notes sur la langue, la littérature et les origines du peuple bérbère".

³⁾ Faidherbe;—Reboud;—Judas, etc.

¹⁾ L. Rinn, "Revue Africaine", mars-avril 1882 N° 152.

²⁾ E. Masqueray, "Revue Africaine", 1878.

³⁾ "Instructions sur l'Anthropologie de l'Algérie".

⁵⁾ „Les races indigènes de l'Algérie“.

пунктъ центромъ своего царства. Въ сосѣднихъ равнинахъ и долинахъ, также какъ на высокихъ плоскогорьяхъ Оранского юга, не уви-дишь другихъ домовъ, кромѣ зданій французской постройки: все туземцы, чистые арабы, живутъ въ шатрахъ. По Федэрбу, арабское населеніе Алжиріи, включая мавровъ, живущихъ въ городахъ, составляетъ только пятую часть общаго числа жителей, то-есть около 600.000 душъ. Эта цифра, слишкомъ преувеличенная, по мнѣнію Макъ-Карти, показалась

орлиный, ноздри широкія и подвижныя, глаза черные, вдавленные подъ орбитой, брови на дуги выступающія, уши оттопыренныя, черепъ высокій, лобъ открытый и вышуклый. Принимая за типъ красоты Аполлона Бельведерскаго, находимъ, что у арабовъ ноги и шея слишкомъ длинны относительно развитія торса, а грудь слишкомъ узка для ихъ роста¹⁾). Женщины сравнительно очень малорослы. Въ публикѣ арабы умѣютъ драпироваться съ граціею и величавостью; они кажутся всегда важными,

Арабскій типъ.—Тугургскій ага.

черезчуръ малою нѣкоторымъ другимъ писателямъ: она, въ самомъ дѣлѣ, была бы гораздо ниже дѣйствительности, если бы считать въ числѣ арабовъ всѣхъ тѣхъ, которые выдаются себя за таковыхъ, связывая свою родословную съ какимъ-нибудь шерифомъ, то есть потомкомъ Пророка, или съ какою-нибудь значительной личностью Ислама; но эти притязанія на благородство происхожденія не всегда оправдываются. Въ Алжиріи у чистокровныхъ арабовъ цвѣтъ лица матовый или смуглый, волосы черные, борода рѣдкая, зубы прекрасные, носъ

безстрашными, проникнутыми чувствомъ собственного достоинства; никогда не слышишь, чтобы они пѣли за работой, но у себя дома, въ интимной жизни, они легко сбрасываютъ напускную торжественность, говорятъ и жестикулируютъ съ большою живостью. Истые арабы очень плохіе землемѣльцы: по ихъ поговоркѣ, «стыдъ и сошникъ въ одно время входить въ домъ». Они не любятъ тихой жизни осѣдлого человѣка: имъ больше по душѣ существование

¹⁾ Bodichon;—Topinard.

вание номада—приволье степей, скаканье на конь черезъ необозримыя пространства, убывающіе въ даль горизонты, миражи пустыни, группы шатровъ, разбитыхъ на травѣ или на пескѣ. Чтобы понять и полюбить араба, надо видѣть его въ степи, въ его родной стихіи: тамъ онъ счастливъ, гостепріименъ, велико-дущенъ, сообщителенъ и разговорчивъ, тамъ онъ съ удовольствіемъ разсказываетъ про свои экспедиціи и охотничіи приключения¹⁾). Потомки воиновъ, побѣдоносно прошедшихъ весь сѣверъ Африки, отъ Египта до Марокко, истые номады, съ презрѣніемъ смотрящіе на жалкій людъ, живущій подъ кровлей, они охотно покидаютъ родимыя мѣста; во всѣхъ концахъ Мавританіи встрѣчаешь одноплеменниковъ, которые разбрелись въ разныя стороны, увлекаемые какою-то смутною потребностью перемѣны. Несмотря на суровую необходимость, заставляющую ихъ дѣлаться землепашцами или, по крайней мѣрѣ, царапать почву, чтобы извлечь изъ нея случайную жатву, эти люди, отъ природы склонные къ бродячей жизни, не привязываются къ землѣ: они недостаточно строго уважаютъ межевые столбы, водруженные колонистомъ, да и сами не умѣютъ защищать съдолжнымъ упорствомъ принадлежащую имъ борозду. Ихъ понятія о собственности далеко не отличаются тою точностью, какая требуется кодексомъ, принесеннымъ новыми господами края: отсюда частые споры и столкновенія, осложняемые иногда инстинктивною ненавистью одной расы къ другой. Впрочемъ, арабы рѣдко бываютъ собственниками: право на землю, безъ опредѣленія границъ, присваивается всѣмъ племенемъ, а представителемъ племени является его глава, шейхъ, который и дѣлается истиннымъ землевладѣльцемъ и господиномъ. Арабское общество почти всегда имѣеть феодальную организацію. «Какъ только васъ будетъ трое, имѣйте старшаго», говорить пророкъ²⁾). Религіозный фанатизмъ также держитъ арабовъ въ состояніи враждебныхъ группъ, ибо они гораздо болѣе, чѣмъ кабилы, склонны къ мистицизму: большинство ихъ люди вѣрующіе и подчиняются предписаніямъ Магомета, повторяя вполголоса тѣ мѣста Корана, гдѣ рекомендуется истребленіе невѣрныхъ.

Такимъ образомъ, по своему образу мыслей и чувствъ, по своимъ преданіямъ и нравамъ, арабъ племенъ съ трудомъ приспособляется къ новой средѣ, которую создаютъ вокругъ него ашпропріація и культура почвы, основаніе городовъ и деревень, постройка шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ; онъ становится постепенно чужимъ въ странѣ, завоеванной его предками, и во многихъ округахъ вымираетъ, уступ-

шая мѣсто людямъ другой расы. Одна изъ самыхъ деликатныхъ проблемъ алжирской демографіи—это опредѣлить, въ какихъ условіяхъ географической и соціальной среды арабы побѣдоносно противятся неблагопріятнымъ вліяніямъ. Можно только сказать вообще, что имъ хорошо живется на высокихъ, достаточно орошаемыхъ плоскогорьяхъ, гдѣ передъ ними открываются почти безграницыя пространства для кочевки, и гдѣ французы пока еще основали только небольшое число станцій военныхъ и гражданскихъ, тогда какъ вблизи городовъ или въ самыя городахъ они постепенно элиминируются: тамъ раса ихъ является уже въ состояніи упадка, убиваемая нищетой, порокомъ, недостаткомъ вѣры въ будущее, угнетеніемъ, которое они испытываютъ отъ главныхъ начальниковъ. Той же участіи подвергаются мавры, или «гадри»—резиденты—то есть цивилизованные мусульмане, живущіе въ городахъ прибрежья, на глазахъ у чужестранныхъ властителей. Они быстро уменьшаются въ числѣ, но, можетъ-быть, эта постояннага убыль происходитъ частію отъ неустойчивости самой расы, слишкомъ смѣшанной, куда война, рабство, многоженство, захваты корсаровъ внесли множество самыхъ разнородныхъ элементовъ: берберовъ, сирійцевъ, черкесовъ, албанцевъ, испанцевъ и магонцевъ, итальянцевъ и провансальцевъ, гауссу, бамбараму, пейлевъ и мандинговъ. Даже группы цыганъ, или гсани (геццани), проникли въ алжирскій Магребъ, въ то же время, какъ и андалузскіе мавры, изгнанные изъ Испаніи¹⁾. Кулугли или куръ-огли, потомки турокъ и туземныхъ женщинъ, были прежде очень многочисленны въ приморскихъ городахъ и въ нѣкоторыхъ внутреннихъ селеніяхъ, служившихъ, при беяхъ, мѣстомъ ссылки²⁾. Этиmetis почти совершенно исчезли въ остальной массѣ городского мусульманскаго населенія.

По смѣшанію съ другими расами, негрскій элементъ играетъ весьма важную роль въ составѣ народонаселенія Алжиріи, гдѣ цѣлая племена, даже среди горцевъ кабиловъ, являются черты, свидѣтельствующія о скрещиваніяхъ между аборигенами морскаго побережья и суданскими неграми. Можетъ-быть, больше половины алжирцевъ, какъ бы они ни назывались, арабами или берберами,—люди смѣшанной крови. Но въ Алжиріи рѣдко можно встрѣтить негровъ чистой расы, безъ сомнѣнія, потому, что прямая сношенія отъ Средиземного моря до Нигера черезъ алжирскую Сахару почти совсѣмъ прекратились. Въ прежнєе время изъ страны чернокожихъ приходили многочисленные караваны, приводя съ собою свободныхъ людей и невольниковъ, которые

¹⁾ Daumas, „Le Grand Désert“;—L. de Colomb, „Exploration des Ksour et du Sahara de la province d'Oran“,—E. Fromentin, „Un été dans le Sahara“.

²⁾ Daumas, „Le Grand Désert“.

¹⁾ Paul Bataillard, „Notes et questions sur les Bébériens en Algérie“.

²⁾ Pomet, „Races indigènes de l'Algérie“.

затѣмъ насеяли казармы и гаремы беевъ: че-
резъ браки, заключенію которыхъ не мѣшалъ
никакой предразсудокъ относительно цвѣта
кожи, населеніе постепенно видоизмѣнялось
во всей Мавританіи. Но съ 1848 г. рабство
негровъ отмѣнено, негритянскіе элементы по-
степенно уменьшаются, а у переселенцевъ изъ
Судана, чистокровныхъ негровъ, дѣти рѣдко
выживаютъ: акклиматизация расы еще не со-
вершилась. Негры, остающіеся въ Алжиріи,
всѣ очень трудолюбивы: они—чернорабочие,
землекопы, каменщики, служители, сторожа,
часто также колдуны и знахари. Въ близкомъ
будущемъ, когда Алжирія, теперь еще отдаленная
отъ Судана, будетъ соединена съ нимъ
быстрыми путями, иммиграціонное движение
негровъ, по всей вѣроятности, снова приметъ
значительные размѣры, такъ какъ мало найдется
расъ, которыхъ бы отличались такою по-
движностью и предпріимчивостью, какъ эти на-
роды верхней области Нигера.

Гораздо менѣе многочисленные въ Алжиріи, чѣмъ въ Марокко, евреи имѣютъ вѣкоторую
важность въ составѣ алжирскаго населенія
только своею крѣпкою сплоченностью въ горо-
дахъ и тѣмъ искусствомъ, съ которымъ они
умѣютъ притягивать сбереженія страны; кромѣ
того они принимаютъ участіе въ политической
власти, благодаря своему титулу французскихъ
гражданъ; но численно они далеко уступаютъ
этническимъ элементамъ, введеннымъ завое-
ваніемъ. Европейскіе иммигранты, составляю-
щіе седьмую часть общаго числа жителей,
являются уже, благодаря рессурсамъ, которые
имъ даетъ высшая цивилизациѳ, господствую-
щіе расою въ Алжиріи; даже помимо специаль-
наго могущества, которое имъ обеспечиваютъ
пользованіе политическою властью и организа-
ція вооруженной силы, они играютъ роль гос-
подъ, такъ какъ управляютъ предпріятіями,
раздаютъ работу, платятъ жалованье. Берберы,
коренные жители, и арабы, потомки прежнихъ
завоевателей, равно вынуждены обращать взо-
ры къ этимъ новымъ пришельцамъ, какъ къ
своимъ инициаторамъ, даже въ тѣхъ случаяхъ,
когда имъ не нужно бояться ихъ какъ властите-
лей. Французы возобновляютъ дѣло римлянъ,
но въ совершенно иныхъ условіяхъ, суще-
ственно измѣненныхъ ходомъ исторіи. Заиску-
ченіемъ западной Европы и Мавританіи, непо-
средственно прилегающихъ къ океану, рим-
скій міръ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ
невѣдомыми странами, населенными враждеб-
ными народами; вѣнчшее давленіе постоянно
чувствовалось на границахъ, и малѣшее осла-
бленіе силъ во внутреннемъ организмѣ позволя-
ло этимъ плотно охватывающимъ тискамъ сбли-
жать свои вѣтви: кончилось тѣмъ, что онѣ сом-
кнулись совершенно со временемъ нарушенія
политического равновѣсія, произведенаго ве-
ликимъ переселеніемъ народовъ. Теперь же

цивилизованный міръ, который, за неимѣніемъ
другаго собирательного имени, можно назвать
«европейскимъ», не окруженнъ варварскими
населеніями; напротивъ, онъ самъ окружаетъ
ихъ поясомъ, безпрестанно увеличивающимъся,
проникаетъ въ ихъ среду, преобразуетъ ихъ,
приносить имъ новую промышленность и но-
вые нравы. Сообщенія устанавливаются черезъ
внутреннія страны между противоположными
берегами континентовъ. Если не ассимиляція
народовъ, то по крайней мѣрѣ пріобщеніе
ихъ къ одной и той же наукѣ, къ одной и той
же культурѣ стоять вѣнчъ всякаго сомнѣнія, и
это дѣло пропаганды, сознательной или без-
сознательной, въ областяхъ Сѣверной Африки,
выпало на долю переселенцевъ съ побережья
Средиземнаго моря, особенно французовъ.
Римская кровь, какъ извѣстно, не совсѣмъ
исчезла въ бывшихъ африканскихъ провин-
ціяхъ Нуридін и Мавританіи: вліяніе италій-
скихъ колонистовъ продолжается еще въ ты-
сячѣ различныхъ формъ, но его невозможно
распознать съ точностью въ этомъ безконечномъ
смѣшаніи расъ; исторія среднихъ вѣковъ въ
Магрѣбѣ слишкомъ неясна, чтобы можно было
строго прослѣдить преемственность людей и
идей. Теперь началась новая эра, благодаря
постепенному присоединенію варварскаго міра
къ области европейской цивилизациѳ, и потом-
ство безъ труда признаетъ долю труда, совер-
шенную съ 1830 года колонизаторами фран-
цузскими, испанскими, итальянскими. Доля эта
уже весьма значительна; годъ отъ году видъ
Алжиріи измѣняется основаниемъ городовъ и
деревень, увеличеніемъ площади воздѣлывае-
мыхъ земель, расширениемъ сѣти шоссейныхъ
и желѣзныхъ дорогъ. Хотя европейцы соста-
вляютъ еще меньшинство въ Алжиріи, однако,
отпечатокъ ихъ труда виденъ уже почти по-
всюду, отъ побережья до высокихъ плато и до
границъ пустыни.

VII.

Путешественникъ, проѣзжающій по Алжиріи,
удивляется, что тамошніе города по виду такъ
мало разнятся отъ городовъ Франціи, которые
онъ только-что покинулъ: если бы не пальмы и
бамбуки, украшающіе публичные сады, да не
арабы и мавры, работающіе или гуляющіе на
набережныхъ и улицахъ, онъ могъ бы спро-
сить себя, не иллюзія ли это, и точно ли онъ
переправился черезъ Средиземное море. Кварталы,
которые онъ посѣщаетъ, построенные
французскими архитекторами, какъ будто скопи-
рованы съ кварталовъ Марселя; почти вездѣ
живописные арабскіе дома замаскированы ули-
цами съ правильными и банальными фасадами: иностранецъ можетъ долго жить въ алжир-
скомъ городѣ, не имѣя случая заглянуть въ эти
лабиринты жилищъ, напоминающіе о минув-

шемъ періодѣ. Деревни кодонистовъ, тоже французской конструкціи, хотя часто построенные на мѣстѣ арабскихъ мѣстечекъ съ перемѣною ихъ именъ, имѣютъ надъ селами метрополіи то преимущество, что улицы въ нихъ шире, дома чище, общій видъ привѣтливѣе, благодаря садамъ, аллеямъ, пестрѣющимъ цветами площадямъ. Что касается арабскихъ селеній, то ихъ трудно примѣтить. Эти кучки палатокъ или черноватыхъ бараковъ смѣшиваются съ окружающею почвою или теряются среди кустарника; впрочемъ, арабы въ самомъ дѣлѣ старались, да и теперь еще стараются, прятать свои дуары. Они боятся наѣзжающихъ «ѣдоковъ», чиновниковъ или военныхъ, и «прячутся въ свои норы», чтобы избавиться отъ дорогостоющей чести принимать своихъ господь и угощать ихъ «диффой», или почетнымъ обѣдомъ. Вотъ почему густо населенные мѣстности кажутся безлюдными. Деревни кабиловъ, пріютившіяся на вершинахъ, больше бросаются въ глаза, чѣмъ дуары арабовъ; но и эти селенія, такого же сѣроватаго цвета, какъ скалы, на которыхъ они лѣпятся, похожи на естественные выступы горы. Туземное общество обнаруживаетъ свою долю труда въ человѣческихъ постройкахъ только мавзолеями святыхъ, куполами съ четырехугольнымъ основаніемъ, ослѣпительная бѣлизна которыхъ рѣзко выдѣляется изъ блѣдно-зеленої листвы маслинъ.

Но еще очень обширны области Алжиріи, гдѣ можноѣ ходить долгіе часы, не встрѣчая ни одного человѣческаго жилья. Такова, на плоскогорьяхъ восточной Алжиріи, страна, воды которой текутъ въ Меджерду и въ ея притокъ, уездъ Меллегъ. Эта область, географически принадлежащая къ Тунису, занимаетъ около 7.000 квадратныхъ километровъ, можетъ-быть, даже около 10.000, если считать соединенія пространства съ неопределенымъ скатомъ: это—возвышенность (отъ 1.000 до 1.100 метр.), ограниченная на югѣ сѣверными отрогами Джебель-Ауреса, на сѣверѣ—льсистыми горами Бени-Салахъ. Благодаря значительному возвышенію почвы, здоровому климату, природному плодородію полей, соединенію дорогъ, которыми во всѣ времена слѣдовали караваны между прибрежьемъ Средиземнаго моря, пустьней и Габесскимъ заливомъ, этотъ округъ алжирской территории, нынѣ почти безлюдный, есть одинъ изъ тѣхъ, которые обѣщаютъ самую блестящую будущность колонизаціи: нигдѣ въ Африкѣ, кромѣ развѣ Бизацены, римскіе поселенцы не были скучены въ такомъ большомъ числѣ, и оставленные ими руины почти такъ же многочисленны, какъ въ смежной Тунисской области. Каждый годъ новые переселенцы направляются къ этимъ высотамъ, хотя не прошелъ еще періодъ жизни одного поколѣнія съ той поры, какъ европеецъ далъ первый ударъ заступа на этихъ плато. Военная рекогносци-

ровка была произведена тамъ еще въ 1841 году, но окончательная оккупациѳ состоялась лишь во второй половинѣ столѣтія, и долгое время французские резиденты боязливо оставались сгруппированными вокругъ фортовъ.

Три главныхъ племени, подраздѣляющіяся на множество второстепенныхъ клановъ, занимаютъ область плоскогорья: на югѣ—неменша, въ центрѣ—уладъ-сиди-ягія-бенъ-талебъ, на сѣверѣ—ганенша, распространяя свои кочевки въ предѣлы тунисской территории; это берберы шауйскаго и зенатскаго происхожденія, болѣе или менѣе смѣшанные съ арабами, пришедшими во время гилалійскаго нашествія въ XI столѣтіи. Между ганешами живутъ еще евреи-земледѣльцы, и, по общераспространенному въ Алжиріи мнѣнію, это племя и само никогда придерживалось Моисеева закона: сѣѣди, арабы и берберы, часто даютъ имъ обидное прозвище ягуди (иудеи), также какъ прозвища бенъ-габешъ, или «сыны абиссинцевъ», и бенъ-феллашъ, или бенъ-феннашъ, «сыны феллата»; такъ сохранилось смутное воспоминаніе о разсѣяніи евреевъ: мало-по-малу алжирскіе берберы узнали о существованіи феллаша на эзопскихъ плоскогорьяхъ¹⁾). Мѣстечко Калаа-эс-Сенамъ, стоящее на уединенномъ плато, на высотѣ вѣсколькихъ сотъ метровъ надъ размытой водами равниной, есть крѣпость ганеншей, которая, при турецкомъ господствѣ, считалась зависящей отъ Константинскаго бѣльяка. Въ 1871 г. это племя возмутилось, но съ того времени все спокойно, и колонизація безпрепятственно развивается вокругъ городовъ, которые выстроены французами на мѣстѣ римскихъ поселеній.

Главный изъ этихъ городовъ, Тебесса, замѣтно растеть, хотя ему далеко до могущественной Тевесты, которую онъ смѣнилъ, и отъ которой еще сохранились величественные памятники. Расположенный на высотѣ 1.088 метровъ, напоминающей климат средиземной Европы, у сѣверного основанія горнаго вала, образуемаго Джебель-Дукканомъ и защищающаго его отъ знойныхъ сухихъ вѣтронъ пустыни, обильно снабжаемый водою (главный фонтанъ даетъ 2.000 литровъ въ минуту), имѣющій, кромѣ того, обширные лѣса на сѣдѣніяхъ горахъ, ломки мрамора и другіе строительные материалы,—Тебесса есть одинъ изъ тѣхъ городовъ Алжиріи, которымъ, повидимому, предстоитъ самая блестящая будущность: онъ уже окруженнъ фруктовыми садами, которые орошаются водами, образующими ниже уездъ Гелать, восточный притокъ Меллега. Тевеста не принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ городовъ Африки: она основана при Веспасианѣ, но благодаря своему счастливому стратег-

¹⁾ Ab. Caben, „Mémoires de la Société archéologique de Constantine“, 1869; Ch. Feraud, „Revue Africaine“, 1874;—Lambert, рукописныи замѣтки.

гическому и торговому положенію, быстро сдѣлалась важнымъ городомъ, съ сорокатысячнымъ населеніемъ; разоренная вандалами, затѣмъ занимаемая послѣдовательно византійцами, арабами и берберами, она нѣсколько разъ получала жителей различнаго происхожденія; до французской оккупациіи она служила общимъ рынкомъ всѣмъ окружающимъ племенамъ. Теперь арабско-французскій городъ, Тебесса все еще импонируютъ своими руинами римскими или византійскими, своей гордливой оградой, фланкированной тринадцатью башнями, своей прекрасной триумфальной аркой, самой красивой постройкой этого рода, какую намъ оставили римскіе зодчіе, своими некрополями, своимъ водопроводомъ, который поправленъ французами, и храмомъ Минервы, обращеннымъ въ церковь, послѣ того какъ онъ служилъ послѣдовательно мастерскою, складочнымъ магазиномъ и тюрьмой. Большая часть нынѣшнихъ домовъ тоже построены изъ римскихъ фрагментовъ; французская касба (цитадель), занимающая юго-западный уголъ первоначальной ограды, вся сооружена изъ камней, вытесанныхъ колонистами Рима и Византіи. Даже дороги, сходящіяся къ Тебессѣ, во многихъ мѣстахъ не что иное, какъ древне-римскія *viae*, только немногого реставрированныя: на одной изъ нихъ, которая направлялась къ Ситифису, черезъ Маскулу, Тамгадъ, Ламбезу, Діану, было столько портиковъ, храмовъ, водопроводовъ, что она и теперь еще имѣеть видъ «триумфального пути»¹⁾. Весьма важно было бы всѣ эти дороги, теперь удобопроѣзжаемыя только въ лѣтнее время, привести какъ можно скорѣе въ исправное состояніе, въ виду того, что Тебесса является естественнымъ посредникомъ между Боной и Габесомъ, между Тугуртомъ и Тунисомъ. Тебесса связана съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ Алжиріи рельсовымъ путемъ, который идетъ чрезъ плоскогорья вдоль тунисской границы и, перейдя Меджерду, поднимается къ Сукъ-Ахрасъ; безъ всякаго сомнѣнія, современемъ Тебесса будетъ поставлена также въ прямое сообщеніе съ Константиной посредствомъ другой желѣзной линіи, проходящей на сѣверо-западъ черезъ Аннъ-Бенда: это—мѣсто снабженія провантомъ для всѣхъ военныхъ станций южнаго Туниса.

Къ сѣверу отъ Тебессы нѣть ни одного центра колонизаціи до самой Меджерды. Въ этихъ странахъ, гдѣ еще видны слѣды ста-гатидесяти римскихъ городовъ или мѣстечекъ, единственные французскіе посты—*борджи* (крепостцы), построенные съ большими издержками вдоль тунисской границы и сдѣлавшіяся почти бесполезными, съ тѣхъ поръ какъ военное наблюденіе перенесено въ укрѣпленный

городъ Кефъ, на территоріи регентства; имъ даже не суждено было сдѣлаться станціями желѣзной дороги изъ Сукъ-Ахраса въ Тебессу, и, можетъ-быть, еще не скоро настанетъ время, когда земледѣльцы переймутъ многочисленные источники, теряющіеся въ падахъ плоскогорья. На верхнемъ Меллегѣ, который круглый годъ сохраняетъ теченіе, благодаря сосѣдству горъ Джебель-Аурестъ, исходнымъ пунктомъ земледѣльческаго завоеванія страны является деревня Мескіана, служаща этапомъ на дорогѣ изъ Константины въ Тебессу. Между Мескіаной и Тебессой дорога идетъ по длинному дефилю джебеля Галлуфа, защищенному нѣкогда римскимъ городомъ. Въ этой области почва усъяна до-историческими и римскими развалинами: весь край былъ громаднымъ лѣсомъ оливковыхъ деревьевъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ прессы для выдавливанія масла, остатки которыхъ находять въ каждой руинѣ римской фермы.

Сукъ-Ахрасъ, главный городъ пограничнаго плато, стоитъ на высотѣ 700 метровъ, на скатѣ горъ, ограниченномъ на югѣ извилистымъ теченіемъ верхней Меджерды. Построенный на мѣстѣ древней Тагасты, гдѣ родился блаженный Августинъ, епископъ Гиппонскій, Сукъ-Ахрасъ еще въ 1852 г. былъ не болѣе, какъ военный постъ, угрожаемый могущественнымъ племенемъ ганенша, которое кочевало въ окрестныхъ степяхъ. Сосѣдство тунисской границы придавало этому посту нѣкоторую стратегическую важность, но со временемъ постройки дорогъ и открытія рельсоваго пути скромная горная деревня быстро превратилась въ цвѣтущий городъ. Сукъ-Ахрасъ, сдѣлавшіяся главнымъ внутреннимъ этапомъ между двумя портами, Боной и Тунисомъ, всего болѣе напоминаетъ города Нового Свѣта тою горячкой материальнаго прогресса, которая овладѣла его населеніемъ; годъ отъ году улицы вытягиваются все далѣе къ желѣзнодорожной станціи и, по скатамъ плоскогорья, къ долинѣ Меджерды; земли въ окрестностяхъ, продаваемыя администрацией или уступаемыя въ пользованіе на извѣстныхъ условіяхъ, обращаются въ поля и сады; хребты холмовъ, недавно покрытые кустарникомъ, распахиваются для насажденія винограда; постепенно весь округъ заселяется, и переселенцы находять тамъ какъ бы вторую Францію по обилию воды, здоровости климата, разнообразію и превосходному качеству земледѣльческихъ произведений. Центръ заселенія для плоскогорій восточной Алжиріи, Сукъ-Ахрасъ является, кромѣ того, промышленнымъ инициаторомъ для западнаго Туниса: отсюда будетъ совершаться мало-по-малу присоединеніе долины Меджерды къ европейскому миру.

Городъ новый, Сукъ-Ахрасъ сохранилъ отъ римской древности только надписи да безформенные камни; главная его достопримѣчатель-

¹⁾ E. Masqueray, „Coup d'œil sur l'histoire de l'Afrique Septentrionale“.

ность — произведение современной индустрии: это железнная дорога, поднимающаяся съ береговъ Меджерды, чтобы перейти траншеями и туннелемъ Феджъ-эль-Мокта гребень горъ (778 метр.), на южной сторонѣ города, и спуститься черезъ скалы и лѣса длиннымъ рядомъ кривыхъ въ долину Сейбузы: немногія мѣстности Алжиріи могутъ сравняться, по красотѣ пейзажа, съ видами, которые открываются взорамъ путешественника во время этого подъема на горы, когда поѣздъ послѣдовательно переходитъ изъ одного климата въ другой. Большия лѣса, которые тянутся къ сѣверу отъ Сукъ-Ахраса, на высотахъ Бени-Салахъ, принадлежать къ лучшимъ въ Алжиріи, и въ прогалинахъ этихъ лѣсовъ бывать изъ земли горячие и сѣрые ключи, изъ которыхъ иные утилизируются. На южныхъ плато, за глубокой впадиной, где течетъ Меджерда, деревья рѣдки, хребты покрыты травою, на которой пасутся стада племени ганенша; но римскія развалины разсѣяны тамъ въ большомъ числѣ: къ юго-востоку отъ Сукъ-Ахраса, близъ Айнъ-Геттара, генширь Таура стоитъ на мѣстѣ древней Тагуры, отъ которой уцѣлѣлъ храмъ, преобразованный арабами въ форты; на югѣ, у подошвы зубчатаго гребня, кругъ обломковъ, Мадаурушъ, напоминаетъ Мадауру, родину ритора Апулея, городъ словесниковъ, где св. Августинъ проходилъ курсъ ученія, прежде чѣмъ отправиться въ Карлагенъ; далѣе къ западу, на томъ же плато, изрытомъ ручьями, спускающимися къ верхней Меджердѣ, разсѣяны развалины Тифеша, Типазы (Tipasa) римлянъ. У самыхъ истоковъ Меджерды, на округлыхъ пригоркахъ расположены руины Хемиссы, которая въ римскую эпоху называлась Тубурсикумъ «numidійцевъ»: дѣйствительно, между надгробными надписями, найденными среди фрагментовъ дворцовъ и храмовъ, многія носятъ ливійскія или «numidійскія» имена, рѣзко отличающіяся отъ римскихъ глаголома.

Алжирскія общины бассейна Меджерды, съ цифрой ихъ населенія (1881 г.):

Сукъ-Ахрасъ—5.961 ж. (3.840 европейцевъ и евреевъ); Тебесса—3.048 ж. (1.009 европейцевъ и евреевъ).

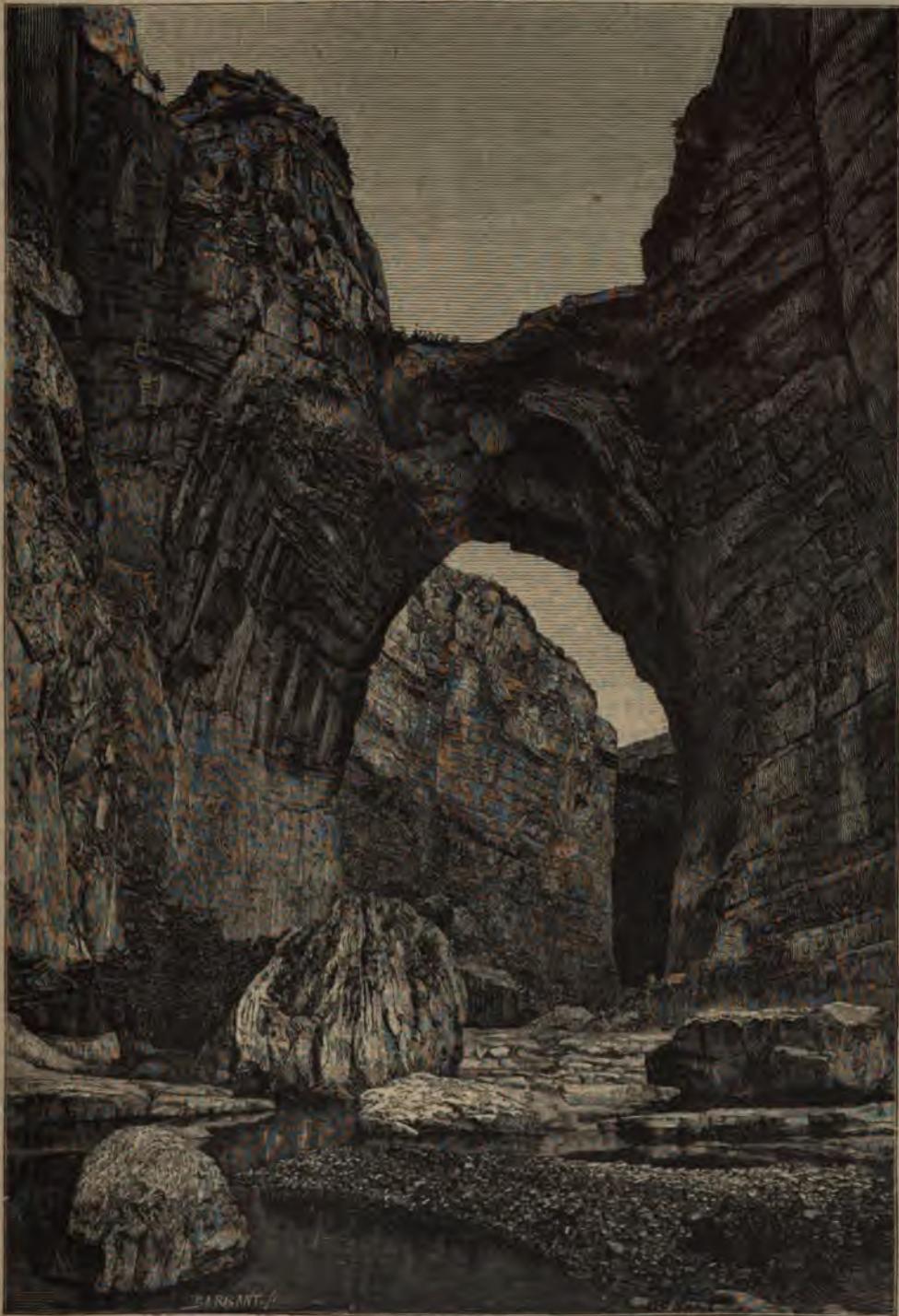
Сѣверный склонъ горъ, проходящихъ на сѣверѣ отъ Сукъ-Ахраса и соединяющихся съ тунисскими массивами Хумиріи, даетъ начало нѣсколькимъ многоводнымъ ручьямъ, которые всѣ вмѣстѣ образуютъ бассейнъ рѣки Мафрагъ. Въ настоящее время только становища племени бени-ахмаръ, да нѣсколько французскихъ поселковъ разсѣяны въ этомъ бассейнѣ, очень рѣдко населенномъ, но которому суждено сдѣлаться одною изъ многолюднѣйшихъ мѣстностей Алжиріи, судя по обилию дождей и плодородию почвы. Единственный городъ этого края лежитъ въ бассейна р. Мафрагъ, на берегу бухточки Средиземного моря, отдѣленный

отъ внутренности материка амфитеатромъ холмовъ съ крутыми скатами. Городъ этотъ—Ла-Калле (la Calle). Сосѣднія высоты покрыты лѣсами, состоящими большею частію изъ пробковаго дуба; только нѣсколько садовъ и подѣй образуютъ узкій поясъ вокругъ домовъ. Ла-Калле не разъ рисковалъ бы умереть съ голову, если бы его не выручало чрезвычайное обилие рыбы, живущей въ его водахъ; съ другими городами Сѣверной Африки онъ соединенъ только болескою дорогою, впрочемъ, довольно трудною для проѣзда въ нѣкоторыхъ частяхъ ея протяженія. Кажется, что имя la Calle было присвоено бывшему арабскому мѣстечку Мерсъ-эль-Херразъ по причинѣ формы его порта, который походить на «cale», бассейнъ для починки судовъ; или, можетъ-быть, название это произошло отъ слова Калаа, то-есть, «замокъ». Гавань этой крѣпости была гнѣздомъ корсаровъ; но уже почти за полтора столѣтія до завоеванія Алжиріи скалистый полуостровъ, на которомъ стоитъ первоначальное мѣстечко, сдѣлался французскою землею. Съ 1560 г. нѣкоторые марсельские нѣгоціанты, учредивъ компанію подъ названіемъ «африканской», основали «Французскій Бастіонъ» (Bastion de France) недалеко отъ канала, черезъ который изливается въ море излишекъ водъ озера Мелахъ, и провансальские матросы, служившіе при этой конторѣ, занимались, въ пользу компаніи, ловлею коралловъ на сосѣднихъ берегахъ. Въ 1694 г. поселеніе было переведено въ Мерсъ-эль-Херразъ, сдѣлавшійся портомъ Ла-Калле, и маленькая колонія «дрягилей» (frégataires), вербовавшихся главнымъ образомъ въ тюрьмахъ Франціи, продолжала существовать на этой скалѣ африканского берега; доступъ женщинамъ на станцію былъ безусловно воспрещенъ. Во время войнъ первой имперіи англичане купили у туземцевъ контору въ Ла-Калле, но въ 1816 г. возвратили ее французамъ. Затѣмъ маленький гарнизонъ провансальской компаніи снова долженъ былъ покинуть портъ въ 1827 г., когда вспыхнула война между Франціей и алжирскимъ деемъ: оккупация развалинъ послѣдовала лишь въ 1836 г. Новый городъ выстроился на континентальномъ берегу, напротивъ старого мѣстечка.

Несмотря на эту давность занятія французами, Ла-Калле изъ всѣхъ городовъ Алжиріи наименѣе французскій по національности его жителей: между поселившимися тамъ европейцами три четверти—итальянцы, преимущественно изъ Неаполя и Сициліи. Ловля коралловъ, главный промыселъ этихъ водъ, до недавнаго времени практиковалась исключительно одними итальянцами; почти на всѣхъ судахъ, занятыхъ этимъ промысломъ на коралловыхъ меляхъ, экипажъ состоялъ изъ итальянскихъ моряковъ, уроженцевъ Торре-дель-Греко. Съ 1864 г. монополія ловли перешла въ

другія руки, по крайней мѣрѣ официально; чтобы освободиться отъ платежа попытны за пантентъ, многіе неаполитанскіе ловцы приняли

быстро возрасло; но когда способъ ловли измѣнился и, вмѣсто прежнихъ примитивныхъ снарядовъ, стали употреблять драгу, мели посте-

Природная арка въ Константинѣ.

французское подданство и, водворившись на постоянное жительство въ Ла-Калле, способствовали поднятію торговли этого алжирскаго города; число судовъ, посыпаемыхъ на мели,

пенно опустѣли, и большинство барокъ остались безъ дѣла. Вообще эксплоатациа коралловыхъ банокъ теперь въ упадкѣ въ водахъ Ла-Калле, какъ и въ водахъ Табарки; цѣнность

вывоза уменьшилась болѣе, чѣмъ на половину, какъ показываютъ слѣдующія цифры, относящіяся къ первому изъ этихъ городовъ: въ 1821 г.: 241 судно; 2.600 ловцовъ; уловъ: 37.950 кило; цѣнность: 1.983.000 франк.; въ 1882 г.: 150 судовъ; 1.054 ловца; уловъ: 19.720 кило; цѣнность: 983.000 франк.

По счастію, другой промыселъ — соленіе сардинокъ—замѣнилъ отчасти коралловую ловлю; въ окрестностяхъ города основано три солильки, продукты которыхъ отправляются въ Неаполь и во всю Южную Италию. Тамошніе рыболовы снабжаютъ также свѣжею рыбой города прибрежья, но пока Ла-Калле не обзается портомъ, доступнымъ большими морскими судамъ, и не будетъ соединенъ съѣть желѣзныхъ дорогъ, онъ не можетъ имѣть сколько-нибудь важнаго значенія для торговли въ собственномъ смыслѣ. Текущая «гавань» его очень опасна: какъ только вѣтеръ немногого усиится, волны въ видѣ пѣнящаагося буруна врываются въ узкій проходъ, и суда вынуждены держаться въ открытомъ морѣ, подъ ударами бури: по цѣлымъ недѣлямъ и даже мѣсяцамъ портъ остается неприступнымъ. Были, правда, предприняты работы по сооруженію гавани, но безъ всякаго плана и послѣдовательности. Бухта св. Мартина, къ востоку отъ города, была выкопана, затѣмъ завалена, и теперь она наполнена глыбами бетона, оставшимися безъ употребленія. По новому проекту, предполагается продолжить стрѣлку маяка при помощи криволинейнаго жете и такимъ образомъ защитить входъ отъ вѣтра и волнъ. Черная скала, на которую должно опираться проектированное жете, замѣчательна сотнями круглыхъ ямъ, наклонныхъ, горизонтальныхъ и вертикальныхъ, которыя вырыты круговращательнымъ движеніемъ камней, привесенныхъ волнами. Эти «котлы гигантовъ» такъ многочисленны и такъ часты, раздѣлены стѣнками дотого острыми и разорванными, что далеко не безопасно пробираться по этой скалѣ, прошерленной во всѣхъ направленіяхъ кружащимися камнями; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ котлы сообщаются съ моремъ, и ревущія волны лютятся въ нихъ пѣнистыми спопами. Внутри материка встрѣчаются подобная же углубленія, вырытые нѣкогда моремъ.

Километрахъ въ десяти къ востоку отъ Ла-Калле, на тунисской границѣ, деревня Умъ-этъ-Тебуль, защищенная укрѣпленнымъ зданіемъ, занимаетъ нижніе хребты каменистой горы, очень богатой залежами сереброноснаго свинца; тутъ начинается горнопромышленная область, продолжающаяся въ Тунисъ, въ территоріи племенъ хумиръ и нефза. Рудники въ Умъ-этъ-Тебулѣ, «Матери шлаковъ», дѣятельно разрабатываются; около трехсотъ рудокоповъ, по большей части шемонтицевъ, добываютъ каждый годъ отъ 2.500 до 3.000 тоннъ руды, которая

перевозится по особой желѣзводорожной вѣтви на морской берегъ въ Мезиду, гдѣ ее грузятъ на суда. За неимѣніемъ порта въ Ла-Калле, тебульские рудокопы должны были построить собственный амбаркадеръ у подошвы «Круглой» горы, совершенно правильнаго конуса, который господствуетъ надъ выходомъ канала, проведенного изъ Гараа-эль-Гутъ. Область Ла-Калле, Умъ-этъ-Тебуль и тунисской гравиціи замѣчательна еще тѣмъ, что въ ея древнихъ некрополяхъ найдены самые большие долmensы и наибольшее число двуязычныхъ надписей, латинскихъ и берберскихъ¹⁾.

Въ бассейнѣ Сейбузы, одномъ изъ главныхъ бассейновъ Сѣверной Африки, стражемъ его устья служитъ городъ Бона, пятый между городами Алжиръ по числу жителей и одинъ изъ ея исторически замѣчательныхъ городовъ; въ области истоковъ, рѣка Шерфъ, главная вѣтвь Сейбузы, тоже охраняется городомъ, но это городъ новѣйшей формациіи — Аинъ-Бинда, «Бѣлый Ключъ», или просто Бинда; онъ основанъ въ 1848 г., и развалины, мегалитовыя и другія, находимыя въ этомъ мѣстѣ, не были отожествлены съ какимъ-либо римскимъ постомъ. Аинъ-Бенда, лежащая на плато, почти на полпути изъ Константины въ Тебессу, обладаетъ тѣми же выгодами, какъ и этотъ послѣдній городъ: здоровымъ климатомъ, плодородными землями, обильными водами. Евреевъ очень много, большие даже, чѣмъ французовъ, въ этомъ рынке, куда спускаются за покупками горныя племена съ Джебель-Ауреса: эти еврейскіе торговцы, между прочимъ, снабжаютъ мануфактурными товарами могущественный народецъ гаракта, нѣкогда владѣвшій всею этой частью плоскогорья и центральной впадины, называемой Гараатъ-Тарфъ, куда изливаются во время дождей многочисленные ручьи, берущіе начало на плато и въ долинахъ Ауреса. Племя гаракта, численность которого опредѣляютъ въ 30.000 душъ, сдѣлало большиѳ успѣхи въ культурѣ: очень многія семьи изъ кочевниковъ обратились въ осѣдлыхъ жителей, и верблюды уже замѣнены у нихъ рабочими волами. На сѣверо-западѣ отъ «Бѣлаго Источника» находится другой важный рынокъ этого племени, Умъ-эль-Буаги, гдѣ выдѣлываются кадки и другую деревянную посуду, отправляемую даже въ отдаленные мѣстности.

Уэдъ Зенати, называемый обыкновенно Гамданъ, образуетъ, вмѣстѣ съ уѣдомъ Шерфъ, рѣку Сейбузу. Въ верхней его долинѣ, еще нездоровой и посѣщаемой периодически лихорадками, главная община — городъ того же имени, Уэдъ-Зенати. Это большое мѣстечко, быстро растущее, окружено хребтами, покры-

¹⁾ Reboud;—Judas;—Letourneau;—Mercier;—E. Renand, „Revue des Deux Mondes“, 11 sept. 1873.

тыми травой, но лишенными древесной растительности; впрочемъ, теперь разводить деревья въ лощинахъ и по скатамъ вокругъ каждого жилища. Земли Уэдъ-Зенати, Аинъ-эръ-Регада, Аинъ-эль-Абидъ и всего тамошняго округа были уступлены казною одной финансовой компании и составляли, вмѣстѣ съ нѣсколькими разбросанными островками, громадное имѣніе въ 100.000 гектаровъ, въ томъ числѣ около 75.000 гектар. въ одной межѣ. Небольшая часть этого пространства была продана, но утилизируемыя земли почти всѣ сдаются въ аренду или въ наемъ поселенцамъ-исполовщикамъ. Вокругъ каждой деревни селятся колонисты, поля и сады которыхъ представляютъ рѣзкій контрастъ съ обширными невоздѣлаными пространствами, служащими еще выголовомъ для скота.

Нѣсколько домовъ и желѣзнодорожная станція расположились на берегу узда Гамданъ, недалеко отъ сліянія его съ Шерфомъ; поселеніе это носить название Гаммамъ-эль-Месхутинъ, то-есть «купальни проклятыхъ». Въ этомъ мѣстѣ русло ручья захвачено окаменѣлымъ водопадомъ, около десяти метровъ высоты, который трудно видѣть во всемъ его объемѣ по причинѣ выпуклой формы, которую приняла эта масса известковыхъ слѣпковъ. Ниспадая рядомъ маленькихъ каскадовъ, которые безпрестанно мѣняютъ мѣсто, вслѣдствіе постепенного наростанія скалы, вода отложила изъ водоема въ водоемъ свои разноцвѣтныя инкрустациіи, красные, фиолетовые, синеватые, сѣрыя, мѣстами ослѣпительно блѣдые, какъ недавно выпавшій снѣгъ. По ступенькамъ, высѣченнымъ въ камнѣ, съ боку дымящагося водопада, можно взобраться на вершину кручи, откуда низвергаются ключи, вытекающіе съ клокотаніемъ изъ воронкообразныхъ отверстій въ известковой корѣ, синеватой, какъ трещины ледника; надъ кипящими источниками поднимаются столбы пара, колеблемые вѣтромъ и поперемѣнно то скрывающіе, то открывашіе окружающей пейзажъ — оливковыя деревья въ долинѣ, поросшіе травой скаты холмовъ и волнистый профиль гребней горъ. Ключи въ Гаммамъ-эль-Месхутинъ очень обильны: они выбрасываютъ 1.650 литровъ въ секунду, — объемъ воды, какого не даютъ ни одинъ изъ горячихъ источниковъ Франціи; въ то же время температура ихъ чрезвычайно высока — отъ 90 до 95 градусовъ Цельзія: окрестные арабы пользуются этими фонтанами для варки пищи и для мочки растенія дісъ, изъ волоконъ котораго выуть веревки. Инкрустациіи, довольно крупнаго зерна, отлагаются такъ быстро, что для поддержания рыбныхъ садковъ, устроенныхъ по сторонамъ каменнаго водопада, приходится безпрестанно проводить новые канавки. Позади катараата, на плато, высятся сѣроватые конусы, отъ которыхъ источники и по-

лучили свое настоящее название «Проклятыхъ-бань». Конусы эти, какъ гласить легенда, — персонажи кровосмѣсительной свадьбы, обращенные въ камень: деревья, выступы скалъ, бугры изображаютъ головные уборы, покрывала, раззывающіяся маитіи, и не нужно облаивать особенно пылкимъ воображеніемъ, чтобы представить себѣ свадебный поѣздъ гигантовъ. Эти естественные обелиски свидѣтельствуютъ объ уменьшении дѣятельности въ изверженіи фонтановъ: въ эпоху образованія конусовъ, воды, болѣе обильныя, имѣли большую силу подъема и могли взлетать на 5 метровъ надъ ихъ нынѣшимъ уровнемъ при выходѣ на поверхность. Позади этого передового фронта травертиноваго каскада, та же горная порода, отложенная горячою водою, занимаетъ взбрюсть пласта, около 2 километр. длиной, направленный съ юга на сѣверъ, и на этомъ пространствѣ видѣются другіе осадочные конусы, другие застывшіе водопады и обрушившися своды, на дѣлѣ котораго разстилается подземное озеро; всѣ эти многочисленные источники пропадаютъ безъ пользы въ оврагахъ. Термальныя воды Гаммамъ-эль-Месхутинъ утилизируются въ военномъ госпиталѣ и въ гражданской больнице, посѣщаемой преимущественно евреями; нѣть сомнѣнія, станція «Проклятой бани» рано или поздно получить первостепенную важность въ терапевтикѣ Алжиріи. Римское ея имя Aquae Tibilitanae (Тибилитанскія воды) происходитъ отъ города Тибили, или Аннуна, развалины котораго находятся въ десяти кѣ юго-западу, на дорогѣ, соединяющей деревни Клозель и Уэдъ-Зенати; неподалеку оттуда, одна скала, Гаджаръ-эль-Хенга, покрыта странными изваяніями, между которыми различаютъ людей, собакъ, быковъ и страуса¹⁾). На сѣверѣ отъ Гаммамъ-эль-Месхутинъ, по другую сторону цѣпи голыхъ холмовъ, лежитъ мѣстность Рокніа, усыпанная доисторическими памятниками; скалы тамъ покрыты долменами и изрыты безчисленными (болѣе трехъ тысячъ) могильными склепами, известными у туземцевъ подъ именемъ *танутъ*, или «лавки»; изъ этихъ усыпальницъ извлечено много скелетовъ, очень любопытныхъ для антропологического изученія расъ Алжиріи.

По соединеніи выше Меджезъ-Ахмара или «Краснаго Брова», дѣлѣ рѣки, Шерфъ и Зенати, образуютъ Сейбузу, которая течеть извилиниами черезъ луга и поля. На одномъ изъ холмовъ праваго берега, за каменными стѣнами и густою зеленью, прачется городокъ Гельма, наслѣдникъ имени, если не мѣстоположенія, римской Каламы, гдѣ еще въ пятомъ столѣтіи говорили «пуническимъ языкомъ». Чистенький и хорошо построенный, на общей границѣ арабской и берберской территорій, Гельма,

¹⁾ Ch. de Vignera, „Ruines romaines de l'Algérie“.

между второстепенными городами Алжиром, один из самых приятных; виноградники, покрывающие скаты холмовъ, и масличные рощи, окаймляющие берега Сейбузы, образуютъ вокругъ него зеленѣющій поясъ. Хорошенькия деревни, Айнъ-Тута, Геліополь, Миллезимо, Шети, раскиданы въ долинѣ. Въ окрестностяхъ Гельмы есть минеральные источники; самые обильные и наиболѣе утилизируемые изъ нихъ—ключи Гаммамъ-аль-Беїда, въ 9 километр. къ сѣверо-востоку, въ бассейнѣ, который окружаютъ римскія руины, обвитыя гирляндами листьевъ.

Живописная деревня Дювиые господствуетъ надъ правымъ берегомъ Сейбузы, противъ станціи, где расходятся двѣ желѣзныя дороги, алжирская и тунисская. Благодаря удобству сообщеній и плодородію почвы, европейскія поселенія довольно многочисленны въ нижней долинѣ Сейбузы. Барраль, Мондеви, славящіяся своимъ табакомъ, Дюзервиль, занимаютъ западный склонъ; Уэдъ-Бесбе, Мерде или Комбъ, Зеризеръ, Рандонъ, Моррисъ, Бланданъ, окруженные рощами, расположились въ восточной равнинѣ; на западѣ, въ долинѣ Мебуджи, притока Сейбузы, виднѣется мѣстечко Пантевръ. Усадьбы, фермы встрѣчаются все чаще и чаще, по мѣрѣ того, какъ приближаешься къ Бонѣ: передъ входомъ въ этотъ городъ тянется цѣлое предмѣстіе, принадлежащее къ его округу. Слѣдующій фактъ даетъ понятіе объ успѣхахъ колонизаціи и перемѣнѣ вида этой мѣстности: отъ Боны до Константины, на пространствѣ 200 километровъ, въ 1837 году, во время побѣдоносной экспедиціи французовъ, существовало одно только строеніе—марабутъ (мавзолей) Сиди-ибнъ-Темтамъ, близъ уезда Зенати. Другія зданія, виднѣвшіяся по сторонамъ дороги, въ нѣсколькоихъ километрахъ отъ нея, тоже были гробницами¹⁾.

Бона, сохранившая римское имя Гиппони (Убба кареагенцевъ), стоитъ не на томъ мѣстѣ, где находился этотъ древній городъ. Hippo Regius, где знаменитый епископъ Августинъ провелъ тридцать-пять лѣтъ, и который разрушили вандалы въ слѣдующемъ послѣ его кончины году (431), былъ расположенъ въ 2 километрахъ отъ нынѣшняго города, на холмѣ, съ которого открывается чудный видъ на разстилающуюся внизу зеленѣющую равнину, по которой извиваются серебристою лентою рѣчки, окаймленныя деревьями и садами, и на синее море, надъ которымъ высится могучій конусъ горы Эдугъ. Нѣсколько развалинъ, послѣднихъ остатковъ бывшей Глиза-Руми («церкви римлянъ»), разсыпныы еще по скату Гиппонского холма, и недалеко отъ его основанія, мостъ, перекинутый черезъ

Буджему (Бу-Джемаа), притокъ Сейбузы, покоятся на римскихъ фундаментахъ. Постоянное приращеніе аллювиальной равнины, образуемой наносами Сейбузы, вѣроятно, и заставило выбрать для города мѣсто съвериѣ руинъ Гиппони: портъ, находившійся двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ у подошвы холма, былъ постепенно отодвинутъ къ сѣверу, и суда, вместо того, чтобы заходить въ естественную, но мелководную гавань, которую представляло устье Сейбузы, должны были бросать якорь въ морѣ, подъ мало надежною защитою скалы, на которой теперь расположена Бонская касба (цитадель). Арабский городъ построился на скатахъ этой горки, но послѣ французского завоеванія это пространство было недостаточно для принятия переселенцевъ, стекавшихся со всѣхъ сторонъ, и за стѣнами ограды, оказавшейся слишкомъ тѣсною, выросъ цѣлый городъ, протянувшій свои широкія, вѣрообразно расходящіяся улицы въ низменной равнинѣ, которая простирается къ Сейбузы. Между старыми и новыми кварталами тянется красивый бульваръ, отъ моря до холма, обсаженный деревьями, который скоро будетъ частію скрыть для того, чтобы можно было продолжить аллею далеко въ поле. Благодаря чистотѣ своихъ улицъ, хорошо поливаемыхъ, благодаря своимъ тѣнистымъ гульбищамъ и прекраснымъ садамъ, Бона—одинъ изъ самыхъ приятныхъ городовъ Алжиріи, одинъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе отличаются промышленною и политическою ініциативою. Мѣстопребываніе Гиппонской академіи, Бона проявляетъ даже некоторое научное и литературное движение. Она осправливаетъ у Константины первенство въ восточной Алжиріи и заражаетъ присвоиваетъ себѣ титулъ главнаго города департамента Сейбузы²⁾. Арабское ея имя Бледъ-аль-Гунебъ (Аннаба) значитъ «городъ ююбъ»: прежде эти деревца, теперь замѣненные апельсинными и другими фруктовыми деревьями, окружали городскія стѣны поясомъ зелени.

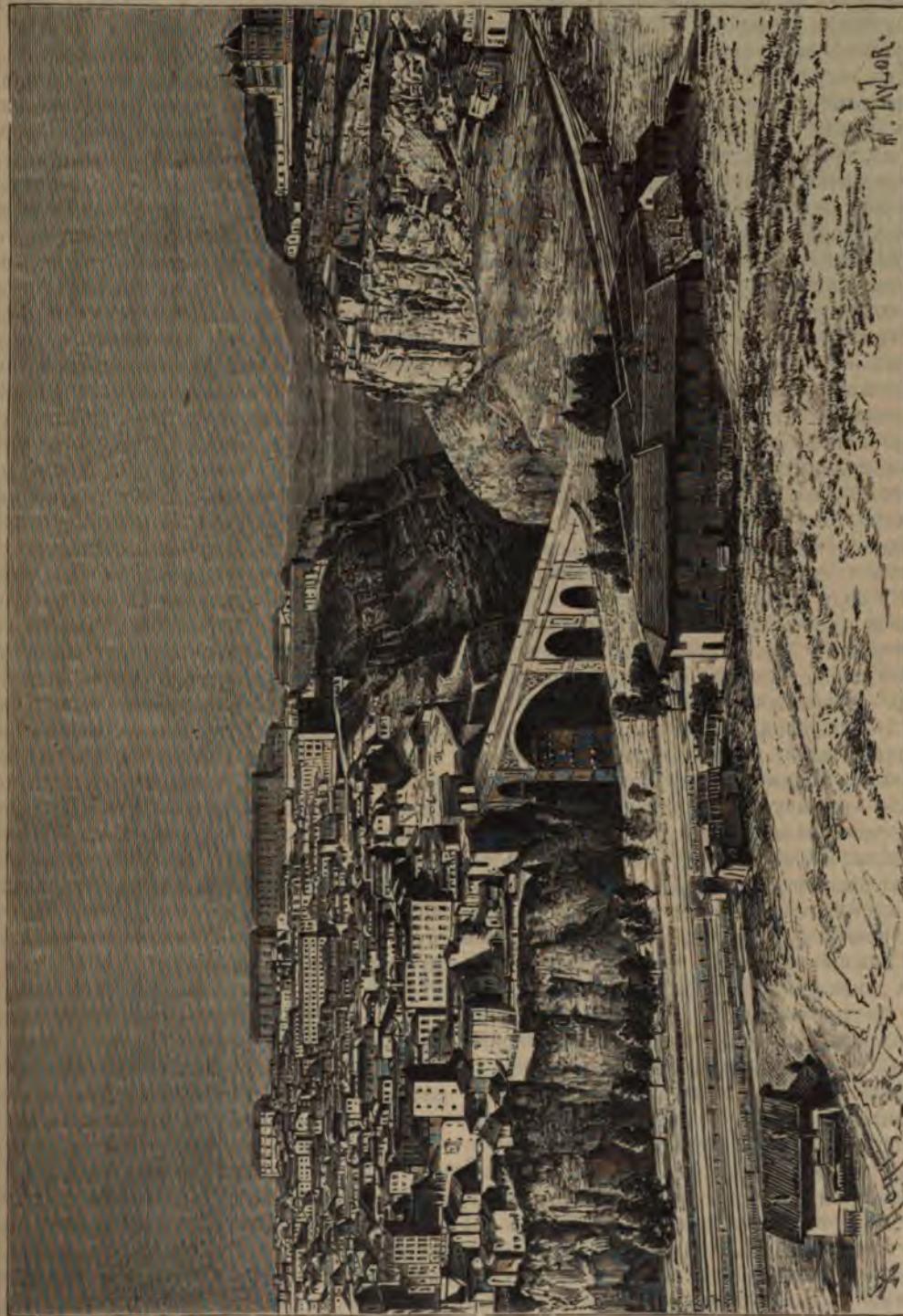
Какъ приморскій портъ, Бона имѣть большія преимущества: рейдъ ея, хорошо защищенный отъ западныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтровъ мысомъ Гардъ, былъ извѣстенъ морякамъ въ средніе вѣка, и несмотря на пиратскія экспедиціи, предпринимавшіяся съ той и другой стороны, специальнія конвенціи охраняли европейскихъ мореходовъ,—извѣсніхъ, флорентийскихъ, генуэзскихъ, каталонскихъ, марсельскихъ—которые въ разныя эпохи или одновременно вели мѣновую торговлю съ болскими маврами: дважды, въ 1512 и 1535 гг., этотъ городъ даже подпадалъ подъ власть христіанъ. Занятая французами въ 1830 году, затѣмъ покинутая и снова взятая окончательно въ

¹⁾ Falbe et Grenville Temple, „Excursion à Constantine, à la suite de l'armée fran aise“.

²⁾ O. Niel, „Carte du futur d partement de la Seyouse“.

1832 году, Бона сдѣлалась однимъ изъ главныхъ рейдовъ для эскадръ на алжирскомъ берегу, но къ устройству въ ней порта приступили только послѣ бури 1835 года, выбросив-

10 гектаровъ, а передовой портъ, защищенный отъ волненія открытаго моря жете длиной около 800 метровъ, занимаетъ площадь въ 70 гектаровъ; но возрастающія потребности тор-

Общий видъ города Константины.

шай на берегъ одиннадцать кораблей. Нынѣшняя гавань, одинъ изъ рѣдкихъ бассейновъ Алжиріи, гдѣ большія морскія суда, сидящія въ водѣ отъ 5 до 6 метровъ, могутъ причаливать къ набережной, занимаетъ площадь въ

говли, которая ведется главнымъ образомъ съ Алжиромъ, Марселью, Тунисомъ, требуютъ также увеличенія пространства, удобнаго для якорной стоянки. Землистыя частицы, принесимыя водами Сейбузы, осаждаются тысячами

кубическихъ метровъ въ бассейнахъ, и суда не всегда могутъ безопасно входить въ портъ, когда море взволновано: большие корабли, гру比亚щіе желѣзную руду, принуждены доканчивать нагрузку въ передовомъ портѣ при помо-щи лихтеровъ и шаландъ. Теперь занимаются преобразованіемъ большей части вида порта во второй бассейнъ и обведеніемъ его набережными, отвоеванными у моря.

Торговля Боны, естественно, должна возра-стать по мѣрѣ того, какъ сѣть удобныхъ пу-тей сообщенія будетъ расширяться и желѣз-ная дорога будуть проникать въ глубь страны: связующій пунктъ рельсовыхъ линій Туниса и Алжиріи, Бона важнѣе даже, чѣмъ городъ Ту-нисъ, по размѣрамъ товарного движенія, на-правляющагося черезъ ея желѣзно-дорожную станцію, и черезъ ея портъ вывозится весьма значительная часть земледѣльческихъ проду-ктовъ, собираемыхъ въ бассейнѣ Меджерды. Пос-лѣ занятія регентства французскими войсками, тысячи бонцевъ устремились въ Тунисъ искать счастья, и одно время можно было опасаться, что городъ совсѣмъ опустѣть; но большинство эмигрантовъ вернулись на родину, и теперь они изъ своего города управляютъ движеніемъ тунисского экспорта. Торговое движеніе Боны въ 1883 году выразилось слѣдующими цифра-ми: число судовъ, прибывшихъ и вышедшихъ изъ порта, 1.231, общая вмѣстимость ихъ 512.709 тоннъ, годовая цѣнность оборотовъ—60.000.000 франковъ; въ 1891 г. было въ при-ходѣ: 763 парохода, въ 548.945 тоннъ, и 346 парусныхъ судовъ, въ 17.694 т. Населеніе Боны очень смѣшанное; между европейцами боль-шинство—французы, но они составляютъ не болѣе трети числа жителей; за ними слѣдуютъ итальянцы; изъ европейцевъ особенно малитѣ-цы, разведеніемъ садовъ и дренажемъ почвы, много способствуютъ постепенному ассенизиро-ванію равнины и превращенію ея въ чудный «садъ Алжиріи», который мало-по-малу покры-вается домиками и виллами. Въ городѣ живеть около тысячи кабиловъ и мазабитовъ, сниски-вающихъ себѣ пропитаніе въ качествѣ черно-рабочихъ и носильщиковъ. Испанцы немного-численны въ Бонѣ, а бывшіе господа края, магометане, составляютъ не болѣе шестой ча-сти всего городского населенія; нѣсколько ты-сячъ ихъ, почти исключительно кабилы, имѣю-щіе своихъ марабутовъ, своихъ законниковъ, коммерсантовъ, также и своихъ ростовщиковъ, живутъ за городомъ, въ грязныхъ, но живо-писныхъ лугахъ (турби), обсаженныхъ варва-рійскими смоковницами и образующихъ боль-шое пригородное село или предмѣстье, извѣст-ное у французовъ подъ именемъ «Ville Ramas-sés» (сбродъ). Такъ возникали въ Галліи, во времена римского владычества, деревни кан-бенсовъ: это было генерическое имя, даваемое всѣмъ жителямъ группъ сапава или хатъ, обра-

зовавшимся въ сосѣдствѣ полей. Таково было происхожденіе, на границахъ имперіи, горо-довъ, которые впослѣдствіи поднялись на сте-пень муниципій: можно указать, между про-чимъ на Argentoratum, и Aquincum, нынѣшніе Страсбургъ и Буда ¹⁾

Пользуясь столькими преимуществами меж-ду алжирскими городами, Бона представляеть еще ту выгоду, что въ сосѣдствѣ ея имѣется великолѣпный санаторій или дачное мѣсто, въ горахъ Эдугъ, которая господствуетъ надъ нею съ западной стороны, и высокіе скаты ко-торыхъ напоминаютъ почву Франціи своей ра-стительностью—каштаномъ, орѣшиной, лещи-ной; впрочемъ, преобладающая древесная по-рода—пробковый дубъ, который и эксплоати-руется всего дѣятельнѣе. Деревня Бюжо и многія другія группы домовъ, расположенные близъ гребня и водопровода, питающаго Бону, привлекаютъ во время лѣтнаго сезона множе-ство посѣтителей, которые пріѣзжаютъ туда для возстановленія силъ, уменьшенныхъ разслаб-ляющимъ воздухомъ равнины; нельзя, одна-ко, не удивляться, что станція Эдугъ еще не оцѣнена по достоинству, и что ея долины, замѣчательно плодородныя, остаются почти безъ жителей. Съ вершины на всемъ простран-ствѣ, которое можно окинуть взоромъ, видишь только деревья и кустарники въ обширномъ массивѣ горъ и холмовъ, постепенно спускаю-щемся съ одной стороны къ морю, съ другой—къ низменности, занимаемой озеромъ Фецара; на сѣверномъ берегу, между мысомъ Гардъ и мысомъ Желѣзнымъ, существуетъ только одно населенное мѣсто—маленькая гавань Эр-бильонъ (Такушъ), гдѣ живутъ нѣсколько ры-баковъ. Южный склонъ Джебель-Эдуга болѣе населенъ, благодаря желѣзнымъ рудникамъ Мокта-эль-Гадидъ, которые доставляютъ пре-восходную руду, почти такъ же высоко цѣнни-мую, какъ далекарлійская, и содержащую 62 процента чистаго металла; въ шахтахъ рабо-таетъ болѣе тысячи рудокоповъ. Годовая добыча, далеко превосходящая потребности мѣстныхъ заводовъ, составляетъ около 400.000 тоннъ (свыше 24 милл. пуд.), на сумму 7 мил-лионовъ франк., и продукты ея отправляются не только во Францію, но также въ Англію, въ Нидерланды, въ Новый Свѣтъ. Въ 1873 го-ду, который былъ годомъ наиболѣе дѣя-тельной эксплоатациі, рудники дали въ сложности 845.000 тоннъ руды. Что касается залежей, очень богатыхъ, мѣди и цинка, нахо-дящихся въ Аинъ-Барбатѣ, въ самомъ сердцѣ Эдуга, то онѣ болѣе не разрабатываются, по причинѣ крайней трудности перевозки руды.

Менѣе, чѣмъ въ полверстѣ къ югу отъ руд-никовъ Мокта-эль-Гадидъ, расположено боль-шое село Аинъ-Мохра, къ сожалѣнію, выста-

¹⁾) Ernest Desjardins, рукописные замѣтки.

вленное вреднымъ испареніемъ Фецары, озера или, вѣрище, болота, средняя глубина котораго не превышаетъ 2 метровъ. Это, очевидно, остатокъ древняго залива, который продолжалъ нынѣшній Бонскій заливъ равнинами, теперь обсохшими, рѣкъ Мафрага и Мемуджи: наносы Сейбузы и другихъ рѣчекъ равнинъ постепенно расширили перешеекъ, раздѣляющій море и восточную оконечность первоначальной бухты; но дно озерной впадины было мало-по-малу поднято отложеніемъ наносовъ, такъ какъ оно теперь лежить на 11 метровъ выше уровня Средиземнаго моря. Можетъ-быть, засореніе каналовъ, черезъ которое уходила вода, задержало жидкую массу въ озерѣ Фецара и повысило его уровень, или даже было причиной образования этого озера; послѣднее предположеніе всего вѣроятнѣе, если правда, что найдены развалины въ глубокой части бассейна. Какъ бы то ни было, часто поднимался вопросъ о томъ, чтобы опорожнить озеро Фецара и такимъ образомъ пріобрѣсти для земледѣлія и правильного орошенія 12.700 гектаровъ, которые оно покрываетъ своими водами и грязями; инженеры даже систематически вели, въ теченіе многихъ лѣтъ, работы по осушенію этого пространства; но зимніе дожди снова за-воевали осущенныя земли. Однако, не трудно было бы углубить русло Мебуджи до уровня ниже Фецары и спустить всю воду изъ озера въ нижнюю Сейбузу. По крайней мѣрѣ, болотистый поясъ сузился съ прорѣтіемъ обводного канала, идущаго вокругъ озера, и съ насажденіемъ эвкалипта и другихъ деревьевъ; впрочемъ, эти плантации во многихъ мѣстахъ погибли вслѣдствіе гниенія корней. Лѣтомъ почти вся котловина озера пересыхаетъ, и поверхность ея покрывается безконечно сѣтью трещинъ: отсюда и название Гараа-эль-Фецара, или «Потрескавшійся прудъ», которое дали этой водной площади¹⁾.

Рудники и мѣстечко Аинъ-Мохра соединены съ Бонскимъ портомъ желѣзною дорогою, которая проходитъ черезъ узкій проломъ, раздѣляющій два массива, Эдугъ и Белелита: порогъ прохода лежить на высотѣ всего только 35 метровъ. Дорога эта скоро будетъ продолжена на западъ къ станціи Сенъ-Шарль, на рельсовомъ пути изъ Константины въ Филиппвиль; легко можно бы было продолжить ее также къ морю, такъ какъ Аинъ-Мохра лежитъ на высотѣ всего какихъ-нибудь тридцати метровъ, на порогѣ между бассейномъ озера Фецара и покатостью уѣза Эль-Кебиръ или Сан-геджа. Чтобы достигнуть Филиппвиля, эта же-лѣзная дорога должна бы была обогнуть мысъ Филфила, очень богатый желѣзной рудою; знаменитые фильтральные мраморы, которые эксплуатировались римлянами, представляютъ большое разнообразіе оттѣнковъ, отъ бѣлаго

статуйного до бѣлаго крапчатаго. Ожидаютъ только постройки пути, чтобы возобновить работы въ ломкахъ.

Главныя полноправныя общины на сѣверо-востокѣ и въ бассейнѣ р. Сейбузы: Бона—31.000 жит.; Ла-Калле—7.000; Гельма—6.000; Уэдь-Зенати—14.000; Рандонъ—6.000; Дюзѣрвиль—3.000; Аинъ-Мохра—3.000 жит.

Бассейнъ уѣза-эль Кебиръ, обнимающій всю область, обитаемую берберскими племенами зердеза, реджата, санхѣджа, къ западу отъ озера Фецара, и воды котораго изливаются въ заливъ, защищенный Желѣзнымъ мысомъ, имѣетъ довольно значительный европейскій городъ; это Жеммарпъ, окруженный полями, виноградниками и фермами. Въ Алжиріи мало найдется мѣстностей, которымъ можно бы было предсказать такую счастливую земледѣльческую будущность, какъ плодородныи и обильно орошаємыи долинамъ Жеммарпскаго округа. Племя санхеджа, давшее свое имя небольшой рѣкѣ, сохранило название, которое нѣкогда носила могущественная нація зенага. Въ 3.500 километрахъ оттуда, имя рѣки Зенега или Сенегаль предста-вляетъ другое доказательство обширнаго рас-пространенія берберской расы, послѣ того, какъ она была разсѣяна арабами.

За бассейномъ Санхеджи слѣдуютъ, въ западномъ направлениі, бассейны Сафсафа и уѣза Гебли; новъ этой области естественные водоскаты не совпадаютъ съ географическими бассейнами: трудъ человѣка во многихъ случаяхъ измѣнилъ первоначальную экономію страны; такъ, желѣзная дорога изъ Константины въ Филиппвиль связала бассейнъ Сафсафа съ бассейномъ Румелля, и отнынѣ эти два бассейна образуютъ одно цѣлое, несмотря на цѣпи горъ, составляющія водораздѣльную возвышенность. Филиппвиль сдѣлался устьемъ всего торгового потока, который въ высокихъ плато, гдѣ берутъ начало Руммель и Бу-Мерзугъ, направляется по гужевымъ и желѣзнымъ дорожамъ изъ Гельмы, Тебессы, Батны, Сетифа. Жители Константины называютъ «Спускомъ» (Гедератъ) всю страну, заключающуюся между ихъ городомъ и моремъ.

Константина, главный административный пунктъ восточнаго департамента и третій городъ Алжиріи, есть одинъ изъ знаменитыхъ городовъ Африки: благодаря своей сильной военной позиціи, онъ естественно долженъ быть сдѣлаться крѣпостью съ тѣхъ поръ, какъ начались войны между жителями страны, то-есть съ самаго начала жизни человѣчества. Въ первыя времена мавританской исторіи онъ является подъ именемъ Сирты, которое, кажется, означало «крѣпость»; название Константины, сохранившееся въ арабскомъ языке подъ формой «Ксантина», было дано ему въ честь Константина Великаго, въ началѣ четвертаго столѣтія; значительныя развалины на скалахъ гор-

¹⁾ O. Mac-Carthy, "Africa", 1881, № 4.

да и въ окрестностяхъ свидѣтельствуютъ о важности, которую приобрѣла столица Нумидіи центръ римского господства во всей Сѣверной Африкѣ. Но такой сильный городъ, естественно, долженъ быть привлекать къ себѣ, какъ особенно желательная добыча, всѣхъ завоевателей: никакая побѣда не могла считаться решительной, пока не была покорена главная твердыня; по преданію, Константина была, въ разныя времена, взята непріятелемъ восемьдесятъ разъ. Старожилы помнятъ еще двѣ послѣднія осады—1836 и 1837 годовъ. Первая, предпринятая въ началѣ зимы, съ недостаточными силами, кончилась гибельнымъ отступленіемъ; вторая—торжествующимъ приступомъ. Съ этого времени французы имѣли твердую точку опоры внутри восточного Телля, и всѣ мѣстные возмущенія, лишенныя центра сопротивленія, были заранѣе обречены на безуспѣшный исходъ. Удалившійся въ Джебель-Аурестъ, послѣ потери своей столицы, Ахмедъ-бей, константинскій паша, тщетно пытался продолжать войну; окруженный со всѣхъ сторонъ французскими войсками, онъ принужденъ былъ изѣять покорность, въ 1848 году.

Собственно городъ занимаетъ столообразную, слегка покатую скалу, сѣверный выступъ которой поднимается на 640 метровъ, тогда какъ южный мысъ лежитъ на 110 метровъ ниже. Въ цѣломъ эта терраса образуетъ довольно правильную трапецию, имѣющую около 3 километровъ въ периметрѣ, и стороны которой обращены на юго-востокъ, сѣверо-востокъ, юго-западъ и сѣверо-западъ. Дѣй первыя стороны круто обрываются надъ Руммелемъ; сѣверо-западный бокъ—тоже почти отвесный на большей части своего протяженія; только юго-западный фасъ соединенъ съ остальными плато перешейкомъ около 300 метровъ ширины, которымъ французские солдаты и воспользовались, въ 1837 году, чтобы установить осадные батареи и повести приступъ. Непосредственно къ югу отъ бреши, холмъ понижается, образуя обширный циркъ, надъ которымъ высится вертикальная стѣна скалы, занимаемой Константиною. Въ самомъ углу скалистаго мыса, на высотѣ 70 метровъ надъ ущельемъ, въ которомъ исчезаетъ Руммель, стоитъ небольшой куполъ Сиди-Рашедъ; отсюда арабы нѣкогда сбрасывали прелюбодѣй.

Передъ вступленіемъ въ узкое ущелье, которому «воздушный городъ» обязанъ своей военной силой, Руммель, или «рѣка Песковъ», соединяется съ Бу-Мерзугомъ, «рѣкой,несущей плодородіе». Переходъ отъ ярко освѣщеній долины въ мрачную аллею между скаль совершается внезапно. Ручей, вдругъ служившійся, течетъ мимо заведенія горячихъ водъ, пріютившагося въ углубленіи скалы, затѣмъ проходить подъ аркой «Чортова моста» и убѣгасть пѣнившимися стремнинами въ извилистое

ущелье. Съ краевъ пропасти не видно потока, скрытаго поворотами оврага; выступы скаль, выдвинувшіеся соответственно отъ одного утеса до другаго и прерываемые тамъ и сямъ вертикальными коридорами, мѣшаютъ взору спуститься до dna пучинь, гдѣ кружатся ласточки.

Пять мостовъ соединяли нѣкогда двѣ губы пропасти: отъ четырехъ изъ нихъ остались лишь безформенные фрагменты; пятый, построенный на восточномъ углу Константинской скалы, постоянно отстраивался за-ново, и подъ его большою желѣзною аркадою, перекинутую на высотѣ 105 метровъ французскими инженерами, залегаютъ одинъ на другомъ обрывки стѣнъ всѣхъ эпохъ, начиная отъ времени Антонина Пія. Тотчасъ за мостомъ Руммель исчезаетъ подъ сводомъ скаль; оврагъ обращается въ узкую разорванную ложбину, со два которой доносится журчаніе каскадовъ; въ 500 метрахъ ниже ручей выходитъ изъ этихъ темныхъ галлерей, и съ той и другой стороны утесы спускаются отвесно до dna ущелья; только уединенная арка, естественный сводъ, поражающій правильностью формы, соединяетъ еще двѣ противоположныя стѣны. Здѣсь разрывъ почвы представляетъ наиболѣе грандиозный характеръ: стѣны, окрашенныя въ разныя цвета и мѣстами нависшія, вздымаются на высоту слишкомъ 200 метровъ, поддерживаю на вершинѣ нѣсколько строеній; прежде тутъ находились «три камня», помѣщенные на кефѣ Шекора, или «скalѣ Мѣшка», съ высоты которой паша сбрасывалъ зашатыхъ въ мѣшокъ женъ или невольницъ, отъ которыхъ хотѣть отѣлаться⁴⁾. Внизу потокъ дѣлится на нѣсколько рукавовъ между камнями, затѣмъ, достигнувъ выхода ущелья, низвергается тремя послѣдовательными водопадами въ нижнюю долину, обширный зеленѣющій циркъ, усыпанный мельницами и домиками, исполосованный бѣлыми дорогами, которыя спускаются крутыми зигзагами. Отъ водопадовъ Руммеля можно пробраться на нѣкоторое разстояніе въ дефиляй, но исходящее оттуда зловоніе отбиваетъ всякую охоту предпринять такую экскурсию. Какъ легко вообразить на основаніи ходячей поговорки: «въ другихъ мѣстахъ ворона гадягъ на людей, а въ Константинѣ—люди на воронъ», оврагъ былъ превращенъ въ городскую клоаку, въ стокъ для нечистотъ. Нельзя не пожелать, чтобы городъ изъуваженія къ самому себѣ и къ окружающимъ его чудесамъ природы позабылся очистить ущелье Руммеля и облегчить доступъ къ нему посѣтителямъ.

Дома тѣсно скучены на глыбѣ камни надъ глубокимъ и безмолвнымъ ущельемъ Руммеля. На сѣверѣ расположены военные постройки: казармы, госпиталь, арсеналъ, касба, или цитадель. Во время штурма Константины, арабы

⁴⁾ Ch. Ferroud, „Tour du Monde“ 1877, 1-er semestre.

пытались спуститься на веревкахъ, держась одинъ за другаго, въ пропасть, зиявшую у нихъ подъ ногами, но веревки оборвались, и трупы нагромоздились у подошвы скалы, въ видѣ кровавыхъ пирамидъ: спасли только нѣсколькоихъ дѣтей, которыхъ матери инстинктивно приподняли, вытянувъ руки къ верху. На югѣ касбы пересѣкаются правильныя улицы европейскаго квартала; евреи обитаютъ, на восточной окраинѣ, въ лабиринтѣ неровныхъ улицъ; около центра грушируются мзабиты; на югѣ, въ нижнемъ городѣ, кишатъ арабы въ лабиринтѣ закоулковъ и дворомъ, куда европейцы обыкновенно ходятъ не иначе, какъ съ проводникомъ. Слишкомъ стѣсненные въ своемъ кварталѣ, арабы распространялись за городскую черту и покрыли своими живописными хижинами откосы горы близъ западныхъ воротъ. Въ этомъ становищѣ царствуетъ такое же оживленіе, какъ на улицахъ и площадяхъ Константины. Скученное въ тѣсномъ пространствѣ населеніе загромождаетъ улицы и площади; почти всѣ ремесла, особенно кожевенная промышленность, составляющая специальность Константины, практикуются подъ открытымъ небомъ; можно насчитать сотни кожевниковъ, сѣдельщиковъ, сапожниковъ. Послѣдніе занимаютъ цѣлые улицы; они дѣлятся на двѣ корпорации, изъ которыхъ одна занимается приготовленіемъ мужской, а другая—женской обуви.

Хотя арабы въ Константинѣ численностью уже уступаютъ европейскому населенію, усиленному въ нѣсколько тысячи человѣкъ, однако они все еще образуютъ довольно сплоченные группы, такъ что здѣсь лучше можно изучать національные и религіозные нравы, чѣмъ во всякомъ другомъ большомъ городѣ Алжиріи: различныя братства, особенно братства аиссауа, имѣютъ въ средѣ здѣшнихъ арабовъ многочисленныхъ послѣдователей. Но мало найдется городовъ, где бы смерть съ такою ужасающею быстротою косила туземное населеніе. Недѣлю за недѣлей, смертность постоянно превышаетъ рождаемость, и нѣсколько разъ въ день движение на улицахъ прерывается похоронными процессіями: надъ толпою, разнообразно одѣтою въ бѣлые костюмы, медленно двигается гробъ, покрытый яркими матеріями; оспариваемый носильщиками, онъ переходитъ послѣдовательно съ плечъ на плечи, качаясь словно барка на морѣ.

Въ Константинѣ нѣть замѣчательныхъ памятниковъ строительного искусства. Изъ существовавшихъ нѣкогда девяносто-пять мечетей уцѣльны очень немногія, да и тѣ утратили свой первоначальный видъ послѣ перестройки по плану европейскаго архитектора; цитадель приняла чисто казарменный видъ, но въ наружныхъ стѣнахъ ея вставлены драгоценныя надписи. Главный административный центръ провинціи, где собрано около десяти тысячъ

писаныхъ камней, Константина обладаетъ также археологическими коллекціями, и на площади Вале, находящейся въ проломѣ, выставлены римскія статуи, бюсты, амфоры, могильные или вотивные (воздвигнутые по обѣту) камни. Самое достопримѣчательное зданіе города и одно изъ интереснѣйшихъ мавританскихъ жилищъ въ Алжирѣ—это дворецъ послѣднаго царя, Ахмеда, занимаемый теперь штабомъ французскаго гарнизона: снаружи это просто собраніе невзрачныхъ домишкѣ, но внутри онъ заключаетъ богатыя колоннады, украшенныя извѣяніями, изразцами, даже фресками, а прекрасные сады его представляютъ пріятный контрастъ съ движениемъ и шумомъ окружающихъ улицъ. Недалеко отъ этого дворца, господствующаго надъ необозримою панорамою нижней долины Руммеля, расположились, на сѣверо-западномъ краю утеса, новыя муниципальная постройки, гдѣ собираются городской и департаментской совѣты, а также географическое и другія ученыя общества. Прокладка широкихъ улицъ и срытіе частныхъ домовъ, замѣняемыхъ публичными зданіями, все болѣе и болѣе уменьшаетъ пространство, предоставленное на Константиńskої скалѣ гражданскому населенію, вслѣдствіе чего послѣднєе принуждено выселяться въ быстро разростающейся предмѣстія, которыя уже захватили земли, занятыя нѣкогда вѣнчими кварталами древней Цитры. Вокругъ холма Кудіатъ-Ати, античнаго некрополя, выстроился непрерывный поясъ домовъ. Въ видахъ приобрѣтенія новыхъ мѣстъ для постройки, недавно срыто эту горку и вынутую землю свалить въ южный оврагъ, внизу арабскаго города: перешеекъ пролома будетъ такимъ образомъ значительно увеличенъ, и новая Константина, болѣе правильная, чѣмъ старая, можетъ выстроиться въ городскихъ стѣнѣ. Предположено также построить по крайней мѣрѣ одинъ новый мостъ черезъ оврагъ, чтобы соединить южную часть города съ дачными мѣстами, съ садами Сиди-Мабрукъ и съ промышленнымъ кварталомъ желѣзнодорожной станціи, который раскинулся на восточной террасѣ, у подошвы высокаго укрѣпленнаго холма и казармъ Мансура. На сѣверѣ, скала Сиди-Месидъ слишкомъ высока, чтобы разростающейся городъ могъ захватить ее въ свою черту; тамъ теперь стоитъ только одно зданіе— большой гражданскій госпиталь, къ сожалѣнію, остающійся недоконченнымъ уже многіе годы; онъ окруженъ кладбищами и плантациями. Въ окрестностяхъ населеніе Константины отдыхаетъ и освѣжается въ очаровательныхъ мѣстахъ прогулки. На югѣ прекрасныя деревья осѣняютъ берега Руммеля, Бу-Мерзуга и ихъ притока, близъ котораго видаются пять высокихъ аркадъ древняго водопровода, построенаго, вѣроятно, въ царствованіе Юстиніана и замѣненнаго теперь подземными трубами. Ча-

съверъ Константины, затерянные въ гнѣздахъ зелени, при основаніи крутыхъ откосовъ Сиди-Месида, бываютъ изъ гротовъ и трещинъ скалы четыре ключа теплой воды, часто посѣщаемы любителями загородныхъ прогулокъ; арабы и еврейки приходятъ туда по пятницамъ купаться и совершать обряды, напоминающіе культу источниковъ; однажды въ годъ негры спрѣвляютъ тамъ «праздникъ» коршуновъ, бросая, при звукахъ тамбурина, куски мяса прожорливымъ птицамъ, гнѣздающимся въ сосѣднихъ скалахъ. Ниже, на правомъ берегу Руммеля, разсѣяны, среди деревьевъ, дачи и мельницы селенія Гамма, черезъ которое протекаютъ живительные воды обильного горячаго ручья. За деревней Аинъ-Керма, внизъ по течению, долина суживается и образуетъ Хенегъ, или «Де-филей», дикое ущелье, похожее на Константинскій проломъ. Надъ проходомъ, на скалѣ, связанной съ сосѣдними горами узкимъ перешейкомъ, нѣкогда стояла крѣпость, носившая имя Тидди, какъ обнаружила одна древняя надпись, найденная при раскопкахъ; недалеко оттуда, на правомъ берегу Сменду, восточнаго притока Руммеля, находится одна изъ замѣчательнѣйшихъ римскихъ гробницъ Алжиріи—монументъ Лолліевъ. Наконецъ, на западѣ отъ Константины, тянутся гребни джебеля Шеллата, усыпанные римскими руинами: крѣпостными, храмами и гробницами. Эльзасскіе колонисты, главные центры поселенія которыхъ—деревни Руффашъ, Аинъ-Керна, Бельфоръ, Альткирхъ и другія, утилизировали въ многихъ мѣстахъ римскія развалины для постройки своихъ жилищъ.

Средоточіе обширной торговли, не только для мѣстнаго потребленія, но также для вывоза хлѣба и другихъ продуктовъ, Константина является соединительнымъ пунктомъ многихъ желѣзныхъ путей. Впрочемъ, рельсы этихъ различныхъ дорогъ сходятся не на самой станціи Константины: бифуркація линіи изъ Гельмы въ Тунисъ происходитъ близъ важнѣйшаго въ восточной Алжиріи рынка для продажи скота—деревни Хрубъ или Хорубъ, то-есть «Развалины», гдѣ дѣйствительно видны кое-какіе остатки старины, менѣе, однако, замѣчательные, чѣмъ римскіе фрагменты и мегалиты, находящіеся къ юго-востоку оттуда, на плоскогорїи. Желѣзная дорога изъ Аинъ-Беиды и Тебессы отдѣлится отъ главной линіи у деревни Уладъ-Рамунъ, недалеко отъ истока Бу-Мерзуга, постоянно изливающаго слишкомъ 500 литровъ въ секунду. Наконецъ, двѣ южны линіи—линия пустыни и линія Сетифа—раздѣляются въ Эль-Герра. На востокѣ отъ этого поселка, желѣзная дорога изъ Алжира, направляющаяся къ западу безъ большихъ изгибовъ, приближается къ верхней долинѣ Руммеля, гдѣ слѣдуютъ одинъ за другимъ нѣсколько центровъ европейской колонизации: Аинъ-Смары,

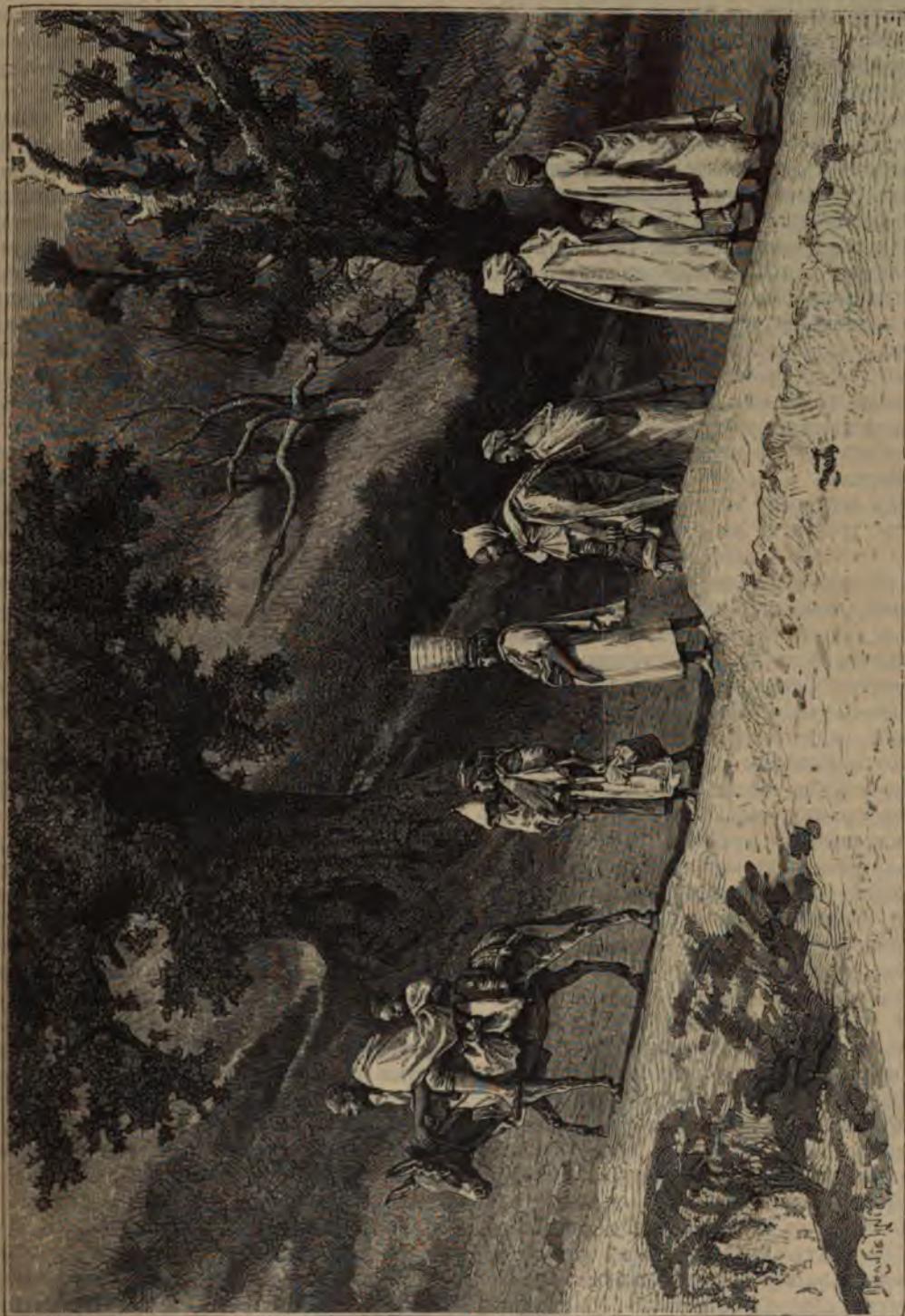
Уэдъ-Атменіа (Уэдъ Отманіа), Шатодэнъ, Кульмье, Саадуна, которую игра словъ передѣла въ Сенъ-Дона (св. Донатъ), Паладинъ, Сентъ-Арно. Деревня Сеганъ, имя которой передѣлано по-французски въ Сегенъ или Уэдъ-Сегенъ, лежитъ въ боковой долинѣ Руммеля, между этимъ потокомъ и желѣзною дорогою. Абдъ-энъ-Нуръ или «Служители свѣта», почевавшіе въ верхней долинѣ Руммеля до прибытія французскихъ колонистовъ, перешли по большей части къ осѣдлой жизни. Дома ихъ встрѣчаются въ перемежку съ усадьбами европейцевъ, и между ними есть немало хорошихъ земледѣльцевъ, фермы которыхъ окружены прекрасно воздѣланными полями и снабжены современными земледѣльческими орудіями. Впрочемъ, эти «служители свѣта» въ большинствѣ—берберскаго происхожденія, и ихъ совершенно ошибочно причисляютъ къ арабамъ. Они происходятъ главнымъ образомъ отъ кетамовъ, къ которымъ примѣшились шауиа съ Джебель-Ауреса, кабилы изъ Джурджуры, сахарцы и немного арабовъ; очень многіе изъ нихъ имѣютъ блѣдурые волосы и голубые глаза. Въ половинѣ настоящаго столѣтія большая часть ихъ говорила еще берберскимъ языкомъ, котораго нынѣшнее поколѣніе уже не понимаетъ¹⁾. Племя абдъ-энъ-нуръ сильно пострадало отъ голода въ 1868 году; теперь въ числѣ около двадцати тысячъ душъ, оно снова заселяетъ свою обширную территорію, «коверъ въ сорокъ сажень длины», какъ они ее называютъ по сравненію съ маленькими «ковриками» сосѣднихъ племенъ.

Желѣзный путь изъ Константины къ морю удаляется отъ долины Руммеля и идетъ извилистою линіею по склону горъ, затѣмъ, достигнувъ Масличнаго перевала, въ общинѣ Эль-Кантуръ, спускается съ этихъ высотъ въ равнину Сафсафа, почти совершенно необитаемую до французской оккупации. На пространствѣ отъ Константины до раздѣльного порога слѣдуютъ одна за другой, вблизи дороги, двѣ большия деревни—Бизо и Конде-Сменду; во въ сосѣдствѣ перевала высокіе хребты, покрытые пастбищами, почти пустынны, и поселки общины Эль-Кантуръ прячутся въ лощинахъ. Городокъ эль-Гаррушъ, прежде пользующійся дурною славою за его нездоровыій климатъ, тоже лежитъ вдали отъ желѣзной дороги, среди масличныхъ плантацій и садовъ, орошаемыхъ водами Сафсафа. Сосѣднія деревни, Робертвиль, Гастонвиль, теперь цвѣтущія группы населенія, начали свое существованіе въ 1848 г.. какъ настоящія больницы для прокаженныхъ: парижскіе колонисты, добровольные изгнаники, прельщенны заманчивыми благами, которыя имъ сулили за моремъ, нашли только ни-

¹⁾ Ch. Feraud, „Notices et m moires de la Soci t  arch ologique de Constantine“, 1864.

щету и лихорадку въ этомъ новомъ отечествѣ, которое имъ описывали какъ рай земной, и большинство ихъ пало въ борьбѣ съ неблагоприятными условіями. Но упорный трудъ по-

числу богатѣйшихъ въ Алжиріи: мало найдется мѣстностей, где бы культура винограда сдѣлала болѣе успѣхи, чѣмъ на холмахъ, прилегающихъ къ этимъ поселеніямъ.

Кабильская семья въ пути.

селенцевъ съ теченіемъ времени ассенизировалъ почву и увеличилъ производительность земель. Деревни нижней долины, Сентъ-Шерль, Сентъ-Антуанъ, Димремонъ, Вале, принадлежать къ

Филиппвиль, морская пристань Констатины и одинъ изъ самыхъ оживленныхъ портовъ алжирского побережья,—не новый городъ, какъ можно бы было предполагать, судя по его че-

ни: это городъ финикийский, Русь-Ликаръ, или «Огненный мысъ»¹⁾, название которого было измѣнено римлянами въ Rusicada, и затѣмъ возстановлено арабами въ формѣ Расъ-Скидда—у берберовъ Тасикда. Когда французы въ 1838 г. высадились на берегъ Рузикады, чтобы основать тамъ приставъ для снабженія войска провіантамъ, гораздо болѣе близкую къ Константина, чѣмъ Бона, служившая для этой цѣли до того времени, они нашли въ этомъ мѣстѣ только лагучи, пріютившіяся у подножія полуразрушеныхъ стѣнъ: мѣсто, занимаемое древнимъ городомъ, было куплено у туземцевъ за 150 франковъ. Съ той эпохи большинство древнихъ памятниковъ исчезли, систематически разрушаемые для постройки огромнаго четырехугольника валовъ, который тянется вдоль гребня холмовъ на восточной сторонѣ города, заключая внутри дома и обширные пустыри; уцѣлѣли только руины театра, частію высѣченного въ скалѣ, многочисленныя цистерны, очень красивыя мозаики и различныя древности, собранныя въ музѣѣ: статуи и бюсты, урины, надписи.

Городъ построенъ въ оврагѣ, между двухъ горныхъ хребтовъ: на западѣ—джебель Бу-Яла, на востокѣ—джебель Адунъ. Главная улица, обставленая по всей длины домами съ арками, занимаетъ ложе бывшаго уѣза, и съ той и другой стороны поперечныя улицы поднимаются въ гору, либо крутыми всходами, либо уступами въ родѣ лѣстницы. Этимъ расположениемъ улицъ Филиппвиль представляетъ иѣкоторое сходство съ центральною частью Ла-Валетты, главнаго города Мальты; но онъ не отличается ни той же чистотою, ни той же красотою архитектуры. Со стороны моря городъ оканчивается высокою террасою, откуда видишь у себя подъ ногами эспланаду желѣзодорожной станціи, завоеванную у моря, обширный бассейнъ порта, окруженный жите: внутренняя гавань имѣть площадь около 19 гектаровъ, а передовой портъ, еще недостаточно защищенный, занимаетъ болѣе значительное пространство. Филиппвильский портъ посѣщается большимъ числомъ судовъ, особенно каботажныхъ: по прибрежному судоходству, онъ оспариваетъ первенство у Орана и Алжира. Извѣстно, какъ боялись моряки заходить въ Филиппвильский заливъ до сооруженія моловъ, ограждающихъ нынѣ гавань отъ волненія моря. Въ то время суда должны были бросать якорь въ 4 километрахъ къ сѣверо-западу, въ бухтѣ Стора, бывшемъ «портѣ генуэзцевъ», довольно хорошо защищенному отъ западныхъ и сѣверныхъ вѣтровъ. Но во время большихъ бурь и шкваловъ якорная стоянка въ Сторѣ становилась очень опасна, и нерѣдко

суда были выбрасываемы на берегъ. Мѣстные моряки до сихъ порь помнятъ ураганы 1841 и 1854 годовъ, послѣ которыхъ въ рейдѣ остались только обломки и палубы безъ мачтъ. Движеніе судоходства въ портахъ Филиппвиль и Сторы въ 1883 году: судовъ въ приходѣ и отходѣ 1.581, общая ихъ вмѣстимость 649.984 тонны, цѣнность обмѣненныхъ товаровъ 86.000.000 франк.

Маленький портъ Колло—Хуллу (Chullu) римлянъ, Куллу туземцевъ—занимаетъ такое же положеніе, какъ Стора: рейдъ его тоже защищенъ отъ западныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтровъ высокимъ мысомъ, и во всѣ времена служилъ часто посѣщаемымъ мѣстомъ пристанища для судовъ: важность этого уѣжища, представляемаго бухтою Колло, увеличивала еще сосѣдство мыса, часто трудно переходимаго, грознаго мыса Себаа-Русь, или «Семиглаваго», извѣстнаго также подъ именемъ Бугорунъ, или «Гора съ рогами», которое моряки передѣлали въ Буджароне. Римляне, поселившіеся въ Хуллу, завели тамъ мастерскія для окраски матерій въ пурпуръ. Во все продолженіе среднихъ вѣковъ Колло былъ значительнымъ торговымъ пунктомъ, гдѣ пизанцы, генуэзцы и марсельцы закупали и грузили на корабли зерновые хлѣба, воскъ, медь, деревянное масло, кожи и другіе продукты, привозимые кабилами; въ 1282 году этимъ городкомъ овладѣлъ Петръ Арагонскій; въ семнадцатомъ столѣтіи французско-африканская компанія имѣла тамъ одну изъ важнѣйшихъ своихъ конторъ. Послѣ взятия Константины, былъ поднятъ вопросъ объ основаніи въ естественномъ портѣ Колло морской пристани этого города, но окончательно выборъ остановился на Рузикадѣ, какъ болѣе близкому пункту (хотя разница только въ нѣсколькихъ верстахъ), послѣ чего маленькое кабильское мѣстечко утратило всякое торговое значеніе. Французы заняли Колло лишь въ 1843 году. Если теперь этотъ хорошеній городокъ развивается, то онъ обязанъ этимъ разработкѣ естественныхъ богатствъ окружающей страны: въ равнинѣ, по берегамъ уѣза Эль-Гебли, тянутся сады и масличныя рощи; на скатахъ горъ, надъ которыми господствуетъ величественный джебель Гуфи, возвышающійся на 1.400 метр., эксплуатируютъ лѣса пробковаго дуба; залежи сребронаснаго свинца доставляютъ руду; испанскіе матросы ловятъ въ заливѣ мириадами сардинокъ и другихъ рыбъ, которыхъ солятъ въ особыхъ заводахъ, устроенныхъ на берегу, по размѣрамъ этого промысла, Колло соперничаетъ съ Ла-Калле и Сторой. Главное, чего недостаетъ этому приморскому городу, чтобы приобрѣсть ту важность, какую ему обеспечиваетъ его счастливое положеніе у выхода плодоносной долины,—это удобныхъ сообщеній; онъ связанъ съ остальнымъ мѣромъ только

¹⁾ Ch. Feraud, „Revue Africaine“, 1875;—Gesenius;—von Maltzan, „Drei Jahre im Nord-Westen von Afrika“.

прибрежными пароходами да дилижансами, ходящими вдоль морского берега до Филиппиля. Другая дорога, называемая проѣзжю, соединяет его со станцией Робертвиль, на Константинской желѣзной дорогѣ; во всѣхъ же другихъ направленияхъ единственныя пути сообщенія—дикія горы тропинки. Движеніе судоходства въ портѣ Колло въ 1883 году: 709 судовъ, имѣвшихъ общую вмѣстимость 130.895 тоннъ.

Незначительная рѣчка, уездъ Зуръ, единственная въ Алжиріи, гдѣ ловится форель, ограничивается на западѣ массивомъ Бу-Горунъ¹⁾. Далѣе встрѣчаемъ болѣе обильный потокъ, впадающій въ Средиземное море къ западу отъ горы Колло, который хотя и носитъ громкое имя «уездъ эль-Кебиръ», или «Великая рѣка», есть, однако, не что иное, какъ продолженіе константина Руммеля. Казалось бы, нижняя долина рѣки, протекающей черезъ многолюдный городъ, столицу провинціи, должна быть усыпана городами; на самомъ же дѣлѣ потокъ этотъ пересекаетъ мѣстности, почти пустынныя, ниже своего слиянія съ уѣздомъ Сменду, или, по крайней мѣрѣ, обитатели его береговъ, почти исключительно кабилы, не имѣютъ селеній, которыхъ были бы примѣтны издали; ихъ хаты смѣшиваются со скалами или прячутся въ чащахъ растительности. Европейскіе резиденты здѣсь еще очень малочисленны: жизнь сосредоточилась около станцій филиппильтской желѣзной дороги, ставшей, вопреки естественнымъ покатостямъ, выходомъ провинціи. Но, по всей вѣроятности, торговля землемѣрческими произведеніями скоро измѣнитъ видъ долины уѣза эль-Кебиръ, и особенно береговъ его западнаго притока, Энджи, гдѣ многочисленныя руины напоминаютъ о долгомъ пребываніи римлянъ.

Близъ истоковъ этой рѣчки, эль-Джемила, или «Хорошенькая», *Ciucilum* древнихъ, представляеть теперь груду развалинъ, среди которыхъ стоитъ еще нѣсколько памятниковъ: триумфальная арка, театръ, языческий храмъ, христіанская базилика. Ниже, въ сосѣдствѣ слиянія Энджи и уѣза эль-Кебиръ, основались самыя многолюдныя мѣстечки новѣйшей формациіи, Зерая и Мила. Это послѣднее, титулувшее городомъ, построено на высотѣ почти 500 метровъ, на сѣверномъ отрогѣ горы Лахала (эль-Ахаль, или «Черный»); кабильскій кварталъ состоитъ изъ домишекъ, сооруженныхъ по большей части изъ материаловъ, уже бывшихъ въ употребленіи въ римскихъ постройкахъ: почва тамъ представляеть конгломератъ развалинъ до глубины семи или восьми метровъ²⁾). Одна изъсосѣднихъ деревень, Сиди-Меруантъ, единственная въ Алжиріи по проис-

хожденію ея жителей, населена греками, потомками тѣхъ майнотовъ, которые эмигрировали въ Каргезу, въ Корсикѣ, около конца семнадцатаго столѣтія; они отличаются между всѣми другими колонистами строгою честностью и отвращеніемъ ко всякою рода тѣжбамъ. У самаго основанія холма, на которомъ расположено село Сиди-Меруантъ, соединяются двѣ названныя рѣчки, Энджа и эль-Кебиръ. Ниже этого слиянія пока еще нѣть французскихъ поселеній, если не считать военный постъ эль-Милла, на верху крутой горы праваго берега, построенный въ 1858 году, чтобы держать въ повиновеніи кабильское населеніе этой лѣсистой территории, очень удобной для засадъ. Вся область Бабора, простирающаяся на западъ отъ уѣза эль-Кебиръ до окрестностей города Бужи, извѣстна вообще подъ именемъ Малой Кабиліи: это гористая и лѣсистая страна, одна изъ богатѣйшихъ мѣстностей Алжиріи по красотѣ пейзажей, но довольно трудно доступная для всѣхъ другихъ путешественниковъ, кроме пѣшеходовъ. Въ Малой Кабиліи не существуетъ даже колесной дороги къ Джиджелли, приморской пристани этой живописной области побережья.

Джиджелли, который носить еще едва измѣненное древнее ливійское имя Игильгили, переданное надписями, ведетъ свое начало съ первыхъ временъ исторіи. Усыпальницы, высѣченные на скалѣ вдоль берега, обязаны своимъ происхожденіемъ финикийскимъ поселенцамъ, какъ доказываетъ совершенное ихъ сходство со склепами некрополей въ Сиріи. Произвѣтавшій въ римскую эпоху, Джиджелли продолжалъ быть важнымъ торговымъ центромъ при византійцахъ и при арабахъ; затѣмъ, попавъ во власть христіанскихъ купцовъ, онъ долго былъ самой оживленной факторіей на этомъ берегу. Уже сицилійскіе норманны овладѣли имъ въ двѣнадцатомъ вѣкѣ; послѣ нихъ пришли пизанцы, потомъ генуэзы, которыхъ выжилъ, въ 1514 году, знаменитый Барбаросса. Съ того времени до завоеванія Алжиріи французами Джиджелли оставался во власти турокъ, ибо двѣ экспедиціи, одна подъ начальствомъ Санта-Круца въ 1611 году, другая подъ предводительствомъ герцога Бофора въ 1664 г., не привели ни къ чему, кроме разрушенія нѣсколькихъ кабильскихъ лачугъ и кратковременнаго изгнанія магометанскаго гарнизона; но торговля Джиджелли пришла въ совершенный упадокъ, и самый городъ снова пріобрѣлъ нѣкоторое значеніе, въ началѣ этого столѣтія, только какъ гнѣзда корсаровъ. Джиджелли былъ уже бѣднымъ мѣстечкомъ, когда французы заняли его въ 1839 году, и оставленный тамъ многочисленный гарнизонъ оставался запертымъ и отрѣзаннымъ отъ оккупационной арміи до 1852 года, эпохи, когда окрестная

¹⁾ *Bulletin de la Société de Géographie de Constantine*, dec. 1883.

²⁾ Cherbonneau, „Excursion dans les ruines de Mila“.

племена были покорены и возстановилось безпрепятственное сообщение с Сефитомъ и Константина через горы Баборъ. Французскіе колонисты стали селиться въ сосѣдствѣ Джиджелли только послѣ возстанія 1871 года, когда земли нѣкоторыхъ возмутившихся племенъ были отобраны въ казну.

Древній Игильгили стоялъ на побережье южнѣе нынѣшняго города; арабскій городъ, на противъ, занималъ узкій скалистый полуостровъ, соединенный съ твердою землею песчанымъ мысомъ; турецкія укрѣпленія еще существуютъ, заключая казармы и груды развалинъ, остатки домовъ, разрушенныхъ землетрясеніемъ 1856 года. Французскій городъ, съ прямymi улицами, обсаженными платанами, былъ построенъ на югѣ отъ полуострова, въ равнинѣ, разстилающейся у подошвы холмовъ; окружающая его каменная ограда съ бастіонами оканчивается на юго-восточной сторонѣ фортомъ Дюкенъ, построеннымъ на высокомъ каменистомъ мысѣ. Джиджелли—одинъ изъ самыхъ здоровыхъ городовъ алжирскаго берега, благодаря отсутствію утреннихъ тумановъ, окутывающихъ Алжиръ и другіе города побережья; этой привилегіей онъ обязанъ, безъ сомнѣнія, свободному движению морскихъ вѣтровъ, которые, вмѣсто того, чтобы ударяться о холмы Джиджелли, отлагая свои пары, проникаютъ далеко вглубь материка черезъ долину уезда Джинденъ¹⁾). Джиджелли окружены прекрасными садами, которые воздѣлываются иностранными колонистами, испанцами и мальтийцами, и въ сосѣдствѣ, на дорогѣ въ Константину, слѣдуютъ одна за другой двѣ богатыя деревни новаго основанія, Дюкенъ и Страсбургъ, или Джинденъ. Эти маленькие центры колонизаціи, и еще болѣе кабильскія поселенія въ сосѣднихъ горахъ, пытаются торговлю Джиджелли, доставляя лѣсные продукты, шерсть, кожи и зерновые хлѣба. Портъ, уже хорошо огражденный отъ западныхъ вѣтровъ, очень легко могъ бы быть защищенъ отъ бурь и волнъ съ сѣверной стороны: рядъ подводныхъ камней, въ родѣ того, какой расположены передъ рейдомъ Триполи, тянется, начиная отъ утесовъ полуострова, на разстояніи около версты до глубины 20 метровъ, такъ что самая большія суда могли бы находить безопаснѣе пристанище въ той части рейда, которая защищена этимъ естественнымъ жетомъ; остается только запереть каменной кладкой бреши и обвести жето набережными, но эта работа, уже начата, не можетъ имѣть важнаго значенія, пока не будутъ окончены постройкой дороги изъ Джиджелли къ внутреннимъ городамъ. На островѣ, близъ восточной оконечности гряды подводныхъ скаль, поставленъ маякъ. Движеніе судоходства въ портѣ Джид-

желли въ 1883 году: 454 судна, общая вместимость 178.372 тонны.

Главныя «полиоправныя» общини долянъ Сафсафа, уезда эль-Кебиръ и сосѣдняго прибрежья:

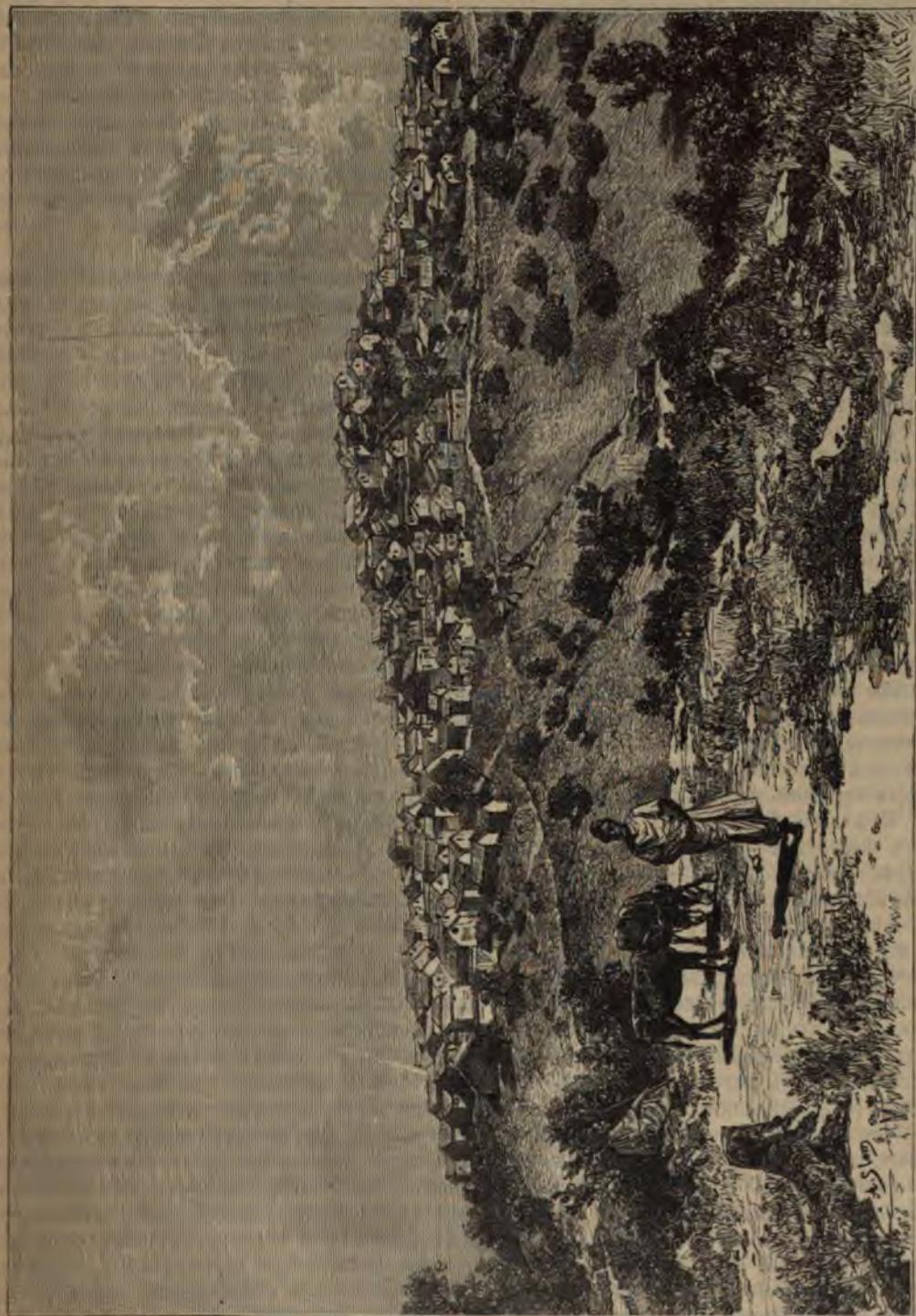
Константина (1896 г.)—47.770 ж.; Филиппи-виль (1896 г.)—19.515 ж.; Конде-Смеду—12.000 ж.; Бизо—7.000 ж.; Эль-Хрубъ—7.000 ж.; Мила—7.000 ж.; Руффашъ—7.000 ж.; Уздъ-Атменіа—5.000 ж.; Робервиль—5.000 ж.; Джиджелли—5.000 ж.; Гамма—4.000 ж.; Сентъ-Арно—4.000 ж.; Эль-Гаррушъ—3.000 ж.; Уладъ-Рамунъ—3.000 ж.; Гастонвиль—3.000 ж.; Дюкенъ—3.000 ж.; Эль-Кантуръ—3.000 ж.; Сиди-Меруанъ—3.000 ж.; Сенъ-Шарль—2.000 ж.; Аинъ-Смары—2.000 ж.; Колло—2.000 жит.

Городъ Сетифъ, лежащий на высотѣ около 1.100 метровъ, на длинномъ холмистомъ плато, отдѣляющемъ береговыя горы отъ массива Годна и Джебель-Ауреса, принадлежитъ къ бассейну уезда Сахель, рѣки, образующей на югѣ и востокѣ циркумваллационный валъ Большой Кабиліи; Бу-Селламъ и другіе притоки уезда Мельхъ, который по длине теченія можетъ считаться главною вѣтвью уезда Сахель, берутъ начало въ окрестностяхъ Сетифа, въ красноземѣ плоскогорья. Сетифа (*Sitifis*) была римскою колоніей и, благодаря своему центральному положенію, въ пунктѣ схожденія многихъ дорогъ, она сдѣлалась, въ четвертомъ столѣтіи, столицей одной изъ Мавританій. Когда французы прибыли въ край, ограда и внутреннее укрѣпленіе были въ довольно хорошемъ состояніи, такъ что пришельцы могли окопаться тамъ, не опасаясь нападеній со стороны туземцевъ. Въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1837 до 1847 г., Сетифъ былъ только военный постъ, затѣмъ небольшая гражданская колонія поселилась рядомъ съ казармами, и городъ сталъ быстро расти и развиваться, благодаря здоровому климату и плодородію почвы, по крайней мѣрѣ въ ложбинахъ, получающихъ достаточную долю влажности. Сетифъ приобрѣлъ важное значеніе преимущественно какъ рынокъ для сельско-хозяйственныхъ произведеній, а въ сосѣдствѣ его выросло нѣсколько цвѣтующихъ деревень. Прежде въ этихъ необозримыхъ пустыняхъ, гдѣ теперь нѣсколько спальеръ зелени возвышаются присутствіе европейскихъ группъ населенія, существовало только одно дерево, боярышникъ, прозванное солдатами «Сетифскимъ тряпичникомъ», по причинѣ безчисленнаго множества лоскутовъ, которыми его обвѣшивали, въ видѣ приношений, туземные пилигримы. Нѣкоторыя изъ деревень плоскогорья обязаны своимъ происхожденіемъ одной женевской колонизаціонной компаніей, которая получила отъ французскаго правительства слишкомъ 20.000 гектаровъ отборныхъ земель. Это общество теперь уже само не ведетъ хозяйства, какъ оно пробовало дѣлать

¹⁾ Camille Sabatier, рукописныя замѣтки.

это въ началѣ, но сдаеть земли въ пользованіе европейцамъ или туземцамъ за арендную плату или известную долю урожая; оно замѣняетъ собою казну, въ качествѣ крупнаго зем-

туръ и 1.101 гектар. въ залежи; цѣнность имѣнія: 5.500.000 франк.; доходъ въ 1884 г.: 439.617 франк.; населеніе: 2.982 туземца и 265 европейцевъ.

Кабильская деревня.

левладѣльца. Положеніе дѣлъ женевскаго общества колонизаціи въ Сетифѣ къ 31 декабря 1884 года представлялось въ слѣдующемъ видѣ: общая площадь земель 15.677 гектаровъ; изъ этого числа 14.576 гектар. въ куль-

Послѣ Сетифа, самая многолюдная община этого округа—Аинъ-Абесса, лежащая на скатахъ массива Магрисъ, между двухъ горныхъ дорогъ, которыхъ ставятъ Сетифъ въ прямое сообщеніе съ портомъ Бужи, одна—черезъ

Такитунтъ, Керрату и ущелья Табобора, въ Шабетъ-эль-Акра, другая—черезъ Аинъ-Руа и уездъ Гергуръ. Обѣ эти дороги, замѣчательныя какъ памятники инженерного искусства, представляютъ при спускѣ съ плоскогорій на прибрежье пейзажи грандіозной красоты. Еще неизвѣстно, какому направлению будетъ отдано предпочтеніе для постройки желѣзного пути, который будетъ вывозить продукты стравы, избавляя грузы отъ необходимости дѣлать длинный крюкъ на Алжиръ или Константину. Долина Агріуна, по которой, вѣроятно, пройдетъ этотъ новый путь, составляетъ естественную границу между западной Кабиліей, населенной цивилизованными берберами, которые обитаютъ въ домахъ относительно чистыхъ, и дикими восточными мѣстностями, гдѣ живутъ кабилы въ крайней бѣдности, помѣщаючись въ грязныхъ берлогахъ, крытыхъ соломой и вымазанныхъ коровьимъ каломъ; да и эта орнаментациѣ примѣняется скучно и только внутри жилища¹⁾). Агріунское ущелье есть въ то же время и глоссологическая граница: къ востоку отъ него говорять арабскимъ, къ западу—берберскимъ языкамъ. Тамошнія горы изобилуютъ залежами желѣза, мѣди, свинца, которыхъ разрабатываются кабилами племени бени-слиманъ; во многихъ долинахъ встречаются горячіе ключи.

Борджъ Бу-Аррериджъ, городъ новѣйшей формациї, возведенный въ муниципальную общину только въ 1870 г. и вновь отстроенный послѣ восстанія 1871 года,—тоже цвѣтущей земледѣльческій центръ и, безъ всякоаго сомнѣнія, сдѣлается современемъ однимъ изъ значительныхъ городовъ Алжиріи, благодаря плодородію Меджанской равнинѣ, которой онъ занимаетъ восточную оконечность, на высотѣ 915 метровъ, близъ водораздѣла между притоками уезда Сахель и притоками Ходны. Кромѣ того, Бу-Аррериджъ имѣеть за собою еще ту выгоду, что онъ находится на серединѣ желѣзной дороги, соединяющей Алжиръ съ Константиною: это будетъ главная станція для скрещивающихся поѣздовъ. Въ 12 километрахъ къ западу, между станціями Эль-Аширъ и Мансура, рельсовый путь переходитъ черезъ горный порогъ по самой длинной подземной галлерѣѣ, какая въ настоящее время существуетъ въ Африкѣ: это такъ называемый «Пальмовый туннель», имѣющій 3.000 метровъ протяженія отъ однихъ воротъ до другихъ. До общаго умиротворенія Алжиріи позиція борджа Бу-Аррериджъ представляла капитальную стратегическую важность. Недалеко оттуда открываются «Желѣзныя ворота», дефилю горной цѣпи Бибанъ, черезъ которые плоскогорья сообщаются съ долиной Сахеля: тамъ находится ключъ ко всѣмъ территоріямъ, лежащимъ на

югѣ Большой Кабиліи. Оттого крѣпкіе замки этой страны заботливо охранялись племенами. Во время прибытія французовъ всѣ признавали верховную ленную власть могущественнаго рода Уладъ-Мокранъ и платили ему дань; взимаемые главнымъ шейхомъ налоги, простиравшіеся, по исчисленію Каретта, до 700.000 франковъ въ годъ, помѣщались въ торговлю всей Кабиліи и приносили ему большие проценты. Оттого-то уладъ-мокраны, желая сохранить за собою свой *liste civile* и свое высокое положеніе, и поспѣшили признать французскую власть; они подали сигналъ къ восстанію только въ 1871 году, когда узнали, что грозить опасность ихъ привилегіямъ.

Въ 25 километрахъ по прямой линіи къ сѣверо-западу отъ Бу-Аррериджа, на одной скалѣ цѣпи Бибанъ стоитъ, на высотѣ 1.200 метровъ, главная крѣпость страны, носящая имя Калаа(Гала или Гела), то-есть «Замокъ» по преимуществу: это одинъ изъ рѣдкихъ кабильскихъ городовъ, окруженныхъ сплошноюстѣною. Цитадель богатаго племени бени-аббесъ, Калаа служила также мѣстомъ убѣжища для всѣхъ, искающихъ спасенія отъ гибѣдевъ и ихъ вассаловъ. Когда герцогъ Бофоръ вынужденъ былъ покинуть Джиджелли, одна изъ оставленныхъ имъ пушекъ была перевезена въ Калаа, гдѣ она была взята обратно французами два вѣка спустя, въ 1871 году. Акрополь всей страны, главный рынокъ для торговли оливковымъ масломъ, производимымъ Кабиліей, Калаа служила складочнымъ мѣстомъ окрестнымъ племенамъ для сокровищъ и для зерновыхъ хлѣбовъ: благодаря чистотѣ воздуха, пшеница сохранилась долгіе годы въ корзинахъ, сплетенныхъ изъ альфы. Пользуясь полною безопасностью, жители Калаа и окрестностей могли спокойно предаваться промышленной дѣятельности; они ткали бурнусы высокой цѣны, отъ 30 до 35 франковъ за штуку, которые находили сбытъ во всей Алжиріи. Промыселъ этотъ сохранился до сихъ поръ, несмотря на иностранную конкуренцію: женщины, обрабатывающія шерсть, и мужчины, сшивающіе матерію, никогда не принимаются за работу, не вымывъ предварительно руки мыломъ. Этюю роскошью чистоты и опрятности бени-аббесы выгодно отличаются отъ большинства другихъ кабиловъ; у нихъ въ каждой деревнѣ существуютъ мыловаренные заводы. Къ востоку отъ Калаа, другой укрѣпленный городокъ, Замура или Земмура, «Масличная роща», подпалъ подъ власть турокъ, которые держали тамъ гарнизонъ, чтобы защищать свои сообщенія между плоскогорьемъ и портомъ Бужи. Населеніе этого города и теперь еще состоитъ въ большей части изъ кулаги.

Въ западной части бассейна уезда Сахель, Омаль, древняя Авзія (Auzia) римлянъ, занимаетъ такую же стратегическую позицію, какъ

¹⁾ Carette, „Etudes sur la Kabylie proprement dite“.

въ восточной части города Сетифъ и Бу-Арриджъ: стоявшій тамъ турецкій гарнизонъ наблюдалъ за дорогами, направляющимися отъ уѣза Сахель къ Шелифу черезъ равнину племенъ арибъ и бени-слиманъ, и командовалъ верхнимъ бассейномъ территории Иссеръ. Французы водворились тамъ только въ 1846 году, но они сразу оцѣнили стратегическую важность этого пункта, и груда развалинъ, называвшаяся Суръ-эгъ-Гозланъ, или «Оплотъ Газелей», скоро сдѣлалась, подъ именемъ Омаль (Aumale), одною изъ самыхъ твердыхъ опорныхъ точекъ военной оккупации во внутренней Алжиріи. Городъ лежитъ на высотѣ 850 метровъ, въ циркѣ горъ, гдѣ береть начало эль-Акаль, одинъ изъ притоковъ уѣза Сахель, и съ юго-западной стороны надъ нимъ господствуютъ высокіе хребты джебеля Дира, сочные травы которого питаютъ столько стадъ, что арабы, какъ нѣкогда евреи Ханаана, говорятъ о «молочныхъ ручьяхъ», текущихъ съ этихъ горъ. Омаль—одинъ изъ важнѣйшихъ рынковъ Телля для обмѣна зерновыхъ хлѣбовъ береговой области на произведенія плоскихъ возвышеностей—шерсть, кожа, циновки и корзины изъ альфы, финики, живой скотъ. Но, помимо этой мѣновой торговли, Омаль, оставленный въ сторонѣ отъ сѣти желѣзныхъ дорогъ,—городъ мало оживленный; онъ состоитъ всего только изъ одной длинной улицы, прерываемой по серединѣ общественнымъ садомъ; тамъ нашли большое число фрагментовъ, изваяній и надписей, остатковъ римской Азвіи. Въ окрестностяхъ разсѣяно нѣсколько колонистскихъ поселеній; самая многолюдная изъ нихъ—Биръ-Рабалу, на сѣверо-западѣ, въ равнинѣ Арибъ, и Аинъ-Бессемъ, на сѣверо-востокѣ, на дорогѣ въ Буиру.

Борджъ Буира, или «крѣпость Малаго Колодца», пересталъ быть военнымъ пунктомъ; по крайней мѣрѣ, фортъ, стоящій на холмѣ, между городомъ и станцией желѣзной дороги, теперь не занятъ войскомъ; легкость сообщеній, на боковой дорогѣ, огибающей массивъ Большой Кабилии, и созданіе значительного центра колонизации позволили вывести гарнизонъ. Ниже, въ долинѣ Сахеля, крѣпостца Бени-Мансуръ еще занята военнымъ отрядомъ. Въ этомъ мѣстѣ отъ главной желѣзодорожной линіи изъ Алжира въ Константину отдѣляется вѣтвь къ городу Бужи; тутъ же по близости живутъ различныя племена, еще недавно повиновавшіяся могущественной и грозной фамиліи Уладъ-Мокранъ; кромѣ того, необходимо наблюдать за дорогою, поднимающейся на сѣверъ къ кедрамъ Талараны и къ перевалу Тиурда, и проникающей въ высокій массивъ Большой Кабилии. На востокѣ, по другую сторону долины, слѣдуютъ одно за другимъ мѣстечки трудолюбивыхъ бени-аббесовъ и поселенія мирныхъ бени-айделей, пользующихся

доброю славою за рѣдкую заботливость, которую они прилагаютъ къ содержанию въ порядке своихъ жилищъ и мечетей. Даѣше идуть земли племени бени-хіаръ, затѣмъ земли санхеджей, которые носятъ славное имя древняго союза берберскихъ племенъ.

Новый поселенія, основанныя французскими колонистами, слѣдуютъ одно за другимъ въ довольно большомъ числѣ въ нижней долинѣ Сахеля, и нѣкоторыя изъ нихъ очень живописны, съ ихъ бѣлыми домами и красными крышами, выглядывающими сквозь листву большихъ деревьевъ. Между этими деревнями, изъ которыхъ каждая имѣть запасной водоемъ, фонтаны и широкія аллеи или бульвары, самая значительная—Акбу, официально называемая Мецомъ. Эта группа жилищъ, военный и административный центръ почти стотысячнаго населенія, лежитъ на высокомъ хребтѣ, къ западу отъ долины Сахеля, называемаго также уездомъ Акбу, и при выходѣ дороги, пока еще не проѣзжей, которая спускается изъ Большой Кабилии черезъ горный проходъ Шеллата. Римскія развалины встрѣчаются во всѣхъ частяхъ долины, а на половинѣ дороги изъ Акбу въ Бужи, между Сиди-Аишъ и Эль-Ксаръ (Биче), онѣ сплошь покрываютъ почву: отрывки стѣнъ, надгробные камни, остатки мощеныхъ плитой дорогъ, подземныхъ галлерей, зданий; тутъ стоялъ въ древности *Tubusuctus*. До сихъ поръ этотъ могущественный римскій городъ, лежащий въ развалинахъ, еще не имѣетъ себѣ преемника въ видѣ французского городского поселенія: внутри его иззубренныхъ временемъ стѣнъ, среди масличныхъ рощъ, пріютились только небольшая деревня Тауриртъ-Игиль, Аинъ-Гана, Тимери и Тиклатъ. Изъ новыхъ мѣстечекъ, основанныхъ въ нижней долинѣ, самое многолюдное—Реюньонъ, главный пунктъ обширной общины Фенайя, состоящей частію изъ земель, конфискованныхъ въ 1871 году, послѣ восстанія. Самая богатая часть страны—земельная собственность кабильскаго племени бени-бумессаудъ.

Бужи (Bugie), Saldae римлянъ,—городъ, пришедший въ упадокъ, хотя съ половины текущаго столѣтія онъ опять въ большей части заселился. Дважды онъ былъ даже столицей государства: въ первый разъ во время нашествія вандаловъ, до взятія Кареагена, во второй—подъ владычествомъ племени бени-гаммадъ, въ концѣ одиннадцатаго и въ началѣ двѣнадцатаго вѣка: по свидѣтельству Мармоля, въ стѣнахъ его въ ту эпоху насчитывалось не менѣе двадцати тысячъ домовъ; онъ былъ тогда маленькой «Меккой», благодаря своимъ мечетямъ и школамъ, и съ того времени одинъ изъ его фонтановъ получилъ название колодца «Земземъ»¹). Даже когда онъ не былъ поли-

¹) *Carette*, цитированное сочиненіе.

тическимъ центромъ, Беджайа или Бужи, названный такъ по имени одного племени съдніхъ горъ, имѣлъ важное торговое значеніе, благодаря выгодамъ своего порта, который считается одною изъ самыхъ безопаснѣихъ гаваней алжирскаго берега. Въ этомъ мѣстѣ гора Лалла Бурайа, или «госпожа Гурайя», имѣющая слишкомъ 700 метровъ высоты, выдвинулась въ море мысомъ, по направлению отъ запада къ востоку, такъ что бухта, которую она ограничиваетъ, совершенно защищена отъ западныхъ, съверо-западныхъ и съверныхъ вѣтровъ, столь опасныхъ въ этихъ водахъ. Съ одиннадцатаго столѣтія итальянскіе мореходы стали вести мѣновую торговлю съ Беджайей, и въ теченіе трехъ слѣдующихъ вѣковъ республики Пиза, Генуя, Амальфи, каталонцы, марсельцы оспаривали другъ у друга первое мѣсто въ торговлѣ этого порта, который снабжалъ ихъ хлѣбомъ, оливковымъ масломъ, лучшими винными ягодами, сладкими рожками, шерстью, кожами, медомъ и воскомъ, уже отлитымъ въ свѣчи, по-французски «*bougies*», названныя такъ по имени этого кабильскаго города ¹⁾, который принялъ своимъ гербомъ пчелиный улей. Точно также отъ стариннаго имени этого города нѣкоторые сорты кожъ стали называть «*basane*» (баранья кожа, употребляемая для переплета книгъ) ²⁾. Сношенія Бужи съ Европой сдѣлялись такъ часты, что въ началѣ XIV ст. этотъ городъ сталъ подъ покровительство королей арагонскихъ, чтобы успѣшиѣ воевать съ другими городами побережья: въ ту эпоху тамошніе кабилы, безъ сомнѣнія, не были болѣе ревностными мусульманами, чѣмъ выѣхавшие, хотя миссіонеръ Раймондъ Лулл погибъ тамъ, побитый камнями въ 1314 году. Но за periodомъ мирныхъ торговъ сношеній слѣдовалъ periodъ морскаго разбойничества; Бужи сдѣлялся гнѣздомъ страшныхъ корсаровъ, чѣмъ побудило испанцевъ, по завоеваніи Орана, атаковать этотъ разбойничій притонъ. Педро Наварскій безъ труда овладѣлъ имъ, въ 1509 году, и съ того времени впродолженіи сорока-четырехъ лѣтъ знамя Кастилии разѣвалось на бужайскихъ фортахъ: никакой другой городъ восточной Алжиріи не оставался такъ долго во власти европейской державы. Снова взятый турками въ 1555 году, Бужи былъ уже городъ безъ торговли, окруженній враждебными кабильскими племенами. До французской оккупации, въ 1833 году, онъ оставался какъ бы въ осадномъ положеніи, затѣмъ почти совсѣмъ опустѣлъ; въ 1869 году въ немъ насчитывалось только 330 жителей. Кабилы держали его запертымъ, и только въ 1847 году гарнизонъ въ первый разъ сдѣлалъ мирную прогулку въ городскихъ стѣнъ.

¹⁾ E. Littré, „Dictionnaire de la langue fran aise“.

²⁾ Baude, „Alg rie“.

Въ настоящее время Бужи занимаетъ гораздо меньшую площадь, чѣмъ какую занималъ въ эпоху своего цвѣтущаго состоянія: городская ограда значительно съузилась, и многіе вѣнчаніе кварталы, обремененные военными повинностями, были покинуты жителями; даже внутри круга валовъ одна часть города была присвоена инженернымъ вѣдомствомъ. Сарацінскія арка, называемая Бабъ-эль-Бахаръ («Морскія Ворота») и составлявшая часть древнихъ стѣнъ, есть самый любопытный остатокъ средневѣковой Беджайи и, вмѣстѣ съ общественнымъ садомъ и амфитеатромъ домовъ и апельсиновыхъ рощъ, образуетъ очень живописное цѣлое. Обширные пустыри тянутся еще въ сосѣдствѣ моря, но теперь населеніе, вѣроятно, возрастасть съ проведениемъ желѣзной дороги изъ Алжира черезъ Бени-Мансуръ, которая оканчивается на югъ отъ города, близъ устья уѣда Сахель, называемаго также уѣдомъ Суммамъ въ нижнемъ его теченіи; кроме того, скоро долженъ быть построенъ другой рельсовый путь, направляющійся къ Сетифу черезъ горы Баборъ и Бибантъ. Правильное пароходное сообщеніе соединяетъ нынѣ столицу Кабилии съ Марселью. Бужи лежитъ у естественного выхода обширнаго бассейна, простирающагося отъ Сетифа до Омала, и хотя онъ находится на виѣнѣй покатости горъ Большой Кабилии, населеніе его пользуется до извѣстной степени выгодами торговли этой страны. Но для того, чтобы Бужи могъ выполнять роль, которая должна выпасть ему со временемъ въ общей экономіи Алжиріи, необходимо, чтобы портъ его былъ снабженъ набережными, амбаркадерами и моломъ, который прикрывалъ бы его отъ съверо-восточныхъ вѣтровъ. Въ настоящемъ своемъ видѣ портъ этотъ почти всѣмъ обязанъ исключительно природѣ; во времена турецкаго господства галеры передъ наступлениемъ осенняго равноденствія покидали опасные воды Алжира, чтобы идти на зимнія квартиры въ Бужайскій рейдъ.

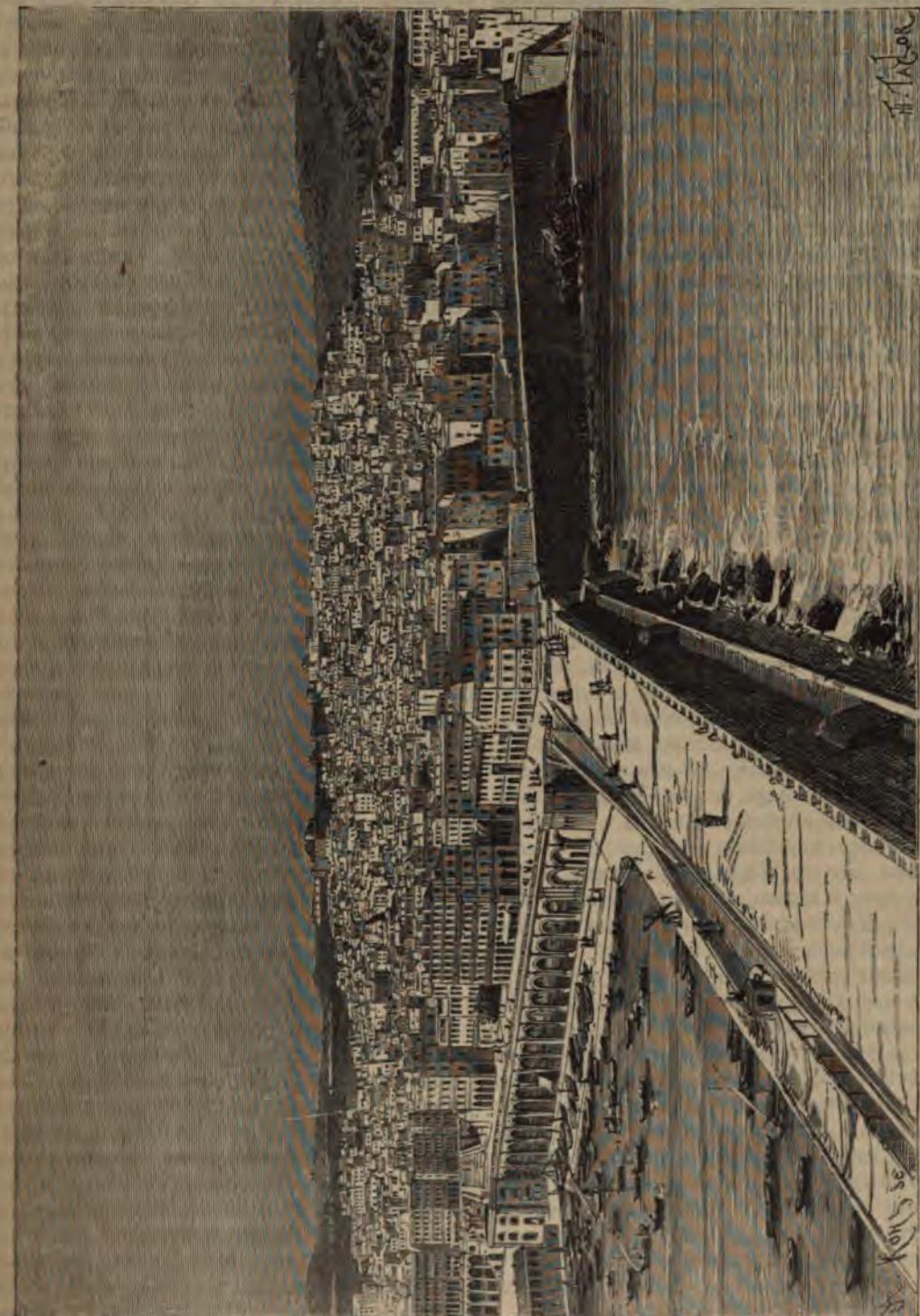
Движеніе судоходства въ портѣ Бужи въ 1891 г.: въ приходѣ 588 судовъ, общей вмѣстимостью — 280.760 тоннъ.

Сосѣднія бухта Сиди-Яя, совершенно защищенная отъ съверныхъ вѣтровъ мысомъ Буакъ, предуказана какъ будущій военный портъ, и уже неоднократно было предпринимаемо изученіе этой гавани ¹⁾. Пытаясь пробить подземную галлерею къ западу отъ города на горѣ Туджѣ, чтобы перехватить ключевые воды, инженеры убѣдились, что римляне уже предупредили ихъ: инженеры нашли старый туннель, длиной въ 438 метровъ; какъ показываетъ одна древняя надпись, эта подземная галлерея была вырыта въ царствованіе Антонина Пія. Туджинскій водопроводъ имѣть 21 километръ длины.

¹⁾ Ch. Ferand, „Histoire de Bougie“.

Главные полноправные общины въ бассейнѣ Сахеля, включая Бу-Арриджъ (бассейнъ Ходны): Сетифъ—12.000 жит., Бужи—12.380 жит., Биръ Рабалу—6.000 жит., Омаль—6.000

торую окружаетъ полукругомъ двѣ рѣки, уадъ Сахель и уэдъ Иссеръ, вообще обозначается именемъ «Большой Кабилі», въ отличіе отъ «Малой Кабилі», подъ которою понимаютъ

Общий видъ Алжира.

жит., Аинъ-Абесса—4.000 жит., борджъ-Бу-Арриджъ—3.000 жит.

Точно ограниченная область Джурджуры, или Адрара («Гора» по преимуществу)¹⁾, ко-

¹⁾ Hanoteau et Letourneux, „La Kabylie et les coutumes kabyles“.

гористую область, занимаемую цѣлями Бибанъ и Баборъ. Сравнительная высота окружающихъ ихъ горъ—единственная причина, заставившая установить это различіе между двумя странами: по протяженію, «Малая» Кабилія не уступаетъ «Большой». Что касается наимено-

ванія «Кебаиль», или «кабилы», то оно не имѣть никакого этническаго значенія: это арабское слово *кабила*, которое значитъ просто «племя» или «колено», и которое въ разныхъ странахъ прилагается къ населеніямъ различныхъ расъ: такъ, въ Аравіи оно означаетъ арабовъ, а въ равнинахъ, лежащихъ къ востоку отъ Абиссиніи, его носятъ афары или данакилы. Въ Мавританіи мусульманскіе завоеватели употребляли его для обозначенія всѣхъ не-арабскихъ народцевъ, которыхъ находили въ завоеванной території, и которыхъ оттѣсняли въ горы: мало-по-малу, подъ вліяніемъ расовой ненависти, этотъ терминъ получилъ презрительное значеніе; алжирскіе арабы чаще обозначаютъ свои собственныя племена другимъ словомъ, аршъ, имѣющимъ тотъ же смыслъ¹). Принадлежа по языку къ большой берберской семье и происходя преимущественно отъ древнаго союза племенъ санхеджа, джурджурскіе кабилы сами себя называютъ «имазигенъ» или «амзигъ», то-есть «вольные люди»²). По мнѣнію Сабатье, имя это, тожественное съ именемъ «максі», употребляемымъ Геродотомъ, имѣть другой смыслъ: подъ нимъ слѣдуетъ понимать просто «земледѣльцевъ»³).

Безъ сомнѣнія, огромное большинство кабилъ, каково бы ни было ихъ происхожденіе, имѣютъ право на этотъ эпитетъ «вольныхъ», такъ какъ они убѣгали въ горы, чтобы сохранить свою независимость, и во всѣ времена оказывали сопротивленіе иноземнымъ захватчикамъ: римлянамъ, вандаламъ, византійцамъ, арабамъ или французамъ. Арабы называли эту страну Бледъ-аль-Аду, т. е. «Вражьей Землей». Со всѣхъ сторонъ, племена, тѣснимыя завоевателями римскими, вандальскими или арабскими, искали убѣжища въ этихъ высокихъ долинахъ и даже на вершинѣ горъ. Повидимому, Кабилія, нынѣ самая многолюдная область Сѣверной Африки, была мало населена въ первыя времена исторического периода⁴; каждый новый потокъ завоевателей давалъ ей новый контингентъ бѣглецовъ, которые упорнымъ трудомъ надъ обработкою почвы успѣли приобрѣсти себѣ право на мѣсто рядомъ съ первыми поселенцами. Неудивительно, поэтому, что населеніе Джурджуры и ея долинъ представляетъ такое разнообразіе типовъ: отъ чернокожаго до европейца, всѣ разновидности человѣческаго рода имѣютъ тамъ своихъ представителей. Въ Кабиліи встрѣчаются негры, или, по крайней мѣрѣ, помѣсь негровъ: таковы абиды, или «служители», въ Богни, въ юго-за-

падной области страны. Затѣмъ, есть кабилы, якобы, европейского происхожденія, какъ, напримѣръ, племя айтъ-бу-юссифъ, живущее на сѣверной покатости главной цѣпи, къ югу отъ укрѣпленія, называемаго Национальный Фортъ (Fort National); впрочемъ, это, можетъ-быть, потомки іудействующихъ берберовъ, которые были очень многочисленны въ Мавританіи до мусульманскимъ нашествій¹). Извѣстно также, что, по общераспространенному у кабилъ мнѣнію, одинъ народецъ на верхнемъ Себау, называемый айтъ-фраусенъ, считается, вѣроятно, по причинѣ сходства именъ, соплеменникомъ французовъ. Говорить, въ Кабиліи имѣются также и германцы, «аитъ-иджерменъ», которые живутъ на сѣверо-востокѣ страны, между Буджи и Азеффуномъ. Дѣйствительно, между этими айтъ-иджерменами встрѣчается очень много индивидуумовъ блокуровыхъ или рыжихъ, чертами лица, будто бы, похожихъ на нѣмцевъ. На основаніи сходства именъ, можно бы, пожалуй, искать германцевъ также у горцевъ Джермуны, которые охотятся на кабановъ и барсовъ въ сосѣднихъ съ мысомъ Аокасъ лѣсахъ.

Но какъ ни разнообразно происхожденіе жителей Джурджуры, можно сказать, что, взятые въ массѣ, они представляютъ древнее берберское населеніе, и, вѣроятно, между ними и слѣдуетъ искать наиболѣе чистыхъ потомковъ первоначальныхъ мавританцевъ, тѣхъ потомковъ, которые всегда лучше сохранили нравы и преданія расы, нѣкогда распространенной по всей Сѣверной Африкѣ. По одной изъ ихъ легендъ, они «родились изъ земли». Гигантъ, пришедший изъ тѣхъ странъ, где восходитъ солнце, принесъ на своихъ широкихъ плечахъ скалы и горы Джурджуры; дойдя до мѣстности за уѣздомъ Сахель, онъ опустился на землю отъ усталости, и громадная ноша задушила его: броженіе этого великана, раздавленного подъ тяжестью горъ Кабиліи, и породило на свѣтъ племена страны. Впрочемъ, существуютъ также легенды о населеніи, предшествовавшемъ нынѣшимъ кабиламъ, которое называется «джугала», именемъ, примѣняемымъ, кроме того, къ римлянамъ и къ «язычникамъ»; этому древнѣйшему населенію приписываются остатки старинныхъ построекъ и камни странной формы, представляющіе людей или животныхъ. Во многихъ мѣстахъ находятъ круглые ямы, наполненные мусоромъ, которая, повидимому, служили жилищами. Кровли, образующія сводъ надъ ямой, были подперты центральнымъ столбомъ. Съ этими древнѣйшими постройками Кабиліи связана легенда, совершенно подобная той, которую рассказываютъ на Алтаѣ про таинственную чудь: говорить, когда обитатель такого полу-

¹) De Slane, „Histoire des Berbères“, par Ibn' Khal-doun.

²) Carette, „Études sur la Kabylie“, Exploration scientifique de l'Algérie, IV.

³) Société d'Anthropologie, séance du 21 juillet 1881.

⁴) Masqueray, „Correspondance Africaine“.

¹) Desvaux, „Les Kebailles de Djerdjera“.

подземного жилища тяжко заболевалъ и чувствовалъ приближеніе смерти, онъ подпиливалъ столбъ, затѣмъ, въ послѣдній моментъ, собирая остатокъ силъ и, оттолкнувъ столбъ, погребалъ самъ себя подъ блоками крыши¹⁾).

Народонаселеніе Большой Кабиліи весьма значительно. По переписи 1881 года, пространство около 5.500 квадр. километровъ, заключающееся въ обширномъ полуокругѣ, образуемомъ уездами Иссеръ и Сахель, было обитаемо 467.000 чел. Народонаселеніе Кабиліи, безъ Палестро и Бени-Мансуръ: Большая Кабилія: округъ Тизи-Узу, съ общиными Бужи, Акбу и Фенайя: 417.012 жит. на 525.008 гектаровъ. Малая Кабилія: округъ Бужи, безъ общины Бужи, Акбу и Фенайя: 200.615 жит. на 484.562 гектарахъ.

Такъ какъ нормальный приростъ у джурджурскихъ кабиловъ составляетъ, въ среднемъ, по крайней мѣрѣ, пять тысячъ каждый годъ, отъ избытка рожденій надъ смертностью, то общее число жителей въ этой области можно считать въ полмилліона, чѣмъ составляетъ 90 человѣкъ на квадр. километръ. Если бы плотность населенія была такая же и въ остальной Алжиріи, между берегомъ моря и опушкой пустыни, то тамъ насчитывалось бы 40 милліоновъ жителей, то-есть не меньше, чѣмъ во Франціи. До французской оккупациіи беспредѣльная война между племенами, даже между отдельными деревнями, поглощали всѣ излишки населенія: по самому вичтожному поводу, иногда просто потому, что наскучила миръ, возгоралась вооруженная вражда между соседними народами. Два племена аитъ-угеннуңъ и аитъ-дженнадъ, къ сѣверу отъ Себау, обмѣнивались ружьями при заключеніи мира и требовали ихъ обратно, когда хотѣли объявить другъ другу войну: эти два символическихъ ружья носили название *мезрат*, то-есть «копье», въ память о временахъ, предшествовавшихъ введенію огнестрѣльного оружія²⁾). Кабилы, раздѣленные на сто слишкомъ племенъ, на тысячу слишкомъ второстепенныхъ клановъ, дѣлятся также на *софы*, или политическія партіи, которыхъ безпрестанно группируются, распадаются, вновь соединяются, соответственно столкновенію интересовъ и страстей. Туземцы говорили, что имъ уже на-роду написано постоянно воевать между собой: про-клятие Лаллы-Хедиджи осудило ихъ на вѣчные раздоры. Союзы, устраивавшіеся между разными деревнями противъ общаго врага, были непродолжительны: по минованіи опасности, лига распадалась, и каждая группа снова получала свою автономію. Однако, кабиламъ небезъзвѣстно, какія узы родства связываютъ племена одно съ другимъ, и имена, общія всей

кабильскому клановъ, напоминаютъ общность происхожденія. Название «аитъ», употребляемое ими для выраженія связи конфедерации, указываетъ солидарную группировку, а не происхожденіе, какъ арабское слово «уладъ» («уледъ» въ единственномъ числѣ), присвоенное племенамъ семитического происхожденія, и заимствованное слово «бени», примѣняемое къ двумъ расамъ, но преимущественно къ кабиламъ³⁾.

Главная группировка племенъ—это «зуауа» (игауауентъ), имя которой часто было употребляемо въ обширномъ смыслѣ, обнимающемъ всѣхъ кабиловъ; еще недавно въ Тунисѣ слово «зуауа» примѣнялось ко всѣмъ горцамъ-берберамъ, а въ первое время французской оккупациіи, то же общее наименование давали—подъ формой «зуавы»—отрядамъ туземныхъ солдатъ, которые набирались преимущественно между кабильскими горцами. Зуауа, въ числѣ 150.000 человѣкъ, занимаютъ на сѣверной покатости Джурджуры почти весь бассейнъ верхняго Себау, почти до мѣста слиянія его съ уѣдомъ Аисси. Къ этой группѣ зуауа принадлежитъ, между прочимъ, племенной союзъ аитъ-яхіа, одна изъ деревень котораго, Куку (Куко), основанная на мѣстѣ римского поселенія⁴⁾, считалась нѣкогда чѣмъ-то въ родѣ столицы для всей кабильской земли, хотя число ея жителей не превышало 1.600; въ шестнадцатомъ столѣтіи Мармоль обозначалъ именемъ Куко всѣ населенія Джурджуры, и оливковое масло «сосие» было хорошо известно въ Марсели и во всемъ Провансѣ⁵⁾. Аитъ-фраусены, эти, якобы, французы, которые, впрочемъ, оказывали энергическое сопротивление французскому нашествію въ 1857 году,—тоже «зуауа», и на ихъ территоріи тоже есть мѣстечко, которому присвоивалось первенство надъ всѣми другими поселеніями: это Джема эст-Сахриджъ, или «Собрание бассейновъ», названное такъ отъ римскихъ резервуаровъ, которые свидѣтельствуютъ о пребываніи тамъ древнихъ завоевателей Мавританіи, или, по крайней мѣрѣ, о вліяніи ихъ цивилизациіи на туземные искусства. Племена, отличающіяся наибольшимъ разнообразіемъ своихъ промышленныхъ произведеній, именно тѣ, которыхъ живутъ на западѣ отъ уѣда Аисси, принадлежатъ къ той же кабильской группѣ, и нѣкоторыя изъ нихъ, составляющая племенной союзъ аитъ-батрунъ, или «Сыны Камня»⁶⁾ называются себя «Сердцемъ народа зуауа». Наконецъ, Кареттъ⁷⁾ причисляетъ къ зуавамъ также храбрыхъ ритъ-ираненовъ, которые населя-

¹⁾ Carette, питированное сочиненіе.

²⁾ Cherbonneau, „Revue de Géographie“, 1881.

³⁾ Augeraitaine, „Les Kabyles et la colonisation de l'Algérie“.

⁴⁾ Dugas, „La Kabylie et le peuple kabyle“.

⁵⁾ „Etudes sur la Kabylie“.

¹⁾ Devaux, питированное сочиненіе;—Ядринцевъ, рукописные замѣтки.

²⁾ Devaux, питированное сочиненіе.

ють «гору Победы»,—нынѣ «Национальный Фортъ» (Fort National), и у которыхъ всѣ угнетенные жители низменности находили наиболѣе безопасное убѣжище: одна изъ деревень, Ишерайуенъ, была срыта французами, которые построили на мѣстѣ ея главную крѣость Большой Кабиліи. По преданію, сообщающему Кареттомъ, аитъ-иратены или ратены не коренные жители края, а переселенцы, прішедши изъ сахарскаго оазиса Ратъ.

Около юго-западнаго угла гористой области, въ верхнемъ бассейнѣ уѣза Бу-Гдура, живутъ кабильскія населенія, которымъ приписываютъ особое происхожденіе, и самое имя которыхъ възвуждаетъ вниманіе историковъ. Это гештула, или игешдулы (игешдуленъ), которыхъ обыкновенно отожествляютъ съ гетулами древнихъ писателей. Гештулы замѣтно отличаются отъ другихъ жителей Джурджуры, что оправдываетъ гипотезу относительно ихъ особенного происхожденія. Они вообще малорослы и худощавы, съ круглой, «какъ шаръ», головой. Менѣе ловки въ ручныхъ работахъ, чѣмъ зуавы, они уступаютъ имъ также въ искусства землемѣдѣлія, и большинство ихъ занимаются скотоводствомъ, да и то скотъ у нихъ не собственны: они не болѣе, какъ пастихи на службѣ у хозяевъ изъ зуавскихъ деревень. Въ то время, какъ у другихъ «кабиловъ» собственность всегда личная, пастища въ большей части территории гештуловъ находятся въ общемъ нераздѣльномъ владѣніи²). Наконецъ, и дома у нихъ строятся не такъ, какъ у ихъ сосѣдей: они гораздо ниже и крыты не черепицей, а террасой изъ битой глины, положенной на перекладинахъ изъ масличного дерева. Рядомъ съ гештулами, въ бассейнѣ Бу-Гдура, живетъ племя негритянскаго происхожденія, абида, потомки отпущеныхъ на волю рабовъ. Даѣе на сѣверѣ обитаютъ магакты, нѣкогда очень могущественное племя.

Западныя горы Кабиліи населены флиссами-аль-лиль, или «ночные флиссаны», называемые также «льсными». Какъ ближайшіе къ нижнимъ долинамъ Митиджи, эти горцы всего чаще воевали съ иноземными завоевателями равнинъ: уже ихъ предки, Issafenses, должны были вести борьбу съ римлянами, да и сами они, съ первыхъ же временъ французской оккупации, часто имѣли столкновенія съ солдатами авантпостовъ. Другіе флиссаны, «приморскіе», были отдѣлены отъ главной массы націи различными чуждыми имъ племенами, гисерами, аитъ-угенунами и другими. Приморскіе флиссаны нѣкогда славились во всей Кабиліи какъ искусные оружейники: они фабриковали сабли, которыми было вооружено большинство туземцевъ, и которыхъ носили то же

название «флисса». Эти палаши, подражаніе римскимъ мечамъ, имѣютъ деревянную или мѣдную рукоятку, которая представляетъ, довольно аляповато, голову рыси, фигурирующую на оружіи легіонеровъ¹⁾.

Между другими группами кабильскихъ племенъ самые значительныя:—группа зарфауа, въ Азеффунскомъ округѣ; группа бу-даудъ, на сѣверо-восточной оконечности горнаго массива; группа аитъ-гобри, къ востоку отъ зуавовъ. На вѣнчайшей покатости Джурджуры тоже организовались союзы могущественныхъ племенъ, таковы: аитъ-угли, между городами Акбу и Бужи; иллуда-асаммертъ, или «солнечные» иллуда, называемые такъ въ отличіе отъ иллуда-ималу, т. е. «темныхъ», живущихъ на сѣверномъ скатѣ высокой Джурджуры; аитъ-мликентъ, переселившіеся, какъ говорятъ, съ холмовъ изъ окрестностей Алжира; бени-мансуръ, племена марабутскаго происхожденія, населяющія нѣсколько деревень на югѣ отъ уѣза Сахель. Наконецъ, въ нижней долинѣ Себау, до слиянія этой рѣки съ уѣздомъ Аїssi, разсѣяны деревни амарая, населенія, которое не сплотилось въ одно цѣлое, подобно другимъ кабильскимъ племенамъ. Оно состоитъ изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ: горцевъ, вынужденныхъ покинуть свою деревню по случаю грозившей кары за совершиенные проступки или по причинѣ политическихъ раздоровъ; арабовъ, переселившихся изъ равнинъ; турокъ и кулаги, пришедшихъ съ гарнизонами борджей, расположенныхъ по окружности горъ. Долгое время амарая составляли «махзенъ», то-есть военное племя, постоянно ведущее борьбу со своими сосѣдями и всегда готовое на бой и грабежъ по первому приказу турецкихъ военачальниковъ. Тѣмъ не менѣе, продолжительное пребываніе въ краѣ, культура почвы и брачные союзы постепенно преобразовали амаравовъ въ настоящихъ кабиловъ: по уходѣ турокъ, племя махзенъ, теперь живущее въ мирѣ съ горцами, осталось въ отведенной ему территории.

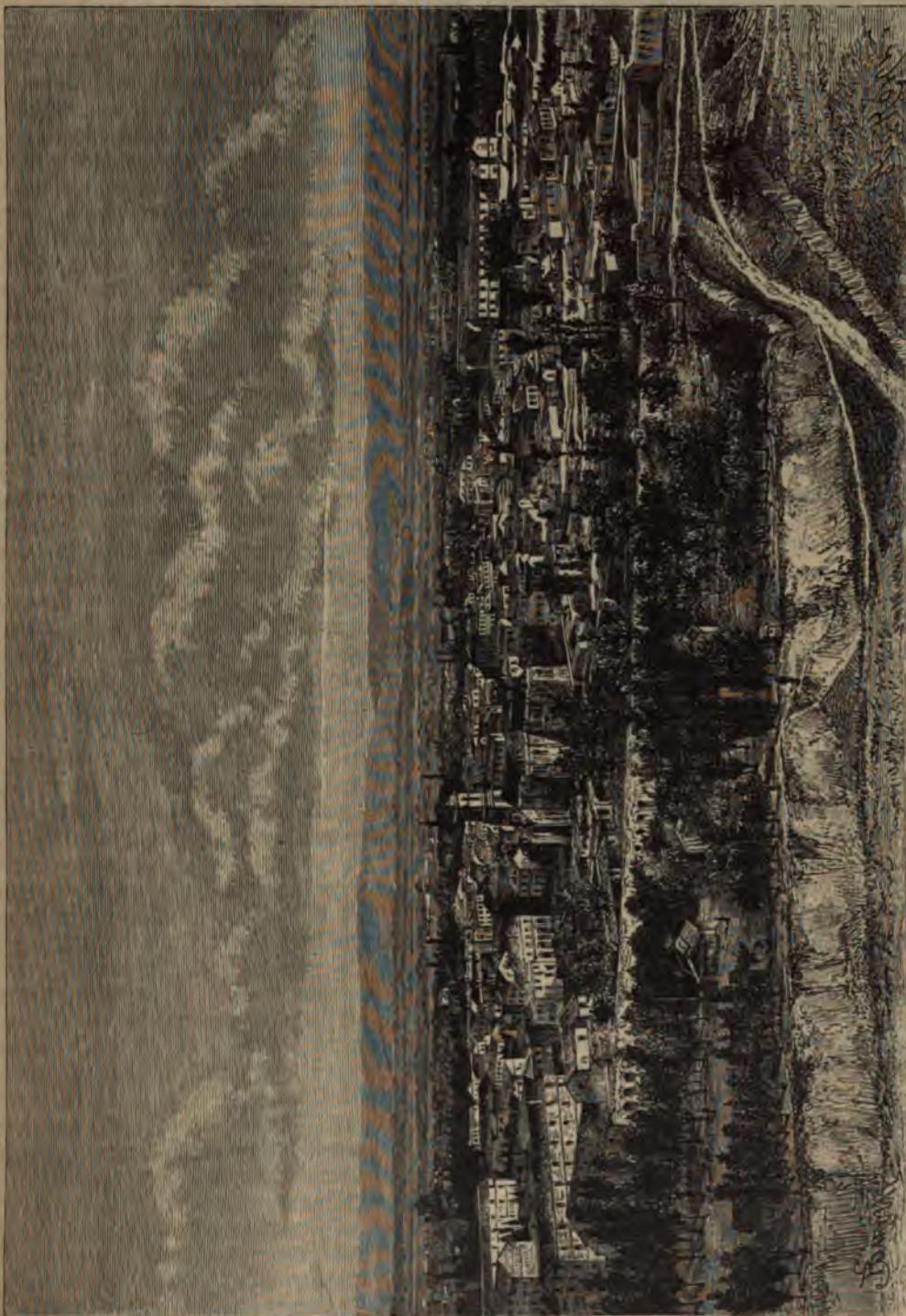
Различію происхожденія соответствуетъ различіе типовъ въ совокупности этихъ населеній Большой Кабиліи. Однако, преобладающими являются два типа: одинъ, повидимому, принадлежащий первоначальнымъ жителямъ страны, отличается округлостью лица, выдающимися скулами, остроконечной формой нижней челюсти. Отличительные признаки другаго типа: лицо овальное, короткое, плоское, съ довольно широкими скулами, съ маленькими, блестящими глазками; носъ вдавленъ при основаніи и у иныхъ вздернутъ; зубы не такъ красивы, какъ у арабовъ, и средніе рѣзцы въ верхней челюсти у многихъ превосходятъ сосѣдніе

¹⁾ Camille Sabatier, „Société d'Anthropologie“, s閙ance du 5 janvier 1882.

²⁾ Carette, цитированное сочиненіе.

зубы шириной и выступомъ¹). Вообще, кабилы роста средняго, мускулисты, сильны и ловки; однако, сифилитическое зараженіе— впрочемъ, менѣе тяжкое у нихъ, чѣмъ у евро-

Различаясь типомъ, кабилы Джурджуры и горныхъ цѣпей, продолжающихъ ее на востокъ, составляютъ одинъ народъ по языку. Всѣ они говорятъ берберскимъ нарѣчіемъ, *зуауїя*, въ

Городъ Блида.

нейцевъ—испортило кровь большинства ту- земцевъ: есть деревни, где поголовно все жи- тели одержимы дурною болѣзнью.

¹) Topinard, "Études sur les types de l'Algérie". ("Boll. de la Société d'Anthropologie de Paris", 1881).

которомъ, впрочемъ, очень много — можетъ быть, не менѣе трети—арабскихъ словъ. Вообще слова, выражаютъ умственные или нравственные способности и качества человѣка, не существуетъ къ кабильскихъ діалек-

тахъ, и все такія слова заимствованы изъ арабскаго языка; то же самое нужно сказать о терминахъ, относящихся къ религии, правовѣднію, наукамъ и искусствамъ, животнымъ, растеніямъ и всякаго рода предметамъ, введенными въ край со временемъ арабскаго завоеванія; теперь въ говорѣ кабиловъ подобнымъ же образомъ входятъ французскія слова. Нѣтъ ничего удивительнаго, что арабскій языкъ постепенно проникъ въ берберскую рѣчь. Во-первыхъ, это былъ языкъ властителей страны и вмѣстѣ съ тѣмъ языкъ религіозныхъ наставниковъ; стихи Корана, какъ и приказы султановъ, были на арабскомъ языкѣ; по-арабски же были написаны сочиненія, которыхъ читались немногими образованными, такъ какъ берберскій идіомъ не имѣть письменности, у него нѣть никакой литературы, кроме богословскихъ диссертаций, хранимыхъ въ монастырѣ, и пѣсенъ, воспроизведенныхъ арабскими буквами, да при томъ отличающихся отъ обыкновенной рѣчи гораздо болѣе значительнымъ числомъ семитическихъ выражений. Большую силу даетъ арабскому диалекту, въ этой борьбѣ языковъ, также и то обстоятельство, что кабиль долженъ спускаться въ равнину для обмына своихъ произведеній на нужные ему предметы потребленія, тогда какъ арабу нѣть ни малѣйшей надобности идти къ кабилу въ его горы¹⁾: мало-по-малу послѣдній выучивается говорить по-арабски такъ же хорошо, какъ по-берберски, и на границѣ двухъ языковъ кончаетъ тѣмъ, что забываетъ родной языкъ, который ему менѣе полезенъ. Однако, въ виду значительного возрастанія кабильскаго населения, его прогресса и усиливающагося національного самосознанія, можно надѣяться, что современемъ языкъ предковъ снова войдетъ въ честь.

Главное различие между арабомъ и кабиломъ то, что первому нравится особенно пастушеская, кочевая жизнь, тогда какъ берберскій горецъ живетъ возлѣ своего поля. Кабильскій поселянинъ любить землю съ такой же страстью, какъ французскій крестьянинъ, и земля впопытъ вознаграждаетъ его за эту любовь; нѣкогда дикія кручи, покрытыя камнемъ или заросшія мелкимъ кустарникомъ, теперь засажены маслинами и засѣяны питательными растеніями. «Чтосталось бы со мной—восклицаетъ земля въ одной кабильской легенды—если бы люди покинули меня? Не вернулась ли бы я въ первобытное состояніе и не сдѣлалась ли снова логовищемъ дикихъ звѣрей?»²⁾). Чтобы сдѣлать гору плодородною, кабилы приносятъ растительную землю со дна долинъ и смѣшиваютъ ее съ растирѣтыми кусками камня; случалось видѣть, какъ косари велѣли привязывать себя

къ выступу скалы, чтобы сорвать листья ясена или срѣзать траву, растущую на уединенной террасѣ, между вертикальною скалою и пропастью. Раздробленность земельной собственности доходитъ дотого, что даже деревья подѣлены: иная маслина принадлежитъ нѣсколькимъ хозяевамъ, изъ которыхъ каждый владѣеть одною вѣтвью и собираетъ съ нея плоды¹⁾). Оттого земля пріобрѣла непомѣрно высокую цѣнность въ этомъ густо населенномъ краѣ, где жители оспариваютъ другъ у друга каждую пядь почвы; кладбища вѣдь расположены по окраинамъ дорогъ, въ мѣстахъ совершенно негодныхъ для культуры—такъ кабиль дорожитъ каждымъ клочкомъ земли, удобной для посадки деревьевъ или посѣва хлѣбныхъ растеній. Въ среднемъ, покупная цѣна гектара въ кабильской территории въ сто разъ выше, чѣмъ въ арабской; она достигаетъ нѣсколькихъ тысячъ франковъ, какъ ни значительны подобные суммы у людей съ такими ограниченными потребностями. Французы, следовательно, нечего и думать селиться, въ качествѣ колонистовъ, между кабилами; они не могли бы выдержать конкуренціи привычныхъ къ упорному труду туземныхъ работниковъ, которымъ не приходится затрачивать капиталъ на распашку и обработку почвы. Земли, конфискованные въ долинѣ Себау послѣ восстанія 1871 года, казна принуждена была сдать въ аренду тѣмъ же кабиламъ, и эти арендаторы во многихъ мѣстахъ уже обратно завоевали заступомъ части бывшей своей отчизны.

Отличные земледѣльцы, или точнѣе садовники, джурджурскіе кабили въ то же время искусные ремесленники; у нихъ вѣдь ремесла одинаково пользуются уваженіемъ, даже куничное, которое у арабовъ въ такомъ загонѣ, что кузнецъ даже не считается достойнымъ смерти: въ бою арабъ всегда даетъ пощаду тому, кто просить ее, махая, какъ бы для удара, молотомъ по наковальнѣ, но такой человѣкъ обрекается на вѣчное презрѣніе. Вследствіе постепенно установившагося раздѣленія труда, различныя кабильскія племена избрали каждое какои-нибудь специальный промыселъ, такъ что на торжкахъ, которые происходятъ послѣдовательно въ каждой деревнѣ, въ разные дни недѣли, можно достать вѣдь нужныя мануфактурныя изделия. Во многихъ зуавскихъ племенахъ женщины прилагаютъ вѣдь свои старанія къ фабрикаціи красивыхъ вазъ, особенно тауриутскія женщины, изъ племени бени-іенни, отличаются въ этой отрасли промышленности²⁾). Въ другихъ мѣстахъ выдѣлываются преимущественно грубую глиняную посуду, ткацкимъ промысломъ занимаются племена бушашибъ и аитъ-иджеръ, въ восточныхъ горахъ;

¹⁾ Carette, цитированное сочиненіе

²⁾ Devaux, „Les Kebailles du Djerdjera“.

¹⁾ Camille Sabatier, „Congrѣs de l'Association fran莽aise en 1881“.

²⁾ Guillaumet, „Tableaux algériens“.

у племенъ иллильтенъ и иллула, на скатахъ верхней цѣли Джурджуры, главная специальность—рѣзьба на деревѣ; аитъ-фраусенъ—по преимуществу кузнецы, а фенайя, на восточномъ склонѣ, научились отъ одного французского дезертира искусству фабриковать ружья; аитъ-иенни тоже очень искусны въ выдѣлкѣ оружія и прежде снабжали другія племена боевыми припасами; кромѣ того, у нихъ была еще одна специальность—фабрикація фальшивой монеты, составлявшей въ былое время предметъ обширной торговли, которую занимались цѣлыя банды сбытчиковъ, развозившихъ эту монету по всѣмъ рынкамъ Берберіи. Лишившись этого промысла, аитъ-иенни все-таки остались литейщиками и золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастерами: ови передѣлываютъ испанскіе дurosы въ ожерелья, въ кольца, въ діадемы, и фиксируютъ эмаль на металлѣ. Около 1855 г. туземцы изъ племени аитъ-усасифъ ухитрились смастерить пушку, которая выпалила три или четыре раза въ одной изъ мѣстныхъ войнъ¹⁾; во время восстания 1871 года горскія племена, спустившіяся съ Джурджуры, тоже употребляли самодѣльную пушку при осадѣ крѣпости Бени-Мансуръ. Кабильские рынки, снажаемые товарами мѣстного производства и привозными изъ-за границы, имѣютъ очень оживленный характеръ. Они происходятъ обыкновенно за селеніемъ, вблизи кладбища; въ политическихъ обстоятельствахъ это въ то же время и народныя собранія, где обсуждаются общественные дѣла: на этихъ вѣчахъ прежде решался вопросъ о войнѣ или мирѣ; теперь же на базарахъ, происходящихъ подъ наблюденіемъ французскихъ агентовъ, можно заниматься только обмѣномъ продуктовъ.

Большая Кабилія такъ густо населена, что земледѣліе не можетъ прокормить всѣхъ жителей: производимыхъ въ краѣ пшеницы, винныхъ ягодъ, маслинъ, муки изъ желудей не хватаетъ для мѣстного потребленія, и продажа оливковаго масла и плодовъ недостаточна для покупки, въ обмѣнъ, всего нужнаго хлѣба; поэтому каждый годъ тысячи мужчинъ должны покидать родныя мѣста, чтобы искать заработковъ на чужбинѣ. Въ прежнее время большое число горцевъ продавали себя, какъ нѣкогда швейцарцы, въ солдаты, чтобы воевать въ пользу турокъ, да и въ наши дни между кабилами, особенно среди зуавовъ, набирается большинство «алжирскихъ стрѣлковъ». Аитъ-иранены, поселившіяся въ городѣ Алжирѣ, держать тамъ булочныя; бени-абесы дѣлаются банкирами своихъ земляковъ въ столицѣ и въ другихъ городахъ прибрежья²⁾. Но большинство эмигрантовъ уходятъ въ города, чтобы служить тамъ въ качествѣ чернорабочихъ или

носильщиковъ; нѣкоторые занимаются коробѣйничествомъ, разыѣзжая съ товаромъ по деревнямъ. Во время большихъ земледѣльческихъ работъ кабилы спускаются со своихъ горъ многочисленными партиями, чтобы предложить колонистамъ свои услуги, въ качествѣ расчищателей нови, жнецовъ или пахарей. Цѣлыя колоніи горцевъ соединяются съ арабскими племенами равнинъ и кончаютъ тѣмъ, что сами становятся земледѣльцами: такъ возникли многие кабильскія поселенія въ окрестностяхъ Гельмы, Шершеля, Омала, Орлеансвиля¹⁾). Теперь, съ прекращеніемъ постоянныхъ междоусобныхъ войнъ, быстрый ростъ населенія заставляетъ кабиловъ все болѣе и болѣе расширять кругъ эмиграціи; они проникаютъ уже въ Тунисъ, уходить въ оазисы и на границы Марокко. Около половины настоящаго столѣтія опредѣлили въ 12.000 цифру покинувшихъ родину кабиловъ; въ наши дни, со включеніемъ временныхъ эмигрантовъ, число ихъ простирается до сорока тысячъ. Прежде алжирскіе деи, зная духъ солидарности, связывающей всѣхъ кабиловъ, часто успѣвали взыскивать подати съ горныхъ зуавовъ, задерживая ихъ единоплеменниковъ, пришедшихъ на заработки въ Алжиръ, въ качествѣ заложниковъ, или запрещая входъ туда новоприбывшимъ эмигрантамъ²⁾.

Кабилы, земледѣльцы по образу жизни, отличаются всѣми хорошими качествами крестьянина. Они терпѣливы, воздержны, разсчетливы и бережливы. Очень честные, неспособные ни на какой обманъ, они требуютъ и отъ другихъ такой же добросовѣстности въ торговыхъ сношеніяхъ; свято исполняя свои долговыя обязательства, они всегда аккуратно отдаютъ то, что имъ одолжили, но хотятъ, чтобы и въ отношеніи ихъ поступали также, и для того, чтобы вернуть съ должника самую ничтожную сумму, не задумаются предпринять длинное путешествіе, затѣять дорого-стоющій процессъ. Чтобы защитить то, что ему кажется справедливымъ, упрямый кабиль готовъ лѣзть на стѣну: какъ разъясняетъ Варнѣ, арабы въ укоръ кабилу говорятъ, что у него сидитъ кремень въ черепѣ, на что онъ отвѣчаетъ: «а у васъ барабанъ въ головѣ». Очень разсудительный, кабиль всегда видитъ положительную сторону вещей, но умѣеть также развлекаться отъ труда смѣхомъ, пѣснями, шутками; вообще онъ не прочь повеселиться, рѣзко отличаясь въ этомъ отношеніи отъ араба, всегда сохраняющаго важный видъ,—араба, который никогда не поетъ за плугомъ, чтобы подбодрить воловъ. Кабильскіе земледѣльцы, какъ ни велико у нихъ уваженіе къ старымъ обычаямъ, все-таки не такие упорные рути-

¹⁾ Devaux, цитированное сочиненіе.

²⁾ Carette, цитированное сочиненіе.

¹⁾ Aucapitaine, „Les Kabyles et la colonisation de l'Algérie“.

²⁾ Aucapitaine, „Les Kabyles“.

воюющимъ. Самая влиятельная изъ этихъ религиозныхъ общинъ — обитель Бенъ-Али-Ше-рифъ, въ Шеллатѣ, на вѣнчанъ скатѣ восточной Джурджуры: настоятель ея сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ владѣтельного князя, однимъ изъ туземныхъ магнатовъ Алжиріи. Что касается евреевъ, то нѣкоторыя кабильскія племена не допускаютъ ихъ на свою территорію: они боятся, чтобы тѣ путемъ ростовщичества не сдѣлялись мало-по-малу господами и хозяевами края; аитъ-їенни, кромѣ того, опасаются встрѣтить въ нихъ соперниковъ по ювелирному ремеслу. Но большая часть рыиковъ посѣщается сыновами Израїля, и даже существуютъ кабильскіе їудеи, говорящіе только берберскимъ языкомъ¹⁾.

Кабильское общество, несмотря на перемѣны, совершившіяся въ немъ подъ влияниемъ французского завоеванія, сохранило еще въ своемъ политическомъ устройствѣ многія особенности, которыя дѣлаютъ его однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ и самыхъ любопытныхъ между человѣческими обществами. Всѣ историки, которые описывали его бытъ, Кареттъ, Дево, Феро, Окапитенъ, Ганото и Летурне, Сабатье и другіе, говорятъ о немъ съ удивленіемъ и, конечно, европейскія націи, даже самые цивилизованные, могли бы многому поучиться у этихъ, до недавняго времени никому неизвѣстныхъ, африканскихъ горцевъ. Тамъ, гдѣ ни военные посты, ни административное давленіе не остановили или не парализовали свободного дѣйствія старыхъ обычаевъ, каждая деревня, или *таддерта*, представляеть маленьку самоуправляющуюся республику, къ которой принадлежать всѣ граждане, богатые и бѣдные, старые и молодые: по достижениіи пятнадцатилѣтняго возраста юноша становится вполноправнымъ гражданиномъ; если онъ достаточно силенъ, чтобы приложить къ плечу свое оружіе для прицѣла, онъ имѣть право подавать голосъ въ общественныхъ дѣлахъ; отъ него требуется только, чтобы онъ оказывалъ подобающее уваженіе людямъ взрослымъ и старикамъ. Народное собраніе, или «джемаа», состоящее изъ всѣхъ гражданъ различныхъ *харубъ*, происходитъ разъ въ недѣлю (иногда и чаще, если на очередь стоять болѣе важные вопросы), обсуждаетъ и решаетъ общественный дѣла и выбираетъ лицъ, должны ствующихъ исполнить его волю. Такъ какъ это вѣче состоитъ изъ совокупности гражданъ, то оно совмѣщаетъ въ себѣ всѣ власти — политическую, административную и судебнную; оно судить безчестные поступки, дѣйствія, недостойныя свободного человѣка, нарушеніе законовъ гостепримства; бывали даже примѣры, что когда ктонибудь изъ членовъ племени нажилъ себѣ большое состояніе, то ему объ-

являли, что пора отдохнуть отъ дѣлъ, чтобы дать другимъ случай обогатиться¹). Народное собраніе налагаетъ на виновныхъ наказаніе, которое почти всегда ограничивается штрафомъ въ нѣсколько су или франковъ, поступающихъ въ общественную кассу, но которое, въ особо важныхъ случаяхъ, можетъ доходить до удаленія изъ общини. Тотъ, кто наносить безчестіе своему племени, долженъ покинуть его: чтобы объявить ему объ изгнаніи, у него снимаютъ съ крыши черепицу; домъ его обречено на разрушеніе. Къ аресту или тюремному заключенію никто и никогда не приговаривается, на томъ основаніи, что свобода слишкомъ драгоцѣнное благо, чтобы можно было лишать ея даже преступника. Всякое тѣлесное наказаніе считается унизительнымъ какъ для наказуемаго, такъ и для наказывающаго; этотъ родъ кары неизвѣстенъ въ свободныхъ горахъ. Смертная казнь назначалась только за измѣну отечеству, но каждый частный человѣкъ сохранилъ за собою въ отношеніи своего врага право мести. Общее презрѣніе навлекъ бы на себя тотъ, кто не пролилъ бы крови за кровь; «убийство — это ссуда, которую надо возвратить», гласить кабильская народная мудрость²).

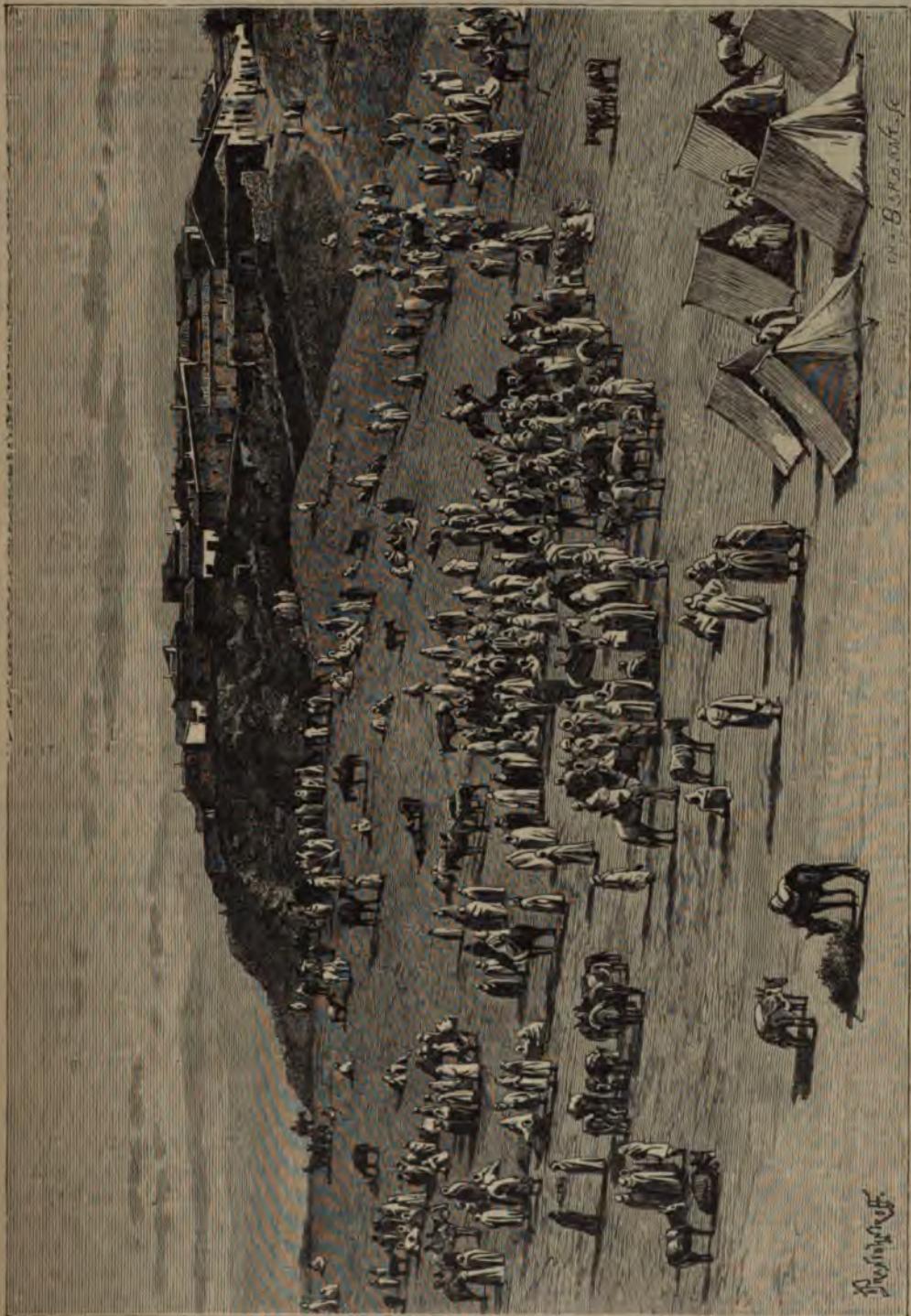
Для административнаго управления общиной, въ качествѣ уполномоченнаго отъ народнаго собранія, и для наблюденія за поддержаниемъ доброй славы деревни, граждане выбираютъ старшину, или «амина», обыкновенно изъ богатыхъ жителей, такъ какъ никакого жалованья за эту службу не полагается; на противъ, ему часто приходится дѣлать значительные расходы изъ собственныхъ средствъ, и если онъ принимаетъ постъ слуги общества, возлагаемый на него общиной, то только потому, что, занимая этотъ постъ, онъ пользуется, самъ лично и его семейство, нѣкоторымъ почетнымъ отличіемъ. Онъ остается въ должности до тѣхъ поръ, пока хорошо исполняетъ свои обязанности; но какъ только обнаружится, что сограждане перестали быть имъ довольны, онъ считается долгомъ тотчасъ же удалиться: рѣдко случается, чтобы аминь, въ такихъ случаяхъ, былъ настолько неделикатенъ, чтобы ждать мірскаго приговора, лишающаго его данныхъ полномочій. Тѣмъ не менѣе, можно опасаться, что аминь, назначенный *софомъ* или партіей большинства, будетъ служить интересамъ избравшей его группы, въ ущербъ меньшинству, и потому община позаботилась о томъ, чтобы интересы менѣе многочисленнаго софа были ограждены отъ всякаго произвола. Аминь, представитель исполнительной власти, назначается партіей, имѣющей за собой численное превосходство; но казначей, *укиль*, всегда вы-

¹⁾ Lambert, цитированное сочиненіе.

²⁾ Dugas, «La Kabylie et le peuple kabyle».

бирается меньшинством: онъ завѣдуетъ фон-
дами общины. Никакой расходъ не можетъ
быть сдѣланъ, если обѣ партии не дадутъ на
него своего согласія, если эти два delegata не

и даже отдаленныхъ племенныхъ союзовъ.
Располагая достаточными денежными средствами, получаемыми въ видѣ добровольныхъ сбо-
ровъ, софы обязаны оказывать взаимную по-

Деревня и рынокъ бахчарисовъ.

приложить своихъ печатей къ приказу, соста-
вленному общественнымъ писаремъ. Кромѣ то-
го, каждый софъ составляетъ какъ бы общину
въ общинѣ и вступаетъ въ ассоціацію съ со-
ответственными софами соседнихъ мѣстечекъ

мощь всѣмъ своимъ членамъ; они принимаютъ
на свое попеченіе дѣтей общниковъ, даютъ
пріютъ и защиту бѣглецамъ¹⁾). Вообще ассо-

¹⁾ Nanoteau et Letourneau;—Ernest Renan, „Revue des Deux Mondes“, 1873.

ціація практикується въ Кабілії въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. То она обнимаетъ нѣсколько семействъ, соединяющихся для общаго владѣнія и пользованія извѣстнымъ имуществомъ, и составляетъ большую семью, въ родѣ сербской «задруги»; то ограничивается въ своей цѣли какимъ-нибудь частнымъ трудомъ, земледѣльческимъ или промышленнымъ. Впрочемъ, члены ассоціації всегда связаны круговой порукой: въ Кабілії не знаютъ «ограниченной отвѣтственности», въ родѣ той, которую обставляютъ себя французскія общества¹⁾.

Благодаря духу республиканской солидарности, соединяющему всѣхъ членовъ деревни, тамъ нѣть людей, лишенныхъ всякихъ средствъ существованія. Безъ всякаго ущерба своему личному достоинству, бѣдникъ получаетъ отъ общины паекъ, необходимый для пропитанія. Когда кто-нибудь убиваетъ скотину для собственного употребленія, онъ обязанъ извѣстить объ этомъ «таддерть» чрезъ публичного глашатая, дабы больныя и беременныя женщины могли получить на свою долю свѣжаго мяса. По временамъ устраиваются общественные трапезы, въ которыхъ обязательно должны принимать участіе всѣ жители, какъ богатые, такъ и бѣдные: не допускается, чтобы какой-либо членъ общины брезговалъ блюдомъ, которое его братъ єсть съ охотой. Приступающій къ постройкѣ дома имѣетъ право на пособіе всей деревни; запахивающій поле или собирающій жатву можетъ разсчитывать, въ случаѣ надобности, на помощь сосѣда и въ свою очередь долженъ помогать ему въ работѣ, когда это требуется; поле, хозяинъ котораго сдѣлался неспособнымъ къ труду, воздѣлывается общими силами всей деревни, словомъ, всѣ обязаны оказывать другъ другу всякое содѣйствіе. Даже въ отношеніи чужака, находящагося въ бѣдственномъ положеніи, кабиль обязанъ вести себя какъ другъ: онъ долженъ идти къ нему на встречу въ дни грозы, долженъ накормить его во время голода. Въ страшную зиму 1867—68 гг., когда погибло много тысячъ туземцевъ около французскихъ городовъ, нищіе, стекавшіеся со всѣхъ концовъ къ горамъ Джурджуры, получали пропитаніе отъ кабиловъ, и ни одинъ изъ нихъ не умеръ отъ голода²⁾.

Казалось бы, это кабильское общество, раздробленное на столько маленькихъ демократій, сколько деревень въ краѣ, должно быть безсильно противъ вицѣнаго врага. Напротивъ—оно было сильнѣе, чѣмъ централизованные мелкія арабскія государства, гдѣ толпа подданныхъ, слѣдя за своимъ властелиномъ, падала въ борьбѣ или измѣняла вмѣстѣ съ нимъ. Въ минуту общей опасности образовались конфедерации между союзами племенъ, какъ и между самыми

племенами, и со всѣхъ сторонъ стекались молодые люди, давая клятву принести въ жертву свою жизнь: это были *имессебелен*, или «преданные». Передъ битвой марабуты читали надъ ними отходную, и они действительно умирали, если не одерживали побѣды¹⁾). Всѣ кабилы, несмотря на ихъ раздробленность, чувствовали себя, въ виду общей опасности, связанными узами коллективной солидарности. Всѣ признавали силу *анайи*—арабское слово, которое собственно значить «покровительство»²⁾, но употребляется также въ смыслѣ «чести»: это—«султанъ кабиловъ, дѣлающій добро и не требующій никакихъ податей». Обращался ли путешественникъ, нищій, всякий угнетенный или прѣыляемый съ просьбой о помощи къ кабилу—послѣдний долженъ былъ взять его подъ свою защиту: къ этому обязывали его какъ его личная «анайя», такъ и честь всего племени. Возгаралась ли война между двумя деревнями,—женщины тотчасъ же ставились подъ общее покровительство, подъ «анайю» воюющихъ; иногда условливались, чтобы извѣстная дорога, извѣстный округъ, извѣстный день недѣли были исключены изъ сферы непріятельскихъ дѣйствій, и этотъ уговоръ, поставленный подъ колективную гарантію «анайи», всегда свято соблюдался. Когда усобица тянулась слишкомъ долго, являлись миротворцы и «бросали» свою «анайю» между враждующими: этого было достаточно, чтобы восстановить миръ: никто не осмѣялся бы нанести оскорбеніе чести друзей.

Теперь французы, въ свою очередь, «бросаютъ анайю» между племенами, и эти племена, чувствующія себя на половину французскими, свято соблюдаютъ миръ. Есть не мало европейцевъ, которые, соблазнившись демократическимъ образомъ жизни кабиловъ, поселились между ними, носить ихъ костюмъ, ёдятъ тоже, что и они, и живутъ съ ними въ джемахъ: съ другой стороны, кабилы считаютъ себя счастливыми и очень гордятся, когда имъ даютъ натурализацию, и если бы не боязнь получить отказъ, навѣрно цѣлымъ племенамъ просили бы о внесении ихъ въ списки французской национальности. Начальное образованіе, постепенно распространяющееся у кабиловъ (въ изѣкоторыхъ деревняхъ введенено обязательное и бесплатное обученіе дѣтей), безъ сомнѣнія, подниметъ ихъ съ теченіемъ времени на равный уровень со многими народностями, называемыми «арійскими». Во всякомъ случаѣ можно съ увѣренностью разсчитывать на историческую будущность этого сильнаго и трудолюбиваго народа, который уже оказалъ, подъ именемъ арабовъ, огромную услугу человѣчеству, сохранивъ и развивавъ въ Испаніи науки, завѣщанныя эллінами.

¹⁾ Bibesco, цитированное сочиненіе; — Clapageras, цитированное сочиненіе.

²⁾ Hanoteau et Letourneau, цитирован. сочиненіе; — N. Robin, *“Revue Africaine”*, 1784.

²⁾ Lambert, рукописная записка.

скимъ міромъ, которымъ, въ остальной Европѣ, грозила опасность потеряться навсегда во мракѣ среднихъ вѣковъ.

Слишкомъ тысяча-четыреста сель и деревень разбросано на вершинахъ, террасахъ и мысахъ Большой Кабилии, и нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ до 2.000, даже до 2.400 жителей. Селенія эти представляютъ обыкновенно собраніе тѣсно скученныхъ хатъ; однако, можно подмѣтить известный порядокъ въ распределеніи кварталовъ. Всѣ обыватели, принадлежащіе къ одной семейной группѣ или роду, составляютъ *харубу*, жилища которой образуютъ отдѣльную часть селенія, и узкія улицы различныхъ харубъ сходятся къ общей площади, или собственно «джемаа»; по срединѣ этого пространства, подъ аркой, перекинутой между двумя противоположными домами, помѣщаются скамьи, на которыхъ возсѣдаютъ старѣшины, когда они предсѣдательствуютъ въ народномъ собраніи. Несмотря на густоту населенія, Джурджура не имѣетъ городовъ въ общепринятомъ значеніи этого слова: Национальный Фортъ (Fort National), главный военный пунктъ края, представляетъ собою собраніе казармъ, интенданскихъ магазиновъ, гостиницъ, нѣсколько частныхъ домовъ, бульваровъ и садовъ, заключенное въ неправильной оградѣ, которая идетъ вдоль гребня горы, спускаясь съ террасы на террасу, по крутымъ скатамъ, откуда взорамъ открывается безпредѣльный горизонтъ. За такъ называемыми «Алжирскими» воротами по средамъ проходитъ базарь, отъ котораго бывшая деревня и получила свое арабское имя Сукъ-эль-Арабъ («Середовий рынокъ»). Нынѣшняя крѣпость была основана въ 1857 году, почти въ географическомъ центрѣ Большой Кабилии, въ самой срединѣ территории могущественнаго племенаго союза Айтъ-Иратенъ, деревни которыхъ видныются на всѣхъ окрестныхъ вершинахъ. Во время восстания 1871 г. кабилы пытались снова овладѣть этимъ ненавистнымъ укрѣплениемъ, которое «постоянно колетъ имъ глаза» и напоминаетъ объ утратѣ независимости; они даже вели правильные траншеи и ашроши противъ стѣнъ, но послѣ двухмѣсячной осады принуждены были удалиться, и въ наказаніе за этотъ бунтъ у многихъ племенъ были отняты земли. Самая высота мѣстоположенія (916 метровъ), благодаря которой Национальный Фортъ сдѣлался главнымъ военно-обсервационнымъ пунктомъ всей страны, и, безъ всякаго сомнѣнія, современемъ сдѣлается одною изъ лучшихъ санаторій для алжирцевъ, служить препятствиемъ къ тому, чтобы городъ пріобрѣлъ большую важность, какъ мѣсто заселенія и торгового обмѣна; тѣмъ не менѣе, онъ несомнѣнно сдѣлается необходимымъ центромъ торговли, когда дороги изъ Дра-эль-Мизанъ, изъ Бени-Мансуръ, изъ Акбу, еще не оконченны, будуть соединяться въ немъ съ алжирской линіей. Самое

большое кабильское мѣстечко въ Джурджурѣ, Бени-Ясенъ (по-берберски), Бени-эль-Гассенъ (по-арабски), расположено на вершинѣ остро-конечной горы, въ territoriї племени бени-иенни, въ юго-западной части края; онъ заключаетъ около шестидесяти торговыхъ лавокъ, гдѣ выдѣлываются оружіе и разныя драгоценныя украшенія; изъ четырехъ его мечетей двѣ съ высокими минаретами.

Въ долинахъ рѣки Себау и ея притоковъ, которые огибаютъ высоты, доминируемыхъ Национальнымъ Фортомъ, европейскіе колонисты уже основали нѣсколько поселеній, которымъ отведены земли, конфискованныя у туземцевъ послѣ восстания 1871 года. Колонистскія деревни Азазга, Фреха, Мекла, Темда, слѣдующія одна за другой въ долинѣ по направлению съ сѣверо-востока на юго-западъ, являются уже вѣхами будущей дороги, которая установить прямое сообщеніе между Алжиромъ и Бужи. Но въ настоящее время почти вся торговая жизнь этой области сосредоточивается въ новомъ городѣ Тизи-Узу,—по-арабски Феджъ-эль-Гендуль (то-есть «горный проходъ, заросшій дикимъ терномъ»),—который построенъ на небольшомъ порогѣ холмовъ, на высотѣ 257 метровъ, къ западу отъ обширной равнины, гдѣ соединяются воды двухъ уездовъ, Себау и Аисси. Въ этомъ мѣстѣ у турокъ былъ бордъ (крепостца), откуда они наблюдали издали за горами, занятymi независимыми племенами; народецъ амаарауа служилъ имъ орудіемъ, «махзенъ», при помощи котораго они держали въ повиновеніи окрестныя кабильскія племена; кромѣ того, онъ сторожилъ рынки, куда горцы приходили обмѣнивать свои продукты, маслины и винные ягоды, на хлѣбъ. Когда крѣпость Тизи-Узу была занята, въ 1851 г., французами, подъ защитой ея вскорѣ выстроилась гражданская деревенька, которую въ 1871 году смынилъ быстро растущій городъ. Въ Алжирѣ мало найдется городскихъ поселеній, которыхъ бы такъ скоро развивались, какъ этотъ административный центръ Кабилии: горцы тысячами спускаются на его рынки, и въ его тѣнистыхъ улицахъ постоянно движутся ряды экипажей и телѣгъ. На сѣверной сторонѣ города высится холмъ Джебель-Беллуа, откуда можно созерцать развертывающійся во всей его красѣ громадный амфитеатръ горъ. Уэдъ Себау огибаетъ этотъ холмъ узкимъ дефиле, который однажды заперли груды увлеченныхъ потокомъ деревьевъ, превративъ въ озеро всю верхнюю равнину¹). Недалеко отъ этого города, въ горахъ Айтъ-Дженадъ, была открыта любопытная берберская колония Абизаръ, часто упоминаемая археологами: на ней изображенъ голый всадникъ, вооруженный щитомъ и тремя дротиками²).

¹⁾ Cigarette, цитированное сочиненіе.

²⁾ Masqueray, — Tissot, etc.

Городъ Тизи-Узу соединенъ съ Алжиромъ желѣзной дорогой, постройка которой вызвала приливъ колонистовъ въ мѣстности вокругъ станцій этого пути, ведущаго въ Кабилію. Теперь проектирована постройка другаго желѣзного пути, который долженъ идти вверхъ по долинѣ уѣза Бу-Гдура къ цвѣтущему селу Борджъ-Богни, построенному въ зеленѣющемъ циркѣ, у подножія укрѣпленаго холма, откуда турки наблюдали за гештулами. Въ 16 километрахъ къ западу отъ Борджъ-Богни, на скатѣ круглой горы, расположены городокъ Дра-эль-Мизанъ, имѣвшій недавно, до общаго умиротворенія страны, важное стратегическое значеніе, такъ какъ онъ занимаетъ, на юго-западѣ Большой Кабиліи, порогъ, черезъ который войска, пришедшиа съ юга, легко могутъ обойти высокую цѣпь Джурджуры и проникнуть въ продольную долину, идущую параллельно гребню, внутри массива. Теперь Дра-эль-Мизанъ не причисляется болѣе къ военнымъ пунктамъ края.

Ниже сліянія съ Бу-Гдура, уѣздъ Себау, по выходѣ изъ горъ, поворачиваетъ на сѣверо-западъ, затѣмъ на сѣверъ. Въ нижней долинѣ его тоже основались многолюдныя поселенія: Ребеваль, Уледъ-Кедашъ, Буа-Сакре слѣдуютъ одинъ за другимъ по берегамъ рѣки; но приморскій рынокъ находится не у самаго устья: онъ лежитъ восточнѣе, у первого мыса, представляющаго защиту отъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ. Рынокъ этотъ—маленький городокъ Деллісъ, состоящий изъ одной длинной улицы, которая тянется вдоль ската холма, и изъ нѣсколькихъ переулковъ, изъ которыхъ одни поднимаются въ гору, а другіе круто спускаются къ порту, струящееся жете, которое пока еще выдвинуто въ заливъ не болѣе, какъ на сотню метровъ, будеть защищать якорную стоянку отъ сѣверныхъ и восточныхъ вѣтровъ. Въ ожиданіи этого волноразбивателя и желѣзной дороги, существующей связать Деллісъ съ общей сѣтью, этотъ городъ развивается медленно, несмотря на значительное возрастаніе населенія и торговли въ долинѣ Себау, для которой онъ служитъ естественнымъ вывознымъ пунктомъ. Это объясняется тѣмъ, что устройство удобнаго и быстраго сообщенія между городами Тизи-Узу и Алжиромъ отняло у Делліса роль складочнаго мѣста и вывознаго порта, въ пользу столицы. Деллісъ сохранилъ за собой очень ограниченный кругъ притяженія для экспорта мѣстныхъ произведеній, хлѣба, винограда, апельсиновъ (движеніе судоходства въ 1883 г.: 236 судовъ вмѣстим. 84.640 тоннъ). Однако, въ немъ находится одно изъ главныхъ учебныхъ заведеній Алжирскаго департамента—политническій институтъ, или училище искусствъ и ремесль (*école des arts et metiers*), гдѣ получаютъ образованіе молодые люди почти исключительно кабильскаго происхожденія.

Къ востоку отъ Делліса, на морскомъ берегу, почти прямолинейномъ и не имѣющемъ никакой защиты въ видѣ мысовъ, существуютъ только два центра европейской колонизаціи—Тикзиртъ, неподалеку отъ которого находится маленькая гавань Таксебтъ, и Азеффунъ или Зеффунъ, называемый также Портъ-Гейдонъ. Въ Азеффунѣ почти всѣ домики кабиловъ выстроены изъ обломковъ римскаго города. Бу-Даудъ, принадлежащий племени того же имени («Давидовы отцы»), тоже служить мѣстомъ пристанища для каботажныхъ судовъ.

Полноправныя общини Большой Кабиліи:

Тизи-Узу (1896 г.)—27.106 жит.; Деллісъ (1897 г.)—13.000; Буа-Сакре (1881 г.)—7.200; Ребеваль (1881 г.)—5.200; Дра-эль-Мизанъ (1881 г.)—2.400; Фортъ-Насіональ (Националь. Фортъ)—236 жит.

Иссерь, ограничивающей западные массивы Большой Кабиліи, беретъ начало на большомъ разстояніи къ западу отъ этихъ горъ, въ одной изъ впадинъ, открывающихся между параллельными цѣпями горъ Титтери, непосредственно на югѣ отъ Алжира. Недалеко отъ порога, раздѣляющаго истоки Иссера и восточный водоскатъ Шелифа, основался городъ Беруагіа, получившій нѣкоторую важность въ эти послѣдніе годы; сохранившіяся развалины напоминаютъ о пребываніи въ этой мѣстности римлянъ. Беруагіа (имя это значитъ «Златоцвѣты») является земледѣльческимъ центромъ края, благодаря плодородію почвы въ долинѣ и обилію луговъ на окружающихъ горахъ. Турки содержали въ этомъ городѣ ковскій заводъ, а французы основали образцовую овчарню и сельско-хозяйственное училище; существующая здѣсь исправительная земледѣльческая колонія заключаетъ въ себѣ среднимъ числомъ слишкомъ тысячу осужденныхъ. Беруагіа будетъ одною изъ главныхъ станцій желѣзной дороги изъ Алжира въ Лагуатъ; кромѣ того, ее можно безъ труда соединить съ рельсовымъ путемъ изъ Алжира въ Константину, либо на востокѣ черезъ плодоносную равнину Бени-Слиманъ и городъ Омаль, либо на сѣверо-востокѣ черезъ долину Иссера и деревню Таблатъ.

Ниже крутаго поворота, который дѣлаетъ Иссерь въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ встрѣчаетъ горы Большой Кабиліи, на правомъ берегу рѣки раскинулся цвѣтующій городокъ, окруженный и пересѣкаемый прекрасными бульварами: это—Палестро, основанный со времени открытия шоссейной дороги, проникающей въ Иссерскія ущелья, и рядомъ съ которой теперь пролегаетъ рельсовыи путь; первыми жителями Палестро были землекопы и каменщики. Въ 1871 году нарождающійся городъ былъ совершенно разрушенъ возставшими кабилами, которые умертили при этомъ около полсотни европейцевъ; теперь здѣсь возведено укрѣпленіе, могущее

служить убежищемъ въ случаѣ нападенія. Палестро—одно изъ любимыхъ мѣстъ загородной прогулки для алжирцевъ, которые во множествѣ приѣжаютъ сюда любоваться живописнымъ ущельемъ Иссерса.

Равнина, открывающаяся на сѣверъ отъ этого узкаго горнаго прохода, принадлежитъ къ числу самыхъ населенныхъ мѣстностей Алжиріи. Иссерцы, до недавняго времени почти единственные обитатели этой равнины, составляли могущественное племя, одна колонія котораго, говорятъ, поселилась на островѣ Мальтѣ¹⁾). Теперь здѣсь появилось много французскихъ поселеній. Бени-Амранъ лежитъ на западѣ, на отлогости горы; Иссербургъ—на лѣсистомъ холмѣ, господствующемъ надъ правымъ берегомъ рѣки; Владъ-Гитунъ—на сѣверѣ, на возвышенности, заставляющей Иссеръ повернуть къ востоку; Иссервиль—на сѣверѣ отъ уѣза Шендеръ, въ центрѣ равнины, близъ того мѣста, гдѣ происходитъ главная ярмарка иссерцевъ, бывшая прежде сборнымъ пунктомъ всего кабильскаго населенія. Различнымъ племенамъ, разсѣяннымъ въ высокихъ долинахъ или по вершинамъ горъ, необходимо было общее торжище, гдѣ они могли бы встрѣчаться съ жителями равнины, и такое сборное мѣсто естественно должно было находиться около оконечности кабильскаго края, ближайшей къ арабскимъ территоріямъ, въ сосѣдствѣ въ входными воротами, которыя образуютъ горный проходъ Бени-Айша. Покореніе страны французами измѣнило ея экономическая условия и повлекло за собой сокращеніе годовыхъ оборотовъ Иссерской ярмарки. Основаніе города Тизи-Узу, лежащаго гораздо далѣе внутри края, создало постоянный рынокъ въ близкомъ сосѣдствѣ со всей областью верхняго Себау; кромѣ того, въ 4-хъ верстахъ отъ ярмарочного поля возникла цвѣтувшая деревня Борджъ-Менайель, а въ 10-ти verstахъ далѣе, на дорогѣ изъ Тизи-Узу, основалась другая значительная европейская колонія, именно эльзасская, Азибъ-Замунъ, официально называемая Осонвилье. Однако, сила привычки такъ велика, что Иссерскій рынокъ не покинутъ окончательно; большой каравансарай его все еще стоитъ, и передъ арками бывшей арабской конторы показываются еще мѣсто, гдѣ арестованные туземцы, послѣ короткаго суда, были подвергаемы публичной расправѣ на глазахъ собравшагося на ярмарку народа. Къ сѣверу отъ Иссербурга рѣка Иссеръ течетъ въ широкой долинѣ и теряется въ морѣ недалеко отъ мыса Джинетъ, составляющаго оконечность величественнаго базальтоваго массива, гдѣ производится ломка камня. Римскій городъ Цисси не замѣненъ новымъ поселеніемъ, и на прилегающемъ къ устью Иссера морскому берегу нѣтъ ни одной гавани, хотя изъ Алжира

ра каждый день ходятъ суда въ сосѣднюю бухту, гдѣ находятся рыбные промыслы, доставляющіе отличную рыбу¹⁾.

Главная полноправная община бассейна Иссера (1881 г.):

Иссервиль—5.732 жит., изъ нихъ 515 европ. и евреевъ. Менервиль—5.704 жит., изъ нихъ 1.014 европ. и евреевъ. Палестро—2.694 жит., изъ нихъ 582 европ. и евреевъ. Борджъ-Менайель—2.322 жит., изъ нихъ 603 европ. и евреевъ.

Съ Иссерского ярмарочного поля виденъ, въ семи километрахъ къ западу, широкій проломъ горъ, пріобрѣвшій важное значеніе въ военной и торговой исторіи страны,—проломъ извѣстный подъ именемъ прохода Бени-Айша, и порогъ котораго занять теперь оживленнымъ городкомъ Менервиль. Желѣзодорожная вѣтвь изъ Тизи-Узу примыкаетъ въ этомъ мѣстѣ къ линіи алжиро-константинской; остается только спуститься съ горъ, чтобы достигнуть Алжира, который вскорѣ и показывается вдали въ видѣ блѣдой полосы, окаймляющей берега синяго залива.

Алжиръ, столица «африканской Франціи», носитъ еще свое арабское имя Эль-Джезаиръ, или «Островной», которымъ онъ обязанъ четыремъ островкамъ или подводнымъ скаламъ, соединеннымъ теперь съ твердой землей²⁾; но какъ мало походитъ нынѣшній пышный городъ на ту скромную деревушку, которая основалась въ двѣнадцатомъ столѣтіи на развалинахъ римскаго Икоziuma, въ территории санхеджскаго племени бени-мезганна, родственнаго, какъ говорятъ, аитъ-мликешамъ, живущимъ на южныхъ склонахъ Джурджуры!³⁾. Поперемѣнно то порабощенный, то независимый, Алжиръ является уже довольно важнымъ пунктомъ въ началѣ шестнадцатаго вѣка, когда испанцы, послѣ правильной осады, овладѣли его крѣпостью, подъ защиту которой укрывались корабли корсаровъ; но побѣдители оставались тамъ не болѣе двадцати лѣтъ. Знаменитый Хеиръ-Эддинъ, алжирскій властитель, велѣлъ построить жете, соединяющее городъ съ островкомъ и подводными скалами⁴⁾): такъ была создана гавань, довольно хорошо защищенная отъ бурь, которая на этомъ берегу, не имѣвшемъ удобныхъ пристаней, обезпечивала за Алжиромъ первенство между всѣми городами мавританскаго побережья, съ одной стороны до Бужи, съ другой—до Мерсъ-эль-Кебира. Извѣстно, какъ хорошо воспользовался городъ Барбароссы этимъ преимуществомъ. Впродолженіи трехъ столѣтій Алжиръ оказывалъ сопротивление Европѣ, благодаря боязни однихъ, взаимно-

¹⁾ A. de Tialar, „Africa“, 1880.

²⁾ Devaux, „Les Kebailles du Djerdjera“.

³⁾ Alb. Devoulx, „Revue Africaine“, 1871.

⁴⁾ Tauxier,—Rerbrugger, „Revue Africaine“, № 78, nov. 1868.

¹⁾ C. Devaux, „Les Kebailles du Djerdjera“.

му соперничеству другихъ. Однинадцать разъ онъ былъ безуспешно осаждаемъ или бомбардируемъ, послѣ обратнаго взятія его крѣпости мусульманами; въ 1830 году Алжиръ «Воинственный» считалъ себя еще неодолимымъ, когда французы, высадившіеся въ Сиди-Феррутѣ, шли уже на форты «Императора».

Теперь Алжиръ сдѣлался первымъ городомъ африканскаго континента, не по числу жителей—въ этомъ отношеніи онъ уступаетъ двумъ столицамъ Египта, а также Тунису,—но по своей исторической роли, какъ центръ европейской цивилизации. Въ то же время онъ—первый по красотѣ и грандиозности вида: кому удалось видѣть столицу африканской Франціи со стороны моря, тотъ никогда не забудетъ дивной картины, которая открылась его взорамъ при поворотѣ парохода за стрѣлку Pointe Pescade. Еще въ половинѣ этого столѣтія Алжиръ можно было приводить въ примѣръ какъ правильный типъ города, построенного треугольнымъ амфитеатромъ на скатѣ горы¹⁾, но съ тѣхъ порь онъ выросъ и теперь образуетъ гораздо болѣе обширное цѣлое, имѣющее менѣе правильныя очертанія. Около вершины холма, увѣнчанаго касбой (цитаделью), видныются еще остатки старого Алжира, который издали походитъ на ломку бѣлаго мрамора, уставленную глыбами, неравными по величинѣ и плохо отесанными. Синяя или желтая окраска стѣнъ, зеленые жалюзи не замѣтыны съ извѣстнаго разстоянія; всѣ цвета пропадаютъ въ ослѣпительной бѣлизнѣ камня; только утромъ нарождающійся свѣтъ восхода отражается розовыми лучами, да вечеромъ закатъ набрасываетъ фиолетовые отблѣки. Прежде водопадъ домовъ спускался до самаго моря; въ наши дни онъ останавливается на половинѣ горы, ограничиваемый и сдерживаемый, словно плотиной, правильными массами французскихъ построекъ, которыхъ тянутся неизрываемымъ рядомъ надъ набережными. На югъ треугольника, образуемаго арабскимъ городомъ, взвирается по скатамъ горы другой городъ; во онъ весь состоитъ изъ домовъ европейской архитектуры и не сливается въ одинъ громадный обвалъ бѣлыхъ камней: въ немъ можно различить сѣроватыя стѣны и красныя крыши, вездѣ составляющія яркій контрастъ съ темной зеленою садовою. Даѣе, строенія рѣзко ограничены зеленымъ поясомъ, поясомъ валовъ, обросшихъ травой, и откосовъ, покрытыхъ деревьями; но за этой оградой опять начинается городъ, болѣе раскиданный, по зато и болѣе живописный, гдѣ въ каждомъ оврагѣ тѣснятся дома нижнихъ кварталовъ, на каждомъ выступѣ склоновъ группируются виллы и дачи, а около верхушки холма расположились богатыя палаццо, съ ихъ кioskами и башенками,

выступающими надъ густой листвой деревьевъ: здѣсь живутъ преимущественно англичане и другіе иностранцы, прѣѣзающіе провести зимний сезонъ въ мягкому климатѣ Алжира. Южные предмѣстія тянутся на разстояніи нѣсколькихъ верстъ вдоль морскаго берега, параллельно линіи гребня, который постепенно понижается въ равнинѣ Гаррашъ, тогда какъ по другую сторону Алжира высится могучая massa Сахеля, гдѣ тоже разсѣяны виллы и дачи, которые издали кажутся бѣлыми точками, рѣзко выдѣляющимися на общемъ фонѣ горъ.

Малая ширина пространства, заключающагося между прибрежными холмами и моремъ, была причиною того, что разростающейся городъ долженъ быть расширяться вдоль моря, по обѣ стороны своего первоначального ядра, расположеннаго противъ четырехъ островковъ Бени-Мезгана, образующихъ теперь полуостровъ внутренней гавани. Первоначальный городъ, какимъ онъ былъ въ 1830 году, занималъ на боку холма, доминируемаго касбою, треугольное пространство, каждая сторона котораго имѣла не болѣе 500 метровъ въ длину, а площадь равнялась 60 гектарамъ: въ этомъ тѣсномъ уѣжищѣ копошилось, точно въ муравейнике, многотысячное населеніе торговцевъ, феллаховъ и невольниковъ, цифру котораго опредѣляли, но, безъ сомнѣнія, преувеличенно, въ сто слишкомъ тысячъ душъ²⁾; во время занятія страны французскими войсками членность его не превышала сорока тысячъ. Французы срыли живописную ограду, въ которой задыхался городъ, но поясъ новыхъ валовъ, въ свою очередь, скоро оказался слишкомъ узкимъ: на сѣверо-западѣ, за воротами Бабъ-эль-Уэдѣ, рядъ предмѣстій, прерываемыхъ кладбищами, идѣть до безконечной улицы пригорода Сентъ-Эженъ (св. Евгенія); въ южномъ направлѣніи, за воротами Бабъ-Азунѣ, гдѣ въ былое время вывозились казнимыхъ, живыхъ или мертвыхъ, Алжиръ продолжается пригородами Ага, Мустафа, Белькуръ. Даѣе слѣдуютъ поле для маневровъ, опытный садъ, а затѣмъ снова начинаются ряды домовъ. Пространство, которое занимаютъ три соединенные общины, Алжиръ, Мустафа и Сентъ-Эженъ, тянется въ длину на десять километровъ, а между тѣмъ во многихъ мѣстахъ городъ, сжатый между горами и моремъ, не имѣеть даже 200 метровъ ширины. При такомъ расположении города, понятно, всѣ главныя улицы идутъ параллельно берегу, и черезъ извѣстные проемы между окрестными холмами открываются площади, откуда можно спуститься къ самому морю.

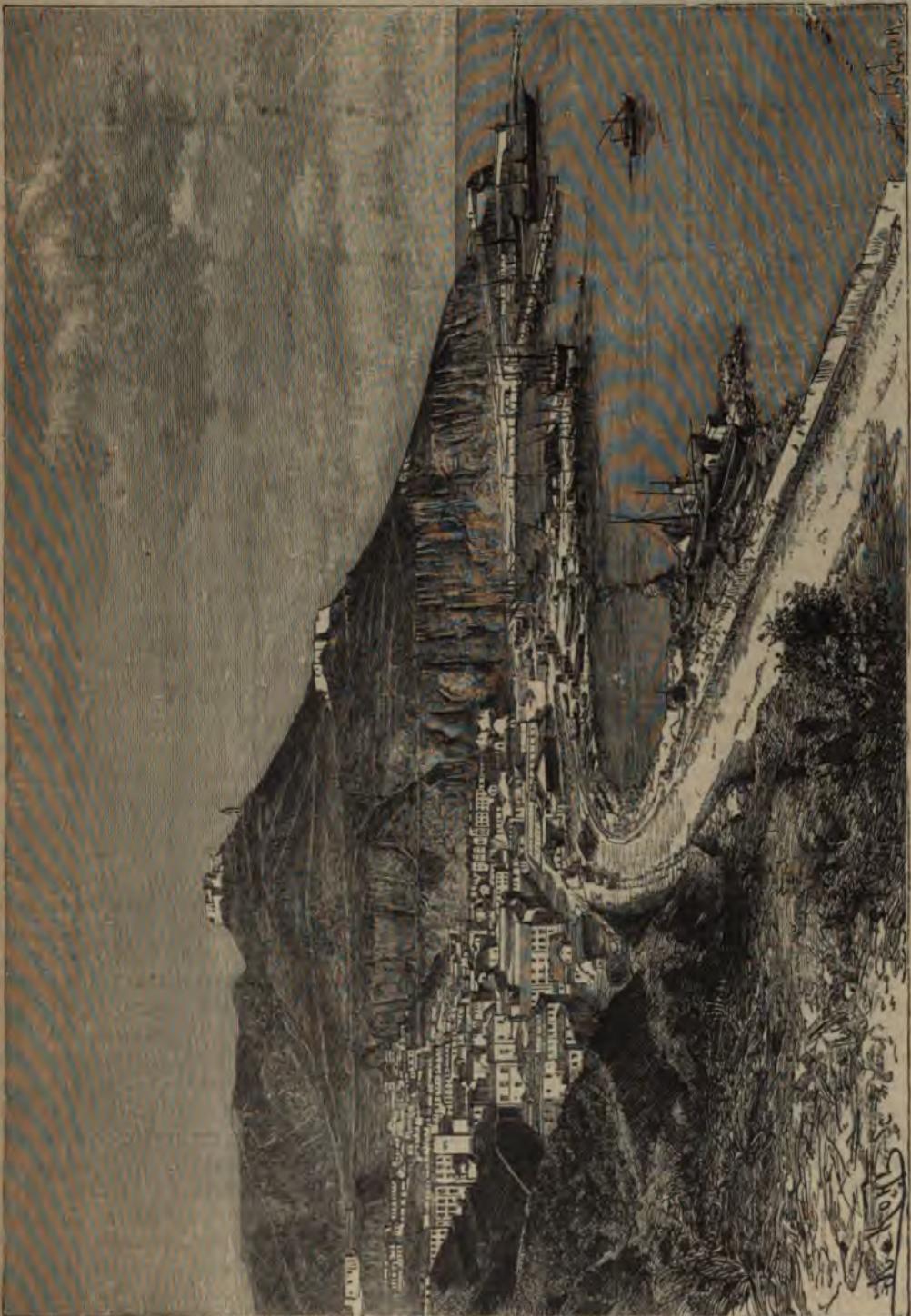
Главная площадь, называемая «place du Gouvernement», до сихъ порь осталась, несмотря на огромное приращеніе города, центромъ жизни Алжира, какъ была съ самаго начала окку-

¹⁾ Théophile Gautier, „Loin de Paris“.

²⁾ Shaw, „Travels in Barbary“.

паців, когда сломали цѣлый кварталъ старого Эль-Джезира, чтобы облегчить движение войска. На углу этой площади стоитъ «Новая» мечеть, на минаретѣ которой помѣщены город-

учрежденій, военныхъ и гражданскихъ, находятся въ непосредственномъ сосѣдствѣ. На площадь «Правительства» выходятъ оживленные улицы, самая бойкія лѣстницы, ведущія

Городъ Оранъ.

скіе часы; въ нѣсколькохъ шагахъ оттуда расположень главный рынокъ; Большая мечеть, каѳедральный соборъ, дворецъ генералъ-губернатора, главный штабъ, городская ратуша и большинство другихъ правительственныхъ

изъ порта въ городъ; отсюда же отправляются почти всѣ общественные кареты, возящія пассажировъ въ окрестности Алжира и во внутренне города. Пестрая разноцеменная и разноязычная толпа постоянно наполняетъ

эту центральную площадь; хотя банальный костюмъ, предписываемый модою, преобладаетъ надъ всѣми другими нарядами, тѣмъ не менѣе тамъ и самъ проглядываютъ яркіе цвета, рѣзко выдѣляясь на темномъ или сѣроватомъ фонѣ, который образуетъ вѣчно движущаяся масса гуляющихъ и дѣловыхъ людей: красныя шапки рыбаковъ, шеши носильщиковъ, вышиты гандуры бискрайцевъ то и дѣло встрѣчаются съ желтыми или клѣтчатыми тюрбанами старыхъ евреевъ, съ разноцвѣтными платьями, шарфами и шляпками ихъ женъ и дочерей. Знатные арабы, шейхи или выдающиеся себѣ за таковыхъ, важно расхаживаютъ въ своихъ хаикахъ изъ чистой шерсти и безукоризненной бѣлизны, или, сидя передъ кофейнями, величественно прихлебываютъ какои-нибудь напитокъ, запрещенный Кораномъ. Мавританки, въ широкихъ пышныхъ шальварахъ, всегда по-двое, скорымъ шагомъ проскальзываютъ черезъ толпу, показывая изъ подъ фаты только черные глаза, обведенныя темнымъ кругомъ.

Въ городѣ населеніе раздѣлилось на зоны, по національностямъ. Французы обитаютъ въ новыхъ квартирахъ; неаполитанцы, испанцы, малитайцы, пропорционально, гораздо болѣе многочисленны въ нижней части старого города, въ сосѣствѣ порта и рыболовныхъ тоней; евреи, которымъ принадлежитъ половина магазиновъ во французскомъ кварталѣ, живутъ главнымъ образомъ на средней части горы, между христіанами и мусульманами; эти послѣдніе по-прежнему скучены въ лабиринтѣ узкихъ улицъ и переулковъ, покрывающемъ бокъ холма до касбы. Извилистые коридоры, въ видѣ лѣстницъ, поднимаются въ гору между двумя рядами низенькихъ домиковъ, кое-гдѣ соединенныхъ перекинутыми черезъ улицу арками. Верхній этажъ домовъ выступаетъ надъ нижнимъ, поддерживаемый торчащими изъ стѣнъ бревнами. Въ углахъ или подъ арками открываются двери съ рѣзными украшеніями; рѣдкія окна, съ решетками наружу, пробиты въ выбѣленныхъ известкой стѣнахъ, гдѣ виднѣется памалеванный красной краской кабалистической отпечатокъ руки, долженствующей отгнать злыя духовъ. Этотъ магометанскій кварталъ, нисколько не измѣнившися со временемъ французской оккупации, населенъ, какъ и во времена деевъ, людьми всякойрасы и національности: тутъ можно встрѣтить и кабиловъ, и уроженцевъ Мзаба, и бискрайцевъ-водоносовъ, и выходцевъ изъ оазисовъ, изъ Тугурта, изъ Уарглы, изъ Суфа, и негровъ изъ Бамбари и Гауссы; иѣкоторыя улицы этого разноплеменного лабиринта предоставлены дѣвамъ племени уладъ-наиль, которыя возсѣдаютъ, важныя и безмолвныя, въ глубинѣ своихъ гибэдъ, обвѣшанныя металлическими украшеніями, точно идолы. Сдѣлать этнографическую прогулку въ

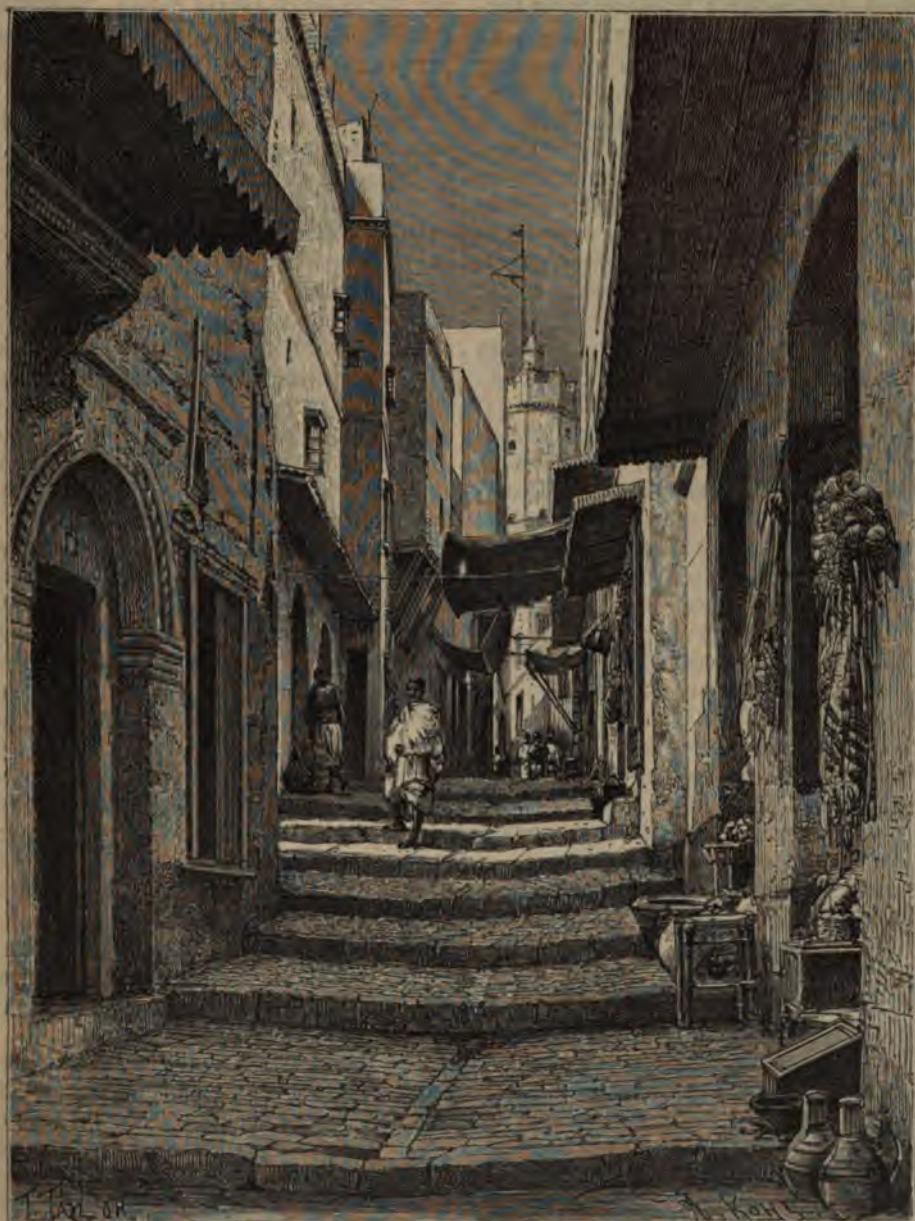
верхнемъ Алжирѣ—это все равно, что совершиТЬ путешествіе внутрь Африки до Томбукута.

По своей архитектурѣ новый городъ еще не можетъ сравняться съ тѣмъ, что осталось отъ старого Алжира; главныя его зданія—громадныя, многоэтажныя постройки, напоминающія зданія Новой Марсели, и при возведеніи которыхъ не всегда принимали въ разсчетъ мѣстныя климатическія условія; кромѣ того, строители, кажется, упустили изъ вида опасность землетрясеній, которая въ Алжирѣ бываетъ чаще и сильнѣе, чѣмъ во Франціи. Самые замѣчательные памятники Алжира все еще тѣ, сооруженіе которыхъ относится къ эпохѣ, предшествовавшей завоеванію; но ихъ уже остается немногого. Нѣкогда слишкомъ сто-шестьдесятъ мечетей или куббъ горделиво воздымали свои куполы и башни надъ массой домовъ; теперь ихъ осталось не болѣе двадцати, въ томъ числѣ прелестная мечеть Абдъ-эль-Рахманъ-эть-Цальби, стройный минаретъ которой высоко поднимается надъ купами деревьевъ сада Маренго, близъ воротъ Бабъ-эль-Уздѣ. Въ нижней части города кое-гдѣ сохранились красивыя дома мавританского стиля, всѣ построенные по одному и тому же плану; но многіе изъ нихъ, передѣланыя внутри и меблированные по-европейски, утратили свой оригиналъ характеръ. Центральный дворъ, гдѣ, бывало, журчалъ фонтанъ среди тѣнистой листвы деревьевъ, превратился въ магазинъ или салонъ; видъ синяго неба, блестающаго звѣздами, замѣненъ потолкомъ съ висячей по срединѣ люсткой; къ мраморнымъ колоннамъ прикреплены прозаические подсвѣчники. Впрочемъ, большинство этихъ мавританскихъ дворцовъ, построенныхъ невольниками или ренегатами, выходцами всѣхъ странъ, далеко не отличалось полной гармоніей стиля: мраморы Италии, изразцы Голландіи не всегда были хорошо обтесаны или расположены со вкусомъ. Одинъ изъ любопытнѣйшихъ и живописнѣйшихъ памятниковъ мавританской архитектуры—это зданіе, въ которомъ помѣщаются драгоценныя коллекціи библіотеки, содержащей 30.000 томовъ, и музея исторіи и древностей: между многими другими замѣчательными предметами особенно обращаютъ на себя вниманіе античныя статуи Венеры и Нептуна, открытая при раскопкахъ въ Шершелѣ, и возбуждающей ужасъ гипсовый слѣпокъ съ узника, живѣемъ замурованного въ стѣнѣ крѣпости. Кромѣ того, существуетъ еще другое публичное книгохранилище, при городской ратушѣ, не считая библіотекъ, принадлежащихъ учебнымъ заведеніямъ для высшаго и средняго образованія, словесному факультету и лицѣю. Что касается музея изящныхъ искусствъ, то хотя въ немъ есть нѣсколько хорошихъ картинъ, но въ цѣломъ онъ недостоинъ города, который далъ нѣсколькихъ цѣнныхъ художниковъ, и миссия

котораго—знакомить варварскія населенія съ великими произведеніями искусства.

Въ материальномъ отношеніи Алжиръ, испытавшій уже столько перемѣнъ, долженъ еще подвергнуться преобразованію. Прежде всего необходимо избавить его отъ береговыхъ фортоў, которые мѣшаютъ ему расшириться на

куда ихъ и слѣдуетъ перенести, когда Алжиръ будетъ освобожденъ отъ нынѣшней ограды, оставляющей виѣ всякаго прикрытия самыя необходимыя заведенія: госпитали, провіантскіе и другіе магазины, газовые заводы, гидравлические резервуары. Другія, такъ же настоятельно нужные для благоустройства Ал-

Алжирская улица въ старомъ городѣ.

сѣверъ и на югъ, и освободить городъ отъ круга военныхъ службъ, которыхъ охватываютъ его со всѣхъ сторонъ, образуя поясъ въ 150 гектаровъ. Какъ крѣпость, Алжиръ уже не имѣть большой цѣны, съ тѣхъ поръ какъ измѣнился весь составъ артиллеріи: для фортовъ, существующихъ защищать городъ, самое подходящее мѣсто—на вершинахъ холмовъ Сахеля,

жира, общественные работы должны быть направлены къ достижению слѣдующихъ цѣлей: доставлять жителямъ прѣсную воду въ изобилии—такъ какъ источники Сахеля недостаточны для водоснабженія города,—избавить городъ отъ бича пыли введеніемъ лучшаго способа моченія улицъ, окончить сѣть сточныхъ трубъ, утилизировать нечистоты или, по край-

ней мѣрѣ, удалять ихъ за городскія стѣны, не заражая атмосферы и рѣчныхъ водъ.

Самый портъ, составляющій гордость и славу Алжира, еще не доконченъ, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоитъ ниже многихъ другихъ искусственныхъ гаваней Средиземнаго моря. Нельзя, конечно, не признать дѣломъ грандиознымъ завоеваніе у бурнаго моря бассейна въ 90 гектаровъ, гдѣ могутъ стоять на якорѣ самые большия корабли, и съ высотъ, господствующихъ надъ Алжиромъ, самую красивую часть чудной картины, открывающейся взорамъ наблюдателя, составляетъ, безспорно, видъ моловъ, такъ смѣло отрѣзывающихъ кусокъ моря, и ограничивающей ими гавани, тихія воды которой своими отблесками и оттенками цвѣтовъ представляютъ такой рѣзкій контрастъ съ волнующейся поверхностью открытаго моря. Тѣмъ не менѣе, Алжирскій портъ не представляеть еще достаточно спокойнаго убѣжища для останавливающихся въ немъ судовъ. Съ-веро-восточные вѣтры, которые въ 1835 году, когда эта турецкая гавань была единственнымъ мѣстомъ якорной стоянки, поломали въ портѣ 19 кораблей, разбившихся отъ столкновенія другъ съ другомъ, всегда нагоняютъ волны въ бассейнъ, и случалось, большія суда обрывали свои швартовы. Для предупрежденія этой опасности на будущее время, намѣрены раздѣлить обширный бассейнъ при помощи другаго жете, которое соединить искусственный островокъ Алгѣфна съ берегомъ и направится ко входу, открывая такимъ образомъ двое воротъ судамъ: одни на югъ—къ военному порту, другія на сѣверъ—къ купеческой гавани. Такъ какъ планы обустройства порта не были задуманы сразу, при началѣ работъ, предпринятыхъ еще въ то время, когда явился вопросъ, не придется ли покинуть новое завоеваніе, то въ результатѣ вышло то, что контуръ порта далеко не отличается такой правильностью, какъ очертаніе большинства искусственныхъ гаваней: сѣверное жете, прозванное въ шутку «кривой непостоянства», по причинѣ частой перемѣны проектовъ, которой оно обязано своей нынѣшней неправильной формой, обращено вогнутостью къ открытому морю, такъ что принимаетъ всю силу удара волнъ. Вслѣдствіе этого необходимо постоянно наваливать новыя глыбы камня для того, чтобы оно могло выдерживать напоръ моря.

Важность Алжира, какъ морской пристани, зависить отъ судовъ эскадры Средиземнаго моря, часто появляющихся въ его водахъ, и еще болѣе отъ регулярныхъ пакетботовъ, соединяющихъ его съ Марселью, Портъ-Вандромъ и многими другими портами Франціи и иностраннѣхъ государствъ. Такимъ образомъ столица Алжиріи периодически посыпается десятками тремя пароходовъ, но она не имѣть еще ежедневнаго пароходнаго сообщенія съ Фран-

ціей, хотя установлѣніе такого сообщенія представляется необходимымъ въ виду того, что сношенія Алжира съ метрополіей почти не менѣе дѣятельны, чѣмъ сношенія со всей остальной Алжиріей. Какъ рыболовный портъ, Алжиръ тоже очень дѣятеленъ, и рейдъ его каждый вечеръ представляетъ интересное зрѣлище, когда итальянскія барки, пользуясь береговой бризой, распускаютъ паруса и длинными вереницами, словно стаи птицъ, уходятъ въ открытое море.

Движеніе судоходства въ Алжирскомъ портѣ (исключая перевозки пассажировъ) въ 1890 г.:

Въ приходѣ—1.807 судовъ, общей вмѣстимости—1.019.515 тоннъ.

Общая цѣнность виѣшней торговли въ 1881 году:

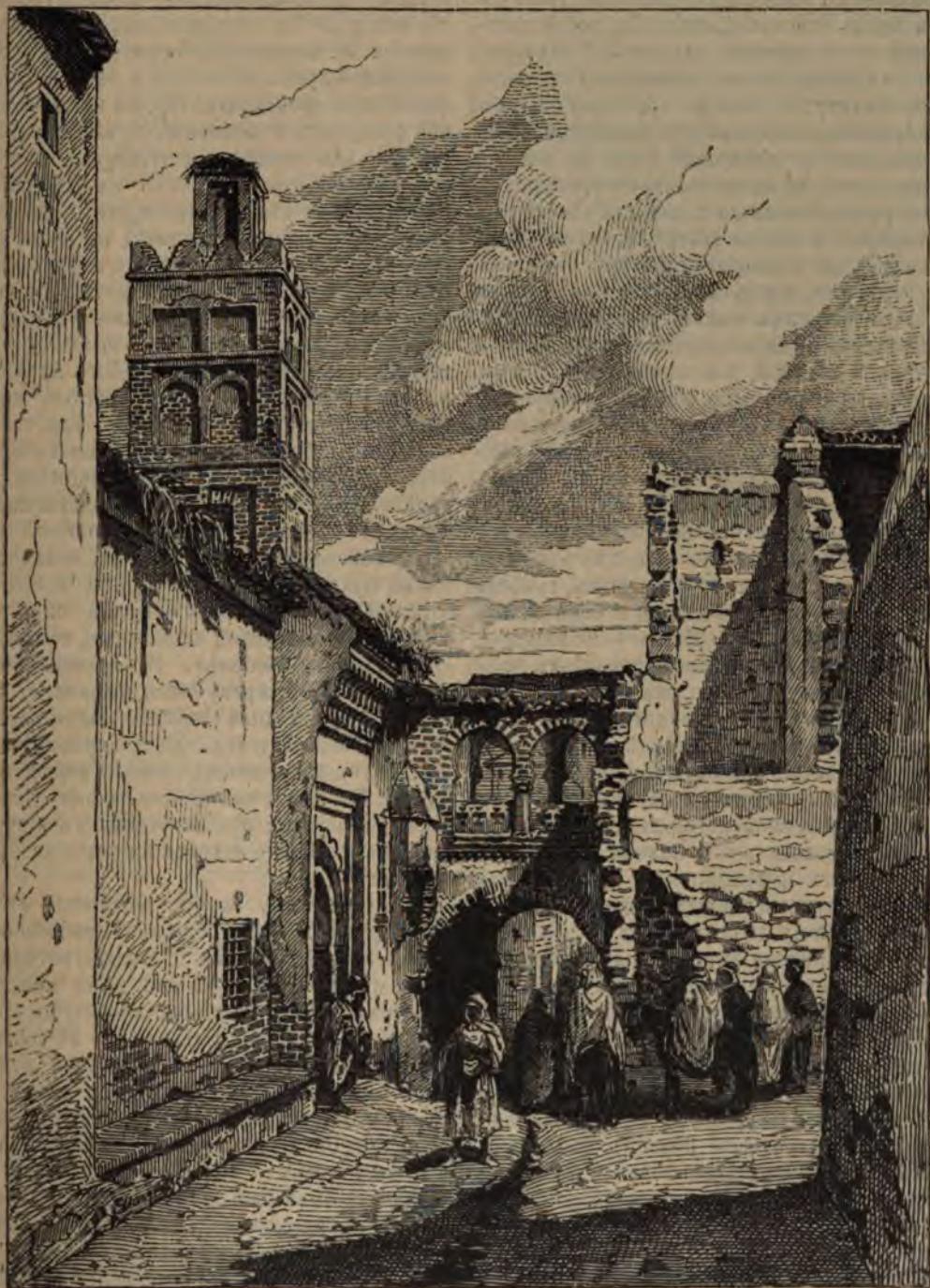
По привозу—113.904.836 франк., по вывозу—40.853.223 франк.

Что касается прибрежной или каботажной торговли, производимой мелкими парусными судами, то она въ Алжирѣ менѣе значительна, чѣмъ въ портахъ Орана, Филипповиля, Бони: причина тому—недостатокъ удобныхъ и быстрыхъ сообщеній съ внутренними городами и мѣстностями. Алжиръ не имѣть еще, въ противоположность Орану и Константину, пути, проникающаго далеко внутрь материка по направлению къ пустынѣ; до сихъ поръ не решенъ окончательно даже вопросъ о проведеніи дороги въ Лагуатъ. Что касается подъемныхъ дорогъ, которыхъ были бы такъ полезны между Алжиромъ и общинами, расположеными на высотахъ, то эти дороги пока еще существуютъ только въ видѣ проектовъ. Но если столицѣ Алжиріи недостаетъ желѣзныхъ путей, то она имѣть въ своемъ распоряженіи большое число обыкновенныхъ дорогъ, и немногіе города богаче ея всякаго рода общественными экипажами, омнибусами, дилижансами и каретами всевозможныхъ формъ и цвѣтовъ: запряженные тощими, но неутомимыми лошадками, эти экипажи безпрестанно снуютъ взадъ и впередъ, поднимая столбы пыли.

Счастливое положеніе Алжира на берегу моря и подошвы высокихъ холмовъ придаетъ большое разнообразіе вида окружающимъ мѣстностямъ, и многія окрестныя деревни представляютъ, кроме того, исторический интересъ. На западѣ, за пригородомъ Сентъ-Эженъ, двумя скалистыми мысами Pointe-Pescade и Сахіе, и мѣстечкомъ Гюйтвиль, развертывается правильной линіей плоскій морской берегъ, ограниченный мыскомъ Сиди-Феррушъ (Сиди-Фереджъ), на которомъ теперь стоитъ укрепленная казарма, обороняющая подступы Алжира: въ этомъ мѣстѣ 14 июня 1830 года французскій флотъ высадилъ свои войска; здесь же были вскорѣ возведены первые ретраншементы и произошли первыя стычки, за которыми, пять дней спустя, слѣдовала бит-

ва при Ставали, открывшая французамъ путь къ Алжиру. Послѣ завоеванія страны, на берегу и въ дюнахъ бухты Сиди-Феррушъ поселились рыбаки и огородники, а самое поле сра-

сідій отъ правительства, устроили ферму, гдѣ на пространствѣ 1.200 гектаровъ воздѣлываются различные растенія, особенно виноградъ и герань, разводимая для фабрикаціи благо-

Видъ улицы въ Тлемсенѣ.

женія было уступлено казнью, въ 1843 году, траппистамъ, которые, при помощи штрафныхъ солдатъ и наемныхъ рабочихъ, испанскихъ и арабскихъ, а также при помощи суб-

вонныхъ эссенцій. Ставали принадлежитъ къ большой общинѣ Шерага, въ сосѣдствѣ которой есть нѣсколько древнихъ мегалитовъ. На ближайшихъ къ этой общинѣ горныхъ скло-

нахъ, въ Аинъ-Бенинъ, сдѣланы опыты объесенія: будущій лѣсъ занимаетъ площадь въ 500 гектаровъ.

Сахель, на югъ и юго-западъ отъ Алжира, уже захваченъ земледѣльческой культурой почти на всемъ его протяженіи. На самой высокой горѣ этого массива, называемой Бузареа, то-есть «Хлѣбородная», находится главная санаторія столицы; отсюда, особенно съ старого кладбища, занимающаго высшую вершину, открывается обширный видъ на море и равнину: внизу на правомъ планѣ выступаютъ селенія, раскиданыя по холмамъ Сахеля; еще ниже видныются города Митиджи; далѣе обрисовывается на горизонте полукругъ синѣющихъ горъ, отъ двухъ вершинъ Заккара, на западѣ, до высокихъ пиковъ Джурджуры. Сѣверный склонъ Бузареи перерѣзанъ прелестной Консульской долиной, названной такъ потому, что прежде, до завоеванія страны французами, сюда прѣѣзжали на дачу иностранные консулы. На одномъ изъ конечныхъ выступовъ массива, надъ кладбищами Сентъ-Эжена, стоять часовня Африканской Божіей Матери, посвящаемая преимущественно испанскими и неаполитанскими рыбаками. На югъ и юго-востокъ продолжается, постепенно понижаясь, гребень Сахеля, увѣличанный деревнями и отдельными строеніями; близъ Эль-Біара («Колодцы»), виллы которого разсыпаны среди деревьевъ, виднѣется могучая четыреугольная масса Императорского форта, построенаго, какъ говорятъ, на томъ самомъ мѣстѣ, где нѣкогда стоялъ редутъ, взятый войсками императора Карла V; въ глубинѣ тѣнистыхъ долинъ причутятся селенія Бирмандрейсъ и Бирхадемъ. Главный населенный пунктъ всего Сахеля — мѣстечко Дуэра («Домикъ»), лежащее въ южной части массива. Въ трудный періодъ завоеванія, когда вокругъ колоній бродили гаджуты, Дуэра была передовыимъ укрѣпленіемъ Сахеля; теперь это самый дѣятельный рынокъ и складочное мѣсто для земледѣльческихъ произведеній этой горной области.

Къ юго-востоку отъ Алжира, на дорогѣ, идущей вокругъ Сахеля, цѣль прибрежныхъ поселеній между Булькуромъ и Гуссейнъ-деемъ прерывается широкимъ поясомъ плантаций, который занимаетъ площадь около 80 гектаровъ и простирается отъ гребня холмовъ до самаго моря: это садъ Гамма, называемый также «Опытнымъ» (*Jardin d'essai*) и основанный въ 1832 году для производства опытовъ по акклиматизаціи иностранныхъ растеній. Эти попытки какъ нельзя лучше удались, и мало найдется городовъ, даже въ тропическихъ странахъ, гдѣ бы можно было встрѣтить такія прекрасныя аллеи пальмъ, вѣрниковъ (латаний), драконниковъ, бамбуковъ, священныхъ индійскихъ смоковницъ; что касается древесной флоры умѣренного пояса, то она предста-

влена главнымъ образомъ великколѣпною аллею платановъ. Хорошо защищенный отъ вѣтровъ, опытный садъ пользуется исключительнымъ на берегахъ Алжиріи климатомъ, и многіе растительные виды, являющіеся здѣсь во всей красѣ, не могли бы считаться акклиматизировавшимися на алжирской территории вообще. Въ настоящее время этотъ садъ, уступленный, за фиктивную арендную плату, въ пользованіе одной французской компаніи, служитъ преимущественно для разведенія культуры декоративныхъ растеній, сбываемыхъ въ Парижъ и въ Бельгіи. При садѣ существуетъ также страусовый дворъ, но содержимые въ немъ птицы вымираютъ въ своихъ тѣсныхъ паркахъ и портятъ себѣ перья тѣмъ, что чешутся объ ограду; кроме того, еще не разрѣшена удовлетворительно проблема искусственного вывода страусовыхъ цыплятъ. Въ этомъ мѣстѣ высадилась, въ 1541 году, армія Карла Пятаго, которая вѣсько днѣ спустя едва успѣла сѣсть на корабли, чтобы избѣгнуть грозившаго ей полнаго истребленія: правда, экспедиція эта велась крайне неумѣло, и совѣты «conquistador'a» Фернанда Кортеса, сопутствовавшаго испанскому войску, но не въ качествѣ командующаго, не были приняты во вниманіе¹⁾) Здѣсь же, близъ Гаммы, алжирскіе негры справляютъ свой большой годовой праздникъ, называемый «праздникомъ Бобовъ», во время которого приносится въ жертву быкъ, увѣличанный цѣвѣтами и украшенный разноцѣвѣтными лоскутками шелковой матеріи. Хотя церемонія начинается торжественнымъ пѣніемъ первой молитвы изъ Корана, тѣмъ не менѣе она считается чисто языческимъ празднествомъ у алжирскихъ мавровъ, которые никогда на немъ не присутствуютъ.

Къ городскому округу (*banlieue*) столицы принадлежитъ также обширная, имѣющая форму полукруга, равнина Митиджа, которая тянется на юго-западѣ, на югъ и на западѣ отъ Алжира, занимая пространство около 100 километровъ въ длину и отъ 15 до 20 килом. въ ширину. Военное завоеваніе этой равнинѣ было продолжительно и трудно, по той причинѣ, что первые губернаторы Алжиріи всѣставили себѣ цѣлью овладѣніе крѣпостью Медеа, въ то время, какъ промежуточныя пространства были еще заняты враждебными племенами; французскія линіи продовольствія и отступленія постоянно находились подъ угрозой нападенія, и, чтобы освободить ихъ, нерѣдко приходилось вступать въ кровавый бой; случалось даже, что французскіе отряды были совершенно истреблены превосходными силами непріятеля. Еще гораздо труднѣе оказалось земледѣльческое завоеваніе Митиджи. Бо-

¹⁾ E. Pellissier, „Mémoires historiques et géographiques sur l'Algérie“.

лота и выступившія изъ береговъ рѣченки за-
заражали атмосферу вредными испареніями;
расчистка почвы подъ пашни порождала ли-
хорадки; непривычные къ новому климату, не-
знакомые съ правилами гигиены, колонисты по-
гibали одинъ за другимъ подъ тяжестью не-
посильного труда и неблагопріятныхъ сани-
тарныхъ условій. Тѣ изъ нихъ, которые устоя-
ли противъ болѣзней, рисковали попасть въ
руки гаджутовъ и быть зарѣзанными, если уда-
лялись на минуту изъ-подъ прикрытия лагерей
или фортоў. Способъ труда, принятый большинствомъ земледѣльцевъ, еще болѣе увеличи-
валъ опасность. Каждый изъ нихъ, получивъ
клочокъ земли, обрабатывалъ его отдельно
отъ сосѣдей и потому не могъ оказать сопроти-
вленія цѣлой шайкѣ неожиданно нападавшихъ
туземцевъ: такимъ образомъ, колонисты были
убиваемы по одиночкѣ. Впрочемъ, въ нѣкото-
рыхъ деревняхъ европейские поселенцы, подра-
жая примѣру обезьянь, которыхъ они иногда
заставали врасплохъ за дѣломъ разграбленія
полей, догадались, наконецъ, соединиться въ
партии, чтобы, подъ защитой часовыхъ, соо-
ща производить нужные работы на всей сово-
купности отведенныхъ имъ земель. Такъ во-
дворялась мало-по-малу колонизация въ сосѣд-
ствѣ враждебныхъ племенъ. Въ наши дни, хо-
тя дѣло еще далеко не доведено до конца, хо-
тя въ низменностяхъ еще залегаютъ обширенныя
болотныя пространства, а многія высоты
между рѣчными бассейнами покрыты кустар-
никомъ, въ пѣломъ Митиджа есть безспорно
одна изъ наилучше воздѣланыхъ областей
Алжиріи, и нигдѣ въ этой странѣ паровой плугъ
не завоевываетъ болѣе быстро новыхъ земель,
приспособленныхъ къ правильному произвол-
ству. Въ 1881 году европейское населеніе
этой области состояло изъ 30.500 душъ, тогда
какъ въ Сахельѣ, за исключеніемъ Алжира, оно
не превышало 28.000 чel.

Когда спустишься изъ Менервиля, который
служить естественными воротами, ведущими
изъ Большой Кабиліи въ Митиджу, первое
крупное мѣстечко, встрѣчающееся на этомъ пу-
ти—Альма, лежащая недалеко отъ Бу-Дуау,
среди платановъ и эвкалиптовъ. За Альмой
идутъ равнины, орошаemыя водами Гамиза и
усѣянныя селеніями, изъ которыхъ главное
сохранило турецкое имя Фондука, данное ему
какъ этапу на дорогѣ верхняго Иссера. Въ 7 ки-
лометрахъ выше Фондука воды Гамиза запру-
жены исполнинской плотиной, при взглядѣ на
которую нельзя безъ ужаса подумать объ уча-
сти, ожидающей лежащія ниже запруды деревни
въ случаѣ, если бы эта стѣна въ 37 метровъ
высоты, удерживающая жидкую массу объ-
емомъ въ 14 миллионовъ кубическихъ метровъ,
вдругъ прорвалась. Запруженныя воды еще
не утилизируются вполнѣ, потому что не окон-
чена еще сѣть оросительныхъ каналовъ. Ни-

же Фондука, Гамизъ переходитъ на террито-
рию Руибы, другаго большаго села, гдѣ нахо-
дится земледѣльческое училище Алжирскаго
департамента; затѣмъ онъ изливается въ море,
въ 3 километрахъ къ югу отъ мыса Матифу, по-берберски Таментафусъ, или «Правой ру-
ки», названного такъ потому, что онъ коман-
дуется алжирскою бухтою съ правой стороны¹⁾. На этомъ высокомъ остроконечномъ мысѣ
нѣть другихъ жилыхъ строеній, кроме кре-
посты, нѣсколькихъ рыбачьихъ бараковъ и
маяка, который стоитъ на вершинѣ скалы, на-
противъ алжирского маяка, находящагося на
другой сторонѣ бухты, въ разстояніи 15 ки-
лометровъ. Отъ римскаго города Русгуніа, ко-
торый былъ расположенъ между мысомъ Ма-
тифу и устьемъ Гамиза, остались только раз-
валины, частію употребленныя на постройку
домовъ Алжира.

Бассейнъ уезда Гаррашъ, принимающаго въ
себя множество мелкихъ притоковъ, имѣть
болѣе значительные размѣры, чѣмъ бассейнъ
Гамиза. Въ юго-восточной его части важный
поселеніе—Риве и Арба, съ рынкомъ
земледѣльческихъ продуктовъ, часто посыпа-
емыя арабами. Ровиго, при главной рѣкѣ, у
выхода ея изъ области горъ, и Сиди-Мусса,
на небольшомъ притокѣ,—многолюдная дерев-
ни южной области, гдѣ апельсинныя рощи че-
редуются съ виноградниками и хлѣбными по-
лями; въ 8 километрѣ къ югу отъ Ровиго, въ
одной тѣснинѣ верхняго Гарраша, бываютъ гор-
ячіе соляные ключи Гаммамъ-Мелуанъ, или
«Окрашенные», которыми пользуются окре-
стные арабы, а также мавры и евреи изъ Ал-
жира. Въ сѣверной части бассейна Гарраша
находимъ настоящій городъ, расположенный
на обоихъ берегахъ рѣки. Мезонъ Карре (Ma-
ison Carrée), «Четыреугольный домъ», полу-
чившій такое название отъ бывшей турецкой
казармы, преобразованной теперь въ тюрем-
ный замокъ, можетъ быть разсмотриваемъ какъ
предмѣстье Алжира, хотя онъ лежитъ въ 12
километрахъ отъ столицы: въ этомъ мѣстѣ же-
лѣзная дорога дѣлится на два пути, изъ кото-
рыхъ одинъ направляется на востокъ къ Кон-
стантинѣ, а другой—на западъ къ Орану. Впро-
чемъ, и прежде, до прокладки рельсовъ, Мезонъ
Карре имѣлъ важное значеніе какъ ключъ
сообщеній Алжира съ внутренними городами
и областями: оттого этотъ постъ на Гаррашѣ
былъ, въ первое время французской оккупа-
ціи, мѣстомъ многочисленныхъ битвъ; но, по
причинѣ вредныхъ испареній болотистой поч-
вы, гарнизонъ вынужденъ былъ каждый годъ
эвакуировать крѣпость на время жаровъ. Те-
перь, когда почва асенизирована, Мезонъ Карре
сдѣлался, подобно Гуссейнъ-дею, фабрич-
нымъ пригородомъ Алжира; онъ имѣть боль-

¹⁾ Lambert, рукописныя замѣтки.

шіе кирпичные заводы, паровую мельницу для приготовления пред назначенной къ вывозу пшеничной муки и другія фабричныя заведенія. По своимъ огородамъ и питомникамъ онъ тоже составляетъ предмѣстье столицы; но главный центръ огородничества находится въ 6 километр. къ сѣверо-востоку, въ дюнахъ морскаго прибрежья: тамъ расположена деревня Fort de l'Eau, населенная преимущественно магонцами, которые такъ же хорошо владѣютъ вѣсломъ, какъ и заступомъ, и сами возятъ на рыночкъ продукты своей маленькой республики.

Буфарикъ, стоящій на небольшомъ возвышении почвы, находится въ самомъ центрѣ Митиджи: отсюда важное значеніе его ярмарокъ, на которыхъ, съ незапамятныхъ временъ, собираются арабы изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстностей. Въ виду этого тамъ былъ основанъ, въ 1835 году, лагерь для наблюденія за племенами; но долгое время этотъ лагерь, постепенно преобразованный въ городъ, заслуживъ скорѣе название госпиталя или даже кладбища; часто въ немъ было больше больныхъ, чѣмъ здоровыхъ; цифра годовой смертности доходила до четверти или даже до трети общаго числа жителей. Но мало-по-малу почва вокругъ ярмарочнаго поля была осушена, болота превратились въ сады, и платаны, посаженные въ 1843 году, образовали тѣнистый бульваръ, опоясывающій весь городъ. Каждая улица Буфарика представляетъ теперь великолѣпную аллею, такъ что городъ имѣть видъ парка; предмѣстія тоже утопаютъ въ зелени садовъ: нигдѣ влажная и плодородная почва Митиджи не производить болѣе пышной и богатой растительности. Ярмарки Буфарика по-прежнему посещаются тысячами арабовъ, къ которымъ теперь присоединяется многочисленная толпа колонистовъ. Городъ сдѣлался земледѣльческимъ центромъ равнинъ; онъ служить складочнымъ мѣстомъ для произведеній сельского хозяйства, имѣть мастерскія земледѣльческихъ машинъ и орудій, заводы для добыванія благовонныхъ эссенцій. Въ нѣсколькихъ километрахъ къ востоку находится селеніе Шебли, славящееся во всей Алжиріи своимъ превосходнымъ табакомъ; но главные продукты этого края, послѣ хлѣба и сѣна, — вина и апельсины.

Блида, главный городъ Митиджи и шестой городъ Алжиріи по числу жителей, не новаго происхожденія, какъ Буфарикъ; впрочемъ, до сихъ поръ въ немъ не открыли никакихъ остатковъ римской старинѣ; впервые о немъ упоминается лишь въ средніе вѣка. Кажется, онъ тогда носилъ имя Митиджи, какъ и вся равнинна, въ южной части которой онъ играетъ теперь первенствующую роль. Во времена турецкаго господства Блида, или «Городокъ», сдѣлалась увеселительнымъ мѣстомъ, и большинство богатыхъ алжирцевъ имѣли тамъ да-

чи съ садами; но въ 1825 г. землетрясеніе разрушило зданія, подъ развалинами которыхъ погибла половина населенія. Затѣмъ слѣдовали французская оккупация, атаки, битвы въ рукопашную на улицахъ, рѣзня, отступленія, осады и штурмы: Блида была не болѣе, какъ развалина, когда французы поселились тамъ окончательно въ 1839 году. Теперь это совершенно французскій городъ по виду: отъ прошлаго осталась только одна мечеть да нѣсколько арабскихъ домовъ; но въ окрестностяхъ видны еще кое-какіе остатки прежней Блиды: фонтаны, гробницы съ бѣлыми куполами, тропинки, извилающіяся подъ большими маслинами. Изъ всѣхъ городовъ Алжиріи Блида самый богатый апельсинными рощами, и его мандарины славятся во всемъ свѣтѣ. Благодаря обильнымъ водамъ уезда эль-Кебиръ, или «Большой рѣки», спускающагося съ горъ Бени-Салахъ, Блида имѣть также нѣсколько фабрикъ и мельницъ; въ скоромъ времени она будетъ исходнымъ пунктомъ желѣзной дороги, которая проникнетъ на югъ въ долину Шиффи, направляясь къ Лагуату. Нѣсколько деревень слѣдуютъ одна за другой справа и слѣва у подошвы Атласа; самая многолюдная изъ нихъ — Сума. Одна изъ горъ, увѣнчанная на вершинѣ (1.627 метровъ) марабутомъ Абдель-Кадера бенъ-Джалали, осѣнена прекрасными кедрами, а на одномъ изъ ея хребтовъ разрослась великолѣпная плантaciя каштановъ, орѣшинъ, вишнѣ, напоминающая пейзажи Альгъ и Пиренеевъ. Немногія мѣстности Алжиріи представляютъ такое грандиозное зрѣлище, какъ видъ, открывающійся съ горъ Блиды на зеленѣющую равнину Митиджи, обрамленную перешейкомъ Типаза, цѣпью Сахель и синеватымъ треугольникомъ моря, которое показывается на горизонтѣ изъ-за гребней горъ¹⁾.

«Большая рѣка» Блиды есть не что иное, какъ притокъ Шиффи, которая, въ свою очередь, соединяется съ уездомъ Джеръ, чтобы образовать Мазафранъ. Шиффа, берущая начало на югѣ въ горахъ, гдѣ находится городъ Медеа, течетъ, передъ вступлениемъ въ равнину Митиджа, дикимъ ущельемъ, которое, какъ гласить мѣстная легенда, было прорублено однѣмъ святымъ марабутомъ. Гробница этого угодника, воздвигнутая на окончности пика Музайя или Тамезгida, обставлена рядами кувшиновъ, приносимыхъ арабами, которые надѣются, что святой сторицей отплатить за ихъ приношенія, ибо это онъ изливаетъ урину потокомъ, и отъ его воли зависить сдѣлать страну плодородною или безплодною. Гора Музайя названа такъ по имени одного берберскаго племени, приписывающаго себѣ мароккское происхожденіе и очень храбро защищавшаго свои горы противъ французовъ: вокругъ этого

¹⁾ Durando, „Club alpin franÃ§ais“

племени группировались все другое туземцы массива. Имя Музайя перешло к двум французским поселениям: Mouazia-les-Mines, на югѣ, въ узкой долинѣ, съ мѣдными рудниками, теперь заброшенными, и съ обильнымъ минеральнымъ источникомъ; и Mouzaiaville, въ равнинѣ Митиджа, на линіи желѣзной дороги. Землетрясение 1867 года разрушило Музайи-виль и нѣсколько окрестныхъ деревень. Теперь многие изъ отстроенныхъ домовъ имѣютъ форму большаго ящика, поставленного на землю; сотрясение можетъ только сдвинуть ихъ съ мѣста, но не разрушить.

За Эль Афруномъ, оранская желѣзная дорога, покинувъ равнину, вступаетъ въ узкую долину уѣза Джерь и поднимается къ порогу, отдѣляющему бассейнъ Мазафрана отъ бассейна Шиффи. Къ сѣверу отъ этой дороги и одного притока Джера, уѣза эль-Гаммамъ, на горномъ хребтѣ находятся знаменитые ключи Гаммамъ-Рига (Ripa), наиболѣе посѣщаемый курортъ Алжиріи; въ римскую эпоху эти Aquae Calidae («Теплые воды») тоже были сборнымъ мѣстомъ для больныхъ и для богатыхъ щеголей, какъ о томъ свидѣтельствуютъ надписи и скульптурные работы, найденные при раскопкахъ. Теперь въ сосѣдствѣ источниковъ выстроены великолѣпный курзалъ, окруженный садами и плантациями. Значительная высота мѣстоположенія (около 700 метровъ надъ уровнемъ моря) и грандиозная красота окружающего пейзажа, вмѣстѣ съ цѣлебною силой термъ, способствовали тому, что Гаммамъ-Рига сдѣлалася главною санаторіей столичнаго населения.

На сѣверѣ Митиджи, нижней бассейнѣ Мазафрана, образуемый соединеніемъ уѣза Джерь и Шиффи, заключаетъ въ себѣ городокъ Колеа, который въ первое время завоеванія имѣлъ важное стратегическое значение, какъ передовой постъ въ цѣли алжирскаго Сахеля: это хорошеній городокъ, утопающій въ зелени садовъ, хотя теперь онъ уже далеко не такъ красивъ, какъ былъ въ эпоху, когда по скатамъ горы лѣшились въ живописномъ безпорядкѣ мечети, куббы и домики, обвитые фестонами виноградныхъ вѣтокъ; въ то время онъ назывался «Святымъ», подобно тому, какъ Алжиру присвоенъ былъ эпитетъ «Воинственный», а Бліда—эпитетъ «Веселый». Здѣшніе мавры, составляющіе теперь меньшинство населения среди французовъ и другихъ европейцевъ, все андалузскаго происхожденія; они основали городъ въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія. Колеа занимаетъ западную оконечность узкаго перешейка холмовъ, который продолжается до устья Надора, и на высшей вершинѣ котораго стоитъ древняя гробница, извѣстная у туземцевъ подъ именемъ Кобръ-эръ-Руміа, то-есть «Могила Христіанки». Это— массивный памятникъ цилиндрической формы, украшенный по окружности 60 колоннами, съ

юническими капителями, и увѣнчанный конусомъ съ уступами, высотою въ 33 метра, который, вѣроятно, поддерживалъ статую. Теперь известно, благодаря раскопкамъ Бербруггера и Макъ-Карти, что это тогдѣ самый монументъ, о которомъ говорить Помпоній Мела, и который служилъ общимъ мавзолеемъ для цѣлой царской фамиліи, вѣроятно, династіи Сифаксъ. Само собой разумѣется, арабы, въ поискахъ кладовъ, не разъ разрывали «Могилу Христіанки», но безъ успѣха: какъ сообщается легенда, копатели были каждый разъ обращаемы въ бѣгство легіонами комаровъ, тотчасъ же поднимавшимися съ озера Галула. Это озеро, или вѣрнѣ болото, занимающее впадину Митиджи у подошвы холма «Гробницы», недавно было осушено; но въ дождливые годы, каковъ бытъ, напримѣръ, 1884-й, стоячія воды снова наполняютъ низины, въ ущербъ земледѣлію и народному здравію.

Общины Сахеля и Митиджи, съ населеніемъ свыше 3.000 душъ въ 1881 г.: Алжиръ (1896 г.)—92.120 жит.; Бліда (1896 г.)—25.283 ж.; Буфарикъ (1891 г.)—8.064 ж.; Фондукъ—7.035 ж.; Ровиго—6.173 ж.; Арба—5.960 ж.; Колеа—5.439 ж.; Маренго—4.000 ж.; Музайи-виль—3.873 ж.; Дуэра—3.492 ж.; Сума—3.477 ж.; Альма—3.430 ж.; Шерага—3.196 ж.; Риве—3.165 ж.; Мезонъ-Карре—3.031 жит.

На западной оконечности Митиджи, въ циркѣ холмовъ, имѣющимъ форму залива, расположено красивое мѣстечко Маренго, окруженное виноградниками: это одинъ изъ главныхъ рынковъ равнинны, одинъ изъ самыхъ цвѣтушихъ центровъ земледѣльческой культуры. Городскіе фонтаны и оросительные канавки садовъ пытаются искусственнымъ озеромъ уѣза Мэрѣдъ, образованымъ въ 10 километрѣ выше Маренго посредствомъ запруды, которая задерживаетъ около 2 миллионовъ кубич. метровъ воды, пропуская 200 метровъ въ секунду. Ниже Маренго, уѣздъ Мэрѣдъ, соединяясь съ уѣздомъ Буркика, вступаетъ, подъ именемъ Надора, въ ущелье, надъ которымъ господствуютъ кручи Шенуа, и по выходѣ изъ горъ изливается въ море, близъ небольшаго порта Типаза, наследника римскаго города, частю затонувшаго, либо вслѣдствіе осыданія почвы, либо по причинѣ мѣстнаго размыванія береговъ¹). Буркика пріобрѣла печальную известность, какъ мѣсто ссылки: нигдѣ не погибло больше ссыльныхъ въ первые годы имперіи; идти въ Буркику значило идти на вѣрную смерть²). Настоящее имя рѣки, называемой въ официальной французской номенклатурѣ «уѣздъ-Мерадъ», есть, вѣроятно, уѣздъ эль-Мердъ, «рѣка Болѣзни»³).

Массивъ Дахра, ограничиваемый на югѣ до-

¹) Lambert, рукописные замѣтки.

²) O. Ranc, „Une évasion de Lambèse.“

³) Lambert, рукописные замѣтки.

линой Шелифа и соединенный съ остальной частью гористой Алжиріи только невысокимъ порогомъ, внизу которого проходитъ желѣзная дорога изъ Алжира въ Оранъ, заключаетъ всего четыре города, изъ которыхъ три расположены на окружности массива—Шершель и Тенесь на берегу моря, Милана—на высокомъ мысѣ, господствующемъ надъ долиной Шелифа. Деревень, основанныхъ французами, тоже очень мало, чтѣ объясняется бесплодiemъ почвы и недостаткомъ воды.

Шершель, построенный на западной сторонѣ массива Шенуа—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Алжиріи. Дважды восстановленный—въ первый разъ андалузскими маврами, во второй французами,—онъ появляется уже въ первыя времена истории подъ пуническимъ именемъ Йолъ; но начало его славы и процветанія относится къ римской эпохѣ, когда Юба Младшій сдѣлалъ его столицей своего царства и даль ему название Caesarea, которое онъ сохранилъ до настоящей минуты, хотя сильно измѣненное временемъ. Эта «блестательнѣйшая колонія кесарійская» оставила по себѣ многочисленные памятники, между прочимъ, термы, гдѣ нашли прекрасную статую, «Венеру Шершельскую», перевезенную въ музей Алжира, и многія другія замѣчательныя изваянія. Въ 1840 году, когда на развалинахъ выстроился французский городъ, существовалъ еще ипподромъ, вполнѣ сохранившійся, который теперь представляетъ простое углубление почвы¹⁾; театръ разрабатывается какъ каменоломня. Между двумя колоннами, на южной дорогѣ, видны величественные остатки водопровода съ тремя рядами аркадъ, доставлявшаго воду въ обширныя цистерны: это единственное сооруженіе римской Цезареи, которое было реставрировано. Шершель тоже имѣть маленькій музей древностей, который помѣщается на дворѣ, подъ открытымъ небомъ; самый интересный предметъ въ этой коллекціи—фрагментъ египетской статуи. Портъ, простирающимъ около 2 гектаровъ, состоить изъ маленькой кругообразной бухты, защищенной отъ сѣверо-западныхъ вѣтровъ островкомъ Жуанвиль, но онъ открытъ сѣвернымъ вѣтрамъ, очень опаснымъ на этомъ берегу, и въ дурную погоду недоступенъ, по причинѣ большихъ волнъ на морѣ, преграждающихъ входъ; когда вѣтры благопріятны, онъ принимаетъ около сорока мелкихъ судовъ, для крупныхъ же глубина воды (отъ 3 до 4 метр.) недостаточна. Бассейнъ этотъ есть нечто иное, какъ древне-римская гавань: при очисткѣ его, въ 1843 году, въ тинѣ нашли судно, можетъ-быть, римское, въ которомъ всѣ члены были скрѣплены деревянными болтами и гвоздями. Окрестныя горы заняты берберскимъ племенемъ

бени-менассерь, говорящимъ арабскимъ языкомъ, которое въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ съ ожесточеніемъ защищалось отъ французовъ.

Къ западу отъ Шершеля, мѣстечко Нови, земледѣльческая колонія 1848 года, обогащается эксплоатацией ломокъ лавы, порфира и гранита. Далѣе встрѣчаемъ новое мѣстечко Гурдай, которое обязано своимъ основаніемъ обилию мѣдной и желѣзной руды въ сосѣднихъ горахъ. Въ нѣсколькихъ километрахъ къ западу отъ Гурдай, на плато Сиди-Брагимъ, которое раздѣляетъ двѣ бухточки, довольно хорошо защищенныя отъ вѣтровъ и самая удобная на томъ берегу для пристанища судовъ, находился древній *oppidum* Гуругу, представлявший гораздо болѣе выгодныя условія для устройства порта и расположенный близъ устья уѣза Дахмусъ, который даетъ легкій доступъ во внутреннія долины¹⁾. Сосѣдство рудниковъ—вотъ одна изъ причинъ относительной важности, которую приобрѣлъ городъ Тенесь, основанный какъ разъ посерединѣ берега Дахры, между Типазой и Мостаганемомъ. Деревня Монтенотъ, въ 6 километрахъ выше города, въ долинѣ уѣза Аллала, есть главный центръ горнаго округа, гдѣ разрабатываются залежи желѣзной руды и жилы мѣди, свинца, серебра. Тенесь, наследникъ римского *Carteia* или *Car Tene*, то-есть «Мысъ Тенесъ» по-берберски (на западныхъ берегахъ Алжиріи слово «Карь» употребляется въ томъ же значеніи, какъ на восточныхъ слово «Русь» (*Rusicada*, *Rusurgicus*), именно въ смыслѣ высокаго мыса)²⁾, состоить изъ двухъ городовъ: Старого Тенеса, вѣроятно, занимающаго мѣстоположеніе финикийской колоніи, и собственно Тенеса, построеннаго въ верстѣ ниже, при устьѣ уѣза Аллала; римскихъ развалинъ здѣсь не осталось, но существуютъ еще обширныя подземелья, утилизируемые теперь какъ кладовыя и погреба: это французскій городъ, занятый тринацать лѣтъ спустя послѣ завоеванія Алжира. Весьма вѣроятно, что первая колонія Тенеса, хотя лежащая теперь внутри материка, была основана на берегу моря, и что яланы Аллалы, намывы морскаго песка и, можетъ-быть, также поднятіе почвы приготовили мѣсто, на которомъ стоитъ новый городъ. Аллювіальное происхожденіе мѣстности объясняетъ отчасти обидную поговорку, охотно повторяемую въ соперничавшихъ городахъ: «Тенесь—городъ, построенный на навозѣ; вода въ немъ—кровь, воздухъ—ядъ». Тенесь, приморскій складочный пунктъ всей области Дахра, связанный съ остальной Алжиріей пока только грунтовыми дорогами; желѣзный путь, соответствій соединить его съ станціей Орлеан-

¹⁾ Cat., „Bulletin de Correspondance Africaine, mai et juin 1892.“

²⁾ Carette, „Etudes sur la Kabylie proprement dite“.

¹⁾ Playfair, „In the footsteps of Bruce“.

виль, еще не начать постройкой. Портъ, находящійся къ сѣверо-востоку оть города и прикрытый рифами, которые при помощи жете соединены съ берегомъ, представляетъ бассейнъ пространствомъ въ 24 гектара, гдѣ суда находять беззапасное пристанище; но доступъ къ нему не при всѣхъ вѣтрахъ удобенъ, и когда бура вздымааетъ большія волны, корабли предпочитають держаться въ открытомъ морѣ, опасаясь быть панесенными на моль порта.

На всемъ побережье, длиной около ста верстъ, которое простирается къ юго-западу оть Тенеса до устья Шелифа, лѣтъ французскихъ городовъ или деревень, да и внутри материка колонисты пока еще сгруппировались лишь въ небольшія поселенія, изъ которыхъ

вокругъ дуаровъ свидѣтельствуетъ о берберской крови обитателей; нѣкоторыя долины сплошь покрыты зеленою маслинъ и смоковницъ; когда урожай обильный, часть плодовъ вывозится, отправляемая на маленькихъ баланселахъ (неаполитанское одномачтовое судно, съ латинскимъ парусомъ), которая стоять на якорѣ въ бухточкахъ прибрежья. Маленький городокъ, нѣкогда берберскій, затѣмъ кулуглійскій, Мазуна, занимаетъ въ центрѣ Дахры прелестную долину, обильно орошающую живыми водами, спускающимися къ Шелифу: во время борьбы между арабами и французами онъ всегда сохранялъ нейтралитетъ, и строгому соблюдению мира обязалъ своей административной автономіей¹⁾; французы не поселились въ

Могила христіанки.

самоѣ значительное—Кассенъ, административный центръ общины, занимающей пространство слишкомъ въ 1.500 километровъ, но населенной почти исключительно туземцами. Жители Дахры по большей части берберского происхожденія, и даже нѣкоторыя племена, какъ, напримѣръ, зериффа и ашаша, живущія въ сосѣдствѣ морскаго берега, на западѣ оть Тенеса, до недавняго времени говорили нарѣчіемъ, родственнымъ діалекту кабиловъ; другія же племена давно уже приняли языкъ побѣдителей. Арабскіе нравы преобладаютъ, такъ какъ жизнь въ шатрахъ составляетъ здѣсь общее правило; только чисто-берберскіе народцы обитаютъ въ домахъ; въ промежуточномъ поясѣ мужчины проводятъ время въ палатахъ, подобно арабамъ, но женщины своихъ держать въ сосѣднихъ жилищахъ подъ кровомъ и замкомъ. Большое число деревьевъ

немъ. Въ Мазунѣ родился Могамедъ-бенъ-Али-эс-Сенуси, основатель могущественнаго ордена, горячо проповѣдующаго возвращеніе къ первоначальной чистотѣ мусульманскаго догматы и ненависть къ христіанамъ и туркамъ; на скалѣ виднѣется знаменитая кубба и зауяя, бывшая колыбелью новаго ордена; теперь этотъ монастырь стоитъ въ запустѣніи²⁾). Къ западу оть Мазуны, холмъ Некмаріа увѣличанъ старымъ борджемъ, подъ которымъ, въ боку горы, открываются украшенные великколѣпными старакитами гроты печальной памяти, гдѣ генераль Пелисье, въ 1845 году, приказалъ выкупить укрывшееся тамъ племя уледъ-риахъ. По разсказамъ нѣсколькихъ оставшихся въ

¹⁾ Bourdon, „Bulletin de la Société de Géographie“, juin 1872.

²⁾ Daveyrier, „Bulletin de la Société de Géographie“, 1884.

живыхъ членовъ этого племени, въ пещерѣ было тогда 1.150 человѣкъ¹).

Главные полноправныя общины Дахры, съ цифрой ихъ населенія въ 1881 году: Гурайя—23 865 жит. (изъ нихъ 236 европейц.); Шершель—7.785 жит. (изъ нихъ 2.174 европейц.); Тенесъ—4.744 жит. (изъ нихъ 1.643 европейц.); Ментенотъ—3.336 жит. (изъ нихъ 291 европейц.).

Совершивъ половину своего пути и принявъ свой главный притокъ, Нахръ-Уассель, «образующійся изъ семидесяти источниковъ», Шелифъ выходитъ изъ области плоскогорій, чтобы вступить въ ущелья Атласа и достигнуть продольной долины, отдѣляющей Дахру отъ массива Уарсенисъ. При входѣ въ горный проходъ, первое населенное мѣсто, встрѣчаемое путешественникомъ, стоять на мысѣ праваго берега, на высотѣ 200 метровъ надъ рѣкой, которая въ этомъ мѣстѣ лежитъ на 450 метровъ выше уровня моря. Это—деревня Богари (Букрари), будущая станція желѣзной дороги изъ Алжира въ Лагуатъ. На вершинѣ холма избиты, посредники въ торговлѣ между Теллемъ и Сахарой, построили «каспъ», въ одно и то же время крѣпость и складочный магазинъ, у подножія которого собирается рынокъ: невозможно было выбрать болѣе удобное сборное мѣсто на рубежѣ двухъ естественныхъ областей; отсюда вывозится лучшая шерсть, какую производить плоскогорье²); здѣсь же складъ альфы и зерновыхъ хлѣбовъ. Къ сѣверо-западу отъ этого рынка, на болѣе высокомъ выступѣ горы (970 метровъ), расположены укрѣпленный лагерь Богарь или Бугарь,—т. е. «Гrottъ»,—который былъ построенъ въ 1838 г., по приказанію Абдель-Кадера, и которымъ французы овладѣли въ 1841 г., чтобы командовать ущельями Шелифа и преградить входъ враждебнымъ племенамъ юга. Съ высоты цитадели, прозванной «южнымъ балкономъ», открывается обширный видъ на южныя степи, первый кусокъ пустыни, отдѣляемый Джебель-Амуромъ отъ беспредѣльныхъ пространствъ Сахары.

Медеа (у арабовъ Мидіа или Лемдіа) занимаетъ, на покатости Шелифа, одну изъ высшихъ точекъ горнаго массива, господствующаго съ юга надъ равниной Митиджа; она построена на высотѣ 920 метровъ, близъ южнаго основанія горы Надоръ (1.062 метра), «обсерваторія», откуда можно обозрѣвать вершины всѣхъ окружающихъ массивовъ, отъ Уарсениса до Джурджуры. Медеа, прежде главный городъ бѣлыка Титтери, была театромъ самой ожесточенной борьбы въ первое время завоеванія, и никогда во всей Алжирѣ не легло такъ много французовъ, какъ въ знаменитомъ горномъ

¹: Boardon, „Bulletin de la Société de Géographie“, juin 1884.

²: Paul Soleillet, „L'Algérie“;—Mass;—Tildike.

проходѣ Теніетъ (Tenia), посредствомъ котораго городъ сообщается съ Митиджей; занятая французскимъ войскомъ въ 1840 г., Медеа окончательно вышла изъ осаднаго положенія только въ слѣдующемъ году. Теперь это чисто-французскій городъ по внѣшнему виду и большинству населенія; единственное, что въ немъ есть замѣчательнаго,—это водопроводъ, состоящий изъ двойнаго ряда арокъ, перекинутаго черезъ оврагъ: отъ римскаго города, замѣненнаго городомъ арабовъ и французовъ, остались лишь незначительные обломки. Скаты холмовъ, которые переходятъ за предѣлы пояса оливковыхъ деревьевъ, покрыты виноградниками, продукты которыхъ (вины) уже пользуются известностью; спаржа изъ Медеи соперничаетъ на парижскомъ рынке съ аржантейльской; шпеница ея тоже отличается превосходнымъ качествомъ. Медеа занимаетъ слишкомъ возвышенное положеніе, чтобы могла сдѣлаться станцией будущей желѣзной дороги изъ Алжира въ Лагуатъ; дорога эта пройдетъ восточнѣе, недалеко отъ Даміетты и Бенъ-Шикао, деревни, славящіеся своей образцовой овчарней.

Усиленный ручьями, вытекающими изъ горъ Медеи и Джандель, Шелифъ омываетъ холмъ, на которомъ расположена Амура, то-есть «Счастливая», наслѣдница римскаго и берберскаго города Суфасаръ, затѣмъ изгибаются къ западу и вступаютъ, наконецъ, близъ Лаваранды, въ широкую равнину, черезъ которую проходитъ желѣзная дорога изъ Алжира въ Оранъ. Эта область—одинъ изъ жизненныхъ пунктовъ Алжирія, благодаря встрѣчѣ двухъ важныхъ географическихъ путей: съ одной стороны—средней долины Шелифа, открывающей легкій доступъ къ плоскогорьямъ, съ другой—большой продольной долины, образующей проходъ между горами Уарсениса и холмами Дахры. На высотахъ, господствующихъ надъ точкой схожденія дорогъ, расположена деревня Аинъ-Султанъ, окруженнага обширными виноградниками, гдѣ работаютъ по большей части выходцы изъ Эльзаса. На сѣверѣ этого мыса находится большое село Аффервиль, одна изъ важнѣшихъ по торговлѣ станцій желѣзного пути; между жителями много переселенцевъ изъ города Миліана, построенного сѣвернѣе, на ровной, почти горизонтальной террасѣ скалы Заккаръ-эль-Гарби. Эта скала, высота которой 740 метровъ, съ двухъ сторонъ, на югъ и востокъ, оканчивается крутыми обрывами, стоя на краю которыхъ видишь у себя подъ ногами широкую бухту зелени, оживляемую журчаніемъ воды Бутана, которая льется пѣнищимися скатертиами съ плато Миліана и своими каскадами приводить въ движение колеса маленькихъ мельницъ. Ручей, берущій начало на самой террасѣ города, даетъ въ периодъ мелководья около 300 куб. метровъ въ секунду; инженеры предлагали провести въ Алжиръ чистыя

воды, вытекающая изъ склоновъ горы Заккаръ-эль-Гарби. Хотя построенная на скалѣ, Милана почти совсѣмъ закрыта густыми вѣтвями высокихъ платановъ, которыми обсажены эспланады городской ограды и боковыхъ аллеи главнаго бульвара; съ края террасы открывается великолѣпный видъ на обширный полуокругъ синеватыхъ горъ до остроконечныхъ пиковъ Уарсениса. Нынѣшній городъ по виности совершенно французскій: никакихъ развалинъ римской Малланы не сохранилось, уцѣлѣли только кое-какіе остатки арабскихъ построекъ; впрочемъ, на главной площади существуетъ еще старый минаретъ, весь обросший плющемъ и служащий башней для городскихъ часовъ. Занятая въ 1840 году французскимъ войскомъ, Милана была изъ всѣхъ алжирскихъ крѣпостей самымъ гибельнымъ для гарнизона мѣстомъ; когда осада, продолжавшаяся шестнадцать мѣсяцевъ, была снята, изъ 1.200 солдатъ осталось въ живыхъ не болѣе сотни; семьсотъ человѣкъ умерли отъ лихорадки, лишеній или истощенія; живые дотого ослабѣли, что не въ состояніи были хоронить умершихъ. Въ окрестностяхъ разсѣяно много фермъ, и нѣкоторыя изъ нихъ окружены виноградниками, производящими высоко цѣнныя вина.

Въ горахъ, стоящихъ противъ Миланы, по другую сторону Шелифа, другой городъ, менѣе важный, защищаетъ восточные массивы Уарсениса; это — Теніетъ-аль-Гадъ, или «Воскресный проходъ», названный такъ потому, что еженедѣльный рынокъ бываетъ тамъ по воскресеньямъ; высота порога, надъ которымъ господствуетъ это мѣстечко, около 1.145 метр. Арабы тамъ, относительно, многочисленнѣе, чѣмъ въ Миланѣ; въ окрестностяхъ маленькая колонія негровъ занимаетъ двѣ группы хижинъ, называемыя «Томбукутъ», Верхнее и Нижнее. «Воскресный проходъ» славится въ мірѣ ботаниковъ и путешественниковъ своими великколѣпными дубовыми и кедровыми лѣсами, которые покрываютъ оба склона джебеля Эндаръ; въ лѣсу бываютъ изъ земли очень богатые желѣзистые ключи. Къ югу отъ Тиарета простирается плоскогорье Серсу, нѣкогда покрытое лѣсомъ и обильно орошающее источники, а нынѣ голое, лишенное растительности и изрѣзанное оврагами, въ которыхъ текутъ дикия воды, дѣйствующія разрушительно, вмѣсто того, чтобы приносить плодородіе¹⁾). Серсу — одна изъ мѣстностей Алжиріи, особенно изобилующихъ доисторическими могилками, оградами, памятниками, сложенными камнями; одинъ древній городъ, верстахъ въ сорока къ юго-западу отъ Теніета, занимаетъ болѣе обширное пространство, чѣмъ нынѣшняя столица страны. Между странными памятниками этой области самые

любопытные — это ряды камней, такъ расположенныхъ, что совокупность ихъ представляетъ фигуру огромной ящерицы въ 80 метровъ длиной. Такимъ образомъ мы находимъ и въ Старомъ Свѣтѣ примѣръ тѣхъ символическихъ памятниковъ, которыми *monolith-builders* въ Огайо любили украшать равнинны²⁾.

Къ западу отъ Аффервиля и Лаваранды многолюдныя селенія слѣдуютъ одно за другимъ въ долинѣ Шелифа. Послѣ Дюперре показывается Сенъ-Сириенъ (*Saint-Cyprien des Attaf*), гдѣ можно видѣть единственное въ своемъ родѣ зѣльище общины арабовъ, обращенныхъ въ католическую вѣру; правда, что это все сироты, подобранные во времена голода 1867 г. и остававшіеся безъ сношеній со своими единоплеменниками. Далѣе желѣзная дорога проходитъ черезъ Уэдъ-Фодда, лежащий на уѣздѣ того же имени, спускающемся изъ цирковъ на бокахъ Уарсениса. Ниже, воды Шелифа, задерживаемыя запрудой, изливаются по сторонамъ въ ирригационные каналы, разносящіе плодородіе по полямъ. Верстахъ въ пятнадцати ниже по рѣкѣ основанъ въ 1843 году главный городъ нижней долины Шелифа, Орлеансвиль, построенный на мѣстѣ, извѣстномъ у арабовъ подъ именемъ эль-Аснамъ, то есть «Колонны» или «Идолы»²); тутъ дѣйствительно стояла нѣкогда церковь римского *oppidum Tingitani*, сооруженіе которой, судя по одной надписи, относится къ четвертому столѣтію: теперь отъ храма остались только склепъ да мозаичный полъ. Какъ административный и военный центръ и какъ промежуточный этапъ между Алжиромъ и Ораномъ, Орлеансвиль пріобрѣлъ нѣкоторую важность въ торговомъ отношеніи, которая съ проведениемъ желѣзной дороги, направленной къ порту Тенесу, должна еще болѣе возрасти; но невыносимыя жары лѣтомъ, яростные вѣтры зимой дѣлаютъ пребываніе въ этомъ городѣ не особенно пріятнымъ для европейцевъ. Хорошо еще, что въ окрестностяхъ есть сосновый и рожковый лѣсъ (около сотни гектаровъ), гдѣ прогуливающіеся находять хоть немнога тѣни. Въ сосѣствѣ, близъ деревни Малаховъ Курганъ, разстилаются, по берегамъ уѣза Сли, вытекающаго изъ горъ Уарсениса, обширныя степи, гдѣ предполагаютъ основать птичий дворъ для содержанія и разведенія страусовъ.

Большое мѣстечко Инкерманъ расположилось при сліянії Шелифа и уѣза Риу, который передъ тѣмъ протекаетъ черезъ территорію общины Амми-Муса, гдѣ живутъ еще чистокровные берберы, бени-урагъ, сохранившіе нравы и учрежденія, подобные тѣмъ, какіе мы видимъ у кабиловъ Джурджуры. Другая община, Земора (Землеура, или «Оливковая роща»),

¹⁾ Trolard, „Ligue du Reboisement“; — R. de la Blanchemere, etc.

²⁾ Letourneux; — Mac-Carthy.

³⁾ Lambert, рукописная замѣтка.

занимаетъ большую часть массива, который ограниченъ на западѣ течениемъ Мины, берущей начало на высокихъ плато, и на которомъ живутъ жалкие остатки большаго союза племенъ флитта или флита, почти истребленнаго войной съ французами и голодомъ. Тиаретъ (Тигареть, Тигерть), т. е. «Резиденція» по-берберски, командауетъ всей этой областью съ высоты террасы (1.083 метра) горы Геззуль. Въ 1843 г. онъ смѣнилъ, какъ господствующій пунктъ окрестной страны, Такдемтъ или «Новый Тиаретъ», орлиное гнѣздо, которое Абдель-Кадерь избралъ въ 1836 г. центральной цитаделью своего царства, и которое было разрушено французами въ 1841 г. Мѣстные жители не говорятъ уже старымъ берберскимъ нарѣчіемъ: оно сохранилось только въ названіяхъ мѣсть, смыслъ которыхъ непонятенъ туземцамъ. Къ юго-западу отъ двухъ Тиаретовъ, въ томъ же верхнемъ бассейнѣ Минь, находится другой городъ берберскаго происхожденія, Френда, лежащий на высотѣ 1.031 метровъ, въ сосѣдствѣ обширныхъ лѣсовъ зеленаго дуба, туи и алепской сосвы. На востокѣ отъ Френды, близъ источниковъ, называемыхъ Расть-эль-Мина или «Голова Минь», на трехъ сѣверныхъ отрогахъ джебеля-эль Ахдаръ или «Зеленой Горы», высятся «джедары», массивныя постройки, бывшія мавзолеями, какъ «Гробница Христіанки», и представляющія, вѣроятно, простую копію этого надгробнаго памятника: это четыреугольныя призмы, высотой около 18 метровъ, оканчивающіяся въ верхней части пирамидами со ступеньками ¹⁾). На сосѣднихъ скалахъ видны до-историческая изваянія: желобки и ямки, выдолбленные въ камнѣ, заставляютъ думать, что одна изъ этихъ скалъ служила жертвеникомъ. Нѣкоторые изъ сосѣднихъ долменовъ поражаютъ колоссальностью размѣровъ: по словамъ путешественника Томассини, одинъ изъ этихъ камней имѣть 45 метровъ (21 сажень) въ длину. Бернаръ, цитируемый Фергюсономъ, говоритъ, что верхняя плита памятника имѣть 20 метровъ длины, при 8 метрахъ ширины и 3 метрахъ вышины ²⁾).

Железная дорога, уже начатая постройкой, соединить Тиаретъ съ Мостаганемомъ черезъ долину рѣки Мины. Она пройдетъ черезъ деревню Фортасса, пересѣтъ рельсовый путь изъ долины Шелифа въ Релизану, затѣмъ, перейда Мину ниже сланія ея съ узомъ Гиллиль, обогнеть массивъ холмовъ, чтобы идти вдоль основания плато Айвъ-Гедлесь, гдѣ уже начинается городской округъ Мостаганема. Недалеко оттуда находится значительное селеніе Понть-дю-Шелифъ («Мостъ на Шелифѣ»),

названное такъ отъ путевода, который турки построили руками испанскихъ невольниковъ, и который былъ реставрированъ французами. Несколько другихъ деревень, Айнъ-Бу-Динаръ, Туми, Пелисье, слѣдуютъ одна за другой на дорогѣ въ Мостаганемъ.

Этот древний городъ лежитъ не на самолѣ берегу моря; онъ построенъ на высотѣ около ста метровъ, на утесѣ, который оврагомъ Аинъ-Сефа, гдѣ течетъ постоянный ручей, раздѣленъ на двѣ части: на востокѣ — военный городъ, или Матаморъ, названный такъ отъ матмурсъ, или силосовъ, въ которыхъ турки хранили зерновые хлѣба; на западѣ — собственно Мостаганемъ, почти совершенно перестроенный на европейскій ладъ. Впрочемъ, большинство населенія состоитъ изъ французовъ и другихъ переселенцевъ изъ Европы; старая семейства мавровъ, пропорционально болѣе многочисленныя, чѣмъ въ Оранѣ, уменьшаются съ каждымъ годомъ. Въ шестнадцатомъ столѣтіи, при Хейръ-Эддинѣ, Мостаганемъ былъ однимъ изъ главныхъ городовъ Алжиріи; до постройки желѣзной дороги изъ Алжира въ Оранъ, изъ немъ сосредоточивалась торговля долины Шелифа; съ проведениемъ же этой линіи онъ снизошелъ на степень второстепенного города: плодородіе окружающей мѣстности и выгодное положеніе у выхода главной рѣчной долины Алжиріи были недостаточны, чтобы снова сдѣлать Мостаганемъ однимъ изъ торговыхъ центровъ; нынѣ онъ соединенъ желѣзодорожной вѣтвью съ общей алжирской сѣтью. Особенно нуженъ ему хороший портъ; пока онъ имѣеть только морскую пристань (*marine*), мало защищенную отъ вѣтровъ, и рейдъ, гдѣ часто бушуютъ волны въ бурную погоду; но теперь уже занялись устройствомъ моловъ.

Движеніе судоходства въ Мостаганемскомъ портѣ въ 1883 году:

Въ приходѣ—137 судовъ, вмѣстимостью въ 61.026 тоннъ; въ отходѣ—161 судно въ 63.168 тоннъ; всего, вмѣсть съ каботажемъ—458 судовъ, въ 198.196 тоннъ.

Къ югу и западу отъ Мостаганема разсѣяны многочисленныя деревни; самая многолюдная изъ нихъ—Мазагранъ, прославленная геройскими сопротивлѣніемъ ея маленькаго французскаго гарнизона, въ 1840 году; находившееся тамъ ранѣе арабское населеніе было переведено Абдель-Кадеромъ въ его резиденцію Такдемтъ^{1).} Долина Садовъ, орошаемая источниками Аинъ-Сефра, образуетъ поясъ зелени вокругъ Мазаграна и Мостаганема; между этими двумя общинами находится конскій заводъ и скаковое поле.

Главные общины бассейна Шелифа, съ цифровой населенія въ 1881 году:

Алжирскій департаментъ: Медеа (1891 г.)—

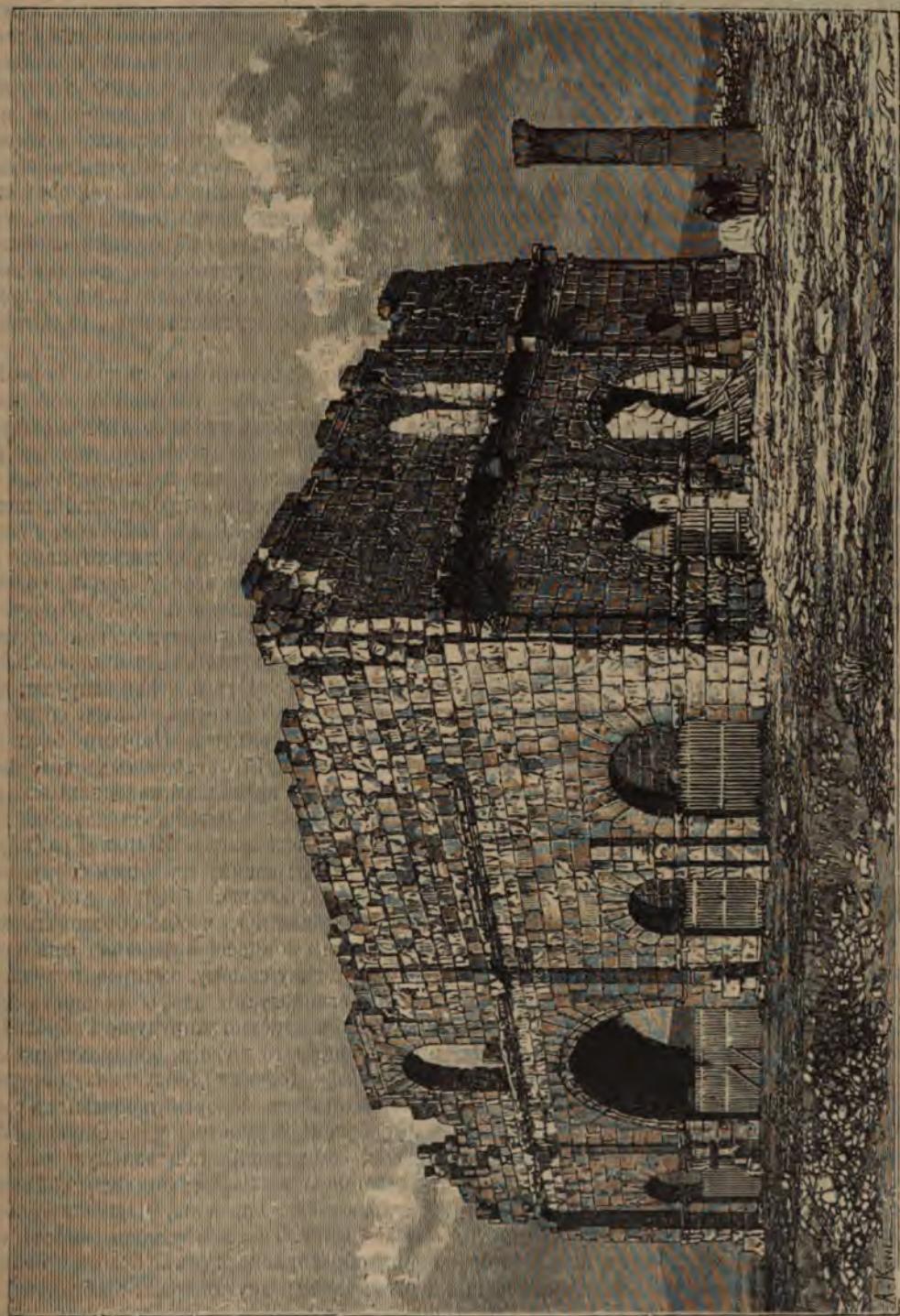
¹⁾ Bordier;—Picavet;—Berbrugger;—R. de la Blanchère, "Voyage d'étude dans une partie de la Maurétanie Césarienne".

¹⁾ Broca, "Bulletin de la Société d'Anthropologie de Paris", 1875.

⁴⁾ Baude, "L'Algérie".

15.563 ж. (1787 франц.); Орлеанвиль (1891 г.)—
11.132 жит. (1.764 франц.); Милана (1891 г.)—
7.406 жит. (1.058 франц.); Дюперре—3.710 ж.;
Тениет-эль-Гадъз.—342 жит.; Сент-Сирпен—

5.302 жит.; Пон-дю-Шелиф—3.563 жит.;
Абукирь—2.698 жит.
Бассейнъ Макты, впадающей въ Арзевскій
заливъ, верстахъ въ тридцати къ юго-западу

Развалины претории въ Ламбезъ.

3.084 жит.; Аффревиль—2.666 жит.; Богаръ—
2.501 жит. Богари—2.110 жит.

Оранскій департ.: Мостаганемъ (1891 г.)—
14.374 жит. (3.200 франц.); Релизана —

отъ Мостаганема, заключаетъ въ себѣ, пропор-
ционально, большие важныхъ городовъ, чѣмъ
бассейнъ Шелифа. Около истоковъ главной
рѣки, которая, подъ разными именами, продол-

жается до Макты, новый городъ Саида, т. е. «Счастливая», основанный въ 1854 г., построенъ на высотѣ 868 метровъ у подошвы холмовъ, ограничивающихъ на съверѣ область плоскогорій. Арабскій городъ, теперь разрушенный, занималъ, въ 2 километрахъ оттуда, террасу съ крутымъ скатомъ на берегу уэда Саида. Своимъ важнымъ значеніемъ городъ Саида обязанъ счастливому географическому положенію между двухъ естественныхъ областей, и особенно тому, что онъ служитъ складочнымъ мѣстомъ для альфы, собираемой на сосѣднихъ плато: почти европейскій климатъ позволяетъ культивировать въ окружающей мѣстности плодовыя деревья и овощи умѣренной Европы. Саида—центральная станція желѣзной дороги, которая изъ города Арзе поднимается на плоскогорья, переходить гребень, на высотѣ 1.170 метр., черезъ переваль Тифарауа, высшую точку линіи, и вступаетъ въ южныя пустыни, гдѣ продолжается за шотты. Въ 10 километрахъ къ югу отъ Саиды, но уже на 130 метр. выше, на окраинѣ альфового моря, расположено большое промышленное мѣстечко Аннъ-эль-Гаджаръ, гдѣ находятся склады концессіонерной компаніи и паровая мастерская для прессования волоконъ альфы; населеніе этого городка состоитъ исключительно изъ испанцевъ. Скалы въ окрестностяхъ Саиды, на первыхъ вѣнчихъ ступеняхъ плоскогорья, изрыты многочисленными гротами, гдѣ текутъ живыя воды. Одинъ изъ обильныхъ ручьевъ, Аннъ-Назерегъ, былъ прослѣженъ въ части его подземного теченія: онъ проходить по дну воронки, образованной вслѣдствіе провала верхняго слоя почвы и называемой «Голубиной пещерой», затѣмъ разливается озеромъ въ обширномъ гротѣ и выходитъ на свѣтъ Божій, чтобы снова исчезнуть подъ землей въ 1.500 метр. ниже¹⁾.

Маскара, одинъ изъ уѣздныхъ административныхъ центровъ Оранской провинціи, расположенный на южной террасѣ горы Бени-Шугранъ, изрѣзанной глубокими оврагами, стоитъ слишкомъ высоко (588 метр.), чтобы желѣзная дорога изъ Саиды въ Арзе могла учредить тамъ свою станцію; но онъ соединенъ особой вѣтвью со станціей Тизи, лежащей на юго-западѣ, на западной оконечности большой равнинѣ Эгрисъ. Маскара, или «Постоянный лагерь», еще сохранила свой военный видъ: это была столица царства Абдель-Кадера. Племя хашемъ, къ которому принадлежалъ эмиръ, занимаетъ еще страну, и читая народомъ кубба его отца, Сиди-Маги-Эддина, стоитъ на юго-востокѣ, въ деревнѣ Кагіеру. Какъ центръ торговли и земледѣлія, Маскара—очень дѣятельный городъ, и важность его должна возрастиать по мѣрѣ расширенія культуры на оро-

шаемыхъ склонахъ и въ равнинѣ Эгрисъ, второй Митиджѣ по обширности и плодородію почвы; бѣлыя вина Маскары уже пользуются извѣстностью въ Алжирѣ. Верстахъ въ двадцати къ юго-западу, на берегахъ уэда эль-Гаммамъ, или «рѣки Термъ»—мѣстное имя верхней Макты,—находится посѣщаемыя болыми водами Бу-Ганефія, которыми пользовались уже римляне подъ именемъ *Aqua Sirenes*. Въ Маскарскомъ округѣ встречаются во множествѣ доисторическіе памятники, а также палеонтологическіе остатки. Помель нашелъ тамъ скелеты атлантическаго слона (*elephas atlanticus*) и верблюдообразнаго животнаго: такимъ образомъ верблюдъ, не существовавшій въ мавританскихъ странахъ въ первыя времена писаной исторіи, составлялъ часть мѣстной фауны въ предшествовавшую геологическую эпоху²⁾.

Перрего, лежащій въ точкѣ пересѣченія желѣзныхъ дорогъ алжиро-оранской и арзесайдской, занимаетъ первое мѣсто между городами Алжирѣ по удобству сообщеній, но имѣть значеніе только какъ складочное мѣсто для земледѣльческихъ произведеній; поля его орошаются, съ 1863 г., каналами, проведенными изъ Габры, которой искусственное озеро, самое обширное во всей Алжирѣ, содержитъ иногда до 40 миллионовъ куб. метровъ воды; но эти выгоды покупаются цѣнной страшныхъ бѣдствій, происходящихъ отъ прорыва плотинъ: такъ, зимой 1881 года стѣна запруды, длиной 445, вышиной 34 метра, частію обрушилась, вся мѣстность вокругъ Перрого была мгновенно залита, и 170 несчастныхъ колонистовъ, захваченныхъ врасплохъ наводненіемъ, нашли смерть въ волнахъ потопа. За два года передъ тѣмъ путешественникъ Шарль Градъ указывалъ легкую трещину въ этомъ сооруженіи³⁾. На съверѣ, большая равнина, гдѣ Габра и Сигъ соединяются, чтобы образовать Макту, почти вся концессіонирована финансовому обществу, тому самому, которое получило монополію эксплоатации альфы на плоскогорьяхъ, и которое построило запруду на Габрѣ. Центръ этого обширнаго имѣнія, обнимающаго 24.500 гектаровъ,—деревня Дебрусвиль, окруженная виноградникомъ, который покрываетъ равнину на необозримое пространство. Опасныя болота Макты, занимающія центральную часть концессіонированныхъ франко-алжирской компаніи земель, еще не осушены.

Рѣка Сигъ, способствующая, вмѣстѣ съ Габрѣ, образованію этихъ болотъ, сопровождается, какъ и другая рѣка, въ большей части ея теченія желѣзной дорогой, которая поднимается къ плоскогорьямъ. Высшая станція

¹⁾ „Association franÃ§aise pour l'avancement des sciences“, session de Grenoble 1885.

²⁾ „Etudes de Voyage, les Travaux publiÃ©s en AlgÃ©rie“.

(1.162 метра) носить имя Рась-эль-Ма, или «Голова водъ» (официальное ея название—Бедо), потому что лежить близъ истоковъ уэда эль-Гасаиба, главной вѣтви верхняго Сига. Ниже, на высотѣ 955 метровъ, находится новое село Маджента, составляющее часть общины Дайя, военного поста, лежащаго восточнѣе, между лѣсистыми горами. Другая станція, на высотѣ 679 метр., носить официальное имя Шанзи: это — Сиди-Али-бенъ-Юбъ, поля которого частю орошаются теплымъ источникомъ; въ этомъ мѣстѣ находилась римская станція *Albulae* или *ad Albulas*, развалины которой служатъ каменоломнями колонистамъ. Затѣмъ слѣдуютъ станціи Табіа, куда будетъ проведена вѣтвь тлемсенской желѣзной дороги, и Бу-Ханефисъ, деревня, построенная ниже прорвавшейся запруды. Окрестныя горы представляютъ еще мѣстнымъ испанскимъ поселенцамъ нѣсколько пространствъ, годныхъ для эксплоатации альфы.

Сиди-бель-Аббесъ, названный такъ отъ одной куббы племени бенъ-амеръ—совсѣмъ новый городъ, несмотря на арабское имѧ. Расположенный на высотѣ 473 метр., на берегахъ Мекерры (такъ называется Сигъ въ этой части своего теченія), онъ возникъ въ 1843 г. вокругъ редута, построенного на правомъ берегу уэда. Сиди-бель-Аббесъ, административный центръ округа и часто предлагаемый какъ главный городъ будущаго департамента,— одинъ изъ прелестнѣйшихъ и самыхъ цвѣтушихъ городовъ Алжиріи: улицы его, орошае-мыя фонтанами, проведенными изъ Мекерры, осѣнены великолѣпными чинарами, а окружающія равнины, бывшія земли бени-амеровъ, покинувшихъ родной край и удалившихъся въ Марокко, усыпаны дачами и фермами. Сиди-бель-Аббесъ—одинъ изъ тѣхъ городовъ департамента, гдѣ испанцы живутъ въ наибольшемъ количествѣ: они тамъ вдвое многочисленнѣе французовъ. На сѣверо-западѣ отъ города вѣсятся кручи горы Тессала, у подошвы которыхъ расположено селеніе того же имени, состоящее изъ домиковъ, разсѣянныхъ среди воздѣланыхъ полей и садовъ.

На сѣверѣ отъ Сиди-бель-Аббеса желѣзная дорога огибаетъ невысокій порогъ массива Тассала, чтобы направиться къ Орану, тогда какъ Мекерра или Сигъ течетъ на сѣверо-востокъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка, по выходѣ изъ области горъ, вступаетъ въ равнину, расположился новый городъ, Сенъ-Дени-на-Сигѣ, окруженный цвѣтующими полями. Подобно Сиди-бель-Аббесу, Сенъ-Дени имѣеть прекрасныя прямые улицы, обсаженные тѣнистыми платанами, и каждая ферма въ окрестностяхъ окружена поясомъ зелени. Одна изъ этихъ фермъ, l'Union du Sig, когда-то возбуждала много надеждъ въ средѣ фаланстеріанцевъ, которые основали ее, въ 1846 году, на

уступленныхъ казной земляхъ, въ количествѣ слишкомъ 3.000 гектаровъ, чтобы примѣнить тамъ на практикѣ свои идеи объ ассоціаціи капитала и труда; недавно въ этомъ имѣніи учреждена сиротская земледѣльческая колонія. Такъ же, какъ Перрего, Сенъ-Дени-на-Сигѣ имѣеть свою запруду, построенную выше города, и подобно плотинѣ Габры, плотина Сига, задерживающая около 14 миллионовъ кубич. метровъ воды, не устояла подъ напоромъ жидкой массы. На сѣверо-западѣ, въ безводной и бесплодной части равнины, граничащей съ озеромъ эль-Мелаҳъ, т. е. «Солянымъ», тянется лѣсокъ, или вѣрнѣе низкій кустарникъ, называемый «лѣсомъ» Мулай-Измайлъ: въ этой трудно проходимой мѣстности происходили кровопролитныя битвы изъ-за обладанія Ораномъ.

Соединенные подъ именемъ Макты, Сигъ и Габра изливаются въ море близъ маленькой гавани, называемой «Port aux Poules» (Куриный портъ), какъ многія другія бухточки прибрежья: это наименование «Poules» не есть искашеніе слова «port», какъ оно выговаривается въ сабирѣ туземцевъ; уже Эль-Бекри упоминаетъ Марсъ-эль-Дуджаджъ¹). Впрочемъ, этотъ портъ не имѣеть никакого торгового значенія; суда бросаютъ якорь на сѣверо-западѣ, передъ городомъ Арзе. Въ этомъ мѣстѣ берегъ совершилъ защищенъ отъ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ вѣтровъ мысомъ массива Орусь. Вмѣстѣ съ Марсъ-эль-Кебиромъ и Бужи, Аравская бухта есть лучшая естественная пристань на негостепріимныхъ берегахъ Алжиріи, оттого здѣсь во всѣ времена существовалъ, или вновь возникалъ, послѣ каждой катастрофы, торговый городъ: это былъ *Portus Magnus* римлянъ. Въ послѣднее десятилѣтіе Арзе приобрѣлъ важное значеніе, какъ конечный пунктъ желѣзной дороги, которая доставляетъ ему альфу съ высокихъ плато; кроме того, онъ отправляетъ соль, хлоръ, соду и другіе продукты, собираемые или выдѣлываемые въ Соляномъ озерѣ и на заводахъ, устроенныхъ на его берегахъ: исчисляются въ два слишкомъ миллиона тоннъ количество соли, которая отлагается каждый годъ на днѣ озера, и которую лѣтомъ можно собирать лопатами. Движеніе судоходства въ портѣ Арзе въ 1883 г.: 801 судно, общая вмѣстимость 299.752 тонны. Римскія развалины встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ на берегу залива; на полдорогѣ между новымъ городомъ и «Куринымъ портомъ» онѣ были такъ многочисленны, что образовали какъ бы цѣлый городъ, которому дали имя «Старого Арзе». Теперь на мѣстѣ, гдѣ стоялъ римскій городъ, расположены двѣ деревни—Ботіуа, населенная мароккскими кабилами, и Сенъ-Ле, гдѣ европейцы составляютъ около трети населенія.

¹) Lambert, рукописная замѣтка.

Сенъ-Ле — самая многолюдная община въ окрестностяхъ Арзе; Сенъ-Клу, промежуточный этапъ между Арзе и Ораномъ, которые еще не соединены прямымъ желѣзнодорожнымъ сообщеніемъ,—тоже значительное поселеніе, окруженнное обширными виноградниками.

Оранъ—Уаранъ или Гуаранъ у арабовъ и турокъ—первый городъ Алжиріи по важности торговли, и нѣкоторое время соперничалъ даже съ столицею страны по числу жителей; вмѣстѣ съ тѣмъ это укрѣпленный пунктъ Мавританіи, исторія которого всего дольше была связана съ исторіей новой Европы. Основанный въ началѣ десятаго столѣтія андалузскими маврами, на территории одного берберского племени, Оранъ быстро выросъ, благодаря важности соѣдняющаго порта, называемаго Мерсъ-эль-Кебиръ, или «Большой Портъ», который мысомъ джебеля Сантона защищенъ отъ сѣверо-западныхъ и сѣверныхъ вѣтровъ, самыхъ опасныхъ въ этихъ водахъ. Эта драгоценная гавань, *Portus divinus* римлянъ, окаймлена крутыми утесами, у подножія которыхъ не нашлось бы достаточно мѣста для торгового города: такой городъ долженъ быть возникнуть при окончности залива, тамъ, где горы понижаются и где широкий проходъ даетъ доступъ внутрь материка: отсюда и название Уаранъ, или «Разрѣзъ», которое осталось за городомъ донынѣ въ испанской формѣ «Оранъ». Съ военной точки зренія эта брешь морского побережья тоже представляла большія выгоды: подобно Алжиру, своему западному сопернику, Оранъ опирается на уединенный горный массивъ, на рѣзко ограниченный Сахель, отдѣленный отъ остальной Алжиріи равнинами и большой лагуной; такимъ образомъ городъ защищенъ естественной крѣпостью, удешевляющей оборонительную цѣну его стѣнъ. Оттого послѣ изгнанія мавровъ изъ Испаніи, побѣдители преслѣдовали бѣжалшаго врага на африканскомъ континентѣ, и первыми завоеваніями, въ 1505 и 1509 годахъ, были портъ Мерсъ-аль-Кебиръ и крѣпость Оранъ. При благопріятномъ вѣтрѣ, военные и транспортные суда совершили переходъ отъ одного берега Средиземного моря до другаго въ одинъ, много въ два дня. Съ горъ Мурсін видны горы Мавританіи: городъ, отнятый у мавровъ, былъ, такъ сказать, постоянно на глазахъ у завоевателей.

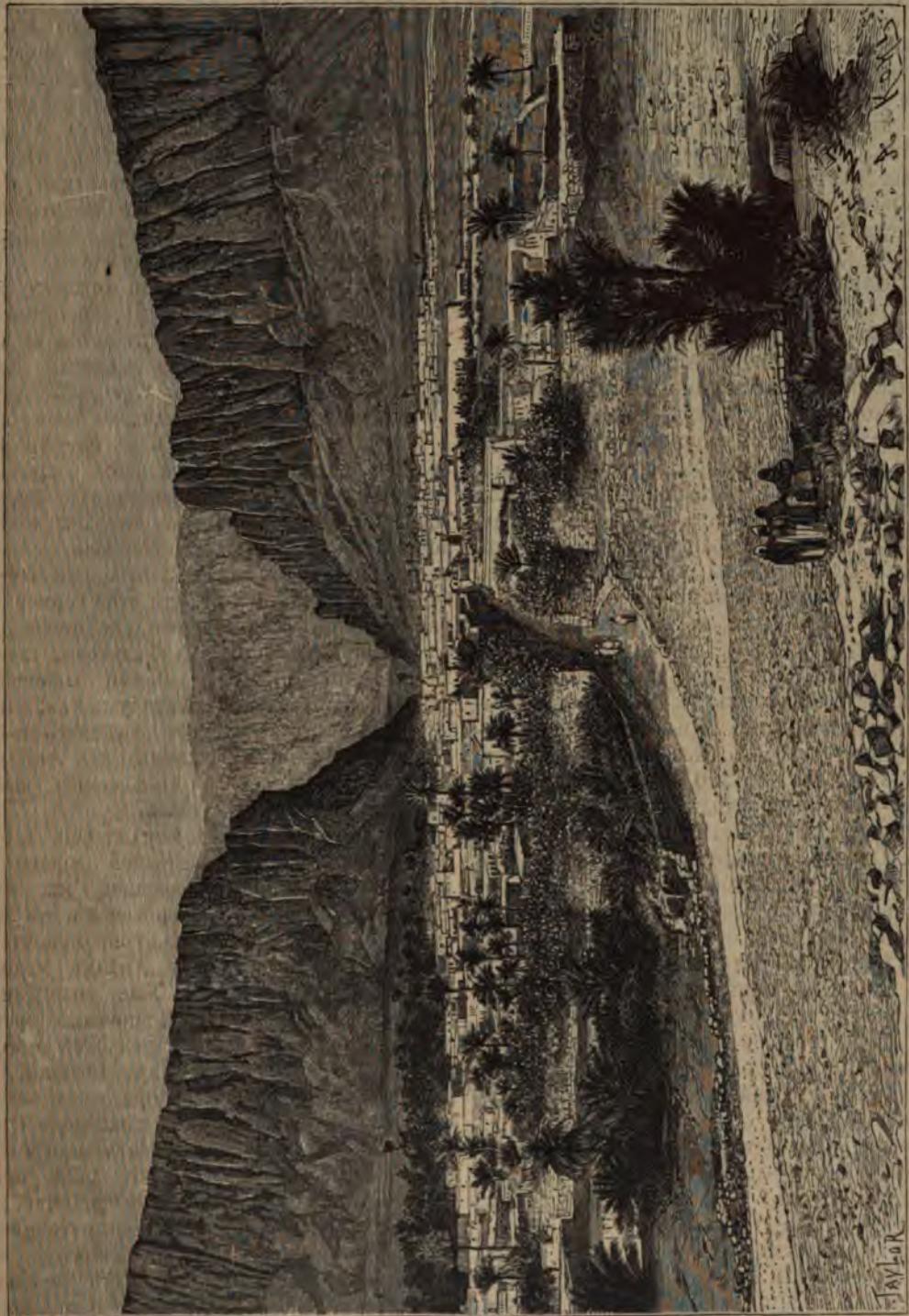
Испанцы ревниво удерживали его за собой около трехъ столѣтій, и въ продолженіе этого длиннаго периода времени туркамъ, которые неизмѣнно каждый годъ дѣлали попытки нападенія на городъ, или по крайней мѣрѣ производили набѣги на его окрестности, только разъ удалось снова овладѣть Ораномъ, который оставался въ ихъ рукахъ двадцать-четыре года, съ 1708 по 1732. Наконецъ, въ 1790 году землетрясеніе разрушило почти весь городъ, пожаръ истребилъ остатки, и со всѣхъ сторонъ

турки и арабы ринулись на развалины, чтобы выгнать оттуда испанскихъ солдатъ и ихъ союзниковъ, «наемныхъ мавровъ». Иностранцы окончательно покинули Оранъ въ 1792 году; впрочемъ, нельзѧ сказать, чтобы городъ процвѣталъ подъ ихъ господствомъ: отрѣзанный отъ внутренней части страны почти непрерывной осадой, онъ не имѣлъ никакой торговли, и мадридское правительство пользовалось имъ только, какъ мѣстомъ ссылки для придворныхъ, впавшихъ въ немилость; европейское населеніе никогда не превышало тамъ тысячи душъ. Послѣ отѣзда испанцевъ, Оранъ оставался подъ властью турокъ всего тридцать девять лѣтъ; въ 1831 году онъ былъ занятъ французами, которымъ нужно было только поправить испанскіе форты, воздвигнутые на вершинахъ горъ и высокихъ мысахъ, чтобы снова сдѣлать городъ неодолимымъ. Эти укрѣпленія, представляющія громадный трудъ,构成ляетъ почти все, что осталось отъ работъ, совершенныхъ прежними властителями, если не считать нѣсколькихъ испанскихъ домовъ, которые еще видны въ амфитеатрѣ бѣлыхъ построекъ, занимающемъ склонъ холма, увенчанного касбой: отъ этого квартала домовъ, расположенныхъ ярусами, какъ ступени пирамиды, Оранъ и получилъ прозвище «Бѣлаго» (*Blanca*).

Въ настоящее время городъ занимаетъ пространство, по крайней мѣрѣ, въ пять разъ болѣе того, какое занималъ въ эпоху завоеванія. Старый Оранъ, населеніе которого не превышало 3.000 душъ, былъ построенъ между полукругомъ горъ и мысомъ, надъ которымъ господствуютъ верхи Нового Замка, теперь бесполезные; по всей вѣроятности, это укрѣпленіе, которое раздѣляетъ нынѣшний городъ на двѣ половины, лишенныя удобныхъ сообщеній одна съ другой, скоро уступитъ мѣсто новому кварталу, которому сужено сдѣлаться лучшей частью города. Оврагъ Аинъ-Руни, заключающій нѣсколько садовъ на своихъ крутыхъ откосахъ, былъ засыпанъ выше Нового Замка для того, чтобы соединить западные кварталы съ кварталами Каргенты, которые тянутся далеко по направленію къ Арзе; на югѣ новые остроки домовъ занимаютъ пространство до 2 километровъ отъ моря, и каждый годъ прибавляются новые улицы, указываемыя издали столбами пыли. Главный общественный зданія сгруппированы около центра города, на промежуточной террасѣ, отдѣляющей гавань отъ квартала, расположеннаго вокругъ желѣзнодорожной станціи; къ сожалѣнію, при постройкѣ этихъ зданій, также, какъ при постройкѣ лучшихъ частныхъ домовъ въ нижнемъ городѣ, забыли о катастрофѣ 1790 года: стоитъ почви заколебаться снова—и половина Орана обратится въ груду развалинъ.

Французы, къ которымъ официальная перепись причисляетъ также натурализованныхъ евреевъ, не имѣютъ за собой численного большинства въ городѣ; испанцы превосходятъ ихъ

часть ихъ не принадлежитъ уже къ племенамъ берберской расы, болѣе или менѣе арабизованнымъ, которыхъ прежде населяли край: это люди всякаго рода и племени, собранные въ

Эль-Кантарское ущелье.

числомъ въ этой бывшей столицѣ своихъ африканскихъ владѣній, и нѣкоторыя изъ мѣстныхъ профессій monopolизированы ими. Магометане составляютъ теперь лишь весьма незначительное меньшинство внутри города, и большая

предмѣстье Джакли, или «Иноземцы», болѣе известномъ подъ именемъ «Негрской деревни». Рядомъ съ арабами, берберами, марокскими или другими, здѣсь встрѣтишь чернокожихъ и цвѣтныхъ людей, носильщиковъ, подметаль-

Сенъ-Ле — самая многолюдная община въ окрестностяхъ Арзе; Сенъ-Клу, промежуточный этапъ между Арзе и Ораномъ, которые еще не соединены прямымъ желѣзнодорожнымъ сообщеніемъ,—тоже значительное поселение, окруженное обширными виноградниками.

Оранъ—Уаранъ или Гуаранъ у арабовъ и турокъ—первый городъ Алжиріи по важности торговли, и нѣкоторое время соперничалъ даже съ столицей страны по числу жителей; вмѣстѣ съ тѣмъ это укрѣпленный пунктъ Мавританіи, исторія котораго всего дольше была связана съ исторіей новой Европы. Основанный въ началѣ десятаго столѣтія андалузскими маврами, на территории одного берберского племени, Оранъ быстро выросъ, благодаря важностисосѣднаго порта, называемаго Мерсъ-аль-Кебиръ, или «Большой Портъ», который мысомъ джебеля Сантона защищенъ отъ сѣверо-западныхъ и сѣверныхъ вѣтровъ, самыхъ опасныхъ въ этихъ водахъ. Эта драгоценная гавань, *Portus divinus* римлянъ, окаймлена крутыми утесами, у подножія которыхъ не нашлось бы достаточно места для торгового города; такой городъ долженъ быть возникнуть при оконечности залива, тамъ, где горы понижаются и где широкий проходъ даетъ доступъ внутрь материка: отсюда и название Уаранъ, или «Разрѣзъ», которое осталось за городомъ донынѣ въ испанской формѣ «Оранъ». Съ военной точки зренія эта брешь морского побережья тоже представляла большія выгоды: подобно Алжиру, своему западному сопернику, Оранъ опирается на уединенный горный массивъ, на рѣзко ограниченный Сахель, отдѣленный отъ остальной Алжиріи равнинами и большой лагуной; такимъ образомъ городъ защищенъ естественной крѣпостью, удѣсняющей оборонительную цѣну его стѣнъ. Оттого послѣ изгнанія мавровъ изъ Испаніи, побѣдители преслѣдовали бѣжавшаго врага на африканскомъ континентѣ, и первыми завоеваніями, въ 1505 и 1509 годахъ, были портъ Мерсъ-аль-Кебиръ и крѣпость Оранъ. При благопріятномъ вѣтре, военные и транспортные суда совершали переходъ отъ одного берега Средиземного моря до другаго въ одинъ, много въ два дня. Съ горъ Мурсін видны горы Мавританіи: городъ, отнятый у мавровъ, былъ, такъ сказать, постоянно на глазахъ у завоевателей.

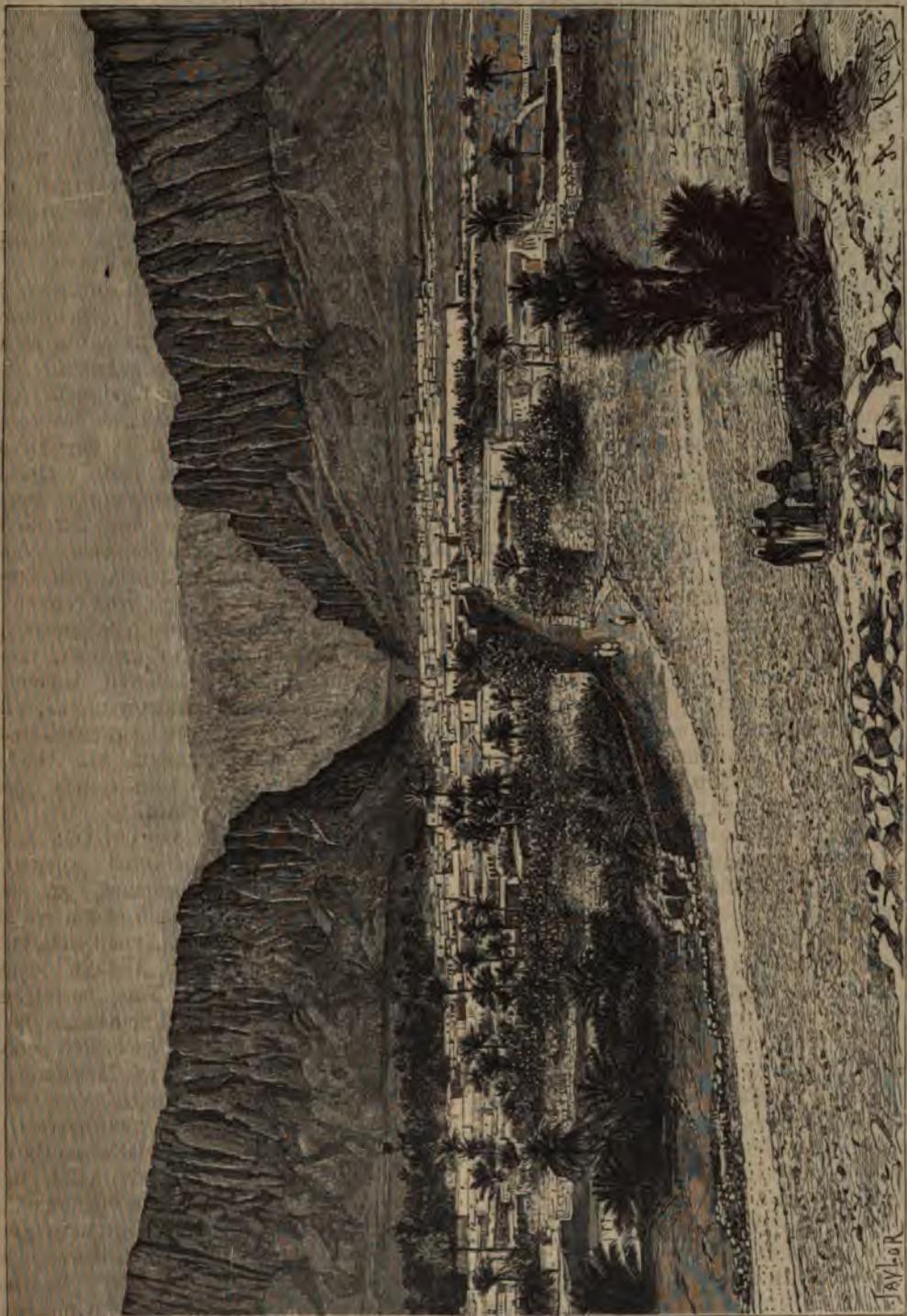
Испанцы ревниво удерживали его за собой около трехъ столѣтій, и въ продолженіе этого длиниаго периода времени туркамъ, которые неизмѣнно каждый годъ дѣлали попытки нападенія на городъ, или по крайней мѣрѣ производили набѣги на его окрестности, только разъ удалось снова овладѣть Ораномъ, который оставался въ ихъ рукахъ двадцать-четыре года, съ 1708 по 1732. Наконецъ, въ 1790 году землетрясеніе разрушило почти весь городъ, пожаръ истребилъ остатки, и со всѣхъ сторонъ

турки и арабы ринулись на развалины, чтобы выгнать оттуда испанскихъ солдатъ и ихъ союзниковъ, «наемныхъ мавровъ». Иностранцы окончательно покинули Оранъ въ 1792 году; впрочемъ, нельзѧ сказать, чтобы городъ процвѣталъ подъ ихъ господствомъ: отрѣзанный отъ внутренней части страны почти не-прерывной осадой, онъ не имѣлъ никакой торговли, и мадридское правительство пользовалось имъ только, какъ мѣстомъ ссылки для придворныхъ, впавшихъ въ немилость; европейское населеніе никогда не превышало тамъ тысячи душъ. Послѣ отѣзда испанцевъ, Оранъ оставался подъ властью турокъ всего тридцать девять лѣтъ; въ 1831 году онъ былъ занятъ французами, которымъ нужно было только по-править испанские форты, воздвигнутые на вершинахъ горъ и высокихъ мысахъ, чтобы снова сдѣлать городъ неодолимымъ. Эти укрѣпленія, представляющія громадный трудъ, составляютъ почти все, что осталось отъ работъ, совершенныхъ прежними владельцами, если не считать нѣсколькихъ испанскихъ домовъ, которые еще видны въ амфитеатрѣ бѣлья-построекъ, занимающемъ склонъ холма, увѣличеннаго касбой: отъ этого квартала домовъ, расположенныхъ ярусами, какъ ступени пирамиды, Оранъ и получилъ прозвище «Бѣлаго» (*Blanca*).

Въ настоящее время городъ занимаетъ пространство, по крайней мѣрѣ, въ пять разъ большее того, какое занималъ въ эпоху завоеванія. Старый Оранъ, населеніе котораго не превышало 3.000 душъ, былъ построенъ между полукругомъ горъ и мысомъ, надъ которымъ господствуютъ верхи Нового Замка, теперь бесполезные; по всей вѣроятности, это укрѣпленіе, которое раздѣляетъ нынѣшний городъ на двѣ половины, лишенныя удобныхъ сообщеній одна съ другой, скоро уступитъ место новому кварталу, которому суждено сдѣлаться лучшей частью города. Оврагъ Аинъ-Руина, заключающій нѣсколько садовъ на своихъ крутыхъ откосахъ, былъ засыпанъ выше Нового Замка для того, чтобы соединить западные кварталы съ кварталами Каргенты, которые тянутся далеко по направленію къ Арзе; изъ юга новые остроки домовъ занимаютъ пространство до 2 километровъ отъ моря, и каждый годъ прибываются новые улицы, указываемыя издали столбами пыли. Главныя общественные зданія сгруппированы около центра города, на промежуточной террасѣ, отдѣляющей гавань отъ квартала, расположенного вокругъ желѣзнодорожной станціи; къ сожалѣнію, при постройкѣ этихъ зданій, также, какъ при постройкѣ лучшихъ частныхъ домовъ въ нижнемъ городѣ, забыли о катастрофѣ 1790 года: стоитъ почвѣ заколебаться снова—и половина Орана обратится въ груду развалинъ.

Французы, къ которымъ официальная перепись причисляетъ также натурализованныхъ евреевъ, не имѣютъ за собой численнаго большинства въ городахъ; испанцы превосходятъ ихъ

часть ихъ не принадлежитъ уже къ племенамъ берберской расы, болѣе или менѣе арабизованнымъ, которыхъ прежде населяли край: это люди всякаго рода и племени, собранные въ

Эль-Кантарское ущелье.

числомъ въ этой бывшей столицѣ своихъ африканскихъ владѣній, и нѣкоторыя изъ мѣстныхъ профессій monopolизированы ими. Магометане составляютъ теперь лишь весьма незначительное меньшинство внутри города, и большая

предмѣстье Джахли, или «Иноземцы», болѣе известномъ подъ именемъ «Негрской деревни». Рядомъ съ арабами, берберами, марокскими или другими, здѣсь встрѣтишь чернокожихъ и цвѣтныхъ людей, носильщиковъ, подметаль-

щиковъ улицъ, огородниковъ, пахарей-исповѣдовниковъ и чернорабочихъ. Всѣхъ жителей по переписи 1891 г. насчитывалось 74.510, въ томъ числѣ 19.037 французовъ, 5.528 евреевъ, 9.245 туземцевъ и 35.619 иностранцевъ, главнымъ образомъ испанцевъ. Взятое въ совокупности, населеніе Орана занимается почти исключительно торговлей: научная и литературная дѣятельность очень мало развита въ этомъ главномъ городѣ западной Алжиріи; впрочемъ, онъ имѣетъ съ 1878 года географическое и археологическое общество, важнѣйшее во всей африканской Франціи; публичная библиотека и музей въ зародыши занимаютъ нѣсколько залъ городской ратуши.

Благодаря своей гавани, завоеванной у открытаго моря, Оранъ не зависитъ болѣе, въ своей вѣтнѣйшей торговлѣ, отъ Мерсъ-аль-Кебира, бывшаго «ключа Африки», сдѣлавшаго теперь простымъ пригородомъ состоянія города: корабли приходятъ прямо въ Оранъ грузить альфу, руды, зерновые хлѣба и выгружать европейскіе товары; жете длиной около километра, начинаящееся отъ подножія форта Ламунъ (Ламона, Генонъ), проведено до глубины 20 метровъ и ограничиваетъ пространство около 24 гектаровъ, раздѣленное другими молами на второстепенные бассейны: самая большія суда находить въ этой гавани достаточную глубину воды; но волноразбиватель часто страдалъ отъ бурь, такъ что не разъ приходилось задѣлывать въ немъ бреши, пробитыя ударами волнъ. Большая выгода Оранскаго порта — это его близость отъ Испаніи; Картагена всего въ 200 километрахъ — разстояніе, которое пароходъ, обладающій порядочной скоростью, легко проходитъ въ восемь часовъ. Однако, паспорты, таможенные осмотры, медленность службы на желѣзныхъ дорогахъ и высокая провозная плата отвращаютъ тысячи пассажировъ отъ этого естественнаго пути. Альмерія въ такомъ же разстояніи отъ Орана, какъ и Картагена. За десятилѣтіе 1875—84 г.г. приходъ и отходъ судовъ въ Оранъ болѣе чѣмъ удвоился. Между французскими портами только Марсель, Парижъ, Гавръ, Бордо и Дюнкеркъ имѣютъ болѣе значительное движение судоходства.

Движеніе судоходства въ Оранскомъ портѣ и въ рейдѣ Мерсъ-аль-Кебиръ:

Въ приходѣ: въ 1875 г. 323.450 тоннъ; въ 1884 г. 667.728 тоннъ.

Итогъ судоходства въ 1883 г.: 4.094 судна, общая вмѣстимость 1.231.024 тонны.

Рыболовныхъ судовъ: 173. Цѣнность улова: 732.000 франковъ.

За чертой своихъ стѣнъ и поясомъ фортовъ Оранъ продолжается предмѣстіями. На западѣ береговые утесы едва оставляютъ мѣсто для дороги, но зато воспользовались всякой, даже самой маленькой брешью въ этой стѣнѣ скаль,

чтобы построить группы домовъ, близъ теплыхъ ключей, называемыхъ «Купальней королевы», поселокъ Сент-Клотильдъ занимаетъ одну изъ этихъ нишъ у подошвы горы; далѣе, селеніе Сент-Андре наполняется своими кабаками маленькую долину, открывающуюся подъ защитой укрѣпленного полуострова Мерсъ-аль-Кебиръ. На востокѣ и на югѣ, гдѣ ничто не препятствуетъ расширѣнію города, раскинулись обширныя предмѣстія Гамбетта и Нуазе-Экмюль; но джебель Мерджаджо, послѣдній выступъ котораго увенчанъ фортами Санта-Круцъ и Сент-Грегуаръ, еще не утилизированъ, какъ гора Эдугъ въ Бонѣ или Бузареа въ Алжирѣ, для постройки загородныхъ домовъ. А между тѣмъ Оранъ, жители котораго часто должны дышать раскаленнымъ, пропитаннымъ пылью воздухомъ, очень нуждается въ санаторіи, гдѣ бы можно было подышать полной грудью и освѣжиться отъ городской духоты; но склоны массива Мерджаджо дотого круты и бесплодны, что до сихъ поръ еще ни одинъ оранецъ не пытался оспаривать у арабскихъ пастуховъ пажитей, покрывающихъ вершину горы; не существуетъ даже никакой колесной дороги, по которой можно бы было добраться до гребня: попасть на него можно только черезъ боковой проходъ. На сѣверѣ этой горной цѣпи, равнина треугольной формы, оканчивающаяся на сѣверо-востокѣ мысомъ Фальконъ, покрыта виноградниками, окружающими хорошенія деревни. Это «равнина Андалузцевъ», названная такъ потому, что здѣсь поселились въ большомъ числѣ мавры, изгнанные изъ Андалузіи. Плато мыса несетъ на себѣ самыя высокія дюны алжирскаго побережья.

Въ 6 километрахъ къ югу отъ Орана, близъ Сеніи, отъ алжирской желѣзной дороги отдѣляется вѣтвь, направляющаяся на западъ сѣвернымъ берегомъ большой себхи: это линія, еще неоконченная, которая современемъ проникнетъ, черезъ равнину Ангадъ и долину Молуїа, внутрь Марокко. Уже возникли города, служащи вѣхами этой дороги, которая доставитъ оранцамъ часть мароккской торговли. Первый изъ нихъ, Мисергина, лежащий у южнаго основанія джебеля Мерджаджо, можетъ быть рассматриваемъ какъ пригородъ Орана, изъ котораго туда переведены многія общественные заведенія, сиротскіе дома, пріюты и богадѣльни; мисергинскіе огородники, сады которыхъ орошаются обильными источниками, снабжаютъ овощами оранскій рынокъ; вода, которую пьютъ оранцы, тоже получается частію изъ селенія Бредеа, лежащаго близъ Солянаго озера, на юго-западѣ отъ Мисергина. По своему древесному питомнику, своей образцовой овчарни, своимъ виноградникамъ, Мисергина — одинъ изъ главныхъ земледѣльческихъ центрѣвъ департамента. На сѣверѣ, въ очень узкой долинѣ, находится паркъ для страусовъ, самый

значительный во всей Алжиріи. Часть себхи, на югъ оть Мисергина, была пріобрѣтена для земледѣлія простымъ поднятіемъ озернаго дна, которое затѣмъ было постепенно выщелочено дождями; не трудно было бы также осушить все озеро прорыть каналомъ, который перешелъ бы на западъ порогъ въ 13 метр. высоты и унесъ бы воды въ Rio-Salado (Солинай рѣка), протекающую всего только въ разстояніи около 6 километр. оть себхи: такимъ образомъ было бы завоевано для культуры про странство въ 32.000 гектаровъ. Два значительныхъ племени этой мѣстности, дуръ и смела, по происхожденію арабы изъ Марокко, но съ большой примѣсь элементовъ турецкаго и кулаглійскаго, составляли милицію, или «махзенъ», во время господства турокъ, а въ 1835 г. поступили на службу къ французамъ, въ качествѣ наемнаго войска, и никогда не нарушили данной клятвы служить вѣрой и правдой.

Населенные мѣста Бу-Тлелисъ, Лурмель, Эръ-Рахель слѣдуютъ одно за другимъ въ небольшомъ разстояніи оть озера; затѣмъ путешественникъ переѣзжаетъ черезъ Rio-Salado, или «Соляную рѣку», которая рано или поздно должна сдѣлаться истокомъ себхи. За этимъ потокомъ солоноватой воды, но въ томъ же бассейнѣ, стоитъ на краю утеса, на высотѣ 250 метр., городъ Аинъ-Темушентъ, *Timiř* римлянъ. Немногіе изъ новыхъ городовъ Алжиріи достигли болѣе цвѣтущаго состоянія: поясь воздѣланыхъ земель, которыми онъ окружены, расширяется съ каждымъ годомъ; въ то же время Темушентъ является центромъ края, очень богатаго рудными мѣсторожденіями. Къ югу оть города, недалеко оть долины Иссыра, находится знаменитая Аинъ-текбалекская ломка просвѣчивающаго онікса, которая еще недавно разрабатывалась. Эта ломка, извѣстная уже римлянамъ, самая богатая въ провинціи и лучшая во всемъ свѣтѣ, давала иногда глыбы совершенно чистаго онікса до семи метровъ длиной. Этотъ драгоценный камень, почти неимѣющій себѣ равнаго между материалами для декоративнаго искусства, благодаря просвѣчивающей массы, богатству окраски, контрасту тоновъ и узоровъ, произошелъ, повидимому, путемъ медленной кристаллизации углекислой известки, которую отлагали инкрустирующіе источники въ присутствіи металлическихъ солей. Ключи Гаммамъ-Бу-Хаджаръ, въ 14 килом. къ сѣверо-востоку оть Аинъ-Темушента, достигаютъ температуры 95 градусовъ, какъ воды Гаммамъ-эль-Месхутинъ.

Въ бассейнѣ верхняго Иссыра, восточной вѣтви рѣки Тафны, главная община — Ламорисьеръ, станція желѣзной дороги изъ Орана въ Тлемсенъ черезъ Сидибель-Аббесъ; проектированная запруда должна задерживать воды Ис-

сера выше этого поселенія и образовать искусственное озеро, объемомъ около десяти миллиновъ кубич. метровъ, которое будетъ орошать плодородныя равнинны Уладъ-Мимунъ. Между мѣстомъ, выбраннымъ для запруды, и домами деревни Ламорисьеръ видны еще, такъ называемые, Хаджаръ-Румъ, или «Римскіе камни», какъ показываетъ одна надпись, дешифрированная Шербонно,—остатки укрѣпленія *Castra Severiana*. Въ сосѣдствѣ находится залежи серебро-свинцовoy руды и лигнита.

Тлемсенъ, городъ «съ тысячью источниками», также принадлежитъ къ бассейну Иссыра чрезъ ручей уѣда Секакъ. Это одинъ изъ красивѣшихъ городовъ Алжиріи: его называютъ «африканской Гранадой» именемъ, которое онъ заслужилъ также своей исторіей. Пятый по числу жителей, первый по историческимъ воспоминаніямъ и остаткамъ арабской архитектуры, онъ стоить у сѣверного основанія скалистой горы, на покрытой лѣсомъ высокой террасѣ (слишкомъ 800 метр.), откуда открывается обширный видъ на долины Иссыра и Тафны, и съ боковъ которой лѣются многочисленные каскады, доставляя оросительнымъ каналамъ постоянный потокъ, несущій слишкомъ кубич. метръ воды въ секунду. Фруктовыя деревья всякаго рода, оть которыхъ римская колонія и получила свое имя *Pomaria*, закрываютъ городъ своей густой зеленью: издали, когда подъѣзжаешь къ Тлемсену, видны только башни и минареты, выступающіе надъ сплошнымъ лѣсомъ. Со временемъ своего основанія городъ уже перемѣнилъ мѣсто. Римская Помарія находилась на юго-востокѣ отъ нынѣшняго города, тамъ, где видны остатки древнихъ городскихъ стѣнъ и валовъ (Агадир); но одинъ минаретъ указываетъ мѣстоположеніе бывшей столицы, обвалившаяся ограда которой служила каменоломней для строеній Тагарта, западнаго города, извѣстнаго нынѣ подъ именемъ Тлемсена. Сдѣлавшись метрополіей большой берберской конфедерациіи племенъ зената, Тлемсенъ, занимаемый послѣдовательно различными династіями, подвергавшійся осадамъ, голоду и опустошеніямъ, продолжалъ, тѣмъ не менѣе, расти, и въ пятнадцатомъ столѣтіи достигъ высшей степени своего могущества. Населеніе его состояло, говорятъ, изъ 25.000 семействъ, и по своей торговлѣ и промышленности, по своимъ богатствамъ, по развитію наукъ и искусства, онъ могъ сравняться съ образованными городами Европы: такъ же, какъ Кордова, Севилья и Гранада, онъ далъ свидѣтельство высокой цивилизаціи, на которую можетъ подняться берберская раса. Минареты и куполы мечетей, рѣзные украшения и арабески стѣнъ повѣствуютъ о славѣ зенатскихъ художниковъ; лѣтописцы прославляютъ чудеса искусства, которые были собраны въ Тлемсенскомъ дворцѣ,

и въ одномъ монастырѣ этого города долго преподавалъ Ибнъ-Халдунъ, авторъ «Исторіи берберовъ».

Когда испанцы загородили ему дорогу къ морю завоеваніемъ Орана и уничтожили торговлю, которую богатыя венеціанская и генуэзская колоніи вели на этомъ берберскомъ рынкѣ, Тлемсенъ быстро пришелъ въ упадокъ; впрочемъ, онъ вскорѣ послѣ того потерялъ и свою независимость: онъ сдѣлался вассаломъ кастильцевъ; затѣмъ, въ 1553 г., подпалъ подъ власть турокъ, и большинство его жителей эмигрировали въ Марокко. Это былъ маленький полуразрушенный городокъ, который осаждали другъ у друга гарнизонъ кулаги и солдаты мароккскаго императора, когда явились французы въ 1836 году, но чтобы отдать его спустя короткое время эмиру Абдель-Кадеру. Они овладѣли имъ окончательно лишь въ 1842 г., и тогда онъ сдѣлался ихъ главнымъ стратегическимъ пунктомъ на мароккской границѣ. Отстроенный въ большей части на европейской манерѣ, онъ имѣть правильныя улицы и площади, военные и муниципальные зданія, съ симметрично прорѣзанными окнами, но отличается еще отъ большинства алжирскихъ городовъ обширностью своихъ мавританскихъ кварталовъ: по выходѣ изъ-подъ мрачныхъ сводовъ, перекинутыхъ съ дома на домъ надъ узкими извилистыми улицами, вдругъ видишь лѣстницу, освѣщенную лучами солнца, которые пробиваются сквозь трельяжъ изъ виноградныхъ лозъ; квадратныя ворота обрамляютъ видъ тѣнистыхъ внутреннихъ дворовъ; на вершинѣ улицы, господствуя надъ лабиринтомъ строеній и ихъ черепичныхъ крышъ, показывается бѣлый минаретъ. Эти картины, ярко расцвѣченныя группами проходящихъ въ красивыхъ желтыхъ и зеленыхъ костюмахъ, придаютъ городу необыкновенную прелестъ; но за этой живописной вѣшнностью часто скрывается вонючая бѣдность; особенно въ еврейскомъ кварталѣ низенъкія, тѣсныя и грязныя лачуги представляютъ настоящіе вертепы. Единственная красивыя зданія, оставшіяся отъ Тлемсена берберскихъ временъ — это мечети: иѣкоторыя изъ нихъ сохранили еще свои изящные минареты съ мраморными колонками, украшенныя мозаикой, живописью, лакированными изразцами; нефъ главной мечети, поддерживаемый 72 колонками, и особенно нефъ мечети Абуль-Гассана, раздѣленный на три части рядами колоннъ изъ ониска, составляютъ архитектурныя достопримѣчательности Тлемсена, который, кромѣ того, обладаетъ иѣсколькими древними надписями, собранными въ мѣстномъ музѣ: между этими древностями особенно обращаетъ на себя вниманіе эпитафія съ надгробного памятника Боабдила, послѣдняго мавританскаго короля Гранады, умершаго въ Тлемсенѣ, а не на берегу одного марок-

кскаго ручья, въ безвѣстной стычкѣ, какъ утверждаетъ легенда, не имѣющая никакой фактической подкладки¹⁾. Мешуаръ, или «Платы Совѣта», находящійся въ южной части города и заключавшій въ себѣ цитадель, королевские апартаменты, казармы, тюрьмы, какъ касбы другихъ городовъ, сохранилъ только мечеть и двѣ старинныя башни, вошедшия въ составъ группы новыхъ военныхъ сооружений.

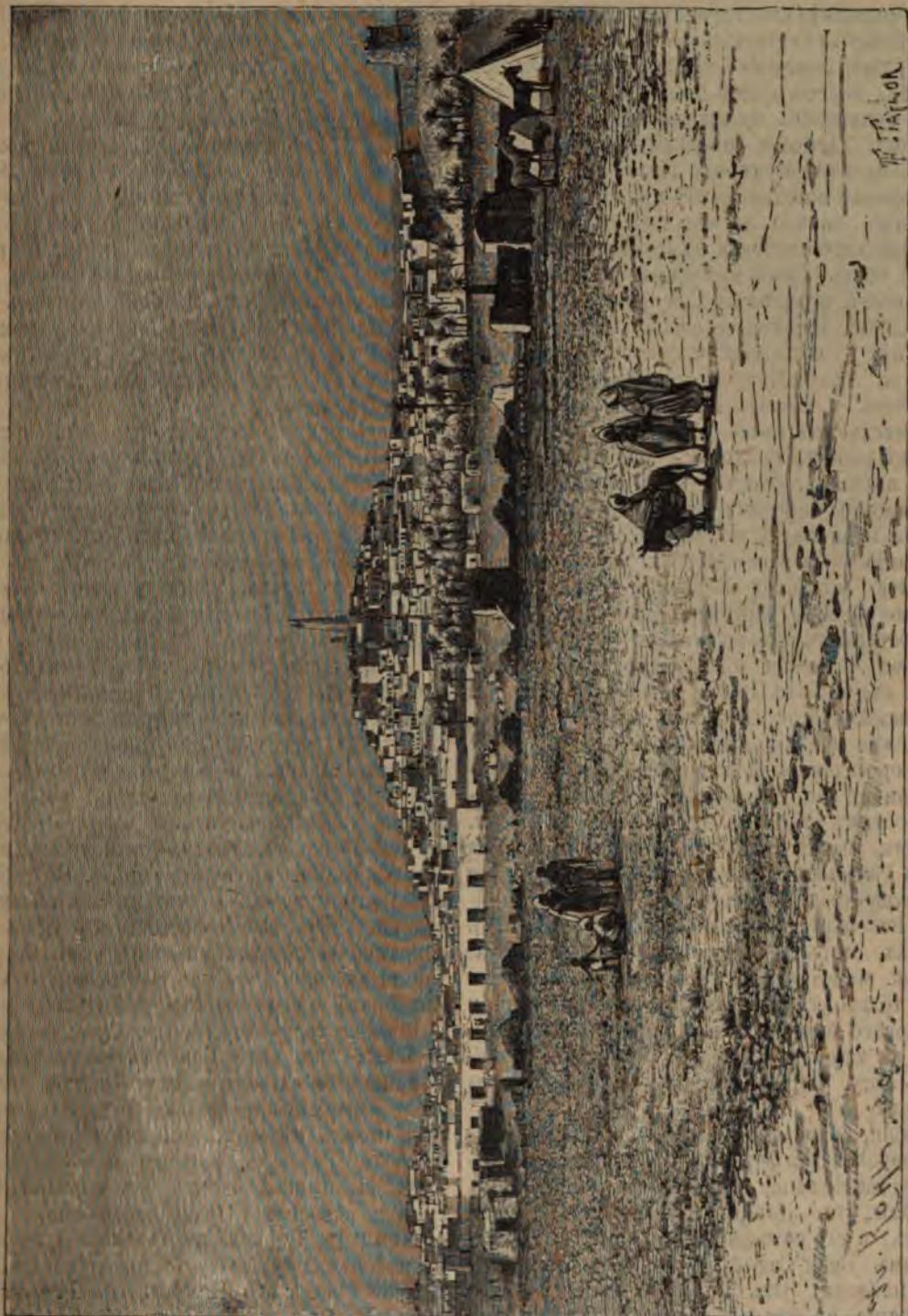
Промышленныя искусства, которыми иѣкогда славился Тлемсенъ, не совсѣмъ исчезли: туземцы обрабатываютъ еще кожу и шерсть, ткутъ матеріи, выдѣлываютъ оружіе, приготовляютъ оливковое масло и пшеничную муку; но главный промыселъ, тотъ, которому посвящаютъ свой трудъ колонисты французскіе, иностранные и арабскіе,—это садоводство. Воздѣланныя земли Тлемсенной общины занимали, въ 1880 г., слѣдующее пространство²⁾: апельсинные рощи—12 гектар.; масличные рощи—468 гектар. (56.495 привит. деревъ); сады и огороды—650 гектар.; виноградники 462—гектар.

Обильно орошаемые «двумя тысячами фонтановъ», скаты террасы и нижнія долины обращены въ цвѣтущіе сады; апельсинные и масличные рощи образуютъ вокругъ города поясъ зелени шириной отъ 10 до 12 километровъ; кромѣ того, лѣса окружающей мѣстности заключаютъ въ себѣ слишкомъ милайонъ непривычныхъ оливковыхъ деревъ. Оливковое масло составляетъ главный предметъ торговли Тлемсена, которая въ послѣднее время замѣтно уменьшилась, потому что караваны изъ Марокко и Сахары по большей части забыли дорогу къ его рынку, а желѣзный путь еще не поднялся до него. Впрочемъ, центръ соединенія желѣзныхъ дорогъ въ западной Алжиріи не могъ бы быть помѣщены на этихъ высотахъ: международная линія изъ Туниса въ Феодъ пройдетъ на сѣверѣ отъ Тлемсена, долиной рѣки Тафны. Соперничество Орана грозить лишить этотъ городъ прямаго желѣзного пути, который соединялъ бы его съ Ралигуномъ, его естественнымъ портомъ на Средиземномъ морѣ.

Тлемсенъ окружено цѣлымъ рядомъ земледѣльческихъ поселеній. Въ 2 километрѣ къ юго-востоку, въ самой живописной части восхитительного тлемсеннскаго сада, въ Эль-Энгадѣ, стоитъ знаменитая кубба Сиди-Бу-Медина, авдалузскаго мавра, жившаго въ XII ст., который въ разное время былъ профессоромъ въ Багдадѣ, въ Бужи, въ Испаніи; рядомъ съ надгробнымъ памятникомъ находится мечеть и медерса. На юго-западѣ отъ Тлемсена, самое замѣчательное по историческимъ воспоминаніямъ и остаткамъ старинъ населенное мѣсто—

¹⁾ Brosselard, „Journal Asiatique“, janvier-février 1876.
²⁾ Gérard, „Afrika, Bulletin de la Société de Géographie d'Algier“. 1880.

Мансура, въ 3 километр. отъ города. Тамъ еще отъ древней мечети, находившейся въ центрѣ, видна часть четыреугольной ограды (около 6 сохранился только величественный минареть, километр. въ окружности), воздвигнутой по вышиною въ 40 метровъ; по словамъ легенды, повелѣнію сultана Абу-Якуба, въ 1301 году, цѣлая половина этого зданія, та, которую стро-

для болѣе удобнаго наблюденія за Тлемсеномъ: такимъ образомъ осаждающій городъ, прозванный «Полемъ Побѣды», выстроился рядомъ съ городомъ осаждаемымъ. Внутри ограды существуютъ еще остатки сultанскаго дворца, а

или христіанскіе мастера, отдѣлилась въ продольномъ направленіи, оставивъ только половину, сооруженную чистыми руками право-вѣрныхъ. Французское поселеніе прилегаетъ къ стѣнамъ Мансуры; въ окружающихъ ехъ

виноградникахъ филлоксера совершила, въ 1885 г., свои первыя опустошения на алжирской территории.

Рѣка Тафна, описывающая обширный полу-кругъ около Тлемсена, беретъ свое начало на самой окраинѣ высокаго плато, недалеко отъ городка Себху («Опушка»), который вмѣстѣ съ Эль-Ариша, лежащимъ на верхнемъ притокѣ Молуйи, долгое время былъ передовымъ постомъ французовъ на южной границѣ. На западѣ отъ Тлемсена предѣлы Алжиріи охраняетъ, съ 1844 г., городъ Лалла-Магніа, расположенный на одномъ изъ притоковъ Тафны, берущемъ начало на мароккской территории. Уже римляне основали на этомъ же мѣстѣ военный постъ Сиръ или Сира, имя которого указываетъ, повидимому, на финикийское происхожденіе. Благодаря своему положенію на границѣ, у восточной оконечности равнины Ангадъ, Лалла-Магніа—очень бойкое торговое мѣсто, и мароккские эмигранты, особенно многочисленные въ эпохи большихъ земледѣльческихъ работъ, проходить здѣсь значительными партиями. Этотъ пунктъ можно считать настоящими воротами Марокко: черезъ него должна проникнуть желѣзная дорога, которая соединить Фецъ и все Мароккское государство съ сѣтью остальной Берберіи; уже и теперь годовые обороты торговли съ сосѣднею страной достигаютъ цифры свыше 5 миллионовъ франковъ. Многія рѣки: Уэрфеду, Муила и другія сходятся къ Тафиѣ ниже Лалла-Магніи, и приносатъ этой мѣстности плодородіе, которое можно бы было еще увеличить при помощи оросительныхъ каналовъ. Ниже проектированной запруды, которая будетъ задерживать объемъ воды въ 60 миллионовъ кубич. метровъ, бывать изъ земли горячіе сѣрные ключи Гаммамъ-Бу-Гара, которыми пользуются преимущественно женщины; арабскія и еврейскія. Въ округѣ Лалла-Магніа въ разныхъ мѣстахъ открыты мѣсторожденія свинцовoy, мѣдной, марганцевой руды; разрабатываются пока только гарь-рубанская залежи мѣди и свинцового блеска, находящіяся въ 25 километр. къ югу отъ главнаго города, въ Асфурскомъ лѣсу, который тянется по обѣ стороны границы.

Ремши, маленькая, пока еще незначительная, европейская деревня, занимаетъ счастливое положеніе выше сліянія двухъ рѣкъ, Иссера и Тафны: это—этапный пунктъ между Тлемсеномъ и его естественнымъ портомъ, называемымъ Бени-Сафъ, по имени одного сосѣдняго племени. Отъ Тлемсена до Бени-Сафа разстояніе по прямой линіи всего только 48 километр., тогда какъ до Орана оно превышаетъ 100 килом. Поэтому было бы крайне нужно, несмотря на оппозицію оранцевъ, желающихъ сосредоточить въ своемъ портѣ торговлю всей западной Алжиріи, построить же-

лѣзный путь изъ Тлемсена къ нижней Тафиѣ и къ ближайшему порту: но это необходимое дѣло еще не начато; и портъ Бени-Сафъ еще недостаточно защищенъ отъ волнъ моря искусственными молами. Торговля его, однако, очень дѣятельна, благодаря эксплуатациіи сосѣднихъ желѣзныхъ рудниковъ, содержащихъ около десяти миллионовъ тоннъ превосходной руды; слишкомъ тысяча рудокоповъ, испанцевъ и марокканцевъ, работаютъ въ различныхъ рудникахъ; и двѣ желѣзныя дороги перевозятъ добываемую руду къ амбаркамъ Бени-Сафа, откуда она отправляется даже въ Америку; кромѣ того, на берегахъ Тафны разрабатываютъ обширныя ломки гипса, продукты которыхъ вывозятся въ разные города прибрежья. Добыча руды въ бени-сафскихъ рудникахъ въ 1883 г.: 264.804 тонны; движение судоходства въ портѣ Бени-Сафъ, въ томъ же году: 643 судна, общая ихъ вмѣстимость 386.545 тоннъ.

Одинъ пунктъ сосѣдняго прибрежья также могъ бы быть обращенъ въ портъ: это плоский берегъ непосредственно къ западу отъ устья Тафны. Въ этомъ мѣстѣ небольшая цѣпь подводныхъ камней, начинаясь отъ скалистаго мыса, идеть до островка Сига, такъ что нужно бы было только дополнить это естественное жете и построить волноразбиватель, чтобы огородить, съ восточной стороны островка, якорную стоянку въ 10 метр. глубины, достаточную для нѣсколькихъ большихъ судовъ; кромѣ того, пришлось бы построить жете на востокѣ, чтобы защитить бассейнъ отъ наносовъ Тафны. Островъ Рашигунъ, по-арабски Аршигуль, лежащий въ 2 километр. въ открытомъ морѣ, защищаетъ рейдъ, прилегающій къ устью Тафны; на этомъ островѣ, рядомъ съ маякомъ, видны еще развалины арабскаго города. Вся областьсосѣдняго прибрежья тоже усыпана обломками старины. Но съверо-востокѣ отъ Бени-Сафа сохранились остатки римского порта Камарата; на югѣ отъ Рашигуга разбросанные камни Такебрита, или «Сводовъ», указываютъ мѣстоположеніе древняго города Сига; на западѣ, недалеко отъ мыса Гонейнъ—передѣланного моряками въ «Ноевъ мысъ»—видны еще кое-какія развалины и отрывки городскихъ стѣнъ: тутъ стоялъ нѣкогда, доминируемый кручами джебеля Таджерь, важный арабскій городъ Гонейнъ, бывшій однѣмъ изъ портовъ Тлемсена до завоеванія Орана испанцами.

Между р. Тафной и мароккской границей на побережїи существуетъ только одинъ французскій городъ: это Немуръ, *Ad Fratres* римлянъ, Джемаа-эль-Газаутъ (Разаутъ) арабовъ. Латинское имя объясняется утесами, и теперь еще называемыми «Два брата», которые высятся въ морѣ съ западной стороны, а арабское название, «Мечеть пиратовъ», напоминаетъ экспедиціи корсаровъ, которые вы-

брали эту бухточку какъ пристанище для своихъ судовъ. Къ востоку отъ города на скалѣ стоять бывшій бургъ корсаровъ, оканчивающійся, на краю мыса, высокой мечетью. Жители—довольно красивой породы, и женщины съ большими вкусомъ убираютъ свою роскошную шевелюру; красоту ихъ типа и изысканность ихъ костюма объясняютъ испанскимъ и итальянскимъ происхождениемъ; онъ происходит отъ женщинъ руми (христіанокъ), похищенныхъ на противоположныхъ берегахъ Средиземного моря¹⁾. Гавань Немура, хотя снабженная мостами на сваяхъ и нѣсколькими

швой и другими рудами. На юго-западѣ, близъ куббы Сиди-Брагима, гдѣ за два года передъ тѣмъ былъ истребленъ отрядъ полковника Монтаньяка, Абдель-Кадеръ положилъ оружіе въ 1847 году: это былъ послѣдній актъ много-лѣтней войны за независимость арабовъ.

Общины западнаго Телля съ населеніемъ свыше 1.000 человѣкъ, живущихъ сплошено (въ 1881 году): Оранъ (1891 г.)—74.510 жит.; Тлемсенъ (1891 г.)—29.544 жит. (3.600 франц.); Айтъ-Темушентъ—5.518 жит.; Бени-Сафъ—4.862 жит.; Миссергинъ—4.496 жит.; Немуръ (1891 г.)—2.828 жит. (574 франц.);

Городъ Немуръ.

молами, не довольно хорошо защищена, чтобы принимать во всякую погоду парусные суда и пароходы, которые совершаютъ правильные рейсы и ставятъ этотъ городъ въ прямые сошенія съ Ораномъ и съ испанскими portами: Мелиллой на мароккскомъ берегу, Альмеріей и Малагой на берегахъ Андалузіи; вывозится главнымъ образомъ ячмень, а также рогатый скотъ, пригоняемый черезъ Лалла-Магніа съ границъ Марокко. Движеніе судоходства въ Немурскомъ портѣ въ 1883 году: 300 судовъ, общая вмѣстимость 66.281 тонна. Немуръ и берберскій городъ Недрома, лежащій въ 24 километр. южнѣе, на одной изъ террасъ массива Фильгаусенъ, окружены, подобно Бени-Сафу, горами, очень богатыми желѣзной, марган-

цовой и другими рудами. Недрома (смѣш. община)—20.453 жит. (381 европейц. и евреевъ).

Арабы и берберы этой области часто мѣнили мѣсто жительства, переходя съ одной стороны границы на другую, чтобы избѣгнуть притѣсненій отъ поставленныхъ надъ ними начальниковъ, или чтобы избавиться отъ платежа военныхъ контингентовъ. Такъ, нѣкоторые роды племени бени-изнатенъ или бени-нассасенъ изъ окрестностей Немура и племя хааръ изъ Тлемсенского округа покинули территорію Алжира, чтобы удалиться въ Марокко. Но порожнія мѣста въ горахъ Тарасть были заняты трудолюбивыми кабилами изъ племенъ бени-мениръ, бенихелаль, бени-уарсусъ, усердными земледѣльцами, извлекающими пользу изъ каждого клоука земли, гдѣ

¹⁾ De Montagac, „Lettres d'un soldat“

можетъ расти масличное дерево или даже пучекъ пшеницы.

Въ будущемъ, съ устройствомъ удобныхъ путей сообщенія и заселеніемъ плоскогорій и горъ, устанавливаются, конечно, частныя сношенія между жителями Телля и жителями Сахарской покатости. Тогда и административныя дѣленія, какъ онѣ начертаны на картахъ, будутъ болѣе гармонировать съ природой вещей: населенія, учрежденія, нравы сравняются, сдѣлаются болѣе или менѣе сходными на всемъ пространствѣ отъ прибрежья до пустыни, отъ Боны до Тугурта, отъ Алжира до Мзаба, отъ Орана до Тіута. Въ настоящее же время обращенные къ Сахарѣ скаты, столь отличные отъ поморья по физическому виду, не менѣе рѣзко отличаются и по характеру обитателей. Истинное дѣленіе—это дѣленіе на двѣ покатости: съ одной стороны—Телль, сдѣлавшійся уже почти европейской страной, съ другой—внутренняя область, принадлежащая еще африканскимъ народамъ. Впрочемъ, въ сравненіи съ областью побережья и краевыхъ горныхъ цѣпей Телля, область высокихъ плоскогорій и сахарской покатости представляется почти пустынной; арабскія или берберскія племена занимаютъ тамъ, пропорціально ихъ числу, огромное пространство, тогда какъ колоніи европейцевъ, очень раскиданыя, состоятъ изъ малочисленныхъ группъ. По переписи 1881 года, все европейское населеніе, не считая евреевъ, которымъ натурализація дала титулъ французовъ, едва достигало 5.000 чел. во всей этой половинѣ Алжиріи, т. е. состояло только около одной сотой общаго числа ея жителей (не-магометанское населеніе въ замкнутыхъ бассейнахъ Алжиріи и на покатости пустыни въ 1881 г.: 3.589 французовъ, 1.101 натурализованныхъ евреевъ, 1.784 иностранца).

А между тѣмъ на сахарской покатости есть обширныя мѣстности, представляющія для колонизаціи благопріятныя климатическая и почвенные условія, какъ о томъ свидѣтельствуютъ развалины городовъ и фермъ, оставленныя римлянами. Въ высокихъ долинахъ Джебель-Ауреса европейцы легко акклиматизируются, а зимой имъ даже приходится страдать отъ суровости холода. Джебель-Шешаръ и горы Немемша, гораздо менѣе изслѣдованные, кажется, не такъ богаты здоровыми и годными къ культурѣ землями; особенно ощущителенъ недостатокъ ключей и правильного потока ручьевъ: иная долина семь разъ была покидаема жителями, вслѣдствіе продолжительныхъ голодовокъ, и семь разъ заселялась снова. Маскерѣ не встрѣчалъ въ этой странѣ мегалитическихъ могилъ, но онѣ нашелъ тамъ много римскихъ развалинъ: парождающаяся колонія Тебесса легко можетъ расшириться, перейдя пороги,

отдѣляющіе верхній бассейнъ уезда Меллегъ отъ бассейновъ рѣкъ, которыя спускаются на югъ къ шотту «Внутренняго моря». Народы зенатской расы, немемша, маафа, ашешъ, бени-барбарь, решайшъ или решепшъ, кочующіе въ гористой области между собственно Ауресомъ и границей Туниса, имѣютъ нѣсколько укрѣпленныхъ деревень, гдѣ у нихъ хранятся запасы зерноваго хлѣба; при устьяхъ долинъ, въ Сахарѣ, послѣднія воды, изливаемыя горными потоками, орошаютъ сады нѣсколькихъ монастырей (зауїя) и окружающихъ ихъ хижинъ. Таковы два селенія Ферканъ и Негринъ, близъ тунисской границы, къ сѣверу отъ небольшихъ шоттовъ, соединяющихъ Мельгигъ съ Гарсой. Недалеко отъ Негрина видны развалины одного изъ римскихъ военныхъ постовъ, охранявшихъ подступы къ колоніи на границахъ пустыни: эта груда обломковъ, или генишръ, называемый арабами Бессеріани, представляетъ собою остатки римского поста *ad Majores*.

Собственно Ауресъ или Аурасъ, то-есть «Кедровая гора» (по объясненію нѣкоторыхъ этимологовъ), заключается между теченіемъ уезда Эль-Кантара и теченіемъ уезда Эль-Арабъ: почти на всемъ своемъ протяженіи онѣ населены народами берберскаго языка, впрочемъ, весьма различного происхожденія¹⁾). Нѣкоторыя племена, наприм. уладъ-зейантъ, какъ говорятъ,—арабы, частію берберизованные,—явление очень рѣдкое въ Мавританіи, гдѣ, подъ вліяніемъ завоеванія и обращенія туземцевъ въ исламъ, арабскій языкъ сдѣлался языккомъ миллионовъ мѣстного населенія. Со временемъ римской эпохи въ предѣлахъ Ауреса, повидимому, произошли большія этническія перемѣны, причину которыхъ нужно искать въ приливѣ новыхъ элементовъ и передвиженіи населенія. Этотъ горный массивъ не расположенъ, какъ Джурджура, въ формѣ крѣпости, представляющей со всѣхъ сторонъ непріятелю крутыя стѣны; напротивъ, онѣ состоять изъ отдѣльныхъ небольшихъ кряжей, образующихъ столько же проходовъ, легко доступныхъ съ той и другой оконечности; благодаря такому расположению, завоеватели могли и съ сѣвера, и съ юга проникать въ самое сердце высокихъ долинъ, не встрѣчая большихъ препятствій. По мнѣнію Маскерѣ²⁾, племена, живущія въ сѣверо-восточной части Джебель-Ауреса, около города Хеншела, именно амамра и уджана, имѣ которыхъ представляеть лишь другую форму названія «зената» (уджана или у-джана значить «сыны Джаны» или Заны; зената—собирательное отъ того же имени), должны считаться древнѣйшими обитателями края, и нарицѣ ихъ чище, чѣмъ нарицѣ другихъ племенъ. Уладъ—аззизъ, занимавшіе самую высокую

¹⁾ Tissot, "Exploration scientifique de la Tunisie".

²⁾ "Bulletin de la Société de Géographie", nov. 1876.

область горъ къ югу оть Махмеля, принуждены нія которыхъ упоминаютъ о существованіи были покинуть родныя мѣста и удалиться въ автохтоновъ (первобытныхъ обитателей), называемыхъ барбарами или берберами, описались съ народцами различнаго происхожденія¹); Телль до окрестностей Боны, гдѣ они смѣшались съ народцами различнаго происхожденія¹);

Общий видъ города Лагуата.

между замѣнившими ихъ племенами есть даже вы ходцы изъ Марокко. Жители Ауреса, преда-

зывающихъ за оливковыми деревьями, не строящихъ домовъ и ходящихъ съ непокрытою головой». Нѣкоторые туземцы племени шауба, на Джебель-Ауресѣ, живутъ еще въ подземныхъ галлереяхъ, въ родѣ тѣхъ, какія можно

¹) E. Masqueray, „Bulletin de la Société de Géographie“, juillet 1876.

встрѣтить на Джебель-Гуріанѣ, въ Триполи¹⁾). Деревня Тизи-Гарринъ, близъ уѣда Беджерь, представляеть въполномъ смыслѣ убѣжище троглодитовъ. Въ этомъ мѣстѣ вершина горы состоитъ изъ пластовъ съ желобчатыми краями; между этими-то естественными столбами гнѣздаются человѣческія жилища, и жерди, вбиты горизонтально между каменными слоями, образуютъ площадки, наклонныя плоскости, наружныя ступеньки, по которымъ поднимаются и спускаются люди и животныя, какъ бы висящіе на воздухѣ.

Турки не проникали въ Ауресь, а французы завоевали его только въ 1845 г. Три города, Хеншела на сѣверо-востокѣ, Батна на сѣверѣ, Бискра на юго-западѣ, служать постами, откуда послѣдніе наблюдаютъ за этимъ массивомъ, но они пока еще посѣщали его только въ качествѣ завоевателей или изслѣдователей. А между тѣмъ на французовъ въ краѣ смотрѣть какъ на потомковъ древнихъ колонистовъ тѣхъ горъ, румановъ или римлянъ, называемыхъ также духала, т. е. «идолопоклонниками», и именно древніе памятники, особенно надписи, составляютъ въ глазахъ туземцевъ наиболѣе законное право французовъ на обладаніе Алжиріей. «Руми, сыны румановъ, говорять они, только вернули себѣ имущество своихъ предковъ»²⁾). По преданію, римляне были великаны, жившіе въ пещерахъ или въ укрѣпленныхъ замкахъ на вершинахъ горъ; имъ приписываются всѣ развалины того края, и между прочимъ, круглые могилы, встрѣчающіяся еще сотнями въ разныхъ мѣстностяхъ Джебель-Ауреса, хотя земледѣльцы обыкновенно убираютъ съ полей груды камней, чтобы легче было пахать. Безъ всякаго сомнѣнія, римляне же и цивилизованные берберы, жившіе рядомъ съ ними въ горахъ *Aurasius*, культивировали оливковые лѣса, отъ которыхъ еще остались кое-гдѣ рощицы на склонахъ, и употребляли для выжиманія масла прессы, находимые во множествѣ вокругъ древніхъ поселеній. Кровь римлянъ и колонистовъ всякой расы, галловъ и германцевъ, сопровождавшихъ завоевателей, вѣроятно, сохранилась черезъ скрещивание и у новыхъ горцевъ, судя по большому числу блондиновъ, встрѣчающихся между жителями Ауреса³⁾). Цѣлые племена, и при томъ самыя значительныя, носятъ название «руманія», и даже въ сахарскихъ оазисахъ, у подошвы Ауреса, сохранились эти «римскіе» берберы. Мѣстное нарѣчіе заключаетъ въ себѣ много латинскихъ словъ, между прочимъ, названія мѣсяцевъ, изъ которыхъ иные менѣе измѣни-

лись въ берберскомъ, чѣмъ во французскомъ языке⁴⁾; слово *бинью*, означающее кедръ, дерево, покрывавшее нѣкогда всѣ горы Ауразу-са, происходитъ, какъ полагаютъ, отъ латинскаго *rînus*⁵⁾. Многіе праздники, христіанскаго происхожденія, несомнѣнно ведутъ свое начало съ той эпохи, когда горцы провинціи Африки посыпали своихъ епископовъ на соборы. На Рождество, или Бу-Ини, женщины одного руманійского племени перемѣняютъ камень очага и окружающую его землю; такъ же, какъ во Франціи, желаютъ другъ другу «бу-ини» (bonne ann e), т. е. «доброго года»⁶⁾. День нового года, называемый *иннар*, т. е. январь, посвященъ поздравленіямъ, визитамъ,увеселеніямъ и пирамъ. Передъ Вознесеніемъ, когда празднуется наступленіе весны, жители Менза, главнаго мѣстечка племени уладъ-абди, совершаютъ прогулку по горамъ, при звука флейтъ, и приносятъ оттуда зеленыя вѣтки и траву. Праздникъ осени тоже соотвѣтствуетъ праздникамъ, которые справляютъ въ Европѣ во время сбора винограда. Крестъ, которымъ татуируются нѣкоторые жители Ауреса, есть, какъ полагаютъ, остатокъ старой вѣры.

По существующему на Ауресѣ преданію, туземцы были обращены въ исламъ однимъ мусульманскимъ святымъ, по имени Сиди-Абдаллахъ; нѣкоторыя изъ ихъ племенъ принадлежали къ сектѣ ибадитовъ, подобно островитянамъ Джербы и бени-мзабамъ, а у племени уладъ-даудъ сохранились смутныя воспоминанія, заимствованныя изъ іудейства. До прибытія французовъ большинство жителей Ауреса были магометанами только по имени, и также, какъ сѣверные кабилы, вовсе не сообразовались въ своемъ судопроизводствѣ съ предписаніями Корана: они знали только свои «кануны», впрочемъ, гораздо болѣе простые, чѣмъ каноны джурджурскаго населенія. Это французы, косвенно, всего болѣе способствовали исламизированію ауресскихъ горцевъ, сносясь съ ними исключительно на языкѣ Корана, единственному, который они знали, и навязывая имъ арабскихъ кади, творящихъ судъ по обычному кодексу, т. е. по книгѣ Магомета. Политическое единство туземцевъ устанавливается мало-по-малу въ Джебель-Ауресѣ въ пользу расы, которая со всѣхъ сторонъ осаждаетъ горы⁷⁾). Арабскій языкъ тоже все болѣе и болѣе распространяется въ краѣ, сильный своимъ единствомъ, въ сравненіи съ многочисленностью берберскихъ діалектовъ. Въ восточномъ Ауресѣ эти отдельныя нарѣчія составляютъ семью зенатскаго языка, тогда какъ въ западномъ говорятъ языккомъ мазехръ или тмазиръ.

¹⁾ Auguste Cherbonneau, „Revue de G ographie“, juillet 1861.

²⁾ L on Renier;—G. Boissiere,—R. de la Blanchere, etc.

³⁾ Bruce;—Playfair;—Guyon;—P erier;—Faidherbe;—Tocmard;—Masqueray, etc.

⁴⁾ Carette, „Exploration scientifique de l’Alg rie“.

⁵⁾ H. Daveyrier, „Bulletin de la Soci t  de G ographie“, juillet 1876.

⁶⁾ Playfair, „In the footsteps of Bruce“.

⁷⁾ E. Masqueray, „Note concernant les Aoulad-Daoud“.

(темазирха), слово, въ которомъ легко признать имя берберской расы амзиговъ или амазиговъ. Но обыкновенно говоръ западныхъ племенъ Ауреса обозначаютъ словомъ «тешавитъ», въ просторѣчіи «шауя». Такъ же называется совокупность племенъ Ауреса, а иногда это имя, происходящее отъ арабскаго слова шави, которое значить «пастухъ овецъ»¹), прилагается вообще ко всѣмъ берберамъ Алжиріи, кромъ собственно кабиловъ. Аурескій языкъ шаула, которымъ уладъ-абди говорятъ чище, чѣмъ другія амазигскія племена, отличается отъ сѣверныхъ берберскихъ діалектовъ необыкновенной мягкостью.

Несмотря на перемѣны, совершившіяся со временемъ прибытія французовъ въ управлениі шауйскаго общества, многіе національные обычай сохранились до сихъ порь. Женщины не закрываютъ лица, но носятъ огромныя серги; онѣ пользуются большой свободой, путешествуютъ, работаютъ на полѣ вмѣстѣ съ мужчинами, совершенно какъ крестьянки во Франціи; во въ принципѣ онѣ считаются неполноправными и не могутъ наслѣдовать. Дѣвушка или женщина составляетъ собственность отца, брата или мужа; супругъ покупаетъ ее, какъ скотину, и заставляетъ платить себѣ вознагражденіе за всякий проступокъ словомъ или дѣйствіемъ, учиненный противъ его живаго имущества; прелюбодѣяніе оплачивается, какъ и человѣкоубийство, цѣной крови. Прежде убійца уходилъ въ изгнаніе на два года, затѣмъ возвращался, чтобы отдать себя въ руки родныхъ жертвъ, неся на головѣ известную сумму денегъ. Онъ низко кланялся и говорилъ: «возьмите мою голову! Обыкновенно брали деньги²). Джема или вѣча, состояція изъ именитыхъ членовъ племени, еще сохранили нѣкоторый авторитетъ; у племени уланъ-абди, которые также же руманы, какъ уладъ-даудъ или туаба, власть принадлежала въ каждой деревнѣ четыремъ лицамъ, представлявшимъ столько же группъ или родовъ, нѣкогда враждовавшихъ между собой: примиреніе состоялось установлениемъ этого четырехголоваго правительства, опирающагося на вооруженную силу изъ сорока человѣкъ, по десяти отъ каждого клана. Но учреждая эту аристократію въ видахъ представления соперничающимъ равной доли участія въ управлениі, уладъ-абди принесли въ жертву народную свободу: граждане не собираются болѣе на державные мірскіе сходы для обсужденія общихъ дѣлъ.

Земледѣльцы, подобно кабиламъ, но также и пастухи, на что указываетъ самое ихъ имя, аурескіе шауя уступаютъ жителямъ Джурджуры въ умственныхъ способностяхъ, въ дѣятельности, въ промышленномъ искусстве: «у

¹⁾ H. Duveyrier, цитиров. мемуаръ; — Masqueray; — MacKathy, etc.

²⁾ Em. Masqueray, „Revue Africaine“, 1878.

нихъ мясо вмѣсто мозга въ черепѣ», говорять обыкновенно, когда хотятъ выразить, какъ не-поворотлива ихъ мысль. Однако, есть много шауя, которые являются собой доказательство противнаго. Такъ, одинъ изъ ихъ народцевъ, инубленъ, состоитъ изъ людей, которые почти всѣ занимаются лѣченіемъ, правятъ кости и очень искусно дѣлаютъ операцию трепанированія¹). Есть также племена, проявляющія замѣчательное искусство въ перехватываніи водъ и направлениі ихъ въ оросительный каналы. Вокругъ нѣкоторыхъ селеній заботливо культивируютъ плодовыя деревья: смоковницы, орѣшины, маслины; Маскерэ нашелъ у нихъ тиски для выжиманія масла, совершенно похожія на снарядъ, который употребляли для этой цѣли римляне, и одно изъ берберскихъ племенъ, бени-ферахъ, примѣняетъ еще тѣ же способы производства, какіе примѣняли древніе переселенцы изъ Италии. Еще не такъ давно между различными софами велась вооруженная борьба изъ-за пользованія пастбищами — борьба, сокращавшая излишекъ народонаселенія; теперь равновѣсіе между произведеніями земли и количествомъ ртовъ поддерживается эмиграціей; выходцы племени шауя очень многочисленны въ Константипѣ, гдѣ они исполняютъ профессіи мясниковъ, хлѣбопековъ, истопниковъ, какъ мзабиты въ Алжирѣ. Впрочемъ, горы Ауреса слишкомъ безплодны, по крайней мѣрѣ на южной ихъ сторонѣ, палимой солнцемъ, чтобы обитатели могли вести тамъ вполнѣ осѣдульную жизнь: бѣдные огороды на высотахъ даютъ имъ лишь немногого плодовъ; они должны гонять стада овецъ и козъ на отдаленные пастбища, воздѣлывать орошаляемыя лощины, совершаютъ не близкій путь къ южнымъ сосѣдямъ, чтобы купить финиковъ; почти круглый годъ имъ приходится кочевать, проводя время въ шатрахъ, хотя у нихъ есть и постоянные жилища, гдѣ, впрочемъ, всегда остаются самые бѣдные, не имѣющіе ни поля, ни скота. Со временемъ римской эпохи уменьшеніе воды имѣло то роковое слѣдствіе, что жители сдѣлались больше, чѣмъ прежде,nomadами, и являются таковыми тѣмъ въ большей степени, чѣмъ бесплоднѣе мѣстности, по которымъ имъ приходится кочевать: образъ жизни объясняется и обусловливается свойствомъ почвы. Постоянныя селенія уладъ-даудовъ расположены большою частью вдоль оросительного канала, который вырыли римляне, чтобы утилизировать воды «Бѣлой рѣки», уадъ-эль-Абіодъ, направляющейся на югъ къ впадинѣ шотта Мельтигъ. Надъ деревней, представляющей треугольную кучку сѣроватыхъ хижинъ, которая лѣпится по склону горы, господствуетъ стоящая на вершинѣ крѣпостца, *телаа* или *takelatъ*, служащая запаснымъ магазиномъ для жителей

¹⁾ Em. Masqueray, цитированный сборникъ,

цѣлаго племени. Каждая семья держит дома только такое количество провизіи, какое необходимо на нѣсколько недѣль; все же оставшееся, пшеница въ зернѣ, финики, коровье масло, сушеное мясо, шерсть, хранится въ укрѣплномъ складѣ.

Хеншела, французское поселеніе, обѣщающее быть современемъ значительнымъ городомъ, благодаря своему счастливому положенію въ точкѣ соединенія нѣсколькихъ плодородныхъ долинъ, командаeтъ восточной частью Ауреса. Изъ этого пункта всего удобнѣе производить изслѣдованіе области горъ; но Хеншелѣ недостаетъ еще сѣти колесныхъ дорогъ, которая сдѣлаетъ ее тѣмъ, чѣмъ нѣкогда былъ римскій городъ Багай, лежавшій съвериѣ, то есть центромъ торговли и заселенія для окружающей мѣстности. Къ югу отъ Хеншелы выится почти уединенная гора Джвафа, оканчивающаяся столообразной, окруженной пропастями, площадкой, на которой видны развалины такелета: эта гора, съверо-восточный бастонъ всего массива Джебель-Ауресъ, есть, вѣроятно, та скала, которая во времена римлянъ носила специально имя *Aurasius*; она была взята византійскимъ полководцемъ Саломономъ; городъ, расположенный у ея основанія, унаследовалъ стратегическую важность, которую имѣла нѣкогда крѣпость на горѣ¹). Хеншела стоитъ на томъ мѣстѣ, где находилась Маскула римлянъ; въ окрестностяхъ, преимущественно на съверѣ, на покатости котловины, дно которой занимаетъ Гараа-эль-Тарфъ, разсыпаны многочисленныe развалины: мегалитические памятники, особенно могилы, окруженные рядомъ камней, встрѣчаются тысячами въ этой области. Расположенная на высотѣ слишкомъ 1.000 метр., недалеко отъ водораздѣльного порога между Средиземнымъ моремъ и Сахарой, Хеншела господствуетъ въ одно и то же время надъ истоками уѣза Меллегъ и надъ истоками ручья, который, подъ разными именами, раздѣляетъ массивъ Ауреса и джебель Шешаръ, впадаю въ долину Зибапъ, у Ханга-Сиди-Наджи, главнаго административнаго пункта Шешарскаго округа: тамъ этотъ потокъ носить ими уѣдъ-эль-Арабъ, близъ Хеншелы онъ назывался уѣдъ Мегаръ. Мѣстечко Сиди-Наджи, лежащее въ съверо-восточномъ углу Ауреса, могло бы дополнять стратегический четыреугольникъ этихъ горъ, вмѣстѣ съ городами Хеншела, Батна и Бискра; но оно не занято французскимъ гарнизономъ: важное значеніе его зависить главнымъ образомъ отъ его рынковъ. Мечеть его, построенная тунисскими мастерами,—самая красивая и самая знаменитая въ области Зибапъ. Зауй (монастыри) довольно многочисленны въ этомъ краѣ: выше, на той же рѣкѣ Эль-Арабъ, но

въ центрѣ горъ, находится очень богатый монастырь Хайранъ, господствующій надъ населеніями джебеля Шешаръ, и влияніе котораго распространяется даже на племена Туниса; ниже, въ равнинѣ, близъ древняго римскаго поста Бадосъ (*ad Badias*), существуетъ другая зауйя, въ селеніи Ліана, хорошо известная горцамъ и сахарцамъ. На западѣ, въ ущельѣ одного горнаго потока, бѣгущаго съ южныхъ скатовъ джебеля Ахмаръ-Кадду, находится религіозное селеніе Тиммермасинъ, принадлежащее одному специальному братству, духовный авторитетъ котораго признается во всемъ Ауресѣ: братія этой обители, говорятъ, три раза пыталась поднять горцевъ противъ французовъ.

Къ западу отъ большой дороги, которую представляетъ долина уѣза эль-Арабъ отъ плоскогорій до Сахары, отъ Хеншелы до Ханга-Сиди-Наджи, открываются другіе естественные пути въ томъ же направленіи черезъ Джебель-Ауресъ. Первый изъ нихъ — тотъ, который начинается на югѣ отъ Шели горнымъ проходомъ Тизугаринъ и обширной равниной, называемой Мединской, т. е. «Городской», можетъ-быть, въ память какого-нибудь древняго города. Это—великолѣпная мѣстность, пастбищами которой пользуется все племя уладъ-даудъ, и которая, по мнѣнію Маскеръ, должна современемъ сдѣлаться средоточiemъ европейской колонизации въ центрѣ Ауреса. Тамъ начинается долина «Бѣлой рѣки» (уѣздъ эль-Абіодъ), которая тянется на юго-западѣ и теряется въ Сахарѣ ниже таргита, или «тѣснинъ» Тралиминъ. Эта долина, гдѣ находятся мѣсторожденія ртути, составляетъ территорію племени уладъ-даудъ. Долина уѣза Абди, параллельная предыдущей и представляющая такой же видъ, населена племенемъ уладъ-абди, которое изъ всѣхъ горскихъ племенъ оказывало самое энергическое сопротивленіе захвату. Крѣпость ихъ, Нара, стоявшая на вершинѣ скалы, была срыта въ 1850 г. Нынѣшняя столица племени, мѣстечко Менса, построенная амфитеатромъ на берегу уѣза Эль-Абди, можетъ быть рассматриваема какъ центральное мѣсто массива Ауресъ.

Батна, главный военный и административный центръ въ южной части провинціи Константины, охраняющей на съверѣ область Ауреса, занимаетъ, между двумя массивами, Ауресомъ и Тугеромъ, такую же позицію, какъ Хеншела: она расположена въ равнинѣ, имѣющей форму цирка, близъ раздѣльного порога, который, съ одной стороны, понижается къ замкнутымъ впадинамъ плоскогорія и къ бассейну Руммеля, а съ другой изрѣзанъ ущельями, направляющимися къ Сахарѣ; кроме того, она сообщается легко-доступными горными проходами и широкими долинами съ бассейномъ Годны. Къ этой равнинѣ сходятся важнѣшіе

¹) *Em. Masqueray*, цитированный сборникъ.

естественные пути южной части Константины: оттого римляне выбрали соседнюю местность, Ламбезу (Lambesis), чтобы учредить тамъ главную квартиру знаменитаго легиона *Fertia Augusta* и центр Военной Нумидии (*Numidia Milicia* ¹).

Занятая французами въ первый разъ въ 1844 г., Батна сдѣлалась постояннымъ лагеремъ лишь въ 1848 г., но городъ быстро растетъ, благодаря важности торгового обмѣна, происходящаго въ этомъ переходномъ мѣстѣ. Главное неудобство Батны—измѣнчивость кли-

«Новая Ламбеза» (какъ сначала называлась официально Батна) далеко не можетъ сравниться великолѣпіемъ съ Старой, известной у берберовъ подъ именемъ Таззутъ. Хотя географическая выгода мѣстоположенія одинаковы, но Ламбеза пользуется преимуществомъ въ отношеніи здоровости климата и обилия водъ, распредѣляемыхъ теперь по оросительнымъ каналамъ при помощи запрудъ. Древній городъ занималъ пространство въ нѣсколько лье, которое еще не все изслѣдовано научнымъ образомъ и, безъ сомнѣнія, обѣщаетъ археологамъ

Уледъ-наильская женщина.

мата: лѣтомъ стоять большія жары, усиливае-
мые знонными, изсушивающими вѣтрами юга, ко-
торые легко проникаютъ тогда чрезъ ущелье,
открывающееся въ юго-западномъ направлениі;
зимой, напротивъ, бываютъ сильные холода,
такъ какъ Батна лежитъ на высотѣ 1.035 метр.,
и холодные вѣтры, дующіе надъ плоскогорьемъ,
извергаются между двухъ горныхъ массивовъ,
не встрѣчая препятствій. На сѣверо-западѣ, по
сѣвернымъ скатамъ Тугера, тянутся кедровые
лѣса, составляющіе славу и гордость Батны,
но, къ сожалѣнію, дурно содержимые.

не мало счастливыхъ находокъ. Въ XVII вѣкѣ, одинъ губернаторъ Французскаго Бастиона (Bastion de France), близъ Ла-Калле, впервые посѣтилъ замѣчательныя руины римской Lambaesis ¹); въ слѣдующемъ столѣтіи ихъ осматривали путешественники Пейсонель и Шау; со времени первой французской экспедиціи въ 1844 г., тамъ неоднократно производились раскопки. Одинъ Леонъ Ренье прочелъ въ тамошнихъ развалинахъ болѣе тысячи надписей; сборникъ *Inscriptions d'Algérie* содержитъ

¹) Ernest Desjardins, рукописный замѣтки.

¹) Léon Renier, „Notes d'un voyage archéologique au pied de l'Aurès“.

слишкомъ полторы тысячи надписей, собранныхъ въ этомъ городѣ, и каждый годъ открываютъ много новыхъ; между эпиграфическими памятниками, найденными въ Ламбезѣ, многіе имѣютъ высокую цѣнность для историковъ. Можно распознать еще мѣста расположения двухъ лагерей, изъ которыхъ одинъ былъ, до временъ Дюклетіана, резиденціей третьаго легіона: это наиболѣе сохранившійся изъ всѣхъ лагерей, оставленныхъ намъ завоевателями Средиземного міра. Онъ имѣть форму четырехугольника въ 600 метр. длины и 400 метр. ширины, окруженного валами въ 4 метра высотой, съ башнями по угламъ. Въ центрѣ стоить еще развалина преторія, обращенная въ музей и наполненная античными статуями, которыхъ видны издалека сквозь аркады съ полуциркульнымъ сводомъ. Изъ сорока триумфальныхъ арокъ, видѣнныхъ Пейсонелемъ въ то время, когда городъ былъ еще почти въ цѣлости, теперь осталось только четыре, да и другія зданія, за исключеніемъ гробницъ, окаймляющихъ римскую *via*, были сломаны и послужили материаломъ для постройки домовъ, казармъ, тюремъ. Среди развалинъ пріютилась французская деревня, окруженная садами. Въ политической истории Франціи Ламбеза, болѣе извѣстная подъ именемъ Ламбессы, напоминаетъ события междуусобной войны: въ 1848 г., послѣ юнискихъ дней, туда были водворены на жительство четыреста парижанъ; затѣмъ послѣ государственного переворота 1851 г. и въ первые годы имперіи сотни республиканцевъ увеличили собой число ссыльныхъ; это были дебюты колонизации у подошвы горъ Ауреса. Ламбесская пенитенціарная тюрьма была преобразована въ домъ заключенія для гражданскихъ преступниковъ, содержащихся по приговору суда.

Въ 20 километр. къ востоку отъ Ламбезы находится генішир Тимегадъ, остатки римского города *Tamugas*, красотой зданій преисходившаго Ламбезу. Послѣдняя была военной столицей, тогда какъ Тамугасъ былъ, безъ сомнѣнія, торговымъ центромъ и складочнымъ мѣстомъ для земледѣльческихъ произведеній¹⁾. Въ небольшомъ разстояніи къ юго-западу отъ Тимегада, открывается, въ толще Ауреса, между двухъ плато Бу-Дріасенъ и Харруба, очень узкій дефиле, почти такъ же трудно доступный, какъ и Константина: этимъ, вѣроятно, и объясняется данное ему имя Фумъ Ксантина. Высоты, господствующія надъ этимъ ущельемъ, усеяны круглыми могилами: на первомъ изъ названныхъ плато ихъ насчитываютъ не менѣе тысячи, а на второмъ около двухъ тысячъ; посреди этихъ могиль стоять тамъ и сямъ малень-

кія башни и развалины другихъ значительныхъ зданій²⁾.

Въ округѣ Батна встрѣчаются много другихъ остатковъ вѣковъ доисторическихъ и временъ римскихъ; но самый замѣчательный памятникъ той мѣстности принадлежитъ эпохѣ, предшествовавшей пребыванію римскихъ поселенцевъ: это Медрасенъ (Медгасенъ), стоящій на берегу себхи, въ 30 километрахъ къ сѣверо-востоку отъ Батны, недалеко отъ станціи Аинъ-Якутъ («Алмазный родникъ»), на константинской желѣзной дорогѣ. Этотъ мавзолей, построенный въ томъ же стилѣ, какъ «Гробница Христіанки», близъ Типазы, состоить изъ круглой массы, на которой поставленъ конусъ, представляющій 24 ступени; зданіе имѣть 176 метр. въ окружности, и карнизъ его поддерживается 60 колоннами; прежде, пока не осыпалась вершина, высота его была слишкомъ 18 метровъ; по виду, говоритъ Эль-Бекри, оно походило на «большой холмъ». Археологи единогласно признали въ Медрасенѣ надгробный памятникъ царей Нумидіи, сооруженный ранѣе той усыпальницы, которую воздвигъ Юба, недалеко отъ своей столицы *Jol Caesarea*. Вокругъ Медрасена разсѣяны другія гробницы, въ формѣ конусовъ, но меньшихъ размѣровъ. На западѣ, по направлению къ Сетифу, слѣдуютъ одинъ за другимъ у подошвы горъ нѣсколько римскихъ городовъ, сады которыхъ орошались водами, проведенными изъ горныхъ ручьевъ; одинъ изъ этихъ городовъ, нынѣ генішир Зана, доминирующий высокой усѣченной колонной джебеля Мааста, носилъ название *Diana vetera pogon*; далѣе слѣдуетъ Зраїа (въ древности Зараї), гдѣ нашли, между прочимъ, любопытный таможенныи тарифъ, свидѣтельствующій о важности тогдашихъ торговыхъ сношеній Судана съ Мавританіей въ сравненіи съ нынѣшнимъ движениемъ обмѣна³⁾.

Къ западу отъ горъ Ауреса и предгорій Батны, Тугера, Мостауи, Беллезмы, обширный бассейнъ Годны, «мала пустыня», отдѣленная отъ большой цѣпью горъ Зибанъ, заключаетъ въ себѣ только развалины да маленькия селенія почти сахарскаго вида, съ ихъ стѣнами изъ высушенныхъ на солнцѣ кирпичей. Нѣкогда обильно орошаемая каналами, слѣды которыхъ (рвы и запруды) еще видны до сихъ поръ, Годна имѣеть теперь только болота и солончаки. На сѣверо-востокѣ бассейна, недалеко отъ дороги изъ Сетифа въ Батну, пролегающей черезъ земли племени уладъ-эль-султанъ, мѣстечко Игаусъ, утопающее въ зелени садовъ и богатое фонтанами, есть центръ населенія, впрочемъ, очень незначительный въ сравненіи съ существовавшими нѣкогда въ этой мѣстности римскими и византійскими городами.

¹⁾ Payen;—Playfair;—Em. Masqueray, „Bulletin de la Géographie“, nov. 1876.

²⁾ Ernest Desjardins, „Journal officiel“, 27 nov. 1876.

ми, судя по оставленнымъ ими грудамъ обломковъ. На юго-востокѣ той же впадины Годна, поселеніе Мдукаль, откуда нѣсколько дорогъ пересѣкаютъ горы, направляясь къ цѣпи Зибанъ, само походитъ на оазисъ Заба своими пальмами, которая орошаются водами теплого источника. На сѣверѣ бассейна, мѣстечко Мсила въ послѣднее время получило нѣкоторое значеніе, какъ административный центръ; нѣкогда это былъ многолюдный городъ, отъ которого центральная впадина Годны получила свое название шоттъ Эль-Мсила. Это мѣстечко, гдѣ нѣсколько десятковъ французовъ живутъ среди двухъ тысячъ арабовъ, окружено прекрасными фруктовыми садами, которые можно было расширить, утилизируя воды разлива уада Ксебѣ для орошения полей.

Въ настоящее время главный городъ этой области—Бу-Сада (прежде Бенъ-Уэсъ), лежащій на высотѣ 578 метр., въ юго-западномъ углу бассейна Годны. Низенькие домики, построенные въ стилѣ сахарскихъ ксуроў, лѣпятся одинъ надъ другимъ по скатамъ холма, увѣнчанного касбой и нѣсколькими домами французской архитектуры; такъ же какъ въ Тугуртѣ, жители сгруппированы въ разныхъ кварталахъ, смотря по происхожденію: люди мѣстныхъ племенъ бассейна Годны, арабы и берберы изъ Сахары, евреи, мазабиты, уладъ-наиль. Слишкомъ восемь тысячъ пальмъ обсыпаютъ сады, на берегахъ рѣки, протекающей у подошвы холма. Занятая французами съ 1849 года, Бу-Сада, или «Счастливое мѣсто», заслуживаетъ это название, если счастье понимать въ смыслѣ «богатства», ибо ея постоянный рынокъ распространяетъ свои сношенія съ одной стороны до городовъ прибрежья, съ другой—до оазисовъ пустыни. Сама Бу-Сада по своимъ культурамъ принадлежитъ въ одно и то же время къ Сахарѣ и къ Теллю: находясь въ сѣдловинѣ съ кабилами, занимающими горы въ сѣверу отъ Годны, она служить мѣстомъ транзита для произведеній ихъ промышленности, отправляемыхъ на югъ; съ другой стороны, она соприкасается съ племенемъ уладъ-наиль и получаетъ въ складъ всѣ товары, привозимые ими изъ южныхъ ксуроў¹⁾. Залежи каменного угля пока еще мало разрабатываются.

Большой союзъ наиловъ, кочевыхъ арабскихъ племенъ, пришедшихъ въ эти мѣста около половины одиннадцатаго столѣтія, занимаетъ обширную территорію къ югу отъ Бу-Сада: на западѣ она достигаетъ Джебель-Амура, на востокѣ простирается до ксуроў горной цѣпи Зибанъ; уладъ-наильские пастухи, вмѣстѣ со своими союзниками гаразлі, доходятъ во время кочевки до воротъ Тугурта: становища ихъ легко отличить по темнокрасному цвѣту шерстяныхъ палатокъ. Эти арабы разводятъ вер-

блюдовъ въ степяхъ, овецъ на горахъ; кроме того, они сѣютъ хлѣбъ въ сырыхъ лощинахъ, служить посредниками въ торговлѣ между жителями Сахары и Телля, имѣютъ въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько складочныхъ деревень съ постояннымъ населеніемъ, составляющимъ въ сложности нѣсколько сотъ человѣкъ; у нихъ есть даже кое-какая промышленность: они продаютъ на рынкахъ шерстяные ткани, выдѣлываемыя имъ женщинами; но, тѣмъ не менѣе, они живутъ въ крайней бѣдности. Нищета и голодъ породили, между прочимъ, обычай, обще-распространенный у наиловъ, предлагать за деньги своихъ женъ проѣзжимъ путешественникамъ. Рассказываютъ, что Абдель-Кадеръ, по вступлѣніи во власть, хотѣлъ было уничтожить этотъ обычай; но такъ какъ слѣдовавший затѣмъ годъ былъ отмѣченъ большимъ неурожаемъ, то наилы приписали это бѣдствіе гнѣву Аллаха и посѣшили возстановить старый обычай²⁾). У этихъ арабскихъ племенъ не парни уходятъ на чужбину искать счастья, а молодыя дѣвушки, славящіяся красотой, отправляются цѣлыми партіями въ ксуры и въ города прибрежья зарабатывать себѣ приданое проституціей. Онѣ обыкновенно сидятъ, въ ожиданіи заработка, у своихъ дверей, неподвижныя, молчаливые, разряженныя точно идолы, едва могущія пошевелиться подъ бременемъ тяжелыхъ матерій, всевозможныхъ украшеній и фальшивыхъ драгоцѣнностей. Нѣкоторые изъ нихъ эмигрируютъ безъ намѣренія вернуться; родившихся на чужбинѣ дѣвочекъ онѣ оставляютъ при себѣ, мальчиковъ же отсылаютъ въ родное племя. Мужчины принадлежатъ къ числу красивѣйшихъ между арабами, но ихъ упрекаютъ въ изнѣженности; они славятся своимъ искусствомъ въ игрѣ на флейтѣ²⁾.

Къ юго-западу отъ города Бу-Сада, военный постъ Джельфа, лежащий на высотѣ 1.167 метровъ, на дорогѣ изъ Алжира въ Лагуатъ, занимаетъ центръ земли уладъ-наиловъ. Джельфа не только бордѣть,—это въ то же время центръ колонизациі; и хотя ручей, текущій по этой части плоскогорья, чтобы излиться въ себѣ въ Захрезъ-аль-Гарби, есть, подобно многимъ другимъ потокамъ Алжиріи, «Соляная рѣка», однако, вода его могла быть утилизирована для орошения; на берегахъ ручья были посажены итальянскіе тополи, и скаты окружающихъ горъ, еще недавно совершенно голые, начинаютъ покрываться лѣсомъ, состоящимъ изъ различныхъ древесныхъ породъ. Успѣшные опыты облѣсенія, сдѣланные въ Джельфѣ, на дикихъ кручахъ джебеля Сахари, имѣютъ рѣшающее значеніе и, безъ сомнѣнія, послу-

¹⁾ Daumas, *Le Sahara algérien*; — Guyon, *Voyage d'Alger au Zibâ*.

²⁾ Paul Soleillet, *L'Afrique occidentale. L'Algérie Mzad, Tildikelt*.

жать примѣромъ колонистамъ, которые селятся въ высокихъ долинахъ этихъ областей, особенно на западѣ, въ Джебель-Амурѣ. Но, несмотря на голый видъ этого разорванного хребта, отдѣляющаго плоскогорья отъ сахарской покатости, онѣ не лишены своего рода красоты, которую имъ придаютъ смѣлость формы, чистота профиля, блескъ красокъ. Трудно представить себѣ болѣе живописные утесы, чѣмъ стѣны джебеля Бу-Хамѣтъ, круто обрывающіяся, изрѣзанныя узкими коридорами отъ дѣйствія размыванія и ограничивающія правильное плато, слегка вогнутое къ центру въ формѣ котловины. Недалеко оттуда, Аинъ-эсъ-Султанъ, былъ рубежемъ римскихъ владѣній: нѣсколько руинъ—послѣднія, которыхъ мы встрѣчаемъ въ южномъ направлѣніи подъ меридіаномъ Алжира—свидѣтельствуютъ о пребываніи римлянъ въ этой части плоскогорья, теперь далеко перейденной французами¹⁾.

На юго-западѣ отъ Батны, дорога въ пустыню и строющійся рельсовый путь направляются къ горному проходу Эль-Біаръ (1.090 метр.), то-есть «Колодецъ», откуда начинается спускъ къ Сахарѣ, въ началѣ нечувствительный; небольшой ручей, уездъ Эль-Кантара, круто спускающейся рядомъ маленькихъ каскадовъ съ высоты слишкомъ 300 метровъ, течетъ рядомъ съ дорогой, усиливаемый другими потоками при выходѣ каждой боковой долины; кучи обломковъ, извергнутыхъ изъ ущелій въ долину, по мнѣнію Града, суть не что иное, какъ морены глетчерного происхожденія. Съ той и другой стороны долины высится зубчатыя известковыя скалы, почти лишенныя растильности, которая появляется, въ видѣ одиночного деревца или куста, только тамъ, где въ углубленіи между камнями скопилось немножко растительной земли. Вдругъ утесы раздвигаются, ручей низвергается водопадомъ, переходящемъ римскимъ мостомъ на аркахъ, отъ которого нижняя долина получила имя Эль-Кантара: это «Мостъ» по преимуществу, мостъ, соединяющій Телль съ Сахарой. Изъ всѣхъ мѣстностей Алжиріи, столъ богатой, однако, прекрасными пейзажами, ни одна не пользуется большей славой; здѣсь мы видимъ самый яркій контрастъ между каменистыми плоскогорьями и зеленѣющими оазисами; востокъ показывается вдругъ черезъ «золотыя двери». У арабовъ существуетъ повѣрье, отчасти оправдываемое фактами, что скалы Эль-Кантара задерживаютъ на своихъ вершинахъ всѣ облака Телля: «дойдя до этихъ горъ, дождь умираетъ». Съ одной стороны—область зимы, съ другой—область лѣта; вверху—Телль, внизу—Сахара; на одной покатости—гора черная, цвѣта тучъ и дождя, на другой—розовая,

цвѣта ясной погоды¹⁾. Подъ ногами у себя видишь открывающуюся долину, где вода бѣжитъ извилистой лентой подъ тѣнью пальмъ; три группы домиковъ, составляющія вмѣстѣ деревню Эль-Кантара, показываются въ про-галинахъ оазисовъ, рѣзко отличаясь отъ селеній, встрѣчавшихъся въ сѣверной области; жилища и сады, даже стада и люди,—все измѣнилось видомъ, и самое освѣщеніе этихъ картинъ уже иное. Однако, изъ Эль-Кантара еще нельзя созерцать безпредѣльный горизонтъ пустыни: нужно еще пройти обширный и плодородный бассейнъ Эль-Утайа, его соляную гору и теплые источники Фонть-Шодъ, называемые туземцами Гаммамъ-эсъ-Салехинъ, т. е. «Купальни Святыхъ», затѣмъ перевалить черезъ порогъ, горный проходъ Сфа, чтобы увидѣть разстилающееся на югѣ безбрежное песчаное море, по которому тамъ и сямъ разбросаны архипелаги оазисовъ, представляющіеся зелеными пятнами: здѣсь открываются «Ворота Пустыни», за которыми начинается безконечная равнина, развертывающаяся до красной или фиолетовой, иногда черной линіи горизонта песковъ. Иллюзія полна: эта отдаленная полоса—океанъ!

Бискра, главный городъ горной цѣпи Зибанъ, продолжающейся на востокѣ до тунисской границы, имѣть важное значеніе по своей стратегической позиціи у воротъ пустыни, а также благодаря происходящему въ немъ торговому обмѣну между произведеніями двухъ смежныхъ поясовъ. Въ этомъ углу древней Мавританіи французы попираютъ ногами почву, которую уже воздѣлывали римляне, и форть Сенъ-Жерменъ стоитъ недалеко отъ того мѣста, где нѣкогда находилось поселеніе *Ad Piscinam*; но южнѣе этого пункта до сихъ поръ еще не открыли никакихъ римскихъ камней: легенда говоритъ только объ одной арміи румановъ, истребленнойnomadамиблизъ Тамерны, и о другой, которая будто бы увязла въ тонкихъ болотахъ Темассина²⁾. Французскій форть въ Бискре, подобно касбѣ, которую онъ замѣнилъ, построено выше оазиса, надъ водами котораго это укрѣпленіе вполнѣ господствуетъ при помощи запруды: можно остановить соединенный потокъ уэдовъ Эль-Кантара и Абди и тѣмъ истребить, вмѣстѣ съ лѣсомъ пальмъ, всѣхъ людей, живущихъ подъ ихъ тѣнью. Этотъ потокъ даже лѣтомъ даетъ нѣкоторое количество воды, исчисляемое въ меженное время слишкомъ въ 600 литровъ въ секунду; кромѣ того, нѣсколько живыхъ ключей бываютъ изъ самаго ложа. Французскій городъ, построенный, какъ всѣ арабскія селенія въ цѣпи Зибанъ, изъ высушенныхъ на солнцѣ кирпичей, сгруппированъ свои дома стѣ арками и террасами подъ

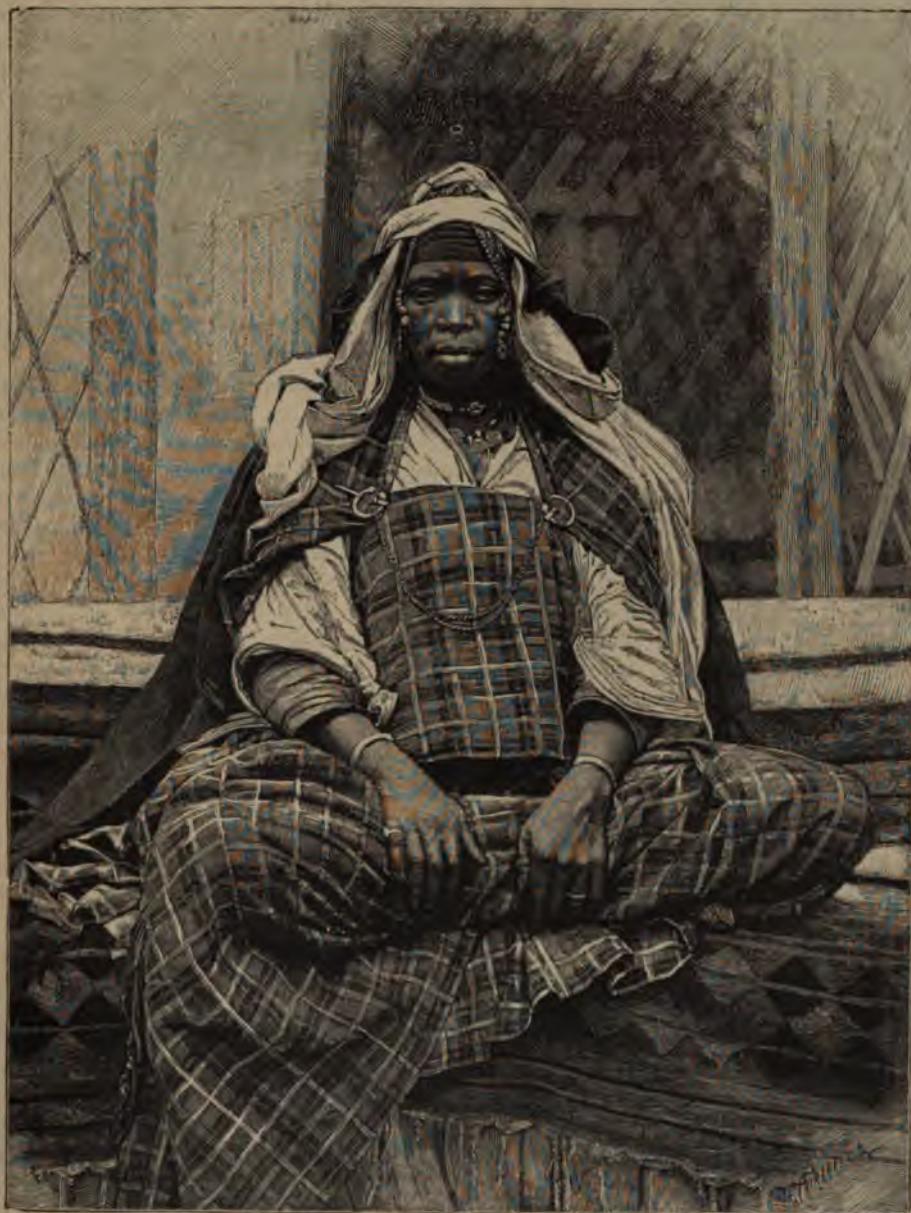
¹⁾ Reboud, „Revue africaine“, t. I;—Davenet, тамъ же, 1858 г.

²⁾ G. Fromentin, „Un été dans le Sahara“.

²⁾ Ch. Feraut, „Revue Africaine“, 1879.

защитой форта; южне расположены деревни негритянская, арабская, берберская; оазисъ заключаетъ въ себѣ семь ксуръ, разбросанныхъ, какъ ксурь тунисскихъ оазисовъ; это одинъ сплошной садъ, который тянется на 5 килом. въ длину. Около 140.000 пальмъ, производящихъ вмѣстѣ слишкомъ 100.000 гектолитр. финиковъ, занимаютъ 1.300 гектар.; среди

парки для гулянья¹). Въ послѣднее время Бискра сдѣлалась зимней санитарной станцией, и много больныхъ изъ сѣверныхъ французскихъ департаментовъ приѣзжаютъ искать здоровья подъ ея почти всегда яснымъ небомъ. Но эти гости бѣгутъ отъ жаровъ съ первыхъ же дней весны, и берberы, составляющіе главную массу населенія, уходятъ вслѣдъ за ними на заработ-

Свободная негритянка изъ Бискры.

этого обширного пальмового лѣса растуть нѣсколько тысячъ маслинъ, происходящихъ, какъ говорять, отъ римскихъ плантаций, и множество другихъ плодовыхъ деревъ; кроме того, французами разведены сады для акклиматизации тропическихъ растеній, древесные питомники,

ки въ города поморья. Уроженцы Бискры встречаются тысячами въ большихъ городахъ Алжиріи: первый туземецъ, протянувшій руку фран-

¹⁾ E. Carette, „Etudes sur la Kabylie proprement dite“.

цузамъ, чтобы помочь имъ высадиться на набережную Алжира, былъ бискрѣцъ, вѣроятно, уроженецъ одного изъ зибанскихъ оазисовъ, такъ какъ съ незапамятныхъ временъ эмигранты изъ этой области исполняютъ по преимуществу профессію лодочниковъ въ городѣ Барбароссы. Правда, этимъ именемъ называются обыкновенно всѣхъ выходцевъ съ юга, кромѣ негровъ и мзабитовъ. Къ сѣверо-востоку отъ Бискры, въ горахъ Джебель-Ауресъ, учреждена военная санаторія—лагерь Джемора.

Въ восточномъ Забѣ (Забѣ Шерги) оазисы слѣдуютъ одинъ за другимъ узкой полосой, ограниченной съ одной стороны откосами горъ, съ другой—солончаковыми берегами впадины Мельгига. Въ этой мѣстности главная группа пальмъ образуетъ, на юго-востокѣ отъ Бискры, оазисъ Сиди-Окба, названный такъ по мечети, воздвигнутой надъ могилой знаменитаго завоевателя: здѣсь, вѣроятно, кончилъ жизнь, въ 1860 году геджры, основатель Каїруана, полководецъ, который, какъ гласить легенда, по ту сторону Магреба эль-Акса, скакалъ все впередъ до тѣхъ поръ, пока конь его не прыгнулъ въ волны Атлантики. Атакованый несмѣтной толпой берберовъ-христіанъ, къ которымъ присоединились греки, еще многочисленные въ томъ краю¹⁾, онъ погибъ со всей своей дружиной. Монастырь (зауїя), основанный рядомъ съ его могилой, сдѣлался духовной метрополіей всей страны и одною изъ славнѣйшихъ школъ мусульманскаго права въ Алжирѣ. Обитатели Сиди-Окба живутъ паразитами, кормясь на счетъ пилигримовъ,—жалкое населеніе нищихъ и калѣкъ, слѣпыхъ, хромыхъ и проказенныхъ.

Къ юго-востоку отъ Бискры, многочисленные оазисы образуютъ архипелагъ воздѣланыхъ земель, которому даютъ название сѣвернаго Заба (Забѣ Дахри), или южнаго Заба (Забѣ Гѣбли)—название, не оправдываемое положеніемъ ихъ относительно совокупности Зибановъ, т. е. «Деревень», такъ какъ на востокѣ другой Забѣ тянется вдоль южной части Ауреса. Туда также проникли арміи Рима, и столица этихъ оазисовъ еще обладаетъ римскимъ замкомъ, сводъ котораго жители замѣнили слоемъ земли, поддерживаемымъ стеблями финиковыхъ пальмъ; черепки глиняной посуды и шлифованные кремни, находимые въ пескахъ около селеній, напоминаютъ также о пребываніи тамъ какихъ-то неизвѣстныхъ народовъ, предшественниковъ римлянъ. Пальмы сѣвернаго Заба даютъ лучшіе финики страны, но плантациіи недостаточны для прокормленія населенія, хотя въ послѣднее время французскими землевладѣльцами создано нѣсколько

новыхъ оазисовъ²⁾; подобно туземцамъ тунисскаго Джерида, жители алжирскихъ оазисовъ занимаются выѣлкой шерстяныхъ ковровъ; особенно славятся ковровыя издѣлія оазиса Лишанъ. Главный пунктъ этого архипелага—мѣстечко Тольга, расположеннное среди великолѣпнаго пальмового лѣса, деревья котораго обвиты гирляндами винограда и который оглашается воркованіемъ несмѣтнаго множества горлицъ. Монастырь этого городка, окруженный пятиадцатью мечетями и еще болѣе могущественный, чѣмъ зауїя въ Сиди-Окба, привлекаетъ въ свою школу арабской юриспруденціи около тысячи студентовъ, и политическое его влияніе, всегда проявляемое въ смыслѣ примиренія съ французами, распространяется до тунисской границы³⁾; власть джемаа, которая собираются въ селеніяхъ этого края, какъ въ большинствѣ берберскихъ общинъ, почти подавлена между двумя авторитетами—мусульманской зауїя и французской префектуры. На сѣверо-востокѣ отъ Тольги, въ оазисѣ Лишана, находится развалины мѣстечка Заача, жители котораго долгое время были союзниками французовъ и не пускали къ себѣ посланцевъ Абдель-Кадера, но потомъ возмущенные тяжкой обидой, нанесенной имъ новыми господами, встали противъ иноземныхъ завоевателей. Не было примѣра болѣе геройскаго сопротивленія: приходилось брать съ бою пальму за пальмой, домъ за домомъ, и во время окончательного штурма, произведенаго послѣ 25-дневной осады, побѣдители пощадили только одну старуху⁴⁾. Съ 1849 года, эпохи разрушенія Заачи, мѣстечко это не было вновь отстроено; уцѣлѣвшіе остатки пальмовой плантациіи сдаются въ аренду жителямъ сосѣднихъ оазисовъ.

На югъ отъ Бискры, дорога въ Тугуртъ, рядомъ съ которой вскорѣ будетъ построенъ рельсовый путь, идетъ черезъ новый оазисъ Умъ-эль-Тіуръ, затѣмъ черезъ рѣдкое лѣса тamariska, окаймляющіе сѣверный берегъ Джедди, и огибаетъ на западѣ топи, или бормы («котлы») шотта Мельгигъ, южное продолженіе котораго составляетъ шоттъ Меруанъ⁵⁾. Оазисы слѣдуютъ одинъ за другимъ съ сѣвера на югъ въ равнинѣ уeda Ригъ, где протекаютъ подземные воды, и черезъ известные промежутки встрѣчаются артезіансіе колодцы, старые и новые. Благодаря недавнимъ успѣшнымъ буреніямъ, Мгайеръ могъ употребить протяженіе своей пальмовой плантациіи, содержащей теперь до 50.000 деревьевъ; точно такъ же под-

¹⁾ Cat., „Société de Géographie de Constantine“. 1-er bulletin trimestriel 1884;—Langlois, „Bulletin de la Société de Géographie d'Oran“, 1884.

²⁾ H. Duveyrier, „La Confrérie musulmane de Sidi-es-Senoûsi“;—Rinn, „Marabouts et Khouan“.

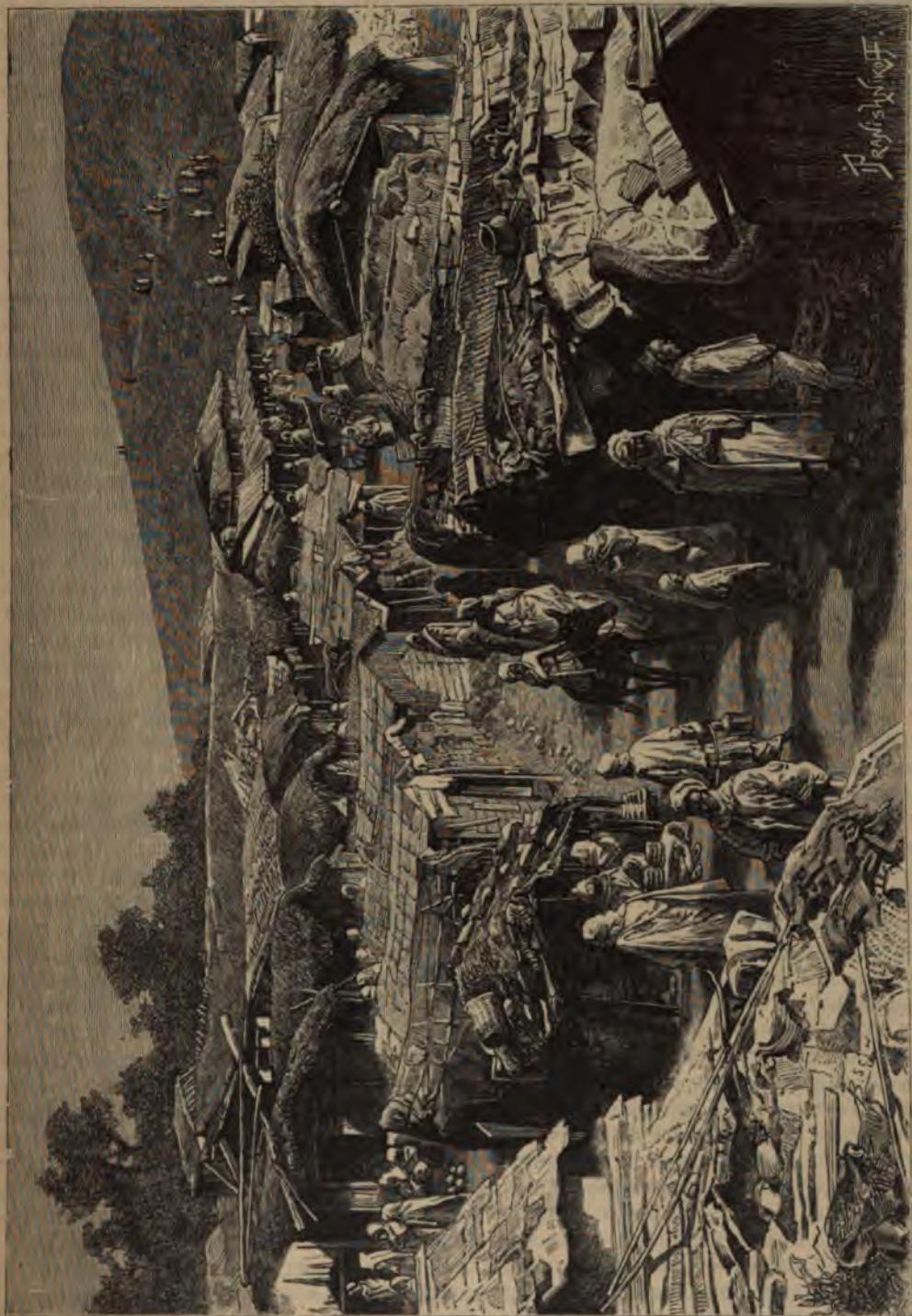
³⁾ H. Duveyrier, „La confrérie musulmane de Sidi-es-Senoûsi“;—Rinn, „Marabouts et Khouan“.

⁴⁾ Guyon, „Voyage d'Alger au Ziban“.

⁵⁾ Guyon, „Voyage d'Alger au Ziban“.

земные воды, изведенныя на поверхность буравомъ французскихъ инженеровъ, вызвали къ жизни много новыхъ садовъ вокругъ Угланы и Тамерны. Извѣстно, какія преобразованія

измѣнились ихъ ущестрилась; введены новыя культуры, и населеніе значительно возросло; словомъ, видъ мѣстности совершенно измѣнился ¹⁾). Гдѣ показываются воды, тамъ вскорѣ

Жилища племени бени-рамасе въ Константинѣ.

производить современная индустрія въ этихъ южныхъ оазисахъ: количество воды, даваемой артезианскими колодцами, почти утвердилось съ половины настоящаго столѣтія; число пальмъ почти удвоилось во всей области уѣза Ригъ, а

возникаютъ людскія поселенія. До употребленія артезианского зонда часто наблюдалось

¹⁾ Jus, "Rapport annuel"; —G. Rolland, рукописная замѣтка.

обратное явление: источники иссыкали, вследствие затопления деревья вымирали, дома покидались, и песок скоро засыпалъ нѣкогда цвѣтущій оазисъ. Рядомъ съ каждымъ «новымъ» городомъ виднѣется «старый», указывая перемѣщеніе отверстія, черезъ которое воды скрытаго резервуара сообщаются съ поверхностью земли. За исключеніемъ Тугурта (Теккартъ), оазисы уѣзда Ригъ должны были, такъ сказать, перекочевывать въ равнинѣ, по волнѣ подземной воды. Впрочемъ, осады и насильственныя разрушенія также нерѣдко вынуждали обитателей Рига переносить свои жилища на новый мѣста.

Эти туземцы, называемые руага (рура или руара), въ числѣ около 13.000 душъ,—бербери зенатскаго происхожденія, но въ такой сильной степени смѣшанные съ неграми, что походить на нихъ цвѣтомъ кожи, чертами лица и шевелюрой¹⁾. Поработленные властителями Тугурта съ начала XV ст., они часто были вовлекаемы въ войны междуnomадами и жителями ксировъ. Новая история началась для нихъ лишь съ 1856 г., когда бурь сталъ вызывать воды, скрытыя въ пѣдрахъ земли. Съ этой эпохи соціальная условія населенія существенно измѣнились. Прежде окрестные nomads были истинными владельцами оазисовъ. Жители ксировъ культивировали сады на пра-вахъ исполнниковъ, тогда какъ кочевники пасли стада и ходили въ Телль за покупкой зерноваго хлѣба. Но въ обмѣнъ за часть купленной пищеницы они требовали наибольшую часть сбора финиковъ; кроме того, они были закладчиками и ростовщиками; осѣдлые землѣдѣльцы находились у нихъ въ кабалѣ, и положеніе ихъ почти ничѣмъ не отличалось отъ положенія крѣпостныхъ. Но этотъ старый порядокъ вещей постепенно исчезаетъ. Руага стали сѣять ячмень на большихъ пространствахъ, что избавляетъ ихъ отъ дорого-стоющіхъ услугъ кочевыхъ поставщиковъ хлѣба; большинство ихъ сдѣлалось собственниками пальмъ; кроме того, возрастающая цѣнность деревъ и ихъ продуктовъ, а также возвышение заработной платы, вслѣдствіе созданія новыхъ оазисовъ французскими обществами, дали возможность туземцамъ освободиться отъ своихъ наследственныхъ долговъ. Даже тѣ руага, которые остались «хаммесами», т. е. пятииницами, много выиграли въ независимости и въ благосостояніи со времени вырытія артезіанскихъ колодцевъ. Только нѣкоторыя пальмовые рощи принадлежать еще nomадамъ, именно уладъ-мулетамъ: эти плантациіи сразу можно узнать по ихъ запущенному виду. Четыре пя-

тыхъ производства финиковъ вывозится изъ оазисовъ черезъ Бискру²⁾.

Окруженный 170.000 пальмъ, «древній-шій оазисъ страны», Тугуртъ, заслужилъ своими обильными урожаями финиковъ прозвище «Чрева Пустыни»: это естественная столица всей области уѣза Ригъ. Съ песчаныхъ пространствъ, разстилающихся на восточной его сторонѣ, этотъ городъ представляеть импонирующій видъ: передовые бастионы касбы, двѣ массивныя четыреугольныя башни, постепенно съуживающіяся къ вершинѣ и оканчивающіяся нависшой галлереей, бѣлые дома съ плоскими крышами, ярко выступающіе на темномъ фонѣ большаго лѣса,—все это вмѣстѣ образуетъ полную и довольно грандіозную картину. Тугуртъ, стоящий на уѣзѣ Ригъ, ниже подземного сланія уѣза Мія съ уадомъ Игаргаръ, находится на высотѣ 69 метр., у восточной подошвы плоскогорья, верхняя площади котораго выше метровъ на 100. Городъ имѣеть форму овала, удлиненного по направлению съ сѣверо-запада на юго-востокъ; длинный ровъ, теперь высохшій, окружаетъ дома, расположенные въ видѣ сплошной стѣны; за рвомъ идетъ валъ, защищающій городъ отъ вторженія песковъ. Внутри ограды, извилистыя улицы и большая площадь раздѣляютъ населенія различного происхожденія—здесь сгруппированы собственно горожане, тамъ вольноотпущенныи негры, въ иномъ мѣстѣ иностранцы или евреи, обращенные въ исламъ. До недавняго времени разные кварталы жили между собой въ постоянной враждѣ и борьбѣ; такъ же, какъ въ Гадамесѣ и въ большинствѣ другихъ берберскихъ городовъ, этнические элементы существовали бокъ-о-бокъ, но не слились въ одно цѣлое: они оставались врагами, и нерѣдко вооруженный миръ смынялся открытой войной. Съ 1854 г., когда французы овладѣли Тугуртомъ, городъ сталъ быстро развиваться и теперь достигъ цвѣтущаго состоянія: число жителей удвоилось; вмѣсто лачугъ изъ битой глины или высущенаго на солнѣ кирпича, появилось много домовъ изъ плитъ гипса, съ галлереями и верхними этажами; за городскими стѣнами основались обширныя предмѣстія; торговое движеніе, направляемое преимущественно французами, значительно усилилось. Самая дѣятельная промышленность Тугурта, какъ и въ другихъ оазисахъ,—выѣлка ковровъ и шерстяныхъ тканей. Въ сосѣдствѣ гражданскаго города находится духовная метрополія, Темассинъ, лежащій въ 13 километр. къ югу, у оконечности лужи, образуемой стоками оросительной воды. Зауйя Тамельгатъ, въ Темассинскомъ оазисѣ, есть філіальный монастырь зауйи Аинъ-Махді, принадлежащей ордену Тиджанія; но авторитетъ этой філіальной обители теперь уже пре-

¹⁾ Ch. Féraud, „Revue Africaine“, 1879;—Topinard, „Bulletin de la Société d’Anthropologie“, 2-е серія, № 11, 1870.

²⁾ G. Rolland, рукописные заметки.

восходитъ авторитетъ начального монастыря и распространяется до Сенегальской области Фута. Темассинская зауяя недавно подверглась нашествію тимеди, термитовъ, грызущихъ деревянныя постройки: многіе дома уже обрушились.

На юго-востокѣ, по направленію къ Гадамесу, тянется область большихъ дюнъ, въ видѣ безконечнаго ряда песчаныхъ волнъ; на югѣ бассейнъ Игаргара занять туарегами; поэтому торговыя сношенія Тугурта въ сахарскихъ областяхъ возможны только съ племенами бени-изабѣ на западѣ, съ уѣдомъ Уаргла на юго-западѣ, и съ уѣдомъ Суфъ, или «Рѣка», на востокѣ. Эта послѣдняя группа оазисовъ—самая уединенная изъ всѣхъ оазисовъ алжирской Сахары. Она расположена на джеридской дорогѣ, безъ малаго въ ста километрѣ отъ Тугурта, и со всѣхъ сторонъ окружена песками; подземная вода нигдѣ не выступаетъ на поверхность: по словамъ мѣстной легенды, христиане, бывшіе владѣтели края, уходя оттуда, спрятали рѣку посредствомъ своего чародѣйскаго искусства, и мусульманамъ еще не удалось разрушить эти чары. Однако, десять оазисовъ уѣда Суфъ сохранились, и растущія на нихъ финиковая пальмы (180.000 деревьевъ) даютъ великолѣпные плоды, безъ всякаго орошения. Нужно только выбрать благопріятное мѣсто въ промежуткѣ двухъ смежныхъ дюнъ и рыть землю, чтобы достигнуть слоя подпочвы, достаточно увлажненного, который встрѣчается на разныхъ глубинахъ, иногда на глубинѣ 12 метровъ; посаженный тамъ деревъ спускается корнями до водоносной жили; но иногда случается, что этотъ подземный резервуаръ перемѣщается или понижается: тогда надо окапывать и подпирать дерево и рыть землю снизу или по бокамъ, чтобы дать ему болѣе благопріятное помѣщеніе. Вынутая земля, расположенная въ видѣ насыпей вокругъ вырытыхъ воронкообразныхъ углубленій и скрѣпленная частоколами, защищаетъ пальмы отъ песковъ. Въ некоторыхъ мѣстахъ эти огромныя земляныя работы дѣлаются для сада, который будеть состоять всего изъ четырехъ или пяти деревьевъ; но есть и обширные сады, заключающіе до сотни финиковыхъ пальмъ, а также другія фруктовыя деревья: апельсинное, абрикосовое, фиғовое, виноградъ, подъ тѣнью которыхъ произрастаютъ овощи и табакъ.

Сады, плодъ этого упорнаго труда, не принадлежать, однако, тѣмъ, кто ихъ воздѣльываетъ. Такъ же, какъ въ большинствѣ другихъ оазисовъ Сахары, воинственныеnomads присвоили себѣ право взимать львиную долю урожая. Извѣстныя подъ именемъ «трудъ» и соединенные съ другими грабителями, ребайя, ферджанъ, уладъ-гамидъ, эти арабскіе пастухи, какъ говорятъ, пришедши въ край въ концѣ четырнадцатаго столѣтія, кочуютъ въ сосѣд-

ствѣ оазисовъ, предоставляя всѣ земледѣльческія работы трудолюбивымъ адуанамъ. Такъ какъ произведенія почвы недостаточны для прокормленія всѣхъ жителей (около 30.000 душъ), то адуаны эмигрируютъ въ большомъ числѣ, особенно въ тунискіе города, гдѣ зарабатываютъ себѣ хлѣбъ, въ качествѣ землекоповъ, носильщиковъ и домашней прислуги; ихъ называютъ «суафа», то-есть «уроженцами Суфа». Женщины занимаются тканьемъ «гали», которая онѣ красятъ мареной или индиго, и которая составляютъ предметъ очень прибыльной торговли въ Гадамесѣ¹⁾). Производство этихъ костюмовъ достигаетъ слишкомъ 70.000 штукъ ежегодно, при средней цѣнѣ 25 франковъ за штуку.

Эль-Уэдъ, или «Ручей», главный оазисъ въ группѣ Суфъ, заключаетъ въ себѣ до тысячи низенькихъ домиковъ (вышиной не болѣе 2-хъ метровъ), имѣющихъ всего только одно отверстіе безъ створки и увѣнчанныхъ маленькими куполами, которые поддерживаются пальмовыми бревнами; касарь служить исходной точкой для алжирскихъ каравановъ, направляющихся въ Гадамѣсть мимо колодца Биръ-эсъ-Софъ. Эль-Уэдъ, такъ же, какъ многіесосѣдніе оазисы, служить мѣстопребываніемъ религіознаго братства, поддерживающаго торговыя и дружественные сношенія съ хуанами всей Сѣверной Африки. Гемаръ и Куининъ—тоже многолюдныя мѣстечки, жители послѣдняго въ большинствѣ почти слѣпые, отъ дѣйствія тонкаго песку, часто наполняющаго атмосферу²⁾. Суфъ—единственная мѣстность Сахары, гдѣ найдены обломки современныхъ чисто-морскихъ раковинъ, труборога (*buccinum*) и морскаго желудя (*balanus*)³⁾; до сихъ поръ неизвѣстно другаго признака, свидѣтельствующаго о существованіи морской бухты въ области пустыни, сосѣдней съ заливами Большой и Малый Сиртъ⁴⁾; но большинство геологовъ погаютъ, что эти уединенные раковины не имѣли постояннаго жительства въ этомъ мѣстѣ, и что онѣ происходить изъ перенесенныхъ сюда земель.

Оазисы уѣда Джедди, подобно оазисамъ уѣда Ригъ, принадлежать къ бассейну «внутреннаго моря», если можно сохранить это название за солончакомъ шотта Мельгигъ. Болѣе половины сахарской покатости Алжиріи, отъ Джебель-Амура до границы Туниса, составляетъ часть этого бассейна, центральный резервуаръ котораго теперь почти совершенно высохъ. Безъ всякаго сомнѣнія, эта долина, продолжающаяся на югѣ горъ и параллельно ихъ основанию, пріобрѣтѣтъ рано или поздно

¹⁾ V. Largeau, „Le Sahara algérien“,—Bonnemain, „Nouvelles Annales des Voyages“ 1857.

²⁾ Ch. Leurent, „Mémoire sur le Sahara oriental“.

³⁾ Desor, „La Forêt vierge et le Sahara“.

⁴⁾ Ch. Grad, „Bibliothèque universelle“.

весьма важное торговое и земледельческое значение, но въ настоящее время она очень слабо населена.

Афлу, нарождающійся городокъ, служащій столицей горцамъ Амура, представляетъ центръ населенія, гдѣ перепись 1881 г. насчитала всего только восемь человѣкъ жителей: одного француза, трехъ евреевъ и четырехъ испанцевъ. Эта маленькая кучка строеній лежитъ на высотѣ 1.350 метр., близъ верхнихъ истоковъ уада Мзи, главной вѣтви уада Джедди, великой сахарской рѣки. У Таджемута уадъ, выходящій изъ Афлу и съ сѣвернаго ската Джебель-Амура, соединяется съ ручьемъ, который питаютъ южныя долины того же массива, и который проходитъ недалеко отъ Аинъ-Махди, духовной метрополіи знаменитаго ордена Тиджанія, основаннаго въ XVIII ст. Городокъ, выстроившійся вокругъ монастыря (зауїя), занимаетъ каменистый бугоръ, и высокія зубчатыя стѣны отдѣляютъ его отъ пояса садовъ. Союзники французовъ, хуаны братства, храбро защищались противъ Абдель-Кадера, который вырубилъ деревья въ ихъ садахъ и разорилъ ихъ рынокъ, прежде одинъ изъ важнѣйшихъ въ Мавританіи, на границѣ Сахары и Телля; Фромантенъ видѣть тамъ только двѣ пальмы. Но роковой ударъ его торговлѣ нанесло занятие французами Лагуата, который былъ сѣланъ глауномъ городомъ сахарскихъ областей Алжирской провинціи: это центръ, къ которому теперь направляется все движение торгового обмѣна.

Лагуатъ, уже соединенный съ столицей Алжиріи колесной дорогой, которой пользуются общественные кареты, намѣченъ какъ исходный пунктъ будущей желѣзной дороги, которая направится къ Туату; но ему, кажется, придется еще ждать нѣсколько лѣтъ этого рельсowego пути, существующаго соединить его съ алжирской сѣтью; въ этомъ отношеніи онъ будетъ опереженъ своей соперницей, Бискрай, которая, подобно ему, находится у одной изъ дверей, открывающихъ сообщеніе между Теллемъ и Сахарой. Лагуатъ, лежащій въ небольшомъ разстояніи къ западу отъ Алжирскаго меридіана и въ разстояніи около полуградуса къ востоку отъ меридіана Парижскаго, является весьма важной геодезической станціей, на большой дугѣ круга, проходящей черезъ африканскій континентъ¹⁾. Этотъ городъ, хотя онъ лежитъ на большой высотѣ (741 метр.), находится уже въ краевыхъ цѣпей алжирскаго плоскогорья; мѣловыя горки, которыхъ тянутся въ этой области, параллельно общей оси Атласа, съ юго-запада на сѣверо-востокъ, покрыты при основаніи по-третичными осадочными формациами. Между подошвой плоско-

горья и садами Лагуата течетъ рѣка Мзи, принимающая, нѣсколькими километрами ниже, имя Джедди. Отведенный изъ этого потока оросительный каналъ извивается въ оазисѣ и, пройдя между двухъ холмовъ, развѣтвляется по разстилающейся за ними равнинѣ. На скатахъ этихъ холмовъ, между которыми пробирается струя воды, заботливо регулируемая фонтаникомъ, расположены дома Лагуата, построенные амфитеатромъ. На юго-западѣ находятся два квартала на двухъ смежныхъ горкахъ; на сѣверо-востокѣ уединенный бугоръ несетъ на себѣ третью группу домовъ. Такъ же, какъ въ другихъ берберскихъ городахъ, населеніе Лагуата распределено, смотря по происхожденію, въ разныхъ кварталахъ. Въ народныхъ собранияхъ (джемаа) одинаково участвовали всѣ жители: уладъ-сергинъ, обыватели западнаго квартала, алафъ, обыватели восточнаго, и уладъ-аль-хаджъ-аисса, или «сыны пилигрима Аиссы», обитатели южнаго склона; но совѣты стариковъ не всегда одерживали верхъ, и между молодежью двухъ наиболѣе горячихъ партий, сергинами и алафами, нерѣдко доходило до драки и вооруженного столкновенія; что касается «сыновъ Аиссы», то они старались установить свое господство не силой оружія, а путемъ благочестивыхъ интригъ²⁾. Одно изъ лагуатскихъ братствъ принадлежитъ къ знаменитой ассоціаціи сену-сievъ.

Занятый французами въ первый разъ въ 1844 г., Лагуатъ снова былъ взятъ ими въ 1852 г., послѣ убийственного штурма, окончившагося избѣженіемъ осажденныхъ. Городъ потерялъ почти все свое населеніе. Съ этой эпохи городская ограда была совершенно перестроена, арабскіе кварталы въ большей части разрушены и замѣнены французскими постройками, которая раздѣлены прямыми улицами; обширные сады, перерѣзываемые широкими дорогами, тянутся на пространствѣ нѣсколькихъ километровъ. Финиковая пальмы (около 15.000 деревьевъ), дающія плоды не высокаго качества, занимаютъ лишь часть оазиса; ма-слины, апельсинъ и лимонъ деревьевъ тоже немного; но зато путешественникъ, къ немалому своему удивленію, находитъ тамъ въ большомъ числѣ европейскія древесныя породы: груши, персики, абрикосы, смоковница, гранатовая деревья, а также виноградъ, и, въ маленькихъ огородахъ, большинство овощей, свойственныхъ Франціи, особенно лукъ³⁾. Благодаря произведеніямъ оазиса, Лагуатъ является необходимымъ этапомъ для всѣхъ каравановъ, путешествующихъ въ тѣхъ странахъ. Конвоиры продуктовъ и товаровъ, отправляемыхъ съ этого рынка,—по большей части

¹⁾ „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, avril 1878;—Derrien, „La région algérienne traversée par le meridien de Paris“, mème recueil, 2-e trim. 1885.

²⁾ Trumelet, „Revue africaine“, 1877.

³⁾ E. Fromentin, „Un été dans le Désert“.

арабы изъ союза ларбаа, названного такъ (арба значитъ «четыре»), по мнѣнію нѣкоторыхъ эти-
мологовъ, потому, что эти люди первоначально
состояли изъ четырехъ различныхъ племенъ.

въ экспедиціяхъ къ южнымъ оазисамъ. Обы-
кновенно этиnomады кочуютъ въ мѣстностяхъ
къ востоку отъ Лагуата; но зимой они спускают-
ся на югъ до земли Бени-Мзабъ, а лѣтомъ

Городъ Бонъ.

Ларба, почти все принадлежащіе къ братству тиджанія, были вообще, какъ и ихъ патроны айнъ-махди, вѣрными союзниками французовъ, и ихъ гумы, состоящіе изъ лучшихъ наездниковъ, не разъ опережали регулярныя войска

поднимаясь до Богара, Теніетъ-эль-Гада, Ти-
арета, для закупки хлѣба ¹⁾). Ниже Лагуата и

¹⁾ Trameier, цитированное сочиненіе;—Niox, „Algérie-
Géographie physique“.

его оазиса рѣка Джедди протекаетъ черезъ области, которая во многихъ мѣстахъ могли бы быть обращены въ культурныя земли и при хорошемъ орошении давали бы обильные урожаи, такъ какъ накопившіеся рѣчные насысы представляютъ въ лопинахъ слой толщиной въ не сколько сотъ метровъ. Русло уада принимаетъ въ себя притокъ Деммедь, проходящій передъ тѣмъ по ущельямъ горъ, мимо Мессада и Деммеда, живописныхъ ксуровъ племени уладъ-наиль; затѣмъ оно идетъ черезъ обширныя степнныя пространства, посѣщаемыя пастухами. Оазисы въ собственномъ смыслѣ появляются снова лишь въ нижней части долины Джедди, къ югу отъ Забъ-Дахри. Самый населенный изъ нихъ—оазисъ Уладъ-Джеллаль, заключающій не менѣе 1.400 домовъ, каждый съ садомъ, съ пальмовой рощей и съ колодцемъ. Наслѣдственная ненависть раздѣляетъ уладъ-джеллаловъ съ ихъ западными сосѣдями, обитателями оазиса Сиди-Халедъ.

Къ югу отъ области песковъ и степей, гдѣ кочуютъ племена уладъ-наиль, ларба, хаджеджъ и харазла, племенной союзъ Бени-Мзабъ занимаетъ восточную покатость мѣловыхъ плато, разрѣзанныхъ долинами уада Мзабъ и другихъ рѣчекъ, видимыхъ или подземныхъ, спускающихся на востокъ къ долинѣ уада Мія. Пользуясь своей отдаленностью отъ мѣстностей, гдѣ поселились самые предпримчивые французскіе пионеры, находясь на разстояніи почти 200 километровъ къ югу отъ поста Лагуать, который и самъ лежитъ уже виѣ алжирскихъ плоскогорій,—религіозная и торговая республика мзабитовъ долго пыталась сохранить свою независимость; однако, въ 1850 г. она принуждена была признать суверенитетъ Франціи; въ 1857 г. столица ея Гардайя была силой открыта французскимъ отрядомъ, и, наконецъ, въ 1882 г. присоединеніе къ французскимъ владѣніямъ было торжественно провозглашено, и фортъ, воздвигнутый на высотѣ, командующей Гардайей, получилъ небольшой гарнизонъ, которому поручено было представлять новаго правительства. Впрочемъ, сопротивление со стороны мзабитовъ было бы невозможно: ихъ эмигранты слишкомъ многочисленны въ городахъ поморья и ихъ интересы слишкомъ тѣсно связаны чрезъ торговлю съ интересами всей Алжиріи; истинный центръ Мзаба слѣдуетъ искать скорѣе въ Алжирѣ, чѣмъ въ бассейнѣ уада Мія.

Берберы по происхожденію и говорящіе языками кабиловъ и туареговъ, мзабиты примыкаютъ по своимъ доктринальнымъ и обрядностямъ къ вагабитамъ Аравіи: подобно этимъ послѣднимъ, они возводятъ начало своей секты къ вѣроученіямъ Абдъ-Аллахъ-бенъ Ибада, жившаго въ концѣ седьмаго столѣтія. Ибадитскія доктрины распространились въ Оманѣ и въ другихъ частяхъ Аравійскаго полуострова, за-

тѣмъ въ Иракѣ, Хорассанѣ, Туркестанѣ и Индіи, но впослѣдствіи онѣ были забыты въ Азіи, за исключеніемъ ихъ отечества, гдѣ, подъ новой формой, эти ученія породили реформу Вагаба. На западѣ, т. е. въ Африкѣ, ибадитская пропаганда имѣла болѣе продолжительные результаты, но единственно между берберами, горцами области Нефуса въ Триполи, джарабами въ Тунисѣ, мзабитами въ Алжирѣ. Арабы четырехъ правовѣрныхъ обрядностей и берберы-ибадиты взаимно третируютъ другъ друга какъ невѣрныхъ, хотя въ городахъ прибрежья они посѣщаются однѣ и тѣ же мечети. Въ общемъ основа ибадитскихъ вѣроученій представляетъ религіозную эволюцію болѣе древнюю, чѣмъ эволюція другихъ магометанскихъ сектъ, и даетъ иѣкоторый просторъ свободному сужденію¹). Часто преслѣдуемые за свои религіозныя убѣжденія и обрядности, мзабиты сдѣлались «въ высшей степени скрытыми»²), и получить отъ нихъ какія-либо свѣдѣнія относительно ихъ вѣроученій чрезвычайно трудно. Однако, благодаря своей настойчивости и ловкости, Маскерѣ добился того, что они мало-по-малу сообщили ему всѣ свои священные книги и историческіе документы, и уже многія изъ этихъ драгоценныхъ арабскихъ рукописей вышли въ свѣтъ.

Мзабиты, преслѣдуемые правовѣрными мусульманами, должны были часто менять мѣсто жительства. Берберы зенатской расы, они основали Тиаретъ на высокихъ плато, въ половинѣ восьмаго вѣка, и около двухсотъ лѣтъ держались въ этой области сѣверной Маританіи. Побѣженные санхеджами, они привнуждены были удалиться въ Сахару, гдѣ заняли горы Зибанъ, уадъ Ригъ и Суфъ. Колодцы, фонтаны, сады этихъ оазисовъ были дѣломъ ихъ рукъ; но имъ пришлось покинуть эти мѣста и искать убѣжища въ циркахъ и высокихъ оврагахъ притоковъ Міи³). При каждомъ переселеніи число ихъ уменьшалось; но тѣ, которые оставались, тѣснѣе сплочивались и становились болѣе строгими блюстителями религіозныхъ обрядовъ и национальныхъ обычаевъ. Ихъ толбы, въ одно и то же время суды, священники, блюстители нравовъ, облеченные властью разрѣшенія отъ грѣховъ, очищенія, отлученія, составляютъ настоящее духовенство, организація котораго, какъ говоритъ Маскерѣ, напоминаетъ іерархію католической церкви: это, вѣроятно, остатокъ религіи, которую берберы исповѣдовали до обращенія въ исламъ; подъ христіанской основой сохранился даже остатокъ древняго культа богини Таниты,

¹) H. Duveyrier, „Bulletin de la Société de Géographie“, 2-е семестре 1878.

²) E. Masqueray, „Chronique d'Abou-Zakaria“; — Amst., „Les Beni-Mzab“.

³) E. Masqueray, „Société de Géographie commerciale de Paris“, 13 nov. 1879.

«матери дождей»¹). Погребение умершихъ держится въ большомъ секретѣ; оно совершается ночью, и во время церемоніи очень заботятся о томъ, чтобы удалить отъ кладбища всѣхъ иностранцевъ, европейцевъ, магометанъ или евреевъ².

Большинство мзабитовъ, очевидно—бербера: ихъ сразу можно узнать по низкому росту, коренастому тѣлосложению, широкому и даже плоскому лицу, толстымъ губамъ, высокому лбу, впалымъ глазамъ, защищеннымъ густыми бровями³). Между ними живеть около 1.800 негровъ, которые по большей части все еще остаются въ положеніи невольниковъ *de facto*, несмотря на присоединеніе края къ французской Алжирії, ибо мзабиты, люди экономные и честные, не охотно разстаются съ тѣмъ, чтѣ разъ купили. Но вольноотпущеные не считаются ниже другихъ гражданъ, доказательствомъ чего можетъ служить, между прочимъ, тотъ фактъ, что изъ ихъ среды всегда выбирается приставъ народного собрания, должностное лицо, на обязанности котораго лежитъ главнымъ образомъ приведеніе въ исполненіе приговоровъ вѣча; и такъ какъ республика не имѣть ни арміи, ни полиціи, то этотъ приставъ, въ случаѣ надобности, приглашаетъ другихъ гражданъ оказать ему содѣйствіе. Евреи тоже живутъ, въ числѣ около 400 человѣкъ, между мзабитами, но среди такихъ ловкихъ торговцевъ, какъ ихъ хозяева, они рѣдко успѣваютъ обогатиться; при томъ имъ запрещено владѣть садами въ оазисахъ, и корпорація ихъ не имѣть представителей въ народныхъ собраніяхъ. Всѣ они занимаются какимъ-нибудь ремесломъ: ювелиры, оружейники, скорняки, сапожники и т. д.; они же держать домашнюю птицу, такъ какъ законъ не дозволяетъ мзабитамъ имѣть животныхъ въ домѣ⁴). Мало воинственные отъ природы, мзабиты вступали въ союзъ съ арабскими кланами, живущими въ шатрахъ подлѣ городовъ, и которые первое время составляли наемное войско; эти группы населенія называютъ зауями, хотя они вовсе не имѣютъ религіознаго характера. Между этими арабами есть также потомки прежнихъ владѣльцевъ земли, и нѣкоторые изъ нихъ владѣютъ садами и домами въ оазисѣ. Наконецъ,nomads племени шанбаа, по праву своей храбрости, пріобрѣли нѣкоторый авторитетъ въ конфедерациі, и многие изъ нихъ сдѣлались землевладѣльцами.

До присоединенія къ французскимъ владѣніямъ каждый мзабитскій городъ составлялъ независимую республику, управлявшуюся вѣчемъ (джемаа), состоявшимъ изъ членовъ, ко-

торыхъ выбиралъ каждый участокъ города между женатыми обывателями, имѣющими дѣтей и нѣкоторый достатокъ; въ важныхъ случаихъ общая джемаа, составленная изъ дѣлегатовъ городскихъ собраний, обсуждала дѣла, касающіяся всей конфедерациі. Джемаа никогда не приговаривала виновныхъ ни къ тюремному заключенію, ни къ смертной казни: pena и, въ случаѣ тяжкаго преступленія, изгнаніе—вотъ единственная кары, налагаемая обычаемъ. На площадяхъ нерѣдко происходили рукопашныя схватки между различными софами (партиями), и такъ же, какъ въ Радамесѣ, сражавшіеся наносили другъ другу удары тяжелыми ключами отъ воротъ, которые они всегда носятъ привязанными къ поясу. Совершивший намѣренное убийство выдавался головой ближайшему родственнику жертвы, который могъ пролить кровь за кровь, взять выкупъ или простить преступнику. Мзабиты—неограниченные господа въ своемъ семействѣ; дѣти не могутъ пріобрѣсти что-либо въ свою собственность безъ разрѣшенія отца. Женщины, которыхъ почти всѣ выходятъ замужъ въ родномъ городѣ, не могутъ удалиться изъ отечества; эмиграція имъ запрещена⁵); мужчина, позволившій себѣ заговорить съ женщиной публично, подвергается изгнанію, если та пожалуется на него⁶).

Большинство женщинъ занимаются у себя на дому тканьемъ матерій, тогда какъ мужчины работаютъ въ садахъ, копая гряды, строя запруды, регулируя течеіе водь. По переписи, произведенной по присоединеніи края, въ 1882 г., во всѣхъ оазисахъ насчитывалось 193.000 пальмъ. Между 30.000 мзабитами мало найдется такихъ, которые не владѣли бы небольшимъ участкомъ земли. Въ конфедерациі нѣть ни одного нищаго; всѣ нуждающіеся содержатся на счетъ гражданъ ихъ квартала; до присоединенія оазисъ представлялъ обширную мастерскую для фабрикаціи пороха.

Хотя оазисы превосходно воздѣланы, однако произведения ихъ недостаточны для прокормленія всего населенія Мзаба. Цѣлая треть мзабовъ живеть на чужбинѣ, преимущественно въ Алжиріи, въ Тунисѣ и въ другихъ городахъ побережья. Эмигранты оставляютъ своихъ женъ въ общинѣ, и если рождаются дѣти въ ихъ отсутствіе, они не колеблясь признаютъ ихъ своими, хотя бы это было послѣ многолѣтней отлучки⁷); впрочемъ, большинство ихъ обзаводятся временными супругами въ городахъ Телля, где они имѣютъ пребываніе⁸). По возвращеніи на родину, они первымъ дѣломъ совершаютъ надъ собой обрядъ очищенія отъ скверны, пріобрѣтенной пребываніемъ на чу-

¹⁾ E. Masqueray, „Correspondance Africaine“, 1882.

²⁾ A. Coupe, рукописныя замѣтки.

³⁾ A. Coupe, „Revue Africaine“, 1879.

⁴⁾ Paul Soleillet, „L'Afrique occidentale, Algérie, Mzab, Tildikelt“.

⁵⁾ Coupe, цитирован. мемуаръ.

⁶⁾ H. Duveyrier, „Tour du monde“, 1862.

⁷⁾ Ch. Amat, „Les Beni-Mzab“.

⁸⁾ Lambert, рукописныя замѣтки.

жой землѣ. Впрочемъ, находясь въ отсутствії, они не перестаютъ быть членами общини и платить причитающуюся сумму годовой подати (лезма): фактъ единственный въ исторіи народа—эмігранты мзабиты, по словамъ Койна, покрываютъ своими взносами болѣе трети расходовъ метрополії.

До французской оккупациі они должны были, кромъ того, платить очень тяжелую дань конвоарамъ изъ племени ларбаа, мехелефъ, сайдъ-отба, сопровождавшимъ караваны между Сахарою и Теллемъ. Благодаря своимъ путешес-твіямъ въ сѣверную Алжирію, мзабиты гово-рятъ по-французски и по-арабски такъ же хорошо, какъ на своемъ берберскомъ діалектѣ; образование ихъ относительно довольно высо-ко, такъ какъ всѣ они умѣютъ читать и писать. Во французскихъ городахъ рѣдко случается, чтобы уроженецъ Мзаба судился за какой-ни-будь проступокъ.

Изъ семи мзабитскихъ городовъ пять группируются въ продолговатомъ циркѣ, черезъ который проходитъ уездъ Мзабъ, съ сѣверо-за-пада на юго-востокъ, на протяженіи около 18 километровъ.

Главный городъ, Гардайя, или Тагардейкъ, занимаетъ, отъ подошвы до вершины, высокую горку, увѣнчанную мечетью, минаретъ которой походитъ на обелискъ: этотъ холмъ, сплошь покрытый домами, имѣть видъ высокой пирамиды со ступенями, украшенными арками. Внутри городъ раздѣленъ на три самостоятель-ныхъ городка, изъ которыхъ каждый имѣть свое особенное населеніе и свои наслѣдствен-ные интересы; это—единственный городъ, где дозволено жить евреямъ. Гардайя заключаетъ въ себѣ четверть жителей и около трети пальмъ всей конфедерации. Фортъ-Шепка, построенный съ южной стороны города, командуется своими пушками надъ Гардайей и двумясосѣдними городами, Мелика и Бени-Исгенъ, господствуя такимъ образомъ надъ цѣлой половиной Мза-ба. Мелика, или «Царственная», лежащая къ востоку отъ Гардайи, была прежде святымъ городомъ мзабитовъ, и въ подвалахъ ея мече-тей хранилась казна всего союза. Бени-Исгенъ, находящійся къ юго-востоку отъ Гардайи, по числу жителей—второй городъ республики; въ то же время это самый чистенький, наилуч-ше построенный, важнѣйший по торговлѣ и самый богатый городъ Мзаба; при томъ онъ отличается самыми строгими нравами; до недавнаго времени ни одному иностранцу не дозволялось жить въ Бени-Исгенѣ, ни даже остановиться на ночлегѣ; ни за какую цѣну онъ не могъ пріобрѣсти индигенатъ, купить домъ или даже дерево. Самый восточный городъ цирка, Эль-Аттефъ, есть первый городъ, основанный мзабитами; рядомъ съ нимъ расположень Бу-Нура, «Кривой»¹), названный такъ потому,

что онъ скорѣе походитъ на развалины, чѣмъ на городъ; оазисъ его заключаетъ въ себѣ не болѣе 2.000 пальмъ. Что касается городовъ Берріаъ и Герара, дополняющихъ собою мзабитское «Семиградье», то они находятся уже виѣ цирка и даже виѣ бассейна уезда Мзабъ. Берріаъ, лежащей на дорогѣ изъ Лагуата въ Гардайю, занимаетъ маленькую долину, по дну которой протекаетъ одинъ притокъ уезда Нса, питающій 35.000 пальмъ. Эль-Герара, еще болѣе богатый финиковыми пальмами, находится въ верстахъ въ восьмидесяти къ сѣверо-востоку отъ Гардайи, на другомъ притокѣ уезда Нса. Городъ Метлили, въ 32 километрахъ къ югу отъ Гардайи, на дорогѣ изъ Эль-Голеа, не принадлежитъ мзабитамъ: оазисомъ его вла-дѣеть одно племя номадовъ шаанба, которое защищаетъ земледѣльцевъ отъ нападеній виѣ-ниаго врага, но зато беретъ съ нихъ львиную долю урожая. Городъ, построенный въ песча-номъ оврагѣ, усеянномъ пальмами и окружен-номъ со всѣхъ сторонъ разорванными утесами, представляетъ лабиринтъ узкихъ и грязныхъ улицъ, идущихъ между развалинами и логови-щами. Въ оврагѣ Метлили растѣть, между про-чимъ, асклепіада гигантская (*asclepias gigantea*), одно изъ характеристическихъ растеній Судана. Славится также огурцы этого оазиса, достигающіе около метра въ длину.

Оазисъ Уаргла, расположенный по течению уезда Мія, выше подземнаго слоя притоковъ Мзаба, одинъ заключаетъ въ себѣ больше пальмъ, чѣмъ всѣ оазисы мзабитовъ: около 600.000 финиковыхъ пальмъ, изъ которыхъ три четверти приносятъ плоды, окружаютъ городъ въ видѣ густаго лѣса и продолжаются обширнымъ полукругомъ по ту сторону боло-тистыхъ земель, простирающихся на юго-во-стокѣ.

Число плодоносныхъ пальмъ въ оазисѣ Уаргла—454.309; фруктовыхъ деревьевъ—160.000; туземныхъ артезіанскихъ колодцевъ—395; обыкновенныхъ колодцевъ—600; годовой сборъ финиковъ около 7.000 тоннъ¹).

Городъ Уаргла, прежде болѣе многолюдный, имѣть такую же форму, какъ и другие ксуры оазисовъ. Онъ построенъ такимъ образомъ, что на всей своей окружности представляетъ сплошную стѣну и дѣлится внутри на нѣсколько кварталовъ, населенныхъ обитателями различного происхожденія, принадлежащими къ племенамъ бени-сиссинъ, бени-уатгинъ, бени-брагимъ; всѣ они чернокожіе и происходятъ отъ берберовъ, смѣшанныхъ съ неграми. Племена шанба командаютъ надъ хаммесами (пятни-щиками) Уаргла; кроме того, въ лабиринтѣ Уаргла живутъ мзабиты и негры; съ 1852 г. эпохи завоеванія, въ городѣ поселилось также нѣсколько французовъ, но они, подобно уро-

¹) Duvoytier, „Tout du monde“, 1861.

) G. Rolland, „Revue Scientifique“, vol. XXXI.

женцамъ Мзаба, избѣгаютъ оставаться тамъ на лѣто, изъ боязни злокачественныхъ лихорадокъ; впрочемъ, опасность въ этомъ отношеніи уменьшилась съ тѣхъ поръ, какъ осушили рвы вокругъ касбы¹⁾). Къ сѣверу отъ Уарглы, на дорогѣ изъ Тугурта, другой хорошо воздѣланый оазисъ, Нгуса, уже занятъ гаратинами, чернокожими берберами, которые, несмотря на свою сравнительную малочисленность, часто воевали изъ-за главенства съ жителями сосѣдняго большого оазиса; послѣ земледѣлія главныя ихъ занятія—производство «труні», или углекислой соды, и выдѣлка «медалевъ», или большихъ шляпъ, которыя надѣваются поверхъ шешіи и тюрбана. Артезіанскій поясъ, подобный поясу уѣда Ригъ, занимаетъ лощину Уарглы и сосѣднихъ оазисовъ: общее количество даваемой имъ воды, около одного кубич. метра въ секунду, возрастаетъ, благодаря многочисленнымъ буреніямъ, предпринятымъ съ 1882 года. До недавнаго времени ежегодно «умираль» одинъ изъ колодцевъ оазиса, а смерть колодца сопровождалась гибеллю отъ 1,500 до 2,000 пальмъ²⁾.

Виѣ оазисовъ Уаргла и Нгуса кое-гдѣ встрѣчаются еще куны пальмъ въ низинахъ уѣда Мія, но какъ ничтожно по численности нынѣшнее населеніе этого края въ сравненіи съ тѣмъ, которое жило тамъ въ предшествующую эпоху, когда разсѣянныя въ разныхъ мѣстахъ развалины были городами, окружеными садами и плантациями! На сѣверѣ, почти на полдорогѣ изъ Уарглы въ Тугуртъ, равнина Эль-Хаджира была покрыта деревнями, а на берегу шотта, теперь высохшаго, стоялъ городъ Багдадъ. Самый замѣчательный изъ тогданихъ городовъ этого края былъ Седрата, прозванный «сахарской Помпей». Подъ дюнами, развертывающимися на юго-западѣ отъ Уарглы, до сихъ поръ еще находятся его дома съ изваяніями, столярными работами, орнаментами всякаго рода и даже колодцами³⁾): по преданію, этотъ городъ, очевидно, берберскій, судя по архитектурѣ построекъ, и присвоиваемый мзабитамъ, былъ побинутъ въ эпоху арабскаго нашествія. Но и остатки предшествовавшей эпохи тоже очень часто встречаются у основанія плоскогорій, а по краямъ скалъ, господствующихъ надъ подземнымъ теченіемъ уѣда Мія, видны даже слѣды селеній каменнаго вѣка, съ мастерскими для выдѣлки кремневыхъ орудій и множествомъ другихъ предметовъ, свидѣтельствующихъ о существованіи въ тѣ времена спошненій между сахарцами и прибрежными жителями Индійскаго океана⁴⁾). Недалеко отъ Седра-

ты, гора Хrima вздымаєтъ свои крутыя откосы на 80 метр. надъ поверхностью песковъ: это естественная твердь, служившая убѣжищемъ абадитамъ, когда они должны были удалиться изъ Уарглы; но потомъ имъ пришлось покинуть и эту крѣость и переселиться въ долину уѣда Мзабъ, отъ которого они и получили теперь свое название мзабитовъ. По свидѣтельству одной арабской рукописи, сообщенной путешественнику Тарри однимъ изъ потомковъ бывшихъ султановъ того края, въ XIII столѣтіи существовало 125 городовъ въ этой области, гдѣ теперь осталось только два — Уаргла и Нгуса.

Хотя Уаргла, заранѣе намѣченная какъ одна изъ важныхъ станцій будущей транссахарской желѣзной дороги, лежить южнѣе 32° широты, въ пяти градусахъ отъ побережья Средиземнаго моря, однако, она—еще не самый передовой французскій постъ въ южномъ направлениі. Ксарь Эль-Голеа, находящійся почти подъ меридіаномъ Алжира, слишкомъ въ 900 километрахъ отъ этой столицы по лагутской и мзабской дорогѣ, былъ посыщенъ впервые въ 1859 г. Генрихомъ Дюверье, который подвергся тамъ оскорблению и даже едва не былъ убитъ. Въ 1873 г. одна французская колонна проникла въ этотъ ксарь, и хотя послѣдній не занялъ французскимъ гарнизономъ, тѣмъ не менѣе, онъ платитъ дань и тѣмъ самимъ признаетъ надъ собой власть алжирскаго правительства. Въ этомъ мѣстѣ французами уже пѣрейдентъ бассейнъ уѣда Мія: съ бугра, на которомъ расположень ксарь, внизу видно высохшее ложе уѣда Сеггеръ, служащее дорогой караванамъ, направляющимся къ Туату и Томбукту. Въ небольшомъ разстояніи къ западу начинается поясъ большихъ дюнъ, соотвѣтствующій арегамъ на востокѣ, между бассейномъ Игаргара и Гадамесомъ. Сады оазиса Эль-Голеа, заключающіе около 16.000 пальмъ, занимаютъ опушку дюнъ и орошаются водой колодцевъ и фогаратовъ, или подземныхъ водопроводовъ. Мѣстнымъ земледѣльцамъ, зенатскаго происхожденія, стѣть большихъ трудовъ охранять плантaciю отъ засыпанія пескомъ, а когда наступить пора сбора плодовъ, съ такимъ трудомъ вырощенныхъ, nomады шанба-муади, наспѣше свои стада въ окружающихъ степяхъ, и марабуты уладъ-сиdi-ашъ-шайхъ являются требовать свою долю урожая, счиная себя, по праву силы, владѣльцами земли; берberы, зенатской расы, населяющіе оазисъ, не болѣе какъ хаммесы, получающіе только пятую часть плодовъ; нѣсколько вольноотпущеныхъ негровъ живутъ въ отдаленномъ кварталѣ въ сосѣдствѣ ксара.

Уаргла, Эль-Голеа, Метлили—три города или ксур, къ которымъ тяготѣютъ кочевники шанба. Они владѣютъ въ этихъ ксурахъ домами и садами и регулярно дѣлаютъ туда два

¹⁾ G. Rolland, „Mission Transsaharienne“.

²⁾ A. de Chatelier,—Tarry,—G. Rolland, „Comptes rendus de l'Académie des sciences“, 14 sept. 1853.

³⁾ Tarry, „Revue d'Ethnographie“, 1883.

⁴⁾ Féraud,—Thomas,—Largeau,—Tarry,—Rolland,—Weisgerber,—Teisserenc de Bort,—Rabourdin, „Bulletin de la Société d'Anthropologie“, séance du 17 février 1881.

визита въ годь: во время стрижки овецъ и въ сезонъ сбора финиковъ. Въ то время, какъ главная масса кочуетъ со своими стадами въ степяхъ, нѣкоторые изъ номадовъ остаются въ городѣ присматривать за имуществомъ своихъ родичей. Такимъ образомъ шанба пользуются и продуктами отъ своего скота, и произведеніями своихъ садовъ; кромѣ того, они занимаются торговлей, въ качествѣ разносчиковъ и конвоировъ мѣзабитскихъ товаровъ; съ этими товарами они ходятъ въ Гуару, въ Марокко, даже въ Суданъ. Между ними есть также и ремесленники, практикующіе свое мастерство въ шатрахъ на кочевкѣ, а женщины ихъ ткуть и вышиваютъ разныя матеріи. Наконецъ, они почти не имѣютъ равныхъ себѣ какъ грабители; одна изъ нихъ фракцій за свое искусство въ этомъ промыслѣ прозвана Хабъ-эръ-Рихъ, чѣдъ значить «догони-вѣтеръ». Когда эти баранчики угоняютъ у кого-нибудь стадо, то пострадавшимъ обыкновенно говорятъ: «иди лови вѣтеръ!» Шанба не полѣнятся совершить набѣгъ, за тысячу верстъ, чтобы отмстить обиду на врагахъ и захватить у нихъ стада, которыя они и уводятъ къ себѣ домой черезъ дюны и гамады ¹⁾). Когда въ этомъ племени появится на свѣтъ новый членъ семьи, то отецъ первымъ дѣломъ велитъ жечь порохъ, дабы легкія новорожденаго, начиная функционировать, наполнились воздухомъ, какимъ подобаетъ дышать воинамъ ²⁾). Со временемъ присоединенія ихъ территоріи кочевокъ къ Алжиріи, они составляютъ въ арміи родъ легкаго авангарда, и гумы ихъ сопровождаютъ всѣ военные экспедиціи. Наслѣдственные враги туареговъ, они часто мѣряются съ ними силами, и хотя сами тоже, вѣроятно, берберскаго происхожденія, но не упускаютъ случая похвалиться передъ ними своимъ родствомъ съ Пророкомъ: они говорять не иначе, какъ по-арабски, и регулярно платятъ религіозный налогъ въ пользу марабутовъ уладь-сиdi-ашъ-шайхъ.

Въ западной Алжиріи, или Ораніи ³⁾), французы не такъ далеко проникли въ южномъ направлении, какъ на югѣ провинцій Константины и Алжира. Къ западу отъ Джебель-Амура и военной дороги, направляющейся изъ Теніеть-эль-Гада къ деревнѣ Афлу черезъ хорошенкій нарождающейся городокъ Шелала, главный постъ находится еще въ области высокихъ плоскогорій, на уѣдѣ, текущемъ на сѣверъ къ большому шотту Шерги. Этотъ стратегіческий пунктъ, Жеривиль (прежде Эль-Біодъ), построенъ на высотѣ 1.232 метр., между двухъ параллельныхъ цѣпей горъ, богатыхърудными мѣсторожденіями, и въ 15 килом. къ запа-

ду отъ туземнаго городка Ститтенъ; на окружающихъ высотахъ разсѣяно множество мегалитовъ. Хотя центръ управления военнаго округа съ 1853 г., Жеривиль не развился такъ быстро, какъ другія мѣстечки плоскогорья, занимающія менѣе благопріятное положеніе, но пользуясь той выгодой, что черезъ нихъ проходитъ желѣзная дорога, продолжающаяся на югъ отъ Саиды, въ поясъ альфы. Эта промышленная и стратегическая линія не переходила въ 1881 г. за станцію Модзба, въ сѣверной части котловины высокихъ плато. Но когда восстание южныхъ племенъ вызвало необходимость сосредоточить войска у подступовъ Оранской Сахары, немедленно приступили къ продолженію рельсоваго пути, и въ 239 дней, несмотря на двухмѣсячный перерывъ работъ, вслѣдствіе сѣжихъ заносовъ, было прибавлено 115 километр. къ Алжирской сѣти. Низшая точка этой линіи (988 метр.) находится на проходѣ черезъ шотту Шерги, гдѣ бьютъ обильные источники Хейдеръ; высшая (1.158 метровъ) лежитъ у города Мешеріа, надъ которымъ съ запада господствуютъ кручи джебеля Антаръ: недавно тамъ перехвачены живыя воды и сдѣланы лѣсонасажденія въ долинахъ и на скатахъ горъ. Отъ главной линіи отдѣляются вѣтви, утилизируемые только для эксплоатациіи альфы, — одна на востокъ, изъ Халфала въ Зрагеть, другая на западъ, изъ Модзбы въ Маргумъ. По всей вѣроятности, эта линія рано или поздно примкнетъ къ желѣзному пути изъ Сиди-бель-Аббесъ въ Расть-эль-Ма.

Изъ Мешеріи желѣзная дорога продолжается на югъ до оазиса и мѣстечка Аинъ-Сефра, или «Желтый Фонтанъ», находящагося на высотѣ 1.073 метр., но уже принадлежащаго къ сахарской покатости чрезъ постоянный ручей, спускающійся къ уезду Намусъ, или «Москитовой рѣкѣ»; нѣсколько пальмъ вздымаютъ свои короны надъ стѣнами ограды, защищающей ихъ отъ дюнъ, приводимыхъ въ движение южнымъ вѣтромъ. Аинъ-Сефра служить санитарной станціей для войскъ южной Ораніи. Къ востоку отъ Аинъ-Сефра, лежащей немного ниже и совершенно защищенной съ сѣвера красными скалами, окружеными большими садами, которымъ купы финиковыхъ пальмъ, мандариновыхъ и другихъ фруктовыхъ деревьевъ, обвитыхъ гирляндами винограда, придаютъ чисто-сахарскій видъ; на сосѣдней скалѣ видны грубые изображенія мужчинъ, вооруженныхъ луками и стрѣлами, женщинъ, животныхъ, между прочимъ, слона, вырѣзаннаго, можетъ-быть, по толстокожимъ, жившимъ въ краѣ въ ту эпоху. Подобный же изваянія на скалахъ существуютъ близъ оазиса Могаръ-Тахтани, или «Нижній Могаръ», лежащаго около выходныхъ воротъ потока, получающаго ниже имъ Намугъ. Всѣ эти ксурсы, также какъ Мугаръ-Фукані, и, на мароккской границѣ, холодная Аинъ-Сиф-

¹⁾ A. Coypie, „Une Gazzzia dans le Grand Dѣsert“.

²⁾ Daumas, „Le Grand Dѣsert;—P. Soleillet, l'Alg rie, Mzab, Tildikelt“.

³⁾ Onzième R ecluz, „France et Alg rie“.

зифа, или «Осиповый источник» (климатъ тамъ такъ суровъ, что пальма не можетъ расти), представляютъ маленькия самоуправляю-

также ксурами въ Марокко, между прочимъ, ксуромъ Ишъ и его пальмами. Осѣдлое населеніе ксуровъ состоить главнымъ образомъ изъ лю-

Арабы племени тлемсенъ.

щіяся общинъ; но онъ признаютъ политическій сузеренитетъ арабскаго племени гамганъ-гарба, кочующаго въ области высокихъ плато и краевыхъ цѣпей юга; племя это владѣеть

дей племени амуръ или аморъ, единоплеменниковъ трудолюбивыхъ земледѣльцевъ, которые дали свое имя могучему джебелю, гдѣ беруть начало рѣки Шелифъ и Джедди. Горскіе

амуры—баггара, т. е. «скотоводы»; амуры, живущие въ долинахъ и въ сахарской степи,—джемала, т. е. «верблюдоловы». Нѣкоторыи изъ ихъ группъ—кочевники и выдаются себя тоза французскихъ, то за марокканскихъ подданныхъ, смотря по тому, откуда требуютъ съ нихъ налогъ—изъ Феца или изъ Алжира¹⁾; у амина ихъ имются двѣ печати, одна французская, другая марокканская, и онъ употребляетъ ту или другую, смотря по обстоятельствамъ. Жизнь хаммесовъ, работающихъ въ ксурахъ, чрезвычайно тяжелая. Голодовки составляютъ обыкновенное явление въ деревняхъ; ослы Ѣдять тамъ человѣческие экскременты—до такой степени почва бесплодна²⁾.

Ксурь, лежащіе восточнѣе, по направленію къ Жеривилю: Асла, Шемала-Дахрани и Шемала-Гебли, Бу-Семгунъ, двѣ Арбы, «верхняя» и «нижняя», тоже признаютъ надъ собою власть одного племени арабовъ, могущественного союза уладъ-сиdi-эшъ-шейхъ, или «сыновъ господина главы», происходящихъ отъ Абу-Бекра, первого калифа. Члены этого племени, гордые и высокомѣрные, всѣ марабуты и пользуются большими почетомъ со стороны сосѣднихъ племенъ, которыхъ любятъ и себя выдавать за сиди-шайховъ. Эти послѣдніе производятъ свою родословную отъ одного святаго, жившаго въ XVII ст., и гробница котораго находится уже въ сахарской равнинѣ, хотя на высотѣ 861 метра, къ югу отъ двухъ деревень Арба. Окруженная пятью ксурами, кубба Эль-Абюдъ-Сиди-Шейхъ, покрывающая кости святаго, высоко чтится арабами, и всѣ восстанія тамошнихъ племенъ подготавливались вокругъ этого священнаго мѣста. Эль-Абюдъ былъ населенъ по большей части толбами, которые держали школу для племенъ негрничныхъ мѣстностей, и—случай рѣдкій въ арабской землѣ—даже дѣвушки слушали курсы этихъ марабутовъ. Въ 1881 году кубба Эль-Абюдъ была разрушена, но потомъ снова отстроена, такъ какъ обычна политика французского правительства—опираться на крупныхъ феодаловъ (шайховъ), чтобы чрезъ нихъ посредство господствовать надъ племенами. Вся область Сахары, отъ границъ Марокко до предѣловъ Триполи, была прежде поставлена подъ начало главнаго шайха племени сиди-шайхъ. Брезина, лежащая на уѣздѣ Сеггеръ, ниже дикаго ущелья, прозванного французскими солдатами «Воротами пустыни», является главной житницей племени. Недалеко оттуда, въ южной степи, около Сиди-эль-Хаджъ-эдъ-Динъ, стоять одиноко три гура высотой въ 40 метровъ, похожіе на башни какого-то дворца гигантовъ: это кубическая массы красной земли, съ вертикальными стѣнами, съ совершенно от-

четливыми разрѣзами, оставленными эрозионными водами. Одна изъ нихъ носить на себѣ слѣды какихъ-то строеній, крѣпость, съ которой связаны легенды, но которая уже не имѣеть исторіи¹⁾. Ручьи, спускающіеся съ горъ и теряющіеся въ пустынѣ, протекаютъ по пастбищамъ, славящимся во всей Сахарѣ обилиемъ и сочностью травы. Уэдъ Зергунъ орошаеть своими водами мѣстность, прозванную «земнымъ раемъ» и дотого богатую, что тамъ «отецъ, имѣющій семь сыновей, можетъ дать каждому свой сыръ»²⁾.

Постановленное теперь подъ непосредственнымъ надзоръ французскихъ военныхъ силъ, благодаря желѣзной дорогѣ, дающей возможность въ нѣсколько дней перевезти достаточныи отрядъ войска на южный край высокихъ плато, племя уладъ-сиdi-эшъ-шайхъ менѣе страшно, чѣмъ оно было до недавняго времени; часть его ушла искать убѣжища въ Марокко, въ Туатъ, или другія мѣстности Сахары; затѣмъ цѣлые группы семействъ водворены на житѣе французскимъ правительствомъ въ разныхъ частяхъ внутренней Алжиріи. Но, тѣмъ не менѣе, черные шатры сиди-шайховъ, украшенные на верхушкѣ султаномъ изъ страусовыхъ перьевъ, еще разсѣяны повсюду въ пограничной полосѣ, этой «землѣ пороха и страха», которая простирается, безъ точныхъ предѣловъ, въ областей, хорошо известныхъ французамъ. Съ этой стороны граница совершенно открыта по направленію къ Марокко: племена могутъ по желанію переходить съ марокканской покатости рѣки Дра на сахарскую покатость уѣза Саура. Ни одна часть Алжиріи не имѣеть такого важнаго значенія съ точки зрѣнія будущихъ путей сообщенія, какъ эта область, такъ какъ желѣзная дорога отъ береговъ Нигера изберетъ, вѣроятно, это направленіе, но здѣсь-то именно граница остается совершенно неопределенной. Она не охраняется на югѣ никакой крѣпостью, никакимъ постомъ. Въ то время, какъ у воротъ Сахары, въ провинціи Константина, на стражѣ стоять Бискра, а южные подходы Алжирской провинціи обергаются Лагутомъ, Оранскій югъ остается безъ всякой защиты. Военный городъ Оранской Сахары, вѣроятно, будетъ построенъ у колодца Эль-Утедъ, командинаго, на югѣ отъ Аинъ-Сефры, выходами высокихъ плоскогорій, Фигигомъ и кочевьями племени уладъ-сиdi-эшъ-шайхъ. Игли, лежащій южнѣе, при слияніи уѣза Гиръ и уѣза Зусфана, будетъ наблюдать одновременно за Марокко и за Ораніей.

Главные общины и города Джебель-Ауреса,

¹⁾ Paul Marès, "Notes sur la constitution g  n  rale du Sahara dans le sud de la province d'Oran";— L. de Colombe, "Exploration des ksour et du Sahara dans la province d'Oran".

²⁾ Tramelet, "Les Fran  ais dans Le D  sert".

Годны, оранскихъ плато и сахарской покатости:

Провинция Константина: Бискра (1891 г.)—7.166 жит. (изъ нихъ 502 француза); Батна (1891 г.)—5.228 жит. (изъ нихъ 1.595 француз.); Мсила (туземная община)—2.845 жит. (изъ нихъ 26 французовъ); Тугурт—6.000 жит.; Суфь: Эль-Уэдь—9.000 жит.; Гемаръ—4.440 жит.; Куининъ—2.890 жит.

Провинция Алжиръ: Буда-Сада (смѣшанная община)—5.112 жит., (изъ нихъ 73 франц.); Джельфа (смѣшанная община)—842 жит. (изъ нихъ 173 франц.); Лагуатъ—3.808 жит. (изъ нихъ 87 франц.); Мзабъ: Гардайя (смѣшанная община, 1891 г.)—29.000 жит.; Бени-Исгенъ (смѣшанная община)—4.695 жит.; Берріанъ (смѣшанная община)—4.440 жит.; Герара—2.940 жит.; Мелика—1.760 жит.; Эль-Атефъ—1.670 жит.; Нура—1.190 жит.; Уаргла (смѣшанная община)—2.000 жит.; Эль-Голеа—1.575 жит.

Провинция Оранъ: Жеривиль (смѣшанная община)—832 жит.

VIII.

Несмотря на пропуски и противорѣчія официальной статистики, можно принять за несомнѣнныи фактъ постепенное возрастаніе народонаселенія въ Алжирѣ. До первой суммарной ревизіи число жителей этой страны обыкновенно полагали въ 3 миллиона, но по произведенной въ 1851 г. приблизительной переписи, оно оказалось немногимъ болѣе двухъ съ половиною миллионовъ. Въ 1872 г., послѣ страшного голода, унесшаго въ могилу по крайней мѣрѣ десятую часть алжирского населения, общая цифра жителей едва превышала 2.400.000; но послѣдующія переписи показали быстрое возрастаніе населенія. Вотъ точные результаты этихъ переписей:

Годы. Жителей.

1851—52 г.г.	2.554.121
1872	2.416.225 Уменьшеніе 137.896 или 5,7%
1878	2.857.626 Увеличеніе 451.401, " 16%
1881	3.310.412 " 442.786, " 15%
1891	4.124.732 " 814.320, " 24%

Возможно, что въ первыхъ исчисленіяхъ были пропущены многія семейства, роды или даже цѣлые племена, вслѣдствіе чего разности итоговъ вышли преувеличенными; однако, общіе результаты, вѣроятно, приблизительно вѣрны, и народонаселеніе Алжиріи возрастаетъ въ гораздо болѣе быстрой пропорціи, чѣмъ народонаселеніе Франціи. Въ настоящее время населеніе Алжиріи, со включеніемъ алжирской Сахары, составляетъ около 4 съ половиной миллионовъ душъ.

При народныхъ переписяхъ туземное населеніе считается безъ различія расового происхожденія, арабскаго или берберскаго; поэтому

возможно, что возрастаніе одного этническаго элемента совпадаетъ съ уменьшеніемъ другаго. Это имѣніе и утверждаютъ многіе писатели, основываясь на результатѣ статистики городскаго населенія: они говорятъ, что жители берберскойрасы увеличиваются въ числѣ, тогда какъ арабы, напротивъ, уменьшаются. Въ большихъ городахъ, каковы Алжиръ, Константина, Оранъ, перевѣсь смертныхъ случаевъ надъ цифрой рожденій весьма значителенъ между маврами, которые принадлежатъ главнымъ образомъ къ арабской расѣ; чрезвычайно рѣдко, только при исключительно благопріятныхъ санитарныхъ условіяхъ, устанавливается на короткій періодъ времени равновѣсіе между числомъ вступающихъ въ жизнь и числомъ выходящихъ изъ нея. Въ деревняхъ, напротивъ, цифры, даваемыя статистикой по книгамъ гражданскаго состоянія или метрическимъ записямъ (*état civil*), представляютъ совсѣмъ иное отношеніе: тамъ рожденія между туземцами много перевѣшиваютъ смертность, а известно, что въ городовъ численно преобладаютъ люди берберской расы.

Движеніе народонаселенія въ городахъ Алжиръ и Оранъ въ 1883 и 1884 годахъ, по даннымъ, извлеченнымъ изъ книгъ гражданскаго состоянія:

	Европей- цы.	Кресть- яне.	Мусли- маны.	Всего.
Алжиръ	Родилось.....	1.330	395	340
	Умерло.....	1.073	263	713
	Разность.....	257	132—373	16
Оранъ	Родилось.....	1.471	422	363
	Умерло.....	1.037	227	599
	Разность.....	434	195—236	293
(Холера)	Умерло.....	1.750	383	170
	Родилось.....	1.670	377	275
	Разность.....	80	6—105	19
	Умерло.....	1.776	378	139
	Родилось.....	2.032	405	343
	Разность.....	—255—	27—204—	486

Извѣстно, какъ сильно размножаются жители Большой Кабилии въ своихъ, всегда переполненныхъ ульевъ: въ большихъ смѣшанныхъ общинахъ Джурджуры итогъ рождений ежегодно въ два раза превышаетъ итогъ смертныхъ случаевъ¹). Даже во многихъ территоріяхъ, называемыхъ «арабскими», но гдѣ основа населения, по всей вѣроятности, берберская, наблюдается постоянное приращеніе туземцевъ. Въ видѣ примѣра можно указать на племя абдъ-энъ-нуръ, живущее въ равнинахъ Сетифа: въ имѣніяхъ Женевской компаніи тщательно изучали съ 1859 г. движеніе мѣстнаго населения, и оказалось, что регулярно каждый годъ рождаeмость превышаетъ смертность.

¹⁾ Camille Sabatier, рукописныя замѣтки.

Движеніе населенія въ смѣшанной общинѣ Бу-Сада (5.192 жит.), по Дего:

1883 г.: 219 родившихся, 192 умершихъ;
1884 г.: 223 родившихся, 185 умершихъ.

Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что элементъ, называемый «туземнымъ», еще долго сохранить за собою численное превосходство, хотя виѣ кабильскихъ мѣстностей онъ не возрастаетъ такъ быстро, какъ элементъ иностранный. Въ 1885 г. число алжирскихъ арабовъ и берберовъ приблизительно въ шесть разъ превышало цифру переселенцевъ изъ Европы и ихъ дѣтей. Берберы одни составляютъ, вѣроятно, половину всего населенія; они тоже получаютъ вѣкоторый приростъ путемъ иммиграціи, такъ какъ мароккскіе работники, приходящіе въ Алжирію, по большей части принадлежать къ кабильской или шеллахской расѣ. Скрепившись съ туземцами, негры также содѣствуютъ укрѣпленію берберского элемента, такъ какъ они селятся преимущественно въ сахарскихъ ксурахъ, среди руаговъ; вѣда, подобно этому племени, осѣдлый образъ жизни, они мало-по-малу усваиваютъ тѣ же привычки и сливаются съ руагами чрезъ браки. Со времени прекращенія ввоза невольниковъ, число негровъ въ Алжиріи уменьшается, съ одной стороны вслѣдствіе смѣщенія съ другими расами черезъ браки, съ другой—по причинѣ перевѣса смертности надъ рождаемостью: виѣ сахарской покатости, до сихъ поръ климатъ Алжиріи былъ имъ гибеленъ. Правда ли, какъ это часто повторяли, будто въ Берберіи негрская раса перестаетъ размножаться уже въ третьемъ или четвертомъ поколѣнії?¹⁾ По крайней мѣрѣ, это утвержденіе пока еще не подтверждено серьезными статистическими изслѣдованіями.

Со времени завоеванія страны число европейцевъ довольно правильно увеличивалось въ возрастающей прогрессіи. Въ началѣ возрастаніе было замедлено частными эвакуаціями терроріи и препятствіями, которыя губернаторы противопоставляли добровольному переселенію; однажды былъ даже такой случай, что пароходу, привезшему 160 эмигрантовъ изъ Марона, не позволили пристать къ берегу, и бѣдняки принуждены были вернуться на родину, съ которой они уже было-распростились навсегда²⁾). Увеличеніе европейскаго населенія сначала ограничивалось сотнями душъ въ годъ, потомъ оно дошло до нѣсколькоихъ тысячъ, а теперь составляетъ слишкомъ десять тысячъ. Возрастаніе кажется нѣсколько быстрѣе, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности, потому что очень многіе евреи, пользуясь званіемъ французскихъ

гражданъ, записываютъ своихъ дѣтей принадлежащими къ нынѣ господствующей нації. Въ первое двадцатипятилѣтіе оккупации европейское населеніе возрастало единственно путемъ притока переселенцевъ. Смертность далеко превосходила рождаемость, что объясняется невѣдѣніемъ новоприбывшихъ относительно законовъ мѣстной гигиены и способами дѣченія, бывшими тогда въ модѣ: съ болотными лихорадками въ то время боролись не сѣрнокислымъ хининомъ, а кровопусканіями; страдавшіе лихорадкой, если они не переѣзжали въ другой климатъ, были обречены почти на вѣрную смерть; случалось, что полки въ нѣсколько мѣсяцевъ теряли болѣе половины своего наличнаго состава. Новая терапевтика, введенная докторомъ Мальо, была спасеніемъ европейской колонизаціи въ Алжирѣ. Благодаря ему, ежегодно были спасаемы тысячи больныхъ, и раса иммигрантовъ могла укорениться въ новомъ отечествѣ. Уменьшенію численности колонистовъ много способствовалъ также образъ жизни, преобладающій во всякомъ обществѣ, гдѣ почти совсѣмъ нѣтъ женщинъ. Большинство переселенцевъ прѣѣзжали въ страну одни, безъ семействъ, и равновѣсіе половъ восстановлялось лишь постепенно; еще въ 1839 году число мужчинъ почти втрое превышало число женщинъ. Переѣхъ смертности надъ рождаемостью, какъ показываютъ ниже приводимыя статистическія данныя, былъ такъ значителенъ, что гигиенисты⁴⁾ считали акклиматизацію европейцевъ въ Алжирѣ дѣломъ совершенно неосуществимымъ: выражали, что климатъ Берберіи, какъ это повторяютъ еще относительно климата Египта, смертеленъ для дѣтей европейской расы, и говорили даже, будто никогда иностранное семейство не выживаетъ тамъ далѣе первого поколѣнія. А между тѣмъ, съ первыхъ же годовъ завоеванія чтеніе эпитафій на римскихъ кладбищахъ въ провинціи Константина показало археологамъ, какъ многочисленны были, даѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, примѣры долговѣчности между колонистами и ихъ семействами²⁾.

Движеніе европейскаго населенія въ Алжирѣ съ 1830 по 1853 г.:

Провинція Алжиръ — 25.411 рожденій, 34.979 смерти, случаевъ; провинція Оранъ — 11.755 рожденій, 13.692 смерти, случаевъ; провинція Константина — 7.734 рожденій, 12.097 смерти, случаевъ.

Факты опровергали теорію, отрицающую возможность акклиматизаціи европейцевъ. Послѣ периода въ нѣсколько лѣтъ, во время которого число рожденій и смертныхъ случаевъ почти уравновѣшивалось, съ 1865 года

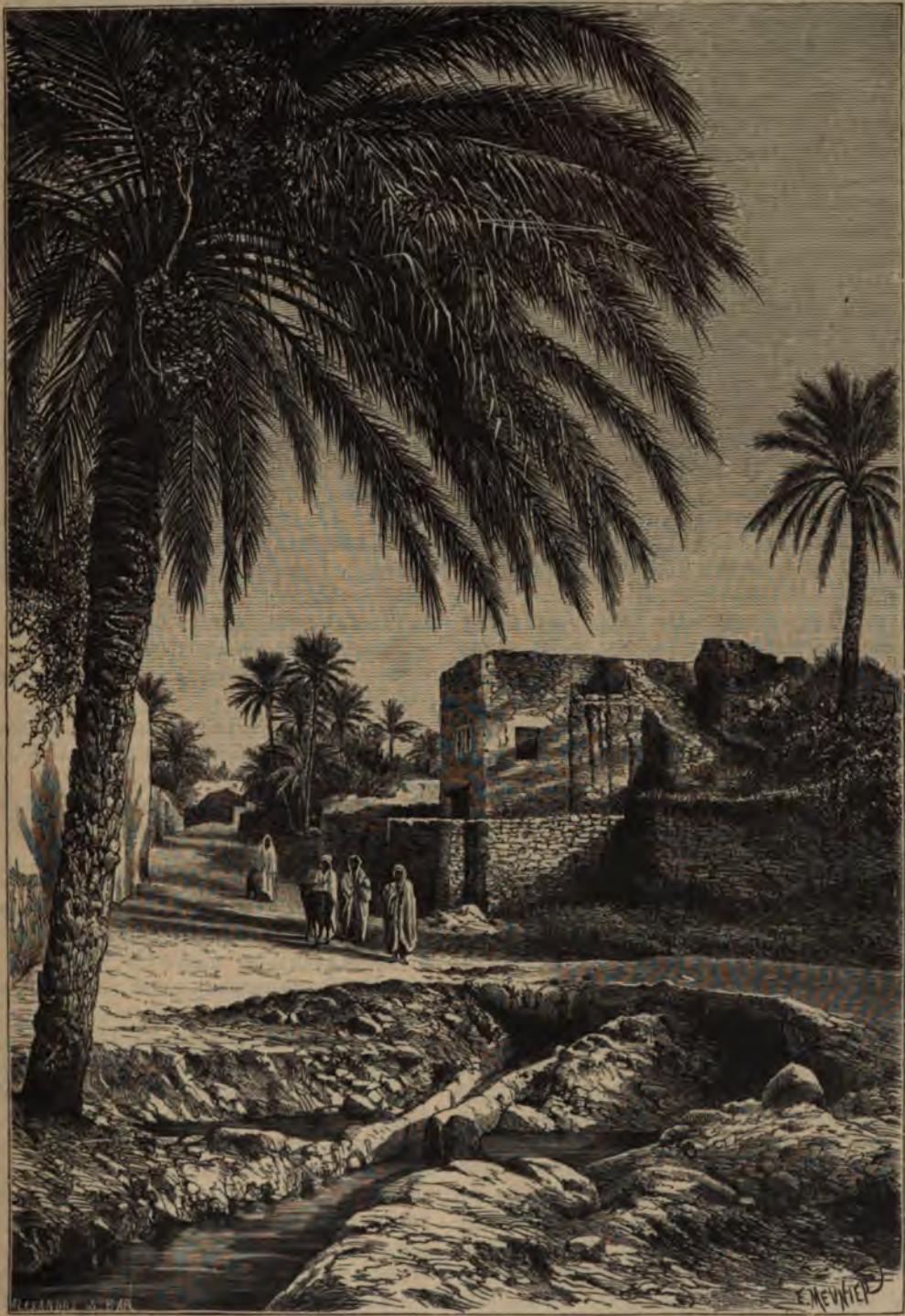
¹⁾ Ch. Laurent, „Mémoire sur le Sahara oriental“;—Boudin, „Histoire statistique de la colonisation et de la population en Algérie“.

²⁾ Campo-Grande, „Boletin de la Sociedad Geographica de Madrid“, 2 зем. 1881.

⁴⁾ Boudin, „Du non-cosmopolitisme des races humaines“.

⁵⁾ Foy;—Cherbonneau;—Bertrand;—Masqueray.

рождаемость окончательно взяла верхъ надъ чѣмъ въ Европѣ (среднее число дѣтей на каж-
смертьностью: въ годовомъ приростѣ европей-
скаго населенія около одной пятой приходится чевъ—6; у мальтицевъ—5, 6; у испанцевъ—

Улица въ Бискрѣ.

на долю избытка рожденій. Браки европей-
цевъ въ Алжиріи, пропорціонально, много-
численнѣе, чѣмъ въ ихъ метрополіяхъ; пло-
довитость брачныхъ союзовъ тоже сильнѣе,
5, 4; у французовъ—4; у нѣмцевъ—3); смер-
тность менѣе высока; въ нѣкоторые, исключи-
тельные годы число рожденій болѣе, чѣмъ на
треть превышало число смертныхъ случаевъ.

хотя десятая часть европейцевъ состоитъ изъ солдатъ, которые лишь въ слабой степени способствуютъ приросту рожденій, и между которыми смерть дѣлаетъ, сравнительно, очень обильную жатву.

Движеніе европейскаго и еврейскаго населенія Алжиріи въ 1883 г. (по даннымъ, сообщаемымъ Рику въ его книгѣ «La population europ  enne en Alg  rie»): рожденій 12.648; смертныхъ случаевъ 10.512; избытокъ 2.136, или 20%.

Общее движение алжирского народонаселения въ періодъ 1886—1893 г.г.: зарегистрировано 136.585 рождений и 118.904 смертныхъ случаевъ.

Правда, частная асимиляция евреевъ европейской въ реестрахъ гражданского состояния значительно увеличиваетъ пропорцію годового избытка рожденій, ибо у алжирскихъ евреевъ, такъ же, какъ и у ихъ европейскихъ единовѣрцевъ, демографическая условія гораздо болѣе благопріятны, чѣмъ у всѣхъ другихъ элементовъ народонаселенія.

Перевѣсь рождаемости надъ смертностью въ израильскомъ населеніи Алжиріи⁴):

Съ 1887 по 1881 г.—139, въ 1882 г.—149,
въ 1883 г.—164 на сто.

Самую благопріятную для себя среду, подобную климатическимъ условиямъ своей первоначальной родины, европейское населеніе находитъ въ возвышенныхъ мѣстностяхъ, и именно въ городахъ, лежащихъ на большой высотѣ, на краю высокихъ плоскогорій, въ Тиаретѣ, Тлемсенѣ, Медеѣ. Уже въ первый періодъ, когда смертность страшно свирѣпствовала въ Алжирѣ и другихъ городахъ прибрежья, нѣкоторые поселенія, помѣщенные высоко на горахъ, оказались въ санитарномъ отношеніи неуступающими самымъ здоровымъ мѣстамъ Франціи. Принимая необходимыя предосторожности, европейцы, уроженцы странъ средиземной покатости, чувствуютъ себя въ Алжирѣ такъ же хорошо, какъ чувствовали въ своемъ отечествѣ; что касается сѣверныхъ европейцевъ, то они должны опасаться лѣтнихъ жаровъ, которые могутъ оказывать на нихъ разслабляющее дѣйствіе и постепенно породить анемію. Для европейцевъ опасное время года — періодъ жаровъ, тогда какъ арабы, негры и люди смѣшанной расы всего труднѣе переносятъ холодный сезонъ. Нѣкоторые болѣзни, какъ напр. дисентерія, болѣе часты въ Алжирѣ, чѣмъ во Франціи; Африка имѣть даже свои специальные недуги, напр. такъ называемый «бискринскій бутонъ», въ оазисахъ; но тифоидальная лихорадка занесена туда недавно, а страшная чахотка тамъ менѣе обыкновенна, чѣмъ въ Западной Европѣ: первыя статистическія изслѣдованія установили

тотъ фактъ, что число случаевъ заболѣвания этимъ недугомъ тамъ, пропорціонально, отъ трехъ до пяти разъ менѣе значительно. Однако, страдающіе грудными болѣзнями, прѣѣзжающіе искать на алжирской почвѣ исцѣленія или продолженія жизни, повидимому, способствовали распространенію этого страшнаго бича. Процентъ молодыхъ людей, освобождаемыхъ отъ воинской повинности по болѣзни или по причинѣ слабаго тѣлосложенія, болѣе высокъ во Франціи, чѣмъ по другую сторону Средиземнаго моря. Самые красивыя люди рождаются на плоскогорьяхъ, особенно въ Тіаретѣ, и изъ равнинныхъ областей населеніе отличается наибольшей силой и красотой въ тѣхъ мѣстностяхъ, где происходитъ смыщеніе черезъ браки между французыами и испанцами.

Быть европейской колонией французы численно превосходятъ всѣхъ другихъ иностранцевъ, взятыхъ вмѣстѣ. До 1846 года было не такъ, а въ слѣдующіе годы статистика показала лишь состояніе равновѣсія между французами и другими чужеземцами. Начиная съ 1851 г. численный перевѣсъ въ гражданскомъ населеніи Алжиріи принадлежитъ первымъ; однако, разность незначительна, несмотря на преобла дающее влияніе, даваемое французамъ политическимъ господствомъ.

Численность французовъ и другихъ иностранцевъ въ Алжирѣ съ первыхъ временъ оккупации:

Въ 1833 г.—3.483 франц., 4.329 иностранн.;
въ 1845 г.—48.274 франц., 61.126 иностранн.;
въ 1851 г.—66.050 франц., 65.233 иностранн.;
въ 1881 г.—195.418 франц., 189.944 иностраннцевъ; въ 1891 г.—268.000 французовъ,
216.000 иностраннцевъ.

Мальтійські емігранти, приходивши въ первые годы оккупації въ качествѣ мелкихъ тор-говцевъ (mercanti), содержателей трактиръ и садовниковъ, не являются болѣе въ Алжирѣ. Этотъ иммиграціонный потокъ почти из-сякъ; но итальянцы, калабрійцы и другіе, являются все болѣе сомкнутыми группами предлагать свои руки для постройки домовъ и доро-гъ. Быстрое возрастаніе народонаселенія на Апеннинскомъ полуостровѣ, а также существующая тамъ организація собственности, лишающая большинство жителей ихъ доли въ землевладѣніи, и обездоленность, являющаяся роковымъ слѣдствіемъ такого порядка вещей, вынуждаютъ итальянцевъ сотнями тысячъ покидать родину, и Алжирія, особенно провин-ція Константина, благодаря близости разстоя-нія, ежегодно получаетъ часть этихъ емігран-товъ. Но еще гораздо болѣе многочисленны испанскіе колонисты: легкость путешествія черезъ узкій проливъ, раздѣляющій провинціи Мурсію и Оранъ, быть - можетъ, также, до из-вѣстной степени, традиціи, оставленные преды-дущими завоеваніями, и вѣкоторое расове-

¹⁾ Ricoux, "La population européenne en Algérie".

родство между обиспанившимися и обарабившими берберами, придали капитальную важность движению испанской иммиграции. Въ первое время, въ царствование Фердинанда VII, множество испанскихъ политическихъ эмигрантовъ также искали убѣжища въ Алжиріи. Въ настоящее время переселенцы съ Иберийского полуострова, включая сюда и магонцевъ, считающихъ себя, впрочемъ, отдѣльнымъ населениемъ, составляютъ почти четверть общаго числа европейцевъ, проживающихъ въ Алжиріи; въ Оранской провинціи, административный центръ которой, городъ Оранъ, никогда былъ завоеванъ ихъ предками, они составляютъ большинство населения.

Народонаселеніе Алжиріи по національностямъ въ 1881 г. (не считая арміи):

Берберовъ и арабовъ—2.842.497; французы—195.419; евреевъ натурализованныхъ—35.663, всего—231.082; испанцевъ—112.047; итальянцевъ—31.865; малтийцевъ и др. англійскихъ подданныхъ—15.149; нѣмцевъ—3.738; европейцевъ другихъ національностей—18.535.

Въ 1886 г. изъ общаго числа жителей (3.805.684) было 3.565.760 франц. подданныхъ (259.729 французовъ, 43.182 еврея, 3.262.849 магометанъ) и 239.924 иностранца (144.530 испанцевъ, 44.315 итальянцевъ, 15.533 малтийца, 4.863 нѣмца).

Испанцы были бы, вѣроятно, еще гораздо болѣе многочисленны, если бы они избѣгали, подобно другимъ иностранцамъ, военной службы; но въ силу специальной конвенціи, всѣ молодые испанцы, проживающіе въ Алжиріи, должны выбирать между своимъ отечествомъ и алжирской территоріей по отбыванію воинской повинности: большинство предпочитаютъ оставаться въ Алжиріи, но служба въ рядахъ французской арміи не даетъ имъ натурализации.

Однако, даже въ Оранской провинціи замѣчается стремленіе къ о francaженію всѣхъ европейскихъ элементовъ. Такъ какъ съ званіемъ француза связаны нѣкоторыя выгоды, то многие иностранцы стараются воспользоваться ими, пріобрѣтая натурализацию. Такъ, итальянскіе рыбаки и каботажные моряки, имѣющіе почти монополію водъ на алжирскихъ берегахъ, сдѣлались французами; точно также многие испанцы перемѣнили національность, поступая на государственную или муниципальную службу. Что касается нѣмцевъ, живущихъ въ Алжиріи, то треть ихъ натурализовалась съ 1871 года, большей частью изъ желания отклонить отъ себя подозрѣніе во враждебныхъ чувствахъ къ Франціи; кромѣ того, эльзасъ-лотарингцы, называемые германцами въ официальной статистикѣ, также претендуютъ на титулъ французовъ. Среднимъ чи-сломъ, ежегодно 360 иностранцевъ или тузем-

цевъ подаютъ прошеніе о натурализациі, не считая тѣхъ, которые по праву получаютъ званіе французского гражданина, какъ сыновья иностранцевъ, родившихся въ краѣ, или какъ поступившіе въ военную службу: это добавочный контингентъ натурализованныхъ, естественно, возрастающей изъ года въ годъ, въ соразмѣрности съ числомъ иностранцевъ. Въ периодъ съ 1865 г. по 1 октября 1885 г. всего разрѣшено натурализациі въ Алжиріи 7.351.

По національностямъ, натурализациі распределѣлись за время съ 1865 по 1883 г. включительно, слѣдующимъ образомъ:

Нѣмцевъ—2.035;	итальянцевъ—1.589;
испанцевъ—1.200;	мусульманъ туземныхъ, тунисцевъ и марокканцевъ—1.043;
швейцарцевъ—226;	бельгійцевъ—220;
малтийцевъ—164;	другихъ національностей—330;
	итого—6.307.

Въ периодъ 1865—94 г.г. натурализовалось 21.636 лицъ; въ 1894 г. 1.460 лицъ.

Иностранцы въ Алжиріи въ 1881 г.:

Родившіеся въ первоначальномъ отечествѣ 118.945 или 62,62%;	родившіеся въ Алжиріи 70.999 или 37,38%.
---	--

Изъ этихъ послѣднихъ цифръ видно, что болѣе трети европейцевъ не-французовъ, проживающихъ въ Алжиріи, принадлежать уже ко второму поколѣнію и, следовательно, на половину французы по закону; они сливаются съ алжирцами французскойрасы въ этомъ обществѣ новой формациі, которое стремится организоваться не какъ отдѣльная національность, а какъ провинциальная группа, имѣющая свои нравы, свои традиціи, свой патріотизмъ, свои специальные интересы.

Алжирскіе евреи, происходящіе по большей части отъ евреевъ, изгнанныхъ изъ Андалузіи, были натурализованы гуртомъ въ 1870 году, къ великому скандалу арабовъ и берберовъ мусульманъ, которые недоумѣвали, почему честь быть возведенными на степень гражданъ господствующей расы была дарована этимъ прѣзрѣннымъ существамъ, тогда какъ они, сыны отечества, оставлены на положеніи подданныхъ. Хотя «французы» по имени, большинство туземныхъ евреевъ считаются еще какъ бы составляющими особую націю; однако, ассимиляція, состоявшаяся въ принципіѣ, совершается постепенно въ одѣждѣ, нравахъ, языкѣ и образѣ мыслей: въ этомъ отношеніи второе поколѣніе натурализованныхъ свидѣтельствуетъ о значительной эволюції, и списки гражданскаго состоянія (*l'etat civil*) не совсѣмъ безосновательно смѣшиваютъ, въ большинствѣ муниципальныхъ метрическихъ книгъ, дѣтей французовъ и дѣтей израильянъ. Что касается арабовъ-магометанъ, то они могли бы требовать натурализациі лишь въ исключительныхъ случаяхъ и отказываясь отъ предписаній своего священнаго писанія, такъ какъ у нихъ гражданскій

законъ сливаются съ религией: просьба о натурализации считается своего рода вѣроотступничествомъ. Не то у кабиловъ, которые никогда не согласовали своей юриспруденціи съ предписаніями Корана; цѣлые племена требовали натурализаціи, и если бы не канцелярскія формальности и не враждебное отношение многихъ чиновниковъ, то навѣрно всѣ пятьсотъ тысячъ жителей Большой Кабилии охотно хотѣли бы о включеніи ихъ во французское общество. Впрочемъ, если туземцы вступаютъ, въ качествѣ гражданъ, въ ряды цивилизованныхъ, то есть не мало и французовъ,—больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ,—которые арабизуются или кабилизуются. Первые, принявъ магометанскую вѣру, дѣлаются мараутами по большей части и живутъ припывающими на приношенія вѣрующихъ. Вторые, одѣтые болѣе чѣмъ просто, какъ и другіе кабилы, работаютъ, какъ они, и разсуждаютъ съ ними въ общественныхъ собраніяхъ. Въ Оранской провинціи много испанокъ повсюду замужъ за арабовъ, не спрашивая разрѣшенія французскихъ властей.

Одна изъ главныхъ причинъ быстрого о francaженія алжирцевъ различныхъ расъ—это принятіе французского діалекта, какъ общеупотребительного языка. Можно считать въ миллионы слишкомъ число дикарей Алжиріи, которые говорятъ этимъ языкомъ или, по крайней мѣрѣ, въ состояніи изъясняться на немъ. До недавнаго времени существовалъ родъ посредствующаго языка между людьми всякаго прошвенанса, населявшими страну; но этотъ языкъ, называемый *sabir*, то-есть «знаніе», какъ будто онъ свидѣтельствовалъ объ исключительной наукѣ, былъ безформенный, совершенноrudimentарный говоръ, состоящій изъ двухъ сотенъ словъ, глаголовъ въ неопределенному наклоненіи, существительныхъ, прилагательныхъ и наречій, къ которымъ, чтобы сдѣлать рѣчь болѣе понятной, прибавляется живая пантомима и игра физіономіи. Половина словъ—арабская, четверть—французская или провансальская, остальная—испанская, итальянская или малтийская; само собой разумѣется, что на западѣ, противъ Мурсіи, сабиръ содержитъ всего болѣе испанскихъ выражений, а на востокѣ, особенно въ Ла-Калле,—всего болѣе итальянскихъ формъ. Франко-арабскія школы, еще очень малочисленныя, дѣлаютъ менѣе для исчезновенія сабира, чѣмъ великая школа рынковъ и улицы.

Смѣшанные браки также способствуютъ въ значительной мѣрѣ о francaженію алжирцевъ. Въ общемъ числѣ ежегодно заключаемыхъ въ Алжиріи браковъ европейцевъ процентъ браковъ между лицами различныхъ национальностей годъ отъ году возрастаетъ (въ періодъ съ 1830 по 1881 г. такие браки составляли 16%;

въ 1882 г. 18%, въ 1883 г. 24%.)¹⁾. и въ этихъ смѣшанныхъ союзахъ женщины въ большинствѣ случаевъ—иностраники, особенно испанки: честолюбивыя отъ природы, женщины предпочитаютъ вообще француза всякому другому европейцу, даже при равенствѣ состоянія или достоинствъ, просто потому, что французъ принадлежитъ къ господствующей расѣ: впрочемъ, по степени образованія французскій колонистъ стоитъ вообще выше колониста иностранного. Однако, эти смѣшанные браки имѣютъ мѣсто по большей части между дѣтьми страны, родившимися на алжирской землѣ и, слѣдовательно, уже соотечественниками, не по происхожденію, но по родной почвѣ. Если французскія семейства возрастаютъ въ числѣ черезъ браки между европейцами, то демаркаціонная линія между европейцами и мусульманами остается почти неподвижной. Брачные союзы, официально заключаемые между эмигрантами и туземцами, очень немногочисленны, составляя всего нѣсколько десятковъ въ десятилѣтіе; а что касается дѣтей смѣшанной расы, рожденныхъ отъ магометанокъ виѣ брака, то они всегда считаются принадлежащими къ расѣ матери, такъ какъ законы Корана не допускаютъ, чтобы могли быть незаконнорожденными дѣти, даже когда они рождаются отъ иммигантокъ племени уладъ-наиль. Вступленіе этихъ метисовъ во французское общество составляетъ исключительный фактъ; но было бы крайне ошибочно полагаться въ этомъ отношеніи на цифры официальной статистики и игнорировать это смѣшанное населеніе, которое образуется въ гражданской территории, и которое, оставаясь арабскимъ по имени, становится франко-арабскимъ и по крови, и по нравамъ. Развѣ не къ этому населенію принадлежать въ большинствѣ люди всякаго промысла, эти «*Beni-Ramassés*» (сброда), которыхъ въ алжирскомъ жаргонѣ называютъ уладъ-бласа, или «дѣти площади», потому что они не имѣютъ другаго мѣстожительства, кроме улицы? По регистрамъ гражданскаго состоянія, отношеніе незаконныхъ дѣтей къ законнымъ въ европейскихъ семействахъ около одной десятой; оно значительно уменьшилось съ первыхъ десятилѣтій оккупациіи.

Рожденія въ европейскомъ населеніи Алжиріи въ 1882 г.: законныхъ дѣтей—12.757; признанныхъ дѣтей—692; непризнанныхъ дѣтей—569; всего 14.018.

Одинъ изъ сюрпризовъ, представляемыхъ алжирской статистикой народонаселенія, состоять въ томъ, что, будто бы, смертность среди незаконныхъ дѣтей менѣе сильна, чѣмъ среди другихъ новорожденныхъ, пользующихся, однако, вообще гораздо болѣе заботливымъ уходомъ, такъ что невольно задаешь себѣ вопросъ: ста-

¹⁾ Ricoux, „La population europ  enne en Alg  rie“.

тистическая свѣдѣнія, стоящія въ такомъ явномъ противорѣчи съ демографическими фактами всѣхъ другихъ странъ, не страдаютъ ли крупными ошибками? Другой выводъ алжирской народной переписи тоже можетъ показаться сомнительнымъ: въ то время, какъ во всѣхъ арійскихъ странахъ безъ исключенія женщины болѣе многочисленны, чѣмъ мужчины, въ Алжирѣ послѣдніе будто бы имѣютъ численный перевѣсъ, какъ въ Японіи, и даже въ гораздо болѣе значительной пропорціи.

Численное отношеніе половъ въ мусульманскомъ населеніи Алжиріи, по переписи 1881 г.: мужчинъ — 1.553.768; женщинъ — 1.321.541; разность — 232.227, или 18%.

Весьма вѣроятно, что агенты народной переписи во многихъ случаяхъ не старались добиться на свои вопросы точного отвѣта отъ мусульманскихъ главъ семейства. Эти послѣдніе очень неохотно открываютъ тайны семьи: сказать число женщинъ палатки имъ кажется профанацией; часто отецъ семейства считаетъ только мальчиковъ какъ своихъ «дѣтей»¹⁾. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи статистическая данная, по всей вѣроятности, ошибочны, ибо численное отношеніе половъ между новорожденными почти такое же для магометанъ, какъ и для европейцевъ Алжиріи: при переписи несомнѣнно утаили существование 200.000 или 250.000 женщинъ, такъ что въ дѣйствительности алжирское народонаселеніе немногимъ менѣе 4 миллионовъ душъ (по переписи 1896 г.: 4.479.000 душъ).

Для этого, относительно, небольшаго числа жителей земледѣльческая территорія громадна, но только малая часть ея эксплуатируется; почти всѣ утилизируемыя земли служатъ выгономъ для скота или употребляются для примитивнаго полеводства; даже въ Теллѣ обширныя мѣстности бесплодны, а на плоскогорьяхъ глинистые или солончаковые площади тянутся на необозримое пространство. Несомнѣнно, что большинство мѣстностей Сѣверной Алжиріи, нынѣ оголеныхъ, могли бы покрыться лѣсной растительностью и такимъ образомъ приобрѣсти капитальную важность въ составѣ климата и общей экономіи края. По официальнымъ переписямъ, площадь алжирскихъ лѣсовъ почти нормальная: изъ четырнадцати миллионовъ гектаровъ, представляющихъ пространство Телля, около двухъ миллионовъ, то-есть одна седьмая поверхности почвы, будто бы, заняты лѣсами, изъ которыхъ принадлежатъ: казнѣ — 1.403.037 гектар.; общинамъ или племенамъ — 291.666 гектар.; частнымъ лицамъ — 299.428 гектар.

Общую площадь лѣсовъ въ Алжиріи въ 1893 г. опредѣляли въ 3.248.700 гектаровъ, въ томъ числѣ государственныхъ — 1.759.495 гектар., принадлежащихъ общинамъ — 76.919

гект. и военному управлению — 744.636 гектар. Но въ дѣйствительности большинство этихъ «лѣсовъ» и «лѣсныхъ дачъ» суть не что иное, какъ кустарники, или даже, во многихъ мѣстахъ, заросли, покрыты тамъ и сямъ мелкой порослью. По исчислению Тарри, мелкій лѣсъ и кустарникъ составляютъ три пятыхъ всей мѣстной площади; около 822.000 гектаровъ лѣсныхъ дачъ, обмежеванныхъ въ 1884 г. и поставленныхъ подъ надзоръ правительственныхъ агентовъ, принесли доходу всего только 500.000 франк., чѣмъ составить немного болѣе 50 сантим. съ гектара. Хорошо сохранились лѣса только въ восточной Алжиріи, въ нѣкоторыхъ частяхъ Кабиліи, въ Теніеть-эль-Гадѣ и въ массивѣ, продолжающемся на востокъ отъ Уарсениса. Эти лѣса, состоящіе главнымъ образомъ изъ кедра, тянутся на пространствѣ 3.000 гектаровъ, на высотѣ отъ 1.200 до 1.700 метровъ. Вообще можно сказать, что древесная растительность уменьшается въ направлении съ востока на западъ, въ той же пропорціи, какъ и количество дождей. Въ провинціи Константинѣ лѣса еще довольно значительны; въ провинціи Алжирѣ они уже сильно порѣдѣли, а въ Ораніи почти вездѣ исчезли; во многихъ мѣстахъ «лѣсъ» такой, что едва могъ бы давать дрова.

Лѣсная область постепенно суживается подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ. Во многихъ случаяхъ туземцы, вытѣсненные изъ равнинъ, должны были удалиться въ лѣса, которые они затѣмъ расчистили подъ плантаціи или подъ выгоны для своихъ стадъ. Въ другихъ мѣстахъ спекулянты повѣрнули молодые стволы на жерди и трости и убили старыя деревья, обдирая съ нихъ кору. Но главнымъ факторомъ въ дѣлѣ истребленія лѣсныхъ богатствъ является огонь. Чтобы обновить свои пастбища, иногда также чтобы защитить себя отъ нападенія хищныхъ звѣрей, арабскіе пастухи зажигаютъ сухую траву, пожаръ быстро распространяется, при чемъ не принимаютъ никакихъ мѣръ предосторожности, чтобы ограничить дѣйствіе пламени; при вѣтре огонь охватываетъ лѣса и разливается на обширныя пространства. Иногда туземцы приѣгаютъ также къ пусканію краснаго пѣтуха, какъ къ средству политической мести. Нѣкоторые изъ этихъ лѣсныхъ пожаровъ принимали ужасающіе размѣры и распространялись на тысячи верстъ. Въ концѣ августа 1865 года огромное пламя, раздуваемое вѣтромъ широкко, пожрало въ пять сутокъ, на протяженіи отъ 40 до 75 километровъ, наибольшую часть лѣснаго пояса въ горахъ около Бони. Многочисленныя селенія были осаждены пожаромъ, и жители должны были безпрестанно защищаться отъ огня, срубая всѣ деревья въ сосѣдствѣ своихъ домовъ, выкашивая траву, ударяя зелеными вѣтвями по пылающей землѣ; громадная площадь слиш-

¹⁾ Maurice Wahl, „Algérie“.

комъ въ 103.000 гектаровъ была совершенно опустошена. Въ 1881 году лѣса въ окрестностяхъ города Бужи тоже были истреблены огнемъ; 1885 году Оранская провинція потеряла лучшіе остатки своихъ лѣсныхъ богатствъ. Въ 1893 г. въ Алжирѣ выгорѣло 47.756 гектар., а съ 1876 г. убытки, причиненные лѣсными пожарами, составляли слишкомъ 33 миллиона франк. Чтобы избѣгнуть на будущее время повторенія подобныхъ катастрофъ и спасти то, что еще уцѣлѣло отъ лѣсныхъ пожаровъ, придумали жестокую мѣру—подвергать отвѣтственности коллективно всѣхъ членовъ племени, на территории котораго объявился огонь, и конфисковать ихъ земли. Въ 1881 году недвижимыя имущества 38 такихъ общинъ, связанныхъ круговой порукой, попали подъ секвестръ; но это варварское средство въ то же время и бесполезно, потому что виновники пожара, вольные или невольные, почти всегда принадлежать къ другимъ племенамъ, а не къ тому, на которое обрушивается кара: понятно, что такое, принимаемое наугадъ, наказаніе порождаетъ не раскаявающихся, а озлобленныхъ, готовыхъ поднять знамя бунта. Вмѣсто того, чтобы запрещать палы сухой травы и мелкаго кустарника, слѣдовало бы сговориться съ туземцами на счетъ выбора наиболѣе удобнаго момента для пускания огня и для ограниченія его распространенія¹). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ арабы и кабилы, которыхъ просили оказывать дѣятельное содѣйствіе охраненію лѣсовъ, не пугая ихъ угрозами наказанія, сдѣлались лучшими союзниками лѣсныхъ сторожей, примѣромъ чего можетъ служить лѣсъ около Акфаду, въ восточной Кабилии, такъ же заботливо охраняемый, какъ лучшіе лѣса западной Европы; кабилы окружающихъ племенъ поддерживаютъ тропинки и защищаютъ деревья отъ огня, топора и зуба козы; они оберегаютъ этотъ лѣсъ съ любовью, какъ славу своей земли. «Мнѣ не такъ тяжело видѣть мертваго человѣка, какъ срубленное дерево»²), говорилъ одинъ кабильскій аминъ французскому администратору.

Но огромное большинство алжирцевъ, туземцевъ, французы или иностранцевъ, къ сожалѣнію, слишкомъ мало заботятся о сохраненіи лѣсныхъ богатствъ, имѣющихъ столь важное значеніе для будущности страны. Нельзя, конечно, утверждать, что обезлѣсеніе влечетъ за собой уменьшеніе годового количества дождей, но не подлежитъ сомнѣнію, что съ исчезновеніемъ лѣсовъ дождевая вода получаетъ возможность быстрѣе убѣгать по скатамъ или въ трещины скалы, а въ Алжирѣ болѣе, чѣмъ въ другихъ, прилегающихъ къ Средиземному морю странахъ, свойство почвы способствуетъ тому,

что обезлѣсеніе сопровождается этими гибельными послѣдствіями. Въ Телль известняки занимаютъ обширнѣйшія пространства, и повсюду, гдѣ поверхность обезлѣсена, камень скоро теряетъ весь свой слой растительной земли: остовъ горъ оголяется. Въ другихъ мѣстахъ грунтъ состоить изъ земель безъ достаточнаго сѣпленія; почва, не сдерживаемая болѣе развѣтвленіями корней, размывается, образуетъ рытвины и овраги и стекаетъ потоками грязи на воздѣланныя пространства равнины; скаты возвышеностей теряютъ мало-по-малу свой травяной покровъ и слой растительной земли; источники, не поддерживаемые болѣе медленнымъ просачиваніемъ капель сквозь поросшую травой почву, изсякаютъ въ нѣсколько лѣтъ; орошеніе становится невозможнымъ, поля покидаются, и иногда даже города остаются безъ ключей и колодцевъ; такъ, напримѣръ, принуждены были организовать правильный подвозъ воды для города Сенъ-Дени на Сигѣ, лежащаго, однако, на берегахъ «рѣки»¹). Современная исторія Алжирѣ представляетъ уже многочисленные примѣры фонтановъ, которые высохли, долинъ, недавно зеленѣвшихъ, которая теперь не заключаютъ ничего, кроме глины и камней²). Такъ, по закону сѣпленія причинъ и слѣдствій, полное обезлѣсеніе почвы поведо бы роковымъ образомъ къ уничтоженію земледѣльческой культуры и обезлюдѣнію страны. Принятое разграниченіе между Теллемъ и пустыней не имѣть ничего безусловнаго: когда долго не бываетъ дождей, пустыня разрастается на счетъ Телля; тамъ, гдѣ почва орошается, Телль снова отвоевываетъ у пустыни полосу земли³).

Новое засажденіе деревьями выщупощенныхъ пространствъ, разведеніе лѣса или травы на оголенныхъ земляхъ составляетъ, слѣдовательно, одну изъ насущныхъ потребностей края. Если бы не общая безспечность, легко могли бы въ нѣсколько лѣтъ восстановить обширныя лѣсныя площиади, такъ какъ почвенные условия почти вездѣ благопріятны произрастанію деревъ. Даже не было бы надобности въ лѣсосѣяніи или лѣсонасажденіи; такъ же какъ въ Карбо, на берегахъ Адріатики, здѣсь достаточно огородить данный участокъ земли и запретить выгонъ скота, чтобы сѣмена, содержащіяся въ почвѣ, взошли и скоро образовали нарождающейся лѣсъ. Защищенный кустарникъ тоже превращается въ лѣсъ: достаточно срѣзать кусты вокругъ деревьевъ, стремящихся тамъ и сямъ подняться надъ чащой. Даже большая часть высокихъ плато, хотя получающихъ незначительное количество влаги, могла бы

¹) Camille Sabatier, рукописная замѣтка.

²) Reynard, „La Question foresti re en Alg rie;—Influence du d  boisement sur le d  bit des sources“, „Ligue du Reboisement“.

³) A. Duponchel, „Le Chemin de fer Transsaharien“.

быть облесена, какъ это доказываютъ остатки прежнихъ лѣсовъ и новыя насажденія въ Джельфѣ, Мешеріи и другихъ французскихъ поселеніяхъ; тамъ, гдѣ почва недостаточно влажна, чтобы питать деревья, можно бы было развести кормовыя травы, растущія на безводныхъ и даже солончаковыхъ земляхъ, какъ, напримѣръ, австралійскія лебедовыя (*chenopodiaceae*)¹⁾: это былъ бы большой ресурсъ для стадъ. Вообще австралійская флора, уже обогатившая Алжирію различными видами эвкалипта и акаціи, кажется, всего лучше могла бы дополнить флору средиземную для цѣлей облесенія плоскогорій и покатостей Мавританіи; веллингтонія тоже очень хорошо растетъ въ сухихъ мѣстахъ возвышеностей. По программѣ, выработанной въ 1885 г. алжирскимъ правительствомъ, намѣчены пространства, заключающія въ сложности около 110.000 гектаровъ, и облесеніе которыхъ обошлось бы около 17 миллионовъ франковъ.

По счастію, дѣло колонистовъ не въ одномъ только истребленіи лѣсовъ: они также и насаждали; культура начинается разведеніемъ древесной растительности. Каждый городъ, каждая деревня, каждый отдельно стоящій поселокъ имѣть свой массивъ деревьевъ и кустарниковъ; въ равнинахъ всѣ жилища указываются издали зеленою эвкалиптовъ и другихъ большихъ деревьевъ. Въ Алжиріи есть много деревень съ такими же прекрасными аллеями, какія можно встрѣтить только въ большихъ городахъ метрополій. Впрочемъ, эти насажденія были необходимы для ассенизированія страны; такъ Буфарикъ, воздухъ которого «отравлялъ даже перелетныхъ птицъ», былъ этимъ способомъ избавленъ отъ лихорадки, а Митиджа превращена въ одинъ сплошной садъ; точно такъ же желѣзнодорожныя станціи, гдѣ въ началь пребываніе было опасно, сдѣлались здоровыми мѣстами. Вдоль рельсовыхъ путей разведены въ разныхъ мѣстахъ древесные питомники, и въ равнинѣ Шелифа, гдѣ до постройки желѣзной дороги не видно было ни одного дерева, теперь всѣ домики сторожей окружены садами; въ 1884 году вдоль дороги изъ Алжира въ Оранъ насчитывали 470.000 высокоствольныхъ деревъ и около четырехъ миллионовъ деревъ на откосахъ и по краямъ полотна. Въ 1867 г. число растеній всякаго рода, введенныхъ французами въ культурную флору Алжиріи, доходило уже до сотни, а въ опытномъ саду (*jardin d'acclimatation*) столицы съ успѣхомъ произрастали четыре съ половиной тысячи экзотическихъ видовъ. Эвкалипты, самая распространенная древесная порода, распространяемая даже до злоупотребленія, такъ какъ его сажаютъ и на сухихъ почвахъ, у которыхъ

онъ отнимаетъ послѣднюю влагу,—былъ введенъ въ первый разъ въ 1861 году въ саду Гаммы. Теперь уже существуетъ болѣе сотни разновидностей этого дерева.

Нѣкоторые колонисты, пока еще очень немногіе, утилизировали лѣса дикихъ маслинъ, встрѣчающіеся въ одной половинѣ Телля и въ Ауресѣ, и улучшили ихъ прививкой.

Маслины, привитыхъ европейскими колонистами въ 1887 г.—500.000; маслинъ, привитыхъ туземцами-колонистами въ 1887 г.—1.200.000.

Ни одна область средиземного бассейна не представляетъ болѣе благопріятныхъ условій для производства оливковаго масла; но, за исключеніемъ Кабиліи и нѣкоторыхъ округовъ провинціи Константины, масличные рощи въ пренебреженіи и даютъ лишь продуктъ посредственного качества, употребляемый марсельцами для приготовленія мыла; столовое же масло, употребляемое въ Алжиріи, почти все привозится изъ Франції.

Торговля оливковымъ масломъ въ Алжиріи въ 1882 г.: привозъ—2.711.316 килограм.; вывозъ—323.736 килограм.

На восточныхъ плоскогорьяхъ, также какъ въ долинахъ Джебель-Ауреса, гдѣ нашли въ такомъ множествѣ остатки римскихъ прессовъ, существуетъ лишь нѣсколько рощицъ оливковаго дерева, которая, впрочемъ, вмѣстѣ съ оливковыми плантациями въ окрестностяхъ Бужи, даютъ лучшее масло, какое производить Сѣверная Африка; торговцы племени шанба возятъ его до Туата, а туареги до Томбукуту. Между тѣмъ маслина, «первое между деревьями», какъ называется ее Колумелла, имѣть за собою то капитальное преимущество, что она даетъ одновременно тѣнь, плоды, драгоценный строевой материалъ, топливо и защиту растеніямъ, прозябающимъ подъ ея вѣтвями; даже въ многовѣкомъ возрастѣ она продолжаетъ жить въ той почвѣ, куда ее пересадить¹⁾; нельзя не удивляться, что между такимъ множествомъ страстныхъ насадителей винограда такъ мало находится охотниковъ присоединить разведеніе маслины къ культурѣ виноградной лозы. Смоковница—самое обыкновенное дерево въ Сѣверной Алжиріи, дерево, которое всего лучше выносить засуху, благодаря своимъ длиннымъ корнямъ, глубоко проникающимъ въ трещины скаль, чтобы извлечь тамъ необходимую влагу; особенно хорошо растетъ она въ каменистыхъ оврагахъ, въ узкихъ долинахъ горъ, и преимущественно въ Кабиліи, гдѣ она почти такъ же полезна, какъ финиковая пальма на границахъ пустыни. Однако, наиболѣе утилизируемъ деревомъ въ сѣверной Алжиріи все еще остается пробковый дубъ: кора его, цѣни-

¹⁾ „Bulletin de la Ligue du Reboisement du l'Algérie“, 1885.

¹⁾ Bonnemain, „Bulletin de la Ligue du Reboisement“, 1884.

мая, правда, ниже, чѣмъ кора каталонскихъ дубовъ, составляетъ, чѣмъ не менѣе, весьма важный предметъ торговли; такъ, въ 1881 г. вывезено изъ алжирскихъ портовъ 3.850 тоннъ пробокъ, на сумму 4.620.000 франковъ. Но вычислено, что при болѣе разумной эксплоатации существующіе лѣса пробковаго дуба могли бы приносить Алжирію около пятнадцати миллионовъ франковъ, то-есть почти вчетверо болѣе, чѣмъ нынѣ получаемый съ нихъ годовой доходъ.

Въ алжирской Сахарѣ богатство жителей составляетъ другое, еще болѣе драгоценное дерево—финиковая пальма. Безъ этой пальмы, которая даетъ имъ половину необходимаго пропитанія и средства для покупки другой половины, сахарцы не могли бы жить въ этой мѣстности, окруженной песками: ихъ оазисъ снова быль бы завоеванъ пустыней. Каждое дерево пользуется тамъ такимъ же заботливымъ уходомъ, какъ членъ семьи: надо поливать его, очищать и подрѣзать, посыпать его цвѣтки оплодотворяющею цвѣтенью. На него смотрятъ какъ на существо, одаренное жизнью и страстиами, умѣюще выражать свою благодарность обиліемъ плодовъ, или гнѣвъ за дурное обращеніе—безплодіемъ. «Когда срубаютъ живую пальму, говорить легенда, приведенная у Мишле, дерево испускаетъ жалобные вопли, словно ребенокъ, и эти стоны приводятъ въ содроганіе его палачей». До недавняго времени во всѣхъ магометанскихъ странахъ, а въ Марокко и теперь еще, международное право, позволяющее убивать людей, запрещаетъ трогать пальму¹). Сколько разъ, однако, во время войнъ, были истребляемы цѣлые пальмовые лѣса, и послѣ чего сыпучіе пески безпрепятственно завладѣвали оазисомъ. Такъ, при осадахъ Лагуата и Заачи финиковая пальма вырубались тысячами, чтобы дать проходъ артиллерии и штурмовымъ колоннамъ, или выморить голодомъ туземцевъ; точно также въ Кабилии часто уничтожали оливковыя деревья, чтобы заставить жителей просить пощады. Въ настоящее время буреніе артезіанскихъ колодцевъ позволяетъ вознаградить съ лихвой за сдѣланное зло, создавая новые оазисы. Совокупность пальмовыхъ лѣсовъ въ южной Алжиріи заключаетъ около трехъ миллионовъ деревьевъ, и доходы съ нихъ превышаютъ 60 миллионовъ франковъ. Въ некоторыхъ оазисахъ, между прочимъ, въ Мзабѣ, цѣнность этихъ дорогихъ деревьевъ доходитъ до 800 франк. за пальму²).

Число финиковыхъ пальмъ въ Алжиріи, по разнымъ статистическимъ даннымъ, собран-

нымъ въ промежутокъ времени отъ 1880 по 1884 г.

Годна — 20.000; Уаргла — 600.000; Эль-Кантара — 76.000; Лагуатъ и Мзи — 42.000; Зибанъ — 556.000; Уэдъ-Джедди — 100.000; Бискра — 150.000; Мзабъ — 193.000; Уэдъ-Ригъ — 592.000; Метлили — 17.000; Тугуртъ — 170.000; Эль-Голеа — 16.000; Суфъ — 180.000 Ксуръ Оранского юга — 20.000 деренъ.

Доходъ отъ пальмовыхъ плантацій, по Фо и Фуро, простирается до 28.000.000 франковъ.

Главную культуру Телля все еще составляютъ хлѣбныя растенія, какъ во времена римскаго господства: арабы и кабилы сѣютъ твердую пшеницу, ячмень, бешну или просо, кукурузу (манісъ), и со временемъ прибытия французовъ—ржѣ, овесъ и мягкую пшеницу; въ дождливые годы эти туземные земледѣльцы, отчасти вытѣсненныя европейскими колонистами, которые получаютъ болѣе обильный урожай, благодаря лучшей обработкѣ почвы, доставляютъ количество зерноваго хлѣба болѣе, чѣмъ достаточное для прокормленія людей и животныхъ; кромѣ того, часть хлѣба вывозится за границу—ячмень, овесъ и твердая пшеница, очень цѣнная для фабрикаціи макаронъ и т. п.: въ обыкновенные годы зерновые продукты составляютъ одну пятую алжирскаго экспорта. Кормовыя травы также собираются въ большомъ количествѣ въ сырыхъ мѣстностяхъ Телля, особенно въ окрестностяхъ Боны.

Средній сборъ хлѣбовъ съ гектара въ 1894 г. въ метрич. квиналахъ:

	Мягкая пшеница.	Твердая пшеница.	Ячмень.
У европейск. колонистовъ....	9,36	8,33	10,20
„туземныхъ земледѣльцевъ....	5,67	6	7,90

Производство зерновыхъ хлѣбовъ въ Алжиріи въ 1894 г.: 28.178.138 метрич. квиналовъ при площади посѣва 2.799.404 гектар.

Извѣстно, что садоводы алжирскаго прибрежья отправляютъ во Францію значительныя количества первинокъ и фруктовъ: апельсиновъ, лимоновъ, банановъ, японской ирги (въ 1880 г. апельсинные рощи въ Блидѣ занимали площадь около 400 гектаровъ и производили среднимъ числомъ 40 миллионовъ апельсиновъ цѣнностью на 800.000 франк.); если бы они имѣли достаточные запасы воды для развитія своихъ культуръ, то легко могли бы снабжать своими произведеніями рынки Западной Европы. Вывозимые плоды и теперь уже поддерживаютъ значительное торговое движение, но это движеніе несомнѣнно примѣтъ гораздо болѣе обширные размѣры, когда весь орошеный поясъ прибрежья и Сахары будуть превращены въ одинъ огромный садъ. Между промышленными растеніями табакъ—одно изъ наиболѣе предпочитаемыхъ колонистами, благо-

¹⁾ G. Kohlfs, „Meine Reise durch Marocco und die grosse Wüste“.

²⁾ Paul Soleillet, „Bulletin de la Société de Géographie de Bordeaux“.

даря свободъ культуры и фабрикаціи; однако, хлопокъ Соединенныхъ Штатовъ. Ленъ и пенька разнаго рода съются въ небольшихъ количествахъ, а культура раміи, о которой такъ много толковали, не распространяя ее,

Ущелье Джебель-Тиза.

свой періодъ моды, именно во время американской войны, но теперь его можно увидѣть лишь на немногихъ поляхъ Телля и въ уадѣ Ригъ, гдѣ воздѣльваются суданскіе сорты, волокно которыхъ походитъ на «длинно-шёлковистый»

однако, по причинѣ трудности обработки волокна, все еще находится въ періодѣ опытовъ. Что касается варварійской смоковницы, которую французы утилизируютъ только для огораживанія своихъ полей, то она способ-

ствуетъ въ значительной мѣрѣ продовольствію туземнаго населенія. Когда наступить «сезонъ фігъ», многіе арабы, имѣя достаточный запасъ пищи, отказываются работать на поляхъ.

Еще гораздо важиѣ эксплоатациі одного дикаго горнаго растенія, альфы, на которую одна финансовая компанія выхлопотала себѣ монополію на пространствѣ 300.000 гектаровъ, къ югу отъ Саиды; годовой доходъ отъ этой эксплоатациі составляетъ отъ 15 до 20 миллионовъ франк. Волокно альфы—или auffe, какъ ее называли прежде въ Марсели—употребляется главнымъ образомъ для приготовленія бумажной массы: такъ какъ спартъ въ провинціи Мурсіи почти совершенно исчезла, то английскіе фабриканты, главные покупатели этихъ волоконъ, стали выписывать альфу, которую они находили на рынкѣ Орана, и промыселъ собирателей альфы постепенно распространился на плоскогорьяхъ; первый грузъ этого продукта былъ взятъ англійскимъ кораблемъ, въ Оранскомъ портѣ, въ 1862 году.

Вывозъ альфы изъ Алжиріи (въ метрич. кванталахъ): Въ 1862 г.—10.500; въ 1869 г.—90.000; въ 1870 г.—370.000; въ 1885 г.—800.000; въ 1894 г.—818.816 (изъ этого количества 799.232 квантала въ Англію).

Французскимъ промышленникамъ трудно конкурировать съ англійскими въ отношеніи утилизациі этого продукта, такъ какъ писчебумажная фабрика находится внутри материала, и потому къ цѣнѣ волокна прибавляется большой дополнительный расходъ—привозная плаата. Но уже обширныя пространства не представляютъ ни одного пучка альфы, и, можетъ быть, даже поздно задаваться мыслью о разведеніи ея вновь на вѣкоторыхъ оранскихъ плато: для «палочекъ», которыми пользуются испанскіе рабочіе, составляющіе почти весь персоналъ рабочихъ на верфяхъ, часто вырывается все растеніе съ корнями. Нѣкоторые спекулянты пытаются замѣнить альфу дисомъ, другимъ растеніемъ, волокна которого съ давнихъ поръ употребляются арабами для выдѣлки мѣшковъ и веревокъ. Низкорослая пальма, сердцевина которой служить пищей туземцамъ, а волокно употребляется для приготовленія растительного конскаго волоса, тоже могла бы быть эксплоатируема въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Слѣдовало бы также утилизировать бамбукъ, отличающійся очень быстрой растительностью во влажной атмосферѣ морскаго прибрежья, но пока еще культивируемый только въ садахъ.

Въ послѣдніе годы дѣятельность земледѣльцевъ направилась, главнымъ образомъ, къ культурѣ винограда; его насадили во всей области Телля и даже на высокихъ плоскогорьяхъ. Эта промышленность, получившая теперь такое важное значеніе, не всегда была покровительствуема французской администрацией: до 1850

года, пока колонія въ торговомъ отношеніи причислялась къ иностраннымъ государствамъ, введеніе виноградарства было запрещено, какъ могущее нанести ущербъ интересамъ метрополіи. Но въ послѣдніе десятилѣтіе площадь алжирскихъ виноградниковъ значительно расширилась, и магометане, относительно которыхъ данные сельскохозяйственной статистики менѣе точны, чѣмъ относительно европейскихъ колонистовъ, тоже разводятъ виноградники и пробуютъ приготовлять вина, несмотря на запреты Корана.

Число плантаторовъ винограда въ 1895 г.: 28.727 изъ нихъ—16.734 европейцевъ.

Какъ быстро развивалась эта отрасль сельского хозяйства въ послѣдніе годы—показываютъ слѣдующія цифры:

Виноградники Алжиріи: Въ 1850 г.: Площадь—792 гектар. Сборъ—6.000 гектолитр.; въ 1864 г.: Площадь—9.715 гектар. Сборъ—64.000 гектолитр.; въ 1876 г.: Площадь—16.700 гектар. Сборъ—221.435 гектолитр.; въ 1882 г.: Площадь—39.768 гектар. Сборъ—681.335 гектолитр.; въ 1884 г.: Площадь—60.000 гектар. Сборъ—896.291 гектолитр.; въ 1885 г.: Площадь—100.000 гектар. Сборъ—2.393.000 гектолитр.; въ 1895 г.: Площадь—120.868 гектар. Сборъ—3.797.693 гектолитр.

Такимъ образомъ послѣ странъ съ обширнымъ виноградарствомъ и винодѣліемъ, каковы Франція, Испанія, Италия, Венгрия, алжирская территорія занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ по протяженію своихъ виноградниковъ; нѣкоторыя изъ ея винъ, между прочимъ, миланская, высоко цѣнятся; въ прошломъ столѣтіи путешественникъ Шау сравнивалъ вкусъ алжирского вина со вкусомъ вина «Эрмитажъ». Въ Алжиріи основывались большія компаніи для расчистки почвы и разведенія винограда на пространствѣ нѣсколькихъ сотень, даже тысячи гектаровъ въ одной межѣ. Тѣмъ не менѣе, алжирскіе виноградари пользуются своимъ благосостояніемъ не совсѣмъ безмятежно. Съ 1885 г. и здѣсь появилась филлоксеръ, сначала въ одномъ мансурскомъ винограднике, близъ Тлемсена, затѣмъ въ виноградникахъ Сиди-Бель-Аббеса, и теперь каждый владѣлецъ тревожно осматриваетъ свои растенія, чтобы убѣдиться, что страшное наскѣкомое еще не напало на его виноградникъ.

Не менѣе страшнъ другой бичъ—саранта въ такой странѣ, какъ Алжирія, прилегающей къ степямъ, гдѣ эти наскѣкомые рождаются мирадами, къ великому удовольствію номадовъ, которые питаются ими и даже солятъ ихъ въ прокъ¹⁾). Во времена одного маленькаго нашествія, въ округѣ Медеи, въ 1874 году, почище саранчи занимало 25 километровъ по

¹⁾ Ch. Tissot, „Géographie comparée de la province romaine d'Afrique“.

фронту, при 4 километр. протяженія въ длину, то-есть 100 квадратныхъ километровъ, и заключало въ своихъ рядахъ по меньшей мѣрѣ 50 миллиардовъ грызуновъ. Особенно значительны были опустошения, произведенныя пѣшой или странствующей саранчей (*acridium migratorium*): непосредственный вредъ, причиненный истребленіемъ растительности, исчисляли въ 50 миллионовъ франковъ; но дальнѣйшія послѣдствія были гораздо серьезнѣе, такъ какъ въ слѣдующемъ году наступилъ страшный голодъ, результатъ неурожая. Сколько арабовъ погибло голодной смертью—въ точности неизвѣстно: можетъ-быть, около полмилліона. Съ того времени удалось локализировать ужасный бичъ, воздвигнуть плотину противъ этого живаго наводненія. Металлические листы, положенные наклонно и окаймленные рвами, представляютъ непроходимую преграду пѣшой саранчѣ. Что касается крылатой саранчи, то она дѣлаетъ сравнительно мало опустошений¹⁾). Въ 1865 году огромное летучее облако было принесено вѣтромъ въ море: на берегу груды гниющихъ труповъ саранчи достигли отъ 3 до 4 метровъ высоты²⁾.

Скотоводы Алжиріи могутъ похвалиться однімъ животнымъ—великолѣпными варварийскими лошадьми, которыя рождаются на высокихъ плоскогорьяхъ, въ дуарахъ кочевниковъ. Туземцы владѣютъ четырьмя пятнами всего конскаго населения Алжиріи, но доля европейскихъ колонистовъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ; арабы имѣютъ наибольшее количество муловъ и ословъ; наконецъ, можно сказать, что имѣ принадлежать всѣ верблюды; изъ европейскихъ поселенцевъ это животное можно встрѣтить лишь у очень немногихъ, пріобрѣвшихъ его путемъ покупки.

Домашній скотъ у европейцевъ и туземцевъ къ 1 января 1895 г.:

	У европей-	У тузем-	ВСЕГО.
	цевъ.	цевъ.	
Лошадей.....	40.740	167.797	208.537
Муловъ	25.756	113.639	139.395
Ословъ	12.471	262.497	274.968
Верблюдовъ	103	245.936	246.039
Крупнаго рогатаго скота	131.768	1.001.831	1.133.599
Овцѣ и барановъ.	333.926	7.361.863	7.695.789
Козъ	71.218	3.296.907	3.368.125
Свиней.....	83.685	15	83.700
ИТОГО.....	699.667	12.450.485	13.150.152
Ульевъ (1893 г.).....			209.807

Такимъ образомъ арабамъ же принадлежатъ большая часть крупнаго рогатаго скота и самая многочисленная стада барановъ и козъ, эти «ходячіе силосы», уходъ за которыми, впрочемъ, очень небрежный; главный рынокъ по торговлѣ скотомъ находится въ арабской землѣ, въ Тиaretѣ.

¹⁾ Durand, „Association fran鏾ise pour l'avancement des sciences“, session d'Alger, 1882.

²⁾ Camille Sabatier, рукописныя замѣтки.

Вывозъ скота и продуктовъ животноводства изъ Алжиріи въ 1896 г.: барановъ, овцѣ и пр.—на сумму 41.400.000 фр., шерсти—на 12.000.000 фр., кожъ и шкуръ—на 5.400.000 фр.

Шерсть алжирскихъ овцѣ, несмѣшанныхъ съ другой породой, грубая, и каждое руно представляетъ не болѣе двухъ третей руна мериносовой помѣси. До недавняго времени туземные пастухи употребляли для стрижки не ножницы, а серпъ, который, вмѣстѣ съ шерстью, вырывалъ цѣлые куски мяса у несчастныхъ животныхъ¹⁾). Свины почти всѣ у европейскихъ поселенцевъ, но есть и кабилы, которые держать это «нечистое» животное. Неурожай кормовыхъ травъ значительно уменьшилъ количество скота въ 1882 г.: у арабовъ погибло болѣе миллиона головъ, у колонистовъ же число животныхъ немного возрасло, безъ сомнѣнія, по причинѣ легкости покупки.

Со времени французской оккупации дѣлались много попытокъ ввести новые разновидности домашнихъ животныхъ и улучшать мѣстныя породы. На высокихъ плоскогорьяхъ теперь пасется рогатый скотъ швейцарского происхожденія, который крупнѣе и сильнѣе алжирскихъ видовъ изъ Гельмы, Кабили, Орана, Бени-Слиманъ. Алжирцы ввезли также, въ 1868 г., стада мериносовъ, но эти животные подвержены паршивъ. Алжирскіе виды, особенно курдючные или «варварійскіе» бараны, живущіе въ провинціи Алжиръ, избѣгаютъ смертности, причиняемой болѣзнями селезенки; они, правда, заболѣваютъ болѣе или менѣе серьезно, но черезъ нѣсколько дней выздоравливаютъ сами собой, безъ всякаго лѣченія. Крупный рогатый скотъ тоже гарантированъ отъ заболѣваемости, но козы и кролики исп требляются во множествѣ этой болѣзни. Поэтому было бы желательно введеніе алжирскихъ стадъ въ метрополіи для обновленія французской породы въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Босъ, Солонь, Ланды, гдѣ ежегодно погибаєтъ много скота вслѣдствіе бактериальнаго зараженія²⁾; однако, большинство алжирскихъ животныхъ, особенно бараны, качествомъ слишкомъ много уступаютъ французскимъ, чтобы ихъ можно было принять въ овчарни метрополіи. Прежде чѣмъ вывозить алжирскихъ барановъ не только подъ видомъ мяса, но и для скрещиванія, необходимо улучшить ихъ породу. Ангорская коза вполнѣ акклиматизировалась въ Алжиріи, гдѣ она лучше арабской выноситъ перемѣнныя температуры, давая гораздо болѣе тонкую шерсть, которую начинаютъ употреблять, какъ и на Мысѣ Доброй Надежды, для

¹⁾ Powel, „Races indig nes de l'Alg rie“.

²⁾ Chevau, рукописныя замѣтки;—Delamotte, „Bulletin de l'Association Scientifique Alg rienne“, 1880, 2-е fascicule.

тканья прекрасной матеріи, называемой «могеръ». Извѣстно, что многіе скотоводы въ окрестностяхъ Алжира, а также въ Ораніи и на ѿзѣ Ригъ, пробовали прибавить страуса къ своимъ стадамъ, но дѣло это такъ и остается въ періодѣ попытокъ: всѣ вмѣстѣ они имѣютъ около сотни этихъ птицъ; однако, нельзя еще утверждать, что одомашненіе страуса въ алжирскихъ паркахъ составляетъ совершившійся фактъ.

Также какъ въ большей части другихъ странъ, заселенныхъ путемъ колонизации, между которыми первое мѣсто занимаютъ Соединенные Штаты С. Америки, въ Алжирѣ вѣтъ крестьянъ въ собственномъ смыслѣ Европейское населеніе деревень, представляющее почти половину эмигрантовъ (въ 1881 г. европейское населеніе состояло изъ 146.657 душъ), въ большинствѣ городского происхождения, и даже то, которое по рождению принадлежитъ деревнѣ, жило впослѣдствіи въ городахъ, гдѣ его понятія и нравы уже существенно измѣнились. Такимъ образомъ здѣсь происходитъ явленіе, обратное тому, которое мы наблюдаемъ во Франціи. Въ метрополіи городъ заселяется деревенскими жителами, въ Алжирѣ сельскія мѣстности колонизуются горожанами: это немаловажная выгода, даже съ сельскохозяйственной точки зрѣнія, ибо французы, переселившися изъ города въ алжирскую деревню, не связаны въ своей дѣятельности рутиной; онъ легче, чѣмъ деревенскій житель, приспособляется къ своей новой средѣ; въ то же время онъ отличается большей инициативой въ своихъ земледѣльческихъ пріемахъ, также какъ большими духомъ свободы въ своей политической жизни. Сравнительно, алжирцы богаче сельскохозяйственнымъ инвентаремъ, и инвентарь этотъ у нихъ въ лучшемъ состояніи, чѣмъ у земледѣльцевъ метрополіи; даже туземцы употребляютъ во многихъ мѣстахъ усовершенствованные плуги.

Земледѣльческий инвентарь въ Алжирѣ, въ 1882 г.:

	У европейн.	У туземц.	Всего.
Плуговъ	35.841	251.440	287.281
Фуръ и телѣгъ	20.257	865	21.122
Разныхъ орудій	32.512	2.137	34.649
Итого	88.600	254.442	343.052
Цѣнность	14.821.709 фр.	3.429.272 фр.	18.250.981 фр.

Въ европейскомъ сельскомъ населеніи большинство составляютъ, разумѣется, французы, такъ какъ имъ раздаются правительстvомъ земли. Послѣ утраты Эльзаса и Лотарингии, около тысячи семействъ, покинувшихъ родину, были щедро надѣлены полями, благодаря пощертвованіямъ, собраннымъ французскими дамами, и 58 деревень были основаны или расширены, чтобы принять этихъ переселенцевъ. Однако, большинство уступленныхъ казной зе-

мель уже перешли въ другія руки. Колонисты становятся собственниками только подъ условіемъ прожить не менѣе пяти лѣтъ въ имѣніи, данномъ имъ государствомъ. Но впродолженіи десятилѣтія, слѣдующаго за окончательнымъ утвержденіемъ колонистовъ въ правахъ владѣнія, около половины изъ нихъ продаютъ свои земли другимъ. Въ среднемъ, алжирскіе уроженцы, которымъ правительство уступаетъ половину раздаваемыхъ надѣловъ, выказываютъ больше выдержки, чѣмъ эмигранты, и охотнѣе остаются жить на своихъ земляхъ.

Въ періодѣ съ 1871 по 1882 г. включитель-но, всего раздано земель колонистамъ 475.807 гектаровъ, стоимость которыхъ оцѣнивается въ 43.267.991 франкъ.

Число семействъ, водворившихся на полу-ченныхъ надѣлахъ:

Иммигрантовъ—5.005; алжирцевъ—5.025.

Число семействъ, проживающихъ на отве-денныхъ земляхъ въ 1882 г.:

Иммигрантовъ—3.886; алжирцевъ—4.117; число душъ—25.455.

Часть европейскихъ «колонистовъ» состоять изъ кочующихъ работниковъ, называемыхъ «бродячей арміей», которые странствуютъ съ одного конца Алжира на другой, постоянно въ поискахъ новой работы.

Остаются еще для раздачи колонистамъ обширныя пространства земель, принадлежащихъ правительству на разныхъ правахъ, въ кѣ сожалѣнію, на добрую часть присвоенныхъ казной вслѣдствіе секвестровъ, наложенныхъ на туземные племена; по общественному мнѣнію все энергичнѣе высказывается противъ употребляемаго до сихъ поръ способа раздачи земель (концессіи). Этотъ способъ не только ложится ежегодно на бюджетъ значительнымъ расходомъ, но и колонистамъ въ большинствѣ случаевъ онъ обходится гораздо дороже, чѣмъ если бы уступаемая земля была приобрѣтена куплей.

Расходъ государства: на каждый отведенный надѣль—4.877 фр.; на каждого члена полу-чившихъ землю семействъ—2.031 фр.

Обязательства, связанные съ пользованіемъ отведенной землей, стѣснительный надзоръ чиновниковъ, медленность администраціи въ выдачѣ документовъ на владѣніе часто выводятъ изъ терпѣнія колониста и порождаютъ столкновенія, оканчивающіяся нерѣдко отнятіемъ у него имущества по суду. Кроме того, невозможно, чтобы способъ колонизации путемъ концессіи земель не былъ испорченъ фаворитизмомъ: въ подобномъ случаѣ рекомендаций всемогущи, такъ какъ отводъ надѣла никогда не можетъ быть требуемъ какъ право и всегда сохраняетъ характеръ милости. Въ канцелярияхъ устанавливается скрытая конкуренція для получения лучшихъ участковъ, изъ которыхъ настолько обширны, что составляютъ

большія ім'нія. Да при томъ развѣ не путемъ же концессій и финансовыхъ компаній достигли того, что владѣютъ теперь пространствами въ нѣсколько сотъ квадр. километровъ, съ обязательствомъ, болѣе или менѣе выполняемымъ, «содѣйствовать развитію колонизації». Въ среднемъ, величина раздаваемыхъ участковъ, отъ 20 до 30 гектаровъ,—пространство слишкомъ значительное для того, чтобы колонисты могли вести интенсивную культуру; оттого поля ихъ большую частію обрабатываются руками туземцевъ. У арабовъ земельная собственность, родовая или частная, тоже представляетъ слишкомъ обширныя пространства, чтобы владѣлецъ могъ самъ вести хозяйство, ихъ воздѣлываетъ несчастный хаммесь, т. е. «пятиникъ». Что касается земель *арш*, которыхъ считаются принадлежащими всему племени, то онѣ состоять почти единственно изъ паства, такъ что у кого нѣтъ стада, тотъ и не пользуется ими.

Непосредственная продажа государственныхъ земель частнымъ лицамъ существуетъ лишь въ очень незначительныхъ размѣрахъ, но зато заключается много сдѣлокъ по купль-продажѣ земельной собственности между европейцами и мусульманами, и большинство этихъ операций даютъ въ результатѣ увеличеніе землевладѣнія колонистовъ, въ ущербъ землевладѣнію туземцевъ.

Покупки сельскихъ земельныхъ участковъ, съ 1877 по 1882 г.:

Земель, купленныхъ европейцами у мусульманъ—175.034 гектар.; земель, купленныхъ мусульманами у европейцевъ—16.861 гектар.

Общее количество земель, находившихся во владѣніи европейцевъ въ 1881 г.—1.081.000 гектар., изъ которыхъ только 13.000 гект. въ военной территории.

Среднее пространство земельной собственности на каждого сельского жителя— $7\frac{1}{2}$ гект.

Къ сожалѣнію, во многихъ случаяхъ ловкіе спекуляторы, пользуясь невѣжествомъ туземцевъ, отнимаютъ у нихъ землю, съ соблюдениемъ формъ законности: по французскимъ законамъ, «невѣдѣніемъ коихъ никто не можетъ отговариваться», но которыхъ не знаетъ арабъ, всякий совладѣлецъ общаго недвижимаго имущества имѣеть право требовать раздѣла. Свѣдущіе въ законахъ люди нерѣдко пользуются этой статьей, чтобы разорять въ своихъ интересахъ цѣлыя племена: найдя средство приобрѣсти долю въ общемъ имуществѣ, они требуютъ раздѣла, затѣмъ возбуждаютъ процессъ противъ своихъ арабскихъ общниковъ, котораго эти послѣдніе не могутъ выдержать, и тяжба кончается въ пользу спекуляторовъ. Чтобы положить конецъ подобнымъ злоупотребленіямъ, также какъ многимъ другимъ, происходящимъ отъ неопределѣленности правъ землевладѣнія, слѣдовало бы сдѣлать перепись арабскимъ землямъ, отграничить ихъ точнымъ образомъ,

обеспечить за каждымъ дуаромъ, за каждымъ отдельнымъ лицомъ владѣніе полями или паствами, которыми оно пользуется, произвести кадастры, подобный тому, какой существуетъ уже для полноправныхъ общинъ, и который обнималъ въ сентябрѣ 1882 г. площадь въ 1.255.000 гектаровъ. Работы по обмежеванію земель туземцевъ были начаты съ 1873 г.; но въ концѣ 1876 г. онѣ были исполнены только для одного дуара, заключающаго менѣе 6.000 гектаровъ. Двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ обнародованія закона, въ концѣ 1884 г. только около двадцатой части Телля, 700.000 гектар., было окончательно обслѣдовано; значитъ, чтобы довести это дѣло до конца, потребуется болѣе двухъ столѣтій. Теперь разрабатывается законопроектъ по образцу дѣйствующаго въ Австралии акта Торренса, законопроектъ, имѣющій въ виду установить такой юридический порядокъ землевладѣнія, при которомъ переходъ земельной собственности изъ рукъ въ руки будетъ такъ же легокъ, какъ обращеніе денежныхъ знаковъ, но который, можетъ-быть, косвенно будетъ способствовать быстрому образованію крупныхъ имѣній. Среди алжирскаго общества есть цѣлый классъ людей, которые находятъ прямую выгоду въ томъ, чтобы вопросы, относящіеся къ земельной собственности, всегда оставались запутанными, и чтобы права на владѣніе были трудно устанавливаемы. Во времена Ювенала Африка была «матерью адвокатовъ»; не въ правѣ ли мы сказать теперь, что она «мать судебныхъ приставовъ»?

Европейская промышленность представлена въ Алжирѣ только мастерскими и мануфактурами, необходимыми для текущаго производства и мѣстного потребленія, а туземная потеряла всякую дѣятельность, вслѣдствіе привоза иностраннѣхъ фабрикатовъ. По вызову алжирская торговля состоѣть почти единствено изъ жизненныхъ припасовъ и сырья. Правда, что Алжирѣ почти совсѣмъ не имѣть минерального топлива, и что ей нужно заботливо беречь свои запасы лѣса; аппараты, собирающіе солнечные лучи¹⁾, чтобы преобразовать ихъ въ движущую силу, пока еще дали результаты, не имѣющіе большой практической цѣнности. Фабрики ликеровъ, фабрики благовоній эссенцій и сардинковые заводы въ восточныхъ портахъ—вотъ почти все, что имѣть Алжирѣ въ видѣ фабричныхъ заведеній, представляющихъ мѣстную промышленность. Кожи, шерсть и другие животные продукты перерабатываются на фабрикахъ и заводахъ Марсели; оливковое масло тоже проходитъ черезъ провансальскія фабрики, прежде чѣмъ попасть

¹⁾ Mouchot,—De Roquemont, „La Conquête du Soleil“.

въ руки покупателя; альфа вывозится въ Англию, где она передѣлывается въ писчую бумагу; пробки утилизируются во французскихъ винныхъ погребахъ; руды, добываемыя въ Бени-Сафѣ и Аинъ-Махра, не очищаются на мѣстѣ; ихъ отправляютъ на металлургическая заведенія Европы и Нового Свѣта (въ 1882 г. разрабатывалось 37 рудниковъ, при 3.080 рабочихъ); ломки мрамора, серпентина и оникса едва початы, такъ какъ трудность перевозки и дорожизна рабочихъ рукъ чрезмѣрно возвышаютъ цѣну продукта; наконецъ, салины, хотя находящіяся на берегу моря и удобны для эксплуатации, далеко не могутъ сравняться, по размѣрамъ добычи, съ салинами средиземной Франціи; шоттами на плоскогорьяхъ, хотя они содержать соль сотнями миллионовъ тоннъ, пользуются только окрестныя племена. Минеральные и теплые источники, чрезвычайно многочисленные и распространенные по всей территории, представляютъ цѣлый рядъ водь, могущихъ приносить дѣйствительную пользу въ леченіи болѣзней; но только немногое изъ нихъ посѣщаются больными изъ европейцевъ, проживающими въ Алжиріи. Эти послѣдніе предпочитаютъ юзть на воды метрополіи, въ томъ убѣженіи, что воздухъ родины увеличитъ целебную силу водь. Въ 1884 г. эксплуатируемыхъ минеральныхъ источниковъ въ Алжиріи было 47, посѣтителей, больныхъ, около 5.640.

Обороты виѣшней торговли между Алжиріей и другими странами, включая сюда и Францію, превышаютъ полмилліарда франковъ. Со временемъ завоеванія средняя цѣна земельныхъ продуктовъ утроилась, а годовая цѣнность торгового обмѣна увеличилась почти въ сто разъ; но ввозъ всегда превышалъ вывозъ, да иначе и быть не могло, такъ какъ Алжирія постоянно занята арміей, которую содержитъ метрополія, а колонисты только послѣ многомѣсячного или многолѣтнаго пребыванія въ краѣ получаютъ возможность оплачивать европейскіе товары произведеніями своихъ полей. Но возрастаніе привоза всегда сопровождается соответственнымъ увеличеніемъ вывоза, и отнынѣ Алжирія принадлежитъ къ числу странъ, ведущихъ обширную торговлю съ Франціей: по степени важности торгового обмѣна, она занимаетъ восьмое мѣсто; ея порты: Бона, Филиппвиль, Бужи, Алжиръ, Арлезъ, Оранъ уже могутъ быть причислены къ наиболѣе посѣщаемымъ гаванямъ въ западномъ бассейнѣ Средиземного моря. При соединеніе Туниса значительно увеличило виѣшнюю торговлю Алжиріи черезъ сухопутные границы; существуютъ также торговые сношенія между внутреннимъ Марокко и Оранской провинціей, но эти сношенія, происходящія почти исключительно черезъ посредство евреевъ, по большей части ускользаютъ отъ

таможенного надзора. Наконецъ, постоянное торговое движение происходитъ на югъ Алжиріи между оазисами и Теллемъ, по обмѣну фи никовъ и шерсти на зерновые хлѣба. «Сахарцы привязаны къ намъ брюхомъ», гласить традиціонная алжирская пословица, тогда какъ сами они употребляютъ болѣе изящную поговорку: «Телль — наша мать!». Но на югъ Уарглы и Суфы сношенія съ оазисами пустыни почти прекратились; туареги не пропускаютъ каравановъ изъ Алжиріи въ Суданъ, или наоборотъ: только очень незначительное количество продуктовъ проходитъ на западъ черезъ посредство жителей Туата; но какую важность можетъ имѣть торговля, въ которой покупатели не знаютъ мѣста происхожденія товара и дорогъ, по которымъ онъ доставляется? Впрочемъ, въ 1884 г., послѣ четырехлѣтнаго перерыва торговыхъ сношеній, караванъ, состоящій изъ 1.000 человѣкъ и 3.000 верблюдовъ, отправился отъ колодца Бени-Хелиль, въ южной Ораніи, въ оазисы Гуары, и на обратномъ пути соединился съ караваномъ племени дуи-меніа изъ Марокко.

Общая торговля Алжиріи:

Годы.	Ввозъ.	Вывозъ.	Вмѣстѣ.
	Франковъ.	Франковъ.	Франковъ.
1831 . .	6.504.000	1.479.600	7.983.000
1850 . .	72.692.782	19.262.383	94.955.165
1870 . .	172.690.713	124.456.249	297.146.962
1882 . .	411.929.315	150.032.678	561.961.993
1894 . .	265.134.026	265.713.285	530.847.311

Въ 1896 г. специальная торговля выразилась слѣдующими цифрами: по ввозу — 269,2 миллиона, по вывозу — 231,1 миллиона франковъ.

Такъ какъ почти вся алжирская торговля производится моремъ, то мореходство, естественно, должно было возрастать въ той же пропорціи, какъ и торговое движение; но пароходы, вольные или субсидируемые правительствомъ, вытѣснили парусный суда, которыхъ теперь употребляются только для рыбной ловли и мелкаго каботажа; команда на парусныхъ судахъ состоить почти исключительно изъ моряковъ итальянского происхожденія. Въ 1884 году насчитывали 1.060 рыболовныхъ судовъ, вмѣстимостью 3.587 тоннъ; экипажъ ихъ состоялъ изъ 4.464 человѣкъ. Общее движение алжирского судоходства, не считая плававшаго между портами вдоль побережья, представлено слишкомъ десятью тысячами судовъ, общая вмѣстимость которыхъ около четырехъ миллионовъ тоннъ.

Движеніе судоходства въ портахъ Алжиріи въ 1896 г.:

Въ приходѣ — 3.635 судовъ, вмѣстим. — 2.311.935 тоннъ, въ отходѣ — 3.457 судовъ, вмѣстим. — 2.178.852 тонны.

Въ этомъ движении алжирского судоходства на долю Франціи приходится около двухъ тре-

тей, благодаря пароходамъ, совершающимъ срочные рейсы между противоположными берегами Средиземного моря. Послѣ Франціи слѣдуютъ Англія, вывозящая наибольшее количество альфы, и Испанія, пользующаяся выгодой близости разстоянія, но сношенія которой съ алжирскими портами производятся по большей части мелкими судами.

Междуди всѣми портами Алжиріи и торговыми городами западнаго Средиземного моря существуетъ правильное движение пакетботовъ: каждый мѣсяцъ десятка три пароходовъ отправляются изъ того или другаго порта алжирскаго прибрежья къ противоположнымъ берегамъ европейскаго континента. Но въ этомъ движении судоходства доля «африканской Франціи», по числу судовъ, весьма незначительна. Торговый флотъ Алжиріи, въ концѣ 1896 г., состоялъ изъ 704 судовъ, съ общей вместимостью 13.966 тоннъ.

Сѣть дорогъ довольно развита внутри материка. Пропорционально своему населенію, Алжирія имѣеть больше колесныхъ дорогъ, чѣмъ Франція: пропорционально пространству территоріи, она не уступаетъ въ этомъ отношеніи многимъ европейскимъ странамъ.

Длина проѣзжихъ дорогъ въ Алжиріи въ 1896 г.: государственныхъ—3.507 километр., департаментскихъ—524 километр., общинныхъ—26.588 километр. Иностранецъ, проѣзжающій по окрестностямъ Алжира и другихъ большихъ городовъ этой страны, удивляется при видѣ такого множества широкихъ, хорошо содѣржимыхъ дорогъ, и сравненіе, которое онъ дѣлаетъ мысленно со многими областями Европы, благопріятно для французской колонії¹⁾. Въ 1830 г. въ Алжирскомъ регентствѣ не существовало другихъ дорогъ, кроме слѣдовъ отъ прогона стадъ, и тропинокъ, проложенныхъ караванами по берегу ручьевъ и въ горныхъ ущельяхъ; дей и главные шейхи не имѣли въ своемъ распоряженіи иной почтовой службы, кроме скороходовъ, или регабовъ, которые шествовали гагантскимъ шагомъ по цѣльмъ днямъ, полунагие, неся депеши и пищу въ полой трости²⁾. Въ первое время оккупации главная дѣятельность французскихъ войскъ состояла въ проложеніи стратегическихъ путей; Алжирія была завоевана гораздо болѣе постройкой дорогъ, чѣмъ оружиемъ. И теперь еще тысячи штрафныхъ солдатъ употребляются на дорожныя работы, совмѣстно съ калабріцами, туземцами, неграми, почти всегда одѣтыми въ красные панталоны. Несмотря на значительное распространеніе, которое уже получила сѣть путей сообщенія, она еще не окончена въ своихъ главныхъ линіяхъ: съ вос-

токомъ на западъ, между Тунисомъ и Марокко, существуетъ одна только магистральная дорога, проходящая черезъ Сукъ-Ахрастъ, Гельму, Сетифъ, Мезонъ-Карре, Митиджу, долину Шелифа и Тлемсенъ, къ которой съ той и другой стороны примыкаютъ боковые пути, направляющіеся къ морскому берегу или внутрь материка. Береговая дорога, которая со временемъ позволить проѣхать изъ Ла-Калле въ Немуръ прямымъ путемъ безъ пересадокъ на пароходъ, пока еще прерывается многочисленными брешами, составляющими въ сложности болѣе половины всей длины. Французы не окончили системы римскихъ дорогъ, представляющей родъ лѣстницы, гдѣ береговой и внутренний пути были стойками, а поперечные дороги ступеньками¹⁾. И до сихъ поръ еще есть важная поселенія, до которыхъ можно добраться не иначе, какъ пѣшкомъ или верхомъ на лошади; есть даже городъ, именно Джиджелли, не имѣющій проѣзжихъ дорогъ и совершенно разобщенный съ остальнымъ міромъ.

Постройка желѣзныхъ дорогъ началась съ 1860 г.; первый участокъ былъ открытъ въ 1862 г. Въ настоящее время общая длина желѣзныхъ путей, не считая «однорельсовыхъ» дорогъ, служащихъ для перевозки альфы, достигаетъ 2.000 километровъ; но центральная артерія отъ Туниса до Марокко еще не окончена. Въ 1885 г. существовалъ еще пробѣлъ къ югу отъ массива Большой Кабиліи, между Эль-Аширомъ и Палестро; около мароккской границы локомотивъ останавливается въ Аинъ-Темушентѣ, въ Тлемсенѣ и въ Аинъ-Сефра. Многіе торговые порты: Немуръ, Бени-Сафъ, Тенесь, Шершель, Деллистъ, Колло, Ла-Калле не имѣютъ еще вѣтвей, которыя соединили бы ихъ съ главной линіей; но почти всѣ эти пути, необходимые для промышленного механизма Алжиріи, если не начаты постройкой, то, по крайней мѣрѣ, проектированы или подготовлены къ сооруженію предварительными изысканіями.

¹⁾ Длина эксплуатируемой желѣзнодорожной сѣти Алжиріи, къ 1 января 1897 г.: 3.472 километра, не считая 641 километра на туниской территории.

Желѣзнодорожный общества, построившія различныя линіи, выхлопотали себѣ содѣйствіе правительства въ формѣ субвенцій и концессій земель; однако, мѣстное движение привело уже въ нѣкоторыхъ пунктахъ сѣти, особенно между Алжиромъ и Блайдой и между Филиппвилемъ и Константиної, размѣры достаточно обширные, чтобы привносить прибыль на затраченные капиталы. Тарифы алжирскихъ желѣзныхъ дорогъ очень высоки, что

¹⁾ R. de Tchihatcheff, „Espagne, Algérie, Tunisie“.

²⁾ Margeritte;—Trumelet;—Soleillet, etc.

¹⁾ D'Avézac, „Situation des établissements français en Algérie“.

объясняется тѣмъ, что концессіонерный компаніи, заручившись правительственной гарантіей, не считаютъ нужнымъ заискывать расположение публики. На всѣхъ линіяхъ гужевая перевозка можетъ съ успѣхомъ конкурировать съ желѣзодорожной.

Къ югу отъ главной продольной линіи Алжиріи три рельсовыхъ пути уже проникаютъ въ плоскогорья въ направлении пустыни: это дороги изъ Константины въ Батну, изъ Саиды въ Мешерію, изъ Сиди-Бель-Аббесъ въ Расть-эль-Ма. Такимъ образомъ провинціи Константина и Оранъ лучше другихъ снабжены путями сообщенія съ внутренними областями, и благодаря этимъ новымъ путямъ, колонизація можетъ распространяться по плоскогорьямъ востока и запада лучше, чѣмъ въ мѣстностяхъ, заключающихся между Омалемъ и Лагуатомъ. Зная привычку къ централизації, преобладающую во Франціи и въ состоящихъ подъ ея господствомъ странахъ, нельзя не удивляться, что одинъ только Алжирскій департаментъ не имѣть еще желѣзной дороги, проникающей внутрь континента, по направлению къ пустынѣ. Причина тому высокіе выступы горъ, вздымающіеся тотчасъ на югъ Митиджи, которые заставятъ инженеровъ вести трудныя и дорогостоящія работы по подъему на кручи и прорытию туннелей. Кромѣ того, соперничество второстепенныхъ городовъ, желающихъ попасть въ число станцій будущей желѣзной дороги изъ Алжира въ Томбукту, замедлило окончательное решеніе. Вѣроятно, этотъ желѣзный путь, соединяясь у Бліды съ продольной линіей Мавританіи, изъ Туниса въ Оранъ, проникнетъ въ горы, оставивъ немного въ сторонѣ городъ Медею, затѣмъ пройдетъ, близъ Берруагіи, въ верхнюю долину Иссера, и углубится въ новый массивъ, чтобы вступить, при Богари, въ долину Шелифа. Начиная отъ этого пункта подъемъ по высокимъ плато, къ Джельфѣ, и спускъ въ Лагуатъ, къ бассейну уѣда Джедди, не представлять большихъ затруднений.

Макъ-Карти первый предложилъ проведеніе желѣзной дороги черезъ Сахару, между Алжиріей и бассейномъ Нигера; но голось его долго оставался безъ отклика. Когда алжирская сѣть, перейдя область поморья, проникла внутрь материка, эта мысль о транссахарской желѣзной дорогѣ снова явилась, и многочисленные проекты со стороны инженеровъ и географовъ были представлены на судъ общественнаго мнѣнія; снаружались даже значительныя экспедиціи для изученія наиболѣе удобного направления; но печальный исходъ экспедиціи Флаттерса пріостановилъ на время эти изслѣдованія, производимыя въ пустынѣ въ видахъ проложенія желѣзного пути. При томъ нельзя, очевидно, заняться дѣятельно постройкой транссахарской дороги, пока не будутъ окончены

главныя алжирскія линіи. Прежде нужно построить три проникающія внутрь материка линіи, исходящія изъ Константины, Алжира и Орана, и провести продольный путь, который, отправляясь изъ Габеса, будетъ слѣдоватъ вдоль основанія горъ оазисами и долиной рѣки Джедди. Желѣзныя дороги собственно Алжиріи должны дополниться другими путями, направляющимися къ оазису Туатъ, передовому посту Магреба на дорогѣ въ Суданъ, лежащему почти на полпути изъ Алжира въ Томбукту. Но упомянутыя три дороги, изъ Константины, Алжира и Орана, одинаково легко бы построить въ направлении Туата. Линія изъ Бискры въ Уарглу, направление которой уже трасировано точнымъ образомъ, пойдетъ къ юго-западу, вверхъ по долинѣ уѣда Мія, который береть начало на возвышеностяхъ восточнаго Туата. Линія изъ Лагуата въ Мзабъ, представляющая надъ путемъ по долинѣ Мія то преимущество, что она пролегала бы по плоскогорьямъ, пользующимися здоровымъ климатомъ, но которая не приносила бы почти никакой мѣстной пользы, такъ какъ эти области почти совсѣмъ не населены,—эта линія слѣдовала бы вдоль западнаго края обрывовъ, и, не встрѣчая другихъ препятствій, кромѣ одного или двухъ пороговъ изъ дюнъ, достигала бы Эль-Голеа¹⁾, откуда почти на всемъ дальнѣйшемъ протяженіи до самаго Туата мѣстность представляетъ грунтъ, удобный для прокладки рельсовъ²⁾. Наконецъ, третья, западная желѣзная дорога могла бы, спустившись съ плоскогорій южной Ораніи ущельями Тіута и миновавъ постъ Эль-Утедъ, слѣдоватъ естественнымъ скатомъ уѣдовъ, чтобы достигнуть Туата. Отсюда начинаются уже мѣстности, если не таинственные, то во всякомъ случаѣ извѣстныя только по рѣдкимъ маршрутамъ путешественниковъ и по указаніямъ караванщиковъ. Когда эти области пустыни будутъ достаточно изслѣдованы, транссахарскій путь можетъ быть направленъ къ тому пункту на Нигерѣ, где долженъ происходить раздѣлъ дорогъ между Сенегаломъ, Бенинскимъ заливомъ и ближайшими къ Новому Свѣту пунктами атлантическаго побережья. Другіе проекты транссахарской желѣзной дороги предлагаютъ соединить долину Игаргари съ бассейномъ озера Цаде черезъ центральную Сахару³⁾.

IX.

Въ одно и то же время завоеванная земля и страна колонизации, Алжирія населена жителями, различающимися между собой не только расой и языкомъ, но также и политическимъ устройствомъ. Во главѣ французской

¹⁾ G. Келандъ, "Mission transsaharienne".

²⁾ Duponchel;—Solleillet, etc.

³⁾ Frédéric Bernar, etc.

администрації, подвѣдомственной министерству внутреннихъ дѣлъ, стоитъ «гражданскій генераль - губернаторъ, главнокомандующій морскихъ и сухопутныхъ силъ», который управляетъ краемъ при помощи генерального директора и совѣта главнаго управлениія; но дѣйствіе этой центральной власти проявляется не однаково на туземцахъ и на европейскихъ колонистахъ: въ то время, какъ посѣдніе пользуются тѣми же правами, какъ во Франціи, арабы и кабилы въ дѣйствительности зависятъ отъ административнаго благосмѣтрѣнія.

Арабское племя или колено почти всегда имѣеть аристократическую форму. Союзъ семействъ, считающихъ себя происходящими отъ общаго родоначальника, оно признаетъ главу, соединяющаго въ своемъ лицѣ власть военную и духовную; дуаръ, т. е. «кругъ палатокъ», раскинутыхъ среди пастбищъ или въ сосѣдствѣ воздѣланныхъ мѣстностей, составляетъ первичную ячейку; изъ соединенія такихъ ячеекъ въ группы образуются племена. Въ каждомъ дуарѣ власть принадлежитъ главамъ семей и специальнѣ тому, который можетъ похвалиться наиболѣе благороднымъ происхожденіемъ. Нѣсколько дуаровъ, соединенныхъ въ ферку, управляются шейхомъ, то-есть «старикомъ», или даже каидомъ, когда группа «родичей» (бени амъ) настолько значительна, что сама по себѣ можетъ образовать цѣлое племя, то-есть аршъ или нджа, состоящее изъ весьма различнаго числа лицъ, отъ пятисотъ до пятидесяти тысячъ. Каждая высшая группа, составленная изъ меньшихъ единицъ, тоже повинуется одному главѣ: каидъ подчиненъ агѣ, а этотъ — башъ-агѣ или халифу. Всѣ эти начальники являются своего рода царьками въ своихъ маленькихъ государствахъ, и при нихъ нѣть никакого выборнаго совѣта; однако, демократическій элементъ отчасти сохранился въ дуарахъ, благодаря собранію, или джемаа, состоящему изъ главъ семейства или только изъ кобаровъ, то-есть «знатныхъ» и съ которыми шейхъ ферки совѣтуетъ въ особо важныхъ случаяхъ. Совсѣмъ иной характеръ имѣеть джемаа въ кабильскихъ и шауйскихъ общинахъ, гдѣ старые обычай еще сохранили свою силу; тамъ всѣ жители составляютъ народное собраніе или мірской сходъ, власть котораго ограничивается только преданіями.

Въ арабской землѣ вопросы, касающіеся родословной, имѣютъ капитальную важность. Оттого «сыны большихъ палатокъ» пользуются тамъ всеобщимъ почетомъ, и толпа бѣдняковъ тѣснится вокругъ нихъ, чтобы имѣть право ссылаться на ихъ покровительство. Въ первое время завоеванія французскіе губернаторы держались того взгляда, что нужно опираться на вождей воинственныхъ племенъ, чтобы достичнуть господства въ странѣ, и всячески ста-

рались привлечь шейховъ на свою сторону титулами, почестями, раздачей леновъ и помѣстій. Но аристократическіе вкусы и традиціи арабскаго народа неизбѣжно порождаютъ ожесточенное соперничество въ погонѣ за властью. Три различныхъ класса дворянства оспариваютъ другъ у друга авторитетъ въ племенахъ: джуады, или сыны шейховъ, которые выдавали себя, по праву или по узурпациѣ, за потомковъ сподвижниковъ Магомета или завоевателей Мавританіи; шорфы, претендующіе на происхожденіе отъ одной общей матери, Фатмы, жены Магомета, и, слѣдовательно, принадлежащіе къ фамиліи пророка; и, наконецъ, тѣ, которые въ числѣ своихъ предковъ имѣютъ какого-нибудь святаго марабута, и въ силу этого приобрѣли родъ дворянства, пользуясь не менѣшимъ почетомъ, чѣмъ двѣ другія категории. Всѣ эти люди стоятъ выше толпы обыкновенныхъ смертныхъ, и когда войны, перевороты, семейныя события даютъ имъ благопріятный случай, они заставляютъ уважать свои притязанія. Часто также группировка племенъ измѣняется; клиенты переходятъ изъ одной партии въ другую, смотря по тому, на чьей сторонѣ успѣхъ въ борьбѣ честолюбій: отрывки одного и того же племени встрѣчаются разбросанными по всей Берберіи. Французское правительство напрасно думало, что, заручившись дружбой того или другаго шейха, оно можетъ разсчитывать на вѣрность племенъ: являлся претендентъ и замѣняль приверженца французовъ въ расположении народа. Иногда эта политика Франціи приводила къ тому, что завоеватели сами себѣ создавали соперниковъ, основывая настоящія арабскія монархіи: полагали, что дѣло умиротворенія края упростится, когда можно будетъ имѣть сношенія только съ однимъ главой туземнаго населенія, вместо того, чтобы возиться съ цѣлой толпой тысяче-главыхъ племенъ. Такъ, Абдель-Кадеръ сдѣлался султаномъ по милости Франціи; точно также начальникъ племени уладъ-сиdi-шайхъ получилъ въ ленъ всю область алжирской Сахары, а Мохрани сталъ почти государемъ южной Кабиліи: земли, предназначенные общинамъ, вдовамъ, сиротамъ, бѣднымъ, сдѣлались собственностью главныхъ туземныхъ начальниковъ. Однако, могущество вассаловъ всегда приводило къ войнѣ съ сюзереномъ.

Эта феодальная система теперь уже близится къ концу. Независимые de facto, арабскіе начальники постепенно замѣняются французскими администраторами и мусульманскими кади, на которыхъ возложено отправление правосудія, при чемъ они обязаны сообразоваться съ комментаріями, одобренными французскими судебнymi установлениями. Шейхъ, каидъ, ага и башъ-ага утверждаются въ должностяхъ французской администраціей, которой они непосредственно подчинены; полицейская ихъ власть

строго ограничена, но у нихъ еще не отнята традиціозная прерогатива,—источникъ самыхъ воплощихъ несправедливостей,—уплачивать себѣ свое содержаніе изъ сбора налоговъ и штрафовъ. Дауры не могутъ уже такъ свободно, какъ прежде, перекочевывать съ горъ въ равнину; образованіе земельной собственности ставить кочевымъ племенамъ преграды, отнынѣ непроходимыя; планы землемѣровъ стремятся разграниチть поясы, прежде неопределенные, которые простирались между территоріями кочевки. Безпрестанно измѣняющееся дѣленіе, зависящее отъ добровольного или вынужденного перемѣщенія племенъ, мало-по-малу уступаетъ мѣсто точному дѣленію на коммунальные округи. Такимъ образомъ многія племена дробятся на болѣе мелкія группы, которыхъ въ концѣ-концовъ становятся чуждыми одна другой. При томъ часть, постоянно увеличивающаяся, туземного населенія утрачиваетъ первоначальную организацію, входя въ составъ французскихъ общинъ, где она образуетъ пролетариатъ. Старые нравы исчезаютъ, костюмы менѣются: осѣдлая жизнь постепенно смѣняетъ кочевое состояніе, «кругъ палатокъ» уступаетъ мѣсто группѣ домовъ, патріархальный бытъ—общинному устройству, многоженство—единобрачію. Послѣдняя перепись населенія города Алжира насчитываетъ всего пять магометанъ, имѣющихъ болѣе одной жены; въ Оранѣ такихъ оказалось только три. Правда, число разводовъ ежегодно превышаетъ третью числа браковъ, а въ нѣкоторые годы составляетъ почти половину. Такъ, напримѣръ, въ 1879 г. записи въ метрическихъ книгахъ, сдѣланныя по заявленіямъ мусульманъ, показываютъ слѣдующія цифры:

Департаменты.	Число браковъ.	Число разводовъ.
Алжирскій.	11.986	4.797
Константинскій.	16.561	7.922
Оранскій.	5 407	2 503
Итого	33.954	15.222

Совершающееся нынѣ соціальное преобразованіе позволяетъ надѣяться, что съ теченіемъ времени установится союзъ между различными элементами алжирского населенія и произойдетъ сближеніе понятій, такъ какъ смѣшеніе двухъ расъ уже началось. Зловѣщіе пророки должны будуть тогда сознаться въ своей ошибкѣ. «Этотъ прекрасный народъ весь перемѣтъ отъ нищеты и голода», говорилъ одинъ изъ нихъ: «кому посчастливится избѣгнуть катастрофы, тѣ зачахнутъ и угаснутъ въ міазмахъ нашей зараженной цивилизациі. Гдѣ мы пройдемъ, тамъ смерть и разрушение!» ¹⁾). Дѣйствительно, истребленіе туземной расы казалось неизбѣжнымъ въ первыя десятилѣтія оккупации, когда «облавы» опустошали страну, когда

у преслѣдуемыхъ арабовъ не было больше ни хлѣба, ни скота (въ періодъ съ 1830 по 1845 г. было отнято у туземцевъ 18.720.000 барановъ, 3.604.600 коровъ и 917.320 верблюдовъ) ²⁾, когда женщины, задержанные въ качествѣ заложницъ, вымѣнивались на лошадей или продавались съ публичнаго торга, какъ выочныхъ животныхъ ³⁾, когда за головы арабовъ назначалась денежная премія, когда платили по два дurosа за пару человѣческихъ ушей ⁴⁾. Въ то время случалось, что обвиняемые изъ арабовъ, признанные судомъ невиновными, тѣмъ не менѣе были подвергаемы казнѣ,—ради примѣра, «дабы другимъ не повадно было» ⁵⁾. Впрочемъ, находились философы, оправдывавшие всѣ несправедливости и жестокости противъ туземцевъ. «Не нарушая законовъ нравственности, говорилъ Бодишонъ, мы можемъ бороться съ нашими африканскими врагами порохомъ и желѣзомъ, въ соединеніи съ голодомъ, внутренними раздорами, войной, водкой, разращеніемъ и дезорганизаціей» ⁶⁾. Теперь никто, конечно, не повторилъ бы въ Алжирѣ этихъ словъ, дышащихъ ненавистью, хотя и теперь еще творится много неправды, и побѣдители все еще злоупотребляютъ своей силой противъ слабыхъ ⁶⁾). Если «отѣсненіе» туземцевъ еще продолжается во многихъ мѣстахъ, то съ другой стороны магометанско населеніе возрастаетъ, рабство существуетъ только на границахъ Сахары; несчастные хаммесы или «мекиносы» только въ исключительныхъ случаяхъ живутъ еще на положеніи крѣпостныхъ, какими они были недавно во всѣхъ помѣстьяхъ главныхъ туземныхъ начальниковъ; арабъ не имѣеть болѣе права жизни и смерти надъ своей женой; онъ даже не смѣеть бить ее, изъ боязни, чтобы крики несчастной не дошли до слуха какого-нибудь румы.

Соответственно глубокимъ преобразованіямъ, совершающимся въ лонѣ магометанскаго общества, происходятъ безпрестанныя перемѣны и въ административной географіи. Для бирократовъ Алжирія дѣлится на двѣ половины—территорію гражданскую и территоію военную: въ первой, заключающей въ себѣ часть про странства Телля, управление находится въ рукахъ чиновниковъ, подвѣдомственныхъ министерству внутреннихъ дѣлъ, тогда какъ во второй все начальство состоить изъ военныхъ. Съ одной стороны, въ административныхъ дѣ-

¹⁾ Bodichon; — M. Topin et F. Jacquot, „De la colonisation et de l'acclimatation en Algérie“.

²⁾ De Montagnac, цитированное сочиненіе, стр. 225.

³⁾ C. Trumelet, „Histoire de l'insurrection dans le sud de la province d'Alger“.

⁴⁾ Camille Houssay, „Revue des Deux Mondes“, 1-er mars 1885.

⁵⁾ „Considérations sur l'Algérie“; — „Revue d'Orient“, juillet 1841, p. 40; — цитированная Буденомъ „Histoire statistique de la colonisation et de la population en Algérie“.

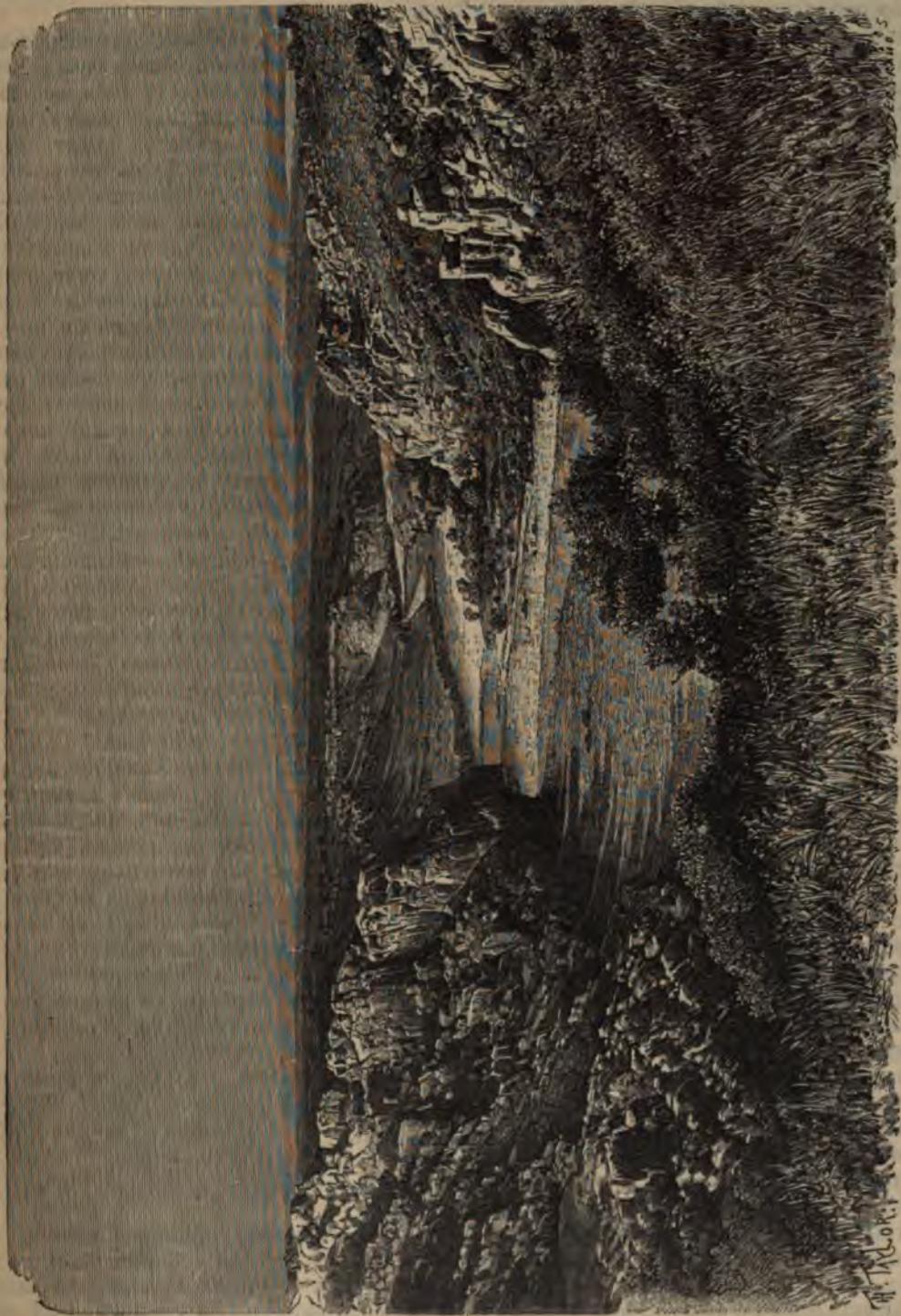
⁶⁾ Charles Lagrade, „Une promenade dans le Sahara“.

лахъ слѣдуютъ той же рутинѣ, какъ во Франціи; съ другой—въ управлениі туземными племенами преобладаютъ военные порядки. Даже

стъ военнымъ управлениемъ сохранено прежнее наименованіе провинцій.

Такъ же, какъ въ метрополіи, департаментъ дѣлится на округи (*arrondissements*), упра-

Долина рѣки Шератъ.

Въ территоріи, имѣющей гражданское управление, три главныхъ дѣленія Алжиріи: Константина, Алжиръ, Оранъ, называются «департаментами», подобно новымъ административнымъ дѣленіямъ Франціи; въ территории

вляемые подпрефектами; округи, въ свою очередь, подраздѣляются на уѣзды или дистрикты, а эти послѣдніе—на общины, которая по большей части «полноправныя» (*de plein exercice*), такъ какъ организація ихъ

такая же, какъ и французскихъ общинъ. Смѣшанными общинами называются тѣ, въ которыхъ большинство населения состоитъ изъ туземцевъ, европейскіе же поселенцы пока еще слишкомъ малочисленны, чтобы могли составить самостоятельную общину. Высшее управление въ смѣшанныхъ общинахъ, менѣе многочисленныхъ сравнительно съ полноправными, ввѣрено гражданскому администратору, который обязанъ умѣть говорить по-арабски или по-кабильски. Въ военной территории административная дѣлнія тоже носятъ название «смѣшанныхъ общинъ», но съ той разницей, что тамъ всѣ жители, какъ европейцы, такъ и туземцы, подчинены военной власти, и менѣстный воинскій начальникъ исполняетъ тамъ обязанности мера; помощникъ его по гражданской части завѣдуетъ извѣстными дѣлами, разрѣшаемыми на основаніи обычныхъ правилъ. Наконецъ, въ военной территории существуютъ чисто «туземные» общины, управляемыя офицерами, и въ составъ которыхъ входятъ дуары, ферки, племена, даже отдаленный одинъ отъ другого города.

Территоріальное дѣлніе Алжирія въ 1895 г.:

1. Территоріи съ гражданскимъ управлениемъ: 17 округовъ, подраздѣляющихся на 256 полноправныхъ общинъ (*communes de plein exercice*, т. е. управляемыхъ по муниципальному закону метрополіи, видоизмѣненному съобразно местнымъ условіямъ) и 73 смѣшанныхъ общинъ (*communes mixtes*, т. е. управляемыхъ администраторомъ), общее пространство которыхъ 12.858.743 гектара. 2. Территоріи подъ военнымъ управлениемъ: 6 общинъ смѣшанныхъ и 12 общинъ туземныхъ, общее пространство — 35.024.801 гектаровъ.

Изъ всѣхъ общинъ Алжиріи самая малая по пространству, Алжиръ, имѣетъ наиболѣе многочисленное населеніе; она обнимаетъ всего только 481 гектаръ, т. е. менѣе 5 квадр. километровъ, тогда какъ протяженіе большинства другихъ общинъ измѣряется тысячами, а протяженіе туземныхъ общинъ миллионами гектаровъ; вообще говоря, пространство административныхъ дѣлній тѣмъ значительнѣе, чѣмъ меньше ихъ населенность. Списокъ полноправныхъ общинъ постепенно увеличивается, такъ сказать, путемъ «попкованія», потому что отдѣлы требуютъ для себя муниципального устройства, какъ только почувствуютъ себя достаточно сильными, чтобы существовать самостоятельной жизнью. Равнымъ образомъ многія изъ смѣшанныхъ общинъ распадаются на округа менѣшаго протяженія; въкоторыхъ изъ туземныхъ «общинъ» имѣютъ громадные размѣры, какъ, напримѣръ, община Гардайя, обнимающая весь Мзабъ, Метлили, территорію племени шанба, и общее протяженіе которой опредѣляютъ въ 66.549 квадр. километровъ. Почти вдвое обшириѣ туземная «община» Бискра, простира-

ющаіся отъ Эль-Кантара до Тугурта и Темассина, на протяженіи 250 километровъ по меридиану, и которая обнимаетъ пространство, исчисляемое приблизительно въ 111.844 квадр. километр., то-есть почти равное площади всего Тунисского регентства.

Въ европейскихъ общинахъ муниципальные совѣты выбираются французскими гражданами, иностранцы же участвуютъ въ выборахъ лишь въ ничтожной пропорціи: когда число ихъ превышаетъ сто, они имѣютъ право представительства въ общинѣ. Туземные резиденты (постоянныe жители), достигшіе 25-лѣтнаго возраста, должностныe лица, владѣльцы недвижимаго имущества или промышленники, взявши установленные патенты, лица, имѣющія знаки отличія или находящіяся въ отставкѣ, тоже могутъ требовать внесенія ихъ въ муниципальные списки и выбирать мусульманскихъ совѣтниковъ, которые принимаютъ участіе во всѣхъ совѣщаніяхъ, наравнѣ съ французскими совѣтниками, но число которыхъ не должно превышать трети общаго числа членовъ совѣта, и которые по какой-то странной anomali не имѣютъ права голоса въ назначеніи меровъ и ихъ помощниковъ; туземные помощники мера (*adjoints*) въ полноправныхъ общинахъ всегда назначаются администрацией и могутъ быть опредѣляемы изъ числа лицъ, не входящихъ въ составъ муниципальнаго совѣта и даже не принадлежащихъ къ общинѣ.

Число муниципальныхъ избирателей въ Алжирскомъ департаментѣ въ 1884 г.:

Французовъ: 20.686; магометанъ: 18.046.

Каждый департаментъ Алжиріи представлена въ парламентъ метрополіи двумя депутатами и однимъ сенаторомъ, выбираемыми согласно избирательнымъ законамъ Франціи, число голосовъ на выборахъ парламентскихъ представителей, приходящееся на каждого избираемаго депутата или сенатора, въ колоніи пропорционально меньше, чѣмъ въ метрополіи.

Число политическихъ избирателей (т. е. избирающихъ представителей въ палату депутатовъ и въ сенатъ) въ трехъ алжирскихъ департаментахъ:

	Въ 1881 г.	Въ 1885 г.	Подававшихъ голосъ.
Алжиръ . . .	19.208	22.338	14.985
Константина . .	13.882	17.478	11.700
Оранъ . .	16.144	18.521	11.876
Итого . .	49.234	58.337	38.561

Каждый департаментъ Алжиріи имѣетъ свой генеральный совѣтъ, избираемый тѣмъ же порядкомъ, какъ генеральные совѣты французскихъ департаментовъ, и который тоже занимается болѣею частю дѣлъ, относящихся къ путемъ сообщенія и общественнымъ зданіямъ, къ народному образованію и финансамъ общинъ; такъ же какъ во Франціи, эти совѣты собираются дважды въ годъ. Генеральные со-

вѣты посылаютъ восемнадцать своихъ членовъ, по шести изъ каждого департамента, въ высшій совѣтъ Алжиріи, въ составъ котораго входятъ, кромѣ того, три префекта, три генерала, командующихъ дивизіями, и двѣнадцать членовъ совѣта главнаго управлениія, состоящаго при генераль-губернаторѣ. Это собраніе, составленное на половину изъ чиновниковъ, назначаемыхъ правительствомъ, и на половину изъ гражданъ, выбираемыхъ изъ своей среды генеральными совѣтами, собирается разъ въ годъ на сессію, продолжающуюся около двадцати дней. Оно устанавливаетъ бюджетъ и дѣлаетъ раскладку налоговъ.

Бюджетъ Алжиріи 1897 г., безъ издержекъ на содержаніе войска: приходъ—53.802.194 фр., расходы—71.008.728 франк. Бюджетъ общинъ въ 1895 г.: обыкновенные доходы—24.375.569 фр., расходы—21.445.890 фр.

Въ 1822 г. бюджетъ Алжирскаго регентства равнялся 2.174.000 фр., по Вильяму Шаллеру.

Доходы, получаемые отъ морскихъ сборовъ, дѣлятся между алжирскими общинами пропорционально ихъ населенію, при чемъ, однако, арабы и даже натурализованные евреи считаются индивидуально лишь за одну восьмую: «восемь израильтянъ или арабовъ,—все равно что одинъ европеецъ». Впрочемъ, налоги всякаго рода, платимые европейцами, представляютъ сумму гораздо болѣе значительную, тѣмъ подати, собираемыя съ туземцевъ,вшестро болѣе многочисленныхъ. Арабскіе налоги падаютъ непосредственно на продукты: только земли, засѣянныя пшеницей или ячменемъ, платятъ *ашуръ*, земли же необрабатываемыя освобождены отъ всякаго налога; другая главная подать, *зеккатъ*, взимается съ каждой головы скота.

Религія—вотъ что всего болѣе раздѣляетъ жителей Алжиріи и препятствуетъ имъ соединиться въ одну націю. Правительство, однако, сдѣлало, хотя и безуспѣшно, попытку о francaизировать, такъ сказать, мусульманскій культъ. До завоеванія туземцы не имѣли никакой официальной духовной іерархіи, но одною изъ первыхъ заботъ французовъ было ввести въ краѣ соединеніе церкви и государства. На другой же день послѣ взятія Алжира завоеватели вѣльки измѣнили текстъ молитвы, произносимой имамами въ мечетяхъ за главу государства: теперь имамы молятся за «благополучное правленіе Франціи». Прежде гражданская власть никогда не вмѣшивалась въ выборъ служителей алтаря; нынѣ муфтии, имамы и нѣкоторыя подчиненные духовныя лица назначаются губернаторами изъ числа книжниковъ, преданныхъ французамъ; за исключеніемъ городовъ, где есть муфтій, каждый имамъ совершенно независимъ отъ членовъ духовенства и подчиненъ только гражданской власти. Ад-

министрація не только вмѣшиваются въ религіозныя дѣла магометанъ назначеніемъ ихъ священниковъ, но она, кромѣ того, нарушаетъ постоянный обычай всѣхъ мусульманскихъ обществъ, по которому запрещено совершать молитвы и поучать Корану «за плату». Правда, что плата эта, даваемая въ видѣ жалованья, очень невелика, и что она оправдывается конфискаціей вакуфовъ, взятыхъ въ казну, которая взамѣнъ этого приняла на себя заботу о доставленіи средствъ на покрытие расходовъ, необходимыхъ для потребностей культа; но строгіе мусульмане, тѣмъ не менѣе, мало уважаютъ священниковъ, состоящихъ на жалованье у правительства; французскимъ имамамъ они предпочитаютъ независимыхъ марабутовъ, которые совершаютъ молитвы передъ гробницами святыхъ, или шорфовъ, принадлежащихъ къ духовнымъ орденамъ и продолжающихъ собою «цѣпь» вѣроучителей, начиная съ пророка¹⁾.

Расходы различныхъ исповѣданій въ Алжиріи въ 1880 г., по Гастю и Ринну:

7.500 протестантовъ, бюджетъ 83.100 франк., или 11 фран. 08 сант. на каждого. 310.000 католиковъ, бюджетъ 920.000 франк., или 2 фран. 93 сант. на каждого. 35.665 евреевъ, бюджетъ 26.100 франк., или 0 фран. 73 сант. на каждого. 2.842.497 магометанъ, бюджетъ 216.340 франк., или 0 фран. 08 сант. на каждого.

Марабуты (маработы), хотя не имѣющіе официальной связи съ французскимъ правительствомъ, тѣмъ не менѣе мало опасны для новаго режима. Принаследжа по большей части къ стариннымъ фамиліямъ, родословная которыхъ восходитъ очень далеко въ прошлія времена, привыкли жить податями или милостынями, которыя имъ приносятъ регулярно вѣрующіе; имъ пребываніе всегда подлѣ святыхъ мѣстъ,—марабуты хорошо известны французскимъ властямъ и имѣютъ прямую выгоду жить съ ними въ ладу. Есть даже не мало марабутовъ, которые принимаютъ должности на службѣ правительства, соглашаются быть назначеными въ аги или каиды, или даже добиваются почетныхъ званій и знаковъ отличія. Между «марабутскими» родами или племенами только одно, именно уладъ-сиdi-шейхъ, въ послѣднемъ его поколѣніи, было почти всегда враждебно Франціи. Это племя, живущее очень далеко отъ побережья, въ южной Оравіи, естественно, должно было съ величайшимъ неудовольствіемъ видѣть приближеніе завоевателей, которымъ нужно уступить политическую власть и взиманіе податей. Но, взятые въ массѣ, марабуты представляютъ собою консервативный элементъ въ религіи и, следовательно, имѣютъ

¹⁾ Louis Rinn, „Marabouts et Khwan, Étude sur l'islam en Algérie“.

прямую выгоду оцираться на гражданскую власть, чтобы препятствовать распространению духовных орденовъ, которые отнимаютъ у нихъ влияніе и уменьшаютъ ихъ доходы: они смотрѣтъ на независимыя религіозныя общества такъ же недружелюбно, какъ иѣкогда въ католической церкви бѣлое духовенство смотрѣло на черное. Луи Риннъ въ своей книжѣ приводитъ много случаевъ, когда ма-работы не принимали въ свои школы студентовъ, принадлежащихъ къ какому-нибудь религіозному ордену.

Эти ордена, которые почти всѣ возникли въ Марокко и которые поддерживаютъ сношения съ мѣстомъ своего происхожденія черезъ Тлемсень и Лалла-Магніа, очень многочисленны во французской Африкѣ, и сила ихъ возрасла именно благодаря милостямъ, которыя правительство распространило на имамовъ и мара-бутовъ. Древнѣйшимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе благотворительнымъ считается орденъ, основанный Сиди-Абдель-Какеромъ-эль-Джелани, изъ Багдада: его зауи (монастыри) разсѣяны отъ Малайского архипелага до береговъ Марокко. Тиджаніи, главный зауи которыхъ находится въ Аинъ-Махди и Темассинѣ, до недавняго времени были самыми могущественными религіозными братствами, и хуаны ихъ распространены до береговъ Сенегала; но въ послѣдніе годы влияніе ихъ уменьшилось въ пользу сенусіевъ и другихъ орденовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что со времени завоеванія страны французами число *хуановъ*—имя, соответствующее факту на азіатскомъ Востокѣ и дервишу въ Турціи,—значительно увеличилось. Иначе и быть не могло: во всякой странѣ, где люди лишены или политической свободы, или національной независимости, они стараются создать себѣ, по крайней мѣрѣ, такую область, куда бы не проникалъ чужеземецъ; они замыкаются въ своихъ религіозныхъ идеяхъ, чтобы поддерживать между собою ненависть къ невѣрному, и иногда, въ припадкахъ религіозной горячки, вступаютъ на путь открытаго возстанія. Два ордена, часто подвергавшіеся преслѣдованію со стороны правительства за то, что они поставляли всего больше бойцовъ въ ряды инсургентовъ,—орденъ рахманія въ Кабилии и орденъ шаделіа-деркауа въ разныхъ провинціяхъ,—особенно быстро распространялись съ тѣхъ поръ, какъ вся территорія Алжиріи была занята французскими войсками. Невозможно съ точностью узнать истинную силу орденовъ, такъ какъ военный надзоръ сдѣлалъ изъ этихъ религіозныхъ братствъ общества частію тайны. Однако, неоднократно дѣлались попытки составить статистику этой братіи: по Ринну, численность ея, въ 1881 г., простиралась до 170.000 человѣкъ, изъ которыхъ болѣе половины, именно около 96.000 человѣкъ, приходится на долю ордена рахма-

нія. Всѣ эти хуаны, сгруппированные вокругъ 355 зауи, имѣютъ около 2.000 мкаддемъ (старшинъ), подъ начальствомъ десятковъ двухъ шейховъ. Вообще около одной пятой туземцевъ входятъ въ составъ той или другой изъ шестнадцати главныхъ духовныхъ ассоціацій Алжиріи; много кабильскихъ женщинъ тоже принадлежать къ религіознымъ обществамъ, въ качествѣ «сестеръ»¹). Существуютъ также и другія братства, присвоивающія себѣ виѣнія формы духовнаго товарищества, но которыхъ въ дѣйствительности не что иное, какъ странствующія корпораціи: пѣвцы, танцовщики, очарователи змѣй, акробаты и гадальщики.

На первый взглядъ можетъ показаться, что религіозная организація значительной части мусульманскихъ подданныхъ составляетъ весьма серьезную опасность для французского господства: многие публицисты видятъ въ духовныхъ орденахъ своего рода общества заговорщиковъ, соединенныхъ единствомъ вѣры, также какъ общей ненавистью къ иноzemенному и иновѣрному властителю; говорятъ, что по вечерамъ въ мавританскихъ кофейняхъ, когда кончатъ рассказывать забавныя исторіи и декламировать стихи, хуаны собираются въ кучки и передаютъ другъ другу въ полголоса пророчества, возвѣщающія скорое пришествіе Мульэль-Саа, «Господина Часа»; они говорятъ между собой о томъ желанномъ днѣ, когда мусульманская почва будетъ очищена отъ присутствія ненавистныхъ руми, и стараются взаимно поддерживать и разжигать ненависть къ чужеземцу. Безъ сомнѣнія, подобная тайная сходища, враждебны французскому господству, часто бывають, но религіознымъ орденамъ недостаетъ необходимаго единства, чтобы привести въ исполненіе заговоры. Правда, что различныя *тирии* исповѣдуютъ чистѣйшій правовѣрный исламъ и отличаются одна отъ другой только молитвенными формулами, жестами, порядкомъ колѣнопреклоненій и качаній тѣла; правда и то, что члены каждого духовнаго общества связаны взаимно строжайшими обязанностями братства; но отдѣльные группы еще далеки отъ сознанія солидарности между собой; каждый орденъ распадается даже на частные союзы, не имѣющіе между собой ничего общаго, кроме духовнаго устава, отличающіеся одинъ отъ другого только личными интересами шейховъ и мкаддемовъ. Большинство послѣднихъ, подобно мараработамъ, заботится главнымъ образомъ объ увеличеніи своего богатства и вліянія: они не лгутъ, читая уставы ордена, воспрещающіе имъ всякие политическіе заговоры, и стараются приобрѣсти благосклонность установленной власти; иногда даже духовные из-

¹) N. Biбesco, „Revue de Deux Mondes“, tome LVI, 1865;—L. Rinn, цитированное сочинение.

чальники дают христіанамъ охранныя грамоты, «дипломы на званіе почетного члена», обезпечивающіе имъ, какъ истиннымъ братъямъ, поддержку общини. Рѣдко случалось, чтобы восстанія были вызваны религіозными мотивами, и никогда ордена не бросались въ цѣломъ составѣ въ «священную войну»; все хуаны, повидимому, помнятъ правило суфизма, запрещающее имъ «подвергать свою жизнь опасности въ непосильныхъ предпріятіяхъ». «Бойся французовъ! Страхъ передъ французами есть страхъ Божій!» говорилъ одинъ духовный шейхъ своимъ ученикамъ въ оазисѣ Хенга¹⁾). Этотъ недостатокъ воинственной энергіи вполнѣ понятенъ у людей, которые, такъ сказать, перестаютъ принадлежать самимъ себѣ: какъ бы ви была велика ихъ ненависть къ иноземному завоевателю, но у нихъ нѣтъ никакой інициативы, чтобы бороться съ нимъ. Обязанные слѣпо повиноваться своимъ начальникамъ, «какъ самому Богу», не смѣющіе разсудить, «ибо умствованіе можетъ ввести въ заблужденіе», не имѣющіе иного честолюбія, кроме желанія сообщить своимъ членамъ, голосу, взгляду механизма, предписанный ритуаломъ, фанатические хуаны постепенно превращаются въ настоящихъ мономановъ, неспособныхъ понимать и хотѣть²⁾; при сотвореніи нѣкоторыхъ молитвъ, по требованію ритуала, обязательно наклонить голову на правую сторону, произнося звукъ *hi*, затѣмъ въ лѣвую сторону, говоря *hu*, и наконецъ—впередъ, говоря *ha*: безъ этихъ движений головы и возгласовъ молитва была бы недѣйствительна³⁾. Исторія Алжиріи доказываетъ, что когда восстанія приобрѣли дѣйствительную важность, то это было не среди этихъ отупѣвшихъ декламаторовъ стиховъ Корана, но въ мужественныхъ племенахъ, сохранившихъ полное сознаніе своей политической жизни.

Французское правительство пыталось опираться на исламъ, назначивъ отъ казны жалованье магометанскому духовенству, но до сихъ поръ оно сдѣлало очень мало для сближенія туземцевъ съ французами путемъ образования. Франко-арабскія школы, открытые специально для дѣтей туземцевъ, немногочисленны, и по большей части очень плохо содержатся; специальнно-европейскія училища открыты, правда, мусульманскимъ мальчикамъ, и нѣсколько сотъ ихъ пользуются обучениемъ въ этихъ училищахъ, но число посѣщающихъ школы ничтожно для четырехмиллионнаго населенія. Что касается зауяя, на которыхъ иногда указываютъ какъ на настоящія школы, то онѣ не служиваютъ такого названія, ибо въ этихъ мѣстахъ духовной декламаціи, которыхъ на-

считываютъ около тысячи во всей Алжиріи, дѣти, въ числѣ около 30.000, учатся почти только чтенію стиховъ Корана. Дѣвочки рѣдко допускаются въ монастырскія школы; также и въ училища, основанныя французами, они поступаютъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Да иначе и быть не можетъ, пока существуютъ нравы, обязывающіе молодыхъ магометанокъ обручаться и выходить замужъ въ такомъ возрастѣ, когда европейки еще играютъ въ куклы: обреченная заранѣе на затворничество, какъ ихъ матери, молодыя мавританки не имѣютъ надобности въ образованіи, которое имъ предлагаютъ⁴⁾). Тѣ, которыя были, тѣмъ не менѣе, воспитаны на французской манерѣ, не могли помириться съ судьбой, приготовленной имъ въ семье (туземныхъ молодыхъ дѣвушекъ, получающихъ нѣкоторое образованіе, въ 1877 г., по П. Блану, было 103); большинство ихъ вышло изъ своего сословія, чтобы избѣгнуть тяжелаго устава, налагаемаго на женшинъ ихъ націи: въ мусульманскихъ семействахъ на образованіе, даваемое дѣвушкамъ, обыкновенно смотрятъ такъ, что оно должно роковымъ образомъ вести къ распутству. Пока гаремъ не будетъ открытъ, женщина не можетъ пользоваться наравнѣ съ мужчиной правами свободного воспитанія.

У кабиловъ образованіе болѣе цѣнится, чѣмъ у арабовъ, какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ. Всѣ школы, основанныя либо администраторами смѣшанныхъ общинъ, либо университетомъ (т. е. министерствомъ народнаго просвѣщенія), либо конгреганистами, бѣлымъ духовенствомъ или іезуитами, и протестантскими миссионерами, усердно посѣщаются учащейся молодежью. Молодые люди стараются въ своихъ путешествіяхъ извлекать пользу изъ познаній, приобрѣтенныхъ ими на школьній скамѣ; молодыя дѣвушки, не обреченныя на затворническую жизнь, какъ мавританки, могутъ учиться, не боясь навлечь на себя презрѣніе въ своей средѣ; напротивъ, образованіе только дѣлаетъ ихъ въ глазахъ соплеменниковъ болѣе достойными уваженія. Всѣ кабильскія джемаа просятъ, чтобы открывали французскія школы на ихъ территоріи, и напередъ даютъ согласіе на введеніе у нихъ бесплатнаго и обязательнаго обучения. У берберовъ сахарскихъ оазисовъ школы тоже въ большой чести, и во многихъ городахъ и деревняхъ, особенно въ Бискрѣ, всѣ дѣти умѣютъ говорить и писать по-французски: по своей франко-арабской школѣ, также какъ по большому числу посѣтителей, пріѣзжающихъ туда, чтобы имѣть право сказать, что они видѣли пустыню и ея оазисы, этотъ передовой постъ сахарскихъ областей сдѣлался однимъ изъ наиболѣе французскихъ городовъ Алжиріи. Результаты, полученные

¹⁾ E. Masqueray, „Revue Africaine“, 1878.

²⁾ E. Masqueray, „Revue Africaine“, 1878.

³⁾ Ernest Mercier, „L'Algérie et les questions algériennes“.

⁴⁾ L. Rieu, цитированное сочинение.

школами, весьма значительны, хотя рутинна программа, принятых въ европейской Франции, рабски примѣняется и во Франции африканской: кабильский ученикъ, пройдя курсъ учения, знаетъ изъ географии только административные дѣленія европейскихъ государствъ, а изъ исторіи только имена королей династіи Меровинговъ¹⁾.

Въ общей сложности можно, безъ преувеличения, считать въ миллионъ слишкомъ число жителей, говорящихъ французскимъ языкомъ, либо какъ своимъ роднымъ, либо какъ выученнымъ. Что касается арабского языка, то какъ ни богата его литература въ прошлыхъ вѣкахъ, но теперь онъ уже не соотвѣтствуетъ, по крайней мѣрѣ въ Алжирѣ, развитию современной мысли: всѣ магометане, которые, по своему образованію, принимаютъ участіе въ движеніи науки или просто въ общей жизни цивилизациіи, пользуются французскимъ языкомъ для выраженія своихъ мыслей. За исключениемъ официального вѣстника и нѣсколькихъ изданій судебнаго и административнаго, алжирскіе станки печатаются только европейскіе журналы и газеты, почти все французскіе: единственная арабскія книги, которыхъ тамъ выходятъ въ свѣтъ, это переводы, дѣлаемые европейцами, или сочиненія по истории, издаваемыя учеными обществами. Вообще въ Алжирѣ не обнаруживается никакого признака литературного обновленія со времени полузвѣковой французской оккупации; и если когда-либо начнется новая эволюція для арабского языка, то заслуга въ этомъ отношеніи не можетъ быть приписана самимъ арабамъ. Рѣдкіе туземные ученые заботятся главнымъ образомъ о томъ, чтобы скрывать свои сокровища. Тысячи книгъ были увезены изъ страны ревнителями ислама, не захотѣвшими подчиниться господству невѣрныхъ; даже въ алжирскихъ городахъ богатыя книгохранилища остались закрытыми для французовъ²⁾.

Въ европейскомъ обществѣ колоніи образование, сравнительно, болѣе распространено, чѣмъ въ соотвѣтственныхъ метрополіяхъ: статистика браковъ и консекрациіи показываетъ, что число неграмотныхъ менѣе въ Алжирѣ, нежели въ странахъ Европы, откуда пришли иммигранты.

Молодые люди, внесенные, въ 1881 году, въ рекрутскіе списки въ Алжирѣ: французовъ—1.561, изъ нихъ 185 неграмотныхъ, или 11,2 проц. Евреевъ—403, изъ нихъ 174 неграмотныхъ, или 43,2 проц. Испанцевъ—401, изъ нихъ 194 неграмотныхъ, или 48,3 проц.

Въ настоящее время средняя получившихъ образование евреевъ немного менѣе средней французовъ, что объясняется привлеченіемъ

состояніемъ, въ которомъ долго держали эту расу ея мусульманскіе угнетатели; но, съ другой стороны, изъ всѣхъ этническихъ элементовъ алжирскаго народонаселенія евреи наиболѣе заботятся объ образованіи своихъ дѣтей: въ этомъ отношеніи они походятъ на своихъ единовѣрцевъ въ Европѣ и въ Тунисѣ. Правда, восемь ихъ школъ, называемыхъ мидрахимъ, имѣютъ существенно-религіозный характеръ, обучая дѣтей только чтенію Библіи и еврейскому языку, но занятія въ этихъ школахъ бываютъ не въ тѣ часы, когда открыты коммунальныя учебныя заведенія, и большинство воспитанниковъ мидрахимовъ посѣщаются въ то же время обыкновенныя училища. Народное образованіе, на которое алжирскія общины расходуютъ въ среднемъ 17 процентовъ своихъ доходовъ¹⁾, организовано по тому же образцу, какъ во Франціи; здесь тоже существуютъ начальныя школы, среднія учебныя заведенія, лицей, нормальная училища (учительскіе институты и семинаріи), факультеты юридической, медицинской, наукъ и словесности. По закону 1883 г., всякая полноправная или смѣшанная алжирская община обязана содержать одну или нѣсколько общественныхъ начальныя школы, открытыхъ бесплатно дѣтямъ европейцевъ или туземцевъ; женскія училища должны быть учреждены во всѣхъ общинахъ, имѣющихъ свыше 500 жителей. Жалованье персоналу учащихъ опредѣлено по штатамъ, установленнымъ для преподавателей вѣдомства народнаго просвѣщенія во Франціи.

Статистика народнаго образованія въ Алжирѣ въ 1894—95 г.:

Низшихъ начальныя школы—1.255, съ 98.085 учащихся.

Число учащихся въ низшихъ начальныя школахъ, по національностямъ:

Мальчиковъ. Дѣвочекъ.			
Французовъ ...	21.169	20.761	
Евреевъ ...	5.668	4.395	
Иностраницъ ...	16.685	12.953	
Мусульманъ ...	17.260	1.299	

Высшее начальное образование: 3 школы—2 для мальчиковъ и 1 для дѣвочекъ, 7 дополнительныхъ курсовъ для мальчиковъ и 6 для дѣвочекъ,—во всѣхъ этихъ заведеніяхъ 520 учащихся.

Курсы для взрослыхъ: 70, съ 5.387 слушателей.

Среднія учебныя заведенія: 4 лицея, съ 2.048 воспитанниками, 7 колледжей, съ 1.112 воспитанниками, кромѣ того, 2 духовныхъ и 3 свѣтскихъ среднихъ заведеній; для молодыхъ дѣвушекъ—коллѣжъ въ Оранѣ (170 воспитан.), курсы въ Константина, Бонѣ и Филиппвалѣ (153, 120 и 65 воспитан.) и школа въ Алжирѣ (227 воспитан.).

¹⁾ Paul Bert, „En Kabylie“.

²⁾ Ch. Féraud, „Revue Africaine“, 1874.

¹⁾ Ernest Mercier, цитированное сочиненіе.

Высшія учебныя заведенія;

Факультетъ медицинскій (*école de médecine et de pharmacie*), съ 159 студентами; факультетъ юридическій (*école de droit*), съ 168 студентами; факультетъ словесный (*école de lettres*), съ 120 слушателями; факультетъ физико-математ. (*école des sciences*), съ 31 слушателемъ.

Въ силу капитуляціи Алжира, французское правительство обязалось уважать туземные законы и обычаи и не препятствовать ихъ применению; однако, невозможно было, чтобы французские суды, назначенные въ Алжирію, не пытались ограничить мало-по-малу компетенцію мусульманской магистратуры. Вскорѣ кади «съ дырявыми руками», эти творители право-

и комментаріями къ судебніку Сиди-Хелиля и къ другимъ руководствамъ по законовѣдѣнію, сохранились въ судебныхъ решеніяхъ; такъ, еще очень недавно мусульманскіе трибуналы торжественно санкционировали тотъ физиологический фактъ, неизвѣстный европейскимъ медикамъ, что ребенокъ, прежде чѣмъ родиться, можетъ спать въ чревѣ матери въ продолженіе четырехъ лѣтъ¹⁾). Нынѣ кади (судьи), въ числѣ около 150, и адели (заступающіе мѣсто кади) составляютъ въ каждомъ округѣ *махакму* или судебную палату, причисляемую къ судамъ первой инстанціи. Ихъ юриспруденція, руководствуясь Кораномъ, должна согласоваться также съ требованіями французского закона, и кади,

Бабъ-Азунъ въ Алжирѣ.

судія, обязанность которыхъ, по мѣстной поговоркѣ, состояла въ томъ, чтобы «объѣдатъ племя»²⁾, и приговоры которыхъ были безапелляционны (отмѣнить приговоръ могъ только бей, по ходатайству подсудимаго, или самъ кади, по полученіи болѣе вѣрныхъ и обстоятельныхъ данныхъ), увидѣли надъ собой французскіе трибуналы, куда осужденные ими могли представить свое дѣло для нового разбирательства. Тѣмъ не менѣе, кади еще въ 1843 г. приговаривали къ смертной казни, и многія нелѣпости, освященные суевѣріемъ туземцевъ

могущій доказать достаточное знаніе французскаго языка, получаетъ годовую премію, сверхъ обыкновенныхъ гонораровъ. Образованіе, дающее въ алжирскомъ медрэссе или школѣ правовѣдѣнія, все болѣе и болѣе приближается къ тому уровню, на которомъ оно стоитъ въ заморскихъ училищахъ этого рода; студенты сдаются экзамены по французскому языку и законовѣдѣнію и обязаны слушать по нѣкоторымъ предметамъ лекціи профессоровъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Кромѣ того, мусульманское общество постепенно вводится въ

¹⁾ A. Pomel, „Des races indigènes de l'Algérie“.

²⁾ Ch. Roussel „Revue des Deux Mondes“, 1 aout 1876.

кругъ дѣйствія французской юстиції учрежденіемъ института мировыхъ судей, къ которымъ одинаково обращаются и европейцы, и туземцы, и компетенція которыхъ очень обширна. Что касается джемаа, или народныхъ собраній въ кабильскихъ деревняхъ, то они были упразднены, или по крайней мѣрѣ власть ихъ значительно ограничена: теперь мировые суды, въ числѣ около ста, и 17 судовъ первой инстанціи, въ которыхъ заѣдаются также мусульманскіе члены (по одному въ каждомъ судѣ), предоставляютъ себѣ право истолкованія арабской сунны или кабильскихъ каноновъ. Ассизные суды существуютъ въ четырехъ городахъ: Алжирѣ, Оранѣ, Константина и Бонѣ; кроме того, въ столицѣ находится апелляціонная палата, высшее судебное учрежденіе Алжиріи.

Алжирскіе суды завалены дѣлами; неопределенія условія землевладѣнія и неустойчивость состояній имѣютъ слѣдствіемъ частое обращеніе жителей къ содѣйствію законниковъ; особенно въ годы плохаго урожая наложеніе запрещенія и продажа имуществъ съ публичнаго торга повторяются то тутъ, то тамъ, почти ежедневно, къ великой радости и выгодѣ нотаріусовъ и судебныхъ приставовъ. Арабы склонны къ сутижничеству, но ихъ споры рѣшаются вообще короткимъ судомъ, тогда какъ споры колонистовъ, которые тоже очень любятъ судиться, по большей части поступаютъ на разсмотрѣніе общихъ судебныхъ установлений. Число процессовъ и спорныхъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію общихъ судовъ, доходитъ до 20.000 слишкомъ ежегодно; а такъ какъ болѣе половины этихъ дѣлъ возникаютъ между французами, то, слѣдовательно, у этихъ послѣднихъ приходится, среднимъ числомъ, по одному дѣлу на каждые двадцать человѣкъ; кроме того, на долю французскаго населенія приходится половина изъ 60.000 менѣе важныхъ споровъ и исковъ, разбираемыхъ мировыми судьями. Иностранцы, среди которыхъ собственники менѣе многочисленны, чѣмъ среди французовъ, сравнительно рѣже судятся между собой и съ жителями другихъ національностей.

Процентное отношеніе тяжѣй по національности сторонъ въ 1883 г.:

Между французами—512 изъ 1.000; между другими европейцами—48 изъ 1.000; между мусульманами—112 изъ 1.000; смѣшанныхъ дѣлъ—328 изъ 1.000.

Въ уголовныхъ дѣлахъ приговоры часто отличаются большей строгостью, чѣмъ во Франціи, что, можетъ-быть, зависитъ отъ влиянія военной традиціи.

Рѣшенія алжирскихъ уголовныхъ судовъ, въ 1883 г., по роду наказаній, къ которымъ приговорены обвиняемые:

Смертная казнь (5 приговоровъ приведены въ исполненіе) — 49; каторжныя работы на срокъ или безъ срока—255; тюремное заклю-

ченіе—20.059; денежный штрафъ—53.347; оправдательныхъ приговоровъ—5.625.

Принимая во вниманіе относительную чи-
сленность различныхъ національностей, оказы-
вается, что наибольшій процентъ караемыхъ
правосудіемъ составляютъ евреи, за которыми
следуютъ французы.

Число заключенныхъ, содержавшихся въ
тюрьмахъ гражданскаго вѣдомства къ 1 янва-
ря 1883 г.:

Французовъ—564, или 12%; другихъ европ-
ейцевъ—284, или 6%; евреевъ—80, или 2%;
магометанъ—3.543, или 80%.

«Африканская» армія, образующая девят-
надцатый корпусъ, состоить главнымъ обра-
зомъ изъ солдатъ всякаго рода оружія, посы-
паемыхъ изъ Франціи, но заключаетъ въ себѣ
также довольно значительную пропорцію лю-
дей, поступившихъ на службу въ самой Алжиріи. Ежегодная конскрипція доставляетъ въ
ряды войска слишкомъ двѣ тысячи сыновей
французовъ и испанцевъ (число конскриптовъ
въ Алжиріи въ 1880 г.: 1.589 французовъ,
393 натурализованныхъ евреевъ, 345 испан-
цевъ, всего 2.227); кроме того, три полка
турокосовъ, или алжирскихъ стрѣлковъ,—не
считая полка, находящагося въ Тунисскомъ
регентствѣ,—состоять изъ туземныхъ волонте-
ровъ, почти исключительно кабиловъ, саха-
ровъ и бискрайцевъ. Два полка иностранного
легіона составлены изъ европейцевъ: ишайцар-
цевъ, бельгійцевъ, вѣмцевъ, которыхъ нужда
или желаніе попытать счастья на чужбинѣ при-
вели въ африканскую колонію. Алжирская
армія, на которую смотрятъ какъ на родъ
«исправительного заведенія для войскъ метро-
поліи»¹), заключаетъ въ себѣ также особыя
части, составленныя изъ людей, осужденныхъ
военной юрисдикціей: три «африканскихъ ба-
таліона» и пять дисциплинарныхъ ротъ, часто
отряжаемыхъ на трудныя и опасныя службы.
Въ составъ пѣхоты входять также четыре пол-
ка зуавовъ, въ которые поступаетъ много
вольноопредѣляющихся, а въ составъ кавале-
ріи—три полка спаги и четыре полка афри-
канскихъ егерей (*chasseurs d'Afrique*). Жандармерія, въ числѣ около тысячи человѣкъ, тоже
составляетъ часть войска. Наконецъ, къ соста-
ву арміи слѣдуетъ причислить также арабскіе
гумы, то-есть контингенты наѣздниковъ, кото-
рые начальники племенъ обязаны, по первому
требованію, присыпать командующимъ отдѣль-
ными частями генераламъ для развѣдочной
службы и для внезапныхъ нападеній на, не-
приятеля. Гумы должны сами запасаться про-
довольствіемъ и лагерными принадлежностями;
но эти наѣздники довольствуются очень малымъ
запасомъ провизіи: небольшое количество пшени-
чной муки, мѣшокъ финиковъ хватаютъ имъ
на вѣсолько дней.

¹) Camille, „Revue des Deux Mondes“, mars 1855.

Общая численность войскъ въ Алжирѣ—около 55.000 человѣкъ.

Старыя укрѣпленія арабовъ и турокъ сохранились лишь въ очень немногихъ мѣстахъ; касбы почти во всѣхъ укрѣпленныхъ городахъ срыты или передѣланы до такой степени, что невозможно узнать ихъ первоначальной формы: теперь это просто казармы. Четыреугольные бастіоны крѣпостныхъ стѣнъ, съ ихъ стройными угловыми башенками, массивные ворота съ опускными рѣшетками и крюками, на которыхъ вышивались головы казненныхъ, оставили послѣ себя только имя, какъ, напримѣръ, ворота Бабъ-Азунъ, которыхъ не могла открыть армія Карла V. Даже оплоты, воздвигнутые Абдель-Кадеромъ во время его эфемерного царствованія, были разрушены: теперь не легко отыскать близъ Тиарета развалины Тагдемта, центральной твердыни его царства. Даже укрѣпленія, построенные французами въ первые годы оккупации, сдѣлались бесполезными или стѣснительными во многихъ городахъ. Многія крѣпости пришлось упразднить; городъ Алжиръ хлопочетъ о томъ, чтобы нынѣшняя ограда была замѣнена линіей отдѣльныхъ фортоў на вершинахъ Сахеля. На покатости, обращенной къ Сахарѣ, гдѣ нечего опасаться нападеній со стороны европейскихъ армій, военные посты, какъ Бискра и Лагуать, суть не что иное, какъ укрѣпленные казармы, или бывшія касбы, приспособленныя къ потребностямъ французского гарнизона. Сахарцы—естественные союзники европейцевъ противъ арабовъ, жителей плоскихъ возвышеностей и степей южной покатости. На плоскогорьяхъ крѣпости были бы бесполезны. Если что нужно въ тѣхъ мѣстахъ, такъ это колесные дороги, которыхъ позволили бы обгонять самыхъ быстрыхъ на бѣгу номадовъ и не давать имъ соединяться въ большій скопища. Съ того момента, когда падъ Тагдемтъ, главная твердьня Абдель-Кадера, и когда французы проложили дороги къ высокимъ плато, въ обходъ горныхъ массивовъ прибрежныхъ,—завоеваніе Алжирія можно было считать совершившимся фактомъ, окончательное занятие страны было уже дѣломъ времени.

Границы военныхъ округовъ совпадаютъ съ границами департаментовъ Алжирскаго, Оранскаго и Константинскаго, но есть иѣкоторая разница между подраздѣленіями военными и административными.

Военные округа.	Подраздѣле-	Военные окру-	Подраздѣле-
	ния.	га.	ния.
Алжирскій...	{ Алжиръ.	Оранъ.	Бона.
	{ Омаль.	Маскара.	Бужи.
	{ Медеа.	Тлемсенъ.	Батна.
	{ Орлеансвиль.	Константина.	Константина.
	{ Деллісъ.	Бона.	Гельма.
		Батна.	Филиппвиль.
		Сетифъ.	Сетифъ.

Въ каждомъ военномъ округѣ учреждены два военныхъ совѣта, которые судить лицъ, принадлежащихъ къ арміи, и жителей территории, состоящихъ подъ военнымъ управлениемъ, за преступленія и проступки. Наказанія, назначаемыя обвиненнымъ, вообще очень строги, и военные тюрьмы всегда переполнены несчастными, заключенными по приговорамъ военныхъ судовъ. Кромѣ того, существуютъ дисциплинарныя комиссіи, разбирательству которыхъ подлежать маловажныя провинности, и которыхъ призванныхъ виновными туземцевъ приговариваются къ денежному штрафу или къ заключенію въ земледѣльческія исправительныя колоніи (пенитенціаріи).

Приговоры алжирскихъ военныхъ совѣтовъ въ 1882 г., по роду наказаній:

Приговорено къ смертной казни (исполненъ 1 приговоръ)—36; приговорено къ каторжнымъ или «публичнымъ» работамъ—246; приговорено къ ссылкѣ—5; приговорено къ тюремному заключенію и другимъ наказаніямъ—1.221.

Оправдательныхъ приговоровъ—360; военныхъ, осужденныхъ дисциплинарными комиссіями въ 1882 г.—3.309; туземцевъ, содержащихся въ пенитенціаріяхъ—140.

Такъ называемыя «арабскія конторы» (*bureaux arabes*), состоявшія прежде подъ вѣдѣніемъ военной администраціи, теперь подчинены непосредственно генераль-губернатору: въ нихъ сосредоточены дѣла, касающіяся туземнаго населенія. До недавняго времени военная власть распространялась на всѣ случаи соціальной жизни. Капитанъ санкционировалъ браки и разводы, принималъ акты о рожденіи и смерти для записи въ метрическія книги, сочинилъ, въ случаѣ надобности, проекты духовныхъ завѣщаній: онъ единолично составлялъ трибуналъ, на решенія которого не допускалась никакой апелляціи.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ показаны административныя дѣленія и подраздѣленія Алжирія, съ именами центровъ управления, имѣющихъ свыше 1.000 жителей.

Департаменты.	Округа (arrondissements).	Общины.
Константи-	Бона.	Бона. Ла-Калле.
скій.	Бужи.	Бужи. Джиджелли.
7 округовъ.	Батна.	Батна. Бискра.
66 полно-	Константина	Константина, Мила,
правныхъ		Тебесса, Конде-Смев-
общинъ,	Гельма.	ду.
32 сѣмьша-	Филиппвиль.	Гельма, Сукъ-Ахрасъ.
ныхъ общи-		Филиппвиль, Стора,
ны,	Сетифъ.	Жемаппъ, Колло.
7 туземныхъ		Сетифъ, Борджъ, Бу-
общинъ.		Аррериджъ, Сентъ-Арно.

Алжирский. 5 округовъ, 82 полно- правныхъ общинъ, 29 съѣшан- ныхъ об- щинъ, 4 туземныхъ общины.	Медейский. Миланскій. Орлеансвиль- скій. Тизи-узу- скій. Маскарскій. Мостаганем- скій.	Алжиръ, Мустафа, Сентъ-Эженъ, Блида, Буфарикъ, Шершель, Колеа, Менервиль, Мезонъ-Карре, Гус- сейнъ-бей, Даура, Маренго, Омаль, Ар- ба.	Управлениа туземными дѣлами.			
			Дирекція.	Подраздѣлевія.	Округа и привисавшия къ нимъ общины.	
Оранскій. 63 полно- правныхъ общинъ, 22 съѣшан- ныхъ об- щинъ, 3 туземныхъ общины.	Оранскій. Сиди-бель- аббескій. Тлемсенскій.	Медеа, Богари. Милана, Теніетъ-эль- Гадъ, Аффревиль. Орлеансвиль, Тенесь. Тизи-Узу, Деллісъ. Маскара, Френда. Мостаганемъ, Релиза- на. Оранъ, Сенъ-Дени на Сигѣ, Аинъ-Тему- шентъ, Сенъ-Ле, Ар- зе, Тиаретъ, Сенъ- Клу, Перрео, Мерсъ- эль-Кебиръ, Миссер- гиянъ, Сенъ-Барбъ-дю Тлелатъ. Сиди-бель-Аббесъ, Тес- сала. Тлемсенъ, Недрома, Немуръ	Константин- ская.	Тебесса. Батна. Бона. Мсила. Сетифъ.	Батна, Бискра, Хен- шала, Барика. Ла-Калле, Сукъ-Ах- расъ.	Омаль, Бу-Сада. Богаръ, Джельфа, Лагуатъ, Гардайя, Шел- ала.
		Алжирская.	Омаль. Медеа.	Дайя. Маскара. Тлемсенъ.	Маскара Аинъ-Шер- фа, Жеривиль, Тиа- ретъ, Саида, Афлу. Лалла-Магніа, Себду	

Глава IV

Марокко.

I.

Имя «Марокко», даваемое европейцами треугольной области Берберіи, ограниченной на сѣверо-востокѣ, у Средиземного моря, юдомъ Аджерудъ или Кисъ, на юго-западѣ, у Атлантическаго океана, юдомъ Нуиѣ, не имѣть того же значенія въ языкѣ туземцевъ. По ихъ понятію, Марокко или страна Марракешъ (Марруэкосъ по-испански) есть лишь одно изъ трехъ государствъ, подвластныхъ султану-шерифу. На сѣверѣ—королевство Фецъ, на юго-востокѣ—оазисъ Тафилельтъ дополняютъ его имперію; кроме того, пространство, означаемое на нашихъ картахъ названіемъ Марокко, за-ключаетъ въ себѣ обширныя территории, занятыя многочисленными независимыми племенами. Жители этой страны не имѣютъ общаго термина для обозначенія ся во всей совокупности ¹⁾). Общее наименованіе для ихъ отечества, безъ точнаго определенія границъ, есть Магребъ-аль-Акса, то-есть «Крайний Западъ».

Несмотря, однако, на неопределенность на-

званія, эта область западной Берберіи составляетъ географическое цѣлое. Высокія цѣпи Дерена, его параллельные складки, предгорья и долины, разрѣзывающія горный массивъ, расширяясь въ равнины съ одной стороны къ морю, съ другой—къ пустынѣ, придаютъ характеръ единства всей сѣверо-западной части африканского континента, заключающейся между Алжиріей и низменностями приморской Сахары. При томъ, если въ Марокко не существуетъ политической связи, то общая религія и молитва за его «шерифское величество» даютъ жителямъ вѣкоторую солидарность противъ чужеземцевъ, а соперничество между европейскими державами, особенно между Франціей, Испаніей и Англіей, способствуетъ установленію для совокупности земель, обозначаемыхъ терминомъ Марокко, вѣкотораго рода коллективной личности, отдаленной отъ остальныхъ странъ Африки. Въ условныхъ предѣлахъ, начертанныхъ дипломатіей для Магреба-аль-Акса, пространство, ограниченное на юго-западѣ прямой линией, проходящей въ пустынѣ отъ оазиса Фигигъ до устья юда Драа, можетъ быть исчисляемо въ 500.000 квадр. киломе-

¹⁾ Jules Erckman, „Le Maroc moderne“.

тровъ. Что касается народонаселенія, то, за отсутствіемъ всякой статистики, даже приблизительной, цифру его опредѣлить невозможно. Сравнивая эту страну съ Алжиріей и Тунисомъ, отъ которыхъ она мало отличается какъ по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ, такъ и по племенному составу населенія; принимая также во вниманіе тотъ фактъ, что Марокко имѣетъ больше и многолюдные оазисы, и что онъ съ давнихъ поръ не испытывалъ бѣдствій войны,—можно допустить, какъ вѣроятное, число жителей отъ восьми до девяти миллионовъ^{1).} Крайнія исчисленія—2.750.000 душъ по Клѣдену, 15 миллионовъ по Джаксону.

Марокко еще не былъ пройденъ на всемъ его протяженіи европейскими путешественниками. Въ теченіе трехъ столѣтій появлявшаяся описанія этой страны были не болѣе, какъ перепечатка или пересказъ сочиненія, написанного арабскимъ ренегатомъ Львомъ Африканцемъ. Книга Мармоля была первой такой перепечаткой: это простой плагіатъ, къ которому примѣшано нѣсколько личныхъ воспоминаній и заимствованій изъ Птоломея. Миссіонеры, посылаемые для выкупа плѣнниковъ, люди, спасшіеся отъ кораблекрушенія и просившіе о возвращеніи ихъ въ отчество, нѣсколько дипломатовъ, юзившихъ, въ сопровожденіи большого кортежа, ко двору султана-шерифа,—вотъ единственные европейцы, про никавшіе, до конца прошлаго столѣтія, внутрь Марокко. Но уже въ 1789 году медикъ Лампріеръ, приглашенный императоромъ «Крайняго Запада», объѣхалъ его владѣнія. Въ началѣ текущаго столѣтія испанецъ Али-бей также могъ свободно разѣзжать по Марокко, благодаря исповѣдуемой имъ вѣрѣ, и съ этой эпохи очень много другихъ путешественниковъ про слѣдовали по дорогамъ края, между Тангеромъ, Феодомъ, Мекнесомъ и Рбатомъ, между Марокко, южной столицей и Могадоромъ. Но если дороги территоріи, непосредственно подвластной шерифу, уже пройдены иностранцами, то изъ независимыхъ территорій еще очень немногія были посѣщены европейскими изслѣдователями.

Сѣть часто проходимыхъ путешественниками маршрутовъ указываетъ довольно точно границы, отдѣляющія бледъ-эль-махзенъ, т. е. «страну съ рекрутскимъ наборомъ», отъ бледъ-эсъ-сиба, т. е. совокупности областей, племена которыхъ отказываются и отъ платежа податей, и отъ исполненія воинской повинности. Въ территоріи бледъ-эль-махзенъ европейцы путешествуютъ совершенно безопасно, не имѣя надобности скрывать свое происхожденіе, такъ какъ нездѣ пользуются защитой со стороны правительственныйыхъ властей; но они не могли бы, иначе какъ переряженные, проникнуть въ

мѣстности, населенные независимыми племенами, а эти мѣстности занимаютъ почти пять шестыхъ страны, обозначаемой на географическихъ картахъ подъ именемъ Марокко: обитатели областей бледъ-эсъ-сиба держатся того мнѣнія, и не безъ основанія, что всякое изслѣдованіе ихъ территоріи христіанскими путешественниками только облегчитъ завоеваніе войскамъ, которая рано или поздно не преминуть воспользоваться дорогами, проложенными ихъ мирными предтечами. Къ числу мѣстностей, куда почти еще не заглядывали европейские путешественники, принадлежитъ и область Рифъ, мимо береговъ которой ежегодно про ходятъ тысячи кораблей, держащихъ курсъ на востокъ отъ Гибралтарскаго пролива. Даже на прямой линіи между Феодомъ и Марокко многія гористыя пространства извѣсты только по рассказамъ туземцевъ. Наковецъ, Атласъ, Анти-Атласъ и вся покатость пустыни, до маршрутовъ французскихъ колоннъ на границахъ Алжиріи, были пока еще пройдены только двумя или тремя путешественниками: путь, пройденный экспедиціей Калье, извѣстенъ лишь приблизительно; Рольфъ обогнулъ на сѣверѣ главную цѣнь Атласа, а Ленцъ пересѣкъ ее только на южной ея оконечности. Фуко (Foucauld), преодѣльный евреемъ, совершилъ гораздо болѣе полное путешествіе во внутреннемъ Марокко; онъ перешелъ Атласъ на многихъ пунктахъ, первый обслѣдоваль цѣнь Бани, опредѣлилъ астрономически положеніе сорока слишкомъ мѣсть и вывезъ три тысячи цифръ, относящихъ къ измѣренію высотъ. Но детальная сѣть пройденныхъ имъ путей, составленная имъ специальнага карты и изложеніе его изслѣдованій еще не опубликованы. Крайне важно, чтобы эти документы были изданы въ свѣтъ, такъ какъ ни одно путешествіе не сдѣлано столько для ознакомленія настъ съ этой таинственной страной, которую испанцы и португальцы уже четыреста слиш комъ лѣтъ тому назадъ пытались присоединить къ европейскомуполитическому миру.

Въ предѣлахъ Марокко система Атласа до стигаетъ наибольшей своей высоты. Главная цѣнь протянулась съ юго-запада на сѣверо-востокъ, какъ разъ по оси сѣверо-западной Африки, отъ мыса Бланко черезъ мысъ Бахадоръ до мыса Алжирскаго; вся береговая полоса Марокко, между устьемъ уѣза Сусъ и устьемъ Молуйи, лежить, такъ сказать, въ материковѣ Африки, доминируемая массивами, которые принадлежатъ уже къ промежуточному поясу, перерѣзанному Гибралтарскимъ проливомъ. Хотя въ цѣломъ довольно правильная, цѣнь эта, однако, не совсѣмъ прямolineйна; она слегка выгнута, образуя рѣдкіе дуги, обращенной выпуклостью къ Сахарѣ; кроме того, хребеть, изрытый съ той и другой

¹⁾ Oscar Lenz, „Timbuktu“.

стороны движениемъ древнихъ ледникъ и размывающимъ дѣйствіемъ водъ, описываетъ многочисленныи извилины. Общую длину его, не считая примыкающихъ къ нему цѣпей, продолжающихъ въ Алжирѣ атласскую систему, опредѣляютъ въ 600 километровъ, отъ мыса Геръ, къ сѣверу отъ уѣза Сусъ, до джебеля Аїашинъ, составляющаго на сѣверо-востокѣ главную вѣтвь Атласа. У марокканцевъ нѣть общаго имени для всей цѣпи; но западную часть они называютъ Идраренъ, «Горы», или даже Идраренъ-Деренъ (Адраръ н'Дерентъ, по Фуко), чтѣ, кажется, есть лишь повтореніе того же имени. Слово деренъ, очевидно, то же самое, что и слово Дирисъ или Диринъ, извѣстное Страбону.

Джебель Аїашинъ (Аїаши), начинаяшій со-бою, на сѣверо-востокѣ, главную цѣпь Атласа, есть, повидимому, одинъ изъ высочайшихъ массивовъ Марокко: по свидѣтельству Рольфса и Фуко, единственныхъ новѣйшихъ изслѣдователей, сообщившихъ описание этой части Атласа (Рене Калье только мелькомъ упоминаетъ обѣ этой части своего путешествія), вершины Аїашина отличаются отъ окружающихъ гребней бѣлизной своихъ куполовъ и шпицевъ: Рольфсъ говорить даже, какъ говорилъ нѣкогда римскій полководецъ Светоній Паулинъ, что эти горы покрыты «вѣчнымъ снѣгомъ»; но этотъ путешественникъ проходилъ черезъ тѣ местности въ половинѣ мая, а туземцы, которыхъ онъ разспрашивалъ, рассказывали, можетъ-быть, о снѣгахъ, которые держатся въ трещинахъ и оврагахъ, куда не проникаютъ солнечные лучи. Какъ бы то ни было, Аїашинъ, называемый также джебель Магранъ, достигаетъ, вѣроятно, 3.500 метровъ, уступая по высотѣ лишь очень немногимъ вершинамъ въ этомъ хребтѣ Атласа, который арабскій писатель Эль-Бекри называлъ «величайшей горой во всемъ свѣтѣ». Разрѣзанный долинами потоками, направляющихся въ разныя стороны,—на западъ Умъ-эръ-Рбіа, на сѣверо-западъ Себу, на сѣверо-востокѣ Молуїа, на юго-востокѣ уѣздъ Герсъ, на югъ уѣздъ Драа,—высокій массивъ, состоящей главнымъ образомъ изъ песчаниковъ и сланцевъ, выдѣляеть изъ себя боковые отроги, составляющіе водораздѣльныи возвышенности между расходящимися рѣчными бассейнами. На западѣ тянется хребетъ Аитъ-Ахіа, продолжающійся цѣпью Аїанъ и каменистыми предгорьями, которая господствуетъ надъ равнинами Феца. На сѣверо-востокѣ, одно изъ развѣтвлений Аїана, джебель Тамаракуитъ, слѣдуетъ нормальному направлению атлантической системы; одну изъ его впадинъ наполняетъ живописное озеро Сиди-Али Мохаммедъ, въ чистыхъ водахъ которого отражается кругъ лѣсовъ, покрывающихъ его берега; арабы называютъ это альпійское озеро «дайя», то-есть тѣмъ же именемъ, какъ и лужи

періодически высыхающія, которыми усыпаны высокія плато Алжиріи. На сѣверо-востокѣ продолженіе Тамаракуита составляетъ хребетъ, прерываемый долиной рѣки Молуїа, затѣмъ долиной уѣза Шарфъ, и оканчивающійся въ Алжирѣ Тлемсенскими горами; во многихъ мѣстахъ эта возвышенность принимаетъ форму широкаго плоскогорья. Столъ богатый боковыми отрогами, джебель Аїашинъ, который можно сравнить съ деревомъ, далеко раскинувшимъ свои вѣтви, тогда какъ главный стволъ сломанъ,—быстро понижается и вдругъ обрывается кручами джебеля Тернентъ, громаднаго утеса, окруженаго равнинами, надъ которыми онъ вадымаеться почти на 2.000 метровъ. Этотъ бастионъ, образующій сѣверную оконечность могучей атлантической системы, представляетъ грандіозный видъ ¹⁾; особенно поразителенъ контрастъ между горами, совершенно закрывающими горизонтъ съ западной стороны, и безпредѣльнымъ пространствомъ плоскихъ возвышеностей, которыя, вѣроятно, были выровнены дѣйствіемъ водъ и льдовъ, нѣкогда спускавшихся съ Атласа. Точно также и въ Алжирѣ Тлемсенскія горы оканчиваются надъ мароккскимъ плоскогорьемъ величественными стѣнами Расть-Асфура ²⁾.

Къ югу отъ джебеля Аїашинъ, главная цѣпь, которую еще ни одинъ европейскій путешественникъ не переходилъ въ этой части ея протяженія, кажется, сохраняетъ высоту болѣе 3.500 метр.: такъ, указываютъ, на югъ отъ Сефу, брешь, называемую Теніеть эль-Баксъ, или «Проходъ, поросшій буксомъ», близъ котораго находится «Туатская могила», гдѣ погребены двадцать-три жителя оазиса Туатъ, погибшіе въ снѣгу ³⁾. Фуко говоритъ, что на пространствѣ слишкомъ 150 километровъ, къ югу отъ проходовъ, огибающихъ сѣверный склонъ Аїашина, на дорогѣ изъ Феца въ Тафилельтъ, нѣть переваловъ для движенія каравановъ. Даѣе, къ юго-западу, слѣдуютъ одна за другой нѣсколько брешей, черезъ которыя можно проплыть изъ бассейна Умъ-эръ-Рбіа въ бассейнъ уѣзда Драа. Главныя бреши находятся въ Тизи и Глауи, широкомъ пониженіи между двухъ массивовъ цѣпи, на востокѣ—джебель Аниемера, на западѣ—джебель Тидили, покрытаго снѣгомъ. Три прохода въ Тизи и Глауи доступны круглый годъ; но зимой тамъ часто падаетъ такой обильный снѣгъ, что путешественники должны останавливаться въ ближайшихъ къ перевалу селеніяхъ и выжидатъ, пока не прояснится погода.

Въ ряду горъ, которыхъ высятся на юго-западѣ отъ пониженія Тизи и Глауи, особенно замѣчательнъ джебель Сирана, голая скала

¹⁾ De Foucauld, рукописное сочиненіе.

²⁾ O. Mac-Carthy, рукописные замѣтки.

³⁾ Delaporte;—Renou, „Description gÃ©ographique de l'empire de Maroc“.

исполинскихъ размѣровъ, верхній куполъ которой покрыть «вѣчнымъ снѣгомъ»¹⁾). Это самая высокая гора въ этой части хребта, и, вѣроятно, во всей системѣ Атласа; она составляетъ горный узелъ, соединяющій главную цѣнь съ «Малымъ Атласомъ», между бассейнами уездовъ Сусъ и Драа. Что касается вершины Мильцинь, которую измѣрилъ изслѣдователь Вашингтонъ въ 1829 г., то ни одинъ изъ послѣдующихъ путешественниковъ не могъ отыскать ее, такъ какъ это имя неизвѣстно жителямъ Марокко и его окрестностей; по мнѣнію Белля и Гукера, дѣло идетъ о горѣ, лежащей въ 61 километрѣ къ юго-востоку отъ Марракеша, при началѣ долины Урика; исправляя измѣренія Вашингтона, который ошибся въ опредѣленіи разстоянія до этой горы, оказывается, что высота ея вершины 4.070 метровъ. Многія другія вершины, составляющія эту часть гребня на юго-востокѣ отъ Марракеша, кажется, имѣютъ почти такую же высоту: наблюдаемая изъ этой столицы, цѣнь Атласа тянется на половинѣ горизонта въ видѣ слегка зазубренной стѣны, которая съ наступленіемъ лѣта сбрасываетъ съ себя снѣжный покровъ; остаются только кое-гдѣ бѣлые полосы, залегающія въ оврагахъ; по Мау, средняя высота Дерена на горизонѣ Марокко около 3.900 метровъ, и самые высокіе пики поднимаются надъ линіей гребня не болѣе, какъ на 200 метровъ; следовательно, по высотѣ вершинъ Атласъ значительно уступаетъ Альпамъ, но по своей средней высотѣ на большомъ протяженіи, по крайней мѣрѣ на протяженіи 160 километровъ, онъ не имѣть себѣ равнаго между альпийскими цѣпями.

Тагерутскій проходъ, перерѣзывающій цѣпь почти подъ меридіаномъ Марокко, и откуда начинается спускъ на югъ въ верхнюю долину уезда Сусъ,—лежитъ еще очень высоко: онъ открывается, вѣроятно, на высотѣ 3.500 метровъ, и ведущіе къ нему овраги во многихъ мѣстахъ трудно доступны вьючнымъ животнымъ; но километрахъ въ тридцати къ западу находится широкій проломъ, представляющій удобный переваль для каравановъ; съ вершины джебеля Тиза, стоящаго въ видѣ пирамиды на западной сторонѣ цѣпи и достигающаго еще 3.350 метровъ, ясно видны, въ 1.200 метрахъ ниже, эти ворота, открытые между скалъ ржаваго цвѣта. На западѣ цѣпь, идущая въ направлѣніи перпендикулярномъ къ Океану, снова принимаетъ среднюю высоту, меньшую 3.000 метровъ, до другой глубокой выемки около 1.200 метровъ, черезъ которую проходитъ дорога изъ Марокко въ Тарудантъ, въ долину уезда Сусъ: это Тизи, или «переваль» по преимуществу, называемый также Бибауанъ и Бибанъ, то-есть «Ворота». Датчанинъ Гестъ,

англичане Лампріеръ и Джаксонъ, иѣменъ Ленцъ перешли Атласъ по этой каменистой дорогѣ, трудно доступной верблюдамъ. За этимъ проходомъ приморскій Атласъ представляетъ еще величественный видъ, и нѣкоторые изъ его пиковъ поднимаются выше 2.500 метровъ. Моряки, огибающіе мысъ Герь или джебель Айтъ-Уакаль, крайній выступъ Атласа, видятъ гребень постепенно повышающимся къ внутренности материка.

Такъ какъ Атласъ былъ перейденъ европейскими изслѣдователями только въ очень немногихъ точкахъ, то геологическое строеніе его частію еще не извѣстно. Знаютъ, однако, что песчаники образуютъ тамъ огромные пласты; находили также древніе сланцы, известники и мраморы, а средній хребеть главной цѣпи Дерена состоять, повидимому, изъ порфировыхъ массъ; діориты и базальты тоже встрѣчаются въ разныхъ частяхъ цѣпи; джебель Тиза, на который всходили Белль и Гукеръ, есть порфировый куполъ, пробившійся наружу сквозь слюдяные сланцы; къ югу отъ Марракеша путешественникъ Баланса видѣлъ сланцы съ отпечатками папоротниковъ, горныя породы, которыхъ почти всегда встрѣчаются въ сосѣдствѣ каменноугольныхъ формаций. На сѣверной оконечности Большаго Атласа долины обращенаго къ пустынѣ склона вырыты въ гранитѣ²⁾). Натура горныхъ породъ, образующихъ главную цѣпь, обнаруживается особенно обломками, разсыпанными на скатахъ, даже въ сосѣдствѣ южной столицы. По мнѣнію Мау, обломки эти—ледниковаго происхожденія. На высотахъ отъ 1.750 до 2.400 метровъ долины, спускающіяся къ Атлантическому океану, усыпаны моренами, боковыми, средними и конечными, которыхъ, по словамъ англійскаго геолога, ничѣмъ не отличаются отъ моренъ, какія мы видимъ на Альпахъ; кромѣ того, холмы, сплошь состоящіе изъ глетчерныхъ обломковъ, слѣдуютъ одинъ за другимъ у основанія горъ, въ видѣ широкаго пояса, прерываемаго тамъ и сямъ устьями долинъ: эти груды обломковъ, очевидно, были отложены громадными ледниками, нѣкогда покрывавшими откосы горъ, и которые, отступая, оставили между главной цѣпью и холмами изъ мореновыхъ отложений широкую впадину, свидѣтельствующую о климатическихъ перемѣнахъ, происходившихъ въ этой странѣ. Къ востоку отъ Атласа, на большихъ оранскихъ плоскогорьяхъ, которая тянется по направленію оси орографической системы, повышенія и пониженія почвы, слѣдующія одно за другимъ на подобіе волнъ морскихъ, по всей вѣроятности, имѣли подобное же происхожденіе. Одинъ шоттъ, имѣющій нѣсколько временныхъ притоковъ, занимаетъ часть плоской возвышенности: это себха Тигри,

¹⁾ De Foucauld, цитированное сочиненіе.

²⁾ Ball and Hooker, цитированное сочиненіе.

усыпанная буграми изъ красноватой глины. Этотъ бассейнъ дѣлится на нѣсколько второстепенныхъ впадинъ, высота которыхъ отъ 1.119 до 1.137 метровъ, и которая въ зимнее время наполняются водой въ самыхъ низкихъ частяхъ^{1).}

Поразителенъ контрастъ между двумя противоположными склонами Атласа. Сторона горъ, обращенная къ дождливымъ вѣтрамъ Атлантики, является тамъ и сямъ зеленѣющей; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно около сѣверной своей оконечности, она даже покрыта великолѣпными лѣсами, хотя въ Марокко, какъ и въ остальной Мавританіи, пастухи имѣютъ привычку предавать деревья и кустарники пламени, чтобы обновить растительность пастбищъ. На сторонѣ же, обращенной къ пустынѣ, почти вездѣ гораздо болѣе крутой, чѣмъ противоположный скатъ^{2).}, видишь только голый камень, какъ бы спаленный жгучимъ дыханиемъ песковъ. Впрочемъ, южные откосы Атласа почти на всѣмъ ихъ протяженіи защищены отъ изсушающихъ вѣтровъ Сахары параллельной цѣпью, которая служить какъ бы ширмами. Въ этой цѣпи, соединяющейся посредствомъ горныхъ узловъ съ Болышими Атласомъ, бѣрутъ начало многіе ручьи, текущіе на юго-западъ или на сѣверо-востокъ, параллельно оси горъ. Совокупность этихъ краежей, раздѣленная на нѣсколько отрывковъ устьями рѣчекъ, теряющихся въ пустынѣ, получила у географовъ название «Малаго Атласа» или Анти-Атласа: такъ точно въ Азіи Ливанъ, Тавръ, Кавказъ сопровождаются другими цѣпями: Анти-Ливаномъ, Анти-Тавромъ, Анти-Кавказомъ. Въ западной его части, къ югу отъ уезда Сусъ, Малый Атласъ показался Беллю и Гукеру, видѣвшимъ его съ вершины Джебель-Тиза, большой горой, имѣющей около 3.000 метровъ высоты; верхніе хребты представляютъ очень правильный профиль, безъ рѣзкихъ выступовъ и остроконечныхъ вершинъ. Напротивъ, Рольфсъ, который переходилъ черезъ Анти-Атласъ, во время своего путешествія изъ Таруданта въ Тафилельтъ, полагаетъ, что этотъ хребетъ едва достигаетъ половины высоты главной цѣпи, т. е. около 1.500 метровъ^{3).}. Около истоковъ уезда Сусъ Малый Атласъ не составляетъ цѣпи въ собственномъ смыслѣ, но совокупность голыхъ скалъ, усыпанныхъ зеленѣющими цирками. Одно изъ перерѣзывающихъ его ущелій представляетъ узкий коридоръ, шаговъ пять шириной, идущій между двухъ стѣнъ изъ разноцвѣтнаго мрамора, отражающихъ свѣтъ отъ своихъ гладкихъ, точно полированныхъ поверхностей. Къ востоку Ма-

лый Атласъ известенъ у туземцевъ подъ именемъ джебеля Шагерунъ.

Южное основаніе этихъ горъ частію зарыто въ пескахъ пустыни. Широкій поясъ, на взглядъ совершенно ровный, отдѣляетъ Малый Атласъ отъ другого ряда скалъ, который тянется параллельно атлантической оси. Это промежуточное пониженіе почвы известно подъ именемъ Фейжа; скалистая стѣна, которою оно ограничено на юго-востокѣ, носить название Бани. Это не хребетъ значительныхъ размѣровъ, такъ какъ онъ возвышается всего только на двѣсти или триста метровъ надъ уровнемъ окружающей почвы, а наибольшая толщина его, отъ одного основанія до другаго, измѣняется отъ одного до двухъ километровъ; на вершинѣ это просто каменный клинокъ, «острѣ», какъ нѣкоторые сланцевые гребни на французскихъ Альпахъ. Безъ предгорій и боковыхъ отроговъ, Бани начинается, говорить, близъ Тамагрута, на Драа, и продолжается къ сѣверу отъ этой рѣки до Атлантическаго океана на пространствѣ около 600 километровъ, почти безъ изгиба и безъ массива, который служилъ бы точкой опоры этой странной стѣнѣ. Въ разныхъ мѣстахъ своего протяженія Бани перерѣзанъ воротами или ущельями, *хенегъ*, вообще очень узкими, выше которыхъ соединяются пять или шесть рѣчекъ, приносящихъ рѣкѣ Драа, черезъ единственный каналъ, воды, текущія съ горъ Малаго Атласа. Одинъ изъ этихъ хенеговъ считается у берберовъ мѣстомъ происхожденія ихъ націи; они каждый годъ ходятъ туда на поклоненіе и совершаютъ тамъ жертвоприношенія, сопровождающіяся пиромъ и пляской. Стѣнки Бани представляютъ чистый камень, безъ малѣйшаго слоя земли, безъ всякихъ признаковъ растительности въ углубленіяхъ. На всемъ своемъ протяженіи стѣна состоитъ изъ песчаника, на видъ какъ бы кальцинированного, покрытаго черной блестящей корой^{4).}. Отъ дѣйствія какихъ причинъ въ этомъ случаѣ образовался на камѣнѣ родъ коры, тогда какъ склоны горъ, состоящихъ изъ другихъ каменныхъ породъ, сохраняютъ свои первоначальные цвета? Песчаники стѣны Бани, вѣроятно, девонскаго происхожденія, какъ черноватые песчаники, находимые въ центральной Сахарѣ. Подобно этимъ послѣднимъ, они мѣстами гладкіе, словно полированные, мѣстами полосатые, жалобчатые, узорчатые, чтѣ вполнѣ объясняется непрѣрывнымъ тренiemъ песковъ; но если лакъ, покрывающій каменистую поверхность, можно прописать, съ большой вѣроятностью, атмосферному или солнечному дѣйствію, то до сихъ поръ еще не удалось объяснить точный способъ его образования^{5).}.

¹⁾ H. Duteyrier, „Histoire des Explorations au sud et au sud-est de Geryville“.

²⁾ Oscar Lenz, „Timboctu“.

³⁾ „Mein erster Aufenthalt in Marokko“.

⁴⁾ De Foucauld, цитированное сочиненіе.

⁵⁾ G. Rolband, рукописная замѣтка.

Рельеф и направление Бани, расположенного параллельно Атласу и Анти-Атласу, позволяют сравнивать его съ последней маленькой волной, замирающей на отлогомъ берегу, впереди большихъ волнъ. Но и за этой рябью, окаймляющей берегъ, видныются еще пынящиеся бугорки, оставляемые на пескѣ каждой набѣгающей волной. Такъ, въ марокской пустынѣ, между стѣной Бани и долиной рѣки Драа, встречаются тамъ и сямъ каменистые выступы: тузыцы называютъ ихъ «змѣями», и, действительно, они издали похожи на гадовъ, растянувшихся на пескѣ. Подобно Бани, эти каменные змѣи расположены съ юго-запада на сѣверо-востокъ, по направлению оси атлантической системы. Къ востоку отъ уезда Драа простирается гористая область, составляющая продолженіе краевыхъ горъ Оранского юга; нѣкоторыя изъ вершинъ поражаютъ своимъ причудливымъ видомъ, являясь въ формѣ зубчатыхъ стѣнъ, пирамидъ, башенъ; между Фигигомъ и Тафилельтомъ Рольфсъ видѣлъ гору, похожую на церковь съ колокольней; первую минуту онъ подумалъ, что это оптический обманъ.

Къ западу отъ Большаго Атласа, второстепенные цѣпи расположены не параллельно главному хребту; напротивъ, онъ отдѣляются отъ него и идутъ по направлению къ морю. Одинъ изъ этихъ отроговъ, начинающейся около западной оконечности Атласа, близъ Бибауанскаго прохода, поднимается нѣкоторыми своими вершинами до высоты слишкомъ 1.000 метровъ, и, подъ именемъ джебеля Хадидъ, или «Желѣзной горы», постепенно сливается съ равниной на берегу моря, между Могадоромъ и устьемъ уезда Тенсифтъ. Другая второстепенная цѣпь, извилающаяся на сѣверѣ Марокко, имѣетъ земляные хребты на высотѣ 900 метр.; кроме того, многочисленные массивы съ окружными контурами поднимаются въ разныхъ мѣстахъ среди равнины. Между городами Марокко и Могадоромъ встречаются также горы, подобные тѣмъ, которые разсыпаны въ пустынѣ восточнаго Магреба, между Гадамесомъ и Мзабомъ: это известковыя горы высотой отъ 80 до 100 метровъ, съ правильными откосами осыпанія, оканчивающіяся на верху плитой изъ песчаника съ вертикальными краями. Всѣ горизонтальная столообразная площадки находятся на одинаковомъ уровнѣ: это остатки бывшаго поверхностного слоя почвы, который атмосферные дѣятели разрѣзали на кружки, постепенно съживавшіеся. Въ то время, какъ одни формациі разрушаются, другія образованія постепенно растутъ и распространяются. Такъ, Марокская равнина покрыта туфовой корой, облекающей всѣ неровности почвы: эта известковая кора, толщина которой измѣняется отъ нѣсколькихъ сантиметровъ до одного метра, имѣетъ во многихъ мѣстахъ видъ агата,

и плотность ея такъ велика, что подъ ней можно рыть землю для устройства подваловъ, гдѣ хранять зерновой хлѣбъ и другую провизію; испанцы называютъ эти силосы *matatoras*,—слово арабскаго происхожденія. Очевидно, не рѣчные наносы образовали этотъ известковый слой, такъ какъ онъ покрываетъ одинаково впадины и высоты; происхожденіе его слѣдуетъ приписать дѣйствію солнца, которое быстро обращаетъ въ пары дождевую воду, упавшую на землю; эта вода поднимается на поверхность, унося съ собой известковыя частицы, которая отлагаются въ видѣ тонкаго налета или пленки: подобное же явленіе наблюдалось во многихъ мѣстахъ Ораніи и происходитъ также въ умѣренныхъ климатахъ Европы, на поверхности кирпичей, сложенныхъ на кирпичныхъ заводахъ¹⁾). На марокскомъ побережї въ горныхъ породахъ нового образования попадаются куски лавы и вулканическій пепель; можетъ-быть, эти обломки происходить изъ кратеровъ Канарскихъ острововъ и принесены сюда пассатными вѣтрами.

Изъ всѣхъ боковыхъ кряжей, выдѣляющихся изъ Большаго Атласа на атлантической полосѣ, самый высокий и самый обширный тотъ, который береть начало около сѣверной оконечности главной цѣпи и раздѣляетъ верхнюю долину рѣкъ Себу и Умъ-эръ-Рбіа. Джебель Аянъ, часто покрытый снѣгомъ, есть центральный узелъ, откуда развѣтвляются разныя отрасли этой водораздѣльной области. До сихъ поръ эта часть Марокко почти неизвѣстна географамъ, и горы ея, видимыя издали, еще не были измѣрены. Долины этого возвышенного лабиринта заняты берберскими населеніями, не платящими даніи и не несущими военной службы. Такимъ образомъ обширное пространство треугольной формы, вершину котораго составляетъ портъ Рбать, отрѣзано отъ территорій «бледъ-эръ-махзентъ», и съ той и другой стороны, подвластные султанушерибу жители обѣихъ частей, сѣверной и южной, вынуждены обходить на западѣ, по берегу моря, эти горы независимыхъ берберовъ.

Сѣверный Марокко занятъ горными массивами, косвенно связанными съ системой Атласа. Съ одной стороны уездъ Себу, изливающійся въ Атлантический океанъ, съ другой—рѣка Молуїа, впадающая въ Средиземное море, описываютъ своими долинами и долинами своихъ притоковъ пространство четыреугольной формы, гребни котораго ориентированы иначе, чѣмъ Атласъ: порогъ, высота котораго еще не измѣрена, но который, вѣроятно, не достигаетъ тысячи метровъ, раздѣляетъ двѣ области, на дорогѣ изъ Феца въ Тлемсенъ; большая часть промежуточнаго пространства занята

¹⁾ Maw, „Geology of Marocco and Great Atlas“;—Adamoli, „Esploratore“, anno 1.

холмами изъ красноватой глины ¹⁾). Въ съверной области главный рельеф земель приближается къ побережью Средиземного моря; тамъ находятся самые высокіе джебели, направляющіе выступами своихъ гребней прибрежное судоходство. Совокупность этихъ возвышеностей, гдѣ, по Ленцу, преобладаютъ древнія формациі, понижается къ Рифу, т. е. къ Берегу, представляя горный скатъ, который тянется въ видѣ полукруга отъ мыса Тресъ-Форкасъ до мыса Сеутскаго. Центральный массивъ этого обширнаго полукруга носитъ имя Санхеджать-Сериръ, или «долины санхеджей», напоминающее объ иммиграціи этихъ древнихъ берберскихъ населеній. Въ сосѣдствѣ морскаго берега самыя высокія горы находятся на западѣ отъ Тетуана: это вершины Бени-Гассанъ, по морскимъ картамъ высшая ихъ точка достигаетъ 2.010 метр. Джебель Бени-Гассанъ продолжается на югъ массивами Мецеджель, Эль-Кмаѣ и Зарзарь, изъ которыхъ послѣдній господствуетъ надъ городомъ Уецданъ своей конусообразной массой. Горы Бени-Гассанъ образуютъ цѣль величественнаго вида, похожую формой на скалы Гибралтара, поставленныя рядомъ на общемъ пьедесталѣ ²⁾). Обильные ручьи, луга, лѣса, нивы и сады на склонахъ дѣлаютъ эту мѣстность однимъ изъ прелестнѣйшихъ уголковъ Берберіи, составляющими поразительный контрастъ съ дикими, безплодными кручами Рифа, простирающимися на востокѣ.

Горы, окаймляющія проливъ, противъ Гибралтара и испанскихъ мысовъ, не имѣютъ ни высоты, ни величественнаго вида, ни пышной растительности, какими отличается цѣль Бени-Гассанъ; но, тѣмъ не менѣе, онѣ пріобрѣли громкую извѣстность, благодаря своему положенію на kraю великаго морскаго пути. Продолжаясь на съверъ, краевая цѣль, называемая джебель Гаузъ, оканчивается массивомъ Беллі-унешъ, по-испански *Sierra de Bullones*: это тотъ самый хребетъ, который въ древности носилъ имя *Septem Fratres* (семь братьевъ) ³⁾. Съ одной стороны этотъ массивъ выдѣляетъ изъ себя узкій полуостровъ, соединенный укрѣпленнымъ перешейкомъ съ островнымъ массивомъ Сеуты; съ другой—онъ выдвинулъся на съверъ, чтобы образовать мысъ Джебель-Муса, южный столпъ Геркулесовыхъ воротъ. Этотъ столпъ, древній Абила, раздѣленный на-двоє вертикальной трещиной, не менѣе величественъ, чѣмъ Гибралтарская скала, а высотой (856 метр.) онъ даже превосходитъ послѣднюю; но вблизи это—безформенная масса, хаосъ нагроможденныхъ камней, гдѣ лишь изрѣдка встрѣтишь отдельныя деревья, растущія на бокахъ

пропастей. Волки, кабаны и обезьяны—единственные обитатели этихъ дикихъ скалъ, такъ что испанцы прозвали южный столпъ *sierra de las Monas*, т. е. «горой Мартышекъ». Странно называлъ его «Слономъ», и, дѣйствительно, профиль горы, наблюдаемой съ моря, оправдываетъ это название; кромѣ того, по свидѣтельству Плинія, лѣса, покрывавшіе въ его время эту область Африки, были населены слонами ⁴⁾.

Къ западу отъ горы Абила, нѣсколько другихъ вершинъ слѣдуютъ одна за другой вдоль самой узкой части пролива; но за мысомъ Сиристъ морской берегъ начинаетъ изгибаться къ югу рядомъ кривыхъ, которая раздѣляютъ мысы, образуемые выступами джебеля Гаузъ. Далѣе, за Тангеромъ, берегъ круто мѣняетъ направление, поворачивая на югъ. Надъ мысомъ, образующимъ съверо-западный уголъ африканскаго континента, поднимается гора Спартель или Ишбертиль, Тарфь-эш-Шакръ туземцевъ, имѣющая 314 метровъ высоты. Первый рядъ утесовъ тянется вдоль берега моря, затѣмъ другія вертикальныя скалы опоясываютъ скатъ полукругомъ пропастей, а самая вершина окружена крутыми стѣнами, образующими родъ короны. Мысъ Спартель—это древній Ампелузіонъ, т. е. «мысъ, покрытый виноградниками»: и теперь еще виноградъ изъ этой мѣстности считается лучшимъ въ Марокко; при кладѣ фундамента для первокласснаго маяка, освѣщающаго выливъ пролива, въ землѣ нашли большія виноградныя лозы; на гербѣ сосѣднаго города, Эль-Арайшъ, изображены гроздья винограда, которые человѣкъ поднимаетъ съ усиліемъ. Въ утесахъ мыса Спартель есть нѣсколько гротовъ, вырытыхъ ударомъ волнъ. Одинъ изъ этихъ гротовъ былъ посвященъ Геркулесу, недалеко оттуда находилась гробница Антея, и римляне вѣрили даже, что имъ удалось отыскать тѣло гиганта, «длиной въ шестьдесятъ локтей» ⁵⁾). На этомъ «концѣ земли», откуда корабли пускались въ безпредѣльный океанъ, была символизирована борьба между слѣпыми силами природы и торжествующимъ гeniemъ человѣка.

Въ 5 километрахъ къ югу отъ мыса Спартель, берегъ образуетъ еще одинъ скалистый выступъ, въ которомъ проводники показываютъ большую пещеру, увѣряя, что это и есть «Геркулесовъ гротъ», упоминаемый древними писателями; постоянно увеличиваемая каменоломщиками, которые вырѣзываютъ здѣсь жерновыя камни, пещера закругляется въ видѣ сводовъ и продолжается далеко подъ скалой. Съ этой стороны это послѣдній высокій мысъ. Далѣе тянется до линіи горизонта голый плоскій берегъ, куда несчастный донъ Себастіанъ вы-

¹⁾ Colvile, „Ride in Petticoats and Slippers“.

²⁾ De Foucauld, цитированное сочиненіе.

³⁾ Tissot, „Recherches sur la Géographie comparée de la Maurétanie Tingitane“.

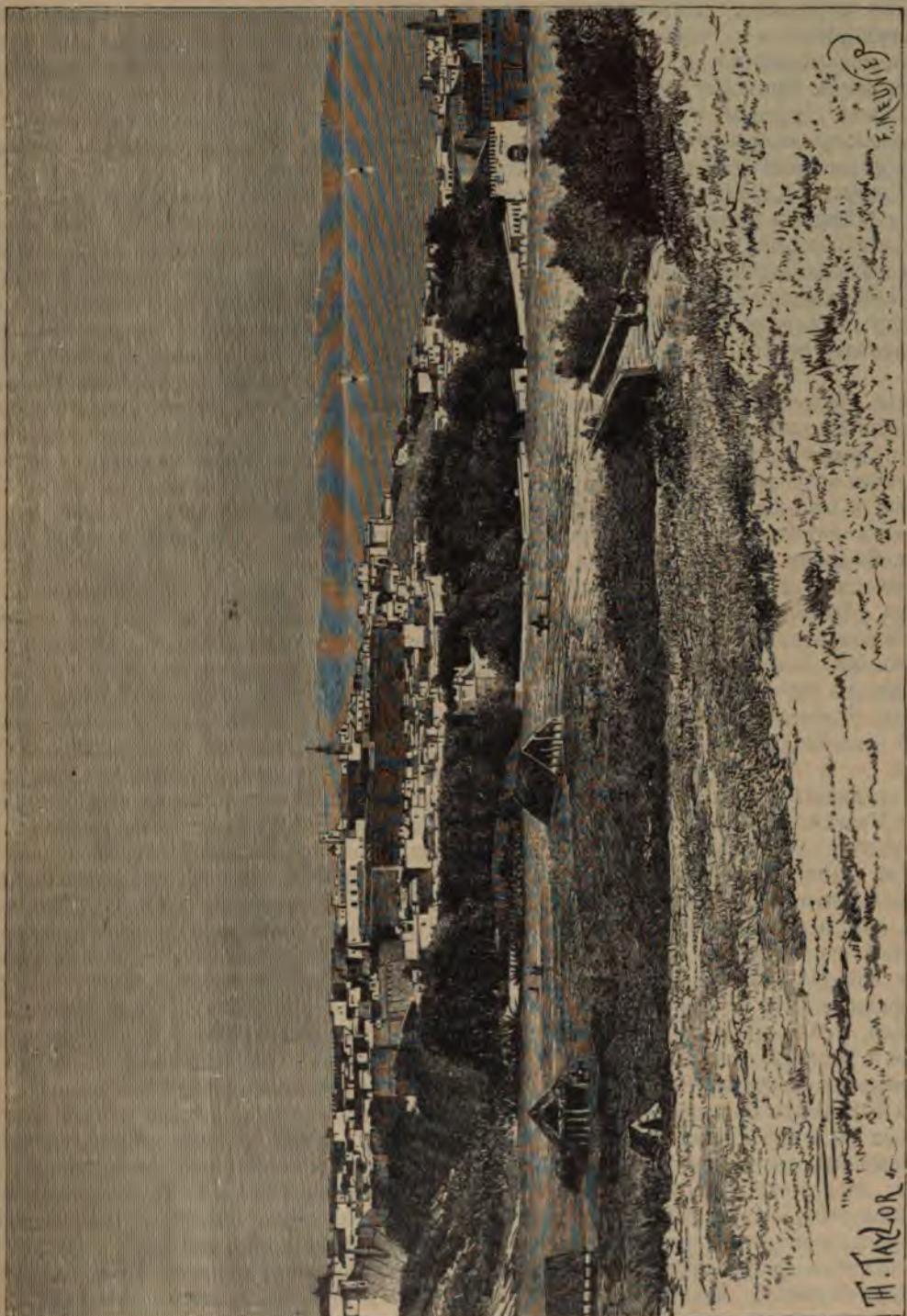
⁴⁾ Tissot, цитированное сочиненіе.

⁵⁾ Платонъ, „Жизнеописание Серторія“.

садилъ своихъ храбрыхъ португальцевъ, которые всѣ до единаго человѣка, вмѣстѣ съ вождемъ, погибли на полѣ битвы около Касръ-аль-Кебира. Среди обширныхъ прибрежныхъ

цѣпь береговыхъ дюнъ. До самаго Могадора, на пространствѣ слишкомъ 600 километр., атлантическое поморье представляетъ почти вездѣ, даже у подошвы краевыхъ холмовъ, низ-

Городъ Тангеръ.

болотъ, составляющихъ, повидимому, остатокъ большаго озера, виднѣются тамъ и сямъ, точно острова, холмы разной величины, служившіе никогда мѣстоположеніемъ для городовъ и деревень; ручья медленно пробираются сквозь

менный и опасный для кораблей берегъ; въ открытомъ морѣ только на разстояніи пятидесяти километр. отъ берега начинается линія глубины около 200 метр. На этомъ огромномъ протяженіи морскихъ береговъ самый значи-

тельный по величинѣ утесъ—мысъ Кантинъ, состоящій изъ чередующихся пластовъ сѣраго и краснаго мергеля, известняка и желѣзистой глины, которые оканчиваются въ иныхъ мѣстахъ вертикальной стѣвой, въ другихъ—неравными ступенями. Дюны, окаймляющія берегъ, прикрѣплены кустарникомъ мастиковаго дерева, покрывающимъ всѣ откосы, обращенные къ морю. Признаки медленного поднятія почвы были замѣчены въ разныхъ пунктахъ побережья; прежній плоскій берегъ, содержащий слои раковинъ, тянется вдоль Атлантическаго океана на средней высотѣ 20 метровъ надъ нынѣшнимъ уровнемъ водъ¹⁾). Но, по словамъ нѣкоторыхъ авторовъ, въ настоящее время наблюдается обратное явленіе, по крайней мѣрѣ въ одномъ мѣстѣ прибрежья: городъ Могадоръ, говорятъ, находится въ площиади постепенного осѣданія почвы²⁾).

Болѣе обильно орошаемый дождями, чѣмъ остальная Мавританія, Марокко изливаетъ въ море большее число рѣкъ, и нѣкоторыя изъ нихъ, хотя очень ослабленныя при устьѣ испареніемъ и отводомъ боковыхъ каналовъ, пре- восходятъ потоки Алжиріи объемомъ жидкой массы. По Беллю и Гукеру, которые, впрочемъ, не приводятъ именъ наблюдателей, средній расходъ рѣкъ Марокко, спускающихся съ Атласа къ Атлантику, составляетъ около 225 куб. метровъ въ секунду. Однако, ни одинъ изъ мароккскихъ уездовъ не служить цѣлымъ судоходства; единственная суда, которыхъ тамъ можно увидѣть,—это паромы примитивной формы.

На средиземной покатости Марокко главная рѣка—Молуя. Питааемая въ верховьяхъ сѣргами массива Атласинъ, она катить довольно большое количество воды, увеличиваемое восточными притоками, особенно узломъ За, бассейнъ которого обнимаетъ небольшую часть Оранской провинціи. Молуя—это Молохать, Малуа или Мальва древнихъ географовъ; въ ихъ время теченіе ея считалось естественной границей между двумя Мавританіями, Кесарійской и Тингитанской; точно также въ эпохи берберской и арабской, до 1830 года, она отдѣляла алжирскую Берберію отъ Магребъ-эль-Акса; но такъ какъ трактами тафненскими и тангерскими географическими граница пересдвинута къ востоку, то оба берега этой рѣки находятся теперь въ мароккской территории. Заффаринские острова, принадлежащіе берберскому племени бени-джаферъ, живущему на сосѣднемъ берегу³⁾), командаются съ сѣверо-западной стороны устьемъ Молуи и выходомъ

ея долины: расположенные полукругомъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, оканчивающагося мысомъ Агеддинъ, или по-испански, cabo de Aguas, эти острова защищаютъ рейдъ, наименѣе опасный на всемъ побережье Рифа; суда укрываются за этотъ мощный волноразбиватель, когда дуетъ страшный сѣверо-восточный вѣтеръ: западный островъ возвышается на 135 метровъ надъ поверхностью моря. Во время разливовъ обильная вода Молуи иногда увлекаются морскими волнами почти до самыхъ острововъ.

На западѣ вся береговая полоса Рифа, слишкомъ узкая для того, чтобы рѣки могли достичнуть значительного развитія, представляеть лишь рядъ небольшихъ долинъ, спускающихся къ морю. Даѣе, треугольный массивъ, продолжающійся по направленію къ Испаніи, имѣетъ нѣсколько рѣкъ, благодаря обилию дождей на горахъ Бени-Гассанъ; но большинство этихъ потоковъ не что иное, какъ ручейки: таковъ, напримѣръ, живописный уездъ эшъ-Шератъ, изливающійся въ море близъ Тангера. Непосредственно къ югу отъ мыса Спартель на атлантической покатости, болѣе широкой, чѣмъ склонъ, обращенный къ Средиземному морю, текутъ также и болѣе дливныя рѣки. Первая рѣка, уездъ эль-Хусъ, получающій свои воды съ западныхъ откосовъ горъ Бени-Гассанъ, впадаетъ въ океанъ въ шестидесяти километрахъ къ югу отъ пролива. Даѣе песчаный берегъ, окаймленный дюнами и рядомъ скаль, которая задерживаютъ истечеіе ручьевъ и заставляютъ ихъ разливаться дливными болотами, параллельными морю, продолжается, почти безъ изгибовъ, въ юго-западномъ направленіи. Въ формѣ побережья ничто не указываетъ на выходъ широкой рѣчной долины, хотя въ этой области берега изливается въ море главная рѣка Марокко, Себу, Субуръ (Себуръ) финикіянь: переходя черезъ устье рѣки, линія морскаго берега продолжается совершенно правильно, безъ малѣйшаго отклоненія. Себу—самый обильный потокъ Сѣверной Африки, послѣ Нила: Пліній прозвалъ его «великолѣпнымъ». Ширина отъ ста до трехсотъ метровъ въ своей нижней равнинѣ, усыпанной римскими развалинами⁴⁾), онъ течетъ излучинами между крутыхъ землиныхъ береговъ, изъ которыхъ онъ иногда выходитъ во время разливовъ: средняя его глубина 3 метра. Слѣдовательно, можно бы было утилизировать Себу для судоходства: небольшие пароходы, имѣя на буксирѣ плоскодонные шаланды, могли бы безъ труда подниматься вверхъ по рѣкѣ почти до самой столицы⁵⁾; но всѣ перевозки продуктовъ, всѣ путешествія между прибрежьемъ и этапными пунктами долины, лежащими за

¹⁾ Maw, цитированій хемуартъ.

²⁾ Beauchier, „Bulletin de la Société de Géographie“; Tissot, цитированное сочиненіе.

³⁾ Tissot, „Recherches sur la Géographie comparée de la Mauritanie Tingitane“.

⁴⁾ Tissot, цитированное сочиненіе.

⁵⁾ Oscar Lenz, „Timbuktu“.

фецкихъ дорогахъ, совершаются сухопутьемъ. Прибрежные племена слишкомъ беспокойны, чтобы могла установиться правильная торговля рѣчнымъ путемъ. Тѣмъ не менѣе, немногія изъ областей Марокко имѣютъ болѣе важное экономическое значение. Главная долина Себу составляетъ естественный путь сообщенія между средиземнымъ бассейномъ Молуїа и атлантическимъ поморьемъ; она образуетъ географическую раздѣльную линію между системой Атласа и горами Рифа, и въ богатыхъ равнинахъ, орошеныхъ водами этой рѣки, находится Фецъ, первый городъ имперіи. Путешественники, слѣдующіе береговой дорогой изъ Тангера въ Могадоръ, переправляются черезъ Себу на паромѣ примитивной конструкціи, который не избавляетъ пассажировъ отъ непріятности плюхаться въ тинѣ¹⁾; морской приливъ поднимается по рѣкѣ на большое разстояніе отъ устья. Чтобы облегчить сultану и его свитѣ переходъ черезъ уездъ Эль-Хусъ, иногда устраиваютъ родъ пловучаго моста изъ тростника, связанного пучками, или изъ надутыхъ кожаныхъ мѣшковъ, покрытыхъ землей и досками²⁾.

Километрахъ въ тридцати къ юго-западу отъ Себу, другая рѣка, Бу-Реграгъ, названная такъ по имени одного исчезнувшаго племени, изливается въ море черезъ вырѣзу, открывающуюся въ невысокомъ каменистомъ плато. Этотъ потокъ береть начало не въ снѣговыхъ циркахъ Большаго Атласа, какъ Молуїа, Себу, Умъ-эръ-Рбіа, Драа: онъ вытекаетъ изъ передовыхъ горъ, ограничивающихъ на югѣ территорію Фецъ, и развернутая длина его течения, вѣроятно, не превышаетъ 200 километр. Тѣмъ не менѣе Бу-Реграгъ получилъ въ политической географіи Марокко болѣе важное значеніе, чѣмъ всѣ другіе потоки: онъ обозначаетъ границу между двумя государствами, Фецъ и Марокко, а въ древности недалеко отъ этой рѣки, у передового поста Ad Mergis-gios, оканчивалась территорія Мавританіи Тигитанской³⁾.

Рѣка Умъ-эръ-Рбіа, или «Мать пастбищъ», названная такъ за обилие на ея берегахъ луговыхъ пространствъ, береть начало, какъ и уездъ Себу, въ сѣверномъ массивѣ Большаго Атласа и, подобно этой рѣкѣ, катить могучую массу воды: Рену и Гугерь называютъ ее даже,—вѣроятно, ошибочно—самымъ обильнымъ потокомъ Марокко. Въ дождливое время года путешественникамъ приходится по цѣлымъ недѣлямъ жить на берегу, въ ожиданіи, пока вода сбудетъ настолько, чтобы можно было безопасно совершить переправу: единственная лодки, употребляемыя на этой рѣкѣ,—плоты

изъ камыша, въ родѣ танкуа, на которыхъ плаваютъ по озеру Тана, въ Эсопіи. Во время засухъ рѣка можетъ быть переходима въ бродъ во многихъ мѣстахъ, но она постоянно катить свои воды до самаго моря, и неглубоко сидящія шлюпки могутъ проникать въ рѣку, переходя черезъ баръ. Къ югу отъ рѣки Умъ-эръ-Рбіа, на пространствѣ около 200 километр., до устья уезда Тенсифть, нѣтъ ни одного потока, изливающагося въ море. Плоскогорье Дуккала, занимающее внутреннюю область, оканчивается надъ моремъ высокимъ приподнятымъ краемъ, который не позволяетъ дождевымъ водамъ открывать себѣ дорогу къ Атлантике.

Уэдъ Тенсифть, въ бассейнѣ котораго находится городъ Марокко, не принадлежитъ къ числу большихъ потоковъ Марокко; въ этомъ мѣстѣ Атласъ уже приблизился къ морю, и средняя высота его понизилась; при томъ, и дожди гораздо менѣе обильны подъ этой широтой, чѣмъ въ сѣверной области: лѣтомъ, устье Тенсифта, во время отлива, бываетъ совершенно заперто песчаннымъ баромъ. Уэдъ Сусъ (Sous древнихъ географовъ), который береть начало и развивается свое теченіе между Атласомъ и Анти-Атласомъ,—тоже перемежающаяся рѣка, обильная зимой и почти совсѣмъ изсякающая лѣтомъ, въ нижней части теченія; однако, онъ никогда не пересыхаетъ совершенно; въ мартѣ мѣсяцѣ, когда путешественникъ Ленцъ переходилъ черезъ него, ниже Таруданта, верстахъ въ ста отъ устья, Сусъ имѣлъ видъ ручейка, отъ 3 до 4 метровъ шириной и отъ 30 до 50 сантиметр. глубиной¹⁾. Уэдъ Ассака, текущій вдоль южной подошвы Малаго Атласа, еще чаще пересыхаетъ, и путешественники, проходившиѣ тѣми мѣстами, нерѣдко находили только песокъ въ его ложѣ: этимъ и объясняется неувѣренность, сохранившаяся до самаго послѣдняго времени въ начертаніи картъ, относительно его истиннаго теченія.

Что касается уезда Драа, который по длине теченія занимаетъ первое мѣсто между мароккскими рѣками, то по объему жидкой массы онъ далеко уступаетъ Молуї, Себу, Умъ-эръ-Рбіа, и даже рѣдко случается, чтобы онъ достигъ Атлантическаго океана. Главные его истоки изливаются изъ снѣговыхъ цирковъ Большаго Атласа; на пространствѣ около 300 километр., отъ горъ Идраренъ-Деренъ до массива Айашинъ, всѣ воды южнаго ската главной цѣли спускаются къ этой рѣкѣ, которая уходитъ на югъ рядомъ дефилеевъ черезъ джебель Шагерунъ, составляющій продолженіе Анти-Атласа. Въ этой части своего теченія Драа и ея главный притокъ Дадесь катятъ наибольшее количество воды; но затѣмъ на

¹⁾ Decugis, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“

²⁾ Tissot, цитированное сочиненіе.

³⁾ Tissot, цитированный жемуаръ.

¹⁾ O. Lenz, „Timbuctu“;—G. Rohrls, „Mein erster Aufenthalt in Marocco“.

протяжении 1.000 километр. ниже ущелей рѣка постепенно уменьшается въ объемѣ, вслѣдствіе отвода ея водъ на прибрежныя поля, испаренія и просачиванія въ пескахъ. По выходѣ изъ верхніхъ тѣснинъ, Драа течеть сначала въ направленіи съ сѣвера на югъ, окаймленная съ той и другой стороны поясомъ пальмъ, ширина котораго мѣняется отъ 500 метр. до трехъ километр.; въ иныхъ мѣстахъ рѣка касается пустыни своими излучинами: одинъ берегъ бѣлы отъ покрывающаго его слоя песку, тогда какъ другой исчезаетъ подъ яркой зеленою растительности. Но послѣ обхода восточной оконечности цѣли Бани и параллельныхъ стѣнъ черныхъ «Змѣй», Драа, истощенная оросительными каналами, развѣтвляющимися на обоихъ берегахъ по пальмовымъ плантациямъ, не имѣть уже достаточно воды, чтобы сохранять характеръ правильнаго потока. Она разливается въ широкой впадинѣ Дебайа, которая бываетъ попремѣнно озеромъ, надъ которымъ кружатся несмѣтныя стаи птицъ, затѣмъ болотомъ, и, наконецъ, сырой равниной, заchaшиваемой подъ посѣльемъ зерновыхъ хлѣбовъ. Ниже этой котловины, уездъ Драа, теченіе котораго остается параллельнымъ оси атлантической системы, направляется къ юго-западу, имѣя съ той и другой стороны крутыя берега, дотого высокіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, что, проходя песчанымъ ложемъ рѣки, можно подумать, что идешь по дну глубокаго ущелья между двухъ горныхъ кряжей¹⁾. Мѣстами въ скалахъ сѣверной стороны открываются хенеги, пропускающіе, во время таянія снѣговъ или сильныхъ дождей, избытокъ водъ, падающихъ на Малый Атласъ; но обыкновенно эти русла горныхъ потоковъ не приносятъ ничего въ рѣку. Тогда мароккскій «Ниль» не имѣть ни капли поверхностной воды въ своемъ нижнемъ теченіи. По мѣстному преданию и свидѣтельству историческихъ документовъ, въ прежнія времена р. Драа, въ которой тогда водились крокодилы и бегемоты, и которая давала пріютъ слонамъ въ своихъ прибрежныхъ лѣсахъ, спускалась до самаго моря, соединяясь съ солеными водами широкимъ устьемъ. Теперь же теченіе ея достигаетъ океана только во время таянія снѣговъ, да и то лишь въ исключительные годы: иногда проходить цѣлые десятилѣтія, прежде чѣмъ прибрежные жители низовьевъ Драа увидятъ струйку воды, пробирающуюся въ песчаномъ ложѣ. Однако, небольшое количество влаги несомнѣнно всегда сочится въ нижнихъ слояхъ почвы, такъ какъ посѣлы на вспаханныхъ пространствахъ рѣчного ложа регулярно даютъ жатву; во многихъ мѣстахъ выкопанные колодцы мало-по-малу наполняются водой. Въ 1850 г., когда путешествен-

никъ Пане переправлялся черезъ Драа, въ концѣ апрѣля, она имѣла видъ настоящей рѣки: ширина ея была около 150 метр., а слой воды, на серединѣ теченія, достигалъ 60—70 сантиметровъ²⁾.

Ручей, который, подъ именами уэда Зисъ и уэда Герсь, спускается прямо на югъ отъ горнаго узла, на сѣверной оконечности Большаго Атласа, пробѣгаєтъ гораздо меньшее протяженіе, чѣмъ р. Драа: оросивъ оазисы Та-филельта, въ 250 километр. отъ своихъ первыхъ истоковъ, онъ теряется въ пустынѣ, и ни одинъ путешественникъ не могъ сказать, продолжается ли его русло далѣе на югъ, чрезъ большія дюны, чтобы или повернуть на западъ къ р. Драа, или присоединиться на востокѣ къ бассейну Мессауры, или, наконецъ, чтобы сохранить независимое теченіе въ направленіи къ Нигеру. Гидрографическая система уэда Гирь, начинающаяся непосредственно на востокѣ отъ уэда Зисъ въ верхніхъ циркахъ Большаго Атласа, лучше известна въ верхней ея части, благодаря многочисленнымъ экспедиціямъ, совершеннымъ въ этомъ направленіи французскими колоннами, и сѣдѣніямъ, полученнымъ отъ пилигримовъ и торговцевъ. Уэдъ Гирь соединяется съ рѣками Фигига, спускающимися изъ дистрикта Ишъ, на оранской границѣ, и подъ разными названіями направляется къ оазису Туатъ; но о дальнѣйшемъ его теченіи ничего не известно. Соединяется ли этотъ уэдъ съ рѣкой Драа, въ которой онъ былъ бы, по длини теченія, главной вѣтвию²⁾? Не теряется ли онъ въ безвыходномъ бассейнѣ, или не соединяется ли съ водами Нигера около западной оконечности большой дуги, описываемой этой рѣкой по направленію къ сѣверу?

Марокко весь находится въ поясѣ пассатныхъ вѣтровъ, но Атласскія горы, положеніе страны у воротъ Средиземнаго моря и сосѣдство большаго тепловаго фокуса, Сахары, выдоимѣняетъ нормальный порядокъ атмосферныхъ теченій. Лѣтомъ береговая и морская бризы чередуются каждый день на побережье, а общіе вѣтры приходятъ съ юга и съ востока; зимой, то-есть съ октября по февраль, вѣтры часто дуютъ съ сѣверо-запада, принося съ собой довольно большое количество влаги, которая изливается обильными дождями на скаты Атласа; но въ южныхъ областяхъ Марокко преобладающее влияніе принадлежитъ пассатамъ. Такъ какъ направленіе этихъ вѣтровъ параллельно оси Атласа и направленію большей части морскаго берега, то воздушный потокъ слѣдуетъ, такъ сказать, готовымъ русламъ, образуемымъ атлантической покатостью Магреба. Впродолженіи 271 дня въ году въ Могадишо

¹⁾) *Revue Coloniale et Algérienne*, nov.—dec 1850.

²⁾) H. Duveyrier, *Histoire des Explorations au sud et au sud-est de Geryville*.

дорѣ господствуютъ вѣтры полярнаго происхожденія, дующіе съ сѣвера или съ сѣверо-востока; противоположные воздушные токи, западный или юго-западный, проходящіе обыкновенно въ верхнихъ областяхъ атмосферы, спускаются въ нижніе слои въ теченіе 57 дней въ году, вообще зимой, въ то время, когда солнце находится надъ трошкомъ Козерога, и когда вся система вѣтровъ умѣреннаго пояса передвигается къ югу. Что касается южнаго вѣтра, страшнаго широкко или «сахель», какъ его называютъ жители южнаго Марокко, то онъ ощущается въ Могадорѣ среднимъ чи- сомъ всего только два дня въ году, и разслабляющее вліяніе его здѣсь гораздо менѣе, чѣмъ на островѣ Мадерѣ, очевидно, потому, что Большой Атласъ, служацій предохрани- тельными ширмами, тѣмъ лучше защищаетъ лежащія подъ его покровомъ мѣстности, чѣмъ онъ ближе къ его основанію¹⁾). По той же самой причинѣ тучи саранчи, приносимыя вѣтромъ пустыни, такъ рѣдко появляются на примор- ской покатости Большаго Атласа; эти опусто- шители показываются тамъ лишь небольшими отдѣльными стаями²⁾.

Подъ вліяніемъ пассатныхъ вѣтровъ и мор- скихъ бризъ, климатъ Могадора и, въ менѣшей мѣрѣ, климатъ всего атлантическаго побережья Магреба отличаются почти полнымъ отсут- ствиемъ измѣнчивости: мало найдется мѣстъ на земномъ шарѣ, где бы средняя темпера- тура была болѣе равномѣрна, чѣмъ въ Могадорѣ, который въ этомъ отношеніи превос- ходитъ даже острова, лежащіе среди океана.

Климатъ Могадора, по наблюденіямъ Бомье, производившимся въ теченіе девяти лѣтъ:

Средняя температура—19,4° Цельзія, сред- няя температура самого теплого мѣсяца (ав- густа)—21,8° Цельзія, средняя температура самого холоднаго мѣсяца (февраля)—16,5° Цельзія, крайняя наблюдавшаяся степень тепла—31° Цельзія, крайняя наблюдавшаяся степень холода—10,4° Цельзія.

Такимъ образомъ разность между крайними температурами, какія были наблюдамы въ про- долженіе девятилѣтнаго періода, не достигаетъ даже 20 градусовъ Цельзія; суточное измѣненіе высоты ртутного столбика въ термометрѣ составляетъ въ среднемъ отъ 2½ до 4 граду- совъ Ц. Эта замѣчательная равномѣрность температуры объясняетъ рѣдкость грудныхъ болѣзней: чахотка почти неизвѣстна въ этой части Африки; въ продолженіе десяти лѣтъ врачъ Тевененъ видѣлъ всего только пять слу- чаевъ этой болѣзни между туземцами, при чѣмъ въ трехъ случаяхъ недугъ начался во время пребыванія пациента въ дальнихъ краяхъ. На европейскихъ больныхъ климатъ этой ча-

сти побережья всегда оказывалъ благотворное дѣйствіе.

На сѣверѣ, востокѣ и югѣ отъ Могадора, который можно принять за типичную станцію мароккскаго климата на атлантическомъ по- бережїѣ, температуры лѣта и зимы, днія и но- чи представляютъ болѣе значительная откло- ненія: причины тому разны, но слѣдствія одинаковы. На сѣверномъ берегу, отъ мыса Спартель до мыса Кантенъ, пассатные вѣтры, не отличающіеся правильностью, не оказываютъ того же вліянія въ смыслѣ уравниванія кли- мата; воздушные теченія, вдувшія изъ Сахары, и вѣтры, дующіе съ Средиземнаго моря, устрем- ляются къ прибрежью черезъ брешь, откры- вающуюся между Атласомъ и горами Рафа. Внутри материка, где морскія бризы ощути- тельны лишь въ слабой степени, разность тем- пературъ лѣта и зимы, днія и ночи увеличива- ется по мѣрѣ удаленія отъ моря; наконецъ, на южныхъ берегахъ климатъ, подъ вліяніемъ близкаго сосѣдства Сахары, приближается къ климату пустыни, съ его сильными дневными жарами и очень дѣятельнымъ ночнымъ лучеис- пусканіемъ. По рельефу и мѣстоположенію Марокко естественно дѣлится на три области или полосы. На сѣверѣ бассейнъ Молуи, Рафъ и полуостровъ Танжерскій принадлежать къ Теллю, прилегающему къ Средиземному морю, и представляютъ почти ту же климатическія явленія, какъ и соотвѣтственная части Алжи- ріи; въ центрѣ и на югѣ Атласъ точно разграничиваетъ двѣ области, изъ которыхъ одна получаетъ воздушные теченія съ Атлантическаго океана, а въ другой свободно распро- страняется вѣтеръ пустыни. Между этими двумя поясами та или другая долина, тотъ или другой горный округъ принадлежитъ одновре- менно къ двумъ областямъ: въ одномъ мѣстѣ зеленѣющій скатъ обращенъ къ Атлантику, въ другомъ голый откосъ отражаетъ пали- щий зной Сахары.

Въ цѣломъ Марокко превосходитъ Алжирію по обилию дождей. Полуостровъ Танжерскій, мѣстность всего чаще посѣщаемая европей- цами, омывается со всѣхъ сторонъ влажной атмосферой; здѣсь господствуютъ западные вѣтры, насыщенные парами Океана, но и вос- точные вѣтры, обыкновенно очень сухіе, въ бассейнѣ Средиземнаго моря, приносятъ боль- шое количество влаги на горы сѣвернаго Марокко: когда этотъ вѣтеръ проходитъ въ верх- нихъ слояхъ воздуха, горы Бени-Гассанъ и вершины, окаймляющія проливъ, всегда окутаны облаками. Снѣгъ выпадаетъ иногда въ большомъ обилии на эти горы, струящіяся круглый годъ живыми водами; однажды въ 1871 году, во время быстрой перемѣны воздушныхъ теченій, даже набережныя Танжера покрылись снѣжной пеленой¹⁾). Часто роса смачиваетъ

¹⁾ Thévenin;—Beaumier;—Seux;—Ollive;—Leared;—Ball and Hooker, etc.

²⁾ Rohlf, цитированное сочиненіе.

крыши домовъ и на всей береговой полосѣ воздухъ почти насыщенъ парами; ботаники жалуются на трудность засушивать собираемыя растенія; желѣзо, привезенное изъ Европы, тотчасъ же покрывается ржавчиной. Пропорція дождей относительно очень велика, въ сравненіи съ количествомъ атмосферныхъ осадковъ въ восточномъ Магребѣ и, безъ сомнѣнія, превышаетъ одинъ метръ въ годъ въ нѣкоторыхъ долинахъ Атласа, обращенныхъ къ дождевымъ вѣтрамъ; но на юномъ склонѣ горъ рѣдко скапливаются облака, проливающія дождь на землю: ручьи могутъ орошать оазисы только благодаря таянію снѣговъ, выпавшихъ на высотахъ горъ. Области морскаго прибрежья часто получаютъ дожди красной пыли, переносимые обратными пассатами въ верхнихъ слояхъ атмосферы; пыль эта, какъ известно, состоить главнымъ образомъ изъ кремнистыхъ панцирей микроскопическихъ животныхъ, происходящихъ изъ ляносовъ Южной Америки¹⁾.

Вследствіе различія климатовъ, флора Марокко отличается большими разнообразіемъ; но хотя ботаникамъ предстоитъ еще сдѣлать много открытій во внутреннихъ частяхъ страны, прежде чѣмъ можно будетъ сосчитать точнымъ образомъ ея растительныхъ богатства, однако и теперь уже известно, что въ цѣломъ растенія Марокко принадлежать къ средиземной области: изъ двухсотъ сорока-восьми растительныхъ родовъ, представленныхъ въ этой странѣ, всѣ, за исключеніемъ одного²⁾, находятся въ той или другой изъ странъ, прилегающихъ къ Внутреннему морю; даже добрая треть мароккскихъ видовъ встречается въ Англіи и въ центральной Европѣ. Съ другой стороны, мароккская флора заключаетъ въ себѣ лишь весьма небольшое число видовъ, общихъ ей съ флорами собственно Африки, простирающейся къ югу отъ великой пустыни. Такимъ образомъ по своимъ естественнымъ произведеніямъ, какъ и по строенію горъ, Магребъ-эль-Акса сохраняетъ европейскій характеръ: онъ входитъ въ составъ особаго отдельного бассейна, которому Гукерь далъ название области ладанника и вереска. Политическая географія не была въ разладѣ съ естественными дѣленіями, когда Діоклетіанъ присоединилъ Мавританію Тингитанскую къ Иберийскому полуострову³⁾.

По характеру своей растительности Марокко всего болѣе имѣть сходства съ Испаніей: Атлант и Сіерра-Невада составляютъ соответственные области по обѣ стороны Гибралтарского пролива; однако, аналогія не такъ велика, какъ прежде думали ботаники. Изъ 631 вида растеній, собранныхъ въ долинахъ и на высотахъ Атласа, 181, т. е. болѣе четверти, не встречаются въ Испаніи: различіе florы постепенно

увеличивается, по мѣрѣ того, какъ поднимаешься къ гребню Атласа. Между Марокко и островами Канарскими, Азорскими, Мадерой контрастъ почти полный. Изъ растеній, общихъ обѣмъ областямъ, большинство такія, которыхъ распространяются на огромномъ пространствѣ, занимая страны весьма различныя по климату: изъ 1.627 видовъ явнообразныхъ, насчитываемыхъ донынѣ въ Марокко, только около пятнадцати принадлежать одновременно материку и островамъ. Этотъ ботанический фактъ достаточно доказываетъ, что Канарскіе острова, несмотря на ихъ близкое сосѣдство съ африканскимъ континентомъ, составляютъ земли независимаго происхожденія.

Немного болѣе одной десятой растительныхъ видовъ Марокко свойственны исключительно этой странѣ. Эти туземные формы заключены по большей части въ предѣлахъ гористой области, на склонахъ Атласа. Здѣсь именно, въ центрѣ края, развились, путемъ постепенного приспособленія къ условіямъ среды, растенія, отличные отъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ мы видимъ въ другихъ мѣстахъ; сюда же, къ вершинамъ Атласа, удалились европейскіе виды, которые встрѣчаются островами на гребняхъ горъ, между прочимъ, одна порода сосны, распространяющая ароматическій запахъ, и дерево которой идетъ на выѣлку дорогой мебели⁴⁾. Въ то время, какъ отступленіе снѣговъ и льдовъ позволяло растеніямъ европейскаго происхожденія подниматься къ вершинамъ горъ, виды пустыни постепенно расширяли свою площадь въ сѣверномъ направленіи. Не только на южной покатости Атлантического Атласа, но также въ долинѣ Суса и въ области поморья, до уезда Тенсифть, можно встрѣтить многія растительные формы, происходящія изъ центра разѣянія, который лежитъ гораздо южнѣе, въ жаркомъ поясѣ. Таковы каменные акадіи и разныя породы большихъ молочайниковъ, смола которыхъ утилизируется въ фармакопѣи и въ промышленности. Финиковая пальма тоже можетъ быть включена въ число этихъ тропическихъ видовъ, живущихъ на чужбинѣ, въ южной покатости Атласа. Она растетъ въ Танжерѣ, на сѣверныхъ берегахъ Марокко, какъ и въ Алжирѣ, но не приносить плодовъ; даже въ Могадорѣ она даетъ лишь финики посредственнаго качества. Нужно идти въ оазисы, орошаляемы р. Драа и другими рѣчками южной отлогости, чтобы найти пальмовые плантации, доставляющія плоды цѣнныя или даже чревосходные: финики изъ оазисовъ по теченію уезда р. Драа не уступаютъ джеридскимъ, а по словамъ местныхъ жителей, даже не имѣютъ себѣ равныхъ въ отношеніи сочности, сладости и тонкости вкуса. Низкорослая пальма, столь обык-

¹⁾ Ehrenberg;—Maury, „Geography of the Sea“.

²⁾ Ball and Hooker, цитированное сочиненіе.

³⁾ H. Barth, „Kosten des Mittelmeeres“.

⁴⁾ Drummond Hay, „Wester Barbary“;—G. Noblis, цитированное сочиненіе.

новенная въ Алжирѣ, довольно рѣдка въ Марокко; въ видѣ лѣсной поросли, ее можно найти только въ провинціи Гага, вокругъ Могадора.

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ туземныхъ видовъ мароккской флоры—арганія-желѣзнякъ (*argania Sideroxylon*), дерево, которое часто сравнивали съ маслиной; оно встрѣчается только въ южной части страны, къ югу отъ уѣда Тенсифть. Арганія, упоминаемая въ первый разъ Лѣвомъ Африканцемъ, растетъ на самыхъ бесплодныхъ земляхъ и обходится безъ всякаго орошенія; даже на голыхъ каменистыхъ косогорахъ часто можно встрѣтить это неприхотливое дерево, съ неровнымъ и узловатымъ стволомъ, усаженнымъ кривыми вѣтвями съ тощей листвой. Домашнія животныя, за исключеніемъ лошади и осла, съ жадностью їдятъ ягоды арганіи, а изъ косточекъ туземцы приготавливаютъ масло, имѣющее особенный, противный для europейца, вкусъ. Древесина арганіи отличается необычайной твердостью, за которую ей и дали название желѣзняка. Полезно было бы акклиматизировать это драгоценное дерево и въ другихъ странахъ: въ Алжирѣ оно отлично принимается, но растетъ дотого медленно, что большинство лѣсоводовъ, которымъ были разданы сѣмена арганіи, потеряли охоту продолжать опыты ея разведенія¹⁾). Между мароккскими растеніями, утилизируемыми ради ихъ продуктовъ, и до сихъ порь еще не найденными въ другихъ странахъ, путешественники Джаксонъ и Лердъ указываютъ также родъ дурнопахучника, который доставляетъ «амміачную» камедь, смолу съ острымъ запахомъ, отправляемую въ Египетъ и въ Аравію, гдѣ ее употребляютъ для окуриваній. На это растеніе нападаетъ одно двукрылое насекомое, составляющее лакомую пищу для ястребовъ: оттого по полету этихъ птицъ узнаютъ мѣста, гдѣ находится драгоценное растеніе²⁾.

Фауна Марокко очень мало отличается отъ алжирской, по крайней мѣрѣ относительно тѣхъ видовъ, которые натуралистамъ удалось изучить до настоящаго времени. Самые страшные звѣри, левъ и барсъ, водятся лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ страны; въ сравнительно наибольшемъ числѣ они сохранились въ сосѣдствѣ алжирской границы, среди горъ Рифа. Медвѣдь, исчезнувший въ Алжирѣ, еще не вышелъ въ Марокко. Кролики кишмя-кишать на полуостровѣ Танжерскомъ, но число ихъ постепенно уменьшается по направлению къ югу, и южнѣе Бу-Реграга не встрѣчали этихъ грызуновъ³⁾. Обезьяны рѣдки; кромѣ породы, живущей также на скалахъ Гибралтара, и которая не встрѣчается даже въ южныхъ провинціяхъ, въ Марокко не видно четырехрукихъ. Дикий кабанъ,

гроза земледѣльцевъ, довольно распространено во всѣхъ лѣсныхъ чащахъ; богатые и знатные люди имѣютъ привычку держать его въ конюшняхъ для того, чтобы злые духи не трогали лошадей и вселялись въ нечистое животное. Въ южныхъ степяхъ, на границахъ пустыни, страусы бродятъ еще стадами; кромѣ того, тамъ водятся разныя породы газелей, на которыхъ туземцы охотятся не столько ради ихъ мяса, сколько ради сростковъ, называемыхъ «безоардъ», которые часто находять у нихъ въ желудкѣ и которые служатъ амулетами⁴⁾; для подобной же цѣли, именно чтобы найти куски сѣрой амбры, рыбаки вскрываютъ трупы китообразныхъ, выброшенные волнами на морской берегъ⁵⁾. Высокія долины Атласа, съ ихъ почти европейскимъ климатомъ, представляли бы вполнѣ благопріятныя условія для разведения всякихъ домашнихъ животныхъ, также какъ и всякихъ растеній умѣренного пояса. Воды изобилуютъ черепахами, а въ рѣчныхъ устьяхъ ловить преимущественно сабала, родъ лосося, съ очень нѣжнымъ мясомъ. Океанская фауна мароккскихъ водъ мало отличается отъ фауны Антильского моря: перламутровыя раковины корабликъ плаваютъ на поверхности воды; летучія рыбы порхаютъ съ волнами изъ волну, а подъ водой быстро скользятъ страшныя акулы съ молотообразной головой. Изслѣдованіе океанскихъ пучинъ на широтѣ Марокко, до глубины 5.000 метровъ, открыло натуралистамъ, участвовавшимъ въ экспедиціи корабля «Талисманъ», множество новыхъ видовъ рыбъ, ракообразныхъ, моллюсковъ, червей и губокъ.

Такъ же, какъ въ остальной Мавританіи, основу населения въ Марокко составляютъ берберы: со временемъ финикиянъ этотъ этнический элементъ по численности всегда сохранялъ за собой преобладающую роль; завоеватели различныхъ расъ и даже арабы, которые, однако, занимаютъ, въ качествѣ господъ, равнину и большие города страны, могли только оттеснить туземцевъ въ долины горъ, не пріобрѣтая надъ ними численнаго перевѣса. По приблизительному исчислению, берберы составляютъ по крайней мѣрѣ двѣ трети всего народонаселенія Марокко, и вдали отъ городовъ и поморья, особенно въ гористыхъ мѣстностяхъ, территорія населена почти исключительно берберскимъ элементомъ. Впрочемъ, это общее название берберовъ, примѣняемое ко всѣмъ населеніямъ Марокко не-семитическимъ и не-негритянскимъ, отнюдь не предполагаетъ общности происхожденія; напротивъ, весьмаѣ вѣроятно, что много различныхъ этническихъ элементовъ способствовали образованію той расы, которая теперь представляетъ аборигеновъ предъ лицомъ араб-

¹⁾ Hooker, *Journal of a Tour in Marocco*.

²⁾ Arthur, *Leared, Marocco and the Moors*.

³⁾ Jackson, *Account of the empire of Marocco*.

⁴⁾ Arthur Leared, цитированное сочиненіе.

⁵⁾ G. Adomoli, *Lettore dal Marocco*, Exploratore I.

скихъ пришельцевъ; даже нѣкоторыя иберійскія племена, какъ полагаютъ, занимали въ-когда склоны Атласа. Такъ же какъ въ остальной Берберіи, особенно въ регентствѣ Триполи и въ восточной Алжиріи, въ разныхъ частяхъ Марокко находятъ мегалиты, совершенно похожіе на тѣ, которые существуютъ въ Великобританіи и въ Бретаніи, долmenы, менгіры, кромлехи, такъ что, естественно, является вопросъ: не были ли эти могильные камни воздвигнуты населеніями, происшедшими отъ одного общаго корня, или исповѣдовавшими одну и ту же религию? ¹). Въ этихъ могилахъ умершіе всегда погребались въ сидячемъ положеніи. Самый красивый изъ открытыхъ до сихъ поръ въ Марокко памятниковъ этого рода—монолитъ Мзора, стоящій на восточной окраинѣ одного плато, откуда открывается обширный видъ на афмитеатръ Тетуанскихъ горъ: это менгіръ высотой слишкомъ 6 метровъ, называемый Эль-Утедъ или «Столбъ палатки».

Мароккскіе берберы, или имазигент, между которыми встрѣчается много племенъ, носящихъ тѣ же имена, какъ въ Алжиріи,—шауїа, бераберь, зенага или санхеджа, гецула или гештула, распадаются на четыре группы, совершенно отличныя одна отъ другой по мѣсту обитанія и по образу жизни. Сѣверные берберы, населяющіе горы Рифа, полуостровъ Танжерскій и наибольшую часть холмистой области, ограниченной на югѣ теченіемъ уада Себу, обозначаются родовымъ именемъ акбаиль или кебаиль: это «кабилы», такие же, какъ горцы Джурджуры. На приморской покатости Атласа городъ Сефру, лежащій немного южнѣе Феца, есть пограничный пунктъ области акбаиловъ: къ сѣверу оттуда это имя принадлежитъ всѣмъ туземцамъ берберскойрасы; къ югу всѣ жители называютъ себя шлейхъ или шеллаха. Это послѣднее наименование примѣняется, подъ разными формами, къ осѣдлымъ имазигенамъ бѣлойрасы, населяющимъ долины Атласа; но въ южномъ Марокко, на обоихъ склонахъ горъ, и въ сахарскихъ оазисахъ, земледѣльцы, походящіе на алжирскихъ ругага чернымъ цвѣтомъ кожи, тоже причисляются къ имазигенамъ: они известны подъ именемъ харатинъ. На южной отлогости Атласа каждое поселеніе представляетъ смѣсь шеллаховъ и харатиновъ, въ которой пропорція поелѣдніхъ постепенно увеличивается съ сѣвера на югъ, отъ верховьевъ Молуи къ низовымъ Драа. Шеллахи, въ силу цвѣта своей кожи, считаютъ себя выше харатиновъ, и при заключеніи браковъ эта разница вообще принимается въ разсчетъ, такъ какъ покупная цена бѣлой невѣсты дороже, чѣмъ черной. Между тѣмъ харатинскія женщины часто отличаются замѣчательной красотой: большинство изъ нихъ имѣютъ великолѣпные, очень

¹) Faidherbe;—Tissot, etc.

выразительные глаза, и въ молодости симѣющіе физиономію и необыкновенную грацію въ движеніяхъ ²). Избраніе харатина въ шейхи оазиса составляетъ очень рѣдкій, исключительный случай; обыкновенно въ этотъ санъ возводятся бѣлые имазигены. Такъ же какъ шауїи и кабилы Алжиріи, многие изъ мароккскіхъ имазигеновъ имѣютъ бѣлокурые волосы и голубые глаза; но въ центральныхъ и южныхъ мѣстностяхъ этотъ типъ блондина, повидимому, очень рѣдокъ, за исключеніемъ развѣ южныхъ горъ, если вѣрить свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Федербу ²); другой изслѣдователь, Рольфъ, говоритъ, что во время своихъ многочисленныхъ путешествій онъ видѣлъ только одного субъекта, отличающагося отъ другихъ туземцевъ свѣтлымъ цвѣтомъ волосъ. Повидимому, всего больше попадается бѣлокурыхъ кабиловъ въ Рифѣ, т. е. въ области прибрежья, по которой часто проходили завоеватели или переселенцы съ Пиренейского полуострова. Тиссо, когда путешествовалъ между племенами Рифа, былъ не мало удивленъ, встрѣчая такой большой процентъ туземцевъ съ чисто-европейскимъ лицомъ. Не слѣдуетъ ли видѣть въ нихъ, вмѣстѣ съ Федербомъ, потомковъ, болѣе или менѣе смѣшанныхъ, того неизвѣстнаго народа, которымъ воздвигнуты мегалитические памятники страны?

Огромное большинство мароккскіхъ берберовъ говоритъ языккомъ тамазигть, шлейхъ или шеллаха: старое народнѣе, благодаря убѣжищу, которое представляютъ племенамъ горы Атласа, гораздо лучше сохранилось въ Магребѣ-эль-Акса, чѣмъ въ остальной Берберіи, и въ горахъ Рифа еще существуютъ, какъ рассказывали французскимъ путешественникамъ Тиссо и Дюверье, древніе списки Корана, написанные берберскими буквами. Но въ Марокко, какъ и въ Алжиріи, цивилизованный языкъ—арабскій, единственный, который имѣеть письменность и на которомъ произносятся стихи Корана. Берберъ, когда учится молиться, начинаетъ съ того, что повторяетъ слово за словомъ фату, первую главу священной книги мусульманъ. Почти у всѣхъ сѣверныхъ племенъ женщины и даже дѣти понимаютъ и говорятъ по-арабски; но въ горахъ и въ оазисахъ сахарской покатости Атлантическаго океана нѣкоторые народцы, живущіе въ сторонѣ отъ торговыхъ путей, знаютъ только шеллахское народнѣе и прибѣгаютъ къ посредничеству толмачей, обыкновенно евреевъ, при сношеніяхъ съ арабами. Съ другой стороны, есть племена берберскаго происхожденія, совершенно забывши рѣчь предковъ и знающія только арабскій языкъ: таковы бени-гассены, населяющіе горы около Тетуана.

¹) De Foucauld, „Voyage au Maroc“ (на рукописи).
²) „Bulletin de la Société d’Anthropologie“, 15 juillet 1869;—„Revue d’Anthropologie“, II, 1874.

Между отдельными группами этих имазигеновъ, разъяренныхъ на такомъ обширномъ пространствѣ, говорящихъ разными нарѣчіями, представляющихъ всевозможные оттенки цвета кожи, отъ бѣлого до чернаго,—различіе типовъ, костюмовъ, правовъ очень велико. Есть берберскія племена, у которыхъ женщины еще сохранили обычай татуироваться; впрочемъ, такихъ племенъ немногіе: указываютъ, между прочимъ, на туземцевъ въ окрестностяхъ Могадора. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ женщины закрываютъ лицо чернымъ вуалемъ, когда увидятъ чужаго мужчину, или останавливаются на краю дороги, повернувшись спиной къ прохожему, но почти вездѣ онѣ ходятъ смѣло, съ открытымъ лицомъ. Обычай откармливать молодыхъ дѣвушекъ при помощи шариковъ изъ тѣста, чтобы придать имъ ту полноту, которая у марокканцевъ считается большой красотой, распространенъ у большинства городскихъ населеній и даже у очень многихъ кочевыхъ народцевъ. Костюмъ разнится почти въ каждомъ племени такъ, что туземцы издали легко узнаютъ по одеждѣ и оружію, къ какому клану принадлежать встрѣтившіеся люди. Обыкновенно весь нарядъ, у мужчинъ и у женщинъ, состоить изъ хаика, шерстяного или бумажного, который застегивается на шею. Почти у всѣхъ марокканцевъ ноги кривыя, выгнутыя наружу, благодаря привычкѣ матерей носить ребяти верхомъ на спинѣ, въ складѣ хаика ¹⁾.

За исключениемъnomадовъ, кочующихъ въ равнинахъ у основанія хребтовъ Анти-Атласа и Бани, и полуномадовъ съвера и юга, соломенные жилища которыхъ походить на пчелиные ульи и при перемѣнѣ мѣстопребыванія переносятся обитателями на собственной спинѣ ²⁾), почти всѣ имазигены живутъ въ настоящихъ домахъ, построенныхъ изъ камня; но эти дома группируются различно. Большинство селеній представляютъ собою просто кучки хатъ, обыкновенно расположенные на вершинахъ горъ, въ легко защищаемой позиціи, но безъ всякой ограды. На южной покатости Атласа деревни построены въ формѣ крѣпкихъ замковъ: это такие же ксурь, какъ укрѣпленные селенія краевыхъ горъ на границахъ пустыни, въ южной Ораніи. Наконецъ, есть независимыя племена, чувствуящеія себя достаточно сильными, чтобы не имѣть надобности группироваться въ деревни: каждая семья живетъ отдельно; жилища раскиданы въ беспорядкѣ по склонамъ горъ, какъ дома пиренейскихъ басковъ.

О чисто-берберскихъ населеніяхъ Магреба эль-Акса можно сказать, что въ цѣломъ они остались независимыми. Нѣкоторыя племена, живущія въ сосѣдствѣ городовъ равнины и

главныхъ путей сообщенія, были силой присоединены къ территории бледъ-аль-махзенъ; но число такихъ племенъ очень не велико. Отъ подвластнаго состоянія до полной автономіи существуетъ цѣлый рядъ переходныхъ степеней зависимости. Есть имазигены, которые соглашаются платить налогъ и даже сами приносятъ его, такъ что властямъ не приходится посылать къ нимъ солдатъ для реквизицій. Большинство же оброчныхъ племенъ обыкновенно ждутъ визита экзекуціонной команды и уплачиваютъ налогъ только для того, чтобы избавиться поскорѣе отъ этихъ непрошеныхъ гостей, если, впрочемъ, данное племя не приняло заранѣе рѣшенія бѣжать къ союзникамъ, представивъ сборщикамъ податей совершилъ безплодную прогулку по опустѣвшимъ селеніямъ. Бывають также случаи, что тѣ или другія племена, желая положить конецъ своимъ междуособіямъ, покоряются временно султану и просятъ дать имъ начальника, но эта попытка рѣдко имъ удастся; угнетеніе становится для нихъ болѣе невыносимымъ, чѣмъ война, и скоро они прогоняются поставленнаго надъ ними каида, чтобы вернуться къ своей дикой свободѣ. Нѣкоторыя могущественные племена, у которыхъ султанъ не посмѣлъ бы требовать дани, соглашаются однако принять назначенаго каида, нѣчто въ родѣ посланника, котораго уважаютъ, если онъ справедливъ, у котораго спрашиваютъ совѣта, если онъ сумѣеть пріобрѣсти расположеніе народа, но котораго обыкновенно только терпятъ, какъ чужаго человѣка. Иногда зависимость племени отъ султана-шерифа имѣетъ чисто духовный характеръ и выражается тѣмъ, что ежегодно марабуты этого племени являются ко двору, чтобы представить какіе-нибудь дары, за которые имъ отплачиваются соответственными подарками. Другія племена, совершенно независимыя, считаютъ себя союзниками императора и сносятся съ нимъ какъ равныя державы. Наконецъ, есть и такие народцы, которые никогда не вступаютъ ни въ какія сношенія съ султаномъ-шерифомъ: таковы ріаты (по Колльвилю, граяца) ¹⁾, обитатели горъ, господствующихъ надъ дорогой изъ Тлемсена въ Фецъ «У нихъ нѣть ни Бога, ни султана, они знаютъ одинъ только порохъ». Они не имѣютъ надъ собой ни шейха, ни какихъ-либо другихъ начальниковъ. «Всякъ самъ себѣ господинъ, было бы только ружье!»—таковъ девизъ этихъ горцевъ. Ріатскія женщины, рослые и сильные, съ открытымъ лицомъ, въ короткой, выше колѣнъ, юбкѣ спускаются въ большомъ числѣ на рынки равнины, и видъ у нихъ дотого воинственный, что если бы не отсутствіе оружія, ихъ легко бы было принять за мужчинъ ²⁾; впрочемъ, английскому пу-

¹⁾ G. Rohlfs, „Globus“, XVIII, 1875.

²⁾ Colville, „Ride in Petticoat and Slippers“.

¹⁾ Colville, „A Ride in Petticoats and Slippers“.

²⁾ De Foucauld, цитированное сочиненіе.

тешественнику Кольвилю случалось видеть и вооруженныхъ женщинъ, молодцовато носившихъ свои ружья. Другія горскія женщины сопровождаютъ мужчинъ на войну, неся съ собой горшокъ, наполненный краской: всякий бѣглецъ былъ бы тотчасъ же схваченъ ими и заклейменъ на лицѣ знаками, присвоенными трусамъ.

Подобно кабиламъ Джурджуры, мароккскіе берберы по большей части не имѣютъ иного правительства, кромѣ своей джемаа или *анфализъ*. Племена—это большія семьи, которые дробятся по произволу, смотря по мѣсту жительства и частнымъ интересамъ; группы распадаются и вновь соединяются, какъ имъ заблагорасудится; союзы заключаются, ссоры улаживаются безъ всякаго вмѣшательства высшей власти во взаимныя отношенія семействъ, родовъ или племенъ. Даже рѣдко гдѣ общины имѣютъ кануны или своды традиціонныхъ законовъ; обыкновенно у нихъ не существуетъ никакого закона, кромѣ решения собраній или мірскихъ сходовъ, принятаго единогласно главами семейства. Такова форма правленія, преобладающая у берберскихъ племенъ атлантической покатости Атласа. На сахарской отлости народцы сильнѣ сплочены, чтобы быть въ состояніи успѣшии оказывать сопротивление кочевникамъ; деревни тамъ формально соединены въ союзы или націи, и透过 their own въ уполномоченныхъ совѣщаются и условливаются между собой о мѣрахъ, направленныхъ къ общей оборонѣ. Другія племена, менѣе заботящіяся о сохраненіи своей независимости, добровольно принимаютъ вассальное положеніе и признаютъ главенство какого-нибудь шейха или болѣе могущественного племени: маленькая ежегодная дань свидѣтельствуетъ объ отношеніяхъ, связывающихъ вассаловъ съ сузеренами. Нѣкоторыя племена продаютъ свою свободу лишь на время и стараются связать своего начальника нѣкотораго рода конституціонными гарантіями. Такъ берберы Атласа выбираютъ своего шейха только на одинъ годъ. Власть начальниковъ почти всегда очень непрочная: тѣ, которые остаются на мѣстѣ, обыкновенно соединяются съ талантами управлія большое состояніе и благородное происхожденіе, но имъ рѣдко удается нейтрализировать влияніе мірскаго схода: во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ анфализъ собирается и принимаетъ окончательное рѣшеніе, въ качествѣ высшей власти.

Между такимъ множествомъ различныхъ націй союзенія были бы невозможны, если бы взаимные договоры не обеспечивали проѣздъ или проходъ путешественниковъ и провозъ товаровъ. Посредниками въ торговлѣ обыкновенно служатъ евреи; но, презираемые и ненавидимые населеніемъ, они рисковали бы жизнью при входѣ въ каждую деревню, если бы не были

защищены колективной волей данного племени или словомъ уважаемаго человѣка. Есть, однако, народы, гдѣ никакое вмѣшательство не заставило бы разрѣшить доступъ еврею: послѣдний можетъ проходить по территории этихъ берберовъ не иначе, какъ переодѣтый, и если бы его узнали, то ничтобы не спасло его отъ смерти; трупъ его бросили бы на дорогѣ, какъ тѣло нечистаго животнаго, даже не обобразивъ его, не тронувъ золота, лежащаго въ его карманахъ. На территории большинства племенъ дозволяется проходить евреямъ, такъ же какъ и другимъ чужеземцамъ, если только они прибыли въ сопровожденіи поручителя или людей его клана. *Мезрагъ* (охрана), соответствующій кабильской *авайѣ*, почти всегда продается за деньги. Путешественникъ обращается къ какому-нибудь влиятельному лицу и торгуется съ нимъ на счетъ цѣны мезрага; но съ момента уплаты условленной суммы покровитель отвѣтствуетъ за жизнь и благосостояніе своего гостя: онъ не можетъ его покинуть, пока не сдастъ въ вѣрныя руки. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мезрагъ богатаго человѣка или даже цѣлаго племени покупается на всю жизнь; тогда онъ носить название *дебиха* или «жертвоприношеніе», потому что прежде обычай требовалъ, чтобы проситель закалывалъ барана на порогѣ человѣка, къ которому онъ обращался за покровительствомъ; съ момента этого заклянія клиентъ принадлежалъ уже всей общинѣ въ совокупности, какъ членъ, имѣющій право на ея защиту. Дебиха дается подъ разными формами то однимъ племенемъ другому, то однимъ человѣкомъ деревни или союзу деревень, то общиной отдельному лицу; иное племя имѣть нѣсколько сузереновъ заразъ.

При существованіи этихъ узъ солидарности, поддерживаемыхъ мезрагомъ, торговый спошнія могли бы безпрепятственно производиться отъ одного конца Магреба до другаго, если бы между племенами не было такихъ, которыхъ, живи грабежемъ, не принимаютъ никакихъ охранныхъ грамотъ, и если бы пошлины, взимаемыя на пути въ каждой деревнѣ и постепенно нарастающая отъ таможни до таможни, не достигали, въ концѣ концовъ, огромной суммы, вдѣсятеро увеличивающей первоначальную цѣну товара. Даже въ состояніи Феца горы заняты берберскими племенемъ ге-руанъ, которое не даетъ *авайи*, но пропускаетъ путешественниковъ, подъ условіемъ, чтобы они уплатили сполна *зинту* (пошлину); вездѣ у входа въ деревню всадники и пѣхотинцы преграждаютъ путникамъ дорогу и взимаютъ налогъ съ оружіемъ въ рукахъ. На южномъ склонѣ Атласа, на окраинѣ Сахары, туземцы племени дуи-беллалъ предлагаютъ караванамъ свои услуги, въ качествѣ аскорта; но если ихъ не берутъ какъ конвоировъ, они устраиваютъ засаду, чтобы ограбить несговорчивыхъ про-

хожихъ. Когда эти прохожие—евреи или люди дальнего и слабого племени, ихъ обираютъ до послѣдней нитки и отпускаютъ голыхъ, но цѣлыхъ и невредимыхъ; когда, напротивъ, путешественники принадлежатъ къ могущественному племени, отъ котораго можно опасаться возмездія, то ихъ обыкновенно убиваютъ, дабы никто не пошелъ разсказать о совершенномъ нападеніи, такъ какъ вендетта считается священнымъ долгомъ у мароккскихъ берберовъ. Тѣмъ не менѣе, бѣднымъ людямъ рѣдко удается отмстить за себя; когда богатые или силь-

румы: такъ, женщины ихъ татуируются знакомъ креста, и при трудныхъ родахъ возносить молитвы о помоши къ «Пресвятой Дѣвѣ Маріи»¹). Въ языкѣ ихъ осталось не мало латинскихъ словъ²). Римскій календарь все еще въ употребленіи, совмѣстно съ календаремъ арабскимъ, и для обозначенія фазъ земледѣльческой жизни всегда пользуются первымъ³). Марабуты, читающіе нараспѣвъ стихи Корана, вообще принадлежать къ арабской расѣ, и влияніе ихъ различно, смотря по племенамъ. Тогда какъ въ нѣкоторыхъ племенахъ на нихъ смотрять подоз-

Арабъ-верблюдовожатый.

ые люди убиваютъ бѣдняка, они обыкновенно отдаѣваются уплатой «цѣны крови», ничтожной суммы, мнѣяющейся, смотря по мѣсту; а если они къ тому же пользуются властью и заручились сообщничествомъ всѣхъ клиентовъ и трусовъ, то не считаютъ нужнымъ платить даже этотъ ничтожный выкупъ¹).

Подобно кабиламъ Алжиріи, кебаилы и другие бербера Марокко мало знакомы съ догматами и обрядами исповѣдуемой ими вѣры. У арабовъ поморья сохранились даже нѣкоторыя обрядности, заимствованныя отъ ненавистныхъ

рительно, въ другихъ мѣстахъ они, напротивъ, считаются какъ святые, какъ непогрѣшимые геніи, и всякому приказу ихъ повинуются съ благоговѣніемъ. Нѣкоторые изъ ихъ монастырей слывутъ священными мѣстами, и преступникъ находитъ тамъ самое надежное убѣжище. тогда какъ евреи должны дѣлать длинный обходъ, чтобы не осквернить своей тѣнью землю, освященную пребываніемъ праведниковъ. Многія племена совершенно игнорируютъ обязанность хожденія въ Мекку, и на память

¹⁾ De Foncauld, цитированное сочиненіе.

²⁾ Delaporte; —Renou, цитированное сочиненіе.

³⁾ Ch. Tissot, „Exploration Scientifique de la Tunisie“.

нынѣ живущихъ людей не дали еще ни одного хаджи. Но есть и очень религиозныя племена, откуда каждый годъ отправляются пилигримы для посѣщенія каабы и гробницы Пророка: къ этимъ благочестивымъ племенамъ принадлежать, между прочимъ, бени-гассаны, обитающіе въ сосѣдствѣ Тетуана. Впрочемъ, хаджи, которыхъ обыкновенно предполагаютъ фанатиками, оказываются, напротивъ, изъ всѣхъ туземцевъ наиболѣе справедливыми и доброжелательными въ отношеніи иностранцевъ: во время своихъ долгихъ странствованій они имѣли случай познакомиться съ могуществомъ и культурой народовъ, не принадлежащихъ къ мусульманскому миру; они знаютъ, и даже иногда усваиваютъ нѣкоторые изъ ихъ обычаевъ, и когда какой-либо представитель посѣщенныхъ ими націй появляется между ними, они принимаютъ его съ почтеніемъ, часто даже съ симпатіей¹⁾). Къ хаджамъ, совершающимъ путешествіе съ религиозной цѣлью, каждый годъ прибавляется постоянно увеличивающееся число эмигрантовъ, почти исключительно берберовъ, отправляющихся на заработки въ качествѣ землекоповъ или жнецовъ въ разныя мѣстности Алжиріи и Туниса: такимъ образомъ мароккскій народъ мало-помалу знакомится съ иностранцами, и подъ влияніемъ этого знакомства постепенно измѣняется его міросозерцаніе. Отчего бы не давать ему хорошихъ примѣровъ, отчего не обращаться съ нимъ всегда справедливо и гуманно? Политическое присоединеніе Марокко къ колоніальной имперіи Европы есть одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые обсуждаются въ совѣтахъ державъ съ ревнивой страстью. Гораздо важнѣе было бы стараться о нравственномъ завоеваніи марокканцевъ, посвящая ихъ, во время ихъ ежегодныхъ посѣщеній, въ болѣе цивилизованную жизнь, чѣмъ дикий быть ихъ варварскаго общества.

Арабы, жители деревень, и мавры, жители городовъ, представляющіе продуктъ разнообразнаго смѣшанія крови берберской, арабской и европейской (оть ренегатовъ, выходцевъ изъ прилегающихъ къ Средиземному морю странъ), но всѣ говорящіе мавританскимъ нарѣчіемъ арабскаго языка, происходить отъ завоевателей, пришедшихъ съ Аравійскаго полуострова во время послѣдовательныхъ переселеній, и отъ мавровъ, изгнанныхъ изъ Испаніи. Тѣ изъ нихъ, которые живутъ среди шелаховъ и гаргиновъ, въ равнинахъ, лежащихъ къ югу отъ Атласа и Анти-Атласа, обозначаются общимъ именемъ «арабы», какъ будто они по преимуществу представители этой расы. Между этимиnomадами, кочующими вокругъ краевыхъ базисовъ Сахары, встрѣчаются самые красивыя женщины Марокко: онѣ имѣютъ

классически правильный профиль и отличаются замѣчательной бѣлизной лица и рукъ, хотя рѣдко моются, и хотя синяя одежда, которую онѣ обыкновенно носятъ, придаетъ кожѣ синеватый оттѣнокъ. Всѣхъ жителей, которые могутъ быть причислены къ арабамъ, насчитываютъ болѣе миллиона; въ городахъ они составляютъ огромное большинство населения, и за исключеніемъ мѣстностей, лежащихъ на полуденномъ склонѣ Атласа, въ сосѣдствѣ пустыни, они ведутъ осѣдлый образъ жизни: контрастъ, существующій въ Алжиріи между берберомъ-земледѣльцемъ и арабомъ-номадомъ и пастухомъ, повторяется въ Марокко лишь въ очень слабой степени.

Арабы Гарба отличаются сильно развитымъ духомъ общительности: почти въ каждой деревнѣ, даже въ дуарахъ, они собираются въ зданіи или шатре, служащемъ мечетью, и приносятъ каждый свою долю пищи для общей трапезы; но женщины остаются дома¹⁾). Замѣчательно обиліе святыхъ между семитами Марокко. Есть цѣлые племена, состоящія изъ шорфовъ, или потомковъ Магомета; другія, хотя и не претендующія на столь знаменитое родство, тоже пользуются большимъ уваженіемъ, и всѣ духовные ордена Магреба, между прочимъ, аїссака и деркауа, получили начало въ Марокко. Послѣ Аравіи эта страна считается благородѣйшимъ мѣстомъ происхожденія для истинныхъ мусульманъ; семитические завоеватели, повидимому, выиграли въ достоинствѣ своимъ прибытіемъ на берега Атлантическаго океана. Память о могуществѣ и цивилизаци, которыхъ достигли нѣкогда населенія Гарба, придала имъ особенное обаяніе въ глазахъ обитателей оазисовъ между Мавританіей и Египтомъ. Тогда какъ магометане Востока молятся за стамбульскаго калифа, магометане Запада, включая сюда и Туать, просятъ Аллаха о ниспосланіи благодати на главу мароккскаго султана, за которымъ они, впрочемъ, не признаются ни малѣйшаго политическаго права надъ ними.

Послѣ берберовъ различныхъ расъ и арабовъ, самыми сильными этническими элементами въ Марокко являются евреи, происходящіе въ большей части отъ израильянъ, прогнанныхъ изъ Испаніи католическими королями; они такъ и называются себя «герушъ Кастилья», т. е. «изгнаники изъ Кастилии», и при совершенніи брачнаго обряда раввины до сихъ поръ еще употребляютъ формулы, оканчивающіеся словами: «во всемъ согласно кастильскому обычью»²⁾). Всѣ евреи, живущіе въ приморскихъ портахъ, на сѣверѣ отъ уади Тенсифтъ, пользуются еще испанскимъ язы-

¹⁾ G. Rohlf, „Reise durch Marocco“.

²⁾ Elie de la Primaudie, „Revue Africaine“, 1872;— Léon Godard, „Le Maroc“.

комъ, какъ своей обычной рѣчью⁴⁾), іудеи Феца и Мекнеса (Мекинеца) говорять по-арабски. По словамъ большинства писателей, ев-

ственниковъ, посѣтившихъ многія мѣстности во внутреннемъ Магребѣ эль-Акса, не думаетъ, чтобы еврейское населеніе достигало трети

Танжерсіе арабы.

реевъ въ Марокко насчитывается болѣе ста тысяч; однако, Рольфсъ, одинъ изъ путеше-

ственниковъ, посѣтившихъ многія мѣстности во внутреннемъ Магребѣ эль-Акса, не думаетъ, чтобы еврейское населеніе достигало трети

⁴⁾ G. Rohlfs, „Mein erster Aufenthalt in Marokko“.

Преслѣдъ евреевъ, марокканцы въ то же время хотятъ сохранить ихъ для торговли, и ни одинъ еврей не можетъ уйти изъ страны безъ паспорта, купленного за хорошія деньги; сумма, которую пришлось бы заплатить еврейской женщинѣ, желающей покинуть свое мѣстопребываніе, такъ велика, что нужно быть почти богачемъ, чтобы пріобрѣсти право передвиженія. Самыя красивыя женщины въ Марокко, говорятъ,—евреи изъ Мекнеса, такъ что имя Мекнасіа примѣняется безразлично ко всѣмъ женщинамъ поразительной красоты¹⁾.

Негритянскій элементъ также представленъ во всѣхъ областяхъ Магреба-эль-Акса: по Рольфсу, чернокожихъ чистой расы, родомъ изъ Судана, наберется около пятидесяти тысячъ во всей странѣ, отъ Таруданта до Танжера. Черезъ скрепованія они вошли особенно въ могущественный фамиліи городовъ: такъ, нынѣ царствующій домъ отчасти негритянского происхожденія. Но въ сельскихъ мѣстностяхъ случаи смѣшаніярасъ не часты. У берберовъ сѣверной покатости Атласа они совсѣмъ не встрѣчаются. Негрское населеніе Магреба продолжаетъ пополняться покупкой новыхъ невольниковъ, приводимыхъ караванами изъ Судана. Въ Марокко ихъ пріобрѣтаютъ за деньги, но на родинѣ они были куплены въ обмѣнъ на плитки каменной соли: отсюда название *тамга-эль-мелхах*, «цѣна соли», которое часто даютъ, въ видѣ обидной клички, рабамъ и вольноотпущенными. На рынкахъ Марокко негры продаются совершенно такимъ же образомъ, какъ скотъ: продавецъ божится-клянется, что у предлагаемаго живаго товара нѣть никакихъ «пороковъ», а покупатель дѣлаетъ товару подробный осмотръ черезъ ветеринара: цѣна мѣняется отъ 20 до 500 франк., смотря по возрасту, силѣ и здоровью покупаемаго субъекта. Случается, что молодыхъ девушки туземныхъ племенъ, гонимыя нуждой, уходятъ въ города, чтобы имѣть кусокъ хлѣба, и хозяева ихъ при первомъ удобномъ случаѣ продаютъ ихъ, какъ невольницъ, за цѣну, вообще говоря, гораздо болѣе высокую, чѣмъ покупная цѣна негритянокъ²⁾.

Нѣсколько тысячъ вольныхъ иностранцевъ въ приморскихъ портахъ, нѣсколько сотень ренегатовъ, испанскихъ и французскихъ, въ Фецѣ, въ Мекнесѣ, въ Марракешѣ и въ другихъ городахъ внутреннаго Марокко, представляютъ европейскій элементъ въ Магребѣ-эль-Акса; но этотъ элементъ существуетъ также въ самой крови марокканскихъ населеній черезъ прежнія смѣшанія на Иберійскомъ полуостровѣ и въ европейскихъ владѣніяхъ поморья.

Извѣстно, что по скату водъ, часть сѣверо-

восточнаго Марокко составляетъ естественную область Алжиріи: городъ Уджа и соѣднія территории принадлежать къ бассейну Тафны. Этотъ пограничный городокъ, лежащий у подошвы холма Кудатъ эль-Хадра, въ Ангадской «равнинѣ» (переѣкаемой буграми изъ красноватой глины и продолжающейся на востокъ до французского города Лалла-Магніа), состоитъ изъ кучки домиковъ, окруженнныхъ оливковыми деревьями, но торговля его довольно значительна, благодаря сосѣдству Алжиріи. Близость границы и французскихъ военныхъ постовъ заставила мароккское правительство прочно установить свою власть въ этой части своихъ владѣній: Уджа—«султанский городъ», имѣющій гарнизонъ и чиновниковъ, зависящихъ непосредственно отъ государя. Верстахъ въ десяти отъ этого города, на берегахъ Исли, подпритока Тафны, происходила, 14 августа 1844 г., извѣстная битва, часто приводимая какъ примѣръ тѣхъ сраженій, где маленькая армія, сознавшая свою силу и значеніе совершаемыхъ ею движений, выступаетъ противъ несвязной толпы съ полной увѣренностью въ побѣдѣ. Послѣ этой битвы, отдавшей мароккское правительство во власть Франціи, заключенъ былъ Танжерскій трактатъ, по которому за султаномъ оставленъ почти весь поясъ спорной территории къ востоку отъ Молуйи.

Эта рѣка, получающая чрезъ свои верхніе восточные притоки немного воды съ оранскихъ плоскогорій, питается главнымъ образомъ горными потоками, которые спускаются съ сѣверной оконечности Атласа въ обширный циркъ, образуемый снѣговыми гребнеми Аїашини (Аячина) на юго-востокѣ, хребтомъ Антѣ-Яхіа на югѣ и джебелемъ Тамаракунть на западѣ и сѣверо-западѣ. Въ этомъ амфитеатрѣ горъ проходитъ главная дорога изъ Фецы въ Тафилельть, переваливая черезъ хребеть Тамаракунть близъ озера Сиди-Али-Мохамеда, подъ тѣнью деревьевъ: туи, зеленаго дуба, бузины; съ этихъ лѣсистыхъ высотъ она спускается къ Молуйѣ, уже широкому и быстрому ручью, и перейдя черезъ него, снова поднимается въ гору на юго-востокѣ и огибаетъ хребеть Аїашинъ горнымъ проходомъ, называемымъ Тицинтъ эръ-Ригтъ. Съ южной стороны этотъ дѣфилей оканчивается естественнымъ портомъ, которому дали название Саламъ-у-Аликумъ («привѣтству тебя»), какъ-бы желая тѣмъ выразить радостное чувство, которое испытываетъ путешественникъ при видѣ долины Зисъ, простирающейся далеко со своими оазисами и деревнями¹⁾. Сѣверный скатъ и дно цирка заняты берберскимъ племенемъ бени-мпиль, языка тамазитъ, которое пользуется полной независимостью, хотя всѣ его воины, собранные вмѣстѣ, представляютъ силу никакъ не

¹⁾ Colville, цитированное сочиненіе;—H. von Maltzan.

²⁾ Erckmann, *Le Maroc*.

¹⁾ G. Rohlfis, *Reise durch Marokko*.

болѣе полуторы тысячи человѣкъ; они владѣютъ превосходными конями, отличающимися крупнымъ ростомъ,—что большая рѣдкость у горныхъ лошадей,—и не уступающими въ красотѣ и выносливости знаменитымъ скакунамъ, воспитываемымъ въ мѣстности между Могадоромъ и Мазаганомъ. Главный ксаръ этого племени—Булагуль, лежащій на высотѣ около 1.000 метровъ, на берегу одного изъ потоковъ, образующихъ верхнюю Молуйю. При обилии текущихъ водъ и плодородіи почвы, бени-мгиль могли бы обогатиться земледѣліемъ; но они предпочитаютъ жить поборами съ проходящихъ каравановъ, отъ которыхъ они требуютъ пошлины до 8 франк. за каждое выочное животное: этимъ они запугали купцовъ, и теперь торговля между Фецомъ и Тафилельтомъ избрала кружный путь на Марракешъ, удавающимъ разстояніе. Мало измѣненное со временемъ съ арабами, племя бени-мгиль сохранило нѣкоторые обычай, не встрѣчающіеся болѣе у другихъ населеній Атласа. Такъ, молодые люди этого племени бѣгаютъ голые по аренѣ, какъ древніе греки на олимпийскихъ играхъ, и женщины награждаютъ ихъ рукоплесканіями.

Ниже въ долинѣ живетъ другой берберскій союзъ племенъ, менѣе могущественный, аитъ-у-афелла, признающій власть султана и за это получившій разрѣшеніе прижимать путешественниковъ, взимая по франку пошлины «съ головы скота и еврея», проходящихъ по его землямъ¹⁾). Ксаръ Касби-эшь-Шорфа, обитаемый, какъ показываетъ его имя, святыми, якобы потомками Пророка, лежитъ въ равнинѣ, где соединяются верхня вѣтви Молуйи: выше по течению виднѣется зеленѣющій амфитеатръ горъ, ниже—разстилается обширная бѣловатая пустыня, мѣстами каменистая и усеянная пучками альфы. Касби-эшь-Шорфа находится на границѣ двухъ языковъ: съ одной стороны, по направлению къ Атласу, говорятъ только нарѣчіемъ тамазигтъ; съ другой, по направлению къ равнинѣ, оба ідіома борются изъ-за преобладанія; далѣе, у племени улдъ-хауа, общеупотребительный діалектъ—арабскій. Костюмъ также мѣняется, и по виду туземцевъ можно подумать, что находишься въ Алжирѣ: бербера плоскогорій употребляютъ уже веревку изъ верблюжьей шерсти для подвязыванія капюшона своего хаика.

Городокъ Дебду находится не на берегу Молуйи, а въ боковомъ бассейнѣ, къ востоку отъ главной долины, на дорогѣ, направляющейся къ высокимъ плато Марокко. Мѣсто-положеніе этого города, окруженнаго садами и лугами, восхитительно. Въ непосредственномъ сосѣдствѣ вздымается, на 80 метр. вы-

соты, вертикальная стѣна, изрѣзанная трещинами, на половину прикрытыми гирляндами переплетающихся лавъ. Старая крѣпость и минаретъ господствуютъ надъ городомъ съ края утеса. Далѣе почва поднимается рядомъ террасъ съ крутыми откосами, и горизонтъ ограниченъ лѣсистымъ гребнемъ: это край плоскогорья Гада, ровная поверхность которого, оживляемая многочисленными источниками, покрыта великодѣйнымъ лѣсомъ, однимъ изъ лучшихъ въ Марокко. По описанію Фуко, городъ Дебду состоѣть изъ четырехъ домовъ, построенныхъ изъ битой глины; во многихъ домахъ нижніе покой и дворы лежать ниже уровня почвы, въ углубленіяхъ, вырытыхъ въ скалѣ. Городъ вполнѣ подчиненный султану, Дебду пунктуально платить налогъ, за которымъ каждый годъ пріѣзжаетъ кайдъ изъ Тазы; это единственное мѣсто въ Марокко, гдѣ большинство населенія юдейское. Три четверти жителей евреи, которые занимаются торговлей, преимущественно съ Алжиріей, гдѣ Тлемсенъ—ихъ главный складочный пунктъ, а также съ Фецомъ черезъ Тазу, и съ испанской Мелильей, черезъ нижнюю долину Молуйи. Въ окружающихъ горахъ пасутся стада коровъ и козъ и многочисленные табуны муловъ, порода которыхъ славится во всемъ сѣверномъ Марокко.

Къ западу отъ Дебду р. Молуйя перерѣзываетъ область горъ глубокими ущельями, затѣмъ вступаетъ въ обширную каменистую равнину Тафрата, которая почти каждый годъ принимаетъ видъ настоящей пустыни; но когда зимніе дожди были обильны, она покрывается весной зеленѣющимъ ковромъ, и тогда палатки арабовъ племени гуара разсыпаны по всему ея пространству сотнями черныхъ точекъ²⁾). Равнину Тафрата составляетъ западную оконечность длинной низменности, которая на востокѣ оканчивается Ангадской «пустыней», на границѣ Марокко и Алжиріи. Молуйя течетъ въ западной части этой низменности и принимаетъ здѣсь свой главный притокъ, уездъ За, усиливаемый уѣздомъ Шарфъ, и другими потоками, берущими начало на высокихъ плато, на югѣ мароккскаго Телля. Уездъ За всегда катить нѣкоторое количество воды, даже середи лѣта, и даетъ своей долинѣ богатый уборъ растительности. Главный рынокъ прибрежнаго населенія находится не въ самой долинѣ, а къ востоку отъ нея, въ Ангадской пустынѣ. Тамъ стоять, на горкѣ, знаменитая кубба Сиди Меллукъ, вокругъ которой сгруппированы дома арабскихъ и еврейскихъ купцовъ, ведущихъ торговлю съ Удждой и Тлемсеномъ; деревню Сиди Меллукъ обыкновенно называютъ Касба эль-Айунъ, т. е. «Замокъ Ключей», по причинѣ многочисленныхъ колодцевъ, выкопанныхъ

¹⁾ De Foucauld, цитированное сочиненіе.

²⁾ A. Colville, „A Ride in Petticoats and Slippers“

вокругъ холма. Этотъ пограничный пунктъ занятъ гарнизономъ изъ 160 солдатъ регулярнаго войска, который наблюдаетъ за полуно- зависимыми берберскими племенами, живущими въ окрестностяхъ. Самое могущественное изъ этихъ племенъ—бени-изнатенъ, или, какъ его обыкновенно называютъ его французские союзники въ Алжирѣ, бени-снассентъ; оно состоять изъ нѣсколькоихъ клановъ, которые при- нуждены были покинуть свою первоначальную территорию, въ окрестностяхъ Немура. Эти не- примиримые враги христіанъ населяютъ горы, высасывающи въ видѣ уединеннаго массива между Ангадской пустыней и нижнимъ течениемъ Молуи. Они очень богаты, благодаря обилию пре- восходныхъ пастбищъ, дающихъ кормъ ихъ стадамъ.

Въ низменной равнинѣ, по которой проте- каеть Молуя до впаденія въ Атлантическій океанъ, нѣть ни одного значительного города; ближайшая военная позиція—Заффаринскіе острова (Джаферинъ или Chaffarinas)—принад- лежитъ Испаніи. Эти острова, Tres Insulae (три острова) древнихъ географовъ,—голыя скалы, почти безъ растительности и культуры, имѣющія важность только какъ безопасное убѣжище для кораблей, а также по стратеги- ческому положенію противъ долины Молуи и недалеко отъ оранской границы. Въ первые годы завоеванія Алжиріи французы предпола- гали занять также и этотъ маленький архипе- лагъ, и въ 1849 г. рѣшились, наконецъ, привести въ исполненіе свое намѣреніе, но были предупреждены на нѣсколько часовъ испан- цами: когда они явились туда, на главномъ островѣ уже развѣвалось кастильское знамя¹⁾. Возведенныя испанцами укрѣпленія защища- ють теперь этотъ островъ противъ всякой по- пытки высадки и образуютъ какъ-бы аванпостъ крѣпости Мелиллы, лежащей верстахъ въ пяти- десяти къ западу, при основаніи гористаго полуострова, оканчивающагося высокимъ мысомъ Расъ-эдъ-Деиръ (Раседиръ), сабо Tres For- cas (мысъ Трехъ Ущелій), какъ его называютъ испанскіе моряки. Мароккскій султанъ, по всей вѣроятности, изъ желанія поскорѣше пра- вительства Франціи и Испаніи, изѣявилъ готов- ность уступить послѣдней изъ этихъ державъ Кабо-де-Агуасъ (Мысъ воды), напротивъ Заф- фаринскихъ острововъ, и пространство земли до устья Молуи.

Мелилла или Мелилла (Мила на языке ту- земцевъ) занимаетъ то самое мѣстоположеніе, где стоялъ финикийскій городъ Руссадиръ, имя котораго сохранилось до сихъ поръ въ названіи сосѣднаго мыса. Нынѣшний городъ постро- енъ на террасѣ, у подножія крутой скалы, на вершинѣ которой расположены испанскій фортъ

Розаріо, акрополь, воздвигнутый на фундамен- тахъ другихъ цитаделей, смынавшихъ одна другую въ теченіе трехъ тысячъ лѣтъ; бухта, вдающаяся въ материкъ на юго-западъ отъ крѣпости, служить убѣжищемъ для кораблей отъ опаснаго восточнаго вѣтра; бассейнъ, вы- сѣченный въ живой скалѣ для разгрузки су- довъ, можетъ-быть, устроенъ еще финикиянами, какъ бассейны въ Кареагенѣ и Утикѣ¹). Въ 1848 г. укрѣпленія Мелиллы были на полови- ну разрушены землетрясеніемъ. До недавняго времени этотъ городъ, которымъ испанцы вла- дѣютъ уже болѣе четырехъ столѣтій (съ 1496 г.), былъ не болѣе, какъ тюрьма, въ одно и то же время для ссыльно-каторжныхъ и для стра- жи, приставленной стеречь ихъ; тогда неблаго- разумно было выходить за крѣпостной валъ, далѣе, какъ на ружейный выстрѣлъ, и горцы изъ Рифа часто забавлялись стрѣльбой въ часо- выхъ, какъ въ мишень. Теперь этого уже нѣть, съ тѣхъ поръ какъ правильное паро- ходное сообщеніе, установившееся между ме- трополіей и Мелилльей, вызвало въ этомъ горо- дѣ болѣе оживленную торговую дѣятельность и позволило чаще обновлять гарнизонъ, кото- рый нерѣдко страдаетъ отъ лихорадки, порож- даемой вредными испареніями болотъ, окай- мляющихъ побережье на югѣ отъ города. Мор- ской берегъ, простирающійся къ западу отъ мыса Трехъ Ущелій, прежде пугалъ моряковъ, какъ гнѣздо грозныхъ пиратовъ, которые гра- били суда, выброшенныя волнами на подвод- ные камни, и уводили въ неволю матросовъ; но съ 1855 г. не слыхать о разбояхъ въ этихъ опасныхъ водахъ. На мысахъ Трехъ Ущелій нѣкогда воздвигали жертвенники въ честь бо- говъ, оказывающихъ помощь находящимся въ опасности мореплавателямъ. Въ открытомъ морѣ, на разстояніи 50 километр. отъ мыса, высятся остроконечная гора, укрѣпленная испанцами,—безплодный островокъ Альборанъ.

На полукругломъ берегу Рифа, между мы- сомъ Трехъ Ущелій и полуостровомъ Тетуав- скимъ, стѣдуютъ одинъ за другимъ военные по- сты Алхусемасъ и Пеньонъ-де-Велецъ, при- надлежащіе испанцамъ уже болѣе трехъ столѣ- тій. Первый изъ этихъ presidio, называемый у древнихъ арабскихъ писателей Мерса-аль-Мземма, есть не что иное, какъ островокъ, мор- ская тюрьма, гдѣ люди построили другую тюрь- му. Пеньонъ-де-Велецъ, или Велецъ-де-ла-Го- мера,—тоже островной военный постъ и острѣгъ для каторжниковъ, куда испанскіе корабли привозятъ лѣтомъ прѣсную воду для гарнизона и арестантовъ; но онъ господствуетъ надъ частью побережья, представляющей очень выгодныя условія для торговли: противъ острова на ма- терикѣ видны остатки римскаго города Бадисъ,

¹⁾ Bulletin de la Société de Géographie d'Oran", avril—juin 1884.

¹⁾ Ch. Tissot, "Recherches sur la Géographie comparée de la Mauretaine Tingitane".

считавшагося въ средніе вѣка портомъ Феса на Средиземномъ морѣ¹⁾). Его смынило теперь мѣстечко того же имени; недавно тамъ хотѣли было основать горный заводъ, но попытка эта не удалась. Это мѣсто было бы самымъ удобнымъ пунктомъ высадки для того, чтобы попасть съ берега Рифа въ долину Себу, но, къ сожалѣнію, не существуетъ никакихъ проѣзжихъ дорогъ черезъ тамошнія горы, населенныя независимыми берберскими племенами. Въ одной долинѣ этихъ горъ находятся городъ Шешаунъ, окруженный виноградниками, и въ сосѣдствѣ его первоначальный монастырь духовнаго ордена Деркауа.

Главный городъ средиземного побережья въ Мароккской имперіи—Тетуанъ, называемый маврами Титауаномъ, и берберами Теттаузномъ, что значитъ «Мѣсто источниковъ»; въ самомъ дѣлѣ, воды, бѣгущія съ крутыхъ горъ, развертывающихся на западѣ своей обширный амфи театръ, текутъ обильными ручьями въ его садахъ подъ густой листвой апельсиновыхъ деревьевъ. Внизу террасы (около 60 метр. высотой), на которой расположены Тетуанъ, протекаетъ извилистая рѣчка, направляющаяся на сѣверо востокъ и впадающая въ море въ 6 километр. отъ города; барь, черезъ который могутъ проходить только барки, защищенъ укрѣпленной таможней. Городъ, доминируемый цитаделью, окруженъ высокой оградой, съ башнями по бокамъ, и заключаетъ внутри второй кругъ стѣнъ, меллахъ, гдѣ живутъ евреи. Эти послѣдніе составляютъ около четверти городского населения и владѣютъ почти всѣми его богатствами. Ихъ кварталъ, гдѣ они пользуются нѣкоторой автономіей, отличается отъ другихъ частей города относительной чистотой, дома ихъ болѣе комфортабельны, костюмы богаче: по праздникамъ тамошнія еврейки, славящіяся красотой, щеголяютъ въ шелкахъ и золотѣ. Вообще Тетуанъ—одинъ изъ центровъ израильского міра. Евреи владѣютъ тамъ всѣми лавками на базарѣ и служатъ посредниками въ торговлѣ этого города съ сосѣдними странами черезъ Сеуту, Танжеръ и Гибралтаръ; они вывозятъ апельсины и родъ водки, *магайя*, приготовляемой изъ винограда. Промышленность Тетуана, ограничивающаяся производствомъ глиняныхъ изделий и другими, обычными въ мусульманскихъ городахъ, ремеслами, сосредоточена преимущественно въ рукахъ алжирцевъ, покинувшихъ отчество, чтобы не оставаться подъ властью французовъ. Превратности войны часто заставили Тетуанъ мѣнять своихъ властителей. Населенный въ большей части муджарами, т. е. маврами, изгнанными изъ Гранады и Кастилии, онъ долженъ быть часто вести борьбу со своими сѣверными побѣдителями. Въ начальѣ пятнадцатаго столѣтія Тетуанъ былъ

преданъ разграбленію кастильцами; сто лѣтъ спустя его пираты завладѣли моремъ и захватывали плѣнниковъ тысячами на берегахъ Андалузіи, продолжая мирно торгововать съ англичанами, голландцами и венецианцами²⁾. Въ 1564 г., король испанскій Филиппъ II велѣлъ разрушить тетуанскій портъ; наконецъ, въ 1859 г. испанцы снова овладѣли Тетуаномъ и одержали надъ мароккскимъ войскомъ рѣшительную победу, близъ этого города, на скатахъ горъ, черезъ которыхъ проходитъ дорога въ Танжеръ. Послѣ долгихъ дипломатическихъ переговоровъ, Тетуанъ былъ возвращенъ мароккскому султану. Обороты вѣнчайшей торговли Тетуана въ 1893 г. простирались до 1.528.740 франк.

Сеута принадлежитъ сѣвернымъ сосѣдямъ Мавританіи уже около пяти столѣтій. Въ 1415 г. португальцы заняли этотъ городъ, въ самый день высадки на берегъ; затѣмъ, въ 1570 г., онъ перешелъ во власть Испаніи, которая владѣеть имъ до настоящаго времени. Одна изъ осадъ, которую ему пришлось выдержать со стороны марокканцевъ, въ концѣ семнадцатаго и въ началѣ слѣдующаго вѣка, продолжалась ровно двадцать шесть лѣтъ³⁾. Хотя «вольный портъ», Сеута теперь уже не торговый центръ, какимъ она была въ магометанскую эпоху; купцы изъ внутренняго Марокко обѣгаютъ христіанскій городъ, защищенный тройной стѣной, установленной пушками и рогатками. По важности торговли, контрастъ огромный между двумя Гибралтарами, мароккскимъ и испанскимъ, которые походить другъ на друга геологическимъ строениемъ, полуостровной формой, позиціей въ видѣ часовыхъ у входа въ проливъ, и пушками, переглядывающими черезъ море. Сеута, городъ молчаливый и безъ торговли, отличается по крайней мѣрѣ красотой вида, чистотой стѣнъ, бѣлизной домовъ, съ рѣзными балконами, декорированными цветами. Надъ городомъ господствуетъ форть, доминируемый, въ свою очередь, вершинами внутреннихъ горъ, изъ которыхъ иные увенчаны укрѣплѣніями, принадлежащими также Испаніи. До сихъ поръ англичане успѣли своей дипломатіей помѣшать испанцамъ преобразовать Сеуту въ сильную крѣпость, которая могла бы бравировать Гибралтаръ. На сѣверо западѣ виднѣются «семь» скалистыхъ вершинъ, отъ которыхъ городъ и получилъ имя Сеута, если только это имя не происходитъ отъ семи выступовъ самого полуострова, или отъ ограды, образуемой вокругъ Сеуты моремъ и ретраншементами перешейка⁴⁾. Заколы и сѣти часто заграждаютъ якорную стоянку на югѣ города: тамъ среднимъ числомъ наливаливать

¹⁾ Elie de la Primaudae, „Revue Africaine“, 1872.

²⁾ R. Thomassy, „Relations de la France avec l'empire du Maroc“.

³⁾ Ch. Tissot, цитированное сочиненіе.

ежедневно по пяти тысячъ макрелей, и большая часть этой рыбы отправляется въ порты Андалузії. Тетуанъ снабжаетъ Сеуту плодами, но, по существующимъ конвенціямъ, испанцамъ не дозволяется имѣть сухопутное сообщеніе между этими двумя рынками.

На мароккскомъ берегу Геркулесова пролива, между Сеутой и Танжеромъ, нѣть болѣе городовъ. Касръ-эсъ-Сериръ, или «Малый Замокъ», названный такъ по сравненію съ Касръ-эль-Кебиръ, или «Большимъ замкомъ» во внутреннемъ Марокко, теперь не болѣе, какъ груда развалинъ, которую пески оспариваютъ у мелкой поросли. Въ средніе вѣка это была верфь, откуда мусульмане Гарба выпускали свои суда, торговыя и военные. Въ настоящее время Марокко уже не можетъ сдержать собственного флота, и посредниками въ его торговлѣ служатъ иностранные моряки. Все торговое движеніе направилось къ полуевропейскому городу, охраняющему западный входъ Гибралтарскаго пролива. Постоимъ приливамъ Танжеръ находится уже на берегу Атлантическаго океана: разность высоты воды во время прилива и отлива превышаетъ тамъ два съ половиной метра, тогда какъ въ Сеутѣ эта разность составляетъ только одинъ метръ, а въ Тетуанѣ 70 сантиметровъ¹⁾.

Танжеръ или Тангеръ (Танджа на языке туземцевъ) есть древній городъ Тингисъ, название котораго значитъ «Лагуна», по объясненію Тиссо. Онъ родился изъ земли, выѣстъ съ Автеемъ: легенда относить его основаніе ко временамъ, предшествовавшимъ исторіи. Подъ владычествомъ римлянъ Тингисъ сдѣлался столицей Мавританіи Тингитанской, соотвѣтствующей нынѣшнему сѣверному Марокко; но размѣры его въ ту эпоху, кажется, не были обширны, чѣмъ въ наши дни: онъ занималъ то же самое мѣсто и покрывалъ такое же пространство земли, какъ и нынѣ: «Старый Танжеръ», развалины котораго видны еще на юго-востокѣ, былъ арабскій городъ, существовавший въ средніе вѣка. Положеніе Танжера на берегу полукруглой бухты, представляющей, у воротъ пролива, въкоторую защиту противъ западныхъ вѣтровъ, должно было во всѣ времена обеспечивать этому пункту прибрежья большую торговую важность. Венецианцы долго были тамъ допускаемы, какъ гости; португальцы хотѣли войти туда въ качествѣ завоевателей и были неоднократно отражаемы. Наконецъ, въ 1471 г. имъ удалось овладѣть Танжеромъ, и въ теченіе слишкомъ двухсотъ лѣтъ этотъ городъ былъ потерянъ для Марокко; португальцевъ смѣнили испанцы, а испанцевъ англичане. Англія не щадила никакихъ издержекъ, чтобы укрѣпить и устроить

этотъ портъ Африки: для подобнаго завоеванія, «даже мѣдная стѣна не была бы слишкомъ дорогимъ сооруженіемъ». Однако, нападенія мавровъ, недостатокъ жизненныхъ припасовъ, трудность продовольствованія въ концовъ утомили англичанъ; они эвакуировали городъ въ 1684 г., и передъ уходомъ взорвали молы и жете, чтобы завалить гавань; двадцать лѣтъ спустя они овладѣли Гибралтаромъ, который представляетъ такія же военные выгоды, какъ и Танжеръ, и, сверхъ того, выгоду островного положенія, но который не имѣть продовольственнаго пояса. Покинутый какъ стратегическій пунктъ, мароккскій городъ тѣмъ болѣе сталъ привлекать негоціантовъ всѣхъ націй; онъ сдѣлался центромъ быстрого торгового обмѣна между Марокко и портами Европы; чужеземные министры, аккредитованные при султанѣ Магреба, имѣютъ здѣсь свою постоянную резиденцію; здѣсь же проживаетъ и сановникъ, исполняющій функции министра иностраннѣхъ дѣлъ, чтобы удобнѣе было сноситься съ Европой. Такимъ образомъ Танжеръ является какъ-бы второй столицей государства, и, въ виду такого его значенія французы, чтобы нанести ударъ имперіи въ одномъ изъ жизненныхъ пунктовъ, бомбардировали этотъ городъ въ 1844 году, а испанцы угрожали ему тѣмъ же въ 1860 г. Впрочемъ, Танжеръ начинаетъ принимать европейскій видъ, который ему придаютъ его новые дома европейской архитектуры, дебаркадеръ, фабрики и заводы, собственные органы периодической печати, дальнобойная орудія береговыхъ батарей,сосѣдній маякъ и виллы, разсѣянныя на окрестныхъ холмахъ. Кавалькады молодыхъ щеголей разѣзжаются взадъ и впередъ по дорогѣ, идущей вдоль берега, между Танжеромъ и мысомъ Снартель.

По красотѣ своего вида Танжеръ представляеть вѣкоторое сходство съ Алжиромъ. Онъ также расположено амфитеатромъ на холмѣ, увѣнчанномъ зубчатыми стѣнами касбы; минареты, пальмы поднимаются тамъ и симъ надъ массой бѣлыхъ домовъ. На улицахъ постоянное движеніе между гаванью и воротами верхняго города, куда погонщики приводятъ своихъ навьюченныхъ верблюдовъ, своихъ стада барановъ и коровъ. Хотя портъ все еще мелокъ, на половину засыпанный обломками оружений, взорванныхъ англичанами, и хотя большія суда принуждены оставаться въ открытомъ морѣ, тѣмъ не менѣе Танжеръ ведеть значительную торговлю, преимущественно съ Гибралтаромъ, снабжая его гарнизонъ мясомъ, овощами и плодами.

Движеніе судоходства въ Танжерскомъ портѣ въ 1895 г.: въ приходѣ—598 пароходовъ въ 565.882 тонны и 146 парусныхъ судовъ въ 5.674 тонны, всего 744 судна, общая вмѣстимость 571.556 тоннъ.

¹⁾ Vincendon-Dumoulin et de Kerhallet, „Manuel de la Navigation“.

Цѣнность оборотовъ виѣшней торговли въ 1895 г.:

Привозъ — 9.348.725 франк., вывозъ — 4.435.375 франк.

Евреи, черезъ руки которыхъ идетъ почти вся торговля, отправляютъ за границу также шерсть и кожи, какъ сырья, такъ и выдѣланыя, а корабли Франціи и Англіи привозятъ въ обмѣнъ разный желѣзный товаръ, бумажныя ткани, чай, сахаръ, свѣчи. Къ нѣсколькимъ сотнямъ иностранцевъ, ежегодно пріѣзжающихъ въ этотъ мароккскій городъ по дѣламъ, слѣдуетъ прибавить посѣтителей, путешествующихъ ради собственного удовольствія, и лицъ, привлекаемыхъ сюда заботами о своемъ здоровье: мало найдется городовъ, даже на побережїи Средиземного моря, которые бы представляли больше выгодъ, чѣмъ Танжеръ, по мягкости воздуха и вообще всей совокупности климатическихъ условій. Кромѣ того, Танжеръ имѣетъ за собой историческія воспоминанія и великолѣпіе горизонтовъ. Съ дачъ и вилль, ютащихся подъ тѣнью Джебель-Кебира, видны вдали, на берегахъ Испаніи, бѣлые точки Тарифы и слышна пушка Гибралтара. Внизу сливаются два моря; часто короткія, разорванныя волнами Средиземного моря сталкиваются и переплетаются съ длинными складками могучихъ атлантическихъ валовъ.

На океанскомъ прибрежїи Марокко путешесвенникъ, идущій по плоскому берегу ревущаго моря, переходя въ бродъ устья ручьевъ и рѣчекъ, достигаетъ первого мѣстечка въ 40 километрахъ къ югу отъ мыса Снартель: тутъ стоялъ нѣкогда римскій городъ Зилисъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи арабскимъ, подъ тѣмъ же, немного измѣненнымъ именемъ — Азила (Арзила, Арзеила); теперь это не болѣе, какъ кучка бѣдныхъ домишекъ, гдѣ еще видны, какъ и во всѣхъ городахъ мароккскаго берега, остатки португальскихъ построекъ. Въ 30 километрахъ далѣе на берегу появляется первый торговый, приморскій городъ, эль-Арайшъ или Лараши (т. е. «Бесѣдка изъ виноградныхъ лозъ»). Административный центръ провинціи Гарбъ, или «Западъ», эль-Арайшъ существовалъ уже въ началѣ девятаго столѣтія¹⁾, но долгое время оставался на степени простой деревни. При португальскомъ господствѣ, затѣмъ подъ властью Испаніи, онъ сдѣлался значительнымъ портомъ, самымъ дѣятельнымъ на этомъ берегу, и къ той эпохѣ относятся сохранившіяся донынѣ городскія стѣны, площадь, окруженная арками, и даже мечеть, бывшая церковь, построенная въ іезуитскомъ стилѣ²⁾. Обратное завоеваніе этой крѣпости султаномъ Мулай-Измаиломъ, въ 1769 г.,

составляетъ одно изъ славныхъ событій мароккской исторіи: гарнизонъ, въ числѣ 3.200 человѣкъ, былъ частію истребленъ, частію обращенъ въ рабство, продолжавшееся около двухъ лѣтъ, и 180 пушекъ достались въ руки мусульманъ. Съ этого времени эль-Арайшъ, городъ махзенъ, всѣ жители котораго обязаны отправлять воинскую повинность на службу султана, успѣшио отражалъ всѣ морскія демонстраціи: французовъ въ 1785 г., австрійцевъ въ 1829 г., испанцевъ въ 1860 г. Остатки потопленныхъ канонерокъ гниютъ теперь въ водахъ рѣки.

Расположенный на южномъ берегу уѣза эль-Хусъ или Луккосъ, у самаго устья рѣки, городъ обращенъ къ морю западной стороной. Входъ въ гавань загражденъ баромъ, который могутъ переходить только небольшія суда, поднимающія отъ 150 до 200 тоннъ груза; несмотря на то, эль-Арайшъ довольно часто посѣщается, особенно марсельскими судами и португальскими рыболовными барками: главные предметы вывоза — шерсть, бобы и канареечникъ, злакъ, крахмаль котораго употребляется для придания лоска и твердости бумажнымъ тканямъ. Эти продукты провинціи Гарбъ оплачиваются преимущественно сахаромъ. Движеніе судоходства въ портѣ эль-Арайшъ въ 1890 г.: въ приходѣ — 346 судовъ, общей вмѣстимости — 56.869 тоннъ; цѣнность оборотовъ виѣшней торговли — около 6 миллионовъ фр. Сосѣднія воды, недавно изобиловавшія рыбой, были почти совершенно выпустошены паровыми рыболовными судами, которыя ходили вереницей, таша за собой громадную сѣть, захватывавшую всѣ живыя существа въ промежуточномъ пространствѣ¹⁾. Мѣстные рыбаки должны были искать себѣ другихъ промысловъ; теперь они эксплуатируютъ окрестныя салины, культивируютъ апельсинные рощи, собираютъ кору съ пробковаго дуба въ лѣсахъ, окаймляющихъ морской берегъ между городами эль-Арайшъ и Азила.

Ливійскій городъ, затѣмъ финикійскій и римскій, которому наслѣдовалъ эль-Арайшъ, не совсѣмъ исчезъ. Въ 4 километрахъ къ востоку отъ нынѣшняго города, на горѣ, поросшей мелкимъ кустарникомъ и господствующей надъ двумя извилинами рѣки, видны еще остатки финикійскихъ стѣнъ, построенныхъ изъ огромныхъ камней, какъ стѣны Арада, и продолжаемыхъ римскими стѣнами, меньшихъ размѣровъ: это валы Ликса или Ликсуса, извѣстнаго нынѣ у арабовъ подъ именемъ Чеммишъ. У подошвы холма, въ аллювіальныхъ земляхъ бухты, замѣтны слѣды порта, гдѣ могли имѣть пристанище нѣсколько кораблей. Но ни одинъ изъ болотистыхъ полуострововъ, образуемыхъ излучинами рѣки Луккосъ, очевидно, не могъ

¹⁾ Gerhard Rohlfs, „Mein erster Aufenthalt in Marokko“.

²⁾ Teodoro de Cuevas, „Boletin de la Sociedad Geographica de Madrid“, 1894.

¹⁾ T. de Cuevas, цитированное сочиненіе.

быть «Гесперидскими садами», о которыхъ упоминаютъ древніе писатели. Тиссо¹⁾ думаетъ, что эти сады находились на островкѣ, теперь соединенномъ съ твердой землей, вслѣдствіе поворота русла рѣки: за послѣднія двѣ тысячи лѣтъ форма устья, повидимому, совершенно измѣнилась. Менгиры и другіе мегалиты, встрѣчающіеся на дорогѣ изъ Танжера въ Касръ-эль-Кебиръ²⁾, восходятъ, можетъ-быть, къ еще болѣе отдаленной эпохѣ. Въ одномъ берберскомъ племени, въ окрестностяхъ города эль-Арайшъ, ежегодно бываетъ ярмарка невѣстъ. Кандидатки на бракъ сидятъ въ рядъ, съ открытыми лицами, одѣтые въ свои лучшіе наряды. Приличія требуютъ, чтобы претенденты показывали видъ, будто они торгуютъ только kostюмы продающихихся особъ—молодыхъ девушекъ или вдовъ: они щупаютъ матерію, внимательно разсматриваютъ ея ткань, изучаютъ цвета, и если одежда имъ нравится, начинаютъ скованиваться на счетъ цѣны; но подразумѣвается, что продавщица сама принесеть свое одѣяніе въ домъ покупателя, въ качествѣ законной супруги. Условленная цѣна за ея платя составляетъ сумму ея приданаго³⁾.

Славный городъ Касръ-эль-Кебиръ, или «Большой Замокъ», произведенія котораго вывозятся черезъ эль-Арайшъ, лежить, какъ и этотъ послѣдній, на берегахъ Луккоса, въ болотистой, часто затопляемой мѣстности; онъ окруженъ виноградниками, оливковыми и апельсинными рощами; на сосѣднихъ высотахъ пасутся многочисленныя стада барановъ и крупнаго рогатаго скота. Городъ, не имѣющій никакой ограды, несмотря на его название, построено изъ кирпича и покоятся на фундаментахъ, сложенныхъ болѣею частью изъ античныхъ материаловъ; Тиссо нашелъ тамъ греческія надписи, единственная, какія были до сихъ поръ открыты въ Марокко. Дома въ Касръ-эль-Кебирѣ не бѣленные, какъ въ большинствѣ другихъ мароккскихъ городовъ, отчего этотъ городъ имѣть грязную, непривлекательную физіономію; но издали пальмы, поднимающія свои кроны надъ моремъ, стаи аистовъ, кружащихихся около минаретовъ, придаютъ ему живописный видъ. Битва, известная подъ именемъ Альказарь-кебирской, которая положила конецъ владычеству португальцевъ въ Марокко, въ 1578 г., происходила, повидимому, не подъ городомъ, носящимъ это название: двѣ враждебныя арміи, какъ кажется, встрѣтились въ 10 километрѣ къ юго-востоку отъ эль-Арайша, на берегахъ уезда эль-Махзенъ, притока р. Луккоса⁴⁾.

¹⁾ „Géographie comparée de la Mauretanie Tingitane“.

²⁾ Tissot, цитированное сочиненіе;—Décugis, „Bulletin de la Société de Géographie“, № 9—сентябрь 1878.

³⁾ Drummond Hay, „Western Barbary“.

⁴⁾ Renou, „Description géographique de l'empire de Maroc“.

Къ югу отъ эль-Арайша и устья Луккоса, побережье Марокко, представляющее лишь незначительные изгибы, тянется на пространствѣ около 150 километр. безъ всякихъ перерывовъ, до того мѣста, где впадаетъ другая рѣка, уездъ Себу. Плоскій берегъ, напоминающій французскія ланды, окаймленъ дюнами, узкими песчаными платинами, удерживающими лагуны. Только нѣсколько выступовъ прерываютъ монотонную линію берега: на одномъ изъ этихъ выступовъ стоитъ кубба Булай-Бу-Селама, или «Отца мира», одна изъ наиболѣе посещаемыхъ богомольцами святынь мароккскаго запада. На югѣ отъ этого мыса находится большая лагуна, сообщающаяся съ моремъ. Дюны покрыты лѣсами пробковаго дуба и мастиковаго дерева, образующими пояса зелени вдоль морскаго берега, на югѣ и сѣверѣ отъ устья Себу¹⁾.

Въ области верхняго Себу центральный рѣнокъ—городъ Таза, лежащий на высотѣ 830 метровъ, недалеко отъ порога, который раздѣляетъ горы Рифа и систему Атласа, приводя такимъ образомъ въ сообщеніе бассейнъ Себу и западный Марокко съ покатостью Молуїн и Алжиріей. Изъ всѣхъ мароккскихъ городовъ Таза занимаетъ наиболѣе важную стратегическую позицію: современемъ она, безъ сомнѣнія, сдѣлается одной изъ главныхъ станціймагистральнаго желѣзного пути Магреба между Тунисомъ и Феодомъ. Этотъ городъ, обладающій имѣть такую огромную цѣну, принадлежитъ официально султану, который держитъ тамъ небольшой гарнизонъ; но султанскіе солдаты, запертые въ двойной оградѣ Тазы, оказываются въ дѣйствительности зрестанами: племя ріата, занимающее горы на сѣверной и южной сторонахъ города, является истиннымъ хозяиномъ всей этой мѣстности. Никто не смѣть выходить за городскую стѣну иначе, какъ въ сопровожденіи горца этого племени; всякий, кто, не имѣя охраннаго лица, отважился бы отойти отъ городского вала на разстояніе брошенаго камня, рисковалъ бы быть ограбленнымъ, избитымъ, можетъ-быть, убитымъ. Жителямъ запрещено даже ходить съ кувшинами за водой къ ручью, протекающему у самыхъ стѣнъ: тѣ же горцы ріата присвоили себѣ монополію снабженія города водой и всѣми съѣстными припасами. Такимъ образомъ городское населеніе находится совершенно во власти этого горскаго племени, которое держитъ его въ осадѣ. Когда Фуко проѣзжалъ черезъ этотъ городъ, въ 1883 г., все населеніе, измученное гнетомъ, подъ которымъ оно томится, и не надѣясь болѣе на помощь отъ султана, высказывало путешественнику, что оно ждетъ не дождется того «радостнаго дня, когда придуть французы». Однако, городъ вѣ-

¹⁾ G. Rohlfs, „Reise durch Marokko“.

считавшагося въ средніе вѣка портомъ Феда на Средиземномъ морѣ¹⁾). Его смѣнило теперь мѣстечко того же имени; недавно тамъ хотѣли было основать горный заводъ, но попытка эта не удалась. Это мѣсто было бы самымъ удобнымъ пунктомъ высадки для того, чтобы попасть съ берега Рифа въ долину Себу, во, къ сожалѣнію, не существуетъ никакихъ проѣзжихъ дорогъ черезъ тамошнія горы, населенныя независимыми берберскими племенами. Въ одной долинѣ этихъ горъ находятся городъ Шешаузъ, окруженный виноградниками, и въ сосѣдствѣ его первоначальный монастырь духовнаго ордена Деркауа.

Главный городъ средиземнаго побережья въ Мароккской имперіи—Тетуанъ, называемый маврами Титауаномъ, и берберами Теттаузномъ, что значитъ «Мѣсто источниковъ»; въ самомъ дѣлѣ, воды, бѣгущія съ крутыхъ горъ, развертывающихся на западѣ свой обширный амфитеатръ, текутъ обильными ручьями въ его садахъ подъ густой листвой апельсиновыхъ деревьевъ. Внизу террасы (около 60 метр. высотой), на которой расположенъ Тетуанъ, протекаетъ извилистая рѣчка, направляющаяся на сѣверо-востокъ и впадающая въ море въ 6 километр. отъ города; бары, черезъ который могутъ проходить только барки, защищены укрѣпленной таможней. Городъ, доминируемый цитаделью, окруженъ высокой оградой, съ башнями по бокамъ, и заключаетъ внутри второй кругъ стѣнъ, меллахъ, где живутъ евреи. Эти послѣдніе составляютъ около четверти городского населения и владѣютъ почти всѣми его богатствами. Ихъ кварталь, где они пользуются нѣкоторой автономіей, отличается отъ другихъ частей города относительной чистотой, дома ихъ болѣе комфортабельны, костюмы богаче: по праздникамъ тамошнія еврейки, славящіяся красотой, щеголяютъ въ шелкахъ и золотѣ. Вообще Тетуанъ—одинъ изъ центровъ израильского міра. Евреи владѣютъ тамъ всѣми лавками на базарѣ и служатъ посредниками въ торговлѣ этого города съ сосѣдними странами черезъ Сеуту, Танжеръ и Гибралтаръ; они вывозятъ апельсины и родъ водки, *манайя*, приготовляемой изъ винограда. Промышленность Тетуана, ограничивающаяся производствомъ глиняныхъ издѣлій и другими, обычными въ мусульманскихъ городахъ, ремеслами, сосредоточена преимущественно въ рукахъ алжирцевъ, покинувшихъ отчество, чтобы не оставаться подъ властью французовъ. Превратности войны часто заставляли Тетуанъ мѣнять своихъ властителей. Населенный въ большей части мудежарами, т. е. маврами, изгнанными изъ Гранады и Кастилии, онъ долженъ былъ часто вести борьбу со своими сѣверными побѣдителями. Въ началѣ пятнадцатаго столѣтія Тетуанъ былъ

преданъ разграбленію кастильцами; сто лѣть спустя его пираты завладѣли моремъ и захватывали плѣнниковъ тысячами на берегахъ Андалузіи, продолжая мирно торговатъ съ англичанами, голландцами и венецианцами¹⁾. Въ 1564 г., король испанскій Филиппъ II велѣлъ разрушить тетуанскій портъ; наконецъ, въ 1859 г. испанцы снова овладѣли Тетуаномъ и одержали надъ мароккскимъ войскомъ рѣшильную побѣду, близъ этого города, на скатахъ горъ, черезъ которыхъ проходитъ дорога въ Танжеръ. Послѣ долгихъ дипломатическихъ переговоровъ, Тетуанъ былъ возвращенъ мароккскому султану. Обороты виѣннай торговли Тетуана въ 1893 г. простирались до 1.528.740 франк.

Сеута принадлежитъ сѣвернымъ сосѣдямъ Мавританіи уже около пяти столѣтій. Въ 1415 г. португальцы заняли этотъ городъ, въ самый день высадки на берегъ; затѣмъ, въ 1570 г., онъ перешелъ во власть Испаніи, которая владѣетъ имъ до настоящаго времени. Одна изъ осадъ, которую ему пришлось выдержать со стороны марокканцевъ, въ концѣ семнадцатаго и въ началѣ слѣдующаго вѣка, продолжалась ровно двадцать-шесть лѣтъ²⁾). Хотя «вольный портъ», Сеута теперь уже не торговый центръ, какимъ она была въ магометанскую эпоху; купцы изъ внутренняго Марокко обѣгаютъ христіанскій городъ, защищенный тройной стѣной, уставленной пушками и рогатками. По важности торговли, контрастъ огромный между двумя Гибралтарами, мароккскимъ и испанскимъ, которые походить другъ на друга геологическимъ строеніемъ, полуостровной формой, позиціей въ видѣ часовыхъ ухода въ проливъ, и пушками, переглядывающимися черезъ море. Сеута, городъ молчаливый и безъ торговли, отличается по крайней мѣрѣ красотой вида, чистотой стѣнъ, бѣлизной домовъ, съ рѣзными балконами, декорированными цветами. Надъ городомъ господствуетъ фортъ, доминируемый, въ свою очередь, вершинами внутреннихъ горъ, изъ которыхъ иные увенчаны укрѣплѣніями, принадлежащими также Испаніи. До сихъ поръ англичане успѣли своей дипломатіей помѣшать испанцамъ преобразовать Сеуту въ сильную крѣпость, которая могла бы бравировать Гибралтаръ. На сѣверо-западѣ виднѣются «семь» скалистыхъ вершинъ, отъ которыхъ городъ и получилъ имя Сеута, если только это имя не происходитъ отъ семи выступовъ самого полуострова, или отъ ограды, образуемой вокругъ Сеуты моремъ и ретраншементами перешейка³⁾). Заколы и сѣти часто заграждаютъ якорную стоянку на югѣ города: тамъ среднимъ числомъ налавливаютъ

¹⁾ Elie de la Primaude, „Revue Africaine“, 1872.

²⁾ R. Thomassy, „Relations de la France avec l'empire du Maroc“.

³⁾ Ch. Tissot, цитированное сочиненіе.

находится въ состояніи упадка, хотя онъ получилъ многочисленный контингентъ иммигрантовъ, именно «андалузскихъ мавровъ», изгнанныхъ изъ Испаніи: эти переселенцы нѣкогда были настолько могущественны, что составляли влиятельную партию, господствовавшую въ цѣлой половинѣ города. Какъ торговый центръ, Феъ все еще имѣеть первостепенную важность, на-ряду съ Танжеромъ, Марокко, Рбатомъ и Тлемсеномъ. Его промышленность, раздѣленная между нѣсколькими корпораціями, свято соблюдающими традиціи ремесла и ревниво охраняющими свои привилегіи, отличается нѣкоторой оригинальностью въ ткацкихъ и вышивальныхъ работахъ, въ выдѣлкѣ кожъ, въ гончарномъ производствѣ, въ приготовлениіи эмальированныхъ сосудовъ, оружія съ золотой или серебряной насѣчкой. Со всѣхъ концовъ Марокко сюда приходятъ покупать нарядную одежду, желтую для магометанъ, черную для евреевъ, красную для женщинъ. Недавно возникла новая отрасль промышленности, которую какъ-то странно встрѣтить въ «святомъ» градѣ: это приготовлениѣ водки изъ плодовъ, финиковъ, винныхъ ягодъ, лѣсныхъ яблокъ. На сѣверѣ отъ Феца, по другую сторону долины Себу, разрабатываются обширныя соляные копи; въ краѣ добывается также желѣзная руда для фабрикаціи земледѣльческихъ орудій. Окружающая мѣстность, откуда вытѣкаютъ сѣрные ключи, вдвое священна—по цѣлебной силѣ своихъ минеральныхъ водъ, и по куббамъ, стоящимъ на холмахъ.

Къ югу отъ Феца притоки верхняго Себу орошаютъ сады городковъ и деревень, снабжающихъ столицу овощами, фруктами и другими продуктами. Изъ всѣхъ этихъ городовъ, самый живописный и цѣнущій—Сефру, лежащий на границѣ земли Айтъ-Юсси, первого берберского племени, которое, съ этой стороны, принадлежитъ къ народцамъ Шеллаха. Съ высоты холмовъ сады Сефру представляются въ видѣ безконечнаго лѣса, и городъ совершенно исчезаетъ подъ тѣнью деревьевъ. Между многими городами сѣвернаго Марокко, утопающими въ зелени богатыхъ плодовыхъ садовъ, нѣть ни одного, который могъ бы сравниться съ прелестнымъ Сефру, благоухающимъ запахомъ фруктовъ. Въ то время, какъ даже въ столицѣ повсюду видишь только стѣды упадка, Сефру пріятно поражаетъ своимъ цѣнущимъ состояніемъ; онъ вывозить въ Феъ огромныя количества плодовъ: маслинъ, лимоновъ, вишень, винограда, и производить очень хорошія вина, продаваемыя по самой дешевой цѣнѣ; горы Сефру доставляютъ столицѣ отличный строевой лѣсъ—смолистыя бревна беллуты, душистаго хвойнаго дерева, похожаго на листвицу¹⁾.

¹⁾ De Fons auld, цитированное сочиненіе.

Мекнесь или Микнаса, по-испански Мекинецъ, описывается путешественниками какъ «мароккскій Версаль». Оттого и дорога, соединяющая его съ Феомъ, содержитъ лучше, чѣмъ всѣ другіе пути сообщенія въ имперіи; на этой дорогѣ повсюду устроены мости черезъ глубокіе овраги, вырытыя притоками Себу въ конгломератовомъ плато, кое-гдѣ прикрыты плитами известняка. Пространство безъ деревьевъ, раздѣляющее два города, имѣло бы почти на всемъ своемъ протяженіи видъ пустыни, если бы не встрѣчались черезъ извѣстные промежутки эти тѣнистыя и цѣнущія долины, гдѣ воды льются каскадами²⁾). Мекнесь, лежащий километрахъ въ шестидесяти къ западу отъ Феца, находится также въ бассейнѣ Себу чрезъ притоки уезда Рдемъ, впадающаго въ главную рѣку въ нижней части ея теченія. Онъ занимаетъ очень значительное пространство, ограниченное каменной оградой, лучше сохранившейся, чѣмъ ограда Феца, и, подобно другимъ городамъ Марокко, заключаетъ въ себѣ укрѣпленную касбу и еврейскій меллахъ (кварталъ), окруженный стѣнами. Укрѣпленія и валы Мекнеса возведены руками христіанскихъ пѣнниковъ; рассказываютъ, что когда кто-нибудь изъ этихъ несчастныхъ падалъ въ изнеможеніи отъ непосильной работы, его сейчасъ же доканчивали и замуровывали его трупъ въ каменной кладкѣ³⁾. Улицы широкія и во многихъ мѣстахъ раздѣлены садами, «лучшими въ свѣтѣ»⁴⁾, которые снабжаютъ Феъ плодами и овощами, какъ сады Сефру. Зданія этого мароккскаго Версalia имѣютъ больше архитектурного блеска, въ сравненіи съ зданіями столицы и резиденціи. Главный порталъ императорскаго замка съ его мраморными колоннами, подковообразными сводами, надписями изъ орнаментальныхъ буквъ, отличается очень красивымъ стилемъ, но уже значительно попорченъ, и нижняя его часть аляповато размалевана. Мраморные колонны, привезенные нѣкогда изъ Генуи или Ливорно, валяются на землѣ, покрыты пылью; мечеть Мулай-Измаила, «Сент-Дени» мароккскіхъ императоровъ, представляеть изъ себя полуразвалину. Обширный паркъ, имѣющій, говорятъ, около 2 километровъ въ окружности, заключаетъ въ себѣ изящные дворцы и кіоски, конскій заводъ, гдѣ держать слишкомъ тысячу отборныхъ кобылицъ; подъ дворцомъ простирается цѣлый городъ подземныхъ галлерей, которыхъ недавно служили силосами для храненія зерна. Въ 1878 г., когда въ Марокко свирѣпствовалъ страшный голодъ, отъ котораго жители выпились сотнями тысячъ, сultанъ, побѣжденный

¹⁾ O. Lenz, цитированное сочиненіе.

²⁾ F. Warten, „Fortnightly Review“, авг. 1884 г.; Drummond Hay, etc.

³⁾ De Amicis, „Marocco“.

льбами народа, долженъ бытъ открыть свои движениа. На съверъ, между долиной р. Рдемъ и долиной р. Себу, высятся горы Заргунъ, на одной изъ террасъ которыхъ стоять городъ того же имени, бывшій нѣкогда однимъ изъ фокусовъ умственной культуры въ Берберіи; склоны усыпаны многочисленными се-

Улица въ Фецъ.

стами негровъ невольниковъ, которымъ не ждено никогда снова увидѣть дневной ѿтъ».

Мекнесь окружено масличными рощами, и съсѣднихъ холмахъ виднѣются безчисленные хуторки, бѣлые точки, разсѣянныя въ земли; эта мѣстность есть земледѣльческий центръ государства, и степень ея благосостояния обуславливаетъ годовые обороты торговаго

леніями, какъ говорятъ, очень богатыми, и въ которыхъ иные дома, будто бы, такъ же пышны, какъ лучшіе дома столицы. Населеніе Заргунна, арабскаго происхожденія, очень фанатично и часто посѣщается эмиссарами ордена сенусія. Впрочемъ, Мекнесь и вся окрестная мѣстность пугаютъ иностранцевъ, ренегатовъ и евреевъ, по причинѣ религиозной ревности тамошнихъ жителей. Орденъ аиссауа или «іезуи-

*

товъ»—таково значеніе этого имени—возникъ въ Мекнесѣ; члены его ежегодно посыпаютъ массами зауйю, которою они владѣютъ въ этомъ городѣ, и обязаны совершать туда торжественный шелеринажъ каждыя семь лѣтъ; тогда меллахъ запирается, и ни одинъ еврей не смѣеть выходить за черту своего квартала; аиссаяа дѣлаются полными хозяевами города въ теченіе двѣнадцати дней, и въ это время никто другой не можетъ показаться на улицахъ, рядомъ съ ними. Оттого большинство жителей Мекнеса вступили, по крайней мѣрѣ для формы, въ число хуановъ¹⁾.

Кубба Мулай-Эдрисъ, на сѣверѣ оть Мекнеса, есть самое священное, наиболѣе чтимое мѣсто во всей Мароккской имперіи: до сихъ поръ ни одинъ иностранный путешественникъ, ни даже Рольфъ, который, однако, исповѣдавъ магометанскую вѣру, не отважился побывать въ святомъ мѣстечкѣ, которое занимаетъ одно дикое ущелье Заргана, подлѣ святой зауйи. Въ большиѣ праздники вѣрующіе, мужчины и женщины, въ припадкѣ религіознаго экстаза, вооружаются ножами и топорами и дѣлаютъ себѣ порѣзы на тѣлѣ и на лице; иные бросаются на встрѣтившихся животныхъ, собакъ, козъ, барановъ, и разрываютъ ихъ зубами; случалось, говорятъ, что и люди были также пожираемы живьемъ. Но если европейскіе или еврейскіе посѣтители не осмѣливаются проникать въ мѣстечко Мулай-Эдрисъ, то они давно уже побывали на развалинахъ Касръ-Фараунъ («Замокъ Фараона»), стоящихъ на возвышенности, въ 2 километрахъ къ сѣверо-западу отъ Мулай-Эдриса: уже въ 1721 году видѣлъ эти остатки старины и срисовалъ ихъ. Имя Уалили, носимое сосѣднимъ мѣстечкомъ, и древнія надписи, найденные въ этомъ мѣстѣ, доказываютъ, что замокъ Фараона есть не что иное, какъ *Volubilis* римлянъ. Эти руины, служившія каменоломней строителямъ Мекинеца, сохранили только два памятника своей былой славы—тріумфальную арку и порталъ базилики. По словамъ Джаксона мраморы изъ этого города были частію увезены въ прошломъ столѣтіи, вѣкоторые даже въ оазисъ Тафилельть, черезъ Атласъ. Другая римская станція, Токолозида, находилась въ сосѣдствѣ Волубилиса.

Уэцканъ, святой городъ, лежащий на сѣверномъ скатѣ долины Себу, почти на полдорогѣ между рѣкой и Касръ-эль-Кебиромъ, не закрытъ европейцамъ, какъ Мулай-Эдрисъ. Онъ занимаетъ прекрасное мѣстоположеніе въ плодородной котловинѣ, у подошвы одного изъ отроговъ цѣни Зарзаръ, двуглавой горы Бу-Хеллиль, задерживающей удушливые вѣтры юга и сгущающей въ дождь водяные пары,

приносимые морскимъ воздухомъ; скаты горы поросли оливковымъ деревомъ, а въ верхней части—пробковымъ дубомъ. Основанный въ концѣ девятаго вѣка прямымъ потомкомъ пророка Магомета, Мулай-Тайѣбомъ, Уэцканъ населенъ исключительно шорфами, которые пользуются большимъ уваженіемъ во всемъ мусульманскомъ мірѣ, но которые въ самомъ городѣ не болѣе, какъ покорные слуги «Господина», шерифа по преимуществу, превосходящаго святостью самого султана. Происхожденіе сдѣло этого шерифа почти обожаемымъ; богатства возвели его почти на степень Бога; на всемъ пространствѣ Марокко и почти въ каждомъ селеніи мкаддемы ордена тайбія собираютъ для него налоги натурой и деньгами. Съ своей стороны, онъ щедро раздаетъ собранная подаянія; часто сотни, иногда тысячи пилигримовъ, пришедшихъ поцѣловать полу его ханка, продовольствуются на его счетъ: житницы его всегда открыты. Императоръ признается истиннымъ государемъ только по полученіи имъ изъявленія преданности отъ уэцканскаго святаго. Уголовные преступники могутъ избѣгнуть преслѣдованія, укрываясь подъ защиту шерифа: весь городъ есть *дардемана*, т. е. «мѣсто убѣжища», и солдаты не смѣютъ схватить человѣка, поставившаго себя подъ охрану могилы основателя Уэцдана, хотя бы даже этотъ человѣкъ былъ преслѣдуемъ личнымъ гнѣвомъ султана; однако, зауйя становится тюрьмой для бѣглецовъ: удаляющійся изъ нея находится вѣнѣ закона. Мечеть при гробнице потомка пророка заключаетъ въ себѣ, между прочими богатствами, большое собрание (около тысячи) арабскихъ рукописей²⁾. Недавнія события нѣсколько уменьшили духовный авторитетъ уэцканскаго шерифа: ему ставятъ въ вину его стражу изъ испанскихъ ренегатовъ, его дружбу съ европейцами, его бракъ съ христіанкой, его дворецъ въ итальянскомъ стилѣ, его костюмъ, похожій на одежду ненавистныхъ «румі». Въ 1876 г. онъ просилъ, но безуспешно, о дарованіи ему званія французского гражданина²⁾.

Бассейнъ Себу, самый многолюдный и богатый въ Марокко, не имѣть при своемъ выходѣ къ морю значительного торговаго города, который служилъ бы вывознымъ пунктомъ для его произведеній: стражемъ устья является простая деревня, Мехдія, древняя Мамора, построенная на холмѣ высотой около 150 метр., надъ лѣвымъ берегомъ рѣки; кое-какіе остатки укрѣплений напоминаютъ о попыткахъ португальцевъ и испанцевъ, направленныхъ къ завоеванію Марокко. Левъ Африканецъ присутствовалъ при кровавомъ зрулиппѣ, когда магометанская армія, въ 1515 году, напала

¹⁾ H. von Maltzan, „Drei Jahre Reisen in Nordwesten von Afrika“.

²⁾ G. Rohlfs, „Revue Africaine“ № 39, mai 1883.

²⁾ L. Rinn, „Marabouts et Khouan“.

врасплох на шести или семи-тысячный португальский гарнизонъ и перебила бѣльшую его часть. Сто лѣтъ спустя, испанцы были счастливи, но въ 1681 г. и они, въ свою очередь, должны были очистить форть при устьѣ. Съ той эпохи не существуетъ никакого укрѣпленія, защищающаго входъ въ рѣку, который, впрочемъ, почти совершенно загражденъ песчанымъ баромъ. Вся торговля страны сосредоточилась въ двухъ городахъ-близнецахъ, построенныхъ километрахъ въ тридцати къ юго-западу отъ Себу, при устьѣ Бу-Реграга. Большой Маморскій лѣсь, состоящій почти сплошь изъ пробковаго дуба, раздѣляетъ эти двѣ рѣки; въ прогалинахъ его встречаются тамъ и сямъ становища туземцевъ племени шеллаха. По словамъ Друммонда Гэ¹⁾, въ этомъ лѣсу еще недавно водились многочисленныя стада дикихъ быковъ, такъ что въ то время проходить черезъ лѣсъ было далеко не безопасно.

Эти два противолежащихъ города—Сла (Сала, Сале) и Рбатъ, первый на правомъ, второй на лѣвомъ берегу Бу-Реграга. Сла, въ которомъ улицы, площади и стѣны ограды сохранили кое-какіе слѣды португальской архитектуры, не имѣть за собой древности происхожденія, хотя и носить имя финикійского города Сала (т. е. «Скала»), который стоялъ на противоположномъ берегу и былъ смѣненъ римской колоніей Хелла. Далеко уступающій, по степени важности, своему южному сосѣду, Сла представляетъ собою мѣръ прошлаго, въ сравненіи съ Рбатомъ, который имѣть уже почти европейскую физіономію. Мѣстное населеніе происходитъ по большей части отъ андалузскихъ мавровъ, изгнанныхъ изъ Испаніи, и сохранило еще традиціонную ненависть къ христіанамъ; впрочемъ, моряки этого города, составлявшіе нѣкогда маленьку воинственную республику, были тѣ грозные пираты, которые бравировали всю Европу; многія драгоцѣнныя вещи, встрѣчающіяся въ Сла, между прочимъ, китайскіе фарфоры, попали сюда въ числѣ добычи, привезенной нѣкогда лихими корсарами²⁾. До недавняго времени ни одному путешественнику не-магометану не позволили бы переночевать на правомъ берегу Бу-Реграга, да и днемъ христіане и евреи благоразумно воздерживались отъ посѣщенія фанатического города; впрочемъ, въ 1880 г. присутствіе тамъ Ленца было терпимо. Безъ маклеровъ и купцовъ еврейскихъ, Сла лишился всякой торговли, на половину опустѣлъ, и теперь пустыри, покрытые развалинами, занимаютъ добрую половину города: три четверти населенія сгруппировалось въ Рбатѣ, городѣ торговли и промышленности; тамъ же поселилась вся еврейская колонія, тамъ же живутъ

и европейскіе иммигранты, въ домахъ, фасады которыхъ походятъ на фасады зданій въ приморскихъ городахъ Европы. Одинъ прекрасный памятникъ зодчества господствуетъ надъ другими зданіями Рбата: это башня минарета, напоминающая формой, высотой и орнаментацией стиль севильской Хиральды; арабы говорятъ, что эти двѣ башни и Кутубія въ Марокко были построены въ одну и ту же эпоху и даже подъ руководствомъ одного и того же архитектора христіанскими невольниками¹⁾. Промышленность Рбата довольно дѣятельна: въ домахъ женщины, наслѣдницы древнихъ красильщиковъ пурпуромъ, прославившихъ имя Хеллы, занимаются тканьемъ шерстяныхъ ковровъ, очень прочныхъ, но цвѣта которыхъ, худо фиксируемые пыльными способами, легко линяютъ. Рбатъ вывозить также въ остальныя мѣстности Марокко камышевые цыновки разнообразныхъ узоровъ, ханики, башмаки. Но торговля съ Европой, стѣсняемая опасностью плававія черезъ мелководный баръ, на которомъ постоянно бурлятъ разбивающіяся волны Атлантики, незначительна, въ сравненіи съ важностью этого двойного города и басейновъ, у выхода которыхъ онъ расположенъ. Заграницная торговля Сла-Рбата въ 1883 году, по Вашингтону Серруису, выразилась слѣдующими цифрами: движеніе судоходства—69 судовъ, съ общей вмѣстимостью—21.584 тонны; цѣнность торгового обмѣна: 2.220.450 фр. Часто суда подолгу стоять въ рейдѣ, не будучи въ состояніи высадить своихъ пассажировъ и выгрузить товары, или проходить мимо, чтобы бросить якорь передъ Казабланкой. Важное значеніе Сла-Рбата между городами Марокко всего болѣе обусловливается его положеніемъ на перешейкѣ, черезъ который поддерживается сообщеніе между различными частями имперіи, разрѣзанной на двѣ половины обширной территоріей, где кочуютъ независимыя племена. Часто городъ находился какъ бы въ осадѣ, отрѣзанный этими берберами отъ остальной страны: они-то, по всей вѣроятности, разрушили водопроводъ, питавшій прежде Рбатъ, теперь вода, часто очень рѣдкая, доставляется арабами, которые развозятъ ее въ кожаныхъ мѣшкахъ изъ улицы въ улицу. Касба солидно укрѣплена какъ съ сухаго пути противъ кочевниковъ, такъ и со стороны моря противъ европейскихъ флотовъ: слишкомъ столько-десѧть орудій защищаютъ крѣпость и городъ²⁾. Въ этой цитадели хранится, какъ реликвія, «Святой ключъ отъ Кордовы», и во время послѣдней войны съ Испаніей онъ былъ выставленъ публично въ теченіе нѣсколькихъ дней. Марокканцы надѣялись снова отпереть ворота потерянного города.

¹⁾ Western Barbary, Savage Beasts und wild Tribes.

²⁾ Paléologue, „Revue des Deux Mondes“, 15 avril 1885.

¹⁾ O. Lenz, цитированное сочиненіе.

²⁾ Erckman, „Le Maroc moderne“.

Недавно нація бенни-гессемъ (бени-гассанъ), близайшая къ Сла-Рбату, должна была признать державную власть султана и допустить разделение своей территории на шестнадцать участковъ, начальники которыхъ отвѣтствуютъ за сохраненіе порядка въ кланахъ; но живущіе восточнѣе земмуры и зайаны совершенно независимы, и если когда присоединяются къ султану, то не какъ его подданные, а въ качествѣ союзниковъ. Эти двѣ берберскія націи занимаютъ, вмѣстѣ съ нѣсколькоими менѣе важными племенами, все пространство, простирающееся отъ прибрежья до Атласа и отъ Мекнеса до долины рѣки Умъ-эръ-Рбіа. Эта область, протяженіемъ не менѣе 40.000 кв. километр., доступна марокканцамъ изъ территоріи бледъ-эль-махзенъ не иначе, какъ съ охраннымъ листомъ. Земмуры и зайаны имѣютъ много сходства между собой. Тѣ и другіе отличаются большой простотой костюма, который часто состоитъ изъ одного бурнуса, накинутаго на голое тѣло, и, подобно евреямъ, носятъ коротко остриженные волосы, съ однимъ или двумя пейсами. Земмуры, обитающіе на землѣ баснословно плодородной, занимаются немногого земледѣліемъ; зайаны, самая сильная нація на всемъ приморскомъ скатѣ Атласа, могущая, говорить, выставить въ поле до 18.000 наездниковъ, живутъ почти исключительно скотоводствомъ: ни одно племя не сравнится съ ними по богатству въ стадахъ барановъ, козъ, верблюдовъ, коровъ, изъ которыхъ послѣднія замѣчательны высотой роста. Агенты изъ Мекніеца постоянно разѣзжаются по зайанской территоріи для закупки кожъ и живаго скота; Танжеръ тоже продовольствуется частію мясомъ, которое даютъ гурты, пригоняемые изъ этой мѣстности. Разсказываютъ про одно племя этихъ берберовъ, живущее въ сосѣдствѣ Рбата, что оно отличается удивительной ловкостью по части кражи: искусство воровать составляетъ одинъ изъ обязательныхъ предметовъ при обученіи дѣтей. Молодые люди не допускаются въ число взрослыхъ, пока не докажутъ на дѣлѣ достаточного усвоенія этой науки. Высланные изъ родительского шатра, они могутъ вернуться туда не иначе, какъ гоня пѣдь себѣ какую-нибудь скотину; кто дастъ себѣ поймать на кражѣ, на того ложится пятно вѣчнаго позора¹⁾.

Между устьями рѣкъ Себу и Умъ-эръ-Рбіа, нѣсколько группъ домовъ слѣдуютъ одна за другой вдоль морскаго берега. Самое большое изъ этихъ поселеній получило довольно важное значеніе съ половины текущаго столѣтія: это мѣстечко Даръ-аль-Беїда, или «Бѣлый Домъ», болѣе извѣстное подъ испанской формой его имени—Казабланка; оно основано португаль-

цами въ шестнадцатомъ столѣтіи, на мѣстѣ средневѣковаго города Анфа. Своимъ прѣступающимъ состояніемъ Даръ-аль-Беїда обязана своему рейду, хотя мало защищенному отъ вѣтровъ и волненія, но довольно глубокому, чтобы принимать большия корабли: всѣ суда, которая не могутъ пройти черезъ баръ въ устьяхъ рѣкъ, идутъ выгружаться въ Казабланку. Движеніе судоходства и торговли въ этомъ портѣ въ 1883 г., по свѣдѣніямъ, собраннымъ Вашингтономъ Серруисомъ, представляло слѣдующія цифры: судовъ въ приходѣ и расходѣ 125, вмѣстимость 68.159 тоннъ; сумма оборотовъ: 6.682.450 франк. Даже Рбатъ отправляетъ чрезъ эту пристань свои шерстяныя издѣлія, ковры и произведенія окружающихъ мѣстностей; кукуруза, шерсть, турецкіе бобы составляютъ главные предметы вывоза; Казабланка посыпаетъ также черезъ Гибралтаръ тысячи бабушъ въ Александрію²⁾. Этотъ городъ-морскаго побережья, гдѣ существуетъ маленькая европейская колонія, состоящая преимущественно изъ французовъ, принялъ уже фінансомъ европейскаго приморскаго мѣстечка, но воздухъ въ немъ очень нездоровъ, и нѣть города, который имѣлъ бы такой печальный видъ, какъ Казабланка, по причинѣ совершенного отсутствія растительности: ни одного большаго дерева не видно на обрывахъ и плато изъ краснаго песчаника, возвышающихся съ той и другой стороны надъ плоскимъ берегомъ; только кое-гдѣ показываются кучки смоковницъ и мастиковыхъ деревьевъ; попытки насажденія апельсиновыхъ и декоративныхъ деревьевъ не удались²⁾.

Весь верхній бассейнъ рѣки Умъ-эръ-Рбіа, на сѣверныхъ скатахъ Большаго Атласа, отправляетъ свои земледѣльческія произведенія—плоды, хлѣбъ, кожи, черезъ портъ Казабланки. Хотя легко доступная войскамъ, расположеннымъ въ городѣ Марокко, эта область, однако, занята почти исключительно независимыми берберскими племенами: племя бени-мессинъ, къ сѣверу отъ рѣки, единственное, которое принадлежитъ къ покорнымъ (бледъ-эль-махзенъ). Иногда султанъ, въ сопровожденіи зиячительной арміи, предпринимаетъ экспедиціи въ этотъ край, но жители, слишкомъ разбросанные, чтобы воспротивиться массой проходу войскъ, разѣгаются направо и налево въ горы, затѣмъ возвращаются, когда потокъ людей отхлынетъ. Завоевательная стремленія султана становятся понятными, когда увидишь эти великолѣпныя равнинны, по которымъ протекаетъ рѣка Умъ-эръ-Рбіа, эти тѣнистыя долины, откуда вытекаютъ многочисленные ручьи, изъ которыхъ она образуется, эти горные склоны, покрытые маслинами и орѣшинами, лѣса

¹⁾ Beaumier, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“.

²⁾ A. Leard, „Marocco and the Moors“.

²⁾ Ball and Hooker, „Journal of a Tour in Marocco“.

которыхъ постепенно поднимаются къ гребенямъ Атласа. Многія сотни тысячъ людей, земледѣльцевъ и пастуховъ, населяютъ эту плодоносную страну; табуны лошадей, верблюдовъ, стада барановъ привольно разгуливаютъ по обширнымъ пастбищамъ; на выступахъ горъ виднѣются многочисленныя зданія въ формѣ замковъ, *тиррематины*, служащіе магазинами для храненія хлѣба и другихъ земледѣльческихъ продуктовъ. Городовъ въ собственномъ смыслѣ почти совсѣмъ нѣть въ этой области, но деревни образовались тамъ и сямъ, либо вокругъ

приходить, кланъ за кланомъ, получить благословеніе сида и преподнести ему свои дары. Святой и его близкіе, почти всѣ смѣшанной крови, живутъ налогами, которые охотно вносятъ вѣрующіе: въ этой области нельзя путешествовать иначе, какъ подъ покровительствомъ Бенъ-Дауда, «сына Давидова», владельца Бу-эль-Джада. Въ концѣ восьмаго столѣтія, по свидѣтельству Эль-Эдризи, вся эта страна, гдѣ нынѣ господствуетъ самый пылкій фанатизмъ, была населена христіанами и евреями ¹⁾), и тамъ видны еще развалины церк-

Мулла Тайебъ, уеццанскій шерифъ.

монастырей (зауїя), либо у подножія крѣпкихъ замковъ, защищающихъ входъ въ ущелья или переправу черезъ рѣки, либо, наконецъ, въ равнинахъ, служащихъ сборнымъ мѣстомъ для рынковъ. Почти всѣ эти селенія окружены лѣсами фруктовыхъ деревьевъ.

Междудиими мѣстечками самое знаменитое, хотя число его жителей не достигаетъ даже двухъ тысячъ, есть Бу-эль-Джадъ, гдѣ царствуетъ самодержавно *сида*, или духовный «господинъ», власть котораго признается всѣми окрестными племенами слишкомъ на два дня ходьбы вокругъ, націей тадла на югѣ и на востокѣ, націей айтъ-сері на западѣ, націей шаўя на сѣверо-западѣ: каждый годъ эти народы

ви, носящей латинскую надпись ²⁾: Земля Тадла, простирающаяся на юго-востокѣ, занята девятью кочевыми племенами, силой около двадцати тысячъ наездниковъ, имѣеть нѣчто въ родѣ общей столицы: это касба Этъ-Тадла, построенная на р. Умъ-эръ-Рбіа, которая въ этомъ мѣстѣ извивается въ обширной равнинѣ; у подножія крѣпости, одной изъ сильнейшихъ въ Марокко, черезъ рѣку, имѣющую около 40 метровъ въ ширину, перекинуть мостъ о двухъ аркахъ, «величайший въ свѣтѣ», говорить мѣстные жители. Въ окрестностяхъ, на

¹⁾ H. Barth, „Küsten des Mittelmeers“.

²⁾ Arth. Leared, „Marocco and the Moors“.

территорії Бени-Мусса, находятся ломки каменной соли, которая далеко развозится племенами Тадлы. На юго-востокѣ, въ землѣ Бени-Меллаль, другая крѣпость, касба Бени-Меллаль или Бель-Кушь, служить ядромъ болѣе значительному городу, окруженному великолѣпными садами, которые оканчиваются у подошвы стѣнъ изъ скалъ, откуда льются обильные источники чистой воды. Демната, на одномъ изъ южныхъ притоковъ Умъ-эръ-Рбіа,— тоже хороший городокъ, утопающей въ зелени садовъ и виноградниковъ; недавно онъ пользовался большимъ благосостояніемъ, какъ торговый пунктъ, но онъ находится всего въ какой-нибудь сотнѣ километровъ отъ Марракеша, и это близкое сосѣдство было ему фатально. Султанъ имѣлъ возможность установить тамъ свою власть и взимать налоги: чтобы избѣжать высокихъ пошлинъ, которыми теперь обложены всѣ товары, вступающіе въ городъ, караваны направляются къ другимъ рынкамъ. Треть населенія Демната состоѣтъ изъ евреевъ, которые живутъ въ перемежку съ мусульманами: до послѣдняго времени это былъ одинъ изъ тѣхъ уголковъ Марокко (другой городъ Сефру), где имъ всего лучше жилось¹⁾; но недавно они подверглись насилию, которымъ подали поводъ къ вмѣшательству европейской дипломатіи.

Собравъ въ своемъ руслѣ всѣ воды, спускающіяся съ Атласа, Умъ-эръ-Рбіа течетъ къ сѣверо-западу, между территоріей берберскихъ племенъ шауїа на сѣверѣ и землей племенъ дуккала, въ большей части арабскихъ, на югѣ. Старинный городъ «Маслинъ», Аземмуръ или Азаморъ, охраняющій рѣчное устье на лѣвомъ берегу, часто обозначается какъ развалина, потому что европейцы рѣдко его посѣщаются. Изъ всѣхъ городовъ поморья Аземмуръ наиболѣе сохранилъ чисто-мароккскій видъ; его торговля рыбой и промышленность приводятъ его въ сношенія только съ внутренними городами²⁾: никогда христіанинъ не получалъ разрѣшенія переночевать тамъ. Ни одинъ корабль не пытается переходить черезъ опасный баръ, запирающій, противъ Аземмура, входъ въ рѣку. Единственная якорная стоянка, представляющаяся судамъ въ сосѣдствѣ устья р. Умъ-эръ-Рбіа, находится въ семи километрахъ къ юго-западу: это портъ Мазаганъ, называемый туземцами Эль-Джедидъ или Эль-Бриджа, т. е. «Новый» или «Крѣпостца». Этотъ городъ, хотя онъ менѣе Аземмура, имѣть болѣе важное значеніе для европейцевъ и особенно для жителей Канарскихъ острововъ, которыхъ онъ снабжаетъ хлѣбомъ, фасолью и другими произведеніями полей племени дуккала, слабо орошаемыхъ и, однако, отличающихся необы-

чайнымъ плодородіемъ. Движеніе судоходства и торговли въ Мазаганскомъ портѣ въ 1883 г., по свѣдѣніямъ Вашингтона Серруиса: 116 судовъ, вмѣстим. 56.236 тоннъ; цѣнность обмѣна: 4.557.200 франк. Теперь почта всѣхъ націй Запада имѣютъ въ этомъ портѣ консуловъ и купцовъ. Руины памятниковъ, воздвигнутыхъ португальцами на Аземмурскомъ утесѣ, имѣютъ еще величественный видъ. Мореходы изъ Лиссабона въ пятнадцатомъ вѣкѣ сняли въ аренду рыбную ловлю въ рѣкѣ Умъ-эръ-Рбіа; они владѣли Аземмуромъ слишкомъ два съ половиною столѣтія, до 1770 г., и вся территорія была имъ подвластна до самыхъ воротъ Марракеша¹⁾. Даже, если вѣрить туземцамъ, «Португальскіе» замки стояли на первыхъ предгорьяхъ Атласа²⁾. Къ юго-востоку отъ Мазагана, между этимъ городомъ и мысомъ Кантинъ, двѣ бреши берега открываютъ входъ въ лагуну Уалидія, бывшій портъ Эль-Гаитъ. По мнѣнію Тиссо, легко было бы реставрировать эту гавань и сдѣлать его лучшей якорной стоянкой на томъ берегу. Мысъ Кантинъ, въ древности называвшійся мысомъ Солнца, есть, какъ и во времена Скилакса, одно изъ самыхъ святыхъ мѣстъ Африки: цѣлое населеніе мусульманскихъ теологовъ живеть тамъ въ многочисленныхъ зауяхъ³⁾.

На югѣ отъ мыса Солнца или Кантинъ, другой городъ, Асфи, называемый иностранцами Саффи, ведеть непосредственно торговлю съ Европой: это ближайшій къ городу Марокко портъ; однако, онъ менѣе посѣщается судами, чѣмъ Могадоръ, по причинѣ буруновъ, которые тамъ еще болѣе опасны, нежели въ остальныхъ пунктахъ побережья: большинство кораблей проходитъ мимо, не пытаясь вступать въ сообщеніе съ берегомъ посредствомъ барки черезъ рядъ параллельныхъ волнъ, разбивающихся при входѣ въ портъ. Изъ Асфи вывозятъ хлѣбъ въ зернѣ и лошадей, приводимыхъ дуккаласами и другими туземцами изъ сосѣднихъ мѣстностей. Движеніе судоходства и торговли въ портѣ Асфи въ 1883 г., по Вашингтону Серруису: 60 судовъ, вмѣстим. 34.095 тоннъ; цѣнность оборотовъ: 2.181.275 франк. Благодаря своимъ португальскимъ стѣнамъ, своему горделивому замку, башни которого высоко поднимаются надъ массой домовъ, группирующихся на скатахъ горы, Асфи—самый живописный изъ всѣхъ городовъ поморья⁴⁾; сады его отличаются баснословнымъ плодородіемъ. «Домъ Семи Братьевъ», за городомъ, замѣчателенъ какъ святое мѣсто, одинаково чтимое маврами и евреями, куда стекается масса больныхъ всякой религіи. Не менѣе славится другая святыня, также привлекающая

¹⁾ E. Peili-sier, „Mémoires historiques sur l'Algérie“.

²⁾ Ball and Hooker, цитированное сочинение.

³⁾ Ch. Tissot, цитированное сочинение.

⁴⁾ H. von Maillan, цитированное сочинение.

¹⁾ De Foucauld, цитированное сочинение.

²⁾ G. Rehlf, „Mein erster Aufenthalt in Marokko“.

пилигримовъ—Лалла Гобуша, или «Маслина Божией Матери», дерево съ исполненнымъ стволомъ и громадными вѣтвями, не имѣющее себѣ равнаго во всемъ Марокко.

Вторая столица империи, Марокко, или вѣрнѣе Марракешъ, по-берберски Темракешъ, есть единственный городъ въ долинѣ уѣза Тенсифтъ, впадающаго въ Атлантический океанъ между Асфи и Могадоромъ; но это значительный городъ, и снаружи онъ представляетъ величественный видъ: пилигримы называютъ его «Дамаскомъ Запада». Когда подѣзжаешь съ сѣвера или сѣверо-востока, берегомъ рѣки Тенсифтъ, протекающей въ нѣсколькохъ километрахъ отъ города, дорога лежитъ черезъ обширный лѣсъ, состоящій изъ нѣсколькохъ сотъ тысячъ пальмъ, къ которымъ примѣшиваются тамъ и сямъ маслины и другія плодовые деревья. Когда, напротивъ, приближаешься къ Марокко по могадорской дорогѣ, встречаются лишь изрѣдка массивы зелени, прерывающіе тамъ и сямъ разнообразіе голой каменистой равнины, но зато городъ является тѣмъ болѣе величественнымъ, съ его стѣнами и башнями, высокимъ минаретомъ главной мечети и длинной зубчатой цѣпью Атласа, которая ограничиваетъ горизонтъ, синяя у основанія, лазурная, съ бѣлыми полосами,—около вершинъ. Расположенный на высотѣ 500 метровъ, верстахъ въ пятидесяти отъ предгорій Атласа, Марракешъ получаетъ воду въ изобилии; безчисленные ручьи протекаютъ черезъ сады, въ каждомъ домѣ есть свой источникъ живой воды. Климатъ, почти всегда ровный и умѣряемый сосѣдствомъ горъ, одинъ изъ самыхъ пріятныхъ въ свѣтѣ: онъ, такъ сказать, отражается въ растительности, гдѣ деревья умѣренного пояса перемѣшаны съ деревьями тропическихъ странъ.

Марракешъ - эль - Гамра, или «Красный», основанъ во второй половинѣ одиннадцатаго вѣка, въ сорока километрахъ къ сѣверу отъ существовавшаго въ то время города Ахматъ или Арматъ, жители котораго переселились въ новый городъ. Эта столица быстро росла: уже въ слѣдующемъ столѣтіи она была одной изъ «циницъ» Магреба. Нынѣ развѣнчанная, она уступаетъ численностью населенія, развитіемъ промышленности и торговли Фецу, своему сѣверному сопернику. Однако, она все еще считается императорской резиденціей, и султанъ каждый годъ пріѣзжаетъ туда на иѣкоторое время; приближеніе его вызываетъ присыпкой человѣческихъ головъ, предназначенныхъ украшать фасадъ дворца, въ видѣ предостереженія злоумышленникамъ, которые вадумали бы затѣять бунтъ ²⁾). Впрочемъ, ему не разъ приходилось являться въ Марракешъ въ каче-

ствѣ разгнѣваннаго повелителя. Въ шестидесятыхъ годахъ, рахменна, одно изъ могущественныхъ берберскихъ племенъ, возмутилось и захватило всю мѣстность вокругъ городскихъ стѣнъ: надо было вытѣснить его съ помощью пушекъ, преслѣдовать въ горы и взять приступомъ одну изъ его крѣпостей, заулю Бенъ-Саси ¹⁾, лежащую къ востоку отъ города, на другой сторонѣ уѣза Тенсифтъ. Берберское населеніе изъ окрестностей довольно сильно представлено внутри городскихъ стѣнъ, и въ базарные дни, четвергъ и пятницу, гораздо больше слышится нарѣчіе тамазигтъ, чѣмъ арабскій языкъ. Негры тоже многочисленны въ Марракешѣ, сравнительно съ общимъ числомъ жителей гораздо болѣе многочисленны, чѣмъ въ сѣверной столицѣ. Евреи, защищаемые теперь всемирнымъ израильскимъ союзомъ (*Alliance israélite*), заперты, какъ почти во всѣхъ другихъ городахъ Марокко, въ стѣнахъ отдаленного квартала (меллаха), общей тюрьмы, изъ которой они могутъ выходить не иначе, какъ босоногіе, съ опущенными глазами.

Столь грандиозный снаружи, Марракешъ представляетъ внутри видъ города въ упадкѣ. Его ограда, имѣющая около двѣнадцати километровъ въ окружности, не считая стѣнъ императорскаго парка, на южной сторонѣ города, прерывается широкими брешами; улицы, сходящіеся къ семи городскимъ воротамъ, во многихъ мѣстахъ обставлена болѣе развалинами, чѣмъ домами; обширные пустыри, покрытые грудами обломковъ, сады въ культурѣ или залежи, занимаютъ болѣе половины пространства, обнимаемаго городскими стѣнами. Улицы, довольно широкія въ сосѣдствѣ воротъ, постепенно съуживаются къ центру города, образуя лабиринтъ тѣсныхъ проходовъ, заваленныхъ всякимъ соромъ: выдѣлыватели пороха, собирающіе селитру на сырыхъ стѣнахъ, обязаны также мести улицы; но они обыкновенно забываютъ исполнять эту часть своего контракта. Большинство домовъ крайне невзрачны, а памятники всѣ въ развалинахъ; единственное красивое зданіе — это мечеть Кутубія или вѣрнѣе Куцубія, т. е. «Каллиграфовъ», названная такъ отъ писцовъ, которые держатъ свои лавочки рядомъ съ святымъ мѣстомъ ²⁾). Высокая башня этой мечети, современница башни Гассана въ Рбатѣ и Хиральды въ Севильѣ, повидимому, построена тѣмъ же зодчимъ: это самая высокая, самая красивая изъ этихъ трехъ замѣчательнѣйшихъ башенъ мавританскаго стиля; на ея зубчатой платформѣ кіоскъ, украшенный рѣзьбой, вздымаєтъ свой куполь, увѣнчанный тремя позолоченными шарами, на высоту слишкомъ 82 ме-

¹⁾ Arthur Leared, „Marocco and the Moors“.

²⁾ Oscar Lenz, „Timbuctu“.

¹⁾ G. Rohfis, „Mein erster Aufenthalt in Marokko“.

²⁾ H. von Maltzan, „Drei Jahre im Nordwesten von Afrika“.

тровъ¹⁾). Двое городскихъ воротъ Марракеша, тѣ, которые открываются на дворецъ, и другія, ведущія въ мечеть, были, говорятьъ, перевезены по частямъ изъ Испаніи.

Промышленность города сильно сократилась: цѣлые улицы, въкогда населенные кожевниками, теперь опустѣли; пользовавшись такой славой сафьянами (по-французски «марокины», *mangoquins*—отъ Марокко), которые приготавляли мавры, изгнанные изъ Кордовы, не выдѣлываются болѣе въ Марракешѣ; лучшая кожа выдѣлывается теперь въ Фецѣ, хотя южная столица все еще имѣть важное значеніе для торговли кожанымъ товаромъ съ южной покатостью Атласа. Марракешскіе ковры отличаются тщательной работой, но цѣняются гораздо ниже, чѣмъ рбатскіе. Главный промыселъ жителей—садоводство: одинъ изъ садовъ, заключенныхъ въ оградѣ императорскаго парка, приноситъ, говорятъ, плодовъ ежегодно на полмилліона франк. Поясь садовъ, служащихъ для питания города, тянется на десятки верстъ со стороны горъ. Деревни садоводовъ разсѣяны въ большомъ числѣ вокругъ городскихъ валовъ. Одна изъ этихъ отдаленныхъ группъ жилищъ, на сѣверо-западѣ отъ города, населена исключительно прокаженными, которые составляютъ самоуправляющуюся общину, маленькую республику, имѣющую свой рынокъ, свою тюрьму, свой еврейскій кварталъ и мечеть въ честь своего святаго патрона. На югѣ у выхода одной изъ очаровательныхъ долинъ, поднимающихся къ Большому Атласу, видны кое-какіе слѣды города Агмата, бывшаго столицей царства ламтуновъ, болѣе извѣстныхъ подъ именемъ мрабитивъ: это были альморавиды, или «марабуты». Въ сосѣствѣ сохранились развалины другаго города того же имени²⁾). Къ востоку отъ Марракеша одна высокая долина занята могущественнымъ союзомъ племенъ тиффа, зенагскаго корня³⁾.

Главный портъ Марракеша—нынѣ третій по важности во всемъ Магреѣ эль-Акса, слѣдя непосредственно за Танжеромъ и Казабланкой. Это городъ Суайра, или «Прекрасный», болѣе извѣстный европейцамъ подъ именемъ Могадора, происходящимъ отъ куббы въ честь святаго Могдана или Могдула, которая находится въ 2 километрѣ къ югу отъ города. Торговая гавань издавна существовала въ этомъ мѣстѣ, какъ показываетъ одна испанская карта 1608 г.; но нынѣшній городъ основанъ немногимъ болѣе ста лѣтъ тому назадъ, съ 1760 по 1773 годъ, и говорятъ⁴⁾, что невольники, употребляемые на работы при постройкѣ

его, были въ большей части французскіе пѣвцы, захваченные во время несчастной зль-арайшской экспедиціи 1765 г. Построенный по правильному плану, Могадоръ имѣть самый монотонный видъ: всѣ дома представляютъ собою совершенно правильные кубы, окрашенные въ сѣрий цвѣтъ. По крайней мѣрѣ улицы содержатся въ чистотѣ; въ этомъ отношеніи мароккскій городъ превосходитъ многие города Европы⁵⁾). Могадоръ построенъ на окончности песчаной стрѣлки или косы, вытянувшейся къ югу и отдѣленной каналомъ отъ укрѣпленного островка, который защищаетъ якорную стоянку, впрочемъ, неглубокую и угрожающую зыбию океана; часто случалось, что корабли должны были поспѣшно уходить въ открытое море. Пушки, заклепанные во время бомбардированія, въ 1844 г., когда Марокко было въ войнѣ съ Франціей, еще не поправлены до сихъ поръ, и бомбы, пущенные французской эскадрой, лежать неподѣранными у подножія крѣпостныхъ стѣнъ⁶⁾). Важность торговли Могадора зависитъ отъ того, что этотъ городъ служить морской пристанью не только для Марракеша, но и для всѣхъ южныхъ областей Атласа: произведенія долинъ уада Сусь и уада Драа до недавнаго времени были, по приказанію султана, направляемы къ Могадору; отправлять ихъ прямо по назначенію не дозволялось. Зерновый хлѣбъ, оливковое масло, фрукты, кожи, смолы (камедь), шерсть, альфа—всѣ главные продукты, вывозимы въ Европу. Движеніе судоходства и торговли въ могадорскомъ портѣ въ 1893 г.: судовъ въ приходѣ 103, вмѣстъ 83.387 тон.; цѣнность оборотовъ вышшей торговли—11.046.250 франк. Могадоръ посѣщается только пароходами; единственная парусная суда, пристающія въ его гавани—барки съ Канарскихъ острововъ. Асви и Могадоръ подверглись въ формѣ своего побережья перемѣнамъ, происходящимъ либо вслѣдствіе процесса размыванія, либо вслѣдствіе медленнаго опусканія почвы. Въ половинѣ настоящаго столѣтія можно было еще ходить по берегу вдоль крѣпостныхъ стѣнъ, защищающихъ Асфи съ западной стороны; теперь море совершенно омынаетъ ихъ. Прежде скотъ легко переходилъ, въ часы отлива, съ Могадорскаго полуострова на сопѣтній островъ; въ наши дни этотъ островъ отдѣленъ отъ материка судоходнымъ каналомъ⁷⁾.

Главные племена, арабскаго происхожденія, или по крайней мѣрѣ обарабившіе⁸⁾), которыя населяютъ внутреннія области въ сосѣствѣ Могадора, принадлежать къ могущественному союзу шадма. Этотъ союзъ пропускаетъ караваны и признаетъ верховную власть

¹⁾ Ball and Hooker, цитированное сочиненіе.

²⁾ Renou, „Description gÃ©ographique de l'empire de Maroc“.

³⁾ Camille Sabatier, „Bulletin de la SociÃ©tÃ© de GÃ©ographie d'Oran“, 16.

⁴⁾ Delaporte—Recon, цитированное сочиненіе

⁵⁾ Ball and Hooker, цитированное сочиненіе.

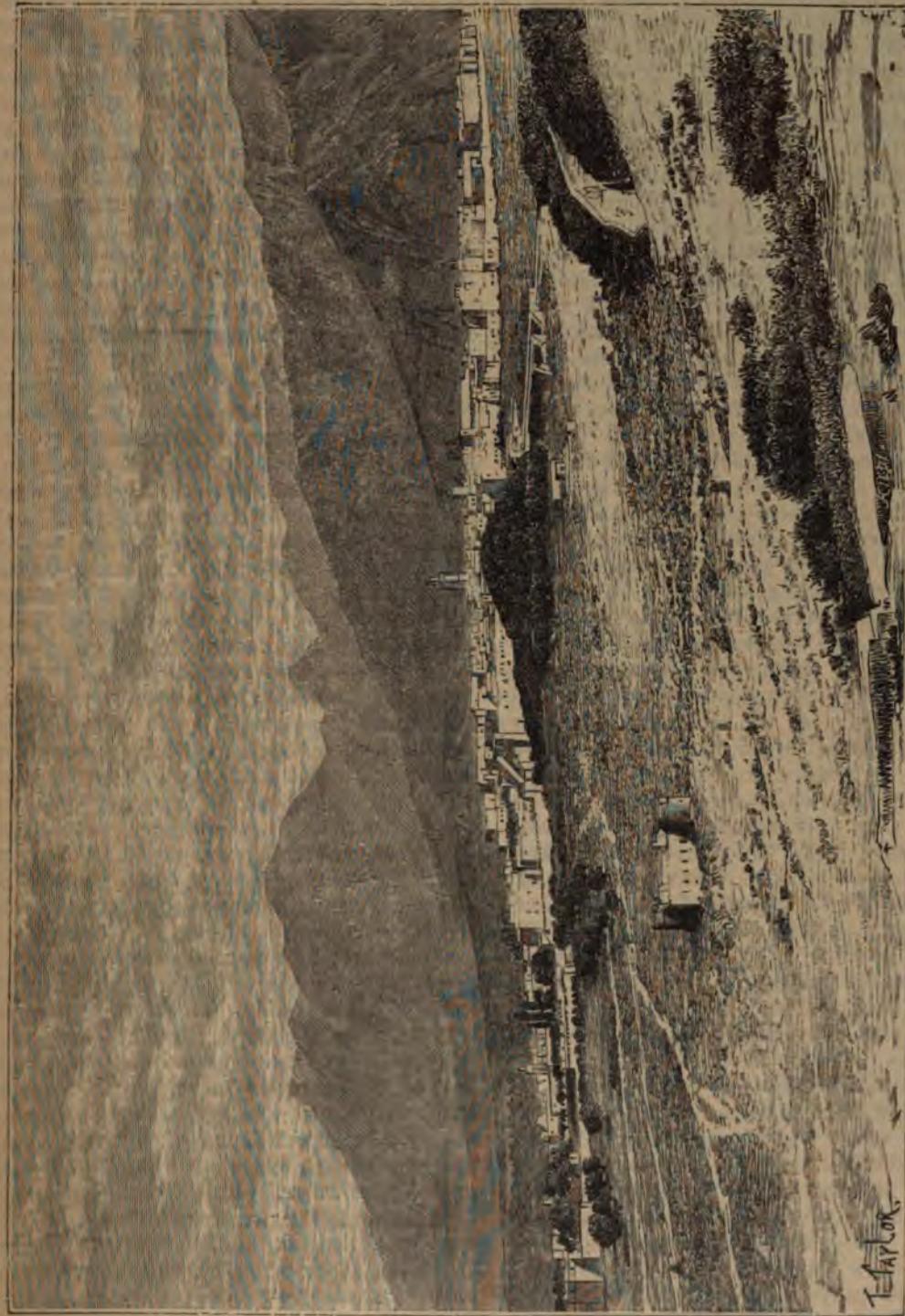
⁶⁾ Erekman, „Le Maroc moderne“.

⁷⁾ Tissot—Maw—Beaumier.

⁸⁾ G. Rohlfs, „Mein erster Aufenthalt in Marokko“.

ултана, отказываясь, однако, платить налогъ; его селенія и зауй разсѣяны на большомъ пространствѣ края, къ югу отъ уѣза Тенсифтъ, усть массива Желѣзныхъ горъ или Джебель-

тели живутъ группами изъ четырехъ или пяти семей, въ крѣпкихъ каменныхъ замкахъ, построенныхъ въ формѣ четыреугольника и фланкированныхъ на двухъ углахъ высокими баш-

Городъ Тетуанъ.

ль-Галида до предгорій Атласа. Къ югу отъ Могадора, по направленію къ мысу, которымъ оканчивается главная атлантическая цѣпь, не видно болѣе городовъ; не встрѣчаются даже деревни или отдельные поселки. Всѣ обита-

нями; край террасъ усаженъ зубцами, и все зданіе окружено рвомъ. Проникнуть въ эту крѣпость можно только черезъ одно отверстіе, къ которому ведетъ подъемный мостъ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщается скотъ; верхній, куда

поднимаются по приставной лестнице, убираемой въ случаѣ опасности, раздѣленъ на нѣсколько комнатъ, по числу семействъ¹⁾). Осѣдлые земледѣльцы, берберы гага, населяющіе эту страну, не нашли иного средства жить въ безопасности среди своихъ культуръ; обыкновенно арабы-номады, приходящіе изъ Сахары, мирно дефирируютъ передъ ихъ жилищами. Но случается также, что сами гага нападаютъ на караваны, поэтому купцы не отваживаются ходить въ ихъ землю иначе, какъ значительной партией и хорошо вооруженными. Испанскій писатель Альваресъ Пересъ опредѣляетъ въ 280.000 душъ численность различныхъ *ида-новъ*, или племенъ, составляющихъ союзъ Гага.

Долина уѣза Сусъ, отличающаяся необычайнымъ плодородiemъ, благодаря водѣ и илу, приносимому ручьями съ двухъ параллельныхъ горныхъ цѣпей, Атласа и Анти-Атласа, изобилуетъ большими селеніями, окружеными пальмами, маслинами, арганами (желѣзякъ). Нигдѣ въ этой долинѣ не бродятъnomады: плодородіе почвы вездѣ побуждаетъ жителей къ земледѣльческой культурѣ. Въ прежнее время басейнъ уѣза Сусъ, такъ хорошо отграниченный самой природой, составлялъ независимое государство: въ средніе вѣка его промышленность пользовалась большой извѣстностью, обитатели его славились умомъ, знаніемъ, духомъ инициативы; теперь они извѣстны въ мусульманскомъ мірѣ только по множеству плясуновъ, очарователей змѣй, фокусниковъ, которыхъ эта долина посыпаетъ во всѣ концы Магреба: неѣть такого арабскаго рынка, где бы не встрѣчались эти кудесники съ береговъ уѣза Сусъ; нѣкоторые изъ нихъ пробираются даже въ Европу. Они составляютъ родъ корпораціи, поставленной подъ покровительство святаго Мохамеда-бенъ-Муса, и почти всегда, прежде чѣмъ начать свои упражненія, они призываютъ въ молитвѣ имя своего патрона²⁾). Изъ этой же долины, по нѣкоторымъ мусульманскимъ пророчествамъ, долженъ выйти маҳди, который обновить міръ и «наполнить землю правдой, насколько она теперь наполнена беззаконіемъ»³⁾.

Официально Уэдъ-Сусъ принадлежитъ къ Мароккской имперіи, и делегаты султана принимаются тамъ съ почетомъ; однако, большинство племенъ еще сохранили свою независимость, и вмѣшательство суверена, поселяющаго и поддерживающаго между ними рознь, для того, чтобы современемъ достигнуть господства надъ ними, только усиливаетъ ихъ внутренніе раздоры и подстрекаетъ ихъ къ междуусобицамъ. Довольно смѣшанного

происхожденія, жители долины Уэдъ-Сусъ въ огромномъ большинствѣ берberы; впрочемъ, одинъ изъ многочисленнѣйшихъ союзовъ признаетъ себя къ арабамъ: это союзъ ауара, состоящий изъ семи племенъ и поселившійся на южномъ склонѣ Атласа, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Бибауанскимъ горнымъ проходомъ. Подобно племенамъ гага, населяющимъ противоположный склонъ, туземцы ауара живутъ въ крѣпкихъ замкахъ, построенныхъ на уединенныхъ холмахъ или выступахъ горъ, откуда можно обозрѣвать обширное пространство и видѣть всѣхъ проходящихъ—какъ опасныхъ враговъ, такъ и мирные караваны, манящіе къ нападенію. Союзъ штуга, занимающій всю территорію между Атлантическимъ океаномъ и Тарудантомъ, главнымъ городомъ долины, состоитъ исключительно изъ берберскихъ племенъ.

Тарудантъ построенъ въ нѣкоторомъ разстояніи къ сѣверу отъ рѣки, въ обширной равнинѣ, которая нечувствительно поднимается къ подгорьямъ, занятымъ племенами ауира, и къ южнымъ откосамъ Атласа. По занимаемому пространству, это—обширный городъ; Рольфъ говоритъ, что онъ больше Феса и не уступитъ протяженіемъ Марракешу; но неправильная городская ограда, фланкированная башнями изъ битой глины, которая слѣдуютъ одна за другой черезъ промежутки отъ 60 до 100 метр., заключаетъ внутри стѣнъ гораздо больше садовъ и масличныхъ рощъ, чѣмъ группъ жилищъ, только въ центральной части растительность уступаетъ мѣсто настоящему городу, съ узкими улицами, извижающимися между двумя рядами низенькихъ домовъ. Въ одномъ концѣ этого центральнаго квартала находится касба солнистой конструкціи, окруженная высокими стѣнами. Тарудантъ, подобно всѣмъ мароккскимъ городамъ, имѣетъ мастерскія для выѣлки кожи, а также ткацкія фабрики и красильни; но специальная его промышленность—котельное производство: аванпостъ Магреба на окраинѣ пустыни, Тарудантъ снабжаетъ кухонными батареями рынки Кука, Кано, Томбукту въ Суданѣ⁴⁾). Эта промышленность была обязана своимъ происхожденіемъ мѣднымъ рудникамъ, разрабатываемыхъ на сѣверѣ отъ Таруданта, въ сланцахъ и песчаникахъ предгорій Атласа; но въ наши дни почти вся мѣдь не въ дѣлѣ привозится уже изъ Англіи⁵⁾; содержащія мѣдь горные породы едва утилизируются, а живы другихъ металловъ, кажется, не эксплуатировались ни въ какую эпоху. Что касается плантаций сахарного тростника, которыхъ во времена Льва Африканца составляли источникъ благосостоянія Таруданта, то онъ давно уже не существуютъ; на сахарныхъ заводахъ работалъ

¹⁾ José Alvarez Perez, „Bolletin de la Sociedad Geografica de Madrid.“ sem. 1877.

²⁾ Drummond Hay, „Western Barbary“;—Oscar Lenz, „Timbuktu“.

³⁾ L. Rinn, „Marabouts et Khouan“.

⁴⁾ G. Kohlfs цитированное сочиненіе.

⁵⁾ O. Lenz, цитированное сочиненіе.

христіанські невольники, і даже переселенці изъ Европы приходили предлагать свои руки тарудантскимъ плантаторамъ. Теперь христіанамъ запрещенъ входъ въ этотъ городъ; впрочемъ, грамота фецкаго султана отворила его ворота путешественнику Ленцу. Недавно одинъ англичанинъ тщетно добивался концессії земель въ долинѣ Сусъ для разведенія плантацій сахарного тростника¹⁾.

Естественнымъ портомъ долины уезда Сусъ былъ бы Агадиръ, лежащий въ небольшомъ разстояніи къ сѣверу отъ рѣчного устья. Это лучшая гавань на всемъ этомъ морскомъ побережїи. На сѣверо-западѣ, мысъ Герь, или Джебель-Аятъ-Уакаль, крайній выступъ атлантической цѣпи, защищаетъ заливъ отъ восточныхъ и сѣверныхъ вѣтровъ; другой мысъ, выдвинутая конечность боковой цѣпи, ограничиваетъ бухту въ самой глубокой части залива и защищаетъ ее отъ большой зыби океана: это портъ Агадиръ. Обильный ключъ, получившій отъ португальцевъ имя *Fonte*, какъ «источникъ» по преимуществу, и который туземцы до сихъ поръ называютъ Фонти, бѣть изъ земли у основанія скалы, питая группу пріютившихъ около него хижинъ. Крѣпость, стоящая на высотѣ 188 метровъ и командающая входомъ въ портъ, доставила этому мѣсту имя Агадиръ, т. е. «Укрѣпленіе», имя, которое нѣкогда принадлежало также Тлемсену. Полное название этого мароккскаго порта—Адиръ не-Ириръ, т. е. «Укрѣпленіе на мысѣ»²⁾. Съ начала шестнадцатаго столѣтія Агадиръ, подъ властью португальцевъ, перекрестившихъ его въ Санта-Круцъ, сдѣлался важнымъ торговымъ пунктомъ. Завоеванный обратно мароккскимъ султаномъ, онъ продолжалъ пользоваться цвѣтующимъ состояніемъ, какъ отпускной портъ для произведеній, привозимыхъ караванами изъ странъ, лежащихъ въ бассейнѣ Нигера: это были въ то время «Ворота Судана». Но эти ворота находились далеко отъ центра Мароккской имперіи, и тамошнее купечество претендовало на независимость. Вслѣдствіе этого, султанъ Мохамедъ разрушилъ Агадиръ, чтобы замѣнить его Могадоромъ, портомъ болѣе досягаемымъ для его оружія, такъ какъ онъ лежитъ къ сѣверу отъ конечныхъ мысовъ Атласа. Въ настоящее время судамъ запрещено бросать якорь въ Агадирскомъ портѣ, и товары, прибывающіе изъ Судана, направляются, по очисткѣ ихъ таможенной пошлиной, къ горнымъ проходамъ Атласа. Какъ наблюдательный постъ, Агадиръ до недавнаго времени указывалъ на южномъ побережїи истинную административную границу имперіи,

но основаніе въ сосѣдствѣ его испанской колоніи побудило мароккскаго султана утвердить прочнѣю свою власть въ этой части южной окраины, и внутри материка, километрахъ въ двадцати отъ берега, появился новый городъ, Тизнитъ. Деревня Агула (Агула), лежащая километрахъ въ тридцати къ югу отъ устья уезда Эль-Гасъ, будетъ служить гаванью этому городу. Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ власть Альмогадовъ простидалась далѣе на югъ, и говорятъ, что султанъ Абдъ эль-Муменъ вѣлья смѣрять цѣпью разстояніе, раздѣляющее двѣ оконечности его имперіи, отъ Барки до уезда Нуиъ³⁾.

Въ небольшомъ разстояніи къ югу отъ уезда Сусъ оканчиваются шерифскія владѣнія. Хотя на протяженіи около 400 километровъ, до мыса Юби и до «Красной Канавы», Сакіеть-эль-Хамра, территорія еще обозначается на картахъ, какъ принадлежащая фецкому султану, но его представители могутъ переходить за Уедъ-Сусъ уже только въ качествѣ посланниковъ. Необитаемая полоса земли образуетъ даже родъ мархіи или пограничной области на югѣ страны, гдѣ признается верховная власть Марокко: это высокая долина уезда Эль-Гасъ (Рацъ, Уальгасъ), которая, однако, есть одна изъ наиболѣе обильно орошаемыхъ и плодороднѣйшихъ мѣстностей во всемъ Магребѣ; тамъ могли бы жить многочисленныя населенія, если бы война и дипломатія не создали пробѣла на этой границѣ имперіи.

Мелкія государства, съ измѣнчивыми предѣлами, образовавшіяся на югѣ отъ уезда Эль-Гасъ, всѣ населены берберами и неграми, которые служатъ посредниками въ торговлѣ между Марокко и Суданомъ. Хотя эти племена живутъ на сѣверѣ Сахары, но черезъ торговлю они уже участвуютъ въ жизни суданцевъ. Большинство называютъ себя геццулами или джелулами: это имя, очевидно, аналогично съ именемъ гештуловъ, живущихъ въ Кабилии, и полагаютъ, что тѣхъ и другихъ можно признать потомками гетуловъ Нумидіи, о которыхъ упоминаютъ древніе писатели⁴⁾.

Изъ всѣхъ этихъ прибрежныхъ государствъ сахарскаго океана наиболѣе извѣстное, если не самое значительное по пространству — то, которому обыкновенно даютъ название «королевства Сиди-Гешамъ», по имени шейха, недавно царствовавшаго надъ этой землей, и фамилія котораго до сихъ поръ сохраняетъ за собой власть: въ силу своихъ генеалогическихъ правъ, она претендуетъ даже на обладаніе Мароккской имперіей. Настоящее имя страны — Таццерульть; такъ же называется и

¹⁾ Joaquim Gatell, „Viajes por Marruecos, el Sus, Uad-Nun y Tekna“.

²⁾ Renou, „Description gÃ©ographique de l'empire de Maroc“.

³⁾ De Castries, „Bulletin de la SociÃ©tÃ© de GÃ©ographie“, 1880.

⁴⁾ Renou, цитирован. сочиненіе; — Camille Sabatier, „Bulletin de la SociÃ©tÃ© d'Anthropologie“, 1881.

поднимаются по приставной лестнице, убираемой въ случаѣ опасности, раздѣленъ на нѣсколько комнатъ, по числу семействъ¹). Осѣдлые земледѣльцы, берберы гага, населяющіе эту страну, не нашли иного средства жить въ безопасности среди своихъ культуръ; обыкновенно арабы-номады, приходящіе изъ Сахары, мирно дефирируютъ передъ ихъ жилищами. Но случается также, что сами гага нападаютъ на караваны, поэтому купцы не отваживаются ходить въ ихъ землю иначе, какъ значительной партией и хорошо вооруженными. Испанскій писатель Альваресъ Пересъ опредѣляетъ въ 280.000 душъ численность различныхъ *ида-новъ*, или племенъ, составляющихъ союзъ Гага.

Долина уѣза Сусъ, отличающаяся необычайнымъ плодородіемъ, благодаря водѣ и илу, приносимому ручьями съ двухъ параллельныхъ горныхъ щипей, Атласа и Анти-Атласа, изобилуетъ большими селеніями, окружеными пальмами, маслинами, арганами (желѣзнякъ). Нигдѣ въ этой долинѣ не бродятъ номады: плодородіе почвы вездѣ побуждаетъ жителей къ земледѣльческой культурѣ. Въ прежнее время бассейнъ уѣза Сусъ, такъ хорошо отграниченный самой природой, составлялъ независимое государство: въ средніе вѣка его промышленность пользовалась большой извѣстностью, обитатели его славились умомъ, знаніемъ, духомъ инициативы; теперь они извѣстны въ мусульманскомъ мірѣ только по множеству плясуновъ, очарователей змѣй, фокусниковъ, которыхъ эта долина посыпаетъ во всѣ концы Магреба: вѣтъ такого арабскаго рынка, где бы не встрѣчались эти кудесники съ береговъ уѣза Сусъ; нѣкоторые изъ нихъ пробираются даже въ Европу. Они составляютъ родъ корпораціи, поставленной подъ покровительство святаго Мохамеда-бенъ-Муса, и почти всегда, прежде чѣмъ начать свои упражненія, они призываютъ въ молитвѣ имя своего патрона²). Изъ этой же долины, по нѣкоторымъ мусульманскимъ пророчествамъ, долженъ выйти махди, который обновитъ міръ и «наполнитъ землю правдой, насколько она теперь наполнена беззаконіемъ»³).

Официально Уэдъ-Сусъ принадлежитъ къ Мароккской имперіи, и делегаты султана принимаются тамъ съ почетомъ; однако, большинство племенъ еще сохранили свою независимость, и вмѣшательство суверена, поселяющаго и поддерживающаго между ними рознь, для того, чтобы современемъ достигнуть господства надъ ними, только усиливаетъ ихъ внутренніе раздоры и подстрекаетъ ихъ къ междуусобицамъ. Довольно смѣшанного

происхожденія, жители долины Уэдъ-Сусъ въ огромномъ большинствѣ берberы; впрочемъ, одинъ изъ многочисленнѣйшихъ союзовъ признаетъ себя къ арабамъ: это союзъ ауара, состоящей изъ семи племенъ и поселившейся на юномъ склонѣ Атласа, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Бибауанскимъ горнымъ проходомъ. Подобно племенамъ гага, населяющимъ противоположный скатъ, туземцы ауара живутъ въ крѣпкихъ замкахъ, построенныхъ на уединенныхъ холмахъ или выступахъ горъ, откуда можно обозрѣвать обширное пространство и видѣть всѣхъ проходящихъ—какъ опасныхъ враговъ, такъ и мирные караваны, манящіе къ нападенію. Союзъ штуга, занимающій всю территорію между Атлантическимъ океаномъ и Тарудантомъ, главнымъ городомъ долины, состоитъ исключительно изъ берберскихъ племенъ.

Тарудантъ построенъ въ нѣкоторомъ разстояніи къ сѣверу отъ рѣки, въ обширной равнинѣ, которая нечувствительно поднимается къ подгорьямъ, занятымъ племенами ауира, и къ южнымъ откосамъ Атласа. По занимаемому пространству, это—обширный городъ; Рольфъ говоритъ, что онъ больше Феса и не уступитъ протяженіемъ Марракешу; но неправильная городская ограда, фланкированная башнями изъ битой глины, которая слѣдуютъ одна за другой черезъ промежутки отъ 60 до 100 метр., заключаетъ внутри стѣнъ гораздо больше садовъ и масличныхъ рощъ, чѣмъ группъ жилищъ; только въ центральной части растительность уступаетъ мѣсто настоящему городу, съ узкими улицами, извижающимися между двумя рядами низенькихъ домовъ. Въ одномъ концѣ этого центрального квартала находится касба солидной конструкціи, окруженная высокими стѣнами. Тарудантъ, подобно всѣмъ мароккскимъ городамъ, имѣетъ мастерскія для выѣзки кожи, а также ткацкія фабрики и красильни; но специальная его промышленность—котельное производство: аванпостъ Магреба на окраинѣ пустыни, Тарудантъ снабжаетъ кухонными батареями рынки Кука, Каю, Томбукутъ и Суданѣ⁴). Эта промышленность была обязана своимъ происхожденіемъ мѣднымъ рудникамъ, разрабатываемыхъ на сѣверѣ отъ Таруданта, въ сланцахъ и песчаникахъ предгорій Атласа; но въ наши дни почти вся мѣдь не въ дѣлѣ привозится уже изъ Англіи⁵); содержащія мѣдь горные породы едва утилизируются, а жилы другихъ металловъ, кажется, не эксплуатировались ни въ какую эпоху. Что касается плантацій сахарного тростника, которая во времена Льва Африканца составляла источникъ благосостоянія Таруданта, то онъ давно уже не существуютъ; на сахарныхъ заводахъ работали

¹⁾ José Alvarez Perez, „Bolletin de la Sociedad Geografica de Madrid.“ sem. 1877.

²⁾ Drummond Hay, „Western Barbary“;—Oscar Lenz, „Timbuktu“.

³⁾ L. Rinn, „Marabouts et Khousan“.

⁴⁾ G. Kohlffs цитированное сочинение.

⁵⁾ O. Lenz, цитированное сочинение.

христианские невольники, и даже переселенцы из Европы приходили предлагать свои руки тарудантским плантаторамъ. Теперь христианамъ запрещенъ входъ въ этотъ городъ; впрочемъ, грамота феърского султана отворила его ворота путешественнику Ленцу. Недавно одинъ англичанинъ тщетно добивался концессіи земель въ долинѣ Сусъ для разведенія плантацій сахарного тростника¹⁾.

Естественнымъ портомъ долины уѣда Сусъ былъ бы Агадиръ, лежащий въ небольшомъ разстояніи къ сѣверу отъ рѣчного устья. Это лучшая гавань на всемъ этомъ морскомъ побережье. На сѣверо-западѣ, мысъ Герь, или Джебель-Айтъ-Уакаль, крайний выступъ атлантической цѣпи, защищаетъ заливъ отъ восточныхъ и сѣверныхъ вѣтровъ; другой мысъ, выдвинутая конечность боковой цѣпи, отграничиваетъ бухту въ самой глубокой части залива и защищаетъ ее отъ большой зыби океана: это портъ Агадиръ. Обильный ключъ, получивший отъ португальцевъ имя Fonte, какъ «источникъ» по преимуществу, и который туземцы до сихъ поръ называютъ Фонти, бѣть изъ земли у основанія скалы, питая группу пріютившихся около него хижинъ. Крѣпость, стоящая на высотѣ 188 метровъ и командающая входомъ въ портъ, доставила этому мѣсту имя Агадиръ, т. е. «Укрѣпленіе», имя, которое нѣкогда принадлежало также Тлемсену. Полное название этого мароккскаго порта—Адиръ не-Ириръ, т. е. «Укрѣпленіе на мысѣ»²⁾. Съ начала шестнадцатаго столѣтія Агадиръ, подъ властью португальцевъ, перекрестившихъ его въ Санта-Круцъ, сдѣлался важнымъ торговымъ пунктомъ. Завоеванный обратно мароккскимъ султаномъ, онъ продолжалъ пользоваться цвѣтущимъ состояніемъ, какъ отпускной портъ для произведеній, привозимыхъ караванами изъ странъ, лежащихъ въ бассейнѣ Нигера: это были въ то время «Ворота Судана». Но эти ворота находились далеко отъ центра Марокской имперіи, и тамошнее купечество претендовало на независимость. Всѣдѣствіе этого, султанъ Мохамедъ разрушилъ Агадиръ, чтобы замѣнить его Могадоромъ, портомъ болѣе досягаемымъ для его оружія, такъ какъ онъ лежитъ къ сѣверу отъ конечныхъ мысовъ Атласа. Въ настоящее время судамъ запрещено бросать якорь въ Агадирскомъ портѣ, и товары, прибывающіе изъ Судана, направляются, по очисткѣ ихъ таможенной пошлины, къ горнымъ проходамъ Атласа. Какъ наблюдательный постъ, Агадиръ до недавнаго времени указывалъ на южномъ побережье истинную административную границу имперіи,

но основаніе въ сосѣдствѣ его испанской колоніи побудило мароккскаго султана утвердить прочнѣю свою власть въ этой части южной окраины, и внутри материка, километрахъ въ двадцати отъ берега, появился новый городъ, Тизнитъ. Деревня Агула (Агула), лежащая километрахъ въ тридцати къ югу отъ устья уѣда Эль-Гасъ, будетъ служить гаванью этому городу. Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ власть Альмогадовъ простиралась далѣе на югъ, и говорятъ, что султанъ Абдъ эль-Муменъ велѣлъ смыть цѣпью разстояніе, раздѣляющее двѣ оконечности его имперіи, отъ Барки до уѣда Нуи³⁾.

Въ небольшомъ разстояніи къ югу отъ уѣда Сусъ оканчиваются шерифскія владѣнія. Хотя на протяженіи около 400 километровъ, до мыса Юби и до «Красной Канавы», Сакеть-эль-Хамра, территорія еще обозначается на картахъ, какъ принадлежащая феърскому султану, но его представители могутъ переходить за Уедъ-Сусъ уже только въ качествѣ посланниковъ. Необитаемая полоса земли образуетъ даже родъ мархіи или нѣграницной области на югѣ страны, гдѣ признается верховная власть Марокко: это высокая долина уѣда Эль-Гасъ (Рацъ, Уэльгастъ), которая, однако, есть одна изъ наиболѣе обильно орошаемыхъ и плодороднѣйшихъ мѣстностей во всемъ Магребѣ; тамъ могли бы жить многочисленныя населенія, если бы война и дипломатія не создали пробѣла на этой границѣ имперіи.

Мелкія государства, съ измѣнчивыми предѣлами, образовавшіяся на югѣ отъ уѣда Эль-Гасъ, всѣ населены берберами и негрѣами, которые служатъ посредниками въ торговлѣ между Марокко и Суданомъ. Хотя эти племена живутъ на сѣверѣ Сахары, но透过 торговлю они уже участвуютъ въ жизни суданцевъ. Большинство называютъ себя гецулами или джелулами: это имя, очевидно, аналогично съ именемъ гештуловъ, живущихъ въ Кабилии, и полагаютъ, что тѣхъ и другихъ можно признать потомками гетуловъ Нуридіи, о которыхъ упоминаютъ древніе писатели⁴⁾.

Изъ всѣхъ этихъ прибрежныхъ государствъ сахарскаго океана наиболѣе известное, если не самое значительное по пространству — то, которому обыкновенно даютъ название «королевства Сиди-Гешамъ», по имени шейха, недавно царствовавшаго надъ этой землей, и фамилія котораго до сихъ поръ сохраняетъ за собой власть: въ силу своихъ генеалогическихъ правъ, она претендуетъ даже на обладаніе Марокской имперіей. Настоящее имя страны — Таццерульть; такъ же называется и

¹⁾ Joaquim Gatell, „Viajes por Marruecos, el Sus, Uad-Nun y Tekna“.

²⁾ Renou, „Description gÃ©ographique de l'empire de Maroc“.

³⁾ De Castris, „Bulletin de la SociÃ©tÃ© de GÃ©ographie“, 1880.

⁴⁾ Renou, цитирован. сочиненіе; — Camille Sabatier, „Bulletin de la SociÃ©tÃ© d'Anthropologie“, 1881.

ея рѣка, спускающаяся съ Анти-Атласа. Этотъ маленький рѣчной бассейнъ, слѣдующій на югъ за бассейномъ уада Эль-Гасъ, беретъ свое начало на одномъ плато, которое окружаетъ, въ видѣ амфитеатра, горы, имѣющія 1.000 метр. средней высоты. Жители, аитъ-таццерульть, съютъ пшеницу и ячмень, разрабатываютъ рудный мѣсторожденія, но главное ихъ занятіе—разведеніе верблюдовъ, которыхъ они продаютъ купцамъ и которые служатъ имъ самимъ для перевозки товаровъ чрезъ Сахару. Три раза въ году бываетъ большой *мугаръ*, или рынокъ, около зауи Сиди Гамеда бенъ-Муса, предка царствующаго государя, и на ярмарочномъ полѣ иногда можно видѣть отъ четырехъ до пяти тысячъ верблюдовъ. До недавняго времени еврейскіе покупатели не допускались въ это торговое мѣсто, по причинѣ святости гробницы, подъ покровительство которой оно поставлено; но таццерультскій шейхъ, самъ очень алчный коммерсантъ, снялъ запретъ, тяготѣвшій надъ сынами Израїля, чтобы придать больше важности своему мугару; онъ даже взялъ на себя ручательство за общественную безопасность передъ всѣми иностранными нѣгоціантами, и тѣ изъ нихъ, которые были ограблены на пути племенемъ ауара или другими разбойниками, получаютъ отъ него вознагражденіе за понесенные убытки. Такимъ образомъ монастырь Сиди Гамеда сдѣлался значительнымъ торговымъ центромъ. Столица этого маленькаго государства, Илегъ, лежащая, по Ленцу, на высотѣ 460 метр., кажется на половину суданскими городомъ—такъ много въ ней негровъ; армія шейха, который и самъ чернокожій, состоить исключительно изъ невольниковъ всякаго проявленія, купленныхъ въ Суданѣ; въ рядахъ ея встрѣчаются даже фулахи; большія серебряныя серги, украшающія лѣвокоторыхъ солдатъ, свидѣтельствуютъ обѣ особой милости повелителя. Синія матеріи преобладаютъ въ костюмѣ аитъ-таццерультъ, какъ у суданскихъ народовъ, и мужчины имѣютъ привычку завѣшивать часть лица, тогда какъ женщины всегда ходятъ съ открытымъ лицомъ.

Около истоковъ уада Таццерультъ, на эруптивномъ конусѣ, совершенно изолированномъ отъ гранитныхъ и сланцевыхъ склоновъ Анти-Атласа, стоитъ крѣпость, неодолимая силой, но не имѣющая ключевой воды: это Агадирская скала, обозначающая южный предѣлъ «королевства Сиди - Гешамъ». Далѣе начинается территорія берберовъ племени меджадъ. Воды, спускающіяся съ южнаго ската Малаго Атласа, стекаютъ въ долину уада Нуиъ, которая дѣлится на иѣсколько самостоятельныхъ владѣній; главное изъ нихъ, простирающееся въ сосѣдствѣ морскаго берега, извѣстно подъ тѣмъ же именемъ, какъ и самая рѣка. Жители земли Уадъ-Нуиъ искони пользуются

самой дурной репутацией у канарскихъ рыболововъ и вообще мореходовъ, потому что всякое судно, прибитое бурей къ этимъ негостепріимнымъ берегамъ, рассматривалось тузыми какъ законный призъ, и потерпѣвшие крушеніе дѣлались въ большинствѣ случаевъ невольниками. Впрочемъ, въ числѣ путешественниковъ, описавшихъ свое невольное посѣщеніе Мароккскаго царства, указываютъ много моряковъ, выброшенныхъ на берегъ Нуи, которымъ удалось изѣбѣгнуть рабства. Въ это послѣднее время чужеземцы, задерживаемые въ плѣну цѣлыми годами, отпускались на волю не иначе, какъ за большой выкупъ.

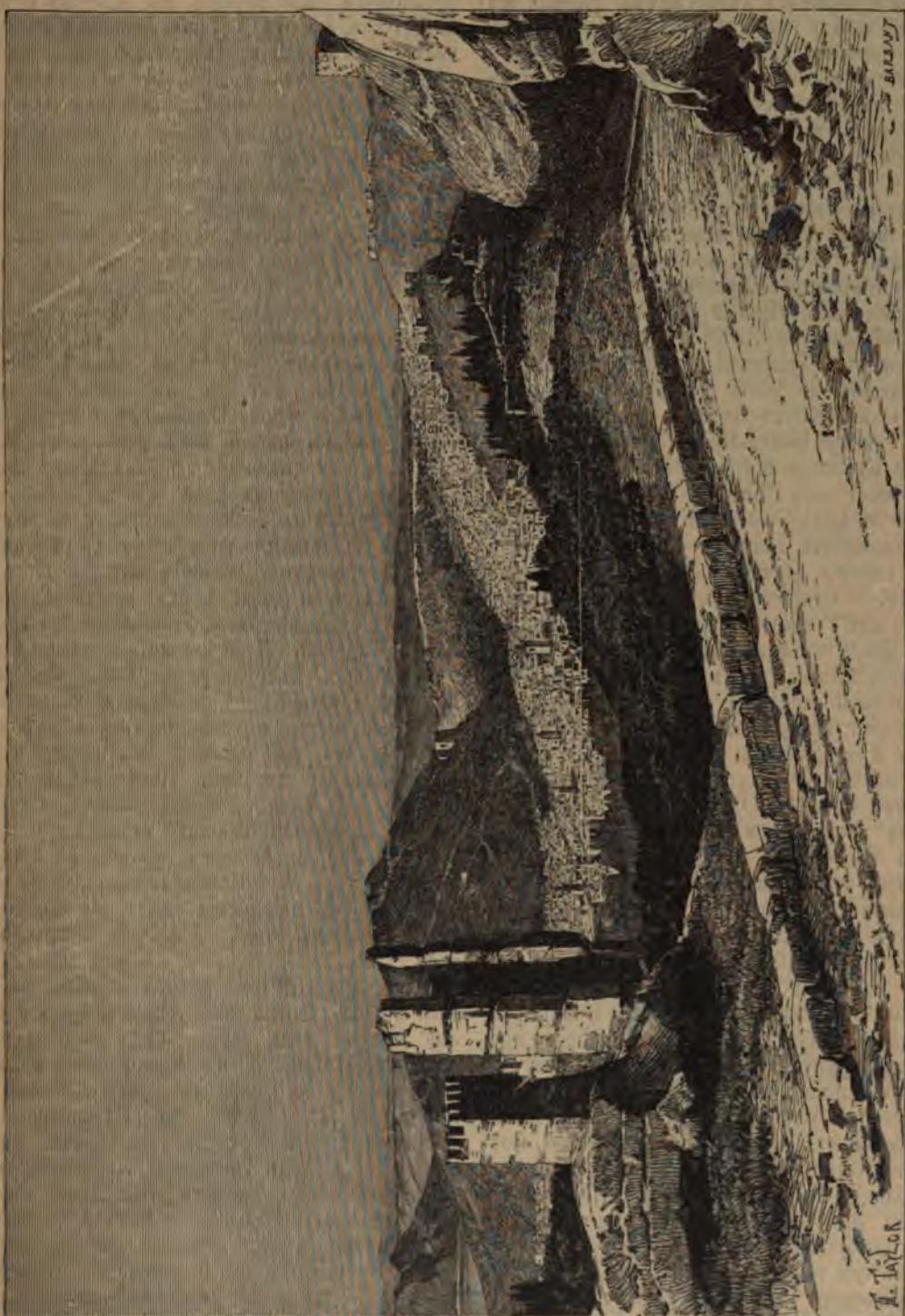
Главный городъ Огульминъ, называемый обыкновенно Уадъ-Нуиъ, какъ рѣка и вся территорія, лежить на довольно значительной высотѣ, можетъ быть, на высотѣ около 1.000 метр., судя по тому, что плоды пальмъ тамъ не вызрѣваютъ; маслины также растуть въ садахъ, но не такъ успѣшио, какъ въ сѣверномъ Марокко. Внѣ зеленѣющаго пояса, окружающаго городъ, виденъ только амфитеатръ голыхъ холмовъ и горъ, которые, по словамъ тузыевъ, изобилуютъ мѣдными и серебряными жилами, и красноватая почва равнины почти вездѣ покрыта камнями песчаника. Самый городъ представляетъ хаосъ глиняныхъ кубовъ, доминируемыхъ тамъ и сямъ домами современной конструкціи, съ наружными окнами, какъ зданія Мароккскихъ городовъ; жилища богатыхъ людей украшены рѣзьбой, материаломъ для которой послужили обломки кораблей, выброшенныхъ на берегъ. Огульминъ — одинъ изъ главныхъ торговыхъ центровъ между Могадоромъ и Томбукутъ; онъ отправляется въ Могадоръ въ небольшомъ количествѣ страусовыхъ перья и золотой песокъ, получаемые изъ Судана; но важнѣйшую статью его торговли составляютъ невольники, товаръ, для котораго онъ служить складочными пунктами; кроме того, отсюда вывозятся лошади и мулы хорошей породы, а также стада барановъ. Огульминъ принадлежитъ племени аитъ-гассанъ. Говорятъ, что евреи въ землѣ Уадъ-Нуиъ пользуются полной равноправностью съ мусульманами: ёздятъ верхомъ на конѣ и носятъ оружіе. Это, вѣроюто, бербери, обращенные въ іудейство еще до прибытія арабовъ: какъ не участвовавшіе въ умерщвленіи Сидна-Аиса, «Господа Иисуса», они не должны, говорятъ магометане, носить на себѣ бремя ироклятія, тиготѣющаго на другихъ евреяхъ¹⁾.

Другой городъ, Тизги, или Фумъ-эль-Госсанъ, лежащий километрахъ въ сорока къ востоку, находится во власти арабскаго народца марибда; тамъ иѣтъ еврейской колоніи, какъ въ Огульминѣ, городѣ торговцевъ. Тизги за-

¹⁾ Soleillet, „L'Afrique occidentale“.

нимаеть великолѣпное мѣстоположеніе на вы-
сотѣ 510 метр. (по Ленчу), при выходѣ каме-
нистаго ущелья, у подошвы пирамидальныхъ

Въ той мѣстности открыты также и другія
древности: сплошная стѣна, опоясывавшая
цѣлый округъ, иначто въ родѣ «Великой китай-
ской стѣны»; затѣмъ высокія башни съ рѣз-

Ф е цъ

вдоль ручья, воды котораго иногда дости-
гають русла уѣза Нунъ. Къ сѣверу отъ Тизги,
на горѣ, видны остатки стѣнъ, сооруженіе
которыхъ туземцы приписываютъ римлянамъ,
съ чѣмъ согласенъ и путешественникъ Ленцъ.

нѣмыми зубцами¹⁾), гробницы, наконецъ «пи-
санные камни», или петроглифы, какіе встрѣ-
чаются во множествѣ на всемъ пространствѣ

¹⁾ John Davidson, „African Journal“

отъ горъ Триполи до возвышеностей Марокко. Путешественникъ Мардохей видѣлъ много такихъ камней въ области Уэдь-Сусъ: на этихъ каменныхъ рисункахъ, кромѣ надписей на языкѣ тифинагъ, изображены разныя животныя, между которыми можно различить слона, носорога, лошадь, жирафа, страуса и журавля; другія изваянія неизвѣстны, и ни-тѣ не нашли фигуры человѣка; но фигуры человѣческаго издѣлія, оружіе и одежда, представлены на многихъ изъ писаныхъ камней¹⁾.

Въ этой области, именно въ мѣстности, лежащей между уѣздомъ Илегъ и уѣздомъ Нуњ изъ Ассака, Испанія, повидимому, рѣшилась взять ту территоріальную точку опоры, которую ей предоставилъ мирный трактатъ, заключенный съ Марокко въ 1860 г. Въ силу специальной статьи этого трактата, испанское правительство выговорило себѣ право вновь занять портъ Санта-Круцъ-де-Марь-Пекенъя, называемый также Санта-Круцъ-де-Марь-Меноръ и Санта-Круцъ-де-Марь-Чика (Mar Requeña, Mar Menor или Chica по-испански значить «Малое Море»),—которымъ оно владѣло въ теченіе двадцати лѣтъ, съ 1507 до 1527 года. Но въ какомъ мѣстѣ находилось это старое завоеваніе? Существуютъ ли еще развалины Агадира или Гуадера, разрушенного марокканцами? Когда происходили переговоры между уполномоченными двухъ государствъ, испанцамъ не было извѣстно вѣроятное мѣстоположеніе порта, возвращенія которого они требовали, да и марокканцы знали не больше, развѣ только то, что онъ находится виѣ нынѣшихъ предѣловъ имперіи. Однако они не безъ труда уступили клочокъ земли, лежащей въ странѣ, которая вовсе имъ не принадлежитъ: они опасались, что набѣги враждебныхъ племенъ на испанскую территоію въ концѣ концовъ вовлекутъ Марокко въ новую войну. Оттого ихъ уполномоченные предлагали, взамѣнъ требуемаго порта, либо денежное вознагражденіе въ 3 миллиона піастровъ, на что Испанія не согласилась, либо бухту Агуасъ на берегу противъ Заффаринскихъ острововъ—что возбудило бы подозрѣнія Франціи, помѣщая между Алжиріей и Марокко кастильскую колонію, либо, наконецъ, расширенія территоіи Сеуты,—что было бы крайне непріятно Англіи, какъ обладательницѣ Гибралтара. Испанія настаивала на возвращенії ей порта Санта-Круцъ, который географы ѡщетно розыскивали двадцать три года. Находился ли этотъ портъ, какъ полагаетъ Рену²⁾, на берегу неглубокой бухты Нуэрто-Кансадо, открывающейся въ 80 километрахъ къ востоку отъ мыса Юби? Или его слѣдуетъ искать, согласно съ мнѣніемъ

другаго писателя, Селло, при устьѣ уѣзда Драа, входѣ въ который почти всегда заграждены песчанымъ баромъ? Специальная экспедиція, отправленная на кораблѣ Blasco de Bagay, остановила свой выборъ на другомъ пунктѣ побережья, на бухтѣ Ифни, лежащей въ тридцати километрахъ къ сѣверо-востоку отъ устья уѣзда Нуњ. Въ небольшомъ разстояніи отъ Ифни видны развалины испанскихъ или португальскихъ сооруженій: это остатки агадира, какіе встрѣчаются на многихъ другихъ пунктахъ побережья, и, по словамъ канарскихъ рыболововъ, этотъ агадиръ носилъ имя Santa-Cruz de Berberia, имя, которое, впрочемъ, примѣнялось къ цѣлой области на югѣ отъ португальского Санта-Круца, командовавшаго входомъ въ уѣздъ Сусъ. Гавань Ифни, выборъ которой былъ ратифицированъ въ 1883 г. мароккскимъ правительствомъ, имѣетъ за собой то важное преимущество, что она находится недалеко отъ торгового города Огульмина, и что устройство путей сообщенія поставитъ ее въ непосредственныя спошненія съ богатыми, плодородными равнинами уѣзда Эльсъ-Гасъ и уѣзда Сусъ; кромѣ того, если ее выбрали съ заднею мыслью завоеванія, то и въ этомъ отношеніи она представляетъ большія выгоды, какъ самое сѣверное изъ всѣхъ предлагавшихся мѣстъ и, слѣдовательно, ближайшее къ границамъ Марокко. Невѣроятно, однако, чтобы бухта Ифни дѣйствительно была искомымъ портомъ Санта-Круцъ-де-Марь-Пекенъя, такъ какъ она вовсе не соответствуетъ описанію этого порта, находимому въ документахъ шестнадцатаго столѣтія. Испанскій писатель Галіано полагаетъ, что ему удалось отыскать точное положеніе бывшаго испанскаго порта въ Бока-Гранде (Большое Устье), составляющей входъ въ уѣздъ Шибика: эта вырѣзка морскаго берега находится почти на полдорогѣ между баромъ уѣзда Драа и Нуэрто-Кансадо³⁾.

Уѣздъ Драа, долина котораго, если не са-мый потокъ, достигаетъ Атлантическаго океана южнѣе уѣзда Нуњ, какъ разъ противъ острова Ланцароте, въ Канарскомъ архипелагѣ, береть начало менѣе, чѣмъ въ 100 километрахъ къ востоку отъ Марракеша, въ массивѣ Атласа, откуда вытекаетъ также уѣздъ Сусъ и уѣздъ Тенсифгъ. Населеніе оазисовъ, орошаемыхъ водами рѣки Драа, численность котораго Рольфъ опредѣляетъ въ четверть миллиона душъ,—почти сплошь берберскаго происхожденія и говорить нарѣчіемъ тамазигтъ; въ этомъ бассейнѣ живутъ даже берaberы или браберы, сохранившіе имъ расы. Однако, нѣкоторые ксары населены исключи-тельно арабами шорфа, «изъ фамиліи Про-

¹⁾ Mardochée.—H. Duveyrier, „Bulletin de la Société de Géographie“, аout 1871.

²⁾ „Description géographique de l'empire de Maroc“.

³⁾ Pelayo Alcalà Saliano, „Memoria sobre la situacion de Santa-Cruz de Mar Pequena“.

рок»; кроме того, «сыны Магомета» (Бени-Мохаммедь или Бени-Махмидъ) живут разъинно въ пальмовыхъ хижинахъ. Негры образуют маленькия колонии въ каждомъ оазисѣ, и ихъ кровь смѣшивается черезъ браки съ кровью другихъ жителей. Что касается евреевъ, то они представлены во всѣхъ деревняхъ общиной ремесленниковъ,—оружейниковъ, жестянниковъ, столяровъ, портныхъ, сапожниковъ; на верхнемъ Драа они занимаются преимущественно фабрикаціей мыла; сравнительно евреи-торговцы менѣе многочисленны на южной покатости Атласа, чѣмъ въ городахъ противоположнаго склона¹⁾). Всѣ оазисы по течению уезда Драа независимы, или только номивально признаютъ власть императора. Во многихъ отношеніяхъ населеніе этой покатости кажется болѣе цивилизованнымъ, чѣмъ населеніе западныхъ провинцій. Строенія здѣсь красивѣе, съ террасами и башенками, съ балюстрадами и рѣзными украшеніями²⁾.

Вся долина верхняго Драа, отъ горнаго прохода Тагерутъ до сланія съ рѣчкой Дадесь, занита народцемъ глауа. Главное мѣстечко этихъ племенъ, Тикиртъ, лежитъ на сѣверной окраинѣ безплодной, покрытой черноватыми камешками, равнины, которая простирется на югъ къ основанию Анти-Атласа. Прежде чѣмъ вступить въ ущелье, перерѣзывающее этотъ хребетъ, Драа принимаетъ въ себя потокъ Дадесь, берега которого воздѣланы и окаймлены домиками, вездѣ, где скалы не сжали рѣку въ узкой тѣснинѣ. На протяженіи около 160 километровъ оба ската долины покрыты садами, масляничными рощами, устьями селеніями. Тамъ и сямъ на выступахъ горы видѣются агеддимы, высокія (отъ 10 до 12 метр.) четырехугольныя башни, съ зубцами и бойницами. Каждая деревня выстроила себѣ такую башню близъ границы своихъ воздѣланныхъ земель; когда между двумя сосѣдними кланами вспыхнетъ война, противостоящія крѣпостцы наполняются вооруженными людьми, и начинается перестрѣлка: вообще эти столкновенія возникаютъ по поводу оросительныхъ каналовъ. Но обыкновенно селенія живутъ въ мирѣ между собой, и каждое изъ нихъ посыпаетъ своихъ делегатовъ на общую джемаа, которая принимаетъ оборонительныя мѣры противъ набѣговъ племени айтъ-атта. Обитатели Дадеса искони приписываютъ себѣ специальный даръ лѣченія глазныхъ болѣзней, и каждый годъ окулисты изъ этой мѣстности отправляются въ отхожій промыселъ — практиковать свое врачебное искусство во всѣхъ странахъ Берберіи³⁾.

¹⁾ G. Rohlfz цитирован. сочиненіе.

²⁾ De Foucauld, цитирован. сочиненіе.

³⁾ De Castris, *Bulletin de la Société de Géographie de Paris*, 1880.

По выходѣ изъ ущелья Малаго Атласа, каждый берегъ уезда Драа представляетъ одно непрерывное селеніе до того мѣста, где рѣка, достигнувъ границы пустыни, принимаетъ юго-западное направление; на пространствѣ около 200 километровъ, отъ земли Мескига до земли Ктауа, ксары, зауи, груши хижинъ слѣдуютъ одинъ за другимъ въ видѣ двухъ параллельныхъ рядовъ въ узкой аллѣ. Населеніе, состоящее главнымъ образомъ изъ гараницновъ или черныхъ берберовъ, превратило долину въ одинъ обширный садъ. Тамошнія пальмы произволять лучшіе финики во всемъ западномъ Магребѣ, и въ такомъ обиліи, что во время путешествія Рольфса грузъ въ 150 килограмм. (9 пудовъ) продавался по дѣнѣ менѣе 2 франк. Въ тѣни финиковыхъ пальмъ растутъ зерновые хлѣба, но площадь посѣва ихъ недостаточна для покрытия собственнаго потребленія, и жители области Уэдъ-Драа должны прикупать зерно у горскаго населенія. Главная культуры — овощи: капуста, рѣпа, морковь, лукъ, томаты, дыни; въ южной части этого длиннаго оазиса, почти вся свободная почва между стволами финиковыхъ пальмъ занята плантациами лакрицы. Самый знаменитый ксарь въ долинѣ уезда Драа — городъ Тамагрутъ, лежащий на восточномъ берегу рѣки, противъ оконечности хребта Бани: онъ считается какъ бы столицей, благодаря религиозному вліянію его зауи, посвященной Сиди-Гамеду бенъ-Нассеръ, и важности его рынка, куда евреи не допускаются, какъ недостойные встрѣчаться съ истинно вѣрующими у подножія святыхъ стѣнъ; духовный орденъ цассириа имѣть наибольшее число адептовъ въ южномъ Марокко. Тамагрутъ не самый многолюдный ксарь: по численности населенія онъ уступаетъ городу Бени-Сбихъ, главному пункту богатой провинціи Ктауа и Бени-Мохаммедь, где «сто ксаровъ» тѣснятся вдоль рѣки, выпивая послѣднія струйки воды, текущія въ песчаномъ руслѣ⁴⁾). Въ сосѣдствѣ, на югѣ, кочуютъnomады эль-Гарібъ, прозванные «извѣшниками Судана», одно становище которыхъ пріобрѣло известность въ исторіи географіи пребываніемъ путешественника-изслѣдователя де-Калье, въ 1828 г. Ксарь Гарібовъ, откуда отправляются суданскіе караваны, носить название Заріръ⁵⁾.

Къ западу отъ верхняго Драа, въ четыре угольномъ пространствѣ, ограниченномъ съ сѣвера Анти-Атласомъ, съ юга — безводнымъ ложемъ нижняго Драа, несколько оазисовъ слѣдуютъ одинъ за другимъ, съ обѣихъ сторонъ хребта Бани, по течению ручьевъ, разрѣзывающихъ черезъ извѣстные промежутки стѣну скаль. Первый изъ этихъ оазисовъ, Тазенахтъ,

⁴⁾ C. Rohlfz, „Mein erster Aufenthalt in Marocco“.

⁵⁾ De Castris, цитирован. мемуаръ.

черезъ который протекаетъ рѣка того же имени, населенъ преимущественно ткачами, прежде очень богатыми, но нынѣ объединившимися, вслѣдствіе многолѣтней засухи, сопровождающей неурожаи и голодовками. Даѣе, въ западномъ направлениі, простирается обширный оазисъ Тиссентъ, почти сплошной, безъ прогалинъ, лѣсь, орошаѣмый многочисленными источниками. Въ рѣкѣ Тиссентъ всегда есть вода, но соленая; оттого мѣстные жители говорятъ, что уѣдь Тиссентъ вытекаетъ изъ моря: такъ же, какъ европейскіе физики до Паллісси, марокканцы воображаютъ, что воды океана просачиваются въ землю подъ горами, чтобы снова выйти на поверхность, въ видѣ источниковъ. Обогащаемый обильными сборами финиковъ, оазисъ Тиссентъ ведеть большую торговлю съ Марокко, Могадоромъ и областью Уэдъ-Сусъ. Суданское вліяніе тамъ такъ же замѣтно, какъ въ Нунѣ и въ королевствѣ Сиди-Гешамъ: жители, хотя и называютъ себя шеллахами, тѣмъ не менѣе почти все черные берберы (гаратины), и обычна ихъ одежда, кешкаба, похожая покроемъ на пончо испано-американцевъ, сдѣлана изъ синей бумажной матеріи, какъ и у обитателей Судана. Населеніе Тиссента славится своимъ благочестіемъ; совершивъ путешествіе въ Мекку составляеть предметъ пламенного желанія и цѣль высшаго честолюбія для всѣхъ и каждого. Тиссентъ едва-ли не единственное мѣсто въ Марокко, где можно встрѣтить, вѣвъ городовъ и монастырей, образованныхъ марокканцевъ, владѣющихъ искусствомъ чтенія и письма *).

Берберскія населенія сосѣднихъ горъ, состоящія изъ пастуховъ и земледѣльцевъ, принадлежать къ большой семье зенага или санхеджа и носятъ ея имя. Они очень гордятся своимъ происхожденіемъ и ревниво охраняютъ чистоту своей крови: между этими берберами не увидишь ни одного гаратина. Что касается языка, то они употребляютъ почти исключительно нарѣчіе тамазигтъ; между ними большая рѣдкость встрѣтить такого, который говорилъ бы по-арабски. По описанію Фуко, посѣтившаго этихъ горцевъ, они имѣютъ темно-бронзовый цвѣтъ кожи, мужественный и жесткія черты лица; почти все рослы, худощавы, сильны и неуклюжи. Они извѣсты какъ грозные воины, менѣе грозные, впрочемъ, чѣмъ арабскія племена равнинъ, дуи-беллалы, сюзерены и покровители оазиса Тиссентъ. Прежде эти дуи-беллалы были гораздо болѣе могущественны, и ни одно племя, на всемъ пространствѣ отъ Атласа и до Нигера, не могло бы устоять противъ нихъ; но постоянная междоусобія дотого ослабили ихъ численно, что во время проѣзда Фуко, въ 1883 г., въ краѣ осталась только молодежь; все мужчины зрѣла-

го возраста пали въ войнахъ, и совокупность боевыхъ силъ состояла всего изъ 1.800 ружей. По чистотѣ своего арабскаго діалекта, красотѣ лица, стройности фигуры и изяществу манеръ, дуи-беллалы не имѣютъ себѣ равныхъ между другимиnomadами южного Марокко.

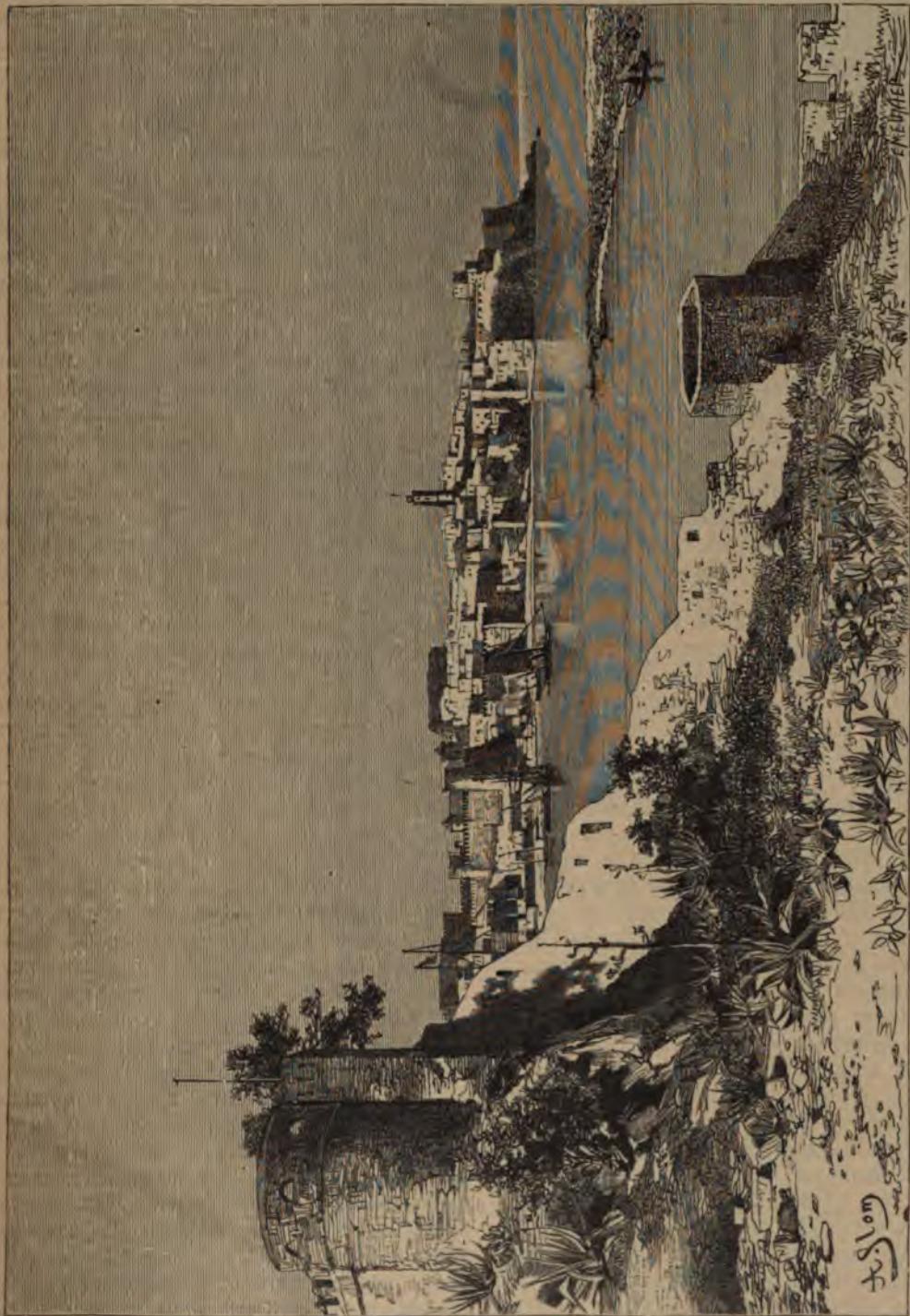
Оазисъ Татта, слѣдующій за Тиссентомъ въ западномъ направлениі, въ большей части разоренъ дуи-беллалами: призываляемые въ качествѣ союзниковъ въ междоусобныхъ войнахъ, они пользовались этимъ случаемъ, чтобы грабить ксары; около десятка деревень были совершенно покинуты жителями. Татта—самый обширный изъ всѣхъ оазисовъ, находящихся между уѣдомъ Драа и Атлантическимъ океаномъ, но онъ дѣлится на нѣсколько группъ, окруженнныхъ пустынями. Къ сѣверу отъ Бани оазисъ заключаетъ нѣсколько ксаровъ, расположенныхъ по берегамъ трехъ потоковъ; къ югу отъ этой цѣпи онъ представляеть въ большей части своего протяженія эргъ, песчаное пространство, среди котораго тамъ и сямъ встрѣчаются въ ложбинахъ кучки жилищъ, окруженнныхъ чахлыми камедными деревцами. Торговля этого оазиса, нѣкогда весьма значительная, нынѣ почти совсѣмъ прекратилась. Точно также оазисъ Акка, лежащий западнѣе, недалеко отъ истоковъ уѣда Нунъ, пересталъ быть торговымъ центромъ между Могадоромъ и Томбукту. До недавняго времени онъ былъ главнымъ сборнымъ пунктомъ южныхъ каравановъ, приводящихъ невольниковъ, приносившихъ золото, кожу и ткани изъ Судана. Его ювелиры изъ евреевъ славились своимъ искусствомъ; но промышленность и торговля однажды пришли въ упадокъ: населеніе Акки живетъ теперь исключительно доходомъ отъ финиковъ. Маленький еврейскій меллахъ (колонія), поселившійся въ этомъ оазисѣ, замѣчательнъ какъ мѣсто рожденія раввина Мардохея, однажды изъ рѣдкихъ путешественниковъ, рассказавшихъ географамъ о своемъ пребываніи въ Томбукту.

Въ настоящее время главный рынокъ области уѣда Драа—мѣстечко Мриминіа (Рагунія), лежащее къ югу отъ хребта Бани, на уѣдѣ Зегидъ, рыбной рѣчкѣ, где вода течетъ во всякой время года. Свяности марабутовъ Мриминіи купцы обязаны возможностью собираться безопасно въ этомъ мѣстѣ, несмотря на сосѣдство кочевниковъ дуи-беллалъ. Зауйя Сиди Абд-Аллаха и куббы его предковъ образуютъ центръ селенія, вокругъ котораго группируются хужини свободныхъ гаратиновъ и невольниковъ. Нѣсколько человѣкъ марабутовъ остаются постоянно въ монастырѣ, но большинство странствуютъ по деревнямъ и становищамъ съ специальной цѣлью — разносить «благословеніе» жертвамъ и стадамъ; они получаютъ обычную дань отъ того или другаго племени только послѣ того, какъ достаточно долго «освящали» его

* De Foucauld, цитированное сочиненіе.

своимъ присутствиемъ. На ярмарку въ Мрими-нѣ, продолжающуюся три дня, сходятся со всего бассейна Драа, изъ мѣстностей по течению уэда Сусъ и изъ Тафилельта; по размѣрамъ

часть же вымѣщено на заложникахъ, присутствующихъ на рынке. Между Мриминеи и Сиди-Гамедь-бенъ-Мусой, другая ярмарка, называемая Сукъ-аль-Мулукъ, въ territoriї

Рбатъ и устье Бу-Реграгъ.

торговаго движенія она уступаетъ только ярмаркѣ въ Сиди-Гамедь-бенъ-Муса, въ землѣ Таццерульть, гдѣ тоже купцамъ гарантирована безопасность дороги: всякое нападеніе, совершенное какимъ-либо племенемъ, было бы тот-

племень айтъ-юсса, тоже привлекаетъ много народу, менѣе, однако, чѣмъ двѣ предыдущія ¹⁾.

¹⁾ De Foucauld, цитированное сочинение.

Къ востоку отъ длиннаго оазиса уэда Драа, главныя берберскія племена—аитъ-седратъ и аитъ-атта, грозные воины, нравы которыхъ мало отличаются отъ нравовъ племени дуи-беллаль. Географическимъ условіямъ соответствуетъ и образъ жизни населенія: въ степи кочуютъnomads; по берегамъ рѣкъ остыли земледѣльцы. Такъ образовались оазисы вдоль уэда Тодра, уэда Зись и другихъ потоковъ, которые соединяются въ землѣ Тафилельта, заѣмъ пропадаютъ въ пустынѣ. Первый изъ этихъ оазисовъ, граничащій съ Дадесомъ и территоріей Аитъ-Седратъ, называется Тодра или Тодга: это узкая полоса воздѣланной земли, которая тянется съ сѣвера на югъ въ низменности, заключенной между Большими Атласомъ и Кожной цѣнью. Оазисъ Ферклла, гораздо меньшѣ предыдущаго, лежитъ на той же рѣкѣ, ниже по течению: средняя ширина этого оазиса около 1.500 метр. Часть его пальмовыхъ плантацій принадлежитъ могущественному племени аитъ-мебрадъ, которое въ 1883 г. дало генеральное сраженіе племени аитъ-атта и разбило его на голову; по рассказамъ, которые слышалъ французскій путешественникъ Фуко объ этомъ кровавомъ боѣ, двадцать тысячъ человѣкъ сошлись въ равнинѣ и двѣ тысячи труповъ усыпили собой поле сраженія.

Сравнительно съ долиной уэда Тодра (извѣстнаго ниже подъ именемъ Христъ) гораздо болѣе населена долина уэда Зись, который течетъ на югъ, и во время таянія снѣговъ соединяется въ той же лагунѣ съ выступившими изъ береговъ водами Тодры. Долина уэда Зись, начинающаяся у горнаго прохода Тизинть-эръ Риуть, огибающаго Большой Атлант, искони служить караванной дорогой между Фецомъ и Томбукту, какъ самая доступная и представляющая наиболѣе удобствъ для путниковъ въ отношеніи продовольствія. Почти отъ самого перевала верхняя долина уэда Зись или Герсъ, населенная берберами племени аитъ-сдигъ, по справедливости можетъ быть названа второй «Италіей» за разнообразіе ея произведеній и мягкость климата; берега рѣки представляютъ сплошной длинный садъ, гдѣ ксары слѣдуютъ одинъ за другимъ черезъ небольшіе промежутки⁴⁾; видѣ вѣ видно палатокъ, всѣ жилища построены изъ битой глины, смѣшанной съ соломой и мелкими камешками. Ниже одного хенега, гдѣ рѣка пробирается между двухъ высокихъ стѣнъ (180 метр.), пальмы присоединяются къ береговой растительности и скоро образуютъ длинный лѣсъ, продолжающійся изъ оазиса въ оазисъ до самой пустыни. Мдагра, первый изъ оазисовъ, принадлежащихъ къ области, извѣстной подъ общимъ именемъ Тафилельта, одинъ изъ самыхъ богатыхъ и много-

людныхъ на сахарской покатости: онъ заключаетъ въ себѣ около сорока укрепленныхъ мѣстечекъ и селеній, или ксаровъ, изъ которыхъ иные занимаютъ значительное пространство; самое большое изъ этихъ селеній, Касба эль-Кедима, или «Стара Крѣпость», имѣеть не менѣе 1.500 жителей. Мдагринскіе финики славятся своимъ превосходнымъ вкусомъ, также какъ и другие финики: виноградъ, маслины, персики, абрикосы и сливы. Казалось бы, этотъ благодатный уголокъ долженъ быть раемъ земнымъ; но обитатели его, «арабы изъ семьи Пророка», берберы племени аитъ-сдигъ и евреи живутъ далеко не какъ братья, и между ними есть много обездоленныхъ, которые терпятъ крайнюю нужду, и которыхъ косить болѣзни, порождаемыя дурными гигіеническими условіями: по словамъ Рольфса, болѣе двухъ третей жителей оазиса страдаютъ, въ большей или меньшей степени, глазными болѣзнями.

Къ югу отъ Мдагры не встрѣчается болѣе селеній племени аидъ-сдигъ; большинство жителей принадлежитъ къ большому союзу племенъ аитъ-атта, территорія котораго простирается на западъ до уэда Драа: по преданію, они прогнали, лѣтъ сто тому назадъ, арабскихъ шорфовъ, которые владѣли ксарами этой части Тафилельта, извѣстной подъ именемъ Эрбитъ или Ретебъ; но, поселившись въ краѣ и смѣшиваясь съ прежними обитателями, они утратили чистоту своей расы и частію усвоили нравы арабовъ; ихъ женщины ходятъ съ открытымъ лицомъ и отличаются отъ большинства другихъ марокканокъ тѣмъ, что татуируютъ себѣ различныя части тѣла. Столица Эртиба, эль-Зеригатъ, лежащая на правомъ берегу уэда Зись, есть, можетъ-быть, самый большой городъ во всемъ Тафилельта: по словамъ Рольфса, она можетъ выставить въ поле болѣе тысячи двухъ-сотъ вооруженныхъ людей; три раза въ недѣлю въ Зеригатѣ бываетъ значительный рынокъ. Недалеко оттуда, около Дуэрь, останавливается теченіе уэда Зись: ниже, прибрежные жители принуждены рыть песокъ въ сухомъ руслѣ, чтобы достать воды, кромѣ одного только мѣста—оазиса Тиссими, гдѣ рѣка вдругъ выходитъ на поверхность: съ той и другой стороны этого отпрѣска исчезнувшаго уэда возвѣгнуты крѣпкіе замки, гарнизонъ которыхъ зорко наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы враги не сдѣлали попытки отвести потоки въ сторону. Ниже, воды снова пропадаютъ, и жители южнаго Тафилельта получаютъ ее въ видѣ потока только весной, во время таянія снѣговъ; но тогда этотъ потокъ нерѣдко заливаетъ всѣ сады, и оазисъ Тафилельта становится озеромъ. Дайя эль-Даура, себха, въ которой теряются воды всѣхъ потоковъ, спускающихся съ восточнаго Атлазса, тоже превращается во временное озеро: въ благоприятные годы ее можно распахивать и за-

⁴⁾ Gerhard Rohlfs, „Reise durch Marocco“.

съвать, какъ ложе уэда Драа, въ котловинѣ Дебайя¹⁾.

Оазисъ, означаемый специально именемъ Тафилельтъ, или Тафилала, которое прежде ошибочно считали принадлежащимъ особому городу, есть самый важный центръ населенія во всей Сахарѣ; по Рольфсу, онъ имѣть не менѣе сотни тысячъ жителей, сгруппированныхъ въ полутораста слишкомъ ксарахъ. Туземцы, прибывая къ деревнямъ разсѣянные въ разныхъ мѣстахъ поселки, кучки избушекъ, жилыхъ, разоренныхъ или строящихся, могутъ сказать безъ преувеличенія, что ихъ оазисъ заключаетъ въ себѣ столько ксаровъ, сколько дней въ году. Пространство, на которомъ скучено такое множество земледѣльцевъ, вѣроятно, обнимаетъ около тысячи квадр. километровъ, и при томъ оно совершенно ограничено амфитеатромъ горъ: на сѣверо-западѣ джебель Бельгруль господствуетъ надъ долиной уэда Зись и посредствомъ полукруга высотъ примыкаетъ къ Адрару, т. е. «Горѣ» по преимуществу, соленосныя скалы которой вздымаются на югъ въ степи, на востокѣ и сѣверо-востокѣ высятся обрывы плато; мѣстность открыта только съ двухъ сторонъ: на сѣверѣ, черезъ долину, и на юго-востокѣ въ пустынѣ. Тафилельтъ почти не имѣть другой древесной растительности, кроме пальмъ; недостатокъ воды лѣтомъ не позволяетъ культивировать другія породы деревьевъ: но когда зимнія орошенія были достаточно обильны, здѣсь съюти также пшеницу, ячмень, клеверъ. Населеніе оазиса до недавняго времени состояло почти исключительно изъ арабовъ, но въ наши дни оно имѣть очень смѣшанный характеръ, и племя айтъ-атта овладѣло большимъ числомъ ксаровъ: въ Тафилельтѣ, какъ во всемъ Марокко и въ сосѣдней Алжиріи, старая берберская раса мало-по-малу вытѣсняетъ потомковъ арабскихъ завоевателей²⁾. Въ непосредственномъ сосѣдствѣ Тафилельта, среди восточныхъ степей, живутъ пастухи-номады различныхъ племенъ, известныхъ подъ именемъ браберъ или бераберъ.

Столица территоріи Тафилельтъ состоить изъ двухъ, близко одинъ отъ другого лежащихъ ксаровъ. На сѣверо-востокѣ стоитъ ксаръ Эръ-Риссані, резиденція губернатора оазиса; на юго-западѣ торговый людъ сгруппировалъ свои жилища въ ксарѣ Абуамъ или Бу-Амъ. Послѣдній занимаетъ первое мѣсто въ оазисѣ по числу и богатству жителей: это главный рынокъ всей мароккской Сахары между Туатомъ и областью Уэд-Драа. Обширный кварталь сплошь занятъ глиняными куполами, прикрывающими лавки купцовъ; можно подумать, что видишь передъ собой собраніе большихъ кучъ земли, нарытыхъ кротами. Каждая улица

является центромъ той или другой специальной отрасли торговли и промышленности. Здѣсь водворились суконники, торговцы краснымъ и сурошимъ товаромъ; далѣе сосредоточены продавцы мыла и масла, оливковаго и короля-го; въ другихъ мѣстахъ поселились оружейники, столяры, портные, сѣдельщики и сапожники, тѣ сапожники, которые уже многіе вѣка составляютъ славу и гордость Тафилельта: прежде утверждали даже, что только одни благородные имѣютъ право заниматься сапожнымъ ремесломъ,—въ такой великой чести была эта профессія¹⁾. Знаменитыя *джильдъ-эль-филали*, кожи, дубленыя въ Тафилельтѣ, при помоши одного плода, свойственного этой странѣ (вѣроятно, акаціи), отправляются въ Фецъ и Тлемсенъ; изъ Судана привозятъ на абуамскій рынокъ страусовый перья и золотой песокъ въ небольшомъ количествѣ, а также приводятъ невольниковъ на продажу. На базарѣ можно найти всякаго рода европейскіе товары, доставляемые главнымъ образомъ алжирскими купцами, за исключеніемъ чая, который всегда покупается у англійскихъ коммерсантовъ. Денежнымъ знакомъ въ торговыхъ сдѣлахъ, какъ и въ сѣверномъ Марокко, служить почти исключительно пятифранковая монета, и европейскіе товары вѣшаются на фунтъ, равный полкилограмму.

Губернаторъ, имѣющій пребываніе въ ксарѣ Эръ-Риссані, всегда назначается изъ братьевъ или по крайней мѣрѣ близкихъ родственниковъ султана, но власть его бессильна передъ волей общинахъ собраний: онъ не можетъ даже помѣшать жителямъ своего собственнаго ксара воевать съ сосѣдями. Если онъ остается въ городѣ, то только потому, что ему нужно сохранять по крайней мѣрѣ видъ власти, такъ какъ Тафилельтъ родина его фамилии. Это имя есть не что иное, какъ берберская форма имени Филалъ, мѣста въ Аравіи, откуда, будто бы, вышли предки Мулай Али-Шерифа, основателя нынѣ царствующей династіи. Гробница этого первого государя изъ дома Фелали еще существуетъ въ 4 километрахъ къ юго-востоку отъ Абуама, но никакой зауи не было основано рядомъ съ этимъ памятникомъ. На западѣ отъ нынѣшней столицы простирается обширное поле развалинъ, имѣющее по меньшей мѣрѣ 8 километровъ въ окружности: среди этой груды обломковъ, носящей имя Амра, стоять еще минареты и аркады мечети, украшенныя прелестными арабесками, такъ хорошо сохранившимися, какъ будто они только вчера сдѣланы²⁾. Амра или Мединетъ эль-Амера, «Населенный Городъ», есть несомнѣнно славный городъ Седжельмасса, или Сиджильмасса, о которомъ рассказываютъ средневѣковые писате-

¹⁾ Dastugue, „Bulletin de la Société de Géographie“, avril 1867.

²⁾ G. Rohlfs, цитированное сочиненіе.

¹⁾ Raffenel, „Voyage au pays des Nègres“.

²⁾ G. Rohlfs, цитированное сочиненіе.

ли, и который географы долго искали въ оазиса Тафилельта, пока Валькенеръ и д'Аvezacъ не доказали, что эти два имени, Тафилельта и Седжельмасса, тождественны какъ название страны¹⁾). Седжельмасса былъ построенъ столько лишнимъ лѣтъ послѣ геджры, и хотя разоряемый осадами и войнами, даже разрушенный «пушкой»²⁾ въ 1274 г., онъ служилъ резиденціей Тафилельтскому губернатору до конца семнадцатаго вѣка, когда былъ построенъ форть Эръ-Риссани. Но и послѣ того его продолжали считать какъ бы формально существующимъ. Еще въ началѣ XVIII ст. караванъ богомольцевъ, отправляющейся въ Мекку, сбирался у воротъ Седжельмассы, прежде чѣмъ выступить въ путь къ святымъ мѣстамъ. Мечеть была до 1815 г. университетскимъ центромъ, где около пятисотъ студентовъ содержались на счетъ государства; даже во второй половинѣ настоящаго столѣтія тамъ еще читалась по пятницамъ публичная молитва за мароккскаго императора³⁾.

Рѣчна система, слѣдующая за бассейномъ уѣдовъ Хрисъ и Зисъ въ восточномъ Марокко, гораздо обширнѣе по развѣтвлению своихъ потоковъ; но, получая начало въ менѣе высокихъ горахъ, покрывающихся снѣгомъ лишь на нѣсколько недѣль въ году, она бѣднѣе водой; селенія тамъ рѣже и малолюднѣе; впрочемъ, проходя на сѣверѣ большой гамады, путникъ можетъ быть увѣренъ, что найдетъ на каждомъ этажѣ фонтанъ или ручей, пастища и жилища⁴⁾). Мароккскія войска никогда не проникаютъ въ эти области сахарской покатости, хотя тамошнія племена признаютъ духовное главенство султана-шерифа, но французскіе экспедиціонные отряды много разъ проходили тѣми мѣстами въ погонѣ за враждебными алжирцами. Въ 1870 г. колонна Вимифена обслѣдовала въ 250 килом. отъ оранской границы часть верхняго бассейна уѣда Гиръ, въ непосредственномъ сопѣдствѣ оазисовъ Тафилельта; такимъ образомъ прибавился новый маршрутъ къ тому, который, за восемнадцать вѣковъ до нашей эпохи, начертала, отъ Мавританіи Тингитанской до рѣки Геръ, римская экспедиція подъ начальствомъ претора Светонія Паулина. Точныхъ указаний одного воина племени шанба, Ахмеда бенъ-Ахмеда, позволили также построить путевникъ, простирающійся отъ эль-Голеа до Тафилельта черезъ Туатъ⁵⁾. Главныя племена, обитающія въ этой пограничной съ пустыней области,—берaberъ, бени-гиль, дуиніа-

меніа и уладъ-джерири. Берберы бени-гиль занимаютъ преимущественно горныя пастища, около истоковъ ручьевъ, изъ которыхъ образуются уэды Гиръ, Кенаца и Зусфана; племена дуиніа и уладъ-джерири, оба арабскаго происхожденія и родственныя алжирскимъ гаманамъ, живутъ ближе къ области песковъ. Эти различные народы часто называются общимъ именемъ зегду, т. е. «Союзники».

Верхніе источники Гира (слово это значитъ «рѣка»⁶⁾) берутъ начало на плоскогорьяхъ, въдалеко отъ верхнихъ притоковъ Молуйи, и глубокими ущельями перерѣзываютъ южные откосы горъ, окаймляющихъ Сахару. Главный оазисъ этой возвышенной области, Аинъ-Шаиръ, имѣть еще нѣсколько пальмъ, хотя онъ лежитъ на высотѣ 980 метр.; но, какъ показываетъ самое имя его, «Фонтанъ Ячменя», онъ воздѣлывается главнымъ образомъ хлѣбными растеніями, и жители всѣхъ нижнихъ оазисовъ приходятъ сюда запастья хлѣбомъ. По соединеніи съ другими источниками, ручьи Аинъ-Шаира вырыли себѣ широкое русло, которое они наполняютъ зимой, и въ которомъ пробирается подъ пескомъ невидимый потокъ въ лѣтнее время. При выходѣ изъ области горъ, въ землѣ Дуи-Меніа, рѣчное ложе становится дотого обширнѣмъ, что его прозвали Бахаріатъ, или «Малымъ моремъ»; и действительно, это было озеро въ предшествующую эпоху: воды дробятся здѣсь на безчисленное множество струекъ, между которыми тамариски разрослись въ цѣлые лѣса; всѣ прогалины распаханы и засѣяны; только около центра равнины, нѣкогда затопленной, пески образовали дюны⁷⁾. Непосредственно за этой зеленѣющей низменностью слѣдуетъ одна изъ самыхъ мрачныхъ и самыхъ страшныхъ областей пустыни, залегающая между уѣдомъ Гиръ и уѣдомъ Зисъ: это высокая каменистая равнина, называемая иногда «гамада эль-Кебиръ» (Большая), по причинѣ ея значительного протяженія. Впрочемъ, размѣрами она далеко уступаетъ многимъ другимъ плато Сахары, такъ какъ ширина ея не болѣе 100 километр.; но переходъ черезъ нее крайне утомителенъ, по причинѣ острыхъ камней, которыми она покрыта. Средняя высота ея около 800 метр.; она поднимается постепенно, почти нечувствительно, отъ береговъ уѣда Гиръ въ западномъ направлении, и круто понижается къ оазисамъ Тафилельта.

На опушкѣ пустыни, между Тафилельтомъ и алжирской границей, находимъ два религиозныхъ центра. Одинъ—городъ Эсъ-Сахели, въ верхнемъ Гирѣ, где властвуетъ «верховный глава» ордена нассиріа, имѣющій право брать себѣ долю изъ всѣхъ приношеній, дѣляемыхъ

¹⁾ Walkenaer, „Recherches g ographiques sur l'int rieur de l'Afrique septentrionale“;—d'Avraca, „Etudes de G ographie critique“;—Renou, „Description g ographique de l'empire de Maroc“.

²⁾ De Slane, „R evue Africaine“, avril 1857.

³⁾ Dastugue, „Bulletin de la Soci t  de G ographie de Paris“, avril 1867.

⁴⁾ G. Roblfs, „Mein erster Aufenthalt in Marocco“.

⁵⁾ A. Coyne, „Une Ruazzia dans le grand Sahara“.

⁶⁾ H. Duverrier, „Bulletin de la Soci t  de G ographie“, sept. 1872.

⁷⁾ Wimpffen, „Bulletin de la Soci t  de G ographie“.

мкаддемамъ другихъ духовныхъ братствъ¹⁾). Другой—городъ Кенаца, лежащий недалеко отъ истоковъ уэда того же имени, среди маленькаго песчанаго моря и у основания уединенного плато. Въ этомъ городѣ существуетъ зауиа ордена Сиди Бу-Зіанъ, основанная въ одиннадцатомъ столѣтіи; монастырь не защищенъ никакими стѣнами: нѣть разбойника, который бы не уважалъ его и не привѣтствовалъ его хуановъ низкимъ поклономъ и цѣлованіемъ полы ихъ платья; въ большинствѣ сосѣднихъ оазисовъ самое назначеніе шейховъ принадлежитъ этимъ святымъ марабутамъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи лишь немногій пальмъ и небольшія поля, засѣваемыя ячменемъ, обитатели зауи зависятъ въ отношеніи пропитанія отъ доброхотныхъ приношеній вѣрующихъ. Къ западу отъ Кенацы, на дорогѣ изъ оазиса Боанамъ, кабилы племени бени-сите добываютъ свинцовую и сурмянную руду. Сотни жителей этой области уходятъ каждый годъ на заработки въ города Марокко: это мзабиты западнаго Магреба²⁾.

Оазисъ Фигигъ, самый многолюдный во всемъ верхнемъ бассейнѣ уэда Гиръ, лежить верстахъ въ пятидесяти отъ воображаемой линіи, фактически принятой за границу между двумя государствами, Алжиріей и Марокко. Въ ксарахъ этого оазиса живетъ около 15.000 человѣкъ, принадлежащихъ почти исключительно къ племени амуръ, а между тѣмъ слава этого маленькаго центра населенія гремѣть во всѣхъ концахъ обширной Сахары, благодаря установившемуся и общераспространенному преданію, что Франція и обитатели Фигига уже съ половины настоящаго столѣтія ведутъ войну между собой, и что послѣдніе въ концѣ концовъ одержали верхъ. Не имѣя никакого понятія о дипломатическихъ фикціяхъ, они воображаютъ, что если французы не овладѣли непріятельскимъ оазисомъ, то это потому, что такой подвигъ былъ имъ не подъ силу³⁾. Правда, что французскіе экспедиціонные отряды, обошедшіе область высокихъ плато и горъ, оставляли въ сторонѣ Фигигъ, или по крайней мѣрѣ не проникали внутрь его ксаровъ. Въ 1866 г. колонна подъ командой де-Коллона установила свой лагерь въ равнинѣ, разстилающейся непосредственно на сѣверѣ оазиса и его холмовъ, изслѣдованныхъ во всѣхъ направленияхъ. Топографы этой экспедиціи могли безъ всякой помѣхи снимать планъ страны. Сосѣдство французовъ и военное безсилие маленькихъ ксаровъ Фигига въ виду солидныхъ армій имѣло то слѣдствіе, что придало нѣкоторую реальность узамъ зависимості, связывающимъ этотъ оазисъ съ Мароккской имперіей.

Совокупность ксаровъ, средняя высота кото-

рыхъ превосходитъ 700 метр., окружена горами, раскиданными въ беспорядкѣ на плато и поднимающимися на 200—400 метр. надъ пальмовыми плантаціями равнинны Рѣчка, или вѣрнѣе русло, заключающее тамъ и сямъ лужи стоячей воды, извивается на сѣверѣ оазиса, затѣмъ уходить черезъ хенегъ, открывающійся на западѣ отъ деревень, и спускается на югъ, чтобы идти на соединеніе съ Зусфаной, одной изъ главныхъ вѣтвей уэда Гиръ: противъ Фигига рѣчка называется уэдъ эль-Галлуфъ, или «Кабаний потокъ»; но это название мѣняется при каждомъ новомъ ущельѣ, при каждомъ слѣяніи съ другимъ ручьемъ. Пальмы оазиса производятъ еще превосходные финики: мы находимся на естественной границѣ между областю плоскогорій и областю Сахары; альфа смѣняется дриномъ, растеніемъ, свойственнымъ по преимуществу пескамъ пустыни¹⁾. Ячмень даетъ обильные урожаи въ орошаемыхъ лощинахъ; часто окрестныя племена приходятъ на фигигскій рынокъ запасаться хлѣбомъ. Почти всѣ ксары, расположенные на неправильной террасѣ, окружены общей оградой, имѣющей около 16 километр. длины; впрочемъ, эта ограда есть не что иное, какъ стѣна изъ битой глины въ 2 метра вышиной, прорѣзанная бойницами и фланкированная маленькими башнями. Самое большое село, лежащее въ юго-западномъ углу, носить имя Зенага, напоминающее бывшій союзъ племенъ зенага или санхеджа, члены котораго разсѣяны по всей сѣверной Африкѣ, отъ Туниса до Сенегала. Это мѣстечко единственное въ Фигигѣ, не имѣющее собственного источника: оттого жители его не усносились до тѣхъ поръ, пока не отвоевали оросительный потокъ у своихъ сосѣдей; при помощи подземнаго канала они отвели источникъ Эль-Удагиръ, затѣмъ соорудили бордж для защиты своего нового приобрѣтенія. Вода такъ дорога въ этомъ оазисѣ, что харубба, т. е. право пользованія источникомъ дважды въ мѣсяцъ, въ теченіе одного часа каждый разъ, продается у зенаговъ по 600 франк.

Всѣ другіе ксары построены при источникахъ. Въ сѣверо-восточномъ углу оазиса двѣ деревни, называемыя Эль-Гаммамъ, т. е. «Термы», имѣютъ даже воды высокой температуры. Дома вообще содержатся очень опрятно, и сами обитатели отличаются заботливостью о своей особѣ, также какъ красотой чертъ и благородствомъ осанки; у нихъ, какъ и у многихъ другихъ берберовъ, блокуры волосы и голубые глаза—не рѣдкость. Кромѣ девяти ксаровъ, запертыхъ стѣной оазиса, два мѣстечка. Тарла и Бени-Унифъ, находятся виѣ ограды, на западномъ берегу долины, и многочисленныя группы палатокъ, гильтана, разсѣянны по ска-

¹⁾ De Castries, цитированъ мемуаръ.

²⁾ Renou, „Description gеographique de L'empire de Maroc“.

³⁾ De Foucauld, цитированъ сочиненіе.

¹⁾ H. Duveyrier, „Bulletin de la Soci t  de G ographie de Paris“, sept. 1862.

тамъ холмовъ. Всѣ вѣнчніе оазисы, или джали¹⁾, принадлежать зенагамъ, которые, не будучи въ состояніи культивировать всѣ свои пальмы, собираютъ съ нихъ плоды въ два года разъ. Во всѣхъ оазисахъ вмѣстѣ насчитывается около 200.000 финиковыхъ пальмъ. Каждый ксаръ черезъ двухлѣтніе промежутки избираетъ мѣстный совѣтъ (по одному члену на пятьдесятъ избирателей), который назначаетъ изъ своей среды начальника совѣта, казначея и судью, могущихъ быть вновь выбранными неопредѣленное число разъ. Четыре раза въ годъ, въ обычновенное время, и чаще въ критическіе моменты, общее вѣче, или джемаа, собирается въ прогалинѣ, нейтральной мѣстности, лежащей въ центрѣ оазиса Фигигъ, и обсуждаетъ общія дѣла республики. Попеченіе о духовныхъ нуждахъ народа вѣбрается этимъ общимъ собраниемъ группѣ марабутовъ, влияніе которыхъ, религіозное и политическое, распространяется, повидимому, до предѣловъ алжирскаго Телля; въ каждой деревнѣ есть мечеть, которая всегда строится подлѣ источника, и сюда-то приходить поучаться юношество изъ оазисовъ и изъ Марокко. Фигигъ—это главный университетъ страны. Понятно, что этотъ очагъ пропаганды противъ руми, лежащей въ вепосредственномъ сосѣдствѣ границы и служащей убѣжищемъ для мятежниковъ и дезертировъ, представляеть, въ политическомъ смыслѣ, гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ то, которое принадлежитъ этому оазису по численности его населенія. Жители Фигига уходятъ въ большомъ числѣ на заработки: они славятся какъ отличные каменщики и искусные рудокопы. Женщины ткуть бумажную и шерстяныя матерія, вышиваютъ хаинки и красятъ ткани. Въ оазисѣ живетъ нѣсколько евреевъ, но имъ запрещено «подъ страхомъ смерти» давать дѣнги въ ссуду; точно также они не имѣютъ права приобрѣтать въ собственность дома или сады²⁾.

Фигигъ находится недалеко отъ одного изъ будущихъ путей, которые направляются черезъ Сахару, но важнейший жизненный пунктъ—это ксаръ Игли, лежащий при слияніи уѣдовъ Гиръ и Зусфана, образующихъ уадъ Саура, долина котораго продолжается на югъ между грядами дюнъ. Этотъ оазисъ, гдѣ соединяются долины, есть обязательное мѣсто прохода для каравановъ: здѣсь сходятся дороги Алжиріи, Марокко, Туата³⁾. Населеніе его состоитъ изъ семействъ, принадлежащихъ къ двумъ племенамъ, дуйменіа и уладъ-сиdi-шайхъ. Между Фигигомъ и оазисомъ Игли, самые большия пальмовые лѣса, содержащіе около 100.000 финиковыхъ пальмъ, принадлежать богатому племени бени-

гуми, состоящему въ вассальной зависимости отъ племени дуй-меніа. Въ этой области нерѣдко происходитъ большое передвиженіе людей и стадъ, сообразно смѣнѣ временъ года. Лѣтомъ пастухи кочуютъ на плоскогорьяхъ, а на зиму спускаются въ рѣвінны; если они замѣшиваются, стада сами уходятъ, такъ что пастухи поневолѣ должны следовать за скотомъ⁴⁾.

II. Соціальное и экономическое состояніе Марокко.

«Нельзя слишкомъ превознести Марокко», замѣчаетъ Гукерь, когда говоришь о богатствѣ его естественныхъ ресурсовъ. Эта страна имѣеть всѣ выгоды: теплый климатъ, обилье воды, плодородіе почвы, разнообразіе произведеній, счастливое торговое положеніе между двумъ моремъ, въ углу континента. Хотя лежащій подъ той же широтой, какъ и Алжирія, Магребъ эль-Акса далеко превосходитъ послѣднюю совокупностью своихъ географическихъ условий. Тогда какъ во французской колоніи центральную полосу занимаетъ область однообразныхъ плоскогорій, солонцоватыхъ и почти безводныхъ пространствъ, въ Марокко хребеть страны образуетъ великолѣпная цѣль горъ, съ обильно орошающими долинами, съ поднимающимися одинъ надъ другимъ поясами климатовъ и растительности, которые представляютъ всю послѣдовательность земныхъ флоръ: за исключеніемъ нѣсколькихъ растеній тропического пояса, марокканцы могли бы воздѣлывать всѣ растительные виды, полезные для питания и промышленности; въ то же время горы изъ не менѣе богаты металлоносными жилами, чѣмъ горы Испаніи. А между тѣмъ эта земля, такъ щедро одаренная природой, играетъ ничтожную роль въ общемъ равновѣсіи націй. Это потому, что мало найдется странъ, где бы жители были болѣе порабощены: правительство тамъ присвоило себѣ всѣ права, и произволу его нѣтъ границъ. Счастье еще, что большинство берберскихъ племенъ внутренняго Марокко могли сохранить свою независимость отъ султана, а въ приморскихъ городахъ европейскіе консулы могутъ сдерживать агентовъ власти. «Этимъ только, говорить Гукерь, и объясняется тотъ странный фактъ, что правительство, которому иногда оказываются содѣйствіе засухи, саранча и холера, не успѣло еще превратить страну въ пустыню». Въ неурожайные годы населеніе иногда должно питаться жалудами⁵⁾.

Тѣмъ не менѣе было бы несправедливо повторять, вмѣстѣ съ нѣкоторыми писателями,

¹⁾ De Castris, „Bulletin de la Société de Géographie de la province d'Oran“, 1882, № 14.

²⁾ Anne Levineck, „Revue de Géographie“, janvier 1885.

³⁾ Roblfs, „Reise durch Marocco“;—Camille Sabatier, „La Question du sud-ouest“.

⁴⁾ L. de Colombe, „Exploration des ksour et du Sahara dans la province d'Oran“.

⁵⁾ Oscar Lenz, цитированное сочиненіе.

что «варварийский Китай» запретъ всякому прогрессу. Сравнивая разсказы путешественниковъ, прежнихъ и новѣйшихъ, убѣждаешься, что въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ и здѣсь совершились большія перемѣны. Теперь европейцы безопасно разѣзжаютъ по всей территоріи бледъ-эль-махзенъ; имъ не запрещается болѣе учиться арабскому языку, и они безъ труда находятъ себѣ преподавателей; фанатическая ненависть къ иностранцамъ уже не проявляется, какъ было прежде, и во многихъ мѣстахъ смѣнилась дружелюбнымъ отношеніемъ; принятый очень ласково жителями Марракеша, путешественникъ Ленцъ съ удивленіемъ спрашивалъ себя: тотъ ли это городъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ его соотечественникъ Мальцанъ долженъ быть преобразился въ еврея, чтобы пробраться въ святой градъ, подъ покровомъ общественного презрѣнія. Если и теперь еще опасно путешествовать между берберскими племенами, то причина тому не ненависть къ руми, а недовѣріе къ наблюдателю, на котораго они смотрятъ какъ на соглядата. Марокко постепенно вовлекается въ орбиту европейскихъ націй; каждый городъ побережья имѣть маленькую колонію негоціантовъ, а въ городѣ Фецѣ насчитываются около пятисотъ испанцевъ, по большей части дезертировъ или бѣглыхъ. Защищенный политически взаимной зависимостью соперничающихъ державъ, Марокко аннексируется мало-по-малу посредствомъ торговли. Нѣтъ ни одной шеллахской деревни на Атласѣ, ни одного гарантинского ксара въ мароккскомъ Суданѣ, гдѣ бы не прохлаждались чаемъ, привезеннымъ изъ Китая англичанами, гдѣ бы не жгли перосина, происходящаго изъ нефтяныхъ источниковъ Америки. Съ другой стороны, Марокко въ послѣднее время сдѣлался одной изъ любимыхъ странъ у европейскихъ художниковъ. Сколько прекрасныхъ картинъ, которыми мы любуемся въ нашихъ галереяхъ, были написаны на базарахъ, передъ воротами и башнями Феца и Танжера!

Земледѣлѣ, эта древнѣйшая и всего медленѣе преобразующаяся промышленность, очень мало измѣнилось въ своей традиціонной рутинѣ. Вслѣдствіе запрещенія вывоза пшеницы и ячменя, культура ихъ нисколько не расширяется, несмотря на то, что почва Марокко, особенно почва Гарба и всѣхъ западныхъ равнинъ какъ нельзя болѣе пригодна для воздѣлыванія этихъ хлѣбныхъ злаковъ; но площадь полей, засѣваемыхъ кукурузой, горохомъ, бобами, чечевицей, всѣми зерновыми продуктами, вывозъ которыхъ разрѣщенъ, постоянно возрастаетъ; торговое благосостояніе западныхъ равнинъ, процвѣтавшихъ въ XVI вѣкѣ, въ эпоху португальскихъ предпріятій¹⁾, снова подня-

лось въ землѣ Дуккала и въ соѣднѣхъ мѣстностяхъ. Въ послѣднее время не было акклиматизировано ни одного растительного вида; марокканцы не культивируютъ землѣныхъ фисташекъ, который вполнѣ удалился бы въ областяхъ атлантическаго побережья; не развели они и чайного дерева въ долинахъ Атласа. Точно также не было сдѣлано никакой попытки ввести новые породы животныхъ или улучшить туземныхъ посредствомъ скрещивания¹⁾. Вывозъ рогатаго скота ограничивается нѣсколькими тысячами головъ для каждого изъ государствъ западной Европы; что касается вывоза овецъ и лошадей, то онъ строго запрещенъ, и въ Европѣ не увидишь другихъ марокканскихъ коней, кромѣ тѣхъ, которыхъ султаны присылаютъ въ подарокъ европейскимъ государямъ. Всѣмъ извѣстны необыкновенныя качества варварийской лошади; впрочемъ, кажется, эта порода, взятая въ цѣломъ, значительно выродилась въ Магребѣ-эль-Акса. Мароккскіе мулы отличаются такой же силой и выносливостью, какъ испанскіе.

Приблизительное исчисленіе домашнихъ животныхъ Марокко, по Ленцу:

Овецъ — 40 000.000, козъ — 11.000.000, крупнаго рогатаго скота — 5.500.000, ословъ и муловъ — 4.000.000, лошадей — 500.000, верблюдовъ — 500.000.

Мароккская промышленность, защищенная системой отчужденія, которой всегда придерживалась шерифская политика, лучше сохранилась, чѣмъ промышленность другихъ магометанскихъ странъ. Ковры, матеріи, сафьянны, оружіе, изразцы — все еще дѣлаются въ Марокко по преданіямъ стараго искусства, и пѣ-которые изъ этихъ произведеній, между прочимъ, бѣлые хаинки, сотканные изъ тонкой шерсти по шелковой основѣ, отличаются замѣчательной красотой. Но десяти-процентная ввозная пошлина, тяготѣющая надъ иностранными товарами, не въ состояніи устранить ихъ съ рынковъ Марокко, и произведенія европейскихъ мануфактуръ все болѣе и болѣе вытѣсняютъ туземныхъ изѣблія. Пароходы, поддерживающіе правильное сообщеніе между всѣми городами поморья, караваны, приходящіе туда запасаться провизіей, содѣйствуютъ ежедневно промышленной революціи, совершающейся внутри имперіи. Еще гораздо быстрѣе будутъ перемѣны, когда Марокко, неимѣющій теперь никакихъ правильныхъ дорогъ, кромѣ одной, да и то плохо сдержанной, — дороги изъ Феда въ Мекинецъ, — обзаведется, въ свою очередь, удобными и скорыми путями сообщенія. Въ настоящее время посольства, отправляющіеся изъ Танжера въ Фецѣ, употребляютъ среднимъ числомъ отъ 12

¹⁾ E. Pellissier, „Mémoire historique et géographique sur l'Algérie“.

¹⁾ H. von Maltzan, „Drei Jahre im Nordwesten von Afrika“.

до 14 дней на этот короткий переход въ какихъ-нибудь 200 километровъ¹⁾). Но давно уже была предложена постройка желѣзной дороги изъ Феца въ Лалла-Магнію²⁾), и хотя это дѣло остановилось въ виду дипломатическихъ препятствій, такъ какъ опасаются, и не безъ причины, что за проходомъ локомотивовъ послѣдуетъ проходъ армій,—тѣмъ не менѣе китайская стѣна, начинаящаяся отъ алжирской границы, не можетъ долго существовать. Торговый кругъ Европы все тѣснѣе и тѣснѣе охватываетъ магометанскую энклаву. Изъ европейскихъ государствъ всего больше имѣютъ торговыхъ сношеній съ Марокко Англія и Франція: половина всего обмѣна приходится на долю Великобританіи; непрерывное сообщеніе между Танжеромъ и Гибралтаромъ, имѣющее цѣлью снабженіе послѣдняго продовольствіемъ, уже само по себѣ составляетъ значительную часть мароккской торговли.

Обороты виѣшней торговли Марокко въ 1895 г. представляли слѣдующія цифры (въ фунтахъ стерлинг.):

Привозъ—1.706.176, вывозъ—1.586.345
фунт. стерлинг.

Торговля Марокко съ Франціей въ 1895 г.:

Вывозъ—328.389, ввозъ—446.991 фунт.
стерлинг.

Движеніе судоходства въ 1895 г.: въ приходѣ—1.895 судовъ, вмѣстим.—862.714 тон.

Къ показываемой статистикой цифрѣ торговыхъ оборотовъ съ Франціей слѣдовало бы прибавить еще цѣнность контрабандной торговли, которая ведется съ Тлемсеномъ черезъ сухопутную границу. Право собственности въ Марокко признано за всѣми иностранцами, въ силу мадридской конвенціи, подписанной въ 1880 г.; но покупка земель можетъ быть дѣлаема не иначе, какъ съ предварительного согласія шерифскаго правительства, а это согласіе очень трудно получить.

Перемѣны, совершающіяся въ нравахъ и понятіяхъ, еще не довольно значительны, чтобы обнаружиться косвенно въ учрежденіяхъ, за исключеніемъ городовъ, гдѣ проживаютъ иностранцы. Такъ, школы, существующія во внутреннемъ Марокко, все тѣ же медерсе, гдѣ читаютъ на распѣвъ стихи Корана; тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать того факта, что уровень образования поднимается, благодаря возрастающимъ сношеніямъ Марокко съ другими странами, чрезъ посредство торговли, временной эмиграціи, даже хожденія на богослужбѣ въ Мекку, благодаря также примѣру, который подаютъ еврейскія школы, основанные съ 1862 года въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ Марокко израильскимъ союзомъ (*Alliance Israélique*); и въ 1884 г. въ этихъ школахъ

числилось свыше 1.150 учащихся, которые всѣ получаютъ образованіе на французскомъ языке, сдѣлавшемся цивилизованнымъ діалектомъ еврейского и иностранного общества. Газеты и журналы издаются только въ портовыхъ городахъ и въ столицѣ; арабскихъ книгъ болѣе не пишутъ. Полигамія такъ же рѣдка въ Марокко, какъ и въ Алжирѣ; исключеніе составляютъ только вельможи, которые уже для поддержанія своего достоинства обязаны имѣть большое число женъ. Султанъ-шерифъ имѣетъ ихъ цѣлыхъ сотни: говорятъ, гаремъ его каждую пятницу увеличивается новой супругой. Наконецъ, старыя формы рабства продолжаютъ еще существовать въ Марокко; если торговля бѣлыми невольниками отмѣнена формально уже съ 1777 г., то торговля неграми до сихъ поръ практикуется регулярно съ той и другой стороны Сахары, и даже у самыхъ дверей консульствъ Танжера. Публичная продажа живаго товара официально воспрещена, но въ послѣдніе годы обороты этой гнусной торговли болѣе, чѣмъ удвоились: многія тысячи несчастныхъ приводятся ежегодно караванами изъ Судана, складочные пункты которыхъ находятся въ Тафилельѣ и въ области Уэдъ-Сустъ. Высшіе сановники имперіи все еще имѣютъ позорную привычку подвергать дѣтей кастрації¹⁾.

Султанъ, происходящій изъ рода тафилельскихъ шорфовъ—откуда и титулъ его «шерифское величество»—есть самодержавный государь, настолько, по крайней мѣрѣ, насколько это позволяетъ законъ Корана; впрочемъ, ему же принадлежитъ право истолкованія этого закона, ибо онъ не только свѣтскій повелитель, но также и духовный владыка миллионовъ людей, населяющихъ западный Магребъ; его императорская воля—вотъ единственный законъ. Султанъ удостоивается брать себѣ советниковъ и правительственные агентовъ, но у него нетъ министровъ въ точномъ смыслѣ этого слова; онъ даетъ приказы, даже когда спрашиваетъ совета. Тѣмъ не менѣе, ему достаточно обратить взоры къ Танжеру, где имѣть пребываніе иностранные консулы, чтобы понять, насколько власть его отнынѣ ограничена. Одинъ португальскій орденъ, «Башня и Шпага», постоянно напоминаетъ марокканцамъ, что завоеваніе Феца и его башенъ осталось цѣлымъ честолюбивыхъ стремленій его сѣверныхъ съдѣй. Впрочемъ, территорія западнаго Магреба уже почата, такъ какъ испанцы владѣютъ крѣпостями на побережье и прочно утвердились у внутреннихъ воротъ Гибралтарскаго пролива; кроме того, Мароккской имперіи нужно еще переносить унижение, представляя побѣдителямъ при Тетуанѣ искать себѣ на атлантическомъ берегу стратегическую или военную

¹⁾ Oscar Lenz, „Timbuctu“.

²⁾ O Mac Carthy, „Carte du Sud Oranais et des parties limitrophes du Maroc“, 1881.

¹⁾ Oscar Lenz, цитир. наимѣн. сочиненіе—„Parliamentary Papers“, 1885, № 1.

позицио, какая имъ понравится. Со стороны Алжирія царство султана-шерифа точно отграничено, и Франція не владѣетъ никакими энклавами на территории, оставленной марокканцамъ; но сколько разъ эта фиктивная демаркационная черта, не совпадающая съ какими-либо естественными границами, долинами или горными цѣпями, и не имѣющая никакого этнографического или военного значения, была переходима французскими отрядами во время преслѣдованія враждебныхъ племенъ амуръ, бени-изнатенъ или сидишайхъ, которыхъ всегда находятъ хороший прѣемъ у султана, но которыхъ онъ не защи-

жалобу со стороны какого-нибудь европейскаго протеже о нарушеніи его интересовъ, сultанское правительство спѣшитъ заплатить вознагражденіе за убытки, чтобы только избѣжать дипломатическихъ затрудненій. Часто этимъ пользуются беззастѣнчивые люди, заставляя себѣ платить крупныя суммы, на которыхъ они не имѣли ни малѣшаго права.

Власть иностранныхъ консуловъ распространяется иногда на самихъ магометанъ: каждый консулъ пользуется даже привилегіей брать подъ свое покровительство до двѣнадцати человѣкъ туземцевъ. Когда марокканецъ имѣеть какую-нибудь претензію къ европейцу, онъ

Школа въ Фецѣ.

щаетъ силой своего оружія! Съ своей стороны, Великобританія присвоила себѣ роль державы-покровительницы въ отношеніи Марокко и часто давала ему субсидіи: это она помѣщала побѣдоносной арміи испанцевъ идти на Танжеръ. Наконецъ, торговыя трактаты, заключенные съ Марокко европейскими державами, развѣ не продиктованы ему, статья за статьей? Даже маякъ мыса Спартель, освѣщающій входъ въ проливъ, у порога имперіи, былъ построенъ иностранцемъ, и заботы о содержаніи его берутъ на себя, по-очередно, европейскіе консулы. Султанъ-шерифъ знаетъ, что у него нѣть необходимой силы, чтобы противиться волѣ Европы, и что существованіе его имперіи не имѣеть другой гарантіи, кроме взаимной зависимости большихъ государствъ. Оттого, услышавъ

долженъ жаловатьсяся консулу-покровителю и у него искать правосудія. Съ другой стороны, иностранецъ, въ случаѣ тяжбы съ марокканцемъ, долженъ обращаться къ кади; но если онъ недоволенъ решеніемъ туземнаго суды, то имѣеть право апеллировать къ султану, чрезъ посредство своего посланника. Но съ марокканцами судъ гораздо короче. Система наказаній, или вѣрнѣ судебная месть, отличается въ Марокко ужасающей жестокостью. Если осужденные рѣдко караются насильственной смертью, то многие изъ нихъ только больше страдаютъ отъ этого, будучи обречены на медленную агонію. Въ государственныхъ тюрьмахъ томится не мало несчастныхъ, у которыхъ голова продѣта въ желѣзный ошейникъ, заставляющій ихъ все время оставаться въ стоячемъ

положени; многие остроги представляют собою воинчія клоаки, гдѣ забытые арестанты умираютъ голодной смертью. Воровъ иногда подвергаютъ особому наказанію, запирая имъ навсегда кисть руки: преступнику сжимаютъ кулаки такъ, чтобы ногти впились въ живое мясо, открытое предварительно вожемъ; свѣжая кожа, постепенно обтягивающая руку, держитъ ее въ состояніи обрубка¹⁾). Обыкновенныя наказанія—палочные удары и штрафы, призначаемые безапелляціоннымъ приговоромъ кади. Верховный судья—фецкій кади, должность которого всегда занимаетъ одинъ изъ широфовъ императорской фамиліи. Избираемый султаномъ, онъ назначаетъ окружныхъ кади, которые, въ свою очередь, собственной властью опредѣляютъ сельскихъ кади.

Комплектование мароккской арміи дѣлается немного наудачу: весной каждое изъ племенъ, составляющихъ махзент, т. е. военную часть націи, обязано поставить по одному ратнику съ очага; но обыкновенно каиды, получивъ предписаніе прислать рекрутъ, хватаютъ первыхъ попавшихся мужчинъ, засковываютъ ихъ въ цѣпи и доставляютъ своему господину, который держитъ завербованного такимъ способомъ воина на службѣ до самой смерти, если тотъ современемъ не представить замѣstitеля изъ своей семьи. Общая численность войскъ, поставляемыхъ махзеномъ, простирается до 25.000 человѣкъ, изъ которыхъ семь тысячъ пѣхотинцы; въ случаѣ войны султанъ могъ бы собрать по крайней мѣрѣ втрое большую армію, около сорока тысячъ пѣхоты и столько же конницы²⁾). Самый солидный корпусъ, такъ называемый *шиш*, составляющій ядро мароккской арміи, состоить изъ девяти тысячъ человѣкъ, которые въ одно и то же время солдаты, жандармы, правительственные агенты. Между солдатами гиша самые грозные тѣ, которые называются абидъ-сиdi-бохари, или «слуги бухарского господина», потому что при формировании этого корпуса, въ 1679 г., онъ былъ поставленъ подъ покровительство одного бухарского святаго. Эти «бухарцы», сплошь пегры, недавно составили родъ преторианскої гвардіи, которая хотѣла-было командовать самими султанами, вслѣдствіе чего правительство вынуждено было раскассировать ихъ по разнымъ провинціямъ; хотя послѣ того влияніе ихъ значительно ослабѣло, однако они и теперь занимаютъ почти всѣ высшія должности въ войскѣ. Такъ же какъ другіе солдаты, воины корпуса «гиши» употребляются главнымъ образомъ для сбора податей; они почти круглый годъ странствуютъ по горамъ и доламъ, переходи изъ деревни въ деревню, отъ одного племени къ другому и забирая изъ собраныхъ

¹⁾ Erckmann, „Le Maroc moderne“;—Colville, цитированное сочиненіе.

²⁾ Erckmann, цитированное сочиненіе.

жителями, плодовъ земныхъ долю, вдвое или втрое болѣшую той, которая доходитъ до казенаго сундука, въ формѣ налоговъ. Сельскіе обыватели, какъ только запримѣтятъ вдали высокія красныя шапки махзенцевъ, бросаются прятать все, что у нихъ есть цѣннаго. Когда путешественники проѣзжаютъ по опустѣлымъ мѣстамъ и спрашиваютъ у проводниковъ о причинѣ запустѣнія, тѣ отвѣчаютъ лаконически: «сарапча или махзенская команда»¹⁾). Въ страдную пору солдаты бѣгутъ домой цѣлыми партиями, и пойманные дезертиры почти не подвергаются наказанію—такъ велико число провинившихся въ этомъ капитальномъ нарушеніи воинскаго устава. Плохо одѣтые, плохо вооруженные, плохо командуемые, безъ дисциплины, марокканцы, тѣмъ не менѣе, хорошие солдаты, храбрые въ бою, неутомимые въ походѣ, трезвые, терпѣливые, толковые, понятливые въ военному дѣлѣ. Одинъ батальонъ, обучаемый въ Гибралтарѣ, на средства англійскаго правительства, служить единствено къ тому, чтобы фигурировать на церемоніяхъ и давать чужестраннымъ посламъ выгодное понятіе о мароккской арміи. Пушки приписываютъ нѣчто въ родѣ мистической силы: всякий преслѣдуемый по политическимъ причинамъ имѣеть право искать убѣжища подъ артиллерийскихъ орудій, откуда никто не смѣеть взять его безъ разрѣшенія султана²⁾.

Нѣкоторое число иностраннѣхъ офицеровъ, по большей части ренегатовъ, организовали военную службу и обучили войска; но постоянно подозрѣваемые, какъ чужеземцы, они никогда не достигали вліятельнаго положенія; впрочемъ, какъ при всякомъ деспотическомъ режимѣ, недовѣріе составляетъ одно изъ главныхъ средствъ правлія. Высшій чинъ въ арміи—каидъ-ага, соответствующій батальонному командиру; въ рангѣ генерала никого не производятъ изъ боязни, что подобная власть можетъ угрожать безопасности имперіи. Наказаніе палками применяется и къ офицерамъ такъ же, какъ къ нижнимъ чинамъ. Чтобы увеличить силу своей арміи, не имѣя надобности прибѣгать къ услугамъ и совѣтамъ иностраннѣхъ инструкторовъ, мароккское правительство посыпаетъ теперь известное число молодыхъ военныхъ въ заграницы специальнаго училища, въ Монпелье и въ Шпаңдау. Однако, полевая артиллериа и часть пѣхоты все еще обучаются французской военной миссіей, посланной въ 1877 г., а обучениемъ остальной пѣхоты руководить одиный англичанинъ, бывшій офицеръ британской службы. Пушки и военные снаряды выписываютъ изъ-за границы; Танжерская крѣпость вооружена орудіями большаго калибра, батареи которыхъ были построены гибралтарскими ин-

¹⁾ A. Beaumier, „Bulletin de la Societé de Géographie de Paris“.

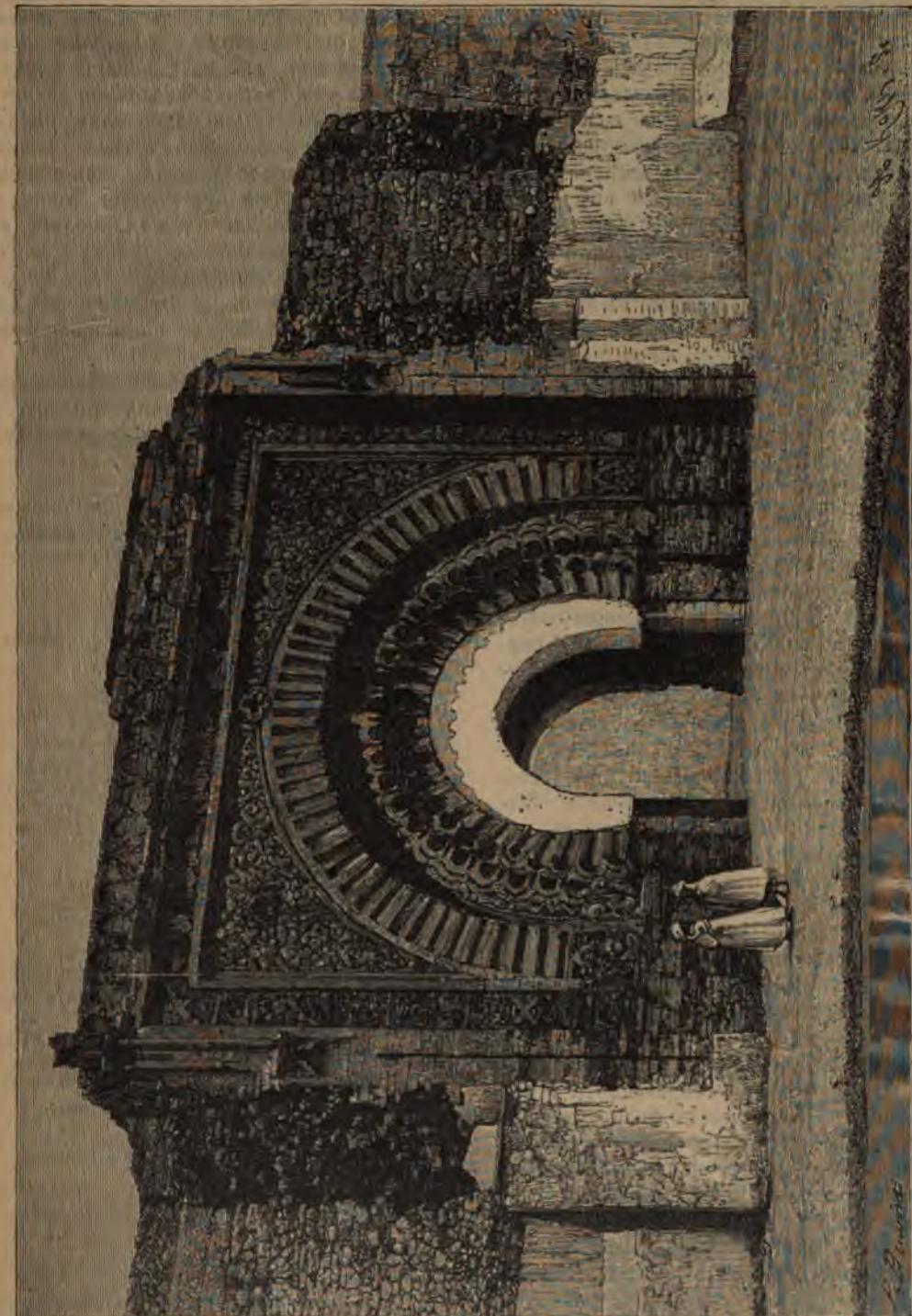
²⁾ „Revue Scientifique“, 24 mars 1883.

женерами. Флота въ Марокко совсѣмъ нѣть, грозныхъ нѣкогда корсаровъ, въ числѣ нѣсколь-

занныхъ ихъ предками, правительство выдаетъ кромѣ одного купеческаго корабля, экипажъ котораго состоить изъ бельгийцевъ. Потомки

таможенныхъ доходовъ¹⁾).

Марокко принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣ-

Христіанскія ворота въ Марокко.

кихъ сотенъ, употребляются только для нагрузки и выгрузки судовъ; очень искусные гребцы, они однако не выходятъ, въ своихъ баркасахъ, за предѣлы рейдовъ, гдѣ стоять на якорѣ иностранные корабли. Въ память услугъ, ока-

занныхъ странѣ, которая не имѣютъ государственного долга, или по крайней мѣрѣ располагаютъ

¹⁾ Erckmann, цитирован. сочиненіе;— Beaumier, "Le Maroc";— "Bulletin de la Société de Géographie de Paris".

активомъ, вполнѣ достаточнымъ для покрытия всѣхъ расходовъ. Это потому, что въ дѣйствительности тамъ не существуетъ бюджета: то, что называются этимъ именемъ, есть просто частное состояніе сultана; что касается императорской фамиліи, очень многочисленной, то она состоитъ изъ лицъ, большинство которыхъ возвращается въ толпу подданныхъ, и только немногіе изъ родственниковъ государя получаютъ опредѣленную сумму на свое содержаніе. Въ собственную кассу сultана поступаютъ не только доходы съ его личныхъ имѣнъ и всячаго рода подарки, приносимые ему, какъ государю или покровителю, городами, племенами и общинами, но даже правильные налоги, которые въ европейскихъ странахъ составляютъ достояніе государственной казны: въ эту кассу передаются подать со стадъ и десятина ашура съ недвижимыхъ имуществъ; ей же принадлежатъ денежные штрафы, таможенные сборы (ввозныя и вывозныя пошлины), прибыль отъ регалій или монополій, между прочимъ, отъ продажи табаку и кифа, или конопли, хашшиша восточныхъ людей. Расходы, производимые почти единственно на содержаніе арміи и двора, не достигаютъ даже половины доходовъ, такъ что ежегодно долженъ оставаться значительный излишекъ, который накапливается въ казацѣ (такъ напримѣръ, въ 1880 г. доходы имперіи составляли сумму 12.660.000, а предположенные расходы всего только 5.300.000 франковъ). Титулъ *мудай*, даваемый сultану, также какъ шериfu Уэццана, значить «господинъ», но особенно въ смыслѣ владѣльца. Обычная почетная квалификація, употребляемая въ трехъ варварскіхъ странахъ, какъ замѣчаетъ Картеттъ, соотвѣтствуютъ тремъ различнымъ порядкамъ превосходства. Въ Тунисѣ титуль *арфи* указываетъ на знаніе; въ Алжирѣ название *си, сиди* относится къ силѣ, могуществу; въ Марокко слово *мудай* заключаетъ въ себѣ преимущественно понятіе о богатствѣ.

Послѣ войны съ Испаніей, Марокко должно было подписать обязательство объ уплатѣ побѣдителю суммы въ 100 миллионовъ, въ видѣ выкупа за Тетуанъ, и, вслѣдствіе того, половина таможенныхъ сборовъ, простирающихся среднимъ числомъ до 7 миллионовъ франковъ, предоставлена Испаніи, контролеры которой облечены правомъ надзора надъ мароккскими таможенными чинами. Четверть тѣхъ же доходовъ принадлежитъ англійскимъ замодавцамъ, которые служили посредниками мароккскому императору и Испаніи во время заключенія мирного трактата, сultтану же достается только послѣдняя четверть, которая, впрочемъ, представляетъ болѣе значительную сумму, чѣмъ та, какую давали всѣ таможенные пошлины въ половинѣ настоящаго столѣтія. Единственная национальная монета, чеканящаяся въ Марокко, — маленькая мѣдная монета цѣнностью

немногого менѣе сантима; самая употребительная монета — испанскій duro, равняющійся пяти франкамъ.

Въ административномъ отношеніи Мароккская имперія дѣлится на области, или *амалаты*, управляемые амилами или каидами; кромѣ того, къ каждому изъ вассальныхъ племенъ приставлена чиновная особа, которая является представителемъ сultана, либо какъ начальникъ, либо какъ посланникъ, смотря по степени покорности, къ которой приведено данное племя. Въ 1880 г., во время путешествія Ленца, государство было раздѣлено на 44 амалата, изъ которыхъ 35 находились въ странахъ Фецъ и Марокко и 9 въ территоріяхъ Уэдь-Сусь и Тафилельть; кромѣ того, по Эрману, 330 каидовъ управляютъ болѣе или менѣе зависимыми племенами.

Слѣдующая таблица содержитъ списокъ главныхъ территоріальныхъ дѣлений Марокко, съ цифрами населенія городовъ, показанными у новѣйшихъ путешественниковъ:

Амалаты.	Города.	Число жителей.
Уджа.	Уджа.	8.000 (Ленцъ).
Таза.	Таза.	3.500 (де-Фуко).
	Дебду.	2.000
Тетуанъ.	Тетуанъ.	25.000
Тавджа.	Тапжерь.	30.000
	Шешауенъ.	3.500 (де-Фуко).
	Эль-Арайшъ.	15.000
Гарбъ-эль-	Касръ-эль-	
Изарь.	Кебиръ.	9.000
	Уэццанъ.	3.000 (?)
	Фецъ.	14.000—15.000
Фумъ-эль-	Мекинецъ.	25.000 (Ленцъ).
Гарбъ.	Зерхунъ.	6.000 (Бонелли).
Рбатъ.	Сефру.	3.000 (де-Фуко).
	Рбатъ Сла.	35.000 (Ленцъ).
Аземмуръ.	Аземмуръ.	
	Даръ-эль-Бенда (Казабланка).	
	Мазаганъ (эль- Бриджа).	
Талла.	Касба Бени-	
Демната.	Меллаль.	3.000 (де-Фуко).
Марракешъ.	Демната.	3.000 (де-Фуко).
	Марракешъ или Марокко.	50.000 (Ламберъ).
Гага.	Могадоръ.	20.000
Абда.	Асфи.	3.000 (Рольфсъ).
Земли вассальные или независимы.		
Рифъ.	Таферситъ.	
Уэдь-Сусь.	Тарудантъ.	8.300 (Гатель).
Таазерульть.	Илегъ.	
Уэдь-Нувъ.	Фумъ-эль-Гос- санъ.	
	Огульминъ.	
Уэдь-Драа.	Тамагрутъ.	
	Бени-Обихъ.	
Тафилельть	Эзъ-Зеригатъ.	4.000 (Рольфсъ).
	Абуамъ, эръ- Риссани.	
Кенаца.	Кенаца.	2.000
Фигигъ.	Зенага.	5.000 (де-Бозонъ).
Испанскія владѣнія.		
	Мелизънъ.	4.000
	Сеута.	11.000

Глава V

Сахара.

I. Великая пустыня.

Имя «Сахара», т. е. «Обширная и пустынная равнина», по объяснению Дюверье, не имѣет точного значения. Это географический терминъ, примѣняемый разными авторами къ совокупности областей, которой они приписываютъ весьма различное протяженіе. Вообще, подъ Сахарой понимаютъ пространство, почти безводное и очень мало населенное, которое отдѣляетъ плоскогорья Барки и горы атлантической системы отъ странъ, орошаемыхъ Сенегаломъ, Нигеромъ, притокомъ озера Цаде и верхними даниками Нила. Но гдѣ начинается это раздѣльное пространство между Великой Африкой и той частью чернаго континента, которой дали название «Черной Африки»¹⁾? По мнѣнию нѣкоторыхъ писателей, сѣверная его граница, идущая вдоль основания Атласа, сливается съ берегомъ Сиртова, такъ что оно обнимаетъ всю триполійскую область²⁾ и, слѣдовательно, начинается отъ береговъ Средиземнаго моря. Однако, въ силу установившагося обычая, принято брать въ расчетъ политическія границы, проводимыя на югъ прибрежныхъ государствъ, и многія мѣстности, принадлежащія по своему виду и климату одновременно къ тому и другому поясу, помѣщаются въ Сахары, въ средиземную область.

Естественные предѣлы Сахары очерчены природой почвы и измѣнчивыми явленіями климата. Гдѣ прекращается выпаденіе правильныхъ дождей, тамъ начинается пустыня; но движенью облаковъ не начертано точныхъ барьеровъ: они подвигаются болѣе или менѣе далеко, проникая въ поясъ бездождя или не доходя до него, смотря по цикламъ годовъ или вѣковъ. Поэтому тамъ, гдѣ горные хребты, какъ Атласъ, или большія рѣки, какъ Ниль, не отмѣтили точныхъ рубежей, переходъ отъ Сахары къ другимъ естественнымъ областямъ совершается полосами неравной ширины: Сахара въ собственномъ смыслѣ окружена передовыми пустынями. При томъ же, до сихъ поръ еще не изслѣдована вся ея окружность, и очертанія ея, показываемыя на картахъ, имѣютъ лишь приблизительное значеніе. Сахара,

вѣдь, это—цѣлый міръ, величиной почти равный Европѣ. Съ востока на западъ, отъ береговъ Нила до береговъ Атлантическаго океана, пустыня тянется на пространствѣ 5.000 километровъ; съ сѣвера на югъ, отъ подошвы берберскаго Атласа до воздѣланныхъ мѣстностей Судана, протяженіе менѣе, всего только 1.500 километровъ въ среднемъ; но какимъ-безконечно длиннымъ кажется это пространство караванъ, которые странствуютъ подъ палящими лучами солнца, среди раскаленныхъ, ослѣпляющихъ глаза, песковъ, томимые мучительной жаждой, которую они мечтаютъ утолить на ближайшемъ привалѣ, гдѣ источникъ живительной влаги, можетъ-быть, изсякъ до ихъ прихода! Безъ оазисовъ Барки и Куфры, безъ Триполи и Феццана, безъ частныхъ «Сахаръ» Туниса, Алжиріи и Марокко, поверхность Большой Сахары можно считать въ 6.200.000 квадр. километровъ. Населеніе ея оазисовъ, ея остррововъ, горъ и сырыхъ низменностей, заключенныхъ въ ея безпредѣльномъ пространствѣ, исчисляется приблизительно въ полмилліона душъ.

Населеніе Сахары къ востоку отъ Ливійской пустыни:

Эннеди, Тибести, Ваджанга—50.000 жит.; Борку—12.000; Каварь и сосѣдніе оазисы—5.000; Аиръ—100.000; земли сѣверныхъ туареговъ—30.000; Ауеллимиденъ и другіе южные туареги къ сѣверу отъ Нигера—45.000; Туать, берега уѣда Саура и побочныя долины—120.000; западная Сахара—25.000 душъ.

Какъ во времена Геродота и Страбона, переходъ черезъ пустыню все еще очень труденъ, даже, вѣроятно, труднѣе, чѣмъ въ ту эпоху, потому что почва высохла, рѣки иссакли, лѣса исчезли. Правда, описание древнихъ авторовъ преувеличены, какъ и слѣдовало быть въ эпоху, когда путешественники не располагали точными инструментами, и когда ихъ разсказы, «переходя изъ устъ въ уста, въ концѣ концовъ сливались съ басней». Ливія, къ югу отъ средиземнаго побережья, слыла «пылающей» страной, гдѣ не могутъ жить ни люди, ни звѣри, ни растенія, гдѣ самая земля сожжена въ угользнойными лучами солнца. Тѣмъ не менѣе, путешествія и военные экспедиціи доказывали, что эти «жаркія» страны не недоступны. Уже Геродотъ передаетъ исторію пяти молодыхъ Назамоновъ, которые пустились на-удачу въ пустыню, «направляясь къ зефиру», и которыхъ

¹⁾ R. Thomassy, „Le Maroc et ses Caravanes“;—Ovide Reclus, „France, Algérie et Colonies“.

²⁾ Josef Chavanne, „Die Sahara“.

«послѣ многихъ дней ходьбы», достигли, въ земль черныхъ людей, города, стоящаго на берегу большой рѣки: былъ ли это Нигеръ у его изгиба въ странѣ Томбукту, или озеро Цаде, близъ впаденія одного изъ его притоковъ, Комадугу¹⁾? Какъ бы то ни было, ливійскіе изслѣдователи несомнѣнно переходили Сахару, судя по направленію, котораго они держались, и по тѣмъ подробностямъ, которыхъ они сообщаютъ о рѣкѣ, населенной крокодилами и текущей съ запада на востокъ. Не заходя такъ далеко, римскіе военачальники тоже проникали въ глубь Сахары, такъ какъ въ Кидамѣ и Гарамѣ еще сохранились остатки ихъ сооружений, а въ западной пустынѣ Светоній Паулинъ обследовалъ долину уѣза Гирь, можетъ-быть, притока рѣки, до которой доходили Назамоны. Но сколько другихъ армій, сколько каравановъ погибло въ этой страшной пустынѣ, поглощенные раскаленной почвой, какъ ручи, выписываемые капля по каплѣ песками ихъ ложа!

Съ того времени, какъ въ Англіи основалась, въ ковцѣ прошлаго столѣтія, общество для изслѣдованія Африки, пути, проходимыевроцейскими путешественниками, тщательно отмѣчаются на картахъ; даже маршруты европейскихъ и арабскихъ купцовъ были сняты и прюбщены къ сѣти научныхъ изслѣдований. Сахара была уже пройдена во многихъ мѣстахъ съ сѣвера на югъ, но до сихъ поръ еще ни одинъ путешественникъ не прошелъ ее вполнѣ въ продольномъ направлении отъ береговъ Нила до побережья Атлантики: всѣмъ памятна еще экспедиція Рольфса и его товарищей, которые, тщетно попытавъ сдѣлать первый переходъ на этомъ пути изъ оазиса Дахель въ оазисъ Куфра, принуждены были оставить первоначально избранное направление и повернуть на сѣверъ, чтобы пробраться между параллельными грядами дюнъ къ оазису Сивахъ. Даже морской берегъ Сахары, между мысомъ Бохадоръ и мысомъ Бланко, принадлежитъ къ числу наиболѣе извѣстныхъ мѣстностей на африканскомъ побережжѣ, хотя онъ давно уже присоединенъ къ владѣніямъ европейской державы. Нѣсколько звениевъ сѣти дорогъ, пройденныхъ изслѣдователями, занимаютъ пространство около полумилліона квадратныхъ километровъ. Говоря о Сахарѣ, нельзя не повторить слова Колумба: «Свѣтъ не великъ». Въ то время, какъ остальная часть земного шара уменьшилась подъ колесами пароходовъ и локомотивъ, въ то время, какъ повсюду строятся дороги и организуется быстрая перевозка людей и товаровъ, Сахара осталась такой же трудно доступной, такой же страшной, какъ тысячи лѣтъ тому назадъ. Если океанъ соединяетъ берега противоположныхъ материковъ, то пустыня почти совершенно раздѣляетъ прилегающія къ ней страны. На сѣ-

нерѣ и на югѣ Сахары флоры и фауны различаются родами и видами, народы рѣзко различаются наружностью, происхожденіемъ и нравами. На средиземномъ побережье Африки, такъ же какъ въ Европѣ, населенія часто обновлялись вслѣдствіе большихъ переселеній: вандалы пришли туда съ Запада, совершивъ путешествіе черезъ цѣлый континентъ; арабы проникли туда, пройдя вдоль всего сѣвернаго берега Средиземнаго моря¹⁾). Но съ сѣвера на югъ Сахары не было массовыхъ переселеній, не было даже завоеванія какой-нибудь военной экспедиціей. Въ этомъ направленіи перемѣны въ расахъ, учрежденіяхъ и нравахъ совершились совершенно инымъ способомъ — путемъ медленнаго проникновенія новыхъ элементовъ отъ одного края до другаго. Невольники, приводимые съ юга, видоизмѣнили расу сѣверныхъ берберовъ и породили новые смѣшанные племена, каковы гаратины въ мароккскихъ оазисахъ, атры въ Туатѣ и Гадамесѣ, руага въ оазисахъ Алжиріи; арабскіе миссіонеры и купцы измѣнили религию и форму правленія у суданскихъ народовъ.

Сахара не высокое морское дно, какъ ошибочно предполагали геологи, когда еще не были достаточно извѣстны природа почвы и неравенство ея рельефа. Даже самая низкая часть пустыни, простирающаяся къ югу отъ французскихъ владѣній, въ которой иныя впадины лежатъ ниже уровня Средиземнаго моря, не была покрыта морскими водами и въ по-третичномъ періодѣ. Кромѣ берберской Сахары, нигдѣ въ другихъ областяхъ пустыни не находили какихъ-либо остатковъ морскаго происхожденія: мѣловая и песчаниковая формациія, граниты, гнейсы, порфиры и базальты, образующіе выступы на неровной поверхности Сахары, не носятъ на себѣ никакъ слѣдовъ, кроме тѣхъ, которые оставлены дѣйствіемъ воздуха, дождя и солнца. На всемъ своемъ протяженіи пустыня есть континентальная область: она представляетъ, впрочемъ, нѣ-которое разнообразіе вида и заключаетъ обширные пространства, къ которымъ неправильно примѣняютъ название пустыни; но значительныхъ протяженіяхъ поверхность ея состоитъ сплошь изъ ровной скалы или волнообразнаго песку. Подобно другимъ частямъ континента, Сахара имѣть свои горы съ долинами и потоками живой воды, но преобладающія формы ея рельефа — обширныя, однообразныя плато, каменистыя равнины и длинныя гряды дюнъ, слѣдующихъ одна за другой, какъ волны безбрежнаго моря: это и есть настоящая пустыня, безъ деревьевъ и цветущихъ растеній, безъ птицъ и мотыльковъ, это

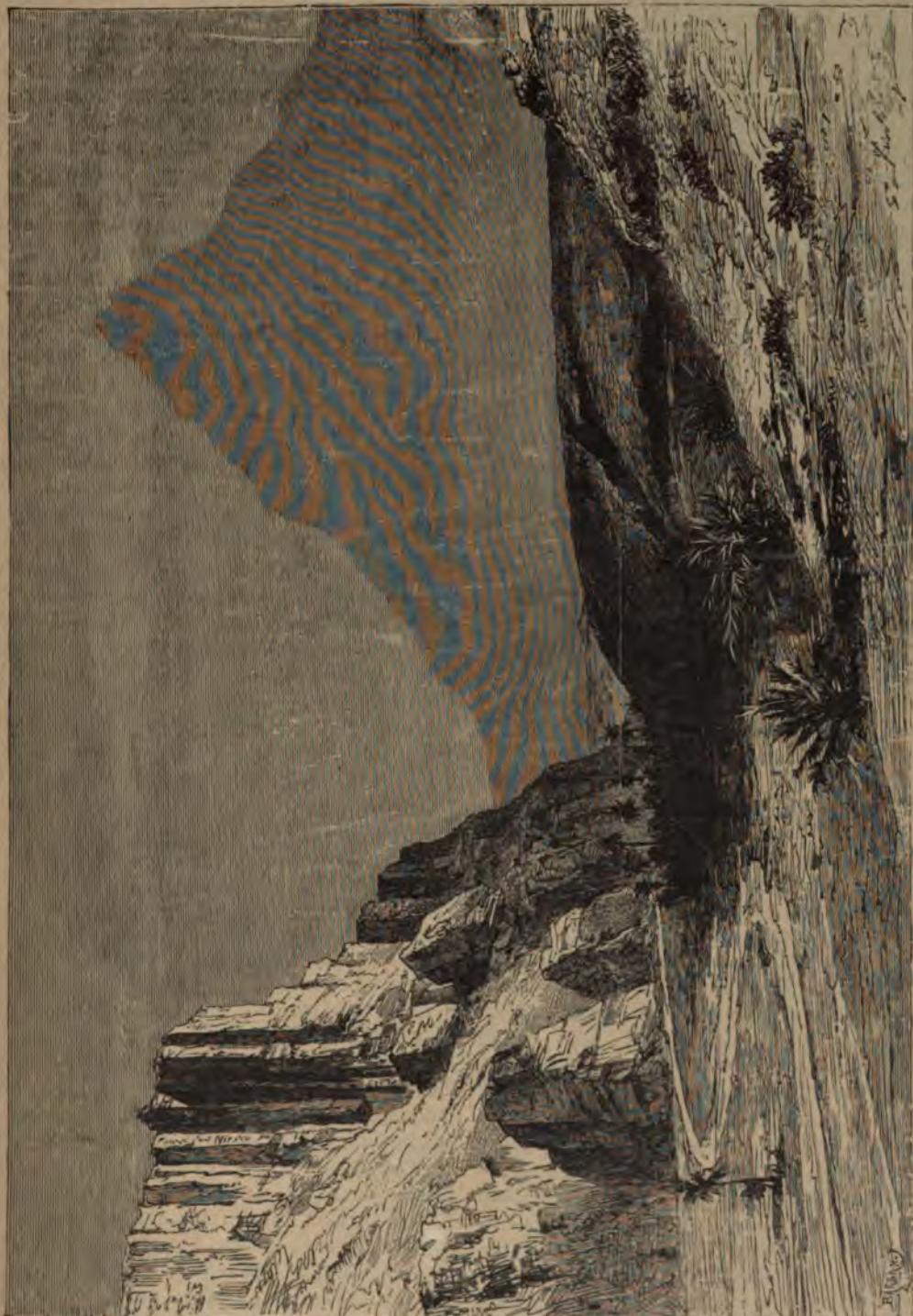
¹⁾ Ernest Desjardins рукописная замѣтка.

¹⁾ Oscar Peschel, „Neue Probleme der vergleichenden Erdkunde“.

область сильныхъ силъ тепла и вѣтра. По приблизительному исчислению, плато, горизонтальные или изрѣзанныя оврагами, занимаютъ почти половину Сахары; пески покрываютъ около одной девятой, а остальная часть по-

Гамады и сариры—3.600.000 кв. километр.; горы и скалы—2.000.000 кв. километр.; степи и пажити—1.500.000 кв. километр. Пески—850.000 кв. километр.

Оазисы и культурные пояса—200.000 кв.

УЭДЬ ЭЛЬ-ХАЛУФЪ

верхности распредѣлена между горами, скалами, степями, лощинами, оазисами и краевыми полосами воздѣланныхъ земель.

Поверхность Сахары, вмѣстѣ съ Триполи, берберской Сахарой, по Шаванну:

килом. По Циттелю, средняя высота Сахары 350 метровъ.

Что придаетъ громадному протяженію Сахары характеръ единства, несмотря на разнобразіе рельефа, — это рѣдкость или отсутствіе

отсутствіе живой воды во всѣхъ частяхъ тер-
риторіи, за исключеніемъ горныхъ областей,
высокія вершины которыхъ поднимаются въ
верхніе слои атмосферы. Происхожденіе Са-
хары нужно искать не въ самой почвѣ, а въ
воздушныхъ пространствахъ: этотъ обширный
блѣлый поясъ, раздѣляющій на двое африкан-
ский материкъ, есть, такъ сказать, лишь отра-
женіе леба, которое его освѣщаетъ. Очевидно,
великая африканская пустыня создана дѣй-
ствіемъ тѣхъ же причинъ, которыя привели
къ образованію другихъ пустынь на азіатскомъ
континентѣ. Сахара только продолжаетъ собою
въ западномъ направлении тотъ поясъ земель,
почти совершенно лишенныхъ древесной ра-
стительности, который тянется черезъ Монго-
лию, Кашгарію, Туранъ, Иранъ и Аравію, пре-
рываемый черезъ большие промежутки долина-
ми рѣкъ, окаймленными лѣсами, и цѣпями
горъ съ зеленѣющими долинами. Эта длинная
полоса пустынь, около 12.500 километровъ,
перерѣзывающая наискось весь Старый Свѣтъ,
съ ея параллельными полосами степей и пере-
довыхъ пустынь, обязана своимъ происхожде-
ніемъ не чому иному, какъ сухости вѣтровъ.
Гумбольдтъ далъ совокупности пустынь
Азіи и Африки название «руслы полярныхъ
вѣтровъ», какъ будто воздушные токи, стано-
вящіеся въ тропическомъ поясѣ пассатными
вѣтрами, правильно слѣдуютъ, при своемъ дви-
женіи черезъ эти два материка, путемъ, ука-
зываемымъ блѣлой полосой песковъ. На самомъ
дѣлѣ это не совсѣмъ такъ: общее движеніе
воздушныхъ массъ, устремляющихся отъ сѣ-
верного полюса къ экваторіальному областямъ,
не принимаетъ столь косвенного направленія;
хотя отклоняющее къ югу-западу вращеніемъ
земли, это движеніе не всегда, однако, совер-
шается правильно съ востока на западъ, по оси
Большой Сахары, параллельной экватору. Ме-
теорологическая наблюденія, производившіяся
въ самой Сахарѣ или на ея окраинахъ, пока-
зали, что обыкновенный ходъ воздушныхъ
массъ направляется отъ Средиземнаго моря къ
главному тепловому фокусу: за исключениемъ
восточной части пустыни¹⁾, и даже земли
туареговъ²⁾, где, впрочемъ, атмосферные тече-
нія очень измѣнчивы, господствующіе вѣтры
въ Сахарѣ не тѣ, которые приходятъ съ востока
или съ востоко-сѣверо-востока, растерявъ
почти всѣ свои водяные частицы во время
длиннаго перехода черезъ материкъ Азіи. Тѣмъ
не менѣе, направленіе, которымъ слѣдуютъ
большинство воздушныхъ потоковъ, увлека-
емыхъ къ Сахарѣ, достаточно объясняетъ ихъ
блѣдность содержаніемъ водяного пара. Въ Азіи
полярные вѣтры, сложивъ свою ношу влаж-
ности на горахъ Байкала, на Алтаѣ, на Тиань-

Шанѣ, на туркменскомъ Кавказѣ и высокихъ
цѣпяхъ Малой Азіи, не имѣютъ болѣе воды,
чтобы проливать дожди на восточный Китай,
Иранъ и Аравію; точно также вѣтры, изсушен-
ные на своемъ пути черезъ Европу, не полу-
чаютъ, при переходѣ Средиземнаго моря, до-
статочнаго количества паровъ для орошенія
африканскаго континента; они истощаются свои
облака на береговыхъ холмахъ и горахъ и не-
сутъ далѣе лишь весьма незначительную про-
порцію влаги, рѣдко ниспадающую въ видѣ
дождей. При томъ, по мѣрѣ движенія къ югу,
т. е. къ поиску болѣе высокой температуры, ихъ
способность поглощенія водяного пара возра-
стаетъ: они дѣлаются относительно все суще и
суще. Всего чаще дожди выпадаютъ въ августѣ
мѣсяца, когда солнце находится въ зените Са-
хары.

Видъ Сахары свидѣтельствуетъ о большихъ
перемѣнахъ, которыя могли быть произведены
только дѣйствіемъ воды. Широкія русла, съ ихъ
обрывами и плоскими берегами, повѣствуютъ
о проходѣ рѣкъ въ этихъ областяхъ, нынѣ без-
возводныхъ, глубокіе овраги, врѣзывающіеся
въ толщу плоскихъ возвышеностей, также
свидѣтельствуютъ о работѣ потоковъ и ручьевъ,
которые разорвали почву и разнесли ея облом-
ки по равнинамъ, въ видѣ мощныхъ слоевъ
аллювиальной формациіи. Въ тѣ времена росла
лѣса, окаменѣлые пни которыхъ встрѣчаются
во многихъ частяхъ пустыни; тогда жили сло-
ны и носороги, фигуры которыхъ предста-
влены въ изваяніяхъ, находимыхъ на скалахъ
горъ Феццана, Алжиріи, Марокко; тогда выю-
чные волы, которыхъ въ наши дни замѣнилъ
верблюдъ, медленно шагали чрезъ пустыню¹⁾.
Рѣки, гдѣ плавали крокодилы, теперь изсъякли,
большія животныя исчезли, вмѣстѣ съ лѣсами,
которые давали имъ убѣжище; остались лишь
кое-гдѣ живые ключи, и чтобы добыть воды,
надо копать колодцы въ благопріятныхъ ме-
стахъ, которыя умѣютъ распознавать опытный
глазъ номада. Но эта вода почти всегда соло-
новата, и путникъ съ трудомъ привыкаетъ къ
ней: по прибытии къ колодцу Дибела, первому
колодцу пустыни на дорогѣ съ береговъ озера
Цаде въ Феццанѣ, люди каравановъ, пришед-
шихъ съ юга, богатаго живыми водами, всегда
заболѣваютъ отъ тамошней дурной воды; воз-
вращаясь съ сѣвера, они постепенно привы-
каютъ къ вкусу сахарскихъ водъ, и та же вода изъ
Дибельского колодца кажется имъ хорошей²⁾.
Тѣ же явленія высыханія почвы, какія были
наблюдаемы въ степяхъ и пустыняхъ Цент-
ральной Азіи и Южной Россіи, имѣли мѣсто и
на югѣ Атласа; но можетъ быть, что взамѣнъ
того площадь правильныхъ дождей увеличи-
лась въ южной части Сахары, приводя съ со-

¹⁾ G. Nachtigal, „Sahara und Sudan“.

²⁾ H. Duveyrier, „Les Touaregs du Nord“.

¹⁾ H. Barth;—H. Duveyrier, etc.

²⁾ G. Nachtigal, „Sahara und Sudan“.

бой ручьи, растенія и людей. Таково явленіе качанія, или поперемѣнного равновѣсія, которое путешественникъ Рольфсъ, какъ онъ полагаетъ, замѣтилъ въ сахарскомъ климатѣ.

Какова бы ни была степень вѣроятія этой гипотезы, не подлежитъ сомнѣнію, что перемѣны, совершающіяся въ наше время въ Сахарѣ, зависятъ почти исключительно отъ дѣйствія сѣва, вѣтровъ и альтернативъ температуры. Великое геологическое преобразованіе твердыхъ скаль въ подвижныя дюны произвѣдится всецѣло работой метеорическихъ дѣятелей. Какъ только плиты плато дадутъ гдѣ-нибудь трещину, черезъ которую можетъ проникать наружный воздухъ, тотчасъ же начинается процессъ вывѣтривания и разложенія: доломиты, гипсы или песчаники дѣлаются ломкими, разсыпчивыми, и превращаются постепенно въ песокъ или пыль; поверхностная часть горной породы мало-по-малу вывѣтряется, оставляя лишь тамъ и сямъ менѣе податливые ядра, которые высятся въ видѣ пирамидъ или колоннъ среди песковъ; слой за слоемъ, камень за камнемъ размельчается и уносится вѣтромъ; кое-гдѣ, на верху откосовъ, выступаетъ какою-нибудь карнизъ, который времія еще не успѣло обглодать¹). Глинистая земля вывѣтряется подобнымъ же образомъ: во многихъ мѣстахъ можно видѣть тамариски и другія деревца, окружающія своими корнями землянныя горки, которые они защитили отъ разрушенія, тогда какъ вокругъ нихъ земля была разметена вѣтрами. Послѣ распаденія не всѣ эти обломки остаются на мѣстѣ: происходить сортировка. Мелкія частицы: глина, гипсъ, известнякъ, кремнезѣмъ, все, что обращается въ пыль, уносятся далеко вѣтромъ и способствуютъ образованію въ лощинахъ тѣхъ землистыхъ отложенийъ, которые походить на китайскій «желтоземъ», но которыхъ не получаются плодовитаго дождя и не доставляютъ, въ видѣ хлѣба, пищу миллионамъ людей. Крупные обломки, слишкомъ тяжелые, чтобы вѣтеръ могъ поднять ихъ, остаются на мѣстѣ, образуя родъ булыжниковой мостовой, которую путешесвенники встрѣчаютъ во многихъ мѣстахъ Сахары. Что касается зеренъ кварца, разной величины, то они перекатываются, уносимыя съ этапа на этапъ, и отлагаются въ видѣ дюнъ, этихъ «воздушныхъ наносовъ», которые измѣняютъ форму и перемѣщаются, соотвѣтственно движенію, столкновенію и круговращенію атмосферныхъ потоковъ. Такимъ образомъ дюны несомнѣнно новѣйшаго происхожденія. Если бы Вогезы, горы, состоящія изъ песчаника и слѣпившагося песку, находились въ сахарскомъ климатѣ, онъ скоро обратились бы въ груды дюнъ, какъ горы африканской пустыни; точно

также триасовые известняки Лотарингии сдѣлались бы гамадами, каменистыми плато, лишенными всякой растительности¹).

По мнѣнію или гипотезѣ нѣкоторыхъ изслѣдователей, дюны, образовавшись путемъ разложенія горныхъ породъ, остаются на мѣстѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что горки сыпучаго песка не передвигаются такъ быстро, какъ могъ бы предположить наблюдатель при видѣ бури, срывающей гребни дюнъ и распространяющей въ атмосферѣ песчаную тучу, которая затмеваетъ солнце. Среди этихъ пыльныхъ вихрей, почти столь же опасныхъ, какъ сибирская мати, путешественники припоминаютъ легенды о караванахъ, о цѣлыхъ арміяхъ, поглощенныхъ движущимися дюнами, и въ страхѣ ждутъ, что скоро и ихъ постигнетъ участъ тѣхъ несчастныхъ, которые покоятся подъ рыхлымъ саваномъ песковъ. Однако, когда буря стихнетъ, когда гребни дюнъ перестанутъ «дышаться», и облачка пыли пропадаютъ на горизонте, расплываясь въ красноватый туманъ²), общій видъ пейзажа почти никакъ не измѣнился; песчаныя горки стоять на томъ же мѣстѣ, и профиль ихъ не представляетъ сколько-нибудь замѣтно-перемѣнъ; *tasse*, т. е. узкія долины, раздѣляющія дюны, повидимому, сохранили прежніе контуры. Но одинъ вѣтреный день ничего не значить въ исторіи земли, да при томъ извѣстны примѣры въ современномъ періодѣ, доказывающіе, что если большинство дюнъ остаются или преобразовываются на тѣхъ же мѣстахъ, то есть и такія, которыхъ перемѣщаются. Часто проводники находили песчаные бугры тамъ, гдѣ прежде была долина, служившая дорогой караванамъ. Впрочемъ, иначе и быть не можетъ, если не предположить, что каждый годъ равнодѣйствующая вѣтровъ представляетъ полное равновѣсіе между силами, дѣйствующими по разнымъ направленіямъ, т. е. что за каждымъ воздушнымъ токомъ слѣдуетъ противоположный токъ равной силы и равной продолжительности. Но такого равновѣсія не существуетъ: извѣстно, что въ цѣломъ преобладаютъ вѣтры, дующіе отъ Средиземнаго моря къ пустынѣ. Во многихъ мѣстностяхъ промежутки между дюнами обнаруживаются прежній каменистый грунтъ, совершенно отличный, по геологическому происхожденію, отъ верхнихъ песковъ. Такъ, на югѣ земли Мзабъ мѣловое плоскогорье покрыто тамъ и сямъ дюнами, происходящими изъ большаго западнаго резервуара песковъ: къ востоку отъ эль-Голеа путешественникъ Роланъ обследовалъ двѣ такихъ цѣпи странствующихъ дюнъ, имѣющихъ въ длину около 50 километровъ, при средней ширинѣ

¹⁾ E. Joudry, „Philosophie positive“ 1875 et 1876;—G. Rolland, „Nature“, 3 juin 1882.

²⁾ P. Mares, „Note sur la constitution gÃ©nÃ©rale du Sahara dans le province d'Oran“.

¹⁾ Vatonne, „Missions de Ghadames“;—V. Largeau, „Le Sahara algÃ©rien“; „Le Pays de Kairha“.

въ четыре километра¹⁾). Но разгуливая по широкому раздолю Сахары, песчаная пыль не образует дюнь безразлично на всѣхъ пунктахъ пустыни: рельефъ плоскогорій, углубленіе долинъ, круговороты воздушныхъ течений вліяютъ на направление песковъ, защищая одно мѣсто отъ напоносовъ, открывая другое отложенію песчинокъ. Переимѣщаюсь съ дюны на дюну, подъ дуновеніемъ вѣтра, песчаныя частицы скопляются въ сугробы, какъ снѣгъ, наметаемый въ прикрытии мѣста. Такъ точно, когда наблюдаешь прибой волнъ, кажется, что всегда ударяются о берегъ одинъ и тѣ же волны, а между тѣмъ жидкая масса ихъ постоянно обновляется. Впрочемъ, встрѣчаются также дюны, окончательно утвердившіяся на мѣстѣ, благодаря растительности травъ съ разстилающими корнями, которые проникаютъ глубоко въ почву, чтобы найти нужную влагу: въ сосѣдствѣ оазисовъ можно бы было остановить движение дюнъ, насаждая дринъ и другія породы, которыхъ довольствуются песчаной почвой. Кроме того, существуютъ небки, родъ полу-дюнъ, состоящихъ изъ крупнаго материала, который перемѣщается только отъ дѣйствія сильныхъ вѣтровъ. Во многихъ мѣстахъ пески, склеенные гипсовымъ или известковымъ цементомъ, представляютъ твердый грунтъ, по которому идешь, какъ по мостовой; въ другихъ мѣстахъ песокъ смѣшанъ съ соляными частицами, которые поглощаютъ влагу изъ воздуха и скрѣпляютъ почву, такъ что ни малѣйшей пыли не поднимается подъ копытами лошадей, даже когда онѣ скачутъ во весь опоръ²⁾.

Главныя области песковъ:—большая Ливийская пустыня, между египетскими оазисами и горными хребтами Тибести; два Эрга, или «Жилы» въ берберской Сахарѣ, названные такъ отъ узкихъ овраговъ, извижающихся между дюнами³⁾; пески Игиди, къ западу отъ уезда Саура; дюны Махтирскія, Адаферскія и другія, окружающія Джифу на сѣверо-западѣ Томбукута. Изъ всѣхъ этихъ песчаныхъ пространствъ наиболѣе извѣстенъ восточный Эргъ, заключающейся между уездомъ Игаргаръ и Красной Гамадой: европейские путешественники даже проходили черезъ него пѣсколько разъ, отправляясь въ Гадамесъ. Медленное поступательное движение этихъ дюнъ совершается въ юго-восточномъ направлении, какъ доказываетъ вынѣшнее мѣстоположеніе ихъ главныхъ цѣлей по отношенію къ центральму выѣтритванія. Западный Эргъ дѣлаетъ захваты на востокѣ въ области мѣловыхъ плато; и въ Уэдъ-Ригѣ и въ Уаргѣ пески направляются къ сѣверу и западу, наступая на

оазисы¹⁾), тогда какъ дюны Игиди, открытые муссонамъ прибрежья, перемѣщаются главнымъ образомъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ²⁾. Въ цѣломъ, по Дюверье, общее движение сахарскихъ песковъ совершается съ сѣверо-востока на юго-западъ, по направленію воздушного течения пассатовъ. Нѣкоторыя изъ вершинъ восточнаго Эрга достигаютъ гораздо болѣе значительной высоты, чѣмъ дюны французскихъ ландъ, на побережїи Гаскони: такъ, гурдъ (дюна) эль-Хадемъ, измѣренный гг. Ларжо, Сѣ и Лемѣ, поднимается на 139 метровъ; другіе гурды возвышаются на 150 метр., на 12 метр. менѣе, чѣмъ дюна, измѣренная Фогелемъ въ сосѣдствѣ «Червиваго озера», въ Фецианѣ; Дюверье видѣлъ въ восточномъ Эргѣ дюны высотой въ 200 метр., а Ларжо говоритъ о гурдахъ, имѣющихъ полкилометра вертикального возвышенія. Болѣе подробное изслѣдованіе Сахары откроетъ намъ, какой высоты могутъ достигать странствующіе песчаные холмы. Легко вообразить себѣ, какое величественное зрѣлище представляютъ эти горы, блистающія на солнцѣ золотистыми цвѣтами и перерѣзываляемы большими тѣнами, черными днемъ отъ контраста ярко освѣщенныхъ скатовъ, синеватыми вечеромъ, когда онѣ смѣшиваются съ косвеннымъ свѣтомъ радужныхъ лучей; надъ откосами вершины отчетливо выдѣляются на лазурномъ фонѣ неба рѣзко очерченными линіями, *сіуфами*, или «саблями», какъ говорятъ арабы³⁾. Съ высоты холмовъ, откуда виденъ безконечный рядъ дюнъ, слѣдующихъ одна за другой въ необъятномъ пространствѣ Эрга, зрителю кажется, что онъ созерцаетъ океанъ, развертывающій свои исполинскія, вдругъ окаменѣвшія, волны.

Кромѣ аллей, образующихся между дюнами, во многихъ мѣстахъ встрѣчаются глубокія впадины, похожія на кратеры вулкановъ. Такова котловина Аинъ-Таиба, имѣющая форму чаши съ зазубренными краями, глубина которой около 18 метровъ, а длина окружности отъ 150 до 200 метровъ. Дно кратера занимаетъ лужа, обросшая по краямъ тростникомъ; чтобы добраться до нея, нужно пустить огонь по этимъ шпалерамъ растеній, и зрѣлище пламени на днѣ жерла напоминаетъ вулканическое изверженіе. По преданию, на томъ мѣстѣ, где нынѣ находится впадина Аинъ-Таиба, прежде стояла высокая дюна. Въ сосѣдствѣ виденъ другой подобный кратеръ, частію засыпанный пескомъ⁴⁾). Многіе ключи представляютъ обратное явленіе: вмѣсто того, чтобы вытекать со дву-

¹⁾ G. Rolland, „Nature“, 8 juillet 1882.

²⁾ Lenz, „Timbuctu“.

³⁾ H. Duveyrier, „Le Pays des Touaregs“;—Lageas, „Le Pays de Rirha“.

⁴⁾ Foureau, „Bulletin de la Société de Constantine“, 1 aout 1883; — Frédéric Bernard, „Quatre mois dans le Sahara“.

¹⁾ „Bulletin de la Société Géologique de France“, 1881.
²⁾ Escher von der Linth;—Desor, „La forêt vierge et le Sahara“.

³⁾ H. Duveyrier, „Le Pays des Touaregs“.

впадинъ, они бывают изъ вершины маленькихъ конусовъ, которые, очевидно, образовались путемъ отложения осадковъ, принесенныхъ водой изъ глубокихъ слоевъ почвы: известно, что такимъ же способомъ постепенно выросли горки вокругъ «источниковъ Моисея» на Синайскомъ полуостровѣ. Во многихъ мѣстахъ находили въ этомъ пескѣ жилы сростковъ, свидѣтельствующія о проходѣ инкрустирующихъ источниковъ, нынѣ не существующихъ. Но между камнями, покрывающими почву въ нѣкоторыхъ областяхъ Сахары, есть много такихъ, происхожденіе которыхъ нельзя объяснить при настоящемъ состояніи нашихъ знаній. Что такое эти кристаллы въ формѣ пирамидъ, крестовъ или звѣздъ, эти «рыбы чешуекъ», эти мѣшечки чернаго цвѣта и различной величины, отъ вишни до куриного яйца, внутри пустые или наполненные пескомъ? Что такое эти трубы изъ остеклованного кремнезма, обыкновенно длиной около тридцати сантиметровъ и съ утолщеніемъ на концахъ? Эти трубы находять въ такомъ множествѣ въ южныхъ областяхъ Аиры, что невозможно видѣть въ нихъ фульгуриты. Бернарь полагаетъ, что это логовища особой породы пауковъ. Сахара представляется для научнаго изслѣдованія обширное поле, гдѣ геологамъ предстоитъ открыть еще много секретовъ.

Въ дюнахъ Игиди и въ нѣкоторыхъ частяхъ Эрга не рѣдкость услышать «пѣніе» песковъ, какъ при подъемѣ на гору Клошть, на скатахъ Сербала, въ массивѣ Синая. Среди мертвотишины, въ которую погружена угрюмая пустыня, вдругъ раздается вибрирующій звукъ, какъ будто отдаленная игра на рожкѣ, затѣмъ пески умолкаютъ, и голосъ появляется въ другомъ мѣстѣ. Это не галлюцинація, потому что животные слышать звуки такъ же, какъ и люди, и большинство изъ нихъ, не зная причины этой музыки дюнъ, приходятъ въ ужасъ: французские солдаты, слышавшіе таинственные звуки въ Суфѣ или въ пустынѣ Уаргла, прозвали ихъ «барабаномъ песковъ», и не одинъ ветеранъ, изнуренный усталостью и томимый жаждой, думалъ, вѣроятно, какъ и его проводникъ арабъ, что это какой-нибудь джинъ, издѣвавшись надъ его страданіями, напѣваетъ ему близкую смерть. Очевидно, эта музыка песковъ происходит отъ осыпанія поверхностнаго слоя и тренія другъ о друга миллиардовъ песчинокъ: многіе путешественники, стремительно спускаясь въ песчаный коридоръ Сербала и увлекая за собой массы песку, замѣчали, что звуки усиливаются и журчаніе переходитъ въ настоящій громъ. Но все-таки остается выяснить одинъ вопросъ: почему не слышали этого голоса песковъ во всѣхъ областяхъ дюнъ? Какова кристаллографическая природа вибрирующихъ частичекъ¹⁾?

Эти песчаныя моря свидѣтельствуютъ о су-

хости климата. По выраженію Карла Риттера, «Сахара—это югъ свѣта», хотя она вся лежитъ на сѣверѣ отъ экваторіальной линіи, и хотя многія другія точки земной поверхности, Маскатъ, Аденъ, Таджура, имѣютъ болѣе высокую среднюю температуру. Одну изъ характеристическихъ особенностей сахарскаго климата составляетъ огромная разность температуръ дня и ночи, рѣзкий переходъ отъ сильной жары къ большому холodu. Тогда какъ днемъ на солнцѣ песокъ нагревается до 60, даже до 70 градусовъ, и даже въ тѣни жарь доходитъ до 40 и 45 град., ночное лучепрелюбленіе иногда заставляетъ ртуть въ термометрѣ опускаться до 2 и 3 градусовъ ниже нуля, и въ горахъ родники и ручьи покрываются тонкимъ слоемъ льда. Содержаніе водяного пара въ атмосферѣ такъ ничтожно, что туманы тамъ почти неизвѣстны; иногда только появляется скудная роса на растеніяхъ, при восходѣ солнца, либо послѣ продолжительного дождя, либо во время быстрого пониженія температуры. Въ этомъ воздухѣ, лишенномъ влажности, оружіе не ржавѣеть и мисо никогда не портится. Большие дожди заставляютъ ждать себя по цѣлымъ годамъ; въ землѣ туареговъ проходить десять, двѣнадцать лѣтъ, прежде чѣмъ сильные ливни наполнить русла потоковъ и обновлять растительность. Но когда пойдутъ дожди, то часто случается, что ливень слѣдуетъ за ливнемъ, и это бываетъ въ разныя времена года. Ограниченнная на сѣверѣ и на югѣ странами съ правильнымъ выпаденіемъ дождей, Сахара не представляетъ никакого ритма въ своихъ метеорологическихъ явленіяхъ: она образуетъ какъ бы нейтральный поясъ, гдѣ нормальное чередованіе воздушныхъ теченій прекращается. Одинъ изъ самыхъ страшныхъ метеоровъ—это южный вѣтеръ, широкко (самумъ), который часто гонитъ передъ собой песчаные смерчи: словно огненные столбы проносятся передъ глазами наблюдателя эти пыльные вихри, красноватыя массы, движущіяся по поверхности пустыни съ быстротой урагана, то поднимаясь надъ горизонтомъ, то спускаясь до земли. Захваченный однимъ изъ этихъ смерчей пылающаго воздуха, путешественникъ Дюверье видѣлъ, какъ по окраинѣ облаковъ падали крупныя капли холоднаго дождя, которыя показались ему похожими на тающій снѣгъ.

Сыпучіе пески, дливныя каменистыя гамады, тропические жары, круто смѣняющіеся сильной стужей, ядовитые вѣтры, пыльные смерчи, «небо безъ облаковъ и земля безъ тѣни», безконечность пути, отдаленность колодцевъ, засухи, истощающія ихъ, обвалы, засыпающіе живительную влагу, или враги, не допускающіе къ ней,—вотъ тѣ препятствія, которыя ожидаютъ путника, и совершенно понятна торжественность, съ которой караваны приготовляются къ переходу черезъ страшную пустыню. Профес-

¹⁾ Oscar Lenz, „Timbuctu“.

сія проводника, наследственная въ нѣкоторыхъ семьяхъ, составляетъ родъ священства, ибо проводникъ держитъ въ своихъ рукахъ, вмѣстѣ съ собственной жизнью, жизнь всѣхъ людей, которые его сопровождаютъ: при отправлении въ дорогу каждого каравана, всѣ свидѣтельствуютъ ему почтеніе, смыщенное съ моленіемъ; по благополучномъ прибытии къ цѣли, его осыпаютъ благодарностями. Въ самой однообразной мѣстности онъ распознаетъ примѣты, указывающія направление, котораго нужно держаться; всякий кустикъ, слѣды на пескѣ, непримѣтные другимъ, дуновеніе вѣтра,—все служить ему указателемъ дороги; онъ вопрошаєтъ облака, и въ сосѣдствѣ оазисовъ слѣдитъ взоромъ за полетомъ воробьевъ и ласточекъ. Онъ умѣеть точно ориентироваться, даже не глядя на солнце или звѣзды, и всегда безошибочно покажетъ пальцемъ то мѣсто горизонта, где находятся этапы дороги и города, окружающіе пустыню. Если онъ принадлежитъ къ расѣ, у которой кожа сѣрая, какъ песокъ, или красная, какъ почва гамадь, онъ снимаетъ съ себя одежду и ползетъ по землѣ, чтобы сдѣлать рекогносцировку и развѣдать, что за люди показавшіеся вдали встрѣчные путешественники—друзья или враги¹). Ему извѣстно мѣстоположеніе каждого оазиса, каждого «водяного пункта», лужи, ключа, колодца или сырыхъ песковъ; такимъ образомъ дороги пустыни начертаны въ его памяти отъ этапа до этапа, а когда ему еще не случалось проходить той или другой дорогой, онъ долженъ угадывать ея направление. Бываетъ, однако, что дороги, прежде знакомыя, исчезаютъ, либо вслѣдствіе вторженія песковъ и завала колодцевъ, либо вслѣдствіе вмѣшательства враждебныхъ племенъ, занявшихъ лежащіе на пути оазисы. Тогда точное воспоминаніе о потерянной мѣстности превращается мало-по-малу въ смутную легенду, и фантазія облекаетъ эту мѣстность въ образъ райскаго уголка. Такъ описывали «Малый Bay», пока арабъ Могамедъ Таргони, изъ Зеллы, не отыскалъ этого необитаемаго оазиса. Жители Тибести потеряли дорогу, которая вела ихъ предковъ въ Египетъ черезъ Ливийскую пустыню, и то же разсказываютъ о промежуточномъ оазисѣ, который, будто-бы, весь изрѣзанъ источниками живой воды, весело журчащими подъ сѣнью пальмъ²). Съ другой стороны, караваны Уадая проложили новые пути торговлѣ по направлению къ Триполи въ 1811 и 1813 гг., но проходить цѣлью десятилѣтія прежде, чѣмъ кто-нибудь воспользуется этими путями. Впрочемъ, если бы даже переходъ чрезъ Сахару вездѣ былъ удобенъ, дороги пустыни все-таки будутъ болѣе и болѣе покидаemy, такъ какъ европейская торговля избрала себѣ

другой путь вглубь Африки—по Сенегалу и Нигеру. Пустыня обходится торговымъ движениемъ до тѣхъ поръ, пока Туатъ не будетъ соединенъ съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Совокупность торговаго обмѣна черезъ Сахару достигаетъ, говорятъ, по цѣнности, слишкомъ дешеви мілліоновъ франковъ¹).

Но какъ ни опытны и осмотрительны проводники, какъ ни сильны и выносливы верблюды, перевозящіе путешественниковъ по пустыннымъ пространствамъ Сахары, несчастія не рѣдки. Кто заблудился, тотъ погибъ. Онь обречены на муки голода, на муки жажды, еще болѣе страшныя; скоро идея близкой смерти, неотступно преслѣдующая его, убиваются въ немъ всякую другую мысль; онъ впадаетъ въ галлюцинаціи и видитъ себя на днѣ темной ямы постоянно взирающимъ на другой холмъ. Когда онъ, потерявъ силы, ляжетъ, наконецъ, на сухой песокъ, то только затѣмъ, чтобы умереть, и трупъ его, подъ котораго вѣтеръ наметаетъ маленьку дюну, быстро высыхаетъ. Полное единеніе и сплоченность всѣхъ людей каравана составляетъ необходимое условіе для благополучнаго прибытія къ пристани: они всегда должны держаться близко другъ отъ друга, на разстояніи голоса и зреїнія, чтобы взаимно оказывать помощь въ случаѣ опасности; всякий разбродъ можетъ сдѣлаться роковымъ, какъ это доказала трагическая участіе второй экспедиціи, посланной изъ Уаргы въ пустыню для изученія направлениія будущаго желѣзного пути черезъ Сахару. Смотря по вправамъ и учрежденіямъ различныхъ племенъ, обитающихъ въ оазисахъ и на окраинахъ Сахары, эта необходимая солидарность каравана понимается различно. У многихъ берберскихъ клановъ, привыкшихъ къ самоуправлению и не признающихъ надъ собой никакого господина, группа путниковъ представляетъ собою странствующую джемаа, где каждый даетъ свое мнѣніе и выполняетъ свою специальную функцию для общей службы. Что касается арабскаго каравана, то онъ управляетъ деспотически: хебиръ есть полновластный господинъ, которому всѣ обязаны повиноваться; подъ его начальствомъ состоятъ: чауши, диктующіе его волю, шауфы, наблюдающіе за страной, ходжа, составляющій письменные акты, бирючъ, разглашающій объявленія, муздинъ, призывающій на молитву, имамъ, читающій ее всенародно.

II. Тибести и Борку.

Естественные дѣленія громаднаго пространства Сахары указаны горными массивами, каковы Тибести, Тассили, джебель Ахагтаръ.

¹) Vincent, „Tour du Monde“, 1861, livraison 56.

²) G. Nachtigal, „Sahara und Sudan“.

¹) P. Soleillet; — Watbled, „Relations de l'Algérie avec l'Afrique centrale“.

Если бы дожди выпадали въ пустынѣ въ достаточномъ количествѣ, тамъ несомнѣнно образовались бы особые рѣчные бассейны, связанные

стей, кромѣ уединенныхъ песчаниковыхъ хребтовъ и песчаныхъ горокъ, какъ въ областяхъ, пройденныхъ европейскими путешественника-

ВЪѢЗДЪ ВЪ ЦИГАДЕЛЬ ВЪ ФЕЦЪ.

ные съ Ниломъ, съ заливами Сиртъ, съ Атлантическимъ океаномъ или съ Нигеромъ.

Восточный бассейнъ, означаемый специально подъ именемъ Ливийской пустыни, вѣроятно, не заключаетъ въ себѣ другихъ возвышеннос-

ти между большимъ колѣномъ Нила и Кордофаномъ: сквозь прозрачный воздухъ пустыни никогда не видѣли горъ на восточномъ горизонте и не встрѣчали ни одного потока, свидѣтельствующаго о существованіи горныхъ вершинъ.

лежить въ одной долинѣ съверо-восточной покатости горъ; оно находится почти на серединѣ течения *эннери* (уэда) того же имени, который, по принятіи нѣсколькихъ притоковъ, теряется въ направленіи къ оазису Вау; горячія воды прославленного «фонтана» или *ерике* принадлежать къ бассейну этого потока. Вокругъ Барда простираются самые обширные пальмовые лѣса Тибести, оттого почти всѣ тиббусы бывали въ этой мѣстности въ поискахъ за финиками. Они бродятъ также по окрестнымъ горамъ со своими стадами, а большинство тиббусовъ-купцовъ ведутъ торговлю съ Мурзукомъ. Нѣкоторые направляются къ южнымъ оазисамъ, въ Борку и сосѣднія земли; но они уже забыли дорогу къ таинственному оазису Уадикуръ, находящемуся, будто-бы, въ пяти дняхъ ходьбы къ юго-западу отъ оазисовъ Куфра, и который, какъ гласитъ легенда, необычайно богатъ растительностью¹⁾, какъ всѣ оазисы, путь къ которымъ забыть. Уадикуръ представляется тиббусамъ «потеряннымъ раемъ».

Въ Борку оазисы, питаемые прѣсными или солоноватыми водами, разсѣяны во всѣхъ низменныхъ мѣстахъ и даютъ финики качествомъ лучше тѣхъ, которые производить Тибести; пальма думъ растетъ тамъ во множествѣ и, по всей вѣроятности, въ этихъ оазисахъ можно бы съ успѣхомъ развести многія древесныя породы Судана. Но во время путешествія Нахтигала сады были большею частію запущены, пальмовые рощи во многихъ мѣстахъ засыпаны песками, селенія, состоящія изъ покрытыхъ рогожами шалашей, покинуты жителями и повалены дикими звѣрями. Ауладъ-слиманы, даже туареги изъ южныхъ степей и магамиды изъ Уада регулярно грабятъ оазисы, опустошая житницы, уводя въ неволю женщинъ и дѣтей, убивая всякаго, кто окажеть сопротивленіе. Потерявъ своихъ близкихъ, дазаны снова принимаются за работу или, въ свою очередь, предпринимаютъ разбойничью экспедицію, съ цѣлью собрать достаточно денегъ, чтобы идти во вражью землю выкупить изъ пленя своихъ родичей, которыхъ, можетъ-быть, скоро опять потеряютъ при первомъ новомъ набѣгѣ. Жизнь ихъ походитъ на жизнь лѣснаго звѣри, травимаго охотниками. Главный оазисъ, Вунъ, оказывающій наиболѣе энергичное сопротивленіе грабителямъ, лежитъ въ южной долинѣ Борку, направляющейся къ бассейну Бахръ-эль-Газаль и къ озеру Цаде. Цѣпь оазисовъ, начинавшаяся отъ пальмовыхъ плантаций Вуна, тянется къ съверо-западу, между двухъ параллельныхъ горъ.

III. Дорога изъ Фецдана на озеро Цаде. Оазисы Каваръ.

Большая караванная дорога между Мурзукомъ и озеромъ Цаде, которую рано или поздно замѣнить желѣзная дорога, есть безспорно главный и лучшій путь черезъ Сахару. Не только пространство, проходимое отъ съверныхъ до южныхъ воздѣланныхъ земель, меньше, чѣмъ во всякой другой части пустыни, такъ какъ отъ Фецдана до Канема разстояніе не достигаетъ даже тысячи километровъ, но, кроме того, въ этомъ направленіи слѣдуютъ одинъ за другимъ нѣсколько оазисовъ, между прочимъ, архипелагъ Каваръ. Такимъ образомъ этотъ торговый путь служить естественной раздѣльной линіей между восточной частью пустыни, въ которой Тибести составляетъ центральный массивъ, и той областью, где возвышаются холмы Аиръ. При томъ и этнографическая граница между тиббусами и туарегами находится недалеко отъ этой цѣпи оазисовъ: она проходитъ въ небольшомъ разстояніи къ западу, перемѣщаясь соответственно набѣгамъ, которые дѣлаются съ той и другой стороны.

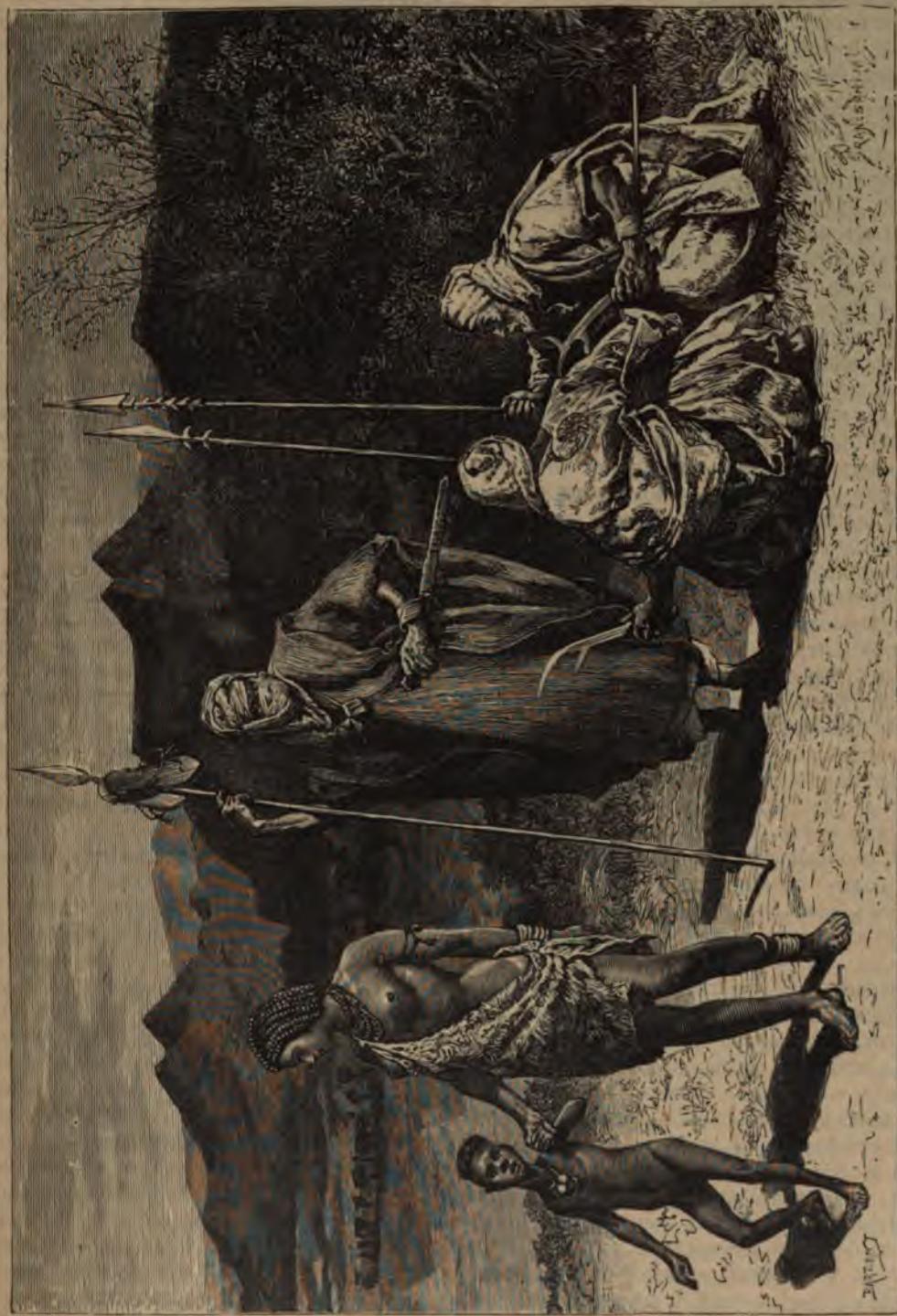
Пройдя «Ворота», открывающіяся въ раздѣльномъ плато на югѣ Фецдана, караваны спускаются въ красноватую равнину, нечувствительно пониживающуюся въ южномъ направленіи. Перевалъ совершается на высотѣ около 650 метровъ; а озеро Цаде, къ которому направляется дорога, почти не дѣлаетъ изгибовъ, и которое находится въ 950 километрахъ по прямой линіи, лежитъ на высотѣ 275 метровъ. Слѣдовательно, въ цѣломъ спускъ составляетъ 375 метровъ, но онъ распределенъ неравнѣменно: относительно довольно сильное въ съверной части плоскогорья, паденіе выравнивается южнѣе, въ средней области пустыни. Тамъ высоты держатся между 350 и 400 метрами на пространствѣ четырехъ градусовъ по широтѣ. Холмистое плоскогорье развертывается въ видѣ большихъ волнъ, надъ которыми на горизонтѣ показываются правильныя известковыя или песчаниковыя плато. То тутъ, то тамъ, среди угрюмой пустыни, видѣются массивы голыхъ бесплодныхъ скалъ, которыхъ кажутся спаленными или еще пылающими,—такъ сильно они отражаютъ жгучіе лучи солнца. Владины, открывающіяся въ камѣ или глине, между обрывами или дюнами, сырѣ окружающихъ пространствъ и заключають въ себѣ колодцы, постоянные или временные, засыпаемые пескомъ и вновь очищаемые каждымъ проходящимъ караваномъ.

Нѣсколько оазисовъ занимаютъ самыя большия изъ этихъ низменностей. Таковъ оазис Ять, называемый арабами Сахія, т. е. «Веселый»; онъ тянется на пространствѣ 20 кило-

¹⁾ G. Nachtigal, цитированное сочиненіе.

метровъ съ востока на западъ и 3 километровъ съ сѣвера на югъ: путешественникъ, проходившій передъ тѣмъ по обширнымъ, лишеннымъ всякой растительности, равнинамъ, готовъ на-

ны въ оазисъ Ять: онѣ достигаютъ здѣсь своего сѣверного предѣла. Оазисъ Еггеба, къ юго-западу отъ предыдущаго, гораздо меныше и малолюднѣе; оазисъ Сиггедимъ, хотя очень бо-

Племя тиббу.

звать этотъ оазисъ «лѣсомъ»,—такъ поразителенъ контрастъ, который составляютъ съ окружающими песками чащи дикихъ финиковыхъ пальмъ, акацій, пространства, поросшія травой; пальмы думъ тоже очень многочислен-

гатый финиковыми пальмами, не имѣль ни одного жителя во время прохода Нахтигала, въ 1870 г.; но оазисъ Джебадо, на сѣверо-западѣ, населенъ, какъ и оазисъ Ять, тиббусами и канури; сколько известно, до сихъ поръ онъ

только разъ былъ посыпанъ европейцемъ. Въ 1862 г. путешественникъ Берманъ прошелъ черезъ этотъ оазисъ, послѣднюю станцію тиббусовъ и ихъ единоплеменниковъ канури въ западномъ направлениі.

Отдѣленный отъ оазиса Еггеба каменистой гамадой, оазисъ Каваръ тянется на пространствѣ около 80 километровъ: ось его направлена точно съ сѣвера на югъ, и караванная дорога идетъ отъ одного до другаго конца пальмовой аллеи, прерываемой тамъ и сямъ песками и скалами; рядомъ съ оазисомъ, на восточной его сторонѣ, тянется, параллельно низменности цѣль скалъ, поднимающихся въ иныхъ мѣстахъ на сотни метровъ: вѣроятно, этотъ кряжъ и далъ поводъ тиббусамъ назвать этотъ оазисъ Эннери Туге, что значитъ «долина Скалъ». Около десятка мѣстечекъ, принадлежащихъ племени теда, слѣдуютъ одно за другимъ въ этой длинной долинѣ. Большинство этихъ поселеній построены у подножія глыбы песчаника, съ вертикальными стѣнками, которая служить убѣжищемъ въ случаѣ внезапнаго нападенія: крѣпостца изрыта галлерейами и подземельями, куда складываются запасы продовольствія; для воды вырыты цистерны въ камнѣ; роща лѣстницы или наклонной плоскости, устроенной изъ стволовъ пальмъ, съ перекладинами изъ дерева акаціи, позволяетъ взбираться на вершину цитадели. Эти укрѣпленные городки, населенные главнымъ образомъ эмигрантами племени канури, построены на тотъ же ладъ, какъ города Гауссы: дома расположены на правильно распланированныхъ улицахъ, и общая ограда окружаетъ всѣ постройки. Такъ былъ построенъ, вѣроятно, въ одиннадцатомъ вѣкѣ, городъ Дирки или Дирко, столица всего оазиса. Около южной оконечности Кавара, другой городъ, Гару, болѣе многолюдный, чѣмъ резиденція, построены тоже въ суданскомъ стилѣ, и жители его въ большинствѣ канурскаго происхожденія.

Смѣшеніе расъ не повредило красотѣ племени тиббу или теда: въ оазисѣ Каваръ женщины отличаются той же чистотой черть, той же стройностью и пропорціональностью формъ, какъ ихъ сестры въ Тибести, но къ этому у нихъ присоединяется еще грація движений, пріятность физіономіи, прелесть улыбки. Празднества въ Каварѣ веселѣе, чѣмъ въ восточныхъ горахъ, продолжительнѣе, и кавалькады пышнѣе. Нравы тиббусовъ въ этомъ оазисѣ, лежащемъ на большой караванной дорогѣ, уже не тѣ, что въ бесплодной, уединенной метрополіи, столь рѣдко посѣщаемой, и мѣстная независимость не могла здѣсь сохраниться: дардай, чаще называемый май или «царекъ», пользуется действительной властью надъ своими подданными; но онъ имѣть могущественного соперника по власти въ лицѣ мкаддема сену-сievъ, пребывающаго въ монастырѣ Шиммедру,

недалеко отъ столицы. Наконецъ, есть и еще господа надъ жителями Кавара: это арабы племени ауладъ-слиманъ, которые прежде кочевали въ степяхъ триполійскаго побережья, а затѣмъ передвинулись къ югу, чтобы искать себѣ новаго поля для грабежей въ состѣствіи озера Цаде. Наслѣдственные враги тиббусовъ, эти хищники часто нападаютъ врасплохъ на Каварскіе оазисы, убиваютъ мужчинъ, уводятъ въ неволю женщинъ и дѣтей, забираютъ все цѣнное имущество; деревни пустѣютъ, но достаточно короткаго периода мира, чтобы покинутые дома заселились новыми иммигрантами. Во время путешествія Нахтигаля совокупность жилыхъ строеній въ разныхъ частяхъ оазиса могла бы вмѣщать до 6.000 обитателей, а между тѣмъ все населеніе состояло только изъ 2.300 душъ.

Если разоренныя набѣгами общины снова возрождаются, то причина тому не плодородіе почвы и обилие урожаевъ. Финики, производимые тамошними пальмовыми плантациими, посредственаго качества, а хлѣбоцаштвомъ жители не смыаютъ заниматься. Но выгоды, доставляемыя торговлей въ этомъ обязательномъ мѣстѣ привала, на поддорогѣ изъ Мурзукѣ въ Куку, достаточно велики, чтобы побудить жителей воспользоваться ими, даже подвергаясь опасности; кромѣ того, оазисъ Каваръ обладаетъ сокровищемъ, которое обеспечиваетъ ему постоянныхъ покупателей изъ большей части суданскихъ областей: это его соляные озера. Главный городъ Дирко, лежащий почти въ центрѣ оазиса, окруженнѣй нѣсколькими резервуарами соленої воды, изъ которыхъ одинъ производить также «червей» (*artemia oudeyii*), какъ Бахръ-эль-Дудъ въ Фещанѣ; но самыя богатыя озера, дающія наибольшее количество соли, лежать въ Бильмѣ,—такъ называется южная часть оазиса, гдѣ находится городъ Гару, дома которого построены изъ земли, смѣшанной съ солью. Соляные озера Бильмы неглубоки и разгорожены на отдѣленія глиняными стѣнами, въ родѣ «горбовъ» (*bosses*) на солончакахъ во Франціи. Вслѣдствіе испаренія, соль кристаллизуется на поверхности воды и, смѣшиваясь съ пылью и пескомъ, наносимыми вѣтромъ, скоро образуетъ сѣроватую кору, по виду не отличающуюся отъ окружающей почвы. На днѣ отлагается второй слой соли, которую рабочие собираютъ и складываютъ въ кучки, сортируя ее по качеству: которая получше—для людей, похуже—для животныхъ. Затѣмъ они дѣлаютъ изъ нея плитки или кирпичи различныхъ формъ и вымѣниваютъ верблюжій выюкъ на количество хлѣба въ зернѣ стоимостью около пяти франковъ. На рынкахъ Судана эта цѣна увеличивается по малой мѣрѣ въ тридцать разъ.

Правда, въ суданскихъ областяхъ ухитряются добывать соль сжиганіемъ нѣкоторыхъ

растений и даже коровьяго кала; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ее можно получать также выщелачиваниемъ солончаковыхъ земель; но эти способы добыванія длинны и трудны, да при томъ получается продуктъ гораздо низшаго качества, чѣмъ кристаллическая соль, покупающая въ пустынѣ. Изъ всѣхъ соляныхъ промысловъ Бильма самый богатый и даеть лучшую соль, оттого туда стекаются за сотни верстъ кругомъ за покупкой драгоценнаго минерала; въ видѣ привѣтствія прѣѣзжимъ, женщины того края бросаютъ имъ на платье пригоршни соли, какъ бы желая этимъ сказать: «вотъ вамъ лучшее, что имѣть наша земля!» По словамъ Нахтигала, около 70.000 верблюдовъ приходятъ ежегодно за грузами соли на озера Бильмы, и нѣкоторые изъ каравановъ, между прочимъ, караваны туарегскихъ купцовъ, доставляющихъ соль въ Гауссу, состоять каждый изъ трехъ тысячъ вьючныхъ животныхъ. Тиббусамъ принадлежитъ монополія перевозки соли между оазисомъ Каварь и ихъ горами въ Тибести; соплеменники ихъ, дазаны, поставляютъ этотъ товаръ въ Канемъ и въ Борну; во всѣ западныя и сѣверо-западныя земли снабжаются солью чрезъ посредство туарегскихъ каравановъ, которые присвоили себѣ родъ сузереннай власти надъ населеніемъ оазиса и даже запрещаютъ ему заниматься хлѣбопашествомъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы оно всегда оставалось въ зависимости отъ нихъ по покупкѣ этого необходимаго продукта.

Къ востоку и къ западу отъ оазиса Каварь, этой длинной проходной аллеи, жители которой всегда въ дорогѣ, либо по торговымъ дѣламъ, либо спасаясь бѣгствомъ, мѣста привала и пребыванія очень удалены одно отъ другаго. Первые деревни Тибести находятся въ 400 километрахъ къ востоку; разстояніе до Рата, на сѣверо-западѣ, вдвое больше; до Агадеса, въ оазисѣ Аиръ, насчитываютъ 700 километровъ, при чѣмъ нужно еще переходить черезъ каменистую и безводную гамаду. Главный этапъ на этомъ трудномъ пути — оазисъ Аграмъ, аванпостъ тиббусовъ въ западномъ направлении; впрочемъ, тиббузы не единственные его обитатели: вмѣстѣ съ ними, эту узкую впадину пустыни занимаютъ переселенцы изъ Борну.

Область, отдѣляющая оазисъ Каварь отъ окраины Судана, одна изъ самыхъ трудныхъ для перехода. Дюна слѣдуетъ за дюной до бесконечности: огромныя песчаныя волны, высотой до пятнадцати метровъ, тянутся непрерывнымъ рядомъ отъ одного горизонта до другаго, въ направлениі съ востока на западъ, то-есть въ томъ же направлениі, какъ и правильные вѣтры пустыни. Необозримое пространство сыпучихъ песковъ прерывается только въ одномъ пунктѣ такъ называемой «Уединенной Скалой», Кау-Тило. Пройдя маленький оазисъ Зау, снова вступаешь въ бесконечное

царство дюнь; на пространствѣ сотни верстъ верблюды все время поднимаются и спускаются съ бугра на бугоръ: здѣсь-то въ особенности верблюдъ, поочередно появляющійся и исчезающій, какъ судно на волнахъ, можетъ быть названъ «кораблемъ пустыни». Скалы Диббела составляютъ южный рубежъ этой области дюнь; въ этомъ мѣстѣ скончался англійскій путешественникъ Уарриагтонъ. Мы уже вышли изъ Сахары въ собственномъ смыслѣ слова, чтобы вступить въ поясъ степей, окаймляющихъ на сѣверѣ влажныя земли Судана. Трава растеть въ изобиліи, сначала въ узкихъ долинахъ между волнобразными повышеніями почвы, затѣмъ и на возвышеніяхъ мѣстахъ; сѣрый или желтоватый колоритъ ландшафта смѣняется цвѣтомъ зелени; въ оазисѣ Агадемъ является первое дерево, не принадлежащее ни къ пальмамъ, ни къ акаціямъ: это тувдубъ (*sapparis sodada*), съ искривленнымъ и разорваннымъ стволомъ, съ большими раскидистыми вѣтвями. Мало найдется мѣстностей въ свѣтѣ болѣе богатыхъ животной жизнью, чѣмъ этотъ поясъ сахарскихъ степей. Антилоши пасутся тамъ стадами въ десятки и сотни головъ; во многихъ мѣстахъ можно подумать, что попалъ въ огромный паркъ, населенный домашними животными. Пустыня пройдена.

IV. Джебель-Ахаггаръ и окружающая плоскогорье. Сѣверные туареги.

На западѣ и сѣверо-западѣ отъ «воротъ», черезъ которыя проходить дорога изъ Мурзукѣ къ озеру Цаде, средний остовъ Сахары продолжается крутыми скалами, постепенно поднимающимися до высоты 1.200 и даже 1.500 метровъ, чтобы образовать изрѣзанное оврагами плоскогорье: это, вѣроятно, та самая область, которую средневѣковые арабскіе писатели называли джебель Тантана¹). На югѣ Рата, путникамъ, направляющимся къ Аиру, открывается узкая брешь, перерѣзанная прошастями. Нигдѣ природа не имѣетъ болѣе нелюдимаго и грознаго вида, чѣмъ въ дикихъ ущельяхъ этихъ горъ. Совершенно голый кручи, темный блескъ скалъ черноватаго песчаника, странная форма выступовъ, на которыхъ не видно ни былинки, ни полоски мха,—весь этотъ угрюмый ансамбль производить на путешественника еще болѣе подавляющее впечатлѣніе, чѣмъ бесконечная пространства песковъ. Среди этихъ скалъ, и особенно въ землѣ Джаютъ, простирающейся къ западу отъ бреши, нѣкоторыя впадины наполнены водой, и, по словамъ туземцевъ, многія изъ нихъ населены крокодилами. На югѣ плоскогорье круто обры-

¹) *Bartu*, цитированное сочиненіе.

вается къ равнинамъ, спускаясь опасными уступами между песчаниковыхъ стѣнь, за которыми южнѣе слѣдуютъ гранитныя скалы.

Къ западу оть бреши, которую прошли Бартъ и его спутники, горы и плато известны только по рассказамъ туземцевъ; тѣмъ не менѣе подступы этой страны были посѣщены, на сѣверной покатости, Генрихомъ Дюверье, въ 1860 г., и послѣ его памятного изслѣдованія, двумя мирными экспедиціями подъ начальствомъ Флаттерса; кромѣ того, Ленгъ обогнулъ эту гористую область въ 1822 г., во время своего путешествія въ Томбукту чрезъ Сахару; но его путевой журналъ потерянъ, и ни одно изъ его наблюдений не было передано въ Европу. Рольфъ, болѣе счастливый, сдѣлалъ почти тотъ же переходъ, что и англійскій изслѣдователь, только въ обратномъ направленіи, изъ Тута въ Гадамесъ. Всѣмъ памятно, какія надежды возлагались на двѣ экспедиціи въ страну туареговъ, которая, подъ управлѣніемъ полковника Флаттерса, должны были пройти пустыню изъ конца въ конецъ, оть Алжиріи до Судана! Первая экспедиція, организованная въ Уарглѣ, въ 1880 г., не придерживалась заранѣе начертаннаго маршрута и кончила тѣмъ, что взяла направление на Ратъ, котораго она, впрочемъ, не достигла: уклончивые отвѣты туарегскихъ старшинъ, истощеніе запасовъ провизіи и денегъ заставили членовъ экспедиціи вернуться назадъ. Вторая миссія, состоявшая частію изъ тѣхъ же офицеровъ, возобновила, въ слѣдующемъ году, попытку перейти пустыню. Она проникла гораздо далѣе, перейдя на югъ за сѣверный Тассили, но окончилась страшной катастрофой. За караваномъ, который раздѣлился на группы, слѣдовавшія одна за другой на разстояніи нѣсколькихъ километровъ, тайно слѣдила, постоянно возраставшая въ числѣ, шайка туареговъ; измѣнники пробрались до начальника экспедиціи, предложивъ ему свои услуги въ качествѣ проводниковъ; весь планъ нападенія былъ условленъ заранѣе. Въ роковой моментъ, Флаттерсъ, почти одинокій, былъ убитъ вмѣстѣ съ однимъ изъ его спутниковъ, вожаки верблюдовъ разбрѣзались, и многочисленная толпа набросилась на обозъ, слѣдовавшій въ нѣкоторомъ разстояніи. Пятьдесятъ-девять человѣкъ, оставшіеся въ живыхъ послѣ первой атаки, должны были покинуть станъ ночью и начать отступленіе къ Уарглѣ, отстоявшей въ 800 километрахъ по прямой линіи, въ 1.200 километр. по цѣпи колодцевъ. Всѣ французы погибли во время этого отступленія, только тринадцать человѣкъ добрались до Уарглы, послѣ двухмѣсячнаго странствованія, въ продолженіе котораго насчастные неразъ принуждены были, для утоленія мучительной жажды и голода, пить кровь и есть человѣкъ.

ческое мясо. Однако, тотъ фактъ, что бѣглецы могли во время своего гибельного отступленія давать побѣдоносныя битвы и сдѣлать еще много переходовъ, прежде чѣмъ окончательно потерять силы,—служить достаточнымъ доказательствомъ возможности успѣшной экспедиціи черезъ землю туареговъ. Караванъ, снабженный достаточнымъ запасомъ продовольствія и все время держація на-сторожѣ противъ внезапнаго набѣга хищниковъ, навѣрно могъ бы благополучно пройти эту страну: тѣ самые туземцы, которыхъ удобный случай сдѣлалъ измѣнниками и грабителями, оставались бы вѣрными, видя свое безсиліе ¹⁾.

Плоскогорье, въ которомъ теряется цѣль горъ Джанетъ, известно подъ именемъ Тассили,—берберское слово, указывающее именно видъ почвы: это та Тассили, называемый «сѣвернымъ» или «Азджарскимъ», въ отличіе отъ другихъ плато, лежащихъ къ югу оть Ахаггара, есть совокупность возвышеностей, очень холмистыхъ, ось которыхъ идетъ по направлѣнію оть юго-востока къ сѣверо-западу, на продолженіи системы, начинающейся въ Тибести. Обрывъ плоскогорья, ограничивающаго на юго-западѣ по-третичнымъ аллювиемъ, изъ котораго состоить почва сахарскихъ равнинъ, кажется продолжающимся правильно по орографической оси. Около середины этого края плато высится массивъ вершинъ, означаемый, какъ многія другія группы горъ, именемъ Адраръ или «Гора» по преимуществу: по мнѣнію Дюверье, пикъ, господствующій надъ этимъ массивомъ, Инь-Эзокаль, высотой около 1.500 метровъ,—несомнѣнно, вулканического происхожденія; лавы его вылились на девонскія формациіи плоскогорья. На западѣ, Тассили разрѣзанъ изъ острова и островки, а съ сѣверной стороны долины удовъ вдаются, въ видѣ заливовъ и бухтъ, въ толщу массива: такимъ образомъ это плоскогорье раздѣлено на множество отрывковъ, изъ которыхъ каждый носить особое имя у туареговъ, кочующихъ въ той странѣ. Эгеле, близкайшее къ уаду Ригъ плато, окружено съ трехъ сторонъ, на сѣверѣ, востокѣ и западѣ, «Песками», или Эдейенъ. Холмы Ханіфуса (583 метра), первая девонская склада на дорогѣ изъ Тугурта въ Иделесь, въ джебель Ахаггаръ,—тоже обломокъ разорваннаго плоскогорья. Къ западу оть долинъ, въ которыхъ нѣкогда текли воды системы Игаргара, находимъ другія холмистыя плато, принадлежащія къ той же девонской формациіи, но уже не ориентированные по оси горъ восточной Сахары: Муидиръ, водораздѣльный хребеть между уадомъ Игаргарь и рѣками Тутата, выдвинулся длиннымъ треугольникомъ въ за-

¹⁾ J. Brosselard, „Voyage de la mission de Flatters“;—J. Y. Barbier, „A travers le Sahara“.

падномъ направлениі. Около западной оконечности этого плато высится пикъ Ифеттесенъ, которому Дюверье приписываетъ, какъ и главной вершинѣ Адара, вулканическое происхождение.

нами или непокрытыя песками, принадлежать къ мѣловой формациі. Таково плато Тингертъ, т. е. «Известковое», длинная гамада, составляющая продолженіе, на западѣ и юго-западѣ, триполийской «Красной гамады». Таково же

Джебель Кханфузъ.

Къ съверу отъ девонскихъ плато, слѣдующихъ одно за другимъ, отъ окрестностей Рата до Инсалаха и далѣе, всѣ каменистые массы, господствующія надъ аллювиальными равни-

плато Тадемантъ, образующее на съверѣ оазисъ Туата родъ круглого бастіона и примыкающее къ плоскогорью Эль-Голеа, въ алжирской Сахарѣ; на югѣ и на западѣ Тадемантъ *

оканчивается скалами, съ рѣзко очерченнымъ рельефомъ, и даже настоящими утесами или обрывами, задерживающими пески; но на противоположномъ скатѣ гамада полого спускается къ сѣверо-востоку, перерѣзанная разсыпинами, въ которыхъ иногда текутъ воды, впадающей въ уездъ Мія. Съ этой стороны армія дюнъ во многихъ мѣстахъ вторгается въ поясъ скалъ. Въ цѣломъ, мѣловыя формациіи расположены на югѣ Алжиріи въ формѣ огромной подковы, окружающей бассейнъ уезда Мія и нижняго Игаргара¹⁾.

За мѣловыми формациіями Тингерта и Тадеманта, за девонскими плато сѣверного или Азджарского Тассили и Мундира следуютъ, въ южномъ направлении, кристаллическіе массивы Ахаггара, окруженные каменистыми островками того же происхожденія: на востокѣ—Ангѳуль, увѣнчанный остроконечными вершинами въ 1.500 или 1.800 метровъ, которыя Бартъ видѣлъ во время своего путешествія изъ Рата въ Агадесъ; на сѣверѣ—плато Эгерѣ, граниты которого пробиты вулканическими взбросами; на сѣверо-западѣ—хребетъ или батенъ Агенеть, продолжающейся къ оазисамъ Туата. Въ цѣломъ, центральный массивъ, круговидной формы, имѣетъ слишкомъ 600 километровъ въ окружности и состоять изъ поставленныхъ одно на другомъ плато, поднимающихся этажами отъ высоты 500—600 метровъ до 2.000 метровъ надъ уровнемъ моря, въ область зимнихъ снѣговъ. По нашимъ картамъ, представляющимъ въ главныхъ чертахъ лишь воспроизведеніе той карты, которую шейхъ Отманъ, по просьбѣ Дюверье, начертілъ передъ нимъ на пескѣ, высшее плато, стоящее въ центрѣ Ахаггара, увѣнчано двумя пиками-близнецами, изъ которыхъ одинъ называется Уателленъ, а другой Гикена. Сѣверный выступъ или мысъ всего массива, Тифедестъ, оканчивается, среди четвертичныхъ аллювиальныхъ образованій, вулканическимъ конусомъ Уданъ, который туземцы прозвали «Носомъ Ахаггара»; вѣроятно, и другія вершины, въ томъ числѣ и два господствующихъ пика, тоже состоять изъ лавы и пепла, выброшенныхъ изверженіемъ на гранитныя скалы²⁾. Прежде думали, основываясь на рассказахъ туареговъ, что Ахагтаръ заключаетъ въ себѣ залежи «черныхъ камней, которые горятъ», то-есть каменного угля; но кажется, эти горючие камни не что иное, какъ попристая лава, которую поливаютъ деревяннымъ масломъ и употребляютъ для освѣщенія, вместо лампъ. Южный Ахагтаръ еще не былъ посѣщенъ европейскими изслѣдователями; онъ такъ же неизвѣстенъ, какъ плато, граничащее съ нимъ на югѣ, *тассили*, означаемое на картахъ подъ именемъ южнаго или ахаггарского Тас-

сили. Изъ рассказовъ туареговъ известно только, что это — каменистое пространство, безъ воды, безъ растительности, тщательно обыгаемое караванами иnomadами. Заблудившіеся тамъ верблюды, говорятъ ахаггарцы, погибаютъ отъ голода и жажды, или дичаютъ, потому что никто не хочетъ рисковать жизнью, чтобы идти на поиски потерявшихся животныхъ.

Расположенный въ самомъ центрѣ Сахары, джебель Ахагтаръ былъ бы раздѣльнымъ хребтомъ для рѣчныхъ бассейновъ, если бы воды были достаточно обильны, чтобы образовать настоящія рѣки въ массивѣ. Несомнѣнно, однако, что воды, бѣгущія со склоновъ Ахагтара, теряются, по выходѣ изъ долинъ, въ песчаныхъ руслахъ, которая прежде, при другихъ климатическихъ условіяхъ, были долинами, куда изливались большия рѣки: на сѣверѣ текли притоки Игаргара; на югѣ соединялись уэды, которые черезъ общее русло Тафассета усиливали Нигерь; на западѣ долины Тигехерта, Тархита и нѣкоторыхъ другихъ уэдовъ принадлежать къ системѣ Мессауры. Составлять ли бассейнъ этой рѣки части атлантической покатости, какъ предполагалъ Дюверье, и несмотря на препятствіе, представляемое дюнами Игиди, ея фильтрационныя воды напрѣвляются ли къ уэду Драа, или, какъ это дѣлаютъ болѣе вѣроятнымъ новѣйшая сѣдѣнія¹⁾, не есть ли Мессаура притокъ Тигехерта и Нигера? Переображеніе ли она плоскогорье глубокимъ ущельемъ? По барометрическимъ измѣреніямъ, сдѣланнымъ Рольфсомъ въ оазисѣ Туатъ, истеченіе Тигехерта или Тегазерта въ Нигерь представляется невозможнымъ, ибо вода должна была течь снизу вверхъ и, на пространствѣ около 800 километровъ, подняться слишкомъ на 100 метровъ, чтобы достигнуть главной рѣки; но цифры, даваемыя однимъ путешественникомъ, который не можетъ сравнить свои, наскоро сдѣланныя, наблюденія, съ наблюденіями другихъ изслѣдователей, нельзя признать имѣющими рѣшающее значеніе. Поэтому вопросъ объ истеченіи Мессауры, составляющей одну изъ важнѣйшихъ проблемъ африканской географіи, долженъ пока считаться открытымъ.

Впрочемъ, и самый бассейнъ Игаргара, который уже изслѣдовали многие путешественники, еще недостаточно извѣстенъ, чтобы можно было сказать съ полной увѣренностью, что онъ во всей своей совокупности принадлежитъ къ покатости шоттовъ Алжиріи. Несомнѣнно, что одинъ уэдъ, называемый Игаргара, беретъ свое начало на сѣверномъ склонѣ джебеля Ахагтаръ, огибаетъ, въ видѣ постоянного ручья, восточное основаніе Удана, затѣмъ, по приватіи притоковъ съ плоскогорья Эгерѣ, проходить

¹⁾ G. Rolland, „Carte gÃ©ologique de Sahara“.

²⁾ H. Daveyrier, „Les Touaregs du Nord“.

¹⁾ Camille Sabatier, „Mémoire sur la Géographie physique du Sahara central“.

между Азджарскимъ Тассили и горами Ирауэнъ, чтобы вступить въ аллювиальную равнину, простирающіяся на съверѣ отъ девонскихъ плато. До этого мѣста теченіе его совершенно обособленное и паденіе правильное: близь зауи Тессасинъ, у южного основанія скалъ мѣловаго пояса, русло его лежитъ на высотѣ 375 метровъ; здесь съ нимъ соединяются, если не воды, то по крайней мѣрѣ долины, иѣогда наводненные, которая берутъ начало въ центральныхъ впадинахъ плоскогорья Азджаръ; черты этихъ долинъ притоковъ Игаргара, называемыхъ Игаргаренъ и Иссауанъ, явственно обозначены цѣпями дюнъ, обрывами, излучинами, змѣевидными извилинами. Съвернѣе такъ же отчетливо видна брешь, перерѣзывающая область мѣловыхъ формаций; но вскорѣ затѣмъ скать становится неизвѣстнымъ: неизвѣстно—понижается ли мѣстность къ съверу, и трудно сказать, въ какую сторону потекла бы вода, если бы она существовала въ долинахъ; впрочемъ, ее никогда не видали въ этой области уэда Игаргаръ. Низменность, походившая на рѣчное ложе, между высокими берегами, удаленными одинъ отъ другаго на разстояніе отъ 2 до 10 километровъ, въ концѣ концовъ сливается съ поверхностью окружающей пустыни: это рядъ дайя или дхайя (ложинъ съ песчанымъ дномъ), прерываемыхъ дюнами; во многихъ мѣстахъ странствующіе пески совершенно загородили долину. По мнѣнію Дюверье, соединеніе между Игаргаромъ и Игаргареномъ происходитъ подземнымъ путемъ, подъ дюнами.

Многочисленныя озера рѣзѣяны въ котловинахъ съвернаго Тассили и во вѣнчихъ вырѣзкахъ, гдѣ уады берутъ свое начало: Дюверье полагаетъ, что эти озера представляютъ собою бывшіе кратеры вулкановъ, гдѣ скопились воды. По крайней мѣрѣ этого нельзѧ сказать про лужи, обыкновенно обозначаемыя подъ именемъ «озера» Михаро, или даже величае-мыя «моремъ» (бахръ). Осмотрѣнныя въ 1876 г. путешественникомъ фонть-Бари, эти лужи оказались просто впадинами въ русль уади, содержащими воду во всякое время года. Когда воды бѣгутъ въ обилии съ горъ, отдѣльные лужи сливаются въ прудъ; во время засухи они съуживаются до размѣра ямъ, наполненныхъ водой; въ соѣствїи бываютъ изъ земли газовые ключи, называемые Себарбаръ, или «бурчаніе», по причинѣ пузырей, безпрестанно поднимающихся со дна и лопающіхся на поверхности; по наблюденію фонть-Бари, вода этихъ родниковъ, если и не кипятъ, какъ говорятъ туареги, то все-таки довольно горячая: температура ея слишкомъ 37 градусовъ по Цельзію. Нѣмецкій изслѣдователь не видаль крокодиловъ въ лужахъ Михаро, но явственно различилъ ихъ слѣды на пескѣ. Судя по отпечаткамъ ихъ лапъ, эти животныя, внушающія большой страхъ па-

стухамъ, имѣютъ не болѣе двухъ метровъ въ длину. На съверо-западѣ, на той же отлости плоскогорья, находится озеро Менхугъ, посыщенное первой миссіей полковника Флаттерса, въ 1880 г. Это большой прудъ, который въ среднее время года имѣеть километръ въ длину, около сотни метровъ въ ширину и 4 метра глубины; но въ сухой сезонъ уровень воды понижается на 3 метра, и прудъ обращается въ простую воронку, какъ источники Себарбаръ; напротивъ, послѣ сильныхъ дождей, онъ наполняется обширный циркъ дюнъ и омываетъ своими водами основаніе тамарисковъ. Французскіе офицеры не видали тамъ крокодиловъ, но ловили огромныхъ рыбъ, принадлежащихъ къ тѣмъ же видамъ, которые встрѣчаются въ водахъ Нила и Нигера¹). Фактъ этотъ служитъ новымъ доказательствомъ того, что прежде климатъ здѣсь былъ болѣе влажный: большія рѣки текли тогда въ пространствахъ, которыя въ наши дни представляютъ безводную пустыню; водяные животныя свободно переходили изъ рѣки въ рѣку, теперь же они заперты въ тѣсныхъ предѣлахъ и подвергаются опасности погибнуть въ случаѣ исключительныхъ засухъ, когда воды могутъ испариться до послѣдней капли.

На противоположной покатости Тассили, между этимъ плоскогорьемъ и массивомъ Ахаггаръ въ собственномъ смыслѣ, простирается большая себха, бывшая иѣогда озеромъ, и воды которой изливались либо на юго-востокъ чрезъ уэдъ Тафассасеть, либо на съверъ чрезъ Игаргаръ: этотъ солончакъ находится почти на водораздѣльномъ хребтѣ между Средиземнымъ моремъ и Атлантическимъ океаномъ, чрезъ бассейнъ Нигера. Амадгоръ впервые былъ посыщенъ европейцами во время второй миссіи Флаттерса; но трагическая участъ, постигшая эту экспедицію, лишила географію картъ и описаний, относящихъ къ этой части путешествія. Извѣстно только, что равнина Амадгоръ очень обширна, потому что на переходѣ черезъ нее требуется не менѣе пяти дней. Солончакъ, питаемый ручьями, спускающимися изъ долинъ плоскогорья Эгерѣ и джебеля Ахаггаръ, получаетъ, вѣроятно, значительное количество воды. Соль тамошняя превосходного качества, и ее можно бы собирать столько, что хватило бы для миллионовъ людей; но постоянныя войны между Ахаггаромъ и Азджаромъ заставили оставить эксплоатацию этихъ соляныхъ богатствъ; по той же причинѣ большую ярмарку, которая прежде собиралась на берегу себхи, пришло перевести въ Ратъ²). Нѣть сомнѣнія,

¹⁾ H. Brosselard, „Voyage de la mission Flatters“.

²⁾ H. Duveyrier, „Les Touaregs du Nord“.

что съ възстановлениемъ мира въ тѣхъ странахъ Амадгоръ снова пріобрѣтетъ важное торгово-промышленное значение и опять сдѣлается оживленнымъ рынкомъ для каравановъ между Сахарой и Нигрицей.

Благодаря относительною обилію водь въ массивѣ Ахаггаръ, флора этой области сравнительно довольно богата: въ хорошо орошаемыхъ долинахъ, акацій, особенно тогъ видъ, который даетъ аравийскую камедь, и другія древесныя породы образуютъ настоящіе лѣса; фонт-Бари видѣлъ даже, и въ сосѣдствѣ озера Михаро, деревья, соединенные сѣтью ланъ въ непроницаемую массу зелени. Достаточно малѣйшаго дождя, чтобы одѣть въ нѣсколько часовъ голую почву богатою травяною растительностью. Дюверье разсказываетъ, что ему случалось видѣть, какъ обширныя пространства, совершенно обнаженные наканунѣ, покрывались на другое утро, послѣ ночного ливня, великолѣпнѣйшей зеленью: одной недѣли достаточно, чтобы новая трава, называемая туарегами «весенней», могла прокормить стада. Между обыкновенными растеніями края особенно замѣчательны одичь видъ бѣлены, называемый фалезлезъ, токсическая свойства котораго, говорятъ, усиливаются пропорционально высотѣ мѣстъ произрастанія: почти безвредная въ низменныхъ равнинахъ, она становится опасной на низкихъ террасахъ, чрезвычайно ядовитой на высокихъ горахъ, но не для жвачныхъ животныхъ; листья ея идутъ въ прокѣ верблюдамъ и козамъ, тогда какъ лошади, ослу, собакѣ и человѣку они приносятъ смерть. Культурная флора туареговъ заключаетъ въ себѣ очень ограниченное число видовъ: два дерева, финиковую пальму и смоковницу, виноградъ и четыре хлѣбныхъ злака—шпеницу, ячмень, сорго и просо¹).

Кажется, что львовъ нѣть въ горахъ Ахаггаръ; барсъ, кабанъ, буйволъ, носорогъ и бегемотъ тоже не водятся въ землѣ туареговъ; но тамъ встрѣчаются разновидности волка и гіены; на плоскогорьяхъ и въ равнинахъ, окружающихъ этотъ джебель, много антилопъ; на сѣверномъ Тассили живеть стадами онагръ (дикій осель): онъ такъ быстро бѣгаетъ, что догнать его нѣть никакой возможности; съ трудомъ удается иногда поймать его въ западню. Разсказываютъ, что онагръ нападаетъ на домашнихъ ословъ и убиваетъ ихъ на смерть. Вокругъ болотъ и въ лѣсистыхъ лощинахъ летаютъ птицы, но онѣ очень рѣдки и принадлежать къ небольшому числу видовъ: «въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сахары можно путешествовать цѣлуу неделю, не встрѣтивъ ни одного представителя пернатаго царства».

У туареговъ есть домашнія животныя, лошадь и оселъ, баранъ и коза, борзая собака

особой породы, называемой «слуги», и даже страусъ: Дюверье видѣлъ одного изъ этихъ ручныхъ страусовъ, которымъ надѣваютъ путы, какъ лошадямъ, пускаемымъ на подножный кормъ. Извѣстно, какимъ заботливымъ уходомъ окружаетъ тауреги верблюда, своего излюбленнаго товарища, позволяющаго имъ, такъ сказать, быть вездѣсущими въ этомъ безпредѣльномъ пространствѣ, которое простирается отъ уѣза Ригъ до Нигера. Верблюдъ и былъ главной причиной того, что таурегъ сдѣлался скорѣе кочевникомъ, чѣмъ землевѣльцемъ; во многихъ долинахъ джебеля Ахаггаръ обработка почвы могла бы дать достаточныя средства для прокормленія жителей, но владѣлецъ верблюда не можетъ оставаться на одномъ мѣстѣ: ему нужно, смотря по времени года и выпаденію дождей, искать пастбищъ, пригодныхъ для его скота.

Стада состоятъ преимущественно изъ выручныхъ верблюдовъ, которыхъ иногда дрессируютъ для быстрыхъ экспедицій, но бѣговые верблюды составляютъ особую породу, называемую *мегари* (по-берберски *архелама*), которая отличается высокимъ ростомъ, тонкими и стройными ногами, длинной шеей, необычайной быстротой хода, изумительной выносливостью и умѣренностью въ пищѣ. Мегари не кричать, когда ему больно, изъ боязни, чтобы крикъ не выдалъ его хозяина; онъ можетъ выносить до семи сутокъ воздержаніе въ лѣтнюю пору, когда онъ на ходу и навьюченъ; зимой онъ остается по два мѣсяца на пастьбѣ, не ходя на водопой. Въ то время какъ выручный верблюдъ идетъ обыкновенно шагомъ 3 съ половиной до 4 километровъ въ часъ, т. е. отъ 25 до 26 километровъ въ день, мегари безъ труда проходить въ четверо большее разстояніе. Путешественникъ Фуро разсказываетъ о трехсотверстной поѣздкѣ, совершенной въ два дня на мегари однимъ инсалахскимъ шейхомъ¹). Верблюдодство поглощаетъ такую большую часть жизни туарега, что послѣдній имѣеть въ своемъ расположенніи десятки названій для обозначенія мегари во всѣхъ возрастахъ, во всѣхъ состояніяхъ здоровья и болѣзни, оттѣхъ цѣлта шерсти, работы и отдыха. Воспитаніе животнаго для бѣга и для войны ведется съ величайшей заботливостью и щадительностью, и дѣйствительно нельзя достаточно налюбоваться чуднымъ зрѣлищемъ многочисленныхъ мегари, облеченныхъ въ ратную сбрую и выстроенныхъ въ боевомъ порядкѣ: верблюды, вытянувшись шею, люди, высоко держащіе копья, кажутся какъ бы составляющими одно странное существо грознаго вида. Мегари, на которыхъѣзжать женщины, выучиваются плавно

¹) H. Duveyrier, цитированное сочиненіе.

¹) "Bulletin de la Société de Géographie de Constantine," 1-er ao鹴 1883.

покачиваться изъ стороны въ сторону подъ звуки музыки: когда туарегскія женщины явились привѣтствовать членовъ миссіи Флінтерса, одна изъ нихъ играла на какомъ-то инструментѣ въ родѣ мандолина туземныхъ арий, тогда какъ верблюдъ ея танцевалъ на мѣстѣ, соблюдая тактъ съ изумительной точностью. Туарегъ управляетъ движеніями животнаго давленіемъ ноги. Сидя на высокомъ сѣдлѣ и опершись спиной на лукѣ, съ ногами,

ственную пищу его семьи въ сезонъ пастьбы; изъ верблюжьей шерсти плетутъ веревки; каль употребляется для унавоживанія пальмъ, или, высушенный на солнцѣ, служить тощивомъ. Мясо верблюда считается самымъ лакомымъ блюдомъ, которымъ обыкновено угощаются почетныхъ гостей; наконецъ, кожа его, одна изъ лучшихъ, какія существуютъ, утилизируется для приготовленія палатокъ, сбруи и разной хозяйственной утвари¹). Вообще для

Таргуйинскій типъ.

скрещенными вокругъ сѣдельной шишки въ формѣ креста, онъ дѣйствуетъ босыми ступнями на шею верблюда, сохранивъ такимъ образомъ руки свободными для дѣйствія оружіемъ: оттого, въ бою, туарегъ всегда мѣтить въ ступню своего врага; если ему удастся отрубить ее, животное не слушается больше, такъ какъ уже не составляетъ одного тѣла со своимъ господиномъ. Страшный на войнѣ, необходимый для перевозки людей и вещей, верблюдъ способствуетъ также содержанію туарега: верблюжье молоко составляетъ един-

туарега верблюды составляютъ неопѣненное богатство, но они относительно малочисленны: самый зажиточный изъ горцевъ имѣть не болѣе полсотни головъ этого драгоцѣннаго животнаго.

Въ странѣ туареговъ, какъ въ регентствѣ Триполи, въ Феоданѣ и въ Алжирской Сахарѣ, находили каменные орудія и другіе предметы, принадлежащи доисторическимъ вѣкамъ. Пу-

¹) Н. Дюзугіе, цитированное сочиненіе.

тешественники встречали также древия могилы, уже разрытыя и перерытыя искателями кладовъ; но не известно, какимъ вародамъ должно приписать эти остатки отдаленной эпохи. Берберы-туареги съ незапамятныхъ временъ кочуютъ въ Центральной Сахарѣ, и, несомнѣнно, они уже занимали край, когда арабы проникли въ Мавританию и въ первый разъ встрѣтились съ обитателями пустыни. Арабы-то и дали этимъ кореннымъ жителямъ имя «туареговъ», которое значитъ «люкинутые», отвергнутые Богомъ, по причинѣ сопротивленія, которое эти народы, «сабеи» или «идолопоклонники», какъ ихъ называютъ арабскіе писатели, долго оказывали магометанству: они обратились въ исламъ только въ третьемъ столѣтіи геджры. Сами себя туареги называютъ имохагъ, имошаръ, имажирхенъ, смотря по нарѣчіямъ. Это то же имя, какъ амзигъ въ Джурджурѣ и имазигенъ въ Марокко, и также происходитъ отъ корня, заключающаго въ себѣ понятіе о свободѣ, гордой независимости. Что касается происхожденія этой расы, то оно «смѣшанное и переплетающееся, какъ ткань шатра, въ которую входитъ волосы верблюда съ шерстью барана: нужно быть очень искуснымъ, чтобы различить, которая верблюжья и которая овечья»). Такъ говорить шейхъ Брагимъ-Ульдъ-Сиди, сливущій образованійшимъ человѣкомъ между туарегами ¹⁾). Вслѣдствіе родства чрезъ брачные союзы, главные берберскіе роды центральной Сахары,—вѣроятно, санхеджанскаго происхожденія,—могутъ присвоивать себѣ титулъ арабовъ и ширфовъ, такъ что косвенно и они имѣютъ въ жилахъ частицу крови Пророка. Имохаги или имошары дѣлятся на множество племенъ, составляющихъ четыре большахъ союза: азджаръ и ахаггаръ или хоггаръ—сѣверные туареги, кель-ови и ауэллимиденъ—южные туареги. Вся раса въ совокупности занимаетъ половину Сахары, а языкъ ея, называемый темахакъ, темашекъ или тамазигтъ, говорять въ четверти Африки, отъ береговъ Атлантическаго океана до оазисовъ Юпитера Амона. Самое слово Аммонъ не то ли же, что название народа Тамагу, упоминаемое въ Египтѣ на памятникахъ Эд-Фу? ²⁾.

Изъ четырехъ сейчасъ названныхъ племенныхъ союзовъ тотъ, который занимаетъ сѣверо-восточную часть громадной области распространенія туарегскаго народа, союзъ азджарцевъ, имѣть первенствующее значеніе, не по численности и не по богатству, а по степени цивилизации и покровительству, которое онъ оказываетъ торговымъ людямъ: благодаря азджарцамъ, европейскіе путешествен-

ники могли проникнуть во внутренность Сахары, и эти дотолѣ невѣдомыя области стали намъ известны. Изъ всѣхъ туареговъ азджарцы наиболѣе обнаруживаютъ склонности промынать кочевую жизнь на осѣдлую, и даже одно изъ племенъ, тинъ-алькумъ, или тизилькумъ, какъ его называется Ричардсонъ, живеть въ оазисахъ, воздѣлываемыхъ собственными руками, въ окрестностяхъ Мурука и Рата. Прежде самымъ могущественнымъ между азджарскими племенами было племя иманантъ, или «султановъ», къ которому принадлежалъ амонакаль, или государь всѣхъ сѣверныхъ туареговъ; теперь господствующее племя—орагены, кочующіе въ долинахъ Игаргарена, Михеро, Джанета; самое цивилизованное—ифогасы, которыхъ считаютъ специальными союзниками французовъ, по причинѣ покровительства, которое они оказывали европейскимъ путешественникамъ: шейхъ этого племени, Отманъ, сопровождалъ Ленга въ Инсалахъ и собралъ его бумаги; тотъ же шейхъ три раза водилъ французскихъ изслѣдователей въ свою страну, между прочимъ, и Генриха Дюверье; наконецъ, онъ же первый рѣшился покинуть родную пустыню, чтобы сѣздить во Францію. Ифогасы пользуются болѣшимъ влияніемъ, какъ марабуты и продавцы амулетовъ: ихъ можно встрѣтить во всѣхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ земли туареговъ. Союзъ племенъ ахаггаръ—или хоггаръ на языкѣ арабовъ—отличается гораздо болѣе воинственнымъ характеромъ, чѣмъ азджарцы. Обитая въ гористой области, гдѣ ихъ никто не осмѣливается преслѣдовывать, ахаггарскія племена укрываются тамъ, какъ въ крѣпости, откуда могутъ удобно дѣлать набѣги въ сосѣднія территории. Сюзеренное племя ахаггарцевъ, называемое кель-рела, занимаетъ центръ плоскогорья, главную твердыню союза. Начальникъ его, амгаръ, есть въ то же время вождь всѣхъ другихъ племенъ джебеля. Между ахаггарцами только очень немногіе занимаются земледѣліемъ; почти все они пастухи. Дюверье опредѣляетъ общую численность сѣверныхъ туареговъ приблизительно въ 30.000 человѣкъ, что составить немного болѣе тысячи душъ на племя; пространство же территории, на которой они кочуютъ со своими стадами, никакъ не менѣе миллиона квадр. километровъ.

Большинство туареговъ—народъ рослый; всѣ они худощавы и сильны; бѣлыя отъ природы, они дѣлаются смуглыми отъ взаимія солнца; по цвету кожи и по чертамъ лица ихъ можно смѣшать съ европейцами, но они всегда отличаются неронной, хотя медленной и важной, поступью, большими шагами и гордымъ держаніемъ головы: Дюверье сравниваетъ ихъ позу съ позой страуса или верблюда, и приписываетъ ее привычкѣ постоян-

¹⁾ H. Daveyrier, цитированное сочиненіе.

²⁾ Ch. Tissot, „Exploration scientifique de la Tunisie“.

но носить юбъе. Между туарегами встречаются голубоглазые, и у женщинъ этотъ цветъ радужной оболочки считается большой красотой. Среди имошаровъ не увидишь болѣзненныхъ и рахитиковъ: слабые, хилые быстро уносятся въ могилу, но зато тѣ, которые выживаютъ, не боятся никакой хвори, не знаютъ устали; между ними не рѣдкость встрѣтить столькихъ стариковъ. Этимъ завиднымъ здоровьемъ туареги, безъ сомнѣнія, обязаны своей крайней умѣренности въ пище: между прочими обидными кличками, которыми эти африканцы щедро осыпаютъ арабовъ, они называютъ послѣднихъ «большими ёдоками», обжорами; сами они ёдятъ только разъ въ день въ пути и два раза во время пребыванія въ становищѣ: зерна, финики и смоквы, ягоды сальвадоры персидской (*Salvadora persica*), зелень, немного мяса—вотъ и все ихъ яства; имть запрещено обычаемъ питья птицами и рыбой; одни только мара-быты позволяютъ себѣ употреблять въ пищу мясо этихъ животныхъ. Самая обыкновенная болѣзнь у туареговъ—ревматизмъ и офтальмія (глазные болѣзни); происхожденіе этихъ недуговъ объясняется привычкой спать ночью на голомъ пескѣ и отраженіемъ яркаго солнца на дюнахъ. У этихъ обитателей пустыни зрительный аппаратъ не такой, какъ у жителей оазисовъ: у первыхъ глазное яблоко, маленькое и глубоко-впалое, защищено очень густыми бровями, рѣзины очень длинныя, роговая оболочка отдѣлена отъ склеротики бѣловатымъ кругомъ, и весь глазъ имѣеть красноватый цветъ, зависящій отъ обилия кровеносныхъ сосудовъ¹⁾.

Извѣстно, что для защиты зрѣнія отъ блеска солнечныхъ лучей и отъ пыли, поднимающейся съ песковъ, туареги всегда ходятъ съ закрытымъ лицомъ, и этотъ обычай въ концѣ концовъ обратился въ своего рода религиозный обрядъ у мужчинъ; даже ночью они не снимаютъ вуали, оправдывая эту привычку тѣмъ, что приличie требуетъ прятать ротъ, служащій дверью, черезъ которую вводится пища въ тѣло²⁾). Такъ же какъ тиббусы и большинство другихъ сахарцевъ, туареги уже съ незапамятныхъ временъ получили отъ своихъ сосѣдей арабовъ название «Ахэль-эль-Лицамъ», т. е. «Люди съ покрывающимъ лицо на лицѣ». Благородные и богатые носятъ обыкновенно черный вуаль; люди низшей касты, у которыхъ иногда преобладаетъ негритянская кровь, отдали предпочтеніе бѣлому покрывалу: такимъ образомъ нація дѣлится въ глазахъ арабовъ на два класса—«Черныхъ» и «Бѣлыхъ», то-есть въ обратномъ порядке съ

цвѣтомъ кожи. Женщины никогда не закрываютъ себѣ лица, развѣ только передъ иностранцемъ, въ знакъ уваженія. Подобно арабамъ, съверные туареги бреютъ голову, оставляя только рядъ волосъ отъ лба до затылка, родъ гребня, который поддерживаетъ ткань, служащую вуалью и позволяетъ воздуху циркулировать вокругъ головы. Мужчины, по достиженію возраста, когда можно носить оружіе, надѣваютъ себѣ на правую руку кольцо изъ зеленаго серпентина, чтобы придать, говорятъ они, больше силы двухгловой мышцѣ, когда рука наносить ударъ саблей; кроме того, туареги никогда не разлучаются съ длиннымъ кинжаломъ, привязаннымъ къ предплечію кожанымъ браслетомъ. Обыкновенное ихъ оружіе—копье и мечь; теперь они употребляютъ также ружье, называя его «оружіемъ измѣнъ». Они не татуируются, но при помощи индиго въ порошкѣ красятъ себѣ въ синій цветъ лицо и руки, отъ плеча до кисти; что касается остального тѣла, то оно облечено въ тотъ же цветъ самымъ костюмомъ, состоящимъ изъ синей бумажной блузы и такихъ же штановъ—костюмомъ, напоминающимъ одежду древнихъ галловъ. Женщины же раскрашиваютъ себя охрой: такимъ образомъ туареги, хотя бѣлы отъ природы, кажутся синими или желтыми. Никто изъ нихъ никогда не моется, потому что водѣ приписываютъ свойство дѣлать кожу болѣе чувствительной къ перемѣнамъ температуры: предписанныя религіей омовенія исполняются, для виду, съ помощью песка или камешковъ.

Нравственная характеристика туареговъ была представлена, можетъ-быть, въ слишкомъ лестномъ свѣтѣ французскимъ путешественникомъ Дюверье, который не могъ нахвалиться любезностью и поддержкой, оказанной ему шейхомъ Отманомъ, однимъ изъ начальниковъ племени ифогасъ; съ другой стороны, трагическая участь миссии полковника Флиттерса и ужасы, которыми она сопровождалась, дотого возмутили общественное мнѣніе, что оно стало смотрѣть на имошаровъ въ массѣ какъ на злыхъ, безчеловѣчныхъ, алчныхъ и вѣроломныхъ дикарей. Но нельзя, конечно, примѣнять ко всемъ приговоръ, произнесенный надъ нѣсколькими. Туареги несомнѣнно обладаютъ многими хорошими качествами: они очень храбры, вѣрны слову, данному своему братумусульманину, уважаютъ честь друзей. Туарегскій грабитель, который иной разъ трясется десять дней на спинѣ мегари, чтобы украсть скотину у враждебнаго племени, не тронетъ склада, оставленнаго караваномъ; должникъ и его наследники никогда не забываютъ своего долга, точно такъ же, какъ ни обиженнный, ни его дѣти никогда не забудутъ отплатить за нанесенное оскорблѣніе. Впрочемъ, между различными племенами туареговъ замѣчается боль-

¹⁾ Bonnefont, „Bulletin de la Société d' Anthropologie“, 5 fevrier 1885.

²⁾ W. Reade, „The Martyrdom of Allan“.

шай разница: азджарцы, и особенно ифогасы, гораздо менѣе свирѣпы, менѣе дики, чѣмъ ахаггарцы; этимъ послѣднимъ и должны быть приписаны тѣ кровавыя дѣянія, которыя навели страхъ на алжирскія населенія. Туарегскому обществу свойственны пороки, вытекающіе изъ его соціального устройства, существенно аристократического, основанного на рабстве, и потому презирающаго трудъ, какъ недостойный свободныхъ людей, прославляющаго войну и грабежъ, какъ величайшия подвиги. Нѣкоторыя изъ племенъ—благородныя, *шашаренъ*: это единственныя племена, пользующіяся политическими правами и обладающія властью, единственныя, люди которыхъ, по достижениіи сорока лѣтнаго возраста, могутъ засѣдатъ въ совѣтахъ и проявлять ораторскіе таланты, которыми такъ гордятся благородные туареги: ремесло ихъ—война; трудъ былъ бы для нихъ безчестіемъ. Да и зачѣмъ имъ трудиться, когда для этого есть покоренныя племена, которыя платить имъ дань, и въ особенности племена порабощенные, крѣпостные, передаваемые по наслѣдству и въ формѣ дара, такъ называемые *имрадъ* или «скотники», которые занимаются скотоводствомъ въ пользу своихъ господъ и собираютъ плоды въ садахъ и лѣсныхъ чащахъ? Кромѣ того, у нихъ имѣются черные невольники и вольноотпущеные, остающіеся въ крѣпостномъ состояніи. Что касается марабутовъ, также причисляемыхъ къ людямъ благороднаго происхожденія, то они тоже имѣютъ клиентовъ и рабовъ, работающихъ на нихъ, и взимаютъ свою долю съ богатства жителей; впрочемъ эта доля во всякой другой странѣ была бы очень скучнымъ рессурсомъ. За исключеніемъ оазисовъ, воздѣлываемыхъ руками имрадовъ, въ Джанетѣ, въ землѣ Азджаръ, въ Иделесѣ и въ Газерукѣ, въ землѣ Ахаггаръ, не наберется, вѣроятно, и тысячи гектаровъ подъ культурой на всей территории туареговъ, а промышленность ограничивается мелкими работами, необходимыми для выѣлки и переработки кожъ, гончарного производства, фабрикаціи грубой мебели, починки оружія. Кузнецы составляютъ уважаемую корпорацію; жены ихъ, почти таکія же сильныя, какъ и они сами, помогаютъ мужьямъ ковать желѣзо. Старые цистерны, высѣченныя въ камнѣ въ мѣстностяхъ, нынѣ пустынныхъ, доказываютъ, что прежде тамъ земледѣліе было гораздо болѣе развито. Въ наше время бѣдность края такъ велика, что голодающіе часто ходятъ на поиски муравейниковъ, чтобы поживиться сѣменами дрина, собранными запасливыми насѣкомыми; они оставляютъ нѣсколько горстей хозяевамъ муравейника, а изъ остальнаго забраннаго сѣмени приготовляютъ себѣ родъ кускуса ¹⁾.

Традиціи матріальхального быта сохранились до сихъ поръ у сѣверныхъ туареговъ. По обычному праву, называемому арабами Бени-Умміа, т. е. «Сыны Матери», старший сынъ старшой сестры всегда пользуется привилегіей при дѣлѣ наследства; въ случаѣ смерти главы семейства,—все равно, будуть ли то благородный, марабутъ, даниникъ или рабъ,—имущество его дѣлится на двѣ части: «правое», приобрѣтеннное трудомъ, и «неправое», завоеванное съ оружиемъ въ рукахъ; первое распредѣляется поровну между всѣми дѣтьми, безъ различія возраста и пола; неправое же имущество переходитъ цѣликомъ къ старшему сыну старшой сестры: такъ поддерживается могущество крупныхъ феодальныхъ фамилій ¹⁾). Когда завоеванная территорія должна быть подѣлена между племенами, она отдается вдовствующимъ дамамъ дворянства: таковъ старицій законъ, который, повидимому, соблюдался всѣми санхеджами Африки до магометанскаго нашествія, и который сохранился у многихъ другихъ берберскихъ націй, кромѣ туареговъ. У имохаговъ или имошаровъ дѣти всегда сохраняютъ званіе матери; какъ гласить формула изъ традиціоннаго права, «чрево даетъ окраску ребенку»: сынъ невольника и благородной принадлежитъ къ дворянскому сословію; сынъ дворянца и невольницы считается рабомъ. Впрочемъ, въ обыденной жизни женщина равноправна съ мужчиной, зво многихъ отношеніяхъ поставлена даже выше него. Она свободно располагаетъ своей рукой, и родители вмѣшиваются только въ томъ случаѣ, когда нужно помѣшать заключенію неравнаго брака; она сама управляетъ своимъ личнымъ имуществомъ, не будучи обязана содѣствовать покрытию расходовъ хозяйства: оттого жена вообще богаче мужа; ей принадлежитъ воспитаніе и руководительство дѣтей; на праздничныхъ собранихъ ей всегда уступаютъ первое мѣсто, а за трапезой она получаетъ лучшіе куски; но обычай запрещаетъ ей пить кофе или чай, предоставленные исключительно мужчинамъ. Часто она допускается къ участію въ совѣтахъ племени; иногда же она исполняетъ функции шейха и въ этомъ случаѣ пользуется двойнымъ почетомъ—какъ глава племени, и какъ женщина. Вопреки Корану, туарегскія женщины воспретили многоженство, и нѣть примѣра, чтобы воинъ имѣть двухъ женъ; разводъ дозволенъ, но новая супруга не можетъ вступить въ супружескій очагъ, пока не будетъ надлежащимъ образомъ устроена судьба отвергнутой жены. Ранніе браки здѣсь въ обычай, какъ у арабовъ, и когда туарегская дѣвушка беретъ себѣ мужа, что бываетъ обыкновенно около двадцатилѣтнаго возраста, она уже обладаетъ достаточной силой воли ²⁾.

¹⁾ Margueritte, „Chasses de l'Algérie“.

²⁾ H. Duveyrier, цитированное сочиненіе.

съумѣть заставить уважать свои права. Пожалуйста, она можетъ ъздить верхомъ на мегари и путешествовать по пустынѣ для по-

ская женщина, «рѣвниво охраняющая свои права, такъ же строго относится и къ своимъ обязанностямъ»; кажется, однако, что въ со-

Туарегъ въ набѣгѣ.

тъщенія родственниковъ и друзей, не будучи обязана кому бы то ни было отдавать отчетъ; но она рѣдко злоупотребляетъ этой полной свободой, ибо, по выражению Дюверье, туарег-

съдѣствъ Рата дѣтоубийства съ цѣлью сокрытія плода незаконной связи не принадлежатъ къ числу совершенно неизвѣстныхъ преступлений. Впрочемъ, обычай отнюдь не воспрещаетъ

туарегскимъ дамамъ имѣть, подобно средневѣковымъ владельцницамъ замковъ, ухаживателей, servants d'amour, въ честь которыхъ онѣ вышиваютъ вуали или сочиняютъ стихи. На вечеринкахъ, которая онѣ даютъ, забавляя гостей пѣніемъ, подъ аккомпаниментъ барбана или тобола и особаго инструмента въ родѣ скрипки, называемаго ребаза, онѣ усаживаются на почетное мѣсто тѣхъ, кого отличили, и никто не позволить себѣ порицать ихъ выбора. Особенно женщины племени имананъ, прозванныя «царственными», славятся своимъ музыкальнымъ талантомъ, прелестю и поэзіей своихъ импровизаций; оттого на ихъ вечеринки мужчины приходятъ за сотни верстъ вокругъ, наряженные въ лучшія свои платья. Послѣ войны туареги ничего такъ не любить, какъ музыкальные вечера, и въ битвахъ побѣдители, чтобы нанести послѣдній ударъ побѣжденнымъ, кричатъ имъ, что они не будутъ встрѣчены пѣніемъ своихъ женъ.

Поэтессы и музыкантши націи, женщины являются также хранительницами сокровища знаній. У азджарцевъ почти всѣ женщины умѣютъ читать и писать, тогда какъ изъ мужчинъ едва-ли треть достигаетъ этой степени образования. Женщины обучаются родному языку и грамматикѣ. пишутъ тифинагскими буквами, мало отличающимися отъ письменныхъ знаковъ, найденныхъ на камнѣ въ Тугга, современномъ караагенской эпохѣ. Почти всегда бывая въ пути по ночамъ, мужчины знаютъ въ совершенствѣ форму и движение звѣздѣй; но эта наука, вмѣстѣ съ изумительнымъ знаніемъ мѣстной топографіи, есть единственная, которой они обладаютъ; всякое ученье и образованіе они предоставляютъ женщинамъ. Когда Дюверье привезъ въ край «Темапекскую грамматику» Ганото, это событие произвело настоящую революцію въ женскомъ мірѣ: всѣ дамы хотѣли видѣть, осознать, изучить это чудесное твореніе, которое восхвалило ихъ языкъ и содержало, кромѣ того, много незнакомыхъ имъ басенъ, стихотвореній, исторій. Эта грамматика, вмѣстѣ съ другими сочиненіями того же рода и съ отрывками изъ библіи, изданными въ Лондонѣ, составляютъ нынѣ всю темахагскую литературу; берберскій переводъ Корана, сдѣянный нѣкогда въ Марокко, былъ уничтоженъ, въ тѣхъ видахъ, какъ разсказываетъ Ибнъ-Халдунъ, чтобы слово Аллаха не подвергалось человѣческимъ толкованіямъ. Всѣ произведенія письменности, какими обладаютъ туареги, составлены на арабскомъ языкѣ; на этомъ же діалектѣ ведется корреспонденція, и пишутся амулетки.

Подобно своимъ единоплеменникамъ, кабиламъ Джурджуры, имошары, обитатели Тассили и Ахаггара, не особенно ревностные мусульмане: они представляютъ марабутамъ заботу молиться за нихъ; рѣдко встрѣтишь имошара,

который бы далъ себѣ трудъ исполнить какую-нибудь, даже самую легкую, религіозную церемонію. Но многіе обряды, происхожденіе которыхъ относится ко временамъ, предшествовавшимъ введению ислама, сохранились до сихъ поръ: крестъ для имошаровъ — священный символъ, и небесныхъ духовъ они называютъ ангелами, анджелистъ¹). Туарегъ страшно боится духовъ и привидѣй. Онъ ни за что не будетъ оплакивать покойника, изъ опасеній, чтобы тотъ не воскресъ. По совершеніи обряда погребенія, становище переносится на другое мѣсто для того, чтобы положить пространство между живыми и умершимъ; сыну никогда не даютъ отцовскаго имени, какъ это дѣлаютъ арабы: это имя должно умереть вмѣстѣ съ человѣкомъ, который его носилъ. Одни только марабуты, арабизованные религіей, приняли для родовыхъ прозвищъ обычай своихъ прѣсвѣтителей. Впрочемъ марабуты работаютъ медленно, даже самито не сознавая, надъ доставленіемъ преобладающаго вліянія арабскому правамъ. Когда ихъ призываютъ въ качествѣ судей или посредниковъ, они решаютъ дѣла на основаніи Корана. Что касается внутренняго благочинія племенъ и родовъ, то оно поддерживается единообразно силой обычаевъ. Лѣстница наизнанкѣ, налагаемыхъ шейхомъ, исчерпывается пиней и бастонадой (палочными ударами); тюрьма, смертная казнь никогда не применяется законнымъ порядкомъ: обиженному предоставляется самому отплатить кровью за кровь.

Соѣдѣство алжирской территории поставило туареговъ въ сношенія съ французами, и распространеніе культуры на югѣ французской колоніи неминуемо поведетъ къ развитію и усиленію этихъ сношеній. Всѣдѣствіе путешествія Анри Дюверье, однѣи шейхъ ифогасовъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ другихъ туареговъ, посѣтилъ Алжиръ и даже Парижъ: можно было думать, что, благодаря этимъ новымъ союзникамъ, дороги Судана будутъ открыты караванамъ, отправляющимися изъ Лагуата и Бискры. Даже въ 1862 г. былъ заключенъ въ Гадамесъ формальный договоръ между французскимъ уполномоченнымъ Миршеромъ и туарегскими шейхами племенъ азджарского союза, при чемъ на одно изъ этихъ племенъ, по имени орагенъ, специально была возложена обязанность конвоировать путешественниковъ и товары во время ихъ слѣдованія черезъ Сахару; но этимъ трактатомъ и ограничились дружественные сношенія. Съ этой эпохи, какъ извѣстно, было нѣсколько случаевъ умерщванія путешественниковъ, и члены миссіи Флінтерса погибли подъ ударами вѣроломныхъ туземцевъ. Правда, ответственность за эти зл-

¹) „Annales de la Propagation de la Fei“, 1869.

дѣянія не можетъ быть возложена на всѣхъ туареговъ: азджарскіе шейхи отмстили смерть Дурно-Дюперре и Жубера на виновникахъ преступленія, а что касается измѣны, положившей конецъ послѣдней сахарской экспедиціи, то ее приписываютъ исключительно ахаггарцамъ; есть даже несомнѣнныи доказательства того, что послѣ избѣженія миссіи Фліттерса ахаггарцы сдѣлали набѣгъ на территоію ифогасовъ и перебили у нихъ много народа, чтобы наказать ихъ за то, что они «привели христіанъ въ страну»¹⁾.

Очевидно, что если французы, разматриваемые какъ военная держава, захотятъ открыть себѣ дорогу черезъ джебель Ахаггаръ, то имъ легко будетъ это сдѣлать, пославъ туда достаточную вооруженную силу, настолько значительную, чтобы ей даже не было надобности устраниТЬ непріятеля, такъ какъ этотъ непріятель не въ состояніи будетъ оказать сопротивленіе. Тридцать тысячъ жителей, много-много что десять тысячъ воиновъ, на пространствѣ вдвое большемъ Франціи, не имѣли бы, еслибы даже соединились, достаточныхъ ресурсовъ для защиты своей территоіи противъ отряда, солидно организованного и снабжен-наго смертоносными снарядами, какіе доставляютъ современнаѧ индустрия: никогда больше двухсотъ туареговъ не соединяются въ одну шайку, потому что въ ихъ краѣ не существуетъ колодцевъ, гдѣ бы можно было напоить быстро двѣсти верблюдовъ²⁾). Между тѣмъ французы имѣютъ въ своемъ распоряженіи орудія, позволяющія имъ рыть колодцы въ дорогѣ; кроме того, они могутъ перевозить съ собой запасы воды, какъ это дѣлали Рольфъ и Циттель во время своей памятной экспедиціи 1874 г. че-резъ Ливийскую пустыню, когда онишли двадцать два дня, не встрѣтивъ ни одного источника или колодца³⁾). При томъ дорога изъ Уарглы въ сердце джебеля Ахаггаръ хорошо извѣстна, и можно заранѣе съточностью указать пункты, гдѣ должны быть помѣщены продовольственные посты: колодцы Моханца, Аинъ-Беida, Эль-Біотъ, зауяя Темассининъ, джебель Хонфуса, Аинъ-эль-Хаджаждъ, Менгутъ, Амгидскій колодезъ, солончакъ Амадгоръ — вотъ есте-ственныи этапы на дорогахъ Джанета, въ землѣ Азджартъ, или Иделеса, въ землѣ Ахаггаръ. Нѣкоторыи изъ этихъ станцій, кажется, имѣли довольно важное значеніе въ предшествовавшую историческую эпоху, о чёмъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся каменные ограды и стѣны, первоначальное назначеніе которыхъ не извѣстно. Это, очевидно, не мечети среди пустыни, какія встречаются въ другихъ мѣстностяхъ Сахары, потому что туареги, ког-

да останавливаются около этихъ развалинъ, не выказываютъ къ нимъ ни малѣйшаго почтенія⁴⁾.

Но туареги не въ самой ихъ землѣ всего болѣе уязвимы, ибо имъ легко мѣнять мѣста становищъ, уѣтая передъ наступающимъ непріятелемъ за сотни верстъ. Это въ мѣстахъ торга, гдѣ они должны запасаться жизненными припасами, можно нанести имъ самый чувствительный ударъ. Окруженные почти со всѣхъ сторонъ песками или скалами, они находятся относительно продовольствія въ есте-ственной зависимости отъ большихъ оазисовъ — на востокѣ отъ Гадамеса и Рата, на западѣ отъ Туата, прозваннаго «садомъ пустыни». Открытие рынковъ Туата алжирскимъ францу-замъ было бы въ то же время открытиемъ долинъ джебеля Ахаггаръ.

V. Туатъ.

Въ собственномъ смыслѣ подъ Туатомъ пони-маютъ лишь узкую равнину, окаймляющую на востокѣ ложе уѣза Саура, Мессаура или Мес-саудъ, выше того мѣста, гдѣ теченіе его теряетъ ся въ пескахъ или въ ущельяхъ горъ; но въ обыкновенной рѣчи имя Туатъ, — слово бербер-ское, означающее «Оазисы», — примѣняется къ совокупности пальмовыхъ лѣсовъ, разбросанныхъ въ пустынѣ между землей туареговъ и областью большихъ западныхъ дюнъ. Гуара, которую эти песчаныи горы окружаютъ на сѣверѣ въ видѣ обширнаго амфитеатра, составляетъ часть Туата, также какъ и полоса земли, увлажняемой подземными водами, отъ Карзаса до Тау-рирта; наконецъ, оазисы Тидикельть, соста-вляющіе саму значительную группу культур-ныхъ земель, тоже принадлежать къ территоіи Туатъ. Можно сказать, вообще, что Туатъ есть область потретичнаго аллювія, развертывающагося въ формѣ полумѣсяца на западѣ и югѣ большаго мѣловаго плоскогорья Тадемантъ: на сѣверѣ, дюны западнаго Эрга; на западѣ, по другую сторону уѣза Саура, песчаное море Игиди; на югѣ, девонское плато Муидиръ — со-ставляютъ естественныи границы равнинъ Туата; впрочемъ, каменистая гамады и цѣпи дюнъ дѣлятъ эти равнинныи на уединенные бассейны.

Торговый сношенія такъ часты между Бер-беріей и Туатомъ, естественнымъ центромъ об-мѣна въ Сахарѣ, что легко можно бы было получить отъ тамошніихъ уроженцевъ всѣ же-лаемые свѣдѣнія; но что касается европейскихъ путешесственниковъ, то до сихъ поръ еще очень немногіе проникали къ этимъ мусульманскимъ населеніямъ. При содѣйствіи шейха ифогасовъ Отмана, Ленгъ посѣтилъ Туатъ въ 1826 г., въ эпоху, когда жители этихъ оазисовъ еще не

¹⁾ Frédéric Bernard, „Quatre mois dans le Sahara“.

²⁾ H. Duveyrier, цитирован. сочиненіе.

³⁾ „Briefe aus der libyschen Wüste“.

⁴⁾ Frédéric Bernard, „Quatre mois dans le Sahara“.

имѣли повода опасаться, что румы могутъ придти и овладѣть ихъ территорией. Въ 1861 г. французскіе офицеры Колонье и Бюренъ, пройдя поясъ большихъ дюнъ на югѣ Ораніи, вступили въ Туару, но дальше ихъ не пустили, и они должны были вернуться въ Алжирію, не исполнивъ своей миссіи. Герхардъ Рольфсъ, болѣе счастливый, прожилъ въ оазисахъ Туата болѣе мѣсяца, въ 1864 г., но подъ видомъ мусульманина и въ качествѣ посланца Уэццанскаго шерифа; онъ догадался похвастать знаменитой генеалогіей, выдавая себя за потомка фамиліи Абассидовъ. Вѣроятно приходили почтительно цѣловать полы его хаика и повсюду разносили молву о совершаемыхъ имъ чудесныхъ исцѣленіяхъ больныхъ и немощныхъ: рассказывали, что онъ даже возвращалъ зреѣніе слѣпымъ¹). Десять лѣтъ спустя, Солелье, прішедшій съ сѣвера, тоже явился въ Инсалахъ; но онъ не былъ ни Абассидъ, ни магометанинъ: тщетно просилъ онъ пропуска въ оазисъ и долженъ былъ вернуться въ Эль-Голеа, съ четырьмя своими спутниками. Три католическихъ міссионера, слѣдовавшіе той же дорогой въ 1876 г., были убиты въ пути, прежде чѣмъ достигли Туата.

Что касается материальныхъ препятствій къ достижению «Оазисовъ», то они относительно очень не велики; отъ Эль-Голеа до Тимимуна, въ Гуарѣ, выборъ пути не представляетъ ни малѣйшаго затрудненія: стоять только слѣдоватъ между областю большихъ дюнъ и западнымъ обрывомъ мѣловаго плоскогорья по долинѣ уѣзда Мегиденъ, занятой четвертичнымъ алювиемъ «сахарской» формациіи. Даже когда идутъ прямо черезъ плоскогорья, чтобы попасть изъ Эль-Голеа въ Тидикельтъ, и то встрѣчаются черезъ извѣстные промежутки дхайи, колодцы и пастваща; дюны приходится переходить, въ первый день ходьбы, къ югу отъ Эль-Голеа, всего только на протяженіи 4 километровъ, а каменистыя, лишенныя растительности гамады тщательно обставлены вѣхами, указывающими направление пути: меджебель, или обычнаѧ дорога каравановъ, въ большей части ея протяженія очищена отъ камня на нормальной ширинѣ отъ восьми до десяти метровъ; всѣ камни, большие и малые, убранны и сложены по обѣ стороны дороги, въ видѣ грубыхъ стѣнъ. Когда совершаешь этотъ громадный трудъ—не извѣстно; туземцы племени шанба приписываютъ его легендарному богатырю, по имени Бень-Буръ, жившему въ ту отдаленную эпоху, когда Туатъ еще не былъ обитаемъ²).

Естественные произведенія Туата ничѣмъ не отличаются отъ произведеній другихъ странъ центральной Сахары, находящихся въ тѣхъ же условіяхъ относительно высоты мѣстоположенія

и климата. Главное дерево въ этихъ оазисахъ, какъ и въ оазисахъ Марокко и восточной Берберіи,—финиковая пальма; но, за исключениемъ некоторыхъ разновидностей, она даетъ менѣе цѣнныя плоды сравнительно съ финиками изъ Суфа и Тафілельта. Пальмы Туата вообще мелки, но дерево ихъ лучше и крѣпче, чѣмъ эти пальмы западныхъ оазисовъ. Въ тѣни пальмъ сѣютъ пшеницу, ячмень и бешну, которая даетъ двѣ жатвы въ годъ; фруктовые сады производятъ также гранаты и виноградъ, но въ маломъ количествѣ, такъ какъ сильная жара обыкновенно выжигаетъ эти плоды. Туатцы получаютъ также, при помощи искусственнаго орошенія своихъ садовъ, овощи разнаго рода; но мѣстнаго производства все-таки не хватаетъ, и жители вынуждены покупать въ алжирскомъ Теллѣ недостающее количество жизненныхъ припасовъ; впрочемъ, часть оазиса занята подъ культуру промышленныхъ растеній—хлопчатника, лавсоніи (*Lawsonia inermis*), корунки (*calotropis procera*), кустарника, древесина котораго даетъ уголь, употребляемый при выдѣлкѣ пороха. Ошумъ, который туатцы курятъ со страстью, культивируется преимущественно въ сѣверныхъ оазисахъ, тогда какъ табакъ составляетъ одинъ изъ главныхъ продуктовъ южныхъ оазисовъ. Домашнія животныя тѣ же, чтобъ и въ другихъ оазисахъ, только здѣсь они малочисленнѣе. Верблюдъ въ Туатѣ—главный това-рищъ человѣка, какъ выночное и какъ верховое животное; лошади, которыхъ кормятъ, какъ и ословъ, попорченными финиками, очень рѣдки; коровъ совсѣмъ нѣтъ; овцы, покрыты волосами, какъ козы, походятъ на своихъ родичей въ Тибести, а куры по величинѣ не больше европейскихъ цыплятъ¹).

По мнѣнію Рольфса, первыми населеніками Туата были туареги, какъ о томъ свидѣтельствуютъ названія разныхъ сортовъ финиковъ, почти все на темахакскомъ языке, и эти первоначальные обитатели края никогда находились, также какъ горцы Ауреса и Ахаггара, подъ влияниемъ римской и византійской цивилизаций, судя по тому, что употребляемыя въ этомъ оазисѣ имена мѣсяцевъ заимствованы изъ латинскаго календаря. Впрочемъ, въ Туатѣ еще существуютъ туарегскія населенія несѣнаныя, говорящія только берберскимъ языкомъ и живущія въ пальмовыхъ шалашахъ или въ палатахъ; даже между туземцами, называющими себя арабами, есть чистокровные берберы: таковы кельмелль, живущіе недалеко отъ Инсалаха; они только изъ тиеславія причисляютъ себя къ арабамъ, то-есть къ расѣ пророка. Другие берberы, шеллахскаго племени, пакъ большинствомъ марокканцевъ, составляютъ основу населенія въ оазисахъ и говорятъ еще берберскимъ нарѣчіемъ, мало отличающимся отъ дї-

¹) „Reise durch Marokko“.

²) P. Soleillet, „L'Afrique occidentale, Algérie, Mzab, Tidikelt“.

¹) G. Rohlfs, „Reise durch Marokko“.

лектовъ Западнаго Магреба. Арабы тоже представлены въ Туатѣ различными племенами, марабутскими и другими; но какъ арабы, такъ и бербера, въ сильной степени смѣшались съ

ваютъ лица, какъ мусульманки въ городахъ Телля, очень граціозны и свободно разговариваютъ съ мужчинами. Туатцы добродушны, какъ негры, и имѣютъ многія хорошія качества: меж-

Спускъ въ Эггуэри.

нигрицкими элементами. Рѣдко встрѣтишь туземца съ бѣлой или смуглой кожей; почти всѣ они черные; лицо у нихъ шире, носъ менѣе правильный, но улыбка пріятнѣе и взглядъ ласковѣе; женщины, которыхъ никогда не закры-

ду прочимъ, хвастать ихъ честность въ торго- выхъ дѣлахъ, уваженіе къ иностранцу, миролюбіе; но при этомъ они отличаются узкимъ и ревнивымъ фанатизмомъ: усердіемъ въ дѣль вѣры они превосходятъ всѣ другія магометан-

скія населенія Сѣверной Африки. Несмотря на бѣдность края, подаянія, собираемыя тамъ эмиссарами Уэццанскаго шерифа, составляютъ, въ общей сложности, кругленькую сумму въ пятьдесятъ тысячъ франковъ, а сколько еще другихъ мараутовъ приходять взимать съ жителей религіозные поборы! Въ послѣднее время сену-сіи тоже водворились во многихъ оазисахъ страны¹⁾). Если Туатъ закрыть французамъ, то это не изъ одного только опасенія, чтобы они не овладѣли краемъ, но также и потому, что они руми.

Однако, въ минуту страха, миролюбивые туатцы пришли къ мысли, что для того, чтобы избѣгнуть завоеванія, имъ всего благоразумнѣе будетъ самимъ просить протектората Франціи и платить ей дань, какъ они платили прежде алжирскому дею. Въ 1857 г. изъ Инсалахъ были отправлены посланцы съ порученіемъ вступить въ переговоры о заключеніи трактата, подобному тому, какой связывалъ тогда націю Бені-Мзабъ съ Франціей, и который оставлялъ этому племени полную политическую и административную независимость, въ замѣнъ изъявленія вассальной вѣрности и преданности; но это посольство не имѣло успѣха²⁾). Четыре года спустя, военный караванъ, подъ управлениемъ Колонье и Бюренна, явился въ Гурару. Жители Туата подумали, что это изслѣдованіе будетъ началомъ завоеванія, и вскорѣ послѣ того мкаддемы отправились къ Фецскому двору съ дарами, состоявшими изъ пяти тысячъ франковъ и двадцати молодыхъ негритянокъ, чтобы про- сить въ замѣнъ покровительства его шерифскаго величества³⁾). Мароккскій султанъ, уже духовный сузеренъ Туата, охотно обѣщалъ свою поддержку, но до сихъ поръ не послалъ еще своего намѣстника, который служилъ бы представителемъ его власти въ оазисахъ. Авторитетъ его остается чисто фиктивнымъ, и дѣловыя сношенія ведутся по-прежнему съ французской Алжиріей. Политическая власть принадлежитъ джемаа въ каждомъ оазисѣ; но рядомъ съ этими народными собраниеми, мкаддемы монастырей и шейхи племенъ пользуются значительнымъ и часто преобладающимъ влияниемъ.

Гурара,—по-берберски Тигураринъ или Тиджуаринъ,—есть сѣверная часть Туата, всего болѣе зависящая отъ Алжиріи по своимъ тор-говымъ сношеніямъ; съ географической точки зрѣнія она даже составляетъ непосредственное продолженіе французской колоніи, такъ какъ воды ея оазисовъ вытекаютъ подземными путями съ Жеривильскихъ горъ. Различныя рѣчки, изливающіяся въ пустыню, уадъ энъ-Намусъ, уадъ эль-Гарби, уадъ Сеггеръ, уадъ Зергунъ и промежуточные ручьи исчезаютъ по выходѣ изъ своихъ долинъ, подъ песками Эрга, но воды

продолжаютъ течь подъ дюнами, чтобы снова выступить на поверхность земли, къ югу отъ моря сыпучихъ песковъ; охотники на газелей и грабители изъ племени шанба, желая составить себѣ понятіе о направленіи долинъ, обслѣдовали въ разныхъ мѣстахъ фейджи, или впадины, соответствующія подземному проходу водъ¹⁾). Избытокъ влаги, содержащейся въ землѣ, сочится въ большую себуху, или солонцоватую низменность, развертывающуюся въ формѣ полумѣсяца, въ южный заливъ Песчанаго моря: иногда довольно трудно переходить эту солончаковую равнину, по причинѣ недостаточной плотности сырого грунта. Вокругъ этой себухи, длина которой, съ сѣвера на югъ, около сотни километровъ, слѣдуютъ одинъ за другимъ оазисы и укрѣпленные ксары, которыхъ насчитываютъ до восьмидесяти; кажется, прежде число ихъ было еще значительнѣе, такъ какъ въ разныхъ мѣстахъ встрѣчаются разрушенные ксары, среди заброшенныхъ плантацій, дающихъ еще немного финиковъ, безъ искусственного орошенія²⁾.

Населеніе Гурары,—имя, подъ которымъ специальномъ понимаютъ область, лежащую къ сѣверу и къ востоку отъ себухи,—въ огромномъ большинствѣ берберское, принадлежащее къ расѣ зената; впрочемъ, племя мехарса, насе-ляющее сѣверный оазисъ, Тинъ-эръ-Кукъ, араб-скаго происхожденія, и часто семьи народца уладъ-сиди-шайхъ располагаютъ свои становища въ этомъ оазисѣ, вокругъ пальмовыхъ рощ города Табель-куза. Къ западу отъ себухи, въ оазисѣ Шерунъ, населеніе, славящееся своей храбростью, тоже въ большей части арабскаго происхожденія. Въ совокупности оазисы, окружющие себуху, содержатъ нѣсколько миллионовъ пальмъ: семь ксаровъ Дельдуль или Дельдунъ, принадлежащихъ племени зуа, одни имѣютъ въ своемъ владѣніи слишкомъ восемьсотъ тысячъ деревьевъ; на югѣ себухи все время идешь въ тѣнѣ лѣсовъ на пространствѣ 15 или 16 километровъ. Сады Гурары орошаются не поверхностными проточными водами, а фогаратами (феггагиръ) или колодцами съ подземными галлерейами, въ родѣ ханатовъ, устраиваемыхъ въ Персіи и Афганистанѣ. Многочисленныя себухи, разбросанные въ равнинѣ вокругъ главной низменности, вѣроятно, и служатъ причиной страшныхъ лихорадокъ, свирѣпствующихъ въ оазисахъ въ лѣтніе мѣсяцы: туземцы дали этимъ болотнымъ лихорадкамъ, неизвѣстнымъ въ остальному Туату, название *ихрудъ*, что значитъ «болѣзнь-истребитель».

Главный оазисъ, простирающійся вдоль восточного берега большой себухи, называется Тимимунъ: здесь стоитъ, окруженный зубчатыми стѣнами, самый многолюдный городъ Гурары

¹⁾ Rinn, „Marabouts of Khosan“.

²⁾ O. Mac Carthy,—P. Soleillet, цитиров. сочиненіе.

³⁾ G. Rohlfs,—Soleillet, цитированія сочиненія.

¹⁾ Parisot, „Bulletin de la Société de Géographie“ 1880,—Duveyrier, etc.

²⁾ A. Coyne, „Une Ghazzia dans le Grand Sahara“.

и даже всей группы оазисовъ; его обыкновенно величаютъ столицей Туата, и шейхъ, имѣющій тамъ пребываніе, есть одно изъ могущественнѣйшихъ лицъ страны; сосѣдняя зауя, принадлежащая ордену тиджанія, тоже пользуется значительнымъ вліяніемъ на окрестныя населенія. Тимимунъ—одинъ изъ трехъ главныхъ рынковъ Туата и всего чаще посѣщается караванами изъ Алжиріи, состоящими преимущественно изъ купцовъ племени гаміанъ. Однако, этотъ городъ не отмѣченъ на картахъ какъ одна изъ станцій будущей транссахарской желѣзной дороги: песчаное море, облегающее съ сѣвера оазисы Гурары, заставляетъ путешественниковъ дѣлать обходъ, либо на востокѣ на эль-Голеа, либо на западѣ черезъ Бени-Аббасъ, Карзасъ и долину уѣза Саура.

Бени-Аббасъ, сборное мѣсто для каравановъ, есть первый оазисъ на уѣздѣ Саура, ниже Игли и впаденія верхнихъ потоковъ: селеніе, насчитывающее около 600 жителей, сдавлено между дюнами, обступающими его съ двухъ сторонъ. Нигдѣ въ мусульманскомъ мірѣ не найдется болѣе разительного примѣра могущества духовныхъ братствъ: здѣсь представлены цѣлыхъ пять орденовъ, и всѣ они, конечно, взимаютъ дань съ населенія¹). Одинъ изъ этихъ орденовъ, содержащихъ усердіемъ вѣрующихъ, имѣтъ свой главный монастырь въ сотни километровъ ниже, въ городѣ Карзасѣ. Расположенный на лѣвомъ берегу уѣза Саура въ узкой аллее, образуемой этимъ рѣчнымъ русломъ между двухъ песчаныхъ морей, между Эргомъ на востокѣ и дюнами Игиди на западѣ, Карзасъ тоже служитъ обязательнымъ этапомъ для путниковъ, спускающихся съ высокихъ мароккскихъ и алжирскихъ долинъ верхняго бассейна или поднимающихся по устьяннымъ оазисами равнинамъ Туата. Находясь на большой дорогѣ пустыни, Карзасъ былъ бы открытъ всѣмъ нападеніямъ, если бы съ общаго согласія окружающихъ народцевъ не сдѣлался нейтральнымъ городомъ: самая беззащитность охраняетъ его отъ набѣговъ; въ немъ нѣть никакихъ стѣнъ; всѣ приходящіе въ заулю находятъ радушный пріемъ, какъ гости, но рѣдко бываетъ, чтобы эти гости приходили съ пустыми руками. Марабуты Карзаса не только пользуются доходами со своихъ пальмовыхъ плантацій, которыхъ тянутся вдоль уѣза Саура, въ видѣ громаднаго сада, и производятъ превосходные финики, между прочимъ, одинъ особенный сортъ, не встрѣчающійся въ другихъ мѣстахъ,—они владѣютъ, кромѣ того, значительными стадами, которыхъ могутъ спокойно пускать на пастьбу въ окрестныя степи и дюны, такъ какъ никто не тронетъ скотины, отмѣченной ихъ знакомъ; наконецъ, и торговля доставляетъ имъ боль-

шія выгоды: они являются главными посредниками въ торговыхъ сношеніяхъ между Алжиріей и Туатомъ. Каразаскіе марабуты почти всегда женятся очень рано, до наступленія пятнадцатилѣтняго возраста. Управление общиной не наследственное, какъ во всѣхъ другихъ зауяхъ, не сіѧть наследуетъ достоинство отца: въ шейхи всегда выбирается старший по лѣтамъ²).

За Каразасомъ слѣдуютъ другіе ксары въ долинѣ Сауры. Одно изъ этихъ мѣстечекъ, Уладъ-Раффа, такъ же значительно, какъ городъ марабутовъ; оно населено племенемъ геніема или генанема—ръльнема, по Рольфсу,—мусульманами не особенно ревностными, такъ какъ вмѣсто того, чтобы самимъ поститься во время рамазана, они нанимаютъ какого-нибудь субъекта, готоваго подвергать себя воздержанию за другихъ. Впрочемъ, это—бѣдняки, вѣчно голодающіе и живущіе грабежемъ, потому что почти всѣ воздѣланыя земли долины принадлежатъ нѣсколькимъ отдаленнымъ лицамъ: господствующая система крупнаго землевладѣнія также составляетъ бичъ оазисовъ. Не трудно было бы увеличить площадь садовъ въ долинѣ, такъ какъ хотя вода рѣдко бываетъ видима въ руслѣ уѣза Саура, но средняя часть песковъ всегда влажна, и чтобы найти фильтрационный потокъ, достаточно разрыть землю до глубины нѣсколькихъ сантиметровъ или нѣсколькихъ футовъ. Ниже Уладъ-Раффы, песчаниковые холмы, обступающіе рѣку, и основаніе которыхъ образуетъ запруду, заставляютъ воду выходить на поверхность; въ этомъ хенѣгѣ, называемомъ Фумъ-эль-Хинкъ, находятся постоянныя лужи, гельта, всегда наполненные жидкостью, нѣсколько солоноватой, но годной для питья²). Къ югу отъ этого дефиля, во многихъ мѣстахъ были съ успѣхомъ вырыты фогараты, питаемые подземными водами, и обширныя болотистыя пространства залегаютъ въ долинахъ дюнъ на западной сторонѣ уѣза Саура. Надъ одной изъ этихъ себѣхъ стоитъ ксарь эль-Угарта, населенный бераберами и зенатами; западнѣе, почти на полпути отъ уѣза Саура до Тафилельта, другая себѣха окаймлена оазисомъ, состоящимъ изъ пяти или шести тысячъ пальмъ и устьяннымъ селеніями Табелельть.

Къ югу отъ большой себѣхи Гурары, оазисы тѣсно скучены между западными утесами плоскогорья и теченіемъ уѣза Саура, называемаго здѣсь Мессаудъ. Оазисъ Аугерутъ (Уагерутъ, Угерутъ), населенный племенами кенафса и уладъ-абдъ-эль-мулатъ, тянется на пространствѣ около тридцати километровъ у подошвы линіи высотъ, изрытыхъ колодцами съ подземными галлереями: главный городъ его состоитъ

¹⁾ H. Duveyrier, „Historie des Explorations au sud et au sud-ouest de Géryville“.

Географія Реклю. т. XI.

²⁾ G. Rohlfs, цитированное сочиненіе.

²⁾ A. Coyné, „Une Guazzia dans le Grand Sahara“.

изъ двухъ частей—собственно города, называемаго Шарефъ, и зауи Сиди-Аомаръ. Слѣдующій затѣмъ оазисъ Тсабитъ меныше предъидущаго, но имѣеть болѣе важное торговое и стратегическое значеніе, по своему положенію на большой караванной дорогѣ; столица его, Бринкенъ, — одинъ изъ многолюдныхъ городовъ Туата, хотя въ 1848 г., во время гражданской войны между оазисами, онъ потерялъ половину своихъ жителей и пальмъ. Далѣе, въ южномъ направленіи, слѣдуютъ три оазиса: Сба, Буда и Тимми. Во время путешествія Рольфса, группа двадцати ксаровъ, составляющая оазисъ Тимми, была самой цвѣтущей во всемъ Туатѣ; столица ея, Адраръ, имѣющая постоянный рынокъ, пользуется этой привилегіей вмѣстѣ съ Тимимуномъ, въ Гуарарѣ, и съ городомъ Таментитъ, лежащимъ въ 10 километр. къ югу отъ Адрара, по другую сторону солончака, въ которомъ никогда не скопляется вода. Таментитъ, самой большой городъ Туата, составляетъ независимую республику, управляемую собраніемъ (джемаа) именитыхъ жителей и шейхомъ. Населеніе состоитъ изъ хуановъ ордена тайбія, которые регулярно посылаютъ свои приношенія Уэцданскому шерибу; однако, жители Таментита еврейского происхожденія, какъ и обитатели большей части другихъ оазисовъ Туата Обращенные силой въ исламъ, они сдѣлались яростными магометанами и почти превратились въ ингрийцевъ, вслѣдствіе смѣшанія расъ, но по крайней мѣрѣ сохранили отъ своего еврейского происхожденія большое искусство въ торговыхъ дѣлахъ и способность ко всякимъ ремесламъ: золотыхъ и серебряныхъ дѣль мастера, оружейники, слесаря, сапожники и портные открыли лавочки на базарѣ и работаютъ не хуже своихъ собратій въ городахъ Марокко и Алжиріи. Во двоихъ таментитской касбы туземцы съ гордостью показываютъ «камень, упавшій съ неба», черную блестящую каменную глыбу, вѣроятно, метеоритъ: предавіе гласить, что онъ прежде былъ серебряный, а потому превратился въ желѣзо, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе нравственной порчи людей.

Къ югу отъ Таментита, оазисы, носящіе здѣсь специальное имя Туатъ (южнѣе онъ называется Владъ-Сали и Владъ-Регганъ), продолжаются вдоль уѣза Мессаудъ до Тиллулина и Тауирита, при слияніи съ другимъ уѣдомъ, вытекающимъ изъ восточныхъ плоскогорій. Эта мѣстность одна изъ самыхъ населенныхъ въ области пальмовыхъ лѣсовъ; далѣе идетъ пустыня, среди которой и теряется долина, либо въ солончаковой низменности, какъ говорили туатцы Рольфсу, либо въ ущельѣ, которое, можетъ-быть, соединяетъ ее съ русломъ Тегазерта, рѣки южного ската Ахаггара. По свѣдѣніямъ, собраннымъ путешественниками Пуйанъ и Сабатье отъ многихъ туземцевъ, эта рѣка, прерываемая только

цѣпью дюнъ, которую можно пройти менѣе, чѣмъ въ два часа, принадлежитъ къ бассейну Нигера и соединяется съ нимъ болотами, попремѣнио высыхающими и наполняющимися водой. Но съ этой стороны иѣтъ болѣе ксаровъ, встрѣчаются только, на большихъ разстояніяхъ одно отъ другаго, становища туареговъ, подѣ «водяныхъ пунктовъ» или колодцевъ, какъ Инзизъ и Тимиссау.

Къ востоку отъ собственного Туата, за баменистымъ плато или гамадой, шириной около 12 километровъ, снова начинаются архипелаги оазисовъ. Тамъ группируются ксары Тидикельта, Аулафъ, Титтъ, Акебли, славящійся во всей Сахарѣ, какъ рынокъ черныхъ невольниковъ и сборное мѣсто для купцовъ, идущихъ караваномъ въ Суданъ; въ сосѣдствѣ разрабатываются квасцовы рудники. Важнѣйшие пальмовые лѣса находятся въ оазисѣ Инсалахъ (по-арабски Аинъ-Салахъ, или «Источники Мира»), въ восточной части Тидикельта. Рядъ селеній этого оазиса тянется съ сѣвера на югъ, по берегу себхи и вдоль основанія цѣпи дюнъ, господствующихъ надъ солончакомъ съ восточной стороны. Колодцы съ галлереями, гдѣ скопляется вода, просачивающаяся изъ песковъ, достаточны для содержанія пальмовыхъ плантаций, и въ послѣднее время даже успѣли значительно расширить площадь культуръ, на счетъ себхи и непроизводительныхъ чащѣ кустарника; въ Туатѣ, какъ и въ остальной Сахарѣ, земля принадлежитъ тому, кто копаетъ на ней колодцы, содержитъ ихъ и «оживаетъ почву»; но эта работа можетъ быть предпринята только цѣлымъ племенемъ или могущественными шейхами. Въ оазисѣ Инсалахъ преобладаетъ крупная земельная собственность: шейхъ и другіе члены его рода владѣютъ тысячами пальмъ и окружаютъ себя сотнями клиентовъ, которые ёдятъ ихъ хлѣбъ и защищаютъ ихъ въ случаѣ ссоръ. Въ Туатѣ тщательно утилизируютъ человѣческій удобрѣнія, особенно въ тѣхъ оазисахъ, гдѣ преобладаетъ мелкое землевладѣніе: какъ китайцы на берегахъ Янсекіана, туатские земледѣльцы устраиваютъ въ углу своего сада отхожее мѣсто, предназначенное для пользованія прохожихъ.

Между сѣверными ксарами оазиса замѣчательна Меліана или Миліана, въ которую про никъ путешественникъ Солелье, въ 1873 г. Главное мѣстечко, Ксарь-аль-Арбъ или Ксарь-эль-Арбъ, находится на югѣ; здѣсь имѣеть пребываніе шейхъ, особа очень могущественная, благодаря его богатствамъ и героическимъ преданіямъ рода буджуда, котораго онъ является представителемъ, а также благодаря его патронату надъ сосѣдними туарегами и покровительству, которое онъ оказываетъ караванамъ. Племя его, уладъ-ба-хаму, располагаетъ въ некоторымъ числомъ лошадей, что обеспечиваетъ ему превосходство въ битвахъ, и кромѣ того,

онъ давно уже вооружаетъ своихъ воиновъ ружьями. Бахаму—арабы, также какъ другое племя, уладъ-мохтаръ; но основа населенія берберская и говорить языками, приближающимися

Timbuktu, изъ Гауссы, изъ Гадамеса, изъ Рата, бени-мзабы ведутъ тамъ свои дѣла; негры тоже довольно многочисленны, и цѣлое общество вольноотпущеныхъ, которыхъ, однако, не счи-

Джиманъ Уэд-Дра

къ туарегскому; кромъ того, въ Тидикельтъ, и особенно въ оазисѣ Инсалахъ, встречаются люди всѣхъ расъ, существующихъ въ Сѣверной Африкѣ. Племя уладъ-сиdi-шейхъ основало тамъ четыре деревни; торговцы, бѣглецы изъ

таются вполнѣ свободными людьми, составлять касту атревъ¹⁾). Наконецъ, туареги, которые, по выражению туатцевъ, «появляются и исче-

¹⁾ P. Soleillet, „Algérie, Mzab, Tidikelt“.

заять, какъ духи», приходить осенью вымѣвивать на финики мясо антилопы и газели, а также другіе мелкіе продукты. Нѣкоторые, преимущественно женщины, просятъ монастырскихъ ученыхъ выучить ихъ читать стихи Корана и объяснить имъ тайны арабскаго языка: большинство этихъ пришлыхъ туареговъ ахаггарцы и преимущественно сгомарены, уроженцы плоскогорій Мудиръ. Во время своего пребыванія въ оазисѣ, они строятъ себѣ маленькие шалапи изъ пальмовыхъ вѣтокъ, по образцу кожаныхъ хижинъ, въ которыхъ они живутъ на высотахъ; одежда ихъ, рубаха и штаны, тоже кожаная; только ханѣкъ сшить изъ шерстяной или бумажной матеріи, какъ у другихъ туареговъ. Сгомарены отличаются отъ всѣхъ своихъ современниковъ религіозной ревностностью, отчего и называются себя арабами, хотя на самомъ дѣлѣ они чистокровные берберы.

Кастовый духъ довольно сильно развитъ у туатцевъ Тидикельта, и представители различныхъ расъ рѣдко смѣшиваются въ этой области: шорфы женятся исключительно на дѣвушкахъ, принадлежащихъ къ щерифскимъ фамиліямъ; арабы, берберы, атры тоже вступаютъ въ бракъ только между собой. У тамошнихъ женщинъ тучность въ большой чести; молодыя дѣвушки откармливаютъ себя, подобно своимъ сестрамъ въ Карагузѣ и во многихъ другихъ африканскихъ странахъ, объѣдаясь молокомъ и масломъ, и съ двадцатилѣтняго возраста дѣлаются дотого толстыми, что едва могутъ ходить.

Ксары Туата и уэда Саура, съ цифрой ихъ населенія (по Рольфсу, Койну и Сабатье):

Карзас (уэдъ Саура)—2.000 жит.; Уладъ-Раффа (уэдъ Саура)—2.000; Шерунъ (Гурара)—300 домовъ (1.300?); Шарефъ и зауйя Сиди-Амоаръ (Аугерутъ)—400 домовъ (2.000?); Бринкентъ (Тсабитъ)—3.000; Адраръ—2.500; Таментитъ—6.000; Тауиртъ—600 домовъ (3.000); Тиллулинъ—600 домовъ (3.000); Ксарь-эль-Арбъ (Инсалахъ)—1.550 жит.

VI. Аиръ и плоскогорье Ауэллимиденъ.

Посреди пространства, раздѣляющаго горы Тибести и большой изгибъ Нигера, высокіе массивы Аиръ (Ахиръ по-арабски), окруженные со всѣхъ сторонъ каменистыми плато, образуютъ самостоятельную орографическую систему, высшія вершины которой расположены по направлению съ сѣвера на югъ. Эта горная страна, Асбенъ или Абсенъ нигриційцевъ и несомнѣнно Агезимба Птоломея, только разъ была посѣщена европейцами, именно экспедиціей Ричардсона, Барта и Овервега, въ 1850 г. Путешественники, прибывшіе изъ Рата, перешли средній хребетъ Сахары разорваннымъ плоскогорьемъ Азджаръ и ущельемъ Эгери; за-

тѣмъ, покинувъ область песчаниковъ и ветуши въ область гранитовъ, слѣдовали сначала въ юго-западномъ, потомъ въ южномъ направлении и достигли колодцевъ Асіу, одного изъ важнѣйшихъ «водныхъ пунктовъ» пустыни, такъ какъ здѣсь сходятся четыре дороги: изъ Гадамеса, изъ Тибести, изъ Туата и изъ Агадеса. Четыре колодца, вода которыхъ довольно обильна, но желѣзиста и непріятна на вкусъ, выкопаны въ совершенно ровной мѣстности два изъ этихъ колодцевъ принадлежатъ туарегамъ-ааджарцамъ, а два другихъ считаются собственностю жителей Аира, и въ силу взаимнаго соглашенія, которое, впрочемъ, не соблюдается, владѣльцы водъ должны бы были воздерживаться отъ всякихъ непріятельскихъ дѣйствий каждый за предѣлами своего владѣнія. Несмотря, однако, на этотъ договоръ, Бартъ и его спутники, хотя стоявшіе подъ защитой магометанскихъ проводниковъ, подверглись нападенію со стороны азджарцевъ и были об包围аны до чиста.

Массивы Аира занимаютъ значительное пространство. Отъ долины Тидикъ, открывающейся на сѣверо-западѣ сѣверной группы горъ, въ родѣ циркумвалационнаго рва вокругъ крѣпости, до горной цѣпи Багсень, составляющей рубежъ этой возвышенной области, разстояніе по прямой линіи около 200 километровъ; по направлению съ востока на западъ ширина колеблется отъ шестидесяти до ста километровъ: такъ что, слѣдовательно, площадь всей системы можно считать въ 15.000 квадр. километровъ. Гранитъ, повидимому, является господствующей породой, но Бартъ и его спутники видѣли также песчаники; кроме того, горы Аира, какъ и горы Тибести, заключаютъ въ себѣ также базальты. Поднимаясь среди равнинъ, средняя высота которыхъ отъ пятисотъ до шестисотъ метровъ, скалы Аира переходятъ за 1.500 метровъ нѣкоторыми изъ своихъ вершинъ. Самая высокая вершина, Тенгикъ или Тимге, имѣющая пирамидальную форму, находится близъ сѣверо-западной оконечности массива: Бартъ опредѣляетъ высоту ея между 1.650 и 1.800 метровъ. Около середины орографической системы, гора Эгеллатъ имѣетъ, вѣроятно, 1.350 метровъ; два крайнихъ массива, Догемъ и Багсень, достигаютъ по меньшей мѣрѣ такой же высоты: идя у подошвы базальтовыхъ скалъ Догема, въ глубокомъ ущельѣ, Бартъ даже думалъ сначала, что эта гора самая высокая во всемъ Аирѣ. Ни внутри, ни изъ окраинахъ этой области никогда не образовалось долинъ, похожихъ на долины Европы: здѣсь есть только ущелья, овраги, представляющіе родъ шебеки или «струи», какъ русла горныхъ ручьевъ въ Мзабѣ; но эти овраги, по дну которыхъ бѣгутъ бѣщенные потоки послѣ сентябрьскихъ и октябрьскихъ ливней, не оканчиваются рѣчными руслами: они либо теряются

въ однообразномъ пространствѣ песковъ или каменистыхъ гамадь, либо приводить къ какому-нибудь цирку скаль, къ котловинѣ, где скопляющаяся дождевая вода образуетъ временные озера, постепенно испаряющіяся. Въ цѣломъ Аиръ имѣть видъ массива, который еще не разрѣзанъ водами на правильную цѣпь горъ, съ боковыми отрогами и поперечными долинами. Здѣсь, какъ и въ Фецзанѣ, впадины или пониженія между горами суть единственнаягодныя для земледѣлія пространства, промежуточныя же скалы представляютъ совершенно безплодныя кручи.

По своей растительности Аиръ не исключительно сахарская гора: некоторые изъ его растений свидѣтельствуютъ о близости Судана. Самая плодородная впадина покрыта настоящими лѣсами, гдѣ преобладаютъ мимозовые; чащи пальмъ думъ довольно обыкновенны; трава на пастбищахъ настолько обильна, что жители имѣютъ возможность заниматься не только верблюдоводствомъ, но также разведеніемъ зебу, который служить имъ какъ рабочимъ, такъ и верховымъ животнымъ; но овецъ у нихъ совсѣмъ нѣтъ, а лошади очень рѣдки; на всѣхъ поросшихъ травой откосахъ пасутся во множествѣ козы. Большинство деревень имѣютъ рощи финиковыхъ пальмъ и поля, занятые просомъ (*pennisetum typhoideum*); но воздѣланные земли далеко не такъ обширны, какъ онѣ могли бы быть; въ то время, какъ въ Суданѣ полютъ почву, рѣдкие земледѣльцы Аира, послѣдне въ южномъ направленіи, употребляютъ еще соху; огромное большинство асбенасовъ состоитъ изъ пастуховъ и торговцевъ. Большая часть необходимаго для горцевъ зерноваго хлѣба доставляется суданскими неграми.

Левъ, отсутствующій въ восточныхъ горахъ пустыни, часто встречается въ Аирѣ, иногда даже группами; это беагривая порода, какъ левъ Индіи, и, кажется, отличающаяся отъ сенегальского вида. Леопардъ менѣе распространенъ, но туземцы боятся его больше льва. Гиены здѣсь рѣдки, но шакалы бродятъ во множествѣ вокругъ полей. Дикие кабаны живутъ въ лѣсныхъ чащахъ, а обезьяны пробираются даже въ рощи и купы деревьевъ по сосѣдству съ домами. Различные виды антилопъ, одни уроженцы Сѣверной Сахары, другіе пришельцы изъ Судана, разгуливаютъ по окружающимъ равнинамъ и проникаютъ въ ущелья Аира. Миръ пернатыхъ представленъ лишь небольшимъ числомъ видовъ, но каждый видъ—миriadами недѣлимыхъ; самыя обыкновенные птицы—горлицы и цесарки. Хотя очень богатый животной жизнью сравнительно съ остальной Сахарой, массивъ Аиръ кажется почти пустыннымъ въ сравненіи съ поясомъ степей, который простирается на югъ, въ видѣ бордюра Судана, отдѣленного отъ Аира голымъ ка-

менистымъ плато Абадардженъ. «Эти степи, говоритъ Бартъ, истинное отечество жирафа и длиннорогой антилоны ориксы бѣлый (*antilope leucogoh*); страусы живутъ тамъ стадами; почва, пугающая лошадей, повсюду изрыта подземными галереями, гдѣ прячется уродливый землеройкъ эфиопскій (*oryctoperus aethiopicus*).»

Такъ же какъ флора и фауна, населеніе Аири свидѣтельствуетъ о борьбѣ и смѣшаніи расъ между Сахарой и Суданомъ: берберы и нигрицы часто оспаривали другъ у друга обладаніе этой страной. Древніе гоберауа, нѣкогда господствовавшіе въ Аирѣ, какъ гласить преданіе, были черные берберы, составлявшіе одинъ изъ аристократическихъ родовъ негрской націи гаусса. Затѣмъ, будто бы, явились другіе завоеватели, берберы по происхожденію, пришедши съ сѣверныхъ горъ: это кельгересы, то-есть «жители Гереса», и итиссаны, причисляемые Ибнъ-Халдуномъ къ племенамъ могущественнаго союза санхеджа. Эти бывшіе побѣдители теперь попали въ разрядъ побѣженныхъ: вытѣсненные съ горъ Аира въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, они бросились въ равнину на западъ и юго-западъ и поселились въ территоріи, уступленной имъ ауэлламиденами. Кель-гересы и итиссаны принадлежатъ къ числу тѣхъ берберовъ, которые особенно славятся физической силой, стройностью и красотой: они имѣютъ сравнительно довольно свѣтлый цвѣтъ лица и хвалятся чистотой своей крови; они сливутъ очень храбрыми и, хотя численностью много уступаютъ нынѣшнимъ владѣльцамъ горъ Аира, но имѣютъ надъ ними то важное преимущество, что почти всѣ они конные, тогда какъ ихъ враги по большей части ѳздятъ на верблюдовъ. Воины, сражающіеся на конѣ, обладаютъ несравненно большей свободой и быстротой въ движеніяхъ: они составляютъ какъ бы одно тѣло со своимъ верховымъ животнымъ¹⁾.

Владѣтели Аира или Асбена, извѣстные у суданцевъ подъ именемъ «асбенава», сами себя называютъ кель-ови, т. е. «люди изъ Ови», по мѣсту происхожденія, еще не отысканныму историками. Они тоже берберы, и родина ихъ находится на сѣверѣ отъ Аира; они даже принадлежать къ прославившейся націи аурагеновъ и могутъ считать себя «африканцами» по преимуществу, если вѣрно мнѣніе многихъ ученыхъ, полагающихъ, что название чернаго континента заимствовано отъ имени этихъ аурагеновъ или аурига²). Но эти аирскіе берберы не сохранили чистоту своей расы. По преданію, кель-ови, при завоеваніи края, окон-

¹⁾ Barth, „Reisen und Entdeckungen in Nord- und Central Afrika“.

²⁾) Carréte, "Origine et migrations des principales tribus de l'Afrique";—Tissot, "Géographie comparée de la province romaine d'Afrique";—Vivien de Saint-Martin, "Nouveau Dictionnaire de Géographie universelle".

ло 1740 г., дали слово щадить жизнь чернокожихъ туземцевъ и въ доказательство союза установили правило, что ихъ вождь всегда обязательно долженъ брать себѣ въ жены черную женщину. Такъ же поступало большинство воиновъ, и теперь кель-ови, оставшися впрочемъ «людьми съ покрываломъ», подобно другимъ туарегамъ¹), имѣютъ по большей части очень темный цвѣтъ кожи и чертами лица походить на негровъ Гауссы, съ которыми у нихъ много общаго и въ характерѣ: они также же веселые, ласковые и добродушные. «Порода рабовъ примѣщалась къ породѣ вольныхъ людей», говорить чистокровные туареги про племя кель-ови, которое они прозвали икеланъ, то-есть «невольниками». Старый берберский языкъ «аурагіе», теперь испорченный, содержитъ значительную примѣсь словъ и оборотовъ гаусского нарѣчія, и большинство кель-ови говорятъ обоими диалектами. Есть также берberы, забывшіе говоръ своихъ предковъ: такъ, жители Агадеса, въ юго-западной области Аира, принадлежать къ гlosсологическому поясу «сонгай», негритянского идиома, употребляемаго въ Томбукту. Но старые обычай матріархального быта еще сохранились у народца кель-ови: въ Асбенѣ не мужъ уводить жену въ свою деревню, а наоборотъ—онъ слѣдуетъ за ней въ домъ ея родителей; что касается порядка наслѣдованія, то имущество, какъ и власть, переходитъ не отъ отца къ сыну, а отъ дядя къ сыну дочери; обычай эти встрѣчаются какъ у берберскихъ племенъ, такъ и у негритянскихъ народцевъ²).

Кромѣ берберовъ чистокровныхъ и тѣхъ, которые изъ поколѣнія въ поколѣніе женятся на негритянкахъ, существуетъ также въ Аирѣ, и особенно въ сосѣднихъ мѣстностяхъ, на югѣ и юго-востокѣ, смѣшанное населеніе, происходящее отъ туарегскихъ женщинъ, вступившихъ въ бракъ съ неграми племенъ гаусса и сонгай. Этиmetis, называемые бузаз или абогелите, лучше сохранили берберскій типъ, чѣмъ кель-ови, но они чернѣ и меньше ростомъ; говорять также, что они уже совершенно утратили гордую осанку и мужество, отличающія истыхъ туареговъ. Наконецъ, на большой караванной дорогѣ, направляющейся изъ Аира къ Капо, уже въ области степей, живутъ берberы тагама, «святые», которые носятъ блѣду одежду и заплетаютъ волоса въ длинныя косы, дабы всякий могъ издали отличить ихъ. Однако, эти «святые» марабуты скандализируютъ честныхъ мусульманъ, торгуя своими женами, которыхъ они предлагаютъ путешественникамъ. Это одинъ изъ традиціонныхъ промысловъ, вмѣстѣ съ охотой на антилопъ, скотоводствомъ (разведеніемъ зебу) и

перевозкой соли между Бильмой и Каю. Берберы тагама признаютъ, какъ большинство народовъ Аира, верховную ленную власть агадескаго аманокала или султана. Для кель-гересовъ и итассановъ эта сюзеренная власть есть не болѣе, какъ фикція, и николько не мѣшаетъ междуусобнымъ войнамъ; но она по крайней мѣрѣ указываетъ на существование нѣкотораго рода національной связи между разсѣянными элементами. Все населеніе Аира и сосѣднихъ территорій, признающихъ nominalno власть аманокала, можно считать приблизительно въ сто тысячъ душъ. Въ самомъ дѣлѣ, три главныя этническія группы страны, кель-ови, кель-герасы и итиссаны, могутъ вмѣстѣ выставить въ поле пятнадцать тысячъ человѣкъ, не считая невольниковъ; бузаз, тагама и другие мелкие народцы прибавляютъ нѣсколько тысячъ душъ къ агломераціи большихъ племенъ.

Мѣстечки съверного Аира, Селуфіетъ и Тингтагода, населенные марабутами, представляютъ собою просто кучки сараевъ, покрытыхъ вѣтками пальмы думъ. Резиденція второстепенного аманокала, Тингтлустъ, лежащій на высотѣ 577 метровъ, при узѣ, отдѣляющемъ массивъ Тимге отъ массива Бундай, тоже состоитъ изъ собранія хижинъ; разсѣянныя деревни придаютъ равнинѣ видъ большаго парка; въ окрестностяхъ живутъ знатнѣйшия семейства народца кель-ови. По числу осѣданаго населенія превзошли Тингтлустъ два мѣстечка, лежащія южнѣ: на юго-востокѣ—Тафидетъ, группа трехъ деревень, изъ которыхъ одна служитъ резиденціей князька, пользующагося репутацией святости, и на юго-западѣ—Ассоди, который, говорять, нѣкогда былъ очень многолюднымъ городомъ, имѣвшимъ до тысячи домовъ и семь мечетей; и теперь еще тамъ насчитываются около 80 жилыхъ строений. На югѣ отъ этого города караванная дорога идетъ мимо величественной горы Тегерата, съ крутыми стѣнами, оканчивающимися на верху двойнымъ конусомъ; затѣмъ отгибается на западѣ высокія кручи массива Догемъ и вступаетъ въ долину Аудерастъ, открывающуюся на юго-западной сторонѣ горъ, въ области каменистыхъ равнинъ. На съверѣ выходного дефилея, въ угломъ циркѣ скаль, находится мусульманская святыня, мсідѣ или мѣсто молитвы, основанное въ память обращенія язычниковъ Гауссы въ вѣру ислама. Священная ограда состоитъ изъ камней, правильно сложенныхъ вокругъ площадки, около двадцати метровъ длиной: высокая акация осѣняетъ мѣсто, где имамъ вздѣмаетъ руки для молитвы. Ни одинъ правовѣрный, пришедший съ съвера, не преминетъ помолиться Аллаху, проходя подъ мсідѣ или макама, славящагося во всей Сахарѣ подъ именемъ Макамъ-эпъ-Шейхъ-бенъ-Абдъ-эль-Керимъ.

¹⁾ Richardson, „Narrative of a Mission in Central Africa“.

²⁾ Barth, цитированъ, сочиненіе.

Прежде столицей Асбена былъ Тиншаманъ, городъ грамотеевъ и купцовъ, который теперь не болѣе, какъ бѣдная, разоренная деревушка. Населеніе и торговли перемѣстились верстъ за сорокъ южнѣе, въ славный городъ Агадесъ, самый многолюдный во всей Сахарѣ: если вѣрить преданію, онъ имѣлъ нѣкогда столько же постоянныхъ жителей, какъ Тунисъ, и точный измѣренія Барта доказали, что пространство, которое занималъ прежній городъ, было вполнѣ достаточно, чтобы вмѣщать до пяти тысячъ обитателей. Эпохой наибольшаго процвѣтанія Агадеса было начало шестнадцатаго столѣтія: въ то время онъ былъ главнымъ рынкомъ краеваго пояса Сахары и вель непосредственно торговлю съ Томбуекту и важнѣйшими городами Судана. Разрушенный въ концѣ прошлаго столѣтія туарегами, онъ снова поднялся изъ развалинъ, и во время путешествія Барта въ немъ было отъ шестисотъ до семисотъ жилыхъ домовъ¹⁾; населеніе его простирается до семи тысячъ душъ, включая сюда главъ семейства и молодыхъ людей, прѣѣзжающихъ на время по торговымъ дѣламъ. Кромѣ того, въ Агадесѣ проживаютъ въ большомъ числѣ иностранные купцы, преимущественно уроженцы Туата, самые ловкие купцы въ Сахарѣ, всѣ до одного занимающіеся розничной торговлей: между прочимъ, они являются складчиками и продавцами хлѣба, покупаемаго въ землѣ негровъ. Различіе происхожденія жителей и ихъ торговыя сношенія съ сосѣдними странами сдѣлали изъ Агадеса многоязычный городъ, гдѣ одинаково слышатся нарѣчія ауригіе, гаусса, сонгай; что касается арабскаго языка, то его понимаютъ только грамотеи, впрочемъ, довольно многочисленные; около трехсотъ дѣтей учатся въ мечетяхъ читать на распѣвъ стихи Корана.

Агадесъ стоитъ на высотѣ около 750 метровъ, на краю песчаниковаго и гранитнаго плато, воды котораго приносятъ изъ глубокихъ слоевъ почвы нѣкоторое количество соли. Городъ представляетъ во многихъ кварталахъ видъ груды развалинъ; жилые дома окружены курганами, состоящими изъ мусора. Единственное, сколько-нибудь замѣчательное зданіе Агадеса—это его «башня», служащая въ одно и то же время минаретомъ и сторожевой будкой; имѣя около 30 метровъ высоты, она представляетъ утолщеніе по серединѣ, какъ стволъ пальмы, и постепенно суживается къ верхушкѣ; но что особенно придаетъ ей странный видъ, такъ это перекладины изъ дерева пальмы думъ, расположенные въ формѣ пола черезъ извѣстныя промежутки, чтобы скрыть битую глину стѣнъ и выступающіе на метръ наружу. Промышленность въ Агадесѣ очень слабо развита, и почти всѣ его ремесленники

женщины: между прочимъ, они приготовляютъ разныя издѣлія изъ кожи и ткуть цыновки; аирскіе сыры славятся во всей Сахарѣ. Что касается торговли, то она все еще довольно значительна, но дѣйствительно важную отрасль составляетъ только перевозка соли: кельгересы и другіе берберы страны организуютъ цѣлые караваны, чтобы идти за солью въ Бильму и перепродавать ее нигрицѣамъ, по цѣнѣ отъ 40.000 до 60.000 каури за грузъ животнаго; такой обозъ никогда не бываетъ менѣе, какъ изъ трехъ тысячъ верблюдовъ. На агадесскомъ рынке во время Барта ходачей монетой были не золото или серебро, не раковины или куски матеріи, а зерна проса (*pennisetum*); но прошло уже слишкомъ сорокъ лѣтъ съ той поры, какъ великий изслѣдователь посѣтилъ эти области Сахары, а сорокъ лѣтъ—большой періодъ времени въ жизни народовъ.

На западѣ отъ Аира, за степями, гдѣ живутъ кель-герасы и итиссаны, лежитъ еще не посѣщенная европейцами область возвышеностей, занимающая пространство по меньшей мѣрѣ въ 200.000 квадр. километровъ. Самое имя ея, Адагъ или Адрарь, позволяетъ думать, что эта страна не плоскогорье съ ровной поверхностью, но состоитъ изъ настоящихъ горъ. Эти высоты, образующія массивъ въ родѣ Ахагара и Тибести, поднимаются на сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ большой дуги, описываемой теченіемъ Нигера, къ западу отъ глубокой долины, гдѣ сочатся подъ песками воды уезда Тафассасеть, известного подъ именемъ Баллуль-Бассо въ нижней его части, въ сосѣдствѣ съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ сливаются съ Нигеромъ. Южный скатъ горъ Адагагъ находится уже въ поясѣ правильныхъ дождей; вѣтры, направляющіеся къ сѣверу, будучи насыщены водянымъ паромъ, который сгущается въ облака на горныхъ склонахъ, приносятъ въ долины значительное количество дождевой воды и часто также градъ; по своему основанію Адагагъ принадлежитъ къ Сахарѣ, а по вершинамъ къ Судану. Страна Адагагъ, богатая пастбищами и деревьями, которыхъ растутъ вдоль ручьевъ, могла бы сдѣлаться африканской Швейцаріей, пригодной не только для верблюдоводства, но также и для скотоводства, и жители ея, сотнями тысячъ, могли бы культивировать аллювиальныя земли у выхода ущелій¹⁾). Въ настоящее время этотъ край находится во власти туареговъ, различныя племена которыхъ извѣстны подъ общимъ именемъ ауэллимиденъ, и которые называютъ себя потомками выходцевъ изъ странъ сахарскаго Сахеля: предки ихъ жили въ западныхъ равнинахъ, въ перемежку съ туземцами племени уладъ-делимъ, съ которы

¹⁾) Barth, цитированное сочиненіе.

¹⁾ Pouyanne, "Notes sur l' estableissement de la carte de la r gion comprise entre le Touat et Timbouctou".

ми они и породнились через брачные союзы. Сдѣлавшись владѣтелями Адгага и окружающихъ равнинъ, они соединились съ другими берберскими или негритянскими племенами; затѣмъ, распространяясь за предѣлы своей горной страны черезъ Нигеръ, они проникли далеко въ Суданъ и завоевали нѣкоторыя негритянскія владѣнія; но и сами, въ свою очередь, были частію покорены, съ точки зрѣнія этнографической и гляссологической: очень многое изъ нихъ походѣтъ типомъ лица на негровъ гаусса, и въ языѣ ихъ вошло множество словъ и оборотовъ негритянскихъ нарѣчій.

Путешественники упоминаютъ также о народцахъ, еще не обращенныхъ въ исламъ, которые живутъ въ Ауэллимиденскихъ горахъ. Эти аборигены, называемые даггатунами, говорятъ тѣмъ же языккомъ, какъ и туареги, но цвѣтъ лица у нихъ блѣдѣ, и они всегда заключаютъ браки исключительно между собой; ни одинъ туарегъ, даже бѣднякъ, ни за что на свѣтѣ не согласился бы выдать свою дочь замужъ за богатаго наслѣдника изъ даггатуновъ. Послѣдніе имѣютъ права только чрезъ посредство туарегскаго патрона, который за приличную дань соглашается быть «щитомъ» даггатуна; когда племя отправляется въ экспедицію, даггатуновъ всегда выставляютъ впереди отряда. По словамъ еврейскаго путешественника Мардохея, эти клиенты ауэллимиденовъ—иудеи, если не по религіи, то по крайней мѣрѣ по расѣ, и подобно своимъ соотечественникамъ они занимаются главнымъ образомъ мелкой торговлей¹). Не очень ревностные въ своей вѣрѣ и пренебрегающіе постомъ и молитвой, ауэллимидены не имѣютъ ни школъ, ни мечетей; ихъ религіозный центръ находится въ Суданѣ: мараутами для нихъ служатъ баккаи, обитающіе въ Томбукту, которымъ они посылаютъ свои приношенія и отъ которыхъ получаютъ объясненіе Корана и новыя учрежденія²). Такъ, старинное право матріархата, по которому наслѣдство переходитъ къ сыновьямъ сестры, не существуетъ болѣе для ауэллимиденскихъ мараутовъ; оно сохранилось только въ гражданскомъ населеніи. Впрочемъ, нравы южныхъ туареговъ мало отличаются отъ нравовъ ихъ сѣверныхъ соотечественниковъ. Ауэллимидены тоже живутъ въ кожаныхъ палаткахъ или въ шалашахъ изъ рогожъ; они дѣлятся на благородныхъ и на имрадовъ, или порабощенныхъ работниковъ; трудъ у нихъ презирается, и беспрестаннымъ войны приводятъ ихъ въ столкновеніе съ сосѣдями, какъ съ единоплеменниками, каковы кель-герасы и итиссаны, такъ и съ иноплеменниками, каковы прибрежные жители Нигера. Земли, окружающія ихъ территорію, были опустошены и города разру-

шены. Ни одно становище, ни одно поселеніе страны не указывается нынѣ купцами, какъ заслуживающее названія города; осталось только имя существовавшаго нѣкогда города, Тадемакка или эсъ-Сукъ, имя, означающее «Рынокъ» по преимуществу. Этотъ городъ былъ разрушенъ въ послѣдней половинѣ пятнадцатаго столѣтія однимъ сонгайскимъ завоевателемъ, но владѣвшее имъ племя сохранилось подъ наименованіемъ Кель-эсъ-Сукъ, или «Люди Рынка»; другое туземцы того же племени тадемакка, по свѣдѣніямъ, собраннымъ Дюверье, переходя съ мѣста на мѣсто, поселились, начиная съ, въ предѣлахъ Туниса, гдѣ и смыкались съ народомъ хумиръ. Развалины города Тадемакка находятся въ лѣсистой долинѣ, заключенной между двухъ холмовъ, на сѣверо-западѣ территории Адгагъ; на западѣ простирается грозная пустыня Танезруфтъ, но въ сѣдѣствѣ Тадемакки она, повидимому, менѣ широка, чѣмъ въ западной части. Здесь проходитъ, по мнѣнію Пуйана, наиболѣе удобная дорога между Туатомъ и Томбукту.

VII. Западная Сахара.

Къ западу отъ поперечной низменности, простирающейся отъ южной Ораніи до Нигера, и которая, можетъ быть, по всей ея длинѣ занята рѣчнымъ ложемъ Мессауры, Сахара не заключаетъ въ себѣ ни одного большаго горного массива, который бы образовалъ особую естественную область. Въ цѣломъ эта обширная страна, охватывающая пространство слишкомъ въ два миллиона квадр. километровъ, состоитъ лишь изъ ряда дюнъ, долинъ, невысокихъ гамадъ, скалистыхъ цѣпей, маленькихъ горъ, не превышающихъ 500 метровъ. Береговые жители уѣза Саура даютъ всей западной пустынѣ, которая, однако, протянулась въ ширину слишкомъ на 1.000 километровъ, название Сахель, или «Прибрежье», какъ будто вся эта обширная полоса есть не что иное, какъ морской берегъ.

Сѣверная часть этой области Сахары состоить главнымъ образомъ изъ каменистыхъ плато и дюнъ; холмы образуютъ тамъ лишь маленькие массивы, затерянные словно островки въ морѣ. На югѣ отъ уѣза Драа караванныя дороги, направляющіяся къ Томбукту, идутъ въ началѣ черезъ гамады, отъ 375 до 400 метровъ средней высоты, раздѣленыя оврагами, русла которыхъ всѣ имѣютъ скатъ въ западномъ направлѣніи. Поверхность этихъ плато почти вездѣ состоитъ изъ палеозойскихъ формаций, прикрытыхъ новѣйшими образованіями, которымъ размывающее дѣйствіе воды придало причудливыя формы башенъ и зубчатыхъ стѣнъ. Нѣкоторые серии покрыты точно мозаикой, составленной изъ мириадъ маленькихъ

¹⁾ Mardoch e;—L on Philippe;—Duteyrier.

²⁾ M. Duteyrier, „Les Touaregs du Nord“.

камешковъ кварца, агата, опала и халцедона. Къ югу отъ этихъ плоскогорій простирается, на подобіе рукава моря, ориентированного въ томъ же направлениі, какъ система Атласа, то-есть съ сѣверо-востока на юго-западъ, Большой Эргъ песковъ Игиди, начинающійся въ виду Туата, на западномъ берегу уѣза Саура. Въ томъ мѣстѣ, где путешественникъ Оскаръ Ленцъ переходилъ цѣль дюнъ, къ востоку отъ пользующагося большой извѣстностью колодца Бель-Аббасъ, сборнаго пункта каравановъ, общее движение песковъ совершается съ сѣверо-запада на юго-востокъ, судя по ориентировкѣ дюнъ, которая пологимъ скатомъ обращены къ морскому вѣтру, а крутымъ — къ внутренности континента¹⁾: господствующимъ атмосфернымъ течениемъ въ этихъ областяхъ является морская бриза, происходящая отъ уклоненія правильного пассата. Средняя высота дюнъ Игиди около сотни метровъ, но многие гребни поднимаются значительно выше. Песокъ дюнъ усыпанъ маленькими черными точками: это кристаллы распавшейся горной породы.

Къ югу отъ цѣпи песковъ, горы эль-Эглабъ, гранитные и порфировые массивы, вздымаются на триста и четыреста метровъ, — высота, кажущаяся огромной, вслѣдствіе контраста съ окружающимъ однообразнымъ пространствомъ. На востокъ продолжается, неизвѣстно какъ далеко, область Танезруфта, обходимая караванами по причинѣ отсутствія тамъ воды, тогда какъ на югѣ извивается русло потока, называемаго уѣдомъ Сусь, какъ рѣка на мароккской границѣ, и содержащаго иногда жидкую струйку. На югѣ отъ сахарскаго Суса нужно еще переходить другія песчаныя пространства, рукава песчанаго моря, которое тянется въ западномъ направлениі на сотни километровъ: это область, означаемая на картахъ подъ именемъ Джуфъ, или «Владина»; впрочемъ, Ленцъ не слыхалъ этого названія, употребляемаго въ такомъ обширномъ значеніи: по словамъ его, оно примѣняется только къ одному оврагу, называемому уѣдомъ эль-Джуфъ. Дорога изъ Марокко въ Томбуку спускается въ восточной части этой низменности, но нигдѣ высота ея не менѣе 120 метровъ; можетъ-быть, къ западу Джуфъ не такъ высокъ, но нѣть причины предполагать, что его уровень опускается ниже поверхности океана, и проектъ одного спекулятора, предлагавшаго прорыть каналъ, чтобы образовать въ этомъ мѣстѣ «внутреннее море»²⁾, площадь котораго была заранѣе вычислена въ 90 миллионовъ гектаровъ, то-есть почти вдвое больше поверхности Франціи, основывался просто на фантазіи, лишенной всякой географической подкладки. Область Джуфъ есть наи-

менѣе извѣстная часть западной Сахары; какъ ливійская пустыня, это пространство представляеть еще пробѣль на картахъ: ни одинъ маршрут путешественника-исследователя, ни одинъ караванный путь не былъ проложенъ на этомъ громадномъ протяженіи слишкомъ въ 300.000 квадр. километровъ.

Къ западу отъ Джуфа и страшныхъ дюнъ Магтеръ появляется, среди пустыни, массивъ скаль, которому дали название Адраръ (Адерръ), т. е. «Гора», какъ многимъ другимъ группамъ высоты, находящимся въ берберской землѣ: специальное его наименование — Темарь. Но эта «Гора» западной Сахары не походитъ на другія Адрары Берберіи и центральныхъ областей пустыни: въ дѣйствительности это не гора, а каменистая страна, примыкающая своей южной оконечностью къ холмистымъ плато Таганта и поднимающаяся нѣкоторыми выдающимися точками всего только на 75—90 метровъ надъ уровнемъ песчаныхъ пространствъ, которыми она окружена³⁾: по описанію Адрара, сдѣланному тремя молодыми пилигримами французскому путешественнику Маскера, это — «длинный островъ, заключенный между песчаными равнинами, которые имѣютъ видъ моря, и подвижная почва которыхъ катится, какъ волны»²⁾. Но эти песчаныя пространства, служащія пьедесталомъ «горѣ», довольно высоки, если вѣрно, что съсѣвера Адрара, на спускѣ плоскогорья эль-Аксаби, вѣнчаніе обрывы имѣютъ отъ четырехъ-сортъ до пятисотъ метровъ высоты³⁾. Часто верблюды, спускаясь съ этихъ крутыхъ откосовъ, скатываются и разбиваются у основанія утеса.

Къ сѣверу и западу отъ этой «Горы» по преимуществу, разсѣянны многие другія горы, либо въ формѣ цѣпей, либо въ видѣ уединенныхъ островковъ. Большинство ихъ состоитъ изъ пластовъ песчаника. Самая замѣтная, по описанію Пане, — скалы эль-Генатеръ, то-есть «Мосты» или «Арки», находящіяся почти на полдорогѣ между вершинами Адрара и долиной уѣда Драа: это базальтовыя скалы, между которыми висятъ каменные глыбы, точно своды исполнинскихъ арокъ. Къ западу отъ Адрара, самый значительный массивъ — Адраръ-Сеттуфъ или «Гора Раковинъ», вокругъ которой тянется самая выдающаяся часть сахарскаго прибрежья, отъ мыса Барбасъ до Мыса Бланко; точно также и морской берегъ состоить изъ невысокихъ утесовъ, содержащихъ много раковинъ, которая по большей части принадлежать къ видамъ, донынѣ

¹⁾ Vincent, „Voyage dans l'Adrar“, „Tour du Monde“, 1861, livr. 56.

²⁾ „Bulletin de la Société de Géographie commerciale de Paris“, mars et avril 1880.

³⁾ Léopold Panet, „Revue Coloniale et Algérienne“, novembre—декабрь, 1850.

¹⁾ Oscar Lenz, „Timbuktu“.

²⁾ Donald Mackenzie, „The flooding of the Sahara“.

живущимъ въ сосѣднемъ морѣ¹). На сѣверѣ отъ Раковинной Горы простираются обширные равнины Тиристъ, образующія родъ гранитной мостовой, пробитой тамъ и сямъ остро-конечными скалами, которыхъ служатъ «наблю-дательными пунктами муфлонамъ (дикій степ-ной баранъ) и людямъ». На пескѣ, происходящемъ отъ разложенія гранита, растутъ ароматическая травы, очень любимыя верблюдами²).

Сосѣдство моря и пояса правильныхъ тропическихъ дождей обеспечиваетъ западной Сахарѣ количество воды, достаточное для того, чтобы эта страна не была совершенно лишена сѣти, если не рѣкъ, то по крайней мѣрѣ русль истеченія. На югѣ отъ уѣза Драа, принимающаго въ себя цѣлую вѣтвь боковыхъ овраговъ, къ Атлантическому океану спускается другое русло потока, оканчивающееся между стѣнами утесовъ широкимъ отверстиемъ, которое рыболовы съ Канарскихъ острововъ называютъ Бока-Гранде (Большое Устье): это уадъ Шибика арабовъ, и здѣсь, по всей вѣроятности, находился давно разыскиваемый портъ Санта-Круцъ-де-Марь-Пекенъя. Упомянутый выше профессоръ Дональдъ Макензи предлагалъ прорыть въ этомъ мѣстѣ входъ канала, по которому полились бы воды океана въ воображаемую низменность Джуфъ, черезъ порогъ водораздѣла. Въ разстояніи отъ 300 до 350 километровъ отъ атлантическаго берега дѣйствительно существуетъ водораздѣльная возвышенность, идущая параллельно морскому берегу: съ одной стороны, дождевые воды стекаютъ по оврагамъ къ морю, съ другой — онѣ спускаются на юго-востокъ и пропадаютъ подъ дюнами Игиди, чтобы снова выступить на поверхность въ видѣ ключей, или образовать небольшія гельты, то-есть лужи и солончаки. Къ югу отъ Бока-Гранде только одинъ рѣчной бассейнъ обнимаетъ значительное пространство: это Сакеть аль-Гомра, или «Красный Потокъ», который иногда назначали какъ официальный предѣлъ Мароккской имперіи, хотя онъ находится на разстояніи 500 километровъ отъ истинной границы. Что касается массива Адраръ, то онъ тоже имѣеть свою отдаленную маленькую гидографическую систему. Съ цѣпей скалъ, ограничивающихъ на востокѣ совокупность этого массива, спускаются источники, достаточно обильные для питания двухъ рѣчекъ, текущихъ параллельно оси скалъ по направлению отъ сѣверо-востока къ юго-западу. Сѣверная рѣчка останавливается въ низменности, гдѣ воды ея разливаются и испаряются; южная, повидимому, составляетъ продолженіе первой, такъ какъ начало ея находится въ той же линіѣ. Этотъ потокъ, на берегахъ котораго жи-

ветъ почти все населеніе Адрара, выходитъ изъ области горъ и теряется на югѣ въ одномъ болотѣ пустыни¹).

Морской берегъ, утесы и дюны котораго разступаются черезъ известные промежутки, чтобы дать проходъ водамъ временныхъ потоковъ, есть одинъ изъ самыхъ опасныхъ во всей Африкѣ, и легко понять беззокойство португальскихъ мореплавателей пятнадцатаго столѣтія, которые, въ силу полученныхъ ими инструкцій, должны были слѣдовать вдоль этихъ береговъ, уже видѣнныхъ до нихъ финикиянами и мореходами изъ Діеппа. Мысъ Нуњъ, или «Нѣтъ», былъ названъ такъ, говорили моряки, играя словами, потому, что море отвѣчало «нѣтъ» всякому кораблю, который хотѣлъ пройти далѣе; было бы безразсудно и нечестиво пытаться обогнать мысъ; люди, отправлявшіеся туда бѣлыми, возвращались черными, утверждала легенда²). Отъ этого страшного мыса до мыса Юба, отъ мыса Юба до Парчеля или Бохадора, отъ Бохадора до мыса Бланко, на пространствѣ около 1.200 километровъ, видъ побережья почти не измѣняется: выступы мысовъ едва замѣтны, высоты материка состоять лишь изъ правильныхъ столообразныхъ плато или изъ песчаныхъ холмовъ. Сѣрыя дюны, плоскіе берега, осыпаемые брызгами буруна и потому неявственные, не представляютъ растительности, на которой могъ бы отдохнуть взоръ и которая возвѣщала бы сосѣдство человѣка. Прибой волнъ распространяется на нѣсколько километровъ отъ берега; иногда даже, когда дуетъ западный вѣтеръ, первый пѣниящійся гребень образуется уже на такомъ разстояніи, гдѣ глубина достигаетъ 16 метровъ. Въ періодъ съ октября до апрѣля корабли тщательно обѣгаютъ эти воды, гдѣ еще не существуетъ никакихъ маяковъ, гдѣ земля почти постоянно окутана густымъ туманомъ, и гдѣ вѣтеръ вадимаетъ въ нѣсколько часовъ чудовищныя волны. Для парусныхъ судовъ самымъ опаснымъ мѣстомъ на сахарскомъ берегу считается пространство, заключающееся между Бока-Гранде и мысомъ Юба: теченіе, идущее вдоль африканского побережья съ сѣвера на югъ, и которое обыкновенно слѣдуетъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, имѣя наибольшую силу километрахъ въ десяти отъ него, устремляется также прямо къ прибрежью, увлекая попадающіяся на пути суда: оттого случаи кораблекрушенія были очень многочисленны въ этихъ водахъ. Обыкновенная скорость берегового теченія равна километру въ часъ; но около мыса Юба она превышаетъ два километра, можетъ-быть, по причинѣ сосѣдства Канарскихъ острововъ, которые служиваютъ

¹) Pomet, „Le Sahara“.

²) Vincent;—Masqueray, цитированъ. мемуары.

¹) Em. Masqueray, цитированъ. мемуаръ.

²) Juan de Barros; — Alcalá Galiano; — O. Peschel
„Geschichte der Erdkunde“.

руслу течения¹). Пристанища рѣдки на сахарскомъ берегу; однако, около середины побережья, простирающагося отъ мыса Бохадоръ до мыса Бланко, открывается длинная бухта, параллельно морю, проникая черезъ брешь въ изгибъ береговыхъ обрывовъ: это Ріо-де-Оро, или «Золотая рѣка», названная такъ потому, что португальцы достали тамъ, посредствомъ мѣны, немногого золотаго песку, въ 1442 году: они думали, что напали на золотоносную рѣку «Мактоль», о которой ходили разсказы, что она развѣтвляется съ Ниломъ во внутренности Африки²). Входъ въ эту бухту затруднителенъ, и моряки, проникающіе туда, чтобы укрыться отъ непогоды, подвергаются опасности умереть тамъ съ голодомъ, потому что баръ препятствуетъ выйти въ открытое море³.

Получая свою долю дождей, западная Сахара не лишена растительности; она имѣетъ оазисы, какъ и другія области пустыни. Даже среди дюнъ, узкія долины, раздѣляющія песчаные бугры, усыпаны пучками травы, и пастухиводятъ туда на пастьбу своихъ верблюдовъ. Въ южной части Джуфа обширныя пространства покрыты альфой: эти пространства называются эль-Мира, или «Зеркало», безъ сомнѣнія потому, что море альфы, колеблемое вѣтромъ, отливаетъ поперемѣнно матовыми и серебристыми цвѣтами⁴). Эти поросшія альфой равнинны указываютъ на сосѣдство области степей, опушки Судана, который слѣдуетъ за ней на югъ, со своими лѣсами акацій и мимозы. Адраръ, принадлежащій уже къ этому промежуточному поясу, наполненъ камедными деревьями, которыя растутъ тамъ въ такомъ множествѣ, что «камедь отдавали бы за безцѣнокъ, если бы нашлись охотники приходить за ней»⁵). Въ этихъ мѣстностяхъ начинаетъ показываться зебръ; но одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ представителей животнаго царства въ этой области Сахары—страусъ. Здѣсь нѣть надобности, при охотѣ на страуса, употреблять нѣсколько перемѣнъ лучшихъ скакуновъ, или преслѣдовать его на быстроногомъ мегари. Исполинская птица такъ сильно страшаетъ отъ жары, что днемъ, при полномъ блескѣ солнца, ее можно догнать даже на обыкновенной лошади: охотникъ стрѣляетъ въ упоръ въ настигнутое животное. На берегу моря рыболовы племени уладь бу-сба подкрауливаютъ страусовъ, когда тѣ приходятъ освѣжиться, ударяя по водѣ крыльями; тогда рыбаки подкрадываются изъ-за дюнъ и вдругъ появляются, испуская громкіе крики: испуганные страусы бѣгутъ въ воду, но ихъ намокшія

крылья скоро утомляются, и пловцы, бросившіеся въ догонку, убиваютъ уставшихъ птицъ одну за другой⁶).

Такъ же, какъ Марокко и Берберія, западная Сахара раздѣлена между берберами, коренными жителями, и завоевателями арабами. Племена айтъ-атта, дуи-менія, бераберь, дубеллаль и другіе народы кочуютъ въ степяхъ, мѣняя мѣста стоянокъ, смотря по состоянію пастбищъ, предпринимая иногда дальняя экспедиціи, либо для нуждъ своей торговли, либо для мишенія и грабежа; Дюверье разсказываетъ, что арабскіе наездники Сахеля дѣлаютъ набѣги даже въ мѣстности, лежащей на дорогѣ изъ Инсалаха въ Томбукту, и нападаютъ на проходящіе караваны, съ цѣлью грабежа. Эти отдаленные экспедиціи совершаются обыкновенно въ сопровожденіи продовольственнаго обоза изъ верблюдовъ, нагруженныхъ водой и саломъ. Сначала кормятъ верблюдовъ саломъ; когда животное освободится отъ своей ноши, его убиваютъ, и мясо его служитъ пищей людамъ и скоту. Эти разбойническіе объезды продолжаются иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ⁷).

Караваны, собирающіеся на югѣ Марокко для перехода черезъ пустыню, организуются либо въ Тафилельѣ, либо въ оазисахъ, находящихся на большомъ изгибѣ уѣда Драа, или, наконецъ, въ маленькихъ берберскихъ владѣніяхъ, лежащихъ въ сосѣдствѣ побережья. Оазисъ Текна служитъ сборнымъ пунктомъ для караванщиковъ; впрочемъ, этому посту, находящемуся въ бассейнѣ Краснаго Потока, обыкновенно предпочитаются городокъ Тендуфъ, построенный въ текущемъ столѣтіи, единственно для торговыхъ цѣлей. Это групша около сотни домовъ изъ битой глины, окруженнай нѣсколькими пальмами и лежащая на уѣдѣ, спускающемся къ одному изъ притоковъ рѣки Дра; населеніе городка состоить изъ берберовъ таджакантъ, признающихъ надъ собой власть арабскаго шейха мариба. Этотъ рынокъ ведеть весьма значительную торговлю не только съ Марокко и Суданомъ, но также съ Туатомъ и Аравіей. Каждый годъ берберы-таджакантъ собираются здѣсь въ декабрѣ или январѣ, чтобы сформировать «большой караванъ» въ Томбукту, «каfila эль-кебиръ», который часто состоить изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ и нѣсколькихъ тысячъ верблюдовъ⁸). Ленцу говорили, во времія его проѣзда черезъ этотъ городъ, что цѣнность товаровъ, перевозимыхъ большими караванами, простирается въ среднемъ до 750.000 франковъ. Купцы возвращаются обыкновенно въ маѣ или іюнѣ. Жители Тендуфа, при господствующемъ у нихъ торговомъ духѣ, отличаются

¹⁾ Arlett, „Journal of the Geographical Society“.

²⁾ Oscar Peschel, „Geschichte der Erdkunde“.

³⁾ Em. Bonelli, „Boletin de la Sociedad Geografica de Madrid“.

⁴⁾ O. Lenz, „Timbuktu“.

⁵⁾ Em. Masqueray, цитированный мемуаръ.

⁶⁾ Vincent, цитированный мемуаръ.

⁷⁾ H. Daveyrier, „Exploration du Sahara“.

⁸⁾ De Castries, „Bulletin de la Société de Géographie“, 1880.

полной религиозной терпимостью. Образование гораздо более распространено у таджакантовъ, чѣмъ въ большинствѣ другихъ сахарскихъ племенъ: они снабжаютъ наставниками всѣхъ окрестныхъ народцевъ ¹). Различныя племена бассейна Краснаго Потока славятся особенностю благородствомъ происхожденія: даже въ Алжирѣ многіе берберскіе кланы съ гордостью говорятъ, что предки ихъ вышли изъ Сакеттэль-Гамра.

На дорогѣ изъ Тендуфа въ Томбукту, направляющейся прямо къ юго-западу, черезъ гамады и пески, существуютъ только двѣ группы населенія, имѣющія название городовъ,—Таудени и Арауанъ. Таудени, лежащій близъ уѣза Тели, въ нижней части долины Джуфа, служить сборнымъ пунктомъ для каравановъ, которые находятъ тамъ воду въ изобилии; но осѣдлыхъ жителей сюда привлекли собственно залежи каменной соли, питающая часть западнаго Судана. Здѣшніе солепромышленники ломаютъ соль въ копяхъ большими плитами, длиной около метра и вѣсомъ до 27 килограммовъ: четыре такихъ плиты составляютъ полный груз верблюда; караваны круглый годъ приходятъ сюда запасаться драгоценнымъ минераломъ. Въ окрестностяхъ встречаются остатки прежнихъ культуръ, даже покинутыя деревни; но нынѣшніе обитатели Таудени, смѣясь негровъ и арабовъ, невольниковъ или свободныхъ людей, занимаются исключительно добываніемъ соли: они называютъ себя драуи, то-есть уроженцами области уѣза Драа; не имѣя никакихъ сношеній съ своимъ прежнимъ отечествомъ, они зависятъ теперь отъ арабовъ племени берабишъ и отъ кушевъ изъ Томбукту; они живутъ въ крайней бѣдности и пьютъ лишь соловатую воду, которую стараются сдобрить кислымъ молокомъ и другими снадобьями ²). Солекопы въ Таудени бываютъ временно троуглодитами: когда жара становится слишкомъ сильной, они переселяются въ искусственные гроты, вырытые въ бокахъ туфовыхъ обрывовъ, господствующихъ надъ уѣздомъ Тели. Еще недавно они пользовались для выламыванія плитокъ соли инструментами изъ серпентина (змѣевика), эти каменные орудія до сихъ поръ составляютъ предметъ настоящей торговли съ Томбукту, такъ какъ суданская женщины употребляютъ ихъ для размельченія зерна.

Арауанъ, недалеко отъ южной окраины пустыни, есть передовой постъ Томбукту: какъ въ Тендуфѣ, на другой сторонѣ Сахары, караваны здѣсь составляются или раздѣляются. Несмотря на близкое сопѣдство травяныхъ степей и мимозовыхъ лѣсовъ, лежащихъ немного сѣвернѣе, несмотря на чрезвычайное

обилие воды, которая течетъ подземной рѣкой подъ домами Арауана,—этотъ городъ самый печальный на видъ изъ всѣхъ городовъ Сахары: вездѣ кругомъ дюны; нигдѣ не видно ни одного деревца, ни даже пучка травы для верблюдовъ. Дома, разбросанные въ беспорядкѣ, числомъ около сотни, представляютъ собою четыреугольные массы, имѣющія только подвальныи этажъ: стѣны изъ битой земли содержать одно только отверстіе, низенькую дверь, обрамленную архитектурными украшеніями, которыя занимаютъ всю высоту стѣны; край террасы обведенъ лѣпной работой изъ глины. Внутри четыреугольника, образуемаго зданіемъ, помѣщается дворъ, въ которомъ, однако, обитатели дома рѣдко сидѣть по причинѣ мелкаго песка, наполняющаго атмосферу, и обилия мухъ, которыхъ караваны верблюдовъ привлекаютъ пѣльми тучами на городъ. Торговый пунктъ, гдѣ занимаются только коммерціей, не заботясь о религіи посѣтителей, Арауанъ—населенъ исключительно купцами изъ Томбукту, ихъ прислугой и вольными неграми, гарантами, которые поятъ, запрягаютъ и нагружаютъ верблюдовъ. Берабиши, сопровождающіе караваны и защищающіе ихъ противъ своихъ наслѣдственныхъ враговъ, туареговъ, взимаютъ дорожную пошлину со всѣхъ путешественниковъ, проходящихъ по ихъ территоії; несмотря на свое имя, повидимому, указывающее на берберское происхожденіе, берабиши, по Ленцу, истые арабы. Во время проѣзда этого путешественника, берабишскій шейхъ владѣлъ большую частью вещей, найденныхъ на трупѣ изслѣдователя Ленга, убитаго въ пустынѣ въ 1826 году. По разсказамъ туземцевъ, причиной его смерти была безуспѣшность его лѣкарства: двое больныхъ, которыхъ онъ лѣчилъ, умерли одинъ за другимъ; это обстоятельство возбудило подозрѣніе, не даетъ ли онъ яду, или не дурной ли у него глазъ. Въ той же области Сахары, «въ десяти дняхъ ходбы къ сѣверу отъ города Таудени», находится Сукайя, мѣсто, гдѣ англійскій путешественникъ былъ убитъ гарибами, десять лѣтъ спустя послѣ умерщвленія Ленга ¹).

Нѣсколько другихъ городовъ были основаны на южной границѣ пустыни. Въ сотнѣ километровъ къ востоку отъ Арауана, на дорогѣ изъ бывшаго поселенія эзъ-Сукъ, или «Рынокъ», недалеко отъ пустыни Танезруфтъ, стоятъ города Мабрукъ, или Мебрука, и Мамунъ, населенные неграми, также подвластными арабамъ-берабиши, и вокругъ которыхъ иногда бродятъ туареги. Другой, болѣе значительный городъ Уалата, такой же большой, какъ Томбукту ²), и посѣщенный въ 1860 г. сенегальскимъ офицеромъ Алунъ-Саль, наход-

¹) *Revue Africaine*, janvier 1868.

²) René Caillé, *Journal d'un voyage à Tombouctou et à Jenâb*;—O. Lenz, цитированное сочиненіе.

¹) Willshire, *Appendice to Notes taken during the Travels in Africa*.

²) René Caillé, цитированное сочиненіе.

дится въ 400 километрахъ къ юго-западу отъ Арауана, на сѣверѣ плоскогорья эль-Годь. Этотъ городъ, построенный такъ же, какъ Арауанъ, тоже не имѣющій садовъ и продовольствиемъ проходящими караванами, занимаетъ пространство около одного квадр. километра: это большой рынокъ, где сосредоточивается мѣновая торговля между племенами Сенегала и таджакантами Тендуфа; кромѣ того, у жителей его есть специальный промыселъ—фабрикація кожаныхъ мѣшковъ и кисетовъ, которые продаются на всѣхъ рынкахъ Судана. Въ окрестностяхъ города видны многочисленныя развалины, остатки жилищъ какого-то исчезнувшаго народа. Но къ сѣверо-западу, въ направлении Адрара, слѣдуютъ одинъ за другимъ нѣсколько оазисовъ, между прочимъ, оазисъ Тишитъ, где находится столица племени кунта, довольно большой городъ, въ которомъ насчитываются около шестисотъ каменныхъ домовъ. Въ этомъ краевомъ поясѣ Сахары кочуютъ различныя арабскія племена: уладъ-махмудъ, уладъ-эмбарекъ, уладъ-энъ-насеръ; но осѣдлое населеніе оазисовъ состоитъ изъ азеровъ, чернокожихъ мандингской расы, пришедшихъ изъ-за Сенегала.

Въ собственномъ Сахелѣ нѣть городовъ, есть только рудники и становища кочевниковъ. Террасонъ, на югѣ уѣда Драа, въ территории племени регибать или греибать, теперь представляетъ лишь собраніе силосовъ, где окрестные арабы хранятъ свои запасы зерновыхъ хлѣбовъ. На водораздѣльной возвышенности между покатостью Краснаго Потока и покатостью Джуфа, населенныя мѣста Гронъ, Земмуръ, отмѣчаемыя на картахъ какъ города, въ дѣйствительности суть лишь группы шатровъ, разбитыхъ среди небольшихъ долинъ, где растутъ въ маломъ количествѣ мимозы¹⁾. Номады этихъ странъ принадлежатъ къ различнымъ расамъ: здѣсь кочуютъ арабы племени уладъ-бу-сба, или «Сыны Льва», очень опасные грабители и неготорговцы; берберы племени шергинъ, отличающіеся отъ всѣхъ своихъ со-сѣдей круглымъ и короткимъ лицомъ, маленькимъ носомъ, оттопыренными ушами, очень развитымъ лбомъ, низкимъ ростомъ; тидрагины, народецъ, который держится вообще въ сосѣствѣ моря и охотно ведетъ мѣновую торговлю съ канарскими рыбаками. Эти послѣдніе приносятъ имъ рыбу и другие продукты и берутъ въ обмѣнъ молоко. Тидрагины ловятъ рыбу съ помощью удочки или сѣти; у нихъ нѣть кожаныхъ барокъ, какъ это говорили нѣкоторые путешественники, посѣтившиѣ край до изслѣдованія Пане. Тидрагины составляютъ часть могущественнаго союза Уладъ-Делимъ, племена котораго разсыпаны по всему Сахелю, отъ устья уѣда Драа до равнинъ, прилегающихъ

къ Адрару. Эти кочевники, того же происхожденія, какъ племена трарза и бракна, живущія на правомъ берегу Сенегала, принадлежать къ народу зенага, но въ сильной степени смѣшались съ арабами и отчасти, хотя гораздо слабѣе, съ неграми; они тоже говорять берберскимъ нарѣчіемъ, мало отличающимся отъ языка тамазигтъ. Женщины ихъ замѣчательно красивы, и благодаря передвиженію, къ которому вынуждаютъ постоянныя экспедиціи племенъ, онѣ въ менѣшей степени страдаютъ тучностью, такъ высоко цѣнной у другихъ народцевъ западной Сахары. Номады уладъ-делимъ всегда держатся на-готовѣ къ нападенію или къ бѣгству, и когда данъ приказъ сниматься со становища, имъ достаточно полчаса времени, чтобы собрать стада, свернуть палатки, уложить весь домашній скарбъ и выступить въ путь²⁾.

Кочевники племенъ уладъ-делимъ, уладъ-бу-сба, ягія-бенъ-отманъ сходятся на берегахъ большаго солянаго озера Иджиль (Ижиль, Иниль), но не имѣтъ принадлежать его минеральная богатства: владѣльцы себхи—люди племени кунта, живущіе на юго-востокѣ Адрара; они заставляютъ платить себѣ верблюдами за право добыванія и вывоза соли. На берегахъ салины нѣть ни одного города, хотя въ становищахъ солепромышленниковъ идетъ довольно бойкая торговля, послѣ сезона дождей, когда себха наполняется водой и работы простоянливаются. Соль ломаютъ плитами такой же величины, какъ въ Таудени; по Венсану, общее количество соли, вывозимой съ озера Иджиль въ Суданъ, составляетъ двадцать тысячъ верблюжихъ грузовъ, или около четырехъ тысячъ тоннъ. Главный рынокъ по торговлѣ иджильской солью находится въ оазисѣ Тишитъ, у владѣльцевъ солянаго озера: жители Судана приводятъ туда невольниковъ и обмѣниваютъ ихъ на плиты соли, при чемъ три плиты представляютъ среднюю цѣну человѣка³⁾.

Владѣтели Адрара, ягія-бенъ-отманы, не имѣютъ тамъ постояннаго пребыванія: они ходятъ изъ одного мѣста въ другое за сборомъ налога. Осѣдлое населеніе, въ числѣ около семи тысячъ душъ, не считая невольниковъ, состоитъ изъ берберовъ, гораздо менѣе смѣшанной расы, чѣмъ сосѣдніе «мавры», и говорящихъ языккомъ зенага: эти берберы живутъ по большей части на берегахъ рѣчекъ, берущихъ начало внутри Адрара. Впрочемъ, древнѣйший изъ городъ, эль-Гедимъ (эль-Кедима), или «Старый», лежитъ въ массивѣ, на границѣ восточной пустыни; недалеко оттуда находится Уаданъ, нѣкогда самый многолюдный и самый богатый городъ страны. Въ то

¹⁾ Vincent, цитированное сочиненіе.

²⁾ Em. Masqueray, „Le Sahara occidental“.

¹⁾ Leopold Panet, цитированый мемуаръ.

же время онъ былъ и самый ученый; отсюда и произошло его имя, которое буквально значить «Дѣ Рѣки»; это была «рѣка финиковъ и рѣка знаній», по распространенной въ Адрарѣ поговоркѣ. Въ первой половинѣ шестнадцатаго столѣтія португальцы имѣли тамъ торговую контору, но принуждены были покинуть ее, по причинѣ огромнаго разстоянія, которое отдѣляло ихъ отъ морскаго берега¹⁾). Во времена путешествія Венсана, столицей былъ городъ Шингити, лежащий къ юго-западу отъ Уадана, въ области дюнъ; онъ имѣлъ не менѣе 800 домовъ и населеніе его простиравось до трёхъ или четырехъ тысячъ душъ. Аттаръ, нынѣшняя резиденція, и Уджефъ—тоже многолюдныя касры. Въ оазисахъ Адрара насчитывается около шестидесяти тысячъ финиковыхъ пальмъ; кромѣ того, тамъ сѣютъ просо, ячмень, пшеницу, арбузы. По словамъ Леопольда Пане, вѣно или калымъ, даваемый женихомъ невѣстѣ, есть въ дѣйствительности не что иное, какъ покупная цѣна, опредѣленная въ тринадцать локтей бумажной матеріи. Когда супруга перестаетъ нравиться мужу, послѣдній обязанъ оставить ей этотъ кусокъ матеріи, отсылая ее отъ себя. Если мужъ опостылѣлъ, жена должна отдать ему свадебный подарокъ, чтобы вернуть себѣ свободу.

Всѣ берберскіе жители Адрара—марабуты; они признаютъ главенство шейха, имѣющаго пребываніе въ Эль-Гедимѣ и пользующагося нѣкоторой свѣтской властью; нѣкоторые изъ нихъ принадлежать къ религіознымъ братствамъ, главные монастыри которыхъ находятся въ Марокко, въ Алжирѣ, въ регентствѣ Триполи. Въ большинствѣ магометанскихъ странъ марабуты пользуются уваженіемъ со стороны воиновъ; но въ этой области, на окраинахъ Сахары, ихъ обыкновенно мало почи-

таютъ. Конечно, ихъ ставятъ выше рабовъ и невольниковъ, обзывающихся кличкой *лахме*, что значитъ «мясо годное къ ёдѣ», но имъ оказываютъ уваженіе только для формы, исключая случаи совершения религіозныхъ церемоній, когда, стоя на горкѣ или на скалѣ посреди пространства безъ кустарника и безъ камней, называемаго мечетью, какъ молитвенные дома въ городахъ, марабуты громкимъ голосомъ читаются на распѣвѣ молитвы и повергаются ницъ, вмѣстѣ съ собравшимися воинами. Мистики и кроткіе нравомъ, марабуты Адрара и сосѣднихъ странъ безропотно переносятъ приниженнное положеніе, въ которомъ ихъ держать мавры военной касты, и вѣроятно, не воспротивились бы перемѣнѣ режима, которая, можетъ-быть, дала бы имъ болѣе значительную долю влиянія. При посредствѣ марабутовъ французы Сенегала нѣсколько разъ пытались возстановить конторы португальцевъ, покинутыя четыре столѣтія тому назадъ.

Точно также, благодаря поддержкѣ марабутовъ, испанцы сдѣлались, съ конца 1884 года, номинальными владѣтелями всей линіи морскихъ береговъ, заключающейся между мысомъ Бохадоръ и мысомъ Бланко, на протяженіи около 800 километровъ; при помощи тѣхъ же марабутовъ, они надѣются подвинуться внутрь материка и направить караваны къ своимъ новымъ поселеніямъ. Ужѣ основаны четыре конторы на морскомъ берегу: въ Вилла Сиснеросъ, на полуостровѣ Эргибацъ, на востокѣ на берегу бухты, образуемой устьемъ Ріо-де-Оро, и южнѣ, на берегахъ двухъ заливовъ Синтара и дель-Эсте. Пока это только рыболовныя станціи, менѣе важныя, чѣмъ были прежде подобныя же поселенія, основанные канарскими рыболовами. Тогда суда собирались во множествѣ въ окружающихъ мысъ Бохадоръ водахъ, особенно въ Анградостъ-Руйвѣ или «Бухтѣ Барвенъ».

¹⁾ H. Barth, цитирован. сочиненіе.

КОНЕЦЪ 11-ГО ТОМА

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ГЛОССАРІЙ СЪВЕРНОЙ АФРИКИ.

Нижеслѣдующій списокъ заключаетъ только имена мѣсть, упоминаемыхъ въ этомъ труѣ. Полная номенклатура быда бы здѣсь излишна; географы найдутъ ее въ словарѣ Шербоне (*Cherbonneau*), изданномъ журналомъ *Revue de Géographie*, и въ мемуарѣ г. Пармантье, представленномъ въ 1881 г. алжирскому конгрессу. Къ заимствованіямъ, сдѣланнѣмъ у этихъ двухъ авторовъ, мы прибавили другія, взятыя въ сочиненіяхъ гг. Дюверье, г. Маскера и другихъ ученыхъ, а также въ рукописныхъ замѣткахъ г. Ламбера; но при этомъ мы не

придерживались какой-либо опредѣленной системы ореографіи. Такъ какъ специалисты, занимающіеся арабскимъ языками и литературу, не пришли еще къ соглашенію относительно транскрипціи арабскихъ звуковъ французскими буквами, то намъ казалось всего естественнѣе принять, для общей номенклатуры Алжира и Туниса, обыкновенное правописаніе офиціальныхъ документовъ, котороѣ, впрочемъ, развитія въ различныхъ частяхъ страны, сообразно мѣстному произношенію.

АРАБСКИЯ СЛОВА.

А.

Абдъ, служитель. Примѣры: Абдъ-энъ-Нуръ, арабизованные берберы на плоскогорьяхъ Сетифъ, «Служители Свѣта». — *Абидъ*, невольникъ, негръ.

Абіадъ, иногда *Абюдъ*, бѣлый. Прим.: Мазъ-Абіадъ. Бѣлая вода (пр. Константина); Эль-Абіодъ, Бѣлый (Южн. Оранія). — Женск. форма: *Беїда*. Прим.: Беїда-Борджъ, Бѣлая крѣпость (окр. Сетифъ); Аинъ-Беїда, Бѣлая вода (окр. Константина); уездъ-Беїда, Бѣлая рѣка; Даръ-эль-Беїда (Каза-бланка), Марокко.

Азібъ, ферма. — Прим.: Азібъ - Замунъ, арабск. название г. Осонвилье (prov. Алжиръ).

Азраї, *Азреї*, голубой. — Прим.: Джебель-Азрагъ, Голубая гора (Алжирія). — Женск. форма: *Зері*. Прим.: Гельть-Зерга, Голубая лужа (prov. Константина); уездъ-Зерга, Голубая рѣка (Тунисъ); Джебель-Зерга, Голубая гора (Марокко).

Аинъ (множ. Айунъ, Эйунъ, Ойунъ), вода, ключъ, фонтанъ, источникъ, — слово сходное съ старымъ франц. *Aigre* или *Font*. Прим.: Аинъ-аль-Ферсъ, ключь Кобылицы (Гадамесь); Аинъ-Темушентъ, источникъ Шакаловъ (prov. Оранская); Аинъ-Шаиръ, фонтанъ Ячменя (марок. Сахара); Аинъ-эль-Бей, фонтанъ Бея (Константина); Аинъ-эль-Гаммамъ, Теплые воды (пр. Константина); Аинъ эшъ-Шегадъ, Вѣчный фонтанъ (имя Кирены); Аинъ-Мита, Мертвая вода, (Сахара). — Уменьш. *Луїно*, маленький ключъ.

Акба, *Акбетъ*, подъемъ, косогоръ. — Прим.: Акба эль-Кебира, Большой подъемъ (Барка); Акбетъ эль-Джемель, подъемъ Верблюдовъ (prov. Константина); Расъ эль-Акба, мысъ Морск. Берега (prov. Алжиръ).

Акбу, берберизация арабск. слова *кубба* (Шербоно), куполь, мавзолей со сводомъ. Прим.: Акбу (Мецъ), въ Кабилии.

Арба, среда, Сукъ-эль Арба, Середовыи рынокъ (Тунисъ); Феджъ-эль-Арба, Середовыи горн. проходъ (Алжирія); Арба (окрестн. Алжира).

Арабъ, Арбъ (множ. отъ *Арби*), арабы. — Прим.: Арабъ-Шерага, Восточн. арабы; Арбъ эль-Уэдъ, Рѣчи. арабы (prov. Константина).

Арегъ, дюны (*Ариа* въ единств.). — Прим.: Арегъ-эдъ-Демъ, Красноватая или Кровавая дюна; Арегъ-эръ-Ригъ, Дюна Вѣтра (Шербоно); Эль-Арегъ, Песчаный барьеръ; Расъ-эль-Арегъ, голова Дюнъ (Сахара). — Уменьшит. *Аригъ*, маленькая дюна. Беръ-эль Аригъ, стража Малыхъ Дюнъ.

Ариша, виноградникъ. Прим.: Эль-Ариша (Оранія); эль Арайшъ (Марокко).

Асуðъ, *Асуадъ*, *Асуэðъ* (множ. *Судъ*) черный. — Прим.: Расть-эль-Асуадъ, Черный мысъ (Тунисъ). — Женск. форма: Суда. Прим.: Джебель: Суда, Черная гора (Тунисъ). Производн. отъ множества: *Суданъ*, земля черныхъ.

Асфоръ, желтый. Прим.: Уэдъ-эль-Асфоръ, Желтый ручей (Алжирія). — Женск. форма: *Сафра*, *Сефра*. Прим.: Аинъ-Сефра, Желтый ключъ (Оранск. провинц.)

Атешъ, жажда. — Прим.: Бледъ-эль-Атешъ, страна жажды, пустыня.

Ахалъ, черный. Прим.: Уэдъ-эль-Ахаль, Черная рѣка (Алжирія). — Женск. форма: *Кахла*, *Кахла*. Прим.: Дайя-Кахела, Черное болото (prov. Алжиръ), Феджъ-Кахла, Черный проходъ (Константина). — Производн. *Кахиль*, черноватый. Прим.: Джебель-бу-Кахиль, Черноватая гора (Констант.).

Ахдаръ, *Ахдеръ*, зеленый. — Джебель-Ахдаръ, Зеленая гора (Триполи, Оранъ). — Женск. форма: *Хадра*. Прим.: Эль-Хадра, Зеленая область (Алжир.), Аинъ-эль-Хадра, Зеленая вода (тамъ же); Худіатъ-эль-Хадра, Зелен. холм. (Марокко). — Производн. *Хейдеръ*, зеленющій (Шербоно). Прим.: Эль-Хейдеръ, Зелен. поле (Оранъ).

Б.

Бабъ (двойствен. *Бибанъ*, множ. *Абуадъ*), ворота. Прим.: Бабъ-эль-Уэдъ, ворота Рѣки (Алжиръ); Бабъ-эль-Бахаръ, ворота Моря (Бужи); Бибанъ-эль-Хадидъ, Желѣзные ворота (въ цѣпи Бибанъ). — Вѣроятн. производн.: *Бибауанъ*, горный проходъ на Атласѣ.

Багдадъ, голая равнина. — Багдадъ, близъ Уарглы.

Бахаръ, *Бахръ*, *Бехаръ*, море, озеро или болото. Прим.: Бахръ-эль-Усть, Срединное море (название Средиземн. моря); Бахръ-эль-Дудъ, озеро Червей (Фецданъ); Бахръ-эль-Труніа, Натровое море (Фецданъ); Бахарь-энъ-Наклатъ, Финиковое море (Уэдъ - Ригъ), Бахарь-Тахтани, Нижнее море, подземная водная площадь уэда Ригъ. — Другое значение: рѣка. Прим.: Бахръ-эль-Арабъ, рѣка Арабовъ. — Уменьшит.: *Бахира*, *Бахиретъ*, *Бахаріатъ*. Прим.: Бахира-этъ-Туила, Длинное болото (Алжирія), Бахиретъ-аль-Бибанъ, озерко у Воротъ (Тунисъ); эль-Бахаріатъ, Малое море (Уэдъ-Гиръ).

Бегира, коровушка, название одной горы въ Ораніи.

Беїда, см. Абіадъ.

Баладъ, Беладъ, Бледъ, земля, страна, поле. Прим.: Беладъ-Амеръ, земля амеровъ; Владъ-эль Ахмаръ, Красная земля; Владъ-эль-Джеридъ, земля Пальмъ (Тунисъ); Владъ-эль-Барудъ, земля Пыли, название Сахары; Бледъ-эсъ - Суданъ, земля Черныхъ Суданъ.—Другое значение: городъ. Прим.: Бледъ-эль-Гунебъ, городъ Ююбъ (арабск. имя Боны)—Уменьшительн. *Блида*, городокъ; Бладеть-Амеръ, городокъ амеровъ.—Другое значение: оазисъ: Владъ-Регганъ, оазисъ Регганъ (Тузъ).

Бенъ (множ. бени), сынъ. Прим.: Бенгази, сынъ пилигрима; Бени-Аббасъ, потомки Аббаса (Алжир.)—Имя бени примѣняется обыкновенно къ племенамъ берберского происхождения.—Въ топографическомъ языѣ кабиловъ, *Бени* имѣть тотъ же смыслъ, чѣмъ *Атъ* люди, населеніе (Шербон). Прим.: Бени-б' Удрадъ, жители Горы.

Беруаяіа, златоцѣпники, гор. въ провинц. Алжиръ.

Бесбесъ, укропъ. Аинъ-Бесбесъ, Источникъ Укропа, близъ Бовы.

Биръ (множ. *Біаrъ, Абіаrъ, Абаrъ*), колодезъ. Прим.: Биръ-эль-Абіадъ, Бѣлый колодезъ (Алжир.); Биръ-эль-Дуаръ, колодезъ Становиша (Тунисъ); Биръ-Тута, колодезъ Тутоваго дерева (Алжир. округъ); эль-Біаrъ, Колодцы; Бирхадемъ, колодезъ Негритянки (окрестн. Алжира).—Уменьш.: *Бузайра, Буира*. Прим.: Буира, Маленький колодезъ (prov. Алжир.).

Борджъ, транскрипція латинск. *burgus* по Шербону. Крѣпость, замокъ, также загородный домъ, дача. Прим.: Эль-Борджъ, Фортъ, (prov. Алжиръ и Орань), Борджъ-эль-Бабъ, Замокъ у Воротъ (o. Джерба); Борджъ-Джедидъ, Новый Фортъ (Тунисъ); Борджъ-эль-Ахмаръ, Красный Замокъ (Алж.).

Бриджъ, Бриджса. Эль-Бриджа, крѣпостца, или Мазаганъ (Марокко).

Бу, сокращеніе слова *Абу*, отецъ. Прим.: Бу-Курнеинъ, Двурогій Отецъ (Тунисъ); Бу-Джемаа (близъ Боны), мѣсто соединенія водъ, сливіе: Бу-Гадиръ, отецъ Зелени (Кирена). Въ обыкновенной номенклатурѣ слово *бу* есть приставка, указывающая положеніе, форму, сходство, аналогію, свойства, владѣніе и т. д. (Шербон, Ламберъ). Прим.: Бу-Зареа (Бузареа), мѣсто хлѣбородное (окрестн. Алжира). Буфарикъ, мѣсто скороспѣлой пшеницы (Алжир. окр.); уездъ-бу-Мерзугъ, рѣка Богатства (Констант.); Бу-Гаръ (Богаръ), мѣсто Пещеры (prov. Алжиръ).

Г.

Габа, лѣсь.—Уменьш. Гуiba. Прим.: Гуiba (окр. Алж.), Лѣсокъ (Ламберъ).

Гамада или хамада, безводное, пустынное

плато; каменистая равнина, безъ растительности. Прим.: Гамада - эль-Хомра, Красное плато (Триполи); Гамада-эль-Кебиръ, Большое плато (Сахара), эль-Гамада, Спаленная равнина (Блида).

Гара, гаратъ (множ. *Гура*), уединенный бугоръ въ Сахарск. равнинахъ. Гарать - этъ-Тиуръ, Птичій бугоръ.

Гараа, гераа, ложбина прудъ. Прим.: Гараа-эль-Фецира, прудъ Расѣлинъ (Джерида, Тунисъ); Герааль-Малехъ, Соляной прудъ; Гераатъ-эль-Гаутъ, Рыбный прудъ (Ла-Калле).—Уменьшит.: *Герейа*. Прим. Герейа-эль-Гарбия, Западный прудокъ (Шербоно).

Гарби, западный. Шоттъ-эль-Гарби, Западное Солиное озеро (Марокко); Уадъ-эль-Гарби, Западная рѣка (Сахара).

Гаріа, крѣпость. Гаріа эль-Шеркія, Восточ. крѣпость; Гаріа-эль-Гарбія, Западн. крѣпость (Триполи).

Гаръ (множ. гиранъ), пещера, гротъ, яма. Прим.: Гаръ-эль-Машукъ гротъ Любовника (Тунисъ); Гаръ-Себара-Регудъ, пещера Семи Спящихъ отроковъ.

Гасси, твердая почва, узкая долина, проходъ между дюнами (Фуро).

Гебли, южный. Прим.: Уэдъ-Гебли, Южная рѣка (Констант.).

Гедиръ, Р'диръ, на плоскогорьяхъ и въ Сахарѣ, колодезь бровень съ землей; яма, наполненная водой; невысыхающая лужа. Гедиръ-эль-Мезрагъ, лужа Кошы.

Гельта, гельтатъ (множ. гельтъ), лужа, прудъ. Прим.: Гельтатъ-эль-Гаутъ, Рыбная лужа (Алжирія); Гельтатъ-эль-Бенда, Бѣлая лужа (тамъ же).—Уменьшит.: *Гулешита*.

Гернуръ, журчаніе, шумъ.—Уэдъ-Гернуръ, между Боной и Сетифомъ. Журчащая рѣка.

Горнъ, Горнъ и Корнъ, остроконечная вершина, пикъ (Шербон). Прим.: Горнъ-Бенъ-Абдъ-эль-Кадеръ, пикъ Бенъ-Абдъ-эль-Кадера; Горнъ-Ахмаръ, Красная вершина (Ауресъ).

Геттаръ, Геттаръ, Геттара, медленно текущій источникъ, просачивание воды. Аинъ-эль-Геттаръ, Сочающейся источникъ (южн. Алж.); Эль-Геттара, Струйка (Сахара).

Глоуи, круглой.—Тизи-н'Глоуи, Круглой проходъ (Марокко).

Голаа, Галаа, Гелаа.—См. *Кала*.

Гурдъ, дюна. — Гурдъ-эсъ-Сба, Львиная дюна (Триполи); Гурдъ-Менфруда, Уединенная дюна (близъ Гадамеса).

Д.

Даръ (множ. *Діаръ* и *Діуръ*), домъ, помѣщеніе, станція. Прим.: Даръ-эль-Бенда, Бѣлый Домъ или Казабланка (Марокко);—Даръ-эль-Хаджаджъ, станція Пилигримъ (Алж.); Даръ-Демана, Мѣсто убѣжища, имя Уэцава

(Марокко).—Другое значение: страна. Дарь-эль-Магребъ, страна Запада, Марокко.—Уменьшит.: *Дуира*.

Дуэра. Прим.: Дуэра (окрест Алжира), Домикъ.

Дайя, или лучше дхайя (Ламберъ), низина съ песчанымъ дномъ, лощина, прудъ, лужа. Прим.: Дайя-эль-Хамра. Красная лощина (Алжир.); Дайетъ-эръ Ремель, лужа въ пескѣ (Сахара).—Уменьш.: *Дуайя*, лужица въ пескахъ (Пармантъе).

Джебель, гора. Прим.: Джебель Гурланъ, гора съ пещерами (Триполи); Джебель-эль-Хадидъ, Желѣзная гора (Марокко); Джебель-эсъ-Сахра, Скалистая гора (Алжир.), Джебель Ахдаръ, Зеленая гора (Киренаика).—Уменьш.: *Джебила*, Малая гора (Оранъ).

Джедидъ, новый. Прим.: Фецъ-эръ Джедидъ, Новый Фецъ (Марокко); Бабъ-эръ-Джедидъ, Новые Ворота (Констант.).—Женск. форма: *Джедида*. Прим.: эръ-Джедида, Новая (Алж.); Тамерна Джедида, Новая Тамерна (Уэдъ-Ригъ).

Джезира, *Джезиратъ*, *Джезиретъ* (множ. *Джеззаиръ*), островъ, островокъ, полуостровъ. Прим.: Джезиратъ-эръ-Магребъ, островъ Запада. Слово *Алжиръ* произведено отъ *Аль-Джезира*, островки.—Другія формы: *Джиретъ*, *дзиаръ*.

Джема, *джема*, *джама*, собраніе, также мечеть (место собранія) и пятница (день собранія въ мечети). Прим.: Джемаа-эсъ-Сахриджъ, собраніе бассейновъ (Кабилія); Джема-энъ-Нахла, мечеть Пальмы; Сукъ-эръ-Джема, Пятничный рынокъ (Тунисъ).—Другое значение: школа (Шербон). Джаманъ-Таддартъ, школа Деревни.

Джемель, красивый.—Уменьш.: Джемила (Констант.), Красотка.

Джефна, скала. Аль-Джифна, жете въ Алж. портѣ (Ламберъ).

Джунъ, бухта, заливъ.—Мерсъ-эръ-Джунъ, портъ Залива (Констант.); Джунъ-эръ-Кебрить, Сѣверная бухта (Большой сиртъ).

Джурджура, журчанье воды (Казимирийский, Ламберъ). Имя «Джурджура» не значить ли «гора съ водопадами»?

Дира, гора въ пров. Алжиръ, «Монастыри» (Ламберъ).

Драа, *Дра*, рукавъ, также косогоръ, длинный холмъ Дра-эръ-Мизанъ, рукавъ Вѣсовъ (Кабилія); Дра-аль-Барудъ, холмъ Пыли (тамъ же).

Дуаръ, кругъ шатровъ, становище кочевниковъ. Прим.: Дуаръ-Масифъ, Лѣтнее становище (Ходна); Дуаръ-ашъ-Шоттъ, деревня на озерахъ (Тунисъ).

Дхаръ, *дахръ*, *дахаръ*, хребетъ, горный скатъ. Дхаръ-эръ-Ахмаръ, Красный скатъ (Алжир.).—Производ.: *Дигра*, *Дахара*, пикъ остроконечная вершина (Ламберъ). Прим.:

Дахра, горы Алжиріи. Вообще имя этихъ горъ объясняютъ въ смыслѣ «Страна Сѣвера».

3.

Зарайя, имѣющій нѣжный зеленый цветъ (Ламберъ). Зерайя (Малая Кабилія).

Зауда, *заудетъ*, духовное училище, монастырь. Прим.: Зауда-Сиди-Даутъ (Тунисъ); Зауда-эръ-Истать, Монастырь Чистоты (оз. Куфра).

Земля, *землетъ* (множ. *земуль*), продолговатая дюна, въ формѣ хребта осла (Шербон).—Землетъ-эръ-Земута, Пестрая дюна (Триполи).—Уменьш.: *Земила*, маленькая дюна.

Зерга.—См. *АЗРЕГЪ*.

Зерзуръ, скворецъ (Ламберъ).—Зеризерь (близъ Боны), Скворцы.

Зерби, *Зеритетъ*, производи. отъ *Зерби*, изгородь (Пармантъе). Огороженное место, куда загоняютъ скотъ на ночь. Прим.: Зеритетъ-эръ-Уэдъ, ограда Рѣки (восточ. Забъ).

Змала (множ. *зумуль*), станъ, становище племени или шейха.

К.

Калаа, *Калатъ*, крѣпкій замокъ, въ обширномъ смыслѣ — естественная крѣпость. Прим.: Калаа (Оранъ); Калаа-эсъ-Сенамъ, замокъ Идоловъ (Тунисъ).—Другія формы: *Галла*, *Гела*.—Уменьш.: *Голеа* (Пармантъе). Эль-Голеа, крѣпостца (Сахара).

Кантара, *кантаретъ*, *кантра*, *гантра*, *гентра*, мостъ. Прим.: Эль-Кантара, Мостъ (Конст.); Бордъ-эръ-Кантара, замокъ у Моста (о. Джерба).

Каруба, *харубба*, рожковое дерево.—Каруба, деревня въ Дахрѣ.

Касба, *Касбатъ*, замокъ, цитадель, крѣпость.—Касба-эръ-Кедима, Старая крѣпость (Марокко); Касбатъ-эръ-Хамра, Красный замокъ (Констант.).

Касръ (множ. *Кесуръ*), замокъ, дворецъ, укрѣпленный бургъ. Прим.: Касръ-эръ-Сериръ, Малый Замокъ; Касръ-эръ-Кебиръ, Больш. Замокъ (Марокко); Касръ-эръ-Джебель, Замокъ Горы (Триполи).—Другая форма: *Касра*. Касръ-Абуамъ, мѣстечко Абуама (Тифлельтъ); Касръ-Меллуль, Бѣлый фортъ (Константин.)—Искаженное производн.: *Ксеръ*, *ксоръ*. Эль-Ксеръ, укрѣп. пость (Констант.).

Кебиръ, *кебиръ* (женск. *Кебира*), большой. Уэдъ-эръ-Кебиръ, Большая рѣка; Шоттъ-эръ-Кебиръ, Большое Соляное озеро (Тунисъ); Расъ-эръ-Кебиръ, Большой Мысъ (Констант.).

Кедимъ, старый, древний.—Мединеть-эль-Кедимъ, Старый городъ (Триполи).

Кефъ, кафъ (множ. *кифанъ*), скала, пикъ—Эль-Кефъ (Тунись); Кефъ-эль-Гераа, Скала озера (Гадамесь); Борджъ-эль-Кифанъ, Крѣость на скалахъ (мысъ Матифу).

Кнатиръ, аркады или водопроводъ. Расть-эль-Кнатиръ, голова Аркадъ, арабск. имя мыса Каксинъ, близъ Алжира.—Другая форма: *Генатеръ*. Эль-Генатеръ, Аркады (зап. Сахара).

Кубба (множ. Кубабъ или Кибабъ), куполь, мавзолей въ формѣ купола—Эль-Кубба (близъ Алжира); Биръ-Эль-Кубба, колодезь Мавзолея (Триполи). Бербер. формы: *Куббетъ*, *Акбу*.

Кудіа, Кудіатъ, высота, холмъ. Кудіатъ-Батталь, Невоздѣланный холмъ (Шербоно).

М.

Ма (множ. *Міахъ* и *Аміа*), вода. Прим.: Ма-эль-Абіадъ, Бѣлая вода; Ма-эль-Ферсъ, Вода коня (Оранъ); Мазафранъ, Желтая вода (prov. Алжиръ).—Производн.: *Мун*, *Муіа*, *Муйя*, «водный пунктъ», колодезь (Шербоно); *Мун-Анса*, колодезь Анса.

Мааскаръ, лагерь.—Производн.: Маскара; по-франц. *Cartres*.

Мабрукъ, благословенный. Сиди-Мабрукъ (Близъ Констант.).

Магалла, розыхъ привалъ. Эль-Магалла (Алжир.).

Магребъ, Западъ. Арабское название всей съверной Африки къ западу отъ Египта. Прим.: Магребъ-эль-Адна, ближній Западъ, т. е. Триполи и Тувись; Магребъ-эль-Акса, дальний Западъ, или Марокко; Магребъ-эль-Усть, Средній Западъ или Алжирія.

Мафрагъ, раздѣленная Мафрагъ, близъ Боны, рѣка Сліяній.

Маизъ (множ. *Маза*), козы (Шербоно).—Джебель-эль-Маизъ, Козья гора (о. Фигигъ).—Уменыш. *Маиза*, козочка. Уэдъ-эль-Маиза, рѣка Козочки.

Макта, Мокта, каменоломня, рудникъ, конц. Макта-эль-Хадидъ, Желѣзный рудникъ (Констант.).—Другое значение: бродъ (Шербоно). Макта-эль-Усть, Средній бродъ (Лагутъ).

Малехъ, Мелехъ, Мелахъ (правильно *Мильхъ*), соль Шоттъ-эль-Малехъ, Соляная лагуна (Южн. Оранъ).—Прилагат. форма: *Малехъ*, Уэдъ-Малехъ, Соляной ручей (Алж.).—Производн.: *Маллаха, Меллаха*. Маллаха-Ламта, салина Ламта (Тунись).

Мансура, побѣдоносная. Мансура, близъ Тлемсена.

Марса, Мерса, Мерсъ, портъ, гавань, бухта. Прим.: Эль-Марса, портъ (Тунись); Марсъ-эль-Харразъ, или Ла-Калле, Портъ съ корал-

ловыми брелоками (Ламберъ); Мерсъ-эль-Кебиръ, Большой портъ (Оранъ).

Матморъ (множ. *Матамиръ*), силостъ, житница (Ламберъ). Матаморъ, кварталъ въ Мостаганемѣ.

Меджазъ, Меджезъ, бродъ (Шербоно). Меджазъ-эль-Ахмаръ, Красный бродъ (Констант.); Меджазъ-эль-Бабъ, бродъ у Воротъ.

Медина, Мединетъ (множ. *Модонъ*), городъ. Прим.: Медина (prov. Констант.); Мединеть-эль-Султанъ, Султанский городъ (Триполи).—Другое значение: нора, логовище (Шербоно). Мединеть-эль-Конфудъ, Нора ежа.

Мезаръ, Мезара, святыня, мѣсто паломничества. Прим.: Мезарь (Тун.), Мезара (Ауресъ); Мезаратъ-эль-Хаджаждъ, святыня пилигримовъ.

Мердеръ (множ. *Мерадеръ*), лужа, болото, топъ (Шербоно). Мердеръ-эль-Хадемъ, лужа Негритянки.

Мерджъ (множ. *Моруджъ*), лугъ, пажить (Шербоно). Мерджъ-эль-Аса, Лугъ посоха; Мерджъ-эль-Зитъ, Масляный лугъ.—Другая форма: *Мерджа, Мерджетъ*. Мерджетъ-эль-Кала, Крѣпостной лугъ.—Уменыш.: *Мериджъ, Мериджа* (prov. Оранъ и Констант.).

Мешера, дорога къ водою, бродъ, проходъ. Мешератъ-эль-Ниса, Женский бродъ.—Вѣроятное уменыш. *Мешеріа* (Шербоно).

Мешта, зимнія квартиры, зимовка. Мештазъ-Арби, зимовьеnomada (Констант.); Мештазъ-эль-Кибра, Большое зимовье (близъ Умъ-Герингешъ).

Милана, наполненная. Прим.: Милана, близъ Алжира, Обильная водой (Ламберъ).

Митиджа, Увѣнчанная, вѣроятно въ смыслѣ Окруженная горами (Ламберъ).

Мсидъ, мѣсто, изобилующее дичью, паркъ для охоты (Шербоно).—Джебель-Мсидъ, Гора богатая дичью (Констант.).

Музайя, наводненная, залитая (Ламберъ). Музайя, близъ Медеи,—можетъ быть называна такъ отъ ручьевъ, разливающихся въ долинѣ.

Н.

Надоръ, надхоръ, сторожевая башня.—Прим.: эль-Надоръ (имя многихъ горъ въ Алжиріи); Уэдъ-энъ-Надоръ, рѣка Сторожевой башни.—Другія формы: *Надерь, Надуръ*.

Намусъ, москитъ.—Уэдъ-энъ-Намусъ, рѣка Москитовъ, притокъ Шелифа.

Нахла (множ. *Нахалъ*) пальма, пальмовый лѣсъ.—Энъ-Нахла, Пальма (Констант.); Бу-Нахаль, Пальмовый лѣсъ.—Уменыш.: Энъ-Нохаила, Маленькая Пальма (юж. Оранъ).

Нахръ, потокъ, рѣка. Прим.: Нахръ-эль-Хайать, Змѣиная рѣка; Нахръ-эль-Раба, Лѣсная рѣка.—Производн.: *Нахреинъ*. Диѣ рѣки.

Небка, песчаная мѣстность; называнѣе, упо-

требляемое въ Сахарѣ. Прим.: Бабъ-энъ-Небка, Ворота Песковъ (Лагаутъ).

Незаа, *Нза*, курганъ изъ камней, набросанныхъ въ мѣстѣ, гдѣ была пролита человѣческая кровь. Прим.: Незаа-эль-Усифъ, курганъ Негра (Уэдъ-Джедди).

P.

Расъ (множ. *Русъ*), голова, мысъ, источникъ. Прим.: Расть-аль-Хадидъ, Желѣзный мысъ; Расть-аль-Хамра, Красный мысъ (Констант.); Расть-аль-Мелахъ, Соляной мысъ (Киренака); Расть-аль-Ма, голова, начало Воды (Орань и Констант.), Себа-Русъ, Семь мысовъ (Константина).

Рахель, мѣсто отъѣзда (Ламберъ). Прим.: Эръ Рахель, дер. близъ Аинъ-Темушента.

Регъ (Сахара), почва, состоящая изъ песку и гравія и вообще очень изменная.

Ремель, *Румель*, песокъ. Ремель-эръ-Абюдъ, Бѣлый песокъ (Сахара); Ругибъ-эръ-Ремель, Песчаный холмъ (тамъ же), Уэдъ-эръ-Ремель, Песчаная рѣка (Констант.) — Производы: *Ремла* (*Ремля*), дюна Ремли-эль-Кебира, Большая дюна (Сахара).

Ркика, мелкий. Уэдъ-Бу-Ркика, близъ Шершеля, Маленькая рѣка (Ламберъ).

Рокніа, уголь, колѣно. Прим.: Рокніа, близъ Гельмы.

Румъ, *Руми*, римляне, и въ обширномъ смыслѣ вообще христіане. Прим.: Хаджаръ-эръ-Румъ, Римскія развалины (Тлемсенъ); Сакіеть-эръ-Румъ, Римскій водопроводъ. — Женск. форма: *Руміа*; Кеберь-эръ-Руміа, Могила Христіанки (пров. Алжиръ).

C.

Сада, счастье. Прим.: Бу-Сада, мѣсто Счастья (prov. Алжиръ); Борджъ-Сада, Счастливый Замокъ (Константина); Саїда, Счастливая (Оранъ).

Саїа, *Саїетъ*, *Сакіетъ*, ручей, потокъ, *асен-гюїа* по-испански. Прим.: Саїеть-аль-Хамра, Красный потокъ (Сахара).

Саханъ, котловина, впадина, долина (Пармантье). Прим.: Саханъ-эль-Кельбъ, Собачья лощина (Сахара); Саханъ-эль-Херецъ, Жемчужная долина.

Сахара, обширная равнина, безъ растительности (Дюверье).

Сахель, берегъ, побережье. Алжирск. Сахель, горы прибрежья Сахель, западная Сахара.

Себха, озерная впадина, соляная лагуна. Прим.: Себха-эль-Мелахъ, Соляное озеро (Тунисъ); Себха-энъ-Нама, Страусовая лагуна (Алжирія); Себха Зерга, Синяя лагуна (тамъ же).

Сениз, зубъ, острогонечная вершина Сенъ-эль-Лебба, зубъ Львицы (гора въ Алжиріи).

Сериръ, малый. Прим.: Касръ-эль-Сериръ, Малый замокъ (Марокко).

Сий, господинъ. Прим.: Сиди-бель-Аббесъ (Оранъ); Сиди-Феррюшъ или Сиди-Фереджъ (Алжир.); Сиди-Даудъ (Тунисъ); Сиди-Нафедъ (Сахара). — Уменьшит. форма: *Си*, аналогичная французск. *Sieur*. Прим.: Си-Али; Аинъ-си-Шерифъ (Мостаганемъ).

Сифъ, сабля; длинная дюна съ гребнемъ въ формѣ сабельнаго клинка. Прим.: Сифъ-эксъ-Солтанъ, сабля Султана (на дорогѣ изъ Эль-Уэда). — Множ. *Сиффъ*.

Стора, скрытая (Ламберъ). — Стора близъ Филипвилля.

Сукъ, рынокъ и базарь. Прим.: Сукъ-эль-Арба, Середовой рынокъ (Кабилія и Тунисъ), Сукъ-эль-Хадъ, Воскресный рынокъ (Марокко и Алжиръ) — Уменьш. *Суика*. Бабъ-Суика, ворота Малаго рынка.

Сума (множ. *Суама*), минаретъ, башня, башенка. Прим.: Сума (Алж. и Констант.); Суама, Башни (Кабилія).

Суръ, стѣна ограды, валъ. Суръ-эль-Гозланъ, валъ Газелей (арабское имя города Омаль).

T.

Табіа, огороженное мѣсто (Ламберъ). Табіа, близъ Сиди-бель-Аббесъ.

Тарфъ, оконечность, мысъ Эль-Тарфъ (Констант.); Джебель-Тарфъ, гора Мыса (Оранъ); Тарфъ-эшъ-Шакръ, имя мыса Спартель; въ Испаніи, Трафальгаръ или Тарфъ-эль-Гаръ, мысъ Пещеры (дела-Примоде).

Тахтани, нижний Арба-аль-Тахтани, Нижняя Арба (Жеривиль).

Таїбъ, добрый, женск. *Таїба*. Прим.: Аинъ-Таїба, Добрый ключъ (Алжирск. Сахара).

Тель (*Телъ*), холмъ, горка, возвышенная страна, въ противоположность Сахарѣ. Въ Алжиріи, плодородная область въ противоположность пустынѣ.

Теніа, *Теніетъ*, горный проходъ, ущелье. Прим.: Теніеть-аль-Хадъ, Воскресный проходъ (Алж.); Теніеть-аль-Хамра, Красный проходъ (близъ Фигига).

Трикъ, дорога. Борджъ-эль-Трикъ, замокъ Дороги (о. Джерба); Аинъ-Трикъ, вода Дороги (окр. Сетифъ).

У.

Уади, *уадъ* (множ. *Уиданъ*), рѣка, ручей, пересохшее русло потока, также впадина, разсыпь, ровъ, долина. Прим.: Уади-эшъ Шегга, ручей Треции (Тунисъ); Уади-эшъ Шерки, Восточн. долина (Фецданъ). Другая форма: Уэдъ. Прим.: Уэдъ-Шелифъ, рѣка Шелифъ.

(Алж.); Уэль-эль-Абайдъ, Бѣлая рука (Констант.); Уэдъ-эль-Мелахъ, Соляной ручей (шоттъэль-Ходна).—Простонародн. множеств.: *Удіан* (Шербоно). Удіанъ эль-Кебарь, Большая Долина (Алж.).

Умъ, *Умъ*, мать. Прим.: Умъ-эть-Тебуль, мать Шлаковъ (Констант.); Умъ-эръ-Рбіа, рѣка Травъ (Марокко).—Въ топографіи тоже значеніе, что и *бу* (отецъ). Прим.: Умъ-эдъ-Діабъ, сборное мѣсто Шакаловъ (Констант.); Умъ-эль-Абаръ, группа Колодцевъ (Констант.), Умъ-ашъ-Шукъ, мѣсто, наполненное терновникомъ или кустарникомъ (во Франціи: *Erinau*, *Buissonniere*); Умъ-эль-Кумъ, группа Горокъ.

Устъ, средина, центръ. Прим.: Джебель-Усть; гора Центра (Алж.); Хенширъ-эль-Усть, раввальина Средины (Тунись).—Придат. форма: *Устани*, центральный, средний. Ксаръ-эль-Устани, Центральный замокъ.

Ута, плоская страна, однообразная равнина (Алжирія). Прим.: Ута-эль-Андалузъ, равнина Андалузцевъ.—Производ.: *Утайя*. Эль-Утайя, большая Равнина.—Другая форма: *Утиа*. Беладъ-эль-Утиа; поле въ видѣ равнины; Утиатъ-эль-Гази, равнина Мародеровъ (Шербоно).

Ф.

Феджъ (множ. *Феджуджъ*), горный проходъ, ущелье, дефилей. Прим.: Феджъ-Бенда, Бѣлый проходъ (Алж.); Феджуджъ, дефилей (тамъ же).—Въ Сахарѣ: *Фейджъ* (Пармантье), проходъ или узкая долина между дюнами Фейджъ-Бенда, Бѣлая долина.—Другая форма: *Фейже*, долина между Анти-Атласомъ и Бани. Фигигъ происходит, вѣроятно, отъ того же корня (Ламберъ).

Фогара, *Фогара*, *Фогаратъ*, *Фогаретъ*, колодезь съ галлереями. Фогаретъ-эль-Арабъ, Фогаратъ Арабовъ (Сахара).—Множ.: *Фенимиръ*.

Фондука, каравансарай, гостиница. Прим.: Фондукъ, близъ Алжира.

Фортаса. (Оранія), паршивая (Ламберъ).—Джебель Фортасъ (prov. Алжиръ).

Фумъ, устье, входъ, выходъ, дефилей. Прим.: Фумъ-эль-Феджъ, входъ въ горный проходъ; Фумъ-эсъ-Сахара, входъ въ Сахару (Констант.); Фумъ-эль-Уэдъ, устье рѣки (Тунись).

Х.

Хаджаръ, камень, скала. Прим.: Эль-Хаджаръ, арабск. имя Бизота (Констант.); Хаджаръ-эръ-Румъ, Римскіе камни; Хасси-эль-Хаджаръ, колодезь Камней (Сахара).

Халлуфъ, кабанъ. Джебель Халлуфа, гора Кабановъ (Конст.); уэдъ-эль-Халлуфтъ, рѣка Кабана, близъ Фигига.

Халькъ, горло, узкий проливъ. Халькъ-эль-Уэдъ, тѣсниза Рѣки (Лагулетъ).

Хамма, горячій ключъ. Во Франціи *Еаих-Чандес*, *Chaudes-Aigues*. Эль-Хамма (Тунись, Алж., Констант.).—Хаммамъ (множ. *Хаммаматъ*), ванны, горячій источникъ, термы Хаммамъ-эль-Месхутинъ, купальня Проклятыхъ (Констант.); эль-Хаммамъ Фухани, Верхняя термы (о. Фигигъ).

Ханъ, также *хенегъ*, ущелье, горный проходъ, оврагъ. Ханъ-эль-Мелахъ, Соляное ущелье (гора Сахары).—Женск. форма: *Ханія*, *Ханіетъ*. Хангетъ-эль-Хаджаръ, Каменный дефилей. Уменьш.: *Хонечъ*, маленькое ущелье (Шербоно).

Ханутъ, множ. *Хауанутъ*, лавки, гробницы. Ханутъ-эръ-Рокніа, близъ Гельмы.

Харба, *херба*, *харбетъ* (множ. *Хорубъ*, *Хрубъ*), домишко, зданіе въ развалинахъ. Прим.: Эль-Харба (Оранъ); Херба (окр. Милана), Харбетъ-Зерга, Синяя развалины (Констант.).—Уменьшит.: *Херібъ*, маленькое развалина.

Х'ратта, *Каррата*, рѣтвина, оврагъ. Прим.: Каррата, при входѣ въ Шабетъ-эль-Акра (Кабилія): слово, передѣланное кабилами въ *тажерратъ*.

Харрашъ, слѣды, неровная поверхность (Ламберъ). Эль-Харрашъ, арабск. имя м. Мезонъ-Карре, близъ Алжира.

Харрушъ, кустарникъ. Эль-Харрушъ, близъ Константины.

Хасси (множ. *Хассіанъ*), колодезь, вырытый въ пескѣ. Прим.: Эль-Хасси, колодезь (Констант.); Хасси-эль-Мелахъ, Соляной колодезь; Хасси-Земля, колодезь дюнъ.

Хаушъ, ферма. Хаушъ-Бу-Кандура, ферма Бу-Кандура (Алж.); Хаушъ-Смары, ферма Ди-каго Теріа.

Хиснъ, редутъ, валъ, крѣпость. Эль-Хиснъ, Редутъ (Гадамесь).

Ходна, охапка, беремя, имя плато и шотта (пров. Констант.).

Хофра, *хофратъ*, впадина, копань, ровъ, яма (Шербоно). Прим.: Хофра, «Владина», имя оазиса Мурзукъ; Хофрать-эль-Биръ, яма Колодца; Хофреть-эль-Борджъ, ровъ Крѣпости (Алж.).

III.

Шаба, *шабетъ* (множ. *Шаббъ*) оврагъ, ущелье. Эшъ-Шааба-Хамра, Красный оврагъ.—Другая форма: *Шачба* (Ламберъ). Прим.: Эшъ-Шааба, Рытвины (Маджанта).—Въ Триполи: пропасть изверженія, окруженнная потоками лавы; Шабетъ эль-Ашера, близъ Джебель-Гурана.

Шаребъ (множ. *Шуарифъ*), гребень (Шербоно). Прим.: Шаребъ-эръ-Ригъ, гребень вѣтра (Оранъ).

Шарфъ, Шерфъ, Шарефъ, оголенное пространство (Ламберъ). Прим.: Уэдъ-Шарфъ (Марокко), голая долина; Шарефъ, городъ Тута.

Шебка, шебкетъ, сѣть; сѣть холмовъ или дюнъ (Шербоно). Шебка-Бени-Мзабъ, скалистая сѣть Мзаба.

Шерти (множ. *Шерана*), восточный. Шоттъ-эль-Шерги, Восточный шоттъ.

Шершаръ, каскадъ. Джебель, лежацій къ в. отъ Ауреса, называется джебель Шешаръ, гора Камней, или, можетъ-быть, джебель Шершаръ, гора Каскадовъ.

Шифра, рѣка въ Алжиріи «все вышивающая», по Казимирускому.

Шоттъ (множ. *Штуэтъ, Шотутъ*), берегъ; соляное озеро, лѣтомъ пересыхающее. Прим.: Шоттъ-эль-Джеридъ, озеро Пальмъ (Тунись); Шоттъ-эль-Бенда, Бѣлый шоттъ (Конст.); Шоттъ-эль-Тигри, шоттъ Посѣва (Морокко), по Ламберу.

Э.

Эрисъ, равнина на югъ отъ Маскарь; производн. отъ *Герисъ*, стада, плантаций (Ламберъ).

БЕРБЕРСКІЯ СЛОВА.

А.

Агадиръ (множ. *Игадиренъ, Иударъ*), скала, крѣпость, стѣна. Прим.: Агадиръ, прежнее имя Тлемсена; Агадиръ-не-Ириръ, валь Мыса (Уэдъ-Сусъ).

Агезеръ, рѣка (Бернаръ). Женск. форма: *Тегазертъ*. Прим.: Тегазертъ, рѣка южн. склона Ахагара.

Агеладъ, дефилей (Дюверье). Агеладъ. Продъ (земля Рать).

Агемунъ, бугоръ, холмъ Агемунъ-Иземъ, холмъ Льва (Кабилія).—Женск. форма: *Таїемунтъ*, горка (Кабилія).

Агеръ-Саффенъ, междурѣчье, имя аналогичное Месопотаміи или франц. Entrailles, Entre-deux-Eaux, Entre-deux-Mers, Entre-deux-Esteys Frame-zaignes.

Агульминъ, лужа, болото. Огульминъ гл. гор. Уада Нуинъ.

Адехи (множ. Эдейненъ) дюна, Эдейенъ, страна дюнъ (Фецианъ).

Адраръ (множ. *Идраренъ*), гора. Адраръ, Гора (Тафилельть и земля туареговъ). Другія формы: *Адагъ, Адераръ, Адереръ* (Сахара)—Женск. форма: *Тедрагетъ*. Прим.: Тетрагедъ, Гора (Констант.).

Айтъ, люди, племя, потомство, родъ. Айтъ-б'Удтаръ, люди горы, горцы.—Другая форма: *Атъ*. Въ Марокко, Ида, во множ. *Иданъ, Адуи, Дуи* (Рену). Прим.: Дуи-Меніа, Дуи-Беллалъ (Юж. Марокко).

Акбу, берберск. форма слова *Кубба*. Прим.: Акбу (городъ въ Кабиліи).

Акфаду, гребень Вѣтра.

Альма, лугъ (Шербоно).

Аманъ, вода, ключъ. Аманъ-Имеллулгинъ, Бѣлыя Воды (Кабилія).

Амаесинъ, мѣсто, гдѣ есть вода (Ламберъ). Женск. форма: *Темаесинъ*. Прим.: Темаесинъ (алж. Сахара).

Асифъ (множ. *Саффенъ*), рѣка (Баборъ).

Ауриръ, пригородъ, холмъ. Ауриръ-энъ-Амеръ, холмъ Амеръ.—Женск. форма: *Тауриртъ*, круглая гора, плато.

Ацибъ или *изибъ*, хижина; ферма или паркъ для скота (Шербоно). Ацибъ - Шаферъ, хижина Скалы (Алж.).

Аиру, скала Апру-Гуганъ, скала Быковъ (Шербоно).

Б.

Баланъ, плоскіе камни, плиты, по инверсіи *таблатъ*. Прим.: Таблатъ (пров. Алжиръ).

Батенъ, хребетъ (Дюверье). Прим.: Батенъ-Агонеть (земля туареговъ).—Въ другихъ мѣстахъ, Батенъ означаетъ впадину, низину, какъ франц. слово *coline*, которое въ Пиренеяхъ значить «долина, спускъ съ горного прохода».

Бу-Адда, нижній. Таддертъ-бу-Адда, Нижній домъ (Кабилія).

Г.

Генширъ (множ. *Генаширъ*), развалина, слѣды. Генширъ-эль-Абайръ, развалины Колодцевъ (Констант.). Генширъ-Селекта, развалины Силлектума (Тунисъ).

Гумтъ, деревня, кварталъ. Гумтъ-Сукъ. Торговый кварталъ (о. Джерба).

Д.

Деренъ, гора. Прим.: Деренъ, Атласъ, Идраръ и' Деренъ, Гора Горъ (Фуко)

З.

Земмуръ, масличная роща. При м.: Земмора или Замора (Кабилія); Азэммуръ (Марокко).

И.

Игиди, дюны. Прим.: Игиди, дюны на западѣ Сауры.

Ииль, бугоръ. Имя Релизана произошло отъ Игиль-Изанъ, холмъ Мухъ (Ламберъ).

Иделлесъ, женск. форма *Теделлесь*, растеніе дисъ (Ламберъ). Прим.: Деллисъ (Алж.). Иделлесь (земля туареговъ).

Ифри, отъ глагола *тифферъ*, укрывать, пріютить. Гротъ, пещера (Шербоно). Феджъ-Ифри, дефилей Пещеры; Ифри-и' Тергунъ, Гротъ Фей.

Ишъ, рогъ, карнизъ, вершина (Шербоно). Прим.: Ишъ (Юж. Оранъ); Ишъ-аль-Гумъ, вершина Гумъ; Ишъ-Иллефъ, Кабаній карнизъ (Кабілія).

Л.

Лалла или *Лелла*, дама, госпожа. Лалла-Хедиджа, госпожа Хедиджа (Джурджура). Это слово въ кабильской терминологии имѣть смыслъ *святой*.

М.

Мадеръ, равнина, пажитъ. Мадеръ-аль-Фердъ, Пажитъ Быка.

Мезита, *Мезида*, *Тимезида*, берберск. формы арабск. слова Мезджедъ, Мечеть (декастри). Мезита, оазисъ на ѿдѣ Драа.

О.

Огла, *Оглатъ*, колодезь или ключь на пескѣ. Прим.: Эль-Огла, Колодцы (Алж.), Оглатъ-аль-Джелиба, колодцы Газелей (Эль-Олеа), Оглатъ-эсъ-Сба, колодезь Льва.—Другая форма: *Агу*, Прим.: Агу, Колодцы (Марокко).

С.

Сегаръ, роющій. Уадъ Сеггаръ рѣка, размывающая пески (Трюмелѣ).

Суфъ, рѣка (Тиссо). Прим.: р. Суфъ (алж. Сахара).

Т.

Тадрартъ, гора. Прим.: Тедерартъ, разрушенный городѣ на в. Рата (Дюверье).

Тазультъ, колючій дрокъ. Прим.: Тазультъ, берберск. имя Ламбезы.

Такитунъ, берберск. форма и арабск. слова Катунъ, палатки (Ламберъ). Такитунъ (Баборъ), Пикъ Шатра.

Тала, ключь, фонтанъ. Тала-Хиба, ключь Опасности (Кабілія); Тала Хадидъ. Желѣзный фонтанъ (Кереттъ, Шербоно).

Тама, *таменъ*, сторона (Кареттъ). Примъч.: Таментитъ, сторона Титта (оазисъ Туатъ). *Таментъ*, правая. Прим.: Таментафусъ или Матунфу, мысъ Правой руки, къ в. отъ Алжира (Ламберъ).

Тамазиртъ (множ. *Тамизартъ*), поле. Тамазиртъ, деревня близъ Націон. Форта; Тимиазарь Лербаръ, Удобрённые поля (Шербоно).

Тамгуль, пикъ. Тамгуль въ Азеффунѣ (Кабілія).

Танезруфтъ, *Танеззуфтъ*, каменистое плато, гамада. Прим.: Танеззуфтъ, на с. отъ Рата (Дюверье), Танезруфтъ, плато въ зап. Сахарѣ.

Тархитъ, тѣснина (Маскерѣ). Тархитъ-аль-Траниминъ, тѣснина Камышей (Ауресъ).

Тассили, плоскогорье (Дюверье).

Тауриртъ, горка, холмъ. Тауриртъ-аль-Араба, горка Среды; Тауриртъ-энъ-Тезги, горка Лѣса; Тауриртъ-энъ-Хаджаждъ, холмъ Пили-Гримошъ (Шербоно, Кареттъ).

Тигемми (множ. Тегумма), имѣніе, отчина, собственность (Шербоно). Тигемми -у-Фелла, Верхнее имѣніе.

Тигертъ, небольшое поле, *Тигертъ-энъ-Тела*, поле у Фонтана.

Тизи, горный проходъ. Тизи узу, проходъ Колочаго Драка (Кабілія).

Тимри, пикъ (Кабілія). Тимри-у-Малу, Западный пикъ.

Тирильтъ, маленький гребень (Кабілія). Тирильтъ Ифуццаръ, гребень худыхъ земель (Шербоно).

Титъ, источникъ. Титаунъ или Тетуантъ, источники; Титъ, въ Туатѣ, Ключи.

Тифритъ, маленький гротъ (Шербоно). Тифритъ-Нантъ или Малекъ, гротъ Аитъ или Малекъ.

Туатъ, Оазисы, женск. форма слова *уахъ*, оазисъ.

ТИББУССКІЯ СЛОВА.

Іерихе, горячій источникъ.

Эми, гора (Нахтигаль). Прим.: Эми-Туссиде, горы Туссиде (Тибести).

Эннери, рѣка, ѿдѣ. Прим.: Эннери-Бардай, р. Бардай; Эннери-Туге (Каваръ), долина Скаль.

КОНЕЦЪ СЪВЕРНОЙ АФРИКИ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Томъ десятый.

Съверная Африка.

А.

Абадехи, племя, 431, 493.
Абай (Бахръ-аль-Азрекъ), рѣка, 67, 71, 239, 241—246, 269.
Абба, островъ, 171, 382.
Абба-Яредъ, гора, 191.
Абби-Адди, городъ, 251, 264, 268.
Абдерасуль, деревня, 297, 309.
Абидост, городъ, 531, 532.
Абиссинія, страна, 28, 175, 178, 179, 204, 209—237, 241, 256, 264, 266, 269, 275, 310.
Абиссинцы, народъ, 179, 180, 210, 220, 224, 225, 233, 259, 280, 318, 327, 338, 340.
Абу, городъ, 519.
Абу-Ахразъ, островъ, 358, 366, 373.
Абу-Габле, рѣка, 377, 392.
Абу-Гамедъ, городъ, 319, 360, 413, 415, 432, 433.
Абу-Гиргъ, городъ, 540.
Абу-Госси, мѣстечко, 435.
Абуджериды, племя, 343.
Абу-Диабъ, каналъ, 573.
Абу-Думъ, мѣстечко, 435.
Абу-Зандъ, бродъ, 358.
Абу-Кайя, племя, 157.
Абукирскій мысъ, 92.
Абукирское озеро, 94, 573, 575.
Абукиръ, городъ, 574, 582.
Абуна-Іозефъ, гора, 195.
Абу-Одфа, скала, 324.
Абу-Рамлехъ, гора, 321, 327.
Абу-Рофъ, племя, 172, 321, 347.
Абу-Симбелъ, городъ, 442.
Абу-Синъ (см. Гедерефъ).
Абу-Сиръ, скала, 78.
Абу-Сомеръ, бухта, 530.
Абутигъ, городъ, 533, 582.
Абу-Хараэтъ, городъ, 391.
Абы, племя, 492.
Агары, народъ, 157.
Агаусы (Агау), племя, 211, 251, 285, 335, 347.

Агерми, городъ, 536.
Агерутъ, деревня, 564.
Аддиградъ, городъ, 254, 264, 268.
Адель, государство, 301.
Адель (Адайль), племя, 279.
Аденскій заливъ, 4, 175.
Адуа, городъ, 190, 251, 252, 256, 264, 268.
Адулисъ, бухта, 182, 196, 263, 282.
Алагеде, гора, 189.
Айлетъ, деревня, 259.
Акавіару, озеро, 45.
Акика, мѣстечко, 343, 375.
Акка (Тики-тики), племя, 26.
Аккара, племя, 147.
Аккасы, племя, 113.
Аксумъ, городъ, 252, 264.
Алальбедь, озеро, 198, 199, 251, 265, 279, 282.
Алату, племя, 309.
Алеква, гора, 190.
Александрия, городъ, 41, 478, 497, 512, 544, 551, 574—581.
Александрия, провинція, 593.
Аліу-А-ба, мѣстечко, 297, 304.
Алоа, городъ, 347, 359.
Алоа, королевство, 336.
Альбертъ-Ніаана (Мвутанъ-Нзинге), озеро, 62, 101, 104.
Альгаденъ, мѣстечко, 369.
Альмерійскій проливъ, 39.
Амбабо, мѣстечко, 301.
Амба-Магдала, гора, 246.
Амба-Маріамъ, крѣпость, 240.
Амбуколь, селеніе, 416, 435.
Амамъ, гора, 166.
Амамы, народъ, 169.
Амидебъ, станція, 369.
Аммонъ-Ра, храмъ, 434.
Амру, городъ, 557.
Амхара (Амгара), область, 219, 267, 288.
Амхаринцы, народъ, 224, 276, 287, 304.
Анголада, городъ, 295, 304.
Анготъ, страна, 248, 269.
Анкоберъ, городъ, 269, 276, 295, 297.
Анибонъ, островъ, 11.
Ансали, гора, 198.
Ансеба, рѣка, 189, 369.
Антало, городъ, 253, 264.
Антифиль, портъ, 264.
Анаба, рѣка, 63.
Арамба, городъ, 296.
Арбаджи, городъ, 358.
Арборе, племя, 147.
Арго, островъ, 436.
Аргоббъ, гора, 194, 270.
Ардіббо, озеро, 192, 248.
Аркоко, деревня, 260, 264.
Арсизоз, станція, 564.
Артаги (Ортаоле), вулканъ, 197, 198.
Арруси, племя, 294.
Асмары, деревня, 259.
Ассабъ, городъ, 296, 303, 316.
Ассабы, племя, 179.
Ассака, рѣка, 53.
Ассаль, озеро, 273.
Ассамъ, рѣка, 252.
Ассасифъ, горы, 527.
Ассебо, племя, 294.
Ассіутъ, провинція, 593.
Ассіутъ, городъ, 487, 501, 582, 593.
Астаборасъ, рѣка, 318.
Асталусъ, рѣка, 318.
Ассуантъ, бухта, 518.
Асуа, рѣка, 59, 132.
Атбара, рѣка, 73, 74, 217, 267, 317, 319, 366, 418.
Атласъ, горы, 6, 13.
Атеби (Атебидера), мѣстечко, 254.
Атсега, городъ, 264.
Ауашъ, рѣка, 179, 187, 269, 273—279.
Аувакиль, бухта, 198.
Ауладъ-али, племя, 493.
Аусими, племя, 493.
Аусса, городъ, 301.
Афары, народъ, 179, 280, 348.

- Афоджъ, племя, 151.
 Афъ-Абадъ (Та-Маріамъ), городъ, 264, 369.
 Ахагаръ, гора, 6.
 Ахминъ, городъ, 533, 582.
 Ахнасъ - эль - Медине, деревня, 540.
 Ахръ-эль-Бабары, племя, 492.
 Алагъ, городъ, 258.
 Ашанга, озеро, 192, 248.
 Ашантіи, племя, 31.
 Аштенъ, горы, 247.
 Ашфа, городъ, 247, 267.
 Аякъ, городъ, 157.
- Б.**
- Бабъ - эль - Кальо, порталъ, 463, 465.
 Бабъ - эль - Мандебскій проливъ, 3, 301, 476.
 Бабъ-эль-Ясмундъ, городскія ворота, 463.
 Багара (Багарасы), племя, 163, 173, 387, 388, 404.
 Будуръ, деревня, 375.
 Базенъ (Бунами), племя, 170, 339, 340, 342.
 Байбуль, деревня, 304.
 Бако, рѣка, 167.
 Балагастъ, рѣка, 191.
 Балла, озеро, 567.
 Балоки, племя, 170.
 Банда, городъ, 123.
 Банівны, народъ, 261.
 Бантусы, племя, 25, 172, 348.
 Бара, городъ, 392.
 Барабра (Барабрасы), племя, 24, 370, 423, 427, 495.
 Бардаръ, мѣстечко, 243, 247.
 Бареа (Бареасы), племя, 338, 339, 340.
 Бари, племя, 24, 144, 173.
 Барнго, озеро, 57.
 Барка (Барака), рѣка, 74, 188, 189, 267.
 Баркаль, гора, 77, 434.
 Баро, рѣка, 65, 167.
 Бассо, городъ, 245, 247, 311.
 Батинъ-эль-Бахара, дельта, 90.
 Бахаріе, оазисъ, 464, 470, 536, 538.
 Бахръ-Бела-Ма, рѣка, 87, 415, 464, 467, 469.
 Бахръ-эль-Зарафъ, («Рѣка жирафовъ»), 60, 154-571.
 Бахръ-эль-Абіадъ («Бѣлал рѣка»), 64, 65, 151, 174, 315, 329.
 Бахръ-эль-Азрекъ («Голубая рѣка»), 66, 329, 357, 359, 360.
 Бахръ-эль-Арабъ, рѣка 133, 162, 388, 399, 400.
 Бахръ-эль-Асвадъ («Черная рѣка»), 75.
 Бахръ-эль-Газаль, провинція, 32, 135.
 Бахръ-эль-Газаль, рѣка, 62, 132, 151, 376.
 Бахръ-эль-Джебель («Горная рѣка»), 57, 59, 60, 150, 151, 155.
 Бахръ - эль - Фертитъ, рѣка, 398, 399.
 Бахръ-эль-Согенъ, рѣка, 570.
- Бархъ-Юзефъ-Баюда («Іосифова рѣка»), 83.
 Баюда, пустыня, 319, 416, 418.
 Бегемедерь, горы, 195, 240, 247.
 Бегерахъ, провинція, 593.
 Бедденъ, мѣстечко, 146.
 Беджасъ, народъ, 24, 326, 340, 347, 348, 349, 351, 352-355, 372, 424, 522.
 Бедраштъ, деревня, 501, 544.
 Бедуины, народъ, 453.
 Бейт - эль - Уалли, усыпальница, 442.
 Бекеръ, гора, 58.
 Беланда, племя, 160.
 Беледъ-эсъ-Суданъ, область, 317.
 Белесса, провинція, 247.
 Белесъ, горы, 195.
 Белли, племя, 157.
 Бельбенсь, городъ, 565, 582.
 Бельбелла, гора, 271.
 Бени-амеры, племя, 179, 217, 219, 347, 348, 351, 354-375, 384.
 Бени-Гассанъ, подземелья, 539.
 Бенинскій заливъ, 32.
 Бени-Суэфъ, городъ, 540, 582, 593.
 Бени-Суэфъ, провинція, 593.
 Бени-Шонгудъ, мѣстечко, 357.
 Бенха - а'Ассаль, городъ, 569, 593.
 Берари, острова, 584.
 Берберія, страна, 23.
 Берберъ, городъ, 324, 360, 370.
 Берберы, народъ, 1, 23, 30.
 Береніка, портъ, 411.
 Берисъ, оазисъ, 468, 535.
 Берри, племя, 147.
 Берта, гора, 166, 320.
 Бертасы, племя, 330, 332.
 Беть-Малье, племя, 217.
 Бехайръ, озеро, 65.
 Бехнесе, городъ, 540.
 Бешило, рѣка, 187, 195, 246.
 Біванъ-эль-Молукъ («Враты падей»), ущелье, 526.
 Бигтехъ, островъ, 518.
 Биллионгъ, мѣстечко, 147.
 Бильбисъ, рѣка, 249.
 Бимбашы, городъ, 356, 372.
 Биръ, рѣка, 162.
 Биркетъ-эль-Керунъ, озеро, 85, 542.
 Биссагосъ, островъ, 11.
 Бишана, округъ, 245.
 Бишара, племя, 30.
 Бишары, племя, 352, 416, 425, 428, 431, 438.
 Бого, провинція, 203, 208.
 Богосы, племя, 179, 189, 214, 259.
 Большой Ламотъ, область, 294.
 Большой Сирть, заливъ, 11.
 Бонго, городъ, 313, 315, 316.
 Бонго, рѣка, 157.
 Боягосы, племя, 158, 159, 160.
 Бонджаки, племя, 170.
 Бонъ, мысъ, 4.
 Бордайнъ, мѣстечко, 565.
 Борены, племя, 294.
 Боръ, крѣость, 152.
 Ботнъ - эль - Хагаръ («Каменное брюхо»), городъ, 78, 81, 440.
 Бохадоръ, мысъ, 36.
 Буагитъ, гора, 192.
 Букеребе, островъ, 51.
- Букивдо, городъ, 101, 108.
 Булакъ, городъ, 552, 559, 560.
 Бури, городъ, 197, 245, 247, 282, 359.
 Бурлосъ, озеро, 94, 571.
 Бурну, страна, 31.
 Буруны, племя, 335.
 Буширъ, городъ, 102.
 Бушир-Кора, станція, 540.
 Бушмены, племя, 26.
 Бѣлый Нилъ, рѣка, 43, 67, 321, 332, 357.
 Бѣлая рѣка, 173.
 Бяла, гора, 196.
- В.**
- Ваби, рѣка, 298, 308.
 Ва-ганда, племя, 114, 115, 118, 128.
 Вагари, горы, 195.
 Вагъ, провинція, 248.
 Ваде, рѣка, 54.
 Ваделай, крѣость, 142.
 Ваделька, гора, 384.
 Ваджъ, племя, 151.
 Ваза, племя, 309.
 Ва-Зинджа, народъ, 109.
 Вайсъ, рѣка, 308.
 Ва-Кавирондо, племя, 124.
 Ваккала, деревня, 149.
 Ва-Кара (Ва-Кури), племя, 125.
 Валлегъ, лѣсъ, 167.
 Вали-дабба, горы, 196, 238.
 Вальдебба, провинція, 247.
 Вальдія, мѣстечко, 248.
 Ва-Ніамбо, племя, 111, 115.
 Ва-Ніоро, племя, 116, 127.
 Ванциге, клють, 242.
 Варахандже, городъ, 112.
 Варварійцы, народъ, 155.
 Вариро, гора, 271.
 Ва-сога, племя, 115.
 Ва-туси, племя, 109.
 Вау, городъ, 161.
 Ва-хума, племя, 115, 285, 328.
 Ва-чопи (шефаду), племя, 130.
 Вашити, племя, 309.
 Велло, племя, 291.
 Вереника, гавань, 477.
 Верхній Египетъ, страна, 479, 482, 486, 493, 496, 534, 593.
 Верхній Маребъ, рѣка, 252.
 Верхній Нилъ, рѣка, 62, 104, 175, 284, 287.
 Верхній Собать, рѣка, 170.
 Верхній Суданъ, страна, 370.
 Верхнія Нубія, 317, 319, 323, 352, 372, 423.
 Викторія-Ніанца, озеро, 47, 51, 55, 62, 101, 104.
 Виннегуръ, кратеръ, 270.
 Вобо, племя, 309.
 Водъ-Мединехъ, городъ, 359, 373.
 Войтосы, племя, 214.
 Воллосы, племя, 304.
 Вольдъ-эль-арабъ, племя, 342.
 Ворейля, городъ, 306.
 Вошо, горы, 272.
 Вулкано, горы, 270.
- Г.**
- Габабъ, племя, 369.
 Габапіехъ, племя, 403.
 Габа-Шамбе, станція, 154

Гавакильская бухта, 264.
 Гаварахи, племя, 493.
 Гавалима, река, 195.
 Гавзигива, гора, 195.
 Гада, племя, 294.
 Гадамъ, гора, 196.
 Гадасъ, оврагъ, 255.
 Гаденоасы, племя, 217, 347, 349, 352, 372, 384.
 Гадибурсы, племя, 300, 324.
 Газа, заливъ, 3.
 „Газелей“, река, 130.
 Галабать, провинція, 203, 232, 339, 357, 365.
 Галай, мѣстечко, 255, 264.
 Галасы, народъ, 167, 172, 219, 228, 246, 280, 284, 286, 287—291, 293, 309, 310, 348, 356.
 Галенгасы, племя, 304, 347.
 Галла-Волло, плоскогорье, 195.
 Гальдессы, долина, 300.
 Гальфай, городъ, 359, 373.
 Гамасенъ, плоскогорье, 190, 215, 217.
 Гамбарагара, гора, 5, 39, 101, 113, 119.
 Гамбиль, племя, 168.
 Гамбія, река, 9, 32.
 Гамдо, гора, 271.
 Гаммежи, племя, 335.
 Гамраны, племя, 324, 347.
 Гамрахъ, портъ, 533.
 Гана (Джебель - Арангъ), гора, 196.
 Ганда, королевство, 114, 115, 124.
 Гандасы, племя, 117.
 Гандубъ, портъ, 370.
 Ганиекъ, водопадъ, 77.
 Ганфила, бухта, 197, 264.
 Гара, оазисъ, 467, 538.
 Гараа, озеро, 84.
 Гарабатъ-эль-Мадфуне, деревня, 531.
 Гарамойя, озеро, 297.
 Гаратри, горный проходъ, 370.
 Гарбихъ, провинція, 593.
 Гаррарь, городъ, 298, 300, 304, 316.
 Гаррарь, горы, 283.
 Гарре, река, 167.
 Гарри, водопадъ, 76.
 Гарфъ-Хоссайнъ, пещера, 442.
 Гассаніехи, племя, 347, 352, 389, 432.
 Гауини, племя, 432.
 Гауссень, деревня, 254, 267.
 Гафать, деревня, 241.
 Гашъ, река, 347.
 Гвардафуй, мысъ, 4.
 Гвиннейский заливъ, 4, 11.
 Гвиннейская горы, 9.
 Гвинея, страна, 6.
 Гебиссо, городъ, 309, 315.
 Гедарефъ, провинція, 203, 321, 357.
 Гедарме, племя, 371.
 Геджасъ, страна, 348.
 Гезанъ, деревня, 357.
 Гелуанъ, курортъ, 560.
 Гентастадионъ, перешеекъ, 575.
 Гера, королевство, 309.
 Гермамъ (Казамъ), река, 274.
 Гѣтемъ, племя, 343.
 Гибе, река, 309.
 Гибралтарский проливъ, 3.

Гизехскія пирамиды, 545, 548, 563.
 Гизехъ, городъ, 581, 593.
 Гиксы, народъ, 492, 541, 570.
 Гилледаты (говамехи), племя, 381.
 Гимира, королевство, 309.
 Гинжары, племя, 335, 337.
 Гиргехъ, провинція, 593.
 Гиргехъ, городъ, 582, 593.
 Гита-Нзиге, озеро, 52.
 Гифри, городъ, 162.
 Гіерерь, горы, 307.
 Гіума, племя, 383.
 Гоангъ, река, 73.
 Гобо, деревня, 329.
 Годжамъ, горы, 184, 195, 270.
 Годжамъ, королевство, 267, 269, 311, 332.
 Годіаты, племя, 381, 389.
 Голима, река, 296.
 Голосы, племя, 161.
 Голубая река, 176, 218, 320, 343, 355, 358.
 Голубой Ниль, река, 179, 239, 247, 267, 315, 321, 332, 354, 358.
 Гомры, племя, 404.
 Гондаръ, городъ, 238, 247, 268.
 Гондокоро, городъ, 146.
 Гонду, городъ, 163.
 Горгоръ, мысъ, 240.
 Горгуръ, городъ, 365.
 Гордонъ, гора, 58.
 Горіено, городъ, 309, 315, 316.
 Горочень, гора, 271.
 Горькія озера, 508.
 Гось-Реджэ, городъ, 366, 373.
 Готтенготы, народъ, 26.
 Готумлу, городъ, 260.
 Гугса, река, 271, 309.
 Гудара, городъ, 245, 247.
 Гудда-Гудди, мѣстечко, 256.
 Гудрусы, племя, 287, 294.
 Гума, королевство, 309.
 Гумара, река, 240, 242.
 Гумбали, мѣстечко, 329.
 Гумусы, племя, 196, 295, 333.
 Гундестский округъ, 255.
 Гура, мѣстечко, 248.
 Гураге, область, 271, 308.
 Гургерь, гора, 397.
 Гүфтъ, деревня, 437, 527.
 Гхагары, народъ, 495.

Д.

Даббе, мѣстечко, 392, 405, 413, 416, 432.
 Даблотъ, гора, 368.
 Давезута, водопадъ, 184.
 Дагомей, страна, 31.
 Дакке, городъ, 442.
 Далакские (коралловые) острова, 262.
 Далакъ, островъ, 199, 262.
 Даманхуръ, городъ, 573, 582, 593.
 Дамбага, городъ, 247.
 Дамбеласы, племя, 215.
 Даміетта (Думіатъ), городъ, 570, 582, 593.
 Даміетта, провинція, 497, 593.
 Дамотъ, горы, 207, 329, 333.
 Данагеле, племя, 382.
 Давакили, народъ, 279, 282, 283.

Давакиль, равнина, 195.
 Дара, городъ, 408.
 Дара-Дали (Восточный), область, 406.
 Даръ-Дима (Юго-западный), область, 406.
 Дарита, мѣстечко, 240, 247.
 Дарфурцы, народъ, 396, 402.
 Дарфуръ, городъ, 381, 396, 397.
 Дарфуръ, страна, 396, 397, 399, 400, 403, 406, 427.
 Даръ-Токонава (Сѣверный), область, 406.
 Даръ-Ума (Южный), область, 406.
 Даръ-Фертить, городъ, 162.
 Даръ-аль-Гарбъ (Западный), область, 406.
 Даури, племя, 294.
 Дауз, городъ, 296.
 Дахалеҳъ, провинція, 593.
 Дахель (Дакле), оазисъ, 463, 464, 468, 470, 471, 483, 535, 538.
 Дебара, городъ, 256.
 Дебра-Берхамъ, городъ, 295, 304.
 Дебра-Веркъ, городъ, 245, 247.
 Дебра-Дамо, монастырь, 255.
 Дебра-Либаноսъ, монастырь, 304.
 Дебра-Маріамъ, городъ, 243, 247, 248.
 Дебра-Синай (Синай), гора, 189.
 Дебра-Таборъ (Таворъ), гора, 184, 195, 241, 244, 269.
 Дерь-Аби, гора, 189.
 Дега, островъ, 244.
 Денръ-эль-Медине, храмъ, 524.
 Делоль, сольфатара, 197.
 Дембя, область, 238, 270.
 Демеле, деревня, 262.
 Демъ-Сулейманъ, городъ, 157, 161, 162.
 Девабъ, деревня, 174.
 Дендерахъ, городъ, 531.
 Дендеръ, река, 72, 218, 358.
 Денкасы, племя, 24, 136, 152, 153, 172, 329, 338.
 Десіукъ, городъ, 582.
 Дефафантъ, гора, 321.
 Джабарта, городъ, 277.
 Джабусъ, река, 309, 317, 320, 323, 327, 329, 356.
 Джагадда, племя, 294.
 Джалини, племя, 344, 382.
 Джаль, река, 166.
 Джая, река, 157.
 Джебель-Абашъ, гора, 321.
 Джебель-Абу-Ахразъ, гора, 397.
 Джебель-Анавгъ, гора, 321.
 Джебель-Анка, гора, 398.
 Джебель-Арданъ, гора, 363.
 Джебель-Аттака, гора, 456, 565.
 Джебель-эль-Айнъ, гора, 398.
 Джебель-эль-Ахмаръ, гора, 463.
 Джебель-Гараазъ, гора, 377, 392.
 Джебель-Гарибъ, гора, 456.
 Джебель-Гекдуль, гора, 416.
 Джебель-Гились, гора, 416.
 Джебель-Гуле, гора, 320.
 Джебель-аль-Гилльтъ, гора, 398.
 Джебель-Данго, гора, 398.
 Джебель-Дейеръ, гора, 377, 382.
 Джебель-Доръ, гора, 398.
 Джебель-Доханъ, гора, 456.
 Джебель-Дуль, гора, 356.
 Джебель-Кабретъ, гора, 274.

Джебель-Каджа, гора, 377.
 Джебель-Кордофант, гора, 377.
 Джебель-Магага, гора, 416.
 Джебель-Медобъ, гора, 397.
 Джебель-Мокаттамъ, гора, 459, 461, 552, 559.
 Джебель-эль-Мутахъ, гора, 537.
 Джебель-Нуба, гора, 377.
 Джебель-Олба, гора, 411.
 Джебель-Си, горы, 398.
 Джебель-Сильсиле, гора, 458.
 Джебель-Симире, гора, 417.
 Джебель-Таби, гора, 320.
 Джебель-Уракамъ, гора, 459.
 Джебель-Фатире, гора, 456.
 Джебель-Шеллала, гора, 456.
 Джебель-Шикръ, гора, 413.
 Джедда, портъ, 371.
 Джезиретъ - эль - Раудахъ, рѣка, 560.
 Джемма, рѣка, 187, 295.
 Дженда, мѣстечко, 239, 247.
 Джениколи-Гарбо, рѣка, 59.
 Джералды, племя, 432.
 Джерба, островъ, 11.
 Джесси, гора, 58.
 Джи, си. Павго.
 Джибассы, племя, 339.
 Джимма-Кака, королевство, 309.
 Джимма-Лагамара, горы, 309.
 Джинджи, водопадъ, 52.
 Джуба, рѣка, 5, 9, 177, 179.
 Джуда, вулканъ, 272.
 Дигса, мѣстечко, 255.
 Дишилла, деревня, 308, 315.
 Дима, городъ, 245, 247.
 Дирико, гора, 271.
 Диуръ, рѣка, 14, 63, 157, 160.
 Диуры, народъ, 160, 172.
 Добарекъ, мѣстечко, 247, 264.
 Додо, народъ, 316.
 Дока, городъ, 366, 373.
 Доко, племя, 26.
 Долька, городъ, 264, 369.
 Донгола - эль - Аджуса (Донгола Старая), городъ, 435.
 Донгола - эдъ - Джедиде (Донгола Новая), городъ, 435.
 Донгольцы, народъ, 427.
 Донтуръ, городъ, 365.
 Дофане, кратеръ, 270, 274.
 Драа, рѣка, 10.
 Дульга, островъ, 77.
 Дунье-Мбуро («Гора дыма»), гора, 45.
 Дунье-Най («Небесная гора»), гора, 45.
 Дүфиле, станція, 58, 143.

Е.

Египетъ, страна, 2, 27, 400, 412, 443, 475, 479, 495, 496, 498, 500, 501, 508, 511, 516, 517, 544, 551, 556, 568, 569, 579, 580, 589, 591, 593.
 Египтяне, народъ, 445, 480, 486, 498.
 Еджиббе, городъ, 245, 247.

З.

Загазигъ, городъ, 565, 581, 593.
 Залабаты, племя, 344.
 Замбези, рѣка, 5, 9, 10.
 Занзибаръ, островъ, 12, 103.

Западный Нилъ, рѣка, 56.
 Заузъ-эль-Дебръ, деревня, 534.
 Зебуль, гора, 192, 269.
 Зебуль, страна, 248.
 Зейла, городъ, 283, 301, 302, 304, 318.
 Зена-Макость, монастырь, 304.
 Зига-Водамъ, рѣка, 304.
 Зиге, полуострѣвъ, 243.
 Зикуала, гора, 271.
 Зинджасы, племя, 109.
 Зифта (Зифтахъ), городъ, 570, 582.
 Зоговасы, племя, 382.
 Золотой берегъ, 31.
 Зулла, портъ.

И.

Ибрагиміе, каналъ, 538.
 Ибрагимъ, озеро, 53, 123.
 Игаргарь, рѣка, 11.
 Изанга, рѣка, 109.
 Измайліе, каналъ, 552, 568.
 Измайлія (Гондокоро), городъ, 59.
 Измайлія, городъ, 567, 582.
 Измайлія, провинція, 593.
 Изури, рѣка, 242.
 Ильмъ-Орма, область, 272.
 Ильмъ-Орма, племя, 147, 238, 269, 287, 294, 348.
 Имазиги (кабилы), племя, 23.
 Имарага, горы, 195.
 Имохаги (туареги), племя, 23.
 Ингасаны, племя, 335.
 Индері, племя, 162.
 Ипдіекены, племя, 170.
 Индійскій океанъ, 8, 34.
 Инварацы, народъ, 310.
 Инваріл (Эварія), область, 272, 294, 310.
 Иначтакабъ, городъ, 247, 264, 268.
 Ирба, горы, 411.
 Иренаты, племя, 492.
 Иренга, племя, 147.
 Исмала, городъ, 247, 268.
 Иссаны, племя, 179.
 Иссады, племя, 283.
 Итту, племя, 294.
 Ифагъ, городъ, 240.
 Ифать, провинція, 277.
 Ишингъ, племя, 167.

І.

Іей, рѣка, 63, 64.
 Іербора, мѣстечко, 59.

К.

Кабабиши, племя, 387, 393, 432, 439.
 Кабена, племя, 309.
 Кабондо, городъ, 126.
 Кавирондо, государство, 124.
 Кагей, пристань, 108.
 Кадало, племя, 332.
 Каділ, стремнина, 54.
 Казенъ, городъ, 259.
 Каиръ, городъ, 551.
 Кауаки, племя, 154.
 Калагари, пустыня, 13, 15.
 Каліубъ, городъ, 593.
 Каю, гора, 271.

Кагубіәхъ, провинція, 593.
 Камаранось, полуостровъ, 11.
 Камбаніе, племя, 400.
 Камлинъ, городъ, 358.
 Камреле, городъ, 124.
 Камъ, племя, 251.
 Канарапа, деревня, 365.
 Канопъ, городъ, 574.
 Каиръ, городъ, 134.
 Карагуе, королевство, 104, 110, 112, 128.
 Караймъ, деревня, 566.
 Караби, городъ, 102.
 Каракоджъ, деревня, 357, 373.
 Карре, озеро, 64.
 Карума, водопадъ, 53.
 Кассал-эль-Лузъ, городъ, 326, 360, 367, 368, 374.
 Каэръ-Дахель, городъ, 582.
 Катавана-Луаджерри, рѣка, 123.
 Катонга, рѣка, 46, 48.
 Кафръ-Дуаръ, перешеекъ, 574.
 Кафры, народъ, 26.
 Кафръ-эль-Занатъ, городъ, 572.
 Кафу, рѣка, 53.
 Каффа, королевство, 28, 178, 272, 309, 312, 315.
 Кашиль, притокъ, 392.
 Кедеру, племя, 154.
 Кейлакъ, рѣчка, 376.
 Кельбъ («Собачій бродъ»), 358.
 Кенехъ (Кайнополь), городъ, 82, 528, 531, 581, 593.
 Кеяі, гора, 5, 285.
 Кенузи, племя, 427.
 Керакери, гора, 397.
 Керентъ, городъ, 189, 190, 259, 264.
 Кетуту, стремнина, 54.
 Кибанга, гора, 113.
 Киберо, портъ, 131.
 Кибреаль («Сѣверная гора»), гора, 197.
 Кивира, рѣка, 64.
 Киджъ, племя, 151.
 Килиманджаро, вулканъ, 5, 45, 214.
 Кира, рѣка, 60.
 Киренайка, страна, 13, 537.
 Киримъ, племя, 167.
 Киринъ, селевіе, 331.
 Кирри, станиція, 146.
 Киръ (Верхній Нилъ), рѣка, 64.
 Китвара, королевство, 126.
 Кюджа, болото, 53.
 Клавдіева гора, 508.
 Коанца, рѣка, 9.
 Коарата, городъ, 241, 242, 243, 247.
 Кобе, городъ, 407.
 Кобешъ, деревня, 408.
 Коббо, городъ, 248, 268.
 Кодо-Феласси, городъ, 264, 268.
 Койе, мѣстечко, 441.
 Койкойны, племя, 26.
 Коки, область, 14.
 Кокъ-Фара, городъ, 296, 316.
 Колотваръ, городъ, 415.
 Кома, горы, 168.
 Комаджи («Коровья рѣка»), рѣка, 168.
 Комасы, народъ, 168, 169.
 Комъ-Омбо, село, 520.
 Конъ-эль-Султанъ («Царская го-
 ра»), 532.

Конго, река, 5, 6, 9, 21, 39, 43, 63, 132.
 Копты, народъ, 488, 491, 534, 542, 592.
 Кордофанъ, страна, 43, 106, 323, 336, 352, 375, 376, 377—382, 427, 432, 442, 462.
 Короко, станція, 319, 415, 428, 441.
 Корти, мѣстечко, 425.
 Коссеиръ, городъ, 83, 493, 529, 594.
 Коссеиръ, провинція, 594.
 Кра (крумени), племя, 30.
 Красное море, 2, 8, 34, 175, 492, 508, 511, 512, 514, 530, 564.
 Креди (креджи), племя, 161.
 Куала-Багара, область, 208.
 Куалла-Багара, гора, 195, 208.
 Куба, острівъ, 332.
 Кабуль, река, 131.
 Кулло, королевство, 309.
 Кунамы, народъ, 337, 338, 339, 342.
 Кунджары, народъ, 382, 403.
 Кунене, река, 9.
 Куркуръ, oasisъ, 463.
 Курнакъ, горы, 526.
 Кусъ, городъ, 528.
 Куфить, станція, 369.
 Куфра, oasisъ, 472.
 Кучукъ-Аме, городъ, 161.

Л.

Лаборе, пость, 143.
 Лагамара, городъ, 316.
 Ладо, городъ, 157.
 Лаки, озеро, 274.
 Лалибала, городъ, 247, 264.
 Ламальмонъ, гора, 192.
 Данго, племя, 129, 140.
 Ласта, горы, 184, 249.
 Ласта, провинція, 267.
 Латука, племя, 147, 148, 149, 328.
 Леадо, озеро, 274.
 Левантинцы, народъ, 494.
 Лега, горы, 320.
 Легасы, племя, 168, 328, 329.
 Леси, племя, 157.
 Леть-Марефія, станція, 296.
 Либенъ, нація, 294, 309.
 Ливійская пустыня, 460, 472, 478, 493, 544.
 Лимму, область, 310.
 Лумисы, племя, 287, 294.
 Лимпопо, река, 5, 8, 10, 16.
 Литарскіе острова, 272.
 Личе, королевство, 295, 304, 316.
 Лоанда, река, 5.
 Логекъ («Дрожащая гора»), 59.
 Логоне, область, 159.
 Локойя, горы, 147.
 Лома, гора, 9.
 Лори, племя, 157.
 Лороніо, деревня, 149.
 Лофінъ, гора, 148.
 Лохугати, река, 110.
 Луаджерри, река, 53.
 Луксоръ, городъ, 523.
 Луинны горы, 5, 44.
 Лури, племя, 139.
 Луръ, область, 131.
 Лиридже, река, 9.

М.

Мавры, народъ, 23.
 Мавританія, страна, 3, 6, 23, 29, 30.
 Магасы, племя, 427.
 Магатта, река, 517, 518.
 Магдала, крѣпость, 181, 195, 246, 247.
 Магенди, городъ, 442.
 Магунго, ставія, 129, 131.
 Магхартъ, городъ, 540.
 Мадагаскаръ, островъ, 12, 16, 26.
 Маджеттіе, городъ, 296.
 Мади, деревня, 156.
 Мади, племя, 140, 143, 155.
 Мазехи, племя, 493.
 Мазинди, городъ, 130.
 Майендуть, мѣстечко, 163.
 Макабрабы, племя, 369.
 Макале, городъ, 254, 264, 268, 269, 296.
 Макарараки, озеро, 10.
 Македо, мѣстечко, 59.
 Макрака, племя, 154, 155.
 Мала, племя, 167.
 Малупа, река, 10.
 Малый Ниль, река, 143.
 Малый Сиртъ, заливъ, 11.
 Мандарасы, народъ, 163.
 Мандарахъ, мѣстечко, 574.
 Манкуса, городъ, 570, 581, 593.
 Манфалутъ, городъ, 581.
 Маргабле, деревня, 303.
 Мареа, племя, 215.
 Маребъ, река, 73, 187, 190, 267, 318, 338, 342.
 Мареотида, озеро, 584.
 Мариутъ, озеро, 573, 581.
 Марра, горы, 395, 397, 398.
 Маруи, деревня, 433.
 Масай, область, 170.
 Масарахъ, горы, 548.
 Маскатъ, городъ, 102.
 Массабаты, племя, 403.
 Массалиты, племя, 403.
 Массова, область, 179, 189, 217, 319.
 Массова, городъ, 196, 261, 264, 254.
 Массовскій заливъ, 262.
 Мастаба-эль-Фараунъ, гробницы, 544.
 Матаніе, деревня, 543.
 Матаріе, деревня, 562.
 Матаріехъ, острівъ, 244.
 Мафія, острівъ, 12.
 Махаллеть-эль-Кебиръ, городъ, 57, 581.
 Махдера-Маріамъ, городъ, 242, 246, 247.
 Махмудіе, каналъ, 503, 504, 572, 573, 576, 580.
 Маце-Малея, племя, 167.
 Мачега, река, 239.
 Мбаковія, портъ, 131.
 Мбаринго, озеро, 58.
 Мвару, река, 44.
 Мвару-Луаджери, бухта, 123.
 Мверанго, река, 123.
 Мвутанъ-Нзиге, озеро, 46, 55, 63, 64, 120, 130, 131, 133.
 Меджерда, река, 10.
 Мединеть-Абу, храмъ, 524.

Мединеть - аль - Файюмъ, городъ, 541, 581, 593.
 Мейдамъ, возвышенность, 298.
 Мекка, городъ, 31.
 Мелаве-эль-Аришъ, городъ, 539.
 Меллавехъ, городъ, 582.
 Мелле (Адифуахъ), река, 296.
 Мельбейсъ, городъ, 41, 548.
 Менфисъ, городъ, 41, 548.
 Мензалихъ, озеро, 93, 567, 568, 569, 570, 584.
 Меночи, деревня, 408.
 Менсаи, племя, 179, 215, 259, 319.
 Менуфіе, каналъ, 91, 564.
 Менуфіехъ, провинція, 593.
 Менуфъ, городъ, 43, 347, 352, 364, 364.
 Меридово, озеро, 89, 541.
 Мероз, городъ, 43, 347, 352, 364.
 Масауратъ, развалины, 359.
 Мессаламіе, мѣстечко, 358, 373.
 Мессапотамій полуостровъ, 358.
 Метамхеъ, городъ, 31, 363, 365, 373.
 Метаміте, гора, 269, 295.
 Метта, племя, 295.
 Мечасы, племя, 294.
 Мешарехъ, река, 365.
 Мешраэръ-Рекъ, мѣстечко, 63, 161.
 Миктиналь, село, 368.
 Миніехъ, провинція, 593.
 Миніе (Миніехъ), городъ, 539, 581, 593.
 Минчарь, вулканы, 270.
 Мить-Гамръ, городъ, 570, 581.
 Мить-Рахине, мѣстечко, 544.
 Міось-Гормось, гавань, 477.
 Мкула, река, 260, 261.
 Могартъ, городъ, 309, 315, 316.
 Могратъ, островъ, 433.
 Моданты, племя, 24, 27, 33, 157.
 Монкорерь, городъ, 245, 268.
 Мори, река, 124.
 Морія, гора, 212.
 Моронго, водопады, 111.
 Мору, народъ, 155.
 Мору, область, 156.
 Мота, городъ, 247.
 Мпороро, область, 113.
 Мрули, городъ, 124.
 Мтогата, ключъ, 111.
 Муги, пость, 143.
 Мударъ, деревня, 581.
 Мулла, равнина, 297.
 Мураукъ, городъ, 102.
 Мусабаты, племя, 381.
 Мусалли, вулканъ, 272.
 Мфумбіро, гора, 5, 39, 40, 45, 101, 110, 112, 113.

Н.

Нага, область, 363.
 Нагала, городъ, 268.
 Накони, стремнина, 54.
 Накфа, горы, 322.
 Нанда, горы, 126.
 Нассеръ, пость, 170.
 Наталь, колонія, 16, 41.
 Нафка, плато, 188, 216.
 Нафтъ, островъ, 435.
 Нгами, озеро, 10.
 Небтабы, племя, 217.
 Невольничий берегъ, 33.

Негры, народъ, 24, 32, 330, 336, 555.
 Неджранъ, страна, 188.
 Некоса, рѣка, 508.
 Нзиге, озеро, 127.
 Ниваки, племя, 170.
 Нигеръ, рѣка, 7, 9, 10, 21, 29, 30, 104.
 Нигриційцы (см. негры).
 Нигриція (см. Суданъ).
 Нижній Египетъ, область, 476, 477, 503, 513, 568, 593.
 Нижній Ниль, рѣка, 103, 420, 443, 483, 484.
 Ниль, рѣка, 2, 6, 9, 16, 21, 23, 24, 29, 39, 41, 53, 59, 63, 64, 65, 75, 76, 78, 83, 104, 179, 187, 211, 319, 327, 416, 417, 420, 434, 440, 446, 447, 475, 478, 495, 505, 511, 523, 563, 586.
 Ниль Александры, рѣка, 46.
 Ниль-Сомерсетъ, рѣка, 62.
 Нильская Месопотамія, область, 352.
 Ніава, городъ, 126.
 Ніамбари, племя, 150, 151.
 Ніамога, городъ, 130.
 Ніамъ-Ніамъ (намъ-намъ), племя, 154, 160, 161.
 Ніанца, озеро, 5, 7, 42, 47, 51, 62, 120.
 Ніасса, озеро, 109.
 Но, озеро, 60.
 Новая Соба, городъ, 359.
 Нонно, племя, 294.
 Нора, островъ, 262.
 Нтебой, пристань, 123.
 Нубасы, племя, 382, 424.
 Нубійская пустыня, 319, 419, 462.
 Нубійскія горы, 411.
 Нубійцы, народъ, 81, 172, 336, 348, 412, 423, 426, 427, 522.
 Нубія, страна, 28, 348, 363, 400, 408, 411, 414, 416, 420, 436, 441, 447, 482, 486, 517.
 Нури, деревня, 434.
 Нуэры, племя, 61, 136, 163, 170.

О.

Оббо, мѣстечко, 143.
 Область рѣкъ, 132, 338.
 Обоки, племя, 179.
 Обокъ, городъ, 301, 302, 318.
 Обонгосы, племя, 113.
 Ова, островъ, 19.
 Огове, область, 26, 28, 39.
 Огове, рѣка, 9, 16.
 Омбось, область, 98.
 Омдурманъ, деревня, 360.
 Омшавга, городъ, 407.
 Омъ-Бедръ, оазисъ, 404, 407.
 Оранжевая рѣка, 9, 16.
 Оргесть, рѣка, 309.
 Оромо, племя, 286.
 Ортоале («Дымящаяся гора»), 272.
 Островъ «Грома», 248.

П.

Па-Аменъ (Но), городъ, 523.
 Панго, рѣка, 63.
 Па-Себакъ («Городъ крокодиловъ»), 541.

Пелуза, городъ, 568.
 Пемба, островъ, 12.
 Питхомъ, городъ, 566.
 Плоскогорье, 105, 111, 114, 179.
 Понго, рѣка, 9.
 Портъ-Саидъ, городъ, 477, 513, 567, 568, 581, 593.
 Портъ-Саидъ, провинція, 593.

Р.

Раба, гора, 245.
 Раверу, озеро, 111, 112.
 Рагейта, мѣстечко, 303, 304.
 Рагуали, рѣка, 198, 273.
 Рала, племя, 294.
 Ракотисъ, мѣстечко, 574.
 Рамади, каналъ, 585.
 Рамехъ, городъ, 582.
 Расъ-Бенасъ, мысъ, 411, 455.
 Расъ-Дажанъ, гора, 191.
 Расъ-Магометъ, мысъ, 530.
 Расъ-Эль-Биръ («Мысъ колодца»), мысъ, 302.
 Расъ-Эль-Гимсахъ, мысъ, 530.
 Расъ-Эль-Филь, горы, 365.
 Расъ-Эль-Филь, мысъ, 196.
 Расъ-Эль-Хартумъ, мысъ, 360.
 Рахадъ (Абу-Ахрастъ), притокъ, 72, 196, 218, 321, 358.
 Рашиль (Розетская рѣка), 91, 92, 94.
 Ребъ, рѣка, 240, 241.
 Реджафъ, холмъ, 59.
 Рекъ, племя, 151.
 Реты, племя, 24, 28.
 Роботаты, племя, 379.
 Ровума, рѣка, 9.
 Рогге, гора, 271, 307, 309, 315, 316.
 Розаресь, городъ, 327, 357, 373.
 Розетта (Решидъ), городъ, 572, 574, 581.
 Розетта, провинція, 593.
 Роль, рѣка, 63, 64, 157.
 Роль, городъ, 157.
 Ромы, народъ, 215.
 Роя, рѣка, 63, 64.
 Рубага, городъ, 102, 123.
 Ругеши, проливъ, 47.

С.

Са, городъ, 572.
 Саадіе, крѣпость, 563, 585.
 Саати, станція, 260.
 Сабдерать, мѣстечко, 368.
 Савагили, племя, 315.
 Сагало, мѣстечко, 301.
 Саидъ, городъ, 586.
 Сака, городъ, 309, 311, 315, 316.
 Сакалава, островъ, 19.
 Саккара, деревня, 543.
 Салкіехъ, мѣстечко, 492.
 Самангудъ, городъ, 570, 581.
 Самара (см. Дебра-Таборъ).
 Самре, городъ, 256, 264, 268.
 Самхара, побережье, 219, 260.
 Сантурестъ, городъ, 581.
 Санъ (Тависъ), гора, 492, 560.
 Саны, племя, 26.
 Саорты, племя, 282.
 Саптине, племя, 24.
 Сарама, городъ, 268.
 Саураты, племя, 432.
 Сахара, пустыня, 13, 19.

Сахель, область, 188.
 Сахо, племя, 217.
 Салиме, оазисъ, 439.
 Семайита, гора, 190, 196, 252.
 Семне, городъ, 440.
 Сенааръ, городъ, 28, 203, 323, 358, 373, 405, 462.
 Сенааръ, королевство, 318, 335, 336, 343, 352, 355.
 Сенаарская Месопотамія, 321.
 Сенаарский островъ, 383.
 Сенафе, деревня, 255, 264.
 Сендеге, городъ, 126.
 Сенегаль, рѣка, 9, 31, 34, 40.
 Сенегамбія, страна, 6.
 Сенгитъ, крѣпость, 214, 259.
 Сенгурестъ, городъ, 542.
 Сенуси, секта, 31.
 Серапеумъ, городъ, 544, 577.
 Серауэ, провинція, 256.
 Серевы, племя, 161.
 Серхбуть, городъ, 499.
 Сессе, острова, 50, 114.
 Сеттить, рѣка, 366.
 Сивахъ, городъ, 536, 557, 558.
 Сивахъ, оазисъ, 464, 470, 475, 581.
 Сивахъ, провинція, 593.
 Сидамъ, королевство, 309.
 Сидами, племя, 294, 309.
 Сильсиле, гора, 82, 521.
 Симейу, рѣка, 107.
 Симентъ, плоскогорье, 184, 191, 192, 247.
 Синаїскій полуостровъ, 530.
 Синдже, городъ, 357.
 Синкатъ, долина, 372.
 Сиртъ, заливъ, 538.
 Сирта, озеро, 464.
 Сиенетжо, племя, 337.
 Сіутъ, городъ, 406, 533, 536, 538.
 Собатъ, рѣка, 64, 147, 152, 164, 167, 175, 179, 317.
 Соддо, племя, 294, 308.
 Соката, городъ, 248, 251, 264, 268.
 Сокотора, островъ, 2, 12.
 Солебъ, деревня, 439.
 Сомали, племя, 30, 279, 284, 285, 324, 383.
 Сомерсетъ, рѣка, 64.
 Сохагъ, городъ, 533, 582.
 Средній Ниль, рѣка, 176, 370.
 Старая Соба, деревня, 359.
 Старый Каиръ, городъ, 560.
 Суагели, племя, 47.
 Суакимъ, портъ, 6, 319, 324, 370.
 Суданъ, страна, 14, 23, 29, 317, 320, 324.
 Сукума (У-Сукума), область, 107, 108.
 Сукъ-Абу-Синъ, городъ, 374.
 Сурсосы, племя, 169.
 Сузасскій заливъ, 2.
 Сузасскій каналъ, 515, 528.
 Сузасскій перешеекъ, 2.
 Суэдъ, городъ, 552, 564, 565, 581, 593.
 Суэцъ, провинція, 593.
 Сѣверная Нубія, 493.

Т.

Таби, горы, 335.
 Тагала, нагорье, 383, 385.
 Тагаласы (тегеле), племя, 383, 385.

Тала, порогъ, 54.
 Таджурахская бухта, 273, 296.
 Таджурахъ, мѣстечко, 301, 304.
 Таджурскій заливъ, 195, 300.
 Таймо, озеро, 399.
 Такса, область, 324, 355, 367.
 Такса, степь, 179.
 Таккаце, рѣка, 73, 187, 191, 195, 209, 241, 247, 338.
 Такруры (такариры), народъ, 31, 337, 365, 369.
 Такуэ, племя, 215.
 Талибани, секта, 276.
 Талтамы, племя, 199, 251, 272, 282.
 Тальба-Вага, гора, 195, 196, 245.
 Тана, озеро, 6, 71, 176, 214, 239.
 Танганика, озеро, 55, 113.
 Тангуре, озеро, 45, 48, 49, 101, 110.
 Танта, деревня, 246.
 Таррангоме, городъ, 149.
 Таулудъ, островъ, 261.
 Таутикія, пость, 175.
 Тантахъ, городъ, 571, 581, 593.
 Тахта, городъ, 533.
 Тевфикъ, портъ, 564.
 Тегудеть («Городъ волковъ»),
городъ, 295.
 Тегудеть-Ватъ, пропасть, 269.
 Тейріехъ, городъ, 572.
 Тель-Монфъ, гора, 544.
 Тель-эль-Баста, гора, 565.
 Тель-эль-Кебиръ, гора, 566.
 Тель-эль-Масхута, гора, 566.
 Тель-эль-Одамехъ, гора, 566.
 Тембелле (см. Дебръ-Аби).
 Тембіевъ, провинція, 251.
 Тенасебт, гора, 456.
 Тендельти, прудъ, 407.
 Тенинхъ, островъ, 569.
 Теремо-Гарбо, порогъ, 59.
 Терране (Терранехъ), мѣстечко,
469, 572.
 Тибести, горный массивъ, 6.
 Тигре, область, 176, 179, 191, 220, 241, 258, 267, 284, 288.
 Тигрейцы, народъ, 215, 219, 224, 240.
 Тимбукуту, городъ, 30.
 Тимсахъ, озеро, 2, 508, 513, 514, 566.
 Тисъ (Тинись), древній городъ, 531.
 Тисъ-Эсать, водопадъ, 71.
 Тоббусы, народъ, 404.
 Тогой, племя, 162.
 Токарь, крѣпость, 372, 374.
 Токарь, равнина, 118.
 Толле, городъ, 316.
 Томатъ, мѣстечко, 367.
 Тора (Торанъ), мѣстечко, 407.
 Тора, область, 406, 456.
 Торахъ, горы, 548.
 Траянова, рѣка, 508.
 Триполи, страна, 31.
 Тулу-Ашара, гора, 271.
 Тулу-Валль, гора, 328.
 Туматъ, рѣка, 72, 218, 317, 320, 329, 355.
 Тумилаты, племя, 565.
 Тувджуры (тундзеры), племя, 404.
 Тунчъ, племя, 151.
 Туннахъ, островъ, 569.
 Тунисъ, страна, 340.
 Тура, гора, 397.
 Туэша, деревня, 408.

У.

Уадай, область, 31, 337.
 Уади-Абу-Думъ, долина, 433, 434.
 Уади-Азума, рѣка, 398.
 Уади-Аллаки, долина, 412, 416.
 Уади-Амуръ, рѣка, 398, 408.
 Уади-Баре, оазисъ, 404.
 Уади-Гальфа, долина, 417, 420.
 Уади-Джесен, долина, 417.
 Уади-Кабъ, оазисъ, 437.
 Уади-Мелекъ, рѣка, 376, 395, 405, 417, 435.
 Уади-Мокатамъ, низменность, 416, 435, 437.
 Уади-Натрувъ, долина, 572.
 Уади-Нуба, область, 408.
 Уади-Рейанъ, ручей, 85, 543.
 Уади-Саррасъ, ручей, 440.
 Уади-Тумилатъ, долина, 552, 565, 566.
 Уади-Хальфа, деревня, 78, 79, 81, 440, 441.
 Уади-эль-Ко, рѣка, 399.
 Уауа (блескы), племя, 427.
 Уахъ-эль-Габріеъ, оазисъ, 535.
 У-Бумъ, островъ, 51, 52.
 У-Гавда, королевство, 46, 50, 52, 53, 104, 113, 115, 118, 120, 126, 128, 130.
 У-Ду, область, 114, 123.
 Уей, рѣка, 154, 156.
 Уиндермиръ, озеро, 111, 112.
 У-Кава, островъ, 47, 108, 124.
 Улебъ-Аббасъ, племя, 348.
 Ума, рѣка, 272.
 Умъ-эль-Кетефъ, заливъ, 455.
 У-Намави, страна, 44, 101, 108, 109.
 У-Ніоро, страна, 56, 127, 128.
 У-Римо, округъ, 108.
 У-Сагара, область, 113.
 У-Сога, область, 120.
 У-Суй, племя, 104, 109.
 У-Сукумъ, область, 107.
 Уссубъ-Оммане, гора, 416.
 Уэлле, область, 26, 113.

Ф.

Фадаси, область, 356.
 Фаджелло, гора, 143.
 Фаджеллу, племя, 154.
 Фадлбекъ, гора, 143.
 Фазогль, гора, 355.
 Фазогль, городъ, 355, 373.
 Файимъ, провинція, 84, 87, 88, 487, 492, 586, 593.
 Факи-Эндоа, городъ, 367.
 Фалоро, мѣстечко, 143.
 Фамака (см. Фазогль).
 Фамиканъ (см. Бахръ-эль-Арабъ).
 Фаны, племя, 28.
 Фараджакъ, городъ, 143.
 Фарасъ-Саберь, городъ, 247, 264.
 Фараффе, оазисъ, 463, 464, 468, 470, 536, 538.
 Фаредга, оазисъ, 467, 538.
 Фарре, городъ, 297, 316.
 Фаросъ, островъ, 574, 580.
 Фатигаръ, область, 270.
 Фатико, городъ, 142.
 Фашода, городъ, 175.
 Фекере-Гемъ, гора, 296.
 Феллаты, народъ, 382.

Феллапши, племя, 211.
 Фенджа, городъ, 240, 247.
 Ферка-Беръ, таможня, 240.
 Фецданъ, оазисъ, 472, 475.
 Фешнъ, городъ, 540.
 Финикъ, городъ, 368, 373.
 Финфины, округъ, 273.
 Финфины, племя, 294.
 Финфины, равнина, 307.
 Фиче, городъ, 304, 315.
 Фишо, этапъ, 254.
 Фовейра, городъ, 130, 131.
 Фогара, область, 240, 241.
 Фоже, городъ, 407.
 Фолла, городъ, 316.
 Форъ, страна, 63, 135, 323, 337.
 Фремона, городъ, 252.
 Фуахъ, городъ, 572, 582.
 Фуласы, вародъ, 403.
 Фунджа, народъ, 24, 335, 336, 365, 524.

Х.

Хабешъ, область, 175, 176, 180.
 Хабабы (Азъ- Гибессы), племя, 216, 217.
 Хагаръ, городъ, 188.
 Ханкъ (Ганкъ), озеро, 192, 195.
 Халигъ, каналъ, 552.
 Хамиты, народъ, 423.
 Харге, оазисъ, 463, 470, 483, 538.
 Харгехъ, городъ, 582.
 Харраръ (Гарартъ), городъ, 297, 298.
 Хартумъ, городъ, 134, 323, 354, 358, 373, 416, 427.
 Хоръ, рѣка, 74.
 Хота, гора, 272.
 Хума (Хумасы), племя, 109, 111, 113.

Ц.

Цадъ-Амба, гора, 189.
 Цаллинь, гора, 188.
 Цвай, озеро, 274, 308.
 Целланы, народъ, 214.
 Целари, рѣка, 195.
 Цикуаль, горы, 275.

Ч.

Чадъ (Чадъ), озеро, 6, 10, 21, 395.
 Чаликуть, городъ, 252, 264, 268.
 Чангаръ, село, 240.
 Чельга, городъ, 239, 247, 268.
 Чилимо, гора, 271.
 Чиппендалъ, гора, 58.
 Чора, городъ, 309, 315.

Ш.

Шаба, гора, 322.
 Шайкіехъ, племя, 432.
 Шакка, гора, 269, 270.
 Шалагане, островъ, 563.
 Шангаласы, племя, 170, 388, 342.
 Шаркіехъ, каналъ, 563.
 Швейнфуртъ, гора, 58.
 Шейхъ-Абадехъ, мѣстечко, 539.
 Шейхъ-Абдала, островъ, 370.
 Шейхъ-Абъ - эль-Курнахъ, гора, 527.

Шекка, мѣстечко, 408.
Шеллфъ, рѣка, 10.
Шеллали, племя, 518.
Шелота, гора, 252.
Шенди, городъ, 362, 378.
Шибинъ-эль-Канатеръ, станція,
565.
Шибинъ-эль-Комъ, городъ, 571,
581.
Шиллуки, народъ, 24, 124, 143,
171, 335.
Ширы, племя, 163.
Шоа, королевство, 178, 179, 208,
219, 246, 256, 267, 275, 276, 294,
297, 302, 304, 315, 316.
Шоа-Мору, деревня, 54.
Шогосы, племя, 224, 279.
Шона, гора, 142.
Шохо, племя, 218.
Шукрехи, племя, 347, 432.
Шули, племя, 139, 140, 141.

Э.

Эганъ, гора, 272.
Эдъ, гавань, 197, 265.
Эдъ-Дамеръ, городъ, 369, 370,
374.
Эджугаллы, племя, 294, 296.
Эдку (Эдко), озеро, 94, 573.

Эдфу, городъ, 520, 522.
Элефантина («Островъ цвѣтовъ»),
79, 519.
Эль-Араджъ, оазисъ, 464, 470.
Эль-Аришъ, городъ, 568, 582, 593.
Эль-Биркетъ, озеро, 377.
Эль-Кабъ, деревня, 522.
Эль-Кантара, деревня, 567.
Эль-Касръ, городъ, 535.
Эль-Кефъ, пригородъ, 371.
Элить, деревня, 540.
Эль-Натрунъ, долина, 469.
Эль-Обендъ, городъ, 289—292, 376,
381.
Эль-Рахадъ, озеро, 377.
Эль-Сафи, оазисъ, 392.
Эль-Сафи, озеро, 393.
Эль-Тебъ, оазисъ, 372.
Эль-Уастъ, мѣстечко, 540.
Эль-Фашеръ, городъ, 404, 405, 407,
408.
Эль-Халла, лѣсъ, 400.
Эль-Харге, оазисъ, 531, 534, 535,
538.
Эманбреть (Эмемреть), гора, 296.
Эмбабе, деревня, 563.
Эминъ-бей, гора, 58.
Эмика, деревня, 440.
Эмфрасъ, округъ, 240.
Энтото, гора, 271.

Эритрейское море, 74.
Эрмантъ, деревня, 522.
Эснехъ, провинція и оазисъ, 593.
Эсь-Суръ, деревня, 364.
Этбай, горы, 411, 415.
Эфатъ, провинція, 297.
Эюопія, страна, 3, 5, 28, 175, 176,
179, 180, 185, 187, 189, 196, 200,
206, 211, 214, 231, 233, 235, 237,
252, 256, 269, 272, 286, 288, 295,
313, 317, 327, 334, 357, 358, 360,
366, 462.
Эюоцкія, горы, 203, 355.
Эюоши, народъ, 175, 223, 225,
228, 245, 338.

Ю.

Юакеръ, гора, 58.
Юпитеръ-Аммонъ, храмъ 464.

Я

Ябусъ, рѣка, 72.
Явашъ, рѣка, 331.
Ямбо, племя, 167.
Янгара, государство, 309, 311,
312.
Яхуды (евреи), 494.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Томъ одиннадцатый.

Съверная Африка. Тунисъ, Алжирія, Марокко, Сахара.

А.

Абазардженъ, плато, 790.
Абенидаты, племя, 17.
Аберджушъ, долина, 96
Абла, уэль, 512, 712.
Абдъ-энъ-Нуръ, племя, 396, 542.
Абидъ-Сиди-Бохари, солдаты, 707.
Абиды, племя, 415, 419.
Абила, гора, 612.
Абиссинцы, народъ, 739.
Або, гора, 733.
Абуамъ, ксаръ, 693.
Абукиръ, городъ, 474.
Абу-Наимъ, оазисъ, 73, 74.
Ага, мѣстечко, 444.
Агадестъ, городъ, 749, 755, 788,
791, 793, 794.
Агадиръ, городъ, 677, 683.
Агединъ, мысъ, 616.
Агеладъ, горный проходъ, 122.
Агенетъ, гора, 755.
Агу, деревня, 678.
Аграмъ, оазисъ, 749.
Адгалъ, область, 794—796.
Аддаръ, мысъ, 143, 218.
Аддувъ, гора, 399.
Аджабія, городъ, 30, 35.
Аджарскія горы, 122.
Аджерудъ, уэль, 306, 599.
Аджимъ, городъ, 188.
Адраръ, область, 787, 806—808.
Аларъ, гора, 693, 752, 753, 783,
799, 801.
Адуаны, племя, 522.
Азджаръ, плоскогорье, 767, 773,
787.
Азджары, племя, 117, 763, 764.
Аземуръ, городъ, 667, 712.
Азеръ, племя, 805.
Азефунъ, гора, 296, 416, 440.
Азибъ-Замунъ, колонія, 441.
Азилъ, городъ, 649, 650.
Аинъ-Абесса, городъ, 406, 413.
Аинъ-Бенинъ, гора, 455.
Аинъ-Бессемъ, равнина, 409.
Аинъ-Махди, монастырь, 521, 525,
587.

Аинъ-Мохра, село, 388, 390.
Аинъ-Назергъ, рѣка, 475.
Аинъ-Руа, городъ, 407, 536, 540.
Аинъ-Сефа, оврагъ, 472.
Аинъ-Смары, городъ, 404.
Аинъ-Сифизифа, городъ, 536.
Аинъ-Тайба, котловина, 724.
Аинъ-Темушентъ, городъ, 333,
485, 494, 574, 600.
Аинъ-Шаиръ, область, 696.
Аинъ-Шерфа, округъ, 690.
Аинъ-эль-Абидъ, область, 381.
Аинъ-эль-Гаджаръ, мѣстечко, 475.
Аинъ-эль-Хаджаджъ, гора, 773.
Аинъ-эль-Регада, область, 381.
Аинъ-эль-Султанъ, деревня, 468,
511.
Аиръ, оазисъ и городъ, 714, 749,
787, 790, 791.
Аиссауа, племя, 636.
Аисси, уэль, 418, 420, 438.
Аинъ-Атта, племя, 691, 693.
Аинъ-Батрутъ, племя, 418.
Аинъ-Бу-Юссефъ, племя, 416.
Аинъ-Гала, деревня, 410.
Аинъ-Гобри, племя, 420.
Аинъ-Дженнадъ, горы, 438.
Аинъ-Дженнадъ, племя, 417.
Аинъ-Иджеръ, племя, 424.
Аинъ-Иджермененъ, племя, 416.
Аинъ-Иенини, племя, 425.
Аинъ-Иратены, племя, 420, 442.
Аинъ-Сдигъ, племя, 692.
Аинъ-Седратъ, территорія, 691.
Аинъ-Сери, вакія, 665.
Аинъ-Таццерультъ, племя, 679.
Аинъ-Уагенунъ, племя, 417, 419.
Аинъ-Уакалъ, гора, 606
Аинъ-у-Афелла, союзъ племенъ,
641.
Аинъ-Угли, племя, 420.
Аинъ-Фраусенъ, племя, 416, 418,
425.
Аинъ-Юсса, область, 655.
Аинъ-Яхія, гора, 418, 603, 640.
Аинъ, гора, 603, 610.
Аиашинъ, горы, 604.
Аинъ-Бенда, плоскогорье, 303, 311
313, 373, 380, 395.
Аинъ-Геттара, плоскогорье, 375.
Аинъ-Драгамъ, крѣпость, 241, 250,
252, 263.
Аинъ-Кебрить, мѣстность, 32.
Аинъ-Керма, деревня, 395.
Аинъ-Мита, ключъ, 323.
Аинъ-Стисифъ, ключъ, 299.
Аинъ-Тедлесь, плато, 471.
Аинъ-Удрефъ, рѣка, 193.
Аинъ-эль-Ферстъ, источникъ, 112.
Аинъ-ашъ-Шехадъ, ключъ, 24.
Аинъ-Икуть, станція, 508.
Айссаяу, братство, 212.
Акабахъ-эль-Солумъ, гора, 10.
Акаль, рѣка, 409.
Акбаиль (кабилы), племя, 627.
Акбу, гора, 296, 310, 410, 417.
Акеби, городъ, 784.
Аккара, племя, 177, 185.
Акфаду, переваль, 296.
Алаото-Киу, плоскогорье, 733.
Алаффъ, племя, 524.
Алтѣфна, островъ, 451.
Алжирцы, вародъ, 228.
Алжирія, страва, 266, 599.
Алжиръ, городъ, 331, 412, 439, 442,
444, 446, 447, 448, 451, 452, 458,
461, 462, 494, 535, 539, 542, 547,
557, 566, 571, 576, 580, 585, 595,
596, 597.
Алжиръ, провинція, 544, 584, 599.
Али-энъ-Насть, гора, 304.
Альборанъ, островъ, 644.
Альмара, мѣстечко, 457, 462.
Альмерія, портъ, 483, 493.
Альморавиды (Марабыты), 671.
Альхусемасъ, воен. посты, 644.
Амадгоръ, городъ, 758, 773.
Амамра, племя, 358, 495.
Амаруа, племя, 420.
Амми-Муса, городъ, 471.
Амра, равнина, 196.
Амсакъ, гора, 95.
Амура, городъ, 468.
Амуръ (Аморъ), гора, 238, 299, 300.
Ангадъ, равнина, 484, 491.
Анградостъ-Руйвостъ („Бухта Бар-
венъ“), бухта, 808.

- Аніемерь, горы, 604.
 Анти-Атласъ, горы, 132.
 Аокасъ, мысъ, 416.
 Арадъ, провинція, 191, 266.
 Араунъ, городъ, 803, 804.
 Арба, мѣстечко, 458, 462.
 Арз (Арзевъ), городъ, 475, 478, 479, 480, 571.
 Арзевскій заливъ, 307, 474.
 Арзевъ («Львина гора»), мас-сивъ, 290.
 Аразенскія горы, 279.
 Арибъ, равнина, 409.
 Ариана, область, 234.
 Аршешуфъ, ключъ, 112.
 Асбенъ (Абсенъ), страна, 787, 793.
 Асіу, колодцы, 788.
 Аслы, городъ, 539.
 Ассака, уездъ, 683.
 Ассоди, городъ, 792.
 Асфи (Саффи), городъ, 669, 672, 712.
 Атлассъ, горы, 131, 460, 605—610, 617, 623, 624, 627, 632, 635, 641, 653, 663, 669, 675, 797.
 Аттаръ, городъ, 807.
 Ауара, союзъ племенъ, 776.
 Аугерутъ, оазисъ, 782.
 Аудерастъ, долина, 792.
 Ауджилла, оазисъ, 31—37, 73, 104, 116, 128.
 Ауладъ-Ази, племя, 17.
 Ауладъ-бу-сифъ, племя, 69.
 Ауладъ-беллиль, племя, 121.
 Ауладъ-слиманъ, племя, 69, 100, 743, 748.
 Ауладъ-хрисъ, племя, 69.
 Ауладъ-юзефъ, племя, 69.
 Аулафъ, городъ, 784.
 Аурагены, племя, 790.
 Аурестъ, область, 500, 502, 503, 504, 515.
 Ауресъ, горы, 157, 288, 357, 504, 508, 558.
 Ауэлиминденъ, племя, 795.
 Афары, племя, 415.
 Афафи, горы, 733.
 Афлу, городъ, 523, 535, 600.
 Афферниль, городъ, 468, 470, 473, 599.
 Ахаггаръ, гора, 756—760, 767, 771, 773, 774, 794.
 Ахаггарты, племя, 763, 764, 773.
 Ахазтаръ, городъ, 277.
 Ахдайръ, гора, 471.
 Ахмаръ-Кадду, гора, 303.
 Ашаша, племя, 465.
 Ашешъ, народецъ, 496.
- Б.
- Баборъ, область, 402.
 Баборъ, горы, 296, 297, 298, 311, 338, 403, 412, 414.
 Бабъ-Азунъ, предметъ, 444.
 Бабъ-эл-Бахаръ, арка, 412.
 Бабъ-эл - Джезира, предметъ, 226.
 Бабъ-эл-Уэдъ, предметъ, 444, 448.
 Бабъ-эст-Сунка, предметъ, 226, 227, 228.
 Багиретъ-эл-Бибанъ, озеро, 157.
 Багла, рѣка, 151.
 Баграда, рѣка, 147, 149, 168.
- Багсень, горы, 788.
 Бадесь, пость, 504.
 Баллуль-Бассо, уездъ, 794.
 Бамбара, область, 448.
 Бани, горы, 62, 608, 609, 629.
 Барбастъ, мысъ, 798.
 Бардай, мѣстечко, 742.
 Бардо, городъ, 264.
 Барика, округъ, 600.
 Барка, провинція, 2, 6, 11, 12, 14—19, 28, 128, 613.
 Барка-эль-Бенда («Бѣлая барка»), горы, 11, 13.
 Батва, городъ, 300, 303, 390, 499, 503, 504, 508.
 Батофль (Баттифаль), оазисъ, 36.
 Бахира (Багира), озеро, 226, 229, 231, 232, 234.
 Бахръ-Гахтани, «подземное мо-ре», 325.
 Бахръ-эль-Газаль, озеро, 734, 743.
 Бахръ-эль-Дудъ, озеро, 94.
 Бахръ-эль-Трупія («Натровое мо-ре»), озеро, 94.
 Баэле, племя, 741.
 Башра, гора, 291.
 Беджа, племя, 175.
 Беджай, см. Бужи.
 Бежа, городъ, 241, 248.
 Бейашъ, рѣка, 196.
 Бейдха, ручей, 56.
 Беледъ-эль-Джеридъ, лѣсъ, 166, 167, 193.
 Белелита, гора, 389.
 Белезма, гора, 508.
 Белліунешъ, горный массивъ, 611.
 Бель-Аббасъ, колодезъ, 797.
 Бельгурль, гора, 693.
 Белькуръ, пригородъ, 444.
 Бель-Кушъ, крѣость, 667.
 Бенгази, городъ, 10, 13, 14, 16—19, 23, 28—32, 128.
 Бени, племя, 643.
 Бени-аббесъ, племя, 408, 425.
 Бени-Айша, горный проходъ, 441, 442.
 Бени - Али - Шерифъ, монастырь, 431.
 Бени-амерь, племя, 477.
 Бени-Амранъ, поселеніе, 441.
 Бени-барбарь, племя, 496.
 Бени-брагимъ, племя, 532.
 Бени-бу-мессаудъ, племя, 410.
 Бени-гаммадъ, племя, 410.
 Бени-Гассанъ, гора, 611, 616, 622.
 Бени - Гессемъ (бени - Гассантъ), племя, 663.
 Бени-Гиль, племя, 695.
 Бени-Гумы, племя, 699.
 Бени-Эйдъ, племя, 177, 191.
 Бени-Исегентъ, городъ, 531, 541.
 Бени-Іени, племя, 424.
 Бени-Маггана, острова, 444.
 Бени-Маггана, племя, 442.
 Бени-Мансуръ, крѣость, 409, 412, 425.
 Бени-Мансуръ, племя, 420.
 Бени-Мгиль, племя, 641.
 Бени-Мелладъ, область, 667.
 Бени-Менассеръ, племя, 464.
 Бени-Мениръ, племя, 494.
 Бени-Мескинъ, племя, 664.
 Бени-Мзабы, племя, 179, 500, 521, 527, 531.
 Бени-Мохамедъ, племя, 685.
 Бени-Муса, гора, 292, 667.
- Бени-Сафъ, городъ, 492, 494, 571, 574.
 Бени-Сала (Бени-Салахъ), горы, 139, 292, 371, 375, 460.
 Бени-Сбихъ, городъ, 686, 712.
 Бени-Сиссінъ, племя, 532.
 Бени-Сите, племя, 697.
 Бени-Слимантъ, равнина, 280, 409, 440.
 Бени-Смиръ, гора, 299.
 Бени-Снасанъ, см. Бени.
 Бени-Уатгинъ, племя, 532.
 Бени-Уазиты, племя, 117.
 Бени-Уарсусъ, племя, 494.
 Бени-Улайдъ, колодезъ, 79.
 Бени-Улды (теску), племя, 117.
 Бени-Уніфъ, мѣстечко, 698.
 Бени-Урагъ, племя, 470.
 Бени-Хаалъ, колодезъ, 572.
 Бени-Хріаръ, мѣстечко, 218.
 Бени-Шугранъ, гора, 291.
 Бени-Ясенъ, мѣстечко, 438.
 Бенъ-аджела, племя, 69.
 Бенъ-Афіевъ, гора, 92.
 Бенъ-Саси, крѣость, 670.
 Бенъ-Шикао, деревня, 468.
 Берабишъ, племя, 803, 804.
 Берберія, страна, 272, 358, 425, 600, 616, 656, 686, 735, 774.
 Берберы, народъ, 64, 100, 116, 136, 173, 192, 213, 356, 359, 363, 364, 369, 372, 470, 495, 498, 501, 512, 527, 528, 535, 543, 590, 608, 626, 631, 636, 641, 676, 680, 691, 696, 763, 776, 790—793.
 Берранъ, городъ, 532, 541.
 Беруагія, городъ, 440.
 Бибанъ, озеро, 172.
 Бибанъ («Ворота»), горы, 297, 298, 311, 407, 408, 412, 414.
 Бибауанскій горный проходъ, 676.
 Бибель, гора, 53.
 Бидейать (базэе), племя, 731.
 Бизацена, область, 371.
 Бизверта, городъ, 164, 165, 247.
 Бизертское озеро, 147.
 Бильма, оазисъ, 748, 792.
 Бирмандрейстъ, селеніе, 456.
 Бирса, гора, 236.
 Бирхадемъ, селеніе, 455.
 Бирь-Мешру, колодезъ, 108.
 Бирь-Рабалу, колонія, 409, 413.
 Бирь-Расамъ, долина, 32.
 Бирь-эль-Неофъ, островъ, 155.
 Бискера, городъ, 300, 303, 315, 499, 503, 512—516, 523, 541, 560, 576, 583, 597, 600, 772.
 Бискрійцы, 355, 447.
 Бледъ-Гитунъ, рѣка, 441.
 Бланданъ, поселеніе, 383.
 Бланко, мысъ, 602, 715, 798, 799, 800, 808.
 Бледъ-эль-Адуа, страна, 415.
 Бледъ-эль-Атешъ, пустыня, 328.
 Бледъ-эль-Гунебъ (Аннаба), го-родъ, см. Бона.
 Бледъ-эль-Сиба, страна, 601.
 Бліда, городъ, 459.
 Бознамъ, оазисъ, 617.
 Богари (Буерари), деревня, 467, 473, 575.
 Богаръ, городъ, 292, 473, 527, 600.
 Бокальта, городъ, 266.
 Большой Атласъ, горы, 278.
 Большая Каблай, область, 447, 420, 425, 437, 440, 457.

Большой Сиртъ, заливъ, 5, 7, 8, 30, 35, 39, 44, 46, 56, 57, 63, 69, — 73, 160, 163, 165, 522.
Бомба, заливъ, 10, 20, 23.
Бона, городъ, 231, 248, 256, 257, 279, 373, 380, 383, 384, 387—452, 484, 495, 560, 571.
Бонсий заливъ, 389.
Бонь, мысъ, 133, 163, 165, 171, 337.
Борджъ, община, 598.
Борджъ-Богни, село, 439.
Борджъ-Бу-Арриджъ, городъ, 407, 413.
Борджъ-Джедидъ, фортъ, 247.
Борджъ-Менайель, городъ, 442.
Борджъ-эль-Бабъ, замокъ, 159.
Борджъ-эль-Контора, замокъ, 159.
Борку, область, 714, 728—734, 741, 743.
Борну, страна, 103.
Ботиа, деревня, 478.
Боходоръ, мысъ, 715, 801, 808.
Брайга, гавань, 30, 46.
Бракна, племя, 806.
Брактъ, городъ, 105, 109, 128.
Бринкентъ, городъ, 783, 787.
Буакъ, мысъ, 412.
Бу-Арриджъ, городъ, 598.
Бу-Сакре, городъ, 440.
Бу-Гайлъ, оазисъ, 196.
Бу-Гедма, гора, 177, 199, 201.
Бу-Герара, лагуна, 157.
Бу-Гдура, уэль, 419, 439.
Бу-Горунъ, гора, 401.
Буда, оазисъ, 783.
Бу-даудъ, племя, 420.
Бу-Дерга, гора, 299.
Булжема (Бу-Джема), притокъ, 384.
Бу-Джеридъ, каменоломня, 204.
Бу-Дриасена, плато, 507.
Бу-Дуау, мыстечко, 457.
Бужи, городъ, 279, 338, 348, 406, 409—413, 420, 442.
Бужи, заливъ, 310.
Бужи, округъ, 417, 598.
Бузареа, гора, 455.
Бу-Зареа, гора, 290.
Бузая, племя, 791.
Бу-Зегза, гора, 292.
Буира, крѣость, 409.
Бу-Курнейнъ, гора, 143.
Булагут (касарь), городъ, 641.
Бульгеда, племя, 741.
Бу-Мерзугъ, притокъ, 311, 390, 391, 394, 395.
Бу-Нджеимъ, деревня, 79, 91, 128.
Бу-Нура, городъ, 531, 541.
Бурника, городъ, 462.
Бу-Реграгъ, река, 617, 627, 661.
Бу-Сада, городъ, 313, 509, 541, 543, 600.
Бусейма, оазисъ, 44.
Бусейма, озеро, 40, 43.
Бу-Селламъ, уэль, 310, 404, 562.
Бу-Семгунъ, искуръ, 539.
Бу-Тлелисъ, мыстечко, 485.
Буфарицъ, городъ, 459, 462, 557.
Бу-Хаимъ, гора, 510.
Бу-Ханефисъ, деревня, 417.
Бу-Хеллиль, гора, 659.
Бушанибъ, племя, 424.
Бу-эль-Джалъ, мыстечко, 665.
Бу-Яла, гора, 399.

В.

Ваджангъ, оазисъ, 34, 36, 39, 714, 731, 736.

Вау, оазисъ, 741, 742.

Вау-Гарипъ, оазисъ, 97.

Вау-эль-Кебиръ («Большой-Вау»), оазисъ, 90.

Вау-эль-Намусъ, оазисъ, 75, 97.

Вау-эль-Сериръ («Малый Вау»), оазисъ, 97.

Верхній Сенегаль, река, 283.

Вунъ, оазисъ, 743.

Г.

Габесъ, городъ, 164, 168, 252, 258, 263, 266, 373, 576.

Габесъ, заливъ, 53, 110, 130, 132, 138, 152, 154, 160, 319.

Габра, река, 307, 308, 328, 330.

Гага, область (амалатъ), 712.

Гада, плоскорье, 642.

Гадамесь, городъ и оазисъ, 51, 60, 76, 80, 86, 104, 109, 115, 128, 354—716, 723, 751, 772, 784, 788.

Гадамесы, народъ, 119.

Гаджаръ-эль-Хенга, скала, 382.

Гаджуты, племя, 455, 457.

Газемъ, племя, 177.

Гайзеръ, гора, 295.

Галуль, озеро, 462.

Галлуфа, гора, 374.

Галькъ-эль-Менгель, река, 150.

Гамадатъ, племя, 69.

Гамада-эль-Гомра («Красное плато»), 40, 50, 52—61, 80, 109, 120.

Гамамма, племя, 177, 195, 196.

Гамбетта, предметъ, 484.

Гамданъ, уэль, 381.

Гамизъ, река, 308, 328, 457, 458.

Гаміанъ, племя, 781.

Гамма, городъ, 395, 404, 455, 456, 558.

Гаммаметь, городъ, 216, 219.

Гаммаметь, заливъ, 132, 138, 164.

Гаммамъ-Бу-Гара, ключи, 491.

Гаммамъ-Бу-Хаджаръ, ключи, 485.

Гаммамъ-Курбестъ, ключъ, 219.

Гаммамъ-Лифъ, область, 219, 266.

Гаммамъ-Мелуанъ, ключъ, 458.

Гаммамъ-Рига, саваторія, 461.

Гаммамъ-эль-Бэизда, ключъ, 383.

Гаммамъ-эль-Месхутинъ, поселение, 354, 381, 382, 485.

Гаммамъ-эль-Салехинъ, ключъ, 512.

Ганенша, племя, 372.

Гараа-эль-Гутъ, озеро, 312, 380.

Гараа-отъ-Тарфъ, озеро, 380, 503.

Гараби, племя, 17.

Гаракта, племя, 380.

Гарама, племя, 105.

Гараманты, народъ, 43.

Гаратини, племя, 635, 686, 716.

Гарбъ, провинція, 636, 650, 701.

Гарбъ-эль-Изарь, область (амалатъ), 712.

Гардайа, городъ, 527, 531, 583.

Гардимау, деревня, 147, 240, 241.

Гардъ, мысъ, 298, 384, 388.

Гаріа, оазисъ, 61.

Гарія-эль-Гарбія (Западная), городъ, 79.

Гарія-эль-Шеркія (Восточная), городъ, 79.

Гарранть, уэль, 291, 308, 327, 444, 458.

Гарса, солончакъ, 150, 169, 319, 496.

Гартенесы, народъ, 124.

Гару, городъ, 746, 748.

Гаруджъ-эль-Абладъ («Гаруджъ Бѣлый»), холмы, 91, 95.

Гаруджъ-эль-Асуадъ («Гаруджъ Черный»), горы, —47, 48, 73, 92, 100.

Гасса, ключъ, 53.

Гастонвиль, городъ, 404.

Гата, городъ, 76.

Гатрунъ, городъ, 96, 108, 109.

Гаусса, область, 71, 103, 448, 791, 792.

Гафса, городъ, 747, 749.

Гафса, оазисъ и городъ, 192, 196, 199, 220, 238, 263, 264—266.

Гезуль, гора, 471.

Гелатъ, уэль, 372.

Гельма, городъ, 256, 257, 311, 382, 383, 390, 395, 566, 574.

Гельма, округъ, 598.

Гельть-эль-Стель, горы, проходъ, 294.

Гемаръ, городъ, 522, 541.

Герантъ, оазисъ, 92.

Гера-эль-Мелахъ (Гара), озеро, 312.

Гера-эль-Убайра, озеро, 312.

Гересь, область, 790.

Гесперида, городъ, 27.

Геттаръ, гора, 299.

Генула (гештула), племя, 627.

Гештулы (иешдулы), народъ, 419, 778.

Гикена, гора, 755.

Гилавія, городъ, 212.

Гиллиль, уэль, 471.

Гисеры, племя, 419.

Глауа, горы, проходъ, 604.

Годва, оазисъ, 95.

Годва, гора, 298, 300, 315, 327, 404, 504, 508, 509, 560.

Голетта (Гулетта), городъ, 231, 232, 234.

Гонейнъ, городъ, 289, 492.

Гонейнъ, мысъ, 492.

Гонтасъ, гора, 279, 292.

Гонтъ, городъ, 77.

Гофра, долина, 96, 128.

Гроне, становище, 805.

Гсаны (Гещдави), цыгане, 368.

Гуара (племя), 642.

Гурайя, мыстечко, 464, 467.

Гуара, городъ, 532, 535, 572.

Гуара, область, 774, 779, 780.

Гуріанская горы, 5.

Гуссейнъ-бей, мыстечко, 599.

Д.

Даггатуны, народецъ, 795.

Дадесь, река, 618, 685.

Дазаны, народецъ, 740, 741, 743, 749.

Дайя, гора, 291.

Дайл, округъ, 477, 600.

Даміетта, мыстечко, 468.

Дарфуръ, страна, 37, 731, 740.

Дарь-эль-Бенда, городъ, 663, 712.

Дахелать-эль-Магуинъ, полуостровъ, 143, 218, 219, 264.

Дахель, оазисъ, 715.

Дахла, равнина, 147, 148, 313.

- Дахмусъ, уэль, 464.
Дахра, гора, 279, 287, 290, 308, 363, 462, 468.
Дахра, область, 464, 465, 466.
Двурогая, гора, 219.
Дгашъ, деревня, 195.
Дебайя, озеро, 619.
Дебду, городъ, 641, 642, 712.
Дедмаки (тадемаки), племя, 175.
Делись, округъ, 597.
Делись, гора, 296.
Делись, городъ, 440, 600.
Делись, мысъ, 279.
Дельдуль (Дельдунъ), городъ, 780.
Дель-Эсте, заливъ, 808.
Деммедь, река, 527.
Лемната, городъ, 667, 712.
Денхаджи, племя, 356.
Деружъ, оазисъ, 120.
Деренъ, гора, 132, 278, 600, 605, 606.
Деркауа, племя, 636.
Дерна, городъ, 16, 17, 23, 24, 128.
Джаафа, гора, 503.
Джало, оазисъ, 32, 35, 36, 73, 104, 128.
Джара, мѣстечко, 188, 191.
Джарабуба, городъ, 18, 39.
Джарабы, племя, 528.
Джахли, предметъ, 482.
Джаютъ, область, 750.
Джабадо, оазисъ, 744.
Джебель, гора, 9, 53, 54, 128, 157.
Джебель-Аласса, гора, 299.
Джебель-Айатинъ, гора, 603, 604.
Джебель-Айтъ-Уакаль, мысъ, 677.
Джебель-Акаусъ, гора, 124.
Джебель-Амуръ, гора, 299, 300, 308, 467, 509, 511, 523.
Джебель-Арбетъ, гора, 144.
Джебель-Ауресь, гора, 141, 265, 283, 295, 300, 303, 311, 313, 316, 328, 340, 357, 358, 364, 374, 391, 404, 495, 498, 499, 504, 540.
Джебель-Аххагаръ, гора, 91, 103, 134, 304.
Джебель-Ахдаръ («Зеленая гора»), 10, 11, 14, 16, 17, 31, 128.
Джебель-Ахмарь, гора, 149.
Джебель-Белла, гора, 438.
Джебель-Берберу, гора, 142.
Джебель-Биръ, гора, 250.
Джебель-Бу-Гедма, гора, 144.
Джебель-Бульбуль («гора соловья»), 50.
Джебель-Бусейма, гора, 43, 44.
Джебель-Галукъ, гора, 142.
Джебель-Гаузъ, гора, 612.
Джебель-Горра, гора, 243.
Джебель-Гурланъ, гора, 54, 56, 59, 67, 72, 80, 85, 499.
Джебель-Гуру, гора, 300.
Джебель-Гуфи, гора, 400.
Джебель-Джугаръ, гора, 142.
Джебель-Диръ, гора, 299, 293, 297, 409.
Джебель-Дукканъ, гора, 372.
Джебель-Зима, массивъ, 292.
Джебель-Иефренъ, гора, 53, 64, 74, 144.
Джебель-Кебиръ, гора, 649.
Джебель-Ларбеахъ, гора, 241.
Джебель-Магранъ, горы, 603.
Джебель-Мадгидъ, гора, 298.
Джебель-Мастал, гора, 508.
Джебель-Мерджаджа, гора, 484.
Джебель-Мермаль, гора, 140.
Джебель-Метмата, гора, 174.
- Джебель-Мзи, гора, 299.
Джебель-Мсилъ, гора, 54.
Джебель-Муса, гора, 611.
Джебель-Нари, гора, 44.
Джебель-Нефусъ, гора, 67, 109, 144, 179.
Джебель-Окбахъ, гора, 300.
Джебель-Рессасъ («Свинцовая гора»), 142, 219.
Джебель-Сантонъ, гора, 479.
Джебель-Саттера, гора, 298.
Джебель-Сенальба, гора, 300.
Джебель-Сиргенъ, гора, 44.
Джебель-Таръ, скалы, 49.
Джебель-Тасили, гора, 134.
Джебель-Тельджа, горы, 169.
Джебель-Тиза, 606.
Джебель-Хадамія, гора, 52, 56.
Джебель-Хадидъ, 609.
Джебель-Хаунъ, гора, 234, 238.
Джебель-Шагерунъ см. Малый Атласъ.
Джебель-Шеллать, горы, 395.
Джебель-Шешаръ, гора, 316, 356, 495, 503.
Джебель-Эргенъ, горы, 52.
Джебель-эль-Акабахъ, гора, 128.
Джебель-эль-Галимъ, 673.
Джебель-эль-Ганумъ, горы, 168.
Джебель-эль-Мелахъ («Соляная гора»), островъ, 155.
Джебель-эль-Сода («Черная гора»), гора, 48, 92, 98.
Джедди, река, 299, 304, 315, 352—516, 523, 524, 527, 576.
Джедейда, река, 244.
Джедидъ (Джебидъ), городъ, 105, 109, 128, 188.
Джезират-эль-Макребъ, островъ, 128.
Джельфа, воен. пость, 300, 510.
Джемаэль-Кебиръ, храмъ, 212.
Джемаль, городъ, 206, 266,
Джемора, санаторія, 515.
Джемаэль-Сахриджъ, мѣстечко, 418, 430.
Джендель, гора, 468.
Джендуба, племя, 241.
Джерабинцы, островитяне, 179, 227.
Джерба, островъ, 55, 72, 159, 160, 166, 186, 187, 188, 228, 266, 500.
Джериба, лагуна, 150.
Джерибъ, оазисъ и городъ, 156, 193, 195—197, 256, 257, 266, 276, 318, 516.
Джерма-Кадимъ, пустыня, 105.
Джиджели, городъ, 279, 285, 297, 311, 402, 404, 408.
Джигбена, оазисъ, 73, 74.
Джинетъ, мысъ, 296.
Джофра, оазисъ, 48, 58, 75, 79, 91, 104, 107, 116, 128.
Джоффъ, деревня, 44.
Джрангеди, городъ, 43.
Джурджура, гора, 280, 286, 295, 297, 303, 308, 455.
Джурджура, область, 175, 340, 356, 363, 413, 415, 416, 419, 420, 425, 427, 438, 442, 531, 763, 771.
Диббела, колодецъ, 720, 750.
Дирки (Дирко), городъ, 747, 748.
Діана, городъ, 373.
Догемъ, гора, 788, 792.
Домарь, долина, 735.
Дорса, племя, 17.
- Драва, река, 133, 157, 600, 603, 604, 608, 609, 617, 618, 620, 672, 684, 688, 691—692, 756, 796, 799, 802, 803, 805.
Дранъ, портъ, 452.
Дра-эль-Мизанъ, городъ, 437, 439, 440.
Дуга, долина, 243.
Дузъ, рынокъ, 193.
Дун-белалъ, племя, 632, 688, 691, 802.
Дун-Меніа, племя, 696, 700, 804.
Дуиратъ, гора, 53, 174.
Дуккала, плоскогорье, 612, 667, 702.
Дуэріа, мѣстечко, 455, 599.
Лювервиль, поселение, 383.
Лювенъ, городъ, 403, 404.
Люверре, городъ, 473.

Е.

Егеба, оазисъ, 745, 747.
Ерике, ключъ, 733.

Ж.

Желѣзный мысъ, 311.
Жемаппъ, мѣстечко, 599.
Жербода, низменность, 32.
Жеривиль, гора, 299, 300, 535.
Жеривиль, мѣстечко, 536, 541, 600.

З.

Заачи, мѣстечко, 516, 559.
Заба, оазисъ, 509.
Забъ-Гебли, оазисъ, 515.
Забъ-Дахри, оазисъ, 515, 527.
Забъ-Шерги, оазисъ, 515.
Загаунъ, городъ, 266.
Загуантъ, горы, 150, 216, 220, 236.
Зайръ, городъ, 686.
Зайаны, народъ, 663.
Заккаръ-эль-Гарби, скала, 468.
Замура (Земмура), городъ, 408, 805.
Замура (Земмура), племя, 663.
Зана, солончакъ, 508.
Заргунъ, область и уэль, 315, 658, 659.
Зарзарь, горы, 611, 659.
Зарансъ, портъ, 184.
Зарфау, племя, 420.
Зау, оазисъ, 749.
Зафранъ, гавань, 46, 57.
Заффаринскіе острова, 643.
Захрезъ-эль-Гарби, солончакъ, 313, 510.
Зегду, народъ, 696.
Зелафъ, оазисъ, 93.
Зелла, оазисъ и городъ, 48, 61, 74, 75, 91, 97, 107, 128.
Зембра, островъ, 143.
Зембретта, островы, 143.
Зенага, область, 712.
Зенага (Санхеджа), племя, 627, 687, 699.
Зената, рица, 780, 782.
Зензуръ, мѣст., 88.
Зентана, подземн. галлерен, 80.
Зенфуръ, городъ, 242.
Зераля, мѣстечко, 401.
Зерхунъ, городъ, 712.
Зердева, племя, 390.
Зеризертъ, поселение, 383.
Зериффа, племя, 465.
Зибанъ, горы, 315, 325, 509, 512.

Зибавъ, область, 300, 503.
Зигевъ, городъ и оазисъ, 95, 105, 109.
Зиру, островъ, 158.
Зисъ, долина, 640.
Зисъ, уездъ, 691, 693, 695, 697.
Зластъ, племя, 213.
Зоарахъ, гавань, 88.
Зогава, племя, 731, 741.
Зрагеть, гора, 536.
Зуауа, племя, 418.
Зуила, городъ, 107.
Зуйя, городъ, 128.
Зуйя (Суайл), племя, 17, 36, 43.
Зусфана, уездъ, 696.

И.

Иберийский полуостровъ, 639.
Игаджевы, племя, 123.
Игаргарь, река, 122, 134, 283, 299,
305, 314, 316, 317, 520, 521, 723,
752, 756.
Игиди, пески, 723, 725, 781, 797,
799.
Игли, оазисъ и городъ, 540, 699.
Иделесь, область, 752, 768, 773.
Идененъ, гора, 125.
Иджди, река, 315.
Иджиль, озеро, 806.
Идраренъ-Деренъ, гора, 603, 618.
Илэгъ, городъ, 679, 683, 712.
Иллайтенъ, племя, 425.
Иллуда-Асамерь, племя, 420.
Иллуда-Ималу, племя, 420.
Имазигены, народъ, 628 - 630.
Имананъ, племя, 764, 771.
Имохаги (имошары), нація, 763,
768, 771.
Инвизъ, колодецъ, 784.
Инсалахъ, оазисъ, 753, 764, 775,
779, 784, 802.
Инубленъ, народецъ, 502.
Инъ-Эзокаль, гора, 752.
Ирауэнъ, гора, 757.
Иссаръ, уездъ, 295, 296, 307, 308.
Иссербургъ, городъ, 442.
Иссервиль, городъ, 442.
Иссерская ущелья, 440, 441.
Иссеръ, река, 295, 296, 307, 308,
409, 414, 417, 440, 441, 457, 486,
491, 575.
Итиссаны, народъ, 790, 792, 796.
Ифеттесентъ, гора, 753.
Ифни, бухта, 684.
Ифогасы, племя, 764.
Ишерауенъ, деревня, 419.
Ишъ, городъ, 538.

К.

Кабилія, область, 295, 347, 357,
428, 430, 431, 432, 435, 439, 554,
555, 559, 566, 587, 678.
Кабильы, народъ, 359, 362, 363, 367,
387, 396, 411, 415, 417, 420, 426,
436, 447, 495, 501, 697, 771.
Кабо-де-Агуастъ, см. Мысъ водъ.
Казартъ, оазисъ, 714, 736, 744 -
746.
Казабланка, мѣстечко, 663, 664.
Кайруанское озеро, см. Сиди-эль-
Гани.
Кайруанъ, городъ, 211, 220, 240,
252, 263, 264, 266.
Кайруанъ, округъ, 212.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Калаа-эсъ-Сенамъ, мѣстечко, 141,
176, 372.
Кальб-Баркау, гора, 48.
Камратъ, мысъ, 284.
Канемъ, страна, 744, 749.
Кано, городъ, 792.
Кантинъ, мысъ, 615, 622, 668.
Канури, племя, 745, 746.
Капудіа, мысъ, 264.
Карда, городъ, 105, 109.
Карзасъ, оазисъ и городъ, 774,
781, 782, 788.
Каруба, деревня, 283.
Касба - Бени - Меллаль, городъ,
712.
Касба-эль-Ауанъ, деревня, 642.
Касба-эль-Кедима, крѣпость, 692.
Касринъ, городъ, 214.
Касръ-Гуринъ, замокъ, 125.
Касръ - Фараунъ, „Замокъ фара-
она“, 659.
Касръ-эль-Джебель, городъ, 53, 80.
Касръ-эль-Кебиръ „Большой за-
мокъ“, городъ, 613, 647, 652, 659,
712.
Касръ-эль-Муденинъ, городъ, 185.
Касръ - эсъ - Сериръ, „Малый за-
мокъ“, городъ, 647.
Кассень, городъ, 465.
Кау-Тило, скала, 749.
Кафъ-Мужеладъ, гора, 52.
Кебабо, оазисъ, 44, 736.
Кебили, мѣстечко, 193.
Кедадифа, племя, 89.
Кедровая гора, см. Ауресъ.
Келаа-Кебира, городъ, 266.
Келибія, городъ, 266.
Кельба, озеро, 151, 152, 213, 238,
265.
Кель - Гересы, народъ, 790, 792,
795.
Кельмелль, племя, 786.
Кель-ови, племя, 763, 790, 791.
Кель-рела см. Ахаггари.
Кель Тадемекеты, племя, 175.
Кельтумъ, гора, 303.
Кенафса, племя, 782.
Кенаца, городъ, 712.
Кенаца, уездъ, 696.
Керкенна, островъ, 158 - 161, 171,
172, 202.
Керрата, мѣст., 407.
Кессера, деревня, 142.
Кессерская гамада, 142.
Кетамы, племя, 396.
Кефъ-Гебли, гора, 300.
Кефъ, городъ, 373.
Киблы, гора, 283.
Кирена, городъ, 6, 25, 26.
Киренапа, плоскогорье, 5 - 12,
15 - 17, 20, 23, 32, 103, 135.
Киріаель-Хадешатъ (Картадашъ),
городъ, 235.
Клизель, деревня, 382.
Клошъ, гора, 725.
Кобръ - эръ - Румія, „могила Хри-
стіавки“, гробница, 461.
Колеа, городъ, 408, 461, 462, 599.
Колло, гора, 311, 401, 600.
Колло, городъ, 278, 285, 291, 298,
400, 404, 574.
Конде-Смейду, городъ, 404, 600.
Константина, городъ, 383, 384,
390, 393, 395, 396, 404, 458, 502,
504, 535, 541, 542, 544, 548, 554,
575, 576, 581, 584, 598.

Л.

Лаваранда, мѣст., 468, 470.
Лагуатъ, область, 294, 300, 304,
314, 315, 327, 460, 510, 524,
541, 559, 575, 600.
Лажаль, низменность, 94, 95, 97,
105.
Ла-Калле, городъ, 165, 248, 268,
312, 334, 338, 354, 376, 379, 551,
574, 599, 600.
Лалла-Бурайа, гора, 411.
Лалла-Магнія, городъ, 491, 493,
587, 600.
Лалла-Хедриджа, гора, 295, 303.
Ламбеза, область, 373, 505, 507.
Ламорисьеръ, городъ, 486.
Ламунъ, фортъ, 482.
Ларба, племя, 525.
Лахала (эль-Ахаль), гора, 401.
Лебба, городъ, 128.
Лентидъ, портъ, 82, 83.
Лешкерре, оазисъ, 36, 43, 128.
Либу (ливійцы), народъ, 358.
Ливійская пустыня, 723, 728, 733,
773.
Ливія, оазисъ, 43, 105.
Лишавъ, оазисъ, 516.
Ліана, мѣстечко, 504.
Лохманы, скалы, 48.
Луата (Ліуата), племя, 193, 358.
Луккосъ, река, 650, 651.
Лурмель, городъ, 485.

М.

Маафа, племя, 496.
Мабрукъ, городъ, 804.
Мабуха, болото, 149.
Мавританія, страна, 132, 134, 135,
194, 267, 286, 347, 353, 358, 359,
367, 369, 376, 479, 512, 647, 763.
Мавры, народъ, 135, 807, 808.
Магакты, племя, 419.

- Магамиды, племя, 743.
 Магребъ, "островъ", страна, 152, 157, 192, 267, 284, 286, 304, 328, 358, 370, 575, 610, 618, 620, 623, 632, 636, 639.
 Магребъ - эль - Акса (Марокко), страна, 515, 599, 600, 615, 623, 628, 639, 653, 671, 700.
 Магрисъ, горы, 406.
 Магтеръ, дюны, 798.
 Меджента, мѣстечко, 477.
 Мазагранъ, деревня, 472 - 641, 668, 712.
 Мазера, поселение, 327.
 Мазуна, городъ, 486.
 Манзъ, гора, 299.
 Малка, мѣстечко, 234.
 Макта, рѣка, 285, 307, 312, 474, 476, 478.
 Малая Кабилія, область, 402, 414, 417.
 Малая Лептида, деревня, 206.
 Малый Атласъ, горы, 278, 292, 605, 607, 608, 619, 679, 686.
 Малый Сиртъ, заливъ, 45, 144, 157, 158, 161, 163, 165, 166, 188, 199, 522.
 Малуй, рѣка, 133, 284.
 Мамунъ, городъ, 804.
 Манзуна (Себха-энъ-Нуайлъ), соплончакъ, 152.
 Мансура, плоскогорье, 311, 407.
 Мантерусъ, вулканъ, 54.
 Мануба, мѣстность, 234.
 Марабуты, 108, 764, 772, 781, 792, 795, 808.
 Мараде, оазисъ, 73, 74.
 Маргелиль, уездъ, 150.
 Маргумъ, городъ, 536.
 Маренго, городъ, 462, 600.
 Марибда, народецъ, 682, 802.
 Мармарика, плоскогорье, 19, 32.
 Мароканцы, народъ, 228.
 Марокко, городъ, 669, 678, 680, 681, 687, 797, 807.
 Марокко, страна, 128, 132, 133, 134, 165, 177, 268, 278, 291, 364, 367, 487, 488, 491, 495, 497, 535, 538, 540, 571, 574, 599 - 602, 605 - 607, 610, 612, 616, 618, 620, 622 - 628, 641, 646, 647 - 652, 653 - 655, 660, 667, 693, 697 - 702, 710, 720, 771, 776.
 Марракешъ (Марокко), городъ, 605, 606, 639, 641, 667, 669 - 674, 684, 701, 712.
 Марракешъ-эль-Гамра (Марокко), городъ, 669.
 Марса, городъ, 234, 264.
 Марсатъ-энъ-Сахара (см. оазисъ Нафта).
 Марсъ-эль-Дуджаджъ, портъ, 478.
 Масарфанъ, уездъ, 308.
 Маскара, городъ, 280, 291, 364, 475, 597, 600.
 Маскула, городъ, 373.
 Мессаудъ, уездъ, 783.
 Матаморъ, городъ, 472.
 Матерь, городъ, 247, 266.
 Матерь, область, 266.
 Матифу, мысъ, 458.
 Мафрагъ, рѣка, 312, 375, 389.
 Махдія, городъ, 204, 205, 266.
 Махмель, мѣст., 497.
 Махомедія, область, 266.
 Махрезъ, гавань, 199.
- Мдагра, оазисъ, 691, 692.
 Мдаурушъ, развалины, 375.
 Мдуаль, мѣстечко, 509.
 Мебуджа, рѣка, 383, 389.
 Мегиденъ, уездъ, 775.
 Медеа, городъ, 456, 460, 472, 547, 564, 575, 597, 600.
 Меджана, рѣка, 298, 310, 353.
 Меджезъ - Ахмаръ, "Красный бродъ", 382.
 Мелжевъ - эль - Бабъ, провинция, 244, 266.
 Мелжера, рѣка, 133, 139, 141, 147 - 151, 165, 174, 175, 178, 238 - 240, 244 - 246, 257, 264, 312, 371, 373, 374, 375, 387.
 Мединетъ-Зіана, городъ, 185.
 Мединетъ-эсъ-Кадимахъ, городъ, 196.
 Мединетъ-эсъ-Султанъ, городъ, 57.
 Медрасеть, городъ, 508.
 Мезида, рѣка, 312, 380.
 Мезонъ-Карре, пригородъ, 458, 462, 574, 599.
 Мкайду, гора, 291.
 Мекавемъ, область, 299.
 Мекинецъ, городъ, 656.
 Меккера, рѣка, 477.
 Мекнесь см. Мекинецъ.
 Мелахъ, солончакъ, 192.
 Мелилья (Мелила), городъ, 643.
 Меллегъ, рѣка, 138, 141, 311, 312.
 Мельгигъ (Мельриръ), солончакъ, 156, 314, 316, 318, 319 - 320, 496, 502, 515, 516.
 Мельхъ, уездъ, 404.
 Менаа, городъ, 500, 504.
 Менассеръ, уездъ, 214.
 Менгутъ, мѣстность, 773.
 Менервиль, городъ, 442, 457.
 Мензель, мѣстечко, 191.
 Мензель - Бу - Зальфа, мѣстечко, 219.
 Мензель-Теминъ, мѣстечко, 218.
 Мензель-эль - Джемиль, деревня, 248.
 Ментенотъ, деревня, 464.
 Менфесъ, уездъ, 150.
 Мерада, рѣка, 328.
 Меразги, племя, 193.
 Мергадъ, гора, 299.
 Мергъ-эль-Лиль, уездъ, 211.
 Мерде (Комбъ), городъ, 383.
 Мерджаджо, гора, 484.
 Мерджи, котловина, 26.
 Мерха-эль-Мземма см. Пеньонъ-де-Велетъ.
 Мерсь-эль-Кебиръ, солончакъ, 442, 478, 479, 483, 484.
 Мерсь-эль-Херразъ, солончакъ, 376.
 Меруанъ, солончакъ, 318, 516.
 Мескитъ, область, 686.
 Мескіана, область, 374.
 Мессаура, уездъ, 47, 620, 756, 774, 796.
 Месть, городъ, 242.
 Металитъ, племя, 177.
 Метамеръ, городъ, 185.
 Метили, городъ, 532, 534, 583.
 Метмата, гора, 144, 186.
 Мехарса, племя, 780.
 Мехдія, деревня, 660.
 Мехслефъ, племя, 531.
 Мепеджель, горы, 611.
 Мешерія, гора, 536, 557, 575.
- Мешія, область, 85.
 Мзабиты, племя, 228, 502, 509, 528, 530.
 Мзабъ, городъ и оазисъ, 277, 304, 315, 317, 527, 530, 476, 583, 609, 722, 788.
 Мила, мѣстечко, 401, 404, 599.
 Милана, мѣстечко, 279, 463, 469, 473, 599, 784.
 Мильцинъ, гора, 605.
 Мина, рѣка, 285, 305, 471.
 Мисда, оазисъ, 61.
 Мисергинъ, городъ, 484, 494, 600.
 Мисратъ, городъ, 57, 81.
 Митиджа, рѣка, 279, 290, 292, 328, 419, 455, 456, 457, 459, 462, 468, 476, 557 - 574, 575.
 Михаро, озеро, 757, 759, 764.
 Міадемы, племя, 779.
 Могадоръ, городъ, 601, 609, 610, 614, 615, 621, 622, 624, 633, 641, 672, 673, 680, 687, 712.
 Могарба, племя, 17.
 Могартъ - Тахтани, оазисъ, 536.
 Моджабры, племя, 36.
 Модаба, станція, 536.
 Мокинъ, мѣстечко, 206.
 Мокт-эль-Гадидъ, рудникъ, 388.
 Монастырь (Мистиръ), городъ, 206, 252, 266.
 Мондови, поселение, 383.
 Морнакъ, провинція, 266.
 Моррисъ, поселение, 383.
 Мостаганемъ, портъ, 283, 290, 308, 464, 472, 473, 600.
 Моханцъ, колодецъ, 773.
 Мрининіа, мѣстечко, 690.
 Мсабиха, гора, 289.
 Мсакенъ, городъ, 211, 266.
 Мсіль-энъ-Месселата, гора, 68.
 Мсипла, городъ, 541, 600.
 Мсипъ, уездъ, 315.
 Мта-эль-Грарра, солончакъ, 152.
 Мугаръ-Фубани, городъ, 536.
 Муджары, народъ, 645.
 Муайя, горы, 292, 460.
 Муайивиль, городъ, 461, 462.
 Мундиръ, плато, 752, 774, 787.
 Муила, рѣка, 491.
 Мудай-Измайлъ, лѣсъ, 478.
 Мудай-Эдрисъ, городъ, 659.
 Мульхасенъ, гора, 289.
 Муракъ, городъ, 51, 75, 76, 85, 104, 106, 107, 109, 118, 128 - 136, 744, 748, 750.
 Мустафа, пригородъ, 444, 599.
 Мухтаръ, мѣст., 31, 73.
 Мысъ солнца, 668.
 Мысъ Трехъ Ущелій см. Рasz-эль-Денръ

Н.

- Набель-эль-Кедима (Старый Набель), городъ, 217, 266.
 Набель-эль-Джругъ, горы, вершина, 48.
 Надоръ, гора, 291, 467.
 Надоръ, рѣка, 461, 462.
 Намгръ, см. Могартъ-Тахтани.
 Намусъ, уездъ, 315, 336.
 Нара, крѣость, 504.
 Нафта, оазисъ и городъ, 175, 194, 266.
 Нахръ-Уассель, рѣка, 308, 467.
 Нгаусъ, мѣстечко, 508.

Нгуса, оазисъ, 533.
Неберъ, городъ, 240.
Негро, мысъ, 172.
Негры, народъ, 639.
Недрома, городъ, 493, 494, 600.
Некмаріа, гора, 466.
Немеша, горы, 495.
Немемша, племя, 342, 372, 495.
Немуръ, городъ, 289, 493, 494, 574, 600, 643.
Нефетъ, племя, 177.
Неф遵义а, область, 156, 192, 193.
Нефузуа, гора, 53, 528.
Нигерь, река, 179, 283, 540, 576, 620, 713, 756, 757—760, 787, 794, 795, 796.
Нигрийцы, народъ, 731.
Ниль, река, 713.
Новая Ламбеза см. Батава.
Нови, мѣстечко, 464.
Новый Фецъ, городъ, 654.
Ноева гора, 289.
Нуазе-Экмюль, предмѣстье, 484.
Нуайль, племя, 69.
Нумидія, провинція, 370, 391.
Нумиды (Нумидійцы), народъ, 354.
Нунъ, уездъ, 599, 679, 680.
Халь-Фараунъ, островъ, 155.

О.

Огульминъ, городъ, 680, 684, 712.
Омаль, городъ, 292, 408, 409, 412, 413, 440, 575, 597—598, 599.
Орагены, племя, 764.
Ораніа см. Алжиріа.
Оранская провинція, 314, 335.
Оранъ, городъ, 285, 333, 335, 340, 399, 458, 463, 468, 470—479, 484, 486, 487, 542, 544, 549, 557, 566, 571, 575, 576, 579, 581, 584—595, 597, 600.
Орлеанівиль, городъ, 334, 465, 470, 473, 598.
Орусъ, гора, 478.
Отба, оазисъ, 99, 107.

П.

Палестро, городъ, 440, 442, 574.
Пантелларія, островъ, 143, 158.
Парчель, мысъ, 800.
Пенньонъ-де-Веденъ, пость, 644.
Перрего, городъ, 476, 478, 600.
Пизавъ, островъ, 143.
Пилы, ущелье, 220.
Понъ-дю-Шелифъ, городъ, 471, 474.
Портъ-Гейданъ см. Азифунъ.

Р.

Радесъ, деревня, 220.
Райденъ, мѣстечко, 383.
Рарь-эль-Мелахъ, городъ, 246.
Рась-Аддаръ, мысъ, 163.
Рась-Асфуръ, гора, 604.
Рась-Димасъ, мысъ, 205.
Рась-Луккара, мысъ, 140.
Рась-Кашуда, мысъ, 202, 205.
Рась-Семъ, мысъ, 14.
Рась-Фортасъ, мысъ, 219.
Рась-Шабъ, горы, 304.
Рась-эръ-Денръ, мысъ, 643.
Рась-эръ-Абіодъ см. мысъ Бланко.
Рась-эръ-Керунъ, мысъ, 140.
Рась-эръ-Ма, плоскогорье, 477, 536.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Рась-эръ-Махбасъ, бухта, 88.
Рась-эръ-Мелахъ, мысъ, 9.
Рась-эръ-Тинъ, мысъ, 10, 23.
Рась-эръ-Хайръ, мысъ, 143.
Рась-Энгела, мысъ, 140.
Рать, оазисъ и городъ, 45, 94, 110, 121—125, 128, 419, 750, 751, 753, 758, 764, 774, 787.
Рашгунъ, островъ, 492.
Рбатъ, городъ, 601, 610, 655, 664.
Рбатъ, провинція, 712.
Рдемъ, река, 656, 657.
Ребеваль, мѣстечко, 439, 440.
Регабать, племя, 805.
Реджата, племя, 390.
Релизана, городъ, 473, 600.
Ремши, деревня, 491.
Решайшъ (Решеніи), племя, 496.
Реюньонъ, мѣстечко, 460.
Риве, мѣстечко, 458, 472.
Ригъ, уездъ, 752, 760.
Рифъ, область, 602, 611, 616, 617, 622, 625, 627, 628, 644, 645, 712.
Ріоты, племя, 632.
Ріо-де-Оро, река, 801.
Ріо-Саладо, река, 485.
Робервиль, городъ, 404.
Ровито, городъ, 458, 462.
Рокніа, мѣстность, 354, 382.
Руага (Рурха, Руари), племя, 519, 543.
Руиба, городъ, 358.
Руманы (римляне), 499.
Руми, потомки румановъ, 499.
Руммель, река, 311, 390, 491—396, 504.
Русгунія, городъ, 458.
Русь-Ликаръ («Огненный мысъ»), городъ, 399.
Руфашъ, городъ, 404.

С.

Саїда, городъ, 475, 575, 600.
Саїдъ-отба, племя, 531.
Сакіеть-эль-Хамра, область, 678, 799, 803.
Саламъ-у-Аликумъ, пость, 640.
Сандежа см. Эль-Кебиръ.
Сандежа, племя, 390, 410, 415—790.
Санта-Круцъ, фортъ, 484.
Санхеджатъ-Серіеръ, горы, мас-сивъ, 611.
Сафаффъ, река, 356, 390, 396, 404.
Сахара, пустыни, 5, 153, 157, 162, 164, 284, 288, 298, 299, 300, 304, 306, 320, 323, 336, 337, 359, 467, 488, 496, 504, 509, 511, 521—523, 528, 531, 597, 602, 607, 608, 620, 632, 635, 675, 693, 704, 713—723, 805, 810.
Сахель, гора, 150, 283, 290, 332, 444, 479.
Сахель, область, 264, 265, 266.
Сахель, уездъ, 279, 280, 295, 296, 309, 404, 407, 408, 412, 417, 420, 450, 597, 795, 796, 802, 805.
Сахия см. Ити.
Сауръ, уездъ, 723, 731, 774, 781—788, 787, 797.
Сба, оазисъ, 783.
Сбейтла, ферма, 214.
Сгомарены, племя, 787.
Себаа-Русъ, мысъ, 284, 400.
Себа-Русъ, гора, 294.

Себарбаръ, источникъ, 758.
Себау, река, 296, 308, 416, 418, 420, 424, 430, 438, 439, 441.
Себда, городъ, 291, 491.
Себха-эръ-Руанъ, озеро, 149.
Себха, оазисъ, 105.
Сеггеръ, уездъ, 315.
Седдада, деревня, 195.
Седжельмасса, городъ, 695.
Сейбуза, река, 147, 312, 327, 347, 375, 380, 383, 384, 389.
Секака, река, 486.
Селекта, городъ, 205.
Седуфіеть, мѣстечко, 792.
Сельджумъ, озеро, 232, 234.
Семиу, оазисъ, 95, 105, 109.
Сенегаль, река, 713.
Сентъ-Арно, городъ, 404, 598.
Сентъ-Барбъ-дю-Тлегаль, городъ, 600.
Сентъ-Эженъ, мѣстечко, 444, 452, 455, 599.
Сентъ-Грегуартъ, фортъ, 512.
Сентъ-Клу, мѣстечко, 479, 600.
Сентъ-Ле, мѣстечко, 478, 600.
Сентъ-Сирпіенъ, городъ, 473.
Сентъ-Шарль, мѣстечко, 389, 404.
Сербалъ, гора, 725.
Серратъ, мысъ, 172, 242, 248.
Серсу, плоскогорье, 292, 469.
Сетифъ, городъ, 164, 310, 313, 353, 390, 395, 403, 404, 409, 412, 413, 508, 598—600.
Сеута, городъ, 140, 611, 646, 647.
Сеута, территорія, 712.
Сефру, городъ, 604, 627, 655, 656, 712.
Си-Али-бу-Муссінъ, гора, 142.
Сиахъ, оазисъ, 32, 38, 103, 315.
Сигедимъ, оазисъ, 746.
Сигъ, река, 279, 307, 308, 328, 330, 476, 477, 478.
Сигъ, островъ, 492.
Сиди-Абдалахъ-бекъ-Джемаль, ма-работъ, 250.
Сиди-Аишъ, мѣст., 410.
Сиди-Али-бенъ-Юбъ, станція, 477.
Сиди-Али-Мохамедъ, озеро, 640.
Сиди-Али-эль-Мекки, мысъ, 147, 149.
Сиди-Амранъ, оазисъ, 326, 327.
Сиди-Аомаръ, монастырь, 783, 787.
Сиди-Бель-Аббесъ, городъ, 290, 291, 477, 485, 536, 600.
Сиди-Брагімъ, плоскогорье, 464, 494.
Сиди-Бу-Саїдъ, деревня, 235, 237.
Сиди-Гамедъ, монастырь, 679, 690.
Сиди-Гешамъ, королевство, 679, 687.
Сиди-ібпъ-Темтамъ, мавзолей, 383.
Сиди-Мабрукъ, мѣстечко, 394.
Сиди-Меллуга, деревня, 642.
Сиди-Меруанъ, село, 402, 404.
Сиди-Месидъ, горы, 395.
Сиди-Мусса, деревня, 458.
Сиди-Окба, оазисъ, 515, 516.
Сиди-Феруша, мысъ, 445, 452.
Сиди-эль-Гани, сѣхка, 150, 213.
Сиди-Ха, бухта, 412.
Симитту (Шемтү), городъ, 240, 248.
Синаунъ, оазисъ, 121.
Синай, гора, 725.
Синтара, заливъ, 808.

Сиргень см. Зигенъ.
Сирись, мысъ, 612.
Сирия, гора, 604.
Сиръ (Сира), воен. пость, 491.
Сла, городъ, 661.
Слитень, мѣстечко, 81.
Слуїя, мѣстечко, 244.
Сманду, рѣка, 395.
Сода-Гарбіахъ („западная“), гора, 48.
Сода-Шеркіахъ („Восточная“), гора, 48.
Сокна, городъ, 76, 128.
Солиманъ, городъ, 219, 288.
Солумъ, заливъ, 10.
Сортъ см. Мединетъ-аль-Султанъ.
Спартель (Итбертиль), мысъ, 133, 612, 616, 622, 649, 705.
Стаузли, ферма, 454.
Ститтенъ, городъ, 536.
Стора, городъ, 279, 400.
Суасъ, племя, 177.
Суафаницы см. Мзабиты.
Суафи, племя, 117.
Суданъ, страна, 535, 704, 714, 743, 748, 749, 750, 772, 784, 789, 790, 794, 795, 801, 803, 806.
Судаинъ, 739.
Сукъ-Ахрасъ, плоскогорье и городъ, 147, 192, 240, 241, 252, 258, 354, 374, 375, 589, 600.
Сукъ-аль-Арба, деревня, 241, 437.
Сукъ-аль-Джемаа, укрѣпленный лагерь, 243, 264.
Сукъ-аль-Кебиръ, городъ, 188.
Сукъ-аль-Хмисъ, станция, 241.
Суланъ, рѣка, 243.
Сума, городъ, 460, 462.
Суммамъ, уездъ, 412.
Сусъ-эгъ-Гозланъ, развалины, 409.
Сусъ, уездъ, 603, 605, 606, 607, 608, 618, 624, 672, 677, 678, 683–688, 704, 797.
Сусъ-Селлемъ, рѣка, 308, 318.
Суфаджинъ, рѣка, 56.
Суфасаръ, городъ, 468.
Суффъ, оазисъ, 166, 193, 447, 528, 541, 725.
Суэйра, городъ, 671.
Сफакесь (Сфаксь), городъ, 161, 164, 166, 169, 177, 199, 202, 288, 252, 259, 265, 266.
Сфрадва, племя, 69.

Т.

Табаборъ, гора, 296, 407.
Табарка, область, 145, 240, 242, 248, 249, 258, 266, 268.
Табарка, островъ, 140.
Табіа, станция, 477.
Таблатъ, деревня, 440.
Табель-Куза, городъ, 780.
Тагама, племя, 791, 792.
Тагаста, городъ, 374.
Тагерутъ, горы. проходъ, 685.
Тадемантъ, развалины, 587, 588.
Тадда, область, 666, 712.
Тадемакка (эзъ-Сукъ), городъ, 796.
Таджакантъ, племя, 802, 805.
Таджемутъ, мѣст., 523.
Таджурахъ, городъ, 83.
Таза, область, 641, 652, 653, 712.
Тазерукъ, область, 768.
Тазенахтъ, оазисъ, 686.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Таззутъ, городъ, 506.
Тайсербо, оазисъ, 39, 43, 44.
Такдемтъ, городъ, 472.
Такитунтъ, воен. пость, 298, 407.
Такруна, гора, 215.
Таксебть, гавань, 440.
Тала, городъ, 239.
Таларана, мѣст., 409.
Тамагрутъ, городъ, 608, 686, 712.
Тамагутъ, пародъ, 359.
Тамаракуитъ, гора, 604, 640, 641.
Тамгадъ, мѣст., 373.
Тамельтать, монастырь, 520.
Таментитъ, городъ, 783, 784, 786.
Тамерна, оазисъ, 325, 512, 516.
Танджа, область, 712.
Танеэрутъ, пустыня, 796, 797, 798.
Тавецуфтъ, долина, 122.
Танжерь (Тангерь), полуостровъ и городъ, 601, 612, 616, 622, 624, 625, 627, 639, 646, 650, 652, 655, 663, 671, 701, 702, 704, 712.
Тарла, мѣстечко, 698.
Тарсо, гора, 732.
Тарудантъ, городъ, 605, 607, 618, 639, 676, 712.
Тарфаунъ, рѣка, 196.
Тарфъ, гора, 299, 313.
Тарф-ашт-Шакръ см. Спартель.
Тархитъ, рѣка, 756.
Таръ-Гона, равнина, 54, 67, 68, 81.
Тассили, горы, 122, 728, 751, 758, 759, 771.
Татта, оазисъ, 688.
Тауга, солончакъ, 57.
Таудени, городъ, 803, 805, 806.
Таура, генширъ, 375.
Тауриртъ, городъ, 774, 783, 787.
Таурирт-Игиль, деревня, 410.
Тафарауа, перевалъ, 475.
Тафассасетъ, уездъ, 756, 758, 794.
Таферситъ, мѣстечко, 653, 712.
Тафидетъ, городъ, 792.
Тафильтъ, оазисъ, 599, 604, 609, 620, 640, 641, 659, 691–695, 704, 712, 782.
Тафна, рѣка, 485, 491, 492.
Тафрать, равнина, 642, 643.
Тацдерультъ, область, 689, 712.
Таццерультъ, уездъ, 679.
Тебаги, гора, 193.
Тебесса, городъ, 148, 192, 239, 240, 259, 303, 351, 357, 372, 373, 599, 600.
Тебульба, мѣстечко, 206, 266.
Тебурба, рѣка, 244, 266.
Тебурсукъ, городъ, 243, 266.
Тегазертъ, рѣка, 783.
Тегератъ, гора, 792.
Тедератъ, городъ, 124.
Теджера, оазисъ, 96, 108.
Текертиба, городъ, 105, 109.
Текна, оазисъ, 802.
Тели, уездъ, 803, 804.
Тель, область, 268, 280, 285, 292, 315, 327, 335, 357, 494, 495, 497, 511, 519, 523, 531, 553, 556, 779.
Темаръ, гора, 798.
Темассинъ, оазисъ и городъ, 512, 520, 757.
Теменгиртъ, оазисъ и городъ, 95, 105, 109.
Тенисса, городъ и оазисъ, 96, 109.
Теминъ, рѣка, 10.
Тенгикъ (Тимке), гора, 788.
Тендуфъ, городъ, 802–806.
Тенесъ, городъ, 281, 463, 464, 465, 467, 470.
Тени, перевалъ, 292.
Теніеть, горы. проходъ, 468, 469.
Теніеть-аль-Гадъ, городъ, 469, 473, 526, 535, 554.
Тенсифтъ, уездъ, 609, 618, 619, 624, 625, 636, 673, 684.
Тенупхи, гора, 296, 307.
Тернисомъ, мѣстечко, 805.
Тернентъ, гора, 604.
Тессау см. Отба.
Тессими, оазисъ, 693.
Тестуръ, городъ, 244.
Тестуръ, область, 266.
Тетика, станція, 289.
Тетуванъ, городъ, 611, 629, 635, 645, 646, 712.
Тиббу, страна, 96, 108, 634.
Тибусы, народъ, 44, 96, 108, 732.
Тибести, гора, 733, 735–741, 743, 744.
Тибести, оазисъ, 108, 735.
Тибили, городъ, 382.
Тигехертъ, долина, 756.
Тигри, себха, 606.
Тиджанія, городъ, 212.
Тиджельтъ, оазисъ, 774, 775, 784–786.
Тидикъ, долина, 788.
Тидили, гора, 604.
Тидарнны, народъ, 805.
Тизги, городъ, 680, 681.
Тизи, городъ, 600, 604.
Тизилькумы, народъ, 103.
Тизинтъ-эръ-Риутъ, горный проходъ, 640.
Тизи-Узу, городъ, 438, 439, 440, 441, 442.
Тизи-Узу, округъ, 417.
Тизинтъ, городъ, 678.
Тизуаринъ, горы. проходъ, 504.
Тикзиранъ, колонія, 440.
Тикиртъ, мѣстечко, 685.
Тиклатъ, деревня, 410.
Тиллунинъ, городъ, 783, 787.
Тимъ, гора, 792.
Тимегадъ, генширъ, 507.
Тимери, деревня, 410.
Тимимунъ, оазисъ и городъ, 775, 780, 783.
Тимиссау, колодецъ, 784.
Тиммермасинъ, мѣстечко, 504.
Тимми, оазисъ, 783.
Тингертъ, плоскогорье, 51, 121, 755.
Тине, развалины, 200.
Тивтагода, мѣстечко, 792.
Тинтельустъ, мѣстечко, 792.
Тиншаманъ, городъ, 793.
Тинъ-алькумы (твзилькумы), племя, 763.
Тинъ-эръ-Кукъ, оазисъ, 780.
Типазъ, мѣстечко, 460, 464, 508.
Тирисъ, равнина, 799.
Тирсъ, оазисъ, 75.
Тирурда, перевалъ, 296, 409.
Тиссентъ, рѣка, 687.
Титтери, гора, 291, 292.
Титтъ, городъ, 784.
Тифедестъ, гора, 756.
Тифешъ, развалины, 375.
Тиффа, племя, 671.
Тишить, оазисъ, 805, 806.

Тиаретъ, городъ, 308, 469, 471.
526, 528, 547, 548.
Тіутъ, городъ, 315, 495, 536.
Тлемсенъ, городъ, 486, 487—489,
494, 547, 600, 642.
Тлемсентъ, горы, 291, 307, 338,
604.
Тобрукъ, портъ, 13, 19, 20.
Тодръ, оазисъ, 691, 692.
Товерь, оазисъ, 266.
Товерь, монастырь, 195.
Токолозида, ставціа, 609.
Токра, городъ, 27.
Толбы, племя, 539.
Тольга, мѣстечко, 516.
Тольмита, городъ, 27.
Трагеъ, городъ, 99, 107, 109.
Тара, горы, 289, 307.
Тараасъ, горы, 494.
Тараца, племя, 806.
Таріа, равнина, 291.
Тресъ-Форкасъ, мысъ, 611.
Трикъ-эшъ-Джебель, бродъ, 159.
Тритоновы озера, 152.
Тсабитъ, оазисъ, 783.
Ту, горы, 731, 735.
Туареги, народъ, 103, 110, 117,
123, 124, 359, 521.
Туаты, народъ, 779.
Туатъ, оазисъ, 110, 124, 305, 523,
534, 540, 601, 802.
Тугеръ, гора, 303, 505, 508.
Тугуртъ, городъ, 326, 354, 373,
447, 495, 516, 519, 520, 521, 552.
Тужа, гора, 412.
Туила-Макна, гора, 300.
Тукутъ, гора, 120.
Туммо, плато, 733.
Тунисскій заливъ, 219, 220.
Тунисцы, народъ, 178, 228.
Тунисъ, городъ, 223.
Тунисъ, страна, 127—266
Тусенде, гора, 732.

У.

Уадай, государство, 37, 105, 743.
Уаданъ, городъ, 78, 807.
Уади, оазисъ, 35, 36.
Уади-Газра, рѣка, 56.
Уади-Земзентъ, оазисъ, 56, 61.
Уадикуръ, оазисъ, 743.
Уади-Лажаль, солончакъ, 128.
Уади-Миссиферъ, оазисъ, 76.
Уади-Сертъ, оазисъ, 53.
Уади-Суфеджина, рѣка, 69, 80.
Уади-Фарегъ, рѣка, 32.
Уади-Шіати, оазисъ, 104, 128,
Уади-аль-Газастъ, рѣка, 55.
Уади-аль-Кланъ, рѣка, 56.
Уади-эль-Мгаръ-эдъ-Гринъ, рѣка,
56.
Уади-эль-Этель, рѣка, 56.
Уалата, городъ, 804.
Уалидія, лагуна, 668.
Уаргла, оазисъ и гороль, 317,
447, 521, 532, 533, 534, 541, 723.
Уарсанисъ, гора, 288, 292, 348,
468, 470, 554.
Уателленъ, гора, 755.
Убари, оазисъ, 99, 105, 109.
Углана, городъ, 517.
Угразѣ, городъ, 105, 109.
Уджана, племя, 496.
Уджа, городъ, 268, 307, 640, 712.
Уджа, провинція, 712.

Уджефъ, городъ, 807.
Уецданъ, городъ, 659, 660, 712.
Укантъ, гора, 293, 294, 313.
Уладъ-абди, племя, 364, 500, 501,
504.
Уладъ-абдъ-эль-Мулатъ, племя,
782.
Уладъ-аазизъ, племя, 496.
Уладъ-апаръ, племя, 177.
Уладъ-ба-хаму, племя, 784.
Уладъ-бу-сба, племя, 801, 806.
Уладъ-гамидъ, племя, 521.
Уладъ-даудъ, племя, 500, 501, 504.
Уладъ-делимъ, племя, 806.
Уладъ-Джеладъ, оазисъ, 527.
Уладъ-Джерири, племя, 696.
Уладъ-Зейавъ, племя, 496.
Уладъ-Махмудъ, племя, 805.
Уладъ-Мимуанъ, равнина, 486.
Уладъ-Мокранъ, родъ, 409.
Уладъ-наилы, племя, 509, 510,
527, 552.
Уладъ-Рамунъ, городъ, 404.
Уладъ-Раффа, мѣстечко, 782, 787.
Уладъ-саиды, племя, 176.
Уладъ-сергинъ, племя, 524.
Уладъ-сиди-Шейхъ, племя, 305,
534, 540, 541.
Уладъ-сиди-Ягія-бенъ-талебъ, пле-
мя, 872.
Уладъ-эль-джухала, племя, 357.
Уладъ-эль-хаджъ-аисса, племя,
524.
Уладъ-Эмбарекъ, племя, 805.
Уладъ-эвъ-Нассеръ, племя, 805.
Уладъ-Ягія, племя, 213.
Уладъ-Якубы, племя, 193.
Уладъ-эль-аскеръ, племя, 357.
Уледъ-кедашъ, мѣстечко, 439.
Умъ-Тебуль, область, 248, 380.
Умъ-эль-Буаги, мѣстечко, 380.
Умъ-эль-Тіуръ, оазисъ, 516.
Умъ-эръ-Рбіа, рѣка, 603, 663, 668.
Умъ-эшъ-Шейль, рѣка, 56.
Ургамма, горы, 144.
Ургамма, племя, 174, 176.
Урика, долина, 605.
Урлана, область, 327.
Урфили см. Орфели.
Утандъ-Гебли, область, 266.
Утика, городъ, 244.
Уштетта, племя, 168.
Уштеть, горы, 39.
Уэль-Аисса, рѣка, 295.
Уэль-Ассака, потокъ, 618.
Уэль-Атменіа, оазисъ, 404.
Уэль-Беджерь, 499.
Уэль-Бесбе, 383.
Уэль-Гебли, 390, 400.
Уэль-Геркуръ, 407.
Уэль-Герсь, 620.
Уэль-Гиръ, рѣка, 304.
Уэль-Джеди, оазисъ, 560.
Уэль-Джерь, 460—461.
Уэль-Джинденъ, деревня, 403.
Уэль-Драа, 61, 110, 624, 712.
Уэль-За, 643.
Уэль-Зенати, 380.
Уэль-Зергувъ, 540.
Уэль-Зуръ, рѣка, 401.
Уэль-Зусфантъ, 541.
Уэль-Луа, рѣка, 304, 315.
Уэль-Мегарь, 503.
Уэль-Меліанъ, 150, 219, 264.
Уэль-Мерадъ, 462.

Ф.

Фальконъ, мысъ, 484.
Фараунъ, солончакъ, 154.
Фердга, оазисъ, 5, 18, 31.
Феджеджъ, оазисъ, 192.
Феджъ-эль-Гендуль см. Тизи-Узу.
Феджъ-эль-Мокта, гора, 374.
Фекка, рѣка, 151.
Фенайя, городъ, 410, 417, 425.
Феджанъ, племя, 521.
Феркла, оазисъ, 691.
Феріана, оазисъ, 196.
Фернана, горы, 249.
Федара, озеро, 311, 388, 389, 390.
Фецианъ, провинція, 45, 75, 92,
96—109, 128, 731, 733, 762.
Фецъ, городъ, 653, 654, 701, 712.
Фель, область, 488, 491, 539.
Фецъ-эль-Бали, городъ, 654.
Фецъ-эль-Джедидъ, городъ, 654.
Фигигъ, плоскогорье, 284, 298, 314,
541.
Филиппивъ, городъ, 335, 356, 389,
390, 396, 404, 452.
Филфилъ, мысъ, 389.
Фильгаузентъ, гора, 289, 493.
Фишгъ, оазисъ, 268.
Флисса-умъ-аль-иль, племя, 419.
Фога, оазисъ и городъ, 48, 92, 107,
109, 128.
Фондукъ, городъ, 457, 458, 462.
Фортасъ, область, 143, 292, 471.
Форт-Шепка, 531.
Форт-Насіональ, городъ, 440.
Фраскія, область, 242.
Фрашишъ, племя, 177.
Френда, городъ, 471, 600.
Фумъ-эль-Гарбъ, область, 712.
Фумъ-аль-Госсанъ, область, 712.
Фумъ-аль-Хинкъ, хенегъ, 782.
Фута, область, 521.

Х.

Хаджаръ-Румъ, развалины (Рим-
ские камни), 486.
Хаджаръ-Сода, скала, 196.
Хаджеджъ, племя, 527.
Халладъ, рѣка, 242, 243.
Халькъ-эль-Уэль см. Голлета.
Ханга-Зиди-Наджа, городъ, 503,
504.
Хавенша, племя, 176.
Ханфуса, джебель, 773.
Харазіа, племя, 527.
Харруба, плато, 507.
Хашемъ, племя, 475.
Хейдеръ, ключи, 313, 536.
Хемисса, городъ, 375.

Хенга, оазисъ, 590.
Хенгель („Дефилей“), ущелье, 395.
Хеншала, городъ, 351, 356, 496, 499, 503.
Хергэ, мѣстечко, 215.
Ходна, рѣка, 407.
Хомсъ см. Лебда.
Хrima, гора, 534.
Христъ, уездъ, 695.
Хумирля, область, 140, 168, 241, 248, 249, 264, 311, 375.
Хумиры, племя, 139, 174, 175.
Хумтъ-Сукъ, городъ, 266.

Ц.

Цаде см. Чадъ.

Ч.

Чадъ, озеро, 46, 68, 71, 109, 117, 124, 179, 192, 715, 731.
Червивое озеро, 723.
Чэдъ-Нунъ см. Огульминъ.

Ш.

Шаана, племя, 529, 532, 535.
Шабетъ-эль-Акра, долина, 297, 407.
Шагарентъ, племя, 769.
Шанба-Муади, племя, 534.
Шарефъ, городъ, 783, 787.
Шауна, племя, 363, 396, 498, 501, 502.
Шебли, мѣстечко, 459.
Шекора, скала, 392.
Шелиффъ, рѣка, 133, 279, 285, 292, 299, 308, 312, 313, 328, 333, 346, 348, 409, 410, 463, 465, 467, 468, 470, 472, 538.
Шеллала, городъ, 535, 600.
Шеллала-Гебли, городъ, 539.
Шеллала-Дахрани, городъ, 539.
Шеллата, плоскогорье, 296, 410, 431.
Шеллахи, народъ, 636.
Шеллі, гора, 295, 303, 504.
Шендеръ, уездъ, 441.
Шенуа, мысъ, 290, 462, 463.
Шераза, городъ, 462.
Шерги, солончакъ, 313, 535.
Шерунть, оазисъ, 680, 687.
Шерфъ, рѣка, 380 – 382, 604.
Шершель, городъ, 463, 467, 600.
Шешары, гора, 301.
Шешауэнъ, городъ, 645, 712.
Шибика, уездъ, 684.
Шивигти, городъ, 807.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Шиффа, рѣка, 292, 308, 460, 461.
Шлейхъ (шеллаха), племя, 627.
Шокъ-бенъ-Нахръ см. Эль-Кесръ.
Штуга, племена, 676.

Э.

Эгере, плоскогорье, 755, 756, 758, 788.
Эгрись, равнина, 280, 291, 475.
Эдепенъ, городъ, 723.
Эдери, городъ, 105, 109.
Эдугъ, гора, 298, 383, 389, 484.
Эзъ-Зеригатъ, область, 692, 712.
Эль-Абюдъ-Сиди-Шейхъ, городъ, 539.
Эль-Абди, уездъ, 504.
Эль-Акаби, плоскогорье, 798.
Эль-Арабъ, уездъ, 496, 503, 504.
Эль-Арайшъ, городъ, 612, 650, 652, 712.
Эль-Аргэй, оазисъ, 36.
Эль-Аришъ, городъ, 36, 291, 491.
Эль-Аттефъ, городъ, 531, 541.
Эль-Аширъ, мѣстечко, 407.
Эль-Баркатъ, городъ, 124.
Эль-Бибанъ, мѣстечко, 184.
Эль-Биаръ, гор. проходъ, 455, 511.
Эль-Бюодъ, пость, 773.
Эль-Баллуфъ, уездъ, 688.
Эль-Гамма, оазисъ, 166, 192, 194, 195, 196.
Эль-Гаммамъ, деревня, 239, 461, 476, 698.
Эль-Гарби, уездъ, 95, 315, 779.
Эль-Гарібъ,nomады, 686, 687.
Эль-Гаррушъ, городъ, 396, 404.
Эль-Гарса, солончакъ, 195, 196.
Эль-Гасибъ, уездъ, 477.
Эль-Гасъ, уездъ, 678, 680, 684.
Эль-Гедимъ, городъ, 806.
Эль-Генатерь, скалы, 798.
Эль-Геттаръ, оазисъ, 199.
Эль-Годъ, плоскогорье, 805.
Эль-Голеа, область, 283, 305, 532, 695, 781.
Эль-Гутъ, озеро, 338.
Эль-Джезапъ см. Алжиръ.
Эль-Джемила, городъ, 401.
Эль-Джемъ, деревня, 202.
Эль-Джеритъ, солончакъ, 191, 193, 195, 196.
Эль-Джефараҳ, низменность, 53.
Эль-Джедида, городъ, 667.
Эль-Джуфъ, область, 797, 798, 800.
Эль-Истать, монастырь, 39, 44.
Эль-Камада (Шлане), островъ, 143.
Эль-Кантартъ, уездъ, 496.

Эль-Кебиръ, уездъ, 390, 401 – 403, 460.
Эль-Кефъ, городъ, 239, 241, 252, 259, 265, 266.
Эль-Кессера, плоскогорье, 243, 256.
Эль-Кмасъ, гора, 711.
Эль-Ксаръ см. Баче.
Эль-Мелахъ, солончакъ, 157, 159, 478.
Эль-Миліа, воен. пость, 401.
Эль-Мирайа, равнина, 801.
Эль-Мунденинъ, замокъ, 185.
Эль-Угарта, городъ, 782.
Эль-Удагиръ, источникъ, 698.
Эль-Уданъ, оазисъ, 194, 195, 266.
Эль-Утайа, солончакъ, 512.
Эль-Утедъ, гора, 541, 627.
Эль-Уэдъ, городъ, 541.
Эль-Фаида см. Зибанъ.
Эль-Феджеджъ, солончакъ, 154, 178.
Эль-Хадемъ, дюна, 724.
Эль-Хаджира, равнина, 533.
Эль-Хрубъ, городъ, 404.
Эль-Хусъ (Луккосъ), уездъ, 650.
Эль-Эглабъ, горы, 797.
Энда, рѣка, 311, 401.
Энеди, область, 714, 731.
Энвери-Туге, оазисъ, 747.
Энфида-Уладъ-Сандъ, долина, 215.
Энъ-Намусъ, уездъ, 779.
Эрбехна, оазисъ, 44, 45.
Эрбильонъ см. Такушъ.
Эргибадъ, полуостровъ, 808.
Эргъ, горы, 723, 724, 725, 774, 781.
Эртибъ, провинція, 692.
Эръ-Рахель, мѣстечко, 485.
Эръ-Риссанъ, фортъ, 694.
Эсъ-Сахели, городъ, 696.
Эсъ-Сукъ, мѣстечко, 804.
Эшъ-Шератъ, уездъ, 616.
Эшъ-Шерхъ („Восточный“), оазисъ, 95, 96.
Эшъ-Шіати, оазисъ, 93, 95.

Ю.

Юба, мысъ, 800, 801.
Южный Туинъ, область, 144, 157, 158, 196.
Юпитеръ Аммонъ, оазисы, 32, 763.

Я.

Ягіл-бинъ-отманъ, почевники, 806, 807.
Ятъ, оазисъ, 744.